

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ ХСVII.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ ХСVII

1904

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 18

1904

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ЮЛЬ, 1904 Г.

СОДЕРЖАНИЕ.

ЮЛЬ, 1904 г.

	СТРАН.
I. Передъ разгромомъ. (Эпизодъ изъ семейной хроники). XVI—XIX. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ	5
II. Изъ записокъ дѣда. (Таинственные люди и таинственныя явленія). І. П. П. Баснина	52
III. Баринъ Горденчъ. И. М.	80
IV. Мировые посредники перваго призыва. (Личныя воспоминанія). Н. А. К.	88
V. Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи императора Александра I). Гл. X. (Продолженіе). Н. П. Фалъева	101
VI. Ө. А. Бредихинъ . (Страничка изъ воспоминаній). Князя В. А. Щетинина	114
VII. Памяти епископа Иринья. С. К. Эфрона (Литвина)	121
VIII. Сдача Косинчи. (Эпизодъ изъ венгерской кампаніи 1849 года). А. Д. Шенелева	131
IX. Прологъ къ Тюренченскому бою. (Изъ жизни одной батареи въ русско-японскую войну). М. Ше—ина	137
X. Гоголь и Булгаринъ. Н. А. Энгельгардта	154
XI. Испанскій инсургентъ. (Изъ дѣлъ С.-Петербургскаго сенатскаго архива). К. Л—ва	174
XII. Клопскій монастырь. (Изъ экскурсій въ окрестности Новгорода). А. Г. Слезкинского	194
иллюстраціи: 1) Клопскій монастырь. — 2) Царскія врата въ Троицкомъ соборѣ Клопскаго монастыря. — 3) Распятіе на паперти Троицкаго собора въ Клопскомъ монастырѣ. — 4) Крестный ходъ на лодбахъ въ Клопскомъ монастырѣ.	
XIII. Въ Кахетин. С. И. Уманца	219
иллюстраціи: 1) Алавердскій соборъ въ Кахетин. — 2) Грузинская арба.	
XIV. Иностранцы о Россіи. В. А. Тимирязева	235
XV. Критика и библиографія	265

1) Письма и донесенія іезуитовъ о Россіи конца XVII и начала XVIII вѣка. Спб. 1904. А—ра. — 2) Русская историческая библиотека, издаваемая императорскою археографическою комиссіею. Томъ двадцать третій. Дѣла тайнаго приказа. Книга третья. Спб. 1904. в. Строева. — 3) Сборникъ статей по исторіи права, посвященный М. Ф. Владимірскому-Будапову его учениками и почитателями. Издавъ подъ редакціей М. И. Яенискаго. Кіевъ. 1904. в. Грибовскаго. — 4) О. М. Водинскій и его заслуги для изученія Малороссіи. Н. П. Василенка. К. 1904. Гл. — 5) [Н. П. Кондаковъ. Археологическое путешествіе по Сиріи и Палестинѣ. Съ 78-ю рисунками въ текстъ и 72-ми отдѣльными таблицами. Изданіе императорской академіи наукъ. Спб. 1904. А. Я. — 6) А. И. Фаресовъ. Противъ теченій. Н. С. Ляковъ. Его жизнь, сочиненія, полемика и воспоминанія о немъ. Съ рѣдкимъ портретомъ. Спб. 1904. н. Лернера. — 7) Арсеній, епископъ псковскій. Изслѣдованія и монографіи по исторіи молдавской церкви. Съ 8-ю автотипическими портретами. Спб. 1904. А. Я. — 8) Іоаннъ Саввинскій. Историческая записка о ч. Астраханской епархіи за 300 лѣтъ ея существованія (съ 1602 по 1902 годъ). Астрахань. 1903. А. Я. — 9) Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 года, собранныя и изданныя П. И. Шукинымъ. Часть VIII. М. 1904. с. ш. — 10) В. Сергѣевичъ. Русская Правда въ четырехъ редакціяхъ. Спб. 1904. м. н. — 11) Е. В. Анничковъ. Весенняя обрядовая пѣсня на Западъ и у славянъ. Часть I. Отъ (См. слѣд. стран.).

обрядъ къ цѣснѣ. Спб. 1903. А. я. — 12) И. П. Ювачевъ. Паломничество въ Палестину къ Гробу Господню. Очерки путешествія въ Константинополь, Малую Азію, Сирію, Палестину, Египетъ и Грецію. Съ 126-ю иллюстраціями. Спб. 1904. А. я. — 13) А. В. Пѣшеховъ. На очередныя темы. Матеріалы для характеристики общественныхъ отношеній въ Россіи. Спб. 1904. Б. Глинскаго. — 14) П. Н. Столпянскій. Матеріалы къ исторіи русской литературы и науки въ XVIII вѣкѣ. Выпускъ I. Опытъ библиографическаго указателя книгъ по географіи, изданныхъ въ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II (1672—1769). Оренбургъ. 1903. Н. Александрова. — 15) И. И. Янжулъ. Между дѣломъ. Очерки по вопросамъ народнаго образованія, экономической политики и общественной жизни. Спб. 1904. В. Гр—скаго. — 16) Е. Е. Лебедевъ. Единовѣріе въ противодѣйствіи русскому обрядовому расколу. Новгородъ. 1904. М. к. — 17) Н. С. Лобась. Каторга и населеніе на островѣ Сахалинѣ. Нѣсколько штриховъ изъ жизни русской штрафной колоніи. Еватеринославъ. 1904. Ф. А. Лѣ—ва. — 18) А. А. Ивановскій. Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи. Труды антропологическаго отдѣла, томъ XXII. М. 1904. М. к. — 19) М. В. Карскій. Зарубежная Русь. Историческая хроника. М. 1904. с. у—ца.

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 305

1) Лоне-де-Вега, какъ авторъ и человѣкъ. — 2) Во времена Людовика XIII. — 3) Одинъ изъ англійскихъ завоевателей въ Индіи. — 4) Первая драма Виктора Гюго. — 5) Австрійскій посланникъ при Наполеонѣ III. — 6) Воспоминанія о прошедшемъ столѣтіи. — 7) Автобіографія Герберта Спенсера.

XVII. Смѣсь 326

1) Столѣтній юбилей общества исторіи и древностей русскійскихъ. — 2) Открытіе памятника Ермаку въ Новочеркасскѣ. — 3) Присужденіе премій митрополита Макарія. — 4) Присужденіе премій императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія. — 5) Русское археологическое общество. — 6) Археологическое общество въ Москвѣ. — 7) Общество востоковѣдннн. — 8) Географическое общество. — 9) Къ поискамъ барона Толля.

XVIII. Некрологи 340

1) Айкановъ, А. М. — 2) Алопеусъ, И. С. — 3) Кн. Барятинскій, В. И. — 4) Бобриковъ, Н. И. — 5) Вольшевъ, А. А. — 6) Васмундъ, Г. Р. — 7) Горемыкинъ, А. Д. — 8) Дубровинъ, Н. Ѳ. — 9) Невзоровъ, Н. К. — 10) Невревъ, Н. В. — 11) Пржедзецкая, А. Г. — 12) Натковскій, А. П. — 13) Умиковъ П. I.

XIX. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ епископа орловскаго и сѣвскаго Иринея. — 2) Черная месса. (La messe noire). Историческій романъ Г. Легэ. Переводъ съ французскаго. (Продолженіе). XXIII—XXVI.

ЕПИСКОПЪ ОРЛОВСКІЙ И СѢВСКІЙ ИРИНЕЙ.

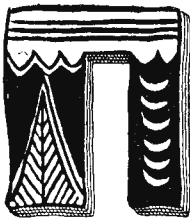
ДОВ. ЦЕН. 24 ЮНЯ 1904 Г. СПБ.

ПЕРЕДЪ РАЗГРОМОМЪ¹⁾.

(Эпизодъ изъ семейной хроники).

XVI.

ПРОВОДИВЪ ясновельможную до дверей ея спальни и передавъ ее съ рукъ на руки выбѣжавшимъ къ ней навстрѣчу дворскимъ дѣвицамъ и резиденткамъ на ресектѣ, аббатикъ отправился черезъ дворъ во флигель, гдѣ жилъ дворскій маршалъ, панъ Джевецкій, и нашелъ его въ самомъ разгарѣ приготовленій къ отъѣзду въ Варшаву.

Увидавъ его, панъ Джевецкій поспѣшилъ выслать помогавшую ему укладываться челядь и съ любезной улыбкой спросилъ, чѣмъ можетъ онъ служить его велебности.

Титуломъ этимъ уже начинали величать въ замкѣ аббата Джорджію, пока еще въ шутку, но подъ этою шутливостью уже крылась извѣстная потребность оказать ему вниманіе и польстить его самолюбію.

Аббатикъ вынулъ изъ кармана приготовленное письмо и подалъ его съ просьбой передать въ собственныя руки его всевелебности прелату Фасту.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, съ величайшимъ удовольствіемъ! — съ живостью отвѣчалъ маршалъ, опуская письмо въ портфель съ бумагами. — Какъ видите, письмо ваше поѣдетъ въ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVI, стр. 769.

столицу въ знатной компаніи, съ письмами ясновельможной къ супругу, къ графинѣ Поцей, Оссолинской и къ другимъ пани изъ самаго высшаго общества и будетъ мною лично передано по назначенію.

— Очень буду благодаренъ пану маршалу...

— Это я долженъ быть благодаренъ ксендже аббату за довѣріе...

— Панъ маршалъ не долженъ сомнѣваться въ моей преданности...

— Обоюдно, обоюдно, ксендже аббать. Бѣльшаго счастья для меня не можетъ быть, какъ имѣть возможность лишній разъ повидаться съ такой персоной, какъ прелать Фастъ, умнѣйшей, образованнѣйшей и любезнѣйшей во всей Европѣ...

— Ксендже прелать тоже высокаго мнѣнія о дворскомъ маршалѣ кіевскаго воеводы...

— О, что мы такое передъ такимъ свѣтиломъ науки!.. Ничтожная букашка, червякъ пресмыкающійся!

— Его всевелебность умѣетъ и подъ скромностью прозрѣвать достоинство...

Обмѣнъ пріятныхъ словъ былъ прерванъ появленіемъ резидентки Младоновичевой съ порученіемъ отъ ясновельможной.

Заставить ждать такую вліятельную личность было невозможно, и, разсыпаясь въ новыхъ извиненіяхъ передъ своимъ первымъ по сѣтителемъ, панъ маршалъ попросилъ у него позволенія узнать, что ясновельможной отъ него нужно.

— Идите, идите, мой пане, я тутъ подожду, — поспѣшилъ заявить прелатикъ, отступая въ темный уголъ общарнаго покоя, заставленнаго чемоданами и приготовленными къ укладкѣ вещами.

Послѣ обычныхъ церемоній, привѣтствій, извиненій за безпорядокъ, въ которомъ пришлось принимать такую дорогую и многоуважаемую гостью, со стороны хозяина и жеманныхъ увѣреній, что ей безконечно совѣстно беспокоить глубокочтимаго пана маршала въ такой поздній часъ, панна Младоновичева приступила, наконецъ, къ изложенію даннаго ей порученія.

— Наша ласковая пани проситъ пана маршала распорядиться, чтобъ комнаты рядомъ съ ея спальней, а именно зеленая, красная и обѣ слѣдующія, были приготовлены, какъ можно лучше, для пани Розальской...

— Пани Розальская будетъ жить не у себя, а во дворцѣ? — не безъ удивленія спросилъ маршалъ.

— Да. По крайней мѣрѣ, графиня этого желаетъ, и врядъ ли пани Розальская рѣшится ей въ этомъ не повиноваться. Графиня проситъ пана маршала переговорить съ декораторомъ и вынуть изъ кладовыхъ зеркала, мебель, бронзу, драпировки, все, что нужно, чтобъ помѣщеніе было убрано богато и со вкусомъ. Можетъ быть, пани Розальская пожелаетъ взять нѣкоторыя вещи изъ своего дома...

— О, надѣюсь такъ сдѣлать, что ей и въ голову не придетъ даже вспоминать объ обстановкѣ своего дома! Передайте ясно-вельможной, что желаніе ея будетъ исполнено,—прибавилъ онъ съ низкимъ поклономъ, на который панна резидентка отвѣчала граціознымъ реверансомъ.

— Желая добраго пути пану маршалу!

— И скорого свиданія!

— Еще разъ прошу извиненія за безпокойство!

— Кромѣ удовольствія, посѣщеніе панны резидентки никогда ничего не можетъ мнѣ причинить, жалѣю только, что долженъ былъ ее принять въ такой обстановкѣ...

— Ахъ, пожалуйста, не думайте объ этомъ, развѣ же я не знаю, что значитъ собираться въ дальній путь!...

Наконецъ панъ Джевецкій выпроводилъ посѣнительницу и, весело потирая руки, вернулся къ аббатику.

— Я счастливъ сообщить моему графу пріятную вѣсть. Его свѣтлость такъ безпокоятъ натянутыя отношенія между пани Розальской и его супругой, что даже и въ послѣднемъ своемъ дѣловомъ письмѣ онъ спрашиваетъ: «часто ли бываетъ Розальская въ замкѣ?»

— Панъ маршалъ можетъ успокоить на этотъ счетъ своего ясновельможнаго господина. Розальская поняла свои заблужденія, раскаялась въ нихъ и ничего такъ не желаетъ, какъ заслужить прощеніе своихъ благодѣтелей...

— Очень, очень буду радъ передать ваши слова графу, ксендже аббать, тѣмъ болѣе, что послѣ исторіи, случившейся сегодня утромъ на мызѣ и приведшей нашу пани въ такое разстройство, я былъ бы въ большомъ затрудненіи отвѣчать на вопросы, которыми меня встрѣтятъ въ Варшавѣ.

— Про это лучше не упоминать, пане маршалъ, какъ видите, все забыто, ясновельможная готовитъ помѣщеніе своей любимицѣ во дворцѣ.

— Правда, правда, а я слышалъ, будто Розальская объявила нашей пани, что ни за кого не выйдетъ замужъ, кромѣ Аратова...

— Мало ли что говорится въ минуты экзальтаціи, мой пане! Да и кто это слышалъ? Скажите тѣмъ, кто вамъ будетъ передавать эти шплетни, что при свиданіи ясновельможной съ Розальской присутствовали только аббать Джорджію, который утверждаетъ, что ничего особеннаго не произошло,—объявилъ съ большимъ апломбомъ аббатикъ.

— Отлично, ксендже аббать, отлично, такъ и буду всѣмъ говорить. Усерднѣйше благодарю за довѣріе,—возразилъ съ низкимъ поклономъ его собесѣдникъ.

— Я долженъ благодарить пана маршала за ласку и словъ для этого не нахожу,—прижимая руки къ груди, подхватилъ аббатикъ.

Но всему наступаетъ конецъ, и, обмѣнявшись еще нѣсколькими любезностями, пріатели разстались.

Было уже поздно, когда аббатикъ вернулся въ свою каморку, но онъ былъ такъ взволнованъ событіями этого достопамятнаго для него дня, что спать ему не хотѣлось, и, вскарабкавшись на подоконникъ, онъ сталъ мечтать, вглядываясь въ ночныя тѣни, застилавшія передъ нимъ горизонтъ и сгущавшіяся особенно мрачно въ паркѣ, изъ котораго ночной вѣтерокъ доносилъ до него смутное шуршанье таинственныхъ шаговъ и глухіе, однимъ только разгоряченнымъ воображеніемъ уловимые звуки говора, стоновъ и ликованія никогда не умолкающей природы.

Аббатикъ находился именно въ настроеніи понимать эти звуки и слышать въ нихъ то, чѣмъ полна была его душа. Не его ли побѣду прославляетъ ночь? Не дивятся ли вмѣстѣ съ нимъ безчисленные духи земли и неба блестящимъ результатамъ его краснорѣчія и таланта угадывать чужія чувства и мысли?

А подивиться есть чему. Могъ ли онъ надѣяться такъ быстро и ловко овладѣть душой Юльяніи и изъ ея собственныхъ устъ услыхать подтвержденіе его подозрѣній насчетъ ея возлюбленнаго? Какъ ловко воспользовался онъ этимъ признаніемъ! Въ какомъ смущеніи, страхѣ и волненіи она теперь!.. И кому же, какъ не ему, повѣрить она свои душевныя мученія? Отъ кого можетъ она ждать помощи, поддержки и утѣшенія, кромѣ какъ отъ него? Ни отъ кого на свѣтѣ... Но что значитъ эта побѣда въ сравненіи съ той, что имъ одержана надъ душой пани Анны! Смѣлъ ли онъ когда нибудь мечтать о такой побѣдѣ?

Чѣмъ больше углублялся онъ въ смыслъ происходившей между ними бесѣды, тѣмъ знаменательнѣе, важнѣе и чреватѣе послѣдствіями казалось ему каждое слово... Развѣ они не договорились до условій примиренія съ патріотами? Развѣ она не выслушала его терпѣливо до конца, не проявляя раздраженія и молчаніемъ своимъ поощряя его на дальнѣйшія изліянія? А восклицаніе самодовольствія, вырвавшееся у нея про княгиню Адамову? Развѣ восклицаніе это не есть цѣлое откровеніе? О, да, сѣмя, имъ брошенное, попало въ хорошую землю и принесетъ плодъ, достойный цѣли прелата Фаста, который, какъ всѣ выдающіяся личности, умѣетъ цѣнить заслуги... День этотъ не можетъ не ознаменоваться для аббата Джорджіо поворотомъ фортуны въ его пользу, и кто знаетъ, онъ уже, можетъ быть, вступилъ на первую ступень лѣстницы, ведущей все выше и выше, до такихъ высотъ, что голова кружилась туда заглядывать, а сердце сладко билось отъ опьяненія мечтами, къ осуществленію которыхъ онъ вдругъ шагнулъ такъ близко, что уже видѣлъ себя такимъ, какимъ надѣялся сдѣлаться въ далекомъ будущемъ.

Хорошо, что человѣку, даже самому ловкому и умному, не дано провидѣть иначе, какъ въ мечтахъ, не только будущее, но и

скрытое отъ него настоящее; будь это иначе, живо протрезвѣлъ бы нашъ аббатикъ отъ своего блаженнаго упоенія, увидавъ то, что дѣлается на той самой мызѣ, о которой онъ съ восхищеніемъ и самодовольствомъ вспоминалъ. Тамъ въ эту самую ночь и въ той самой комнатѣ, гдѣ Юльянія, покоренная его пронизательностью и краснорѣчіемъ, доведенная до изступленія его угрозами и жестокими предсказаніями, молила его на колѣняхъ о помощи и поддержкѣ, она теперь, забывъ все на свѣтѣ, наслаждалась любовью въ объятіяхъ Аратова.

Однимъ своимъ появленіемъ, первымъ своимъ поцѣлуемъ уничтожилъ проклятый москаль всѣ побѣды аббатика. Послѣ первыхъ изліяній счастья и изумленія, когда первый порывъ страсти затихъ, и она могла собраться съ мыслями настолько, чтобъ передать ему нѣкоторыя подробности того, что произошло за нѣсколько часовъ до его появленія, Аратовъ громко расхохотался.

— Такъ этотъ мозглякъ вступилъ въ роль руководителя твоей совѣсти? Недурно! Я вижу, однакожь, что опасно оставлять тебя надолго одну, и буду это помнить. Впрочемъ,—продолжалъ онъ съ беззаботностью человѣка, сознающаго свою силу,—такихъ помѣхъ уже больше не будетъ, жены умираютъ не каждый день... Ну, ну, прошу не смотрѣть на меня такими глупыми глазами! Я запретилъ тебѣ про это думать, и ты должна мнѣ повиноваться! Ты ее не знала, и жалѣть о ней тебѣ нѣтъ смысла, а что я не полякъ и врагъ всякой сентиментальности, это тоже тебѣ должно быть лучше, чѣмъ кому либо, извѣстно. Меня гримасами, даже самыми хорошенькими, не проведешь,—прибавилъ онъ, покрывая поцѣлуями ее испуганное личико.

Однако, немного переждавъ, она снова вернулась къ мучившему ее вопросу:

— Какъ это случилось?

— Что я къ тебѣ пріѣхалъ? Очень просто, соскучился и по дорогѣ въ Варшаву свернулъ сюда. Что тутъ удивительнаго? Не въ первый разъ... Помнишь, какой я тебѣ сдѣлалъ сюрпризъ послѣ бала?

Она такъ хорошо это помнила, что напоминаніе это придало ей смѣлости повторить вопросъ, на который онъ такъ настойчиво уклонялся отвѣтить.

— Я хочу знать про нее... про ту, которая умерла... Ты представить себѣ не можешь, какъ всѣхъ удивила эта внезапная смерть!...

— Что ты хочешь сказать? Меня считаютъ убійцей? — вымолвилъ онъ, сдвигая брови.—Ну, и пусть, тебѣ-то что до этого, вѣдь ты знаешь, что это неправда?

— Неправда? — радостно повторила она, не спуская съ него полнаго любви взгляда.

— А ты въ этомъ сомнѣвалась? — спросилъ онъ угрюмо.— Ну, видно, мнѣ надо, какъ слѣдуетъ, тебя допросить! Отъ кого слышала ты эту клевету? Мнѣ надо все знать, все! Враговъ у меня здѣсь слишкомъ много, чтобъ оставаться въ невѣдѣніи, и если ты меня любишь, ты сама должна это понимать.

Если она его любитъ! Да у нея въ сердцѣ другихъ чувствъ не осталось, кромѣ любви къ нему. На все готова она, чтобъ доказать это, не только на смерть, но и на гибель души своей. Она все ему рассказала безъ утайки, начиная отъ подробностей ея размолвки съ пани Анной и кончая признаніемъ, которое вымучилъ у нея аббатикъ, и теперь слушатель ея пересталъ смѣяться, а хмурился все больше и больше.

— Хорошо, что я вздумалъ тебя навѣститъ именно сегодня, и что ничто мнѣ не помѣшало это сдѣлать, — началъ онъ послѣ довольно продолжительнаго раздумья, которое она, затаивъ дыханіе, не позволила себѣ нарушить даже вздохомъ, ожидая съ замирающимъ сердцемъ послѣдствій своей исповѣди.

О, насколько это было страшнѣе и мучительнѣе, чѣмъ исповѣдываться аббатику!

— Вижу, что ты нисколько не понимаешь твоего положенія, какъ женщина, которую я полюбилъ и хочу сдѣлать своей женой... Не плачь,—отрывисто продолжалъ онъ, увидѣвъ катившіяся по ея поблѣднѣвшимъ щекамъ крупныя слезы, которыхъ она въ своемъ душевномъ смятеніи сама не замѣчала.—Ты чуть было меня не погубила, но я на тебя за это не сержусь, вины твоей въ этомъ нѣтъ, всему причиной твое фальшивое воспитаніе... Я сдѣлаю изъ тебя настоящаго человѣка. Мнѣ это не удалось съ той, авось удастся съ тобою... Ты меня любишь, а той я былъ противенъ... Слушай же: прежде всего, мнѣ надо, чтобъ ты была въ наилучшихъ отношеніяхъ съ твоей пани, понимаешь?

— А если она захочетъ, чтобъ я въ Варшавѣ жила у нея, а не въ своемъ домѣ?—спросила она дрогнувшимъ голосомъ.

— Прекрасно, живи тамъ, гдѣ она хочетъ. Поступай во всемъ по ея желанію и доказывай ей твою преданность и любовь при каждомъ удобномъ случаѣ...

— Она хочетъ, чтобъ я отъ тебя отказалась...

— И откажись, что жъ изъ этого? Я же отказываюсь, когда это нужно, отъ удовольствія тебя видѣть, ну, и ты выучись терпѣть и ждать счастья, ни о чемъ не разсуждая и во всемъ полагаясь на меня. Очень просто.

— Гдѣ же мы будемъ видѣться?

— Ужъ это, милочка, совсѣмъ глупый вопросъ, на который не стоитъ и отвѣчать. Повторяю тебѣ еще разъ, положишься во всемъ на меня, я все устрою...

— Но если я не сумѣю притворяться...

— Вздоръ, нѣтъ такой женщины, которая не умѣла бы притворяться. И ты умѣешь. Можетъ быть, хуже другихъ, но отъ тебя зависитъ довести это полезное искусство до совершенства. У меня съ вашимъ графомъ затѣяны большія дѣла, государственной важности, можно сказать; чортъ знаетъ, какъ будетъ досадно, если изъ-за тебя наши комбинаціи разстроятся! Никогда я тебѣ этого не прощу... Ну, теперь про аббатика. Съ этимъ гусемъ нужна большая осторожность... Онъ золъ, хитеръ и воображаетъ себя представителемъ папы въ Варшавѣ, какъ самъ папа воображаетъ себя представителемъ Бога на землѣ: можно себѣ представить, какихъ турусовъ на колесахъ нагородилъ онъ тебѣ, чтобъ одурманить, напугать и послѣдняго разума лишить! Всѣхъ васъ здѣсь, бабъ, ксендзы такъ опутали, что мужьямъ ни до души вашей, ни до ума не добраться. Я этого не желаю и дѣлиться съ попомъ моими правами надъ женой никогда не соглашусь, такъ и знай. Выбирай между мной и твоимъ аббатикомъ и выбирай не медля, — продолжалъ онъ, сурово сдвигая брови и пронизывая ее повелительнымъ взглядомъ.—Ты мнѣ мила, и сдается мнѣ, что любить я тебя буду долго, но не умру, если бѣ пришлось намъ теперь навсегда разстаться, и съ ума отъ несчастной любви не сойду, а займусь дѣломъ, да стану другую женку себѣ прискивать, авось и найду, свѣтъ не клиномъ сошелся,—прибавилъ онъ съ усмѣшкой.—Ну, рѣшай же. Скоро засвѣтаетъ, мнѣ надо еще сегодня поспѣть къ Млодзинскому на хуторъ, у него приверженцы графа твоего собираются, надо съ ними кое о чемъ важномъ перетолковать, прежде чѣмъ съ воеводой видѣться...

Не успѣли послѣднія слова сорваться съ его губъ, какъ она уже очутилась въ его объятіяхъ и, крѣпко обнимая его, клялась всѣми святыми, что онъ ей милѣе всѣхъ на свѣтѣ, что она всюду за нимъ послѣдуетъ и во всемъ безпрекословно будетъ ему повиноваться.

XVII.

Въ шестидесятыхъ годахъ восемнадцатаго столѣтія, Варшава не отличалась отъ прочихъ столицъ Европы благоустройствомъ и опрятностью. Въ ней было точно такъ же грязно и тѣсно, какъ въ Парижѣ, Лондонѣ и Мадридѣ, а зимой и осенью не только пѣшеходы, но и экипажи вязли въ грязи на улицахъ, безобразно вымощенныхъ острымъ булыжникомъ и обстроенныхъ высокими домами, съ остроконечными, выдающимися впередъ крышами, такихъ узкихъ, что обитателямъ ихъ не трудно было переговариваться и переругиваться изъ окна въ окно.

И нельзя сказать, чтобъ этимъ удобствомъ не злоупотребляли: гвалтъ на всевозможныхъ языкахъ и жаргонахъ, не смолкавшій тутъ ни на минуту, съ ранняго утра до поздней ночи, слышенъ

былъ издалека и, вызывая брезгливыя гримасы у счастливецъ, имѣвшихъ возможность сюда не заглядывать, заставлялъ и пѣшеходовъ, и экипажи сворачивать въ сторону отъ этихъ вертеповъ нищеты и порока. Не только важные паны и пани, но скольконибудь уважающая себя мелкая сошка изъ шляхты или изъ торговаго міра избѣгала проходить улицами и переулками этой части города, почти сплошь состоявшей изъ притоновъ разврата, убѣжищъ для воровъ, мошенниковъ и нищихъ разнообразнѣйшихъ типовъ, начиная отъ продавцевъ секретныхъ снадобій отъ всевозможныхъ болѣзней, средствъ сохранять молодость, счастье въ карты и въ лотереяхъ, любовь женщинъ и проч. и проч. и кончая несчастными, выставлявшими для возбужденія состраданія прохожихъ безобразнѣйшія язвы и увѣчья, у всѣхъ костеловъ, на всѣхъ перекресткахъ и у всѣхъ воротъ роскошнѣйшихъ палаццо. Однимъ словомъ, тутъ съ незапамятныхъ временъ ютились вмѣстѣ съ жидами подонки большого, богатаго торговаго города, столицы Рѣчи Посполитой. О существованіи этихъ подонковъ въ фамиліяхъ магнатовъ знали только по наслышкѣ, а потому можно себѣ представить, какой тутъ поднялся переполохъ, когда въ одно прекрасное раннее утро въ одномъ изъ грязнѣйшихъ переулковъ этого паскуднаго квартала появилась молодая пани изъ высшаго общества!

Она шла пѣшкомъ и торопливо, закутанная съ ногъ до головы въ широкій черный шелковый плащъ, съ кружевнымъ капюшономъ, скрывавшимъ ея лицо, но красиво обутыя ножки, легкая граціозная походка и маленькая ручка въ прозрачной шелковой полуперчаткѣ, крѣпко придерживавшая складки плаща, все это выдавало въ ней особу изъ совершенно иного міра, чѣмъ тотъ, въ которомъ она очутилась.

Чтобъ дойти до площади, къ которой она стремилась, не оглядываясь по сторонамъ и низко опустивъ голову, надо было пройти шаговъ триста, не больше, но въ одно мгновеніе, во всѣхъ окнахъ, изъ всѣхъ дверей и проходовъ, затѣснились лица, съ сверкающими отъ любопытства глазами, назойливо оглядывая ея съ ногъ до головы и обмѣниваясь при этомъ грубыми и циничными замѣчаніями. Повеysкакали отовсюду оборванные ребятишки, съ гиканьемъ и крикомъ, толкая другъ друга и ругаясь, пытались они загородить дорогу отважной незнакомкѣ. Нахальный хохотъ и зловѣщія восклицанія, которыми они подбодряли другъ друга, съ минуты на минуту грозили перейти въ болѣе чувствительныя оскорбленія, и бѣдняжка, чувствуя прикосновеніе грязныхъ пальцевъ къ своему плащу, готова была лишиться чувствъ отъ страха, когда слѣдовавшій за нею на почтительномъ разстояніи человекъ, въ одеждѣ простолюдина, поспѣшилъ выступить къ ней на помощь. При видѣ его сурово сверкавшихъ глазъ и сильныхъ кулаковъ, которыми онъ демонстративно размахивалъ, толпа съ проклятіями

шарахнулась назадъ, и онъ воспользовался всеобщимъ замѣшательствомъ, чтобы вывести дрожавшую отъ страха молодую пани на площадь, въ противоположномъ концѣ которой выглядывалъ промежъ окружавшей его зелени древній костель.

— О, какъ я испугалась, Янъ!—проговорила она со вздохомъ облегченія, когда опасность миновала. Отъ встрѣчавшихся ей теперь людей, большею частью спѣшившихъ на работу ремесленниковъ и служанокъ, бѣгущихъ на рынокъ съ корзинами въ рукахъ, дерзкихъ нападеній нельзя было ждать.

— Я говорилъ моей пани, что этими улицами опасно проходить даже днемъ, а ночью и рано утромъ и подавно. Тутъ, кромѣ воровъ и разбойниковъ, никто не живетъ,—почтительно возразилъ провожатый.

Въ отвѣтъ на это пани Розальская промолчала, поспѣвая къ цѣли своего странствованія.

Не доходя до ограды, она на мгновеніе остановилась, чтобъ боязливо оглянуться по сторонамъ, и, приказавъ своему спутнику подождать ее въ одномъ изъ ближайшихъ трактировъ, поспѣшно проникла подъ темные своды древняго костела, служившаго молитвеннымъ домомъ бѣднѣйшему населенію города. Тутъ даже и за поздней обѣдней никогда нельзя было встрѣтить настоящую пани, во время же ранней, кромѣ служанокъ, забѣгавшихъ сюда мимоходомъ сотворить коротенькую молитву, никого нельзя было видѣть, и ксендзъ, въ поношенной сутанѣ, съ вульгарною наружностью и пытливыми глазами на заплывшемъ жиромъ лицѣ, служившій въ тотъ день раннюю мшу, не могъ не обратить вниманія на таинственную незнакомку, скромно опустившуюся на первый попавшійся стулъ у входа.

— Изъ какого палаццо залетѣла къ намъ эта рѣдкая птичка? И неуштожь одна, пѣшкомъ?—прошепталъ онъ между молитвенными возгласами, которымъ разсѣянно вторилъ прислуживавшій мальчикъ, въ традиціонной бѣлой съ краснымъ одеждѣ. — И съ какою цѣлью пожаловала она сюда?—продолжалъ онъ уже про себя, когда его ассистентъ, не будучи въ силахъ сдержать любопытство, выскочилъ на паперть, чтобъ бѣглымъ взглядомъ окинуть окружающую мѣстность.

И почти тотчасъ же вернулся онъ съ извѣстіемъ, что у ограды никого не видать.

Пожевавъ подозрительно губами и посмотрѣвъ еще нѣсколько мгновеній на углубившуюся въ молитву незнакомку, ксендзъ окончилъ службу, не торопясь переодѣлся и въ сопровожденіи своего маленькаго служителя вышелъ изъ костела, оставляя его на попеченіи глухого старика, исправлявшаго тутъ съ незапамятныхъ временъ должность звонаря и сторожа.

Костель былъ изъ бѣднѣйшихъ, и, оставшись одна подъ его мрачными сводами, Юльванія не могла не сознаться, что Аратовъ

былъ исполнѣ правъ, назначивъ ей именно здѣсь первое любовное свиданіе съ тѣхъ поръ, какъ фамилія воеводы прибыла въ Варшаву. Никто во дворцѣ про это свиданіе не узнаетъ; когда она ушла черезъ садъ, всѣ спали, а во время ея отсутствія Сесилія сумѣетъ отклонить подозрѣнія насчетъ дѣли ранней прогулки своей госпожи, которая вернется опять черезъ садъ, нарвавъ, по обыкновенію, большой букетъ цвѣтовъ для украшенія своихъ покоевъ.

Все было, какъ нельзя лучше, предусмотрѣно великимъ мастеромъ такихъ дѣлъ, и опасаться было нечего...

Она почувствовала его приближеніе много раньше, чѣмъ когда онъ къ ней подошелъ, но рванулась къ нему сердцемъ, не поднимая глазъ съ молитвенника и тяжело дыша отъ подавленнаго волненія. Наконецъ, шаги его раздались совсѣмъ отъ нея близко, и она рѣшилась поднять на него взглядъ. Они были одни въ храмѣ, тѣмъ не менѣе, онъ молча подаль ей руку и вывелъ ее на маленькое пространство, обсаженное кустами и деревьями, огороженное деревяннымъ заборомъ, къ которому прислонялась хибарка сторожа, и тутъ только страстно прижалъ ее къ своей груди.

— Видишь, я нашелъ удобное мѣсто для свиданій съ тобой. Мы можемъ здѣсь сколько угодно цѣловаться, никто насъ не увидитъ, а и увидать, такъ не узнаютъ, значитъ, все равно, что не видѣли,—весело сказалъ Аратовъ, приподнимая, чтобъ заглянуть ей въ глаза, ея лицо, которымъ она прижималась къ его груди.— Ну, что у васъ новенькаго? Аббатикъ все къ тебѣ пристаегъ? А удалось тебѣ что нибудь сдѣлать относительно твоихъ бумагъ? Нашла предлогъ взять ихъ къ себѣ на храненіе?

Какъ сказано выше, это было ихъ первое свиданіе наединѣ въ Варшавѣ, а между тѣмъ прошло уже около мѣсяца, какъ онъ пріѣхалъ сюда изъ Малявина, а она въ свитѣ ясновельможной изъ Тульчина.

Узнавши отъ самого воеводы о пріѣздѣ его супруги въ столицу, Аратовъ поспѣшилъ явиться засвидѣтельствовать свое почтеніе пани Аннѣ, и, убѣдившись съ перваго ея взгляда, что она относится къ нему враждебнѣе прежняго, онъ повелъ новую тактику, которая удалась ему, какъ нельзя лучше.

Не будь аббата Джорджіо, графиня окончательно успокоилась бы насчетъ его чувствъ къ ея любимицѣ, такимъ равнодушнымъ казался онъ ко всему, чѣмъ увлекался до смерти своей жены. Объ этой смерти онъ распространялся съ удрученнымъ видомъ челоуѣка, которому недоступны больше земныя радости и утѣхи. На Юльянію онъ ни разу не взглянулъ во время бесѣды съ графиней о постигшемъ его несчастіи и, уходя, всѣхъ оставилъ

въ недоумѣннй передъ странной развязкой романа, занимавшаго обитателей тульчинскаго замка въ продолженіе цѣлаго года.

— Что ты на это скажешь, сынъ мой? — спросила пани Анна у аббата, оставшись съ нимъ наединѣ.

— Что за ними надо присматривать внимательнѣе прежняго! — отвѣчалъ онъ съ живостью.

— Но они не сказали другъ другу ни одинаго слова, и онъ не выказалъ даже и поползновенія выразить ей какое либо вниманіе?

Аббатъ отвѣчалъ на это замѣчаніе молчаніемъ, мысленно давая себѣ слово слѣдить за влюбленными, безъ посторонней помощи, никому не довѣряя ни опасеній своихъ, ни подозрѣній.

«Надо дать плоду созрѣть прежде, чѣмъ его срывать», — рѣшилъ онъ про себя.

И онъ сталъ слѣдить за каждымъ шагомъ Юльяніи, за каждымъ ея словомъ и взглядомъ, не упуская при этомъ прислушиваться ко всему, что говорили про Аратова, и выводя заключенія изъ cadaго его самаго ничтожнаго поступка точно такъ же, какъ и изъ каждой улыбки и вздоха Юльяніи, подмѣчая измѣненія въ ея характерѣ, усиливавшуюся нервность, раздражительность, скрытыя слезы и бессонныя ночи, послѣдствія которыхъ ей удавалось скрывать подъ румянами, дѣланными улыбками и лихорадочною живостью отъ всѣхъ глазъ, но только не отъ него.

Длусскій начиналъ надѣяться не на шутку, и подъ разными предлогами все чаще и чаще навѣщаль пани Анну.

Въ городѣ разсказывали, что онъ не скрываетъ своего намѣренія жениться, что онъ для этого отдѣлываетъ свой домъ на Краковскомъ предмѣстьѣ и закупаетъ роскошную обстановку. Если онъ до сихъ поръ медлилъ привести свое намѣреніе въ исполненіе, то потому только, что ждетъ свата. А кто же могъ имъ быть для пана Длусскаго, если не князь Карлъ Радзивиллъ, постоянный его протекторъ и благодѣтель?

А пани Розальская въ то же время начала проявлять небывалый интересъ къ устройству своего состоянія и къ увеличенію своихъ доходовъ. Она объявила, что намѣрена воспользоваться наѣздомъ знатныхъ иностранцевъ въ Варшаву, чтобъ сдать внаймы, не только свой домъ, но и лошадей и экипажи, такъ какъ, живя во дворцѣ воеводы, ни въ томъ ни въ другомъ не нуждается. Для этого она выписала изъ дальняго имѣнія поссессора, Яна Вальковскаго, а по пріѣздѣ его начала увлекаться постройками, покупкой земли къ саду, разведеніемъ какихъ-то плантацій и тому подобными затѣями. У нея были объ этомъ продолжительные переговоры съ паномъ Вальковскимъ на ея половинѣ, состоявшей изъ нѣсколькихъ совершенно отдѣльно расположенныхъ комнатъ, съ выходомъ въ садъ.

— Какая ты сдѣлалась расчетливая, дочь моя! — замѣтила съ усмѣшкой ясновельможная, выслушивая планы, которыми съ увлеченіемъ дѣлилась съ нею молодая женщина.

И, вѣроятно, сообразивъ, что новое увлеченіе окончательно освободитъ ее отъ прежняго, она поспѣшила прибавить, что пора бы ей взять въ руки и остальное свое состояніе.

— Капиталь твой до сихъ поръ лежитъ у Салезія безъ движенія, и врядъ ли ты даже знаешь, сколько именно у тебя денегъ. Правда, проценты постепенно растутъ, но, можетъ быть, твой Вальковскій присовѣтуетъ тебѣ болѣе выгодное помѣщеніе. Многіе теперь покупаютъ земли въ Галиціи, пану Длусскому князь Радзивиллъ устроилъ замѣчательно блестящую аферу въ окрестностяхъ Кракова, купивъ на его имя чудный замокъ... Тебѣ бы и съ Длусскимъ объ этомъ посовѣтоваться? Онъ худого тебѣ не пожелаетъ, — прибавила она съ усмѣшкой.

Но, ухватившись за мысль самой распоряжаться капиталомъ, оставленнымъ ей покойнымъ мужемъ, Юльняніа отклонила предложеніе войти для этого въ сношенія съ злополучнымъ претендентомъ на ея руку и сердце.

— Я ужъ давно думаю о томъ, чтобъ снять съ моего благодѣтеля заботу о моемъ капиталѣ, моя пани. У него такъ много хлопотъ и по своимъ дѣламъ, и по общественнымъ, что мнѣ право до слезъ совѣстно злоупотреблять его добротой, — возразила она съ живостью. — Моя пани оказала бы мнѣ большую услугу, если бъ переговорила объ этомъ съ графомъ, — рѣшилась она прибавить послѣ небольшого колебанія.

— Хорошо, я ему скажу, но время терпитъ...

— Вальковскій здѣсь долго оставаться не можетъ... Впрочемъ, я для этого опять могу его выписать, — поспѣшила она прибавить, чтобъ разсѣять подозрѣніе, зародившееся, какъ ей показалось, въ умѣ ясновельможной, при столь ясно выраженномъ желаніи скорѣе выйти изъ-подъ ея опеки...

Выслушавъ внимательно это повѣствованіе, Аратовъ спросилъ: когда же именно рассчитываетъ она возобновить со своей покровительницей разговоръ, прерванный на такомъ интересномъ мѣстѣ?

— Пока этихъ денегъ у тебя въ рукахъ не будетъ, намъ нельзя и думать о дальнѣйшемъ устройствѣ нашей судьбы. Я коротко знаю повадки твоихъ магнатовъ, и вѣры къ ихъ гонору у меня нѣтъ ни на грошъ. Какъ твоему пану Салезію, такъ и женѣ его, ровно ничего не стоитъ зажить твой капиталъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что ты предалась москалю, и не признать нашего брака дѣйствительнымъ. Да и мало ли что они еще могутъ придумать, чтобъ мнѣ напакоститъ! Въ этой безправной странѣ намъ, русскимъ, ни на кого, кромѣ какъ на самихъ себя, нельзя рассчиты-

вать, ни на ваши законы, которые и поляковъ не ограждаютъ, ни на наше правительство, которому не до того, чтобъ выпутывать изъ бѣды глупыхъ и неосторожныхъ соотечественниковъ, а ужъ особенно теперь, когда здѣсь готовится смута и рѣзня. Всего было бы лучше, забравъ деньги, бѣжать отсюда куда нибудь подальше, во Францію или въ Англiю, и оставаться за границей, пока здѣсь все не уюмонится... Ты, конечно, знаешь, что «патріоты» ваши изо всѣхъ силъ хлопочуть перетянуть на свою сторону кiевскаго воеводу?

— У насъ только про это и рѣчи. Вотъ еще причина, по которой мнѣ теперь неудобно настаивать на своихъ дѣлахъ: пани Анна такъ озабочена увѣщанiями и просьбами, которыя сыплются на нее со всѣхъ сторонъ, ей такъ непрiятно встрѣчаться въ обществѣ съ вожаками заговора, всѣми средствами старающимися привлечь ее и графа на свою сторону, что она, подѣ предлогомъ болѣзни, отказывается отъ приглашенiй на праздники и на балы. Но и дома ей не легче, всѣ у насъ противъ русскихъ, всѣ въ заговорѣ противъ русскаго посла, всѣ молятся, чтобъ воевода прозрѣлъ, отказался бы отъ своихъ заблужденiй и вступилъ бы въ ряды истинныхъ сыновъ святой церкви и отчизны...

— Всѣ, кромѣ тебя, конечно? — спросилъ онъ съ улыбкой.

— Я тебя люблю! — вскричала она, обнимая его.

— А если любишь, такъ и слушайся одного только меня. Что за человекъ этотъ Вальковскiй? Можно на него положиться?

— О, разумѣется! Онъ служилъ покойному Розальскому...

— Это ничего не доказываетъ.

— Я обѣщала закрѣпить за нимъ землю, которую хотѣлъ ему подарить покойникъ за услуги.

— Вотъ это дѣло другое. Надо его этою землею поманивать и еще кое-что обѣщать... Знаетъ онъ про меня?

Она краснѣя опустила глаза. — Кажется, догадывается. Я приказала ему проводить меня сюда и обратно, по совѣту Сесилiи.

— Твоя Сесилiя — дѣвка не глупая, и рекомендацiя ея чего нибудь да стоитъ.

— Безъ него я умерла бы отъ страха среди оборванцевъ! Они ужъ готовились стащить съ меня плащъ, когда онъ ихъ разогналъ...

— Это я ужъ слышалъ. Онъ, значить, тебя здѣсь, гдѣ нибудь по близости, дожидается? — нетерпѣливо прервалъ онъ ее, преслѣдуя новую комбинацiю, завертѣвшуюся въ его умѣ.

— Да, онъ упоминалъ о трактирѣ...

— Чудесно. Я съ нимъ переговорю, и если онъ не глупъ, мы скоро пойдемъ другъ друга. Надо поторапливаться, голубка, твои безмозглые земляки могутъ начать свою революцiю раньше, чѣмъ всѣ думаютъ, и благоразумнымъ людямъ, которымъ нѣтъ никакой охоты терпѣть въ чужомъ пиру похмелье, одно только остается —

улепетывать отсюда скорѣе! Доставай свой капиталъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, хотя бы для этого тебѣ пришлось войти въ переговоры съ Длусскимъ о покупкѣ имѣнія... Что за важность! Не съѣсть онъ тебя съ перваго раза, а чтобъ избавиться отъ бѣды, и не на такую непріятность можно рѣшиться... И будь готова со мною бѣжать во всякое время, днемъ или ночью... Можетъ такъ случиться, что мнѣ не удастся тебя и предупредить заранѣе... Впрочемъ,—продолжалъ онъ, крѣпко прижимая ее къ груди и страстно цѣлуя ея просіявшее отъ счастья личико,—надо постараться устроить наше будущее свиданіе съ меньшими хлопотами и опасностями. Нельзя же тебѣ каждый день вставать чуть свѣтъ, чтобъ забираться въ такую даль. Одинъ разъ удалось, но рассчитывать на удачу всегда невозможно. А видѣться мы теперь должны чаще.

— Но гдѣ же? Гдѣ же?—спросила она, задыхаясь отъ радостнаго волненія.

— Если ты до сихъ поръ этого не могла придумать, то я придумаю, не беспокойся. Это вовсе не такъ трудно, какъ ты воображаешь, но для этого мнѣ надо переговорить съ твоимъ Вальковскимъ.

— Да вѣдь онъ во дворцѣ не живетъ...

— Это еще лучше. А ты вотъ что, моя кошечка, перестань на время обо мнѣ думать и повнимательнѣе слѣди за твоей пани. Отлично было бы, если бъ она впуталась въ заговоръ съ Чарторижскими. Это для меня было бы хорошо, а, значитъ, и для тебя, понимаешь?

— Я не понимаю... Они комплотируютъ противъ короля, а ты съ королемою, говорятъ, теперь въ большой дружбѣ?

— Ничего ты не понимаешь и лучше не старайся понимать, а дѣлай то, о чемъ я тебя прошу. Все узнаешь впоследствии и увидишь, что я правъ. Ну, а что нашъ злѣйшій и опаснѣйшій врагъ, аббатикъ?

— Кажется, понялъ, что забрать меня въ руки ему больше не удастся, и примирился съ этимъ, не надоѣдаетъ мнѣ больше ни намеками, ни скрытыми угрозами и такъ себя со мною держать, точно ничего между нами не произошло.

— Отказался отъ своей должности руководителя твоей совѣсти? Это хорошо... если оно именно такъ и есть, но ты во всякомъ случаѣ остерегайся его. Если попадешь опять въ его іезуитскіе когти, онъ ужъ тебя не выпуститъ такъ легко, какъ въ первый разъ. Вѣдь не пріѣзжай я тогда на мызу... пришлось бы, чего добраго, отъ обвиненія въ убійствѣ защищаться...

Она зажала ему ротъ подѣлуями, не давъ договорить начатой фразы.

— Не напоминай, не напоминай! Ради самого Бога, не напоминай про это! Я съ ума схожу отъ ужаса, когда вспомню, что

чуть было не погубила тебя!—вскричала она, въ волненіи своемъ забывая, что ее могутъ услышать.

— А ты тише, мы не у себя дома, глупая! Утро ужъ наступило. Слышишь, по площади ѣзда началась? Пора тебѣ бѣжать домой. Пойду разыскивать твоего провожатого и кстати познакомлюсь съ нимъ, а ты тутъ насъ жди.

Онъ поднялся съ мѣста, крѣпко ее поцѣловалъ и вышелъ изъ садика.

Повинуясь его желанію, Юльянія не трогалась съ мѣста, погрузившись въ воспоминанія слишкомъ быстро улетѣвшаго счастья.

Переживая мысленно блаженныя минуты, повторяя про себя каждое произнесенное имъ слово, зажмуриваясь, чтобъ лучше представлять себѣ его лицо съ милыми горящими страстью глазами, алая, горячія губы, льнуція къ ея губамъ, млѣя отъ этихъ представленій, она забыла все на свѣтѣ, забыла, гдѣ находится, забыла предстоящее путешествіе по грязнымъ вонючимъ переулкамъ, мимо вертеповъ разврата, среди отвратительныхъ ребятишекъ и растрепанныхъ, вѣдьмообразныхъ бабъ, ничего не видѣла она, кромѣ него, ничего не слышала, кромѣ его любовныхъ рѣчей, продолжавшихъ раздаваться въ ея ухахъ много явственнѣе шума съ площади, долетавшаго сюда все громче и громче, по мѣрѣ того, какъ входила въ свои права ежедневная жизнь большого города, особенно суетливая и крикливая въ этой части.

Не слышала она въ своемъ любовномъ забытьѣ и осторожныхъ шаговъ, прокрадывавшихся къ ней все ближе и ближе, и вскрикнула отъ испуга, увидавъ передъ собою аббата Джорджіо...

XVIII.

Наступилъ августъ. Погода стояла великолѣпная, дни солнечные, ночи тихія, теплыя, звѣздныя, ароматныя. Варшава этимъ пользовалась, чтобы веселиться напропалую. Балы въ ярко освѣщенныхъ палаццо магнатовъ, праздники съ танцами и катаніями верхомъ и въ экипажахъ, начинавшіеся съ утра и оканчивавшіеся только поздно ночью, слѣдовали одни за другими, не прекращаясь ни на единый день, и надо было только дивиться выносливости красавицъ, летавшихъ съ одного увеселенія на другое и едва успѣвавшихъ переодѣваться изъ одного пышнаго наряда въ другой еще пышнѣе, мѣнять затѣйливыя прически на еще болѣе затѣйливыя такъ же часто и беззаботно, какъ воздыхателей и любовниковъ, сегодня сводя съ ума прелестнымъ кокетствомъ одного, вечеромъ другого, завтра третьяго и такъ далѣе, безъ передышки, подъ шумокъ интригъ, заговоровъ, рѣшеній столь же легкомысленныхъ, сколько опасныхъ, своихъ супруговъ, братьевъ и возлюбленныхъ.

Однимъ словомъ, такого оживленія, такого веселья и такой лихорадочной поспѣшности пользоваться жизненными утѣхами во чтъ бы то ни стало давно ужъ не помнили старожилы Рѣчи Посполитой. Все спудалось и перемѣшалось въ опьяненіи любовными и политическими страстями: вчерашніе враги дѣлались друзьями, друзья—врагами, только и слышно было, что о блестящихъ выдумкахъ, честолюбивыхъ замыслахъ, великодушныхъ предложеніяхъ, заманчивыхъ обѣщаніяхъ и проектахъ, проектахъ безъ конца.

Раздавались время отъ времени среди этой вакханаліи и трезвые голоса, взывавшіе къ благоразумію и къ порядку, прорѣзывався иногда концертъ всеобщаго увлеченія неприятнымъ намекомъ на предательство такого-то лица, на слабодушіе другого, на надвигающіяся со всѣхъ сторонъ грозныя опасности, на то, что враги не дремлютъ, что прежде, чѣмъ итти на нихъ, не мѣшало бы соразмѣрить свои силы, сосчитаться, очистить атмосферу отъ ненадежныхъ элементовъ, сосредоточиться, обмыслить...

Но, разумѣется, предостереженія эти и предчувствія оставались гласомъ вопіющаго въ пустынь. Когда же Рѣчь Посполитая мыслила? Не даромъ одинъ изъ даровитѣйшихъ ея сыновъ сказалъ про нее: «Есть нація мужского рода и есть женскаго. Польша—женщина и можетъ жить только сердцемъ».

Въ одинъ изъ этихъ роковыхъ для Польши дней, въ началѣ августа, у прелата Фаста перебивало съ ранняго утра нѣсколько посѣтителей и посѣтительницъ изъ высшаго общества.

Встрѣчаться другъ съ другомъ гости у него не любили, и карета, подѣхавшая съ одного конца переулка, обыкновенно сворачивала въ сосѣднюю улицу, завидѣвъ экипажъ у воротъ дома его всевелебности.

Не любили пріѣзжать сюда и въ компаніи, а, добившись аудіенціи, какъ паны, такъ и пани предпочитали бесѣдовать съ хозяиномъ наединѣ.

Ворота въ высокой каменной оградѣ, тянувшейся съ обѣихъ сторонъ на далекое пространство, очень рѣдко растворялись и только для такихъ почетныхъ посѣтителей, какъ какой нибудь епископъ, папскій нунцій или его величество король. Прочіе же графы, графини, князья и княгини, важные паны и паны, оставивъ экипажъ на улицѣ, проходили черезъ калитку во дворъ пѣшкомъ, по усыпанной пескомъ дорожкѣ съ красивой цвѣточной клумбой посреди, до скромнаго на видъ одноэтажнаго дома, гдѣ на крыльцѣ ихъ всегда встрѣчалъ съ низкимъ поклономъ Беппо, довѣренный слуга прелата, маленькій сѣденькій старичокъ, въ длиннополой, полумонашеской, полусвѣтской одеждѣ, съ привѣтливымъ выраженіемъ въ ласковыхъ глазахъ на гладко выбритомъ и изрѣзанномъ мелкими морщинами лицѣ.

Не переставая кланяться, вводилъ онъ посѣтителей въ свѣтлую пріемную, уставленную покойными диванами и креслами, почтительнѣйше просилъ обождать и исчезалъ за тяжелой темнокрасной драпировкой въ небольшой проходъ съ дверью въ концѣ, у которой, постучавъ условнымъ образомъ, онъ терпѣливо ждалъ позволенія войти. Наконецъ, черезъ болѣе или менѣе продолжительное время, смотря по тому, какими дѣлами былъ занятъ его господинъ, изъ кабинета раздавалось отрывисто: «войдите!» и Беппо съ благоговѣйнымъ подобострастіемъ проникалъ въ святилище и докладывалъ о посѣтеляхъ.

Не оборачиваясь и не выпуская пера или книги изъ рукъ, высокій худощавый человѣкъ, сидѣвшій у большого бюро, покрытаго книгами и бумагами, на мгновеніе разжималъ свои тонкія губы, чтобы выронить изъ нихъ краткое: «ждать!» или «сейчасъ!»

Беппо скрывался, а господинъ его продолжалъ свое занятіе все съ тѣмъ же выраженіемъ сосредоточенной думы въ большихъ глубокихъ черныхъ глазахъ и въ характерномъ изгибѣ рта, съ выдающимся слегка подбородкомъ.

Лицо это было очень типично, и, разъ его увидавъ, трудно было забыть. Безъ малѣйшаго признака растительности, изжелта-блѣдная кожа была нѣжна, какъ у молодой дѣвушки, волосы, вьющіеся вокругъ широкой тонсуры и откинутые назадъ съ высокаго обнаженнаго лба, были черны, какъ смоль, а всѣ черты, замѣчательно красивыя и благородныя, казались выточенными изъ слоновой кости. Никто бы не могъ сказать, сколько этому человѣку лѣтъ: въ спокойномъ состояніи онъ казался пожилымъ и даже старымъ, но, когда оживлялся, глаза его загорались страстью, какъ у юноши, слова отчеканивались съ рѣзкостью, выдающей его итальянское происхожденіе, а выраженія наворачивались на языкъ такія ловкія, красивыя и убѣдительныя, что оспаривать его мнѣнія было трудно.

Если на собесѣдника его и нападало сомнѣніе въ справедливости его аргументовъ, то развѣ только позже, когда изъ памяти изглаживалось впечатлѣніе страннаго существа, державшаго его подъ обаяніемъ своего краснорѣчія.

Описывать обстановку, среди которой прелать Фастъ работалъ, его бюро, верхъ художественной работы изъ дѣннаго чернаго дерева, съ артистическими бронзовыми украшеніями, его библіотеку, представляющую собою цѣлое состояніе по рѣдкости книгъ и красотѣ изданій, мы не станемъ—все это ужъ было нами описано въ мечтаніяхъ аббата Джорджіо—скажемъ только, что обстановка эта, роскошь которой могъ оцѣнить только тонкій знатокъ въ искусствѣ, вполне гармонировала съ изящной и величественной фигурой хозяина, съ его черной сутаной изъ тончайшаго сукна, на которой эффектно выдѣлялось массивное распятіе на золотой цѣпочкѣ, и съ блѣдными, тонкими и длинными пальцами, съ свер-

кавшимъ крупнымъ сапфиромъ въ освященномъ перстнѣ. Легко скользя по бумагѣ, перо, придерживаемое этими красивыми пальцами, изливало четкимъ и твердымъ почеркомъ всегда непреклонныя и своеобразныя мнѣнія и мысли.

Аббатъ Джорджіо былъ правъ, предполагая, что удобнѣе и приличнѣе жилища для человѣка, посвятившаго свою жизнь на труды для достиженія высшихъ духовныхъ цѣлей на землѣ, невозможно себя представить; самая мѣстность была для этого выбрана, какъ нельзя лучше. Владѣнія прелата (Фастовскій домъ, какъ прозвали ихъ въ городѣ), прибрѣтенныя у разорившагося магната, утратившаго по безденежью всякое значеніе въ политикѣ края, а вслѣдствіе того выѣхавшаго навсегда за границу, выходили на двѣ улицы и занимали такое обширное пространство, что проходимъ по оживленной площади, мимо глухой стѣны съ перевѣсивавшимися черезъ нее вѣтвями деревьевъ, трудно было бы догадаться, что этимъ садомъ можно пройти прямо къ дому, въ совершенно другой части города. Но дорогой этой, чрезвычайно красивой, по тѣнистымъ аллеямъ старыхъ каштановъ, акацій и дубовъ, съ живописными группами пирамидальныхъ тополей, кедровъ и другихъ рѣдкихъ деревьевъ, возвышавшихся среди зеленыхъ лужаекъ, могли пользоваться только избранные, между прочимъ, посланцы съ письмами и посылками для его всевелебности изъ-за границы, являвшіеся сюда довольно часто. Мѣсяца не проходило, чтобы не прискакалъ къ прелату Фасту посолъ изъ Рима и въ ожиданіи отвѣта не пользовался бы гостепріимствомъ Беппо, въ комнаткахъ подъ крышей съ окнами въ садъ, гдѣ можно было прожить сколько угодно времени въ полной неизвѣстности.

Корреспонденція прелата была такого секретнаго свойства, что тѣ, которымъ она поручалась, должны были соблюдать большую осторожность, чтобы присутствіе ихъ въ Варшавѣ не было обнаружено, и ихъ всегда старались отпустить въ обратный путь какъ можно скорѣе.

Прибрѣтенной въ городѣ недвижимостью прелатъ владѣлъ всего только пятый годъ, а между тѣмъ чего онъ тутъ не понастроилъ, не развелъ и не насадилъ! Про оранжереи его рассказывали чудеса, и самъ король, встрѣтившись съ нимъ у примаса, назвался къ нему на завтракъ, подъ предлогомъ полюбоваться его цвѣтами и растеніями. Но за завтракомъ онъ такъ объѣлся и опился, что ему ужъ было не до цвѣтовъ, и, только садясь въ карету, вспомнилъ онъ о цѣли своего визита.

— Оранжереи вашей всевелебности я осмотрю въ другой разъ,—проговорилъ онъ заплетающимся языкомъ, прикладываясь къ перстню гостепріимнаго хозяина, вышедшаго провожать его величество до экипажа.

Штатъ прислуги у прелата былъ не великъ, но такъ искусно подобранъ, точно каждое лицо было создано исключительно для

того, что отъ него требовалось. На Бенпо лежали обязанности, относившіяся лично къ господину, попеченіе о его гардеробѣ, вещахъ и прочее. Никто, кромѣ него, не впускался въ покои его всевелебности, и, за исключеніемъ кучера, возившаго его по городу съ визитами по дѣламъ, да садовника, съ которымъ онъ любилъ разговаривать о цвѣтахъ и растеніяхъ, никто изъ остальныхъ обитателей дома не видѣлъ хозяина въ глаза: поварь, прачка, мальчики для услугъ должны были за всѣмъ обращаться къ Бенпо. Всѣ эти люди были итальянцы и по-польски не понимали, знакомыхъ у нихъ въ городѣ не было, и, должно быть, они находились въ большой зависимости отъ прелата, если судить по тому, какъ слѣпо повиновались они его волѣ и какъ опасались навлечь на себя гнѣвъ Бенпо.

Жили они не въ домѣ, а во флигелѣ, на довольно большомъ разстояніи отъ дома, и для переговоровъ съ Бенпо приходили въ крытую галерею, построенную между столовой и кухней, чтобъ кушанье не подвергалось вліянію воздуха и непогоды, когда его проносили подъ открытымъ небомъ.

Секретаря прелатъ не держалъ и всю свою обширную корреспонденцію велъ самъ, такъ что надо было только изумляться его феноменальной способности къ работѣ. Тѣ, кому это было извѣстно, понимали причину довѣрія, оказываемаго ему его начальствомъ, а также вліяніе, которымъ онъ пользовался у представителей высшей духовной власти.

Вотъ у какой личности нашъ аббатикъ былъ *persona gratisima*! Когда бы онъ сюда ни явился, Бенпо немедленно докладывалъ о немъ его всевелебности, и не было еще примѣра, чтобъ его не приняли или просили зайти въ другой разъ. Для него у прелата Фаста всегда находилось время и охота побесѣдовать. Часто вводили его прямо въ кабинетъ, и онъ удостоивался великой чести разговаривать съ прелатомъ, какъ равный съ равнымъ, сидя на креслѣ у бюро, на которомъ его могущественный протекторъ обдумывалъ и приводилъ въ исполненіе планы, обвинявшіе почти весь земной шаръ, вліяя на судьбы людей за многія, многія тысячи верстъ!

Въ то бурное время, когда все населеніе Рѣчи Посполитой раздѣлялось на фракціи, открыто и тайно враждовавшія между собою, дѣятельность агента римской куріи особенно оживилась, и Бенпо съ печалью подмѣчалъ усиливающуюся съ каждымъ днемъ худобу и блѣдность своего господина, сокрушаясь потерей у него аппетита, котораго невозможно было возбудить самыми любимыми его кушаньями.

— Повѣрите ли, ксендже аббатъ, его всевелебность не изволили вчера даже попробовать вальдшнепа, котораго мсье Шарль изжарилъ къ обѣду изъ трехъ паръ, присланныхъ намъ графиней Ржевус-

ской! Это—ихъ любимая дичь, особенно когда она приготовлена по-итальянски! А сегодня за завтракомъ даже отъ чашки бульона отказались, выпивъ одинъ только глотокъ. И это послѣ ночи, проведенной за работой! Дивиться надо, чѣмъ только они живы! Вотъ ужъ именно можно сказать, что однимъ святымъ духомъ поддерживаются,—прибавилъ онъ со вздохомъ, обращаясь къ Джорджіо, который, явившись сюда, когда начало темнѣть, и узнавъ, что прелать занять письмомъ для курьера, привезшаго ему депеши изъ Рима, просилъ не беспокоить его всевелебность и, объяснивъ при этомъ, что торопиться ему некуда, сѣлъ у растворенной на террасу двери въ столовой, гдѣ Беппо все готовилъ къ ужину.

— Такъ что месь Шарль трудился для васъ однихъ, мой добрый Беппо?—съ улыбкой замѣтилъ онъ, выслушавъ жалобы старика.

— Ужъ и не говорите! Такъ мнѣ это прискорбно, что не знаю, какъ и быть! Если и сегодня, не взирая на то, что вы составите имъ компанію, они не будутъ кушать, я завтра отправлюсь къ пану Дмоховскому, и онъ, какъ добрый католикъ и почитатель его всевелебности, дастъ мнѣ хорошій совѣтъ. Не даромъ слыветъ онъ лучшимъ докторомъ въ городѣ, и вылѣченныхъ имъ людей отъ смертельныхъ болѣзней насчитываютъ тысячами! Вы только подумайте, какое это было бы несчастье, если его всевелебность заболѣютъ именно теперь, когда мы переживаемъ такое смутное время! Опасность святой церкви грозитъ со всѣхъ сторонъ. Говорятъ, что цѣлые легіоны русскихъ войскъ двинуты на эту несчастную страну, чтобъ заставить поляковъ допускать схизматиковъ ко всѣмъ должностямъ въ краѣ, наравнѣ съ вѣрными сынами церкви,—продолжалъ онъ, таинственно понижая голосъ, хотя, кромѣ птичекъ, щебетавшихъ въ саду, да кузнечиковъ, трещавшихъ въ въ травѣ, подслушать ихъ было некому.

— А не пробовали вы ставить его всевелебности того стараго венгерскаго, которое прислалъ вамъ прошлой зимой краковскій кастиелянъ?—прервалъ его аббатикъ, не любившій разсуждать съ низшими о политикѣ.

— Нѣтъ еще, до сихъ поръ я имъ подавалъ одно токайское... Хотѣлъ я вашей милости вотъ что еще доложить: сегодня рано утромъ ясновельможная княгиня Изабелла присылала свою резидентку Дукланову, чтобъ сообщить про разговоръ, который она имѣла вчера съ супругомъ...

— Токайское не можетъ сравниться съ венгерскимъ для возбужденія силъ, Беппо,—снова прервалъ аббатикъ попытку своего собесѣдника вернуться къ предмету, заниматься которымъ достойный ученикъ іезуитовъ считалъ для него неумѣстнымъ.—Я убѣдительно васъ прошу поставить сегодня на столъ бутылку венгерскаго, и вы увидите, что вамъ не нужно будетъ обращаться къ доктору.

— Сейчасъ, сейчасъ, ксендже аббатъ.

Съ этими словами онъ подошелъ къ камину, пригнулся къ полу, поднялъ трапъ и, спустившись по лѣстницѣ въ подвалъ, вынулъ оттуда покрытую паутиной бутылку, которую поставилъ на столъ, среди приборовъ и принадлежностей сервировки, сверкавшей серебромъ, богемскимъ хрусталемъ и северскимъ фарфоромъ, съ огромнымъ букетомъ въ великолѣпной вазѣ и высокими бронзовыми канделябрами съ восковыми свѣчами.

— А вотъ сейчасъ, за минуту до вашего прихода, прискакалъ паукъ отъ княгини Адамовой съ напоминаніемъ его всевелебности непрежѣнно пожаловать къ нимъ сегодня,—докончилъ таки прерванную рѣчь упрямый Бешпо.—А какъ поѣдутъ они, не подкрѣпившись? Въ гостяхъ они никогда не кушаютъ, какъ вамъ извѣстно, — прибавилъ онъ, вынимая изъ буфета красивый кабачекъ съ ликерами и ставя его на столъ.

— Господинъ вашъ и въ этомъ правъ, какъ и во всемъ, что онъ дѣлаетъ. Ни у кого въ Варшавѣ нѣтъ такого стола, какъ у васъ, Бешпо, и это вамъ дѣлаетъ честь,—замѣтилъ аббатикъ, любясь сервировкой стола, на которомъ каждая вещь представляла собою образецъ вкуса и искусства.

— Стараемся, ксендже аббатъ, стараемся, — отвѣчалъ Бешпо, скрывая подъ скромно опущенными глазами торжество удовлетвореннаго самолюбія, сверкнувшее въ нихъ при комплиментѣ, пріятнѣ котораго для него ничего не могло быть.—Сегодня у насъ къ ужину, кромѣ угря по-французски и карасей въ сметанѣ, готовится часть ягненка и почки въ мадерѣ...

— Почки вы тушите въ кастрюлѣ съ двойнымъ дномъ, не правда ли?—полюбопытствовалъ аббатикъ.

— И непрежѣнно въ серебряной, потому что кушанье это нельзя перекладывать въ другую посуду, оно подается на столъ горячимъ и въ томъ сосудѣ, въ которомъ готовится. У насъ такимъ образомъ подаются и трюфели на сливочномъ маслѣ и много другихъ кушаній. А фрукты ставятся на столъ всегда холодными, прямо съ ледника,—прибавилъ онъ, подходя къ двери, въ которой появился садовникъ съ корзиной великолѣпныхъ персиковъ, сливъ и вишенъ, которую онъ поставилъ на буфетъ.—Его всевелебность не любитъ, чтобы фрукты стояли на одномъ столѣ съ горячими кушаньями...

— Чтобъ ихъ аромать не потерялъ свѣжести отъ запаха пряностей.

— Именно такъ. Въ другихъ домахъ ставятъ фрукты на столъ для украшенія, но его всевелебность находитъ, что для этого достаточно цвѣтовъ. Теперь мы зажжемъ свѣчи,—продолжалъ онъ, опуская цвѣтную гардину передъ стеклянною дверью на террасу. Но не успѣлъ онъ покончить съ этимъ дѣломъ, какъ раздался звонокъ изъ кабинета.

— Идите, идите, я зажгу свѣчи и безъ васъ, — сказалъ аббатикъ, принимаясь доканчивать начатое дѣло освѣщенія столовой а джюрно, точно онъ не вдвоемъ съ аббатомъ долженъ былъ сѣсть за столъ, а въ большемъ и блестящемъ обществѣ.

Впрочемъ, освѣщеніе отвѣчало всей остальной обстановкѣ, и, любясь ею, аббатикъ подумалъ, что даже у князей Чарторижскихъ, у богача Стемпковского и у Радзивилла не живутъ такъ удобно и изящно, какъ въ этомъ маленькомъ домѣ, скромно ютившемся въ глубинѣ двора, за высокими каменными стѣнами. Какъ артистъ въ душѣ, аббатикъ всѣмъ своимъ существомъ наслаждался красивыми разноцвѣтными переливами серебра, золота, фарфора и хрустали въ блескѣ восковыхъ свѣчей и тонкимъ запахомъ розъ, предвкушая вкусный ужинъ и интересную бесѣду съ выдающимся по уму и образованію представителемъ римскаго духовенства, съ которымъ у него было такъ много общаго въ мысляхъ, убѣжденіяхъ и вкусахъ, что каждое его слово служило какъ бы дополненіемъ и поясненіемъ работы его собственного мозга.

Наконецъ двери изъ внутреннихъ комнатъ растворились, и появилась красивая и величественная фигура прелата.

Съ снисходительною усмѣшкой протянулъ онъ руку аббатику, который послѣдно припалъ къ ней губами, и, сѣвъ за столъ, милостивымъ кивкомъ указалъ ему на мѣсто противъ себя.

Началась постоянно повторявшаяся сцена умиленія и отказа отъ слишкомъ большой чести, съ прижиманіемъ рукъ къ груди и возведеніемъ очей къ потолку со стороны аббатика, повтореніе приглашенія со стороны его всевелебности и, наконецъ, уступка перваго при появленіи Беппо съ дымящимся блюдомъ, которое этотъ послѣдній торжественно внесъ и поставилъ на столъ.

Ужинъ прошелъ довольно молчаливо. Стѣсняло ли прелата присутствіе слуги, или же опасался онъ препятствовать правильному пищеваренію бесѣдой о предметахъ, волнующихъ ему нервы, такъ или иначе, но, кромѣ замѣчаній о кушаньяхъ, обращенныхъ къ Беппо, и пустыхъ разсужденій о погодѣ съ гостемъ, его всевелебность не проронилъ ни единого слова, имѣвшаго отношеніе къ посѣщенію аббата. Наконецъ, Беппо убралъ со стола лишнюю посуду и, оставивъ на немъ только вино, сыръ и фрукты, вышелъ, не забывъ предварительно поднять стору передъ дверью, растворенною въ душистый садъ, окутанный ночью мглою.

Ужинъ продолжался такъ долго, что сумерки превратились въ ночь, тихую и теплую, съ звѣзднымъ небомъ.

Съ большимъ волненіемъ ждалъ аббатикъ, чтобы прелатъ прервалъ молчаніе, начинавшее его раздражать, но его всевелебность не торопился и, углубившись въ думы, довольно долго осторожно снималъ позолоченнымъ ножомъ пушистую нѣжную кожицу съ персика прежде, чѣмъ поднять глаза на своего посѣтителя и спросить у него съ иронической улыбкой:

— Что скажетъ новаго мнѣ сегодня ксендже аббатъ?

— Новаго много, ваша всевелебность. Вчера прїѣзжала къ намъ княгиня Любомирская, а сегодня пожаловала княгиня Изабелла. Наца пани еще не торопится отдавать имъ визита и сказывается больной, чтобъ не встрѣчаться съ этими дамами изъ патріотическаго лагеря въ свѣтѣ, но графъ нашъ ѣздилъ вчера къ краковскому кастеляну, у котораго видѣлся съ его всевелебностью..

— Епископомъ Солтыкомъ?—подсказалъ прелатъ съ усмѣшкой хорошо освѣдомленнаго человѣка, котораго ничѣмъ нельзя удивить.— Пора, пора кїевскому воеводѣ примкнуть къ истиннымъ сынамъ родины, онъ ужъ слишкомъ медлилъ до сихъ поръ... Но все это одни только слова, и пока онъ не докажетъ на дѣлѣ своего желанія служить правому дѣлу, разсчитывать сынамъ церкви на него нельзя. Разумѣется, порывать связи съ врагами отечества ему не слѣдуетъ... Но какая великая польза вышла бы для дѣла, если бъ онъ сумѣлъ воспользоваться своими сношеніями съ русскими, какъ ими пользуются другіе!.. Вы, кажется, не считаете его способнымъ на такую мудрую политику?—прибавилъ онъ, не спуская со своего собесѣдника испытующаго взгляда.—И вы, можетъ быть, правы. Что же касается до пани Анны...

— Извините, если я позволю прервать вашу всевелебность, но я не могу не замѣтить, что, пока при ней Розальская, вмѣшательство нашей пани въ дѣло ничего, кромѣ вреда, ему не принесетъ. Я ужъ имѣлъ честь довести до свѣдѣнія вашей всевелебности, какъ мнѣ удалось подкараулить свиданіе влюбленныхъ за костеломъ въ жидовскомъ кварталѣ, и ваша всевелебность запретили мнѣ тогда довести это открытіе до нашей пани...

— А развѣ они нашли способъ видѣться въ другомъ мѣстѣ?— прервалъ его съ усмѣшкой прелатъ.

Отъ волненія и негодованія аббатикъ вспыхнулъ. Вопросъ этотъ, повидимому, коснулся очень живого мѣста въ его сердцѣ.

— Видятся, ваша всевелебность! Я въ этомъ убѣжденъ такъ же, какъ въ томъ, что живъ, дышу и имѣю счастье бесѣдовать съ вашею всевелебностью! Но гдѣ, какъ и благодаря кому, — до сихъ поръ не могу узнать, и это приводитъ меня въ величайшее сокрушеніе!—прибавилъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ.

Слушатель его продолжалъ улыбаться, забавляясь отчаяньемъ не умѣвшаго еще скрывать свои чувства юноши.

— Куда же дѣлось ваше вліяніе на эту особу, ксендже аббатъ?—спросилъ онъ послѣ небольшого молчанія. — Вы были такъ увѣрены, что овладѣли ея душою!

Замѣчаніе это уязвило аббатика въ самое сердце.

— Въ москалѣ сидитъ чортъ, ваша всевелебность! Бороться съ нимъ невозможно. Съ первой же встрѣчи съ нимъ на балѣ у короля несчастная опять подпала подъ власть проклятаго схизма-

тика и не только перестала искать со мною свиданій, какъ бывало прежде, но стала меня избѣгать, когда я началъ ей представлять опасность ея поведенія, стращать ее вѣчными муками...

— Я вамъ уже говорилъ, ксендже аббатъ, что про адскія муки и райскія утѣхи съ влюбленными разговаривать не стоитъ: глаза ихъ не видятъ и уши не слышатъ, они ищутъ рая на землѣ и находятъ его въ свиданіяхъ другъ съ другомъ. Ужаснѣе же разлуки они ничего не могутъ себѣ представить. Нѣтъ, нѣтъ, адскими муками ихъ не напугать, — прибавилъ прелатъ убѣжденнымъ тономъ опытнаго человѣка.

— О, какъ ваша всевелебность правъ! — вскричалъ аббатикъ. — На всѣ мои увѣщанія она объявила, что не желаетъ меня слушать, и чтобъ я оставилъ ее въ покоѣ... Больше того, она сама начала мнѣ грозить...

— Чѣмъ же?

— Тѣмъ, что переѣдетъ въ свой домъ, если я не перестану къ ней приставать! Увѣщанія руководителя ея совѣстью она называетъ приставаньемъ! Вотъ что сдѣлалъ изъ нея проклятый москаль! Повторяю вашей всевелебности, что въ немъ сидитъ чортъ!

Въ увлеченіи своемъ аббатикъ выкрикнулъ послѣднія слова такъ громко, что, испугавшись звука собственнаго голоса, въ смущеніи смолкъ и потупился.

— Надо этого чорта изгнать, сынъ мой, — все съ той же спокойной усмѣшкой замѣтилъ прелатъ. — То подозрѣніе, о которомъ ты писалъ мнѣ изъ Тульчина, не подтвердилось?

— Клянусь вашей всевелебности, что онъ преступникъ! Жена его естественною смертию умереть не могла...

— Всѣ мы преступны передъ Богомъ и передъ святою церковью, сынъ мой, — вздохнулъ прелатъ.

— Онъ и передъ человѣческими законами преступникъ! Со временемъ это откроется.

— Если этому времени суждено наступить не скоро, то пусть ужъ лучше никогда не наступаетъ. Все хорошо въ свое время, а когда смута въ странѣ уляжется такъ или иначе, намъ, можетъ быть, окажется выгоднѣе имѣть въ Аратовѣ друга, чѣмъ врага. Когда онъ будетъ женатъ на полькѣ съ сильными связями и съ крупнымъ состояніемъ, черезъ него многого можно будетъ достигнуть.

— О ваша всевелебность! Какъ видно, что вы никогда не видѣли этого человѣка и не говорили съ нимъ!

— Почему ты такъ думаешь? Я его видѣлъ, и наружность его мнѣ показалась крайне интересной. Я знаю въ Римѣ одного изъ приближенныхъ къ святому отцу, который похожъ на этого москаля, какъ родной братъ... На женщинъ онъ не можетъ не производить сильнаго впечатлѣнія... Правда, что я не разговаривалъ

съ нимъ, а только его слушалъ, но этого было достаточно, чтобъ убѣдиться, что не плохо было бы привлечь его на нашу сторону въ случаѣ надобности. Какъ всѣ русскіе, онъ, впрочемъ, скоро исчерпывается. Это ихъ общая черта, и для насъ весьма выгодная, надо сознаться. Имъ всегда хочется, чтобъ никто не заблуждался насчетъ ихъ мыслей и намѣреній. Они сохранили эту особенность отъ своихъ предковъ славянъ, у которыхъ было нелѣпое правило даже и въ бой не вступать иначе, какъ предупредивши враговъ о нападеніи. «Идемъ на васъ!» Этимъ бессмысленнымъ возгласомъ они давали оружіе противъ себя. Таковы были и поляки въ былое время и такими бы остались до сихъ поръ, если бъ наша культура ихъ не коснулась.

— Ну, съ такимъ духовенствомъ, какъ у русскихъ, о культурѣ не можетъ быть и рѣчи. Наглядѣлся я на ихъ поповъ въ Кіевѣ! Двухъ словъ по-латыни не умѣютъ сказать правильно, понятія не имѣютъ объ элементарныхъ правилахъ контроверса, не умѣютъ даже объяснить Бога, которому поклоняются и которому вѣрятъ! Чистые дикари!

— А между тѣмъ они такъ крѣпко держатъ въ рукахъ свою паству, что иначе, какъ силой, ея отъ нихъ не оторвать. А побѣды насиліемъ не прочны. Мечомъ пріобрѣтенное мечомъ и погибнетъ. Какъ объяснишь ты, сынъ мой, ихъ упорство?—спросилъ онъ, съ улыбкой поглядывая на своего юнаго слушателя, относившагося съ благоговѣйнымъ вниманіемъ къ словамъ, которыя медленно и раздумчиво произносилъ учитель.

— Дикостью нравовъ, ваша всевелебность? «Chaque pays a la religion qu'il mérite».

— А, можетъ быть, «chaque religion a l'influence qu'elle mérite»? Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ судить о предметѣ, надо его изучить. Истина азбучная, а между тѣмъ какъ часто ее забываютъ! Какъ ты думаешь, сынъ мой, для чего я сюда пріѣхалъ?

— Польза для нашей церкви, принесенная вашей всевелебностью въ этомъ краѣ, такъ очевидна и значительна, что оцѣнена по достоинству святымъ отцомъ...

— Да, сынъ мой, возложенную на меня миссію я выполняю по мѣрѣ силъ и возможности, занимаюсь распространеніемъ нашего вліянія въ этой странѣ удачнѣе, можетъ быть, моего предшественника, который слишкомъ часто забывалъ, что мы здѣсь не столько для Польши, сколько для Рима, но тѣ, которые воображаютъ, что другой цѣли, кромѣ выполненія данной мнѣ миссіи, у меня нѣтъ, ошибаются, — продолжалъ онъ, откидываясь на спинку стула со стаканомъ въ рукѣ и любясь переливами янтарной въ немъ влаги, прежде чѣмъ маленькими глотками смаковать ее.—Моя главная цѣль—изученіе Московіи. Прелюбопытный предметъ для безпристрастнаго наблюдателя, сынъ мой. Сколько въ этихъ варварахъ

врожденной самобытности! Какъ мало похожи они на людей остальныхъ государствъ! Князь Репнинъ, напримѣръ, вѣдь кажется настоящимъ европейцемъ, во всякомъ случаѣ образованія и полуры у него столько же, если не больше, сколько у цивилизованнѣйшихъ изъ польскихъ магнатовъ, которые убѣждены, что въ тайны его политики проникнуть не трудно. И какъ они ошибаются! Политику свою онъ самъ не знаетъ, по той простой причинѣ, что это ~~ж~~ не политика, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, а прекло-неніе передъ стихійнымъ напоромъ народной воли, всемогущей въ своей безгласной ненависти къ родственному народу, такъ долго и беспощадно угнетавшему то, что ему всего дороже — вѣру его отцовъ. Эта ненависть, когда во главѣ народа стоитъ личность, способная понимать его духъ и стремленія, какъ та женщина, которая теперь имъ править, всемогуща въ своей безгласности... Вся сила русской императрицы, ея талантъ и счастье во всѣхъ предпріятіяхъ, вся ея признанная всѣмъ свѣтомъ мудрость, все, чему верхоглядъ приписываютъ ея удачи, все это не что иное, какъ покорность народной волѣ, народному духу... И пока женщина эта на престолѣ, враги Россіи будутъ терпѣть пораженіе за пораженіемъ. Остановить русское вліяніе въ странѣ, парализовать стремленіе православныхъ свергнуть съ себя ненавистное польское иго, противное ихъ природѣ и самому духу, все равно, что пытаться задержать руками стремленіе потока. Пока она жива, все будетъ удаваться россиянамъ, и самыя ихъ ошибки будутъ обращаться имъ же въ пользу, а для противниковъ — побѣды будутъ равняться пораженіямъ.

— Зачѣмъ же намъ тогда и трудиться для народа, обреченнаго на вѣрную гибель? — спросилъ аббатикъ, пораженный неожиданными выводами своего собесѣдника.

— Потому что, если, съ одной стороны, идея безсмертна, то, съ другой, всѣ люди смертны, и когда Екатерина отойдетъ въ вѣчность, въ ея наслѣдникѣ не окажется ни ея прозорливости, ни стойкости убѣжденія, ни умѣнія выбирать себѣ помощниковъ, ничего такого, что нужно Россіи, а такъ какъ возрожденіе Польши зависитъ отъ ошибокъ и заблужденій Россіи, а благоденствіе свое она можетъ почерпнуть только въ ослабленіи своей вѣковой соперницы, то нашъ долгъ терпѣливо ждать переменъ и, по мѣрѣ силъ и возможности, готовить почву къ воспріятію того, что пошлетъ намъ судьба. Мы работаемъ для будущаго, сынъ мой, и смущаться неудачами настоящаго намъ было бы непростительно. Наша задача готовить затрудненія, неудачи и горести будущему поколѣнію россиянъ, тѣмъ, которые еще теперь младенцы, а еще болѣе тѣмъ, которые еще не родились. Мы съемъ вѣтеръ, чтобъ пожать плоды бури, и бури эти, если не сметутъ съ лица земли враговъ римской церкви, то, безъ сомнѣнія, такъ потрясутъ

ихъ и ослабятъ, разстроятъ и изувѣчатъ, что долго имъ не оправиться отъ ранъ и увѣчій, тѣмъ болѣе опасныхъ, что стрѣлы наши, пропитанныя тончайшимъ ядомъ, неуловимы, какъ воздухъ, язвятъ больше духъ, чѣмъ тѣло, и долго, долго будутъ терзать и растлѣвать страну прежде, чѣмъ догадаются, откуда онѣ летятъ и почему такъ мѣтко достигаютъ цѣли.

— Но вѣдь въ концѣ концовъ мы ихъ одолѣемъ, не правда ли?—дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ спросилъ аббатикъ.

— Сомнѣваться въ этомъ для вѣрнаго сына нашей святой церкви великій грѣхъ, сынъ мой, — строго произнесъ прелать.

Но слушатель нашелъ этотъ отвѣтъ уклончивымъ и не удовлетворился имъ.

— Правда... Но мнѣ хотѣлось бы знать мнѣніе вашей всевелебности объ этомъ, не какъ агента, облеченнаго довѣріемъ святаго отца, непогрѣшимаго въ своихъ мысляхъ и дѣйствіяхъ относительно всѣхъ людей вообще и близкихъ его въ особенности, мнѣ надо знать...

— Ты хочешь знать мое мнѣніе, не какъ воинствующаго іезуита, а какъ скромнаго труженика науки, посвящающаго всѣ свои досуги изученію философіи исторіи человѣчества? Да?

— Да, да, ваша всевелебность! Мнѣ хочется знать, чѣмъ кончится борьба двухъ родственныхъ народовъ, братоубійственная борьба Польши съ Россіей, порождающая столько зла, горя и отчаянія!.. Меня воспитывали въ мысли о святости этой борьбы, и до встрѣчи съ вами я былъ убѣжденъ, что, восстанавливая поляковъ противъ русскихъ, непрерывно растравляя ихъ самолюбіе и мелочность, льстя ихъ дурнымъ инстинктамъ, не давая ни на минуту имъ отдохнуть отъ вражды и забыть злыя чувства, мы способствуемъ торжеству нашей церкви, но изъ книгъ, которыми ваша всевелебность были такъ милостивы меня снабдить, я не вижу осуществленія этой цѣли, не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ... еретики, называющіе себя православными, добровольно къ намъ не идутъ, они глухи къ нашимъ убѣжденіямъ, они не понимаютъ насъ, мы не можемъ найти доступъ къ ихъ сердцу, они продолжаютъ вѣрить своимъ попамъ, толпами бѣгутъ къ своимъ отшельникамъ и почерпаютъ отъ этихъ грубыхъ, некультурныхъ дикарей, не умѣющихъ даже объяснить Бога, нравственную силу бороться противъ насъ...

— А ты можешь объяснить Бога?—съ усмѣшкой прервалъ его прелать.

— Я этому учился десять лѣтъ, ваша всевелебность,—не безъ смущенія возразилъ аббатикъ, совсѣмъ сбитый съ толку неожиданнымъ вопросомъ.

— А я этому учусь сорокъ лѣтъ и меньше знаю того безграмотнаго юродиваго, про котораго мнѣ не дальше, какъ вчера, раз-

сказывали такъ много любопытнаго, что я, можетъ быть, соберусь на него посмотреть... Однако, мы съ тобою заговорились о предметахъ, не имѣющихъ отношенія къ цѣли нашего свиданія, и ничего еще не рѣшили насчетъ самаго главнаго. Ты думаешь, что кievскій воевода съ супругой не обманутъ нашихъ ожиданій? Что они искренно и горячо предадутся дѣлу, которому мы служимъ? Что они намъ будутъ помогать водить за носъ пословъ до тѣхъ поръ, пока намъ не удастся сконфедеровать всю страну по нашему плану и для нашихъ цѣлей? И что для этого графъ Салезій пойдетъ не только противъ короля, но и противъ Репнина, а пани Анна забудетъ на время свою ненависть къ «фамиліи» и къ прочимъ нашимъ магнатамъ?

— Я думаю, что если только они пріѣдутъ въ назначенный день на совѣщаніе къ краковскому кастеляну и примутъ участіе въ преніяхъ, то ужъ однимъ этимъ такъ скомпрометируются передъ своими друзьями, что всѣ пути къ отступленію имъ будутъ закрыты, и кліентамъ ихъ ничего больше не останется, какъ вмѣстѣ съ ними примкнуть къ заговору патриотовъ.

— Но пріѣдутъ ли они? Вотъ въ чемъ вопросъ?

— Что же имъ можетъ помѣшать? Совѣщаніе назначено въ будущій четвергъ, что же можетъ случиться такого, что заставило бы ихъ измѣнить мысли?... Развѣ что приближенные короля что нибудь узнаютъ и возбуждаютъ подозрѣніе его величества...

— Королю не до заговоровъ, онъ такъ увлеченъ таинственной красавицей, съ которой познакомился на-дняхъ въ Лазенковскомъ паркѣ, что только о ней и бредитъ во снѣ и наяву. Всю полицію поставили на ноги, чтобъ ее найти, и когда нападутъ на ея слѣдъ, мы будемъ присутствовать при любовной комедіи, которая, вѣроятно, затмитъ своею нелѣпностью всѣ прежнія любовныя похождения короля! Несчастный подражаетъ королю французовъ, забывая, что такихъ министровъ, какъ у Людовика XV, у него нѣтъ. Нѣтъ у него и обаянія наслѣдственнаго вѣнценосца, и держится онъ на престолѣ только штыками Россіи, которая дорого заставитъ его заплатить за поддержку!...

— Къ какому обществу принадлежитъ плѣнившая его красавица? — полюбопытствовалъ аббатикъ.

— Никто этого не знаетъ, и никто, кромѣ короля, ея не видѣлъ, онъ же увѣряетъ, что, невзирая на скромный нарядъ, все въ ней, грація движеній, голосъ и умѣніе себя держать выдаютъ особу знатнаго происхожденія. Но вѣдь влюбленные слѣпы. Одно несомнѣнно, это то, что она не полька и не нѣмка; король заговорилъ съ нею по-французски и, приписывая ея волненіе затрудненію отвѣчать ему на этомъ языкѣ, намѣревался уже ей высказать свое знаніе русской рѣчи, когда она, какъ ужаленная, сорвалась съ мѣста и убѣжала. Безъ сомнѣнія, ее найдутъ, и мы тогда узна-

емъ, въ какія руки попало нѣжное сердце правителя Рѣчи Посполитої наканунѣ конфедераціи, на которой будетъ обсуждаться вопросъ такой важности, какъ сравненіе правъ диссидентовъ и православныхъ съ правами сыновъ истинной церкви!—прибавилъ прелать съ горькой усмѣшкой.— Но не будемъ предрѣшать будущее. «Довлѣеть днєви злоба его», а злоба настоящаго дня—это новый капризъ короля. Если судить по тому, какъ ловко была подведена интрига, дамамъ, пользующимся фаворомъ его величества, есть причина серьезно опасаться конкуренціи, а намъ опаснаго вліянія чужеземки. До сихъ поръ у Понятовскаго не было въ Варшавѣ ни одной любовницы другого вѣроисповѣданія, кромѣ католическаго, и во что превратится онъ подъ вліяніемъ еретички,— даже и представить себѣ невозможно! Вашъ недругъ Аратовъ, ксендже аббатъ, похваляется найти эту таинственную незнакомку скорѣе полиціи. Ужъ не подвохъ ли это съ его стороны? Онъ частый гость въ Лазенкахъ, и король во всемъ съ нимъ совѣтуется.

— О, этотъ человекъ намъ сдѣлаетъ много зла! — вскричалъ аббатикъ. — Я вполне раздѣляю подозрѣнія вашей всевелебности и увѣренъ, что если онъ хвастается раньше полиціи подслужиться этой женщиной королю, то это потому, что онъ знаетъ, гдѣ она живетъ, откуда пріѣхала, и кто она... и за сколько можно ее купить... Безъ сомнѣнія, самъ же онъ и выписалъ ее сюда, чтобы окончательно овладѣть королемъ. Кто же не знаетъ, что здѣсь черезъ женщинъ можно все сдѣлать!

— Очень можетъ быть, — согласился прелать.

— А развѣ не ужасно, что именно въ настоящее время, когда предательство можетъ погубить дѣло патріотовъ, любовница ихъ опаснѣйшаго врага—самый близкій человекъ къ супругѣ кievскаго воеводы!—подхватилъ аббатикъ.

— Да, Розальскую не мѣшало бы удалить изъ Варшавы нѣдѣли на двѣ, — согласился прелать. — Но какъ? Добровольно она не согласится покинуть городъ въ самый разгаръ веселья...

— О, добровольно она сдѣлаетъ только то, что онъ ей прикажетъ!...

Наступило молчаніе. По выраженію лица своего собесѣдника прелать видѣлъ, что ему есть что прибавить къ вырвавшемуся у него восклицанію, и онъ ждалъ продолженія не договоренной мысли.

— Позволю себѣ представить на сужденіе вашей всевелебности планъ, измышленный мною, чтобъ удалить Розальскую изъ Варшавы на извѣстное время, — нерѣшительно началъ послѣ минутнаго колебанія аббатикъ.

— Говори, сынъ мой.

— Если бъ ясновельможная наша пани взяла ее съ собою въ одинъ изъ пригородныхъ монастырей и тамъ бы ее... оставила.

— Мысль твоя не дурна, и мнѣ кажется, что лучше этого ничего не придумать...

— Не правда ли, ваша всевелебность?— вскричалъ внѣ себя отъ восторга аббатикъ. — Наши ксеніи пржеорши умѣютъ покорять строптивыя сердца...

— А тутъ и покорять нечего, надо только задержать подъ благовиднымъ предлогомъ молодую женщину въ обители на короткое время, ничего больше,—поспѣшилъ поправить своего черезчуръ зарвавагося собесѣдника прелатъ. — Намъ нѣтъ надобности надолго лишать ее свободы и повергать въ отчаяніе ея возлюбленнаго...

— Разумѣется, разумѣется, не успѣетъ онъ узнать о томъ, что графиня наша вернулась одна съ богомолья, объ исчезновеніи Розальской и о томъ, гдѣ она находится, какъ она вернется въ Варшаву. Вѣдь надо только, чтобъ ея здѣсь не было во время сощщанія у краковскаго кастеляна... Это такъ важно для нашего дѣла, что если даже почтенныя матери и силой ее удержать въ монастырѣ...

— Имъ это за грѣхъ не сочтется,—согласился прелатъ.

— Въ такомъ случаѣ, я сегодня же переговорю съ нашей пани, которая, я въ этомъ увѣренъ, немедленно пошлетъ меня для предварительныхъ переговоровъ въ Горикальварію...

— Ты съ нею, значить, уже говорилъ про это?

— Говорилъ, и она сказала, что если ваша всевелебность одобритъ этотъ планъ, она готова привести его въ исполненіе... О, мнѣ съ Божіей помощью удалось возбудить въ ея сердцѣ недовѣріе къ Розальской, и если бъ мнѣ только удалось узнать, гдѣ происходятъ свиданія между влюбленными съ тѣхъ поръ, какъ я подкараулилъ ихъ въ жидовскомъ кварталѣ...

— Терпѣніе и настойчивость все преодолеваютъ, сынъ мой! Но почему избрали вы для вашей цѣли монастырь въ Горикальварію? Можно было бы обратиться къ сакраменткамъ или къ фелиціанкамъ.

— Потому что та обитель построена и существуетъ милостями нашей фамиліи, и отказать намъ тамъ ни въ чемъ не могутъ, тогда какъ сакраменткамъ...

— Покровительствуютъ Чарторижскіе? Ну, желаю вамъ успѣха. А какъ отнесется ваша красавица къ этой поѣздкѣ?

— Мнѣ кажется, что нѣтъ основанія сомнѣваться въ ея готовности сопровождать графиню всюду, куда бы она ее ни повезла. Со дня на день становится она молчаливѣе и сдержаннѣе. Надо удивляться пани Аннѣ, она одна въ домѣ не замѣчаетъ, что Розальская только тѣломъ у насъ, душой же такъ далеко, что не принимаетъ ни малѣйшаго участія въ окружающей ея жизни. Вчера Младоновичева такъ про нее выразилась: «овладѣвшій ею

бѣсъ постоянно тянетъ ее къ себѣ и мучить ее за то, что она не совѣмъ еще ему отдалась». А сестра Бронислава клялась мнѣ, что собственными глазами видѣла этого бѣса, какъ онъ вьется вокругъ Розальской, когда она сидитъ, задумавшись надъ книгой или надъ работой.

Замѣтилъ ли рассказчикъ тонкую усмѣшку, скользнувшую по губамъ его слушателя при этихъ послѣднихъ словахъ, или самъ сообразилъ, что зашелъ слишкомъ далеко, такъ или иначе, но онъ поспѣшилъ прибавить, что самъ бѣса этого не видѣлъ и за достоверность показаній такой экзальтированной особы, какъ сестра Бронислава, ручаться не можетъ, но что вообще сомнѣваться въ томъ, что Розальская одержима бѣсомъ, нельзя.

— Вотъ уже два мѣсяца, какъ она не была на исповѣди, подѣтъмъ предложомъ, что капелланъ нашъ не удовлетворяетъ ея духовныхъ потребностей. Недавно между резидентками зашла рѣчь про чудеса о. Марека, который теперь проповѣдуетъ въ Тульчинѣ и въ окрестности; всѣ окружили приѣхавшаго оттуда поссессора Тавровскаго и съ благоговѣйнымъ восторгомъ слушали его рассказы о подвигахъ этого святого человѣка; одна Розальская, потупившись, молчала, не проявляя никакихъ благочестивыхъ чувствъ. Всѣмъ это бросилось въ глаза, а сестра Фелицата такъ развирѣпѣла, что бросилась на нее съ поднятыми кулаками. Хорошо, что я помѣшалъ справѣ...

— Пора бы этому безобразію положить конецъ,—замѣтилъ прелатъ.—И какъ же ко всему этому относится пани Анна?

— Она многого не знаетъ. Розальская на нападки окружающихъ не жалуется. Она ни на что не жалуется, и, по-моему, это и подозрительно. По всему видно, что всѣми ея мыслями и поступками руководитъ москаль, которому до поры до времени выгодно оставлять ее у насъ. Прикажи онъ ей выѣхать изъ дворца, ея въ ту же минуту у насъ не будетъ.

— Но для того, чтобъ руководить ею, необходимо имъ видѣться или переписываться.

— Само собою разумѣется, но до сихъ поръ мнѣ не удалось ничего узнать на этотъ счетъ. Джевецкая мнѣ призналась, что каждую ночь подслушиваетъ у дверей ея спальни и ничего не видитъ и не слышитъ, что могло бы подтвердить всеобщее подозрѣніе о томъ, что Аратовъ поддерживаетъ ее въ упорствѣ. Но какъ же этого не предполагать? На половинѣ графини онъ былъ всего только два раза, на большихъ балахъ, которыхъ теперь, по случаю нездоровья ясновельможной, у насъ больше не даютъ, а къ графу онъ приѣзжаетъ только утромъ, проходитъ въ кабинетъ и выходитъ оттуда подъ наблюденіемъ столькихъ глазъ, что Розальской невозможно перекинуться съ нимъ не только словомъ, но даже и взглядомъ.

— И ты все-таки увѣренъ, что они находятъ возможность видѣться?

— Я въ этомъ убѣжденъ, но она устраиваетъ это такъ хитро и ловко, что я иногда теряю надежду открыть ихъ тайну.

— Да, онъ замѣчательно хитеръ и ловокъ, и все это утверждаетъ меня въ мысли, что не дурно было бы попытаться привлечь его на нашу сторону,—замѣтилъ прелать.

Идея эта встрѣтила энергичный отпоръ.

— На что онъ намъ, ваша всевелебность?—съ живостью возразилъ аббатъ.—Какая будетъ отъ него польза? Кого можетъ онъ привести съ собою? Изъ тѣхъ, кого онъ успѣлъ завлечь въ партію воеводы, никто за нимъ не поидеть, никто ему не повѣритъ, когда узнаютъ, что онъ перекинулся къ патриотамъ, а набрать людей изъ другой мѣстности, гдѣ его не знаютъ, да еще вдобавокъ въ короткое время, даже и такому ловкачу, какъ онъ, невысказано. Да и самъ онъ, очертя голову и безъ огромныхъ выгодъ, не оторвется отъ приверженцевъ Россіи, не откажется отъ шанса возстановить свой пошатнувшійся престижъ въ глазахъ императрицы. Отъ Орловыхъ онъ потерпѣлъ поражение, правда, но вѣдь они не вѣчны, и, какъ извѣстно вашей всевелебности, звѣзда ихъ начинаетъ затмеваться новымъ свѣтиломъ, и недруги ихъ, въ томъ числѣ и Аратовъ, только и ждутъ ихъ паденія, чтобъ всплыть на поверхность волнъ бурливаго житейскаго моря.

— Однако до сихъ поръ фонды его стоятъ низко: русскій посолъ его не любитъ и не уважаетъ.

— Ему это безразлично съ тѣхъ поръ, какъ ему удалось втереться въ довѣріе къ королю и сдѣлаться ему необходимымъ...

— Черезъ женщину,—съ усмѣшкой замѣтилъ прелать.

— Тѣмъ хуже для насъ...

Онъ хотѣлъ еще что-то такое къ этому прибавить, но слушатель его, повидимому, рѣшилъ, что на этотъ разъ онъ отъ него узналъ все, что ему было нужно, и, поднявшись съ мѣста, прелать Фастъ спросилъ у появившагося въ дверяхъ Бешпо, распорядились ли подать обѣдать «пріѣзжему».

— Какъ повалился на кровать по пріѣздѣ, такъ и спать до сихъ поръ,—отвѣчалъ старый слуга.

— Пусть спитъ, а когда проснется, скажите ему, что раньше завтрашняго дня я назадъ его не отправлю.

И, обращаясь къ аббату, который тоже поднялся съ мѣста, не безъ сожалѣнія отрываясь отъ пріятной бесѣды въ располагающей къ дружескимъ изліяніямъ обстановкѣ, онъ пригласилъ его въ кабинетъ.

Здѣсь, передъ тѣмъ какъ съ нимъ разстаться, чтобы приняться за прерванную работу у письменнаго стола, прелать спросилъ: не слышно ли во дворцѣ воеводы кіевскаго о новыхъ инструкціяхъ, присланныхъ изъ Петербурга русскому послу?

— У насъ даже не слышно о томъ, чтобъ получены были новыя инструкціи,—отвѣчалъ аббатикъ.—А развѣ есть что нибудь новое?— не утерпѣлъ онъ, чтобъ не спросить.

Но любопытство его не сочли нужнымъ удовлетворить: не отвѣчая на его вопросъ, прелатъ пожелалъ ему благополучно совершить свое путешествіе въ монастырь и удачно исполнить возложенную на него миссію.

— О ваша всевелебность! Если бы всѣ наши предпріятія было такъ легко исполнить, какъ это!

Замѣчаніе это было очень легкомысленно, и аббатикъ убѣдился въ этомъ по иронической усмѣшкѣ, тронувшей тонкія губы своего слушателя, но поправляться было уже поздно, прелатъ готовился сѣсть за работу, и гостю ничего больше не оставалось, какъ, краснѣя отъ досады и смущенія, съ низкимъ поклономъ удалиться.

XIX.

Въ тотъ вечеръ у прелата Фаста перебивало еще нѣсколько посѣтителей, и самъ онъ куда-то ѣздилъ поздно ночью, что, однако, не помѣшало ему на слѣдующій день подняться, какъ всегда, въ пять часовъ утра и весь день проработать. Получилъ онъ много писемъ, со многими видѣлся, а вечеромъ, часу въ десятомъ поѣхалъ во дворецъ молодыхъ Чарторижскихъ, гдѣ выбѣжали его встрѣчать на крыльцо съ великою поспѣшностью и съ подобострастными поклонами дворскіе резиденты и гайдуки, подъ предводительствомъ старшаго маршала. А въ то время, какъ почетный гость поднимался по мраморнымъ ступенямъ лѣстницы и входилъ въ обширныя сѣни, усердные приспѣшники успѣли предупредить о пріѣздѣ его всевелебности старшую резидентку, пани Дукланову, которая также поспѣшила на встрѣчу руководителя совѣстью прекрасной хозяйки дворца.

— Ваша пани, безъ сомнѣнія, ѣдетъ сегодня на балъ къ Любомирскимъ? Но я ее долго не задержу,—произнесъ съ привѣтливой улыбкой прелатъ, милостиво протягивая ей руку съ освященнымъ перстнемъ, къ которому она поспѣшила прикоснуться губами, и слѣдуя за лакеемъ, растворявшимъ передъ нимъ двери въ богато разубранные покои, черезъ которые надо было пройти на половину княгини Изабеллы.

— О, ваша всевелебность никогда не можетъ обезпокоить нашу пани! Я увѣрена, что она и отъ бала отказалась бы съ удовольствіемъ, чтобы имѣть счастье бесѣдовать съ вашею всевелебностью! Впрочемъ, времени на все хватитъ, она за туалетомъ, но раньше, какъ черезъ часъ, кареты подавать не приказано.

— Тѣмъ лучше. Я хотѣлъ ее навѣстить завтра, но по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ пришлось поспѣшить свиданіемъ.

Разговоръ происходилъ на итальянскомъ языкѣ, которымъ прекрасно владѣла пани Дукланова.

Это была женщина пожилая, но казавшаяся моложе своихъ лѣтъ, съ блѣднымъ лицомъ и съ большими темносиними глазами, не утратившими еще юношескаго блеска и выразительности. Ея густые и совершенно бѣлые волосы, зачесанные очень просто, были прикрыты чернымъ испанскимъ кружевомъ, спускавшимся въ видѣ мантильи на плечи и на стройный станъ. Платье изъ тяжелой черной шелковой ткани, безъ всякихъ украшеній, кромѣ висѣвшихъ у пояса четокъ изъ бѣлаго коралла въ артистической золотой оправѣ, волочилось за нею длиннымъ шлейфомъ, придавая всей ея фигурѣ величественный видъ. Съ четками она никогда не разставалась и другого цвѣта, кромѣ черного, не носила. Многие были убѣждены, что она принадлежитъ къ одному изъ тайныхъ іезуитскихъ орденовъ, которыхъ въ то время было особенно много въ католическихъ странахъ, а въ особенности въ Польшѣ. Отъ «фамиліи» она пользовалась особеннымъ довѣріемъ и почетомъ. Мужъ ея, одинъ изъ усерднѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ кліентовъ князей Чарторижскихъ, оказавшій своимъ патронамъ множество неоцѣнимыхъ услугъ, передъ смертью поручилъ свою жену княгинѣ Адамовой, и когда она пріѣхала по вызову этой послѣдней изъ Пулавы, она въ самое непродолжительное время завоевала сердца всѣхъ своихъ новыхъ протекторовъ. Внушая имъ съ году на годъ все больше и больше довѣрія и уваженія, она была приставлена наставницей и руководительницей къ семнадцатилѣтней Изабеллѣ, рожденной Флеминговой, супругѣ старшаго сына князя Адама, Казимира-Адама.

Разсказывали, будто первое время новобрачная чуждалась и боялась навязанной ей свекровью резидентки, но недовѣріе это длилось не долго: не даромъ пани Дукланова слыла умной и ловкой женщиной, опытной въ интригахъ и владѣющей даромъ привораживать сердца, очень скоро вошла она въ довѣріе и въ дружбу къ молодой женщинѣ, воображавшей себя несчастной и непонятой мужемъ, за котораго ее отдали, какъ всегда отдавали замужъ въ то время, не справляясь ни съ ея вкусами, ни съ желаніями.

Князь Адамъ-Казимиръ Чарторижскій, сынъ короннаго маршала, не отвѣчалъ идеалу, о которомъ мечтала съ юныхъ лѣтъ его супруга. То было время сентиментальныхъ любовныхъ бредней, амурныхъ авантюръ и паренія въ экстравагантнѣйшихъ эмпиреяхъ воображенія, вскормленнаго фантастическими произведеніями такихъ авторовъ, какъ мадамъ де-Скюдери, Радклифъ, и такихъ сочиненій, какъ циничная «Исповѣдь» Ж. Ж. Руссо, воспѣвающихъ въ вычурныхъ выраженіяхъ страданія непонятыхъ женщинъ, доблесть ихъ избавителей отъ супружескаго ига и блаженство незаконной любви.

Супругъ этой экзальтированной семнадцатилѣтней особы не способенъ былъ служить ей ни руководителемъ, ни опорой противъ свѣтскихъ соблазновъ, которыми былъ усѣянъ ея жизненный путь при тогдашней распущенности нравовъ и предприимчивости искуссителей женской добродѣтели, дошедшихъ въ этомъ искусствѣ до виргуозности, какъ, на примѣръ, знаменитый своими любовными похождениями герцогъ де-Лозенъ, про котораго можно было съ полною справедливостью сказать, что онъ считалъ потеряннымъ тотъ день, когда ему не удавалось вскружить голову новой жертвѣ своего наглаго разврата. Да и самъ князь Адамъ-Казимиръ былъ жертвой страсти къ сильнымъ ощущеніямъ и воспитанъ былъ съ малыхъ лѣтъ въ мечтахъ сдѣлаться героемъ блестящей авантюры, долженствовавшей увѣнчать честолюбивые замыслы «фамиліи». Его растили и воспитывали претендентомъ на польскій престолъ, ни передъ чѣмъ не останавливаясь для достиженія этой цѣли.

Воспитаніе онъ получилъ блестящее подъ руководствомъ опытнаго и просвѣщеннаго педагога, іезуита де Моне, и, обладая въ совершенствѣ всѣми талантами свѣтскаго кавалера, онъ является, по свидѣтельству компетентнаго въ этомъ дѣлѣ современника, извѣстнаго принца де-Линъ, «любезнѣйшимъ, остроумнѣйшимъ и обаятельнѣйшимъ кавалеромъ въ Европѣ».

Къ сожалѣнію, сердце его было сухо, а умъ узокъ. Не унаслѣдовавъ ни политическихъ способностей своего строптиваго отца, ни холодной разсудительности своего дяди, девизу котораго: «*mieux ne rien faire que de faire des riens*», онъ слишкомъ часто измѣнялъ, князь Адамъ-Казимиръ, тратясь свыше средствъ для поддержанія рокового положенія кандидата на престолъ, успѣлъ разстроить не только свое собственное огромное состояніе, но такъ же запутать и приданое жены въ неоплатныхъ долгахъ. И все это для того, чтобы потерпѣть неудачу въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ! По настоянію русской императрицы, послѣ смерти Августа III, былъ избранъ польскимъ королемъ Понятовскій.

Внѣ себя отъ раздраженія и досады, несчастный претендентъ поѣхалъ развлекаться отъ пораженія за границу, гдѣ онъ провелъ много лѣтъ во время ранней юности (заграничныя путешествія входили тогда въ программу воспитанія польской молодежи, какъ необходимѣйшее средство пріобрѣсти то, чѣмъ въ Польшѣ всегда дорожили превыше всего, а именно: европейскую полуру), и гдѣ у него осталось множество друзей, веселыхъ собутыльниковъ и товарищей по великосвѣтскому разврату.

Сопровождавшая его юная супруга развлекалась по-своему. Давно мечтала она о пріятныхъ и жуткихъ приключеніяхъ, которыми неминуемо должна была подвергнуться молодая иностранка, путешествовавшая не только инкогнито, но еще въ мужскомъ платьѣ. Такими приключеніями изобиловали съ жадностью прочи-

танные ею романы, и она усердно принялась осуществлять свои мечты. Вскорѣ про нее заговорили въ столичныхъ обществахъ цивилизованной Европы и при дворахъ, представлявшихъ въ то время центры всего моднаго и веселаго. Ея романическія выходки пришлись какъ нельзя больше по вкусу красавицамъ на берегахъ Тибра, Арно, Сены и Темзы, воспитаннымъ въ тѣхъ же мечтаніяхъ и восторгавшимся отважностью дочери сѣвера, рѣшившейся такъ храбро выступить въ борьбу съ предразсудками и рутиной. Ей завидовали, на нее сплетничали, ее осуждали и искали ея знакомства. Предшествовавшая ей молва описывала ее такъ старательно, что при первой встрѣчѣ являлось разочарованіе. Никто не узнавалъ въ далеко некрасивой и застѣнчивой молодой женщинѣ съ довольно угловатыми манерами героиню приписываемыхъ ей романовъ, но при ближайшемъ съ нею знакомствѣ ее находили обаятельной. Придавала ей, можетъ быть, особенную прелесть наивность, свойственная женщинамъ, выросшимъ въ замкнутой семейной средѣ. Наивность эту она сохраняла всю свою жизнь, по крайней мѣрѣ, наружно, и свойство это составляло главную ея прелесть.

Отличалась она также отъ женщинъ своего общества пытливостью ума, живостью характера и порывами откровенности, поистинѣ удивительными среди господствующей въ этой средѣ фальши, условности и притворства, а также очаровательной улыбкой, чудными выразительными глазами и восхитительной ножкой.

Намъ, ознакомившимся со всеми перипетіями ея долгой, рано начавшейся жизни, слѣдившимъ за возникновеніемъ, превращеніями и развязками ея безчисленныхъ страстныхъ увлеченій, по ея собственнымъ письмамъ и по отзывамъ многочисленныхъ современниковъ, жизнь которыхъ болѣе или менѣе тѣсно влеталась въ ея жизнь, намъ ея наивность кажется кокетствомъ, а чистосердечіе легкомысліемъ, но тѣмъ, съ которыми она тонко и искусно разыгрывала любовныя комедіи, сама при этомъ увлекаясь до невозможности отличать правду отъ лжи, она должна была казаться очаровательною, и вполне понятно, что она кружила головы какъ старымъ, такъ и молодымъ, какъ представителямъ отживающей свой вѣкъ европейской аристократіи, такъ и «новымъ» людямъ, философамъ, революціонерамъ и ученымъ, съ которыми она успѣшила познакомиться по приѣздѣ въ Парижъ, гдѣ молодая интересная чета прожила много мѣсяцевъ весело и пышно, занимая съ многочисленной свитой огромный отель и напропалую веселясь и веселя другихъ. Изъ Парижа они поѣхали въ Англію, гдѣ принимали ихъ съ такимъ же радушіемъ, какъ и вездѣ, и гдѣ лѣчилъ ее отъ мигрени игрою на гармоніумѣ знаменитый Веньяминъ Франклинъ, тоже, какъ видно, подпавшій подъ обаяніе очаровательной путешественницы.

Какъ относилась сама Изабелла къ своимъ новымъ друзьямъ, поклонникамъ и учителямъ, расточая имъ проявленія своего наивнаго и благоговѣйнаго восторга, можно усмотрѣть изъ ея писемъ, въ которыхъ, невзирая на осторожность и никогда не покидавшую ее рисовку, какъ въ мысляхъ, такъ и въ чувствахъ, иногда проскальзываетъ и правда, всего чаще въ юмористической формѣ, дѣлающей гораздо больше чести тонкости ея ума, чѣмъ сердцу. Когда она описываетъ, напримѣръ, свое первое свиданіе съ знаменитымъ авторомъ «Моей исповѣди» и «Соціального контракта», у нея вырывается такая фраза: «Черезчуръ много кричитъ и произнесъ какую-то метафизическую сентенцію, которая показалась намъ нелѣпой».

Во всякомъ случаѣ этотъ рѣзкій, сухой и, безъ сомнѣнія, правдивый отзывъ, который можно назвать крикомъ, нечаянно вырвавшимся изъ глубины души, мало выжется съ представленіемъ до экзальтаціи чувствительной юной красавицы, какою всѣ привыкли себѣ представлять Изабеллу Чарторижскую по ея собственнымъ признаніямъ и по отзывамъ ея современниковъ.

А пока молодая чета такимъ образомъ развлекалась отъ потери трона за границей, въ Польшѣ произошло много новаго. Оказалось, что князь Адамъ-Казимиръ напрасно былъ принесенъ въ жертву честолюбивымъ замысламъ «фамиліи», дѣятельно содѣйствовавшей возведенію на престолъ Понятовскаго, въ надеждѣ управлять страной подъ его именемъ, надежда эта не осуществилась, и отношенія съ королемъ притязательныхъ его родственниковъ, постепенно обостряясь, дошли до полнаго разрыва.

Чарторижскіе повели открытую борьбу противъ короля, пуская въ ходъ, для усиленія своей партіи, всѣ средства, съ незапамятныхъ временъ извѣстныя въ Польшѣ: клевету, подкупы, пышныя обѣщанія и скрытыя угрозы.

Борьба эта была въ полномъ разгарѣ, когда молодые Чарторижскіе вернулись въ Варшаву. Тутъ оказалось, что Изабеллѣ самой судьбой было предназначено служить орудіемъ для развитія честолюбивыхъ плановъ фамиліи ея мужа. Молодой, красивый и увлекающійся король влюбился безъ памяти въ свою прелестную кузину и очень скоро завладѣлъ ея сердцемъ.

Героиня наша явилась въ новой роли ангела примирителя. Черезъ сентиментальную красавицу было несравненно легче вступать въ переговоры, выслушивать объясненія и требовать уступокъ, чѣмъ черезъ дѣловитыхъ и сухихъ посредниковъ, не умѣвшихъ во время отрѣшиться отъ предвзятаго мнѣнія о королѣ, какъ легкомысленномъ молодомъ чловѣкѣ, такъ еще недавно игравшемъ роль покровительствуемаго въ семьѣ.

Но врядъ ли соображенія эти, скорѣе прозаическаго свойства, входили въ голову влюбленному Станиславу-Августу, когда онъ

предпринялъ осаду чувствительнаго сердца супруги уже побѣжденнаго имъ на политическомъ поприщѣ соперника. Не думала объ этомъ и Изабелла, вступая въ права королевы съ лѣвой стороны, но этимъ обстоятельствомъ не преминула воспользоваться «фамилія» настолько, насколько это было возможно при строгой опеке иностранныхъ пословъ надъ ставленникомъ русской императрицы.

Всѣхъ стѣснительнѣе и непріятнѣе для замысловъ вѣчно фрондирующихъ магнатовъ съ Чарторижскими во главѣ оказывался русскій посолъ. Причинъ къ тому было много. Князь Репнинъ былъ замѣчательный человекъ. Еще молодой (ему въ 1768-мъ году было всего только тридцать три года), замѣчательно хорошо воспитанный, съ энергичнымъ характеромъ, тонкостью ума не уступавшій полированнымъ изъ магнатовъ, онъ былъ столько же храбръ, сколько преданъ царицѣ и родинѣ. Обвести его было трудно, и онъ шелъ къ намѣченной цѣли неуклонно, умно и неустрашимо. Цѣль же эта была — и это было самое страшное и опасное для римскаго духовенства, державшаго Польшу въ рукахъ — въ сравненіи православныхъ и диссидентовъ съ католиками въ правѣ исповѣдывать свою вѣру, а также принимать участіе въ управленіи страной.

Съ ужасомъ доносили представители римской курии объ опасности, грозившей ихъ вліянію въ Польшѣ, объ имѣющей ускользнуть изъ ихъ рукъ власти надъ народомъ, до такой степени забитымъ этою властью, что казался онъ превращеннымъ въ живой трупъ. Предвидѣли они также, какъ нельзя лучше, осуществленіе такого губительнаго для Польши плана, какъ присоединеніе къ Россіи провинцій, искони считавшихся русскими и оставшихся русскими, невзирая на многолѣтній и тяжелый иноземный гнетъ. Курьеръ за курьеромъ съ донесеніями самаго отчаяннаго свойства летали безпрестанно изъ Польши въ Римъ и обратно, съ донесеніями, ламентациями, совѣтами и инструкціями. Однимъ словомъ, положеніе было отчаянное, когда вдругъ одинъ изъ многочисленныхъ шпионовъ прелата Фаста донесъ ему о впечатлѣніи, произведенномъ на русскаго посла княгиней Изабеллой Чарторижской.

Живо звѣсивъ всѣ выгоды и невыгоды новой романической авантюры, зародившейся въ его смѣломъ и изворотливомъ умѣ, прелатъ выступилъ не лично, конечно, а черезъ преданныхъ ему женщинъ, посредникомъ между влюбленными и, со свойственной ему ловкостью, довелъ дѣло до вождедѣнной развязки.

Правда, что руководитель совѣстью Изабеллы взялся за дѣло въ самое удобное время, когда легкомысленный король начиналъ заглядываться на хорошенькую Сапѣгу, и между нимъ и дамой его сердца начинали уже происходить сцены ревности, обыкновенно служащія прелюдией къ разрыву, правда также и то, что вѣтреная

Изабелла не могла относиться равнодушно къ вниманію такой выдающейся личности, какъ князь Репнинъ, по влиянію своему и по независимости характера, стоявшій въ странѣ несравненно выше короля, которымъ онъ управлялъ, какъ строгій дядька, представленный старшими къ шалуну школьнику, и которому онъ нерѣдко перечилъ не только въ серьезныхъ замыслахъ, но также и въ капризахъ.

Все шло, какъ нельзя лучше, и изъ объятій короля Изабелла бросилась въ объятія русскаго посла. Но, увы, ликованіе прелата длилось недолго: пришлось убѣдиться, что какъ ни страстно, какъ ни беззавѣтно любилъ князь свою новую возлюбленную, какъ ни щедръ былъ онъ для нея на подарки, какъ ни счастливъ былъ исполнять всѣ ея желанія и какъ ни дорожилъ ея любовью, извлечь политическую выгоду изъ этой любовной связи было очень и очень трудно. При первомъ же ея намекѣ о необходимости сохранить за католической религіей первенство въ странѣ, онъ ей зажалъ ротъ поцѣлуями и въ самыхъ деликатныхъ, но, тѣмъ не менѣе, ясныхъ выраженіяхъ далъ ей понять, что лучше бы ей не говорить о томъ, чего она не понимаетъ, и что никто въ мірѣ не заставитъ его измѣнить убѣжденій.

Это было въ порядкѣ вещей, и иного нельзя было и ждать отъ внука друга и сподвижника великаго Петра, но чего нельзя было ждать, это ея готовности покориться его волѣ. На всѣ увѣщанія прелата она, заливаясь слезами, отвѣчала, что не чувствуетъ себя въ силахъ огорчать своего возлюбленнаго, умоляла оставить ее въ покоѣ, не заставлятъ съ нимъ ссориться и не отравлять ея счастья комбинаціями, не имѣющими ничего общаго съ ея любовью.

Ясно было, что она со дня на день все сильнѣе и сильнѣе подпадала подъ обаяніе нравственной силы этого человѣка, и что большой пользы для родины отъ этой новой Юдиои предвидится мало.

Юдиохъ искренно влюбилась въ Олоферна.

Однако, когда надъ отцомъ ея мужа стряслась бѣда за то, что онъ не исполнилъ обѣщанія, даннаго русской императрицѣ, князь выпросилъ ему прощеніе. Спасъ онъ отъ отвѣтственности и мужа ея, но о томъ, что предшествовало этимъ уступкамъ, какими предостереженіями и угрозами были обставлены эти милости, кромѣ прелата Фаста, отъ котораго, какъ отъ руководителя своей совѣсти, у княгини Изабеллы не было тайнъ, никто не зналъ.

А прелатъ былъ терпѣливъ и не только умѣлъ ждать, но также довольствоваться малымъ тамъ, гдѣ нельзя было получить большаго. Сумѣлъ онъ также умѣрить негодованіе остальныхъ дѣйствующихъ лицъ политической комедіи, разочарованныхъ въ своихъ ожиданіяхъ, когда подготовленная ими интрига разыгра-

лась не такъ, какъ они желали, и когда, вопреки всеобщимъ предположеніямъ, увлеченіе Изабеллы русскимъ посломъ превратилось въ настоящую любовь.

Но прелату не пришлось каяться въ томъ, что первая неудача не заставила его отказаться отъ руководства совѣстью молодой женщины; въ этой роли ему удалось узнать, какъ нельзя лучше, не только характеръ и мысли русскаго посла, а также и тѣ его душевныя свойства, которыхъ онъ, можетъ быть, и самъ въ себѣ не подозрѣвалъ, и которыхъ его возлюбленной очень скоро удалось разгадать подъ личиной суровой сдержанности политическаго дѣятеля, которому приходилось бороться съ лукавыми кознями враждебной партіи.

Княгиня Изабелла была натура экспансивная, счастье ея было не полно, когда ей нельзя было подѣлиться имъ съ сочувствующимъ другомъ, а такимъ другомъ она считала пани Дукланову, которая, въ свою очередь, не имѣла тайнъ отъ прелата Фаста. Послѣ cadaго свиданія со своимъ возлюбленнымъ Изабелла посылала за своей резиденткой или сама приходила въ уютное помещеніе, занимаемое этой послѣдней въ одномъ изъ флигелей дворца, соединенныхъ крытыми галлереями съ главнымъ корпусомъ, и сообщала ей малѣйшія подробности любовнаго свиданія, подъ впечатлѣніемъ котораго она находилась, съ восхищеніемъ припоминая каждое новое доказательство нѣжной страсти своего возлюбленнаго. Но при этомъ она мимоходомъ, не придавая этому значенія, затрогивала и болѣе интересные для ея слушательницы предметы. Какъ ни сдержанъ и ни остороженъ былъ князь, однако ему случалось, подъ впечатлѣніемъ непріятнаго извѣстія или неожиданнаго приказа изъ Петербурга, намекнуть своей возлюбленной на обстоятельства, никому еще въ городѣ неизвѣстныя, кромѣ него, или выразить драгоцѣнный для враговъ его намекъ на планъ дѣйствій, котораго онъ намѣренъ былъ держаться, а также на мнѣніе его о такихъ-то лицахъ или о такихъ-то. Всѣ эти отрывочныя свѣдѣнія немедленно сообщались интимнымъ другомъ молодой княгини прелату Фасту, который и извлекалъ изъ нихъ желаемую пользу. Однимъ словомъ отъ сближенія княгини Изабеллы съ русскимъ посломъ, невзирая на нежелательный оборотъ, принятый этимъ сближеніемъ, все-таки выигрывали послѣдователи мудраго правила, гласящаго, что ничѣмъ не слѣдуетъ брезговать для достиженія цѣли. Выигрывали въ настоящемъ и надѣялись выиграть еще болѣе въ будущемъ; если вода капля за каплей точитъ камень, то тѣмъ болѣе можно рассчитывать на вліяніе женскихъ ласкъ и женскихъ слезъ на влюбленное сердце.

Въ пани Дуклановой прелатъ имѣлъ драгоцѣнную помощницу, вполне понимавшую его цѣли и сочувствовавшую имъ. Эта жен-

щина съ бурнымъ таинственнымъ прошлымъ, которой при жизни ея мужа никто здѣсь не зналъ, и которая продолжала отъ всѣхъ сторониться послѣ того, какъ поселилась у Чарторижскихъ, умѣла вкрадываться въ душу и сдѣлаться необходимой тѣмъ, кому ей было нужно, не употребляя для этого ни самоуниженія, ни лести и не платя откровенностью за откровенность. О своемъ прошломъ она даже нечаянно никогда не обмолвливалась ни единымъ словомъ, такъ что сама ясновельможная пани, супруга князя Адама, ничего о ней не знала, кромѣ того, что писалъ о ней въ своемъ предсмертномъ письмѣ къ ней вѣрный Дукланъ, умоляя свою госпожу, за вѣрную его службу, не оставить покровительствомъ и лаской его вдову. «Смѣю увѣрить свѣтлѣйшую многомощную пани, что она и вашей милости, и всей вашей фамилии будетъ такой же вѣрной слугой, какимъ я былъ... Положиться на нее можно, она умна, цѣнитъ ласку и умѣетъ молчать».

Эту рекомендацію Дукланова оправдала вполне: ей во всемъ можно было довѣряться, и она все понимала. Снискала она довѣріе не только всей «фамилии», но также и всѣхъ друзей этой фамилии. Во время увлеченія своего Изабеллой король познакомился съ ея старшей резиденткой и до сихъ поръ продолжалъ ей оказывать вниманіе, при всякой встрѣчѣ останавливаясь, чтобъ узнать о ея здоровьѣ и прибавить къ этому нѣсколько любезныхъ словъ; не меньшимъ уваженіемъ пользовалась она и со стороны русскаго посла. Всѣ знали пани Дукланову, какъ особу весьма вліятельную, но такъ какъ вліяніемъ своимъ она никогда не пользовалась ни для себя, ни для другихъ, то никто къ ней съ просьбами не обращался. Ловко сумѣла она и въ этомъ отношеніи оградить себя отъ посягательства на самостоятельность, которою дорожила, по-видимому, больше жизни.

По тому, какъ поторопилась она встрѣтить его всевелебность, когда онъ не въ урочный часъ пріѣхалъ навѣстить свою духовную дочь, и какъ медленно проходила она съ нимъ по покоямъ, ведущимъ къ уборной своей госпожи, по временамъ подолгу останавливаясь, чтобъ высказать то, что ему, по ея мнѣнію, нужно было знать до встрѣчи съ княгиней Изабеллой, а также по тому, съ какимъ вниманіемъ онъ ее слушалъ, можно было заключить о важности происходившей съ нимъ бесѣды.

Въ короткихъ словахъ передала она ему о новости, слышанной наканунѣ княгиней отъ русскаго посла, а именно, что проявился измѣнникъ въ лагерѣ патриотовъ, и что князь подозрѣваетъ о существованіи заговора противъ короля.

— Онъ разспрашивалъ княгиню?—отрывисто спросилъ прелатъ.

— Нѣтъ. Онъ сказалъ только въ общихъ чертахъ и, какъ ей показалось, въ видѣ предостереженія, выразилъ сожалѣніе, что люди эти сами лѣзутъ въ петлю, не понимая, что дѣлаютъ.

— Именъ не называль?
 — Ни одного.
 — А что слышно изъ Кіева?
 — О. Марекъ имѣеть большой успѣхъ, хлопы начинаютъ волноваться, и происходило уже нѣсколько стычекъ съ православными. Подъ самымъ Кіевомъ, въ селѣ Малявинѣ, москали нашихъ поколотили. Тамъ живетъ та старая помѣщица, про которую я уже говорила не разъ вашей всевелебности, ярая ненавистница и гонительница католиковъ. Чтобъ поступить къ ней въ услуженіе или даже получить работу въ ея экономіи, надо быть православнымъ. Лучше сгноить весь хлѣбъ въ полѣ, чѣмъ дать его убрать полякамъ. Последнее время она стала особенно свирѣпствовать, по всему видно, что прослышала о требованіяхъ, которыя русскій посолъ намѣренъ предъявить на конфедераціи...

— Прабабка Аратова?
 — Да, прабабка того самаго, что змѣей вползъ въ королевскій дворецъ и сводить съ послѣдняго ума Понятовскаго разорительными затѣями.

— Про его новую страсть ничего новаго не слышать?
 — Весь городъ про это говорить. У короля изъ-за этой незнакомки вышла бурная сцена съ Грабовской, и, говорятъ, княжна Сапѣга съ утра до вечера плачетъ...

— А наша княгиня вѣрно смѣется?—усмѣхнулся прелать.
 — Нашей можно смѣяться, послѣ нея ихъ смѣнилось такое множество, что ужъ и счетъ потеряли. Но послѣдняя тѣмъ опасна, что долго заставляеть себя искать и, какъ русская, будетъ, разумѣется, поддерживать своихъ соотечественниковъ.

— Но развѣ это вѣрно, что она русская?
 — Всѣ въ этомъ убѣждены.
 — Княгиня была у жены кіевскаго воеводы. Что говорятъ про этотъ визитъ?

— Говорятъ, что она всѣхъ тамъ очаровала, а въ особенности пани Анну. Кого не очаруетъ она, если только захочетъ! Вбѣжала къ ней, какъ къ родной, опустилась передъ нею на колѣни и, цѣлуя ея руки, объявила, что любить ее, какъ мать, и что минута эта—счастливейшая въ ея жизни. Захотѣла видѣть дѣтей, каждому изъ нихъ сказала нѣсколько милыхъ словъ, и такъ искренно восхищалась красотой и умомъ Сченснаго, что пани Анна совсѣмъ расчувствовалась и, обнимая ее, объявила, что считаетъ потеряннымъ то время, когда она ея не знала. Я была тутъ, и графиня обошлась со мною очень привѣтливо. Разставаясь она сказала, что раньше будущей недѣли отдать намъ визитъ не можетъ, потому что хочетъ себя поберечь для вечера у краковскаго кастеляна, на которомъ надѣется встрѣтиться и со старой княгиней Адамовой...

Они входили въ маленькую гостиную передъ будуаромъ, за которымъ находилась большая уборная, и прелать прервала свою спутницу, чтобъ спросить, не знаетъ ли она, для чего именно ея господѣ понадобилось его видѣть.

Пани Дукланова печально вздохнула.

— Все то же самое, мучится сомнѣніями насчетъ чувствъ князя. Увѣряетъ, что его любовь начинаетъ ее пугать, и что такъ глубоко любить можетъ только русскій...

— И, кажется, пани Дукланова съ нею согласна?—съ тонкой усмѣшкой замѣтилъ прелать, останавливая пристальный взглядъ на своей собесѣдницѣ, которая вспыхнула отъ смущенія подъ этимъ взглядомъ, но, тотчасъ же оправившись, продолжала начатую рѣчь, не отвѣчая на лукавый намекъ.

— Требованіямъ его не предвидится конца, и она опасается какой нибудь экстравагантной выходки съ его стороны, вызова ея супруга на дуэль или чего нибудь еще хуже. Князь уже не скрываетъ своего желанія, чтобъ она все и всѣхъ бросила, чтобъ принадлежать ему одному, и она начинаетъ чувствовать себя безсильной разсѣять его возрастающую съ каждымъ днемъ ревность и подозрительность. Онъ слѣдитъ за каждымъ ея шагомъ, она должна ему писать каждый вечеръ и отдавать ему отчетъ во всякой мелочи: кого она видѣла, что слышала, что думала, что дѣлала...

— Если онъ ей вѣрится, то это хорошо,—замѣтилъ прелать.

— А я вамъ скажу, ваша всевелебность, что для людей, не посвященныхъ, какъ я, въ тайну ея сердца, просто непонятно, какъ выдерживаетъ она такое тиранство.

— Если она сдѣлается королевой, тогда ея отношенія къ русскому послу силою обстоятельствъ измѣнятся,—замѣтилъ прелать.

— А мнѣ кажется, что его любовь ей дороже короны!—подхватила съ живостью наперсница княгини Изабеллы и хотѣла еще что-то такое къ этому прибавить, но слушатель ея приложилъ палецъ къ губамъ: слова, рвущіяся у нея съ языка, остались не говоренными.

Предшествовавшій имъ гайдукъ растворялъ дверь въ уборную, гдѣ при яркомъ освѣщеніи, передъ зеркаломъ на роскошно разубранномъ туалетномъ столѣ, сидѣла въ кружевномъ пеньюарѣ княгиня Изабелла, окруженная резидентками, горничными и дворскими дѣвками, помогавшими французу парикмахеру убирать ей волосы.

— Просите его всевелебность пожаловать сюда,—отвѣчала она на докладъ гайдука о приѣздѣ прелата.

По ея знаку всѣ присутствующіе удалились, и когда пани Дукланова ввела прелата въ обширный покой съ богато расписаннымъ потолкомъ и съ парижской обстановкой, кромѣ хозяйки, тутъ никого не было.

Въ описываемую нами эпоху княгиня Изабелла была еще очень молода и въ полномъ смыслѣ этого слова—обаятельна. Непринужденная грація въ движеніяхъ, очаровательность улыбки, выраженіе чудныхъ большихъ глазъ и тонкое изящество гибкой, прелестно сложенной фигуры заставляли забывать, не только неправильность черезчуръ длиннаго овала лица и слѣды оспы на тонкой кожѣ, но и находить ее очаровательнѣе всѣхъ красавицъ, которыми въ то время изобиловала столица Польши. Голосъ у нея былъ звучный и вкрадчивый, и, одаренная большимъ, чисто женскимъ умомъ, она обладала даромъ находить въ данную минуту именно такія слова и выраженія, которыя проникали въ душу слушателя, располагая его къ любви, къ довѣрью и къ желанію ей быть пріятнымъ. Даже ея суховатый и мелочной супругъ, давно охладѣвшій къ ея прелестямъ и безъ стѣсненія предававшійся разврату съ продажными красавицами и амурнымъ похождениямъ съ женами своихъ пріятелей, не могъ ей ни въ чемъ отказать и подпадалъ подъ ея обаяніе каждый разъ, когда она находила это нужнымъ.

Впослѣдствіи мы встрѣчаемъ эту замѣчательную женщину въ самыхъ разнообразныхъ и интересныхъ роляхъ житейской драмы, и надо сознаться, что репертуаръ ея былъ очень богатъ. Покорное орудіе іезуитовъ и «фамиліи» въ молодости, она, очертя голову, бросается изъ одной авантюры въ другую, интригуя то съ Россіей, то съ Пруссіей, то съ Австріей, то за одного претендента, то за другого, по вѣянію вѣтра изъ Рима или изъ Пулавъ. Съ лѣтами она становится самостоятельнѣе, но еще рѣшительнѣе и предприимчивѣе, а по мѣрѣ того, какъ вкусъ къ амурнымъ похождениямъ въ ней остываетъ, сфера ея политической дѣятельности расширяется, власть надъ мужемъ и надъ семьей упрочивается, и вокругъ нея группируется сильная и безгранично ей преданная партія. Супруга своего она заставляеть поступать вопреки всѣмъ его желаніямъ, симпатіямъ и выгодамъ, чтобъ служить ея цѣлямъ, часто узко личнымъ и не имѣющимъ ничего общаго ни съ благомъ родины, ни со счастьемъ семьи.

Не чужда ей была и мстительность: въ 1787 году однимъ своимъ появленіемъ «съ угрюмымъ лицомъ» разстраиваетъ она старательно подготовленное общими друзьями примиреніе между ея мужемъ и королемъ, и такимъ образомъ легкомысленная очаровательница шестидесятихъ годовъ не забыла любовной ссоры съ Понятовскимъ и, двадцать лѣтъ спустя, сумѣла наичувствительнымъ образомъ ему это доказать.

Свиданіе книгини съ руководителемъ ея совѣсти длилось довольно долго. Пани Дукланова дожидалась окончанія конференціи въ будуарѣ, и ей два раза приходили докладывать, что карета такъ долго дожидается у крыльца, что кучеръ боится, чтобъ лошади

не застоялись. Она приказывала проѣзжать лошадей по сосѣднимъ улицамъ, но отнюдь ихъ не откладывать, потому что княгиня непременно поѣдетъ на балъ. Подходила къ ней, съ вопрошающими взглядами, и нетерпѣливая дворская молодежь, которая должна была сопровождать ясновельможную на балъ, дѣвицы въ легкихъ платьяхъ и цвѣтахъ, юноши въ богатыхъ костюмахъ цвѣтовъ «фамиліи» при дорогомъ оружіи и кованныхъ изъ чистаго золота поясахъ, выложенныхъ драгоцѣнными каменьями. Если дворская молодежь, состоящая при дворѣ кievскаго воеводы, отличалась прекраснымъ воспитаніемъ и благонаравіемъ, то у Чарторижскихъ она могла похвастаться внѣшнею полурою и роскошью одѣянія.

Дѣти богатѣйшей шляхты считали за великую честь служить при дворѣ бывшаго претендента на королевскій престолъ, который и продолжалъ считаться таковымъ тѣми изъ противниковъ русскаго ставленника, которые жаждали переменъ, и свиту обаятельной Изабеллы можно было поистинѣ назвать королевской по красотѣ, щегольству и ловкости.

Имъ тоже пани Дукланова совѣтовала вооружиться терпѣніемъ. Наконецъ дверь изъ уборной растворилась, и на порогѣ появился прелатъ. Съ перваго взгляда на него можно было догадаться, что произошло нѣчто важное; его всегда спокойное лицо было серьезнѣе обыкновеннаго, и глаза озабоченно щурились, что было у него признакомъ скрытаго волненія.

— Идите къ вашей пани, Дукланова, она очень разстроена и нуждается въ поддержкѣ разумнаго человѣка, который бы ей объяснилъ, какъ важно, чтобъ она обладала всѣми своими способностями на сегодняшнемъ балѣ. Я оставилъ ее въ слезахъ, надо скрыть подъ румянами слѣды этихъ слезъ, вы на это мастерица, — прибавилъ онъ съ улыбкой, протягивая ей руку, къ которой она съ благоговѣніемъ приложилась губами.

Еще разъ повторивъ ей, чтобъ она не медлила, онъ направился къ выходу въ сопровожденіи выбѣжавшаго его провожать дворцоваго маршала, а пани Дукланова прошла въ уборную, гдѣ застала свою госпожу съ парикмахеромъ и съ фрейлинами, оканчивавшими ея туалетъ.

Княгиня Изабелла была такъ блѣдна и взволнована, что нельзя было не понять опасеній прелата, и Дукланова, не медля ни минуты, принялась за дѣло. Она знала, что госпожѣ ея непременно нужно высказаться, чтобъ успокоиться, и, выславъ всѣхъ изъ комнаты, она объявила, что сама окончитъ туалетъ ясновельможной.

— О Дукланова, какъ огорчилъ меня его всевелебность! — вскричала эта послѣдняя, когда онѣ остались вдвоемъ въ обширномъ покоѣ. — Онъ требуетъ невозможнаго, онъ хочетъ, чтобъ я непременно узнала содержаніе депешъ, присланныхъ князю изъ Петербурга на этихъ дняхъ! Онъ хочетъ знать, что отвѣтитъ на нихъ князь,

и сколько я ни умоляла его избавить меня отъ этого порученія, онъ оставался непреклоненъ и грозитъ отказаться руководить моею совѣстью, если я не исполню его приказанія!—вскричала она съ отчаяніемъ, въ то время, какъ Дукланова искусно ее румянила и налѣпляла мушки на ея припухшее отъ слезъ лицо.—Какъ мнѣ быть! Какъ мнѣ быть!—повторяла она съ отчаяніемъ.

— Исполнить желаніе его всевелебности, моя пани,—отвѣчала Дукланова со спокойствіемъ, представлявшимъ интересный контрастъ съ волненіемъ молодой женщины.—И ничего тутъ труднаго нѣтъ,—продолжала она, взявъ со стола приготовленное платье изъ голубого крепа, вышитаго серебромъ, съ отдѣлкой изъ бѣлыхъ перьевъ и жемчуговъ, и надѣвая его на нее.

— Но какъ же? какъ же?—спросила дрогнувшимъ голосомъ Изабелла.—Князь мнѣ запретилъ говорить съ нимъ о политикѣ, онъ мнѣ даже намекнулъ, что хотя бы ему это стоило жизни, но онъ принужденъ будетъ со мною разстаться, если я его ослушаюсь,—проговорила она со вздохомъ, прикалывая розу къ груди, промежъ кружевъ, прикрывавшихъ ее на столько, чтобъ возбуждать желаніе видѣть то, что сквозь нихъ просвѣчивало.

— Когда вы успокоитесь и перестанете про это думать, я помогу вамъ совѣтомъ, но не забывайте, пожалуйста, что успѣхъ возможенъ только при вашемъ полнѣйшемъ спокойствіи и самообладаніи: если вы будете плакать и волноваться, то лучше напрямикъ отказаться исполнить желаніе его всевелебности.

— Вы знаете, что это невозможно!—съ досадой вскричала княгиня, надѣвая браслеты по верхъ длинныхъ выше локтя перчатокъ.

— Я это знаю и потому умоляю васъ не давать воли нервамъ, и все будетъ хорошо. Я вамъ за это ручаюсь, а когда же Дукланова васъ обманывала?—объявила наперсница, помогая застегивать браслеты.

— Постараюсь послѣдовать вашему совѣту...

— Скажите себѣ, что вы ему непременно послѣдуете. Нѣтъ ничего невозможнаго для такой красавицы и умницы, какъ княгиня Изабелла, и все возможно для женщины, которая любитъ и желаетъ сохранить любовь своего милаго, все возможно,—повторила она.

Самоувѣренность, звучащая въ этихъ словахъ, передалась ея слушательницѣ. Надо и то сказать, что она знала цѣну совѣтовъ своей резидентки, и что этой послѣдней не въ первый разъ доводилось спасать ее отъ бѣды. Однако, когда туалетъ ея былъ оконченъ, на молодую женщину снова напало сомнѣніе и робость.

— Не отказаться ли сегодня отъ бала? Ужъ поздно, и появленіе мое произведетъ сенсацію,—нерѣшительно замѣтила она, умоляюще взглядывая на Дукланову, которая подавала ей вѣеръ и флаконъ духовъ.

Но эта послѣдняя отнеслась очень неодобрительно къ такому припадку нерѣшительности.

— Какъ это можно, моя пани! Не лучше ли произвести сенсацию на публику, чѣмъ заронить сомнѣніе и подозрѣніе въ сердца князя? Онъ не будетъ имѣть покоя, пока не узнаетъ настоящей причины вашего отсутствія на балѣ, и его такими вымышленными причинами, какъ внезапное нездоровье, не удовлетворишь. Начнетъ разузнавать, допытываться, узнаетъ про посѣщеніе ксендже прелата передъ баломъ, когда ясновельможная была уже за туалетомъ, все это сопоставить, сообразить, догадается, что причиной вашей болѣзни былъ разговоръ съ его всевелебностью, и ужъ тогда не будетъ никакой возможности узнать то, что нужно... Нѣтъ, нѣтъ, моя пани, стыдитесь такой недостойной слабости... Да и чего вы боитесь? Вашими дѣйствіями будетъ руководить случай, впередъ раздумывать о томъ, что будетъ, не для чего... Очень можетъ быть, что князь самъ вамъ скажетъ то, что вамъ нужно знать...

— Мы съ нимъ давно не видѣлись наединѣ, и онъ навѣрное будетъ требовать, чтобъ я назначила ему свиданіе гдѣнибудь...

— Прекрасно! Завтра днемъ танцуютъ у короля, вамъ тамъ представится возможность уединиться въ паркѣ... А послѣзавтра карусель у Огинскихъ, опять свиданіе.

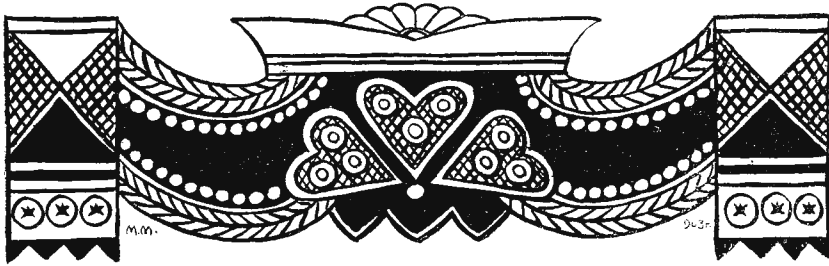
— О! такія свиданія его не удовлетворяютъ!

— Въ такомъ случаѣ... Вы ни разу не были въ его дворцѣ, въ случаѣ надобности этимъ можно было бы воспользоваться и сдѣлать князю визитъ... Разумѣется, къ этому средству надо прибѣгнуть только въ крайности, если нельзя будетъ иначе... Во всякомъ случаѣ, надо все дѣлать во-время и заранее не мучиться мыслями о томъ, чего еще нѣтъ и, можетъ быть, никогда не будетъ. На всякій день достаточно своей заботы, а у моей пани въ настоящую минуту никакихъ заботъ не должно быть, она должна быть весела и спокойна, какъ невинный ребенокъ, танцовать и радоваться, что восхитительнѣе ея никого нѣтъ на свѣтѣ. Разумѣется, моя пани произведетъ эффектъ своимъ появленіемъ, и, разумѣется, даже панна Сапѣга пожелтѣетъ отъ досады, когда увидитъ, какъ всѣ кавалеры увиваются за княгиней Изабеллой, — продолжала она, подводя свою ясновельможную къ трюмо и заставляя ее взглянуть на прелестную и граціозную фигуру, отражавшуюся въ немъ.

Н. И. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ДѢДА ¹⁾.

(Таинственные люди и таинственные явления).

I.

ПРОСМАТРИВАЯ внимательно записки моего дѣда, я натолкнулся на одно коротенькое замѣчаніе, приписанное внизу страницы другими чернилами. Сперва я думалъ, что это сноски, относящаяся къ той страницѣ, внизу которой она была приписана, но по своему содержанію сноска трактовала не о томъ, что было помѣщено выше, а касалась совершенно другой области. Въ этой замѣткѣ было сказано слѣдующее: «Тайный человѣкъ опять приходилъ и меня въ большое сумлѣніе ввелъ, а паче того тѣмъ, что довелось мнѣ отъ него видѣть. Призвалъ отца Михаила и отслужилъ въ той комнатѣ молебствіе отъ огражденія меня отъ бѣсовской силы и нечистыхъ силъ проявленій».

Я терялся въ догадкахъ, что бы значила такая замѣтка, и какое отношеніе она имѣетъ къ долгой жизни моего дѣда, человѣка въ высшей степени богобоязненнаго, чуждавшагося всякихъ «таинственныхъ» людей, т.-е., попросту говоря, «фокусниковъ», о которыхъ онъ имѣлъ опредѣленное мнѣніе, что «сіи люди достойны не людьми называться, а слугами дьявола». Кто былъ этотъ «тайный человѣкъ», являвшійся къ дѣду, видимо, не одинъ разъ и сму-

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ» 1903 г., январь, стр. 152, и май, стр. 513.

тившій его покой духовный настолько, что пришлось служить молебень, — простой ли фокусникъ, или же человекъ иной профессіи, — я узналъ лишь послѣ упорнаго и долгаго труда, перечитавъ чуть ли не всѣ многотомныя записки дѣда. Въ нихъ, въ разныхъ мѣстахъ, въ видѣ то подстрочныхъ примѣчаній, то въ видѣ приписокъ съ боку страницы, то въ самомъ ея текстѣ, нашелъ я разгадку заинтересовавшаго меня примѣчанія.

Таинственнымъ человекомъ оказался не то полякъ, не то шведъ, Ромуальдъ Сигизмундовичъ Ферзенъ, — какъ пишетъ дѣдъ, — «человекъ шведскаго, а, можетъ, и польскаго рода, но безъ всякой вѣры, хотя жизнь ведущій примѣрную, ни вина, ни табаку не употребляющій и всякихъ соблазновъ убѣгающій, а паче того женскаго пола не терпящій и хульныхъ словъ не говорящій».

Второй вопросъ, интересовавшій меня, зачѣмъ «тайный» человекъ могъ приходиться къ дѣду, я рѣшилъ, благодаря замѣткѣ, гдѣ было сказано, что Ферзенъ явился съ предложеніемъ «показать невидимое, какъ видимое, и всяческія происшествія, что случиться могутъ, съ точностью и достовѣрностью опредѣлить».

— Коли ты пришелъ ко мнѣ сіи несбыточности предлагать, — сказалъ дѣдъ прорицателю, — то уходи изъ дома моего, ибо предвидѣтъ никто изъ человекѣвъ не можетъ; сіе грѣшно и только обманомъ почитаться мною будетъ.

— А я могу, — смѣло проговорилъ Ферзенъ, — и хочу тебя въ томъ убѣдить. Слушай, что скажу тебѣ. Ты скоро получишь извѣстіе о кончинѣ дорогого тебѣ человека, хотя его совсѣмъ въ благополучіи считаешь. Если получишь, — пришли за мной. А то и не надо посылать, я къ тебѣ въ тотъ самый день приду, какъ ты это извѣстіе получишь. Прощай пока.

Ферзенъ ушелъ, оставивъ дѣда въ большомъ смущеніи и неудовольствіи, о чемъ онъ не преминулъ занести въ свои «меморіалы».

«Шведъ въ мою душу робость и трепеть неизъяснимый вселилъ, — пишетъ дѣдъ, — чую опасность, а откуда она придетъ, опредѣлить не могу. Укрѣпляюсь вѣрой въ Господа и молюсь Ему, дабы отвратилъ Онъ отъ меня всякія бѣды и напасти».

Но, къ несчастью, на этотъ разъ шведъ сказалъ правду, и бѣда обрушилась на голову дѣда совершенно неожиданно.

Сидимъ мы, — рассказываетъ дѣдъ, — за гечернимъ чаемъ, какъ вдругъ мнѣ говорятъ, что шведъ пришелъ и хочетъ меня видѣть. Я было отнѣкивался, но старшая моя дочь Анна, будучи нрава пытливаго, упросила меня сего обманщика принять и узнать, что ему нужно, и не на бѣдность ли онъ просить пришелъ. Я согласился и велѣлъ сего человека впустить, дабы при всѣхъ уличить его въ обманъ и ложномъ прорицательствѣ. Шведъ вошелъ и у притолоки остановился, а на меня упорно глядѣть сталъ.

— Что тебѣ, обманщику, нужно?—спросилъ я его и тихо разсмѣялся, сказавъ, что онъ второй разъ меня въ обманъ не введетъ, ибо, если по слабости моей въ первый разъ я въ смущеніе пришелъ, то теперь сему не поддамся.

— Сперва поплачь, а потомъ ужъ и смѣйся,—шведъ отвѣчалъ, и въ ту же минуту слуга Андрей мнѣ письмо подаетъ отъ Герасимова, который изъ Кяхты сейчасъ пріѣхалъ и по весьма неотложному дѣлу меня видѣть желаетъ, а самъ зайти не можетъ, ибо очень себя съ дороги усталымъ чувствуетъ.

— Что бы такое значило, что, дня не подождавши, меня Герасимовъ зоветъ, какое неотложное дѣло у него до меня приключиться можетъ?—подумалъ я тогда, а самъ въ большое душевное безпокойство пришелъ и поторопился взять картузъ и къ Герасимову пойти, благо онъ у меня въ сосѣдяхъ жилъ. А шведъ, какъ стоялъ у притолоки, такъ и остался и въ бесѣду съ домашними вступилъ.

— Что такое случилось?—спѣшно я Герасимова спрашиваю, а онъ на постели лежитъ и отъ боли себя почти не помнитъ.

— А то и случилось, —черезъ силу онъ мнѣ говоритъ,—что любимая твоя свояченица на себя руки наложила, а злодѣй, что ее къ тому принудилъ, неизвѣстно куда скрылся.

— Не отъ болѣзни ли ты сіе мнѣ говоришь, и не есть ли сіе праздная болтовня, вниманія недостойная? Свояченица моя дѣвица, хотя и довольно молодая, но такого грѣха на душу не возьметъ. И про какого ты мнѣ злодѣя говоришь, и въ чемъ его злодѣйство,—понять не могу.

— Не припомните ли вы, Петръ Тимоѣевичъ,—Герасимовъ мнѣ сказалъ,—нѣкоего Ливанскаго, грека, что въ Иркутскъ неизвѣстно откуда прибылъ? Вотъ сей Ливанскій злодѣемъ и оказался. Только не подумайте, что онъ любовнымъ прельщеніемъ вашу свояченицу погубилъ, нѣтъ, того не случилось, дѣвица чистой голубицей и преставилась, а онъ убѣдилъ ее руки на себя наложить ради спасенія ея души и уготовленія себѣ царства небеснаго.

Легко себѣ представить изумленіе дѣда отъ разсказа Герасимова (кяхтинскаго купца) и вмѣстѣ съ тѣмъ его горе. Онъ чрезвычайно уважалъ и любилъ эту замѣчательную во многихъ отношеніяхъ дѣвушку и никогда не допускалъ мысли, чтобы она могла покончить жизнь самоубійствомъ.

Елизавета Петровна Полевая была младшей сестрой первой жены моего дѣда и происходила изъ стариннаго сибирскаго купческаго сословія. По сохранившимся записямъ въ мемуарахъ дѣда, можно утвердительно сказать, что она обладала недюжинными литературными способностями, писала стихи и занималась живописью. Въ нашей семьѣ долго хранился портретъ моего дѣда ея кисти,

сгорѣвшій во время пожара; портретъ поражалъ вѣрностью рисунка и сочнымъ, колоритнымъ письмомъ. Изъ ея литературныхъ трудовъ мнѣ извѣстны двѣ повѣсти и нѣсколько стихотвореній, хранившихся въ одной родственной намъ семьѣ. Но и ихъ, повидимому, постигла та же участь, что постигла и портретъ, т.-е. все сгорѣло вмѣстѣ съ цѣлымъ городомъ (Иркутскомъ).

Послѣ разговора съ Герасимовымъ дѣдъ, какъ значится въ его запискахъ, вернулся домой въ самомъ мрачномъ настроеніи духа и хотѣлъ было пройти къ себѣ въ кабинетъ, но въ столовой ему попался навстрѣчу Ферзенъ, ходившій по комнатѣ взадъ и впередъ и о чемъ-то бесѣдовавшій съ Анной Петровной, старшей дочерью дѣда.

— Накаркалъ,—крикнулъ дѣдъ Ферзену въ лицо,—проклятый твой языкъ, какъ змѣиное жало, поразилъ меня!

— Что должно было случиться, то и случилось,—спокойно отвѣчалъ Ферзенъ и опять остановился у притолоки¹⁾.

— Зачѣмъ ты здѣсь,—крикнулъ внѣ себя дѣдъ,—ты опять хочешь мнѣ горе накаркать? Ступай отъ меня и не смѣй сюда больше являться.

— Ты самъ призовешь меня,—отвѣчалъ также спокойно Ферзенъ.—Но сперва выслушай и потомъ уже гони. Хочешь ты видѣть того человѣка, что былъ причиною горя твоего?

— Развѣ онъ здѣсь, этотъ извергъ и злодѣй?—воскликнулъ дѣдъ.

— Нѣтъ, его здѣсь я не видалъ, но все-таки показать могу.

— Какъ же ты можешь его мнѣ показать? Опять лукавство какое задумалъ? Не надо, не надо. Пусть его покараетъ совѣсть, а я видѣть преступника не хочу,—рѣзко проговорилъ дѣдъ и, хлопнувъ сильно дверь, ушелъ въ кабинетъ. Но черезъ нѣсколько минутъ дѣдъ вышелъ изъ кабинета, съ платкомъ въ рукахъ, и, не глядя на безмолвно стоявшаго Ферзена, обратился къ Аннѣ Петровнѣ и ведѣлъ ей уйти.

— Ты хотѣлъ мнѣ показать Ливанскаго?—сказалъ нерѣшительно дѣдъ, обращаясь къ Ферзену,—покажи мнѣ его. Я хочу видѣть убійцу неповинной дѣвушки.

— Хорошо,—прошепталъ шведъ и близко подошелъ къ дѣду.

¹⁾ Здѣсь я долженъ сказать, что многія подробности этой семейной драмы я слышалъ отъ моей покойной тетки, Анны Петровны, скончавшейся въ Москвѣ, въ 1869 г., въ преклонныхъ лѣтахъ. Она, между прочимъ, передавала мнѣ и детали о личности Ферзена, оставившаго въ Аннѣ Петровнѣ большое впечатлѣніе и имѣвшаго на нее огромнѣйшее вліяніе, благодаря которому она не вышла замужъ, несмотря на прямое приказаніе своего отца, память котораго она до самой кончины не переставала чтить и уважать. Анна Петровна говорила мнѣ такъ: «Онъ, т.-е. дѣдъ, не могъ понять стремленій души моей и объяснять мое дѣвичество простымъ упорствомъ, но я, видя въ Господѣ, поступила такъ по глубокому размысленію, чему научилъ меня незабвенный Ферзенъ, тоже не понятый и глубоко оскорбленный».

Въ запискахъ это событіе занесено въ нѣсколькихъ строкахъ, но ихъ достаточно, чтобы нарисовать всю картину, которая произошла во время этого донельзя загадочнаго происшествія.

«Тайный человекъ заставилъ меня видѣть «его» воочию, но онъ не присутствовалъ при семъ. Я же видѣлъ «его» духовными и тѣлесными глазами».

Далѣе, говорится въ мемуарахъ, что Ферзенъ заставилъ дѣда подчиниться его власти и потерять надъ собою всякую волю.

«Тайное явленіе было таково, что я чуть не умеръ отъ трепета и страха,—пишетъ дѣдъ,—онъ (т.-е. Ферзенъ) посадилъ меня на кресло, что возлѣ стола было, а затѣмъ прямо мнѣ въ глаза смотрѣть зачалъ, отчего я въ безпамятство пришелъ на нѣкоторое время, а когда очнулся, то вблизи себя на другомъ креслѣ незнакомаго человека увидалъ. Сей человекъ не двигался, и глаза его были закрыты.

«— Теперь ты можешь его спрашивать,—шепнулъ мнѣ шведъ,— это и есть Ливанскій, но торопись, ибо онъ отпущенъ не надолго, ибо онъ мертвъ есть».

На этомъ мѣстѣ записки прерываются, и ничего болѣе не говорится о видѣніи, но черезъ страницы четыре на поляхъ помѣщена такая ремарка:

«Онъ со мною говорилъ. Я спрашивалъ не по своей волѣ. Совершилъ я грѣхъ великій, въ немъ долго каяться нужно, ибо вызывать мертвыхъ съ того свѣта не пристойно для христіанина».

Еще черезъ нѣсколько страницъ и тоже на поляхъ страницы я нашелъ такого рода приписку: «Вижу его и безъ помощи шведа. Онъ приходитъ въ одинаковое время, садится на то же кресло и не сводитъ съ меня закрытыхъ глазъ, точно онъ черезъ опущенныя вѣки можетъ видѣть. Вторую недѣлю я не выхожу изъ кабинета, гдѣ и сплю. Доктору боюсь сказать правду, сочтеть умышленнымъ. Аннѣ тоже правду не открываю, но вижу, что она догадывается. Совѣтуетъ послать за шведомъ, чтобы онъ приказалъ ему больше не являться. Сегодня, въ пять часовъ жду страшнаго гостя. Боже, не оставь меня и укрѣпи мой разумъ, ибо онъ въ помутнѣніи находится». Черезъ нѣсколько страницъ сдѣлана опять приписка, въ которой дѣдъ помѣстилъ всего двѣ фразы: «шведъ обѣщалъ прійти» и «шведъ не пришелъ».

Здѣсь слѣдуетъ обратиться къ моимъ личнымъ воспоминаніямъ и воспроизвести нѣкоторыя бесѣды съ покойной Анной Петровной Басниной, не изгладившіяся изъ моей памяти, несмотря на то, что во время этихъ бесѣдъ я былъ еще очень молодъ, и что миновало уже болѣе 30 лѣтъ, какъ моя тетка покоится вѣчнымъ сномъ на одномъ изъ кладбищъ Москвы.

А. П. Баснина была въ молодости, вѣроятно, очень хороша собой, такъ какъ сохраняла до глубокой старости правильныя, строго

классическія черты лица, живые, черные блестящіе глаза и густые, точно серебряные волосы, которые она носила, заплетая ихъ въ двѣ косы. Покойная обладала независимыми средствами и жила, хотя очень скромно, но не отказывала себѣ въ нѣкоторомъ комфортѣ. Маленькая квартирка, въ двѣ комнаты, была обставлена уютно, а на стѣнахъ висѣли картины старинныхъ итальянскихъ художниковъ, судьба которыхъ, т.-е. картинъ, къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстна. Небольшая бібліотека въ шкафу изъ краснаго дерева была всегда въ полномъ порядкѣ и заключала въ себѣ книги преимущественно мистическаго и богословскаго содержанія. Жизнь вела Анна Петровна весьма замкнутую и не любила принимать гостей, находя, что «ни для кого она интереса представить не можетъ», и дѣлала исключеніе только для земляковъ и родныхъ, навѣщавшихъ изрѣдка добровольную отшельницу. Бывая въ Москвѣ, я считалъ своимъ долгомъ каждый разъ посѣщать Анну Петровну и никогда не дѣлалъ этого съ неудовольствіемъ, — напротивъ, мнѣ доставляло громадное наслажденіе слышать отъ нея интереснѣйшіе рассказы о сибирской старинѣ, о событіяхъ, свидѣтельницами которыхъ она была, о нашихъ родичахъ, неутомимо работавшихъ долгіе годы на пользу родной намъ Сибири, только что начинающей жить общей гражданской жизнью со всѣми частями Россіи. Но въ особенности любилъ я слушать рассказы Анны Петровны объ ея отцѣ, моемъ дѣдѣ. Онъ вставалъ тогда передо мной во весь свой богатырскій ростъ, и его величавая фигура рельефно выступала на фонѣ правдивыхъ и въ то же время трогательныхъ повѣствованій его любимой дочери.

Въ одно изъ послѣднихъ моихъ свиданій съ Анной Петровной, послѣ неизбѣжнаго угощенія чаемъ съ китайскими леденцами, булочками, шанежками, пряженцами и тому подобными принадлежностями настоящаго сибирскаго чаепитія, я плотно усѣлся на мягкій диванчикъ, а Анна Петровна помѣстилась въ своемъ любимомъ креслѣ и перекинула свои серебряныя косы на грудь, что означало желаніе долго не сходить съ кресла. Я, по обыкновенію, пустился въ разспросы о Сибири, главнымъ образомъ о ея старинѣ, неизмѣнно интересовавшей меня отъ самыхъ юныхъ лѣтъ до настоящаго времени.

— Скажите мнѣ, — обратился я къ Аннѣ Петровнѣ, — кто изъ постоянныхъ посѣтителей Петра Тимоѣевича оставилъ на васъ большое впечатлѣніе, о комъ у васъ сохранилась добрая память?

— Такихъ было немало, — отвѣчала Анна Петровна уклончиво и съ отгнѣнкомъ грусти, — но одинъ изъ нихъ оставилъ неизгладимый слѣдъ на моей жизни, да и не на моей одной, — добавила она шопотомъ, тяжело вздохнувъ. — Если хочешь, я расскажу тебѣ часть этихъ драмъ, но не все, потому что мнѣ до сихъ поръ тяжело, невыносимо тяжело вспоминать это далекое прошлое, ворошить

то, что я хотѣла бы забыть, но, къ несчастью, не могу, не въ силахъ.

Анна Петровна замѣтно взволновалась и поднесла платокъ къ глазамъ.

— Простите меня, я вызвалъ невольно у васъ тяжелыя воспоминанія, отложимте этотъ разговоръ, — поспѣшилъ я сказать, увидя, съ какимъ волненіемъ проговорила Анна Петровна послѣднюю фразу.

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ откладывать? Богъ знаетъ, когда мы еще увидимся, и увидимся ли; я не много успокоюсь, выпью воды съ вареньемъ, и все пройдетъ, вѣдь, какъ ни какъ, все это дѣла давно минувшихъ дней.

Анна Петровна позвонила, и на зовъ явилась ея престарѣлая горничная, бурятка, вывезенная Анной Петровной изъ Сибири и не покидавшая своей госпожи.

— Анисья,—приказала Анна Петровна,—принеси воды, варенье и весь мой приборъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Анисья принесла на подносѣ графинъ съ холодной водой, ледъ на тарелочкѣ, двѣ—три банки варенья и длинныя позолоченныя серебряныя ложечки.

— А гдѣ же стаканы?—спросила Анна Петровна.—Ахъ, ты, старая, забывать уже начала,—улыбнулась она и шутливо пригрозила буряткѣ пальцемъ.

— Сама старая, сама старая!.. Чего старостью коришь?—проворчала Анисья и, не переставая ворчать, удалилась за стаканами.

— Вотъ тебѣ и стаканы твои, что сердиться, не надо сердиться, грѣшно,—не унималась дуэнья и съ ропотомъ вышла изъ комнаты.

— Сердитая, но вѣрная она у меня. Сорокъ лѣтъ живемъ вмѣстѣ и каждый день ссоримся. А умри я, въ тотъ же день умретъ и она,—проговорила Анна Петровна, помѣшивая варенье въ стаканъ длинной ложечкой.—Между прочимъ, эта Анисья принимала косвенное участіе въ одной изъ драмъ и была свидѣтельницей смерти сестры твоей первой бабушки. Ты не слыхалъ о ней?

— Нѣтъ, Анна Петровна, не слыхалъ.

— Въ такомъ случаѣ я расскажу сперва о ней. Это была удивительная дѣвушка. Я ее хорошо помню, хотя она была очень несообщительна и избѣгала разговоровъ съ нами, дѣвчонками, т.-е. со мною и моею умершей сестрой Татьяной. Но мы тайкомъ пробирались въ ея комнату, когда она уходила гулять, и смотрѣли на картины, которыя она рисовала. Любимымъ мѣстомъ ея прогулокъ было кладбище, гдѣ она проводила иногда цѣлые дни. Мы ее спрашивали, зачѣмъ она тамъ гуляетъ, и что она находитъ тамъ веселаго.

— Для слѣпыхъ и солнце не свѣтитъ,—отвѣтила она намъ и, сердито сдвинувъ соболиныя брови, вышла изъ комнаты, а отецъ

ей вслѣдъ сказалъ: «зачѣмъ, Лиза, сердиться? онѣ тебя обидѣтъ не хотѣли». Намъ же пригрозилъ и не велѣлъ докучать ей неумѣстными вопросами. Потомъ, уже спустя нѣсколько дней, онъ мнѣ какъ-то случайно проговорился, что Лиза на кладбище «съ мертвыми говорить ходитъ и имъ свои мысли передаетъ». Я, конечно, страшно удивилась и забросала отца вопросами, но онъ отмалчивался и не давалъ прямого отвѣта. Случай помогъ мнѣ открыть эту тайну, и то, что я узнала, поразило меня очень сильно.

— Какъ же это вышло?—сказалъ я, прервавъ Анну Петровну.

— Очень, въ сущности говоря, просто. Я сидѣла въ саду за бесѣдкой и читала книгу. Вдругъ слышу въ бесѣдкѣ голоса Лизы и незнакомаго мужчины. Я невольно стала прислушиваться.

— Вы были въ единеніи съ нимъ?—спрашиваетъ Лизу мужской голосъ.

— Да, была,—слышу я отвѣтъ Лизы.

— Что же онъ сказалъ?

— Онъ велѣлъ приходить опять. Но я больше не пойду.

— Вы должны итти,—слышите ли, что я вамъ говорю?— вы должны итти, я приказываю, и послушаться вы не можете.

— Я не пойду, ни за что не пойду,—слышу, какъ Лиза говорить, и въ голосѣ ея замѣтны слезы.

— Вы забыли вашу клятву, забыли, что вы безпрекословно обѣщались мнѣ повиноваться, и забыли, что васъ ждетъ страшное наказаніе, если вы эту клятву нарушите. Помните вы это?

— Помню, но все-таки не пойду. И вы больше не наставникъ, мы васъ не признаемъ, васъ не велѣно и слушаться.

— Я не признаю рѣшенія, слышите ли, не признаю и съ своей властью не разстанусь, пока я живъ. А васъ я заставляю слушаться.

— Никогда, — вскричала Лиза и вышла изъ бесѣдки. Спустя минуты двѣ-три, оттуда вышелъ высокій, среднихъ лѣтъ мужчина, съ большой бородой, въ поярковой шляпѣ, въ русскомъ кафтанѣ и, понуривъ голову, прошелъ къ калиткѣ сада, не торопясь отворилъ ее, постоялъ и такимъ же тихимъ шагомъ прошелъ во дворъ и исчезъ изъ моихъ глазъ.

— Кто же это былъ?— не вытерпѣлъ я, чтобы не спросить Анну Петровну.

— Погоди, не торопись, узнаешь, — замѣтила Анна Петровна, отпивая глотокъ воды.

— Послѣ этого разговора посѣщала Елизавета Петровна кладбище?— опять задалъ я вопросъ, желая скорѣе узнать финалъ таинственной исторіи.

— Въ тотъ день, когда я слышала разговоръ Лизы съ неизвѣстнымъ мужчиной,—продолжала рассказывать Анна Петровна,— она никуда изъ своей комнаты не выходила и сказалаь больной. Отецъ, помню я, очень встревожился и послалъ за докторомъ, но

Лиза доктора не приняла и заперла свою комнату на ключъ. Я тоже нехорошо себя чувствовала и считала виноватой передъ Лизой, что, хотя и случайно, но все-таки подслушала ея тайну. Отецъ подозрительно посмотрѣлъ на меня, когда я заявила о своемъ нездоровьѣ, и, не говоря ни слова, пошелъ въ садъ. Я осталась одна, маленькіе братья и сестры тоже куда-то убѣжали, мать гостила въ Кяхтѣ у родныхъ, и въ цѣломъ домѣ царила тишина. Вдругъ въ залу вошелъ какой-то челоуѣкъ, въ нѣмецкаго покроя платьѣ, бритый и съ шляпой въ рукѣ.

— Могу ли я видѣть Петра Тимоѣевича?—спросилъ онъ меня, и я невольно испугалась и вздрогнула отъ неожиданности, и еще болѣе отъ того, что голосъ его напомнилъ мнѣ голосъ, что я слышала въ бесѣдкѣ.

— Отца нѣтъ дома, — отвѣтила я. — Онъ въ саду, но онъ, вѣроятно, скоро придетъ; хотите, я его позову? Какъ сказать о васъ?

— Буду вамъ очень признателенъ. Передайте Петру Тимоѣевичу, что Ромуальдъ Сигизмундовичъ Ферзенъ пришелъ по дѣлу.

Побѣжала я въ садъ, нашла отца и сказала ему про Ферзена.

— Не знаю такого, никогда такой фамилии не слыхалъ,—проговорилъ отецъ хмуро, но поднялся со скамьи и пошелъ въ домъ, а мнѣ приказалъ не ходить. Я была очень огорчена такимъ приказаніемъ, но послушаться не посмѣла и осталась въ саду. Спустя немного времени, вижу я, что отецъ и Ферзенъ идутъ въ садъ и направляются въ бесѣдку, гдѣ сидѣла я.

— Ступай сейчасъ къ Лизѣ и скажи ей, что мнѣ нужно ее видѣть,—сказалъ мнѣ отецъ. — Скажи, чтобы непременно приходила, очень нужно ее видѣть по дѣлу.

Пошла я къ Лизѣ и начала стучаться къ ней въ дверь. Нѣтъ отвѣта. Сильнѣе стучусь,—тоже нѣтъ отклика. Я страшно испугалась и хотѣла уже бѣжать, людей звать, но въ эту минуту услышала, что ключъ въ двери повертывается, и открывается дверь, на порогѣ которой стоитъ блѣдная, какъ смерть, Лиза.

— Онъ тамъ?—спросила она меня, и я сразу поняла, про кого она спрашиваетъ.

— Да, говорю, тамъ.

— Боже мой, что же я буду дѣлать? Я не могу, не должна его видѣть,—сказала мнѣ Лиза, а сама еще больше поблѣднѣла. Тутъ мнѣ пришла мысль выручить ее и помочь ей въ бѣдѣ.

— Я скажу, что ты больна и лежишь въ постели, а ты раздѣвайся и ложись. Отецъ, если и придетъ, то, увидя тебя въ постели, не разсердится.

Лиза молча протянула холодную, какъ ледъ, руку и ушла въ комнату, а я побѣжала въ садъ передать отцу, что она прійти не можетъ.

— Зачѣмъ же она понадобилась Петру Тимоѣевичу?—спросилъ я.

— Я это узнала послѣ, но тогда я думала, что Ферзенъ знакомъ Лизѣ по Кяхтѣ и пришелъ, чтобы сдѣлать Лизѣ предложеніе. Жениховъ у нея всегда было немало, но она упорно отказывалась выходить замужъ, чѣмъ сердила и удивляла всѣхъ своихъ родныхъ.

Анна Петровна остановилась и задумалась. Воцарилось молчаніе.

— Какъ все это давно было, а кажется, что прошло всего нѣсколько часовъ,—стала опять говорить Анна Петровна,—такъ сильно врѣзались въ мою память эти событія. Нужно тебѣ сказать, что мнѣ кридется, прежде чѣмъ продолжать начатый разговоръ, выяснитъ нѣкоторыя предшествовавшія обстоятельства, имѣвшія вліяніе на разыгравшіяся драмы. Въ Иркутскѣ, въ концѣ прошлаго столѣтія (т.-е. XVIII вѣка), образовались какія-то тайныя общества, членами которыхъ были преимущественно ссыльные изъ дворянъ и даже купцовъ. Объ этихъ обществахъ мнѣ рассказывалъ покойный мой отецъ и увѣрялъ, между прочимъ, что къ нимъ принадлежатъ не одни ссыльные, но и многіе изъ гражданъ нашего города, при чемъ называлъ фамиліи, мнѣ хорошо извѣстныя. Но когда появилось распоряженіе правительства о закрытіи всѣхъ тайныхъ обществъ, то мѣстное начальство стало разыскивать членовъ этихъ обществъ и многихъ выслало въ Нерчинскіе заводы. Но, тѣмъ не менѣе, общества продолжали существовать и собираться подъ покровомъ строгой тайны въ разныхъ мѣстахъ города, гдѣ собраніе нѣсколькихъ человекъ не вызвало бы подозрѣнія.

— Это были политическія или религіозныя общества?—спросилъ я.

— Были политическія, были и религіозныя, не исключая и ма-
сонскихъ ложъ.

— Я догадываюсь, что Ферзенъ и Елизавета Петровна принадлежали къ какому нибудь обществу, и, вѣроятно, она не хотѣла подчиняться Ферзену, бывшему главаремъ. Такъ вѣдь?

— Пожалуй, что и такъ,—задумчиво проговорила Анна Петровна.—Но Лиза, къ несчастью, увлеклась ученьемъ хлыстовскаго толка, а Ферзенъ вышелъ изъ ихъ «корабля» и желалъ, чтобы вышла изъ него и Лиза.

— Петръ Тимоѣевичъ, конечно, не зналъ, что его свояченица принадлежитъ къ послѣдовательницамъ этой опасной секты?

— Никто не подозрѣвалъ. Все обнаружилось впоследствии, послѣ смерти Лизы.

— Зачѣмъ же Ферзенъ явился къ Петру Тимоѣевичу?

— Онъ хотѣлъ раскрыть глаза ему и тѣмъ спасти Лизу отъ ея увлеченія. Но его планъ разстроила Лиза,—она не пришла на зовъ, а безъ нея Ферзенъ не рѣшился говорить съ отцомъ и только сказалъ ему, что у него есть дѣло до Лизы, что онъ, будто бы, явился сватомъ отъ одного кяхтинскаго купца. Не помню те-

перъ, такъ ли это было, но о сектантствѣ Лизы онъ не заводилъ и рѣчи, а мой отецъ просилъ Ферзена прійти въ другой разъ, извиняясь, что нездоровье Лизы мѣшаетъ исполнить желаніе Ферзена ее видѣть.

— Послѣ этого бывалъ Ферзень?

— Нѣсколько разъ, но тоже неудачно, такъ какъ Лиза быстро собралась и уѣхала въ Кяхту, а отецъ, на котораго Ферзень произвелъ невыгодное впечатлѣніе, не хотѣлъ съ нимъ разговаривать и поручалъ мнѣ принимать его. Вотъ тутъ-то я и узнала, что былъ это за человѣкъ, и какою онъ обладалъ великою душой и любящимъ, отзывчивымъ сердцемъ.

— Какъ же онъ пошелъ въ хлыстовскую секту? Тамъ ни любви, ни отзывчивости отъ «вѣрующихъ» не требуется, а нѣчто иное?

— Тѣ хлыстовскія секты, что существовали въ то время, не походили на нынѣшнія, — онѣ преслѣдовали, главнымъ образомъ, мистическія цѣли и нахожденіе истины, которой всѣ жаждали, но не могли найти. Въ поискахъ за истиной и образовывались разныя секты, въ которыхъ проповѣдники и учителя поучали неофитовъ и даже прибѣгали къ особымъ средствамъ, чтобы дать возможность духовно прозрѣть и видѣть то, что не посвященные въ тайны видѣть не могутъ.

— Но вѣдь это же невозможно!—воскликнулъ я въ сильнѣйшемъ удивленіи.—Всѣ эти хлыстовскія «радѣнія» могутъ привести человѣка нервнаго въ экстазъ, но не болѣе.

— И мнѣ также казалось, но то, что я видѣла, заставило думать иначе. Я, не подумай ради Бога, никогда и ни въ какихъ сектахъ не состояла, но того, что мои глаза видѣли, отрицать не могу и не буду.

— Что же вы видѣли? Не истину же?

Анна Петровна строго посмотрѣла на меня и начала энергично мѣшать ложечкой въ стаканѣ варенье. Я смутился и не зналъ, какъ загладить мой совершенно неумѣстный вопросъ объ «истинѣ».

— Слушай, — послѣ минутнаго молчанія стала говорить Анна Петровна, — слушай. Я доживаю восьмой десятокъ и во всю мою долгую жизнь сочиненіемъ небылицъ не занималась. То, что я видѣла, — я видѣла, и разубѣдить меня въ противномъ невозможно. Въ экстазъ я не впадала, была въ полной памяти и разсудкѣ и отдавала себѣ въ моихъ дѣйствіяхъ полный отчетъ. Слѣдовательно, въ моихъ словахъ ты сомнѣваться не можешь.

— Я и не сомнѣваюсь, — поспѣшилъ я успокоить старушку: — но не могу скрыть, что несказанно удивленъ и, даже болѣе, пораженъ. Не могу также себѣ уяснить, что вы подразумеваете подъ словами «духовно прозрѣть».

Анна Петровна точно не слыхала моего вопроса, она задумалась и продолжала помѣшивать въ стаканѣ воду. Потомъ поставила стаканъ на поднось и начала говорить тихимъ, но едва слышнымъ шопотомъ.

— Ферзенъ мнѣ однажды предложилъ видѣть Лизу. Я очень удивилась и спросила его: развѣ она пріѣхала въ Иркутскъ?

— Нѣтъ, она—въ Кяхтѣ, но я могу вамъ ее показать.

— Не понимаю васъ, въ такомъ случаѣ. Ея здѣсь нѣтъ, а вы предлагаете мнѣ ее показать. Какимъ же образомъ вы это сдѣлаете?

Ферзенъ на мои сомнѣнія ничего не отвѣтилъ,—онъ близко подошелъ ко мнѣ, положилъ одну свою руку мнѣ на голову, а другою взялъ мою и велѣлъ закрыть глаза.

— Вы откройте ваши глаза по моему приказанію,—сказалъ, онъ, и когда я ихъ открыла, я увидала передъ собой Лизу, въ ея постоянномъ черномъ платьѣ, съ бѣленькимъ платкомъ на головѣ. Я видѣла ее такъ же ясно, какъ вижу теперь тебя. Отъ ужаса и неожиданности я чуть не лишилась чувствъ и невольно закричала. Ферзенъ, не помню теперь, что-то сказалъ, и Лиза такъ же быстро исчезла, какъ и появилась.

— Ферзенъ еще какіе нибудь вамъ фокусы показывалъ?—спросилъ я необдуманно Анну Петровну и сейчасъ же долженъ былъ раскаяться въ своихъ словахъ, такъ какъ Анна Петровна рассердилась не на шутку.

— Что же я тебѣ сказки, что ли, рассказываю, бредни выжившей изъ ума старухи, занимаю тебя небылицами? Нѣтъ, другъ мой, то, что дѣлалъ Ферзенъ, были не фокусы,—онъ никогда не былъ шарлатаномъ, а обладалъ какой-то страшной, непонятной силой и заставлялъ себѣ подчиняться всѣхъ, кого только онъ хотѣлъ. Одна Лиза сопротивлялась его власти, но я думаю, что и онъ самъ не желалъ этого. А знаешь ли, что Ферзенъ показалъ мнѣ меня же, но такой, какой ты видишь меня въ настоящую минуту? Да, именно такой. Что же, по-твоему, и это фокусъ или шарлатанство? А знаешь ли, что тотъ же Ферзенъ предсказалъ и предвидѣлъ, что въ Сибирь явится Сперанскій?

— Дѣйствительно это непостижимо,—воскликнулъ я, но по собственному мнѣ тогда юношескому недовѣрію не утерпѣлъ, чтобы опять не задать вопроса о томъ, что не зналъ ли Ферзенъ изъ писемъ о предполагаемомъ назначеніи Сперанскаго.

— Ты все-таки поднимаешь меня на смѣхъ,—съ отгѣнкомъ обиды проговорила Анна Петровна,—и непременно хочешь извести Ферзена на степень фокусника и обманщика. Я снова повторяю, что Ферзенъ не былъ обманщикомъ, и о томъ, что въ Сибирь пошлется когда либо Сперанскій, никто не могъ тогда и знать, такъ какъ онъ (т.-е. Ферзенъ) говорилъ это чуть ли не за пять лѣтъ до ссылки Сперанскаго въ Пермь. Мнѣ же это рассказывалъ мой отецъ,

не обратившій тогда вниманія на слова Ферзена и тоже, какъ и ты, считавшій его человѣкомъ, опаснымъ въ смыслѣ распусканія имъ ложныхъ слуховъ и шарлатанства.

— Что же Ферзень говорилъ о Сперанскомъ? Не сердитесь, Анна Петровна,—сталъ я просить ее продолжать разговоръ: — я, право же, сказалъ все про Ферзена необдуманно, простите милостиво.

Анна Петровна смилостивилась и, пожуривъ меня за легкомысліе, снова начала свои рассказы о дѣлахъ минувшаго.

— Ты спрашиваешь, что предсказалъ Ферзень о Сперанскомъ? Да? Я могу тебѣ сказать лишь то, что сама слышала отъ отца. Вотъ какъ, по его словамъ, вышелъ разговоръ. Трескинъ (иркутскій губернаторъ) сдѣлалъ какую-то вопіющую несправедливость, и все иркутское общество было страшно возмущено этой несправедливостью. Осуждать громко дѣйствія губернатора боялись, и только нѣсколько лицъ отважились, не боясь шпіоновъ Трескина, протестовать и находить, что Трескинъ заслуживаетъ строгаго наказанія по суду. Въ числѣ такихъ лицъ были мой отецъ и нашъ сосѣдъ по домамъ, К. П. Трапезниковъ, тоже купецъ. У Трапезникова нерѣдко собирались гости, которые вмѣстѣ съ хозяиномъ обсуждали и осуждали противозаконныя дѣйствія жестокаго губернатора. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда разговоръ принялъ особенно жгучій характеръ, вдругъ раздался голосъ молодого человѣка, только что пріѣхавшаго изъ Кяхты и бывшаго у Трапезникова по дѣламъ его торговли.

— Беззаконію адѣшнихъ власть имущихъ людей черезъ пять лѣтъ наступитъ предѣлъ, — говорилъ этотъ молодой человѣкъ: — пріѣдетъ сюда посланецъ государя и учинитъ судъ и расправу надъ злодѣями.

— Всѣ тогда,—какъ передавалъ отецъ,—обратили вниманіе на молодого человѣка и спросили у Трапезникова, кто это такой. А Трапезниковъ отвѣтилъ, что онъ и самъ хорошо не знаетъ, и что его послалъ къ нему Игумновъ съ вѣрительнымъ письмомъ, въ которомъ просилъ оказать ему всякое довѣріе. Приступили тогда съ разспросами къ молодому человѣку, и онъ сказалъ, что въ Сибирь пріѣхалъ недавно, а ранѣе жилъ въ Швеціи, но что онъ—русскій.

— Про кого же вы сейчасъ говорите?—спросили его.—Откуда вы знаете, что въ Сибирь будетъ посланъ отъ государя особый человѣкъ, и кто онъ такой?

— Я могу только сказать, что посланецъ будетъ высокаго роста, блѣдный, съ голубыми глазами и въ гражданской формѣ, а не въ военной. Онъ смѣститъ всѣхъ злодѣевъ, уничтожитъ прежній порядокъ и водворитъ новый. Имя его Михаилъ. Вотъ все, что я знаю, а откуда я это знаю,—сказать не могу.

Всѣ тогда приняли эти слова почти что съ усмѣшкой, но все-таки были удивлены. Удивленіе еще болѣе возросло на другой день, когда шпіоны Трескина заявили къ отцу и къ Трапезникову и потребовали выдачи дерзкаго обличителя. Ни мой отецъ, ни Трапезниковъ не могли выдать его потому уже, что съ того вечера молодой человѣкъ исчезъ изъ Иркутска, и никто его болѣе не видалъ, хотя носились смутные слухи, что онъ скрывается у кого-то изъ хлыстовскихъ наставниковъ.

— Неужели Трапезниковъ не зналъ его фамиліи? Насколько мнѣ извѣстно, Трапезниковъ былъ осторожный и очень умный человѣкъ, онъ не ввелъ бы къ себѣ въ домъ незнакомаго человѣка, въ особенности въ то смутное время, когда, какъ вы сами говорите, всѣ боялись губернатора и его шпіоновъ.

— Можетъ быть, Трапезниковъ и зналъ фамилію, но отецъ мнѣ ея не передалъ.

— Почему же, въ такомъ случаѣ, вы увѣрены, что это былъ Ферзенъ?

— Потому, во-первыхъ, что я узнала это отъ одного служащаго у отца, раскольника Рогачева, который лично зналъ Ферзена и чуть ли не былъ его соучастникомъ по сектѣ, а, во-вторыхъ, отъ самого Ферзена. Въ одной изъ бесѣдъ со мной, говоря о духовномъ прозрѣніи, онъ, между прочимъ, упомянулъ о своемъ предвидѣніи и рассказалъ мнѣ тожественную исторію, которую я слышала и отъ моего отца. Доволенъ ты теперь, не сомнѣваешься болѣе?— добавила Анна Петровна.

— Разумѣется, не сомнѣваюсь, но, простите меня, этотъ случай я никакъ не могу объяснить себѣ какимъ-то предвидѣніемъ, а просто тѣмъ, что въ ту пору въ Иркутскѣ всѣ, отъ мала до велика, ждали освобожденія отъ Пестеля и Трескина, такъ что не мудрено, что при малѣйшей возможности, малѣйшемъ слухѣ, строили всевозможныя гипотезы о присылкѣ уполномоченныхъ особъ для уничтоженія накопившагося зла въ Сибири. Что же касается имени, которое упомянулъ Ферзенъ, то я могу только сказать, что Михаиломъ могли звать нѣсколькихъ сановниковъ, о которыхъ думали, что ихъ пошлютъ въ Иркутскъ генераль-губернаторомъ.

— По-твоему, слѣдовательно, всѣ Михайлы-сановники были высокаго роста, съ голубыми глазами? Да? Пусть будетъ по-твоему, спорить не буду, не зачѣмъ,—сказала недовольнымъ тономъ Анна Петровна. — Но объясни мнѣ, въ такомъ случаѣ, какъ могъ Ферзенъ, этотъ «фокусникъ», по твоимъ словамъ, — не безъ ироніи прибавила Анна Петровна,—угадывать такія политическія событія, какъ, на примѣръ, Крымскую войну, и угадывать въ то время, когда о ней никто и не думалъ и не могъ думать, т.е. въ сороковыхъ годахъ. У меня хранятся письма Ферзена, въ которыхъ онъ опредѣленно говоритъ объ этой войнѣ. Хочешь, я покажу тебѣ ихъ?

«истор. вѣстн.», июль, 1904 г., т. хсѳц.

5

— Очень прошу васъ,—поспѣшилъ я согласиться.

— Анисья,—крикнула Анна Петровна,—принеси изъ спальни мою шкатулку.

Шкатулка, сдѣланная изъ корельской березы, съ инкрустаціями, была немедленно принесена буряткой и поставлена на колѣни къ Аннѣ Петровнѣ, которая отперла ее маленькимъ ключикомъ, оставшимся въ замочной скважинѣ шкатулки. Анна Петровна открыла крышку и долго молча смотрѣла на пожелтѣвшія связки писемъ, наполнявшихъ шкатулку сверху донизу. Потомъ, подавивъ въ себѣ вздохъ, Анна Петровна начала осторожно перебирать эти связки.

— Вотъ письма моего отца, твоего дѣда. Онъ мнѣ писалъ ихъ изъ Кяхты. Въ нихъ онъ мнѣ писалъ о послѣднихъ дняхъ моей матери. А это—письма Лизы. Посмотри, какъ изящно, красиво писала она.

Анна Петровна вынула связку, перевязанную полинявшей розовой ленточкой и подала мнѣ. Я осторожно развязалъ ленточку и еще съ большей осторожностью отдѣлилъ одно письмо, написанное на довольно грубой бумагѣ съ неровными краями. Анна Петровна была права, восхваляя почеркъ Елизаветы Петровны: онъ былъ ровный, четкій и чрезвычайно характерный. Казалось, что надъ каждымъ словомъ, каждой буквой прежде, чѣмъ ихъ написать, думали, а, можетъ быть, и мечтали. По непростительному легкомыслію, я не воспользовался случаемъ и не прочелъ ни одного письма, а ограничился лишь бѣглымъ обзоромъ, и, полюбовавшись на почеркъ, я положилъ ихъ на столъ, около котораго мы сидѣли. Тѣмъ болѣе досадно мнѣ это обстоятельство, что Анна Петровна предложила сама прочесть, хотя одно изъ писемъ, но я, заинтересованный болѣе рассказомъ, чѣмъ письмами давно умершей и неизвѣстной мнѣ родственницы, просилъ отложить до другого раза прочтеніе этихъ писемъ и торопилъ съ окончаніемъ повѣствованія о «чудесахъ» Ферзена и его предсказаніяхъ.

— Ну, вотъ и нашла. Слушай внимательно, что я прочту тебѣ,—проговорила Анна Петровна.

— Къ кому же адресовано это письмо?

— До этого итъ тебѣ дѣла,—рѣзко оборвала меня Анна Петровна, но сейчасъ же и смилостивилась и уже прежнимъ тономъ сказала:—ко мнѣ эти письма были адресованы, но ихъ я получила только послѣ смерти отца,—при его жизни я ихъ не видала,—онъ не хотѣлъ, чтобы я прочла ихъ, и спряталъ въ свой столъ, написавъ на конвертѣ, что эти письма принадлежатъ мнѣ. Отецъ ихъ не читалъ, но онъ уже зналъ о вліяніи Ферзена на меня, почему и не отдалъ мнѣ. Я не буду читать всего письма, а прочту только предсказаніе о войнѣ,—остальное касается моей личной жизни и для тебя не интересно.

— Въ такомъ случаѣ позвольте обратиться къ вамъ съ просьбой, прежде чѣмъ начнете читать письмо.

— Съ какой просьбой?—удивилась Анна Петровна.

— Мнѣ бы хотѣлось записать въ свою записную книжку это письмо. Я интересуюсь сибирской стариной, и мнѣ бы очень хотѣлось надолго сохранить это интересное предсказаніе.

— Изволь, записывай, — согласилась Анна Петровна и начала читать, а я записывать за ней. Вотъ что я тогда записалъ (записная книжка, въ числѣ множества другихъ, болѣе 280 штукъ, уцѣлѣла до сихъ поръ).

«Пишу вамъ въ страшномъ смятеніи духа. Сегодня я имѣлъ видѣніе столь необычайное и тягостное, что душа моя скорбитъ до сихъ поръ, и нѣтъ предѣловъ горести моей. (Здѣсь Анна Петровна пропустила нѣсколько строкъ). Видѣлъ я поля битвъ, потоки крови и страждущихъ, немощныхъ, отъ ранъ изнемогающихъ людей. Люди тѣ разные были и въ разныхъ одѣяніяхъ, но только военныхъ, съ ружьями и другимъ оружіемъ въ рукахъ. Потомъ все смѣшалось и стало темно, а когда появился свѣтъ, то увидаль я, что три потока крови текутъ и хотятъ смыть четвертый свѣтлый потокъ. Вижу море съ бурными волнами, а на тѣхъ волнахъ великое множество кораблей, а на корабляхъ тоже люди съ ружьями. Когда снова покрылось тьмой, и возсіялъ свѣтъ, то увидаль я взрытую землю, а на землѣ люди мертвые и живые и много тѣхъ и другихъ. Видѣніе мое кончилось, а въ душѣ поселился такой ужасъ, что я его передать не умѣю. Мнилось мнѣ, что то видѣніе вѣщаетъ битвы кровавыя, и что въ битвахъ тѣхъ три государства противъ Россіи возстанутъ, и многіе изъ сыновъ ея лучшихъ погибнуть. Не дай, Господи, сбыться сему несчастью и отврати его отъ земли Русской».

— Я могла бы прочитатъ тебѣ еще нѣсколько такихъ же писемъ,—сказала Анна Петровна,—но думаю, что и этого достаточно для твоего убѣжденія. Впрочемъ, такъ и быть, я прочту маленькій отрывокъ изъ другого письма: тамъ съ болѣе ясной говорится объ этой войнѣ. Хочешь?

— Не только хочу, но прошу васъ,—поспѣшилъ я отвѣтомъ.— Вы позволите и это письмо мнѣ записать?

Анна Петровна кивнула головой въ знакъ согласія и начала рыться въ пачкѣ писемъ.

— Вотъ нашла. Слушай внимательно, это письмо чрезвычайно интересно.

«Я долго раздумывалъ,—стояло въ письмѣ,—надъ прошлымъ видѣніемъ и чѣмъ больше думалъ, тѣмъ все болѣе и болѣе укрѣплялся, что оно означаетъ войну противъ Россіи, войну страшную и безпощадную. Ни денегъ, ни жизни людской не пожалѣютъ наши враги для одолѣнія креста православнаго и торжества надъ нимъ

не только латинскаго, но и, страшно сказать, даже мусульманскаго полумѣсяца. Безумство людское должно совершиться, и оно совершится, его нельзя задержать, какъ нельзя остановить быстро несущагося потока или рѣки могучей. И другого толкованія дать тому видѣнью я не могу, ибо оно три раза повторялось, и каждый разъ только дополнялось одно другимъ».

Анна Петровна кончила читать, бережно сложила письма въ шкатулку и задумалась. Молчалъ и я, не зная, какъ разобраться въ странныхъ письмахъ.

— Этими письмамъ не суждено увидать свѣта,—послѣ паузы тихо прошептала Анна Петровна,—но мнѣ бы хотѣлось, чтобы послѣ моей смерти они не попали въ руки людей невѣжественныхъ, которые выбросятъ ихъ, какъ ненужный хламъ. Но при моей жизни я ни за что не разстанусь съ ними: это — мое сокровище, я имъ дорожу больше всего на свѣтѣ. Эти письма глядятъ на меня, словно живые люди, я съ ними бесѣдную, слышу ихъ рѣчи, они рассказываютъ мнѣ минувшее, заставляютъ вновь переживать лучшіе годы и волноваться тѣми же чувствами, что волновали меня во время молодости.

Старушка опять задумалась, и, какъ мнѣ показалось, глаза ея отуманились слезой. Но она быстро встрепенулась, повернула ключъ въ замкѣ, позвала Анисью и приказала ей унести шкатулку.

— Все ты виноватъ,—точно извиняясь, проговорила Анна Петровна:—это ты заставилъ меня всколыхнуть прошлое и помучиться воспоминаніями. Пожалуйста, не извиняйся; я, по правдѣ сказать, даже рада этому,—ты далъ мнѣ возможность забыть, что я стою одной ногой уже въ могилѣ, и что всѣ тѣ, кто писалъ мнѣ письма, покоятся вѣчнымъ сномъ.

— Скажите, Анна Петровна, — сталъ я говорить послѣ нѣкотораго молчанія,—бывали въ домѣ у дѣдушки масоны?

— Масоны? Бывали, но они тщательно скрывали свою принадлежность къ масонскимъ ломамъ; въ ту пору это строго преслѣдовалось, но это былъ секретъ лишь отъ начальства, такъ какъ всѣ хорошо знали, что они занимались масонствомъ, и у нихъ бывали собранія.

— Фамиліи вы ихъ помните?

— Далеко не всѣ. Помню, наприимѣръ, француза Леруа. Какъ онъ попалъ въ Сибирь, при какихъ обстоятельствахъ, я не знаю, или, лучше сказать, не помню, но, что онъ не былъ ссыльнымъ, это я хорошо знаю. Онъ называлъ себя эмигрантомъ, бѣжавшимъ изъ Франціи отъ политическихъ преслѣдованій, носилъ кафтанъ, чулки и башмаки съ пряжками. У меня особенно запечатлѣлась въ памяти его фигура. Постоянно гладко выбритый, съ сѣдыми локонами, улыбающійся беззубымъ ртомъ и нюхавшій табакъ изъ табакерки съ эмалью и портретомъ. По-русски онъ говорилъ, срав-

нительно, недурно, но съ акцентомъ и спутывалъ женскій родъ съ мужскимъ. Меня онъ называлъ «какой славный дѣвочка» и подарилъ однажды маленькую книжку съ картинками. Про него отецъ говорилъ, что онъ завзятый масонъ, и что у него и происходятъ собранія ложи. Вмѣстѣ съ Леруа приходилъ полякъ Рожальскій, высокій, статный старикъ съ длинной сѣдой бородой, большими усами и сѣдыми, курчавыми волосами на головѣ. Рожальскій носилъ суконный коричневый кунтушъ, синіе шаровары и высокіе сапоги съ кисточками и острыми носками. Лиза его прозвала Мазепой и любила бесѣдовать съ нимъ. Рожальскій не скрывалъ, что онъ бывшій ссыльный, но не говорилъ, за что попалъ въ Сибирь. Не скрывалъ также, что онъ былъ масонъ, и носилъ на рукѣ большое черное кольцо, изображавшее двѣ руки,жимающія одна другую. Жилъ онъ вмѣстѣ съ французомъ и не разлучался съ нимъ ни на часъ. Своего друга Рожальскій называлъ «мой учитель» и относился къ нему съ сыновней покорностью и почтительностью. Такъ, напримѣръ, когда Леруа садился, то Рожальскій стоялъ, пока тотъ не приглашалъ его сѣсть, или когда случайно слуга подносилъ чай прежде ему, то Рожальскій бралъ стаканъ и самъ относилъ его къ Леруа, при чемъ спрашивалъ, сколько кусковъ сахару нужно ему положить. Былъ разъ такой случай. Рожальскій вступилъ въ споръ съ другимъ полякомъ, тоже посѣщавшимъ отца по какимъ-то дѣламъ, но Леруа остановилъ споръ однимъ знакомъ, положивъ себѣ на губы палецъ. Рожальскій тотчасъ замолчалъ, прервавъ разговоръ на полусловѣ, оставивъ собесѣдника въ большомъ изумленіи. Отецъ мнѣ тогда сказалъ, что Леруа «старшій мастеръ», а Рожальскій только «братъ» и долженъ во всемъ повиноваться «мастеру». Кромѣ этихъ двухъ завѣдомыхъ, такъ сказать, масоновъ, я встрѣчала еще и такихъ, про которыхъ говорили, что они «придерживаются» масонства, но держатъ это въ строгой тайнѣ. Тѣмъ не менѣе къ Леруа и Рожальскому власти почему-то боялись приступаться и ограничивались лишь полунамеками и домашними предостереженіями, въ родѣ того, что Трескинъ посылалъ къ нимъ квартальныхъ надзирателей для «увѣщаній», сказать, что начальство мирволить «лишь до перваго случая». Тайные же масоны не могли скрыть своего явнаго почитанія, и, какъ я однажды тайкомъ видѣла, цѣловали у Леруа руку, вставъ на одно колѣно.

— Вотъ вы говорили о хлыстахъ: знавали вы, Анна Петровна, когонибудь изъ нихъ, кромѣ Ферзена?

— Да, знавала, — произнесла съ легкимъ вздохомъ Анна Петровна, — знавала, но это были замкнутые люди, мрачные и бесѣдовавшіе съ отцомъ только о дѣлахъ коммерческихъ, а на насъ всѣхъ не обращавшіе ни малѣйшаго вниманія. Только одинъ изъ нихъ, енисейскій купецъ Камневъ, удостоилъ меня разговора, но

только страннаго и мнѣ непріятнаго до такой степени, что я жаловалась потомъ отцу, и онъ больше Камнева къ себѣ въ домъ пускать не велѣлъ.

— Что же онъ вамъ сказалъ?—спросилъ я, и тотчасъ опять пожалѣлъ о своемъ вопросѣ, потому что Анна Петровна сдвинула брови и сердито посмотрѣла на меня.

— Простите ради Бога,—поспѣшилъ я сказать.

— Не въ чемъ прощать, а только тебѣ рано знать, что могъ говорить мнѣ хлыстовецъ,—отрѣзала Анна Петровна.

— А были, кромѣ масоновъ и раскольничьихъ обществъ, другія общества, не на религіозной почвѣ? Были ли чисто политическія общества?

— Были, были. Одно называлось «Друзья свободы», а другое «Свѣточъ разума». Но я говорю это со словъ другихъ людей, — сама я, понятно, не только не участвовала въ нихъ, но и не знала о ихъ существованіи. Когда я стала совсѣмъ взрослая и получила относительную свободу, я могла бы многое узнать объ этихъ обществахъ, но тогда изъ членовъ обществъ рѣдко кто посѣщалъ нашъ домъ и мнѣ не было случая бесѣдовать съ этими людьми.

— Какія же были цѣли такихъ обществъ?

— Гуманитарныя и вмѣстѣ съ тѣмъ просвѣтительныя. Они ухитрялись какими-то путями обходить строгое начальство и устраивали у себя сходки, гдѣ и обсуждали вопросы. Были у нихъ школы на домахъ, а въ школахъ могъ учиться, кто хотѣлъ, старшій и малый. Приюты устраивали для бѣдныхъ и больныхъ и не только въ городахъ, но и въ селахъ и деревняхъ. Рассказывали мнѣ, что даже на каторгѣ у нихъ были свои агенты, которые тайно помогали и учили каторжанъ, но не знаю, насколько это справедливо. Вотъ, что они старались торговля казни уничтожить,—это вѣрно, объ этомъ мнѣ говорилъ отецъ. У нихъ въ обществахъ и властные люди членами были, и тѣмъ противодѣйствовали казнямъ. Въ Нерчинскѣ инженеръ такой былъ,—фамиліи его не упомяну,—что никогда къ тѣлеснымъ наказаніямъ не прибѣгалъ, но даже чужіе приговоры отмѣнялъ и былъ отданъ за такое самовольство подъ судъ и приговоренъ къ лишенію всякихъ правъ, но ему выхлопотали помилованіе съ отрѣшеніемъ отъ должности и воспрещеніемъ жительства въ Сибири. Онъ же, будто бы, отъ такой милости отказался и вновь появился въ нерчинской каторгѣ, но только въ видѣ простого переселенца, и хотя тамошнее начальство и знало объ этомъ, но боялось схватить его, такъ какъ за него вся каторга стояла и грозилась бунтовать, если его шевельнуть.

— Въ какихъ же годахъ жилъ этотъ инженеръ?

— Не сумѣю точно опредѣлить, но, сколько помню, въ то время, когда на каторгѣ совершалъ свою кровавую расправу знаменитый

Разгильдѣевъ. Впрочемъ, не выдаю за вѣрное, можетъ быть, тотъ инженеръ былъ и раньше. Во всякомъ случаѣ, въ старые годы въ Сибири жестокосердіе процвѣтало, а мягкосердечіе ставилось въ преступленіе, такъ что появленіе гуманной личности среди озвѣрѣлыхъ людей было страшной рѣдкостью и явленіемъ необычайнымъ.

— Какъ жаль, что вы фамилію забыли: такого человѣка нужно было бы помнить.

— Мнѣ и самой досадно, но ничего подѣлать теперь нельзя. Вотъ и другого, тоже, какъ мнѣ говорили, изъ членовъ общества онъ былъ, доктора, фамилію запомнела, а онъ поистинѣ рѣдкій человѣкъ былъ, не только въ то старое время, но, пожалуй, и теперь выдвинулся бы своими душевными качествами.

— Настоящій онъ докторъ былъ, или просто называли его докторомъ?

— Настоящій или не настоящій, — этого я не знаю, или, лучше сказать, не помню, а что онъ чудеса съ своимъ лѣченіемъ выдѣлывалъ, объ этомъ всѣ говорили. Но только онъ лѣчилъ не обыкновенными лѣкарствами, которыя изъ аптеки отпускають, а своими. Никому въ своей помощи не отказывалъ и ни одного гроша ни съ кого не бралъ, — такое у него правило было. Наши купцы ему тысячи присылали, а онъ ихъ назадъ отошлетъ съ запиской: пожертвуйте, если хотите, эти деньги на доброе дѣло. А самъ жилъ въ крайней бѣдности, гдѣ-то на краю города, въ маленькой избушкѣ и Богъ знаетъ чѣмъ питался. Много болѣзней, — помнится мнѣ, онъ говорилъ, — происходитъ отъ переѣданія и недоѣданія, и хорошо бы такъ установить, что пусть тѣ, кто переѣдають, отдадутъ свои излишки тѣмъ, кто недоѣдаетъ, вотъ тогда и хворать меньше будутъ.

— Вы упомянули, что онъ «чудеса» выдѣлывалъ. Что же онъ онъ такое совершалъ?

— Вотъ какія чудеса. Захворалъ отецъ, и сильно захворалъ, такъ что доктора рѣшили, что ему не вынести болѣзни. Навѣщаль отца тогда нѣкій Харламовъ, человѣкъ, какъ тогда говорили, весьма вольнаго образа мыслей; ну, такъ этотъ Харламовъ и привезъ своего доктора. Тотъ посмотрѣлъ на больного и сказалъ, что лѣкарствами тутъ ничего подѣлать нельзя, а нужно къ другимъ средствамъ прибѣгнуть, которыя у него съ собою не имѣются, а что за ними нужно сходить къ нему на квартиру. А отцу настолько плохо уже стало, что за духовникомъ послали и съ минуты на минуту ждали его кончины. Докторъ, что съ Харламовымъ пріѣхалъ, вызвался самъ за ними съѣздить, и дѣйствительно черезъ короткое время привезъ ящичекъ и бросился съ нимъ въ спальню, гдѣ лежалъ отецъ мой. А мы всѣ столпились около умирающаго и съ замираніемъ сердца ждали роковой

минуты. Вдругъ влетаетъ этотъ докторъ и громкимъ, повелительнымъ голосомъ приказываетъ намъ всѣмъ удалиться. Сестра Лиза, не Полевая, а моя родная сестра, что потомъ за Карышева вышла, заплакала и отказалась выйти изъ спальни отца.

— Оставайтесь,—сказалъ ей докторъ,—помогать, если понадобится, мнѣ будете.

— Что сталъ дѣлать докторъ?—спросилъ я.

— Сестра вотъ что мнѣ рассказала. Когда,—говорила она,— всѣ ушли, то докторъ вынулъ изъ ящичка какую-то машинку и склянку, въ которую влилъ изъ маленькаго пузырька жидкость. Потомъ машинку поставилъ около склянки и началъ быстро вертѣть рукоятку у машинки. Въ комнатѣ вдругъ свѣжей сосной запахло, да такъ сильно, что у меня голова закружилась, и я почти безъ чувствъ опустилась на кресло, что около кровати стояло для сидѣлки. Послѣ этого докторъ взялъ руку отца, вынулъ маленький ножичекъ, вѣроятно, ланцетъ, и сдѣлалъ на рукѣ разрѣзъ и туда изъ пузырька капнулъ. Отецъ, лежавшій до того безъ движенія, вдругъ повернулся на кровати и тихо застоналъ. Я тогда совсѣмъ уже пришла въ себя и бросилась къ кровати, но меня остановилъ докторъ.

— Погодите,—мнѣ онъ сказалъ,—я еще волю ему лѣкарства.

Докторъ опять взялъ руку у отца, сдѣлалъ новый разрѣзъ и капнулъ на него изъ пузырька. Отецъ застоналъ сильнѣе и поднялъ голову.

— Подержите ему голову,—приказалъ мнѣ докторъ.

Я подложила подъ голову отца руки. Голова была покрыта потомъ.

— Потъ есть?—спросилъ докторъ.

— Есть, есть,—шепнула я.

— Молитесь Богу, отецъ вашъ будетъ живъ. Теперь я за его выздоровленіе ручаюсь,—радостно проговорилъ докторъ и перекрестился, какъ мнѣ тогда бросилось въ глаза, по-раскольничьи.

Наши иркутскіе доктора глазамъ своимъ не вѣрили, когда на другой день они увидали отца бодрымъ, веселымъ и разговаривающимъ. Спасти его могло одно лишь чудо,—утверждали они единогласно,—у него, какъ они опредѣлили, было гнилостное воспаленіе кишекъ, и уже началось зараженіе крови.

— А этотъ таинственный докторъ не открылъ своихъ тайнъ?—сказалъ я.—Неужели лѣчившіе Петра Тимоеевича доктора не постарались узнать, кто и чѣмъ лѣчилъ ихъ пациента, приговореннаго ими же къ смерти?

— Конечно, старались и даже, представъ себѣ, чуть уголовного дѣла не затѣяли противъ, какъ они говорили, «самозванца», но отецъ страшно возмущился, перессорился со всѣми и устроилъ такъ, что начатому уже дѣлу ходъ не былъ данъ, и спасшаго его отъ смерти доктора не преслѣдовали и оставили въ покоѣ.

— А еще вы не припомните «чудесь» этого врача?

— Помнить-то помню, да боюсь тебѣ и рассказывать,—не повѣришь, пожалуй. Впрочемъ, такъ и быть, расскажу про удивительный случай, но съ тѣмъ, что ты меня прерывать не будешь и своихъ сомнѣній тоже не станешь выражать. Я рассказываю или то, что сама видѣла, или же слышала отъ такихъ людей, которыми, какъ самой себѣ, вѣрю. Дашь слово, что не будешь спорить?

— Охотно даю,—поспѣшилъ я успокоить Анну Петровну.

— Ну, такъ слушай внимательно. У наперсника грознаго Трескина, Бѣлявскаго, была побочная дочь, которая жила въ Иркутскѣ съ матерью своей, вдовой приказнаго Калитина. Бѣлявскій, несмотря на плюшкинскую скупость, ханжество, выстроилъ для нея хорошенькій домикъ и не особенно скрывалъ свои отношенія къ этой вдовѣ, а когда родилась у нея дочь, то сама Агнесса, жена Бѣлявскаго, крестила дѣвочку, чѣмъ даже кичилась, и говорила, что «она исполнила святой долгъ», сдѣлавшись «духовной матерью дочери ея мужа». Словомъ все обстояло благополучно, и оставалось бы только радоваться такому удобному положенію вещей, если бы дѣвочка не родилась глухонѣмой. Это обстоятельство приводило Бѣлявскаго въ отчаяніе, и онъ, несмотря на свою природную жестокость, какъ говорили мнѣ, даже нерѣдко плакалъ, держа на колѣняхъ хорошенькую дѣвочку, безмолвно смотрѣвшую на отца голубыми глазами. Такъ проходили годы, и дѣвочка превратилась въ красавицу дѣвушку, но даръ слова къ ней не приходилъ, и она попрежнему не произносила, кромѣ дикаго мычанія, ни одного звука. Объ этой несчастной я узнала отъ Харламова, который жилъ неподалеку отъ Калитиной и часто видалъ дѣвушку, прогуливавшуюся въ одиночествѣ по берегу Ангары. Харламовъ, какъ я уже говорила, принадлежалъ къ какому-то тайному обществу, скорѣе всего къ обществу «Свѣточъ разума», такъ какъ это общество преслѣдовало главнымъ образомъ, чуть ли даже не исключительно, гуманитарныя цѣли. Харламовъ не могъ равнодушно выносить чужихъ страданій и всегда стремился къ ихъ облегченію. Такъ онъ поступилъ и въ данномъ случаѣ: онъ отправился къ своему другу доктору и рассказалъ ему про дѣвушку и спросилъ его, не можетъ ли онъ ее вылѣчить, или въ крайнемъ случаѣ возвратитъ ей хотя бы слухъ. Докторъ, — чуть ли его фамилія не была Кривошеинъ, а, можетъ быть, я и путаю, — пожелалъ видѣть дѣвушку, и послѣ свиданія съ нею, которое состоялось, какъ говорилъ Харламовъ, на берегу Ангары, заявилъ, что онъ попробуетъ ее вылѣчить, но что для этого потребуется немало времени и полное довѣріе къ нему, такъ какъ дѣвушкѣ придется переселиться къ нему. Вотъ тутъ-то и возникли величайшія затрудненія, потому что безъ прямого разрѣшенія Бѣлявскаго сдѣлать этого было

нельзя, а на разрѣшеніе нечего было и рассчитывать, въ виду характера Бѣлявскаго, ненавидѣвшаго всѣхъ людей не одного образа мысли съ нимъ.

Долго толковали между собою друзья, Харламовъ и докторъ, какъ исполнить ихъ благое намѣреніе, и пришли къ рѣшенію, довольно опасному: выкрасть дѣвушку изъ дома, запрятать ее въ укромномъ мѣстѣ и тамъ уже лѣчить. Въ свои планы они посвятили нѣсколько надежныхъ лицъ, и въ одинъ прекрасный день похитили дѣвушку, несмотря на ея отчаянное сопротивленіе, къ счастью для нихъ безмолвное. Понятно, что вся полиція была поднята на ноги, Бѣлявскій металъ грома и молніи, Трескинъ поклялся, что живой или мертвой, а онъ найдетъ дѣвушку и не пощадитъ похитителей, предавъ ихъ жестокому наказанію. Но проходили дни, недѣли, а дѣвушка не находилась, такъ что въ концѣ концовъ Бѣлявскій рѣшилъ, что дѣвушка умерла, и трупъ ея брошенъ въ Ангару.

— Точно въ романѣ какомъ?—сказалъ я.

— Да, похоже. Но ты слушай, что дальше было. Однажды къ намъ приходитъ Харламовъ съ незнакомымъ мнѣ господиномъ и проситъ, чтобы я предупредила моего отца, что съ нимъ хочетъ говорить по очень важному дѣлу нѣкто Брагинъ. Я отправилась къ отцу въ кабинетъ, гдѣ онъ всегда занимался дѣлами, и сообщила о Брагинѣ и Харламовѣ. Тотчасъ же отецъ позвалъ ихъ въ кабинетъ, меня выслалъ вонъ и долго съ ними бесѣдовалъ. Потомъ меня позвали, и, къ моему величайшему удивленію, Брагинъ подалъ мнѣ листокъ бумаги, на которомъ было написано, сколько помню, слѣдующее: «прочтите, запомните и сожгите бумажку сейчасъ же. Она жива и будетъ находиться у васъ. Но это—страшная тайна, выдавъ которую, вы погубите много лицъ, а въ томъ числѣ и вашего отца». Я не знала, что и подумать, и посмотрѣла на отца, ожидая отъ него помощи и разъясненія таинственной исторіи, смутившей меня страшно. Отецъ сидѣлъ, понуривъ голову, и молчалъ, какъ молчали Харламовъ и Брагинъ. Совершенно машинально поднесла я бумажку къ пламени свѣчи, сожгла и пепелъ растерла между пальцами. Брагинъ не спускалъ съ меня глазъ, а Харламовъ стоялъ неподвижно у окна и смотрѣлъ на улицу, хотя время было позднее, и видѣть ничего было уже нельзя. Меня угнетало это общее молчаніе, и я почувствовала страхъ, точно я преступленіе какое совершила.

— Я рѣшительно ничего не понимаю,—осмѣлилась я прервать молчаніе и, какъ теперь помню, даже обрадовалась звукамъ своего голоса.

— Вы знаете исторію съ похищенной дѣвушкой?—сталъ говорить Брагинъ.

— Да, я слышала,—едва могла я проговорить отъ страха.

— Она жива и будетъ жить въ вашемъ домѣ, но ни одна душа не должна знать, что это—та самая дѣвушка. Вы ее можете звать своей родственницей, пріѣхавшей изъ Енисейска. Согласны вы поступить такъ?

— Ты должна согласиться,—проговорилъ шопотомъ отецъ.—Но помни, что ты прочла. Тебѣ ввѣряютъ чужую тайну, и ты должна ее сохранить, ни однимъ словомъ, ни намекомъ не выдать. Поняла?

— Поняла,—проговорила я съ трепетомъ.

— Слушайте въ такомъ случаѣ дальше,—началъ опять говорить Брагинъ.—Дѣвушка эта нѣмая, но слышитъ. Бесѣдовать съ ней вы можете, она все пойметъ, и вы должны ей внушить, что скоро она и заговоритъ. Докторъ станетъ посѣщать ее каждый день, но онъ какъ бы будетъ приходить не для нея, а для васъ. За симъ прислуга не должна знать, что дѣвушка нѣмая, почему устройте такъ, чтобы она въ прислугѣ надобности не имѣла. Сегодня ночью она пріѣдетъ, вы ее встрѣтите и проведете въ свою комнату, гдѣ она и будетъ жить. Помните, что ни Бѣлявскій, ни Трескинъ никогда не простятъ, если узнаютъ, что она скрывается въ домѣ вашего отца. Этого вы никогда не забывайте и храните строгую тайну. Впослѣдствіи все перемѣнится, тогда можно будетъ открыть нашъ секретъ.

— Зачѣмъ же такъ поступали Брагинъ, Харламовъ и Петръ Тимошеевичъ, зачѣмъ давали вамъ читать бумажку?—задалъ я вопросъ Аннѣ Петровнѣ.

— Не могу теперь объяснить, все это происшествіе, вѣдь, Богъ знаетъ, когда и было, я, конечно, многое и забыла. Но тогда бумажка играла какую-то роль, это я помню.

— А когда все это случилось?

— Незадолго до пріѣзда Сперанскаго. Я была тогда еще молоденькой дѣвушкой, но, какъ старшая дочь, играла роль хозяйки. Мать умерла года за два передъ этимъ событіемъ. Кажется, такъ, впрочемъ, можетъ быть, я года и спутала.

— Чѣмъ же исторія эта разыгралась?

— Все совершилось, какъ говорилъ Брагинъ. Ночью въ возкѣ привезли дѣвушку, я ее встрѣтила и провела въ мою комнату, гдѣ уже была приготовлена кровать. Прислугѣ сказали, что мы ждемъ родственницу, но что она больна, почему строго запретили беспокоить ее вопросами и вообще не разговаривать съ ней. На другой день я послала за докторомъ для себя, а когда онъ пріѣхалъ, то осталась въ комнатѣ и видѣла, какъ онъ ее лѣчилъ. Онъ положилъ ее на кровать и очень долго молча смотрѣлъ на нее, а потомъ сталъ дѣлать руками жесты, и она заснула. Тутъ произошло нѣчто удивительное: онъ приказалъ ей встать, она встала, потомъ онъ велѣлъ ей говорить. И представъ себѣ, она говорила, я слышала собственными ушами. Сказала она, правда, съ трудомъ всего

нѣсколько словъ, но все-таки сказала, а раньше не могла произнести ни одного звука. Потомъ докторъ приказалъ ей проснуться,—она тотчасъ же проснулась и осмотрѣлась съ удивленіемъ кругомъ и ясно произнесла: «Господи, Боже мой». Все это кажется теперь мнѣ какимъ-то сномъ, но въ то время, я помню, чуть съ ума не сошла и не знала, что и думать. Ну, вотъ ты хотѣлъ узнать про «чудеса» доктора,—доволенъ теперь?

— А что же съ дѣвушкой вышло, долго жила она у васъ и дѣйствительно перестала быть нѣмой?

— Жила она довольно долго и сдѣлалась совершенно здоровой, т.-е. стала говорить и слышать. Но не обошлось безъ большихъ непріятностей: какъ мы ни хранили тайну, тѣмъ не менѣе Бѣлявскій узналъ невѣдомыми путями о своей дочери и въ одинъ прекрасный день пожаловалъ къ намъ съ цѣлой оравой полицейскихъ и хотѣлъ сдѣлать обыскъ, но отецъ не допустилъ до такого срама и самъ привелъ къ дѣвушкѣ ея отца.

— Вотъ вамъ ваша дочь,—сказалъ отецъ,—она была взята у васъ больной, а теперь, благодаря Бога, какъ видите, она здорова.

— Этимъ инцидентъ и былъ исчерпанъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ, Бѣлявскій, по своей мстительной натурѣ, не могъ простить, какъ онъ и говорилъ, «такого оскорбленія» и захотѣлъ отомстить отцу и доктору, для чего онъ приказалъ безличной, слѣпо повиновавшейся ему Калитиной начать судебное дѣло, къ счастью, прекратившееся за смертью Калитиной. Но отецъ все-таки заплатился, и его много таскали по судамъ, гдѣ, по тогдашнему обычаю, приходилось раздавать деньги направо и налево.

— Не понимаю, зачѣмъ Харламову и доктору понадобилось увозить дѣвушку,—сказалъ я,—развѣ нельзя было иначе устроить?

— Должно быть, нельзя было. Харламовъ боялся за доктора, котораго Калитина и на порогъ бы къ себѣ въ домъ не пустила, какъ человѣка, съ точки зрѣнія Бѣлявскаго, очень опаснаго, а помочь несчастной этимъ двумъ гуманистамъ хотѣлось непременно, они и придумали такой романическій приемъ. Я себѣ такъ объясняю ихъ поступокъ. Въ ту пору романическія исторіи были въ большомъ ходу, и многіе пускались въ весьма рискованныя предпріятія, только бы добиться намѣченной цѣли. Ты не слыхалъ сибирскую фамилію Жуковыхъ? Одинъ изъ нихъ, младшій братъ, въ настоящаго разбойника превратился, чтобы прославиться и оставить по себѣ память, хотя и недобрую.

— Что же, онъ добился такой славы?

— Добился. Представь себѣ, онъ изъ богатой семьи вдругъ превратился въ ночного разбойника, потомъ сдѣлался грабителемъ на большой дорогѣ, гдѣ грабилъ обозы, проѣзжающихъ, и въ концѣ концовъ ограбилъ почту. На этомъ преступленіи онъ попался, былъ

схваченъ и, какъ кажется, повѣшенъ. Другой, такой же любитель сильныхъ ощущеній, держалъ пари, что онъ женится на женѣ одного чиновника, и женился. Для этого онъ убилъ на дуэли мужа, потомъ похитилъ вдову, умчалъ ее куда-то и обвѣнчался. Въ свою очередь жена его тоже бѣжала съ казачьимъ офицеромъ, но бѣглецы были застигнуты мужемъ, который съ помощью своихъ работниковъ связалъ офицера, бросилъ его въ сани и пустилъ на волю Божью, убравъ предварительно ящика, а бѣглянку-жену привезъ домой, поклонился ей въ ноги и прехладнокровно, среди бѣла дня, зарѣзалъ, а самъ скрылся неизвѣстно куда, по вѣсѣмъ вѣроятіямъ, поступилъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ, какъ говорили бывавшіе въ Соловкахъ, видѣли его въ монашескомъ одѣяніи.

— Кто же это продѣлалъ? Вѣроятно, изъ молодыхъ купеческихъ сынковъ, не знавшихъ, что предпринять, для показанія своей удали?

— Нѣтъ, это не былъ изъ купеческихъ сынковъ, а скорѣе изъ сосланныхъ дворянъ, разбогатѣвшихъ въ Сибири. У него гдѣ-то была фабрика не то стеклянныхъ издѣлій, не то суконная, хорошо не помню, но знаю, что онъ не принадлежалъ къ нашему кругу и держался всегда отдѣльно, имѣя свой тѣсный кружокъ такихъ же прожигателей жизни. У него близъ Иркутска былъ какой-то хуторъ, или, какъ у насъ называютъ, заимка, вотъ тамъ онъ и жилъ, и тамъ же совершались гомерическіе пиры и попойки. Звали его Арсеній Григорьевичъ Рольскій, но, какъ увѣряли, это не была его настоящая фамилія, что онъ себя хотя и выдаетъ за дворянина, но что онъ просто бѣглый каторжникъ. Ходилъ онъ всегда въ какомъ-то черкесскомъ казакинѣ, съ кинжаломъ у пояса и съ патронами на груди. Держался въ обществѣ прилично, хотя появлялся очень рѣдко. Дамы наши были отъ него въ восторгѣ и видѣли въ немъ романическаго героя, но мужчины были другого мнѣнія, и скорѣе боялись его, чѣмъ уважали.

— У Петра Тимоѣевича онъ бывалъ?

— Нѣтъ, отецъ не хотѣлъ вести съ нимъ знакомства и называлъ, какъ я помню, «героемъ большихъ дорогъ». Я видала Рольскаго въ другихъ домахъ, гдѣ за нимъ ухаживали и любили его общество. Но что всего поразительнѣе, это—то, что онъ несомнѣнно принадлежалъ къ хлыстовской сектѣ и былъ рьянымъ послѣдователемъ этого вреднаго ученія.

— Какъ же въ немъ совмѣщались такія крайности? Съ одной стороны, это—бреттеръ, а съ другой—послѣдователь, хотя и нелѣпаго, но все-таки мистическаго ученія, не допускавшаго такихъ поступковъ со стороны своихъ послѣдователей?

— Тѣмъ не менѣе это было такъ въ дѣйствительности. Мнѣ это Камневъ указывалъ на Рольскаго, какъ на человѣка... ну, сло-

вомъ, какъ на прельстителя женщинъ, и говорилъ, что онъ имѣеть весьма большое вліяніе при выборѣ руководителей «корабля». До этого разговора я не имѣла понятія о Рольскомъ, и никогда его не видала, а тутъ, по женскому любопытству, мнѣ захотѣлось его повидать, и я нарочно поѣхала къ Жерновымъ, гдѣ онъ бывалъ. У этихъ Жерновыхъ и началась исторія его съ чужой женой, тутъ же было заключено пари съ молодымъ енисейскимъ купцомъ Антоновымъ, и съ этого вечера Рольскій сталъ приводить въ исполненіе свой планъ.

— Да, много прошло передо мною событій, и, вспоминая ихъ, невольно переносишься въ далекое прошлое и начинаешь снова жить прожитой жизнью. Куда скрылись всѣ герои этихъ событій? Куда? Конечно, въ могилу. А я зажила, и съ покорностью Провидѣнію жду, когда переселюсь въ лучший міръ, гдѣ нѣтъ ни плача, ни воздыханій.

Анна Петровна задумалась и вздохнула. Видимо, ее утомилъ длинный разговоръ, и я не считалъ возможнымъ пользоваться ея любезностью; пришлось, скрѣпя сердце, прекратить расспросы о «дѣлахъ минувшихъ» и поблагодарить Анну Петровну за ея желаніе подѣлиться со мною своими воспоминаніями.

На этомъ я, пока, кончаю свои личныя воспоминанія и обращаюсь къ запискамъ дѣда, но прежде, чѣмъ я сдѣлаю это, я долженъ сказать, что воспроизвести приведенную бесѣду съ А. П. Басниной мнѣ стоило немалого труда. Пришлось вытащить ворохъ своихъ записныхъ книжекъ и копаться въ нихъ довольно долго, прежде чѣмъ я могъ съ достаточной ясностью изложить въ предлагаемомъ очеркѣ происходившіе нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ разговоры. Помогли мнѣ въ данномъ случаѣ записныя книжки, въ которыя я вносилъ и вношу все, что кажется мнѣ интереснымъ, и, по мѣрѣ надобности, черпаю изъ нихъ матеріалъ для моихъ работъ. У меня хранится не одна сотня записей разсказовъ о сибирской старинѣ моего крестнаго отца, извѣстнаго сибирскаго дѣятеля, памяти котораго посвящена большая монографія, Василя Николаевича Баснина, скончавшагося въ семидесятыхъ годахъ въ Москвѣ, чуть ли не ста лѣтъ. Этотъ почтенный и всѣми уважаемый человѣкъ хранилъ массу свѣдѣній о прошломъ Сибири, охотно дѣлился со всѣми интересовавшимися сибирской стариной, между которыми былъ и я. Посѣщая Василя Николаевича на правахъ его крестнаго сына, что особенно читается въ сибирскихъ купеческихъ родахъ, я пользовался довольно исключительной лаской престарѣлаго дѣятеля въ области насажденія въ Сибири разумной благотворительности и гуманныхъ учреждений, въ видѣ, на примѣръ, сиропитательныхъ домовъ, устроенныхъ имъ вмѣстѣ съ Медвѣдниковыми въ Иркутскѣ, почему и могъ получить такія свѣдѣнія, которыя для другихъ, можетъ быть, были бы не-

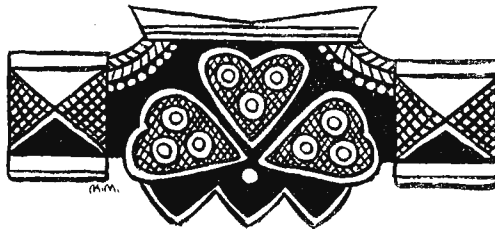
доступны, такъ какъ касались, главнымъ образомъ, нашего рода и многихъ нашихъ родственниковъ, потомки которыхъ благополучно существуютъ и въ настоящее время.

Василій Николаевичъ рассказывалъ мнѣ, между прочимъ, и о «тайственныхъ людяхъ», жившихъ въ Сибири въ періодъ «до Сперанскаго», и о томъ, какъ эти люди проявляли свою дѣятельность. Свѣряя эти рассказы съ записками дѣда и съ рассказами Анны Петровны, я нашелъ въ нихъ взаимное подтвержденіе, почему могу смѣло думать, что все помѣщенное въ этомъ очеркѣ имѣетъ фактическую подкладку, и если не появлялось раньше въ печати, то лишь благодаря тому, что въ Сибири почти не было въ прежнее время «смиранныхъ лѣтописцевъ», какимъ былъ мой дѣдъ, заносившихъ въ свои лѣтописи проходившія мимо ихъ глазъ событія. Жаловался на это и покойный Василій Николаевичъ, говоря, что въ Сибири нѣтъ людей, желавшихъ передать потомству дѣла минувшаго.

— Прошлое Сибири, по большей части, безотраднo, — говорилъ онъ, — но бывали свѣтлые моменты, блиставшіе, подобно маякамъ, среди глубокой, беспросвѣтной мглы. Но память о дѣлахъ свѣтлыхъ погребена вмѣстѣ съ злыми дѣянiями, и будущему историку Сибири станетъ трудно разобраться въ томъ, что происходило до «просвѣтлѣнiя» Сибири, т.-е. до появленiя тамъ незабвеннаго Сперанскаго.

II. Баснинь.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

БАРИНЪ ГОРДЕИЧЪ.

В НЕДАВНО выпедшемъ сборникѣ: «Мысли мудрыхъ людей, собранныя гр. Л. Н. Толстымъ», есть слѣдующая весьма интересная выписка изъ Талмуда: «всѣ рабочіе и мастеровые люди возвратятся въ послѣдствіи къ земледѣлію: какъ говоритъ священное писаніе, они.....къ землѣ пристанутъ» (стр. 69). Переживаемое нами время что-то мало указываетъ на близость исполненія этого пророчества; о евреяхъ, которыхъ, казалось бы, оно ближе всего касается, и говорить нечего: пока нѣтъ никакой надежды, чтобы они когда либо сдѣлались земледѣльцами, но даже и по отношенію къ чисто русскимъ людямъ приходится сплошь и рядомъ слышать сѣтованія на то, что деревня переселяется въ городъ, что все сельское населеніе, попадающее на фабрики и заводы, въ деревню не возвращается; что большинство взятыхъ отъ сохи въ солдаты, или, выражаясь офиціальнымъ языкомъ, отбывшихъ воинскую повинность, потеряно для деревни и норовитъ пристроиться въ городѣ въ качествѣ служилаго люда: дворниковъ, швейцаровъ и т. п.

Все это въ высшей степени печально, но, къ сожалѣнію, въ значительной мѣрѣ справедливо.

По поводу этихъ сѣтованій вспоминается мнѣ одна личность, съ которою мнѣ случилось столкнуться слишкомъ двадцать пять лѣтъ тому назадъ. Я забылъ фамилію этого человѣка, что, впрочемъ, особаго значенія не имѣетъ, ибо личность эта вовсе не историческая,

и я, отвѣчая лишь за точную передачу фактической стороны, отказываюсь припомнить имя моего героя и названіе села, въ которомъ онъ проживалъ. Буду называть его Иваномъ Гордеевичемъ Гордеевымъ. Помнится, что какъ-то въ родѣ этого онъ и прозывался въ дѣйствительности.

Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ я служилъ товарищемъ прокурора одного изъ прикамскихъ окружныхъ судовъ и жилъ въ уѣздномъ городѣ Вятской губерніи. Какъ-то, въ 1875—1876 г.г. мнѣ было поручено прокуроромъ суда произвести негласное разслѣдованіе о взяточничествѣ одного чиновника, и я, желая собрать свѣдѣнія на мѣстѣ, рѣшилъ объѣхать нѣкоторые намѣченные мною селенія. По существовавшему тогда порядку, въ каждомъ селеніи имѣлась «мірская квартира», или «въѣзжая», т.-е. нанимаемая обществомъ по возможности чистая изба, предназначенная для пріѣзжающихъ по дѣламъ службы чиновниковъ, которые такимъ образомъ получали даровое помѣщеніе съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, т.-е. комнату и сальную свѣчу.

Поѣздка моя состоялась зимою, около Рождества. Ночью, сильно иззябшій, я добрался наконецъ до села, которое мнѣ было нужно, разыскалъ избу сельскаго старосты, чтобы узнать, гдѣ мірская квартира. Староста мнѣ сказалъ, что мірская квартира второй уже годъ у «барина», и предложилъ проводить меня. Я рѣшилъ, что «баринъ»—это уличное прозваніе крестьянина-домовладѣльца, и, нимало не думая, отправился по назначенію. Долго стучались мы въ запертыя ворота, пока намъ не отперъ ихъ мужикъ въ полушубкѣ и валенкахъ, лѣтъ 50 отъ роду, съ небольшою, съ просѣдкою, бородою. На мои слова: «поставь-ка, братъ, поскорѣ самоварчикъ», мужикъ, провожавшій меня въ избу съ фонаремъ въ рукахъ, отвѣтилъ: «живо скомандуемъ, ваше благородіе!», и дѣйствительно вскорѣ принесъ самоваръ и чайную посуду; все это было и грязновато, и плоховато, какъ вообще бываетъ у мужика, да и самая изба и вся ея обстановка были обычныя, крестьянскія.

Немного спустя, появились деревенскія власти: сельскій староста, сотскій и назначенный при мнѣ на дежурство полицейскій десятскій. Поговоривъ съ ними и отпустивъ ихъ, я только что расположился пить чай, какъ ко мнѣ вошелъ тотъ самый мужикъ, который отворялъ мнѣ ворота, но уже не въ полушубкѣ и валенкахъ, а въ офицерскомъ сюртукѣ безъ погоновъ (тогда контръ-погоновъ у отставныхъ офицеровъ не было) и въ сапогахъ съ брюками на выпускъ. Распаркиваясь, онъ рекомендовался такъ: «позвольте представиться: отставной подпоручикъ Гордеевъ». Удивленный такимъ неожиданнымъ для меня маскарадомъ, я вступилъ въ бесѣду съ этимъ оригиналомъ, и онъ рассказалъ мнѣ слѣдующее. Онъ—уроженецъ этого села и, лѣтъ 30 назадъ, отданъ былъ по рекрутскому набору въ солдаты. Попалъ онъ на Кавказъ; служба

ему повезла; тамъ онъ научился грамотѣ; писалъ онъ довольно бойко, хотя и не безъ крупныхъ орфографическихъ ошибокъ; онъ даже кое-что читалъ; увлекало его все божественное, а изъ литературы Державинъ и Пушкинъ; Лермонтова онъ не признавалъ и читать его ни за что не хотѣлъ: по его словамъ, офицеру не слѣдуетъ писать стиховъ, да и вообще офицеръ ничѣмъ, кромѣ службы, заниматься не долженъ; вся его жизнь должна быть отдана солдату, а если это дѣлать, какъ слѣдуетъ, то на одно это и жизни, пожалуй, не хватитъ. Долгое время Гордеевъ былъ фельдфебелемъ, и затѣмъ его произвели въ офицеры, но здѣсь судьба его рѣзко измѣнилась, и ему пришлось тяжело: отъ своихъ онъ отсталъ, къ барамъ не присталъ; даже солдаты относились къ нему далеко не такъ, какъ къ прочимъ офицерамъ; явленіе это не разъ указывалось въ литературѣ, при чемъ постоянно отмѣчалось, что солдаты безъ всякаго уваженія, а съ какимъ-то не то презрѣніемъ, не то ненавистью, относятся къ офицерамъ, произведеннымъ изъ нижнихъ чиновъ, или, какъ тогда говорили, «изъ сдаточныхъ». Какъ извѣстно, такихъ офицеровъ почему-то называли бурбонами. Правда, нерѣдко эти бурбоны отличались крайнею жестокостію по отношенію къ своимъ бывшимъ товарищамъ, но мой Гордеевъ, судя по его характеру, такимъ быть не могъ.

Пронесъ онъ эту тяготу года два и больше не вытерпѣлъ. «Плохо ужъ очень приходилось мнѣ,—говорилъ онъ:—г.г. офицеры своимъ меня не признавали, постоянно меня высмѣивали, и хожу-то я, какъ медвѣдь, и кланяться по-людски не умѣю, и манеры-то у меня грубыя, мужицкія; стыдно сознаться, а вѣдь я, на старости лѣтъ, началъ было учиться танцамъ—только ничего изъ этого не вышло: учитель былъ виноватъ въ томъ или я,—не знаю. Пробовалъ я сблизиться съ командою—еще того хуже: отъ меня сторонятся, называя бариномъ; если что скажешь—чуть не ухмыляются, а вздумаешь приказать,—хотя и исполнять, но какъ-то неохотно, точно будто имъ обидно получать отъ меня приказанія».

Помолчавъ немного, старикъ продолжалъ: «озлобился я на нихъ, но, какъ передъ Богомъ говорю, солдатъ не обижалъ. Пока былъ фельдфебелемъ, случалось, дрался, а, ставъ офицеромъ, пальцемъ никого не тронулъ. И, все-таки, странное дѣло: были у насъ офицерики мальчишки, только что выпущенные изъ корпуса; ни службы не знаетъ, ни солдатъ не знаетъ; были старые офицеры—ругатели, драчуны и любители розогъ, а подчасъ и на руку не чистые. Солдатики надъ одними смѣялись, другихъ заочно ругали, но насмѣшки и ругательства ихъ были далеко не такъ обидны, какъ тѣ, которые мнѣ случалось слышать на свой счетъ: тамъ были язвительная насмѣшка или озлобленіе, а здѣсь словно какое презрѣніе, будто я какое-то ничтожество, какая-то мразь, о которой и говорить не стоитъ. «Лапотный баринъ»—вотъ данное мнѣ солдатиками прозваніе».

«Думалъ я, думалъ, какъ мнѣ себя поставить, какъ себя вести; ночей не спалъ, плакалъ не разъ и, наконецъ, порѣшилъ такъ: былъ я человѣкъ, а сталъ ни пава, ни ворона, такъ или иначе, а въ военной службѣ мнѣ оставаться нельзя: снова сдѣлаться фельдфебелемъ невозможно, а офицеромъ я быть не могу. Видимое дѣло: мужикомъ я былъ, мужикомъ мнѣ и оставаться. Такъ я и поступилъ и, слава Богу, не ошибся».

Рѣшивъ такимъ образомъ задачу, Иванъ Гордеевичъ подалъ прошеніе объ отставкѣ и былъ уволенъ съ слѣдующимъ чиномъ. Новый подпоручикъ вернулся на родину, гдѣ никого изъ родныхъ въ живыхъ не засталъ; онъ поселился въ своемъ селѣ, поправилъ оставшійся отъ родителей домъ, общество дало ему землю, а онъ отпустилъ бороду, надѣлъ полушубокъ и, наравнѣ съ остальными обывателями, сталъ нести всѣ мірскія повинности.

Ушелъ онъ на службу холостымъ, а вернувшись вскорѣ женился на мѣстной крестьянкѣ, немолодой уже вдовѣ. Дѣтей имъ Богъ не далъ, а взяли они себѣ приемыша, дѣвочку-сироту, которую и лелѣяли, какъ родную дочь.

Съ женою Гордеевъ жилъ мирно, хотя и здѣсь на первыхъ порахъ не обошлось безъ исторій: кто-то, чуть ли не мѣстная попадья, внушилъ женѣ Гордеева, что она благородная, настоящая барыня, что если бы мужъ ея остался на службѣ, имъ полагался бы отъ казны денщикъ, и что посему ей слѣдуетъ, подобно попадѣ, носить ботинки и платье, а не сарафанъ и лапти съ котами; словомъ, что она, какъ офицерша, вмѣстѣ съ попадьею, которая считала своего мужа въ рангѣ полковника, да съ женами волостного писаря и земскаго фельдшера, составляютъ мѣстную аристократію. Добродушная баба поспѣшила рассказать все это мужу и потребовала отъ него измѣненія образа жизни. Можно себѣ представить, какъ принялъ это Гордеевъ. Онъ, котораго коробило самое прозваніе барина, былъ потрясенъ до глубины души; кажется, дѣло едва ли обошлось безъ ручной расправы. «Баба ты есть и вдобавокъ баба глупая,—порѣшилъ онъ,—если я самъ-то мужикъ, какъ же ты можешь быть барыней?» Понятно, болѣе ничего подобнаго никогда не повторялось, и, сколько мнѣ извѣстно, никакихъ затѣмъ размолвокъ между супругами не было.

Хотѣлось очень Ивану Гордееву вполнѣ окупиться въ крестьянскую жизнь, и онъ просилъ общество выбрать его въ сотскіе, но это, разумѣется, оказалось невозможнымъ; думалъ наняться сотскимъ на годъ (у насъ это допускалось, и немало полицейскихъ сотскихъ было изъ отставныхъ солдатъ, служившихъ по найму и за счетъ избраннаго на эту должность крестьянина), да становой не согласился: нельзя офицера ни обругать, ни тѣмъ паче дать въ зубы.

А все-таки старикъ берегъ свой офицерскій сюртукъ, но надѣвалъ его только въ случаѣ приѣзда новаго чиновника; къ тѣмъ,

которыхъ онъ уже видѣлъ, онъ являлся въ крестьянскомъ костюмѣ; на сельскіе сходы, даже въ церковь онъ всегда ходилъ въ полушубкѣ или азымѣ, какъ рядовой крестьянинъ.

Въ разговорѣ я было назвалъ его подпоручикомъ, но онъ тотчасъ же остановилъ меня, сказавъ: «зовите меня, ваше благородіе, «Гордеичемъ»; такъ всѣ зовутъ меня здѣсь въ глаза, а заочно, Богъ имъ судья, все-таки величаютъ меня «баринномъ». Ну, какой же я баринъ? Развѣ такіе бары бываютъ?»

Таково было первое мое знакомство съ Гордеичемъ.

Прошелъ годъ или полтора. Въ селѣ Гордеича мнѣ бывать не случалось, и за все это время я старика не видалъ, но онъ меня заинтересовалъ настолько, что, отъ времени до времени, я о немъ справлялся, и нашъ исправникъ, хорошо знавшій чуть не весь уѣздъ, говорилъ мнѣ, что Гордеичъ попрежнему хозяйствуетъ и пользуется среди своихъ односельцевъ большимъ уваженіемъ.

Въ концѣ лѣта 1877 года, въ самый разгаръ Турецкой войны, когда мы съ грустью обсуждали послѣдствія первой Плевны, ко мнѣ на городскую квартиру явился Гордеичъ. Уже одно то, что онъ былъ въ офицерскомъ сюртукѣ, показывало, что его вызвало въ городъ важное дѣло. Какъ оказалось, онъ явился ко мнѣ за совѣтомъ. Его смутило только что полученное имъ письмо мѣстнаго уѣзднаго исправника, которымъ тотъ, по порученію губернатора, предлагалъ ему отправиться въ дѣйствующую армію. Какъ узнали мы послѣ, правительство, въ виду недостатка въ офицерахъ, рѣшило пригласить желающихъ изъ отставныхъ, и, въ числѣ прочихъ, такое приглашеніе получилъ и Гордеичъ. Онъ немедленно явился въ городъ, узналъ отъ исправника подробности, а затѣмъ пришелъ ко мнѣ. Нужно сказать, что въ семидесятыхъ годахъ были введены въ Поволжѣ и въ Прикамскомъ краѣ новые судебныя уставы, и чины судебного вѣдомства пользовались среди мѣстнаго населенія громаднымъ уваженіемъ. Въ особенности авторитетны были жившіе по уѣзднымъ городамъ товарищи прокуроровъ окружныхъ судовъ, или, какъ ихъ называли, «прокуроры». Постоянно сталкиваясь, въ силу своей должности, съ населеніемъ, стоя близко къ нему, они вскорѣ сдѣлались какими-то всеобщими юрисконсультами, и ихъ квартира, особенно въ базарные дни, напоминала скорѣе квартиру присяжнаго повѣреннаго, чѣмъ представителя обвинительной власти. Такого юрисконсульта изображалъ, вмѣстѣ съ другими товарищами, и я въ своемъ городѣ, и поэтому-то, вѣроятно, ко мнѣ и явился Гордеичъ.

Я сказалъ ему, что онъ свое отслужилъ, что онъ уже старъ, что найдутся и безъ него охотники, и что лучше ему сидѣть на своей землѣ и спокойно доживать свой вѣкъ въ деревнѣ.

— А не заворно это будетъ?—спросилъ онъ.—Вѣдь у меня еще есть силы; пожалуй, на походахъ, въ силу привычки, я и

молодого за поясъ заткну. Вѣдь я еще могу послужить царю... Боюсь, не стала бы совѣсть послѣ упрекать.

Я, какъ могъ, успокоилъ его, и въ концѣ концовъ онъ согласился со мною и вернулся въ свое родное село.

Подошла зима; было близко Рождество 1877 года; мы переживали третью Плевну. Въ одно, какъ говорится, прекрасное утро ко мнѣ снова явился Гордеичъ и опять въ офицерскомъ сюртукѣ.

— Я опять къ вамъ,—началь онъ:—слышали, Плевна-то какъ?

— Кто же этого не слыхалъ?—отвѣчалъ я.—Славу Богу, теперь конецъ войнѣ.

— Какъ конецъ? Какой теперь конецъ? Конецъ выйдетъ тогда, когда будемъ въ Царьградѣ... вотъ когда конецъ!

— Дай Богъ!—былъ мой отвѣтъ.—Но что же вы такъ волнуетесь?—спросилъ я, видя, что на старикѣ лица нѣтъ, что онъ то покраснѣетъ, то поблѣдетъ, сидѣть на мѣстѣ не можетъ: то вскопичить, то сесть.

— Прочтите это!—вмѣсто отвѣта сказалъ онъ, подавая мнѣ сложенный вчетверо листъ почтовой бумаги.

То было письмо губернатора на имя Гордеича. На печатномъ бланкѣ начальника губерніи, съ обычнымъ титуломъ «М. Г. Иванъ Гордеевичъ» и за собственноручною подписью его превосходительства, оно заключало въ себѣ приглашеніе «посвятить себя служенію престолу и отечеству на полѣ брани» и, слѣдуя примѣру большинства отставныхъ офицеровъ, немедленно отправиться въ дѣйствующую армію.

— Ну, что же?—спокойно сказалъ я:—это то же самое приглашеніе, какъ и прошлый разъ, только въ болѣе приличной формѣ. Съ своей стороны, я скажу вамъ то же, что говорилъ и тогда. Вы свое отслужили, пусть послужатъ другіе; и безъ васъ народа много; вернетесь вы безъ руки или безъ ноги, найдете хозяйство разстроеннымъ, и, вмѣсто нынѣшняго благоденствія, придется, пожалуй, нищенствовать.

— Нѣтъ, это такъ!—воскликнулъ старикъ.—За Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадаютъ; если царь сдѣлалъ меня изъ мужика офицеромъ, такъ долженъ же я отслужить ему за это; вѣдь, видимо, нуженъ я, если самъ губернаторъ написалъ мнѣ письмо... и какъ это онъ узналъ, гдѣ я живу, и какъ меня зовутъ и величаютъ?

Я разъяснилъ ему, что все это не такъ мудрено, что у губернатора имѣются списки всѣхъ отставныхъ офицеровъ, что писалъ губернаторъ не одному ему, а всѣмъ живущимъ въ его губерніи офицерамъ, что ничего особеннаго въ этомъ приглашеніи нѣтъ, но старикъ ушелъ отъ меня, видимо, нимало не убѣжденный. Послѣднія слова его были: «Нѣтъ, вы, какъ будто, не дѣло говорите!»

Вскорѣ я узналъ, что Гордеичъ отправился въ армию, но предварительно сдѣлалъ всѣ распоряженія по хозяйству. Передавъ женѣ свои небольшія сбереженія, подкрѣпленные полученными подъемными и частью прогоновъ, онъ нанялъ ей работника и строго-на-строго наказалъ продолжать веденіе хозяйства и обработку земли.

Не знаю, получались ли о немъ какія либо свѣдѣнія съ театра войны, если и получались, вѣроятно, не часто: русскій человѣкъ писать безъ надобности не любитъ, но прошло около года, и судьба снова свела меня съ Гордеичемъ.

Онъ явился ко мнѣ тотчасъ по возвращеніи на родину. Онъ былъ снова въ офицерскомъ сюртукѣ и разсказалъ, что былъ зачисленъ въ Кавказскую армию, попалъ въ свой прежній полкъ, участвовалъ въ небольшихъ дѣлахъ, раненъ ни разу не былъ, но зато перенесъ тифъ, который, по его словамъ, только прибавилъ ему здоровья, получилъ слѣдующій чинъ и теперь поручикъ въ отставкѣ. Свой разсказъ онъ закончилъ такъ: «вотъ теперь я могу сказать, какъ въ писаніи говорится: нынѣ отпускаеши раба твоего, Владыко!»

— И слава тебѣ, Господи!—сказалъ я.—Ну, а если, спаси Богъ, опять случится что либо подобное, тогда какъ?

— Живы будемъ, нужны будемъ—опять пойдемъ.

— А дома у васъ что?—спросилъ я.

— Да дома все благополучно,—отвѣтилъ онъ и не безъ юмора прибавилъ:—только, какъ это иногда бываетъ у военныхъ, пока я воевалъ, у меня семейство прибавилось: Богъ сына далъ!

Оказалось, что въ отсутствіе мужа его супруга взяла себѣ какого-то совершенно безпріютнаго сироту-мальчика лѣтъ пяти пріемшемъ.

— Теперь у меня парочка, баранъ да ярочка,—весело сказалъ старикъ:—и дочка, и сынъ.

— А что вы думаете теперь съ собою дѣлать?

— Да, разумѣется, то же, что и прежде дѣлалъ. Наше дѣло мужицкое, снова примусь за землю-матушку. Она не выдастъ. Хочу теперь еще пчелкою заняться: для старика самое подходящее дѣло.

Онъ еще разъ былъ у меня, прося указать такое учебное заведеніе, изъ котораго его мальчикъ вышелъ бы человѣкомъ образованнымъ, но непременно мужикомъ; чтобы его научили, какъ лучше обрабатывать землю, но не иначе, какъ своими руками.

Больше я Гордеича не видалъ. Слышалъ я, что онъ попрежнему ходитъ въ полушубкѣ и, вернувшись со службы, повелѣ дѣло такъ, какъ будто никогда и не уходилъ на нее. У своихъ односельчанъ онъ попрежнему «Гордеичъ», а за глаза попрежнему «баринъ», что опять-таки попрежнему продолжаетъ его

смущать. Достатокъ его нѣсколько увеличился; жена, въ его отсутствіе, вела дѣло прекрасно, работникъ попался честный, трезвый и работающій, а со службы онъ привезъ небольшія сбереженія изъ скромнаго офицерскаго жалованья.

Въ 1881 году я оставилъ Вятскую губернію и ничего больше о Гордеичѣ не слыхалъ: живъ онъ или нѣтъ, не знаю; быть можетъ, онъ давно умеръ, а если живъ, то ему теперь должно быть подлѣ 80 лѣтъ. Думалъ я справиться о судьбѣ его чрезъ кого либо изъ знакомыхъ по Вятской губерніи, но отъ мысли этой пришлось отказаться: я не помню ни настоящаго имени Гордеича, ни даже села, въ которомъ онъ жилъ, а тѣхъ, кто его зналъ въ семидесятихъ годахъ, частью нѣтъ уже въ Вятской губерніи, а частью и совсѣмъ въ живыхъ нѣтъ.

Думается мнѣ, что мой Гордеичъ—явленіе далеко не единичное; что такихъ людей у насъ немало, но только они не трубають о себѣ, и о нихъ никто не знаетъ. Они въ простотѣ души даже не сознають всего величія своего подвига, и если бы кто нибудь намекнулъ Гордеичу на что либо подобное, онъ, вѣроятно, былъ бы несказанно удивленъ и никакъ бы не могъ понять, что онъ такое особенное сдѣлалъ.

Такими людьми крѣпка Русская земля и крѣпка именно потому, что они сами крѣпки землѣ, что они, какъ сказано въ приведенной выше выпискѣ изъ Талмуда, «пристали къ землѣ».

И такимъ людямъ честь и слава. Подражать имъ надо и учиться у нихъ.

И. М.

МИРОВЫЕ ПОСРЕДНИКИ ПЕРВАГО ПРИЗЫВА.

(Личныя воспоминанія).

СОСТАВИТЕЛИ «Положенія 19-го февраля 1861 года» не смотрѣли на свой трудъ, какъ на законченную законодательную работу. «Положеніе» только освободило крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, начертало путь къ свободѣ и самоуправленію, а затѣмъ ждало развитія этого пути. Новая жизнь должна была указать направленіе, въ которомъ должно было развиваться законодательство.

На мировыхъ посредниковъ перваго призыва было возложено: приведеніе въ дѣйствіе «Положенія 19-го февраля», устройство схемы самоуправленія крестьянъ, введеніе уставныхъ грамотъ, разверстаніе угодій, выкупъ ихъ, а главное, они должны были устроить все это мирно и спокойно. Но и мировые посредники на «Положеніе» смотрѣли, какъ на простой набросокъ широкими штрихами, который въ своихъ подробностяхъ долженъ былъ пополняться по мѣрѣ развитія жизни.

Но и тутъ, какъ во всѣхъ отрасляхъ государственной жизни, движеніе законодательства не поспѣвало за развитіемъ и потребностями освобожденнаго народа, и рамки реформъ 1861-го года стали тѣсны. Сорокъ лѣтъ «Положеніе 19-го февраля» ждало развитія и заполнения пробѣловъ въ самоуправленіи и въ дарованной свободѣ. Это промедленіе не прошло безнаказанно: центръ оскудѣлъ, пришлось его поднимать, и нынѣ вновь нужно прибѣгать къ мѣстнымъ дѣятелямъ. Комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности нѣсколько напоминаютъ тѣ губернскіе

комитеты по улучшенію быта крестьянъ, которые подготавливали матеріалы для «Положенія 19-го февраля 1861 года».

Несомнѣнно, что матеріаль о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности будетъ представленъ въ огромномъ количествѣ. Вѣроятно, пригласятъ для разработки его и выдающихся мѣстныхъ дѣятелей, какъ было для главнаго комитета и для редакціонной комиссіи. Затѣмъ понадобятся и такіе посредники, которые должны будутъ составить связь законодательныхъ работъ съ жизнью въ оскудѣвшемъ центрѣ. Такъ какъ эти посредники будутъ въ родѣ мировыхъ посредниковъ перваго призыва, которыхъ мало кто помнитъ, то считаю своевременнымъ показать нѣкоторыя стороны ихъ дѣятельности.

Высочайшій манифестъ 19-го февраля 1861 года объ освобожденіи крестьянъ и раздача «Положенія» о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, были объявлены народу до учрежденія мировыхъ посредниковъ и уѣздныхъ мировыхъ съѣздовъ. Манифестъ былъ прочитанъ въ церквахъ, а «Положеніе» полицейскіе чины развезли по деревнямъ и роздали помѣщикамъ и крестьянамъ. Среди крестьянъ грамотныхъ почти не было, а духовенству и стороннимъ людямъ запрещено было читать и толковать статьи, опредѣляющія права крестьянъ и помѣщиковъ. Поэтому до мировыхъ посредниковъ на «Положеніе» смотрѣли, какъ на пророчество, которое дѣлается понятнымъ только по исполненіи его.

Въ должность мировыхъ посредниковъ избирались мѣстные потомственные дворяне-помѣщики, владѣющіе отъ 150 и болѣе десятинъ и окончившіе курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ съ правомъ на чинъ XII класса. Въ списки на должность мировыхъ посредниковъ вносились все имѣющіе право; а изъ этого списка губернаторы, по совѣщанію съ предводителями дворянства, представляли 4—5 человекъ на уѣздъ въ правительствующій сенатъ, который и утверждалъ въ должности. Посредники въ правахъ служебныхъ и въ порядкѣ взысканія по службѣ состояли въ равной степени съ уѣздными предводителями дворянства. Особеннаго класса имъ не присваивалось, что толковалось, что никакого мундира имъ не полагается. Это, однако, не помѣшало многимъ изъ нихъ сдѣлать себѣ шанки съ краснымъ околышемъ и съ кокардой. На канцелярію, разѣзды и расходы по службѣ назначалось въ годъ по 1.500 рублей—сумма, весьма значительная для тогдашняго дешеваго времени.

Къ вѣдомству мировыхъ посредниковъ относилось: разборъ жалобъ, засвидѣтельствованіе актовъ, улаживаніе споровъ между помѣщиками и крестьянами, порубки, потравы и разборъ споровъ по найму на работы. По дѣламъ о проступкахъ посредники присуждали къ общественнымъ работамъ до 6 дней, къ аресту до

7 дней, къ денежному штрафу до 5 рублей и къ наказанію розгами до 20 ударовъ.

Изъ этой соразмѣрности видно, что каждый ударъ цѣнился въ 25 копеекъ. Но при возникшемъ дѣлѣ въ пермской уголовной палатѣ одному невинно высѣченому было присуждено по 30 копеекъ за ударъ; вѣроятно, 5 копеекъ прибавлялось за безчестіе. При составленіи «Положенія» въ главномъ комитетѣ князь В. А. Черкасскій настаивалъ, чтобы число ударовъ не превышало сорокъ безъ одного, какъ упомянуто въ «Дѣянiяхъ св. апостоловъ». Либеральные журналы того времени очень острили надъ этимъ предложеніемъ князя. Что дѣлать, былъ вѣкъ такой!

При составленіи закона о волостномъ судѣ поднятъ былъ болѣе курьезный разговоръ. Нѣкоторые изъ членовъ главнаго комитета не хотѣли допускать никакихъ изъятій отъ тѣлеснаго наказанія, такъ что примѣчаніе 2-е къ ст. 102 общаго положенія 19-го февраля явилось не безъ борьбы. Это примѣчаніе гласитъ: «Волостной судъ не въ правѣ приговаривать къ тѣлесному наказанію: престарѣлыхъ крестьянъ, достигшихъ шестидесятилѣтнаго возраста, должностныхъ лицъ и крестьянъ, кончившихъ курсъ въ уѣздныхъ училищахъ, земледѣльческихъ и равныхъ съ ними или высшихъ учебныхъ заведеніяхъ».

Сторонники розги находили, что волостной судъ правильнѣе будетъ освобождать отъ розогъ только достойныхъ исключенія; а законъ, исключая всѣхъ огульно, можетъ породить великое зло въ деревнѣ среди вольныхъ крестьянъ.

Изъ дѣлъ гражданскихъ по спорамъ и искамъ мировые посредники окончательно рѣшали дѣла только до 30 рублей; а дѣла выше этой суммы тяжущіеся могли переносить въ мировой съѣздъ.

Мировой съѣздъ состоялъ изъ всѣхъ посредниковъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства. Кромѣ того, въ съѣздѣ участвовалъ съ правомъ голоса членъ отъ правительства, обыкновенно изъ чиновниковъ по назначенію губернатора.

Дѣйствіе мировыхъ учрежденій началось съ распредѣленія уѣзда на мировые участки, въ которые входило по 4, по 5 волостей. Не теряя времени, мировые посредники занялись устройствомъ волостей и выборомъ должностныхъ лицъ. Разумѣется, приходилось на сходкахъ разъяснять сущность самоуправленія и важность того, чтобы въ должности выбирали людей умныхъ и достойныхъ. Въ большинствѣ случаевъ крестьяне къ этимъ совѣтамъ отнеслись съ полной серьезностью, и на первое время въ сельскіе старосты, въ волостные старшины и въ волостные судьи были избраны люди толковые, трезвые и дѣятельные. Особую заботу на волостныхъ сходкахъ выказали крестьяне при выборѣ волостныхъ судей, которые окончательно рѣшали дѣла до 100 рублей включительно.

При образованіи первыхъ волостныхъ правленій наибольшая трудность встрѣчалась въ подысканіи подходящаго человѣка на должность волостного писаря. Огромное большинство волостныхъ судей, старшинъ и старостъ были совершенно неграмотные, а между тѣмъ волостныя правленія должны были вести книги приговоровъ, книги рѣшеній волостныхъ судовъ, книгу сдѣлокъ и договоровъ, затѣмъ,—списки рекрутскіе, окладные листы податей и повинностей и т. п. Вслѣдъ за открытіемъ волостныхъ правленій власти и учрежденія потребовали свѣдѣній о недоимкахъ, о продовольственныхъ запасахъ, объ ученикахъ и проч. Потомъ началась паспортная переписка, выписки изъ ревизскихъ сказокъ, статистика скота, лошадей и проч. И если на первое же время образованіе сельскихъ обществъ, волостного суда и волостныхъ правленій пошло не только безъ путаницы, но вполне честно и добросовѣстно, то въ этомъ всю заслугу надо приписать мировымъ посредникамъ первого призыва.хлопотъ и разѣздовъ было очень много, дома почти не жили.

Надо сказать, что освобожденіе крестьянъ и раздача «Положеній 19-го февраля» были сдѣланы полиціей ранѣе того времени, когда были учреждены мировые посредники. Полиція торопливо объявила, что всѣ сборы холстомъ, масломъ, яйцами, пряжей, шерстью и проч. отменяются, а что женскихъ дней на барщину нельзя требовать болѣе двухъ въ недѣлю. Мужики назвали это «бабьей волей» и терпѣливо ждали «мужичьей воли», которая должна была прійти черезъ два года.

Эта бабья воля на первыхъ же порахъ дала мировымъ посредникамъ столько работы по разбору жалобъ отъ помѣщицъ на бабъ, что поглощала все полезное время посредниковъ, нужное на правильное приведеніе въ дѣйствіе «Положенія 19-го февраля».

Помѣщицы изъ каждаго аршина холста и изъ каждой тальки пряжи дѣлали бабьи бунты и экстренно требовали къ себѣ посредниковъ. Часто при разборѣ оказывалось, что полиція (до мировыхъ посредниковъ) не приказывала отдавать холсты и пряжу, если все это было сдѣлано даже въ барскіе дни и изъ барскаго матеріала. Это торопливое распоряженіе насчетъ объявленія воли черезъ полицію объясняли давленіемъ изъ Петербурга, куда будто бы губернаторы писали, что народъ теряетъ терпѣніе и недалекъ отъ массовыхъ безпорядковъ. Понятное дѣло, что при разборахъ бабьихъ споровъ о холстахъ и пряжѣ всегда одна сторона оставалась недовольной, сплетничала на мировыхъ посредниковъ и старалась подрывать довѣріе къ нимъ даже и въ тѣхъ лицахъ, которыя никакого дѣла не имѣли съ посредниками.

Рядомъ съ бабьей волей крестьянамъ было объявлено, что и подводы отменяются. Между тѣмъ подводы не отменялись, а только ограничивались и регулировались. Такъ ст. 11 говоритъ, что под-

воды могутъ быть посылаемы съ сельскими произведеніями помѣщика не иначе, какъ въ счетъ барщины... Фраза съ сельскими произведеніями помѣщика ставила такой вопросъ: суть ли дѣти помѣщика его сельское произведеніе? и можно ли ихъ отправить на крестьянскихъ подводахъ за 30 верстъ въ городъ, въ гимназію?

Независимо, однако, отъ этихъ анекдотическихкихъ недоразумѣній мировые посредники скоро пріобрѣли полное довѣріе со стороны крестьянъ. Жалобы отъ нихъ посредники принимали всегда и вездѣ, не только письменныя, но и словесныя. У своего крыльца ждать не заставляли, и даже иногда, не докончивши роббера, оставляли гостей и карты и выходили говорить съ крестьянами. Помню выраженіе одного жалобщика: «съ нашимъ мировымъ поговоришь, словно меду напьешься!» И дѣйствительно многіе посредники душею предавались дѣлу мира и улаживанію споровъ, ссоръ и тяжбъ. Разбирательство дѣлъ было публичное, словесное, безъ всякихъ формъ и процедуръ; свидѣтели не приводились къ присягѣ, и законъ требовалъ, чтобы приговоръ или рѣшеніе объявлялось тотчасъ же. По присужденіи къ денежному штрафу или къ какому либо наказанію мировой посредникъ объяснялъ порядокъ обжалованія и переноса дѣла въ мировой съѣздъ. Все это было такъ ново и симпатично для людей, жившихъ при бумажныхъ, тайныхъ и корыстныхъ судахъ, что крестьяне въ восторгъ приходили отъ мирового суда.

Про помѣщиковъ и особенно помѣщицъ нельзя этого сказать. Въ каждомъ дѣлѣ, гдѣ ихъ находили неправыми, они видѣли произволъ посредника и старались его чернить. Ихъ особенно обижало, что судъ посредника ставитъ ихъ на одну доску съ мужикомъ, не вѣрять ихъ слову, требуетъ доказательствъ или свидѣтелей и вообще унижаетъ ихъ передъ народомъ. Помѣщики долго не понимали, что доказательства и свидѣтели нужны были не для посредника, а для того, чтобы доказать и убѣдить другую сторону и тѣмъ привести къ мировой сдѣлкѣ.

Какъ бы то ни было, но каждый день въ 4—5 мѣстахъ уѣзда происходили судъ и разборъ передъ толпой слушателей. Эти суды посредниковъ были, какъ каеэды народного права. И именно живое, безпристрастное слово, понятное для темной массы и тутъ же приложимое къ жизни, сослужило ту службу, что эта великая реформа прошла безъ потрясеній. Разборъ дѣлъ посредниками подготовилъ въ Россіи и тѣхъ мировыхъ судей, о которыхъ теперь вспоминаютъ съ сожалѣніемъ, что ихъ уничтожили и замѣнили земскими начальниками. Большинство мировыхъ посредниковъ первого призыва попало и въ мировые судьи первого призыва, такъ что тѣ недовольные люди, которые злобно относились ко всякимъ дѣйствіямъ посредниковъ, въ четыре года такъ освоились съ новымъ порядкомъ, что въ земскихъ собраніяхъ охотно выбирали своихъ враговъ себѣ въ мировые судьи.

Въ свою очередь и мировые посредники перваго призыва, завершивъ широкое государственное дѣло освобожденія крестьянъ, утомлялись на мелочахъ и спорахъ о потравахъ, порубкахъ, о поломкѣ лопатъ или грабель и о вѣчныхъ пререканіяхъ съ рабочими. Эти посредники видѣли въ мировыхъ судьяхъ продолженіе своей дѣятельности и безбоязненно принимали новыя должности въ судѣ гласномъ, скоромъ, милостивомъ и равномъ для всѣхъ.

Мировой съѣздъ посредниковъ разбиралъ жалобы на рѣшенія посредниковъ и занимался нѣкоторыми распорядительными дѣлами, выходящими изъ сферы власти отдѣльныхъ своихъ членовъ. Эти засѣданія были публичныя, интимнаго характера не имѣли и не представляли ничего интереснаго для исторіи. Кромѣ этихъ засѣданій, были еще административныя засѣданія для внутреннихъ распорядковъ и для обмѣна мнѣній и взглядовъ. Такіе съѣзды не были публичны и на первое время представляли живой интересъ. Тутъ каждый вносилъ свои политическія убѣжденія и соціальныя пониманія. Соціализмъ въ 1861 году еще не проникалъ въ провинціальную жизнь, это былъ идеальный вопросъ и скорѣе теоретическій, далекій отъ практической жизни того времени.

Хотя я тутъ пишу только объ одномъ уголкѣ приволжскихъ и присурскихъ губерній Россіи, обобщать не смѣю на всю имперію, но могу утверждать, что общій характеръ мировыхъ съѣздовъ не рѣзко отличался одинъ отъ другого. Въ томъ съѣздѣ, въ которомъ я участвовалъ, предсѣдателемъ былъ предводитель дворянства, который завѣдывалъ двумя имѣніями высокопоставленныхъ лицъ, жившихъ въ Петербургѣ. Эти лица никогда въ свои имѣнія не заглядывали; но въ письмахъ къ нашему предводителю увѣренно высказывали, что эмансипація крестьянъ не прочна, и что если ее нельзя отмѣнить, то надо всячески ее ослабить и не увлекаться ею. Предводитель говорилъ, что и всѣ сосѣдніе предводители держатся того же мнѣнія, а что тѣ губернаторы, которые либеральничаютъ, скоро слетятъ съ своихъ мѣстъ. Но законъ былъ объявленъ, посредники были назначены, чтобы проводить его въ жизнь, и хотя отголоски изъ Петербурга колебали слабыхъ посредниковъ, но и ихъ подкрѣпляли слухи другого рода. Въ наши провинціи приходилъ слухъ, что во главѣ либераловъ, защищающихъ эмансипацію, стоитъ великій князь Константинъ Николаевичъ, и на него можно опираться, какъ на каменную стѣну.

Въ административныхъ засѣданіяхъ съѣзда иногда поднимались вопросы насчетъ единообразнаго порядка переписки съ волостными старшинами. Принято было — давать предписанія, а получать отъ нихъ рапорты. По вопросу, употреблять ли въ перепискѣ вы или ты? голоса раздѣлились поровну, но голосъ предсѣдателя рѣшилъ на ты. Хотя сторонники вы продолжали писать вы; но, какъ бы въ отместку имъ, сторонники ты стали писать это мѣсто-

именіе всё́мъ зависящимъ отъ нихъ не дворянамъ, землемѣрамъ, управляющимъ и др.

Пришелъ 1863-й годъ; 19-го августа, при страшной бурѣ, сгорѣлъ Симбирскъ. Ретрограды закричали: «Вотъ куда либерализмъ приводитъ! мы всё сгоримъ!» Это былъ большой козырь въ рукахъ консерваторовъ; особенно тогда, когда присланный изъ Петербурга генераль принялся обвинять ни въ чемъ неповинныхъ либераловъ. Это время какъ разъ совпало съ разверстаніемъ угодій, съ переносомъ крестьянскихъ усадебъ и съ введеніемъ уставныхъ грамотъ. Тутъ шкурный вопросъ Щедрина былъ уже замѣтенъ на нѣкоторыхъ мировыхъ посредникахъ первого призыва, особенно многодѣтныхъ; полного безпристрастія уже не было у этихъ слабыхъ натуръ, и они сильно подорвали свой престижъ въ этихъ самыхъ главныхъ распорядкахъ крестьянской жизни.

Въ нѣкоторыхъ мировыхъ сѣздахъ поднимался вопросъ о существѣ власти мирового посредника, и опять таки тутъ взгляды раздѣлялись. Консерваторы находили, что это—начальникъ, потому что можетъ наказывать арестомъ, штрафами и даже розгами. Либералы возражали, что онъ наказывать не можетъ, а можетъ только присуждать къ наказанію лицъ всѣхъ сословій, т.-е. даже и предводителей дворянства. Въ одномъ только случаѣ законъ употребилъ выраженіе подвергаетъ наказанію, это—при взысканіи недоимокъ. Такими спорами и мелочами мировые сѣзды занимались, пока не началось настоящее дѣло: введеніе уставныхъ грамотъ, повѣрка надѣловъ, разверстаніе угодій и проч.

Прямая статья Положенія хотя и требовала отъ помѣщиковъ, чтобы они представили свои уставныя грамоты въ теченіе одного года со дня полученія Положенія 19 февраля 1861 года, но рѣдко кто эту статью исполнилъ. Мировымъ посредникамъ приходилось ѣздить, напоминать, просить и, наконецъ, помогать въ составленіи этихъ грамотъ. Въ большинствѣ случаевъ грамоты являлись отъ помѣщиковъ черезъ два, а иногда и черезъ три года.

Повѣрка грамотъ на мѣстахъ, при полномъ сельскомъ сходѣ и при стороннихъ добросовѣстныхъ свидѣтеляхъ часто вызывала споры между крестьянами и помѣщикомъ о достоинствахъ земли, о выгонахъ, выпускахъ, водопояхъ, прогонахъ для скота, а главнымъ образомъ объ удобныхъ и неудобныхъ земляхъ. Въ послѣднемъ случаѣ мировой сѣздъ въ полномъ составѣ, при добросовѣстныхъ свидѣтеляхъ, спорную землю долженъ былъ осмотрѣть въ натурѣ и постановить свое рѣшеніе.

Помню одинъ случай въ имѣніи Александра Васильевича В*, который зачислилъ въ число удобной земли для надѣла крестьянъ топкое болото въ три десятины. Пришлось провѣрять всё́мъ мировымъ сѣздомъ. Собрали сходъ и стороннихъ добросовѣстныхъ; явился помѣщикъ, упорный и суровый. Помирить не удалось, пошли

на мѣсто. Былъ конецъ мая, болото лежало въ озимяхъ, воды въ немъ было по колѣно. Крестьяне говорятъ, что это самое болото помѣщикъ зачисляетъ въ удобное.

— Это не болото, — возражаетъ В*, — это такъ мочежина, къ концу лѣта тутъ сухо, можно траву косить, а осенью тутъ можно скотину пасти; это — удобная земля.

— Какая тутъ трава? — возражаетъ какой-то старикъ: — тутъ такая осока, что не только корова языкъ обрѣжетъ, косцы-то тутъ утонуть. Ты, баринъ, возьми ее себѣ, а намъ три десятины изъ своей земли прирѣжь.

— Я черезполосности не хочу, — отвѣчаетъ помѣщикъ, — тутъ хорошее пастбище, можно скотину пасти.

— Какую скотину! Скотина тутъ подойдетъ. Ты, баринъ, журавлей налови, да ихъ и паси на этой трясинѣ, а наша скотина коротконогая, увязнетъ.

— Прошу записать въ протоколъ! — обращается ко мнѣ В*, — я дерзостей не позволю себѣ говорить!

— Журавлей тебѣ обидно, такъ дикихъ утокъ примани, онѣ въ тинѣ любятъ шевыряться.

— Въ той сторонѣ болото сухое, — говоритъ В*, — прошу мировой сѣздъ обойти на ту сторону.

Чтобы не мять озими, потянулись мы гуськомъ по краю болота, за нами В*, а сзади сходъ и добросовѣстные. Вдругъ раздается чей-то вкрадчивый и ироническій голосъ:

— Александръ Васильевичъ! вѣдь ты говоришь, что земля эта удобная, такъ ты прямо черезъ нее иди: зачѣмъ ты за посредниками идешь?

— Прошу записать въ протоколъ, они меня утопить хотятъ!

Мировой сѣздъ нашелъ болото неудобнымъ ни для пашни, ни для сѣнокоса, ни даже для того, чтобы утопить г. В*, какъ выразился одинъ либеральный посредникъ.

Вообще повѣрка надѣловъ обходилась не безъ куріозовъ. Часто она сопровождалась желчнымъ споромъ между помѣщикомъ и крестьянами; иногда обоюдными остротами и смѣхомъ, а изрѣдка поражала замѣчательной уступчивостью со стороны крестьянъ и безкорыстіемъ со стороны помѣщиковъ.

Встрѣчались и такія сельскія сходки, отъ которыхъ нельзя было добиться никакихъ разумныхъ возраженій и требованій. Помню одну сходку челоуѣкъ въ пятьсотъ, которая говорила, какъ заранѣе заученное: «Мы ни на что не согласны, а что его величество повелѣлъ, то пусть и будетъ!»

Была и такая сходка, тоже не менѣе 500 челоуѣкъ, которая говорила: «Намъ земли не надо; если она помѣщичья, то пусть она у помѣщика и останется. Мы теперь стали вольные, такъ намъ царь вольную землю велитъ нарѣзать».

Или еще возраженіе: «Мы не ослушники царскому велѣнію, а только что намъ съ этого надѣла не жить, такъ не зачѣмъ его и брать! Подъ кладбищемъ у насъ земли цѣлая десятина, по три аршина тамъ на каждого хватитъ, чтобы закопать насъ, если господамъ царь такую волю далъ».

Можно было вывести общую характеристику сходокъ, что тѣмъ многочисленнѣе сельское общество, тѣмъ оно упорнѣе и неосновательнѣе. На сходкѣ говоритъ обыкновенно одинъ, два или три человѣка, а вся толпа только ихъ поддерживаетъ. И замѣчательно, что эти два, три человѣка на сходкѣ—какъ будто самые глупые. Когда же съ ними говоришь безъ сродки, наединѣ, эти самые люди оказываются очень разумными и логичными.

Большинство мировыхъ посредниковъ первого призыва въ средневолжскихъ губерніяхъ было изъ отставныхъ военныхъ. И, несмотря на это, огромное большинство изъ нихъ было терпѣливо, тактично и вполне снисходительно къ невѣжеству и темному упорству крестьянъ. Были, разумѣется, и безтактные посредники, которые не выносили глупыхъ возраженій и даже дѣлали бунты съ призывомъ «войскъ». Хотя ясно было, что въ этихъ бунтахъ они сами были виноваты, но для поддержки власти все-таки сѣкли мужиковъ, а посредниковъ не выгоняли.

Надо еще сказать, что сорокъ лѣтъ назадъ гражданскіе законы (т. X, ч. 1), межевые законы (т. X, ч. 3), уставъ путей сообщенія, уставъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ (т. XII, части 1 и 2) и другіе законы были очень мало знакомы посредникамъ. Они знали только Положеніе 19 февраля и имъ руководствовались, а гдѣ встрѣчали сомнѣнія, тамъ рубили съ плеча. Для прогона мірскаго скота иногда отводили большія дороги, чего законъ не дозволяетъ. Для водопоя и вообще для пользованія рѣками и водой посредники игнорировали водное право, право участія частнаго, законы о бечевникахъ и т. п. Впослѣдствіи, когда переходное время прошло, утвержденныя такими темными посредниками уставныя грамоты много вносили путаницы въ жизнь.

Не всѣ мировые посредники разумно вели дѣло и при жалобахъ. Были такіе, которые напоминали неопытныхъ гувернантокъ: кто первый пожалуется, тотъ и правъ, хотя Положеніе 19 февраля ~~прямо~~ требовало, при разборахъ жалобъ, выслушивать обѣ стороны съ ихъ свидѣтелями и уже послѣ того ставить свое рѣшеніе. Особенно неприятно было смотрѣть на тѣхъ торопливыхъ посредниковъ, которые произвольно относились къ рѣшеніямъ волостнаго суда. По прямой статьѣ закона волостной судъ въ предѣлахъ своей власти рѣшаетъ дѣла окончательно. Несмотря на это, находились посредники, которые отмѣняли рѣшенія суда и приказывали перерѣшать въ другомъ смыслѣ. Разумѣется, если дѣло доходило до мирового съѣзда, то такому посреднику его

произволь не проходилъ даромъ. Но до съѣзда доходила только сотая часть дѣль.

Изъ крупныхъ ошибокъ мировыхъ посредниковъ нельзя не отмѣтить еще ихъ излишнее вмѣшательство въ мірскіе распорядки: по раздѣлу земли, по раскладкѣ податей, по семейнымъ раздѣламъ и т. п., что законъ окончательно предоставлялъ вѣдѣнію сельскаго схода. При этомъ, нѣкоторые посредники вносили на сходъ не только совѣтъ, но и приказаніе. Понятно, что эти приказанія были совершенно субъективны, смотря по симпатіямъ посредника или по его вдохновенію. Такъ, въ раздѣлѣ земли, онъ вмѣшивался въ сроки передѣла, въ количество паевъ; а были и такіе, которые настаивали, чтобы общественную землю дѣлить навѣчно. Крестьяне слушали, писарь писалъ приговоръ, который не исполнялся; а это вносило смуту въ міръ отъ тѣхъ домохозяевъ, которымъ было выгодно закрѣпить за собой общую землю. Между тѣмъ статья ясно говоритъ, что для раздѣла земли на подворные участки требуется согласіе не менѣе двухъ третей всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ.

Точно также вмѣшательство посредниковъ въ семейные раздѣлы было очень неосмотрительно. Въ то время, до всеобщей воинской повинности, поставка рекрутъ отправлялась отдѣльными селеніями. Въ первую голову брали отъ большесемейныхъ, не служившихъ. И вотъ эти-то отцы и матери искали защиты посредника, если міръ не дозволялъ имъ раздѣла до рекрутскаго набора. Понятно, что эти просители не высказывали посреднику истинной причины раздѣла. Они плакались на тѣсноту избы для ребятъ и двора для скота, жаловались на неуживчивость снохъ и ссоры братьевъ, а главное на притѣсненіе ихъ міромъ, которому будто бы жаль усадебной земли подъ новый дворъ. И бывали случаи, что мировые посредники, не разобравши дѣла на сходкѣ, разрѣшали самовольно раздѣлы, и тѣмъ избавляли очередного, а вмѣсто него шелъ въ солдаты подочередной.

Разумѣется, если на такое незаконное вмѣшательство мирового посредника въ дѣла міра приносилась жалоба въ мировой съѣздъ, то это тотчасъ же отмѣнялось. Но бѣда въ томъ, что крестьяне смотрѣли на посредниковъ, какъ на начальниковъ, и боялись приносить на нихъ жалобы. Между тѣмъ съѣздъ къ своему разсмотрѣнію имѣлъ право принимать жалобы только на рѣшенія посредника, но не на дѣйствія его, какъ бы они сумасбродны ни были. Дѣйствительнаго же контроля надъ посредниками никакого не было. И заслуга посредниковъ перваго призыва именно въ томъ состояла, что они если допускали произволь въ своихъ дѣйствіяхъ, то не по самодурству, а потому, что плохо понимали законъ и плохо усваивали духъ Положенія 19 февраля.

Въ новѣйшее время печать нерѣдко круговую поруку приписываетъ остаткамъ крѣпостного права. Это не совсѣмъ такъ. Кру-

говая порука существовала у государственныхъ крестьянъ, у удѣльныхъ, горныхъ и у свободныхъ хлѣбопашцевъ. Недавно она отмѣнена манифестомъ 26 февраля 1903 года, и это должно отозваться благотѣтельно на всѣхъ плательщикахъ денежныхъ сборовъ и повинностей. Но эта же мѣра потребуетъ отъ властей особой осторожности, когда эти власти коснутся натуральныхъ мѣрскихъ повинностей. Личная служба въ старостахъ, сборщикахъ податей, сотскихъ, десятскихъ вездѣ лежитъ на круговой порукѣ. Повинности: подводная, квартирная, мостовая, дорожная, пожарная, караулы, подвозъ дровъ для школъ, церквей и причта и много другихъ натуральныхъ обязательныхъ послугъ отправляются всѣмъ мѣромъ за круговую отвѣтственностью. Властямъ придется быть очень внимательными и неторопливыми съ отмѣной круговой поруки въ мѣрскихъ повинностяхъ.

Точно также въ послѣднее время много пишутъ и толкуютъ о всесословной волости. Вопросъ этотъ обсуждался и сорокъ лѣтъ назадъ, но, какъ во всякомъ сложномъ дѣлѣ, были хорошія и дурныя стороны. Въ первые годы освобожденія, въ такъ называемый переходный періодъ, была только одна забота, чтобы крестьяне почувствовали полную свободу отъ помѣщичьей власти. Надо было эту власть отдѣлить рѣзкой чертой. Это было полезно, какъ для самихъ помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ. Но когда черезъ три, четыре года ввелось самоуправленіе въ крестьянскія волости, то недостатокъ грамотныхъ людей, съ мало-мальски широкимъ взглядомъ на вещи, сильно чувствовался при всякомъ вопросѣ, подлежащемъ обсужденію крестьянъ. И хотя школы и гласный разборъ дѣлъ пополняли у крестьянъ пониманіе своихъ правъ, но это шло такъ медленно, что ихъ самоуправленіе не выказывало въ нихъ никакого, не только политическаго, но и гражданскаго смысла.

Въ средневолжскихъ губерніяхъ въ составъ волостей входили вмѣстѣ съ временно-обязанными крестьянами также удѣльные и государственные крестьяне. На сельскихъ и волостныхъ сходкахъ послѣднихъ съ давнихъ поръ всѣ приговоры основывались на водкѣ и попойкахъ. Этотъ грѣхъ вопелъ и въ смѣшанныя волости. Понятное дѣло, что, будь въ волости хотя одинъ интеллигентный человѣкъ, онъ остановилъ бы это безобразіе, а черезъ него легче было бы дѣйствовать и посредникамъ. Но этихъ интеллигентовъ не ввели въ волость даже и послѣ переходнаго времени. Некому было вносить свое цивилизующее вліяніе на обыденную жизнь крестьянъ, не только въ развитіи сельскаго хозяйства, но и въ общечеловѣческомъ смыслѣ. А чрезъ это мы и видимъ теперь, черезъ сорокъ лѣтъ послѣ воли, какъ въ Вятской губерніи судили за человѣческое жертвоприношеніе, въ Вологодской за сожженіе вѣдьмы, а въ Тираспольскомъ уѣздѣ сами живыми въ землю зарылись, лишь бы не попасть въ перепись къ антихристу. Единственное лицо въ волости—писарь; черезъ него могло бы прони-

каты хотя что нибудь культурное, но для нихъ была сдѣлана перегородка: запрещено было принимать въ волостные писаря всѣхъ побывавшихъ въ университетахъ и въ гимназіяхъ, какъ кончившихъ курсъ, такъ и не кончившихъ его.

Отчасти это распоряженіе, а отчасти и темнота крестьянъ много вносили смуты при повѣркѣ дѣйствій и денежныхъ учетовъ своихъ должностныхъ лицъ. Дѣло обыкновенно начиналось тѣмъ, что старшина рапортовалъ мировому посреднику, что «въ волости народъ взбунтовался и съ дреколіемъ ворвался въ волостное правленіе, при чемъ привелъ съ собою нѣкую подозрительную личность, которая требуетъ книги и документы». По прибытіи въ волость оказывалось, что какой нибудь грамотей раскрылъ глаза волости, что ее обкрадываютъ, и предлагалъ за рубль, за два произвести учетъ, что законъ не только позволялъ, но даже требовалъ. По окончаніи учета въ большинствѣ случаевъ оказывалось, что волостной писарь, пользуясь неграмотностію старшины и старость, велъ книги плутовски и пользовался темнотою крестьянъ и сборщиковъ. Впрочемъ были случаи, что писарь втягивалъ въ соблазнъ и волостныхъ старшинъ для легкой наживы. Старшины и писарь попадали подъ судъ и карались, какъ за подлогъ по службѣ.

Въ нѣкоторыхъ мировыхъ сѣздахъ перваго призыва возбуждался принципиальный вопросъ: полезно ли волостныхъ старшинъ представлять черезъ губернаторовъ къ награжденію медалями и кафтанами съ галунами? Вопросъ былъ жгучій, и вотъ какъ на него смотрѣлъ Дмитрій Ѳедоровичъ Самаринъ, рѣчь котораго, хоть я ея и не записалъ, твердо сохранилась въ моей памяти. Онъ ее произнесъ при нѣсколькихъ посредникахъ и при уѣздномъ предводителѣ, который изъ кожи лѣзъ, чтобы получить кресты и награды.

— Посмотрите,—говорилъ Д. Ѳ. Самаринъ,—на избранныхъ отъ дворянства: чтобы устраивать корпоративный порядокъ и охранять права дворянъ, что они дѣлаютъ для отстаиванія правъ, и что они дѣлаютъ, чтобы получать награды? Они продаютъ эти права за кресты. Положимъ, что и дворяне въ свою очередь предоставили имъ продажу своихъ правъ за вкусные обѣды и вина; но все-таки наши служащіе много выше крестьянскихъ старшинъ въ пониманіи дѣла, а передъ тщеславіемъ не устояли. Какъ же вы хотите награждать медалями старшинъ, которые совершенно не развиты въ политическомъ смыслѣ? Кому они будутъ служить: міру, избравшему ихъ, или начальству, которое ихъ будетъ увѣшивать медалями? Выходъ тутъ одинъ,—закончилъ Самаринъ:—надо сдѣлать такъ, чтобы сами крестьяне вполне свободно могли представлять своихъ старшинъ къ медалямъ и кафтанамъ.

— И будутъ представлять за три ведра водки,—отозвался одинъ консерваторъ.

— Пусть такъ!—отвѣтилъ Самаринъ,—но все-таки это лучше,

чѣмъ создавать изъ крестьянскихъ выборныхъ выколачивателей податей въ самой грубой ихъ формѣ.

Впослѣдствіи слова Д. Θ. Самарина исполнились, какъ пророчество. За посредниками первого призыва пошли на эту службу чиновники; потомъ право наказывать и награждать старшинъ было предоставлено исправникамъ; старшины превратились въ низшихъ полицейскихъ служащихъ для выколачиванія податей и повинностей. О самоуправленіи и о развитіи самодѣятельности забыли. Потомъ при пяти, шести мировыхъ судьяхъ на уѣздъ хотя и открылись 5—6 каѳедръ, гдѣ ежедневно и всенародно проповѣдывалась мораль, но о матеріальномъ преуспѣяніи народа ни у кого попеченій не было. Нужды и требованія населенія не доходили до правительства, а государство обязано было дѣйствовать при помощи близорукихъ и одностороннихъ своихъ органовъ, доносившихъ, что вездѣ все обстоитъ благополучно.

Затѣмъ интеллигенты стали эмигрировать изъ деревень въ города. На мѣстахъ мало оставалось народа, готового бороться съ пьянствомъ, невѣжествомъ, бѣднотой и забитостью, а еще меньше такихъ, которые были бы способны смотрѣть впередъ и угадывать обстоятельства за 10—20 лѣтъ. Потомъ и мировые судьи были замѣнены земскими начальниками. При нихъ самоуправленіе и самодѣятельность считались вредными началами либерализма и быстро пошли подъ гору, такъ что само высшее правительство увидѣло упадокъ центра.

Манифестъ 26-го февраля хотя и поднимаетъ новое знамя, чтобы опять собрать лучшихъ людей къ нему, но это не будетъ такъ легко, какъ было при манифестѣ объ освобожденіи крестьянъ. Тогда лучшіе люди жили въ деревняхъ почти одинаковымъ обычаемъ съ крестьянами и были подготовлены на подвиги печатию. Правительство само давало направленіе литературѣ, соотвѣтственно своимъ видамъ къ освобожденію крестьянъ. Въстѣ съ развитой молодежью оно само было либеральнѣе массы помѣщиковъ, сидѣвшихъ на даровыхъ хлѣбахъ. Стѣснительныя мѣры были сняты съ печати, и она выясняла вопросъ такъ, что закоренѣлые крѣпостники стыдились высказывать свои убѣжденія.

Поднятое правительствомъ знамя 19-го февраля 1861 года вызвало такой одушевляющій порывъ итти по указанію манифеста, что въ успѣхѣ борьбы съ ретроgrадами никто не сомнѣвался. По отзывамъ нынѣшнихъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности видно, что причины бѣдноты и отсталости уловлены и указаны. Для устраненія этихъ причинъ не понадобится крутыхъ ломокъ всего строя русской жизни. Достаточно будетъ возобновить въ своей силѣ тѣ реформы начала царствованія императора Александра II, которыя не получали развитія, а лежали подъ спудомъ.

Н. А. К.

ДУЭЛИ.

(Историческіе очерки изъ эпохи императора Александра I) ¹⁾.

Х.

Карточный долгъ.

І.

НА САМОМЪ краю села, въ небольшомъ двухъэтажномъ домикѣ, ярко свѣтились окна. Уже начиналось зимнее утро. Востокъ, подернутый бѣловатымъ туманомъ, алѣлъ; звѣзды постепенно блѣднѣли, стаи галокъ съ громкимъ крикомъ перелетали съ одной крыши на другую.

Нѣсколько бабъ, съ коромыслами на плечахъ, толпились подъ окнами освѣщеннаго домика. Одна изъ нихъ, высокая и толстая, прильнула лбомъ къ стеклу, стараясь разглядѣть, что происходило въ горницѣ.

— Ишь галдятъ-то какъ! — замѣтила она, отворачиваясь отъ окна. — А чего галдятъ — и не разберешь!.. Али ссорятся, али такъ себѣ... Все руками машутъ...

— Бездѣльники! — сказала другая. — Поди, каждую ночь напролетъ пьянствуютъ да бражничаютъ... А солдаты-то ихніе безобразятъ... На прошлой недѣлѣ ушла это я къ кумѣ, а «ёнъ» у меня курицу стащилъ да рубаху Митькину прихватилъ... Поди, жалься...

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСѢІ, стр. 871.

— Это что?!—подхватила старуха съ закутанною головою.— Коли ежели «ёнъ» крадетъ, такъ ничего, пусть ужъ такъ, а то вѣдь что выдумалъ: наше-то мужичье за ими за самыми пошло— въ карты почали играть... Ужъ мой Игнатка понемногу къ тряпкамъ присматривается: на игру де надо, отыгратъся хочу. Поди, отыграйся... «Енъ»-те отыграется...

Вдали послышался шумъ шаговъ, который заставилъ разомъ всѣхъ бабъ быстро отойти отъ окна. Это былъ «ёнъ»: высокій, бравый кавалерійскій солдатъ. Онъ подошелъ къ домику, постучался въ крайнее окно и, не получивъ отвѣта, поднялся на ступеньки крыльца и сталъ колотить въ дверь.

— Кто тамъ?—послышался за дверью чей-то голосъ.

— Отъ вахмистра!—отвѣтилъ солдатъ.— Съ докладомъ...

— Носятъ васъ тутъ черти! Поспать не дадутъ!.. Убирайся... господа заняты...

— Да дѣло важное... почти крикнулъ солдатъ и снова сталъ стучать въ дверь.— Отвори же...

— Я жъ тебѣ говорю: офицеры заняты... а я спать хочу... все равно слушать тебя не будутъ..

— Отвори, сдѣлай милость!—взмолился солдатъ.— Лошадь пала, такъ доложить надоть...

— А... чтобъ васъ!..

Дверь отворилась. Бѣлое облачко поднялось надъ нею и растаяло.

Солдатъ вошелъ въ комнату. Тамъ было темно. За перегородкою раздавались голоса. Было душно, накурено, жарко.

Сонный денщикъ, выругавъ еще разъ солдата, пошелъ за перегородку. Дверь осталась полуоткрытой. Теперь пришедшій могъ видѣть всю обстановку комнаты. Прямо передъ нимъ у противоположной стѣны сидѣлъ ротмистръ, съ трубкою въ зубахъ, въ одномъ бѣльѣ. Въ рукахъ у него была колода картъ. По сторонамъ стола, въ самыхъ разнообразныхъ позахъ сидѣли офицеры.

Въ сосѣднихъ комнатахъ, насколько можно было судить по отрывочнымъ, долетавшимъ до солдата фразамъ, происходила, по всей вѣроятности, также карточная игра.

Изъ всей этой компаніи особенно выдѣлялся совершенно юный, безусый прапорщикъ, котораго офицеры въ глаза и за глаза называли «Матинькой», а начальство «прапорщикомъ Матковскимъ». Матинька, блѣдный, съ растрепавшимися волосами, ходилъ изъ угла въ уголь, нервно хватаясь за голову. Онъ часто останавливался у стола и съ завистью, смѣшанною съ презрѣніемъ, поглядывалъ на счастливаго ротмистра, которому сегодня удивительно «везло». Матинька въ теченіе нѣсколькихъ минутъ проставилъ все только что полученное жалованье, и теперь ему ужасно хотѣлось отыгратъся.

Матинька, въ сущности, былъ очень скромный юноша, едва начавшій военную слржбу въ N—скомъ кавалерійскомъ полку,

волею судебъ заброшенномъ въ отдаленное село, гдѣ на самомъ дѣлѣ службы никакой не было, а скука и бездѣлье дѣлали свое дѣло. Съ первыхъ дней своего прибытія въ полкъ онъ сталъ тяготиться жизнью, ея однообразіемъ, но сдерживался и въ товарищескихъ попойкахъ принималъ участіе единственно ради приличія. Картъ въ руки онъ не бралъ: гдѣ-то, не то въ Курскѣ, не то въ Смоленскѣ, жила его родственница (а, можетъ быть, и другая какая либо особа), которой Матинька долженъ былъ помогать, а потому къ своему жалованію онъ относился съ почтеніемъ, какъ небогатый человѣкъ.

Всегда сдержанный, сегодня онъ позволилъ себѣ маленькую оплошность: только ради простого любопытства онъ поставилъ на карту червонецъ, и карта была бита. Любопытство было удовлетворено, но потеряннаго червонца было жаль. Онъ поставилъ еще—проигралъ опять, еще поставилъ—и теперь «счастливчикъ» ротмистръ изрѣдка лукаво подмигиваетъ ему глазами.

Сознаніе, что проиграно все жалованье, что въ карманѣ болтается послѣдній золотой,—приводило Матиньку въ отчаяніе. Онъ продолжалъ бѣгать по комнатѣ, угадывать карты, слѣдить за игроками—и все это раздражало его еще больше.

А ротмистръ былъ въ большомъ выигрышѣ. Его маленькіе, масленные глазки свѣтились счастьемъ, онъ быстро металъ карты, съ замѣчательнымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ принималъ деньги и улыбался во весь ротъ.

Сонный денщикъ стоялъ свади него и изрѣдка наклонялся къ его уху. Но для ротмистра, кромѣ картъ, очевидно, ничего болѣе не существовало.

— Иванъ Александровичъ, чего Степкѣ нужно?—спросилъ поручикъ Лукинъ, показывая на денщика.

Ротмистръ обернулся, сверкнулъ глазами и крикнулъ:

— Поди прочь!..

— Пришелъ тамъ... проговорилъ денщикъ.

— Я тебѣ говорю—прочь!..

Денщикъ махнулъ рукою и, выйдя изъ комнаты, свернулъ въ сторону и пропалъ въ темнотѣ. Пришедшій солдатъ скоро услышалъ рядомъ съ собою храпъ.

Все это не ускользнуло отъ вниманія Матиньки. Онъ вышелъ въ прихожую, увидалъ солдата и спросилъ, въ чемъ дѣло. Тотъ обстоятельно доложилъ, что въ эскадронѣ только что пала лошадь, внезапно, отъ какой-то болѣзни.

— Захрипѣла, повалилась, зацѣпилась—и ноги протянула!—закончилъ солдатъ.

Матинька выслушалъ, подумалъ немного и не безъ злорадства подошелъ къ ротмистру. Тотъ спокойно мѣшалъ карты, не обращая ни на что вниманія, и затѣмъ сталъ метать.

— Иванъ Александровичъ!—громко произнесъ Матинька:—у васъ въ эскадронѣ несчастье...

Ротмистръ поднялъ глаза, и въ это же самое время раздались радостные голоса:

— Дана... дана... Наконецъ-то!

Матинька торжествовалъ: онъ причинилъ ротмистру немалое огорченіе—«сказалъ подъ руку». Тотъ разсерженный всталъ изъ-за стола, швырнулъ колоду и быстрымъ шагомъ направился къ вѣстовому.

— Мошенники!—черезъ минуту послышался изъ прихожей его раскатистый голосъ.—Отчего же ты мнѣ раньше не доложилъ... Подъ арестъ упеку, засѣку до смерти... Мошенники!..

Онъ вернулся въ комнату, продолжая браниться, натянулъ на себя одежду и быстро выбѣжалъ вонъ изъ домика...

Игра продолжалась...

II.

Теперь банкъ былъ уже въ рукахъ молодого офицера, прапорщика Волжинскаго. Небольшой, коренастый, съ низкимъ лбомъ, онъ представлялъ совершенную противоположность ротмистру: металъ онъ карты торопливо, съ какою-то особою нервностью, покусывая зубами нижнюю губу. Если карта противника выигрывала, прапорщикъ вскакивалъ съ мѣста и выкрикивалъ неприятнымъ, дребезжащимъ голосомъ, обращаясь къ сосѣдямъ по столу:

— Такъ играть нельзя!.. Вы меня очень торопите... Я такъ не могу...

Разумѣется, никто его не торопилъ и не мѣшалъ метать, и во всемъ этомъ сказывалось только извѣстное нервное напряженіе, которое искало себѣ выхода.

Волжинскаго въ полку не любили: это былъ злой, раздражительный человѣкъ, съ болѣзненно развитымъ чувствомъ самолюбія, хвастливый, дерзкій, насмѣшливый. Солдаты рѣдко встрѣчались съ нимъ въ эскадронѣ: если онъ не игралъ въ карты, или не предавался дикому, безшабашному пьянству, то пропадалъ по недѣлямъ въ ближайшемъ жидовскомъ мѣстечкѣ, гдѣ у него былъ романъ совершенно особаго свойства. Съ Матковскимъ онъ не ладилъ съ самага прибытія въ полкъ и не упускалъ случая подтрунить надъ юношей, называя его «скопидомкой», «нетоварищемъ» и т. п. Все это влило Матковскаго, но затѣвать исторію съ Волжинскимъ не хотѣлось, и поѣтому онъ избѣгалъ встрѣчаться съ нимъ...

На улицѣ стало уже свѣтло, всходило солнце, но офицеры еще не расходились. Въ убогой обстановкѣ сельскаго домика, при желтомъ свѣтѣ догорающихъ свѣчъ, блескъ которыхъ померкнулъ, побѣжденный свѣтомъ зачинающагося дня, группа офицеровъ, си-

дящихъ за картами, съ помутнѣвшими глазами, въ облакахъ табачнаго дыма, представляла оригинальную жанровую тему для художника и могла бы служить лучшей иллюстраціей офицерской жизни въ началѣ XIX столѣтія, которой иногда суждено повторяться, впрочемъ, и въ наши дни въ далекихъ захолустьяхъ кавалерійскихъ стоянокъ.

Волжинскому такъ же везло въ карты, какъ и ушедшему ротмистру: передъ нимъ лежали кучи золотыхъ монетъ, которыя увеличивались съ невѣроятною быстротою.

Волжинскій торжествовалъ. Группа вокругъ стола мало-по-малу рѣдѣла, проигравшіеся сидѣли по стѣнамъ и дремали, или уходили изъ домика. А игра все еще шла, и ей, казалось, не будетъ конца.

Матинька сидѣлъ въ углу. Въ его головѣ толпился рой самыхъ разнообразныхъ мыслей; проиграть деньги—это казалось ему какимъ-то нелѣпымъ, бѣшеннымъ поступкомъ. Пусть бросаютъ деньги другіе—ротмистры Лукины, Волжинскіе: одна голова не бѣдна, но онъ, Матковскій, не могъ, не смѣлъ этого сдѣлать.

— Я проигралъ почти все!—думалъ онъ.—Червонца хватитъ на нѣсколько дней, а тамъ займу... Проживу кое-какъ... Но все-таки хорошо бы вернуть проигранное... Не повезло разъ, повезетъ, можетъ быть, другой... Счастье можетъ повернуться... И почему я долженъ непремѣнно проставить? Мой червонецъ можетъ вернуть старое...

И ему показалось, что онъ непремѣнно долженъ выиграть.

Онъ поднялся, подошелъ къ столу и рѣшительно крикнулъ:

— Червонецъ карта!..

Волжинскій металъ, насмѣшливо улыбаясь. Карта долго не выходила.

— Начинай, начинай, Матинька!—шутилъ Волжинскій.—Карты, братъ, такая штука, что никого отъ себя не отпускаютъ... Ты отъ нихъ, а онъ за тобой...

Матковскій ничего не слышалъ: все существо его было чѣмъ-то ошеломлено, глаза его не мигали, руки судорожно сжимали спинку стула.

— Ну, твое счастье!..—сказалъ Волжинскій.—Получай червонецъ.

Невольная улыбка озарила лицо Матковского. Онъ поставилъ еще червонецъ, опять взялъ; поставилъ два—и снова взялъ.

— Фортуна, братъ, къ тебѣ рыломъ повернулась, чортъ бы ее дралъ!—задребезжалъ Волжинскій не безъ злости, продолжая метать карты...

Черезъ четверть часа Матинька не только вернулъ проигранное, но еще былъ даже въ выигрышѣ.

Счастье отуманило его: онъ ставилъ не задумываясь—и выигрышъ все росъ. Но вотъ сорвалась одна карта, другая. Матинька началъ сердиться, увеличивать ставку. И чѣмъ онъ больше горячился, тѣмъ больше ему не везло.

— Ты, братъ, успокойнѣ!—схидно замѣчалъ банкومتъ:—этакъ опять протавишь...

И убивалъ карту...

Черезъ нѣсколько минутъ въ рукахъ Матиньки звенѣло уже немного червонцевъ; онъ совершенно растерялся и, не считая денегъ, поставилъ карту и назначилъ цѣну.

— Погибла, братъ! Упокой ея душу!..—расхохотался Волжинскій и положилъ колоду въ сторону.

Матинька съ отчаяніемъ бросилъ деньги и поторопился уйти.

— Постой, братъ!—услыхалъ онъ въ догонку голосъ Волжинскаго.—Ты, братъ, мнѣ семи червонцевъ не додалъ... Это что же?

— Прости... я не зналъ!..—забормоталъ Матинька. — У меня сейчасъ нѣтъ...

Ему было стыдно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обидно. Окружающіе съ улыбкою поглядывали на него.

— Я отдамъ... на-дняхъ непременно!..

— Ладно, братъ! Сосчитаемся...—замѣтилъ Волжинскій.—Если на этомъ свѣтѣ не придется, то въ будущей жизни, идѣже нѣсть ни картъ, ни денегъ!..

Матинька торопливо выбѣжалъ въ переднюю.

— Какъ глупо! Боже мой, какъ глупо!—говорилъ онъ себѣ, направляясь домой.—Я поступилъ, какъ мальчишка, который смѣется отъ радости и плачетъ отъ горя... Какой же я офицеръ?! Баба... И въ долгу остался... Стыдъ... позоръ!.. Деньги не считалъ... Мальчишка...

Что-то сдавило ему горло, и слезы брызнули изъ глазъ...

А вдалекѣ, за селомъ, кавалерійскій сигналъ нарушалъ тишину яснаго морознаго дня...

III.

Прошло недѣли двѣ. По ночамъ окна домика попрежнему освѣщались яркими огнями, попрежнему ежедневно банкометы смѣняли другъ друга, попрежнему деньги переходили изъ однѣхъ рукъ въ другія. Но Матковскій уже не участвовалъ здѣсь: онъ разъ и навсегда покончилъ счеты съ карточною игрою.

Точно также и Волжинскій не показывался не только въ домикѣ, но даже въ окрестностяхъ села. Послѣ описаннаго нами происшествія онъ, довольный огромнымъ выигрышемъ, исчезъ изъ села въ свое любимое жидовское мѣстечко.

Вторая недѣля шла уже къ концу, но никто—ни начальство ни товарищи, не былъ обезпокоенъ отсутствіемъ Волжинскаго: всѣ отлично знали, что рано или поздно Волжинскій вернется домой, съ пустыми карманами, съ тяжелой головой, если не вовсе пьяный, то во всякомъ случаѣ съ большими намеками на продолжительное,

безудержное пьянство. Рассказывали, что въ мѣстечкѣ онъ производилъ значительные дебоши, приставалъ къ жителямъ и зачастую оскорблялъ своими поступками чувство общественной стыдливости, но главнымъ притягательнымъ пунктомъ служилъ домъ какого-то еврея, въ которомъ вишневые глазки хозяйской дочери не давали ему покоя: его ухаживанья принимали съ достоинствомъ, какъ принимали и богатые его подарки, но дальше самаго безобиднаго флирта дѣло не шло, а это немало сердило дерзкаго юношу, не выносившаго препятствій.

Такъ было и на этотъ разъ.

Матковскій чувствовалъ себя отлично, такъ какъ ему не приходилось временно уплачивать долга; онъ уже успокоился и написалъ въ Курскъ или Смоленскъ письмо, въ которомъ извѣщалъ, что принужденъ былъ истратить деньги на лѣченіе своей внезапной болѣзни.

Все шло, какъ нельзя лучше. Единственнымъ наслажденіемъ для Матковскаго служила скрипка, которой онъ и посвящалъ свое время; съ товарищами встрѣчъ онъ избѣгалъ, такъ какъ чувствовалъ себя униженнымъ въ ихъ глазахъ своими мальчишескими «некавалерійскими» поступками—смущеніемъ, нервностью и т. п., въ памятную для него ночь проигрыша.

Однажды, поздно вечеромъ, когда Матковскій сидѣлъ за чайнымъ столомъ, просматривая какой-то старый завалявшійся «Альманахъ», съ вырванными страницами и безъ переплета, въ его комнату вошла хозяйка—старая баба, съ подвязанной грязною тряпкою головой.

— Тамъ солдатъ пришелъ...—прошамкала она.—Васъ спрашиваетъ...

— Что ему?

— Не знаю... Говоритъ, васъ видѣть надоть въ личности, стало быть... Пойдите къ нему, а то въ избѣ у меня никого нѣтути... стянеть еще что...

Матковскій вышелъ въ хозяйскую горницу.

— Отъ ихъ благородія, прапорщика Волжинскаго!—сказалъ солдатъ.

При этихъ словахъ Матковскій почувствовалъ себя очень скверно. Онъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло: Волжинскій вернулся изъ мѣстечка, вѣроятно, безъ копейки денегъ и теперь прислалъ за долгомъ.

— Такъ что просятъ прислать, что имъ слѣдуетъ!—продолжалъ солдатъ. — Такъ и изволили сказать: пусть де прапорщикъ приплютъ съ тобою, что слѣдуетъ... Вы то-есть изволите знать...

— Да... да... Я сейчасъ!

Матковскій бросился къ себѣ въ комнату. Онъ былъ въ отчаяніи; снова то же самое чувство, какое испыталъ онъ, уходя до-

мой послѣ проигрыша, захватило его теперь. Но денегъ у него не было, и необходимо было итти занимать сейчасъ, сію минуту.

Онъ снова вышелъ въ хозяйскую горницу и, стараясь не глядѣть на солдата, сказалъ ему:

— Иди домой и скажи прапорщику, что черезъ часъ я буду у него!..

Солдатъ уныло поглядѣлъ на него и тихимъ голосомъ произнесъ:

— Ужъ вы, ваше благородіе, позвольте лучше «что слѣдуетъ», а то ихъ благородіе гнѣваться будутъ!..

— Да вѣдь я буду у него сейчасъ!..

— Слушаюсь... пожалуйста... только позвольте доложить, они, ихъ благородіе, очень въ сердцахъ, такъ что сердиться изволятъ и бранятся сильно... А ежели я къ нимъ явлюсь безъ «что слѣдуетъ», то они меня засѣкутъ. Такъ и сказали: коли ежели ты, такой-сякой, не принесешь «что слѣдуетъ», то засѣку...

— Какъ странно!—подернулъ Матковскій плечами и безнадежно вернулся въ свою комнату.

Надо было что нибудь предпринять. Онъ кликнулъ хозяйку. Та нехотя вошла и остановилась у двери, вѣроятно, затѣмъ, чтобы слѣдить за солдатомъ.

— Чего, батюшка, надоть?

— Послушай... началъ Матковскій.—Притвори-ка дверь...

— Да я и такъ услышу, батюшка... говори...

— Нѣтъ ли у тебя денегъ?..

— Чего-о?

— Денегъ! Мнѣ нужно семь золотыхъ... Дозавтра только...

— И-и, батюшка, какія тамъ деньги!.. И отродясь такихъ не видывала денегъ... Вотъ у дѣдушки Пахома, что въ солдатахъ при матушкѣ Катеринѣ служилъ службу царскую, у того золотые-то всѣ въ печуркѣ схоронены были... вотъ если бы живъ онъ былъ... Не тронь, не тронь!—крикнула старуха, оглядываясь въ ту сторону, гдѣ стоялъ солдатъ, и опрометью бросилась вонъ изъ комнаты.

Матковскій постоялъ, подумалъ немного и наконецъ, придя къ какому-то рѣшенію, вернулся къ солдату и сказалъ:

— Ты побудь здѣсь... А я сейчасъ схожу въ одно мѣсто... скоро приду и дамъ тогда...

— Только вы, ваше благородіе, заставьте Бога вѣчно молить... чтобы, значитъ, поскорѣйча, такъ-то его благородіе и такъ очень сердиться изволятъ, такъ чтобы не засѣкли они меня... Они въ настроеніи и потому живо въ эскадронъ отправятъ къ вахмистру... на сѣкуцію, стало быть.

— Будь спокоенъ!.. Я сію минуту...—произнесъ Матковскій, потомъ быстро одѣлся и вышелъ.

Онъ предполагалъ сбѣгать къ комунибудь изъ офицеровъ, чтобы перехватить, такъ какъ имѣть дѣло съ Волжинскимъ ему не хотѣлось, тѣмъ болѣе, что онъ былъ «въ настроеніи», или, проще говоря, сильно пьянъ.

Однако, Матковскому не повезло и на этотъ разъ. Привѣтливыя всегда окна домика, стоявшаго на краю села, сегодня, какъ на грѣхъ, были мрачны: очевидно, хозяевъ не было дома. Отъ денщиковъ, которыхъ онъ едва могъ разбудить, онъ узналъ, что господа офицеры на тройкахъ поѣхали въ городъ на какой-то «машкерадъ» и вернутся только завтра.

— Таперича никого здѣсь не осталось! — закончилъ денщикъ. — Всѣ нарядились и уѣхали, и командиръ съ ими.

Матковскій отчаянно махнулъ рукою и пошелъ прочь. Теперь не было никакого другого выхода, какъ пойти къ Волжинскому и попросить его подождать.

— Но какъ это не по-товарищески! — разсуждалъ онъ. — Быть должнымъ, и не подумать о расплатѣ въ теченіе двухъ недѣль... Отвратительно, гадко, скверно — не по-офицерски.

И онъ быстрыми шагами направился къ дому, гдѣ жилъ Волжинскій. Однако хозяина не было дома, и отъ босой дѣвки — грязной и равнодушной ко всему окружающему — онъ узналъ, что прапорщикъ минутой тому назадъ пошелъ куда-то кого-то бить и даже надѣлъ саблю.

— Какъ бить? — удивился Матковскій.

— А не знаю! — отозвалась дѣвка. — Кричитъ: убью, а кого — не сказываетъ... Я за дверь спряталась...

И Матковскій уныло поплелся домой.

Какое-то смутное ожиданіе волновало его...

IV.

За нѣсколько шаговъ до дома, до слуха Матковского донесли какіе-то крики и отчаянный собачій лай, который все больше разрастался по мѣрѣ того, какъ крики усиливались.

Матковскій прибавилъ шагу и издали уже могъ различить дребезжащій голосъ Волжинскаго. Что происходило тамъ, — разобрать было трудно, но легко можно догадаться, что страдательнымъ лицомъ являлся денщикъ Волжинскаго, который не принесъ въ свое время «что слѣдуетъ».

Дѣйствительно, приблизившись къ дому, Матковскій увидѣлъ Волжинскаго въ одномъ мундирѣ, безъ фуражки; онъ стоялъ въ воинственной позѣ, грозно помахивая кулаками и произнося потоки брани на самомъ отборномъ языкѣ кавалеристовъ добраго и стараго времени. Предъ нимъ лежалъ «поверженный во прахъ» его несчастный денщикъ, безъ всякихъ признаковъ жизни.

— А-а!.. прапорщикъ... Здорово!—воскликнулъ онъ визгливымъ теноркомъ, замѣтивъ Матковскаго. — А я къ вамъ съ визитомъ... по неотложному дѣлу.

Видимо, Волжинскій былъ не совсѣмъ трезвъ: онъ отдалъ Матковскому честь и, потерявъ равновѣсіе, принужденъ былъ схватиться рукою за стѣну домика, чтобы не упасть.

— Пожалуйте!—отвѣтилъ Матковскій и направился къ дверямъ.

За нимъ пошатываясь двинулся и Волжинскій. Денщикъ, до сихъ поръ не подававшій признаковъ жизни, едва лишь отошелъ Волжинскій, быстро вскочилъ и опрометью помчался вдоль улицы.

Собаки дружно залаяли и помчались ему въ слѣдъ.

Волжинскій вошелъ въ горницу и, не снимая фуражки, сѣлъ на стулъ.

— Что скажешь?— миролюбиво спросилъ Матковскій, усаживаясь противъ него.— Даними фуражку-то, снѣгъ на ней таетъ... ты весь мокрый...

— Снѣгъ таетъ... — ухмыльнулся Волжинскій. — Я самъ знаю, что снѣгъ таетъ... Ишь какую великую истину открылъ... А фуражки снимать не желаю!.. Понимаешь? Не желаю...

— Твое дѣло...

— Конечно, мое... Вотъ и не сниму!... И буду такъ сидѣть!..

Матковскій ничего не отвѣтилъ ему и сталъ ходить по комнатѣ. Волжинскій долго молчалъ, слѣдя за движеніями Матковскаго. Тому становилось неловко.

— Что ты слѣдишь за мной?—спросилъ Матковскій.

— Изучаю!—отвѣтилъ Волжинскій.— Типы изучаю... Рѣдко приходится встрѣчать такихъ господъ, какъ ты...

— Перестань говорить вздоръ!—вспыхнулъ Матинька...

— Ха-ха-ха... По-твоему это вздоръ, а по-нашему это—честь... Карточный долгъ—великая вещь, онъ чести касается, а вотъ этой самой чести у тебя-то и нѣтъ... Понимаешь?

— Да постой ты... Я только сейчасъ ходилъ доставать денегъ, чтобъ раздѣлаться съ тобой. Ну, что же я могу дѣлать, если никого нѣтъ... всѣ разѣхались...

— Раньше долженъ былъ сдѣлать... Это не отговорка...

— Ну, я и извиняюсь въ этомъ!..

— Извиненіе!.. Мнѣ не извиненіе твое нужно, а деньги нужны, много денегъ... А ты мнѣ долженъ семь червонцевъ... Каждый офицеръ, настоящій офицеръ, не такой, какъ ты, считаетъ карточный долгъ выше всего, а ты не считаешь; значитъ, ты не офицеръ, или не настоящій офицеръ... Тебѣ бы лучше въ гарнизонные полки пойти, либо въ этапную команду... а не въ кавалеріи служить...

— Замолчи, говорятъ тебѣ!—вскрикнулъ Матковскій.— Завтра ты получишь свой долгъ...

— Завтра? А почему я знаю, что завтра ваша гарнизонная милость от своего долга не откажется... Скажете — отдашь, и basta... Знаем мы васъ, гарнизу... Всѣ вы такіе...

— Я прошу тебя не оскорблять меня!..

— Ну, ну... вашего брата оскорбить ничѣмъ невозможно... Вы, какъ ярыжки проклятые... И пускаютъ же васъ въ офицеры... Тьфу... смотрѣть на тебя стыдно.

Матковскому кровь бросилась въ голову.

— Замолчи говорю!—крикнулъ онъ.—Уходи вонъ отсюда!..

— Уйду, уйду! Только, братъ, раньше ты мнѣ расписочку дай: такъ молъ и такъ, состою должнымъ прапорщику Волжинскому семь червонцевъ... А подъ симъ подпись: прапорщикъ кавалеріи... тьфу, то, бишь... гарнизонная крыса...

— Вонъ... вонъ изъ моей квартиры!—вскрикнулъ неестественно громко Матковскій, указывая Волжинскому на дверь. Глаза его бле-стѣли, руки судорожно сжимались.

— Меня? вонъ? Меня, прапорщика Волжинскаго? — протянулъ Волжинскій, вставая со стула и наклоняясь всѣмъ туловищемъ надъ столомъ.—Да какъ ты смѣлъ рѣшиться такія слова произнести?... Ну, такъ вотъ тебѣ...

И звонкая пощечина раздалась въ комнатѣ.

Матковскій отмахнулся, схватился за щеку и не своимъ голо-сомъ крикнулъ:

— Защищайся, пьяная рожа!..

Волжинскій сообразилъ, въ чемъ дѣло: онъ схватился за эфесъ сабли, сталъ въ ожидательное положеніе и не спускалъ глазъ съ Матковскаго. Тотъ снялъ со стѣны свою саблю, вынулъ ее изъ ноженъ и проговорилъ:

— Когда мы взяли въ руки оружіе, мы стали противниками!.. Поруганная вами моя честь требуетъ отмщенія... Способны ли вы дать удовлетвореніе... сейчасъ... сію минуту?

Волжинскій взглянулъ на Матковскаго и не узналъ его: предъ нимъ стоялъ красивый юноша, съ ярко горящими глазами, съ вы-соко поднятою головою.

— Разумѣется, способенъ!—проговорилъ Волжинскій, приходя въ себя: хмель мгновенно вышелъ у него изъ головы, и онъ ясно сознавалъ все происшедшее.

Противники отодвинули къ стѣнамъ стулья въ комнатѣ, отошли въ противоположные углы и начали сходитьсь...

Первый выпадъ, сдѣланный Матковскимъ, былъ не совсѣмъ удаченъ: онъ только поранилъ Волжинскому большой палецъ пра-вой руки; раненый противникъ не растерялся: отбивъ ловко новый ударъ Матковскаго, онъ сталъ въ положеніе обороняющагося, и мало-по-малу оба придвинулись къ стѣнѣ, такъ что Волжинскому нельзя уже было болѣе отступать.

— Батюшки... родители... караулъ!—раздался крикъ хозяйки, которая случайно вошла въ комнату и затѣмъ, увидѣвъ поединокъ, бросилась назадъ.

Въ это же самое время свѣча, задѣтая чьею-то саблею, упала и погасла, а Матковскій почувствовалъ острую боль въ правой ногѣ.

— Вы ранены?—спросилъ Волжинскій.—Можно считать поединокъ оконченнымъ?

— Какъ хотите!—отвѣтилъ Матковскій.—Но во всякомъ случаѣ драться въ потемкахъ нельзя...

Зажгли свѣчу. Матковскій былъ сильно раненъ въ ногу и не могъ стоять.

— Я побѣгу за докторомъ!—крикнулъ Волжинскій.

— Не трудитесь!..—остановилъ его Матинька.—Я вамъ сейчасъ выдамъ расписку...

— Не надо, не надо!..—замахалъ руками Волжинскій.

Но Матковскій взялъ уже бумагу и больною, дрожащею рукою написалъ:

«Деньги, должныя по бостонной игрѣ прапорщику Волжинскому, въ количествѣ семи червонцевъ, обязуюсь уплатить».

— Надѣюсь, что эта записка васъ удовлетворитъ!—сказалъ онъ, подавая бумагу Волжинскому.—Что же касается меня, то я вполне удовлетворенъ...

Волжинскій растерялся: онъ взялъ записку, смялъ ее и сжегъ.

— Будемъ друзьями!—произнесъ онъ тихо и протянулъ Матковскому руку.

Тотъ пожалъ ее...

Въ то же самое время въ сѣняхъ послышался шумъ, и въ хозяйской горницѣ показалось нѣсколько солдатъ, предводительствуемыхъ докторомъ.

— Проклятая баба!—промычалъ Волжинскій.—Ишь, старая, всѣхъ на ноги подняла. Теперь огласки не миновать... Дуть ее надо...

V.

Дѣйствительно, дуэль между прапорщиками произвела большой переполохъ въ селеніи и не замедлила дойти до начальства, которое рѣшило представить все дѣло на усмотрѣніе императора.

Былъ наряженъ грозный военный судъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ старшихъ полковыхъ офицеровъ, который, какъ и всѣ другіе однополчане, стали на сторону Матковскаго: Волжинскій «по силѣ узаконеній» былъ приговоренъ къ повѣшенію; что же касается Матиньки, то «какъ оной отъ Волжинскаго нападенъ въ его квартирѣ и ударенъ по щекѣ, отъ чего видя таковую Волжинскаго дерзость, и что тогда, находясь одинъ въ квартирѣ, бывъ

принужденъ обнажить саблю и защищать себя, какъ о семъ узаконено въ воинскихъ артикулахъ, въ силу коихъ находятъ прапорщика Матковскаго по дѣлу невиннымъ».

Разумѣется, такой приговоръ не могъ быть подтвержденъ высшимъ начальствомъ, и генералъ-фельдмаршалъ князь Прозоровскій взглянулъ на это дѣло иначе.

— Шалите-съ, шалите-съ!—сказалъ онъ, просмотрѣвъ приговоръ.—Тутъ оба виноваты, обоихъ и наказать. Первое—кто зачалъ ссору? Волжинскій? Отлично... Пусть рядовымъ послужить полгода, не начинай ссору, не противозаконничай, не пьянствуй, съ жидовками не якшайся! Въ солдаты, въ солдаты... А другой баринъ—Матковскій—не виненъ? Ни въ чемъ не виненъ? Да? Вздоръ! А почему долговъ не платить?.. Я самъ играю и самъ плачу... Я всегда съ мужчинами играю, а то дамы долговъ не платятъ... Значитъ, Матковскій—баба... Они въ бостонъ играли... Гм... Знаемъ, чѣмъ этотъ бостончикъ пахнетъ... А все-таки: долженъ и плати. Подъ арестъ его, на гауптвахту... пусть недѣлку отсидить... Нѣтъ, недѣли мало: за каждый червонецъ по деньку, да за дуэль—денекъ... На восемь дней... А пока Волжинскаго держать на гауптвахтѣ, а Матковскаго вонъ отсюда... пусть не болтается здѣсь, а въ эскадронъ ѣдетъ.

Генералъ-лейтенантъ графъ Каменскій считалъ за справедливое отставить Матковскаго отъ службы.

Александръ I 27 августа 1808 года положилъ слѣдующую резолюцію:

«Волжинскаго, согласно съ мнѣніемъ фельдмаршала Прозоровскаго, разжаловать въ рядовые, а потомъ, если поведеніемъ будетъ заслуживать, представить къ повышенію.

«Матковскаго же отставить отъ службы».

Черезъ годъ Волжинскій и Матковскій, оба уже снова офицерами, встрѣтились на балу въ Москвѣ и пріятельски раскланялись другъ съ другомъ.

Н. И. Фалѣевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Ө. А. БРЕДИХИНЪ.

(Страничка изъ воспоминаній).

ХОТЯ съ того времени прошло уже лѣтъ 20, но, какъ живая, стоитъ передо мной картина давно минувшаго: я такъ ясно вижу переполненную публичкой обширную аудиторію Политехническаго музея, точно все это происходило лишь вчера. Публика разношерстная. Цѣлое волнующееся море головъ преимущественно учащейся молодежи, среди которой попадаются и почтенные старцы, и солидныя дамы, и даже блестящіе военные. Уже восемь часовъ вечера. Сейчасъ начнется интересная лекція. Взоры всѣхъ устремлены на обтянутый полотномъ экранъ и на эстраду, гдѣ съ минуты на минуту долженъ появиться популярный лекторъ, имя котораго уже успѣло прогремѣть не только въ Россіи, но и за границей.

Лекція о кольцахъ Сатурна... Едва ли она привлекла бы большое количество слушателей, если бы не имя Бредихина, такъ много говорившее уму и сердцу московской учащейся молодежи, и не самая цѣль лекціи, сборъ съ которой предназначался въ пользу женскихъ математическихъ курсовъ при третьей гимназіи. Какъ и слѣдовало ожидать, вся аудиторія была наводнена студентами и курсистками, цѣлой гирляндой молодыхъ, розовыхъ, радостно возбужденныхъ лицъ, точно застывшихъ теперь въ одномъ выраженіи напряженнаго ожиданія. Казалось, на всѣхъ этихъ лицахъ можно было прочесть одну и ту же мысль: «ахъ, скоро ли начнется?»

И вдругъ вся аудиторія заволновалась, тамъ и сямъ послышалось нѣсколько сдержанныхъ хлопковъ, вскорѣ перешедшихъ въ цѣлую бурю единодушныхъ рукоплесканій. Это привѣтствовали Федора Александровича, который обычной своей спокойной и твердой поступью, высоко держа голову, что придавало всей его довольно плотной фигурѣ нѣсколько горделивую осанку, поднимался на эстраду. Вотъ онъ сдѣлалъ короткій поклонъ, обвелъ глазами публику и, когда въ залѣ все стихло, началъ говорить своимъ пріятнымъ, слегка вибрирующимъ на низкихъ нотахъ баритономъ. По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, на экранѣ демонстрировались при помощи волшебнаго фонаря различныя небесныя свѣтила, достигавшія размѣра, въ какомъ они представляются обыкновенно въ сильнѣйшихъ рефракторахъ. Такъ, напримѣръ, Сатурнъ имѣлъ аршина полтора въ діаметрѣ, что, конечно, для многихъ слушателей было зрѣлищемъ невиданнымъ. По крайней мѣрѣ, я и два моихъ товарища, всѣ трое гимназисты восьмого класса, смотрѣли и слушали, какъ говорится, разинувъ рты отъ изумленія.

Помню, лекція Бредихина произвела на меня очень сильное впечатлѣніе. Этотъ небольшого роста человекъ, крайне подвижной и нервный, съ острымъ, насквозь пронизывающимъ взглядомъ зеленовато-сѣрыхъ глазъ, какъ-то сразу наэлектризовывалъ слушателя, приковывалъ къ себѣ все его вниманіе. Чарующій лекторскій талантъ такъ и билъ изъ него ключомъ, то разсыпаясь блестками сверкающаго остроумія, то захватывая нѣжной лирикой, то увлекая красотой поэтическихъ метафоръ и сравненій, то, наконецъ, поражая мощной логикою и бездонной глубиною научной эрудиціи. Обильно пересыпая рѣчь цитатами изъ поэтовъ и ученыхъ, Бредихинъ постепенно развертывалъ передъ нами картину звѣзднаго неба, показывалъ намъ, какія огромныя завоеванія совершилъ человѣческій умъ въ области астрономіи, и какъ много еще осталось сдѣлать на этомъ славномъ пути научныхъ открытій. «Передъ нами еще столько неразрѣшенныхъ проблемъ, покрытыхъ темной, непроницаемой завѣсой будущаго,—говорилъ ораторъ,— что астрономъ, пытающійся сорвать эту завѣсу, невольно чувствуетъ свою полную безпомощность, такъ какъ онъ не можетъ не сознавать, что одной его жизни слишкомъ мало для этого, что его единичныя усилія черезчуръ слабы, и вотъ онъ стоитъ передъ гигантской задачей, представляющей его пытливому уму, оторопленный и растерянный, подавленный сознаніемъ собственнаго безсилія, и изъ измученной души его готовъ вырваться крикъ отчаянія»...

Глубокое искреннее чувство прозвучало въ послѣднихъ словахъ Бредихина. Произнесши ихъ, онъ на нѣкоторое время умолкъ, грустно понутивъ голову. Вся аудиторія точно замерла, и среди мертвой тишины, казалось, можно было разслышать малѣйшій

шорохъ. Но вотъ Ѳ. А. провелъ рукою по лбу, окинулъ публику просвѣтлѣвшимъ взглядомъ и закончилъ свою лекцію приблизительно такъ:

«Впрочемъ не время и не мѣсто здѣсь предаваться мрачнымъ мыслямъ по поводу неизвѣстнаго будущаго. Вспомнимъ лучше о томъ, что въ настоящую минуту всего ближе нашему сердцу. Десять лѣтъ тому назадъ, небольшая кучка русскихъ интеллигентныхъ женщинъ пожелала изучать высшія математическія науки. Само собой разумѣется, что изъ извѣстнаго лагеря печати, преслѣдующаго всякое проявленіе живой, свободной мысли, посыпался на нихъ градъ ядовитыхъ насмѣшекъ; беззубые публицисты-реакціонеры изощряли надъ ними свое дешевое остроуміе, систематически дѣлали противъ нихъ злобныя вылазки, лгали, клеветали на нихъ, словомъ, употребляли по отношенію къ нимъ обычные челоуѣко-ненавистническіе приемы партійной борьбы, но ничто не могло воспрепятствовать росту живого дѣла: женскіе курсы были организованы и благополучно существуютъ до сихъ поръ. Съ своей стороны я желаю имъ самага блестящаго будущаго, и, если настоящей лекціей мнѣ удалось хоть немного упрочить ихъ существованіе, я могу считать свою задачу выполненной».

Трудно представить себѣ, что сдѣлалось въ этотъ моментъ съ многочисленной аудиторіей: раздался оглушительный взрывъ рукоплесканій, послышались бѣшеные крики: «браво, браво!»—и все это смѣшалось съ грохотомъ стульевъ и топотомъ ногъ, потому что большинство немедленно повскакали со своихъ мѣстъ, устремляясь къ эстрадѣ. Бредихинъ неоднократно выходилъ раскланиваться передъ публикой, и, не могу сказать навѣрное, но, кажется, ему не пришлось избѣгнуть въ этотъ день традиціоннаго «качанья» гдѣ-то уже на лѣстницѣ или въ коридорѣ.

Живо припоминается мнѣ и другая лекція Бредихина въ томъ же году и въ той же аудиторіи Политехническаго музея. Тогда очень много говорили и писали о какой-то «американской» кометѣ, которая, будто бы, столкнется съ землей; суевѣрные люди были даже весьма по этому поводу взволнованы и ожидали, что въ скоромъ времени будетъ конецъ міра. Понятенъ интересъ, который должна была возбудить въ обществѣ лекція Бредихина о пресловутой кометѣ. Публика валомъ повалила въ Политехническій музей. Въ аудиторіи всѣ мѣста были заняты, негдѣ было яблоку упасть. Помнится, я стоялъ гдѣ-то въ проходѣ около входной двери, и то по чьей-то «протекціи». Бокъ о бокъ со мною тѣснился довольно пожилой уже, длиннополый «джентльменъ», повидимому, съ Таганки или съ Рогожской. Онъ какъ-то жалостливо поглядывалъ на всѣхъ, точно скорбѣлъ о будущей печальной участи, которую скоро принесетъ съ собой міровая катастрофа, хотя въ то же время довольно беззаботно икалъ и крестилъ себѣ ротъ. Но,

когда появился лекторъ, прѣвѣтствуемый единодушными рукоплесканіями всей аудиторіи, я замѣтилъ, что мой длинный сосѣдъ пересталъ икать и весь обратился въ слухъ. Онъ такъ внимательно и непринужденно слушалъ, что, казалось, ему все было понятно. Впрочемъ можно ли было не понимать Бредихина? Этотъ человѣкъ обладалъ колоссальнымъ даромъ популяризаціи какой угодно научной дисциплины. Самые труднѣйшіе математическіе или астрономическіе вопросы становились въ его изложеніи чрезвычайно простыми и удобопонятными. Притомъ же имъ усвоена была такая манера, что, когда онъ что либо объяснялъ, онъ всегда имѣлъ въ виду самаго неразвитого изъ своихъ слушателей. Никогда не забуду, какъ въ одной публичной лекціи Бредихинъ счелъ нужнымъ разъяснить даже такое понятіе, какъ 0,03 миллиметра. «Это значитъ,—пресерьезно замѣтилъ онъ,—что миллиметръ раздѣленъ на сто равныхъ частей, и что такихъ частей взято три».

Такъ и въ данномъ случаѣ. Страшную комету, пугавшую воображеніе полуинтеллигентныхъ москвичей, Бредихинъ мастерски развѣнчалъ на ихъ же глазахъ, представивъ все дѣло въ крайне простой, почти осязательной формѣ. «Господа,—обратился онъ, между прочимъ, къ своимъ слушателямъ, сопровождая каждое слово тою особенной дикціей, которая была свойственна только ему одному,—вы, можетъ быть, представляете себѣ эту комету огромнымъ хвостатымъ чудовищемъ, которое зацѣпитъ земной шаръ и, какъ песчинку, отброситъ его въ міровое пространство? Нѣтъ, господа, это маленькая невинная туманность формой и величиной... такъ въ родѣ бисквитки».

Разумѣется, эффектъ получился самый неожиданный. Будучи уже студентомъ, хотя и не математическаго факультета, я не переставалъ интересоваться Бредихинымъ, частенько ходилъ слушать его лекціи и велъ знакомство съ нѣкоторыми изъ преданнѣйшихъ ему учениковъ. Среди студентовъ-математиковъ О. А. пользовался вообще огромной популярностью и неизмѣннымъ обаяніемъ, въ ихъ кружкахъ имя его произносилось всегда съ какимъ-то особеннымъ почтеніемъ, почти съ благоговѣніемъ, такъ какъ, съ одной стороны, студентамъ было извѣстно, что Бредихинъ сдѣлалъ въ астрономической наукѣ какія-то важныя открытія, хотя никто изъ нихъ и не зналъ, какія именно, и что онъ прославился своими учеными трудами даже за границей; съ другой стороны, ихъ подкупала чрезвычайная доступность Федора Александровича, какъ профессора, его простота и ласковость обращенія съ ними, чуждыя, однако, фамильярности или амигошонства.

Особенно увлекались Бредихинымъ юнцы-первокурсники. Прислушавъ впервые его лекцію, почти каждый изъ нихъ уже мечталъ о славѣ астронома и спѣшилъ заявить профессору, что онъ будетъ заниматься астрономіей *спеціально*. Но О. А. въ такихъ

случаяхъ весьма искусно обливалъ будущихъ Ньютоновъ холодной водой, выяснивъ имъ, какъ трудно вообще серьезное изученіе астрономіи, какого напряженнаго вниманія требуетъ эта наука съ ея сложными вычисленіями, правильность которыхъ иногда зависитъ не отъ воли наблюдателя, а отъ случайныхъ внѣшнихъ причинъ. Вообще Бредихинъ крайне осторожно выбиралъ студентовъ, желавшихъ специально изучать астрономію: тутъ у него было обыкновенно много званыхъ и мало избранныхъ. Прежде чѣмъ приблизить къ себѣ студента, онъ подвергалъ его нѣкоторому искусству. Такъ, однажды, онъ пригласилъ къ себѣ въ обсерваторію двухъ такихъ любителей астрономіи, продержалъ ихъ около телескопа всю ночь и, когда они прозябли на морозѣ такъ, что не могъ понасть зубъ на зубъ, отпустилъ ихъ домой. «Любители» сильно охладѣли послѣ этого къ астрономіи.

Снисходительность Бредихина на экзаменахъ общеизвѣстна: менѣе 4-хъ балловъ онъ никогда не ставилъ никому. Но ошибочно было бы думать, что это являлось у него результатомъ слабохарактерности или слащаваго добродушія,—нѣтъ, объясняется это тѣмъ, что прохожденію курса астрономіи по лекціямъ, безъ практическихъ занятій въ обсерваторіи, Бредихинъ не придавалъ ровно никакого значенія, считая это даже прямо пустой тратой времени; но, такъ какъ огромному большинству его слушателей было доступно именно такое теоретическое, одностороннее изученіе предмета, то онъ и не считалъ нужнымъ предъявлять къ учащимся строгихъ требованій. Обыкновенно студентъ выходилъ у него на экзаменъ безъ всякаго смущенія, бралъ первый попавшійся билетъ и немедленно приступалъ къ отвѣту. А Бредихинъ, бывало, и не взглянетъ на него. Онъ сидитъ съ опущенными внизъ глазами, погруженный въ свои думы, потомъ вдругъ, точно очнувшись отъ сна, скользнетъ по лицу отвѣчающаго своимъ острымъ взглядомъ и, оборвавъ его на полфразѣ, скажетъ коротко: «довольно... пять!»

Очень возможно, что изъ того, что ему отвѣчали на экзаменѣ, Ѳ. А. часто не слышалъ ни одного слова, такъ какъ мысленно всецѣло былъ поглощенъ какими нибудь астрономическими вычисленіями. Это былъ настоящій «Божіей милостью» астрономъ, отличавшійся къ тому же совершенно исключительнымъ, рѣдкимъ трудолюбіемъ. Когда происходили на небѣ какія нибудь важныя астрономическія явленія, въ родѣ, напримѣръ, прохожденія «Венеры» черезъ солнечный дискъ, то онъ пріѣзжалъ на лекцію прямо изъ обсерваторіи, по обыкновенію, бодрый и свѣжій, и только слегка припухшія вѣки да чуть-чуть покраснѣвшіе бѣлки глазъ указывали на то, что имъ проведена была бессонная ночь.

Кстати сказать, эта обсерваторія, помѣщавшаяся за Трехгорной заставой, была самымъ больнымъ его мѣстомъ. Ничто не до-

ставляло ему столько хлопотъ и огорченій, какъ это учрежденіе, въ которомъ ему приходилось систематически работать изо дня въ день. Какъ-то разъ испортился часовой механизмъ въ рефракторѣ; починка его требовала тысячи двѣхъ рублей, и вотъ Бредихинъ усердно принялся хлопотать объ отпускѣ соответствующаго кредита; хлопоталъ-хлопоталъ, строчилъ бумагу за бумагой, упражняясь въ канцелярскомъ краснорѣчїи, волновался, кипѣлъ, портилъ себѣ кровь, но денегъ такъ и не получилъ. Обидно было Бредихину и за себя, и за свою злополучную обсерваторію, въ особенноти, когда онъ мысленно сравнивалъ ее съ Пулковской, гдѣ за одинъ объективъ для рефрактора, специально заказанный въ Америкѣ, было заплачено двѣсти тысячъ рублей. «Всѣ деньги плывутъ въ Пулково, а намъ остаются гроши!»—горько жаловался онъ студентамъ. Вообще пулковцы сильно тревожили его покой, и онъ при всякомъ удобномъ случаѣ старался высказать о нихъ чтонибудь оскорбительное и колкое. Онъ даже называлъ ихъ не иначе, какъ «полуастрономы». Когда одинъ тамбовскій помѣщикъ прислалъ ему свои интересныя наблюденія надъ кометою, производившіяся самыми примитивными, домашними средствами, но съ большою любовью къ дѣлу, Бредихинъ восторженно отзывался объ этой работѣ и, между прочимъ, сказалъ: «такія наблюденія много цѣннѣе разныхъ сомнительныхъ выкладокъ нашихъ полуастрономовъ, которые только и дѣлаютъ, что спятъ».

Хотя Бредихинъ и былъ чрезвычайно скромнъ по природѣ, но едва ли онъ былъ доволенъ тѣмъ положеніемъ, которое занималъ въ Москвѣ, да и вообще въ Россіи: вѣдь большому кораблю нужно было и большое плаваніе, а между тѣмъ на немъ, можно сказать, вполне оправдывалась извѣстная поговорка, что никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ. Въ самомъ дѣлѣ, когда онъ былъ избранъ членомъ королевскаго астрономическаго общества въ Англіи,—честь, которой удостоивались до сихъ поръ лишь немногіе величайшіе астрономы міра,—когда это избраніе, по обыкновенію, сопровождалось въ Лондонѣ пышнымъ національнымъ торжествомъ, въ которомъ принималъ участіе весь парламентъ въ полномъ своемъ составѣ и во главѣ съ самимъ Гладстономъ, когда нашъ маститый ученый уже со всѣхъ концовъ свѣта успѣлъ получить множество поздравленій, привѣтственныхъ писемъ, телеграммъ,—тогда только узнали объ этомъ и въ Россіи...

Впрочемъ и у насъ Бредихинъ не остался безъ должнаго поощренія: ему дали Анну на шею и двѣ тысячи рублей. Тогда же, кажется, былъ исправленъ и часовой механизмъ въ рефракторѣ, доставившій нашему астроному столько напрасныхъ огорченій.

Лѣтъ восемь-десять тому назадъ, судьба случайно столкнула меня съ Бредихинымъ въ Москвѣ около памятника Пушкина. Дѣло было весною. О. А. сидѣлъ на скамейкѣ и задумчиво чертилъ что-то зонтикомъ на пескѣ. Въ это время я медленнымъ шагомъ проходилъ мимо, какъ вдругъ онъ быстро поднялъ на меня глаза и вонзилъ мнѣ прямо въ лицо свой острый взглядъ. Невольно остановившись передъ нимъ, я снялъ шляпу и, назвавъ себя, сказалъ, что я бывший его слушатель. Бредихинъ пригласилъ меня сѣсть, и мы разговорились, какъ старые знакомые. Говорили о Московскомъ университетѣ, о бывшихъ студентахъ, знакомыхъ намъ обоимъ, о нѣкоторыхъ профессорахъ, изъ коихъ иные, по выраженію поэта, уже «странствовали далече», завели, разумѣется, рѣчь и о Пулковской обсерваторіи, гдѣ Бредихинъ состоялъ въ то время директоромъ.

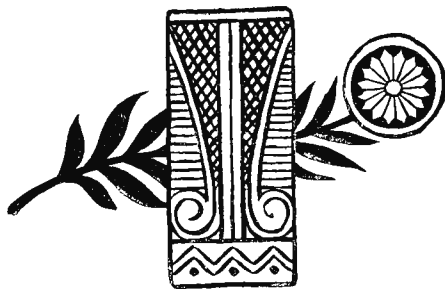
— А я выхожу въ отставку,—вдругъ объявилъ онъ мнѣ.

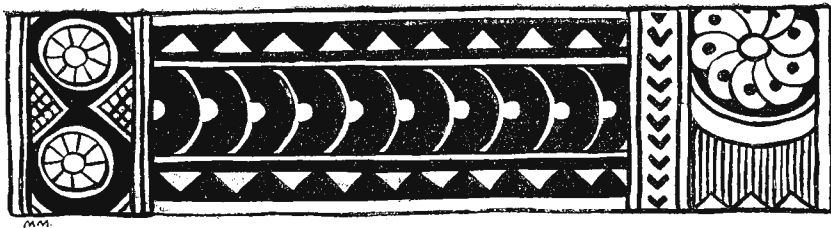
— Что такъ?—удивился я. — Рано вамъ, Федоръ Александровичъ, уходить на покой!

— Довольно... Усталъ! — сказалъ онъ лаконически и, молча, принялся опять что-то чертить: на пескѣ выходила математическая фигура...

Изъ дальнѣйшаго разговора съ Бредихинымъ я узналъ, что завѣтная его мечта—поселиться въ деревнѣ, завести тамъ скромную обсерваторію и всецѣло посвятить остатокъ дней научной работѣ своихъ многочисленныхъ астрономическихъ наблюдений. Но, увы, этой мечтѣ суждено было осуществиться только на половину.

Князь Б. А. Щетининъ.

ПАМЯТИ ЕПИСКОПА ИРИНЕЯ.

ПРЪЛЯ десятого, отъ разрыва сердца скоростижно скончался епископъ орловскій и сѣвскій, Иринея. Смерть неожиданно вырвала изъ русской іерархіи одного изъ выдающихся ея членовъ. Покойный епископъ Иринея — величина большого размѣра, и внезапная кончина его — великій ущербъ для православной церкви. Въ особенности внезапная кончина архіерея должна была угнетающимъ образомъ подѣйствовать на нашъ югъ и Уралъ: и тутъ и тамъ преставившійся епископъ своею плодотворною дѣятельностью оставилъ послѣ себя завидную память; и тутъ и тамъ онъ пользовался любовью за непрерывные труды его на пользу ближнихъ, за чуткость и отзывчивость своего любвеобильнаго сердца, за свои заботы о духовномъ просвѣщеніи, за строгость къ самому себѣ и за снисхожденіе къ другимъ, за свою примѣрную благочестивую жизнь, за свое неутомимое усердіе къ храмамъ Божиимъ, за свою хозяйственную и отеческую заботливость о «малыхъ сихъ» и за всѣ другія счастливыя свои качества, которыми онъ былъ надѣленъ Провидѣніемъ. Кончина святителя, несомнѣнно, вызвала скорбь у всѣхъ, кто зналъ его лично. И скорбь эта должна была быть чувствительнѣе, больнѣе, потому что поразила она своей неожиданностью.

Еще не настало время пока, да и не въ состояніи я сдѣлать подробную характеристику почившаго іерарха, какъ этого заслуживаетъ великій въ своей скромности покойный епископъ Иринея. Увѣренъ, настанетъ время, и люди, ближе меня знавшіе почившаго

архіерея и его дѣла, болѣе меня знакомые съ жизнью и дѣятельностью его, — нарисуютъ на память потомству величавый обликъ епископа Иринея и величавую фигуру его во весь ростъ ея поражающей духовной красоты. Я же намѣренъ подѣлиться съ читателемъ лишь нѣкоторыми отрывочными воспоминаніями о немногочисленныхъ моихъ встрѣчахъ съ епископомъ Иринеемъ, которыя навсегда запечатлѣны въ моей памяти, и которыя во многихъ случаяхъ моей жизни послужили для меня великимъ утѣшеніемъ.

I.

Я удостоился счастья познакомиться съ епископомъ Иринеемъ въ городѣ Екатеринбургѣ, лѣтомъ 1900 года. Я былъ тогда редакторомъ газеты «Ураль». Екатеринбургъ считается столицей Урала въ отношеніяхъ горнозаводскомъ и золотопромышленномъ и столицей раскола всего Урала и всей Сибири. Самый многочисленный классъ екатеринбургскаго старообрядчества, самый богатый и, слѣдовательно, самый вліятельный и воинствующій,—это приемлющіе священство старообрядцы (австрійцы), за ними идутъ часовенные (бѣглопоповцы), безпоповцы и многіе другіе. Нѣтъ ни одной отрасли русскаго раскола и русскаго сектантства, которая не имѣла бы своихъ представителей въ Екатеринбургѣ. И не удивительно, если городъ этотъ въ религіозномъ отношеніи постоянно пребываетъ въ напряженномъ состояніи. Со стороны православнаго духовенства и мѣстнаго архіерея требуется много такта, распорядительности, а еще больше любви и человѣчности, чтобы умиротворяюще дѣйствовать на заблуждающихся, не давать лишнихъ поводовъ къ обостренію розни между православными и старообрядцами. Въ то время, о которомъ рассказываю, въ Екатеринбургѣ занималъ весьма важный и отвѣтственный постъ православнаго епархіальнаго миссіонера нѣкій г. Р., человѣкъ безусловно честный, но, къ сожалѣнію, мало пригодный для такого отвѣтственнаго поста. Г. Р. отличался крайней ограниченностью и непомѣрнымъ фанатизмомъ. Онъ весьма плохо понималъ или совсѣмъ не понималъ сущности миссіонерской дѣятельности, былъ убѣжденъ, что призванъ искоренять расколъ всякими средствами, и почти всегда прибѣгалъ къ такимъ, которыя меньше всего согласовались съ его званіемъ и положеніемъ. Для достиженія цѣлей своей миссіи онъ ничѣмъ не брезгалъ и въ своихъ преслѣдованіяхъ раскольниковъ не зналъ жалости: составлялъ, при содѣйствіи полиціи, многочисленные протоколы, привлекалъ къ судебной отвѣтственности, глумился и издѣвался при всякомъ удобномъ случаѣ надъ беззащитными раскольниками и ихъ святынями, чѣмъ возбуждалъ къ себѣ страшную злобу и ненависть среди екатеринбургскаго старообрядчества и сектантства.

Чтобы хоть чѣмъ нибудь отплатить миссіонеру за его издѣвательства и унижить его, екатеринбургскіе старообрядцы рѣшили выписать для религіозныхъ съ нимъ собесѣдованій изъ черниговскихъ слободъ извѣстнаго апологета, нынѣ уже покойнаго начетчика, Ѳедора Мельникова. Миссіонеръ или не зналъ, кто таковъ Мельниковъ, или, въ свою очередь, надѣялся разбить и унижить своего противника. Какъ бы то ни было, но когда Мельниковъ прибылъ въ Екатеринбургъ, миссіонеръ согласился вступить въ публичное собесѣдованіе съ пріѣзжей раскольничьей знаменитостью. Ѳедоръ Мельниковъ, помимо своей начитанности и несомнѣнной талантливости, отличался острымъ умомъ, находчивостью и дерзостью. На первомъ же собесѣдованіи своими ядовитыми замѣчаніями, острыми словечками и хладнокровіемъ онъ заставилъ миссіонера потерять всякое терпѣніе и натворить столько несуразнаго, что, когда подробности объ этомъ первомъ собесѣдованіи дошли до архіерея, то дальнѣйшія собесѣдованія миссіонера съ Мельниковымъ (этихъ собесѣдованій было объявлено три) архіереемъ были запрещены.

Разумѣется, по существу въ вопросахъ вѣры, о которыхъ трактовалось на собесѣдованіи, Мельниковъ никакой побѣды надъ миссіонеромъ не одержалъ, но цѣль, для которой екатеринбургскіе старообрядцы выписали его, Мельниковымъ достигнута была: растерявшійся отъ хладнокровно обдуманыхъ, подготовленныхъ и взвѣшенныхъ нападковъ исключительно личнаго характера, искусившагося въ словесныхъ бояхъ опытнаго и талантливаго Мельникова, православный миссіонеръ былъ доведенъ до изступленія и, конечно, не былъ въ состояніи достойно отпарировать удары и остановить юнаго нахала (Мельникову было тогда всего 19 лѣтъ отъ роду).

Какъ бы то ни было, фактъ остался фактомъ: миссіонеръ былъ публично униженъ и посрамленъ, какъ человѣкъ, и только какъ человѣкъ, а екатеринбургскіе старообрядцы провозгласили побѣду Мельникова надъ нимъ, какъ надъ православнымъ миссіонеромъ. Взаимная ненависть съ обѣихъ сторонъ обострилась. Тогдашняя екатеринбургская православная интеллигенція, — совершенно безразличная въ вопросамъ вѣры и не разобравшая, въ чемъ дѣло, — примкнула къ старообрядцамъ въ преслѣдованіяхъ православнаго миссіонера сплетнями и выдумками.

Такъ стояло дѣло мѣсяца два. Но вотъ въ Екатеринбургъ пріѣхалъ вновь назначенный архіерей, епископъ Иринея, и, быстро освоившись съ положеніемъ дѣлъ, сразу положилъ конецъ этому возбужденному состоянію и наладилъ дѣло по-иному. Епархіальнаго миссіонера Р. онъ уволилъ, но уволилъ такъ, что никому не могло прійти въ голову видѣть въ этомъ увольненіи г. Р. уступку старообрядцамъ со стороны епископа. Старообрядцамъ, главное австріяцамъ, было не до торжества надъ миссіонеромъ. Епископъ заставилъ ихъ насторожиться и недоумѣвать своими послѣдующими дѣйствіями и поступками...

II.

Припоминаю мое первое свиданіе съ почившимъ епископомъ. Недѣли три спустя послѣ своего пріѣзда въ Екатеринбургъ, онъ пригласилъ меня къ себѣ. Явился я къ нему ровно въ часъ дня. Молоденькій келейникъ доложилъ о моемъ приходѣ преосвященному. Не успѣлъ я осмотрѣться въ пріемной, которая была переполнена разнымъ народомъ, какъ меня попросили пожаловать. Переступивъ порогъ гостиной, я очутился лицомъ къ лицу съ архіереемъ. Это былъ монахъ невысокаго роста, одѣтый въ поношенную, но удивительно чистенькой рясу, со скуфейкой на головѣ. Судя по сѣдинамъ и длинной бородѣ Ириней, ему было тогда не меньше 68—70 лѣтъ. Но старикъ этотъ поражалъ необыкновенно свѣжимъ цвѣтомъ своего лица и совершенно молодыми глазами. Всмотрѣвшись въ его живые глаза, я былъ очарованъ его привѣтливымъ взглядомъ, поклонился и подошелъ подъ благословеніе.

— Спасибо, что скоро пожаловали,—произнесъ архіерей съ замѣтнымъ южно-русскимъ акцентомъ.—Садитесь и потолкуемъ.

Онъ указалъ мнѣ на кресло, и самъ усѣлся противъ меня.

— Я васъ знаю,—продолжалъ онъ тою же скороговоркой,—т.-е. не лично васъ знаю, а знаю вашу дѣятельность, какъ журналиста. Меня радуетъ, что въ вашемъ «Уралѣ» даете мѣсто статьямъ о старообрядчествѣ... Статьи хорошия, тонъ ихъ надлежащій... Раздражать старообрядцевъ не слѣдуетъ, какъ и не слѣдуетъ къ нимъ подлаживаться... Надо съ ними разговаривать серьезно, съ добротою... Доброта—великая вещь...—Архіерей вздохнулъ.—Впрочемъ, вижу, вы такъ и дѣйствуете... Спасибо вамъ... Вотъ теперь мы, значить, знакомы, и, надѣюсь, не откажетесь пожаловать ко мнѣ чайку попить... Когда не бываетъ службы, пью чай въ восемь часовъ... У меня отличное кievское варенье,—онъ почти весело засмѣялся.—Попьемъ чайку и ужъ обстоятельно побесѣдуемъ; надѣюсь, мы съ вами будемъ ладить и потрудимся вмѣстѣ, и, дастъ Богъ, съ пользой.

Архіерей поднялся съ кресла, благословилъ меня и отпустилъ.

Не успѣлъ я дойти до двери, какъ епископъ остановилъ меня.

— Вамъ уже извѣстно, что епархіальный миссіонеръ Р. отсюда уходитъ?—спросилъ онъ, стоя.

— Извѣстно, ваше преосвященство.

— Вы, кажется, съ нимъ враждовали?

— Да, вначалѣ... Потомъ, когда стали травить его со всѣхъ сторонъ, и я ближе съ нимъ познакомился и узналъ его лучше, то пересталъ съ нимъ враждовать. Мнѣ было его очень жаль. Онъ—честный человѣкъ, но упрямъ, непокладистъ и...

— И не уменъ,—перебилъ меня архіерей.—Охъ, охъ, охъ, какъ не уменъ, а на мѣстѣ миссіонера нуженъ человѣкъ умный, въ

особенности здѣсь, въ Екатеринбургѣ... Да и доброта нужна миссіонеру... необходима доброта...

На этомъ и закончилось мое первое свиданіе съ епископомъ Иринеемъ.

III.

Дней черезъ 5—6, послѣ перваго моего свиданія съ Иринеемъ, я въ 8 часовъ вечера отправился къ нему «чайку попить». Я засталъ архіерея сидящимъ на диванѣ съ книжкой въ рукахъ. По краямъ обложки увидѣлъ, что онъ читаетъ «Вѣстникъ Европы». Епископъ встрѣтилъ меня радушно, какъ стараго знакомаго. Благословивъ меня и усадивъ, онъ заговорилъ.

— Пользуюсь каждой свободной минуткой, чтобы почитать. Къ сожалѣнію, весьма мало времени у меня, чтобы перечитывать все, что надо. Ужъ очень много нынче печатаютъ. И сколько хламу выбрасываютъ типографіи! Хорошія книги и статьи попадаютъ рѣдко... Этотъ журналъ все-таки лучше и серьезнѣе другихъ...

Онъ указалъ на отложенную имъ при моемъ приходѣ на столикъ книжку.

— Это, кажется, «Вѣстникъ Европы»?—перебилъ я архіерея.

— Да, «Вѣстникъ Европы»,—продолжалъ епископъ.—Читаю и предпочитаю его больше другихъ журналовъ. Не потому,—улыбнулся онъ,—что согласенъ съ его направленіемъ, а потому, что издаетъ его человекъ серьезный и порядочный, и пишутъ въ немъ люди порядочные и серьезные. Журналъ этотъ не зубоскалитъ, не паясничаетъ, не прячетъ кукиша въ карманѣ, не прибѣгаетъ къ задираательной и пошлой полемикѣ. Разумѣется, мнѣ не симпатичны доктрины, которыя проповѣдуетъ журналъ, нѣкоторыя изъ нихъ мнѣ даже противны. Но надо отдать ему справедливость, что проповѣдь его открытая, честная. «Вѣстникъ Европы» въ этомъ отношеніи почти одинъ является настоящимъ, заправскимъ бариномъ среди современной хамской журнальной братіи своей. Его конституціонализмъ меня не пугаетъ, ибо онъ приверженецъ постепенности и преданъ царственному дому... Другое дѣло, журналы въ родѣ (епископъ назвалъ нѣсколько журналовъ), развѣ это серьезные изданія? Мальчишество на каждомъ шагу... Противно ихъ перелистывать даже, а приходится... Необходимо знать, о чемъ и въ этихъ журналахъ пишутъ, а главное, какъ пишутъ, къ какимъ формамъ прибѣгаютъ, чтобы быть во всеоружіи для борьбы со зломъ, которое они сѣютъ... Намъ, пастырямъ, призваннымъ направлять стадо Христово ко благу, необходимо вникнуть во все, что волнуетъ общество въ данный моментъ; каковы чаянія, надежды и мысли общества... Все это отражается въ журналахъ, газетахъ, и поневолѣ мы должны, мы обязаны слѣдить за журналами, за газетами. Нельзя безъ этого, если хочешь съ пользою

служить церкви и народу... Приходится иногда даже тратить время на чтеніе беллетристики...

— Неужели и беллетристику читаете?

— Мало, но читаю. Недавно прочелъ нѣсколько рассказовъ Горькаго: «Супруги Орловы», «Мальву» и еще нѣсколько мелкихъ. Не понимаю, чѣмъ такъ пришелся Горькій по вкусу современному обществу? Талантъ его ниже средняго, и, во всякомъ случаѣ, этотъ писатель гораздо ниже Помяловскаго, Рѣшетникова и Глѣба Успенскаго,—ужь не говорю о Тургеневѣ, Толстомъ, Писемскомъ, Гончаровѣ, Достоевскомъ. Развѣ можно сравнивать этого карлика съ такими гигантами? Вѣдь у Горькаго нѣтъ настоящихъ, живыхъ людей, съ плотью и кровью: все у него надумано, искусственно, преувеличено... А вотъ грязи... грязи въ его произведеніяхъ много... Человѣкъ онъ безъ предрасудковъ, и чувство обонянія у него совсѣмъ не развито... Очень и очень смердитъ отъ многихъ страницъ въ его рассказахъ...

Отъ свѣтской литературы архіерей перешелъ къ духовной. Нельзя сказать, чтобы отзывъ его о духовной литературѣ былъ лучше, чѣмъ о свѣтской. Онъ подвергъ рѣзкой критикѣ многихъ духовныхъ писателей и большинство духовныхъ журналовъ.

— Вообще, — продолжалъ епископъ, — въ настоящее время у насъ во всемъ и вездѣ господствуетъ какой-то хаосъ, мы стоимъ на какомъ-то распутиѣ, а настоящаго, Божьяго пути не видимъ, не хотимъ его видѣть, отворачиваемся отъ него... Даже, если возьмемъ нашу богословскую науку. Что она собою теперь представляетъ? Прочитали бы такъ называемыя ученныя изслѣдованія, которыя, подъ видомъ кандидатскихъ и магистерскихъ диссертаций, представляются въ духовныя академіи для полученія ученыхъ богословскихъ степеней. Въ нихъ есть все: и ученость, и эрудиція, и знаніе литературы предмета, и множество выписокъ и цитатъ, и широкія обобщенія, и все, что хотите... Но все это только съ виду, для людей, не посвященныхъ. Если же углубиться въ эти работы за послѣднія 20—30 лѣтъ, то окажется, за весьма ничтожными исключеніями, что все это либо хламъ, либо кража и пережевываніе нѣмецкихъ богослововъ и философовъ. Большинство сочиненій нашихъ русскихъ ученыхъ богослововъ суть только простыя кражи у нѣмцевъ, рѣже у англичанъ. Обладая нѣмецкимъ языкомъ, прослыть ученымъ богословомъ въ нынѣшнее время не представляетъ труда. И знаете, какой отъ этого происходитъ вредъ?—Епископъ глубоко вздохнулъ.—Наше семинарское и академическое богословіе плодятъ еретиковъ и невѣровъ... Удивляются, что у насъ являются священники въ родѣ (онъ назвалъ по фамиліи одного священника). Да онъ же и есть прямой продуктъ академическаго богословія... Да,—какъ-то уныло закончилъ епископъ,—наше академическое богословіе — богословіе Запада, а не православное...

Я просидѣлъ въ тотъ вечеръ у Ириней до половины одиннадцатаго часа. Все время почившій епископъ говорилъ то съ бодрымъ воодушевленіемъ, то впадая въ минорный тонъ и грусть. Несмотря на свои старые годы, онъ чувствовалъ и волновался, какъ молодой: чудные глаза его то вдохновенно сверкали огнемъ молодости, то заволакивались облаками грусти. Когда онъ поругивалъ и свѣтскую и духовную литературу, видно было, что скорбитъ онъ душой, что та и другая такъ мало соотвѣтствуютъ своему назначенію.

— Россія — великая страна,—между прочимъ замѣтилъ онъ съ большимъ воодушевленіемъ,—и она заслуживаетъ болѣе серіознаго отношенія къ себѣ, и не только заслуживаетъ, но и нуждается въ болѣе серіозной литературѣ... Крѣпко надѣюсь, что Господь пошлетъ ей это...

IV.

Много толковъ породило въ Екатеринбургѣ извѣстіе, что епископъ Ириней выразилъ желаніе служить обѣдно въ единовѣрческой церкви. Заволновались по этому поводу старообрядцы, заволновались и сами единовѣрцы. Старообрядцы и всякіе сектанты злорадствовали, что православный архіерей «обмірщитъ» единовѣрческую церковь троеперстнымъ крестомъ; по тому же поводу приуныли сами единовѣрцы. Ко мнѣ заѣхалъ Г. Г. Казанцевъ, городской голова и глава екатеринбургскихъ единовѣрцевъ, нынѣ тоже уже покойный. Это былъ человекъ весьма образованный, не чуждый наукъ (выдающійся химикъ, состоялъ одно время лаборантомъ при Петербургскомъ университетѣ у Д. И. Менделѣева) и искусству (былъ не дурнымъ актеромъ-любителемъ, имѣлъ собственный театръ, огромную бібліотеку и написалъ нѣсколько драмъ, которыя шли на провинціальныхъ сценахъ), богатый, пользовавшійся большимъ уваженіемъ въ городѣ. Какъ наслѣдственный попечитель единовѣрческихъ церквей въ Екатеринбургѣ (прапрадѣдъ Г. Г. Казанцева построилъ первую единовѣрческую церковь на личные средства, и съ тѣхъ поръ почетная обязанность попечителя единовѣрческихъ церквей въ Екатеринбургѣ переходила къ его потомкамъ, какъ бы по наслѣдству), онъ тоже былъ въ тревогѣ.

— Положительно не знаю, какъ поступить,—волновался покойный Г. Г. Казанцевъ.—Желаніе преосвященнаго служить у насъ возбуждаетъ среди прихожанъ тревогу. Если архіерей будетъ служить по нашимъ книгамъ и по нашему обиходу, то это будетъ для насъ великимъ радостнымъ событіемъ, это будетъ для насъ небывалымъ торжествомъ; если же будетъ служить по великороссійскому, то ужасно боюсь послѣдствій; всѣ наши старики разбѣгутся изъ храма, и многіе изъ нашихъ навсегда уйдутъ къ австрійцамъ и

часовеннымъ... Вы себѣ представить не можете, какъ волнуются единовѣрцы...

— Заѣхали бы къ архіерею и разъяснили бы ему все это, — посоветоваль я.

— Не хорошо, не ловко. Я мало его знаю; онъ можетъ еще обидѣться, и своимъ вмѣшательствомъ могу еще напортить. Не возьмете ли вы на себя переговорить съ нимъ? Говорятъ, третьяго дня вы провели у него цѣлый вечеръ и остались очень довольны его пріемомъ. Архіерей, по слухамъ, весьма благоволитъ къ вамъ. Право, переговорите съ нимъ. Хорошее, божеское дѣло сдѣлаете...

Я старался, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, отклонить отъ себя вмѣшательство не въ свое дѣло. Г. Г. Казанцевъ настаиваль, и я попросилъ его дать мнѣ подумать до слѣдующаго дня. Въ тотъ же день, къ вечеру, получилъ отъ Г. Г. Казанцева слѣдующую записку:

«Многоуважаемый С. К.

«Сообщаю вамъ великую радость. Его преосвященство вытребоваль къ себѣ нашъ служебникъ и нашего старика-священника. Онъ приняль священника чрезвычайно милостиво, обласкаль его и долго бесѣдовалъ съ нимъ о нашемъ церковно-служебномъ обиходѣ. Сказаль, что желаетъ совершить у насъ службу такъ, какъ это установлено нашими старинными святоотеческими обычаями, дабы не смущать простецовъ-единовѣрцевъ; отзывался съ большой похвалою о насъ за нашу ревность къ вѣрѣ и за то, что мы умѣемъ истово молиться. Онъ сказаль, что любить и уважаетъ единовѣрцевъ и не видитъ никакой разницы между единовѣріемъ и православіемъ. Такъ же милостиво, какъ приняль, архіерей отпустиль нашего священника, а нашъ служебникъ онъ оставилъ у себя, чтобы ближе ознакомиться съ порядками нашей службы, дабы не произошло никакихъ уклоненій и ошибокъ. Не можете себѣ представить, какое это вызвало ликование среди единовѣрцевъ; ликую и я вмѣстѣ со своими! Преданный вамъ, вашъ Гав. Казанцевъ».

Я присутствовалъ на первомъ архіерейскомъ служеніи Иринея въ единовѣрческой церкви въ Екатеринбургѣ. Никогда въ моей жизни я не видѣль такой торжественно-молитвенно настроенной толпы. Трогательное умиленіе было написано на всѣхъ лицахъ молящихся, и присутствіе Бога чувствовалось въ храмѣ такъ сильно, такъ осязательно, что ощущалась какая-то особенная, неземная радость: радость эта была разлита по всему храму, и казалось, что ею былъ насыщенъ самый воздухъ въ храмѣ. Церковь была переполнена не только единовѣрцами, но и австрійцами, часовенными, безпоповцами и всякими другими раскольниками. Мѣста въ храмѣ не хватило для всѣхъ, желавшихъ присутствовать на архіерей-

скомъ служеніи, и вся площадь вокругъ церкви была заполнена народомъ. Служба шла величаво и медленно, старинные напѣвы великолѣпнаго хора раздавались торжественно, епископъ Ириней въ моменты выхода изъ алтаря, окруженный сонмомъ священниковъ всѣхъ единовѣрческихъ церквей въ Екатеринбургѣ, въ праздничномъ облаченіи, казался Божиимъ предвозвѣстникомъ мира, который отнынѣ долженъ наступить на землѣ и воцариться навѣки.

Это первое служеніе Ириней въ единовѣрческой церкви имѣло большое значеніе для всей Екатеринбургской епархіи. Съ одной стороны, у австрійцевъ и другихъ раскольниковъ былъ отнятъ поводъ дразнить единовѣрцевъ, что у нихъ нѣтъ полного клира, что напрасно они молятся за православнаго епископа, который ихъ знать не хочетъ и не признаетъ ихъ православными; а, съ другой стороны, это служеніе архіерея въ единовѣрческой церкви послужило осязательнымъ доказательствомъ для самихъ же раскольниковъ, что единовѣріе пользуется полною благодатью, обладая полнымъ церковнымъ клиромъ, который состоитъ изъ діакона, священника и епископа. Эта увѣренность въ полнотѣ церковнаго клира въ единовѣрціи побудила многихъ раскольниковъ присоединиться къ православію на правахъ единовѣрія.

V.

... Я засталъ преосвященнаго Ириней въ его приѣмной. Было много просителей: кто съ прошеніемъ въ рукахъ, кто и такъ. Епископъ стоялъ у окна, и къ нему подходили по очереди. И вотъ приближается къ нему почтенный старикъ, одѣтый по-русски, богато и чисто. Старикъ поклонился архіерею земнымъ поклономъ и сложилъ руки, прося благословенія. Ириней впился глазами въ старика и благословенія не далъ.

— Благословите, владыка,—послышался несмѣлый голосъ старика.

Но тутъ произошло нѣчто неожиданное, приведшее въ смущеніе всѣхъ присутствовавшихъ: епископъ приблизился вплотную къ старику и произнесъ крикливо и гнѣвно.

— Лжецъ!.. обманщикъ!.. притворщикъ!.. Скажи, въ какого Бога ты вѣруешь?! Если ты раскольникъ, то будь честнымъ раскольниковомъ?! Какъ смѣешь ты подойти ко мнѣ за благословеніемъ?.. У тебя ко мнѣ просьба, и ты захотѣлъ поддѣлаться ко мнѣ и безсовѣстно подкупить меня своею ложью... Развѣ я для тебя священнослужитель?.. Развѣ ты признаешь мое епископское достоинство?.. Зачѣмъ пришелъ ты ко мнѣ съ ложью на устахъ?.. Уходи!.. уходи, искуситель!..—Вдругъ волненіе и гнѣвъ Ириней улеглись, и архіерей закончилъ тихимъ, проникновеннымъ голосомъ: — Какъ былъ бы я радъ, какое было бы это большое счастье, если бы ты

и подобные тебѣ являлись ко мнѣ съ открытымъ сердцемъ, съ искреннимъ желаніемъ получить отъ меня благословеніе... О Господи, какое бы это было счастье... И какъ я молю объ этомъ постоянно Царя Небеснаго...

Старикъ повалился архіерею въ ноги и, въ полномъ смыслѣ слова, возопилъ:

— Прости, владыка, грѣшенъ я предъ тобой, много грѣшенъ!.. Дѣйствительно пришелъ къ тебѣ съ ложью... — Онъ поднялся на ноги, по лицу его струились слезы. — А теперь не откажи, благослови!.. Отъ полноты моихъ чувствъ тебя молю: не откажи, благослови!..

Архіерей благословилъ старика и облобызалъ его. Лицо старика-раскольника просіяло.

— А о дѣлѣ моемъ теперь говорить не буду,—произнесъ раскольникъ,—не стоящее оно... А за ласку твою, за привѣтливость и за строгость тоже — спасибо!.. Вразумилъ ты меня, окаяннаго!.. Это ты большое божеское дѣло совершилъ!..

И, сдѣлавъ архіерею земной поклонъ, съ просвѣтленнымъ лицомъ онъ поспѣшно удалился.

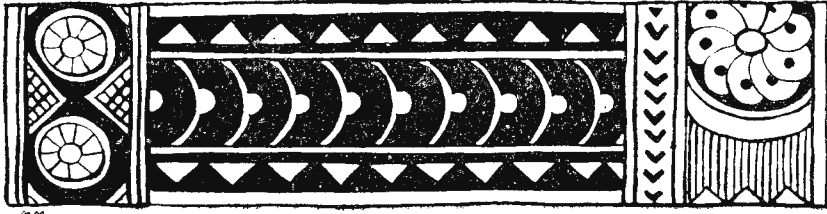
Всѣ присутствовавшіе, и я въ томъ числѣ, были поражены описанной сценой. И когда я очутился съ преосвященнымъ наединѣ, просилъ разрѣшенія напечатать объ этомъ въ «Уралѣ». Этому разрѣшенія мнѣ Иринеѣ не далъ и при этомъ добродушно замѣтилъ:

— Вы хотите меня прославить, что побѣдилъ раскольника... Конечно, я счастливъ, что мнѣ удалось затронуть его сердце... Это Богъ мнѣ помогъ, это Онъ руководилъ мною, смиривъ мой гнѣвъ.. А писать объ этомъ не надо: Божье дѣло мы должны дѣлать въ тиши—для Бога, а не для славы.

Черезъ нѣкоторое время старикъ-раскольникъ присоединился къ православію на правахъ единовѣрія.

На этомъ и заканчиваю свои воспоминанія о почившемъ епископѣ Иринеѣ, хотя далеко не использовалъ имѣющихся у меня матеріаловъ и записей. Но дѣло въ томъ, что для нѣкоторыхъ моихъ воспоминаній еще не настало время ихъ обнародованія, а остальные имѣютъ исключительно личный характеръ.

С. К. Эфронъ (Литвинъ).

СДАЧА КОСИНЧИ.

(Эпизодъ изъ венгерской кампаніи 1849 года).

В АВГУСТѢ мѣсяцѣ 1849 года отрядъ нашихъ войскъ, подѣ начальствомъ генераль-адъютанта Гротенгельма, дѣйствовалъ въ сѣверной части Трансильваніи, имѣя передъ собою венгерцевъ подѣ предводительствомъ Косинчи. Начиная отъ г. Клаузенбурга, для преслѣдованія отступавшаго непріятели по Гроссъ-Вардейнской дорогѣ, посланъ былъ отрядъ подѣ командой австрійскаго полковника Урбана, а главныя силы нашего отряда направились къ городу Деэшъ, гдѣ и расположились бивуакомъ.

10-го августа, изъ главной венгерской арміи Гергея, прибылъ офицеръ съ извѣщеніемъ, что главныя силы венгерцевъ положили оружіе передъ корпусомъ генерала Ридигера. Въ тотъ же день въ дѣйствовавшій противъ насъ отрядъ генерала Косинчи, стоявшій на рѣкѣ Самошѣ, близъ замка Шибо, къ западу отъ города Деэша, былъ отправленъ генераломъ Гротенгельмомъ флигель-адъютантъ ротмистръ Тимашевъ (впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ) для переговоровъ съ Косинчи.

11-го августа, отрядъ нашъ, по присоединеніи къ нему отряда генерала Владиславлевича, двинулся по направленію къ Шибо и дошелъ до Олай-Вашаргели. Здѣсь получено отъ флигель-адъютанта Тимашева донесеніе, что Косинчи готовъ сложить передъ русскими войсками оружіе. 12-го числа отрядъ перешелъ черезъ с. Хидъ-Альмамъ, направляясь къ замку Шибо. Замокъ находится

на возвышенности по другую сторону небольшой рѣчки, впадавшей тутъ же въ р. Самошъ. Замокъ почти весь былъ укрытъ садомъ, и только высокія стрѣльчатыя кровли на углахъ строенія виднѣлись изъ-за деревьевъ. Будучи посланъ командиромъ батареи отыскать мѣсто для бивуака, я проѣхалъ сначала вправо отъ дороги, полагая занять бивуакъ тамъ, гдѣ уже хозяйничали наши казаки, а именно ближе къ большой водѣ, т.-е. на берегу Самоша. Разочарованіе мое было полное. Видимо, наканунѣ на берегу Самоша былъ наиболѣе сгруппированъ стоявшій здѣсь отрядъ венгерцевъ; мѣсто было загрязнено, и отъ него вѣяло заразой. Въ то время холера свирѣпствовала какъ у насъ, такъ и еще сильнѣе въ изнуренномъ лишеніями венгерскомъ войскѣ. Остатки и объѣдки разныхъ предметовъ пищи валялись среди грязной соломы, притащенной на бивуакъ. Множество голодныхъ собакъ бродили по бивуаку, волоча какія-то кости; тутъ же перелетывали вороны и галки, лакомившіяся сырымъ мясомъ. Окончательный ужасъ и отвращеніе къ мѣсту поселилъ во мнѣ шалапъ, сложенный изъ кукурузы, заглянувъ въ который я увидѣлъ два трупа полуодѣтыхъ, но безъ сапогъ; у одного изъ нихъ ноги были обгрызены, вѣроятно, собаками.

Быстро вскочилъ я на лошадь, поскакалъ на лѣвую сторону дороги и, отѣхавъ не болѣе полуверсты, напелъ хорошее мѣсто для бивуака, на берегу той самой небольшой рѣчки, которая впадала въ Самошъ. Фейерверкера, бывшего со мною, я отправилъ къ командиру батареи съ словеснымъ донесеніемъ, что бивуакъ найденъ. Вскорѣ, по близости отъ занятаго мною мѣста стали располагаться Елисаветградскіе и Новомиргородскіе уланы.

Вслѣдъ за нами подошелъ второй дивизионъ и обозъ нашей 22-й конной батареи. Первый дивизионъ все еще находился у Банфи-Гуниада въ отрядѣ австрійскаго полковника Урбана.

Командиръ батареи, полковникъ Эллерсъ, ѣхалъ далеко впереди дивизиона, по обыкновенію свѣсившись на одну сторону сѣдла. Черезъ плечо у него висѣла моя зрительная труба, привезенная мною изъ Петербурга, которою полковникъ завладѣлъ съ самаго перваго нашего знакомства. Трубка эта была единственной въ батарее. Я подѣхалъ къ полковнику, держа руку подъ козырекъ.

— Нью!—(онъ такъ выговаривалъ «ну»).— Нашли бивуакъ? Вода близко?

Я доложилъ, что мы на бивуакѣ.

— Нью, и хорошо. Григоръ Петровичъ (такъ звали командира второго дивизиона батареи, поручика Болтина), поставьте орудія, снявъ съ передковъ, дулами на замокъ, я поѣду въ замокъ къ Гротенгельму. Прапорщикъ Шепелевъ! поѣзжайте за мною. Вы будете въ должности ординарца.

Я очень обрадовался. Увижу въ сборѣ весь отрядъ Косинчи и церемонію сдачи оружія.

Полковникъ тронулъ рысцей свою лошадь, я приравнялся къ нему, и мы направились къ мосту вправо отъ нашего бивуака. За нами слѣдовали трубачъ и мой рейткнехтъ.

Уже на мосту попались намъ навстрѣчу нѣсколько безоружныхъ, венгерскихъ солдатъ, отдали намъ честь и долго провожали насъ глазами; переѣхавъ мостъ, мы стали подниматься въ гору, оказавшуюся невысокой. Поднявшись, мы попали въ самую усадьбу и, въѣхавъ налѣво отъ дороги во дворъ, очутились какъ разъ на мѣстѣ сдачи отрядомъ оружія.

Обширный дворъ замка былъ уставленъ козлами изъ ружей; среди двора, къ подѣзду, была оставлена свободная дорога; въ отдаленіи отъ замка стояла распряженная артиллерія. Лошадей не было видно: ими, вѣроятно, воспользовались тѣ, которые, не дождавшись окончательно сдачи, направились по домамъ. По оставленному между ружей пути проѣхали мы къ крыльцу замка. По всему двору у ружей, воротъ и при входѣ стояли наши часовые. Тутъ же небольшими группами и поодиночкѣ стояли или прохаживались венгерскіе офицеры. И какіе это были красавцы! Большою частью смуглые, сухощавые, стройные, они, какъ нарочно, были одѣты въ свои живописные національные костюмы. Бархатныя, разныхъ цвѣтовъ короткія венгерки, расшитыя на груди шнурами, опущенныя мѣхомъ, были и театральны и воинственны; узкіе, въ обтяжку штаны въ высокихъ сапогахъ и особаго покроя на головѣ шапки гармонировали цвѣтомъ и мѣхомъ съ венгеркой. Видъ двухъ или трехъ показался мнѣ страннымъ по ихъ сложенію—оказалось, что то были женщины, одѣтыя въ мужскіе гусарскіе костюмы.

Отдавъ лошадь своимъ солдатамъ, я разглядывалъ окружающихъ и не замѣтилъ отсутствія моего полковника, успѣвшаго подняться по ступенямъ крыльца въ замокъ. Я хотѣлъ уже итти за нимъ, какъ ко мнѣ подошли два венгерскихъ офицера и спросили по-нѣмецки, какого я полка. Я назвалъ конную артиллерію. Они переглянулись, и одинъ изъ нихъ, сдѣлавъ другому многозначительный кивокъ головою, сказалъ что-то по-венгерски, указывая на меня глазами. Тутъ же они объяснили, что еще подъ Быстрицемъ знали о приближеніи къ нашему отряду конной батареи и уже въ дѣлѣ подъ городомъ Сасъ-Регеномъ почувствовали ея присутствіе.

— Ihre Batterie hat viel gelitten den 11-en Juli? (Ваша батарея сильно пострадала 11-го іюля?).

Это было какъ разъ во время преслѣдованія непріятели послѣ сраженія при Сасъ-Регенѣ.

— Мы потеряли трехъ лошадей, и былъ контуженъ командиръ батареи, — отвѣтилъ я.

Венгерцы посмотрѣли на меня съ недовѣріемъ. Вѣроятно, за потери они приняли то обстоятельство, что на позиціи два раза

выѣзжали не всѣ орудія батареи, а происходило это вслѣдствіе движенія на позицію по очень пересѣченной канавами мѣстности, при чемъ сломались въ передкахъ три шкворня.

Оставивъ ихъ, я сталъ подыматься по ступенямъ параднаго крыльца въ замокъ. Входныя двери имѣли передъ собою площадку, съ которой ступени лѣстницы спускались, расходясь въ обѣ стороны и загибаясь книзу. Я всходилъ медленно, оглядываясь назадъ и осматривая замокъ.

На половинѣ крыльца, спускаясь по ступенямъ, шелъ мнѣ навстрѣчу венгерскій офицеръ, держа обѣими руками передъ собою саблю. Стройный, широкоплечій, шелъ онъ, опустивъ голову, съ выраженіемъ какой-то отчаянной рѣшимости; глаза его пристально уставились на саблю. Почти наткнувшись на меня, онъ остановился и вдругъ, протянувъ обѣими руками саблю, проговорилъ сильно взволнованнымъ голосомъ: «Ich bitte, behalten Sie dieses: Ich will nicht, dass mein Sebel in die Hände der Kaiserlichen fällt». (Прошу васъ возьмите это: я не хочу, чтобы моя сабля досталась въ руки имперцевъ).

Я былъ смущенъ этой неожиданной сценой, не зная, имѣю ли право взять лично отдаваемое мнѣ оружіе, которое по смыслу сдачи уже не принадлежало ни ему ни мнѣ. Но мнѣ было 18 лѣтъ. Симпатичное, разстроенное лицо стоявшаго передъ мною разрешило мои сомнѣнія, я взялъ саблю и колебался, что могу я дать ему взаменъ на память. Я зналъ, что всѣ они были въ большой нуждѣ, но, конечно, я не рискнулъ предложить деньги. Я вспомнилъ, что на моемъ пальцѣ надѣтъ золотой перстень, купленный во время стоянки въ городѣ Клаузенбургѣ у ювелира; это былъ первый *objet de luxe* моего офицерства. На перстнѣ былъ мой вензель, сдѣланный наскоро ювелиромъ въ Клаузенбургѣ. Я снялъ перстень и подалъ венгерцу. Онъ отказывался и взялъ только тогда, когда я убѣдительно просилъ его принять на память, какъ символъ мира и взаимнаго уваженія, хотя и побѣжденному, но храброму противнику. Крѣпко мы пожали другъ другу руки и разстались.

Черезъ обширную прихожую вошелъ я въ залъ замка. Посрединѣ, на громадномъ дубовомъ кругломъ столѣ, грудю навалено было разнородное офицерское оружіе. Кругомъ стола, перемѣшавшись между собою, стояли наши русскіе и венгерскіе офицеры. Австрійцевъ не было ни одного. Я подошелъ къ одной группѣ разговаривавшихъ. Одинъ изъ стоявшихъ тутъ же венгерскихъ офицеровъ, оцупывая мой правый эполетъ, сказалъ: «*Reitende Artillerie?*»

Влѣво изъ замка дверь вела въ гостиную. Мнѣ сказали, что тамъ все начальство, что туда прошелъ и мой командиръ батареи. Я заглянулъ въ полурастворенную дверь. За столомъ, у окна, ли-

цомъ къ дверямъ, стоялъ нашъ почтенный начальникъ отряда, генераль-лейтенантъ Гротенгельмъ; съ нимъ рядомъ находился флигель-адъютантъ, ротмистръ Тимапевъ, начальникъ штаба нашего отряда, и тутъ же командиръ Новомиргородскаго уланскаго полка, полковникъ графъ Ниродъ. Противъ Гротенгельма, спиною къ дверямъ, стояли рядомъ Косинчи и его начальникъ штаба, полковникъ Добай. Остальныхъ лицъ въ полурастворенную дверь не было видно.

Отойдя къ столу, я стою разсматривать оружіе. Ко мнѣ подошелъ Елисаветградскаго уланскаго полка поручикъ Ступинъ, сказалъ, что лучшее оружіе уже все выбрано, и что онъ еще успѣлъ добыть для себя пару пистолетовъ Кухенрейтера. Это меня ободрило, я началъ рыться и не ради чего либо отличнаго взялъ на память двухствольное ружье съ надписью: *Lepage à Liège*. Занятіе мое было прервано вошедшими шумно тремя или четырьмя австрійскими офицерами. Отъ входной двери направляясь къ гостиной, быстрой походкой, съ надменнымъ видомъ прошелъ австрійскій полковникъ Урбанъ, только что возвратившійся съ отрядомъ послѣ преслѣдованія непріятеля до мѣстечка Банфи-Гуниада. Урбанъ вошелъ въ дверь гостиной прямо къ Гротенгельму, несовсѣмъ вѣжливо пройдя между стоявшими рядомъ Косинчи и Добаемъ. Дверь кто-то затворилъ, и затѣмъ мы слышали только возвышенный голосъ генерала Гротенгельма.

Возвращаясь изъ замка на бивуакъ, мой командиръ, полковникъ Эллерсъ, рассказалъ мнѣ, что былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены.

Вошедшій въ гостиную полковникъ Урбанъ грубо отстранилъ старика Косинчи и сталъ докладывать генералу Гротенгельму. Обезоруженный Косинчи, при видѣ своего заклятаго врага и не будучи въ положеніи отвѣтить на дерзкое обращеніе вызовомъ, измѣнился въ лицѣ. Гротенгельмъ, замѣтивъ это, не далъ Урбану продолжать и громко сказалъ ему: «Полковникъ Урбанъ, если вы позволяете оскорблять генерала Косинчи, потому что онъ безоруженъ, то,—добавилъ онъ, обратившись къ Косинчи,—вотъ вамъ, генераль, моя сабля». Урбанъ смолчалъ. Не знаю дальнѣйшей судьбы Косинчи и Добая, но, вѣроятно, имъ не прошелъ даромъ урокъ вѣжливости, данный Урбану нашимъ начальникомъ отряда.

Уже было пять часовъ вечера, когда мы возвратились на бивуакъ. Мои товарищи, поручики Болтинъ и Фрамъ, съ докторомъ Ренчинскимъ уже отобѣдали вмѣстѣ съ тремя венгерскими офицерами, пришедшими на нашъ бивуакъ взглянуть на конную артиллерію: видимо, она ихъ очень интересовала. Подъ таганомъ тлѣлъ огонь, а слуга Болтина наливалъ чай и подавалъ присутствующимъ. Въ разговорѣ венгерскіе офицеры передавали намъ свои сомнѣнія насчетъ ожидающей ихъ участи, справедливо не довѣряя

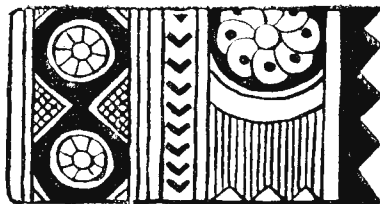
объщаніямъ австрійскаго правительства; тутъ же они высказывали свое расположеніе къ намъ, и мы вполнѣ раздѣляли ихъ ненависть къ австрійцамъ. Они выражали даже желаніе поступить на службу въ Россію солдатами и предсказывали, что, давъ помощь Австріи, мы отогрѣли на своей груди змѣю, которая насъ потомъ ужалить.

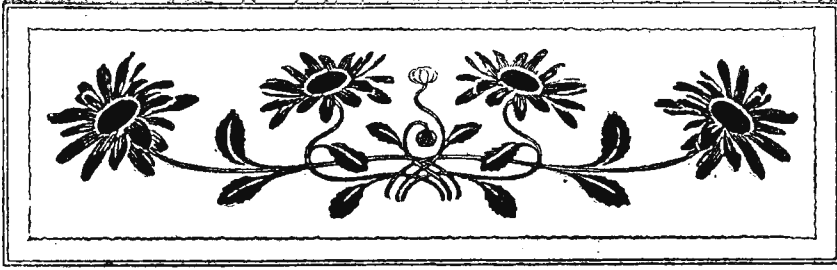
1853—1856 и 1877—1878 годы оправдали ихъ предсказанія.

Вечерѣло, когда наши гости, поужинавъ, стали прощаться. Пѣшкомъ проводили мы ихъ до моста и тамъ послѣ многихъ повторенныхъ рукопожатій разстались.

Какъ воспоминаніе этого дня, у меня и теперь сохраняются сабля съ надписью: «Hausmann. Wien», и двухствольное ружье фабрики Lerage à Liège.

А. Шепелевъ.

ПРОЛОГЪ КЪ ТЮРЕНЧЕНСКОМУ БОЮ.

(Изъ жизни одной батареи въ русско-японскую войну).

РЪ РЕДАКЦІЮ «Историческаго Вѣстника» поступило 5 тетрадей рукописи молодого артиллерійскаго офицера, г. Ше-ина, съ началомъ описанія жизни и приключеній одной батареи въ текущую русско-японскую войну. Первые три тетради не представляютъ для читателей особеннаго интереса по событіямъ, въ нихъ изображеннымъ: здѣсь повѣствуется о томъ, какъ батарея одной изъ восточно-сибирскихъ артиллерійскихъ бригадъ, вернувшаяся только что съ китайской войны, вмѣсто своей постоянной стоянки въ г. Харбинѣ, начала переходить съ военнаго на мирное положеніе, какъ ей снова въ текущемъ году объявленъ походъ въ Маньчжурію, навстрѣчу японской арміи, ея движеніе по желѣзной дорогѣ на Ляоянъ, мелкія перипетіи этого движенія и, наконецъ, ея прибытіе на рѣку Ялу.

Быть можетъ, при обычной обстановкѣ отечественной жизни редакція и уклонилась бы отъ помѣщенія рукописи на страницахъ нашего журнала, ибо русская военная литература достаточно богата описаніями движеній войсковыхъ частей со всѣми подробностями, сопровождающими военные походы; къ этимъ соображеніямъ могло присоединиться и то, что по отношенію настоящей кампаніи въ ежедневной печати обильно разсыпаны корреспонденціи, гдѣ тема, разработанная авторомъ, уже достаточно исчерпана, и при томъ руками настоящихъ мастеровъ дѣла. Но съ поступле-

ніемъ въ портфель редакціи 4-й и 5-й тетрадей интересъ содержанія рукописи значительно усилился, событія здѣсь, такъ сказать, одухотворились, и читатель постепенно становится передъ лицомъ кровавой трагедіи, внесенной отнынѣ въ исторію подъ наименованіемъ «Тюренченскаго боя».

Молодой авторъ не успѣлъ разсказать всѣхъ моментовъ этого ужаснаго и неравнаго боя—общій потокъ крови смылъ и ту батарею, описанію походной жизни которой посвящена рукопись: всѣ тѣ, о коихъ идетъ въ повѣствованіи рѣчь,—одни нашли себѣ здѣсь послѣдній конецъ, другіе по причинѣ полученныхъ тяжелыхъ ранъ надолго оказались устраненными и отъ театра активныхъ военныхъ дѣйствій и отъ живого сообщенія съ внѣшнимъ міромъ. Въ числѣ послѣднихъ оказался и авторъ статьи. Официальное донесеніе сообщило, что онъ получилъ тяжкія раны въ оба бедра и вслѣдствіе своего труднаго положенія не могъ быть даже взятъ на санитарный поѣздъ (№ 4), доставлявшій 27-го апрѣля раненыхъ въ Ляоянь.

Печатаемая объ этомъ, редакція «Историческаго Вѣстника», съ одной стороны, сожалѣетъ, что вынуждена оборвать повѣствованіе рукописи на самомъ интересномъ и жгучемъ мѣстѣ дѣйствія, и, съ другой, спѣшитъ выразить пожеланіе своему случайному сотруднику скорѣйшаго выздоровленія и возвращенія въ родную военную среду и къ литературѣ, гдѣ его невольны прерванные очерки будутъ, несомнѣнно, ожидаться читателями съ интересомъ, какъ живое свидѣтельство объ одномъ изъ самыхъ интересныхъ моментовъ героической борьбы русскаго войска съ многочисленнымъ врагомъ.

I.

Въ пути.

Ровно въ 8 часовъ утра 20-го марта батарея была уже готова къ походу и только ожидала прибытія къ сборному пункту стрѣлковъ, дивизіоннаго лазарета и штаба дивизіи.

Вскорѣ заблестѣли вдали острія штыковъ пѣхоты и заблѣгли парусинные верха лазаретныхъ двуколокъ. Командиръ, назначенный начальникомъ эшелона, поскакалъ навстрѣчу генералу, и послѣ взаимныхъ привѣтствій и краткихъ переговоровъ отрядъ нашъ тронулся въ невѣдомую даль; впереди шелъ я съ развѣдчиками и указывалъ дорогу, заранѣе разслѣдованную; пройдя версты двѣ, я оглянулся и вижу: неподалеку идутъ конные охотники-стрѣлки, штабъ дивизіи и авангардъ; вдали чуть виднѣлась главная часть отряда, а обозъ еще и не трогался.

Мы болѣе всего беспокоились за нашъ нештатный обозъ, такъ какъ онъ былъ изготовленъ въ два дня и состоялъ изъ китайскихъ тяжелыхъ и неуклюжихъ арбъ, запряженныхъ быками, которыми умѣли управлять только китайцы, дравшіе съ насъ за свое не мудреное, но крайне необходимое для насъ искусство большія деньги; быки были вмѣстѣ и упряжнымъ скотомъ и будущимъ продовольствіемъ для людей батареи, если надобность въ нихъ, какъ въ живой силѣ, минуетъ.

Чудные виды кругомъ: то отрядъ тянулся среди полей, перемежаемыхъ чуть не на каждую версту деревушками, то пересѣкалъ небольшіе ручейки съ весело журчащей въ нихъ кристальной водой, то вступалъ въ мрачное ущелье, окруженное съ обѣихъ сторонъ высокими горами съ нерастаявшимъ еще на ихъ вершинахъ снѣгомъ.

Съ большого привала, сдѣланнаго приблизительно на половинѣ пути до перваго этапа, я былъ командированъ впередъ на этапъ, чтобы выбрать и приготовить фанзы для ночлега. Вмѣстѣ со мною были посланы еще развѣдчики и одинъ стрѣлковый офицеръ съ двумя охотниками. За 5 верстъ до этапа встрѣтили мы серьезное для артиллеріи и въ особенности для обоза препятствіе, а именно крутой перевалъ черезъ гору, обойти которую нельзя было потому, что въ этомъ мѣстѣ смежныя горы вмѣстѣ съ данною соединились въ небольшой горный узелъ. Подъемъ шелъ зигзагами по узкому каменистому мѣшку, продѣланному китайцами. Черезъ версту оказался еще одинъ перевалъ, но легче проходимый, хотя и съ вязкимъ грунтомъ дороги. Еще полчаса ѣзды, и невдалекѣ замелькалъ національный флагъ съ нашитымъ въ серединѣ его бѣлымъ крестомъ, обозначающимъ мѣсто этапа. Подѣхали. Но, увы, къ намъ подошелъ штабсъ-ротмистръ пограничной маньчжурской стражи и объявилъ, что здѣсь лишь остановочный пунктъ и складъ ячменя, никакого этапа нѣтъ, и намъ самимъ придется отыскивать по сосѣднимъ деревнямъ фанзы для отряда. Составили небольшой военный совѣтъ и рѣшили итти дальше. По счастью оказалось, что неподалеку наканунѣ ночевалъ выступившій днемъ раньше насъ изъ г. Ляояна эшелонъ той же дивизіи, и мы быстро нашли и заняли оставленные имъ помѣщенія. Единственно, что пока смущало насъ, это необходимость найти помѣщеніе для двухъ сестеръ милосердія, ѣдущихъ вмѣстѣ съ лазаретомъ, верхомъ по-мужски и переодѣтыхъ для этой цѣли въ мужское платье; сестры были очень выносливы и храбро преодолевали всѣ трудности пути по-тяжелымъ горнымъ дорогамъ, да еще при непривычной для нихъ посадкѣ въ сѣдлѣ. Недоумѣніе наше разрѣшилъ тотъ же штабсъ-ротмистръ и крайне обрадовалъ любезнымъ предложеніемъ уступить на ночь сестрамъ свою комнату.

Около четырехъ часовъ дня подѣхалъ генералъ въ сопровожденіи проводника—моего развѣдчика, оставленнаго мною еще на

большомъ привалѣ; указавъ фанзу его превосходительству, я поѣхалъ навстрѣчу батарее и нашелъ ее еще на первомъ перевалѣ. Глазамъ моимъ представилась крайне тяжелая картина: лошади съ трудомъ втаскивали на гору орудіе за орудіемъ, ящикъ за ящикомъ, двуколку за двуколкой, останавливаясь черезъ каждые восемь-десять шаговъ; измученные непосильной работой люди все-таки выбивались изъ послѣднихъ силъ, чтобы насколько возможно болѣе облегчить трудъ лошадей.

Я проводилъ начальника нашего эшелона до мѣста ночлега, а часа черезъ три стали прибывать и части войскъ. Но еще долго громыхали наши зарядные ящики, которые пришлось вытаскивать по непролазной грязи, припрягая еще одну пару лошадей къ положенной шестеркѣ.

Только къ 12 часамъ ночи всѣ размѣстились, и офицерство могло приступить къ утоленію чисто волчьего голода послѣ пятнадцатичасового перехода.

«А вѣдь сегодня вербная суббота,—подумалъ я, укладываясь спать,—оригинально, однако, мѣняетъ намъ судьба выполненіе традиціонныхъ, изстари установленныхъ обычаевъ: гдѣ ярко освѣщенная церковь, биткомъ набитая молящимися, каждый съ зажженной свѣчей въ рукѣ? гдѣ эмблема даннаго дня—верба, раздаваемая въ той же церкви и въ тотъ же вечеръ священникомъ? гдѣ, наконецъ, радостныя лица родныхъ, собравшихся послѣ продолжительной церковной службы около мирно шумящаго самовара? гдѣ все это, и что замѣняетъ намъ все это здѣсь?»

Китайская грязная комната, тускло свѣтитъ китайскій же ночникъ и при этомъ немилосердно коптитъ. На походныхъ кроватяхъ и просто на канахъ лежитъ измученный людъ, и благо, если ему хоть во снѣ видятся отрадныя картины вербной субботы на родинѣ.

На слѣдующее утро командиръ рѣшилъ послать меня съ развѣдчиками дѣлать изысканія третьяго перехода, такъ какъ изысканія эти были сдѣланы лишь на два.

Вооружившись папкою съ принадлежностями для съемки, быстро прошелъ я до этапа № 1, который отстоялъ отъ перваго остановочнаго пункта всего въ пятнадцать верстахъ. Дорога шла сначала по топкому грунту съ однообразнымъ ландшафтомъ еще непокрытыхъ зеленью полей по бокамъ. Но когда я миновалъ деревню, все измѣнилось, какъ бы по мановенію жезла волшебника. Стали то и дѣло попадаться рѣчки, прорывающія свое русло въ горныхъ тѣснинахъ, а потому шумливыя, подобно водопаду, нерѣдко приходилось ѣхать по дорогѣ, выходящей по карнизу утеса, при чемъ, когда дорога круто загибалась за его выступъ, невольно въ душу проникало сомнѣніе: а есть ли продолженіе ея далѣе?

Подзакусивъ на этапѣ и давъ часовой отдыхъ лошадямъ, снова въ путь, но уже не покойно и безъ заботы, какъ раньше, а время отъ времени мы останавливались, и я наносилъ на планшетъ условными знаками все то, что могло бы помочь начальнику отряда ориентироваться и дало бы ему полную картину того, что его ожидаетъ.

Виды попрежнему были очень разнообразны, но дорога становилась все хуже и хуже; достаточно сказать, что изъ 25 верстъ пришлось сдѣлать двѣнадцать по руслу пересохшей рѣчки, покрытому камнями, отточенными водой, и пересекаемому часто ручейками, сбѣгающими съ сосѣднихъ горъ. Рысить положительно было невозможно, и въ довершеніе всего за 7 верстъ отъ этапа № 2 мы наткнулись на переваль, чуть не вдвое труднѣе, чѣмъ на первомъ переходѣ. Устали порядочно, а между тѣмъ черезъ часъ необходимо было послать двухъ развѣдчиковъ съ донесеніемъ къ начальнику отряда; они же должны были служить проводниками. На этапѣ меня радушно принялъ крайне симпатичный комендантъ, прапорщикъ Д—ій, въ мирное время крупный коммерсантъ города Харбина.

Слѣдующій день 22-го марта выдался крайне тяжелый. «Ну-жъ, былъ денекъ!»—скажу словами поэта. Ужъ одно то, что на этапѣ, гдѣ могли помѣститься триста человѣкъ, скопилось къ вечеру три тысячи, такъ какъ первый эшелонъ дѣлалъ дневку, когда подошелъ второй, дало себя порядочно знать. Въ результатѣ переполненіе всѣхъ окрестныхъ деревень и даже отсутствіе какихъ бы то ни было свободныхъ фанзъ для нашей батареи. Что дѣлать? комендантъ этапа послалъ своего унтеръ-офицера искать помѣщенія, а я съ развѣдчикомъ помчался на переваль, который бралъ второй эшелонъ.

— А, Михаилъ Павловичъ!—обрадовался мнѣ командиръ:—ну, какъ дѣла? Кажется, скоро будемъ на мѣстѣ? осталось пройти верстъ пять!

— Прибавьте еще столько же, Иванъ Ивановичъ,—отвѣчалъ ему я:—и, пожалуйста, дайте мнѣ какогонибудь фейерверкера, такъ какъ до сихъ поръ мы не знаемъ, гдѣ будемъ ночевать, и я думаю самъ пуститься на поиски квартиръ.

Командиръ, не входя въ дальнѣйшіе разспросы, и видя, что я очень спѣшу, немедленно исполнилъ мою просьбу. Стремлюсь впередъ, такъ какъ становится все темнѣе и темнѣе, а тутъ дорогу загораживаютъ арбы и интендантскія двуколки; приходится объѣзжать ихъ и терять на это массу драгоценнаго времени.

Черезъ четыре версты встрѣчаюсь съ посланнымъ на развѣдки, приказываю ему вернуться со мною и показать мѣсто расквартированія, что тотъ и дѣлаетъ...

Ну, и квартирки же! По откосу сопки дѣпились пять-шесть небольшихъ хибарокъ, разбросанныхъ въ разныхъ направленіяхъ и

соединенныхъ между собою узкими и грязными тропинками, да и то не вездѣ. Съ трудомъ выбрали изъ нихъ фанзу для командира и офицеровъ, и ту крайне не привлекательную и снаружи, и, что главное, внутри.

Между тѣмъ, сознаю, что батарея приближается, терять времени нельзя, а потому съ факеломъ спѣшу ей навстрѣчу и не успѣлъ пройти версты, какъ услыхалъ знакомый и милый уху каждаго артиллериста грохотъ колесъ орудій и зарядныхъ ящичковъ. Съ громадными усиліями дотацились мы до хибарокъ, орудія поставили прямо на нарастаявшій еще ледъ вблизи протекавшей рѣчки, а лошадей въ огорождъ. Но военный народъ неунывающая. Не прошло и часа съ тѣхъ поръ, какъ суматоха улеглась, и въ фанзѣ уже весело вспоминали мы про всѣ неудачи сегодняшняго дня, добродушно подсмѣиваясь другъ надъ другомъ.

Улеглись спать съ легкимъ сердцемъ: «завтра дневка,—думалъ каждый изъ насъ:—отдохнемъ, почистимся, починимся».

И точно погода всему этому наавтра весь день благопріятствовала, Свѣтило ярко и весело красное солнышко, и легкій вѣтерокъ пріятно ласкалъ наши обвѣтренныя лица. Вѣстовые суетились, желая воспользоваться хорошею погодой, чтобы просушить наше платье и бѣлье, промоченное дорогой, а мы сами рѣшили на свѣжемъ воздухѣ провести весь день, что и выполнили, давая полный отдыхъ утомленному трехдневнымъ тяжелымъ переходомъ тѣлу и не мечтая о томъ, что еще насъ впереди ожидало.

24-е марта. За часъ до выступленія отряда двинулся я къ горамъ, чтобы найти дорогу для перехода черезъ переваль, который намъ нужно было одолѣть, пройдя всего лишь версту отъ мѣста нашей дневки. Намъ рассказывали разные ужасы про этотъ переваль, но оказалось, что это просто игрушка передъ тѣми двумя, черезъ которые мы уже переползли. Тѣмъ лучше. Оставивъ развѣдчиковъ для указанія пути отряду, я пошелъ дальше до деревни, отстоящей отъ нашей въ пяти верстахъ, гдѣ предполагалъ остановиться и ждать возвращенія своихъ молодцовъ.

Въ деревнѣ я спѣшился и тотчасъ былъ окруженъ толпою взрослыхъ и ребятъ китайцевъ, которые съ любопытствомъ азіатовъ разсматривали насъ съ ногъ до головы.

Задавались нѣкоторыми изъ китайцевъ и вопросы, но на три четверти по-китайски, такъ что приходилось объясняться путемъ мимики и пяти-шести фразъ, съ которыми русскіе прошли чуть не половину Китая въ кампанію 1900 года. Эти слова были: «мамонди» (подожди), «кокайда» (скорѣе), «цуба» (впередъ), «цу» (стой), «ю» (есть), «мею» (нѣтъ), «шіма» (что), «ига, лянга» (одинъ, два).

Китайцы добродушно посматривали на меня и развѣдчиковъ, но добродушіе ихъ для насъ, русскихъ, носить въ себѣ и задатки жестокости и притворства. Такъ въ ту же кампанію 1900 года,

въ одну изъ стычекъ китайцы захватили въ плѣнъ одного изъ казачьихъ офицеровъ и нѣсколько казаковъ. Всѣхъ ихъ, за исключеніемъ одного, замучили, при чемъ пытки продолжались три дня; оставшійся въ живыхъ казакъ, присутствовавшій при пыткахъ нашихъ, рассказывалъ, что китайцы добродушно посмѣивались, когда обрѣзывали казакамъ концы пальцевъ и вырѣзывали дѣлые ремни изъ ихъ кожи, при чемъ стоны несчастныхъ нисколько не нарушали блаженнаго настроенія мучителей, а лишь болѣе подзадоривали ихъ.

Конецъ дня былъ очень печальный. Къ вечеру встрѣчныя рѣчки переполнились водою, сбѣгающею съ горъ, и стрѣлки должны были по грудь въ водѣ переправляться на другой берегъ. Все это очень задерживало движеніе отряда, и артиллерія добраться до этапа въ тотъ день не могла, а, дойдя до послѣдняго брода, остановилась и заночевала въ палаткахъ на берегу ручья, превратившагося ко времени остановки въ грозно шумящій потокъ, чрезъ который былъ переброшенъ чахлый мостикъ, годный для перехода стрѣлковъ, но и то съ рискомъ промочить ноги до колѣнъ.

Запылали костры, и на открытомъ воздухѣ мы должны были ночевать. А ночь выдалась довольно свѣжая, пришлось пустить въ ходъ всѣ приспособленія искусственнаго согрѣванія, какъ-то горячій чай, теплыя одѣяла и бурки. Впрочемъ, все это мало помогало, и на утро всѣ въ батареѣ порядочно продрогли.

Но больныхъ не оказалось, до этапа было всего полторы версты, а, дойдя до него, мы нашли теплый уютный кровъ радужнаго комманданта и обильную горячую пищу. Но здѣсь же находилась одна изъ первыхъ жертвъ войны: тѣло артиллеріи штабсъ-капитана Степанова, умершаго отъ раны въ животъ въ стычкѣ съ японцами отряда генераль-майора Мищенко. Въ простомъ сосновомъ гробу лежалъ герой, безвременно погибшій, ожидая своей очереди быть транспортированнымъ въ городъ Ляоянъ и дальше, а равнодушные люди, недавно такъ сильно интересовавшіеся исходомъ той стычки, въ которой погибъ Степановъ, уже попрежнему занимались своими мелочными дѣлишками, почти не обращая вниманія на печальную колесницу-арбу. Вся боевая обстановка съ ея грустными послѣдствіями кажется лишь издали въ ярко-розовомъ свѣтѣ, а вблизи это—тѣ же сѣренькіе будни обыденной жизни, только съ трагическимъ и часто внезапнымъ ихъ концомъ.

Благодаря ночлегу на открытомъ полѣ, мы выступили съ этапа въ 12 час. утра, а потому въ тотъ же день до этапа № 4 не дошли, а остановились въ деревушкѣ Цханепоу, отстоявшей въ 10 верстахъ. Несмотря на это, и данный переходъ основательно утомилъ всѣхъ насъ и лошадей въ особенности, такъ какъ на дорогѣ нашлось опять уже сразу два перевала, хотя и не высокіе, но очень грязные.

Великая пятница страстной седмицы. Уже съ ранняго утра моросить мелкій пронизывающій все дождикъ, къ 10 ч. утра превратившійся въ настоящій ливень. Медленно молча тащится по раскисающей отъ дождя дорогѣ отрядъ, слышны по временамъ проклятія на гадкую погоду, да и то сквозь зубы. А дождь льетъ, льетъ не переставая.

Но все проходитъ со временемъ, миновали эти злосчастныя десять верстъ, и вотъ мы уже на этапѣ № 4 обсушиваемся, грѣмся въ ожиданіи обѣда, обѣщаннаго любезнымъ по обыкновенію комендантомъ, устроившимъ насъ, артиллеристовъ, въ своемъ собственномъ помѣщеніи.

Милѣйшій комендантъ дѣйствительно угостилъ насъ по-царски. Были и студень, и пирожки къ супу, даже жаркое. А завтра опять походъ и, можетъ быть, встрѣча свѣтлаго праздника изъ праздниковъ среди китайцевъ въ мрачной фанзѣ. Но все устроилось къ лучшему. Къ вечеру прибыли на этапъ начальникъ дивизіи, въ составѣ которой находился нашъ небольшой отрядъ, и объявилъ, что необходимо 27-го утромъ рано сдѣлать развѣдку пути, хотя бы верстъ на пять, такъ какъ безъ нея двигаться далѣе рискованно, въ виду сильныхъ дождей, которые могли испортить дорогу.

Развѣдка показала, что на самомъ дѣлѣ предположенія генерала вполне согласовались съ настоящимъ положеніемъ вещей, а потому по всестороннемъ обсужденіи рѣшили остаться на мѣстѣ еще одинъ день, а пока заготовлять фашины, т.-е. вязанки хворосту для исправленія пути; благодаря всему этому, встрѣчаемъ пасху на этапѣ. И невольно вспомнишь народную поговорку: «не бывать бы счастьемъ» и т. д. Нашъ хозяинъ собранія изготовилъ нѣсколько десятковъ крашеныхъ яицъ и поросенка, зажарилъ кусокъ телятины, и встрѣча готова. Пригласили генерала со штабомъ и сестрами, разговѣлись не заговляясь, и спать.

Въ общемъ настроеніе было довольно мрачное, въ особенности у нижнихъ чиновъ, которые въ этотъ великій для всѣхъ русскихъ праздникъ не могли шагу сдѣлать изъ своихъ помѣщеній, благодаря сильному дождю; священника при отрядѣ тоже не было.

Въ первый день пасхи, въ 7 часовъ утра всѣ уже были на ногахъ, а черезъ полчаса выступилъ авангардъ, за нимъ главныя силы. Безъ особенныхъ затрудненій сдѣлали 20 верстъ и въ 6 часовъ вечера рѣшили заночевать въ ближайшей деревушкѣ: насъ задержалъ очень серьезный перевалъ. Это было самое трудное препятствіе на нашемъ пути. Достаточно сказать, что мы брали его и слѣдующую тотчасъ же за нимъ довольно глубокую рѣку цѣлыхъ шесть часовъ, такъ что должны были въ слѣдующій день пройти лишь 8 верстъ до этапа № 5.

Зато послѣдній переходъ до гор. Фынхуанчена былъ самый легкій. Лошади втянулись за десятидневный походъ, брали дружно

всѣ препятствія. 25 верстъ были пройдены меньше, чѣмъ въ семь часовъ, и уже въ три часа дня предъ нами былъ на виду предметъ нашихъ мечтаній, хотя и китайскій, но все же городишко, гдѣ мы могли дать себѣ отдыхъ, на который имѣли полное право.

II.

Прибытіе на рѣку Ялу.

Когда я разыскалъ не безъ труда этапъ № 6, то узналъ отъ коменданта, что его помощника, отводящаго квартиры войскамъ, въ городѣ нѣтъ; онъ уѣхалъ въ окрестныя деревни искать помѣщенія для подходящаго сюда же стрѣлковаго полка.

— Что же мнѣ дѣлать теперь? — въ отчаяніи спрашиваю я коменданта:—мучились, мучились цѣлыхъ десять дней слишкомъ, надѣялись наконецъ найти отдыхъ у васъ, и въ результатѣ — опять неизвѣстность положенія!

— Да вы не особенно беспокойтесь, — отвѣчаетъ мнѣ онъ:— помощникъ мой скоро вернется и все вамъ устроитъ.

— Хорошо хоть это, — думаю я и, не вполне удовлетворенный, но все-таки нѣсколько успокоенный, ѣду къ началу входа въ городъ ожидать прибытія батареи; конечно, я предупредилъ коменданта, сообщивъ ему подробно, гдѣ я буду; сдѣлавъ это, надѣясь на скорый пріѣздъ его помощника.

Жду, жду, время идетъ своей чередой, а помощника все нѣтъ, какъ нѣтъ. Такъ мы и не дождались его, и я принужденъ былъ отвести батарею на временный бивакъ среди поля. Люди размѣстились въ полуразрушенныхъ фанзахъ, а мы на этапѣ.

Единственнымъ утѣшеніемъ въ этотъ день служилъ ужинъ въ ресторанѣ, устроенный для офицеровъ батареи нашимъ общимъ любимцемъ контролеромъ, который разставался въ городѣ Фынхуанченѣ съ нами, такъ какъ ему предстояла тяжелая и крайне неприятная обязанность проконтролировать состояніе всѣхъ казенныхъ учреждений въ городѣ.

Ресторанъ былъ скорѣе не ресторанъ, а нѣчто въ родѣ гарнизоннаго собранія, съ частнымъ содержателемъ буфета, но съ военной прислугой подъ контролемъ военнаго начальства; все это устроилъ квартировавшій въ городѣ 10-й Восточно-Сибирскій стрѣлковый полкъ и любезно предоставилъ пользованіе своимъ собраніемъ проходящимъ на театръ военныхъ дѣйствій частямъ.

А какъ дорого малѣйшее вниманіе, ничтожнѣйшія удовольствія въ той глуши, куда загоняли насъ! Что болѣе всего умиляло всѣхъ, это—пасхальный столъ, съ полной обстановкой подобнаго рода столовъ. Были и куличи, и окорокъ, и все это на бѣлоснѣжной скатерти; право, повторяю, на дальней окраинѣ порою становишься

маленькимъ, маленькимъ ребенкомъ, готовымъ плясать при взглядѣ на любимое лакомство.

Утромъ 30-го мнѣ было приказано немедленно вмѣстѣ съ помощникомъ коменданта этапа отыскать, во что бы то ни стало, приличную деревушку для стоянки. Намъ посчастливилось. Менѣ чѣмъ черезъ часъ мы уже выбрали уютную фанзушку для начальства, не менѣ уютныя для нижнихъ чиновъ и очень хорошій плацъ для артиллеріи, обоза и лошадей.

Моимъ выборомъ квартиръ всѣ остались очень довольны, что большая рѣдкость при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ мнѣ приходилось выполнять свою задачу.

Но не думалъ я въ эту ночь, что и здѣсь меня преслѣдуетъ та же случайность, которая зачастую губитъ самыя лучшія начинанія. Уже перваго апрѣля мы узнали, что черезъ день выступаемъ далѣе по направленію къ рѣкѣ Ялу.

Въ два дня наладили то, что предполагали наладить минимумъ въ недѣлю; такова жизнь военныхъ всегда: крайнее напряженіе всѣхъ силъ въ нужную минуту и невольная часто удручающая бездѣятельность временами! Большимъ утѣшеніемъ для насъ было то, что намъ предстояло двигаться далѣе уже не съ прежнимъ полкомъ, съ которымъ мы шли до Фынхуанчена, а съ полкомъ, который стоялъ вмѣстѣ съ нами въ г. Х... Уже въ первые дни знакомства съ этимъ полкомъ между нимъ и батареей установились прочныя связи, а это и необходимо для общаго похода да еще вблизи непріятели; и дѣйствительно первыя, можетъ быть, даже случайныя и неопредѣленныя, впечатлѣнія оказались на самомъ дѣлѣ таковыми, какими они намъ казались на первыхъ шагахъ знакомства.

Дружно тянули все время въ трудныхъ мѣстахъ земляки-стрѣлки свою союзницу-артиллерію, и то, что мы должны были своими средствами дѣлать самое большее по двѣ, а то и менѣ версты въ часъ, то проходимъ обычнымъ порядкомъ.

Тридцать слишкомъ верстъ прошли шута, и уже къ 6-ти часамъ вечера передовыя силы отряда были въ виду слѣдующаго по счету этапа. Много ожидало насъ неприятностей всюду, но такой трудно было себѣ представить заранѣе даже въ самыхъ мрачныхъ мечтахъ.

Глубокая, болотистая по краямъ котловина; кругомъ горы, не покрытыя даже признаками какой нибудь растительности; на юру—кое-какъ передѣланныя изъ фанзъ помѣщенія для чиновъ этапа и проѣзжающихъ офицеровъ. Намъ пришлось остановиться бивакомъ въ палаткахъ, а ночь, какъ на зло, выдалась очень холодная. Впрочемъ вечеромъ, когда зажгли въ артиллеріи и у стрѣлковъ костры, то получилось даже нѣчто декораціонно-театральное и тѣмъ болѣе, что стрѣлки расположились по склону ближайшей

горы и какъ бы опоясали ее цѣлой длинной линіей огоньковъ, привѣтливо мигавшихъ сквозь ночной мракъ. По утрамъ поднимался густой туманъ, не позволявшій различить что либо на разстояніи пятидесяти шаговъ, но онъ скоро разсѣивался и не влекъ за собою печальныхъ результатовъ въ родѣ награжденія людей лихорадкой и прочими прелестями, свойственными болотистой мѣстности. Заболѣвшихъ до сихъ поръ не было вовсе, а это у насъ считается большой удачей на войнѣ, гдѣ гибнетъ значительно больше народа отъ различныхъ болѣзней, чѣмъ отъ пуль.

6-го апрѣля ожидали прихода вновь сформированнаго въ Европейской Россіи третьяго баталіона, входившаго въ составъ того стрѣлковаго полка, который шель въ данное время вмѣстѣ съ нами. Командиръ полка задумалъ ему устроить торжественную встрѣчу и ужинъ; приглашены были и мы; но пришло и прошло назначенное для прихода баталіона время, а его все нѣтъ. Между тѣмъ, приготовленія все къ пиру закончены, офицеры собрались воедино, музыканты на своихъ мѣстахъ. Чтобы старанія не пропали даромъ, рѣшили пока поужинать одни, а затѣмъ повторить то же самое съ вновь прибывающими товарищами.

Нашу трапезу украшала собою одна изъ тѣхъ двухъ сестеръ милосердія, которыя дѣлали первый переходъ отъ Ляояна въ нашъ отрядъ, а потомъ отстали съ лазаретомъ и уже догнали насъ лишь наканунѣ Пасхи, чтобы встрѣтить ее среди насъ и вновь отстать до города Фынхуанчена, гдѣ онѣ должны были ожидать прибытія ихъ госпиталя. Наканунѣ она пріѣхала на нашъ этапъ на одинъ день, чтобы повидаться съ мужемъ, смотрителемъ того лазарета, который шель съ нами. Большая находка въ походѣ имѣть за столомъ хорошенькую, веселую и невзыскательную къ лагернымъ неудобствамъ женщину. Все мы подтянулись, приободрились, оживились, стали вдругъ изысканно вѣжливыми и остроумными, словомъ вспомнили все то, что нами было усвоено въ мирное время годами, а при условіяхъ стоянокъ на бивакахъ и тяжелыхъ переходахъ слегка забывалось.

Къ концу ужина новая неожиданность: пришло приказаніе завтра въ 9-ть часовъ утра выступать по направленію къ городу Шахедза.

Переходъ былъ сравнительно легкій, люди шли бодро и даже перевалъ взяли очень быстро. Благодаря всему этому, уже въ шестомъ часу вечера подходили къ деревнѣ Тензы, отстоявшей отъ Шахедзы въ четырехъ верстахъ; здѣсь намъ было предписано остановиться и ожидать новыхъ распоряженій.

Квартировавшій уже болѣе мѣсяца въ деревнѣ Тензы стрѣлковый полкъ вышелъ намъ навстрѣчу съ музыкой и провожалъ до мѣста стоянки громкими криками «ура». А черезъ часъ пришли два офицера того же полка и пригласили къ себѣ. Незамѣтно про-

летѣло нѣсколько часовъ за взаимными разспросами про новыя столкновѣнія русскихъ съ японцами; извѣстія, какъ и было все время, шли самыя разнорѣчивыя, такъ что ихъ я здѣсь и не передаю. Затѣмъ отправились спать съ пріятнымъ сознаніемъ, что по прямому направленію мы находимся всего въ шести верстахъ отъ передовыхъ постовъ непріятели.

Слѣдующій день былъ днемъ тяжелыхъ испытаній для всякаго чисто строевого офицера, испытаній, регулярно повторяющихся въ началѣ каждаго мѣсяца. Это—подготовка къ повѣркѣ денежныхъ суммъ батареи и составленіе мѣсячнаго рапорта; началось усиленное скрипѣніе перьями и щелканье на счетахъ, а къ вечеру можно было отдохнуть отъ непривычнаго труда, тѣмъ болѣе, что завтра предстояло познакомиться въ общихъ чертахъ съ городомъ Шахедзы и съ жизнью его обитателей.

И точно. Ровно въ 12 часовъ 9-го апрѣля, послѣ краткаго объѣзда войскъ, произведеннаго по пути въ городъ Шахедзы начальникомъ восточнаго отряда, генераль-лейтенантомъ Засуличемъ, я и еще два офицера батареи крупною рысью направились въ городъ. Описывать его не стоитъ, такъ какъ онъ похожъ, какъ двѣ капли воды, на любой встрѣчный китайскій городъ, которые всѣ отличаются другъ отъ друга лишь большими или меньшими размѣрами и относительной роскошью постройки домовъ отдѣльныхъ богачей.

На почтѣ ничего интереснаго не нашли; закупили въ лавкахъ кое-что изъ съѣстнаго, кстати сказать, выборъ былъ очень ничтожный, а цѣны на все прямо баснословныя,—и домой.

На обратномъ пути встрѣтили печальное шествіе: несли хоронить три гроба съ тѣлами недавно убитыхъ въ стычкѣ съ японцами стрѣлковъ. Завтра должны были быть еще похороны ихъ начальника, штабсъ-капитана Змѣицына, погибшаго славною смертію героя въ неравномъ бою. Онъ хотѣлъ съ небольшой командой охотниковъ приблизительно человекъ въ тридцать пересѣчь рѣку Ялу, чтобы сжечь перевозочныя средства, заготовленныя японцами на противоположномъ берегу, но скоро былъ замѣченъ ими; японцы дали нѣсколько залповъ, подпустивъ охотниковъ къ себѣ на разстояніе прямого выстрѣла. Результатъ: вышло изъ строя два офицера и половина команды; были бы прикончены и всѣ, если бы не зоркость артиллеріи поручика С—го, который съ 2-мя орудіями находился въ пяти—шести верстахъ отъ мѣста столкновѣнія на берегу рѣки Ялу и окарауливалъ совмѣстно съ ротой одинъ изъ бродовъ черезъ рѣку. Удачными выстрѣлами ему посчастливилось потопить одну шаланду, полную враговъ,—одну изъ тѣхъ, на которыхъ японцы пустились преслѣдовать горсть отступающихъ русскихъ: остальные повернули назадъ, что и спасло смѣльчаковъ-стрѣлковъ отъ окончательной гибели.

На похоронахъ сказалъ краткую, но выразительную и почувствованную рѣчь въ память покойнаго командиръ того же полка, полковникъ Л—гъ, обрисовавъ его, какъ товарища и сослуживца, котораго всѣ любили, и какъ героя, смерть котораго должна служить постояннымъ напоминаніемъ русскимъ воинамъ о ихъ безпредѣльной отвагѣ, не останавливающейся ни предъ какими препятствіями и опасностями во славу русскаго оружія.

Могилою для храбрцовъ послужила высокая скала вблизи мѣста расположенія полка.

Утромъ 11-го апрѣля заходитъ въ полной походной формѣ къ намъ въ фанзу одинъ изъ моихъ хорошихъ товарищей, офицеръ того стрѣлковаго полка, съ которымъ мы вмѣстѣ стояли въ городѣ Х—ѣ, и заявляетъ, что пришелъ проститься съ нами и крайне спѣшить, такъ какъ полкъ уже идетъ съ двумя казачьими сотнями къ рѣкѣ Ялу: японцы начинаютъ дѣлать попытки переправиться на нашъ берегъ; мѣнѣе, чѣмъ черезъ два часа уже и наша батарея двигалась туда же, приготовившись по тревогѣ согласно экстреннаго предписанія.

Отойдя отъ деревни Тензы верстъ девять, мы поднялись на горный хребетъ, и глазамъ нашимъ открылся видъ на эту рѣку—мѣсто будущихъ кровавыхъ столкновеній.

Вся покрытая зеленѣющими островами, она мирно катила свои воды, нисколько не подозрѣвая о томъ, причиною сколькихъ бѣдъ она уже была и еще будетъ.

По берегу, то пологому, то спускающемуся въ рѣку крутыми каменными массивами, были разбросаны небольшими купами только что одѣвающіяся въ свой изумрудный нарядъ деревца, а противоположный, враждебный намъ, угрюмо сѣрѣлъ песчаными отмелями.

Еще одна верста,—и деревня Тюренченъ; еще двѣ,—и батарея остановилась въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій.

III.

На позиціяхъ.

Неподалеку на вершинѣ ближайшаго холма чуть виднѣлись небольшія группы начальствующихъ лицъ и развѣдчиковъ: производилась, очевидно, тщательная рекогносцировка предполагаемой позиціи для нашей батареи и полка. Затѣмъ были вызваны и мы. Командиръ провелъ всѣхъ офицеровъ по артиллерійской позиціи, указавъ мѣсто той и другой полубатареи, далъ соответствующія указанія относительно саперной подготовки и выбора цѣлей, а въ остальномъ предоставилъ полную инициативу командирамъ полубатарей.

Мы немедленно принялись за работу на горѣ. Зазвенѣли кирки, застучали лопаты, и къ шести часамъ вечера выросли грозные ложементы, изъ-за вала которыхъ мрачно смотрѣли на врага дула орудій. Образовалось нѣчто въ родѣ горнаго гнѣзда, почти неприступнаго съ фронта и фланговъ и съ удобнымъ спускомъ въ долину. На склонѣ горы, обращенномъ въ нашу сторону, были разбиты палатки, въ которыхъ мы провели первую ночь на позиціи, отдыхая послѣ трудового дня.

Слѣдующій день прошелъ вполне мирно, и такъ же мирно мы улеглись спать въ тѣхъ же палаткахъ, разставивъ часовыхъ по полубатарей. Но около одиннадцати часовъ вечера я былъ пробужденъ чьимъ-то громкимъ шопотомъ: «Ваше благородіе, а ваше благородіе, вставайте, тревога!» Быстро натянувъ сапоги, надѣвъ пальто, пашку и револьверъ, выхожу изъ палатки и спѣшу на позицію.

Командиръ батареи былъ уже тамъ и объявилъ, что сегодня въ ночь на тринадцатое ожидается въ нѣсколькихъ пунктахъ переправа Японцевъ, которой мы должны воспрепятствовать во что бы то ни стало, отстаивая каждый шагъ земли до послѣдней возможности бороться.

Была тихая лунная ночь. Но постепенно началъ подниматься вѣтеръ, который съ теченіемъ времени все крѣпчалъ; становилось очень свѣжо, и намъ пришлось закутаться поплотнѣе въ бурки. Тишина всюду гробовая; лишь изрѣдка слышны были осторожныя покашливанія да переговоры въ полголоса нижнихъ чиновъ, которые почти сейчасъ же прерывались властнымъ голосомъ какого нибудь фейерверкера или нами.

Прошло въ такомъ состояніи болѣе четырехъ часовъ. Время тянулось крайне медленно, настроеніе у всѣхъ было напряженное, желали исхода изъ этого тягостнаго настроенія каждую минуту. Впрочемъ, зная любовь японцевъ къ ночнымъ атакамъ, мы и не рассчитывали особенно на выстрѣлы съ ихъ стороны до захода луны.

Дѣйствительно въ 4 часа утра, какъ только сдѣлалось совершенно темно, броненосная лодка, находившаяся въ устьѣ рѣки Ялу, освѣтила прожекторомъ мѣстность на нѣсколько верстъ, и почти сразу же мы услышали частые выстрѣлы съ правой и лѣвой стороны. Перестрѣлка продолжалась съ небольшими перерывами около часа, а потомъ все затихло. Продолжали только горѣть сигнальные факелы, зажженные нашими охотниками въ 3-хъ различныхъ мѣстахъ на островахъ между нами и японцами.

Изъ района нашего расположенія не было сдѣлано не только никакихъ попытокъ къ переправѣ, но даже ни одного выстрѣла.

Прождавъ до восхода солнца, рѣшили, что теперь можно и отдохнуть, но не успѣли вновь разбить палатки, какъ послышалась

уже артиллерійская канонада, на которую тотчасъ же стала отвѣчать батарея слѣва.

Всѣ мы быстро высыпали на позицію и заняли наши мѣста. А минутъ черезъ десять одинъ изъ наводчиковъ уже докладываетъ, что на противоположномъ берегу видна въ верстахъ въ пяти слишкомъ наступающая колонна. Загремѣли наши пушки, къ нимъ присоединились чрезъ нѣсколько секундъ и остальные; въ бинокль было ясно видно, какъ японцы сначала оторопѣли и остановились, потомъ забѣгали, засустились и бросились вразсыпную въ находящуюся неподалеку лощину, гдѣ и скрылись, не показываясь оттуда массами ни на секунду весь этотъ день. Какой уронъ мы нанесли японцамъ, за дальностью разстоянія трудно было опредѣлить, но, очевидно, онъ былъ не малый, такъ какъ нами были замѣчены не разъ кучки людей по два, по три, медленно поднимающіяся въ гору, по всей вѣроятности, съ ранеными и убитыми. Разумѣется, мы по нимъ не стрѣляли.

Порядочныя потери понесли японцы и въ другомъ мѣстѣ, а именно вверхъ по рѣкѣ Ялу, верстахъ въ десяти отъ насъ, гдѣ они дѣлали попытку переправиться. Тамъ на островѣ ихъ встрѣтила дружнымъ и мѣткимъ огнемъ на разстояніи ста пятидесяти шаговъ охотничья команда одного изъ стрѣлковыхъ полковъ въ числѣ шестидесяти человекъ, но, такъ какъ японцевъ былъ цѣлый полкъ, то она отступила и заняла правый берегъ, гдѣ и засѣла, не давая врагу окончить переправу. Къ сожалѣнію, у насъ убитъ офицеръ и вышло изъ строя 17 охотниковъ, изъ нихъ 7 убитыхъ и 4 безъ вѣсти пропавшихъ, остальные ранены. Посланный съ донесеніемъ рассказывалъ, что японцы цѣлый день убрали тѣла своихъ, что легко было прослѣдить съ горъ, которыя заняли послѣ отступленія наши молодцы.

Вечеромъ былъ созванъ военный совѣтъ, на которомъ всѣ согласились дружно бороться съ дерзкимъ врагомъ.

Палатокъ мы уже не разставляли, а расположились на ночь на позиціяхъ. Вѣтеръ дулъ во всю и пронизывалъ насъ насквозь, несмотря на пальто и бурку. Удивительная страна: по новому стилю было уже 26-е апрѣля, широта мѣстности граничитъ съ югомъ Европы, и въ то же время такіе холода, что ночью порой зубъ на зубъ не попадаетъ, да и днемъ, чуть подуетъ вѣтеръ,—холодно.

Я воспользовался ровикомъ, вырытымъ около орудія, укрылся буркой съ головой, и такъ какъ ровикъ былъ защищенъ валомъ, а на днѣ его предусмотрительные канониры подостлали гаоляна, то получилось довольно сносное логовище. То же сдѣлала и орудійная прислуга. Спать, конечно, было нельзя, нужно было, наоборотъ, чутко прислушиваться къ малѣйшему шуму на томъ берегу рѣки у «него».

Чтобъ прогнать сонъ, началъ вспоминать прошлое моей жизни, и какими мелочными показались мнѣ въ данное время всѣ невагоды минувшаго времени въ сравненіи съ той кровавой драмой, прелюдія которой разыгрывалась на моихъ глазахъ и при моемъ непосредственномъ участіи.

И эту ночь намъ не удалось провести покойно, но уже по другой причинѣ. Были получены свѣдѣнія о томъ, что японцы пытаются обойти нашъ лѣвый флангъ, и ровно въ часъ ночи наша батарея и стрѣлковый полкъ снялись съ позиціи и двинулись влѣво къ деревнѣ Чингоу, куда дошли къ шести часамъ утра, хотя до этой деревни и было всего 12 верстъ, но мы шли такъ долго потому, что принуждены были цѣлыхъ 2 часа ожидать сбора къ условленному пункту всего полка, такъ какъ онъ былъ разбросанъ и впереди, и позади, и по сторонамъ батареи.

Тотчасъ же по прибытіи была произведена рекогносцировка, и уже часа черезъ два мы были въ полномъ порядкѣ разставлены на новой позиціи, которую тутъ же и окопали, замаскировавъ вѣтками сосны. Мы пришли какъ разъ во время, такъ какъ стоявшій здѣсь уже 2 дня постъ доложилъ, что сегодня рано утромъ въ день нашего прихода у рѣки появлялось пятнадцать японскихъ кавалеристовъ, которые скрылись послѣ двухъ залповъ, данныхъ по нимъ пѣхотой.

Утромъ 15-го первый взводъ нашей батареи и одинъ батальонъ ушли правѣе для защиты другого брода, а около часу дня въ томъ же направленіи раздалися артиллерійскіе выстрѣлы и частая трескотня ружей.

Была подана команда: «артиллерія на позицію». Быстро были свернуты палатки, обамуничены кони, люди одѣлись и стали на своихъ уставныхъ мѣстахъ. Пальба продолжалась все съ большей интенсивностью, и начальникъ нашего небольшого отряда рѣшилъ итти на выстрѣлы, оставивъ въ видѣ заслона мой взводъ и одинъ батальонъ.

Мы передвинулись немного вправо и заняли горку впереди небольшой деревушки, измѣнивъ фронтъ изъ перпендикулярнаго къ рѣкѣ въ полъ-оборота направо.

Въ настоящее время въ 9 час. утра я пишу данныя замѣтки, лежа въ солдатской палаткѣ на циновкѣ животомъ внизъ, а кругомъ меня течетъ самая заурядная солдатская жизнь мирнаго времени: канониры бесѣдуютъ о «домашнемъ» въ ожиданіи, когда поспѣютъ лепешки, которыя пекутъ изъ кукурузной муки въ оврагѣ самозваные пекари прямо въ золѣ; взводный фейерверкеръ дѣлаетъ нарядъ и кого-то распекаетъ, и если не было бы мнѣ видно изъ-за приподнятаго полотнища палатки моихъ орудій въ окопахъ, а нѣсколько внизу и по сторонамъ ихъ оцетинившихся

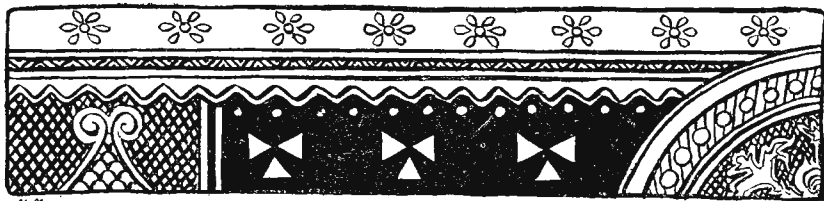
штыками стрѣлковыхъ окоповъ, можно было бы подумать, что находишься не на позиціи, а на маневрахъ лѣтомъ гдѣ нибудь вблизи города Никольска-Уссурийскаго.

Кругомъ все тихо.

Впрочемъ поутру были слышны съ большими промежутками 4 орудійныхъ выстрѣла, но они какъ-то глухо, лѣниво прозвучали въ воздухѣ и больше не повторялись.

М. Ше—инъ.

ГОГОЛЬ И БУЛГАРИНЪ.

I.

ГОГОЛЬ и Фаддей! Какое сопоставленіе именъ!—не годую воскликнетъ читатель. Геніальный художникъ—творецъ, озарившій всю громаду несущейся жизни лучемъ бессмертнаго юмора, писатель съ высочайшими нравственными запросами духа, погибшій въ титанической борьбѣ съ мучительными загадками собственной безконечно сложной натуры, чистое имя котораго произносить съ благоговѣніемъ потомство, и послѣдній фельетонистъ, темная личность, авантюристъ испанскаго легіона поляковъ Наполеона, авторъ забытыхъ романовъ съ затхлою нравоучительной подкладкой, литературное имя, покрытое грязью, поставщикъ печальной памяти «Пчелки» съ ея специальнымъ «запахомъ», газетчикъ съ репутаціей продажности, подлаживанія къ сильнымъ міра, Видокъ Фигляринъ, по выраженію Пушкина, снискивающій пропитаніе «ежедневнымъ доноситељствомъ»¹⁾.

Мы вполне понимаемъ то неприятное чувство, которое поднимаетъ уже самое сопоставленіе имени Гоголя съ именемъ Булгарина. Что между ними общаго? Какія отношенія могли ихъ связывать? Зачѣмъ свѣтлый путь одного пересѣкается темной тропой другого?

Однако, такія отношенія были; общее нѣчто существуетъ между ними; въ біографіи Гоголя есть пунктъ, связывающій ее загадочнымъ узломъ съ Фаддеевой.

Пунктъ біографіи Гоголя, заставляющій сопоставлять его имя съ именемъ Булгарина, касается первыхъ лѣтъ его пребыванія въ

¹⁾ Г. Венгеровъ, имѣвшій терпѣніе просмотрѣть «Сѣверную Пчелу» за все время ея изданія и всѣ фельетоны Фаддея, не нашелъ, однако, тамъ «доношеній».

Петербургъ и освѣщенъ впервые самимъ Булгаринымъ въ 1854 году, послѣ смерти уже Гоголя въ фельетонѣ «Сѣверной Пчелы». Тогда этотъ фельетонъ былъ провозглашенъ «клеветою» на великаго писателя. Вотъ что сообщалось въ этомъ фельетонѣ.

Въ концѣ 1829 или въ началѣ 1830 г., «хорошо не помню», къ одному петербургскому журналисту (т. е. къ самому Булгарину) явился молодой человѣкъ съ похвальнымъ стихотвореніемъ («одинъ изъ нашихъ журналистовъ, жившій тогда въ Почтамтской въ домѣ г. Яковлева сидѣлъ утромъ за литературной работой, какъ вдругъ зазвонилъ колокольчикъ, и въ комнату вошелъ молодой человѣкъ, бѣлокурый, расшаркался» и т. д.), въ которомъ онъ сравнивалъ журналиста съ Вальтеромъ Скоттомъ, Адиссономъ и пр. Молодой человѣкъ казался близкимъ къ отчаянію, такъ какъ онъ крайне нуждался въ мѣстѣ, а въ Петербургѣ совсѣмъ не имѣлъ связей. Это былъ Гоголь, недавно прѣхавшій изъ Нѣжина. Тронутый его безпомощностью, журналистъ въ тотъ же день пошелъ къ Максиму Яковлевичу фонъ-Фоку, управлявшему III-мъ Отдѣленіемъ и имѣвшему, какъ всѣмъ извѣстно, «добрую, благородную, нѣжную душу».

По просьбѣ журналиста, фонъ-Фокъ далъ Гоголю мѣсто въ своей канцеляріи, въ которую онъ являлся только за полученіемъ жалованья, но «знаю, что какой-то пріятель Гоголя принесъ въ канцелярію просьбу объ отставкѣ и взялъ обратно его бумаги», самъ же Гоголь «исчезъ неизвѣстно куда». «У журналиста до сихъ поръ хранятся похвальные стихи Гоголя и два его письма (о содержаніи которыхъ почитаю излишнимъ извѣщать); но больше Гоголь журналиста не навѣщалъ»¹⁾.

Фельетонъ съ «гнусною клеветою» Булгарина написанъ имъ по поводу «Опыта біографіи Гоголя, со включеніемъ до сорока его писемъ», сочиненія Николая М. (Кулиша), вышедшаго два года послѣ смерти Гоголя въ 1854 году. 27 августа 1854 года И. С. Аксаковъ пишетъ отцу изъ Харькова: «читали ли вы, милый отеценька, «Сѣверную Пчелу», тѣ №№, гдѣ Булгаринъ разбираетъ біографію Гоголя и рассказываетъ, какъ въ 1828 или 1829 г. (sic) Гоголь явился къ нему со стихами, въ которыхъ Булгаринъ превознесенъ до небесъ, и съ просьбою о мѣстѣ, и Булгаринъ опредѣлилъ его въ III-е Отдѣленіе канцеляріи государя, куда, впрочемъ, Гоголь являлся только за полученіемъ жалованья, и гдѣ онъ числился недолго. Если не читали, то вѣрно слышали. Эти

¹⁾ «Сѣверная Пчела». 1854 г. № 175 (стр. 829).—Извѣстія отд. русск. яз. и словесн. импер. акад. наукъ, 1900 г., тома V-го книжка 2-я; А. И. Кирпичниковъ. Сомнѣнія и противорѣчія въ біографіи Гоголя. (Комментарій къ біографической канвѣ). Стр. 612—618. Предпринимались ли спеціальныя розыски этихъ писемъ Гоголя къ Булгарину и стихотворенія? Кажется, нѣтъ. Вотъ интересная задача нашимъ бібліографамъ.

двѣ статьи гнусны въ высшей степени по той явной цѣли, съ которой писаны, по старанію представить Гоголя—человѣка подлецомъ и по самому тону. Вѣрно, онѣ вызовутъ возраженія. Очень могло быть (Булгаринъ общается, въ случаѣ нужды, напечатать стихи и письмо Гоголя—последнее чуть ли не о деньгахъ), что мальчикъ Гоголь, попавши въ Петербургъ и не имѣя ни о чемъ вѣрнаго понятія, ни о Булгаринѣ, ни о III-мъ Отдѣленіи, послѣдовалъ совѣту какого нибудь пріятели, увѣрившаго его, что таковъ обычай и порядокъ, что такъ у практическихъ людей заведено и проч.»¹⁾

А. И. Кирпичниковъ замѣчаетъ: «По годамъ Гоголь и въ началѣ 1830 г. могъ быть названъ мальчикомъ, но, пробывъ около года въ Петербургѣ, онъ, при своемъ природномъ тонкомъ умѣ, не могъ считаться неопытнымъ и, безъ сомнѣнія, прекрасно зналъ, что такое III-е Отдѣленіе, и что такое Булгаринъ, и едва ли онъ могъ подчиняться чужимъ вліяніямъ». Но далѣе: «Только что появившійся въ 1829 г. «Иванъ Выжигинъ» произвелъ положительный фуроръ, и юный Гоголь, по свойствамъ своего таланта, имѣлъ основанія восторгаться имъ искренно».

И въ примѣчаніи: «Внѣшняго дарованія, литературной ловкости и большой энергіи у Булгарина никто, конечно, отрицать не будетъ. До его исторіи съ Дельвигомъ едва ли кто зналъ его настоящій характеръ. Припомнимъ, что Пушкинъ переписывался съ нимъ и бывалъ у него, а Грибоѣдовъ былъ одно время съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ»²⁾.

Во всякомъ случаѣ, уже въ 1831 г. мы видимъ Гоголя въ числѣ враговъ Булгарина.

«Знакомство Гоголя съ Пушкинымъ произошло еще въ Петербургѣ. Въ маѣ 1831 г., въ іюлѣ, при посредствѣ частыхъ свиданій и бесѣдъ, знакомство перешло въ пріязнь, а въ августѣ—и въ готовность къ совмѣстной дѣятельности: Гоголь собирается выступить противъ «Петра Выжигина», автора котораго онъ полтора года назадъ приравнивалъ къ Вальтеру Скотту и Адиссону» (Кирпичниковъ, стр. 619).

Этотъ пунктъ біографіи Гоголя, помимо простого соображенія, что всякій шагъ Гоголя для насъ безконечно интересенъ, требуетъ яркаго освѣщенія еще и потому, что въ приводимыхъ словахъ И. С. Аксакова слышится нота оправданія и извиненія поступка Гоголя его юношеской неопытностью, а въ словахъ Кирпичникова—обратное—нота обвиненія: Гоголь «могъ быть названъ мальчикомъ, но не могъ считаться неопытнымъ, безъ сомнѣнія, зналъ, что такое III-е Отдѣленіе, и что такое Булгаринъ». Намъ поэтому надо

¹⁾ И. С. Аксаковъ въ его письмахъ, ч. I, т. III. 1892. 64—65.

²⁾ Стр. 614.

рѣшить рядъ вопросовъ и прежде всего коренной: имѣлъ ли мѣсто фактъ, сообщенный въ 1854 году Булгаринымъ? А затѣмъ, что представлялъ собою Булгаринъ въ русской литературѣ и журналистикѣ въ 1829 году? Позорно ли было для молодого писателя обратиться къ нему за покровительствомъ? Что представлялъ собою Гоголь въ 1829 г.? Каково было его положеніе? и т. д.

II.

Итакъ, правду ли говоритъ Булгаринъ? Служилъ ли Гоголь въ III-мъ Отдѣленіи? Если мы обратимся за разъясненіемъ къ аттестату Гоголя, то тамъ не найдемъ слѣдовъ этой службы.

Въ аттестатѣ Гоголя значится, что онъ «по окончаніи курса ученія съ правомъ на чинъ XIV класса поступилъ на службу въ департаментъ удѣловъ 1830 г. апрѣля 10». Тѣ же свѣдѣнія и въ формулярѣ, составленномъ въ вѣдомствѣ императрицы Маріи ¹⁾.

Обратимся къ письмамъ Гоголя къ матери.

Первое письмо написано имъ, недѣлю спустя по приѣздѣ изъ Нѣжина въ столицу, 3 января 1829 года. Значитъ, вопросъ сводится къ тому: служилъ ли и гдѣ именно служилъ Гоголь въ періодъ съ 3 января 1829 года по 10 апрѣля 1830 года? Значитъ, за время годъ и три мѣсяца съ небольшимъ. Когда именно въ теченіе этихъ 15 съ ¹/₂-й мѣсяцевъ фонъ-Фокъ ему «далъ мѣсто въ своей канцеляріи»? Замѣтимъ, что Гоголь, если и служилъ, то не въ «III-мъ Отдѣленіи», а въ «канцеляріи III-го Отдѣленія». Канцелярія же не есть «инстанція», а только чисто служебное, подчиненное и пассивное учрежденіе.

Какъ велико было жалованье Гоголя, за которымъ «являлся»? Въ чемъ состояла служба Гоголя? Опять таки, Булгаринъ видимо хочетъ только подчеркнуть свое участливое отношеніе къ Гоголю, а не то обстоятельство, что онъ пошелъ на службу въ «III-е Отдѣленіе». Онъ даже и не говоритъ, что Гоголь тамъ «служилъ». Онъ говоритъ, что онъ «только» являлся въ канцелярію за жалованьемъ, т.-е. за ордеромъ въ казначейство.

По приѣздѣ въ Петербургъ на Гоголя «напала хандра», причиною которой явно матеріальная его необеспеченность и то, что Петербургъ ему показался вовсе не такимъ, какъ онъ думалъ.

Онъ воображалъ его гораздо красивѣе, великолѣпнѣе. А, кромѣ того, жизнь въ немъ «несравненно дороже», чѣмъ полагала его мать. Дорого даже «имѣть разъ въ день щи да кашу». Квартира изъ 2-хъ небольшихъ комнатъ съ правомъ пользоваться хозяй-

¹⁾ Сборникъ, изданный студентами. Спб. 1857 г. I. 845. «Русская Старина». 1887. IV, 749. Н. А. Бѣловская. «Служба Гоголя въ Патриотическомъ институтѣ».

ской кухней—80 рублей (конечно, ассигнаціями) въ мѣсяцъ за однѣ стѣны, дрова и воду. Съѣстные припасы тоже не дешевы.

«Это все заставляетъ меня жить, какъ въ пустынь,—пишетъ Гоголь,—я принужденъ отказаться отъ лучшаго своего удовольствія видѣть театр... Въ одной дорогѣ издержано мною триста слишкомъ, да здѣсь покупка фрака и панталонъ стоила мнѣ двухъ сотъ, да сотня уѣхала на шляпу, на сапоги, перчатки и извозчиковъ, и на прочія дрянныя, но необходимыя мелочи, да на переѣлку шинели и на покупку къ ней воротника до 80 рублей».

Затѣмъ, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, съ 3 января по 30 апрѣля 1829 года, у Гоголя былъ моментъ весьма остраго безденежья: «Вы не ошиблись,—пишетъ онъ,—я точно сильно нуждался въ это время, но, впрочемъ, это все пустое. Что за бѣда посидѣть какуюнибудь недѣлю безъ обѣда?» Затѣмъ оказывается, что онъ имѣетъ «только пару чистаго платья для праздника или выхода», а «для будня», для дома, «халатъ», «отказывается почти отъ всѣхъ удовольствій», пытается «не слишкомъ роскошно», и все же въ мѣсяцъ выходитъ 120 рублей (ассигнаціями), и въ такомъ «случаѣ» Гоголь чувствуетъ необходимость «приняться за умъ», «за вымыселъ», «какъ бы достать проклятыхъ подлыхъ денегъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ уже проявляется его отвращеніе къ чиновничьимъ занятіямъ. Это видно изъ описанія Петербурга, какая «тишина въ немъ необыкновенная, никакой духъ не блеститъ въ народѣ», все «служащіе да должностные», всѣ «толкуютъ о своихъ департаментахъ», погрязли въ трудахъ, въ которыхъ «безплодно издерживается жизнь ихъ». А между тѣмъ Петербургъ начинаетъ пустѣть— всѣ разъѣзжаются. Наступаютъ бѣлыя ночи, которыя должны дѣйствовать угнетающе на южанина. Однако онъ уже замѣтилъ, что здѣсь «занимаетъ всѣхъ все малороссійское», и проситъ у матери свѣдѣній о прошломъ и бытѣ Украины.

22 мая онъ сообщаетъ, что его «надежды не выполнены», но что ему будто бы «предлагаютъ мѣсто съ 1.000 рублей жалованья въ годъ»; «но за цѣну ли, едва могущую выкупить годовой наемъ квартиры и стола, продать здоровье и драгоценное время?» «На что это похоже? въ день имѣть свободнаго времени не болѣе, чѣмъ два часа, а прочее все время не отходить отъ стола и переписывать старыя бредни и глупости господъ столоначальниковъ».

«Итакъ, я стою въ раздумьѣ на жизненномъ пути... Можетъ быть, на-дняхъ откроется мѣсто немного выгоднѣе и благороднѣе». Однако мѣсто видимо не «открылось», ибо 24-го іюля Гоголь пишетъ, что съ присланными ему матерью для уплаты въ опекунскій совѣтъ деньгами уѣзжаетъ, и путь его «лежитъ въ Любекъ», въ вознагражденіе присвоенной суммы посылаетъ довѣренность на продажу или залогъ «слѣдуемаго ему имѣнія». 13-го августа Гоголь въ Любекѣ, 25-го пишетъ изъ Травемунда, а 22-го сентября онъ уже

возвратился изъ Гамбурга въ Петербургъ. Въ четырехъ письмахъ къ матери за это время Гоголь раскрываетъ всю свою душу и тѣ причины, которыя заставили его рѣшиться на такой поступокъ. Чувство писательскаго высшаго призванія, отвращеніе къ чиновничьей службѣ, безумная любовь къ какой-то недосыгаемой красавицѣ, совершенная неудача всѣхъ попытокъ пристроиться, все разстроило его душу и заставило двадцатилѣтняго юношу сочинить какой-то фантастическій планъ—поѣхать за границу и тамъ сдѣлать карьеру писателя («въ тиши уединенія я готовлю запасъ»; «сочиненіе мое, если когда выйдетъ, будетъ на иностранномъ языкѣ»).

Порывъ Гоголя выражается въ такихъ лирическихъ словахъ: «Безумный! я хотѣлъ было противиться этимъ вѣчно-неумолкаемымъ желаніямъ души, которыя одинъ Богъ вдвинулъ въ меня, претворивъ меня въ жажду ненасытимую бездѣйственной разсѣянностью свѣта» (хотя этой «разсѣянностью свѣта» юноша, сидя въ халатѣ на четвертомъ этажѣ, и не пользовался, не имѣя средствъ даже бывать въ райкѣ театра!). «Я осмѣлился откинуть эти божественныя помыслы и пресмыкаться въ столицѣ здѣшней между сими служащими, издерживающими жизнь такъ бесплодно». Гоголь укрывается, такимъ образомъ, за Божественную волю; однако, если не къ чему было говорить о «разсѣянности свѣта», то не пришлось «издерживать бесплодно жизнь» и на службѣ. Мѣста не выходило! «Я рѣшился, въ угодность вамъ больше, служить здѣсь во что бы ни стало; но Богу не было этого угодно. Вездѣ совершенно я встрѣчалъ однѣ неудачи. Люди совершенно неспособные, безъ всякой протекціи, легко получали то, чего я съ помощью своихъ покровителей не могъ достигнуть. Не явный ли былъ здѣсь надо мною промыслъ Божій?.. Что жъ? Я и тутъ упорствовалъ, ожидалъ цѣлые мѣсяцы, не получу ли чего». Затѣмъ начинается темное описаніе бурнопламенной страсти къ какой-то таинственной незнакомкѣ, у которой «лицо, котораго поразительное блистаніе въ одно мгновеніе печатлѣтся въ сердце», «глаза, быстро пронзающіе душу, но ихъ сіянія, жгучаго, проходящаго насквозь всего (sic!), не выносятъ ни одинъ изъ человѣковъ (sic)»... «Адская тоска» кипѣла въ груди его, «въ порывѣ бѣшенства и ужаснѣйшихъ душевныхъ терзаній онъ жаждалъ, кипѣлъ упиться однимъ только взглядомъ»; онъ «увидѣлъ, что ему нужно бѣжать отъ самого себя, если онъ хотѣлъ сохранить жизнь, водворить хотя тѣнь покоя въ истерзанную душу», «но, ради Бога, не спрашивайте ея имени, она слишкомъ высока, высока». Прочитавъ весь этотъ бредъ, мать Гоголя, вѣроятно, произнесла то же, что и тетушка Шпоньки: «Вонъ ще молодá дытъна!» и предположила, что невѣдомая красавица, о которой сынъ писалъ съ четвертаго этажа, и которая «слишкомъ высока, высока», обитаетъ уже совсѣмъ на чердакѣ, и изъ породы тѣхъ, что позднѣе сынъ ея описалъ въ «Невскомъ проспектѣ».

Это предположеніе юноша видимо укрѣпилъ слѣдующимъ своимъ письмомъ изъ Любека. «Я, кажется, и забылъ,—пишетъ онъ,—объявить вамъ главной причины, заставившей меня именно ѣхать въ Любекъ. Во все почти время весны и лѣта въ Петербургѣ я былъ боленъ; теперь хотя и здоровъ, но у меня высыпала по всему лицу и рукамъ большая сыпь». На это мать отвѣчала предположеніемъ, которое заставило Гоголя уже по возвращеніи въ Петербургъ восклицать: «Какъ вы могли, маменька, подумать даже, что я—добыча разврата, что нахожусь на послѣдней степени униженія человѣчества! Наконецъ рѣшились приписать мнѣ болѣзнь, при мысли о которой всегда трепетали отъ ужаса даже самыя мысли мои!.. Одни только гордые помыслы юности, проистекавшіе, однакожь, изъ чистаго источника, изъ одного только пламеннаго желанія быть полезнымъ, не будучи умѣряемы благоразуміемъ, завлекли меня слишкомъ далеко... нравственность моя здѣсь была несравненно чище, нежели въ бытность мою въ заведеніи и дома. Что же касается до пьянства, я никогда не имѣлъ этой привычки... Но я не могу никакимъ образомъ понять, изъ чего вы заключили, что я долженъ быть боленъ непременно этою болѣзью... Ахъ, если бы вы знали ужасное мое положеніе! Ни одной ночи я не спалъ покойно... Вездѣ носились предо мною бѣдствія и печали... Богъ унижилъ мою гордость—Его святая воля!»

Бѣдный юноша! Въ предыдущемъ письмѣ онъ самъ опредѣляетъ: «Тѣло мое совершенно здорово; одна только бѣдная душа моя страдаетъ». Одинокій, въ пустомъ лѣтнемъ Петербургѣ, на четвертомъ этажѣ въ халатѣ, ибо одно только платье имѣлъ для службы и берегъ его, питаюсь скудно, напрасно ища мѣста, обманутый во всѣхъ надеждахъ, угнетаемый предстоящей чиновничьей лямкой, сознавая свое призваніе, онъ просто заболѣлъ неврастеніей въ сильной степени! Въ началѣ января 1830 года мы видимъ уже Гоголя на службѣ. «Исподняго бѣлья» у него «ни одной штуки». Въ началѣ февраля послѣ болѣзни онъ «снова ходитъ каждый день въ должность и въ силу, въ силу перебивается». Жалованья получаетъ «сущую бездѣлушку». Весь его доходъ состоитъ въ томъ, что «иногда напишетъ или переведетъ какую нибудь статейку для гг. журналистовъ».

«Въ столицѣ нельзя пропасть съ голоду имѣющему хотя скудный отъ Бога талантъ. Одно только нужно опасаться здѣсь бѣдняку—заболѣть. Тогда-то уже ему почти нѣтъ спасенья: источники его доходовъ прекращаются... Какъ бы хотѣлось мнѣ, хотя на мгновеніе, оторваться отъ душныхъ стѣнъ столицы и подышать, хотя на мгновеніе, воздухомъ деревни!.. Какъ подумаю о будущемъ лѣтѣ, теперь даже томительная грусть залегаетъ въ душу. Вы помните, я думаю, какъ я всегда рвался въ это время на вольный воздухъ, какъ для меня убійственны были стѣны даже маленькаго Нѣжина,

Что же теперь должно происходить въ это время, когда столица пуста и мертва, какъ могила, когда почти живой души не остается въ обширныхъ улицахъ, когда громады домовъ, съ вѣчно-раскаленными крышами, однѣ только кидаются въ глаза, и ни дерева, ни зелени, ни одного прохладнаго мѣстечка, гдѣ бы можно было освѣжиться! Не мудрено, когда прошлый годъ со мною произошло такое странное, безразсудное явленіе... Хотя бы на это время я былъ въ состояніи нанять комнатку гдѣ нибудь на дачѣ, за городомъ!»

Бѣдный, бѣдный Гоголь! Какъ мучила его петербургская вонь! Не даромъ онъ отмѣтилъ, что въ Любекѣ «чистота въ домахъ необыкновенная: непріятнаго запаха нѣтъ вовсе въ цѣломъ городѣ, какъ обыкновенно бываетъ въ Петербургѣ, въ которомъ мимо иного дома нельзя бываетъ пройти».

Въ письмѣ отъ 2-го апрѣля, то-есть за недѣлю до опредѣленія въ департаментъ удѣловъ, Гоголь сообщаетъ, чего стоило ему получить мѣсто (очевидно, въ канцеляріи III-го Отдѣленія): «Я не понимаю, какъ я до сихъ поръ съ ума не сошелъ. Послѣ безконечныхъ исканій мнѣ удалось наконецъ сыскать мѣсто, очень, однакожъ, незавидное. Но что же дѣлать? важной протекціи я не имѣлъ никакой, а мои покровители водили меня... теперь моимъ мѣстомъ я, можно сказать, обязанъ своимъ собственнымъ трудамъ». Нужду юношѣ приходится терпѣть все крайнюю. Онъ «отхваталъ всю зиму въ лѣтней шинели».

При этомъ письмѣ Гоголь посылаетъ журналъ, который, «по важности своихъ статей, почитается здѣсь лучшимъ, и который достается ему даромъ, по причинѣ небольшого его участія въ изданіи». Кромѣ того, Гоголь посылаетъ «нововышедшій романъ, подаренный ему самимъ авторомъ». Журналъ этотъ очевидно «Сѣверный Архивъ», который издавалъ тогда Булгаринъ, а романъ— «Иванъ Выжигинъ». Изъ прихода-расходной росписи далѣе видно, что на службу поступилъ Гоголь въ декабрѣ мѣсяцѣ 1829 года, но «жалованья въ этотъ мѣсяцъ не получилъ». Въ январѣ получилъ жалованья 30 рублей да за статью, переведенную съ французскаго: «О торговлѣ русскихъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка», для «Сѣвернаго Архива»—20 рублей. Отъ 3 іюня 1830 года Гоголь пишетъ: «Служу я еще только третій мѣсяцъ въ департаментѣ удѣловъ». Такъ и выходитъ: поступилъ 10 апрѣля, май, іюнь— третій мѣсяцъ. А гдѣ же онъ служилъ декабрь 1829 года, январь, февраль и начало апрѣля 1830 года? «Иванъ Выжигинъ» Ѳаддея Булгарина вышелъ въ 1829 году. Посылаетъ его матери Гоголь, «подаренный самимъ авторомъ», еще до поступления въ удѣлы.

Окончательно рѣшаетъ вопросъ письмо М. И. Гоголь, отъ 23 июня 1829 года: «Николаша мой служить въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Андрей Андреевичъ (Трощинскій) по милости своей поддерживаетъ его тамъ (деньгами)» ¹⁾.

III.

Анализъ писемъ Гоголя къ матери доказываетъ съ очевидностью, что Гоголь до удѣловъ уже служилъ около четырехъ мѣсяцевъ, получая 30 рублей жалованья, доказываетъ и его общеніе съ Булгаринымъ. Но въ то же время рисуется такую раздирающую душу картину мученій одинокаго юноши, въ крайней нуждѣ исполненнаго отвращенія къ службѣ канцелярской, противъ воли ищущаго мѣста, что ни у кого не хватить духу упрекнуть Гоголя. Взять первое мѣсто, какое дали. И что за мѣсто! Даже въ формуляръ нечего было занести.

Остается выяснить, какой смыслъ имѣло обращеніе Гоголя къ Булгарину въ ноябрѣ или декабрѣ 1829 года.

Для этого надо отвѣтить на вопросъ: что такое былъ тогда Булгаринъ?

Разбирая нашъ трудъ—первый томъ «Исторіи русской литературы XIX столѣтія», г. Пл. Красновъ усмотрѣлъ на стр. 293—296 книги «попытку литературной реабилитаціи Булгарина»... И сопроводилъ это свое открытіе трюкомъ, надо думать, выражающимъ негодованіе ²⁾. Никакой, однако, «реабилитаціи» Булгарина ни на этихъ страницахъ, ни на другихъ въ нашемъ трудѣ не имѣется. Но опредѣленіе литературнаго облика Булгарина до 1830 года, именно въ эпоху знакомства его съ Гоголемъ, важно уже потому, что позволить отвѣтить на вопросъ: могъ ли Гоголь тогда знать Булгарина такимъ, какимъ мы теперь его себѣ представляемъ? Никакой «реабилитаціи» Булгарина въ нашей книгѣ нѣтъ, а сообщены факты, подтверждаемые вышеприведенными словами Кирпичникова, что тогда, въ 1829 году, «едва ли кто зналъ его настоящій характеръ». Въ 20-хъ годахъ это былъ блестящій литераторъ, пользовавшійся чрезвычайной популярностью. Такъ А. Бестужевъ (Марлинскій) въ «Полярной Звѣздѣ» 1823 года писалъ: «Булгаринъ, литераторъ польскій, пишетъ на языкѣ нашемъ съ особою занимательностью; онъ глядитъ на предметы съ совершенно новой стороны, излагаетъ мысли свои съ какою-то военною искренностью и правдою. Обладая вкусомъ разборчивымъ и

¹⁾ Письма Н. В. Гоголя. Ред. Шенрока. Изд. Маркса, т. I. Стр. 149. Въ примѣчаніи.

²⁾ «Извѣстія» товарищества Вольфъ. № 45. 1902. Стр. 14.

оригинальнымъ, который не увлекается даже пылкою молодостью чувствъ, поражая незаимствованными формами слога, онъ, конечно, станетъ въ ряду свѣтскихъ нашихъ писателей. Его записки объ Испаніи и другія журнальныя статьи будутъ всегда съ удовольствіемъ читаться не только русскими, но и всѣми европейцами». Дѣйствительно, ни одного изъ писателей того времени такъ усердно не переводили, какъ Булгарина. Мы уже видѣли, что Гоголь, посылая журналъ Булгарина «Сѣверный Архивъ» матери, говоритъ, что этотъ журналъ «по важности своихъ статей почитается здѣсь лучшимъ». Бестужевъ тоже пишетъ въ 1825 году: «Журналъ г. Булгарина въ короткое время догналъ старые любимыя журналы русскіе и сравнялся съ ними».

И раньше: «Сѣверный Архивъ»—издатель онаго г. Булгаринъ съ фонаремъ археологіи спускался въ неразработанные еще рудники нашей исторіи и сбираниемъ важныхъ матеріаловъ оказалъ большую услугу «русской исторіи». О «Литературныхъ Листкахъ» Булгарина отзывается Николай Полевой, говоря, что они—«возобновленіе сатирическихъ статей о нравахъ, въ видѣ улучшенномъ, сообразномъ нашему времени».

Въ 1829 году Николай Полевой такъ характеризуетъ всю издательскую дѣятельность Булгарина: «Не къ чести русскихъ читателей надобно сказать, что собраніе многихъ драгоценныхъ статей, которыя Булгаринъ издавалъ въ видѣ періодическаго сочиненія, называвшагося «Сѣвернымъ Архивомъ», не было оцѣнено по достоинству. Онъ вскорѣ самъ увидѣлъ это и началъ дарить публику критико-литературными статейками, которыя имѣли успѣхъ необыкновенный, ибо казались явленіемъ новымъ. На слѣдующій 1824-й годъ у него не достало даже экземпляровъ «Литературныхъ Листковъ». Въ альманахахъ, родившихся почти въ то же время, искали статей г. Булгарина... Онъ написалъ романъ, и Выжигинъ раскупленъ былъ по одному объявленію... Знали Булгарина и были увѣрены, что получаютъ книгу, достойную вниманія, любопытную, занимательную».

О «Сѣверной Пчелѣ» А. Бестужевъ писалъ: «У насъ не доставало газеты для насущныхъ новостей, которая соединяла бы въ себѣ политическія и литературныя вѣсти; гг. Гречъ и Булгаринъ дали намъ ее — это «Сѣверная Пчела». Разнообразіемъ содержанія, быстротою сообщенія новизны, черезденнымъ выходомъ и самою формою она вполнѣ удовлетворяетъ цѣли». О чрезвычайномъ успѣхѣ «Пчелы» свидѣтельствуетъ близкій другъ Булгарина и его семейства Грибоѣдовъ, въ письмѣ отъ 11-го декабря 1826 года: «Присылай мнѣ свою «Пчелу»... Здѣсь твои листочки такъ цѣнятся, что ихъ въ клочки рвутъ, и до меня не доходитъ ни строчки, хотя я членъ того клуба, который всякія газеты выписываетъ».

О размѣрахъ успѣха романа «Иванъ Выжигинъ» можно судить по статьѣ Николая Полевого, наполненной не однѣми похвалами, но и ядовитыми шпильками, констатирующей фактъ популярности Булгарина: «Сей давно жданный романъ есть одно изъ пріятнѣйшихъ явленій въ русской литературѣ. Умъ, наблюдательность, пріятный разсказъ составляютъ достоинство его; самая чистая нравственность дышитъ на каждой страницѣ.. Мы увѣрены, что многіе русскіе портреты и характеры, выставленные въ Выжигинѣ, знакомы всѣмъ: это они, они, наши милые соотечественники!.. Прочитавъ, мы не удивляемся огромному успѣху сего новаго сочиненія г. Булгарина. Объявленіе о второмъ изданіи Выжигина подтверждаетъ наше мнѣніе и показываетъ, до какой степени возбуждено любопытство публики».

«Въ кабинетахъ, въ гостиныхъ, на биржахъ, въ городахъ, въ деревняхъ, въ цѣлой Россіи сочиненія г. Булгарина, и особенно Иванъ Выжигинъ, составляютъ предметъ разговоровъ. Просвѣщенные и невѣжды, умные и неразумные, дамы, старики, офицеры, купцы, чиновники, даже дѣвушки и дѣти толкуютъ о Булгаринѣ... Сочиненія Булгарина читаются во всей русской Россіи... они обращаютъ на себя общее вниманіе... Кажется, мы не сказали лишняго, назвавъ успѣхъ г. Булгарина огромнымъ, необыкновеннымъ... Книги, которыя въ мѣсяцъ распродаютъ тысячами экземпляровъ, становятся предметомъ разговоровъ всюду, у всѣхъ, и вызываютъ отчаянныя нападенія въ нѣкоторыхъ журналахъ, эти книги, несомнѣнно, имѣютъ успѣхъ огромный».

«Исполнилъ ли ожиданія своихъ читателей г. Булгаринъ? Безъ всякаго сомнѣнія! Онъ написалъ имъ сочиненіе, какого не было въ русской литературѣ, и съ которымъ невозможно сравнивать попытки его предшественниковъ».

«Говоримъ: «Въ Выжигинѣ много несовершеннаго, лишняго и недосказаннаго», но прибавимъ: «Это самое умное и блестящее явленіе въ современной намъ прозаической словесности русской». Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ повѣстей Карамзина и Жуковскаго, первыхъ разсказовъ Марлинскаго и романовъ Нарѣжнаго, въ моментъ выхода «Ивана Выжигина» ничего не было. Нарѣжный не нравился публикѣ. Романъ Булгарина положительно стоялъ одиноко въ русской, скудной до послѣдней степени, прозѣ.

Какъ читался «Выжигинъ», легко понять изъ письма И. Н. Скобелева, который отъ 7-го іюня 1829 года изъ крѣпости Бобруйска «по прочтеніи небывалаго на святой Руси, а посему и драгоцѣннаго Выжигина» пишетъ «отцу и командиру, почтеннѣйшему Фаддею Венедиктовичу», и, «имѣя подъ начальствомъ своимъ до 250 человекъ г. штабъ и оберъ-офицеровъ, прелестнымъ Выжигинымъ восхищеннымъ», «прижимая къ сердцу, благодар-

ностью исполненному, чинить земной поклонъ отъ лица всѣхъ и cadaго»¹⁾).

Не мудрено, что гг. штабъ и оберъ-офицеры тогда даже находили Фаддея Венедиктовича съ лица похожимъ на Байрона, тѣмъ болѣе, что на портретѣ, приложенномъ къ двѣнадцати томикамъ его собранія сочиненій, онъ дѣйствительно нарисованъ почти Байрономъ!

Какъ бы то ни было, тѣ специфическія качества Булгарина, которыя проявились въ немъ позднѣе, до 1830 года настолько были скрыты, что такой человекъ, какъ Грибоѣдовъ, ихъ не замѣчалъ при близости чрезвычайной: онъ сообщаетъ Булгарину, какъ объяснялся въ любви своей Нинѣ.

IV.

Узнавъ всѣ эти факты, мы уже совершенно иными глазами посмотримъ на поступокъ Гоголя въ 1829 году.

Гоголь тогда явился не къ тому Фаддею, какого мы теперь себѣ представляемъ, а къ знаменитому писателю, историку, романисту, сатирику, изобразителю «правовъ», издателю ученаго лучшаго журнала, другу Грибоѣдова, пріятелю избранныхъ литераторовъ. Онъ поднесъ ему стихи, въ которыхъ сравнивалъ его съ Адиссономъ и Вальтеромъ Скоттомъ. Опять-таки, это сравненіе не было преувеличеннымъ. Какъ сатирика и журналиста, Булгарина и ставили рядомъ съ издателемъ «Спектатора», Адиссономъ. Какъ въ авторѣ знаменитаго романа и историкѣ, въ немъ и предполагали русскаго Вальтера Скотта. Замѣчаніе Кирпичникова, что юный Гоголь по свойствамъ своего таланта имѣлъ основанія восторгаться Булгаринимъ искренно, подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что нѣкоторые типы и сцены «Выжигина» несомнѣнно отозвались въ «Мертвыхъ душахъ» (Россіяниновъ—Костонжогло, Глазуринъ—Ноздревъ). Весьма убѣдительно указаніе въ статьѣ г. Ю. Ф. «Иванъ Выжигинъ» и «Мертвыя души» («Русскій Архивъ», 1902 г., вып. 8, стр. 603), что Глазуринъ является типомъ, среднимъ между Ноздревымъ и Пѣтухомъ. Вотъ сцена, уже и съ чисто внѣшней стороны напоминающая распорядительность Пѣтуха: «Гей, народъ! Оботрите травкою грязь съ господъ. Филька сиволапый, Сенька косою и Митька рыжей, ступайте пѣшкомъ домой. Лаврушка пострѣлъ, скачи въ лѣсъ, да труби позывъ. Собакъ смыкай и домой!» Нельзя не замѣтить, что и форма рѣчи, и даже самые «постоянные» эпитеты живо напоминаютъ выраженія, которыя употребляетъ Пѣтухъ въ сценѣ рыбной ловли, во 2-й части «Мертвыхъ душъ» (исправленной): «Телепень Денисъ, пе-

¹⁾ «Русская Старина», 1895, т. 84, ноябрь, стр. 44.

редавай Кузьмѣ! Кузьма, бери конецъ у Дениса! Не напирай такъ, Ома Большой! Ступай туда, гдѣ Ома Меньшой. Черти! говорю вамъ, оборвете сѣти!»

Намъ кажется, что И. С. Аксаковъ совершенно невѣрно объяснилъ намѣренія Булгарина, объявившаго въ 1854 году о своихъ отношеніяхъ къ юношѣ—Гоголю. Тутъ не было, какъ онъ думаетъ, со стороны Булгарина «старанья представить Гоголя-человѣка подлецомъ». Булгаринъ искренно считалъ фонъ-Фока «доброй, благородной, нѣжной душой» тѣмъ болѣе, что видѣ своихъ специфическихъ занятій этотъ фонъ-Фокъ, можетъ быть, и проявлялъ означенныя качества, кто его знаетъ! Булгаринъ и не подчеркиваетъ, что Гоголь «служилъ» въ III-мъ Отдѣленіи, а говоритъ, что онъ только заходилъ туда за жалованьемъ. Цѣль его—сопоставить свое положеніе въ 1829 году, какъ знаменитаго журналиста и романиста, съ униженнымъ положеніемъ одинокаго, безвѣстнаго юноши-Гоголя, подчеркнуть свое великодушіе, выразившееся въ доставленіи мѣста юношѣ (и вѣдь въ самомъ дѣлѣ раньше никто Гоголю ничего не досталъ!), и неблагодарность Гоголя, забывшаго объ этой услугѣ и оказавшагося активнымъ его врагомъ. Но вполне понять истинныя чувства Булгарина можно только изъ другого его фельетона, котораго, видимо, не читалъ И. С. Аксаковъ, не просмотрѣлъ и г. Кирпичниковъ. Фельетонъ этотъ появился въ № 181 «Сѣверной Пчелы» 1854 года.

«Первая причина,—говоритъ здѣсь Булгаринъ,—удивительнаго успѣха Гоголя... Гоголь въ своихъ повѣстяхъ и разсказахъ описываетъ дагерротипно дѣйствительность (курсивъ подлинника) Малороссіи». У Гоголя нѣтъ ничего, кромѣ дагерротипнаго и карикатурнаго изображенія человѣчества и вѣрнаго описанія мѣстностей Малороссіи. У Гоголя нѣтъ ни одного высокаго характера, который можно поставить въ образецъ, нѣтъ ни одной женщины милой, доброй, сострадательной, нѣжной и благовоспитанной женщины! Это даже страшно! Мысли все мелочныя, чувства—физическія! Кромѣ того, Гоголь вовсе не знаетъ Россіи и незнакомъ съ человѣческою натурою. Гдѣ онъ могъ найти такихъ людей, какіе имъ описаны въ «Мертвыхъ душахъ»? Да и самыя завязки сказки, названной пышно, поэмою,—сущій вздоръ, небывальщина! Если въ старину крѣпостныхъ людей можно было приобрѣсти безъ земли, то ихъ нельзя было заложить въ ломбардѣ иначе, какъ съ землею и со свидѣтельствомъ губернскаго правленія. Слѣдовательно, покупка душъ, умершихъ послѣ ревизіи,—безсмыслица! Гоголь не безъ таланта, но талантъ его болѣе, нежели второстепенный, и гораздо ниже таланта Нарѣжнаго, который служилъ Гоголю образцомъ (курсивъ подлинника). Мѣсто Гоголя въ литературѣ весьма скромное, но духъ партіи и малороссійская любовь къ родному пепелищу возвысили его превыше всѣхъ русскихъ писателей. Хотя, но мнѣнію

«Отечественныхъ Записокъ» et consorts, я весьма дурной литераторъ, но все же литераторъ, люблю литературу, и почель обязанностью моею вступиться за честь ея (о!!). Баста и навѣки!».

Въ этихъ строкахъ—весь Фаддей.

Гоголь описываетъ «одно мелочное». Малороссійскій юморъ и дѣйствительность должны были нравиться малороссамъ. «Большинство всегда предпочитаетъ художеству дагерротипные рисунки» и ищетъ въ нихъ забавнаго, а не изящнаго. Вотъ, по мнѣнію Булгарина, первая причина успѣха Гоголя. Вторая причина: посвященіе «Вечеровъ» вельможѣ, занимавшему первое мѣсто въ гражданской іерархіи (Кочубею). Диканька—любимое имѣніе вельможи.

Затѣмъ Булгаринъ вспоминаетъ пору своихъ успѣховъ, своего перваго выхода въ литературѣ; 20-е годы: «Петербургъ въ литературномъ отношеніи взялъ перевѣсъ надъ Москвою». Появилась сперва критика исторіи Карамзина. Тревога въ высшемъ литературномъ кругу! Одинъ изъ этихъ (петербургскихъ) журналистовъ (т.-е. самъ Булгаринъ) сочинялъ романы и повѣсти, которые расходились тысячами, и, кромѣ того, писалъ въ родѣ юмористическомъ (курсивъ нашъ). Надобно было какъ нибудь закрыть или заслонить этого смѣльчака и его пріятелей, которые высказывали свое независимое мнѣніе и не принадлежали ни къ какой литературной партіи (т.-е. Сенковского и Греча). И вотъ появился новый юмористъ—Гоголь. Его избрали для возвеличенія, для униженія другихъ юмористовъ и повѣствователей! Журналы, непріязненные писателямъ, имѣвшимъ свое собственное мнѣніе, подхватили эту мысль и стали прославлять Гоголя. Наконецъ дошло до того, что его назвали печатно русскимъ Гомеромъ, русскимъ Байрономъ, Вальтеръ-Скоттомъ и т. д.! Гоголь, какъ умный человѣкъ, воспользовался этимъ положеніемъ.

«У всѣхъ европейскихъ повѣствователей и правоописателей есть высокія европейскія идеи, есть чувства, есть доказательства познанія сердца человѣческаго и общества людей». Ничего этого у Гоголя нѣтъ. Видите ли, славный журналистъ и романистъ 1829-го года писалъ въ родѣ юмористическомъ. Надобно было какъ нибудь закрыть или заслонить этого смѣльчака. Появился новый юмористъ—Гоголь. Его сейчасъ избрали для возвеличенія, для униженія того, другого юмориста и повѣствователя—Булгарина. Журналы, враждебные Булгарину, Гречу и Сенковскому, подхватили и стали прославлять Гоголя Вальтеромъ Скоттомъ. Но русскій Вальтеръ Скоттъ—не Гоголь, а Булгаринъ, который есть воистину европейскій повѣствователь и правоописатель, обладающій высокими европейскими идеями. Но его затерли, затерли! Все сдѣлала малороссійская партія и Кочубей. Вотъ въ чемъ досада великая Булгарина! Въ 1829 году поднесъ ему, русскому Вальтеру Скотту и Адиссону, стихи невѣдомый малороссъ и—другъ

его затмилъ. Въ самомъ дѣлѣ славу Булгарина послѣ 1830 года словно вѣтромъ задуло, хотя въ провинціи и оставались у него читатели. Но рядомъ съ прозой Пушкина и Гоголя, даже Загоскина и Лажечникова, даже Одоевского, Марлинскаго, Погорѣльскаго, Ушакова и Полевого, выказала всю свою пошлость и старомодность болгаринская проза. То была рыба на безрыбьѣ. Но послѣ 1830 г. проза русская быстро стала развиваться, и къ досадѣ поляковъ—Булгарина и Сенковскаго, двигали ее въ значительной мѣрѣ малороссы: Гоголь, Квитка. Булгаринъ—фигура изъ XVIII вѣка. И къ роману его вполнѣ примѣнимы слова Пушкина о романахъ XVIII вѣка: «Происшествіе занимательно, положеніе хорошо запутано, но Белькуръ говоритъ косо, но Шарлотта отвѣчаетъ криво. Умный чловѣкъ могъ бы взять здѣсь готовый планъ, готовые характеры, исправить слогъ и безсмыслицы, заполнить недомолвки—и вышелъ бы прекрасный, оригинальный романъ».

Въ цитированномъ выше фельетонѣ, рассказывая о 20-хъ годахъ, Булгаринъ говоритъ о тогдашнемъ литературномъ оживленіи: «Появилась сперва критика исторіи Карамзина... Тревога въ высшемъ литературномъ кругу!» Эта «тревога» и была исходной точкой вражды къ Ѳаддею Венедиктовичу (помимо проявившихся позднѣе особливыхъ его качествъ) той аристократіи писателей, которая окружала Карамзина и состояла изъ Пушкина, Дельвига, кн. Вяземскаго и другихъ арзамасцевъ. Имъ противопологались журналисты-плебейцы, среди которыхъ, кромѣ Полевого, Греча, Сенковскаго, числился и Булгаринъ. Однако по происхожденію онъ былъ такой же «бѣлой кости», какъ хотя бы Вяземскій. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ говоритъ: «Родился я въ бывшемъ Минскомъ воеводствѣ бывшаго великаго княжества Литовскаго... въ имѣннѣ Перышевѣ, принадлежавшемъ матери моей, урожденной Бучинской (герба Стремя). Годъ моего рожденія (1789) ознаменованъ началомъ переворота, ниспровергнувшаго древнюю французскую монархію» ¹⁾. «Были эпиграммы и сатиры, въ которыхъ изображали меня какимъ-то безроднымъ скитальцемъ! Не могу удержаться отъ смѣха, когда добрые люди играютъ передо мной роль аристократовъ. Пусть же они узнаютъ, что и я принадлежу къ древнему боярскому роду. Сперва были два гнѣзда наши, въ Волковыскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи, и въ Новогрудскомъ воеводствѣ, а теперь Новогрудская линія кончилась на мнѣ. Въ родѣ нашемъ за заслуги были всегда староства, въ послѣднее время староство Яловское... Этого не давали мелкой шляхтѣ! Голубыя ленты, со времени учрежденія Бѣлаго Орла, въ родѣ нашемъ до паденія Польши не переводились» ²⁾.

¹⁾ Воспоминанія. Часть первая, стр. 2—3.

²⁾ Воспоминанія. Часть первая. Поясненія, стр. 307, 308.

Далѣ Булгаринъ шлется на «Гербаръ Польскій» Несѣцкаго, въ изданіи 1839 г. Бобровича, гдѣ на 360 стр. напечатано: *Bułharun. Ten dom starodawny Kuropatnicki w § 11 o familiach rodowitey szlachty Polskiej i W. Ks. Lit. w rzedzie nazwisk umieszcza*».

«Въ метрикѣ Литовской... есть документы нашей фамиліи въ началѣ и первой половинѣ XVI вѣка, доказывающіе, что родъ нашъ былъ боярскій, при дворахъ князей литовскихъ, и владѣлъ потомственно, дѣдично, помѣстьями. Двѣ такія грамоты, 1543 и 1546 годовъ, помѣщены мною въ № 255 «Сѣверной Пчелы», 1843 года, въ доказательство, что всѣ акты въ Литвѣ въ первой половинѣ XVI вѣка писались по-русски, бѣлорусскимъ нарѣчіемъ»¹⁾.

Далѣ Булгаринъ выписываетъ изъ собственной метрики 1831 г.: «*Die 28 junii, anno 1789, ego Casimirus Kaminski Curatus Uzdensis, baptisavi infantem filium, nomine Ioannem Thaddeum et Christophorum, natum 24 ejusdem, ex aqua, parentum Nobilium Magnificorum Dominorum Benedicti Szkanderbek de Princibus Bulgarorum Bułharun*»²⁾.

Мать Булгарина изъ рода Бучинскихъ считаетъ въ числѣ предковъ своихъ знаменитаго канцлера Дмитрія Самозванца, Яна Бучинскаго. Одинъ изъ Булгариныхъ, маршалъ Литовскаго трибунала, навелъ ужасъ на литовскихъ евреевъ, и они предали весь родъ Булгариныхъ хериму³⁾.

Въ «Воспоминаніяхъ» находимъ интересныя признанія Оаддея Венедиктовича:

«Жизнь я прожилъ въ стеклянномъ домѣ, безъ занавѣсей... почти двадцать пять лѣтъ сряду прожилъ я, такъ сказать, все-народно, говоря съ публикою ежедневно о всемъ близкомъ ей... всѣ грамотные люди въ Россіи знаютъ о моемъ существованіи».

«Въ цѣломъ мірѣ, гдѣ только есть литература, тамъ есть литературныя партіи, литературныя вражды, литературная борьба... Пересмотрите «Сѣверный Архивъ» съ 1822 года: тамъ вы найдете начало той борьбы и слѣдствій ея, литературной вражды, которая продолжается до сихъ поръ и перейдетъ за предѣлы моей могилы. Критика на Исторію государства Россійскаго, сочиненіе знаменитаго нашего исторіографа Н. М. Карамзина, не возбудила ненависти въ благородномъ сердцѣ автора, который даже внесъ ссылки на «Сѣверный Архивъ» въ примѣчанія къ своей исторіи; но на каждомъ великомъ мужѣ, какъ на вѣковомъ кедрѣ, гнѣздятся мелкія насѣкомыя, питающіяся его славою, и они подняли пискъ и визгъ противу смѣльчака, дерзнувшаго очищать вѣковой кедръ отъ сухихъ листьевъ и гнилыхъ вѣтвей»⁴⁾.

¹⁾ Ibid., 310.

²⁾ Ibid., 311.

³⁾ Ibid., стр. 324.

⁴⁾ Воспоминанія Оаддея Булгарина. Отрывки изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни. Часть первая. Изданіе М. Д. Ольхина. Спб. 1846 г., стр. VII—XI.

«Всѣ журналы, сколько ихъ ни было въ теченіе 25 лѣтъ (исключая Соревнователя просвѣщенія и благотворенія, который издавался Литературнымъ Обществомъ, и нынѣшней «Библіотеки для Чтенія»), начинали свое поприще, продолжали и кончали его жестокою бранью противъ моихъ литературныхъ произведеній. Всѣ мои сочиненія и изданія были всегда разруганы... Сочиненія мои, благодаря Бога, разошлись по Россіи въ числѣ многихъ тысячъ экземпляровъ, многія изъ нихъ переведены на языки: французскій, нѣмецкій, англійскій, шведскій, итальянскій, польскій и богемскій— и «Сѣверная Пчела» благоденствуетъ».

«Худому вѣрится какъ-то легче, нежели хорошему; а кому какая нужда заглядывать въ стеклянный домъ, въ которомъ я живу! Все это меня нисколько не трогаетъ, и стоитъ взглянуть на меня, чтобъ увѣриться, что желчь во мнѣ имѣетъ самое правильное управленіе, и что я не высохъ съ горя».

«Къ слѣдующимъ томамъ моихъ воспоминаній я приложу снимки съ писемъ ко мнѣ многихъ знаменитостей для доказательства, въ какихъ я находился съ ними сношеніяхъ... Но, чтобъ я хвасталъ или гордился знакомствомъ или связью съ какимъ нибудь, хотя самымъ даровитымъ русскимъ писателемъ, этого не бывало и не будетъ! Въ столкновеніи и въ связи я былъ со всѣми ими, какъ литераторъ и журналистъ, но въ дружбѣ былъ только съ двумя, и то не какъ съ литераторами, а какъ съ людьми— именно съ покойнымъ А. С. Грибоѣдовымъ, бессмертнымъ творцомъ Горя отъ ума, и съ Н. И. Гречемъ... Какъ журналисту, не принадлежавшему ни къ какой партіи, мнѣ даже невозможно было искать дружбы литераторовъ, а что многимъ изъ нихъ я былъ нуженъ, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и ясно по ходу дѣла».

«Въ моемъ Иванѣ Выжигинѣ я изобразилъ только тѣнь прошлаго времени... И за Ивана Выжигина меня чуть не заклевали, и теперь еще иногда щиплютъ, а если бъ я рассказалъ сотую долю того, что знаю, хотя безъ именъ, то пришлось бы или улечься въ могилѣ, или скрыться въ лѣсу. Важнѣйшею защитою злоупотребленій было и есть распространеніе злоупотребителями мнѣнія, что доносить безчестно! А развѣ присяга не обязываетъ насъ къ этому?»¹⁾

VI

Каркнула таки ворона во все воронье горло! Послѣдняя филиппика противъ «злоупотребителей», распространяющихъ «мнѣніе», что «доносить безчестно», рисуетъ тѣ особыя «качества» его, которыя помимо литературной вражды за критику на «Исторію госу-

¹⁾ Воспоминанія. Часть пятая. Спб. 1848 г., стр. 302.

дарства Россійскаго» создали такую своеобразную репутацію творцу «Выжигина».

Карамзина онъ здѣсь величаетъ великимъ мужемъ и знаменитымъ исторіографомъ, но иначе честилъ онъ этого «великаго мужа» въ 20-хъ годахъ въ письмахъ къ польскому историку Лелевелю, автору критики на «Исторію государства Россійскаго», переводъ которой помѣстилъ Булгаринъ въ своемъ «Архивѣ». Подкладка этой литературной исторіи выступаетъ въ письмахъ Булгарина и Сенковскаго къ Лелевелю ¹⁾.

Въ письмѣ отъ 15-го октября 1822 года Булгаринъ проситъ критику на Карамзина, «потому что вся партія въ министерствѣ, которая называется *dominante*, весьма сочувственно смотритъ на выставленіе ошибокъ человѣка, ставящаго себя выше всѣхъ писателей, называющаго Тацита и Фукидида глупцами (?), а грековъ и римлянъ дикими людьми (?)

22 октября 1822 года Булгаринъ проситъ не дарить «гордому исторіографу ни малѣйшей ошибки въ историческихъ фактахъ». «Здѣшняя публика по преимуществу обращаетъ вниманіе на это и жадно ловитъ ошибки человѣка, котораго приверженцы почитаютъ непогрѣшимымъ папой».

«Министерство просвѣщенія и всѣ значительныя лица въ государствѣ давно уже желали и ожидали дѣльной и ученой критики».

8-го декабря 1822 года: «Критика или лучше вступленіе къ критикѣ произвело здѣсь сильный шумъ. Всѣ не могутъ нахвалиться. Имя ваше переходитъ изъ устъ въ уста, у самыхъ высокопоставленныхъ лицъ, какъ Голицынъ, Сперанскій, Оленинъ. Гдѣ я ни покажусь, ко мнѣ обращаются съ вопросами. Нѣсколько фанатичныхъ карамзинистовъ морщатся, Карамзинъ молчитъ, ибо нечего сказать. Я для уврачеванія его раны печатаю въ 24-мъ номерѣ глупѣйшую похвалу ему, взятую изъ нѣмецкихъ газетъ, присланныхъ мнѣ его горячимъ приверженцемъ, а потомъ разобью эти глупости, чтобы очистить отъ пятна мой журналъ».

9-го декабря 1822 года пишетъ Лелевелю Сенковскій «съ цѣлью извѣстить тебя объ успѣхѣ твоей критики въ Петербургѣ».

«Партія автора, т.е. его домашніе друзья, бѣсятся съ досады. Славный поэтъ Жуковский даже плакалъ (?). Самъ авторъ такъ опечалился и пришелъ въ такое худое расположеніе духа, что жена и дочь принуждены были выѣхать на время изъ дома (?)

«Хотя они и бѣсятся, нечего на это обращать вниманія, такъ какъ это люди безъ всякой основательной науки. Рѣдко который изъ нихъ знаетъ по-латыни, и то весьма мало, это поверхностные беллетристы, нѣтъ ни одного, котораго бы можно назвать ученымъ».

¹⁾ «Русская Старина», 1878, т. 22, стр. 638.

3-го января 1823 года Сенковскій пишетъ: «Умоляю тебя, поторопись съ рецензіей, такъ какъ я серьезно опасаясь, чтобы Булгаринъ изъ безпокойства не пустилъ себѣ пулю въ лобъ... Карамзинисты торжествуютъ... Во имя твоей чести, чести Польши, Литвы, Мазовіи, чести насъ, живущихъ въ Петербургѣ, друзей и земляковъ: во имя редакторской чести, славы и кармана Булгарина!»

13-го февраля 1823 года Булгаринъ пишетъ: «Переводилъ (критику Лелевеля) я самъ. Я шести лѣтъ былъ перевезенъ въ Россію, воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ и знаю русскій языкъ лучше польскаго, которому выучился въ польскомъ войскѣ»¹⁾).

«Я на седьмомъ году жизни былъ привезенъ въ Россію. Любовь къ старой Польшѣ и надежда, что край этотъ возстановится, завели меня во Францію, любя все-таки Польшу, comme un être methaphysique qui n'existe que dans l'histoire. Я никогда не полагался на моихъ земляковъ, такъ какъ никто на свѣтѣ не измѣняетъ такъ скоро своихъ убѣжденій, какъ поляки, никто такъ скоро не разрываетъ связей, не отказывается отъ начатаго труда, какъ наши любезные земляки».

21-го апрѣля 1823 года, «какъ трава дождя, какъ жида Мессіа, такъ Булгаринъ ожидаетъ критики (которая такъ и не была написана Лелевелемъ, кромѣ вступленія), падаетъ на колѣни, молить, просить»...

18-го іюня 1825 года Сенковскій такъ аттестуетъ Булгарина Лелевелю: «Онъ (Булгаринъ) весьма честный человекъ; онъ всегда остается полякомъ, и такимъ хочетъ показаться среди русскихъ, что дѣлаетъ ему честь, въ чемъ отдаютъ ему справедливость и русскіе. Одинъ изъ главныхъ его недостатковъ—порокъ, свойственный почти всѣмъ тучнымъ—это несносный эгоизмъ, слѣдствіе тучности. Это—скряга. Таковъ нашъ Фаддей. Я часто ему повторяю, что онъ отвратительный эгоистъ. Ему пріятнѣе всего его отяжелѣлость (ociężałość)».

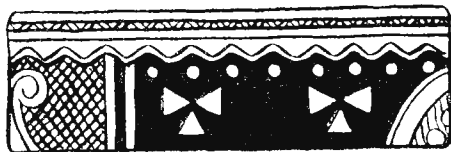
Такимъ образомъ Булгаринъ при самомъ началѣ своей карьеры выступилъ противъ Карамзина, въ угоду особой партіи въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Гоголь, вступивъ въ среду «арзамасцевъ», скоро, конечно, просвѣтился насчетъ личности Булгарина.

¹⁾ 10-го мая 1811 года Булгаринъ выключенъ изъ Ямбургскаго полка «по худой аттестации въ кондуктнхъ спискахъ», но уѣхалъ изъ Россіи съ командиромъ этого полка, генералъ-майоромъ графомъ Викторомъ Осиповичемъ Кенсона (de Quinsonnas) черезъ Варшаву. Этотъ бывшій начальникъ Булгарина, выключеннаго изъ его полка, самъ покинувъ и полкъ, и Россію, доставилъ ему возможность вступить въ польскій легионъ французской службы. А вѣдь онъ зналъ его «кондуктъ» и утверждалъ его. («Русская Старина», 1874. 9. Стр. 777).

Во всякомъ случаѣ мы видимъ, что Гоголь не пуждается въ извиненіи его поступка въ 1829 году, и тѣмъ менѣе можетъ быть обвиненъ за обращеніе къ Булгарину, даже за стихи, содержанія которыхъ мы вѣдь не знаемъ точно. *C'est le ton qui fait la musique!* Весьма возможно, что еще въ Нѣжинѣ Гоголь читалъ произведенія автора «Выжигина» и слышалъ восторженные похвалы его таланту. Ознакомившись съ фактами въ ихъ безпристрастномъ свѣтѣ, мы видимъ этотъ интересный моментъ біографіи Гоголя въ его настоящую величину. Заняться личностью Булгарина, очевидное дѣло, необходимо. Важно выяснить его отношенія къ полякамъ, изучить польскіе источники о немъ, а такъ же положеніе его въ отношеніи партіи *dominante*'ы. Въ самыхъ сочиненіяхъ Булгарина мы найдемъ многіе интересные литературные абрисы и мотивы, несомнѣнно, оказавшіе вліяніе на Гоголя, какъ оказалъ его Нарѣжнѣй, Одоевскій и драматическая литература 1820-хъ годовъ.

Николай Энгельгардтъ.

ИСПАНСКІЙ ИНСУРГЕНТЪ.

(Изъ дѣлъ С.-Петербургскаго сенатскаго архива).

ВЪ АКТАХЪ С.-Петербургскаго сенатскаго архива хранится интересное во многихъ отношеніяхъ дѣло о сынѣ умершаго генерала отъ кавалеріи, Михаилѣ Андреевичѣ Кологривовѣ, въ 1832 г. преданномъ суду, по высочайшему повелѣнію, за вступленіе въ службу испанскихъ инсургентовъ ¹⁾.

Дѣло это достопримѣчательно не только по самому существу своему и по отношенію правительства первыхъ лѣтъ царствованія императора Николая I къ юному вольнодумцу, увлекшемуся революционными идеями за границей. Сопровождавшій Кологривова воспитатель, докторъ правъ Богданъ Ивановичъ Іонъ, именуемый въ сенатскомъ дѣлопроизводствѣ «Джономъ», руководилъ ранѣе образованіемъ А. С. Грибоѣдова и оказалъ, несомнѣнно, замѣтное вліяніе на развитіе будущаго творца «Горя отъ ума». Юристъ по образованію, Іонъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ знатокомъ классическихъ языковъ; подъ его руководствомъ Грибоѣдовъ проходилъ университетскій курсъ, знакомился съ иностранной литературой, сближался съ профессорами. По извѣстіямъ современниковъ, — такъ какъ самъ Іонъ не оставилъ никакихъ записокъ, и

¹⁾ Извлеченіе изъ дѣла о Кологривовѣ было напечатано въ «Русской Мысли» 1901 г., ноябрь. Здѣсь оно помѣщается въ значительно дополненномъ видѣ.

даже письма его, помѣщаемыя ниже, появляются въ печати впервые, — Грибоѣдовъ питалъ сердечную привязанность къ своему бывшему гувернеру. Привязанность эта перешла съ годами въ тѣсную дружбу; отношеніе Іона къ молодому Кологривову за границей объясняетъ, какъ нельзя лучше, почему въ 1818 г., когда Грибоѣдову угрожала дуэль съ Якубовичемъ, поэтъ избралъ своимъ секундантомъ Іона. Стараясь стать другомъ и совѣтникомъ подроставшихъ питомцевъ, Богданъ Ивановичъ вносилъ въ педагогическія занятія истинное увлеченіе, а свойствами своего отзывчиваго и добродушнаго характера не могъ не внушать юношамъ глубокаго уваженія. Попавъ въ бѣду, Кологривовъ весьма заботился о томъ, чтобы его рискованная выходка не отразилась на неповинномъ Богданѣ Ивановичѣ. Исключительныя душевныя свойства воспитателя Грибоѣдова выразились въ дѣлѣ Кологривова съ особенною яркостью, такъ какъ и самыя обстоятельства этого дѣла были необычайными. Симпатичный образъ Іона, съ которымъ Грибоѣдовъ старался свидѣться въ каждый пріѣздъ свой изъ далекой Персіи, обрисовывается въ послѣдующемъ повѣствованіи съ полною выпуклостью и наглядностью.

Принимавшій въ дѣлѣ юнаго Кологривова дѣятельное участіе опекунъ его, Дмитрій Никитичъ Бѣгичевъ, извѣстный въ то время писатель, авторъ «Семейства Холмскихъ», состоялъ адъютантомъ при гуманномъ и образованномъ, по свидѣтельству историковъ, генералѣ Кологривовѣ, отцѣ «испанскаго инсургента»; въ то же время А. С. Грибоѣдовъ, еще будучи военнымъ, былъ прикомандированъ въ Брестъ-Литовскі къ его штабу резервовъ. Родной братъ этого Бѣгичева, Степанъ Никитичъ, какъ извѣстно, былъ ближайшимъ другомъ поэта. Сослуживецъ и хорошій знакомый Грибоѣдова, опекунъ Кологривова, очевидно, также не оставался безучастнымъ къ творчеству автора «Горе отъ ума»; о степени этого участія позволяетъ судить покровительство, оказанное въ Воронежѣ Бѣгичевымъ Кольцову.

Въ сенатскомъ дѣлопроизводствѣ поводы къ преданію суду 18-ти-лѣтняго Михаила Кологривова изложены въ слѣдующей редакціи: «Михаилъ Кологривовъ, состоя подѣ опекою дяди своего, сенатора тайнаго совѣтника Челищева и воронежскаго гражданскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бѣгичева, былъ отправленъ послѣднимъ во Францію, въ сопровожденіи и подѣ надзоромъ своего гувернера, доктора правъ Джона. Во время послѣдовавшей во Франціи революціи, Кологривовъ сталъ принимать въ ней большое участіе, сражаясь въ партіи либераловъ противъ роялистовъ. По полученіи повелѣнія государя императора, чтобы всѣ русскіе, находящіеся во Франціи, возвратились въ свое отечество, Кологривовъ, сказавъ Джону, что такому самовластному повелѣнію могутъ повиноваться одни рабы, вмѣсто вѣрноподдан-

ническаго повиновенія высочайшей волѣ государя императора, обманулъ бдительность Джона и, подѣ предлогомъ поѣздки изъ Парижа въ Версаль, уѣхалъ въ Испанію, оставивъ своему гувернеру письмо, въ которомъ увѣдомлялъ его, что вступилъ поручикомъ въ «священное войско» (cogrs sacré), состоящее подѣ начальствомъ Минье, для возвращенія испанцамъ свободы сіюю оружія».

Шефъ жандармовъ, генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, 3-го февраля 1831 г. сообщилъ объ этомъ запискою комитету министровъ, при чемъ пояснилъ, что государь императоръ, ознакомившись съ представленными имъ копіями съ писемъ молодого Кологривова, «опредѣлившагося въ рать испанскихъ выходцевъ», и съ писемъ гувернера Джона, адресованныхъ чрезъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бѣгичева къ родственникамъ «заблудившагося сего молодого человѣка», — рѣшивъ воспретить ему возвратъ въ Россію, высочайше повелѣтъ соизволилъ ему, Бенкендорфу, истребовать отъ Бѣгичева подлинныя письма Кологривова и Джона.

Въ отвѣтъ на требованіе шефа жандармовъ Бѣгичевъ сообщилъ, что, получивъ отъ Михаила Кологривова письмо съ испанской границы, а также и письмо гувернера Джона, который преслѣдовалъ своего питомца до самой Испаніи, — и, «не имѣя духа сообщить отъ себя эту убійственную вѣсть несчастной матери Кологривова», препроводилъ оба письма въ С.-Петербургъ къ другому опекуну, родному дядѣ Кологривова, сенатору Челищеву. Полученныя затѣмъ новыя письма, копіи которыхъ были представлены его величеству, Бѣгичевъ препроводилъ къ Бенкендорфу, удостовѣривъ при этомъ, что «Джонъ, тщетно истощивъ все мѣры убѣжденія къ отвращенію отъ преступнаго заблужденія сего молодого человѣка, возвратился въ Парижъ, онъ же, Бѣгичевъ, Кологривову не писалъ и отвѣчалъ только на первое письмо Джона, при отправленіи къ нему денегъ. Кологривовъ, коему теперь только 18 лѣтъ отъ роду, съ самаго дѣтства оказывалъ пылкій, своевольный и настойчивый характеръ, а потомъ и вольнодумство. Бѣгичевъ, отправляя его за границу подѣ присмотромъ Джона, умнаго, опытнаго, благомысленнаго человѣка и стараго своего друга, надѣялся, что онъ возвратится въ Россію исправленнымъ и образованнымъ. Заблужденіе его въ особенности поразило добраго Джона, который съ отчаяніемъ увѣдомлялъ о семъ родственниковъ молодого человѣка, ввѣреннаго ему и совратившагося съ пути добродѣтели. Бѣгичевъ, душевно соболѣзнуя о несчастномъ сынѣ благодѣтеля и друга своего, но не имѣя правъ предстательствовать въ пользу его, изъявляетъ при этомъ только надежду, что строгое наказаніе могло бы еще сдѣлать его полезнымъ отечеству человѣкомъ».

Не рѣшаясь въ прямой формѣ выразить шефу жандармовъ просьбу о снисхожденіи къ молодому вольнодумцу, Бѣгичевъ явно

старается оградить отъ возможныхъ нареканій «благомысленнаго Джона», педагогическое воздѣйствіе котораго, конечно, не могло обуздать «пылкій, своевольный и настойчивый характеръ» увлекающагося юноши.

«По всеподданнѣйшему докладу его, Бенкендорфа, — говорится далѣе въ запискѣ, — о семъ государю императору, его императорское величество высочайше повелѣтъ соизволилъ представить эту записку въ комитетъ министровъ съ тѣмъ, чтобы опредѣлено было, какое сдѣлать распоряженіе къ обнародованію законнымъ образомъ поступка Кологривова и къ исключенію его изъ отечества, не нарушая коренныхъ государственныхъ постановленій».

Къ запискѣ были приложены подлинныя письма Кологривова и и Джона и копія письма Бѣгичева къ послѣднему. Приводимъ ихъ полностью, въ переводѣ съ французскаго подлинника.

Первое письмо отъ гувернера Джона изъ Парижа къ Бѣгичеву:

«Милостивый государь! Не нахожу словъ изобразить вамъ горестъ и отчаяніе, причиненныя мнѣ письмомъ Михаила Андреевича, копію съ котораго при семъ прилагаю. Постараюсь вкратцѣ изложить вамъ все дѣло, такъ какъ смущеніе мое и недостатокъ времени не дозволяютъ мнѣ описать вамъ оное подробно, и я вынужденъ, какъ можно скорѣе, отправиться въ Баюнну, чтобы, если удастся, убѣдить Михаила Андреевича перемѣнить свое намѣреніе и пріѣхать въ Парижъ, хотя, зная его упрямый характеръ, я мало надѣюсь успѣть въ моемъ предпріятіи.

«Изъ послѣднихъ писемъ Михаила Андреевича вамъ извѣстно, что онъ не намѣревался возвратиться въ свое отечество, и я самъ совѣтовалъ вамъ оставить его еще нѣсколько времени въ чужихъ краяхъ, съ тѣмъ, однако-жъ, чтобы онъ выѣхалъ изъ Парижа, ибо съ крайнимъ прискорбіемъ началъ я примѣчать, что послѣдняя революція, въ которой обстоятельства принудили его принять дѣятельное участіе, пробудила въ немъ прежнія мечтанія о вольности и независимости, которыхъ никакія увѣщанія мои совершенно истребить не могли.

«Однако-жъ, все шло довольно хорошо. По утрамъ онъ занимался со мною, и я уже надѣялся, что происшествія парижской революціи вскорѣ изгладятся изъ его памяти, но, къ несчастію его, вдругъ получено повелѣніе государя императора, чтобы всѣ русскіе, находящіеся во Франціи, возвратились въ свое отечество. Хотя онъ и скрывалъ негодованіе свое на такое, по его словамъ, самовластное повелѣніе, которому, по мнѣнію его, могутъ повиноваться одни рабы, но рѣшительно объявилъ, что не можетъ жить подъ самодержавнымъ правленіемъ и не намѣренъ никогда возвращаться въ Россію. Я всячески старался отклонить его отъ такого намѣренія и даже писалъ къ нему прилагаемое при семъ

письмо на нѣмецкомъ языкѣ, прося его обдумать свой поступокъ и дать мнѣ благопріятный отвѣтъ. И, дѣйствительно, на другіи день онъ казался спокойнѣе, мы занимались вмѣстѣ, и онъ предложилъ мнѣ въ субботу, 11-го сентября, прогуляться въ окрестностяхъ Парижа и, при семъ случаѣ, захватить въ Версаль къ полковнику Мера, съ которымъ мы познакомились на пути изъ Марсели въ Парижъ, и который часто приглашалъ насъ къ себѣ. Такъ какъ мы многократно предпринимали подобныя поѣздки, то я охотно на это согласился, и мы приготовились къ отъѣзду. Но, къ несчастію, погода переѣнилась, и я, по слабости здоровья, не рѣшился отправиться въ путь. Не взирая на дурную погоду, Михайлъ Андреевичъ не захотѣлъ остаться и поѣхалъ съ однимъ изъ пріятелей своихъ впередъ, сказавъ мнѣ, чтобы я пріѣхалъ въ воскресенье въ Версаль, гдѣ найду его у полковника. Въ этотъ день дождь не переставалъ итти, и я принужденъ былъ остаться дома, надѣясь, что другъ мой возвратится въ понедѣльникъ. Но, обманувшись въ ожиданіи моемъ и получивъ вторичное отъ російскаго посольства предписаніе Михаилу Андреевичу явиться въ канцелярію посольства, я тотчасъ написалъ къ г. Мера, прося его сказать г. Кологривову, чтобы онъ какъ можно скорѣе пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ ожидаютъ его самонужнѣйшія письма. Не получивъ никакого отвѣта ни отъ полковника, ни отъ Михаила Андреевича, я самъ поѣхалъ въ Версаль, гдѣ крайне былъ удивленъ, узнавъ, что онъ вовсе тамъ не былъ. Объятый ужасомъ, я тотчасъ отправился въ Медонъ, С. Клу, Монморанси и объѣхалъ всѣ окрестности Парижа, но не могъ найти его. Я былъ въ ужасномъ страхѣ и въ несказанномъ безпокойствѣ. Наконецъ, я получилъ письмо, писанное изъ Ормана, но отправленное изъ Тура. Вообразите себѣ мое удивленіе и ужасъ при чтеніи письма: я горько плакалъ и думалъ, что умру отъ горести. Мало-по-малу я собралъ силы мои, нашелъ, гдѣ было указано въ письмѣ, ключъ и отперъ письменный столъ, въ который Михайлъ Андреевичъ положилъ письмо къ вамъ, его матери и теткѣ. Изъ нихъ видно, что мало надежды на возвращеніе Михаила Андреевича, но я употреблю всѣ мои усилія и на колѣняхъ буду просить избавить васъ, мать и родныхъ своихъ отъ ужасной горести, а себя отъ всѣхъ бѣдствій, которыя неминуемо должны его постигнуть. Можетъ быть, успѣю, въ противномъ случаѣ—не знаю, что предпринять! Впрочемъ, я не дорожу жизнью; здоровье мое, начинавшее немного поправляться, отъ этого огорченія снова пострадало, съ каждымъ днемъ становится хуже, и жизнь моя, кажется, скоро прекратится. Но да будетъ воля Божія! Я готовъ предстать къ суду его и надѣюсь на Его милосердіе, ибо никогда намѣренно не дѣлалъ зла, а всѣмъ желалъ добра. Такъ какъ поѣздка моя въ Баюнну и, можетъ быть, въ Испанію лишитъ меня послѣднихъ моихъ денегъ,

то я покорнѣйше прошу васъ въ наискорѣйшемъ времени прислать мнѣ изъ капитала моего 6.000 р. ассигнаціями и тѣмъ, хотя на время, избавить меня отъ отчаянія и нищеты, коихъ я непременно сдѣлаюсь жертвою, если, по несчастію, состояніе здоровья моего, разстроеннаго тягостнымъ и долговременнымъ путешествіемъ въ это время года, не дозволитъ мнѣ тотчасъ возвратиться въ любезнѣйшую Россію, которую мнѣ никогда не слѣдовало бы оставлять. Я не въ силахъ писать къ матери Михаила Андреевича, потому что слишкомъ растроганъ, перо дрожитъ въ рукахъ моихъ. Постарайтесь со всевозможною осторожностію сообщить ей и теткѣ эти плачевныя обстоятельства; можетъ быть, я еще успѣю убѣдить молодого человѣка оставить свое пагубное и безразсудное предпріятіе. Боясь отправить письма мои по обыкновенной почтѣ, я послалъ ихъ къ брату моему, который доставитъ ихъ вамъ при вѣрномъ случаѣ. Сдѣлайте одолженіе, отвѣтите мнѣ съ первымъ курьеромъ и приложите письмо къ Михаилу Андреевичу, представьте ему въ строгихъ выраженіяхъ всѣ непріятныя послѣдствія его поведенія, можетъ быть, онъ воспользуется вашими совѣтами. Письма ко мнѣ адресуйте, какъ и прежде: rue Mazarin, hôtel de passage du Pont-Neuf, № 44. Ежели я буду еще въ Баіоннѣ, то мнѣ доставятъ ихъ туда. Я не объявлялъ о семъ посольству, и, когда будутъ спрашивать въ нашей квартирѣ, то скажутъ, что мы уѣхали, потому что мнѣ хотѣлось бы, чтобы это оставалось въ тайнѣ и не дошло до свѣдѣнія государя императора. Постарайтесь такжѣ со своей стороны, чтобы слухъ объ этомъ не распространился въ Москвѣ, можетъ быть, я успѣю все это передѣлать. Тотчасъ, по приѣздѣ моемъ въ Баіонну, я напишу къ вамъ; но, Бога ради, немедленно пришлите требуемыя мною деньги, ибо иначе я погибну въ этой негостепріимной странѣ, такъ что не на что будетъ схоронить меня. Что касается до нашихъ счетовъ, то я надѣюсь вскорѣ привезти вамъ ихъ, если Богу угодно будетъ сохранить жизнь мою. Я записывалъ всѣ расходы, и, сличая мои расходныя книги съ приходомъ, вы усмотрите, что ничего не было упущено мною для содержанія ихъ въ порядкѣ.

«Всемогущій да утѣшитъ скорбящую мать и благословитъ ее счастьемъ прочихъ дѣтей. Вы справедливо повторяли Михаилу Андреевичу: *qui n'a pas l'esprit de son age en a le malheur*, мы видимъ въ немъ горестное доказательство сей истины. Что касается до меня, то я возлагаю упованіе мое на Провидѣніе Божіе и молю Его: «Отче, обаче возможно, да мимо идетъ чаша сія!»

«Поручая себя вашему благорасположенію, съ истиннымъ почтеніемъ и пр. Б. Джонъ. Парижъ, сентябрь 1830 г.»

«Второй документъ — письмо молодого Кологривова къ Джону изъ Ормана, повергнувшее въ такой ужасъ довѣрчиваго воспитателя:

«Любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ! Когда вы получите это письмо, я буду не въ Версали, какъ вы полагаете, но, вѣроятно, въ Баіоннѣ, такъ какъ я поступилъ поручикомъ въ состоящее подъ начальствомъ Минье «священное войско» (cogrs sacré) для возвращенія испанцамъ свободы силою оружія. Мнѣ больно было оставить васъ, не простившись съ вами, но мысль, что вы сдѣлали бы все возможное, чтобы отклонить меня отъ исполненія предпріятія моего, заставила меня скрыть его отъ васъ, ибо клянусь вамъ всѣмъ, что есть святого, что никто: ни мать моя, ни родственники, ни даже самый Богъ, не могли бы убѣдить меня оставить мое намѣреніе. Слишкомъ нѣжная привязанность и дружба ваша ко мнѣ побудили бы, можетъ быть, васъ прибѣгнуть къ помощи посольства; но даю честное слово (вамъ извѣстенъ мой характеръ), что я скорѣе умертвилъ бы себя, нежели оставилъ бы свое предпріятіе. Я обдумалъ то, что теперь дѣлаю. Знаю, что могу лишиться имѣнія своего въ Россіи, что всѣ родственники будутъ осуждать мой поступокъ. Несмотря на это, я не колеблюсь, потому что не хочу возвратиться нынѣ въ Россію, къ чему меня принудило бы полученное въ Парижѣ повелѣніе государя императора. Теперь прошу васъ не слишкомъ печалиться и беречь свое здоровье, чтобы, черезъ годъ когда, все будетъ благополучно окончено, я нашелъ васъ довольнымъ и счастливымъ. Можетъ случиться (хотя срокъ контракта нашего кончился, и отъ меня зависѣло—остаться съ вами или нѣтъ), что по глупости и злобѣ васъ станутъ упрекать въ моемъ поступкѣ,—и потому я пишу въ одно время къ матушкѣ и г. Бѣгичеву, что вы совершенно невинны, что вы всегда служили мнѣ отцомъ и наставляли меня на путь истинный. Желая доказать вамъ признательность мою за ваши обо мнѣ попеченія, я прошу г. Бѣгичева заплатить вамъ (сверхъ жалованья вашего) 10 тысячъ рублей, чтобы заставить васъ нѣкоторымъ образомъ забыть тѣ безпокойства, которыя я вамъ причинилъ. Оставляю вамъ всѣ свои вещи; дѣлайте съ ними, что хотите. Вы найдете ключъ подъ портретомъ генерала Фуа. Не плачьте, напротивъ того, пожелайте мнѣ счастья на новомъ моемъ поприщѣ. Желаніе мое исполнено, одна мысль, что я свободенъ и независимъ, сдѣлала меня другимъ человѣкомъ.

«Прощайте! кланяйтесь вашему братцу. Примите еще разъ мою благодарность за вашу ко мнѣ дружбу, я буду писать къ вамъ изъ Баіонны. Прощайте, другъ вашъ до гроба Михаилъ Кологривовъ. Орманъ, 14 сентября 1830 года».

Къ опекуну своему, Бѣгичеву, Кологривовъ тогда же набросалъ слѣдующую краткую записку, изложенную съ чисто дѣловою сухостью,—вслѣдствіе ли сдержанныхъ отношеній между опекуномъ и опекаемымъ, или, быть можетъ, чтобы придать запискѣ значеніе формальнаго акта:

«Отъѣзжая сражаться въ Испаніи и не будучи увѣренъ въ моемъ возвращеніи, на всякій случай объявляю, что г. Джонъ невиненъ, и что онъ совершенно ничего не зналъ о моемъ отъѣздѣ. Въ то же время прошу г. Бѣгичева исполнить двѣ просьбы мои: 1) я желаю, чтобы было заплачено г. Джону, кромѣ его годового жалованья, еще 10 тысячъ рублей, и 2) чтобы выдано было теткѣ моей, Чебышевой, 50 тысячъ рублей».

Къ матери своей Кологривовъ написалъ слѣдующія задорныя строки:

«Любезная матушка! Вы узнаете отъ г. Бѣгичева о новомъ моемъ поступкѣ. Бывъ увѣренъ, что вы будете осуждать образъ моихъ мыслей, скажу вамъ только, что я врагъ самовластиа и насилія и готовъ жертвовать жизнью и пролить послѣднюю каплю крови за свободу. Послѣдняя революція еще болѣе утвердила меня въ моихъ мнѣніяхъ, въ моей ненависти къ тиранамъ. Бывъ дѣятельнымъ участникомъ въ послѣдней французской революціи, сражавшись противъ роялистовъ или, лучше сказать, противъ рабовъ, подвергавъ многократно жизнь свою опасности, я почувствовалъ болѣе, нежели когда либо, всю цѣну свободы, и мнѣ уже было невозможно исполнить повелѣніе государя возвратиться въ Россію. Не думайте, чтобы г. Джонъ внушалъ мнѣ подобный образъ мыслей. Напротивъ того, онъ всегда оспаривалъ мое мнѣніе. Теперь остается мнѣ сказать вамъ одно слово: не забудьте, что вы мнѣ мать; впрочемъ, предаю себя въ руки Божіи. Поцѣлуйте за меня моихъ братьевъ и сестрицъ, и не забывайте вашего сына, Михаила Кологривова».

Та же заботливость объ участи воспитателя, неповиннаго въ увлеченіи юноши носившимися тогда въ воздухѣ Франціи революціонными идеями, внушила ему слѣдующее письмо къ теткѣ, написанное въ подлинникѣ по-русски:

«Почтенная и любезная тетенька! Вы уже, вѣрно, слышали отъ Дмитрія Никитьевича, что я вступилъ въ службу поручикомъ въ испанскій полкъ. Мнѣ очень было грустно васъ такъ оставить, но я надѣюсь васъ скоро увидѣть, только что кончится война. Богданъ Ивановичъ—мой истинный другъ, любите его, онъ не виновать въ томъ, что я уѣхалъ въ Испанію, онъ самъ не зналъ ничего, я ему не сказалъ ни слова. Вѣрьте, что я васъ вѣчно любить и почитать буду, пишите ко мнѣ, адресъ къ Дмитрію Никитьевичу; вѣчно любящій васъ Михаилъ Кологривовъ. Сентябрь, 1830 г.».

Шестой документъ, приложенный къ запискѣ Бенкендорфа,— письмо на французскомъ языкѣ молодого Кологривова къ брату:

«Любезнѣйшій и почтеннѣйшій братецъ! Вамъ извѣстны политическія мои мнѣнія. Вы знаете, что я болѣе всего ненавижу самовластіе и не могу жить подъ деспотическимъ правленіемъ,—

итакъ, мнѣ весьма прискорбно огорчить васъ извѣстіемъ, что я вступилъ поручикомъ въ корпусъ генерала Минье, для возвращенія испанцамъ свободы силою оружія. Бывъ свидѣтелемъ послѣдней революціи и лично участвовавъ въ оной, я убѣдился болѣе, чѣмъ когда либо, что мнѣ невозможно въ теперешнихъ обстоятельствахъ исполнить повелѣніе императора возвратиться въ Россію вмѣстѣ со всѣми находящимися въ Парижѣ російскими подданными. Я уѣхалъ, не сказавъ ни слова г. Джону (онъ не подозрѣвалъ моего намѣренія), я сказалъ ему, что ѣду въ Версаль на два дня, онъ по болѣзни не могъ слѣдовать за мною. Онъ былъ лучшимъ моимъ другомъ, и я былъ бы въ сокрушеніи, если бы его стали упрекать въ чемъ либо касательно меня. Я увѣренъ, что вы сами убѣдитесь въ его непричастности, ибо онъ употреблялъ всѣ силы, чтобы убѣдить меня возвратиться въ Россію и вступить тамъ въ службу. Итакъ, прошу васъ, можетъ быть, въ послѣдній разъ въ моей жизни, вручить ему (сверхъ жалованья и условленнаго) 10 тысячъ рублей изъ моего имѣнія. Я надѣюсь, что никто не воспротивится моему желанію. Я зрѣло обдумалъ свой поступокъ, могу лишиться своего имѣнія, но лучше соглашусь бѣдствовать, даже умереть, чѣмъ жить въ рабствѣ. Еще одна просьба, дражайшій и единственный другъ! Я бы весьма желалъ отказать тетущкѣ Марьѣ Семеновнѣ 50 тыс. рублей: она знаетъ, какъ ихъ употребить, а мнѣ деньги не нужны. Вы были другомъ моему отцу, вы будете и моимъ другомъ, я не недостойнъ этого. Вѣрю вамъ мое имѣніе и надѣюсь, что вы исполните мое желаніе. Вы скоро получите отъ меня извѣстіе, пишите и вы, единственный другъ мой! Къ вамъ однимъ имѣю я довѣріе. Прощайте, вашъ другъ до гроба, Михаилъ Кологривовъ. Сентябрь 1830 г.»

Опекунъ Кологривова, Бѣгичевъ, отвѣтилъ Джону слѣдующимъ письмомъ:

«Почтеннѣйшій другъ, Богданъ Ивановичъ! Вы можете вообразить, до какой степени поразило и огорчило меня письмо ваше; итакъ, бесполезны были всѣ наши взаимныя благонамѣренныя усилія. Мы не могли спасти молодого человѣка отъ гибели, въ которую низвергнуть онъ упорнымъ характеромъ, воспаленнымъ воображеніемъ и буйными страстями своими,—что дѣлать! Въ утѣшеніе наше остается внутреннее убѣжденіе совѣсти, мы дѣлали и истощили всѣ средства, внушенные здравымъ разсудкомъ и добродетельствомъ къ нему. Признаюсь вамъ, легче бы было узнать о смерти его, чѣмъ о столь безразсудномъ, предосудительномъ и даже, можно сказать, гнусномъ поступкѣ, который не только покрылъ его вѣчнымъ посрамленіемъ, но можетъ имѣть пагубныя послѣдствія для всего семейства его. Что будетъ съ несчастною матерью? Я не имѣлъ духу писать къ ней, послалъ его и ваше письма къ дядѣ его, Н. А. Челищеву, сообщая ему мнѣніе

мое, что единственное, и то, кажется, не весьма благонадежное средство состоитъ въ томъ, чтобы онъ, какъ ближайшій родственникъ его и опекунъ, просилъ чрезъ министра иностранныхъ дѣлъ французское правительство о выдачѣ его и возвращеніи въ Россію, какъ мальчика, который не имѣетъ права располагать собою, находясь въ опекѣ. Изъ письма вашего видно, до какой степени вы огорчены. Но не предавайтесь, любезный другъ, отчаянію,—еще повторяю, ваша совѣсть ни въ чемъ васъ упрекнуть не можетъ, не вы вовлекли его въ погибель, напротивъ—старались спасти его. Возвратитесь въ Россію, приѣзжайте прямо ко мнѣ въ Воронежъ, вы найдете человѣка, который васъ уважаетъ и знаетъ вамъ цѣну. Посылаю вамъ двѣ тысячи рублей, болѣе никакъ не могъ собрать по теперешнимъ обстоятельствамъ, но, я думаю, этого достаточно будетъ для возвращенія вашего; сверхъ того, продайте коляску и эти деньги употребите на вашъ проѣздъ. Не могу болѣе писать, насилу удерживаю слезы, вспоминая о несчастномъ молодомъ человѣкѣ и о семействѣ его. Будьте здоровы. 14 ноября 1830 г.».

Слѣдующія два письма переведены съ нѣмецкаго языка. Первое изъ нихъ — отъ молодого Кологривова къ гувернеру Джону изъ Монтобана:

«Любезнѣйшій другъ! Прошу васъ заплатить полковнику 200 франковъ, которыми онъ, по благосклонности своей, одолжилъ меня. Я все еще въ самомъ затруднительномъ положеніи. Если вамъ возможно будетъ, пришлите мнѣ съ полковникомъ денегъ, я въ нихъ очень нуждаюсь. Пишите ко мнѣ въ Буржесъ съ тяжелою почтою и какъ можно скорѣе. Пришлите мнѣ также въ сундучкѣ мой плащъ, нѣсколько рубашекъ, книгъ и пр., и адресуйте въ Буржесъ. Прошу васъ, пришлите мнѣ съ полковникомъ сколько возможно болѣе денегъ. Прощайте, и не забудьте вѣчнаго вашего друга, Михаила Кологривова. Монтобанъ, 22 ноября 1830 г.».

Двухмѣсячныя мытарства съ испанскими инсургентами, повидимому, уже развѣяли многія иллюзіи впечатлительнаго юноши. Недавно еще писавшій, что ему не нужны деньги, что даже всѣ вещи свои онъ предоставляетъ Іону, Кологривовъ настоятельно обращается за денежною помощію къ злополучному воспитателю, терпѣвшему тогда крайнюю нужду на чужбинѣ. Въ какомъ положеніи оказался самъ «благомысленный Джонъ», показываетъ слѣдующее второе письмо его къ Бѣгичеву:

«Высокопочтенный г. статскій совѣтникъ! Наконецъ, я по двухмѣсячномъ отсутствіи опять сюда приѣхалъ, пролежавъ въ Бордо три недѣли больнымъ, а именно оттого, что опрокинутъ былъ съ каретою, при чемъ я легко могъ бы переломить ребра и лѣвую ногу. Благодаря Бога, я отдѣлался сильною контузіей и чувствую только боль въ лѣвомъ сухожиліи, позади ножной лодыжки. Когда

я вамъ писалъ изъ По (Peau), то я за нашимъ легкомысленнымъ юношею все слѣдовалъ въ недалекомъ разстояніи, такъ что онъ и не чаялъ, чтобы я былъ близко отъ него. Предпріятіе такъ называемаго «священнаго легіона» (légion sacrée) было совершенно неудачно, и большое число изъ участвовавшихъ въ ономъ сдѣлались жертвами. Счастье для нашего друга, что французское правительство велѣло у генерала Виго конфисковать 500 ружей, 35.000 патроновъ, мундиры и проч., ибо чрезъ то состоявшему изъ 600 человекъ отряду его невозможно было вступить въ Испанію, и онъ ничего не претерпѣлъ. Онъ нынѣ получилъ приказаніе отступить къ Буржесу, около 200 верстъ отсюда, и тамъ ожидать дальнѣйшихъ приказаній французскаго правительства, отнюдь не благопріятствующаго предпріятію испанскихъ выходцевъ.

«Я вчера получилъ отъ Михаила Андреевича приложенное при семъ письмо черезъ полковника Борзо, который мнѣ сказалъ, что другъ нашъ здоровъ и опредѣленъ при главномъ штабѣ. Онъ пишетъ мнѣ въ другомъ письмѣ, которое я здѣсь нашелъ, что, несмотря на все несчастье, экспедиціею отъ измѣны претерпѣнное, онъ въ своемъ предпріятіи не раскаивается, и что вѣчнымъ девизомъ его будетъ: свобода или смерть! Онъ проситъ меня отписать къ его матери и родственникамъ, что онъ никогда съ ними не жилъ въ согласіи, и что теперь настало для него время доказать, справедливо ли онъ поступилъ, или нѣтъ. Что подѣлаешь съ такою головою! Я ему чрезъ полковника отвѣтилъ, что я не въ состояніи исполнить его желанія, находясь самъ въ крайней нуждѣ и занявъ вчера 5 франковъ, чтобы только что нибудь перекусить, потому что изъ Россіи я еще не получалъ денегъ, а драгоцѣнности мои я долженъ былъ заложить въ Бордо, чтобы заплатить доктору и за лѣкарство, но какъ скоро деньги, о которыхъ я такъ убѣдительно просилъ, будутъ присланы, то я ему тотчасъ перешлю нужное. Впрочемъ, нимало не удивительно, что ему ничего не присылаютъ, ибо онъ самъ писалъ, что ему деньги не нужны. Мнѣ очень любопытно, что онъ отвѣтитъ; я все еще надѣюсь вывезти его, хоть и не въ Россію, такъ какъ онъ ненавидитъ свое отечество, по крайней мѣрѣ, изъ Франціи, гдѣ проклятая революція совершенно вскружила ему голову. Я радуюсь лишь тому, что онъ еще живъ и довольно здоровъ. Когда я ему въ По (Peau) вручилъ послѣднее письмо матери его, въ которомъ она ему пишетъ, «что также и брата ея, Николая Ал., есть желаніе, чтобы онъ тотчасъ возвратился въ Россію», то онъ мнѣ оное возвратилъ съ такими словами: «видно, матушка нашла настоящій способъ убѣдить меня къ возвращенію въ Россію, приводя мнѣ на память того человѣка, котораго я изо всѣхъ моихъ родственниковъ наиболѣе ненавижу, ибо я никогда не прощу ему произнесенныхъ имъ словъ въ часъ смерти моего отца». Онъ разсказалъ мнѣ о случившемся, и я долженъ признаться, что эти слова,

имъ мнѣ повторенныя, долженствовали глубокое на его сердце сдѣлать впечатлѣніе.

«Однакожъ, спѣшу окончить письмо мое, и желаю только, чтобы вы съ любезнымъ семействомъ вашимъ были здоровы, ибо по здѣшнимъ ужаснымъ описаніямъ объ опустошеніяхъ, производимыхъ холерою, я за васъ въ величайшемъ безпокойствѣ. Надѣюсь, что вы меня письмомъ своимъ вскорѣ избавите отъ моей скорби и нужды, ибо здѣсь, не имѣя никого, кто бы мнѣ помогъ, я въ короткое время подвергся бы величайшему бѣдствію. Меня приводитъ въ отчаяніе одно предположеніе, что, быть можетъ, до васъ не дошли мои письма, въ которыхъ я васъ, ради Бога, просилъ съ обратною почтою прислать мнѣ денегъ.

«Сдѣлайте милость, сообщите доставленныя вамъ о Михаилѣ Андреевичѣ извѣстія матери его; я истинно не въ состояніи самъ писать къ ней,—при каждомъ мною написанномъ словѣ глаза мои наполняются слезами, и я, какъ старая баба, плачу. Надѣюсь, однако, успокоиться, и какъ только я отъ васъ получу письмо и узнаю, какъ она перенесетъ настоящее сообщеніе, то я тотчасъ буду отвѣчать. Иногда я желаю, чтобы Богъ меня прибралъ съ сего свѣта, ибо для меня уже нѣтъ ни надежды, ни отрады. Сдѣлайте милость, напишите мнѣ, какъ можно скорѣе, напишите также къ Михаилу Андреевичу. Онъ васъ любитъ и, можетъ быть, послушается вашихъ наставленій. Адресъ мой все тотъ же: rue Mazarin, passage, l'hôtel du Pont-Neuf, № 44, à Mons. Bodda John. Прощайте, помогите и посовѣтуйте вашему печальному и несчастному Б. Джону».

Въ приведенныхъ выше девяти документахъ, сопровождавшихъ записку генераль-адъютанта Бенкендорфа, не многими, но весьма определенными чертами обрисованы всѣ дѣйствующія лица этого романтическаго эпизода изъ борьбы «отцовъ и дѣтей» въ первой четверти XIX вѣка. Едва вышедшій изъ дѣтства, задорный и заносчивый «испанскій инсургентъ» россійскаго происхожденія безотчетно повторяетъ ходячія фразы, пущенныя въ обращеніе вольнодумцами конца предшествовавшаго вѣка. Не ладя съ «отсталыми», на его взглядъ, родственниками, онъ не упускаетъ случая порисоваться передъ ними рѣзкостью и крайностью своихъ «убѣжденій». Порывы врожденнаго великодушія придаютъ этому юношескому задору нѣсколько сентиментальный оттѣнокъ, какъ нельзя болѣе соответствующій времени зарожденія романтизма. Беллетристу, который вздумалъ бы взять этотъ эпизодъ въ основу романическаго повѣствованія, не пришлось бы приложить почти никакого труда къ тому, чтобы расцвѣтить вытканные самою дѣйствительностью вычурные узоры. Загадочный намекъ на употребленіе, которое должна была сдѣлать тетка Кологривова изъ отказанныхъ ей 50-ти тысячъ, позволяетъ предполагать, что тутъ была замѣшана и тайная сердечная привязанность.

Иного рода и, быть можетъ, болѣе существенный интересъ представляетъ все дальнѣйшее судопроизводство, вызванное запискою Бенкендорфа,—въ особенности, мотивированныя мнѣнія сенаторовъ, сохранившіяся въ сенатскомъ архивѣ, равно какъ и неожиданная, точно созданная вымысломъ романиста развязка всего дѣла о юномъ «испанскомъ инсургентѣ».

II.

Управлявшій въ то время министерствомъ юстиціи, Дмитрій Васильевичъ Дашковъ, препроводилъ записку Бенкендорфа и приложенныя къ ней письма въ 1-й департаментъ сената, предложивъ на основаніи высочайшаго повелѣнія предать Михаила Кологривова законному суду. Сенатъ, въ свою очередь, предписалъ петербургской уголовной палатѣ разобрать дѣло внѣ очереди и представить затѣмъ приговоръ на разсмотрѣніе 5-го департамента сената. Воронежскому же губернатору и опекуну Кологривова, Бѣгичеву, было приказано распорядиться, чтобы Кологривовъ, впредь до рѣшенія дѣла, не могъ воспользоваться ни принадлежащею ему по наслѣдству частью имѣнія, ни доходами съ нея; кромѣ того, Бѣгичеву было запрещено посылать ему какія либо деньги.

Пока юноша былъ предоставленъ, такимъ образомъ, суровому воздѣйствію нужды на чужбинѣ, дѣло о немъ пошло по инстанціямъ. Первая изъ нихъ, 2-й департаментъ надворнаго суда, выразила слѣдующее мнѣніе:

«Слѣдовало бы спросить сперва Кологривова, признаетъ ли онъ письма эти за свои, и безъ сего не приступать къ рѣшенію дѣла; но, какъ Кологривова вызвать отъ мятежниковъ къ суду невозможно, да и высочайшимъ его императорскаго величества повелѣніемъ велѣно не впускать его въ предѣлы имперіи, то надворный судъ нашелъ, что за совершенныя Кологривовымъ преступленія слѣдовало бы его повѣсить; но, какъ тѣлесное наказаніе и смертная казнь до дворянина не касаются, то выставить имя и фамилію его на доскахъ въ обѣихъ столицахъ съ помѣщеніемъ гнуснаго его поступка, а письма его сжечь. Когда же онъ, Михаилъ Кологривовъ, осмѣлится явиться на границы Россіи, то, лиша его дворянскаго достоинства, сослать въ каторжную работу; слѣдующее на его часть наслѣдственное движимое и недвижимое имѣніе отдать нынѣ же законнымъ наслѣдникамъ».

Принявъ во вниманіе эту резолюцію, с.-петербургская палата уголовного суда слѣдующимъ образомъ мотивировала свой приговоръ, не упоминая о юномъ возрастѣ караемаго:

«Имѣя въ виду, что Михаилъ Кологривовъ неисполненіемъ высочайшаго его императорскаго величества повелѣнія о возвращеніи его въ Россію, участіемъ въ послѣдней французской революціи,

вступленіемъ въ службу испанскихъ мятежниковъ и, наконецъ, противозаконною волею, выраженною въ письмахъ своихъ, противъ самодержавной власти, Богомъ ниспосланной для благоденствія Россіи, содѣлался явнымъ преступникомъ до того, что, забывъ священный долгъ вѣрноподданнической присяги, на самомъ дѣлѣ измѣнилъ всемилостивѣйшему государю императору своему и отечеству, 7 апрѣля 1831 года опредѣлила:

«1) лишить его, Михаила Кологривова, дворянскаго достоинства и всѣхъ сопряженныхъ съ нимъ преимуществъ, и хотя бы слѣдовало его нынѣ же сослать въ каторжную работу вѣчно, но, какъ онъ находится за границую, и возвращеніе его въ имперію высочайше ему воспрещено, то таковой омерзительный измѣнническій его поступокъ обнародовать повсемѣстно установленнымъ порядкомъ;

«2) все принадлежащее ему, Михаилу Кологривову, имѣніе отдать законнымъ его наслѣдникамъ, воспретивъ имъ имѣть съ нимъ, какъ съ изверженнымъ изъ среды вѣрноподданныхъ, всякое сношеніе и оказывать ему какое либо пособіе, подъ опасеніемъ неизбежнаго взысканія по законамъ».

Петербургскій гражданскій губернаторъ Храповицкій, представившій дѣло въ правительствующій сенатъ, согласился съ такимъ рѣшеніемъ уголовной палаты.

Въ сенатѣ, однако, гдѣ дѣло это докладывалось въ первомъ отдѣленіи 5-го департамента, 19-го мая 1831 г., немедленно же обнаружилось разногласіе, какъ только сенаторы, не ограничиваясь формальнымъ подведеніемъ вины Михаила Кологривова подъ законы, приступили къ обсужденію исключительныхъ обстоятельствъ незауряднаго дѣла.

Въ окончательномъ видѣ мнѣнія сенаторовъ разбились на слѣдующія, занесенныя въ постановленіе, группы:

Три сенатора (П. К. Меркуловъ, В. Ф. Мертенсъ, П. А. Баратынскій), находя приговоръ палаты уголовного суда правильнымъ и съ законами сообразнымъ, полагаютъ: утвердивъ оный, о лишеніи Михаила Кологривова дворянства поднести его императорскому величеству всеподданнѣйшій докладъ.

Два сенатора (С. С. Уваровъ, графъ Ф. А. Толстой) отмѣтили въ своемъ мнѣніи данныя, смягчающія вину Кологривова: «Приговоръ уголовной палаты основанъ на томъ положеніи, что Михаилъ Кологривовъ есть государственный измѣнникъ, и къ сему положенію приведены всѣ законы объ измѣнѣ и оскорбленіи величества. 127, 135, 137 пункты воинскаго устава гласятъ несомнѣнно объ измѣнѣ, о дѣйствіяхъ, могущихъ произвести бунтъ и возмущеніе. 26 пунктъ онаго же устава, 2 пунктъ 5 книги морскаго и указъ 1727 года генваря 20-го опредѣляютъ степень казни за выраженія противъ персоны его величества и высокой фамиліи. Но 6-я статья высочайше жалованной дворянству грамоты постано-

вляеть уже различіе между нарушеніемъ клятвы и измѣной. Въ дѣлѣ Кологривова видимъ мы слабоумнаго, политическими мечтами развращеннаго юношу, находящагося подъ властью опекуновъ, ими отправленнаго въ чужіе края, не повиновавшагося высочайшей волѣ объ отъѣздѣ русскихъ изъ Парижа, увлеченнаго въ толпу испанскихъ выходцевъ, писавшаго къ ближайшимъ родственникамъ, къ матери, къ опекуну нелѣпныя свои сужденія насчетъ самовластія и тиранства, но не произносившаго нигдѣ священнаго имени августѣйшаго монарха или его высокаго дома. Кологривовъ, будучи еще подъ опекою, слѣдовательно, не пользующійся полною гражданскихъ правъ, могъ увлекаться событіями, заразиться политическимъ развратомъ, предаваться мечтамъ ложнымъ, свойственнымъ его неопытности и слабоумію, и онъ все сіе, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ; но, по собственному порядку вещей, онъ не могъ измѣнить государю и отечеству, замышлять противъ нихъ, вызывать къ возмущенію вѣрноподанныхъ соотечественниковъ. Кологривовъ остановился, или былъ остановленъ силою вещей, на первой степени преступленія. Къ тому, если бы собрать въ одно всѣ обстоятельства, предъидущія его побѣгу изъ Парижа, уважить можно, что сей юноша (коему и теперь 18 лѣтъ отъ роду) оказывалъ, по словамъ опекуна, съ дѣтства пылкій, своевольный и настойчивый характеръ и вольнодумство, и что сей самый опекунъ для исправленія его отправилъ его въ Парижъ подъ руководствомъ иностранца, коего образъ мыслей не представляетъ правительству никакого за себя ручательства, тѣмъ болѣе, что сей послѣдній совѣтовалъ опекунамъ оставить Кологривова еще на нѣсколько времени въ чужихъ краяхъ, тогда какъ Кологривовъ принялъ уже, по словамъ наставника, дѣятельное участіе въ послѣдней революціи,—то нельзя не увидѣть въ Кологривовѣ одну изъ тѣхъ несчастныхъ жертвъ дурнаго воспитанія, всегда проистекающаго отъ незнанія отечества и легкомысленнаго преарѣнія къ всему святому и высокому, одно изъ тѣхъ печальныхъ явленій нашего вѣка, ничѣмъ не оправдаемыхъ, но коихъ постигнуть не трудно, по стеченію дурнаго воспитанія съ дурными навыками и съ неосторожностью тѣхъ, которые поставляютъ незрѣлаго, неопытнаго юношу посреди всѣхъ обольщеній и всѣхъ опасностей, отъ коихъ произошла и самая гибель его. Законы непреклонны—и если Кологривова можно признать за измѣнника, то законы въ приговорѣ уголовной палаты приведены правильно, но онъ не измѣнилъ, потому что не могъ измѣнить. Въ семъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, первая обязанность криминальнаго судилища состоитъ въ томъ, чтобы принимать выраженія въ буквальномъ и точнѣйшемъ ихъ значеніи. Кологривовъ не повиновался высочайшей волѣ; онъ участвовалъ въ происшествіяхъ, не одобряемыхъ правительствомъ; онъ не нарушилъ вѣрноподданнической клятвы (ибо сей

священный обрядъ, по несовершеннолѣтїю, имъ, вѣроятно, совершенъ не былъ, а въ службѣ онъ не находился),—но онъ не исполнилъ обязанности благомыслящаго гражданина; онъ не внялъ гласу монарха, внушенїямъ здраваго разсудка, онъ поступилъ, какъ безумный, и, какъ безумный, долженъ быть наказанъ. Лишеніе гражданскихъ правъ и свободы, оставленіе его имѣнія подъ опекою, отъ правительства вновь учрежденною, продолжительное содержаніе его въ одной изъ крѣпостей нашихъ, будутъ для него наказаніе, сообразное съ его преступленіемъ и съ нисходительнымъ духомъ нашего законодательства, относительно преступленій, учиненныхъ до совершеннолѣтїа (указъ 1766 года, мая 2-го), но сіе наказаніе не лишитъ его возможности загладить когда либо размышленіемъ и раскаяніемъ заблужденіе и мечты ранней юности и сдѣлаться, можетъ быть, достойнымъ милосердіа августѣйшаго монарха, всегда неисчерпаемаго — гласящаго, гдѣ законы безмолвствуютъ, — милующаго, гдѣ они поражаютъ».

Изложенныя своеобразнымъ слогомъ педагогическія воззрѣнія С. С. Уварова побудили насъ привести цѣликомъ это мнѣніе, нѣсколько смягчающее приговоръ уголовной палаты: вѣчная ссылка въ каторжную работу замѣнена продолжительнымъ заключеніемъ въ крѣпости, отчужденіе имѣнія въ пользу наследниковъ — временнымъ отобраніемъ въ правительственную опеку, до того времени, когда виновный юноша удостоится помилованія.

Шестой сенаторъ, князь В. С. Трубецкой, выказалъ еще большую снисходительность. Онъ указалъ, во-первыхъ, что при дѣлѣ нѣтъ выписки изъ метрическихъ книгъ о рожденіи и крещеніи Михаила Кологривова. Такимъ образомъ, не установлено, достигъ ли онъ 17-ти-лѣтняго возраста во время Іюльской революціи и въ сентябрѣ 1830 года, когда онъ присоединился къ испанскимъ мятежникамъ. Между тѣмъ отъ установленія этого обстоятельства зависитъ, судить ли его, какъ несовершеннолѣтняго, или судомъ уголовнымъ. Кромѣ того, по мнѣнію князя Трубецкого, уголовная палата неосновательно примѣнила къ преступленію Кологривова законы, карающіе за государственную измѣну и бунтъ. «Въ буйныхъ выраженїяхъ собственноручныхъ Кологривова писемъ» и онъ усмотрѣлъ оскорбленіе величества, «неповиновеніе же высочайшей волѣ объ отъѣздѣ русскихъ изъ Парижа вполне ясно и доказано». Вина Кологривова увеличивается тѣмъ, что онъ — русскій дворянинъ; пренебреженіе къ преимуществамъ дворянскаго сословія не можетъ не повлечь за собою лишенія ихъ. «Неповиновеніе высочайшей волѣ, оскорбительныя сужденія о правительствѣ и присоединеніе его къ мятежникамъ», вмѣстѣ съ тѣмъ, лишаютъ Кологривова самаго права гражданства и наименованія русскимъ, чему соответствуетъ и запрещеніе ему возвратиться въ Россію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, князь Трубецкой усмотрѣлъ въ дѣлѣ Кологривова обстоя-

тельства, которыя могутъ «преклонить строгость закона къ нисхожденію и праведный гнѣвъ государя преложить на милость». Весьма страннымъ представляется ему, что выказавшаго склонность къ вольнодумству юношу «послали для исправленія въ чужіе края, гнѣздо разврата и превратныхъ мыслей нынѣшняго вѣка». Правила и образъ мыслей гувернера Джона кажутся сенатору весьма подозрительными «по сходству ихъ съ образомъ мыслей воспитанника». «Если бы они были иные,—замѣчаетъ онъ далѣе,—то не естественно, чтобы Джонъ могъ пріобрѣсти себѣ столь искреннее расположеніе и привязанность вольнодумца Кологривова,—расположеніе, коимъ самъ гувернеръ въ письмахъ своихъ хвалится (?), и которое весьма ясно и сильно выражено въ письмахъ Кологривова. Потворство сего гувернера своему воспитаннику обнаруживается и изъ того, что онъ, противно прямой своей обязанности, не принявъ благоразумныхъ мѣръ и допустивъ его взять лично, какъ самъ говоритъ, дѣятельное участіе въ послѣдней французской революціи, извиняетъ еще сей поступокъ, говоря, что какія-то обстоятельства принудили его къ сему участію, а, между тѣмъ, вмѣсто того, чтобы, по долгу своему, помыслить объ излѣченіи зараженнаго либерализмомъ своего воспитанника, онъ совѣтуетъ родственникамъ оставить его еще нѣсколько времени въ чужихъ краяхъ. Изъ сего ясно обнаруживается, что Кологривовъ есть, нѣкоторымъ образомъ, жертва того гибельнаго иностраннаго воспитанія, которое, какъ червь, втайнѣ, непримѣтно, но вѣрно повреждаетъ государственное наше благоденствіе, истребляя въ будущемъ поколѣніи благородныя и высокія чувства патриотизма, всегда отличавшія предковъ нашихъ».

На этомъ основаніи князь Трубецкой счелъ полезнымъ для наказанія и исправленія Кологривова не долговременное заключеніе въ крѣпости, а дѣятельный опытъ. Онъ полагалъ, «лишивъ виновнаго юношу дворянства, отдать его въ военную службу, впредь до оказанія такихъ заслугъ и отличій на полѣ брани, коими бы онъ удостоился, по всей справедливости и по милосердію монарха, наименованія русскаго дворянина». Надъ имѣніемъ Кологривова, впредь до помилованія, князь Трубецкой также считалъ необходимымъ учредить правительственную опеку.

Возражалъ противъ соображеній трехъ сенаторовъ, нашедшихъ основанія къ облегченію участи подсудимаго, оберъ-прокуроръ фонъ-Дезинъ. Приведа формальныя возраженія противъ признанія молодого Кологривова слабоумнымъ, онъ сослался на докладную записку Бенкендорфа, изъ которой видно, что въ сентябрѣ 1830 года Кологривову было 17 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ. Противъ того, что подсудимый «былъ вовлеченъ въ толпу испанскихъ выходцевъ», оберъ-прокуроръ, очевидно, понимая это выраженіе буквально, возразилъ, что Кологривовъ зачислился въ ряды испанскихъ инсур-

гентовъ добровольно, и даже въ чинъ поручика. Заявленіе, что Кологривовъ, не принося вѣрноподданнической присяги, не могъ измѣнить ей, фонъ-Дезинъ опровергалъ ссылкой на грамоту дворянству, по которой «дворянинъ сообщаетъ дѣтямъ своимъ дворянское достоинство» и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сопряженный съ этимъ достоинствомъ обязанности: не исполнивъ обязанности вѣрноподданнаго, Кологривовъ тѣмъ самымъ измѣнилъ государю и престолу.

Затѣмъ оберъ-прокуроръ сопоставилъ выписки изъ приведенныхъ выше писемъ молодого Кологривова, въ которыхъ подсудимый излагалъ «нелѣпныя свои сужденія насчетъ самовластия и тиранства». Хотя при этомъ Кологривовъ нигдѣ не упоминалъ имени высочайшей особы государя императора или высочайшаго его дома, однако фонъ-Дезинъ усмотрѣлъ въ смыслѣ этихъ сужденій оскорбленіе величества. Вступленіе же въ службу испанскихъ выходцевъ, «подъявшихъ оружіе противу испанскаго правительства и короля, съ коимъ его императорское величество состоятъ изволить въ дружественныхъ отношеніяхъ», онъ призналъ измѣною. Согласно такой квалификаціи, оберъ-прокуроръ отстаивалъ правильность подведенія преступленій молодого Кологривова подъ слѣдующія статьи дѣйствовавшаго тогда воинскаго устава:

(Ст. 20). «Кто противъ его величества особы хулительными словами погрѣшить, его дѣйство и намѣреніе презирать и непристойнымъ образомъ о томъ разсуждать будетъ, оный имѣетъ живота лишень быть и отсѣченіемъ главы казненъ».

(Ст. 124). «Кто изъ офицеровъ или рядовыхъ съ неприятелемъ тайную и опасную переписку имѣть будетъ и неприятелю или его союзникамъ какъ нибудь вѣдомость какую подастъ, или съ неприятелемъ или отъ него присланнымъ трубачемъ, барабанщикомъ и съ таковыми подоврительными особами, безъ вѣдома и указа отъ фельдмаршала или коменданта, хотя въ полѣ, въ крѣпостяхъ, или гдѣ индѣ тайнымъ образомъ разговоры имѣть, переписываться, письма принимать или переносить будетъ, оный имѣетъ, яко шельмъ и измѣнникъ, чести, пожитковъ и живота лишень и четвертованъ быть».

(Ст. 137). «Всякій бунтъ, возмущеніе и упрямство безъ всякой милости имѣетъ быть висѣлицею наказано».

Въ виду же того, что Кологривовъ дворянскимъ происхожденіемъ былъ огражденъ отъ отсѣченія головы, четвертованія и висѣлицы, то оберъ-прокуроръ всецѣло поддерживалъ приведенный уже приговоръ уголовной палаты.

Рѣчь его не произвела, повидимому, никакого впечатлѣнія на сенаторовъ, оставшихся при прежде высказанныхъ мнѣніяхъ.

Вслѣдствіе такого разногласія, дѣло подвинулось еще на одну инстанцію. По предписанію управляющаго министерствомъ юстиціи

оно было перенесено въ общее собраніе 4-го, 5-го и межевого департаментовъ правительствующаго сената.

Въ общемъ собраніи голоса сенаторовъ распредѣлились еще разнообразнѣе. Четыре сенатора: Д. М. Мордвиновъ, П. И. Сумароковъ, В. Г. Назимовъ, К. Г. Михаловскій, рѣшили, что Михаила Кологривова, на основаніи узаконеній воинскаго устава слѣдовало бы, по лишеніи дворянства, сослать въ каторжную работу, но, такъ какъ ему, по высочайшему повелѣнію, воспрещенъ возвратъ въ Россію, «то уже остается только лишить его дворянства и всѣхъ правъ, съ онымъ сопряженныхъ, о чемъ повсемѣстно публиковать печатными указами».

Сенаторъ Г. С. Вистицкій всецѣло присоединился къ изложенному выше мнѣнію сенатора С. С. Уварова.

Два сенатора: князь Н. Л. Шаховской и И. П. Пущинъ, согласились съ мнѣніемъ князя В. С. Трубецкого, объявленнымъ ранѣе въ пятомъ департаментѣ.

Сенаторы: князь В. С. Трубецкой и графъ Ѳ. А. Толстой, остались при выраженныхъ прежде мнѣніяхъ.

Царевичъ Грузинскій, сенаторъ Баугать Георгіевичъ, присоединился къ мнѣнію князя В. С. Трубецкого.

Сенаторы: В. И. Гечевичъ, М. Ѳ. Ставицкій и князь А. Н. Хованскій, присоединились къ мнѣнію С. С. Уварова и графа Ѳ. А. Толстого. Князь Хованскій добавилъ при этомъ, что «полагаемая въ томъ мнѣніи мѣра наказанія побудитъ и другихъ подобнаго рода преступниковъ къ раскаянію въ своемъ преступленіи, всякая же въ противномъ случаѣ строгость наказанія введетъ ихъ въ ожесточеніе».

Управляющій министерствомъ юстиціи, товарищъ министра Д. В. Дашковъ, въ предложеніи своемъ правительствующему сенату далъ заключеніе, наиболѣе приближающееся къ мнѣнію князя В. С. Трубецкого. Онъ не согласился съ мнѣніемъ шести сенаторовъ, усмотрѣвшихъ въ дѣйствіяхъ Кологривова достаточный поводъ къ обвиненію въ бунтѣ или измѣнѣ, караемыхъ, по закону смертною казнью. Не найдя «въ дерзкихъ и буйственныхъ выраженіяхъ юнаго подсудимаго» прямого отношенія къ священной особѣ государя императора, Дашковъ не усмотрѣлъ въ нихъ и тяжелой вины оскорбленія величества. При всемъ томъ, такъ какъ Кологривовъ «буйственными поступками своими самъ показалъ необходимость въ строгомъ обузданіи, которое, по молодости лѣтъ его, могло бы быть успѣшнымъ, а нарушеніемъ вѣрноподданческаго долга и поведеніемъ, недостойнымъ россійскаго дворянина, самъ разрушилъ дворянское свое достоинство»,—поэтому товарищъ министра юстиціи полагалъ бы: «подсудимаго Кологривова, лишивъ дворянства, отдать въ солдаты съ выслугою; но, какъ сего послѣдняго нынѣ исполнить не возможно, за объявленнымъ чрезъ

генераль-адъютанта Бенкендорфа высочайшимъ повелѣніемъ о воспрещеніи Кологривову возврата въ Россію, то поступки его и присужденное ему наказаніе обнародовать, въ примѣръ ему подобнымъ. Сверхъ того, все движимое и недвижимое его имущество взять въ опеку и поручить управленію ближайшихъ родственниковъ, строго обязавъ ихъ не пересылать Кологривову ни малѣйшей части изъ доходовъ, а также изъ цѣны его».

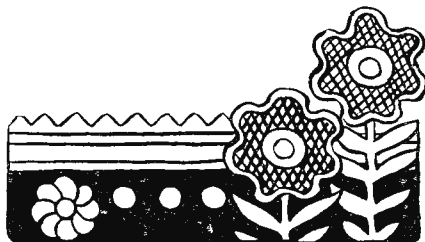
Послѣ обсужденія дѣла въ засѣданіяхъ 23-го и 30-го октября и 13-го ноября 1831 года, часть сенаторовъ общаго собранія присоединилась къ мнѣнію управляющаго министерствомъ юстиціи, часть же осталась при своихъ прежнихъ мнѣніяхъ.

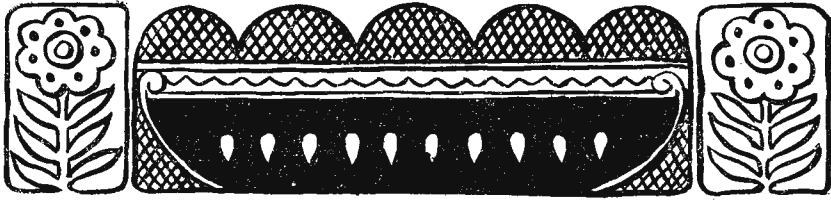
Вслѣдствіе такого разногласія дѣло перешло на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, но 23-го марта 1832 года получилось отъ вице-канцлера графа Нессельроде извѣстіе, сразу приблизившее весь инцидентъ къ окончательной развязкѣ.

Оказалось, что прибывшій въ Берлинъ Кологривовъ внялъ наконецъ увѣщаніямъ своего наставника. На присланное имъ, чрезъ посредство берлинской миссіи, прошеніе на высочайшее имя о дарованіи ему всемилостивѣйшаго прощенія и о позволеніи возвратиться въ отечество, его императорскому величеству благоугодно было изъяснить высочайшее соизволеніе на возвращеніе Кологривова въ Россію, съ тѣмъ, однако, чтобы онъ, немедленно по прибытіи сюда, вступилъ въ военную службу простымъ рядовымъ, съ сохраненіемъ дворянскаго достоинства, и ревностнымъ исполненіемъ обязанностей вѣрноподданнаго старался загладить вину свою.

Государственный совѣтъ, прекративъ дальнѣйшее производство дѣла о Кологривовѣ, возвратилъ въ сенатъ всѣ документы, которые тогда же были сданы въ архивъ, а самое дѣло о юномъ «испанскомъ инсургентѣ» сочтено оконченнымъ.

К. Л—въ.

КЛОПСКИЙ МОНАСТЫРЬ.

(Изъ экскурсій въ окрестности Новгорода).

ТЪ ПЕРЕКОМА до Клопскаго монастыря шесть верстъ. Меня везла здоровая, сытая лошадка. Я не успѣлъ оглянуться, какъ уже былъ на берегу какой-то рѣчки, протекающей мимо деревни.

— Теперь, — говорилъ кучеръ, слѣзая съ облучка, — вамъ надо, баринъ, на лодкѣ, а мнѣ обратно.

Я тоже вылѣзъ и сталъ любоваться мѣстностью. По рѣкѣ тихо, время отъ времени, пробѣгала рябь. Вдали виднѣлся монастырь. Тусклые кресты, простенькія главы придаютъ ему непривлекательность. На противоположномъ берегу сдержанный говоръ косцовъ и грабельщицъ, лязгъ брусковъ о косы.

— Это какая рѣчка? — спросилъ я кучера.

— Вдовою прозывается.

— Странное названіе.

— Лѣсу по ней не гоняютъ, рыбы не ловятъ, утокъ не стрѣляютъ — по всему вдова.

— Кто же меня перевезетъ?

— Найдутся охочіе люди.

Возница повернулся къ деревнѣ и приложилъ ко лбу ладонь.

— Вона двѣ бабы бѣгутъ, — добавилъ онъ и снова вернулся къ неоконченному дорогой разговору: — харчъ съ братской трапезы да ежемѣсячно три рубля деньгами, какъ бы на одеженку. Просто не съ чего жить.

— Иди на полевья работы.

— Тоже несладко. Поработай лѣто, а тамъ ступай, куда хощь; въ монастырь-то кругомъ годъ. Трудно и бѣдно живетъся. Бжели-бъ богомольцевъ возить на станцію въ городъ, такъ забылъ, когда это было. Такой, какъ вы, рѣдкій человѣкъ.

— Это почему же?

— «На чайкъ» не обидите.

Я направился въ лодку, гдѣ бабы были уже наготовѣ: одна сидѣла въ веслахъ, а другая держала руль. Бабы молча отвалили, молча катили лодку и только на обратномъ пути, когда я ступилъ на берегъ, проронили: «благодаримъ».

Версты двѣ я брелъ по тропамъ, какими-то околицами. Монастырь смотритъ лицомъ на рѣку Веряжу, но входъ въ него черезъ болото, по дамбѣ, обсаженной липами. Я прямо прошелъ въ Троицкій соборъ, крайне интересный въ археологическомъ отношеніи. Это—рѣдкій храмъ, гдѣ донныя сохранилась древняя стѣнная иконопись, хотя въ двухъ мѣстахъ она испорчена пробитыми окнами. Иконопись—фрески XV вѣка, изображающія событія изъ исторіи церкви и жизни Спасителя. Напримѣръ, вотъ Христосъ веревкой гонитъ торгующихъ изъ храма; торгующіе, побросавъ свои товары, въ испугѣ и смятеніи бѣгутъ вонъ. Рядомъ Христосъ предъ Пилатомъ и Каиафой, окруженный иудейскими старѣйшинами; тутъ Сарій, Иоранъ, Путифа, Рафаэль и др. Каждый говоритъ свое обвиненіе, а внизу сидящая фигура записываетъ ихъ слова. Съ простѣнковъ впечатлительно глядятъ святитель Вареоломей, папы Левъ, Селиверстъ, Никифоръ патріархъ. Иконостасъ собора шестиярусный; замѣчательныя царскія врата, искусно вырѣзанныя изъ дерева; фигурное распятіе на паперти.

Выйдя изъ собора, я встрѣтилъ начальника монастыря, игумена Геннадія и выразилъ удовольствіе по поводу видѣннаго.

— Только пооблѣзло все, облупилось,— замѣтилъ игуменъ и сразу задалъ мнѣ вопросъ:— у васъ нѣтъ ли кого изъ жертвователей?

— А что?

— Поремонтировать бы, обновить бы надо было, а денегъ нѣтъ, монастырь весьма бѣдный.

— Извините, не могу указать.

— Жалко, никто не находится, а крайне надобно бы...

— Да, жалко,—согласился я, а самъ подумалъ:—«судя по нынѣшнимъ обновленіямъ, можетъ быть, и къ лучшему».

— Не хотите ли еще посмотреѣть трапезный храмъ Никольскій?—предложилъ игуменъ.

Я охотно принялъ предложеніе. Мы поднимались по лѣстницѣ, шли по коридорамъ, гдѣ направо и налево попадались двери. Наконецъ, игуменъ ввелъ меня въ церковь. Она—обширная, съ отдѣленіями; потолокъ низкій, поддерживается нѣсколькими колон-

нами, образующими своды. Надъ головою для укрѣпленія стѣнъ идутъ въ разныхъ направленіяхъ желѣзныя полосы, которыя, должно быть, такъ тяжелы, что сами висятъ на болтахъ. Пропадетъ всякое удивленіе при видѣ такого переплета, если посмотрѣть на стѣны этого сооруженія: толщина ихъ, судя по окнамъ, болѣе сажени. Въ общемъ храмъ не порождаетъ торжественности, его скорѣе слѣдуетъ отнести къ домовымъ церквамъ, какія существовали въ древней Руси у бояръ. Въ немъ служба совершается исключительно зимою. Конечно, если понадобится нагрѣть подобныя стѣны, какъ говорилъ игумень, то надо нагрѣвать не одинъ день, зато послѣ выгодно: протапливай полегоньку.

— Отчего этотъ храмъ именуется трапезнымъ, отецъ Геннадій?—обратился я къ игумену.

— При храмѣ трапезная, потому и называли его трапезнымъ. Потомъ пристроили еще помѣщеніе; теперь, кромѣ трапезной, и братскія кельи и моя.

На мою просьбу—показать трапезную, игумень повелъ меня внизъ. Комната, гдѣ обѣдаютъ клопскіе монахи, небольшая, малоопрятная, мрачная, въ два окна. Въ углу маленькая чугунка, отъ которой идутъ подвѣшенныя желѣзныя трубы и нагрѣваютъ крайне неравномѣрно помѣщеніе.

Я замѣтилъ, что такой скверный способъ отопленія отжилъ свое время, даже рѣдко встрѣчается въ сельской избѣ. На это отецъ Геннадій снова началъ и какъ бы съ упрекомъ о бѣдности монастыря, изложивъ сравнительно подробнѣе свѣдѣнія о его экономическомъ положеніи.

— Откуда взять? гдѣ добыть средствъ? Вѣдь шестнадцать человѣкъ братіи. Надо ихъ накормить, напоить. На соборѣ крыша давно не ремонтировалась, проржавѣла, нынѣ оказалась дырявой. Исправленіе неотложное требуется. Сталь чинить, красить, и вскочило въ 800 рублей.

— Какіе же доходы?

— Вотъ получаемъ съ жертвованныхъ капиталовъ 1.500 рублей процентовъ и, какъ монастырь штатный, жалованья въ годъ 600 рублей.

— А полевое хозяйство?

— У насъ-то? — сокрушенно махнулъ рукою игумень. — Про наше хозяйство стыдно сказать. Рыбное озеро сдаемъ въ аренду за 70 рублей; земля есть, тоже отдаемъ за 120 рублей¹⁾.

— Какъ же насчетъ скота?

— Держимъ двѣ лошади, десять коровъ. Относительно сѣна выговариваемъ у арендатора.

¹⁾ По земскимъ матеріаламъ, земля въ количествѣ 142 десятинъ сдана въ аренду на 12 лѣтъ курьяндцу.

- Самой братіи выгидѣ было бы использованіе.
- Такъ-то оно такъ, — вздыхая, соглашался о. Геннадій. — Руки свои, некупленные, все бы лишняя сотня набѣжала, да земля-то не подѣ бокомъ, а въ семи верстахъ, близъ с. Борковъ.
- Значитъ, братію жалѣете?
- Совсѣмъ не то. Земля зарѣчная: до рѣки на лошадахъ, а тамъ пѣшкомъ, нѣтъ, неспособно.
- Поэтому что же братія дѣлаютъ?
- По монастырю что нибудь, а больше душеспасительное дѣло, въ церковь ходятъ.
- Это хорошо, а вотъ средствъ-то они не увеличиваютъ.
- Ваша правда, не увеличиваютъ, и на бѣду все молодежь, нѣтъ такихъ старцевъ, отшельниковъ, которые своимъ благочестіемъ православный людъ привлекаютъ. Когда я былъ въ Перынскомъ скиту ¹⁾ настоятелемъ, рассказывала братія, что до меня тамъ проживалъ старецъ Θεодосій, монахъ набожный, строгой жизни: Самъ онъ, быть можетъ, не желалъ казаться предсказателемъ, но, по крайней мѣрѣ, въ мірѣ ему приписывали предсказанія. Такъ къ этому Θεодосію много ходило народу, пріѣзжали даже издалека. Ну, конечно, гдѣ народъ, тамъ и доходная статья.
- А вы знаете въ Савво-Вишерскомъ монастырѣ одного монаха, привлекающаго богомольцевъ? — спросилъ я игумена, полагая, что онъ ему извѣстенъ. — Вотъ и молодой монахъ, а народъ къ нему идетъ.
- Знаю, про кого вы говорите, — улыбнулся игумень. — Я его помню съ Юрєва, когда я былъ тамъ намѣстникомъ. — Геннадій сдѣлалъ непріятную гримасу. — Мнѣ поручено было слѣдить за нимъ, такъ какъ онъ удалялся часто изъ монастыря безъ спроса. У него жилъ, да и теперь, кажется, живетъ, келейникъ изъ квасоваровъ, человекъ ловкій, хитрый, смышленный; онъ главнымъ образомъ и распространяетъ обаяніе этого монаха.
- Однако, у него бываютъ многіе.
- Пускай, Богъ съ нимъ. Когда нибудь случится обстоятельство, что міряне сбросятъ завѣсу съ глазъ своихъ и узрятъ чистую правду. Воля ваша, а я бы не желалъ имѣть въ обители такого «обаятельнаго» монаха.
- Сказавъ это, о. Геннадій насмѣшливо улыбнулся.
- Да больше женскій полъ къ нему льнетъ, — пояснилъ я. — Когда я былъ въ Савво-Вишерскомъ монастырѣ вторично, онъ пригласилъ меня въ келью. Я пошелъ впередъ, а онъ что-то позамѣшкался на монастырскомъ дворѣ. Представьте, захожу въ большую комнату, обставленную побарски. Направился изъ нея дальше въ одну дверь, а мнѣ сзади говоритъ келейникъ:

¹⁾ О немъ будетъ особая статья.

— «Нельзя, тамъ генеральша изъ Кронштадта съ недѣлю проживаетъ». Я—въ другую, келейникъ— снова: «московская купчиха три дня стоитъ съ дочерью». Вотъ доходная статья.

На это игумень наклонился ко мнѣ и хотѣлъ сообщить что-то, должно быть, интересное, но ему доложили о вечернѣ, онъ извинился и добавилъ, что пойдетъ переодѣться.

Я занимался разсматриваніемъ документальныхъ данныхъ, отыскивая исторію Клопскаго монастыря, и нигдѣ не нашель, когда и кѣмъ онъ былъ основанъ. Извѣстно, что въ началѣ XV вѣка въ Клопскій монастырь пришелъ нѣкій странникъ, по имени Михаилъ, и остался въ немъ жить. Никто не могъ подозрѣвать, что странникъ этотъ—изъ знатнаго рода, сынъ великаго князя Симеона Іоанновича, безъ вѣсти пропавшій изъ родительскаго дома. Тогда въ монастырѣ было достаточное число братіи, управлялъ имъ игумень Θεодосій ¹⁾. Михаилъ прожилъ въ монастырѣ 44 года, отличаясь благочестіемъ и святостью. Преподобный молитвами извлекъ въ бездождіе источникъ, предсказалъ о кратковременномъ пребываніи на святительской каедрѣ игумена Θεодосія, о паденіи Новгорода. Въ день появленія его въ монастырѣ (23-го іюня) установленъ крестный ходъ. Собираются на лодкахъ иконы, хоругви и кресты изъ семи сосѣднихъ церквей. Михаилъ Клопскій представился въ глубокой старости, 96 лѣтъ; мощи его положены въ Троицкой церкви; въ началѣ прошлаго столѣтія надъ ними устроена бронзовая рака. Въ 1611 году Клопскій монастырь былъ разоренъ шведами и въ такомъ состояніи находился 20 лѣтъ. Игумень Никодимъ съ братією дошли до крайней бѣдности и просили царя Михаила Θεодоровича оказать монастырю помощь. Новгородскій приказъ, по повелѣнію царя, отпустилъ на устройство обители значительную сумму, а равно были сдѣланы вклады князей Пожарскаго, Урусова, Милославскихъ и многихъ бояръ. Кромѣ денегъ, жертвователи приносили въ даръ и вещественныя украшенія. Такъ въ описи, между прочимъ, значится: «даръ Ивана Милославскаго большой благовѣстникъ въ 47 пуд. и часы боевые безъ перечастья». Впослѣдствіи монастырь улучшался: построенъ новый придѣлъ Михаила Клопскаго, самый соборъ возвышенъ накладкою кирпича, прибавлено двѣ главы, деревянная крыша замѣнена желѣзною и пр.

Меня интересовало названіе монастыря. Я слышалъ изъ устъ народа, что названіе это будто бы явилось вслѣдствіе того, что преподобный Михаилъ, подвергаясь самоистязанію, обрекалъ себя на кусаніе клоповъ. Хотѣлось провѣрить, и потому, когда вернулся игумень Геннадій, я спросилъ его объ этомъ слухѣ.

¹⁾ Новг. III лѣт. подъ 6916 г.

Клопский монастырь.

— Неправда,—пояснилъ онъ,—во всякомъ случаѣ не то, а вѣрнѣе по мѣстности названіе. Въ половодье рѣчки Веряжа и Вдова разливаются и охватываютъ со всѣхъ сторонъ монастырь, тогда онъ стоитъ на островѣ, похожемъ формою на клопа.

— Жить здѣсь, я думаю, скучно?—замѣтилъ я.

— Круглый годъ одно и то же. Лѣтомъ еще повеселѣе—воздухъ, зелень, прогулка по берегу, на рѣчкѣ рыбаки возятся съ сѣтями, мужики проѣдутъ на сѣнокосъ, а зимою все мертво, зароемся въ снѣгу, какъ кроты въ норѣ, даже птица не пролетитъ, развѣ только заблудшая сорока попрыгаетъ по монастырю.

— Значитъ, скука убійственная?

— Пожалуй, кому вновѣ, а обживешься, обтерпишься, хоть и скучно, да живешь потихоньку. Вѣдь въ монастырь не за весельемъ идутъ, и то сказать,—добавилъ съ упрекомъ о. Геннадій.

— Знаю, но хозяйство, промыселъ, ремесло съ другой стороны удовольствіе доставляютъ, а у васъ ничего подобнаго.

— Что жъ подѣлать, коли не заведено было раньше? Живемъ по указанію Божьему. А вотъ вы напишите. Бѣдность-то монастырскую разукрасьте.

— А вы, отецъ Геннадій, на случай ремонта стѣнную живопись-то сохраните.

— Какъ же, какъ же, надо со свѣдущимъ человѣкомъ поговорить.

— Былъ я во многихъ монастыряхъ, и вашъ, кажется, единственный, гдѣ остались въ неприкосновенности фрески. Возьмите Юрьевъ монастырь. Тамъ на палерти древнее писаніе безжалостно со штукатуркою отбито.

— Ай, ай!—качалъ головою игуменъ.—Нѣтъ, у меня этого не будетъ.

— Конечно, старое писаніе только надо почистить, а класть на него новыхъ красокъ отнюдь не слѣдуетъ,—мазня выйдетъ. Вновь закрашиваются тѣ мѣста, которыя обсыпались, облупились, да и то легонько, подъ тонъ старыхъ красокъ.

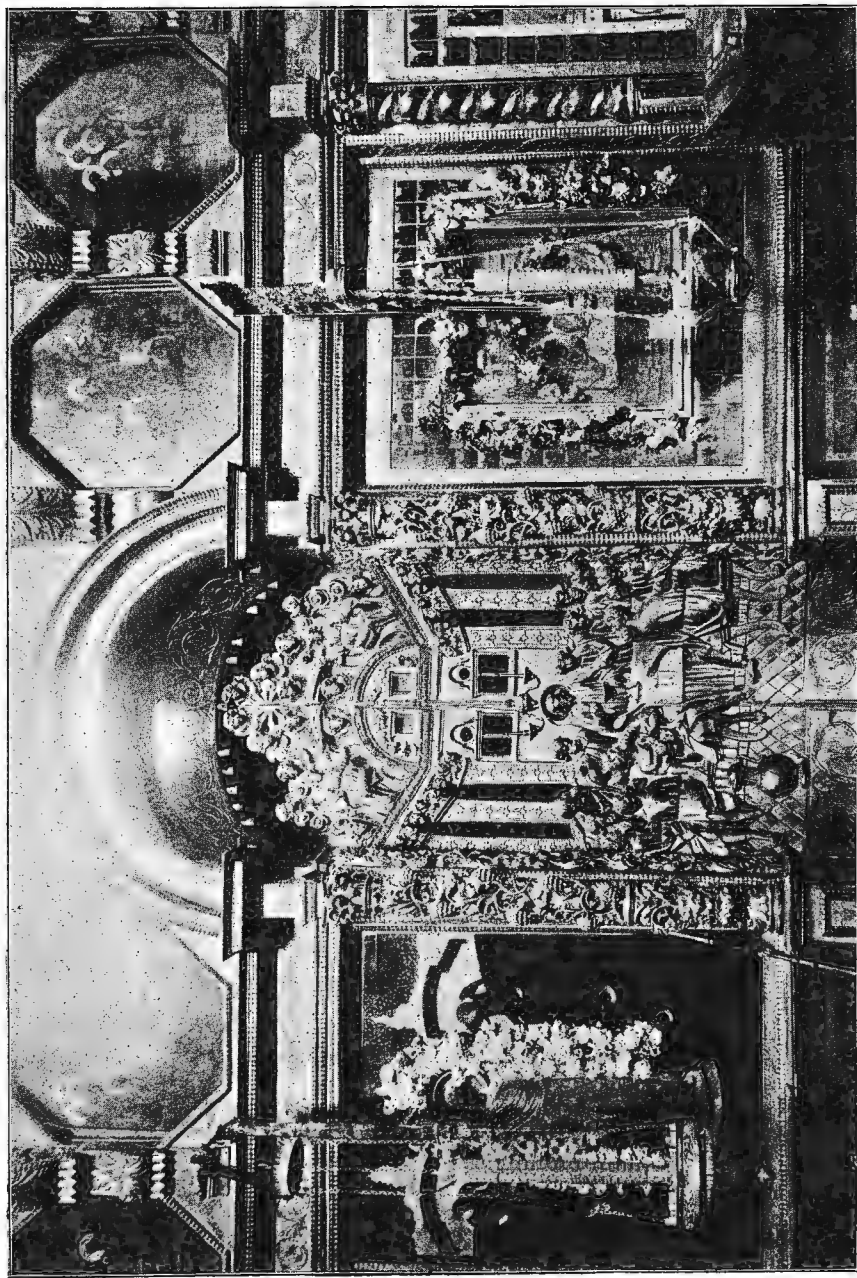
— Мастеръ знаетъ.

— Нынѣ какіе мастера! Онъ предложитъ вамъ все снова написать, чтобы больше за работу получить.

— А Сусловъ, чтò въ Софіи работалъ?

— Пригласите, коли есть десятки тысячъ. А насчетъ реставраціи фресокъ и онъ тоже...—я глубоко вздохнулъ и добавилъ:—ну, прощайте, отецъ Геннадій.

Попрощавшись, игуменъ обѣщался подать мнѣ монастырскую телѣгу. Тѣмъ временемъ я гулялъ по густому вишневому саду. Садъ прекрасный, большой, даетъ братіи изрядный доходъ. На дворѣ явилась телѣга; я сѣлъ и поѣхалъ, оставляя за собой гумна, поля и лужайки съ кашкой. Солнце уже раскаленнымъ ядромъ

Царскія врага въ Троицкомъ соборѣ Клопскаго монастыря.

спустилось къ горизонту. Я ѣхалъ и дремалъ. Въ моемъ воображеніи все еще не исчезалъ игумень: его весьма живые, бѣгающіе каріе глаза, сѣдая, длинная, волнистая, какъ расплетенная дѣвичья коса, борода; его строгій, выдержанный, умный взглядъ. Затѣмъ меня тревожили фрески. «Что съ ними станется?»—думалъ я.

Вскорѣ, какъ-то утромъ, мнѣ подали письмо отъ отца Геннадія. Онъ приглашалъ меня къ себѣ по какому-то важному дѣлу и прислалъ лошадь.

Я отправился.

Дорогой меня интересовала мысль: по какому тамъ важному дѣлу? Я не стерпѣлъ и спросилъ монастырскаго служителя, управлявшаго за кучера.

— Что у васъ случилось?

Служитель, недоумѣвая, обернулся ко мнѣ.

— Кажись, ничего такого,—отвѣтилъ онъ флегматично.

— Какое-то дѣло до меня у вашего настоятеля?

— Дѣло?—повторилъ служитель.—Надо полагать, по собору; обновить хотятъ

— Не знаю.

— Да, не иначе, что по собору. Вонъ впереди насъ тоже наша лошадь повезла живописца.

— Но я-то несвѣдуецъ въ этомъ.

— Все равно, для совѣта, значить.

Я все-таки не могъ взять въ толкъ, почему понадобилось мое присутствіе, когда въ практической церковной живописи я не очень силенъ.

Дѣйствительно, у отца Геннадія я познакомился съ живописцемъ, нѣкимъ Кабаковымъ.

Игумень радъ былъ нашему приѣзду, суетился, хлопоталъ, ухаживалъ за нами.

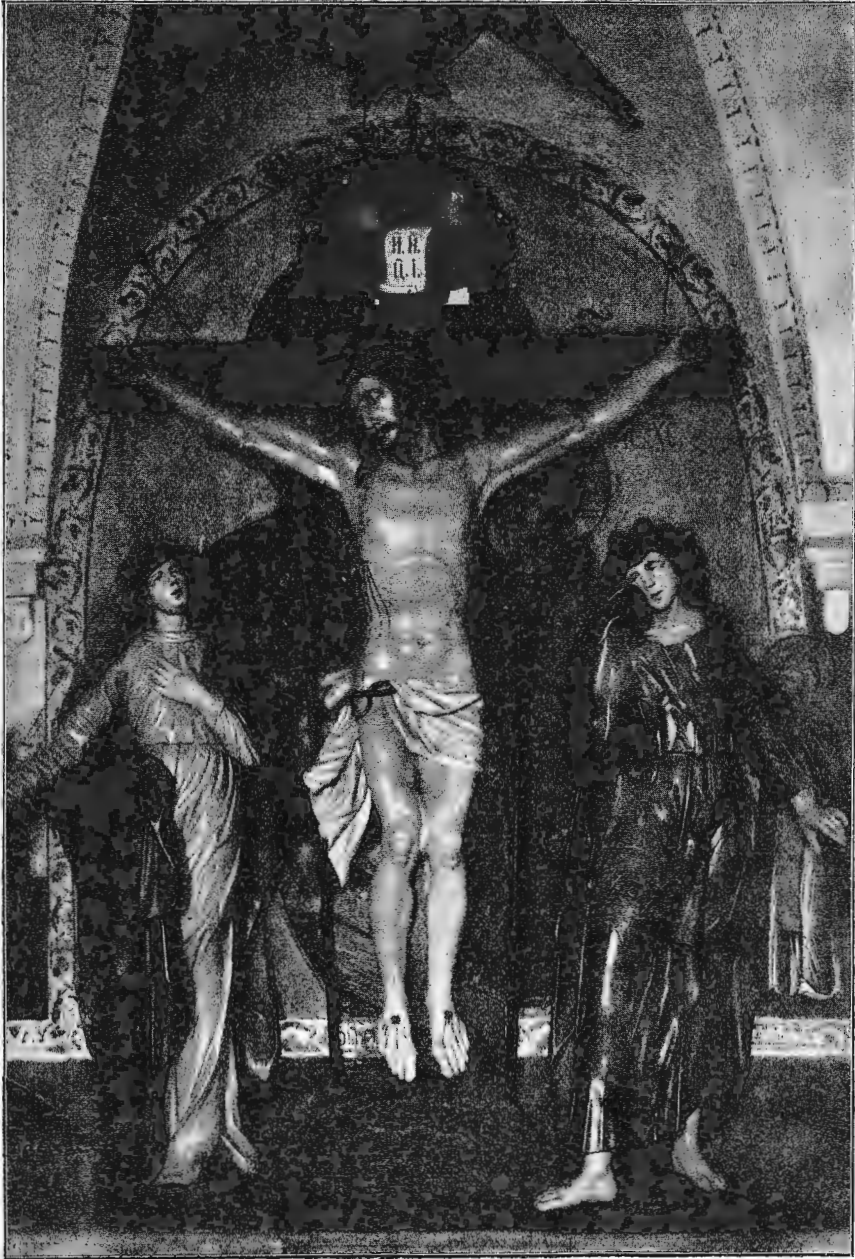
Собрали закуску, по монастырскимъ правиламъ, постную; подали чай съ разными вареньями. Мы усѣлись, и завязалась бесѣда.

Оказалось, что г. Кабаковъ ранѣе былъ въ монастырѣ, подробно осматривалъ соборъ, рядился реставрировать стѣнную живопись, но суммы не сказалъ, а обѣщался въ Новгородѣ прикинуть стоимость матеріала, сообразить трудовое время и въ первый же приѣздъ сообщить, сколько будетъ стоить вся работа.

Вначалѣ игумень говорилъ съ живописцемъ, а я молчалъ и слушалъ. Со мною разговоръ былъ въ концѣ, и роль моя въ реставраціи оказалась совсѣмъ иная, нежели приписывалъ мнѣ служитель-возница.

— Такъ вы, г. Кабаковъ,—говорилъ Геннадій,—все обдумали относительно цифры?

— Да, батюшка. Три тысячи беру, недорого.

Распятіе на паперти Троицкаго собора въ Клопскомъ монастырѣ.

— И материалъ сюда же входитъ?

— Краски и работа моя, а лѣса ваши. Очень дешево, потому что до сей работы писалъ частицами, а тутъ цѣлый храмъ; искусство знаніе, показать хочется, такъ берусь на первый разъ почти задаромъ. Эти деньги уйдутъ на краски, кисти и помощниковъ.

— А писать какъ будете: по-своему или придерживаясь старинки-матушки?

— У васъ фрески совсѣмъ испортились, вѣками не подновлялись.

— Нѣтъ, кое-гдѣ поправлено, — возразилъ обидчивымъ тономъ игумень.

— Видѣлъ я, — махнулъ пренебрежительно рукою живописецъ. — Развѣ это реставрація? Маляръ пальцемъ мазалъ, навралъ, фигуры обрѣзалъ, искажилъ. Замѣтили, на каждомъ письмѣ дорожки — это контуры, обведенные гвоздемъ; дѣлалъ ихъ художникъ, который создавалъ письмо. Теперь эти дорожки внѣ фигуръ очутились, гдѣ-то въ небѣ, на землѣ. Кромѣ того, у подновленнаго письма лица грубыя, мертвыя, одежда безъ тѣней.

Игумень слушалъ внимательно, казалось, ловилъ каждое слово.

— Ну, а вы-то какъ? — поспѣшилъ онъ спросить.

— Я? какъ я? — остановился на минуту живописецъ и сдѣлалъ такую мину, какъ бы собираясь сказать неопровержимую истину. — Я думаю сначала снять письмо на кальку и стѣны загрунтовать, какъ въ обыкновенныхъ домахъ, потомъ писать съ кальки.

— А будетъ ли точно?

— Надѣюсь, не отличите отъ стараго.

Игумень призадумался. Усомнился и я въ душѣ, тѣмъ болѣе, что сравнивать-то будетъ не съ чѣмъ. Впрочемъ, соображалъ я, можетъ быть, и правда; вѣдь г. Кабаковъ говорилъ такъ энергично, увлекательно.

— Я далеко отъ малѣйшаго обмана, — снова началъ живописецъ и залпомъ выпилъ рюмку рябиновки. Прожевывая закуску, онъ продолжалъ: — Возьмите пробу. Я напишу такимъ способомъ одну фреску, вы посмотрите и присудите: дозволить дальше или гнать въ шею.

— Ну, зачѣмъ, какъ можно! — конфузливо возражалъ игумень.

— Я на все согласенъ. Не обижусь.

«Если такъ, — подумалъ я, — то, несомнѣнно, онъ вполне надѣется на себя».

— Благословите, отецъ-настоятель, — предлагалъ онъ.

Игумень посмотрѣлъ на меня, какъ бы ловя на моемъ лицѣ согласіе.

— Я бы не прочь, — послѣ нѣкотораго колебанія отвѣтилъ о. Геннадій, — но уплата какъ? Денегъ у меня нѣтъ.

Крестный ходъ на лодкахъ въ Клопскомъ монастырѣ.

— Ахъ, вотъ, — протянулъ живописецъ и съ удовольствіемъ принялся за какую-то копченую рыбку, давая понять, что, молъ, въ такомъ случаѣ нечего и словъ терять.

— Постойте, свѣтъ не безъ добрыхъ людей, — спохватился о. Геннадій и указалъ на меня.—Извольте, есть господинъ сочинитель; онъ намъ поможетъ. Деньги будутъ, только не вдругъ.

Я вопросительно и изумленно посмотрѣлъ на о. Геннадія.

— Рабъ Божій, не откажите, — всталъ онъ, низко кланаясь.— Вы—нашъ отецъ и благодѣтель.

— За кого вы меня принимаете?—испугался я.

— Сочините намъ книжечку о монастырѣ, описаньице такое коротенькое, но понятное со всѣхъ сторонъ.

— Что жъ, это можно,—успокоительно согласился я.

— Помогите, молъ, добротные датели, древность окончательно падаетъ.

— Воззваніе должно идти чрезъ синодъ; это долго и трудно.

— Вы бѣдность и упадокъ поставьте на первомъ планѣ и не обращайтесь къ православнымъ, а замѣтьте такъ, между прочимъ. Интересно сочините; такъ всѣ и прочитаютъ, и будетъ не воззваніе, да воззваніе.

— Хорошо, напишу,—улыбнулся я.

— Покорнѣйше благодаримъ. Да, ужъ ужъ кстати возьмите, рабъ Божій, и печатаніе на себя. Я пріѣду и все вамъ возмѣщу. Я и на это согласился.

— Ну, господа-благодѣтели, за успѣхъ.

Игуменъ налилъ три рюмки.

— Но я своего дѣла не вижу,—возразилъ живописецъ.

— Сладимъ, господинъ Кабаковъ, добро сладимъ. Вы намъ образчикекъ изготовьте, и мы подрядимъ васъ, только деньги будете получать по мѣрѣ надобности.

— Онъ еще, о. Геннадій, тамъ,—махнулъ рукой въ пространство и засмѣялся живописецъ.

— Никто, какъ Богъ, господинъ Кабаковъ,—съ обидой въ голосъ замѣтилъ игуменъ.—Господь пошлетъ.

Этимъ бесѣда наша и окончилась.

При прощаніи о. Геннадій повторялъ ко мнѣ просьбу, я успокаивалъ его въ данномъ словѣ. Обращался онъ и къ Кабакову съ просьбой о реставраціи, но тотъ въ отвѣтъ только пожималъ плечами.

Всю дорогу живописецъ удивлялся и твердилъ одно: «денегъ нѣтъ, а затѣваетъ». Я не писалъ игумену о томъ, какъ идетъ дѣло съ брошюрой, а сообщилъ ему о ней тогда, когда она была уже напечатана въ 5 тысячахъ экземплярахъ. Это было въ слѣдующемъ году, весною. О. Геннадій не замедлилъ явиться ко мнѣ въ Новгородъ.

— Ужъ какъ я вамъ благодаренъ,—пожималъ онъ мнѣ руку,— такъ благодаренъ, что и сказать нельзя. Истинно облагодѣтельствовали. Теперь разошлю во всѣ концы, смотришь, отъ одного три, отъ другого пять, а тамъ и больше. Курочка по зернышку клюетъ. Ну, это пока въ сторону. А я къ вамъ еще по одному дѣлу пріѣхалъ.

— «Опять дѣло!»—съ нѣкоторой досадой подумалъ я.

— Празднуемъ мы обрѣтеніе мощей преподобнаго Михаила Клопскаго, такъ ужъ вы, рабъ Божій, къ намъ на праздничекъ-то соберитесь,—говорилъ игумень.

— Спасибо, о. Геннадій. Когда же?

— Милости просимъ. Званыхъ немного, а вотъ народу наберется довольно.

— Въ какой же день? Скоро?

— Праздникъ будетъ 23-го іюня.

— Про какой народъ вы говорите?

— А какъ же! Всѣ кружныя деревни почитаютъ преподобнаго, не работаютъ, празднуютъ этотъ день. Съ десяти погостовъ крестный ходъ приплываетъ на лодкахъ.

— Это интересно.

— Очень интересно. Лодки съ крестами соберутся противъ монастыря и сразу поплывутъ къ нашему берегу, а мы во всемъ облаченіи, съ иконами, колокольнымъ звономъ навстрѣчу. Такъ пріѣдете?

— Отчего же, я съ удовольствіемъ.

— Первымъ гостемъ будете.—Игумень улыбнулся во всю ширину полнаго, розоваго лица.—А къ вечеру,—продолжалъ онъ вставая,—я вышлю лошадокъ на станцію съ о. Іоной.

— Отлично, сократите сухопутье,—согласился я и распростился съ нимъ.

Поѣздъ-черепаха Новгородской дороги везъ меня въ монастырь. Въ Боркахъ я вышелъ и на платформѣ замѣтилъ лохматаго монаха, въ забрызганномъ грязью подрясникѣ, потертой бархатной скуфейкѣ, который задиралъ голову и очевидно кого-то искалъ.

— Вы изъ Клопскаго?—обратился я къ нему.

— Ахъ, пожалуйста,—отвѣтилъ монахъ.

— Я—изъ Новгорода. А вы—о. Іона?

— Онъ самый, іеромонахъ Іона. Лошадки за станціей. Вы садитесь, а я маленечко побуду здѣсь; пусть уйдетъ машина.

Когда о. Іона вернулся, я сидѣлъ уже въ допотопномъ тарантасѣ, запряженномъ парой сытыхъ монастырскихъ лошадей.

— Не пріѣхалъ,—съ грустью сказалъ монахъ.

— Кто не пріѣхалъ?

— А тутъ одинъ питерскій благодѣтель. Игуменъ разсылалъ приглашенія по богатымъ купцамъ, такъ этого ожидаетъ шибко.

О. Иона лукаво подмигнулъ.

— Почему?

— Щедрый на даянїя.

— Что даетъ?

— Всячины: вина, масла, воску. Позапрошлый годъ монастырь красился за его счетъ.

— Откуда вы знаете?

— Я-то?!—переспросилъ Иона.—Да я вѣдь письмоводителемъ у игумена. Мы всякую службу правимъ. И на очереди бываемъ и по огороду маракуемъ—все дѣлаемъ.

— Вотъ какъ!

— Эхъ, отъ скуки на всѣ руки, — крикнулъ возница и сталъ взбираться на козлы.

Я покосился на его подрясникъ. Иона понялъ, въ чемъ дѣло, и ввдохнулъ.

— Дороги-то у насъ попортились, — замѣтилъ онъ, взявъ вожжи.

— Неужели трудно ѣхать?

— Оно ничего... Все-таки путь неособенный.

Этотъ «неособенный» путь оказался моремъ грязи. Восемь верстъ мы ѣхали шагомъ, постоянно останавливались; тарантасъ накренивался почти до градуса паденїя и не разъ угрожалъ намъ грязевой ванной. Но, слава Богу, добрались безъ особыхъ приключенїй.

Когда мы приближались къ монастырю, погода была отвратительная. Сѣрныя, хмурыя тучи бѣжали непрерывными вереницами и роняли такую тончайшую пыль, что она носилась въ воздухѣ и казалась густымъ туманомъ. Нечего и говорить, какъ печально видѣлся монастырь сквозь эту дымку.

Тарантасъ подкатилъ къ самому крыльцу, ведущему въ игуменскїе покои. Теперь они превратились въ настоящую барскую квартиру. Большія комнаты обставлены были чисто и опрятно. Въ углахъ массивные образа, съ теплящимися лампадами. На стѣнахъ картины старинной живописи, портреты извѣстныхъ іерарховъ: Никона, Филарета и др. Въ покояхъ пахло какой-то смѣсью ладана, масла и воска. Никого не было. Всѣ стояли у всеобщей. Только монахини, приглашенныя въ качествѣ прислужницъ, какъ тѣни, передвигались изъ комнаты въ комнату, приготовляя груды разной посуды.

Одна изъ монахинь предложила мнѣ чая и, не дождавшись отвѣта, стала наливать; глаза ея все время смотрѣли куда-то внизъ и, какъ улитки, прятались подъ колпачкомъ. Другая была посмѣлѣе, подошла и спросила, откуда я. У этой отчасти было видно лицо молодое, красивое, но монастырская жизнь успѣла уже нало-

жить свою печать, въ видѣ старческихъ бороздъ и блѣдноты съ желтоватымъ оттѣнкомъ. Первая была бѣлица, а вторая—рясофорная. Напившись чая, я сидѣлъ и молчалъ, а тѣни попрежнему мелькали еще болѣе загадочно и таинственно.

Пришелъ о. Геннадій.

— Рабъ Божій, мое почтеніе!—воскликнулъ онъ, увидѣвъ меня, и дружески поздоровался.

Прежде всего я пожаловался на дорогу.

— Что жъ дѣлать, не сѣгуйте,—беспомощно разводилъ руками игуменъ.—Живемъ въ глуши, вдали отъ міра. И на томъ спасибо.

— Почему же спасибо?

— Одинъ благодѣтель нашелся, завалилъ болото отъ каменной дороги до обители. Раньше тутъ совсѣмъ не попадали въ городъ, а ѣздили на лодкахъ по Веряжкѣ и озеру. Опасно было. Помилуй Богъ.—Игуменъ взглянулъ на столъ.—Васъ монашки-то угощали ли чаемъ?

— Какъ же.

— То-то, смотрите.

О. Геннадій наклонился ко мнѣ, къ уху.

— Безъ меня не всякаго угостятъ, соблюдаютъ мою выгоду. Я духовникомъ одного монастыря, такъ матушка игуменья, спаси Господи, отряжаетъ каждый годъ сестеръ. Однѣ подаютъ, прибираютъ, другія кушанья готовятъ. Такой наведутъ порядокъ, что послѣ праздника еще держится чистота. И все задарма, а это много значить.—Игуменъ сдѣлалъ удареніе на послѣднихъ словахъ и поднялъ указательный палецъ.

— Ваше высокопреподобіе, какъ насчетъ ужина прикажете?—спросила нараспѣвъ пришедшая монахиня.

— Пора, Маша, пора,—встрепенулся игуменъ.—Сейчасъ начнутъ собираться. Накройте на десять человекъ въ столовой, да поскорѣе. А вотъ здѣсь, въ гостиной,—обратился онъ ко мнѣ,—будетъ завтра обѣдъ для гостей и священниковъ съ діаконами изъ крестнаго хода. Вонъ, видите, на столахъ и посуда уже приготовлена. Это все монашки. Сохрани и помилуй ихъ.

Мимо насъ учащенно заходили знакомыя тѣни, таская разныя принадлежности для ужина.

—Постой-ка ты, Соня,—вдругъ остановилъ одну изъ нихъ игуменъ.—Столъ придвиньте къ дивану; передъ нимъ поставьте приборъ, этотъ, знаете, самый хорошій, чтó я вамъ показывалъ. На диванѣ сядетъ одинъ архимандритъ.

Монахиня низко поклонилась. Игуменъ качнулся въ мою сторону и, какъ бы, между прочимъ, буркнулъ:—«благодійный здѣсь».

Приходили какіе-то гости, по внѣшности, прежней купеческой закваски. О. Геннадій подскакивалъ къ каждому, лебезилъ, ухаживалъ. Начиналъ онъ обыкновенно скудостью монастыря, бѣд-

ностью братіи и оканчивалъ приглашеніемъ на ужинъ; затѣмъ отходилъ ко мнѣ или удалялся изъ гостиной по какимъ нибудь дѣламъ.

Разъ, когда игуменъ вернулся, я спросилъ его:

— А что благочинный съ ревизіей?

— И то, и другое. Я звалъ его на праздникъ, а какъ пріѣхалъ онъ, я ему и говорю: отецъ Паисій, вы ужъ кстаги и въ монастырскія дѣла загляните. Ему же лишній разъ не ѣздить.

— Небось, побаиваетесь,—пошутилъ я.

— Боятся нечего.

— Говорятъ, всякій благочинный—гроза.

— У насъ есть громоотводъ,—засмѣялся было Геннадій и вдругъ смолкъ.

Вошла цѣлая группа монаховъ, принеся съ собою свѣжаго сырого воздуха. Впереди шелъ почтенный старикъ, съ наперснымъ крестомъ, а сзади братія.

— Вотъ онъ, — шепнулъ игуменъ и легонько толкнулъ меня локтемъ; затѣмъ ринулся навстрѣчу благочинному.

Такъ какъ ужинъ не былъ окончательно готовъ, то пріѣзжіе гости, какъ въ музеѣ или на выставкѣ, занялись разглядываніемъ стѣнныхъ украшеній. Свои монахи исключительно заглядывали въ столовую, корчили недовольныя фізіономіи и вздыхали. Игуменъ суетился и ужасно беспокоился о томъ, что благочинный желаетъ воспріять питія и яства, а ужина еще нѣтъ. Онъ неоднократно прибѣгалъ въ столовую, поправлялъ тарелки, ножи, ровнялъ бутылки, чтобы ярлыками смотрѣли въ сторону дивана, и снова уходилъ. Виноваты были поварихи-монахини, запоздавшія съ первымъ блюдомъ. Игуменъ, видимо, сердился, но не выражалъ своего неудовольствія, потому что работали онѣ «задарма». Въ душѣ онъ бранилъ и себя за то, что хвалилъ напрасно добросовѣстныхъ даровыхъ прислужницъ.

Наконецъ игуменъ объявилъ объ ужинѣ, и всѣ столпились въ дверяхъ.

— Отецъ архимандритъ, благословите трапезу сію, — сказалъ кто-то изъ монаховъ.

Начали разсаживаться по мѣстамъ.

— Вы, сюда, отецъ благочинный, на диванчикъ, отдѣльно, — заботился Геннадій, хлопая по подушкѣ.

Кушанья подавались все постныя: ботва, заливное рыбное, жареная рыба, сладкое. Пили и ѣли усердно, разговаривали сдержанно, по-хорошему, только въ концѣ ужина приключился непріятный инцидентъ, виновникомъ котораго былъ іеродіаконъ Флѣръ, монахъ, съ громадными черными бровями и такою же породю, начинающеюся отъ глазъ. Онъ за свой строптивый характеръ и острый языкъ перемѣнилъ уже съ десятокъ монастырей.

Флёръ разсказывалъ что-то изъ житія Саввы.

— Вѣдь это ты говоришь изъ книжки,—замѣтилъ іеромонахъ Гавріилъ.—Мы и сами прочитатъ можемъ.

— А умѣешь ли ты читать-то?—огрызнулся Флёръ.

— Получше тебя.

— Получше,—передразнилъ іеродіаконъ.—Ну, изъ книжки, а книжка написана съ лѣтописи.

— А лѣтопись?

— Садовая голова! А лѣтопись писалъ монахъ, ближайшій къ жизни преподобнаго. Ваше высокопреподобіе, — обратился Флёръ къ благочинному, указывая на Гавріила: — вѣдь онъ изъ мужиковъ, изъ здѣшнихъ поозеровъ. Говоритъ о книжкѣ, а самъ неграмотный. Выучилъ службу со словъ монаховъ.

— Ваше высокопреподобіе,—потянулся Гавріилъ къ архимандриту,—выучился и служу, и въ полѣ работаю, а не валяюсь въ кельѣ, какъ батракъ,—кивнулъ онъ на противника.

Архимандритъ морщился, а игумень металъ грома и молніи то на Флёра, то на Гавріила, руки его дрожали, глаза готовы были выскочить изъ орбитъ; онъ способенъ былъ разбить черешокъ ножа о столъ, чтобы монахи замолчали, но проявить гнѣвъ его удерживало присутствіе благочиннаго. Когда монахи пошли въ пререканіяхъ дальше, Геннадій всталъ и вышелъ. Сейчасъ же явилась монахиня и тихо вызвала Флёра. Черезъ нѣсколько минутъ Геннадій и Флёръ снова вернулись, но всѣ уже встали и молились Богу.

— У нихъ прежніе счеты,—объяснялъ игумень благочинному.— Смѣшные люди. Послѣ ссоры сейчасъ же мирятся, цѣлуются. Я привыкъ къ нимъ, смотрю на это хладнокровно. Вамъ бы, отецъ архимандритъ, отдохнуть. Устали вы.

— Да, я усталъ,—потянулся архимандритъ и зѣвнулъ во весь ротъ.

— Сію минуту уберутъ со стола. Вы будете почивать здѣсь одни въ комнатѣ. Никто не потревожитъ, мухи даже нѣтъ.

Пока игумень ухаживалъ за архимандритомъ, въ гостинной монахи раздѣлились на двѣ группы.

Въ одной горячился Флёръ.

— Мужикъ! Неучъ! Туда же суется поддѣвать. А кого? Бого-слова кievской семинаріи; хотѣлъ предъ благочиннымъ похвастаться своимъ остроуміемъ—обрѣзали.

Въ другой группѣ Гавріилъ говорилъ насчетъ Флера.

— Завсегда суется со своей образованностью, и благочинному-то давай навязывать, а самъ въ іеромонахи не можетъ попасть. Не знаетъ его высокопреподобіе, какъ его гоняли изъ монастырей. А все за то, что горло имѣетъ широкое, со всякой братіей зубъ за зубъ.

Неизвѣстно, когда бы кончились эти упреки и оскорбленія, если бы не появился игуменъ.

Начались указанія пріѣзжимъ, гдѣ кому какое ложе. Братія сама по себѣ стала расходиться, отвѣшивая поясной поклонъ.

Подъ утро, сквозь сонъ, я слышалъ чьи-то шаги, спокойный говоръ и даже молитвы. Это—пріѣзжіе гости, спавшіе со мною въ одной комнатѣ, собирались къ ранней обѣднѣ. Игуменъ стоялъ уже предо мной, когда я проснулся.

— Напейтесь-ка чайку да посмотрите, что дѣлается въ монастырѣ.

— А что такое?

— Сколько народу! Нѣкоторыя лодки съ крестами ужъ пріѣхали и ожидаютъ другихъ.

Я наскоро справился и вышелъ. День былъ хотя безъ дождя, но сѣреный. Дѣйствительно, внутри монастыря и около толпился деревенскій людъ, гуляла, щелкая подсолнухи, молодежь, веселая, разряженная. Отъ святыхъ воротъ неширокая плоскость, а дальше крутой спускъ къ рѣчкѣ. Здѣсь у стѣнъ монастыря пріютился торгъ булками, сладями, колодками для сохъ, издѣліями изъ бересты и проч. На рѣчкѣ виднѣлась какая-то черная масса. Это обыкновенныя рыбацкія лодки, на которыхъ плотно стоялъ народъ, имѣя надъ головами иконы, кресты и хоругви. Масса росла по мѣрѣ присоединенія другихъ лодокъ.

Выждавъ прибытіе послѣдней лодки, тронулись къ берегу, раздался звонъ колоколовъ, изъ монастыря вышелъ крестный ходъ. Со всѣхъ концовъ спѣшили богомольцы. На мѣстѣ встрѣчи образовался яркій, живой коверъ. Народъ буквально облѣпилъ косогоръ, тѣснился на плоскости, прижимался къ монастырской стѣнѣ.

Когда подплывшій крестный ходъ переправился на плотъ и пошелъ въ гору, народомъ овладѣло сильное религіозное чувство; онъ крестился, какъ одной рукой, произносилъ вслухъ молитвы и прошенія о благополучномъ сѣнокошѣ, объ урожаѣ хлѣбовъ.

Картина была деревенски-торжественная. Процессія прослѣдовала въ храмъ, и началась обѣдня соборнѣ съ благочиннымъ Паисіемъ. Отчищенныя паникадила переливались радужными огнями, иконостасъ блестѣлъ позолотой, новыя ризы на монахахъ горѣли. Пѣли два клироса ярославскимъ напѣвомъ, пѣли до того громко, что звуки долго не умолкали въ куполахъ. Хоть древній храмъ и просторенъ, но набилось столько богомольцевъ, что было душно и тѣсно.

Во время обѣдни крестonosцамъ полагается обѣдъ. Два длинныхъ тесовыхъ стола на колышкахъ помѣщались открыто на дворѣ. Для каждаго крестonosца лежала ложка и краюха хлѣба; для четырехъ такихъ приборовъ посрединѣ стояла деревянная чашка. Мужички подходили, снимали шапки и плотно усаживались за столомъ. Разсѣлось челоуѣкъ до ста.

— А если не изъ крестоносцевъ сядутъ?

— Не сядутъ, баринъ,—объяснялъ одинъ.—Мы въ своемъ погостѣ знаемъ, кто съ херувимами¹⁾ ходить.

— У насъ по совѣсти,—отозвался другой.

Принесъ колонистъ-нѣмецъ²⁾ бутылъ съ водкой и сталъ предъ крестоносцами въ позу дирижера.

— Сѣли? Начинай!—скомандовалъ арендаторъ.

Мужички понесли на кухню чашки и возвратились со щами, отъ которыхъ шелъ паръ и распространялъ кислотину. Въ щажъ была капуста, крупа и свѣжій лукъ. Тамъ, гдѣ уже стояли щи, колонистъ наливалъ стаканъ и передавалъ чрезъ плечи обѣдающихъ. Мужички смаковали водку, пріятно крикали и утирались рукавомъ или полою.

Въ одной кучкѣ разговаривали.

— Ну, нонѣ и стаканы—облизнуться.

— И не говори, Федоръ, годъ отъ году хуже.

— Какой это стаканъ, коли на половину днище! Гдѣ только отыскалъ игуменъ? Надо быть, у стараго кабатчика-надувалы, послѣ монополіи.

Кучка засмѣялась.

Въ другой тоже держали рѣчь.

— Будетъ ли по другому-то?

— Развѣ не слыхалъ? Арендатель говорилъ—по одному.

— Ой, сквалыги! Игуменъ тянетъ себѣ, арендатель—себѣ. При Амвросіи попадало по три и болѣ.

— Добрый былъ! Добряга! Гдѣ этому!—раздались голоса.

Щей отпускалось, сколько душѣ угодно. Поэтому инья чашки снова наполнялись. Всѣ ѣли съ большимъ аппетитомъ.

Послѣ щей слѣдовала пшенная каша. Приносили ее также въ чашкахъ, комьями, потомъ поливали постнымъ масломъ и разминали. Кашу ѣли медленнѣе, съ нѣкоторой усладой, потому что болѣе одной чашки не полагалось.

Отѣвшіе кашу направлялись къ чану съ квасомъ. Квасъ былъ тягучій, кислый. Крестоносцы морщились, крихтѣли, но пили и похваляли.

За крестоносцами въ трапезной собрались обѣдать причетники и сторожа изъ крестнаго хода. Тутъ обѣдъ былъ чиномъ выше. На столѣ оловянныя тарелки; у каждой по ломтю чернаго и бѣлаго хлѣба. Но никто пока не садился, чего-то выжидали. Показался отецъ Іона, неся въ рукахъ стаканъ и пузатый графинъ съ водкой. Его окружили сплошнымъ кольцомъ.

— Кому?—предложилъ Іона.—Угощайтесь на здоревье.

¹⁾ Хоругви.

²⁾ Арендаторъ монастырскихъ земель.

Протянулось нѣсколько рукъ, и стаканъ едва успѣвалъ наполняться.

— Отецъ Іона, а мнѣ-то, — умоляюще просилъ красноносый причетникъ, съ опухшимъ лицомъ, въ нанковомъ подрясникѣ, перехваченномъ гаруснымъ поясомъ у самой груди.

— Да ты пиль?

— Вовсе нѣтъ. Давно стою.

— Врешь?

— Ей-Богу, не пиль.

Кто-то, подавая обратно стаканъ, не выпускалъ его изъ рукъ.

— Пусти, чего держишь? — горячился Іона, вырывая стаканъ. — Хитрецъ, за вторымъ лѣзетъ.

Водки оставалось только на днѣ графина.

— Всѣ выпили? — обратился Іона и поболталъ графинъ на свѣтъ.

— Остатки чтецу, — предложилъ чей-то голосъ.

— Я — чтецъ, — какъ изъ земли выросла какая-то убогая горбатая фигура.

— Ну, допивай, да, смотри, чтобъ языкъ не заплетался.

Чтеніе было короткое. За обѣдомъ ѣли ботву, уху, супъ съ головизной и жареную рыбу.

Обѣдающіе вели общій разговоръ, главнымъ образомъ о томъ, что ихъ утруждаютъ путешествіемъ въ монастырь, что они недовольны этимъ праздникомъ, а сами уничтожали подаваемое, какъ говорится, на обѣ щеки.

Кончилась обѣдня. Крестный ходъ пошелъ вокругъ монастыря, а часть духовенства отправилась въ покои игумена.

— Вы что же, отцы, удалились? — спросилъ я батюшекъ.

— А монахи-то на что!? — отвѣтилъ одинъ: — съ насъ довольно.

— Развѣ трудно?

— Сами посудите. Намъ еще по приходу ходить, сколько избъ надо обойти.

— И успѣваете?

— Хоть разорвись.

Въ ожиданіи общаго сбора, батюшки безцѣльно бродили по комнатамъ, сталкивались, перекидывались замѣчаніями о запоздалости обѣда и снова расходились.

Но вотъ на колокольнѣ въ послѣдній разъ ударили по всѣмъ колоколамъ. Игуменскіе покои стали наполняться. Типичное сельское духовенство рѣзко отличалось отъ монаховъ. Молодые и старые священники и діаконы, обросшіе черными, рыжими, сѣдыми волосами, въ синихъ, лиловыхъ, коричневыхъ рясахъ. Физиономіи открытыя, простодушныя, красныя, загорѣлыя, здоровыя. Монахи казались смиренными, постными, какими-то невинными существами. Свѣтскіе гости, по малочисленности, ступшевывались.

Всѣ принялись за чай. Кто помѣстился за общимъ столомъ, кто отошелъ и сѣлъ въ сторонкѣ.

Откуда-то доносилось громкое пѣніе. Я спустился внизъ. Это въ трапезной сѣли обѣдать пѣвчіе, прибывшіе съ крестнымъ ходомъ. Пѣвчіе больше изъ крестьянъ, мальчики, молодые парни. Обѣдъ былъ, какъ и предыдущій.

Поднимаясь вверхъ другимъ ходомъ, я случайно наткнулся на низшую монастырскую братію, исключительно облеченную въ подряскини. Братія скучилась у стола и выдѣляла изъ себя по одному человѣку, который подходилъ къ знакомому Іонѣ и выпивалъ стаканъ водки.

Моимъ приходомъ Іона немножко сконфузился.

— Сегодня разрѣшеніе вина и елея,—замѣтилъ онъ, вкрадчиво улыбаясь.

— Въ какой долѣ?

— Въ самой умѣренной, чтобы не было заблужденій.

Я подождалъ, пока виночершій не соблюлъ очереди. Однако братія переминалась и не садилась.

— Отецъ Іона, а мочала?—спросилъ кто-то глухимъ басомъ.

— Ишь, какіе, хотятъ сначала. Какъ вы думаете?—обратился ко мнѣ монахъ, какъ бы спрашивая моего разрѣшенія.

— Водки въ графинѣ много,—отозвался я.

— Что-жъ дѣлать,—вздыхнулъ Іона.— То было вино, пушай теперь — елея, — усмѣхнулся онъ своей находчивости и сдѣлалъ знакъ подходить снова.

Многіе пріятно переглянулись. Началась вторая очередь. Я отправился далѣе. Въ коридорѣ меня поймалъ о. Геннадій.

— А я васъ ищу. Пожалуйте за столъ. Всѣ садимся.

Мы пошли. Въ передней игумена задержала толпа.

— Пѣвчіе, ваше высокопреподобіе,—заявила толпа.

— Вѣдь вы пообѣдали?

— Главный регентъ, проси,—прохрипѣлъ чей-то голосъ.

Выступилъ маленькій, толстенькій регентъ, съ удивительно большими черными глазами, которые страшно выкатывались.

— Ежели пообѣдали, отецъ игуменъ,—началъ регентъ:—такъ, значитъ, съ праздничкомъ. А мы потрудились, кромѣ того.

— Для себя, ребятушки, быть можетъ?

— Зачѣмъ для себя? У насъ глотка не чужая. Своей потрудились.

— Ахъ, вы, трудники,—произнесъ игуменъ не то съ сожалѣніемъ, не то со злобой и сталъ шарить по карманамъ. Въ это время прибѣжалъ келейникъ и скороговоркой объявилъ:

— Отецъ игуменъ, васъ на трапезу ждутъ.

— Боже милостивый, а я тутъ болтаю.

Геннадій засуетился, сунулъ что-то въ руку пучеглазому регенту и поспѣшилъ въ гостиную.

Всѣ встали. Архимандритъ Паисій благословилъ трапезу и занялъ почетное мѣсто, какъ предсѣдатель многочисленнаго собранія, съ тою лишь разницею, что не по срединѣ, а въ концѣ длиннаго стола. Около него сѣли Геннадій, благочинный окружныхъ церквей и священники, убѣленные сѣдиной. Я тоже пристроился по близости. Далѣе двумя шеренгами протянулись монахи, бѣлое духовенство и гости. Взоры всѣхъ были устремлены на насъ; за нашими дѣйствіями слѣдили. А мы выпивали, закусывали омарами, икрой и морскими рыбами, приготовленными на маслѣ и уксусѣ. Затѣмъ бутылки и тарелки стали сползать, какъ по наклонной плоскости на другой конецъ стола и чрезъ нѣсколько минутъ снова возвращались къ намъ, но уже наполовину опорожненными.

Первымъ блюдомъ былъ пирогъ-рыбникъ. Его подобострастно разносили монахини, начиная, конечно, съ архимандрита. На второе блюдо подавали заливное изъ рыбы; передъ третьимъ же, судакомъ съ гарниромъ, бутылки опять заходили по столу. Игуменъ ежеминутно напоминалъ архимандриту о ѣдѣ и питьѣ, а самъ, замѣтивъ у монаховъ бутылку, дѣлалъ крючкомъ палецъ и шевелилъ имъ, чтобы бутылку возвращали немедленно на нашъ конецъ.

— Игуменъ требуетъ,—говорилъ одинъ монахъ другому.—Наливай скорѣе мнѣ и себѣ.

— А ты на него не смотри, какъ будто не видимъ. Выпьемъ во здравіе.

Подставилъ рюмку третій монахъ.

— Ну, вотъ,—продолжалъ разливающій:—налью отцу Фотію и намъ еще, потомъ пошлемъ игумену.

За четвертымъ блюдомъ, жареной рыбой, общество замѣтно оживилось. Бутылки лѣниво возвращались на первобытное мѣсто, а большинство ихъ вовсе пустовало. Толстые, красные гости обливались потомъ, отдувались, худощавые млѣли и, тяжело охая, вздыхали. Ъли вяло, медленно, больше пили. Надъ столомъ висѣлъ говорливый шумъ, какъ въ пчелиномъ ульѣ. Пьющимъ монахамъ игуменъ уже безъ церемоніи грозилъ пальцемъ.

На нашемъ концѣ держалъ рѣчь благочинный церквей.

— Пошелъ я по духовному вѣдомству, а былъ бы докторомъ,—говорилъ онъ, тихо двигая челюстями.

— Цѣлителемъ тѣлеснымъ,—дополнилъ Геннадій и посмотрѣлъ вопросительно на архимандрита.

— Ну, да, теперь духовнымъ. Когда кончалъ я семинарію, въ то время нашего брата принимали и въ медико-хирургическую академію. Я туда хотѣлъ махнуть. А былъ у насъ ректоромъ Макарій, умершій впоследствии архіепископомъ. Онъ не любилъ дальнѣйшаго образованія, тѣмъ паче свѣтскаго, за чтò и слылъ въ семинаріи «гасильникомъ». Узналъ онъ о моемъ намѣреніи и говоритъ: «пойдешь людей рѣзать, благословенія не дамъ». Побоялся я и принялъ посвятку.

— Ректоръ сдѣлалъ умно, — замѣтилъ Паисій.
 — Умно, — повторилъ Геннадій.
 — Разумно, — подтвердило прочее духовенство.
 — Его умъ предвѣдалъ это, — продолжалъ архимандрить. —
 Послѣ вышелъ синодальный указъ, чтобъ семинаристы оканчивали
 образованіе духовными заведеніями.

— По милости этого указа я изъ семинаріи въ монастырь съ
 горя пошелъ, — вмѣшался монахъ Даніиль.

— Духовная академія есть, — замѣтилъ между прочимъ Паисій.
 — Изъ первыхъ поступаютъ, ваше высокопреподобіе, у кого
 больше мудрости, а прочимъ грѣшнымъ настоятельство въ сель-
 скомъ храмѣ, собирать по приходу, ходить съ сохой, убирать сѣно.

Наступило неловкое молчаніе. На пятое блюдо подавали желе.
 Многіе не ѣли, а взяли просто такъ, изъ деликатности. Архимандрить,
 должно быть, любилъ сладкое; положилъ себѣ достаточную порцію
 и тѣмъ задержалъ общество. Едва онъ кончилъ, всѣ встали. Бѣлое
 духовенство одновременно и благодарило игумена, и прощалось,
 спѣша обходить приходы.

Крестный ходъ проводили до лодокъ. Монастырь опустѣлъ; во-
 дворилась прежняя могильная тишина. Въ игуменскіе покои вер-
 нулись немногіе гости. О. Геннадій сейчасъ же предложилъ архи-
 мандриту отдохнуть послѣ обѣда, на что послѣдній сказалъ даже
 «bene». До вечера я гулялъ по монастырю и его окрестностямъ,
 потомъ мнѣ подали лошадей. Игуменъ стоялъ и смотрѣлъ на мои
 сборы. Вдругъ изъ передней донеслись голоса. Явился съ докла-
 домъ келейникъ.

— Отецъ игуменъ, братія въ городъ идетъ и паспорта просить.
 — Каждый годъ эта исторія, — спокойно сказалъ игуменъ.
 — Зачѣмъ имъ такъ поздно?
 — Праздникъ короткимъ показался.

Въ передней мы проходили сквозь раздвоенную кучку монаховъ,
 которые забрасывали игумена вопросами.

— Послѣ, послѣ, — махалъ онъ руками, поспѣшая за мной.
 — Ну, отецъ Геннадій, — говорилъ я, садясь въ тотъ же таран-
 тасъ, — теперь у васъ двѣ заботы: ревизія и отпускная.
 — Ревизія спитъ и утромъ уѣдетъ, а монахи никуда не уйдутъ.
 — Какъ же вы сдѣлаете?
 — Есть такой магнитъ, который только выставъ, сейчасъ при-
 тянетъ, — игуменъ засмѣялся и добавилъ: — да вы знаете.

Мы попрощались.

Осенью я встрѣтилъ въ Новгородѣ отца Геннадія и справился
 относительно пожертвованій и реставраціи.

— Какъ вамъ сказать,—нѣсколько замѣшался игумень,—съ зимы думаю заготовлять бревна для лѣсовъ въ соборѣ, а къ лѣту испрошу разрѣшеніе у консисторіи.

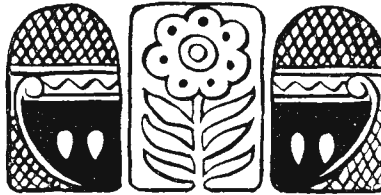
— Значить, дѣло наладится?

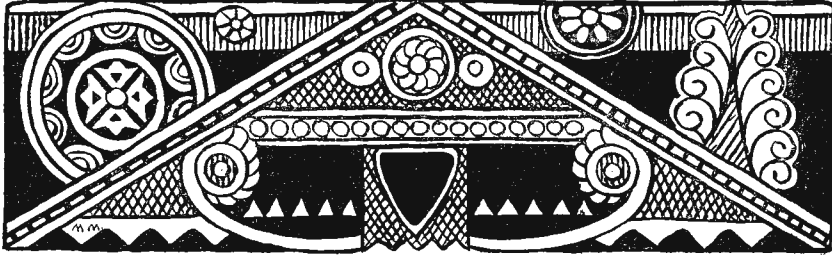
— Какъ нибудь, помаленьку.

— Кабаковъ писать будетъ?

— Не знаю, не рѣшилъ еще окончательно. Прощайте, рабъ Божій. Пріѣзжайте посмотрѣть.

А. Г. Слезкинскій.

ВЪ КАХЕТИИ.

ОВОЛЬНО тяжелая, неуклюжая, стараго фасона четверомѣстная коляска, крѣпкая и хорошо приновленная къ продолжительному колесному пути по горнымъ дорогамъ, быстро катитъ насъ четверкой сытыхъ, здоровыхъ коней по пыльной дорогѣ изъ Тифлиса въ Телавъ, главный городъ живописной Кахетии. Насъ четверо — виноторговецъ, армянинъ, собственникъ обширныхъ виноградниковъ подъ Телавомъ, присяжный повѣренный изъ Тифлиса, — кахетинскій помѣщикъ, — юноша-винодѣль, направляющій путь въ удѣльное имѣнье Цинандалы, и я.

Сентябрьскій день сѣренькій и довольно свѣжій, благодаря частымъ дождямъ послѣдней недѣли. Сначала разговоръ не клеится, но понемножку оживляется. Юноша, ѣдущій на службу въ удѣльное имѣнье, спрашиваетъ о немъ насъ и справляется объ условіяхъ жизни. Незамѣтно рѣчь заходитъ о давно желанной кахетинцами желѣзной дорогѣ, которая бы соединила Кахетию съ рынками для продажи вина и фруктовъ.

— Безъ желѣзной дороги намъ, охъ, какъ трудно! — жаловался армянинъ-винодѣль. — Мы, бѣдные, оторваны отъ всего, сидимъ въ глуши, торговли никакой здѣсь нѣтъ, конкуренціи нѣтъ, винодѣліе не можетъ итти впередъ!

Это было въ прошломъ году. Теперь кахетинцы могутъ надѣяться на лучшее будущее: по свѣдѣніямъ кавказскихъ газетъ, кахетин-

ская желѣзная дорога, давно рѣшенная утвердительно въ принципѣ, будетъ, какъ увѣряютъ, устроена на счетъ казны. Неизвѣстно пока лишь направленіе этой дороги.

Отъ почтовой станціи Гомборы пейзажъ мѣняется. Прежняя плоскость Карталиніи съ встрѣчающимися кое-гдѣ, на горизонтѣ, гористыми пространствами, исчезаетъ, и вы вступаете въ очаровательную, живописную, гористую Кахетію, это сокровище, житницу и винницу Кавказа!

Прекрасное шоссе капризной лентой вьется теперь по безконечнымъ гористымъ ходамъ, а покрытыя густымъ лѣсомъ горы такъ рѣзко отличаются отъ обожженныхъ солнцемъ, нагихъ скалъ, окружающихъ некрасивый, пыльный, почти лишенный зелени, Тифлисъ, этотъ, къ сожалѣнію, главный городъ Карталиніи, прежнюю столицу Грузинскаго царства.

Почти у самаго Гомборскаго шоссе, въ нѣсколькихъ всего верстахъ отъ Телава, виднѣтся красивый Шуамтинскій монастырь, а недалеко отъ него въ сторонѣ, такъ что съ дороги его не видно, старый монастырь, носящій то же имя, упраздненный шесть или семь столѣтій тому назадъ и представляющій собой въ настоящее время лишь интересную историческую развалину.

Время основанія старой Шуамты никому неизвѣстно.

Вы не найдете на этотъ счетъ рѣшительно никакихъ указаній ни въ главной грузинской лѣтописи «Картлисъ-Цховреба», ни у принца Бахрушта, царственнаго историка и этнографа Грузіи, ни у позднѣйшихъ знатоковъ кавказской археологіи—А. Бакрадзе и П. Иосселиани. Кое-что лишь говоритъ объ этой кахетинской древности проф. Лазаревскаго института А. С. Хахановъ¹⁾ и бывшій викарный тифлисскій епископъ Коріонъ²⁾.

Мои спутники, кахетинцы, передали мнѣ между прочимъ свои личныя впечатлѣнія о Старой Шуамтѣ, монастырѣ, очень чтимомъ во всей Кахетіи.

Монастырь стоитъ на значительной возвышенности, въ довольно густомъ лѣсу, откуда видна долина Алазани, у подножія малаго Кавказскаго хребта, красивѣйшая во всей Грузіи, о которой мы скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ. Свое названье «Шуамта», т.-е. средняя гора, или, вѣрнѣе, средигорье, монастырь получилъ, благодаря своему географическому положенію, такъ какъ посрединѣ его горы проходила единственная дорога въ Телавъ изъ Самеба, гдѣ нѣкогда была каѳедра телавскаго епископа. Монастырь теперь, какъ уже сказано, совершенно заброшенъ. На его разрушенныхъ стѣнахъ растутъ деревья.

Въ монастырѣ сохранилось три церкви. Въ одной изъ нихъ еще стоитъ очень старинной работы полуразрушенный иконостасъ

¹⁾ Матер. по археологіи Кавказа, изд. Московск. археолог. общества, вып. VII.

²⁾ Епископъ Коріонъ: Двѣ святыни въ Кахетіи, Тифлисъ, 1901 г.

Алавердскій соборъ въ Кахетіи.

изъ алебастра, съ одними лишь царскими вратами, безъ боковыхъ дверей въ алтарѣ, что указываетъ на его сѣдую древность, когда въ алтарь вовсе не имѣли доступа міряне. Иконостасъ—одноярусный и послужилъ моделью иконостаса въ Сіонскомъ соборѣ, въ

Тифлисъ, когда при князѣ М. С. Воронцовѣ онъ былъ реставрированъ подѣ опытнымъ наблюденіемъ князя Г. Г. Гагарина, что исполнѣ гармонируетъ съ общимъ типомъ грузинской церковной архитектуры, тогда какъ многоярусные иконостасы относятся къ области египтокоптскаго церковнаго водчества. Къ только что описанной церкви прилегаеть вторая, базилико-образная, болѣе древняя, чѣмъ первая, постройка которой, по мнѣнію проф. Хаханова, относится къ V вѣку. Третья церковь, стоящая поодаль, совершенно отдѣльно, — крестообразной формы и менѣе древняго происхожденія.

Сѣрыя облака, покрывавшія небо весь день, подѣ вечеръ превратились въ свинцовыя тучи, и послѣдній перегонъ отъ Тетрицхалъ до Телавъ мы ѣхали подѣ проливнымъ дождемъ. Въ дождь пріѣхали мы и въ Телавъ, въ девятомъ часу вечера.

Въ Телавѣ всего одна гостиница, содержимая хозяиномъ разгонной почты. Она помѣщается во второмъ этажѣ крошечнаго деревяннаго домика грузинскаго типа, съ неизбѣжной верандой, куда выходятъ двери «номеровъ», въ центральной части города. Гостиница содержитъ довольно чисто.

Яркое селнще встрѣтило меня на другой день, хотя небо было не безоблачно.

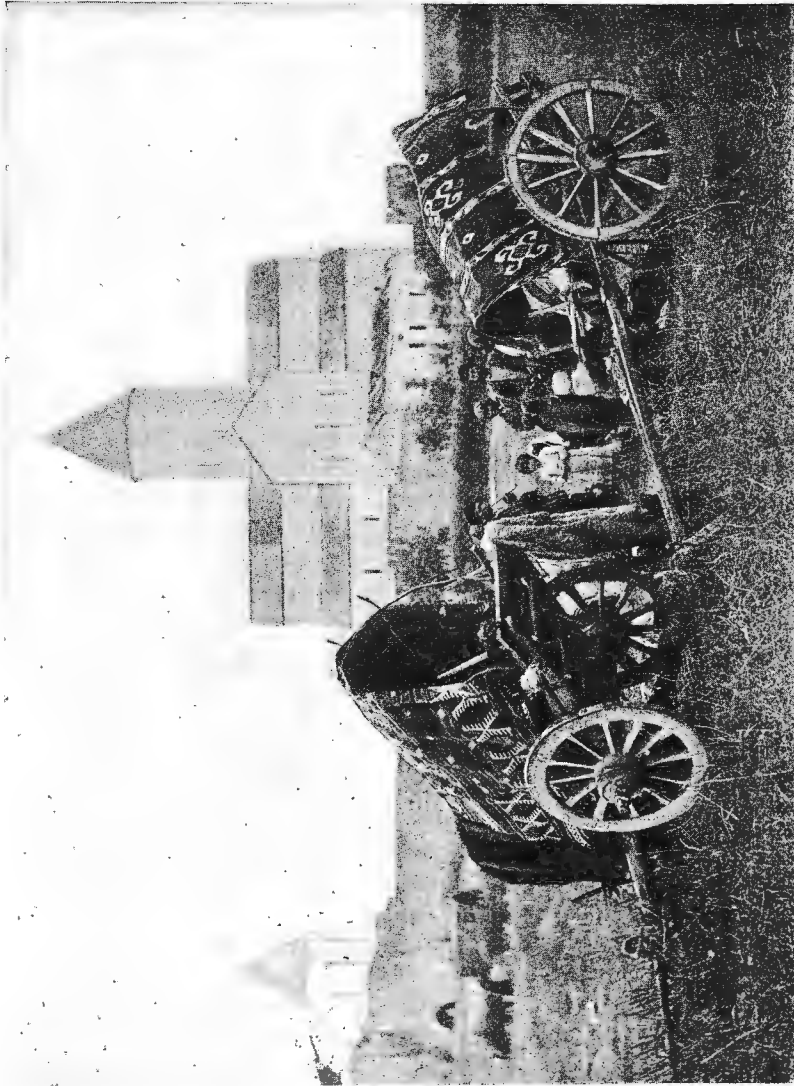
Я вышелъ на веранду, и глазамъ моимъ представилась дивная картина! Предо мной виднѣлась вдали Алазанская долина съ ея безконечными виноградниками, у подножья Кавказскихъ горъ, подернутыхъ фіолетовой дымкой тумана, по откосамъ которыхъ то тихо, то порывисто, повинуясь порывамъ дувшаго со вчерашняго вечера довольно прохладнаго вѣтра, бродили бѣлыя, какъ снѣгъ, облака, цѣпляясь за отроги, сталкиваясь другъ съ другомъ, разбиваясь на клочки, принимая фантастическія формы и разнообразныя очертанія. Можно было цѣлыми часами любоваться на эту сказочно прекрасную игру облаковъ на груди фіолетовыхъ горъ, столь необычную для глаза сѣверянина, не избалованнаго картинами природы, но вотъ сзади послышались чьи-то шаги, кто-то кашлянулъ и остановился.

Я обернулся: это былъ мой вчерашній спутникъ по дилижансу, армянинъ виноторговецъ, любезно предложившій довести меня до той деревни, куда лежалъ мой путь, такъ какъ это было по дорогѣ къ его виноградникамъ, и кстати заѣхать къ нему, посмотреть на его владѣнія.

Мы пустились въ путь на длинной пролеткѣ, запряженной въ одиночку. Направо и налево, непосредственно за чертой города, тянутся виноградныя сады, огороженные плетнями, частенько полуразрушенными, обнаруживающими отсутствіе хозяйскаго глаза. Я передалъ это впечатлѣніе моему спутнику.

— Это оттого, — объяснилъ онъ, — что винодѣлы у насъ бѣдуютъ. Я уже говорилъ вамъ вчера, что по причинѣ нашего удаленія отъ

рынковъ винодѣліе наше хромаетъ. Тутъ рѣдко у кого виноградники хорошо поставлены; еле-еле концы съ концами сводимъ... Къ тому же грузины-помѣщики лѣноваты... Есть, впрочемъ, образцовые!

Грузинская арба.

— Ну, а вашъ садъ каковъ?

На кругломъ, какъ тарелка, лицѣ винодѣла, съ узкими глазками и толстымъ подбородкомъ, мелькнула самодовольная улыбка.

— А вотъ сами увидите, — сказалъ онъ только и сталъ погонять кучера.

Виноградники моего винодѣла оказались въ образцовомъ положеніи. Большая часть ихъ была разсажена въ порядкѣ, по плану, правильными участками («плантажемъ»); были вперемежку и росшіе кучами виноградные кусты. Уходъ за виноградомъ производился самымъ рачительнымъ образомъ. Виноградники старательно обмывались особыми снадобьями, составляемыми изъ раствора сѣры и купороса, что способствуетъ обилію и качеству лозъ.

Культура ихъ стала проникать сюда лишь въ самое послѣднее время, благодаря главнымъ образомъ нашему удѣльному вѣдомству, внесшему съ собой на Кавказъ просвѣщенное отношеніе къ мѣстному винодѣлію. Однако, и посейчасъ кахетинское вино приготовляется почти всѣми поголовно помѣщиками-винодѣлами въ Кахетіи по искони господствующей здѣсь старой системѣ, требующей присутствія вѣточекъ виноградныхъ лозъ при процессѣ броженья, отчего вино это пріобрѣтаетъ неимоверную терпкость, которая можетъ нравиться только некультурному вкусу сыновъ полудикой Кахетіи, любителя же и знатока европейскихъ винъ приводитъ въ отчаяніе, напоминая ему не вино, а какое-то очень невкусное лѣкарство. Чтобы охотно пить настоящее кахетинское вино, нужно быть рожденнымъ кавказцемъ; всѣ же остальные пьютъ его лишь съ большимъ или меньшимъ самопожертвованіемъ, цѣня по достоинству то же самое вино въ прекрасной выдѣлкѣ удѣльнаго вѣдомства. Кое-кто изъ кахетинскихъ виноградовладѣльцевъ пытались было перейти на новый, общераспространенный (онъ былъ бы «новымъ» только для Кахетіи) способъ выдѣлки вина изъ своего превосходнаго винограда, но не сдѣлали тѣмъ реформы: преобладающее большинство изъ нихъ продолжаетъ готовить свою терпкую бурду, увѣряя, что лучше ея нѣтъ на свѣтѣ другого вина, и что даже олимпійская амброзія была, конечно, хуже кахетинскаго вина, если не была этимъ послѣднимъ. Такова сила привычки, и такова своеобразность вкуса.

Чтобы быть вполне справедливымъ, здѣсь слѣдуетъ добавить, что упорство кахетинцевъ и вообще кавказцевъ выдѣлывать виноградъ по своему способу имѣетъ чисто практическій расчетъ. Изготавливая вино старымъ способомъ, винодѣлъ получаетъ его уже готовымъ черезъ 3 мѣсяца послѣ сбора и въ декабрѣ можетъ его продавать, чего, конечно, нельзя ожидать при винодѣліи по западному образцу. Европейскіе винодѣлы ждутъ годы, прежде чѣмъ вино можетъ быть пущено въ обращеніе. На это терпѣнье кахетинцы неспособны; врядъ ли кто изъ нихъ обладаетъ оборотнымъ капиталомъ, да къ тому же и самыя машины и приспособленія для выдѣлки вина по европейскому вкусу стоятъ очень дорого.

Во время легкаго деревенскаго завтрака на верандѣ домика, представляющей собою небольшую надстройку надъ «маранью», т.-е. каменнымъ погребомъ, гдѣ въ вмазанныхъ въ землю глу-

бокихъ кувшинахъ бродить виноградный сокъ, переходя затѣмъ въ вино (такія именно пристройки являются обычнымъ типомъ деревенскихъ жилыхъ зданій винодѣловъ, куда они прѣзжаютъ лишь на сборъ винограда),—къ намъ подѣхалъ сосѣдній молодой помѣщикъ, и разговоръ опять самъ собой зашелъ о прискорбной отчужденности Кахетіи, благодаря отсутствію желѣзной дороги.

Вновь прибывшій съ жаромъ говорилъ о новой черноморской желѣзной дорогѣ, проектъ которой уже былъ тогда, казалось, безповоротно принятъ, и жаловался на неудачу въ этомъ отношеніи кахетинцевъ.

Между тѣмъ вотъ что мнѣ извѣстно въ данную минуту объ этой дорогѣ, осуществленіе которой казалось тогда такъ вѣрнымъ и такъ близкимъ.

Положеніе объ этой дорогѣ было уже утверждено, и линію ея рѣшено было провести отъ западнаго конца закавказской желѣзной дороги по морскому берегу, на Сухумъ и Туапсе, гдѣ, между прочимъ, предполагается новый портъ, а оттуда внутрь страны, черезъ горный перевалъ, къ Екатеринодару. Постройка этой новой линіи предоставлена была обществу владикавказской желѣзной дороги на слѣдующихъ условіяхъ, а именно: строительный капиталъ даетъ и оплачиваетъ процентами казна, при чемъ черноморская дорога считается казенной и лишь состоящей въ управленіи общества, принимающаго на себя и дефицитъ отъ эксплуатаціи, если бы такой оказался.

Казалось, что дѣло окончательно рѣшено, однако же, едва только началась постройка дороги, какъ вдругъ появились и получили ходъ новые проекты направленія дороги—отъ Туапсе не на Екатеринодаръ, а на Армавиръ. Почему это второе направленіе показалось лучше перваго, трудно объяснить... Эта неожиданная перемѣна мѣняетъ, конечно, и положеніе о постройкѣ дороги, утвержденное въ прошломъ году, а также и состоявшееся по этому вопросу съ владикавказскимъ обществомъ соглашеніе, измѣняя существенно и выгоды этого послѣдняго, такъ какъ при новомъ направленіи рельсоваго пути грузы, идущіе съ востока, должны будутъ сворачивать въ Туапсе съ Армавира,—на 250 верстъ раньше Екатеринодара, т. е. дорога лишится соотвѣтствующаго дохода за пробѣгъ товаровъ на протяженіи 250 верстъ. Неизвѣстно, согласится ли общество на такую перемѣну, и если согласится, то на какихъ именно условіяхъ. Вмѣстѣ съ этимъ большое осложненіе встрѣчается въ этомъ вопросѣ и съ другой стороны, — черноморская дорога по дороговизнѣ и техническимъ трудностямъ одна изъ наиболѣе дорогихъ.

Потребуется длинныя тоннели, а береговая линія проходитъ по крутымъ склонамъ, движущимся грунтамъ, пересѣкая массу рѣкъ, ручьевъ и овраговъ, такъ что потребуется множество искусствен-

ныхъ сооруженій. Такимъ образомъ на постройку черноморской дороги, съ подвижнымъ составомъ, потребуется колоссальная сумма—чуть ли не сто милліоновъ рублей, считая по 200.000 р. на версту. Словомъ выходитъ слѣдующее: прошлогодня положеніе и соглашеніе предназначены «на смарку», а новыхъ нѣтъ, и каковы они будутъ—неизвѣстно...

Простившись съ гостепріимнымъ хозяиномъ виноградника, я продолжалъ путь дальше, на этотъ разъ уже верхомъ, такъ какъ въ деревню А-ли, куда я направлялся, гораздо удобнѣе было проѣхать верхомъ, чѣмъ въ экипажѣ: дорога туда шла узкая и притомъ была очень попорчена и размыта лившими въ послѣдніе дни дождями. Мнѣ дали проводника, чтобы не сбиться съ пути, и мы въ нѣсколько минутъ проѣхали рысцой двухверстное разстояніе, отдѣлявшее меня отъ ближайшей цѣли путешествія.

Въ А-ли меня уже ожидали съ тѣмъ милымъ радушіемъ и дружеской привѣтливостью, которыя составляютъ отличительную черту грузинъ, стали спрашивать о моемъ пути и о своихъ тифлисскихъ родныхъ и знакомыхъ. Потомъ мы завели рѣчь объ условленной нами совмѣстной поѣздкѣ въ знаменитый Алавердскій монастырь, престольный праздникъ котораго ежегодно торжественно празднуется 14-го сентября, въ день Воздвиженія Креста Господня, и привлекаетъ къ себѣ массы богомольцевъ со всей Кахетіи и, другихъ мѣстъ Кавказа.

Такъ какъ мы были уже наканунѣ праздника, то и рѣшили ѣхать въ монастырь сегодня же, чтобы посидѣть къ всенощной, (монастырь былъ неподалеку), которой и начинается религиозное торжество обители.

Погулявъ по имѣнію, носящему, какъ и всѣ дворянскія грузинскія имѣнія вообще, слѣды упадка и оскудѣнія, изъ котораго грузинамъ едва ли можно выбраться безъ посторонней помощи, мы стали торопиться обѣдомъ, чтобы выѣхать до сумерекъ и совершить нашъ путь (около 10 верстъ) засвѣтло.

Въ седьмомъ часу вечера мы уже были на лошадахъ и пустились (мы поѣхали, не считая конюха, втроемъ — меня сопровождали два брата М., владѣльцы имѣнія) довольно быстрымъ аллюромъ по направленію къ Алаверди, деревнѣ, получившей свое названіе отъ монастыря.

Мы ѣхали широкой равниной, дрюбуясь живописными кряжами чернѣвшихъ передъ нами горъ, быстро охватываемыхъ надвигающимися сумерками...

Версты за полторы до монастыря мы стали уже встрѣчать арбы богомольцевъ, грузно двигавшіяся къ монастырскимъ стѣнамъ, переполненныя женщинами и дѣтьми. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше народа встрѣчалось на дорогѣ, тѣмъ было люднѣе и оживленнѣе.

Было почти совсѣмъ темно, когда мы подъѣхали къ монастырскимъ воротамъ, съ трудомъ двигаясь среди арбъ, помостовъ съ товарами, лотковъ, козелъ, шалашей, наскоро устроенныхъ для ночлега паломниками и торговцами, пришедшими сюда на годовую ярмарку, открывающуюся наканунѣ Воздвиженія и продолжающуюся цѣлую недѣлю.

— Какая масса народа! — сказалъ я, сидя въ сѣдлѣ и не рѣшаясь соскочить на землю, чтобы не задѣть когонибудь при этомъ ногою....

— Прежде, бывало, больше сходилось сюда и молельщиковъ и для торга, — отвѣчали мои спутники. На этотъ разъ, право, народу ужъ не Богъ вѣсть какъ много.

— А знаете, какъ это странно, — сказалъ старшій М., оглядываясь вокругъ, — какъ много повсюду полиціи, стражниковъ!... Что бы это значило? Этого тоже прежде что-то не бывало...

Дѣйствительно, полиціи было видимо-невидимо! Куда ни оглянись, — мелькали стражники, словно въ ожиданіи чего-то.... Ихъ много встрѣтили мы и въ монастырскомъ дворѣ, и у входа въ храмъ, и, наконецъ, въ самомъ храмѣ.

Всенощная уже давно началась. Церковь была залита огнями. Съ клиросовъ доносились громкіе своеобразные напѣвы грузинскихъ молитвословій. Служилъ самъ епископъ алавердскій — Дмитрій, соборнѣ съ мѣстнымъ духовенствомъ. Тутъ же были и начальники уѣздовъ: Телавскаго — В. В. Г — вичъ и Тіонетскаго — князь Н. З. Ч — въ, а также и начальникъ полицейской стражи, князь И. Д — ри.

Мои спутники насъ познакомили.

— Васъ, конечно, удивляетъ такое обиліе здѣсь полиціи, — сказалъ мнѣ, грустно улыбаясь, князь Ч — въ, высокій благообразный старикъ съ мягкими манерами и пріятнымъ тихимъ голосомъ. — Да и мое присутствіе кажется вамъ страннымъ: зачѣмъ здѣсь быть мнѣ, начальнику другого уѣзда? Не правда ли? А дѣло объясняется вотъ какъ: сегодня ночью, изволите ли видѣть, ожидается нападеніе тушинъ на здѣшнихъ помѣщиковъ! Кто распустилъ этотъ невѣроятный слухъ, ужъ, право, не знаю, но переполохъ полный! И мы здѣсь налицо и полицейскихъ пропасть! Даже изъ Тифлиса войска двигать хотятъ. И посмотрите, — прибавилъ онъ, указывая на толпу молящихся: — почти никого изъ мѣстнаго дворянства и помѣщиковъ! Испугались! И знаютъ, что вздоръ пущенъ по вѣтру, а все-таки не пріѣхали.

Дѣйствительно, богомольцы были исключительно изъ просто-народа.

— Такъ вы увѣрены, что это — ложная тревога? — спросилъ я князя.

— Глубоко въ этомъ убѣжденъ! Большинство тушинъ живутъ въ моемъ, Тіонетскомъ, уѣздѣ, и я ихъ прекрасно знаю! Это — спо-

койный народъ, и, скажите, зачѣмъ имъ дѣлать смуту? Конечно, аграрныя движенія на Кавказѣ теперь заурядное явленіе, но вѣдь они—результатъ отдѣльныхъ недоразумѣній, зачѣмъ же дѣлать нападеніе скопомъ? И почему тушины стануть его дѣлать?... Они страшно возмущены этой клеветой на нихъ!...

— Кто же затѣялъ всю эту кашу?

— Не знаю. Ктонибудь изъ охотниковъ видѣть ужасы тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, или просто изъ желанія выслужиться. Ручаюсь, что все это—чистѣйшій вздоръ, фантазія больного воображенія.

Всенощная приходила къ концу. Народъ, котораго вообще было не очень много, сталъ подходить ко кресту.

Изъ интеллигентныхъ лицъ я никого не замѣтилъ, если не считать нѣсколькихъ чиновниковъ духовнаго вѣдомства, пріѣхавшихъ сюда изъ Телава.

Храмъ опустѣлъ лишь въ десятомъ часу. Вечеръ былъ тихій и прохладный. Я устроился на ночлегъ въ большомъ монастырскомъ флигелѣ, подъ покоеми епископа, помѣщающагося въ верхнемъ этажѣ, вмѣстѣ съ должностными лицами, пріѣхавшими сюда на праздникъ и радушно предложившими мнѣ широкую тахту въ отведенной для нихъ комнатѣ. Во время ужина, который прошелъ очень оживленно, князь Ч. и г. Г. (начальникъ Телавскаго уѣзда) дѣлали объѣздъ вокругъ монастыря. Все было совершенно мирно и спокойно. Ночь прошла также въ полнѣйшей тишинѣ, и ожидавшееся «волненіе» тушинъ оказалось, какъ и слѣдовало думать, басней.

Мы расположились на сонъ грядущій довольно поздно, прослушавъ, по кавказскому обычаю, нѣсколько мѣстныхъ пѣсенъ, прекрасно исполненныхъ подъ заунывно-однотонный акомпанементъ неизбежной зурны.

На утро, передъ тѣмъ какъ итти въ соборъ къ обѣднѣ, начавшейся въ 8 часовъ, мы прошли по ярмаркѣ, у монастырскихъ стѣнъ. На эту популярную въ Кахетіи ярмарку изъ года въ годъ издалека приходятъ и пріѣзжаютъ мѣстные кустари со своими незатѣйливыми товарами собственнаго издѣлія для продажи и мѣнового торга. Этотъ своеобразный базаръ прихотливо раскидывается на широкой равнинѣ, окружая живописнымъ кольцомъ разнохарактерной смѣси племенъ и лицъ и разнообразныхъ разложенныхъ и развѣшенныхъ товаровъ толстыя стѣны гигантскаго собора древне-грузинской постройки, возведеннаго здѣсь еще въ IX вѣкѣ. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь высится соборъ, хорошо видимый изъ Телава, несмотря на 18-верстное разстояніе, стояла въ V вѣкѣ церковь св. Георгія, построенная Иосифомъ, однимъ изъ 13-ти сирійскихъ старцевъ, пришедшихъ для проповѣди слова Божьяго въ Грузію.

Выстроенный на мѣстѣ прежней церкви соборъ былъ сначала тоже во имя св. Георгія, но послѣ перенесенія сюда царемъ Лео-

номъ частицы св. Креста изъ Іерусалима храмъ освященъ во имя Воздвиженія, а наверху, на хорахъ, устроенъ особый придѣлъ во имя св. Георгія. Въ соборѣ, между прочимъ, погребенъ царь Теймуразъ съ сыномъ Давидомъ, а въ алтарѣ покоятся мощи кахетинской царицы Кетеваны, замученной за вѣру при Шахъ-Аббасѣ.

Служба въ соборѣ тянулась медленно, какъ это бываетъ всегда при архіерейскомъ богослуженіи.

Народу было не очень много, столько же, сколько и наканунѣ, за всенощной. Интеллигенція въ лицѣ мѣстныхъ помѣщиковъ отсутствовала, какъ и вчера вечеромъ.

Подъ навѣсомъ импровизированнаго рестораника мы сѣли за столъ «заморить червячка» послѣ обѣдни. Тутъ же было и нѣсколько пріѣхавшихъ изъ города утромъ лицъ. Были тутъ и незамѣченныя мною вчера фигуры въ своеобразныхъ національныхъ костюмахъ.

Разговоръ вертѣлся, конечно, на ожидавшемся ночью нападеніи тушинъ.

— Какъ бы хотѣли мы знать, кто завелъ на насъ эту возмутительную клевету!—громко и съ одушевленіемъ говорилъ высокій пожилой человекъ, съ сѣдѣющей черной бородой и пронизательнымъ взоромъ, одѣтый въ костюмъ пастуха-тушина. — Мы показали бы этому господину, какъ дурно сѣять смуту тамъ, гдѣ все мирно и тихо! Неужели думаютъ, что это полезно Кавказу, неужели предполагаютъ, что умышленнымъ отыскиваніемъ разныхъ «волненій», стачекъ, заговоровъ—тамъ, гдѣ всего этого и въ помыслахъ нѣтъ, можно поддержать спокойствіе въ нашей несчастной странѣ, не видѣвшей хорошаго управленія со временъ незабвеннаго князя Воронцова?

Я съ удивленіемъ слушалъ эти рѣчи изъ устъ пастуха, сразу приковавшаго къ себѣ мое вниманіе.

— Позвольте васъ познакомиться,—обратился ко мнѣ одинъ изъ новыхъ моихъ знакомцевъ по вчерашнему ужину,—съ г. Б—ли. Онъ только что спустился къ намъ изъ Тушетіи.

Пастухъ протянулъ мнѣ руку, и мы разговорились. Б—ли—одинъ изъ интереснѣйшихъ типовъ, встрѣчающихся только здѣсь, на своеобразномъ Кавказѣ! Прекрасно образованный, бывшій нѣкогда учителемъ въ Тифлисѣ, знающій иностранные языки, побывавшій за границей и съ удовольствіемъ дышавшій воздухомъ Европы, Б—ли не могъ жить безъ своей родимой Тушетіи и, несмотря на европеизмъ, засѣлъ въ своихъ неприступныхъ горахъ, женился на простой тушинкѣ и почувствовалъ себя счастливымъ.

Мнѣ нигдѣ не доводилось видѣть такой безпредѣльной, страстной любви къ родинѣ, какъ здѣсь, среди горцевъ Кавказа. Никакія сокровища міра не могутъ стащить его съ его родныхъ скалъ, неприступныхъ, негостепріимныхъ, обвѣваемыхъ вѣтрами и палимыхъ жгучимъ солнцемъ!

Вспомните «Пѣсню хевсура» князя Р. Эристова ¹⁾—и вы поймете, что такое родина для кавказскаго горца, способнаго умереть вдали отъ своихъ къ небу стремящихся гордыхъ вершинъ...

— Трудно живется намъ теперь здѣсь, на Кавказѣ,—говорилъ мнѣ другой горецъ:—совсѣмъ не знаешь, что вокругъ творится! Туземцы почему-то на заднемъ планѣ, такъ сказать, не въ милости, а куда же, скажите, пожалуйте, дѣваться туземцамъ? Грузинъ не въ авантажѣ у себя въ Грузіи, а скажите, чѣмъ грузины провинились?

— Мнѣ кажется, вы преувеличиваете,—старался я возражать.

— Къ сожалѣнію, нисколько! Грузинъ-чиновникъ скорѣе можетъ получить мѣсто внѣ Кавказа, чѣмъ у себя на родинѣ. Отвѣтственныя мѣста даются здѣсь исключительно русскимъ, словно туземцы не заслуживаютъ довѣрія. Это рѣшительно не понятно и не имѣетъ никакого серьезнаго основанія.

Если на Кавказъ смотрятъ, какъ на окраину, и примѣняютъ крайнюю политику, то это ошибка—самая вопиющая.

Кавказъ вовсе не балтійскія провинціи и не Финляндія, гдѣ то и дѣло замѣчаются вспышки сепаратистскаго духа. Гдѣ же и когда же такой сепаратизмъ былъ замѣчаемъ у насъ, грузинъ?

Въ разговоръ вмѣшалось еще нѣсколько человѣкъ.

— У насъ во что бы то ни стало хотятъ найти сепаратизмъ,—замѣтилъ молодой врачъ-грузинъ изъ Тифлиса.—Прочтите писанія «Московскихъ Вѣдомостей», которыя вообще пишутъ Богъ вѣсть что о Кавказѣ (возьмите хотя бы г. Волынца, разоблачающаго нефтяныя тайны и вызвавшаго официальныя опроверженія).

Въ три часа насъ пригласили къ обѣду въ архіерейскіе покои. Они помѣщаются въ верхнемъ этажѣ ближайшаго къ монастырскимъ воротамъ флигеля, довольно обширны, но убраны скудно и бѣдно.

Епископъ (изъ рода князей Абашидзе), еще очень молодой человѣкъ, любезно насъ привѣтствовалъ и попросилъ къ столу, за который мы и сѣли, послѣ краткой молитвы.

Трапеза была обильная, постная, изобилующая очень вкусными мѣстными овощами.

За обѣдомъ мы присутствовали при трогательномъ обрядѣ, сохранившемся до нашихъ дней съ отдаленныхъ временъ христіанства. Епископу подали блюдо съ просфорой. Онъ раздѣлилъ ее на мелкіе кусочки послѣ молитвословія, призывая на трапезу благоденіе Богоматери, какъ бы невидимо съ нами присутствующей, скушалъ кусочекъ просфоры и передалъ блюдо ближайше къ нему сидящему. Послѣдній съ поклономъ вкусилъ просфоры и, поцѣ-

¹⁾ См. мою статью «Грузинскій поэтъ-народникъ». «Историческій Вѣстникъ», октябрь 1901 года.

ловавъ край блюда, передалъ сосѣду, который сдѣлалъ то же самое. Блюдо медленно обошло длинный столъ, и каждый изъ насъ, крепясь, бралъ и ѣлъ частичку просфоры, соединившей насъ на мгновение въ совмѣстной молитвѣ и братской трапезѣ.

На другой день я вернулся въ Телавъ.

Телавъ—крошечный уѣздный городокъ, весь потонувшій въ зелени, что придаетъ ему большую прелесть, несмотря даже на убожество городскихъ построекъ, имѣющихъ въ общемъ видъ какихъ-то развалинъ, а не жилыхъ помѣщеній. О мостовыхъ и тротуарахъ нечего и говорить: ихъ почти нѣтъ, за исключеніемъ развѣ мѣстности у крѣпостной стѣны, лучшей части города. Отчего городъ не ремонтируется, не поддерживается, а постепенно все больше и больше разрушается и разваливается, одинъ Богъ вѣдаетъ. Я пытался выяснитъ этотъ вопросъ въ разговорѣ съ телавцами, но безуспѣшно. Нѣтъ денегъ, — былъ общій отвѣтъ, но это собственно отговорка, а не серьезная причина, такъ какъ при умѣломъ веденіи городского хозяйства въ каждомъ городѣ могутъ быть и должны найтись деньги для его благоустройства, хотя бы самаго примитивнаго.

За высокой крѣпостной стѣной, о которой мы только что упомянули, хорошо уцѣлѣвшей со временъ Кахетинскаго царства, — рядъ городскихъ учреждений. Это—центральная часть города. Тутъ—тюрьма, казначейство, духовная семинарія, соборъ, церковь св. Нины и женское учебное заведеніе св. Нины (съ правами и курсомъ гимназій), помѣщающееся въ бывшемъ лѣтнемъ дворцѣ грузинскихъ царей. Здѣсь, въ этомъ самомъ дворцѣ, давно, конечно, передѣланномъ и перестроенномъ, умеръ въ исходѣ XVIII столѣтія царь Грузіи, Ираклій II, сынъ Теймураза и отецъ послѣдняго царя грузинскаго Георгія XIII. Высокая, круглая, сводчатая комната, гдѣ окончилъ дни злополучный царь Ираклій вскорѣ послѣ опустошительнаго набѣга на Грузію Ага-Мухаммедъ-хана, обращена теперь въ школьную библіотеку. Мраморная дощечка на стѣнѣ этой комнаты, висящая довольно высоко, между шкапами, въ полутьмѣ и не всѣмъ замѣтная, лаконически говоритъ объ историческомъ прошломъ этого покоя.

Зачѣмъ и кому понадобилось обращать царскую опочивальню въ школьную библіотеку? Развѣ для этой послѣдней не могло найтись другого помѣщенія, и развѣ нельзя было оставить мѣсто смерти царя Ираклія въ неприкосновенности, помѣстивъ, наприкладъ, тамъ, гдѣ онъ умеръ, образъ или обративъ всю комнату въ часовню?

Около дворца густой, тѣнистый садъ, гдѣ теперь играютъ и гуляютъ ученицы.

Близъ крѣпостной стѣны, на одной изъ старыхъ башенъ которой высится колокольня плотно примыкающей къ ней армянской

церкви, разбить прекрасный бульваръ,—мѣсто обычныхъ прогулокъ и взаимныхъ встрѣчь горожанъ, не имѣющихъ, кромѣ этого, другого бульвара.

Телавъ построенъ въ IX в., но столицей Кахетинскаго царства онъ не былъ даже въ XV столѣтіи, такъ какъ долгое время ею было Греми, теперь незначительное мѣстечко за Алазанью, гдѣ провелъ свое царствованіе славнѣйшій изъ царей Кахетіи—Леонъ, ходившій походомъ на Іерусалимъ и принесшій оттуда частицу древа св. Креста, хранящуюся нынѣ въ Алавердскомъ соборѣ, какъ уже упомянуто выше.

Столицей Телавъ сталъ лишь при царѣ Арчилѣ въ XVII вѣкѣ, перенесшемъ свою резиденцію сюда изъ Греми, въ виду частыхъ набѣговъ горскихъ племенъ.

Имъ же выстроена была и Телавская крѣпость съ дворцомъ, о которомъ мы только что говорили.

Я провелъ въ Телавѣ нѣсколько дней. Общей темой разговоровъ былъ упадокъ экономическаго положенія Кахетіи и въ отношеніи помѣщичьихъ угодій и въ отношеніи крестьянскихъ земель, весьма замѣтный для всякаго, кто побываетъ въ этой тихой и живописной области, полной растительности и восхитительныхъ ландшафтовъ. Откуда идетъ этотъ упадокъ, гдѣ его корень, гдѣ начало и причины, — на эти вопросы трудно и даже врядъ ли возможно отвѣтить съ опредѣленностью. Упадокъ всѣхъ грузинскихъ помѣщичьихъ имѣній вообще замѣчается на Кавказѣ уже издавна. Грузинское оскуднѣніе началось много десятковъ лѣтъ назадъ и только прогрессируетъ. Пока грузинскіе помѣщичьи аристократы, потомки царей и царевичей, только думали и готовились приняться наконецъ за правильную эксплуатацію своихъ разоренныхъ усадебъ и тѣмъ уменьшить ихъ задолженность,—трудолюбивые армяне демократы сдѣлали мирныя завоеванія въ области торговли и промышленности Кавказскаго края и, благодаря этому, получили силою вещей значительное экономическое преобладаніе въ странѣ. Время было упущено, и теперь грузинское землевладѣніе переживаетъ трудныя времена. Никого винить въ этомъ нельзя. Жизнь складывается изъ амальгамы всевозможныхъ обстоятельствъ, связанныхъ между собою причинностью и вытекающихъ одно изъ другого, какъ заключеніе силлогизма изъ его посылокъ. Еще болѣе закономѣрно двигается жизнь историческая, моменты которой являются неизбѣжнымъ результатомъ пережитого. Трудолюбіе и здравый смыслъ армянина-купца и безхитростная непрактичность грузина-барина являются прямыми послѣдствіями исторической жизни этихъ народовъ, одного, привыкшаго къ безконечнымъ царственнымъ междоусобіямъ, закончившимся паденіемъ Грузіи, какъ самостоятельной единицы, и другого, силою воли и трудомъ завоевавшего себѣ право существованія. Кого же, повторяемъ, можно здѣсь винить? Никого—судьбу.

Многіе помѣщики и въ Карталиніи и въ Кахетіи, да и въ другихъ мѣстахъ Кавказа, прекрасно сознають только что сказанное, но сразу измѣнить свое положеніе, конечно, не могутъ. Прибавьте ко всему этому увеличеніе налоговъ и повинностей на земли, съ одной стороны, и общее вздорожаніе жизни, съ другой, и вамъ станутъ до нѣкоторой степени понятны экономическія невзгоды Кахетіи, у которой, однако, кромѣ приведенныхъ невзгодъ, есть еще одна, сильно отражающаяся на ея экономическомъ благосостояніи. Я говорю объ отсутствіи желѣзной дороги, которая бы связала эту богатую страну виноградниковъ съ рынками для сбыта вина и фруктовъ. Эта изолированность Кахетіи, изъ-за которой главные мѣстные продукты—вино и фрукты, не попадаютъ на кавказскіе рынки, а остаются дома, сильно понижаетъ цѣны на сказанные товары, такъ что въ Телавѣ подчасъ цѣны на фрукты доходятъ до невѣроятной дешевизны.

Желѣзная дорога въ Кахетіи была бы полезной еще и вотъ въ какомъ отношеніи—она подняла бы природныя богатства этой области. Мнѣ не разъ, на примѣръ, приходилось слышать о сравнительно недавно открытыхъ, будто бы, нефтеносныхъ жилахъ въ Вардисубани и въ имѣніи г-на Ц—ли, Земо-Ходашени, Телавскаго уѣзда. Я разспрашивалъ г. Ц—ли лично объ этихъ жилахъ, встрѣтившись съ нимъ на Алавердскомъ праздникѣ, но ничего определеннаго не узналъ, такъ какъ буреніе почвы пока не привело къ желаннымъ результатамъ, но, несомнѣнно, по мнѣнію знатоковъ дѣла, нефть далеко не чужда Кахетіи. Есть также въ Кахетіи и залежи грифельнаго камня. Онѣ обнаружены въ имѣніи князя Ч—ва, Матани, Тіонетскаго уѣзда. До настоящаго времени этотъ камень добывался только въ Баваріи. Къ сожалѣнію, однако, до сихъ поръ правильной эксплоатаціи типографскаго камня въ имѣніи Матани не производится такъ же, какъ и къ добыванію нефти въ Кахетіи еще не приступлено съ должной энергіей и систематичностью. А это очень жаль: почва Кавказа богата скрытыми въ ней дарами природы и требуетъ лишь предпринимателей.

Въ семи верстахъ отъ Телава—извѣстное удѣльное имѣнье Цинандалы, щеголяющее «последнимъ словомъ» въ дѣлѣ виноградоводства. Тамъ въ обширномъ трехъэтажномъ каменномъ зданіи, два этажа котораго возвышаются надъ землею, а третій ушелъ въ подземелье,—цѣлое царство всевозможныхъ выжимательныхъ пресовъ, чановъ, кувшиновъ, винохранилицъ, очистительныхъ ситокъ и пр. и пр., составляющихъ гордость роскошнаго винодѣлательнаго хозяйства.

Домъ въ саду, гдѣ помѣщается управляющій имѣніемъ,—тотъ самый, гдѣ жилъ нѣкогда князь Давидъ Александровичъ Чавчавадзе, прежній владѣлецъ Цинандалъ, съ семьею, остался, какъ мнѣ говорили, почти безъ измѣненія. Тутъ же жила и Нина Александровна Грибоѣдова, всю жизнь оплакивавшая безвременную

и трагическую кончину своего гениальнаго мужа. Окружающій домъ обширный садъ полонъ воспоминаніями о ней: вотъ «бесѣдка Нины», надъ рѣчкой, окруженная гигантскими кипарисами, вотъ ея любимая скамья, аллея, гдѣ она любила гулять, вотъ полуразрушенная часовня у обрыва, гдѣ она плакала и молилась.

Здѣсь, въ гостепріимной семьѣ князя Захарія Чавчавадзе, владѣльца одной изъ остальныхъ частей громаднаго Цинандальскаго имѣнія, не перешедшихъ въ удѣльное вѣдомство, я много слышалъ объ этой замѣчательной женщинѣ. Н. А. Грибоѣдова уже ѣхала къ мужу въ Тегеранъ, когда въ Эривани сопровождавшій ее отецъ узналъ объ убійствѣ А. С. Грибоѣдова. Подъ какимъ-то предлогомъ онъ возвратился съ дочерью въ Тифлисъ, ни однимъ словомъ не давъ ей понять объ ужасной вѣсти. Однако, эта страшная новость скоро открылась ей: княгиня Паскевичъ, родственница ея по мужу, ей все пересказала съ непростительной неосмотрительностью и поспѣшностью недалновидной женщины, не подготовивъ ея даже къ ужасному горю... Несчастливая, готовившаяся уже быть матерью, безъ чувствъ свалилась на коверъ и разрѣшилась вскорѣ затѣмъ мертвымъ ребенкомъ. За тѣломъ Грибоѣдова ѣздилъ въ Тегеранъ князь Романъ Чавчавадзе, отецъ нынѣ здравствующихъ извѣстныхъ въ Кахетіи землевладѣльцевъ, князей Захарія и Мамука Чавчавадзе,—который и привезъ трупъ убитаго дипломата-драматурга на арбѣ въ Тифлисъ; на пути эту арбу встрѣтилъ А. С. Пушкинъ...

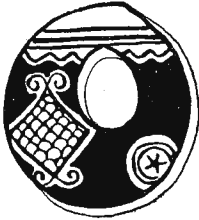
Я кончаю маленькой экскурсіей въ область грузинской филологіи. Дѣло въ томъ, что очень многіе (даже въ Грузіи) принимаютъ названіе Алавердскаго монастыря въ Кахетіи за восточное слово, которымъ оно и кажется дѣйствительно съ перваго раза. При этомъ обыкновенно рассказываетя пресловутая легенда о владѣтельномъ ханѣ, въ эпоху владычества мусульманъ надъ Грузіей, выстроившемъ церковь и принявшемъ христіанство съ радости отъ возвращеннаго ему Аллой пропадавшаго въ сосѣднихъ горахъ охотничьяго сокола, откуда, будто, и пошло названіе мѣстности и построеннаго тамъ монастыря—Алаверды, т.-е. Богъ далъ по-турецки. Эта дѣтская сказка, конечно, меня не удовлетворила, и я предпочитаю видѣть въ названіи знаменитаго собора и сосѣдней деревни «Алаверди» сочетаніе чисто грузинскихъ словъ Альванисъ гверды, т.-е. граница Альвана. Это объясненіе, добытое мною на мѣстѣ, вполне правдоподобно, естественно и этнографически вѣрно, такъ какъ Альванское плоскогоріе, служившее нѣкогда, при кахетинскихъ царяхъ, сборнымъ пунктомъ войскъ, лежитъ какъ разъ вблизи Алавердскаго храма, у р. Алазани, на межѣ земель Алавердскаго монастыря. Если я ошибаюсь, было бы желательно услышать по этому вопросу мнѣніе знатоковъ грузинской старины.

С. Уманець.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Отвага русскихъ въ Швейцаріи въ 1799 г.—Графъ К. Нессельроде и его отецъ.— Шестилѣтнее величіе Наполеоновской имперіи отъ Аустерлица до выступленія изъ Москвы.

ТВАГА русскихъ въ Швейцаріи въ 1799 году. Въ первой майской книгѣ «La Nouvelle Revue» помѣщена статья о Суворовѣ, подъ заглавіемъ «Le courage des russes»¹⁾, которая можетъ быть причислена къ разряду сочиненій, не обидныхъ для русскаго самолюбія, особенно послѣ не такъ давно появившейся книги того же автора, Эдуарда Галю,

и о томъ же Суворовѣ. Собственно говоря, эта статья лишь извлечение изъ новаго труда: «La campagne d'Helvetie», которому предстоитъ появиться въ недалекомъ будущемъ. Въ ней авторъ касается послѣдняго похода доблестнаго русскаго генералиссимуса, а именно того момента, когда послѣднему было поручено императоромъ Павломъ нанести ударъ въ Швейцаріи французскому генералу Массенѣ и выручить генерала Римскаго-Корсакова.

12-го сентября 1799 г. Суворовъ покинулъ Италію и во главѣ 23.000 русскихъ и 4.000 австрійцевъ, которыми командовалъ Оффенбергъ, занялъ Альтдорфъ 26-го сентября новаго стили. Удивленный, что не встрѣтилъ тамъ курьеровъ Корсакова и Готце, которые должны были къ нему присоединиться, Суворовъ считалъ, что, разбивъ Лекурба и уйдя въ Зеедорфъ, онъ будетъ изолированъ отъ французскихъ войскъ. 27-го сентября, на зарѣ, находясь въ 18 километрахъ отъ Швица, онъ прислушивался, не раздадутся ли въ со-

¹⁾ «Le courage des russes». E. Gachot. La Nouvelle Revue. 1 Mai 1904.

сѣднихъ горахъ пушечные выстрѣлы, что послужило бы указаніемъ на движеніе Готце. Но Суворовъ слышалъ лишь громъ пушекъ французскаго генерала Лекурба, стрѣлявшаго съ моста чрезъ Рейсъ въ 1-й баталіонъ Розенберга, упорно двигавшагося на Флюэльнъ, портъ озера Четырехъ Кантоновъ. Желаніе имѣть свѣдѣнія о своихъ союзникахъ-австрійцахъ и опасеніе оказаться запертымъ, если онъ быстро не маневрируетъ между Амъ-Штейгеномъ и Бюргленомъ, побудили его объяснить генераламъ, что двѣ сотни казаковъ Поздѣва отправились въ 6 часовъ къ Муотъ, и отрядъ князя Багратіона близко слѣдуетъ за ними; они же должны всѣмъ своимъ центромъ дефилировать влѣво отъ Альтдорфа, позади бригады Оффенберга; обозъ, который спускался съ С. Готарда, долженъ былъ стать паркомъ между Бюргленомъ и Трюделингомъ; предстояло прикрыть его противъ всѣхъ нападений арьергардомъ Розенберга и, во что бы то ни стало, присоединиться къ Линкену. Тщетно французскій эмигрантъ Варикуръ, слѣдовавшій за Суворовымъ, указывалъ ему, что дорога, избранная послѣднимъ для прохода войска, доступна въ хорошее время года лишь охотникамъ на сернѣ, и что осторожнѣе, а главное легче, покинуть уже разоренную Шехенскую долину и подняться, какъ можно скорѣе, по Рейсу и Дефилямъ Мадеранерталь, чтобы, наконецъ, черезъ сорокъ восемь часовъ войти въ долину Рейна, гдѣ австрійцы соединили главныя силы и продовольствіе. «Болѣе того,—говоритъ Гашо, воспѣвъ диоирамбы мудрости своему соотечественнику,—Варикуръ предвидѣлъ, что Лекурбъ, силы котораго каждый преувеличивалъ, не преминулъ бы напасть съ тыла на русскій арьергардъ, когда войско дефилировало бы въ Кинцигскій проходъ, и обозъ, безъ котораго нельзя было прожить двухъ дней, попалъ бы въ руки французовъ».

Эти мудрые совѣты были отвергнуты Суворовымъ; авторъ отчасти оправдываетъ его, говоря: «Впрочемъ, могъ ли Суворовъ, зайдя такъ далеко, итти вспять? Могъ ли онъ выказывать страхъ предъ нѣсколькими республиканскими баталіонами, совершая нѣчто въ родѣ отступленія къ Диссентису? Тогда противъ него стали бы снова иронизировать австрійцы. Даже въ глазахъ русскихъ онъ разомъ потерялъ бы значеніе «непобѣдимаго».

Только 27-го сентября новаго стиля, въ 9 часовъ утра, Суворовъ двинулся въ путь. Онъ ѣхалъ на мулѣ; Шехенская дорога была неровная, что не мѣшало ему торопиться, составляя различные планы. «Гордый московитъ,—говоритъ Гашо,—сравнивалъ себя съ Цезаремъ, зимою переходившимъ Альпы, и надѣялся на побѣду по ту сторону горъ, какъ и послѣдній». Когда они проѣзжали мимо дома Вильгельма Телля, то проводникъ Гамма перекрестился и сказалъ: «Это домъ нашего великаго Вильгельма Телля». На это Суворовъ ничего не отвѣтилъ и сталъ погонять мула. На общественной площади онъ присоединился къ великому князю

Константину, помѣстившемуся у крестьянина. При выѣздѣ изъ Бюрлена, его вниманіе перенеслось на солдатъ, лежавшихъ по нѣскольку вдоль опушки дороги, и онъ отдалъ приказъ офицерамъ прибѣгать къ строгому наказанію, чтобы не нарушалась дисциплина; затѣмъ, онъ направился между утесами горъ, покрытыхъ снѣгомъ, въ узкую и длинную Шехенскую долину. Было сумрачно и холодно. Суворовъ, великій князь Константинъ, четыре генерала, казначей Троценко, десять офицеровъ и нѣсколько казаковъ, составлявшихъ конвой, проѣхали мимо посторонившейся густой колонны солдатъ. По дорогѣ раздавалось Суворовское здорово тѣмъ изъ нихъ, которые шли бодро, и проклятіе уставшимъ. Нѣкоторые изъ солдатъ, посмѣлѣе, обращались къ нему, прося хлѣба, на что въ отвѣтъ слышалось обѣщаніе, что, можетъ быть, вечеромъ, а на другой день навѣрно, они достигнутъ Линкена, и тогда испытанія окончатся для царскихъ солдатъ, которые сумѣютъ снова отмѣтить каждый день новымъ служеніемъ и новой побѣдой.

Пройдя чрезъ Шехенъ въ Лорето чрезъ узкій и длинный проходъ, Гамма узналъ отъ пастуха, что за день до этого было большое сраженіе предъ Цюрихомъ, исхода котораго онъ не зналъ. Суворовъ полагалъ, что французская армія, выйдя ночью изъ своего лагеря и ударивъ на полки Корсакова, должна быть отброшена. Сгорая отъ нетерпѣнія достигъ скорѣе мѣста сраженія, онъ еще болѣе погонялъ мула, хотя дорога была тяжелая. Въ 4-хъ километрахъ отъ Бюрлена, влѣво отъ Клаузенской дороги, началась Кинцигская тропинка, шириною въ 5 футовъ, пересѣченная на первомъ планѣ ручьемъ. Вслѣдствіе ея узкости было невозможно собрать войско массой при входѣ въ нее. «Всегда отважные казаки,— говоритъ Гашо,— и 3 баталіона пѣхоты прошли, не оставивъ слѣдовъ. По словамъ крестьянина Матти, казаки двигались до Спирингена, а оттуда чрезъ Герчвидеръ, подымаясь по опасной тропинкѣ, примыкавшей къ Кинцигъ-Кульму, не сходя съ лошадей». Къ полдню небо просвѣтлѣло, и внизу ничего не было видно, кромѣ первыхъ уступовъ горъ. Едва крестьяне завидѣли войско, какъ попрятали остатки скота и всѣ запасы, а сами скрылись.

На второмъ поворотѣ тропинки Суворовъ остановилъ главный штабъ и далъ приказъ понтонерамъ расширить тропинку на одинъ футъ, иначе регулярная кавалерія, а также вьючныя животныя не могли подниматься, гдѣ суживалась тропинка, не загромаждая ея, а этого надо было избѣгать для предупрежденія задержки общаго движенія. Багратіонъ возвратился, исполнивъ часть приказаній, полученныхъ утромъ, и, получивъ новыя распоряженія, опять отправился, на этотъ разъ съ великимъ княземъ Константиномъ, присутствіе котораго, «какъ, по крайней мѣрѣ, надѣялись», должно было ободрить авангардъ, поднимавшійся среди столькихъ затрудненій по крутой тропинкѣ, которая вела на горную вершину, покрытую снѣгомъ.

Здѣсь Суворовъ предъ солдатами сошелъ съ мула и, оставивъ свою саблю, съ помощью палки сталъ быстро подниматься, окруженный конвоемъ изъ казаковъ. Черезъ минуту онъ, какъ будто, развеселился и попросилъ окружавшихъ его солдатъ пѣть. Тѣ же гренадеры, которые не задолго предъ тѣмъ просили хлѣба, теперь пѣли о «славѣ царя и блестящихъ побѣдахъ своей арміи». Несмотря на усиливающіяся трудности, все болѣе и болѣе встрѣчавшіяся на пути, отряды не колеблясь погружались въ воду, появляющуюся изъ невидимыхъ источниковъ. Неумолимые исполнители желѣзной дисциплины, стоявшіе внѣ рядовъ, толкали охромѣвшихъ солдатъ на опушку дороги, съ приказаніемъ не двигаться, пока не подѣдетъ походный лазаретъ. Несчастные солдаты составляли группы, потихоньку оплакивая свою печальную судьбу.

Однако, если пѣхота безпрекословно исполняла сверхчеловѣческую задачу и—самое смѣлое—выказывала безпокойство, то казаки, выбитые изъ сѣдла и раздосадованные тѣмъ, что надо итти пѣшкомъ, кричали Суворову:

— Куда ведешь ты насъ, батюшка?

На это генералиссимусъ отвѣчалъ:

— Къ славѣ!

Но, какъ ни старались принимать видную осанку гренадеры и мушкетеры, они болѣе другихъ ослабли. Голодные, съ сухимъ отъ лихорадки ртомъ, они едва могли подняться каждый разъ, какъ приходилось при барабанномъ боѣ снова пускаться въ путь послѣ отдыха. Впрочемъ, строгая дисциплина заставляла ихъ итти далѣе, такъ какъ согласно военнымъ законамъ малѣйшій ропотъ, слова и протестъ наказывались смертной казнью. Одни изъ нихъ громко молились, другіе, закоснѣлые, богохульствовали, но все это дѣлалось потихоньку, иначе унтеръ-офицеръ, вооруженный желѣзнымъ прутомъ, всегда былъ наготовѣ сурово наказать ихъ. Во время остановокъ каждый оглядывался на пройденный путь и замѣчалъ, какъ Шехенская долина становилась пропастью, поднимая же глаза на знаменную линію, видѣлъ только кусочекъ горнаго склона или облака.

Когда Суворовъ остановился на минуту, желая сказать что-то одному баталіону, то послѣдній думалъ, что онъ хочетъ его упрекнуть. Но, окинувъ солдатъ взглядомъ, Суворовъ строгимъ голосомъ сказалъ, что армія найдетъ въ Швицѣ, цѣли этого форсированнаго марша, склады, переполненные запасами, союзниковъ и, наконецъ, побѣду.

Суровый къ себѣ, Суворовъ совѣмъ не чувствовалъ того, на что жаловался его главный штабъ. Если отъ изнеможенія онъ на минуту останавливался, чтобы перевести дыханіе, то чувствовалъ потребность, какъ бы оправдаться предъ своими адъютантами, и объяснялъ это желаніемъ полюбоваться грандіозной и поражающей

красотой пейзажа. Безопасный къ отсталымъ, онъ расталкивалъ палкою солдатъ, загромождавшихъ тропинку. Мушкетерамъ, которые снимали свои ранцы, чтобы избавиться отъ нихъ, онъ кричалъ:

— Что вы дѣлаете? Развѣ вы болѣе не солдаты нашего царя? Егерямъ, просившимъ устроить болѣе продолжительный привалъ, онъ говорилъ:

— Я такъ же, какъ и вы, голоденъ и хочу пить, но развѣ это меня можетъ остановить?

«Комедіантъ,—говорить Гашо,—онъ танцевалъ, и видъ пляшущаго старика заставлялъ смѣяться мужиковъ. Потъ катился по сѣдымъ вискамъ въ то время, какъ правая рука, сжимавшая набалдашникъ палки, почти корчилась отъ холода».

О трудности этого подъема чрезъ Кинцигскій проходъ уже много писали, и Гашо ничего не сообщаетъ новаго, говоря только, что этотъ изумительный переходъ поразилъ горцевъ. Когда Суворовъ достигъ возвышенности, то казаки безъ приключеній перешли узкій проходъ на своихъ маленькихъ лошадяхъ, 2.000 человекъ подъ начальствомъ Багратіона перешли Визенбоденъ и собрались въ роты вдоль Кульмской платформы, артиллерійская же бригада достигла послѣдняго склона. Гамма подаль Суворову руку, чтобы помочь ему забраться на крутой уступъ, оконечность котораго была покрыта снѣгомъ, не превышавшимъ нѣсколькихъ вершковъ по краямъ, но далѣе представлявшимъ препятствіе, вслѣдствіе толстаго слоя въ два фута. При этомъ главный штабъ и конвой были окутаны такимъ густымъ туманомъ, что понтонеры, которымъ предстояло прочищать путь, вскорѣ были принуждены приостановить работы, не имѣя возможности узнать расположеніе мѣстности.

Гамма и Мюллеръ одни пошли впередъ, стѣбаясь на каждомъ шагу, чтобы отыскать слѣды, оставленные войскомъ, шедшимъ впереди главной квартиры. Одежда, отсырѣвшая отъ тумана, сдѣлалась еще тяжелѣе, обмерзнувъ отъ холода. На землѣ образовалась ледяная кора, по которой съ трудомъ шли офицеры и часто скользили. Когда черезъ четверть часа прояснѣло, то передъ запыхавшимися солдатами открылся единственный предѣлъ—громадныя скалы. Наконецъ, около трехъ часовъ пополудни Суворовъ достигъ Кульма и оставался на нѣсколько минутъ предъ бѣлымъ утесомъ, который поднимался остріемъ къ вершинѣ. Солдаты, умирая отъ голода и жажды, ничего не могли достать, кромѣ кусочковъ льда и снѣга. Когда понтонеры расчистили тропинку, Суворовъ поднялся на вершину Кинцига, на которой находилась какъ бы платформа, нѣсколько покатаая къ сѣверо-востоку между двумя долинками и поддерживаемая неровными стѣнами. Посреди этой платформы лежитъ плоскій камень, который служитъ пьедесталомъ

кресту. Горцы увѣряють, что въ доисторическое время на немъ приносились жертвы. Когда Суворовъ достигъ Кульма, слышались раскаты пушечной пальбы со стороны отроговъ Грюнсберга, извѣстившей Суворова, что предъ Альтдорфомъ завязалась битва. Это Лекурбъ атаковалъ Розенберга. Среди солдатъ Суворова раздались возгласы: «французы!». Суворовъ оцѣпенѣлъ, увидя, какой ужасъ господствовалъ среди его арміи. Вскорѣ его окружили испуганные офицеры и солдаты, и къ довершенію съ горныхъ уступовъ Липплибюль показались отступившіе къ Кульму гренадеры и объявили, что Массена во главѣ 20.000-го войска вошелъ въ Швицъ, истребивъ отряды Корсакова, Готце, Елачича и Линкена. Эта новость была сообщена однимъ горцемъ.

«Положеніе Суворова, — говоритъ Гапо, — было тяжелое, но здѣсь-то онъ выказалъ присутствіе духа, которому онъ отчасти былъ обязанъ своими успѣхами въ войнѣ съ турками. Въ такой бѣдѣ, въ которой другой генералъ потерялъ бы голову, Суворовъ внезапно вспомнилъ, изъ какого гибельнаго положенія онъ вышелъ въ Кинбурнѣ и Рымникѣ, и его воинственная душа подкрѣпилась отъ столькихъ славныхъ воспоминаній. Такимъ образомъ, всѣ замѣтили, что, когда извѣстія становились плачевнѣе, его лицо дѣлалось безстрастнымъ».

Поднявшись на выступъ скалы, которая служила какъ бы пьедесталомъ его славѣ, Суворовъ, скрестивъ руки, окинулъ суровымъ взглядомъ испуганную толпу людей. «Однимъ словомъ онъ приказалъ имъ молчать, другимъ — продолжать двигаться впередъ, — говоритъ Гапо. — Самая суровая воля преклонилась предъ его волей, и батальонъ началъ медленное шествіе по шести человѣкъ во фронтѣ». Стѣснившіеся позади Суворова два батальона хранили неподвижность, какъ бы на парадѣ. Вокругъ свистѣлъ леденящій вѣтеръ. Когда раскаты пушекъ Лекурба смолкли за темнотою, русскіе полки остановились и расположились лагеремъ. Главный штабъ спустился при свѣтѣ фонаря по головоломной тропинкѣ вдоль потока Венги и остановился тамъ на десять минутъ, пока проводникъ искалъ дорогу. Потомъ, поднявшись налѣво, на этотъ разъ къ югу, штабъ нашелъ восемь лѣтнихъ пастушьихъ шалашей. Въ одномъ изъ нихъ помѣстился Суворовъ. Тамъ онъ нашелъ огонь, черный хлѣбъ и ложе изъ вереска. Солдатамъ же, страдавшимъ отъ холода, были предоставлены на всѣхъ два шалаша. Въ дефилеѣ былъ разведенъ огонь, и на немъ изъ нѣсколькихъ горстей муки солдаты испекли лепешки. Послѣ столь скудной трапезы солдаты завернулись въ шинели и бродили, ища пріюта у подножія каждой скалы. Тѣ, которые не спали, съ нетерпѣньемъ ожидали утра, но Суворовъ уже пустился въ путь. Его казаки нашли ночью носилки, отъ которыхъ онъ отказался, желая показать примѣръ долга своимъ солдатамъ, и пустился въ путь въ легкой шинели, со своей палкой.

Въ Гюринталѣ онъ нашелъ русскій лагерь, размѣстившійся позади хижинъ; тамъ онъ узналъ отъ курьера, что войско Багратіона покинуло Бюргленъ 27-го сентября въ 7 часовъ утра. Казаки Поздѣева, въ сопровожденіи мѣстныхъ проводниковъ, открыли движеніе корпусу пѣхоты. Это былъ полкъ Багратіона. Вскорѣ присоединились егеря Мюллера, подкрѣпивъ корпусъ авангарда. Быстрота ихъ хода была изумительная: такъ первый эшелонъ вышелъ изъ Кульма въ 2 часа, а въ три остановился позади Гюринской долины. Великій князь Константинъ и Багратіонъ присоединились къ нему нѣсколькими минутами позже. Послѣдній далъ распоряженіе овладѣть или отбить французскіе посты, утвердившіеся въ Муотаталѣ.

Согласно справкамъ, добытымъ отъ одного горца, русскіе узнали, что рота непріятельской пѣхоты уже нѣсколько дней держится частью въ Мутенскомъ монастырѣ, частью у подножія Альпъ, гдѣ начинается Гларисская тропинка. Для обезпеченія успѣха были взяты Багратіономъ, смѣлость котораго сумѣла наэлектризовать войско, 200 егерей и сотня изъ полка Суцова. Гапо удивляется смѣлости и ловкости казаковъ, которые спускались, не сходя съ сѣдла, съ такой крутой тропинки, по которой даже охотники не безъ опасности отваживались пробираться. Въ 4 часа вечера русская пѣхота прошла переброшенный черезъ Муоту мостъ, сраженіе же окончилось ранѣе пяти часовъ. Изъ 180 французскихъ солдатъ 37 были убиты или ранены, три кавалериста исчезли, другіе, не имѣя возможности пробиться, сложили оружіе. Въ 6 часовъ къ русскимъ пришло подкрѣпленіе, и они перенесли свой передовой постъ въ Ильгау.

28-го сентября, въ семь часовъ утра, Суворовъ подошелъ къ двери монастыря, въ сопровожденіи великаго князя Константина, окруженнаго генералами нѣмецкаго происхожденія: Дерфельденомъ, Ребиндеромъ и Ферстеромъ. Суворова встрѣтила настоятельница монастыря въ парадномъ одѣяніи. Адъютантъ Лавровъ, исполнявшій должность фурьера, выбралъ большой залъ нижняго этажа, гдѣ было можно собрать военный совѣтъ, спальней же Суворову служила маленькая комната.

Послѣ привѣтствія на нѣмецкомъ языкѣ настоятельница сообщила Суворову о пораженіяхъ Корсакова и Готце, вступленіи Массены въ Цюрихъ и о быстромъ движеніи французовъ на Рейнъ. Все это она узнала отъ стараго патера, котораго французы выгнали изъ Цуга. Относительно же Линкена и Елачича она ничего не знала. Сначала это извѣстіе разстроило Суворова: онъ сжалъ кулаки, заскрежеталъ зубами, понурился и ударилъ своей палкой по полу. Затѣмъ, давъ свободу своему гнѣву и обвинивъ австрійцевъ въ постыдной измѣнѣ, Суворовъ сказалъ: «Я долженъ былъ встрѣтить ихъ въ Швицѣ, и они обязаны были доставить мнѣ

провіантъ, но эти презрѣнные обратились въ бѣгство». Однако, сила воли взяла верхъ и вскорѣ привела его въ себя. «За минутнымъ отчаяніемъ,—оканчиваетъ свою статью Гапо,—послѣдовалъ толчекъ энергіи, и Суворовъ далъ обѣщаніе своей свитѣ уничтожить армію Массены, побѣдившаго Корсакова близъ Цюриха. Въ дневникѣ настоятельницы монастыря было записано: «27-го сентября, въ 3 часа вечера, изъ Ури, чрезъ ущелье пришло около 10.000 русскихъ и одинъ австрійскій полкъ подъ высшимъ начальствомъ графа Сульверо (Суворова) семидесяти лѣтъ и принца Чардена (царевича) Константина».

— Графъ К. Нессельроде и его отецъ. На-дняхъ вышли въ Парижѣ первые два тома большого труда ¹⁾ по русской исторіи: «Архивъ, письма и бумаги канцлера графа Нессельроде 1760—1850 годовъ». Для полнаго выясненія жизни канцлера издатель архива, его внукъ, графъ А. Нессельроде, посвятилъ первый томъ исключительно его отцу, графу Вильгельму Нессельроде, служившему въ Россіи при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Въ предисловіи онъ вкратцѣ сообщаетъ свѣдѣнія о немъ и затѣмъ приступаетъ къ печатанію его переписки съ различными русскими и иностранными, болѣе или менѣе, извѣстными лицами, главнымъ образомъ съ великимъ княземъ Павломъ и великой княгиней Маріей Феодоровной.

Графъ Вильгельмъ Нессельроде происходилъ изъ стариннаго аристократическаго семейства графства Бергъ въ Германіи и родился въ 1727 году. Такъ какъ онъ былъ младшимъ сыномъ, то ему пришлось съ малолѣтства сдѣлаться искателемъ приключеній. Началъ онъ свою карьеру службой въ австрійской арміи, и въ сраженіи подъ Лофельдомъ онъ получилъ сабельную рану, оставившую шрамъ до самой его смерти. Потомъ онъ служилъ при дворѣ Пфальцскаго курфюрста, съ женою котораго онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ. Благодаря интригамъ царедворцевъ, онъ перешелъ во Францію полковникомъ королевскаго нѣмецкаго полка. Въ Парижѣ и Версалѣ онъ былъ принятъ въ самомъ лучшемъ обществѣ и свелъ дружбу не только съ модными красавицами и актрисами, но даже съ философами и учеными. Принужденный подать въ отставку съ паденіемъ своего покровителя Шуазеля, онъ поселился сначала при Гессенъ-Дармштадтскомъ дворѣ, а затѣмъ при Веймарскомъ. Наконецъ, онъ предложилъ свои услуги Фридриху Великому и перебрался въ Берлинъ, гдѣ, произведенный въ камергеры, сдѣлался близкимъ человѣкомъ короля, который очень полюбилъ его ловкій умъ, пріятный разговоръ и умѣнье рассказывать анекдоты. Хотя Фридрихъ давалъ ему нѣсколько

¹⁾ Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode. 1760—1850. Extraits de ses archives. Publiés et annotés par le comte A. de Nesselrode. 2 vols. Paris. 1904.

дипломатическихъ миссій, но онѣ очень скудно оплачивались, и чрезъ шесть лѣтъ графъ Вильгельмъ рѣшился искать счастья у великой Екатерины. Поэтому онъ просилъ покровительства князя Орлова, съ которымъ познакомился въ Берлинѣ, и добылъ рекомендательное письмо Екатерины къ ландграфинѣ Дармштадтской, матери первой жены великаго князя Павла. Благодаря этому, онъ былъ принятъ въ Петербургѣ очень благосклонно и назначенъ императрицей посланникомъ въ Португалію. Пробывъ шесть лѣтъ на этомъ посту, онъ вернулся въ Петербургъ, имѣвъ несчастье потерять въ Лиссабонѣ молодую жену, на которой онъ женился въ Германіи, по дорогѣ къ своему посту. Теперь онъ уже хотѣлъ удалиться отъ официальной дѣятельности, но Екатерина ему предложила лестное мѣсто представителя Россіи въ Берлинѣ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ Пруссіи онъ, наконецъ, вышелъ въ отставку и поселился въ Франкфуртѣ на Майнѣ, гдѣ умеръ въ февралѣ 1810 года, доживъ до преклонныхъ лѣтъ.

Переписка графа Вильгельма доказываетъ, что этотъ умный, живой, веселый вольтерьянецъ является типомъ блестящаго аристократа XVIII вѣка. Переписка начинается съ 1760 года, въ бурную эпоху придворныхъ интригъ по поводу его близкихъ отношеній къ женѣ Пфальцскаго курфюрста. Затѣмъ, послѣ долгаго перерыва онъ переписывался съ Фридрихомъ Великимъ; когда онъ перешелъ на русскую службу, то на пути къ своему новому назначенію русскаго посланника въ Португалію, онъ писалъ своему брату Фридриху изъ Франкфурга: «Я уже давно соображалъ, что, отправляясь въ далекія страны, холостякъ нуждается въ очень полезной домашней утвари для своей счастливой жизни—именно женѣ. Поэтому я женюсь на дѣвицѣ Луизѣ Гонтаръ. Она не красавица, не молода, не знатна, но вполне заслуживаетъ моего уваженія». Однако, ему недолго пришлось испытывать семейное счастье, такъ какъ вскорѣ его жена умерла въ Лиссабонѣ, оставивъ ему единственнаго сына, будущаго канцлера. Съ 1788 года начинается частая переписка Нессельроде съ великимъ княземъ Павломъ и великой княгиней Маріей Ѳеодоровной. Первый всегда подписывается въ своихъ письмахъ: «Сохраните мнѣ навсегда вашу дружбу и рассчитывайте на таковую же вашего преданнаго друга», или что-нибудь въ этомъ родѣ; вторая же имѣла привычку называть себя: «Вашъ искренній другъ Марія». Въ первомъ своемъ письмѣ великая княгиня говоритъ о своей свадьбѣ и своемъ безконечномъ счастьи. Она прибавляетъ: «Если бы вы были свидѣтелемъ нашего благополучія, то были бы очень довольны видѣть счастье вашихъ друзей». Большею частью, эти письма, какъ великой княгини, такъ и Павла, полны любезностей, и въ нихъ мало политическаго. Только она вкратцѣ замѣчаетъ о недружелюбныхъ чувствахъ Англіи къ Россіи. «Россія кажется мнѣ красавицей,—говоритъ она,—

съ которой обращаются очень сурово, чтобы ее еще болѣе къ себѣ привязать. Впрочемъ, я полагаю, что ея морскія и торговыя отношенія съ Англіей очень ей полезны. Вообще Россія была бы въ счастливомъ положеніи, если бы находилась въ мирныхъ отношеніяхъ со всѣми странами. Тогда она стала бы самымъ могущественнымъ и цвѣтущимъ государствомъ. Можетъ быть, вы назовете эти мысли пустыми мечтами, но, мой другъ, когда проживешь тридцать лѣтъ, то невольно думаешь серьезно». Съ восшествіемъ Павла на престолъ прекращается его переписка съ графомъ Вильгельмомъ, а Марія Ѳеодоровна удостоиваетъ его за время царствованія только двумя короткими дружескими письмами.

Другія письма, помѣщенные въ перепискѣ Нессельроде, всего болѣе относятся къ представителямъ Россіи за границей: князю Голицыну, графу Строгонову, Штакельбергу и т. д. Также переписывались съ нимъ его нѣмецкіе друзья и, между прочимъ, его племянникъ, графъ Мэродъ, который сообщилъ изъ Парижа очень любопытныя свѣдѣнія о Мирабо. «Во всѣ времена Мирабо интересовалъ меня своими сочиненіями и своей общественной дѣятельностью,— писалъ графъ,—и я съ большимъ любопытствомъ желалъ съ нимъ познакомиться. Но въ первое мое путешествіе въ Парижъ я не могъ его увидать, однако узналъ о немъ много интереснаго, не подтвердившаго тѣхъ низкихъ клеветъ, которыя о немъ рассказываютъ. Конечно, его нельзя признать ни ангеломъ, ни чортомъ, но, безъ всякаго сомнѣнія, онъ знаетъ Францію и принципы политической свободы лучше всѣхъ его согражданъ. Если вы къ этому прибавите, что онъ обладаетъ рѣдкимъ талантомъ великаго оратора, то этотъ человекъ, на котораго смотритъ вся Франція, не можетъ не принести своей странѣ громадную пользу. Поэтому, хотя Мирабо главный зачинщикъ произведенныхъ переменъ, уничтожившихъ деспотизмъ, онъ во многихъ отношеніяхъ противодействовалъ ложнымъ апостоламъ свободы. Я познакомился съ нимъ во второе свое путешествіе и часто его видѣлъ. Признаюсь, что мое мнѣніе о немъ нисколько не измѣнилось; своими рѣчами и любезнымъ обращеніемъ этотъ великій человекъ меня совершенно плѣнилъ. Если вы не знаете его «Провансальскаго Курьера», то совѣтую приобрести эту газету; хотя она въ формѣ ежедневнаго изданія, но вы найдете въ ней обсужденіе всѣхъ великихъ вопросовъ соціальной организаціи». Въ концѣ I-го тома переписки начинаютъ встрѣчаться письма его сына графа Карла, будущаго канцлера.

Второй томъ писемъ и бумагъ канцлера, графа Карла Васильевича Нессельроде, начинается съ небольшого предисловія его внука и автобіографіи графа, доведенной имъ до Вѣнскаго конгресса. По словамъ издателя этого громаднаго труда, общающаго растянуться на многіе томы, канцлеръ только за годъ до смерти задумалъ писать свою автобіографію. Онъ дѣятельно принялся

за эту работу, но болѣзнь дозволила ему самому дописать эту автобіографію только до 1806 года. Остальные же листы онъ продиктовалъ своей племянницѣ, г-жѣ Калержисъ, урожденной графинѣ Нессельроде, вышедшей вторично замужъ за Муханова. Такимъ образомъ, самая интересная часть жизни канцлера осталась не рассказанной, и хотя въ короткихъ словахъ его внукъ дополняетъ его біографію, но приходится дожидаться обѣщаннаго имъ подробнаго труда, относительно замѣчательнѣйшихъ фазъ карьеры канцлера, отъ Вѣнскаго конгресса до Парижскаго, въ 1856 году.

Графъ Карлъ Васильевичъ родился въ Лиссабонѣ 2-го декабря 1780 года. Его мать была протестантка, а отецъ католикъ. Такъ какъ онъ провелъ часть своей жизни во Франціи среди энциклопедистовъ и философовъ XVIII вѣка, то относительно религіи не имѣлъ опредѣленныхъ понятій, а предоставилъ женѣ окрестить сына въ ея вѣру. Въ то время въ Лиссабонѣ была только одна протестантская церковь, именно часовня англійскаго посольства, въ которой Карлъ Васильевичъ и былъ окрещенъ, а потому до конца своей жизни исповѣдывалъ англиканскую вѣру. Въ малолѣтствѣ онъ лишился матери и воспитывался у своей тетки, а потомъ въ берлинскомъ пансіонѣ Гедикэ. При поступленіи его отца на русскую службу, Екатерина пожаловала мальчика, несмотря на восьмилѣтній возрастъ, въ мичмана. Когда ему пошелъ шестнадцатый годъ, то отецъ послалъ его на службу въ Петербургъ. Императрица Екатерина милостиво его приняла и приказала зачислить въ Балтійскій флотъ, поручивъ генералу Карцеву обучить юношу морской службѣ. Это происходило въ 1796 г., а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Екатерина умерла, и вступившій на престолъ Павелъ, по своему курьезному обычаю, произвелъ шестнадцатилѣтняго юнца въ флигель-адъютанты. Узнавъ при этомъ, что юноша не питаетъ ни малѣйшаго пристрастія къ морской службѣ, онъ перевелъ его въ конную гвардію въ чинѣ поручика, но Нессельроде попрежнему продолжалъ исполнять должность флигель-адъютанта. Въ это время пріѣхалъ въ Петербургъ его отецъ, и императоръ осыпалъ его милостями. Къ получаемой имъ отъ Екатерины пенсіи въ 2.000 рубл. онъ прибавилъ еще обширное имѣніе въ Курляндіи и Александровскую ленту. Старикъ пробылъ въ Петербургѣ около года и въ 1798 г. уѣхалъ во Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ жилъ до дня своей смерти. Когда въ слѣдующемъ году былъ объявленъ походъ Суворова въ Италію, то императоръ заявилъ своимъ флигель-адъютантамъ, что если они желаютъ, то могутъ участвовать въ войнѣ. Нессельроде воспользовался этимъ дозволеніемъ и отправился въ Кіевъ, гдѣ составлялся корпусъ Розенберга, но черезъ нѣсколько дней прискакалъ за нимъ курьеръ отъ императора, потребовавшего Нессельроде въ Петербургъ. Государь встрѣтилъ его очень грубо и объявилъ ему:

— Если вы не хотите служить при мнѣ, то можете вернуться въ свой полкъ.

Конной гвардіи Павелъ очень не любилъ и такъ часто увольнял ея офицеровъ отъ службы, что Нессельроде по линіи вскорѣ былъ произведенъ въ полковники. Къ несчастію, одинъ изъ офицеровъ его эскадрона сдѣлалъ ошибку въ маршировкѣ на разводѣ, и императоръ пришелъ въ такую ярость, что разжаловалъ несчастнаго офицера, уволилъ князя Голицына отъ командованія полкомъ и прогналъ со службы многихъ офицеровъ, въ томъ числѣ и Нессельроде. «Однако, какъ я ни сожалѣлъ о прекращеніи моей военной службы,—говоритъ графъ,— но Павелъ, все-таки, сдѣлалъ для меня большую милость, пожаловавъ меня камергеромъ. Такимъ образомъ я началъ служить при дворѣ, но оставался тамъ недолго. Лѣтомъ того же года императоръ отставилъ всѣхъ своихъ камергеровъ, за исключеніемъ двухъ или трехъ. Я попалъ въ число большинства. Однако, я оставался также долго въ отставкѣ, и въ 1800 г. мнѣ было возвращено званіе камергера. Опять началась придворная служба, и на куртагѣ 11-го марта 1801 года я имѣлъ счастье послѣдній разъ поцѣловать руку императора. Въ эту ночь случилась катастрофа, вслѣдствіе которой вступилъ на престолъ императоръ Александръ».

Нессельроде въ качествѣ камергера былъ посланъ съ объявленіемъ о воцареніи императора къ брату матери послѣдняго, герцогу Виртембергскому. «Онъ былъ замѣчательнымъ человѣкомъ, — рассказываетъ Нессельроде,— очень умнымъ, но ужаснаго характера: тиранъ не только въ своей семьѣ, но и во всей странѣ. Близко изучить его мнѣ было небезынтересно. Судьбѣ было угодно, чтобы это маленькое государство управлялось странными людьми. Еще сохранялись воспоминанія о царствованіи пресловутаго герцога Карла, о которомъ Шиллеръ сказалъ: «когда Діонисій пересталъ быть тираномъ, то онъ сдѣлался школьнымъ учителемъ». Онъ былъ еще тогда въ живыхъ и дѣйствительно кончилъ свои фантастическія выходки подобнымъ курьезомъ». По дорогѣ въ Петербургъ Нессельроде заѣхалъ къ отцу и съ его согласія рѣшилъ посвятить свою карьеру дипломатіи. Поэтому въ Берлинѣ онъ переговорилъ съ русскимъ посланникомъ, барономъ Крюднеромъ, о своемъ зачисленіи въ посольство, а по возвращеніи въ Петербургъ съ разрѣшенія императора онъ былъ причисленъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ и занялъ мѣсто при берлинскомъ посольствѣ. вмѣстѣ съ сыномъ Крюднера онъ слушалъ курсъ общественнаго права у знаменитаго Ансильона, профессора исторіи, а впослѣдствіи прусскаго министра. Впрочемъ, эти занятія отнимали не много времени отъ свѣтской жизни Нессельроде. За скорой смертью Крюднера и назначеніемъ на его мѣсто Алопеуса, врага отца молодого человѣка, онъ перешелъ къ графу Штакельбергу, русскому посланнику въ

Гаагѣ, при которомъ оставался три года. Это былъ, по его словамъ, человѣкъ суровый, дававшій чувствовать свой авторитетъ, но, въ сущности, отличавшійся добрымъ сердцемъ и возвышенными чувствами. Онъ былъ очень любезенъ съ молодымъ дипломатомъ и назначилъ его повѣреннымъ въ дѣлахъ, когда самъ уѣхалъ въ Петербургъ съ цѣлью жениться. Прежде чѣмъ Штапельбергъ вернулся, въ Гаагѣ случилось важное событіе: туда явился новый голландскій король, Людовикъ, братъ Наполеона. Въ день его торжественнаго въѣзда молодой представитель Россіи выбылъ изъ города. Это было весною 1806 года.

Вернувшись въ Петербургъ, Нессельроде представился своему новому министру, генералу Будбергу, который замѣнилъ князя Адама Чарторижскаго. Хотя Будбергъ обходился съ молодымъ дипломатомъ очень любезно, но это не мѣшаетъ послѣднему отзываться о немъ, какъ о человѣкѣ болѣзненномъ, не отличавшемся большимъ умомъ и неспособномъ занимать такое высокое мѣсто. Собственно, Нессельроде былъ назначенъ состоять при главнокомандующемъ Каменскомъ, странномъ человѣкѣ, жестокомъ и разбитомъ болѣзню и нимало не имѣвшемъ военныхъ талантовъ. Нессельроде пришлось его сопровождать въ армію, имѣвшую дѣло съ Наполеономъ. Въ первомъ же сраженіи онъ уѣхалъ предъ началомъ военныхъ дѣйствій и приказалъ своему дипломатическому чиновнику отправиться къ генералу Буксгевдену, которому онъ передалъ начальство. Послѣ этого генерала главнокомандующимъ былъ назначенъ Беннигсенъ, и Нессельроде, перейдя къ нему въ качествѣ дипломатическаго агента, участвовалъ, несмотря на свою штатскую одежду, въ сраженіи подъ Эйлау, самой кровопролитной битвѣ этой кровавой эпохи. Еще болѣе роковое для Россіи сраженіе подъ Фридландомъ повлекло за собою Тильзитское свиданіе. Хотя Нессельроде участвовалъ въ заключеніи мирнаго трактата, но въ сущности онъ только его переписывалъ, такъ какъ переговоры велись самимъ государемъ, а текстъ договора писался въ французской канцеляріи. По возвращеніи Нессельроде въ Петербургъ, онъ былъ назначенъ новымъ министромъ Румянцевымъ совѣтникомъ русскаго посольства въ Парижѣ, во главѣ котораго стоялъ графъ Петръ Толстой. «Этотъ постъ,—говоритъ Нессельроде,—по правдѣ сказать, мнѣ никогда не нравился. Я никогда не имѣлъ симпатій ни къ Франціи, ни къ ея правителямъ, а потому едва не отказался отъ этого мѣста. Но нѣсколько милостивыхъ словъ императора Александра заставили меня перемѣнить свое мнѣніе, и я былъ очень радъ, потому что это былъ первый этапъ къ прекрасной и великой карьерѣ, которая мнѣ суждена была Богомъ».

Точно также и графъ Толстой отправлялся съ неудовольствіемъ на свой постъ. Какъ военному человѣку, все ему было ново, и, по словамъ Нессельроде, онъ отличался здравымъ смысломъ, силой

характера и благородствомъ, но не привыкъ къ свѣтскимъ обязанностямъ. Поэтому съ самаго прїѣзда въ Парижъ онъ думалъ только, какъ бы поскорѣе оттуда убраться. Однако, онъ имѣлъ успѣхъ у Наполеона. Нессельроде было поручено записывать все разговоры его съ императоромъ и вести всю посольскую переписку, но его депеши не были благопріятны французскому союзу, что должно было не нравиться Румянцеву, «l'ame damnée» Наполеона. Въ 1808 г. произошло Эрфуртское свиданіе, на которое Александръ прїѣхалъ съ Румянцевымъ и пригласилъ Толстого, захватившаго съ собою Нессельроде. «Императоръ принялъ насъ довольно холодно,—говорить Нессельроде. — Онъ былъ очень недоволенъ нашими депешами, поэтому Толстой тотчасъ подалъ въ отставку». Наполеонъ также замѣнилъ Талейрана Шампаньи, слѣпымъ исполнителемъ его воли. Преемникомъ Толстого былъ назначенъ князь Куракинъ, но такъ какъ онъ не могъ прїѣхать въ Парижъ ранѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, то Нессельроде на время занялъ постъ повѣреннаго въ дѣлахъ. По прїѣздѣ Куракинъ оказался человекомъ очень ограниченнымъ, и нельзя было найти личности, которая давала бы столько поводовъ къ насмѣшкамъ. «Поэтому,—говорить Нессельроде,—моя роль при немъ была очень затруднительна, и, только благодаря связямъ съ замѣчательными людьми Франціи, я могъ писать интересныя депеши. Во всякомъ случаѣ, я нѣсколько разъ хотѣлъ подать въ отставку и, поѣхавъ въ Петербургъ, выпросилъ у Румянцева позволеніе остаться тамъ. Дешеи Куракина безъ меня становились такъ сухи и неинтересны, что, наконецъ, императоръ предложилъ мнѣ вернуться въ Парижъ и, подъ предлогомъ заключенія займа, вступить въ постоянную переписку чрезъ Сперанскаго, который тогда пользовался его полнымъ довѣріемъ. Въ февралѣ 1810 г. я поѣхалъ въ Парижъ. Заемъ не удался, но переписка въ теченіе восьми мѣсяцевъ продолжалась безъ малѣйшаго подозрѣнія объ этомъ Куракина. Главнымъ образомъ въ этой перепискѣ я сообщалъ мнѣнія Талейрана и другихъ лицъ, взгляды которыхъ были противоположны Наполеону, въ томъ числѣ генерала Коленкура, бывшаго посланника въ Россіи. Никто изъ этихъ людей не считалъ себя измѣнникомъ своего повелителя, они старались удержать его отъ постоянныхъ войнъ, разорявшихъ Францію, уменьшавшихъ ея населеніе и грозившихъ привести къ роковой катастрофѣ».

Въ концѣ 1811 года отношенія русскаго посольства съ Наполеономъ обострились до того, что положеніе Нессельроде становилось нестерпимымъ, и онъ вернулся въ Петербургъ. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ Вѣну съ цѣлью посѣтить князя Меттерниха, сдѣлавшагося первымъ министромъ, и на основаніи полученныхъ отъ него свѣдѣній составилъ подробную записку о положеніи политическихъ дѣлъ. Александръ встрѣтилъ его въ Петербургѣ очень милостиво и произвелъ въ государственные секретари, при чемъ сказалъ:

«Новая примирительная попытка съ Наполеономъ ни къ чему не привела бы. Я думаю одинаково съ вами, что война неизбежна. Мнѣ тогда будетъ нуженъ молодой человекъ, способный слѣдовать за мною всюду верхомъ и вести мою политическую переписку. Канцлеръ, графъ Румянцевъ, старъ, болѣзненъ и не можетъ исполнить такую задачу, поэтому я обратилъ вниманіе на васъ и надѣюсь, что вы преданно и благоразумно исполните возлагаемая на васъ обязанности». До войны въ жизни Нессельроде произошло два замѣчательныхъ событія: его свадьба съ дочерью Гурьева, съ которою онъ счастливо провелъ тридцать семь лѣтъ, и опала Сперанскаго, его закадычнаго друга и поддержки его у Александра. Сперанскій сдѣлался жертвой интригъ Балашова, Армфельдта и всей патриотической партіи, подозрѣвавшей его въ сношеніяхъ съ Наполеономъ. Нессельроде былъ перепуганъ его арестомъ, опасаясь обнаруженія переписки, которую онъ велъ изъ Парижа со Сперанскимъ, по приказанію императора. Александръ его успокоилъ, сообщивъ, что эта переписка хранилась запечатанной въ его кабинетѣ. Опала Сперанскаго очень огорчила Нессельроде, который считалъ его за человека очень способнаго, знающаго, трудолюбиваго и добраго, съ единственнымъ недостаткомъ—отсутствіемъ энергіи.

Когда императоръ въ мартѣ 1812 г. поѣхалъ въ Вильну, Нессельроде находился въ его многочисленной свитѣ. Наполеонъ прислалъ туда для послѣднихъ переговоровъ графа Нарбона, котораго, по словамъ Нессельроде, онъ знавалъ въ Парижѣ. Изъ его словъ онъ убѣдился, что эти переговоры ни къ чему не поведутъ. Послѣ этого, узнавъ, что Наполеонъ перешелъ чрезъ Нѣманъ, Александръ уѣхалъ изъ Вильны, написавъ предварительно предсѣдателю государственнаго совѣта, князю Салтыкову, высокопатриотическое письмо. Это письмо было набросано второпяхъ на французскомъ языкѣ, переведено на русскій и въ этомъ видѣ обнаружено. Послѣ отъѣзда Александра въ Петербургъ онъ оставилъ Нессельроде въ арміи, но чрезъ нѣсколько дней потребовалъ его къ себѣ. Такимъ образомъ, онъ не присутствовалъ при дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ Отечественной войны. Только, когда война окончилась, императоръ поѣхалъ въ ряды своей арміи для окончательнаго пораженія Наполеона. На этотъ разъ его свита была маленькая: всего три человека — князь Волконскій, графъ Аракчеевъ и Нессельроде. «Съ этого момента, — говоритъ послѣдній, — я принялъ дѣятельное участіе во всѣхъ великихъ дѣлахъ царствованія Александра. Одинъ, безъ помощниковъ я долго велъ всю императорскую переписку и даже самъ переписывалъ бумаги». Въ Дрезденѣ пріѣхалъ въ союзную армію англійскій посланникъ, лордъ Каткартъ, который вступилъ въ переговоры съ Нессельроде о трактатѣ относительно субсидіи, что и было рѣшено съ неимоверною быстротой. Затѣмъ, происходили безконечныя дипломатическія пере-

говоры, не мѣшавшіе военнымъ дѣйствіямъ, которыя кончились знаменитой Лейпцигской битвой, освободившей Германію. Нессельроде во все время этого двухдневнаго жаркаго боя находился при особѣ императора Александра, слѣдуя за нимъ шагъ за шагомъ. Вслѣдъ за этимъ было рѣшено вступить во Францію и окончательно добить Наполеона. Подъ самымъ Парижемъ маршалы Мармонъ и и Мортье предложили сдаться, и Александръ послалъ для переговоровъ съ ними Нессельроде и полковника Орлова, которые съ успѣхомъ исполнили данное имъ порученіе.

Для окончательнаго соглашенія о вступленіи въ Парижъ къ Талейрану былъ отправленъ Нессельроде, котораго ловкій дипломатъ встрѣтилъ съ распростертыми объятіями. Переговоры вести было не трудно, такъ какъ вся Франція болѣе не хотѣла Наполеона. Рѣшено было не переговариваться ни съ нимъ, ни съ кѣмъ либо изъ его семейства, и какъ объ этомъ подписалъ Александръ, пріѣхавшій въ домъ Талейрана, гдѣ помѣстился на время своего пребыванія въ Парижѣ послѣ восшествія на престолъ Людовика XVIII, который очень гордо и надменно обращался съ императоромъ, вслѣдствіе чего Александръ былъ непріятно настроенъ противъ него. Точно также, по словамъ Нессельроде, русскій императоръ не былъ доволенъ и своимъ посѣщеніемъ Англии послѣ Парижскаго мира, хотя на него произвело большое впечатлѣніе «благоденствіе и величіе этой страны». Черезъ два мѣсяца открылся знаменитый Вѣнскій конгрессъ, прежде котораго Александръ съѣздилъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Нессельроде. Въ это время онъ принялъ отставку Румянцева, который былъ очень недоволенъ недопущеніемъ его къ послѣднимъ великимъ событіямъ. «Я занялъ мѣсто управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ,—оканчиваетъ свою автобіографію Нессельроде,—и сохранилъ этотъ постъ до царствованія императора Николая, который послѣ Туркманчайскаго мира назначилъ меня вице-канцлеромъ».

Внукъ графа Нессельроде въ предисловіи ко второму тому въ двухъ словахъ оканчиваетъ его біографію, обѣщая въ будущемъ написать его подробное жизнеописаніе. Сорокъ одинъ годъ Нессельроде руководилъ русской политикой и, наконецъ, сдѣлался канцлеромъ. По словамъ его внука, онъ былъ вѣрнѣйшимъ политикомъ Александра и Николая I. Главная идея этой политики была вѣрность принципамъ Священнаго союза и покровительство и защита законной монархической власти въ Европѣ. Нессельроде вмѣстѣ съ княземъ Меттернихомъ были основаніемъ реакціоннаго правленія, тяготѣвшаго надъ Европой съ 1815 г. Всѣ европейскія событія, — какъ революціи 1830—1848 гг. со всѣми ихъ развѣтвленіями, — были въ значительной мѣрѣ слѣдствіями ихъ ультра-консервативныхъ убѣжденій. Въ концѣ концовъ это направленіе не имѣло успѣха и графъ Нессельроде вышелъ въ отставку послѣ роковой для Россіи Крымской кампаніи.

Относительно переписки графа Карла Нессельроде и его отца, наполняющей конецъ перваго и весь второй томъ «Писемъ и бумагъ графа К. Нессельроде»,— можно сказать немного. Она относится главнымъ образомъ до прибытія въ Россію будущаго канцлера. Онъ рассказываетъ о придворныхъ интригахъ и свѣтской жизни во время царствованія Павла. Между прочимъ встрѣчаются свѣдѣнія о графѣ Паленѣ, котораго авторъ очень хвалитъ, о графѣ Кутайсовѣ, надъ которымъ онъ смѣется, и Ростопчинѣ, котораго онъ называетъ придворнымъ фаворитомъ. Съ воцареніемъ Александра Павловича Нессельроде получаетъ назначеніе прежде при Берлинскомъ, а потомъ при Гаагскомъ посольствѣ. Собственно о важныхъ событіяхъ онъ не пишетъ и только посвящаетъ нѣсколько страницъ убійству герцога Англенскаго въ 1804 г. Письма отца еще менѣе интересны и относятся лишь къ семейнымъ дѣламъ и всѣмъ извѣстнымъ историческимъ фактамъ. Послѣднія письма отца и сына помѣчены декабремъ 1804 года, и тѣмъ оканчивается второй томъ переписки, которая, надо надѣяться, будетъ любопытнѣе въ слѣдующихъ томахъ.

— Шестилѣтнее величіе Наполеоновской имперіи отъ Аустерлица до выступленія изъ Москвы. Послѣ шестого тома «Европы и Французской революціи Альберга Сореля», съ необыкновенной быстротой появился седьмой томъ¹⁾, и въ то же время заявлено о выходѣ въ свѣтъ въ этомъ году восьмой и послѣдней части. Въ прошедшемъ году извѣстный историкъ довелъ свой ученый трудъ до 1805 г. Теперь предметомъ его новаго сочиненія служить, согласно заголовку VII тома, континентальная блокада и великая имперія въ продолженіе шестилѣтія, отъ 1806—1812 г.г.; конецъ же его громадной исторической работы будетъ трактовать о коалиціи и трактатахъ 1815 г. Къ сожалѣнію, читатели первыхъ томовъ, въ которыхъ Сорель такъ обстоятельно и такъ подробно проливаетъ новый свѣтъ на отношенія революціонной Франціи къ остальной Европѣ, не могутъ не замѣтить отсутствія съ шестого тома прежней основательности, полноты и законченности. Конечно, было бы невозможно, напримѣръ, въ одномъ томѣ въ шестьсотъ страницъ сосредоточить всю исторію Франціи и Европы въ столь чреватое событіями время, какъ шестилѣтіе отъ Аустерлица до выступленія изъ Москвы, а потому необходимо ее значительно сократить. Впрочемъ, это не мѣшаетъ труду Сореля въ послѣднихъ его томахъ отличаться той же ясностью и опредѣленностью взглядовъ, какъ прежде. Въ новой части его работы главнымъ предметомъ, по обыкновенію, служитъ дипломатическая исторія, а потому, если въ ней терпятъ политическій и военный элементы, то это совер-

¹⁾ L'Europe et la révolution Française, par Albert Sorel. Septième partie. Le Blocus Continental—Le Grand Empire. Paris. 1904.

шенно естественно, хотя невольно кажется страннымъ, что въ описаніи главнымъ образомъ подвиговъ Наполеона, какъ бы нарочно, пропущены его величайшія битвы. Такимъ образомъ VI томъ оканчивается интересной характеристикой кануна Аустерлица, а VII начинается описаніемъ послѣдствій великаго сраженія. Самый же Аустерлицкій бой не представленъ историкомъ даже вкратцѣ. То же самое повторяется относительно Иены, и говорится только, что подъ Иеной Наполеонъ былъ побѣдителемъ, а Пруссія потеряла свою армию. Бою подъ Фридландомъ посвящены только двѣ строчки, въ которыхъ говорится, что въ этомъ сраженіи все было кончено съ русской арміей. Наконецъ, о битвахъ при Эйлау, при Ваграмѣ и при Бородинѣ Сорель говоритъ не болѣе двухъ словъ. Зато въ разборѣ дипломатическихъ отношеній его новый томъ такъ же блестящъ, мѣтокъ, своеобразенъ и рельефенъ, какъ прежніе.

«Великолѣпная побѣда»—говорилъ Наполеонъ объ Аустерлицѣ, но, по обыкновенію, какъ всѣ его великія побѣды, она ставила побѣдителя въ затруднительное положеніе. Прежде всего, ему необходимо было заключить миръ съ членами коалиціи. Австрія пошла къ нему навстрѣчу и заключила сначала перемиріе а затѣмъ Пресбургскій миръ. Россія находилась въ критическомъ положеніи, но Наполеонъ изъ дипломатическихъ видовъ послалъ къ Александру Савари. Цѣль его была обойти своего соперника и соблазнить его миролюбивыми условіями. Александръ сыгралъ свою роль, по обыкновенію, какъ прекрасный актеръ.—«Скажите вашему государю,—произнесъ онъ, между прочимъ,—что онъ совершилъ чудеса».—«Ваше величество, это военное искусство. Онъ уже одерживаетъ сороковую побѣду».—«Это—правда: онъ великій военный геній; я же впервые видѣлъ огонь».—«Когда у васъ будетъ опытъ, то, быть можетъ, вы превзойдете императора... Я получилъ приказаніе императора охранять ваше отступленіе, такъ какъ онъ хочетъ оказать уваженіе другу перваго консула».—«Какой вы требуете гарантія?»—«Вашего слова».—«Я его даю». Послѣ этого разговора русская армія отступила, и Александръ, какъ можно скорѣе, уѣхалъ въ почтовомъ экипажѣ съ поля перваго и неудачнаго сраженія. Наполеонъ не только дозволилъ русскимъ отступить съ полной безопасностью, но даже отдалъ имъ ихъ плѣнныхъ соотечественниковъ, что французы сочли излишнимъ хвастовствомъ. «Императоръ сегодня оказываетъ имъ милость,—сказалъ грубый Вандамъ,—а чрезъ шесть лѣтъ они придутъ въ Парижъ». И онъ только ошибся на два года. Всѣ эти любезности Наполеона имѣли цѣлью заманить Александра и побудить его къ заключенію выгоднаго для Франціи мира. Что касается до Пруссіи, то онъ уже съ неимовѣрною успѣшностью осуществился въ Шенбрунѣ. Отдѣлавшись отъ Аустерлицкой западни, Александръ рѣшился въ свою очередь обойти Наполеона дипломатическимъ путемъ. Съ этой цѣлью онъ послалъ

въ Парижъ барона Убри, и это замѣчательное посольство такъ обстоятельно очерчено у Сореля, что мы обратимъ особое вниманіе на означенный эпизодъ.

Главнымъ матеріаломъ въ этомъ отношеніи послужила для Сореля недавно вышедшая книга великаго князя Николая Михайловича: «Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ», а потому все, что говоритъ французскій историкъ объ этомъ дипломатическомъ событіи, отличается безпристрастіемъ и новизной взглядовъ. Баронъ Убри не былъ новичкомъ въ Парижѣ; а находился тамъ при посланникѣ, графѣ Морковѣ. Онъ считался ловкимъ дипломатомъ, способнымъ «всюду вкрадываться», и отличался «свѣтлой головой и благороднымъ чувствомъ». Къ тому же, онъ былъ угоденъ Англіи, а это было полезно для его дипломатическаго порученія, такъ какъ Александръ желалъ, чтобы онъ дѣйствовалъ совмѣстно съ англійскимъ представителемъ. Русское правительство поручило ему, «подъ предлогомъ вспомошествованія русскимъ плѣннымъ солдатамъ», добиться эвакуаціи французами Далмаціи. Александръ же ясно далъ ему инструкцію слѣдующаго содержанія: «Собственно я не имѣю другого намѣренія теперь, посылая васъ въ Парижъ, какъ завязать прямое и довѣрительное обсужденіе всѣхъ выгодъ Россіи и Франціи, съ цѣлью подготовить путь къ формальнымъ переговорамъ о всеобщемъ мирѣ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ, вѣроятно, начнутся съ тою же цѣлью переговоры между Франціей и Великобританіей, и васъ пригласятъ принять въ нихъ участіе, то я рѣшился, въ ожиданіи, пока можно будетъ назначить для этого особаго уполномоченнаго, поручить вамъ вступить во всякіе переговоры между Англіей и Франціей и подписывать *sub spe rati* вмѣстѣ съ ихъ уполномоченными всякую бумагу, которая покажется соотвѣтствующею чести и выгодамъ Россіи». То же, что соотвѣтствовало чести и выгодамъ Россіи, и на основаніи чего Убри могъ признать Бонапарта императоромъ, заключалось, по словамъ его инструкціи, «въ эвакуаціи Далмаціи, въ предоставленіи владѣнія Сициліей королю неаполитанскому и въ учрежденіи одного или нѣсколькихъ независимыхъ государствъ между Турецкой имперіей и Италіей».

Имѣя подобныя ясно опредѣленныя полномочія, Убри прибылъ въ Парижъ 6-го іюля и прямо отправился къ Талейрану, въ это время министру иностранныхъ дѣлъ, который принялъ его самымъ радушнымъ образомъ и чрезъ нѣсколько дней ловко превратилъ изъ союзника Англіи въ ея противника. Онъ выманилъ отъ него сознаніе, что, получивъ порученіе дѣйствовать заодно съ Англіей, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣетъ право отдѣльно трактовать съ Талейраномъ по дѣламъ, выгоднымъ для Россіи. Талейранъ такъ вкрадчиво и умѣло обошелъ русскаго дипломата, что тотъ совершенно отдѣлился отъ англичанина, лорда Ярмута, и сталъ переговариваться

совершенно независимо съ генераломъ Кларкомъ, которому изъ хитрости Талейранъ передалъ это дѣло. Кларкъ объяснилъ ему проектъ мира, составленный, конечно, не имъ, а Талейраномъ, подъ руководствомъ Наполеона. Какъ генералъ Кларкъ, такъ и Талейранъ, приглашавшій ежедневно Убри на обѣдъ, настаивали на немедленномъ подписаніи трактата, безъ вѣдома англійскаго посланника, говоря, что въ противномъ случаѣ Наполеонъ немедленно учинитъ чтѣ либо рѣшительное противъ Австріи. Убри боялся, что «Европа въ это время не имѣла достаточной силы для сопротивленія такому потоку». На другой день Талейранъ объявилъ Убри, что Наполеонъ согласенъ очистить Германію, если русскій представитель тотчасъ подпишетъ проектъ мира, въ противномъ же случаѣ уже на другой день онъ не получитъ тѣхъ же условій». Убри былъ такъ перепуганъ и находился подъ такимъ гипнозомъ одного имени Наполеона, что согласился на все и тайкомъ отъ лорда Ярмута подписалъ мирный трактатъ съ Франціей отъ 20-го іюля 1806 года. Въ сущности, этотъ трактатъ прямо противорѣчилъ его полномочіямъ и выговаривалъ въ пользу Россіи только удаленіе изъ Германіи французскихъ войскъ, а за это Россія, съ своей стороны, обязывалась очистить Катаро въ пользу Франціи, признать Наполеона императоромъ Франціи, королемъ Италіи и владѣтелемъ Далмаціи. Всѣ мелкія условія этого трактата были одинаково уступками со стороны Россіи, между прочимъ признаніе новаго короля двухъ Сицилій. Не успѣлъ Убри подписать этого рокового для Россіи трактата, какъ онъ догадался, что дѣло не ладно, и рѣшилъ лично отвезти трактатъ государю. «Нахожу необходимымъ,— писалъ онъ графу Строганову,— оправдать свое поведеніе, противное полученнымъ мною инструкціямъ, и сегодня же ѣду въ Петербургъ, куда везу и мой трактатъ и мою голову на плаху, если поступилъ дурно».

Трактатъ, безъ всякаго права подписанный Убри, вызвалъ негодованіе въ Петербургѣ противъ измѣны его, коварства Наполеона и плутовства Талейрана. Александръ, по словамъ Сореля, собралъ свой государственный совѣтъ и сообщилъ ему, съ одной стороны, данныя имъ Убри полномочія, а, съ другой, подписанный имъ трактатъ: злоупотребленіе властью было очевидно. Убри былъ сосланъ въ свое помѣстье, и Францію извѣстили, что трактатъ не ратификованъ. Этимъ окончился странный эпизодъ въ русской дипломатіи, находившейся случайно въ рукахъ нѣмца.

Такимъ образомъ, не удалась попытка Наполеона воспользоваться послѣдствіями Аустерлица. Одинаково бесполезны были его усилія заключить миръ съ Англійей, чтѣ ему казалось дѣломъ легкимъ, такъ какъ умеръ его заклятый врагъ Питъ, который предъ смертью велѣлъ повернуть висѣвшую на стѣнѣ карту Европы, говоря: «Ея теперь не нужно на десять лѣтъ». Дальновзоркій государственный

мужъ ошибся на два года, и то впередъ, а не назадъ, въ сравненіи съ грубымъ наполеоновскимъ генераломъ. Преемникъ Пита, вигъ Фоксъ, считался либераломъ и даже жирондистомъ, поклонникомъ французской революціи, но онъ все-таки былъ англійскимъ патриотомъ и только на словахъ тѣшилъ Наполеона мыслью, что онъ сдѣлаетъ ему уступки. Поэтому только Австрія и Пруссія поддались побѣдителю при Аустерлицѣ, и то послѣдняя не надолго. Она, въ сущности, не была побѣждена въ Аустерлицкомъ побоищѣ, и вся страна мечтала о войнѣ, объ отмщеніи за Австрію, но привлечь Австрію къ недавней коалиціи было невозможно, и Фридрихъ-Вильгельмъ обратился къ Александру съ просьбой прислать ему поддержку въ 60.000 человекъ. Александръ согласился, но, конечно, исподтишка. Едва Наполеонъ успѣлъ развѣдать объ этой хитрой уловкѣ, какъ грянулъ на Пруссію и разгромилъ ее подъ Іеной. Прусская армія была уничтожена, и Наполеонъ отказался отъ согласія на перемиріе. Онъ однажды попробовалъ сдѣлать такую уступку съ русскими послѣ Аустерлица, но тѣ его провели и вмѣсто мира опять предприняли войну. Вступивъ въ Берлинъ, онъ торжественно объявилъ: «Пруссія болѣе не существуетъ». Занявъ большую часть страны, Наполеонъ поспѣшилъ навстрѣчу русскимъ и вступилъ въ Польшу. Въ короткое время онъ занялъ всю страну и началъ соблазнять ее всякими обѣщаніями независимости, но вмѣстѣ съ тѣмъ продолжалъ итти на русскихъ, съ которыми встрѣтился подъ Эйлау. Сраженіе это было нерѣшительное, и обѣ стороны на другой день отступили съ поля битвы. Александръ съ обычной ему ловкостью продолжалъ войну, пытался еще болѣе укрѣпить свой союзъ съ Пруссіей, снова началъ переговоры съ Англіей о новой субсидіи и старался привлечь Австрію къ новой коалиціи противъ Наполеона. Но послѣдній не терялъ времени и въ сраженіи подъ Фридландомъ, въ свою очередь, разгромилъ русскую армію. «Эта битва, — писалъ онъ Жозефинѣ, — была столь же рѣшительной, какъ Аустерлицъ, Маренго и Іена».

Однако, результатъ этого кроваваго побоища былъ иной. Русская армія была внѣ себя отъ отчаянія и требовала, по словамъ Сореля, мира, во что бы то ни стало, а великій князь Константинъ Павловичъ сказалъ своему брату: «Армія требуетъ мира, и вы должны помнить отца». Александръ, по мнѣнію того же Сореля, былъ неспособенъ предаваться продолжительному отчаянію, и почти тотчасъ же вернулся къ своему политическому и дипломатическому настроенію. Онъ увидѣлъ, что только миръ могъ спасти его, давъ ему въ будущемъ возможность отмстить за пораженіе. Онъ тотчасъ вступилъ въ переговоры съ Наполеономъ, который не ожидалъ ничего лучшаго. Перемѣна въ русской политикѣ, еще недавно имѣвшей цѣлью «истребить чудовище», была теперь необыкновенной. «Вы выразите императору Наполеону, — сказалъ онъ Лобанову, по-

сылая его во французскій лагерь,—что если онъ желаетъ союза Франціи съ Россіей, то я всегда желалъ этого. Я убѣжденъ, что подобный союзъ утвердитъ счастье и спокойствіе всего свѣта. Новая система должна замѣнить прежнюю, и я надѣюсь, что мы легко сговоримся, только бы намъ переговорить безъ посредниковъ». Наполеонъ былъ въ восторгѣ отъ такого предложенія, котораго онъ такъ же жаждалъ. Это Тильзитское свиданіе было устроено со всевозможнымъ сценическимъ блескомъ и столько разъ описывалось историками, что излишне останавливаться на разсказѣ Сореля. Оба императора плѣнили другъ друга; Александръ писалъ своей матери: «По счастью, Бонапартъ при всемъ своемъ гении имѣетъ слабое мѣсто—тщеславіе, и я рѣшился пожертвовать своимъ самолюбіемъ для спасенія страны». Наполеонъ въ письмѣ къ Жозефинѣ восклицаетъ: «Это—герой романа; у него всѣ манеры парижскаго любезника. Онъ—прекрасный, добрый, молодой императоръ; у него болѣе ума, чѣмъ обыкновенно полагають». Обольщенный Александромъ Наполеонъ попался въ его западню, но зато сурово обошелся съ королемъ прусскимъ и даже съ королевой, которая старалась пустить въ ходъ всѣ свои прелести. Прежде называемая всѣми очаровательницей, она ничего не могла сдѣлать относительно Наполеона. Главною ея цѣлью было сохранить Магдебургъ, но все было тщетно. Чтобы прекратить разговоръ о Магдебургѣ, Наполеонъ любезно предложилъ ей розу; она отдернула руку со словами: «Я приму розу, если съ нею будетъ Магдебургъ». Онъ отвѣчалъ сердитымъ тономъ: «Вы ошибаетесь, сударыня, я предлагаю вамъ розу, а не вы мнѣ. Магдебургъ—гарантія, которую я оставляю за собою, чтобы наказать людей, могущихъ еще разъ сдѣлаться нахальными».

Результатомъ Тильзита былъ союзъ съ Россіей и окончательное рѣшеніе судьбы Пруссіи. Въ основѣ русскаго союза была война на смерть съ единственнымъ оставшимся врагомъ Наполеона въ Европѣ—Англійей. Всѣ державы были приглашены союзниками къ заключенію противъ Англійи континентальной блокады, состоявшей въ закрытіи для Англійи всѣхъ портовъ. Кромѣ того, Россія признавала королевства: Голландское, Неаполитанское и Вестфальское, а такъ же Рейнскую конфедерацію. Она очищала Каттаро и Ионическіе острова, а такъ же признавала Сицилію частью Неаполитанскаго королевства. Со своей стороны, Наполеонъ обѣщаль свое содѣйствіе противъ Турціи, съ цѣлью освободить отъ мусульманскаго ига турецкія провинціи въ Европѣ. «Изъ уваженія къ русскому императору возвращались прусскому королю его государства, значительно сокращенныя въ пользу герцогства Варшавскаго, которое отдано подъ управленіе короля саксонскаго». Повидимому, Наполеонъ, разставаясь съ Александромъ въ Тильзитѣ, достигъ апогея своей славы и величія. «Весь континентъ Европы

подчиненъ ему, — говоритъ Сорель, — и онъ приобрѣлъ себѣ союзника, который обезпечиваетъ ему великую имперію. Но Тильзитъ, который могъ бы быть концомъ всего, въ сущности, ничего не рѣшаетъ. Этотъ трактатъ, подобный всѣмъ наполеоновскимъ трактатамъ, возбудилъ цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ и въ будущемъ новыхъ войнъ. Этотъ трактатъ создалъ между двумя союзниками новую препону — Польшу, которая, превратившись въ союзника Рейнской конфедераціи, сдѣлалась пограничнымъ государствомъ между великой имперіей и Россіей. Слѣдовательно, эти союзники стали естественными соперниками. Континентальная блокада, — сущность союза, съ самаго начала должна была его нарушить, а соблазнъ союза для Александра — раздѣлъ Турціи — обязанъ былъ его использовать».

Въ Россіи почти никто не былъ доволенъ Тильзитскимъ миромъ и союзомъ съ Наполеономъ. Старая русская партія считала его позорнымъ, бесплоднымъ, бесполезнымъ для Россіи. Бывшіе друзья Александра: Чарторижскій, Строгановъ и Новосильцевъ, съ другой точки зрѣнія также сопротивлялись новому направленію. Такимъ образомъ, большинство въ Россіи было, по словамъ Сореля, антифранцузскимъ и архианглійскимъ, а только официальная Россія, слѣдуя за улыбавшимся лицомъ императора, прикидывалась расположенной къ Франціи. Впрочемъ, новый русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Румянцевъ, и новый любимецъ Александра, Сперанскій, были искренними приверженцами французскихъ идей. Поэтому, хотя Александръ продолжалъ находиться подъ вліяніемъ Наполеона и дѣйствовалъ согласно его политическимъ направленіямъ, но нельзя сказать, чтобы русскій союзъ былъ съ самаго начала очень проченъ. Даже новый русскій посланникъ Толстой былъ открытымъ врагомъ Франціи. Онъ принадлежалъ къ старой русской партіи, ненавидѣвшей французскую революцію и ея прямыхъ преемниковъ. Если онъ принялъ это посольство, то лишь изъ повиновенія волѣ государя, тѣмъ болѣе, что онъ былъ военнымъ. Онъ недовѣрчиво отнесся ко всѣмъ любезностямъ Наполеона и очень умѣренно, осторожно повелъ дѣла, порученныя ему, далеко не разыгрывая пламенной роли представителя союзнаго государя.

Наполеону въ то время не до того было, чтобы это замѣтить. Его вниманіе было все обращено на исполненіе принципа континентальной блокады и на испанскія дѣла. Онъ рѣшился низвергнуть съ престола Бурбоновъ и сдѣлать королемъ своего брата Юсифа. Для исполненія этой цѣли онъ послалъ въ Испанію значительную армію, тѣмъ болѣе увѣренный въ ея успѣхѣ, что его маршалъ Жюно въ то самое время одержалъ цѣлый рядъ побѣдъ въ Португаліи, которая окончательно подчинилась Наполеону, а Браганскій домъ удалился въ Бразилію. Въ короткое время Мю-

ратъ, главнокомандующій французскими войсками, достигъ Мадрида, гдѣ престарѣлый король, Карлъ IV, не задолго предъ тѣмъ отказался отъ престола въ пользу своего сына Фердинанда. За этимъ послѣдовали безконечныя интриги, въ концѣ которыхъ Карлъ IV отказался отъ своего отреченія и прибѣгнувъ къ покровительству Наполеона, который вызвалъ его въ Байону. Туда же отправился и Фердинандъ, которому не удалось утвердиться на престолѣ. Наполеонъ явился самъ въ Байону въ маѣ 1808 года и вмѣстѣ съ Талейраномъ принялся за разрѣшеніе позорной трагедіи. Они заставили Фердинанда признать отца своимъ законнымъ королемъ, а затѣмъ Карлъ IV уступилъ всѣ свои права Наполеону, а самъ удалился въ пожалованный ему Наварскій замокъ. Что же касается Фердинанда, то ему предоставлено было жить въ великолѣпномъ замкѣ Талейрана въ Валансѣ. Такимъ образомъ разыгралась эта трагикомедія, и Наполеонъ передалъ испанскую корону своему брату, Іосифу. Но судьбѣ не было угодно, чтобы такъ окончились испанскія дѣла, и на Пиренейскомъ полуостровѣ вспыхнула настоящая народная революція, которой оказала помощь Англія деньгами и войскомъ. Одна за другой катастрофы преслѣдовали французское оружіе. Генералъ Дюпонъ былъ окруженъ съ своей двадцатитысячной арміей и принужденъ къ сдачѣ. Велеслей, будущій Велингтонъ, со своей стороны заставилъ послѣ цѣлаго ряда пораженій Жюно съ его девятитысячнымъ отрядомъ сложить оружіе въ Цинтрѣ. Чтобы привести въ порядокъ испанскія дѣла, Наполеону надо было лично поспѣшить въ Мадридъ, но его вниманіе было отвлечено вооруженіями Австріи и необходимостью свиданія съ колебавшимся Александромъ.

Въ концѣ сентября 1808 г. это свиданіе состоялось въ Эрфуртѣ. Снова Наполеонъ съ неизмовѣрнымъ искусствомъ устроилъ его обстановку. Въ Тильзитѣ была военная картина, а въ Эрфуртѣ блестящій апоэозъ великой имперіи. Всѣ германскіе вассалы, за исключеніемъ австрійскаго императора и прусскаго короля, которые прислали своихъ представителей, составляли «партеръ» придворнаго театра, въ которомъ представляла парижская труппа Французской комедіи. Все было рассчитано со стороны Наполеона, чтобы плѣнить его союзника, но Александръ былъ совершенно въ иномъ настроеніи, чѣмъ въ Тильзитѣ. На словахъ онъ оставался другомъ Наполеона, въ сущности же тайкомъ подбивалъ Англію, Австрію и Пруссію къ новой коалиціи. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ Кенигсбергъ, чтобы успокоить прусскаго короля, и велѣлъ сказать австрійскому императору, чтобы онъ не тревожился; если бы ему, Александру, и пришлось присоединить свои войска къ арміи могущественнаго союзника, то это будетъ сдѣлано лишь для вида. Своей сестрѣ, Екатеринѣ Павловнѣ, онъ писалъ: «Бонапартъ думаетъ, что я дуракъ, но *«tira bien, qui tira le dernier»*, и я на-

дѣюсь на Бога». Наконецъ, важнымъ элементомъ въ Эрфуртскомъ свиданіи былъ Талейранъ, который рѣшился довести до конца свою двойную игру и, исполняя для вида Наполеоновскую политику, онъ исподтишка намѣренъ былъ сойтись съ Александромъ и вести подкопы подъ своего государя. Блеску собранія въ Эрфуртѣ немало прибавляло присутствіе великаго Гёте. Рядомъ съ Наполеономъ его фигура господствовала надъ всѣми присутствующими.

Переговоры между двумя императорами начались съ глаза на глазъ. Прежде всего Наполеонъ успокоилъ Александра насчетъ уступки Польши и Дунайскихъ княжествъ; потомъ они согласились отложить дѣло о раздѣлѣ Турціи и вдвоемъ обратиться къ Англіи, съ которой, по мнѣнію Наполеона, нельзя было покончить безъ помощи Австріи. Для этого надо было убѣдить послѣднюю объявить войну Англіи. Наполеонъ большую часть проекта-трактата написалъ собственноручно и отдалъ Александру подъ величайшимъ секретомъ. Но съ обычнымъ своимъ двоедушіемъ Александръ передалъ его представителю Австріи, Винценту, который въ свою очередь познакомилъ съ трактатомъ Талейрана. Этого только и ждалъ коварный дипломатъ. Онъ тотчасъ сказалъ Александру послѣ параднаго спектакля: «Я полагалъ бы, что Эрфуртское свиданіе только для забавы, если бы не видѣлся съ Винцентомъ». — «Что же онъ вамъ сказалъ?» — спросилъ русскій императоръ. — «Очень разумныя вещи, — отвѣтилъ Талейранъ; — онъ надѣется, что ваше величество не поддадитесь соблазну Наполеона насчетъ угрозъ противъ Австріи. Если вы позволите мнѣ сказать, то я также на это надѣюсь». — «Я также этого бы желалъ, — произнесъ Александръ, — но это очень трудно; Наполеонъ, кажется, сильно взвинченъ». Тогда Талейранъ объяснилъ, что можно было со стороны Александра поставить Австрію внѣ союзнаго трактата Франціи и Россіи. На другой день они продолжали прежній разговоръ, такъ какъ слова Талейрана были очень понутру Александру. «Ваше величество, — сказалъ наконецъ Талейранъ: — зачѣмъ вы сюда пріѣхали? Вы можете спасти Европу, но иначе вы этого не достигнете, какъ упорно сопротивляясь Наполеону. Французскій народъ образованъ, а его государь необразованный; напротивъ русскій государь образованъ, а его народъ нѣтъ; поэтому государь Россіи долженъ быть союзникомъ французскаго народа. Рейнъ, Альпы и Пиренеи пріобрѣтены Франціей, а остальное завоевано императоромъ; Франція не очень стоитъ за эти побѣды».

Подготовивъ такимъ образомъ почву, Талейранъ приступилъ къ своему торжественному заявленію объ измѣнѣ Наполеону. Это было тѣмъ болѣе кстати теперь, что Наполеонъ поручилъ ему прямо переговаривать съ русскимъ государемъ о женитьбѣ на его сестрѣ, на что онъ уже не разъ намекалъ Александру, и тотъ от-

вѣчалъ любезной улыбкой. «Признаюсь, — рассказывалъ Талейранъ впоследствии:—я былъ испуганъ за Европу этимъ бракомъ. По моему мнѣнію, надо было допустить эту идею для удовлетворенія Наполеона, но создать условія, дѣлавшія бракъ труднымъ, если не невозможнымъ. Я полагалъ, что мнѣ нужно будетъ прибѣгнуть къ большему искусству, чтобы дать это понять Александру, но онъ понималъ меня съ перваго слова». Онъ увѣрялъ, что былъ бы согласенъ на этотъ бракъ, но безъ матери онъ ничего не могъ сказать. Они, т.е. Александръ и Талейранъ, совершенно поняли другъ друга; съ этого времени они дѣйствовали рука въ руку. Таковъ былъ тайный результатъ Эрфуртскаго свиданія, официальный же состоялъ въ подписаніи императорами трактата, подтверждавшаго союзъ противъ Англіи и взаимную помощь военными силами, въ случаѣ войны съ Австріей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Наполеонъ обѣщалъ Россіи Финляндію и Дунайскія княжества, а Россія признавала за Франціей всѣ ея завоеванія и давала Наполеону «carte blanche» на какое угодно окончаніе испанскихъ дѣлъ.

Покончивъ Эрфуртское свиданіе, Наполеонъ быстро обратился къ Испаніи и чрезъ неимовѣрно малый промежутокъ времени очутился въ Мадридѣ. Приведя все въ кажущійся порядокъ и утвердивъ своего брата Іосифа на распатанномъ престолѣ, онъ возвратился въ Парижъ 23-го января 1809 года. Теперь очередь была за Австріей, ее слѣдовало прибрать къ рукамъ. Хотя официально Александръ оставался союзникомъ Наполеона, но втайнѣ онъ содѣйствовалъ утвержденію новой коалиціи. Однако, Наполеонъ предотвратилъ всѣ интриги противъ него и бросился съ французской арміей въ Австрію, обязавъ Александра, въ качествѣ союзника, послать къ нему свои войска. Но это было излишне, потому что французы, хотя и потерпѣли пораженіе впервые подъ начальствомъ Наполеона подъ Эслингомъ, но, по обыкновенію, великій полководецъ одной громкой побѣдой при Ваграмѣ положилъ конецъ, какъ австрійской арміи, такъ и дипломатическимъ интригамъ Австріи. Наполеонъ ловко и искусно воспользовался своей побѣдой и путемъ переговоровъ, окончившихся Вѣнскимъ миромъ, привелъ Европу подъ свое иго. Никогда еще великая имперія не была на такой высотѣ. По мѣткому выраженію одного современника, хотя Франція и платила за свои завоеванія кровью и карманомъ, но она торжествовала. Національная гордость была польщена, и Франція съ восторгомъ привѣтствовала новую побѣду. Она забывала, чего эта побѣда стоила, и только думала о своей чести. Наполеонъ, возвратясь въ Парижъ, былъ очевидно миренъ съ общественнымъ мнѣніемъ.

Теперь на очереди становился вопросъ о бракѣ съ русской великой княжной. Александръ, добившись одной изъ двухъ цѣлей

своего союза съ Наполеономъ, именно присоединенія Финляндіи по трактату съ Швеціей, думалъ только объ исполненіи своей второй задачи относительно Польши. Онъ снова соединился съ другомъ своего дѣтства, княземъ Адамомъ Чарторижскимъ, и согласился на его вѣчный проектъ образовать королевство Польское, подъ личной властью Александра, какъ польскаго короля. Чтобы добиться на это согласія Наполеона, Александръ поддерживалъ предъ нимъ брачный миражъ. Французскій императоръ до того соблазнялся подобнымъ осуществленіемъ его давнишней идеи, что сдѣлалъ всѣ подготовленія, начиная съ развода Жозефины. При этомъ онъ окружалъ Александра всевозможными соблазнами, въ томъ числѣ и разрѣшеніемъ польскаго вопроса, но втайнѣ подготавливалъ, въ случаѣ обмана Александра, австрійскій бракъ. Напротивъ Александръ старался прежде всего гарантировать себѣ Польшу, а потомъ уже ловко отказать въ рукѣ сестры, такъ какъ бракъ этотъ былъ невозможенъ въ виду сопротивленія императрицы-матери и всей Россіи. Двуличная игра Александра ему удалась отчасти, и Коленкуръ, французскій посланникъ въ Петербургѣ, подписалъ польскую конвенцію 4-го января 1810 года. Наполеонъ былъ слишкомъ дальновиденъ, чтобы поддаться въ брачную ловушку. Чтобы не подвергнуться официальному отказу, онъ пустилъ въ ходъ австрійскій проектъ, и прежде чѣмъ Александръ объявилъ свое рѣшеніе о бракѣ сестры, Наполеонъ заключилъ съ австрійскимъ императоромъ конвенцію о бракѣ съ эрцъ-герцогиней Маріей-Луизой. Въ то же время онъ не хотѣлъ предоставить своему сопернику торжествовать въ отношеніи Польши и не ратификовалъ подписаннаго Коленкуромъ трактата. Итакъ, вопросъ о бракосочетаніи императора-высочки былъ разрѣшенъ въ мартѣ 1810 года, хотя не такъ, какъ онъ ожидалъ, но его женою дѣлалась, если не сестра русскаго императора, то эрцъ-герцогиня австрійская, племянница Маріи-Антуанетты. Повидимому, Наполеонъ торжествовалъ, а Александръ, скрывъ свое негодованіе, что Наполеонъ обошелъ его, сталъ еще хитрѣе дѣйствовать противъ него.

«Съ этого времени,—говоритъ Сорель,—императоръ Александръ сдѣлался рѣшительнымъ врагомъ Наполеона, сначала тайнымъ и подпольнымъ, а затѣмъ явнымъ, отчаяннымъ, будущимъ главою великой коалиціи противъ Наполеона. Тильзитскій союзъ былъ нечто иное, какъ интермедія. Подъ личиною союза Наполеонъ и Александръ продолжали преслѣдовать ту же цѣль, которая побудила ихъ воевать другъ съ другомъ въ 1805 году и впослѣдствіи, въ 1812 году. Тильзитская система рушилась, благодаря своей основѣ—континентальной блокадѣ. Наполеонъ хотѣлъ, во что бы то ни стало, настоять на ней, а императоръ Александръ желалъ напротивъ ее обойти. Въ сущности интересы Россіи и Франціи относительно этого вопроса были противоположны, тогда какъ

интересы Россіи были одинаковы съ интересами Англiи. Въ 1810 г. результатъ этихъ интересовъ сталъ очевиденъ. Россія должна была окончательно выбрать одно изъ двухъ: Наполеона, разорявшаго ея торговлю, или Англiю, обогащавшую ее. Выборъ Александра естественно долженъ былъ пасть на Англiю». Такимъ образомъ, оба союзника, какъ видно изъ дальнѣйшихъ выводовъ Сореля, были роковымъ образомъ увлекаемы къ обоюдной войнѣ. Александра влекло убѣжденіе, что союзъ разорялъ его имперію и вызывалъ ему самому антипатичное, оскорбительное подчиненіе выскочкѣ, а Наполеонъ считалъ неизбѣжной войну, потому что ему необходимо было держать всю Европу подъ игомъ, такъ какъ только въ этомъ случаѣ была возможна гибель Англiи, стоявшей, быть можетъ, уже въ нѣсколькихъ недѣляхъ отъ своего окончательнаго паденія. Но какъ ни неизбѣжна была окончательная война между Франціей и Россіей, за которой неудержимо шла вся Европа, она только была тогда, т.-е. въ 1810 году, вопросомъ времени. Великая наполеоновская имперія, достигнувъ своего апогея и повелѣвая всей Европой, за исключеніемъ Англiи, дождалась какъ бы передышки послѣ столькихъ войнъ и кровопролитій. Никогда еще Наполеонъ не знавалъ такого долговременнаго перемирія, и въ это время медленно, втайнѣ готовилась политическая перемѣна, измѣнившая положеніе всего свѣта.

Приготовляясь къ будущей войнѣ съ Наполеономъ, Александръ, по словамъ Сореля, еще разъ измѣнилъ свою внутреннюю политику. Послѣ Тильзита онъ вернулся къ свободѣ, которую любилъ, какъ Наполеонъ трагедію, а другіе великіе люди музыку. Виртуозъ гуманности, онъ съ удовольствіемъ разсуждалъ о ней предъ официальными профессорами гармоніи и приводилъ всѣхъ въ восторгъ. Онъ съ такимъ же удовольствіемъ разсуждалъ о конституціонномъ правительствѣ, съ какимъ дилетанты участвуютъ въ концертахъ. Но по окончаніи этихъ концертовъ онъ возвращался безъ стѣсненія къ государственнымъ дѣламъ и среди меланхолическихъ мечтаній игралъ свою роль, состоявшую въ томъ, что въ одно и то же время соблазнять Наполеона, либераловъ Германіи и конституціонныхъ роялистовъ Франціи. Послѣ Тильзита Александръ снова сошелся съ Чарторижскимъ насчетъ возстановленія Польши и сдѣлалъ своимъ любимцемъ Сперанскаго для проведенія реформы въ русскомъ обществѣ и государствѣ. Хотя Александръ въ этой новой фантазіи игралъ роль органиста громаднaго органа, Сперанскій взялся за дѣло серьезно. Апогея своего вліянія на императора онъ достигъ въ 1809 году. Но дворянская партія въ Россіи заставила Александра мало-по-малу пойти противъ реформъ Сперанскаго и обойтись съ нимъ, какъ съ государственнымъ преступникомъ. Ему были нужны для будущей войны и дворяне, и богатые люди, и придворные, а потому онъ сдѣлалъ снова крутой поворотъ. Отно-

сительно внутренних дѣлъ онъ сталъ яростнымъ патриотомъ и приверженцемъ старой партіи. Что же касается до внѣшней политики, то онъ прежде всего сталъ заигрывать съ Англіей и нарушилъ въ концѣ 1810 года континентальную блокаду, наложивъ пошлины на французскіе товары, идущіе въ Россію по сухому пути, и свободно пропуская товаръ, идущій по морю на нейтральныхъ судахъ. Относительно Пруссіи и Австріи онъ втайнѣ приготовилъ союзъ съ ними при первомъ случаѣ заключенія коалиціи.

Со своей стороны Наполеонъ также готовился къ войнѣ. Никогда Франція не была такъ велика и могущественна, какъ въ то время. Въ ней находилось 130 департаментовъ, и, кромѣ столь громадной территории, она повелѣвала всѣми континентальными государствами. Считая, однако, недостаточной свою собственную могущественную армію, Наполеонъ присоединилъ къ ней для войны съ Россіей войска Австріи, Пруссіи, Рейнскаго Союза, Италіи, Польши и даже Испаніи. Поддерживая до послѣдняго времени кажущійся союзъ съ Россіей и дружбу съ Александромъ, Наполеонъ въ этомъ отношеніи слѣдовалъ той же политикѣ, какъ и русскій государь, который былъ донельзя любезенъ съ французскимъ посланникомъ Лористономъ, увѣряя, что онъ—вѣрный союзникъ и другъ великаго Наполеона. Въ подобныхъ приготовленіяхъ время шло до весны 1812 года. Наполеонъ стянулъ свою великую армію къ границамъ Россіи и 24 іюня перешелъ чрезъ Нѣманъ во главѣ 400.000-ой арміи, тогда какъ все его несмѣтное войско состояло изъ 1.187.000 человекъ, въ томъ числѣ 337.000 иностранцевъ. Александръ, заключивъ миръ съ турками, былъ въ это время въ Вильнѣ, и вокругъ него собрались всѣ противники Наполеона: Бермудезъ, делегатъ испанскихъ кортесовъ, изгнанный пруссакъ Штейнъ, шведъ Армфельдтъ, содѣйствовавшій изгнанію Сперанскаго, главнѣйшіе эмигранты и т. д. Такимъ образомъ, русскій императоръ въ минуту начала Отечественной войны превратился въ освободителя народа и всѣхъ увѣрялъ, что онъ вовсе не желалъ войны, а ее началъ Наполеонъ. Даже уѣзжая изъ Вильны, онъ послалъ къ Наполеону Балашова для послѣднихъ переговоровъ. Но они, какъ и слѣдовало ожидать, не удались, и роковая война началась съ вступленія французскаго императора въ Вильну 1-го іюня.

Такъ какъ въ своемъ громадномъ трудѣ Сорель главнымъ образомъ обращаетъ вниманіе на политику и дипломатію, оставляя на второмъ планѣ военныя событія, то онъ описываетъ всего на десяти страницахъ отступленіе русской арміи, наступательное дѣйствіе Наполеона, вступленіе его въ Смоленскъ, Бородинскую битву и занятіе французами Москвы до ихъ выступленія. «Эта русская стратегія,—говоритъ Сорель,—противоположная всякой теоріи, не была тогда даже въ Россіи никѣмъ понята. Александръ долженъ

былъ безропотно рѣшиться на битву для поддержанія чести своей арміи, и Кутузовъ далъ сраженіе по дорогѣ въ Москву, понимая, что безъ кровопролитнаго боя нельзя было отдать врагамъ Москвы, такъ какъ русскій народъ счелъ бы подобный поступокъ измѣной, и патриотизмъ самъ собою уничтожился бы. Наконецъ 6-го сентября Наполеону была дана «его» битва, самая ужасная, самая кровавая, «нѣчто въ родѣ Эйлау подъ жгучимъ солнцемъ и на сыпучемъ пескѣ». Сраженіе это было нерѣшительное, и если французы считали себя побѣдителями, то лишь потому, что русскіе отступили, увлекая французовъ въ бездну. Кутузовъ отступая сохранилъ свою армію, а Наполеонъ, идя впередъ, погубилъ свою. 14-го сентября Кутузовъ очистилъ Москву, а Ростовчинъ тотчасъ ее поджегъ».

Узнавъ о вступленіи въ Кремль французовъ, Александръ воскликнулъ: «Теперь невозможенъ миръ съ Наполеономъ! Онъ или я, я или онъ! Мы не можемъ болѣе царствовать вмѣстѣ!» Къ этимъ словамъ французскій историкъ прибавляетъ: «Это были для Александра великіе дни. Онъ былъ народъ; онъ олицетворялъ всю Россію. Величіе же Наполеона съ минуты входа въ Москву стало разсѣиваться, и его армія вмѣстѣ съ его престижемъ неминуемо начала уничтожаться въ какой-то неожиданной, нелѣпой роковой катастрофѣ». Пробывъ въ Москвѣ совершенно напрасно болѣе мѣсяца, въ ожиданіи мира или, по крайней мѣрѣ, начала мирныхъ переговоровъ, Наполеонъ, наконецъ, 18 октября выступилъ изъ Москвы въ обратный путь. «Это былъ,—оканчиваетъ свой настоящій томъ Сорель,—торжественный моментъ въ исторіи Наполеона. Никогда судьба не представляла болѣе рокового зрѣлища. Великая армія еще существовала, но предъ нею не было ни войскъ, противъ которыхъ сражаться, ни дипломатовъ, которыхъ можно было бы обойти. За отсутствіемъ противника не съ кѣмъ было бороться. Геній войны исчезалъ въ пустотѣ. Наполеонъ дошелъ до этого момента, увлекаемый чудовищнымъ потокомъ, остановившимся у стѣнъ Кремля, но тутъ онъ, какъ будто, силой инерціи пошелъ назадъ. Побѣдоносная французская революція съ послѣднимъ ея проявленіемъ великой арміей пошла вспять. Она не исчезла, она преобразилась изъ національной, могущественной силы одной Франціи, она распространилась по всеѣмъ націямъ Европы, но съ этимъ отливомъ великая армія была поглощена, и Франція погублена: «*Reversae sunt arae, et operuerunt currus et equites*». Этими словами оканчивается седьмая часть замѣчательнаго труда Альбера Сореля.

В. Тимирязевъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Письма и донесенія іезуитовъ о Россіи конца XVII и начала XVIII вѣка. Спб. 1904.

ИМПЕРАТОРСКАЯ археографическая коммисія издала цѣлый томъ писемъ іезуитовъ, бывшихъ въ Москвѣ въ царствованіе Петра Великаго. Посланія іезуитовъ къ ихъ духовному начальству изданы въ русскомъ переводѣ г. Виноградова съ латинскимъ текстомъ en regard. Какъ видно изъ введенія къ книгѣ, къ тексту предполагалось сдѣлать соотвѣтствующія примѣчанія, составленіе которыхъ взялъ на себя М. О. Кояловичъ. Но за его смертью дѣло это остановилось, и отъ намѣченныхъ Кояловичемъ примѣчаній осталось только цифровое обозначеніе выносокъ. Это очень жаль. Въѣсто научнаго цѣннаго труда, въ свѣтъ выпущена груда матеріаловъ, въ которыхъ детально могутъ разобраться лишь немногіе у насъ знатоки исторіи инославныхъ церквей въ Россіи.

Коммисія издала письма и донесенія не по подлинникамъ, а по копіямъ, переданнымъ въ ея распоряженіе еще въ 1883 г. помощникомъ архиваріуса земскаго архива въ Прагѣ, Ф. Дворскимъ. О томъ, гдѣ хранятся подлинныя документы, и какъ они попали въ Земскій Пражскій архивъ, указаній въ книгѣ нѣтъ. Между тѣмъ, насколько намъ извѣстно, значительное собраніе писемъ тѣхъ же самыхъ іезуитовъ (Берулы, Эмилиана и другихъ) находится у извѣстнаго коллекціонера П. Я. Дашкова, къ которому они поступили изъ Погодин-

скаго архива вмѣстѣ съ другими бумагами московскаго историка. Не представляють ли изданныя нынѣ комиссiей письма *membra disjecta* того же Погодинскаго собранiя?

Какъ бы то ни было, новое изданiе археографической комиссiи представляеть большой интересъ. Литература о пребыванiи и дѣятельности иезуитовъ въ Россiи очень скудна. Извѣстное сочиненiе графа Д. А. Толстого, написанное по-французски въ 1860-хъ годахъ, доступно немногимъ, изслѣдованiе Морощкина захватываетъ лишь время Екатерины II, такъ что для автора статьи объ иезуитахъ въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза единственнымъ матеріаломъ служило, какъ видно, полное собранiе законовъ, гдѣ есть двѣ статьи о иезуитахъ, которыя падаютъ на царствованiе Петра I.

Иезуитскiя донесенiя изъ Москвы, изданныя комиссiей, начинаются съ 1698 года и относятся преимущественно къ первымъ годамъ XVIII вѣка. Къ концу царствованiя Петра ихъ становится все меньше и меньше. Последнее письмо помѣчено 1720 годомъ.

Поддерживаемые австрiйскимъ правительствомъ, московскiе иезуиты главныя усилiя направляли на скрытую и осторожную пропаганду католицизма, но не упускали и случая сообщать, кому нужно, объ отголоскахъ здѣшнихъ событiй. Насколько можно понять изъ ихъ писемъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга значительными промежутками времени, иезуитовъ въ Москвѣ было двое, да упоминается еще о ихъ сочленахъ въ Азовѣ, Таганрогѣ и Воронежѣ, гдѣ было много католиковъ-ремесленниковъ, выписанныхъ Петромъ изъ-за границы для удовлетворенiя русскихъ нуждъ. Для пополненiя своихъ кадровъ иезуиты постоянно просятъ прислать то одного, то другого отца, но непременно знающаго нѣмецкiй языкъ, безъ котораго, по ихъ словамъ, въ Москвѣ шагу ступить нельзя. Свѣтлѣйшiй царь, — пишутъ они, — очень къ нимъ милостивъ, и даже его любимецъ Меншиковъ будто бы изъявилъ желанiе присоединиться къ католицизму, но поставилъ при этомъ какое-то «невозможное» условiе, о которомъ иезуитъ не считаетъ возможнымъ говорить въ письмѣ.

Царя они особенно подкупили заграничными оптическими стеклами и разными математическими инструментами, о присылкѣ которыхъ постоянно встрѣчаются просьбы. Одинъ иезуитъ по просьбѣ Петра составлялъ ему даже какiя-то секретныя «симпатическiя» чернила. Петръ поражалъ иезуитовъ своей жаждой знанiя и прiобрѣтенными уже познанiями. Описывая послѣднiя минуты и смерть петровскаго генерала-католика Гордова, иезуитъ Эмилианъ пишетъ: «О царь говорятъ, что кому вздумается, но несомнѣнно, что у него громадныя дарованiя. Я стоялъ почти въ одѣяньи, когда онъ разговаривалъ съ докторами у тѣла почившаго и все, какъ слѣдуетъ, называлъ подлиннѣйшими словами то латинскими, то греко-латинскими, употребительными въ медицинѣ, приводилъ примѣры изъ исторiи и свидѣтельства».

Пропаганду свою иезуиты начали въ Москвѣ съ прiема самаго дѣйствительнаго: они открыли школу, въ которую набралось десятка два учениковъ изъ лучшихъ русскихъ родовъ, Апраксиныхъ, Голицыныхъ, Нарышкиныхъ и другихъ. Прилаживаясь ко вкусамъ царя, они, повидимому, особенно наирали на преподаванiе геометрiи. «Теперь, — пишетъ упомянутый Эмилианъ въ

1699 г., — мы дошли уже до рѣшенія треугольниковъ». Противники ихъ, кальвинисты и протестанты, тоже не дремали и принялись пропагандировать въ Нѣмецкой слободѣ новомодное тогда ученіе Локка и Декарта. «Божже мой! — ужасается достопочтенный іезуитъ, — какихъ чудовищъ привозятъ сюда (изъ Голландіи)».

Для пропаганды среди невѣжественной массы населенія іезуиты прибѣгли къ церковно-театральнымъ зрѣлищамъ. «На праздники Рождества и Богоявленія были представляемы разныя мистеріи при большомъ стеченіи русскихъ».

Скоро, однако, положеніе іезуитовъ настолько пошатнулось, что, выписывая новыхъ членовъ ордена, они уже совѣтуютъ имъ скрываться и выдавать себя за членовъ посольской свиты. Петръ сильно охладѣлъ къ нимъ. А тутъ еще подвернулось дѣло о совращеніи въ католицизмъ дьякона Роговскаго и открытый отпоръ со стороны Стефана Яворскаго, получившаго образованіе у іезуитовъ и назначеннаго блюстителемъ патриаршаго престола. Яворскій самъ рѣшилъ вступить въ споръ съ іезуитами. Съ этою цѣлью одинъ бояринъ позвалъ ихъ къ себѣ на завтракъ, объявивъ, что туда же придетъ и митрополитъ. Но митрополитъ не явился и вмѣсто себя прислалъ какого-то молодого монаха, получившаго образованіе за границей. Въ одномъ изъ писемъ есть подробный отчетъ о загорѣвшемся диспутѣ, который велся по всѣмъ правиламъ схоластической науки. Нужно только удивляться, какъ могли серьезные люди увлекаться до такой степени игрою въ слова.

Несмотря на обнаруженную громадную ученость, іезуиты-схоластики не могли, однако, понять простой русской метафоры и пресерьезно увѣряютъ, что русскіе считаютъ Богомъ иконы, такъ, по ихъ словамъ, входя въ домъ, русскіе всегда спрашиваютъ: гдѣ вашъ Богъ?

Въ письмахъ можно найти немало интересныхъ бытовыхъ подробностей. Вотъ, наиримѣръ, описаніе царскаго угощенія, къ которому были приглашены и іезуиты. «Когда всѣ собрались въ посольскомъ приказѣ, изъ царской кухни изъ крѣпости вышло 200 русскихъ, и рядъ ихъ занималъ пространство въ 600 шаговъ. Прежде всѣхъ шелъ приставъ; за нимъ 50 человекъ съ серебряными чанами, изъ которыхъ большіе имѣли въ высоту три пяди и изумительный объемъ. За нимъ несли кушанья, числомъ 109, на огромныхъ серебряныхъ блюдахъ. Болѣе тяжелыя блюда, гдѣ были лебеди, кабанья голова и прочее, несли 2 носильщика. За ними несли двѣ ужасающихъ серебряныхъ вызолоченныхъ братины, а за ними 150 огромныхъ сосудовъ съ виномъ, пивомъ, медомъ и водкой». Дѣйствительно, есть отъ чего ужаснуться.

А—ръ.

Русская историческая библиотечка, издаваемая императорскою археографическою комиссіею. Томъ двадцать третій. Дѣла тайнаго приказа. Книга третья. Спб. 1904.

Странная бываетъ судьба и людей и учреждений! Сколько есть историческихъ лицъ, на которыхъ безъ всякаго основанія долгое время возлагалась отвѣтственность за самыя тяжелыя преступленія; то же самое мы видимъ и въ

исторіи учрежденій; такъ, напримѣръ, приказъ тайныхъ дѣлъ царя Алексѣя Михайловича долгое время считался предвѣстникомъ позднѣйшей тайной канцеляріи, этого феникса, которому у насъ суждено постоянно возрождаться подъ разными названіями, и съ именемъ котораго соединялось представленіе о различныхъ ужасахъ. Знаменитый Шлецеръ слагалъ на него даже отвѣтственность за прекращеніе у насъ лѣтописнаго дѣла. «Царь Алексѣй Михайловичъ, — пишетъ авторъ «Толковаго Нестора», — собственно отбилъ у всѣхъ охоту къ лѣтописанію учрежденіемъ тайной канцеляріи, этой политической инквизиціи, толико же безчеловѣчной, какъ и бывшій Вестфальскій тайный судъ или Испанская церковная инквизиція» (Несторъ, перев. Языкова, изд. 1800 г., Спб., ч. I, стр. 34). Въ настоящее время значительная часть матеріаловъ, заключающихся въ дѣлахъ этого приказа, напечатана профессоромъ Гурляндомъ, и что же мы видимъ? По большей части, они представляютъ собою самыя безобидныя цифровыя данныя о расходахъ на царскій дворъ въ родѣ слѣдующихъ: «взято въ москотильномъ ряду у Івана Мелентьева: сажн кувшинъ, цена шесть алтынъ; чермени два фунта, цена восемь копеекъ; десять кистей болшихъ дано десять алтынъ; сто яицъ цена пять алтынъ; левкасу два пуда, цена десять алтынъ, четыре денги. Клею миздернаго на пять алтынъ; горшковъ на четыре копейки; воску три фунта цена двенадцать алтынъ; кузнецамъ и работникомъ отъ тесу дано четыремъ человѣкамъ шесть алтынъ, четыре денги; тридцать кистей малыхъ, цена десять алтынъ, левкашице Маньке дано отъ деревъ сорокъ алтынъ; пятцотъ листовъ серебра, цена за сто по тринадцати алтынъ по две денги, итого два рубли. Взято Семеновской слободы у Софона Иванова бѣлилъ три фунта, цена за фунтъ по шести алтынъ, по четыре денги, итого двадцать алтынъ; клею миздернаго на два алтына на две денги, да сотенному дьячку, который у церковнаго дѣла пишетъ, Гораскъ Пономареву, за прошлые мѣсяца поденнаго корму на мартъ, на апрѣль, на май, на юнь, по два алгына на день, итого семь рублевъ, восемь алтынъ» и т. д. (стр. 6). Далѣе мы видимъ въ дѣлахъ приказа тайныхъ дѣлъ «книги торговли съ Персіей», которыя при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ были регалией (стр. 1413—1583) и книгу сирьяннаго завода, излагающую данныя объ операціяхъ завода до передачи его изъ вѣдѣнія приказа тайныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе малороссійскаго приказа (стр. 1583—1730). Наконецъ здѣсь мы находимъ переписную книгу Верхней палатки, которая стояла въ тѣсной связи съ аптекарскимъ дворомъ и въ которой хранились различныя лѣкарства и цѣлебныя травы для царскаго употребленія (стр. 1661—1730). Такимъ образомъ приказъ тайныхъ дѣлъ былъ, несомнѣнно, учрежденіемъ, вѣдавшимъ личное хозяйство государя и вполне соотвѣтствующимъ нынѣшнему кабинету его величества. Однако значеніе его этимъ не исчерпывалось, какъ видно уже изъ разсматриваемаго нами тома: въ послѣднемъ заключается матеріалъ по вопросу о снабженіи церковей и монастырей печатными богослужебными книгами, исправленными патріархомъ Никономъ, такъ какъ это дѣло вѣдалъ также приказъ тайныхъ дѣлъ (стр. 1643—1661). Для того, чтобы понять такую странность, придется обратиться къ тому учрежденію, которое мы охарактеризовали въ нашихъ предшествовавшихъ рецензіяхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», къ кабинету Петра Великаго (см.

іюль 1903 г); подобно послѣднему, приказъ тайныхъ дѣлъ не только вѣдалъ царское хозяйство, но былъ также царской канцеляріей, какъ вѣрно замѣтилъ еще Карамзинъ; отсюда, вѣроятно, и само названіе, указывающее на особенную интимность этого учрежденія, на близость его къ государю. Личная канцелярія государя неизбѣжно должна была имѣть отношеніе ко всѣмъ дѣламъ государства, а потому при той чрезполосности, которой отличается компетенція нашихъ учреждений въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, дѣла, особенно интересовавшія государя, могли безъ труда переходить въ непосредственное вѣдѣніе ея. Извѣстно, какое значеніе имѣла для того времени реформа Никона, а потому вѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что раздачу новыхъ книгъ вѣдалъ непосредственно «приказъ тайныхъ дѣлъ», точно также, на примѣръ, при Петрѣ Великомъ кабинетъ почти все время непосредственно завѣдывалъ посылкой молодыхъ людей за границу для науки: по дѣламъ его, сохранившимся въ государственномъ архивѣ, мы видимъ, что кабинетъ-секретарь Макаровъ по указаніямъ иностранныхъ купцовъ относительно курса денегъ назначалъ посланнымъ то или другое содержаніе, завѣдывалъ переводомъ имъ денегъ, принималъ отъ нихъ отчеты и т. д.

Такимъ образомъ на приказъ тайныхъ дѣлъ надо смотрѣть, какъ на прототипъ того учрежденія которое имѣло такое огромное значеніе при Петрѣ Великомъ и Елизаветѣ Петровнѣ подъ именемъ кабинета ея величества и въ особенности при Аннѣ Іоанновнѣ подъ именемъ кабинета министровъ. Дѣяки приказа тайныхъ дѣлъ, между которыми въ особенности выдавался знаменитый Дементій Башмаковъ, были настоящими предшественниками позднѣйшихъ кабинетъ-секретарей: А. В. Макарова и И. А. Черкасова. Дѣла приказа тайныхъ дѣлъ, напечатанныя въ настоящее время профессоромъ Гурляндомъ, были сданы при разборкѣ дѣлъ названнаго учрежденія, произведенной въ концѣ XVII вѣка, въ приказъ Большого дворца и оттуда вмѣстѣ съ документами различныхъ дворцовыхъ учреждений XVII вѣка перешли въ такъ называемый архивъ Московской Оружейной палаты,—нынѣ Московское отдѣленіе Дворцоваго архива (стр. I). Самое изданіе отличается чрезвычайной аккуратностью; вездѣ старательно указаны ссылки на документы, правописаніе ихъ сохранено. Мы имѣли возможность сличить сами нѣкоторые изъ нихъ съ ихъ архивными подлинниками и остались вполне удовлетворенными.

В. Строевъ.

Сборникъ статей по исторіи права, посвященный М. Ф. Владимірскому-Буданову его учениками и почитателями. Изданъ подъ редакціей М. Н. Ясинскаго. Кіевъ. 1904.

Въ ноябрѣ 1901 года, когда праздновался тридцатипятилѣтній юбилей учено-педагогической службы профессора М. Ф. Владимірскаго-Буданова, въ кружкѣ его ближайшихъ учениковъ и почитателей возникла мысль почтить юбиляра изданіемъ особаго сборника статей, посвященнаго той отрасли исторической науки, которая составляетъ главный предметъ научныхъ интересовъ чествуемаго ученаго. Различныя причины помѣшали немедленному осуществленію задуманнаго

предпріятія, но самая мысль не была оставлена, и ей обяванъ своимъ появленіемъ настоящій сборникъ. Въ юбилейномъ изданіи приняли участіе многія лица, извѣстныя своими трудами въ той или другой области исторической науки. Къ сборнику приложенъ портретъ профессора Владимірскаго-Буданова съ факсимиле и библиографическій перечень печатныхъ трудовъ почтеннаго юбиляра. Вся выручка отъ продажи книги предназначена для образованія при юридическомъ факультетѣ университета св. Владиміра фонда на премію за лучшее студенческое сочиненіе по исторіи русскаго права.

Что касается содержанія сборника, то о немъ приходится прежде всего сказать слѣдующее. Какъ всѣ научные сборники, онъ рѣзко отличается по своимъ достоинствамъ отъ подобныхъ же изданій чисто литературнаго свойства. Зависитъ такое различіе отъ того, что беллетристы и поэты въ значительной степени живутъ литературнымъ трудомъ, и рѣдко кто жертвуетъ въ сборники отъ избытка. Иное дѣло ученые. Ихъ работа не нуждается въ немедленномъ сбытѣ; мало того, она даже не предназначена для сбыта. Если поэтъ не продастъ вдохновенія, то ученый не продастъ и рукописи. Его мысль и работа самоудовлѣютъ. Поэтому ученый въ сборникъ отдаетъ не лишнее, а необходимое. И въ самомъ дѣлѣ юбилейное изданіе въ честь профессора Владимірскаго-Буданова своего рода букетъ, въ которомъ по большей части цвѣты можно распредѣлить по личному выбору и вкусу, такъ какъ въ каждой статьѣ вложены и дарованіе, и знаніе, и любовь къ обсуждаемому вопросу. Въ большинствѣ случаевъ каждая статья представляетъ собою небольшое, но законченное цѣлое, въ которомъ освѣщается та или лная сторона правовой жизни прошлаго.

Въ частности, профессоръ А. Н. Филиповъ указалъ на сходство нѣкоторыхъ моментовъ въ судопроизводствѣ германскомъ и славянскомъ; профессоръ І. А. Покровскій отмѣтилъ любопытный древне-римскій правовой институтъ частной защиты общественныхъ интересовъ; г. Таравовскій разработалъ мало затронутую тему о государственно-правовыхъ идеяхъ екатерининскаго Наказа, при чемъ указалъ на ошибочность заключеній нѣкоторыхъ авторовъ (въ томъ числѣ г. Чечулина) относительно рабскаго подчиненія мысли великой преобразовательницы иноземнымъ авторамъ; г. Гурляндъ выяснилъ значеніе приказа сыскныхъ дѣлъ; профессоръ Дьяконовъ съ большимъ знаніемъ дѣла и полемическимъ умѣньемъ защищаетъ свои мнѣнія объ институтѣ старожилства и разбиваетъ соображенія покойнаго Н. И. Дебольскаго; чешскій ученый Карлъ Кадлецъ далъ очеркъ, посвященный трудовымъ ассоціаціямъ у славянъ, а профессоръ Виноградовъ— очеркъ нѣкоторыхъ особенностей родового строя уэльскихъ кельтовъ; г. Демченко вошелъ въ разсмотрѣніе вопроса объ участіи земскихъ добрыхъ людей въ древне-русскихъ судахъ; г. Каманинъ сообщил новыя данныя для исторіи кіевскаго городского самоуправленія въ XVII вѣкѣ и отмѣтилъ, что, несмотря на многіе существенные недостатки, старое магдебургское право имѣло то преимущество, что имъ создавалась самая широкая гласность въ хозяйственныхъ и административныхъ дѣлахъ городской общины; профессоръ М. Ковалевскій обрисовалъ юридическій бытъ генуезскихъ колоній на Черномъ морѣ во второй половинѣ XV вѣка, а профессоръ А. Ясинскій— условия введенія «нѣмецкаго права въ селахъ Чехіи XIV вѣка»; болѣе общій

съ одной стороны и менѣе законченный очеркъ представилъ профессоръ Малиновскій. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что помѣщенная въ сборникѣ статья является первыми страницами изслѣдованія автора по исторіи общественныхъ классовъ въ Россіи. Въ упрекъ г. Малиновскому можно поставить то, что, повидимому, онъ смѣшиваетъ древне-русское понятіе человѣка убогаго (богадѣльнаго, по выраженію церковныхъ уставовъ) съ нищимъ, Профессоръ Удинцовъ коснулся стараго русскаго залогового права и выставилъ тѣ положенія, что разнообразіе формъ залоговыхъ отношеній не исключаетъ единства юридической природы древне-русскаго залога, при чемъ единство заключалось въ моментъ гарантіи, наиболѣе отчетливо обнаружившемся въ первичной формѣ залога безъ передачи права владѣнія заложенной вещью (подписка на вѣрѣ); г. Шаповъ удачно разрѣшилъ вопросъ о правовомъ значеніи Стоглава и пришелъ къ тому выводу, что названный памятникъ нужно признать обладающимъ официальнымъ характеромъ; въ яркихъ чертахъ профессоръ князь Трубецкой изобразилъ ходъ образованія политическихъ идеаловъ эпохи возрожденія; г. Митюковъ разсмотрѣлъ римскій договоръ *in diem addictio*; г. Дашкевичъ подвергъ обсужденію данныя за и противъ подложности грамоты князя Ивана Ростиславовича Берладника; г. Максимейко сдѣлалъ любопытный опытъ изслѣдованія вопроса о правѣ мести по «Русской Правдѣ» въ связи съ данными по этому предмету литовско-русскаго права; профессоръ Кулаковскій остановился на вопросѣ о происхожденіи еемнаго строя Византійской имперіи; профессоръ Флоринскій подвергъ пересмотру мнѣнія ученыхъ о происхожденіи различныхъ списковъ древнѣйшаго памятника болгарскаго права «Закона суднаго людемъ», и, наконецъ, профессоръ М. Ясинскій высказалъ новый взглядъ на понятіе закупничества по «Русской Правдѣ».

Какъ мы уже указали выше, каждая изъ статей сборника привлекаетъ вниманіе читателя и имѣетъ свой интересъ, но несомнѣнно, что особенно любопытны въ данномъ случаѣ тѣ работы, которыя написаны ближайшими учениками проф. Владимірскаго-Буданова и при томъ касаются той области, гдѣ уважаемый юбиляръ создалъ себѣ такое громкое имя въ области изученія вѣзнаго о отношенія памятниковъ русскаго и русско-литовскаго права. Въ данномъ случаѣ наиболѣе интересными являются статьи г.г. Максимейки и Ясинскаго. Намъ кажется, что при помощи сопоставленія съ литовско-русскимъ правомъ г. Максимейко очень удачно толкуетъ нѣкоторыя статьи «Русской Правды», въ томъ числѣ вопросъ о до и послѣ судебной мести. Наоборотъ, г. Ясинскій, оспаривая мнѣніе профессора Сергѣевича подъ влияніемъ латинскаго текста нѣкоторыхъ статей литовскаго статута, даетъ новое, но вмѣстѣ съ тѣмъ спорное освѣщеніе древне-русскаго института закупничества. Въ противность мнѣнію г. Сергѣевича профессоръ Ясинскій признаетъ закупу не наймитомъ, а должникомъ, отдающимъ себя въ закладъ кредиту въ обезпеченіе долга. Въ подтвержденіе своего мнѣнія уважаемый ученый приводитъ цѣлый рядъ литовско-русскихъ долговыхъ обязательствъ, гдѣ закупъ отработываетъ свой или даже чужой долгъ. Кромѣ того, г. Ясинскій ссылается на латинскій текстъ литовскаго статута, въ которомъ русское слово «закупъ» переводится *riponi assirege* — взять въ закладъ.

Съ такимъ взглядомъ, однако, нельзя согласиться по слѣдующимъ основаніямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что ученіе о залогѣ по литовско-русскому праву выработалось подъ вліяніемъ римскимъ, а римское право точно опредѣляетъ залогъ, какъ обезпеченіе долга, обезпеченіе, которымъ и кредиторъ не имѣетъ права пользоваться по общему правилу, располагая только правомъ продать вещь при несостоятельности должника. Вначалѣ даже это послѣднее право само собою не подразумѣвалось, и на этотъ счетъ требовался особый договоръ. Объектомъ залога кредиторъ могъ пользоваться по исключенію въ томъ случаѣ, если по договору пользованіе вещью ему предоставлено по особому условію вмѣсто процентовъ. Такимъ образомъ залоговое право — отношеніе, такъ сказать, — правоотношеніе несамостоятельное, зависимое. Погашеніе долга должно собственно произойти путемъ возвращенія занятой суммы, при неоплатности отвѣчаетъ обезпеченіе, при чемъ излишекъ, получающійся отъ продажи, подлежитъ возврату. Нѣчто иное мы имѣемъ при закупничествѣ: закупъ не обезпечиваетъ собою долга въ смыслѣ вещи, которая подлежитъ отчужденію при неплатности, а отработываетъ долгъ. Мы не можемъ не согласиться съ г. Ясинскимъ, что въ нѣкоторомъ отношеніи закупъ отличается отъ наймита, на что не указалъ профессоръ Сергѣевичъ, съ которымъ полемизируетъ почтенный авторъ статьи въ сборникѣ. Но въ сущности оба явленія по своей юридической природѣ принадлежать къ одному типу. И наймитъ и закупъ работаютъ у хозяина по договору найма, но наймитъ договаривается о суммѣ вознагражденія нарочито, а закупъ «заживаетъ» свой долгъ, сдѣланный ранѣе. Наймитъ можетъ быть наемникомъ по ремеслу, закупъ — наемникъ случайный, поневолѣ. Этимъ договоромъ найма, отработываньемъ долга закупъ и отличается отъ холопа или золоженнаго человѣка. Залогъ раба существовалъ въ русскомъ правѣ, и тогда это обезпеченіе слѣдовало общей судьбѣ залога или заклада. Профессоръ Сергѣевичъ въ главѣ о закладчикахъ въ I-мъ томѣ «Русскихъ юридическихъ древностей» приводитъ слѣдующій текстъ: «а въ тѣхъ деньгахъ я, зайщикъ, заложилъ и подписалъ ему, Дмитрею, ясыря своего дѣвку юкагирскую .. на срокъ, которой въ кабалѣ написалъ. А буде я, Иванъ, не выкуплю до сроку у него Дмитрея, и послѣ сроку вольно ему Дмитрею по сей закладной кабалѣ владѣть и у себя держать и на сторону продать, заложить».

Размѣръ журнальной рецензіи неспеціальнаго изданія не даетъ возможности войти въ болѣе подробное разсмотрѣніе вопроса, но мы не можемъ удержаться отъ того, чтобы не привести еще двухъ соображеній. Въ статьѣ г. Удинцова въ томъ же сборникѣ упоминается различная терминологія въ чердынскихъ актахъ: «въ закупѣ, въ закладѣ, въ подпискѣ» (стр. 280). Г. Удинцовъ склоненъ считать эти выраженія тавтологіей; мы же бы полагали, что здѣсь имѣются отгѣнки. Въ актѣ рѣчь идетъ о долгѣ, но долгъ этотъ можетъ быть покрытъ или залогомъ или отработкой въ видѣ вещнаго или личнаго найма. Нельзя также не обратить вниманія на то, что въ польскомъ текстѣ Литовскаго статута имѣется цѣлый отдѣлъ, говорящій о залогѣ и закладѣ, гдѣ эти понятія передаются словомъ *zastawa* (раздѣлъ VII, артикулы 11 и слѣд.);

точно также имѣется и понятіе наемника (раздѣлъ XII, артикулъ 17, § 2) ¹⁾; между тѣмъ при всемъ этомъ древне-русскій и польскій текстъ сохраняютъ слово «закупъ», *zakupic, zakupieci*. Странно было бы видѣть въ данномъ случаѣ одну только небрежность фразеологии, въ особенности если принять во вниманіе, что въ польскомъ языкѣ до сихъ поръ выраженіе *dobra zakupie* означаетъ имѣніе, отданное въ аренду, т.-е. нанятое.

Все вмѣстѣ взятое заставляетъ согласиться съ г. Ясинскимъ, что вопросъ о закупничествѣ еще нуждается въ обсужденіи, и въ данномъ случаѣ несомнѣнна заслуга уважаемаго автора, указавшаго на нѣкоторую взаимную близость займа и закупничества.

В. Грибовскій.

О. М. Бодянский и его заслуги для изученія Малороссіи.

Н. П. Василенка. К. 1904.

Настоящая довольно объемистая брошюра представляетъ собою отгиски статей автора, печатавшихся въ прошломъ году въ журналѣ «Кіевская Старина», и можетъ быть разсматриваема, во-первыхъ, какъ довольно удовлетворительный коррективъ и дополненіе къ біографіямъ и характеристикамъ покойнаго слависта, имѣющимъ уже въ нашей литературѣ, а, во-вторыхъ, какъ попытка освѣтить въ жизни извѣстнаго профессора Московскаго университета одну изъ сторонъ его научно-литературной дѣятельности.

Главный коррективъ относится къ работѣ профессора Сумцова, напечатанной въ критико-біографическомъ словарѣ С. Венгерова (т. V), изъ коей г. Василенко устраняетъ нѣкоторыя фактическія ошибки; кромѣ того, имъ сообщаются и кое-какія малоизвѣстныя событія изъ жизни Бодянскаго на основаніи новѣйшихъ печатныхъ историко-литературныхъ трудовъ, при чемъ особенно подробно имъ освѣщены два періода жизни — дѣтство, юность и первые шаги на поприщѣ науки и литературы, а также періодъ его секретарства и редакторства въ обществѣ исторіи и древностей русскіихъ. Объ остальныхъ сторонахъ жизни и дѣятельности Бодянскаго упоминается лишь бѣгло и отрывочно, нѣкоторыя и совсѣмъ опускаются, такъ что въ сущности настоящей біографіи или характеристики его во всестороннемъ ея освѣщеніи читатели изъ работы г. Василенка не почерпаютъ. Впрочемъ, самъ авторъ и не претендуетъ на столь широкую постановку дѣла, отмѣчая бѣгло въ одномъ мѣстѣ, что «въ его задачу и не входитъ подробная біографія О. М. Бодянскаго». Такимъ образомъ брошюра не отличается равномерностью частей и не производитъ цѣлостнаго впечатлѣнія. Съ одной стороны, г. Василенко не стремится къ составленію полной біографіи, а, съ другой, онъ внѣ всякой связи съ своей главной темой все же непрестанно возвращается къ спеціально-біографическому матеріалу, располагаетъ его въ хронологическомъ порядкѣ (жизнеописаніе), дѣлаетъ отсюда болѣе или менѣе удачныя выводы, строитъ своего рода гипотезы, а порою даже заваливаетъ этотъ

¹⁾ Цитируемъ по русскому-польскому тексту изд. 1811 года.

«истор. вѣстн.», июль, 1904 г., т. XLII.

матеріалъ мелочами и подробностями, не имѣющими особеннаго значенія и во всякомъ случаѣ не настолькоъ характерными, чтобы ихъ выставять преимущественно передъ другими болѣе существенными сторонами біографіи: сюда относятся нѣкоторые эпизоды изъ юности и учебныхъ годовъ Бодянскаго, изъ его отношеній къ родителямъ, изъ періода сдачи университетской типографіи Каткову и т. п.

Нельзя сказать, чтобы и основная тема работы была обстоятельно и рельефно выполнена, и въ данномъ случаѣ вина не въ трудолюбіи или въ компетентности автора: въ его распоряженіи не было для того достаточнаго матеріала, который позволилъ бы нарисовать полную картину дѣла или выставить невѣдомыя дотолѣ и оригинальныя положенія, изъ коихъ естественно вытекали бы характерные выводы. Изъ десяти главъ, на которыя раздѣлена книга, только четыре—3-я, 4-я, 5-я и 10-я, непосредственно обнимаютъ собою «заслуги для изученія Малороссіи» со стороны Бодянскаго; на большее не хватило у г. Василенка данныхъ, при чемъ еще необходимо отмѣтить, что послѣдняя 10-я глава обнимаетъ собою преимущественно перечисленіе тѣхъ работъ, относящихся до исторіи Малороссіи, которыя Бодянскій напечаталъ въ «Чтеніяхъ» общества исторіи и древностей, будучи ихъ редакторомъ. Изъ такой постановки вопроса становится понятною и нѣкоторая узость и общность выводовъ, коихъ автору поневолѣ пришлось достигнуть. Наиболѣе цѣнное для Василенка въ данномъ случаѣ или навѣки исчезло или почему либо еще не увидало свѣта: у него не было въ распоряженіи многочисленныхъ писемъ Бодянскаго къ землякамъ (напримѣръ, къ Кулишу), которыя онъ имъ охотно посылалъ, и въ коихъ, какъ можно догадываться, наиболѣе вышукло и ярко обрисовывались его чувства къ дорогой ему отчизнѣ и родному краю и мысли о его историческомъ прошломъ, а, быть можетъ, и будущемъ. Эта сторона жизни осталась фактически мало выясненной и мало обоснованной—она скорѣе чувствуется и сама собою напрашивается. Вотъ почему автору и въ резолютивной части своей работы пришлось до извѣстной степени ограничиться выраженіями общаго характера и свойства, при оцѣнкѣ заслугъ Бодянскаго именно по изученію Малороссіи. «Уже одно количество изданныхъ О. М. Бодянскимъ матеріаловъ по исторіи и этнографіи малорусскаго народа краснорѣчиво говоритъ о томъ, какъ велика заслуга издателя для изученія Малороссіи,—утверждаетъ онъ.—Къ этому нужно прибавить, что матеріалы, изданные Бодянскимъ, если не всѣ первостепенной важности, то все же они давали и даютъ очень много для разработки малорусской исторіи. Сдѣлавшись доступными болѣе широкому кругу изслѣдователей, они доставили возможность имъ болѣе научно, критически отнестись къ событіямъ прошлой жизни малорусскаго народа, проверить ихъ, освѣтить болѣе правильно. Безъ матеріаловъ, изданныхъ Бодянскимъ, не могъ и не можетъ въ настоящее время обойтись ни одинъ изъ изслѣдователей старой жизни Малороссіи. Въ какомъ видѣ представлялись самому О. М. Бодянскому ходъ и развитіе малорусской исторіи на основаніи извѣстныхъ ему матеріаловъ,—мы не знаемъ. Онъ стоялъ только всегда за чисто научное безпристрастное изслѣдованіе малорусской жизни, безъ той тенденціи, которая, къ сожалѣнію, и теперь еще такъ много вредитъ пра-

вильному пониманію какъ малорусской исторіи, такъ и запросовъ современной намъ жизни малорусскаго народа».

Быть можетъ, въ настоящее время было бы полезнѣе, вмѣсто обработки темы, заданной себѣ г. Василенкомъ, на основаніи слишкомъ скуднаго матеріала, употребить всѣ усилія къ разысканію пропавшихъ писемъ Бодянскаго къ его землякамъ, къ воссозданію полностью его «дневника», отрывки коего въ свое время были напечатаны въ сборникъ общества російской словесности, и къ розыску среди московскихъ букинистовъ хотя бы остатковъ его обширной библиотеки, которымъ она волею судебъ досталась, къ слову сказать, почти задаромъ. Такого рода собраніе духовнаго наслѣдія Бодянскаго со стороны его земляковъ-почитателей было бы дѣйствительно полезной подготовительной работой для его будущей всесторонней характеристики и биографіи, изъ коей и могла бы фактически выясниться его выдающаяся роль въ пробужденіи племенного самосознанія малороссійскаго народа. Безъ такой подготовительной работы все, что будетъ говорено на тему о заслугахъ въ этой области, поневолѣ будетъ слишкомъ обще и поверхностно. Гл.

Н. П. Кондаковъ. Археологическое путешествіе по Сиріи и Палестинѣ. Съ 78-ю рисунками въ текстѣ и 72-мя отдѣльными таблицами. Изданіе императорской академіи наукъ. Спб. 1904.

Ученая экспедиція, снаряженная Православнымъ Палестинскимъ обществомъ въ Іерусалимъ, Заіорданье и Гауранъ, относится къ 1891—1892 гг., и позднее появленіе книги академика Н. П. Кондакова объясняется отчасти трудностями научнаго изслѣдованія въ области палестинской археологіи, отчасти богатствомъ неразработаннаго матеріала, открытаго экспедиціей, наконецъ, далеко не благоприятными, въ смыслѣ быстроты печатанія, условіями академической типографіи. Долгое ожиданіе этой книги исполнѣ вознаграждено несравнимыми достоинствами ея, присущими всѣмъ остальнымъ трудамъ того же автора, лучшаго у насъ знатока древняго искусства и талантливаго изслѣдователя. При всей солидности ученаго аппарата, «Археологическое путешествіе» читается легко, а нѣкоторыя страницы—съ особымъ интересомъ. Это объясняется не только новизной свѣдѣній и образцовой эрудиціей, но и широтой взглядовъ автора на особенности восточнаго и классическаго искусства, наряду съ прекраснымъ изложеніемъ, особенно рѣдкимъ качествомъ ученыхъ работъ. Въ этомъ отношеніи очень поучительна вводная глава, посвященная общимъ вопросамъ.

Авторъ высказываетъ ту мысль, что палестинская археологія подчинена методамъ общей науки исторіи искусства: «въ частности, христіанская археологія Святой Земли тѣмъ тѣснѣе должна быть связана теперь съ общею наукою древнехристіанскаго искусства, чѣмъ болѣе до сихъ поръ обѣ эти среды были разобщены. Волею судебъ, христіанскій востокъ былъ еще недавно, не болѣе 40 лѣтъ назадъ, закрытъ для изслѣдованія, и потому именно въ то время, когда Римъ, благодаря своимъ катакомбамъ и рвенію римско-католиче-

скихъ богослововъ, сталъ исходнымъ пунктомъ и всею областью древне-христіанской археологіи, достигшей затѣмъ глубокихъ научныхъ результатовъ,— христіанскія святыни Востока оставались внѣ этого изслѣдованія». Теперь палестиновѣдѣніе вступило въ новую эру, благодаря раскопкамъ и экспедиціямъ, предпринятымъ Палестинскимъ обществомъ, и ученый міръ естественно ожидаетъ новыхъ открытій въ данной области. Но, останавливаясь передъ массой вещественныхъ памятниковъ, еще не разработанныхъ и не всегда даже опредѣленныхъ, изслѣдователь прежде всего долженъ выяснитъ отношеніе этого матеріала къ тѣмъ общимъ методамъ, которые исчерпывались до сихъ поръ, главнымъ образомъ, слишкомъ узкими требованіями эстетической школы, выработанной на основаніи изученія классическихъ древностей. Поэтому теоріи Гербарта и Лессинга въ извѣстной степени даже тормозили изученіе «мѣстнаго» искусства, имѣющаго очень мало общаго съ условной внѣшней красотой и соответствіемъ между формой и содержаніемъ, въ силу чего расширилась область археологіи, монументальной филологіи и монументальнаго богословія, имѣвшихъ свои собственные методы, иногда очень далекіе отъ методовъ изученія античнаго искусства. Знакомство съ археологіей Палестины еще разъ указало автору необходимость связать эту «мѣстную» археологію съ общей исторіей искусства, тѣмъ болѣе, что сильное вліяніе восточной культуры на Грецію признано рѣшительно всѣми. Это даетъ поводъ изслѣдователю проверить выводы своихъ предшественниковъ—Стрыговскаго: «Orient oder Rom» (1901 г.), Айналова: «Эллипстическія основы византійскаго искусства» (1903 г.), и Ригля: «Stilfragen, Grundlegungen zu einer Geschichte der Ornamentik» (1893 г.),—и еще разъ убѣдиться въ тѣсной связи всего древняго искусства, изученіе котораго должно итти по одинаковымъ методамъ и при художественно-историческомъ сравнительномъ анализѣ памятниковъ опредѣленнаго періода. Благодаря послѣднему обстоятельству, изслѣдованіе Н. П. Кондакова получаетъ громадное значеніе и дѣлаетъ, быть можетъ, эпоху въ научной разработкѣ древнихъ памятниковъ Востока.

Основной части книги предшествуютъ попутныя наблюденія памятниковъ христіанскаго искусства въ Константинополь, Аѳинахъ и Смирнѣ, а затѣмъ слѣдуетъ обзоръ памятниковъ въ порядкѣ самаго пути—Баальбекъ, Мусміе, Санаменъ, Эзра, Неджранъ, Шухба, Шахка, Эль-Хитъ, Кенаватъ, Сіахъ, Атиль, Суведа, Босра и разныя мѣстности Заіорданья. Четвертая глава посвящена Іерусалиму, пятая—ризицѣ храма Гроба Господня, а въ приложеніи къ ней находимъ экскурсъ о мозаикахъ на тему «Славы Креста». Остановимся на двухъ послѣднихъ главахъ. Благодаря своему первостепенному значенію, храмъ Св. Гроба имѣлъ сложную судьбу, много разъ подвергался передѣлкѣ, а потому вопросъ о первоначальной формѣ его зданія представляетъ массу затрудненій, изъ которыхъ новый изслѣдователь выходитъ съ яснымъ представленіемъ, только благодаря основательному изученію первоисточниковъ, гдѣ археологъ долженъ быть прежде всего филологомъ въ тѣсномъ смыслѣ термина. Онъ изучаетъ тексты, относящіеся къ первоначальнымъ постройкамъ храма: Евсевіево «Житіе Константина», «Слова» іерусалимскаго патріарха Кирилла, свидѣтельства Евхерія и Θεодосія, «Обзоръ святыхъ мѣстъ» Антонина изъ Пьячевцы,

а также поздних паломниковъ, видѣвшихъ храмъ послѣ разрушенія Иерусалима персами, напимѣрь, Фотія, патріарха Софронія, Арнульфа, русскаго игумена Данила (стр. 188 — 190), наконецъ, провѣряетъ предположенія западныхъ археологовъ нашего времени и попутно сообщаетъ много новаго, впрочемъ, никогда не упуская изъ виду главной цѣли своего очерка и съ большей или меньшей вѣроятностью устанавливая послѣдовательныя наслоенія въ Зданіи храма Св. Гроба.

Между прочимъ, экспедиціи удалось «проникнуть въ тайну пресловутой ризницы Св. Гроба», но оказалось, что въ ней не нашлось ни одного древняго предмета, показанныя вещи относились къ XVII или XVIII вв.; въ самую же ризницу русскихъ ученыхъ все-таки не пустили. Такимъ образомъ, вмѣсто ожидаемыхъ находокъ или полного разочарованія (существуютъ и такіе слухи, будто лучшія вещи ризницы давно проданы греками), экспедиція должна была удовлетвориться «далеко не золотой» истиной. Въ книгѣ описаны эти вещи, одѣ подробно, другія поверхностно, кое-что дано въ снимкахъ, и общее впечатлѣніе получается довольно печальное. Укажемъ, между прочимъ, евангеліе на греческомъ языкѣ въ чеканномъ серебряномъ окладѣ, 1643 года, съ портретомъ валашскаго господаря Матвѣя Басараба и его жены Елены (стр. 275), и исправимъ ошибки изслѣдователя: Анеима можно назвать однимъ изъ каллиграфовъ «валашскихъ», а не «молдавскихъ» господарей; греческое евангеліе, переписанное въ Крайовѣ протопопомъ Іоанномъ Сербинимъ, находится не въ г. Килии, а въ Букурештскомъ національномъ музеѣ древностей; почему советѣмъ не упомянуто другое румынское евангеліе, 1550 года, даръ госпожи Елены, супруги молдавскаго господаря Петра Рареша, описанное въ «Извѣстіяхъ Русскаго археологическаго института въ Константинополѣ» (Одесса, 1897 г., т. II, стр. 36).

Всѣ рисунки по фотографіямъ г. Барщевскаго исполнены превосходно, сняты съ удачныхъ пунктовъ и хорошо знакомятъ читателя съ характерными памятниками Сиріи и Палестины. Въ заключеніе выразимъ пожеланіе, чтобы возможно скорѣе вышли и остальные, давно ожидаемыя монографіи того же автора—о древностяхъ Македоніи и Буковины, которыя вмѣстѣ съ Синаемъ, Аеономъ и Палестиной составятъ нѣчто цѣльное и грандіозное. А. Я.

А. И. Фаресовъ. Противъ теченій. Н. С. Лѣсковъ. Его жизнь, сочиненія, полемика и воспоминанія о немъ. Съ рѣдкимъ портретомъ. Спб. 1904.

Есть и въ жизни, и въ литературѣ люди, которыхъ можно назвать «одиночками». Это—люди, которые не умѣли, да и не хотѣли стать въ ряды какой нибудь партіи, подъ чужое знамя, повторять чужія слова, и спокойно и гордо отошли въ сторону и идутъ своимъ путемъ. Жизнь по отношенію къ этимъ людямъ немилосердна, она свирѣпо гонитъ ихъ; у нихъ мало друзей, сторонниковъ; современники къ нимъ весьма не благосклонны, но эти люди сильные духомъ, крѣпкіе, твердые, отъ этого только еще больше закаляются. Въ душѣ

ихъ создается свой, особый міръ, и въ немъ они живутъ. Такимъ «одинокимъ» былъ покойный Н. С. Лѣсковъ, которому посвящена книга Фаресова. Это очень занимательная, поучительная, важная книга. Заглавіе ея слишкомъ узко для нея и совершенно не охватываетъ ея содержанія, весьма широкаго. Это — книга не только о Лѣсковѣ, но о русскомъ писателѣ вообще, объ эволюціи русской мысли въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ, о русскомъ критикѣ и русскомъ читателѣ. Конечно, центромъ ея является Лѣсковъ. Для біографіи незабвеннаго писателя, для изслѣдованія развитія его творчества г. Фаресовъ даетъ цѣнные матеріалы. Очень важны письма Лѣскова къ С. Н. Шубинскому, Л. И. Веселитской (Микуличъ, авторшѣ популярной «Мимочки»), А. И. Фаресову и другимъ лицамъ, отзвы Лѣскова о себѣ самомъ и другихъ писателяхъ и о разныхъ явленіяхъ общественной жизни, собственныя воспоминанія г. Фаресова о Лѣсковѣ. Такъ какъ г. Фаресовъ былъ съ Лѣсковымъ въ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ, часто съ нимъ бесѣдовалъ, то ему легко удалось уловить и сохранить не только «духъ» Лѣскова, но даже передать съ буквальною точностью многія его сужденія, и это самая цѣнная часть книги — Лѣсковъ, «reint par lui-même», какъ выразился бы французъ. «Около мудрецовъ, — говорилъ онъ неоднократно, — всегда были люди, которые записывали ихъ взгляды и сберегали ихъ такимъ образомъ потомству. Домашніе и друзья вели журналъ всему, что думалъ и дѣлалъ мудрый человѣкъ. Вотъ истинное почитаніе его духовнаго міра и проповѣдываемыхъ имъ истин!» (стр. 123). Эту роль по отношенію къ Лѣскову и принялъ на себя г. Фаресовъ. А рѣчи Лѣскова не могли не привлекать вниманія, не могли не производить впечатлѣнія на собесѣдниковъ. «Сложный внутренній міръ его отражался и на его бесѣдахъ съ людьми. Краткая и образная рѣчь, сопровождаемая кипучимъ сочувствіемъ или гнѣвомъ, подавляла слушателя и со стороны ума, и чувства. Не распыляясь и всегда сохраняя единство темы, Лѣсковъ обогащалъ память разговаривающихъ съ нимъ обиліемъ фактовъ, анекдотовъ и мыслей вокругъ одного ядра и содержанія. Полное соотвѣтствіе формы съ идеей сообщало его бесѣдамъ художественный характеръ, а терпимость къ репликамъ сближала съ нимъ его собесѣдниковъ по-товарищески» (стр. 126). Ключемъ къ уясненію нѣкоторыхъ сторонъ творчества Лѣскова должно, конечно, прежде всего служить его собственное отношеніе къ себѣ (писательское «ты самъ свой высшій судъ»), выразившееся въ его взглядахъ на писателя вообще и въ мнѣніяхъ о самомъ себѣ въ частности. «Кто любитъ литературу, — говорилъ Лѣсковъ, — тотъ долженъ любить и литератора. Литераторъ вообще долженъ прежде всего понимать человѣка и затѣмъ имѣть начитанность, чтобы, выработавъ себѣ оригинальный взглядъ на жизнь, занимать имъ весь міръ даже въ маленькомъ рассказѣ. Литераторъ не ученый, но онъ болѣе, чѣмъ ученый. Онъ не такъ фундаментально образованъ, какъ послѣдній, но онъ всестороннѣе его. Литераторъ долженъ знать все и по «начиткѣ», и по личному опыту» (стр. 390). «Писатель — это мученикъ, и кто иного мнѣнія о немъ, тому лучше не вступать въ литературу. Тургеневъ отличительной чертой литератора считалъ темпераментъ художника, Л. Толстой — внутреннюю потребность поучать людей, а я — готовность страдать за свои убѣжденія. Литературная страсть еще

болѣ приносить челоуѣку страданій, чѣмъ всѣ прочія страсти. Автору дорого сознаніе, что каждая строка его священна; но въ то же время онъ не напишетъ ни одной строчки ни за какія деньги, если усомнится въ ея достоинствѣ... Служа перомъ безсмертнымъ истинамъ, онъ ощущаетъ писательскую гордость, и хотя бы вокругъ него все симпатизирующее ему вымерло, не умретъ ничего въ немъ самомъ. Это его гордость! Съ этимъ ему легко нести свой крестъ» (стр. 396—397). Эти слова отлично рисуютъ Лѣскова, изображая его, какъ борца за идею, выросшую и взлетѣвшую въ сердцѣ, и объясняя, что дало ему силы во время нещадныхъ гоненій за «Некуда», «На ножкахъ», «Соборянь» перенести свистъ клеветниковъ, претерпѣть тысячу извѣтовъ — и остаться вѣрнымъ себѣ убѣжденнымъ гражданиномъ и любящимъ свое призваніе писателемъ, вмѣсто того, чтобы «предать проклятію того гуся, перомъ котораго научился писать по-русски», какъ образно выразился Лѣсковъ. Быть инымъ Лѣсковъ не могъ. Онъ былъ, если можно такъ выразиться, органически правдивъ. «Я долженъ, — писалъ онъ одному журналисту, — не прятать подъ столъ, а нести на виду до могилы тотъ свѣточъ разумнія, который данъ мнѣ Тѣмъ, передъ очами Котораго я себя чувствую и непреложно вѣрю, что я отъ Него пришелъ и къ Нему опять уйду. Я вѣрю такъ, какъ говорю, и этой вѣрою живъ я и крѣпокъ во всѣхъ утѣсненіяхъ» (стр. 410). Ясно, что челоуѣкъ такого душевнаго склада, съ такимъ взглядомъ на жизнь, съ такимъ сознаніемъ своего назначенія зналъ, что пишетъ и что дѣлаетъ, и что Лѣскову гоненія и бѣды были ни почемъ. Конечно, онъ раздражался и огорчался ими, но это было только сознаніе, что тебя не понимаютъ, хотя ты чистъ и ясенъ, что тебя не любятъ, тогда какъ ты готовъ любить весь міръ, — сознаніе, правда, горькое, но смягчавшееся любовью къ истинѣ и важностью задачи. Въ Лѣсковѣ не было и не могло быть коренного душевнаго разлада съ самимъ собою, въ родѣ того, который погубилъ Гоголя. При всей горячности Лѣскова, о которой рассказываетъ г. Фаресовъ, онъ не отличался способностью быстро переходить отъ взгляда къ взгляду. Правда, извѣстны случаи въ его жизни, когда и онъ мѣнялъ свои убѣжденія (такъ подъ конецъ своей жизни онъ «пересталъ понимать» одного изъ своихъ любимцевъ въ первую пору литературной дѣятельности — отца Туберозова), но это въ немъ происходило далеко не съ легкостью, нѣтъ, — а съ теченіемъ лѣтъ, подъ вліяніемъ естественнаго поворота въ ходѣ мыслей, послѣ продолжительной и, конечно, тяжелой внутренней борьбы. Такъ было и съ гр. Толстымъ.

Самъ сильный талантъ, Лѣсковъ не могъ не поддаться силѣ обаянія еще болѣе могучаго таланта, и въ нѣсколькихъ его произведеніяхъ («Христосъ въ гостяхъ у мужика», «Фигура», «Совѣстный Данило», «Прекрасная Аза», «Пустоплясы», «Юдишь», «Полунощники», «Часъ воли Божіей») отразилось очевидное вліяніе Толстого, но это не было порабощеніе одного другимъ, а произошло потому, что оба писателя отъ Бога «однимъ миромъ помазаны», — миромъ любви къ людямъ и стремленія къ правдѣ, и что душевный строй одного совпалъ съ душевнымъ строемъ другого. Лѣсковъ просто бралъ изъ Толстого то, что было ему по душѣ въ ученіи яснополянскаго мудреца, но къ «толстовству», какъ модному увлеченію, отвнесся съ высоты своей самостоятель-

ности весьма насмѣшливо, словно по известному изреченію: «Толстой-то— Левъ, да толстовцы—овцы!». Лѣсковъ отлично понималъ суть своихъ отношеній къ Толстому. «Говорять, я ему подражаю. Нисколько! Когда писалъ Толстой свою «Анну Каренину», я уже былъ близокъ къ тому, что теперь говорю. Я уже копалъ ту кучу, которую стали и Левъ Николаевичъ копать. Но только у него свѣтъ ярче, и я пошелъ за нимъ съ своей плошкой. У него огромный факелъ, а у меня мерцаетъ маленькая плошка... Я и тороплюсь за нимъ. Тороплюсь!» (стр. 307—308). А началъ онъ признавать Толстого послѣ того, какъ нѣкоторое время отрицалъ его. Таковъ ужъ былъ этотъ человекъ, который ничего не могъ принять на вѣру, полюбить сразу, а сначала бывалъ гонителемъ-Савломъ и лишь послѣ, переработавъ въ своей душѣ отрицательное отношеніе къ ученію, становился его Павломъ. Дѣло кончилось, конечно, побѣдой Толстого надъ Лѣсковымъ,—побѣдой, которой слѣдовало ожидать. Въ обоихъ одинъ и тотъ же проповѣдническій жаръ, у обоихъ одно и то же стремленіе провести въ жизнь христіанскія истины... Какъ же было имъ не сойтись? Отношеніямъ Лѣскова къ Толстому и его послѣдователямъ г. Фаресовъ посвятилъ дѣльныя двѣ главы (VI и XV). Рѣзкій и вспыльчивый Лѣсковъ иногда производилъ впечатлѣніе человека злого, ожесточеннаго, но такое впечатлѣніе было всегда чисто-внѣшнимъ и обманчивымъ. Кто умѣетъ ненавидѣть, тотъ сплосъ да рядомъ и любить умѣетъ, это—старая истина. У Лѣскова не было личныхъ враговъ, хотя въ людяхъ, объявлявшихъ себя врагами бывшаго «въ опалѣ» у своей эпохи писателя, недостатка никогда не было. Лѣсковъ зналъ только враговъ своихъ завѣтныхъ мыслей и убѣжденій и умѣлъ клеймить ихъ. Что же касается до друзей, то по отношенію къ нимъ Лѣсковъ былъ не только доброжелателемъ, а даже просто нѣженъ; въ похвалахъ имъ онъ часто терялъ всякую мѣру (глава XI). Эта черта, крайне рѣдкая въ обыкновенныхъ смертныхъ, свойственна крупнымъ людямъ; это благородное качество Лѣскова приводитъ на память чисто-солнечную душевную щедрость Пушкина, который тоже умѣлъ горячо любить своихъ друзей.

Зато отъ своихъ враговъ Лѣсковъ испилъ до дна горькую чашу клеветы и обиды. «Долгое время —разсказывалъ онъ Фаресову,—обо мнѣ говорили: «съ позволенія сказать», величали «клубничнымъ» писателемъ, «темной личностью» и «довкимъ кавалеромъ!»... Съ neodолжимымъ гнѣвомъ въ душѣ противостоялъ я одинъ толпѣ «чистолюбовъ» и нажилъ себѣ грудную жабу. Вотъ она, моя литературская жизнь! И только теперь я чувствую ту высоту духа, на которой никто уже и ничто не смутитъ меня» (стр. 393 — 394). «Я горжусь, что и по своему темпераменту, и по убѣжденіямъ никогда не принадлежалъ къ добродѣтельнымъ писателямъ, пріемлющимъ на литературномъ положеніи одни аплодисменты современной толпы. Мнѣ всегда подозрительнѣе писатель, никогда не выносившій на своей груди гнѣва толпы и зазнавшійся отъ ея восторговъ имъ» (стр. 398). Вражда, преслѣдовавшая Лѣскова при жизни, проводила его въ могилу и не разсталась съ нимъ даже за гробомъ. Она сказалась въ отзывахъ о немъ критики. Только враждой, личной неприязнью можно объяснить такой отзывъ, какой посвятилъ произ-

веденіямъ Лѣскова Н. К. Михайловскій въ іюньской книжкѣ «Русскаго Богатства» 1897 г. Этого отзывъ г. Фаресовъ называетъ «глумленіемъ надъ писателемъ, а не оцѣнкой его дѣятельности». Полемикъ съ критиками Лѣскова г. Фаресовъ отвелъ двѣ главы (XVI и XVII). Эти двѣ главы, дѣйствительно, не критика, какой заслуживаетъ Лѣсковъ, а только указанія на безчисленные ошибки въ отзывахъ о Лѣсковѣ. Лѣсковъ ждетъ еще своего критика и, можетъ быть, скоро дождется его, такъ какъ мелочные партійные споры стихаютъ, писатель входитъ въ народъ, и около его имени образовывается спокойная атмосфера, благопріятствующая честному и трезвому обсужденію его недостатковъ и достоинствъ. Такому критику многое скажетъ книга г. Фаресова, дополняющая сочиненія Лѣскова, гармонически связанная съ ними одними и теми же идеями, отражающая, какъ и онѣ, личность покойнаго писателя.

Одна изъ самыхъ большихъ главъ книги (X-я) рассказываетъ объ отношеніяхъ Лѣскова къ «Историческому Вѣстнику», въ которомъ онъ работалъ пятнадцать лѣтъ (1880—1895 гг.). Для журнала Лѣсковъ, какъ можно видѣть изъ его писемъ къ С. Н. Шубинскому, былъ драгоценный сотрудникъ. Онъ не страдалъ свойственными знаменитостямъ заносчивымъ «генеральствомъ», всегда былъ очень точенъ. Съ теченіемъ времени у Лѣскова установилась сердечная связь съ журналомъ. «Я всегда радъ,—писалъ какъ-то Лѣсковъ,—доставить «Историческому Вѣстнику» что либо живое и интересное. Мнѣ очень пріятно было встрѣтить нѣсколько убѣдительныхъ для меня доказательствъ, что въ публикѣ, читающей нашъ журналъ, есть люди, очень дружелюбно встрѣчающіе мое имя и даже ожидающіе моихъ работъ. Поработали мы вмѣстѣ уже немало... Это отраднo. Дай Богъ, чтобы, перетрясая недавнюю старину, мы положили свою ленту на то, чтобы сохранить и провести до лучшихъ временъ добрыя преданія литературы» (стр. 174—175).

Теперь, когда утихаетъ гоненіе, воздвигнутое на Лѣскова кружковщиной стараго времени, и этотъ писатель, въ которомъ крѣпко соединились строгій моралистъ и чистый художникъ, уже становится на полку русскаго читателя, какъ одинъ изъ его любимцевъ, появленіе книги Фаресова, написанной тепло и съ любовью, вполне своевременнo.

Н. Лернеръ.

Арсеній, епископъ пековскій. Исслѣдованія и монографіи по исторіи молдавской церкви. Съ 8 автотипическими портретами. Спб. 1904.

Почти одновременно вышли въ свѣтъ два большихъ труда, касающихся исторіи румынской церкви. Казанскій профессоръ Ѡ. Кургановъ выпустилъ объемистые «Наброски и очерки изъ новѣйшей исторіи румынской церкви», трудъ вполне почтенный, безусловно интересный; но строго научное значеніе его могло бы быть признано только въ томъ случаѣ, если бы авторъ хотя бы однимъ словомъ обнаружилъ свое знакомство съ первоисточниками, написанными на румынскомъ языкѣ. Этого мы не видимъ, а взятые изъ вторыхъ рукъ свѣдѣнія, иногда случайныя и истолкованныя не всегда вѣрно, въ сильной степени умаляютъ цѣнность, повторяемъ, очень почтеннаго труда профессора

Курганова. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ приобретаютъ «Исслѣдованія и монографіи» пресвященнаго Арсенія, бывшаго ректора Московской духовной академіи, лучшаго знатока исторіи церковной жизни у румынъ. Широта взглядовъ автора, чуждыхъ религіозной нетерпимости, прямолинейность и убѣжденность въ защитѣ церковныхъ интересовъ предъ мѣропріятіями «безбожнаго» правительства знаменитаго М. Кочальвичану и А. Кузы, завидное знакомство съ литературой предмета, подлинными грамотами, законоположеніями, записками современниковъ и трудами предшественниковъ, безошибочная логичность выводовъ, богатѣйшая эрудиція, наконецъ, научное и вмѣстѣ съ тѣмъ увлекательное изложеніе,—все это прекрасно гармонируетъ съ строгой архитектуронкой всего научнаго зданія и интересомъ содержанія. Нѣкоторыя главы можно читать, какъ беллетристику, какъ занимательный историческій романъ, хотя на всемъ пространствѣ объемистой книги авторъ ни разу не забываетъ самыхъ строгихъ требованій научной критики и всегда точенъ до скрупулезности.

Книга состоитъ изъ двухъ большихъ частей, каждая изъ шести главъ, связанныхъ одной общей идеей. Остановимся вкратцѣ на содержаніи каждой изъ нихъ.

Первая часть даетъ краткую «Исторію молдавскихъ епархій и ихъ святителей, со времени основанія господарства и до нашихъ дней». Ей предшествуетъ вступительная глава, занятая вопросомъ о началѣ христіанства въ придунайскихъ областяхъ на территоріи нынѣшней Румыніи, при чемъ авторъ признаетъ болѣе обоснованной научно ту теорію, которая относитъ это начало ко II вѣку по Р. Хр. и связываетъ его съ колонизаціей Дакии римскимъ правительствомъ. Въ теченіе III—XIII вѣковъ не разъ появляются болѣе или менѣе достовѣрные извѣстія о существованіи въ предѣлахъ обѣихъ Дакий христіанскихъ общинъ, иногда организованныхъ и имѣвшихъ своихъ представителей, иногда безъ признаковъ каноническаго устройства и привлекавшихъ къ себѣ католическихъ миссіонеровъ. Въ XIV вѣкѣ получаетъ начало Молдавское господарство, и почти одновременно съ этимъ — начало церковнаго управленія, въ лицѣ двухъ престарѣлыхъ «владыкъ», Іосифа и Мелетія, поставленныхъ сосѣднимъ галлчскимъ митрополитомъ Антоніемъ. Властолюбивыя стремленія вселенской патріархіи, всѣми средствами посягавшей на юрисдикцію надъ богатой придунайской страной, окончились относительной побѣдой молдавскихъ іерарховъ и полной независимостью ея отъ Константинополя. Правда, къ первой половинѣ XV вѣка относятся какія-то каноническія и культурныя сношенія съ славянскимъ Охридомъ, но послѣдній не дѣлалъ попытокъ подчинить себѣ Молдавію въ каноническомъ отношеніи, и новое православное господарство съ перваго же періода имѣло возможность зажить вполне самостоятельной и широкой церковной жизнью, оставивъ послѣдующимъ вѣкамъ рядъ архіереевъ — борцовъ за интересы церкви, мужей государственныхъ, которые могли служить примѣрами грядущимъ поколѣніямъ при тяжелыхъ обстоятельствахъ. Епископъ Арсеній пересказываетъ въ краткихъ словахъ исторію каждой изъ шести епархій—Молдаво-Сочавской, Романской, Радоцкой, Хушеской, Проклавской и Нижнедунайской, приводитъ преемственный списокъ ихъ

святителей, останавливаясь на болѣе выдающихся и высказывая свое авторитетное мнѣніе относительно основныхъ моментовъ въ исторіи епархій. Особенно интересны тѣ страницы этой части, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ Россіи, напримѣръ, о сочавскомъ митрополитѣ Досіеѣ, извѣстномъ и въ русской письменности, другѣ Симеона Полоцкаго и первомъ митрополитѣ азовскомъ (52—56); о романскомъ епископѣ Пахоміи, пріѣзжавшемъ въ Кіевъ и Черниговъ для бесѣды съ Димитріемъ Ростовскимъ (77); о хушскомъ епископѣ Иннокентіи, ставшемъ во главѣ молдавской депутаціи къ Екатеринѣ II, имѣвшей цѣлью просить императрицу о принятіи подъ ея владычество Молдавіи и Валахіи (106—110), и т. д. Нѣкоторые экскурсы буквально пестрятъ русскими именами и этимъ приобрѣтаютъ особое значеніе для русскаго читателя.

Вторая часть распадается на шесть главъ и носитъ общее заглавіе: «Главные моменты и важнѣйшіе церковные дѣятели румынской церковной жизни XIX столѣтія». Какъ мы уже упомянули въ началѣ рецензіи, преосвященный Арсеній находится въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ для подобнаго разысканія, благодаря знанію румынскаго языка, чѣмъ профессоръ Кургановъ, который заинтересовался Румыніей случайно, а потому слова епископа Антонія имѣютъ и болѣе авторитета. Первая глава посвящена «положенію православнаго приходскаго духовенства въ Румыніи», положенію, необыкновенно печальному и жалкому при матеріальной необезпеченности причта, темнотѣ населенія и полномъ безвѣрїи правящаго класса, который ведетъ позорную борьбу съ лучшими святителями-румынами и въ сенатѣ, и въ печати. Слѣдующая глава: «секуляризація имуществъ Нямецкаго монастыря въ связи съ секуляризаціей другихъ молдавскихъ монастырей», полна драматизма. Здѣсь сконцентрировалось то настроеніе, которое раздѣляетъ на два противоположныхъ лагеря духовенство и правительство; изъ нихъ послѣднее пользовалось всѣми средствами насилія и позора для церкви, прибѣгло къ клеветѣ и помощи жандармовъ, и, несмотря на эвергичный протестъ ревнителей монашеской старины и древняго аскетизма, лишило обители ихъ имуществъ и моральнаго значенія, вызвавъ этимъ естественное тяготѣніе монаховъ къ Россіи, исконной защитницѣ православія. Третья глава читается съ такимъ же интересомъ, такъ какъ герой ея—«молдавскій митрополитъ Веніаминъ Костани (1803—1842) и его участіе въ церковно-политическихъ событіяхъ Молдавіи»,—можетъ сдѣлаться по праву народнымъ героемъ. Остальные очерки посвящены братьямъ Скробанамъ, епископамъ романскому Мелхиседеку и хушскому Сильвестру, воспитанникамъ Кіевской духовной академіи, которой румынская церковь обязана очень многимъ. Вполнѣ естественно, что духовное родство указанныхъ архіереевъ съ Россіей сказалось во всѣхъ чертахъ ихъ жизни и церковно-общественной дѣятельности, и этимъ уже однимъ еще разъ доказывается все значеніе для русской исторической литературы талантливыхъ и цѣнныхъ «Изслѣдованій и монографій» епископа Арсенія.

А. Я.

Иоаннъ Саввинскій. Историческая записка объ Астраханской епархіи за 300 лѣтъ ея существованія (съ 1602 по 1902 годъ). Астрахань. 1903.

Астраханская епархія возникла и развивалась при довольно исключительныхъ условіяхъ: учрежденіе ея обуславливалось не столько удовлетвореніемъ духовныхъ нуждъ мѣстнаго населенія, сколько общегосударственными видами. Входящія въ ея составъ земли не были коренными русскими, а переходили отъ однихъ кочевниковъ къ другимъ, пока не утвердились за татарами. Даже послѣ покоренія Казанскаго и Астраханскаго царствъ русскій православный элементъ въ этихъ областяхъ былъ слишкомъ незначителенъ, теряясь въ массѣ тагарь, калмыковъ, позднѣе—раскольниковъ и сектантовъ. Поэтому учрежденіемъ этой епархіи правительство имѣло въ виду положить твердое основаніе для распространенія русской гражданственности и усиленія русскаго элемента. Благодаря этому, дѣятельность, вышавшая на долю духовной власти на этой окраинѣ, была далеко не легкою. Приходилось нравственнымъ авторитетомъ бороться съ невѣжествомъ инородцевъ, а еще больше—охранять православіе отъ старообрядцевъ и сектантовъ, находившихъ для себя въ этой мѣстности благопріятную почву. «Подобно опытнымъ кормчимъ на малой ладѣ,—говоритъ образно составитель «Записки»,—брошенной среди волнующагося моря, съ горстью боязливыхъ пловцовъ, всегда готовыхъ бѣжать вдалѣ отъ грозной стихіи, мѣстные святители безстрашно боролись съ бурнымъ волненіемъ, ища лишь мѣста, гдѣ бы можно утвердить якорь спасенія—православные храмы Божіи и монастыри, около которыхъ, какъ у тихаго пристанища, истинные христіане забываютъ о всѣхъ опасностяхъ жизни».

Такимъ образомъ, рассматриваемая «Историческая записка» о возникновеніи и развитіи Астраханской епархіи представляетъ интересъ не только спеціальнѣйшій. Для составленія своей книги авторъ пользовался, прежде всего, дѣлами и документами изъ консисторскаго и соборнаго архивовъ, то-есть матеріалами, до сихъ поръ еще неизвѣстными, а потому дающими много новаго. «Записка» состоитъ изъ вступленія и трехъ отдѣловъ, соотвѣтственно тремъ столѣтіямъ, по словамъ автора, «по характеру своему разнымъ, и примѣнительно къ различнымъ наименованіямъ архіерейской кафедръ», именно I кафедра астраханская и терская (1602—1723 гг.), II—астраханская и ставропольская (1723—1799) и III—астраханская и моздокская, съ 1803 года—и кавказская, а съ 1829 года и енотаевская. Конечно, это раздѣленіе покоится на чисто вѣншемъ основаніи и представляетъ нѣкоторыя неудобства: при такомъ раздѣленіи трудно, напримѣръ, составить цѣльное представленіе о положеніи старообрядцевъ или сектантовъ, о постепенномъ развитіи вѣдомствъ епархіальнаго управленія, состава и заселенія края и т. д., такъ какъ обо всемъ этомъ говорится не въ одномъ мѣстѣ, а разбросано по отдѣламъ.

Кромѣ того, значительно слабѣе остальныхъ отдѣловъ—вступительный очеркъ, составленный по Соловьеву и Макарію, о первоначальномъ появленіи христіанства въ земляхъ между Дономъ и Волгой. Авторъ убѣжденъ, что оно появилось еще во времена господства здѣсь тюрко-татарскихъ племенъ (ха-

зарь онъ считаетъ вѣтвю турецкаго [sic] племени и повторяетъ курьезную этимологию ихъ этническаго названія отъ персидскаго царя Хозроя!), если не раньше, то одновременно съ возникновеніемъ Русскаго государства, такъ какъ къ 858 году относится обращеніе хазарь къ византійскому императору Михаилу съ просьбой прислать къ нимъ проповѣдниковъ. Первыми проповѣдниками христіанства, жившими здѣсь два года, какъ думаетъ авторъ, и были Кирилль и Меодій, присланные сюда патріархомъ Фотіемъ. Если проповѣдь ихъ и имѣла нѣкоторый успѣхъ среди хазарь, исповѣдывавшихъ тогда іудейскую вѣру, то дальнѣйшему распространенію и укрѣпленію христіанства помѣшало разрушеніе Хазарскаго царства. Спустя около трехъ вѣковъ, оно снова проникло въ эти области и утвердилось въ самомъ Сараѣ. Здѣсь возникла въ 1261 году епархія, первымъ епископомъ которой былъ Митрофанъ, назначенный митрополитомъ Кирилломъ. Паству новой епархіи, по мнѣнію І. Саввинскаго, составляли прежде всего русскіе, волей или неволей жившіе въ ордѣ, греки-торговцы, наконецъ, татары, иногда принимавшіе новую вѣру, но все же положеніе новой епархіи было настолько шаткимъ, что епископы ея въ концѣ концовъ поселились подъ Москвою—на Крутицахъ, отъ чего и получили названіе крутицкихъ. Съ паденіемъ же орды прекратилась и ихъ власть въ прикаспійскихъ областяхъ, въ силу чего, послѣ покоренія Астрахани, духовенству пришлось вновь утверждать православіе на этой окраинѣ. Уже правительство Іоанна IV ясно сознавало, что однимъ оружіемъ трудно насадить въ этомъ краѣ русскую гражданственность и навсегда закрѣпить его за Москвою. Но вниманіе его въ то время было занято событіями на западѣ. Эту важность духовно-культурнаго воздѣйствія на полудикія замиренныя орды сознавалъ и Θεодоръ Іоанновичъ, и имъ первымъ былъ сдѣланъ шагъ въ этомъ отношеніи. Именно онъ назначилъ въ Астрахань игуменомъ мѣстнаго Троицкаго монастыря Θεодосія изъ Толгскаго монастыря въ Ярославлѣ, съ порученіемъ «въ томъ градѣ Астрахани построить соборная апостольская церковь»; а съ воцареніемъ Бориса Годунова Θεодосій былъ назначенъ и первымъ астраханскимъ епископомъ. Но волненія въ новой епархіи этимъ не прекратились. Наступившія вскорѣ гоненія на старообрядцевъ заставили ихъ искать убѣжища въ этомъ именно краѣ, гдѣ они и стали пропагандировать свое ученіе. Средства же, какъ матеріальныя, такъ и духовныя, какія находились въ распоряженіи православнаго духовенства, были слишкомъ недостаточны для успѣшной борьбы, тѣмъ болѣе, что и интересы правительства, которые собственно и вызвали возникновеніе этой епархіи, иногда шли уже въ разрѣзъ съ интересами вѣры. И только въ недавнее время, съ учрежденіемъ школъ, братства и миссін, борьба съ расколомъ и распространеніе вѣры среди инородцевъ пошли гораздо успѣшнѣе.

Заканчивая нашъ бѣглый очеркъ, мы должны признать, что, несмотря на слабое знакомство автора съ общей исторической литературой, его книга заслуживаетъ вниманія. Особенно интересны тѣ мѣста, въ которыхъ онъ пользуется мѣстными епархіальными архивомъ и рукописнымъ матеріаломъ, малоизвѣстными журнальными статьями, или же приводитъ цифровыя данныя, а главы объ инородцахъ и сектантахъ даже занимательны.

А. Я.

Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 года, собранныя и изданныя П. И. Щукинымъ. Часть VIII. М. 1904.

П. И. Щукинъ продолжаетъ дѣлиться съ занимающимися русской исторіей обширнымъ матеріаломъ, собраннымъ въ его архивѣ. Въ выпускномъ теперь восьмомъ томѣ сборника бумагъ, относящихся до Отечественной войны 1812 года, заключается, подобно предыдущимъ томамъ, множество любопытныхъ и разнообразныхъ документовъ, освѣщающихъ какъ военную, такъ и бытовую стороны этой эпохи. Въ числѣ военныхъ матеріаловъ здѣсь напечатаны: секретная переписка князя Багратіона съ Платовымъ, Тормасовымъ, Аракчеевымъ, корпусными и отрядными начальниками; исходящій журналъ дежурнаго генерала дѣйствующей армии П. П. Коновницына и его переписка съ женой; письма Чичагова къ Багратіону; рапорты и донесенія разныхъ лицъ, касающіеся тѣхъ или другихъ событій на театрѣ военныхъ дѣйствій. Изъ бытовыхъ матеріаловъ особенно любопытно подробное описаніе извѣстнаго дѣла Верещагина, гдѣ излагается слѣдствіе, произведенное надъ несчастнымъ юношей, и его безцѣльная и мученическая смерть, легшая тяжелымъ пятномъ на память графа Ростопчина; интересны отрывокъ изъ «Исторіи моей жизни» отставнаго генерала Мосолова, гдѣ сообщается немало новыхъ подробностей о пребываніи французовъ въ Москвѣ; переписка императрицы Маріи Ѳеодоровны съ почетными опекунами Лукинымъ и Барановымъ и главнымъ надзирателемъ воспитательнаго дома Тутолминимъ о принятіи мѣръ къ охранѣ учреждений, подвѣдомственныхъ императрицѣ; обширная переписка князя Александра Михайловича Голицына съ управляющими его имѣніями, заключающая множество мелкихъ чертъ, рисующихъ взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ того времени. Историкъ Отечественной войны 1812 года найдетъ въ сборникѣ г. Щукина массу матеріала, который значительно облегчитъ ему сужденіе о внутренней сторонѣ событій александровскаго царствованія.

О. Ш.

В. Сергѣевичъ. Русская Правда въ четырехъ редакціяхъ. Спб. 1904.

Русская Правда, древнѣйшій памятникъ русскаго законодательства, известна всякому, интересующемуся прошлой жизнью русскаго народа. Этому памятнику особо посчастливилось въ нашей историко-юридической литературѣ: цѣлый рядъ ученыхъ, начиная съ Татищева и Струбе-де-Пьермонта, занимался изученіемъ Правды; издавалась она много разъ, послѣднія лучшія изданія — Калачова и Владимірскаго-Буданова. Въ настоящее время профессоръ Сергѣевичъ вновь издалъ текстъ Правды въ четырехъ редакціяхъ по спискамъ Археографическому, Троицкому и князя Оболенскаго съ дополненіями и вариантами изъ другихъ списковъ.

Изданному памятнику предпосланы два фототипическихъ снимка текста (изъ списковъ Академическаго и Троицкаго) и введеніе (стр. V—XXII), которое заключаетъ въ себѣ не большое по объему, но важное по существу дѣла новое изслѣдованіе профессора Сергѣевича о Русской Правдѣ. Въ началѣ его

издатель исправляет двѣ ошибки, которыя имъ были допущены въ «Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ», а также въ статьѣ, напечатанной въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» (1899 г., янв.), именно по вопросамъ о количествѣ редакцій Правды и объ авторахъ дѣленія ея на статьи.

По первому вопросу изслѣдователей ввелъ въ заблужденіе Татищевъ, который открытый имъ въ лѣтописи подъ 1016 г. памятникъ принялъ за одинъ списокъ Правды, разсматривалъ его, какъ одно дѣло, и раздѣлилъ на 35 статей. Это стало внослѣдствіи господствующимъ взглядомъ, котораго держался и профессоръ Сергѣевичъ. Но еще знаменитый Шлёцеръ усмотрѣлъ въ Татищевскомъ спискѣ не одну, а двѣ Правды; на этой точкѣ зрѣнія стояли Эверсъ и Рейцъ, но ихъ взглядъ въ исторической литературѣ не привился. Внимательное сличеніе списковъ Академическаго и Археографическаго привело издателя къ тому несомнѣнному выводу, что въ татищевскомъ спискѣ имѣемъ не одну, а двѣ самостоятельныя редакціи Правды. Основанія къ тому слѣдующія: 1) самый заголовокъ: «Правда установлена Русской земли, егда ся совокушилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ»; 2) красная буква, писанная киноварью, которая въ старыхъ книгахъ, гдѣ вслѣдствіе дороговизны матеріала писали текстъ съ начала до конца въ одну строчку, замѣняла нашъ абзацъ; 3) особый знакъ, отдѣляющій первую Правду отъ второй; 4) необычайная новая строчка, съ которой начинается вторая Правда, и 5) знаменательное «зри», каковое слово написалъ переписчикъ противъ начала первой редакціи и повторилъ противъ начала второй Правды. А посему слѣдуетъ различать не три редакціи Русской Правды, какъ то обычно дѣлалось раньше, а четыре: первая относится къ первой половинѣ XI вѣка, вторая—ко второй, третьей редакціей является пространная Правда, а четвертой—сокращенная.

По второму вопросу профессоръ Сергѣевичъ отмѣчаетъ, что онъ ошибочно приписывалъ первыя попытки дѣленія Правды на статьи новымъ издателямъ; оказалось, что въ спискахъ пространной редакціи уже замѣтны такія попытки, дѣленіе производится посредствомъ написанія первой буквы новой статьи киноварью; это, по всей вѣроятности, дѣло переписчиковъ.

Издатель считаетъ необходимымъ въ интересахъ выясненія юридическаго содержанія памятника раздѣлить Правду на статьи; при такой операци онъ признакомъ единства статьи считалъ единство мысли, такъ что каждая отдѣльная мысль выдѣлялась въ особую статью. Благодаря такому приему, нерѣдко одна статья Калачовскаго дѣленія у профессора Сергѣевича распадалась на двѣ, а иногда и на три отдѣльныя статьи. Въ результатъ получилось статей гораздо больше, чѣмъ обычно указывается въ общепринятыхъ изданіяхъ. Троицкій списокъ у Калачова имѣетъ 115 статей, въ изданіи Сергѣевича—159, Академическій тамъ 43, здѣсь—50, кн. Оболенскаго—55 и 68.

Текстъ четырехъ редакцій Правды изданъ съ сохраненіемъ орфографіи; въ концѣ приложенъ указатель лицъ и учреждений, таблица параллельнаго сопоставленія статей всѣхъ редакцій Правды и сравнительная таблица статей Калачовскаго изданія съ изданіемъ Сергѣевича.

Нечего, конечно, говорить о томъ, что памятникъ изданъ образцово, съ внѣшней стороны—довольно изящно.

М. К.

Е. В. Аничковъ. Весенняя обрядовая пѣсня на Западѣ и у славянъ. Часть I. Отъ обряда къ пѣснѣ. Спб. 1903.

Исслѣдованіе Е. В. Аничкова интересно и въ смыслѣ подбора матеріала, и въ методологическомъ отношеніи, такъ какъ служитъ лучшимъ подтвержденіемъ относительной справедливости новѣйшихъ теорій о происхожденіи искусственной средневѣковой поэзіи, въ основѣ которой лежитъ весенняя обрядовая пѣсня. Это мнѣніе впервые было высказано покойнымъ Г. Парисомъ, и русскимъ ученымъ разработано въ болѣе широкомъ масштабѣ. Но, заинтересовавшись весенней обрядностью, авторъ естественно долженъ былъ углубиться въ такіе общіе вопросы мѣологии и исторіи религій, какъ, наиримѣръ, «мѣсто, занимаемое народной обрядностью вообще и весенней въ частности въ общей системѣ эволюціи религиознаго сознанія» (стр. VI). Такимъ образомъ, раздвоившись, задача его при дальнѣйшей работѣ стала сводиться опять къ общему вопросу о происхожденіи поэзіи и тѣсной связи эстетическаго сознанія съ религиознымъ. Второму вопросу будетъ посвященъ слѣдующій томъ, а пока исследователь разсматриваетъ синкретическую первобытную пѣсню-пляску, какъ необходимую принадлежность обряда.

За обширнымъ введеніемъ, посвященнымъ народной пѣснѣ на германо-романскомъ западѣ и на славяно-русскомъ востокѣ, слѣдуютъ два отдѣла: 1) встрѣча и чествованіе весны (каждое обрядовое дѣйствіе здѣсь разсмотрѣно отдѣльно: «общее весеннее заклинаніе», «внесеніе весенняго деревца и цвѣточный праздникъ», «весенняя поздравительная пѣсня на Западѣ» и «у западныхъ славянъ» и «бѣлорусскія волочebныя пѣсни и объясненіе обряда весенняго пѣсеннаго привѣтствія») и 2) хозяйственно-религиозный весенній ритуаль (планъ такой же: «общее весеннее очищеніе», «весенній культъ предковъ», «весенняя обрядность и скотоводство», «весенняя обрядность и хлѣбопашество», «отъ обряда къ пѣснѣ»). Авторомъ собрана большая литература предмета и разработана съ новой точки зрѣнія, въ которой очень незначительную роль играетъ мало-по-малу отживающая теорія заимствованій, а вмѣсто нея широко примѣняются законы новой теоріи, болѣе правдоподобной, а потому и естественной, теоріи объ одинаковыхъ психологическихъ и экономическихъ причинахъ, вызывающихъ появленіе одинаковыхъ же обрядовъ и пѣсней, иногда поразительно сходныхъ между собою. Въ этомъ отношеніи особенно поучительна послѣдняя часть второй главы, гдѣ Е. В. Аничковъ разбираетъ теоріи старыхъ и новыхъ западныхъ ученыхъ относительно народныхъ весеннихъ обрядовъ и думаетъ, что «обрядовый обиходъ европейскихъ народовъ не представляетъ собою отраженія системы мѣовъ; онъ не есть выраженіе поэтическаго взгляда на природу; въ основѣ его лежитъ извѣстный комплексъ вѣрованій и идей, свойственныхъ первобытному человѣку» (стр. 361). Впрочемъ, другой гипотезы мы и не могли бы ожидать отъ исследователя, стоящаго на уровнѣ современной науки о фольклорѣ, а та тѣсная и органическая связь, которая ставится между обрядомъ-заклинаніемъ и пѣсню-заклинаніемъ, является естественнымъ выводомъ изъ всего сказаннаго раньше: пѣсня выражается словами пожеланіе, способствуетъ появленію необходимаго къ данному

случаѣ экстаза, и ея ритмическая форма не можетъ быть отдѣлена отъ содер-
жанія (стр. 381).

Отрицая теорію о происхожденіи искусства изъ игры (Шиллеръ, Спенсеръ, Шереръ, Гроссе), авторъ развиваетъ другую теорію (Гюйо, Бюхеръ, Ницше), утверждая, что къ возникновенію поэзіи привели энергическія ритмическія тѣлесныя движенія, въ особенности тѣ движенія, которыя мы называемъ работою; что даже пляска есть не что иное, какъ подражаніе извѣстнымъ рабочимъ процессамъ (стр. 386—387). Отсюда авторъ дѣлаетъ самостоятельную формулировку указанныхъ взглядовъ: «пѣсня не есть утѣшеніе въ работѣ; она помогаетъ ея интенсивности; всякій, кто знакомъ съ техникой народныхъ плясокъ, прекрасно знаетъ, что въ пляскѣ музыка доводитъ до крайняго возбужденія мускульную энергію, побуждаетъ къ самымъ эластичнымъ, прямо неосуществимымъ безъ нея тѣлеснымъ усиліямъ; также точно и въ работѣ: пѣсня способствуетъ ея производительности постольку, поскольку производительность зависитъ отъ напряженности, и этимъ она преслѣдуетъ чисто практическую цѣль. Смутное сознаніе возрастающей при пѣснѣ мускульной продуктивности и вызвало къ жизни рабочія пѣсни». Такимъ образомъ, идя дальше въ томъ же направленіи, Е. В. Аничковъ связываетъ съ тѣми же «энергическими ритмическими тѣлесными движеніями и всякую пѣсню: военную, любовную и сатирическую, такъ какъ основой ихъ служитъ тотъ же психологическій процессъ». «Простымъ изнуряющимъ трудомъ осуществляетъ человѣкъ свою личную сущность въ природѣ,—заканчиваетъ онъ свое изслѣдованіе.—Его увлекаетъ желаніе, напряженіе воли. Во имя своего «я» и его потребностей онъ стремится побѣдить все то, что позднѣе онъ назоветъ общимъ терминомъ «не я». И сила его растетъ въ процессѣ работы. Онъ усваиваетъ себѣ ея ритмъ и на немъ воспитываетъ свое самосознаніе. Ритмъ становится въ его рукахъ властнымъ орудіемъ борьбы и первымъ залогомъ побѣды. Имъ управляетъ человѣкъ и своей колеблющейся, неустойчивой духовной дѣятельностью. Вотъ почему, когда напряженіе должно возрасти съ возрастаніемъ препятствій,—ритмическое внушеніе не только не будетъ забыто, но въ немъ человѣкъ увидитъ и всю свою надежду. Внушеніе ритмической пѣсней—вотъ основной способъ примиренія этихъ двухъ параллельныхъ міровъ «я» и «не я», вотъ то средство, которымъ постарается человѣкъ возстановить цѣлесообразность такъ часто кажущагося безпорядочнымъ мірозданія. Каждый разъ, какъ его давитъ спутникъ его жизни, природа,—пѣсня выражаетъ отчетливо его сознательное желаніе. Ритмически расположенными мыслями и словами напряженное, властное желаніе человѣка ведетъ къ осмысленной цѣли это загадочное и не всегда податливое «не я». Мировой процессъ стремится къ сознанію, къ жизни духа. Но безъ желанія нѣтъ сознанія, и чѣмъ полнѣе, напряженнѣе желаніе, тѣмъ богаче сознаніе, тѣмъ шире и глубже оно захватываетъ жизнь. Въ религіи и въ искусствѣ осуществляется сознаніе. Только гораздо позже отъ нихъ отдѣлится еще наука. И тогда въ новые моменты сомнѣнія она будетъ даже преобладать, казаться конечной формой духовной дѣятельности человѣчества»... Послѣднія слова, при всей своей туманности, кажутся справедливымъ пророчествомъ о могучемъ человѣкѣ будущаго.

Въ заключеніе не можемъ не отмѣтить непонятнаго для насъ игнорирования авторомъ нѣкоторыхъ цѣнныхъ матеріаловъ, помѣщенныхъ въ «Сборникъ» болгарскаго министерства и польскомъ журналѣ «Wista», интересныхъ фактовъ изъ румынской этнографіи, хотя бы изъ книги S. Ff. Marjanu: «Serbatorele la români» (два тома); къ сожалѣнію, Е. В. Аничкову не извѣстна статья Виргилія Караивана *Ritmul muncii în poezia ile populare* («Noua Revista Româna», 1901, № 37), гдѣ авторъ развиваетъ теорію Бюхера примѣнительно къ пѣснямъ, сопровождающимъ нахогу, ѣзду верхомъ, движеніе разныхъ стадъ, молотьбу, женскія и мужскія работы, приготовленіе вина и т. д. А. Я.

И. П. Ювачевъ. Паломничество въ Палестину къ Гробу Господню. Очерки путешествія въ Константинополь, Малую Азію, Сирію, Палестину, Египетъ и Грецію. Съ 126 иллюстраціями. Спб. 1904.

Несмотря на грандіозность русской и иностранной литературы о Палестинѣ, несмотря на всю массу цѣнныхъ изданій Православнаго палестинскаго общества, исчерпывающихъ, кажется, рѣшительно всѣ вопросы палестиновѣдѣнія, почти каждая новая книга о Святой землѣ все-таки даетъ что нибудь неизвѣстное раньше, находитъ для себя читателей, покупателей и читается всегда съ интересомъ: страна священныхъ воспоминаній остается какъ будто всегда новой и неизслѣдованной, хотя привлекаетъ къ себѣ паломниковъ съ IV вѣка. Такія размышленія вызываетъ книга И. П. Ювачева, составившаяся изъ очерковъ, помѣщенныхъ два года тому назадъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», и изданная Александро-Невскимъ обществомъ трезвости, члѣнъ Воскресенской церкви общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духъ православной церкви.

Книга написана живо, безъ утомительныхъ справокъ историческаго или археологическаго характера, безъ туманныхъ лирическихъ отступленій, избыточныхъ въ большинствѣ типичныхъ «путешествій въ Святую землю», и безъ описанія всякаго рода путевыхъ приключеній, имѣющихъ иногда самое отдаленное отношеніе къ самой поѣздкѣ. На первомъ мѣстѣ у автора его личныя впечатлѣнія, возникшія при самомъ обзорѣнн библейскихъ мѣстъ; далѣе—самостоятельная провѣрка извѣстій, принадлежащихъ его предшественникамъ по паломничеству; наконецъ, обмѣнъ наблюденіями между спутниками, часто разныхъ національностей, разной степени культурности и неодинаковой доли неизбежнаго «скептицизма». По нашему мнѣнію, послѣднія бесѣды — самыя интересныя страницы книги г. Ювачева. Его благоговѣніе предъ величайшими святынями христіанскаго міра, благоговѣніе несомнѣнно искреннее, никогда не переходитъ въ то безотчетное суевѣріе, которое такъ легко вызывается подъ вліяніемъ обстановки и объясненій простыхъ проводниковъ. Ему доступно и критическое отношеніе къ памятникамъ древности, которое иногда высказывается отъ лица самого автора, а иногда влагается въ уста умнаго и загадочнаго «бедуина» (стр. 118—120). Онъ нѣсколько свѣдущъ по части археологіи,

повидимому, хорошо знает Библию и выписками из этой священной книги народов удачно иллюстрирует современное состояние Востока, его бытовые и экономическія условия; наконецъ, ему не чуждо романтическое настроеніе, и нѣкоторыя описанія пейзажей, то дикихъ и пустынныхъ, то экзотическихъ и величественныхъ, въ большинствѣ случаевъ даютъ живую картину. Какъ и слѣдовало ожидать, просвѣщенный туристъ возмущается продѣлками хитрыхъ грековъ и добродушно рассказываетъ объ ухищреніяхъ бѣдныхъ арабовъ или іудеевъ. Одинъ изъ лучшихъ въ этомъ отношеніи очерковъ—рассказъ о схожденіи «благодати» въ великую субботу, гдѣ авторъ сумѣлъ примирить благочестивую вѣру съ новыми теоріями о психологіи массъ.

Украшеніемъ книги служатъ рисунки, сдѣланные большею частью по фотографіямъ Палестинскаго общества, рисунки очень характерныя, обнаруживающіе несомнѣнный вкусъ автора и пониманіе своеобразныхъ красотъ этого оригинальнаго уголка Азіи.

А. Я.

А. В. Пѣшеховъ. На очередныя темы. Матеріалы для характеристики общественныхъ отношеній въ Россіи. Спб. 1904.

Настоящая книжка составилась изъ статей, печатавшихся въ послѣдніе годы главнымъ образомъ въ журналѣ «Русское Богатство» и посвященныхъ текущимъ, злободневнымъ вопросамъ отечественной современности, гдѣ авторомъ обращалось преимущественное вниманіе на тѣ общественныя силы, кои играютъ роль въ русской жизни, и на тѣ общія тенденціи, какія свойственны послѣдней. Г. Пѣшеховъ недурно изучилъ провинціальную земскую жизнь, будучи, кажется, даже дѣятелемъ одного изъ помѣстныхъ земскихъ статистическихъ комитетовъ, а потому по всякому вопросу нашей внутренней жизни у него имѣется, что повѣдать читателямъ, имѣется въ наличности свое определенное мнѣніе — мнѣніе правовѣрнаго ученика такъ называемой этико-соціологической школы, столь долго руководимой покойнымъ уже нынѣ Н. К. Михайловскимъ. Отсюда и освѣщеніе имъ всѣхъ трактуемыхъ вопросовъ съ точки зрѣнія идей и тенденцій, которыя хорошо знакомы русской читающей публикѣ со временъ еще «Отечественныхъ Записокъ» семидесятыхъ годовъ, и которыя находили свое выраженіе въ большинствѣ печатнаго матеріала, помѣщаемаго на страницахъ «Русскаго Богатства» редакціи Н. К. Михайловскаго. Г. Пѣшеховъ—хорошо выученный и дисциплинированный членъ той рати, что окружала въ послѣдніе годы покойнаго соціолога-публициста: онъ твердо идетъ по указанному ему пути и не сбивается въ своемъ шагѣ, крѣпко держитъ въ рукахъ порученное ему въ журналѣ знамя и умѣло отъ времени до времени имъ потрясаетъ. Хотя въ «Русскомъ Богатствѣ» не ему отведенъ отдѣлъ «внутренняго обозрѣнія», но именно это его природное литературное амплуа—онъ «внутренній обозрѣватель» par excellence, черпающій свой матеріалъ изъ статей повседневной печати и по преимуществу провинціальной, изъ статистическихъ сборниковъ, земскихъ ежегодниковъ, журналовъ земскихъ собраній, изъ всеподданнѣйшихъ министерскихъ отчетовъ и т. д. Поэтому и всѣ статьи его всего болѣе носятъ на себѣ характеръ этого «обозрѣнія», «современныхъ лѣтописей»,

19*

интересъ къ коимъ силенъ именно моментомъ, своевременностью ихъ появленія въ печати; послѣ извѣстнаго времени интересъ этотъ испаряется, и значеніе самихъ статей относится уже къ области запечатлѣннаго историческаго переработаннаго матеріала, который, быть можетъ, когда нибудь и пригодится будущему историку общественнаго развитія въ Россіи. Остается, кромѣ того, тенденція; но эта сторона дѣла не есть что-то интересное и оригинальное само по себѣ, ибо является повтореніемъ мотива, почерпнутаго изъ опредѣленнаго источника, гдѣ этотъ мотивъ уже получилъ свою обстоятельную теоретическую и философскую разработку и обоснованіе. Эти соображенія вызываютъ нѣкоторое сомнѣніе въ возможности широкаго распространенія труда г. Пѣшихонова и цѣлесообразности появленія его отдѣльнымъ изданіемъ во всемъ томъ объемѣ, какъ онъ составленъ и выпущенъ въ свѣтъ. При нѣкоторомъ сокращеніи объема и съ выпускомъ нѣкоторыхъ статей, содепг locale книги—спеціальное освѣщеніе внутреннихъ вопросовъ жизни, въ ихъ широкой государственной постановкѣ — несомнѣнно бы выигралъ, хотя, быть можетъ, это и лишило бы автора возможности во всѣ стороны раскинуть сѣтъ своихъ идей и тенденцій.

Наиболѣе цѣнными главами книги, имѣющими сохранить свой интересъ на долгое время, должны считаться главы: «Изъ хроники голодныхъ лѣтъ», «Централизація экономической власти», «Желѣзныя дороги въ русскомъ государственномъ бюджетѣ», «Изъ земской жизни». Здѣсь болѣе рельефно сказался складъ ума автора, его умѣнье комбинировать цифровой и статистическій матеріалъ, подводить ему итоги и развертывать, что называется, во всю свои силы «внутренняго обозрѣвателя». Нѣкоторыя статьи тутъ заслуживаютъ особеннаго вниманія и имѣютъ за собою несомнѣнную цѣнность, какъ по собранному и обработанному матеріалу, такъ и по освѣщенію его, напримѣръ, «Централизація экономической власти» и «Желѣзныя дороги въ русскомъ государственномъ бюджетѣ». Обѣ названныя статьи и въ особенности первая представляютъ собою очень серьезную и злую критику финансовой системы бывшаго министра финансовъ, С. Ю. Витте, критику, основанную не на хлесткихъ фразахъ, парадоксахъ и темныхъ намекахъ, но на цифрахъ, почерпнутыхъ главнымъ образомъ изъ отчетовъ государственнаго контроля по исполненію росписей и изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ. Резюме его обширнаго очерка о системѣ С. Ю. Витте сводится къ слѣдующему: «Основною идеею программы, осуществляемой министерствомъ финансовъ, является централизація экономической власти, получившая наглядное себѣ выраженіе въ централизаціи доходовъ. Проводя ее съ замѣчательнымъ умѣньемъ и рѣдкою настойчивостью, С. Ю. Витте за время своего управленія министерствомъ успѣлъ достигнуть крупныхъ результатовъ. Своей финансовой и экономической политикой онъ широко раздвинулъ предѣлы и на много увеличилъ силу государственной власти, поставивъ въ зависимость отъ нея почти всю экономическую жизнь страны и освободивъ ее самое отъ всѣхъ почти стѣсненій въ дѣлѣ распоряженія народными ресурсами. Идеологической оболочкой и философскимъ оправданіемъ для названной идеи служили, съ одной стороны, стремленіе поднять страну на уровень самодовлѣющей хозяйственной единицы, а съ другой — желаніе увеличить національное богат-

ство. Та и другая задача, при нежеланіи поступаться основной идеей, оказались, однако, неразрѣшимыми. Осуществляя ихъ, министерство должно было опереться на имѣвшіяся въ экономической жизни противорѣчія, расширяя и обостряя ихъ своей политикой. Не устранивъ и даже не ослабивъ зависимости международной, эта политика усилила зависимость социальную; вызвавъ усиленное производство многихъ продуктовъ, она не предусмотрѣла предѣла ему въ распредѣленіи, которое все болѣе и болѣе становилось неравномернымъ; стянувъ громадныя ресурсы, она задержала удовлетвореніе основныхъ потребностей государственной жизни ради средства, успѣвашаго сдѣлаться самодовлѣющею цѣлью. Въ результатъ, богатство города оказалось ненужнымъ при нищетѣ деревни, успѣхи «удачниковъ» — непрочными при неблагополучіи трудящейся массы, накопленіе богатства — невозможнымъ при понижающемся уровнѣ народнаго благосостоянія. Въмѣсто освобожденія отъ чужого рынка приходилось выкидывать за границу въ ущербъ себѣ все большее и большее количество продуктовъ; вмѣсто расширенія производства пришлось еще съ большими жертвами всячески ограничивать его стихійный ростъ». По мнѣнію г. Пѣшехова, уже назрѣла настоятельная необходимость коренного поворота въ этой экономической политикѣ и тѣмъ болѣе, что эта необходимость уже сознается даже въ правящихъ сферахъ.

Какъ извѣстно, система бывшаго министра финансовъ имѣла въ нашемъ обществѣ и литературѣ самыхъ горячихъ поборниковъ и не меньшее (если еще не большее) число противниковъ и хулителей, которые въ своей критикѣ переходили иногда всякія грани дозволеннаго. И г. Пѣшеховъ не относится къ числу поклонниковъ финансовой системы С. Ю. Витте, какъ это видно изъ приведенной выше тирады, но его отличіе отъ прочихъ критиковъ этой системы заключается въ томъ, что онъ говоритъ спокойнымъ голосомъ, не позволяя себѣ непростительныхъ выходовъ и руководится въ своемъ походѣ исключительно и дейной стороной вопроса, какъ человекъ, борющійся съ государственностью, какъ таковой, въ интересахъ общественности и демократическихъ принциповъ. Съ нимъ можно спорить и не соглашаться, но ему нельзя отказать въ серьезности аргументаціи, идейной страстности ума и силѣ занятой позиціи. Позиція эта можетъ быть приравнена къ той, что на парламентскомъ нарѣчій именуется въ западныхъ государствахъ «крайней лѣвой», откуда всегда раздаются страстныя рѣчи противъ всякой централизаціи власти, особенно если эта власть притомъ направляется на усиленіе государственности, въ ущербъ социальнымъ элементамъ страны, въ ущербъ ея общественному росту и самоуправленію со всѣми правами, вытекающими изъ понятія объ этомъ самоуправленіи.

Что касается земскихъ статей автора, то и тутъ мы встрѣчаемся съ знакомыми мотивами, широко разрабатываемыми въ большинствѣ статей, выходящихъ изъ портфеля редакціи «Русскаго Богатства». Въ составѣ этихъ статей и работы г. Пѣшехова занимаютъ не послѣднее мѣсто. Конечно, и подборъ матеріала и самое освѣщеніе его здѣсь сдѣланы въ интересахъ опредѣленной доктрины, но авторъ и не претендуетъ на «холодное вниманіе къ окружающему», не ищетъ славы безпристрастнаго лѣтописца и бытописателя: онъ бое-

вой человекъ на боевой позиціи, выстуившій съ поднятымъ забраломъ и подъ опредѣленнымъ и отвѣтственнымъ знаменемъ. Такъ его и берите, какъ оръе, и какимъ онъ значится въ составѣ воинствующей дружины «Русскаго Богатства».

В. Глинскій.

П. Н. Столпянскій. Матеріалы къ исторіи русской литературы и науки въ XVIII вѣкѣ. Выпускъ I. Опытъ библиографическаго указателя книгъ по географіи, изданныхъ въ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II (1672—1769) Оренбургъ. 1903.

Какъ «опытъ», брошюра г. Столпянскаго заслуживаетъ вниманія и даже интересна, но названіе «матеріалы» — переоцѣнка со стороны самого автора. Онъ жалуется на трудность подобныхъ библиографическихъ работъ въ провинціальномъ городѣ и вызванную этимъ обстоятельствомъ необходимость пользованья уже готовыми списками книгъ, иногда даже каталогами антикварныхъ фирмъ. Согласимся съ этимъ, но неужели такіе источники могутъ служить «матеріаломъ»? Въ особенности вызываютъ недоумѣніе заглавія тѣхъ книгъ, которыхъ авторъ никогда не видѣлъ, а знаетъ только по чужимъ каталогамъ, и во многихъ случаяхъ можно даже усомниться, относится ли та или иная книга къ пѣвѣстному отдѣлу, или же опредѣленіе ея содержанія сдѣлано наугадъ. Далѣе, что за эпоха въ списокъ «книгъ географіи» — изданіе ихъ въ царствованіе Екатерины II? Такіе періоды удерживаютъ теперь только учебники, да и то плохіе. Авторъ думаетъ, что «отечественная библиографія» возникла только въ 1770 году, имѣя въ виду «Словарь русскихъ писателей» Новикова (стр. 1). Конечно, это — ошибка, такъ какъ опыты въ этомъ направленіи относятся къ XVII вѣку; укажемъ хотя бы на «Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ», приписываемое въ послѣднее время Епифанію Славенецкому, а раньше — Сильвестру Медвѣдеву и др. Напрасно также авторъ не воспользовался указателемъ къ Соникову В. Н. Рогожина, или, еще лучше, отчасти уже изданными тѣмъ же библиографомъ «Дѣлами московской цензуры», гдѣ многіе псевдонимы оказались раскрытыми, а также не обратился къ книгамъ историческаго содержанія, удѣлявшимъ немало мѣста географіи. Непростительно ему игнорировать статьи въ журналахъ; неужели онъ займуть особый выпускъ?

Неполнота списка г. Столпянскаго особенно видна изъ послѣдняго отдѣла его брошюры, — «Этнографія», гдѣ указано всего 25 книгъ. Кромѣ того, обращаютъ на себя вниманіе мелкіе недостатки: не указано первое изданіе «Описанія земли Камчатки» Крашенинникова (стр. 25); карта № 97 названа «Малахіи» вмѣсто «Валахіи» (стр. 38); оглавленіе въ книгѣ № 141 — «теметварское» вмѣсто «темешварское» банство (стр. 46), книги № 169 — «о Орапін» вмѣсто «о Оракіи» (стр. 55); не сдѣлана ссылка на первое изданіе «Клессманова путешествія» при № 240 (стр. 78), если только это на самомъ дѣлѣ особая книга и тотъ же переводъ, что и раньше (ср. № 220); при № 260 не указанъ номеръ по Соникову (стр. 82); подъ 1792 годомъ пропущены «Записки» секундъ-майора фонъ-Раана и т. д.

Что же касается общих наблюдений автора над внешним видом русских книг второй половины XVIII вѣка, то они даютъ въ сущности очень мало новаго и интересуютъ, пожалуй, только того, кто ни разу не видалъ старой книги. Особенности эти такія: авторъ часто или всегда отмѣчаетъ свое іерархическое положеніе, но мы думаемъ не потому, что «въ тѣ блаженныя (?) времена литераторъ-писатель почти не пользовался никакимъ значеніемъ» (стр. 5), а просто изъ подраженія западнымъ приемамъ; едва ли также вѣрна связь между «посвященіями» книги знатымъ лицамъ и отсутствіемъ гонорара (стр. 6), а остальные наблюденія еще больше наивны. Однимъ словомъ, брошюра г. Столпянскаго прекрасно оправдываетъ его же собственныя слова: «я никогда не считалъ себя библиографомъ по призванію, никогда не считалъ библиографію цѣлью своихъ работъ» и т. д. (стр. 2). Вотъ это-то и плохо.

Н. Александровъ.

И. И. Янжуль. Между дѣломъ. Очерки по вопросамъ народнаго образованія, экономической политики и общественной жизни. Спб. 1904.

Настоящая книга представляетъ собой четвертый по счету сборникъ очерковъ и статей уважаемаго автора, помѣщенныхъ въ различныхъ журналахъ, газетахъ и проч. За исключеніемъ одной статьи («Свободная торговля и покровительственная система») всѣ помѣщенные въ книгѣ очерки и статьи появились въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ. Происхожденіе этихъ очерковъ и статей различно: нѣкоторыя были въ свое время прочитаны въ качествѣ публичныхъ лекцій, другіе въ видѣ докладовъ въ ученыхъ обществахъ, третьи прямо написаны для періодическихъ изданій. Есть въ сборникѣ статьи, явившіяся плодами прочитанныхъ произведшихъ на автора впечатлѣніе книгъ; таковы, на примѣръ, очерки «Изъ психологіи дѣтей» или «Бабые дѣло»; иныя статьи наоборотъ получились, какъ результатъ значительной по времени личной работы автора, большого чтенія и непосредственнаго наблюденія или собиранія соотвѣтственнаго матеріала. Такъ, на примѣръ, «Практическія занятія на юридическихъ факультетахъ» представляютъ собою цѣлое полустатистическое изслѣдованіе, характеристику котораго мы пытались дать въ одномъ изъ предшествовавшихъ номеровъ «Историческаго Вѣстника». Тѣми же свойствами серьезнаго самостоятельнаго труда обладаетъ и статья «Въ поискахъ за рынками».

Большинство находящагося въ книгѣ матеріала касается вопросовъ экономическихъ; среди же статей общаго характера обращаетъ на себя вниманіе историко-библиографическая замѣтка: «Московскій купецъ конца XVII вѣка по отзывамъ иностранца-современника». Занимаясь въ библіотекѣ Британскаго музея, въ богатыхъ каталогахъ этого учрежденія уважаемый авторъ встрѣтилъ имя нѣмецкаго писателя начала XVIII вѣка—Марпергера, оставившаго по себѣ множество любопытныхъ сочиненій по торговлѣ и промышленности, между прочимъ и книгу «Московскій купецъ». Этотъ трудъ представляетъ собою обстоятельное описаніе русской торговли, а вкратцѣ даже русской географіи и исто-

риі, насколько эти науки нужны кушцу-иностранцу для знакомства съ общими условіями жизни чуждой ему страны. При изложеніи предмета авторъ обнаруживаетъ въ своей книгѣ по нѣкоторымъ вопросамъ большую личную опытность, а затѣмъ крупную начитанность въ литературѣ: онъ перечиталъ массу сочиненій и путешествій по Россіи какъ на нѣмецкомъ, такъ и на французскомъ, англійскомъ и латинскомъ языкахъ преимущественно семнадцатаго, а частью и шестнадцатаго столѣтія. Марпергеръ послѣдовательно излагаетъ исторію нашихъ сношеній съ иностранными купцами, перечисляетъ довольно подробно предметы ввоза, вывоза и внутренней торговли, рисуетъ порядокъ коммерческихъ оборотовъ. Попутно въ книгѣ получается и краткая характеристика русскаго торговаго человѣка конца семнадцатаго и начала восемнадцатаго вѣковъ, — характеристика, кстати сказать, однако, весьма не лестная для нашихъ предковъ. «Необходимо, однако, — говоритъ Марпергеръ, — быть очень осторожнымъ въ сношеніяхъ съ русскими, ибо они обнаруживаютъ въ куллѣ и продажѣ большую хитрость и ловкость... Кто хочетъ русскаго обмануть, тотъ долженъ рано встать... Вообще русскіе правду не чтутъ, и нѣкоторые изъ нихъ весьма легко прибѣгаютъ ко лжи (хотя, большею частью, не обижаются, когда имъ объ этомъ замѣтятъ, т.-е. выразятъ недовѣріе), такъ какъ, будучи въ свою очередь подозрительны, они рѣдко другимъ дадутъ вѣру, и напротивъ восхваляютъ и берутъ себѣ въ образецъ того человѣка, который сумѣетъ ихъ ловко обмануть и провести».

Въ книгѣ имѣется описаніе нашего административнаго строя, подробно передается организація и отправленіе уголовнаго и отчасти гражданскаго правосудія съ пытками, наказаніями и правожомъ. Интересъ представляетъ и глава, посвященная описанію книговодства въ тогдашнихъ купеческихъ конторахъ, имѣвшихъ дѣла съ Москвою. Далѣе слѣдуетъ описаніе устройства русскихъ счетовъ и способовъ ими пользоваться. Между прочимъ авторъ толкуетъ даже о состояніи здоровья русскаго народа и отмѣчаетъ, что между русскими болѣзней мало, и потому медицина въ Россіи процвѣтатъ не можетъ. Въ заключеніе Марпергеръ приводитъ краткій русскій словарь реченій, необходимыхъ для купца. Это собраніе русскихъ словъ и цѣлыхъ предложеній любопытно въ томъ отношеніи, что ими рисуются нравы тогдашнихъ русскихъ торговцевъ и ихъ приемы. Изъ обиходныхъ фразъ видно, что русскій любилъ запрашивать-заламывать, какъ и нынѣшній рыночный лавочникъ. Такой смыслъ имѣетъ, напримѣръ, фраза: «Еще ты не одумался?».

Книга Марпергера выдержала два изданія; во второмъ, между прочимъ, въ русскомъ словарѣ попадаются разныя неприличныя выраженія, которыя какой-то шутникъ, русскій человѣкъ, сообщилъ довѣрчивому иностранцу въ качествѣ выраженій торговыхъ. Шутка въ чисто русскомъ вкусѣ, въ массѣ сохранившемся до нашихъ дней. Тотъ же словарь въ первомъ изданіи заключаетъ въ себѣ наоборотъ подборъ словесныхъ порицаній всякаго рода невоздержности, между прочимъ, и усиленныхъ жертвъ Бахусу, который у русскихъ съ давнихъ поръ содѣйствуетъ Гермесу, покровителю торговыхъ сдѣлокъ. Вотъ образчики такого рода разговоры: «Позволишь ли чарку водки?» — «Водки не уважаю». — «Коликожде я въ гостяхъ на пиру былъ, на другой день вставать не могу». —

«Которые часто циршествуютъ, и часто въ убожество и скудость впадаютъ».

Оба изданія книги Марпергера представляютъ библиографическую рѣдкость, но второе изданіе имѣется въ Петербургѣ, въ библиотекѣ императорской академіи наукъ. О ней упоминаетъ и проф. Леонтовичъ въ своей «Исторіи русскаго права», но, къ сожалѣнію, интересная книга до сихъ поръ не появилась въ русскомъ переводѣ.

В. Гр—скій.

Е. Е. Лебедевъ. Единовѣріе въ противодѣйствіи русскому обрядовому расколу. Новгородъ. 1904.

Русскій народъ извѣстенъ своей беззавѣтной преданностью старинѣ, въ былое время онъ готовъ былъ за одинъ азъ умереть, въ особенности, если дѣло касалось его религіозной святини, православной вѣры христіанской. Эта привязанность къ буквѣ, смѣшеніе существа дѣла съ формой, была одною изъ главныхъ причинъ, раздѣлившихъ въ XVII вѣкѣ весь русскій народъ въ религіозномъ отношеніи на двѣ крупныя части: православныхъ и раскольниковъ. Конецъ XVII вѣка и XVIII вѣка были временемъ расцвѣта раскола, но уже съ 70-хъ годовъ XVIII вѣка изрѣдка началось, а въ XIX столѣтіи развилось и постепенно, но неуклонно прогрессировало воссоединеніе русскаго народа: раскольники привлекались въ лоно православной церкви или полнымъ присоединеніемъ или при посредствѣ единовѣрія, которымъ устанавливалось единство вѣры при разности обрядовъ.

Исторіи единовѣрія, выясненію существа его и посвящена небольшая книжка г. Лебедева, составленная съ нѣкоторыми несущественными добавленіями изъ трехъ статей автора, напечатанныхъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1903 годъ (январь, февраль, мартъ).

Единовѣріе, по указанію автора книги, предшествовало появленію раскола въ русской церкви. Еще до временъ патріарха Никона у насъ существовало обрядовое «разночніе». Однако, послѣ соборовъ 1666—1667 гг., когда на старые обряды былъ наложенъ запретъ съ клятвою, единовѣріе стало проникать въ жизнь лишь въ XVIII вѣкѣ, да и то только административнымъ порядкомъ, путемъ частной практики, когда въ отдѣльныхъ случаяхъ чаще по инициативѣ самихъ старообрядцевъ разрѣшалось употребленіе старопечатныхъ книгъ и дониксовскихъ обрядовъ. Но святѣйшій синодъ относился къ этому съ большою осторожностью и уклончивостью. На официальную и законную почву единовѣріе встало со времени изданія акта 27-го октября 1800 года, которымъ были утверждены и опубликованы 16 пунктовъ, выработанныхъ старообрядцами относительно желаемаго ими соединенія съ церковью. Но эта мѣра не была особенно удачной. Казалось, что единовѣріе, при которомъ сохранялось все дорогое для старообрядцевъ, должно было бы усиленно привлекать раскольниковъ, однако цифры краснорѣчиво говорятъ, что за время съ 1826-по 1898 годъ (за исключеніемъ 1862—1865) изъ общаго количества присоединившихся на единовѣріе, падаетъ 45,5%, тогда какъ болѣе большой процентъ (54,5) относится къ присоединившимся безусловно, такъ что единовѣ-

ріе, ставши офіціальнимъ учрежденіемъ, далеко не оправдало тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагались въ самомъ началѣ.

Въ церковной литературѣ до сихъ поръ существовалъ взглядъ, что едино-вѣріе составляетъ, безспорно, лучший и вполне цѣлесообразный способъ соглашенія и примиренія старообрядства съ церковью. Съ такимъ взглядомъ далеко не согласенъ авторъ книги. Соглашаясь съ тѣмъ, что единовѣріе служило и служить интересамъ православной церкви не безъ пользы, онъ не видитъ въ немъ лучшаго оружія въ борьбѣ съ вѣковѣчнымъ зломъ и не считаетъ едино-вѣрія безусловно плодотворнымъ въ дѣлѣ уничтоженія старообрядства. И вотъ почему: 1) единовѣріе, поддерживая старые обряды, не дѣйствуетъ на корень зла, истинную причину раскола — обрядовѣріе; 2) оно смутило православныхъ, создало путаницу понятій о немъ, а также породило предубѣжденіе противъ него даже среди высшаго духовенства; 3) единовѣріе дало лишній поводъ старообрядцамъ поносить православіе, утверждать, что оно является уступкой со стороны официальной церкви вслѣдствіе признанія правоты вѣрованій старо-обрядцевъ. Этими причинами, главнымъ образомъ, и объясняется недостаточная успѣшность единовѣрія.

Въ концѣ — 10 нумеровъ приложений, касающихся исторіи единовѣрія и раскола во второй половинѣ XVIII вѣка.

Таково содержаніе интересной книги Лебедева. Въ ней авторъ даетъ новое и болѣе правильное освѣщеніе вопроса о единовѣрїи, которое обосновываетъ на разработкѣ значительнаго матеріала и на цѣломъ рядѣ статистическихъ данныхъ.

Можно только пожалѣть, почему авторъ слишкомъ поверхностно коснулся вопроса о дониконовскомъ единовѣрїи, чтó имѣло бы важное значеніе для сравненія его съ единовѣріемъ современнымъ. Затѣмъ, не дано болѣе или менѣе детального анализа правилъ 1800 года, о неудовлетворительности которыхъ авторъ неоднократно говоритъ; но въ чемъ она выразилась, — это для читателя остается неизвѣстнымъ.

М. К.

Н. С. Лобасъ. Каторга и населеніе на островѣ Сахалинѣ. Нѣсколько штриховъ изъ жизни русской штрафной колоніи. Екатеринбургъ. 1904.

Авторъ настоящаго очерка провелъ около семи лѣтъ среди ссыльнаго населенія острова Сахалина, а потому трудъ его долженъ представлять весьма большой интересъ, тѣмъ болѣе, что никто изъ нашихъ изслѣдователей не посвящалъ такого огромнаго количества времени изученію важнаго вопроса о бытѣ нашей штрафной колоніи. Г. Лобасъ утверждаетъ, что его работа основана на «строغو фактическомъ» (?) матеріалѣ и имѣетъ цѣлью очертить условія жизни «невольнаго» населенія острова, указать на недочеты существующаго въ немъ режима и намѣтить тѣ пути, которые являются, по мнѣнію автора, наиболѣе подходящими въ цѣляхъ продуктивности колоніи въ смыслѣ ея процвѣтанія и возрожденія ея насадителей; при этомъ авторъ «далекъ отъ

мысли считать свой трудъ значительнымъ», при чемъ, тѣмъ не менѣе, полагаетъ, что собранныя имъ данныя послужатъ «весьма скромнымъ», но не лишнимъ дополненіемъ къ трудамъ тѣхъ лицъ, которыя, какъ, на примѣръ, Чеховъ, Дорошевичъ и другіе, уже успѣли сказать кое-что о Сахалинѣ.

Въ первой главѣ г. Лобасъ даетъ географическій очеркъ острова Сахалина и дѣлаетъ ссылку, что этотъ очеркъ составленъ имъ не по первоисточникамъ. Это—наиболѣе слабое мѣсто всего труда, а отсутствіе ссылокъ на источники, которыми пользовался авторъ, не позволяетъ провѣрять какъ правильность описанія острова, такъ и принятый авторомъ методъ изслѣдованія. Такимъ образомъ, «строго фактическій матеріалъ» г. Лобаса остается для насъ невѣстнымъ.

Затѣмъ авторъ останавливается на описаніи каторжныхъ тюремъ; заявляя, что всѣ тюрьмы острова построены по одному плану, г. Лобасъ собирается нарисовать типъ сахалинскихъ тюремъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ограничивается описаніемъ самыхъ нетипичныхъ тюремъ—лучшей Александровской и худшей Дуэской. Описаніе тюремъ «сдѣлано» авторомъ неталантливо, неярко, не колоритно; къ этому надо присоединить такія «литературныя» выраженія, какъ, на примѣръ, «представляетъ изъ себя» (стр. 28), «на полу (юрты) стояли трудно-проходимыя лужи» (стр. 34) и т. п.

Последній недостатокъ встрѣчается и въ послѣдующихъ главахъ. Такъ третья глава о питаніи каторжныхъ прямо говоритъ, что рыбы «издавна служатъ краюгольными камнями арестантской пици на Сахалинѣ», а глава четвертая считаетъ въ числѣ «запросовъ арестантскаго тѣла» одежду и обувь.

Наиболѣе удачными какъ по изложенію, такъ и по содержанію являются послѣдующія главы: авторъ даетъ достаточно яркую характеристику каторжныхъ работъ, приводитъ рядъ данныхъ статистическаго характера, останавливается на подробностяхъ производства работъ, указываетъ ихъ значеніе и вліяніе на физическое и нравственное состояніе ссыльнаго населенія и, въ общемъ, даетъ безнадежную картину безправнаго положенія каторжанъ; вмѣстѣ съ тѣмъ г. Лобасъ устанавливаетъ тѣ мѣры, которыя, по его мнѣнію, способны сообщить каторжнымъ работамъ значеніе исправительнаго воздѣйствія; въ послѣднемъ отношеніи особенное вниманіе заслуживаетъ мысль автора о вознаграждаемости подневольнаго труда, какъ одного изъ факторовъ, способныхъ возродить падшаго человѣка и вернуть его на путь честной жизни.

Личный составъ администраціи вызываетъ у г. Лобаса вполнѣ справедливыя упреки; по словамъ автора, единственный принципъ руководить всею дѣятельностью администраціи: надзиратель всегда правъ, а преступникъ всегда виноватъ; благодаря этому, преступники на Сахалинѣ проникнуты сознаніемъ, что правды для нихъ не существуетъ, что попытки жить по правдѣ на Сахалинѣ ни къ чему хорошему не приводятъ, что ради безопасности нужно хитрить, подличать, унижаться и всячески изворачиваться. Г. Лобасъ утверждаетъ, что нѣкоторые изъ надзирателей прямо-таки упиваются своею властью: то бьютъ арестантовъ, то запираютъ ихъ въ карцеры и штрафныя камеры, то

посылають слабосильныхъ арестантовъ на самыя тяжкія работы, то, наоборотъ, дружатся съ каторжными, играютъ съ ними въ карты, проносятъ въ тюрьмы спиртные напитки. Не лучшаго мнѣнія авторъ и о начальникахъ тюремъ, которые рѣдко заглядываютъ въ тюрьмы, рѣдко входятъ въ непосредственное соприкосновеніе съ заключенными и чинятъ судъ и расправу у себя въ канцеляріяхъ, пользуясь при этомъ исключительно тѣмъ матеріаломъ, который доставляется имъ надзирателями при вечернихъ докладахъ. «Запорю», «шкуру спуцу», «въ кардеръ сгною» — наиболѣе часто повторяемая выраженія, а кулаки и палка — пользующіяся наибольшею популярностью средства начальническаго воздѣйствія на каторжныхъ, и этимъ въ сущности и исчерпывается значеніе начальниковъ тюремъ.

Затрогивая вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, г. Лобасъ естественно долженъ прійти къ выводу, что они не имѣютъ никакого значенія въ смыслѣ средства исправленія преступника, а наоборотъ — понижаютъ его нравственный уровень и ведутъ къ озлобленію. Между прочимъ авторъ приводитъ любопытную справку о томъ, что начальническое усмотрѣніе въ дѣлѣ примѣненія тѣлесныхъ наказаній зачастую исключаетъ мнѣніе врача, котораго или вовсе не спрашиваютъ, или которое просто игнорируютъ, какъ нѣчто такое, что мѣшаетъ осуществленію цѣлей, поставленныхъ каторжнымъ работамъ, какъ карательной мѣрѣ.

Въ главѣ о болѣзняхъ каторжныхъ авторъ утверждаетъ, что большія цифры калѣкъ, хрониковъ и слабосильныхъ объясняются исключительно условіями самого Сахалина, если при томъ имѣть въ виду, что на Сахалинѣ отправляются самые здоровые преступники послѣ строгаго выбора. На Сахалинѣ и только тамъ можно встрѣтить огромное множество нервныхъ и душевно-больныхъ людей; причиною этого служитъ какъ психическое оскуднѣніе преступниковъ, такъ и тяжкія условія жизни ихъ на Сахалинѣ. За время съ 1892 по 1896 годъ медико-санитарными отчетами зарегистрировано на островѣ свыше двухъ тысячъ нервныхъ, душевно-больныхъ и эпилептиковъ; однако, придавать безусловное значеніе этой цифрѣ нельзя, такъ какъ въ отчеты занесены только такіе больные, которые сами обращались за врачевною помощью, или которыхъ присылала въ лѣчебницы тюремная администрація. Во всякомъ случаѣ, физически и духовно изнуренное населеніе каторги является ненадежнымъ элементомъ колонизаціи штрафной территоріи.

Безправность положенія каторжной женщины, такъ строго объективно рассказанная г. Лобасомъ, заставляетъ автора рассказать нѣсколько по-истинѣ тяжелыхъ случаевъ, и эти страницы книги — наиболѣе занимательныя, наиболѣе яркія и важныя. Дѣйствительно, читая эти страницы, изложенныя безъ всякой прикрасы, безъ массы восклицательныхъ знаковъ и другихъ внѣшнихъ средствъ литературнаго воздѣйствія на читателя, приходится согласиться, что каторжная женщина не болѣе, какъ вещь, предметъ гражданскаго оборота, который можно отдавать, получать, захватывать и т. п. Женщина на каторгѣ, отдавая въ сожителство поселенцу, перестаетъ быть сама собою: она становится или доходною статью для своего сожителя, который отправляетъ ее на «фартъ», въ населенные пункты для добыванія денегъ проституціей, или

наложницей смотрителей и надзирателей, которые расправляются и управляют ими вѣтъ всякой законодательной регламентации, которая на Сахалинѣ пользуется дурной репутацией. Женщину-каторжницу можно продать надзирателю, можно отнять у поселенца, который успѣлъ съ нею прижить дѣтей, можно заставить жить ее съ пьяницами, негодяями, — словомъ ею можно распорядиться, какъ вещь. Таково положеніе ссыльной женщины, если только, по счастью, она не стара и не уродлива: для послѣднихъ найдутся работы при тюрьмахъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ разсматриваетъ вопросъ о ссыльно-поселенцахъ и работахъ ихъ по устройству селеній, описываетъ эти селенія, приводитъ интересныя данныя о земледѣліи на Сахалинѣ, о скотоводствѣ, о задолженности населенія, о сахалинскихъ промыслахъ и о дѣтяхъ ссыльныхъ.

Въ текстѣ имѣется множество рисунковъ, а въ концѣ книги приложена карта острова Сахалина. Первые въ большинствѣ крайне неудачны: это — туманныя, грязныя пятна, изображенныя въ маломъ масштабѣ; всю вину въ этомъ отношеніи слѣдуетъ сложить не на автора, который далъ много интересныхъ сюжетовъ, а на провинціальную типографію, въ которой печаталась книга, и которая, очевидно, не умѣетъ обращаться съ иллюстраціями. Карта — достаточно удовлетворительна, хотя и бѣдна географическими названіями.

Въ общемъ можно пожелать книгѣ г. Лобаса самого широкаго распространенія. Очень жалъ, что въ книгѣ сплошь и рядомъ встрѣчаются такіе нелитературные выраженія и обороты, которые невольно расхолаживаютъ читателя, а иногда даже затемняютъ самый смыслъ.

Ф. А. Лѣ—въ.

А. А. Ивановскій. Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи. Труды Антропологическаго отдѣла, томъ XXII. М. 1904.

Покойный профессоръ Вирховъ сказалъ, что къ Россіи въ антропологическомъ отношеніи вполне приложимы слова: «ex oriente lux», такъ какъ въ ней хранятся ключи къ разгадкѣ цѣлага ряда вопросовъ, выдвигаемыхъ современной антропологіей. Съ другой стороны, здѣсь на нашихъ глазахъ происходитъ интересный процессъ смѣшенія народностей, что даетъ возможность разсмотрѣть самый механизмъ, при помощи котораго образуются новыя антропологическія типы. А потому антропологическое изученіе Россіи пріобрѣтаетъ особенную важность. Изученію и классификаціи нашего столь разнообразнаго населенія на основаніи физическихъ признаковъ: цвѣта волосъ и глазъ, роста, формы головы и т. д., и посвящена указанная книга г. Ивановскаго.

Въ началѣ ея авторъ предпосылаетъ краткій историческій очеркъ развитія антропологіи въ Россіи. Первые шаги этой науки у насъ характеризуются простымъ безхитростнымъ описаніемъ нѣкоторыхъ физическихъ признаковъ того или другого народа. Лишь со второй половины XIX ст., благодаря трудамъ академика Бэра, профессора Богданова, а впоследствии профессора Анучина, антропологія была поставлена на твердую почву; особенно несчастливо случилось черепамъ, встрѣчающимся въ древнихъ курганахъ. Въ 1863 г. основывается

въ Москвѣ общество любителей естествознанія, антропологін и этнографін съ антропологическимъ отдѣломъ, который во многомъ способствовалъ развитію у насъ антропологін. Число изслѣдователей значительно возросло, появилось множество монографій, статей; наблюденія производились уже не надъ трупами только, но и надъ живыми субъектами, кромѣ череповъ, усердно изучались и другія части организма, много вниманія было удѣлено населенію инородческому, лишь антропологія Сибири затронута еще сравнительно мало.

Г. Ивановскій попытался систематизировать и классифицировать антропологическій матеріалъ о Россіи на основаніи данныхъ о 82 народностяхъ, разселенныхъ въ районѣ 84 мѣстностей. Классификація строится на среднихъ цифрахъ.

По цвѣту волосъ и глазъ представители каждой народности раздѣляются на три группы: 1) свѣтлаго типа, 2) смѣшаннаго и 3) темнаго типа. Разработанныя авторомъ данныя показываютъ, что свѣтлый типъ распространенъ въ Россіи очень мало, подавляющее число народностей принадлежитъ къ смѣшанному, а въ особенности къ брюнетическому типамъ, при чемъ въ западной половинѣ — болѣе свѣтлый типъ, а въ восточной — болѣе темный; такое же отношеніе между сѣверомъ и югомъ. Въ Европейской Россіи свѣтлаго типа 21⁰%, смѣшаннаго 41⁰% и темнаго — 38⁰%; если же принять въ расчетъ Кавказъ, Сибирь и Среднюю Азію, получается нѣсколько иное отношеніе: свѣтлаго типа — 13⁰%, смѣшаннаго — 25⁰%, темнаго — 62⁰% (стр. 58).

По росту при классификаціи принимаются четыре группы: 1) низкій ростъ (1600 м. м.), 2) ниже средняго, 3) выше средняго, 5) высокій (1700 м. м.). Карта географическаго распредѣленія роста населенія въ Европейской Россіи показываетъ, что въ восточной части сравнительно съ западной полосой ростъ населенія поднимается. Во всей Европейской Россіи низкій ростъ встрѣчается у 25⁰% населенія, ниже средняго у 26⁰%, выше средняго — у 27⁰%, высокій — у 22⁰%. Почти тѣ же цифры находимъ во всей Россіи: низкій ростъ — 24⁰%, ниже средняго — у 26⁰%, выше средняго — у 27⁰% и высокій — у 23⁰%. Если сопоставить ростъ съ цвѣтомъ волосъ и глазъ, то можно допустить, что чѣмъ свѣтлѣе типъ извѣстной народности, тѣмъ выше ея ростъ (стр. 74).

Головной указатель служитъ важнымъ антропологическимъ признакомъ. Населеніе по этому признаку дѣлится: 1) на длинноголовыхъ, 2) смѣшаннаго типа и 3) короткоголовыхъ. Изъ приложенной карты видно, что населеніе Европейской Россіи является преимущественно брахицефалическимъ (короткоголовымъ), а изъ остальной Россіи наиболѣе брахицефалическимъ оказывается населеніе Средней Азіи. Во всей Россіи долихоцефаловъ (длинноголовыхъ) — 5⁰%, субдолихоцефаловъ — 9⁰%, мезоцефаловъ (среднеголовыхъ) — 14⁰%, суббрахицефаловъ — 31⁰% и брахицефаловъ — 41⁰%.

По высотно-продольному указателю (отношеніе высоты головы къ ея наибольшему продольному діаметру) народности дѣлятся на низкоголовыхъ, смѣшаннаго типа и высокоголовыхъ. Данныхъ объ этомъ признакѣ немного. Все же авторъ приходитъ къ выводу, что большинство народностей Россіи принадлежитъ къ низкоголовымъ. Въ Европейской Россіи низкоголовыхъ — 77⁰%, среднеголовыхъ 10⁰%, высокоголовыхъ — 13⁰%, а во всей Россіи первыхъ 61⁰%, вторыхъ — 18⁰%, третьихъ — 21⁰%.

Подъ лицевымъ указателемъ разумѣется отношеніе наибольшей ширины къ полной длинѣ лица. Различаютъ четыре группы: узколидыхъ, среднелидыхъ, со смѣшаннымъ лицевымъ указателемъ и широколидыхъ. Наблюденія надъ Европейской Россіей указываютъ, что население восточной половины проявляетъ сравнительно съ западной большую наклонность къ хамэпрозоніи (широколицію). Въ Европейской Россіи леутопрозоновъ (узколидыхъ) — 8°/о, мезопрозоновъ — 66°/о и хамэпрозоновъ — 26°/о. Вблизи къ этому цифры и для всей Россіи: первыхъ — 8°/о, вторыхъ — 61°/о, третьихъ — 31°/о.

По носовому указателю (отношеніе наибольшей ширины носа къ его длинѣ) население Россіи авторъ дѣлитъ на узконосыхъ и среднешироконосыхъ, такъ какъ настояціе платирины (широконосые) въ Россіи очень рѣдки. Здѣсь онъ перечисляетъ только, къ какой группѣ слѣдуетъ отнести ту или другую народность, но процентнаго отношенія не устанавливаетъ.

Затѣмъ приводятся цифровыя указанія о длинѣ туловища (выводъ: громадное большинство народностей имѣетъ относительную длину туловища большихъ размѣровъ), окружности груди (наиболѣе многочисленна группа — съ средней окружностью груди), длинѣ рукъ (большинство населенія Россіи принадлежитъ къ длиннорукимъ) и о длинѣ ногъ (повидимому, у насъ большинство — средненогихъ).

Въ послѣдней главѣ г. Ивановскій классифицируетъ по вышеуказаннымъ признакамъ народности и намѣчаетъ 11 слѣдующихъ-группъ: славянскую, лопарскую, мордовскую, еврейскую, армянскую, осетинскую, курдо-персидско-адербейджанскую, среднеазиатскую, монгольскую и якутскую, при чемъ нѣкоторыя части населенія (напримѣръ, остяки, малороссы Кіевской г. и др.) оказались въ изолированномъ положеніи. Между прочимъ къ славянской группѣ авторъ относитъ: великоруссовъ, бѣлоруссовъ, малороссовъ (за нѣкоторымъ исключеніемъ), поляковъ, литовцевъ, зырянъ, казанскихъ и касимовскихъ татаръ и башкировъ (славянской эта группа называется по рѣзкому преобладанію въ ней славянскаго племени).

Въ концѣ книги (стр. 211 — 288) помѣщенъ указатель литературы по антропологии Россіи, на который, по замѣчанію автора, не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на исчерпывающій.

Таково содержаніе любопытной книги г. Ивановскаго. По вопросу о научной достовѣрности выводовъ автора нужно сказать слѣдующее. Статистическій методъ требуетъ многочисленности наблюденій; чѣмъ больше фактовъ подвергается наблюденію и регистраціи, тѣмъ большую достовѣрность пріобрѣтаетъ выводъ. Если заглянуть въ таблицы г. Ивановскаго, то увидимъ, что здѣсь на ряду съ наблюденіями надъ большимъ числомъ лицъ (иногда нѣсколько тысячъ человекъ) довольно часто встрѣчаются указанія о 5 — 10 лицахъ. Конечно, трудно послѣднимъ наблюденіямъ при обобщеніяхъ придавать серьезное значеніе: тутъ случайность — неустраима. Это — одно. Затѣмъ, если обратиться къ картамъ, то бросается въ глаза, что собственно изученной (да и то только по тремъ первымъ признакамъ) оказывается меньшая часть территоріи Россіи, тогда какъ у самого автора приведены факты, когда одна и та же народность, но расселенная по разнымъ мѣстамъ, сильно варьируется по своимъ физиче-

скимъ признакамъ (напримѣръ, малороссы Кіевскоѣ г. и малороссы Кубанскоѣ области). А потому намъ кажется, что общіе выводы г. Ивановскаго во многомъ гипотетичны и едва ли могутъ имѣть твердую научную достовѣрность.

Но если взглянуть на работу съ другой стороны, то цѣнность ея значительно возрастаетъ. Она важна, какъ сводъ цифровыхъ антропологическихъ данныхъ о населеніи Россіи, въ ней систематизированъ и разработанъ обширный матеріалъ, накопившійся въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій: за это автору можно быть только благодарнымъ. М. Б.

**М. В. Карскій. Зарубежная Русь. Историческая хроника.
М. 1904.**

Книга посвящена описанію движенія такъ называемыхъ «некрасовцевъ», явившагося результатомъ бунта казака Кондратія Булавина, при Петрѣ I, отказавшагося выдать царю укрывшихся у казаковъ дезертировъ. Посланный противъ нихъ съ войскомъ князь Долгоруковъ былъ убитъ. Воспользовавшись удобнымъ моментомъ, Булавинъ ловко распустилъ слухъ о преслѣдованіяхъ Петромъ «старой вѣры» и тѣмъ распространилъ среди казаковъ смуту, принявшую форму вооруженнаго возстанія, которое было потушено очень крутыми мѣрами. Булавинъ, не желая попасть въ руки разгнѣваннаго Петра, застрѣлился, а 2.000 казаковъ, предводительствуемые Игнатомъ Некрасовымъ, бѣжали къ крымскому хану, гдѣ поселились съ «кубанцами», т. е. казаками, бѣжавшими на Кубань еще при Алексѣѣ Михайловичѣ. Къ нимъ присоединились потомъ запорожцы и гребенскіе казаки. Эти пришельцы называли себя «некрасовцами», а татары дали свое прозвище «игнаты». Некрасовцы усердно защищали Девлетъ-Гирея противъ возведеннаго Россіей на престолъ крымскаго ханства Шагинъ-Гирея и долго боролись съ этимъ послѣднимъ, помня гостепрѣимство Девлетъ-Гирея. При появленіи Суворова, некрасовцы бѣжали сначала въ Синопъ, а потомъ въ Анапу, тогда турецкую крѣпость на черноморскомъ побережьи Кавказа. По взятіи Анапы гр. Гудовичемъ, некрасовцы разбѣжались — иные въ Персію, иные на Дунай, а иные и еще дальше, поселившись на берегахъ Мраморнаго моря.

Такова историческая часть книги, описывающая возникновеніе этихъ бѣженцевъ изъ Московскаго царства въ силу тупой ненависти къ преобразовательнымъ реформамъ Петра и слѣпой приверженности къ «старой вѣрѣ». Кромѣ того, въ книгѣ г. Карскаго много страницъ посвящено описанію быта некрасовцевъ, при чемъ съ любовью собраны всевозможныя нелѣпости, распространяемыя невѣжественными русскими бѣглецами про «москалей» и «Московію». Авторъ добавилъ къ своей хроникѣ повѣствованіе о неудачныхъ заигрываніяхъ съ некрасовцами поляковъ и А. И. Герцена, желавшихъ одно время съ ними сблизиться и воспользоваться ими съ цѣлями пропаганды.

О. У—цъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ЛОПЕ-ДЕ-ВЕГА, какъ авторъ и человекъ. О величайшемъ испанскомъ драматургѣ, авторѣ 1800 драмъ и комедій, уже почти забытѣ, и, напримѣръ, на англійскомъ языкѣ его послѣдняя біографія была написана сто лѣтъ тому назадъ. Только на-дняхъ вышло подробное его жизнеописаніе¹⁾ профессора Пеннсилванскаго университета, Альберта Реннерта. Эту книгу встрѣтятъ съ большимъ сочувствіемъ не только американскіе, но и европейскіе читатели. Въ ней собраны всѣ свѣдѣнія о его литературной дѣятельности и частной жизни, насколько послѣдняя извѣстна по розысканіямъ испанскихъ и другихъ писателей послѣдняго времени. Лопе-де-Вега-Карпю родился въ Мадридѣ въ 1562 г., воспитывался у иезуитовъ и съ юности отличался удивительными способностями и романтическимъ воображеніемъ. 15-ти лѣтъ онъ участвовалъ въ экспедиціи противъ Терсераскихъ острововъ, находившихся подъ властью португальцевъ. Возвратившись въ Португалію, онъ окончилъ свое образованіе въ Алькаль и послѣдовательно находился при епископѣ Авильскомъ и герцогѣ Альбѣ. Его любовныя похождения съ Еленой Озоріо, о которой онъ писалъ стихотворенія и автобіографическій романъ, а также сатиры, которыя онъ распространялъ противъ ея мужа, заставили его бѣжать въ городъ Валенсію.

¹⁾ The life of Lope de Vega. By Hugo Albert Rennert, professor in the University of Pennsylvania.

Въ 1588 г. онъ женился на Изабеллѣ де Урбина, которую увезъ тайкомъ, но почти тотчасъ же поступилъ волонтеромъ въ Великую Армаду. Что онъ дѣлалъ и сколько времени провелъ въ Армадѣ, — неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, въ 1595 г. ему дозволено было вернуться въ Мадридъ, гдѣ онъ имѣлъ процессъ по поводу своихъ близкихъ отношеній къ Антоніи Дегрилло. Затѣмъ онъ былъ въ связи съ актрисой Микаэлой Делужанъ и имѣлъ отъ нея двухъ дѣтей, а въ 1598 г. вступилъ во второй бракъ съ Жуанной де Гардо. Въ то же время онъ служилъ секретаремъ у маркиза Мальника и у графа Мемоса. Послѣ смерти жены, на 52-мъ году жизни онъ неожиданно сдѣлался патеромъ и чрезъ три года уже обратился къ своему покровителю, герцогу Сесса, съ просьбой помочь ему въ дѣлѣ нѣкоей Амарились, которая ожидала рожденія сына. При этомъ Лопе-де-Вега воскликнулъ: «*Calores dolores y amores oscuran los hombres*». Несмотря на этотъ эпизодъ, онъ сдѣлался своимъ человѣкомъ у папы Урбана VIII-го, который назначилъ его докторомъ богословія. Съ тѣхъ поръ Лопе-де-Вега жилъ скромно до своей смерти въ 1635 г. Указавъ на внѣшніе факты его жизни, охарактеризуемъ Лопе-де-Вега, сначала какъ человѣка, а потомъ какъ писателя. «Онъ былъ негодеемъ, обольстителемъ, клеветникомъ и лжецомъ, что не мѣшало ему вмѣстѣ съ тѣмъ быть великимъ поэтомъ, человѣкомъ большого знанія и настоящимъ гениемъ. «Еще въ юности онъ находился въ связи съ замужней женщиной, которая поддерживала его деньгами. Когда же она ему надоѣла, онъ написалъ стихами клевету противъ нея, зная, что, раскрывъ ея страсть, онъ побудитъ мужа ее убить. Боясь послѣдствій для себя, онъ бѣжалъ изъ Мадрида съ новымъ предметомъ своей любви. Однако, женившись, онъ былъ очень любящимъ мужемъ и отцомъ. Сдѣлавшись патеромъ, онъ поступилъ въ члены инквизиціи и приговорилъ къ сожженію на кострѣ полусумасшедшаго монаха Бенито Церрера. Несмотря на это, онъ такъ сожалѣлъ казнь Маріи, королевы шотландской, что написалъ въ честь ея религиозную, эпическую поэму подъ названіемъ: «*La corona tragica*», въ которой всячески обличалъ королеву Елизавету и лондонскій дворъ, за что получилъ безконечныя похвалы папы Урбана VIII. Говорятъ, что передъ смертью онъ ослѣпъ и сошелъ съ ума; такъ, по крайней мѣрѣ, рассказываетъ Альбертъ Реннертъ. Что касается до его литературнаго генія, то Лопе-де-Вега преимущественно драматургъ, хотя считается самымъ плодовитымъ писателемъ на свѣтѣ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ литературы. Кромѣ 1800 драмъ и комедій, онъ написалъ 400 *autos sacramentales*, также романсы, сонеты, пѣсни и лирическія произведенія. Однако, изъ этихъ многочисленныхъ произведеній извѣстно только 400 пьесъ. Онъ отличался неисчерпаемой фантазіей, огромной наблюдательностью, искусно владѣлъ кастильскимъ нарѣчіемъ и вѣрно изображалъ испанское общество при Габсбургахъ.

— Во времена Людовика XIII. Французскій историкъ Батифоль отыскалъ различные документы, еще не использованные и совершенно неизвѣстные, касающіеся суровой эпохи царствованія Людовика XIII, когда бѣды сыпались на несчастный народъ, и напечаталъ новую книгу: «*Au temps de Louis XIII*». Въ 1622 г. Людовикъ XIII во главѣ небольшой арміи отправился на югъ

Франціи, съ цѣлю отнять города, удержанные мятежными гугенотами. Онъ слѣдовалъ отъ Сентонжа до Монпелье, и это было тогда самымъ большимъ несчастіемъ для этихъ областей, такъ какъ подобное движеніе войска, даже дружественной страны, оставляло слѣды всевозможныхъ опустошеній. Никого не щадили; не только гугенотовъ, но даже вѣрныхъ подданныхъ короля— католиковъ, такъ какъ солдаты XVII вѣка были чѣмъ-то въ родѣ разбойниковъ, нанимавшихся помѣсячно¹⁾. Они не признавали никакой дисциплины; не говоря уже о грабежахъ, уничтожали все, что попадалось на пути, изъ одной страсти къ уничтоженію. Впрочемъ, приписываемая прежнимъ войнамъ жестокость, хотя была велика, но, по словамъ автора, не представляетъ исключенія, и современные солдаты съ разгорѣвшимися страстями дѣйствовали бы также, если бъ не было дисциплины. Рубаки Людовика XIII легко могли удовлетворять свои инстинкты дикихъ животныхъ. Они хладнокровно умерщвляли ради развлечения. «Это было право ремесла, развлеченіе отъ дѣла. Разъ начавъ вѣшать, они уже не останавливались. Начинали съ протестантовъ, а кончали, «вѣшая безъ разбора— друга и недруга». Въ особенности, молодежь выказывала жестокость. За каждымъ отрядомъ слѣдовалъ всякій сбродъ изъ юношей, почти дѣтей, которые брались для услугъ солдатамъ; ихъ называли «обозными» арміи. Это были какія-то чудовища. Они грабили, опустошали, сжигали, оскорбляли женщинъ, казнили мужчинъ съ самымъ утонченнымъ варварствомъ и прославляли себя за эти преступленія, хвастаясь однимъ предъ другимъ количествомъ убитыхъ жертвъ. Людовикъ XIII дѣлалъ все, что могъ, для обузданія варваровъ, но его старанія ни къ чему не вели. Тогда прибѣгли къ жестокостямъ и повѣсили нѣсколькихъ солдатъ и «обозныхъ», но на другой день продолжалось все попрежнему. Батифоль между прочимъ рисуетъ картину отсутствія гуманности въ дѣлахъ правосудія той эпохи, хотя въ приведенномъ имъ разсказѣ не примѣнялась пытка. Дѣло происходило въ Муленѣ и относится къ 1623 году. Судъ состоялъ изъ Гольмена, уголовного судьи, и четырехъ судей съ ихъ секретарями. Подсудимый— Жанъ Мишель, городской столяръ, котораго задержали на основаніи народныхъ толковъ, что онъ колдунъ. Подсудимый— сѣдой человекъ, бѣдно одѣтый. При его входѣ уже замѣтили «его подозрительную походку», т.-е. приемы загнаннаго звѣря. Онъ сѣлъ, «вертя въ рукахъ шапку», совершенно предоставленный лишь своей личной защитѣ. Уголовный судья началъ съ напоминанія, что подсудимый былъ впервые уличенъ въ примѣненіи магіи и приговоренъ къ пятилѣтнему изгнанію, затѣмъ онъ взялъ со стола двѣ толстыя старыя книги, переплетенныя въ кабанью кожу, которыя были отобраны у подсудимаго, и прочиталъ вслухъ ихъ названіе. Это были «*Occulta philosophia libri tres*» и «*Elementa magica*». Кромѣ этого, были еще другія книги на латинскомъ языкѣ, относящіяся къ магіи. Переворачивая листы книги, Гольмэнъ задавалъ подсудимому вопросы, чтобы убѣдиться, понялъ ли послѣдній текстъ, и такъ давилъ его своими познаніями, что несчастный Мишель тарачилъ глаза, вытягивалъ шею, кривилъ губы и безпощадно тормозилъ свою шапку. Долго онъ повторялъ, что этого не училъ, что не пони-

¹⁾ Au temps de Louis XIII, par Batiffol. I vol.

маеть латинскаго языка и нпкогда не слыхиваль о Корнелии Агриппиѣ, ни объ Арбателѣ, равно о другихъ писателяхъ, труды которыхъ, какъ говорилъ уголовный судья, были напечатаны въ этихъ двухъ книгахъ. Если же онъ зналь нѣкоторыя формулы, употребляемыя колдунами, то потому, что аптекарь Сэльянъ научиль его. Первый знаеть много, онъ же, Мишель,— ничего. Вся важность тяготѣвшаго надъ нимъ обвиненія происходила отъ того, что вся Франція того времени вѣрила въ колдовство, и колдуновъ не преслѣдовали, какъ теперь, за мошенничество, а видѣли въ нихъ присутствіе сатаны. Самъ же уголовный судья даже написалъ ученый трактатъ по-латыни относительно «демонскихъ дѣлъ». Поэтому положеніе Мишеля было очень серіозно. Богословскія и демоискія возраженія судьи совершенно вскружили несчастному Мишелю голову отъ усиленнаго старанія понять смыслъ рѣчи. Не имѣя защитника, который посоветоваль бы ему молчать, Мишель попался на удочку судьи и сталъ выдавать себя, говоря, что дѣйствительно занимался магіей, такъ какъ аптекарь Сэльянъ увлекъ его. Ихъ первымъ сотрудничествомъ было вызываніе Рафаила, духа, имя котораго означаетъ, какъ говорилъ самъ судья, «Божье врачеванье», а не «Божье сокровище», и они работали подъ рядъ три дня. Первый день былъ понедѣльникъ; они отправились прежде всего исповѣдаться въ церковь св. Петра. Религіозная обрядность играла большую роль въ воображеніи колдуновъ, которые очень разсчитывали на нее для вступленія въ сношенія съ сверхъесте ственнымъ міромъ. Было много магическихъ процедуръ, и для главныхъ изъ нихъ приходилось обращаться къ прямому вмѣшательству патеровъ, среди которыхъ всегда находился одинъ развратный, который брался за это съ условіемъ личной оцѣнки своего труда. «Надо быть богатому,—говориль Мишель,— и тогда ничего не стоило имѣть помощникомъ патера». Послѣ двѣнадцати часовъ первый день посвящался различнымъ церемоніямъ съ классическимъ жезломъ и кровью голубя. Слѣдующій день весь посвящался церковной службѣ, и въ продолженіе цѣлаго дня оставались въ церкви, а только вечеромъ немного занимались съ магическимъ жезломъ. На третій день они причащались самымъ набожнымъ образомъ, послѣ чего Сэльянъ струсилъ и хотѣлъ послать своего сообщника одного оканчивать заклинанія. Мишель, со своей стороны, тоже струсилъ, такъ что ни тотъ, ни другой не видѣли Рафаила. Судья выслушалъ внимательно рассказъ Мишеля, и, считая себя авторитетомъ въ этомъ, онъ нашель, что оба сообщника дѣйствовали неправильно. Они призывали Рафаила, говорилъ онъ, солнечнаго духа, т.-е. добраго ангела. Но добрые духи не могутъ быть вызываемы, иначе они не были бы блаженными. На это Мишель ничего иного не сумѣлъ отвѣтить, какъ только: «это Сэльянъ зналь». Дѣло слупалось въ шести засѣданіяхъ и дало время судѣ настолько развернуть свои богословскія и оккультическія познанія, что несчастный Мишель совершенно былъ уничтоженъ своимъ невѣжествомъ и не старался даже понять, а когда судья спросиль его, научилься ли онъ дѣлать восковыхъ птицъ посредствомъ разговора съ своимъ мозгомъ, онъ отвѣтилъ утвердительно, чтобы наконецъ покончить съ допросомъ. Этого только и ждалъ судья. Въ концѣ шестого засѣданія Мишель былъ признанъ виновнымъ въ примѣненіи магіи, волшебства, въ тѣсной связи съ демономъ, оскорбленіи человѣческаго и бже-

скаго достоинства и приговоренъ къ сожженію живымъ. Казнь совершилась на слѣдующій день на одной изъ городскихъ площадей.

— Одинъ изъ англійскихъ завоевателей Индіи. Исторія колонизаторскихъ расширеній Англии не разъ омрачалась обвиненіями генераль-губернаторовъ въ злоупотребленіяхъ властью и даже въ хищеніяхъ. Между прочимъ, однимъ изъ такихъ обвиняемыхъ былъ извѣстный Варренъ Гэстингсъ, расширившій въ Индіи англійскія владѣнія Остъ-Индской компаніи, увеличившій англійскому правительству доходы и организовавшій тамъ управленіе. Много писали объ исторіи опалы Гэстингса въ Англии, теперь же во Франціи появилась книга ¹⁾ француза Біовэ, въ которой авторъ безпристрастно рассматриваетъ подробности этого дѣла. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ о виновникѣ этого скандала. Варренъ Гэстингсъ родился въ 1732 году и покинулъ Англию 17-ти лѣтъ. Онъ былъ сиротою и окончилъ свое образованіе въ Бенгаліи, гдѣ «нравственные взгляды сильно разнятся отъ англійскихъ». «Окруженный индусами и мусульманами,—говоритъ авторъ,—которые ни во что не ставятъ человѣческую жизнь и уважаютъ лишь силу и успѣхъ, Гэстингсъ сдѣлался болѣе восточнымъ человѣкомъ, чѣмъ англичаниномъ». Въ 1750 году онъ поступилъ на службу въ Восточно-Индійскую компанію въ то время, когда она думала лишь только о торговыхъ эксплуатаціяхъ по ту сторону мыса Доброй Надежды, сталъ подниматься по служебнымъ ступенямъ и былъ свидѣтелемъ подвиговъ Клайвы и завоеваній Ганга. Вскорѣ территориальныя владѣнія Восточно-Индійской компаніи возбудили алчность въ англійскомъ правительствѣ. Лондонскій комитетъ старался захватить въ свои руки управленіе индійскими дѣлами и, наконецъ, создалъ генераль-губернаторство Индіи, назначивъ на этотъ постъ Гэстингса. Матеріальныя средства, которыми располагалъ послѣдній, были пустяшныя; кромѣ того, авторитетъ его былъ болѣе для вида, чѣмъ дѣйствительный, и безпрестанно сводился къ нулю большинствомъ совѣта, составленнаго изъ присланныхъ англичанъ, во главѣ которыхъ находился Фрэнсисъ, проваливавшій всѣ лучшіе планы Гэстингса. Что касается до авторитета метрополии, то она была настолько отдалена и столь невѣжественна, что нельзя, по словамъ автора, порицать Гэстингса за пренебреженіе инструкціями, которыя, по опредѣленію Маколея, заключались въ словахъ: «Отечески управляйте и присылайте больше денегъ». Несмотря на столь неблагоприятныя условія, Гэстингсъ въ характеристикѣ Біовэ былъ проникнутъ вѣрною ему великою миссіей и твердо рѣшился ее исполнить. «Не будучи современнымъ Верресомъ,—говоритъ авторъ,—какъ предполагали многіе, онъ не отступалъ предъ средствами, которыя отвергала строгая мораль». Присланные изъ Англии ему въ помощники члены высшаго суда, не знавшіе Индіи, только возбуждали ненависть туземцевъ, и одинъ раджа, Навтъ-Кумаръ, даже обвинилъ Гэстингса въ развратѣ. Послѣдній заявилъ, что подастъ въ отставку, если его не поддержитъ англійское правительство, и обвинилъ раджу въ заговорѣ. Послѣдняго судили и приговорили къ смертной казни за ложь. Гэстингсъ составилъ въ Индіи сводъ законовъ и перевелъ на индусскій языкъ, организовалъ и утвердилъ

¹⁾ Warren Hastings, par A. Biovès. 1904. Paris.

торговлю опиумомъ съ Китаемъ и послалъ миссію въ Тибетъ. Въ 1778 году онъ велъ борьбу противъ французовъ, а также магратовъ, и, благодаря своей смѣлости, окончилъ ее побѣдоносно Салбейскимъ трактатомъ въ 1783 году, а вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣлался отъ Фрэнсиса, ранивъ его на дуэли. Разбивъ раджу Шантъ-Синга, онъ долженъ былъ подать въ отставку въ 1784 году, такъ какъ англійскій народъ давно былъ возбужденъ противъ превышенія власти въ Индіи, и Гэстингсъ былъ обвиненъ палатой общинъ. Дѣло тянулось семь лѣтъ и вызвало сто сорокъ семь засѣданій. Одна защита обошлась въ 1.913.200 франковъ. Біовэ, защищая Гэстингса, говоритъ, что въ политикѣ нельзя всѣхъ удовлетворять. Гэстингсъ былъ торій и, что бы онъ ни дѣлалъ не могъ удовлетворить виговъ. Обвиненный однимъ поколѣніемъ, онъ былъ оправданъ другимъ. Шериданъ, Фоксъ и Буркъ краснорѣчиво его обвиняли. Особенно жестокъ былъ Буркъ, когда онъ произнесъ свою рѣчь, начинавшуюся словами: «Я, представитель палаты общинъ, обвиняю Варрена Гэстингса въ въ высшей измѣнѣ; я обвиняю его отъ имени Великобританіи, отъ имени парламента, довѣрію котораго онъ измѣнилъ; я обвиняю его отъ имени Англии, честь которой онъ запятналъ; я обвиняю его отъ имени индійскаго народа, законы котораго онъ ниспровергнулъ, уничтожилъ свободу, разорилъ собственность и опустошилъ территорию; я обвиняю его отъ имени вѣчнаго закона добродѣтели и правосудія, которыя онъ насилловалъ». Когда Гэстингсъ впоследствии вспоминалъ объ этой горячей рѣчи, то говорилъ: «Въ теченіе получаса я смотрѣлъ на оратора, какъ бы подъ влияніемъ сна, и считалъ себя самымъ виноватымъ изъ смертныхъ. Но, придя въ себя, я напелъ свою совѣсть, которая утѣшила меня отъ всего, что я слышалъ, и отъ всего, что я перестрадалъ». Между прочими обвиненіями было касающееся войны съ ригиллами, которую Біовэ называетъ «политической и полезной, но не справедливой, и чрезмѣрною жестокостью, усугубляющей отвѣтственность губернатора». Точно также, по его словамъ, ограбленіе бегумъ, или индійскихъ принцессъ, требуетъ самаго строгаго морищанія. Что касается до финансовыхъ дѣлъ, то Біовэ замѣчаетъ, что конституція Индіи, ввѣряя губернатору только видимую власть, почти обязала его «покупать помощь людей, которымъ онъ не могъ приказывать». Своимъ постоянствомъ, неукротимымъ мужествомъ, твердостью, которые были господствующими качествами Гэстингса, онъ служилъ замѣчательнымъ образцомъ англо-саксонскаго типа. Ничто не могло его заставить свернуть съ намѣченнаго пути. Самъ онъ говорилъ: «Во всѣхъ политическихъ дѣлахъ у меня всегда было правило, какъ бы я ни колебался, прежде чѣмъ опредѣлить планы моихъ дѣйствій, но, однажды рѣшившись, непоколебимо преслѣдовать ихъ исполненіе». Это—настоящая англійская система, которая, какъ находитъ Біовэ, хороша въ политикѣ и дѣлахъ. «Однажды на ужинѣ у Гэстингса,—разсказывалъ Фрэнсисъ,—разговоръ коснулся Робинсона Крузо. Гэстингсъ послѣ долгихъ размышленій сказалъ, что ни одна страница этой книги не поразила его настолько, какъ та, въ которой сказано, что Робинсонъ строилъ громадный корабль на нѣкоторомъ разстояніи отъ моря, не зная даже, какъ онъ его спустить въ море. «Клянусь Юпитеромъ,—заявилъ Гэстингсъ,— сто разъ въ жизни мнѣ случалось быть въ такомъ же положеніи. Я го-

ворилъ себѣ: «сначала сдѣлаемъ хорошій корабль, и я увѣренъ, что найду затѣмъ средство спустить его». Въ этомъ Фрэнсисъ видѣлъ политическій портретъ генераль-губернатора, хотя, въ сущности, это — характеристика всей англійской политики. Біовэ рисуетъ его слѣдующими словами: «Онъ не примѣнялъ всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей, какъ утверждаетъ его эпитафія, но, если бы онъ былъ другимъ, то не восторжествовалъ бы надъ своими многочисленными врагами, и не заложилъ бы основанія имперіи». Оправданіе Гэстингса Біовэ объясняетъ желаніемъ англичанъ наслаждаться безъ угрозы совѣсти выгодами, которыя Гэстингсъ имъ предоставилъ. Могли ли они приговорить его, пожертвовавшего всѣмъ ради порученныхъ ему интересовъ? Подумали ли они вернуть своимъ жертвамъ, что отнято у нихъ: богатство, тронъ, свободу?» Какovy бы ни были намѣренія нѣкоторыхъ членовъ палаты общинъ, но большинство знало о непростительномъ поведеніи большинства агентовъ Индійской компаніи. Этимъ процессомъ было выражено упорное намѣреніе британскаго народа покончить съ злоупотребленіями, которыя безчестятъ завоеванія европейцевъ-латиновъ или англо-саксонцевъ на другихъ континентахъ. Біовэ думаетъ, что этимъ процессомъ закончился періодъ *conquistadores* въ тотъ самый моментъ, когда индійскій билль Питта создалъ періодъ правильнаго правленія, «которое должно обезпечить Индіи спокойствіе, открыть ей новые пути къ цивилизаціи и прогрессу». Вообще Біовэ представляетъ Гэстингса не тираномъ, какимъ его считали иностранцы, и не пуританиномъ, какимъ его рисуютъ нѣкоторые англичане. Несмотря на свои неотрицаемыя ошибки, онъ, по словамъ автора, остается великимъ человѣкомъ. Гэстингсъ не далеко отошелъ отъ типа англійскаго чиновника, и самъ Буркъ, который такъ жестоко обвинялъ перваго, представляетъ молодыхъ англійскихъ чиновниковъ, какъ хищныхъ птицъ, со всею алчностью вѣка и пылкостью молодости, набрасывающихся на Индію. Онъ прибавляетъ, что послѣ того, какъ они наживутъ состояніе самыми преступными средствами, то, коснувшись родной земли, находятъ снова свои добродѣтели, которыя заставляютъ ихъ дѣлать самое благородное примѣненіе этого скандальнаго богатства. Бутми въ своемъ опытѣ политической психологіи англійскаго народа даетъ много примѣровъ этого традиціоннаго злоупотребленія власти относительно другихъ расъ и народовъ. Такъ, между прочимъ, губернаторъ Ямайки, Айеръ, въ 1865 году, не имѣя ни малѣйшаго права, приказалъ судить и приговорить къ смертной казни невиннаго человѣка. Отрѣшенный отъ должности вслѣдствіе слишкомъ явнаго беззаконія, онъ возвратился въ Англію, гдѣ составились двѣ партіи: одна противъ его дѣйствій, другая, во главѣ которой стояли такіе идеалисты, какъ Карлейль, Тэннисонъ, Раскинъ и т. д.,—за него. Съ такою поддержкою правительство, конечно, отказалось предать его въ руки правосудія; высшій судъ отклонилъ всѣ требованія преслѣдовать губернатора, казна уплатила ему всѣ расходы по дѣлу, и онъ вышелъ изъ него съ высокоподнятой головой. Англичанинъ не наказывается, оказавъ, хотя бы путемъ нарушенія права, услуги своему правительству въ Англіи.

— Первая драма Виктора Гюго. Хотя Викторъ Гюго увѣрялъ, что онъ оставитъ слишкомъ мало своимъ историкамъ неизвѣстныхъ произведеній, но одному изъ нихъ, Гюставу Симону, удалось найти драму, написанную

авторомъ Эрнани въ дѣтствѣ. Ея содержаніе помѣщено въ «Дѣтствѣ Виктора Гюго», недавно напечатанномъ Симономъ. Въ то время Гюго исполнилось 14 лѣтъ, и въ свободныя отъ уроковъ часы онъ писалъ ее для днѣя Новаго года въ подарокъ матери. На оберткѣ старательно выведено рукою Виктора Гюго: «Иртамень» — Трагедія. — 1816», и подписано: «Victor». Вся эта надпись окружена арабесками. Уже тогда онъ былъ методиченъ и тщательнъ, а потому подъ названіемъ подписано количество актовъ, сценъ и стиховъ. Иртамень состоитъ изъ 1508 стиховъ, и авторъ въ своемъ посвященіи взываетъ къ покровительству Расина и Вольтера, «полубоговъ французскаго театра». Дѣйствіе происходитъ въ Мемфисѣ, во дворцѣ королей, занятомъ узурпаторомъ Акторомъ. Иртамень, прежній капитанъ гѣлохранителей, составляетъ заговоръ и, несмотря на слезныя мольбы своей жены, Фалери, хотеть возстановить на египетскомъ престолѣ династію законнаго короля Зобеира. Входитъ Акторъ въ сопровожденіи своего вѣрнаго Мегабиса. Онъ любитъ Фалери и, чтобы добиться ея, готовъ пожертвовать Иртаменомъ, какъ вдругъ вбѣгаетъ офицеръ съ докладомъ о возмущеніи. Занавѣсъ падаетъ. Заговоръ прекратился. Иртамень заключенъ въ тюрьму, Акторъ располагаетъ его судьбою и согласенъ его пощадить, если Фалери отдастся ему. Но Иртамень предпочитаетъ умереть и умереть за своего короля. Однако, Акторъ лишаетъ его и этого утѣшенія, говоря, что Зобеиръ самъ заключенъ въ тюрьму и тоже умретъ, если Иртамень будетъ упорствовать. Иртамень проситъ дать ему время для размышленія. Фалери идетъ умолять Актора пощадить Иртамена. Акторъ сообщаетъ ей свои условія и позволяетъ обоимъ супругамъ вмѣстѣ обсудить этотъ вопросъ. Фалери предпочитаетъ смерть позору; Иртамень же, хотя хорошій мужъ, но еще лучшій приверженецъ законной наслѣдственности, думаетъ объ одномъ—спасти короля. Тогда Фалери открываетъ ему, что Акторъ обманулъ его, и Зобеиръ свободенъ. Оба супруга бросаются другъ другу въ объятія: ихъ король свободенъ, и они могутъ умереть вмѣстѣ. Такой героизмъ взволновалъ Актора, и онъ колеблется дать приказъ казнить. Занавѣсъ падаетъ. Въ четвертомъ актѣ появляется Зобеиръ, который до сихъ поръ былъ извѣстенъ только по имени. До сихъ поръ всѣ дѣйствующія лица были превосходны — Фалери своей вѣрностью, Иртамень своей открытой честностью, самъ Акторъ, «гнусное чудовище», на одну минуту является великодушно сжалившимся. Зобеиръ является столь же великимъ. Онъ проникаетъ въ тюрьму и хотеть занять мѣсто Иртамена, но послѣдній не соглашается. Зобеиръ хотеть остаться съ нимъ, но затѣмъ онъ поддается доводамъ Фалери и скрывается отсюда. Въ послѣднемъ актѣ происходитъ судъ надъ Иртаменомъ. Прежде чѣмъ отправиться на казнь, онъ въ своей рѣчи клеймитъ тирана. Фалери сдѣлала то же. Акторъ увлекаетъ силою свою жертву. Затѣмъ представленъ путь къ эшафоту. Оставшись одна, Фалери хотеть заколотъ себя кинжаломъ. Въ этотъ моментъ посланный рассказываетъ въ 200 стихахъ, что при видѣ Иртамена народъ, возбужденный Зобеиромъ, возмущился противъ Актора и убилъ его. Въ свою очередь показался Зобеиръ въ сопровожденіи восторженнаго народа. Иртамень бросился къ его ногамъ и воскликнулъ:

Peuples, soyez toujours fidèles à ses lois,
Quand on hait les tyrans, on doit aimer les rois!

Эти послѣдніе стихи резюмируютъ смыслъ драмы. Въ то время Викторъ Гюго былъ самымъ горячимъ приверженцемъ Бурбоновъ, только что возстановленныхъ на французскомъ престолѣ, и ненавидѣлъ имперію, притѣснявшую Францію. Три или четыре раза школьникъ Гюго не могъ удержать своей восторженности и нацарапалъ на поляхъ рукописи: «Да здравствуетъ король!» а на лѣвой сторонѣ обертки тетради нарисовалъ портретъ коронованнаго Людовика XVIII. Изложеніе драмы прекрасное, интрига ведется хорошо, и только появленіе короля въ четвертомъ актѣ сбиваетъ съ толку зрителя. Что касается до стиля, то онъ безличенъ, правиленъ, безцвѣтенъ, но время отъ времени въ драмѣ появляются прекрасные стихи. Никакъ нельзя было бы заподозрѣть въ авторѣ этой легитимистской драмы будущаго революціонера. Жена Виктора Гюго отзывалась объ «Иртамеѣ», какъ дѣтской глупости, но онъ когда-то не совсѣмъ ее презиралъ и, торгуясь относительно своей второй трагедіи: «Афелия» или «Скандинавы», питалъ слабость къ своей первой попыткѣ пера.

— Австрійскій посланникъ при Наполеонѣ III. Въ Берлинѣ только что появились воспоминанія графа Гюбнера, бывшаго австрійскаго посланника въ Парижѣ при Наполеонѣ III, напечатанныя его сыномъ, согласно распоряженію дипломата¹⁾. Эти воспоминанія очень интересны, благодаря тонко рассказаннымъ анекдотамъ и картинамъ нравовъ общества той эпохи. Графъ Гюбнеръ, занимавшій постъ посланника между 1851—1859 гг., былъ ученикомъ Меттерниха, а потому всѣ мнѣнія и принципы были, такъ сказать, ему вбиты.

Происходя изъ мѣщанской семьи, графъ Гюбнеръ, тѣмъ не менѣе, смотрѣлъ на людей и дѣла, какъ феодальный вельможа, и инстинктивно боялся республиканскихъ идей и націй, а парламентаризмъ внушалъ ему ужасъ. Съ такимъ настроеніемъ ума онъ попалъ въ Парижъ въ январѣ 1851 года, когда втихомолку уже поговаривали о государственномъ переворотѣ, какъ объ очень возможномъ событіи. Хотя генералъ Шангарнье громко хвастался, что воспрепятствуетъ этому, но австрійскій посланникъ не довѣрялъ ему, и, дѣйствительно, однажды утромъ, 2-го декабря, къ графу Гюбнеру вошелъ въ спальню лакей и объявилъ: «Улицы баррикадированы и полны войскъ, Національное собраніе занято солдатами». Посланникъ не былъ удивленъ и глубоко радовался въ душѣ, такъ какъ онъ рассчитывалъ на «возвращеніе старыхъ традицій», и хотя не любилъ Наполеона III за его демократическія инстинкты, но все-таки рассчитывалъ увлечь его на иной путь. «Наполеонъ III, — писалъ Гюбнеръ, — вѣрующій и убѣжденный революціонеръ. Vox populi, vox Dei, — вотъ его политическій катихизисъ. Я хотѣлъ бы видѣть въ немъ орудіе, избранное Провидѣніемъ, чтобы нанести смертельный ударъ парламентаризму на континентѣ, такъ какъ онъ не вѣритъ въ парламентаризмъ. Онъ никогда въ него не вѣрилъ. Въ дѣйствительности онъ вѣритъ только въ свою звѣзду. Въ ней сила. Онъ хитеръ и обладаетъ въ высшей степени искусствомъ составлять разговоры. Кромѣ того, онъ не вѣритъ въ призракъ парламентаризма, въ который

¹⁾ Neun Jahre der Erinnerungen eines österreichischen Botschafters in Paris unter dem zweiten Kaiserreich. Berlin. 1904.

всѣ политическіе люди вѣрили съ 1814 года. Въ этомъ, повторяю я, его сила». Симпатіи графа Гюбнера къ новому порядку вещей и новому государю сдѣлались очевидны со дня государственнаго переворота. Ему удалось вселить такое же чувство и князю Шварценбергу, замѣстившему умершаго Меттерниха, и онъ выказалъ Наполеону расположеніе. Но Шварценбергъ внезапно умеръ, и его постъ занялъ графъ Буоль, не столь благосклонно взглянувшій на совершившуюся во Франціи монархическую реставрацію. Онъ отнесся свысока къ Наполеону III, всѣми силами старался его раздражить и даже придумалъ презрительную формулу въ отношеніяхъ съ Наполеономъ со стороны Австріи, Германіи и Россіи: такъ вмѣсто того, чтобы называть Наполеона, какъ другихъ государей: «мой братъ», эти три государя называли его или «государь», или «дорогой другъ». Однако, Наполеонъ ничего не зналъ объ интригахъ Буоля и питалъ къ Австріи чувство расположенія. Злоба Буоля зародилась давно. Австрія начала препятствовать планамъ Наполеона III, когда онъ былъ еще принцемъ-президентомъ. Наполеонъ III, какъ и его дядя, жаждалъ найти жену въ царствующемъ домѣ. Онъ попытался, какъ извѣстно, сдѣлать брачное предложеніе принцессѣ Каролинѣ Ваза и, какъ говорятъ, не былъ отвергнутъ, но Буоль подстрекнулъ австрійскій дворъ и эрцъ-герцогиню Софію помѣшати этому плану. Персины, разговаривавшій откровенно съ графомъ Гюбнеромъ, не скрывъ, какую досаду причинила Наполеону эта неудача. «Австрія,—сказалъ Персины,—помѣшала принцу-президенту жениться на принцессѣ. Это — не правимое несчастіе. Безуміе дворовъ повлечетъ за собою ихъ погибель. Было бы благоразуміе извинить намъ наше революціонное происхожденіе». Поэтому графъ Гюбнеръ называлъ женитьбу Наполеона на Евгеніи Монтихо «бракомъ съ досады». Личныя отношенія австрійскаго посланника съ императрицей были, впрочемъ, прекрасны, и онъ судилъ о ней безпристрастно, что было относительно ея рѣдкостью. Онъ восторгался ея тактомъ и привѣтливостью, но сердился на нее за то, что она не достаточно серіозно относится къ своимъ обязанностямъ государыни, и сожалѣлъ о ея вкусѣ ко всему чудесному и сверхъестественному. Въ то время верченіе столовъ было въ большой модѣ, и этимъ занимались въ гостиной княгини Ливенъ, у которой Гюбнеръ проводилъ ежедневно нѣсколько часовъ по вечерамъ. Въ Тюильри также этимъ занимались, и Евгенія предсѣдательствовала на этихъ упражненіяхъ съ большимъ жаромъ, достойнымъ лучшаго назначенія. Это очень раздражало австрійскаго посланника, и онъ писалъ: «Наука презираетъ эту игру, церковь ее проклинаетъ, мода же смотритъ на нее благосклонно, и мода одерживаетъ побѣду. Я знаю вольнодумцевъ, которые не вѣрятъ ни въ Бога, ни въ чорта, но которые божатся лишь вертящимися столами». Графъ Гюбнеръ старался поддерживать хорошія отношенія съ французскими государями, желая сгладить непріятное впечатлѣніе отъ разсчитаннаго презрѣнія австрійскаго двора. Но свои личныя симпатіи австрійскій посланникъ обнаруживалъ скорѣе къ легитимистамъ, чѣмъ сторонникамъ новаго правительства, и не стѣсняясь посѣщалъ первыхъ и принималъ ихъ у себя. Это не нравилось въ Тюильри. Евгенія однажды упрекнула за это графа, на что онъ отвѣтилъ: «Вы дѣлаете честь г-жѣ Делессаръ своимъ посѣщеніями, не правда ли? Однако, г-жа Делессаръ не таитъ

своихъ симпатій къ орлеанистамъ?»—«Это правда, — отвѣтила императрица, — но она всегда относилась ко мнѣ превосходно. Я не отрекаюсь отъ моихъ прежнихъ друзей». — «Это поведеніе мнѣ кажется очень достойнымъ, — отвѣтилъ посланникъ, — императрица позволить мнѣ также дѣйствовать въ будущемъ относительно моихъ друзей». Обезоруженная Евгенія дѣйствительно должна была разрѣшить, и графъ принималъ и посѣщалъ, кого хотѣлъ. Второй томъ этихъ воспоминаній также скоро появится и будетъ касаться періода между 1856 и 1859 годами, и, вѣроятно, въ немъ будетъ объяснена причина австрійской войны.

— Воспоминанія о прошедшемъ столѣтіи. Подъ этимъ названіемъ французскій публицистъ Жерманъ Банстъ знакомитъ публику съ интересными воспоминаніями маршала Канробера, которыя онъ отчасти ему диктовалъ, а отчасти рассказывалъ въ послѣдніе годы своей жизни. Два тома, полные чрезвычайно любопытныхъ подробностей о второмъ декабрѣ и Крымской кампаніи, уже вышли, теперь же появился третій ¹⁾, посвященный концу войны съ Россіей и замѣчательнымъ эпизодамъ кратковременной итальянской кампаніи. Всего болѣе въ этой книгѣ обращаетъ на себя вниманіе анекдотическая ея часть и живыя характеристики современныхъ дѣйствовавшихъ лицъ. Въ сообщаемыхъ свѣдѣніяхъ особенно любопытно все новое, что Банстъ рассказываетъ о Россіи, если не прямо, то косвенно. Напримѣръ, онъ приводитъ очень интересныя и новыя свѣдѣнія о посылкѣ Канробера въ послѣднее время крымской войны въ Швецію для переговоровъ съ нею о заключеніи союза съ Франціей противъ Россіи, а также о подготовкѣ Парижскаго трактата. Остальная же часть книги, посвященная итальянской кампаніи, если для насъ не столь любопытна, то, все-таки, представляетъ много занимательныхъ чертъ и событій того времени, рѣзко характеризующихъ личность Наполеона III. Первая глава III тома замѣчательна новыми подробностями о посольствѣ Канробера въ Швецію и Данію. Въ то время шведскимъ королемъ былъ Оскаръ I, сынъ Бернадотта, который очень взволновался такъ же, какъ и вся Швеція, приходомъ въ Балтійское море въ началѣ крымской кампаніи союзнаго англійскаго и французскаго флота. Рѣшивъ, что Кронштадтъ недоступенъ для атаки, адмиралы: сэръ Чарльзъ Нэпиръ и Парсеваль-Дешень, намѣревались атаковать Аландскіе острова съ крѣпостью Бомарзундъ. Главнокомандующій французской балтійской экспедиціи Барагэ д'Илье получилъ отъ императора порученіе отправиться лично въ Стокгольмъ для переговоровъ съ шведскимъ королемъ. Принявъ его очень любезно, король сказалъ: «Я буду говорить съ вами очень откровенно, такъ какъ не я, а мнѣ предложили союзъ съ Франціей, а я не могу на него согласиться, не убѣдившись, что Германія будетъ дѣйствовать за одно съ вами. Я получу согласіе обоихъ моихъ королевствъ только тогда, когда я имъ представлю новую войну, какъ кооперацію европейской коалиціи, образованной съ цѣлью побѣдить Россію и сдѣлать невозможнымъ для нея уничтоженіе своихъ сѣверныхъ сосѣдей. Пока въ рукахъ русскихъ будетъ Петербургъ, имъ всегда представится

¹⁾ Le maréchal Canrobert. Souvenirs d'un siècle, par G. Bapst, tome troisième. Paris. 1904.

возможность, какъ только вы уйдете, снова броситься на Финляндію. Я не могу выставить болѣе 60.000 человекъ, и мнѣ необходимо два мѣсяца для сформирования арміи, чтобы съ помощью союзныхъ флотовъ переправить ее въ Финляндію. Я уже испросилъ у палаты субсидію въ 10 милліоновъ, и мнѣ понадобятся еще нѣсколько. Если Франція будетъ содѣйствовать Швеціи, то мы можемъ направиться на Петербургъ. Если я говорю о такомъ большомъ войскѣ, то потому, что убѣжденъ въ наступленіи Россіи съ лучшей своей арміей, въ числѣ 150.000. Конечно, Швеція будетъ играть въ этой войнѣ важную роль, но она ближе своихъ союзниковъ къ Петербургу, и потому скорѣе подвергнется мести царя. Не я предложилъ завоевать Финляндію и долженъ имѣть въ виду, что пока Россія сохранить свое могущество, то если мнѣ и удастся съ вашей помощью завоевать Финляндію, все-таки невозможно ее сохранить. Съ 120.000 солдатъ можно вести счастливую войну въ Финляндіи, но для окончательнаго успѣха необходимо, чтобы Россія была побѣждена въ другой мѣстности. Однимъ словомъ, война на сѣверѣ можетъ быть только послѣдствіемъ побѣдоносной кампаніи на югѣ. Во всякомъ случаѣ, я желаю вамъ полнаго успѣха». Барагэ д'Иллье и сопровождавшій его генералъ Нель еще нѣсколько времени поговорили съ королею, который на прощанье сказалъ: «Я не могу довольствоваться обѣщаніями и планами войны: мнѣ необходимъ формальный трактатъ и совершившіеся факты». Отъ короля французскіе генералы отправились къ наследственному принцу, впослѣдствіи царствовавшему подъ именемъ Карла XV. Онъ встрѣтилъ ихъ сочувственнѣе отца и съ пламеннымъ рвеніемъ готовъ былъ заключить союзъ съ Франціей, говоря: «Идите впередъ, а мы послѣдуемъ за вами». Получивъ эти свѣдѣнія изъ Швеціи, Наполеонъ III рѣшилъ, что главное было ее компрометировать, иначе она никогда не рѣшится на войну. Поэтому военный министръ Валлянь писалъ французскому главнокомандующему: «Постарайтесь, чтобы Швеція задѣла, во что бы то ни стало, медвѣдя» (Россію). То же писалъ и французскій министръ иностранныхъ дѣлъ своему посланнику въ Стокгольмѣ: «Единственная цѣль нашей экспедиціи на Аландскіе острова— компрометировать Швецію». На этомъ основаніи Барагэ д'Иллье послалъ своего адъютанта Мелэна предложить королю завоеванныя французами и англичанами Аландскіе острова, обѣщая въ случаѣ ихъ принятія оставить Швецію на зиму французскій отрядъ, а весной двинуть цѣлую армію. Но король отказалъ, говоря: «Это повлекло бы со стороны Россіи объявленіе войны Швеціи. Но я увѣренъ, что раньше ноября и оставленія вами острововъ упомянутыхъ уже мною условія будутъ исполнены; слѣдовательно, намъ ничто не помѣшаетъ заключить союзъ». Такимъ образомъ, Франція и Англія удалились осенью съ Аландскихъ острововъ, и на сѣверѣ все было спокойно до весны 1855 года. Къ этому времени шведы снова стали обнаруживать патріотическія стремленія, и отношенія короля къ французскому императору становились все дружественнѣе. Наполеонъ приказалъ попросить у Оскара его портретъ во весь ростъ, а когда это было исполнено, то шведскій король еще прибавилъ для Наполеона орденъ Серафимовъ. Въ отвѣтъ на эту любезность императоръ пожаловалъ королю шведскому и его двумъ сыновьямъ орденъ Почетнаго Легіона 1-й степени. Канроберу было поручено отвезти эти ордена. При прощаніи съ послѣднимъ импе-

раторъ объяснилъ, въ какомъ отношеніи находилась Швеція къ Франціи. «Оскаръ,—сказалъ Наполеонъ,—готовъ заключить съ нами союзъ, но только боится Россіи, и желаетъ, чтобы у насъ непременно былъ еще другой союзникъ, при чемъ указываетъ на Австрію. Но такъ какъ теперь это невозможно, то я выставлю другого союзника—Испанію, которая готова заключить съ нами союзъ и прислать намъ на помощь двадцатитысячный отрядъ». Въ концѣ своего разговора императоръ прибавилъ: «Вы будете чрезвычайно любезны, предупредительны и рыцарски учтивы съ королею, королевою, которая придется мнѣ троюродной сестрой, а также съ королевою-матерью, вдовою Бернадотта, бывшей когда-то невѣстой моего дяди, Наполеона I. Въ разговорѣ съ вами она непременно упомянетъ о своемъ парижскомъ домѣ въ улицѣ Анжу и спроситъ у васъ, есть ли въ этомъ году хорошіе плоды. Не забудьте взять у Шэвэ ящикъ великолѣпныхъ грушъ, и, представляя его королевѣ Дезира, скажите, что вы нарочно взяли съ собою груши изъ ея сада, зная, что это ей очень понравится». Отправившись въ путь, Канроберъ благополучно пріѣхалъ въ Стокгольмъ и былъ встрѣченъ народной демонстраціей. «Я увидалъ короля въ большой залѣ, окруженнаго сыновьями,—пишетъ онъ,—я передалъ ему орденъ Почетнаго Легіона, и вслѣдъ затѣмъ онъ пригласилъ меня въ свой рабочій кабинетъ. Это была комната, обитая голубой шелковой камкой, и такою же матеріей была покрыта мебель. Оскаръ I зачесывалъ свои черные волосы за уши; глаза его были большіе, подбородокъ, подающійся назадъ, а носъ походилъ на отцовскій, сильно изогнутый. Съ первыхъ словъ я удивился, что онъ говорилъ по-французски съ гасконскимъ удареніемъ, которое онъ могъ перенять лишь у Бернадотта, такъ какъ самъ никогда не былъ на югѣ Франціи. Онъ началъ съ того, что высказалъ желаніе союза съ Франціей и Англіей, но прежде всего для этого необходимо было участіе въ коалиціи нѣкоторыхъ другихъ государствъ. Впрочемъ, надо было приготовиться къ веснѣ, такъ какъ раньше ничего нельзя было сдѣлать. Онъ очень выхвалялъ мнѣ свою армію и флотъ, а, прощаясь со мною послѣ получасового разговора, просилъ меня подольше остаться въ Швеціи, гдѣ его сыновья могутъ мнѣ показать армію и флотъ. Что касается до меня, то въ отвѣтъ на любезныя слова короля я удовольствовался представленіемъ ему возвращенія Финляндіи въ будущемъ». Разставшись съ королемъ, Канроберъ отправился къ его сыновьямъ, которые были чрезвычайно красивые молодые люди. Старшій изъ нихъ, будущій король Карлъ XV, былъ темноволосый красавецъ съ голубыми глазами. Онъ занимался военными науками, о которыхъ писалъ книги. Братъ его, теперешній король, Оскаръ II, былъ капитаномъ флота и вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ во многихъ журналахъ стихи и историческія, философскія, а также политическія статьи. Они оба встрѣтили чрезвычайно пріятливо Канробера и обѣщали не только показать ему всѣ военныя учрежденія Швеціи, но и составить вмѣстѣ съ нимъ планъ союзной войны. Затѣмъ французскаго маршала представили королевѣ Жозефинѣ, женѣ короля и дочери принца Евгенія Богарне. Наконецъ, онъ представился и Дезира Кларк, вдовѣ Бернадотта. Она приняла французскаго генерала съ распростертыми объятіями; потомъ стала разговаривать съ нимъ «безъ конца и безъ остановки». Когда онъ нашель удобную минуту передать

ей привѣтствіе императора, то она воскликнула: «Императоръ Наполеонъ, да, вѣдь, я его видѣла, когда онъ родился. Я его видѣла въ колыбели у Гортензіи». Потомъ, по вѣрному предсказанію императора, она начала говорить о своемъ парижскомъ домѣ, садѣ, о грушахъ и, дѣйствительно, спросила его, хороши ли этотъ годъ груши. Канроберъ отвѣчалъ, что груши уродились великолѣпныя, и онъ привезъ ей на-показъ цѣлый ящикъ. Она была въ восторгѣ и продолжала болтать безъ умолку, рассказывая о своемъ первомъ женихѣ, Наполеонѣ I, и показывая свои и его любовныя письма. Вообще королева Де-виръ до глубокой старости была веселая, легкомысленная женщина. Канроберъ рассказываетъ о ней два любопытныхъ анекдота. Не принадлежа ни къ какой религіи, она посѣщала протестантскую церковь, но обыкновенно спала во время проповѣдей. Когда же однажды ей очень надоѣлъ проповѣдникъ ея собственной часовни, то она вскочила и воскликнула: «Вы очень скучно проповѣдуете, съ меня довольно, я иду». Въ 1860 году однажды она отпралялась въ оперу, но была такъ недовольна своей прической, что ее пришлось передѣлать, а потому она опоздала. Когда она вошла въ ложу, занавѣсъ уже былъ поднятъ, и это отсутствіе уваженія къ ней такъ взбѣсило восьмидесятитрехлѣтнюю королеву, что она въ ту же ночь внезапно умерла. «Мое посольство,—говоритъ Канроберъ,—продолжалось цѣлую недѣлю, въ теченіе которой я часто видѣлся съ королемъ, пожаловавшимъ мнѣ орденъ Серафимовъ». За два дня до отъѣзда былъ подписанъ между нимъ и королемъ трактатъ объ оборонительномъ союзѣ, но къ этому была присоединена конвенція, по которой предвидѣлась перемѣна этого союза изъ оборонительнаго въ наступательный; въ ней также упоминались условія, на которыхъ Швеція и Норвегія примутъ участіе въ войнѣ. Что же касается до плана войны, то Канроберъ обсуждалъ его съ наследнымъ принцемъ, который постоянно уговаривалъ отца, какъ можно скорѣе, заключить союзъ съ Франціей. На возвратномъ пути изъ Стокгольма Канроберъ захватилъ, по порученію императора, въ Копенгагенъ и вручилъ королю орденъ. Возвратясь въ Парижъ, Канроберъ подробно доложилъ императору о своей поѣздкѣ. «Моя миссія,—пишетъ онъ,—имѣла значительный результатъ, такъ какъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда «Moniteur» напечаталъ трактатъ оборонительнаго союза, заключеннаго мною въ Швецію, и никто не сомнѣвался, что при трактатѣ находились тайныя статьи, касавшіяся до обоюдныхъ дѣйствій вѣсною, къ тому же это обстоятельство доказывалось вооруженіями Швеціи и Франціи. Однако, 19-го января 1856 года Россія согласилась принять на почетныхъ условіяхъ для всѣхъ (?) воюющихъ сторонъ миръ, который дѣлалъ исполнѣ unnecessary приготовления для взятія Кронштадта и Петербурга».

Второй эпизодъ, блестяще описанный Бапстомъ, со словъ Канробера, посвященъ Парижскому конгрессу и его подноготной. 25-го февраля 1856 года собрались всѣ уполномоченные договаривающихся державъ въ большой залѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, и председателемъ былъ выбранъ министръ иностранныхъ дѣлъ Валуевскій. Канроберъ набрасываетъ живую характеристику всѣхъ участниковъ конгресса; не упоминая, что Валуевскій былъ незаконный сынъ Наполеона I, онъ, однако, распространяется о его классическихъ чертахъ императоровъ римскихъ. «Овалъ его лица,—гово-

рить онъ, — доказывалъ твердость характера, лобъ, окаймленный густыми волосами, выражалъ возвышенные чувства, а тонкія очертанія рта и носа служили признакомъ утонченности чувствъ, тогда какъ въ его глазахъ отражалось благородство». Королева Викторія говорила о немъ, что никогда не замѣчала въ Валевскомъ желанія ее обмануть, когда онъ былъ посланникомъ въ Лондонъ, а Наполеонъ III выразился о немъ слѣдующимъ образомъ: «мое довѣріе къ нему никогда не было обмануто». Онъ отличался манерами знатнаго вельможи, а руки его служили яснымъ признакомъ, къ какой расѣ онъ принадлежалъ. Замѣчательной прямоты и честности, онъ никогда не интриговалъ и всегда говорилъ правду императору. Начавъ свою службу по дипломатической части при Тьерѣ, онъ всегда оставался его другомъ и не разъ совѣтовалъ императору вернуться къ парламентскому правленію, съ Тьеромъ во главѣ. По окончаніи конгресса императоръ писалъ: «Нельзя было лучше выражать моихъ идей, и усилій конгресса обязанъ его твердости, благородству и способности. Всѣ, за исключеніемъ Кавура, были согласны съ этимъ мнѣніемъ. Русскій представитель, князь Орловъ, былъ старѣйшиной конгресса и самымъ замѣчательнымъ и популярнымъ изъ его членовъ. Весь Парижъ имъ интересовался и рассказывалъ о немъ анекдоты. Его высокая громадная фигура въ военномъ мундирѣ сосредоточивала на себѣ всѣ взгляды, а его манеры дышали достоинствомъ, и онъ, казалось, выражалъ откровенность и прямоту». Такъ характеризуетъ Канроберъ двухъ главныхъ членовъ конгресса. Англичанинъ, лордъ Кларендонъ, былъ типомъ англійскаго аристократа, и его любезное со всѣми обращеніе противорѣчило грубости лорда Пальмерстона, который руководилъ англійской политикой. Графъ Буоль, министръ иностранныхъ дѣлъ императора австрійскаго, былъ замѣчательно красивый человѣкъ, но въ духовномъ отношеніи чрезвычайно самонадѣянный фатъ. Бисмаркъ говорилъ о немъ: «Я хотѣлъ бы хотя на часъ быть такимъ великимъ человѣкомъ, какимъ считаетъ себя Буоль». Онъ явился на Парижскій конгрессъ, словно не для того, чтобы разсуждать, а чтобы предписывать свои идеи. Совершенно инымъ человѣкомъ былъ великій визирь, Али-паша. Маленькаго роста, безмолвный, замѣчательно скромный, умный и способный человѣкъ, онъ изящно выражался по-французски и былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ по уму государственныхъ людей Турціи. Графъ Кавуръ, представлявшій Италію, владѣлъ французскимъ языкомъ лучше, чѣмъ итальянскимъ. Онъ походилъ на Тьера своей маленькой фигурой и вѣчно надѣтыми золотыми очками. Его небрежная одежда представляла рѣзкую противоположность изысканному костюму Буоля и Кларендона. Любезный, веселый, свѣтскій человѣкъ, онъ страстно ухаживалъ за дамами и пользовался ихъ услугами для своихъ интригъ. Ярый патріотъ и ловкій политикъ, онъ входилъ въ окно, когда его выгоняли въ дверь. Изъ вторыхъ представителей державъ Канроберъ сочувственно упоминаетъ о баронѣ Бруновѣ, русскомъ послѣ въ Лондонъ, о которомъ Кавуръ отзывался: «Это — самая хитрая лиса, какую я знаю». Съ такимъ-то персоналомъ приступилъ конгрессъ къ работѣ. Въ первомъ же засѣданіи потребовали уничтоженія фортификаціи на Аладскихъ островахъ и снесенія укрѣпленій Николаева. Русскіе подняли крикъ, и никто не хотѣлъ сдѣлать ни малѣйшей уступки, такъ что

Наполеону III пришлось вступиться ради общаго примиренія. Въ тотъ же вечеръ у Валуевскаго былъ обѣдъ и концертъ, героемъ котораго былъ князь Орловъ. Онъ долго разговаривалъ съ приглашеннымъ на вечеръ Канроберомъ и увѣрялъ его, что будь онъ, Орловъ, на мѣстѣ князя Меншикова, то не было бы войны, такъ какъ никогда не надо бить стекло. Съ этого вечера Канроберъ и князь Орловъ подружились и видѣлись почти ежедневно. На слѣдующій день для иностранныхъ гостей былъ обѣдъ въ Тюильри, а вечеромъ театральное представленіе. На этомъ вечерѣ Орловъ переговорилъ съ императоромъ относительно укрѣпленій Николаева, и Наполеонъ взялся уговорить лорда Кларендона, что ему и удалось. Вторымъ спорнымъ вопросомъ была Бессарабія, и Буоль выказалъ въ этомъ отношеніи неистощимое упорство и самонадѣянность. Онъ настаивалъ на томъ, чтобы половина русской провинціи была уступлена Румыніи. Орловъ не выдержалъ и сказалъ вполголоса Кавуру: «Да, онъ говоритъ, точно самъ взялъ Севастополь». Въ концѣ засѣданія онъ замѣтилъ одному изъ своихъ товарищей: «Австрійскій уполномоченный не подозрѣваетъ, сколько крови и слезъ будутъ стоять его странѣ эти степи». На слѣдующемъ засѣданіи дѣло угрожало испортиться. Орловъ заявилъ, что русскіе завоевали Карсъ, который еще занимаютъ, но готовы вернуть его съ однимъ условіемъ, чтобы отъ нихъ не требовали уступки другихъ территорий, иначе они его не вернутъ. Въ отвѣтъ на это лордъ Кларендонъ, принявъ трагическую осанку и потирая подбородокъ, отвѣтилъ, что Англія лучше будетъ двадцать лѣтъ воевать, чѣмъ уступить Россіи эту крѣпость. Опять вмѣшался Наполеонъ III и вечеромъ примирилъ уполномоченныхъ, уговоривъ на уступку маленькаго кусочка Бессарабіи въ нѣсколько километровъ. Впрочемъ, когда Орловъ отказывался согласиться на уступку земли со стороны Россіи, то Буоль рѣзко замѣтилъ: «Когда побѣжденъ, то надо подчиниться». Орловъ вышелъ изъ себя и крикнулъ: «Австрія, можетъ быть, привыкла къ заключенію мира послѣ пораженія, но Россія никогда не была въ подобныхъ обстоятельствахъ». Когда этотъ эпизодъ благополучно окончился, и предложили назначить послѣднее засѣданіе на 1-е апрѣля, то Орловъ съ веселой улыбкой произнесъ: «Нѣтъ, господа, назначимъ другой день, а то нашъ миръ примутъ за 1-е апрѣля». Во время конгресса случилось событіе, очень пріятно откликнувшееся для Канробера: родился наследный принцъ, и Наполеонъ на радостяхъ назначилъ Канробера маршаломъ. Этому пожалованію былъ особенно радъ Орловъ, и, по словамъ Канробера, онъ такъ крѣпко сжалъ его въ своихъ объятіяхъ, поздравляя, что едва не переломалъ костей, и вмѣстѣ съ тѣмъ дружески поцѣловалъ въ обѣ щеки. Наконецъ, 30-го марта пушечными выстрѣлами предъ домомъ Инвалидовъ было торжественно объявлено о заключеніи мира.

Между прочими вопросами, разсматривавшимися на Парижскомъ конгрессѣ, былъ итальянскій, который возбудилъ войну съ Австріей и послужилъ причиною провозглашенія независимости Италіи. Долго Наполеонъ III мечталъ объ этой войнѣ, мечталъ объ освобожденіи Италіи, но только въ 1859 году мечты его осуществились. По словамъ Канробера, который посвящаетъ большую часть III тома своихъ воспоминаній итальянской кампаніи, несмотря на долгія

мечтанія императора, Франція не была готова къ войнѣ, когда онъ рѣшился двинуться въ Сардинію. Канроберъ былъ назначенъ командовать тѣми корпусами, которые должны были перейти Альпы. Главнокомандующимъ всей французской арміи и ея союзницы, итальянской, Наполеонъ III назначилъ самъ себя, а начальникомъ своего главнаго штаба—маршала Вальяна. Въ то время императору исполнилось 51 годъ, и онъ никогда не бывалъ на войнѣ, а его помощникъ, старикъ 70 лѣтъ, былъ военнымъ человѣкомъ только по имени, не умѣя даже командовать ротой. «Онъ такой же генераль,—говорили офицеры,—какъ маршалъ Маньянъ, оберъ-егермейстеръ, т.-е. получаетъ жалованье, и больше ничего». Поэтому неудивительно, что при такихъ начальникахъ всѣ военныя распоряженія заключались въ приказанія и въ отмѣнахъ приказаній. Императоръ у всѣхъ спрашивалъ совѣта и слушался то одного, то другого. При этомъ въ дѣло постоянно вмѣшивалась императрица, которая оставалась во Франціи регентшей. «Въ сущности, Наполеонъ III,—говоритъ Канроберъ,—не имѣлъ ничего сходнаго съ полководцемъ. Его нѣжная и сентиментальная натура побуждала его сочувствовать страдающимъ, и если онъ желалъ быть главнокомандующимъ въ 1859 году, то вскорѣ это желаніе исчезло, какъ только онъ впервые увидалъ съ отвращеніемъ поле сраженія. Видъ крови, крики раненыхъ, страшныя раны возбудили въ немъ такой ужасъ, что онъ, несмотря на свое обычное хладнокровіе, могъ только сожалѣть о несчастныхъ жертвахъ войны. Въ войнѣ такъ же, какъ въ политикѣ, Наполеонъ хотя и держался упорно своей цѣли, но постоянно мѣнялъ средства и постоянно колебался. Главный упрекъ, который ему дѣлали за итальянскую войну, заключался въ томъ, что онъ постоянно измѣнялъ приказанія и начатыя движенія». Желая пользоваться совѣтами всѣхъ, онъ обращался за ними къ статскимъ и военнымъ, къ Тьеру и къ старому, восьмидесятилѣтнему стратегу, генералу Жюмини. Главнымъ образомъ онъ слушалъ совѣты послѣдняго, но это не мѣшало ему совѣтоваться съ Канроберомъ и соответственно измѣнять свои распоряженія. Однако, Канроберъ не только давалъ совѣты императору, но даже не слушался его распоряженій и дѣйствовалъ по-своему. Такъ, съ самаго начала онъ, вопреки распоряженіямъ Наполеона, поддерживаемый Кавуромъ, вмѣстѣ съ Викторомъ-Эммануиломъ, измѣнилъ позицію французскихъ и итальянскихъ войскъ, что спасло столицу Сардиніи отъ взятія ея австріяцами, которые отступили и тѣмъ упустили случай взять Туринъ и уничтожить французскіе и сардинскіе отряды. «Теперь союзники,—говоритъ Канроберъ,—приобрѣли нравственное превосходство надъ австріяцами, и каждая встрѣча обоихъ враговъ была побѣдой союзниковъ, называвшейся Монтебелло, Палестро, Маджента, Сольферино или Санъ-Мартино». Что касается до Виктора-Эммануила, то это былъ, по словамъ Канробера, настоящий воинъ и храбрый рубака, но не полководецъ. Съ его громадной головою съ взъерошенными волосами, вздернутымъ носомъ, знаменитыми приподнятыми усамъ и глазами, выступавшимъ, какъ фонари, онъ походилъ на кондотьера и опернаго тенора, и трудно было рѣшить, начнеть ли онъ пѣть оперную арію или бросится штурмовать городъ. Вообще это былъ человѣкъ героически-мужественный и любилъ опасность. «Я помню,—говоритъ Канроберъ,—какъ въ битвѣ подъ Палестро, среди зуавовъ,

онъ скакалъ съ раздутыми ноздрями, словно искавшими пуль, и его широкая грудь вдыхалась подъ его мундиромъ, точно выставяя цѣль для выстрѣловъ». Подъ рѣзкими манерами солдафона Викторъ-Эммануиль скрывалъ прекрасное сердце и былъ не только человѣкомъ, но и великой исторической фигурой, имѣвшей девизомъ: «больше быть, чѣмъ казаться». Согласившись признать главнокомандующимъ Наполеона III, Викторъ-Эммануиль повиновался всѣмъ его распоряженіямъ, хотя постоянно былъ недоволенъ его невозможнымъ колебаніемъ и безпрестанной перемѣной приказаній. Въ сраженіи Наполеонъ былъ совершенной противоположностью королю. Онъ былъ блѣденъ и со страхомъ смотрѣлъ на убитыхъ и раненыхъ, а Викторъ-Эммануиль великолѣбно исполнялъ всѣ приказанія и бросался въ огонь съ неустрашимой отвагой. Главныя побѣды союзниковъ были Маджента и Сольферино. Въ обоихъ этихъ сраженіяхъ императоръ велъ себя самымъ невозможнымъ образомъ; онъ десять и двадцать разъ перемѣнялъ планы, раздавалъ безконечно противорѣчивые приказы и потомъ молчалъ, сидя на лошади, только по временамъ требуя того или другого генерала, всего чаще Канробера. Къ концу кроваваго, но побѣдоноснаго дня, виновникомъ котораго, конечно, самъ Наполеонъ не былъ, онъ безконечно произноситъ одно и то же: «Гдѣ Макъ-Магонъ?» Только ночью онъ съ недовѣріемъ узналъ, что побѣда была громадная, благодаря Канроберу и Макъ-Магону, произведенному тотчасъ въ маршалы и герцоги Маджента. Последній былъ такъ обрадованъ и взволнованъ своей двойной наградой, что, написавъ немедленно телеграмму женѣ, онъ подписалъ «герцогъ Малаковъ». Императоръ, узнавъ объ этомъ, сказалъ: «Ну, такъ что же, если бъ не Пелисье, то тотчасъ назначили бы его». Наполеонъ всегда одерживалъ побѣды, благодаря другимъ, и последней итальянской побѣдой подъ Сольферино онъ одолженъ былъ своимъ генераламъ, особенно Канроберу и Ніэлю, который былъ пожалованъ въ маршалы. Въ сущности же, самыми главными виновниками всѣхъ успѣховъ французовъ и итальянцевъ были австрійцы съ ихъ неспособными, неумѣлыми полководцами. Хотя союзная армія послѣ Сольферино пошла далѣе и подступила къ Веронѣ, но вдругъ распространился слухъ, что съ австрійцами заключено перемиріе. Дѣйствительно, въ Виллафранкѣ были подписаны условія мира. Всѣ, какъ итальянцы, такъ и французы, были внѣ себя отъ негодованія. Канроберъ писалъ своему двоюродному брату: «Меня бѣситъ миръ прежде завоеванія линіи Адижа». Генераль Лебефъ въ гнѣвѣ бросилъ свою саблю въ дорожный мѣшокъ и закричалъ: «Императоръ смѣется надъ всѣмъ свѣтомъ. Къ чему онъ заключаетъ миръ? все идетъ прекрасно. Что теперь скажутъ союзники, которымъ мы обѣщали освободить Италію до Адриатическаго моря?» Итальянцы тѣмъ болѣе негодовали, а Викторъ-Эммануиль, по словамъ сэра Джемса Гудсона, называлъ Наполеона собакоѣ. Что же касается до Кавура, то онъ билъ стекла въ неистовствѣ. Среди всего этого шума и отчаянія Наполеонъ III былъ хладнокровенъ, безмятеженъ и молчаливъ, боясь, чтобы Европа не вмѣшалась въ войну: онъ достаточно насмотрѣлся на кровь и безконечные ужасы, чтобы прекратить рѣзню. Императоръ хладнокровно простился съ Викторомъ-Эммануиломъ въ Сузѣ, а послѣдній, когда Наполеонъ удалился въ своей коляскѣ, сказалъ: «Уфъ, онъ уѣхалъ!»

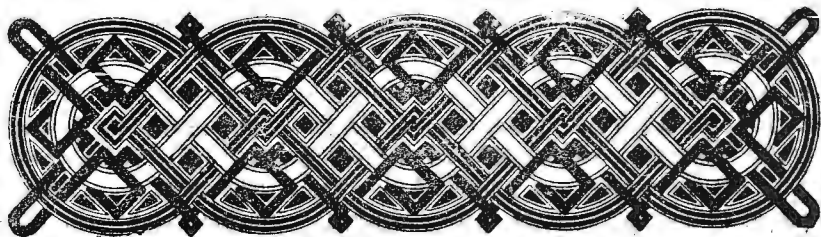
«Французы начали войну, — говоритъ Бапстъ, — для освобожденія итальянскаго народа, Европа же остановила насъ угрозами на полпути, а мы ей повиновались. Вотъ въ чемъ заключалась правда. Правительство и императоръ всячески ее скрывали, и только впоследствии истина стала всею извѣстна».

— Автобіографія Герберта Спенсера. Громадная объемистая двухтомная автобіографія знаменитаго современнаго философа Спенсера разочаровала средняго читателя, но для людей серьезныхъ, философски настроенныхъ, эта книга самая интересная изъ прочтенныхъ ими. Конечно, главный недостатокъ этого сочиненія — излишняя многорѣчивость и чрезвычайная самонадѣянность. Болѣе, чѣмъ на тысячѣ страницъ, авторъ говоритъ только о самомъ себѣ и очень мало о другихъ писателяхъ, и то лишь касаясь самого себя. Это чрезмѣрное самолюбіе начало развиваться въ немъ съ дѣтства. Такъ, однажды, еще ребенкомъ, сидя на своемъ маленькомъ стулѣ предъ каминомъ, онъ вдругъ засмѣялся, а на вопросъ матери о причинѣ смѣха отвѣчалъ: «Мнѣ неожиданно пришла въ голову мысль, что было бы, если бъ на свѣтѣ ничего не существовало, кромѣ меня?». Чрезвычайно замѣчательной чертой Спенсера была также любовь къ наблюденіямъ и къ классификаціи, которыя онъ предпочиталъ чтенію, вследствие чего онъ питалъ страсть къ собиранію насѣкомыхъ, бабочекъ, растений и т. д. Съ тринадцати лѣтъ англійскій мыслитель старался познавать причину всѣхъ явленій, и, по его словамъ, онъ остался вѣренъ этой методѣ всю свою жизнь, несмотря на то, что многіе смѣялись надъ нимъ. Его жизнь была далеко не праздною, и онъ рассказываетъ, какъ былъ журналистомъ и инженеромъ, какъ учился рисовать и ваять, какъ онъ занимался музыкой, механикой, химіей, электричествомъ, какъ предался писанію серьезныхъ статей и научнымъ теоретическимъ и практическимъ занятіямъ. Часто мѣшало его любимой научной работѣ нездоровье, а когда онъ уже не могъ даже диктовать свои ученые труды, то взялся за составленіе своей автобіографіи. «Въ маѣ 1875 г. я началъ набрасывать свою біографію, — говоритъ Спенсеръ. — Меня спросить, зачѣмъ я взялся такъ рано за подобное дѣло. Объясню очень просто эту причину: дѣло въ томъ, что я однажды совсѣмъ забылъ пришедшія мнѣ въ голову мысли по поводу одного важнаго общественнаго дѣла, и пріятель мнѣ объ этомъ напомнилъ. Тогда я убѣдился, какъ важно было записывать всѣ свои мысли. Можетъ быть, меня спросить: но къ чему вамъ писать біографію? Это очень разумный вопросъ, такъ какъ я часто выражалъ неодобреніе этому роду литературы. На вопросъ относительно меня самого я отвѣчу, что человекъ, имя котораго чрезвычайно близко знакомо публикѣ, можетъ быть увѣренъ, что его біографію, если не онъ самъ, такъ кто нибудь напишетъ, а на опытъ я убѣдился, что гораздо лучше описать самому рядъ событій, которыя я самъ могу знать основательнѣе другого. Къ тому же, мнѣ казалось, что естественная исторія самого себя была бы полезнымъ подспорьемъ къ тѣмъ книгамъ, которыя составляютъ главный предметъ моей жизни. Вотъ почему я и пытался въ этихъ двухъ томахъ представить естественную исторію моей жизни. Конечно, нельзя сказать, чтобы я успѣлъ въ этомъ дѣлѣ, но отчасти все-таки успѣлъ. Во всякомъ случаѣ, мнѣ удалось доказать, что система моихъ мыслей составляла важный факторъ моей умственной натуры».

ванія теченія собственныхъ мыслей и развитія своего ума, Сиенсеръ въ этой автобиографіи, хотя, быть можетъ, и слишкомъ подробно, но чрезвычайно интересно, сообщаетъ свои мнѣнія объ извѣстныхъ писателяхъ всѣхъ временъ. Эта критика, быть можетъ, слишкомъ строга и пристрастна, но никакъ нельзя отказать ей въ глубокомъ интересѣ. Такъ онъ увѣрялъ, что не можетъ читать Платона, потому что находилъ его идеи неопредѣленными, а приводимые имъ разговоры менѣе замѣчательными, чѣмъ въ второстепенныхъ романахъ. Объ Аристотелѣ онъ совсѣмъ не упоминаетъ. Канта, Гегеля и Конта онъ вовсе не признавалъ и читалъ изъ ихъ сочиненій не болѣе нѣсколькихъ страницъ. Поэтому онъ не терпѣлъ; Гомера считалъ «дикимъ, нелѣпымъ и неинтереснымъ писателемъ»; Данте казался ему поэтомъ въ великолѣпной, но дурно сдѣланной одеждѣ, скоро читателю надоѣдавшимъ. Поэмы Вордсворта были для него «пивомъ вмѣсто вина». Гете онъ не признавалъ ни за поэта, ни за философа. Современныхъ ученыхъ и авторовъ, даже своихъ личныхъ пріятелей, онъ недорого цѣнилъ. Такъ, Стюарта Милля, Дарвина и Александра Бэна, хотя онъ читалъ, но очень поздно и отрывками, не видя въ нихъ ничего для себя новаго. Эмерсона онъ особенно не любилъ, потому что его отецъ говорилъ, будто Гербертъ заимствовалъ у Эмерсона рациональныя убѣжденія, что, по его словамъ, было совершенно ложно. Карлейля онъ называлъ страннымъ существомъ, «скоро надоѣдавшимъ своими выходками противъ страшнаго положенія вещей», и бывалъ у него во всю свою жизнь только четыре раза. Его друзьями были Милль, котораго онъ очень уважалъ, хотя отрицалъ его вліяніе на свои взгляды, Гексли, который, быть можетъ, былъ его лучший пріятель; Льюисъ, котораго онъ считалъ пріятнымъ товарищемъ, и Джорджъ Эллиотъ. Съ этой гениальной романисткой онъ былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ; они вмѣстѣ гуляли, бесѣдовали, пѣли, и, насколько извѣстно, въ первое время своихъ сношеній съ нимъ она не имѣла другихъ привязанностей. «Такъ какъ насъ часто видѣли вмѣстѣ,—говоритъ онъ,—то люди дѣлали свои выводы. Всѣ говорили, что я влюбленъ въ нее, и мы женимся, но ни то ни другое не было правдой». Къ исторіи онъ относился очень хладнокровно, и, считая себя философомъ эволюціи, онъ не признавалъ эволюціи въ философіи. По его мнѣнію, исторію не стоило изучать, такъ какъ, напримѣръ, Египетъ только «страна смерти, а Римъ привлекалъ вниманіе однѣми выпѣвшими стѣнами и арками». Въ искусствахъ онъ считалъ себя знатокомъ, но относился къ нимъ очень странно и оригинально: такъ Моцарта онъ считалъ неспособнымъ давать своимъ героямъ жизнь; Рубенсъ, по его мнѣнію, не умѣлъ составить картины и придать пріятный блескъ своимъ краскамъ; Рафаэль также поражаетъ неясностью содержанія своихъ произведеній. Рембрандтъ отличается отсутствіемъ красоты въ своихъ фигурахъ и глупымъ ихъ выраженіемъ. Поэтому Сиенсеръ увѣряетъ, что нѣтъ никакого достоинства въ «Донъ-Жуанѣ» Моцарта, въ потолкѣ Сикстинской капеллы, въ фрескахъ Пантеона, въ Преображеніи Рафаэля или въ «Школѣ Анатоміи» Рембрандта. Подобная строгость къ другимъ объясняется тѣмъ, что Сиенсеръ былъ строгъ и къ себѣ, несмотря на его безмѣрное самолюбіе. «Я встрѣчалъ много людей нравственно великихъ, благородныхъ,—говоритъ секретарь Сиенсера, Генри Гудсонъ:—но никогда не видалъ въ этомъ

отношеніи ничего подобнаго великому философу. Онъ не отличался жаромъ и экспансивностью импульсирующихъ натуръ, но чѣмъ больше я его зналъ, тѣмъ болѣе понималъ спокойствіе и мужество его нравственной силы, чистоту его убѣжденій, упорство его прямоты и сознаніе своей справедливости, бывшей главнымъ правиломъ его жизни». По мнѣнію французскаго литературнаго критика Шарля Симона, можно одной фразой охарактеризовать автобіографію Спенсера: «это—зеркало души, помѣщающейся въ удивительномъ, быть можетъ, единственномъ въ своемъ родѣ мозгу».

С М Ъ С Ъ.

СТОЛЪТНІЙ юбилей общества исторіи и древностей російскихъ. 18-го марта состоящее при Московскомъ университетѣ императорское общество исторіи и древностей російскихъ торжественно праздновало столѣтіе своего существованія.

Торжество началось литургіей, совершенной въ университетской церкви преосвященнымъ Паревіемъ, епископомъ Можайскимъ, въ сослуженіи ректора московской семинаріи, архимандрита Анастасія, и профессора богословія въ университетѣ, Н. А. Елеонскаго. За литургіей слѣдовало молебствіе, на которое вышли еще преосвященный Евдокимъ, епископъ волоколамскій, и протопресвитеръ Большого Успенскаго собора, С. А. Марковъ. За богослуженіемъ присутствовали: попечитель Московскаго учебнаго округа П. А. Некрасовъ, ректоръ университета, А. А. Тихомировъ, профессора университета, депутаціи отъ различныхъ ученыхъ учреждений и обществъ, члены общества исторіи и древностей російскихъ и студенты. По окончаніи богослуженія присутствовавшія въ храмѣ лица перешли въ актовую залу университета, гдѣ состоялось торжественное засѣданіе совѣта Московскаго университета и общества исторіи и древностей російскихъ при многочисленномъ собраніи публики.

По открытіи ректоромъ университета засѣданія проф. В. О. Ключевскій прочиталъ присланную на имя председателя общества исторіи и древностей російскихъ телеграмму Его Величества Государя Императора.

«Въ день столѣтняго юбилея императорскаго общества исторіи и древностей російскихъ мнѣ отрядно засвидѣтельствовать, что труды общества обо-

гатили цѣнными вкладами сокровищницу историческаго знанія, столь важнаго для развитія народнаго самосознанія. Привѣтствуя общество, сердечно желаю ему дальнѣйшаго процвѣтанія на пользу науки и благо отечества.

«НИКОЛАЙ».

Телеграмма эта выслушана была присутствующими стоя. Ректоръ Московскаго университета, А. А. Тихомировъ, отъ имени университетскаго совѣта привѣтствовалъ императорское общество исторіи и древностей россійскихъ со столѣтней плодотворной дѣятельностью.

Предсѣдатель общества, В. О. Ключевскій, обратился къ собранію съ рѣчью, въ которой представилъ историческій очеркъ возникновенія и дѣятельности общества. Указавъ ближайшіе поводы къ образованію общества — изданіе въ 1802 году въ Геттингенѣ историкомъ Шлѣцеромъ изслѣдованія о Несторовой лѣтописи, — профессоръ отмѣтилъ, что геттингенская идея о коллективной разработкѣ русской исторіи нашла въ Москвѣ воспріимчивую среду. Еще въ XVI вѣкѣ, въ эпоху оживленія дѣятельности нашихъ лѣтописцевъ, послѣдніе стараются вступить на новую дорогу и, не ограничиваясь, какъ прежде, описаніями событій, стремятся раскрыть ихъ внутренній смыслъ и представить ихъ въ послѣдовательномъ изложеніи и причинной связи. Въ смутное время еще замѣтнѣе попытки перехода отъ лѣтописи къ историографіи. Авраамъ Палицынъ въ своемъ сказаніи объ осадѣ Троице-Сергіевской лавры глубоко вдумывается въ причины смуты. Иванъ Тимоѣевъ въ своемъ «Временникѣ», обозрѣвая событія, указываетъ ихъ причины и чутко понимаетъ связь между ними. Здѣсь уже видна настоящая историческая мысль. Въ недавно обнародованныхъ документахъ узнаемъ, какъ пытались писать исторію въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Указомъ 3-го ноября 1657 года Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ учредить особый приказъ по историографіи, который помѣщался въ тѣсной и гнилой избѣ, гдѣ рядомъ съ историографомъ Кудрявцевымъ сидѣли арестанты и стерегущіе ихъ стрѣльцы. Источники для исторіи предписано было царемъ брать въ различныхъ приказахъ, которые, однако, никакихъ справокъ не выдавали, заявляя, что у нихъ нѣтъ матеріаловъ. Въ началѣ 1659 года Кудрявцевъ оставилъ свою должность, и въ результатъ его 16-ти-мѣсячныхъ усилій не оказалось почти никакого плода для историографіи. Очевидно, тогда къ этой работѣ не были подготовлены ни умы, ни документы. При Елизаветѣ Петровнѣ, состоявшій при академіи наукъ Миллеръ, путешествовавшій по Сибири и собравшій тамъ массу документовъ, предложилъ учредить въ Москвѣ департаментъ для сочиненія исторіи Россіи, съ особымъ историографомъ и двумя адъюнктами, въ качествѣ студентовъ, и на содержаніе его исчислялъ около 30-ти тыс. р. на наши деньги. Но предложеніе Миллера не было принято академіей наукъ. При Екатеринѣ II, когда учреждались разныя вольныя общества ученія, литературныя, филантропическія, при участіи частныхъ лицъ, повелѣніемъ императрицы, подъ наблюденіемъ графа А. П. Шувалова, составляется собраніе для занятій исторіей и древностями, въ которомъ должны были быть 3—4 человѣка, не обремененные другимъ занятіями и получающіе особое вознагражденіе. Подъ вліяніемъ Московскаго университета оживляется и научная дѣятельность въ

Москвѣ. Образуется Дружеское общество Новикова и Шварца, учащаяся молодежь собирается для чтеній и историческихъ бесѣдъ. Такимъ образомъ общество исторіи и древностей россійскихъ выросло изъ просвѣтительныхъ потребностей и усилій, давно проявлявшихся въ Москвѣ въ различныхъ формахъ. Перейдя затѣмъ къ результатамъ дѣятельности общества исторіи и древностей, профессоръ отмѣтилъ, что имъ изданы 251 книга съ 3.300 статьями, матеріалами и специальными изслѣдованіями по исторіи русскихъ и другихъ славянскихъ народовъ. Указавъ на болѣе видныхъ дѣятелей общества въ прошломъ, В. О. Ключевскій выразилъ пожеланіе, чтобы завѣты этихъ дѣятелей хранились обществомъ и въ новомъ столѣтіи его существованія, и принесъ глубокую благодарность Московскому университету, подъ сѣнью котораго развивается дѣятельность общества, и частнымъ лицамъ, жертвовавшимъ обществу рукописи, изданія и матеріальныя средства. Свою рѣчь профессоръ закончилъ словами второго предсѣдателя общества П. П. Бекетова, сказанными на первомъ засѣданіи по утвержденіи устава общества въ 1811 году: «Наше общество будетъ работать такъ, чтобы читающіе труды его сказали: они любили свою отечество и трудились къ его пользѣ и славѣ». Рѣчь В. О. Ключевского вызвала единодушныя, продолжительныя аплодисменты. Секретарь Е. В. Барсовъ сообщилъ, что въ ознаменованіе настоящаго торжества 1) общество издало посредствомъ фототипіи точное, въ размѣрѣ подлинника, воспроизведеніе утвержденной грамоты объ избраніи въ 1613 году на Московское государство Михаила Ѳеодоровича Романова со всѣми находящимися на оборотѣ ея подписями лицъ, бывшихъ на Земскомъ соборѣ. Грамота издана подъ наблюденіемъ дѣйствительнаго члена общества С. А. Бѣлокурова; 2) общество издаетъ составленное бібліотекаремъ и дѣйствительн. член. общества Е. И. Соколовымъ описаніе рукописей и бумагъ, поступившихъ въ общество съ 1846 г. по 1902 годъ; 3) составленъ д. член. С. А. Бѣлокуровымъ указатель ко всѣмъ періодическимъ изданіямъ общества за всѣ сто лѣтъ его существованія; къ печатанію его предполагалось приступить въ февралѣ мѣсяцѣ; 4) въ текущемъ году приступлено будетъ къ печатанію исторической записки объ обществѣ, составленной секретаремъ общества Е. В. Барсовымъ, въ которую войдутъ какъ произнесенная предсѣдателемъ общества рѣчь, такъ и тѣ привѣтствія, которыя представлены и присланы обществу по случаю его столѣтія.

Городской голова, князь Голицынъ, сказалъ слѣдующую рѣчь: «Столица наша, которая всѣмъ прошлымъ своимъ раскрываетъ такую интересную и многосодержательную страницу исторіи и изобилуетъ знаменательными сокровищами древностей россійскихъ, привѣтствуетъ общество, сто лѣтъ посвящавшее свои труды, свои силы этой исторіи, этимъ древностямъ. Москвою создано оно сто лѣтъ тому назадъ, подъ благотворною сѣнью старѣйшаго въ Россіи университета и послѣдовательно шагъ за шагомъ выполняло свою задачу, въ основу положенную, не уклоняясь въ стороны, не гоняясь за случайной славой, не ища въ образахъ старины удовлетворенія или оправданія интересовъ дня. Въ настоящую минуту всеобщаго напряженія взоры наши отдыхаютъ на зрѣлищѣ этого продолжительнаго, терпѣливаго, мирнаго труда, и въ чествованіи его столѣтія мы находимъ успокоеніе и отвлеченіе отъ тревогъ, насъ волнующихъ».

Затѣмъ началось чтеніе и поднесеніе адресовъ депутаціями. Академикъ Ѳ. Е. Коршъ прочиталъ адресъ отъ императорской академіи наукъ, проф. Р. Ѳ. Брандтъ—отъ юго-славянской академіи наукъ въ Загребѣ, проф. А. С. Лебедевъ—отъ императорскаго Харьковскаго университета, проф. Максименко—отъ юридическаго факультета того же университета, С. А. Бѣлокуровъ отъ Казанскаго университета, П. А. Лавровъ—отъ С.-Петербургскаго университета и историко-филологическаго института, Ѳ. Е. Коршъ—отъ Гельсингфорскаго университета на латинскомъ языкѣ, Е. В. Барсовъ—отъ университета св. Владимира, В. М. Истринъ—отъ Новороссійскаго университета, Ѳ. Г. Елеонскій—отъ С.-Петербургской духовной академіи, ректоръ Московской духовной академіи преосв. Евдокимъ—отъ этой академіи, проф. С. М. Шпилевскій отъ ярославскаго Демидовскаго лицея, В. Ѳ. Миллеръ—отъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и отъ историческаго общества лѣтописца Нестора въ Кіевѣ. Далѣе были прочитаны адресы: отъ нѣжинскаго лицея кн. Безбородка, отъ Николаевской академіи генеральнаго штаба, отъ главнаго штаба, отъ петербургскаго археологическаго общества, императорской археографической комиссіи—членомъ государственнаго совѣта гр. С. Д. Шереметевымъ, отъ кіевской комиссіи для разработки древнихъ актовъ, императорской археологической комиссіи (проф. Д. Я. Самоквасовъ) и отъ архива министерства юстиціи, отъ императорскаго общества испытателей природы—проф. Н. А. Умовымъ, физико-медицинскаго общества—проф. Д. Н. Зерновымъ, общества любителей Россійской словесности—А. Н. Веселовскимъ, императорскаго русскаго историческаго общества, отъ общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи—проф. Д. Н. Анучинымъ, общества любителей духовнаго просвѣщенія въ Москвѣ, императорскаго археологическаго общества—депутаціей (гр. П. С. Уварова, Д. Н. Анучинъ, К. М. Быковскій, А. Н. Филипповъ и В. К. Трутовскій), общества исторіи, археологии и этнографіи при Казанскомъ университетѣ, историческаго общества имени Шевченка во Львовѣ—Ѳ. Е. Коршемъ на малороссійскомъ языкѣ, историческаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, московскаго психологическаго общества—проф. Н. М. Лопатынымъ, московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ—директоромъ И. В. Цвѣтаевымъ, императорскаго Россійскаго историческаго музея—кн. Н. С. Щербатовымъ, московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, архива святѣйшаго синода, кіевскаго архива, архива министерства императорскаго двора, московской патріаршей бібліотеки, ростовскаго музея церковныхъ древностей, московскаго бібліографическаго общества—проф. И. Т. Тарасовымъ, московскаго архитектурнаго общества—К. М. Быковскимъ, комиссіи по изученію церковныхъ памятниковъ Москвы и Московской епархіи, отъ владимирской архивной комиссіи. Затѣмъ прочитана была масса привѣтственныхъ телеграммъ, въ числѣ ихъ отъ императорскаго палестинскаго общества, общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія, отъ императорскаго общества любителей древней письменности, императорскаго географическаго общества, императорской публичной бібліотеки, архива морскаго министерства, редакціи «Историческаго Вѣстника», «Журнала министерства народнаго просвѣщенія», одесскаго общества исторіи

и древностей, губернскихъ архивныхъ комиссій, Юрьевскаго, Варшавскаго и Томскаго университетовъ, Кіевской духовной академіи, рижскаго общества исторіи и древностей, чешскаго королевскаго музея, норвежскаго университета въ Христианіи, уисальскаго университета, К. П. Побѣдоносцева, Е. Е. Голубинскаго, акад. Ламанскаго и мн. др. Засѣданіе закончилось рѣчью проф. В. О. Ключевскаго, выразившаго отъ лица общества сердечную признательность всѣмъ учреждениямъ и лицамъ, почтившимъ общество своими привѣтствіями и присутствіемъ въ настоящемъ торжественномъ засѣданіи.

Открытіе памятника Ермаку въ Новочеркасскѣ состоялось послѣ молебствія 6-го мая. Мысль о сооруженіи на Дону памятника покорителю Сибири возникла въ день празднованія трехсотлѣтняго юбилея войска Донскаго 21-го мая 1870 года. Послѣ войскового круга за войсковою хлѣбомъ-солью, въ присутствіи Государя Наслѣдника Цесаревича, августѣйшаго атамана всѣхъ казачьихъ войскъ, Александра Александровича, предъ его императорскимъ высочествомъ прочитана была начальникомъ войскового штаба войска донскаго, генералъ-майоромъ Г. А. Леоновымъ, записка объ увѣковѣченіи совершившагося событія сооруженіемъ памятника Ермаку Тимофеевичу съ просьбою о ходатайствѣ предъ Государемъ Императоромъ о разрѣшеніи воздвигнуть этотъ памятникъ и открыть подписку для сбора необходимыхъ средствъ. Августѣйшій атаманъ выразилъ согласіе на такое ходатайство, а бывший войсковою наказный атаманъ войска донскаго М. И. Чертковъ вслѣдъ затѣмъ сдѣлалъ представленіе въ установленномъ порядкѣ. Въ томъ же году послѣдовало высочайшее разрѣшеніе на осуществленіе этого ходатайства. Открытая подписка къ концу 1889 года дала болѣе 55.000 рублей. Въ это же время поступило заявленіе академика Микѣшина о предоставленіи ему права на проектированіе и сооруженіе памятника Ермаку. Бывшій въ то время войсковымъ наказнымъ атаманомъ князь Святополкъ-Мирскій призналъ необходимымъ образовать по вопросу о сооруженіи памятника особую комиссію, которая выяснила, что памятникъ, будучи отлитъ изъ бронзы, обойдется съ фундаментомъ въ 150.000 рублей. Комиссія признала возможнымъ замѣнить бронзовую скалу памятника чугуною, что сокращало расходъ, но все же необходимыхъ средствъ на сооруженіе въ то время не имѣлось. Военное министерство предложило снова сдѣлать объявленіе о подпискѣ на памятникъ. Въ то время случилось одно обстоятельство, способствовавшее сбору пожертвованій: въ газетѣ «Донская Рѣчь» было напечатано стихотвореніе Н. И. Красовскаго «Опять на родинѣ», заканчивающееся словами: «И скоро, можетъ быть, въ грядущихъ поколѣвьяхъ изгладится совѣмъ и имя Ермака». Кн. Н. И. Святополкъ-Мирскій сдѣлалъ на немъ подпись: «Никогда! Поддержите, станичники, мое атаманское слово. Памятникъ Ермаку начнемъ строить съ будущаго года». Стихотвореніе съ припиской было напечатано въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ и разослано по всей области. Въ началѣ 1897 года сборъ пожертвованій на памятникъ съ процентами уже достигалъ 92.000 р. Въ виду того, что академикъ Микѣшинъ умеръ, сооруженіе памятника поручено было академику В. А. Беклемишеву, который представилъ комиссіи, состоявшей въ это время подъ предсѣдательствомъ ген.-л. Грекова, два своихъ проекта памятника. Одинъ изъ нихъ былъ выбранъ войсковымъ начальствомъ. Но такъ

какъ проектъ Микѣшина былъ уже ранѣе высочайше одобренъ, академику Беклемишеву пришлось составить новый проектъ, примѣнительно къ проекту Микѣшина.

Присужденіе премій митрополита Макарія. 1-го мая были объявлены результаты одиннадцатаго конкурса для соисканія премій покойнаго митрополита московскаго Макарія. На конкурсъ представлено было въ учебный комитетъ синода 12 сочиненій. Для разсмотрѣнія ихъ комитетъ пригласилъ профессоровъ духовныхъ академій: С.-Петербургской — А. Бронзова и и. д. доцента А. Карташева, Кіевской — М. Ястребова, Московской — А. Бѣляева и В. Мышцына и Казанской — П. Знаменскаго, М. Богословскаго и В. Керенскаго и членовъ учебнаго комитета: т. с. Д. Соловьѣва и И. Троицкаго, В. Серебренникова и А. Ванчакова. На основаніи представленныхъ рецензентами отзывомъ святѣйшій синодъ назначилъ двѣ полныя преміи, по 1.000 р. каждая, за сочиненія: а) профессора С.-Петербургской духовной академіи Н. Глубоковскаго: «Благовѣстіе христіанской свободы въ посланіи св. апостола Павла къ галатамъ. Сжатый обзоръ апостольскаго посланія со стороны его первоначальныхъ читателей, условій происхожденія, по содержанію и догматически-историческому значенію» (Спб., 1902 г.), и б) заслуженнаго профессора А. Катанскаго: «Ученіе о благодати Божіей въ твореніяхъ древнихъ св. отцовъ и учителей церкви до бл. Августина. Историко-догматическое изслѣдованіе» (Спб., 1902 г.), и 6 неполныхъ премій, по 500 р. каждая, за сочиненія: а) профессора Московской духовной академіи А. Введенскаго — «Религіозное сознаніе язычества. Опытъ философской исторіи естественныхъ религій. Т. I. Основные вопросы философской исторіи естественныхъ религій (Prolegomena). Религіи Индіи» (Москва, 1902 г.); б) пресвященнаго Автонина, епископа нарвскаго: «Книга пророка Варуха. Репродукція» (Спб., 1902 г.); в) тавастгусскаго губернатора А. Папкова: «Церковно-общественные вопросы въ эпоху Царя-Освободителя (1855—1870)» (Спб., 1902 г.); г) преподавателя вѣнавской духовной семинаріи Д. Введенскаго — «Ученіе Ветхаго Заветъ о грѣхѣ» (Св.-Троицкая лавра. 1901 г.); д) профессора императорскаго Харьковскаго университета І. Бродовича — «Книга пророка Осіи. Введеніе и экзегезисъ» (Кіевъ, 1902 г.), и е) бывшаго управляющаго придворной пѣвческой капеллой С. Смоленскаго — «О древне-русскихъ пѣвческихъ нотацияхъ. Историко-палеографическій очеркъ» (1901 г.). Сверхъ того, сочиненіе профессора Кіевской духовной академіи А. Булгакова: «Старо-католическое и христіано-католическое богослуженіе и его отношеніе къ римско-католическому богослуженію и вѣроученію. Изслѣдованіе» (Кіевъ, 1901 г.), удостоено почетнаго отзыва.

Присужденіе премій императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія. I. Для соисканія въ 1904 году премій императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія: 1) по разряду гимназій была назначена группа «исторія и географія, всеобщая и русская» и 2) по разряду реальныхъ училищъ — группа «математика, математическая географія и физика». Для разсмотрѣнія представленныхъ къ установленному сроку 22 сочиненій при ученомъ комитетѣ были образованы двѣ особыхъ комиссіи: первая (для разсмотрѣнія сочиненій

по исторіи и географіи) состояла, подъ предѣдательствомъ члена ученаго комитета И. И. Беллярмина, изъ членовъ: основнаго отдѣла комитета С. Θ. Глянки и С. В. Рождественскаго и особаго отдѣла комитета А. Θ. Соколова и преподавателя географіи с.-петербургскаго 3-го реальнаго училища А. В. Чеботарева; въ составъ второй комисіи (для разсмотрѣнія сочиненій по математикѣ и физикѣ), бывшей подъ предѣдательствомъ члена ученаго комитета О. Д. Хвольсона, вошли члены комитета: Н. И. Билибинъ и Б. М. Кояловичъ, директоръ с.-петербургскаго 2-го реальнаго училища К. В. Фохтъ и преподаватель того же училища М. С. Волковъ. Комисіи, обсудивъ, на основаніи подробныхъ рецензій своихъ членовъ, достоинства переданныхъ имъ для разсмотрѣнія конкурсныхъ сочиненій, представили свои заключенія о нихъ въ ученый комитетъ, который, по всестороннемъ обсужденіи какъ этихъ заключеній, такъ и подробныхъ отзывовъ о разсмотрѣнныхъ сочиненіяхъ, опредѣлить: 1) Большую премію императора Петра Великаго (2.000 р.) раздѣлить, на основаніи § 3 новаго положенія о преміяхъ императора Петра Великаго 5-го января 1904 г., на двѣ половинны, по 1.000 р., между авторами печатныхъ сочиненій: 1) Ковалевскій, С. Сборникъ физическихъ задачъ (Спб., 1903 г.) и 2) Пономаревъ, Р. Д. Сборникъ задачъ по элементарной физикѣ (изд. 2-е, Харьковъ, 1903 г.). 2) За сочиненіе, представленное на конкурсъ въ корректурныхъ листахъ, подъ заглавіемъ: «Начальный курсъ географіи. Составилъ Г. И. Ивановъ (изд. 3-е)», присудить автору малую (500 р.) премію императора Петра Великаго. 3) Остальныя представленныя на соисканіе премій сочиненія отъ присужденія премій устранить, и 4) въ вознагражденіе трудовъ предѣдателей и членовъ особыхъ комисій по разсмотрѣнію конкурсныхъ сочиненій выдать означеннымъ лицамъ учрежденныя на сей предметъ золотыя медали. Опредѣленія ученаго комитета утверждены г. управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. II. Для представленія сочиненій на соисканіе премій императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, назначенъ съ разрѣшенія министерства слѣдующій порядокъ. I. По разряду гимназій: на преміи 1905 г. — полный элементарный курсъ русской грамматики для среднихъ учебныхъ заведеній. II. По разряду начальныхъ народныхъ училищъ и книгъ для народнаго чтенія: на преміи 1905 года — „Книга для народнаго чтенія по отечествовѣднію съ отдѣломъ по исторіи Россіи“; на преміи 1906 года — „Книга для классаго чтенія во 2-мъ классѣ сельскихъ двухклассныхъ училищъ съ отдѣломъ по естествовѣднію“. Общія условія и примѣрныя программы, коимъ должны удовлетворять эти сочиненія, объявлены во всеобщее свѣдѣніе въ январской книгѣ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія» за текущій годъ.

Сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія въ теченіе года, предшествующаго назначенію премій, не позже 1-го ноября, и могутъ быть какъ печатныя, такъ и рукописныя. Рукописи будутъ подвергнуты разсмотрѣнію лишь въ томъ случаѣ, если окажутся написанными опрятно и разборчиво. Сочиненія могутъ быть представлены и безъ обозначенія имени автора, подъ какимъ либо девизомъ, съ приложеніемъ пакета подъ тѣмъ же девизомъ, гдѣ должны быть обозначены имя и фамилія автора, его званіе и мѣстожителство.

Русское археологическое общество. Годовое общее собраніе членовъ общества состоялось 14 мая подъ предсѣдательствомъ графа И. И. Толстого. На собраніи присутствовали управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, ген.-лейт. В. Г. Глазовъ. По прочтеніи протокола ревизіонной комисси, нашедшей всѣ дѣла общества въ полномъ порядкѣ, секретаремъ общества В. Г. Дружининымъ былъ прочитанъ отчетъ казначея за 1903 г., изъ коего видно, что къ 1 января 1904 г. средства общества состоятъ изъ 781 р. 9 к. наличными деньгами и 22.200 р. проц. бумагами. Средства восточнаго отдѣленія на тотъ же срокъ 435 р. 22 к. наличными деньгами и 12.100 р. проц. бумагами. Къ 1 января 1904 г. общество имѣло въ своемъ составѣ почетныхъ членовъ 20, дѣйствительныхъ — 158, членовъ-сотрудниковъ русскихъ — 72 и членовъ-сотрудниковъ иностранныхъ — 41. Общимъ собраніемъ въ нынѣшнемъ году были присуждены медали: В. В. Стасову (большая золотая) за трудъ—«Миніатюры нѣкоторыхъ рукописей, византійскихъ, болгарскихъ, русскихъ, джагатайскихъ и персидскихъ». Разборъ труда былъ данъ проф. А. И. Соболевскимъ. П. К. Симони присуждена серебряная медаль за трудъ: «Опытъ сборника свѣдѣній по техникѣ и исторіи книгопереплетнаго искусства на Руси». Разборъ былъ данъ В. Г. Дружининымъ. Собраніе выразило благодарность А. И. Соболевскому и В. Г. Дружинину за разборъ указанныхъ сочиненій. При обществѣ возникло новое отдѣленіе—нумизматическое. Въ члены общества были выбраны: почетнымъ—Н. Ѳ. Петровскій, дѣйствительными—Н. Г. Адонцъ, кн. И. А. Джаваховъ и А. Е. Мюллеръ и гр. И. И. Толстой членомъ-сотрудникомъ. Въ заключеніе В. В. Фармаковскимъ былъ прочитанъ докладъ: «Главные результаты раскопокъ въ Ольвіи въ 1902—1903 гг.».

Археологическое общество въ Москвѣ. І. Г. Г. Павлуцкій сообщил о результатахъ произведеннаго имъ изслѣдованія о южно-русскихъ деревянныхъ церквахъ XVII и XVIII вѣковъ. Отъ св. Владимира до Петра Великаго древняя Русь проявляла стремленіе оставаться вѣрною тѣмъ архитектурнымъ формамъ, которыя вмѣстѣ съ христіанствомъ и церковными обрядами были перенесены изъ Византіи на нашу родину. Необъятныя лѣсныя пространства, покрывавшія древнюю Русь, устраняли всякую потребность пользоваться другимъ, болѣе удобнымъ матеріаломъ для построекъ и выразились въ деревянномъ зодчествѣ. Въ настоящее время мы уже не имѣемъ сохранившихся памятниковъ малорусскаго зодчества, которые бы восходили ранѣе XVII столѣтія. Сохранившіеся до насъ старинныя малорусскіе храмы представляютъ собою продолженіе работъ древняго деревяннаго русскаго строительства, возникшаго съ тѣхъ поръ, какъ началась Русь, и уступившаго въ городахъ свое мѣсто иноземному, византійскому зодчеству. Въ какихъ же формахъ выразился національный типъ южно-русской архитектуры? Во-первыхъ, вѣщность малорусскаго храма отличается простотой, лишенной какихъ бы то ни было наружныхъ украшеній, что и составляетъ его отличие отъ сѣверно-русскаго деревяннаго храма. Малорусскіе храмы совершенно лишены фасадовъ; своеобразныя формы ихъ расположены симметрично и красиво, отличаются жизненностью и не застываютъ въ единичномъ образчикѣ. Господствующимъ типомъ малорусской архитектуры является трехкупольная церковь, состоящая изъ 3-хъ сру-

богъ, соединенныхъ по направленію отъ востока къ западу; закладывались они на толстыхъ дубовыхъ подвалинахъ, подъ которыми въ позднѣйшее время подводились каменные фундаменты. Внутреннія и наружныя церковныя стѣны обтесывались прямыми плоскостями. Алтарная арка обыкновенно закрывалась высокимъ иконостасомъ. Къ числу особенностей трехкупольныхъ малорусскихъ церквей принадлежатъ галереи, или такъ называемыя «онасанія», идущія вокругъ всей церкви. Рядомъ съ типомъ трехкупольнаго храма встрѣчается типъ однокупольнаго, являясь упрощеніемъ перваго. Третій типъ малорусскихъ церквей это — храмъ съ 5-ю куполами, имѣющій крестообразный планъ. Этотъ типъ, какъ болѣе сложный, былъ менѣе распространенъ въ юго-западномъ краѣ, чѣмъ типъ трехкупольнаго храма. Весьма интересный памятникъ подобнаго образца представляетъ соборная церковь Медвѣдовскаго Николаевскаго монастыря въ Чигиринскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи и церковь въ м. Ярыщевѣ Подольской губерніи. По изслѣдованію докладчика, малорусскіе храмы скорѣе примыкаютъ къ византійскому зодчеству, имѣя куполъ надъ серединой церкви, и близко подходятъ только къ галицкимъ церквамъ, такъ какъ и Галиція, и Малороссія населены однимъ и тѣмъ же народомъ малорусскимъ, жившимъ въ эпоху польскаго владычества одною общею политическою и религиозною жизнью? II. 9-го мая Ѳ. С. Красильниковъ сообщилъ докладъ объ осмотрѣнныхъ имъ церковныхъ и другихъ археологическихъ древностяхъ въ долинѣ рѣки Ксани. На хребтѣ горы Архъ была имъ осмотрѣна древняя грузинская церковь, весьма почитаемая окружнымъ населеніемъ. На картахъ она обозначена монастыремъ свв. Петра и Павла, а въ нѣкоторыхъ описаніяхъ называется церковью св. Георгія. Отъ всего монастыря уцѣлѣла только церковь; она имѣетъ снаружи форму маленькаго базиликальнаго храма съ двухскатною крышею и сложена изъ грубо обтесанныхъ громаднхъ камней. Входъ въ нее — съ юга и довольно большихъ размѣровъ. На боковыхъ стѣнахъ входа сдѣланы ниши, которыя носятъ на себѣ слѣды недавнихъ очаговъ. На маленькую паперть ведутъ двѣ, три ступеньки и узенькій низенькій входъ. Паперть слѣва освѣщена маленькимъ окномъ, а справа находится проломъ стѣны, который ведетъ въ узкое длинное помѣщеніе, освѣщенное такимъ же маленькимъ окномъ, какъ и паперть: это, по всей вѣроятности, діакоvníкъ. Самая церковь внутри не велика, но довольно высока — аршинъ въ 7—8. Сводъ ея подпираетъ четырехугольный столбъ, образывающій съ боковыми стѣнами двѣ арки. Въ полукруглой алтарной части находится нѣсколько нишъ. На полу, выложенномъ гладкими плитами, нашли большую желѣзную цѣпь съ шейнымъ кольцомъ-обручемъ. По объясненію проводника, относившагося ко всему съ какимъ-то религиознымъ страхомъ и трепетомъ и творившаго шопотомъ молитву, цѣпь эта была принесена по обѣту одною благочестивою женщиною, носившею ее на шеѣ. У самой рѣки Ксани возвышаются остатки башенъ крѣпостныхъ замковъ феодальныхъ грузинскихъ владѣтелей. На возвышенномъ мысѣ праваго берега рѣки Ксани, при впаденіи въ нее рѣчки Чурты, докладчикъ изслѣдовалъ развалины Ларгвійскаго монастыря съ уцѣлѣвшею еще церковью во имя св. Θεодора. Самая церковь монастыря древняго грузинскаго типа и увѣнчана однимъ конусообразнымъ куполомъ, покрытымъ бѣлою жестью. Сна-

ружи она имѣетъ мало украшеній: большой рѣзной крестъ, рѣзные знаки на аркѣ надъ дверью западной стѣны и украшенный карнизъ около самой крыши. Въ деревянномъ иконостасѣ тщательно выбѣленнаго внутри храма имѣются старинныя иконы и одна съ частицами мощей св. Ѳеодора. Въ алтарѣ—евангеліе, оправленное въ старинный серебряный переплетъ. Помимо Ксанской долины, несомнѣнный интересъ представляетъ мѣстность, извѣстная подъ именемъ Маграндали, гдѣ среди озеръ находятся многочисленныя древнія башни и развалины церквей.

Общество востоковѣднія. 21-го мая состоялось годовое общее собраніе общества востоковѣднія подъ предѣлательствомъ почетной предѣлательницы общества О. С. Лебедевой, на которомъ присутствовали: министръ народнаго просвѣщенія ген.-лейт. В. Г. Глазовъ, ген.-лейт. Д. И. Субботичъ, тайн. сов. В. И. Ковалевскій, ген.-лейт. В. Н. Вестужевъ-Рюминъ, ген.-лейт. Н. Н. Масловъ, тайн. сов. А. М. Позднѣевъ и другія лица. Предѣлатель общества ген.-лейт. Н. К. Шведовъ прочелъ обзоръ дѣятельности общества за отчетный годъ, изъ котораго видно, что къ концу минувшаго отчетнаго года общество насчитывало 676 членовъ, въ томъ числѣ: почетныхъ членовъ 14, почетныхъ членовъ отдѣленій 7, членовъ попечителей 1, дѣйствительныхъ 592, соревнователей 3, корреспондентовъ 4, сотрудниковъ 55. За отчетный періодъ общество понесло тяжкую утрату въ лицѣ скончавшихся почетнаго члена и почетнаго предѣлателя ташкентскаго отдѣленія общества, туркестанскаго генераль-губернатора Н. А. Иванова, члена-корреспондента, русскаго консула въ Македоніи А. А. Ростовскаго, и члена-учредителя, бывшаго лектора арабскаго языка въ императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, Ф. Х. Сарруфа. Дѣятельность общества въ отчетномъ году сосредоточивалась, какъ и въ предшествоющіе годы, въ совѣтѣ, въ общихъ собраніяхъ и въ отдѣленіяхъ. Совѣтъ имѣлъ 10 засѣданій, въ которыхъ заслушано было свыше 80 различныхъ докладовъ, предложеній и сообщеній и сдѣлано было приблизительно столько же соотвѣтствующихъ постановленій. Общихъ собраній было 11, на нихъ сдѣлано было 12 научныхъ и научно-популярныхъ докладовъ и сообщеній. Общія собранія посѣтили свыше 400 человекъ; число посѣтителей колебалось въ предѣлахъ отъ 29 до 80. Въ истекшемъ отчетномъ году общество выпустило въ свѣтъ брошюру подъ заглавіемъ: «Справочныя свѣдѣнія объ обществѣ востоковѣднія», въ количествѣ 500 экземпляровъ, и обширный, въ 30 печатныхъ листовъ, трудъ члена совѣта и предѣлателя торгово-промышленнаго отдѣла общества М. П. Ѳедорова, подъ заглавіемъ: «Соперничество торговыхъ интересовъ на Востокѣ», въ количествѣ 2.000 экземпляровъ. Съ осени общество предполагаетъ приступить къ изданію своего особаго періодическаго органа, подъ заглавіемъ: «Вѣстникъ Общества Востоковѣднія». Библіотека общества состоитъ изъ 458 названій русскихъ и иностранныхъ книгъ, въ количествѣ 789 томовъ; находящаяся при ней читальня получаетъ 11 русскихъ и иностранныхъ повременныхъ изданій. Въ отчетномъ году совѣтомъ общества были командированы: членъ общества М. А. Ростовцевъ на Дальній Востокъ, съ цѣлью обследованія условій по экспорту русскихъ товаровъ въ Манчжурію, Китай и Японію, и члены-сотрудники общества, горные инженеры А. А. Ма-

тисенъ и Г. Е. Коровкевичъ, въ Персію, для изученія на мѣстѣ условій торговли и торговыхъ путей. Въ февралѣ послѣдовало открытіе русской амбулаторіи общества востоковѣднія въ Тегеранѣ. Общество также принимало участие въ состоявшемся осенью съѣздѣ въ Хабаровскѣ. Общество имѣетъ девять провинціальныхъ отдѣленій: въ Астрахани, Тифлисѣ, Эривани, Асхабадѣ, Ташкентѣ, Бухарѣ, Рени, Благовѣщенскѣ и Портъ-Артурѣ. Сверхъ того въ ближайшемъ будущемъ предполагается открыть новыя отдѣленія во Владивостокѣ, Харбинѣ и Омскѣ. Наиболѣе живую дѣятельность въ отчетномъ году особенно проявили отдѣленія: ташкентское, асхабадское и благовѣщенское. Ташкентское отдѣленіе издавало свой особый періодическій органъ подъ заглавіемъ: «Извѣстія Ташкентскаго отдѣленія общества востоковѣднія», и продолжало курсы русскаго языка для туземцевъ, на которыхъ обучалось 222 взрослыхъ туземца, которымъ дано 4.357 полчасовыхъ уроковъ, а также недавно кружкомъ открыты курсы для женщинъ-туземокъ, въ возрастѣ отъ 6 до 27 лѣтъ. Асхабадское отдѣленіе обратило особенное вниманіе на веденіе курсовъ персидскаго и туркменскаго языковъ и туркменскаго обычнаго права. Посѣщало лекціи 40 человекъ. Отдѣленіе приступило къ изученію учебнаго туркменскаго языка. На 14-е мая общество имѣло въ своемъ распоряженіи 28.314 р. 7 коп. Затѣмъ, членъ общества В. Л. Комаровъ произнесъ рѣчь на тему: «Объ изученіи странъ Дальняго Востока», вызвавшую шумныя одобренія. Собраніе единогласно избрало почетнымъ членомъ общества ген.-лейт. Н. К. Шведова. На слѣдующее трехлѣтіе единогласно былъ выбранъ тотъ же предсѣдатель общества, ген.-лейт. Н. К. Шведовъ, товарищъ предсѣдателя, сенаторъ А. А. Мельниковъ, казначеемъ общества А. А. Хомбе и секретаремъ П. М. Кашинскій. Въ составъ совѣта вошли вновь избранные: В. Л. Комаровъ, А. М. Позднѣевъ и баронъ П. А. Раушъ-фонъ-Траубенбергъ. Въ составъ ревизіонной комиссіи избраны: В. Н. Бѣляевъ, В. В. Вешняковъ, С. П. Лебедевъ, И. И. Поплавскій, И. М. Литвиновъ и Е. А. Пасыпкинъ.

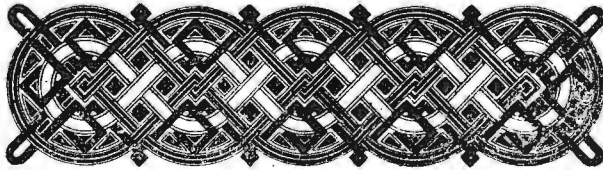
Географическое общество. 4-го мая Я. С. Эдельштейнъ сдѣлалъ сообщеніе о сѣверномъ Ляодунѣ, на который въ данное время обращено вниманіе всего міра. Несмотря на то, что страна густо населена и иррѣзана путями сообщенія, передвиженіе по Ляодуну крайне затруднительно. Дороги существуютъ давно, но состояніе ихъ самое отчаянное; мощенныя дороги вовсе неизвѣстны. Только передъ проѣздами какого нибудь знатнаго лица на дорогу для временнаго ремонта высылаются рабочіе. Горныя пути загромождены обломками скалъ, мосты самыя примитивныя, и то лишь, гдѣ рѣки узкія и глубокія, впрочемъ и въ такихъ мѣстахъ въ большинствѣ случаевъ мосты наводятся подъ осань. Средствами передвиженія здѣсь служатъ двухколесныя телѣги и тяжеловѣсныя и неуклюжія арбы, специально приспособленныя къ мѣстнымъ дорогамъ. Запрягается обыкновенно до семи лошадей, одна за другою, такъ что вся тяжесть ложится всегда на первую лошадь или мула. Въ виду такихъ неудобствъ на Ляодунѣ предпочитается путешествіе верхомъ. Пребываніе въ здѣшнихъ гостиницахъ тоже нисколько не привлекательно: масса насѣкомыхъ, сквозняки, жара, поднимающаяся снизу отъ трубъ, проходящихъ подъ поломъ, спертный, удупленный воздухъ и т. п., все это необходимая принадлежность мѣстныхъ гости-

ницъ. За Маньчжуріей установилась аттестация страны, кишащей хунхузами, страны, обитатели которой ненавидятъ «бѣлыхъ чертей». Это не совсѣмъ такъ. Само собою, туземцы не могутъ питать особенно нѣжныхъ чувствъ къ европейцамъ, но активную злобу они рѣдко проявляютъ. Не усѣете вы вѣхаться въ селеніе, какъ толпа окружаетъ васъ, слѣдить за вашими движеніями, засматриваетъ вамъ въ лицо, трогаетъ одежду; любопытство достигаетъ своего апогея, когда вы вынимаете записную книжку и начинаете что нибудь записывать. Все это впрочемъ было бы и въ нашихъ селеніяхъ, если бы туда явился китаецъ или японецъ. Охраннымъ листамъ, выдаваемымъ мѣстными властями, и стражѣ, васъ сопровождающей, не слѣдуетъ придавать особеннаго значенія: солдаты часто злоупотребляютъ именемъ путешественниковъ, грабятъ бѣдныхъ поселянъ, а при малѣйшей опасности сами бросаются въ бѣгство. Хорошіе переводчики здѣсь рѣдки. Маньчжурію посѣтило много путешественниковъ, но собственно сѣверный Ляодунъ до сихъ поръ остался въ сторонѣ отъ систематическихъ изслѣдованій. По устройству поверхности его можно раздѣлить на двѣ части: восточную, гористую, и западную равнинную, послѣдняя приурочена къ долинѣ нижняго теченія рѣки Ляо. Ширина долины на высотѣ Инкоу достигаетъ ста верстъ, къ сѣверу она суживается; долина эта считается житницей Маньчжуріи. Вблизи Мукдена отъ долины отдѣляется какъ бы губа, которая отходитъ на сѣверо-западъ и соединяется съ монгольской степью. На сѣверо-востокъ видны отроги горъ, на западъ степи. Горная область между рѣками Хунъ-хе и Тай-цзе-хе подраздѣляется собственно на три части, ниспадающая отъ простыхъ до болѣе сложныхъ системъ. Мѣстами видны красивые рельефы дорогъ, привѣтливые ландшафты. Дорога изъ Фын-хуанчена на Ляоянъ имѣетъ семь переваловъ. Во второй части своего сообщенія докладчикъ остановился на ископаемыхъ богатствахъ Ляодуна. Особенно распространены здѣсь золотыя россыпи, эксплуатируемыя съ давняго времени китайцами, но въ большинствѣ случаевъ хищническимъ способомъ. Многія изъ россыпей по р. Цай-хе въ сущности потеряли уже свою цѣнность и врядъ ли представляютъ какое либо будущее. Зато здѣсь совершенно не изслѣдованы золотоносныя жилы, достигающія иногда саженной толщи. Испорчены китайцами также и многія мѣсторожденія каменнаго угля, даже въ лучшихъ Яньтайскихъ копанияхъ, которыя стали разрабатываться со времени войны 1895 года. Дай-сунъ-шаньскіе желѣзные рудники имѣютъ большое значеніе— они поставляютъ руду на металлургическіе заводы въ селеніе Сай-ли-цзи, гдѣ и выработываютъ чугуны. Производство на этихъ заводахъ собственно кустарное, заводовъ всего три, и каждый выпускаетъ ежедневно до трехсотъ сошниковъ. Кромѣ золота, угля, желѣза, въ Ляодунѣ добывается серебро, цинковыя и мѣдныя руды, сѣра, мраморъ и азбестъ. Въ заключеніе докладчикъ остановился на общемъ характерѣ природы сѣвернаго Ляодуна. Восточная часть его густо населена и хорошо культивирована; не только долины, но и неудобныя горныя мѣстности заняты подъ пашню. Лѣсовъ нигдѣ не видно, они существовали лѣтъ сорокъ назадъ, и теперь ихъ замѣнили рощи и мелкіи кустарники. Въ срединѣ лѣта мѣстность имѣетъ красивый живописный видъ— роскошныя пестрыя травы придаютъ ей особенный колоритъ. Климатъ Ляо-

дуна достаточно извѣстенъ: лѣто здѣсь совѣмъ непродолжительно; къ томительнымъ жарамъ въ срединѣ юня прибавляются постоянные дожди, продолжающіеся до середины августа. Воздухъ насыщается сыростью, и движеніе становится почти невыносимымъ. Ноябрь, декабрь и январь стоитъ сухая и ясная погода; рѣпки проходятъ въ мартѣ. Въ общемъ впечатлѣніе Ляодунъ оставляетъ двойственное: съ одной стороны густо населенная и вполне культурованная мѣстность, съ другой ужасная грязь, съ которой положительно сжилося неприветливое населеніе.

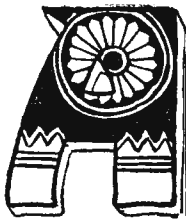
Къ поискамъ барона Толля. Лейтенантъ Колчакъ, недавно возвратившійся съ острововъ Беннетта, куда онъ былъ командированъ въ прошломъ году нашей академіей наукъ для розысковъ барона Толля, приходитъ къ печальнымъ заключеніямъ, что баронъ Толль погибъ безвозвратно въ Ледовитомъ морѣ. Онъ нашелъ его знакъ на мысѣ Эммы, на этомъ полярномъ островѣ, расположенномъ подь 78° сѣверной широты, гдѣ онъ оставилъ документы и указанія. Знакъ, обычный у всѣхъ полярныхъ путешественниковъ, еще заимствованный у нашихъ древнихъ мореплавателей-новгородцевъ,—куча камней съ воткнутымъ весломъ и въ ней бутылка съ документами. Одинъ документъ, вѣроятно, положенный, какъ только баронъ Толль высадился на этотъ мысъ съ своихъ байдарокъ съ спутниками, говорилъ о времени этой высадки 21-го юля 1902 года, а другой—заключалъ въ себѣ, вѣроятно, положенный уже послѣ, важный документъ: карту этого полярнаго острова съ указаніемъ избы барона Толля. Изба оказалась жалкой хижиной всего въ 8 футовъ въ діаметрѣ, къ тому же наполненной до потолка обледѣвшимъ уже снѣгомъ. Подъ снѣгомъ оказалась: куча камней, подъ камнями—фотографическій аппаратъ, геодезическіе инструменты и разные инструменты и приборы. Тутъ же нашли поломанную берданку-винтовку съ патронами и обрывки платья и обуви. Вотъ все, что осталось отъ временнаго жилья этого отважнаго путешественника на этомъ островѣ Беннетта, гдѣ онъ прожилъ, снимая его на планъ, изслѣдуя его во всѣхъ отношеніяхъ, съ 21-го юля по 25-е октября 1902 года, если исключить нѣсколько ящиковъ минералогической коллекціи, которую нашли дорогою къ мысу Эммы, бивень мамонта, брошенный, вѣроятно, за невозможностью взять съ собою на обратный путь въ байдаркахъ, и документъ, адресованный на имя президента академіи, въ которомъ было описано все путешествіе барона Толля. По этому документу установлена дата отправки барона Толля къ Новосибирскимъ островамъ, къ берегамъ Сибири; по этому документу видно, что составъ его экспедиціи остался тотъ же самый: онъ въ сообществѣ астронома Зеберга и четыре тунгуса. Да еще нашлись кости сѣверныхъ оленей, которыми питались тутъ путешественники, и которые какимъ-то чудомъ были, вѣроятно, занесены сюда полярными льдами и жили здѣсь, пока ихъ не выбили люди. Провизіи не нашлось нигдѣ, что позволяетъ заключить, что путешественники ушли отсюда, принуждаемые голодомъ, такъ какъ съ началомъ зимы и главнымъ образомъ началомъ полярной ночи, продолжающейся въ этихъ широтахъ болѣе трехъ мѣсяцевъ, имъ нечего было особенно надѣяться на добычу ружьемъ, когда кругомъ застываетъ море. Развѣ зашелъ бы сюда какой бродячій бѣлый медвѣдь, этотъ вѣчный пассажиръ полярныхъ льдовъ, встрѣчаю-

щійся тутъ и зимою во время бури. По документу, адресованному въ академію, видно, что у путешественниковъ не было провизіи даже на дорогу болѣе, какъ только на 14 сутокъ. Ясное дѣло, что они покинули этотъ островъ по горькой необходимости, потому что предвидѣли тутъ голодь. 26-е октября—это дѣйствительно рискованное время для отправки въ путешествіе даже по сплошнымъ льдамъ Ледовитаго моря. Въ это время, когда покидаеть полярныя страны надолго солнышко, и видна только часами его заря на мѣстѣ юга, начинаются бури, смерзанія льда, быстрыя перемѣны погоды... Самый ужасный періодъ полярной зимы, когда даже много южнѣе все живое прячется и старается не показываться изъ своихъ убѣжищъ. Таковъ же по погодѣ и слѣдующій ноябрь мѣсяць. Потомъ уже наступаютъ холодные, ясные дни съ сѣверными сияніями и лунныя, знаменующія настоящую зиму, ночи. Лейтенантъ Колчакъ увѣряеть, что путешественники не могли долго бороться съ своими байдарками, переплывая неизбежныя въ это время полыньи Ледовитаго моря; онъ говоритъ, что въ сильные холода ко дну лодокъ намерзаетъ столько льда, что онѣ неизбежно тонуть, и что, вѣроятно, переплывая полыньи, экспедиція барона Толля и утонула.

НЕКРОЛОГИ.

АЙКАНОВЪ, А. М. 20-го мая скончался отъ рака желудка лейбъ-медикъ высочайшаго двора, директоръ С.-Петербургской Маринской больницы для бѣдныхъ и Александринской женской, докторъ медицины, Артемій Михайловичъ Айкановъ. Родившійся въ 1848 г., по происхожденію изъ потомственныхъ дворянъ Рязанской губ., А. М. по окончаніи въ 1870 г. курса въ медико-хирургической академіи со степенью лѣкаря, началъ службу сверхштатнымъ младшимъ медицинскимъ чиновникомъ при медицинскомъ департаментѣ, въ 1878 г. былъ перевѣщенъ на вакансію младшаго ординатора при Маринской больницѣ, въ 1879 г. назначенъ директоромъ Московской школы патріотическаго общества, а въ слѣдующемъ году утвержденъ консультантомъ лѣчебницы для приходящихъ комитета для разбора и призрѣнія нищихъ. Въ 1889 г. защитилъ диссертацию о дѣйствиі питательныхъ веществъ и главнымъ образомъ бѣлковъ на туберкулезныхъ больныхъ. Въ этомъ же году назначенъ старшимъ врачомъ Маринской больницы. Въ 1890 г. командированъ за границу съ научною цѣлью, а въ 1891 г. по высочайшему повелѣнію А. М. былъ назначенъ сопровождать въ Алжиръ на слѣдника цесаревича. Въ 1896 г. произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и командированъ въ Аббасъ-Туманъ. Въ 1897 г. назначенъ врачомъ-консультантомъ по внутреннимъ болѣзнямъ при петербургскихъ учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ вѣдомства учрежденій императрицы Маріи. Въ 1898 г. пожалованъ въ почетные лейбъ-медики, а въ слѣдующемъ году въ лейбъ-медики двора его императорскаго величества. Въ 1900 г. назначенъ

директоромъ С.-Петербургской Маринской больницы для бѣдныхъ и Александринской женской, а также членомъ особаго врачебнаго совѣщанія вѣдомства учреждений императрицы Маріи. На время отъѣзда лейбъ-хирурга Павлова въ 1900 и 1902 г. исполнялъ обязанности инспектора по медицинской части. Въ 1902 г. на яхтѣ «Зарница» сопровождалъ за границу наследника цесаревича Михаила Александровича. Въ 1903 году былъ избранъ почетнымъ судьей Саножковского уѣзда. Несмотря на то, что покойный А. М. Айкановъ былъ очень занятъ административными дѣлами по управленію Маринской больницей, онъ часть своего времени посвящалъ ученымъ и благотворительнымъ обществамъ. Онъ состоялъ товарищемъ предсѣдателя медико-хирургическаго общества, предсѣдателемъ комитета по приему больныхъ въ санаторію «Халила», членомъ попечительства о бѣдныхъ при Маринской и Александринской больницахъ. Въ прошломъ году А. М. Айканову была произведена серіозная операція, послѣ которой онъ прожилъ еще одиннадцать мѣсяцевъ, будучи всегда на ногахъ, при дѣлѣ, не оставляя ни на минуту своего любимаго дѣтища—Маринской больницы. Три недѣли назадъ А. М. слегъ въ постель съ тѣмъ, чтобы больше не вставать. Тяжелый недугъ сломилъ неутомимую, энергичную натуру. (Некрологи его: «Новое Время», 1904 г., № 10135; «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 117; «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 257).

† **Алопеусъ, И. С.** 6-го юня послѣ продолжительной болѣзни въ Ораніенбаумѣ скончался на 81 году жизни одинъ изъ старѣйшихъ педагоговъ, бывшій директоръ императорскаго училища Правовѣдѣнія, сенаторъ, тайный совѣтникъ Иванъ Самойловичъ Алопеусъ. Непрерывная государственная служба покойнаго, большая часть которой была посвящена педагогической дѣятельности, продолжалась около 60-ти лѣтъ. И. С. родился въ 1823 г. Окончивъ курсъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, былъ выпущенъ въ офицеры, но въ виду выдающихся способностей былъ оставленъ для продолженія образованія. Окончивъ въ 1844 г. въ числѣ первыхъ курсъ въ старшемъ офицерскомъ классѣ, началъ службу въ л.-гв. 2-й артиллерійской бригадѣ, съ которой участвовалъ въ венгерскомъ походѣ. Вскорѣ по возвращеніи изъ похода И. С. былъ прикомандированъ къ императорскому училищу Правовѣдѣнія, въ которомъ непрерывно прослужилъ до 7-го ноября 1890 года. Сначала покойный былъ инспекторомъ въ училищѣ, а съ 1877 года—директоромъ. Занимая эту должность въ теченіе 13-ти лѣтъ, много потрудился на пользу училища и оставилъ по себѣ самыя лучшія воспоминанія среди сослуживцевъ и питомцевъ училища, судьбой котораго живо интересовался до послѣднихъ дней своей жизни. Въ 1890 г. былъ призванъ для присутствованія въ департаментѣ герольдіи правительствующаго сената. (Некрологи его: «Московскія Вѣдомости», 1904 г., № 158; «Новое Время», 1904 г., № 10135; «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 288).

† **Кн. Барятинскій, В. И.** 8-го мая скончался въ Римѣ послѣ долголѣтней болѣзни, на 81 году отъ рожденія, одинъ изъ послѣднихъ севастопольцевъ, князь Викторъ Ивановичъ Барятинскій. Князь В. И. родился въ 1823 г. въ родовомъ имѣніи князей Барятинскихъ, селѣ Ивановскомъ, Курской губерніи. Онъ на второмъ году жизни лишился отца. Благодаря попеченіямъ своей матери и

старшаго брата, князя Александра Ивановича (впослѣдствіи фельдмаршала), князь В. И. получилъ основательное, вполне классическое образованіе и затѣмъ, окончивъ въ 1841 г. курсъ С.-Петербургскаго университета, поступилъ по собственному желанію на морскую службу и вскорѣ мичманомъ поступилъ въ Черноморскій флотъ, находившійся тогда въ апогеѣ славы, подъ командованіемъ незабвеннаго адмирала М. П. Лазарева. Князь В. И. вскорѣ приобрѣлъ репутацію отличнаго паруснаго офицера и обратилъ на себя вниманіе нашихъ великихъ адмираловъ—Лазарева, Корнилова, Нахимова и другихъ. Живя въ Севастополѣ, а позднѣе въ Греціи, во время заграничнаго плаванія, князь посвящалъ свободное отъ службы время и свои средства археологическимъ изысканіямъ и первый сталъ производить раскопки Херсонеса Таврическаго, давшія впослѣдствіи такую обильную жатву, а въ Аѳинахъ онъ первый опредѣлилъ въ точности мѣсто, гдѣ долженъ былъ находиться у подножія Акрополя театръ Діонисія. Только уходъ его судна изъ Греціи помѣшалъ ему дорыться до той глубины, гдѣ впослѣдствіи дѣйствительно и былъ найденъ этотъ театръ знаменитымъ археологомъ Шлиманомъ. Театръ этотъ является теперь одной изъ достопримѣчательностей Аѳинъ. Вернувшись въ Севастополь, князь В. И. обзавелся собственной большой яхтой. Яхта эта, парусная шкуна въ 160 тоннъ, «Ольвія», была выстроена въ Николаевѣ по чертежамъ и подъ присмотромъ самого адмирала Лазарева. Въ числѣ отборной команды яхты, командиромъ которой былъ самъ князь Барятинскій, находился знаменитый матросъ Кошка, прославившійся во время осады Севастополя. Передъ началомъ Крымской войны адмиралъ Корниловъ взялъ къ себѣ во флагъ-офицеры князя В. И. Ему такимъ образомъ пришлось быть съ Корниловымъ на пароходѣ «Одесса», погнавшемся за турецкимъ пароходомъ «Гайфъ», и по этой причинѣ посѣвшемъ только къ самому концу Синопскаго боя. Пришлось ему быть и на пароходѣ-фрегатѣ «Владимиръ» во время славнаго боя этого парохода съ турецкимъ пароходомъ «Первозъ-Бахре», сдавшимся въ плѣнъ. Въ Синопѣ, наблюдая догораніе турецкаго флота съ балкона флагманскаго корабля «Императрица Марія», Нахимовъ поручилъ князю В. И. нарисовать представлявшійся эффектный видъ, и этотъ рисунокъ послужилъ Айвазовскому канвой для писанія картины Синопскаго боя, висящей въ Зимнемъ дворцѣ. Объ этомъ случаѣ и о нѣкоторыхъ другихъ эпохи войны рассказалъ самъ князь В. И. въ статьѣ, напечатанной въ газетѣ «Крымскій Вѣстникъ» 3-го декабря 1888 г. Сколько помнится, это единственное попавшее въ печать произведеніе пера князя В. И. Впослѣдствіи онъ сталъ записывать свои воспоминанія, и надо надѣяться, что нѣкоторыя изъ нихъ будутъ изданы. Написаны они слогомъ яснымъ и живымъ, съ сердечностью и подчасъ съ тонкимъ присущимъ ему юморомъ. 8-го сентября 1854 г. покойный князь, посланный изъ Севастополя съ порученіемъ отъ Корнилова, находился въ свитѣ князя Меньшикова во время Альминскаго сраженія и затѣмъ въ Севастополѣ во время первой бомбардировки. 5-го октября исполнять порученія Корнилова, въ этотъ же день сраженнаго ядромъ на Малаховомъ курганѣ. По кончинѣ Корнилова его взялъ къ себѣ на ту же должность П. С. Нахимовъ, и онъ оставался въ Севастополѣ почти все время осады, и тутъ же по кончинѣ Нахимова, заболѣвъ тяжело

тифомъ, князь былъ вывезенъ изъ Севастополя для излѣченія болѣзни. Послѣ паденія Севастополя осенью 1855 г. онъ женился на М. А. Бугеновой, дочери известнаго дипломата, и получилъ въ командованіе батареи въ Николаевѣ. По заключеніи мира, за уничтоженіемъ любимаго имъ Черноморскаго флота, князь вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана 1-го ранга и съ тѣхъ поръ проживалъ въ Одессѣ и въ своемъ любимомъ курскомъ помѣстьѣ селѣ Груновкѣ (Суджанскаго уѣзда), гдѣ много трудился надъ его устройствомъ и украшеніемъ. Живя въ уѣздѣ, онъ ревностно занимался общественными дѣлами въ качествѣ почетнаго мирового судьи и земскаго гласнаго. Послѣднія 12 лѣтъ князь В. И. провелъ почти безвыѣздно за границей, преимущественно въ Римѣ, нуждаясь въ тепломъ климатѣ вслѣдствіе разстроеннаго здоровья. (Некрологъ его: «Новое Время», 1904 г., № 10145).

† **Н. И. Бобриковъ.** Въ ночь на 4-е июня, въ 1 часъ 7 минутъ, тихо отошелъ въ вѣчность финляндскій генераль-губернаторъ и командующій войсками финляндскаго военнаго округа, генераль-адъютантъ Николай Ивановичъ Бобриковъ. Честный и стойкій охранитель русскихъ государственныхъ интересовъ на нашей ближайшей къ столицѣ окраинѣ палъ, какъ воинъ на своемъ посту, пораженный тремя пулями. Одна изъ нихъ была смертельна, и быстро поданная медицинская помощь оказалась безсильной. Энергичнаго государственнаго дѣятеля, съ такою твердостью стремившагося къ освобожденію кореннаго финскаго народа отъ пагубнаго вліянія шведомановъ, къ сліянію Финляндіи съ Россіей,—не стало. Заботясь о нуждахъ Финляндіи, Н. И. Бобриковъ за время своего шестилѣтняго управленія этой окраиной всю свою выдающуюся энергію направилъ на дѣло народнаго благосостоянія и народнаго просвѣщенія. Благодаря ему, въ мѣстныхъ школахъ введенъ финскій языкъ, вмѣсто чуждаго населенію шведскаго, улучшены пути сообщенія, расширена сѣть желѣзныхъ дорогъ и разработанъ сложный проектъ соединенія финляндскихъ дорогъ съ обще-русскою сѣтью. Въ теченіе этихъ шести лѣтъ Н. И. Бобриковъ былъ энергичнымъ и точнымъ исполнителемъ воли государя императора, выраженной въ словахъ высочайшаго рескрипта, даннаго на его имя 17-го августа 1898 года при назначеніи на постъ финляндскаго генераль-губернатора: «Высоко цѣня вашу опытность и многообразныя дарованія, нынѣ Я избралъ васъ финляндскимъ генераль-губернаторомъ и командующимъ войсками финляндскаго военнаго округа. Въвѣряя непосредственнымъ попеченію и заботамъ вашимъ благосостояніе и процвѣтаніе этого близкаго Моему сердцу края, Я питаю увѣренность, что, неизмѣнно руководствуясь данными Мною указаціями, исполненіе новыхъ обязанностей вашихъ, какъ высшаго представителя государственной власти въ семъ краѣ, одушевлено будетъ стремленіемъ къ послѣдовательному вкорененію въ сознаніи мѣстнаго населенія всей важности для блага Финляндскаго края тѣснѣйшаго единенія его съ общимъ для всѣхъ вѣрноподанныхъ отечествомъ». Н. И. въ полной мѣрѣ оправдалъ монаршее довѣріе: дѣятельность его въ Финляндіи дала весьма серьезные результаты, въ смыслѣ столь необходимаго осуществленія въ краѣ русской политической программы. Финляндскіе сепаратисты потеряли свои позиціи, и политическая агитація стала утихать. Благоразумная и законопослушная большая часть

населенія находила твердую поддержку въ представителяхъ верховной власти въ великомъ княжествѣ. Многое было сдѣлано Н. И., но многое еще оставалось сдѣлать. Монаршія предначертанія, руководившія искусною дѣятельностью трагически погибшаго финляндскаго генераль-губернатора, ясно указывали путь, по которому должно было итти. Злодѣяніе, совершенное 3-го іюня съномъ сенатора Шаумана, воочію свидѣтельствуеть, что политическія страсти въ Финляндіи еще не улеглись, и что успокоеніе края еще не закончено. Безвременная кончина постигла Н. И. на 66-мъ году жизни: онъ родился 15-го января 1839 года, получилъ образованіе въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, началъ службу корнетомъ въ одномъ изъ кавалерійскихъ гвардейскихъ полковъ. Затѣмъ поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, въ которой блестяще кончилъ курсъ по первому разряду. По окончаніи академіи занималъ штабныя должности, былъ старшимъ адъютантомъ штаба с.-петербургскаго военного округа, начальникомъ штабовъ мѣстныхъ войскъ и дивизій. Въ 1876 г. назначенъ состоять для особыхъ порученій при августѣйшемъ главнокомандующемъ войсками гвардіи и Петербургскаго военного округа великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ Старшемъ. Великій князь быстро оцѣнилъ способности и обширныя знанія покойнаго, и уже въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ помощникомъ начальника штаба войскъ гвардіи и Петербургскаго военного округа. Съ этого времени дѣятельность Н. И. въ теченіе двадцати лѣтъ была всецѣло посвящена заботамъ о боевой готовности войскъ гвардіи и Петербургскаго округа и о нуждахъ офицерскихъ и нижнихъ чиновъ. Въ 1878 г. онъ былъ произведенъ въ генераль-майоры съ назначеніемъ въ свиту его величества, въ 1884 г. назначенъ начальникомъ штаба войскъ гвардіи и Петербургскаго военного округа и въ теченіе пятнадцати лѣтъ былъ ближайшимъ помощникомъ его императорскаго высочества великаго князя Владимира Александровича по командованію войсками гвардіи и Петербургскаго округа. Эта его продолжительная служба позволила ему шире и обстоятельнѣе выдвинуть свои административныя дарованія, умъ, многосторонній тактъ и опытность. Затѣмъ, въ званіи члена военнаго совѣта, Н. И. принялъ участіе въ дѣлахъ этого высшаго военно-административнаго и хозяйственнаго управленія. 17-го августа 1898 года покойный былъ назначенъ финляндскимъ генераль-губернаторомъ и командующимъ войсками Финляндскаго военного округа. Выше пятилѣтнее управленіе Финляндіей показало, что Н. И. свято исполнялъ и проводилъ въ жизнь монаршія предначертанія и съ высоты престола находилъ ободряющую оцѣнку своего ревностнаго служенія царю и отечеству: въ 1900 году онъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта, а черезъ два года награжденъ орденомъ св. Владимира 1-ой степени. Безъ преувеличенія можно сказать, что съ именемъ покойнаго Н. И. связана новая эра въ исторіи управленія финляндской окраиной. Преобразование финляндскаго сената, новый порядокъ составленія всеподданнѣйшихъ отчетовъ по управленію края, новыя правила объ отбываніи финляндцами воинской повинности, введеніе русскаго языка въ дѣлопроизводство какъ сената, такъ и другихъ правительственныхъ финляндскихъ учрежденій, новыя программы преподаванія въ классическихъ и реальныхъ лицеяхъ Финляндіи, рас-

формированіе финляндскаго кадетскаго корпуса и упраздненіе состоявшихъ при немъ курсовъ для обученія вольноопредѣляющихся, введеніе преподаванія русскаго языка въ финскихъ начальныхъ школахъ, измѣненіе и дополненіе дѣйствующихъ въ Финляндіи законовъ о печати, основаніе «Финляндской Газеты», перваго въ краѣ правительственнаго органа печати на русскомъ языкѣ, съ еженедѣльнымъ приложеніемъ на финскомъ, заботы объ улучшеніи положенія безземельнаго населенія (торшарей) въ Финляндіи, новое постановленіе о правѣ русскихъ подданныхъ приобретать въ великомъ княжествѣ недвижимое имущество, отмѣна притѣсненій въ краѣ русскихъ кочевыхъ торговцевъ, открытіе въ Гельсингфорсѣ отдѣленія государственнаго банка, проектъ объединенія финляндскихъ желѣзныхъ дорогъ съ имперскими — вотъ неполный перечень главнѣйшихъ мѣропріятій, исполненныхъ по почину покойнаго энергичнаго финляндскаго генераль-губернатора. Вѣрноподданное финское населеніе великаго княжества находило въ Н. И. заботливаго, гуманнаго начальника, что такъ ярко сказалось въ неурожайный для многихъ мѣстностей Финляндіи 1901 годъ, когда при дѣятельномъ участіи покойнаго Н. И. и его супруги была облегчена участь многихъ тысячъ голодавшихъ финновъ; непокорная же, враждебная русскому государю и Россіи партія шведомановъ встрѣчала въ Н. И. непреклоннаго противника. Будущій безпристрастный историкъ нашей финляндской окраины, оцѣнивая плодотворное почти шестилѣтнее управленіе покойнымъ Финляндіей, несомнѣнно признаетъ, что доблестно погибшій на своемъ посту генераль-губернаторъ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей, однимъ изъ крупныхъ государственныхъ умовъ, однимъ изъ талантливѣйшихъ сподвижниковъ императора Николая II. (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 128; «Новое Время», 1904 г., № 10150; «Финляндская Газета», 1904 г., № 87; «Виржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 152; «Московскія Вѣдомости», 1904 г., № 153; «Новости Дня», 1894 г., № 7543; «Варшавскій Дневникъ», 1904 г., № 157; «Котлякъ», 1904, № 125; «Русское Слово», 1904 г., № 155; «Харьковскій Листокъ», 1904 г., № 1448; «Саратовскій Дневникъ», 1904 г., № 120; «Нижегородскій Листокъ», 1904 г., № 154 и другіе).

† **Большевъ, А. А.** 24-го мая скончался отъ паралича сердца 76 лѣтъ отъ роду начальникъ картографическаго заведенія военно-топографическаго отдѣла главнаго штаба, генераль-майоръ, Андрей Александровичъ Большевъ. Покойный происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ Новгородской губерніи, образованіе получилъ въ школѣ топографовъ роты военно-топографическаго депо, преобразованной впослѣдствіи въ топографическое училище. Съ 1844 года по 1854 годъ, состоя топографомъ 2 класса, находился на съемкахъ въ окрестностяхъ Петербурга — въ Петергофѣ, Александринѣ, и на триангуляціи Тверской губерніи. Въ 1854 г. произведенъ въ прапорщики корпуса топографовъ. Какъ молодой и дѣльный топографъ, А. А. обратилъ на себя вниманіе начальства участіемъ въ составленіи карты турецко-персидской границы. Въ 1867 году назначенъ старшимъ оберъ-офицеромъ при военно-топографическомъ отдѣлѣ главнаго штаба. Въ 1877 году утвержденъ редакторомъ картъ при главномъ штабѣ, а черезъ двадцать лѣтъ назначенъ начальникомъ

картографическаго заведенія, въ каковой должности оставался до конца жизни. Покойный былъ большимъ знатокомъ Востока и пользовался широкою известностью, какъ составитель картъ Азии и въ особенности Маньчжурии и нашихъ владѣній на Дальнемъ Востоку. Многие наши известные путешественники, какъ-то: Пржевальскій, братья Грумъ-Гржимайло, Леонтьевъ, и многие иностранцы часто обращались за совѣтомъ къ А. А. Боршевцу и получали отъ него весьма важныя въ путешествіи указанія. За свои научныя труды А. А. былъ удостоенъ Русскимъ географическимъ обществомъ большой золотой медали, а французская академія наукъ за содѣйствіе его французскимъ путешественникамъ въ Россіи наградила почетнымъ знакомъ академіи. Несмотря на преклонный возрастъ, покойный пользовался завиднымъ здоровьемъ, и смерть его явилась неожиданностью для всѣхъ окружающихъ. (Некрологи его: «Новое Время», 1904 г., № 10140, и «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 265).

† Васмундъ, Г. Р. 30-го мая въ Бернѣ скончался начальникъ штаба войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, генералъ-лейтенантъ Георгій Робертовичъ Васмундъ. Въ лицѣ покойнаго сошелъ въ могилу боевой генералъ, принимавшій дѣятельное участіе въ русско-турецкой войнѣ 1877—1878 годовъ. Г. Р. началъ кампанію въ званіи адъютанта при его императорскомъ высочествѣ великомъ князѣ Владимірѣ Александровичѣ, затѣмъ съ 24-го октября 1877 года командовалъ л.-гв. 1-мъ стрѣлковымъ его величества батальономъ, входившимъ въ составъ отряда генерала Рауха. Во главѣ полка Г. Р. участвовалъ во многихъ дѣлахъ съ непріателемъ. Его боевыя заслуги отмѣчены Георгіевскимъ крестомъ 4 ст., орденами св. Владимира 3 ст. и св. Анны 2 ст., оба съ мечами и золотымъ оружіемъ. Особенно памятно его участіе въ дѣлѣ подъ Кады-Кіюй и при занятіи Правецкой позиціи. Будучи тогда полковникомъ, Г. Р. показалъ на практикѣ важное значеніе тактическаго искусства. Благодаря его умѣлой распорядительности, л.-гв. первый стрѣлковый батальонъ при каждомъ боѣ искусно пользовался мѣстностью, охватывалъ непріятеля и зачастую бросался въ штыки. Побѣды батальона сопровождались незначительными потерями. Во главѣ л.-гв. 1-го стрѣлковаго батальона Г. Р. находился до 1890 года, когда былъ назначенъ командиромъ л.-гв. Измайловскаго полка. Измайловцами онъ командовалъ три года, при чемъ въ послѣдніе два года командовалъ одновременно второй бригадой первой гвардейской дивизіи. Затѣмъ послѣдовательно командовалъ первой бригадой той же дивизіи, состоялъ въ распоряженіи августѣйшаго главнокомандующаго войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, былъ начальникомъ гвардейской стрѣлковой бригады и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ начальникомъ первой гвардейской пѣхотной дивизіи. Съ назначеніемъ генералъ-адъютанта Н. И. Бобрікова финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ Васмундъ былъ назначенъ начальникомъ штаба гвардіи и Петербургскаго военнаго округа. Будучи однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ великаго князя Владимира Александровича, Г. Р. энергично заботился въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ о боевой готовности гвардейскихъ войскъ. Г. Р. родился 25-го декабря 1840 года. Общее образованіе получилъ въ Рихеллевскомъ лицѣѣ и въ Московскомъ университетѣ. По оконча-

чави курса кандидатомъ математическихъ наукъ поступилъ въ Константиновское военное училище, а оттуда перешелъ въ Михайловскую артиллерійскую академію, въ которой кончилъ курсъ по первому разряду. Подпоручикомъ принялъ участіе въ усмирении польскаго мятежа и за отличіе получилъ орденъ св. Станислава 3 ст. съ мечами и бантомъ. Онъ оставилъ по себѣ славную память храбраго и образцоваго офицера. Часы своего досуга Г. Р. съ любовью посвящалъ географическимъ и астрономическимъ занятіямъ и внимательно слѣдилъ за новостями въ области этихъ знаній. Въ 1890-хъ годахъ онъ былъ избранъ въ почетные старосты Кубанскаго казачьяго войска, которымъ послѣдовательно командовали его дѣдъ и отецъ. (Некрологи его. «Новое Время», 1904 г., № 10146; «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 125; «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 276).

† **Горемыкинъ, А. Д.** 8 іюня скончался членъ государственнаго совѣта, генераль отъ инфантеріи, Александръ Дмитріевичъ Горемыкинъ, бывшій иркутскій генераль-губернаторъ. Покойный принадлежалъ къ числу видныхъ русскихъ администраторовъ. Происходя изъ древняго дворянскаго рода, онъ получилъ общее и военное образованіе въ Аракчеевскомъ и первомъ кадетскихъ корпусахъ. Началъ службу въ Кексгольмскомъ гренадерскомъ полку, но вскорѣ перевелся въ л.-гв. Егерскій полкъ и во время крымской кампаніи находился въ составѣ войскъ, охранявшихъ берега Эстляндіи. Затѣмъ поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, въ которой кончилъ курсъ по первому разряду, и былъ старшимъ адъютантомъ и штабъ-офицеромъ при штабѣ отдѣльнаго гренадерскаго корпуса для исполненія порученій по части генеральнаго штаба. Будучи причисленъ въ 1864 г. къ инспекторскому департаменту военнаго министерства, командированъ въ томъ же году въ распоряженіе намѣстника царства Польскаго, гр. Ѳ. Ѳ. Берга. Эта командировка выдвинула административныя способности покойнаго и измѣнила, правда, ненадолго и направленіе его службы. По усмирении польскаго мятежа гр. Ѳ. Ѳ. Бергомъ былъ предпринятъ, какъ извѣстно, цѣлый рядъ преобразованій съ цѣлью объединенія царства Польскаго съ имперіей. Однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ исполнителей порученій гр. Берга явился полковникъ Горемыкинъ. Онъ много поработалъ по крестьянскому дѣлу въ царствѣ Польскомъ, былъ предсѣдателемъ варшавской и пултусской комиссій по крестьянскимъ дѣламъ и явился горячимъ сторонникомъ надѣловъ безземельныхъ крестьянъ. Двухлѣтняя работа покойнаго въ царствѣ Польскомъ выдвинула его въ 1866 г. на постъ подольскаго губернатора. Послѣ недолгаго управленія Подольской губерніей А. Д. былъ назначенъ начальникомъ штаба одесскаго военнаго округа и произведенъ въ генераль-майоры. До своего назначенія на постъ иркутскаго генераль-губернатора покойный былъ начальникомъ 15 пѣхотной дивизіи и во время русско-турецкой войны начальникомъ отдѣла войскъ по охраненію сѣверо-западной части черноморскаго побережья. Въ качествѣ начальника дивизіи онъ энергично заботился о боевой готовности ввѣренныхъ ему войсковыхъ частей и объ упорядоченіи дивизионнаго хозяйства. Въ 1884 году руководилъ общей корпусной полевой поѣздкой строевыхъ офицеровъ 8 армейскаго корпуса, произведенной отъ Кишинева на Яссы. Съ 1889 г. въ теченіе один-

надцати лѣтъ занималъ постъ иркутскаго генераль-губернатора. На его долю выпала сложная и отвѣтственная задача упорядоченія Восточной Сибири въ административномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Эту задачу онъ выполнялъ съ свойственнымъ ему умѣньемъ и тактомъ, заботясь о проведеніи новыхъ дорогъ, бытъ переселенцевъ и народномъ просвѣщеніи этой обширной окраины. При немъ началось проведеніе Великаго Сибирскаго пути, были урегулированы золотоносные прииски и приняты мѣры къ правильной и возможно широкой эксплуатациі лѣсныхъ, рыбныхъ и земельныхъ богатствъ. Съ 1900 г. А. Д. принималъ участіе въ дѣятельности государственнаго совѣта. За ревностную и усердную службу А. Д. получилъ всѣ русскіе ордена до ордена св. Владимира 1 ст. включительно. Умеръ онъ на 73 году жизни. (Некрологи его: «Новое Время», 1904 г., № 10154; «Южная Россія», 1904 г., № 149; «Екатерининскій Листокъ», 1904 г., № 276; «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 132, и «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 291).

† **Дубровинъ, Н. Ѳ.** 12-го іюня скончался ординарный академикъ императорской академіи наукъ и непремѣнный секретарь той же академіи, почетный членъ Михайловской артиллерійской академіи, сверхштатный членъ комитета главнаго штаба, числившійся по полевой пѣшей артиллеріи, генераль-лейтенантъ, Николай Ѳеодоровичъ Дубровинъ. Покойный пользовался обширною извѣстностью, какъ русскій историкъ, и оставилъ послѣ себя много весьма цѣнныхъ трудовъ, въ большинствѣ случаевъ составленныхъ на основаніи неизвѣстныхъ до него архивныхъ данныхъ. Н. Ѳ. любовно занимался разборомъ архивныхъ рукописей, съ замѣчательнымъ умѣньемъ систематизировалъ ихъ и создавалъ изъ нихъ цѣлый рядъ картинъ русскаго историческаго прошлаго. Особенно его интересовали эпохи Отечественной войны, Крымской кампаніи, покоренія Кавказа и административная дѣятельность русскихъ государственныхъ учреждений первой половины XVIII вѣка. Родился онъ въ 1837 году. Происходитъ изъ дворянъ Исковской губерніи, первоначально образованіе покойный получилъ въ Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда въ 1853 году былъ переведенъ въ Константиновскій кадетскій корпусъ (впослѣдствіи 2-е военное Константиновское училище), въ 1856 году выпущенъ прапорщикомъ въ конно-артиллерійскую № 21 батарею съ прикомандированіемъ къ Михайловской артиллерійской академіи. По окончаніи курса академіи, Н. Ѳ. былъ прикомандированъ л.-гв. къ 1-й артиллерійской бригадѣ, куда переведенъ въ 1859 году прапорщикомъ и въ томъ же году назначенъ завѣдывающимъ письменной частью офицерской дивизионной школы при штабѣ гвардейской артиллеріи. Въ 1862 году Н. Ѳ. былъ назначенъ п. д. штабнаго адъютанта штаба артиллеріи отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, а въ 1864 году—старшимъ адъютантомъ Петербургскаго окружнаго артиллерійскаго управленія. Произведенный въ 1868 году въ полковники, Николай Ѳеодоровичъ въ слѣдующемъ году былъ прикомандированъ къ главному штабу, съ зачисленіемъ по гвардейской пѣшей артиллеріи. Съ этого времени и до конца дней своихъ покойный Николай Ѳеодоровичъ посвятилъ себя трудамъ по военной исторіи, доставившимъ ему широкую извѣстность. За свой трудъ «Закавказье въ 1803—1806 гг.» онъ былъ всемилостивѣйше пожалованъ бриліантовымъ перстнемъ, за составленіе «Исторіи войны и владычества рус-

скихъ на Кавказѣ» награжденъ орденомъ св. Владимира 4-й степени. Въ 1878 году Н. Ѳ. былъ произведенъ въ генераль-майоры, съ зачисленіемъ по полевой пѣшей артиллеріи и съ оставленіемъ прикомандированія къ главному штабу, въ 1882 году назначенъ сверхштатнымъ членомъ военно-учебнаго комитета главнаго штаба, а черезъ пять лѣтъ (въ 1887 г.) высочайшимъ приказомъ по министерству народнаго просвѣщенія утвержденъ адъюнктомъ императорской академіи наукъ по русской исторіи съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности по военному вѣдомству. Произведенный въ 1888 году въ генераль-лейтенанты, онъ въ 1890 г. высочайшимъ приказомъ по министерству народнаго просвѣщенія былъ утвержденъ экстраординарнымъ академикомъ императорской академіи наукъ по исторіи и древностямъ россійскимъ, а черезъ три года—утвержденъ непремѣннымъ секретаремъ той же академіи, съ оставленіемъ во всѣхъ занимаемыхъ имъ должностяхъ и званіяхъ. Въ 1895 г. Николай Ѳеодоровичъ былъ назначенъ почетнымъ членомъ конференціи Михайловской артиллерійской академіи, въ 1900 году—ординарнымъ академикомъ императорской академіи наукъ и 1-го мая 1903 года—сверхштатнымъ членомъ комитета главнаго штаба, съ оставленіемъ во всѣхъ занимаемыхъ должностяхъ и званіяхъ. Последней наградой покойнаго былъ орденъ Бѣлаго Орла. Кончина Николая Ѳеодоровича—громкая утрата въ дѣлѣ изученія нашей военной исторіи и большое горе для всѣхъ лицъ, знавшихъ этого высокообразованнаго, привѣтливаго и доброжелательнаго человѣка, долго и плодотворно трудившагося на пользу русскаго военнаго дѣла. Болѣе подробныя свѣдѣнія о жизни и ученыхъ трудахъ Николая Ѳеодоровича будутъ даны въ августовской книгѣ нашего журнала (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 136; «Новое Время», 1904 г., № 10158; «Русскій Инвалидъ», 1904 г., № 129; «Московскія Вѣдомости», 1904 г., № 162; «Русскія Вѣдомости», 1904 г., № 165; «Рижскія Вѣдомости», 1904 г., № 144 и др.).

† **Невзоровъ, Н. К.** 31-го мая скоропостижно скончался отъ кровоизліянія въ мозгъ директоръ с.-петербургской 7-й гимназіи, Николай Кесаревичъ Невзоровъ. Н. К., сынъ священника Костромской губерніи, родился въ 1848 году, образованіе получилъ въ Казанской духовной академіи, курсъ которой окончилъ со степенью кандидата богословскихъ наукъ. По полученіи въ Казанскомъ университетѣ званія учителя русскаго языка, сталъ преподавать этотъ предметъ въ учительскомъ институтѣ и въ реальномъ училищѣ въ Казани. Въ 1886 году былъ переведенъ въ 3-ю с.-петербургскую гимназію инспекторомъ и преподавателемъ русскаго языка въ старшихъ классахъ и, кромѣ того, преподавалъ въ Аннинской школѣ. Въ 1897 году назначенъ директоромъ въ Седьмую гимназію и преподавателемъ русскаго языка въ младшихъ классахъ. Съ 1888 года состоялъ членомъ учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ, принималъ участіе во многихъ комиссіяхъ по разработкѣ программъ средне-учебныхъ заведеній, былъ членомъ общества школьныхъ дачъ, Педагогическаго общества и предсѣдателемъ общества вспомошествованія нуждающимся ученикамъ седьмой гимназіи. Свободное время отъ административныхъ дѣлъ Н. К. посвящалъ литературнымъ занятіямъ. Ему принадлежатъ нѣсколько печатныхъ работъ преимущественно по исторіи литературы и педагогикѣ: «Руководящія типы и

воспитательный элементъ въ произведеніяхъ русской литературы послѣ Го-голя», «Норвежскіе педагоги о воспитаніи», «Къ біографіи А. С. Пушкина» (матеріалы изъ архивовъ и другихъ малоизвѣстныхъ источниковъ), «И. С. Тургеневъ и его послѣднія произведенія: «Стихотворенія въ прозѣ» и «Клара Миличъ» (публичная лекція) и многіе другіе. Покойнымъ между прочимъ было разрѣшено мальчикамъ второго убѣжища, обучающимся мастерству у разныхъ мастеровъ Песковъ, пользоваться въ лѣтнее время гимназическимъ садомъ для своихъ развлеченій, а въ зимнее время по праздничнымъ днямъ, по инициативѣ Н. К., ученикамъ преподавалась физика, естественная исторія, рисованіе. (Некрологи его: «Новое Время», 1904 г., № 10147, и «Виржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 278).

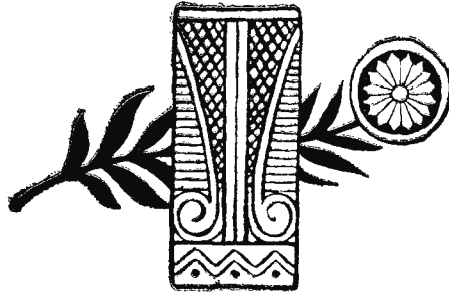
† **Невревъ, Н. В.** 3-го мая въ имѣніи Лысковщина близъ станціи Толочинъ московско-брестской желѣзной дороги скончался извѣстный художникъ, академикъ Николай Васильевичъ Невревъ. Покойный составилъ себѣ извѣстность главнымъ образомъ своими историческими картинами. Онъ родился въ 1830 году, образованіе получилъ въ московскомъ училищѣ живописи, ваянія и зодчества и по окончаніи курса награжденъ званіемъ свободнаго художника. Живя постоянно въ Москвѣ, Н. В. писалъ вначалѣ портреты, затѣмъ сцены изъ русскаго народнаго быта и наконецъ съ половины семидесятыхъ годовъ сталъ брать для своихъ картинъ сюжеты преимущественно изъ отечественной исторіи. По части жанра главными его произведеніями могутъ быть названы: «Панихида на сельскомъ кладбищѣ», «Протоіаковъ, провозглашающій на купеческихъ именинахъ многолѣтіе», «Изъ недавняго прошлаго», «Наслѣдство послѣ чиновника», «Странникъ въ купеческой семьѣ», «Воевода» (изъ поэмы Мицкевича), «Двѣ подруги», «Раздѣлъ по наслѣдству» (находится въ Третьяковской галлерей) и «Сватовство» (тамъ же). Въ числѣ историческихъ картинъ покойнаго художника наиболѣе извѣстны слѣдующія: «Князь Романъ Галицкій и панскіе послы», «Димитрій Самозванецъ у Вишневецкаго» (въ Третьяковской галлерей), «Представленіе Ксеніи Годуновой Лжедимитрію», «Захаръ Лянуновъ и Василій Шуйскій», «Патріархъ Никонъ передъ судомъ» и «Ярославъ Мудрый, отправляющій свою дочь Анну въ замужество къ французскому королю Генриху I». (Некрологъ его: «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 106).

† **Пржездецкая, А. Г.** Въ Симферополѣ получено извѣстіе о смерти на Дальнемъ Востокѣ очень симпатичной поэтессы А. Г. Пржездецкой, писавшей подъ псевдонимомъ Георгіевой. Скончалась она въ Харбинѣ, куда занесла ее любовь къ страждущимъ и обремененнымъ. Женщина, матеріально вполне обеспеченная, покойная А. Г., съ возникновеніемъ войны, поступила въ сестры милосердія и вмѣстѣ съ мужемъ уѣхала въ Маньчжурію. Потрудившись на кровавой нивѣ около двухъ мѣсяцевъ, писательница заболѣла тифомъ, и въ нѣсколько дней ея не стало. Стихотворенія Георгіевой печатались, по преимуществу, въ «Живописномъ Обзорѣніи» и «Журналѣ для всѣхъ». Не отличаясь красотой формъ и мѣткостью выраженій, они подкупали теплымъ чувствомъ состраданія къ униженнымъ и оскорбленнымъ. Прозаическія вещицы Георгіевой изрѣдка появлялись на столбцахъ мѣстныхъ газетъ. (Некрологъ ея: «Новости Дня», 1904 г., № 7545).

† **Пятковский, А. П.** Скончался Александр Петрович Пятковский, редактор-издатель журнала «Наблюдатель». Покойный родился в 1840 году и, окончив курс в Петербургском университете по юридическому факультету, сначала служил, а затем всецело отдался литературно-издательской деятельности. Александр Петрович помогал статьи свои еще в «Современникъ», потом сотрудничал в «Отечественныхъ Запискахъ» и «Дѣлѣ» (гдѣ писалъ фельетоны подъ псевдонимомъ Мизантропова), съ 1882 года издавалъ ежемѣсячный журналъ «Наблюдатель». Въ первое десятилѣтіе своего существованія журналъ Пятковского привлекъ довольно выдающіяся писательскія силы, носилъ вполнѣ литературный характеръ и пользовался значительнымъ успѣхомъ, тѣмъ болѣе, что по прекращеніи въ 1884 г. «Отечественныхъ Записокъ» подписчики этого журнала были удовлетворены нумерами «Наблюдателя», или, употребляя специальный терминъ, «передавы» молодому изданію. Во второе десятилѣтіе существованія журналъ сталъ падать и послѣдніе годы влчилъ печальное существованіе литературнаго полу-мертвеца. Пятковский былъ боленъ, даже, уѣзжая лѣчиться за границу, на время совѣмъ прекращалъ выпускъ книжекъ. Это регрессированіе журнала выразилось съ одной стороны упадкомъ его литературнаго достоинства, постепеннымъ исчезновеніемъ со страницъ его сколько нибудь извѣстныхъ именъ, а съ другой—развитіемъ все большей нетерпимости къ еврейству, которая, наконецъ, приняла какой-то болѣзненный характеръ даже не антисемитизма, а панической боязни еврейскаго нашествія. Собственные труды покойнаго сосредоточены въ двухъ сборникахъ статей: «Живые вопросы» (Сиб., 1870) и «Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія» (Сиб., 1876 г., 2-е изд. 1887г.). Кроме того, имъ написана біографія князя Одоевскаго. (Некрологи его: «Новое Время», 1904 г., № 10132; «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 115, и «Впржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 251).

† **Умиковъ, П. І.** Въ Тифлисѣ скончался послѣ непродолжительной болѣзни, около 65 лѣтъ отъ роду, грузинскій писатель и общественный дѣятель Петръ Іосифовичъ Умиковъ. Покойный долго состоялъ преподавателемъ грузинскаго языка въ 1-й тифлисской мужской гимназій и нѣкоторыхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Тифлисѣ въ 1860—1880 годахъ. Но главная заслуга его заключается въ томъ, что онъ былъ неутомимымъ собирателемъ памятниковъ грузинской старины. Имъ собраны и изданы грузинскія пословицы, отредактированы первыя изданія сборниковъ извѣстныхъ грузинскихъ поэтовъ: Дав. Гурамишвили, Ал. Чавчавадзе, Ник. Бараташвили, Гр. Орбелиани и др. Имъ же было потрачено много труда надъ нѣкоторыми другими изданіями, выпущенными обществомъ распространенія грамотности среди грузинъ. По возобновленіи постояннаго грузинскаго театра въ 1870—1880 гг. покойный принималъ горячее участіе въ созданіи новаго репертуара, переводилъ и передѣлывалъ пьесы, писалъ оригинальныя комедіи, завѣдывалъ бібліотекой и реквизитомъ и пр. Свои воспоминанія о возобновленіи постояннаго грузинскаго театра покойный печаталъ осенью 1899 г. въ газетѣ «Иверія», по случаю исполнившагося 20-лѣтія новаго грузинскаго театра, и эти воспоминанія по справедливости признаются самыми правдивыми. Изъ написанныхъ покойнымъ

шесть наибольший успѣхъ имѣла комедія, пзображавшая зарожденіе грузинскаго театра при бывшемъ намѣстникѣ кавказскомъ, кн. Воронцовѣ. Въ пьесѣ изображены всѣ представители тогдашняго бомонда, принимавшіе участіе въ первыхъ грузинскихъ спектакляхъ. Покойный одно время издавалъ на грузинскомъ языкѣ «Сельскую Газету», а также принималъ участіе во всѣхъ грузинскихъ періодическихъ изданіяхъ за послѣднія 40 лѣтъ: «Дрозба», «Иверія», «Кребули», «Моамбе» и пр. Въ своихъ публицистическихъ статьяхъ П. I. горячо призывалъ современниковъ къ самодѣятельности, безкорыстной службѣ обществу, солидарности, уваженію чужой личности и пр. Покойный былъ истымъ шестидесятикомъ и бодрость духа сохранялъ до конца дней своихъ. Послѣ покойнаго осталась богатая библіотека со множествомъ старыхъ грузинскихъ рукописей. Желательно, чтобъ общество распространенія грамотности среди грузинъ приобрьло эту библіотеку и тѣмъ спасло ее отъ обычной у насъ участи всѣхъ такихъ книгохранилицъ. (Некрологъ его: «Сѣверный Кавказъ», 1904 г., № 66).

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ**, **Саратовѣ** и **Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЗИТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

АВГУСТЪ, 1904 Г.

СОДЕРЖАНІЕ.

АВГУСТЪ, 1904 г.

	СТРАН.
I. Передъ разгромомъ. (Эпизодъ изъ семейной хроникки). XX—XXIII. (Продолженіе). Н. Н. Мердеръ	353
II. Изъ записокъ дѣда. (Таинственные люди и таинственныя явленія). II. (Окончаніе). И. И. Васнина	395
III. Последній изъ «мопиканъ». (Очеркъ). Бориса Корженевскаго	427
IV. Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи императора Александра I). Гл. XI. (Продолженіе). Н. И. Фалѣева	470
V. Въ горахъ Ала-тау. (Изъ исторіи бунта Кенисары Касымова, 1813—1817 г.г.). Я. Полферова	486
VI. Изъ воспоминаній поэтовъ-крестьянъ о русскихъ писателяхъ. (Новыя данныя для біографій И. С. Тургенева, Л. А. Мея, Л. Н. Толстого и Ф. И. Буслая). А. И. Яцимирскаго	503
VII. И. К. Айвазовскій въ Θεодосіи. (1886—1897 г.г.). Ю. А. Галабутикаго	525
Иллюстраціи: 1) Домъ Айвазовскаго въ Θεодосіи.—2) Картинная галлея Айвазовскаго.	
VIII. Къ біографіи архіепископа херсонскаго и одесскаго Никанора. А. А. Зеленецкаго	537
IX. Учено-литературная дѣятельность Н. Ф. Дубровина. В. Е. Рудакова	543
иллюстрація: Николай Федоровичъ Дубровинъ.	
X. Бытовые очерки прошлаго. И. С. Вѣляева	553
XI. Иванъ Семеновичъ Державинъ. (1755—1826). Владимира Боброва	570
XII. Симензъ. А. И. Фирсова	576
Иллюстраціи: 1) Симензъ. Пансіонъ Чорна и пляжъ.—2) Симензъ. Деревня и видъ на Яйлу.—3) Симензъ. Хрустальный дворецъ (горѣвшій).—4) Симензъ. Скалы «Дѣва» и «Монахъ».—5) Симензъ. Домъ управляющаго и экономическія постройки.	
XIII. Нарвская старина. (Къ 200-лѣтію взятія Нарвы Петромъ Великимъ). А. В. Петрова	587
Иллюстраціи: 1) Ивангородъ. (По современной фотографіи).—2) Ливонскій замокъ.—3) Спасо-Преображенскій соборъ.—4) Магистратъ, биржа и памятникъ Петру Великому.—5) Взятіе Нарвы 9-го августа 1704 г. (Съ картины Коцебу).—6) Дворецъ Петра Великаго.—7) Памятникъ Петру Великому на «Большомъ» островѣ на рѣкѣ Наровѣ.—8) Могила русскихъ воиновъ, павшихъ на Нарвскихъ поляхъ въ 1700 году.—9) Могила русскихъ воиновъ, павшихъ при взятіи Нарвы 9-го августа 1704 года.	
XIV. Бракъ и разводъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. (Соціологическій очеркъ). Гл. I—VI. Е. Н. Матросова	607
XV. Памяти А. П. Чехова. (17-го января 1860—2-го іюля 1904 г.). И. Павлова	625
иллюстрація: Антоновъ Павловичъ Чеховъ.	
XVI. Критика и бібліографія	634
1) Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи царствованія императора Петра Великаго. Собралъ Е. Шмурло, профессоръ Юрьевскаго университета. Томъ I. 1695—1700. Юрьевъ. 1903 г. П.—ва.—2) Изъ первыхъ лѣтъ Каланскаго университета (1804—1819). Разсказы по архивнымъ документамъ Н. Булича. Часть первая. Изданіе 2-е. СПб. 1904. Б. г.—цага.—3) Профессоръ В. И. Модестовъ. Введеніе въ римскую исторію. Вопросы до-	

(См. слѣд. стран.).

исторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. Ч. I-я с 35 фототипическими таблицами. Ч. II-я с 7 фототипическими таблицами и 54 рисунками в текст. Спб. 1904. А. М. Ловыгина. — 4) И. И. Замотинъ. Романтизм двадцатых годов XIX столѣтія въ русской литературѣ. Варшава. 1903. — Н. К. Козминъ. Очерки по исторіи русскаго романтизма. Спб. 1903. Я. Ав—ва. — 5) Библиотека для самообразования. В. Ф. Икономовъ. Наканунъ реформъ Петра Великаго. Москва. 1904. В. Грибовскаго. — 6) Къ свѣту. Научно-литературный сборникъ, подъ редакціей Е. П. Лѣтковой и Ю. Д. Батушкова. Спб. 1904. н. л. — 7) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при Московскомъ университетѣ. 1904 годъ. Книга I. М. 1904. А. Я. — 8) По поводу отпаденія графа Льва Николаевича Толстого. Сборникъ статей «Миссіонерскаго Обозрѣнія». Изданіе В. М. Скворцова, второе (дополненное). Спб. 1904. А. Ев—ва. — 9) I. Ивановъ. Культъ Перуна у южныхъ славянъ. Спб. 1903. А. Я. — 10) И. А. Линниченко. Грамоты галицкаго князя Льва и значеніе подложныхъ документовъ, какъ историческихъ источниковъ. Спб. 1904. А. Я. — 11) Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Выпускъ I. Спб. 1903. — В. В. Каллашъ. Puschkiniana. Матеріалы и изслѣдованія объ А. С. Пушкинѣ. Кіевъ. 1903. п. щ. — 12) А. А. Стаховичъ. Ключи воспоминаній. М. 1904. М. О. Си—вичка. — 13) Д. В. Ульяновскій. Среди книгъ и ихъ друзей. Часть первая. I. Изъ воспоминаній и замѣтокъ библиофила. II. Русскія книжныя росписи XVIII вѣка (библиографическій обзоръ). М. 1903. И. Александрова. — 14) Л. Шепелевичъ. «Донъ-Кихотъ» Сервантеса. Опытъ литературной монографіи (томъ II-й сочиненія: «Жизнь Сервантеса и его произведенія», 1901 г.). Съ портретомъ Сервантеса и приложеніями. Спб. 1903. А. Ев—ва. — 15) Н. Ф. Арешевъ. Первый облачный археологическій съездъ въ Россіи. Спб. 1904. В. Грибовскаго. — 16) Alexander Brückner. Dzieje literatury polskiej w zagranic. Два тома. Warszawa. 1903; А. Я. — 17) Ст. В. Смоленскій. О ближайшихъ практическихъ задачахъ и научныхъ разысканіяхъ въ области русской церковно-правческой археологіи. Спб. 1904. А. Я. — 18) Полное собраніе сочиненій В. Г. Вѣдлинскаго въ двѣнадцать томахъ подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Томъ VII. Спб. 1904. п. щ. — 19) А. Г. Максимовъ. Описание періодическихъ изданій XIX вѣка. «Осеніе вечера» 1803 года и «Журналъ для мильхъ» 1804 года. Историко-библиографическое изслѣдованіе. Спб. 1904. щ. — 20) В. Бартольдъ. Историко-географическій обзоръ Ирана. Спб. 1903. п. п. — 21) Дѣйствія Нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Журналы и доклады. Засѣданія LVIII—LXVIII, съ 25-го мая 1901 года по 2 марта 1903 года, и журналъ экстреннаго засѣданія 27-го апрѣля 1903 года, въ память А. С. Гацискаго. Нижній Новгородъ. 1904. щ. — 22) Миръ искусства. Художественный иллюстрированный журналъ. Издатель—С. П. Дягилевъ; редакторы—С. П. Дягилевъ. Александръ Бенуа. Выпускъ четвертый. Спб. 1904. п. Павлова. — 23) Профессоръ Евгений Бобровъ. Изъ исторіи жизни и поэзіи А. И. Далежаева. (Съ приложеніемъ двухъ портретовъ). Варшава. 1904. п. щ. — 24) А. М. Лобода. Русскія быданы о сватовствѣ. Кіевъ. 1904. А. Я. — 25) Сергій Мечъ. Швеція и Норвегія. Москва. 1904. н. ф. — 26) В. Н. Васкаковъ. Походы 1809 года Наполеона въ Германіи и Австріи. Книга I. Спб. 1904. н. л—ва. — 27) Путникъ (Н. Лендеръ). Черное море и Кавказъ. Съ рисунками художника А. В. Ганзена. Изданіе 2-е, значительно дополненное. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1904. н. Юрьина. — 28) Михаилъ Тамарашвили. Histoire du catholicisme en Georgie avec les documents justificatifs du XIII-e au XX siècle. 1903. А. хах—ва. — 29) Дешевая Иллюстрированная Библиотека. Изданіе Н. П. Дучинскаго. Спб. 1904. г.

XVII. Заграничныя историческія новости и мелочи 685

1) Новые труды Эрнеста Додэ.—2) Столѣтіе присоединенія Луизианы къ Америкѣ.—3) Юбилей Кобдена.—4) Историческія воспоминанія Джованни Висконти Веноста. — 5) Письма о франко-нѣмецкой войнѣ. — 6) Последній представитель англійской школы философовъ.—7) Сборникъ мелкихъ произведеній Ренана.—8) Смерть президента Брюгера.

XVIII. Смѣсь 706

1) Памятникъ Н. П. Гилярову-Платонову.—2) Памятникъ столицы.—3) Этнографическая поездка.—4) Музыкально-этнографическая комиссія.

XIX. Некрологи 709

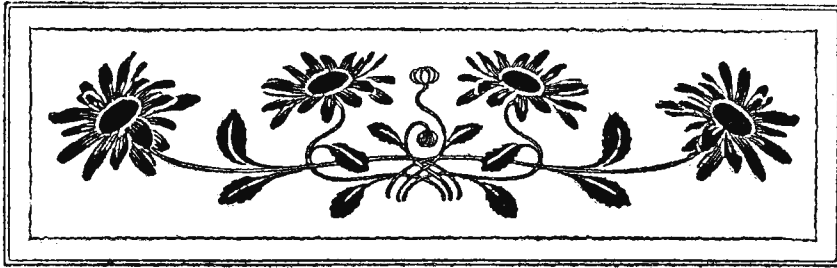
1) Ивановъ, Н. А.—2) Левѣева, Е. И.—3) Масловскій, И. Ф.—4) Медвѣдевъ, Л. М.—5) Мельницкій, В. П.—6) Мосоловъ, А. Н.—7) Обручевъ, Н. П.—Хрущовъ, И. П.

XX. Замѣтки и поправки 720

Поправка къ статьѣ Б. Б. Глинскаго: «А. С. Хомяковъ передъ судомъ потомства».

XXI. Объявленія.

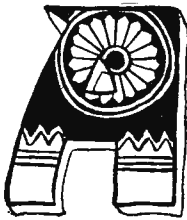
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Ивана Константиновича Айвазовскаго.—2) Черная месса. (La messe noire). Историческій романъ Г. Легъ. Переводъ съ французскаго. (Окончаніе). Гл. XXVII—XXVIII и эпилогъ.

ПЕРЕДЪ РАЗГРОМОМЪ ¹⁾.

(Эпизодъ изъ семейной хроники).

XX.

ВЪ ТОТЪ же день утромъ вотъ что происходило во дворцѣ русскаго посла.

День былъ жаркій, и всѣ жалюзи у оконъ, выходящихъ на площадь, были спущены, а самая площадь, какъ и прилегающія къ ней улицы, была пуста, но въ комнатахъ, отведенныхъ подъ канцелярію, работа кипѣла, а во дворѣ курьеръ, окруженный провожатыми и толпою любопытныхъ, не пропускавшихъ случая лишній разъ поглазѣть на знакомое зрѣлище, хлопоталъ у телѣжки, въ которую впрягали лошадей, чтобы везти его въ дальній путь.

На башнѣ ближайшаго костела пробило двѣнадцать, и приемъ у посла кончился. Большая зала съ хорами, гдѣ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ толпились люди всякаго званія и состоянія, опустѣла, и князь Николай Васильевичъ удалился въ кабинетъ. Тутъ, растянувшись на широкой турецкой софѣ, онъ на просторѣ перебиралъ въ памяти просьбы, требованія, доносы, жалобы и инсинуаціи, которыми его осыпали въ продолженіе двухъ часовъ.

Всегда были для него мучительны приемные часы въ этомъ краѣ, но съ тѣхъ поръ, какъ поднялась проклятая сумятица по

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVII, стр. 5.
«Истор. вѣстн.», августъ, 1904 г., т. ХCVII.

случаю избранія пословъ на конфедерацію, на которую возлагали такія великія упованія въ Петербургѣ, у него такъ развинтились нервы отъ интригъ, подвоховъ и предательства, которые надо было угадывать, распутывать и обличать, что съ каждымъ днемъ въ душѣ его усиливалось убѣжденіе, что у него не хватитъ силъ довести до конца возложенную на него задачу.

«Не выдержишь, не выдержишь, надо отдохнуть»,—твердилъ ему внутренній голосъ, въ то время, какъ передъ его глазами продолжали мелькать лица съ умоляющими, вызывающими и даже угрожающими взглядами, обращающіяся къ нему, одно за другимъ, въ это утро.

Были тутъ и смиренные монахи и почтеннаго вида ксендзы, терпѣливые и настойчивые; отъ нихъ было очень трудно отвязаться и заставить ихъ понять бессмысленность ихъ требованій, такъ же трудно, какъ и отъ надменныхъ величественныхъ прелатовъ и епископовъ, съ велерѣчивыми разглагольствованіями и нагло настойчивыми взглядами. Приставали къ нему и знатныя дамы, нарядныя и кокетливыя, а также всякая мелкота, вопившая о помощи и защитѣ. Были тутъ и русскіе люди, православные священники въ заплатанныхъ и порыжѣвшихъ рясахъ, исключенные и забытые, съ отчаяньемъ въ глазахъ, умолявшіе о заступничествѣ, о поддержкѣ родной православной вѣры, угнетаемой и унижаемой хозяевами страны, чванными представителями Божественнаго Учителя, въ шелкахъ и бархатѣ, были тутъ и представители отъ русскихъ крестьянъ, въ рубищахъ, однимъ своимъ изможденнымъ видомъ, безъ словъ свидѣтельствовавшіе о безвыходности положенія...

На письменномъ столѣ возвышалась высокая куча прошеній, докладовъ, жалобъ, доносовъ...

Послѣднихъ было особенно много, и при одной мысли объ ихъ разборѣ и разслѣдованіяхъ у русскаго посла горечь подступала къ горлу.

Нѣтъ, нѣтъ, пора отдохнуть, пора бросить этотъ край и пожить наконецъ для себя, для своего личнаго счастья... У государыни преданныхъ слугъ много, пусть поручитъ другому начатое имъ дѣло, а онъ покинетъ эту ужасную страну, гдѣ для посвященнаго, какъ онъ, во всѣ гнусныя тайны закулисной ея жизни, отъ всего смердитъ, какъ отъ разлагающагося трупа... Смердитъ и отъ чванныхъ, надувающихся пустыми пузырями магнатовъ, барахтающихся въ тинѣ разврата и интригъ, не способныхъ ничего желать, видѣть, слышать и понимать, кромѣ минутныхъ наслажденій, и отъ глупо фуфырящейся шляхты, слѣпо лѣзущей на гибель и на разореніе, смердитъ и отъ превратившагося въ скотовъ народа и отъ жалкаго короля, олицетворенія безсилія, коварства, лицемерія...

Одни только представители Рима бодры, свѣжи, богаты, полны энергіи и силъ... на зло и растленіе пасомаго ими стада.

Нѣтъ, нѣтъ, скорѣе прочь отсюда!

Силы его, какъ душевныя, такъ и тѣлесныя, ослабѣваютъ въ томительной, непосильной борьбѣ. Все чаще и чаще его осаждаютъ припадки безпомощнаго отчаянія, и если бы не Изабелла, жизнь давно потеряла бы для него всякій смыслъ. Только одна любовь къ ней и поддерживаетъ его. Но какими нестерпимыми муками сопровождается эта любовь!

Сегодня подтвердился слухъ о примиреніи Чарторижскихъ съ Четвертинскими и Масальскими, заядлѣйшими вождями коалиціи противъ короля, т.-е. противъ русской партіи. Первые шаги уже сдѣланы и встрѣчены благосклонно княземъ Адамомъ, ея мужемъ!

Этого только не доставало! Не дальше, какъ третьяго дня, былъ у него долгій разговоръ съ этимъ снисходительнымъ супругомъ, и этотъ культивированный и полированный европеецъ увѣрялъ его честью, что всѣми силами старается исполнить желанія русской императрицы, вполне сознавая справедливость ея требованій. Онъ утверждалъ, что уравниеніе правъ диссидентовъ и православныхъ съ католиками ничего, кромѣ пользы для страны, не принесетъ. Тайносно понижая голосъ и не опуская глазъ передъ пронизательнымъ взглядомъ русскаго посла, онъ клялся честью, что радъ отъ души способствовать сокращенію могущества представителей Рима. «Повѣрьте, князь, что мнѣ лучше, чѣмъ кому либо, извѣстны ихъ гнусный обскурантизмъ, ихъ алчность и коварство. Не даромъ же я въ дружбѣ съ такими свѣтилами философіи, какъ Вольтеръ, Руссо, Даламберъ, упрекать меня въ фанатизмъ никто не можетъ», повторялъ онъ, съ жаромъ ударяя себя въ грудь.

Давно ли это было? А сегодня ему настойчиво доказываютъ, что и «фамилія», облагодѣтельствованная Россіей, близка къ тому, чтобы стать во главѣ враждебной королю партіи, и что необходимо принять мѣры и противъ Чарторижскихъ...

Который разъ обманываютъ его эти люди! Ея фамилія! Сколько разъ жертвовалъ онъ громадными суммами и, рискуя всей своей будущностью, вымаливалъ имъ прощеніе! Чѣмъ только не жертвовалъ онъ, чтобъ вызвать улыбку на ея губахъ, и сколько разъ императрица спасала его отъ разоренія и отъ окончательнаго разрыва съ семьей, справедливо возмущавшейся его преступнымъ увлеченіемъ полькой, замужней женщиной, матерью четырехъ дѣтей! Въ какую мрачную и глубокую бездну влечетъ его эта роковая страсть къ иностранкѣ, къ дочери, матери, сестрѣ и женѣ враговъ Россіи! Онъ знаетъ, что его преступная слабость хорошо извѣстна государынѣ. При послѣднемъ свиданіи съ нимъ, она просила его опомниться, вспомнить про супругу и про дѣтей, побе-

речь себя для отечества... Да, она просила! Она, повелѣвающая милліонами русскихъ людей, она сказала: «Прошу тебя, Николай Васильевичъ, пожалѣй твою Наталью Александровну и побереги себя для меня и для родины!» Слова эти проникли до глубины его сердца, и онъ былъ вполне искрененъ, когда, со слезами цѣлуя ея руку, отвѣчалъ, что она будетъ имъ довольна... А, вернувшись сюда, опять ослабѣлъ, и при первомъ взглядѣ на чародѣйку все было забыто, клятвы, обѣщанія, зароки, и опять все пошло по-прежнему: за нѣсколько минутъ блаженства—цѣлые часы мукъ и волненій! Не можетъ онъ отрѣшиться отъ мысли, что и она находится въ числѣ его предателей! Слишкомъ много узъ связываетъ ее съ этими людьми, слишкомъ много у нея съ ними общаго, кровнаго, роднаго. Не можетъ она забыть, что польская корона чуть было не опустилась на ея голову черезъ ея мужа! Но зато помнить она также и то, какъ ее втолкнули въ спальню короля, чтобы «фамиліи» удобнѣе вертѣть его величествомъ... Отъ короля она перешла въ объятія русскаго посла и увѣряетъ его въ любви... И онъ не можетъ не вѣрить ей, не въ силахъ, какъ не въ силахъ жить безъ дыханія... Но всего хуже то, что онъ не попытается разорвать своихъ цѣпей даже и въ такомъ случаѣ, если убѣдится, что она и въ этомъ его обманываетъ, какъ и во всемъ прочемъ. Да, онъ можетъ лишиться себя жизни, но разлюбить ее не можетъ. И она это знаетъ. Съ каждымъ днемъ убѣждается онъ все больше и больше, что въ ея душѣ царить и всегда будетъ царить для него непроницаемая тьма, полная непостижимыхъ противорѣчій и загадочныхъ чувствъ и стремленій, въ которыхъ и сама она мечется, какъ слѣпая, повинуваясь чужой волѣ, которая ведетъ ее по невѣдомому ей пути къ невѣдомой цѣли.

Иногда ему кажется, что и сама она изнемогаетъ подъ гнетомъ нравственнаго насилія, которому ее подвергаютъ, что и сама она рада была бы вырваться изъ опутывающихъ ее сѣтей, и тогда онъ очень счастливъ, мечтаетъ, какъ юноша, съ бьющимся отъ радостной надежды сердцемъ.

— У тебя даже и предлога нѣтъ оскорблять меня подозрѣніями, вѣдь я здѣсь пришла и отъ здѣшнихъ, кромѣ оскорбленій и безчестія, ничего не вижу,—сказала она ему однажды со слезами на глазахъ.

Правда, фамилія Флеминговъ не польскаго происхожденія, и, можетъ быть, фанатической любви къ Польшѣ у нея нѣтъ, но она—покорная дочь римской церкви, и многочисленная свора черныхъ людей обоого пола, наполняющая ея дворецъ и слѣдящая за каждымъ ея движеніемъ и словомъ, читая ея чувства и мысли на ея лицѣ, не только днемъ, но и ночью, черезъ близкихъ къ ней женщинъ, прислушивающихся къ ея вздохамъ и сонному бреду,—свора эта не дастъ ей уклониться отъ служенія таинственнымъ

цѣлямъ, и при первомъ пробужденіи въ ней самостоятельности оповѣститъ объ опасныхъ симптомахъ руководителя ея совѣстью, важнаго прелата, великаго мастера выворачивать наизнанку души и заставлятъ ихъ обнажать передъ нимъ малѣйшіе зародыши чувствъ, сомнѣній и проблесковъ мышленія... Онъ такъ искусно выжметъ изъ ея души волю, приведетъ въ такое пассивное состояніе все ея существо, что она превратится въ живой трупъ въ его опытныхъ и безжалостныхъ рукахъ.

Князь слишкомъ долго жилъ за границей въ католическихъ земляхъ, чтобы не знать вліянія католическаго духовенства на женщинъ, и часто, въ минуты величайшаго любовнаго упоенія, счастье его отравлялось мыслью, что, можетъ быть, то сокровенное, что происходитъ между нимъ и его возлюбленной въ эти минуты, безумныя слова, срывающіяся съ губъ отъ избытка чувствъ, страстные поцѣлуи, все, все будетъ передано до малѣйшихъ, интимнѣйшихъ подробностей хитрому итальянцу, прелату Фасту, и доблестный, страшный своею храбростью врагамъ отечества герой не могъ безъ содроганія встрѣчаться съ этимъ всемогущимъ надъ женскими душами человѣкомъ и невольно избѣгалъ его пытливаго, пронизательнаго взгляда, въ которомъ онъ читалъ ему ироническое торжество.

Но зло это было такъ неизбѣжно, что съ нимъ волей-неволей приходилось мириться; князь зналъ, что нѣтъ католички безъ духовника и безъ руководителя ея совѣсти, и что чѣмъ выше стоитъ она въ общественномъ положеніи, чѣмъ красивѣе и обаятельнѣе, тѣмъ сильнѣе духомъ, талантливѣе, ревнивѣе и усерднѣе ея духовные вожди. Все это ему было извѣстно, но онъ былъ такъ одурманенъ страстью, что, самъ себѣ не вѣря, ласкалъ себя надеждой вырвать ее изъ заколдованнаго круга, въ которомъ она безпомощно билась, чтобы увести ее въ такой край, гдѣ нѣтъ ни духовниковъ, ни руководителей совѣстью, ни монаховъ, ни ксендзовъ. Любимѣйшей его мечтой было выпросить у своей монархини назначеніе посломъ въ какую нибудь протестантскую страну, гдѣ его Изабеллу оставили бы въ покоѣ черные люди, и гдѣ она возродилась бы къ новой жизни подъ благотворнымъ вліяніемъ его любви и душевнаго спокойствія... О, какъ усердно служилъ бы онъ Россіи, въ лицѣ государыни, за такую милость!

Изабеллѣ все это извѣстно, тысячу разъ дѣлился онъ съ нею своими мечтами и завѣтнѣйшими желаніями, описывалъ ей свои мученія, свои жертвы, умолялъ ее вполне ему отдаться, всею душой и сердцемъ, вѣрить, что нѣтъ такого мѣста на земномъ шарѣ, гдѣ онъ былъ бы съ нею несчастливъ и гдѣ не посвящалъ бы ей каждой минуты своей жизни, но она колеблется, ее пугаетъ неизвѣстность... Какъ будто въ самой неизвѣстности съ любимымъ человѣкомъ нѣтъ обаянія! И точно можетъ быть въ будущемъ

хуже, чѣмъ въ настоящемъ! И точно, кромѣ любви, не связываетъ ихъ существо, обязанное имъ жизнью, вырвать которое изъ тлѣтворной среды ихъ долгъ!

Она колеблется, а онъ не колеблясь рискуетъ выгодами родины и своихъ единовѣрцевъ въ ожиданіи ея рѣшенія!..

Надо этому положить предѣлъ. Сегодня же поѣдетъ онъ къ ней и не съ однѣми только любовными рѣчами, а съ доказательствами новаго предательства ея мужа. Она, можетъ быть, прозрѣетъ и увидитъ, для какихъ презрѣнныхъ и продажныхъ душъ она жертвуетъ его счастьемъ, его спокойствіемъ, его любовью...

Размышленія эти были прерваны появленіемъ камердинера съ докладомъ о новомъ посѣтителѣ.

— Кто такой?— съ раздраженіемъ спросилъ князь.

— Русскій офицеръ. Убѣдительно проситъ ваше сіятельство его принять. Говоритъ, что ваше сіятельство изволите его знать.

— Почему не пришелъ въ пріемный часъ?

— У нихъ конфиденціальное дѣло до вашего сіятельства.

— «Охъ, ужъ мнѣ эти конфиденціальныя дѣла!»— съ тоскою подумалъ русскій посоль. — Да какъ его зовутъ? — прибавилъ онъ вслухъ.

— Я спрашивалъ, не пожелали сказать. Письмо подали, можетъ, въ немъ есть, — объявилъ камердинеръ, подавая запечатанный конвертъ.

«Корнетъ гвардіи Владимиръ Грабининъ, имѣлъ честь быть представленнымъ его сіятельству, князю Николаю Васильевичу Репнину, графомъ Михаиломъ Иларіоновичемъ Воронцовымъ, убѣдительно проситъ секретной аудіенціи»,—прочиталъ князь, распечатавъ конвертъ.

Отъ внезапнаго наплыва пріятныхъ воспоминаній лицо его просвѣтлѣло.

— Приси,—приказалъ онъ, поднимаясь съ дивана и застегивая сюртукъ.

Радужнѣйшимъ образомъ готовился онъ встрѣтить молодого соотечественника, котораго такъ горячо рекомендовалъ ему графъ Воронцовъ, какъ сына покойнаго пріятели и достойнаго участія молодого человѣка, и съ улыбкой обратился онъ къ двери, растворившейся передъ посѣтителемъ, но при первомъ взглядѣ на взволнованное лицо молодого человѣка, на его блѣдность и растерянность князь понялъ, что надъ нимъ стряслась большая бѣда, изъ которой русскому послу придется, безъ сомнѣнія, его выручать съ большой доукой и непріятными хлопотами, и мысль эта не только заставила улыбку слетѣть съ его губъ, но и опустить протянутую руку, не пожавъ руки посѣтителя.

— Чѣмъ могу служить вамъ, сударь? — спросилъ онъ съ холодною вѣжливостью, когда дверь затворилась, и они остались вдвоемъ.

— Ваше сіятельство! Я къ вамъ за помощью... за совѣтомъ... за спасеніемъ!—проговорилъ Грабининъ прерывающимся отъ волненія голосомъ и съ растеряннымъ взглядомъ.—Если вы откажетесь намъ помочь, мы погибли!

— «Ишь, вѣдь, какъ набѣдокурилъ, юнецъ! Вляпался вѣрно въ какую нибудь опасную интригу черезъ женщину, или проигрался въ пухъ»,—замелькало въ умѣ князя въ то время, какъ онъ повторилъ съ официальною холодною обычную фразу:—чѣмъ же я вамъ могу быть полезенъ, сударь?

— Я вамъ долженъ во всемъ сознаться, ваше сіятельство, я долженъ вполнѣ довѣриться вашей чести, вашему сердцу, не какъ русскому послу только, но и какъ русскому дворянину, какъ человеку, которому довѣряютъ такія личности, какъ благодѣтель мой, графъ Михайлъ Иларіоновичъ, я безъ утайки открою вамъ мою тайну... другого исхода у насъ нѣтъ...

— Попали вѣрно въ дурную компанію?—рѣшилъ помочь ему приступить къ исповѣди князь, невольно поддаваясь чувству симпатіи къ непомнившему себя отъ отчаянія красавцу.—Забыли вѣрно, что намъ, русскимъ, нужна большая осторожность въ этой странѣ, гдѣ все намъ враждебно? Вы вѣрно забыли, что здѣсь никому довѣряться нельзя, особенно женщинамъ? Разорить человека, обыграть его въ карты или въ пьяномъ видѣ заставить его подписать опасные документы имъ ничего не стоитъ, даже когда дѣло касается ихъ собственныхъ братьевъ, а утопить москаля они считаютъ доблестью.

— Ваше сіятельство, къ моей бѣдѣ ни одинъ полякъ не причастенъ. Въ карты я не играю, и съ тѣхъ поръ, какъ выѣхалъ изъ Петербурга, мнѣ было не до пьянства и не до кутежей.

— Но что же у васъ за бѣда, и чѣмъ я вамъ могу помочь? Садитесь, рассказывайте.

И, опустившись на диванъ, онъ указалъ Грабинину на кресло востлѣ себя.

Грабининъ началъ рассказывать все, что съ нимъ случилось со дня пріѣзда въ Воробьевку и до той минуты, когда, похитивъ Елену, онъ узналъ, что Аратовъ превратилъ свою жену въ живую покойницу.

Говорилъ онъ долго, безпрестанно отклоняясь отъ фактовъ, чтобъ останавливаться на испытанныхъ волненіяхъ, радостяхъ и тревогахъ и чтобъ восторгаться безстрашіемъ и силой духа своей подруги. Какъ она поддерживала его въ трудныя минуты! Какъ она здраво обо всемъ судитъ! Никогда не впадешь съ нею ни въ уныніе, ни въ отчаянье! Съ нею онъ вездѣ будетъ счастливъ, во всякомъ положеніи, даже если бы пришлось на чужбинѣ зарабатывать хлѣбъ въ потѣ лица... При одной мысли, что у него могутъ отнять это сокровище, онъ сходитъ съ ума...

— А злодѣй нашъ уже здѣсь, я вчера его встрѣтилъ!

— Да, Аратовъ уже съ мѣсяць, какъ въ Варшавѣ,—замѣтилъ князь.—Узналъ онъ васъ?

— Не знаю. Онъ ѣхалъ на конѣ въ блестящей кавалькадѣ, а я шелъ пѣшкомъ и въ очень скромномъ одѣяннiи...

— Не въ мундирѣ, надѣюсь?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, мундиръ я надѣлъ только, чтобы къ вамъ явиться. Мы принимаемъ всевозможныя мѣры предосторожности, чтобы скрыть наше общественное положеніе, и еврейка, у которой мы живемъ, считаетъ насъ русскими ремесленниками, меня столяромъ, а Елену Васильевну швеей. Но вѣдь мало ли что можетъ случиться! При слѣдующей встрѣчѣ онъ меня можетъ узнать... Очень можетъ быть, что онъ уже напалъ на нашъ слѣдъ и принимаетъ мѣры, чтобы похитить у меня Елену. Ему это легко, у него всюду есть связи, вездѣ есть люди, которые на все готовы изъ-за денегъ, а здѣсь такихъ больше, чѣмъ гдѣ либо! Со мною сталкиваться ему нѣтъ расчета, онъ знаетъ, какъ его смерть мнѣ нужна, и что я съ радостью отдалъ бы полъ-жизни, чтобы драться съ нимъ до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ насъ не останется на полѣ битвы, но выкрасть Елену силою или хитростью—для этого онъ ни передъ чѣмъ не остановится, даже передъ поджогомъ или другимъ тому подобнымъ преступленіемъ... Что же намъ дѣлать, ваше сіятельство? Бѣжать за границу дезертиромъ, съ фальшивымъ паспортомъ... признаюсь откровенно, что мысль эта приходила мнѣ въ голову, но Елена Васильевна запретила мнѣ про это и думать, она говоритъ, что не будетъ имѣть ни минуты покоя, если я совершу такую подлость изъ-за нея. И она права, я русскій дворянинъ и офицеръ гвардіи ея величества, никакого позорящаго честь преступленія я не сдѣлалъ, мнѣ невмѣстно поступать, какъ вору или убійцѣ.хлопотать объ отпускѣ и о дозволеніи ѣхать въ чужіе края, да еще заочно... вы знаете, сколько на это потребуется времени! А намъ каждая минута дорога, намъ каждую минуту грозитъ опасность хуже смерти. Похитить ее, убить, стереть окончательно съ лица земли такъ легко! Вѣдь она живая покойница! Она внѣ закона!

— Вы говорите, что Аратовъ выписалъ священниковъ изъ Кіева, а также и пѣвчихъ для похоронъ? — прервалъ его князь, крайне заинтересованный разговоромъ.

— Да, ваше сіятельство, мнѣ все это передавалъ Андрей... Не думайте, пожалуйста, чтобы мы не понимали, что поступили незаконно и подвергаемся за это отвѣтственности, но что же намъ было дѣлать? Оставить ее у такого изверга, какъ Аратовъ, было невозможно...

— А кого именно изъ сосѣдей пригласилъ онъ на эти похороны? — спросилъ князь, возвращаясь къ интересовавшему его предмету.

— Не знаю, ваше сіятельство, мнѣ было не до того, чтобы этимъ интересоваться... Да и не все ли равно, какъ именно нашелъ нужнымъ обставить свое святотатство нашъ злодѣй? Онъ достигъ своей цѣли, вычеркнулъ изъ списка живыхъ свою жертву, и, кромѣ меня, у нея теперь никого нѣтъ на свѣтѣ...

Его опять прервали.

— Вы нѣсколько разъ упоминали про какого-то Андрея? Что это за человекъ, вашъ крѣпостной?

— Былъ крѣпостной, но передъ отъѣздомъ я ему далъ вольную вмѣстѣ съ довѣренностью на управленіе всеми моими имѣніями.

— Вы считаете его вполне достойнымъ вашего довѣрія?

— Андрея? Да мнѣ безъ него ни за что не удалось бы спасти Елену! Я ему обязанъ моимъ счастьемъ! У Аратова все уже было готово, чтобъ заключить ее въ домъ умалишенныхъ, и докторъ былъ подкупленъ, со дня на день ждали его пріѣзда въ Малавино, опоздай мы только на сутки...

— Вы этого доктора знаете? Можете сказать его имя и откуда онъ?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, — отрывисто отвѣчалъ Грабининъ и, недоумѣвая передъ настойчивостью князя останавливаться на подробностяхъ, по его мнѣнію, не относящихся къ дѣлу, онъ вернулся къ предмету, поглощавшему все способности его ума и сердца. — Ваше сіятельство! найдите намъ такой уголокъ на Русской землѣ, гдѣ бы насъ на время оставили въ покоѣ! Всеми земными благами готовъ я съ радостью пожертвовать за такое счастье! Она меня любитъ, ваше сіятельство, — прибавилъ онъ съ такимъ выраженіемъ, точно эти три слова все объясняли, не нуждаясь ни въ какихъ комментаріяхъ.

И онъ былъ правъ. Въ данную минуту никто не могъ ему такъ сочувствовать, какъ серьезный государственный мужъ, передъ умомъ, безпристрастіемъ и проникательностью котораго трепетало такое множество людей изъ сильнѣйшихъ и важнѣйшихъ въ краѣ; на этотъ разъ, тонкій политикъ, изловчившійся въ искусствѣ скрывать свои мысли и чувства подъ личиной холоднаго спокойствія, съ трудомъ сдерживалъ волненіе, слушая своего молодого соотечественника, каждое слово котораго находило отзвукъ въ его сердцѣ, тоже томившемся страстью къ женщинѣ и страхомъ потерять ее.

Но насколько Грабининъ былъ счастливѣе его! Какъ дорого бы онъ далъ, чтобы быть такъ же, какъ и онъ, увѣреннымъ въ беззавѣтной преданности и въ любви той, для которой онъ былъ готовъ жертвовать всемъ на свѣтѣ. И какъ ничтожны казались ему его тревоги и опасенія, въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ самъ испытывалъ, съ мрачною и сложною запутанностью его положенія, съ мучитель-

нымъ сознаниемъ безпомощности, въ которую втягивала его роковая и преступная любовь къ женѣ Адама-Казимира Чарторижскаго! Счастливейшимъ изъ смертныхъ считалъ бы онъ себя, если бы вмѣсто покорнаго ученика іезуитовъ и перваго магната Рѣчи Посполитой судьба послала ему въ соперники такого наглаго голворѣза, какъ Аратовъ.

А Грабининъ, между тѣмъ поощренный молчаніемъ своего слушателя, которое онъ принималъ за сочувствіе, продолжалъ свое повѣствованіе.

По его словамъ оказывалось, что опасность имъ грозитъ не отъ одного Аратова. Проявился еще злодѣй, преслѣдовавшій ихъ наглымъ любопытствомъ. Они поселились за городомъ, въ мѣстѣ, называемомъ Уѣздово, близъ Лазенковскаго парка, и опасаясь, чтобы подруга его не захворала отъ недостатка воздуха и движенія, онъ вздумалъ водить ее гулять въ этотъ паркъ въ такое время, когда трудно было встрѣтить кого бы то ни было изъ городскихъ обывателей; прогуливались они по отдаленнѣйшимъ отъ дворца аллеямъ. Но эти предосторожности ихъ не спасли. На-дняхъ, чуть свѣтъ утромъ, въ то время, когда послѣ бессонной ночи, проведенной въ тревожныхъ мысляхъ, Грабининъ на разсвѣтѣ забылся крѣпкимъ сномъ, Елена Васильевна вышла одна на обычную прогулку въ королевскій паркъ. Этого случая враги ихъ какъ будто ждали! Не успѣла она дойти до скамейки, на которой они всегда отдыхали, какъ появился господинъ, еще молодой, величественной осанки и богато одѣтый. Не давая ей опомниться, онъ къ ней подошелъ и съ низкимъ поклономъ попросилъ позволенія сѣсть возлѣ нея. Растерявшись отъ страха, она хотѣла подняться съ мѣста, чтобъ уйти, но незнакомецъ, правда, очень вѣжливо, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и настойчиво, позволилъ себѣ съ нею заговорить, объявляя, что давно уже ищетъ случая съ нею познакомиться. Оказалось, что онъ за ними слѣдилъ съ тѣхъ поръ, какъ они начали приходить сюда гулять, что, увидавъ такую красавицу, какъ она, невозможно ее забыть и всѣмъ сердцемъ не стремиться къ болѣе близкому знакомству, и, наконецъ, онъ къ этому прибавилъ, что лицо ея мужа ему знакомо, что оно напоминаетъ ему офицера, котораго онъ встрѣчалъ въ лучшемъ петербургскомъ обществѣ...

Можно себѣ представить, въ какой ужасъ привели ее эти слова! Не помня себѣ отъ испуга, она пролепетала, что онъ ошибается, что въ Петербургѣ мужъ ея никогда не былъ, что они здѣсь проѣздомъ и никакихъ знакомствъ заводить не желаютъ. Съ этими словами она поспѣшно поднялась съ мѣста и не оглядываясь, торопливо направилась къ выходу. Нахаль за нею не послѣдовалъ, но когда, повертывая въ другую аллею, она обернулась, то увидала, что онъ стоитъ все на томъ же мѣстѣ, и ужъ не одинъ: двое какихъ-то, такъ же, какъ и онъ, хорошо одѣтыхъ вельможи, смотрѣли

съ нимъ вмѣстѣ ей вслѣдъ, съ оживленіемъ разговаривая между собою про нее, безъ сомнѣнія.

Бѣдняжка прибѣжала домой въ такомъ страхѣ и волненіи, что насилу удалось ее успокоить. Но этимъ не кончилось: въ тотъ же день вечеромъ къ ихъ хозяйкѣ явился челоѣкъ, по ея убѣжденію, изъ тайной полиціи и сталъ про нихъ спрашивать, кто они такіе, откуда, надолго ли пріѣхали, съ кѣмъ видятся, отъ кого получаютъ письма и такъ далѣе. Наконецъ онъ объявилъ, что не уйдетъ, пока не увидитъ бумагъ, удостовѣряющихъ ихъ личность, какъ русскихъ ремесленниковъ. Ему пришлось показать эти бумаги, и онъ унесъ ихъ съ собою.

— Что намъ теперь дѣлать, ваше сіятельство?!—съ отчаяніемъ вскричалъ Грабининъ.

— А откуда достали вы эти бумаги на имя русскихъ ремесленниковъ?—спросилъ князь прежде, чѣмъ отвѣтить на вопросъ.

— Намъ ихъ далъ тотъ самый челоѣкъ, который совѣтовалъ намъ прямо обратиться къ вашему сіятельству въ тяжелую минуту. Онъ увѣряетъ, что вы можете насъ спасти. Мы скрывались у него въ лѣсу нѣсколько дней передъ отъѣздомъ черезъ Кіевъ въ Польшу. Онъ живетъ въ лѣсу, носитъ монашескую рясу и слыветъ святымъ челоѣкомъ. Имени его никто не знаетъ. Можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ постригся въ монахи и по обѣту отшельничаетъ. Такихъ, говорятъ, въ нашихъ мѣстахъ много. Самъ онъ себя называетъ живымъ покойникомъ. Вы, можетъ быть, про него забыли, ваше сіятельство, но онъ вспоминаетъ про васъ съ благоговѣніемъ и съ любовью, говоритъ, что вы ему спасли жизнь...

Князь улыбнулся. Столькихъ приходилось ему спасать отъ смерти въ этомъ несчастномъ краѣ не прекращающихся смуть и беззаконій, что онъ давно имъ потерялъ счетъ.

— Вотъ что, сударь мой,—началъ онъ послѣ довольно продолжительнаго раздумья.—Исторія ваша крайне любопытна, и ваше положеніе весьма опасно и затруднительно, но это очень хорошо, что подруга ваша удержала васъ отъ эмиграціи. Это — крайняя мѣра, на которую можно будетъ тогда только рѣшиться, когда всѣ остальные мѣры будутъ истощены, да и то съ опаской, чтобъ не лишиться всего вашего состоянія... Мы объ этомъ поговоримъ въ свое время, а пока, если вы мнѣ довѣряете, извольте себя почитать какъ бы моимъ плѣнникомъ и ни въ чемъ не уклоняться отъ моихъ начертаній...

— Я, ваше сіятельство, именно съ такимъ намѣреніемъ и отважился къ вамъ явиться. Требуйте отъ меня, что хотите, кромѣ разлуки съ Еленой...

— Такой жертвы я отъ васъ не потребую, сударь мой,—съ улыбкой возразилъ русскій посолъ,—но ради ея я попрошу васъ быть осторожнѣе и всѣми силами избѣгать встрѣчи съ вашимъ не-

другомъ до поры до времени. Ступайте домой, успокойте вашу возлюбленную и ждите моихъ дальнѣйшихъ распоряженій. Постараюсь облегчить ваше положеніе, насколько это будетъ въ моей власти. Васъ мнѣ рекомендовалъ графъ Михаилъ Иларіоновичъ, и этого я, сударь мой, забыть не могу,—прибавилъ онъ съ чувствомъ, поднимаясь съ мѣста и протягивая руку молодому человѣку, который въ порывѣ благодарности поднесъ ее къ губамъ.

XXI.

Весь остальной день провелъ князь Николай Васильевичъ подъ впечатлѣніемъ свиданія съ соотечественникомъ.

Мысль о любопытномъ романѣ Грабинина примѣшивалась ко всѣмъ занятіямъ, которыхъ въ этотъ день выпало особенно много. Невольно вспоминалъ онъ про Грабинина, разбирая жалобы и просьбы и ставя на нихъ резолюціи, а также читая письмо, привезенное курьеромъ изъ Вильны отъ полковника Карра, увѣдомлявшаго его о сборахъ князя Карла Радзивилла съ многочисленной свитой въ Варшаву. Такое событіе первостепенной важности заставило его забыть про романъ своего соотечественника всего только на нѣсколько минутъ и, перетолковавъ съ начальникомъ своей секретной полиціи о мѣрахъ, которыя необходимо было принять во время пребыванія здѣсь сумасброднаго пане коханку, отъ приверженцевъ котораго можно было ждать всевозможныхъ безобразій, князь предложилъ ему подробнѣе разузнать о русскихъ подданныхъ, ремесленникахъ Демьяновыхъ, живущихъ у еврейки въ Уѣздовѣ, и о господинѣ, который, увидавъ третьяго дня эту самую Демьянову въ Лазенковскомъ паркѣ, началъ за нею волочиться, и по приказанію котораго агентъ сыскаго полиціи допрашивалъ о нихъ ихъ квартирную хозяйку и наконецъ завладѣлъ ихъ видомъ на жительство.

— Люди эти мнѣ знакомы, и я не хочу, чтобъ ихъ притѣснили, понимаешь?—прибавилъ онъ.

Начальника тайной полиціи смѣнило важное духовное лицо, епископъ Подосскій, недавно передавшійся на сторону Россіи и уже успѣвшій оказать русскому послу важныя услуги, за которыя князь Репнинъ дѣятельно хлопоталъ ему о наградѣ передъ государыней. Явился этотъ новый другъ русскихъ съ подтвержденіемъ слуха о принадлежности «фамиліи» къ заговору противъ короля, и, внимательно его слушая, князь опять съ завистью вспомнилъ про Грабинина и со вздохомъ подумалъ, что этотъ счастливецъ и понятія не имѣетъ о мукахъ, испытываемыхъ человѣкомъ, искренно и страстно привязаннымъ къ женщинѣ, которую онъ имѣетъ полное основаніе подозрѣвать въ предательствѣ и въ стачкѣ съ влѣйшими его врагами.

Убѣдиться въ справедливости своихъ подозрѣній ему, можетъ быть, придется очень скоро, черезъ нѣсколько часовъ: она назначила ему въ эту ночь свиданіе, какъ всегда, въ комнатѣ своей старшей резидентки, безгранично ей преданной пани Дуклановой, въ помѣщеніе которой можно было проникнуть тайнымъ ходомъ, не опасаясь опасныхъ встрѣчъ. Онъ ей все скажетъ, осыпая ее поцѣлуями и вглядываясь безъ препятствій въ ея прелестные глаза... И заставитъ ее во всемъ чистосердечно признаться... Кто знаетъ, можетъ быть, тутъ и рѣшится ихъ дальнѣйшая судьба, можетъ быть, она рѣшится наконецъ отдаться ему и душой также безгранично, какъ отдалась тѣломъ...

Но мечтамъ этимъ не суждено было осуществиться, по крайней мѣрѣ, такъ скоро, какъ онъ предполагалъ; тотчасъ послѣ отъѣзда епископа ему подали элегантную записку, запечатанную ея печатью и надушенную ея духами, въ которой она увѣдомляла его, что присоединяется къ мужу, чтобъ просить его завтра на обѣдъ.

Былъ и постскриптумъ, который, какъ во всѣхъ женскихъ письмахъ, заключалъ въ себѣ тайный смыслъ и причину приглашенія.

«Сегодня вечеромъ, можетъ быть, буду имѣть удовольствіе вамъ напомнить приглашеніе наше у кухни Любомирской, у которой васъ ждуть на балъ?»

Надъ вопросительнымъ знакомъ, которымъ заключалось загадочное посланіе, князь задумался. Что это—приглашеніе или предостереженіе?

Извѣстно, что глаза и уши влюбленныхъ слышатъ и видятъ не то, что есть на самомъ дѣлѣ, а то, что имъ хотѣлось бы видѣть и слышать. Невзирая на умъ и прозорливость, Николай Васильевичъ Репнинъ не представлялъ исключенія изъ общаго правила, и записка эта привела его въ прекрасное настроеніе. Онъ въ ней прочелъ, между строкъ, сожалѣніе, обѣщаніе и увѣреніе, которыхъ, можетъ быть, вовсе и не было на самомъ дѣлѣ, а также предупрежденіе на балъ къ Любомирскимъ не пріѣзжать. Послѣднее, пожалуй, не было лишено основанія: если она надѣялась съ нимъ тамъ увидѣться, то не для чего было и записки посылать... съ увѣдомленіемъ объ отмѣнѣ любовнаго равандеу въ комнатахъ пани Дуклановой...

На балъ онъ не поѣдетъ и употребитъ вечеръ на другія болѣе нужныя дѣла, о которыхъ завтра некогда будетъ и помыслить: цѣлыхъ полдня будетъ онъ имѣть счастье провести въ ея обществѣ, сначала при свидѣтеляхъ, которые все-таки не помѣшаютъ ему любоваться ею, слушать ея пѣніе, чувствовать по временамъ на себѣ ея взглядъ, украдкой пожать ея ручку, вести съ нею бесѣду глазами во время общаго разговора... А затѣмъ, когда всѣ разѣдутся, простившись съ хозяевами, и самому уѣхать... чтобъ съ польдороги, оставивъ въ каретѣ своего вѣрнаго адъютанта, выскочить на

темную улицу и незамѣтно пробраться къ калиткѣ, у которой его будутъ ждать, чтобъ провести въ комнату, гдѣ она его встрѣтитъ въ нарядномъ дезабилье, въ атласныхъ туфелькахъ на босыхъ ножкахъ... ножкахъ, которыя онъ такъ любитъ цѣловать! И кто знаетъ, можетъ быть, ему удастся уговорить ее бѣжать съ нимъ изъ этого проклятаго края, гдѣ, кромѣ страха и горя, ей ждать нечего. Онъ ей объяснитъ, что спасать ея мужа и родныхъ онъ больше не можетъ, что ихъ новое предательство приведетъ императрицу въ такой гнѣвъ, что она не дозволитъ ему даже и заикнуться о пощадѣ. Онъ ей объяснитъ, что жить дольше въ неизвѣстности насчетъ ея къ нему чувствъ онъ не въ силахъ, такъ это мучительно. Онъ долженъ знать: отдастъ ли она ему душу, какъ отдала тѣло? Самъ онъ ужъ давно ей весь принадлежитъ...

Не въ первый разъ возникало это намѣреніе въ его сердцѣ, но до сихъ поръ князь Николай Васильевичъ Репнинъ, герой семилѣтней войны, побѣдитель турокъ, робѣлъ передъ роковымъ отвѣтомъ, какъ передъ приговоромъ, отъ котораго зависитъ жизнь или смерть, но сегодня, послѣ свиданія съ Грабининымъ, ему было стыдно за свою нерѣшительность: развѣ не лучше въ стократъ знать правду, какъ бы жестока она ни была, чѣмъ терзаться сомнѣніями?

Да ему и нельзя было поступить иначе; сегодня онъ узналъ про новое вѣроломство ея близкихъ, надо, чтобъ она выбрала между ними и имъ. Когда онъ ей все объяснитъ, она пойметъ, что ему даже неприлично съ нею видѣться во дворцѣ предателей, и ужъ вполнѣ невозможно платить ея мужу обманомъ за измѣну... А когда онъ ей расскажетъ про романъ Грабинина, ей сдѣлается стыдно, что она не способна такъ любить, какъ жена Аратова...

А между тѣмъ хлопотъ и неожиданныхъ непріятностей съ каждымъ часомъ все прибавлялось. Прискакалъ курьеръ изъ Петербурга съ письмомъ отъ первенствующаго члена иностранной коллегіи, Никиты Иваныча Панина, съ предписаніемъ неуклонно держаться начертаннаго плана и не отступать ни на шагъ въ вопросѣ о православныхъ и диссидентахъ, хотя бы для этого пришлось пустить въ ходъ острастку въ видѣ русскихъ войскъ, готовыхъ каждую минуту ринуться на враговъ православной вѣры. Намекалось на могущее представиться противодѣйствіе союзниковъ, давно уже втайнѣ орудовавшихъ въ противномъ русскимъ планамъ смыслѣ. Повидимому, государыня получила новыя доказательства о коварствѣ «старога Ирода», какъ въ то время она называла прусскаго короля. Вообще, все посланіе Никиты Ивановича дышало опасеніемъ, чтобъ русскій посолъ въ Польшѣ не далъ себя запутать въ предательскія и вѣроломныя сѣти поляковъ, втайнѣ поддерживаемыхъ не менѣе вѣроломными союзниками Россіи.

Нельзя было не догадаться, что случилось нѣчто новое, здѣсь еще неизвѣстное. Доносъ, безъ сомнѣнія, и, можетъ быть, отсюда же,

отъ тѣхъ самыхъ Чарторижскихъ, съ цѣлю запутать игру, отвлечь вниманіе отъ дѣйствительности къ несуществующему, чтобы, пользуясь временнымъ ослѣпленіемъ русскаго правительства, свободнѣе дѣйствовать для намѣченной цѣли.

Князь пожалѣлъ, что курьеръ съ донесеніями о настоящемъ положеніи вещей уже уѣхалъ; онъ прибавилъ бы къ этимъ донесеніямъ тѣ свѣдѣнія, которыя надѣялся добыть не дальше, какъ сегодня вечеромъ.

Прежде всего надо, во что бы то ни стало, выяснить суть сыпавшихся въ послѣднее время съ особеннымъ упорствомъ намековъ и доносовъ на кievскаго воеводу. Русскаго посла предупреждали, чтобъ онъ не довѣрялся этому коварному другу, увѣряли, будто заговорщикамъ почти удалось перетянуть его на свою сторону, указывали на сближеніе какъ его, такъ и пани Анны съ Чарторижскими, и будто уже заручились ихъ обѣщаніемъ присутствовать на совѣщаніи у краковскаго воеводы, вмѣстѣ съ Любомирскими, Масальскими, Поцѣями и прочими врагами короля и Россіи...

Епископъ Подосскій такъ настаивалъ на этомъ обвиненіи кievскаго воеводы въ измѣнѣ, что, слушая его, князь почувствовалъ, что вѣра его въ преданность Салезія Потоцкаго начинаетъ колебаться, и ему это было такъ непріятно, что онъ тутъ же далъ себѣ слово, какъ можно скорѣе, выяснить этотъ вопросъ, а для этого переговорить съ нимъ на чистоту.

Но ѣхать къ кievскому воеводѣ съ пустыми руками и безъ благовиднаго предлога было неудобно, и онъ приказалъ своему секретарю подать ему папку съ бумагами, касавшимися графа Салезія Потоцкаго, надѣясь найти между этими бумагами то, что ему было надо. Онъ не ошибся: между великимъ множествомъ жалобъ, просьбъ и представленій нашлась записка отъ пани Анны, писанная недѣли двѣ тому назадъ, съ просьбой освободить одно изъ ея имѣній близъ Варшавы отъ военнаго постоя. Князь рѣшилъ, что теперь самое время исполнить эту просьбу, и, перешедши, поѣхалъ къ магнату, котораго такъ еще недавно считалъ своимъ другомъ и неспособнымъ ни на лицемѣріе, ни на коварство.

Визитъ оказался, какъ нельзя больше, кстати: воевода самъ къ нему собирался и по весьма щекотливому семейному дѣлу, о которомъ онъ съ большимъ волненіемъ заговорилъ, едва только успѣлъ гость переступить порогъ его кабинета.

— Вашъ соотечественникъ, г. Аратовъ, влюбился въ нашу бывшую резидентку, пани Розальскую, большую любимицу графини, и, предвидя его обращеніе къ намъ съ формальнымъ предложеніемъ, мы рѣшили просить ваше сіятельство навести секретно справки объ этой личности. Долженъ вамъ откровенно сознаться,—продолжалъ онъ, не дожидаясь отвѣта,— что бракъ этотъ намъ не по

сердцу. Графиня убѣждена, что наша Юльня не можетъ быть счастлива съ этимъ человѣкомъ, и мнѣ кажется, что она права. Невзирая на блестящее воспитаніе, на умъ и ловкость, невзирая на то, что онъ съ рѣдкимъ для русскаго участіемъ относится къ судьбамъ нашей несчастной родины, онъ намъ не внушаетъ довѣрія. Въ немъ что-то такое загадочное, фальшивое и таинственное. Вы не находите? — прибавилъ онъ, немного озадаченный молчаливымъ вниманіемъ своего слушателя.

Князь сдержанно отвѣтилъ, что онъ очень мало знаетъ Аратова, отнюдь ручаться за него не можетъ и находить вполне естественными опасенія графини.

— Очень, очень радъ это слышать! — вскричалъ добродушный Салезій, схватывая руку своего посѣтителя и крѣпко сжимая ее въ своихъ. — Мнѣ нечего вамъ говорить, что вообще противъ вашихъ соотечественниковъ мы ничего не имѣемъ и, кажется, достаточно доказываемъ это на дѣлѣ, но вѣдь и между русскими есть люди неблагонадежные.

— И даже очень много, какъ и вездѣ, — поспѣшилъ согласиться князь.

И, ухватившись за новую мысль, блеснувшую въ его умѣ, онъ объявилъ, что готовъ служить графинѣ и въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, настолько, насколько это будетъ въ его власти.

Про волокитство Аратова за хорошенькою вдовушкой и про ея нѣжное къ нему чувство онъ давно слышалъ, исторіей этой интересовались даже и во дворцѣ короля, равно какъ и семейной драмой, разыгравшейся въ семьѣ кievскаго воеводы изъ-за этого романа. Рассказывали, что пани Анна, гордая ненавистница москалей и рьяная девотка, поклялась скорѣе собственными руками задушить свою любимицу, чѣмъ уступить ее Аратову.

Не воспользоваться такимъ счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ, чтобы расположить въ свою пользу чванную и упрямую супругу кievскаго воеводы, было бы непростительной ошибкой для такого тонкаго дипломата, какимъ былъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ.

— Я пріѣхалъ сегодня не столько для васъ, графъ, сколько для графини, чтобъ передать ей, что мнѣ посчастливилось исполнить ея желаніе относительно освобожденія ея имѣнія отъ военнаго постоя, и если бы она была настолько любезна, чтобъ меня принять, мы переговорили бы съ нею и объ Аратовѣ, — объявилъ князь.

Воевода смутился, и, рассыпаясь въ извиненіяхъ и увѣреніяхъ расположенія своей супруги къ русскому послу, онъ прибавилъ, что графиня такъ сильно страдаетъ нервнымъ разстройствомъ вслѣдствіе вышеупомянутыхъ домашнихъ непріятностей, что уже съ недѣлю, какъ не выходитъ изъ своей спальни.

— Отъ волненія и огорченія она потеряла сонъ и аппетитъ, и докторъ уложилъ ее въ постель. Она любитъ Розальскую, какъ родную дочь, и при одной мысли ее потерять приходитъ въ отчаяніе. А между тѣмъ г. Аратовъ успѣлъ такъ повліять на нашу бѣдную Юльянію, что можно всего ждать. Ему ничего не значить ее похитить, обвиняться съ нею у перваго попавшагося русскаго попа, заставить ее перемѣнить вѣру...

— Графиня напрасно такъ далеко заходитъ въ своихъ предположеніяхъ,—холодно прервалъ его изліянія князь.—Мы, русскіе, насильственнымъ обращеніемъ въ православіе не занимаемся: это не въ духъ нашей церкви.

— Знаю, знаю, князь, вы меня не поняли, или, лучше сказать, вы мнѣ не дали договорить!—вскричалъ испуганный воевода.—О насиліи въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи, наша бѣдная Юльянія совсѣмъ обезумѣла отъ любви, это просто какое-то навожденіе, она не задумываясь всюду послѣдуетъ за Аратовымъ и сдѣлаетъ все, что онъ захочетъ, а ему выгоднѣе имѣть женой православную, чѣмъ католичку, хотя бы для того, чтобъ удобнѣе распорядиться ея состояніемъ, понимаете? Раньше, чтобъ увлечь ее, онъ прикидывался не только ревностнымъ защитникомъ нашей родины, готовымъ принять польское подданство, но даже перейти въ католичество, а теперь, когда ему удалось овладѣть ея сердцемъ и встать овдовѣть, онъ сбросилъ маску, измѣнилъ тактику, передался нашимъ врагамъ, частый и желанный гость въ прусскомъ посольствѣ и дѣйствуетъ въ пользу нѣмцевъ такъ же ловко и дѣятельно, какъ раньше въ нашу. Безпринципный, жестокій и преопасный человѣкъ этотъ Аратовъ, ваше сіятельство, и чѣмъ ближе его узнаешь, тѣмъ больше находишь причинъ его опасаться.

— Я слышалъ, что онъ теперь въ большомъ довѣрїи у его величества,—замѣтилъ небрежно князь, внимательно слѣдя за выраженіемъ лица своего слушателя, который отъ словъ его вспыхнулъ до ушей и видимо растерялся.

— Для самыхъ низкихъ и грязныхъ цѣлей, ваше сіятельство, ни для чего больше,—съ живостью подхватилъ воевода.

— Очень вѣроятно,—согласился князь и прибавилъ, что постарается услужить графинѣ и спасти ея любимицу отъ брака съ такимъ недостойнымъ претендентомъ.

Но высказано это было такъ сухо, что слушатель его растроважился.

— Послушайте, князь, я вижу, что вамъ непремѣнно надо лично переговорить съ графиней, она сумѣетъ лучше меня васъ убѣдить въ справедливости нашихъ опасеній. Позвольте мнѣ у нея спросить, можетъ ли она васъ принять?—предложилъ онъ съ волненіемъ.

— Но зачѣмъ же беспокоить графиню, когда она нехорошо себя чувствуетъ?—энергично запротестовалъ князь.—Я могу пріѣхать въ другой разъ, когда графиня прикажетъ, черезъ недѣлю или позже.

Но чѣмъ сдержаннѣе становился князь, тѣмъ больше горячился воевода.

— Нѣтъ, нѣтъ, позвольте мнѣ васъ на минуту оставить, чтобъ ей сказать, что вы у насъ и выразили желаніе ее видѣть,—съ живостью подхватилъ онъ и, не дожидаясь отвѣта, поспѣшно вышелъ изъ комнаты, не оборачиваясь къ своему посѣтителю и не замѣчая иронической усмѣшки, съ которой его провожали.

Судьба благоприятствовала князю: свиданіе съ Грабининимъ произошло весьма кстати. Странная тайна Аратова, если ею, какъ слѣдуетъ, воспользоваться, могла сослужить важную службу русскому дѣлу. До сихъ поръ тайна эта была извѣстна только ему, Грабинину и Аратовской жертвѣ, надо воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и ковать желѣзо, пока горячо.

XXII.

На половинѣ яснотельможной пани Анны царили печаль, страхъ и тишина. Всѣ ходили на цыпочкахъ и говорили шопотомъ, на всѣхъ лицахъ читалось недоумѣніе и ожиданіе необычайныхъ событий. Въ концѣ длиннаго покоя, утопавшаго въ тѣняхъ наступавшей ночи, передъ балкономъ, раствореннымъ въ садъ, нѣсколько молоденькихъ дѣвушекъ толпилось вокругъ монахини съ худымъ изможденнымъ лицомъ и со сверкающими фанатическимъ блескомъ глазами.

Это была сестра Фелицата изъ ближайшаго пригороднаго монастыря, старая знакомая фамиліи Потоцкихъ, часто гостившая въ ихъ дворцѣ, когда семья кіевского воеводы пріѣзжала въ Варшаву. Она была мастерица рассказывать и знала такое множество интересныхъ и страшныхъ исторій, что обществомъ ея въ замкѣ всѣ наперерывъ стремились пользоваться. Познаніямъ ея не было предѣла, и не было такого вопроса относительно событий какъ минувшаго, такъ и настоящаго времени, на который она затруднилась бы отвѣтить. Даже и представить себѣ было невозможно, откуда она почерпаетъ такъ много разнообразныхъ свѣдѣній. Сокровеннѣйшія семейныя тайны ей были извѣстны лучше и подробнѣе тѣхъ личностей, до которыхъ тайны эти непосредственно касались.

Правда, что знакомство у нея было обширное, и что, служа наперсницей важнѣйшихъ представительницъ высшаго общества, она не гнушалась близкимъ знакомствомъ и съ дворскою челядью всякаго разбора, прибѣгавшей къ ней за совѣтами, съ просьбами заступничества передъ кастеляншами и резидентками, и

изливавшей при этомъ безъ утайки передъ нею свою душу. Память у нея была феноменальная, характеръ желѣзный, никакими способами нельзя было заставить ее высказать то, чего она не хотѣла сказать, но зато и скрыть отъ нея то, что ей нужно было знать, было немислимо: такъ ловко и настойчиво умѣла она развязывать всѣ языки. Передъ ея проницательностью и опытностью оставалось только преклоняться, въ искусствѣ группировать событія и выводить послѣдствія изъ причинъ ей не было равной, и предсказаніямъ ея столько же вѣрили, сколько и ворожбѣ завѣдомыхъ колдуній.

Такимъ образомъ предвѣщала она еще въ прошломъ году событія, волновавшія этимъ лѣтомъ весь дворецъ графа Салезія Потоцкаго.

— Я всегда говорила, что этимъ кончится,—объясняла она, зловѣще покачивая головой и кивая по направленію къ запертой двери въ покои ясновельможной.—Какъ увидала я ихъ вмѣстѣ на коняхъ, передъ каруселью, такъ и догадалась, что сатана ими уже вертитъ, какъ пѣшками. И кого слѣдуетъ предупреждала, но меня не послушали, и за это наказаны. Я и теперь говорю: упустите время, будете каяться. Такихъ бѣдъ этотъ схизматикъ на всю фамилію накличетъ, что и всѣмъ святымъ не отмолить.

Она глубоко вздохнула и опустила глаза на четки, которыя стала перебирать, шевеля беззвучно блѣдными узкими губами.

— А я узнала, куда сегодня утромъ чуть свѣтъ уѣхалъ аббатъ Джорджіо,—объявила, таинственно понижая голосъ, маленькая проказница Чистовичева, особа изъ особенно бойкихъ и пронырливыхъ, которую и розги пани Грохольской, исполнявшей обязанности палача на женской половинѣ замка, не исправляли отъ любопытства и болтовни.—Ясновельможная послала его съ письмомъ въ вашъ монастырь, сестра Фелицата.

— Давно пора,—замѣтила на это сдержанно эта послѣдняя.—Наша обитель славится умѣньемъ справляться со строптивыми.

— Какъ же съ ними справляются? — спросила дрогнувшимъ голосомъ златокудрая Вильчинская въ то время, какъ подруги ея, прижимаясь другъ къ другу, какъ стая спугнутыхъ сернъ, съ жуткимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сладкимъ чувствомъ предвкушали страшный рассказъ.

— У нашихъ старицъ много на это средствъ и самыхъ разнообразныхъ,—приступила къ повѣствованію монахиня, спокойно и безстрастно устремляя пристальный взглядъ въ пространство, какъ бы съ тѣмъ, чтобы вызвать изъ черныхъ тѣней стараго сада призраки прошлаго. — А въ былое время на это способовъ было еще больше и много дѣйствительнѣе, чѣмъ теперь. Тогда ни передъ чѣмъ не останавливались для торжества церкви. Монастырь нашъ—древній. Построили его отцы іезуиты на землѣ, пожертвованной королемъ Яномъ-Казимиромъ, на поминъ души его роди-

телей и сродниковъ. То было время процвѣтанія христіанской церкви на землѣ. Въ монастыряхъ сосредоточивалось все богатство страны, вся ея мудрость и величіе, въ лицѣ представителей и представительницъ древнѣйшихъ и знатнѣйшихъ родовъ. Благовѣрнымъ сынамъ и дочерямъ церкви легко было обращать души на путь истинный, ни въ комъ и ни въ чемъ они для этого не встрѣчали препонъ, не то, что теперь, когда начинается царство сатаны. Всѣ окрестные жители были обложены данью въ пользу нашей обители, къ ней было приписано множество деревень и земель съ дремучими лѣсами, заливными лугами, сплавными рѣками и тому подобными угодыями. Отовсюду сыпались дары золотомъ, серебромъ, драгоценными каменьями, произведениями искусства. Въ одномъ изъ подземелій у насъ еще не такъ давно тому назадъ хранились бочки съ червонцами. О существованіи этой кладовой въ то время, кромѣ настоятельницы да матери казначеи, никто не зналъ, а ключъ отъ нея хранился подъ алтаремъ. Сколько тамъ именно было миллионъ, и онѣ не знали, а видѣли только, что сколько оттуда ни вынимай, она все полна усердіемъ вѣрныхъ чадъ церкви. Вынуть горсть—вложить двѣ, вынуть двѣ—пополнить тремя. Вотъ какіе въ то время были люди! Господнимъ произволеніемъ назначена была у насъ настоятельницей дочь важнаго магната, изъ фамиліи Уханскихъ, ея велебность ксенія пржеорша Агнеса, женщина духа мощнаго и дѣятельности поистинѣ изумительной. Она понастроила на монастырской землѣ заводовъ и фабрику, открыла цѣлебный источникъ, при ней изваяніе Пречистой Дѣвы стало проявлять чудеса, исцѣлять недуги людей, воскрешать мертвыхъ, и доходы обители удесятились. Вела ксенія Агнеса торгѣвлю со многими чужими странами, обладала даромъ прозорливости и убѣжденія до такой степени, что не было такого еретика, который послѣ ея увѣщаній не обратился бы въ истинную вѣру и не проклялъ бы заблужденій, въ которыхъ обрѣтался до встрѣчи съ нею. Говорятъ, что во многомъ ей и жида помогали. Пути Господни неисповѣдимы, и не даромъ сказалъ святой основатель нашего ордена, что цѣль оправдываетъ средства! Въ обители и въ принадлежащихъ къ ней деревняхъ и мѣстечкахъ ксенія Агнеса пользовалась такими же правами и привилегіями, какими пользовались рыцари въ своихъ укрѣпленныхъ замкахъ. Она производила судъ и расправу надъ подвластнымъ ей народомъ, держала вооруженное войско, и на большомъ монастырскомъ дворѣ нерѣдко воздвигались висѣлицы и эшафоты, на которыхъ вѣшали и рубили непокорнымъ головы. Неподалеку отъ нашего монастыря и до сихъ поръ стоитъ мужская обитель, гдѣ спасался о. Каллисть, изъ фамиліи Любомирскихъ, который, когда жилъ въ міру, пылалъ преступною страстью къ княжнѣ Уханской и, говорятъ, пользовался взаимностью. Когда онъ узналъ, что ея фамилія рѣ-

шила посвятить ее Богу, на него это такъ подѣйствовало, что онъ возненавидѣлъ свѣтъ съ его грѣховными утѣхами и тоже облекся въ монашескую рясу. Вотъ какъ въ то время смотрѣли на такое паскудство, какъ плотскія страсти, всю жизнь посвящали на искупленіе грѣха!..

— Сейчасъ она расскажетъ про алыя розы, — шепнула Мальчевская на ухо своей сосѣдкѣ Вильчинской, которая съ досадою мотнула головой, не спуская глазъ съ рассказчицы, въ страхѣ проронить слово изъ повѣствованія, много разъ слышаннаго, но не терявшаго отъ этого интереса: такое множество разнообразныхъ и обаятельныхъ представленій будило оно въ восторженномъ воображеніи юныхъ слушательницъ.

— Наши цвѣтники всегда славились по всей странѣ богатствомъ и рѣдкостью цвѣтовъ и растений, всегда всѣ новинки появлялись у насъ у первыхъ, часто раньше, чѣмъ въ королевскихъ садахъ, однако пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ другихъ розъ, кромѣ бѣлыхъ и розовыхъ, у насъ еще не знали. А наша ксенія пржеорша особенно любила розы, — продолжала между тѣмъ свое повѣствованіе Фелицата. — Можно себѣ представить ея изумленіе, когда она узнала, что въ мужской обители, въ палисадникѣ ксендже пріора, распустились розы алаго, какъ кровь, цвѣта! Кто именно принесъ эту вѣсть, такъ и осталось тайной, но она какъ-то вдругъ распространилась по всей обители, и съ недѣлю времени между молодыми послушницами только и рѣчи было, что объ алыхъ розахъ въ мужскомъ монастырѣ. И вдругъ, въ одно прекрасное утро, когда прислуживающая ксеніи пржеоршѣ бѣлица вошла въ ея спальню, чтобы доложить, что зазвонили къ ранней обѣднѣ, она увидала у постели, на которой крѣпкимъ сномъ покоилась велебная матка, большой букетъ алыхъ розъ! Отъ изумленія она забыла, для чего пришла, и такъ громко вскрикнула: «Какъ попали сюда розы изъ сада ксендже пріора!» что ксенія пржеорша проснулась и тоже стала дивиться и всѣхъ допрашивать. Но ничего не удалось узнать, и пришлось признать чудо. Розы съ молитвой поставили на алтарь, гдѣ онѣ черезъ нѣсколько часовъ завяли, какъ самые обыкновенные цвѣты...

— Но ихъ, можетъ быть, принесъ самъ пріоръ? — замѣтила Кася. — Пройти онъ могъ подземнымъ ходомъ, и вы въ прошломъ году сами говорили Грохольской, что чудо это многихъ ввело въ соблазнъ, и что до сихъ поръ жива въ обители монахиня, которую заключили въ темницу за то, что она слишкомъ любопытничала и болтала лишнее объ этихъ чудесныхъ розахъ...

Сестра Фелицата побагровѣла отъ гнѣва.

— Кто сказалъ тебѣ такую ложь? — вскричала она, злобно сверкнувъ глазами.

— Замысловская, — съ притворнымъ смущеніемъ потупляясь, отвѣчала проказница.

— Замысловская? Ну, счастье ея, что она успѣла выйти замужъ и уѣхать изъ Варшавы! Показала бы я ей, какъ клеветать на такую святую дочь церкви, какъ наша всевелебная матка пржеорша! Она слыветъ у насъ въ обители святой, понимаете ли вы это, глупыя? За каждое легкомысленное о ней слово ваши мученія въ чистилищѣ продолжатся на многія тысячи лѣтъ.

— Сестра Фелицата, расскажите, какъ велебная матка управлялась съ непокорными монахинями!—умоляющимъ голосомъ прервала неприятное объясненіе дворская дѣвица Кулешъ.

— А также съ тѣми, которыя водились съ еретиками,—подхватила Запольская.

— Водиться съ еретиками въ то время совѣмъ было невозможно. Тогда не то, что разсуждать о дарованіи имъ одинаковыхъ правъ съ католиками было немислимо, но даже и поминать про это дьявольское сѣмя считалось грѣхомъ смертельнымъ, не только для монаха или для монахини, но и для свѣтскихъ людей. Въ то приснопамятное время (къ которому помощи намъ Боже скорѣе вернуться!) съ такой безстыдницей, какъ Розальская, поступили бы такъ, какъ съ княжной Гедвигой изъ рода Мисецкихъ,—вымолвила сестра Фелицата все еще сердито, но уже начиная смягчаться и неволью поддаваясь удовольствію припоминать пріятныя впечатлѣнія.

— А какъ съ нею поступили?

— Какъ? Ее замуровали, вотъ какъ! — отвѣчала рассказчица, обводя торжествующимъ взглядомъ своихъ слушательницъ, сильно волновавшихся отъ предвкушенія разсказа, казавшагося имъ еще страшнѣе отъ надвигавшихся ночныхъ тѣней, отъ которыхъ, какъ въ длинной залѣ, такъ и въ саду, все причудливѣе становились очертанія предметовъ: шкафы и поставцы превращались въ гробы, деревья въ привидѣнія. Уличный шумъ и грохотъ катящихся экипажей и стукъ лошадиныхъ копытъ, проникая сюда издалека глухимъ, таинственнымъ гуломъ, настраивали воображеніе на зловѣщія представленія и жуткія предчувствія, заставляя сердце биться сильнѣе, глаза расширяться, а тѣло покрываться мурашками.

— Тогда это дѣлалось просто, не мудрствуя лукаво, а по закону: соблазвившій членъ отсѣкали и бросали въ огонь, чтобы не заражалъ другихъ, вотъ и все. Своею непокорностью княжна могла заразить духомъ сопротивленія всю обитель, какъ же было ея не похоронить?

— Живую?—не вытерпѣла, чтобы не подсказать одна изъ слушательницъ.

— Разумѣется, живую, чтобы дать ей время покаяться въ грѣхахъ и искупить ихъ земными муками.

— Расскажите, какъ у васъ это дѣлалось, сестра Фелицата!—умоляюще протянули слушательницы.

— Дѣлалось это такъ,—продолжала Фелицата съ апломбомъ, если не участницы, то, по крайней мѣрѣ, свидѣтельницы страшной драмы:—послѣ совѣщанія со старицами и съ соизволенія высшаго начальства, папскаго нунція и другихъ, ксенія пржеорша приказывала извлечь изъ подземной темницы осужденную и въ послѣдній разъ увѣщевали ее покаяться, предваривъ, что въ случаѣ упорства ее ждетъ смерть въ мукахъ...

— А княжна все-таки упорствовала?

— Да. Но надо и то сказать, что поддерживала ее во злѣ надежда на спасеніе. Безбожнику Квятковскому, перешедшему въ лютеранство, чтобы получить наслѣдство отъ дяди, камергера прусскаго короля, удалось доставить ей письмо съ подробнымъ изложеніемъ очень ловкаго и хитраго плана бѣгства. Не попадись это письмо въ руки старицы Барбары, дьяволъ бы восторжествовалъ, и несчастной княжнѣ Гедвигѣ горѣть бы вѣки вѣченскіе въ гееннѣ огненной, а на обитель нашу легло бы неизгладимое пятно позора за то, что мы не сумѣли охранить отъ соблазна ввѣренную нашимъ попеченіямъ душу. И кто же бы тогда поручалъ намъ своихъ дочерей? Развѣ не въ правѣ были бы говорить, что мы готовимъ невѣсть еретикамъ и воспитываемъ враговъ святой нашей церкви? Проклятый Квятковскій намѣревался бѣжать съ нею въ Пруссію и тамъ обратить ее въ дьявольскую вѣру, жениться на ней и основать такимъ образомъ гнѣздо змѣй и ехиднъ на погибель многихъ чадъ истинной церкви. И она на это соглашалась! Какъ же было не стереть съ лица земли такую гадину, предавшуюся сатанѣ и осквернявшую своимъ присутствіемъ всю обитель? Какъ же было не позаботиться о спасеніи ея души и кратковременными земными муками не избавить ея отъ вѣчныхъ страданій? И вотъ ночью, когда обитель была погружена въ сонъ, ее вывели въ церковь и прочитали надъ нею отходную. Но сатана ею уже овладѣлъ, она стояла истуканомъ, ничего не понимая, съ безумнымъ взглядомъ, холодная и неподвижная, какъ мертвецъ. Такъ и вставили ее въ стѣну и начали закладывать кирпичами... А она улыбается! Чистое искушеніе! Совсѣмъ обезумѣла и тогда только очнулась, когда стали ей лицо закладывать. Тутъ она какъ вскрикнетъ, да такъ страшно, что крикъ этотъ долго-предолго стоялъ въ ушахъ у тѣхъ, кто его слышалъ. Но крикъ этотъ былъ первымъ и послѣднимъ: живо кончили дѣло, кирпичи замазали цементомъ, сгладили и вырѣзали крестъ противъ того мѣста, гдѣ было ея грѣшное сердце. Вотъ какъ въ былое время расправлялись съ непокорными дѣтьми церкви! Старицы говорятъ, что въ нашихъ подземельяхъ не одинъ этотъ крестъ на стѣнахъ вырѣзанъ, и что обычай такимъ манеромъ расправляться со строптивыми ведется издавна, но теперь, съ тѣхъ поръ, какъ за грѣхи наши и за равнодушіе къ славѣ нашей церкви Господь попустилъ,

чтобы иновѣрцы и изуверы вмѣшивались въ сокровеннѣйшія дѣла страны, карать за преступленія не такъ легко, хотя я бы и теперь никому не посовѣтовала выводить изъ терпѣнія нашихъ старицъ. Много у нихъ средствъ для укрощенія, и я могла бы назвать тѣхъ изъ молодыхъ сестеръ, которыя сидятъ по цѣлымъ мѣсяцамъ и годамъ въ заключеніи на хлѣбѣ и на водѣ, да еще къ тому же подвергаются жестокому бичеванію. Знаю и такихъ, которые сошли съ ума отъ отчаянія и въ минуты просвѣтлѣнія молятъ о скорой смерти и завидуютъ участи замурованныхъ сестеръ. Обитель наша обширна, выстроена крѣпко, стѣны такія толстыя, что ихъ и пушечными ядрами не пробить, а между тѣмъ, когда стихаютъ человѣческіе голоса и прочіе шумы и шорохи, въ глухія ночи явственно слышатся стоны узницъ, взывающихъ о помощи. Но кто же имъ можетъ помочь, кромѣ всеобщей освободительницы — смерти?

— Такъ что, если бы въ вашу обитель попала пани Розальская?..

Энергичное тсс! заставило вопрошающую смолкнуть на полусловѣ и оглянуться вмѣстѣ со всѣми къ двери въ противоположномъ концѣ покоя, въ которую входилъ гайдукъ съ зажженнымъ смолянымъ факеломъ. Поспѣшно зажегъ онъ одинъ изъ канделябровъ на стѣнѣ, и въ ту же минуту изъ другой двери появился графъ Салевій и торопливо, не оглядываясь по сторонамъ, прошелъ на половину своей супруги.

А не прошло и минуты, какъ изъ той же двери вышла пани Розальская, блѣдная, съ заплаканными глазами, до такой степени озабоченная своими думами, что она прошла мимо группы у балкона, никого не видя и не замѣчая устремленныхъ на нее любопытныхъ глазъ. Она такъ похудѣла за послѣднее время, что батистовое бѣлое платье, украшенное богатымъ шитьемъ, спалзывало у нея съ плечъ, а пряди развившихся волосъ безпорядочно спадали на плечи. Блѣдная красавица, недавно еще такая блестящая и жизнерадостная, какъ жестоко скрутила ее печаль и любовь!

— Какъ она пожелтѣла и постарѣла! — замѣтила вполголоса Кася, когда виновница сумятицы, волновавшей весь дворецъ, скрылась за дверью сосѣдней комнаты.

— Не такой мы ее еще увидимъ, дайте срокъ, — съ злой усмѣшкой прошипѣла сестра Фелицата.

— Пани Грохольская увѣрена, что она видится съ москалемъ, — замѣтила Кася.

— Разумѣется, видится, и онъ поддерживаетъ ее въ нераскаянности и въ грѣхѣ, — поспѣшила согласиться Фелицата. — И это до тѣхъ поръ будетъ продолжаться, пока ея къ намъ не отвезутъ.

— Съ какимъ-то отвѣтомъ вернется аббатъ Джорджіо!

Блѣдныя губы монахини скривились въ презрительную гримасу.

— Не люблю я этого надушеннаго вертихвоста, и надо только удивляться, что ясновельможная ему довѣряетъ, послѣ того какъ

доказано, что онъ водить знакомство не только съ приверженцами фамилии, но также входитъ во дворецъ самой паскудницы Изабеллы. Его также часто видятъ у прелата Фаста... Со временемъ все откроется, и это, и многое другое, польются слезы, раздадутся рыданія и проклятія, вспомнятъ тогда слова сестры Фелицаты, да ужъ поздно будетъ,—процѣдила монахиня сквозь зубы.

Ея ужъ не слушали, всѣ ждали, что скажетъ Каричъ, незамѣтно выскользнувшая изъ залы при появленіи гайдука съ факеломъ, безъ сомнѣнія, чтобъ узнать про то, что происходитъ на половинѣ графа, который безъ важныхъ причинъ не пришелъ бы беспокоить графиню въ неурочный часъ, когда она лежитъ въ мигрени отъ расстройства нервовъ и никого не велѣла къ себѣ пускать.

Подруги Каричъ въ ожиданіяхъ своихъ не обманулись: раскраснѣвшись отъ волненія, подбѣжала она къ нимъ и прерывающимся отъ волненія голосомъ объявила, что во дворцѣ—русскій посоль.

Ей это сказалъ Стаська, ближайшій къ графу дворскій. Князь пріѣхалъ съ полчаса тому назадъ и все время разговаривалъ съ графомъ въ кабинетѣ съ такимъ оживленіемъ, что разговоръ этотъ былъ слышенъ даже въ стеклянной галлерей, гдѣ дворскіе юноши въ ожиданіи приказаній играли въ кости и въ карты. Потомъ графъ позвалъ Левицкаго и приказалъ сказать Младоновичевой, чтобъ она доложила графинѣ, что ему необходимо ее видѣть. Младоновичева, прежде чѣмъ исполнить приказаніе, разумѣется, приказала освѣтить залу, и теперь русскій посоль одинъ дожидается въ кабинетѣ...

— А зачѣмъ Розальская вышла изъ спальни?

— Навѣрное графъ пришелъ о ней говорить съ графиней...

— Очень можетъ быть. Не даромъ москаль хвастается дружкой съ русскимъ посломъ... Ужъ не заслалъ ли онъ его сватомъ?

— Тьфу, паскудство! Чѣмъ бы схизматику указать на дверь и освятить святой водой то мѣсто, гдѣ онъ дышалъ, графъ Салезій самъ лѣзетъ въ когти къ дьяволу, самъ натаскиваетъ смолу на костеръ себѣ и всѣмъ своимъ близкимъ, чтобъ жариться ему съ ними въ аду! Уйти скорѣе отъ грѣха!

И энергично плюнувъ по направленію покоя, гдѣ совѣщались о богопротивномъ дѣлѣ, сестра Фелицата поднялась съ мѣста и поспѣшно вышла изъ комнаты, оставивъ взволнованную ея разсказами молодежь въ великомъ душевномъ смущеніи отъ ожиданія важныхъ событій.

А тѣмъ временемъ графъ Салезій напрягалъ все свое краснорѣчіе, чтобъ убѣдить супругу повидаться съ княземъ Репнинымъ.

— Онъ не даромъ такъ настаиваетъ на свиданіи съ вами, ему, безъ сомнѣнія, хочется сообщить вамъ нѣчто такое, что касается

васъ лично. За Аратова онъ вовсе не стоитъ и, насколько я могъ понять изъ его словъ, не прочь намъ помочь отъ него избавиться. Какъ москаль, князь мнѣ непріятенъ, но, право же, человѣкъ онъ порядочный и до сихъ поръ ни разу меня не обманывалъ, — сказалъ воевода своей несговорчивой супругѣ.

— Мнѣ остается только удивляться, Салезій, какъ вы не понимаете, что намъ именно теперь и слѣдуетъ избѣгать съ нимъ свиданій. Вы забыли, что насъ ждутъ послѣзавтра къ Малаховскому съ рѣшительнымъ отвѣтомъ, и что на участіе наше въ затѣваемомъ переворотѣ всѣ рассчитываютъ, — возразила пани Анна, устремляя на смущеннаго супруга пристальный взглядъ, отъ котораго растерянность его съ минуты на минуту усиливалась. — А Юльянію я рѣшила отвезти въ монастырь и тамъ ее на время оставить... пока не образумится, и пока мы русскихъ изъ Рѣчи Посполитой не выгонимъ, — прибавила она, невольно понижая голосъ, хотя подслушать ихъ было некому.

— А если она откажется туда ѣхать? — робко замѣтилъ онъ.

— Не говорите глупостей, Салезій, никогда этого не было, чтобъ которая нибудь изъ моихъ дворскихъ дѣвицъ отказалась исполнить мое приказаніе, и никогда этого не будетъ! — вскричала она съ раздраженіемъ. — Какъ ни увлечена Юльянія москалемъ, однако не посмѣла же она меня послушаться и поселиться въ собственномъ домѣ, когда я выразила желаніе, чтобъ она выѣзжала въ свѣтъ не одна, а со мной. Этимъ я спасаю ее, по крайней мѣрѣ, отъ тайныхъ свиданій съ схизматикомъ. Встрѣчаясь въ публикѣ, на балахъ и вечерахъ, многого другъ другу не скажешь.

— А вы увѣрены, что они не переписываются?

— Вы только умѣете говорить мнѣ непріятныя вещи, Салезій, и, право же, можно подумать, что и вамъ такъ же, какъ этому Аратову, и всѣмъ моимъ врагамъ ничего такъ не хочется, какъ скорѣе вогнать меня въ гробъ!

— Графиня, чѣмъ заслужилъ я такую жестокость? — вскричалъ онъ съ искреннею печалью. — Повѣрьте, что меня огорчаетъ не менѣе васъ разстройство въ нашемъ домѣ, и что я ни передъ чѣмъ не остановился бы, чтобъ видѣть васъ довольной и здоровой. Я только говорю, что Аратовъ можетъ намъ надѣлать большихъ хлопотъ и непріятностей, если вы увезете Юльянію въ монастырь, и что въ этомъ дѣлѣ никто лучше русскаго посла помочь намъ не можетъ. Не забудьте, что, какъ русскій, соблазнитель нашей бѣдной Юльяніи гораздо больше зависитъ отъ князя Репнина, чѣмъ даже отъ короля...

— Не поминайте при мнѣ имени этого безхарактернаго дурака! — прервала она его такъ запальчиво, что онъ окончательно сконфузился и, беспомощно разводя руками, смолкъ. — Если я чего нибудь боюсь, такъ одного: умереть отъ раздраженія и стыда за

родину раньше, чѣмъ этого болвана съ позоромъ выгонять изъ Варшавы! — продолжала она, помолчавъ и сдерживая съ трудомъ слезы, подступавшія къ ея горлу.

То были слезы досады и бессильной злобы, тѣмъ не менѣе онѣ смягчили ея надменное сердце и склонили его къ уступчивости.

— Что знаетъ русскій посолъ про наше несчастье?—отрывисто и дрогнувшимъ голосомъ спросила она, отвертывая отъ мужа свое взволнованное лицо.

— Не знаю, что именно ему извѣстно отъ другихъ, городскія сплетни насъ не щадятъ, и толки съ каждымъ днемъ размножаются, благодаря Аратову, который, разумѣется, не прочь намъ мстить за то, что по вашему желанію я отказалъ ему отъ дома...

— А развѣ онъ насъ раньше щадилъ? Развѣ онъ раньше не проѣзжалъ къ ней на мызу прямо изъ нашего замка и не амурился съ нею въ то время, какъ мы воображали, что онъ давно дома? Развѣ онъ не платилъ намъ всегда предательствомъ за наше гостеприимство?—опять вспыхнула она.

— Дорогая моя Анна, я только хотѣлъ сказать...

— Молчите лучше, не раздражайте меня и отвѣчайте безъ разсужденій на мой вопросъ: что вы сказали князю передъ тѣмъ, какъ прійти сюда? Мнѣ это нужно знать.

— Я сказалъ ему, что у насъ есть важныя причины не желать этого брака, и что вамъ легче видѣть Юльянію мертвой или въ монастырѣ, чѣмъ женой Аратова...

— И что же онъ? Боже мой, какъ вы мямлите, графъ! Съ вами просто нестерпимо разговаривать, вы никогда не знаете, что сказать и о чемъ молчать!

— Князь намъ вполне сочувствуетъ.

— То-есть онъ находитъ нужнымъ притворяться сочувствующимъ. Ну, да что съ вами толковать, вы, какъ слѣпорожденный, васъ только чудомъ можно исцѣлить отъ пагубной довѣрчивости къ врагамъ отчины, а чудо это я не въ силахъ совершить. Ступайте къ нему и скажите, что я его приму.

Обрадованный успѣхомъ своей миссіи, воевода поспѣшилъ въ кабинетъ. Не ожидалъ онъ такой удачи. Борьба съ любимицей сломила желѣзную волю пани Анны; въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ они обвѣнчаны, видѣлъ онъ ее въ такомъ удрученномъ настроеніи и надивиться не могъ происшедшей въ ней перемѣнѣ.

Не подозрѣвалъ графъ Салезій, что она лучше его понимаетъ безвыходность положенія, въ которое ставила ее, съ одной стороны, привязанность къ Юльяніи, а съ другой невольный страхъ передъ Аратовымъ. Какъ нельзя лучше знала гордая пани, что, если можно заставить молодую женщину ѣхать въ монастырь, то удержать ее

тамъ немислимо, и мысль эта такъ угнетала ее, что у нея не хватало силъ отказаться отъ услугъ такого ненавистнаго человѣка, какимъ былъ для нея русскій посолъ, да еще въ самый разгаръ борьбы съ нимъ патріотовъ, рѣшившихся отчаянно отстаивать первенство своей церкви отъ посягательствъ поганыхъ схизматиковъ, представителемъ которыхъ являлся князь Репнинъ, во всеоружіи смѣлости и упорства, поддерживаемый русскими штыками, воодушевленный преданностью своей монархіи и любовью къ отечеству столько же, сколько католики папѣ и отчизнѣ. Обстоятельства такъ сложились, что приходилось заискивать въ этомъ человѣкѣ! Просить его помощи! Раскрывать передъ нимъ семейныя тайны! Сознаться въ безсиліи, въ томъ, чего она не рѣшилась бы сказать мужу... Глупый Салезій даже и представить себѣ не можетъ, до чего доходить она въ своихъ опасеніяхъ и подозрѣніяхъ! Не только не сомнѣвается она, что влюбленные переписываются между собою, но воображеніе уноситъ ее еще дальше. Ночью, прислушиваясь въ лихорадочномъ волненіи къ малѣйшему пороку за стѣной и въ саду, она слышитъ шаги по гравію, сдержанный шопотъ, прерываемый долгими поцѣлуями, и такъ отъ себя близко, такъ явственно, что третьяго дня она, какъ ужаленная, сорвалась съ постели, созвала своихъ женщинъ и приказала осмотрѣть съ фонарями весь садъ, а вчера, послѣ безсонной ночи, все съ тѣми же мучительными мыслями о бѣгствѣ Юльяніи, о вѣнчаніи ея съ схизматикомъ, о торжествѣ москаля, она опять не вытерпѣла, чтобъ не удостовѣриться, насколько справедливы ея опасенія, и, какъ хамка, пользующаяся ночью тишиною, чтобъ украсть что нибудь съѣстное изъ буфета, прокралась ясновельможная графиня Потоцкая къ спальнѣ Розальской. Она нашла ее спящей. Но что не случилось вчера, могло случиться сегодня. Каждую минуту можно ждать бѣды въ томъ или другомъ видѣ. Каждый день доходили до нея новые слухи про ненавистнаго москаля, про его ловкость и пронырство, про его умѣніе открывать всѣ двери, каждому понравиться, каждому услужить и всякому сдѣлаться необходимымъ. Рассказывали, что онъ свой человѣкъ во дворцѣ короля черезъ фаворитку-иноземку, ненавидѣвшую поляковъ, которая, разумѣется, ни передъ чѣмъ не остановится, чтобы унижить знатную польскую фамилію... Женщина эта вертѣла королемъ, какъ хотѣла, и надо только удивляться, что Станиславъ-Августъ до сихъ поръ медлитъ открыто вмѣшаться въ амуры своего новаго любимца москаля съ бывшей резиденткой кievскаго воеводы...

Да, какъ ни восстановлена была пани Анна противъ русскаго посла, и какъ ни тяжело ей было передъ нимъ унижаться, однако не могла она не сознаться, что его предложеніе услугъ явилось весьма кстати, а, разъ рѣшившись на нравственную пытку, откладывая ее она не стала, и не прошло десяти минутъ, какъ одинъ

изъ ея пажей явился въ кабинетъ графа съ докладомъ отъ ясно-вельможной: она извинялась за невозможность по нездоровью выйти въ большую гостиную и просила князя пожаловать къ ней въ будуаръ.

Воевода послѣшно поднялся съ мѣста и пригласилъ своего гостя послѣдовать за нимъ на половину его супруги.

Пройдя нѣсколько богато разубранныхъ покоевъ, наскоро освѣщенныхъ, они вошли въ ту самую длинную залу съ балкономъ, гдѣ за полчаса передъ тѣмъ дворскія дѣвицы слушали рассказы сестры Фелицаты, а темерь чинно занимались рукодѣльемъ у большого круглаго мраморнаго стола, при свѣтѣ свѣчей, зажженныхъ въ люстрѣ. При появленіи графа съ гостемъ всѣ онѣ поднялись со своихъ мѣстъ и сдѣлали реверансъ по всѣмъ правиламъ искусства передъ русскимъ посломъ. Но, отвѣчая вѣжливымъ поклономъ на это привѣтствіе, князь былъ разсѣянъ, даже на мгновеніе не остановилъ взгляда на красивой группѣ молоденькихъ свѣжихъ лицъ и, храня на лицѣ серьезную озабоченность, прослѣдовалъ за своимъ спутникомъ въ маленькую гостиную, а оттуда въ будуаръ, обитый блѣдно-розовымъ штофомъ, гдѣ на кушеткѣ въ дальнемъ углу, у камина съ тлѣющими, невзирая на лѣтнее время, угольями, лежала графиня Анна, въ бѣломъ кружевномъ капотѣ, кутаясь въ турецкую шаль.

Въ комнатѣ пахло эиромъ и царилъ таинственный полумракъ отъ голубой ширмочки, заслонявшей восковыя свѣчи, горѣвшія въ высокомъ бронзовомъ канделябрѣ на мраморной колоннѣ въ самомъ дальнемъ углу. Но хозяйка, повидимому, тяготилась и этимъ скуднымъ свѣтомъ и отворачивала отъ него блѣдное лицо, съ распухшими отъ слезъ глазами. Ее била лихорадка, если судить по тому, какъ она куталась въ шаль, и какъ дрожала холодная, какъ ледъ, рука, которую она протянула посѣтителю, когда онъ къ ней подошелъ и съ низкимъ поклономъ поблагодарилъ ее за то, что, невзирая на нездоровье, она сдѣлала ему честь его принять.

— Повѣрьте, графиня, что только желаніе сообщить вамъ пріятное извѣстіе заставило меня злоупотребить вашею любезностью, — прибавилъ онъ съ чувствомъ.

— Садитесь, садитесь, князь, побесѣдуйте съ нею на просторѣ, я васъ оставлю вдвоемъ, — весело подхватилъ добродушный Салезій, усаживая гостя на кресло у кушетки. — Вдвоемъ вы скорѣе договоритесь до дѣла, мужья всегда мѣшаютъ.

И, повинувшись повелительному взгляду жены, онъ вышелъ по-смѣиваясь, не забывъ притворить за собою дверь.

Самъ онъ такъ часто испытывалъ на себѣ вліяніе краснорѣчія русскаго посла, что не сомнѣвался въ томъ, что и жена его поддается обаянію его яснаго и твердаго ума.

Пани Анна первая приступила къ объясненію.

— Вы слышали отъ мужа про наше семейное горе? — спросила она.

Онъ молча наклонилъ голову.

— Положеніе такъ обострилось, человѣкъ этотъ такъ овладѣлъ сердцемъ нашей бѣдной Розальской, что мы не знаемъ, что и дѣлать, — продолжала она съ возрастающимъ одушевленіемъ, въ волненіи своемъ забывая даже обдумывать свои слова и выраженія. — Я ужъ рѣшилась на крайнюю мѣру — отвезти ее въ монастырь, чтобъ оградить отъ преслѣдованія этого наглеца...

— Графиня желаетъ знать мое мнѣніе на этотъ счетъ? — съ холодною вѣжливостью спросилъ онъ.

— Я васъ объ этомъ прошу, князь.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ ничего больше не остается, какъ повиноваться и, со своей стороны, просить снисхожденія, если мое мнѣніе расходится съ вашимъ, но, насколько мнѣ извѣстно, пани Розальская не только совершеннолѣтняя и вдова, но и сирота, а потому совершенно свободна въ своихъ дѣйствіяхъ, и правъ на нее никто не имѣетъ, — какимъ же образомъ можете вы заключить ее въ монастырь помимо ея воли?

Отъ раздраженія пани Анна вспыхнула до ушей и до крови закусила себѣ губы.

— О! какъ ни стѣснены мы въ нашихъ правахъ и дѣйствіяхъ чужестранцами, захватившими власть въ нашей странѣ, но помѣстить въ святую обитель обезумѣвшую отъ недостойной страсти молодую женщину, которая воспитывалась въ нашемъ домѣ и всѣмъ намъ обязана, у насъ всегда найдется возможность! — съ горечью возразила она, надменно выпрямляясь.

— Вѣрю и знаю, что здѣсь такой способъ практикуется съ успѣхомъ, графиня, но мнѣ кажется, что спасти вашу воспитанницу отъ нелѣпаго брака было бы несравненно лучше какънибудь иначе, — спокойно возразилъ онъ, притворяясь, что не замѣчаетъ ея гнѣва. — Въ другое время и съ другимъ человѣкомъ этимъ средствомъ вы, можетъ быть, и достигли бы цѣли, въ монастыряхъ вашихъ умѣютъ укрощать строптивыхъ, спора нѣтъ, но можете ли вы ручаться, что Аратовъ этимъ не воспользуется, чтобъ поднять шумъ на весь городъ, что онъ не будетъ всюду трубить о насиліи, о превышеніи власти, о вмѣшательствѣ духовенства въ свѣтскія интриги? Кто помѣшаетъ ему довести эту исторію въ превеличественномъ видѣ не только до Лазенокъ, но и до Петербурга? И если я получу предписаніе изслѣдовать это дѣло, то могу ли я вамъ быть тогда полезенъ? Какъ вы думаете, графиня?

Онъ смолкнулъ въ ожиданіи отвѣта. Но она молчала, глядя на него изъ полутьмы, въ которой утопало ея лицо, горящими ненавистью и недовѣріемъ глазами и обдумывая положеніе, вся охваченная жуткимъ чувствомъ зарвавшагося игрока, отыскивающего средство поправить сдѣланную ошибку.

Какъ могла она такъ неосторожно проговориться про монастырь? Безъ всякой надобности разрушила собственными руками послѣдній выходъ изъ затруднительнаго положенія!

— Нѣтъ, графиня,— снова началъ ея собесѣдникъ, какъ бы угадывая бурю досады и горечи, клокотавшую въ ея груди, и спѣша ея успокоить: — о такихъ рискованныхъ мѣрахъ, какъ монастырь, лучше въ настоящее время не думать. Да я и не позволилъ бы себѣ васъ беспокоить, если бы не видѣлъ другого средства помочь бѣдѣ, кромѣ этого... Но, прежде чѣмъ приступить къ обсужденію этого вопроса, позвольте мнѣ вамъ сообщить, что мнѣ удалось исполнить ваше желаніе относительно военнаго поста въ вашемъ имѣніи...

— Какой постой?— прервала она его съ недоумѣніемъ.

— Вы изволили забыть про письмо, которымъ вы меня удостоили недѣли двѣ тому назадъ, но я собственно для того и пріѣхалъ сегодня къ моему другу, графу Салезію, чтобъ сказать ему, что желаніе ваше мнѣ удалось исполнить, а когда графъ мнѣ рассказалъ о вашихъ семейныхъ непріятностяхъ, я позволилъ себѣ просить у васъ аудіенціи, въ упованіи, что мнѣ, можетъ быть, посчастливится услужить вамъ и въ этомъ дѣлѣ, какъ и въ первомъ. Мы съ вашимъ супругомъ въ такихъ пріятельскихъ отношеніяхъ, что помогать другъ другу при каждомъ удобномъ случаѣ—не только нашъ священный долгъ, но и величайшая пріятность,—проговорилъ онъ медленно; съ разстановками между фразами и не спускающая глазъ подъ ея далеко не дружелюбнымъ взглядомъ.

«Издѣвается онъ надъ нею, напирая на дружбу съ Салезіемъ, именно въ то время, когда кіевскій воевода готовится вступить въ ряды злѣйшихъ его враговъ? Но откуда ему извѣстно о новомъ заговорѣ? Знаютъ про то только главари, а эти не проболтаются... Неужели Изабелла отважилась выдать такую страшную тайну, грозящую гибелью всей «фамиліи»? Не можетъ быть!»

Мысль эта показалась ей такъ нелѣпа, что она поспѣшила отогнать ее отъ себя прочь. Отъ нервнаго напряженія у нея, кажется, начинаетъ слабѣть разумъ, и она видитъ опасность тамъ, гдѣ ея быть не можетъ. И все это отъ нелѣпаго романа Юльяніи съ москалемъ! Еще нѣсколько дней такого душевнаго смятенія, и можно окончательно помѣшаться отъ раздраженія и тревоги... Пора этой мукѣ положить какой-нибудь конецъ! Пусть русскій посолъ ей въ этомъ поможетъ, и, невзирая на свою ненависть къ врагу и угнетателю ея отчизны, она ему будетъ благодарна, какъ была бы благодарна самому Вельзевулу, если бы онъ надъ нею сжалился.

— Очень тронута вашими добрыми къ намъ чувствами, князь,— начала она послѣ довольно продолжительнаго молчанія, протягивая ему руку, которую онъ почтительно поднесъ къ губамъ.— Не даромъ Салезій считаетъ васъ добрымъ и благороднымъ человѣкомъ,

которому даже и полякамъ можно довѣриться! Повѣрьте,—продолжала она съ чувствомъ,—что, если бы всѣ ваши соотечественники были на васъ похожи, мы не дрожали бы при мысли видѣть нашу Юльянію женою русскаго, но этотъ Аратовъ не внушаетъ намъ никакого довѣрія. У насъ есть причины считать его способнымъ на все дурное, даже на преступленіе. Жена его умерла загадочною смертью, и про событіе это ходили по всей странѣ невыгодныя для него толки...

Князь насторожился. Послѣ того, что онъ слышалъ отъ Грабинина, разговоръ принималъ для него особенно интересный оборотъ.

— Какого рода толки, графиня? — спросилъ онъ. — Премного одолжили бы вы меня, поставивъ въ извѣстность о томъ, что толкуютъ про эту смерть. Я тоже про это кое-что слышалъ, и мнѣ очень хотѣлось бы провѣрить, насколько мои свѣдѣнія совпадаютъ съ вашими, — прибавилъ онъ такимъ искреннимъ тономъ, что опасенія ея разсѣялись, и она рѣшила дѣйствовать на чистоту.

— Слухи эти дошли до меня не здѣсь, а тамъ, гдѣ разыгралась вся эта исторія. Какъ вамъ извѣстно, у Аратова есть имѣніе подъ самымъ Киевомъ, и въ этой мѣстности многіе убѣждены, что г-жа Аратова умерла не естественною смертью, и что умертвилъ ее мужъ. Про нее шла молва (пущенная самимъ ея мужемъ, замѣтьте), будто она припадочная, «порченная», по выраженію тамошнихъ жителей, но видъ у нея былъ, говорятъ, цвѣтушій, и внезапная ея смерть не могла не удивить всѣхъ, кто ее зналъ. Какъ мнѣ ни прискорбно, но я должна къ этому прибавить, что считаю невинною причиною этого преступленія нашу бѣдную Юльянію, или, лучше сказать, ея состояніе, на которое возымѣлъ виды г. Аратовъ...

— Пани Розальская такая красавица и такъ прекрасно воспитана, что ее было бы лестно имѣть супругой и безъ приданого, — любезно вставилъ князь.

— О, врядъ ли этотъ господинъ обратилъ бы на нее вниманіе, если бы не зналъ, что, кромѣ прекраснаго и доходнаго имѣнія, крупнаго капитала и драгоцѣнностей на нѣсколько десятковъ тысячъ, она не забыта и въ моемъ завѣщаніи, не говоря уже о протекціи Салезія и всей нашей фамиліи, — съ живостью возразила пани Анна.

— А какія у графини есть еще данныя подозрѣвать Аратова въ преступленіи?

— Пока никакихъ, кромѣ моего внутренняго убѣжденія, что человѣкъ этотъ на все способенъ, да всеобщей молвы о загадочности такъ кстати случившейся смерти, но согласитесь, князь, что для насъ и этого достаточно, чтобъ страшиться за судьбу нашей воспитанницы. Мы взяли ее на свое попеченіе двухлѣтнимъ ребенкомъ, мать ея поручила мнѣ ее на смертномъ одрѣ! Я поклялась заботиться о ней, какъ о родной дочери, и до сихъ поръ свято исполняла мое обѣщаніе...

— Я понимаю васъ, какъ нельзя лучше, графиня, и всѣ силы употреблю, чтобы оправдать ваше довѣріе. Ваша пріемная дочь будетъ ограждена отъ посягательствъ недостойнаго претендента, но вы мнѣ должны въ этомъ помочь. Скажу больше, безъ вашего содѣйствія всѣ мои старанія могутъ оказаться тщетными,—объявилъ князь.

— Но мнѣ кажется, что мы никогда не отказывались во всемъ вамъ содѣйствовать, а въ этомъ, такъ близко касающемся насъ дѣлѣ и причинѣ нѣтъ сомнѣваться въ нашей готовности во всемъ слѣдовать вашимъ указаніямъ,—отвѣчала она, смущаясь подъ его пристальнымъ и строгимъ взглядомъ, представлявшимъ такой контрастъ съ дружелюбіемъ его словъ.—Какъ поляки, мы можемъ не сходитьсь съ вами въ политическихъ взглядахъ, но, какъ частные люди, мы, кромѣ симпатіи, къ вамъ ничего питать не можемъ,—нашла она нужнымъ прибавить, озадаченная его молчаніемъ.

— Мнѣ это чрезвычайно пріятно слышать, графиня, — вымолвилъ онъ наконецъ, знаменательно отчеканивая слова и не спускающая съ нея испытующаго взгляда.—Особенно отрадно дѣйствуютъ на меня, какъ на русскаго посла, ваши увѣренія въ преданности и нелицепріятной дружбѣ сегодня, послѣ цѣлаго дня, проведеннаго въ выслушиваніи и въ чтеніи крайне непріятныхъ доносовъ на людей, которыхъ я считалъ искреннѣйшими моими друзьями...

— Вы говорите про насъ, князь? — вырвалось у нея помимо воли.

Но онъ уклонился отъ прямого отвѣта на предложенный съ отчаянной отважностью вопросъ.

— У меня, графиня, въ этомъ враждебномъ намъ краѣ столько враговъ, что знать ихъ всѣхъ нѣтъ никакой возможности, и признаюсь откровенно, что ѣхалъ я сегодня къ вамъ съ тяжелымъ чувствомъ за откровеннымъ объясненіемъ и за совѣтомъ, но вашею просьбою принять участіе въ вашемъ семейномъ затрудненіи вы разсѣяли всѣ мои опасенія, и я постараюсь вамъ доказать, что вы не ошиблись, относясь ко мнѣ, какъ къ другу. Наше сегодняшнее свиданіе связываетъ насъ крѣпче прежняго, и я глубоко благодаренъ случаю съ пани Розальской, которому обязанъ убѣжденіемъ, что люди, старающіеся меня поссорить съ кievскимъ воеводой и съ его фамиліей, низкіе клеветники. Войдите въ мое положеніе, графиня,—продолжалъ онъ съ улыбкой,—вѣдь я не только вполнѣ вѣрилъ дружбѣ графа Салевія, но и ручался моей государынѣ въ вашей преданности Россіи. Я ее увѣрилъ, что вы принадлежите къ числу тѣхъ разумныхъ патріотовъ, которые понимаютъ, какъ нельзя лучше, что Россія—не Пруссія и не Австрія, что, кромѣ блага, вамъ нечего отъ насъ ждать, что намъ даже и расчета нѣтъ возстановлять противъ себя подвластное намъ родственное племя преслѣдованіями, лишая его самостоятельности и

равныхъ съ прочими обитателями страны правъ. И государыня мнѣ повѣрила, я ее оставилъ въ наилучшихъ мысляхъ на вашъ счетъ. Можете себѣ представить послѣ этого, какъ я возмущился и опечалился, когда мнѣ сообщили за достовѣрное, что кievскаго воеводу съ супругой ждутъ въ четвергъ вечеромъ на сѣздѣ заговорщиковъ у краковскаго кастеляна, послѣ раута въ Лазенкахъ! Давно ужъ знаю я про этотъ заговоръ и про старанія завлечь въ него испытаннаго друга Россіи, Салезія Потоцкаго, но мнѣ тяжело было даже и останавливаться на мысли, чтобъ человѣкъ, выражавшій мнѣ всегда дружбу и довѣріе, могъ оказаться низкимъ измѣнникомъ! И какъ я радъ, что не ошибся, что я попрежнему могу считать Салезія Потоцкаго и его достойную супругу моими лучшими друзьями въ здѣшнемъ краѣ!

Послѣднія слова онъ произнесъ, съ ласковою фамиллярностью взявъ ея руку и поднося ее къ своимъ губамъ.

Замѣтилъ ли онъ, какъ холодна была эта рука, и какой испугъ выразался въ растерянномъ взглядѣ, устремленномъ на него ясно-вельможной?

Во всякомъ случаѣ онъ сумѣлъ и это скрыть въ душѣ такъ же искусно, какъ и прочія свои чувства и впечатлѣнія при этомъ свиданіи, но, заставивъ ее понять, какъ нельзя лучше, что тайна ея ему вполне извѣстна, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ открылъ ей и путь къ выходу изъ опасной интриги, въ которую она была готова ринуться, очертя голову, подъ давленіемъ людей, давно уже ожидавшихъ удобнаго случая скомпрометировать передъ Россіей такихъ популярныхъ и вліятельныхъ магнатовъ, какъ Салезій Потоцкій и его супруга.

Чтобъ поцѣловать руку пани Анны, князь поднялся съ мѣста и больше не сядилъ.

— Теперъ мнѣ ужъ не такъ совѣстно, что я нарушилъ вашъ покой, графиня, — продолжалъ онъ съ веселой улыбкой, отражавшейся ласковымъ блескомъ въ его глазахъ, — зная причину вашего нездоровья, я счастливъ, что мнѣ, можетъ быть, удалось сыграть роль доктора и уничтожить причину вашей болѣзни. Безпокойтесь вамъ больше не о чемъ, за разстройство матримоніальныхъ плановъ г. Аратова я берусь. Надо надѣяться, что мнѣ удастся и красавицу вашу просвѣтить на его счетъ. Надѣюсь убѣдить ее, что господинъ этотъ для нея не женихъ, и что она должна его забыть. Можетъ быть, сердце ея при этомъ и пострадаетъ, съ любовью такъ же трудно бороться, какъ и съ безуміемъ, но мы здѣсь къ терпѣнію привыкли такъ же, какъ и къ постоянству въ чувствахъ и въ цѣляхъ, безъ этого ничего не достигнешь, а тѣмъ менѣе душевнаго спокойствія.

Съ этими словами, еще разъ поцѣловавъ ея руку, онъ вышелъ, оставивъ ее въ сильномъ смятеніи.

Надежную опору послала ей судьба въ лицѣ князя противъ Аратова, но какъ дорого придется заплатить за эту помощь! Въ умѣ мутилось, и душу заливало желчью при мысли о томъ, что ихъ ждетъ, если, паче чаянія, партія Чарторижскихъ восторжествуетъ.

О, если бы только знать, что именно такъ и будетъ! Тогда она пожертвовала бы и любовью къ Юльяніи, и ненавистью къ Аратову, чтобы примкнуть къ этой партіи. Но, увы, будущее со всѣми его неожиданностями и случайностями сокрыто отъ всѣхъ смертныхъ... сокрыто и отъ князя Репнина... Но, когда человѣкъ дѣйствуетъ съ сознаниемъ долга, повинуюсь обожаемому монарху, служащему ему олицетвореніемъ родины, тогда онъ и при неудачахъ не утрачиваетъ душевнаго спокойствія...

Душевное спокойствіе! Какая иронія въ этихъ словахъ, которыми русскій посолъ заключилъ свою рѣчь,—рѣчь, имѣвшую цѣлью ей доказать тщетность всѣхъ заговоровъ, интригъ, обмана и лицемерія, которыми враги Россіи обставляютъ свою борьбу съ нею!

Такъ тщательно охраняемая тайна ему извѣстна до мельчайшихъ подробностей: день, часъ, мѣсто сборища заговорщиковъ, все это онъ знаетъ. Безъ сомнѣнія, знаетъ также и имена ихъ всѣхъ. Но кто же ихъ выдалъ? Во всякомъ случаѣ рассчитывать на успѣхъ при этихъ условіяхъ было бы безуміемъ, и когда она все это скажетъ Салезію, онъ будетъ въ восторгѣ, что, благодаря ея нерѣшительности, они до сихъ поръ еще не связали себя никакими обѣщаніями.

XXIII.

Размышленія эти были прерваны легкимъ стукомъ въ дверь, и на приглашеніе войти появилась Младоновичева.

— Аббатъ Джорджіо проситъ позволенія видѣть ясновельможную,—доложила она.

— Зови его сюда.

Не успѣли слова эти сорваться съ ея губъ, какъ аббатикъ уже подходилъ къ ея рукѣ.

— Ты кстати явился, мнѣ нуженъ въ настоящую минуту человѣкъ, на котораго я могла бы вполне положиться,—сказала она, указывая на кресло, съ котораго нѣсколько минутъ тому назадъ поднялся князь.—Садись и выслушай меня внимательно... Впрочемъ Расскажи мнѣ прежде о результатѣ моего порученія. Пржеоршу видѣлъ? И почему ты такъ скоро вернулся? Я раньше завтрашняго дня тебя не ждала.

— Въ монастырѣ никогда не задерживаютъ посланцевъ графини Анны Потоцкой, и для нихъ всегда готовъ любезный приемъ всевелебной матки,—отвѣчалъ онъ, садясь на указанное мѣсто.—

Ксенія пржеорша свидѣтельствуеъ ясновельможной свое низжайшее почтеніе и умоляетъ не сомнѣваться въ ея преданности. Она плакала, вспоминая про благодаренія, которыми осыпали обитель споконъ вѣка графы Потоцкіе. Меня она, ради преданности къ ясновельможной пани воеводицѣ, приняла не по заслугамъ милостиво, разспрашивала про здоровье всей фамиліи...

— Къ дѣлу, къ дѣлу!—прервала его съ нетерпѣніемъ ясновельможная.—Согласна она принять къ себѣ на время Юльянію? Объяснилъ ты ей, для чего намъ необходимо удалить ее изъ Варшавы? Поняла она нашу тревогу и опасенія?—Въ нетерпѣніи своемъ она забросала его вопросами, не дожидаясь отвѣтовъ.

— Ксенія пржеорша просила меня объяснить ясновельможной, въ какомъ затруднительномъ положеніи находится въ настоящее время обитель, благодаря хозяйничанью иноземныхъ еретиковъ въ нашей несчастной странѣ. Происками австрійскаго посла имъ грозитъ слѣдствіе по поводу жалобы монахини изъ фамиліи Лисаневичевыхъ на насильственное постриженіе, а прусскій посолъ требуетъ возвращенія вклада, взятаго за бѣлицу изъ фамиліи Шварцкопфеновъ, которая прошлой зимой бѣжала съ гусаромъ изъ обители. Особенно опасаются святыхъ старицы жалобы Лисаневичевой: дядя ея, генераль, являлся къ австрійскому императору и въ такихъ черныхъ краскахъ описалъ монастырскіе порядки, что ксенія пржеорша совсѣмъ потеряла голову, и капелланъ ихъ уже получилъ приглашеніе отъ сакраментокъ замѣнить патера Домбковскаго, какъ извѣстно ясновельможной, разбитаго параличемъ...

— Значитъ, она намъ отказывается? Говори прямо, чего ямплишь? Точно ты не видишь, что мнѣ необходимо, какъ можно скорѣе, знать всю правду? — съ раздраженіемъ возвышая голосъ, перебила его графиня.

Аббатикъ весь съѣжился и съ тяжелымъ вздохомъ отвѣтилъ, что дѣйствительно въ настоящее время пржеорша, невзирая на все свое желаніе угодить благодѣтельница, не можетъ исполнить ея желанія. Пани Розальская не найдетъ въ обители ни спокойствія, ни безопасности. Особенно пржеорша опасается москалей.

— Ей удалось нѣсколько недѣль тому назадъ, съ помощью Божіею, обратить въ нашу вѣру двухъ схизматичекъ: супругу русскаго полковника и ея крѣпостную дѣвку. За эту услугу нашей святой церкви ксенія пржеорша удостоена была благодарности святого отца черезъ его всевелебность ксендже прелата Фаста. Онъ самъ пріѣхалъ въ обитель, чтобъ...

— Все это я знаю, что же теперь случилось? Развѣ и эти тоже жаловались на насиліе?—спросила пани Анна, которая, невзирая на гнетущія ей душу личныя заботы, не могла не интересоваться сообщаемыми ей событіями.

— Жаловаться онѣ не могли, потому что ихъ уже нѣтъ на свѣтѣ...

— Умерли?

— Скоропостижно скончались вскорѣ послѣ перехода въ истинную вѣру, но вѣсть о ихъ смерти дошла до Москвы, и родственники ихъ подняли шумъ, а полковникъ обратился съ клеветнической жалобой къ русской императрицѣ на обитель. Жалобу эту русскій посолъ долженъ въ скоромъ времени получить, съ предписаніемъ произвести слѣдствіе, и тогда можно ужъ всего ждать, даже такого кощунства, какъ открытіе труповъ, преданныхъ землѣ по обрядамъ нашей церкви. Ксенія пржеорша уже ѣздила къ княгинѣ Изабеллѣ за протекціей по этому дѣлу, и она обѣщала выручить ее изъ бѣды...

При этихъ словахъ графиня, какъ ужаленная, сорвалась съ мѣста.

— Ёздила къ Изабеллѣ? Не предупредивши меня?—вскричала она, задыхаясь отъ злобы.—Теперь все понятно! Разъ понадобилась Изабелла Чарторижская, на Анну Потоцкую можно и наплевать! Но не пришлось бы ксеніи пржеоршѣ каяться, что такъ скоро забыла благодѣянія нашей фамиліи, не пришлось бы ей горькимъ опытомъ убѣдиться, что Потоцкіе, невзирая на подвохи враговъ, еще пользуются значеніемъ въ странѣ, на счастье своихъ приверженцевъ и на горе предателей!—продолжала она, возвышая голосъ и гордо выпрямляясь.—Ну, будетъ объ этомъ, мы вспомнимъ про ксенію пржеоршу въ другое время и, можетъ быть, скорѣе, чѣмъ она воображаетъ, а теперь я должна поручить тебѣ дѣло поважнѣе этого. Слушай же внимательно. Завтра ты непременно повидашь ксендже прелата Фаста и передашь ему, что мы въ четвергъ на совѣщаніи у краковского воеводы не будемъ. Вѣдь онъ тебѣ довѣряетъ?

— Довѣряетъ, моя пани.

— Въ такомъ случаѣ достаточно будетъ его предупредить объ измѣненіи въ нашихъ мысляхъ, чтобъ онъ зналъ, кого еще поставить въ извѣстность, и повялъ, въ чемъ дѣло. Ты слышалъ, что я говорю?—прибавила она, останавливаясь передъ нимъ въ недоумѣніи передъ его молчаніемъ.

У него отъ изумленія сперло дыханіе въ горлѣ: такъ важно и неожиданно было данное ему порученіе.

— Приказаніе ясновельможной будетъ исполнено въ точности,—вымолвилъ онъ съ усиленіемъ, не будучи въ состояніи совладать съ жгучимъ любопытствомъ и страстнымъ желаніемъ узнать причины такой рѣзкой перемѣны въ намѣреніяхъ своей госпожи. Что такое произошло здѣсь во время его отсутствія? Напрасно не спросилъ онъ окружающихъ прежде, чѣмъ устремиться съ докладомъ къ ясновельможной... онъ зналъ бы теперь, въ чемъ дѣло, и не стоялъ бы дуракомъ съ разинутымъ отъ изумленія ртомъ передъ ясновельможной, которая большими шагами продолжала

прохаживаться по комнатамъ въ такомъ волненіи, что нечего было и думать о томъ, чтобъ дожидаться отъ нея объясненій...

— Знаешь здѣсь кто нибудь, куда ты ѣздилъ?—спросила она отрывисто.

— Успѣли уже пронюхать, моя пани. Любопытнѣе нашихъ дворскихъ дѣвицъ трудно найти, отъ нихъ ничего не скроешь. Надо такъ полагать, что имъ извѣстно, куда и для чего изволила меня послать ясновельможная: не успѣлъ я выскочить изъ экипажа и вбѣжать во дворецъ, какъ сестра Фелицата, какъ фуриа, выскочила изъ угла и стала осыпать меня такими ругательствами, что я поспѣшилъ отъ нея скрыться на половину ясновельможной, гдѣ встрѣтилъ Младоновичеву, которая меня и привела сюда.

— Такъ ты только сейчасъ вернулся?

— Только сейчасъ.

— И, кромѣ Фелицаты, ни съ кѣмъ не говорилъ?

— Ни съ кѣмъ. Да и съ нею у меня разговора никакого не было, я слышалъ только, какъ, ругая меня, она упомянула про Розальскую и про то, что въ монастырѣ сумѣютъ выбить изъ нея дьявольскую дурь...

— Хорошо. Завтра же ея здѣсь не будетъ. Довольно погостила она во дворцѣ Потоцкихъ, не ѣдать ей нашего хлѣба до конца дней. Давно надоѣла она намъ своею грубостью и глупостью, пусть ищетъ протекціи и она тоже у княгини Изабеллы... А ты ступай къ себѣ и ложись спать, отдохни и оправься хорошенько къ завтрашнему дню. Порученіе я дала тебѣ не маловажное и надѣюсь, что ты сумѣешь его хорошо исполнить,—прибавила она въ то время, какъ въ порывѣ благодарности онъ кидался цѣловать ея руки.—Ну, ступай, ступай, мнѣ также нуженъ покой. Ты вѣрно ничего не ѣлъ по приѣздѣ, спроси себѣ ужинать.

— Могу ли я думать о ѣдѣ, когда вижу мою пани въ разстройствѣ!—съ чувствомъ проговорилъ онъ, устремляя на нее влажные отъ слезъ глаза.

— Милостью Божіею я теперь не имѣю причинъ такъ тревожиться, какъ нѣсколько часовъ тому назадъ, тѣмъ не менѣе благодарю тебя за преданность и любовь. Я тебѣ этого не забуду. Анна Потоцкая умѣетъ цѣнить людей и благодарностью не тяготится,—произнесла она со вздохомъ.

«Что случилось? Что случилось?»—думалъ аббатикъ, припадая къ ея колѣнямъ и обнимая ихъ.

Тотъ же вопросъ не переставалъ вертѣться у него на умѣ и въ длинномъ темномъ коридорѣ, по которому онъ проходилъ въ помѣщеніе, отведенное ему въ мансардѣ. Любопытство такъ его мучило, что о ѣдѣ онъ и не вспоминалъ, и когда увидалъ въ дверяхъ освѣщенной залы паюка Іозефа, готовящагося гасить свѣчи въ канделябрѣ, аббатикъ съ живостью къ нему подскочилъ,

чтобъ спросить, былъ ли ктонибудь во дворцѣ во время его отсутствія.

— Кромѣ князя Репнина, никого не было. Графиня даже и къ обѣду изъ своей спальни не выходила.

— Какъ же ты говоришь, что князь Репнинъ у нея былъ?—вишь себя отъ волненія, проговорилъ онъ.

— Цѣлый часъ у нея сидѣлъ. Никого съ утра не велѣла принимать, а его приняла. Да развѣ вы съ нимъ не встрѣтились? Онъ не больше, какъ минутъ двадцать тому назадъ, уѣхалъ.

Аббатикъ узналъ все, что ему было нужно, и успокоенный, вошелъ въ буфетную, чтобъ приказать подать себѣ ужинать. Вмѣстѣ съ удовлетвореннымъ любопытствомъ у него явился и аппетитъ.

А графиня Анна, оставшись одна, долго еще прохаживалась по комнатѣ, размышляя о случившемся.

Какъ странно и какъ знаменательно складывались событія! Послѣ свиданія съ русскимъ посломъ—извѣстіе изъ монастыря объ измѣнѣ той, которая ей всѣмъ обязана, которая, благодаря ей, изъ простыхъ монахинь возведена въ санъ пржеорши, невзирая на противодѣйствіе самого епископа, подстрекаемого княгиней Любецкой и графиней Ржевусской, у которыхъ были близкія родственницы кандидатками на мѣсто начальницы обители. Тѣмъ не менѣе пани Анна настояла на своемъ, и ея протеже заняла завидный постъ. И женщина эта, со слезами цѣловавшая край ея платья, разсыпаясь въ благодарности, позволяетъ себѣ теперь отказывать въ содѣйствіи своей благодѣтельница въ трудную для этой послѣдней минуту и передается на сторону той, которую она считаетъ вліятельнѣе ея!

И сколько такихъ измѣнъ успѣло проявиться за послѣднее время!

Жребій брошенъ, кievская воеводица останется вѣрна русской партіи въ предстоящей борьбѣ съ врагами короля. Какое ни на есть Понятовскій, все же видѣтъ его королемъ не такъ противно, какъ какогонибудь Карла Радаивилла, ограниченнаго и буйнаго сумасброда, развратнаго, безпринципнаго Браницкаго или члена ненавистной ей «фамиліи». Во всякомъ случаѣ, русскіе менѣе опасны для страны, чѣмъ австрійцы и пруссаки, имъ нѣтъ выгоды истреблять родственное племя такихъ же славянъ, какъ и сами они,—повторяла она мысленно, сама того не замѣчая, слова русскаго посла.

Пріемъ, употребленный этимъ послѣднимъ, чтобъ привлечь ее на свою сторону, такъ поразилъ ее неожиданностью, искренностью и новизною, что не могъ не произвести на нее сильнаго впечатлѣнія, въ одно и то же время пугая ее и льстя ея самолюбію.

Не доказываетъ ли его обращеніе къ ней, что онъ понялъ ее лучше всѣхъ, лучше самыхъ близкихъ людей, понялъ ея умъ, прочность ея чувствъ, душевное благородство, понялъ, что данному слову она не измѣнитъ?

Изабелла—его любовница, онъ для нея разоряется, забываетъ свои семейныя обязанности, подвергается гнѣву императрицы, осужденію родныхъ, а между тѣмъ въ трудную минуту онъ обратился не къ ней, а къ Аннѣ Потоцкой за помощью.

Насколько русскій посолъ дальновиднѣе презрѣнной пржеорши!

При воспоминаніи о вынесенномъ оскорбленіи, кровь прилила къ ея головѣ, и, чтобъ освѣжиться ночью прохладою, она вышла на балконъ.

Тутъ, передъ нѣмыми свидѣтелями многихъ эпизодовъ ея тяжелой жизни, передъ молчаливыми деревьями, простирившимися, какъ бы въ бессильной тоскѣ, вѣтви къ безжалостному небу, пани Анна, сознавая себя на порогѣ новой и роковой эпохи въ несчастной судьбѣ родины, погрузилась въ воспоминанія прошлаго.

Длинной вереницей проходили передъ ея духовными очами событія съ сопровождавшими ихъ радужными надеждами, страстными увлеченіями и горькими разочарованіями.

Увы, послѣднихъ было такъ много, они оставили такой болѣзненный слѣдъ въ ея сердцѣ, будили въ немъ столько жгучаго раскаянія, что для отрадныхъ впечатлѣній въ памяти не оставалось и мѣста! На одну блаженную минуту—милліонъ терзаній, за мимолетный лучъ счастья—бесконечные годы тоски и отчаянія. Не успѣетъ еще ясно вырисоваться въ воображеніи сущность желанной цѣли, не успѣетъ загорѣться огонекъ надежды, какъ онъ уже погасъ подъ лавиной роковыхъ ошибокъ, слезъ и крови. Напрасно пытается она найти отраду въ прошломъ, оно сливается въ одинъ бурный потокъ съ настоящимъ, оно полно тѣхъ же гнусныхъ обмановъ, подвоховъ, предательствъ, продажности, обманутыхъ надеждъ и неудачъ, неудачъ безъ конца.

Ей хорошо извѣстны причины всѣхъ этихъ неудачъ! Съ раняго дѣтства происходятъ на ея глазахъ ссоры за власть и первенство въ странѣ между Радзивиллами и Потоцкими, Осинскими и Грохольскими, Забѣлло и Мавржецкими, Оскерки съ Илинскими, Зиберле съ Платерами, Масальскими съ Чарторижскими... Всю свою молодость видѣла она и слышала, какъ лучшіе польскіе роды, надежда отечества, грызлись между собою и бились въ сѣтяхъ ненависти, зависти, жажды мщенія, лжи и обмана, не останавливаясь для удовлетворенія самолюбія ни передъ какими жертвами, безцѣльно кидаясь изъ омута въ омутъ, обезсиленные, обезумѣвшіе отъ слѣпой злобы и отчаянія.

Имъ ли думать о спасеніи отечества? Имъ ли вести народъ къ свободѣ и къ счастью!

О, какъ она хорошо знала этихъ вожаковъ партій, чванныхъ и легкомысленныхъ магнатовъ, среди которыхъ сама родилась и выросла! Какъ она ихъ всѣхъ ненавидитъ и презираетъ! Какъ она убѣждена, что они ведутъ родину къ гибели, и какъ сознаетъ

она свою безпомощность въ этомъ водоворотѣ мелкихъ личныхъ страстей, низкаго корыстолюбія и эгоизма, изъ котораго ей невозможно вырваться даже на одинъ день! Съ ея состояніемъ, родствомъ, связями, съ традиціями ея фамиліи, она не можетъ не принимать участія въ общественной жизни... Много тысячъ людей ждутъ отъ кievскаго воеводы указаній, итти ли по тому или по другому пути, а онъ давно привыкъ поступать такъ, какъ она прикажетъ. У него давно ужъ нѣтъ своей воли, своихъ чувствъ и мыслей.

Было время, когда она съ восторгомъ мечтала о такой роли. Двадцать лѣтъ тому назадъ, когда она была молода и полна стремленій на славу родины, она избрала Салезія Потоцкаго между всѣми претендентами, въ надеждѣ итти съ нимъ рука объ руку на великіе подвиги. Ей казалось, что она найдетъ въ немъ талантливаго предводителя, тонкаго дипломата, способнаго отстранить всѣхъ соперниковъ.

Иллюзія эта разлетѣлась въ прахъ. Избранный ею герой, возстановитель величія родины, оказался добрымъ, ограниченнымъ и честнымъ малымъ, ничего больше. Это ли было нужно, чтобъ бороться со смѣлыми врагами и коварными друзьями?

Пришлось выносить пытку за пыткой, присутствовать съ улыбкой на устахъ при шумныхъ торжествахъ соперниковъ, съ притворнымъ равнодушіемъ взирать, какъ презрѣннѣйшіе изъ нихъ забирали въ руки власть, добирались до высшихъ должностей, какъ, наконецъ, Чарторижскіе посадили на престолъ человѣка изъ своихъ, племянника, чтобъ именемъ его управлять страной, какъ жена Адама-Казимира, безъ стыда и чувства собственнаго достоинства, чередуясь съ такими же, какъ сама она, развратницами изъ лучшихъ фамилій, завладѣла сердцемъ безвольнаго короля, и какъ потомъ эта бездушная кокетка, не способная понимать ни высокихъ наслажденій власти, ни отрады приносить пользу народу, плѣнявшая мужчинъ фразами, вычитанными изъ французскихъ романовъ, притворною чувствительностью, томными взглядами и податливостью, покорила и такого человѣка, какъ русскій посоль, представителя Россіи, державшаго въ своихъ рукахъ независимость и счастье Рѣчи Посполитой!

О, если бы на мѣстѣ Изабеллы была женщина съ такимъ характеромъ и съ такими чувствами, какъ пани Анна, давно бы осуществились вождедѣнія истинныхъ патріотовъ! Презрѣнная Изабелла умѣетъ только вздыхать, хныкать, принимать граціозныя позы и выпрашивать подачки своимъ,—подачки, закрѣпляющія постыднѣйшими узами владычество москалей надъ Польшей.

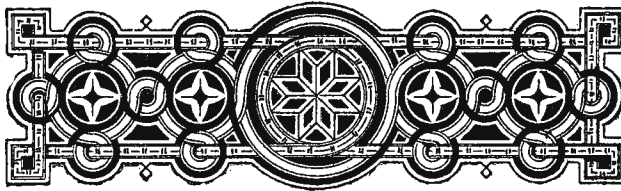
Какъ ненавидѣла, какъ презирала пани Анна ничтожную дочь Флеминговъ! Каждый успѣхъ этой сентиментальной дуры, какъ ножомъ, рѣзалъ ее по сердцу, точно все, что выпадало на долю

Изабеллы, по праву принадлежало ей и противозаконно отнималось у нея судьбой.

Развѣ владѣть сердцемъ такого человѣка, какъ князь Репнинъ, не было ея всегдашней мечтой? Какъ полька и какъ горячая патриотка, она не могла не ужасаться успѣховъ его умной и стойкой политики, но вмѣстѣ съ тѣмъ она была не въ силахъ не восхищаться дѣйствіями палача своей родины...

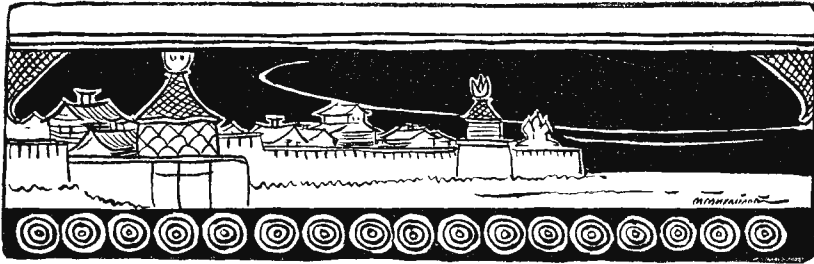
Н. И. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИВАНЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ АЙВАЗОВСКІЙ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ДѢДА ¹⁾.

(Таинственные люди и таинственные явленія).

II.

ВОЗВРАЩАЯСЬ къ мемуарамъ дѣда, я долженъ буду опять говорить о Ферзенѣ, объ этомъ человѣкѣ, личность котораго все-таки остается таинственной, несмотря на довольно подробные рассказы А. П. Басниной. Въ запискахъ упоминается, какъ онъ «показалъ» дѣду виновника смерти Лизы Полевой, но я не встрѣтилъ указаній, какую собственно роль игралъ Ливанскій, и кто онъ въ дѣйствительности былъ. Иногда въ запискахъ онъ называется грекомъ, а иногда и жидомъ, затѣмъ ему приписываются такія качества, которыми обладалъ сказочный графъ Калиостро. Но, что Ливанскій былъ хорошо извѣстенъ лично Ферзену, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Вотъ что стоитъ въ запискахъ.

— Обратился я къ шведу, чтобы онъ меня отъ «него» избавилъ, а шведъ мнѣ и говорить, что онъ въ томъ пока не властенъ, а что настанетъ время, когда «тотъ утомится и самъ болѣе приходить не будетъ».

— А ты сего злодѣя зналъ ли?—спрашиваетъ дѣдъ Ферзена.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVII, стр. 52.

— Хорошо зналъ, ибо онъ другъ мнѣ былъ, хотя потомъ и измѣнилъ.

— Кто же онъ былъ?— снова дѣдъ задалъ вопросъ.

— Великій человѣкъ, подобныхъ которому болѣе нѣтъ и не будетъ.

— Злодѣй онъ великій,— дѣдъ сказалъ,— преступникъ, большому наказанію подлежащій, а не восхваленію.

— Мертвые срама не имутъ, а его дѣла, что онъ при жизни совершалъ, осужденію нашему не подлежатъ, ибо въ нихъ мы ничего разумѣть не можемъ. Онъ великими тайнами обладалъ и то постигъ, что простымъ смертнымъ постичь не дано.

— Онъ такой же слуга лукаваго, какъ и ты. Ты вѣдрился въ семью мою, пришелъ съ обманомъ, прокрался, какъ тать, смутилъ даже меня и на грѣховное дѣло подвинулъ. Какими молитвами очищуся я теперь отъ грѣховъ моихъ, какое искупленіе долженъ я пріять, дабы себя христіаниномъ православнымъ считать?

— Скажи мнѣ,— отвѣчалъ Ферзенъ,— можешь ли ты взглянуть прямо на солнце? не ослѣпитъ ли оно, и не покроется ли тьмой все вокругъ тебя, когда ты переведешь свой взоръ отъ солнца на другіе предметы. Ты считаешь грѣховнымъ свое общеніе съ тѣмъ, кого я вызвалъ изъ небесныхъ пространствъ, но считаешь лишь потому, что не можешь уразумѣть сего явленія,— оно не доступно уму твоему, и ты блуждаешь въ тьмѣ, ибо видѣнный свѣтъ ослѣпилъ тебя, и духовныя твои очи не прозрѣли.

— Уйди отъ меня,— сказалъ въ «великомъ смятеніи духа» испуганный и взволнованный Петръ Тимофеевичъ,— уйди, ибо ты душъ совратитель и слуга дьявола.

Но, какъ видно изъ записокъ, дѣду и на этотъ разъ не удалось отдѣлаться отъ Ферзена, потому что далѣе приведено нѣсколько изреченій Ферзена, сказанныхъ несомнѣнно во время другихъ бесѣдъ.

Эти бесѣды касались главнымъ образомъ таинственной смерти Лизы Полевой, кстати сказать, отравившейся настоємъ травы «борца». Настояй этотъ въ ходу и въ настоящее время въ Сибири, имъ пользуются для преступныхъ цѣлей разные люди, которымъ нужно «устранить» кого либо безъ наружныхъ знаковъ насилія. Такъ вотъ о кончинѣ молодой дѣвушки и бывали бесѣды моего дѣда съ Ферзенемъ, и дѣдъ, какъ онъ пишетъ, «хотя и гнушался говорить съ симъ злодѣемъ», тѣмъ не менѣе, видимо, желалъ знать точную причину безвременной смерти свояченицы, которую, какъ я уже упомянулъ, онъ очень любилъ и уважалъ.

— Не ради ли какихъ своекорыстныхъ или иныхъ тому подобныхъ цѣлей злодѣй воспользовался и ввелъ Лизу въ грѣхъ великій?— спрашивалъ дѣдъ Ферзена.

— Нѣтъ. Смерть есть очищеніе. Воды Иордана смываютъ грѣхъ тѣлесный, а смерть смываетъ всѣ грѣхи. Кто достигнетъ суету

жизни, тотъ и сможетъ пріять сіе великое очищеніе, — говорилъ Ферзенъ и этой философіей глубоко возмущалъ дѣда, прибавившаго къ словамъ Ферзена такое примѣчаніе: «языческое разсужденіе сего опаснаго человѣка уподобить можно прельщеніямъ дьявола, ибо человѣкъ, не твердый въ вѣрѣ и мысляхъ христіанскихъ, сей обманной рѣчью прельститься можетъ и сотворить грѣховное дѣяніе».

Долго я не могъ понять, почему мой дѣдъ, человѣкъ въ высшей степени твердый въ своихъ убѣжденіяхъ и считавшій Ферзена «злодѣемъ и опаснымъ человѣкомъ», допускалъ бесѣды съ нимъ и даже заносилъ ихъ въ свои «записки», но, проштудировавъ эти записки, я, какъ мнѣ кажется, нашель разгадку, кроющуюся въ присутствіи каждому человѣку желаніи узнать неизвѣданное, таинственное, неподдающееся обыкновенному, такъ сказать, «житейскому» анализу. По крайней мѣрѣ, у дѣда любознательность была очень развита, и онъ не могъ отказать себѣ въ удовлетвореніи запросовъ, невольно являющихся при созерцаніи выходящихъ изъ ряда вонъ событій, свидѣтелемъ которыхъ ему довелось быть. И эту жгучую жажду знанія неизвѣданнаго Ферзенъ могъ только удовлетворить отчасти: мой дѣдъ послѣ нѣкоторыхъ бесѣдъ съ нимъ остается недовольнымъ, находя, что «и сей опасный безумецъ не постигъ многаго и на мои вопросы достоюжнаго отвѣта дать не въ состояніи».

— Не постигъ ты, — говорилъ онъ Ферзену послѣ одной изъ бесѣдъ, — души человѣческой, и не открыты тебѣ тайны духовной жизни, ибо ты лишь велѣнія злыхъ духовъ понять можешь и отъ нихъ свои дѣйствія производишь. Не толкованія и навѣты Ливанскаго сведи въ могилу Лизу, а ея скорбь, что она не познала истины, той истины, которую «вы хотѣли ей показать, а дали вмѣсто того ученіе дьявола».

Въ послѣдней записи о Ферзенѣ, которую я нашель въ мемуарахъ дѣда, говорится, что «сей человѣкъ великое раздвоеніе въ душѣ моей произвелъ, не могу его язычникомъ считать, но и христіаниномъ не признаю. Ума онъ великаго, но вредоноснаго и обольстительнаго. Вижу и скорблю, что сего не замѣтилъ я раньше и допустилъ до разговоровъ съ Анной, у которой примѣчаю нѣкоторую склонность къ одинаковому съ симъ Асмодеемъ мышленію. Упаси Господи и пронеси мимо насъ грозную тучу, да минуетъ ее участь страдальцы (Лизы Полевой), жизнью заплаченной за вѣру въ сихъ умосмутителей».

Какая судьба постигла Ферзена, гдѣ и какъ онъ кончилъ свои дни, — въ «запискахъ» дѣла нигдѣ не говорится, но въ одномъ письмѣ якутскаго довѣреннаго дѣда, т.е. его приказчика, Семена Гавриловича Орлова, упоминается, что въ Якутскѣ былъ «нѣкто» присланъ «подъ великой тайной» и помѣщенъ подъ «крѣпкій карауль».

«Пишу вамъ, государь мой милостивый,—стоитъ въ томъ письмѣ, приложенномъ къ мемуарамъ,—что сей нѣкто есть не кто иной, какъ раскольничій главарь, и находится у нихъ въ большомъ почитаніи. По слухамъ, до меня дошедшимъ, можно полагать, что онъ въ хлыстовскомъ кораблѣ наиглавнѣйшій, и что къ нему здѣсь многіе на поклоненіе придутъ. Прозвищемъ же онъ Ферзь, но сумнѣваюсь, что оно настоящее».

Весьма вѣроятно, что это былъ не кто иной, какъ Ферзенъ.

Въ ту пору, когда мой дѣдъ вписывалъ въ свои «меморіалы» разныя событія, не существовало телеграфа, и вѣсти изъ столицы шли мѣсяцами. Но это была казенная почта, отличавшаяся медлительностью,—къ ней прибѣгали поневолѣ, когда не было случая или возможности послать письмо съ оказіей, или просто «вѣрнымъ человѣкомъ», по большей части, приказчикомъ знакомаго купца. Между этими «вѣрными» людьми находился у дѣда нѣкій Леонидъ Кронидовичъ Аржанниковъ, тоже въ своемъ родѣ очень таинственная личность. О немъ я нашелъ въ «запискахъ» много указаній, изъ которыхъ можно заключить, что мой дѣдъ смотрѣлъ на Аржанникова, какъ на незауряднаго человѣка, скрывшагося подъ скромной оболочкой простого приказчика.

— Не могу уразумѣть, какъ почитать Аржанникова? Сегодня изъ его комнаты мнѣ принесли три книги на трехъ различныхъ языкахъ: нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ, и всѣ книги философическаго содержанія, уразумѣть которыя можетъ лишь человѣкъ съ понятіемъ о сихъ предметахъ. По паспорту Аржанниковъ енисейскимъ мѣщаниномъ значится, но можно ли придавать вѣру сибирскимъ паспортамъ, когда ихъ за весьма малую сумму купить можно? По службѣ своей Аржанниковъ полнаго довѣрія заслуживаетъ, ибо большой смѣтливостью отличается и исправностью и чѣстностью неподкупной. Спрошу самолично о книгахъ, ибо тайныхъ людей въ своемъ домѣ держать не хочу и полезнымъ не считаю.

— Откуда у тебя книги сіи?—спрашиваю я Аржанникова. Онъ въ немалое смущеніе пришелъ, но оправился и смѣло такъ отвѣчалъ, что книги онъ съ собой изъ Петербурга привезъ.

— Купилъ ихъ тамъ, или же инымъ путемъ онъ тебѣ достались?

— Частью купилъ, а частью знакомцы подарили.

— Для какой же цѣли иностранныя книги держишь?

— Читаю ихъ и поучаюсь. Изъ нихъ извлекаю то, чего въ нашихъ книгахъ не нахожу, хотя и ихъ много перечиталъ.

«Очень удивился такимъ отвѣтамъ,—пишетъ дѣдъ,—ибо до сего времени полагалъ въ Аржанниковѣ простого, неученаго человѣка видѣть, только гражданской грамотѣ разумющаго, вышло же поиначе, а насколько поиначе, того пока опредѣлить не могу,

ибо Аржанниковъ на вопросъ, гдѣ онъ учился, отвѣчалъ, что самоучкой до всего дошелъ, сызмальства къ книгамъ прилежаніе де имѣлъ».

Но Аржанниковъ не былъ самоучкой: онъ, какъ оказалось, получилъ блестящее образованіе, былъ изъ богатой купеческой семьи въ Москвѣ и очутился въ Сибири, «желая пострадать».

«Сегодня въ моемъ домѣ большое приключеніе случилось,— заносить дѣдъ въ записки: — сегодня пріѣхалъ самъ Трескинъ ко мнѣ и приказалъ квартальному позвать меня во дворъ, къ коляскѣ губернатора. Я отказался и квартальному говорю, что у меня, благодареніе Создателю, есть горницы, гдѣ я могу принять, какъ подобаетъ, господина губернатора, а на дворъ не пойду, ибо для себя оскорбительнымъ почитаю.

— Ты мнѣ супротивиться хочешь, — сказала Трескинъ, входя въ горницу въ шинели и шляпѣ,—а знаешь ли ты, что я могу тебя за такое супротивничество въ нерчинскіе заводы послать?

«Восчувствовалъ я въ себѣ тогда злобу и себя не помнить зачалъ», — пишетъ дѣдъ крупными буквами, видимо, дрожащей рукой.

— Здѣсь, въ домѣ я подъ охраной Господа моего нахожусь,— говорю ему я и указываю на ликъ Спасителя, передъ которымъ всегда лампада теплилась.

При всей своей злобной гордости Трескинъ смутился и снялъ шляпу. Онъ, привыкшій къ раболѣпному поклоненію, не ожидалъ встрѣтить отпоръ отъ купца, котораго по тогдашнимъ временамъ начальники въ родѣ Трескина и за человѣка не считали.

— Знаешь, зачѣмъ я къ тебѣ пріѣхалъ? Ты смутьяновъ держишь, ты заговоры строишь и запретныя книги у себя прячешь. Твоего служащаго сегодня ко мнѣ приводили, а по обыскъ у него книги, запрещенныя высшей властью, нашли.

— У кого же нашли, кто этотъ служащій, скажите мнѣ, ваше превосходительство. А я самъ моему государю вѣрный подданный и законы его свято соблюдаю.

Сталъ тогда на меня кричать и ногами топать губернаторъ и велѣлъ меня пока на дому аресту подвергнуть, а въ цѣломъ домѣ обыскъ сдѣлать. Какое униженіе пришлось мнѣ вынести, того я сказать не умѣю, — стали рыться квартальные во всѣхъ углахъ, даже комнаты дочерей моихъ не пощадил и дѣвичьей стыдливости не приняли во вниманіе,—все ихъ бѣлье перешарили. Я же въ кабинетѣ остался съ губернаторомъ глазъ на глазъ, а къ нему квартальные приходили и свой докладъ дѣлали.

— Что же вы ищете? — спросилъ дѣдъ у грознаго Трескина, безмолвно стоявшаго у письменнаго стола.

— Доказательствъ измѣны твоей,—величественно проговорилъ губернаторъ.

— Я уже сказалъ, что не измѣнщикъ я, — съ негодованіемъ заявилъ мой дѣдъ.

— А зачѣмъ у себя подѣ видомъ простаго приказчика польскаго смутьяна держишь и ему укрывательство оказываешь?

— Какого польскаго смутьяна, укажите мнѣ, ради Бога! — въ сильномъ «смятеніи духа» вскричалъ Петръ Тимошеевичъ.

— Кто такой, по-твоему, Аржанниковъ? Отвѣчай по совѣсти, не лукавя. Ты думаешь, мы не слѣдили за нимъ, не знали, какими художествами онъ по ночамъ занимается? А зачѣмъ ты его постоянно то въ Москву, то въ Петербургъ посылалъ, его, а не кого другого? Вотъ ты и попался, теперь и не выкрутишься. Аржанникова ищутъ въ городѣ, онъ отъ полиціи вырвался, а у тебя доказательства твоей государственной измѣны мы хотимъ найти, хотя бы для этого весь твой домъ по кирпичу довелось разнести.

Но какъ ни старались квартальные и другіе агенты Трескина «найти доказательства государственной измѣны» моего дѣда, имъ, конечно, это не удалось, и только въ комнатѣ, гдѣ помѣщались приказчики, въ сундучкѣ, стоявшемъ подѣ кроватью Аржанникова, были найдены книги «на иностранныхъ языкахъ», которыя и были торжественно секвестрованы, завязаны бичевкой, запечатаны и увезены однимъ изъ квартальныхъ въ губернаторскую канцелярію.

— Хитеръ ты, «сибирскій челдонъ», — сказалъ на прощаніе моему дѣду Трескинъ, — хитеръ, успѣлъ все спрятать и Аржанникова успѣлъ уже услатъ изъ города. Только тебѣ это даромъ не пройдетъ: ты теперь у меня на замѣчаніи, и лукавство твое къ каторгѣ приведетъ.

Послѣ такого «устрашенія» Трескинъ вышелъ, оставивъ дѣда, какъ онъ пишетъ, «въ уныніи и оскорбительномъ недоумѣніи».

«Не могу понять, — говорится въ запискахъ, — чѣмъ былъ вызванъ набѣгъ Трескина, и кто учинилъ надо мной такую издѣвку».

Но это недоумѣніе скоро разъяснилось: дѣдъ получилъ отъ Аржанникова письмо, въ которомъ тотъ извѣщалъ, что ему удалось благополучно скрыться отъ преслѣдованій, и что онъ благодаритъ дѣда за его всегдашнюю ласку и доброту. Письмо это въ довольно значительныхъ выдержкахъ цитировано въ мемуарахъ и представляетъ несомнѣнный интересъ во многихъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ и по слогу, которымъ оно изложено.

«Я не былъ тѣмъ, кѣмъ вы считали меня, хорошій и честный Петръ Тимошеевичъ, но кто я, и зачѣмъ надѣлъ чужую личину, вамъ знать не нужно и бесполезно. Меня загнала въ Сибирь не цѣль преступленій, я не запятналъ своей совѣсти и не обагрилъ своихъ рукъ человѣческой кровью. Я бы могъ жить въ довольствѣ, не знать лишеній, пользоваться всѣми благами жизни и предпочелъ всему этому долю, выпадающую только людямъ несчастнымъ. Зачѣмъ же я такъ сдѣлалъ? Можете ли вы мнѣ повѣрить и не

скажете ли, что скрываю ужасную истину, что въ душѣ моей гнѣзятся лишь пороки, и мнѣ знакомо чувство преслѣдуемаго, коварнаго человѣка? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, отрицаю такое обвиненіе всѣми силами души моей и заклиная васъ Именемъ Распятаго вѣрить мнѣ. Ушелъ я отъ довольства и богатой жизни по влеченію познать истину. А гдѣ же познать ее, какъ не среди измученныхъ людскою несправедливостью и своею совѣстью людей? Я и пошелъ къ нимъ и среди нихъ научился любить ближняго, научился прощать и быть милосерднымъ судьей. Но и это все не было конечной причиной моего желанія сдѣлаться другимъ человѣкомъ,— я питалъ болѣе широкіе замыслы и добивался ихъ осуществленія. Но, впадъ въ порокъ гордости и возомнивъ въ себѣ силы, какихъ у меня не было, я былъ жестоко наказанъ и поверженъ во прахъ»...

«Что сей странный человѣкъ хотѣлъ симъ сказать, недоумѣваю,—пишетъ дѣдъ,—должно быть, о подметныхъ листкахъ говорить, кои во множествѣ по городу распространились, въ которыхъ о пришествіи антихриста говорится и о томъ, что «нужно учителей слушаться, кои окажутъ спасеніе отъ сѣтей антихристовыхъ». Не въ числѣ ли такихъ учителей и былъ мой бывший приказчикъ Аржанниковъ?»—добавляетъ дѣдъ и свою догадку подкрѣпляетъ указаніемъ на слѣдующій фактъ.

Дѣло въ томъ, что Аржанниковъ былъ нерѣдко посылаемъ съ «оказіей» въ обѣ столицы, гдѣ онъ завелъ обширное знакомство съ людьми, какъ тогда говорилось, «вольнаго образа мыслей» или «карбонарями» и «вольтерьянцами». Выяснилось это обстоятельство, благодаря все тому же погрому Трескина, во время котораго преданные дѣду приказчики успѣли тайкомъ выгнать ящикъ Аржанникова и зарыть его въ саду. Когда всѣ страхи поулеглись и выяснилось, что Аржанниковъ исчезъ и, конечно, навсегда, то приказчики повинились въ своей «продерзости» и указали дѣду, гдѣ былъ зарытъ этотъ ящикъ.

«Сколь преданно и умно поступили мои довѣренныя,—заноситъ дѣдъ въ свои записки,—спрятавъ въ-время ящикъ Аржанникова, могу судить лишь теперь, когда ящикъ сей изъ нѣдръ земли извлекли, и я ознакомился съ содержимымъ сего хранилища. Не рѣшаюсь, не смѣю повѣдать бумагѣ, что я прочиталъ въ тѣхъ письмахъ, что заключались въ немъ, и могу только благодарить Господа, что Онъ вселилъ благую мысль моимъ молодцамъ все скрыть отъ глазъ властей, ибо я погибъ бы, и никакая сила не спасла бы меня».

Кто были авторами этихъ злополучныхъ писемъ, дѣдъ обмолвился, лишь спустя много лѣтъ, когда изъ его памяти изгладилось нападеніе на его домъ Трескина, и онъ пересталъ бояться трескин-

скаго режима, т.-е. въ періодъ «послѣ Сперанскаго», въ эпоху декабристовъ.

Такъ, въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ, говоря о впечатлѣніи, которое произвелъ на иркутское общество провозъ черезъ городъ сосланныхъ декабристовъ, дѣдъ выражается по этому поводу въ такихъ словахъ:

«Боже мой, сколь неразумны люди, пожелавшіе видѣть себя руководителями судебъ Россіи. Сердце мое страдаетъ отъ предугаданія тѣхъ послѣдствій, что должны явиться теперь... И вотъ многіе изъ этихъ людей писали письма Аржанникову, заставляя его поучать народъ къ воспріятію того, что имъ самимъ не было доступно».

Въ другомъ мѣстѣ мемуаровъ дѣдъ говоритъ относительно Аржанникова слѣдующее: «Какъ я неразуменъ оказался, что повѣрилъ первому письму Аржанникова,—въ немъ онъ улепетилъ меня покорностью Провидѣнію, а теперь вижу, что онъ служилъ опаснымъ орудіемъ въ рукахъ честолюбцевъ».

Совершенно случайно обнаружилось званіе Аржанникова. Прѣздомъ черѣзъ Москву мой дѣдъ познакомился съ однимъ купцомъ, родственникомъ Аржанникова, и отъ него узналъ, что Леонидъ Кроновичъ слушалъ курсъ наукъ въ университетѣ, съ семьей всегда не ладилъ и жилъ самостоятельной жизнью, отдаляясь отъ купческаго общества, въ которомъ пребывали всѣ его родные.

Случай свелъ моего дѣда съ Аржанниковымъ еще разъ и при томъ при очень странныхъ обстоятельствахъ. Дѣду приходилось по своимъ торговымъ дѣламъ совершать иногда длинныя и далеко не безопасныя въ то время путешествія по всей Сибири отъ юга къ сѣверу и отъ запада къ востоку. Во время одного путешествія по Забайкалью онъ заѣхалъ въ одинъ бурятскій улусъ, чтобы дать отдохнуть уставшимъ лошадямъ, да и самому освѣжиться чашкой чая. Тайша, жившій въ этомъ улусѣ, былъ старымъ «знакомцемъ» дѣда, почему онъ могъ смѣло рассчитывать на превосходный и радушный пріемъ. Такъ и вышло. Не успѣлъ дѣдъ вылѣзти изъ таратайки, какъ къ нему подошелъ самъ тайша и пригласилъ въ кибитку пить «тарасунъ». Началось бражничанье, зарѣзали барана, появились борцы, словомъ, дѣду былъ оказанъ почетъ, какъ близкому другу родовитаго и богатаго тайши. Пиръ грозилъ затянуться очень долго, а дѣдъ спѣшилъ, почему онъ просилъ тайшу отпустить его поскорѣе.

— Скоро ночь,—говорилъ тайша,—переночуй у насъ и тогда ступай. Ночью у насъ бродяги ходятъ, бѣглые каторжники изъ Нерчинска, какъ бы тебя не обезпокоили. Оставайся лучше, бѣга устроимъ, весело будетъ.

— Не тронуть меня, не разъ въ дорогѣ съ бѣглыми встрѣчался, никогда не трогали,—отвѣчалъ дѣдъ и даже отказался отъ провожатыхъ, любезно предложенныхъ ему тайшей.

«Богъ сохранилъ меня отъ большого несчастья,—пишетъ дѣдъ,—поѣхалъ я отъ тайши прямо черезъ степь, а, доѣхавъ до опушки лѣса, былъ остановленъ выскочившими изъ лѣсу людьми и изъ таратайки выволоченъ. Моего вѣрнаго конюха Илью ударили по головѣ коломъ, бѣдняга мертвымъ на землю свалился, а меня къ дереву повели, чтобы повѣсить, ибо я у злодѣевъ въ рукахъ веревку видѣлъ. Творю Всевышнему про себя молитву и къ неминуемой смерти готовлюсь, на жалость сихъ людей надежды имѣть не могъ. Но по волѣ Господа лиходѣи жизнь мою пощадили, завладѣвъ имуществомъ, въ томъ числѣ и таратайкой съ лошадьми, а тѣло убиеннаго Ильи безчинно за ноги въ лѣсъ уволокли и тамъ бросили, а меня къ дереву привязали и пригрозили, чтобы я голосу не подалъ, пока они изъ глазъ не скроются. И такъ все сіе лиходѣйство скоро совершилось, что, когда я отъ сей неожиданности очнулся, то возлѣ меня буряты стоятъ и отъ дерева отвязываютъ и водой поятъ».

— Говорилъ тебѣ не ѣздить,—упрекалъ дѣда тайша:—вотъ и вышло плохо. А гдѣ же конюхъ твой?

— Убить,—отвѣтилъ дѣдъ,—его тѣло въ лѣсъ разбойники сволокли. Нужно найти, чтобы отъ звѣрей сохранить и начальству о томъ сказать.

Пошли буряты въ лѣсъ, и скоро послышался ихъ крикъ: «нашли, нашли». Пошелъ и дѣдъ въ лѣсъ вмѣстѣ съ тайшей, и увидели Илью, а неподалеку отъ него другого человѣка, съ слабыми признаками жизни.

«По своему христіанскому долгу,—пишетъ дѣдъ,—упросилъ я тайшу бережно того человѣка поднять, носилки изъ вѣтвей сдѣлать и въ улусъ принести, гдѣ на попеченіе ламъ и оставить. Щедрое вознагражденіе пришлось пообѣщать, а то буряты и слышать не хотѣли, потому что начальства боялись. Дали и мнѣ лошадь, и всѣ мы гурьбой поѣхали, а въ заводъ (?) гонца тайша отправилъ съ увѣдомленіемъ о происшествіи».

Дѣдъ прожилъ въ улусѣ нѣсколько дней, но больного не видалъ, лама запретилъ его тревожить и къ нему никого не пускалъ. Наконецъ, приходитъ въ кибитку, гдѣ помѣщался дѣдъ, лама и зоветъ его съ собой.

— Тотъ человѣкъ тебя видѣть хочетъ,—перевелъ тайша слова ламы.—Плохъ онъ, и его просьбу не уважить нельзя.

— Ты хотѣлъ меня видѣть?—сказалъ дѣдъ, входя въ кибитку ламы, въ углу которой на кошмахъ (войлокъ) лежалъ страшно исхудавшій, похожій болѣе на скелетъ, чѣмъ на живое существо, человѣкъ, съ длинной всклооченной бородой и закрытыми глазами.

Умирающій открылъ глаза, и въ нихъ блеснула радость.

— Батюшка, Петръ Тимошеевичъ, — едва слышно прошепталъ онъ,—узналъ ли меня?

— Кто же ты?—проговорилъ дѣдъ, опускаясь на колѣни возлѣ больного.

— Аржанниковъ. Убили меня и бросили. Умираю теперь, почти надо мною молитву, не хочу язычникомъ кончиться.

«Привелъ Господь дать Аржанникову послѣднее напутствіе и исполнить долгъ христіанскій, — заносить дѣдъ въ записки, — и проникся я къ этому человѣку, положившему душу свою ради другихъ, умиленнымъ чувствомъ, ибо смертью своею искупилъ онъ прегрѣшенія свои. Сколь могъ изъ неяснаго, предсмертнаго шопота я уразумѣть, Аржанниковъ посланъ былъ тѣми, кто друзьями его назывались, въ далекій Петербургъ, а самъ Аржанниковъ нарочито въ Нерчинскъ попалъ, какъ бродяга, чтобы при нихъ ближе состоять. Бѣжалъ онъ изъ Нерчинска, думалъ благополучно до мѣста дойти, а вмѣсто того на лихихъ злодѣевъ наткнулся и смерть пріялъ неожиданную. Царство небесное сему человѣку, доброму и чистому сердцемъ!»

Большого интереса заслуживаетъ, какъ тоже таинственная личность, нѣкая Наталья Петровна Громачева, появляющаяся у дѣда въ мемуарахъ подъ рядъ нѣсколько разъ. Эту Громачеву онъ называетъ не иначе, какъ «ясновидящая», и относится къ ней съ большимъ уваженіемъ. Жила Громачева въ крохотномъ городишкѣ, Балаганскѣ, гдѣ дѣду приходилось бывать ради своей торговли хлѣбомъ и пушнымъ товаромъ. Судя по его записямъ, Громачева была не мѣстная уроженка, а пришла вмѣстѣ съ мужемъ, сосланнымъ на поселеніе своимъ помѣщикомъ.

«Какая несправедливость судьбы, — значитъ въ дѣдовскихъ запискахъ, — какъ трудно помириться съ мыслью, что по прихоти помѣщика погибли двое благороднѣйшихъ людей, виноватыхъ лишь въ томъ, что они крѣпостными были, а не свободными. Остановился я въ Балаганскѣ у знакома моего, Купріянова, человѣка, хотя и купеческаго сословія, но къ наукамъ склоннаго и весьма начитаннаго. И что болѣе всего достойно всяческаго изумленія, это то, что сей Купріяновъ, старообрядецъ, не опуталъ своего мышленія изувѣрствомъ, а принимаетъ вещи съ достойной подражанія снисходительностью и великимъ терпѣніемъ, коимъ немногіе похвалиться могутъ. Этотъ самый Купріяновъ въ бесѣдѣ со мною сказалъ, что въ Балаганскѣ удивительная женщина проживаетъ, и хотя она вдова ссыльнаго изъ крестьянъ, но начитаннѣе и умнѣ множества благородныхъ людей будетъ. Мужа-то ея помѣщикъ за то сослалъ, что тотъ покориться ему не хотѣлъ, ибо тотъ же самый помѣщикъ его въ Москву въ ученіе отдалъ, и тотъ ученіе вполнѣ произошелъ и понялъ вредъ рабства. Допрежь ссылки онъ часто помѣщикомъ наказуемъ до жестокости бывалъ и все терпѣлъ ради жены своей, которую изъ Москвы привезъ. Плакать хочется, когда рассказы про мученія слышишь, коимъ ихъ безъ жалости и чело-

вѣческаго состраданія помѣщикъ подвергалъ. За великую милость Господа сочли они, когда ихъ сюда на поселеніе послали,—теперь, говорили они мнѣ, отдохнуть могутъ и остатокъ дней въ спокойствіи прожить. Только самъ-то Громачевъ отъ легочной болѣзни кончился, потому у него легкія сильно отбиты были, такъ что осталась одна вдова, Наталья Петровна, женщина, особымъ даромъ обладающая».

Изъ дальнѣйшихъ записей въ дѣдовскихъ мемуарахъ видно, что ему пришлось испытать на себѣ тотъ «особый даръ», о которомъ онъ упомянулъ раньше. Несомнѣнно, Громачева была въ высшей степени нервный субъектъ, почему и могла проявлять свой «даръ», казавшійся въ то время чѣмъ-то сверхъестественнымъ, близкимъ къ волшебству.

— Хотите, Петръ Тимоѣевичъ,—спросилъ меня Купріяновъ,—ознакомиться съ Натальей Петровной? Отъ нея вы многое узнаете, чего ни отъ кого больше не услышите во всю свою жизнь.

Конечно, дѣдъ мой согласился, и Купріяновъ самолично отправился пригласить Громачеву къ себѣ. Черезъ нѣкоторое время онъ возвратился съ женщиной высокаго роста, очень худощавой, чрезвычайно скромно одѣтой въ «городское» платье («вотъ какъ мѣщанки одѣваются», сказано въ запискахъ), съ «огневыми глазами», но съ измученнымъ, блѣднымъ лицомъ.

«Начали мы говорить съ ней о ея мужѣ,—только брови насупила, но ни одной слезинки не проронила».

— На родину уѣзжать не собираетесь?—спросилъ дѣдъ.

— Моя родина теперь тамъ, гдѣ его могила. Никуда не пойду отъ нея, да и то нужно сказать, что и итти некуда,—всѣ мои родные теперь перемерли.

— Откуда же вы сіе знаете? Писалъ вамъ кто, или по слухамъ только объ ихъ смерти заключаете?

— Я кончину ихъ всѣхъ видѣла,—отвѣчала спокойно Громачева.

«Несказанно удивился такому отвѣту, ибо мнѣ вѣдомо было отъ Купріянова, что она изъ Сибири никуда не отлучалась».

— Какъ же, говорю, вы уподобились ихъ всѣхъ кончину зрѣть, когда вы не около нихъ въ то время были?

— Господь тому сподобилъ. Послѣ кончины Терентія Андреича, мужа моего, я многое сподобилась видѣть. Сижу въ горенкѣ своей, а мнѣ такъ вотъ, ровно наяву, и представится. Сперва пугалась, а потомъ попривыкла, не боюсь теперь.

— Что же вы видите? Только своихъ родственниковъ или еще что нибудь?

— Весьма разное вижу, чего и сама не понимаю, а вижу. Вотъ наемни видѣла огромную площадь, а на ней множество народу, а больше всего солдатъ. Площадь мнѣ не знакомая, не московская,

потому я Москву хорошо знаю, а это въ другомъ городѣ, въ какомъ—сказать не умѣю, а только въ большомъ. Потомъ вдругъ стрѣлять зачали,—въ ухахъ у меня такой грохотъ поднялся, ровно громъ небесный прогромыхалъ. Дальше еще страшнѣе было,—точно на площади убитые и раненые всякаго званія и великое ихъ множество, сколько—не знаю, но только и счесть не могла. Господи, помилуй ихъ!—добавила Наталья Петровна и перекрестилась.

У дѣда этотъ рассказъ записанъ почти дословно въ томъ видѣ, какъ я его изложилъ въ пересказѣ, и добавлено слѣдующее примѣчаніе: «Непонятное сдѣлалось понятнымъ, когда къ намъ вѣсть пришла о страшныхъ событіяхъ на Сенатской площади въ Санктъ-Петербургѣ. Не пытаюсь своимъ слабымъ умомъ объяснить ясновидѣніе Громачевой,—все выше моихъ понятій, и сколь я ни тщусь, сіе останется навѣки для меня неразъяснимымъ».

Дѣдъ настолько былъ заинтересованъ «даромъ» Громачевой, или, какъ онъ ее называетъ, «ясновидящей», что «нарочито» поѣхалъ въ Балаганскъ, чтобы испытать уже на себѣ ея таинственную силу.

«Остановился я опять у Купріянова,—пишетъ дѣдъ,—и объяснилъ ему, что не по дѣламъ пріѣхалъ, а повидать Наталью Петровну».

— Въ нездоровьѣ она,—сказалъ Купріяновъ,—пожалуй, чего добраго, ее и повидать не придется.

— Чѣмъ же она хвораетъ?—спросилъ дѣдъ.

— Мы того не знаемъ, а только изъ горницы не выходить. Все же попытаемся и пойдѣмъ къ ней, авось и допустить до себя.

— Я хорошо знала, что вы оба придете,—встрѣтила дѣда и Купріянова Наталья Петровна.—Вчера еще видѣла васъ обоихъ. Недужна я очень, долго говорить мнѣ тяжело, а малое время побудьте. Вамъ, Петръ Тимоѣевичъ, могу утѣшительную радость повѣдать: видѣла васъ съ грамотой въ рукахъ, и въ той грамотѣ я прочла царскую вамъ награду. Ждите ее непременно. Пойдите,—вдругъ крикнула она громко,—грамоту въ Иркутскъ привезли. Домой пріѣдете,—ее вамъ и подадутъ.

— А дома все у меня благополучно?—спросилъ дѣдъ, желая знать о своей больной дочери Татьянѣ.

«Закрываетъ сія женщина (Громачева) глаза,—стоитъ въ мемуарахъ у дѣда,—и долго такъ пребывала. Открыла потомъ и сказала, что еще въ туманѣ видитъ. Опять закрыла и луце того ихъ не открывала. А какъ открыла, то и говорить мнѣ: «дите твое скорбно, болѣзнью удручено. Молитесь нужно Творцу Силъ, Онъ можетъ лишь дать ей исцѣленіе. Господи Боже Ты мой,—закричала она,—дите твое кончается. Молись, молись!»

«Скорбный духомъ ушелъ я отъ сей женщины и тотчасъ же обратно въ Иркутскъ поѣхалъ. Съ тревогой во дворъ вѣхалъ, въ

окна заглянулъ и свѣчи зажженные увидалъ, что около праха моей дочери стояли. Спустя нѣкое время, старшая дочь пакетъ принесла, и въ немъ была грамота на званіе коммерціи совѣтника. Все сбылось, какъ та женщина говорила».

Дѣдъ весьма чтить память Громачевой, и когда онъ получилъ извѣстіе, что она скончалась, онъ велѣлъ немедленно отслужить на ея могилѣ панихиду и въ бытность свою въ Балаганскѣ всегда ходилъ на кладбище, гдѣ на его счетъ былъ поставленъ памятникъ на могилѣ Натальи Петровны.

Другой таинственной личностью женскаго пола была «хлыстовская богородица», жившая въ Иркутскѣ въ 1818 году. Въ запискахъ дѣда ей отведено немало строкъ, при чемъ весьма рельефно рисуется обликъ этой, во всякомъ случаѣ, замѣчательной во многихъ отношеніяхъ личности.

«Пришелъ ко мнѣ Хорошихинъ, Антонъ Степановичъ, насчетъ пушнины поговорить и сказалъ мнѣ, что въ Иркутскѣ Лукинъ тоже пушнину набирать хочетъ, и что у него собольки темненькіе имѣются».

— Только вы съ нимъ врядъ ли столкнетесь, — усмѣхнулся Хорошихинъ, — раскольникъ онъ, упрямъ и къ торгу неподатливъ. Къ тому же теперь у нихъ большой праздникъ, — пріѣхала съ Волги настоящая уставщица, которая будетъ и всю службу у нихъ править. До какой пакости дошли, что баба служить будетъ за мѣсто священника, — добавилъ Хорошихинъ, не любившій старообрядцевъ за ихъ угрюмость и необщительность.

— Въ нѣкоторыхъ сектахъ это дѣло обычное, — замѣтилъ дѣдъ. — А развѣ Лукинъ не единовѣрецъ?

— Какое! Самый ярый хлыстовецъ. Мнѣ люди вѣрные о томъ сказывали.

«Послѣ этого разговора, дня черезъ три, четыре, — пишетъ дѣдъ, — приходитъ ко мнѣ Лукинъ, и не одинъ, а съ женщиной, про которую сказалъ, что она сестра ему будетъ и что изъ Москвы пріѣхала, гдѣ мужа схоронила. Вспомнилъ я тогда слова Хорошихина и въ умѣ тайную мысль держу, что женщина сія не сестра Лукину, а та самая уставщица, что съ Волги пріѣхала. Виду не подалъ и чаемъ хотѣлъ угостить. Отказались они. Удивился я немало, потому допрежь того Лукинъ отъ чая никогда не отказывался».

— Развѣ чай грѣшно пить стало? — спросилъ я Ивана Козьмича (Лукина).

— Всегда грѣшно было, — сказала московскимъ говоромъ («акая») сестра Лукина.

— Вы, должно, по старой вѣрѣ, что чай грѣховнымъ зельемъ считаете, — прямо такъ въ глазъ и проговорилъ я (дѣдъ).

— Старые завѣты блюду, сколь тому грѣхи мои допускаютъ, — отвѣчала москвичка и на меня пытливый взоръ метнула. — Братъ

было отсталъ, такъ я его немало пожурила и на поклоны поставила.

— Сестра Анѣиса строго себя соблюдаетъ и насъ грѣшныхъ поддерживаетъ,—нѣсколько смутясь, сталъ оправдываться Лукинъ.— Мы-то на міру живемъ, такъ и соблазняемся, а у нихъ въ Москвѣ поиначе живутъ и на мірскихъ вниманія не обращаютъ.

— Вы, Анѣиса Козьминишна, не въ скитахъ ли спасались?— проговорилъ я какъ бы въ родѣ насмѣшливаго вопроса.

— Доводилось и въ скитахъ проживать,—нимало не смутясь, отвѣчала Анѣиса.—Только теперь мы этотъ разговоръ оставить должны, потому по дѣлу пришли.

— По какому же дѣлу?

— Прослышаны мы, что у васъ займочка имѣется и пустуетъ теперь, такъ мы бы ее въ кортомъ (аренду) взяли.

— Вы съ братомъ взяли бы?—спросилъ дѣдъ.

— На его имя записочку написали бы. Мое дѣло женское, гдѣ же мнѣ кортомить?—улыбнулась Анѣиса.—Жить тамъ точно мнѣ доведется, потому хочется хозяйство развести и пообиходнѣе жить.

Займа у меня пустовала, и я, не подумавши о послѣдствіяхъ, согласился ее отдать за весьма ничтожную плату. Если бы провидѣть я могъ, что изъ сего содѣялось, то ни за какія блага не отдалъ бы займки (хугоръ).

— Такъ извольте, по обычаю, задаточекъ получить,—сказала Анѣиса Кузьминишна и полѣзла въ свой косоклинный, шелковый сарафанъ за кошелемъ съ деньгами.

— Что, я говорю, у васъ рука платочкомъ обвязана, должно, по нечаянности ее поранили?

И только успѣлъ я сіе сказать, какъ платочекъ съ руки и свалился, а на рукѣ хлыстовская лѣстовка завязана. Нисколь не медля, спрятала подъ турецкую шаль, которая на ней поверхъ сарафана была, свою руку и виду не подала, что ея тайна отчасти сама собой обнаружилась, только опять глазами метнула и бѣлые зубы показала. Я тоже виду не подалъ, что замѣтилъ, такъ оно на сей разъ обошлось.

— Вы, братецъ, отдайте задатокъ, потому я вспомнила, что въ кошелѣ у меня лишь мѣдныя гривны побрякиваютъ,—сказала Анѣиса и руку съ кошельемъ въ карманъ опустила.

Получилъ я задатокъ, росписку въ томъ выдалъ, и ушли мои гости, моей соли-хлѣба не отвѣдавши, потому отъ всего отнѣкивались, чего я имъ ни предлагалъ.

Прошло съ того времени не болѣе мѣсяцевъ трехъ, какъ слышу я, что на моей займкѣ въ родѣ какъ бы скитъ построили, и что полиція туда не разъ заглядывала, но ничего, кромѣ простого жилья, не нашла».

Но чего не могла найти закупленная сибирская полиція того времени, то нашли городскіе слухи, передававшіе невѣроятные рассказы о «радѣніяхъ» хлыстовъ, происходящихъ въ «новомъ скиту», на «Баснинской заимкѣ». Говорили, что совершаются такіа безстыдства, передъ которыми блѣднѣютъ пресловутыя собранія хлыстовъ, на которыхъ допускается «свальный грѣхъ». Утверждали, что кощунство дошло до того, что на собраніяхъ присутствуетъ богородица, и что «единосогласники» причащаются дѣйствительно человѣческимъ тѣломъ и кровью, добытыми откуда-то главарями секты.

Разумѣется, въ этихъ слухахъ было много преувеличеній, но было много и правды, такъ что мой дѣдъ искренно негодовалъ на себя, что онъ явился какъ бы косвеннымъ виновникомъ и пособникомъ распространенія хлыстовщины среди иркутянъ. Это сознаніе до того удручало дѣда, что онъ рѣшился поѣхать къ Лукину и объясниться съ нимъ «начистую».

Лукина дѣдъ не засталъ дома, но зато имѣлъ продолжительную бесѣду съ Анисой, которая была, разумѣется, «въ курсѣ» и сразу догадалась, зачѣмъ пріѣхалъ Петръ Тимошеевичъ. Она все-таки сдѣлала видъ, что очень удивлена посѣщеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и обрадована.

— Вы къ намъ по дѣлу, Петръ Тимошеевичъ,— пропѣла она «тягучимъ» голосомъ,— а братца, какъ на грѣхъ, и дома нѣтъ. Если что либо немудрое, такъ мнѣ передайте, я ему, какъ онъ вернется, все расскажу, не перевру, не беспокойтесь.

«Не зналъ я, сколь можно довѣриться сей пронырливой женщицѣ,— пишетъ дѣдъ,— почему и хотѣлъ уклониться отъ объясненія истинной причины моего посѣщенія, но Анюса съ бѣсовской хитростью вывѣдала отъ меня и стала усовѣщивать меня ей во всемъ открыться, ибо она всякое тому объясненіе дать можетъ».

— Правду говорите, Петръ Тимошеевичъ, зачѣмъ скрываете, что вы насчетъ вашей заимки пріѣхали, насчетъ городской болтовни, которую и мы уже слышали и довольно ей изумлялись.

— Коли вы сами о томъ заговорили,— отвѣчалъ дѣдъ,— то я скрывать не хочу и прямо скажу, что такое слышалъ, что и повторять не хочется.

— Нѣтъ, ничего, отчего же, повторите, потому мало ли направины говорятъ люди,— нужно же намъ оправдаться.

— Извольте, коли такъ, я скажу. Вотъ, напримѣръ, передаютъ, что на заимкѣ хлыстовскія радѣнія происходятъ, и что вы, Анюса Козьминишна, въ нихъ большое участіе принимаете. Правда ли это?

— Нѣтъ дыма безъ огня, Петръ Тимошеевичъ. Есть тутъ доля и правды, а есть и лжи немало. Богу молиться мы собираемся, а никакихъ радѣній не производимъ,— Богу молиться никто запретить

не можетъ, и всякъ человѣкъ Его имя хвалить можетъ, какъ ему на душу сойдетъ. Птицы, и тѣ, всякая по своему Вседержителя воспѣваетъ, а мы, человѣки, ужли того права лишиться должны?

— Не объ этомъ рѣчь идетъ, Аноиса Козьминишна, Бога хвалить никому не воспрещено, а въ томъ-то и дѣло, что хваленія-то ваши скорѣе на хулу похожи, на оскорбленіе имени Господа, чѣмъ на молитвенное состояніе.

«Послѣ моихъ словъ,—заноситъ дѣдъ въ записки,—невообразимое смятеніе съ Аноисой сдѣлалось: побагровѣла она вся, глаза кровью налились, и изъ ея усть жестокая рѣчь полилась».

— А ты видѣлъ наши радѣнія, ты видѣлъ, что насмѣшки на нихъ изрыгаешь, грязный «мірщикъ», никонианецъ поганый? Понимаешь ли ты, худородный, что мы всеѣмъ существомъ своимъ Бога познаемъ и не только словомъ, но и дѣломъ? А вы Духа-то испытали ли? Избранные только въ наше лоно взойти могутъ, удостоиться открытыя небеса зрѣть. Вы, какъ псы смердячіе, слѣ-порожжденные, въ грязи ползаете и свѣта истиннаго не видите. Чего ты за насъ испугался, кто тебя просилъ страхъ пріять? И чего намъ бояться? Развѣ можно бояться, что придутъ игемоны ваши и рамена у насъ сокрушатъ? Такъ мы того и ждемъ, страданія пріять хотимъ за вѣру праведную, истинную, Богомъ установленную.

— Остановись, безумная,—виѣ себя закричалъ дѣдъ,—не богохульствуй, не могу и не долженъ я слышать такихъ словъ. И вотъ тебѣ мой сказъ: изволь съ моей заимки убираться, не то я тебя силою оттуда исторгну, какъ змѣю ядовитую, вредоносную гадину.

«Если бы громъ небесный среди неба безоблачнаго грянулъ, или молнія ударила, то и тогда Аноиса не пришла бы въ столь неспокойное состояніе, въ какое пришла послѣ угрозъ моихъ,—записалъ дѣдъ въ свои мемуары,—она побѣлѣла, какъ платъ, глаза, до того пламенемъ горѣвшіе, вдругъ потухли, и крупныя слезы покатались по щекамъ ея. Не успѣлъ я договорить, какъ она простерлась у ногъ моихъ и рыдаючи зачала молить не предавать ее сугубому посрамленію».

— Не страха ради молю васъ,—говорила, захлебываясь слезами, Аноиса,—а ради сестеръ и братьевъ моихъ, кои къ принятію мученій еще не всеѣ уготовлены. Настанетъ часть, и всеѣ мы явимся на судъ жестокой, мученія воспріять и кровь свою продить во славу Господа нашего, а теперь мы еще не достойны вѣнецъ страдальческій на себя вoadѣть.

— Мерзкопакоствныя дѣла ваши давно наказанія достойны, но я вамъ не судія, а потому изыдите изъ моей заимки съ миромъ, не вводите меня въ грѣховное изступленіе,—говорилъ дѣдъ, видимо тронутый необычнымъ для него зрѣлищемъ кающейся раскольничьей оставщицы.

На помощь Анѣисѣ пришелъ Лукинъ, начавшій пѣть въ унисонъ съ «сестрой» и умолявшій дѣда не предавать огласкѣ своего требованія очистить займку.

— Потревожишь ты враговъ нашихъ и на насъ большую тяготу навлечешь. И такъ со всѣхъ сторонъ мы утѣсненіе терпимъ, а ты еще его усугубляешь. Грѣхъ на тебѣ великій будетъ.

— Вотъ вамъ, Петръ Тимоѣевичъ, мой послѣдній сказъ, — вмѣшалась Анѣиса, — мы тебѣ такое предложеніе сдѣлаемъ: дай ты намъ нѣкоторое время съ полгода, не болѣе, дожить, и мы сами похорошему уйдемъ. Ну, если твоего согласна на то не будетъ, то тѣмъ ты и себѣ большое преткновеніе содѣлешь, потому мы и на тебя угрозу найдемъ и тебя съ собой потащимъ. Раздумай и дай намъ знать.

— Ничего вы со мною сдѣлать не сможете, — храбро сказала дѣдъ, — потому вы еретики и государству опасные люди, а я православный и государю моему слуга вѣрный, — меня не тронуть.

— Ой ли, — усмѣхнулась «нехорошо» уставщица, — ой ли, не чурайся заранѣ, не знаешь, гдѣ ляжешь, гдѣ встанешь.

«Анѣиса къ самому моему уху нагнулась и такое мнѣ сказала, что меня оторопь взяла, и по тѣлу дрожь пробѣжала».

— Мы тебя фальшивымъ монетчикомъ обнесемъ, и тебѣ отъ сего не оправиться, потому у насъ во всѣхъ мѣстахъ свои люди имѣются, что противъ тебя показать могутъ.

«Виду имъ не подаль, что угроза ихъ на меня пагубно подѣйствовала, — пишетъ Петръ Тимоѣевичъ, — напротивъ того, я достойно и прилично объявилъ имъ, что слову своему измѣны не сдѣлаю и хочу собственность отъ нихъ освободить».

— Богъ тебя судить будетъ, а не мы грѣшныя за обиду намъ, — «смирено и лукаво» проговорилъ Лукинъ, — мы за собой вины не чuemъ, потому что мы люди правдивые и на Господа упованіе имѣемъ неизмѣнное. Да будетъ Его святая воля, ибо ни единъ властъ съ головы не спадетъ безъ Его соизволенія.

Угроза Анѣисы тѣмъ не менѣе сильно встревожила дѣда, и онъ вернулся домой въ «угнетеніи духа». По опыту онъ зналъ хорошо, что при общей продажности тогдашней сибирской администраціи вполне было возможно взвалить какую угодно вину и на кого угодно, — всякое казусное дѣло было для «приказныхъ» источникомъ доходовъ, почему можно было допустить, что нелѣпое обвиненіе или даже безымянный доносъ примется, какъ «достоверное доказательство», и послужитъ стимуломъ для «волокуты» по судамъ. Зналъ также дѣдъ и сплоченность раскольниковъ, ихъ стойкость, когда дѣло касалось ихъ интересовъ, почему и могъ ожидать, какъ онъ писалъ, «всякихъ напастей и злокозненныхъ навѣтовъ» со стороны Анѣисы и ея «согласниковъ»-хлыстовъ.

Опасенія дѣда не замедлили оправдаться въ самомъ непродолжительномъ времени, — ему пришлось пережить дѣйствительно тяжелыя минуты. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу.

«Пріѣхалъ изъ Забайкалья ко мнѣ нѣкій человекъ, по фамиліи Бирскій, промышленникъ и торговецъ пушниной. Имѣлъ я съ нимъ дѣла, почему онъ прямо въ мой домъ и пожаловалъ. Старой вѣры онъ не держался, а около раскольниковъ много лѣтъ находился, почему всѣ ихъ обычаи доподлинно зналъ и вѣдалъ. Разказалъ я ему про Лукина и про Анѣисины угрозы и просилъ совѣта, какъ себя сберечь и предохранить отъ ихъ лукавства».

— А мой совѣтъ тотъ и будетъ, что мирись скорѣе, потому убережешься отъ нихъ невозможно, у нихъ рука длинная, вездѣ тебя достанутъ.

— Стало быть, мнѣ соумышленникомъ хлыстовъ сдѣлаться нужно!—въ негодованіи воскликнулъ дѣдъ.—Никогда! А если они добромъ съ заимки не уйдутъ, то я по-свойски съ ними распоряжусь.

— Не оборвись, Петръ Тимоѣевичъ, знаю я этихъ людей достаточно и могу тебѣ отъ чистаго сердца посовѣтовать не лѣзть противъ нихъ, потому они завсегда сильнѣе насъ будутъ, у нихъ между собой сплетеніе большое, и другъ противъ дружки стараются помощи оказывать, не то, что мы грѣшныя, къ слову сказать.

— Не боюсь я ихъ, хотя остерегаться буду,—упрямо твердилъ дѣдъ.

— Твое дѣло, Петръ Тимоѣевичъ, твое дѣло, я что зналъ, то и сказалъ по чистой совѣсти,—проговорилъ Бирскій.

Бирскій прожилъ въ Иркутскѣ у дѣда нѣсколько дней, и, какъ видно изъ мемуаровъ, не переставалъ «упреждать» дѣда, настоятельно совѣтуя итти съ хлыстами на мировую и не трогать ихъ съ заимки. Но не таковъ былъ мой дѣдъ, онъ не хотѣлъ «быть попустителемъ» вредныхъ «развратителей» и объявилъ имъ войну, начавъ ее съ того, что послалъ плотниковъ на заимку и велѣлъ имъ приступить къ разборкѣ службъ.

Плотниковъ встрѣтили на заимкѣ весьма дружелюбно, напоили ихъ до безчувствія пьяными и привезли на нѣсколькихъ телѣгахъ въ городъ, къ дому дѣда, гдѣ ихъ безъ церемоніи вывалили прямо на землю.

Послѣ этого трагикомическаго происшествія къ дѣду пришелъ знакомый и хорошо «воспособляемый» квартальный, который подъ величайшимъ секретомъ объявилъ, что на дѣда поступилъ доносъ, подписанный какимъ-то Клячковымъ. Въ доносѣ указывалось, что пріѣзжавшій изъ Забайкалья Бирскій есть не кто иной, какъ фальшивомонетчикъ, и что онъ привезъ немало ассигнацій для того, чтобы дѣдъ ихъ распространилъ. Кромѣ того, сообщалось, что и въ домѣ дѣда живутъ «лиходѣйные люди, смутьянствомъ зани-

мающіеся, а паче того фальшивыми деньгами, кои по заказу дѣда въ немаломъ количествѣ изготовляются». Клячковъ беретъ все это доказать и даже укажетъ, гдѣ спрятаны орудія преступнаго ремесла.

— По дружбѣ васъ предупреждаю, ибо васъ своимъ благодѣтелемъ считаю, — говорилъ квартальный и «усердно просилъ» его не выдавать, что онъ открылъ служебную тайну, которую онъ узналъ потому, что ему же и поручено будетъ дознаніе «учинить и приличную выемку имущества сдѣлать».

Несмотря на болѣе, чѣмъ очевидную опасность, дѣдъ рѣшилъ все-таки не сдаваться и бороться до послѣднихъ силъ. Онъ позвалъ къ себѣ всѣхъ своихъ служащихъ, которыхъ у него было немало, а раскольника Рогачева, служившаго у него, онъ послалъ въ Кяхту «сохраненія ради отъ соблазна», и рассказалъ, что хотятъ съ нимъ продѣлать хлысты, т.-е. главнымъ образомъ Анеиса, такъ какъ остальные члены ея «корабля» были только послушнымъ орудіемъ въ ея рукахъ.

— Обыски у меня будутъ, такъ вы поосмотритесь, чтобы ничего такого, что на сомнѣніе полицію навести могло, ну, книги тамъ разныя, тетради, письма и все такое прочее. Да осмотрите рачительно садъ и огородъ, гряды всѣ переройте, не положено ли тамъ чего зловреднаго. Въ чуланахъ, въ кладовыхъ, въ подполицахъ осмотрите, въ старыхъ цибикахъ отъ чая, въ ящикахъ, словомъ, вездѣ осмотрите, ничего безъ вниманія не оставьте. Да нельзя ли черезъ людей узнать про этого Клячкова, что онъ за человѣкъ? Когда все сдѣлаете по моему приказу, мнѣ обстоятельно повѣдайте.

Предусмотрительность дѣда оказалась далеко не лишнею и, можно положительно утверждать, спасла его отъ огромныхъ затрудненій. Суть въ томъ, что въ огородѣ, въ одной изъ грядъ были найдены формы для отливки серебряныхъ рублей и деревянная доска, съ грубо вырѣзанной матрицей ассигнацій. Эту страшную находку дѣдъ приказалъ «рачительно» уничтожить и о ней никому не говорить. Что же касается до Клячкова (доносчика), то о немъ узнали, что онъ рьяный раскольникъ, но совершенно ничтожный человѣкъ, готовый ради денегъ служить «нашимъ и вашимъ».

Вскорѣ послѣ «очистки» дома отъ «лиходѣйныхъ подкидокъ» нагрянула полиція, руководимая Клячковымъ, принялась рыться въ огородѣ, гдѣ, конечно, ничего предосудительнаго не нашла. При этомъ произошелъ комическій инцидентъ такого рода: послѣ долгихъ и утомительныхъ поисковъ, не давшихъ ожидаемыхъ результатовъ, «знакомый» дѣда, квартальный, обратился къ Клячкову съ упрекомъ и пригрозилъ ему внушительно за ложный доносъ.

— А, ей-Богу же, было зарыто, — наивно проговорилъ Клячковъ.

— Почему же ты это знаешь?—сурово спросилъ квартальный:— не ты ли самъ и зарывалъ? Не отпирайся лучше, а говори правду.

— Знаю, что было зарыто, а кто зарывалъ, не знаю,— упрямо отпирался Клячковъ.

— Что же было зарыто?—продолжалъ допрашивать квартальный.

— Форма и доска были зарыты.

— Кто же тебѣ ихъ далъ?—въ упоръ спросилъ квартальный.

— Матушка дала, богородица наша,— наивно отвѣчалъ доноситель.

— Что, что, богородица? — возвысилъ голосъ полицейскій чиновникъ. — Какая богородица, это что еще за новости? Взять его и связать,—скомандовалъ квартальный своимъ подчиненнымъ солдатамъ. Тѣ бросились было на проговорившагося Клячкова, но онъ отбѣжалъ въ темный уголь огорода, вскарабкался на заборъ и пустился бѣжать по улицѣ, къ которой заборъ примыкалъ. Солдаты бросились за нимъ, за солдатами устремился самъ квартальный, и вся компанія, къ удивленію прохожихъ, помчалась по улицѣ съ криками: «лови, держи». Но Клячковъ успѣлъ перемахнуть еще черезъ какой-то заборъ и пропалъ изъ глазъ полицейскихъ, вѣроятно, спрятавшись гдѣ нибудь въ чужомъ дворѣ.

Но этимъ эпизодомъ не кончились мытарства дѣда по нелѣпому обвиненію его въ выдѣлкѣ фальшивыхъ денегъ: дѣда таскали по судамъ, много разъ допрашивали, и только послѣ «уплаты большой халтуры» дѣло не прекратили, а ухитрились «замять», но настолько прочно, что оно болѣе не всплывало на свѣтъ.

Къ Анеисѣ полиція привязалась очень сильно, и хлысты должны были откупаться солидными деньгами отъ частыхъ и назойливыхъ визитовъ квартальныхъ и другихъ высшихъ и низшихъ чиновъ полиціи и мѣстной власти, чтобы «дѣло о непристойномъ, кощунственномъ и совершенно богохульномъ дѣяніи» раскольничьей уставщицы лежало подъ спудомъ. Анеиса приписывала эти «злые козни» влиянію моего дѣда, почему продолжала измышлять, чѣмъ бы досадить «ея обидчику», т.-е. Петру Тимофеевичу, но до поры до времени не обнаруживала своихъ плановъ, желая усыпить подозрительность и застать врасплохъ. Случай скоро представился, и она не преминула имъ воспользоваться.

Дѣдъ мой уѣзжалъ въ Енисейскъ и назначилъ день отправления, но наканунѣ на дворъ было брошено «подметное письмо», въ которомъ дѣда «упреждалъ» какой-то неизвѣстный другъ о готовящемся на него нападеніи близъ Тельминской станціи (верстахъ въ 60 отъ Иркутска). Вѣрный своей привычкѣ смотрѣть прямо въ глаза опасности и смерти, дѣдъ не внялъ предупрежденію и отправился, захвативъ съ собой только лишняго приказчика. Дѣйствительно, нападеніе совершилось, но крайне неудачно для нападающихъ: они успѣли ранить пулей ямщика, а сами въ пере-

стрѣлкѣ потеряли тяжело раненыхъ двухъ человекъ, которыхъ дѣдъ привезъ въ Тельму и въ одномъ изъ раненыхъ узналъ... Лукина. Дѣдъ хотѣлъ было замять это происшествіе, но не могъ, и дѣло со всеѣми волокитами сибирскихъ судовъ потянулось на многіе годы. Благодаря этому преступленію, открылось, что на заимкѣ, гдѣ совершались хлыстовскія «радѣнія», подъ руководствомъ Анеисы, благополучно выдѣлывались фальшивыя деньги и другіе документы, до паспортовъ включительно. Но когда шайку хотѣли накрыть, то оказалось, что коноводы успѣли скрыться, въ томъ числѣ и Анеиса, съ которою мой дѣдъ встрѣтился много лѣтъ спустя въ... Петербургѣ, при обстановкѣ, ничѣмъ не напоминающей сибирскую. Лукинъ выздоровѣлъ, былъ осужденъ, но бѣжалъ изъ острога и скрылся неизвѣстно куда.

Не меньшій интересъ представляетъ собой личность авантюристки изъ «высшаго круга», какъ пишетъ дѣдъ въ запискахъ, нѣкоей французенки дю-Брейль, прибывшей въ Иркутскъ вмѣстѣ съ сосланнымъ (въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка) полякомъ Сандромирскимъ, тоже авантюристомъ, долгое время разыгрывавшимъ изъ себя «жертву политическаго террора», но оказавшимся на самомъ дѣлѣ человекомъ очень низкопробнымъ и сосланнымъ за какое-то мошенничество, ничего общаго не имѣвшее съ политикой.

«Посѣтила насъ,—заноситъ дѣдъ въ мемуары,—важная особа, французская маркиза Анжелика дю-Брейль, а съ ней какой-то Сандромирскій. Въ очень затруднительное положеніе насъ поставили сіи люди, мы только слушали и ничего не понимали, что они намъ толковали. По-русски оба говорятъ плохо, а мы по-ихнему мало разумѣемъ, вышло вавилонское смѣшеніе языковъ. Но я кое-какъ уразумѣлъ, что они пожаловали къ намъ «веселости дѣлать», но что у нихъ сейчасъ нѣтъ денегъ. Показывали какія-то записки и, не скрываясь, намекъ мнѣ такой дали, чтобы я ихъ деньгами снабдилъ, пока они изъ своихъ помѣстій въ Польшѣ получаютъ. Отказалъ, потому всякимъ незнаемымъ личностямъ не потатчикъ и не покровитель».

Изъ слѣдующихъ записей дѣда можно думать, что Анжелика дю-Брейль и ея спутникъ жизни Сандромирскій успѣли завоевать себѣ симпатіи, увѣривъ всѣхъ, что «въ Польшѣ остались сильные покровители, которые, какъ только политическія событія примутъ болѣе спокойный характеръ, вышлютъ деньги и даже помогутъ главнымъ образомъ Анжеликѣ успѣшно исполнить свою таинственную миссію, наложенную на нее, по ея словамъ, не кѣмъ инымъ, какъ самимъ римскимъ папой».

Что всего удивительнѣе въ похожденіяхъ этихъ двухъ авантюристовъ,—это довѣріе къ нимъ такихъ личностей, какъ губернаторъ, приказавшій полиціи «никакихъ утѣсеній» имъ не дѣлать и даже «оберегать».

Анжелика дю-Брейль, несомнѣнно, имѣла какія-то связи съ Римомъ и получала оттуда письма, которыя ей доставлялись и по почтѣ и съ разными посланцами. Жизнь она вела довольно открытую, являлась на вечера, балы, и за ней волочилась мѣстная аристократическая молодежь. Одинъ изъ молодыхъ купеческихъ сынковъ, только что получившій большое наслѣдство послѣ умершаго отца, возымѣлъ намѣреніе жениться на Анжеликѣ и сталъ настойчиво за ней ухаживать, что не нравилось Сандромирскому, и на одномъ изъ баловъ онъ «пригрозилъ» купчику дуэлью. Но тотъ не растерялся, а публично ударилъ поляка и назвалъ его шулеромъ и мошенникомъ. Вышла неприятная исторія, замѣть которую взялась сама Анжелика. Какъ она ухитрилась помирить соперниковъ, это неизвѣстно, и въ запискахъ дѣда ничего не говорится объ этомъ инцидентѣ, но утверждается, что въ скоромъ времени послѣ этой ссоры молодой купчикъ былъ найденъ за городомъ зарѣзаннымъ и обобраннымъ. Городская молва приписывала это преступленіе Сандромирскому, но онъ доказалъ свое «alibi», и его къ суду не привлекли, а объ Анжеликѣ никто и не заикался. Вскорѣ послѣ этого случая, когда уже толки и слухи объ убійствѣ купчика почти утикли, Анжелика одержала новую побѣду надъ сердцемъ нѣкоего Демьянкова, московскаго коммерсанта, пожилаго человѣка, пріѣхавшаго въ Иркутскъ по дѣламъ на короткое время и застрявшаго, благодаря чарамъ дю-Брейль.

«Анѳимій Терентьевичъ совсѣмъ съ ума спятилъ, — пишетъ дѣдъ, — сталъ рядиться въ кургузое платье и бороду обрилъ. Смѣшнымъ мнѣ показалось сіе суетное мечтаніе себя одеждой молодымъ сдѣлать, но болѣе того скверно, что онъ долгъ свой супружескій забылъ и, какъ послѣдній изъ послѣднихъ людей, обѣты свои, передъ Богомъ данные, попралъ. А все это проклятая французенка, что и Анкудинова погубила, ибо это ея и приспѣшника ейнаго рукъ поганыхъ дѣло».

Для Анѳимія Терентьевича его ухаживаніе кончилось тоже трагически: онъ тоже погибъ отъ ножа тайнаго убійцы, но не на дорогѣ, а въ своей квартирѣ, при чемъ было констатировано полное ограбленіе.

Тутъ уже власти всполошились не на шутку, и слѣдствіе было поведено болѣе энергично, чѣмъ по первому преступленію. Но, несмотря на самые тщательные розыски, на старанія мѣстнаго Леккока, квартальнаго Абрамова, никакихъ слѣдовъ убійцъ обнаружить не удавалось.

«Но тайное сдѣлалось явнымъ, — пишетъ въ мемуарахъ дѣдъ, — и невинно пролитая человѣческая кровь не останется не отомщенной: убійца обоихъ несчастныхъ найденъ. Невидимый перстъ Божій указалъ на него.

«Приходитъ ко мнѣ Сидоркинъ (довѣренный дѣда, жившій на «вольной» квартирѣ, а не въ домѣ дѣда) и говоритъ мнѣ:

— Петръ Тимоѳеевичъ, дозвольте душу облегчить и въ грѣхѣхъ покаяться.

— Что ты такое содѣялъ? — спросилъ испуганный дѣдъ: — въ чемъ ты хочешь каяться и почему ты такъ сильно встревоженъ?

— Все объясню, только выслушайте Христа ради.

— Говори, я слушаю.

— Вы знаете, батюшка, Петръ Тимоѳеевичъ, что я въ домѣ Анкудинова стою, въ томъ самомъ, гдѣ убитаго московскаго купца нашли?

— Знаю. Ты что же свидѣтелемъ убійства не былъ ли? — съ тревогой сказала дѣдъ, предчувствуя недоброе.

— Былъ, батюшка, Петръ Тимоѳеевичъ, былъ. Видѣлъ все душегубство и доказать могу, кто сіе злоумышленіе и содѣялъ.

— Какъ же это случилось, что ты свидѣтелемъ былъ, и тебя не замѣтили? Смотри, Сидоркинъ, не облыгай напрасно, а то и тебя не помилуютъ и причастнымъ дѣлу сочестъ могутъ.

— Этого-то я и боялся, да и теперь боюсь, но только совѣсть заставляеть такого злодѣянія не покрывать. Долго я въ нерѣшеніи находился, молиться ходилъ и просилъ для себя напутственнаго наставленія у Вседержителя. А главное казаться мнѣ это самое злодѣяніе зачало, сна рѣшился и отъ ѣды совѣтмъ отшибло. Прямо долженъ говорить, что не подъ силу терпѣть стало, я къ вамъ и обратился,—все расскажу и душу облегчу.

— Садись, выпей вотъ водицы холоденькой и толково рассказывай, а потомъ и подумаемъ, что дѣлать, что предпринять по сему случаю.

— Видите, какъ было дѣло. Купецъ-то проживалъ въ низу. Понятно, на ночь ставни наглухо закрывались, какъ съ улицы, такъ и со двора. А на этотъ самый разъ вьюга злющая была, вѣтромъ-то одинъ ставень и пріоткрыло, да еще къ тому его за гвоздь зацѣпило, онъ и не бултыхался, не хлопалъ. Я же не въ самомъ домѣ проживаю, а во флигелькѣ, что какъ разъ супротивъ того окна, что съ открытымъ ставнемъ было. Въ ту пору у меня разныхъ счетовъ поднакопилось, такъ я ихъ въ порядокъ и сталъ приводить,—сичу себѣ, считаю да костяшками побрякиваю. Слышу: вдругъ, ровно кто во дворъ вѣхалъ и ворота за собой запираеть и бастрыкомъ (толстой палкой) ихъ подпираеть. Хозяинъ, думаю, пріѣхалъ, и опять за свое дѣло взялся. Какъ разъ въ это время у меня ставень и отворись, вѣтромъ его отперло, ну, я и вышелъ, чтобы его закрѣпить, потому у меня во флигелѣ ставни безъ внутреннихъ баутовъ (болговъ) сдѣланы, а на деревянныхъ вертушкахъ. Вышелъ я и гляжу на коней: что, молъ, за притча, знакомые кони, а чьи—признать не могу. Къ кибиткѣ подошелъ, хотѣлъ ямщика или конюха спросить, а его и нѣту въ кибиткѣ. Тутъ только я рассмотрѣлъ, что кибитка городская, а не почто-

вая, и подумалъ, что, должно, конюхъ въ горницу аль въ кухню грѣться ушелъ. Я хотѣлъ уже домой вернуться, да меня ровно что подтолкнуло къ окну подойти и въ него поглядѣть, благо, оно не замерзши было. Подошелъ, да такъ и застылъ на мѣстѣ.

— Что же ты увидаль?—съ величайшимъ нетерпѣніемъ спросилъ дѣдъ остановившагося рассказывать Сидоркина.

— Дайте духъ перевести. Охъ, Господи, вотъ страсти-то я увидаль, не приведи, Боже. Вижу я, какъ на колѣняхъ стоитъ купецъ, а голова его кверху задрана, и за бороду его держитъ мужчина. Ротъ же у купца платкомъ или тряпкой заткнутъ. Мужчина-то сзади купца стоялъ, а передъ купцомъ женщина просто-волосая стбитъ и на купца смѣтрить. Потомъ женщина, должно, что сказала мужнинѣ, а тотъ какъ полоснетъ купца по горлу ножомъ, такъ тотъ весь въ крови и повалился на полъ. Купецъ-го, ровно пѣтухъ зарѣзанный, трепетаться зачалъ, такъ мужчина вдругорядъ его по горлу полоснулъ. У меня въ головѣ помутилось, себя не помню, и не знаю, какъ и до дому добрался, какъ дверь отворилъ и какъ на постель повалился. Не знаю, долго ли, маю ли я такъ въ родѣ того, какъ въ безпамятствѣ лежалъ, а когда очухался, то меня страшная оторопь взяла, и я изъ дому, ровно оглашенный, убѣжалъ. Вѣтромъ-то меня пообдуло, разумъ въ полной мѣрѣ ко мнѣ вернулся, я тогда въ контору пошелъ, а оттуда въ амбаръ товары провѣрять. А самъ все думаю, какъ же мнѣ теперь быть, итти въ полицію, или нѣтъ. Если итти, думаю, то какъ бы меня не засудили, потому у насъ это бывало, а не итти опять худо. Главное дѣло, не могу я сказать, кто убійцы-то были, незнакомые мнѣ совершенно, да еще къ тому въ платкахъ закутанные поверхъ одежды и шалки, — никакъ не узнать при такомъ нарядѣ.

— А въ лицо если бы ты ихъ увидаль, ты бы призналъ?

— Полагаю, что призналъ бы. Такъ какъ же мнѣ теперь быть, итти въ полицію, объявку дѣлать, или нѣтъ? Какъ вы рѣшите, такъ я и сдѣлаю, батюшка, Петръ Тимоѣевичъ.

— Погодить нужно, погодить. Когда время настанетъ, я тебя позову. А теперь ступай, да держи языкъ за зубами, никому ни полсловечка. Слышишь? Таковъ мой тебѣ приказъ.

«Сколь я ни раздумывалъ и ни размышлялъ, — пишетъ дѣдъ въ запискахъ, — я все болѣе и болѣе укрѣплялся въ томъ, что оба убійства совершили не кто иные, какъ французинка и ея полякъ, и Сидоркинъ ихъ обоихъ и видаль черезъ окно. Вступило мнѣ въ голову, что долженъ я помочь схватить преступниковъ и не дать безнаказанно торжествовать имъ. Если сейчасъ объявку въ полицію сдѣлать, то изъ сего путнаго, пожалуй, не выйдеть, ибо у насъ все еще нѣтъ добропорядочнаго благоустройства въ снхъ оказаніяхъ, и часто невиннаго вмѣсто виновнаго въ

темницу ввергають. Придумалъ я такое, что можетъ дать Абрамову возможность въ сомнѣніяхъ утвердиться и доподлинно узнать, можно ли этихъ двухъ людей за человѣкоубійцу считать».

Придумалъ же дѣдъ слѣдующее: онъ уговорилъ одного изъ своихъ пріятелей-купцовъ вечеринку устроить и на нее пригласить Анжелику и Сандромирскаго, а Сидоркинъ долженъ тоже на вечеринкѣ присутствовать, но «тайно», и, всмотрѣвшись въ дю-Брейль и въ ея спутника, удостовѣрить, они ли были убійцами московскаго купца.

Замыселъ удался, какъ нельзя лучше. Абрамовъ вмѣстѣ съ Сидоркинымъ стояли въ залѣ и наблюдали за танцующими. Вдругъ Сидоркинъ вздрогнулъ и ухватилъ Абрамова за руку.

— Она это, — прошепталъ онъ, — Христомъ Богомъ клянусь, что это она.

— Которая? — спросилъ квартальный, переодѣтый «въ партикулярное платье».

— Вотъ та, что съ опухолью идетъ, — указывалъ Сидоркинъ на Анжелику, а самъ дрожалъ отъ охватившаго его волненія.

— А мужчины здѣсь нѣтъ?

— И онъ здѣсь. Вотъ тотъ самый, что съ хозяиномъ разговариваетъ, — указалъ Сидоркинъ на Сандромирскаго: — это онъ горло купцу рѣзалъ, я его призналъ.

Прямо съ вечеринки Абрамовъ бросился, забывъ даже переодѣться, къ губернатору и просилъ доложить, что онъ пришелъ по «неотложному дѣлу». Несмотря на поздній часъ, губернаторъ принялъ Абрамова, но отнесся весьма скептически къ его словамъ.

— Хорошо-съ, разрѣшаю вамъ произвести обыскъ, и если нужно, то можете и арестовать, но предупреждаю, что въ случаѣ вашей ошибки вы жестоко поплатитесь. Постарайтесь потому не придавать дѣлу огласки, а сдѣлайте, по возможности, келейно, безъ помпы и безъ шума.

Такое напутствіе не особенно подбодрило Абрамова; и онъ даже подумывалъ оставить свое намѣреніе, тѣмъ болѣе, что онъ дѣйствовалъ на свой рискъ, не спрашивая своего прямого начальства, бывшаго въ то время всегда въ состояніи «взынченномъ», благодаря неуявленному возмѣненію.

Абрамовъ рассказывалъ моему дѣду, съ какимъ страхомъ онъ поѣхалъ къ Анжеликѣ на обыскъ въ ту же ночь, и какъ ему удалось точно установить фактъ ея непосредственнаго участія въ обоихъ убійствахъ.

— Приѣхалъ я и нѣсколько человѣкъ наскоро собранныхъ понятыхъ къ дому, занимаемому французкой. Постучались, намъ отворилъ высокій человѣкъ въ кунтушѣ и, увидавъ полицейскій мундиръ, не зналъ, что дѣлать, — до того онъ растерялся. Зажгли свѣчи и начали обыскъ. Черезъ самое короткое время приѣхала

хозяйка квартиры, госпожа дю-Брейль, съ своимъ неизмѣннымъ спутникомъ и обрушилась на насъ съ крикомъ и бранью. Но я не смутился и, приказавъ солдатамъ не выпускать ихъ изъ комнаты, продолжалъ дѣлать обыскъ. Сперва я ничего не находилъ и уже началъ трусить, что долженъ поплатиться за свою ретивость къ службѣ. Но когда прошли мы въ спальню, сняли коверъ съ пола, то французенка поблѣднѣла, и съ ней сдѣлалось дурно. Приказалъ ей подать воды, а самъ топоромъ поднялъ половицу и подъ ней увидалъ цѣлое хранилище, наполненное вещами, среди которыхъ была мѣховая шуба мужская, шапка бобровая и нѣсколько вещей, принадлежавшихъ молодому купчику и покойному Анемию Терентьевичу Демьянкову.

— Откуда у васъ эти вещи?—спросилъ Абрамовъ Сандромирскаго.

— Не знаю, здѣсь я не живу, мои комнаты дальше, — едва могъ выговорить полякъ.—Эти вещи находятся у госпожи дю-Брейль,—вы ее спросите.

— Какъ, ты вотъ что говоришь!—вдругъ взвизгнула французенка на чистомъ русскомъ языкѣ,—ты на меня все хочешь свалить? Ну, такъ знай, что я тебя щадить не буду и все расскажу.

Анжелика призналась во всемъ и указала на Сандромирскаго, какъ на главнаго виновника совершенныхъ преступленій. Понятно, арестовали ихъ обоихъ, и на мой докладъ губернатору онъ мнѣ замѣтилъ, что «никакъ не ожидалъ такихъ поступковъ отъ такой прекрасной женщины».

Кончилась эта эпопея совершенно неожиданно вытребованіемъ Анжелики въ Петербургъ, откуда она, какъ значится въ дѣдовскихъ запискахъ, была, по требованію изъ Рима, выслана за границу, а Сандромирскій ухитрился бѣжать изъ острога, и дальнѣйшая его участь осталась дѣду неизвѣстной.

Рядомъ съ людьми, занимавшимися преступными дѣлами, находились въ Сибири тоже таинственныя личности, отдававшія себя исключительно гуманизму и боровшіяся съ неправдой, въ чемъ бы она ни проявлялась, начиная съ взяточничества и кончая укрываніемъ отъ людскаго суда тѣхъ, кто въ силу рокового стеченія обстоятельствъ долженъ былъ томиться долгіе годы въ тюрьмѣ, ожидая разбора своего дѣла. Такихъ людей, которымъ приходилось испытывать на себѣ тяжелую руку сибирской Феиды, было немало, и всѣ они искали защиты у немногихъ поборниковъ законности и дѣйствительнаго, а не «бумажнаго» только правосудія, основывавшаго свои приговоры на далеко не провѣренныхъ данныхъ, добытыхъ нерѣдко «принудительнымъ» путемъ, т.-е., попросту говоря, «дозволеннымъ пристрастіемъ», въ родѣ, на примѣръ, кормленія соленой пищей и оставленія «до признанія» безъ питія.

«Приходилъ ко мнѣ, — начинаетъ свою запись въ январѣ 1819 года мой дѣдъ,—нѣкій старецъ, по имени Селиверстъ, и удо-

стоялъ меня душеспасительной бесѣдой. Говорили мы долго о порядкѣ богоугодной жизни и незамѣтно перешли и на другіе разговоры. Много толковали объ Отечественной войнѣ и врагѣ нашемъ Наполеонѣ. Сей старецъ мнѣ много такого сообщилъ, о чемъ я и понятія не могъ имѣть, ибо нужно было для этого въ близостяхъ высокопоставленныхъ людей быть, а не жить среди глухой и отдаленной Сибири. Подивился я немало такимъ свѣдѣніямъ у старца и осмѣлился ему о томъ замѣтить. Но онъ нимало не смутился, а улыбнулся и проговорилъ: что «мало ли какихъ на свѣтѣ превращеній не бываетъ». Старца же сего я зналъ въ Енисейскѣ, встрѣчая его у Антонова, родственника нашего, у котораго старецъ нѣкое время и проживалъ на заимкѣ, гдѣ устроилъ себѣ моленную комнатку».

— Вы говорите, о. Селиверстъ, что лично Наполеона видѣли? Какъ же это случилось, при какихъ обстоятельствахъ, если можно, то не соблаговолите ли мнѣ сіе повѣдать?

— Не только видѣлъ, но и даже говорилъ съ нимъ.

«Въ изумленіе большое пришелъ я отъ такихъ словъ, и признаться долженъ, что смутился и невѣріе въ себѣ ощутилъ», — стоять у дѣда въ мемуарахъ.

— При какомъ же случаѣ вамъ довелось имѣть бесѣду съ симъ злодѣемъ рода человѣческаго? Вы, сколь мнѣ то вѣдомо, со словъ Семена Петровича (Антонова), больше къ божественному наклонность имѣете и мірской жизнью пренебрегаете?

— Всего было, всего было, — съ сокрушеннымъ вздохомъ сказалъ о. Селиверстъ, — и пока я не позналъ всю суетность нашей жизни, то не пренебрегалъ и всѣмъ, что доступно человѣку, живущему съ людьми и имѣющему большія денежныя средства. Былъ я, Петръ Тимоѣевичъ, и свѣтскимъ человѣкомъ, зналъ радости и печали, что на долю живущихъ въ большомъ мірѣ выпадаютъ, и самъ жилъ ими и думалъ, что лишь въ нихъ и заключается радость человѣческаго бытія. Вотъ вы удивляетесь, что я съ Наполеономъ бесѣдовалъ, а я вамъ скажу на это, что эта-то именно бесѣда и открыла мнѣ глаза на суетность и ничтожество земного величія. Бывалъ я, Петръ Тимоѣевичъ, въ Парижѣ, и тамъ меня друзья мои и представили, какъ вы его называете, «злодѣю рода человѣческаго». Не безъ страха и смущенія предсталъ передъ нимъ, но послѣ первыхъ же словъ увидалъ, что и онъ такой же суетный человѣкъ, какъ и всѣ другіе, и даже суетнѣе ихъ. И еще мнѣ тогда на мысль пришло, что нужно скорѣе отрѣшиться отъ этой суетности, скинуть съ себя мишуру позолоченную и посвятить себя служенію высшимъ проявленіямъ человѣческаго бытія. Прозрѣлъ я тогда и увидалъ, что задача моя выше и благороднѣе. Не скрою, что переработать себя, сбросить прежнюю оболочку стоило мнѣ труда огромнаго, и часто я впадалъ въ уныніе, что поднялъ бремя,

не соразмѣривши силъ своихъ. Но теперь, благодаря неустанной работѣ надъ собой, я поборолъ многія трудности и нахожусь на пути къ тому, что составляетъ мою конечную и завѣтную цѣль.

— Значитъ, вы не старецъ Селиверстъ? — рѣшился спросить дѣдъ.—Кто же вы?

— Зачѣмъ вамъ знать, кто я? Судите меня по дѣламъ моимъ и воздайте по заслугамъ. Во мнѣ умеръ прежній человѣкъ и воскресъ другой, который называется старцемъ Селиверстомъ. Достоинъ ли я носить это имя, показываютъ дѣла мои, но никогда не называю я себя монахомъ, ибо я чина посвященія не удостоился, а прохожу лишь чинъ послушанія.

«Еще болѣе смутился я, — говоритъ дѣдъ въ мемуарахъ, — и не зналъ, какъ и величать того, кого я почиталъ за блаженнаго старца».

— Не смущайтесь, Петръ Тимоѳеевичъ, — сказалъ, какъ бы въ отвѣтъ на мысль дѣда, Селиверстъ, — одежда это — внѣшность, подъ ней можетъ скрываться такое внутреннее содержаніе, что вы отвернетесь отъ того человѣка. Заглядывайте въ душу, а не смотрите на одѣяніе, кое можетъ быть надѣто для лучшаго сокрытія сокровеннѣйшихъ мыслей и побужденій. Придетъ мой часъ, и я откроюсь, ибо тогда мнѣ не нужно будетъ скрываться, но этотъ часъ еще не насталъ, и моя задача не кончена.

— Что же вы хотите дѣлать? — встревожась спросилъ дѣдъ.

— Хочу убогихъ, сирыхъ и несчастныхъ собирать и имъ помогать, какъ умѣю и какъ могу. Ко мнѣ уже приходятъ люди всякаго званія и свои горести мнѣ передаютъ и утѣшенія просятъ въ скорбяхъ. И подаю я имъ утѣшеніе, сколь могу, сколь въ силахъ бываю. А вы сами знаете, что въ Сибири лютости много, и отъ этой лютости страданія множество людей пріемлютъ. Кто же утретъ слезы ихъ, кто въ страшный, предсмертный часъ принесетъ имъ утѣшеніе, и кто пріютитъ бездомныхъ, осиротѣлыхъ, кто научитъ видѣть свѣтъ? Кто? — я васъ спрашиваю.

— Не подъ силу такая задача одному человѣку, — прошепталъ дѣдъ.

— Вѣрно вы говорите, что не подъ силу. Но унывать не нужно; дѣлать святое дѣло найдется немало людей, — нужно только имъ указать, какъ его дѣлать, и кто нуждается въ истинномъ утѣшеніи. И и хожу по Сибири и призываю на это дѣло и злу противопоставляю добро. И скажу вамъ, что брошенное мною сѣмя не упало на каменистую почву, оно уже даетъ ростки, и, Богъ дастъ, окрѣпнетъ и выростетъ въ большое дерево.

— Давай вамъ Богъ, — проговорилъ дѣдъ, — а я вамъ первый помощникъ.

Но не долго пришлось Селиверсту «сѣять доброе сѣмя», — власти не признали за нимъ права благотворить, схватили его, какъ

бродягу, и послади въ Нерчинскіе рудники. Но и тамъ не прекращалась благотворная дѣятельность Селиверста, и тамъ среди отверженныхъ людей не переставалъ онъ заботиться о «малыхъ сихъ», поучая ихъ добру и вызывая у нихъ проявленія заснувшей совѣсти. Въ Нерчинскѣ, однако, Селиверстъ пробылъ не особенно долго, — ему какими-то способами удалось освободиться отъ каторги. и онъ опять появился въ Иркутскѣ и снова посѣтилъ моего дѣда. Дѣдъ былъ до крайности удивленъ, увидавъ его здоровымъ и невредимымъ и снова готовымъ итти навстрѣчу горю и несчастью.

— Устраиваю теперь страннопріимный домъ, — говорилъ Селиверстъ дѣду: писалъ объ этомъ въ Петербургъ, гдѣ уже считаютъ меня давно умершимъ, и съ волненіемъ жду отвѣта. А пока до вольствуюсь малымъ: — собираю бездомныхъ и даю имъ пріютъ. И все это приходится тайкомъ дѣлать, боясь и непрерывно оглядываясь, ибо я-то безправный человѣкъ, и меня ежеминутно могутъ опять услатъ туда, откуда я съ такимъ трудомъ едва вырвался.

Этимъ свѣдѣніемъ кончаются записи дѣда о Селиверствѣ, и только въ концѣ мемуаровъ онъ приводитъ свой разговоръ съ какимъ-то чиновнымъ лицомъ (фамилія, къ сожалѣнію, не названа), съ которымъ ему пришлось говорить въ Петербургѣ.

«Разговорились о Сибири, — стоитъ въ запискахъ, — съ Николаемъ Ѳедоровичемъ, и онъ меня спрашиваетъ, не встрѣчалъ ли я тамъ нѣкоего полусумасшедшаго монаха, по имени не то Степана, не то Самсона.

— Нѣтъ, говорю, такого не знаю, а бывалъ у меня нѣкій Селиверстъ, который полумонашеское одѣяніе носилъ, такъ тотъ, говорю, въ здоровомъ умѣ находился, но многими людьми осуждаемъ былъ за свои поступки, хотя они и были только ко благу всѣ направлены.

— Это онъ и есть, — сказалъ Николай Ѳедоровичъ, — онъ и есть. Представьте себѣ, онъ на хорошей дорогѣ стоялъ, могъ дойти до высокихъ степеней по службѣ и вдругъ все бросилъ, скрылся неизвестно куда и юродствовать началъ. Сюда только одно письмо прислалъ о какихъ-то пріютныхъ домахъ, но только опоздалъ, всѣ его родные отказались отъ него, а большинство изъ нихъ и умерло на полѣ битвы подъ Бородинымъ, что онъ долженъ былъ хорошо знать. Изъ этого поступка и увидали, что онъ безнадеженъ, и выхлопотали, чтобы его помѣстили въ какой-то домъ для умалишенныхъ, или что-то въ этомъ родѣ. Тамъ онъ и скончался.

— Какъ фамилія его, вы знаете? — осмѣлился спросить я Николая Ѳедоровича.

— Знаю, но, къ сожалѣнію, сказать не могу, — это чужая семейная тайна, раскрыть которую я права не имѣю, тѣмъ болѣе, что этой семьѣ и я прихожусь не чужимъ.

«Говорили мнѣ потомъ, что въ одной семьѣ дворянской былъ ушедшій тайно и по своей волѣ въ Сибирь одинъ родичъ ихній, и называли фамилію Бороздинъ, но, сколь сіе вѣрно, не знаю, хотя невѣроятнаго въ томъ не нахожу».

Здѣсь будетъ умѣстно, смѣю думать, сказать нѣсколько словъ о другомъ таинственномъ старцѣ, знаменитомъ «благословенномъ старцѣ Ѳеодорѣ Кузьмичѣ», скончавшемся въ началѣ шестидесятихъ годовъ въ Томскѣ. Въ запискахъ дѣда я, пока, ничего на нашель о немъ, но у меня въ одной изъ записныхъ книжекъ внесень, по памяти, разговоръ о немъ съ моей теткой А. П. Басниной. Вотъ что между прочимъ записано въ книжкѣ.

— Вы, конечно, А. П., слышали о старцѣ Ѳеодорѣ Кузьмичѣ?—спросилъ я.

— Не только слыжала, но и видала его.

— Скажите мнѣ, кто, по вашему мнѣнію, могъ быть этотъ старецъ? Въ Сибири о немъ существуетъ много легендъ.

— Я не знаю, но думаю, что этого никто, кромѣ двухъ, трехъ лицъ, не знаетъ. Во всякомъ случаѣ, кто бы онъ ни былъ, его нужно считать за великаго подвижника, совершившаго высокій подвигъ, который подъ силу лишь исключительнымъ людямъ.

— Въ чемъ же состоялъ его подвигъ, такихъ отшельниковъ и старцевъ немало въ Россіи?—проговорилъ я опрометчиво по молодости лѣтъ.

— Ты спрашиваешь, въ чемъ былъ его подвигъ, и находишь его не исключительнымъ,—заволновалась А. П.,—тебѣ не стыдно такъ выражаться о человѣкѣ, который...—Тутъ вдругъ А. П. спохватилась и сразу замолчала. Я посмотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ и хотѣлъ продолжать разговоръ на эту тему, но она замала руками и сказала лишь, что «разговоръ объ этомъ конченъ».

— Одно только слово,—спросилъ я.

— Ни звука,—категорически заявила А. П., и мнѣ, скрѣпя сердце, пришлось покориться.

Много лѣтъ спустя послѣ этого разговора, мнѣ выпалъ случай бесѣдовать съ авторомъ «Записокъ охотника Восточной Сибири», А. А. Черкасовымъ, и коснуться этой же темы. Но почтенный мой собесѣдникъ, къ сожалѣнію, безвременно скончавшійся, высказалъ настолько опредѣленное мнѣніе о личности Ѳеодора Кузьмича, что я тогда же выразилъ мое полнѣйшее сомнѣніе въ возможности такого факта.

— Неужели вы допускаете, что это могъ быть императоръ Александръ Первый?

— Допускаю,—мало того, я даже увѣренъ въ этомъ.

— Легенда это, не болѣе, весьма, нужно признать, замѣчательная легенда, но все-таки не фактъ.

Черкасовъ пожалъ плечами и улыбнулся.

— Скажите, въ такомъ случаѣ, кто бы могъ быть другой?

— Не знаю. Но убѣжденъ, что это былъ одинъ изъ тѣхъ таинственныхъ людей, которыхъ въ Сибири всегда немало. Скорѣе всего это былъ одинъ изъ «искавшихъ истины» образованныхъ людей того времени, пожелавшихъ скинуть съ себя все старое, чтобы «обновиться» тѣломъ и духомъ.

— Но кто, какъ его фамилія?

— Не знаю, откуда же мнѣ знать, я не настолько знакомъ съ исторіей дворянскихъ родовъ, чтобы могъ опредѣленно сказать, кто изъ членовъ какого нибудь рода рѣшился на такой подвигъ.

— Врядъ ли кто и скажетъ, да и врядъ ли и былъ такой человекъ и могъ быть, кромѣ того, чьи нравственные силы и духъ превышали всѣхъ остальныхъ. Впрочемъ, оставимъ этотъ разговоръ до другого времени, я получу изъ Томска кое-какія справки и тогда уже фактически разобью вашу скептицизмъ.

Къ несчастью, Черкасовъ умеръ ранѣе, чѣмъ могъ «доказать» мнѣ правильность своего мнѣнія.

На этомъ я долженъ остановиться. Въ предлагаемомъ очеркѣ, по возможности, сгруппировано много матеріала, разбросаннаго на сотняхъ страницъ. Я сознаю, что моя работа страдаетъ очень многими недостатками и прежде всего отрывочностью и разбросанностью. Но въ такомъ недостаткѣ виноватъ я лишь отчасти, такъ какъ я писалъ по трафарету, который представлялъ собой то одинъ, то другой томъ дѣдовскихъ мемуаровъ. Систематизировать, разобраться въ этомъ обиліи матеріаловъ положительно невозможно: для такого труда понадобились бы годы, а я хотѣлъ скорѣе повѣдать о быломъ Сибири то, что до сихъ поръ не было извѣстно, и думаю, что этимъ я оказалъ маленькую услугу людямъ, интересующимся прошлымъ далекой окраины, о которой теперь начинаютъ особенно писать и говорить.

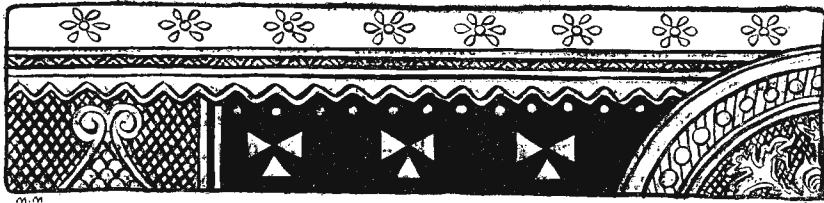
Насколько я успѣлъ въ осуществленіи моей задачи, судить, разумѣется, не мнѣ, но все-таки я смѣю думать, что читатели моего очерка не посѣтуютъ на меня, что всколыхнулъ старину и заставилъ жить тѣхъ, кто давно уже истлѣлъ въ своихъ могилахъ. Всѣ эти жившіе когда-то люди творили въ свое время добро и зло, ненавидѣли и любили, словомъ жили той же жизнью, какою и мы живемъ. Такъ отчего же не приподнять завѣсу, скрывающую прошедшее, не показать въ «живой фотографіи» тѣни сошедшихъ со сцены людей и въ легкихъ наброскахъ не изобразить ихъ дѣла и поступковъ? Не обвинять меня тѣ, чьи я потревожилъ тѣни, за то, что коснулся ихъ «настоящаго»—оно уже превратилось въ «прошедшее», и для насъ оно рисуется, какъ миражъ, какъ туманная картина...

Въ имѣющихся у меня матеріалахъ находится еще масса интереснаго изъ прошлаго Сибири, и я коснусь его, если позволятъ

обстоятельства, въ слѣдующихъ очеркахъ, а теперь ставлю точку, чтобы не утомить читателя созерцаніемъ картинъ безвозвратно канувшаго въ вѣчность времени, — смѣю думать, что и предложенныхъ въ этомъ очеркѣ было достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о людяхъ и ихъ жизни, отдѣленной отъ нашей чуть не столѣтіемъ.

П. П. Басининъ.

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ «МОГИКАНЪ».

О черкъ.

I.

А, MON CHER, пренепріятное положеніе. Я съ утра сегодня совершенно разстроены. И такъ почти каждый день! *Toujours des surprises*, ни минуты покоя!

Сергій Петровичъ лихорадочно приподнялся со стула и прошелся по комнатѣ. Это былъ пожилой мужчина, слегка обрюзгшій, какъ большинство помѣщиковъ на Руси, перевалившихъ за сорокъ. Отъ всей фигуры его, начиная съ мѣшкообразнаго сюртука, издѣлья кустарнаго производства, цвѣтной крахмаленной сорочки, топорщившейся, какъ жабо, на короткой шеѣ, съ галстухомъ-шарфомъ, постоянно сбитымъ на сторону, кончая широчайшими панталонами на выпускъ, вѣяло тѣмъ добродушнымъ санфасонствомъ, которое является у насъ въ большинствѣ случаевъ признакомъ мягкосердечія и безхарактерности. Сергій Петровичъ Веретенниковъ, мой ближайшій сосѣдь по имѣнію, появился въ уѣздѣ сравнительно недавно и, какъ язвительно отзывались о немъ мѣстные старожилы, попалъ въ землевладѣльцы «фуксомъ». Цоль-жизни просидѣвъ въ какомъ-то департаментѣ, Веретенниковъ въ одно прекрасное утро, совершенно неожиданно для самого себя и для окружающихъ, оказался единственнымъ наслѣдникомъ отошедшей въ вѣчность тетки своей, Марьи Андреевны, одной изъ безчисленныхъ родственницъ, смутно

знакомой ему по семейнымъ хроникамъ. Онъ былъ и растроганъ и умиленъ. Перспектива жизни въ деревнѣ ему всегда улыбалась, рисуясь въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ. Однако, очутившись владѣльцемъ 300 десятинъ въ К—ской губерніи, съ небольшою усадьбой, засѣвшей какъ-то несуразно посреди обширныхъ владѣній богатаго помѣщика Богунца,—Веретенниковъ началъ испытывать рядъ самыхъ неожиданныхъ разочарованій.

— Я, какъ въ тискахъ, сижу, mon cher,—жаловался онъ воѣмъ знакомымъ.—C'est horrible! Вся моя земля въ «клинышкахъ» какихъ-то: тамъ вдалась, тутъ выдалась, даже выгоны за рѣку отметались на чужой берегъ. Какъ это странно! Какъ нехозяйственно!

Весь подавленный своимъ безвыходнымъ положеніемъ, Веретенниковъ обыкновенно разводитъ руками, вздыхаетъ и, доставъ изъ кармана жилетки щеточку, старательно зачесываетъ на вискахъ порѣдѣвшія пряди каштановыхъ волосъ, обрамляющихъ уже довольно почтенную лысину.

— Enfin que puis je faire? Я просто недоумѣваю, какъ только могла хозяйничать chère tante при такихъ условіяхъ? Вотъ и теперь, прошу покорно, какая неприятность! Потрава, загонъ, и у кого же? Вы знаете Богунца?

Я утвердительно кивнулъ головой.

— Ну, конечно, кто о немъ не слыхалъ? Характеръ тяжелый! Съ нимъ пива скоро не сварить. Мнѣ не везетъ, положительно не везетъ... «Есть отъ чего въ отчаянье прійти», какъ говоритъ Фамусовъ.

— Чацкій, — поправилъ я, улыбаясь, моего пріятеля. Веретенниковъ любитъ цитировать классическія произведенія, но всегда путаетъ авторовъ и имена.

— Mille pardons! Да, да, именно Чацкій. Какъ я сталъ забывчивъ, а все причиной эти неурядицы. А dire vrai, mon cher, временами я прихожу въ отчаяніе! Ужасно надоѣли мнѣ постоянные сюрпризы: то потрава, то порубка, то покража, то побѣгъ...

— Какъ побѣгъ?—изумился я невольно.

— Ну, да, рабочіе бѣгутъ... уходятъ. Вотъ и теперь пастушенокъ сбѣжалъ. Испугался, вѣроятно, что всѣхъ моихъ лошадей у него отобрали, — скрылся и носу не кажетъ. Нѣтъ ни малѣйшей возможности ни услѣдить, ни предупредить подобныхъ инцидентовъ. Что тутъ прикажете дѣлать? Я такъ и говорю, что пріѣхалъ къ вамъ за совѣтомъ.

Сергѣй Петровичъ, все время мягко шагавшій по комнатѣ, остановился передо мной, проговоривъ послѣднюю фразу тономъ вопросительнаго недоумѣнія. Старый холостякъ, вырванный изъ столичной среды и перенесенный въ деревенскую глушь, въ кругъ ея житейскихъ неурядицъ, онъ никакъ не могъ разобраться въ ея укладѣ. Постоянно сталкиваясь съ неразрѣшимыми на его взглядъ

противорѣчіями, мой пріятель терялся, недоумѣвалъ, то упрекая себя въ неподготовленности, неумѣлости вести хозяйство, то возмущаясь россійскими «порядками». Обыкновенно онъ приходилъ къ трагическому рѣшенію: «продать все и уѣхать». Но время шло, Сергѣй Петровичъ продолжалъ жаловаться на деревенскую «безтолковщину», маялся со всяческими самоуправствами крестьянъ и, покинутый собственнымъ приказчикомъ, беспомощно метался по полямъ и лугамъ, гдѣ подъ дождями гнило сѣно, или осыпалась перестоявшаяся рожь...

— Я, какъ Руѳъ горемычная! — иронизировалъ онъ, изнемогая подъ бременемъ тетушкина дара. — Молю небеса ускорить продажу имѣнія — и, увы, покупателя нѣтъ... не находится!

Обычная косность и русская лѣнь мѣшали ему выбраться изъ той неумолимой колеи, гдѣ, кромѣ выбоинъ да ухабовъ, ничего не предвидѣлось для него въ будущемъ.

— Enfin, c'est ma faute! Я здѣсь совершенно случайно! — рекомендовался онъ, знакомясь съ лицомъ, еще не посвященнымъ въ тайну его неожиданнаго появленія на уѣздномъ горизонтѣ. И дѣтски ласковая улыбка озаряла при этомъ лицо добряка, свѣтилась въ маленькихъ подслѣповатыхъ глазкахъ. Веретенниковъ, женственно мягкій по натурѣ, еще болѣе смягчался въ подобныхъ случаяхъ и, какъ говорили про него сосѣди, начиналъ «сентиментальничать».

— C'est ma faute! — продолжалъ онъ уныло, тономъ кающагося грѣшника. — Это былъ несомнѣнно скачокъ въ моей жизни, скачокъ неблагоразумный, рискованный. Дѣлать нечего, необходимо приспособляться... Хотя, увы, какъ сказалъ Пушкинъ, «въ одну телѣгу впрячь не можно коня и трепетную лань». — И замѣтивъ, что лицо собесѣдника выражаетъ полное недоумѣніе, Веретенниковъ спѣшилъ пояснить примѣромъ свое поэтическое сравненіе... — Я такъ люблю деревню, садъ, цвѣты... словомъ... какъ бы вамъ выразить? Меня тянетъ къ «общенію съ природой», и вдругъ... не угодно ли? Потрава, или приказчикъ запилъ. Ужасны эти хозяйственныя дряги — c'est une peste de la campagne! Какъ-то вы управляетесь? — допытывалъ онъ сосѣда и узнавъ, что и тотъ тоже «кряхтитъ», но не унываетъ, обыкновенно тоскливо разводилъ руками.

— Что будете дѣлать? А я никакъ не могу разобраться во всѣхъ этихъ пустякахъ, какъ вы говорите. Ces petits riens такъ надоѣдливы, какъ деревенскіе комары, и назойливы, какъ... какъ...

Сергѣй Петровичъ терялся, подыскивая сравненія, краснѣлъ и наконецъ произносилъ рѣшительно:

— Я полагаю, что таковъ мой «фатумъ», да, да. Иначе тетушка не могла бы меня вспомнить, и, кто знаетъ, — добавлялъ онъ уже съ глубокимъ вздохомъ: — можетъ быть, даже къ лучшему!

II.

Визитъ Веретенникова въ жаркій лѣтній полдень, когда все въ деревнѣ изнываетъ отъ удушливаго зноя, показался мнѣ не предвѣщавшимъ ничего добраго. Я не ошибся. Когда часть тому назадъ полновѣсная фигура Сергѣя Петровича появилась на порогѣ моего кабинета, я могъ уже заключить по разстроенному лицу моего пріятели, тяжелаго на подъемъ сибарита, что съ нимъ стряслась какая нибудь новая оказія. Отдуваясь и кряхти, Веретенниковъ опустился въ кресло и тотчасъ же заговорилъ не свойственнымъ ему ускореннымъ темпомъ.

— Я въ отчаяннн, mon cher, у меня всѣхъ лошадей загнали. Староста говоритъ, что онѣ цѣлую десятину хлѣбовъ вытравили. А, каково? Вотъ не было печали!..

Сергѣй Петровичъ говорилъ съ четверть часа на эту тему безъ устали, чередуя ненавистныя ему деревенскіе термины «потраву» съ «загономъ», «загонъ» съ «побѣгомъ», «побѣгъ» съ «земскимъ начальникомъ» и т. д. Вѣдныя старался при этомъ на меня не глядѣть, усиленно теръ ладонью переносицу и лобъ, испуганно моргая, что всегда служило у него признакомъ душевнаго волненія. Насколько я могъ понять, Сергѣя Петровича не столько смущала матеріальная сторона вопроса, сколько неизбѣжное объясненіе съ тѣмъ, у кого находились теперь злополучныя лошади. Гордіи Асоновичъ Богунецъ мерещился ему, какъ грозный призракъ, немумолимо требующій возмездія.

Слѣдуетъ, впрочемъ, сознаться, что въ числѣ помѣщичьихъ огорченій «потрава» и «загонъ» занимаютъ далеко не заурядное мѣсто. Обстоятельства, при которыхъ возникаютъ подобныя инциденты, почти вездѣ одинаковы, за немногими исключеніями. Въ средней полосѣ Россіи съ первыхъ чиселъ іюня и до послѣднихъ августа, когда работа въ деревнѣ, какъ говорится, ключомъ кипитъ (сѣнокосъ въ разгарѣ, возятъ навозъ на поле, а затѣмъ наступаетъ жатва), лошадямъ кормиться днемъ некогда. Каждый вечеръ, едва сумракъ успѣетъ спуститься на землю, и мягкія ночныя тѣни начнутъ заволакивать окрестности, табунъ усталыхъ рабочихъ лошадей выгоняютъ пастись на луга, притомъ иногда довольно далеко отъ усадьбы.

Изъ работниковъ въ такое время ни одинъ не согласится ѣхать въ «ночное»; послѣ тяжелой денной работы ему впору лишь добратъся до сѣновала, а тамъ пойдутъ безконечныя носовыя рулады, и развѣ одинъ набатъ церковнаго колокола способенъ нарушить этотъ богатырскій сонъ. Съ табуномъ обыкновенно отправляютъ мальчугана лѣтъ десяти, двѣнадцати и приказываютъ строго слѣдить за лошадьми, держаться на указанномъ лугу и отнюдь не переходить межи, за которой начинаются чужія владѣнія—нерѣдко

поля, засѣянные овсомъ или рожью. Крайне довольная возложеннымъ на нихъ порученіемъ, деревенская дѣтвора въ первую половину ночи аккуратно исполняетъ свои обязанности. Но по мѣрѣ того, какъ ночной сумракъ все рѣдѣетъ и рѣдѣетъ, яркія звѣздочки меркнутъ и съ востока сильнѣе начинаютъ тянуть свѣжій утренній вѣтерокъ, предвѣстникъ близкаго разсвѣта, — курчавая дѣтская головка поникаетъ все ниже и ниже, усталыя вѣки слипаются, и наконецъ тонкій храпъ раздается изъ-подъ рванатаго, сѣраго зипуна, прикрывающаго гдѣ нибудь подъ кустомъ его крохотную фигурку...

Это — лучшій моментъ для «лошадиныхъ» преступленій. Табунъ не стѣсняясь переходитъ заповѣдную черту, смѣло забирается въ овсы и рожь — и вотъ «потрава» готова. Случись въ это время вблизи чужой работникъ, онъ тотчасъ заберетъ лошадей и угонитъ ихъ въ усадьбу своего хозяина, вашего сосѣда. Такимъ образомъ совершился «загонъ», и наступаетъ періодъ воздаянія. Проснувшемуся мальчугану, у котораго нерѣдко заодно съ лошадьми исчезаетъ кнутъ и шапка, ничего болѣе не остается, какъ съ громкимъ ревомъ вернуться во-свояси, навратъ цѣлую кучу несообразностей, quasi послужившихъ причиной угона, и все-таки, несмотря на свои «громкіе» доводы, подвергнуться въ заключеніе трепкѣ... Это — первая стадія. Вторая, несомнѣнно, болѣе непріятная, ожидаетъ уже владѣльца лошадей, самого помѣщика. Ему необходимо тотчасъ же отправляться къ сосѣду, загнавшему табунъ (посылать кого бы то ни было въ такихъ случаяхъ не рекомендуется), и, не теряя времени попустому, вступать въ дипломатическіе переговоры. Кто знакомъ съ нашимъ сельскимъ уставомъ, тотъ помнитъ статью, краснорѣчиво гласящую: «За потраву, произведенную лошадьми, волами, свиньями и другимъ домашнимъ скотомъ, потерпѣвшему уплачивается вознагражденіе соотвѣтственно убыткамъ, въ размѣрахъ отъ полтинника до 75 копеекъ съ головы». Представьте себѣ, что судьба надѣлила васъ двадцатью такими «головами», а, можетъ быть, и болѣе, и я увѣренъ, что вы немедленно отправитесь въ путь, принявъ удрученный видъ, и приложите, вѣроятно, всѣ усилія, чтобы, слѣдуя пословицѣ, «сухимъ изъ воды выйти».

III.

Непріятность, постигшая Веретенникова, обострялась еще болѣе, благодаря злополучному сосѣдству. Гордій Асоновичъ Богунецъ, съ кѣмъ предстояло ему имѣть дѣло, принадлежалъ къ числу тѣхъ странныхъ чудаковъ, которыхъ все меньше становится на Руси съ каждымъ годомъ. Потомокъ богатаго стариннаго рода «столбовыхъ» дворянъ К—ской губерніи, 65-лѣтній старецъ-оригиналъ, онъ почти безвыѣздно проживалъ въ своемъ родовомъ имѣніи.

Въ уѣздѣ о немъ ходили самые невѣроятные рассказы. Увѣрили, что этотъ «удѣлѣвшій» якобы «феодалъ» продолжаетъ держаться во всемъ того стараго, дореформеннаго уклада, о которомъ принято говорить не иначе, какъ съ снисходительной усмѣшкой. По свидѣтельству изрѣдка бывавшихъ у него сосѣдей, Гордій Асоновичъ сохранилъ удивительную для его возраста бодрость, подвижность и энергію съ необычайной строгостью устарѣлыхъ «принциповъ», которыхъ не долюбливали и отчасти побаивались исправникъ и становые. Если вѣрить губернской молвѣ, Богунецъ отличался необыкновеннымъ упрямствомъ, придерживаясь крайне самобытныхъ взглядовъ на вещи и проводилъ ихъ въ жизни нерѣдко съ дерзкой рѣшимостью—фамильная черта, унаслѣдованная имъ отъ предковъ. Говорили, что дѣдъ его былъ извѣстенъ своей бѣшеной отвагой, страстью къ приключеніямъ и отличался нравомъ неукротимымъ. Сосѣди его боялись, власти избѣгали, а подвластные трепетали при одной встрѣчѣ. Внукъ, смягченный культурой, унаслѣдовалъ, однако, родовую вспыльчивость характера и въ молодости отличался тѣмъ именно «удальствомъ», которое такъ нравится дамамъ и вызываетъ въ мужьяхъ досаду. Старо-дворянскій «гоноръ», съ какимъ онъ держалъ себя на выборахъ, независимость сужденій и постоянная оппозиція доминировавшей партіи создали Богунцу почетное реномэ, переименовавъ изъ «Гордія» въ «Гордаго». Большинство иначе его не называло, какъ «гордый чудодѣй».

Впрочемъ, несмотря на независимость сужденій, на манеру держать себя самовластно и на хорошія средства (которыя всегда плодятъ тайныхъ враговъ), Богунца никто не чуждался; его любили. Гордый «чудодѣй» подкупалъ своей добротой, прикрытой суровой оболочкой, своей готовностью помочь бѣдному и слабѣйшему, за которыхъ онъ всегда стоялъ горой, рыцарски защищая отъ обидъ и неправды. Хлѣбосольствомъ же своимъ Гордій Асоновичъ славился далеко за предѣлами губерніи и хотя жилъ на холостую ногу, но въ домѣ у себя умѣлъ принять, благодаря старшей сестрѣ, Глафирѣ, замѣнившей ему хозяйку. Младшая же, Зинаида, скоро вышла замужъ за отставнаго штабсъ-ротмистра, состоявшаго уѣзднымъ членомъ суда въ N—скѣ. Бывшіе «дворовые» и крестьяне Богунца особенно его хвалили. Не было ни одного владѣльца, кто дѣйствительно такъ стоялъ бы за «своихъ», за ихъ интересы, по-своему любя, жалуя и наказуя.

— Меня тронуть?—говорилъ краснохолмскій крестьянинъ.—Меня? Сунься, попробуй! Аль насъ не знаешь? Гляди, берегись. Мы, братъ, не чьинибудь, мы чать Богунецкіе. Баринъ-то нашъ за сто аршинъ подъ землей и водой сыщеть! И этой угрозы было достаточно. Обладая сильными связями (особенно со стороны матери, вліятельной княжны, вышедшей замужъ «увозомъ» за любимаго человѣка), Богунецъ дѣйствительно не простилъ бы обиды, нанесенной одному

изъ «своихъ», считая ее какъ бы «личной», по старымъ былымъ традиціямъ.

Эпоха великихъ реформъ, по отзывамъ тогдашнихъ мировыхъ посредниковъ, застигла Богунца совершенно врасплохъ. Онъ былъ настолько ошеломленъ совершившимся переворотомъ, что мѣстные дѣятели долго недоумѣвали, считать ли его своимъ сторонникомъ, или зачислить въ оппозицію. Скоро, однако, случился эпизодъ, надѣлавшій немало шума въ губерніи и сразу опредѣлившій положеніе. Уѣздныя кумушки сохранили о немъ удивительныя подробности, не лишеныя интереса.

Стояла ранняя весна, когда въ Красныхъ Холмахъ были получены уставныя грамоты. Какъ говорятъ, онѣ вызвали такой переполохъ, что сердобольная сестрица Глафира долго не могла придумать, какъ избѣжать «государевой кары».

— Запремъ грамоту въ сундукъ,—рѣшила она наконецъ и проговорила убѣдить брата.—никто о ней и не узнаетъ! Милостивъ Богъ: еще, можетъ, и перемѣнитъ царь гнѣвъ на милость. У насъ о волѣ-то этой никакихъ и разговоровъ нѣтъ, право!

Но Гордій не только ея не послушался, но даже разсердился, назвавъ «полоумной». Чудодѣй-помѣщикъ заперся въ своемъ кабинетѣ и цѣлыя сутки не выходилъ изъ него, видимо соображая планъ дѣйствій. Вся дворня изнывала отъ ожиданій, чѣмъ разрѣшится назрѣвшій кризисъ. Для нея уходъ съ даровыхъ хлѣбовъ, отъ беззаботной жизни, изъ теплыхъ и сытыхъ угловъ на всѣ четыре стороны бѣлаго свѣта не рисовалъ заманчивой перспективы: не легко подниматься съ дѣтворой да насиженнымъ скарбомъ.

Мракъ и уныніе, какъ говоритъ краснохолмская хроника, царили на усадьбѣ. Населеніе ея бродило, какъ тѣни, толпилось у кухни, шушукалось между собой, допытывая каждую «дѣвку» или «казачка», выбѣгавшихъ изъ барскаго дома. Въ образной предѣ иконою Царицы Небесной старушка няня чистосердечно молилась объ отмѣнѣ жестокаго указа, а барыня-сестрица, напуганная наѣдомъ мировыхъ посредниковъ, по замѣчанію прислуги, бродила по комнатамъ, какъ «потерянная». Кто посмѣлѣй, пробирался въ садъ въ оттаявшіе цвѣтники и, прячась за деревьями, пытался подглядывать, что творится въ таинственномъ кабинетѣ.

Такъ прошелъ день, прошелъ вечеръ; баринъ не подавалъ голоса. Наступила ночь; дворня перетрусила не на шутку: не приключилась ли какая бѣда, и что дѣлать? Въ эту достопамятную субботу на усадьбѣ никто не ложился. Въ людскихъ, на застольной—обыкновенно шумныхъ и оживленныхъ, господствовала мертвящая тишина; даже на селѣ огонь вдували неохотно, такъ былъ смущенъ весь околотокъ. Въ домѣ прислуга не спала, тихо бродя изъ угла въ уголь, томительно ожидая звонка, долженствующаго прервать эту тягостную маяту ожиданій. Камердинеръ Оома, не смѣя

постучаться, съ мучительнымъ вниманіемъ прислушивался къ протяжному бою зальныхъ часовъ. Онъ сидѣлъ въ углу библиотечной, примыкавшей къ барскому кабинету, готовый броситься на привычный зовъ своего эксъ-господина, и только махалъ рукой, когда въ дверяхъ, крадучись на босу ногу, появлялась «Аксюша», посланная на развѣдки барыней-сестрицей. А ночь проходила, пропѣли послѣдніе пѣтухи, заалѣло утро... Баринъ не подавалъ голоса.

Но вотъ слабо дрогнулъ на селѣ первый ударъ церковнаго колокола. Неспавшій народъ, обрядившись по-праздничному, чтобы итти къ обѣднѣ, сталъ высыпать на улицу. Священникъ, отецъ Семень, сгорбленный старичокъ, въ темномъ подрясникѣ, съ жидкими прядями сѣдыхъ волосъ, выбивавшихся изъ-подъ лиловой бархатной камилавки, уже входилъ торопливо на паперть, какъ къ нему подбѣжалъ запыхавшійся казачокъ и объявилъ, что «баринъ приказалъ послѣ обѣдни служить молебенъ и будетъ къ нему самолично». Одновременно въ людскую бомбой влетѣлъ камердинеръ Оома и крикнулъ оторопѣвшему бурмистру:

— Дворовыхъ... народъ собирай въ церковь, крестьянъ тоже. Баринъ въ полномъ парадѣ и будутъ къ молебну волю объявлять! Торопи живо! Ну... маршъ, летомъ!

Поднялась невообразимая суматоха. По усадьбѣ забѣгали люди; верховые поскакали по деревьямъ скликать старость. Изъ людскихъ ринулись бабы и дѣвки, второпяхъ на ходу набрасывая тулупы на плечи. Повара, садовники, кучера и прочая челядь—все выскакивало изъ мѣстъ своего «пребыванія» и, поспѣшно одѣваясь, торопилось къ паперти.

Въ исходѣ обѣдни, въ аллеѣ, ведущей отъ церкви къ дому, показалась «барыня-сестрица» въ тепломъ бурнусѣ и шляпѣ, окруженная «своими» приближенными: няней и горничными дѣвушками. Толпа пропустила ее на обычное мѣсто—къ плащаницѣ, стоявшей на возвышеніи сзади праваго клироса. Отецъ Семень, и безъ того трепетавшій передъ своимъ чудодѣемъ помѣщикомъ, глядя на «всеобщее смятеніе», какъ онъ говорилъ, окончательно «растерялся духомъ», когда къ «достойной» пріѣхалъ капитанъ-исправникъ, вызванный Богунцемъ для прочтенія народу высочайшаго манифеста. У дьячка и псаломщиковъ голось дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и совершенно пресѣкся, когда вдругъ послѣ словъ «съ миромъ изыдемъ» широко распахнулись церковныя двери, и на порогѣ появился Богунецъ, въ шитомъ золотомъ дворянскомъ мундирѣ, при шпагѣ, въ шинели, сползавшей съ плеча, и съ треуголкой въ рукѣ, которой онъ прокладывалъ себѣ дорогу.

Воздухъ огласился неувимымъ гуломъ. По рядамъ пробѣжалъ смущенный попотъ... Послышались вздохи, возгласы удивленія, туловища заколыхались, наклонились головы.

«Разступись, посторонись»,—засуетился бурмистръ Тимоѳей Оедоровъ и ринулся къ барину, протискиваясь черезъ толпу, колыхав-

шуюся, какъ спѣлая нива. Отецъ Семень, съ трепетомъ взиравшій на Богунца съ амвона, ждалъ его въ полномъ облаченіи, напутствуя крестомъ, а растерявшійся дьяконъ—обильнымъ кажденіемъ.

Гордій Асоновичъ торжественно прослѣдовалъ къ своему мѣсту, раскланявшись съ исправникомъ. Начался молебенъ, послѣ котораго громко и отчетливо былъ прочитанъ извѣстный манифестъ, начинавшійся словами: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ», и т. д. Торжество прошло, какъ нельзя лучше. Капитанъ-исправникъ собирался уже откланяться, какъ вдругъ произошелъ такой неожиданный казусъ, какого не предвидѣлъ даже лукавый попикъ, хорошо знавшій причуды своего помѣщика.

IV.

Едва успѣлъ замолкнуть послѣдній ударъ колокольнаго трезвона, какъ въ церкви раздался громкій голосъ Богунца:

— Попъ Семень! Отслужимъ теперь и мой благодарственный молебенъ, но прежде послушай, что я скажу народу... Вернитесь, православные!

Толпа, хлынувшая было къ дверямъ, повернула обратно. Гордій Асоновичъ сошелъ съ своего возвышенія и приблизился къ амвону, гдѣ изумленный священникъ давалъ пѣловать крестъ послѣднимъ рядамъ молящихся.

— Попъ Семень, облачайся въ «красную ризу», какъ въ свѣтлый праздникъ!

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!—точасъ же отозвался послѣдній, вѣроятно, «ради почтенія» всегда величавшій своего помѣщика генеральскимъ титуломъ.

— А вы, православные,—обратился Гордій Асоновичъ къ окружавшей его толпѣ,—слушайте, что я сейчасъ попу говорить стану. И если что не по правдѣ скажу, пускай старики отзовутся. Поняли? Такъ ли я говорю?

— Поняли, батюшка, слушаемъ.

Крестыане, дворовые, женщины, дѣти, народъ (какъ пишется въ либретто), всѣ, торопливо откашлянувшись, насторожились. Отецъ Семень, поспѣшно переоблачившійся, испуганно перекрестился. Въ красной пасхальной ризѣ онъ стоялъ передъ Богунцемъ, который, заложивъ правую руку за борть мундира, лѣвой держался за эфесъ своей шпаги. Бурмистръ Тимоѳей Ѳедоровъ, застывшій, какъ изваяніе, стоялъ свади него, почтительно держа передъ своей грудью барскую треуголку, внушавшую какой-то суевѣрный страхъ крестыанскимъ бабамъ.

Группировка получалась необыкновенно эффектная. Задніе ряды любопытныхъ поднимались на ципочки, пытливо вытягивая шеи. Старосты въ сермягахъ почище, подпоясанные красными кушаками,

каждый во главѣ «своей» деревни, умѣряли пылъ нетерпѣливыхъ, внушительно поводя бровями и стараясь не спускать глазъ съ вышитаго воротника барскаго мундира.

Богунецъ широко, по-русски перекрестился. Попикъ Семень тотчасъ же «воззрился» на него «съ умилениемъ», предварительно внушивъ глазами дьякону и дьячкамъ вести себя «подобающе» обстоятельствамъ и мѣсту. Въ церкви воцарилось гробовое молчаніе.

— Милостью Божіей и соизволеніемъ державнаго монарха моего,—началь Гордій торжественно,—я, какъ былъ вѣрноподанный слуга моего государя, столбовой російскій дворянинъ, такъ имъ и остался. Вѣрно ли я говорю, попъ Семень? Отвѣчай безъ лукавства!

Улыбка восторга озарила тотчасъ же морщинистое лицо краснохолмскаго батюшки.

— Воистину такъ! Справедливо изволили изречь, ваше превосходительство.

— Волею царскою поставленный управлять родовой вотчиной своей, я, какъ ею правилъ, такъ управлять и буду. Никакихъ своеволій не потерплю и крестьянства моего отъ себя отринуть не желаю. Да будетъ оное всемъ и каждому извѣстно... А кто изъ крѣпостныхъ моихъ слугъ, изъ крестьянъ тягловыхъ или оброчныхъ мною недоволенъ, пусть съ Богомъ отъ насъ уходитъ, я ему не помѣха!

— Батюшка милостивецъ и благодѣтель...—робко вставилъ отецъ Семень, испуганно моргая.

— А васъ, крестьянство и люди дворовые, кто мнѣ по-старому служить хочетъ, жалую всехъ надѣлами сверхъ мѣры...

Толпа радостно загудѣла, заволновалась.

— Чтя завѣтъ отцовъ, хочу, чтобы вы, православные, вашего помѣщика любили и по гробъ жизни помнили! Попъ Семень, такъ ли я говорю?

— Съ умилениемъ слушаю ваше превосходительство, какъ златоуста сладкорѣчиваго.

— А если окажется среди васъ паршивая «овца», не взыщите, переведу живо. Слышите, старосты? Жили мы тридцать годовъ ладно, поживемъ и еще столько же.

— Слушаемъ, батюшка, справедливыя твои словеса!—хоромъ отвѣчали степенныя бороды.

— Чтобы порубокъ у меня не было! Ни потравъ, ни покражъ тоже! Никакихъ самовластій! Въ чемъ кому будетъ нужда, приходи по старинѣ въ господскую контору. Поняли-ль, въ толкъ-то взяли-ль?

— Разумѣемъ, батюшка, благодѣтель.

— Пожаровъ, поджоговъ, убытковъ въ своемъ добрѣ не потерплю и никому не прощу. Слушайте все и себя и дѣтямъ и внукамъ внушите: «жить надо по-Божьему, чужое добро, какъ свое, соблюдать». Чтобы ни вамъ отъ меня, ни мнѣ отъ васъ никакого урона не было. Попъ Семень, что скажешь?

— Прорекли, ваше превосходительство, законъ и пророци...

— Вотъ слышите, что попъ-то говоритъ? То-то!

Въ толпѣ многіе крестятся, слышатся мѣстами всхлипыванья; старики одобрительно покачиваютъ головами.

— Ежели заведется у насъ лихой человѣкъ, воръ, душегубъ, конокрадъ или поджигатель, тотчасъ о немъ мнѣ и властямъ мнѣ донести обязанъ...

— Покараетъ cadaго Царица Небесная, кто лиходѣямъ потатчикъ! — отозвался вдругъ отецъ Семень, но тотчасъ же умолкъ, испугавшись своего собственнаго краснорѣчія.

— А жить я, какъ жилъ, такъ и буду, — продолжалъ Богунецъ. — Зла никому не хочу, но каждому воздамъ по заслугамъ. Если сожгутъ мнѣ забновцы сегодня амбаръ, завтра выгорить у нихъ дотла вся деревня. Уворуютъ ли мятевцы мой лѣсъ, спилать или срубать безъ позволенья, платись общество за воровъ, неси кару: никому изъ нихъ никогда не дамъ полъ-сука, не то что дерева на постройку. А стряется какая бѣда, падежи иль пожары, отъ моея вотчины опальнымъ поддержки не будетъ. Слышали, старики?

— Слушаемъ, батюшка, не изволь гнѣваться! Правду твою знаемъ.

— Да, — проговорилъ Богунецъ, — было васъ у меня тысяча душъ, выходи, говори, кто обиженъ!

Гробовое молчаніе. Мужики переминаются, бабы стоятъ, какъ окаменѣлыя, дѣтвора, задыхаясь въ плотныхъ рядахъ, начинаетъ ревѣть и взвизгивать. Гордій Асоновичъ обвелъ толпу властнымъ взглядомъ и, видимо довольный, неожиданно добавилъ:

— Ну, вотъ вамъ и мой манифестъ, помните его сами, да и внукамъ не забывать накажите! А теперь, попъ Семень, — обратился онъ къ священнику, — твое мѣсто. Становись, начинай: «миромъ Господу помолимся!»

И, поклонившись толпѣ на всѣ стороны, Богунецъ спокойно направился къ плащаницѣ. Но здѣсь произошло нѣчто совершенно необычайное, чему даже краснохолмская хроника не могла найти объясненія. Появившійся на амвонѣ дьяконъ, видимо увлеченный ходомъ событій, въ охватившемъ его паоосѣ, забылъ про ектинью, про молебень, и вдругъ торжественно возгласилъ, гремя октавой:

— Долгоденствіе, долголѣтіе, въ дѣлахъ и заботахъ всяческое поспѣшеніе подаждь, Господи, милостивцу, рабу твоему, боярину Гордію и всѣмъ его чадамъ и домочадцамъ на многая лѣта!...

Толпа только ахнула и перекрестилась.

— Ну, многая лѣта! — отвѣтствовалъ изумленный отецъ Семень, которому ничего болѣе не оставалось, какъ присоединиться дребезжащимъ теноркомъ къ басистому хору дьячка и понамарей, отчаянно взревѣвшихъ отъ долгаго напряженнаго ожиданія.

Растерявшійся исправникъ только махнулъ рукой и укатилъ безъ оглядки.

V.

Своеобразный «манифестъ» Богунца послужилъ темой къ самымъ превратнымъ толкованіямъ и едва не породилъ для него очень печальныхъ послѣдствій. Утверждали, что Гордій Асоновичъ ѣздилъ тогда въ Петербургъ по спеціальному вызову, и не будь у него сильной родни, дѣло не обошлось бы однимъ выговоромъ. Зато въ уѣздѣ, особенно въ глазахъ большинства дамъ и дѣвицъ, фонды «гордаго чудодѣя» поднялись еще выше: имя его произносилось съ междометіями, а самый поступокъ рисовался, какъ героизмъ протестанта. Но неизбежные комментаторы, по обыкновенію исказивъ фактъ, сильно ему повредили. Партія «передовыхъ» гуманистовъ заподозрѣла Богунца въ «ретроградствѣ», чему особенно способствовалъ недолюбливавшій Гордія Асоновича предводитель. Злые языки не преминули обозвать его «крѣпостникомъ», досужіе сплетники подхватили словечко, какъ непреложную истину, а, мѣсяць спустя, даже пріятели готовы были признать такое реномэ за священный приговоръ общественнаго мнѣнія.

Когда служъ объ этомъ дошелъ до Богунца, онъ страшно всплилъ, но не пожелалъ разыскивать авторовъ сплетни, а на соблазнованіе друзей только презрительно пожималъ плечами. Съ этой поры началось его постепенное отчужденіе отъ «дѣлъ» и «интересовъ» уѣзда. Гордій Асоновичъ пересталъ появляться на выборахъ и, казалось, умышленно игнорировалъ земскія собранія. На него косились, но столкновений избѣгали, зная про петербургскія связи и суровый рѣшительный характеръ. Вскорѣ, впрочемъ, Богунецъ уѣхалъ за границу, и толки о немъ прекратились. Онъ долго путешествовалъ по Германіи, Австріи, Бельгii, цѣлый годъ провелъ во Франціи, описывая сестрѣ свои впечатлѣнія. Вернувшись изъ Парижа Коко Мирскій, губернской дѣлецъ, главарь партіи «новаторовъ», какъ величали его въ —скѣ, объявилъ, что видѣлся съ «гордымъ чудодѣемъ», который якобы занялъ изученіемъ соціальнаго быта Европы. Богунецъ вернулся въ 1869-мъ году изъ Швейцаріи, которую, какъ говорили, пѣшкомъ обошелъ по кантонамъ.

Эмансипаціонная горячка хотя еще продолжалась, но была уже значительно слабѣе. Въ обществѣ нарождались новыя движенія; судебная реформа производила фуроръ; чувствовались новыя вѣянія... Новорожденное земство, какъ молодые рои, шумѣло и волновалось въ своихъ многочленныхъ собраніяхъ, и этотъ гулъ долеталъ порой и въ медвѣжьи углы уѣзда. Только въ «Красныхъ Холмахъ», къ удивленію многихъ, жизнь текла попрежнему, безъ всякаго отголоска. Дѣйствительно въ округѣ «старога барина», какъ иногда величали Богунца противники, несмотря на переворотъ, произведенный уставными грамотами, незамѣтно было особенныхъ

измѣненій. Новый укладъ отношеній, переходъ къ денежному хозяйству, при большихъ средствахъ Гордія Асоновича, не создавалъ обычныхъ затрудненій. Щедро надѣленное крестьянство, хотя и отошло de jure на «волю», фактически продолжало еще придерживаться «старинны», очевидно находя этотъ образъ дѣйствій для себя болѣе выгоднымъ. Изъ дворовыхъ большинство осталось на насиженныхъ гнѣздахъ, осѣвъ хозяйствомъ на подаренной Богунцемъ землѣ, и лишь немногіе перебрались въ городъ. Незначительный штатъ старой довѣренной прислуги не пожелалъ уйти и былъ переведенъ на жалованье. Вообще въ Красныхъ Холмахъ, по крайней мѣрѣ, съ виду все осталось попрежнему. Бурмистръ Тимофей Ѳедоровъ, по прозвищу «Головешка», ходилъ подъ тѣмъ же наименованіемъ, хотя числился уже «приказчикомъ» и получалъ деньгами, а не отвѣсное. Даже бывшіе деревенскіе старосты, поставленные Богунцомъ, оказались выбранными и новыми сходами.

Въ домѣ Гордія Асоновича тоже не произошло перемѣнъ, только самъ хозяинъ какъ будто сталъ сосредоточеннѣе и строже. Онъ выписывалъ книги, журналы, газеты, лихорадочно слѣдя за всѣми фазами новой жизни, но съ виду казалось, онъ былъ совершенно спокоенъ. Богобоязненная сестрица недовѣрчиво относилась къ этому напускному, на ея взглядъ, равнодушію, увѣряя пріятельницъ, что «Гордій сталъ совсѣмъ не тотъ! Часами сидитъ въ кабинетѣ, читая, говоритъ самъ съ собою... и все въ газетахъ карандашемъ что-то обводитъ».

— Полно тебѣ, говорю я ему, газету-то лентами рѣзати! И такъ уже всю стѣну ими обвѣшалъ. Посмотри, сколько собралъ — только пыль разводилъ! А онъ вдругъ мнѣ на это и такъ серьезно: «молчи, говоритъ, сестра, ты ничего не смыслишь. Это не лоскуты, а факты... голые факты! Ну, что, поняла?» Такъ и ушла я, ничего не добившись.

Богунецъ дѣйствительно зорко слѣдилъ за шумнымъ общественнымъ водоворотомъ, созданнымъ освободительнымъ движеніемъ; острымъ, пронизательнымъ умомъ онъ быстро схватывалъ неизбежныя промахи и недочеты, систематически собирая оригинальный матеріалъ пытливыхъ наблюденій. Мѣстное дворянство, впрочемъ, скоро сознало свою ошибку по отношенію къ Богунцу, несправедливость пущенной про него сплетни. Но напрасно новый предводитель пытался привлечь Гордія Асоновича къ участию въ общественныхъ дѣлахъ, сознавая, что этотъ «забытый» человекъ могъ принести значительную пользу своей неутомимой энергіей. Но Гордій Асоновичъ, крайне самолюбивый, не могъ простить незаслуженной обиды и холодно отклонялъ предложенія.

Пережитое сорокалѣтіе вольной Руси отразилось на Богунцѣ крайне своеобразно. «Гордый чудодѣй» успѣлъ состарѣться, посѣдѣть и замѣтно отяжелѣлъ съ годами. Необычный, присутій ему

интересъ ко всему, что жизнь выдвигала новаго, попрежнему составлялъ его типичную особенность. Старикъ много читалъ, по обыкновенію занимался «регистратурой» явленій и, какъ увѣряли многіе, писалъ свои «мемуары». Жизнь его для уѣзда оставалась загадкой, а любовь къ «старинѣ» и патриархальный семейный укладъ дѣлали мало интереснымъ. Въ послѣдніе годы Богунецъ жилъ довольно замкнуто, «хмуро», какъ у насъ выражались, и потому сосѣди замѣтно сокращали къ нему свои визиты, но ореолъ «послѣдняго могикиана» дореформенной Руси попрежнему окружалъ его имя.

Меня поэтому не удивилъ тотъ комическій испугъ, отражавшійся во всей фигурѣ добряка Веретенникова, когда онъ въ день роковой потравы упрасивалъ меня ѣхать съ нимъ вмѣстѣ къ Богунцу, серьезно увѣряя, что боится этого «чудака» не на шутку. Дѣлать было нечего, пріятель приставалъ, и я долженъ былъ согласиться. Послѣ завтрака на скорую руку, мы усѣлись на бѣговья дрожки и тронулись въ путь по направленію къ усадьбѣ «хмураго сосѣда».

VI.

Рыжая кобыла, на которой мы ѣхали, шла крупной рысью, раскачиваясь въ оглобляхъ и мѣрно ударяя подковой въ подкову. Глубокія колеи наѣзженной дороги убѣгали въ даль, развѣтвляясь мѣстами на такъ называемыхъ «поворотахъ». Я правилъ, а Сергѣй Петровичъ, сидя сзади меня, кряхтѣлъ и отдувался отъ непривычной тряски моего деревенскаго экипажа. Быстро миновавъ золотистую ленту хлѣбовъ, мы свернули къ ближайшему лѣсу и по узкой просѣлкѣ, тянувшейся длиннымъ коридоромъ, поѣхали напрямикъ къ Краснымъ Холмамъ, до которыхъ считалось версть десять отъ моего хутора.

Въ тѣнистой лѣсной аллеѣ царилъ полусвѣтъ. Влажный сумракъ сгущался въ вершинахъ стараго, лишь мѣстами порѣдѣвшаго чернолѣся. На пестромъ шатрѣ нависшей листвы проступали блѣдые, пожелтѣлые листья. Цѣпкія лапости клена, сплетаясь съ вѣтвями раскидистой липы, слегка оттѣняли ее на фонѣ бѣловатой листвы ясеня и неумолчно трепетавшей осины. Лошадь пошла шагомъ, съ наслажденіемъ вбирая ноздрями влажную свѣжесть. Зеленый коридоръ, расширяясь передъ нами, очерчивалъ узкую полосу синяго неба, ярко озареннаго незримиыми лучами. Въ поразительной тишинѣ теплаго воздуха каждый звукъ доносился отчетливо-рѣзко. Заливаясь трещали дрозды; бойко свистѣла иволга. Филинъ-ушанъ, испуганный стукомъ колесъ, неуклюже взмахнувъ крыльями, поднялся съ придорожной сосны и, описавъ кривую, грузно метнулся въ чащу, путаясь въ тонкихъ верхушкахъ осинъ и елокъ. Откуда-то издали звонко донеслись мѣрные удары дятла.

Неожиданно хрустнула вѣтвь, осыпавъ насъ мелкой шелухой сосновыхъ шишекъ... Съ вершины старой сосны, по ея наклонившемуся стволу промелькнула золотистая бѣлка, легкимъ скачкомъ перепрыгнула на сосѣдную ель и, закачавшись на ея пушистой лапости, быстро исчезла подъ навѣсомъ раскидистой хвои.

Я тронулъ лошадь вожжей, и мы поѣхали рысью. Веретенниковъ, видимо подавленный непривычной ему лѣсной тишиной, вдругъ встрепенулся. Предварительно извинившись, онъ обхватилъ меня рукой за талию и заговорилъ съ перерывами въ голосѣ въ тактъ колесъ, отбивавшихъ всѣ рытвины дороги.

— Да, топ шер, пренеприятный визитъ, не скрываю. Ёдешь и чувствуешь себя какимъ-то провинившимся вассаломъ. Вѣдь этакая въ сущности нелѣпость! Что онъ мнѣ такое, и что я для него? А между тѣмъ самъ не знаю, почему меня охватываетъ какая-то тоскливая робость.

Я пытался успокоить взволнованнаго пріятеля.

— Во всякомъ случаѣ Богунецъ не какойнибудь Титъ Тычъ; столковаться всегда возможно. Сколько же вашихъ лошадей загнали?

— Одиннадцать животинокъ,—отозвался Сергѣй Петровичъ жаргономъ своего старосты.

— Однако... исполать, сосѣдушка!

— Да, хорошо вамъ трунить, посмотрѣлъ бы я васъ на моемъ мѣстѣ.

Веретенниковъ умолкъ и задумался. Мы молча проѣхали съ версту.

— А все-таки удивительный человекъ этотъ Богунецъ,—проговорилъ Сергѣй Петровичъ, очевидно продолжая вслухъ нить своихъ размышлений.—Слышали вы, что онъ въ Берсенеvkѣ-то устроилъ? Умная голова—бѣдовый!

— Что такое? Я ничего не знаю.

— Да тамъ, топ шер, чуть было форменный бунтъ не учинили! Появился падежъ. Нагрянули ветеринары и, разумѣется, принялись за дѣло со рвеніемъ. Выдумали чуму, карантинъ. И пошла писать губернія... Разумѣется, бабы вавыли, подняли мужиковъ. Стали отнимать скотъ; урядника съ фельдшеромъ приняли въ колья. Тѣ на телѣгу, и давай Богъ ноги...

Я припомнилъ, что дѣйствительно слышалъ вскользь о Берсенеvскомъ волненіи. Балагуръ исправникъ говорилъ о немъ въ клубѣ, представляя въ лицахъ самыя комическія сцены. Но дослушать до конца мнѣ не удалось.

— Поднялась кутерьма не на шутку! Власти забили тревогу; прискакалъ становой, а за нимъ исправникъ. А надо вамъ сказать, что Берсенеvка принадлежала когда-то Богунцамъ. Народъ въ ней живетъ дородный, «борзый», какъ здѣсь говорятъ, не дружелюб-

ный. Приняли они незваныхъ гостей очень сурово. Дѣло угрожало дойти до губернатора, до усмиренія военной силой. Но, къ счастью, во-время узналъ объ этомъ Гордій Асоновичъ, и вотъ...

— Охъ, затрясло меня совсѣмъ!—вдругъ оборвалъ свою рѣчь Веретенниковъ.—Дайте духъ перевести!

Онъ досталъ торопливо портсигаръ и, тяжело отдуваясь, закурилъ папиросу. Мы поѣхали шагомъ.

— Удивительный человѣкъ,—продолжалъ Сергѣй Петровичъ.—Ему бы министромъ быть, право! Все дѣло уладилъ. Прикатилъ въ своемъ неизмѣнномъ рыдванѣ въ Берсеневку, остановился посреди улицы и послалъ за старостой. День былъ воскресный... Говорятъ, какъ узнали крестьяне, что «чудодѣй» самъ пріѣхалъ,—такъ и повалилъ къ нему народъ; всю улицу запрудили. Наканунѣ исправника камнями встрѣтили, а ему шапки снимаютъ, кланяются. Мнѣ очевидецъ, плотникъ Семень, рассказывалъ... Былъ онъ въ это время въ Берсенеvkѣ въ гостяхъ у кума.

— Что-жъ, батюшка, милости просимъ, не обезсудь нашего хлѣба покушать,—заявили ему старики.—Мы отъ тебя напраслины никакой не видали! Слава Богу, не съ вѣтру пришелъ, 40 годовъ виѣстѣ сосѣдствуемъ!

— Ну, вотъ, какъ я самъ здѣшній,—согласился Богунецъ,—а вы тугошніе, я и пріѣхалъ къ вамъ, да не спроста... Міромъ въ корень дѣла вникнемъ! Давайте-ка...

Вся деревня, сторая отъ любопытства, повалила за Гордіемъ Асоновичемъ въ избу къ старостѣ, гдѣ ему было предложено угощеніе. Выпивъ свою чарочку наливки, поднесенную изъ уваженія (крестьянство пило «очищенную»), Гордій Асоновичъ сразу завелъ рѣчь о падежѣ, да такъ ловко придумалъ, что старики тотчасъ же съ нимъ согласились.

— Это дѣло неспроста,—говорить,—и разобрать его нужно серіозно... Что, какъ и отчего происходитъ? Да безъ шума, безъ галдежа, а втихомолку!

— Это ты правильно,—одобряла толпа; мужикамъ понравился самый тонъ обращенія.

— Не иначе, что это порча,—заявили бабы,—а то дохнетъ скотина, незнамо съ чего! Все врутъ вертигары...

А Богунецъ ранѣ слышалъ, что родъ заболѣванія не опредѣленъ; скотъ, страдая рѣзью, падалъ обыкновенно на пятая или шестыя сутки. Ветеринары требовали заколотить единственный по деревнѣ колодезь. Берсенеvцы поголовно запротестовали. Скотъ всегда поили изъ пруда, давно заплывшаго и загрязненнаго. Богунецъ сразу опредѣлилъ его, какъ источникъ заразы, и рѣшилъ дѣйствовать въ этомъ направленіи.

— Ну, и что же удачно?

— Да еще какъ, вотъ слушайте.

— Я скрывать,—говорить,—отъ васъ, православные, ничего не стану! Помочь вашей бѣдѣ—возможно. Если дѣло обладите—падежъ прекратится. Не исполните—пеняйте на себя, тогда я вашему горю непричастенъ. Такъ-то!

— Что ты, родимый, чай, мы себѣ-то не вороги злые...

— Ну, когда такъ—смекайте!

Народъ, напирая, чуть двери въ избѣ не вышибъ, а Богунецъ продолжалъ невозмутимо:

— Слышалъ я стороной этакую притчу. Шелъ изъ чужихъ мѣстъ лихой человѣкъ, по вашей улицѣ пробирался... Кое съ кѣмъ изъ вашихъ повстрѣчался и съ однимъ повздорилъ. А человѣкъ-то былъ не простой, а знахарь! Видно, вы того не знали, что ему шею намаяли?.. Складно ли я говорю?—освѣдомился Гордій Асоновичъ у насторожившихся слушателей.

— Ужъ чего, батюшка, складнѣе, малый ребенокъ пойметъ! Ишь, ты, дѣла-то какія!

Толпу охватило самое напряженное любопытство, тѣмъ болѣе, что береневцы всегда были непрочь почесать кулаки, и проходимъ частенько отъ нихъ доставалось.

— Ну, и пошелъ лихой человѣкъ дальше, да за околицей раздумье взяло: какъ васъ отблагодарить за ласку? Взялъ да въ прудокъ, что на вѣздѣ, трубку-тютюнецъ съ наговоромъ и бросилъ...

Бабы съ визгомъ всплеснули руками; со всѣхъ сторонъ послышались возгласы негодованія:

— Ишь, вѣдь такой, сякой. Што-бъ тебѣ пусто было!

— Ну, такъ вотъ, братцы, пока той носогрѣйки не достанутъ—скоту живу не быть... А какъ будетъ она у васъ въ рукахъ, правда-то моя себя окажетъ!

— Ну, и что же?—полюбопытствовалъ я.

— А какъ бы вы думали? Богунецъ-то вѣдь вѣрно намѣтилъ. Поднялась такая суматоха, что не только мальчишки, но и взрослые баграми да черпаками весь прудъ обшарили. Конечно, ничего не нашли, но не утомонились... Рѣшили воду спустить и въ грязи разыскать во что бы то ни стало. Повѣрите ли, весь прудъ до дна вычистили, весь илъ изъ него на поля выволокли, даже осоку кругомъ выкосили. Впрочемъ Богунецъ отъ себя 25 рублей награды обѣщалъ тому, кто найдетъ злополучную носогрѣйку. Разумѣется, въ концѣ концовъ роковая трубка нашлась, вѣроятно, подброшенная для крестьянскаго успокоенія; ее торжественно извлекли мальчишки. Съ очисткой пруда, чего не могли добиться ветеринары, падежъ прекратился. Какъ находите?—разсмѣялся Веретенниковъ.—По-моему именно такъ долженъ дѣйствовать настоящій администраторъ: и волки сыты и овцы цѣлы...

VII.

Лѣсъ кончился. Мы выѣхали на опушку молодого березняка и, оставивъ влѣво густую заросль, свернули на пыльный, широко наѣзженный проселокъ. Мѣстность значительно измѣнилась. Волнистая равнина, по которой пролегалъ нашъ путь, пестрѣла зелеными полосами отцвѣтшаго льна, окаймленнаго розовыми лентами душистой гречихи. Онѣ убѣгали отъ насъ справа и слѣва, всползали по холмамъ, чередуясь съ золотистыми нивами. Прянымъ ароматомъ дышали поля, а надъ ними, какъ бы купаясь въ прозрачной, голубой синевѣ, звенѣли жаворонки, мелкая едва примѣтной точкой. Черезъ четверть часа показалась синяя маковка колокольни съ блестящимъ на ней крестомъ и какъ будто поплыла къ намъ навстрѣчу. Старая березовая аллея тянулась отъ нея по пологому скату, примыкая къ обширному парку, въ которомъ прятались и церковь и барскій домъ съ многочисленными постройками.

Мы миновали зеленую ограду изъ елокъ, подстриженныхъ въ щетку. Въ ея правильномъ густо заросшемъ квадратѣ были сгруппированы каменные амбары, огромный скотный дворъ стариннаго образца, съ бревенчатымъ въѣздомъ-помостомъ, по которому поднимались возы съ сѣномъ подъ самую крышу. Двѣ рабочихъ избы, каждая въ два сруба, виднѣлись подъ чистой гонтовой крышей, примыкая къ цѣлому ряду другихъ хозяйственныхъ построекъ. На «красномъ дворѣ», обставленномъ конюшнями, амбарами да старыми флигелями, стояли нѣсколько запряженныхъ экипажей. Кучера поили лошадей; подлѣ нихъ шмыгали мальчишки. Изъ отворенныхъ настѣжъ оконъ кухни доносилась мѣрная дробь поварскихъ ножей. Очевидно, у Богунца были гости. Изъ глубины сада выглянулъ на насъ старинный барскій домъ съ массивными колоннами по фасаду. Высокое крыльцо его тонуло въ густой зелени пышно разросшихся кустовъ сирени и акацій.

Мы шагомъ добрались до него, гдѣ насъ поджидалъ казачокъ-мальчуганъ лѣтъ 14-ти въ чистенькой курткѣ съ пунцовымъ кантомъ. Отдавъ ему лошадь, я поднялся за Сергѣемъ Петровичемъ въ сѣни. Въ передней насъ встрѣтилъ племянникъ Богунца, смуглый юноша-гимназистъ, и многозначительно возвѣстилъ Веретенникову:

— Дядя съ гостями на террасѣ и горитъ нетерпѣнiемъ обнять виновника злополучныхъ событiй сей ночи. Онъ проситъ васъ пожаловать къ завтраку безъ церемонiй.

Мы молча переглянулись, а бѣдный Сергѣй Петровичъ, вытащивъ носовой платокъ, принялся отчаянно кашлять и сморкаться. Племянникъ ввелъ насъ въ залу и указалъ на террасу.

— Тамъ они засѣдаютъ!— объявилъ онъ шопотомъ и, раскладываясь, удалился.

Пока Сергѣй Петровичъ приводилъ въ порядокъ свою шевелюру и справлялся съ непокорнымъ галстухомъ, я съ любопытствомъ разсматривалъ старомодное убранство залы. Перегороженная колоннами, она была отдѣлана подъ желтый мраморъ съ высокими панелями. Огромныя окна почти доходили до паркета, бронзовыя люстры въ чехлахъ спускались съ потолка, расписаннаго еще доморощенными художниками изъ дворовыхъ. Среди старинной мебели, на бѣлыхъ консоляхъ красовались алебастровыя статуэтки; стыдливо жеманились граціи, шаловливый амуръ натягивалъ свой лукъ, направленный въ сторону безрукой Діаны. Огромныя часы хрипло стучали въ простѣнкѣ надъ каминомъ. Съ террасы до насъ долетали голоса, изъ которыхъ одинъ звучалъ рѣзко и, какъ мнѣ показалось, не безъ желчи.

— Хороши и вы тоже! Еще о «престижѣ» толкуеть... А какъ себя держитъ?

— Какъ подобаетъ моему сану и положенію!— отвѣчалъ мягкій баритонъ и тотчасъ же громко разсмѣялся.

— Не финти, братъ, не обманешь. Ты по участку-то своему на чемъ катаешься? Ну-ка, скажи мнѣ, господинъ непремѣнный членъ!

— Какъ на чемъ? Подобно всѣмъ людямъ...

— Ну, вотъ то-то и есть, что не по-людски. Помню, какъ ты ко мнѣ прошлой весной припожаловалъ... Докладываетъ казачокъ: «Иванъ Семенычъ»...—Да гдѣ жъ онъ?—говорю.—«Прошли наверхъ переодѣться». Ну, я и успокоился: приказалъ лошадей твоихъ отпрячь и кучера напоить чаемъ. Смотрю, стоитъ мой Митя, съ съ ноги на ногу переминается и видимо чѣмъ-то смущенъ.—Ты чего стоишь?—говорю:—развѣ не слышалъ? Мальчикъ покраснѣлъ, запинается.

— Да они-съ... безъ кучера... и безъ лошадей приѣхали!

— Какъ безъ лошадей? Да въ умахъ ли ты, говорю, Митенокъ?

— Ей-Богу-съ... на однихъ колесахъ, съ пружиной...

— На чемъ?

— На пружинѣ!

— Тутъ ужъ я не выдержалъ, всталъ, подхожу къ нему ближе: бредить, думаю, что ли? Что ты такое врешь? На какой пружинѣ? А мальчуга мой ужъ смѣется и руками мнѣ показываетъ.

— На двухъ колесахъ пружина и сѣдельце-то къ ней махонькое прилажено... Баринъ сидятъ-то высоко, высоко и сами себя ногами подталкиваютъ, славно гребутъ-съ. Да и шибко же катятся!

— Ну, братъ, удивилъ... Не въ обиду будь сказано, Иванъ Семенычъ, безъ ножа ты меня зарѣзалъ...

— Что же васъ такъ удивляетъ?— мягко прозвучалъ баритонъ:— право не понимаю! Вѣкъ прогрессируетъ, а мы, дѣти вѣка, отъ него отстать не хотимъ.

— Ну, утѣшилъ. Да развѣ это прогрессъ, во-первыхъ? А, вторыхъ, въ твои-то годы, мой другъ, это прямо мальчишество.

— Теперь большинство, не исключая и дамъ, ѣздитъ на велосипедахъ.

— Нашелъ оправданье! Ну, а я тебѣ скажу, что это забава пошлая и вредная для здоровья. Относительно «дамъ»—самъ ты знать долженъ кому законы не писаны...

— Достоуважаемый, я пасую...

— Нечего сказать, хорошъ членъ суда!.. Какое уваженіе можно внушить населенію, носясь, какъ полоумный, на «вертенѣ», какъ мнѣ жаловались на тебя въ деревнѣ. Кокарда на лбу, самъ изогнулся, какъ цирковый клоунъ, летишь, какъ угорѣлый, и только людъ крещеный пугаешь!

Пѣвучій баритонъ пытался что-то возразить, но въ эту минуту мы появились на порогѣ террасы, и разговоръ прекратился. Хозяинъ и его гости тотчасъ же поднялись къ намъ навстрѣчу. Растерявшійся Сергѣй Петровичъ, краснѣя и запинаясь, неожиданно отрекомендовалъ меня, какъ своего родственника. Я не успѣлъ даже выразить изумленія, какъ меня подхватилъ подъ руку деверь Богунца, полный мужчина въ форменной судейской тужуркѣ, и, любезно расшаркавшись, увлекъ къ буфету, уставленному закусками. Выпивъ водки, мы усѣлись за столъ, гдѣ вся компанія готовилась завтракать. Богунецъ собственноручно раскладывалъ кушанья (слѣдуя привычкѣ всѣхъ старыхъ холостяковъ), и пока мой пріятель справлялся съ крылышкомъ жаренаго цыпленка, я приглядывался къ типичному «гордому чудодѣю», о которомъ мнѣ привелось уже столько слышать. Остальные были добродушные помѣщики и казались мало интересными.

VIII.

Гордій Асоновичъ поразилъ меня своей оригинальной внѣшностью. Это былъ красивый, видный старикъ, державшійся почти юношески бодро, несмотря на свой уже преклонный возрастъ. Мѣсяць тому назадъ онъ отпраздновалъ свою 67-ю годовщину, хотя на видъ никто не давалъ ему болѣе 50-ти. Умное открытое лицо, почти безъ морщинъ, отличалось необыкновенной выразительностью. Серебристые кудри спускались на плечи, обрамляя выпуклый лобъ, на которомъ только въ минуты вспышки или раздраженія появлялись тонкія складки между бровями—признакъ энергическаго характера. Темныя брови и рѣсницы, глаза, сверкашіе юношескимъ блескомъ, представляли разительный контрастъ съ сѣдой бородой

и сѣдыми коротко подстриженными усами. На немъ былъ надѣтъ просторный кунтушъ старомоднаго покроя и широкія шальвары, заправленные въ большіе козловые сапоги, въ которыхъ онъ двигался почти неслышно. Въ его манерѣ держаться, говорить и даже выслушивать собесѣдника сквозила какая-то особенная «важеватость», присущая людямъ стараго поколѣнія. Я съ любопытствомъ наблюдалъ за нимъ во время завязавшихся дебатовъ.

Уѣздный членъ суда, Губинъ, пожилой мужчина съ острымъ носомъ и быстрыми бѣгающими, какъ у ежа, глазками, гладко причесанный, въ туго накрахмаленныхъ воротничкахъ, поднимавшихъ его жидкіе, но щеголевато расчесанные бачки, видимо, составлялъ оппозицію въ этомъ «совѣтѣ мужей», какъ выражался племянникъ Богунца. Мой пріятель, когда разговоръ сдѣлался общимъ, долго не зналъ, къ кому примкнуть, хотя чаще склонялся на сторону Губина. Гордій Асоновичъ высказывался твердо, но съ той рѣзкой прямолинейностью, которая обыкновенно присуща людямъ, стоящимъ внѣ современнаго строя, «не у дѣлъ», какъ говорится.

— Я крайне сконфуженъ всѣмъ происшедшимъ,— началъ Сергѣй Петровичъ, обращаясь къ Богунцу.— Мой визитъ... право, такъ досадно... вы, конечно, уже знаете?

— Знаю, сударь, знаю,— отвѣчалъ тотъ не безъ ироніи.— Знаю, но вы не извольте беспокоиться.

— Позвольте, однако,— смутился мой пріятель,— то-есть... какъ же это «не беспокоиться»?

— Разумѣется! Мы сперва, сударь, позавтракаемъ, выпьемъ кофе или чая, а тогда и побесѣдуемъ.

Веретенниковъ склонилъ голову съ вѣжливой покорностью.

— Но сперва я рекомендовалъ бы вамъ попробовать моей «малиновки». Вотъ это «смородиновая», это «березовыя почки», очень полезныя для желудка!— продолжалъ Гордій Асоновичъ, указывая намъ рукою на рядъ бутылокъ съ этикетками изъ бѣлой бумаги, на которой крупнымъ, старческимъ почеркомъ значился сортъ ягодъ и годъ настойки. Онъ налилъ всѣмъ по большой рюмкѣ и очень удивился, когда Веретенниковъ сталъ отказываться.

— Развѣ не пьете?— спросилъ онъ моего пріятеля.— А жаль, наливка своя и, могу завѣрить, отминая. Я вѣдь живу по старинѣ и виномъ себя не балую.

Чудакъ все болѣе интересовалъ меня. Отрѣзавъ себѣ кусокъ домашняго деревенскаго сыра, мы съ Губинымъ выпили «вишневой», которая дѣйствительно оказалась превосходной. Бѣдный Сергѣй Петровичъ, терзавшійся за своихъ лошадей, уныло взглянулъ на меня и къ рюмкѣ не притронулся. Богунецъ понялъ, въ чемъ дѣло, и вдругъ спохватился:

— Вѣроятно, о лошадяхъ сокрушаетесь?— проговорилъ онъ, глядя въ упоръ на моего покраснѣвшаго пріятеля.— Такъ? Пони-

маю. Ну, да мы сейчасъ это уладимъ. Митя, — приказаль онъ появившемуся въ дверяхъ казачку, — позови Головешку! — Мы молча переглянулись.

— Это мой приказчикъ; сейчасъ увидите.

Дѣйствительно, не прошло и трехъ минутъ, какъ у террасы будто выросъ низенькій, худощавый человѣкъ, смуглый, черноватый, съ виду походившій на цыгана. Онъ выглядѣлъ плутоватымъ мужикомъ и, вѣроятно, былъ не молодъ, судя по сѣдинѣ, обильно выступавшей въ его щетинистой шевелюрѣ.

— Что прикажете, батюшка? — пропищалъ онъ какимъ-то дѣтски визгливымъ голосомъ, перебирая въ рукахъ шапку, которую онъ снялъ далеко еще не доходя до террасы.

— Распорядись, братецъ, пойманныхъ лошадей къ господину помѣщику домой согнать, — и тотчасъ же добавилъ: — да смотри, чтобы живо! Кстати, сколько ихъ тамъ?

— Одиннадцать животинокъ-съ.

— Ну, ну, ладно... Гоните скорѣй!

Управляющій скрылся. Смущенный Сергѣй Петровичъ замѣтно повеселѣлъ и разсыпался въ благодарностяхъ.

— Время рабочее, — проговорилъ онъ, потрясая руку Гордія Асоновича. — Вы, какъ хозяинъ, меня поймете, каждый часъ до рога! Я, право, не нахожу словъ...

Тотъ молча улыбнулся.

— Свои люди — сочтемся, — проговорилъ онъ, видимо желая изгладить всякія опасенія въ умѣ моего пріятеля. — А теперь выпьемъ; надѣюсь, и вы не откажетесь, — обратился онъ ко мнѣ, наливая терновки.

— Выпьемъ за благополучное разрѣшеніе инцидента, — отозвался Иванъ Семеновичъ. — А кстати, какъ это васъ, батенька, угораздило учинить такую потраву? Вѣдь, шутка сказать, добрыхъ полъ-десятины вымолотили!

— Я нисколько этому не удивляюсь, — холодно остановилъ своего beau-frère'a Богунецъ, которому не понравилась безтактность затронутой темы. — При теперешнихъ порядкахъ, — подчеркнул онъ, иронически улыбаясь, — чего могу я ожидать, кромѣ всяческихъ правонарушеній?

— Pardon, cher ami, я васъ не понимаю, — обидѣлся Губинъ, принимая въ свой огородъ брошенный камень.

— Виноватъ, я не такъ выразился: не при «теперешнихъ порядкахъ», а при современной распущенности... Впрочемъ это расплата за ошибки былого, — добавилъ Богунецъ съ легкой досадой въ голосѣ.

— Ну, вотъ, я такъ и зналъ, — обратился къ намъ Губинъ. — Споръ переходитъ на жгучую тему. Вѣдь Гордій Асоновичъ, какъ вамъ, господа, вѣроятно, извѣстно, — наша ярая и неумолимая оппо-

зиція... Онъ находитъ въ реформѣ 1861-го года рядъ крупнѣйшихъ ошибокъ и... и...

— Перестань говорить глупости, милый другъ,—перебилъ деверя Богунецъ.—Я никогда не отрицалъ ея гуманной основы, но съ результатами надо считаться.

— Съ какими же результатами?—полюбопытствовалъ я, удивленный неожиданнымъ оборотомъ нашей бесѣды.

— Съ неумѣлымъ «примѣненіемъ» прекрасныхъ идей на практикѣ... Теперь, впрочемъ, вопросъ этотъ уже сталъ предметомъ «особыхъ совѣщаній»...

— Это интересно,—робко вставилъ земскій врачъ Неволинъ, добродушно смаковавшій разные наливки.

— О, еще бы!—съ горечью подхватилъ Гордій Асоновичъ.—Я очень радъ, государи мои, что вы пожаловали именно сегодня!—продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ и Веретенникову.—Мы затѣяли «маленькое» совѣщаніе о «большихъ» дѣлахъ, то-есть по-сосѣдски рѣшили собраться, чтобы обсудить всѣ тѣ вопросы, которые выдвинуты наконецъ правительствомъ и предложены «уѣзднымъ комитетамъ» о нуждахъ деревни. Въ добрый часъ, давно-пора! Надѣюсь, и вы не откажетесь высказаться?

Мы оба поклонились.

— Ну, вотъ и прекрасно! Но, чтобы не быть голословнымъ, я велю принести сюда мой «архивчикъ» для справокъ... Вы не знаете, я давно собираю все, что пишется у насъ о сельско-хозяйственной жизни Россіи. Прелюбопытные есть «мемуарцы». Право! Ей, Митенокъ!

Видимо волнуясь, Богунецъ пересѣлъ въ кресло, досталъ вышитый бисеромъ кисетъ и, набивъ табакомъ длинный чубукъ, хлопнулъ въ ладоши. Появившійся казачокъ зажегъ спичку, присѣлъ на корточки и разжегъ трубку. Въ эту минуту передъ нами оживалъ «старый баринъ», какъ будто спустившійся изъ рамы со стариннаго выпѣтшаго портрета, изъ чуждой, давно позабытой галлерей предковъ.

— Митенокъ, сказать Стросѣ, чтобы принесъ изъ кабинета «архивъ». Понялъ?

Бойкій Митя кивнулъ головой и быстро вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ на террасѣ появился племянникъ Богунца, Строся, съ двумя толстыми папками, изъ которыхъ торчали вороха газетной бумаги.

— Спасибо, милѣйшій,—проговорилъ Гордій Асоновичъ, раскладывая предъ собою на столѣ принесенныя газеты, любовно сортируя ихъ по пачкамъ...

Нѣсколько минутъ длилось общее молчаніе.

— Я просилъ бы васъ, господа,—началъ Богунецъ, раскуривая трубку:—сказать мнѣ, любите ли вы Россію?

«истор. вѣстн.», августъ 1904 г., т. хvii.

Гости съ удивленіемъ переглянулись.

— Мнѣ кажется, что этотъ вопросъ не подлежитъ сомнѣнію,— отозвался Губинъ, пожимая плечами.

— Въ такомъ случаѣ вы, вѣроятно, слѣдите за ея ростомъ, за ея духовнымъ и экономическимъ развитіемъ... Вы, конечно, читаете газеты, знакомы съ многочисленными изслѣдованіями специалистовъ, вѣроятно, прислушиваетесь къ ожесточенной полемикѣ партій? Проводя зиму въ столицахъ, чай, не на одномъ диспутѣ бывали?

Веретенниковъ самодовольно склонилъ голову. Мнѣ показалось, что по лицу Богунца скользнула тонкая ироническая улыбка.

— Такъ, такъ! Ну, вамъ и книги въ руки. Скажите же мнѣ, господа, искренно, по душамъ (не для полемики же наша бесѣда): бѣднѣетъ или богатѣетъ земледѣльческая Россія?

— Мнѣ кажется, что вопросъ такой важности трудно рѣшать категорически, не имѣя подъ рукой точныхъ статистическихъ данныхъ! — отозвался одинъ изъ гостей, худощавый старичокъ-помѣщикъ, котораго Богунецъ попросту рекомендовалъ Уваромъ Уваровичемъ.

— Полноте, батенька! Само правительство признало теперь «оскудѣніе» центральной полосы,—возразилъ отставной полковникъ Бердяевъ, тучный мужчина, сидѣвшій на противоположномъ концѣ стола, все время исправно кушавшій и пыхтѣвшій при этомъ, какъ самоваръ.—«Оскудѣніе» у насъ—фактъ непреложный... именно — истощеніе «центра»...

— Ну, вотъ,—продолжалъ Богунецъ,—а теперь поставимъ вопросъ нѣсколько иначе: прогрессируетъ ли ростъ народа, развитіе его умственныхъ, нравственныхъ силъ? Окрѣпло ли его матеріальное благосостояніе? Увеличился ли запасъ его экономического богатства? Для меня только въ этомъ весь интересъ истекшаго сорокалѣтія, вся суть, такъ сказать, великой освободительной реформы. Въ этой цѣли...

— Думается, что уничтоженіе рабства само по себѣ есть уже цѣль помимо всѣхъ прочихъ,—началъ я, но меня перебилъ членъ суда Губинъ.

— Насколько я понимаю,—заговорилъ онъ, внимательно разсматривая свои щегольскія, лакированные ботинки и видимо смакуя каждое слово,—правительство, освобождая крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, стремилось къ насажденію у насъ тѣхъ именно просвѣтительныхъ началъ, коими давно руководилась и жила тогдашняя Европа...

— Ну, вотъ, вотъ! Я такъ и зналъ... Вся эпоха реформъ прошла въ переустройствѣ русской жизни на «заморскій ладъ», въ цѣломъ рядѣ «заимствованій» съ запада. Мы должны были порвать все съ прошлымъ и сразу выйти на новый путь эгалитарнаго прогресса!

— Развѣ вы считаете этотъ путь хуже прежняго?

— Судите сами по результатамъ, полученнымъ въ итогѣ!—усмѣхнулся Гордій Асоновичъ. — Приглядитесь, куда мы вышли. Окажется: стоимъ на распутьѣ дорогъ, нищѣ духомъ, съ сумой за плечами... Отъ исконно русскихъ людей поотстали, а къ европейцамъ не пристали! Для большинства не существуетъ ни религіи, ни народности, ни самобытной исторіи, связи съ родиной стали условны... Словомъ, нѣтъ ничего, чѣмъ въ сущности «люди живы»! Прислушайтесь только, какимъ стономъ полна Русская земля отъ гнета инородцевъ да иностранцевъ, какой вопль несется то изъ «центра», то съ ея окраинъ, и тогда станетъ ясно, куда мы идемъ...

— Почтеннѣйшій Гордій Асоновичъ, позвольте!—воскликнулъ Губинъ,—все это очень печально, но... при чемъ тутъ реформа 1860-хъ годовъ? Не понимаю.

— А ты «гляди въ корень дѣла», какъ совѣтовалъ Кузьма Прутковъ, и уразумѣешь!—усмѣхнулся Богунецъ.—А вѣдь какихъ нибудь сорокъ лѣтъ тому назадъ дѣйствительно загоралась заря новой жизни народа... Александръ II не даромъ считалъ 19-е февраля «лучшимъ днемъ» своей жизни! Помните ли, государи мои, эти чудныя строфы?

Гордій Асоновичъ взялъ изъ пачки истрепанный листъ и по-старинному, нараспѣвъ, продекламировалъ съ паэосомъ:

«День встаетъ багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни трепеть слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день.
Съ сонныхъ вѣждъ страхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла, съ Богомъ, на работу
Пробужденная страна!»

— Такъ привѣтствовалъ когда-то родную Русь Иванъ Аксаковъ! Но пора поэзіи прошла, и вотъ теперь, сорокъ лѣтъ спустя, наступилъ прозаическій день подведенія итоговъ... Эволюція завершилась официально признаннымъ крахомъ экономическаго благоденствія народа. Кромѣ нищеты матеріальной и духовной, оказывается, онъ почти ничего для себя не вынесъ.

— Какъ ничего не вынесъ?—вступился Губинъ.—Надо сперва доказать фактами! Это пресловутое «оскудѣніе» — раздутый модный вопросъ.

— Ну, нѣтъ, милый, шалишь... Сдѣлаемъ справку!—и Богунецъ вынулъ изъ пачки газетную статью, всю исчеркнутую краснымъ карандашемъ.—Прослушай недавнее заявленіе г. министра финансовъ: «Нѣтъ на Руси болѣе важнаго экономическаго вопроса, болѣе охватывающаго всѣ стороны нашей жизни, какъ именно во-»

прось о коренномъ улучшеніи хозяйственнаго быта нашего сельскаго населенія, въ широкомъ значеніи этого слова. Это—вопросъ всего нашего житья-бытья, въ немъ растворяются всѣ другіе... А вотъ что говорить передовая газета: «Слава Богу, туманъ разсѣивается, и ярче выступаетъ печальный силуэтъ оскудѣвшей, еле прозябающей русской деревни, о которой за послѣднее время почти забыли. Въ сущности, если сравнить нынѣшнее положеніе вещей съ тѣмъ, что было до 19 февраля 1861 года, то едва ли не пришлось бы признать, что собственно по части матеріальнаго благосостоянія бывшіе крѣпостные крестьяне немного преуспѣли послѣ воли, если только преуспѣли, а не пошли назадъ! Находятся люди, которые съ фактами въ рукахъ доказываютъ, что бывшимъ крѣпостнымъ крестьянамъ до воли жилось лучше, чѣмъ послѣ воли!» Имѣющій уши да слышать!

— Но кто же виноватъ въ этомъ?—проговорилъ старичокъ помѣщикъ Уваръ Уваровичъ.—Вѣдь затронуть вопросъ первѣйшей важности!

— О, еще бы —живо откликнулся хозяинъ.—Кто виноватъ? Виноваты мы всѣ, какъ увѣрялъ такой знатокъ деревни, какъ О. Ромеръ... И отчасти онъ правъ! Вотъ эта замѣчательная статья,—полюбуйтесь.

Богунецъ порылся въ папкѣ и досталъ газету.

— Да и могло ли быть иначе, разъ мы не выполнили «высшаго завѣта 19 февраля»? Неподготовленными взялись за реформу по иноземнымъ образцамъ и, сорокъ лѣтъ переустраивая Русь православную, только теперь разглядѣли роковыя ошибки.

— Ошибки... невыполненные завѣты? — пожалъ плечами Губинъ:—но скажите, какіе?

— Ломая старый исторически сложившійся укладъ русской жизни,—продолжалъ Гордій Асоновичъ,—впопыхахъ забыли заготовить тотъ единственный фундаментъ, на которомъ должно было строиться новое зданіе нашей гражданственности... А такимъ фундаментомъ я считаю «земскія учрежденія», хотя и образованныя, три года спустя послѣ освобожденія, но окрѣпшія въ сущности развѣ въ концѣ 1870-хъ годовъ. А между тѣмъ жизнь не ждетъ! Пока толковали о прерогативахъ земщины, народъ, исторически привыкшій къ опецѣ, къ руководству, темный, невѣжественный, оставался на распутьѣ дорогъ, можетъ быть, и очень гуманно намѣченныхъ, не зная, куда итти и что дѣлать. Ну, а потомъ земство пошло на смарку, назрѣли новыя вѣянія, а народная жизнь, сдвинутая съ своихъ вѣковыхъ устоевъ, донинѣ, какъ многоводная рѣка, ищетъ русла, ищетъ истока! Да, Некрасовъ былъ правъ, говоря, что:

«Порвалась цѣпь великая,
Порвалась,—разсочилася:
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ по мужику!»

Гордій Асоновичъ порывисто перевелъ дыханіе. — А вотъ теперъ налицо и результаты!

— Но неужели, достоуважаемый,—обратился къ Богунцу полковникъ Бердяевъ,—вы будете отрицать великое значеніе «освободительной эпохи» для Россіи? Вѣдь только съ этой поры мы поднялись на ноги, мы возмужали, стали «великой державой», наконецъ страной «свободныхъ» равноправныхъ гражданъ... Неужели могутъ быть забыты великіе «принципы» 1861 года?

— Идеальные «принципы» и проведеніе ихъ въ жизнь, господа,—не одно и то же! Я преклоняюсь предъ благороднымъ актомъ освобожденія крестьянъ и главное «съ землею», замѣтите! Марксисты этого простить не могутъ, а считаются едва ли не либеральнѣйшей фракціей. Но повторяю, что «высшіе завѣты 19 февраля» остались для народа невыполненными!

— Но чего же вы именно хотите?—спросилъ Богунца земскій врачъ Неволинъ.—Выполненія какой программы?

— Не «программъ», докторъ, а выполненія нравственного «долга», какъ того требуетъ совѣсть. Пусть мнѣ докажутъ,—горячо отозвался Гордій Асоновичъ, утопая весь въ густыхъ клубахъ синяго дыма,—и я успокоюсь, что за послѣднія сорокъ лѣтъ народъ, понимаете ли, тотъ народъ, который составляетъ соціальное ядро Россіи, выросъ, окрѣпъ, словомъ, сталъ лучше, чѣмъ былъ прежде... Я умышленно выдвигаю на первый планъ духовную сторону жизни народа! Только въ связи съ ней, и при томъ параллельно, можно разсматривать экономическое благосостояніе массы. А я не вижу, чтобы она сдѣлалась религіознѣе, нравственнѣе, развитѣе... Не нахожу, чтобы стала просвѣщеннѣе, хотя бы настолько, чтобы упорядочить укладъ взаимныхъ отношеній... До сихъ поръ, обдѣленное грамотой крестьянство, темное, суевѣрное, не имѣетъ самыхъ примитивныхъ основъ культуры: не знаетъ своихъ правъ и обязанностей, не умѣетъ уважать чужой собственности, не имѣетъ понятія долга...

— Да развѣ прежде-то лучше было?—полюбопытствовалъ Губинъ.

— Вопросъ не въ сравненіи съ прошлымъ, давно сданнымъ въ архивъ!—вскипятился Богунецъ.—Я не защитникъ несостоятельности дореформенной эпохи! Мнѣ важно прослѣдить, какова-то новая жизнь крестьянства, въ чемъ сказалось его «возрожденіе».

— А позвольте узнать,—полюбопытствовалъ Уваръ Уваровичъ, принимая налитый ему стаканъ чая:—что писалъ по сему поводу Ѳ. Ромеръ? Вы вотъ о статейкѣ его упомянули,—нельзя ли пробѣжать?

— Сдѣлайте милость! Я сейчасъ вамъ прочту: «Гнѣтъ ли деревня?» И хотя выводъ былъ оптимистическій, но самый перечень признанныхъ «язвъ» уже стоитъ того, чтобы, какъ сознается авторъ, и «призадуматься и даже испугаться». Прочитаемъ: «Въ чемъ обвиняють крестьянъ люди серьезные, весь свой вѣкъ прожившіе съ ними рядомъ: г.г. земцы, сельскіе хозяева, уѣздная администрація и даже сами крестьяне? Подавляющимъ большинствомъ признають, что въ нашихъ селахъ царятъ пьянство, хозяйственная косность, невѣжество, дикая грубость отношеній и право силы, хотя бы хищной... А въ послѣднее время проявились и весьма развились воровство, недобросовѣстное исполненіе обязательствъ, лѣнь, развратъ, мотовство и бахвальство, неуваженіе къ авторитету старшихъ и даже оскудѣніе усердія къ церкви».

Гордій Асоновичъ затанулся трубкой и продолжалъ:

— Мой почтеннѣйшій деверь отрекомендовалъ меня вамъ безъ заминки «оппозиціей»... Теперь, прочитавъ эти строки, я спрошу: кому и чему оппозиція? И развѣ четверть вѣка назадъ я не твердилъ того, что теперь наконецъ официально признано и стало, къ несчастью, неоспоримымъ фактомъ?

— Да, но вѣдь Ромеръ оптимистически возражаетъ въ концѣ статьи... запротестовалъ неугомонный членъ суда Губинъ.

— Фактъ остается фактомъ. Да и легче ли отъ такихъ объясненій? Напримѣръ, онъ пишетъ: «Пьянство, несомнѣнно, представляется величайшимъ изъ золъ русской деревни, становится наслѣдственнымъ, растетъ потребленіе водки женщинами, пристрастіе къ ней дѣтей и даже грудныхъ младенцевъ, безоглядное пропойство цѣлыхъ семей. Объясняется это прежде всего требованіями фиска». И далѣе (Богунецъ читалъ методически, съ удареніемъ на словахъ, подтверждавшихъ его мысль): «Что касается деревенскаго «невѣжества», то мы не дали крестьянству ничего, кромѣ немногихъ жалкихъ училищъ, мы чуть не поголовно бѣжали изъ селъ... Да, невѣжество почти безпросвѣтное, но кто въ немъ виноватъ? Кто не далъ богато одаренному чутьемъ народу ровно ничего для удовлетворенія естественныхъ потребностей въ красотѣ, радости, развлеченіи послѣ тяжелыхъ заботъ?»... И далѣе: «Утверждаютъ, что въ деревнѣ чрезвычайно умножилось воровство, злостное сутяжничество, ростовщичество, ограбленіе малолѣтнихъ, обирание слабыхъ, вытѣсненіе лучшихъ людей съ мірскихъ сходовъ, пропиваніе общественнаго имущества и т. д. Все это, къ несчастью, справедливо, пожалуй, грозитъ острымъ отравленіемъ деревни. Нужны быстрыя, рѣшительныя мѣры къ пресѣченію зла. Перечисленныя бѣды привиты деревнѣ глубоко-ошибочнымъ строемъ ея административныхъ и официально-хозяйственныхъ «порядковъ».

— Ну, вотъ не угодно ли? Каковы картинки? Но, повторяю, я ни въ чемъ не виню народа. Его взяли ребенкомъ на поруки,

думая сразу воспитать изъ него европейца; вырвали изъ среды мало культурной, но патріархальной, и сразу бросили на произволъ судьбы изъ прежней опеки...

— Я протестую!— вскричалъ Иванъ Семеновичъ, порывисто вскакивая со стула и начиная шагать по террасѣ.— Хорошъ «патріархальный» бытъ, нечего сказать! Стоитъ припомнить эту милую опеку: прежній помѣщичій гнетъ да самоуправство, доходившее до звѣрства...

— Постой, не горячись! Всякая жестокость, разумѣется, аномалія, исчезающая только подъ вліяніемъ культуры; ее преслѣдуетъ законъ, искореняетъ правосудіе...

— А, съ другой стороны, эта вѣчная зависимость, кабала!— волновался Иванъ Семеновичъ.

— Народная кабала? — переспросилъ Богунецъ.— Конечно, это ужасно! Но подумай, да развѣ теперь ея не существуетъ? Въ рѣдкой деревнѣ нѣтъ міроѣда, въ рѣдкомъ селѣ не царитъ кабатчикъ. А на смѣну прежней подневольной зависимости отъ помѣщика развѣ не пришла новая, болѣе ужасная ея форма: зависимость экономическая? Развѣ не рабъ онъ каждаго прасола, торговца, скупщика, не рабъ своего мірскаго схода? Будь же справедливъ, — этой зависимости, по крайней мѣрѣ, крестьяне прежде не знали! Помѣщикъ обязанъ былъ печься о нихъ; да наконецъ это составляло его прямую выгоду, и царство крестьянское жило тогда, хотя не богато, но сыто, обуто, одѣто, если только не считать народнымъ богатствомъ гнилыхъ сапогъ да трепаной гармоніи...

— Вотъ вы какъ! — укоризненно отозвался Веретенниковъ и тряхнулъ головой:— даже лапти зачислили въ инвентарь достатка?

— Еще бы! Вѣдь теперь-то крестьянинъ почти совсѣмъ голый! Посмотрите-ка на него въ праздникъ, когда онъ изъ кабака идетъ, пропивъ и гармонію и сапоги, часто вмѣстѣ съ послѣдней рубашкой. Мы этого прежде, сударь, не видали. Наша сермяжная Русь, хоть сапогъ не имѣла, но у нея ни лапотъ, ни полушубокъ изъ домашнихъ овчинъ, ни рубаха изъ собственнаго холста никогда не переводились. Нищенствовалъ на старой Руси только лѣнтяй да бродяга; но и тому не всегда повадно было! У стариковъ въ кубышкахъ водились и серебряные рубли, бывали и ассигнаціи. А теперь, начиная съ его одежды и кончая избой, все производитъ на меня впечатлѣніе нищеты, запущенности и грязи... И это называется вольной, безпечной жизнью?

— Ну, извините, достоуважаемый, это уже «идеализація» пропалаго! — сказалъ земскій врачъ Неволинъ.— Мало ли было бѣдняковъ, такъ называемыхъ «однодворцевъ»: не сладко жилось у нихъ мужику, повѣрьте!

— Крестьянинъ потому обнищалъ, что ему не на чемъ окрѣпнуть! Земли мало!— проговорилъ Губинъ.— Нищенскіе надѣлы уже

не въ силахъ прокормить удвоившееся населеніе. Необходимо прибавить земли изъ запаса государственныхъ и удѣловъ — это ясно!

— Однако есть возраженіе на это наше «малоземелье»,—отозвался все время молчавшій полковникъ Бердяевъ.—Такъ ли это? Вотъ Пермскій уѣздный комитетъ тоже жаловался, что земли мало! А губернія занимаетъ площадь немного болѣе половины всей Франціи. Въ то же время въ Оханскомъ уѣздѣ у казны на половину остается за «отсутствіемъ спроса» купленное для крестьянъ имѣніе Всеволожскихъ, около ста тысячъ десятинъ.

— Да и прибавка земли дѣлу не поможетъ!—замѣтилъ Уваръ Уваровичъ.—Былъ недавно сдѣланъ въ газетѣ такой примѣрный расчетъ, и что же оказалось? Если всю удобную землю 47 губерній передать крестьянамъ, то у нихъ окажется всего отъ 5 до 7 десятинъ на мужскую душу, т.-е. «указный надѣлъ», который и былъ установленъ въ 1861 году при освобожденіи. Значитъ, черезъ 20 лѣтъ, съ приростомъ населенія, придемъ къ тому же «малоземелью», а земли уже «свободной» не будетъ! Это въ родѣ сказки про «бѣлаго бычка» выходитъ.

— Тутъ не въ одной «матеріальной» сторонѣ — суть дѣла!—вздыхнулъ земскій докторъ.—Народъ «нравственно» болѣетъ; нищаетъ не землей только, а «духомъ»... Крестьянство повсемѣстно «опустилось», нѣтъ прежняго дружества, бодрой поддержки, энергіи... Даже «община» не спасаетъ отъ распаденія хозяйства сельчанъ, семьи... Оскудѣла Русская земля!

— Да что! — махнулъ рукой Гордій Асоновичъ.—Укажите вы мнѣ, гдѣ и когда прежде стояли годами цѣлыя деревни до тла выгорѣвшими? Красовались такія избушки, на которыхъ соломы на недѣлю одной коровѣ на прокормъ не хватить? Видано ли было когда на Руси такое огульное, поголовное пьянство? Торчали ли на всѣхъ перекресткахъ, въ каждомъ поселкѣ питейныя заведенія? Вѣдствовали ли такъ крестьяне во время неурожаевъ, что, не приди къ нимъ на помощь государственная и частная благотворительность, люди мерли бы съ голода, какъ мухи? А народное хозяйство? Я по теперешнимъ деревнямъ съ болью въ сердцѣ ѣзжу. Не узнаешь прежней Ивановки, прежнихъ лѣсныхъ хуторовъ: все-то порублено, все-то посѣчено, даже на Екатерининскомъ шляхѣ вѣковыя березы выкатить умудрились!

— По вашимъ словамъ, такъ выходитъ,—отозвался Губинъ,—что Россія въ конецъ разорена, расхищена, варварски разграблена... и все это дѣло какъ будто нашихъ рукъ, пореформеннаго поколѣнія? Но вашъ отчаянный пессимизмъ, почтеннѣйшій Гордій Асоновичъ, требуетъ еще подтвержденія фактами... Такъ нельзя сгущать краски!

— Ну, если мнѣ не вѣришь, обратимся къ печати... Вотъ прослушай, что писалъ В. Кудашевъ на-дняхъ въ статьѣ «Грядущая пустыня». Возьму отрывки:

«За послѣднюю треть прошлаго столѣтія мы не только забыли 19-е февраля съ его чудными заботами о нашемъ селѣ, но и ограбили еще, насколько могли, всю нашу прекрасную родину. Десятками лѣтъ истребляются съ корнями лѣса, варварски засоряются пруды, источники рѣкъ и рѣчки. Изъ прекраснаго кипѣвшаго первобытной жизнью міра наша русская природа превращается мѣстами въ пустыню. Промышленникъ, никѣмъ и ничѣмъ не сдерживаемый, какъ разбойникъ, обобралъ природу... Вольское земство, на примѣръ, единогласно признало въ 1891 г., что земля уѣзда высохла, обображилась, лѣса хищнически вырублены, пруды, даже колодцы изсякли... Авторъ книги «Неурожай и народное бѣдствіе» даетъ широкую картину губительнаго вліянія жгучихъ вѣтровъ, какъ послѣдствія хищническаго ограбленія нашей природы, правдиво описавъ симптомы «грядущей пустыни». Ярko подчеркивая эту же мысль, покойный В. С. Соловьевъ требовалъ, чтобы общество обратилось къ вопросу о томъ, какими мѣрами можно спасти нашу родину отъ надвигающейся съ востока пустыни... Необходимо сочетаніе мѣропріятій по облѣсенію, охранѣ рѣкъ и озеръ и тому подобное. Необходимо, чтобы особое совѣщаніе о нуждахъ сельскохозяиственной промышленности взяло это огромное дѣло въ свои руки»...

— Ну, доволенъ?

— Да, невеселая картинка!—вдохнулъ старичокъ Уваръ Уваровичъ.—Я тоже читалъ недавно о «вырожденіи» якобы русскаго мужика, не имѣющаго теплаго, свѣтлаго жилища вслѣдствіе отсутствія и дороговизны лѣса. Въ Петербургѣ учреждается общество раеиространенія среди крестьянъ «глинобитныхъ» избъ и построекъ.

— Печально! Выходитъ, что не только намъ «каменноі» Россіи не дожждаться,—замѣтилъ земскій врачъ Неволинъ,—но и «деревянная» старая Русь пошла на смарку...

— А посмотрите на теперешнюю стройку въ деревнѣ,—продолжалъ Богунецъ съ досадой:—все тяпъ, ляпъ, кое-какъ, словно на спѣхъ... Не видно въ ней ни хозяйственности, ни домовитости, ни довольства! Въ иныхъ уѣздахъ овинъ не у каждаго есть: гдѣ въ общемъ сушатъ, а гдѣ и сыромолотомъ довольны. Да и то сказать, — желчно усмѣхнулся Гордіи Асоновичъ:—что теперь и сушить-то? Кое-какъ онъ землю вздеретъ, кое-какъ зерно въ нее ткнетъ, ну, и вышелъ недородъ. А если и уродится, такъ отъ современнаго «бюджета» въ кошелѣ не залежится... Да-съ, обѣднѣніе полное: земля истощена, природныя богатства расхищены, заработковъ нѣтъ... А язвы деревни — раздѣлы, растутъ съ каждымъ днемъ, дробя и безъ того нищенскія крестьянскія угодыя. Растетъ число безлошадныхъ, отрываютъ народъ отъ сохи фабричное разгильдяйство да отхожіе промыслы. Разоренный инородцами, да и иностранцами, народъ бѣжитъ съ насиженныхъ мѣстъ. А тяготѣніе къ легкой наживѣ? Чуть не огульный уходъ

изъ деревень въ Москву, въ Петербургъ, въ губернскіе города? И вотъ этотъ-то «бродячій» элементъ, вкусившій отъ столичныхъ благъ,—первый смутьянъ деревенскій! Изболтавшійся питерщикъ изъ швейцаровъ и дворниковъ да московскіе половые съ лихачами — вотъ кто рушить семью, требуя выдѣла... Они всячески стараются порвать исконныя связи съ землею, являясь родными братьями фабричнаго, отъ котораго на побывкахъ плачь да стонъ стоитъ на родимой сторонукѣ. Надѣюсь, этихъ прелестей «вольной волюшки» развѣ только слѣпой по достоинству не оцѣнить!

Богунецъ поднялся съ кресла и, тяжело ступая на ходу, медленно прошелся по террасѣ. Лицо его осунулось, потемнѣло. Видно было, что нашъ разговоръ затрогивалъ самые жгучіе, дорогіе для него интересы, бередилъ давно наболѣвшую рану.

IX.

— Тяжело подумать, — продолжалъ Гордій Асоновичъ, останавливаясь передъ нами, видимо подавленный своими размышленіями.—Мы жереживаемъ роковой кризисъ и, какъ будто умышленно, не хотимъ сознать его серьезности! Земледѣльческая Русь почти наканунѣ банкротства, а до нея никому до сихъ поръ не было дѣла... Землевладѣльческій классъ разоряется: падаетъ хозяйство крестьянское; одинъ за другимъ уходятъ помѣщики, зачисляясь въ ряды чиновничества.

— Кто же виноватъ, Гордій Асоновичъ?—отозвался я.

Богунецъ, какъ будто встрепенувшись, быстро обернулся ко мнѣ и заговорилъ громко, порывисто.

— Вотъ, вотъ! Кто виноватъ? Вѣроятно, ужъ не мы съ вами? О помѣщикахъ я сказалъ бы словечко, да волкъ не далечко... Всѣ мы здѣсь землевладѣльцы... Но легко ли теперь хозяйничать съ опустившимся народомъ? Ну, а крестьянинъ нашъ, надо знать его ближе, онъ во многомъ еще взрослый ребенокъ. Такимъ онъ всегда былъ, такимъ и остался. Безпечень, какъ дитя, живетъ сегодняшнимъ днемъ, а о завтрашнемъ и не думаетъ. Темный, невѣжественный, безграмотный, какъ онъ можетъ понимать свою пользу, когда и болѣе культурные слои у насъ ея не понимаютъ? Сколько десятковъ лѣтъ пройдетъ еще, пока на Руси исчезнетъ хотя бы повальная безграмотность?

— Теперь и напрягаются всѣ усилія, — замѣтилъ Губинъ, — чтобы добиться «всеобщаго обученія»... Это «краеугольный» камень программы.

— Кромѣ того, — нерѣшительно вставилъ Веретенниковъ, — у насъ уже четыре рода школъ существуетъ.

— Какъ же, знаю, — горячо воскликнулъ Гордій Асоновичъ, — я вамъ ихъ по пальцамъ перечту! Ну, хотя бы у насъ въ уѣздѣ,

подумаешь, благодать? 37 школъ общественно-земскихъ, 18 школъ грамоты, 12 министерскихъ, 7 церковно-приходскихъ. Казалось бы, чего лучше? А выходитъ, что дѣятельность ихъ направлена не къ просвѣщенію населенія, а къ взаимнымъ подвохамъ да перекорамъ...

— Позвольте, оппозиція—не подвохъ!—вскричалъ Губинъ, срываясь съ кресла.—Какъ же не воевать, когда у насъ такая разни́ца въ программахъ, во взглядахъ на преподаваніе, наконецъ въ цѣляхъ?...

— Вотъ она, Русь-то матушка, узнаю!—съ досадою проговорилъ нашъ хозяинъ.—Все партійные сче́ты. Цѣль, сударь, одна—«просвѣщеніе» народа...

— Нельзя же мириться съ схоластикой,—горячился Иванъ Семеновичъ.—Да наконецъ въ наше время школа должна быть свѣтской.

— Допустимъ... Но зачѣмъ такая нетерпимость? Можно, на мой взглядъ, найти компромиссъ, чтобы работать всѣмъ на пользу общественную.

— Пускай измѣняютъ программы.

— Нѣтъ, вы попросту подѣлите дѣтишекъ, — продолжалъ Богунецъ, улыбаясь.—Пускай земская и министерская школы обучаютъ мальчиковъ, которымъ нуженъ большій уровень развитія, а дѣвочекъ Отдайте церковно-приходскому попечительству. Для женскаго населенія религіозно-нравственное вліяніе священниковъ и миссіонеровъ благотѣльно будетъ. Дѣвушка внесетъ его въ домъ, женщина положитъ въ основу семьи,—чего же лучше? Но главное—это общеобязательность обученія въ какой бы то ни было школѣ! Да и взрослыхъ крестьянъ учить не мѣшаетъ. А главное просвѣщать ихъ путемъ нравственныхъ собесѣдованій, воскресныхъ чтеній по ихъ обиходу...

— Все это уже существуетъ, дѣлается у насъ.

— Давно ли?—желчно усмѣхнулся Гордій Асоновичъ.—Со вчерашняго дня? Я что-то не вижу результатовъ. Должно быть, это не то просвѣщеніе? По совѣсти говоря, какъ былъ нашъ народъ полудикаремъ, такимъ онъ и донынѣ остался. Досадно, право! Даже грамоту, затверженную въ школѣ, чрезъ годъ забываетъ!

— Но позвольте!—вступился Губинъ:—чего именно вы хотите? Народъ—не интеллигенція...

— Когда, ѣдучи по Германіи,—горячо перебилъ его Богунецъ,—я вижу вокругъ прекрасно воздѣланныя поля, оросительныя каналы, очищенный береженный лѣсокъ, каменные опрятныя домики фермеровъ,—я говорю, что это истинная культура! Если существуютъ общественныя дороги, прекрасно содержимыя, обсаженныя фруктовыми деревьями, и я знаю, что ни одна вѣтка на нихъ не будетъ поломана прохожимъ; мало того, ни одинъ ребенокъ не под-

ниметь упавшаго съ дерева плода, понимая, что это принадлежность другого собственника, а не его отца,—я преклоняюсь передъ такими результатами истиннаго просвѣщенія. Передо мной встаетъ община, граждански созрѣвшая, сплоченная, развитая! Въ высокой нравственной дисциплинѣ народа, сумѣвшаго внушить даже дѣтямъ уваженіе къ чужой собственности,—вотъ въ чемъ залогъ дѣйствительнаго роста націи... Я не говорю уже о томъ, что каждый фермеръ, воздѣлывая убогій клочекъ своего поля, своего огорода, найдетъ въ немъ уголокъ для цвѣтовъ и растений... Ну, а у насъ?

— Чего захотѣли? Этого и черезъ сто лѣтъ не дожدهшься!—сказалъ полковникъ, закуривая толстую папиросу. Бойкій членъ суда и мой пріятель оба какъ-то вдругъ приумолкли.

— Но почему же? Отчего?—съ тоской въ голосъ спросилъ Неволинъ.

— Потому, государи мои, что мы не исполнили великихъ завѣтовъ 1861 года!—воскликнулъ Гордій Асоновичъ.—Развѣ со дня освобожденія было предпринято что либо для «воспитанія» народа? Стремилась ли мы поднять его въ уровень новаго положенія, сдѣлать, образовать изъ него «гражданина»? Да онъ и до сихъ поръ съ нами не полноправенъ... Вѣдь онъ—«изгой» юридически и сословно! Не мудрено, что за эти сорокъ лѣтъ онъ не только не созрѣлъ умственно, но скорѣе шелъ по уклону... Жалкая грамота обученія—пародія на образованіе. И съ природнымъ умомъ—онъ дикарь по понятіямъ! У него нѣтъ еще ни малѣйнаго представленія о неприкосновенности чужого... Порубки, потравы у насъ—обычное явленіе. Насадишь питомникъ лѣсныхъ или плодовыхъ деревьевъ, и непременно его поломають, потравятъ скотомъ, обобьютъ еще незрѣлые фрукты, а то просто съ корнемъ выдернутъ холеное дерево. Пасѣку заведешь—медь норовятъ выкрасть и, конечно, на половину погубятъ и рой и меды, ни себѣ, ни людямъ. Мы не умѣемъ цѣнить нашихъ естественныхъ богатствъ, всѣ ихъ варварски грабятъ! Недѣли не пройдетъ, чтобы ко мнѣ лѣсникъ не являлся съ обычной жалобой: «Батюшка Гордій Асонычъ, не погуби, меня опять «обобрали»!—Что ты, говорю, рехнулся?—«Никакъ нѣтъ, ваша милость, 18-ть липокъ ночью испортили... И кто ихъ, каторжныхъ, углядитъ, все на лыки деруть, на пугы лошадиные!»

— Замѣтьте,—обратился ко мнѣ Богунецъ,—не свои безобразничаютъ, а чужіе... Верстъ за десять другой прилететь, и не лѣсъ ему и совѣсть не зазритъ! Вы посмотрите на иного мужичка, какъ онъ и по своему лѣсу съ топоромъ бродитъ—дикарь совершенный. Придетъ слегка вырубить и такъ себѣ зря съ десятокъ деревьевъ перепортитъ. И все это попросту, отъ избытка матушки силы... Здѣсь сучекъ ему поперекъ дороги пришелся, тамъ кленовина строиная вышла—сѣкъ на палку, которую дома на дворахъ бро-

силь. А сколько народъ по веснѣ по чужому лѣсу молодыхъ деревьевъ перепортить, сладкій сокъ добывая! И все это кое-какъ, подрубивъ и слѣдовательно погубивъ дерево. Если же и пробуравить да набереть соку по трубкѣ, ни за что его потомъ, хотя бы землей, не замажетъ. Бросить попросту—и дерево засохнетъ. Къ вамъ же отъявится на будущій годъ съ просьбой отдать ему сухостой изъ вашего лѣса—каковъ благодѣтель?.. Вотъ тутъ и толкуйте о культурныхъ миссіяхъ помѣстной интеллигенціи! Я насаждаю, а Кузька-мужичекъ обдираетъ...

— Да развѣ прежде того же не случилось?—проговорилъ Губинъ.

— Разумѣется! Но именно «случалось», а теперь это—повальное хроническое явленіе... Повторяю—причиной невѣжество, но въ большинствѣ сами крестьяне признаютъ распущенность почти поголовную. Ну, скажите мнѣ, пожалуйста,—обратился Богунецъ къ Веретенникову,—недалеко ходить, чѣмъ, какъ не полнымъ отсутствіемъ самыхъ примитивныхъ понятій о долгѣ, о принятыхъ на себя обязанностяхъ, объясните вы мнѣ, сударь, ту же поправу, учиненную вашими собственными лошадьми?

Сергѣй Петровичъ сконфуженно развелъ руками.

— Развѣ это не послѣдствіе полной небрежности?—продолжалъ Богунецъ, выколачивая свой чубукъ и жестикулируя имъ, какъ рапирой.—Не возмутительная ли халатность и невниманіе при исполненіи своей обязанности?

— Не забудьте, что табунъ пасъ мальчикъ, — робко вставилъ мой пріятель, откашлянувшись.

— Полноте, да развѣ работники не травятъ? У меня забновскій пастухъ скотомъ каждый годъ молодую заросль вытаптываетъ—убѣдите его, что онъ губитъ мой будущій лѣсъ, и попробуйте разыскать съ владѣльца скота протори и убытки! Въ прежнее время при той же тупости и невѣжествѣ народа его сдерживалъ страхъ наказанія, а теперь?—Гордій Асоновичъ только махнулъ рукой и сердито отвернулся.

— Да, но вспомните, какими мѣрами добывались этого страха,—ядовито замѣтилъ Губинъ.

— Какими такими мѣрами, сударь, позвольте узнать?—встрепенулся Богунецъ.

— Розгами, напимѣръ, плетью и прочимъ...

— Розгами?—задумчиво переспросилъ онъ.—Будто только однѣми розгами, сударь? А страхъ Божій, страхъ передъ старшими? Да наконецъ—въ правѣ ли вы ставить огульно всѣмъ такое обвиненіе? Это, во-первыхъ, а, во-вторыхъ—какъ будто теперь ужъ и не дерутъ? Вы какъ полагаете?—обратился Гордій Асоновичъ къ Губину съ коварной улыбкой.

— Если и сѣкутъ,—отвѣчалъ тотъ, пожимая плечами,—то по общественному приговору, такъ сказать, на законномъ основаніи, а не по произволу!

— Полноте, сударь, да развѣ отъ этого легче? Какъ будто не все равно, какъ васъ дерутъ «по закону» или безъ онаго, разъ самый актъ считается «позорнымъ»?.. Наконецъ теперь чуткость народной чести должна была возрасти... Развѣ это гуманно?

— Pardon, cher ami,—вскипятился опять членъ суда, задѣтый за живое.—Я принципиально никогда съ этимъ не соглашусь...—и онъ снова забѣгалъ по террасѣ.—«Общественный» приговоръ это, такъ сказать, «гласъ народа—гласъ Божій», тогда какъ прежняя порка зависѣла отъ произвола. При томъ это—крайняя мѣра, и рѣдко кто теперь къ ней серьезно прибѣгаетъ.

Гордій Асоновичъ громко расхохотался.

— Merci, mon très cher, такъ выходитъ по вашимъ словамъ, что въ мое время драли для plaisir'a, а? прекрасно! Перелистаемъ, давай, «современную лѣтопись». Ну, а кто въ Рязскомъ уѣздѣ 15-ть лѣтъ поролъ, истязалъ и даже пыталъ крестьянъ, якобы на «законномъ основаніи»? Заслуженный урядникъ Адамовъ, если не ошибаюсь?

— Да вѣдь это случай!—смутился Губинъ.

— Ба, ба, ба, это 15-ть-то лѣтъ къ ряду? Кончилось тѣмъ, что запоролъ нагайками, при участіи сотскихъ, крестьянина Брока. Что, этотъ «фактъ» стариной отдаетъ, или продуктъ самоновѣйшей культуры?

— Но вѣдь урядникъ, припомни, и попалъ на скамью подсудимыхъ вмѣстѣ съ инквизиторомъ Гроссомъ! Судъ разыскалъ и покаралъ виновныхъ,—возразилъ Губинъ.— При старомъ судопроизводствѣ такіа дѣлишки поросли бы «травой забвенія».

— Будто ужъ и на солнцѣ не найдется пятенъ? Нѣтъ, почтенный Иванъ Семеновичъ, и новые люди не безъ грѣха, и на нихъ бывають прорухи!

— Но позвольте, однако,—видимо разсердился Губинъ.—Факты, вы говорите, такъ пожалуйста факты...

— Что-жъ, извольте, мой другъ,—продолжалъ Богунецъ насмѣшливымъ тономъ.—А Мултанское дѣло въ Вятской губерніи? Шутка сказать, обвинялись несчастные въ убійствѣ челоуѣка, съ цѣлью жертвоприношенія! Что же оказалось на самомъ дѣлѣ? Въ какомъ свѣтѣ предстала обвинительная власть, слѣдователь и прочіе судебныя чины? По вторичному дознанію оказалось, что полицейская власть пытала вотяковъ, что трупъ возили по деревнямъ, собирая «ясакъ». Или, быть можетъ, вы не знаете отъзыва по этому дѣлу оберъ-прокурора кассационнаго департамента сената?

— Знаю, знаю,—поспѣшно заговорилъ Губинъ, сразу смягчаясь, и добавилъ видимо смущенный.—Выбрали тоже примѣръ! Я не отрицаю, конечно, печальнаго факта, но, cher ami, вѣдь это исключительный случай...

— Случай или нѣтъ, государи мои, но я привожу вамъ факты, и такихъ у меня наберется немало.

— Да, но вы указываете намъ однѣ лишь темныя стороны современнаго уклада,—проговорилъ земскій врачъ сухо.

— Позвольте, да развѣ вы поступаете иначе? Развѣ не одни только темныя пятна указываете мнѣ въ прошломъ? Наконецъ, замѣтите, *comparaison n'est pas raison*... Поймемъ другъ друга! Повторяю опять, я никогда не былъ крѣпостникомъ и не способенъ отстаивать аномалій! Всякое рабство должно ложиться тяжелымъ ярмомъ на душу народа, но гнетъ невѣжества—это то же рабство... А что касается «народной души», ея нравственныхъ элементовъ, то... Богунецъ приподнялся съ кресла, взявъ свой чубукъ и, набивъ его дрожащими руками, нервно закурилъ, затягиваясь съ какой-то лихорадочной возбужденностью.

— Эхъ, государи мои,—проговорилъ онъ грустно,—вы не подозреваете даже, какую глубокую рану бередите вы въ моей груди, когда затрогиваете эти проклятые вопросы!.. Вы не думайте, что я старикъ, для котораго всѣ интересы въ прошломъ, все доброе только въ старинѣ... Кто же станетъ отрицать хорошія стороны новой эпохи?.. Но вы поймите меня: на мой взглядъ, слишкомъ мало сдѣлано до сихъ поръ, слишкомъ бѣдны итоги!.. Измѣнились приемы, правда, но будемъ искренни, честны... Тѣхъ ли результатовъ добивались сподвижники Александра II? Видно, у стараго зла слишкомъ глубоко залегли корни: невѣжества, косности, лѣни... И все это скрывается подъ маской лицемерія, лжи; никого не поражаетъ фальшь и безстыдство самообмана! Суетятся, якобы ратуютъ, негодуютъ, а въ сущности каждый хлопочетъ лишь о себѣ, а до «общественной» пользы дѣла нѣтъ никому... Кривить душой не хочу—какъ былъ, такъ и умру «протестантомъ»...

Гордій Асоновичъ былъ видимо взволнованъ. Глаза его блестяли, грудь порывисто дышала. Всѣмъ намъ стало какъ-то не по себѣ: чувствовалась неловкость. Губинъ первый взялся за фуражку.

— Постою, еще одно слово!—проговорилъ Богунецъ, понявъ его намѣреніе... Мы затронули интересный вопросъ о нравственномъ, духовномъ мірѣ народа... Религіозныхъ его вѣрованій я касаться не буду. Но, если даже становится на обрядовую точку зрѣнія, народная приверженность къ церкви несомнѣнно падаетъ... Молодая деревня постовъ избѣгаетъ, отбывая требы, какъ повинность, и общеніе ея съ служителемъ церкви ограничивается крестинами, свадьбой да похоронами...

— Ведѣ такъ,—равнодушно отовался Губинъ.

— Ну, нѣтъ! Посмотрите, какую роль играетъ пасторъ въ деревняхъ Германіи... Не далеко ходить—загляните въ наши нѣмецкія колоніи на Волгѣ, въ Бессарабіи, на Кавказѣ. Тамъ Негг Ра-

стор является другомъ семьи, совѣтчикомъ въ дѣлахъ уважаемымъ и любимымъ. А результаты постоянного просвѣщеннаго вліянія его на окружающую среду прямо громадны: убійствъ, разбоевъ, кражъ почти не бываетъ! Преступленія изъ суевѣрія, невѣжества — не знакомы, недоразумѣній съ властями не происходитъ... По-вашему — все это пустяки?

— Ну, ужъ тутъ прямая вина на самомъ духовенствѣ! — не вытерпѣлъ старичокъ-помѣщикъ. — Плохо Богу радѣть, оттого и народъ пересталъ въ церковь заглядывать. Темнымъ родится, суевѣрнымъ живетъ и въ какой-то своей особой «потаенной» вѣрѣ умираетъ!

— Да, поголовная тьма и чудовищное суевѣріе, — вздохнулъ Богунецъ. — Припомните только холерные бунты, Ветлянскую чуму, постоянныя волненія при скотскихъ падежахъ, непереводащіяся дикія расправы съ колдунами да знахарями... А убійства по подозрѣнію въ «порчѣ», сожженіе сыномъ матери-вѣдьмы, якобы засушившей его молодую жену; добываніе людского сала для свѣчи, указывающей клады... А религіозныя изувѣрства въ родѣ замурованныхъ живыми сектантовъ въ Днѣпровскихъ плавняхъ?.. У насъ перепись до сихъ поръ вызываетъ какой-то суевѣрный ужасъ, а затменіе солнца въ деревенской глуши попрежнему предрекаетъ начало грядущаго свѣтопреставленія... И это, государи мои, когда же?.. Въ XX вѣкѣ!

— Но что же дѣлать, Гордій Асоновичъ? — спросилъ я. — Въ чемъ вы видите спасеніе народное, какой выходъ изъ этого заколдованнаго круга тьмы, невѣжества, грубости и нищеты?

Богунецъ залахнулъ свой старомодный кунтушъ, сунулъ чубукъ въ уголь и молча прошелся по террасѣ. Лицо его, строго сосредоточенное, выражало мучительную внутреннюю борьбу. Миѣ показалось, что онъ стѣсняется говорить правду; что самолюбивый старикъ, умный и проникательный, избѣгаетъ высказаться на чистоту, какъ бы опасаясь быть непонятымъ.

— Что дѣлать? Роковой вопросъ... — проговорилъ онъ задумчиво. — Развѣ легко на него отвѣтить? Необходимость реформы 1861 года созрѣла медленно въ общественномъ сознаніи, но рѣшеніе вопроса вылилось въ точную, яркую формулу 19 февраля потому, что въ сущности и не могло быть никакого другого рѣшенія... Но теперь? Не предстоитъ ли вамъ, государи мои, новая эпоха великаго освобожденія народнаго отъ всяческихъ золъ и бѣдъ, угнетающихъ родину? На мой взглядъ призваніемъ русскихъ людей на «особыя совѣщанія» положено начало великаго національнаго все-народнаго дѣла!... Вѣдь это, государи мои, призывъ самой Русской земли — выслушать ея нужды, помочь ей разрѣшить старый историческій споръ, волновавшій славянъ чуть ли не со дня призванія варяговъ... «Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ!»

— Ну, разница есть!—замѣтилъ полковникъ Бердяевъ.—Земли теперь у насъ удешевилось, а обилия въ ней не взыщите.

— Повторяю, что думаю!—продолжалъ Богунецъ.—Необходимо выполнить завѣты 19 февраля полностью. Надо сдѣлать изъ крестьянина равноправнаго члена нашей гражданской семьи, дать ему образование и истинное просвѣщеніе—развить его природный умъ, пробудить душу живую... Припомните, что говорилъ Достоевскій. Съ какой удивительной прозорливостью на этотъ счетъ высказывались славянофилы! Матеріаловъ, по крайней мѣрѣ, для освѣщенія вопроса «первѣйшей» важности накопилось немало за минувшія сорокъ лѣтъ. Вотъ читайте:

«Со дня освобожденія народъ ищетъ и жаждетъ полной правды, полнога гражданскаго воскресенія въ новую жизнь,—писалъ Достоевскій.—И отъ этой жажды неутоленной онъ духовно боленъ!» Вотъ одинъ тезисъ. Однако захотимъ ли мы теперь взглянуть правдѣ въ лицо, какъ выражался И. Аксаковъ? Въ томъ вся суть, и на мой взглядъ, государи мои, не можетъ быть плодотворной никакая «частичная» реформа, если весь укладъ нашей жизни не будетъ заново пересмотрѣнъ! Необходимо «оздоровленіе корней», какъ выражался Достоевскій.

— Вотъ оно что?..—протянулъ Губинъ, бросивъ многозначительный взглядъ на говорившаго.—Интересно было бы услышать эту программу «обновленія» русской жизни!..

Но Богунецъ его не слушалъ. Онъ лихорадочно рылся въ ворахъ газетныхъ статей и наконецъ досталъ старый № «Руси» 1883 года, весь испещренный помѣтками. Грудь его порывисто дышала, глаза блестѣли почти юношескимъ огнемъ. Старикъ какъ будто помолодѣлъ, весь отдавшисъ охватившему его волненію.

X.

— Я знаю, государи мои, что неумолимый членъ суда затребуетъ у меня справокъ, «фактовъ», а главное авторитетныхъ документовъ въ подтвержденіе высказанныхъ мною мыслей. Потому я заранѣе и «мобилизуюсь»,—усмѣхнулся Гордій Асоновичъ.—Почти двадцать лѣтъ тому назадъ И. Аксаковъ писалъ:

«Положеніе Россіи таково, что, будь правительство семи сотъ семидесяти пядей во лбу, и то вдругъ разомъ, собственной силой, не разрѣшило бы задачи. Нельзя однимъ махомъ передѣлать дѣло давнихъ временъ, стряхнуть хламъ и пылъ столѣтій—«выпрямить» общественное сознаніе и возстановить указомъ цѣльность и немислимое безъ цѣльности творчество жизни! Великій социальный переворотъ, совершенный Александромъ II, поколебалъ всю правительственную систему, созданную петербургскимъ періодомъ русской исторіи съ его бюрократическою, канцелярско-полицейскою

опекой... Новый строй еще не сложился, да и сложиться ему не легко, именно благодаря отсутствію въ правящихъ и общественныхъ классахъ «историческаго національнаго» духа и нераздѣльной съ нимъ жизненной творческой силы и правды въ сознаниі»... Вотъ вамъ и второй тезисъ. Но дѣйствительно ли созрѣло въ русскомъ обществѣ для новой великой реформы національное самосознаніе? Сумѣетъ ли это общество «обрѣсти» въ себѣ творческія силы?

— Я, по крайней мѣрѣ, ни минуты въ этомъ не сомнѣваюсь,— отозвался полковникъ Бердяевъ и, вставъ съ противоположнаго конца стола, пересѣлъ ближе къ намъ, видимо заинтересованный оборотомъ бесѣды.—Я твердо вѣрю, что мыслящее общество всегда сумѣетъ оправдать то довѣріе, которое не разъ ему было оказано съ высоты престола. На страницахъ русской исторіи не даромъ запечатлѣны эти незабвенные годы... Нѣтъ сомнѣній, что и теперь, въ назрѣвшихъ общественныхъ запросахъ, изъ намѣченной правительствомъ реформы земства, администраціи губернской и уѣздной, изъ упорядоченія «общины» и сельскаго быта, истинно русскіе люди создадутъ эру національнаго возрожденія! Помните у Гоголя: «Есть еще порохъ въ порховницахъ, еще не гнется казакская сила!» Да, господа, повѣрьте, что не оскудѣла Русь талантами, не изсякъ ея гений!

— Сергѣй Сергѣевичъ!—воскликнулъ Губинъ, иронически прищуривъ глаза:—я подавленъ образностью вашего языка, но... простите! Не могу не возразить вамъ по существу. Уважаю вашу «національную» гордость и вѣрю во всевозможные таланты російскаго народа, но припомните безпристрастно... Собственно говоря, въ реформахъ у насъ никогда недостатка не было! А что за причина, что даже самымъ благодѣтельнымъ изъ нихъ не везетъ—не отсуствіе ли именно людей, способныхъ работать самостоятельно? Разъ общество такъ долго лишено было всякой творческой инициативы,—трудно ожидать отъ него яркаго сознанія своего «гражданскаго» долга...

— Ну, да!—усмѣхнулся Богунецъ,—еще бы! Это, сударь, повтореніе «плача» Губаревыхъ, Суханчиковой, Потугина и К^о изъ Тургеневскаго «Дыма»... Стара пѣсня!

— Позвольте и мнѣ возразить тоже по существу дѣла!—разгорячился полковникъ Бердяевъ.—Мы, вѣроятно, различно смотримъ на дѣло. Вы, какъ я раньше замѣтилъ, прогрессистъ съ западно-европейскими идеалами, въ сущности чуждыми любой національной идеи... Но, признаюсь вамъ, изрядно надобно смотрѣть, какъ изъ русскихъ самобытныхъ людей все пытаются скроить у насъ «карикатуру» европейца... По совѣсти говоря, большинство давно уже извѣрилось во всѣхъ этихъ «космополитическихъ лекалахъ» и жаждетъ самобытныхъ формъ для нашей возмужалой гражданственности...

— Любопытно узнать, чего же именно? — спросилъ Губинъ желчно.

— Ну, напримѣръ, возстановленія «прихода», образованія мелкой земской единицы и проч.,—къ чему перечисленія? Возьмите полузабытые томы Аксакова, историческій «Дневникъ» Достоевскаго... Перечтите ихъ трезво, вдумчиво, анализируя каждую страницу этихъ удивительныхъ «документовъ» русской дѣйствительности минувшаго вѣка, — и вы будете поражены жгучестью затронутыхъ темъ и совпадениемъ съ ними нашихъ современныхъ запросовъ и національныхъ идеаловъ! Вотъ источникъ, изъ котораго можетъ почерпнуть «воды живой» пытливая русская мысль!—воскликнулъ Богунецъ, поднимаясь съ кресла.

— И не говорите!—неожиданно встрепенулся Веретенниковъ.—Какъ бы всѣ мы ожили! Вѣдь нуждъ неотложныхъ накопилось много...

— Намъ необходимо обновленіе,—отозвался и земскій врачъ Неволинъ,—а прежде всего—«децентрализація» управления. Призовите только къ работѣ достойныхъ «помѣстныхъ» людей, и они разберутся любовно и умѣло въ разнообразныхъ задачахъ земщины...

— Сдается, господа, что это новый видъ старыхъ вождедѣній, потерпѣвшихъ фіаско!—усмѣхнулся Губинъ, подмигнувъ Богунцу.—Въ вашихъ словахъ мнѣ чудятся далекія перспективы... Тутъ и земскіе соборы встанутъ и государственная дума, пожалуй, съ цѣлой градаціей учреждений губернскихъ и уѣздныхъ до думы «волостной» включительно! Словомъ, знакомые проекты не сбывшихся мечтаній забытаго реформатора Сперанскаго. Такъ ли я васъ понялъ, господа?

— Нисколько!—отозвался тотчасъ же Гордій Асоновичъ.—Да наконецъ, что казалось желательнымъ сто лѣтъ назадъ, то къ XX-му вѣку, можетъ быть, не подойдетъ, устарѣло... Много позднѣе были у насъ такіе люди, какъ Аксаковы, Кирѣевскіе, Хомяковъ, Самаринъ, разработавшіе всесторонне главнѣйшіе запросы русскаго общества, способы пракческаго осуществленія національныхъ идеаловъ въ Россіи... Въ ихъ трудахъ—цѣлая сокровищница лучшихъ самобытныхъ стремленій «цѣльныхъ» людей, одаренныхъ чуткимъ умомъ и сердцемъ, нелицемерно любившихъ и свой народъ и свою родину! Проводить идеалы въ жизнь могутъ только «сильные духомъ»...

— За малымъ дѣло стало!—воскликнулъ Губинъ.—Шутка сказать—Аксаковы да Хомяковы... Гдѣ же вы теперь ихъ найдете? Ужъ не среди ли декадентовъ, нитцшеанцевъ, марксистовъ или «бывшихъ» людей?..

— Не кручинься! Люди найдутся!—горячо воскликнулъ Гордій Асоновичъ.—Лишь бы занялась заря новой жизни—люди будутъ Ты не знаешь глубины народнаго духа, его скрытыхъ творческихъ силъ! Создайте, осуществите живое дѣло національнаго воз-

рожденія на Руси—за талантами дѣло не станеть. Ищите—и обрящете!

— Можетъ быть, ты и правъ!—холодно протянулъ Губинъ, поднимаясь со стула и разыскивая свою фуражку.—Все можетъ быть... Свѣтъ не клиномъ сошелся. Къ сожалѣнію, затронутый вопросъ слишкомъ обширенъ, а мнѣ уже пора... Я и такъ у тебя засидѣлся.

— Даи намъ придется откланяться!—проговорилъ Веретенниковъ и, взглянувъ на меня, выразительно кашлянулъ.—Безконечно вамъ благодаренъ,—добавилъ онъ, прощаясь съ Богунцемъ,—за интересную бесѣду...

— Очень жаль, государи мои, что вы такъ спѣшите. Впрочемъ, удерживать не смѣю!—отвѣтилъ Гордій Асоновичъ, ударяя въ ладоши. Изъ залы выглянулъ казачокъ Митя.—Господа уѣзжаютъ!—крикнулъ ему старикъ хозяинъ.—Хлопчи живо!—Митенокъ исчезъ, и чрезъ нѣсколько минутъ у подъѣзда раздался стукъ подъѣхавшаго экипажа.

— Какъ же быть насчетъ... «потравы»?—робко напомнилъ Гордію Асоновичу на порогѣ передней мой пріятель. Старикъ махнулъ рукой и привѣтливо улынулся.

— Дѣло—сосѣдское, Богъ съ нимъ!

— Однако, позвольте, какъ же... такъ?—skonфузился Веретенниковъ.—Необходимо сосчитаться платой...

— Э, полноте, сударь. Какія тутъ «платы»! Свои люди—сочтемся. А пока... до свиданья!

И, еще разъ пожавъ намъ руки, Богунецъ вернулся изъ залы къ гостямъ на террасу, а мы вышли на крыльцо, гдѣ насъ поджидалъ конюхъ съ моей лошадейю.

— Удивительный человекъ!—воскликнулъ Веретенниковъ, усаживаясь сзади меня на дрожкахъ.—Ну, и впрямь—«чудодѣй стараго закала»... А какова экспансивность природы, каковъ въ немъ глубокой интересъ къ запросамъ жизни, и это на седьмомъ-то десяткѣ? Гордецъ, но человекъ «цѣльный» на рѣдкость!

— А замѣтили вы, топ шерг?—обратился онъ ко мнѣ снова, когда мы выѣхали изъ усадьбы Богунца и стали спускаться по тѣвистой, березовой аллеѣ изъ «Красныхъ Холмовъ» по направленію къ моему хутору:—замѣтили вы его непоколебимую вѣру въ «земскую Русь», въ «помѣстныхъ» людей и эту трогательную увѣренность, что мы «наканунѣ» новой великой эры «національнаго» обновленія Россіи? Осуществите «завѣты 19 февраля» полностью, и люди найдутся, будутъ! Что это—предчувствіе или... прозорливость?

— Ну, а вы какъ находите, мы дѣйствительно наканунѣ «возрожденія», для котораго у насъ люди найдутся?

— Э, топ шерг, вы меня вопрошаете, какъ Тургеневскій Шубинъ Увара Ивановича, «черноземную силу». Будутъ ли у насъ на

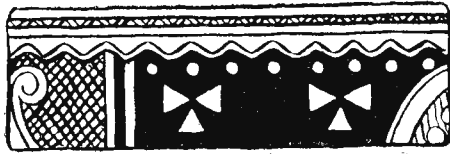
Руси люди?—Сергѣй Петровичъ пожалъ плечами.—Должны же они быть наконецъ!..

— Ну, то-то! А вѣдь Уваръ-то Ивановичъ, помнится, только «поигралъ перстами и устремилъ въ отдаленіе свой загадочный взоръ»...

Я стегнулъ лошадь, и мы поѣхали рысью.

— Что же?—машинально повторилъ Веретенниковъ:—предчувствіе это или... прозорливость?

Борисъ Корженевскій.

ДУЭЛИ.

(Историческіе очерки изъ эпохи императора Александра I) ¹⁾.

ХІ.

Исторія одного вызова.

I.

БЫЛО уже около 10-ти часовъ утра, когда Степка, засаленный, грязный и неумытый денщикъ поручика Шишкевича, отправился будить своего барина. Разбудить его было дѣломъ нелегкимъ, и Степка смотрѣлъ на это дѣло, какъ на самый тяжкій трудъ, который доставлялъ ему всегда столько неудовольствія и отнималъ такую массу энергіи, что въ теченіе всего остального времени дня онъ чувствовалъ себя усталымъ и разбитымъ.

Степка подходилъ робко къ кровати, опускалъ руки по швамъ и начиналъ:

— Ваше благородіе, вставать надоть!

Но благородіе попрежнему лежало на боку и не двигалось. Тогда Степка уже болѣе громкимъ голосомъ произносилъ ту же фразу, которая и при такихъ условіяхъ оказывалась безрезультатною.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVII, стр. 101.

Степка отходилъ на нѣсколько шаговъ отъ кровати и какимъ-то страннымъ, словно придавленнымъ басомъ повторялъ нѣсколько разъ:

— Ваше бродь, ваше бродь, ваше бродь!.. Вставать надоть, вставать... Ваше бродь...

Этотъ звукъ «бродь» все усиливался и усиливался. Потомъ Степка складывалъ руки, какъ бы умоляя барина встать, но тѣло барина оставалось безъ движенія. И наступала длинная пауза, во время которой Степка переводилъ духъ и качалъ головою; затѣмъ, разставивъ ноги и сложивъ по-наполеоновски руки, онъ опять начиналъ свое «бродь», и казалось, что этому «бродь» не будетъ и конца... Степка становится рѣшительнѣе и смѣлѣе: онъ подходитъ ближе къ кровати и ищетъ ноги своего барина въ складкахъ одѣяла. Нащупавъ ихъ, онъ принимается теревить ихъ, сначала легонько, потомъ все сильнѣе и сильнѣе, изрѣдка прибавляя внушительное «ваше бродь».

Черезъ часъ Степка, весь потный и красный, идетъ на кухню, беретъ тамъ барское платье и возвращается къ барину, который лежитъ на кровати съ открытыми глазами, устремленными въ пространство, и курить.

— Отъ шефа не приходили еще?—спрашиваетъ поручикъ.

Степка, сердитый на барина, ставитъ ярко вычищенные сапоги и произноситъ:

— Нѣтъ еще!

Затѣмъ поручикъ остается въ кровати, а Степка уходитъ къ себѣ на кухню, чтобы уже ничего не дѣлать больше въ теченіе цѣлаго дня.

Поручикъ Шишкевичъ лежитъ очень долго и предается мечтаніямъ: это—небольшой ростомъ, лысый человѣкъ, съ короткими и удивительно хитро выгнутыми ногами; лицо у него самое обыкновенное, ничѣмъ не отличающееся отъ тысячи подобныхъ ему лицъ: глаза—неумные, ротъ—широкій, скулы—выдающіяся. Вотъ и всѣ «особыя примѣты» поручика, которыя столько же рисуютъ Шишкевича, сколько и всякаго другого человѣка. Во всей его фигурѣ «Марса» не видно, хотя онъ—боевой офицеръ, ходившій на лезгиновъ, и имѣетъ за это даже орденъ. Теперь, послѣ кампаніи, онъ служитъ въ одномъ изъ кирасирскихъ полковъ, расположенныхъ близъ западной границы, и въ сущности предается бездѣлью и мечтаньямъ.

Шишкевичъ по натурѣ былъ человѣкомъ крайне сентиментальнымъ и большимъ фантазеромъ. Когда онъ воевалъ съ лезгинами, онъ воображалъ, что изъ него выйдетъ герой, котораго увѣнчаютъ отличіями, и вся Россія преклонится предъ его боевыми талантами; когда его переводили въ эту глухую труппу, онъ думалъ приняться за сочинительство и писать такіе романы, отъ

которыхъ у женщинъ происходили бы обмороки; теперь онъ мечтаетъ перебраться въ Петербургъ, получить камеръ-юнкерство и блистать при дворѣ, поражая всѣхъ своимъ великолѣпьемъ и гениальностью. Эта послѣдняя фантазія такъ прочно укрѣпилась въ его головѣ, что не давала ему ни минуты покоя: онъ самымъ серьезнымъ образомъ принялся изучать французскій языкъ у мѣстнаго парикмахера Жоржа и не упускалъ случая въ обществѣ говорить по-французски. Когда ему приходилось слышать, что такой-то женился на такой-то, онъ непременно спрашивалъ разсказывающаго:

— А его жена владѣетъ французскою рѣчью?

И если при этомъ ему отвѣчали отрицательно, то онъ дѣлалъ гримасу и покачивалъ головой.

— Каждый порядочный человекъ долженъ говорить по-французски!—сентенціозно замѣчалъ онъ, и если эти слова возбуждали у окружающихъ смѣхъ, то онъ старался не замѣчать его.

Поручикъ Шишкевичъ смотрѣлъ, кромѣ того, на знаніе французскаго языка, какъ на одно изъ самыхъ рѣшительныхъ средствъ для очарованія женщинъ, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. И въ этомъ случаѣ, какъ и во всемъ остальномъ, онъ обнаруживалъ необыкновенное самоувѣреніе: пресерьезно считая себя обятельнымъ и всеобѣждающимъ, онъ считалъ своею обязанностью относиться къ женщинамъ снисходительно и прощать ихъ слабости, которыя ими обнаруживались по отношенію къ нему.

Но развѣ эти женщины были тѣми женщинами, плѣнять которыхъ могъ Шишкевичъ? Нѣтъ, эти—въ большинствѣ случаевъ—жены, дочери, сестры, родственницы офицеровъ—женщины могли привлекать вниманіе Шишкевича только потому, что ничего лучшаго вокругъ не было. Его же настоящая миссія должна была совершиться «тамъ»—или въ Петербургѣ, или въ крайнемъ случаѣ въ Москвѣ; здѣсь же, въ глухомъ провинціальномъ городишкѣ, онъ могъ только прозябать, скучать и мечтать о будущемъ.

II.

Такъ жилъ и думалъ Шишкевичъ до тѣхъ поръ, пока въ одинъ ненастный осенній день не пріѣхалъ новый командиръ полка—старый генералъ Телепневъ, который привезъ съ собой изъ Петербурга молоденькую и хорошенькую жену, которая къ тому же великолѣпно говорила по-французски и обнаруживала всѣ достоинства свѣтской дамы—изящной, кокетливой, ничуть не похожей на полковыхъ «кувалдъ».

Сердце Шишкевича было поражено.

— Вотъ, вотъ она!—думалъ онъ, лежа на постели, стоя передъ зеркаломъ, проглатывая обѣдъ и т. п.—Да, вотъ она, которая

должна быть плѣнена мною!... И еще много красавицъ, подобныхъ ей, ждетъ меня въ обѣихъ столицахъ, чтобы удостоиться моего вниманія!

Съ прїѣздомъ Телепневыхъ уроки Жоржа участились, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличились и мечтанья Шишкевича: сначала онъ думалъ игнорировать красавицу Телепневу, затѣмъ рѣшилъ увлечь ее, убить мужа и похитить ее изъ окна темною ночью. Но послѣднее пугало его отвѣтственностью, тѣмъ болѣе, что судьями его были бы мужчины, а мужчины вообще не любили Шишкевича и завидовали ему. При такихъ условіяхъ Шишкевичу оставалось только первое—увлечь Телепневу, пошутить надъ ней, снзойти къ ея слабостямъ, а затѣмъ равнодушно проститься и уѣхать въ Петербургъ, чтобы начать тамъ новую жизнь, обворожительную и полную любовныхъ приключеній, женскихъ слезъ и измѣнъ.

Свой походъ на m-me Телепневу онъ началъ въ первый же день ея прїѣзда: ему случилось быть въ этотъ день дежурнымъ, и вечеромъ онъ долженъ былъ отправиться къ шефу съ рапортомъ. Его приняли очень любезно и запросто. Шишкевичъ сидѣлъ гораздо больше времени, чѣмъ это требовалось для визита, но, по его мнѣнію, такъ было необходимо сдѣлать потому, что онъ слишкомъ снисходителенъ къ женщинамъ и не могъ лишиться командиршу лишній разъ переброситься французскимъ словомъ, обмѣняться взглядами, улыбками и т. п. Разумѣется, въ тотъ же вечеръ онъ былъ приглашенъ «бывать почаще» и сразу завоевалъ ея вниманіе.

То обстоятельство, что командиръ и командирша очень удивленно поглядывали на него, когда онъ ни съ того, ни съ сего сталъ дурно отзываться о мѣстномъ обществѣ, тѣ улыбки, которыя скользнули на лицахъ Телепневыхъ, когда Шишкевичъ утверждалъ, что онъ даже думаетъ по-французски, и что ему приходится сначала подумать по-французски, потомъ перевести мысль на русскій языкъ и только потомъ уже произнести ее,—все это ускользнуло отъ вниманія Шишкевича, и онъ, возвратившись къ товарищамъ-офицерамъ, которые ждали его прихода отъ командира, самодовольно и вмѣстѣ съ тѣмъ презрительно говорилъ, растягивая слова:

— Да-а... бабенка недурна! Но удивительно, какъ она скоро обнаруживаетъ себя: глядитъ на меня во всѣ глаза, и даже мужа не стѣсняется... А по-французски говоритъ удивительно...

Офицеры улыбнулись и отошли, а Шишкевичъ сталъ обдумывать планъ дальнѣйшей атаки.

За первымъ визитомъ послѣдовалъ второй, третій, и скоро Шишкевичъ сдѣлался у Телепневыхъ своимъ человѣкомъ: онъ обѣдалъ у нихъ, гулялъ съ командирскою супругою, исполнялъ

для нея кое-какія порученія и даже позироваль ей для картины «Сатиръ»; m-me Телепнева недурно владѣла кистью и удѣляла живописи большую часть своего времени.

Однако, несмотря на все это, къ великому недоумѣнію Шишкевича, командирша не спѣшила броситься ему на шею: она держалась съ нимъ очень просто, но никакихъ поводовъ ему не давала, и онъ, смущенный, не зналъ, чѣмъ объяснить такое съ ея стороны поведеніе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ себя какъ бы побѣжденнымъ: едва онъ просыпался,—первая мысль была о командиршѣ: она рисовалась въ его воображеніи глубоко-страдающей женщиной въ рукахъ немилосерднаго тирана-мужа, и только чувство долга и свѣтскаго приличія препятствовало ей сказать Шишкевичу:

— Возьми меня! Я твоя!

Но онъ приходилъ къ Телепневымъ, и страдалица-жена любовно болтала съ мужемъ и какъ-то особенно, не такъ, какъ ко всѣмъ остальнымъ офицерамъ, относилась къ нему, Шишкевичу. Нѣсколько разъ даже случалось, что командирша просила его говорить лучше по-русски, чѣмъ по-французски.

— Къ вамъ больше идетъ, когда вы переводите ваши мысли съ французскаго на русскій!—говаривала она и тѣмъ самымъ повергала его въ уныніе.

Мало того: съ теченіемъ времени Шишкевичъ сталъ замѣчать что-то неладное въ своемъ командирѣ: всегда веселый, радушный и вѣжливый при встрѣчахъ съ офицерами, онъ часто, при входѣ Шишкевича, вставалъ и куда-то торопился. И куда можно было торопиться въ этомъ захолустномъ городишкѣ, гдѣ время вовсе не цѣнилось! Но и этого мало: случалось, что у командирши вдругъ заболѣвала голова, и она уходила къ себѣ; случалось, что командиръ не принималъ его, ссылаясь на болѣзнь жены, случалось... да вообще Шишкевичъ видѣлъ, что мужъ-тиранъ отравляетъ женѣ ея существованіе и ревнуетъ ее къ Шишкевичу. Конечно, онъ имѣлъ на то право и достаточныя основанія, почему Шишкевичъ и не сердился на командира.

Впрочемъ, если бы поручику удалось услышать когданибудь разговоръ командира съ командиршей на его счетъ, то онъ объяснилъ бы себѣ поведеніе командира нѣсколько иначе, такъ какъ въ словахъ Телепнева, которыми онъ характеризовалъ поручика («надоѣдливъ и глушь»), ничего не было утѣшительнаго, тѣмъ болѣе что командирша всегда прибавляла къ этой характеристикѣ слово: «ужасно». Однако для Шишкевича не представило бы затрудненій объяснить эти слова командира—ревностью, а выраженія командирши—женскимъ лукавствомъ.

Какъ бы тамъ ни было, но Шишкевичъ страдалъ, а по ночамъ даже плакалъ и не спалъ, почему по утрамъ трудъ Степки становился все болѣе и болѣе непосильнымъ.

Шишкевичъ рѣшилъ объясниться съ командиршей и ждалъ только удобнаго случая. И сегодня, лежа въ постели и выкуривая трубку за трубкой, онъ придумывалъ слова и выраженія, которыя заставятъ Телепневу отвѣтить на его желанія словомъ: «да».

И онъ сталъ ждать.

III.

Генералъ Телепневъ былъ страстный любитель охоты, изъ всѣхъ видовъ которой предпочиталъ, однако, охоту на перепелокъ. Въ началѣ XIX столѣтія этимъ видомъ спорта занималось много любителей, тѣмъ болѣе что здѣсь дѣло обходилось безъ пороха и безъ собакъ, помощью однѣхъ сѣтокъ и особыхъ дудокъ, которыми приманивали птицъ. Телепневъ употреблялъ дудки рѣдко и ловилъ перепелокъ на самку.

Во время одного вечера, происходившаго у Телепневыхъ, хозяинъ предложилъ гостямъ-офицерамъ принять участіе въ перепелочной охотѣ, тѣмъ болѣе, что лѣто было отличное, скучища необыкновенная, и дѣлать было нечего.

Рѣшили послѣ охоты устроить ужинъ въ полѣ при свѣтѣ костровъ, взять полковую музыку, пѣсенниковъ и словомъ сдѣлать то, что въ наше время называется пикникомъ.

М-ше Телепнева въ тотъ же вечеръ подошла къ Шишкевичу и сказала:

— Вы, конечно, тоже будете съ нами! Я выбираю васъ моимъ помощникомъ по хозяйству...

— Mais, madame, ces devoirs... началъ было Шишкевичъ.

— Они отлично пойдутъ къ вамъ, а въ вашихъ способностяхъ я не сомнѣваюсь! Итакъ?

— Ваше приказаніе—с'est loi pour moi...

— Ну, перестаньте... Переводите ваши мысли, переводите!.. замѣтила она.—Итакъ, рѣшено... Мы будемъ съ вами распоряжаться выборомъ купаній (у васъ прекрасный вкусъ), сервировать столъ, ухаживать за гостями, разливать чай...

— Mais, madame... domestiques...

— Ну конечно... Domestiques сами по себѣ, а мы сами по себѣ...

— C'est charmant!

— Ну, и отлично! Вы очень любезны...

Шишкевичъ отвѣсилъ глубокій поклонъ, и тотчасъ же въ его головѣ родилась мысль:

— Понимаю, понимаю! Все это она дѣлаетъ для того, чтобы быть со мною наединѣ! Понимаю... И какъ ловко придумано!... Охъ,

ужъ мнѣ эти лукавыя женщины! Ни къ чему придратъся нельзя... Даже ея мужъ доволенъ... Ишь, стоитъ и улыбается... Слѣпой человѣкъ!

Въ тотъ день, когда была назначена охота, Шишкевичъ проснулся очень рано и чуть ли не безъ помощи Степки. Онъ былъ взволнованъ, разсѣянъ. Сердце билось необыкновенно часто, и даже спирало дыханье.

— Ну, зачѣмъ я волнуюсь? Чего волноваться? — спрашивалъ онъ себя.—Развѣ въ первый разъ? Побѣда обезпечена, только не надо теряться. Смѣлость—первое дѣло...

И все-таки ему было какъ-то не по себѣ, все валилось изъ рукъ, въ вискахъ стучало, и кружилась голова.

Когда онъ подошелъ къ квартирѣ Телепневыхъ, то у него на минуту мелькнула мысль:

— «Не вернуться ли? Сказать, что заболѣлъ... И тогда не нужно будетъ ни объясняться, ни волноваться?!»

Но онъ рѣшительно позвонилъ, проворно вошелъ въ гостиную и съ особеннымъ чувствомъ поцѣловалъ у Телепневой руку.

— М-г Шишкевичъ, вы очень кстати! — встрѣтила она его.— Подите на улицу и посмотрите, какъ уложены вещи... Солдаты ваши—народъ хорошій, но очень неловкій... Вы должны также посмотрѣть, куда они положили закуски... Очень легко можетъ статься, что онѣ положены на самый низъ повозки... Идите!

Шишкевичъ повиновался, хотя обращеніе Телепневой съ нимъ не совсѣмъ по вкусу пришлось ему; онъ подошелъ къ повозкѣ, около которой суетились солдаты, обошелъ кругомъ нея и подумалъ:

— «А какъ она хороша! Удивительно, какъ хороша... Нѣтъ, она будетъ моею!»

И въ ту же самую минуту на крыльцѣ показался генералъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ дамъ и офицеровъ, а за ними м-ше Телепнева подъ руку съ длиннымъ прапорщикомъ, который корчилъ изъ себя умнаго человѣка, читалъ Дидро, Вольтера и другихъ авторовъ и съ Шишкевичемъ обращался высокомерно, презрительно, никогда не достаивая его своимъ вниманіемъ и бесѣдою.

Шишкевичъ вспыхнулъ и направился къ компаніи.

— Хорошо уложено?—спросила его Телепнева.

— Я ничего не понимаю въ этомъ, сударыня!—отвѣтилъ Шишкевичъ, стараясь не глядѣть на нее.

— Тутъ и понимать нечего! Какой вы... право... Закуски на мѣстѣ?..

— На мѣстѣ... Все на мѣстѣ и отлично доѣдетъ!—сказалъ Шишкевичъ, чувствуя себя вовсе не такъ, какъ ему хотѣлось бы, и ощущая на себѣ ироническіе взгляды прапорщика.

IV.

Компанія отправилась пѣшкомъ за городъ въ поля, тянувшіяся на нѣсколько верстъ, гдѣ должна была произойти охота на перепелокъ. Ужинъ рѣшили приготовить въ небольшой рощицѣ, находившейся неподалеку.

Шишкевичъ пошелъ позади м-ше Телепневой. Ея поведеніе злило его, а вмѣстѣ съ тѣмъ заставляло искать объясненія, которое быстро явилось въ его головѣ и придало ему храбрости и веселости.

— «А-а! желаетъ во мнѣ ревность возбудить!—рѣшилъ онъ, улыбаясь.—Понимаю! Только напрасно... Я не ревнивъ... Это женское лукавство мнѣ давно знакомо!»

И онъ подошелъ къ Телепневой и пошелъ рядомъ съ ней. Но та попрежнему очень весело болтала съ прапорщикомъ и не замѣчала Шишкевича.

— «Ишь, притворяется!—продолжалъ думать онъ.—Словно меня и нѣтъ здѣсь... А у самой небось сердечко ёкъ да ёкъ... Знаемъ мы васъ!»

Скоро вышли на поляну. Генераль отдѣлился отъ общества, позвалъ къ себѣ прапорщика и отправился съ нимъ впередъ. За нимъ двинулись и другіе.

Телепнева осталась рядомъ съ Шишкевичемъ.

— «Не зѣвай, не зѣвай!»—сказалъ онъ себѣ, рѣшивъ, что болѣе удобнаго момента уже не будетъ.

— Ну, м-г Шишкевичъ, давайте съ вами скучать!—пронесла Телепнева и взяла его подъ руку.—Что вы сегодня такъ молчаливы?

— Помилуйте, сударыня, заслуживаю ли я такого вниманія съ вашей стороны!

— Нѣтъ, серьезно... Вы всегда такой неисправимый болтунъ, а сегодня...

— Есть причины, и очень важныя!

— Причины? Какія же это?... Можно узнать? Это—нескромно?

— О, нѣтъ! Для васъ все возможно... И я вамъ расскажу... Вы это узнаете!..

Онъ подумалъ немного, откашлянулся, взглянулъ на Телепневу и продолжалъ:

— Когда біеніе сердца заглушаетъ теченіе мыслей человѣка, ему становится страшно... Онъ боится всего окружающаго и главное—самого себя...

— Вы что-то говорите непонятное!

— Да... да... Это трудно понять... это нужно чувствовать... Незъяснимый трепетъ души заставляеть думать всегда объ одномъ

и томъ же... И нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ думать объ одномъ и томъ же...

Телепнева искоса взглянула на Шишкевича и улыбнулась.

— Я васъ все-таки не понимаю! — произнесла она и, желая переимѣнить разговоръ, сказала: — а я боюсь, какъ бы люди не испортили провизіи... Пойдемте къ роцѣ и поглядимъ, какъ они тамъ сдѣлали...

— Сударыня, я понимаю, что и тѣлесныя необходимы заставляютъ человѣка отдавать имъ дань, но необходимы душевныя... онѣ овладѣваютъ человѣкомъ и...

— Батюшки!—вдругъ спохватилась Телепнева.—Я не взяла у мужа ключей отъ ларчика! Пожалуйста, m-г Шишкевичъ, сбѣгайте къ мужу, возьмите ключи!..

— Ни за что... нѣтъ... нѣтъ! — проговорилъ Шишкевичъ. — Я не могу уйти отъ васъ... И только одно ваше слово, одинъ звукъ — и все переимѣнится... Скажите же...

Телепнева остановилась, оглядываясь кругомъ, но всѣ разбрелись, и никого не было вблизи.

— Перестаньте!—строго сказала она.—Вы больны сегодня...

Она вырвала свою руку и пошла одна.

— Умоляю васъ!—продолжалъ Шишкевичъ, закатывая глаза.— Я рѣшился, я твердо рѣшился. Говорите, какія жертвы нужны вамъ отъ меня... и я сейчасъ принесу ихъ... Говорите...

Она еще быстрѣе пошла впередъ. Роца была уже недалеко.

— Вы уходите... Вы торопитесь къ земнымъ злакамъ! — укоризненно шепталъ Шишкевичъ, едва поспѣвая за Телепневою. — А мое бѣдное сердце требуетъ духовной пищи, ему нужна любовь, любовь такой женщины, какъ вы... свѣтской, образованной, умной. Я люблю васъ, люблю...

Онъ поймалъ ея руку и, бросившись на колѣни, прижалъ къ губамъ.

Телепнева вскрикнула. Въ кустахъ мелькнуло что-то бѣлое...

— Евстигней! — закричала она, увидавъ, что это былъ генеральскій денщикъ, который бросился къ ней бѣгомъ.—Евстигней, дай поручику воды...

И колѣнопреклоненный Шишкевичъ понялъ, что онъ сказалъ еще не все, и что этотъ глупый солдатъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ испортилъ все дѣло.

— Кушайте на здоровье, ваше благородіе!—сказалъ Евстигней, подавая Шишкевичу стаканъ воды.—Жарко нонѣ очень...

— Скотина!—прошипѣлъ Шишкевичъ и отошелъ въ сторону.

Телепнева уже распорядилась по хозяйству...

V.

Прогулка удалась на славу: всё очень устали, были голодны, а подъ влияніемъ вкусной закуски и хорошаго вина языки развязались, и компанія веселилась на славу.

Многіе офицеры съ генераломъ Телепневымъ во главѣ нарѣзали ивянку и сдѣлали изъ него луки; на стрѣлы было израсходовано много привезенныхъ лучинъ, и Евстигней былъ недоволенъ. Стрѣлки отошли въ сторону и принялись за стрѣльбу.

На мѣстѣ пикника оставалось нѣсколько дамъ и офицеровъ, среди которыхъ былъ и Шишкевичъ. Чувствовалъ онъ себя очень скверно, отказывался отъ ѣды и все время пожиралъ глазами m-me Телепневу. Неудача не только не охладила его, но еще болѣе возбудила желаніе объясниться съ генеральшей и потребовать отъ нея рѣшительнаго отвѣта. А пока онъ сидѣлъ, хмурился и проклиналъ въ душѣ всѣхъ присутствующихъ.

— Какая это трава, господа?—спросила Телепнева, показывая сосѣдямъ какой-то листикъ.

Офицеры стали разсматривать траву.

Шишкевичъ подошелъ къ генеральшѣ и сталъ позади нея.

— Настоящая полынь!—отвѣтилъ бравый ротмистръ.—Изъ нея настойка славная выходитъ, отъ всѣхъ болѣзней излѣчивающая и всякія пораненія заживляющая.

— Какую горькую траву вы изволили найти!—замѣтилъ Шишкевичъ, наклоняясь къ уху Телепневой.

Та вздрогнула и отодвинулась.

— Я и сама горькая!—отвѣтила она.

— Это почему же?

— Такъ... просто!..

— А мнѣ кажется, что... ничего нѣтъ васъ пріятнѣе...

— Что вы говорите!—покраснѣла Телепнева.—Что это значитъ?

— А это значитъ... когда вы изволите принимать слово горькая въ одномъ смыслѣ, то я принимаю это слово въ другомъ, какъ, на примѣръ: пріятной, тихой и скромной... Сія качества находя у васъ, отдаю имъ справедливость!..

— Оставьте, пожалуйста! Бросьте шутки! — сказала Телепнева сердито и встала.

Ротмистръ взглянулъ на Шишкевича и пробормоталъ:

— Чортъ знаетъ, не пилъ ничего, а заговаривается!..

Но Шишкевичъ ничего не видѣлъ и не слышалъ.

— Нѣтъ, не шучу я!—продолжалъ онъ, машинально слѣдуя за Телепневой, которая быстро пошла въ ту сторону, гдѣ офицеры занимались стрѣляньемъ изъ луковъ.—И если бы сыскалась подобная вамъ, я ни минуты не медлилъ соединить бы съ ней свою участь...

Онъ поднялъ голову: передъ нимъ стоялъ Телепневъ. Глаза его сверкали, ротъ кривился. Телепнева стояла рядомъ съ нимъ и что-то возбужденно говорила.

— Какъ? И вы осмѣлились? — вскрикнулъ Телепневъ, сжимая кулаки. — Да понимаете ли вы, что такіе комплименты замужней женщинѣ строить неприлично? Или вы... или, чортъ знаетъ, что такое... Потрудитесь оставить насъ въ покоѣ... А завтра пожалуйста ко мнѣ по дѣламъ службы!

Шишкевичъ пришелъ въ себя и сразу понялъ всю неловкость своего положенія.

Онъ отдалъ шефу честь, щелкнулъ шпорами и тихо пошелъ на своихъ выгнутыхъ ногахъ по направленію въ городъ.

— «Все погибло! Все потеряно!» — думалъ онъ, не замѣчая красотъ чудной майской ночи.

VI.

Рано утромъ Шишкевичъ былъ уже въ штабѣ полка и ожидалъ прихода шефа.

Тотъ не заставилъ себя дожидаться и, войдя въ канцелярію, быстро прошелъ въ свой кабинетъ. Черезъ нѣсколько минутъ Шишкевича пригласили къ нему въ кабинетъ.

— Поручикъ, — началъ шефъ, отвѣчая на поклонъ Шишкевича, — я долженъ говорить съ вами, не какъ частный человекъ, а какъ вашъ начальникъ. Ваше вчерашнее поведеніе по отношенію къ моей женѣ я совершенно игнорирую. Здѣсь дѣло не въ томъ, что вы могли меня оскорбить... Здѣсь оскорбляется весь полкъ, такъ какъ въ его средѣ имѣется офицеръ, который позволяетъ себѣ поступки, несомвѣстные съ офицерскимъ званіемъ. Вы, надѣюсь, меня понимаете?

Шишкевичъ молчалъ.

— Да... — продолжалъ Телепневъ. — Ни я, ни общество офицеровъ не могутъ терпѣть такихъ лицъ, которыя нарушаютъ приличіе, на глазахъ у всѣхъ, и преслѣдуютъ женщину, достойную лучшей участи. Это — не по-офицерски... И намъ, офицерамъ, остается лишь обратиться съ просьбой къ высшему начальству, чтобы васъ убрали отсюда... Вамъ въ отставку удобнѣе будетъ дѣлать то, къ чему вы питаете пристрастіе...

— Но, генералъ, это недоразумѣніе! — пробовалъ возразить Шишкевичъ.

— Недоразумѣніе?! Да развѣ есть что либо недоумѣнное въ вашихъ поступкахъ? Вы не стѣснялись присутствіемъ офицеровъ, дамъ, прислуги... Это, по меньшей мѣрѣ, скандально... Вы оскорбили женщину!..

— Ваше превосходительство! — началъ Шишкевичъ взволнованнымъ голосомъ. — Я всегда цѣнилъ ваше гостепримство... И мнѣ

очень стыдно... Я постараюсь загладить... Я прошу позволенія просить прощеніе у вашей супруги... Она не будетъ такъ строга... А я въ отставку жить не могу: я бѣдный человѣкъ, у меня ничего нѣтъ, и мнѣ такъ хочется перевестись въ Москву или Петербургъ... Я не буду больше...

Голосъ Шишкевича дрогнулъ. Его круглые глаза затуманились.

— Я долженъ служить, генераль!—продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.—А эта исторія случилась для меня нечаянно... Правда, я увлекся, забылся, позволилъ себѣ лишнее, но... повѣрьте, все это съ самыми честными намѣреніями, съ самыми честными...

— Какъ? говорить замужней женщинѣ о своей любви къ ней значить имѣть честныя намѣренія? Извините, я этого не понимаю..

— Точно такъ... Я только выражалъ чувство, и не хотѣлъ никого обидѣть...

— Да вы не понимаете... Вѣдь, это...

— Но я ничего дурного не сказалъ... Я только...

— Довольно... Можете идти!—воскликнулъ Телепневъ.

Шишкевичъ посмотрѣлъ на командира и вдругъ скороговоркой началъ:

— Ваше превосходительство! Ну, простите... я больше не буду... Только не принимайте мѣръ противъ меня... Я буду самымъ несчастнымъ человѣкомъ... Я долженъ лишиться мундира, службы... Снимите съ меня мундиръ—и отъ меня ничего не останется...

— Это вѣрно!—согласился шефъ.—Такого же мнѣнія о васъ, какъ я, такъ и жена моя, которая просила меня не поднимать исторіи. Я сдѣлаю по ея желанію. Но помните, поручикъ, это—въ первый и послѣдній разъ... Ступайте...

Шишкевичъ поклонился и направился къ двери, и, только выйдя изъ кабинета, онъ вспомнилъ, что еще не все сказалъ шефу, а потому возвратился къ кабинету и отворилъ дверь.

— Ваше превосходительство! Такъ какъ я лишился вашего гостепріимства, то передайте вашей супругѣ мое глубочайшее почтеніе и извиненіе... И пусть имя Шишкевича сотрется изъ ея памяти!—проговорилъ поручикъ и вышелъ изъ кабинета.

Шефъ, оставшись одинъ, долго смѣялся, потомъ позвалъ адъютанта и сказалъ ему:

— Знаете?! Мнѣ кажется, что Шишкевичъ больной человѣкъ или очень тупой... Онъ не понимаетъ самыхъ обыкновенныхъ вещей... И при томъ у него очень быстро мѣняется видъ, и ему ничего не стоитъ изъ гордаго, самодовольнаго и самонадѣяннаго господина мигомъ превратиться въ жалкаго просителя... Что мнѣ съ нимъ дѣлать?!

Между тѣмъ Шишкевичъ, выйдя изъ штаба, встрѣтилъ нѣсколькихъ офицеровъ и рассказалъ имъ о выговорѣ, полученномъ отъ шефа. Тѣ много смѣялись, и Шишкевичу казалось, что онъ сдѣлалъ

нѣчто выдающееся, молодеческое, а потому былъ очень удивленъ, когда прапорщикъ Сизовъ замѣтилъ ему, что онъ поступилъ вообще глупо и унизился передъ шефомъ, прося у него прощенія.

— Такія дѣла разрѣшаются не выговорами и извиненіями,— сказалъ Сизовъ,—а удовлетвореніемъ на оружіи!

— Какъ же это?

— Очень просто! Онъ оскорбленъ, и ты оскорбленъ... Пусть оскорбленія будутъ смыты!

— Такъ, такъ!—согласился Шишкевичъ.—А я и не догадался.

Мысль, высказанная Сизовымъ, глубоко запала въ душу Шишкевича. Онъ вернулся домой мрачный и, усѣвшись на диванъ, сталъ обдумывать свое положеніе.

— Дуэль! Это—очень красиво!—думалъ онъ.—Мы стрѣляемся, я убиваю и овладѣваю генеральшей... Или меня убиваютъ—и генеральша рыдаетъ надъ моимъ трупомъ и проклинаетъ тирана-мужа... Это—очень красиво. Я такъ и сдѣлаю!.. Непремѣнно сдѣлаю!..

И въ тотъ же вечеръ Шишкевичъ явился въ квартиру Телепнева и приказалъ доложить ординарцу о своемъ приходѣ. Телепневъ вышелъ къ нему и очень удивился.

— Что привело васъ ко мнѣ?—спросилъ онъ.

— Оскорбленная честь, генераль!—отвѣчалъ Шишкевичъ.

— Ну, и что же?

— Я хочу удовлетворенія и пользуюсь правомъ выбора оружія!..

— А-а... дуэль... Но, милый мой, драться съ вами я не буду... Но мнѣ очень жаль васъ: вы положительно не можете служить... Вы больны, вашъ организмъ въ разстройствѣ... Вы дѣлаете такіе поступки, которые доказываютъ, что вамъ надо лѣчиться...

Онъ пригласилъ генеральшу и, когда та пришла, сказалъ ей:

— Представь себѣ! Поручикъ считаетъ себя оскорбленнымъ и вызываетъ меня на дуэль... Вразуми ты его, пожалуйста... Онъ не знаетъ, что дѣлаетъ.

Шишкевичъ при видѣ Телепневой обомлѣлъ.

— Генераль, не надо дуэли!—воскликнулъ онъ.—Ничего не надо... Только не гоните меня отъ себя, не лишайте меня права бывать у васъ... Я прошу васъ...

Телепневы переглянулись. Имъ было обоимъ неловко.

Генеральша улыбнулась и мягко сказала:

— Успокойтесь, поручикъ! Что было, то прошло... Забудемъ это... Останемся друзьями... Бывайте у насъ попрежнему, только держивайтесь...

— Клянусь, я исправлюсь...

— Вамъ нужно чѣмъ нибудь заняться... Вы мало читали, мало учились... Вамъ необходимо серіозное развлеченіе, и я примусь за васъ... хорошо?

— Берите меня и дѣлайте, что хотите... Я побѣжденъ.

Черезъ часъ Шишкевичъ уходилъ отъ генерала, унося съ собой тихую радость, а также двѣ французскихъ книжки, которыя ему дала генеральша для прочтенія.

— «Все обошлось... все благополучно!»—говорилъ онъ себѣ, очень довольный исходомъ дѣла.

VII.

Прошло двѣ недѣли. Книжки, взятыя у Телепневой, лежали безъ всякаго употребленія, и поручикъ Шишкевичъ все время находился въ возбужденномъ состояніи. Удовлетвориться тѣмъ, чѣмъ ему предлагали, онъ не могъ. Ему было мало довольствоваться обществомъ генеральши; онъ хотѣлъ, чтобы она ему принадлежала одному и нераздѣльно, чтобы мужъ былъ устраненъ, и чтобы ничто не мѣшало ему на намѣченномъ пути.

Несмотря на все предпествующее, Шишкевичу казалось, что онъ слишкомъ мало употребилъ стараній, чтобы плѣнить генеральшу, или даже, что Телепнева продолжаетъ свое женское лукавство и только нарочно подзадориваетъ мужа, желая еще болѣе раздражить Шишкевича.

— Нѣтъ, я этого такъ не оставлю!—говорилъ онъ, расхаживая по комнатамъ.—Я заставлю ее отдаться мнѣ и уничтожу этого стараго, отвратительнаго генерала... Я не пощажу его!

Такому рѣшенію немало способствовало и другое обстоятельство: разнесся слухъ, что надъ генераломъ Телепневымъ открывается слѣдствие: его обвиняютъ въ ложныхъ донесеніяхъ на шефа полка, генерала Бринкена.

Шишкевичъ былъ очень радъ этому случаю: препятствія устранялись сами собою и очищали ему путь.

Однажды вечеромъ онъ приказалъ Степкѣ одѣться и снести книги генеральшѣ и въ то же время взялъ небольшой кусокъ бумаги розоваго цвѣта и написалъ на немъ:

«Удостой наконецъ отвѣчать неложнымъ моимъ желаніямъ. Долженъ ли утѣшаться столь любезною надеждою?»

Онъ сложилъ записочку на подобіе закладки и положилъ ее въ одну изъ книгъ.

— Отдай въ руки самой генеральшѣ!—приказалъ онъ Степкѣ и самодовольно улыбнулся.

Прошло еще два дня, въ теченіе которыхъ Шишкевичу стало извѣстнымъ, что Телепнева отдають подъ судъ, что генералъ Бринкенъ очень сердится на генерала и желаетъ сдѣлать ему такую же непріятность, какую собирался сдѣлать Телепневъ ему, Шишкевичу, т.-е. уволить Телепнева отъ службы.

Шишкевичъ потиралъ отъ удовольствія руки и наконецъ рѣшилъ сходить въ гости къ генералу, чтобы, съ одной стороны,

разузнать положеніе дѣла, а съ другой — потребовать отъ генеральши положительнаго отвѣта.

Когда онъ вошелъ въ гостиную Телепневыхъ, генеральша сидѣла за мольбертомъ и рисовала.

— Благодарю васъ, сударыня, за доставленное мнѣ удовольствіе отъ прочтенія вашихъ книгъ!—сказалъ Шишкевичъ съ какою-то странною улыбною.

— Вы ихъ не читали!—сказала генеральша.—Я вижу, что мои добрыя намѣренія сдѣлать васъ другимъ человѣкомъ ни къ чему не ведутъ. Глубоко сожалѣю объ этомъ. Вы продолжаете наносить мнѣ оскорбленія!..

— Что вы говорите!

— Какъ вы осмѣлились писать мнѣ записку? Кто вамъ далъ на это разрѣшеніе?

— Я полагаю, что мои чувства не могутъ васъ оскорбить...

— Нѣтъ, они слишкомъ оскорбительны... И я больше не потерплю этого...

— Увѣряю васъ, что записка къ вамъ не относится! — заговорилъ Шишкевичъ, испуганный серьезнымъ тономъ Телепневой.— Это опять недоразумѣніе...

— Не правда!.. И я прошу оставить нашъ домъ...—продолжала Телепнева волнуясь.—Уходите...

— Но, сударыня, вы ошибаетесь!..

— Уходите, говорятъ вамъ!

И въ ту же самую минуту приподнялась портьера, и изъ-за нея вышелъ генералъ Телепневъ. Съ искривленнымъ отъ злобы лицомъ, съ сверкающими глазами онъ былъ неузнаваемъ.

— Что вамъ здѣсь нужно?—вскричалъ онъ.

— А вотъ... извольте видѣть...—началъ Шишкевичъ.—Супруга ваша изволила найти въ книжкѣ, которую давала мнѣ читать, бумажную закладочку, на которой были написаны маловажныя слова... Я позабылъ оную выбросить... Супруга же ваша изволятъ принимать ее на свой счетъ и гнѣваются... А я, генералъ, какъ вамъ хорошо извѣстно, къ вашей супругѣ, кромѣ почтенія, ничего не чувствую... И очень жаль...

— Вонъ!—крикнулъ генералъ не своимъ голосомъ, сжимая кулаки. Шишкевичъ вдрогнулъ.

— Что вы изволите говорить?—спросилъ онъ, недоумѣвая.

— Вонъ изъ моего дома! вонъ! — выѣ себя кричалъ генералъ.

— Вонъ? Я давно бы сіе сдѣлалъ, когда бы не былъ приглашаемъ... И напрасно, генералъ, мнѣ не довѣряете... это мое истинное объясненіе!..

— Вонъ отсюда... вонъ!...

Шишкевичъ попытался къ двери.

— Генералъ, не забывайте!—сказалъ онъ.

— А-а!.. Не уходите?.. Люди... люди... возьмите этого... возьмите...

— Я самъ уйду... Не трудитесь звать людей...

— Ты не уходишь? еще не уходишь?

И Телепневъ сталъ толкать Шишкевича въ спину. Тотъ обернулся и вскрикнулъ:

— Такъ не генералы дѣлаютъ, а подлецы... Сатисфакцію, сатисфакцію!..

Онъ поднялъ палку и сталъ размахивать ею, другая рука его судорожно хваталась за эфесъ.

— Я съ тупицами не дерусь!—кричалъ Телепневъ.—Вотъ мой кучеръ дастъ тебѣ удовлетвореніе. Берите его, бейте его, я не хочу пачкаться...

— Убью... защищайся! — воскликнулъ Шишкевичъ, поднимая палку, и въ ту же минуту онъ вылетѣлъ на улицу подъ сильнымъ ударомъ Телепнева.

— Дуэли... я требую дуэли!..—кричалъ Шишкевичъ.—Я хочу драться... Дуэли!..

И Шишкевичъ упалъ на землю. И, лежа на животѣ, онъ долго всхлипывалъ, плакалъ какъ-то по-дѣтски и кричалъ не переставая:

— Я требую дуэли... дуэли... безъ дуэли меня не переведутъ въ Петербургъ... Стрѣляться хочу...

VIII.

Черезъ годъ состоялся судъ надъ поручикомъ Шишкевичемъ. Въ теченіе этого года онъ содержался подъ карауломъ, и окружающіе стали замѣчать, что онъ «не въ своемъ умѣ». Онъ писалъ рапортъ за рапортомъ, въ которыхъ требовалъ, чтобы ему дали возможность кровью смыть полученныя оскорбленія, чтобы секунданты Телепнева были допущены въ караульное помѣщеніе. Но начальники караула, видя не совсѣмъ нормальное состояніе Шишкевича, не давали хода этимъ рапортамъ.

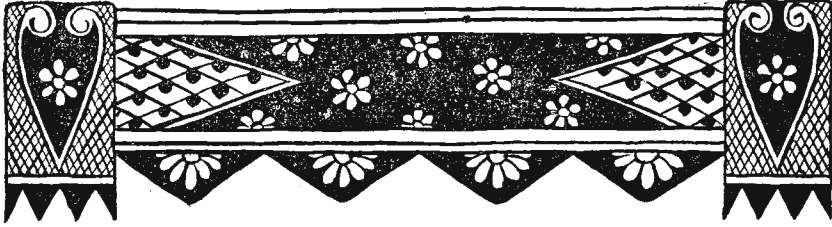
За вызовъ начальника на дуэль и за произнесеніе бранныхъ словъ императоръ Александръ I приказалъ отставить его отъ службы. Конfirmaція состоялась 8 іюля 1803 года, а на другой день Шишкевичъ былъ отвезенъ въ госпиталь, гдѣ врачи признали его неизлѣчимо-больнымъ. Онъ былъ помѣщенъ въ палату для душевнобольныхъ и скоро былъ переведенъ въ отдѣльное помѣщеніе, такъ какъ велъ себя не спокойно и ото всѣхъ требовалъ удовлетворенія и непременно на пистолетахъ.

Генералъ Телепневъ «за неприличный поступокъ съ офицеромъ» былъ уволенъ отъ службы и только съ открытіемъ военныхъ дѣйствій съ Швеціей онъ снова поступилъ на службу.

Н. И. Фалѣвъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ ГОРАХЪ АЛА-ТАУ.

(Изъ исторіи бунта Кенисары Касымова, 1843—1847 г.г.).

I.

СВЕРХЪЛО. Блѣдныя дрожащія тѣни расплзались по ущелью Кизиль-агачъ, исчезая въ глубинѣ, гдѣ звонко гремятъ ручей по гранитнымъ порогамъ. Глубокое синее небо причудливо убрано перистыми облачками, среди которыхъ плавно плыла луна, бросающая снопы изумруднаго свѣта на ковыльную степь, по склонамъ ущелья... Кругомъ тишина. Только изрѣдка послышится рѣзкій крикъ луны, и громадная черная тѣнь прорѣжетъ дрожащій отъ луннаго свѣта воздухъ...

У вершины ущелья обрисовались силуэты двухъ всадниковъ, которые медленно стали спускаться по отлогому склону. Лунный свѣтъ заигралъ на ихъ ятаганахъ, остріяхъ пикъ, наборныхъ чапракахъ, уздечкахъ... Кровные аргамаки, вытянувъ шеи и выпуская изо рта тягучія нити пѣны, осторожно ступали по гранитнымъ выступамъ. Ущелье заканчивалось широкой долиной, среди которой вилась серебристая лента рѣчки Кудукъ. Одинъ изъ всадниковъ натянулъ поводья и произнесъ уставшимъ голосомъ:

— Отдохнемъ здѣсь, Али! До ставки Кенисары еще пять часовъ пути.

— Нѣтъ, Нурджанъ, скорѣе закончимъ нашъ путь... Я горю радостью встрѣчи съ великимъ «борцомъ вольной степи» и его красавицей Айтолконъ... Аргамаки наши бодро пройдутъ этотъ недолгій путь, и мы найдемъ тамъ лучшій и болѣе пріятный отдыхъ.— Горячо воскликнулъ Али, совсѣмъ еще юный киргизъ.

— Ты, Али, еще молодъ и не знаешь, какъ опасно совершать теперь путь въ Ала-тау... Надо беречь силы аргамаковъ, чтобы уйти отъ мстительнаго рода каракипчаковъ, степь котораго недавно Кенисара сжегъ до тла, перерѣзалъ скотъ, увелъ въ плѣнъ женъ и дѣтей...

Сказавъ это прежнимъ уставшимъ голосомъ, спутникъ Али слѣзъ съ сѣдла, расправилъ отекишія ноги и началъ разсѣдывать лошадь.

Али молча послѣдовалъ за нимъ. Черезъ полчаса стреноженные аргамаки жадно срывали траву, весело фыркая, а путники разостлали свои дорогіе халаты и сѣли на нихъ.

— Скажи, Нурджанъ,—прервалъ молчаніе Али,—какъ Аллахъ помогъ славному хану Кенисарѣ взять это скверное племя каменныхъ киргизъ ¹⁾. Ты, вѣдь, знаешь, что я въ это время ходилъ съ отцомъ на баранту къ измѣнникамъ изъ рода джагалбайлинскаго, предавшимся невѣрному урусу.

Нурджанъ провелъ рукой по лицу, какъ бы отгоняя мысли, которыя вихремъ пронеслись въ его головѣ, и нить которыхъ прервалъ Али.

— Аллахъ-акбаръ! Ты просишь разсказать про походъ батыря Кенисары противъ каменныхъ киргизъ... Да, то былъ страшный походъ, то была жестокая казнь... Ты знаешь, батырь Кенисара возсталъ противъ невѣрнаго уруса, задумалъ сбросить поганяя цѣпи и освободить нашу бѣдную степь отъ страшнаго позора и рабства. Именемъ Пророка онъ призываетъ къ этой священной войнѣ всѣхъ правовѣрныхъ, но немногіе роды остались вѣрными Корану, завѣтамъ первыхъ просвѣтителей, озарившихъ нашу степь истиннымъ свѣтомъ, и завѣтамъ нашихъ отцовъ. Немногіе откликнулись на призывъ Кенисары и примкнули къ нему. Тогда грозный мечъ султана обратился и на всѣхъ измѣнниковъ, не только покорно сносившихъ позорныя цѣпи уруса, но и усердно помогавшихъ ему. Первыми поплатились япасскій и кипчакскій роды, которыхъ Кенисара разбилъ при урочищѣ Кара-уба, а потомъ китайскіе киргизы, кочевавшіе близъ озера Коккый-куль. Только племя дикокаменныхъ киргизъ не хотѣло признавать власти султана Кенисары и дѣлало частые набѣги на его подданныхъ.

— Алла... Султанъ рѣшилъ наказать за это непокорное племя и, оставивъ на время войну съ урусами, пошелъ со всѣмъ войскомъ на него. Трудно было покорить это храброе племя, много времени было потрачено, много людей загублено въ этой борьбѣ. Высокія скалы, глубокія ущелья, стремнины помогали обитавшему въ нихъ роду и затрудняли движеніе войскъ султана. Тогда Кенисара далъ

¹⁾ Воинственное племя дикокаменныхъ киргизъ обитаетъ въ горахъ Ала-тау и по берегу Аральскаго моря.

клятву всемогущему Аллаху и его Пророку, что съ корнемъ вырветъ это проклятое, невѣрное племя, и отчаяннымъ приступомъ сталъ брать аулы. Аллахъ-акбаръ... Какимъ казнямъ, какимъ мученьямъ султанъ предавалъ жителей покоренныхъ ауловъ!... Сколько крови и слезъ было пролито въ этотъ походъ, сколько стонувъ, проклятій слышалось въ воздухѣ, сколько безпомощныхъ рукъ поднималось къ небу! Напомнилъ онъ мнѣ...

Нурджанъ вдругъ замолчалъ. Холодный потъ струился по его лицу, искаженному злобой и страданіемъ. Онъ безпокойно взглянулъ на Али, думая найти на его лицѣ изумленіе, а, пожалуй, и ужасъ, но тотъ дремалъ, блаженно улыбаясь, и, какъ видно, давно не слушалъ разказа.

Нурджанъ нервно провелъ рукой по мокрому лбу, надѣлъ «малахай» и беззвучно произнесъ:

— Вставай, Али, время ѣхать! Скоро будетъ полночь...

Али быстро поднялся и съ прежней сладкой улыбкой, не сходившей съ его крупныхъ губъ, сталъ готовиться въ путь.

II.

Въ одинъ изъ первыхъ дней послѣ новолунія мѣсяца Дзулкаде, Кенисара принималъ у себя хивинскихъ пословъ, извѣстившихъ султана, что «славное Хивинское государство заключаетъ съ славнымъ батыремъ Кенисарой союзъ противъ невѣрныхъ гяуровъ», и при этомъ были поднесены богатые подарки: пятнадцать лучшихъ аргамаковъ, два золотомъ шитыхъ сѣдла, двѣ пушки и нѣсколько верблюдовъ, изъ которыхъ два были навьючены порохомъ.

Кенисара былъ обрадованъ и польщенъ такимъ вниманіемъ прежде гордаго и надменнаго съ нимъ хивинскаго хана, и нѣсколько дней подъ рядъ съ небывалою роскошью чествовалъ дорогихъ пословъ.

Долина Ханъ-Жолъ, въ которой Кенисара расположился лагерь, пестрѣла отъ шатровъ, людей и скота. Съ утра до глубокой ночи раздавались немолчно говоръ, крики, пѣсни, звуки чибызги, домбры, ржаніе коней, ревъ верблюдовъ и бляеніе овецъ... На всемъ пространствѣ пылали костры, дымилась «казаны», разнося по всей долинѣ сладковатый запахъ мяса...

Въ глубинѣ долины чернѣла небольшая роща, состоящая изъ карагача и ясеней. Высокіе стволы деревьевъ были совершенно голы, а верхушки шатрами раскидывались въ выси и образовали зеленый сводъ, сквозь который голубое, безоблачное небо выглядывало только небольшими клочками. Въ срединѣ рощи задорно журчалъ небольшой ручей, неся свои чистыя, изумрудныя воды въ бурный Джиланчикъ. Между деревьями, по берегамъ ручья, красовались богато убранныя кибитки султана и его свиты. Особенно же рѣзко выдѣ-

лялась убранствомъ «кунацкая кибитка». Дорогіе текинскіе «па-лазы» устлали ея полъ, вышитыя шелкомъ тесъмы прихотливо пере-вивали своды, горы дорогихъ одѣяль, мягкихъ подушекъ возвы-шались по стѣнамъ, а по срединѣ, на рѣзной подставкѣ, красовался огромный турсукъ съ кумысомъ...

Раздался рѣзкій пронзительный крикъ. Все стихло. Аксакалы (старики) поднялись и стали на коврикъ, сложивъ на животѣ руки и почтительно склонивъ сѣдыя головы, покрытыя бѣлыми чалмами. Наѣзтники выстроились въ рядъ и устремили свои взоры на ша-теръ агиды (вождя). Заиграла зурна (рожокъ), ударили даира (бубны), зазвенѣлъ чунгуръ... Толпа дѣвушекъ съ длинными косами, въ шел-ковыхъ цвѣтныхъ шальварахъ, густыми складками спускавшихся на маленькіе, высокіе сапожки, предводительствуемая красавицей Айтолконъ, окружила стоявшаго у кибитки агиды.

Понеслась по долинѣ бойкая пѣсня, быстро замелькали по травѣ маленькія ножки восточныхъ красавиць... Сколько чудной граціи, свободы въ ихъ движеніяхъ, сколько страстности въ черныхъ гла-захъ... Вотъ ворвались въ кругъ мнимые смуглыми ручками, страст-ными взглядами молодые батыри. Обхватили ихъ сильныя руки трепещущіе дѣвичьи станы, и пары быстро закружились въ бѣше-номъ танцѣ...

Кенисара, высокій мужчина, съ короткой черной бородой, въ бѣ-ломъ халатѣ, перетянутомъ серебрянымъ поясомъ, на которомъ ви-сѣлъ дорогой ятаганъ, въ высокой бѣлой шапкѣ, въ козловыхъ красныхъ чувякахъ, убранныхъ мелкими серебряными монетами, гордой поступью направлялся къ ручью. Сдвинутыя брови, сжатые губы, злые глаза говорили о его крутомъ нравѣ, объ отсутствіи доб-раго сердца. Только одна Айтолконъ умѣла смягчать этого грознаго царька...

Процессія приблизилась къ аксакаламъ, и пляска прекратилась. Агидъ, свершивъ съ аксакалами краткій намазъ, сѣлъ на богатомъ коврѣ, приглашая къ тому же гостей небрежнымъ движеніемъ руки.

— Аллахъ-акбэръ! Пусть наши храбрые джигиты покажутъ го-стямъ свою удалъ. Бисмилла!—звучно произнесъ агидъ.

Толпа наѣзниковъ приблизилась къ нему.

— Аллахъ-акбэръ! Славные джигиты рода Касымова! Покажите на-шимъ гостямъ, что вы не сидѣли все время около матерей, не уха-живали за красавицами, что вы сыны набѣговъ, походовъ, батыри, достойные свободы. Наградой вамъ будутъ подарки изъ рукъ на-шихъ красавиць, похвала аксакаловъ и любовь вашего агиды. Бис-милла!

Сказавъ это, онъ сдѣлалъ рукой знакъ дочери, и та быстро стала между отцомъ и наѣзниками. Въ рукѣ она держала большой шел-ковый платокъ. Всѣ взоры устремились на Айтолконъ. О, какъ она была дивно хороша! Невольно думалось всѣмъ, что она съ своимъ

гибкимъ, стройнымъ станомъ, съ длинными рѣсницами, закрывавшими черные, полные страсти и нѣги глаза, съ своими маленькими, точно выточенными смуглыми ручками создана только для созерцанія, любованія, а не для того, чтобы стать женой-рабой и скрыть свою чудную молодую красоту подъ густой чадрой. Любовались ею не только юные наѣзники, изъ коихъ никто не дерзалъ даже мечтать владѣть этой «звѣздой Ханъ-Жола», не только старики сладко чмокали дряблыми губами, но и подруги забыли про своихъ возлюбленныхъ, не обращая вниманія на ихъ измѣну въ данный мигъ... Вотъ Айтолконъ среди общаго молчанія очарованной толпы быстро приблизилась къ одному джигиту и повязала платкомъ шею его аргамака... Всѣ очнулись... Какъ вихрь, вырвался изъ строя счастливый наѣзникъ и понесся по долинь. Остальные ринулись за нимъ, отчаянно джигитуюя на всемъ скаку: то соскакивали съ сѣделъ, то разсѣдывали и снова осѣдывали лошадей, сидя на крупѣ, то ловко сбивали шаръ со столба...

Въ долинь показались Нурджанъ и Али.

— Славный батыръ Кенисара, Аблаева рода. Да хранить тебя всемогущій Аллахъ! Два казака ¹⁾ ѣдутъ къ тебѣ съ привѣтомъ отъ младшаго брата-друга Гуссейна, — проговорилъ, прикладывая руку къ сердцу, молодой киргизъ, вооруженный съ ногъ до головы.

— Пусть накормятъ и напоятъ ихъ аргамаконъ, а ты проводи дорогихъ гостей въ кувацкій шатеръ и яства приготовь, — сурово произнесъ Кенисара.

Вечеромъ Нурджанъ тихо бесѣдовалъ въ цвѣтномъ шатрѣ съ Кенисарой, который сталъ грознѣе тучи, темнѣе осенней ночи.

— Да благословить тебя Аллахъ, славный Нурджанъ! Передай брату и другу моему Гуссейну, правителю Хобды, что его предложеніе мнѣ лестно, и я дамъ Али тысячу джигитовъ для набѣга на Орь, и если онъ молодецки выполнитъ это, то пусть готовить калымъ: Айтолконъ будетъ его женой.

Кенисара помолчалъ, а потомъ, устремивъ свой ястребиный взоръ на Нурджана, рѣзко спросилъ:

— Что же назаровцы, къ которымъ принадлежишь и ты, намѣрены признать меня султаномъ или думаютъ покорно нести позорныя цѣпи гяуровъ?

Нурджанъ вздрогнулъ, но чрезъ мгновеніе онъ снова былъ спокоенъ и, покорно склонивъ голову, тихо промолвилъ:

— Великій и славный батыръ Кенисара, достойный внукъ Аблая! Да хранить тебя Аллахъ! Назаровцы ждуть тебя давно и при первомъ призывѣ ринутся на русскіе города и села...

— Передай, что я пощады измѣнникамъ не даю... Сотру весь родъ, какъ стеръ поганный родъ тлявцевъ. Ступай...

¹⁾ Киргизы называютъ себя «казаками».

Нурджанъ злобно сверкнулъ глазами по фигурѣ суроваго владѣтеля, но, когда ихъ взоры встрѣтились, Нурджанъ подобострастно принялъ покорную позу и тихо, точно кошка, вышелъ изъ кибитки.

Аулъ спалъ.

Нурджанъ прислушался, вперивъ свой взоръ куда-то вдаль...

Ни звука... Только сопѣніе верблюдовъ нарушало тишину.

Нурджанъ быстро сорвалъ чалму, сбросилъ дорогой халатъ и осторожно поползъ къ кибиткѣ Айтолконъ. Вотъ онъ у цѣли. Въ кибиткѣ темно. Приподнявъ слегка кошму, закрывающую входъ, Нурджанъ издалъ гортанный звукъ, похожій на ворчаніе барса. Послышался шорохъ. Нурджанъ быстро отскочилъ отъ кибитки и мгновенно скрылся въ джунгляхъ. Осторожно поднялась дверь кибитки, и въ нее проскользнула женская фигура. Луна обливала степь волшебнымъ матово-синимъ блескомъ, и очертанія кибитокъ, заросли, хребетъ вырисовывающихся вдали горъ принимали фантастическія очертанія.

Въ джунгляхъ (заросли) повторилось рычаніе барса. Скользнула блѣдная тѣнь, и снова тишина.

Передъ Нурджаномъ стояла, стыдливо опустивъ глаза, красавица Айтолконъ.

— Здравствуй, Айтолка... Беримжанъ шлетъ тебѣ свой привѣтъ и приказалъ собираться въ путь. Отецъ твой ненавидитъ его родъ и скорѣе согласится видѣть тебя мертвой, чѣмъ женой Беримжана. Здѣсь невдалекѣ ждетъ тебя нашъ союзникъ, и ему ввѣрься, а я останусь пока здѣсь.

Айтолконъ вся дрожала.

— Готова ли ты бѣжать къ Беримжану, или предпочтешь стать женой собаки Алійки, подлаго сына Гуссейна?

— Нѣтъ, Нурджанъ... возьми меня отсюда скорѣе... Я знаю, что отецъ убьетъ меня, а не отдастъ Беримжану...

— Ну, пойдемъ...

Нурджанъ взялъ Айтолконъ за конецъ чадры и углубился съ нею въ заросли.

На утро весь аулъ въ страшной тревогѣ—исчезла Айтолконъ, Кенисара злобѣще молчалъ. Во всѣ концы полетѣли джигиты.

Кто могъ ее похитить?—вопросъ, который мучилъ Кенисару, надъ разрѣшеніемъ котораго напрасно ломали головы приближенные.

Прошло два дня.

Джигиты возвращались на измученныхъ аргамакахъ съ неутѣшительными вѣстями.

Айтолконъ точно въ воду канула.

Никто не рѣшался войти въ кибитку Кенисары.

Только одинъ Нурджанъ осмѣлился заговорить съ грознымъ ханомъ.

— Славный агидъ! рабъ твой Нурджанъ осмѣливается нарушить священное молчаніе.

— Ну, говори...

— Звѣзда степи, красавица Айтолконъ не погибла... Нѣтъ, я въ этомъ увѣренъ. Она похищена, и мнѣ сдается—твоими измѣнниками каракипчаками. Вѣдь, двухъ не досчитываются... Они мстятъ тебѣ за свои аулы, женъ и дѣтей.

— Молчи, собака.

Глаза Кенисары злобно засверкали, но и фигура Нурджана дышала ненавистью. Такъ продолжалось одно мгновение, послѣ котораго Кенисара снова впалъ въ глубокое раздумье, а Нурджанъ безстрастно смотрѣлъ на узорчатые тесьмы кибитки.

— А что если ты правъ, Нурджанъ? О, тогда я съ корнемъ вырву поганый родъ кара-кипчаковъ...

Съ минуту Кенисара помолчалъ, потомъ три раза ударилъ въ ладони рукъ. Явился джигитъ.

— Позвать ко мнѣ аксакаловъ и агидовъ. Останься и ты, Нурджанъ.

На совѣтѣ рѣшено было послать два отряда джигитовъ, въ томъ числѣ и Али, въ ущелья Кара-су и Томакъ-агачъ, чтобы окончательно истребить каракипчаковъ.

Когда кибитки опустѣли, Кенисара быстро поднялся и, злобно потрясая въ пространство ятаганомъ, глухо проговорилъ:

— О собаки! Горе вамъ... Упьюсь я кровью вашей поганой, надругаюсь надъ красавицами и женами, съ сладостью буду убивать дѣтей вашихъ.

III.

Разграбивъ и спаливъ степь вблизи Кара-су, отряды Мамета и Али расположились лагеремъ въ долину Джаманъ-тау, у подножія горы Шайтанъ-тау. Отсюда они рѣшили итти на Кара-су, гдѣ собрались всѣ аулы каракипчаковъ, и гдѣ они надѣялись захватить главныхъ вождей непокорныхъ родовъ. Здѣсь будетъ послѣдняя битва, послѣдняя расправа съ кипчаками, конецъ ужасной драмы, длившейся уже пятый мѣсяць...

Ночь. Въ лагерѣ тихо. Сырой рѣзкій вѣтеръ немолчно тянулъ свою жуткую пѣсню, нещадно трепля мокрые пологи рваныхъ палатокъ. Изрѣдка падала на землю мелкая свѣжная крупа, глухо барабанила по набухшему холсту.

Джигиты, утомленные долгимъ переходомъ, до костей промокшіе отъ моросившаго цѣлый день дождя, спали богатырекимъ сномъ, плотно завернувшись въ паласы и халаты. Только въ одной кибиткѣ слабо мерцалъ потухающій очагъ. То была кибитка Али. Онъ, поджавъ подъ себя ноги, сидѣлъ на мокромъ палазѣ, склонивъ голову на грудь. Сонъ бѣжалъ отъ него.. Безысходная тоска грызла сердце... Къ прежней думѣ, къ прежнему страстному желанію обладать красавицей Айтолконъ, еще сильнѣе охватившему все

существо молодого киргиза, присоединилась жажда мести за нанесенную обиду. Надежда, отчаяніе, ревность, сладость поцѣлуя—все это живо рисовалось и быстро проходило въ воспаленномъ мозгу Али, то заставляя его замирать отъ блаженства, то больно сжимая сердце... Но вотъ сильный порывъ вѣтра, глухой стукъ снѣжной крупы, пронизывающій холодъ возвращали его къ тяжелой дѣйствительности и напоминали ему разбитыя надежды, страшную обиду, малую вѣроятность отыскать Айтилконъ. Все его существо наполнялось жаждой крови, стоновъ обидчика. Какія муки, истязанія готовилъ онъ своему сопернику?..

Али поднялъ свое блѣдное, измученное лицо, судорожно сжалъ руки и простоналъ отъ внутренней боли.

— Но гдѣ? Гдѣ она? Гдѣ проклятый соперникъ?—беззвучно шептали его высохшія губы.—Онъ обнимаетъ теперь гибкій станъ милой, цѣлуетъ ея коварныя очи, сплетаетъ поганой рукой черныя косы и смѣется надо мной... О проклятый похититель! Далеко ты запряталъ свою газель, долго убѣгаешь отъ нашихъ ножей, но скоро попадешься и ты, и на глазахъ милой, которую возьметъ себѣ въ жены Али, будешь корчиться въ страшныхъ мукахъ, если не умертвить тебя раньше ятаганъ!

Съ искаженнымъ злобой лицомъ, съ пѣной у рта, съ безумно блуждающими глазами, при тускломъ свѣтѣ Али былъ страшенъ, и, казалось, всѣ атомы его организма прониклись злобой, жаждой мести. Забросивъ руки, онъ съ подавленнымъ стономъ повалился на палазъ и снова отдался терзаніямъ, снова думы больнѣе и больнѣе сжимали его сердце...

Входной пологъ кибитки тихо поднялся, и вошелъ Нурджанъ.

Али быстро вскочилъ и схватилъ его мокрыя руки.

— Ну, что? Видѣлъ ее? Говори скорѣе! Знаешь, гдѣ она?—задыхаясь, шепталъ онъ.

— Постой, Али, постой. Сначала я отдохну, а тамъ и расскажу тебѣ все, что узналъ про твою невѣсту.

Спокойно проговорилъ вошедшій, усаживаясь предъ огнемъ.

— Алла,—тихо произнесъ Нурджанъ и, скривя ротъ въ нехорошую улыбку, посмотрѣлъ на Али.

— Не мучь, заклинаю тебя великимъ Пророкомъ. Говори скорѣе!—вскричалъ Али.

— Алла! Пройдетъ завтра день, и не успеетъ настать другой, какъ ты будешь обнимать свою возлюбленную, цѣловать ея уста, срывать дрожащими руками съ ея пышной груди дорогую одежду и, упиваясь блаженствомъ, цѣловать... мертвыя очи,—алобно захочешь, сказалъ Нурджанъ.

Мертвенная блѣдность покрыла лицо Али.

— Да скажешь ли ты, зловѣщій коршунъ, гдѣ Айтилконъ, и что говорятъ твои слова и смѣхъ шайтана?—вскричалъ Али, хватывая ятаганъ.

— Алла!—продолжалъ Нурджанъ, не мѣняя позы и попрежнему насмѣшливо смотря на грознаго юношу.—Спрячь свой ножъ, а то онъ потускнѣетъ отъ дождя, Нурджанъ его не боится. Успокойся и слушай, гдѣ носилъ меня аргамакъ, и что узналъ другъ твоего отца, Нурджанъ. Алла! Отецъ твой, данный намъ въ агиды самимъ Пророкомъ, послалъ меня къ Кенисарѣ узнать про его силу и могущество, чтобы знать, какъ ему, твоему отцу, поступить — примыкать ли къ Кенисарѣ или не поднимать мятежа противъ урусовъ. Ну, и тебя ему хотѣлось пристроить къ Кенисарѣ, породниться съ нимъ. Вотъ я и служу тутъ вамъ всѣмъ, ищу бабу... Ха... ха... ха!... Ну, ну, зубами не скрежещи... Слушай! Айтолконъ теперь жена Беримжана, заклятаго врага твоего отца. Она полюбила его, когда Кенисара былъ походомъ на Уилѣ, любить мужа больше Магометова рая и поклялась умереть, лишь только сомкнутся навсегда очи милаго. Эта жена сдержитъ клятву, она тверда такъ же, какъ прекрасна. Она не позволитъ чужой рукѣ дотронуться до своего гибкаго, какъ лоза, стана, до своихъ черныхъ костей, и ты, Али, получишь отъ нея гостинецъ еще лучше, чѣмъ...

— Замолчи, рабъ!.. Убью, собака!.. Съ пѣной у рта вскричалъ дрожащій Али и замахнулся ятаганомъ.

Нурджанъ поспѣшно уклонился отъ удара, схватилъ за руки Али и, сверкая глазами, быстро и злобно зашепталъ:

— Помни, щенокъ, ты мой заклятый врагъ, внукъ гнуснаго злодѣя, сгубившаго мой славный родъ. Отецъ мой съ твоимъ дѣдомъ были дружны, клялись свято хранить союзъ, любовь, защищать вѣру Пророка, избивать гяуровъ. Но дѣдъ твой, завидуя могуществу, славѣ и батырству моего рода, какъ змѣя, какъ злой барсъ, подкрался къ нашимъ ауламъ ночью, когда въ нихъ оставались одни жены, дѣти, старики, а всѣ батыри ушли на аламанъ, и... о всемогущій Аллахъ! Я былъ тогда мальчишкой, но и теперь въ моихъ ушахъ стоитъ зловѣщій топотъ, крикъ злодѣевъ, стоны убиваемыхъ женъ, дѣтей, ревъ угоняемыхъ стадъ, испуганное ржаніе сбатованныхъ аргамаковъ... Меня привязали къ сѣдлу, какъ собаку... Коварный измѣнникъ на другую ночь засѣлъ въ камыши и ждалъ отца моего. Въ ту же ночь я пытался бѣжать, но злодѣи схватили меня и, жестоко избивъ по пяткамъ палками, отрѣзали по пальцу на каждой ногѣ. Весело, радостно ѣхали батыри съ славнаго набѣга, грузно ступали за ними нагруженные отбитымъ добромъ верблюды. Вотъ и камыши Уила, а тамъ всего два часа до родныхъ ауловъ... Какъ коршуны, напали измѣнники на нихъ, и началась страшная рѣзня... Я развязалъ арканъ, которымъ былъ привязанъ къ дикому камню и, забывъ нестерпимую боль въ ногахъ, бросился въ середину битвы, ища отца. Израненный онъ умиралъ въ тальниковыхъ кустахъ, призывая на измѣнниковъ кару Аллаха. Я упалъ ему на грудь и руками старался задержать кровь, клю-

чемъ бьющую изъ ранъ. Славный Исентай, агидъ рода тлявскаго, узналъ своего сына Нурджана и тотчасъ же воззвалъ къ Аллаху и Пророку его, который и избралъ меня мстителемъ за смерть отца, матери, братьевъ и всего рода тлявцевъ, въ одну ночь погубленнаго твоимъ подлымъ дѣдомъ. Теперь новый злодѣй, шакалъ Кенисара, сгубилъ мой родъ, и жажда мщенія жжетъ мою грудь...

— Ты тлявскаго рода?—воскликнулъ ошеломленный Али.

— А, ты думалъ, я назаровецъ? Ха-ха-ха!...

Какъ кошка, скользнулъ Нурджанъ изъ кибитки и скрылся въ темнотѣ.

Али ринулся вслѣдъ, всполошилъ весь лагерь, но напрасно — Нурджанъ исчезъ.

IV.

На утро былъ объявленъ походъ на Кара-су.

Къ вечеру отряды были вблизи долины. Составили военный совѣтъ и рѣшили напасть съ двухъ сторонъ, чтобы замкнуть каракипчаковъ въ ихъ кочевьѣ и не дать вырваться «ни одному псу».

Тихо пробирались отряды въ обходъ долины и немало дивились безпечности врага — ни сторожевой цѣпи, ни обычнаго джигита-часового.

Полная тишина.

«Спать собаки», — думалъ про себя каждый.

Но вотъ долина, и попрежнему ни звука. Нѣсколько джигитовъ выскочили на вершину, быстро окинули взоромъ ущелье и увидали, что оно пусто. Съ противоположнаго конца подходилъ другой отрядъ. Свѣже притоптанная трава, обглоданныя кости, разноцвѣтныя тряпки, куски шерсти—все это показывало, что ущелье покинуто недавно. Рѣшено разбить лагерь, а на развѣдки послать нѣсколько джигитовъ.

Быстро спустилась ночь. Долина Кара-су, окутанная легкимъ туманомъ, представляла собою довольно красивую картину: въ глубинѣ и по склонамъ пылали костры, надъ которыми висѣли громадныя котлы съ мясомъ, а вокругъ живописными группами расположились джигиты, слушая домбру и напѣвы. Длинные чудовищныя тѣни колыхались и дрожали по ковыльнымъ склонамъ. Сбатованные кони тихо фыркали, жадно срывая траву. Въ сторожевой цѣпи слышалась едва уловимая перекличка. Небо заволочлось облаками, и туманъ спустился на ущельемъ.

Конченъ ужинъ. Погасли костры. Лагерь уснулъ. Табунчики-джигиты, расположились подъ развѣсистымъ карагачемъ, держали въ поводу своихъ осѣдланныхъ лошадей и вели тихую бесѣду,

чтобы превозмочь одолѣвшую дремоту, при чемъ время отъ времени зорко всматривались въ темноту ночи.

Ничего подозрительнаго... Казалось, степь спала непробуднымъ сномъ.

Но эта тишина была зловѣщая...

По склону, по направленію къ табунщикамъ, ползла цѣлая цѣпь полунагихъ кипчаковъ. У каждаго изъ нихъ въ зубахъ торчитъ ножъ, а въ правой рукѣ ятаганъ. Глаза ихъ сверкали зловѣщимъ фосфорическимъ блескомъ, какъ у шакаловъ... Беззвучно подвигалась эта цѣпь, и только изрѣдка слышались гортанные звуки: «ур...ур...ур...». Когда они были въ нѣсколькихъ шагахъ отъ табунщиковъ, ползшій впереди кипчакъ-агидъ издалъ условный сигналъ, и въ одинъ мигъ табунщики были окружены и перебиты... Ни крика, ни лязга ножей и ятагановъ... Табунъ и напавшіе скоро исчезли въ темнотѣ ночи...

Вдругъ воздухъ прорѣзалъ протяжный вой шакала....

А тамъ снова мертвая тишина...

Лишь только этотъ вой проникъ въ ущелье Акъ-Кудукъ, сливавшееся съ долиной Кара-су, какъ въ немъ замелькали тѣни, сбѣгавшія по склону... То былъ условный знакъ для нападенія.

Не слышно, но быстро подвигался пѣшій отрядъ кипчаковъ... Грозной лавой двигались эти фигуры въ однѣхъ рубахахъ, съ высоко засученными шальварами... Зловѣще раздавалось въ ихъ рядахъ «ур... ур... ур...». При входѣ въ долину Кара-су, всѣ кипчаки распластались по землѣ и, точно одна огромная змѣя, цѣпью стали спускаться къ спящему лагерю... На мгновеніе въ сторожевой цѣпи что-то лязгнуло: то два джигита пали мертвыми отъ коварной руки кипчаковъ. Впереди ползъ агидъ кипчаковъ, славный батыръ Исеть, а рядомъ съ нимъ Нурджанъ... Вотъ они въ срединѣ лагеря... Послышались болѣе громкіе звуки «ур... ур... ур...», и кипчаки рассыпались по лагерю. Мгновеніе слышались только тихіе стоны убиваемыхъ.

Крикъ ужаса пронесся по долинѣ, и она наполнилась адскимъ гуломъ, въ которомъ слышались крики сражающихся, лязгъ ножей, ятагановъ. Маметь собралъ вокругъ себя кучку джигитовъ и послѣдно сталъ отступать къ вершинѣ, гдѣ были сбатованы лошади. Исеть грозно насѣдалъ на него, и съ каждой минутой отрядъ Мамета рѣдѣлъ. Послышался топотъ: то новая засада ударила въ тылъ Мамету, и онъ былъ моментально смятъ. Пальъ храбрый сподвижникъ Кеншсары, правая рука батыря...

Нурджанъ искалъ Али, но тотъ успѣлъ собрать вокругъ себя небольшой отрядъ и храбро отбивался отъ кипчаковъ, подаваясь къ устью долины, гдѣ была часть лошадей и верблюдовъ. Нурджанъ поспѣшилъ въ обходъ. Али уже у цѣли, бросается къ первой же лошади, вскакиваетъ и обращается въ бѣгство. Нурджанъ завылъ

отъ безсилья—ускользалъ врагъ, отомстить которому была его за-
вѣтная мечта, отомстить такъ, чтобы муки причинили страданія
на много лѣтъ, и чтобы отъ ужаса ихъ содрогнулся весь прокля-
тый родъ Гуссейна. Онъ зычно крикнулъ: «агъ!» (лошадь) и бро-
сился бѣжать за бѣглецомъ. Крикъ Нурджана былъ услышанъ, и
черезъ пять минутъ онъ уже летѣлъ на скакунѣ за Али. Это была
бѣшеная скачка.. Скоро, однако, лошадь подъ Али стала уста-
вать и отъ ударовъ нагайкой уже не летѣла стрѣлой... Кровавая
пѣна клубами падала на грудь, сбѣгала по ногамъ... Бока, точно
кузнечные мѣхи, со свистомъ раздувались... Нурджанъ насѣдалъ...
Впереди оврагъ. Али подобралъ поводья, ударилъ нагайкой по ло-
шади, но силы измѣнили, и они скрылись въ темной пропасти...
Нурджанъ едва сдержалъ своего скакуна, слѣзъ съ сѣдла и спу-
стился по обрыву на дно оврага.

Тамъ, около ручья, безпомощно стоналъ Али.

— Попалась собака, поганое отродье измѣнника Гуссейна...
злобно ворчалъ Нурджанъ, связывая руки Али, который лежалъ
безъ движенія.

Черезъ полчаса Нурджанъ скакалъ обратно въ Кара-су, при-
вязавъ къ крупу лошади Али.

V.

Въ лагерѣ Кенисары ужасъ и смятеніе—только что доставленъ
умирающій Али съ отрѣзанными ушами, носомъ и губами. Изуро-
дованный джигитъ былъ привязанъ къ сѣдлу, и за поясомъ у него
найдено письмо къ Кенисарѣ: «Не батырь ты, не ханъ, а крово-
жадный шакалъ... Всѣ мы, славные роды каменныхъ кипчаковъ,
отъ старика и до грудного младенца, поклялись Небомъ и Алла-
хомъ отомстить тебѣ, варвару, за твои жестокости. Прими достойно
посланца и помни, что та же участь ждетъ тебя, кроваваго
шакала, и твоего поганого братца Наурузбайку»...

Кенисара пришелъ въ бѣшенство и ударомъ ятагана разрубилъ
черепъ киргизу, подавшему ему это письмо, а потомъ тотчасъ при-
казалъ развести костры, поставить на нихъ котлы, и когда за-
кипѣла вода, плѣнные каменные киргизы, съ ихъ семействами,
приводились къ кострамъ, со связанными руками, и на ихъ гла-
захъ жены и дѣти бросались «теленгутами» (гвардія) въ кипящіе
котлы и варились тамъ; а плѣнные мужчины были поставлены въ
шеренги и умерли подъ жестокими пытками... Пали подъ ударами
ятагановъ и всѣ приближенные, которые заподозрѣны въ измѣнѣ¹⁾.

Долго лилась безвинная кровь, пока гнѣвъ хана Кенисары не
утихъ. Приказано итти немедленно въ горы и уничтожить камен-
ныхъ киргизовъ до послѣдняго младенца.

¹⁾ Историческій фактъ.

«истор. вѣстн.», августъ, 1904 г., т. хсѣп.

Три тысячи лучшихъ джигитовъ, предводительствуемые Кенисарой и братомъ его Наурузбаемъ, двинулись въ горы, горя мщеніемъ... Акынъ (пѣвецъ) Насымбай тутъ же слагалъ свой звучный стихъ про походъ на «поганныхъ измѣнниковъ», и стройная домбра вѣдала степи вдохновеніе поэта-киргиза...

«О ты, батырь Кенисара,
 «Надежда и мечта казаковъ...
 «Скоро степь нашихъ предковъ-дѣдовъ
 «Познаетъ свободу и вольную жизнь...
 «Привѣтствуй, ковыль пушистый,
 «Громко воспѣвайте въ выси голубой,
 «Тургаи¹⁾, про славу Кенисары»...

VI.

Полулежа на гладкомъ камнѣ, о который бѣшено била пѣнистая волна Джилянчика, Нурджанъ прислушивался къ немолчному реву рѣки, время отъ времени оглядываясь на крутой, поросшій тальникомъ берегъ. Онъ видимо ждалъ кого-то.

Ночь окутывала узкое ущелье, и только темножелтая полоса воды смягчала немного мрачный колоритъ, а брызги пѣнящихся волнъ туманными точками прорѣзывали мракъ, да изрѣдка выглянетъ изъ разорвавшихся свинцовыхъ тучъ яркая звѣзда и спрячется тотчасъ, точно испугавшись своего одиночества среди непрогляднаго мрака.

На противоположномъ берегу, уступами спускающемся къ рѣкѣ, послышался шумъ отъ паденія камней. Нурджанъ быстро поднялся и, наклонивъ слегка корпусъ впередъ, напряженно прислушался. Его ухо уловило всплескъ воды отъ паденія какого-то тѣла, а вскорѣ глазъ различалъ надъ темно-желтой водной поверхностью черный предметъ, который быстро спускался внизъ по теченію, то скрываясь въ волнахъ, то взбираясь на ихъ гребни. Нурджанъ тихо свистнулъ. Ему отвѣтили съ плывущаго предмета, который волны прибили къ берегу, немного ниже камня, гдѣ былъ Нурджанъ.

— Ты, Абдулъ?

— Алла!—отвѣтилъ подошедшій, стряхивая съ халата брызги воды и снимая мокрые чупяки.

— Привязалъ ли ты свой бурдюкъ? Прибой волнъ сильный, какъ бы не унесю его?—спросилъ Нурджанъ.

— Идемъ къ нему. Я тамъ въ тальникѣ высушу свои чупяки и поговоримъ о дѣлѣ. Алла!—отвѣтилъ Абдулъ.

¹⁾ Жаворонки.

Они подошли къ громадному, наполненному воздухомъ бурдюку, качавшемуся на пѣнистыхъ волнахъ, вытащили на берегъ и скрылись въ густомъ тальникѣ.

— Ты говоришь, Абдуль, что твой ауль согласенъ помочь намъ въ битвѣ?—спросилъ Нурджанъ сидѣвшаго около тлѣющаго костра Абдула.

— Алла! Абдуль сказалъ это.

Нурджанъ задумался... Его пронизательные глаза горѣли какимъ-то—то загадочнымъ блескомъ.

— Слушай, Абдуль...— проговорилъ Нурджанъ:— родъ Дулата отдался Кенисарѣ, лишь только по степи пронесся о немъ слухъ; вашъ родъ дѣлалъ набѣги на мирные аулы, вы грабили наши роды... Что же теперь вы задумали измѣнить?

— Нашъ родъ славнаго Дулата вышелъ изъ одного корня съ кипчаками, мы вмѣстѣ несли рабство и горе отъ притѣснителей, дѣлили славу батырства... Злой Абу-Ниранъ затмилъ наши глаза и послалъ на насъ шакала Кенисару, лъстивыя рѣчи околдовали насъ, и мы стали биться въ его рядахъ... Но теперь, когда онъ, проклятый, такъ звѣрски губить близкій Дулату родъ, глаза наши открылись, и мы рѣшили мстить... Клянусь великимъ Аллахомъ, что я говорю правду.

Торжественно закончилъ Абдуль и вынулъ изъ ноженъ свой ятаганъ.

— Алла...— произнесъ Нурджанъ, и они ударили ятаганами въ знакъ клятвы...

— Кенисара идетъ къ ущелью Кара-сай, гдѣ оставитъ въ вершинѣ Наурузбая съ тысячею джигитами, а самъ ударитъ на аулы Акъ-Кудукъ. Я съ своими джигитами буду въ отрядѣ Кенисары. Въ разгаръ боя я ударю на него съ тыла, а ты отряди часть своихъ джигитовъ въ обходъ Наурузбаю. Такъ ли я говорю?

— Такъ. Къ ночи отрядъ будетъ въ тылу Наурузбая. А теперь прощай! Да поможетъ намъ Аллахъ убить шакала Кенисару.

Заговорщики разошлись. Нурджанъ незамѣтно исчезъ въ заросляхъ, а Абдуль спустился къ рѣкѣ и отвязалъ свой бурдюкъ. Никто изъ нихъ не замѣтилъ, какъ по берегу скользнула тѣнь, какъ тихо зашевелились вѣтви ивняка. Только рѣзкій крикъ луны прорѣзалъ ночную тишину и замеръ въ вершинахъ зубчатыхъ горъ. Нурджанъ замеръ на мѣстѣ. Но это продолжалось мгновенье. Быстрѣе барса онъ бросился на крикъ и безшумно подкрался къ шпіону, готовившемуся издать новый крикъ.

— Шайтанъ!—прошипѣлъ Нурджанъ и съ силой ударилъ его пожемъ въ спину.

Точно ковыль подъ серпомъ, повалился киргизъ, издавая стонъ, а Нурджанъ снова ужомъ ползъ въ густыхъ заросляхъ, время отъ времени вслушиваясь въ ночную тишину.

VII.

Вѣтеръ отъ Аралья нагналъ сѣро-черныя тучи, которыя окутывали вершины Ала-тау. Вихремъ онъ пронесся въ ущельяхъ, сердито вздымая горныя рѣчки... Непроглядная ночь царилъ по всюду. Среди воя вѣтра, грознаго шума горныхъ потоковъ чуткое ухо улавливало шумъ топота, лязгъ пикъ и ятагановъ: то отрядъ Кенисары подвигался къ ауламъ Акъ-Кудукъ. Длинной цѣпью растяннулись джигиты, лавируя на своихъ аргамакахъ между грудями камней, осторожно переѣзжая бурливый потокъ. Лошади, вытянувъ шеи, осторожно ступали по каменистому грунту, боязливо пофыркивая на кручахъ.

Кенисара ѣхалъ впереди. Его голова низко была опущена на грудь, руки бессильно опустились на луку сѣдла. Орлиный взоръ батыря безцѣльно былъ устремленъ впередъ, ничего не различая въ непроглядной темнотѣ. Невеселыя думы обуревали мятежную голову батыря, назойливая мысль, что онъ погибнетъ, не закончивши своего дѣла, больно сверлила его мозгъ... Помимо воли, вереницей пронеслись воспоминанія о дѣтствѣ, когда въ немъ зародилась мысль свергнуть цѣпи рабства, и еще тогда онъ клялся Небу отдать себя на батырство... Вотъ онъ уже скоро и старикъ, а что сдѣлалъ? Близко ли осуществленіе завѣтной мечты? Онъ поднималъ степь, но все же ему приходится бороться со своими же племенами, а не съ сильными урусами. Да и мыслимо ли начать борьбу, когда изъ-за каждаго куста грозитъ пуля измѣнника... Поневолѣ станешь жестокимъ, мстительнымъ...

Аргамакъ Кенисары парохнулъ въ сторону и громко фыркнулъ. Мгновенно Кенисара натянулъ поводъ и инстинктивно пригнулся къ лугу... Раздался залпъ...

Въ отрядѣ Кенисары произошло смятеніе, но батырь зычнымъ голосомъ скомандовалъ атаку, и засада была отбита. Но это только передовая была засада — впереди уже чернѣлъ вражескій отрядъ...

Грудь съ грудью ударились враги...

Лязгъ ятагановъ, ножей, свистъ дротиковъ, нагаекъ съ свинцовыми слитками, крики, стоны, зловѣщее «ур...ур...» — все это слилось со свистомъ вихря въ одинъ адскій гулъ... Джигиты схватились вплотную, ожесточенно нанося другъ другу смертельные удары, грызя зубами... Кенисара разилъ направо и налево, прочищая себѣ путь къ долину, но каменные киргизы насѣдали все сильнѣе и сильнѣе... Вотъ онъ, поражая ятаганомъ джигита-врага, отдаетъ приказаніе одному изъ своей свиты мчаться за Наурузбаемъ. Но тутъ произошло смятеніе. Раздался леденящій душу крикъ: «измѣна»... Абдуль сдержалъ слово...

Кольцомъ охваченъ отрядъ Кенисары.

Понялъ батырь, что не пробиться ему, и скользнулъ незамѣтно за уступъ. Но зоркій глазъ Нурджана давно слѣдилъ за нимъ, и въ тотъ моментъ, когда Кенисара готовъ былъ повернуть аргамака, сильный ударъ пики высадилъ его изъ сѣдла, а ударъ ятагана докончилъ дѣло...

Не видя своего батыря, отрядъ былъ охваченъ паникой, и джигиты, дравшіеся за минуту предъ этимъ, какъ львы, побѣжали трусами; но пощады имъ не было—жестоко мстили каменные киргизы за свои сожженные аулы, за своихъ варварски замученныхъ женъ, дѣтей, отцовъ...

VIII.

Долина Терекли, зеленою лентой развернувшаяся среди сѣрыхъ горныхъ кражей, полна жизни. Всюду пестрѣютъ кибитки, слышно ржаніе аргамаковъ, веселый шумъ пиршества, прорѣзываемый звучными аккордами домбры.

Посрединѣ долины поставлена богато убранная коврами и вышитыми кошмами кибитка агида. Къ тундуку ея прикрѣпленъ высокій тонкій шестъ, на свободномъ концѣ котораго торчала голова батыря Кенисары... Джигиты, гарцуя на своихъ быстроногихъ аргамакахъ, на скаку ударяли нагайками по шесту и плевали по направлению головы, при чемъ каждый разъ слышался злобный смѣхъ толпы.

Это дикокаменные киргизы мстили Кенисарѣ за свои разоренные аулы, убитыхъ сородичей. Въ теченіе мѣсяца голова Кенисары возилась по ауламъ и отдавалась на поруганіе толпы... ¹⁾

Такъ погибъ Кенисара, этотъ батырь, сильно безпокоившій русское правительство, надежда кочевниковъ, мечтавшихъ о политической свободѣ... Погибъ отъ мстительной руки своихъ же единовѣрцевъ.

Въ ущельѣ Кашгаръ виднѣлся десятокъ сбатованныхъ лошадей, скучившихся у ручья Акъ-су. Когда-то здѣсь слышался веселый говоръ джигитовъ, поклявшихся Кенисарѣ батырствомъ, раздавались веселые напѣвы пѣвца Насымбая, привѣтствовавшаго «восходящую надъ степью звѣзду свободы»... Теперь тишина... Вечерній сумракъ сгущался. Легкій бѣлесоватый туманъ спускался на дно ущелья и прозрачный дымкой уходилъ внизъ по склону...

Подъ тѣнистымъ карагачемъ видна кучка киргизовъ. На ихъ лицахъ отразилась глубокая скорбь, отъ которой фигура cadaго киргиза казалась придавленной, безпомощной и жалкой.

¹⁾ Впослѣдствіи голова Кенисары попала въ руки одного русскаго вельможи, если не ошибаюсь, Воронцова.

Это остатки сильного отряда Кенисары Касымова... Тутъ и пѣвецъ-поэтъ Насымбай, сражавшійся рядомъ съ батыремъ; на глазахъ его упалъ Кенисара, сраженный коварною рукой Нурджана.

Тишина. Слышно, какъ ручей сбѣгаетъ по каменистому руслу, гармонично журча среди зеленого высокаго ковыля, поросшаго по берегамъ...

Вдругъ тишина ущелья прорѣзывается стройнымъ аккордомъ домбры, а вслѣдъ раздалось высокое грудное «Э...э... Алла»... Полилась грустная, въ душу проникающая, надгробная пѣснь Насымбая, тутъ же имъ сложенная...

Плачь горькими слезами, степь родная!
Понижни гордой головою, высокій ковыль!
Посѣтила насъ, казаковъ, кручинушка злая,
Въ сердце когтями впила ужасная боль...

Погибъ нашъ агидъ и батырь могучій,
Рукою коварной въ засадѣ сраженный...
Погибъ Кенисара—точно боръ дремучій,
Злымъ пожаромъ нещадно спаленный...

Меркните, звѣзды небесныя!
Камни, рыдайте! Потухни, заря!
Рухните, гордыя скалы отвѣсныя!
Смокни веселая пѣсня ручья!

Нѣтъ Кенисары, посланника неба,—
Мертвый онъ... Теперь поруганье
Надъ трупомъ свершаютъ асхеды,
Кипчаки проклятые, ада посланье...

Стихни, вѣтеръ свободный!
Свои пѣсни забудьте, акыны...
Слышится плачь лишь нагробный:
Степь потеряла лучшаго сына...

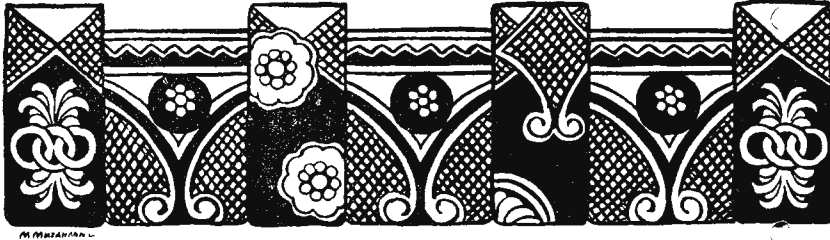
.....

Долго еще лилась пѣсня-импровизація, полная мучительныхъ аккордовъ, далеко-далеко несясь по ущелью, а тамъ, вырвавшись на свободу, аккорды льются по широкой ковыльной степи, всюду разнося скорбную вѣсть о смерти батыря Кенисары... И внимало рыдающему аккорду все окружающее... По смуглымъ лицамъ слушателей струились обильныя слезы, а порой вырывался стонъ... Казалось, что вся природа рыдала вмѣстѣ съ этой безутѣшною пѣснью...

А высокое, голубое, звѣздное небо попрежнему оставалось равнодушнымъ, безстрастно обливая своей лучистостью ущелья, играя звѣздами въ чистой водѣ журчащаго ручья...

Я. Полферовъ.

ИЗЪ ВОСПОМІНАНІЙ ПОЭТОВЪ-КРЕСТЬЯНЪ О РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ.

(Новыя данныя для біографій И. С. Тургенева, Л. А. Мея, Л. Н. Толстого и Ѳ. И. Буслаева).

СОВРЕМЕННЫЙ интересъ къ писателямъ изъ народа и ихъ литературныя завоеванія—явленіе совершенно новое. До семидесятыхъ годовъ мы почти не встрѣчаемъ такихъ писателей, а терминъ «самоучка» примѣнялся главнымъ образомъ къ механикамъ, техникамъ и всякаго рода изобрѣтателямъ. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ около

И. З. Сурикова собирается тѣсный кружокъ писателей-самородковъ, и результатомъ этого сближенія является первый товарищескій сборникъ «Разсвѣтъ». Въ девяностыхъ годахъ въ Москвѣ организуется другой кружокъ писателей изъ народа, основанный «въ память Сурикова». Душой его былъ молодой поэтъ М. Л. Леоновъ. При его содѣйствіи былъ изданъ цѣлый рядъ сборниковъ стиховъ: «Думы», «Нужды», «Грезы», «Искры» и другіе. Писатели изъ народа объединились и думали даже основать собственный органъ.

Совершенно иное дѣло—сороковые и пятидесятые годю. Даже Бѣлинскій плохо, повидимому, понималъ «званіе» народнаго поэта. Въ его время пользовался извѣстностью, между прочимъ, поэтъ рабочій на одномъ изъ Мальцовскихъ заводовъ, Калужской губерніи, Егоръ Ипатьевичъ Алипановъ. Съ этимъ Vunderbauer'омъ тогдашніе литераторы буквально носились. Ему покровительствовалъ въ свое время и издатель «Отечественныхъ Записокъ» П. Сви-

нынѣ, и графъ Н. С. Мордвиновъ, и Б. М. Ѳеодоровъ, и сама «Россійская академія». Его печатали, имъ восхищались, его захваливали. Въ 1843 году появилась «Сказка о мельникѣ колдунѣ и двухъ жидкахъ и о двухъ батракахъ», написанная Алипановымъ.

Слѣдившій за самыми даже незначительными произведеніями русской и переводной литературы, В. Г. Бѣлинскій посвятилъ нѣсколько строкъ разбору Алипановской сказки въ «Отечественныхъ Запискахъ». Вполнѣ естественно, что Бѣлинскій относился къ народному поэту нѣсколько отрицательно. Конечно, онъ и не могъ поступать иначе. Воспитанный на лучшихъ образцахъ западной и отечественной литературы, нашъ критикъ не могъ простить народному поэту шероховатостей его стиха и манерности разсказа.

«Имя г. Алипанова,—пишетъ онъ,—всегда приводитъ намъ на мысль другое, не менѣ прославленное имя Б. М. Ѳеодорова, которому сочинитель «Мельника-колдуна» одолженъ открытіемъ и развитіемъ своего поэтическаго генія. Это было давно, въ тѣ времена, когда въ «Дамскомъ Журналѣ» печатались нѣжныя посланія «къ ней», «къ розѣ», къ лимонамъ, апельсинамъ и дынямъ. Въ тѣ достолюбезныя времена господствовала страсть повсюду открывать и приглубливать доморощенные русскіе таланты: русскихъ самоучекъ-астрономовъ и механиковъ, русскихъ музыкантовъ и пуще всего — поэтовъ. Посмотрите, посмотрите, — кричали тогда, — вотъ десятилѣтній мальчикъ, сынъ дьячка, грамотѣ не знаетъ, а самоучкой дѣлаетъ часы и въ механикѣ заткнетъ за поясъ любого германскаго профессора! Вотъ стихи, сочиненные пахотнымъ крестьяниномъ, будущимъ Ломоносовымъ, будущимъ Бѣрнсомъ.

«И всѣ радовались и умилялись—умилялись тому и мы, тогда еще малыя неразумныя дѣти. Но особенно умилялся этимъ отраднымъ явленіемъ Б. М. Ѳеодоровъ, со славой Горація любившій соединять славу мецената. Тогда онъ еще самъ печаталъ нѣжныя стишки, большею частью, воспѣвая цвѣты: розу, жасминъ, нарцисъ и даже резеду... Въ это время въ русскихъ весяхъ отдаленныхъ возникли Слѣпушкинъ, Сухановъ, Алипановъ—три самобытные таланта поэтическіе, будто цвѣты, одиноко благоухающіе. Всѣхъ ихъ отыскалъ, прозрѣлъ г. Ѳеодоровъ, къ поэтической славѣ Россіи ревнующій».

Впрочемъ трудно было бы и ожидать отъ эстета Бѣлинскаго иного приговора надъ наивными писаніями нашихъ доморощенныхъ Бѣрнсовъ. Исключеніе было сдѣлано только для Кольцова, и въ этомъ отношеніи нашъ критикъ остался вѣренъ своимъ общимъ взглядамъ на задачи поэзіи. Потребовалось нѣсколько десятилѣтій, чтобы вмѣстѣ съ проявленіемъ интереса къ крестьянскому быту вообще, вмѣстѣ съ появленіемъ беллетристовъ-народниковъ и цѣлой школы художниковъ-передвижниковъ, у насъ въ обществѣ и печати стали прислушиваться къ голосамъ, идущимъ изъ

народа, къ мыслямъ прозаиковъ и поэтовъ, выдвинутыхъ самой народной средой.

Мы уже имѣли случай не разъ говорить о той великой роли, которую играли большіе писатели въ литературной судьбѣ своихъ младшихъ собратьевъ по перу, писателей-самоучекъ¹⁾. Въ нашемъ распоряженіи имѣется еще нѣсколько воспоминаній, присланныхъ намъ самими самоучками или ихъ друзьями и до сихъ поръ не напечатанныхъ.

Къ числу совершенно забытыхъ поэтовъ принадлежитъ, между прочимъ, Яковъ Старостинъ, по происхожденію крестьянинъ Владимирской губерніи. Онъ родился, повидимому, въ самомъ концѣ сороковыхъ годовъ, въ 1870 году окончилъ университетъ и умеръ рано, молодымъ человѣкомъ. По словамъ біографовъ, Старостинъ отлично зналъ народную жизнь, благодаря тому, что отецъ его, будучи офеней, бралъ сына съ собой во время своихъ торговыхъ странствованій по селамъ и деревнямъ. Этими знаніями онъ воспользовался для сюжетовъ своихъ стихотвореній. Старостинъ умеръ отъ чахотки въ 1879 году въ Уфѣ. Хотя точная дата его смерти намъ неизвѣстна, но заключать о ней можемъ по тому, что въ № 3 «Живописнаго Обзорѣнія», вышедшемъ 20-го января, было напечатано стихотвореніе Старостина «Подражаніе Гейне»: «Опять вокругъ меня роскошныя видѣнья», а въ № 18 того же журнала, отъ 5-го мая, и № 19 помѣщены три посмертныхъ стихотворенія его: «Любка Безшабашная» (разсказъ судебного слѣдователя), «Изъ Гейне» и «Болѣзнь». Въ началѣ осени 1879 года въ № 33 того же журнала появилось задушевное стихотвореніе А. В. Круглова «Памяти Я. Старостина». Поэтъ писалъ:

Ты не былъ гениемъ, твой стихъ
 Не прозвучалъ у насъ набатомъ,
 Но въ пѣсняхъ искреннихъ своихъ
 Скорбѣлъ ты сердцемъ за больныхъ,
 Страдалъ съ терпящимъ муку братомъ.
 Тебя не зналъ я, но любилъ
 Твой стихъ унылый. Ты мнѣ былъ
 Бевѣстнымъ, но ближайшимъ другомъ,
 Съ которымъ я, ночнымъ досугомъ,
 Бесѣду велъ и понималъ,
 Что тотъ, чей стихъ тоской звучалъ,—
 Тоскою, фальшью не грѣшущей,—
 Былъ самъ душой—больной, скорбящій.

Только черезъ пять лѣтъ, въ «Вѣстникѣ Европы» за январь 1884 года было помѣщено нѣсколько посмертныхъ стихотвореній Старостина и краткая біографическая замѣтка. Въ ней указыва-

¹⁾ «Русская Мысль», 1902 г., июль и ноябрь.

лось, что нашъ поэтъ «родился въ семьѣ крѣпостного крестьянина Ковровскаго уѣзда. Мать поэта, по смерти мужа, переселилась въ Псковъ, гдѣ освобожденіе отъ крѣпостной зависимости застало мальчика на скамьѣ гимназіи. Въ 1870 году онъ окончилъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ и поступилъ въ адвокатуру. Вскорѣ его перевели судебнымъ слѣдователемъ въ Уфимскую губернію, гдѣ и обнаружилась въ немъ тяжкая болѣзнь — послѣдствіе той бѣдности и нужды, которую онъ испытывалъ въ эпоху своей юности, и которая свела его въ могилу». Писалъ Старостинъ мало; нѣкоторыя стихотворенія были напечатаны еще при жизни поэта въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Въ указанной книжкѣ «Вѣстника Европы» помѣщено шесть стихотвореній: «Мое назначеніе», «Родной языкъ», «Смѣхъ», «Ужъ полночь»..., «Опять вокругъ меня роскошныя видѣнья» и «Пѣсни». Первое изъ нихъ имѣетъ автобіографическое значеніе. Старостинъ говоритъ:

Мой жребій—жребій вольной птицы,
Всегда порхающей, живой...
Родился я въ крестьянскомъ домѣ,
Богъ указалъ мнѣ скромный путь.

Далѣе Старостинъ высказываетъ свой взглядъ на назначеніе поэта:

Но къ брату, падшему глубоко,
Не будь безжалостнымъ судьей!

Какъ не трудно замѣтить и по остальнымъ произведеніямъ Старостина, приведенныя слова были девизомъ и для него самого. У насъ есть данныя, что стихотвореніе это относится ко второй половинѣ 1860-хъ годовъ, когда поэтъ былъ въ гимназіи. Оно было въ числѣ показанныхъ Тургеневу. Можно также думать, что подъ вліяніемъ словъ Тургенева о значеніи русскаго языка Старостинымъ написано стихотвореніе, начинающееся словами: «Родной языкъ, родные звукъ». Далѣе авторъ говоритъ:

Онъ прозвучалъ мнѣ въ первой ласкѣ,
Мой первый лепетъ былъ на немъ,
Меня онъ тѣшилъ въ старой сказкѣ
Старушки-няни вечеркомъ.

Далѣе Старостинъ скорбитъ по поводу того, что долго жилъ онъ въ странѣ чужой, вдали отъ родного края, что чужая рѣчь терзала его сердце и слухъ. Нетерпѣливо ожидалъ онъ тѣхъ желанныхъ встрѣчъ, когда снова услышитъ родную рѣчь, въ которой каждый звукъ проникнуть лаской. Стихотвореніе оканчивается слѣдующей строфой:

Родной языкъ! Въ душѣ унылой,
 Въ душѣ измученной моей
 Ты воскресилъ волшебной силой
 Воспоминая прежнихъ дней.
 Отецъ съ привѣтливой улыбкой,
 Мать съ грустной думою въ очахъ,
 И нашъ языкъ, богатый, гибкій,
 Я слышу снова въ ихъ рѣчахъ.

При какихъ обстоятельствахъ и гдѣ авторъ, никогда не покидавшій Россіи, могъ такъ сильно скорбѣть по родномъ языкѣ? Вотъ почему можно думать, что это стихотвореніе или навѣяно словами самого Тургенева о значеніи русскаго языка, хотя извѣстныя стихотворенія въ прозѣ на эту же тему появились въ печати только въ 1883 году. Во всякомъ случаѣ этотъ гимнъ Старостина въ честь русскаго языка относится къ юношескимъ годамъ. Повидимому, авторъ не рѣшался печатать его при жизни, а появилось оно только послѣ его смерти. Не забудемъ при этомъ, что и «Пѣсня», о которой шла рѣчь въ бесѣдѣ съ Тургеневымъ, тоже была написана во время ученія Старостина въ гимназіи и напечатана была позднѣе, въ 1877—1879 годахъ, въ значительно отработанномъ видѣ, вмѣстѣ съ стихотвореніемъ «Ужъ полночь...», посвященнымъ псковскимъ воспоминаніямъ. Впрочемъ, за нѣкоторыя даты мы не ручаемся, такъ какъ о покойныхъ писателяхъ изъ народа вообще сохранилось такъ мало достовѣрныхъ свѣдѣній, что иногда этому недочету приходится только удивляться. Мы не можемъ также датировать болѣе опредѣленно бесѣду молодого Старостина съ Тургеневымъ, такъ какъ пока не извѣстна канва подробной біографіи Тургенева, т.-е. пока не выяснено точно, въ какіе именно годы, приблизительно въ серединѣ 70-хъ годовъ, Иванъ Сергѣевичъ пріѣзжалъ въ Россію.

О разговорѣ Старостина съ Тургеневымъ мы знаемъ не изъ воспоминаній самого поэта, а изъ записки одного изъ друзей его, А. С. Лебедева, жившаго въ Уфѣ въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ и не разъ слышавшаго о подробностяхъ этой знаменательной въ литературной судьбѣ Старостина бесѣдѣ. Ни точной, ни приблизительной даты Лебедевъ, къ сожалѣнію, не сообщаетъ.

Возможно, между прочимъ, что о Лебедевѣ идетъ рѣчь въ указанномъ выше стихотвореніи «Памяти Старостина» А. В. Круглова. Обращаясь къ покойному поэту, Кругловъ говоритъ, что, когда ему «пришлось на чужой сторонѣ съ твоими встрѣтиться друзьями, они мнѣ многое открыли, и ихъ рассказы подтвердили, что я умѣлъ тебя понять и муку сердца разгадать».

«Повидаться съ Тургеневымъ. Яшѣ удалось сейчасъ же по окончаніи имъ псковской гимназіи, когда Тургеневъ ѣхалъ изъ Тир-

гартенталя въ свое орловское помѣстье. Когда скромный безусый юноша очутился предъ писателемъ, котораго читала вся Россія, онъ до того смутился, что вначалѣ хотѣлъ даже бѣжать безъ оглядки или же выставить совсѣмъ иной предлогъ для объясненія своего визита. Ему сдѣлалось жутко, что вотъ такой извѣстный писатель станетъ критиковать его стихи,—и Яша машинально придерживалъ рукой боковой карманъ своего мундирчика, гдѣ лежала тетрадка съ десяткомъ стихотвореній. Онъ совсѣмъ не помнитъ, въ чемъ состояли первые вопросы Тургенева къ нему, какъ онъ огвѣчалъ на нихъ.

«Но присущая Ивану Сергѣевичу деликатность сдѣлала свое дѣло, и черезъ какія нибудь двѣ-три минуты тетрадка была уже въ рукахъ Тургенева. Дѣло было въ номерѣ какой-то гостиницы, по всей вѣроятности, въ Псковѣ. Этого я не припомню. Тургеневъ усадилъ юнаго поэта въ кресло, перелисталъ тетрадь и остановился на стихотвореніи «Пѣсня», написанномъ, по словамъ самого Старостина, «подъ впечатлѣніемъ и въ подражаніе народнымъ пѣснямъ, а отчасти—Кольцову». Самаго стихотворенія А. С. Лебедевъ не приводитъ. Но выше мы высказали предположеніе, что, по всей вѣроятности, Старостинъ показывалъ Тургеневу ту «Пѣсню», которая была напечатана черезъ шесть лѣтъ послѣ смерти поэта. Надо думать также, что показанная Тургеневу «Пѣсня» скорѣе всего не была такъ тщательно отдѣлана, какъ въ напечатанномъ видѣ.

Хорошо ль порой
Жить мнѣ, худо ли,
Не теряю я
Смѣлой удали.
Надъ лихой бѣдой,
Вражьей злобою,
Надъ невзгодою
Силу пробую.
И все мѣрю я
Русской мѣркою:
Не замай меня—
Исcoverкаю!
Пусть сама судьба
Только тронется,—
Я не буду съ ней
Церемониться.
Съ ней помѣрюсь я
Юной силою:
Коли сможется—
Не помилюю,
А не сможется,
Не захныкаю,
И я буду жить
Горемыкою.

«И улягуся въ могилушку,—заканчиваетъ поэтъ,—но ужь дамъ же знать эту силушку!»

Опять повторяемъ, что трудно ручаться за близость этой редакціи къ первоначальной. Но то, что самъ авторъ не рѣшался печатать «Пѣсню», и появилась она только послѣ его смерти, показываетъ, что написана была она во всякомъ случаѣ еще въ раніе годы. Переходимъ къ разсказу Старостина о Тургеневѣ.

«Читаль Тургеневъ мастерски. Онъ не декламировалъ, а пѣлъ, и въ его чтеніи эта музыка была такъ ритмична и красива, что самъ авторъ не узнавалъ своего собственнаго стихотворенія. Это его ободрило. Онъ присмотрѣлся къ симпатичному лицу Тургенева, и прежній страхъ совсѣмъ пропалъ.

— «Прежде всего я спрошу васъ,—началь Тургеневъ, отрываясь отъ тетрадки,—почему вы взяли сюжетъ и размѣръ у Кольцова, а не изъ другого поэта?»

— «Кольцовъ мнѣ кажется болѣе близкимъ, чѣмъ остальные. Я чувствую въ немъ что-то родное для себя...

— «Развѣ вы тоже мѣщанинъ по происхожденію?»

— «Нѣтъ, я крестьянинъ.

— «Это интересно. Какимъ же это образомъ вамъ удалось поступить въ гимназію и успѣшно кончить ее?»

— «Отъ платы за ученье меня освободили. Мы съ матушкой жили первое время на крохи, оставшіяся послѣ отца, а затѣмъ съ третьяго класса я давалъ уроки; матушка брала шитье отъ чужихъ людей. Этимъ мы и кормились.

— «Вы думаете продолжать образованіе?»

— «Да, я рѣшилъ уже поступить въ С.-Петербургскій университетъ; на филологическій или юридическій, — еще не знаю. Я боюсь только, что не справлюсь со средствами. Вѣдь въ большомъ городѣ трудно жить.

— «Этого не скажите. Если вы останетесь въ глуши, то своими стихами, навѣрное, ничего ужь не заработаете, только въ альбомы барышнямъ будете ихъ вписывать; а въ Петербургѣ, гдѣ много редакцій, что нибудь да помѣстите въ журналахъ, и кое-какъ проживете. Я не говорю, что это васъ обезпечитъ. Нѣтъ! Но, кромѣ того, студентовъ часто приглашаютъ въ тѣ же редакціи для болѣе черной работы. Вы ею не брезгайте. Все же это лучше, чѣмъ уроки, за которые платятъ мало, чрезвычайно мало. Во всякомъ случаѣ, васъ это не должно пугать.

— «Конечно, я очень мало надѣюсь на то, что мои литературные опыты дадутъ мнѣ средства къ существованію. Но развѣ у насъ нѣтъ писателей, которые зарабатываютъ очень много?»

— «Есть, но это все исключенія. Я знаю случаи, когда существованіе литературнымъ трудомъ вело за собой какое-то отвращеніе къ самой литературѣ. У Вальтеръ-Скотта есть очень хорошія

слова на эту мысль. Онъ прямо говорить, что средства къ жизни можно и нужно зарабатывать торговлей, службой, ремесломъ, но не литературой; литературный трудъ никогда не будетъ для него главной статьей его доходовъ. Онъ выразился очень остроумно, что если литература и будетъ для него жезломъ, то ни въ коемъ случаѣ не костьюлемъ.

«Юноша нѣсколько ободренъ. Онъ считаетъ теперь удобнымъ моментомъ для того, чтобы перейти на разговоръ о своихъ стихахъ и поэзіи вообще.

— «Во всякомъ случаѣ будетъ ли для меня хотя бы подспорьемъ гонораръ за мои стихи? Напримѣръ, помѣстятъ ли хотя бы то, что вы читали у меня?»—спрашиваетъ Старостинъ.

— «Боюсь что нибудь сказать вамъ на это. У каждаго человѣка свой вкусъ, а у многихъ редакторовъ онъ и своеобразенъ. Одинъ приметъ, другой найдетъ мало интереснымъ. Во всякомъ случаѣ, это не должно удерживать васъ отъ поступленія въ университетъ.

— «Развѣ нельзя писать хорошіе стихи и человѣку безъ всякаго образованія?

— «Конечно, можно. Но стихи и останутся стихами. Не всякій стихотворецъ-поэтъ, и далеко не всякій поэтъ-писатель. Чтобы быть писателемъ, мало таланта: необходимо университетское образованіе.

— «Ну, а Кольцовъ, Никитинъ?..

— «Ихъ двое и есть, и оба они останутся только поэтами. Вотъ и вы можете писать: дарованіе у васъ несомнѣнное, стихъ гладкій, но вы не должны забывать, что всѣ юноши пишутъ стихи. Это дѣло чуть не физиологіи. Пришла пора любви, зрѣлости—они пишутъ стихи. Поуспокоятся—бросаютъ, хотя и плохо дѣлаютъ. Поэзія облагораживаетъ человѣка, возвышаетъ его, а для юноши она служитъ какимъ-то очищеніемъ отъ всего грязнаго, пошлаго. Если вы не будете поэтомъ по призванію, какъ Алексѣй Толстой, Майковъ, Полонскій, то продолжайте любить поэзію. Само по себѣ стремленіе къ прекрасному уже хорошо. Вы не рисуете?

— «Нѣтъ! Въ гимназіи немного рисовалъ.

— «Конечно, этого мало. Вѣдь надо украшать чѣмъ нибудь жизнь. Я вижу, что вы къ чему-то стремитесь. Похвально и прекрасно. Относительно стиховъ—вотъ мой совѣтъ. Не сосредоточивайтесь исключительно на подражаніи Кольцову. Вѣдь теперь, живя въ городѣ, а при томъ еще въ такомъ прозаическомъ и скверномъ, какъ Петербургъ, вы будете вдохновляться не самой деревенской природой и жизнью, отъ которой вы оторваны съ тѣхъ поръ, какъ сѣли на гимназическую скамью, а стихотвореніями другихъ поэтовъ, на которыхъ природа эта вліяетъ непосредственно. Изъ петербургской квартиры природа вамъ будетъ казаться или слишкомъ очаровательной, слишкомъ прекрасной, и вы будете воспѣвать не ее

самое, а только рагш ея,—и это будетъ въ томъ случаѣ, если вы будете находиться подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій жизни въ большомъ и шумномъ городѣ. Но можетъ случиться и обратное. Вамъ будетъ казаться вся эта сельская природа чѣмъ-то слишкомъ спокойнымъ и безучастнымъ къ вамъ самимъ и другимъ людямъ, которые среди нея проводятъ всю жизнь и не видятъ ея красотъ. Тогда и вы не будете цѣнить прелести природы. Когда чего нибудь изобиліе—цѣна ему теряется. Помните рассказъ о мальчикѣ и красивыхъ раковинахъ?

— «Нѣтъ, не помню. Этого я не читалъ.

— «Ну, такъ вотъ. Больному мальчику отецъ принесъ прелестную раковину. Ребенокъ былъ очень радъ и любилъ ее. Когда же увидалъ на берегу моря миллионы такихъ же раковинъ, то всѣ онѣ показались ему жалкими и ничтожными. Точно такъ же относится къ красотамъ природы большинство поселянъ. У нихъ обиліе природы—поэтому и не цѣнятъ ея. Вамъ нужно взяться за другіе мотивы. Если вы, сами вышедшій изъ народа, будете живо писать мотивы, вамъ близкіе, на примѣръ, быть крестьянъ, нужды деревни и т. д., то на васъ навѣрное обратятъ вниманіе. Пишите приблизительно такъ, какъ Некрасовъ.

— «Хорошо, я приму ваши совѣты.

— «Боже упаси!—какъ бы спохватился Тургеневъ:—я ничего не совѣтую вамъ, кромѣ университета. Я только указываю болѣе благодарное поле. Пожалуйста, не считайте мои слова совѣтами.

— «А форму моихъ стиховъ вы какъ находите?

— «Объ этомъ особенно не безпокойтесь. Все это выработается со временемъ. Иностранные языки вы знаете?

— «Очень плохо.

— «Это жаль. Подучитесь получше и читайте новѣйшихъ французскихъ поэтовъ. Они большіе мастера по части внѣшности. Просто гимнасты со стихами и приемами, эквилибристы на словахъ и фразахъ.

«На этомъ разговоръ Тургенева со Старостинымъ и кончился, и съ тѣхъ поръ они ни разу не встрѣчались. На прощанье Тургеневъ подарилъ юному поэту свой портретъ, который Старостинъ показывалъ своимъ друзьямъ, какъ драгоценное сокровище. Дружескій совѣтъ популярнаго писателя молодой человѣкъ исполнилъ».

Какъ мы знаемъ, онъ окончилъ университетъ и никогда не бросалъ писать стиховъ, и писалъ, повидимому, въ такомъ именно духѣ, въ какомъ предложилъ ему Тургеневъ. Мы знаемъ также, что большинство писателей отрицательно смотрѣли на городъ и городскую цивилизацію, и когда молодые люди, стремившіеся къ самообразованію, хотѣли покидать свои села, то писатели старались удержать ихъ отъ этого рѣшенія. Это самое говорилъ Л. Н. Толстой Ивину, Ляпунову, Позднякову и многимъ другимъ; такой же

взглядъ онъ высказалъ и печатно. Я. П. Полонскій описывалъ молодому крестьянину Заборскому столичную жизнь въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Наконецъ А. Левитовъ, хотя и туманно и нѣсколько не послѣдовательно, но во всякомъ случаѣ вѣрно опредѣлилъ въ письмѣ къ И. Сурикову, какъ портится въ большомъ городѣ мужикъ. Эта мысль основной нитью проходитъ во всѣхъ почти воспоминаніяхъ самоучекъ о большихъ писателяхъ. Если же Тургеневъ такъ настойчиво совѣтовалъ Старостину ѣхать въ столицу и успокаивалъ его насчетъ условій трудового счастья, то не забудемъ, что прежде всего онъ говорилъ объ университетскомъ образованіи, и эта именно подробность чрезвычайно характерна для такого въ полномъ смыслѣ слова образованнаго европейца, какимъ былъ Тургеневъ.

Въ обширныхъ воспоминаніяхъ о литературныхъ встрѣчахъ рязанскаго крестьянина-поэта Ивана Егоровича Тарусина († 22 іюля 1885 года) находимъ нѣсколько страницъ съ описаніемъ его знакомства съ Л. А. Меемъ.

«Въ Петербургѣ я попалъ почти за годъ до освобожденія, — пишетъ Тарусинъ. — И городъ и люди мнѣ очень тогда понравились. Въ то время еще не остыло всеобщее возбужденіе, и ожиданіе большихъ преобразованій настраивало всѣхъ моихъ знакомыхъ на необыкновенно радостный ладъ. При отъѣздѣ изъ Москвы я получилъ рекомендательное письмо къ Моею отъ Плещеева, который меня убѣждалъ, что Мей приметъ меня, какъ нельзя лучше, и будетъ полезенъ въ моихъ литературныхъ начинаніяхъ.

«Въ первый же свободный день я отправился къ нему вмѣстѣ съ своимъ своимъ Алексѣемъ Ивановымъ. Съ послѣднимъ мы служили въ равныхъ трактирахъ, но оба на Петербургской сторонѣ. Такъ и случилось. Принять я былъ очень хорошо, и при первомъ же свиданіи Левъ Александровичъ просилъ меня заходить къ нему, когда мнѣ угодно, какъ только освобожусь отъ своего кабацкаго дѣла, т.-е. вечеромъ. Но иной разъ мнѣ не удавалось говорить съ этимъ хорошимъ и несчастнымъ человѣкомъ. Причина тому—запой... По этой же причинѣ и я не всегда рѣшался ходить къ нему, потому что какъ разъ въ то время и я начиналъ пить вино больше прежняго. Другъ дружку мы жалѣли, но сдѣлать ничего не могли, несмотря на убѣжденія Софьи Григорьевны.

«О моихъ стихахъ Мей былъ довольно хорошаго мнѣнія, хотя и немало бранился и даже сердился. Не разъ, напримѣръ, онъ примется за исправленіе ихъ, да такъ много переименовать въ нихъ, что отъ прежняго ничего, почитай, и не останется. Я замѣтилъ ему, что это дѣло не годится.

— «Что жъ подѣлаешь съ вами, голубчикъ, когда вы не русскимъ языкомъ пишете? Удивляюсь только, какъ это вы, сами природный крестьянинъ, да еще изъ Зарайскаго уѣзда, гдѣ такъ красиво говорятъ,—и не знаете русскаго языка!

«Вечерами онъ сидѣлъ дома и переводилъ стихи съ чешскаго и польскаго языка. Ему помогалъ какой-то профессоръ. Хотѣлъ онъ издать цѣлую книжку, да все не удавалось ему заняться, какъ слѣдуетъ, потому что много времени у него выходило на помощь женѣ своей по части исправленія статей для журнала. Много разспрашивалъ меня Мей о простонародныхъ примѣтахъ и суевѣрiяхъ. Имъ онъ очень интересовался, и съ книгой господина Аванасьева «Поэтический взглядъ славянъ на природу» никогда не разставался. Кое-что онъ записалъ изъ моихъ рассказовъ и общалъ даже напечатать. Просилъ меня говорить ему народныя пѣсни, постоянно жалѣлъ, что мало у насъ издають, и велѣлъ мнѣ непременно записывать ихъ въ нашей деревнѣ, когда прiѣду на родину. Онъ очень цѣнилъ свою «Запѣвку» и часто декламировалъ:

«Ой, пора тебѣ на волю, пѣсня русская,
Благовѣстная, широкая, раздольная,
Подгородная, поселная, попольная,
Непогодю, невзгодю повитаю,
Во крови, въ слезахъ крещеная—омытая..»

«Каждый разъ почти спрашивалъ меня о Плещеевѣ.

— «Не правда ли, что за прекрасный человекъ нашъ Алексѣй Николаевичъ? — заключалъ Мей нашъ разговоръ о немъ.

— «Вотъ кого можно полюбить! А уважать хотя бы за эти строки:

«Смѣлѣй! Дадимъ другъ другу руки
И вмѣстѣ двинемся впередъ....»

«Только смерть Мея прекратила нашу дружбу, и я очень жалѣю, что не могъ быть на его скромныхъ похоронахъ».

Очень интересную бесѣду съ Л. Н. Толстымъ передаетъ въ своихъ воспоминанiяхъ Матвѣй Ивановичъ Ожеговъ, вятскiй крестьянинъ, авторъ такихъ популярныхъ въ народѣ пѣсенъ, какъ «За чѣмъ ты, безумная, губишь», и составитель цѣлаго ряда пѣсенникововъ лубочнаго изданiя, гдѣ среди специфически-фабричныхъ произведенiй находимъ стихи Дельвига, Цыганова, Мерзлякова, Кольцова, К. Р., самого составителя и наиболѣе выдающихся писателей изъ народа. Въ своей автобиографiи Ожеговъ передаетъ свои воспоминанiя о двухъ посѣщенiяхъ Толстого и бесѣдахъ о поэзи и стихахъ. Приведемъ отрывки изъ этихъ воспоминанiй.

«Весной 1892 года, когда я жилъ въ Москвѣ, мой знакомый писатель-самоучка Ивинъ, уже бывший у графа, предложилъ представить меня Льву Николаевичу. Мы ждали только, когда графъ пріѣдетъ изъ Ясной Поляны. Наконецъ, мы узнали изъ газетъ, что онъ пріѣхалъ. Рѣшивъ не откладывать благоприятнаго случая, мы вечеромъ отправились къ нему.

«Левъ Николаевичъ собиралъ тогда пожертвованія для неурожайныхъ мѣстностей, гдѣ онъ открывалъ столовые для голодающихъ. Говорили, что въ Москвѣ онъ пробудетъ недѣлю и уѣдетъ въ Рязанскую губернію. Итакъ, мы пошли въ Долго-Хамовнической переулокъ. Въ восьмомъ часу мы позвонили у подъѣзда и были встрѣчены лакеемъ въ черной парѣ при бѣлой крахмальной сорочкѣ.

— «Дома Левъ Николаевичъ? — спросилъ Ивинъ.

— «Дома, только очень занятъ и притомъ скоро куда-то уѣзжаетъ.

— «Очень жаль; мы далеко шли-то сюда, хотѣлось бы хоть на минутку повидѣть.

— «Какъ о васъ сказать?

— «Скажи, что Ивинъ, авторъ народныхъ книжекъ, а съ нимъ другой писатель изъ крестьянъ.

«Ждать намъ не пришлось. Какъ только Ивинъ услышалъ шаги, онъ сейчасъ же меня предупредилъ:

— «Самъ идетъ, значитъ, увидимъ!

«Я переминался съ ноги на ногу и вертѣлъ въ рукахъ свою книжку «Пѣсни и стихотворенія», которую принесъ въ подарокъ Толстому. Наконецъ дверь открылась, и къ намъ вышелъ кроткій, благодущный старецъ съ большой сѣдой бородой, одѣтый въ фабричную блузу сѣраго цвѣта и подпоясанный широкимъ ремнемъ. Подошелъ онъ къ намъ тихо и столь же тихо заговорилъ, такъ что мы сразу почувствовали себя свободно, какъ будто мы у себя дома, въ деревнѣ, и бесѣдуемъ съ почтеннымъ сосѣдомъ.

— «Здравствуйте, друзья мои,—сказалъ Левъ Николаевичъ, подавая руку моему товарищу.—А это кто будетъ съ вами? Я, кажется, въ первый разъ вижу ихъ?

— «Это изъ Вятской губерніи мужичокъ, поэтъ-самоучка,—сказалъ Ивинъ. — Онъ вотъ особенно хотѣлъ повидать васъ. Судя по нашимъ разговорамъ, онъ раздѣляетъ ваши взгляды на жизнь, и хочется ему еще послушать ваши сужденія о многомъ: въ его краяхъ много сектантовъ и раскольниковъ.

— «Да, вѣдь, господа, разговоръ о подвигахъ жизни коротокъ: прочитайте только нагорную проповѣдь—и все поймете.

— «Мы читали уже, графъ, и вотъ онъ,—сказалъ Ивинъ, указывая на меня,—понимаетъ ее такъ же, какъ и вы. Мы долго спорили и рѣшили наконецъ съ вами лично побесѣдовать.

— «Хорошо,—сказалъ Левъ Николаевичъ,—съ ними-то мнѣ бы, дѣйствительно, не мѣшало побесѣдовать; я о нихъ кое-что слышалъ уже, кажется, отъ книгоноши Игнатъевича. Пойдемте-ка ко мнѣ въ кабинетъ; только я васъ, друзья мои, скоро долженъ оставить: какъ разъ, сегодня въ Маломъ театрѣ играютъ «Плоды просвѣщенія», а я еще ни разу не видалъ этой пьесы на сценѣ. Хочу тихонько пробраться въ театръ, чтобы меня никто не замѣтилъ, и буду смотрѣть изъ ложи моихъ знакомыхъ.

— «Въ такомъ случаѣ,—сказалъ я,—намъ ужъ лучше бы сегодня не беспокоить васъ. Придемъ какънибудь въ другой разъ.

— «Нѣтъ, нѣтъ, останьтесь, я васъ познакомлю сейчасъ съ хорошими моими друзьями. Раздѣвайтесь-ка!

«Мы раздѣлись, и я тутъ же передалъ графу книжечку своихъ стиховъ. Затѣмъ мы пошли за хозяиномъ вверхъ по лѣстницѣ, устланной ковромъ, во второй этажъ; тамъ прошли большую, просто убранную залу; далѣе, пройдя узкій коридоръ, опять спустились внизъ по маленькой лѣсенкѣ и повернули направо, въ небольшую комнату-кабинетъ графа. Налѣво отъ двери стоялъ большой столъ съ чернильницей, бумагой и нѣсколькими книгами, направо—другой столъ съ лампой. Около него на диванѣ сидѣли два господина, съ которыми Левъ Николаевичъ насъ сейчасъ же познакомилъ. Одинъ изъ нихъ скоро ушелъ, а другой, молодой человекъ, съ небольшою черной бородой, въ очкахъ, оказался помѣщикомъ Д—евымъ, хорошимъ знакомымъ графа. Онъ служилъ въ Москвѣ въ какой-то банкирской конторѣ на Ильинкѣ и помогалъ графу въ отчетахъ по дѣламъ благотворительности.

«Левъ Николаевичъ сталъ собираться въ театръ. Обычные свои самодѣльные ботинки онъ сбросилъ тутъ же при насъ въ дверяхъ кабинета, держась за косякъ, такъ что они разлетѣлись въ разныя стороны: одинъ остался въ кабинетѣ, а другой отлетѣлъ въ коридоръ. Въ сосѣдней комнатѣ, какъ мы узнали, графъ сапожничаетъ и плотничаетъ; тамъ онъ обулся въ сапоги, тоже самодѣльные.

«Переодѣваясь Левъ Николаевичъ успѣлъ разспросить меня: изъ какой я губерніи, давно ли живу въ Москвѣ, какіе у насъ были крестьяне до освобожденія—государственные или господскіе. Уѣзжая, онъ просилъ насъ подождать его до одиннадцати часовъ.

«Мы ушли въ одиннадцатомъ часу, не дождавшись Льва Николаевича.

«Второй разъ я былъ у Толстого въ концѣ того же года, — рассказываетъ далѣе Ожеговъ. — 15-го декабря пришелъ ко мнѣ знакомый книгоноша Иванъ Игнатъевичъ Старининъ, онъ же и Стариненко или просто Игнатъевичъ, который уже много разъ бывалъ у Льва Николаевича. И вотъ въ шестомъ часу вечера мы отправились.

«Отворившій намъ слуга сказалъ, что графъ дома.

— «Доложите, что пришелъ книгоноша Старининъ и съ нимъ еще одинъ вятскій мужичокъ.

«Слуга ушелъ, и мы стали раздѣваться.

«Лакей-то другой,—сказалъ мнѣ товарищъ,—меня не знаетъ, а тотъ меня зналъ и не докладывалъ. Если Левъ Николаевичъ дома, то я прямо безъ доклада къ нему проходилъ.

«Насъ попросили наверхъ. У графа сидѣлъ его пріятель-помѣщикъ, одѣтый по-мужицки. Товарищъ рассказалъ мнѣ послѣ, что этотъ господинъ самъ свою землю пашетъ, а лишнюю отдаетъ крестьянамъ. Онъ что-то рассказывалъ, а графъ сидѣлъ на ди ванѣ и внимательно слушалъ. Мы поздоровались. Помѣщикъ скоро кончилъ свой рассказъ, а графъ проговорилъ: «Да, да, это очень интересно». Затѣмъ онъ обратилъ вниманіе на мои валеные сапоги и сказалъ:

— «У васъ, должно быть, сапоги-то не здѣшніе: ужъ очень парадные?

«Они у меня, въ самомъ дѣлѣ, были бѣлые съ красными и черными пятнышками.

— «Да,—сказалъ я,—это—вятскіе.

— «А вы сами-то развѣ оттуда?

— «Изъ Вятской губерніи.

«Мой товарищъ, Игнатъевичъ, объяснилъ графу, что я уже однажды былъ здѣсь съ Ивинымъ, а я прибавилъ, что ему тогда некогда было съ нами бесѣдовать, такъ какъ онъ уѣзжалъ въ театръ.

— «А, это съ тѣмъ грамотеемъ, который постоянно спорить? Такъ, такъ, припоминаю теперь,—сказалъ Левъ Николаевичъ и затѣмъ добавилъ:—у меня вотъ такіе точно сапоги есть; мнѣ ихъ подарилъ одинъ мой знакомый; въ нихъ очень удобно въ морозную пору.

— «Очень удобно,—подтвердилъ я,— у насъ зимой въ такихъ сапогахъ ходятъ не только мужчины, но и женщины.

— «Ну, какъ вы, Игнатъевичъ, поживаете?

— «Да ничего, слава Богу, живу, какъ Богъ велитъ. Все съ книгами хожу.

— «Гдѣ бываете теперь, въ какихъ краяхъ?

«Книгоноша сталъ рассказывать и передалъ Толстому нѣсколько писемъ. Левъ Николаевичъ просмотрѣлъ нѣкоторыя изъ нихъ.

— «Ну, это я послѣ разберу, а теперь поговоримъ о чемъ нибудь съ вами. Мнѣ интересно, зачѣмъ это они пожаловали сюда въ Москву,—сказалъ графъ, указывая на меня:—изъ Вятки, вѣдь, очень далеко. Какая же цѣль? Развѣ тамъ худо живется? Да, вѣдь, впрочемъ и тамъ тоже голодъ. Холера, вѣроятно, тоже была?

— «То и другое было,—сказалъ я,—но я не потому здѣсь: я давно уже въ Москвѣ, лѣтъ пять проживаю. Приѣхалъ сюда, потому что поучиться захотѣлось.

— «Да чему же здѣсь учиться-то?—съ удивленіемъ спросилъ Левъ Николаевичъ.—Здѣсь только можно развращаться да горе мыкать. Хорошаго въ столицѣ мало для крестьянина.

— «Оно точно такъ, дѣйствительно, горя-то много можно хватить, и на мою долю его выпало немало. Но я, какъ говорится, ужъ на то пошелъ: горе, такъ горе, что Богъ дастъ. Нужду-то терпѣть, вообще, мнѣ не привыкать. Не легко было и въ деревнѣ жить.

— «А что же здѣсь вы можете найти? Богъ и тамъ, на родинѣ, было бы нужное для жизни; надо только приложить свой трудъ. Люди умные и любознательные и тамъ у васъ въ Вяткѣ нужны, тамъ-то еще болѣе нужны; здѣсь же, въ столицѣ, извѣстное дѣло, одна пагуба для молодыхъ людей. Зла-то ужъ очень много тутъ.

— «Ваша правда,—сказалъ я,—но прежде я о городѣ совѣмъ другое понятіе имѣлъ, или, вѣрнѣе, никакого не имѣлъ. Надо же, думалъ я, вообще узнать, какъ на свѣтѣ другіе люди живутъ. Дома только и знать бы своихъ сосѣдей—крестьянъ да сельское духовенство, а здѣсь сколько новаго для меня! Тутъ много иностранцевъ, всѣ живутъ по своимъ особннымъ обычаямъ. Есть что наблюдать. Впрочемъ, я скоро думаю вернуться въ деревню.

— «Стало быть, у васъ только и есть интеллигенціи, что духовенство? Помѣщиковъ у васъ, кажется, вы говорили, не существуетъ?

— «О помѣщикахъ у насъ даже и помину нѣтъ. Наша деревня всегда была государственная.

— «А школы у васъ есть теперь? Вѣдь въ вашихъ краяхъ, кажется, земство сильно заботится о просвѣщеніи народа.

— «Школа есть. Теперь школы строятся въ каждомъ селѣ, и все земскія.

— «А вы учились въ школѣ?

— «Не довелось, какъ слѣдуетъ, поучиться. Былъ отданъ въ ученіе, да не надолго. Оставилъ школу отчасти по бѣдности родителей, отчасти по совѣту старовѣровъ.

— «Старовѣровъ у васъ, должно быть, много?

— «Да, много ихъ у насъ, всевозможныхъ сектъ и толковъ. Въ обрядахъ сильно разнятся, а живутъ мирно и дружно.

— «Такъ и должно быть,—заклучилъ Левъ Николаевичъ.

«Въ это время къ намъ присоединился еще одинъ собесѣдникъ, молодой студентъ-японецъ. Лицо его похоже на нашего вояку. Онъ по-русски говорилъ довольно плохо, но все-таки могъ объясняться вполнѣ. У Толстого онъ бывалъ часто. Студентъ говорилъ о томъ, какое благотворное вліяніе имѣло на него знакомство съ ученіемъ Христа, и какъ онъ понимаетъ это ученіе.

«По этому поводу Толстой прочиталъ свою «Суратскую кофейню», бывшую въ то время въ рукописи. Затѣмъ разговоръ перешелъ на литературу вообще и на поэзію.

— «Пишутъ у васъ въ Японіи стихи?—спросилъ Левъ Николаевичъ.

— «Пишутъ и у насъ,—сказалъ студентъ:—бываютъ стихи и съ риемой и безъ нея. Но всегда соблюдается количество слоговъ и размѣръ.

— «А вы сами какъ пишете, съ риемой или безъ риемы?

— «И такъ пишу и такъ,—отвѣтилъ японецъ.

— «Не прочтете ли намъ чтонибудь свое?—сказалъ графъ.

— «Вотъ у меня, напримѣръ, есть стихи такого размѣра: первая строка пять слоговъ, а вторая семь; у насъ пишутъ все больше такъ.

«И японецъ началъ читать одинъ куплетъ стихотворенія на своемъ языкѣ съ удареніемъ на каждомъ слогѣ; при этомъ онъ жестикулировалъ рукою, стараясь показать тѣмъ силу своего стиха. Левъ Николаевичъ спросилъ его еще, есть ли у нихъ народные пѣсни.

— «Народная поэзія была у насъ очень богата, только теперь пѣсни у народа стали хуже прежнихъ: безсодержательнѣе, и мотивы грубѣе все пошли.

«Графъ сказалъ, что и у насъ на Руси тоже отошла уже пора народныхъ пѣсенъ, но что такъ и должно быть: это къ лучшему. Я раньше слыхалъ отзывы Толстого о стихосложеніи и понималъ, къ чему клонится разговоръ. Чтобы вызвать графа на споръ, я прочиталъ изъ своей книжки два стихотворенія. Толстой, повидимому, не слушалъ, но, когда я окончилъ чтеніе, онъ сказалъ:

— «Мнѣ это не нравится. Вы меня, конечно, извините; я это говсрю еще и потому, что стиховъ вообще не люблю. Совѣтую вамъ, пишите лучше прозой.

«И онъ высказалъ свое мнѣніе о преимуществахъ прозы, какъ формы изложенія:

— «Вотъ мнѣ нужно, напримѣръ, куда нибудь итти скоро, а я возьму, да свяжу себѣ ноги веревкой или цѣпями,—могу ли я тогда скоро итти? Вотъ и стихи, мнѣ кажется, то же самое. Вмѣсто того, чтобы сейчасъ же прямо писать какую нибудь мысль, я буду трудиться размѣривать на строки да на слоги, да еще подбирать риему,—это ужъ будетъ гигантская работа; какъ ни бейся, а ясности, смысла и простоты выраженія трудно достичь. Я вотъ прозой пишу, и то приходится иной разъ много передѣлывать. Нѣтъ, какъ хотите, а проза имѣетъ больше удобства, нежели стихи, къ тому же стихотворная форма отжила уже свое славное время, риема выродилась, поэзія умираетъ. Объ этомъ свидѣтельствуеъ

у насъ, какъ и у японцевъ, современная поэзія: она съ теченіемъ времени падаетъ все ниже, и, наконецъ, какъ пишутъ объ этомъ многіе, она совсѣмъ вымираетъ.

«И Левъ Николаевичъ охарактеризовалъ вкратцѣ лучшихъ русскихъ поэтовъ до и послѣ Пушкина, и заключилъ, что всѣ наши прежніе поэты писали вообще плохо, а о современныхъ и говорить нечего: они не заслуживаютъ ни малѣйшаго вниманія.

— «Я согласенъ съ вами, но только отчасти,—сказалъ я.—Изъ стихотвореній нашего времени въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего достойнаго по идеямъ, но врядъ ли можно сказать, что пора поэзіи вообще прошла. Невѣроятно также и паденіе или вымирание поэзіи. Скорѣе нужно думать, что только измѣнились взгляды на поэзію, вслѣдствіе отклоненія ея отъ истиннаго пути. Относительно же предпочтенія прозы стихотворной формѣ скажу: размѣръ стиха и рима не только не связываютъ дѣйствительнаго поэта, а наоборотъ придаютъ его мыслямъ возвышенную силу и красоту выраженія. Притомъ,—заклучилъ я,—скажите, пожалуйста, можетъ ли кто нибудь положительно отрицать народную поэзію въ формѣ народной пѣсни? Можете ли вы, напримѣръ, замѣнить ее вашей превосходной прозой?

— «Прежде всего, — возразилъ Левъ Николаевичъ, — скажите мнѣ, кому же она, пѣсня народная, или какая ни на есть, необходима?»

— «Она нужна народу,—сказалъ я.

— «Какому это народу, я не понимаю; для меня всѣ сословія безразличны. Если, напримѣръ, будутъ наказывать кнутомъ мужика или барина,—я думаю, имъ равно будетъ больно. Не такъ ли?»

— «Не совсѣмъ такъ,—сказалъ я улыбаясь.

— «Позвольте,—продолжалъ графъ,—я много постарше васъ и знаю народъ хорошо; знаю также, что и самъ народъ, про который вы говорите, уже охладѣлъ къ пѣснѣ. Нынче поетъ только тотъ, кто еще легкомысленъ и молодъ, а старики совсѣмъ не любятъ пѣть. Я знаю много хорошихъ мужиковъ и никогда не слышалъ, чтобы они пѣли. Зато пьяная молодежь дѣйствительно «оретъ», какъ говорятъ мужики, и при томъ пѣсни все скверныя, такъ что порядочному человѣку и слушать противно.

— «Если вы хорошо знаете, можетъ быть, только своихъ крестьянъ да еще городской и фабричный людъ, — возразилъ я графу, — то этого весьма мало, чтобы судить о народѣ. У насъ, напримѣръ, народъ совершенно другой по своему характеру: и привычки иныя, и пѣсня еще не убита фабрикой и городомъ; не пострадала она и отъ униженія въ рабствѣ у господъ. Старики наши до самой смерти пѣсни не разлюбятъ, а молодежь уважаетъ старыя пѣсни. Старики съ удовольствіемъ слушаютъ и новыя пѣсни, которыя не перестаютъ появляться, а фабричныя, подъ которыми разумѣются без-

нравственныя, у насъ презираются и молодежью. Что же касается пьянства, то молодежь у насъ гораздо меньше пьетъ и ведетъ себя не менѣе деликатно, нежели старики. Люди, которые поютъ пѣсни,— не играютъ въ карты, меньше ссорятся между собою, а больше дружатся. Всѣ это сознаютъ и пользуются этимъ средствомъ. Такъ и говорятъ иногда, если возникнетъ ссора или споръ: «Пойте-ка лучше пѣсни, а не спорьте и не бранитесь»,—и этотъ совѣтъ опытныхъ людей всегда бываетъ полезенъ.

— «Что же, у васъ мужики и сейчасъ, вѣроятно, поютъ, хоть и голодные?—сказалъ графъ.

— «Да, говорю, и сейчасъ поютъ. Голодъ и холодъ пѣсни хорошей не остановятъ.

— «А вы сами тоже пѣли и поете?

— «И я пѣлъ всегда, какъ бы ни былъ изнуренъ работой и озабоченъ семьей. А ужъ счастливые часы моей жизни сами собой вызывали веселую пѣсню, безъ которой я считалъ бы себя совершенно обездоленнымъ и погибшимъ человѣкомъ.

— «Ужели у васъ такъ ужъ особенно любить народъ пѣть? У насъ, я знаю, пѣсня совсѣмъ дѣло не важное или вовсе даже нежелательное для многихъ. Хорошіе старики любятъ и у насъ поговорить о добрыхъ дѣлахъ, о Богѣ, о вѣрѣ; любятъ послушать божественную книгу, и это, по-моему, хорошо, это я одобряю. А пѣсни что? Все одно, что вино или куреніе табаку—пустое развлеченіе, которое къ тому же побуждаетъ людей только на злыя дѣла, на буйства и прочее. На войнѣ вотъ тоже для солдатъ пѣсня признается необходимой, приспособляютъ даже подходящіе мотивы; при этомъ еще ихъ бодрятъ виномъ,—вотъ они и идутъ на смерть, какъ шальные.

— «Ну, что же? Изъ этого можно заключить, что пѣсня имѣетъ силу, и что человѣкъ одушевляется ею. Да и на войнѣ роль ея разнится отъ вина: вино вызываетъ рѣшительную храбрость, а пѣсня лишь миритъ солдата съ затрудненіями. А хорошая народная пѣсня еще и примиряетъ людей между собою. Скажу про себя: случилось мнѣ бывать на бесѣдахъ со старообрядцами; мы спорили о религіи, о Богѣ, о святыхъ, доходило до ненависти другъ къ другу; а потомъ съ этими же старовѣрами меня пѣсня мирила.

— «Что бы ни говорили вы,—сказалъ Левъ Николаевичъ,— а пѣсню все-таки нельзя назвать высшимъ проявленіемъ души, это нѣчто чувственное и низменное. По-моему, это—просто привычка, а чтобы отучить себя отъ нея, надо имѣть только волю и совнаніе, что это бесполезно.

— «Да вы-то сами, Левъ Николаевичъ, развѣ не пѣли никогда?—спросилъ графа помѣщикъ.

— «Нѣтъ, никогда не пѣлъ,—отвѣтилъ онъ

— «Да какъ же мнѣ сказывали, что вы пѣли?

— «Нѣтъ, нѣтъ, что вы говорите? Зачѣмъ я буду пѣть? Спросите кого угодно, спросите моихъ дѣтей, и они скажутъ, что я никогда не пѣлъ.

«Разговоръ прервался. Я молчалъ и чувствовалъ себя неловко. Я думалъ также о томъ, что Левъ Николаевичъ судить о пѣсняхъ односторонне и неискренно. Но графъ, какъ бы угадывая мои мысли, тотчасъ же разсѣялъ мою задумчивость. Онъ сказалъ мнѣ:

— «А вѣдь вотъ я вижу, что оскорбилъ васъ, Матвѣй Ивановичъ. Не хорошо я это сдѣлалъ!

— «Да я, вѣдь, самъ виноватъ, что увлекся разговоромъ о пѣсняхъ. Я люблю ихъ по своей натурѣ и навязываю ихъ другимъ; на это я, пожалуй, не имѣю права.

— «Нѣтъ, нѣтъ, вы съ своей стороны правы; не гнѣвайтесь же на меня. Я сознаюсь, что немного преувеличилъ отрицательную сторону пѣсни и умышленно подчеркивалъ ложный путь, по которому слѣдуютъ многіе поэты. Вижу, что вы очень пылкій пѣвецъ, и хотѣлъ предостеречь, чтобы вы не увлекались черезъ мѣру, не опьянѣли бы отъ поэзіи, не писали бы стиховъ о томъ, что не важно и не достойно вдохновенія, какъ это дѣлаютъ наши злободневные фельетонисты: всякую кучу навоза, грязь въ лужѣ—все стихами изображаютъ, благо—риема подбирается легко; за риемой гоняются, а смыслъ остается не яснымъ, мысль неоконченной или слишкомъ растянутой.

«Левъ Николаевичъ пересѣлъ на стулъ рядомъ со мною и продолжалъ:

— «Вы на меня не сердитесь: я говорю по праву старшаго и по своему опыту. Надо быть очень строгимъ къ самому себѣ и къ образу своихъ мыслей, а тогда и писать такъ, кто какъ найдетъ удобнымъ. Конечно, и стихами можно выразить мысль; но я повторяю только одно, что слишкомъ трудно писать стихами, а минуты вдохновенія быстро проходятъ. Къ тому же я еще считаю долгомъ предупредить васъ, какъ молодого поэта, что въ наше время общество разочаровалось въ современныхъ поэтахъ. Много стоитъ труда теперь восхитить разочарованныхъ читателей. Стихотворцевъ много появляется, но скоро сами они въ себѣ разувѣряются. Извѣстно ли вамъ, что теперь никто не пользуется такой извѣстностью, какъ Пушкинъ и Кольцовъ, и не можетъ пользоваться, хотя бы и былъ равенъ имъ по таланту? Редакціи теперь положительно завалены стихами, и многіе журналы даже заявляютъ, что вовсе не принимаютъ стихотвореній.

— «Все это мнѣ извѣстно,—отвѣчалъ я,—но извѣстно также, что стиховъ—много, а пѣсенъ, какія требуются для простого народа,—нѣтъ. Редакторы же о народныхъ пѣсняхъ понятія никакого не имѣютъ, какъ и о жизни самого народа. Они и печатаютъ только злободневные или трескучіе стихи, въ которыхъ только и

хорошо, что соблюдено механическое правило стихосложения. Всѣ говорятъ, что нѣтъ теперь хорошихъ новыхъ пѣсенъ, все пошло больше на городской манеръ, непутевыя, крикливыя. Вотъ и я хотѣлъ бы писать пѣсни для народа, который понимаетъ ихъ,—исправить то, что опошлилось отъ времени и отъ грубой передѣлки.

— «Ну, это, братецъ, задача мудреная! Много надо силы воли, настойчивости, и особенно въ вашемъ положеніи. Притомъ, какимъ путемъ вы этого можете достигнуть? Если стиховъ вашихъ въ журналахъ и газетахъ принимать не будутъ, то какъ вы можете распространять ихъ по народу. Народъ васъ не знаетъ, и не пойметъ, кто вы такой, и пѣсни ваши останутся въ тетрадахъ.

— «Да на что мнѣ журналы и газеты? Что толку для меня будетъ, если напечатаютъ мое стихотвореніе въ дорогомъ журналѣ: оно не дойдетъ до деревни, а здѣсь, въ городѣ, и застрянетъ. Есть средство гораздо ближе и лучше: лубочныя изданія. Вѣдь и вы, Левъ Николаевичъ, этимъ путемъ въ народъ пойдете.

— «Что жъ, можетъ быть, у нихъ, дѣйствительно, есть призваніе на то, что они хотятъ сдѣлать,—сказалъ тогда сосѣдь-помѣщикъ.—Развѣ теперь закажешь кому что совершить, хотя бы и простому мужику? Вѣдь вотъ за границей достигаютъ извѣстности многіе выходцы изъ простого народа.

— «Разумѣется,—сказалъ Толстой,—дай Богъ успѣха; это меня только можетъ радовать.

«Разговоръ перешелъ на другую тему. Въ одиннадцать часовъ мы распрощались со Львомъ Николаевичемъ и отправились домой».

До сихъ поръ мы передавали извѣстные случаи изъ литературныхъ сношеній писателей-самоучекъ съ писателями по профессіи. Въ біографіяхъ только двухъ поэтовъ, въ роли руководителей, отчасти вдохновителей, фигурируетъ профессоръ. О своей бесѣдѣ съ Буслаевымъ рассказывалъ поэтъ-сусальщикъ Леонтій Никитичъ Виноградовъ, авторъ стихотвореній, собранныхъ въ томикѣ «Въ часы досуга». Сынъ бѣднаго фабричнаго рабочаго, Виноградовъ долгое время самъ «моталъ шули» на фабрикѣ Пичина, затѣмъ служилъ мальчикомъ при конторѣ Дюпюи, наконецъ, попробовалъ открыть свое сусальное дѣло; оно пошло успѣшно, и умеръ Виноградовъ очень богатымъ человѣкомъ, 23 іюля 1901 года. Стихи онъ началъ писать очень рано, еще тогда, когда шестилѣтнимъ мальчикомъ учился грамотѣ у понамаря на погостѣ Бориса и Глѣба во Владимирской губерніи. «Помню я,—рассказываетъ въ своей автобіографіи Виноградовъ,—въ бесѣдахъ съ товарищами по станку и по конторѣ я любилъ говорить рѣчами. Когда я записывалъ свои стихотворные опыты, то показывалъ ихъ товарищамъ-сверстникамъ, а затѣмъ рвалъ ихъ. Такое было у меня правило.

«Однажды во время обновленія одной старой московской церквушки, для которой я поставлялъ сусальное золото, встрѣтилъ я тамъ профессора Буслаева, назначеннаго отвѣтственнымъ лицомъ отъ археологическаго общества. Не упомяну—какъ, но разговоръ нашъ перешелъ на поэзію, и я показалъ кое-что изъ своихъ стихковъ Теодору Ивановичу. Онъ прочиталъ одно, затѣмъ другое и такъ дальше до пяти. Потомъ говоритъ:

— «Э, да это все Кольцовщиной, батенька, папахиваетъ. Самостоятельнаго у васъ и на грошъ не видно. Прежде вотъ у насъ были Слѣпушкинъ и Алипановъ; тѣ сочиняли много вашего похуже, но, по крайней мѣрѣ, какъ-то оригинально, конечно, для того времени. А все-таки прочитаешь двѣ—три строфы, и сразу признаешь, что писалъ человѣкъ изъ села. А у васъ—явное подражаніе Кольцову.

— «Правду вы сказали, что подражаю я Кольцову. Онъ на меня сильное вліяніе дѣлаетъ,—отвѣтилъ я.

— «Это не хорошо. Вы дайте что нибудь свое, гдѣ было бы ваше «я» разлито, чтобы этимъ «я» была проникнута каждая строка, каждая мысль. Тогда вы и будете настоящимъ поэтомъ.

«Тогда я показалъ нѣсколько другихъ стиховъ.

— «Эти гораздо хуже. Нѣкоторые совѣтъ не похожи на поэзію, просто риэмованныя строки и размѣръ не выдержанъ. Плоховато... Право, лучше подражайте Кольцову,—говоритъ Буслаевъ.

«Я объяснилъ еще разъ, что Кольцовъ произвелъ на меня такое впечатлѣніе, что я не могу отдѣлаться отъ него. Хочу иногда писать своимъ размѣромъ, и непременно во второй или третьей строфѣ вѣду на Кольцовскій ладъ. Въ заключеніе я просилъ Теодора Ивановича объяснить мнѣ, какимъ образомъ самъ-то Кольцовъ дошелъ до своихъ стиховъ и размѣровъ.

— «Бѣлинскій такъ много и хорошо писалъ о немъ, что едва ли я могу что нибудь прибавить къ нему. Вы читали книжку де-Пуле?

— «Нѣтъ, не читалъ. Я знаю только стихи Кольцова.

— «Прочтите еще очень хорошую статью Михаила Никифоровича Каткова, Валеріана Майкова. Но я указалъ бы вамъ иной путь. Вѣдь и Кольцова заслуга заключается въ томъ, что онъ самъ пользовался народной пѣсню, ее обрабатывалъ, ей подражалъ и ею вдохновлялся. А вы, я думаю, сами такихъ пѣсенъ народныхъ не меньше другихъ знаете. Записывайте пѣсни эти, по возможности, старыя, которыя теперь мало поютъ, а затѣмъ передѣлывайте ихъ. Все же это лучше будетъ, чѣмъ изъ головы сочинять. То же самое дѣлалъ, вѣдь, и Пушкинъ, и Лермонтовъ, и Мерзляковъ, и Дельвигъ».

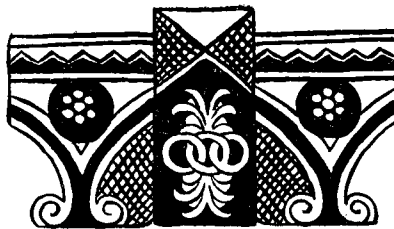
Къ сожалѣнію, Виноградовъ не воспользовался мудрыми совѣтами Буслаева, потому что довольно оригинально смотрѣлъ на процессъ творчества. «Въ 1885 году,—разсказываетъ онъ,—не могу

себѣ объяснить, по какому именно случаю, я почувствовалъ такое побужденіе писать, что иногда по ночамъ просыпался и записывалъ карандашемъ тѣ мысли и рѣшмы, которыя неодолимо владѣли мной». Кстати прибавимъ, что нѣсколько словъ о Буслаевѣ находимъ и въ автобіографіи Алексѣя Ивановича Шувалова, по происхожденію изъ крѣпостныхъ людей графа Шувалова. Дѣдъ нашего поэта былъ уже московскимъ купцомъ.

«Лѣтомъ мы всегда жили на своей дачѣ въ селѣ Богородскомъ,—разсказываетъ Шуваловъ.—Въ 1870 году жилъ тамъ покойный профессоръ О. И. Буслаевъ. Онъ почти каждый день собиралъ около себя «на кругу» подростковъ мальчиковъ и принимался разсказывать намъ былины, отрывки изъ русской исторіи и своихъ путешествій по Европѣ. Съ великой благодарностью вспоминаю я эти бесѣды и вѣрю, что и для другихъ моихъ товарищей онѣ были такъ же благотворны, какъ и для меня, посѣявъ въ душѣ нашей любовь къ родинѣ, къ литературѣ и ко всему изящному».

Итакъ, предъ читателями прошло нѣсколько почтенныхъ лицъ, имѣвшихъ самое благотворное вліяніе на молодыхъ писателей изъ народной среды. Сообщенныя нами подробности прибавляютъ къ ихъ біографіямъ самыя свѣтлыя черты, потому что, какъ намъ кажется, быть другомъ русскихъ самородковъ—величайшее и святое дѣло.

А. И. Яцимирскій.

И. К. АЙВАЗОВСКІЙ ВЪ ТЕОДОСИИ.

(1886—1897 г.г.).

НМЯ АЙВАЗОВСКАГО, какъ художника, было мнѣ знакомо еще на школьной скамьѣ. Не помню, въ какомъ именно году, я былъ на выставкѣ картинъ Айвазовскаго, устроенной въ Одессѣ, и здѣсь впервые познакомился съ его знаменитыми маринами. Помню, меня, какъ одессита, привыкшаго къ зеленому или бурому цвѣту морской воды, поразило голубое, прозрачное, бирюзовое море на этихъ картинахъ. Я даже усомнился, бываетъ ли такое въ дѣйствительности; но кто-то разъяснилъ мнѣ, что у южнаго берега Крыма такое именно голубое, свѣтлое, ласковое, смѣющееся море, какимъ изображаетъ его Айвазовскій. Дѣйствительно, впоследствии у Севастополя я увидѣлъ точно такое море, какое видѣлъ на картинахъ знаменитаго художника.

Въ 1886 году я былъ назначенъ преподавателемъ въ Теодосійскую гимназію, почетнымъ попечителемъ которой состоялъ И. К. Айвазовскій. Съ тѣхъ поръ я наблюдалъ Айвазовскаго, какъ попечителя гимназіи и теодосійца, въ теченіе многихъ лѣтъ, до своего выѣзда изъ Теодосіи въ 1897 году.

Можетъ быть, мои краткія замѣтки объ этомъ періодѣ жизни Айвазовскаго въ его родномъ городѣ пригодятся для будущей біографіи славнаго художника: въ жизни замѣчательныхъ людей и мелкіе факты имѣютъ свой интересъ и значеніе.

Говорятъ, что нѣтъ славы пророку въ отечествѣ своемъ. Это изреченіе, по отношенію къ Айвазовскому, никакъ не можетъ быть признано справедливымъ. Онъ былъ истиннымъ баловнемъ счастья и пользовался въ отечествѣ своемъ и славой, и почетомъ, и всякими другими благами жизни.

Его ласкали четыре монарха. Онъ былъ осыпанъ почестями, чинами, орденами и приобрѣлъ большое состояніе. Дожилъ онъ до глубокой старости, но глубокаго горя, кажется, никогда не испыталъ. Жизнь гораздо чаще дарила его розами, нежели терніями.

Въ Θεодосіа Айвазовскій былъ «царь и богъ».

Безъ его вѣдома и указанія ничего не предпринималось въ городѣ. Затѣвалось ли какое нибудь общественное предпріятіе, возбуждалось ли ходатайство, производились ли городскіе выборы и т. п., за всѣмъ прежде всего обращались къ нему. Что скажетъ Иванъ Константиновичъ, такъ тому и быть. Въ его гостиной слагалось общественное мнѣніе, а въ его кабинетѣ подвергались предварительному обсужденію всѣ болѣе или менѣе важныя городскія дѣла.

Да и по частнымъ дѣламъ, въ особенности такимъ, о которыхъ надо «похлопотать» въ Петербургѣ, шли къ нему, въ увѣренности, что если И. К.—чѣъ отнесется къ просьбѣ благосклонно, то дѣло въ шляпѣ.

Съ него начинали обыватели свои праздничные визиты, и никто, дерзкій, не осмѣлился бы въ день новаго года или пасхи не засвидѣтельствовать ему своего почтенія.

Когда Айвазовскій проходилъ по улицамъ своей медленной, но бодрой походкой, всякій обыватель почтительно снималъ шапку и низенько раскланивался.

Нельзя сказать, чтобы это почтеніе воздавалось Айвазовскому, какъ великому художнику, ибо еодосійцы отнюдь не были особыми цѣнителями и почитателями искусства; тутъ едва ли не главную роль играло то обстоятельство, что Айвазовскій былъ тайный совѣтникъ, сановникъ и вліятельный челоувѣкъ.

— «Вѣдь вотъ, — говорилъ мнѣ какъ-то одинъ простодушный обыватель, — придешь къ И. К.—чу вечеромъ, сидишь себѣ у него, болтаешь о томъ, о семъ, въ винтикъ съ нимъ поиграешь, все это запросто; а посмотрѣли бы вы на него въ Петербургѣ! Тамъ вельможи къ нему на поклонъ ѣздятъ! При дворѣ онъ свой челоувѣкъ!»

«Съ министрами знакомъ, во дворецъ ѣздитъ!» — вотъ что главнымъ образомъ поддерживало среди еодосійцевъ обаяніе его имени.

И Айвазовскій всегда и вездѣ пользовался своимъ вліяніемъ во благо родного города.

Θеодосія семнадцать лѣтъ тому назадъ, когда я узналъ ее впервые, была далеко не та, что теперь. Это былъ маленькій горо-

дишко, безъ всякихъ признаковъ культурнаго благоустройства и съ самыми простыми формами обычной захолустной, провинціальной жизни. Но этотъ маленькій городокъ имѣлъ свой особый, оригинальный колоритъ.

Этотъ колоритъ придавало ему море.

Море почти выбросило, играючи, Феодосію изъ своихъ вѣдръ, какъ оно выбрасываетъ какую нибудь раковину, и продолжало играть съ ней, весело, ласково, привѣтливо омывая ее своими лазурными волнами и обдавая, въ часы прибой, брызгами мельчайшей, бѣлой, какъ кипень, пѣны. Куда ни пойдешь, придешь непременно къ морю, ибо съ противоположной стороны возвышалась сѣрая, скучная, унылая гора, на которую взбираться никому не было никакой надобности. Всякій, выходя изъ дома, шелъ непременно къ морю. Тутъ, по самому берегу, тянулась и главная улица, Итальянская, на которой сосредоточивалось все, что заключается обыкновенно въ понятіи «городъ». Набережной никакой не было, а былъ просто берегъ, чудесный морской берегъ, съ чистымъ песочкомъ, камешками и раковинами. Садись прямо на песокъ, любуйся прелестной, точно циркулемъ очерченной бухтой и дыши чуднымъ воздухомъ, насыщеннымъ живительной морской влагой! Купанье было прекрасное, и ради этого купанья, успокоительной для нервовъ тишины и сравнительной дешевизны жизни многіе охотно пріѣзжали сюда лѣтомъ, мирясь съ отсутствіемъ удобствъ и комфорта.

Айвазовскій любилъ Феодосію и много для нея сдѣлалъ. Онъ напоилъ жаждущій городъ прекрасной водой изъ своего Субашскаго источника, содѣйствовалъ открытію въ городѣ классической гимназіи, драматическаго кружка и дѣятельно работалъ въ пользу устройства порта, совершенно преобразившаго Феодосію. Его картинная галерея привлекала всегда множество туристовъ, и сборъ платы за входъ онъ предоставилъ мѣстному благотворительному обществу, а умирая завѣщалъ галерею городу.

Айвазовскій много заботился о благолѣпіи города. Когда портъ былъ разрѣшенъ, и въ Феодосіи началась строительная горячка, Айвазовскій зорко слѣдилъ за всѣми вновь воздвигавшимися постройками и наблюдалъ, чтобы онѣ не «портили» города.

Благодаря своему вліянію, онъ распорядился въ этомъ отношеніи весьма энергически и безапелляціонно, какъ будто бы всѣ постройки были его собственными.

Былъ, напримѣръ, такой случай.

Однажды, зимою, Айвазовскій, по обыкновенію, уѣхалъ на нѣкоторое время въ Петербургъ. При возвращеніи его обыкновенно за двѣ-три станціи отъ Феодосіи встрѣчали наиболѣе близкія къ нему лица и тотчасъ же сообщали всѣ городскія новости, которыя И. К.—чѣ выслушивалъ всегда съ живѣйшимъ любопытствомъ.

И вотъ онъ узнаетъ, что обыватель N. строить на главной улицѣ, Итальянской, домъ: постройка уже начата въ отсутствіе И. К.—ча, и домъ будетъ одноэтажный.

И. К.—чь заволновался ужасно: одноэтажный домъ на главной улицѣ! Тотчасъ по приѣздѣ, не успѣвши отдохнуть съ дороги, онъ зоветъ къ себѣ обывателя N. Тотъ, разумѣется, немедленно является.

— Вы строите одноэтажный домъ? Какъ вамъ не стыдно! Вы—богатый человѣкъ! Что вы дѣлаете? Вы мнѣ улицу портите!

И обыватель N. покорно измѣняетъ планъ и строить двухъэтажный домъ.

Айвазовскій умѣлъ быть настойчивымъ въ исполненіи задуманнаго. Такъ, напримѣръ, онъ много хлопоталъ объ устройствѣ въ Θεодосіи памятника покойному государю Александру III, даровавшему городу портъ, и успѣлъ довести это дѣло до конца. Памятникъ былъ построенъ на пожертвованія, имъ собранныя, а также на средства, добытыя путемъ устройства танцевальныхъ вечеровъ, концертовъ и т. п. Воспользовавшись приѣздомъ въ Θεодосію Н. и М. Фигнеровъ, Айвазовскій пригласилъ артистическую чету дать одинъ концертъ въ его галлерей. Концертъ собралъ многочисленную публику, и вся сумма сбора пошла на устройство памятника, а концертанты получили въ подарокъ по картинѣ; эти картины во время концерта были выставлены на эстрадѣ.

Общій складъ жизни Айвазовскаго въ Θεодосіи напоминалъ типичную помѣщичью жизнь «добраго стараго времени».

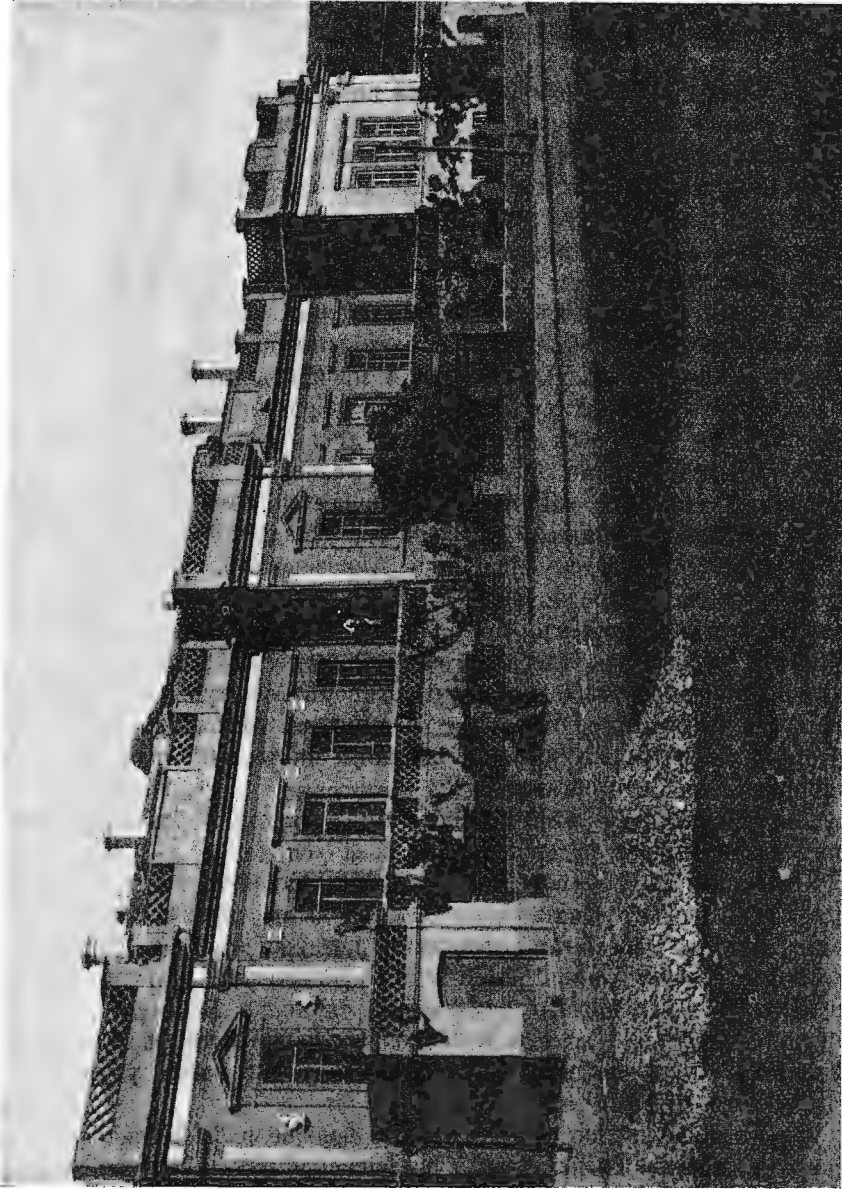
Его обширный домъ-дача всегда былъ полонъ гостей, а въ его имѣніи Шахъ-Мамай, въ 25 верстахъ отъ Θεодосіи, гдѣ проводилъ онъ лѣто, былъ выстроенъ особый флигель для приѣзжихъ, называвшійся по-монастырски гостиницей.

Городской домъ Айвазовскаго строился по его собственному плану. Великій художникъ былъ весьма посредственнымъ архитекторомъ: домъ его изобилуетъ множествомъ коридоровъ, ни на что не нужныхъ.

Извѣстный рассказчикъ Вейнбергъ, посѣтивъ однажды Айвазовскаго въ Θεодосіи и осмотрѣвъ его домъ, сказалъ: «Вы, И. К.—чь, великій художникъ и великій... коридорникъ!»

Артисты, художники, литераторы, приѣзжавшіе въ Θεодосію, непремѣнно являлись къ Айвазовскому, а нѣкоторые гостили у него подолгу.

Открытый и гостепріимный образъ жизни не мѣшалъ, однако, Айвазовскому работать. Огромное количество написанныхъ имъ картинъ, изъ которыхъ большая часть представляетъ громадныя полотна, достаточно свидѣтельствуетъ о напряженности и продуктивности его труда.

Домъ Айвазовскаго въ Феодосіи.

Отправляясь на весну и лѣто въ свой любимый Шахъ-Мамай, Айвазовскій и тамъ не оставлялъ кисти и каждый день аккуратно работалъ въ своей мастерской.

Но вечера онъ любилъ проводить въ обществѣ и скучалъ, если не было гостей; поэтому онъ радостно встрѣчалъ всѣхъ, прїѣзжавшихъ изъ Θεодосіи навѣстить его. Его художественная натура, однако, требовала постоянной смѣны впечатлѣній, и одни и тѣ же лица скоро ему прискучивали. Если это были близкіе ему люди, то Айвазовскій, не церемонясь, отправлялъ ихъ по домамъ.

— Отправляясь въ гости къ И. К—чу, — рассказывалъ мнѣ одинъ изъ близкихъ его знакомыхъ, — я никакъ не могу опредѣлить заранѣе, когда вернусь.

— Почему же?

— Да вотъ прїѣду къ нему съ семьей, онъ выбѣгаетъ навстрѣчу съ распростертыми объятіями, цѣлуетъ, не знаетъ, гдѣ посадить, и весь день страшно ухаживаетъ. А пройдетъ нѣсколько дней, и я начинаю чувствовать, что пора домой; если же не успѣю догадаться, то И. К—чъ самъ начмнитъ. Такъ спокойно, какъ будто бы между нами было заранѣе условлено, войдетъ утромъ, къ чаю и скажетъ: «Я тамъ распорядился, чтобы вамъ послѣ обѣда запрягли экипажъ». Ну, значить, укладывайся и уѣзжай!

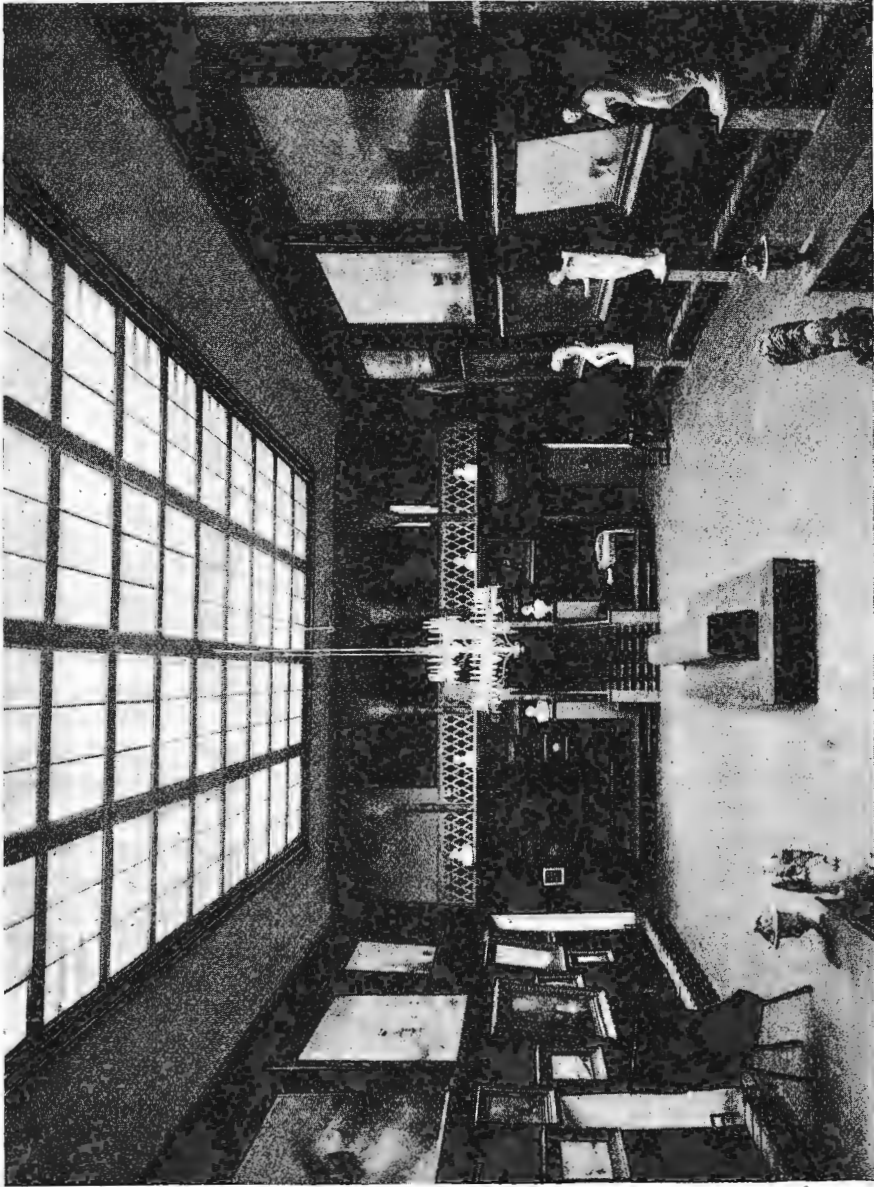
Благодаря открытому радушію Айвазовскаго, у него много бывало всякаго народа: тутъ подчасъ можно было встрѣтить и такихъ лицъ, которымъ, пожалуй, и не мѣсто бы въ гостинной славнаго художника. Самъ не жадный вовсе къ деньгамъ, Айвазовскій, по какому-то странному противорѣчію натуры, восхищался крупными богачами и относился къ нимъ съ отѣнкомъ даже нѣкотораго уваженія, не обращая вниманія на то, какими средствами приобрѣли они себѣ богатства.

Характерный въ этомъ отношеніи анекдотъ рассказанъ мнѣ внукомъ покойнаго художника, Н. М. Л—си.

Однажды къ Айвазовскому прїѣхалъ какой-то очень богатый армянинъ, разбогатѣвшій такъ называемыми «медвѣжьими деньгами», т. е. фальшивыми бумажками, которыя въ громадномъ количествѣ выдѣлывались когда-то въ Нахичевани. Въ это время гостилъ у Айвазовскаго знаменитый скрипачъ Венявскій. Айвазовскій непременно хотѣлъ познакомить Венявскаго съ этимъ армяниномъ, но Венявскій, уже прослышавшій о гостѣ, упорно отказывался отъ этой чести.

— Да знаешь ли ты, что у него больше рублей въ карманѣ, чѣмъ ты въ своей жизни взялъ нотъ на скрипкѣ! — говорилъ съ жаромъ Айвазовскій.

— Можетъ быть, — спокойно отвѣчалъ Венявскій, — но, пока я выучился играть, я взялъ очень много фальшивыхъ нотъ на скрипкѣ!

Картина галерея Айвазовского.

Айвазовскій охотно предоставлялъ свою картинную галерею въ распоряженіе меньшей братіи, маленькихъ художниковъ, мѣстныхъ и прїѣзжихъ, которые занимались копированіемъ его картинъ.

Между ними нѣкто Л., мѣстный учитель рисованія, обладалъ положительнымъ талантомъ кописта. Его копіи съ картинъ Айвазовскаго были такъ хороши, что, говорятъ, даже самъ Айвазовскій иногда ошибался, принимая ихъ, съ перваго взгляда, за свои оригиналы. Немудрено, поэтому, что у Л. не было недостатка въ заказахъ, и на копіяхъ онъ наживалъ порядочныя средства. Впослѣдствіи Л. сталъ писать уже и оригиналы, посылалъ ихъ на выставки, и одна изъ его картинъ на выставкѣ въ Парижѣ удостоилась почетнаго отзыва. Это раздражало Айвазовскаго, который въ работахъ Л. усматривалъ плагиатъ. Поэтому онъ запретилъ Л. писать копіи со своихъ новыхъ картинъ и не пустилъ его въ галерею.

По разсказу самого Л., Айвазовскій, встрѣтившись съ нимъ однажды на улицѣ, сказалъ ему:

— Вы поступаете нехорошо: на вашихъ картинахъ небо, воздухъ, море—все это мое, все это вы украли у меня!

На это Л. возразилъ:

— И. К.—чѣ! Пригласите эксперта изъ академіи, и я при немъ напишу картину совершенно самостоятельно!

И написалъ бы, конечно, ибо отъ долголѣтней практики такъ набилъ руку на копіяхъ, что писалъ совершенно à la Айвазовскій, хотя бы и закрывши глаза.

Притомъ же въ картинахъ очень трудно отдѣлить оригиналъ отъ копіи, по крайней мѣрѣ, съ формальной стороны: повернулъ не такъ судно, прибавилъ на берегу камень или поставилъ скалу—вотъ и готовъ оригиналъ!

Перейду теперь къ воспоминаніямъ объ Айвазовскомъ, какъ почетномъ попечителѣ мужской гимназіи. Состоя въ этой должности въ теченіе многихъ лѣтъ, Айвазовскій не проявлялъ особой дѣятельности. Въ гимназіи онъ бывалъ рѣдко, только въ особо торжественныхъ случаяхъ, и ни разу,—по крайней мѣрѣ, при мнѣ,—не былъ ни въ классахъ, ни въ засѣданіяхъ педагогическаго совѣта. Онъ вносилъ ежегодно извѣстную сумму въ кассу общества вспоможенія нуждающимся ученикамъ гимназіи и выдавалъ бѣднѣйшимъ изъ нихъ пособія на покупку платья, обуви и т. п. Этимъ собственно и ограничивалась его попечительская дѣятельность.

Но зато въ лицѣ его Θεодосійская гимназія имѣла очень вліятельнаго попечителя, который, «въ случаѣ чего», могъ оказать ей весьма существенную услугу, ибо съ министромъ народнаго просвѣщенія Деляновымъ онъ былъ другъ-пріятель и даже на «ты».

Айвазовскій очень любилъ и уважалъ покойнаго директора гимназіи, В. К. Виноградова, который былъ скромнымъ, и потому

мало извѣстнымъ, но рѣдкимъ въ то тяжелое для нашей средней школы время педагогомъ; онъ также былъ очень друженъ съ семьей начальницы женской гимназіи, М. Ѳ. Котляревской.

Обѣ гимназіи, мужская и женская, жили въ то время очень дружно, разнообразя монотонное теченіе своей жизни устройствомъ маленькихъ празднествъ и развлеченій, въ которыхъ и Айвазовскій нерѣдко принималъ участіе.

Иногда же онъ устраивалъ у себя угощеніе для всей гимназіи и бывалъ при этомъ всегда очень любезенъ и гостеприименъ. Гимназисты, человекъ 200, по парамъ проходили мимо него, и онъ съ каждымъ здоровался за руку, а затѣмъ всѣхъ усаживалъ и угощалъ.

Его жена, Анна Никитична, также всегда была чрезвычайно мила и привѣтлива, и потому молодежь чувствовала себя въ гостяхъ совершенно непринужденно. Пригласивъ однажды къ себѣ на обѣдъ ученицъ выпускного класса женской гимназіи, Айвазовскій заранѣе каждой изъ нихъ написалъ на память перомъ по маленькому рисунку: это, конечно, было все то же море въ его безконечномъ разнообразіи. Рисунки эти были сюрпризомъ: придя къ столу, каждая ученица увидѣла у себя на салфеткѣ презентъ!

Нечего и говорить, что Айвазовскій и въ гимназіи, какъ и въ городѣ, пользовался тѣмъ же, если еще не большимъ, почетомъ: за нимъ гимназія чувствовала себя, какъ за каменной стѣной, способной укрыть и защитить отъ великихъ бѣдъ и напастей, которыми, какъ извѣстно, столь подвержена жизнь педагога.

Онъ былъ настоящимъ генераломъ маленькой гимназической арміи, и одинъ разъ даже разыгралъ роль военного генерала, какъ слѣдуетъ, при полной военной обстановкѣ.

Дѣло было такъ.

Извѣстно, что еще не такъ давно наши гимназіи увлекались такъ называемой «военной гимнастикой». Подъ руководствомъ учителей-офицеровъ, гимназисты продѣлывали всевозможныя военныя эволюціи и производили «ломку строя» съ искусствомъ заправскихъ фронтовиковъ. Нерѣдко устраивались и «военныя прогулки», на которыя гимназія выступала, подъ звуки военного марша, съ собственнымъ знаменемъ; бывали даже случаи, что директора гарцовали впереди верхомъ на борзыхъ коняхъ, подобно настоящимъ баталіоннымъ командирамъ.

Увлекалась парадоманіей и наша гимназія.

Въ день коронаціи, 14 мая 1896 г., гимназія принимала участіе въ общемъ военномъ парадѣ, вмѣстѣ съ войсками мѣстнаго гарнизона. Передъ торжествомъ, помню, возникъ вопросъ: кто будетъ «принимать» нашъ парадъ? Рѣшено было, что нашимъ параднымъ генераломъ будетъ Айвазовскій. Ему, кажется, эта выдумка показалась забавной, и онъ согласился. Такъ и сдѣлали,

Когда войска прошли передъ своимъ бригаднымъ генераломъ, двинулась церемониальнымъ маршемъ и гимназія подъ звуки собственнаго оркестра мимо Айвазовскаго, который привѣтствовалъ проходящихъ по классамъ, получая въ отвѣтъ: «здравія желаемъ, ваше превосходительство!» Когда прошли послѣдними «приготовишки», мѣрно отбивая шагъ и скосивъ по-военному глаза въ сторону начальства, Айвазовскій разсмѣялся и сказалъ:

— Много въ моей жизни было страннаго и неожиданнаго, много я видѣлъ и испыталъ и многому пересталъ уже удивляться; но если бы кто нибудь сказалъ мнѣ, что я когда либо въ своей жизни буду принимать парадъ, этому я ни за что не повѣрилъ бы!

Въ ноябрѣ 1896 г. гимназія чествовала 50-лѣтіе со дня смерти Крылова. Юбилейное торжество происходило въ городскомъ концертномъ залѣ, гдѣ были собраны обѣ гимназіи, въ присутствіи довольно многочисленной публики.

Я читалъ рѣчь о Крыловѣ.

Когда я окончилъ, вдругъ, совершенно неожиданно для всѣхъ, поднялся Айвазовскій, сидѣвшій въ первомъ ряду креселъ, на почетномъ мѣстѣ. Всѣ обратились къ нему. Его фигура очень внушительно выдѣлялась изъ среды присутствовавшихъ. Онъ былъ невысокаго роста, но очень крѣпкаго тѣлосложенія; его лицо, бюрократическаго склада, съ пробритымъ подбородкомъ и сѣдыми бакками, оживлялось небольшими карими, живыми и пронизательными глазами; бросался въ глаза большой выпуклый лобъ, прорѣзанный морщинами и значительно уже облысѣвшій. Онъ заговорилъ о Крыловѣ.

Айвазовскій вообще былъ не мастеръ говорить. Въ его рѣчи замѣтенъ былъ нерусскій акцентъ; говорилъ онъ нѣсколько затрудненно и неплавно, растягивая слова и дѣлая довольно продолжительныя паузы; но онъ говорилъ съ спокойною важностью человѣка, который заботится не о томъ, какъ сказать, а лишь о томъ, что сказать.

Я, конечно, не могу передать буквально его рѣчи, но общее содержаніе ея было таково:

«Я считаю своимъ долгомъ сказать здѣсь, что я лично очень многимъ обязанъ знаменитому баснописцу. Была въ моей жизни трудная минута. Я былъ оклеветанъ, и государь Николай Павловичъ, который былъ очень милостивъ ко мнѣ, вдругъ сталъ на меня гнѣваться. Я узналъ, что все это произошло по навѣтамъ профессора-француза, не влюбившаго меня. Конечно, это меня глубоко опечалило: немилость государя тяжелымъ камнемъ лежала у меня на сердцѣ. Однажды, на вечерѣ у Лениныхъ, ко мнѣ подошелъ И. А. Крыловъ. Онъ положилъ мнѣ руку на плечо и сказалъ: «Что ты, Айвазовскій, такъ печаленъ? Я слышалъ, что тебя оклеветалъ французъ. Ничего, не грусти и не бойся: мы тебя оправдаемъ!». И дѣйствительно, скоро Крыловъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми

другими лицами, ходатайствовали обо мнѣ предъ государемъ; несправедливость навѣта была доказана, и государь снова сталъ милостивъ ко мнѣ. Этого я не забылъ и никогда не забуду. Я помню хорошо черты баснописца, его крупную фигуру (онъ очень любилъ покушать!—прибавилъ Айвазовскій съ улыбкой) и львиную голову. Я напишу его портретъ для гимназій».

Этотъ фактъ былъ извѣстенъ еѳодосійской интеллигенціи изъ біографическаго очерка Айвазовскаго, составленнаго по случаю его 50-ти-лѣтняго юбилея; тѣмъ не менѣе, всѣ присутствующіе еще разъ съ большимъ интересомъ выслушали этотъ рассказъ изъ устъ самого И. К.—ча, засвидѣтельствовавшаго, такимъ образомъ, свою благодарную память о баснописцѣ¹⁾.

Передъ самымъ отъѣздомъ моимъ изъ Θεодосіи мнѣ пришлось имѣть и личныя отношенія съ Айвазовскимъ, о чемъ расскажу въ другой разъ.

Изъ бесѣдъ съ И. К. я вынесъ убѣжденіе, что онъ обладалъ живымъ и острымъ умомъ и добрымъ сердцемъ. Но громадный жизненный опытъ, повидимому, научилъ его мириться со многими, чего онъ не раздѣлялъ по своимъ убѣжденіямъ и чему не сочувствовалъ въ глубинѣ своей души.

Расскажу еще, что знаю отъ близкихъ къ И. К.—чу лицъ о его смерти.

Айвазовскій скончался 19-го апрѣля 1900 года.

Послѣднюю зиму онъ чувствовалъ себя очень хорошо. Былъ въ Петербургѣ и вернулся оттуда бодрымъ, здоровымъ и веселымъ. Собираясь 1-го мая переѣхать къ себѣ въ деревню, Шахъ-Мамай, онъ часто ѣздилъ туда, чтобы сдѣлать необходимыя распоряженія. Въ день смерти онъ тоже утромъ ѣздилъ въ имѣніе, вернулся часовъ въ пять пополудни, очень довольный и бодрый, и, чувствуя себя совершенно здоровымъ, самъ уговорилъ жену и сестру своей жены съѣздить къ ихъ роднымъ. До этихъ поръ жена И. К.—ча никуда не уѣзжала одна, боясь оставить И. К. Въ семь часовъ вечера И. К. самъ проводилъ ихъ на вокзалъ, куда собрались знакомые, съ которыми онъ весело шутилъ, и говорятъ, что рѣдко видѣли его въ такомъ прекрасномъ и бодромъ расположеніи духа. Послѣ отхода поѣзда онъ пѣшкомъ съ вокзала отправился къ своимъ родственникамъ Мазировымъ, жившимъ довольно далеко отъ вокзала, игралъ тамъ въ карты, ужиналъ и въ двѣнадцатомъ часу, совершенно здоровымъ, поѣхалъ домой.

Во второмъ часу ночи его лакей услышалъ звонокъ. Думая, что звонятъ у параднаго входа, лакей пошелъ туда, но, не найдя

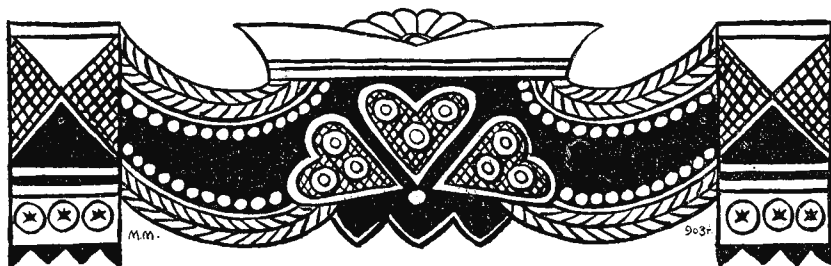
¹⁾ Портрета Крылова Айвазовскій, однако, не написалъ, можетъ быть, потому, что портреты вообще ему не удавались.

никого, онъ поднялся въ комнату И. К.—ча, котораго нашелъ лежащимъ поперекъ кровати, почти безъ признаковъ жизни. На столѣ лежалъ намоченный компрессъ: очевидно, почувствовавъ себя нехорошо, И. К. клалъ себѣ на голову компрессы, а, когда это не помогло, онъ позвонилъ.

Сейчасъ же дали знать роднымъ, послали за докторомъ, но, когда докторъ явился, И. К. былъ уже мертвъ.

Ю. А. Галабутскій.

КЪ БИОГРАФІИ АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ОДЕССКАГО НИКАНОРА.

ДНАЖДЫ я былъ на крестинахъ у о. Евѣимія Л., законоучителя женской гимназіи. Крещеніе совершалъ священникъ о. Николай Г—овъ. Меня поразило особый приемъ, употребленный о. Николаемъ при крещеніи младенца. Онъ очень ловко подхватилъ его и погрузилъ въ воду его ножки лѣвой рукой, а правой въ то же время слегка поливалъ гѣло. Недаромъ великороссы называютъ южанъ за такой способъ крещенія «обливанцами»: въ Великороссіи, сколько мнѣ ни приходилось видѣть крещеній, священникъ совершаетъ крещеніе «истово», т.-е., зажавъ младенцу ротикъ и ноздри, прямо погружаетъ его всего въ воду лицомъ внизъ. Послѣ крещенія я не утерпѣлъ и сказалъ о. Николаю о разницѣ, замѣченной мной между великорусскимъ и южнорусскимъ обычаемъ крещенія младенцевъ.

— А вотъ отецъ Василій Я. такъ прямо ставитъ младенца въ въ сухую купель на ножки, беретъ приготовленный нарочито стаканъ и поливаетъ водою.

— Ну, это ужъ совсѣмъ «обливаніе»...

— Да, преосвященный Никаноръ сильно противъ этого возсталъ, какъ и противъ ношенія короткихъ волосъ священниками. За послѣднее строго выскивалъ и даже переводилъ изъ города въ село.

— Да вѣдь прямого запрещенія носить короткіе волосы священникамъ нѣтъ въ канонахъ церкви, батюшка.

— Я самъ знаю, что нѣтъ, а преосвященный Никаноръ за сіе наказывалъ.

Въ это время хозяинъ, о. Евѣимій Л., возгласилъ:

— Батюшка и вы, гости дорогіе, пожалуйста чай пить.

За чаемъ и послѣдовавшей закуской бесѣда продолжалась. Я подѣлъ къ о. Николаю, какъ старожилу Херсонской губерніи, и между прочимъ спросилъ его, видѣлъ ли онъ лично пресвященнаго Никанора, этого гениальнаго администратора, глубокаго ученаго и блестящаго оратора-проповѣдника.

— Какъ не видать? Испыталъ на себѣ его ревизію и даже въ гостяхъ у себя удостоился принять...

— Какъ же это было?.. Расскажите, пожалуйста, о. Николай,— присталъ я къ нему, и онъ рассказалъ слѣдующее.

Жилъ я тогда въ с. Ново-Павловкѣ, Херсонскаго уѣзда. Мы съ женой были еще молодые (а мнѣ теперь 49 лѣтъ и, видите, уже весь я сѣдой, а тогда былъ черный, какъ грекъ). И вотъ священствую третій годъ тихо, мирно. Слышу, назначили къ намъ пресвященнаго Никанора, кажется, изъ Уфы. Пріѣхалъ онъ въ Одессу. Слышимъ, пошли строгости. И служить священникъ не такъ, и поѣтъ не этакъ, и волосы не по уставу держать, и прочее. Ну, ничего. Въ слѣдующую весну, т.-е. на четвертый годъ моего священства, пресвященный поѣхалъ по епархіи, и прямо въ нашъ уѣздъ.

А ѣздилъ по селамъ онъ такъ. За полверсты до села выйдетъ изъ кареты и пойдетъ къ селу пѣшкомъ. Становые пристава тамъ разные, исправники, идутъ за нимъ въ почтительномъ отдаленіи, а онъ идетъ и спрашиваетъ встрѣчныхъ мужиковъ, какой де батюшка у нихъ, не притѣсняетъ ли поборами, не пьетъ ли шибко, и прочее.

Такимъ-то вотъ манеромъ и узнавалъ онъ про священника всю подноготную. Ну, а узнавши-то всю подоплеку, уже и распекаетъ. По милости Божіей, за мной ничего дурного не водилось, ну, а все-таки... боязно. Въ срединѣ села онъ опять садился въ карету и ѣхалъ въ церковь. Вотъ, слышимъ, зазвонили, подѣхала карета, запряженная четверней; за ней еще нѣсколько повозокъ, съ исправникомъ, приставомъ, благочинными, пѣвчими и пр. Выходитъ старикъ низенькаго роста, коренастый, жезломъ такъ твердо ударяетъ о землю, а самъ орлинымъ окомъ насъ озираетъ: чувствуешь—сила, великая сила идетъ. Ну, я, какъ слѣдуетъ по чину, встрѣчаю его въ облаченіи у храма, со святымъ крестомъ и водою. Приложился онъ къ кресту и пошелъ въ церковь. Вошелъ въ алтарь сѣверными дверьми, хотя и царскія врата были открыты, и сталъ по правую сторону престола, къ сторонкѣ. А я предъ царскими вратами служу обычный краткій молебенъ. По окончаніи онаго пресвященный Никаноръ вышелъ на амвонъ, проговорилъ

отпустъ и сказалъ многолѣтіе царствующему дому и всѣмъ жителямъ «веси сея», т.-е. Ново-Павловки. Потомъ преосвященный сталъ ревизовать церковь, начиная съ ризницы. Здѣсь онъ увидѣлъ на полочкѣ въ коробкѣ пшеничку, взялъ, пересыпалъ между пальцевъ и сердито спросилъ:

— Это что такое?

— Это «всенѣщная» пшеничка, ваше преосвященство.

— Что такое за «всенѣщная» пшеница?

— А вотъ во время свирѣпствующихъ здѣсь лихорадокъ крестьяне берутъ её, варятъ и ѣдятъ.

— Ну, и что же? Помогаетъ? Ха-ха-ха!

— По вѣрѣ ихъ, бываетъ, помогаетъ.

— Ишь какое лѣкарство нашли? А ты денегъ за лѣкарство не берешь?

— Упаси Боже, ваше преосвященство, я безвозмездно...

— То-то безвозмездно... Ну, веди дальше, показывай.

Въ церкви были собраны мои ученики, которыхъ я обучалъ грамотѣ и выучилъ общему пѣнію. Преосвященный очень любилъ общее пѣніе въ церквахъ и первый изъ архипастырей потребовалъ отъ священниковъ, чтобы они его вездѣ заводили. Я указалъ на нихъ преосвященному и скомандовалъ:

— А, ну, хлопчята, спойте: О Всепѣтая Мати!

Хлопцы тихо и стройно спѣли требуемое.

— Хорошо, хорошо, — замѣтилъ преосвященный. — Это что? Богъ?—спросилъ онъ одного мальчика, показывая на образъ Спасителя.

— Нѣтъ.

— Что же?

— Це изображеніе Божіе.

— А гдѣ же Богъ?

— Богъ скривъ (вездѣ).

— Что же такое изображеніе?

— Це патреть.

— Хорошо, хорошо.

Онъ обратился къ взрослымъ и сдѣлалъ имъ наставленіе. Замѣтивъ, что крестьяне одѣты въ длинныя свитки, онъ упомянулъ, что государь Александръ III собравшимся къ нему на коронацію старшинамъ велѣлъ продолжать носить русскіе костюмы и не мѣнять ихъ на нѣмецкіе пиджаки. Преданность старымъ костюмамъ указываетъ на преданность старымъ обычаямъ и твердымъ устоямъ.

— И я вамъ совѣтую то же, а перемѣните одежду, потребуете и неваго священника. А мѣнять его вамъ не совѣтую, но совѣтую поддержать, ибо онъ молодой, дѣятельный и энергичный.

Онъ благословилъ народъ и, сопровождаемый густой толпой, вышелъ изъ церкви.

Я осмѣлился обратиться къ нему.

— Благovolите, ваше высокопреосвященство, посѣтить мой домъ.

— Что ты меня называешь «ваше высокопреосвященство»? Я— не высокопреосвященство, а смиренный епископъ Никаноръ. Да! Я въ смущеніи иду.

— А что значить слово епископъ?—спрашиваетъ.

— Надзиратель, ваше преосвященство,—отвѣчаю я.

— Ну, да, надзиратель. Ну, вотъ, значить, я и безъ просьбъ приду посмотрѣть на твое житье-бытье. Ну, веди въ свои апартаменты.

Проходя мимо пустыря около церкви, онъ сказалъ:

— Вотъ здѣсь какъ разъ мѣсто для церковно-приходской школы.

— Да, ваше преосвященство, я самъ объ этомъ думаю.

Тутъ случилась неожиданная исторія. Чтобы попасть во дворъ священника, нужно было пройти сначала его садомъ. Войдя въ садъ, преосвященный увидѣлъ, что главная аллея устлана богатыйшими красными коврами, и остановился пораженный.

— Это что такое? Объясни.

— Ваше преосвященство! Когда Господь Иисусъ Христосъ входилъ въ Иерусалимъ на осляти, еврейскія женщины постилали одежды подъ ноги Ему. А мои прихожанки постлали ковры во срѣтеніе вашему преосвященству.

У моихъ прихожанокъ, между которыми было много молдаванокъ, нашлись роскошные ковры.

Преосвященный улынулся, видимо довольный.

— Ну, коли такъ, иди впередъ, а то я не замѣчу подъ коврами пригорковъ или ямокъ и споткнусь.

— Ваше преосвященство! Мы еще за мѣсяць до вашего приѣзда укатали всѣ горки и сравняли всѣ ямки, такъ что безопасно.

— Нѣтъ, иди впередъ.

Я пошелъ.

— Это батюшка загораживаетъ мнѣ дорогу, — замѣтилъ преосвященный.

Въ это время ко мнѣ подбѣжала моя попадья и шопотомъ спрашиваетъ: «какъ же мнѣ встрѣчать владыку?»—«А ты возьми хлѣбъ-соль и стань у воротъ и встрѣтишь владыку», отвѣчаю. Вошли въ мой дворъ. Вижу, у входа въ домъ стоитъ моя попадья. Владыка говоритъ ей:

— Ну, что жъ, матушка, иди впередъ.

Она повернулась и быстро пошла впередъ.

— Ишь, матушка пошла загородить мнѣ дорогу, — замѣтилъ онъ.

Вошли мы въ домъ. А жилъ я въ то время въ простой крестьянской хатѣ, и полъ въ ней былъ земляной, исключая одной залы, гдѣ я настлалъ деревянный полъ.

Владыка окинулъ глазами комнату и, увидѣвъ портретъ преосвященнаго Платона, архіепископа херсонскаго, сказалъ: «благо».

Подошли подъ благословеніе мои теща и свояченица. Я только что хотѣлъ ихъ рекомендовать, какъ Никаноръ сказалъ:

— Это твоя теща (онъ благословилъ тещу), а это свояченица (благословилъ и ее).

— Точно такъ, ваше преосвященство.

— Ну, не важны же твои апартаменты: у тебя и полъ-то земляной.

— Пожалуйте, ваше преосвященство, сюда: тамъ полъ деревянный.

Я провелъ его въ залу.

— Ну, вотъ я здѣсь и расположусь.

Онъ сѣлъ на диванъ. Потомъ потребовалъ къ себѣ благочиннаго нашего благочинія, а намъ махнулъ рукой, показывая выйти. Потомъ потребовалъ меня къ себѣ. Преподавъ нѣсколько совѣтовъ относительно пастырства и благопорядка церковнаго, онъ потребовалъ стаканъ чая, а отъ ужина отказался. Я было предложилъ ему для отдыха диванъ, но онъ отказался и велѣлъ внести для отдохновенія свою походную кровать. Когда все было готово, онъ сказалъ намъ: «исчезайте!»

Мы съ благочиннымъ ушли, оставивъ его одного.

Только что все успокоилось, какъ сторожъ громко ударилъ въ колоколь. У меня былъ заведенъ обычай, чтобы сторожъ каждый часъ ударялъ три раза въ колоколь.

Вдругъ слышу изъ залы голосъ владыки:

— Птенецъ!

Такъ онъ называлъ молодого своего келейника, но такъ какъ я, по тѣснотѣ, положилъ его не въ своемъ домѣ, а въ сосѣдней хатѣ, то вмѣсто «птенеца» явился самъ.

— Кто тамъ?—спросилъ владыка, когда я скрипнулъ дверью.

— Это я, ваше преосвященство, священникъ с. Ново-Павловки.

— Чтобы этого не было (т.-е. звона).

— Сейчасъ будетъ сдѣлано объ этомъ распоряженіе, ваше преосвященство.

Прошла ночь. Утромъ владыка позвалъ меня и жену къ себѣ и обратился къ намъ:

— Благодарю васъ, молодые батюшка и матушка, за гостепріимство. Только вотъ хибарка у васъ плоха. Какъ же пастырь будетъ стараться объ общей пользѣ, если у него домъ-то не благоустроенъ? А, впрочемъ, старайся: апостолы не имѣли угла, гдѣ голову преклонить.

Выйдя изъ дому, владыка спросилъ у моего благочиннаго:

— Можетъ ли архіерей наградить молодого священника, если у него найдетъ все въ порядкѣ?

Благочинный молчалъ.

Благочинный другого благочинія, пріѣхавшій встрѣтить преосвященнаго, смѣло сказалъ:

— Можетъ.

— Ну, такъ представить священника Г—ва къ набедреннику,— сказалъ онъ моему благочинному.

Въ это время къ намъ подошелъ мужичокъ и, кланяясь мнѣ низко, просилъ, чтобы я схоронилъ его отца. Преосвященный, вѣроятно, замѣтилъ это...

— Ну, батюшка, а теперъ поѣдешь провожать меня?

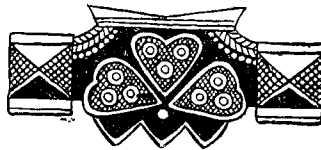
— Нѣтъ, ваше преосвященство, у меня погребеніе, я прежде схороню покойника, а потомъ, если позволите, приѣду въ объѣздъ прямымъ путемъ, между тѣмъ какъ вы будете ѣхать кружнымъ, и надѣюсь еще поспѣть въ Березовку до вашего приѣзда.

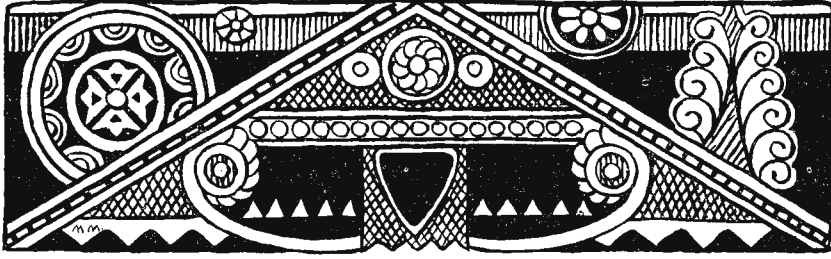
— Ну, благо, благо.

Благословивъ насъ и народъ, при звонѣ колоколовъ нашей деревенской церкви онъ уѣхалъ.

Впослѣдствіи оказалось, что благочинный что-то наговорилъ на о. Николая архіепископу Никанору. Но мудрый администраторъ и опытный архипастырь, не повѣривъ словамъ благочиннаго, самъ постарался во все вникнуть. Глубокій знатокъ красоты православнаго богослуженія, входившій во всѣ подробности церковнаго чина и устава, онъ при посѣщеніи с. Ново-Павловки увидѣлъ истовое и чинное богослуженіе, услышалъ прекрасный хоръ пѣвцовъ, устроенный священникомъ изъ самихъ прихожанъ, и оцѣнилъ дѣятельность о. Г—ва на пользу духовнаго просвѣщенія своей паствы и благолѣпія храма. Наградивъ его набедренникомъ, онъ не забылъ его и потомъ награждалъ неоднократно и выражалъ ему свою благодарность.

А. А. Зеленецкій.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ Н. Θ. ДУБРОВИНА.

СРЕДИ многочисленныхъ утратъ, постигшихъ въ прошломъ и нынѣшнемъ годахъ нашу ученую литературу и въ частности русскую историческую, наиболѣе тяжкою является смерть академика Николая Ѳедоровича Дубровина, скончавшагося 12-го іюня сего года.

Покойный неутомимо работалъ на учено-литературномъ поприщѣ болѣе 40 лѣтъ и своими трудами внесъ много цѣнныхъ вкладовъ въ нашу историческую литературу. Онъ, можно сказать, первый, путемъ научной разработки архивныхъ документовъ, ставшихъ доступными лишь ему одному, систематически описалъ войны: Отечественную, Кавказскія и Крымскую, оставивъ въ то же время весьма замѣтный слѣдъ и при описаніи войнъ Екатерининскаго царствованія. Поэтому, какъ военный историкъ, Н. Θ. Дубровинъ пользовался весьма широкою и вполне заслуженною извѣстностью.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ широко преслѣдовалъ и другую свою задачу — какъ можно болѣе собрать данныхъ по исторіи внутренней жизни русскаго общества, главнымъ образомъ, начала XIX столѣтія, и сообщилъ цѣлый рядъ блестящихъ характеристикъ нашихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей конца XVIII и начала XIX вѣковъ.

Пространнѣйшій списокъ его учено-литературныхъ трудовъ пріобрѣтаетъ тѣмъ большую цѣнность, что всѣ почти его статьи

и книги основаны на изученіи новыхъ архивныхъ источниковъ, а изданные подъ его редакціею многочисленные «матеріалы»; помимо глубокаго интереса, представляемаго ихъ содержаніемъ, удовлетворяютъ самымъ строгимъ требованіямъ научной критики.

Все это, полагаю, вполне оправдываетъ нашу задачу—представить читателямъ «Историческаго Вѣстника» хотя-бы краткій обзоръ учено-литературной дѣятельности покойнаго академика Н. Θ. Дубровина.

Н. Θ. Дубровинъ родился 2-го декабря ¹⁾ 1837 года и происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, одинъ изъ родоначальниковъ котораго (Тимофѣй Арефьевичъ Дубровинъ) былъ вотчинникомъ въ нынѣшней Псковской губерніи Великолуцкаго уѣзда еще въ половинѣ XVII вѣка. Отецъ Н. Θ.—Федоръ Николаевичъ, состоялъ въ военной службѣ, служилъ на Кавказѣ нѣсколько лѣтъ, принималъ участіе въ Турецкой войнѣ 1828—1829 г.г. и вышелъ въ отставку въ 1831 году, 28 лѣтъ отъ роду, съ чиномъ поручика. Отъ брака его съ Анною Никитичною, кромѣ Николая Федоровича, было еще пять человекъ дѣтей: три сына—Павель, Федоръ и Аркадій, и двѣ дочери—Марія и Александра.

Воспитывался Н. Θ. Дубровинъ сперва въ Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ, а потомъ въ Дворянскомъ полку, нынѣшнемъ Константиновскомъ артиллерійскомъ училищѣ, и Михайловской артиллерійской академіи. Вскорѣ по окончаніи курса послѣдней онъ былъ командированъ за границу на полтора года, гдѣ, знакомясь, главнымъ образомъ, съ состояніемъ военнаго дѣла въ иностранныхъ государствахъ, находилъ возможность и собирать свѣдѣнія по исторіи Россіи. Въ 1862 г. онъ былъ уже старшимъ адъютантомъ штаба артиллеріи отдѣльнаго гвардейскаго корпуса и петербургскаго окружнаго артиллерійскаго управления; чрезъ семь лѣтъ произведенъ въ полковники и командированъ къ главному штабу, съ зачисленіемъ по гвардейской пѣшей артиллеріи, для военно-историческихъ работъ. Послѣднія были любимымъ дѣломъ Н. Θ. Дубровина и связывали его очень тѣсно съ главнымъ штабомъ, гдѣ онъ былъ и членомъ военно-ученаго комитета (съ 1882 г.). Въ 1886 году, когда его избрали адъюнктомъ академіи наукъ, образуется новая неразрывная связь съ послѣдней, особенно усилившаяся съ избраніемъ его въ 1893 году непремѣннымъ секретаремъ

¹⁾ Эта дата рожденія Н. Θ. Дубровина заимствована изъ копій его метрическаго свидѣтельства, находящагося въ дѣлѣ о дворянскомъ происхожденіи его рода, въ архивѣ департамента герольдіи правительствующаго сената. Поэтому другая дата—26 ноября, встрѣчающаяся въ его формулярномъ спискѣ о службѣ и отсюда перешедшая во всѣ уже появившіеся некрологи, должна быть признана невѣрной.

академіи наукъ. Въ 1900 году Н. О. Дубровинъ былъ избранъ ординарнымъ академикомъ по историко-филологическому отдѣленію.

Такимъ образомъ, Николай Федоровичъ военною службою въ строгомъ смыслѣ этого слова былъ занятъ лишь первыя 10 — 12 лѣтъ, а остальные 35 лѣтъ протекли преимущественно въ заня-

Николай Федоровичъ Дубровинъ.

тіяхъ по военной исторіи и по изученію внутренняго быта Россіи въ первую четверть XIX столѣтія.

Будучи еще 21 года отъ роду, Н. О. Дубровинъ выступилъ на литературное поприще, написавъ повѣсть: «Умъ для свѣта», которая и была напечатана въ 1859 году въ журналѣ «Разсвѣтъ».

«Истор. вѣстн.», августъ, 1904 г., т. XVII.

13

Но эта повѣсть была едва ли и не послѣднимъ беллетристическимъ произведеніемъ Николая Федоровича; вскорѣ же онъ обратился къ изученію русской исторіи и своими трудами, продолжавшимися безпрерывно до самой его смерти, стяжалъ себѣ почетное имя въ наукѣ и весьма широкую извѣстность, какъ военный русскій историкъ.

Однимъ изъ первыхъ историческихъ трудовъ Н. О. Дубровина была его обширная монографія, напечатанная въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (1863 г., т. XLVI, №№ 7—8), подъ заглавіемъ: «Сербскій вопросъ въ царствованіе Александра I»¹⁾. Основанная на изученіи неизданныхъ документовъ, хранящихся въ архивахъ: военно-учебномъ и министерства иностранныхъ дѣлъ, эта работа впервые знакомила съ фактами высокаго и безкорыстнаго участія Россіи въ дѣлѣ освобожденія одного изъ славянскихъ племенъ отъ турецкаго ига и послужила для послѣдующихъ историковъ основнымъ и руководящимъ источникомъ. Вслѣдъ за нею появились относящіяся къ той же эпохѣ царствованія императора Александра I и еще болѣе замѣчательныя произведенія, заслуживающія, по словамъ проф. Богшача, «особаго вниманія». Первое изъ нихъ носитъ заглавіе: «Матеріалы для исторіи царствованія Александра I», а второе — «Турецкая война 1806—1812 г.г.»; оба напечатаны въ «Военномъ Сборникѣ» за 1864 г., въ №№ 4—12, и за 1865 г., въ №№ 1, 2, 5—8. Помимо того, что главнымъ ихъ источникомъ послужили неизданные матеріалы, почерпнутые въ архивахъ военно-учебномъ и министерства иностранныхъ дѣлъ, они вносятъ новое освѣщеніе многихъ историческихъ фактовъ и сообщаютъ немало совершенно новыхъ свѣдѣній. Во второй монографіи, кромѣ того, находимъ еще блестящую характеристику жизни и дѣятельности графа Н. М. Каменскаго 2-го.

На основаніи архивныхъ данныхъ составлены были Н. О. Дубровинымъ — «Москва и графъ Ростопчинъ въ 1812 г.» (въ «Военномъ Сборникѣ», 1863 г., №№ 7 и 8) и «Наполеонъ I и поляки въ 1812 г.» (въ «Отечественныхъ Запискахъ», 1865 г., № 11, и 1866 г., № 2), представлявшіе въ то время по своей новизнѣ сообщаемыхъ свѣдѣній большой научный интересъ.

Вслѣдъ за этимъ вниманіе нашего историка привлекъ Кавказскій край, и изученіе матеріаловъ, по преимуществу архивныхъ, по его исторіи имѣло результатомъ появленіе слѣдующихъ работъ: «Закавказье отъ 1803 года по 1806 годъ» (Спб., 1866 г.); «Георгій XII, послѣдній царь Грузіи, и присоединеніе ея къ Россіи» (Спб., 1867 г.; 2-е изданіе вышло въ 1897 г. и вмѣстѣ съ дополненіями и поправками вводило и поправку вмѣсто «Георгій XIII» — «Геор-

¹⁾ Въ томъ же году имъ была напечатана статья въ «Сѣверной Почтѣ» (1863 г., №№ 82 и 83), подъ заглавіемъ: «О. П. Козодавлевъ въ дѣлѣ списыванія актовъ Кенигсбергскаго архива».

гій XII»); «1802-й годъ въ Грузіи» (въ «Вѣстникѣ Европы», 1868 г.) и «А. П. Ермоловъ» (въ «Военномъ Сборникѣ», 1869 г.).

Послѣ обширной біографіи генераль-фельдмаршала князя А. А. Прозоровскаго, напечатанной въ «Военномъ Сборникѣ» (1868 г., №№ 7—9 и 11), Н. О. Дубровинъ обратился къ изученію историческихъ событій въ Польшѣ, предшествовавшихъ первому ея раздѣлу, и, благодаря цѣлому ряду новыхъ матеріаловъ, заимствованныхъ имъ изъ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и семейнаго архива князей Волконскихъ, обогатилъ русскую историческую литературу двумя крупными работами. Въ первой изъ нихъ, носящей заглавіе: «Князь М. Н. Волконскій и его донесенія изъ Польши» (въ «Вѣстникѣ Европы», 1868 г., №№ 11 и 12), авторъ старался лишь пополнить пробѣлъ, который былъ имъ замѣченъ въ довольно богатой печатной литературѣ по этому вопросу, «не приводя разсказа о томъ, что было уже напечатано въ другихъ сочиненіяхъ и статьяхъ» (стр. 84), и «привести подлинныя слова нѣкоторыхъ весьма любопытныхъ рескриптовъ императрицы Екатерины II», а также нѣкоторые другіе нигдѣ не напечатанные документы. При этомъ ему удалось впервые съ документальною точностью повѣдать читающей публикѣ «о дѣйствіяхъ Россіи въ Польшѣ въ 1764 г. и объ участіи ея въ возведеніи на польскій престолъ Станислава Понятовскаго», о чемъ не было ни слова ни у С. М. Соловьева въ его книгѣ: «Исторія паденія Польши», ни въ статьяхъ П. К. Щебальскаго и князя П. П. Вяземскаго. Во второй статьѣ: «Наканунѣ перваго раздѣла Польши. По рукописнымъ донесеніямъ князя М. Н. Вяземскаго» (въ «Вѣстникѣ Европы», 1870 г., № 7)—говорится о событіяхъ въ Польшѣ, происшедшихъ въ 1770 г., когда Россія самостоятельно составляла тамъ конфедерацію, точно также впервые устанавливается немало новыхъ фактовъ и вводится цѣлый рядъ поправокъ и дополненій къ работамъ предшествовавшихъ авторовъ.

Вышеуказанные ученые труды Н. О. Дубровина обратили на себя общее вниманіе, и еще въ 1866 году его императорское высочество намѣстникъ кавказскій поручилъ ему составленіе исторіи покоренія и владычества русскихъ на Кавказѣ. Собравъ все, что только можно было собрать въ петербургскихъ и московскихъ архивахъ по этому вопросу, Николай Федоровичъ отправился на Кавказъ и тамъ сталъ изучать мѣстные архивы, собирать преданія, легенды, пѣсни и проч. Результатомъ этихъ работъ, продолжавшихся цѣлыхъ пять лѣтъ, было появленіе въ 1871 году перваго тома въ трехъ отдѣльныхъ книгахъ «Исторіи войны и владычества на Кавказѣ» (третья книга заключала библіографію по данному вопросу). Продолженіе этого труда послѣдовало лишь черезъ 15 лѣтъ; въ теченіе 1886—1888 годовъ вышли въ свѣтъ еще пять томовъ, составившихъ капитальное приобрѣтеніе въ на-

шей исторической литературѣ, подобнаго которому не имѣется ничего и до сихъ поръ. Послѣдній томъ «Исторіи» касается событийъ времени управленія Кавказомъ Татищева и А. П. Ермолова (1812—1827 г.г.).

Въ 1871 г. императору Александру Николаевичу благоугодно было поручить Николаю Федоровичу Дубровину составленіе сборника изъ доставленныхъ ему рукописей и матеріаловъ о Севастопольской оборонѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ описаніе Крымской войны «для личнаго его императорскаго величества свѣдѣнія». Въ слѣдующемъ году неутомимый историкъ успѣлъ издать въ свѣтъ три тома, съ примѣчаніями и замѣтками, «Сборника рукописей, представленныхъ его императорскому величеству, о Севастопольской оборонѣ», а черезъ четыре года (1876 г.) вручилъ его императорскому величеству и свою рукописную «Исторію Крымской войны». Написанная съ широкимъ пользованіемъ архивнаго матеріала, не исключая даже и дѣлъ секретныхъ, эта рукопись долгое время не могла быть напечатана, и только въ 1900 году появилась въ печати въ трехъ томахъ, подъ заглавіемъ: «Исторія Крымской войны и обороны Севастополя», съ картами и планами. Нечего и говорить, что въ этой «Исторіи» мы имѣемъ наиболѣе полное и вѣрное освѣщеніе очень многихъ фактовъ, имѣвшихъ тогда мѣсто, а равно и болѣе точныя характеристики главныхъ дѣятелей Севастопольской обороны, подтвержденные новѣйшими документальными данными.

Въ 1877 году Н. Ф. Дубровинъ обогатилъ нашу историческую литературу новымъ капитальнымъ трудомъ. М. И. Богдановичъ представилъ свою книгу: «Восточная война 1853—1856 г.г.», въ академію наукъ на соисканіе Уваровской преміи. Академія наукъ поручила составленіе отзыва о ней, какъ единственному послѣ М. И. Богдановича специалисту, Николаю Федоровичу Дубровину. Послѣдній, вмѣсто обычнаго отзыва, составилъ обширный ученый трудъ, по объему превосходящій сочиненіе М. И. Богдановича, который и былъ напечатанъ въ «Запискахъ» академіи наукъ, подъ заглавіемъ: «Восточная война 1853—1856 г.г. Обзоръ событийъ по поводу сочиненія М. Богдановича: «Восточная война 1853—1856 гг.». Трудъ этотъ и по цѣлому ряду вновь сообщаемыхъ фактовъ, и по множеству поправокъ и дополненій къ работѣ М. И. Богдановича, и, наконецъ, по болѣе живому изложенію далеко превосходилъ послѣднюю и доставилъ автору отъ академіи наукъ званіе члена-корреспондента.

Съ такою же добросовѣстностью отнесся Н. Ф. Дубровинъ и впослѣдствіи къ порученію академіи наукъ, предложившей ему составить отзывъ о трудѣ А. Петрушевскаго: «Генералиссимусъ князь Суворовъ» (СПб., 1884 г., 3 тома). Онъ представилъ обширную монографію, подъ заглавіемъ: «Александръ Васильевичъ Су-

воровъ среди преобразованій Екатерининской арміи», напечатанную въ «Запискахъ» академіи наукъ и отдѣльно въ 1886 году. Въ ней онъ съ большею подробностью, чѣмъ авторъ разбираемаго имъ труда, останавливается на организаторской и реформаторской дѣятельности Суворова и, между прочимъ, приводитъ полный библиографическій обзоръ печатныхъ трудовъ о Суворовѣ. Эта работа послужила какъ бы ближайшимъ толчкомъ къ избранію Николая Оедоровича въ адъюнкты академіи наукъ.

Примкнувъ къ составу академіи наукъ, Н. О. Дубровинъ векорѣ же помѣстилъ въ ея «Запискахъ» двѣ любопытныхъ историческихъ работы. Первая озаглавлена: «Отечественная война въ письмахъ современниковъ», а вторая, составляющая продолженіе предыдущей,—«Письма главныхъ дѣятелей въ царствованіе Александра I» (послѣдняя вышла и отдѣльнымъ изданіемъ). Письма эти, сплошь и рядомъ адресованныя очень близкимъ людямъ и родственникамъ, представляютъ собою цѣлое откровеніе; въ нихъ съ точностью и необыкновенно живо рисуются и тогдашнія событія и дѣятели; ярко опредѣляются взгляды и убѣжденія корреспондентовъ, и вносится очень многое къ болѣе точному уясненію и пополненію матеріала, заключающагося въ официальныхъ источникахъ. Помимо примѣчаній, издатель приложилъ сюда и обильную библиографію, и тѣмъ еще болѣе усилилъ восторгъ критиковъ, называвшихъ «Письма» «выдающимся произведеніемъ».

Вслѣдъ за этимъ Николай Оедоровичъ помѣстилъ въ 47 томѣ «Записокъ» академіи наукъ «Депеши посланника Я. И. Булгакова. 1779—1798 г.г.», и приступилъ къ изданію на средства академіи наукъ богатаго собранія документовъ, извлеченныхъ имъ изъ разныхъ архивовъ, о присоединеніи Крыма къ Россіи; въ теченіе 1885—1889 гг. вышло четыре тома этого собранія, подъ заглавіемъ: «Присоединеніе Крыма къ Россіи. Рескрипты, письма, реляціи и донесенія. 1775—1782 г.г.».

По порученію же академіи наукъ, онъ сталъ продолжать начатое еще Н. В. Калачевымъ изданіе «Докладовъ и приговоровъ правительствующаго сената въ царствованіе Петра I», и къ прежде напечатаннымъ двумъ томамъ присоединилъ еще три, изъ которыхъ каждый томъ состоялъ изъ двухъ книгъ (послѣдняя книжка вышла въ свѣтъ въ 1897 г.). Какъ бы въ видѣ продолженія документальной исторіи перваго верховнаго правительственнаго учрежденія Россіи, Н. О. Дубровинъ напечаталъ «Протоколы, журналы и указы Верховнаго Тайнаго Совѣта. 1726—1730 гг.» въ «Сборникѣ Императорскаго Историческаго Общества» (т. XXXV, LVI, LXIII, LXIX, LXXIX, LXXXIV и XCIV).

Ровно за два года до избранія Н. О. Дубровина въ члены академіи наукъ, ко дню исполнившагося столѣтія со времени казни Пугачева, вышелъ въ свѣтъ одинъ изъ крупнѣйшихъ трудовъ

нашего историка, озаглавленный: «Пугачевъ и его сообщники» (Спб., 1884 г., 3 тома). Для составленія его авторъ, помимо печатной литературы, пользовался слѣдственнымъ дѣломъ о Пугачевскомъ бунтѣ и собралъ и критически разработалъ все, что только можно было отыскать въ правительственныхъ центральныхъ и мѣстныхъ архивахъ, а также и въ нѣкоторыхъ частныхъ; благодаря этому, ему удалось выяснитъ съ достаточною точностью причины бунта и представить яркую характеристику состоянія тогдашняго общества. Благодаря такого рода достоинствамъ вмѣстѣ съ живымъ и яснымъ изложеніемъ, названный трудъ Николая Федоровича былъ привѣтствованъ въ современной критической литературѣ, какъ «капитальное приобрѣтеніе», равнаго которому нѣтъ и по настоящее время.

Одновременно съ вышеприведенными трудами, Н. О. Дубровинъ еще съ 1876 года редактировалъ «Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи», издавъ по 1899 г. десять томовъ. Каждый томъ «Сборника» раздѣляется на два отдѣла: въ первомъ изъ нихъ помѣщены высочайшіе указы, рескрипты и повелѣнія, состоявшіеся по канцеляріи, начиная съ 1812 года; а во второмъ—болѣе интересные историческіе матеріалы для исторіи Отечественной войны и вообще царствованія Александра I. Среди послѣднихъ находятся: свѣдѣнія о состояніи войскъ; сообщенія объ экономическомъ положеніи Россіи за извѣстный годъ, о положеніи финансовъ; доклады по управленію крайними и вновь присоединенными областями; переписка главнѣйшихъ дѣятелей того времени; матеріалы для исторіи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (между прочимъ, двѣ записки: одна, принадлежащая Н. И. Тургеневу, а другая—князю Гагарину); матеріалы по исторіи учреждений императрицы Маріи; множество данныхъ для характеристики императора Александра Благословеннаго, его взглядовъ и стремленій, а также для характеристики М. М. Сперанскаго, Аракчеева и другихъ многочисленныхъ дѣятелей первой четверти XIX столѣтія, и мног. друг.

Избранный въ 1893 г. непремѣннымъ секретаремъ академіи наукъ (экстраординарнымъ академикомъ былъ избранъ въ 1890 году), Н. О. Дубровинъ всецѣло посвятилъ себя академіи; предсѣдательствовалъ въ комиссіяхъ по присужденію премій, составлялъ ежегодные отчеты академіи, постоянно присутствовалъ на всѣхъ ея засѣданіяхъ, редактировалъ многочисленныя ея изданія—и вообще былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ академіи, понесшей съ его смертію тяжелую и незамѣнимую утрату.

Другимъ дѣломъ послѣ академіи наукъ, поглощавшимъ большую часть свободнаго времени у нашего историка, были его занятія въ архивахъ, въ которыхъ онъ не переставалъ рыться почти

до самой смерти и въ которыхъ умѣлъ находить нужный ему матеріалъ. Несмотря на то, что, благодаря своему трудолюбію и неутомимой энергіи, онъ и при жизни успѣлъ напечатать очень многое, тѣмъ не менѣе отъ него осталось еще множество архивнаго матеріала, частію даже не систематизированнаго... Преимущественно найденный имъ архивный матеріалъ послужилъ содержаніемъ и для позднѣйшихъ его работъ, каковыми были: «Бумаги графа Арс. Андр. Закревскаго. 1812—1831 г.» (въ Сборникѣ Императорскаго Историческаго Общества», т.т. LXXIII и LXXVIII); и «Матеріалы и черты къ біографіи Наполеона I и къ исторіи его царствованія» (ib., т. XCVIII); «Наполеонъ I въ современномъ русскомъ обществѣ и въ русской литературѣ» (въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1895 г., №№ 2—6); «Наши мистики-сектанты» (въ «Русской Старинѣ», за 1894, 1895 и 1896 г.г.). Обширный послѣдній трудъ особенно любопытенъ; онъ вноситъ очень много новаго для выясненія мистицизма въ Россіи, господствовавшаго при Александрѣ I, и вообще для исторіи русскаго масонства, и заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ блестящихъ характеристикъ и біографическихъ очерковъ (напримѣръ, Лабзина, Татаринова, Дубовицкаго, Кондратія Селиванова, Лохвицкаго, Е. А. Головина и мн. др.).

Съ назначеніемъ Н. К. Шильдера въ 1896 году директоромъ Императорской Публичной бібліотеки, редактированіе журнала «Русская Старина» перешло къ Н. О. Дубровину. Помимо тяжести труда редактированія, нашъ неутомимый изслѣдователь почти въ каждой книжкѣ журнала помѣщалъ свои статьи, некрологи, бібліографическія замѣтки и проч., иногда даже безъ подписи или подписанные одними инициалами: «Н. Д.». Изъ числа ихъ назовемъ хотя бы слѣдующія: «Нѣсколько словъ въ память императора Николая I» («Русская Старина», 1896 г., № 6); «Графъ Аракчеевъ: графъ Аракчеевъ—нѣжный сынъ, дамскій кавалеръ, шутникъ и защитникъ артиллеріи» (ib., 1900 г., № 1); «Жуковскій передъ судомъ с.-петербургскаго цензурнаго комитета» (ib., 1900 г., № 10); «Великій князь Константинъ Павловичъ въ сомнѣніяхъ и отрицаніяхъ современныхъ ему порядковъ» (ib.); «Записка М. М. Сперанскаго о вѣроятности войны съ Франціей послѣ Тильзитскаго мира» (ib., № 1); «Князь П. И. Шаликовъ» (ib., 1901 г., № 1); «Французскій парламентъ въ Петроваводскѣ» (ib., 1902 г., № 10); «В. А. Жуковскій и его отношенія къ декабристамъ» (ib., 1902 г., № 4); «Н. А. Полевой. Его сторонники и противники по Московскому Телеграфу» (ib., 1903 г., № 2); «Графъ А. Х. Бенкендорфъ и В. Н. Каразинъ» (ib., № 4) и мн. др.

Но, помимо этихъ мелкихъ сравнительно статей на страницахъ «Русской Старины», появились и два обширныхъ изслѣдованія Н. О. Дубровина. Въ первомъ изъ нихъ: «Русская жизнь въ на-

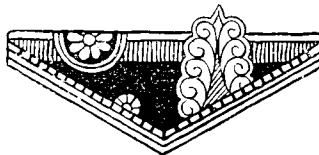
ча лѣ XIX столѣтія» теченіе (печаталось въ 1899—1902 гг.)—говорится по преимуществу о военныхъ дѣйствіяхъ, во время нахождения войскъ въ юго-западныхъ губерніяхъ, о состояніи общества въ по лѣднихъ, о состояніи образованности въ краѣ, о дѣятельности Адама Чарторыйскаго, объ образованіи Виленскаго учебнаго округа, дѣятельности Варшавскаго общества любителей наукъ и проч. Второй трудъ—«Послѣ Отечественной войны (изъ русской жизни въ началѣ XIX вѣка)», печатался въ теченіе 1903 (№№ 11 и 12) и 1904 гг. (№№ 1—3); онъ посвященъ описанію празднествъ, послѣдовавшихъ послѣ заключенія мира и возвращенія императора; положенія и дѣятельности правительствующаго сената; состоянія администраціи въ западныхъ губерніяхъ и «истиннаго положенія внутренней жизни Россіи»; затѣмъ—изображенію взглядовъ Александра I на обязанности правительства, его охлажденія къ людямъ и дѣламъ и пристрастія къ иностранцамъ; указанію первыхъ признаковъ общественнаго движенія и проч., и проч.

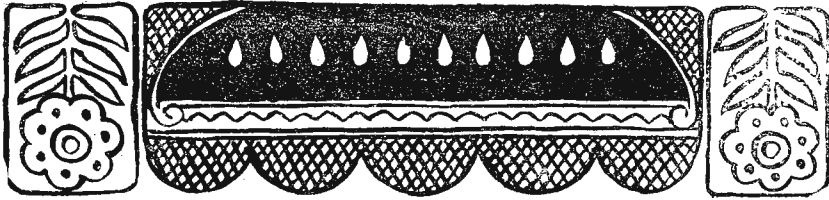
Въ заключеніе нашего обзора учено-литературной дѣятельности Н. О. Дубровина мы считаемъ необходимымъ указать еще на нѣкоторые его труды, а именно на статьи: «Братья Потемкины на Кавказѣ» (въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1878 г., №№ 11 и 12); «Генералъ отъ инфантеріи П. П. Липранди. Біографическій очеркъ» (въ «Военномъ Сборникѣ» 1871 г., т. LXXX); «Войны Россіи съ Турціей. Краткій военно-политическій очеркъ» (ib., 1877 г., №№ 1—6); «Памяти Н. А. Попова» (въ «Запискахъ академіи наукъ» за 1892 г.) и «Кавказскія войны въ царствованіе Николая I и Александра II (1825 — 1864) — напечатано въ «Обзорѣ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней. Пособіе для изученія военной исторіи въ военныхъ училищахъ» (Спб., 1896 г.), и на книгу: «Н. М. Пржевальскій. Біографическій очеркъ» (Спб., 1890 г.), представляющій собою едва ли не лучший трудъ о знаменитомъ нашемъ путешественникѣ.

Въ послѣдніе годы своей жизни Николай Оедоровичъ занимался въ государственномъ архивѣ собираніемъ матеріаловъ для исторіи декабристовъ; намъ остается только пожелать, чтобы эти матеріалы не затерялись и поскорѣ увидѣли свѣтъ.

Какъ человекъ, покойный отличался добротою, охотно дѣлился свѣдѣніями со всѣми обращающимися къ нему и былъ желаннымъ о занимательнымъ собесѣдникомъ.

В. Е. Рудаковъ.

БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО.

I.

Влюбленный подьячій ¹⁾).

ГОРОДЪ Саранскъ, Пензенской губерніи, одинъ изъ первыхъ взятый нѣкогда шайками Разина, и въ началѣ XVIII вѣка представлялъ еще слѣды разрушенія. Для окончательной достройки города въ Саранскѣ существовала «комиссія», въ которой письменныя дѣла велъ подьячій мѣстной воеводской канцеляріи, Ѳеодоръ Ивановъ Соколовъ.

Соколовъ считался однимъ изъ первыхъ щеголей въ городѣ. Когда появился царскій указъ о ношеніи иноземнаго платья, то первымъ саранцемъ, появившимся на улицахъ города въ новомъ платьѣ-камзолѣ, чулкахъ и башмакахъ при шляпѣ, былъ молодой Ѳеодоръ Соколовъ. Кромѣ щегольства, подьячій былъ отчаяннымъ женскимъ сердцеѣдомъ. Всѣхъ миловидныхъ дѣвушекъ своего города онъ зналъ наперечетъ и за рѣдкой изъ нихъ не ухаживалъ. Жилъ онъ въ Саранскѣ своимъ дворомъ вмѣстѣ съ матерью, еще не старою вдовою, Аксиныю Тимошеевной, и немало было ей принесено жалобъ на сына за «дерзкіе его поступки» съ дочерьми мѣстныхъ жителей.

¹⁾ Моск. архивъ министерства юстиціи. Книга правительствующаго сената, № 1547, лл. 607—652. Собственныя имена, какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующихъ очеркахъ, принадлежатъ подлиннику.

Въ числѣ саранскихъ дѣвушекъ, которыхъ Соколовъ отличалъ передъ другими, была дочь посадскаго, Ульяна Власьева Власьева. Стройная, черноокая, съ сросшимися бровями, краснощекая, она была предметомъ постояннаго вниманія Соколова.

— Когда же, Ульяша, меня улыбкой подаришь? — спросить ее бывало при встрѣчѣ подъячій.

— Когда сватовъ къ родителямъ прилешь, — отвѣтитъ дѣвушка и постарается, какъ можно скорѣе, уйти отъ Соколова.

Но, какъ видно, Ульяна сильно защемила сердце подъячаго, потому что, какъ ни бился онъ съ Власьевою, а въ концѣ концовъ долженъ былъ открыться матери, что ему посадская дочь очень нравится. Мать сказала, что ничего дурнаго за дѣвушкой не замѣчала; казалось ей только, что Ульяна «горда немного». Но такъ какъ сыну уже исполнилось 28 лѣтъ, и онъ былъ не женатъ, то она съ радостію ухватила за его мысль, и въ началѣ 1710 года въ соборной Саранской Спасской церкви состоялась свадьба Соколова съ Ульяной Власьевою.

Года три послѣ женитьбы прожилъ Соколовъ счастливо, но потомъ сталъ замѣчать къ себѣ нѣкоторую холодность со стороны жены; особенно сильно чувствовалъ онъ ея неудовольствія, когда оказывалъ почтеніе и ласки своей матери. Звѣремъ тогда глядѣла она на мужа.

— Ступай къ матери! — угрюмо смотря въ сторону, говаривала Ульяна, когда подъячій съ цѣлью примиренія старался ее обнять.

Пробовалъ было Соколовъ подарками привязать жену къ себѣ, но и это мало помогало. Въ концѣ 1715 года, при поѣздкѣ своей по дѣламъ службы въ Казань, купилъ онъ женѣ рѣдкую вещь: «полушлафорокъ обьяриновый померанцевый, кругомъ обложенъ сѣткою серебряной», за 60 рублей. Полушлафорокъ оказалъ желанное дѣйствіе — Ульяна стала ласковѣе къ Федору, но не надолго: едва стала уменьшаться прелесть новизны въ подарокѣ, натянутыя отношенія опять возобновились между мужемъ и женою. А скорѣе въ городѣ начали поговаривать, что Федоръ Ивановичъ сталъ попивать, бывать въ обществѣ «гулящихъ женокъ» и приводить ихъ даже къ себѣ на дежурство въ воеводскую канцелярію.

Наступилъ 1716 годъ; въ началѣ его въ Саранскъ прибылъ «фискаль» Петръ Нечаевъ, посланный по указу сената для ревизіи дѣлъ воеводской канцеляріи. Соколовъ еще раньше говорилъ матери, что новый «високосный» годъ тяжелъ для него будетъ. Предчувствіе его не обмануло. Въ самый Касьяновъ день 29 февраля фискаль Нечаевъ въ присутствіи воеводской канцеляріи строго спросилъ Соколова:

— Въ прошломъ году съ татарскихъ деревень банныя деньги въ поступленіи были?

— Были,—оторопѣвъ отвѣтилъ подъячій.

— А почему на приходъ не показаны?

— По простотѣ записать запомятоваль, — заминаясь сказалъ Соколовъ.

— А медовой оброкъ мордва вносила?—вновь услышалъ Федоръ Ивановичъ.

— Вносила!—краснѣя произнесъ онъ.

— Почему не заприходованы?

Соколовъ опять сослался на безпамятство.

По подсчету фискала, оказалось, что Соколовымъ было получено и не записано на приходъ болѣе 30 рублей. По рѣшенію саранскаго «лантрата» Аристова, деньги эти велѣно было доправить на Федорѣ Соколовѣ и кромѣ того, взыскать штрафъ впятеро противъ присвоенной послѣднимъ суммы. Такъ какъ такихъ денегъ Соколовъ уплатить былъ не въ состояніи, то для дальнѣйшаго движенія дѣла его подъ карауломъ отослали въ Казанскую губернскую канцелярію. Здѣсь, по прошествіи года, подъ тягостью содержанія, онъ сказалъ «слово и дѣло», но по разспросу оказалось, что оно было затѣяно ложно, въ надеждѣ на освобожденіе изъ-подъ караула, и Соколовъ остался въ Казанской тюрьмѣ.

31 марта 1718 года три пьяныхъ солдата стоявшаго въ Саранскѣ Рязанскаго полка ночью взломали клѣтъ при домѣ соборнаго діакона Федора Степанова и вытащили оттуда всѣ пожитки, но были пойманы на другой же день вмѣстѣ съ покраденными вещами. Въ числѣ послѣднихъ, къ удивленію полкового начальства, оказались воровскіе денежныя инструменты: наковальни, набойники, мѣдныя дощечки и слитокъ изъ мѣди и серебра, изготовленный для чекана денегъ. Во дворѣ діакона былъ сдѣланъ обыскъ, и здѣсь нашли зарытые въ землю молотъ большой желѣзный да доску волочильную. Взятый подъ карауль, діаконъ Федоръ Степановъ показалъ было, что не знаетъ, какъ инструменты попали къ нему въ клѣтъ; потомъ передъ пыткой сознался, что онъ дѣйствительно дѣлалъ этими инструментами для своей нужды воровскія мелкія деньги въ степи и оговорилъ при этомъ находящагося въ Казани подъ заключеніемъ подъячаго Федора Соколова, что онъ послѣднему давалъ для сбыта воровскія копейки.

Соколова изъ Казани вмѣстѣ съ «раздьякономъ» Федоромъ переслали въ Москву въ приказъ Большой казны. Здѣсь имъ была дана очная ставка, на которой Соколовъ себя виновнымъ въ сбытѣ воровскихъ денегъ не призналъ. Передъ пытку же «раздьяконъ» винулся и сказалъ, что Соколову онъ тѣхъ денегъ не

давалъ, что затѣялъ на него ложно, по прежней ихъ недружбѣ и по злобѣ за то, что подъячій не разъ его ругалъ бранными словами.

Однако, чтобы провѣрить невинность Соколова, было предписано и въ его домѣ въ Саранскѣ произвести обыскъ. Подозрительнаго у него ничего не оказалось, какъ донесла воеводская канцелярія, но изъ кармана платья подъячаго были вынуты пять писемъ, признаваемыхъ канцеляріею «воровскими, заговорными, еретическими».

Объ этихъ письмахъ Соколову былъ сдѣланъ допросъ въ юстицъ-коллегіи. Здѣсь ему прочли прежде четыре письма, написанныхъ его рукою ¹⁾.

Первое (проговорить трижды).

«На морѣ на окіанѣ на островѣ на Буянѣ и тута ходилъ, и тута гулялъ, и тутъ-то буялъ, и тутъ-то искалъ рабъ Божій Ѳеодоръ зговорить раба Божія (имя рекъ). И ты море окіана или гдѣ видала, или слыхала, либо ходилъ тутъ, либо гулялъ тутъ рабъ Божій (имркъ), мнѣ было надобно его жарка, а море окіана зговорить раба Божія (имркъ). И ты раба Божія (имркъ) гдѣ тутъ быти, гдѣ ходити, гдѣ гуляти, гдѣ буяти, тутъ рабъ Божій (имркъ) черные вороны костей не занесетъ, зговорить раба Божія (имркъ). У меня рабы Божія (имркъ) одна душечка, и та по рабѣ Божиємъ (имркъ) высохла, что щепочка. И какъ на церкви крестъ повершенъ, міръ крещеный, народъ Божій къ ней приклонились, и такъ бы раба Божія (имркъ) ко мнѣ рабу Божиему (имркъ) приклонилась бы всѣмъ сердцемъ, всѣмъ животомъ своимъ, и вѣруеть своей правдой, и душой и тѣломъ своимъ и по всякъ день, и по всякъ часъ, и во днѣ, и въ полуднѣ, и въ ноцѣ и въ полуноцѣ, и въ часу и въ получасѣ, молоду и полумолоду, ветху и полуветху, и подпольные оба сходы моему стиху приговоръ воприсно, во вѣки вѣковъ, аминь. Что задумано, замыслено — то мое, — проговорить трижды».

Второе.

«На морѣ на кіянѣ. Кіянъ лаверъ посылаетъ людей въ чистое поле и въ темные лѣса сухихъ дровъ братъ охрапковъ и захребетковъ, и бѣль-горючъ камень не зворотитъ, расклатъ огнекъ у рабы Божія (имркъ) промежду т...ъ на грудяхъ и разжечь у нея въ бѣломъ тѣлѣ душу и ретивое сердце. А какъ сохнетъ сухое дерево отъ сердца своего и отъ своихъ кореньевъ, и такъ бы сохла раба Божія (имркъ) обо мнѣ рабѣ Божиємъ (имркъ) въ день и въ ночь, и по днемъ и по ночамъ и по часамъ и полуденнымъ часамъ

¹⁾ Всѣ пять писемъ приводятся изъ документа дословно.

и полуночнымъ часамъ, и въ получасъ, и денными и ноцными часами. Замыкаетъ же рабъ Божій (имркъ) у рабы Божіи (имркъ) въ бѣломъ тѣлѣ душу и ретивое сердце въ тридевять нѣмецкими замками, относитъ ключи на синее море, кладетъ подъ бѣлъ бѣлучъ камень. И колдунамъ и вѣдунамъ на море не бывать, и синее море не пересушать и отъ рабы Божіи (имркъ) тоски и кручины не отводить. И во имя Отца, и Сына, и Святого Духа аминь, аминь, аминь. Проговорить трижды на винѣ и на соли и на орѣхахъ».

Третье.

«Господи Иисусе Христе Боже нашъ! помилуй насъ. Аминь. Ой ты еси заря Марья, заря Маремьяна, подите вы въ окіянтъ море— есть во кіянтъ морѣ лежитъ мѣдная доска, на той мѣдной доскѣ лежитъ мѣдная доска—вѣтца, извиваетца, къ мѣдной доскѣ прижимается. И вы, двѣ доски, заря Марья, заря Маремьяна, возьмите тое доску и понесите чрезъ море, и черезъ рѣки, и черезъ потоки, и черезъ почины, и черезъ горы, и черезъ доли, и черезъ темные лѣса и нигдѣ ее не уроните и донесите до рабы Божіи Ульяны и зажгите у нея 70 жилъ и 70 суставовъ, хоть и похотятъ на меня раба Божія Ѳедора, а по тому слову ключъ да замокъ самъ Христосъ. Аминь, аминь, аминь. Проговорить трижды на соли или на чемъ нибудь, хотя на полѣ».

Четвертое.

«Пресвятая Богородица, Знаменіе Христово, Матерь Божія! знаменовала Ты Господа нашего истиннаго Христа, знаменуй Ты насъ, рабовъ своихъ (имркъ), такожде, и какъ мы, рабыни божія, въ любви и въ совѣтѣ сходились, и такъ же мы рабы подъ однимъ вѣнцомъ стояли у Христа, и законъ Божій принимали, и одну чару перепивали, и намъ такожь, рабынямъ своимъ Божіимъ (имркъ), жити въ любви и въ совѣтѣ отнынѣ и до вѣка. Нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу отнынѣ и до вѣка. Проговорить трижды на соли».

— Эти письма пересказалъ мнѣ саранскій солдатъ Климъ Кашига,—отвѣтилъ Соколовъ въ юстицъ-коллегіи на вопросъ судьи.— Знатно, отъ лихихъ людей у меня съ женой совѣта не было,— продолжалъ подьячій,—что многимъ извѣстно. Письма я переписалъ своею рукою и почасту твердилъ, чтобъ жить съ женою въ согласіи; но, что по испытаніи отъ того явится, я до сихъ поръ не знаю.

Соколову прочли пятое письмо, писанное не его рукою:

«Во имя Отца и Сына и Святого духа. Лязи рабъ Божій (имркъ) помолясь, встану перекрестясь, пойду изъ избы дверями, съ двора

вороты въ чистое поле, путемъ дорогою скрозь краснаго солнца, скрозь краснаго мѣсяца, скрозь бѣлой зари, скрозь свѣтлой Анны, скрозь частыхъ звѣздъ. И какъ красное солнце и свѣтлый мѣсяцъ и бѣлая заря и свѣтлая луна и частыя звѣзды какъ преклоняются къ Ерусалиму, Господню Гробу, такъ бы преклонялись ко мнѣ, рабу Божию (имркъ), какъ радуются и преклоняются, посадятъ паря на царство князья и бояря и всѣ православные христіане и престольныя власти; и какъ бы преклонялись рабу Божию (имркъ) по мое слово и по мой заговоръ, и будетъ, и будетъ, и будетъ мое слово крѣпко надъ моимъ словомъ, слово крѣпкое моему слову ключъ и замокъ финбирь. Заклиналъ замокъ финбирь, «закъ—и каждакъ—какъ», проговорить трижды».

— Такое письмо далъ мнѣ свойственникъ мой, оно его же рукою и написано, села Никольскаго, Летки тожъ, попа Петра Мосолова сынъ Осипъ, во время моей службы, чтобъ судьи ко мнѣ добры были,—сказалъ Соколовъ.

Подьячій былъ снова взятъ подъ караулъ. Спустя нѣкоторое время, былъ разысканъ и доставленъ въ юстицъ-коллегію солдатъ Климъ Кашига; онъ подтвердилъ, что писалъ письма дѣйствительно для Соколова, чтобъ ему жить съ женой въ совѣтѣ и чтобы ему, Ѳедору, «жечь сердца женскія, какъ огонь». Поповичъ же Мосоловъ дома найденъ не былъ.

Послѣ этихъ допросовъ Соколовъ былъ отосланъ въ Петербургъ, гдѣ долженъ былъ дать показанія сначала въ военной коллегіи, гдѣ разбиралось дѣло о кражѣ саранскими солдатами пожитковъ у діакона, а въ надворномъ судѣ—по дѣлу послѣдняго. О «волшебныхъ письмахъ», вынутыхъ изъ кармана его платья, Соколовъ допрашивался въ синодѣ. Въ 1724 г. изъ-подъ караула «былъ посланъ въ адмиралтейство на работу», гдѣ получалъ только 2 копейки въ день кормовыхъ денегъ, подавалъ нѣсколько челобитныхъ объ окончаніи дѣла, а оно все тянулось и тянулось.

Наконецъ дѣло Соколова было передано въ «кабинетъ». Въ мартѣ 1727 г. кабинетъ-секретарь Черкасовъ докладывалъ его государынѣ и получилъ слѣдующую резолюцію:

«Понеже раздьяконъ Ѳедоръ Степановъ его, Соколова, очистилъ, и онъ пытанъ безвинно, то за его безвинное терпѣніе и долготѣнее подъ арестомъ содержаніе и по силѣ милостивыхъ указовъ вину его отпустить, а что письма нашлись, яко волшебныя, то для того его, Соколова, послать въ синодъ, чтобъ учинилъ передъ народомъ покаяніе».

Но императрица скоро скончалась, и только въ концѣ 1728 г. дѣло Соколова подвинулось къ развязкѣ.

7 ноября, по указу синода, въ Большой Успенскій соборъ, до начала обѣдни, подъ карауломъ былъ къ самому амвону подведенъ Соколовъ. Передъ чтеніемъ часовъ, съ крестомъ въ рукѣ къ

нему вышелъ священникъ и въ присутствіи собравшихся богомольцевъ предложилъ подьячему повторять за нимъ слѣдующія слова:

«Объщаюся впредь никакой противности святой церкви не чинить и такихъ суевѣрныхъ письмишекъ при себѣ держать или списывать, но и читать и паявуть говорить не буду, и тѣ всѣ бездѣльные бредни отречаю. А ежели впредь таковыя непотребныя письмишки при себѣ имѣть или списывать, или читать буду, и тому всему при семъ покаяніи явлюсь отрицанію нарушителемъ, и за то да будетъ поступлено со мною, какъ правила святыхъ отецъ и указы повелѣваютъ».

Однако, и послѣ этого покаянія окончательное рѣшеніе сената по дѣлу саранскаго подьячаго состоялось только 5 августа 1729 г. Определено: Соколова освободить, а «волшебныя письмишки истребить чрезъ палача». Тогда же подьячій далъ подписку «жить въ своемъ домѣ въ Саранскѣ безотлучно и въ Москву не бывать».

Такимъ образомъ, только черезъ 13 лѣтъ вернулся Соколовъ домой, вся молодость его прошла въ тюремномъ содержаніи. Еще до своего освобожденія ему стало извѣстно, что его мать вторично вышла замужъ. Въ его домѣ осталась одна жена. Нашелъ ли онъ, наконецъ, съ нею тотъ «совѣтъ», изъ-за котораго такъ тяжело пострадалъ, слѣдственное дѣло отвѣта не даетъ.

II.

Семейные счеты ¹⁾.

Въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія, въ селѣ Кривцовѣ, Курскаго уѣзда, жилъ старикъ помѣщикъ, Иванъ Анисимовичъ Ступишинъ, окруженный многочисленною семьей. Въ «одномъ покоѣ» съ старикомъ жила его дальняя родственница, не старая еще вдова Ефрема Григорьевича Ступишина, Ирина Никитична. Послѣдняя вдовствовала уже второй разъ, а отъ перваго мужа имѣла пасынковъ, мальчиковъ 10 и 12 лѣтъ, Матвѣя и Василія Козловыхъ, воспитывавшихся въ домѣ Ивана Анисимовича. Здѣсь же помѣщалась семья племянника старика, квартирмистра Сѣвскаго полка Карпа Васильевича Ступишина, состоявшая изъ больной его жены и нѣсколькихъ человѣкъ дѣтей. Квартирмистръ самъ здѣсь не жилъ, а, когда позволяла служба, пріѣзжалъ только въ домъ дяди на побывку.

Наконецъ, главною хозяйкою Кривцовскаго дома являлась жена старшаго сына Ступишина, Ивана Ивановича, Екатерина Демен-

¹⁾ Моск. архивъ министерства юстиціи, дѣло Сыскаго приказа, № 5426, изъ явки 284.

твенна, рожденная Звѣрева. Старшій сынъ Ивана Анисимовича дослужился до секундъ-майорскаго чина и вышелъ въ отставку; женатъ онъ былъ болѣе 10 лѣтъ, но дѣтей не имѣлъ. Его жена, Екатерина Дементьевна, считалась очень красивой, но въ то же время хитрой и властной женщиной, державшей весь домъ въ своихъ рукахъ. Не только мужъ и свекоръ подчинились ея вліянію, но даже «вторая хозяйка», какъ называли Ирину Никитичну, слѣпо ей повиновалась, жила съ Екатериной Дементьевной «въ великой неразрывной дружбѣ», и было извѣстно, что Ирина Никитична, помимо своихъ пасынковъ, все состояніе, полученное отъ родителей, а оно было очень значительно, завѣщаніемъ отказывала женѣ старшаго сына Ивана Анисимовича.

Въ шести верстахъ отъ Кривцова, въ деревнѣ Алексѣевкѣ жилъ второй сынъ старика Ступишина, также отставной секундъ-майоръ, Алексѣй Ивановичъ, только годомъ моложе своего старшаго брата, «отдѣленный отцомъ» вскорѣ послѣ своей женитьбы и получившій въ надѣлъ названную деревню Алексѣевку. Хотя въ долѣ Алексѣя Ивановича было въ пять разъ менѣе крестьянскихъ душъ, чѣмъ въ отцовской вотчинѣ, но старикъ рѣшительно объявилъ своему второму сыну, чтобъ онъ на наслѣдство послѣ него не считывалъ, что все пойдетъ его старшему брату. Были слухи, что старикъ былъ недоволенъ женитьбой Алексѣя Ивановича, и знакомымъ Ступишиныхъ всегда казалось страннымъ, изъ-за чего могъ быть недоволенъ своею снохою Иванъ Анисимовичъ. Жена Алексѣя Ивановича, Авдотья Степановна, урожденная Ушакова, была кроткая, разсудительная и такъ же, какъ и Екатерина Дементьевна, очень красивая женщина, къ тому же принесшая своему мужу состояніе, втрое превышавшее его собственное. Съ мужемъ они жили «душа въ душу», имѣли многочисленное потомство. Авдотья Степановна любила читать и двухъ подроставшихъ дѣтей сама начала учить грамотѣ, чему очень завидовала ея невѣстка, Екатерина Дементьевна, не могшая одолѣть книжной премудрости и оставшаяся неграмотной. Не имѣя дѣтей, жена старшаго сына Ступишина завидовала также семейному счастью своей невѣстки.

— Хоть бы мнѣ половину своего чадородія уступила!— не разъ говорила она Авдотѣ Степановнѣ.

— Молись усердиѣ Богу, будь терпѣлива и добра къ людямъ,— со вздохомъ обыкновенно отвѣчала ей та.

Но года шли за годами; Екатерина Дементьевна съѣздила не въ одинъ монастырь, исходила пѣшкомъ на богомолья много вереть, а потомства у нея все не было.

Отношенія двухъ домовъ «старога» Кривцовскаго и «новаго» Алексѣевскаго были довольно странныя. Алексѣй Ивановичъ Ступишинъ, выйдя въ отставку и поселясь въ деревнѣ, сдѣлался образцовымъ хозяиномъ; почти половину крестьянъ, взятыхъ въ

приданое за женою, онъ вывелъ къ себѣ, населилъ ими Алексѣевскіе выселки; не имѣя приказчика, съ утра до ночи самъ хлопоталъ по вотчинному управленію въ то время, когда все домашнее хозяйство и дѣти были на рукахъ жены. И онъ и его жена Авдотья Степановна были очень почитательны къ старику Ступишину, не пропускали ни одного праздника, ни одного семейнаго дня, чтобы не принести «батьшкѣ» обычнаго поздравленія. Но, кромѣ этихъ «должныхъ» посѣщеній, Алексѣевскіе помѣщики никогда не бывали въ «старомъ» кривцовскомъ домѣ. Зато кривцовскіе обитатели частенько заглядывали въ Алексѣевку: недѣли не проходило, чтобы кто нибудь изъ нихъ не побывалъ тамъ. Особенно же часто пріѣзжали сюда Екатерина Дементьевна вмѣстѣ съ Ириной Никитичной. У Авдотьи Степановны въ домѣ на полкахъ находилась цѣлая груда печатныхъ книгъ и рукописей, написанныхъ, точно напечатанныхъ, славянскими буквами, и пріѣзжія очень любили, когда хозяйка дома брала ту или другую тетрадку, а иногда и цѣлый сборникъ, и читала имъ то «Поученіе о благоговѣнномъ стояннїи въ храмѣ Божіемъ», то «Слова о восшествїи на престолъ императрицы Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны», или «Слово архіепископа новгородскаго и с.-петербургскаго Амвросія въ высочайшїй день рожденія императрицы Елизаветы Петровны», то «Слово Гедіона Криневскаго надгробное въ святой великій пятокъ» и многія другія.

Однажды, это было въ августѣ мѣсяцѣ 1751 года, Екатерина Дементьевна пріѣхала къ своей невѣсткѣ съ утра и у нея ночевала. Вечеромъ, по просьбѣ своей гостыи, Авдотья Степановна читала ей «книжки», а на слѣдующій день до обѣда жена старшаго изъ братьевъ Ступишинныхъ уѣхала домой. Не прошло и часа времени послѣ ея отѣзда, какъ вдругъ съ хозяйкою дома сдѣлалось дурно: какъ стояла, такъ и упала въ безпамятствѣ.

— Потомъ,—разсказывала впослѣдствїи Ступишина,—когда я очнулась, по тѣлу пошла опухоль съ красными и синеватыми пятнами, которыя то пропадали, то черезъ сутки вновь появлялись.

— Ужъ не съ глазу ли Екатерины Дементьевны! — говорили дворовые, узнавшіе о болѣзни своей госпожи.

Положеніе Авдотьи Степановны было такъ плохо, она такъ ослабла, что нашли нужнымъ ее причастить. Однако, спустя недѣлю, опухоль и пятна исчезли, но у больной появилась «великая тоска», всегда усиливавшаяся «въ исходѣ мѣсяца до тѣхъ поръ, пока новый мѣсяцъ не окажется».

Наконецъ Ступишина съ постели встала, но тоска по нѣсколькимъ днямъ въ мѣсяцъ все еще продолжалась. Во время болѣзни пріѣзжали навѣщать ее родные и знакомые, бывали и Екатерина Дементьевна съ Ириной Никитичной. Все время, когда была больна Авдотья Степановна, за нею ходила ея родная сестра Лукерья Степановна, бывшая въ замужествѣ за секретаремъ юстицъ-кол-

легія и пріѣхавшая нарочно изъ Москвы. По выздоровленіи сестры, съ которой онѣ жили дружно, Лукерья Степановна уѣхала домой, а при сестрѣ оставила своего сына, Гавріила Борисова Макова, 14-ти-лѣтняго мальчика, любимца Авдотьи Степановны.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Лукерьи Степановны, въ воскресенье послѣ Николина дня, въ Алексѣевку опять съ утра пріѣхали кривцовскіе помѣщики Екатерина Дементьевна съ Ириной Никитичной и квартирмейстеръ Карпъ Васильевичъ Ступишинъ. Гости были оставлены обѣдать, а послѣ обѣда долго еще толковали въ спальнѣ хозяйки. Передъ сумерками одна изъ гостей, Екатерина Дементьевна, незамѣтно проскользнула въ сѣни и за разговорами такъ ловко исчезла, что отсутствіе ея замѣчено не было.

Въ сѣняхъ кривцовскую помѣщицу встрѣтила молодая, 18-ти лѣтъ, дворовая женка Ѳекла Родіонова.

— Приготовила?—спросила ее Ступишина.

— Вотъ оловянная тарелка, вотъ стаканъ, что стояли сегодня у боярыни за обѣдомъ,—отвѣтила Ѳекла.

— Что же тебѣ надоѣло платье на Авдотьиныхъ ребятъ шить?—спросила ее вновь Ступишина.

— Ужъ такъ надоѣло, такъ надоѣло, что готова въ ножки поклониться, когда бъ меня въ дворъ къ мужу совсѣмъ отпустили,—быстро заговорила Ѳекла.—Что прибыли, что Авдотья Степановна выучила меня косынки и башмаки шить? Какъ новый ребенокъ, такъ мнѣ же на него платье должно готовить.

— Такъ ты бы хотѣла, чтобъ дѣтей у Авдотьи Степановны болѣе не было? Тогда слушай и исполняй, что прикажу.

— Вотъ эту тарелку и стаканъ надо прилѣпить на ту сторону въ сѣняхъ, гдѣ солнце восходитъ, а на другой день—на противоположную, но только непременно раннимъ утромъ, а съ восходомъ солнца опять снять до будущаго утра, и такъ дѣлать въ теченіе цѣлаго мѣсяца отъ завтрашняго дня,—скороговоркой говорила Ступишина.

— Смотри, вотъ какъ надо!—продолжала она.

Такъ какъ сѣни были холодныя, то стѣны отъ мороза были обильно покрыты инеемъ. Екатерина Дементьевна прижала сначала рукой къ стѣнѣ тарелку, потомъ стаканъ: и то и другое прилипло къ стѣнѣ.

— Завтра то же самое сдѣлаешь на той стѣнѣ!—указала Ступишина въ противоположную сторону.—Вотъ такихъ кружковъ нужно сдѣлать 30,—продолжала она, отнимая отъ стѣны тарелку и стаканъ и указывая слѣды ихъ на снѣгу.—Когда ты ихъ сдѣлаешь, тогда боярыня твоя родить болѣе не будетъ!—съ какою-то злобою

прошптала она. — Если инея въ сѣняхъ не будетъ, тогда можно отложить до слѣдующаго мѣсяца. Будь осторожна, смотри, не попадись, а черезъ недѣлю я тебя провѣдаю,—закончила свои наставленія Ступишина и, отдавъ Ѳеклѣ тарелку и стаканъ, такъ же незамѣтно, какъ ранѣе вышла, вновь появилась въ оставленномъ ею обществѣ, а чрезъ какіе нибудь полчаса, когда уже совсѣмъ смерклось, всѣ трое гостей возвращались домой въ Кривцово.

Наступили святки и новый 1752 годъ. Въ ночь на второе января владѣлецъ деревни Алексѣвки, Алексѣй Ивановичъ Ступишинъ, по предупреденію дворовыхъ, внезапно выскочилъ въ сѣни своего дома; здѣсь онъ поймалъ, какъ ему и доносили, женку Ѳеклу Родіонову съ тарелкою и стаканомъ въ рукахъ, «вывертывавшую на снѣгу круги».

Пойманная была отведена въ «сторожевую» избу и при первомъ допросѣ объяснила, что круги дѣлала для того, чтобы быть свободной и жить съ мужемъ въ домѣ.

— Не затѣвала ли ты противъ здоровья моей жены?—трясаясь отъ гнѣва, спросилъ Ступишинъ.

Ѳекла стала божиться, что ничего не замышляла.

Тогда Ступишинъ приказалъ бить ее батожемъ; Ѳекла Родіонова винилась и сказала, что вывертывать круги ее научила кривцовская помѣщица Екатерина Дементьевна Ступишина, чтобы у госпожи ея, Авдотьи Степановны, дѣтей болѣе не было, а ей, Ѳеклѣ, чтобы оттого было меньше шить косынокъ и башмаковъ. Но что «волшебныхъ словъ никакихъ ей Екатерина Ступишина при томъ не говорила».

Недавняя болѣзнь жены и случай съ вывертываніемъ круговъ заставили сильно призадуматься Алексѣя Ивановича. Сгоряча онъ хотѣлъ тотчасъ же скакать въ кривцовскій домъ и поднять тамъ переполохъ; потомъ онъ перемѣнилъ свое намѣреніе. Пойманная Ѳекла Родіонова была выдана замужъ еще менѣе года здѣсь же, въ деревнѣ Алексѣвкѣ, за крестьянскаго сына; отъ дворни онъ узналъ, что она дѣйствительно тосковала о мужѣ. Съ другой стороны, онъ зналъ, какъ опрометчиво было полагаться на показанія крестьянъ и дворовыхъ противъ помѣщиковъ; существовалъ даже указъ, воспрещавшій въ присутственныхъ мѣстахъ принимать подобныя челобитныя. Поговоривъ съ женою, Алексѣй Ивановичъ рѣшилъ пока Ѳеклу содержать «въ сторожевой избѣ» подъ присмотромъ, а при прїѣздѣ въ Алексѣвку кривцовскихъ помѣщицъ сдѣлать имъ съ Ѳеклой очную ставку.

Но дни шли за днями, недѣли за недѣлями, а онѣ все въ Алексѣвку не прїѣзжали.

Въ числѣ разнообразной дворни, пребывавшей въ домѣ Алексѣя Ивановича, въ самомъ домѣ жила молодая еще женка, Лукерья Никифоровна Елистратова. При выходѣ Авдотьи Степановны замужъ,

Лукерья была крѣпостною отца ея, Степана Петровича Ушакова, и вмѣстѣ съ приданнымъ была отправлена къ молодымъ въ Алексѣевку. Спустя три года, она была выдана замужъ за двороваго человѣка Ступишина, Захара Дмитриева, съ которымъ и имѣла помѣщеніе въ Алексѣевскомъ господскомъ домѣ. Лѣтъ до 20 она жила съ мужемъ, но однажды онъ былъ посланъ Ступишинымъ въ Москву и отсюда убѣжалъ. Съ тѣхъ поръ прошло уже 5 лѣтъ, и объ немъ не было ни слуху, ни духу. Лукерья успѣла его уже позабыть и не разъ намекала своей госпожѣ о новомъ бракѣ. Теперь ей было 25 лѣтъ, женщина она была рослая и сильная. Находясь съ малыхъ лѣтъ при своей госпожѣ, она знала хорошо всѣ ея привычки и вкусы, исполняла всевозможныя домашнія подѣлки, а въ послѣднее время на нее была возложена обязанность «приспѣвать», т. е. готовить кушанья.

У сидѣвшей въ «сторожевой избѣ» Ѳеклы Родіоновой была старуха мать, вдова Анна Платонова, 60 лѣтъ, жившая въ той же деревнѣ Алексѣевкѣ у сына своего, а Ѳеклина брата, пашеннаго крестьянина, Трифона Родіонова. Старуха занималась хозяйствомъ сына, а въ свободные часы—сборомъ травъ «отъ недуговъ». Она была очень недовольна, что дочь сидитъ подъ карауломъ, и ея къ ней не допускаютъ.

21 января 1752 г. на дворъ къ Аннѣ Платоновой явилась «господская приспѣшница», Лукерья Елистратова, и попросила у хозяйки горшокъ. Платонова удовлетворила ея просьбу и, между прочими разговорами, спросила Елистратову:

— А не слыхала, когда мою дочь изъ избы выпустятъ?

— Того не вѣдаю, съ госпожею разговора не было,—отвѣтила та и пошла было со двора.

— Постой!—закричала ей въ слѣдъ Платонова:—скажи, отдадутъ ли тебя твои господа за кого нибудь замужъ?

— Статься можетъ, что и отдадутъ, только не чаю я, что меня изъ дома отпустятъ.

— Служи усердиѣ, можетъ быть, и получишь отъ господъ отпускную,—сказала Платонова.

— На что мнѣ будетъ отпускная, если я стану такой же старухой, какъ ты!—съ раздраженіемъ произнесла Елистратова.

— Вотъ возьми эту соль,—сказала Платонова, подавая Лукерьѣ тряпочку,—положи ее господамъ во щи и тогда будешь отъ нихъ свободна.

Молодая женщина крѣпко зажала тряпочку въ руку и, поклонившись старухѣ, бѣгомъ понеслась со двора.

— Возьми горшокъ-то!—закричала ей вслѣдъ старуха.

Елистратова было остановилась, но оглянувшись махнула рукой и побѣжала въ ворота.

22 января Алексѣй Ивановичъ и жена его Авдотья Степановна сѣли обѣдать; кромѣ нихъ, за столомъ находился еще племянникъ хозяйки, показанный выше мальчикъ, Гавріиль Борисовъ Маковъ. Кушанья подавала Лукерья Елистратова.

Когда обѣдавшіе стали ѣсть щи, то это кушанье, по словамъ Ступишина, «показалось имъ великою мерзостію». Черезъ часъ же они всѣ трое «впали въ слабость, надъ ними сдѣлалась превеликая тоска, изступленіе ума и занятіе дыханія». Въ такомъ состояніи они пролежали до слѣдующаго утра, когда, какъ показывала Авдотья Степановна, «поднялось у нихъ во внутреннемъ животѣ и въ гортаняхъ несносное жженіе и великая тошнота». Только къ вечеру имъ стало лучше, и Алексѣй Ивановичъ тотчасъ сталъ допрашивать Лукерью Елистратову. Та сначала заперлась, но подъ угрозой наказанія «извинилась», что она дѣйствительно въ щи всыпала соль, а послѣднюю получила отъ Анны Платоновой.

При первомъ допросѣ Ступишинымъ Платонова отвергла всякое участіе въ передачѣ Лукерьѣ соли, но когда по приказу Алексѣя Ивановича ее стали наказывать батогами, то старуха закричала, чтобъ ее бить перестали, что она скажетъ сущую правду.

— Передъ масленицею за три недѣли,—заголосила она,—ходила я съ своего двора на рѣку по воду, и тутъ наѣхалъ на меня въ саняхъ дому вашего брата Ивана Ивановича человекъ его близкій, Григорій, по прозванію Якуповъ, и, останова меня, сказалъ: «Меня де прислала помѣщица Екатерина Дементьевна къ женкѣ Лукерьѣ Никифоровой и велѣла ей отдать соль, токмо де въ домѣ я ея не нашелъ. Ты де ту соль отдай Лукерьѣ, пожалуйста, она де о томъ мою госпожу давно просила»...

— И у того Якупова я соль взяла, — продолжала Анна, — и, завязавъ ее въ поясъ, пошла попрежнему съ водою въ домъ свой. А на другой день означенная Елистратова пришла ко мнѣ за горшкомъ, и я ей ту соль отдала, сказавъ, что Якуповъ по приказу Екатерины Дементьевны велѣлъ ей ту соль бросить въ господскія щи.

— Какъ же ты не спросила, — закричалъ Ступишинъ, — безвредная та соль или наговорная?

— Для какой причины велѣно было соль бросить, того мнѣ Григорій не сказалъ, — отвѣтила старуха.

— А для чего твоя дочь Ѳекла круги въ моихъ сѣняхъ вывертывала, не для порчи ли жены? Отвѣчай истинную правду, а не то вновь батогами наказана будешь! — пригрозилъ Ступишинъ.

— Того не вѣдаю, такъ какъ ни отъ дочери, ни отъ кого другого о томъ ничего не слыхала, — съ плачемъ произнесла Анна.

«Видя, что оныя женки въ упрямствѣ держатся, и болѣе отъ нихъ истины чаять не можно, я разсудилъ, — показывалъ Ступишинъ, — представить ихъ для изысканія по начальству».

Послѣднія проишествія такъ напугали Ступишинныхъ, что они стали бояться оставаться болѣе въ Алексѣевкѣ и вскорѣ послѣ показаній Платоновой со всѣмъ семействомъ и съ «оговоренными женками» поѣхали въ Москву.

Въ началѣ марта 1752 г. Алексѣй Ивановичъ со всѣмъ семействомъ прибылъ въ первопрестольную и остановился въ домѣ свояка, секретаря юстицъ-коллегіи, Бориса Ильича Макова. Совѣты послѣдняго, какъ опытнаго дѣльца, и присутствіе съ Авдотьей Степановной любимой сестры успокоили до нѣкоторой степени напряженное состояніе духа Алексѣевскихъ помѣщиковъ.

Черезъ три дня по прибытіи въ Москву Ступишинъ представилъ Платонову, Елистратову и Родіонову въ сыскной приказѣ «для скорого изслѣдованія».

Въ приказѣ всѣ три женки при первыхъ допросахъ показали, что онѣ сдѣлали свои вины по наученію Екатерины Дементьевны Ступишиной.

— А не имѣешь ли въ себѣ волшебства и не знаешь ли его за кѣмъ либо?—спрашивалъ каждую женку судья, князь Михайло Вадбольскій.

Всѣ три женщины отвѣтили отрицательно.

Недѣли черезъ двѣ онѣ вновь, по челобитной свояка Ступишина, Макова, которому тотъ довѣрилъ «хожденіе по дѣлу», спрашиваны «съ пристрастіемъ» въ застѣнкѣ. И на второмъ допросѣ, подѣ «битьемъ плетями», всѣ трое утвердились на первомъ своемъ показаніи; опять отвѣтили, что «волшебствъ ни за собою и ни за кѣмъ другимъ не знаютъ».

Такъ какъ по дѣлу оговоренными оказались жена другого Ступишина, Екатерина Дементьевна, и человѣкъ его Якуповъ, то сыскной приказъ послалъ въ курскую воеводскую канцелярію указъ о немедленной высылкѣ обоихъ въ приказъ.

На этотъ указъ отвѣтилъ 1-го іюня мужъ призываемой, Иванъ Ивановичъ Ступишинъ, что «жена его еще до полученія указа о ея высылкѣ и съ человѣкомъ его, Григорьемъ Якуповымъ, и другими людьми, отѣхала изъ Курска на Сѣверъ въ Новгородскій Тихвинскій монастырь для богомолія, и просилъ «за дальностію разстоянія дать ему срокъ».

Сыскной приказъ, по этому челобитью, назначилъ было Ивану Ступишину второй срокъ въ представленіи его жены и Якупова— 22-е іюня, но секретарь Маковъ, уполномоченный другимъ братомъ Ступишинымъ, донесъ приказу, что Екатерина Дементьева, «зная за собою вину» и боясь присылки изъ сыскаго приказа, упростила мужа взять ей пашпортъ изъ курской канцеляріи прежде ея требованія, якобы для богомолія въ Тихвинъ, а въ деревнѣ своей разгласила, что ѣдетъ въ Казань. Въ самомъ же дѣлѣ, пишетъ Маковъ, Ступишина изъ Кривцова и съ Якуповымъ никуда не

ѣживала, а жила въ покояхъ свекра, Ивана Анисимова Ступишина, что вѣдаютъ многіе тутошніе и сторонніе люди.

Получивъ эту челобитную, сыскной приказъ постановилъ второго срока Ивану Ступишину для поставки къ суду его жены не давать, а взять его, Ступишина, для вѣрности поставки подъ караулъ. Провѣдавъ это рѣшеніе, Иванъ Ступишинъ, или, вѣрнѣе, его «доброхоты», перемѣнили свой способъ отраженія.

Челобитые объ отсрочкѣ въ поставкѣ своей жены Иванъ Ступишинъ изъ Курска послалъ 1-го іюня, а уже 10-го іюня онъ пріѣхалъ въ Москву и подалъ другую челобитную, что жена его, Екатерина Дементьева, прибыла сюда, точію «одержима тягчайшею болѣзнію, къ тому же беременна», и лежитъ въ домѣ тетки Ступишина, жены дѣйствительнаго статскаго совѣтника Богдана Ивановича Бибикова. Требуемаго же человѣка, Григорья Якупова, Ступишинъ въ сыскной приказъ представилъ.

Командированные для осмотра Екатерины Дементьевны судья Левъ Воронцовъ-Вельяминовъ и протоколистъ Петръ Донской донесли сыскному приказу, что Ступишина лежитъ дѣйствительно на постели въ домѣ Бибикова, въ приходѣ церкви Успенія, за Москвою рѣкою, близъ Полянки, «а какою болѣзнію одержима она,—писали они,—признать невозможно».

Въ записанномъ же допросѣ Ступишина показала, что всѣхъ трехъ женокъ къ волшебству и ко вреду Авдотьи Степановны она не научала, тѣмъ «онѣ ее клепятъ напрасно».

Якуповъ въ сыскномъ приказѣ сказалъ, что онъ старинный пашенный крестьянинъ Ступишиныхъ, отъ роду ему 30 лѣтъ, что для отдачи соли госпожа въ Алексѣевку его не послала, ибо де въ то время онъ «крыль на помѣщиковѣ дворѣ конюшню, обрвался съ кровли отъ веревки и, упавъ на землю, ушибъ себѣ руку и разбилъ голову; лежалъ въ болѣзни безысходно и со двора своего никуда не выѣживалъ».

Вскорѣ послѣ допроса Якупова, а, можетъ быть, и раньше, Иванъ Ивановичъ Ступишинъ нашель ходъ къ правящему секретарскую должность въ сыскномъ приказѣ протоколисту, Петру Донскому. 14 іюня послѣдній былъ съ Ступишинымъ «въ погребѣ для питья», а потомъ вмѣстѣ съ нимъ же пришелъ вечеромъ въ секретарскую палату, велѣлъ призвать женокъ Ѳеклу Родіонову и Лукерью Елистратову и при Ступишинѣ закричалъ на нихъ:

— Я знаю, что вы на Екатерину Ступишину говорите напрасно, чтобъ обвинить ее. Бойтесь меня!—и съ этими словами Донской билъ женокъ по щекамъ такъ, что тѣ «передъ нимъ плакали».

— Хотя де не скоро, а дѣло по-нашему сдѣлаемъ. Молчи!—сказалъ Ступишину Донской по уводѣ изъ секретарской женокъ.

Эти поступки Донского наблюдалъ копіистъ сыскнаго приказа Алексѣй Нечаевъ, по разспросу повѣреннаго другого брата Ступи-

пина—секретаря Макова, которому «Донской казался явно сумнительнымъ».

Тѣмъ не менѣе, «посулы» сдѣлали свое дѣло. При первой пыткѣ, на которой пыточные рѣчи записывалъ Донской, Ѳекла Родіонова и Лукерья Елистратова, при битѣхъ первой, какъ болѣе слабой, 23 ударами, а послѣдней—36, обѣ отмѣнили свои первые допросы и отвѣтили на вопросы судьи, что онѣ на Екатерину Дементьевну показали напрасно, по наученію при битѣхъ ихъ батожьемъ помѣщикомъ Алексѣемъ Ступишинымъ, а она, Ступишина, ихъ къ волшебству не приваживала.

Григорій же Якуповъ и Анна Платонова пытаны не были, потому что они, какъ доносилъ находящійся при сыскномъ приказѣ сержантъ Дароновскій, «лежатъ въ весьма тяжкой болѣзни и движенія не имѣютъ». Оба они поѣтому спрашиваны на мѣстѣ своего заключенія, «чтобы, помня страшный часъ смерти, сказали истинную правду». Якуповъ повторялъ прежнее свое показаніе, что помѣщица съ солью его не посылавала; а Анна Платонова такъ же, какъ и двѣ другія женки, измѣнила первый свой допросъ, заявивъ, что показала на Екатерину Ступишину «напрасно по наученію помѣщика Алексѣя Ступишина, наказывавшаго ее батожьемъ немилостиво».

Между тѣмъ секретарь Маковъ узналъ стороною и донесъ сыскному приказу, что «болѣзни Якупова, и Платоновой показаны ложно», что сержантъ Дароновскій, «по согласію съ правящимъ секретарскую должность протоколистомъ Донскимъ, подалъ послѣднему отъ себя репортъ безъ всякой причины, будто они больны при смерти, а онъ, Донской, помѣтилъ не справясь съ дѣломъ, будто забылъ, чтобы допросить ихъ на мѣстѣ безъ моего, истцова, присутствія».

Но, какъ видно, разглашенія Маковымъ судейскихъ непорядковъ раздавались «втуне». Иванъ Ивановичъ Ступишинъ, по разсказамъ секретарю Макову канцеляристовъ сыскаго приказа, продолжалъ «прихаживать въ приказъ безъ присутствующихъ, едва ли не каждый день, присматривалъ вездѣ по комнатамъ приказа до переклички и въ перекличку колодниковъ, даже ночью. Къ содержащимся въ тюрьмѣ женкамъ подхаживалъ, деньги имъ даывалъ и Лукерья и Ѳекла говаривалъ:

— Стойте въ томъ, что на первой пыткѣ говорили, и мнѣ и вамъ будетъ лучше.

— Чего жъ ты смотришь?—говорилъ сержанту Дароновскому дневальный повытчикъ Поляковъ, увидѣвъ у женокъ Ступишина:— намъ бы отъ того бѣды не было.

— Не наше съ тобою дѣло!—отвѣтилъ ему Дароновскій, махнувъ рукою.

Такое пристрастное отношеніе къ дѣлу, вѣроятно способствовало тому, что и на второй пыткѣ Ѳекла Родіонова и Лукерья

Елистратова вновь показали, что онъ на Екатерину Ступишину поклепали напрасно, по наученью Алексѣя Ступишина. Послѣ же того, какъ онъ едва вытерпѣли по 30 ударовъ кнута, женки прибавили, что получили отъ Ивана Ступишина «черезъ человѣка его, Петра Никитина, денегъ по 20 копеекъ, чтобы какъ можно не говорить на жену его, Екатерину Дементьевну».

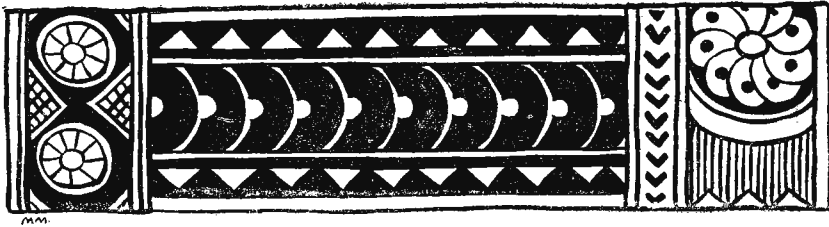
Секретарь Маковъ вновь подалъ челобитную о рассмотрѣніи и окончаніи дѣла. Въ сыскомъ приказѣ постановили въ поставкѣ къ допросу Петра Никитина, приносившаго женкамъ деньги, взять помѣщика Ивана Ступишина. Къ послѣднему два раза посылался сержантъ Дароновскій, но Ступишинъ ему отвѣтилъ, что «не пойдетъ, потому что его раньше къ розыскамъ не допускали». Посланному же въ третій разъ протоколисту Мошнину Ступишинъ сказалъ:

— Не слушаю и не пойду. Если же буду виноватъ и арестованъ, то тогда, какъ арестанта, меня возьмите.

Однако, несмотря на упирательство, Ступишинъ въ сыской приказъ былъ все-таки доставленъ, но не надолго. Въ концѣ декабря 1752 г. состоялся журналъ приказа: «Майора Ивана Ступишина для наступающаго праздника Рождества Христова освободить, отдавъ на поруки, съ возвращеніемъ ему шпаги съ распискою; до рѣшенія никуда не съѣзжать».

Этимъ дѣло и оканчивается. О судьбѣ дѣйствующихъ въ немъ лицъ болѣе не извѣстно. Возможно, что окончанію дѣла способствовала смерть нѣкоторыхъ допрашиваемыхъ лицъ, а скорѣе всего Алексѣй Ступишинъ, которому надоѣла проволочка, послѣ сдѣланнаго наказанія женкамъ за волшебство, взялъ ихъ обратно къ себѣ въ деревню, и, вѣроятно, протоколистъ Дароновскій былъ правъ, сказавъ, что это дѣло «кончится по-нашему». Въ немъ противорѣчія, допущенныя въ приказѣ, бросаются въ глаза на каждомъ шагу. Екатерина Ступишина въ своей челобитной показала, что человѣкъ ихъ, Григорій Якуповъ, ѣздилъ съ нею въ монастырь, а Григорій говорить, что онъ «со двора никуда не ѣзживалъ». Брошенная Лукерьею въ щи соль была ядовита, Лукерья и Платонова въ пыточныхъ рѣчахъ отрицаютъ участіе въ передачѣ соли Екатериной Дементьевной, и приказъ ни разу не ставитъ вопроса, откуда же явилась эта соль. Сама Екатерина Ступишина изъ-подъ слѣдствія какимъ-то образомъ ступшевывается, и ее замѣняетъ ни въ чемъ не виноватый мужъ. Однимъ словомъ, настоящее дѣло служитъ довольно вѣрнымъ образцомъ того хитросплетеннаго веденія дѣлъ, которое получило наименованіе «кривосуда».

И. С. Бѣляевъ.

ИВАНЪ СЕМЕНОВИЧЪ ДЕРЖАВИНЪ.

(1755—1826).

РМѢСТѢ съ именемъ «пѣвца Фелицы», Гавріила Романовича Державина, сохраняется въ лѣтописяхъ русской литературы имя его однофамильца и современника, оберъ-священника Ивана Семеновича Державина. Извѣстна стихотворная полемика, разгорѣвшаяся между обоими Державинами. Еще ранѣе насъ высказывались сомнѣнія въ подлинности отвѣта священника Державина; предполагали, что отвѣтъ писанъ не имъ, а другимъ лицомъ. Въ бумагахъ покойнаго казанскаго поэта С. А. Москотильникова (1768—1852) намъ удалось открыть доселѣ никому неизвѣстный подлинный отвѣтъ Ивана Семеновича Державина. Отвѣтъ этотъ мы приводимъ ниже, предпосылая ему краткія свѣдѣнія о причинахъ распри и о жизни оберъ-священника Державина. Поводомъ къ столкновенію послужилъ слѣдующій фактъ, имѣвшій мѣсто въ 1808 году. Оба Державина, и поэтъ, и священникъ, жили по сосѣдству: Г. Р. въ собственномъ домѣ на Фонтанкѣ, у Измайловскаго моста (домъ нынѣ принадлежитъ римско-католическому духовному вѣдомству), а И. С. на углу Обуховскаго проспекта и 2-й роты Измайловскаго полка. Однажды швейцаръ поэта принялъ пакетъ, адресованный на имя оберъ-священника Державина. Слѣдствиемъ этого обстоятельства было появленіе шуточнаго «Приказа (посланія) моему привратнику», составленнаго поэтомъ Державинымъ. Въ бумагахъ Москотильникова есть списокъ этого посланія; послѣднее уже напечатано Гротомъ съ собственной тетради поэта въ полномъ собраніи его сочиненій, на стр. 420—424

тома III-го. Поэтому мы не станемъ здѣсь приводить «Приказа» цѣликомъ, но сдѣлаемъ только нѣкоторыя извлеченія, насколько это необходимо для пониманія возникшей изъ-за него полемики. Въ началѣ стихотворенія поэтъ говоритъ, что онъ глубоко заблуждался, думая, что онъ лишь одинъ носитъ фамилію «Державинъ». Такъ какъ, оказывается, существуетъ еще одинъ Державинъ, то для руководства своему швейцару поэтъ перечисляетъ тѣ признаки и примѣты, по которымъ его слуга можетъ безошибочно отличить своего барина и принимать письма и пакеты, адресованные на имя поэта. Эти отличія слѣдующія: священникъ младъ, но съ бородою, съ длинными волосами, на немъ скуфья; а поэтъ — «старъ-юнъ духомъ» и «голъ головою», которую онъ прикрываетъ парикомъ; священникъ — въ рясѣ длинной и широкой, а на поэтѣ «фракъ кургузъ и полубокой»; Державинъ 2-й — «оберъ-попъ», пастырь, «чадъ съ гецъ духовный», поетъ молебны, панихиды, кропитъ водою, куритъ кадиломъ, «тянётъ руку дамъ къ устамъ» (т.-е., благословляя, даетъ дамамъ цѣловать свою руку), молитъ небеса о мирѣ, «тайны сердца исповѣсть», «ѣсть кутью», «громокъ многими псалмами»; а поэтъ былъ раньше слугою Марса и Ѡемиды, былъ правителемъ народа, нынѣ же (въ 1808 г.) онъ — «отставной поэтъ», «киторъ и пресвитеръ музъ»; героевъ славить онъ на лирѣ, за честь онъ чтитъ самому «тянуться съ рыломъ» цѣловать ручки дамъ и «скрывать шапни», ѣсть салму и «въ день шепчетъ по одному псалму». Однимъ словомъ, священникъ не сходенъ съ поэтомъ ни видомъ, ни ростомъ, ни лицомъ ни обычаями. Поэтъ — «подлинникъ», а священникъ — «списокъ» его. «Душой, быть можетъ, (священникъ) благороденъ», но «гербомъ — не Державинъ онъ».

Въ моемъ рука звѣздой держама,
А имъ клюка иль трость носима,
Онъ можетъ четки взнестъ въ печать,
И лирою влатой блистать.

Державинъ родъ съ потопа влекся;
Онъ въ семинарѣ имъ нареся
Лишь сходствомъ риемъ моихъ и стопъ.
Мой дѣдъ — мурза, его дѣдъ — попъ.

Стихотвореніе Г. Р. Державинъ заключаетъ приказомъ своему при-
вратнику: почталіоновъ, его (т.-е. священника) носящихъ письма
поэту... съ честью провожать позлащенной булавою со двора: дер-
жаву съ митрой различай.

Даже по краткой передачѣ этого стихотворенія можно видѣть,
что Г. Р. Державинъ не имѣлъ въ виду оскорбить оберъ-священ-
ника, и что въ сущности оно представляетъ шуточное безобидное
посланіе. Но, къ сожалѣнію, не на всѣхъ этотъ «Приказъ» произ-
велъ такое впечатлѣніе. Послѣдній вызвалъ обидный «Отвѣтъ».

Приказъ моему секретарю». Изъ содержанія «Отвѣта» ясно, что авторъ его, оскорбившись «Приказомъ» Г. Р. Державина, въ отместку задумалъ жесточайшимъ образомъ оскорбить поэта; и дѣйствительно, оскорбленія настолько рѣзки, что подчасъ переходятъ въ глумленія и брань. Академикъ Я. К. Гротъ высказываетъ предположеніе, что «Отвѣтъ» написанъ не оберъ-священникомъ Державинымъ, а священникомъ Г. А. Пакатскимъ: это мнѣніе основывается на томъ, что еще между современниками Державиныхъ была распространена молва, называвшая авторомъ этого «Отвѣта» Пакатскаго. Мы имѣемъ возможность теперь вполне подтвердить догадку Я. К. Грота, что «Отвѣтъ» написанъ вовсе не И. С. Державинымъ.

Изъ подробнаго пересмотра «пресквернаго пасквиля» на поэта Г. Р. Державина мы можемъ убѣдиться, какъ далеко зашелъ въ своей ярости неизвѣстный авторъ (по всей вѣроятности, Пакатскій), писавшій отъ лица оберъ-священника И. С. Державина. Нѣсколько неосторожныхъ словъ русскаго потомка татарскаго мурзы Багрима, будто бы выражавшихъ убѣжденіе въ превосходствѣ дворянства надъ духовнымъ чиномъ и понятыхъ, какъ «убавка» всему «чину» или сословію, вызвали въ его антагонистѣ цѣлую бурю. Поэтъ выражался общими фразами. Его противникъ старался выискивать и поражать личность поэта и всѣ его слабыя стороны: задолженность, пристрастіе къ женщинамъ; съ презрѣніемъ относится авторъ къ поэтическому дарованію («риемѣ») Гавріила Романовича и не жалѣеть брани, не щадитъ ничего въ поэтѣ, даже его брачнаго алькова... Какъ и слѣдовало ожидать, месть достигла своей цѣли: живого и впечатлительнаго поэта «Отвѣтъ» поразилъ до глубины души; онъ не могъ себѣ представить, какъ можно «за шутку» такъ «злбно колотъ». Это свое душевное настроеніе выразилъ онъ въ небольшомъ стихотвореніи:

«Отвѣтъ попу Державину на ругательство».

Что дать въ отвѣтъ на брань святого мнѣ отца?
 Всякъ правъ иль виноватъ считается дѣлами.
 Пойдемъ на судъ къ людямъ своими мы стихами:
 Увидитъ всякъ изъ нихъ, кто волкъ, и кто овца.
 Мнѣ должно ль говорить, гдѣ злбно меня колотъ?
 Избыткомъ сердца лишь уста у насъ глаголютъ (т. III, стр. 430).

Этотъ отвѣтъ затѣмъ былъ Г. Р. Державинымъ переработанъ и принялъ слѣдующій видъ:

Отзывъ на пасквиль.

Ужель мнѣ отвѣчать
 На то, что такъ меня за шутку злбно колотъ?
 Благоразумнѣе молчать:
 Избыткомъ лишь сердце уста у насъ глаголютъ (тамъ же).

Какъ видно изъ самаго заглавія стихотворенія Г. Р. Державина: «Отвѣтъ попу Державину на ругательство», поэтъ нисколько не сомнѣвался въ томъ, что авторомъ «Приказа моему секретарю» былъ некто иной, какъ оберъ-священникъ И. С. Державинъ. Но до сихъ поръ еще не знали, что, кромѣ ругательнаго «Отвѣта», написаннаго не самимъ Державинымъ 2-мъ, существовалъ его собственный отвѣтъ поэту, нами нынѣ найденный.

Иванъ Семеновичъ Державинъ, сынъ священника, былъ воспитанникомъ новгородской семинаріи, гдѣ раньше носилъ фамилію Покровскаго¹⁾. Перейдя въ классъ риторики и поэзіи, за свое увлеченіе произведеніями поэта Державина онъ и самъ былъ переименованъ въ Державина. По окончаніи курса въ новгородской семинаріи въ 1775 г., двадцати лѣтъ отъ роду, онъ былъ назначенъ въ ней же преподавателемъ низшаго информаторскаго класса. Послѣ преобразованія Александро-Невской семинаріи въ Главную И. С. Державинъ былъ въ 1788 г. приглашенъ преподавателемъ въ классъ поэзіи, потомъ риторики, а затѣмъ переведенъ въ классъ краснорѣчія и прославился своими проповѣдями. Въ 1790 году И. С. принялъ священство при Вознесенской церкви въ Петербургѣ и занималъ разныя епархіальныя должности, а въ 1798 г. произведенъ въ протоіереи. Въ 1807 г. былъ назначенъ членомъ святѣйшаго синода и оберъ-священникомъ арміи и флота. Затѣмъ въ слѣдующемъ году И. С. былъ назначенъ членомъ «комитета о преобразованіи и усовершенствованіи церковныхъ училищъ», а послѣ переименованія послѣдняго въ 1808 г. въ комиссію духовныхъ училищъ оставленъ постояннымъ ея членомъ, вмѣстѣ со своими учениками: Теофилактомъ (Русановымъ) и М. М. Сперанскимъ. За свою усердную службу онъ былъ награжденъ митрой. По отзывамъ современниковъ, И. С. былъ человѣкъ даровитый и, обладая твердымъ, независимымъ характеромъ, игралъ видную роль въ синодѣ. Онъ умеръ 3-го марта 1826 года и похороненъ на Волковомъ кладбищѣ, внутри церкви.

Послѣ протоіерея И. С. Державина остались рѣчи, произнесенныя имъ передъ войсками въ 1812, 1813 и 1814 г. Онѣ носятъ слѣдующія наименованія: 1) Слово о должности воина (1812), хранится въ императорской Публичной библиотекѣ, 2) Рѣчь къ военнослужащимъ по случаю пожалованія георгіевскихъ знаменъ (1813) и 3) Рѣчь на случай возвращенія воинства изъ Франціи (1814).

¹⁾ Свѣдѣнія о жизни И. С. Державина имѣются у Я. К. Грота въ его изданіи сочиненій Державина (томъ III-й, стр. 321—335), у Филарета Гумилевскаго (Обзоръ русской духовной литературы, изд. 1884, стр. 432), у И. Чистовича (Исторія С.-Петербургской академіи, стр. 86—87), у А. Боголюбова (Очерки изъ исторіи управленія военнымъ и морскимъ духовенствомъ въ біографіяхъ главныхъ священниковъ его за время съ 1800 по 1901 годъ, изд. 1901 г., стр. 27—41); тамъ же и портретъ его.

Въ новооткрытомъ «Отвѣтъ» священникъ объясняетъ своему однофамильцу-поэту, что сходствомъ фамилій онъ обязанъ своему восхищенію сочиненіями поэта, и свидѣтельствуеъ ему свое глубочайшее уваженіе. «Отвѣтъ» Державина по содержанію и тону совершенно отличается отъ «Приказа» Пакатскаго. Въ немъ нѣтъ ни одного колкаго слова, а наоборотъ И. С. высоко ставитъ поэтическій талантъ Державина, считаетъ его первымъ поэтомъ своего времени и говоритъ, что онъ «нелестно чтить его душевно», что Г. Р. «лирой славу безсмертну получилъ». Не безъ нѣкоторой грусти этотъ бывшій профессоръ поэзіи и краснорѣчія замѣчаетъ, что Гавріиль Романовичъ своими твореніями заслужилъ себѣ безсмертную славу, а онъ, такъ тонко чувствующій всѣ поэтическія красоты, едва вышелъ въ священники. Вліятельный членъ святѣйшаго синода не только не кичится своимъ саномъ и «чиномъ», но позволяетъ себѣ лишь со скромностію заявить, что существуетъ сходство между обоими Державинными не только по фамиліи, а еще и по душѣ.

Вотъ настоящій отвѣтъ И. С. Державина, открытый нами въ бумагахъ С. А. Москотильникова. Стихотвореніе писано собственною рукою Москотильникова и въ его тетради слѣдуетъ непосредственно послѣ «Приказа» поэта.

Отвѣтъ

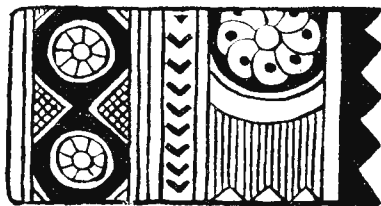
Гавріилу Романовичу Державину.

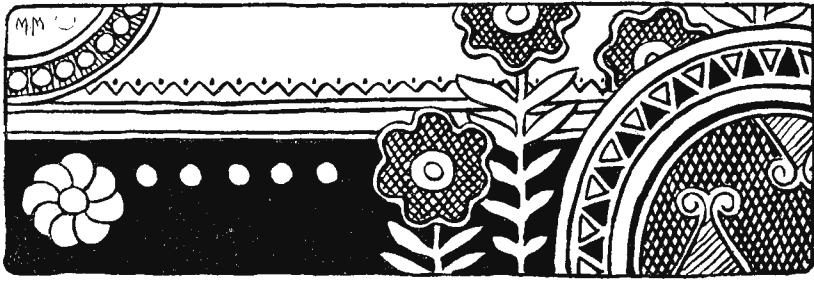
1. Одинъ есть Богъ,—Державинъ не одинъ.
Пѣвецъ Всесильнаго, пѣвецъ благой «Фелицы»,
Почтенный господинъ!
5. Ты звукомъ сладостнымъ своей златой цѣвницы
Державина другого произвелъ.
- Внемли, какъ случай мнѣ назваться имъ велѣлъ:
Я прежде по отцѣ Покровскимъ назывался;
Когда же въ школу записался
И въ классъ риторики, поэзіи вошелъ,
10. Тутъ строфы одъ твоихъ въ примѣрахъ я нашелъ,
Нашелъ и цѣлый томъ Державина твореній,
Безсмертна генія безсмертныхъ сочиненій.
О, сколь я ими восхищался,
Стихами сильными часъ отъ часу плѣнялся,
15. Въ которыхъ «Бога» ты, «Фелицу» воспѣвалъ,
И русскихъ подвиги героевъ прославлялъ.
Я ихъ вытверживалъ, я ихъ на всемъ писалъ:
На книгахъ, на столахъ,
Въ тетрадяхъ, на стѣнахъ,
20. На всемъ безсмертными строфами я блисталъ,
И дома ихъ твердилъ, и въ классахъ, и вездѣ;
Твоими бредилъ я стихами и во снѣ.
Меня Державиннымъ хвалили,
Меня Державиннымъ дразнили,

- Меня Державинымъ бранили—
 И имя лестное въ фамилю обратили.
 Итакъ, не гнѣвайся, что я то званье получилъ:
 Таланты чья твои, его я заслужилъ.
 Повѣрь, что и теперь всегда скуфью скидаю,
 Когда твой «Богу» гимнь преславный я читаю;
 Служитель Божеска священна алтаря,
 Всегда предъ нимъ молю
 О здравіи твоемъ Всевышняго Царя:
 Нелестно чту тебя душевно и хвалю.
 Ни ростомъ я съ тобой не схождь, ни лицомъ;
 Но разность большая есть въ томъ,
 Что лирой славу ты безсмертну получилъ
 И лиру съ именемъ въ храмъ славы заключилъ,
 Что первый ты поэтъ теперь у насъ остался,—
 А мнѣ и санъ попа едва въ удѣлъ достался.
 Вотъ разность между насъ, но сходственъ я съ тобой
 Фамилію здѣсь, а въ вѣчности душой.

Державинъ 2-й.

Владимиръ Бобровъ.

СИМЕИЗЪ.

ВОТЪ и знаменитыя Байдарскія ворота. Позади насть осталась веселая зеленая долина. Внизу на необъятное пространство разлилось вѣчноплещущее, вѣчно дышащее море. Непокойно оно сегодня, но отсюда, съ высоты 243 сажень, оно кажется гладкимъ, какъ зеркальная поверхность. Внизу южный берегъ съ многочисленными бухточками, врѣзывающимися въ него. Впереди высются грозныя обнаженныя скалы. Почти прямо подъ нами на красноватомъ утесѣ стоитъ изящный храмъ, сверкающій бѣлизной своего мрамора; золотой его крестъ словно надъ моремъ сіяетъ. Ниже храма, у самаго моря раскинулось богатое имѣніе гг. Ушковыхъ. Покойный устроитель Фороса, извѣстный чаоторговецъ и благотворитель, А. Г. Кузнецовъ, въ послѣдніе годы своей недолгой жизни, пораженный жестокимъ и неизлѣчимымъ недугомъ, по запрету врачей, часто не смѣлъ ступить на материкъ и долженъ былъ большую часть времени проводить на собственной роскошной яхтѣ въ теплыхъ южныхъ водахъ. И умеръ онъ не на родинѣ, а

Въ благовоной древесной тѣни,
Соверчая, какъ солнце пурпурное
Погружается въ море лазурное,
Полосами его золота,—
Убажованный ласковымъ пѣніемъ
Средиземной волны...

Симеизъ. Пансионъ Чорна и пляжъ.

Спускъ отъ Байдарскихъ воротъ—красивѣйшій въ мірѣ. Бѣлая спиралеобразная лента шоссе прихотливо сбѣгаетъ внизъ. Въ первый моментъ у васъ захватываетъ духъ—такимъ страшнымъ представляется вамъ почти перпендикулярный спускъ. Но не бойтесь—шоссе такъ искусно проложено, что ѣзда по нему совершенно безопасна. Конечно, если бы васъ везъ нашъ російскій ямщикъ на доморощенныхъ клячахъ, то послѣ перваго же поворота, можетъ быть, роднымъ вашимъ пришлось бы уже молиться за упокой вашей грѣшной души.

Тройка сильныхъ лошадей, съ ногами словно стальными, быстро катитъ легкую и красивую *raïlle de Nice*. Въ продолженіе 15—20 минутъ мы спустились почти на сто сажень, сдѣлавъ около шести верстъ.

Промелькнули передъ нами имѣніе Мшатка, Ай-Юри, Меласъ, нѣкогда принадлежавшій поэту графу А. К. Толстому, Мухолатка, Лемнеизъ, Мердвень, Кастрополь... Дикія, грозныя, неприступныя скалы нависли надъ нами. Подъ громадою ихъ нехорошо себя чувствуетъ человѣкъ, хотя, конечно, подъ ними онъ далеко не въ такой степени чувствуетъ все свое ничтожество, какъ подъ тѣми истиннѣ ужасными скалами, подъ которыми онъ совершаетъ часть своего пути по Военно-Грузинской дорогѣ.

Лимены... Сдѣлали еще нѣсколько поворотовъ... Внизу раскинулись многочисленные бѣлые домики Симеиза. Столбъ съ надписью указываетъ поворотъ въ это имѣніе.

Симеизъ — одно изъ крупнѣйшихъ имѣній на южномъ берегу Крыма. Оно занимаетъ 570 десятинъ. Принадлежитъ оно гг. Мальцовымъ. Ядро Симеиза—тотъ участокъ земли, который былъ пріобрѣтенъ дѣдомъ нынѣшнихъ владѣльцевъ, Иваномъ Акимовичемъ Мальцовымъ, у графа Потоцкаго, которому принадлежала также и императорская нынѣ Ливадія. Большую же часть земли купилъ уже Сергѣй Ивановичъ Мальцовъ, нашъ знаменитый заводчикъ. Нынѣшніе владѣльцы Симеиза — генералъ-лейтенантъ Иванъ Сергѣевичъ и шталмейстеръ двора его величества Николаѣ Сергѣевичъ Мальцовы владѣютъ количествомъ десятинъ, которое они унаслѣдовали отъ отца.

Илта, Гурзуфъ, Алупка и Симеизъ — вотъ тѣ четыре пункта, которые служатъ главнымъ пристанищемъ російскихъ обывателей въ Крыму. И Симеизъ, какъ имѣніе, почти всецѣло питается дачами, извлекая еще доходы, и сравнительно уже незначительные, изъ винодѣлія.

Являясь вмѣстѣ съ Алупкой самымъ южнымъ мѣстомъ на Таврическомъ полуостровѣ, Симеизъ дѣйствительно имѣетъ всѣ дан-

Симеизъ. Деревня и видъ на Яйлу.

ныя для развитія въ немъ въ широкихъ размѣрахъ прекрасной курортной жизни. Яйла защищаетъ его отъ холоднаго дыханія сѣвера; высокія скалы умѣряютъ силу западныхъ и восточныхъ вѣтровъ.

Два пансіона и двадцать семь дачъ даютъ пріютъ пріѣзжающимъ въ Симеизъ.

Главный пансіонъ, арендуемый женою инженера-технолога В. С. Чорнъ, занимаетъ центральное положеніе въ имѣніи. Построенный на широкой площадкѣ, съ плоской крышей, сверкая бѣлизною своихъ стѣнъ, онъ особенно бросается вамъ въ глаза, ѣдете ли вы моремъ, или по южно-бережскому шоссе. Это зданіе построено на томъ самомъ фундаментѣ, на которомъ ранѣе красовался «хрустальный дворецъ».

Покойный С. И. Мальцовъ до посвященія себя всецѣло заводской дѣятельности состоялъ адъютантомъ у принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Крымъ принцъ посѣтилъ и Симеизъ. Здѣсь ему бросилась въ глаза площадка, которая своимъ положеніемъ прямо указывала на удобство постройки на ней дома.

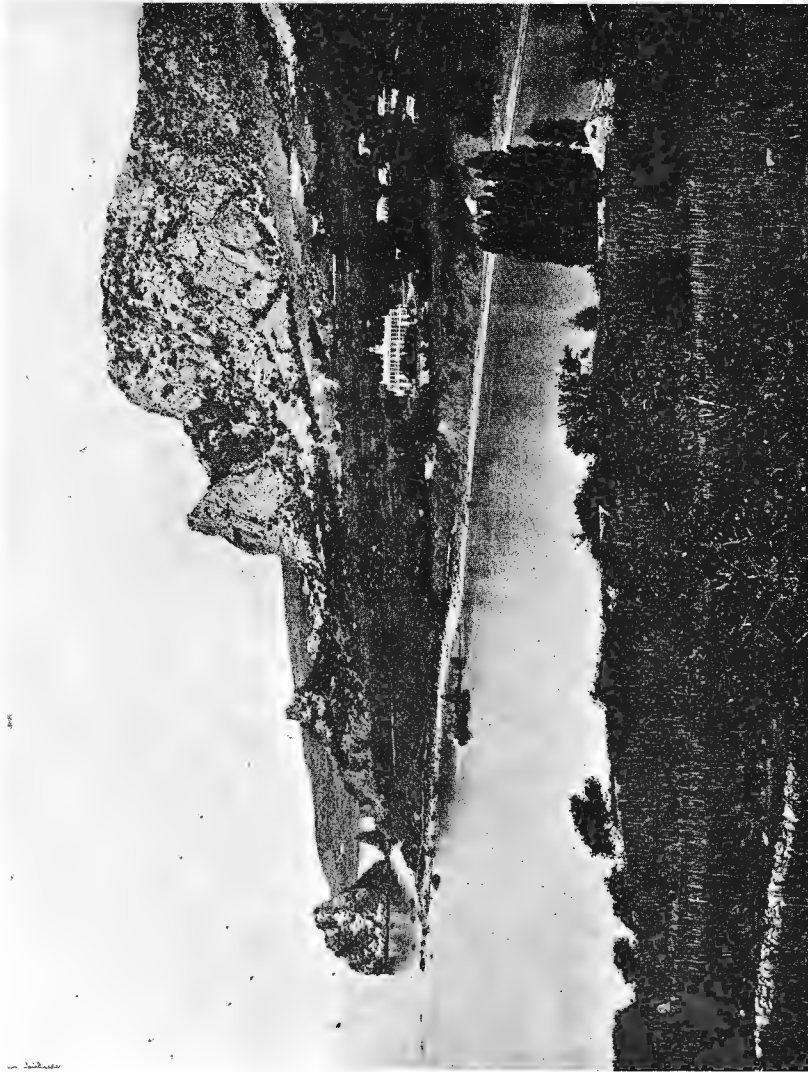
— Вотъ мѣсто, гдѣ тебѣ слѣдуетъ построить себѣ «дворецъ»,— сказалъ принцъ своему адъютанту, указывая на эту площадку.

И С. И. Мальцовъ воздвигъ здѣсь «хрустальный дворецъ» со стеклянными крышей и галлереями. Это было въ 1849 году. Самъ, однако, въ немъ онъ никогда не жилъ¹⁾, а сдавалъ его въ наемъ курортной публикѣ. Постояннымъ жильцомъ «дворца» былъ камердинеръ его, изъ дворовыхъ, Иванъ Лифляндевъ, страдавшій припадками падучей. Вечеромъ 23-го апрѣля 1889 года послѣдній во время одного изъ своихъ припадковъ упалъ въ своей комнатѣ и при паденіи опрокинулъ со стола лампу, отчего и загорѣлось бывшее на немъ платье. Въ это время во «дворцѣ» проживали дачницы—мать и дочь. Послѣдняя, услыжавъ шумъ отъ паденія Лифляндцева, прибѣжала къ нему въ комнату; увидавъ, что онъ горитъ, она накинула на него какое-то платье или матрацъ, а затѣмъ бросилась бѣжать въ контору, отстоявшую отъ дворца чуть ли не на версту. Прибѣжавшіе служащіе проникнуть во «дворецъ» уже не могли—онъ былъ весь объятъ огнемъ. На другой день на пожарищѣ былъ найденъ обуглившійся трупъ несчастнаго Лифляндцева. Сыновья покойнаго и понынѣ служатъ въ экономіи гг. Мальцовыхъ.

Пансіонъ г-жи Чорнъ имѣетъ двадцать четыре номера. Самый дешевый изъ нихъ стоитъ въ несезонное время 15 рублей, а въ

¹⁾ С. И. Мальцовъ во время своихъ пріѣздовъ въ Симеизъ всегда проживалъ въ домикѣ, и понынѣ носящемъ названіе «дачи Полторацкаго», который расположенъ въ паркѣ.

«сезонъ» (т.-е. въ осеннее время) — 25 рублей; цѣна лучшихъ номеровъ—50—80 рублей. Пятнадцатирублевые номера имѣютъ окна лишь въ залу. Последняя—въ два свѣта, съ хорами для музыкантовъ. Въ одномъ концѣ ея бьетъ изящный фонтанъ, осыпанный

Сименъ. Хрустальный дворецъ (сгорѣвшій).

въ обѣихъ сторонъ вѣтвями великолѣпныхъ эвкалиптовъ, филодендровъ и другихъ тропическихъ растений, растущихъ прямо въ грунтѣ.

Подъ пансіономъ устроены три кафельныхъ ванны съ проведенной въ нихъ морской водой. Пользованіе ими оплачивается днимъ рублемъ въ часъ.

Другой пансіонъ расположенъ въ паркѣ, близъ виннаго подвала. Въ настоящее время онъ арендуется г. Гуромъ, хорошо известнымъ петербуржцамъ по устройству рѣшетки вокругъ площади противъ Зимняго дворца, за что онъ и былъ награжденъ медалью, которую онъ съ гордостью носитъ. Номера у г. Гура сдаются дешевле, чѣмъ въ описанномъ выше пансіонѣ, но зато они и хуже, при чемъ главный недостатокъ заключается въ низкихъ потолкахъ комнатъ.

Самая лучшая и въ то же время самая дорогая ¹⁾ дача расположена на Ай-Пандѣ ²⁾. Она носитъ названіе «Морозовской», такъ какъ на ней нѣсколько лѣтъ подъ рядъ проживала москвичка Морозова. Дача эта вполне прилично меблирована, имѣетъ электрическіе звонки, проведенную воду, ванну и т. п. Съ террасъ ея открывается великолѣпный видъ на море, горы и весь Симеизъ. Однако она имѣетъ и большой недостатокъ: она значительно удалена отъ парка и не имѣетъ возлѣ себя деревьевъ, тѣнь которыхъ здѣсь столь необходима въ жаркіе дни; передъ нею не разбиты даже цвѣтныя клумбы.

Главный контингентъ прїѣзжихъ въ Симеизъ размѣщается по «вагончикамъ». Эти дачи, известныя подъ приведеннымъ названіемъ чуть ли не по всей Россіи, устроены дѣйствительно изъ вагоновъ. Построены они были на Брянскомъ заводѣ. Комиссія, принимавшая съ послѣдняго подвижной составъ, забраковала ихъ и не допустила эксплуатацію ихъ. Тогда предприимчивый С. И. Мальцовъ перевезъ ихъ къ себѣ въ Симеизъ и приспособилъ ихъ для дачнаго житья.

Всѣхъ «вагончиковъ» — десять: изъ нихъ одинъ — вагонъ-особнякъ; одинъ составленъ изъ четырехъ вагоновъ; остальные же состоятъ изъ двухъ вагоновъ каждый. Вагонъ-особнякъ имѣетъ двѣ комнаты и сдается въ сезонное время по 50 рублей въ мѣсяцъ. Обстановка «вагончиковъ» — обычная для крымскихъ дачъ средней руки. Всѣ «вагончики» обнесены террасами; при нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются отдѣльныя кухни.

Лучшій столъ прїѣзжіе въ Симеизъ имѣютъ въ пансіонѣ Чорнѣ, гдѣ завтракъ и обѣдъ для одной персоны стоятъ сорокъ рублей въ мѣсяцъ. Семейные люди, по большей части, держатъ собственную кухню. При конторѣ имѣнія имѣется лавка (сдаваемая въ аренду), въ которой можно получить предметы первой необходимости. Но главнымъ рынкомъ для Симеиза является сосѣдняя Алупка. Въ палаткѣ близъ пансіона Чорнѣ производится продажа фруктовъ и винограда.

¹⁾ Цѣна ея за оба этажа въ сезонъ 1.800 рублѣй.

²⁾ Такъ называется западная часть имѣнія.

Симеизъ. Скалы «Дива» и «Монахъ».

Симеизъ имѣеть лучшій на южномъ берегу пляжъ, благодаря чему въ немъ прекрасное купанье. Для раздѣванія при купаньѣ имѣется нѣсколько кабинъ, пользование коими бесплатное. Къ сезону будущаго года на берегу моря будетъ воздвигнуто ванное зданіе съ семью ваннами для морской воды и двумя для прѣсной воды. Постройка и эксплуатація зданія сданы конторой имѣнія Абдурахманну, содержателю ваннаго заведенія въ Алупкѣ.

Прекрасный паркъ занимаетъ почти середину имѣнія. Въ немъ есть и рѣдкія растенія, особенно же хороши великолѣпные экземпляры лавровъ. Большую прелесть парку придаетъ журчаніе ручейковъ, мѣстами ниспадающихъ каскадами.

Однимъ изъ излюбленныхъ мѣстъ для прогулки курортной публики служитъ аллея изъ кипарисовъ, имѣющая правильную форму креста.

Чрезвычайно красивы скалы Дива и Монахъ, рѣзко вдающіяся въ море съ западной стороны имѣнія. О происхожденіи ихъ существуетъ легенда: нѣкоей прекрасной дѣвѣ («дивѣ») измѣнилъ ея возлюбленный. Отчаянію ея не было предѣловъ, жизнь ей опостылѣла; единственнымъ исходомъ изъ угнетавшей ее тоски представлялось ей лишеніе жизни, и она рѣшилась погибнуть въ морской пучинѣ. Распустивъ свои пышные, доходившіе до самыхъ пятокъ волосы, она готова уже была броситься въ море. Въ это время шелъ мимо монахъ; понявъ ея намѣреніе, онъ быстро наступилъ на волосы ей и тѣмъ спасъ ее отъ преждевременной кончины.

На Дивѣ до самой вершины высѣчены ступени, обнесенныя чугунной рѣшеткой, такъ что ходъ на нее совершенно безопасенъ. Посѣщеніе этой скалы почитается обязательнымъ для каждаго туриста, бывающаго въ Симеизѣ. Невольно бросается въ глаза цвѣтъ воды у этой скалы: бушуетъ ли море, или оно спокойно,—оно всегда здѣсь представляется вамъ изумруднымъ.

Вблизи Дивы находятся развалины генуезской крѣпости.

Подъ виноградниками занято сорокъ двѣ десятины. Почти весь сборъ винограда идетъ на винодѣліе, хорошо и правильно здѣсь поставленное. По моему мнѣнію, лучшія симеизскія вина—столовые, цѣною отъ 45 коп. до 90 коп. за бутылку. Помощникъ винодѣла, постоянно проживающій при подвалѣ, любезно покажетъ вамъ послѣдній и предложитъ попробовать хотя бы всѣ имѣющіеся въ подвалѣ сорта винъ.

По обѣ стороны парка высятся красивые дома—особняки обонихъ владѣльцевъ, обнесенные оградами, доступъ за которыя публикѣ воспрещенъ.

Тихо и однообразно протекаетъ курортная жизнь въ Симеизѣ. Повсюду мелькаютъ дѣтскія головки и раздаются звонкіе голоса этихъ маленькихъ людей. Симеизъ—курортъ, по преимуществу, семейный, что и вполне понятно: Ялта, Гурзуфъ, а въ послѣдніе

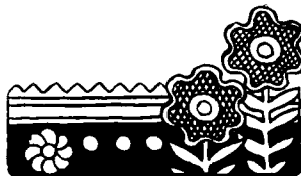
Симеизъ. Домъ управляющаго и экономическiя постройки.

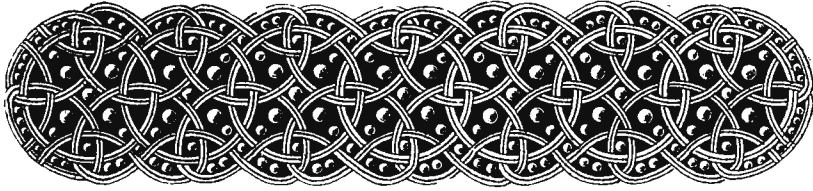
годы и Алупка стали слишком шумны и, къ глубокому сожалѣнію, уже въ сильной степени пропитались тѣмъ легкомысленнымъ, специфическимъ духомъ, который не можетъ не оказывать творнаго вліянія на подрастающее поколѣніе.

Но, повидимому, въ недалекомъ будущемъ положеніе Симеиза, какъ курорта вообще и семейнаго въ частности, рѣзко измѣнится. Въ 1902 году администрація имѣнія выдѣлила на Ай-Пандѣ около пятидесяти десятинъ земли и раздѣлила ихъ на девяносто шесть «участковъ», предназначенныхъ въ продажу. «Участки» — мѣрою отъ 350 до 600 квадр. сажень, стоимостью отъ 5 рублей до 28 рублей за квадр. сажень. «Участки» совершенно правильно распланированы, и между ними проложены прямые, довольно широкія улицы. Будущій городокъ будетъ снабженъ водопроводомъ, и въ настоящее время (апрѣль 1903 года) уже готовъ одинъ резервуаръ, вмѣщающій 50 тыс. ведеръ воды; всего же такихъ резервуаровъ будетъ три. Съ момента продажи пятидесятаго участка администрація имѣнія приступитъ къ устройству канализаціи, къ которой обязаны будутъ примкнуть всѣ будущіе дачевладѣльцы. Освѣщеніе будетъ устроено электрическое. Намѣчены мѣста для постройки храма и курзала и для разбивки почти на двухъ десятинахъ общественаго сада. По проектируемому проспекту должны выстроиться магазины. Къ апрѣлю 1903 года было распродано всего двадцать шесть участковъ. Технической стороною нарождающагося дѣла заведуетъ инженеръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Семеновъ. Предположено также устройство мола, стоимость котораго вычислена въ 750 тыс. рублей. Изъ сказаннаго можно судить, во что долженъ обратиться Симеизъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Но значеніе его еще болѣе поднимется, если будущая желѣзная дорога въ Ялту пойдетъ именно отъ Севастополя...

Съ грустью покинулъ я этотъ хорошенькій уголокъ и милую семью г. Д., въ которой я съ дочерью съ большимъ удовольствіемъ провелъ нѣсколько дней. Тяжело было подумать, что, можетъ быть, не скоро придется вновь увидать и зубчатый Ай-Петри, и поэтическую Диву, и вѣчно зеленые кипарисы и лавры, и вновь услышать немолчный шопотъ прекраснаго моря.

А. И. Фирсовъ.

НАРВСКАЯ СТАРИНА.

(Къ 200-лѣтію взятія Нарвы Петромъ Великимъ).

9 августа 1704—9 августа 1904 г.

Не встанешь ты изъ вѣкового праха,
Ты не блеснешь подъ знаменемъ Креста,
Тяжелый мечъ наследниковъ Рорбаха,
Ливоніи прекрасной красота!
Прошла пора твоихъ завоеваній,
Когда въ огняхъ тревоги боевой
Вожди побѣдъ, смирители Казани,
Смирялися, блѣднѣя предъ тобой.
Но тишина постыднаго забвенья
Не все, не все у славы отняла:
И черныя дѣла опустошенья,
И доблести возвышенной дѣла—
Они живутъ для музы пѣснощнѣя,
Для гордости поэтава чела!...

Языковъ.

Кровли, поросшія мохомъ,
Башни зубчатой стѣны
Вѣютъ загадочнымъ вѣдохомъ,
Былью сѣдой старины.
Сотни готическихъ зданій
Окнами смотрятъ кругомъ—
Тѣни безмолвныхъ преданій,
Сиящихъ безтрещетнымъ сномъ...

А. Коринфскій.

...Нарва пала, и орель
Крыломъ своимъ могучимъ
Брега Балтійскіе одѣлъ,
И будто громъ сквозь тучи,
Предрекъ грядущихъ счастье дней—
Паденье шведской славы
И, средь Эстоніи полей,—
Великій день Полтавы.

ВЪ БОРЬБѢ за обладаніе восточнымъ побережьемъ Балтійскаго моря столкнулись два пародныхъ теченія: германо-скандинавское и славяно-русское. Здѣсь постепенно на крови и трупахъ созидалась пограничная черта русскихъ владѣній, здѣсь Петръ Великій положилъ начало русскому просвѣщенію и культурѣ. Порубежная Нарва, основанная въ 1223 году датчанами въ странѣ эстовъ, или «наровской чуди», издавна соприкасавшейся съ русскими владѣніями, видѣла долгое

и упорное соперничество Руси съ меченосцами, датчанами, Ливонскимъ орденомъ и шведами; она видѣла и внутреннюю борьбу основныхъ элементовъ Ливоніи: архіепископовъ, магистровъ, васаловъ и городского сословія, повлекшую распаденіе нѣкогда сильнаго ордена. Сначала развѣдаемая удѣльною системою съ ея усобицами и братоубійственной борьбою, тѣсняемая и разоряемая татарами, потомъ обезсиленная смутнымъ временемъ, кознями поляковъ, голодомъ, моровою язвою и всѣми невзгодами непрекращавшихся войнъ, Русь долго не могла раздвинуть свои предѣлы до завѣтныхъ береговъ Балтійскаго моря, являвшихся для нея естественною границею.

Между тѣмъ здѣсь начинаютъ хозяйничать меченосцы и датчане. Въ періодъ расцвѣта общины «братьевъ Креста Господня», соединившейся съ Прусскимъ Тевтонскимъ орденомъ, могуществу Даніи у Финскаго залива стала грозить явная опасность, которая усиливалась еще болѣе, благодаря внутреннимъ смутамъ и мятежамъ непокорныхъ эстовъ; вотъ почему въ 1345 году датскій король Вольдемаръ III вынужденъ былъ уступить Нарву Ливонскому ордену, а черезъ два года отступить и отъ всей Эстоніи.

Подъ владычествомъ Ливоніи, въ лицѣ сорока шести ея гермейстеровъ, Нарва пробыла 230 лѣтъ. За это время городъ былъ обнесенъ каменными стѣнами, окруженъ рвомъ и укрѣпленъ бойницами и башнями. Остатки ливонскихъ стѣнъ сохранились въ Нарвѣ и по сіе время.

Долго боролись русскіе князья съ врагомъ, укрѣплявшимся и пускавшимъ корни въ странѣ, гдѣ Русь еще до появленія меченосцевъ имѣла вліяніе, и гдѣ въ 1187 году латинскій священникъ Мейнгардъ, съ дозволенія полоцкаго князя, какъ объ этомъ повѣствуютъ самыя ливонскія хроники, приступилъ къ постройкѣ первой крѣпости на Двинѣ (Риги).

Лишь въ 1492 году, по сверженіи татарскаго ига и паденіи удѣльной системы, великій князь Іоаннъ III построеніемъ каменной крѣпости Ивангорода на противоположномъ Нарвѣ берегу Наровы положилъ начало упроченію русской силы у Финскаго залива. Это былъ первый рѣшительный шагъ со стороны русскихъ, побудившій и ливонцевъ принять свои мѣры: они построили въ Нарвѣ высокую башню (155 футовъ отъ уровня воды), изъ которой видна, какъ на ладони, внутренность Ивангородской крѣпости.

Теперь двѣ этихъ крѣпости — русская и ливонская — мирно стоятъ другъ противъ друга. Нарова въ этомъ мѣстѣ настолько узка (60 сажень), что изъ Нарвы въ Ивангородъ (какъ это и замѣтилъ одинъ изъ ливонскихъ лѣтописцевъ) можно перекинуть камень. Въ былое время черезъ Нарову летѣли каменные и желѣзные ядра, плыли ладьи, нагруженные вооруженными людьми, здѣсь раздавались побѣдные клики и бряцанье оружія, — теперь же все

замерло, только каменные исполины, подошедшіе такъ близко другъ къ другу и застывшіе въ воинственныхъ позахъ, напоминають о своемъ быломъ единоборствѣ.

Эти двѣ крѣпости являются наиболѣе древними памятниками Нарвской старины. Ивангородъ построенъ на такъ называемой «Дѣвичьей горѣ». Здѣсь, на зеленой вершинѣ холма, въ очень отдаленныя времена русскія дѣвушки собирались для игръ и хоро-водовъ, здѣсь происходило сватовство и умыканье невѣстъ, здѣсь не одна бѣлорусая головка въ вѣнокъ изъ васильковъ склонялась

Ивангородъ.

(По современной фотографіи).

отъ чарующей любовной грѣзы; но великій князь видѣлъ въ этомъ мѣстѣ боевыя преимущества, и тамъ, гдѣ прежде раздавались звонкіе дѣвичьи голоса, возникло грозное укрѣпленіе и зазвучали воинскія трубы.

По преданію, сходному съ легендою о построеніи Кареагена, Іоаннъ III выговорилъ у Ливоніи кусокъ земли на правомъ, противоположномъ Нарвѣ, берегу Наровы, величиною съ воловью или лошадиную шкуру, а затѣмъ велѣлъ разрѣзать шкуру на узкіе ремни и ограничить ими мѣсто, гдѣ предполагалось возвести стѣны. Поэтому и теперь еще Ивангородская крѣпость называется эстами «городомъ лошадиной шкуры».

По другому преданію, забытому уже жителями Нарвы, но приводимому г. Де-ла-Мотрэ въ описаніи путешествія его по Пруссіи,

Россіи и Польшѣ (1732 г.), польскій архитекторъ, по плану котораго выстроенъ Ивангородъ, былъ будто бы ослѣпленъ по приказанію великаго князя, чтобы не могъ построить такой же крѣпости непріятелю, или, вѣрнѣе, чтобы не раскрылъ ему ея расположенія и тайниковъ.

Хотя въ народныхъ преданіяхъ вообще вымыселъ переплетается съ историческою истиною, однако въ нихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе ярко отражается колоритъ эпохи, обстановка жизни, нравы и тотъ своеобразный поэтический элементъ, который невольно переноситъ въ стародавнее время и заставляетъ переживать его интересы, волненія, радости и страданія.

Съ Ливонскимъ замкомъ, или такъ называемою «Германовою башнею» (по имени магистра Германа фонъ-Брюнгеня), связано также преданіе, ярко рисующее характеръ столько же воинственной, сколько романтической эпохи, къ которой оно относится.

Въ замкѣ этомъ жилъ нѣкогда рыцарь Индрикъ фонъ-Беренгауптъ. У него была жена, составлявшая счастье его жизни, и, какъ залогъ ихъ взаимной любви, возрасталъ милый голубоглазый мальчикъ; въ немъ отецъ видѣлъ, кромѣ того, продолженіе знатнаго рода и опору въ старости. Въ одно изъ нападеній на Нарву русскіе проникли въ замокъ рыцаря. Съ жаждой крови и добычи разсѣялись они по комнатамъ и въ одной изъ нихъ настigli несчастную семью. Предводитель отряда, ослѣпленный красотой представшей его глазамъ женщины, приказалъ взять ее живою; но рыцарь Беренгауптъ заслонилъ свою супругу и отчаянно защищалъ ее, пока не убѣдился, что врагъ сильнѣе его, и что потеря любимой жены неизбѣжна. Тогда, желая спасти ее отъ позора и не видя къ тому другого способа, онъ зарубилъ ее собственнымъ мечемъ.

Между тѣмъ, подоженный замокъ сталъ наполняться дымомъ, и русскіе бросились къ выходу, увлекая за собою единственное утѣшеніе рыцаря, его возлюбленнаго сына.

Оставшись одинокимъ на свѣтѣ, рыцарь Беренгауптъ поклялся жестоко отомстить врагамъ, разбившимъ его жизнь. Онъ задался колоссальною мыслью—вырыть подземный ходъ подъ рѣкою Нарвою, отъ Нарвы къ Ивангороду, чтобы, пользуясь имъ, врасплохъ напасть на враговъ и перебить ихъ всѣхъ до послѣдняго.

По совершеніи средневѣковыхъ обрядовъ, съ благословенія духовныхъ особъ, Беренгауптъ, въ траурномъ одѣяніи, при пѣніи реквиема, спустился, въ сопровожденіи двухъ вѣрныхъ слугъ, въ подземелье, изъ котораго пахло сыростью и холодомъ могилы. Надъ подземельемъ былъ повѣшенъ колоколъ, и стражѣ было предписано, по первому его звуку, тащить вверхъ веревку съ мостикомъ, на которомъ былъ опущенъ рыцарь со своими спутниками. Каждый день добровольнымъ узникамъ опускалась пища и питье.

По прошествіи 30-ти лѣтъ Беренгауптъ, лишившійся уже обоихъ своихъ вѣрныхъ слугъ, умершихъ въ подземельѣ, по звуку колокола, поднятъ былъ наконецъ на свѣтъ Божій. Изъ нѣкогда цвѣтущаго рыцаря онъ превратился въ сгорбленнаго, сѣдого и полуслѣпого старца; но онъ былъ радостенъ, такъ какъ достигалъ своей цѣли.

Передъ рѣшительнымъ нападеніемъ на русскихъ онъ отважился одинъ проникнуть въ Ивангородъ, чтобы узнать, куда вѣрнѣе направить натискъ, а главное—увести изъ плѣна своего сына,

Ливонскій замокъ.

ради котораго онъ перенесъ столько душевныхъ мукъ и подвергъ себя такимъ лишеніямъ.

Повдно ночью проникъ рыцарь Беренгауптъ въ русскій лагерь, и послѣ долгихъ усилій ему удалось разыскать сына, превратившагося въ стройнаго, красиваго мужчину. Свиданіе съ нимъ было, однако, послѣднимъ тягостнымъ ударомъ судьбы для рыцаря: сынъ отказался слѣдовать въ Нарву и объявилъ отцу, что онъ воспитанъ въ русской вѣрѣ и любитъ русскую боярышню, съ которой желаетъ соединиться бракомъ.

Никакія увѣщанія отца не могли сломить упорства его сына: любовь побѣдила жалость къ старику, пожертвовавшему молодостью, военною славою и всѣми утѣхами жизни для совершенія небывалаго подвига; воспитаніе въ русской средѣ стерло въ плѣнникѣ всякое воспоминаніе о родной Ливоніи. Заклеймивъ отступника

пощечиной, Беренгауптъ удалился, еще болѣе готовый къ безпощадному мщенію...

Толпа ливонцевъ, вооруженная съ ногъ до головы, предводимая Беренгауптомъ, при тускломъ мерцаніи факеловъ, вступила въ подземелье. Ливонцы шли къ Ивангороду, чтобы неожиданно овладѣть имъ и перебить его защитниковъ. Но вотъ, не доходя до середины туннеля, они услышали шумъ приближавшихся съ противоположной стороны шаговъ, звонъ оружія, говоръ множества людей. Это шли русскіе, разыскавшіе въ Ивангородѣ входъ въ таинственное подземелье. Впереди шель сынъ Беренгаупта.

Отряды сошлись, засверкали мечи, отецъ замахнулся на измѣнника-сына, но самъ палъ подъ ударомъ его меча.

Въ это время напоромъ воды прорвало слой земли, отдѣлявшій подземный ходъ отъ рѣки, и волны залили подземелье, заживо похоронивъ въ немъ сражавшихся.

Преданіе говоритъ, что въ бурныя ночи, много времени спустя послѣ всѣхъ этихъ происшествій, можно было слышать у входа въ подземелье жалобные стоны: то стонала душа отцеубійцы.

Въ 1558 году, уже въ періодъ полного разложенія Ливоніи, Іоаннъ Грозный взялъ приступомъ Нарву, не дождавшись уплаты дани, которую по прежнимъ договорамъ обязались платить ливонцы. Говорятъ, не получая дани, царь пригласилъ ливонскихъ пословъ къ обѣду и велѣлъ подавать имъ пустыя блюда, а затѣмъ отправилъ будто бы въ Ливонію грамоту, призывавшую ливонцевъ къ покорности, а вмѣстѣ съ нею кнутъ.

Взятію Нарвы предшествовалъ пожаръ, во время котораго выгорѣлъ почти весь городъ. По преданію, занесенному въ лѣтописи и повторенному княземъ Курбскимъ въ его исторіи «о Казанскомъ взятіи, о Лифляндскомъ разореніи и о Московскихъ настоящихъ древнихъ бѣдахъ», пожаръ произошелъ отъ того, что «чудинъ» (отъ «чудь»), а по Курбскому—нѣмецъ, подбросилъ въ печку подъ котелъ, въ которомъ варилось пиво, образа Николая Чудотворца и Божіей Матери Одигитріи, забытые русскими купцами. Огонь выбросило изъ печки: загорѣлся домъ, а затѣмъ пламя охватило и весь городъ. Впослѣдствіи, по взятіи Нарвы, нашли невредимыми обѣ иконы. Теперь онѣ составляютъ святыню города и хранятся: первая въ каѳедральномъ Преображенскомъ соборѣ, а вторая—въ Успенской церкви въ Ивангородѣ.

Ливонскіе лѣтописцы, описывая бѣдствія, постигшія ихъ отечество, прежде всего, по обыкновенію всѣхъ лѣтописныхъ сборниковъ, приводятъ рядъ чудесныхъ явленій и знаменій, волновавшихъ въ серединѣ XVI столѣтія жителей Ливоніи и пророчившихъ имъ гибель. Руссовъ сообщаетъ, что въ 1556 году, въ посту, огненная комета долго была видна надъ Ливонією. Въ это время ливонскіе чины засѣдали на сеймѣ въ Вольмарѣ. Увидѣвши на

небѣ необыкновенную звѣзду, «похожую на метлу», они просили бывшего съ ними каноника разъяснить имъ значеніе небеснаго явленія. Каноникъ объяснилъ, что это—комета, и что она не предвѣщаетъ ничего добраго.

Въ 1557 году зимой изъ верхне-германскихъ земель, черезъ Польшу и Пруссію, явился въ Ливонію пророкъ, по имени Юргенъ. Несмотря на стужу, онъ прошелъ почти всю Ливонію босой, покрытый однимъ мѣшкомъ; только длинные волосы защищали его голову и плечи отъ морозовъ. Когда его спрашивали, зачѣмъ онъ

Спaso-Преображенскій соборъ.

пришелъ, онъ отвѣчалъ, что Господь послалъ его, чтобы наказать жадность, высокомеріе и тундеядство ливонцевъ. Этотъ назойливый пророкъ, наводившій ужасъ на населеніе, былъ убитъ крестьянами около Нарвы.

Вскорѣ послѣ взятія Нарвы, этого «глаза Ливоніи», по выраженію Кеттлера, французскій политическій дѣятель и писатель того времени Губертъ Ланге въ письмѣ изъ Саксоніи на имя Кальвина, сообщая о паденіи этого города, пророчески добавлялъ: «Если въ Европѣ чье либо могущество должно возвеличиться, то это будетъ—Москвы».

Враги Ливоніи: датчане, поляки и шведы, не дремали; они давно уже стремились къ раздѣлу этой своеобразной теократической республики. «Ливонія—богатая невѣста, около которой всѣ пляшутъ»,—говорилось въ одномъ современномъ документѣ. Раздѣлъ

совершился въ 1561 году. Онъ начался покупкою датскимъ королемъ острова Эзеля и нѣкоторыхъ округовъ въ Эстляндіи, затѣмъ Ревель отдался шведскому королю, къ владѣніямъ котораго присоединилась остальная Эстонія. Сигизмундъ, король польскій, удержалъ южную Ливонію съ Ригюю, а за Кеттлеромъ осталась лишь Курляндія.

Съ переходомъ сѣверныхъ ливонскихъ владѣній къ Швеціи, Нарва, присоединенная къ владѣніямъ русскаго царя, дѣлается предметомъ исканій со стороны шведовъ. Благодаря торговымъ сношеніямъ съ Ганзою, а затѣмъ Англіею, Голландіею, Франціею, Испаніею и даже Персіею, городъ достигъ высокой степени благосостоянія, и, конечно, для Швеціи важно было присоединить его къ своимъ ливонскимъ пріобрѣтеніямъ. Въ 1581 году знаменитый Понтусъ Делагарди беретъ Нарву штурмомъ.

По выраженію хроника Рюссова, шведы пошли на приступъ съ такимъ весельемъ, какъ будто готовились къ пляскѣ, а причиною тому было обѣщаніе полководца отдать солдатамъ на трехдневное разграбленіе этотъ богатый городъ. За Нарвою былъ взятъ и Ивангородъ.

По миру, заключенному въ 1586 г. на рѣкѣ Плюссѣ, впадающей въ рѣку Нарову въ семи верстахъ выше Нарвы, эти два города вмѣстѣ съ другими были присоединены къ шведской коронѣ. Возвращаясь съ Плюссы по Наровѣ на старомъ шведскомъ суднѣ, Делагарди потерпѣлъ аварію и утонулъ вмѣстѣ съ другими 70-ью шведами; по выраженію нашей лѣтописи, на слѣдующій день послѣ этой катастрофы «выволокли изъ воды Пунцу», конечно, бездыханнымъ.

Царю Ѳеодору Іоанновичу въ 1590 г. удалось на короткое время отвоевать отъ шведовъ Ивангородъ, но въ 1611 г., въ смутное время, этотъ городъ, пріютившій въ своихъ стѣнахъ третьяго самозванца, діакона Сидорку изъ-за Яузы, вновь отошелъ къ Швеціи.

Нарва пробыла подъ шведскимъ владычествомъ 123 года (1581—1704). Отсюда понятенъ ея шведскій обликъ. Большинство сохранившихся доселѣ городскихъ зданій, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, съ ихъ крутыми черепичными кровлями, слѣдами подъемныхъ мостковъ, узкими окнами, плафонами, изразцами и мозаикой—шведскаго происхожденія. Многія изъ нихъ украшены художественными порталами, которые, какъ видно изъ сохранившихся на нихъ надписей, построены въ XVII столѣтіи. Планъ города 1684 г. въ общихъ чертахъ напоминаетъ нынѣшнюю Нарву. Многія названія тогдашнихъ улицъ сохранились доселѣ (Остерская, Вестерская, Рыцарская, Кирочная и другія). Случайно находимыя въ землѣ монеты, военныя принадлежности, гробницы, а также уцѣлѣвшія въ нѣкоторыхъ домахъ вещи, книги, и картины—все это еще и теперь живо напоминаетъ времена владыче-

ства надъ Нарвою «сѣвернаго льва». Наконецъ, самое устройство городского управленія въ Нарвѣ долгое время имѣло въ основѣ принципы шведскаго городского права, а многія мѣстныя привилегіи происходили отъ щедротъ шведскихъ королей.

Окрестности Нарвы съ ихъ могильными насыпями и надгробными надписями также носятъ на себѣ слѣды шведскаго господства; о немъ же свидѣтельствуютъ и самыя географическія названія. Деревня Оедоровка на Наровѣ иначе называется Вазагофъ—отъ имени Густава Вазы, имѣвшаго здѣсь одну изъ лѣтнихъ

Магистратъ, биржа и памятникъ Петру Великому.

своихъ резиденцій; слѣды роци Густава Вазы сохранились здѣсь и по настоящее время. Шведскую же эпоху напоминаетъ названіе лежащей по Петербургскому тракту, верстахъ въ трехъ отъ Нарвы, деревни «Королевской» и расположенные по близости такъ называемыя «Королевскіе луга».

Достопримѣчательность шведской эпохи составляетъ зданіе ратуши, построенное въ 1671 году по типу шведо-нѣмецкихъ магистратовъ. Въ зданіе, увѣнчанное готической башней, съ журавлемъ на шпицѣ, ведетъ высокое наружное каменное крыльцо, украшенное массивною чугуною рѣшеткой съ кованымъ узоромъ. Надъ входными дверьми находится городской гербъ (1585 года) и изображеніе Фемиды съ вѣсами въ рукахъ, а также городскіе часы. Къ потолкамъ комнатъ наклеены полотна съ аллегорическими изображеніями созвѣздій и стихій вселенной; въ залѣ

засѣданій развѣшены четыре громадныя картины, изображающія: судъ Соломоновъ, Иосифа, объясняющаго фараону его сны, страшный судъ и Товія, возвращающаго отцу зрѣніе. Здѣсь же до упраздненія магистрата стояли высокія массивныя сѣдалища, обитыя краснымъ сукномъ. На нихъ въ былое время возсѣдали бургграфъ, бургмистры и ратманы. Теперь эти кресла находятся въ такъ называемомъ Дворцѣ Петра Великаго, о которомъ ниже.

Въ яблоко магистратской башни былъ положенъ, по сооруженіи ея, манускриптъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «Боже, сохрани этотъ домъ опорю Божіей церкви, жилищемъ правосудія, оракуломъ жаждущихъ утѣшенія, пріютомъ невинныхъ и притѣсняемыхъ, страшилищемъ для преступниковъ и обереги его отъ всякаго несчастія, чтобы земля, на которой онъ стоитъ, вмѣстѣ съ нимъ не запустѣла прежде всеобщаго запустѣнія».

Рядомъ съ магистратомъ, въ которомъ въ настоящее время помѣщаются городскія и полицейскія учрежденія, стоитъ зданіе биржи. На немъ прежде также была вышка, но она, къ сожалѣнію, снесена по распоряженію городской думы. Нынѣ первоначальное назначеніе этого зданія составляетъ лишь предметъ историческаго воспоминанія о томъ времени, когда въ городѣ, расположенномъ на древнемъ великомъ торговомъ пути, сближавшемъ европейскія государства съ Россіей и Азіею, кипѣла ганзейская торговля. Теперь въ зданіи биржи помѣщается театръ, музыкальная школа, нѣсколько лавокъ.

Памятникомъ преимущественно шведской эпохи является нынѣшній Спасо-Преображенскій соборъ, сооруженный собственно еще во времена Ливонскаго владычества (въ немъ есть могильныя плиты 1314 года), но неоднократно перестраиваемый и украшенный большими картинами духовнаго содержанія и церковными предметами, относящимися преимущественно къ XVII столѣтію.

Не перечисляя иконъ и принадлежностей Нарвскаго Преображенскаго собора, носящихъ частью католическій (напримѣръ, большое деревянное распятіе), частью протестантскій характеръ (старинная каеэдра, которую въ былое время поддерживала деревянная статуя, нынѣ убранная, такъ какъ простой народъ, принимая ее за изображеніе святого, прикладывался къ ней), остановимся лишь на интересной большой иконѣ на деревѣ Спасителя въ ростъ. Прежде рядомъ съ Христомъ была написана колѣнопреклоненная фигура, въ черномъ одѣяніи, кающагося грѣшника, нарвскаго жителя Клауса Грамбова, какъ это значилось на его гербѣ, тутъ же изображенномъ. Въ 1875 году эта фигура замазана краскою, по распоряженію митрополита Исидора, и на картинѣ виденъ лишь слабый контуръ бывшаго здѣсь изображенія. Глаза Христа обращены на это закрашенное мѣсто, и персты сложены для благословенія. Грамбовъ переѣхалъ на жительство въ Нарву изъ Ревеля, гдѣ въ 1558 году

Взятие Нарвы 9-го августа 1704 года.
(Съ картины Коцебу).

былъ членомъ магистрата. Изъ разныхъ бумагъ того времени видно, что онъ былъ большой сутяга: имя его фигурируетъ во многихъ тяжбныхъ дѣлахъ; вообще онъ причинилъ много непріятностей жителямъ Нарвы, за что и былъ присужденъ къ церковному покаянію, которое, по оригинальному обычаю того времени, и было изображено на картинѣ, поставленной въ церкви.

Отчасти къ шведскимъ, отчасти къ еще болѣе отдаленнымъ временамъ относится основаніе и нѣкоторыхъ другихъ старинныхъ церквей въ Нарвѣ, каковы—православная церковь во имя Успенія Пресвятой Богородицы въ Ивангородской крѣпости, съ шведскими колоколами и вышеупомянутой иконой Божіей Матери Одигитриі; церковь во имя Николая Чудотворца—тамъ же, построенная на мѣстѣ древнѣйшаго молитвеннаго дома, сооруженнаго Іоанномъ III, по преданію, въ 24 часа одновременно съ самою крѣпостью; лютеранская церковь св. Іоанна, построенная въ XVII вѣкѣ, въ готическомъ стилѣ. Кромѣ того, одинъ изъ старинныхъ нарвскихъ домовъ сохранилъ на себѣ всѣ слѣды нѣкогда бывшей здѣсь православной церкви.

Касаясь шведскихъ сооруженій, необходимо упомянуть, что крѣпостные бастионы, сохранившіеся доселѣ, относятся также къ XVII столѣтію, когда, поджидая русскаго патиска, городъ опоясывался камерными поясами.

Два преданія изъ этой эпохи заслуживаютъ упоминанія. Они сохранились въ устахъ старожиловъ нѣмцевъ и эстовъ.

Жилъ въ Нарвѣ богатый купецъ. Молва о его богатствахъ протекала по всей странѣ, но еще болѣе говорила эта молва о красотѣ его единственной дочери. Много жениховъ сватало ее, искало взаимности чудной «нарвской дѣвы», но всѣмъ она отказывала, такъ какъ уже любила первую любовью только что пробудившагося сердца самаго бѣднаго человѣка въ городѣ. И вотъ провѣдалъ о ея необыкновенной красотѣ самъ король; онъ шлетъ въ Нарву своего сына королевича, котораго сопровождаютъ нарядные корабли, нагруженные дарами; король желаетъ женить сына на нарвской красавицѣ. Купецъ считалъ великимъ счастьемъ королевское вниманіе, но дочь его загрустила. Невѣсту одѣли въ пышные наряды и повезли изъ родного города. Въ морѣ она бросилась въ волны съ именемъ любимаго человѣка на устахъ. И слышится съ тѣхъ поръ во время прибоя какъ бы плачь и стонъ, несущійся отъ шведскихъ береговъ къ Нарвскому побережью, и часто, когда забушуетъ море, и заходятъ сердитыя волны, видны на поверхности Нарвскаго залива бѣлыя, какъ пѣна, руки русалки, опасныя для кораблей, которымъ она готовитъ гибель.

Другое преданіе источникомъ своимъ имѣетъ вѣками не прекращавшіяся у стѣнъ Нарвы кровавыя столкновенія, когда всѣ проявленія частной жизни, всѣ душевные запросы и личныя чувства

отступали на задній планъ передъ исполненіемъ долга и воинскими доблестями.

Воинъ Олафъ поставленъ былъ охранять знамя, водруженное на высокой Нарвской стѣнѣ. Подъ городскими стѣнами только что утихъ бой. Ночь. Видитъ Олафъ, словно бѣлый призракъ, что-то промелькнуло и приблизилось къ нему. Это его невѣста. Она изстрадалась, не имѣя о немъ вѣстей, опасаясь за его жизнь. Онъ обнялъ ее и сталъ цѣловать... Вдругъ раздался шорохъ: по стѣнѣ ползутъ, и уже дерзкая рука хватается за знамя, вѣренное охранѣ Олафа. Враговъ много, а онъ одинъ; что дѣлать? какъ спасти городъ и свою честь? И вотъ Олафъ стремительно бросается на горсть людей, карабкающихся по стѣнѣ, и вмѣстѣ съ врагами низ-

Дворецъ Петра Великаго.

вергается съ высокой крѣпости въ каменистый ровъ. Всѣ погибли— и враги, и защитникъ знамени. За нимъ бросается и обезумѣвшая невѣста, потерявшая свое счастье. Долгое время послѣ того, когда уже прекратилась война, и миръ воцарился въ городѣ, являлись по ночамъ на бастионѣ призраки знаменосца Олафа и его невѣсты въ бѣлой одеждѣ, слышались вздохи и плачъ и трепетанье знамени, и долго трусливая стража обѣгала это страшное мѣсто.

Въ 1700 году была первая неудачная осада Нарвы Петромъ Великимъ. Не будемъ касаться ея подробностей и причинъ неудачи. Все это достаточно извѣстно ¹⁾.

¹⁾ См. мое сочиненіе: «Городъ Нарва, его прошлое и достопримѣчательности, въ связи съ исторіей упроченія русскаго господства на Балтійскомъ побережьѣ», Спб., 1901, глава шестая.

Простой народъ на Руси объяснялъ побѣду шведовъ чаро-дѣйствомъ. Сложилась легенда, что на вершинѣ Германовой башни, о которой мы уже упоминали, жила колдунья, которая волшебными чарами дѣлала безвредными ядра и бомбы, летѣвшія въ осажденный городъ, и лишь по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда одинъ русскій солдатъ зарядилъ ружье пуговицею и застрѣлилъ вѣдьму, при чемъ и самъ долженъ былъ погибнуть, Петръ Великій сталъ одерживать верхъ надъ шведами.

Карлъ радовался побѣдѣ и до того увлекся своими успѣхами, что сталъ вѣрить въ свою непобѣдимость, непогрѣшимость и даже посланничество свыше. Въ спальнѣ его висѣла карта Россіи, и онъ показывалъ на ней окружавшей его свитѣ дорогу въ Москву, считывая весьма скоро и легко добраться до сердца Россіи. Русскіе резиденты при европейскихъ дворахъ терпѣли насмѣшки иностранныхъ дипломатовъ. Въ различныхъ брошюрахъ и стихотворныхъ памфлетахъ шведы старались уронить Петра въ глазахъ Европы, намекая на упадокъ духа у самого царя и у его генераловъ. Фокеродтъ писалъ, будто Петръ, получивъ извѣстіе о пораженіи подъ Нарвой, одѣлся въ крестьянское платье, обулся въ лапти, плакалъ, ни съ кѣмъ не разговаривалъ и мечталъ лишь о мирѣ, хотя бы и позорномъ. Даже Лейбницъ выражалъ увѣренность, что Карлъ овладѣетъ всею Московіею до рѣки Амура. На побѣду Карла были выбиты медали. На одной изъ нихъ изображенъ бѣгущій Петръ, надъ головою котораго сверкаютъ стрѣлы молніи; на другой Петръ изображенъ грѣющимъ руки у пушечнаго огня, на оборотной сторонѣ—царь бѣжитъ, у него съ головы падаетъ шляпа, мечъ отброшенъ, онъ утираетъ глаза; надпись: «Fugiens ploravit amare» (Испедъ вонъ, плакася горько).

«Я знаю нѣчто безсмертное: это судъ надъ минувшимъ», — такую цитатю начинаетъ шведскій король Оскаръ II исторію Карла XII, и онъ производитъ этотъ судъ надъ жизнью и дѣлами своего великаго предшественника на шведскомъ престолѣ, судъ безпристрастный, честный, царственный.

«Слухъ о Нарвской побѣдѣ,—говоритъ Оскаръ,—далеко разошелся; но, тѣмъ не менѣе, ее нельзя назвать счастливымъ днемъ ни для Швеціи, ни для Карла XII: хоть и дорого оплаченная побѣда эта все-таки казалась слишкомъ чудесною, слишкомъ легко одержанною. Она породила презрѣніе къ противнику и послужила источникомъ явившихся впоследствии несчастій. Великій царь понялъ своего противника. Онъ сумѣлъ извлечь выгоду отъ своихъ побѣдителей и ихъ генія»...

Въ 1704 году, 9-го августа, Нарва, которою, по образному выраженію Петра, «долго нарывало и наконецъ прорвало», была взята штурмомъ. При этомъ, по преданію, Петръ Великій, останавливая кровопролитіе, собственною шпагою закололъ русскаго солдата,

грабившаго мирныхъ гражданъ. Остановивъ такимъ образомъ грабежъ, царь съ окровавленною шпагою явился въ домъ бургомистра и, бросивъ ее на столъ, воскликнулъ:

— Не бойтесь: это не шведская кровь, а русская. Спасая вась, я не щадилъ своихъ подданныхъ.

Войдя затѣмъ въ магистратъ и увидѣвъ тамъ нарвскаго коменданта Горна, Петръ, въ припадкѣ гнѣва, далъ ему жестокою пощечину со словами:

— Не ты ли виновникъ столь много и бесполезно пролитой крови? Не имѣя никакой надежды на помощь и никакого средства

Памятникъ Петру Великому на «Большомъ» островѣ на рѣкѣ Наровѣ.

къ спасенію города, не могъ ли ты давно уже выставить бѣлый флагъ?

Къ осадѣ и взятію Нарвы въ 1704 году, кромѣ извѣстнаго разсказа о томъ, какъ пьяный пушкарь посоветовалъ царю, за отсутствіемъ мѣди, перелить колокола въ пушки, относятся еще слѣдующихъ три преданія, напечатанныя г. Ругодивцевымъ (Скроботовымъ) въ «Гдовско-Ямбургскомъ Листкѣ» за 1872 годъ.

Желая осмѣрѣть городъ, Петръ переодѣлся въ шведское платье и проникъ въ Нарву. Здѣсь пребываніе его было открыто, не знали только, гдѣ именно онъ скрывался. Комендантъ распорядился,

чтобы ко всѣмъ воротамъ города были поставлены часовые. Петръ въ это время жилъ въ домѣ преданнаго ему нарвскаго жителя Гетте, который для спасенія своего высокаго гостя придумалъ слѣдующую хитрость. Рано утромъ, по его приказанію, была приготовлена большая телѣга. Царь легъ на ея дно; сверху были положены доски, на которыя навалена груда мусора. Въ такомъ видѣ возъ былъ пропущенъ часовыми на мѣсто свалки, а отсюда Петръ, переѣхавши Нарву, явился въ свой лагерь.

Другое преданіе касается утвержденія Нарвскаго герба, на которомъ изображены двѣ рыбы, окруженныя мечами и ядрами. Когда бургомистры представили на утвержденіе царя этотъ гербъ, то монархъ, указавъ имъ сначала на рыбъ, а потомъ на ядра, промолвилъ:

— Я утверждаю вашъ гербъ; но смотрите, будьте, какъ рыбы: молчите!

Третье преданіе касается привилегій.

Вскорѣ послѣ взятія Нарвы собравшіеся въ магистратъ шведы и нѣмцы просили царя о сохраненіи ихъ привилегій.

— Хорошо!—сказалъ Петръ,—а еще чего хотите вы отъ меня?

Просители заявили о желаніи сохранить за собою земли и имущества, принадлежавшія имъ.

— А еще чего хотите?—переспросилъ царь.

— Кромѣ правъ, привилегій и земель, намъ больше ничего не нужно.

— Согласенъ,—сказалъ монархъ,—права ваши я вамъ дамъ, привилегіи и земли оставлю; но такъ какъ вы сами забыли Бога, то я лишаю васъ церквей.

И дѣйствительно до 1733 года лютеране въ Нарвѣ не имѣли особой церкви.

По завоеваніи Нарвы Петръ занялъ въ ней домъ на Рыцарской улицѣ, принадлежавшій прежде нарвскимъ бюргерамъ Якову Ниману и Иоганну Луде. Здѣсь онъ праздновалъ свою побѣду, повелѣвъ выставить передъ домомъ мортиру, наполненную виномъ, изъ которой самъ черпалъ и пилъ за здоровье своихъ соратниковъ. Въ этомъ домѣ царь, впоследствии бывая въ Нарвѣ, часто останавливался, почему за нимъ и укрѣпилось названіе «Дворца Петра Великаго». До 1863 года домъ этотъ находился въ вѣдѣніи военнаго министерства и былъ отводимъ для жительства комендантамъ г. Нарвы. Въ указанномъ году, по высочайшему повелѣнію, онъ переданъ нарвскому обществу Большой гильдіи.

Входъ во «Дворецъ Петра Великаго»—съ Рыцарской улицы, у такъ называемаго Темнаго сада; подъѣздъ наружный—съ кровлею, поддерживаемою четырьмя деревянными колоннами; кровля подъѣзда увѣнчана деревянною фигурою Марса. Къ входнымъ дверямъ ведетъ 6 широкихъ каменныхъ ступеней. Кромѣ этого главнаго входа

во дворецъ, имѣлось еще двое дверей: одна — съ боковой улицы (Остерской), сохранившаяся и по сіе время; другая—со стороны бастіона, гдѣ нынѣ разбитъ скверъ. Этотъ послѣдній входъ, или, вѣрнѣе, выходъ, представлялъ характеристическія особенности старыхъ шведскихъ времепъ: онъ находился во второмъ этажѣ зданія,

Могила русскихъ воиновъ, павшихъ на Нарвскихъ поляхъ въ 1700 году.

и отъ него спускался деревянный подъемный мостикъ прямо на валъ бастіона. Теперь нѣтъ ни вала, ни мостика.

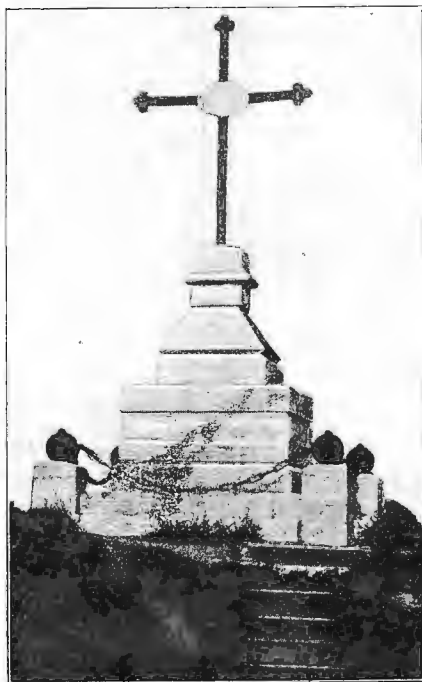
Собственно дворецъ помѣщается во второмъ этажѣ зданія; нижній этажъ занятъ нынѣ смотрителемъ, а въ былое время здѣсь жили приближенные Петра и его прислуга.

Комнаты дворца свѣтлы и привѣтливы, потолки украшены плафонами, съ аллегорическими изображеніями и подписями. Напримѣръ, подъ изображеніемъ купидона на орлѣ подпись: «высокі ищеть»; подъ башнею—«непостоянство мнѣ порочно»; изображенъ руль съ поясненіемъ: «надъ водами власть имѣеть», якорь — «ничто сего не страшитъ», пылающая бомба, съ угрозою: «горе кому достанется», и т. п.

Плафонъ комнаты, служившей, какъ предполагаютъ, кабинетомъ Петру Великому, украшенъ аллегорическимъ изображеніемъ

Ливоніи, въ видѣ женщины, которую Побѣда освобождаетъ изъ оковъ. Подпись гласитъ: «Egera restituit».

Въ числѣ предметовъ замѣчательны нѣсколько портретовъ Петра Великаго и другихъ государей и государынь, батальныя картины, виды Нарвы, рядъ ландшафтовъ, изъ нихъ особенно цѣнный—работы ванъ-деръ-Вельде (1654 г.), изображающій голландскій флотъ подъ парусами. По преданію, этотъ видъ привезъ самъ Петръ изъ Голландіи. Затѣмъ заслуживаютъ вниманія старыя зеркала, мебель, особенно большой шкафъ 1647 года, въ ко-

Могила русскихъ воиновъ, павшихъ при взятіи Нарвы 9-го августа 1704 года.

торомъ хранятся: купчая на домъ, хрустальный бокалъ съ профильными изображеніями Петра Великаго и короля польскаго Августа II, палка съ дѣленіями для измѣреній и одна изъ Петровскихъ дубинокъ.

Далѣе любопытны: восьмиугольный столъ съ изображенною на немъ масляными красками картою Балтійскаго моря, орѣховое бюро 1702 года, модель корабля «Шлиссельбургъ» о 33 орудіяхъ, знамена, пики, ядра и всевозможные мелкіе предметы вооруженія и домашняго обихода.

Остается упомянуть еще, чѣмъ Нарва ознаменовала память великаго ея завоевателя, столь часто жившаго въ ней и около нея въ дни мира и смертоносныхъ сраженій.

Въ 1872 году жители Нарвы, по случаю двухсотлѣтія со дня рожденія Петра Великаго, соорудили на площади передъ зданіемъ ратуши памятникъ въ видѣ обелиска со слѣдующими подписями на русскомъ и латинскомъ языкахъ:

Петру Великому
 городъ Нарва
 30 мая
 1872 года.
 Petro
 Magno
 civitas Narvensis
 a. d. III cal. Junias
 MDCCLXXII.

Въ томъ же году небольшимъ кружкомъ лицъ поставленъ довольно изящный увѣнчанный двуглавымъ орломъ монументъ на такъ называемомъ Большомъ островѣ на Наровѣ, гдѣ, по неправильному предположенію, была главная квартира царя при осадѣ Нарвы въ 1700 и 1704 годахъ. На этомъ памятникѣ имѣются слѣдующія надписи:

Двухъсотлѣтіе (sic)
 Петра I
 30-го мая 1672
 30-го мая 1872

и на другой сторонѣ:

Сооруженъ
 въ память 200
 лѣтняго юбилея
 Петра I
 Великаго
 Преобразователя
 Россіи.

Память о Петрѣ жива въ наименованіи одного изъ форштадтовъ Нарвы и одного изъ острововъ на Наровѣ Петровскими, а также въ Наровскомъ мореходномъ классѣ имени великаго монарха.

Въ увѣковѣченіе же подвига русскихъ воиновъ, павшихъ подъ Нарвою въ 1700 и 1704 годахъ, сооружены два памятника.

По случаю 200-лѣтія перваго боя подъ Нарвою (19 ноября 1700 г.) полки Преображенскій, Семеновскій и 1-я батарея лейбъ-гвардіи 1-ой артиллерійской бригады, развившаяся изъ Петровской бомбардирской роты, соорудили близъ деревни Вепсколь на берегу Наровы, въ 3 верстахъ отъ Нарвы, памятникъ своимъ предкамъ-однополчанамъ, оказавшимъ Карлу XII-му мужественное сопротивление.

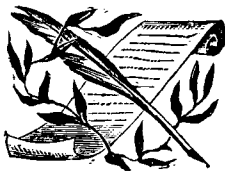
Онъ представляетъ гранитную скалу съ крестомъ, установленную на усѣченной земляной пирамидѣ въ 2¹/₂ сажени вышины. Памятникъ окруженъ высочайше пожалованными пушками, поставленными въ видѣ колоннъ. На черной мраморной доскѣ надпись:

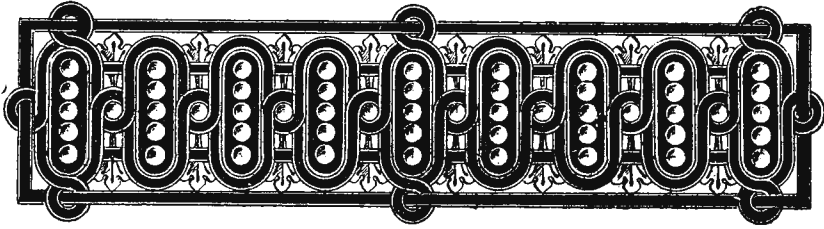
Героямъ предкамъ,
павшимъ въ бою
19 НО 1700,
л.-гв. Преображенскій,
л.-гв. Семеновскій
полки,
1-я батарея
л.-гв. 1-ой артиллерійской
бригады
19 ноября 1900.

Наконецъ, въ память русскихъ воиновъ, павшихъ при взятіи Нарвы въ 1704 году, въ городѣ, на бастіонѣ «Викторія» высятся крестъ на плитняковомъ фундаментѣ, съ надписью:

Могила
храбрыхъ русскихъ воиновъ,
павшихъ при взятіи Нарвы
штурмомъ
9-го августа 1704 г.

А. В. Петровъ.

БРАКЪ И РАЗВОДЪ ВЪ СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ.

(Соціологическій очеркъ).

I.

НЗОБРАЖЕНІЕ брака и развода въ Соединенныхъ Штатахъ представляетъ необычайныя трудности. Прежде всего бракъ въ «странѣ свободы» представляется учрежденіемъ чисто гражданскимъ, т.-е. ея граждане и гражданки могутъ жениться, выходить замужъ, разводиться, снова жениться и снова выходить замужъ, никогда не видя священника и во всю жизнь ни разу не побывавъ въ церкви. Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, однако, чтобы церковный бракъ въ этой «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» былъ въ загонѣ или даже не въ ходу. Совершенно напротивъ: среди «народа Соединенныхъ Штатовъ» и въ особенности среди зажиточныхъ его классовъ церковное бракосочетаніе въ большомъ ходу и модѣ и сопровождается обыкновенно особенной помпой, хотя самый обрядъ его, равно какъ и обрядъ бракосочетанія гражданского, совершаемаго судьями первой инстанціи и членами городской думы до городского головы включительно, продолжается всего лишь нѣсколько минутъ. Такимъ образомъ, хотя заключеніе и прекращеніе брака и укладъ семейной жизни опредѣляются и регулируются всецѣло законами гражданскими, однако и каноны церковные, а равно и обряды и

обычаи разныхъ религіозныхъ сектъ, далеко не лишены въ этомъ отношеніи своего значенія. Далѣе, судебныя учрежденія въ Соединенныхъ Штатахъ обладаютъ столь громадной и столь неограниченной властью толкованія законовъ, что нерѣдко подъ видомъ такого толкованія попросту издають новые законы по данному предмету. Законодательство брачное отнюдь не составляетъ въ этомъ отношеніи какого либо исключенія, а потому судебныя рѣшенія, представляющія собой толкованіе этихъ законовъ, являются третьимъ социальнымъ факторомъ, опредѣляющимъ заключеніе и прекращеніе брака и укладъ брачнаго союза. Наконецъ, помимо законовъ гражданскихъ, каноновъ церковныхъ и обрядовъ и обычаевъ разныхъ религіозныхъ сектъ, рѣшеній судебныхъ, имѣется еще четвертый наиболѣе могущественный факторъ, оказывающій самое сильное вліяніе на заключеніе, прекращеніе и складъ американскаго брака: факторомъ такимъ является общественное мнѣніе, слагающееся изъ нравовъ, обычаевъ, традицій и, наконецъ, къ величайшему прискорбію, изъ множества самыхъ дикихъ предрасудковъ. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ замѣтить, что въ «странѣ свободы» это такъ называемое общественное мнѣніе является источникомъ и орудіемъ столь ужасной тиранніи и столь потрясающаго деспотизма, о какомъ русскій и вообще европейскій читатель не можетъ имѣть ни малѣйшаго представленія. Само собою разумѣется, что четыре вышепоименованныхъ фактора, опредѣляющіе и регулирующіе заключеніе, прекращеніе и складъ американскаго брака, представляются факторами чисто внѣшними, лишь условіями существованія брачнаго союза, формальной его стороной, существо же такового опредѣляется тѣми основными фізіологическими и психологическими законами человѣческой природы, которые являются источниками и движущими силами всей индивидуальной и социальной жизни вообще. А такъ какъ въ «странѣ свободы», какъ и повсюду, законы, нравы, обычаи и традиціи обыкновенно сильно отстаютъ отъ жизни, то результатомъ этого является то, что форма впадаетъ въ противорѣчіе съ сущностью, внѣшняя оболочка брачнаго союза вступаетъ въ борьбу съ внутреннимъ животворящимъ его духомъ, порождая такимъ образомъ множество аномалій и социальныхъ уродствъ. Разобраться во всемъ этомъ индивидуальномъ и социальномъ хаосѣ, порождаемомъ невѣжествомъ и предрасудками американскаго народа, подхалимствомъ и безпринципностью его законодателей, угодничествомъ передъ толпой и сребролюбіемъ его священниковъ и проповѣдниковъ, прислужничествомъ и развращенностью его печати и науки, крайней ограниченностью, ханжествомъ и звѣрствомъ его судей, представляется дѣломъ весьма нелегкимъ, почему изображеніе американскаго брака и развода, какими представляются таковыя въ дѣйствительности, и оказывается сопряженнымъ съ чрезвычайными трудностями.

Начать съ того, что законы гражданскіе, относящіеся къ браку, разводу и семейному союзу, вовсе не представляютъ собой чего либо цѣльнаго, единообразнаго. Согласно федеральной конституціи, той знаменитой «конституціи Соединенныхъ Штатовъ», о которой такъ много писано учеными, государственными людьми и публицистами обѣихъ полушарій, федеральное правительство къ брачному законодательству и регулированію брачнаго союза не имѣетъ никакого отношенія, а союзъ этотъ всецѣло опредѣляется и регулируется законами и учрежденіями отдѣльныхъ штатовъ, т.-е. законами и учрежденіями въ строгомъ смыслѣ слова мѣстными. Такъ какъ въ составъ этой союзной республики входитъ 45 штатовъ и 6 территорій (не включая сюда новопріобрѣтенныхъ островныхъ владѣній), то такимъ образомъ въ этой странѣ оказывается ни болѣе ни менѣе, какъ 51 система брака и развода. Между тѣмъ, при непрерывномъ передвиженіи населенія по территоріи страны бракъ, заключенный въ одномъ штатѣ, сплошь и рядомъ предъявляется къ расторженію въ другомъ, имѣющемъ совершенно иные законы о разводѣ, такъ что расторженіе такое происходитъ по причинамъ, вовсе не имѣвшимся въ виду при его заключеніи. Точно также сплошь и рядомъ супругъ, проживающій въ одномъ штатѣ, заводитъ бракоразводный процессъ противъ супруга, проживающаго въ другомъ штатѣ, по причинамъ, имѣвшимъ мѣсто въ штатѣ проживания истца, и подобный разводъ, имѣющій законную силу въ первомъ штатѣ, не имѣетъ ровно никакого значенія во второмъ, т.-е. штатѣ проживания отвѣтника. Самая подсудность подобныхъ бракоразводныхъ процессовъ между супругами, проживающими въ разныхъ штатахъ, при недостаточности и неопредѣленности существующихъ на сей предметъ узаконеній, судами разныхъ штатовъ рѣшается различно. Оказывается, такимъ образомъ, что бракъ, признаваемый расторгнутымъ въ одномъ штатѣ, признается существующимъ въ другомъ, а первоначальные супруги, по такомъ расторженіи вступившіе въ новыя супружества, признаваемые правильными и законными въ однихъ штатахъ, могутъ быть осуждены по обвиненію въ многоженствѣ или многомужествѣ или же, по крайней мѣрѣ, въ прелюбодѣянніи, въ другихъ. Сверхъ сего, число иностранныхъ эмигрантовъ въ Соединенныхъ Штатахъ изъ года въ годъ увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и число браковъ, нѣкогда заключенныхъ въ разныхъ иностранныхъ государствахъ и предъявляемыхъ къ разводу въ Соединенныхъ Штатахъ, а въ то же время, такъ какъ эти эмигранты, превратившись въ натурализованныхъ американцевъ, періодически посѣщаютъ свою первоначальную отчизну, то полученные ими американскіе разводы могутъ быть и бываютъ оспариваемы ихъ первоначальными супругами, себя признающими еще состоящими съ ними въ законномъ супружествѣ, что поро-

ждаетъ множество крайне сложныхъ и запутанныхъ дѣлъ, относящихся къ области такъ называемаго частнаго международнаго права. Отсюда обнаруживается, въ сколь хаотическомъ состояніи находится тотъ первоначальный и элементарный базисъ, на которомъ зиждутся брачныя и семейныя отношенія, т.-е. гражданскіе законы страны по этому предмету, не говоря уже о всѣхъ прочихъ социальныхъ факторахъ, которыми создается, обусловливается и опредѣляется брачный союзъ и его расторженіе. Изъ вышеприведенныхъ бѣглыхъ замѣчаній, относящихся къ существу предмета, представляется очевидной вся трудность изображенія американскаго брака и развода.

II.

Опуская юридическія опредѣленія брачнаго союза, даваемыя законами нѣкоторыхъ штатовъ, какъ носящія чисто теоретическій характеръ, а потому для обыкновеннаго читателя совершенно неинтересныя, слѣдуетъ указать прежде всего, что помимо прямого поощренія къ заключенію браковъ, объявляемаго законами штатовъ Джорджіи и Пенсильваніи, или же прямого воспрещенія препятствованія заключенію таковыхъ, объявляемаго законами штатовъ Дакоты и Калифорніи, законы всѣхъ почти штатовъ заключаютъ въ себѣ косвенныя поощренія къ заключенію браковъ, а именно: въ однихъ незаконнорожденные дѣти узаконяются бракомъ ихъ родителей, въ другихъ тѣ же дѣти узаконяются бракомъ ихъ родителей и признаніемъ со стороны отца, въ третьихъ, наконецъ, уголовное преслѣдованіе или же присужденіе къ наказанію за обольщеніе прекращаются заключеніемъ брака. Что касается признанія разными штатами браковъ, заключенныхъ въ иныхъ штатахъ, то тринадцать штатовъ и территорій въ своихъ законахъ заключаютъ опредѣленіе, что браки, заключенные внѣ ихъ предѣловъ, если таковыя признаются дѣйствительными и законными въ тѣхъ штатахъ или иностранныхъ государствахъ, въ которыхъ они заключены, то признаются точно также дѣйствительными и законными и въ ихъ предѣлахъ. Иные затѣмъ штаты (впрочемъ всего лишь пять) отказываются признать законными браки, заключенные внѣ ихъ предѣловъ, если заключеніе таковыхъ въ чемъ либо противорѣчитъ ихъ законамъ о брачномъ союзѣ. Остальные наконецъ, т.-е. значительное большинство, насчетъ признанія браковъ, заключенныхъ внѣ ихъ предѣловъ, въ законахъ своихъ не даютъ никакихъ опредѣленій.

Законами всѣхъ почти штатовъ и территорій, входящихъ въ составъ федеральной республики Соединенныхъ Штатовъ, опредѣляется возрастъ, въ которомъ ея гражданамъ и гражданкамъ дозволяется вступать въ бракъ безъ согласія ихъ родителей. Возра-

стомъ такимъ, въ Европѣ вообще именуемымъ брачнымъ совершеннолѣтіемъ, является для лицъ мужского пола 21 годъ во всѣхъ штатахъ за исключеніемъ штатовъ Калифорніи и Айдаго, въ которыхъ разрѣшается молодымъ людямъ вступать въ бракъ безъ согласія своихъ родителей въ 18 лѣтъ, и штата Теннесси, гдѣ такое же разрѣшеніе дается молодымъ людямъ въ 16 лѣтъ. Что касается лицъ женскаго пола, то въ незначительномъ большинствѣ штатовъ дѣвушки получаютъ право выходить замужъ безъ согласія своихъ родителей въ 21 годъ, въ нѣкоторомъ меньшинствѣ—въ 18 лѣтъ; въ штатахъ Айдаго, Мэрилендѣ и Теннесси и въ Колумбійскомъ округѣ (г. Вашингтонъ)—въ 16 лѣтъ и, наконецъ, въ штатѣ Калифорніи—въ 15 лѣтъ.

Само собою разумѣется, что въ «странѣ свободы», какъ и въ иныхъ странахъ, законы отдѣльныхъ штатовъ воспрещаютъ браки между извѣстными лицами по извѣстнымъ причинамъ. Однако, перечисленіе и классификація этихъ причинъ представляютъ почти непреодолимые затрудненія, главнымъ образомъ, вслѣдствіе неясности, противорѣчивости и сбивчивости самаго языка относящихся къ этому предмету узаконеній. Причины, по которымъ бракъ воспрещается, или которыя дѣлаютъ его недѣйствительнымъ, въ однихъ штатахъ лишаютъ таковой всякаго законнаго значенія съ самаго момента его заключенія, въ силу самого закона, безъ всякаго судебного процесса; въ другихъ же наоборотъ—для лишенія подобнаго брака всякаго законнаго значенія необходимо веденіе особаго судебного процесса о признаніи такового недѣйствительнымъ, въ третьихъ же, наконецъ, попросту являются причинами развода наравнѣ со всякими иными причинами къ расторженію брака.

Браки между бѣлыми и лицами негрскаго происхожденія воспрещены и влекутъ за собой для вступающихъ въ таковыя уголовное наказаніе въ 26 штатахъ, а именно во всѣхъ южныхъ и многихъ западныхъ штатахъ. Браки между бѣлыми и индійцами признаются недѣйствительными въ штатахъ Аризонѣ, Орегонѣ и Сѣверной и Южной Каролинахъ. Браки между бѣлыми и китайцами признаются недѣйствительными въ штатахъ Аризонѣ, Калифорніи, Миссиссипи, Орегонѣ и Ютѣ. Браки между двоюродными братьями и сестрами воспрещены въ 18 штатахъ, а въ нѣсколькихъ иныхъ объявляются порочными и недѣйствительными. Браки между лицами, состоящими въ первыхъ степеняхъ свойства, воспрещены во всѣхъ штатахъ и территоріяхъ, за исключеніемъ Флориды, Айовы, Кентукки, Миннесоты, Нью-Йорка, Теннесси и Висконсина. Штаты Коннектикутъ и Миннесота воспрещаютъ бракъ или сожителство эпилептика, душевно-разслабленнаго или слабоумнаго съ нормальной женщиной менѣе 45 лѣтъ отъ роду или наоборотъ бракъ или сожителство нормальнаго мужчины съ женщиной, страдающей эпилепсіей, душевной разслабленностью и слабоуміемъ, ме-

нѣе 45 лѣтъ отъ роду. Бракъ между и съ сумасшедшими воспрещенъ въ четырехъ штатахъ и Колумбійскомъ округѣ (г. Вашингтонъ). Бракъ между и съ лицами, страдающими венерическими болѣзнями, воспрещенъ въ штатѣ Мичиганѣ.

Во всѣхъ почти штатахъ подлежатъ признанію недѣйствительными путемъ особаго судебного процесса браки, заключенные между лицами, не достигшими брачнаго совершеннолѣтія, безъ согласія ихъ родителей или опекуновъ, посредствомъ обмана и съ лицомъ, страдающимъ сумасшествіемъ.

III.

Во всѣхъ почти штатахъ и территоріяхъ, входящихъ въ составъ Соединенныхъ Штатовъ, безвѣстное отсутствіе одного изъ супруговъ въ теченіе опредѣленнаго періода времени даетъ право другому супругу на вступленіе въ новый бракъ безъ всякаго процесса о разводѣ или признаніи перваго брака недѣйствительнымъ. Срокъ подобнаго безвѣстнаго отсутствія въ разныхъ штатахъ различенъ, начиная съ двухъ лѣтъ (Пенсильванія) и кончая семью годами. Первымъ шагомъ ко вступленію въ бракъ во всѣхъ почти штатахъ и территоріяхъ, входящихъ въ составъ Соединенныхъ Штатовъ, является полученіе отъ подлежащаго должностнаго лица (судья первой инстанціи, секретарь суда графства, секретарь окружнаго суда, секретарь управленія графства, городской секретарь и т. д.) за незначительную плату разрѣшительнаго на вступленіе въ бракъ свидѣтельства. Свидѣтельство такое представляется тому лицу, которое должно совершить брачную церемонію или обрядъ бракосочетанія. Во всѣхъ почти штатахъ, въ которыхъ для вступленія въ бракъ требуется полученіе разрѣшительнаго свидѣтельства, выдача такового лицамъ, не достигшимъ брачнаго совершеннолѣтія, производится не иначе, какъ по письменно или словесно выраженному согласію родителей, опекуновъ или попечителей на такой бракъ. Въ тѣхъ штатахъ, въ которыхъ для совершенія обряда бракосочетанія не требуется представленія разрѣшительнаго свидѣтельства, совершеніе такого обряда надъ лицами, не достигшими брачнаго совершеннолѣтія, производится не иначе, какъ съ согласія родителей или попечителей.

Совершеніе обряда бракосочетанія во всѣхъ штатахъ и территоріяхъ, за исключеніемъ Пенсильваніи и Южной Каролины, возлагается законами на опредѣленныхъ должностныхъ лицъ. Лицами такими въ различныхъ штатахъ являются священники разныхъ исповѣданій, мировые судьи, судьи судовъ разныхъ инстанцій, городскіе головы, члены городскихъ управъ, религіозныя общества, т.-е. вѣроисповѣдныя организациі разныхъ наименованій, къ которымъ принадлежатъ брачащіеся, публичные нотариусы, даже гу-

бернаторъ (Аркансо) и наконецъ сами брачащіяся обоюднымъ письменнымъ заявленіемъ (Калифорнія и Сѣверная и Южная Дакоты). Что касается двухъ вышеупомянутыхъ штатовъ (Пенсильванія и Южная Каролина), то въ ихъ законахъ вовсе не указаны должностныя лица, которымъ предоставлено право совершенія обряда бракосочетанія.

Что касается самаго обряда бракосочетанія, то таковой опредѣляется или ритуалами или обычаями разныхъ церквей и сектъ, или усмотрѣніемъ и изобрѣтательностью лицъ гражданскихъ вѣдомствъ, на которыхъ возлагается совершеніе обряда бракосочетанія, или, наконецъ (въ 13 штатахъ), опредѣленіемъ закона, гласящимъ, что брачащіяся въ присутствіи должностнаго лица, совершающаго бракосочетаніе, и свидѣтелей объявляютъ, что они берутъ себѣ другъ друга въ жены и мужья.

Нарушеніе разныхъ формальностей, установленныхъ закономъ для допущенія къ совершенію обряда бракосочетанія, во всѣхъ штатахъ и территорияхъ, не влечетъ за собой признанія брака недѣйствительнымъ.

За совершеніе обряда бракосочетанія полагается извѣстная плата, вообще крайне невысокая, и сочетавшимся бракомъ въ 17 штатахъ выдается брачное свидѣтельство.

Имѣются въ «странѣ свободы» также и браки, признаваемые заключенными безъ всякаго обряда бракосочетанія. Браки такіе признаются законами территоріи Аризоны и штатовъ Калифорніи, Сѣверной Дакоты, Южной Дакоты и Нью-Гампшайра. Въ штатѣ Аризонѣ согласно закону 1 іюля 1897 года лица, живущія вмѣстѣ, какъ мужъ и жена, въ теченіе года или до смерти одного изъ нихъ, если таковая воспослѣдуетъ до истеченія года съ момента начатія ими такого сожительства, признаются состоящими въ законномъ бракѣ. Въ Калифорніи и Сѣверной и Южной Дакотахъ лица, вступающія въ брачный союзъ безъ всякаго обряда бракосочетанія, обязаны о такомъ вступленіи подать въ подлежащій судъ первой инстанціи особое, за подписью ихъ обоихъ, заявленіе въ обозначеніемъ своихъ именъ, возраста, мѣста жительства, факта вступленія въ бракъ другъ съ другомъ, времени такого вступленія и того обстоятельства, что вступленіе такое имѣло мѣсто безъ всякаго обряда бракосочетанія. Въ штатѣ Нью-Гампшайрѣ лица, состоящія въ сожительствѣ другъ съ другомъ, признаютъ другъ друга мужемъ и женою, и считающіяся таковыми въ теченіе трехъ лѣтъ признаются состоящими въ законномъ бракѣ. Браки безъ всякаго обряда бракосочетанія признаются точно также и законами штата Нью-Йорка. До послѣдняго времени въ этомъ отношеніи существовалъ въ этомъ штатѣ порядокъ, тождественный съ порядкомъ, установленнымъ закономъ въ штатѣ Аризонѣ, сводящійся къ признанію простого сожительства въ теченіе болѣе или менѣе продолжи-

тельного времени законнымъ бракомъ. Однако, закономъ, состоявшимся въ истекшемъ году, порядокъ этотъ измѣненъ и замѣненъ порядкомъ, установившимся въ Калифорніи и обѣихъ Дакотахъ, т.-е. предоставленіемъ двумъ лицамъ разныхъ половъ права вступать въ брачный союзъ безъ всякаго обряда бракосочетанія путемъ подачи въ подлежащій судъ первой инстанціи письменнаго заявленія о вступленіи ими въ такой союзъ безъ всякаго обряда.

Слѣдуетъ замѣтить мимоходомъ, что подобное признаніе существованія законнаго брака безъ всякаго обряда бракосочетанія представляется въ Соединенныхъ Штатахъ лишь остаткомъ цѣлой системы обычнаго права, нынѣ уцѣлѣвшимъ лишь въ двухъ составныхъ частяхъ этой федеральной республики (территорія Аризона и штатъ Нью-Гампшайръ), между тѣмъ какъ порядокъ подачи письменнаго заявленія о вступленіи двухъ лицъ въ бракъ безъ всякаго обряда бракосочетанія, равносильный совершенію сего обряда самими брачащимися, является уже компромиссомъ между бракомъ по обычному праву, нынѣ уцѣлѣвшимъ единственно лишь въ Аризонѣ и Нью-Гампшайрѣ, и бракомъ по праву гражданскому, т.-е. писанному закону.

Что касается вступленія въ новый бракъ, то въ девяти штатахъ и территоріяхъ послѣ расторженія одного брака путемъ развода вступленіе въ новый бракъ разрѣшается безъ всякихъ ограниченій; затѣмъ, въ пятнадцати штатахъ и территоріяхъ законъ хотя и не заключаетъ въ себѣ подобнаго прямого разрѣшенія, гласитъ, однако, что лица, вступающія въ новые брачные союзы по расторженіи предыдущихъ браковъ путемъ развода, не могутъ подлежать наказанію ни за двоеженство, ни за прелюбодѣяніе, что равносильно прямому разрѣшенію на вступленіе въ новый бракъ по расторженіи предыдущаго; затѣмъ въ законахъ девятнадцати штатовъ и территорій по разводѣ вступленіе въ новый бракъ разрѣшается съ извѣстными ограниченіями; наконецъ, законы всѣхъ остальныхъ штатовъ и территорій не заключаютъ въ себѣ никакихъ опредѣленій по предмету вступленія въ новый бракъ послѣ развода.

IV.

Система регистраціи состоявшихся бракосочетаній въ разныхъ штатахъ, входящихъ въ составъ Соединенныхъ Штатовъ, различна. Въ шестнадцати штатахъ и территоріяхъ законъ обязываетъ должностныхъ лицъ, совершающихъ обрядъ бракосочетанія, къ числу которыхъ относятся также и священники разныхъ вѣроисповѣданій, совершенныя ими бракосочетанія вносить въ особыя книги, для сего установленныя. Сверхъ сего во всѣхъ почти штатахъ и территоріяхъ должностныя лица, совершающія бракосочетаніе, обязаны засвидѣтельствовать фактъ совершенія такового или на самыхъ

разрѣшительныхъ на вступленіе данныхъ лицъ въ бракъ свидѣтельствахъ, имъ представляемыхъ брачащимися до совершения обряда, или особо отъ этихъ разрѣшительныхъ свидѣтельствъ. Такія засвидѣтельствованія факта совершения бракосочетанія между лицами, на имя которыхъ выдано разрѣшительное на вступленіе въ бракъ свидѣтельство, совершившимъ обрядъ бракосочетанія или (въ нѣкоторыхъ штатахъ и территорияхъ) самимъ супругомъ должны быть отсылаемы должностному лицу, законами даннаго штата или территории назначенному къ исполненію обязанности принимать эти брачныя свидѣтельства, и засимъ (за исключеніемъ штата *Nero Jersey*) вносить ихъ въ особыя для того установленныя книги. Подобная регистрація браковъ носить чисто мѣстный характеръ и ведется разными должностными лицами управленія графства или городского управленія. На основаніи прямого требованія закона даннаго штата или территории, къ нимъ относящагося, эти должностныя лица брачныя свидѣтельства, ими получаемыя отъ должностныхъ лицъ, на которыхъ закономъ того же штата или территории возложено совершеніе бракосочетаній, или отъ самихъ супруговъ, подбираютъ, хранятъ и распредѣляютъ въ опредѣленномъ порядкѣ. Подобный мѣстный регистръ брачныхъ свидѣтельствъ и является главнымъ доказательствомъ существованія всякаго даннаго брака, ибо ни разрѣшительныя на вступленія въ бракъ свидѣтельства, если только брачное свидѣтельство не прописывается на нихъ же, ни даже записи въ особыхъ книгахъ, вести кои законы шестнадцати штатовъ обязываютъ совершителей обряда бракосочетанія, въ этомъ отношеніи, т.-е. въ смыслѣ неоспоримаго доказательства существованія даннаго брака, особаго значенія не имѣютъ. Въ нѣкоторыхъ штатахъ (числомъ 11), сверхъ выше очерченной чисто мѣстной регистраціи браковъ, установлена еще и штатная регистрація таковыхъ, находящаяся обыкновенно въ вѣдѣніи штатнаго присутствія охраненія народнаго здравія. Для территорій, находящихся подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ конгресса Соединенныхъ Штатовъ, федеральнымъ закономъ 1887 года установлено, что сверхъ требованій мѣстныхъ территориальныхъ законовъ, относящихся къ мѣстной регистраціи браковъ, брачное свидѣтельство, подписанное какъ самими новобрачными, такъ и совершителемъ бракосочетанія, должно быть представлено въ особый судъ для утвержденія духовныхъ завѣщаній или замѣняющее этотъ послѣдній учрежденіе. Нѣкоторые штаты (числомъ 6) устанавливаютъ въ законахъ своихъ особыя правила для регистраціи браковъ своихъ обывателей, совершенныхъ внѣ ихъ предѣловъ.

Изображеніе самаго обряда бракосочетанія согласно ритуаламъ и обычаямъ бевчисленныхъ вѣроисповѣданій и религіозныхъ сектъ, существующихъ въ Соединенныхъ Штатахъ, не можетъ имѣть мѣста въ настоящемъ очеркѣ. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что обряды

эти, поскольку въ нихъ ви́шнимъ образомъ выражаются вѣрова-
нія разныхъ вѣроисповѣданій и сектъ и ихъ взгляды на существо
брачнаго союза, могутъ представлять нѣкоторый интересъ.

V.

Обращаясь къ разсмотрѣнью законоположеній разныхъ штатовъ,
относящихся къ разводу, слѣдуетъ указать прежде всего на то
существенное различіе, какое установлено всѣми этими законопо-
ложеніями между разводомъ и уничтоженіемъ брачнаго союза. Пер-
вый, т.-е. разводъ, является расторженіемъ брачнаго союза суще-
ствующаго, между тѣмъ какъ послѣднее, т.-е. уничтоженіе брачнаго
союза, представляется признаніемъ такового недѣйствительнымъ и
въ законномъ смыслѣ ничтожнымъ съ самаго момента его возник-
новенія. Такимъ образомъ, дѣйствіе развода брачнаго союза рас-
пространяется на будущее время, между тѣмъ какъ дѣйствіе уни-
чтоженія брачнаго союза распространяется на время прошедшее.
Разводъ брачнаго союза можетъ быть двоякаго рода: разводъ пол-
ный или абсолютный, когда участники этого союза возвращаются
въ первоначальное состояніе и положеніе лицъ одинокихъ, въ ка-
комъ находились они до вступленія въ бракъ, хотя бы возвраще-
ніе такое и было сопряжено съ нѣкоторыми ограниченіями по ча-
сти правъ собственности, вступленія въ новый бракъ и т. п., за-
кономъ установленными для лицъ разведенныхъ, и разводъ непол-
ный или частичный, когда участники даннаго брачнаго союза,
хотя и воспринимаютъ отдѣльное жительство, не раздѣляя болѣе
стола и ложа, продолжаютъ оставаться, однако, въ законномъ по-
ложеніи и состояніи лицъ, связанныхъ узами своего брачнаго
союза. Разводъ брачнаго союза можетъ быть произведенъ троя-
кимъ образомъ: во-первыхъ, особымъ спеціальнымъ закономъ, ко-
имъ законодательная власть даннаго штата предоставляетъ раз-
водъ своимъ обывателямъ, состоящимъ въ законномъ бракѣ;
во-вторыхъ, путемъ дѣйствія самого закона, уже существую-
щаго, безъ всякаго гдѣ бы то ни было производства; въ-третьихъ,
путемъ опредѣленія надлежащаго суда, основаннаго на существую-
щихъ узаконеніяхъ. Что касается уничтоженія брачнаго союза, то,
хотя законы разныхъ штатовъ и признаютъ опредѣленные браки
«ничтожными безъ всякаго законнаго производства», тѣмъ не ме-
нѣе, однако, такое уничтоженіе всегда имѣетъ мѣсто и осущест-
вляется путемъ судебного опредѣленія.

Разводъ даннаго брака путемъ спеціальнаго на сей предметъ
закона въ предѣлахъ Соединенныхъ Штатовъ можетъ имѣть мѣсто
лишь въ случаяхъ, въ полномъ смыслѣ слова исключительныхъ,
не предусмотрѣнныхъ общими законами отдѣльныхъ штатовъ. По
крайней мѣрѣ, мѣстныя конституціи всѣхъ штатовъ, за исключе-

нѣмъ десяти, заключаютъ въ себѣ абсолютное воспреещеніе ихъ законодательнымъ собраніямъ издавать спеціальныя законы, предоставляющіе разводъ опредѣленнымъ лицамъ. Такое же воспреещеніе территоріальнымъ законодательнымъ собраніямъ представляетъ собой федеральный законъ 30-го іюля 1886 года. Такимъ образомъ, разводъ брака путемъ спеціальнаго закона можетъ имѣть мѣсто лишь въ тѣхъ десяти штатахъ, конституціи коихъ не заключаетъ въ себѣ подобнаго воспреещенія, ибо воспреещеніе, заключающееся въ федеральномъ законѣ 30-го іюля 1886 года, относясь ко всѣмъ вообще территоріямъ Соединенныхъ Штатовъ, находящимся согласно федеральной конституціи въ вѣдѣніи конгресса, для законодательныхъ собраній этихъ территорій представляется безусловно обязательнымъ. Такими десятью штатами являются нижеслѣдующіе: Алабама, Коннектикутъ, Делаваръ, Джорджія, Канзасъ, Мэйнъ, Массачусетсъ, Нью-Гампшайръ, Родъ-Айлендъ и Вермонтъ. Хотя конституціи этихъ штатовъ и не заключаютъ въ себѣ прямого воспреещенія ихъ штатнымъ законодательнымъ собраніямъ издавать спеціальныя законы, предоставляющіе разводы опредѣленнымъ лицамъ, тѣмъ не менѣе, однако, въ то же время заключаютъ въ себѣ рядъ законоположеній, дѣлающихъ подобный разводъ въ законодательномъ порядкѣ чрезвычайно труднымъ.

Разводъ путемъ дѣйствія самого закона безъ всякаго гдѣ бы то ни было производства имѣеть мѣсто лишь въ восьми штатахъ. Въ штатахъ Аркансо и Теннесси пятилѣтнее безвѣстное отсутствіе мужа или жены само собой расторгаетъ бракъ и предоставляетъ сторонѣ, терпящей подобное отсутствіе, право вступить въ новый бракъ. Въ штатахъ Мичиганъ и Висконсинъ присужденіе одного изъ супруговъ къ пожизненному тюремному заключенію само по себѣ расторгаетъ существующій между ними бракъ безъ всякаго опредѣленія о разводѣ. Такое же точно дѣйствіе имѣеть въ штатѣ Мэйнъ, какъ пожизненное тюремное заключеніе одного изъ супруговъ, такъ и самое присужденіе къ таковому. Въ штатѣ Нью-Йоркѣ, въ случаѣ присужденія одного изъ супруговъ къ пожизненному тюремному заключенію, другой супругъ не только получаетъ право вступленія въ новый бракъ безъ всякаго производства о разводѣ, но и сверхъ сего, въ случаѣ помилованія осужденнаго супруга, таковое не влечетъ за собой возвращенія ему прежнихъ супружескихъ правъ. Въ штатѣ Невадѣ осужденіе какого бы то ни было лица мужескаго пола надлежащимъ судомъ по обвиненію въ увозѣ женщины противъ ея воли и въ принужденіи ея путемъ насилія, угрозъ и притѣсненій ко вступленію въ бракъ съ самимъ собой или съ инымъ лицомъ служитъ само по себѣ расторженіемъ заключеннаго подобнымъ образомъ брака. Наконецъ, въ штатѣ Вермонтѣ лицо, присужденное въ пожизненному заключенію въ госу-

дарственной тюрьмѣ на тяжкія работы, считается въ законномъ смыслѣ скончавшимся, а потому супругъ такого лица по отношенію къ вступленію въ новое супружество получаетъ всѣ права лица овдовѣвшаго.

Разводъ брачнаго союза въ судебномъ порядкѣ установленъ законодательствами всѣхъ штатовъ и территорій, входящихъ въ составъ Соединенныхъ Штатовъ, за исключеніемъ штата Южной Каролины, въ которомъ не существуетъ никакихъ положительно законовъ о разводѣ. Юрисдикція по дѣламъ бракоразводнымъ принадлежитъ въ разныхъ штатахъ и территоріяхъ судамъ разныхъ наименованій и различныхъ компетенцій. Для предьявленія иска о разводѣ брака законы всѣхъ штатовъ и территорій, за исключеніемъ двухъ (Делаваръ и Луизіана), требуютъ отъ супруга, предьявляющаго такой искъ, или даже иногда отъ обоихъ супруговъ, выступающихъ въ качествѣ истца и отвѣтчика въ бракоразводномъ процессѣ, проживательства въ предѣлахъ штата или территоріи въ теченіе опредѣленнаго періода времени до возбужденія такого процесса. Срокъ такого предварительнаго въ мѣстѣ предьявленія иска о разводѣ проживательства законами разныхъ штатовъ опредѣляется различно, начиная отъ шести мѣсяцевъ (5 штатовъ); большинство штатовъ назначаетъ, однако, для сего годичный срокъ (34 штата и территоріи); засимъ, 5 штатовъ и такъ называемый Колумбійскій округъ, обнимающій собой столицу Соединенныхъ Штатовъ Вашингтонъ, опредѣляетъ срокъ предварительнаго проживательства истца по бракоразводному дѣлу въ два года; наконецъ, три штата и одна территорія—въ три года. Въ числѣ этихъ послѣднихъ находится точно также и штатъ Массачусетсъ, законы котораго для возбужденія бракоразводнаго процесса требуютъ, какъ отъ истца, такъ и отъ отвѣтчика, то-есть отъ обоихъ супруговъ, трехлѣтняго предварительнаго проживательства въ предѣлахъ штата въ томъ случаѣ, если самый бракъ, предьявляемый къ разводу, былъ заключенъ въ томъ же штатѣ, для брака же, заключеннаго внѣ его предѣловъ, полагается для сего срокъ пятилѣтній. Въ частности своды законовъ штатовъ: Калифорніи, Айдаго, Канзаса, Небраски, Нью-Йорка, Сѣверной Дакоты, Огайо, Южной Дакоты и Вайоминга, заключаютъ въ себѣ опредѣленія, что если жена, предьявившая искъ о разводѣ противъ своего мужа, въ моментъ такого предьявленія проживаетъ въ ихъ предѣлахъ, то на предметъ возбужденія бракоразводнаго процесса она признается обывательницей штата независимо отъ мѣстожительства ея мужа. Штаты Делаваръ и Луизіана на предметъ предьявленія бракоразводнаго процесса не назначаютъ для ищущихъ развода никакого срока для ихъ предварительнаго проживательства въ своихъ предѣлахъ.

Первымъ актомъ бракоразводнаго процесса по законамъ всѣхъ вообще штатовъ и территорій представляется судебное объявленіе

отвѣтчику о предъявленіи противъ него иска о разводѣ брака. Способы такого объявленія, въ точности опредѣляемые законами разныхъ штатовъ и территорій, представляютъ собой интересъ настолько техническій, что не подлежатъ изображенію въ настоящемъ очеркѣ.

Основанія для развода брака, какъ полнаго, такъ и частичнаго, установленныя законами разныхъ штатовъ и территорій, настолько многочисленны и разнообразны, что даже ихъ перечисленіе по группамъ штатовъ и территорій, ихъ установившихъ, требуетъ немало мѣста.

Причинами полнаго развода представляются: 1) прелюбодѣяніе одного изъ супруговъ—во всѣхъ штатахъ и территоріяхъ, за исключеніемъ штата Южной Каролины, въ которомъ, какъ упомянуто уже выше, вовсе не имѣется законовъ о разводѣ; 2) беременность новобрачной во время заключенія брака, неизвѣстная мужу, — въ 12 штатахъ; 3) половыя сношенія жены до брака, неизвѣстныя мужу, — въ штатѣ Мэрилендѣ; 4) развратное и порочное поведеніе жены — въ штатѣ Кентукки; 5) завѣдомое занятіе жены проституціей ранѣ вступленія въ бракъ, неизвѣстное мужу, — въ штатахъ Вирджиніи и Западной Вирджиніи; 6) завѣдомо развратное поведеніе мужа до брака, неизвѣстное женѣ, — въ штатѣ Западной Вирджиніи; 7) скандальное и порочное поведеніе одного изъ супруговъ — въ штатѣ Родъ-Айлендѣ; 8) противоестественный порокъ въ штатѣ Алабамѣ; 9) сокрытіе однимъ изъ новобрачныхъ секретной болѣзни, существовавшей въ моментъ заключенія брака, — въ штатѣ Кентукки; 10) полученіе заразной болѣзни по вступленіи въ бракъ — въ штатѣ Кентукки; 11) импотенція мужа и физическая неспособность жены во время заключенія брака—во всѣхъ штатахъ и территоріяхъ, за исключеніемъ одиннадцати; 12) впаденіе одного изъ супруговъ въ состояніе импотенціи въ теченіе супружеской жизни вслѣдствіе безнравственнаго или преступнаго поведенія—въ штатѣ Колорадо; 13) оставленіе одного изъ супруговъ другимъ, бѣгство одного изъ супруговъ, умышленное отсутствіе—во всѣхъ штатахъ, за исключеніемъ штатовъ Нью-Йорка и Сѣверной Каролины; 14) исчезновеніе и безвѣстное отсутствіе одного изъ супруговъ—въ четырехъ штатахъ; 15) прожигательство врозь, то-есть добровольный разъѣздъ, — въ штатахъ Кентукки и Висконсинѣ; 16) присоединеніе одного изъ супруговъ къ одной изъ религіозныхъ сектъ, признающихъ бракъ противозаконнымъ, — въ трехъ штатахъ; 17) бѣгство одного изъ супруговъ, преданнаго суду по обвиненію въ уголовномъ преступленіи, отъ отправленія надъ нимъ правосудія—въ двухъ штатахъ; 18) бѣгство мужа, преданнаго суду за уголовное преступленіе, изъ предѣловъ штата—въ Сѣверной Каролинѣ; 19) отказъ жены отъ переѣзда со своимъ мужемъ въ предѣлы штата—въ штатѣ Теннесси; 20) жестокость, насиліе или

опасеніе такового, безчеловѣчное обращеніе—во всѣхъ штатахъ, за исключеніемъ шести; 21) оскорбительныя дѣйствія одного изъ супруговъ, дѣлающія жизнь другого супруга невыносимой,—въ семи штатахъ; 22) поведеніе мужа, дѣлающее сожителство съ нимъ жены неприличествующимъ и небезопаснымъ,—въ штатѣ Теннесси; 23) изгнаніе мужемъ жены изъ дома—въ томъ же штатѣ; 24) непредоставленіе мужемъ своей женѣ содержанія—въ двадцати одномъ штатѣ и территоріи; 25) обычное буйное и необузданное поведеніе одного изъ супруговъ—въ штатѣ Флоридѣ; 26) покушеніе одного изъ супруговъ на жизнь другого—въ трехъ штатахъ; 27) серьезное небреженіе одного изъ супруговъ въ отправленіи своихъ обязанностей—въ двухъ штатахъ; 28) пьянство, запой, обычное состояніе опьяненія одного изъ супруговъ—во всѣхъ штатахъ, за исключеніемъ девяти; 29) пьянствованіе жены — въ штатѣ Висконсинѣ; 30) бродяжество мужа—въ штатахъ Миссури и Вайоминѣ; 31) осужденіе одного изъ супруговъ за уголовное или позорное преступленіе, присужденіе къ тюремному заключенію, содержаніе въ тюрьмѣ—во всѣхъ штатахъ и территоріяхъ, за исключеніемъ восьми; 32) помѣшательство и душевная разслабленность во время заключенія брака—въ двухъ штатахъ; 33) постоянное и неизлѣчимое помѣшательство, постигшее одного изъ супруговъ послѣ заключенія брака—въ штатѣ Аркансо; 34) неизлѣчимаая хроническая манія или сумасшествіе—въ штатѣ Вашингтонѣ; 35) всякая причина, дѣлающая бракъ недѣйствительнымъ съ самаго момента его заключенія,—въ двухъ штатахъ; 36) вступленіе въ бракъ въ запрещенныхъ степеняхъ родства—въ пяти штатахъ; 37) нахожденіе въ живыхъ прежняго мужа или прежней жены — въ двѣнадцати штатахъ и территоріяхъ; 38) вовлеченіе въ бракъ посредствомъ насилія, принужденія или обмана—въ семи штатахъ; 39) недостиженіе однимъ изъ брачащихся брачнаго совершеннолѣтія во время совершенія бракосочетанія—въ штатѣ Делаварѣ; 40) полученіе однимъ изъ супруговъ развода въ иномъ штатѣ—въ штатахъ Флоридѣ, Мичиганѣ и Огайо; 41) публичное опозореніе однимъ супругомъ другого—въ штатѣ Луизианѣ и, наконецъ, 42) всякая иная причина, признаваемая судомъ достаточной и приводящая его къ убѣжденію, что дальнѣйшее совмѣстное жителство супруговъ представляется невозможнымъ,—въ штатѣ Вашингтонѣ.

Разводъ частичный, или такъ называемое разлученіе отъ стола и ложа, существуетъ лишь въ двадцати штатахъ, при чемъ въ трехъ предоставляется исключительно лишь женѣ, но отнюдь не мужу. Причины подобнаго разлученія супруговъ отъ стола и ложа—тѣ же самыя, какія выше мной перечислены для развода полнаго, или абсолютнаго, за исключеніемъ лишь двѣнадцати самыхъ маловажныхъ изъ 42 таковыхъ.

Слѣдуетъ замѣтить въ заключеніе, что въ штатѣ Нью-Йоркѣ и такъ называемомъ Колумбійскомъ округѣ, обнимающемъ собой столицу Соединенныхъ Штатовъ, городъ Вашингтонъ, полный разводъ предоставляется лишь по одной единственной причинѣ, именно— супружеской невѣрности, а въ штатѣ Джорджіи этотъ же полный разводъ предоставляется не иначе, какъ по утвердительному рѣшенію двухъ судовъ присяжныхъ засѣдателей, состоявшихся въ двѣ различныя сессіи суда.

VI.

Нѣкоторые штаты и территоріи (числомъ 6), признавая цѣлесообразнымъ ставить препятствія къ достиженію супругами разводъ, въ законахъ своихъ возлагаютъ обязанность такого препятствования на такъ называемыхъ окружныхъ или обвинительныхъ повѣренныхъ, должности которыхъ соотвѣтствуютъ нашимъ должностямъ прокуроровъ окружныхъ судовъ. Такъ по законамъ штата Индіаны въ тѣхъ случаяхъ, когда на прошеніе одного изъ супруговъ о разводѣ другой супругъ не представляетъ никакихъ возраженій въ опроверженіе выставленныхъ въ такомъ основаніи къ разводу брака, обвинительный повѣренный обязанъ явиться къ заслушанію такого прошенія въ судебномъ засѣданіи и, за отсутствіемъ отвѣтчика и уклоненіемъ сего послѣдняго отъ защиты, препятствовать предоставленію развода просителю. Въ штатѣ Кентукки такъ называемый повѣренный графства (административная единица и судебный округъ) обязанъ противоудѣйствовать удовлетворенію судомъ всякаго прошенія о разводѣ и въ случаѣ успѣшности такого противоудѣйствія, т.е. уваженія судомъ его возраженій и отказа въ выдачѣ развода, получаетъ особое вознагражденіе въ размѣрѣ 20 долларовъ, взыскиваемыхъ съ мужа. Въ штатѣ Луизианѣ, если отвѣтчикъ по дѣлу о разводѣ находится въ отсутствіи или не въ состояніи явиться къ слушанію такового по какой бы то ни было причинѣ, судъ обязанъ назначить отъ себя повѣреннаго для представительства отсутствующаго или неявившагося. По законамъ штата Мичигана въ тѣхъ случаяхъ, когда предъявленъ къ разводу бракъ, слѣдствіемъ котораго являются дѣти ниже 14 лѣтъ отъ роду, обвинительный повѣренный графства обязанъ принять участіе въ дѣлѣ, и если по его сужденію интересы дѣтей или общественное благо того требуютъ, то выставить свои доказательства въ опроверженіе ходатайства о разводѣ, явиться къ слушанію дѣла и противоудѣйствовать уваженію прошенія о разводѣ. Въ штатѣ Вермонтѣ государственный окружный повѣренный (окружный обвинитель) обязанъ выступать для поддержанія государственныхъ интересовъ въ каждомъ дѣлѣ о разводѣ, и если по его сужденію общественное благо того требуетъ,

то при слушаніи дѣла предъявлять свои доказательства и доводы въ качествѣ представителя государства. Наконецъ, по законамъ территоріи Вашингтона, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда отвѣтчикъ по дѣлу о разводѣ вовсе не защищается, обвинительный повѣренный обязанъ противодѣйствовать удовлетворенію прошенія о разводѣ.

Своды законовъ въ большей части штатовъ и территорій, входящихъ въ составъ Соединенныхъ Штатовъ, устанавливаютъ, какъ общее правило, что разводъ не допускается въ случаяхъ дозволенія, сговора, прощенія или же взаимности обвиненій между сторонами въ бракоразводномъ процессѣ. Дозволеніемъ именуется или прямое согласіе одного изъ супруговъ на дѣйствіе другого, за которое первый впослѣдствіи хватается, какъ за причину къ разводу, или, по крайней мѣрѣ, такое со стороны этого супруга смотрѣніе сквозь пальцы на дѣйствія другого супруга, которое носитъ характеръ такого согласія.

Сговоромъ именуется состоявшееся между супругами соглашеніе, въ силу котораго одинъ изъ нихъ предумышленно учиняетъ или же разыгрываетъ учиненіе такого дѣйствія, которое служитъ другому основаніемъ для развода. Прощеніемъ именуется прямо выраженное или же явно подразумеваемое извиненіе однимъ супругомъ другому какого либо нарушенія супружескихъ обязанностей. Взаимность обвиненій имѣетъ мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда оба супруга, участвующіе въ бракоразводномъ процессѣ, представляются виновными въ поступкахъ, служащихъ основаніями къ разводу.

Въ нѣкоторыхъ штатахъ (числомъ 13) для возбужденія дѣла о разводѣ установленъ опредѣленный срокъ съ момента учиненія однимъ изъ супруговъ дѣйствія, служащаго основаніемъ къ разводу. По истеченіи этого установленнаго срока дѣйствіе такое признается покрытымъ давностью и не можетъ уже служить основаніемъ для ходатайства другого супруга о разводѣ. Давностный срокъ, установленный законами тринадцати штатовъ для различныхъ поводовъ къ расторженію брака, главнымъ изъ которыхъ является прелюбодѣяніе, простирается отъ одного до пяти лѣтъ.

Нѣкоторые штаты въ законахъ своихъ опредѣляютъ степень законнаго въ ихъ предѣлахъ значенія разводовъ, состоявшихся въ иныхъ штатахъ или иныхъ государствахъ. Такъ, по законамъ штатовъ Делавара, Мэйна и Массачусетса, если обыватель штата отправляется въ иной штатъ на предметъ полученія развода по такой причинѣ, какая не можетъ служить основаніемъ къ разводу въ предѣлахъ собственнаго его штата, или по такому поводу, который, имѣвъ мѣсто въ предѣлахъ собственнаго его штата, дастъ ему полную возможность получить разводъ у себя дома, то такой разводъ, имъ полученный въ чужомъ штатѣ, въ предѣлахъ собственнаго

его штата не признается дѣйствительнымъ и не имѣетъ законной силы. Во всѣхъ иныхъ случаяхъ всякій разводъ, какимъ бы то ни было супругомъ полученный въ какомъ бы то ни было штатѣ или какомъ бы то ни было иностранномъ государствѣ отъ надлежащаго суда, имѣетъ полную законную силу въ вышепоименованныхъ штатахъ. Сводъ законовъ штата Индіаны опредѣляетъ безъ всякихъ ограниченій, что всякій разводъ, полученный во всякомъ иномъ штатѣ отъ суда надлежащей компетенціи, получаетъ полную законную силу въ предѣлахъ этого штата. За исключеніемъ этихъ четырехъ штатовъ своды законовъ всѣхъ прочихъ штатовъ и территорій, входящихъ въ составъ Соединенныхъ Штатовъ, вовсе не заключаютъ въ себѣ никакихъ опредѣленій по предмету законной въ ихъ предѣлахъ силы разводовъ, полученныхъ въ иныхъ штатахъ или иныхъ государствахъ.

Въ восемнадцати штатахъ и территоріяхъ судъ, постановляющій опредѣленіе о расторженіи брака, имѣетъ право измѣнить имя жены, получившей разводъ. Изъ этихъ восемнадцати штатовъ и территорій въ тринадцати такая перемѣна въ имени жены можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если ходатайство о разводѣ было предъявлено женою, а въ пяти остальныхъ—совершенно независимо отъ того, кѣмъ именно возбуждено дѣло о разводѣ, по усмотрѣнію суда. Въ двухъ изъ этихъ штатовъ и территорій (Аризона и Тексасъ) судъ можетъ измѣнить имена обоихъ разводимыхъ супруговъ, если они о томъ ходатайствуютъ. Наконецъ, въ одномъ изъ этихъ штатовъ (Вермонтъ) могутъ быть измѣнены имена несовершеннолѣтнихъ дѣтей разводимыхъ супруговъ, если эти послѣдніе о томъ ходатайствуютъ.

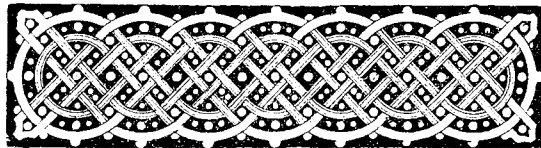
Своды законовъ всѣхъ штатовъ и территорій заключаютъ въ себѣ опредѣленія по предмету содержанія мужемъ жены, какъ въ теченіе бракоразводнаго процесса, такъ равно и по состоянію судебного опредѣленія о разводѣ брака. Содержаніе перваго рода, т.-е. въ теченіе бракоразводнаго процесса, представляется, конечно, лишь временнымъ, а второе, т.-е. содержаніе по разводѣ, постояннымъ. Согласно обычному праву, въ стародавнія времена регулировавшему всю жизнь и всѣ взаимоотношенія гражданъ «страны свободы» и нынѣ почти совсѣмъ вытѣсненному изъ употребленія писанными, или, точнѣе говоря, печатными законами, постоянное содержаніе предоставлялось разведенной женѣ исключительно лишь въ случаѣ неполнаго или частичнаго развода, т.-е. такъ называемаго разлученія отъ стола и ложа, при которомъ бракъ продолжаетъ существовать въ полной силѣ, и никоимъ образомъ не могло быть предоставлено женѣ въ случаяхъ полнаго развода или же уничтоженія брака вслѣдствіе законной недѣйствительности онаго съ самаго его возникновенія. Однако, этотъ вполне правильный и справедливый принципъ обычнаго права по отношенію къ предоставленію му-

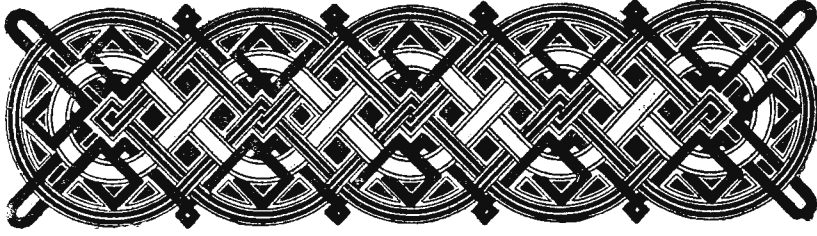
жемъ содержанія разведенной женѣ былъ въ послѣдствіи почти совершенно измѣненъ законами разныхъ штатовъ и территорій. Законы эти нынѣ допускаютъ назначеніе судомъ «содержанія» отъ мужа женѣ, вполнѣ разведенной и даже измѣнившей свое супружеское имя, хотя бы у нея и вовсе не было дѣтей, при чемъ «содержаніе» это можетъ быть опредѣлено судомъ не въ видѣ періодическихъ платежей со стороны разведеннаго мужа разведенной женѣ, а въ видѣ единовременной уплаты этой послѣдней болѣе или менѣе значительной денежной суммы. До какой степени характеръ этого «содержанія» по случаю развода, искони установившагося въ англосаксонскомъ обычномъ правѣ, измѣненъ закономъ, писаннымъ въ видѣ сводовъ законовъ разныхъ штатовъ и территорій, входящихъ въ составъ Соединенныхъ Штатовъ, достаточно обнаруживается изъ того, что законы штатовъ Айовы, Массачусетса, Нью-Гампшайра, Орегона, Вирджиніи, Вашингтона и Вестъ-Вирджиніи допускаютъ назначеніе судомъ «содержанія» по случаю развода въ видѣ единовременной уплаты опредѣленной денежной суммы не только женѣ со стороны мужа, но точно также и мужу со стороны жены.

Уничтоженіе брака за признаніемъ такового недѣйствительнымъ съ самаго момента его возникновенія, о чемъ мной было уже говорено ранѣе съ изложеніемъ причинъ такой недѣйствительности, въ 29-ти штатахъ и территорияхъ происходитъ въ особомъ, специально для того установленномъ порядкѣ судебного процесса, а во всѣхъ остальныхъ (22) въ общемъ порядкѣ судопроизводства.

Е. Н. Матросовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА.

(17-го января 1860—2-го іюля 1904).

«Через двѣсти, триста лѣтъ жизнь на землѣ будетъ невообразимо прекрасной, изумительной. Человѣку нужна такая жизнь, и если ея нѣтъ пока, то онъ долженъ предчувствовать ее, ждать, мечтать, готовиться къ ней, онъ долженъ для этого видѣть и знать больше, чѣмъ видѣли и знали его дѣдъ и отецъ».

А. Чеховъ.

I.

ЧЕХОВЪ скончался въ три часа ночи неожиданно отъ слабости сердца безъ страданій, тихо заснулъ», — сообщила телеграмма изъ Баденъ-Вейлера отъ 2-го іюля. Тихая смерть пришла неожиданно. За нѣсколько дней она казалась Чехову такой далекой. «Здоровье мое поправляется, входитъ въ меня пудами», — писалъ онъ. Умирая, онъ былъ полонъ жажды жизни. А докторъ Швереръ, сообщаетъ: «онъ переносилъ свою тяжелую болѣзнь, какъ герой. Со стоическимъ, изумительнымъ спокойствіемъ готовился онъ къ смерти».

Тяжелая утрата... Погибъ большой писатель, имя котораго произносилось сейчасъ же послѣ имени Льва Толстого. Чеховъ принадлежитъ не только русской литературѣ. Его знали и высоко цѣнили на Западѣ, во Франціи, Германіи, и плѣнялись не только художественнымъ дарованіемъ: въ его произведеніяхъ многое, если не

все, близко и понятно европейцу. Въдъ пошлость, скука и тупость глядятъ и на Западѣ тѣми же лицами, что и у насъ въ Россіи. Стоить перемѣнить имена и названія во многихъ чеховскихъ повѣстяхъ и разсказахъ на нѣмецкія или французскія, чтобы нѣмецъ или французъ принялъ ихъ за произведенія своего соотечественника.

И въ печати, и въ обществѣ кончина Чехова вызвала неподдѣльнѣйшія и искреннѣйшія сожалѣнія. Ихъ силу нужно цѣнить тѣмъ выше, что они были неподготовлены, неожиданны. Совсѣмъ не въ нравахъ нашей прессы замѣчательное единодушіе, съ которымъ высказались о Чеховѣ органы разнообразнѣйшихъ направленій и окрасокъ. Но еще болѣе поразительно то, что всѣ эти органы сошлись на очень высокой оцѣнкѣ значенія писателя. Читатели всегда относились къ Чехову съ большей любовью, чѣмъ критика. Если Чеховъ изъ всѣхъ писателей младшаго поколѣнія дѣйствительно былъ самымъ популярнымъ, любимѣйшимъ, то въ прессѣ, въ критикѣ, Чеховъ при жизни не добился той доли признанія, которой онъ заслуживалъ, и при которой писатель до извѣстной степени неоспоримъ и авторитетенъ. Эта доля признанія «обязываетъ» критику извѣстнымъ отношеніемъ къ писателю. При жизни Чехова еще не завершилась борьба за его авторитетъ. Въ лучшемъ случаѣ говорили: «да, мило, талантливо... мило, но далеко до Толстого», или: «прекрасная вещь, но «Отцы и дѣти» Тургенева лучше». И въ самые послѣдніе дни, когда на первомъ представленіи «Вишневаго сада» публика восторженно выразила свою любовь и свое признаніе, въ печати нерѣдко можно было встрѣтить не то, что фамиллярное и пренебрежительное отношеніе, а просто глумленіе. А Чехова всегда больно задѣвало такое отношеніе критики. Онъ вообще не могъ похвалиться бережнымъ къ себѣ отношеніемъ критиковъ и рецензентовъ.

Такая пренебрежительность происходила отъ двухъ причинъ. Съ одной стороны—нужно сознаться въ этомъ—искусство до сихъ поръ не пользуется у насъ уваженіемъ въ той мѣрѣ, въ какой оно того заслуживаетъ, какъ свободное проявленіе творческой способности человѣка. Съ другой стороны, Чеховъ долгое время находился въ подозрѣніи у лучшей части общества: подозрѣвали его ни много, ни мало въ общественной отсталости, въ консерватизмѣ взглядовъ и даже въ безпринципности: Чеховъ волновался, даже вспоминая объ этихъ обвиненіяхъ. «Что про меня писали! — говорилъ онъ одному писателю: — что писали! Нѣтъ, вы отыщите! Скабичевскій посвятилъ мнѣ въ «Новостяхъ» фельетонъ, въ которомъ называлъ меня «безпринципнымъ» писателемъ. За что? Когда я былъ «безпринципнымъ? Въ чемъ?» — недоумѣвалъ Чеховъ. Это недоумѣніе—наше русское, историческое. У насъ до сихъ поръ необходимо тратить силы на доказательство абсолютно вѣрнаго положенія: свободное, истинное искусство не можетъ быть консервативнымъ

въ своемъ общественномъ значеніи. Никакая прогрессивная партія не должна опасаться и ждать тормазовъ своей общественной работѣ со стороны настоящаго искусства. Правда, общественное значеніе, и по временамъ довольно крупное, приобретають иногда про-

Антонъ Павловичъ Чеховъ.

изведенія, не имѣющія ничего общаго съ художествомъ и искусствомъ. Общественная значительность произведенія въ данный моментъ опредѣляется особенными обстоятельствами и часто вовсе не намѣреніями автора, но только произведенія истиннаго искус-

ства могутъ разсчитывать на непреходящее общественное значеніе...

«А кто онъ по своимъ убѣжденіямъ, къ какой партіи онъ принадлежитъ, нашъ или чужой?»—вотъ вопросы, которые въ силу историческаго недоразумѣнія считаетъ нужнымъ поставить любой русскій критикъ. И, только отвѣтивъ на эти вопросы, онъ приступить къ оцѣнкѣ произведенія. Долго смущались, куда причислить Чехова. Репутація его сильно колебалась, и покойному Михайловскому казалось, что онъ не видалъ «зрѣлища, болѣе печальнаго, чѣмъ этотъ пропадающій талантъ». А когда появились его «Мужики», многіе увидѣли въ нихъ присутствіе реакціонныхъ элементовъ и отплатили Чехову, избравъ его въ «Союзъ писателей» обиднымъ меньшинствомъ. Чеховъ былъ ошеломленъ этимъ. Истинный мастеръ слова, художникъ, «Божією милостію», онъ не могъ быть консерваторомъ или реакціонеромъ. Соціальныя идеалы Чехова очень высоки: они не потускнѣютъ, если рядомъ съ ними поставитъ мечтанія и чаянія передовыхъ мыслителей XIX вѣка. Излюбленнѣйшая мысль Чехова, къ которой онъ возвращается очень часто, — изъ произведеній послѣдняго десятилѣтія въ рѣдкомъ ея не найдешь,—выливается въ слѣдующей фразѣ: «человѣку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шаръ, вся природа, гдѣ на просторѣ онъ могъ бы проявить всѣ свойства и особенности своего свободнаго духа». Чеховъ считалъ необходимымъ полное матеріальное освобожденіе, но онъ не останавливался на немъ оно было для лишь необходимымъ условіемъ, при которомъ возможно развитіе всѣхъ способностей человѣка, безъ котораго нѣтъ свободнаго творчества въ сферѣ религіи, искусства, науки. «Нужно освободить людей отъ тяжкаго физическаго труда. Нужно облегчить ихъ ярмо, дать имъ передышку, чтобы они не всю свою жизнь проводили у печей, корытъ и въ полѣ, но имѣли бы также время подумать о душѣ, о Богѣ, могли бы пошире проявить свои духовныя способности. Призваніе всякаго человѣка въ духовной дѣятельности—въ постоянномъ исканіи правды и смысла жизни. Сдѣлайте же для нихъ ненужнымъ грубый, животный трудъ, дайте имъ почувствовать себя на свободѣ... Разъ человѣкъ сознаетъ свое истинное призваніе, то удовлетворять его могутъ только религія, науки, искусства»...

Съ такой соціальной философіей, кажется, нечего бояться упрековъ въ отсталости.

II.

Но Чеховъ умеръ... и признаніе пришло вдругъ, всеобщее и славное. Со всѣхъ сторонъ онъ встрѣтилъ такую высокую оцѣнку, на которую, быть можетъ, до сихъ поръ отваживались лишь самые горячіе поклонники его таланта. Произошла обыкновенная

исторія. Смерть открыла намъ глаза, и всѣ вдругъ увидѣли, что Чеховъ—писатель огромнѣйшаго художественнаго дарованія, съ своеобразнымъ мастерствомъ, и вдругъ ясно постигли, какъ близокъ онъ намъ, какъ онъ насъ знаетъ въ самыхъ интимнѣйшихъ проявленіяхъ нашей души. Нельзя знать сокровенныя помышленія ругого безъ того, чтобы не образовалась таинственная связь между знающимъ и этимъ другимъ. Чеховъ, дѣйствительно,—плоть отъ плоти и кровь отъ крови нашей.

Для людей, жившихъ и работавшихъ въ послѣднихъ двухъ десятилѣтіяхъ, Чеховъ является самымъ авторитетнымъ и замѣчательнымъ историкомъ и лѣтописцемъ. Если бы исчезли внезапно изъ обращенія произведенія всѣхъ другихъ писателей-современниковъ Чехова, то писатель-соціологъ, воспользовавшись только его сочиненіями, смогъ бы дать широкую картину жизни среды и личности восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ. Фонъ картины—затишье и сумерки общественной жизни, тоска и пошлость буржуазной массы, налагающей путы на всѣ порыны души. Въ изображеніи повседневности, обыденщины Чеховъ, кажется, не имѣетъ равныхъ себѣ. На этомъ фонѣ Чеховъ необыкновенно выпухло и тонко рисуетъ психологию интеллигентной массы, призванной руководить жизнью. Погрязая въ тинѣ пошлости, въ мелочахъ жизни, она все еще не можетъ разстаться съ исканіями, съ мечтами о красивой, хорошей жизни. Въ произведеніяхъ Чехова можно читать исторію исканій послѣднихъ десятилѣтій, исторію «надрывовъ» интеллигентной души. Въ «Разсказѣ неизвѣстнаго человѣка» закрѣплены послѣднія минуты мучительной и страшной напряженности активной борьбы, смѣняющейся безмятежнымъ существованіемъ въ тихой пристани. Чеховская тема—измельчаніе пребывающихъ въ тихой пристани. Они совершаютъ «малыя дѣла» общественной пользы, находятся на общественной службѣ и остро и горько сознаютъ, что вся ихъ дѣятельность бесплодна, безцѣльна, что нужны какія-то коренныя измѣненія во всей нашей жизни. То, что должно произойти, рисуется въ неясныхъ, чарующихъ чертахъ. Баронъ Тузенбахъ въ «Трехъ сестрахъ» страшно хочетъ трудиться и не можетъ приучить себя къ труду: нужны какія-то стороннія возбужденія. «Пришло время,—говоритъ онъ,—надвигается на всѣхъ насъ громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идетъ уже близко и скоро сдуетъ съ нашего общества лѣнь, равнодушіе, предубѣжденіе къ труду, гнилую скуку. Я буду работать, а черезъ какія нибудь 25—30 лѣтъ работать будетъ уже каждый человѣкъ. Каждый!»

Чеховъ всегда былъ тонкимъ наблюдателемъ всѣхъ перебоевъ нашей общественной жизни. Въ «Моей жизни» отмѣчены поиски въ области непротивленія злу. Переломъ въ народничествѣ также не ускользнулъ отъ него. Онъ указалъ на измѣненіе въ отноше-

нiяхъ интеллигента къ народу и поставилъ это явленiе въ зависимость отъ пробужденiя индивидуальныхъ запросовъ личности. Горькое, ироническое чувство возбуждаетъ его замѣчательная повѣсть «Новая дача», посвященная изображенiю взаимнаго непониманiя и недовѣрiя барина и мужика. Не разъ касается Чеховъ проблемы города и деревни, труда и капитала, и всегда своеобразно, по-чеховски. Въ небольшомъ разсказѣ «Случай изъ практики» онъ подошелъ къ послѣдней проблемѣ, занявшись психологiей тоскующей и страдающей отъ своихъ капиталовъ владѣлицы фабрики. «Вы въ положенiи владѣлицы фабрики и богатой наслѣдницы, — говоритъ ей устами доктора авторъ, — не вѣрите въ свое право и теперь вотъ не спите, это, конечно, лучше, чѣмъ если бы вы были довольны, крѣпко спали и думали, что все обстоитъ благополучно. У васъ почтенная бессонница! Родители наши не разговаривали, а крѣпко спали, мы же, наше поколѣнiе, дурно спимъ, томимся, много говоримъ и всѣ рѣшаемъ, правы мы или нѣтъ...». Чеховъ запечатлѣлъ поворотъ въ искусствѣ, рисуя Треплева съ его тоской по новымъ формамъ.

Да, Чеховъ, дѣйствительно, былъ пѣвцомъ своего времени. Его произведенiя — своего рода эпосъ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ. И онъ пѣлъ свою пѣсню не безъ тщательно затаенной любви къ своей пошлой средѣ и ея хмурымъ героямъ. Этимъ отношенiемъ къ сюжету онъ напоминаетъ намъ эпическихъ пѣвцовъ.

А сколько имъ создано бытовыхъ фигуръ этого времени! Безъ сомнѣнiя, имена многихъ чеховскихъ героевъ будутъ нарицательными. Учитель словесности, человекъ въ футлярѣ, душечка со временемъ не уступать въ популярности ни Хлестакову, ни Фамусову.

III.

Изъ младшихъ современниковъ врядъ ли кого можно было назвать художникомъ съ большимъ правомъ, чѣмъ Чехова. Онъ художникъ по преимуществу. По тому, какъ онъ относится къ искусству, онъ напоминаетъ Тургенева. Когда онъ творитъ, для него на первомъ планѣ интересъ — не мыслителя и публициста, а чисто профессиональный — художника. Выше всего подробности формы, мастерство изложенiя, точность художественнаго воспрiятiя.

Чеховъ чуждъ фантастики; онъ не выдумываетъ, онъ созерцаетъ несущуюся передъ собой жизнь. Дѣйствительность имъ владѣетъ всецѣло, навязывается ему совершенно произвольно. Вспомните писательскiя мученiя Тригорина. Это самъ Чеховъ говоритъ: «Что за дикая жизнь! Вотъ я съ вами, я волнуюсь, а между тѣмъ каждое мгновенiе помню, что меня ждетъ неоконченная повѣсть. Вижу вотъ облако, похожее на роаяль. Думаю: надо будетъ упомянуть гдѣ нибудь въ разсказѣ, что плыло облако, похожее на роаяль. Пах-

нетъ гелиотропомъ. Скорѣе мотаю на усъ: приторный запахъ, вдовій цвѣтъ, упомянуть при описаніи лѣтняго вечера. Ловлю себя и васъ на каждой фразѣ, на каждомъ словѣ и спѣшу скорѣе запретъ всѣ эти фразы и слова въ свою литературную кладовую: авось пригодится». Любопытно, что для Чехова не было ничего легче, какъ найти сюжетъ. Онъ искренно удивлялся одному писателю, когда тотъ жаловался, что сюжеты даются ему съ трудомъ. «Не понимаю,—говорилъ Чеховъ,—у меня тысячи сюжетовъ».

Но былъ ли Чеховъ только реалистомъ? Мы сказали, что Чеховъ—художникъ—всецѣло во власти дѣйствительности, но его приемы воспріятія дѣйствительности совершенно своеобразны. Трудно уловить и опредѣлить особенности чеховскаго воспріятія дѣйствительности, но онѣ-то и создаютъ всеѣми чувствуемую особенную Чеховскую манеру. На нашихъ глазахъ совершается переломъ въ искусствѣ, въ значительной степени зависящій именно отъ того, что развивается самая способность воспринимать окружающее. Чеховъ прищипываетъ въ этомъ отношеніи къ новымъ писателямъ, къ Метерлинку, Ибсену. Особенности воспріятія сказались ярче всего въ драмахъ: ихъ новизна была замѣчена и въ большинствѣ не была понята. Но своеобразіе воспріятій есть уже и въ самыхъ раннихъ произведеніяхъ. Вспомните сотни анекдотовъ, рассказанныхъ Чеховымъ: странная въ нихъ дѣйствительность, какая-то обнаженная. Скелеты лицъ, черты, линіи. Какъ будто многого не бываетъ въ фактической, но не въ обнаженной Чеховымъ дѣйствительности. А въ рассказахъ и повѣстяхъ, рисующихъ повседневность, художникъ углубляетъ дѣйствительную жизнь въ иную, сокровенную, какъ будто продолжаетъ линіи очертаній лицъ и положеній. Мало останавливались у насъ на этихъ особенностяхъ Чеховскаго дарованія. Онѣ хорошо подмѣчены г. Чулковымъ («Новый Путь», июль): «съ гикомъ и свистомъ, хохоча и рыдая, щелкая пальцами и угрожая хлыстомъ, металась вокругъ художника нелѣпая жизнь, рядомъ кто-то твердилъ непонятныя, но страшныя слова; нужно было узнать заклятіе противъ хаоса, нужно было разгадать сокровенное, нужно было найти важную, основную черту въ искаженной гримасѣ... И вотъ Чеховъ все пристальнѣе и пристальнѣе вглядывается въ жизнь, элементъ за элементомъ отпадаютъ реальности обстановки, тускнѣетъ внѣшность, остаются лишь намеки на внутренній, полувнятный трепеть. Ни на мгновенье не уходитъ Чеховъ отъ конкретнаго міра, но этотъ самый міръ начинаетъ трепетать инымъ свѣтомъ. Каждая фраза звучитъ по-иному, обнажается не просто пошлость, а ея чудовищная глубина».

Чеховъ не разъ задумывается о томъ, какъ непонятна и странна жизнь, дѣйствительность. Одинъ изъ его героевъ задаетъ своему собесѣднику характерный вопросъ: «а развѣ жизнь вамъ понятна? Скажите: развѣ жизнь вы понимаете больше, чѣмъ загробный міръ?»

Выясненіе приемовъ творчества должно составить предметъ особаго изслѣдованія, которое можетъ быть весьма цѣнно по выводамъ. Вопросъ о роли и характерѣ художественнаго созерцанія Чехова приводитъ насъ непосредственно къ проблемѣ жизни, центральному пункту чеховскихъ размышленій и переживаній. Въ сущности, на освѣщеніе этой проблемы ушла вся литературная дѣятельность Чехова.

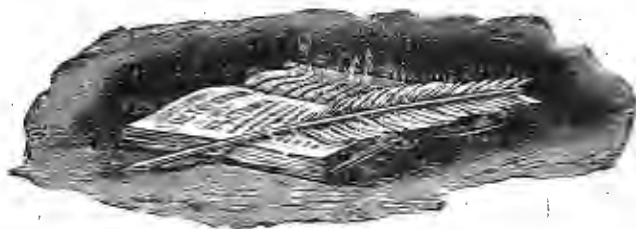
Чеховъ рисовалъ сумерки и хмурыхъ людей. Въ его произведеніяхъ все такъ сѣро, уныло и безотрадно. Среда и герои Чехова могутъ вызывать глубокое пессимистическое чувство. Отсюда не далеко до заключенія о пессимистическомъ міросозерцаніи автора. На самомъ дѣлѣ пессимизмъ Чехова сталъ почти что общимъ мѣстомъ, а между тѣмъ такое представленіе о Чеховѣ совершенно не соответствуетъ дѣйствительности. Все, что мы знаемъ о Чеховѣ изъ многочисленныхъ посмертныхъ воспоминаній, рисуетъ намъ его полнымъ жажды жизни, радости жизни. Онъ страстно любилъ жизнь, любовался ею и созерцалъ ее въ восторгѣ художника. Пусть жизнь сѣра, тускла, но участіе въ таинственномъ процессѣ жизни даетъ цѣну и этой жизни. Лишь бы жить, видѣть небо и клейкіе листочки, видѣть, какъ живутъ, именно живутъ пусть даже люди въ футлярѣ! Отблески любви Чехова къ жизни — въ его произведеніяхъ, всюду: безъ этой любви, какъ могъ онъ иначе заставить читателя художественно любоваться жизнью трехъ сестеръ, всякихъ Юнычей и т. п. Говорятъ, что Чеховъ горитъ протестомъ противъ обыденщины, пошлости. Это невѣрно, это скорѣе впечатлѣніе читателя. Наоборотъ, Чеховъ именно любитъ, своеобразно любитъ эту среду, потому что и въ ней совершается таинственный процессъ жизни.

Но жажда жизни, но радость жизни, но вѣра въ жизнь совершаетъ въ Чеховѣ чудеса. Сила этихъ чувствъ заставила его рядомъ съ дѣйствительною жизнью рисовать такъ поразительно, почти до осязательности, ту полную, дѣятельную, лучезарную жизнь, которая наступитъ въ будущемъ. «Черезъ двѣсти, триста лѣтъ жизнь на землѣ будетъ невообразимо прекрасной, изумительной. Человѣку нужна такая жизнь, и если ея нѣтъ пока, то онъ долженъ предчувствовать ее, ждать, мечтать, готовиться къ ней, онъ долженъ для этого видѣть и знать больше, чѣмъ видѣли и знали его дѣдъ и отецъ». Въ этой фразѣ центральный пунктъ міросозерцанія Чехова. Представленіе о будущей жизни, свѣтлой и радостной какъ тихое весеннее утро, имѣетъ у Чехова вполнѣ мистическій характеръ. Ему представлялась вся его дѣйственность, активность въ настоящій моментъ. Если бы искать философскаго термина для его выраженія, пришлось бы остановиться на идеяхъ-силахъ Фуллье (*les idés-forces*). Онъ абстрагировалъ понятіе жизни: жизнь становилась для него однородной, божественной, не только въ настоя-

щемъ, но и въ прошломъ и будущемъ. «Какая-то связь невидимая, но значительная и необходимая, существуетъ между всѣми, всѣми; въ этой жизни, даже въ самой пустынной глуши, ничто не случайно, все полно одной общей мысли, все имѣетъ одну душу, одну цѣль, и чтобы понимать это, мало думать, мало разсуждать, надо еще, вѣроятно, имѣть даръ проникновенія въ жизнь, даръ, который дается, очевидно, не всѣмъ. И несчастный, надорвавшійся убившій себя «неврастеникъ», и старикъ мужикъ, это случайности, отрывки жизни для того, кто и свое существованіе считаетъ случайнымъ, и это части одного организма, чудеснаго и разумнаго, для того, кто и свою жизнь считаетъ частью этого общаго и понимаетъ это».

Въ этихъ словахъ вылилось философское и религіозное міросозерцаніе Чехова.

П. Е. Павловъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи царствованія императора Петра Великаго. Собралъ Е. Шмурло, профессоръ Юрьевскаго университета. Томъ I. 1693—1700. Юрьевъ. 1903.

АОКУМЕНТЫ, собранные въ этой книгѣ, относятся къ наивне-нѣе освѣщенной сторонѣ въ вопросѣ о международномъ положеніи Россіи въ эпоху Петра Великаго. До сихъ поръ изучались отношенія Россіи къ протестантскимъ государствамъ: Швеціи, Пруссіи, Голландіи, Англии. Профессоръ Шмурло справедливо указываетъ на то, что нельзя пренебрегать изученіемъ отношеній Россіи къ Германіи, Венеціи, Риму, хотя бы уже потому, что всѣ эти страны такъ или иначе соприкасались съ важнѣйшимъ нервомъ русской политики—Польшею. Исходя изъ этого положенія, проф. Шмурло посвящаетъ сборникъ матеріаламъ, раскрывающимъ отношенія Россіи къ романо-католическому міру. Исходнымъ пунктомъ проф. Шмурло беретъ 1695-й годъ. Въ этотъ годъ своимъ походомъ на Азовъ Петръ начинаеть самостоятельное и сознательное участіе въ міровой политикѣ.

Вышедшій первый томъ «Сборника» профессора Шмурло заключаетъ документы за время отъ начала 1695 года до 19 августа 1700 года, извлеченные изъ архивовъ заграничныхъ: Ватиканскаго, Папскаго церемональнаго, Венеціанскаго государственнаго, Парижскаго министерства иностранныхъ дѣлъ и московскихъ: главнаго—министерства иностранныхъ дѣлъ и министерства юстиціи, и изъ римскихъ библиотекъ: Корсиньевской, Барбериньевской и Национальной. По происхожденію собиратель дѣлитъ свой матеріалъ на 8 группъ. Въ первую группу онъ помѣстилъ донесенія папскихъ нунціевъ съ отвѣтами

и распоряженіями папскаго государственнаго секретаря кардинала Спады. Известно, что Курія не имѣла постоянныхъ и непосредственныхъ сношеній съ Москвою; поэтому она для исполненія пробѣловъ прибѣгала къ помощи варшавской и вѣнской нунціатуры. Вопросами, интересовавшими Римъ въ это время, были дѣйствія Россіи, какъ участницы аянтиоттоманской лиги, успѣхи уніи въ Польшѣ, свобода путешествій католическихъ миссіонеровъ въ Азію и свободное отправленіе католическаго богослуженія въ предѣлахъ Россіи. Во второй группѣ мы находимъ депеши въ Римъ испанскаго посланника при вѣнскомъ дворѣ о пребываніи Петра Великаго въ Вѣнѣ, переписку по вопросамъ распротраненія католичества Коллопича, Гваріены и Спады; депеши кардинала Бульона, французскаго посланника въ Римѣ, и донесенія кардинала Оттобони изъ Рима венеціанскому дожу о Б. П. Шереметевѣ, прибывшемъ въ это время къ двору папы. Третью группу матеріаловъ, изданныхъ проф. Шмурло, составляютъ письма іезуита и духовника польскихъ королей Карла-Маріи Воты, мечтавшаго о роли второго Поссевина, къ кардиналу Барберини и Снадѣ. Четвертая и обширная группа занята донесеніями представителей Венеціанской республики при Варшавскомъ, Вѣнскомъ и Римскомъ дворахъ; пятая—сообщеніями неофіціальныхъ венеціанскихъ агентовъ; шестая содержитъ сводку документовъ, касающихся специально приготовленій къ пріѣзду въ Венецію русскаго царя. Въ седьмой—Acta Consistorialia, свѣдѣнія о матеріальномъ положеніи уніатскихъ епархій; и наконецъ въ восьмой—свѣдѣнія газетнаго характера съ мелкими подробностями о Великомъ посольствѣ, о поѣздѣ Петра Великаго за границу и т. п.

По содержанію весь матеріалъ книги можно распределить на 10 отдѣловъ: 1) Азовскіе походы и вообще борьба Россіи съ Турціей, 2) Карловичскій миръ, 3) Россія и Польша въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, 4) сношенія Россіи съ правительствомъ цесаря, 5) Венеція въ ея отношеніяхъ къ Россіи, 6) сношенія папскаго престола съ Россіей (вопросы о церковной уніи, свободномъ отправленіи богослуженія и свободномъ поѣздѣ черезъ Россію миссіонеровъ), 7) уніатскій вопросъ въ Польшѣ, 8) Великое посольство 1697—1698 гг. за границей, 9) Петръ Великій за границей, 10) поѣздка русскихъ волонтеровъ, въ частности Б. П. Шереметева за границу.

Всѣ эти свѣдѣнія извлечены нами изъ предисловія проф. Шмурло. За предисловіемъ идутъ документы (всего 840) на языкѣ подлинниковъ безъ всякаго перевода и безъ указанія содержанія на русскомъ языкѣ. Въ преобладающемъ количествѣ документы писаны на итальянскомъ языкѣ. Нельзя не пожалѣть и не упрекнуть проф. Шмурло за то, что онъ оставилъ безъ перевода эти бумаги. Правда, тому изслѣдователю, который возьмется за обработку матеріаловъ по исторіи Петровской эпохи, не обойтись безъ итальянскаго языка, но вѣдь книга проф. Шмурло можетъ попасть въ руки и заинтересовать и изслѣдователя вообще, и серьезнаго читателя. Нельзя же отъ нихъ требовать знанія итальянскаго языка. Да не только такой читатель, но и специалистъ былъ бы весьма благодаренъ проф. Шмурло, если бы онъ снабдилъ изданные имъ матеріалы переводами.

П. П.—въ.

Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1804—1819). Разсказы по архивнымъ документамъ Н. Булича. Часть первая. Изданіе 2-е. Спб. 1904.

Первое изданіе этого интереснѣйшаго труда, принадлежащаго перу покойнаго профессора Казанскаго университета по кафедрѣ исторіи русской литературы, Николая Никитича Булича, вышло въ 1886 году въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и давно уже разошлось цѣликомъ. Поэтому переизданіе его теперь, къ столѣтней годовщинѣ Казанскаго университета, является очень умѣстнымъ.

Трудъ профессора Булича не имѣетъ ничего общаго съ тѣми официальными, сухими, университетскими исторіями, которыя составляютъ къ различнымъ юбилеямъ. Онъ представляетъ весьма значительный общій интересъ не только для бывшихъ питомцевъ университета, естественно связанныхъ съ своею alma mater сердечными узами воспоминаній, но и для всѣхъ вообще образованныхъ людей.

Нельзя забывать, что Казанскій университетъ, благодаря своей отдаленности отъ русскихъ столицъ и близости къ Востоку, съ самаго своего возникновенія находился въ весьма невыгодныхъ отношеніяхъ; будучи окруженъ со всѣхъ сторонъ глубокимъ невѣжествомъ, печальными нравами и грубымъ произволомъ всякаго рода, онъ былъ совершенно лишень какихъ бы то ни было историческихъ воспоминаній, кромѣ развѣ татарскихъ.

Все это, конечно, понималъ проф. Буличъ и, поэтому, предпринявъ составленіе университетской исторіи, т.-е. книги «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета», онъ всѣми силами стремился, чтобы трудъ его заключалъ въ себѣ не только внутреннюю исторію высшаго учрежденія для науки, но и цѣлую исторію духовнаго развитія всего края.

Выполнивъ свою задачу покойный профессоръ блестяще. Пользуясь, преимущественно, подлинными дѣлами архивовъ, воспоминаніями современниковъ и личными наблюденіями, онъ представилъ читателю простую, безпристрастную хронику, гдѣ, шагъ за шагомъ, прослѣдилъ судьбы университетской науки въ глухой провинціи, ея значеніе для окружающей жизни и ея столкновенія съ этой жизнью.

Отличительной чертой разсматриваемаго изслѣдованія служитъ искренность и правдивость тона, съ которымъ ведется разсказъ, и за которымъ не видно ни одной предвзятой мысли. Правда, въ книгѣ черезчуръ много удѣлено мѣста различнымъ мелочамъ: анекдотамъ, иногда раже некрасиваго характера, изъ профессорской жизни, интимнымъ исторіямъ нѣкоторыхъ мужей науки и т. п., но такое обиліе эпизодовъ нельзя ставить въ вину автору, какъ потому, что и мелочи служатъ наглядной окраской жизни, и въ особенности провинціальной, такъ и по той причинѣ, что всѣ онѣ извлечены имъ изъ официальныхъ актовъ.

Первая, нынѣ появившаяся въ свѣтъ, часть изслѣдованія охватываетъ собою время попечительства Румовскаго и Салтыкова, т.-е. года 1804—1819. Въ свою очередь она распадается на девять главъ. Первая—посвящена уставу

1804 года и биографіи С. И. Румовскаго; вторая—основанію и первымъ шагамъ университета; третья — организаціи первоначальнаго университетскаго совѣта и разбиравшимся въ немъ вопросамъ; четвертая — торжественнымъ университетскимъ собраніямъ, первымъ рѣчамъ профессоровъ, знатнымъ посѣтителемъ и ревизорамъ университета, общей характеристикѣ первыхъ студентовъ и обзору преподаваемыхъ имъ курсовъ; пятая — характеристикѣ студентовъ и обзорѣнію преподаванія иностранныхъ языковъ; шестая—характеристикѣ выдающихся дѣятелей науки изъ казанскихъ студентовъ; седьмая—отношеніямъ университета къ разнымъ мѣстнымъ учрежденіямъ и его ученымъ экспедиціямъ и обществамъ; восьмая—обзорѣніямъ училищъ округа нѣкоторыми профессорами и девятая—литературной дѣятельности университета, обществу любителей отечественной словесности, началу периодической литературы въ Казани и цензурѣ книгъ.

Одинъ этотъ голый обзоръ содержанія рецензируемой нами книги показываетъ, сколь обширный матеріалъ представляетъ она для исторіи развитія общественности въ мѣстномъ краѣ.

Надо выразить крайнее сожалѣніе, что преждевременная смерть лишила автора возможности довести до конца предпринятую имъ работу, которая, судя по началу своему, безъ сомнѣнія, была бы капитальнѣйшимъ вкладомъ въ русскую литературу.

Въ предисловіи къ первому изданію своихъ рассказовъ покойный профессоръ, между прочимъ, обронилъ такую фразу: «Надѣмся, однако, что въ 1904 году, когда Казанскій университетъ будетъ праздновать свою столѣтнюю годовщину, устроители праздника вспомнятъ о нашей книгѣ». Намъ думается, что этотъ почтенный трудъ въ настоящую минуту долженъ быть помянутъ лестнымъ отзывомъ не только «устроителями» университетскаго праздника, но и всякимъ образованнымъ русскимъ человѣкомъ, для котораго дорогъ исторія его родного края. Переиздатель же этой книги вполнѣ заслуживаетъ поощренія, такъ какъ первое изданіе ея, будучи составлено на половину изъ оттисковъ изъ «Ученыхъ Записокъ Казанскаго университета», гдѣ ранѣе печатались очерки автора, совсѣмъ мало было извѣстно публикѣ, да, пожалуй, и журналистикѣ, на что указываетъ почти полное отсутствіе печатныхъ рецензій о книгѣ. О ней коротко обмолвились лишь два—три журнала.

Б. Г—цкій.

Проф. В. И. Модестовъ. Введеніе въ римскую исторію. Вопросы доисторической этнологіи и культурныхъ вліяній въ доримскую эпоху въ Италіи и начало Рима. Ч. I-я съ 35 фототипическими таблицами. Ч. II-я съ 7 фототипическими таблицами и 54 рисунками въ текстѣ. Спб. 1904.

Мы имѣемъ передъ собою капитальное изслѣдованіе, какихъ немного въ нашей научной литературѣ. И важность затронутого вопроса, надъ которымъ изоопыряли свой умъ величайшіе историки міра, и новизна постановки

его, и выдающіяся литературныя достоинства изложенія ставятъ книгу проф. Модестова неизмѣримо высоко надъ большинствомъ имѣющихъ у насъ монографіи по римскимъ древностямъ.

Книга проф. Модестова является опытомъ возсозданія древнѣйшей исторіи Италіи, преимущественно на основаніи даннхъ, доставленныхъ археологіею. Вещественныя памятники, собранные и изслѣдованные цѣлымъ рядомъ итальянскихъ ученыхъ, впервые въ русской литературѣ выступаютъ во «Введеніи въ римскую исторію» въ мастерской картинѣ, наглядность которой лишь усиливается значительнымъ числомъ превосходно подобранныхъ иллюстрацій. Значеніе изслѣдованія проф. Модестова усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою трудъ, который смѣло прорываетъ съ направлениемъ, со времени Нибура нераздѣльно завладѣвшимъ историками Рима. Знаменитые нѣмецкіе ученые Нибуръ, Моммзенъ и Шwegлеръ, исходя изъ предвзятыхъ убѣжденій, совершенно отрицали возможность рѣшенія вопросовъ доисторической этнологіи Италіи. Моммзенъ съ обычной своею рѣшительностью отрицалъ присутствіе каменнаго вѣка въ Италіи, не признавалъ никакого значенія за лигурийцами, отрицалъ вліяніе этрусковъ на Римъ. Книга проф. В. И. Модестова съ достаточной убѣдительностью доказываетъ намъ, какъ эти взгляды устарѣли, и какъ неосмотрительно поступаютъ тѣ ученые, которые до сихъ поръ продолжаютъ принимать ихъ на вѣру.

Нашъ авторъ приводитъ многіе десятки цѣнныхъ находокъ, относящихся къ доисторическимъ эпохамъ, и на основаніи этихъ даннхъ, подъ его перомъ, какъ-то само собою, возникаетъ такая исторія первобытной Италіи, которая немного десятилѣтій тому назадъ была бы совершенно невысказанна.

Мы узнаемъ о находкахъ, которыя доказываютъ намъ присутствіе людей въ Италіи еще въ отдаленныя геологическія эпохи. Мы имѣемъ достаточныя указанія на то, что въ Италіи было населеніе, приходившееся ровесникомъ мамонтамъ, первобытнымъ быкамъ и пещернымъ медвѣдямъ. Первобытныя орудія, которыми пользовалось это населеніе, относятся къ палеолитическому или археолитическому періоду, т.-е. къ древнѣйшей порѣ каменнаго вѣка. Весьма велико уже число предметовъ, сохранившихся отъ неолитическаго періода, который оставилъ намъ немало и костяковъ, а по послѣднимъ есть возможность судить о внѣшнихъ соматическихъ признакахъ того населенія, которое, какъ мы узнаемъ изъ археологическихъ даннхъ, обладало уже извѣстною степенью культуры. Изъ соматическихъ даннхъ и найденныя вещи даютъ основаніе полагать, что населеніе это было сродни тому, которое въ томъ же неолитическомъ періодѣ обитало въ Италіи и сѣверо-западной Африкѣ. Это древнѣйшее населеніе Италіи, о которомъ уже имѣется сравнительно много даннхъ, не оставалось все время на одной ступени развитія: оно постепенно прогрессировало, дойдя отъ неолитической культуры къ культурѣ энеолитической, т.-е. научившись пользоваться и бронзовыми предметами. Теченіе неолитическаго періода было нарушено появленіемъ съ сѣвера изъ-за Альпъ народа иного племени и иной культуры, сравнительно съ древнѣйшимъ населеніемъ Италіи. Новые пришельцы обитали въ свайныхъ постройкахъ, пользовались бронзовыми вещами и сожигали своихъ мертвецовъ, вмѣсто того, чтобы хоро-

вить ихъ, какъ это дѣлалось первобытнымъ населеніемъ. Педантическая размѣренность поселеній этихъ пришельцевъ, тождественность системы ихъ построекъ съ устройствомъ римскаго лагеря и древнѣйшихъ латинскихъ городовъ, уже съ самаго времени открытія въ Италіи свайныхъ построекъ—террамаръ, вызвали предположеніе, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ предками италиковъ. Вслѣдъ за строителями террамаръ въ сѣверной и средней Италіи появляется другое племя, родственное имъ, судя по обычаямъ и утвари, но принесшее въ Италію культуру болѣе современную, т.-е. культуру желѣзнаго періода.

Вся эта археологическая схема получаетъ у автора толкованіе при помощи сопоставленія ея съ античнымъ преданіемъ.

Населеніе времени четвертичной системы, конечно, не можетъ быть установлено. Но населеніе неолитическаго періода, несомнѣнно, — лигурийцы, родственники иберовъ, вмѣстѣ съ ними колонизовавшіе Европу изъ сѣверо-западной Африки. Культура террамаръ (бронзоваго періода) занесена въ Италію первыми арийцами этого полуострова — латинами. Культура желѣзнаго вѣка появилась въ Италіи, благодаря второй группѣ арийскихъ племенъ — умбровъ, занявшихъ при переселеніи и ту область, которая потомъ получила названіе Этруріи отъ новыхъ переселенцевъ.

Всѣ приведенныя данныя составляютъ содержаніе перваго выпуска книги проф. Модестова. Второй выпускъ посвященъ двумъ народностямъ—этрускамъ и мессапамъ. Къ спорному вопросу объ этрускахъ авторъ подходитъ съ трехъ сторонъ -- со стороны свидѣтельствъ древнихъ писателей и со стороны памятниковъ вещественныхъ и письменныхъ. Что касается первыхъ, то нашъ авторъ отвергаетъ разсужденіе Діонисія Галикарнасскаго, которое своей видимою логичностью произвело большое впечатлѣніе на Нибура, и считаетъ болѣе достовернымъ сообщеніе Геродота о переселеніи этрусковъ (тирреновъ) изъ Лидіи въ страну умбровъ. Археологическіе памятники этрусковъ оказываются тѣсно связанными съ памятниками Малой Азіи. Бытъ этрусковъ, какъ-то: жреческіе обряды, ихъ музыка, женскіе нравы, -- также свидѣлствуютъ о родствѣ съ народами востока. Наконецъ, языкъ этрусковъ оказывается болѣе удобнымъ сблизать съ нѣкоторыми кавказскими языками, находящимися въ несомнѣнной связи съ древнемалоазіатскими. Авторъ считаетъ вопросъ о малоазіатскомъ происхожденіи этрусковъ рѣшеннымъ разъ навсегда. Прибыли этруски, по мнѣнію проф. В. П. Модестова, въ Италію моремъ и, вѣроятно же всего, въ XI в. до Р. X. Что касается юговосточной Италіи, то нашъ авторъ отрицаетъ тождество мессаповъ, певкетовъ и давановъ и иллирійское происхожденіе ихъ. Мессапы, какъ онъ доказываетъ, происходятъ изъ Крита: это основано и на прямыхъ указаніяхъ Геродота и на археологическихъ данныхъ.

Третій заключительный выпускъ «Введенія въ римскую исторію» будетъ посвященъ интересному вопросу о народности венецовъ.

Слѣдуетъ пожелать скорѣйшаго успѣшнаго окончанія предпринятаго нашимъ авторомъ громаднаго труда, имѣющаго составить гордость нашей литературы по археологіи. Это прекрасное и по внѣшности своей изданіе, навѣрное,

найдетъ себѣ распространеніе не въ одномъ тѣсномъ кругу ученыхъ, но среди всѣхъ тѣхъ читателей, которые интересуются археологіей, исторіей искусства или классическою стариною.

А. М. Ловягинъ.

И. И. Замотинъ. Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія въ русской литературѣ. Варшава. 1908.—Н. К. Козминъ. Очерки по исторіи русскаго романтизма. Спб. 1903.

За послѣднее время въ ученой литературѣ появляется цѣлый рядъ статей и даже обширныхъ изслѣдованій, касающихся двадцатыхъ годовъ истекшаго столѣтія. Многое еще изъ фактовъ этой переходной эпохи остается неяснымъ, едва намѣченнымъ въ прежнихъ трудахъ. И среди такихъ фактовъ не послѣднее мѣсто занимаетъ то особенное направленіе въ литературѣ, которое уже тогда, при самомъ своемъ возникновеніи и развитіи на русской почвѣ, получило названіе романтическаго. Названіе существуетъ, а между тѣмъ, какъ замѣчаетъ академикъ А. Н. Веселовскій въ своей книгѣ о Жуковскомъ, въ опредѣленіи того, что собственно разумѣется подъ романтизмомъ, «не условились и теперь еще». И эта неопредѣленность является серіознымъ препятствіемъ для изслѣдователей. Вотъ почему нуженъ рядъ подготовительныхъ изысканій, чтобы, опираясь на неопровержимыя историческія и литературныя данныя, точно формулировать, что такое романтизмъ вообще и въ частности—романтизмъ русскій. Такими подготовительными работами и являются обѣ вышеназванныя книги.

Изслѣдованіе г. Замотина особенно останавливаетъ на себѣ вниманіе. Авторъ ясно ставитъ себѣ цѣль своего труда и даже черезчуръ старательно растолковываетъ всякую свою мысль читателю: каждая глава имѣетъ въ началѣ предпосылку—подробный конспектъ содержанія, а въ концѣ—по пунктамъ изложенный сводъ выводовъ изъ этой только главы; общее введеніе въ началѣ книги разъясняетъ задачу изслѣдователя, а послѣсловіе съ указаніемъ страницъ доказываетъ, что задача эта дѣйствительно исполнена, и авторъ въ упущеніяхъ не виновенъ. Это производитъ страшное впечатлѣніе, какъ и критическая оцѣнка авторомъ статей г. Козмина, помѣщенныхъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», а вслѣдъ за тѣмъ указаніе на то, что изслѣдованіе написано безъ всякаго вліянія этихъ статей (стр. VII); каждому это и такъ ясно изъ простаго сопоставленія времени появленія книги и статей. Да и по самому своему существу г. Замотинъ ставитъ вопросъ гораздо шире: задача его изслѣдованія выяснить литературную почву «романтизма двадцатыхъ годовъ» и дать очеркъ теоріи этого новаго для того времени направленія въ русской журнальной критикѣ. А на ряду съ этимъ рѣшаются, конечно, и другіе смежные вопросы: объ источникахъ теоріи русскаго романтизма, о связи съ предыдущими и послѣдующими направленіями (о борьбѣ, напримѣръ, съ классицизмомъ и нѣкоторомъ соприкосновеніи съ реализмомъ послѣдующихъ писателей). Вопросъ о литературной почвѣ рѣшается всего въ одной главѣ (гл. I): авторъ отмѣчаетъ постепенное сближеніе литературы, съ одной стороны, съ народной поэзіей,—указываетъ элементы народной лирики и эпоса

въ произведеніяхъ Екатерины II, Богдановича, Державина, Карамзина, Хераскова и др.; съ другой стороны—устанавливаетъ связь русскихъ произведенийъ конца XVIII и начала XIX вв. съ западно-европейскими и восточными литературными явленіями. А отсюда естественно постепенное выясненіе новой поэтической теоріи, которая, по наблюденіямъ г. Замотина, отливается «сначала въ форму литературныхъ теорій нѣмецкой романтической школы, а затѣмъ въ форму выводовъ французской романтической критики». Авторъ подробно останавливается на характеристикѣ всѣхъ важнѣйшихъ журналовъ того времени: одни, какъ «Мнемозина», «Московскій Вѣстникъ» и «Атеней», проводятъ идеи нѣмецкой поэтической доктрины; находясь подъ влияніемъ Гете-Шиллеровской и Шлегелевской литературной школы; другіе, какъ «Московскій Телеграфъ» Полевого, «Сынъ Отечества» и «Литературная Газета», черпая основанія своихъ теоретическихъ взглядовъ изъ французской критики, дополняютъ то, что уже сдѣлано другими журналами; здѣсь авторъ отмѣчаетъ влияние В. Гюго и его литературнаго кружка въ связи съ влияніемъ періодической литературы, среди которой особенно замѣтны «Revue encyclopédique», «Revue française», «Bibliothèque universelle», «Le Globe» и нѣкоторыя другія. Впрочемъ, самъ Полевой нрѣдко указывалъ на тѣ источники, изъ которыхъ его журналъ заимствовалъ свой матеріалъ по части западно-европейской литературы и основныхъ положеній новой поэтической теоріи. Эта работа журналовъ создала къ концу двадцатыхъ и началу тридцатыхъ годовъ довольно обстоятельную новую теорію словесности; здѣсь были намѣчены всѣ главныя отличительныя черты романтизма. Но на ряду съ этимъ въ журналахъ и литературныхъ кружкахъ существовало другое направленіе, враждебное романтическимъ вѣяніямъ. Оно отстаивало классицизмъ, во главѣ котораго находился «Вѣстникъ Европы» профессора Каченовскаго, и этому-то журналу по странной прихоти судьбы пришлось быть послѣдней инстанціей въ спорѣ романтизма и классицизма, когда въ немъ выступилъ такой человѣкъ, какъ Надеждинъ. Онъ выступилъ, какъ противникъ романтизма, но скоро выяснилъ, что то, противъ чего боролся «Вѣстникъ Европы», было лишь ультра-романтизмомъ, который, по справедливому замѣчанію г. Замотина, имѣетъ «нѣкоторыя точки соприкосновенія», по своей сущности, съ современнымъ намъ «декадентствомъ» (стр. 252); а классицизма на Руси и совѣтъ не было. Поэзія будущаго, по мнѣнію Надеждина, и должна основаться на невыблемыхъ классическихъ устояхъ, поставленныхъ во внутреннюю связь съ несомнѣнными выводами романтической теоріи, каковыми въ конечномъ итогѣ признаются: 1) «твореніе по идеаламъ», 2) свобода поэтическаго вдохновенія, 3) возвышенность задачи творчества и 4) «законъ гениальности, гармонирующей съ необходимостью вѣчнаго порядка законодательницы-природы». Соглашаясь съ принципомъ естественности въ поэтическомъ изображеніи, Надеждинъ понимаетъ его, однако, такъ, какъ понимали чистые романтики, и рѣшительно протестуетъ противъ реализма въ творствѣ; нѣкоторые же критики (Авг. Шлегель и у насъ Шевыревъ) указывали два направленія въ новой теоріи: чисто-идеалистическое и реалистическое (стр. 153—156 и 261). Послѣдняя (V) глава книги г. Замотина посвящена «Телескопу», гдѣ проводятся мысли, лежащія въ основаніи подробно разобранной авторомъ дис-

сергаціи Надеждина: романтизмъ и классицизмъ уже являются прошлыми фактами, изъ синтеза которыхъ возникаетъ «новая поэзія».

Такимъ образомъ, г. Замотинъ устанавливаетъ въ своей книгѣ вполне естественный ходъ развитія литературной теоріи романтизма, указывая связь этого направленія съ предыдущими и до нѣкоторой степени съ послѣдующими взглядами на поэзію и творчество. И если бы авторъ не остановился такъ подробно на констатированіи фактовъ, а выказалъ бы большую смѣлость въ обобщеніи ихъ; если бы онъ, кромѣ выясненія одной лишь литературной почвы, далъ вмѣстѣ съ анализомъ «романтическихъ мотивовъ» очеркъ тѣхъ условій историческаго момента, которыя породили въ литературѣ это новое направленіе, и на основаніи всего этого вывелъ самое опредѣленіе романтизма, — то мы могли бы считать вопросъ исчерпаннымъ вполне. Теперь же мы должны согласиться съ авторомъ, что его трудъ не больше, какъ весьма цѣнное «введеніе» въ рѣшеніе этого интереснаго и чрезвычайно важнаго въ исторіи литературы вопроса.

Гораздо болѣе узкую задачу ставитъ себѣ г. Козминъ въ своихъ «Очеркахъ», на это указываетъ подзаголовокъ книги — «Н. А. Полевой, какъ выразитель литературныхъ направленій современной ему эпохи». Большая часть очерковъ уже появлялась въ періодическихъ изданіяхъ: въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Извѣстіяхъ Академіи Наукъ» и «Русской Старинѣ». И это сильно отражается на достоинствахъ книги: нѣтъ цѣльнаго изслѣдованія о Полевомъ, но нѣтъ и полной картины романтизма или, по крайней мѣрѣ, романтической теоріи. «Очерки» совѣмъ почти не имѣютъ никакой внутренней послѣдовательности, и самъ авторъ въ предисловіи считаетъ нужнымъ объяснить «допущенныя въ книгѣ повторенія»: они обусловлены «планомъ, который лежитъ въ основѣ изысканій». Всего въ книгѣ пять очерковъ: «Журналистика», «Романъ», «Теорія драмы», «Критическіе приемы» и «Сужденія о классической и романтической литературахъ». Кромѣ того, въ приложеніяхъ находимъ нѣсколько небольшихъ статейекъ: I. Изъ исторіи русской литературы тридцатыхъ годовъ (Полевой и Герценъ); II. Николай Полевой и его отношеніе къ цензурѣ; III. Изъ переписки Н. А. Полевого, гдѣ, кромѣ библиографическихъ указаній, приводятся 16 ненапечатанныхъ до сихъ поръ писемъ къ Полевому и отъ него; IV. Къ біографіи Полевого, гдѣ помѣщены «Воспоминанія неизвѣстнаго» (о Н. Полевомъ), извлеченныя изъ рукописныхъ матеріаловъ, предоставленныхъ покойнымъ П. Н. Полевымъ въ распоряженіе г. Козмина. Къ книгѣ, кромѣ того, присоединены указатели—библиографическій (произведеній Н. Полевого и литературы о немъ) и личныхъ именъ. Такимъ образомъ, содержаніе книги группируется около личности Н. А. Полевого. Это какъ бы подготовительные наброски, сборникъ матеріаловъ къ будущей біографіи издателя «Московского Телеграфа», какъ это ясно изъ выноски на стр. 41. Извѣстно, что Полевой сыгралъ видную роль въ исторіи русской журналистики двадцатыхъ годовъ; его «Телеграфъ» сразу занялъ выдающееся мѣсто среди періодическихъ изданій того времени. Этой-то роли журнала, его отношенія къ иностранной литературѣ и журналистикѣ, съ одной стороны, и русской—съ другой, и посвященъ первый очеркъ въ книгѣ г. Козмина.

Онъ подробно останавливается на вліяніи иностранныхъ журналовъ на «Московский Телеграфъ» и обстоятельно подтверждаетъ неоднократныя заявленія объ этомъ самого Н. Полевого. Гораздо болѣе интересны тѣ мѣста перваго очерка, гдѣ говорится объ отношеніи къ журналу Полевого современниковъ, но, къ сожалѣнію, авторъ намѣренно не касается «неровныхъ отношеній къ Полевому» Пушкина и его кружка. Во второмъ очеркѣ г. Козминъ, сдѣлавъ краткій обзоръ историческихъ романовъ, подробно разсматриваетъ «Клятву при гробѣ Господнемъ» Полевого, устанавливая ея близкую связь съ «Сinq-Mars»'омъ А. де-Виньи. При разсмотрѣніи «Византійскихъ легендъ» авторъ производитъ тщательное изслѣдованіе источниковъ, послужившихъ матеріаломъ Полевому, который и самъ указывалъ на нѣкоторые изъ нихъ (стр. 144); г. Козминъ подробно, приводя параллельныя мѣста, указываетъ на исторіи Лебо и Гиббона, на книги Константина Порфиророднаго и Николая Хониата и т. д. При разсмотрѣніи «Аббадоны», устанавливается вліяніе Шиллера, Гете, Жавъ-Поля и др. Въ очеркѣ о теоріи драмы авторъ, остановившись сначала на развитіи новыхъ (романтическихъ) теоретическихъ взглядовъ на Западѣ, переходитъ затѣмъ къ разсмотрѣнію ихъ у насъ въ Россіи и дѣлаетъ выводъ, что они «сводились лишь къ подрыву застарѣвшаго и глубоко вкоренившагося у насъ классицизма». А между тѣмъ, взгляды романтиковъ на теорію драмы находились въ органической связи съ ихъ общими поэтическими воззрѣніями, и авторъ получилъ бы болѣе интересные и, главное, болѣе общіе, а потому и болѣе цѣнные выводы, если бы соединилъ этотъ очеркъ съ очеркомъ, посвященнымъ классической и романтической литературамъ. Эта послѣдняя статья представляетъ собою подробный сводъ (стр. 319—464) «теоретическихъ и историко-литературныхъ воззрѣній» цѣлаго ряда выдающихся литераторовъ того времени. Здѣсь мы встрѣчаемся съ мнѣніями разныхъ лицъ, высказанными въ «Сынѣ Отечества», «Московскомъ Вѣстникѣ», «Литературной Газетѣ», «Телескопѣ», при чемъ статьи самого Надеждина пока исключаются изъ обзора (ихъ авторъ разсматриваетъ особо, какъ и статьи Бѣлинскаго), а затѣмъ слѣдуетъ болѣе подробный отчетъ о взглядахъ Вяземскаго, Марлинскаго, Н. Полевого, Надеждина и, наконецъ, Бѣлинскаго.

Уже изъ этихъ указаній вполне выясняется методъ и характеръ книги г. Козмина: выводы и обобщенія занимаютъ самое скромное мѣсто, цитаты и изложенія статей дѣятелей двадцатыхъ годовъ выдвинуты авторомъ на первый планъ. Впрочемъ, какъ авторъ самъ замѣчаетъ въ предисловіи, онъ «далекъ отъ мысли окончательно порѣшить вопросъ о русскомъ романтизмѣ». Но и для характеристики «вкусовъ и взглядовъ» Н. А. Полевого «Очерки» даютъ только нѣсколько разбросанныхъ штриховъ... Я. Ав—въ.

Библиотека для самообразования. В. Ф. Икономовъ. Наканунѣ реформъ Петра Великаго. Москва. 1904.

«Содержаніе книжекъ, издаваемыхъ въ «Библиотекѣ для самообразования», — говоритъ между прочимъ редакція Библиотеки, — находится въ прямой зависимости отъ намѣченныхъ комиссіей цѣлей... Редакція «Библиотеки для самообра-

зованія» предполагаетъ вводить въ свою серію только такія книги, изъ которыхъ каждая давала бы необходимый минимумъ познаній, безъ условія котораго ознакомленіе съ соответствующимъ отдѣломъ науки нельзя признать сколько нибудь основательнымъ». Приведенныя слова редакціи, въ составъ которой находятся такіе серьезные ученые, какъ П. Н. Миллюковъ, А. И. Чупровъ, П. И. Новгородцевъ, А. А. Кизеветтеръ и др., служатъ книгѣ г. Икономова прекрасной рекомендаціей. Но, къ сожалѣнію, самъ г. Икономовъ этой рекомендаціи не оправдываетъ.

У насъ существуетъ невѣрный взглядъ, что писать популярныя статьи и книги—вещь, ничего не стоящая по своей легкости, и потому такой родъ труда доступенъ всякому. Печальное заблужденіе. Чтобы сказать немного о многомъ въ простой безыскусственной удобопонятной формѣ, для того нужно не только дарованіе, но и глубокое знаніе предмета. Между тѣмъ г. Икономовъ выступилъ въ своей работѣ любителемъ, которому еще самому нужно много поучиться, прежде чѣмъ предлагать «минимумъ науки» другимъ. Несомнѣнно, что г. Икономовъ «честно» мыслить. Въ этомъ его достоинство. Давая обзорку эпохи составленія «Русской правды», авторъ говоритъ: «Такого рода законодательство показываетъ, что люди, состоявшіе во главѣ общества и призванные къ устройенію его, не способны были возвыситься надъ этимъ обществомъ и содѣйствовать улучшенію условий жизни, увеличенію благосостоянія и поднятію культуры, не были воодушевлены въ своей дѣятельности мыслью объ общемъ благѣ, а наоборотъ, главное вниманіе сосредоточивали на охранѣ интересовъ одной только, сравнительно немногочисленной группы населенія, владѣвшей капиталами и землей» (стр. 17). Въ этихъ строкахъ г. Икономовъ ловко отдѣлалъ «буржуазный строй» Руси одиннадцатаго вѣка. Столь же сурово отнесся авторъ и къ русской культурѣ того времени. «Вся эта культура,—гремитъ нашъ обличитель,—весь этотъ блескъ и движеніе не могли отличаться прочностью и долговѣчностью, благосостояніе Кіевской Руси не проникало въ глубь, въ народныя массы, то была показная скоропреходящая культура, расцвѣтшая на почвѣ рабскаго труда, приниженія и невѣжества народныхъ массъ» (стр. 17). Изъ этого можно видѣть, какъ благородно мыслить и чувствуетъ г. Икономовъ. Какъ мы увидимъ далѣе, онъ — убѣжденный западникъ, и если бы еще онъ нарисовалъ рядомъ съ невысокой кіевской культурой одиннадцатаго вѣка глубокую культуру Франціи, Англіи и Германіи въ ту же эпоху, его прочувствованныя слова получили бы еще болѣе вѣса и значенія.

Но, честно чувствуя и мысля, произнося суровые приговоры своимъ предкамъ, г. Икономовъ не считаетъ нужнымъ вполне добросовѣстно отнестись къ принятой имъ задачѣ и потому сообщаетъ своему читателю свѣдѣнія, безусловно противорѣчащія истинѣ. На стр. 36 авторъ не смущаясь заявляетъ, что бояре введенные завѣдывали статьями княжескаго хозяйства и были приказчиками князя. На стр. 69 г. Икономовъ городъ Корчеву съ верховьевъ Волги изъ Тверскихъ земель перемѣщаетъ въ среднюю Россію на Бѣлгородскую оборонительную линію, тянувшуюся отъ Бѣлгорода до Гадяча; жильцовъ опредѣляетъ только, какъ мелкихъ слугъ московскихъ государей, которые жили въ покояхъ государевыхъ и

исполняли мелкія порученія (стр. 76); писцовыя книги смѣшиваетъ съ переписными (стр. 88); Лобное мѣсто въ Москвѣ считаетъ мѣстомъ казни (стр. 158); смольчугъ переводить словомъ селитра, очевидно смѣшивая смольчугъ съ ямчугомъ (стр. 183); въ семнадцатомъ вѣкѣ въ Россіи напелъ «лишенія всѣхъ правъ состоянія» (стр. 222) и проч. Конечно, до известной степени все это— мелочи, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ мелочи вполне обрисовываютъ личность человѣка, а въ особенности автора популярно-научнаго труда. Кто смѣшиваетъ консисторію съ консерваторіей, тому нечего говорить ни о томъ, ни о другомъ. За мелочами идутъ и крупныя вещи. Такъ, напримѣръ, г. Икономовъ увѣряетъ, что въ Россіи до XIII вѣка въ области занятія столовъ князьями господствовало такъ называемое «лѣствичное восхожденіе» во всей чистотѣ и полнотѣ этого начала, при чемъ старшій князь пользовался почетнымъ положеніемъ, занималъ кievскій столъ и становился названнымъ отцомъ всѣхъ остальныхъ князей, вышнимъ судьей ихъ и попечителемъ всей Русской земли (стр. 9). Лѣствичное восхожденіе до сихъ поръ имѣетъ своихъ сторонниковъ, но только какъ принципъ, который существовалъ въ отвлеченности, но постоянно неумолимо нарушался и сводился къ нулю на практикѣ. Г. Икономовъ же, пользуясь устарѣлыми данными, возводитъ лѣствичное восхожденіе въ непреложный фактъ. Такимъ образомъ уже изъ приведеннаго положенія видно, что въ разрѣшеніи поставленныхъ вопросовъ нашъ авторъ рубитъ силеча и даетъ произвольно положительныя опредѣленія тамъ, гдѣ требуется крайняя осторожность и освѣдомленность. Также рѣшительно г. Икономовъ опредѣляетъ захребетничество и закладничество, понимая подъ этими названіями горожанъ, свободныхъ отъ посадскаго тягла и въ то же время занимавшихся торговлей и промыслами въ подрывъ прочему тяглу населенію (стр. 83).

Было бы утомительно и бесполезно перечислять всѣ промахи и скороспѣлыя заключенія автора, который вообще ни въ какомъ отношеніи не стѣняется съ русской старинкою. Порою г. Икономовъ пытается прямо клеветать на Русь и русскихъ XVI—XVII вѣковъ. Такъ, на стр. 167 онъ утверждаетъ, что въ указанное время между Московскою Русью и Западною Европой создавалась своего рода китайская стѣна, задерживавшая проникновеніе въ Русь обновляющихъ и освѣжающихъ теченій, и наступилъ полнѣйшій застой во всей русской жизни, въ особенности въ дѣлѣ умственнаго развитія народа; русскіе люди отрицали свѣтское просвѣщеніе, свѣтское знаніе и слышать не хотѣли о позаимствованіи чего бы то ни было отъ своихъ западныхъ сосѣдей. Правда, немного далѣе и немного ранѣе такое положеніе не мѣшаетъ почтенному автору признать существованіе постоянного тока, противоположнаго указанному, но факты не вліяютъ на западническій взглядъ автора на московскую скверну, и онъ ее громитъ такъ же безопасно, какъ и Русь удѣльно-вѣчевую. Кроме того, къ Россіи семнадцатаго вѣка г. Икономовъ относится съ нескрываемымъ презрѣніемъ и глумится надъ нею при первомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

Когда вышла книга г. Икономова, она показала заманчивой по своему заглавію. Въ самомъ дѣлѣ, состояніе Россіи наканунѣ реформъ Петра Великаго! Нечего и говорить, что старый взглядъ на ничтожность Руси передъ эпохой преобразованія является въ наше время смѣшнымъ. Орелъ не могъ вылетѣть изъ

вороньяго гнѣзда. Желая ознакомиться съ нѣкоторымъ общимъ обзоромъ научныхъ работъ по исторіи названной замѣчательной эпохи, мы съ особымъ интересомъ обратились къ книгѣ, такъ много обѣщавшей своимъ заголовкомъ, и какое горькое обидное разочарованіе постигло насъ при чтеніи ея!

В. Грибовскій.

**Къ свѣту. Научно-литературный сборникъ, подъ редакціей
Е. П. Лѣтковой и Ю. Д. Батюшкова. Спб. 1904.**

Комитетъ общества доставленія средствъ С.-Петербургскимъ высшимъ женскимъ курсамъ выпустилъ въ свѣтъ эту книгу на память о первомъ 25-ти-лѣтіи, прожитомъ курсами до 1903 года, а также съ цѣлью усиленія средствъ общества. Наши писатели отозвались на обращеніе комитета, и получился объемистый, недурно изданный томъ въ 540 страницъ. П. И. Вейнбергъ, П. Д. Боборыкинъ, недавно умершій Н. К. Михайловскій, А. Θ. Кони, К. Д. Бальмонтъ, В. Г. Короленко, О. Н. Чюмина и многіе другіе наши писатели не отказались помочь своимъ перомъ доброму дѣлу. За достоинства сборника громко говорятъ приведенныя имена; хорошей стороною его нужно признать стройность, единство содержанія, что очень выгодно отличаетъ его отъ множества обычно издаваемыхъ сборниковъ, въ которыхъ матеріалъ не связанъ общей мыслью, отчего получается впечатлѣніе какой-то распыленности, неопредѣленности. Отъ этого недостатка разсматриваемая книга почти совсѣмъ избавлена. Сквозь нее ярко чертою проходитъ великая міровая идея освобожденія женщины отъ путъ, наложенныхъ на нее современнымъ общественнымъ строемъ. Этой идеей проникнуто большинство статей, а также художественное приложеніе: рядъ снимковъ съ картинъ русскихъ живописцевъ (В. Е. Маковский, И. Е. Рѣпинъ, В. И. Суриковъ, Н. А. Ярошенко и другіе), отражающихъ женское движеніе въ нашей живописи послѣдней четверти вѣка. Такъ называемому женскому вопросу посвящена специальная работа профессора В. П. Бузескула: «Женскій вопросъ въ древней Греціи» (ислѣдованіе, показывающее огромную эрудицію автора). Прекрасна статья Е. Лозинскаго: «О настоящемъ и будущемъ женскаго движенія въ связи съ проблемой цѣломудрія и задачами материнства»; авторъ передаетъ русскому читателю тотъ горькій женскій вошь о «правѣ на материнство» и противъ современной половой морали, который теперь раздается въ нѣмецкой литературѣ; въ послѣдней женское движеніе сказалося въ послѣдніе два года очень сильно и ярко. Отъ такой навной (и, тѣмъ не менѣе, очень прошумѣвшей) «дѣтской» книжки, какъ «Eine für alle» Ver'y (прекрасную оцѣнку ея далъ въ прошломъ году «Новый Путь»), г. Лозинскій восходитъ до столь серіозныхъ и важныхъ по своему соціальному значенію работъ, какъ книга Ruth Bré: «Право на материнство», или сочиненіе Лили Браунъ: «Женскій трудъ и домашнее хозяйство». Статья Ф. Левинсонъ-Лессингъ: «О главнѣйшихъ факторахъ женскаго движенія (идеалистическіе и экономическіе стимулы)», умно и обстоятельно трактуетъ, какія нравственныя стремленія и матеріальныя условія послужили силами, сложившимися ту равнодѣйствующую силу, которая ведетъ впередъ женское

освободительное движеніе. Таковы помѣщенные въ сборникѣ строго-научныя, соціологическія работы. Исторіи женскаго движенія въ его болѣе или менѣе выдающихся моментахъ посвящены— историко-литературный этюдъ Е. Балобановой: «Маркиза де-Рамбуллье и ея время», повѣсть объ основательницѣ знаменитаго въ исторіи французской литературы «голубого салона», бывшаго настоящей академіей ума и вкуса; это былъ первый и лучший образецъ возникшихъ въ послѣдствіи салоновъ (Скюдери, знаменитые революціонные кружки XVIII вѣка, Рекамье, принцессы Матильды Бонапартъ). Чрезвычайно новой и потому особенно занимательной является статья С. Русовой: «Малорусскія женщины XVII и XVIII вѣка»; народное свободолобіе и уваженіе къ правамъ личности выдвинули въ Малороссіи нѣсколько замѣчательныхъ женщинъ, сильныхъ умомъ и характеромъ и ставшихъ борцами за національную независимость и дѣятелями проsvѣщенія; замѣчательно, что Украина временъ запорожчины знала свободу развода, которая для современнаго поколѣнія еще что-то недостижимое, и поводомъ къ разводу могли служить не только грубыя матеріальныя причины, но такія тонкія побужденія, какъ простыя «розницы и раздоры» и даже «перемѣна расположенія» супруговъ другъ къ другу. Извѣстная дѣятельница на нивѣ распространенія у насъ женскаго врачебнаго образованія, г-жа А. Шабанова, рассказываетъ («Изъ первыхъ лѣтъ женскаго медицинскаго образованія въ Россіи») недолгую, но тяжелую исторію о томъ, послѣ какихъ мытарствъ и обидъ добилась русская женщина права учиться медицинѣ и служить своими знаніями народу. Е. Лѣткова дала очень цѣнныя воспоминанія объ Ив. С. Тургеневѣ, рисующія отношеніе знаменитаго писателя къ просвѣтительнымъ стремленіямъ русской женщины; поэтъ Лизы, Маріанны, Елены, Аси, когда ему приходилось говорить и писать о женщинѣ, всегда былъ, какъ говоритъ Е. Лѣткова, «рыцарь женщины, рыцарь въ самомъ лучшемъ смыслѣ слова». Замѣчательна статья П. Е. Щеголева о «Русскихъ женщинахъ» Некрасова, въ связи съ вопросомъ о юридическихъ правахъ женъ декабристовъ». Говоря точнѣе и правильнѣе, изслѣдованіе г. Щеголева занимается вопросомъ о правахъ состоянія тѣхъ женщинъ, которыя изъ міра роскоши ушли въ «каторжныя норы», неся «отраду страдальцамъ той страны», «любовь и миръ душевный». Эти женщины ждутъ еще своего Плутарха, о которомъ писалъ врачъ-гуманистъ Н. А. Бѣлоголовый. «Плѣнительнъ образъ отважной жены, явившей душевную силу»,—образъ русской женщины, отдавшей себя всю дѣлу любви. Этому образу отдаетъ должное и поэтъ, и историкъ, и «русскія женщины» найдутъ еще не одного Некрасова и не одного Плутарха. Послѣднему еще не присидѣло время явиться, потому что эпоха 1820-хъ годовъ доннынъ очень мало изучена. Но уже показались «первыя ласточки», въ родѣ «Записокъ» С. Г. Волконскаго и княгини М. Н. Волконойской; къ нимъ относится и работа г. Щеголева. Авторъ доказываетъ, какъ вѣрнъ былъ дѣйствительности Некрасовъ даже въ томъ мѣстѣ поэмы о женахъ декабристовъ, которое иные критики были склонны считать художественнымъ вымысломъ, мелодраматическимъ положеніемъ. Оказывается, что извѣстный разговоръ княгини Е. И. Трубецкой съ губернаторомъ былъ именно таковъ, какъ онъ происходитъ въ поэмѣ, и инымъ быть не могъ, потому что Иркутскому

военному губернатору было высочайше предписано внушать самоотверженнымъ женщинамъ, какъ тяжела ожидающая ихъ съ мужьями жизнь, представлять имъ вообще разныя «тому подобныя учтивыя отклоненія», «принять въ отношеніи къ нимъ, какъ къ женамъ ссыльно-каторжныхъ, тонъ начальника губернии, соблюдающаго строга свои обязанности». Интересная статья г. Щеголева украшена, между прочимъ, портретами К. П. Ивашевой, баронессы А. В. Розень, Н. Д. Фонвизиной, Е. П. Нарышкиной, княгини Е. И. Трубецкой, А. И. Давыдовой, княгини М. Н. Волковской, А. Г. Муравьевой, П. Е. Анненковой; изображенія первыхъ шести знаменитыхъ женщинъ появляются впервые въ печати. Беллетристика представлена въ сборникѣ П. Д. Бобырикинѣмъ («Ожерелье»), М. В. Крестовскою («Тѣни»), В. В. Ераковой-Даниловой («Первая любовь», повѣсти предшествуетъ теплое воспоминаніе А. Θ. Кони о покойномъ авторѣ ея), А. А. Луговымъ («Въ конкѣ»). В. Г. Короленко далъ прекрасный рассказъ «Феодалы» (изъ цикла «сибирскихъ»). Очень небогата отдѣлъ поэзіи (К. Д. Бальмонтъ, П. Я., П. И. Вейнбергъ, О. Н. Чюмина), но зато обращаютъ на себя вниманіе критическія статьи: О. М. Петерсонъ о шведской писательницѣ Сельмѣ Лагерлефъ, очеркъ Е. Тарле о Т. Карлейлѣ, В. Каренина о знаменитомъ романѣ Жоржъ Зандъ «Орасъ» (пользуясь еще неопубликованными документами, авторъ выясняетъ связь между романомъ и личной жизнью писательницы; это богатый вкладъ и въ біографію Ж. Зандъ, и въ критику о ней) и являющаяся посмертною статья Н. К. Михайловскаго «Драмы Ренана»; французскій писатель пользовался драматической формой изложенія своихъ мыслей, какъ самымъ свободнымъ и удобнымъ способомъ объяснять ихъ и «дѣлать отгѣнки гораздо болѣе тонкими», представляя идеи въ лицахъ. Михайловскій разсматриваетъ драмы Ренана въ ихъ органической связи съ другими его произведеніями.

Всѣми перечисленными статьями далеко еще не исчерпывается содержаніе богатаго и интереснаго сборника. Можно пожалѣть лишь о бѣдности художественнаго приложенія (см. о немъ выше), очевидно, составленнаго наскоро, подобранаго случайно; въ противномъ случаѣ, нельзя было бы забыть Лебедева, тонко и умно изображавшаго русскую передовую женщину 1860—1870-хъ годовъ.

Н. Л.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1904 годъ. Книга I. М. 1904.

Книга открывается каингальнымъ и цѣннымъ изслѣдованіемъ А. А. Шахматова: «О такъ называемой Росговской лѣтописи». Рукопись, содержащая изслѣдуемую лѣтопись, принадлежитъ главному архиву министерства иностранныхъ дѣлъ, переписана въ первой половинѣ XVIII вѣка нѣсколькими почерками и подарена Н. Баятышу-Каменскому бригадиромъ княземъ Сергѣемъ Дмитріевичемъ Кавтемиромъ, сыномъ извѣстнаго молдавскаго ех-господаря, а Баятышъ-Коменскій передалъ ее въ 1787 году въ бібліотеку государствен-

ной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Лѣтопись была извѣстна и Карамзину, который не разъ пользовался ея показаніями, при чемъ въ одномъ изъ приложеній сообщаетъ о ней, повидимому, ошибочное наблюденіе. Въ прибавленіи «объ источникахъ российской исторіи до XVII вѣка» исторіографъ называетъ и «Ростовскій» сборникъ, «зарученный святымъ Дмигріемъ, содержащій въ себѣ любопытныя прибавленія; онъ писанъ въ XVII вѣкѣ, идетъ до временъ Петра Великаго и хранится въ архивѣ иностранной коллегіи». Ссылались на нее и другіе историкъ и археографы, постоянно называя «Ростовской». Новый изслѣдователь отвергаетъ это опредѣленіе, такъ какъ въ основѣ лѣтописи представляеть собой обычную общерусскую лѣтопись въ родѣ Воскресенской или Львовской съ новгородскими дополненіями, а списокъ ростовскихъ владыкъ въ этомъ отношеніи не можетъ дать какихъ нибудь особыхъ указаній, такъ какъ входитъ и въ другіе своды. Тѣмъ не менѣе, названіе ея, такъ или иначе утвердившееся уже въ наукѣ, удержано за рукописью, и изслѣдуя всѣ извѣстія лѣтописи и сравнивая годъ за годомъ съ извѣстіями другихъ типичныхъ сводовъ, А. А. Шахматовъ ставитъ своею цѣлью опредѣлить ея отношеніе къ тому неизвѣстному пока источнику, къ которому восходятъ и Ростовская, и Воскресенская лѣтописи. Не будемъ слѣдить за ходомъ наблюденій автора, по обыкновенію, глубокихъ и тонкихъ, а приведемъ только главнѣйшіе изъ выводовъ, которые можно легко проверить, такъ какъ въ приложеніи къ изслѣдованію изданъ текстъ цѣликомъ, съ соблюденіемъ графическихъ особенностей рукописи и примѣчаніями. Извѣстная по единственному списку XVIII вѣка и ошибочно называемая «Ростовской», лѣтопись не можетъ быть опредѣлена ни по времени, ни по мѣсту составленія; источниками для нея служилъ московскій сводъ 1480 года, принадлежавшій къ разряду «великокняжескихъ», а также новгородскій, составленный въ 1542—1592 гг., вмѣстѣ съ отрывками изъ литовскихъ хроникъ, московскими родословными, ханскими ярлыками, сказаніями о владимирскихъ князьяхъ, повѣстью о Казаринѣ и другими вводными статьями. Остальные пункты окончательныхъ выводовъ касаются больше уже другихъ лѣтописныхъ сводовъ, взаимное отношеніе которыхъ представляеть загадку для историка и можетъ быть опредѣлено только при серьезномъ изученіи такихъ же случайныхъ, а иногда и позднихъ списковъ, какъ Ростовская лѣтопись, нашедшая прекраснаго истолкователя въ лицѣ академика А. А. Шахматова.

Второй отдѣлъ «Чтеній», матеріалы историко-литературные, составленъ изъ двухъ работъ. Профессоръ Н. И. Петровъ заканчиваетъ печатавшееся цѣлыхъ семь лѣтъ «Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ», свѣдѣніями о библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора, когда-то богатой, древней, а теперь составленной изъ позднихъ и разнообразныхъ рукописей, числомъ 734. Библіотека основана въ 1633 году митрополитомъ Петромъ Могилой, послѣ перехода престольнаго кіевскаго собора къ православнымъ отъ униатовъ. Памятью о просвѣщенномъ основателѣ рукописнаго собранія служатъ нѣсколько рукописей съ помѣтками самого митрополита Петра и одинъ его автографъ: Записки и матеріалы по исторіи православной церкви XVII вѣка (стр. 123). Въ дальнѣйшихъ постуленіяхъ трудно прослѣдить какую нибудь закономѣрность,

но главный интерес их заключается въ томъ, что большинство рукописей имѣеть ближайшее отношеніе къ исторіи и просвѣщенію Юго-Западной Руси; особенно цѣнны тѣ рукописи, которыя служили учебниками въ Кіевской академіи и другихъ училищахъ. Только въ началѣ XIX вѣка бібліотека обогатилась двумя крупными пожертвованіями—рукописями епископа чигиринскаго Иринея Фальковскаго († 1823) и митрополита кіевскаго Евгенія Болховитинова (1838), двухъ просвѣщенныхъ духовныхъ іерарховъ, интересы которыхъ выходили далеко за предѣлы узко-богословскихъ вопросовъ. Бібліотека описана подробно, по всѣмъ основнымъ требованіямъ научности и точности подобныхъ описаній, а библиографическія справки и указатель облегчаютъ работу занимающихся рукописями. Не согласны мы только съ той классификаціей, которую дѣлаетъ профессоръ Н. И. Петровъ, вѣроятно, по традиціи. Отдѣлы эти слѣдующіе: Библиографія, Св. Писаніе и толкователи его, Богослуженіе и обряды и толкователи ихъ, Отцы и древніе учителя церкви, Духовные писатели и проповѣдники, Церковное и гражданское законоположеніе и законовѣдѣніе, Общая гражданская и церковная исторія, Русская гражданская исторія, Русская церковная исторія, Историко-юридическіе акты и документы или историко-юридическая смѣсь (?), Полемическое и сравнительное богословіе и обличеніе русскаго раскола и сектанства, Богословіе основное, догматическое, пастырское, нравственное и аскетическое, Философія, Словесность, Языковзнаніе, Науки физико-математическія и т. п. При всякой справкѣ въ такихъ слишкомъ дробныхъ категоріяхъ легко можно проглядѣть иногда самыя важныя рукописи, такъ какъ по содержанію своему онѣ могутъ быть отнесены въ любому изъ двухъ, даже трехъ или больше отдѣловъ. Въ этомъ именно и заключается схоластичность приѣма въ большинствѣ нашихъ рукописныхъ описаній и съ полнымъ усѣхомъ должна быть замѣнена алфавитнымъ порядкомъ при хорошемъ предметномъ указателѣ. Кромѣ того, раздѣленіе на мелкія дисциплины создаетъ искусственность. Не странно ли видѣть, напримѣръ, въ отдѣлѣ «Словесность» только реторики, діалектики и иитяки?

А. И. Успенскимъ издано «Писаніе о зачинаніи знакъ и знаменъ или прaporовъ», по рукописи XVII вѣка общаго архива министерства двора, со снимками, но безъ объясненій, которыя въ данномъ случаѣ были бы особенно интересны, такъ какъ авторъ «Писанія» пытается оправдать цѣвѣта и рисунки знаменъ библейскими и мифологическими показаніями.

Въ послѣднемъ отдѣлѣ Н. Н. Оглоблинымъ напечатано 12 небольшихъ документовъ, характеризующихъ бытовыя черты XVIII вѣка. Изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія: Раздача ветхихъ дощаниковъ въ жалованье служилымъ людямъ, Челобитье татаръ о разрѣшеніи продавать дѣтей по случаю голода, Отзвы служилыхъ людей о картахъ, Указъ о бобровомъ пухѣ для шляпъ, Челобитье о часовщикѣ, Вызовъ самоѣдскихъ шамановъ въ Москву, Къ исторіи чайной торговли, Дѣло объ «Исторіи скіевійской», Два указа о «словѣ и дѣлѣ» 1702 года, Посылка въ Кіевъ за книгами, учителями, студентами, «спѣваками» и пр., «Видѣніе крестьянина» и др., наконецъ характерныя письма извѣстнаго Павла Прусскаго.

Въ общемъ книжка составлена интересно. Замѣтимъ только, что университетской типографіи давно пора перемѣнить славянскій шрифтъ; надстрочные знаки прыгаютъ, или совсѣмъ отпадаютъ, и искажаютъ смыслъ многихъ записей и текстовъ, приводимыхъ въ Описаніи кievскихъ рукописей.

А. Я.

По поводу отпаденія отъ православной церкви графа Льва Николаевича Толстого. Сборникъ статей «Миссіонерскаго Обзорѣнія». Изданіе В. М. Скворцова, второе (дополненное). Спб. 1904.

Второе изданіе сборника статей «Миссіонерскаго Обзорѣнія» «По поводу отпаденія отъ православной церкви графа Л. Н. Толстого» является существенно дополненнымъ статьями, не вошедшими въ первое изданіе этой книги. Дополнены — глава IX, посвященная «Голосу мірянъ» и заключающая въ себѣ сужденія о толстовствѣ свѣтскихъ людей разныхъ общественныхъ положеній, взглядовъ и образованія, и глава XIII, трактующая объ отношеніяхъ къ графу Л. Н. Толстому въ мірѣ нашего раскола. Въ слѣдующихъ главахъ болѣе полно приведены сужденія о толстовствѣ русской литературной и философской критики, въ томъ числѣ В. С. Соловьева, и иностранной критики. Въ новое изданіе «Сборника» включены также историческія справки и параллели: «Герценъ и Толстой», «Генри Друммондъ и Левъ Толстой», «Св. Серафимъ Саровскій и Левъ Толстой». «Сборникъ» заканчивается подводящею итоги статьей о «трагизмѣ толстовства и мирѣ Евангелія». Наконецъ, въ обширномъ «Приложеніи» помѣщенъ разборъ послѣднихъ религіозныхъ трактатовъ графа Л. Н. Толстого: «Обращенія къ духовенству» и «Разрушенія ада и возстановленія его», изданныхъ, какъ сообщаетъ въ предисловіи издатель, въ Лондонѣ Чертковымъ и Комп., «соработниками Льва Николаевича». Разборъ «двухъ послѣднихъ безбожныхъ твореній яснополянскаго лжеучителя» издатель счелъ необходимымъ присоединить къ «Сборнику» «въ виду извѣстнаго нашей миссіи распространенія ихъ «особенно въ провинціи и именно среди полуинтеллигенціи и рабочихъ классовъ (?)...». Въ остальномъ это второе изданіе представляетъ перепечатку перваго, т. е., кромѣ статей самого В. М. Скворцова, редактора «Миссіонерскаго Обзорѣнія», и другихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, содержитъ такіе крайне важные для исторіи русской общественной и религіозной мысли документы, какъ: «Опредѣленіе святѣйшаго синода отъ 20-го февраля 1901 года, съ посланіемъ вѣрнымъ чадамъ православныя греко-россійскія церкви о графѣ Львѣ Николаевичѣ Толстомъ»; письмо-протестъ графини С. А. Толстой къ митрополиту Антонію противъ синодальнаго постановленія; отвѣтъ на это письмо митрополита Антонія; отвѣтъ самого Л. Н. Толстого на Постановленіе святѣйшаго синода—отъ 4 апрѣля 1901 года,—«знаменитый отвѣтъ», который, по словамъ издателя, первоначально «появился въ заграничной печати и вихремъ пронесся всюду у насъ...». Большой интересъ представляетъ глава XV: «Лжехристіанство графа Л. Н. Толстого предъ судомъ русской литературной критики», въ которой отмѣтимъ—замѣтку: «Оцѣнка заслугъ графа Л. Н. Тол-

стого предъ избраніемъ его въ почетные члены Юрьевского университета», принадлежащую перу профессора В. Алексѣева, протестовавшаго въ свое время противъ избранія «лжеучителя народныхъ массъ въ почетные члены университета», и выдержку изъ доклада Д. С. Мережковского: «Левъ Толстой и русская церковь». О значеніи послѣдняго говорить не приходится. Въ свое время весь Петербургъ былъ заинтересованъ этимъ докладомъ, читаннымъ авторомъ въ засѣданіи философскаго общества Петербургскаго университета, на которомъ, по словамъ В. М. Скворцова, «блестящій столичный проповѣдникъ о. Гр. Петровъ доказывалъ, что графъ Л. Н. Толстой—настоящій христіанинъ, что его ученіе служить на пользу церкви, подводя къ ней общество» (Предисловіе, IV)—«эпизодъ, по отзыву того же издателя «Сборника», надѣлавшій тогда много шуму въ столичномъ обществѣ» и случившійся за 2—3 мѣсяца до появленія «Посланія синода».

Въ предисловіи издатель объясняетъ происхожденіе «Сборника». «Настоящій сборникъ статей представляетъ собою результатъ литературной (полемиической) борьбы нашего органа съ религіознымъ лжеученіемъ яснополянскаго мыслителя... Стремясь быть чуткимъ и живымъ литературнымъ органомъ внутренней миссіи церкви, «Миссіонерское Обзоріе» естественно должно было зорко слѣдить и своевременно откликаться на всѣ перипетіи толстовской эпопеи, и нашъ журналъ волею-неволею первымъ сталъ лицомъ (лицомъ?) къ лицу съ яснополянскою ересью...». И В. М. Скворцовъ излагаетъ намъ исторію вопроса о «толстовщинѣ», впервые поднятаго («нами», говорить онъ) въ 1897 году на 3-мъ всероссійскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ въ Казани; «съѣздъ специалистовъ миссіонерства—по его словамъ—уже тогда призналъ толстовское религіозное движеніе оформившеюся религіозно-соціальною сектою, крайне вредной не только въ церковномъ, но и (что особенно интересно) въ политическомъ отношеніи...».

Это опредѣленіе компетентнаго института... и открываетъ собою борьбу православія съ «толстовщиной», начинающуюся «полемиической литературой» на страницахъ «Миссіонерскаго Обзорія» и завершающуюся постановленіемъ синода, — актомъ, «раздѣлившимъ все мыслящее и читающее наше общество на два враждующихъ лагеря»... «Эта тяжба толстовства съ православіемъ,—говоритъ издатель,—благодаря времени, нынѣ потеряла въ обществѣ свою остроту, но борьба далеко еще не закончилась, а въ заходустныхъ провинціальныхъ, въ полуинтеллигентныхъ низахъ, а равно и въ народной средѣ, она только еще разгорается, такъ какъ Левъ Николаевичъ не дремлетъ и самъ подливаетъ масла въ огонь своими позднѣйшими, крайне дерзкими, чисто пропагандистскими трактатами, написанными имъ для этой именно среды» (Предисловіе, V). Издатель констатируетъ «полный анахронизмъ и въ религіозномъ и въ государственномъ смыслѣ», который проповѣдуетъ «яснополянскій отступникъ». Онъ свидѣтельствуетъ, что уже «душегубные плевелы разсыяны среди пшеницы русской церковной нивы», что «верха, середины и низы русскаго народа узнали уже эти плевелы и узнали путями привлекательной тайны, «намъ спящимъ»... «Что же? — спрашиваетъ онъ,—спать ли и теперь стражамъ нивы Христовой, поставленнымъ пасти Церковь Господа и

Бога? Прятать ли имъ голову свою (по подобію страуса) отъ толстовской опасности, чтобы не видѣть ея для себя и своей пастыи?»... И В. М. Скворцовъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что снать вовсе не слѣдуетъ; что, наоборотъ, необходимо «снять маску запретной таинственности съ его (Толстого) богомерзкихъ писаній»: «это «снятіе маски» для «невѣрующихъ и сѣятелей плевелъ и смуть — дѣло крайне нежелательное, ибо въ мутной водѣ всегда лучше рыбу удить». Несомнѣнно, оттого-то они и не выступаютъ въ подцензурныхъ русскихъ изданіяхъ, а предпочитаютъ печатать свои произведенія за границей... Взгѣсть съ г. Скворцовымъ «мы глубоко убѣждены и вѣруемъ, что не мужественная откровенность полемики съ ересями способна вредить Церкви Божіей, а робкое замалчиваніе зла»... Золотыя слова!... Бѣда только въ томъ, согласны ли на такую же «мужественную откровенность полемики» эти «невѣрующіе и сѣятели плевелъ и смуты»....

А. Ев — въ.

І. Ивановъ. Культъ Перуна у южныхъ славянъ. Спб. 1903.

Послѣ мифологической школы Гриммовъ, крайніе послѣдователи которой дошли наконецъ до того, что чуть ли не въ каждомъ попавшемся или даже выдуманномъ словѣ видѣли «славяно-индійское божество»,—представители теоріи заимствования впали въ другую крайность, выбросивъ изъ русской мифологіи почти всѣ божества. Даже славянское происхожденіе «самого» Перуна было подвергнуто нѣкоторыми учеными большому сомнѣнію, главнымъ образомъ, потому, что о немъ мало находится достовѣрныхъ извѣстій въ памятникахъ древней письменности. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о Перунѣ въ его общеславянской цѣльности, болгарскій ученый разсматриваетъ культъ Перуна лишь у южныхъ славянъ. Прежде всего, мнѣнія ученыхъ не сходятся относительно происхожденія и этимологическаго образованія самаго имени Перуна. Одни видятъ въ немъ индо-европейскій корень *perk*, *spark*; другіе—старо-германскую форму *Per-Kūnos*, *Ferhūnar*, *Ferhūnar* въ значеніи «высокій»; третьи находятъ сходство съ ведическимъ *Parjanya*, съ скандинавскимъ *Fjörgyn*, съ латинскимъ *quecus*, съ старо-нѣмецкимъ *forha*, съ литовскимъ *Perkūnas*. Но всѣ эти предположенія не могутъ ручаться за безусловную достовѣрность. Гораздо больше свѣта вносятъ въ образованіе и происхожденіе этого слова, какъ замѣчаетъ авторъ очерка, кельтское названіе теперешней германской Черной Горы — «Аркунія» или «Эркунія», отъ котораго, очень можетъ быть, и произошло спорное слово, такъ какъ одной изъ характерныхъ особенностей кельтскаго языка является исчезновеніе начальнаго индо-европейскаго *n*. Этимологически же слово «Перунъ» образовалось, по мнѣнію г. Иванова, изъ корня «пер» въ смыслѣ «удара» и дѣятельнаго суффикса «унъ», который распространенъ почти среди всѣхъ славянъ. Такимъ образомъ, «ясная славянская этимологія слова Перунъ уже доказываетъ намъ, — думаетъ онъ, — каковымъ былъ главный мифическій атрибутъ этого славянскаго божества, или, лучше сказать, которое изъ природныхъ явленій именуется этимъ словомъ. Переводъ же этого имени другимъ, болѣе яснымъ южно-славянскимъ словомъ, будетъ «біячъ,

идрячь, громовникъ». За отсутствіемъ какихъ бы то ни было историческихъ текстовъ, которыми было бы указано на другой атрибутъ Перуна, мы не въ состояніи съ достовѣрностью сказать, что древне-славянскій Перунъ, кромѣ громовника, былъ и дождевикомъ. Дѣйствительно, южно-славянскій фольклоръ отдаетъ эти два атрибута св. Ильѣ, замѣнившему позже Перуна; однако, съ полнымъ правомъ можно утверждать, что они не что иное, какъ новѣйшее наслоеніе». Такова конечная формулировка г. Иванова.

Далѣе изслѣдователь приводитъ нѣсколько историческихъ, географическихъ, этнографическихъ и другихъ свидѣтельствъ, показывающихъ степень распространенности этого божества у южныхъ славянъ. Конечно, число такихъ свидѣтельствъ значительно возросло бы, какъ замѣчаетъ авторъ, если бы христіанство частью не уничтожило ихъ путемъ разныхъ гоненій, проповѣдей и т. д., частью не переименовало и не переименовало, такъ что въ настоящее время всякое древне-языческое повѣрье непремѣнно носить на себѣ и отпечатокъ христіанства, какъ, напримѣръ, случай съ боготвореніемъ замѣстителя Перуна, св. Ильи. «Приписать атрибуты грома св. Ильѣ, — говоритъ онъ по этому поводу, — очень много способствовали его культъ въ Библии, какъ дожденосца, отрывочныя роли другихъ святыхъ-громовниковъ, какъ Михаила, Іоанна, Георгія, и, наконецъ, то обширное участіе, которое Илья принимаетъ въ борьбѣ противъ Антихриста въ сказаніяхъ о кончинѣ міра, сказаніяхъ, находящихся въ близкой связи съ индо-европейскимъ повѣрьемъ о борьбѣ между змѣемъ и громомъ». Это зооморфическое представленіе также было широко распространено среди южныхъ славянъ и русскихъ.

Въ концѣ своего очерка авторъ дѣлаетъ рядъ заключеній о культѣ Перуна среди южныхъ славянъ и какъ бы восстанавливаетъ этимъ главнаго представителя славянской мифологіи, почти отвергнутаго прежними фольклористами. Онъ принимаетъ замѣну «Зевса» Перуномъ въ повѣсти объ Александрѣ Македонскомъ, а въ довольно распространенныхъ собственныхъ некалендарныхъ именахъ и географическихъ названіяхъ видитъ пережитокъ язычества. Если и не всѣ пункты его выводовъ справедливы, то во всякомъ случаѣ цѣненъ собранный въ очеркѣ матеріалъ.

А. Я.

И. А. Линниченко. Грамоты галицкаго князя Льва и значеніе подложныхъ документовъ, какъ историческихъ источниковъ. Спб. 1904.

Какъ извѣстно, до насъ не дошло ни одной подлинной галицко-русской грамоты ранѣе XIV вѣка. Сохранившіяся до нашего времени грамоты представляютъ собой копіи, изъ которыхъ двѣ относятся къ XIV, а остальные къ позднѣйшимъ вѣкамъ. Отчасти благодаря этому, одни изъ изслѣдователей исторіи юго-западной Руси безусловно отрицаютъ подлинность грамотъ князя Льва Даниловича, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность пользованія ими въ качествѣ историческаго матеріала; другіе же признаютъ подложность только нѣкоторыхъ. Въ своей брошюрѣ профессоръ Линниченко разбираетъ мнѣніе первыхъ, защитникомъ котораго является профессоръ Грушевскій. Мы имѣемъ четыре акта

короля Казимира, утверждающіе львовскія грамоты, изъ которыхъ двѣ говорятъ о земельномъ пожалованіи князя, одна — о княжескомъ подтвержденіи покупки земли и одна нѣсколько неопредѣленно — о пожалованіи. Профессоръ Грушевскій основываетъ свое мнѣніе на томъ, будто въ древней Руси князья не подтверждали купчихъ грамотъ и не раздавали боярамъ земель за службу. Но оба эти положенія не имѣютъ за собой никакой исторической достовѣрности. И. А. Линниченко приводитъ нѣсколько фактовъ изъ жизни галицкаго княжества въ XIII вѣкѣ, свидѣтельствующихъ совершенно иное. Кроме того, Галицко-Волинская лѣтопись ясно говоритъ, что на ряду съ отчинами бояре владѣли также селами и городами, пожалованными имъ князьями «въ держаніе», почему такіе жалованные документы несомнѣнно существовали и въ XIII вѣкѣ.

Разсматривая же историческія условія, вызвавшія фабрикацію грамотъ въ XIV и XVI вѣкахъ, авторъ дѣлаетъ вѣроятное предположеніе, что, по крайней мѣрѣ, часть львовскихъ грамотъ скопирована не съ современныхъ польскихъ, а съ подлинныхъ грамотъ старыхъ русскихъ князей. Но тутъ является вопросъ: имѣютъ ли для насъ какую либо цѣнность завѣдомо подложные документы? Отвѣчая на этотъ вопросъ утвердительно, профессоръ Линниченко указываетъ двойное значеніе такихъ документовъ: съ внутренней и внѣшней стороны. Первое состоитъ въ томъ, что за каждымъ изъ нихъ скрывается извѣстный мотивъ, вызвавшій ихъ фабрикацію, который и долженъ быть вскрытъ историкомъ; второе значеніе заключается въ томъ, что «отъ извѣстной эпохи до насъ не дошло подлинныхъ актовъ; между тѣмъ мы имѣемъ документы поддѣльные, составленные въ такую эпоху, когда подлинные акты времени, которому приписывается извѣстный документъ, еще существовали. Въ такомъ случаѣ документъ и подложный пріобрѣтаетъ для насъ важное значеніе: онъ даетъ намъ формулу недошедшихъ до насъ актовъ и, если возможно доказать близость копии къ бывшему у фальсификатора образцу, она можетъ служить и къ опредѣленію реальныхъ бытовыхъ чертъ времени, къ которому его относить поддѣлыватель». Поэтому и грамоты князя Льва могутъ имѣть важное значеніе, такъ какъ даютъ понятіе о формулѣ и отчасти внѣшнемъ видѣ недошедшихъ до насъ старыхъ южно-русскихъ грамотъ княжескаго времени, и брошюра профессора Линниченка пріобрѣтаетъ такимъ образомъ методологическій интересъ.

А. Я.

Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Выпускъ I. Спб. 1903.

В. В. Каллашъ. Puschkiniāna. Матеріалы и изслѣдованія объ А. С. Пушкинѣ. Кіевъ. 1903.

Нельзя не признать, что интересъ къ Пушкину сталъ органическимъ. Наступила пора пристального и спеціальнаго изученія жизни и творчества поэта. Нечего бояться теперь того, что только исключительные моменты (юбилей) могутъ вызывать пробужденіе интереса, который изсякаетъ черезъ короткое время. Изученіе Пушкина уже стало необходимымъ и спеціальнымъ, такъ сказать, хроническимъ. Особенно знаменательно возникновеніе спеціальнаго пуш-

кинского органа, первый выпуск которого лежит перед нами. Это — первый в России журнал, посвященный изучению отдельного писателя, а на Западѣ давнымъ-давно существуетъ масса органовъ и обществъ, посвященныхъ изученію знаменитыхъ классиковъ. Несомнѣнно, появленіе пушкинскаго органа свѣдѣтельствуетъ о нашемъ культурномъ ростѣ. Быть можетъ, этотъ органъ не будетъ единственнѣмъ: мы слышали о томъ, что и пушкинская коммисія при Московскомъ обществѣ любителей русской словесности собирается издавать свои труды.

«Пушкинъ и его современники» — такъ называется органъ, предпринятый пушкинской коммисіей, образованной при академіи наукъ для изданія сочиненій Пушкина. Въ немъ, «кромѣ протоколовъ засѣданій этой коммисіи, будутъ помѣщаться труды ея членовъ и постороннихъ ученыхъ, посвященные изученію біографіи и сочиненій Пушкина и писателей его эпохи, а равно лицъ, имѣвшихъ то или иное отношеніе къ поэту. Журналъ будетъ выходить не менѣе двухъ разъ въ годъ, по мѣрѣ накопленія и напечатанія матеріала». Первый выпускъ, кромѣ протоколовъ, весь занятъ отчетомъ г. Модзалевскаго въ отдѣленіе русскаго языка и словесности академіи наукъ о поѣздкѣ въ с. Тригорское въ 1902 году. По порученію отдѣленія, г. Модзалевскій ѣздилъ въ Тригорское, чтобы собрать тамъ все, что еще могло найтись пушкинскаго, и описать бібліотеку. Известно, что Пушкинъ часто прибѣгалъ къ бібліотекѣ Тригорскаго; казалось, «хранили многія страницы отмѣтку рѣзкую ногей», но ожиданія не оправдались: пушкинская надпись на книгѣ и его рисунки на экземплярѣ перваго тома «Кларисы Гарлоу» — вотъ и все замѣченныя отмѣтки поэта. Но тщательно составленный г. Модзалевскимъ каталогъ Тригорской бібліотеки не безполезенъ для изслѣдователей Пушкина. «Уже самый составъ ея, — пишетъ г. Модзалевскій, — очень характеренъ для эпохи и наглядно показываетъ намъ, на чемъ воспитывалась пушкинская Татьяна, что она читала, надъ чѣмъ задумывалась, и что питало ея воображеніе». Тригорская бібліотека принадлежала прототипу Татьяны — Евпраксіи Николаевнѣ Вульфъ, а къ ней перешла отъ друга Пушкина, П. А. Осиповой. Сама Осипова никогда не измѣняла своей привычкѣ къ чтенію. И Грандисонъ, и Клариса Гарлоу, и Юлія, и разныя Гермионы, Клары, Гермины, Елизаветы, Христіны и т. д. и т. д. съ ихъ героями — все это валицо въ Тригорской бібліотекѣ. Но въ Тригорскомъ нашлось кое-что, и кромѣ книгъ, въ письмахъ и бумагахъ П. А. Осиповой и А. Н. Вульфа. По степени важности на первомъ мѣстѣ нужно поставить письма къ П. А. Осиповой А. П. Тургенева, написанныя въ февралѣ и апрѣлѣ 1837 года по возвращеніи Тургенева съ похоронъ поэта. Въ этихъ письмахъ бродитъ тѣнь умершаго поэта. Тургеневъ умоляетъ Осипову описать пребываніе Пушкина въ Михайловскомъ, описать «все то, что осталось въ душѣ ея неумирающаго отъ поэта и человѣка». Тургеневу хотѣлось бы многое написать о послѣднихъ дняхъ Пушкина, но «вопреки пословицѣ бумага не все терпитъ», — пишетъ онъ. Онъ проситъ Осипову описать «все, что она умолчала и о чемъ только намекнула въ письмѣ»: Тургеневъ ищетъ правды о смерти Пушкина. Онъ пишетъ Осиповой: «Пушкинъ говорилъ съ вашей милой дочерью (Анной Николаевной Вульфъ), передайте мнѣ вѣрно и обстоятельно слова его, ихъ можно

сообразить съ тѣмъ, что онъ говорилъ другимъ, — и правда объяснится». Это — чрезвычайно интересная подробность: и Тургеневъ, знавшій Пушкина и всѣхъ его близкихъ, не знаетъ всей правды о немъ. Нѣсколько любопытныхъ подробностей и мелочей можно извлечь и изъ приложенныхъ къ отчету писемъ къ Осиповой ея кузины Кашкиной, А. П. Кервъ къ А. Н. Вульфъ, писемъ А. Н. Вульфа къ сестрѣ и дѣловыхъ бумагъ А. Н. Вульфа. Последнія много даютъ для характеристики этого друга Пушкина, который изъ «геттингенскаго студента со свободололюбивыми мечтами» превратился въ яраго крѣпостника. Вообще «отчетъ» г. Модзалевскаго является цѣннымъ вкладомъ въ пушкинскую литературу. Онъ снабженъ обильными и цѣнными примѣчаниями.

Г. Каллашъ давно уже трудится въ области спеціальнаго изученія пушкинскихъ вопросовъ. Работы его по Пушкину, разбѣяныя въ различныхъ периодическихъ изданіяхъ, основанныя на тщательныхъ разысканіяхъ и серьезной критикѣ матеріала, всегда являются желанными для всякаго специалиста и любителя Пушкина. Поэтому нельзя не приветствовать его мысли собирать время отъ времени свои пушкинскія статьи въ отдѣльныя книги. Въ выпущенномъ въ настоящее время второмъ выпускѣ «Пушкиніаны» г. Каллаша мы находимъ уже извѣстныя статьи о литературныхъ отголоскахъ дуэли и смерти Пушкина, о рецензій проф. Архангельскаго на академическое изданіе сочиненій Пушкина, о мнимомъ пушкинскомъ переложеніи «Отче нашъ», о поэтической оцѣнкѣ Пушкина современниками (1815—1837). Извѣстно, что г. Каллашъ давно уже собираетъ поэтическіе отзывы о дѣятельности Пушкина: онъ выпустилъ цѣлую книгу «Русскіе поэты о Пушкинѣ», далъ цѣлый рядъ добавленій въ первомъ выпускѣ «Пушкиніаны» и во второмъ выпускѣ почти 300 страницъ посвящаетъ опять же стихотвореніямъ о Пушкинѣ. Статья же о поэтической оцѣнкѣ Пушкина современниками является такъ сказать, ключомъ къ этимъ собраніямъ. Въ ней выяснено значеніе подобнаго собранія отзывовъ поэтовъ о поэтѣ. Это — очень дѣльная статья, но въ ней использованы отзывы о Пушкинѣ поэтовъ современниковъ (1815—1837). Остается извлечь выводы изъ огромной стихотворной литературы о Пушкинѣ, явившейся послѣ его смерти. Эта литература, кажется, не будетъ такъ полезна для изслѣдователя, какъ современная Пушкину. Мы въ правѣ ждать отъ Каллаша разработки и этой темы: поэтическая жизнь Пушкина въ потомствѣ.

Недостатокъ книги г. Каллаша — удивительное, прямо небывалое количество опечатокъ.

П. Ц.

А. А. Стаховичъ. Ключки воспоминаній. М. 1904.

Если интересны всякія воспоминанія о старомъ времени, то тѣмъ болѣе интересны воспоминанія человѣка интеллигентнаго, издавашаго на своемъ вѣку лучшихъ писателей, актеровъ, артистовъ и государственныхъ дѣятелей. Авторъ назвалъ свою книгу «Ключками воспоминаній». Заглавіе это скромно и въ то же время необыкновенно типично. Мы знаемъ нѣсколько литературныхъ воспоминаній, принадлежащихъ лицамъ, близко стоявшимъ къ определеннымъ кружкамъ писателей, и при всемъ разнообразіи такія воспоминанія къ концу

чтенія могутъ утомить читателя. А. А. Стаховича нельзя упрекнуть въ однообразіи, и его замѣтная пестрота составляетъ несомнѣнный активъ книги. Читается она съ бодримъ интересомъ и все время держитъ вниманіе читателя.

Влюбленный въ сцену, кажется, нѣсколько понимающій ее, авторъ сосредоточиваетъ главное вниманіе на артистахъ московской и петербургской сценъ. Въ 1836 году авторъ, пятилѣтній мальчикъ, видѣлъ драму Кукольника «Рука Всевышняго отечество спасла», хотя изъ всего спектакля у него остался въ памяти «огромный мадиновый балдахинъ надъ кроватью, на которой лежалъ больной князь Пожарскій.. Мочаловъ!» Затѣмъ черезъ три года онъ еще разъ видѣлъ Мочалова въ «Купецъ Иголкинъ», и послѣднія слова актера навсегда остались въ памяти ребенка. Быть можетъ, непосредственная игра Мочалова и вселила въ авторѣ воспоминаній такую любовь, такое благоговѣніе къ театру. Онъ передаетъ интересный эпизодъ, касающійся Мочалова, со словъ С. Аксакова. Это—первый дебютъ Мочалова въ трагедіи Озерова «Эдипъ въ Авинахъ». Щепкинъ рассказалъ ему о дебютѣ Мочалова въ Петербургѣ, когда актеръ былъ не въ духѣ, игралъ вяло, и только одинъ вопль Фердинанда въ «Коварствѣ и любви» заставлялъ петербургскую публику понять всю мощь генія. Другіе рассказы сохранялъ ему П. Садовскій, братъ автора и другіе. Затѣмъ слѣдуютъ воспоминанія о Каратыгинѣ, Мартыновѣ, Щепкинѣ, Хомяковѣ, Живокниці, Грибоѣдовѣ, Горбуновѣ, Садовскомѣ, Л. Толстомѣ, К. Булгаковѣ и другихъ.

Хороши рассказы о помѣщикахъ, любившихъ театръ и содержавшихъ цѣлыя труппы и оркестры изъ крѣпостныхъ, о помѣщикахъ-самодурахъ, которые дѣлали въ своихъ имѣніяхъ рѣшительно все, что хотѣли, и держали не только гаремы изъ крѣпостныхъ, но и собственныхъ «каторжныхъ» изъ провинциальныхъ въ чемъ нибудь крестьянъ—съ обритыми головами, въ кандалахъ (стр. 67—68) и т. д. Отъ такихъ рассказовъ, вполне правдоподобныхъ и въ свое время никого не удивлявшихъ, вѣетъ чѣмъ-то мрачнымъ, гнетущимъ; не даромъ тогда говорили, что «спинна—барская, голова—царская, душа—Божія», а губернаторы боялись заступаться за крестьянъ, потому что дворянство очень своеобразно понимало смыслъ извѣстной грамоты «о вольностяхъ». Воспоминанія о шкодѣ юнкеровъ, гдѣ авторъ воспитывался въ сороковыхъ годахъ,—однѣ изъ самыхъ интересныхъ страницъ книги, но и здѣсь, наряду съ веселыми на первый взглядъ анекдотами, нерѣдко сквозитъ горькое чувство, и очень часто невольно напрашивается восклицаніе: «свѣжо преданіе, да вѣрится съ трудомъ!».

Впрочемъ, не всѣ рассказы А. А. Стаховича такъ мрачны. Съ театромъ и его лучшими представителями у него связаны свѣтлыя воспоминанія. Онъ умѣло объясняетъ игру Щепкина и Садовскаго въ «Игрокахъ» Гоголя, подробно останавливаясь на подачѣ каждой фразы Утѣшительнаго (76—82), Замухрышкина (85—89), Васильева (89—93) и нѣкоторыхъ героевъ комедій Островскаго. Толкованіе игры Щепкина-Фамусова (112—117) и Мартынова-Чацкаго (123—130) ведется у него вполне артистически. Много мѣста удѣлено знаменитому въ свое время теодору Маріо, Рубини, Гривиз и другимъ заѣзжимъ артистамъ, украшавшимъ столичныя сцены.

Авторъ знаетъ хорошо всю закулисную сторону дѣла, передаетъ массу интимныхъ подробностей, ускользающихъ отъ обыкновеннаго зрителя, и въ его мастерскомъ изложеніи каждая мелочь, каждый анекдотъ или курьезъ получаетъ особую прелесть, а отрывочность воспоминаній нисколько не вредитъ дѣлу. Книга заслуживаетъ безусловнаго вниманія.

М. О. Ск—вичъ.

Д. В. Ульянинскій. Среди книгъ и ихъ друзей. Часть первая. I. Изъ воспоминаній и замѣтокъ библіофила. II. Русскія книжныя росписи XVIII вѣка (библіографическій обзоръ). М. 1903.

Авторъ думаетъ, что его замѣтки и воспоминанія могутъ имѣть интересъ только для любителя, что его пойметъ библіофилъ, а неколлекціонеру покажется даже, что авторъ говоритъ на совершенно иномъ языкѣ; кромѣ того, «многое въ послѣдующемъ изложеніи покажется ему страннымъ, утрированнымъ». Такую постановку вопроса мы находимъ отчасти справедливой, и, голько благодаря заявленію самого автора, рѣшаемся сказать о его книгѣ нѣсколько словъ для болѣе широкой публики. Мы не согласны развѣ въ томъ, что неспециалистъ не можетъ понять автора, и думаемъ, что отъ пониманія до сочувствія очень далеко. Каждому можетъ быть понятна психологія всякаго спорта, а тѣмъ болѣе спорта въ такой культурной области, какъ собираніе книгъ.

Стоитъ только познакомиться съ автобіографіей автора, и его дѣтскія воспоминанія объ «игрѣ въ чтеніи», о первыхъ проблескахъ интереса къ книгѣ, о началѣ коллекціонерства и дальнѣйшихъ радостяхъ библіофила,—все это, окажется, шло такъ естественно другъ за другомъ, что совершенно подобный же процесъ мы могли бы предположить и во многихъ другихъ собирателяхъ. Дѣло въ томъ, что Д. В. Ульянинскій влюбленъ въ свое дѣло, описываетъ каждую книгу своего собранія съ такой любовью, съ такимъ восторгомъ рассказываетъ о каждомъ новомъ приобрѣтеніи, что заражаетъ той же страстью,—мы не скажемъ «чувствомъ»,—и читателя. Хорошо описана его библіотека съ строгимъ порядкомъ и отпечаткомъ личности самого собирателя на каждой мелочи библіотеки, начиная съ *ex libris*'а или переплета и кончая регистраціей и рѣдкими экземплярами, напримѣръ, съ автографами авторовъ или издателей, съ листами, запрещенными цензурой, и т. д. Далѣе онъ съ такой же любовью рассказываетъ, почему сосредоточился на собираніи книгъ гуманитарнаго содержанія, почему для библіомана особую прелесть приобрѣтаютъ такъ называемыя «самодовлѣющія» рѣдкости, почему онъ гордится ими и не пропускаетъ случая указать на ихъ цѣнность или связанную съ ними удачную покупку. Интересна его классификація книгъ по степени ихъ рѣдкости, иллюстрированная примѣрами, сдѣланная толково и доказанная очень убѣдительно (стр. 21—31). Въ этомъ отношеніи книга г. Ульянинскаго окажетъ немалую услугу менѣе опытнымъ собирателямъ: нерѣдко онъ уличаетъ антикваровъ въ желаніи искусственно поднять цѣну на книгу въ то время, какъ книга продается по нормальной цѣнѣ въ одной изъ самыхъ извѣстныхъ библіотекъ.

Приведенные имъ примѣры (стр. 38—41) очень поучительны и, навѣрное, заставятъ многихъ коллекціонеровъ относиться съ меньшимъ довѣріемъ къ каталогамъ антикваровъ. Очень хороши также типы антикваровъ стараго покроя, любившихъ и цѣнившихъ книгу, а потому не всякій экземпляръ отпускавшихъ изъ своихъ рукъ даже выгодному покупателю, и типы собирателей, то мучениковъ своего дѣла, то Хлестаковыхъ или Ноздревыхъ. Авторъ знаетъ самыя интимныя стороны библиомановъ и не щадитъ ихъ, лишь изрѣдка скрывая имена подъ инициалами. Вотъ почему, повторяемъ, всякому будетъ понятна страсть собирателя, но далеко не всякій оправдаетъ его во всемъ, а найдутся и такіе читатели, которымъ нѣкоторые эпизоды, рассказанные авторомъ, покажутся, быть можетъ, простымъ сведеніемъ личныхъ счетовъ.

Вторая часть, посвященная вопросу, почти неизслѣдованному, русскимъ книжнымъ каталогамъ («росписямъ») XVIII вѣка, имѣетъ и научное значеніе. Литература предмета извѣстна автору очень хорошо, наиболѣе важное онъ перепечаталъ, а въ снимкахъ далъ обложки нѣсколькихъ первыхъ по времени рѣдкихъ каталоговъ. Такимъ образомъ, начало нашей библиографіи можно возводить къ послѣ-Петровскому времени, хотя книги, перечисленныя въ первыхъ «росписяхъ», были, по мнѣнію автора, голландскія и нѣмецкія, издававшіяся при «академической книжной палатѣ». И. Александровъ.

Л. Шепелевичъ. «Донъ-Кихотъ» Сервантеса. Опытъ литературной монографіи (томъ II-ой сочиненія: «Жизнь Сервантеса и его произведенія», 1901 г.). Съ портретомъ Сервантеса и приложеніями. Спб. 1903.

Въ своей новой книгѣ, составляющей продолженіе большого общаго труда: «Жизнь Сервантеса и его произведенія», проф. Л. Шепелевичъ поднимаетъ старыя, но до сихъ поръ темныя вопросы, касающіеся великой испанской эпопеи, и ставитъ новыя чрезвычайно любопытныя проблемы. Книга снабжена двумя приложеніями: замѣткой о русской библиографіи о Сервантесѣ и пояснительными примѣчаніями. Изъ шести главъ, на которыя подраздѣлена книга, — первая, четвертая и пятая касаются собственно литературы предмета и потому представляютъ наименьшій интересъ. Центральную же часть работы составляютъ главы — вторая, третья и послѣдняя, разборомъ которыхъ мы и займемся. Тема второй главы — рыцарскій романъ, его вліяніе на нравы, реакція противъ него въ эпоху Сервантеса, сравненіе «Донъ-Кихота» съ «Амадисомъ Галльскимъ». Третья глава трактуетъ о литературныхъ вліяніяхъ на «Донъ-Кихота», объ Аріосто и Волярдо и «плутовскомъ романѣ». Наконецъ, въ шестой главѣ говорится объ историческомъ, общественномъ, философскомъ и литературномъ значеніи «Донъ-Кихота», объ автобіографическихъ элементахъ въ немъ, о чертахъ, сближающихъ его съ другими литературными произведеніями и прочее. Какъ видимъ, вопросы ставятся все интересныя. Къ сожалѣнію, не всегда рѣшаются они авторомъ удовлетворительно. Ставя вопросъ о цѣли романа Сервантеса, авторъ въ каждомъ случаѣ рѣшаетъ его различно. По началу

«главная и основная» цѣль Сервантеса—осмѣяніе рыцарскихъ книгъ (стр. 9). Тутъ же она превращается въ единственную, исключительную его задачу («только это, а не другая цѣль» и т. д.). Затѣмъ, кромѣ этой единственной цѣли, Сервантесу приписывается «осмѣяніе рыцарскихъ нравовъ» (19) и, наконецъ,—«осмѣяніе рыцарскихъ идеаловъ» и «рыцарства, какъ такового» (159). По мнѣнію почтеннаго профессора, Сервантесъ «заговорилъ о рыцарствѣ въ шутливомъ тонѣ» (160), а «кончилъ прославленіемъ рыцарства, вмѣсто предполагаемаго его униженія» (159)... Но, если, по словамъ самого автора, «у Сервантеса положительные идеалы сводились къ рыцарскимъ, и въ сущности онъ всю свою жизнь былъ рыцаремъ въ лучшемъ значеніи этого слова» (159),—то какъ же навязывать ему подобныя цѣли?.. «Сервантесъ не могъ думать (даже думать!) объ осмѣяніи рыцарскихъ чувствъ Донъ-Кихота» (159), какъ совершенно вѣрно выразился цитируемый авторомъ извѣстный писатель Валера.

Пародія ли «Донъ-Кихотъ»?.. На этотъ вопросъ должна была бы отвѣтить вторая глава книги, но авторъ, повидимому, далекъ отъ опредѣленнаго взгляда по этому вопросу. Собираясь доказать, что Сервантесъ пародировалъ «Амадиса Галльскаго», профессоръ Шепелевичъ находитъ, что Сервантесъ вовсе не пародировалъ его, но выискиваетъ до 20 сходныхъ положеній.

Немало неясностей и въ третьей главѣ, трактующей о литературныхъ вліяніяхъ на «Донъ-Кихота». Изъ переданнаго подробно (на 14 страницахъ) содержанія поэмъ Аріосто и Боярдо читатель убѣждается въ томъ, что между ними и «Донъ-Кихотомъ» нѣтъ ничего общаго. Сначала и самъ авторъ какъ будто согласенъ съ этимъ, находя, что сближеній, сдѣланныхъ имъ между нѣкоторыми эпизодами поэмъ и «Донъ-Кихотомъ» (всего ихъ пять),—«слишкомъ мало для какихълибо выводовъ» (60). Но—говоритъ онъ—«нельзя отрицать, что между поэмой Аріосто и романомъ Сервантеса возможны и болѣе общаго характера сближенія»... Противъ этого, конечно, ничего нельзя возразить. Со «сближеніями» автора нельзя, однако, помириться. «Много общаго» онъ видитъ въ томъ, что «оба произведенія посвящены описанію ненормальныхъ людей», въ серьезной идеѣ, лежащей въ основѣ ихъ обоихъ (?), въ «капризномъ отношеніи къ сюжету», въ «стремленіи къ вставному, не вяжущемуся съ основой эпизоду», въ «провѣи, господствующей надъ своимъ сюжетомъ» у обоихъ (?) писателей, въ «своеобразномъ юморѣ и необыкновенно смѣломъ полетѣ фантазій» ихъ... Но можно ли считать эти сходства достаточнымъ доказательствомъ аналогіи плана и техники произведеній Аріосто и Сервантеса? Авторъ и самъ не рѣшается признать ихъ достаточными.

Наиболѣе удаченъ тотъ отдѣлъ книги профессора Шепелевича, въ которомъ онъ не шелъ «по непроторенному пути», какъ до сихъ поръ. Нельзя не согласиться съ авторомъ, что во время Сервантеса «рыцарство» было уже только модой, формой безъ содержанія. Это доказывается протестами противъ чтенія рыцарскихъ книгъ съ XV вѣка, законами, направленными противъ нихъ, необыкновеннымъ успѣхомъ «Донъ-Кихота», окончательно погубившаго рыцарскія книги. Необходимо, поэтому, отличать въ испанскихъ бытовыхъ условіяхъ литературныя вліянія отъ дѣйствительности. То и другое далеко не совпадало.

Въ этомъ и заключается трагикомизмъ Донъ-Кихота: въ его «анахронизмъ», въ «средневѣковомъ идеализмъ» чловѣка, живущаго въ новомъ времени. Всѣ эти разсужденія автора чрезвычайно мѣткі и удачны, и возраженія на нихъ, которыя пытался дѣлать Д. К. Петровъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (апрѣль),—не справедливы и не выдерживаютъ критики.

Профессоръ Шепелевичъ протестуетъ противъ возможности символическаго или аллегорическаго толкованія двухъ выведенныхъ Сервантесомъ типовъ, такъ какъ не видитъ въ характерѣ ихъ «цѣльности и прямолинейности», необходимыхъ для такого толкованія (150). Протестуетъ онъ также противъ обычнаго противопоставленія Санчо-Пансы и Донъ-Кихота, какъ «антиподовъ». «Характеры рыцаря и оруженосца, по его мнѣнью, чужды внутренняго противорѣчія», а «наоборотъ: изобличаютъ много сходства». Мы не совѣмъ понимаемъ необходимость «цѣльности» характера для символическаго или аллегорическаго толкованія того или другого типа. Неужели Гамлетъ, Фаустъ, Сехисмундо («Жизнь есть сонъ»), Демонъ — типы «дѣльные»?.. Да и есть ли они въ дѣйствительности?.. Затѣмъ, не противорѣчатъ ли себѣ авторъ, съ одной стороны — отрицая «внутреннее противорѣчье» въ характерахъ Донъ-Кихота и Санчо-Пансы, а съ другой — отрицая въ послѣднемъ «преобладаніе разсудочнаго элемента» (156), трезвый, здоровый юморъ и указывая на ненормальность, сумасшествіе Ламанческаго героя, какъ на основную черту его? Если «интимная связь Донъ-Кихота съ Санчо объясняется не привлекательной силой энтузіазма, а добротой и чловѣчностью, свойственными рыцарю и оруженосцу» (157),—то почему Санчо, понимая сумасшествіе рыцаря, слѣпо слѣдуетъ за нимъ? Почему онъ мѣняется подъ влияніемъ Донъ-Кихота, на чтѣ указываетъ и самъ авторъ (151)?.. Въ томъ-то и дѣло, что доброта одного — обыкновенная, разсудочная; доброта другого — увлекающаяся и потому увлекающая, — доброта энтузіаста. Это — вполне «антиподы». Почему мы не можемъ толковать «Донъ-Кихота» символически, аллегорически? Потому, — говоритъ профессоръ Шепелевичъ, — что самъ Сервантесъ опредѣленно, ясно высказывается о цѣли своего романа. Но вѣдь еще Сократъ (кажется, «Апология» Платона) указывалъ на то, что авторъ часто не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ значеніи своего произведенія, и гениі его говорятъ болѣе, чѣмъ хотѣлъ сказать онъ самъ. Колумбъ хотѣлъ открыть Индію, а открылъ Америку. Должны ли мы отказать ему въ славѣ открытія Новаго Свѣта?.. Что хотѣлъ сказать своимъ «Гамлетомъ» Шекспиръ, — мы не знаемъ, а толкуемъ его по-своему, и никто противъ этого не возражаетъ... Намъ вѣтъ никакого дѣла до того, чего хотѣли Колумбъ, Сервантесъ, Шекспиръ; мы считаемся только съ тѣмъ, что они сдѣлали.

Идя по узкой дорожкѣ своего толкованія великаго романа, профессоръ Шепелевичъ, какъ и слѣдовало ожидать, дошелъ наконецъ до глухой стѣны, дальше которой ему хода нѣтъ: «Гдѣ кроются тайны этого успѣха, любви и симпатіи современниковъ и потомства» (къ роману Сервантеса)? — съ недоумѣніемъ спрашиваетъ онъ, уже заканчивая свой трудъ (161). Da ist der Hund begraben! Давно бы слѣдовало спросить объ этомъ. Онѣ кроются въ томъ, что «Донъ-Кихотъ» не простой романъ, а великая аллегорія, великій символъ. Несомнѣнно, Сервантесъ не хотѣлъ этого сказать, но онъ это сказалъ, — и вотъ

почему «Донъ-Кихотъ» живетъ 300 лѣтъ и будетъ жить вѣчно. Вотъ почему правы были Бутервекъ, А. В. Шлегель, Сисмонди, Шеллингъ, Гейне, Вордсвортъ, Тургеневъ, — и не правъ профессоръ Шепелевичъ. Вотъ почему послѣдній вопросъ его — риторическій, на который онъ никогда не отвѣтитъ, если не выйдетъ на широкую дорогу толкованія великой общечеловѣческой эпопеи.

А. Ев—въ.

Н. Ѡ. Арепьевъ. Первый областной археологическій съѣздъ въ Россіи. Спб. 1904.

«Начало новаго вѣка, — справедливо замѣчаетъ авторъ брошюры въ началѣ своего труда, — ознаменовалось важнымъ событіемъ въ дѣлѣ развитія историческихъ знаній въ Россіи». Этимъ событіемъ явился первый областной съѣздъ изслѣдователей исторіи и древностей Ростово-Суздальской земли въ г. Ярославлѣ. Ростово-Суздальскій областной съѣздъ до извѣстной степени представляетъ собою новую ступень въ изученіи общей исторіи нашего отечества.

По указанію профессора Шпилевскаго, до шестидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія наши историки не обращали вниманія на областное различіе и повѣствовали о событіяхъ какаго-то однороднаго Русскаго государства на всемъ протяженіи его многовѣковаго существованія. И только послѣ указаннаго времени, т. е. съ шестидесятихъ годовъ, начали принимать въ соображеніе значеніе самостоятельно развивавшихся и жившихъ своею жизнью отдѣльныхъ областей. Этотъ вопросъ первыми выдвинули Костомаровъ и Щаповъ, а затѣмъ И. Е. Забѣлинъ прямо заявилъ, что пока не будутъ раскрыты и подробно рассмотрѣны данныя областныхъ исторій, всѣ наши заключенія о существѣ нашей народности и различныхъ ея историческихъ и бытовыхъ проявленіяхъ будутъ голословны, шатки и даже легкомысленны. Такое заявленіе, безспорно правильное и потому неоспоримое, дало толчокъ изученію родной старины въ новомъ направленіи. Начиная со второй половины прошлаго столѣтія и до настоящаго времени, на пользу изученія мѣстныхъ древностей направлена дѣятельность какъ отдѣльныхъ изслѣдователей, такъ и правительственныхъ учреждений, ученыхъ обществъ и состоявшихся до сихъ поръ одиннадцати все-россійскихъ археологическихъ съѣздовъ.

Что касается послѣднихъ, то, несмотря на ихъ несомнѣнное серьезное значеніе, они не могли выполнить всей задачи, поставленной новыми требованіями науки, уже потому, что, занимаясь по преимуществу вопросами общаго и нерѣдко чисто теоретическаго характера, эти съѣзды не были въ состояніи обращать должное вниманіе на вопросы мѣстной археологіи и потому не давали почвы для объединенія работъ въ названной области. Чувствовалась необходимость въ созданіи такого органа, который могъ бы послужить связующимъ звеномъ между отдѣльными изслѣдователями мѣстной старины, съ одной стороны, и въ некоторымъ побудительнымъ началомъ въ области изученія областной археологіи — съ другой. Въ этомъ направленіи работали, правда, такъ называемыя губернскія ученые архивныя комиссіи, но опытъ показалъ, что дѣятельность названныхъ учреждений для достиженія указанныхъ цѣлей по мно-

гивъ причинамъ недостаточна. Это обстоятельство и породило мысль о необходимости повременныхъ созывовъ областныхъ съездовъ изъ осведомленныхъ представителей тѣхъ губерній, историческія судьбы которыхъ являются тождественными. На сѣверѣ Россіи въ губерніяхъ Ярославской, Костромской, Владимирской, Нижегородской и Тверской, когда-то составлявшихъ земли Ростово-Суздальскаго и Владимирскаго княжествъ, общи другъ другу археологія, этнографія, историческая географія и историческія судьбы нынѣшнихъ административныхъ подраздѣленій края. Въ предѣлахъ названныхъ губерній по преимуществу сложилось великорусское племя, но исторія его до сихъ поръ еще не манисана, и даже еще не собраны историческіе матеріалы, на основаніи которыхъ могла бы быть разрѣшена очередная задача русской исторической науки. Выясненіе входящихъ въ ту задачу вопросовъ, объединеніе разрозненныхъ въ названной области работъ и ихъ дальнѣйшее развитіе должны составить предметъ занятій мѣстныхъ областныхъ съездовъ. Такъ опредѣлила значеніе названныхъ съездовъ ярославская ученая комиссія, которой принадлежитъ честь инициативы самаго дѣла.

Благодаря рѣдкой отзывчивости лицъ и учрежденій, приглашенныхъ на съездъ, тутъ собрались въ одну тѣсную семью какъ лица, интересующіяся отечественной стариной, такъ и составившія себѣ въ ученомъ мірѣ имя своей дѣятельностью въ соответствующей области. Изъ представителей науки на съездѣ присутствовали почти всѣ профессора Демидовскаго юридическаго лица съ директоромъ учрежденія, профессоромъ Шпилевскимъ, во главѣ; среди специалистовъ по русскимъ древностямъ достаточно назвать графа А. А. Бобринскаго, профессора Н. В. Покровскаго, академика А. И. Соболевскаго, профессоровъ Е. В. Барсова, С. М. Середонина, С. Ф. Платонова, И. А. Шляпкина, М. И. Соколова, историка Д. И. Шловайскаго и друг. Съездъ продолжался пять дней; почетнымъ предсѣдателемъ былъ избранъ тогдашній ярославскій губернаторъ гофмейстеръ Б. В. Штюрмеръ, предсѣдателемъ С. М. Шпилевскій. Кромѣ того, отдѣльные предсѣдатели имѣлись у секцій: доисторическій археологъ, палеографъ и живой старины, церковной археологъ, историкъ. Съездъ выслушалъ цѣлый рядъ любопытныхъ докладовъ, при чемъ, какъ болѣе богатая докладами, явилась секція историческая. Въ промежуткахъ между засѣданіями члены съезда знакомились съ остатками мѣстной старины. Наконецъ, при съездѣ была устроена небольшая археологическая выставка, куда доставили экспонаты мѣстныхъ архивныхъ комиссій и извѣстный московскій коллекціонеръ П. И. Щукинъ.

Удачно составленный г. Арешевымъ обзоръ исторіи возникновенія и дѣятельности перваго областного археологическаго съезда вызываетъ благодарность автору. Къ сожалѣнію, въ изложеніе фактовъ, предшествовавшихъ созыву съезда, закралась нѣкоторая неточность. Г. Арешевъ указываетъ между прочимъ на то, что мысль о созваніи съезда принадлежитъ ярославской губернской архивной ученой комиссії и ея непремѣнному предсѣдателю Б. В. Штюрмеру. Заслуги гофмейстера Б. В. Штюрмера въ области содѣйствія дѣятельности ярославской архивной комиссії и способствованіе удачному ходу работъ перваго Ростовско-Суздальскаго областного съезда не подлежатъ никакому

сомнѣнію. Но, тѣмъ не менѣе, въ данномъ случаѣ инициаторомъ въ дѣлѣ возбужденія и постановки вопроса должно признать другое лицо, а именно профессора Э. Н. Берендтса, который хотя на самомъ съѣздѣ и не присутствовалъ, но горячо ратовалъ за его возникновеніе. Вотъ между прочимъ какія мысли развивалъ названный уважаемый ученый и историкъ русскаго права въ 1899 г. въ засѣданіи 14-го ноября ярославской ученой архивной комиссіи послѣ рѣчи Б. В. Штюрмера объ историческомъ значеніи края и задачахъ мѣстной архивной комиссіи. Выставивъ требованіе объединенія всѣхъ работъ въ области мѣстной археологии, профессоръ Берендтсъ сказалъ: «Эта задача— несомнѣнно задача нашей комиссіи. Но для удовлетворительнаго ея исполненія наша комиссія нуждается не только въ напряженіи всѣхъ своихъ силъ, но и въ соединеніи съ сосѣдними комиссіями, съ археологами и историками тѣхъ трехъ губерній, которыхъ историческая судьба и археологическо-топографическій составъ сходны, отчасти тождественны. Какую пользу, какое оживленіе могъ бы доставить археологическій съѣздъ изслѣдователей четырехъ губерній: Ярославской, Костромской, Владимирской и Тверской! Такіе областные археологическіе съѣзды имѣли бы, по моему мнѣнію, несомнѣнно, больше реальной цѣны, чѣмъ громадныя археологическіе съѣзды, которые одновременно касаются и древней Біарміи и развалинъ въ Великой Арменіи. Въдѣ и мѣстныя сельскохозяйственныя и промышленныя выставки имѣютъ неизмѣримо больше значенія, нежели тѣ парадныя исполнскія выставки, гдѣ посѣтители теряются въ массѣ казовыхъ усѣховъ... Будемъ надѣяться, что увидимъ съѣздъ археологовъ и историковъ Ростово-Суздальской области» (Ярославская губернская ученая архивная комиссія. Засѣданіе 14 ноября 1899 г., въ день завершившагося десятилѣтія дѣятельности комиссіи, стр. 16). Въ заключеніе въ своей рѣчи г. Берендтсъ еще разъ позволилъ себѣ смѣло пометать «объ областномъ съѣздѣ» въ новомъ помѣщеніи Ярославской архивной комиссіи, и его мечтамъ удалось сбыться въ самый короткій срокъ.

О томъ, что мысль о съѣздѣ дѣятелей губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій края, составлявшего вѣкогда Ростовско-Суздальскую землю, принадлежитъ профессору Берендтсу, имѣются также прямыя указанія въ «Трудахъ Ярославскаго областного съѣзда» (см. предисловіе). Непремѣнный попечитель Ярославской комиссіи, гофмейстеръ Б. В. Штюрмеръ, вмѣстѣ съ членами комиссіи далѣе разработалъ мысль профессора Берендтса, который также представилъ въ комиссію и программу предполагаемаго съѣзда, принятую предварительнымъ совѣщаніемъ представителей архивныхъ комиссій края. Все это указано въ «Трудахъ», которыми г. Арепьевъ несомнѣнно пользовался при составленіи своего очерка, и потому допущенная неточность можетъ служить упрекомъ автору.

В. Грибовскій.

Alexander Brückner. Dzieje literatury polskiej w zarysie. Два тома. Warszawa. 1903.

Профессоръ А. Брюкнеръ считается лучшимъ историкомъ старой польской письменности, отчасти языка, и нѣмецкое изданіе его «Исторіи польской литературы», вышедшее въ Лейпцигѣ въ 1901 году, вызвало цѣлый рядъ заслуженныхъ похвалъ. Недавно появилась двухтомная «Исторія польской литературы въ очеркахъ», представляющая совершенно самостоятельный трудъ того же автора, нисколько не зависящій отъ нѣмецкаго изданія. Здѣсь мы не находимъ ни библиографіи предмета, ни біографическихъ свѣдѣній, ни очерковъ, посвященныхъ литературѣ научной. Авторъ ограничился одной изящной литературой, построивъ свою «Исторію» по новому плану и предназначивъ ее, очевидно, для широкой публики, почему, между прочимъ, заявилъ въ предисловіи объ отсутствіи въ его книгѣ какой бы то ни было партійности или тенденціи; если же въ ней и будутъ замѣтны какія нибудь симпатіи или антипатіи автора, то это нужно отнести на долю личныхъ взглядовъ и вкусовъ его самого. Этимъ заявленіемъ профессоръ Брюкнеръ сразу же разрѣшилъ неизбѣжный споръ критиковъ и внесъ въ свою «Исторію» индивидуальное начало. Тѣмъ не менѣе бросается въ глаза одна особенность его манеры оцѣнивать писателей, именно, извѣстная доля оппортунизма, въ силу чего многихъ писателей онъ восхваляетъ за счетъ предшественниковъ или писателей противоположнаго направленія, правда, пользуясь этимъ способомъ довольно тонко и умѣло.

Написана книга блестяще, и нѣкоторыя характеристики можно считать образцовыми: онъ такъ и просятся въ хрестоматію. Брюкнеръ давно уже заслужилъ авторитетъ одного изъ первыхъ специалистовъ по польской литературѣ, главнымъ образомъ, стараго періода, но рассматриваемая книга доказываетъ, что онъ столь же силенъ и по части XIX вѣка, великолѣпно знаетъ западныхъ писателей, обладаетъ несомнѣннымъ вкусомъ, критическимъ анализомъ и широкими взглядами на общественно-воспитательное значеніе литературы. Изъ перваго тома лучшими главами слѣдуетъ назвать пять отдѣловъ: «XV вѣкъ. Схоластика», «Вѣкъ Сигизмунда Стараго. Гуманизмъ», «Вторая половина XVI вѣка. Реформація», «Шляхетская поэзія» и послѣдній отдѣлъ: «Вырожденіе», которымъ заканчивается старый періодъ литературы, вмѣстѣ съ утратой политической самостоятельности. Хороши также отдѣльныя характеристики писателей XVI и XVII вѣковъ національнаго направленія и сжатый общій обзоръ всей древней письменности. Второй томъ состоитъ также изъ десяти отдѣловъ: «Варшавскій классицизмъ», «Зачатки романтизма», «Литература изгнанниковъ. Мицкевичъ», «Юлія Словацкій», «Сигизмундъ Красинскій», «Литература на родинѣ», «Новѣйшая литература (1864 — 1903), ея основа, направленія и представители», «Поэзія», «Драма», «Проза. Отъ Крашевскаго до Мицкевича», «Новѣйшая проза».

Такимъ образомъ, въ обоихъ томахъ послѣдняго труда А. Брюкнера читатель найдетъ талантливые и содержательные очерки всѣхъ временъ и направленій въ исторіи польской литературы со всѣми ихъ контрастами и прекрасныя характеристики главныхъ ея представителей, кончая нашими днями, а въ за-

ключительныхъ страницахъ — дивный гимнъ въ честь всей литературы, которая, несмотря на неблагопріятныя условія и полное отсутствіе связи съ народомъ къ началу XIX вѣку, нашла силы и умѣнье не только стать на ряду съ лучшими европейскими литературами, но и сдѣлаться проповѣдницей общечеловѣческихъ идеаловъ. Благоговѣя предъ этой литературой, свободнѣйшей и полнѣйшей выразительницей общей работы польской мысли, авторъ посвящаетъ ей свой образцовый и талантливый трудъ, которому можно пожелать поскорѣе найти русскаго переводчика.

А. Я.

Ст. В. Смоленскій. О ближайшихъ практическихъ задачахъ и научныхъ разысканіяхъ въ области русской церковно-пѣвческой археологіи. Спб. 1904.

Въ горячо написанной брошюрѣ, составляющей 151 выпускъ «Памятниковъ древней письменности и искусства», авторъ умѣло и красиво доказываетъ необходимость для русскаго музыкальнаго искусства, послѣ цѣлаго ряда безплодныхъ попытокъ, выбраться наконецъ на единственно вѣрный, т.-е. самобытный, національный путь. Эта необходимость уже давно была признана и удовлетворена европейскими народами. Въ XIX столѣтіи, на ряду съ социально-племеннымъ обособленіемъ, обособились и національныя искусства, особенно живопись и въ частности музыка, у нѣмцевъ — сочиненіями Бетховена, Вебера и Вагнера, у французовъ — Мейербера и Берлиоза, у итальянцевъ — Беллини, Верди, Доницетти и Россини, у поляковъ — Шопена и Монюшки, у чеховъ — Сметаны и Дворжака и т. д.

Эта необходимость націонализаціи музыки сознавалась, вѣрнѣе, чувствовалась еще въ началѣ прошлаго столѣтія и нашими выдающимися композиторами какъ въ области свѣтской, такъ и духовной музыки. Въ 1836 году императоръ Николай I пригласилъ Глинку руководить придворными пѣвчими, при чемъ сказалъ: «только прошу, чтобы они не были итальянцами». Позднѣе раздаются болѣе энергичные голоса о національности въ церковной музыкѣ. Но попытки въ этомъ направленіи, за рѣдкими исключеніями, оканчивались неудачей: оказывалось, что одной талантливости недостаточно, необходимы были руководящіе принципы, опирающіеся на прочныя основанія. Такія основанія для будущаго пути искусства авторъ видитъ, во-первыхъ, въ сближеніи мірской народной музыки съ церковной, во-вторыхъ, въ раскрытіи общей теоріи ихъ построенія, что теперь вполне возможно, благодаря новымъ археологическимъ разысканіямъ. Правда, и прежде никто не сомнѣвался въ музыкальномъ богатствѣ русскаго народа: Одоевскій называлъ народные напѣвы «кладомъ, подобнаго которому нѣтъ ни у одного народа Европы»; Хомяковъ видѣлъ въ развитіи народнаго искусства не «науку древняго въ настоящемъ», а первостепенную отрасль въ нашемъ воспитаніи умственномъ, еще болѣе — сердечномъ; Рачинскій отмѣчалъ жизненность и оригинальность русской музыкальной школы и предсказывалъ, что цвѣтъ русскаго искусства — впереди.

Подкрѣпляя свои разсужденія цѣлымъ рядомъ вѣскихъ доказательствъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что народное пѣсенное искусство и искусство церковно-пѣвческое это — «братъ и сестра, дѣти одного отца и одной матери». Въ краткой замѣткѣ мы не можемъ прослѣдить всю аргументацію автора, но замѣтимъ, что общее между обѣими музыками состоитъ въ одинаковыхъ элементахъ мелодій, въ ритмахъ и одинаковыхъ малыхъ формахъ художественнаго мышленія, развивающихся затѣмъ въ свободные сложные ритмы и большія формы, вообще, въ одинаковости самаго строенія народныхъ свѣтскихъ и церковныхъ напѣвовъ. Эту общность угадывалъ еще Глинка, сблизившій первый гласъ догматика, вставивъ его кулизму среднюю въ фугѣ «Въ бурю во грозу», а гармонизаціей древнихъ распѣвовъ занимались Турчаниновъ и Львовъ. Конечно, далеко не всѣ обладали гениемъ Глинки, и въ своихъ поискахъ новаго пути теряли силы, сбиваясь на ложную дорогу, такъ какъ не обладали глубокими знаніями. Въ настоящее время, когда неудовлетворительность сочиняемыхъ у насъ такъ называемыхъ «русскихъ» мелодій сознается всѣми,—для избѣжанія прежнихъ ошибокъ необходима помощь археологій. Въ церковной музыкѣ мы имѣемъ давно уже дисциплинированную и записанную школу, приложеніе которой къ области народныхъ пѣсень объяснить и ихъ грамматику и, такимъ образомъ, послужить краеугольнымъ камнемъ для созданія «собственного музыкальнаго міра».

Разсматривая внутреннія достоинства народныхъ мірскихъ и церковныхъ напѣвовъ, С. В. Смоленскій преклоняется предъ ихъ изяществомъ и мощной красотой: «Спокойное глубокомысліе истинно-древнихъ напѣвовъ сѣвера,—говоритъ онъ,—ихъ протяженно-сложныя формы, глубокое простое чувство не испытали ни воздѣйствій врага-иноземца, ни гнета фанатика-иновѣрца, какъ то было такъ жестоко и продолжительно въ болѣе южной Россіи. Достаточно затѣмъ вспомнить спокойную, лѣсную жизнь нашего сѣвера, съ его длинной домосѣдной зимой, съ его величественно сіяющими полярными «зарями огненными», съ его короткимъ, но поэтически оживленнымъ, теплымъ и свѣтлымъ лѣтомъ... Такая природа, при покойной жизни, при дарѣ творчества, не могла не дать у насъ искусства, превосходящаго Эдду и Калевалу. И дѣйствительно: сѣверная русская женщина создала намъ полныя трогательной поэзіи, многообразныя свадебныя и пныя пѣсни, въ которыхъ сохранена поутно вся наша степенная обрядовая старина; сѣверный уединенный монахъ, сѣверный, далеко уѣхавшій отъ семьи, рыболовъ и охотникъ создали намъ цѣлый міръ церковныхъ напѣвовъ, духовныхъ стиховъ и былинъ, цѣлый міръ протяжныхъ созерцательныхъ пѣсней самой несравненной красоты, полныхъ мужественной, эпически-спокойной, вѣковой поэзіи». Въ этой-то «эпически-спокойной, здоровой» красотѣ нашихъ древнихъ напѣвовъ и коренится, по мнѣнію автора, залогъ будущихъ успѣховъ нашего музыкальнаго искусства, давно уже чувствованнаго необходимостью обособиться своими средствами, т. е. «цѣлымъ моремъ родныхъ мелодій, массою образцовъ нашего исконнаго творчества и усиливающимся въ лучшихъ умахъ возбужденіемъ отъ раскрытія родной красоты». А для этого прежде всего необходимо изученіе этихъ мелодій, раскрытіе ихъ грамматики. Наконецъ, авторъ твердо убѣжденъ, что «древняя письменность и наука ока-

жуть всякую помощь будущему искусству, а ума, таланта и техники наших художников несомненно хватит, чтобы выбраться на новую дорогу и теоретически выяснить ее для дальнѣйшаго по ней успѣшнаго слѣдованія». Конечно, все значеніе этого новаго шага въ нашемъ музыкальномъ искусствѣ трудно опредѣлить въ настоящее время, но несомненно, что онъ является на этотъ разъ уже вѣрной и единственно возможной попыткой, могущей вывести его изъ лабиринта всякаго рода увлеченій реализмомъ, инструментовкою, народничествомъ, быть можетъ, импрессионизмомъ и т. д.

Всѣ мысли автора «Ближайшихъ задачъ» основаны на глубокомъ изученіи старинныхъ мелодій и сравненіи ихъ съ записями народныхъ пѣсенъ, а приводимые факты сами за себя говорятъ въ защиту того движенія въ дѣлѣ націонализациі церковной музыки, которое слѣдуетъ вести, по выраженію одного теоретика XVII вѣка, съ «прилежнымъ вникновеніемъ и дерзаніемъ».

А. Я.

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго въ двѣнадцать томахъ подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Томъ VII. Спб. 1904.

Въ отзывѣхъ о предшествующихъ томахъ изданія мы не разъ отмѣчали выдающіяся достоинства новаго собранія сочиненій Бѣлинскаго, редактируемаго г. Венгеровымъ. Съ завершеніемъ его немногочисленная коллекціа классическихъ изданій русскихъ авторовъ обогатится еще однимъ монументальнымъ трудомъ. Вышедшій теперь объемистый седьмой томъ заключаетъ произведенія критика, напечатанныя въ «Отечественныхъ Запискахъ» въ 1842 году, и даетъ много новаго и цѣннаго и для текста писателей и—въ примѣчаніяхъ— для уясненія историко-литературнаго значенія критика. Извѣстно, что въ самомъ полномъ изданіи Бѣлинскаго Солдатенкова очень многія его рецензіи напечатаны съ сокращеніями или вовсе не напечатаны въ виду представлявшейся издателямъ ихъ крайней незначительности. Г. Венгеровъ печатаетъ нынѣ всѣ пропущенныя статьи и восстанавливаетъ всѣ пропуски. Нѣкоторыя изъ пропущенныхъ рецензій оказываются весьма любопытными: таковы, напримеръ, отзывъ Бѣлинскаго о «Гайдамакахъ» Шевченка. Онъ интересенъ, во-первыхъ, какъ самое яркое выраженіе враждебнаго отношенія критика къ малорусской литературѣ, а, во-вторыхъ, какъ образецъ рѣдкихъ у Бѣлинскаго эстетическихъ ошибокъ. Въ этой замѣткѣ, исполненной глумленія, Бѣлинскій совершенно не чувствуетъ, что Шевченко—одно изъ замѣчательнѣйшихъ поэтическихъ дарованій. Самое крупное приобрѣтеніе 7 тома, да и не только 7 тома, а всего изданія—вновь открытая г. Венгеровымъ большая статья Бѣлинскаго о сочиненіяхъ Дениса Давыдова, напечатанная въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1840 года. Принадлежность Бѣлинскому этой статьи, впервые появляющейся въ собраніи его сочиненій, устанавливается г. Венгеровымъ на основаніи анализа ея стили и содержанія и свидѣтельства Грота въ письмѣ къ Плетневу. Последнее не имѣетъ для насъ характера убѣдительности, но свидѣтельства стили и содержанія совершенно достаточно, чтобы приписать

статью Бѣлинскому. По своему настроенію, эта статья достойна стать рядомъ съ этюдомъ о «Бородинской годовщинѣ».

Въ примѣчаніяхъ г. Венгеровъ даетъ обстоятельныя библиографическія справки о десяткахъ мелкихъ писателей, затронутыхъ Бѣлинскимъ, останавливается на судьбѣ критическихъ отзывовъ Бѣлинскаго о болѣе крупныхъ писателяхъ, предлагая цѣлыя экскурсы въ область критическаго изученія русскихъ писателей. Въ 7-мъ томѣ мы находимъ изслѣдованія г. Венгерова о судьбѣ критическихъ оцѣнокъ, данныхъ Бѣлинскимъ А. Майкову, Баратынскому, А. И. Полежаеву. О Полежаевѣ г. Венгеровъ даетъ обстоятельную біографическую замѣтку, которая оказалась необходимой для опроверженія невѣрнаго представленія Бѣлинскаго о дѣйствительной жизни несчастнаго поэта. Вѣдь, насколько правъ былъ критикъ, создавая Полежаеву большую литературную репутацію, настолько же онъ былъ несправедливъ, утверждая, что Полежаевъ «не былъ жертвою судьбы и, кромѣ самого себя, никого не имѣлъ права обвинять въ своей гибели». Въ своемъ біографическомъ этюдѣ г. Венгеровъ останавливается главнымъ образомъ на тѣхъ моментахъ, на которые нужно было обратить главнѣйшее вниманіе при изложеніи фактовъ жизни Полежаева: на чертахъ наследственности и вліянія среды. Г. Венгеровъ указываетъ на крайнюю ненормальность семьи Струйскихъ (Полежаевъ былъ незаконнымъ сыномъ одного изъ Струйскихъ). Относительно этой семьи г. Венгеровъ могъ бы найти немало данныхъ въ статьяхъ проф. Евг. Воброва («Русская Старина», 1903 г.). Г. Венгеровъ приходитъ къ вполне справедливому выводу, что Полежаевъ является исключительно жертвою эпохи. Эту точку зрѣнія выставилъ П. А. Ефремовъ въ своей статьѣ, приложенной къ редакционному имъ собранію сочиненій Полежаева. Нѣсколько поправокъ и дополненій къ этой статьѣ г. Венгеровъ могъ бы найти въ очеркѣ того же Воброва о Полежаевѣ (Варшавскія Универс. Извѣстія, 1904 г., и отдѣльно).

Въ седьмомъ томѣ г. Венгерову пришлось много говорить о Шевыревѣ: пока мы не имѣемъ цѣльной статьи о немъ; замѣчанія, разсѣянные въ примѣчаніяхъ къ 7 тому, — только *membra disjecta*. Нужно думать, что въ слѣдующемъ томѣ г. Венгеровъ дастъ обстоятельный этюдъ о Шевыревѣ.

Въ заключеніе отмѣтимъ крайнюю дешевизну изданія: выпуская томъ въ 40 печатныхъ листовъ за 1 р. 25 к., а по подпискѣ за 1 рубль, издатель совершаетъ въ нѣкоторомъ родѣ самоубійство.

П. Ш.

А. Г. Максимовъ. Описаніе періодическихъ изданій XIX вѣка. «Осенніе вечера» 1803 года и «Журналъ для милыхъ» 1804 года.

Историко-библиографическое изслѣдованіе. Спб. 1904.

Въ декабрьской книгѣ журнала мы дали отзывъ о первомъ выпускѣ предпринятаго г. Максимовымъ историко-библиографическаго описанія періодическихъ изданій XIX вѣка и отмѣтили библиографическія особенности и достоинства работы г. Максимова. Въ настоящемъ выпускѣ г. Максимовъ продолжаетъ свою работу по прежнему плану и даетъ характеристику и перечень содержа-

нія журнала В. Θ. Малиновскаго «Осенніе вечера» 1803 года и «Журнала для милыхъ», издававшася въ 1804 году нѣсколькими молодыми людьми: 15-лѣтнимъ М. Н. Макаровымъ, С. И. Крюковымъ, кн. П. И. Шаликовымъ и безвѣстнымъ С—ъ. Г. Максимовъ сообщаетъ свѣдѣнія объ издателяхъ, приводитъ характерныя выдержки, очерчиваетъ положеніе журналовъ въ современной журналистикѣ. Трудъ выполненъ весьма тщательно, и описаніе периодическихъ журналовъ XIX вѣка, выполненное по программѣ г. Максимова и доведенное до конца, будетъ цѣннымъ вкладомъ въ исторію русской печати.

Щ.

В. Бартольдъ. Историко-географическій обзоръ Ирана.

Спб. 1903.

Настоящая книга представляетъ курсъ лекцій по исторіи Востока, читанный проф. Бартольдомъ студентамъ факультета восточныхъ языковъ. Исторія Востока—обязательный предметъ преподаванія—занимаетъ странное положеніе среди научныхъ дисциплинъ этого факультета.

Начать съ того, что по уставу на кафедре исторіи Востока полагается одинъ профессоръ: онъ долженъ читать студентамъ всѣхъ разрядовъ факультета (а ихъ пять) исторію Востока, при чемъ исторія Востока охватываетъ исторію Монголіи, Китая, арабовъ, Индіи, Кавказа, Ирана и т. д. Понятно, что профессоръ не можетъ быть специалистомъ по всѣмъ отраслямъ исторіи Востока. Затѣмъ въ научномъ отношеніи исторія Востока—дисциплина, совершенно неразработанная. Въ ней не можетъ быть рѣчи о законахъ эволюціи исторической жизни на Востокѣ; нельзя даже требовать полнаго обзора внѣшнихъ событій по той причинѣ, что первоисточники по большей части не только не обследованы, но даже не изданы. При такомъ положеніи дѣла факультетскія программы должны были ввести въ нѣкоторомъ родѣ суррогатъ курса. На нашей памяти студентамъ первыхъ двухъ курсовъ факультета всѣхъ разрядовъ, слѣдовательно, новичкамъ въ области Востока, предлагался краткій, утомительно-скучный и непривлекательный обзоръ путешествій на Востокъ. Понятно, что отъ такого обзора при весьма большихъ стараніяхъ можно было вынести лишь весьма незначительныя историческія знанія.

Профессоръ Бартольдъ сдѣлалъ рѣшительное нововведеніе въ преподаваніе исторіи Востока, предложивъ включить въ факультетскую программу историко-географическіе курсы. Профессоръ Бартольдъ приводитъ къ этому вполне солидныя основанія. «Мнѣ казалось, — пишетъ онъ, — полезнымъ въ такой формѣ сообщать студентамъ нѣкоторыя свѣдѣнія о прошломъ мусульманскихъ странъ, пока состояніе исторіи Востока, какъ науки, еще не позволяетъ предложить имъ собственно историческій курсъ, соответствующій требованіямъ, обыкновенно предъявляемымъ къ университетскому преподаванію исторіи... Въ виду этого я рѣшилъ ограничиться болѣе скромной задачей и въ своихъ курсахъ, посвященныхъ Персіи и Средней Азій, стараюсь дать студентамъ понятіе о географическихъ условіяхъ этихъ странъ, выяснитъ, насколько возможно, зависимость исторической жизни отъ этихъ условій, опредѣлитъ время про-

цвѣтанія и упадка важнѣйшихъ городовъ и сопоставить извѣстiя о прошломъ отдѣльныхъ областей (въ связи съ описанiемъ существующихъ вещественныхъ памятниковъ этого прошлаго) съ данными о ихъ современномъ положенiи».

Нельзя не привѣтствовать подобнаго начинанiя: несомнѣнно, такая форма изложенiя единственно возможна теперь и единственно плодотворна. Авторъ курса предлагаетъ специалистамъ опредѣлить, насколько онъ выполнилъ поставленныя имъ задачи, но прежнiя работы г. Бартольда, создавшiя ему репутацiю одного изъ лучшихъ знатоковъ исторiи Средней Азiи, могутъ служить гарантiей научной надежности настоящей его книги. Отмѣтимъ, что значенiе этой книги не исчерпывается еще достоинствами ея, какъ университетскаго курса: она необходима для всякаго, интересующагося съ тѣми или иными цѣлями Персiей и Средней Азiей. Она является вполне надежнымъ пособiемъ для ознакомленiя съ географiей Ирана и его исторической жизнью, насколько она была въ зависимости отъ географическихъ условiй. Въ послѣднее время необходимость изученiя Востока сказывается все настоятельнѣе и настоятельнѣе для насъ, русскихъ. Для ея удовлетворенiя нужны книги, написанныя столь же добросовѣстно и научно, какъ трудъ профессора Бартольда, и чѣмъ больше у насъ будетъ такихъ книгъ, тѣмъ скорѣе будетъ удовлетворена насущная потребность русскаго читателя.

П. П.

Дѣйствiя Нижегородской губернской ученой архивной комиссiи. Журналы и доклады. Засѣданiя LVIII—LXVIII, съ 25 мая 1901 года по 2 марта 1903 года, и журналъ экстреннаго засѣданiя 27 апрѣля 1903 года, въ память А. С. Гацискаго. Нижнiй Новгородъ. 1904.

Этотъ сборникъ протоколовъ засѣданiй Нижегородской комиссiи, протоколовъ, рисующихъ ея дѣйствiя, слѣдуетъ отмѣтить по той причинѣ, что къ нимъ приложены доклады и извлеченiя изъ докладовъ, имѣющiе интересъ историческiй и общiй. Отмѣтимъ сообщенiе Н. Агафонова о нижегородскомъ археологѣ Брызгаловѣ и о незабвенномъ въ исторiи Нижняго Новгорода А. С. Гацискомъ; доклады гг. Свѣжневскаго и Каменскаго о курганѣ «Шипка». Общiй интересъ представляютъ нѣкоторыя данныя о Н. А. Добролюбовѣ, собранныя комиссiей по случаю 25-лѣтней годовщины смерти своего знаменитаго земляка. Мы находимъ къ книжкѣ извлеченiя изъ сообщенiя прот. А. А. Крылова о своемъ ученикѣ, правда, довольно общаго характера. Своимъ поступленiемъ въ Педагогическiй институтъ Добролюбовъ обязанъ, оказывается, совѣтамъ о. А. А. Крылова. Г. Макаревскiй извлекъ нѣкоторыя свѣдѣнiя изъ дѣла архива духовной консисторiи: «о поступленiи въ С.-Петербургскую духовную академiю ученика семинарiи Николая Добролюбова». Сущность извѣстна: отецъ Добролюбова просилъ и получилъ архипастырское благословенiе и содѣйствiе въ принятии сына въ духовную академiю. Но Добролюбовъ не воспользовался даннымъ ему разрѣшенiемъ держать экзаменъ въ духовную ака-

демію и поступилъ въ Педагогическій институтъ. «Протокоды» упоминають еще о сообщеніяхъ, сдѣланныхъ В. И. Глоріантовымъ и А. И. Тиховымъ. Комиссія постановила хранить эти сообщенія съ тѣмъ, чтобы со временемъ напечатать или въ отдѣльномъ «сборникѣ» въ память Добролюбова, или въ очередномъ «Сборникѣ архивной комиссіи». Всѣ фактическія статьи о выдающемся писателѣ имѣють высокій интересъ, и потому вполне умѣстно выразить пожеланіе видѣть возможно скорѣе эти сообщенія въ печати. Ц.

Міръ искусства. Художественный иллюстрированный журналъ.
Издатель—С. П. Дягилевъ; редакторы—С. П. Дягилевъ, Александръ Бенуа. Выпускъ четвертый. Спб. 1904.

Настоящій выпускъ «Міра искусства» имѣеть отношеніе къ исторіи. Онъ посвященъ исторической выставкѣ предметовъ искусства, бывшей въ прошломъ сезонѣ въ С.-Петербургѣ. Небольшая статья объ этой выставкѣ обильно иллюстрирована прекрасно исполненными снимками съ выставленныхъ произведеній. Авторъ статьи указываетъ, что онъ былъ стѣсненъ въ выборѣ иллюстрацій зауреченіемъ фотографировать тѣ вещи, снимки съ которыхъ должны были быть помѣщены въ альбомѣ, проектированномъ комитетомъ. Такимъ образомъ четвертый выпускъ «Міра искусства» явится весьма цѣннымъ и необходимымъ дополненіемъ къ этому альбому. Среди снимковъ «Міра искусства» находимъ нѣсколько рѣдчайшихъ портретовъ; къ сожалѣнію, авторъ статьи не обратилъ вниманія на историческую цѣнность портретовъ. Мы находимъ здѣсь портреты кн. Дарьи А. Волконской, кн. Григорія Семеновича Волконскаго, гр. В. Г. Орлова, герцога Э. Бирона (сомнительный), А. И. Плещевой (урожд. гр. Чернышевой), графа Григорія Ивановича Чернышева, Е. И. Вадковской (урожд. гр. Чернышевой), Н. И. Куракиной (рожд. Головиной; работы Рикста), кн. П. А. Зубова (работы Шамиссо), Г. Г. Орлова (Эриксона), княжны Т. В. Куракиной (Ратта) и нѣкоторыхъ другихъ.

По поводу этого выпуска хочется сказать нѣсколько словъ вообще о «Мірѣ искусства». По широтѣ программы, по техникѣ передачи рисунковъ «Міръ искусства», несомнѣнно, долженъ быть поставленъ на первое мѣсто среди бывшихъ и настоящихъ русскихъ журналовъ, посвященныхъ искусству. «Міръ искусства» пристально изучаетъ прошлое нашего искусства, разыскиваетъ и открываетъ по частнымъ собраніямъ немало произведеній стараго русскаго искусства. Въ то же время онъ чутко слѣдитъ за проявленіями художественной жизни на Западѣ и у насъ. Въ каждомъ номерѣ журнала мы находимъ тщательный подборъ снимковъ, прекрасно выполненныхъ; находимъ именно не иллюстраціи, а подборъ, имѣющій совершенно самостоятельное значеніе. Въ своей хроникѣ «Міръ искусства» ведетъ острую полемику съ устарѣвшими представленіями объ искусствѣ.

Въ общемъ, «Міръ искусства» представляетъ цѣнный вкладъ въ исторію русскаго искусства. Остается пожелать, чтобы и впредь журналъ остался вѣренъ широкой постановкѣ задачъ и столь же внимательно относился къ прошлому нашего искусства.

П. Павловъ.

Профессоръ Евгеній Бобровъ. Изъ исторіи жизни и поэзіи А. И. Полежаева. (Съ приложеніемъ двухъ портретовъ). Варшава. 1904.

Профессоръ Бобровъ уже давно занятъ біографіей Полежаева. Имъ напечатано уже нѣсколько статей по отдѣльнымъ вопросамъ исторіи злосчастнаго поэта. Но все же до сихъ поръ профессоръ Бобровъ не считаетъ возможнымъ приступить къ полной прагматической біографіи. Слишкомъ мало у насъ матеріала въ рукахъ, да и тотъ еще не провѣренъ. Въ настоящей своей брошюрѣ профессоръ Бобровъ устанавливаетъ нѣкоторыя обстоятельства жизни Полежаева на основаніи новыхъ матеріаловъ. Брошюра непосредственно примыкаетъ къ напечатанной въ «Русской Старинѣ» (1903) работѣ автора «Семейная хроника рода Струйскихъ» въ связи съ біографіей поэта А. И. Полежаева. Известно, что А. И. Полежаевъ былъ сыномъ Леонтія Николаевича Струйскаго. Очень жаль, что, издавая настоящую брошюру, профессоръ Бобровъ не присоединилъ къ ней этой статьи, раскрывающей тяжелую картину наследственности въ родѣ Струйскихъ, отразившейся и на поэтѣ. Въ брошюрѣ отъ краткихъ свѣдѣній о родѣ Струйскихъ мы прямо переходимъ къ университетской жизни Полежаева. И объ ней мы имѣемъ очень мало свѣдѣній; пользоваться же для характеристики ея поэмой Полежаева «Сашка»—рискованно. Несомнѣнно, что Полежаевъ не былъ ни цѣломудреннымъ, ни сдержаннымъ, ни трезвымъ юношей, но врядъ ли эти пороки доходили въ немъ до такихъ геркулесовыхъ столбовъ. Въ письмѣ А. Я. Булгакова къ брату изъ Москвы отъ 11 іюля 1825 года («Русскій Архивъ», 1901, т. II, стр. 195) мы встрѣтили одно любопытное мѣсто, кажется, относящееся къ Полежаеву. Если догадка вѣрна, то мы имѣемъ тутъ интересный портретъ студента Полежаева. Вотъ это мѣсто: «Вчера (т.-е. 30 іюня 1825 года; въ это время Полежаевъ былъ въ Московскомъ университетѣ и уже написалъ своего «Сашку») много надѣлалъ безпокойства и насмѣшилъ насъ, гуляющихъ на бульварѣ, мальчикъ лѣтъ 19 и пьяный, очень собой хорошій. Присталъ къ дамѣ одной, которую велъ какой-то превысокій кавалеръ, началъ учтивостями, а потомъ предложилъ ей 15 рублей; она отказалась, а онъ прибавилъ: да вѣдь 15 рублей бумажками, ассигнаціями! Надобно думать, что она была таковская. Кавалеръ было вступился.—Молчи ты, вѣмчура, тебѣ не дамъ и 15 копеекъ: ты, даромъ что высокъ, но и въ лакеи не годишься.—Тотъ перепугался, и ну прибавлять шагу, а мальчикъ сѣлъ на скамейку. Его всѣ обступили, начали говорить, и я тутъ же. Подошли нищие. Шотъ, бывший со мною, замѣтилъ, что нищие эти всѣмъ надоѣдаютъ, что должно ъмъ ихъ выгонять.—Зачѣмъ?—возразилъ пьянюшка,—говяты бы надобно полицейскихъ: вотъ эта сволочь такъ портитъ удовольствіе нашего брата, а нищему скажешь: пошелъ прочь, онъ и отойдетъ.—Началъ я добираться, кто онъ таковъ, будто лицо мнѣ знакомо.—Знаете ли вы поэмѣ «Сашеньку»?—Не знаю!—Ну, я ея сочинитель.—Знаете ли вы Генриаду?—Какъ не знать: je chante ce héros qui régna sur la France.—Ну, такъ я ея переводчикъ.—Служите вы?—Нѣтъ, а буду служить.—Такъ вы еще учитесь?—Учусь.—Да, надобно вѣкъ учиться, а напи-

ваться никогда! Вы, вѣрно, университетскіе?—Точно такъ!—Зачѣмъ же не носите вы мундиръ или сюртукъ съ фуражкой форменною, какъ велѣно?—Оттого, что не хочу имѣть вывѣски дурака, невѣжды, шалопая.—А развѣ лучше напиваться и заводить шумъ на бульварѣ?—Признаюсь, не хорошо; какъ быть, затащили меня въ ресторацію, впрочемъ я пьяный умѣе князя Оболенскаго (куратора), когда онъ трезвъ.—Толпа такъ стала умножаться, что я счесть лучше удалиться, оставя другимъ продолжать экзаменъ. Имени онъ не сказалъ, а мнѣ сказалъ, что я—А. Я. Булгаковъ. Жаль молодого человѣка—такое счастливое лицо; видно, и не глушь. Плохъ очень надзоръ въ этомъ университетѣ. На-дняхъ у нашего дома университетскій студентъ во всей формѣ прибилъ до крови извозчика, везшаго его съ дѣвницей. Онъ выдавалъ себя за гвардейскаго офицера, извозчикъ былъ изъ мужиковъ, дуракъ, и далъ себя бить, а тому уйти, не заплатя деньги».

Если въ этомъ отрывкѣ рѣчь идетъ не о Полежаевѣ, все же онъ интересенъ для характеристики разнузданности той студенческой среды, представителемъ которой былъ Полежаевъ. Его поэма «Сашка»—полна картинъ не цинизма, а именно какой-то разнузданности, ухарства.

Третья глава брошюры профессора Боброва посвящена «поэту въ военной службѣ». Къ этой темѣ авторъ обѣщаетъ вернуться въ особой статьѣ, пока же онъ сообщаетъ полный списокъ съ формулярнаго списка, въ которомъ противъ свѣдѣній, извлеченныхъ съ копии его, бывшей у Н. А. Ефремова, находимъ дополненія и поправки. Въ остальной части статьи профессора Боброва мы не находимъ ничего существеннаго новаго. По поводу общаго взгляда профессора Боброва на Полежаева отмѣтимъ, что, слѣдуя за Вѣлинскимъ и строго относясь къ Полежаеву, какъ человѣку, профессоръ Бобровъ не хочетъ оправдать Полежаева и требуетъ отъ него слишкомъ многого—чрезмѣрно развитой индивидуальной энергіи. Полежаевъ—жертва и тяжелой насѣдственности, и тяжелой эпохи. Во всякомъ случаѣ, брошюра профессора Боброва цѣнна для біографіи поэта; остается лишь пожелать, чтобы авторъ скорѣе далъ намъ обстоятельную исторію его жизни.

Отмѣтимъ, что въ книжкѣ профессора Боброва историкъ русскаго права найдетъ важную грамоту, выданную одному изъ Струйскихъ въ 1611 году. Она—изъ очень рѣдкихъ грамотъ, выданныхъ не царемъ, а земскимъ правительствомъ или земскимъ соборомъ, бывшимъ при земскомъ ополченіи князя Д. М. Пожарскаго. Въ грамотѣ читаемъ выраженіе: «по совѣту всей земли»...

П. Щ.

А. М. Лобода. Русскія былины о сватовствѣ. Кіевъ. 1904.

Въ виду того, что методъ автора въ разработкѣ былинныхъ сюжетовъ отличается отъ обычныхъ у насъ прѣмовъ, онъ нашелъ необходимымъ предпослать своему изслѣдованію особую главу: «Современные методы изученія былинь», которая имѣетъ общій интересъ и въ извѣстномъ отношеніи даже поучительна. Если не ошибаемся, А. М. Лобода, приступая къ окончательной редакціи своего труда, уже былъ подготовленъ къ тому, что его книгу многіе уче-

ные встрѣтять враждебно; и виною всему оказывается та сравнительно новая точка зрѣнія, которой авторъ имѣлъ мужество воспользоваться, не взирая ни на традицію, ни на предугаданныя нападки критиковъ. Намъ лично его методъ кажется заслуживающимъ полного вниманія, а потому ознакомленіе съ нимъ будетъ много интереснѣе самаго подробнаго отзыва о всей книгѣ, построенной умѣло и изложенной вполне доступно.

Прежде всего, самъ авторъ отмѣчаетъ, что сватовство и женитьба—мотивы, популярныя въ русскомъ эпосѣ и близкіе къ аналогичнымъ сказаніямъ у нашихъ западныхъ, южныхъ и восточныхъ сосѣдей. Онъ разсматриваетъ сватовство Соловья Будимировича, Хотѣна Блудовича, Ивана Годивовича и Владимира—князя, широко пользуясь тѣми самыми параллелями, на которыхъ прежніе изслѣдователи основывали чуть не всѣ свои выводы миграціонной теоріи, и которыя для самого автора не представляютъ выдающагося интереса, такъ какъ теорія заимствованій, еще такъ недавно казавшаяся непоколебимой, теперь подвергнута серьезной критикѣ. Впрочемъ, г. Лобода не отрицаетъ всякаго международнаго литературнаго общенія, а только ограничиваетъ его, и въ противовѣсъ ему больше отгѣняетъ «литературную эволюцію въ средѣ самыхъ былинъ и взаимодействіе между послѣдними и бытовыми представленіями о бракѣ и брачномъ обрядѣ у русскаго народа». Итакъ, не страшась своихъ предшественниковъ, которымъ сильно достается отъ новаго изслѣдователя, авторъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ, къ какимъ недѣльнымъ заключеніямъ не разъ приходили прежніе историки, строившіе гипотезы на самыхъ случайныхъ чертахъ сходства между самыми отдаленными литературными произведеніями.

Давно уже К. Д. Кавелинымъ было замѣчено, что «нѣтъ исторической возможности, очевидной недѣлности, черезъ которую храбро не перепрыгивали археологи, только, чтобы вывести нашъ древній обычай за тридевять земель изъ тридесятаго государства, все равно какого: была бы тѣнь сходства, слабѣйшая аналогія»,—и слова его оказались въ значительной степени пророческими. За миѣической теоріей, которая ставила своей задачей свести къ одному знаменателю всѣ наши былинныя мотивы вмѣстѣ съ общеарійскими мѣами, а въ историческихъ и бытовыхъ чертахъ видѣла лишь позднѣйшія наслоенія (О. Миллеръ, Буслаевъ, Потебня), появляется новая теорія, отцомъ которой былъ Бенфей въ своей «Панчатантрѣ». Окончательно разрушивъ миѣологическую систему, страдавшую искусственностью и оказавшуюся несостоятельной, сторонники теоріи заимствованій возводили тѣ же самые мотивы къ древне-еврейскимъ или иранскимъ, индусскимъ ордынскимъ и другимъ сказаніямъ. За примѣрами ходить не далеко: стоитъ взять хотя эпизодъ изъ былины объ Ильѣ Муромцѣ—бой его съ Соловьемъ-разбойникомъ. «Грозовой мѣозъ», «свѣтлое существо», ополчившееся противъ «темнаго» изъ-за обладанія третьимъ предметомъ, по программѣ ученыхъ, также «свѣтлымъ»,—теперь превращается въ какой-то неясный отголосокъ легендарнаго царя Соломова (Ягичъ), или Исфендіара, убившаго чудовищную птицу Симурга (В. Миллеръ), или сказанія Тидрекъ-саги о Тетлейфѣ (Халанскій), или Іельбегена о семи головахъ сибирской пѣсни (Стасовъ), наконецъ, легенды о привозѣ

сокровища «эрдени» (Потанинъ). Однимъ словомъ, всё стремленія ученыхъ были направлены въ глубь востока, отрицая національную основу былинъ или же въ самой слабой степени опредѣляя тѣ болѣе или менѣе самостоятельныя черты, которыя рѣшались объявить лишь наслоениями на первоначальномъ сюжетѣ, перешедшемъ къ намъ отъ восточной древности. Въ своемъ «Происхожденіи русскихъ былинъ» Стасовъ прямо заявлялъ, что «коренная основа былинъ, скелетъ ихъ—не русскіе», а заимствованы у монголовъ или тюрковъ приблизительно въ XII—XIII вв. при посредствѣ новгородскихъ колонистовъ Сибири. Потанину принадлежитъ болѣе широкій взглядъ, и его «Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейскомъ эпосѣ» распространяютъ восточное влияніе на легенды всей Западной Европы. Болѣе осторожными въ этомъ отношеніи оказались «Экскурсы» В. Миллера, который не отрицаетъ исторической основы нѣкоторыхъ былинъ, но все-таки «эпическія сказанія сосѣднихъ съ Русью степняковъ, по его мнѣнію, должны были оказать влияніе на русскій эпосъ»; тѣмъ не менѣе, относительно того же Ильи Муромца онъ утверждалъ, что созданіе его—отголосокъ иранской Рустеміады, проникшей на Русь черезъ половецкую среду. И только въ своихъ «Очеркахъ» Миллеръ выдѣляетъ изъ восточныхъ параллелей бытовья черты, какъ позднѣйшее наслоеніе, обязанное, главнымъ образомъ, Новгороду и скоморошьему творчеству XVI—XVII вѣковъ. Другихъ примѣровъ мы приводить не будемъ; въ книгѣ г. Лободы ихъ достаточно.

Такимъ образомъ, свое изслѣдованіе авторъ строитъ на иномъ основаніи, исходя изъ того соображенія, что «темы народной поэзіи и формулы, по которымъ развиваются темы, не безконечно разнообразны и, въ силу единства человѣческой природы и отчасти самой жизни, могутъ повторяться у различныхъ народовъ независимо отъ прямого заимствованія; едва ли можно вовсе отрицать процессъ самостоятельнаго воспроизведенія однѣхъ и тѣхъ же чертъ на различныхъ концахъ земли» (стр. 23). Въ этомъ направленіи большую услугу въ смыслѣ метода оказываетъ работа акад. А. Н. Веселовскаго «Сюжеты, какъ объектъ исторической поэтики; ихъ бытовья основы и условія идеализаціи», въ которой изслѣдователь останавливается, между прочимъ, на особенномъ расширеніи у многихъ народовъ сюжета «Бой отца съ сыномъ» и приходитъ къ выводу, что «въ послѣдней своей формѣ онъ могъ быть общечеловѣческимъ». Слѣдовательно, работа А. М. Лободы, помимо частныхъ вопросовъ, направлена къ тому, чтобы доказать всю субъективность и опасность теорій исключительныхъ заимствованій, и въ этомъ отношеніи представляетъ какъ будто рѣшительный шагъ въ сторону нашихъ ученыхъ—Калайдовича, Полевого, Бодянскаго, Шевырева, Хомякова, Аксакова, Л. Майкова, наконецъ, Соловьева, Костомарова и Бестужева-Рюмина, которые истолковывали былинны исторически и національно.

А. Я.

Сергій Мечъ. Швеція и Норвегія. Москва. 1904.

Настоящій очеркъ есть часть цѣлой серіи очерковъ по географіи Западной Европы, которые выходятъ въ свѣтъ по мѣрѣ ихъ обработки. Всѣ они издаются въ одномъ и томъ же форматѣ, всѣ иллюстрированы, и каждый порознь даетъ

отдѣльное цѣлое, а вмѣстѣ составляютъ курсъ географіи западно-европейскихъ государствъ.

Говоря о приемахъ работы г. Меча, мы должны на первыхъ же порахъ оговориться, что ни въ одномъ изъ трудовъ автора, а тѣмъ болѣе въ разсматриваемой книгѣ, читатель не встрѣтитъ той сухости, которая является обычно въ данномъ случаѣ: авторъ просто повѣствуетъ о томъ, что онъ видѣлъ; его рассказъ течетъ плавно, свободно и интересно; событія внутренней и политической жизни страны искусно переплетаются съ географическими данными, одухотворяя ихъ, сообщая имъ своеобразный колоритъ — пестрый и занимательный.

Г. Мечъ владѣетъ языкомъ—чистымъ, литературнымъ и выразительнымъ. Говоритъ ли онъ объ устройствѣ поверхности Скандинавскаго полуострова, выясняетъ ли читателю сущность понятія «фіордъ», останавливается ли на описаніи государственнаго устройства Швеціи и Норвегіи,—и вниманіе читателя все время поддерживается и подогревается. Секретъ автора — въ знаніи имъ предмета и въ умѣніи излагать его содержаніе. Благодаря этому, изложеніе г. Меча сближается до предѣловъ устнаго изложенія, до предѣловъ живой рѣчи.

Намъ приходилось присутствовать на лекціяхъ г. С. Меча, которыя онъ читалъ въ Москвѣ въ Политехническомъ музеѣ; эти блестящія, живыя и увлекательныя лекціи являлись прекраснымъ образцомъ для всѣхъ, кому выпало на долю сообщать учащимся географію. И тѣ же увлекательныя лекціи мы встрѣчаемъ въ книгѣ г. Меча: тотъ же легкій языкъ, та же своеобразная простота и пластичность рѣчи, то же живое, талантливое изображеніе.

Трудъ г. Меча раздѣляется на четыре отдѣльныя части. Въ первой авторъ выясняетъ географическое положеніе и устройство поверхности Скандинавіи: описываетъ горные массивы страны, скандинавскія нагорья, фіорды, водопады, острова, орошеніе и заканчиваетъ эту часть гипотезой относительно причинъ вѣкового поднятія Скандинавіи надъ уровнемъ океана. Для характеристики способовъ изложенія автора отмѣтимъ, что онъ избѣгаетъ сухихъ, мало интересныхъ для большой читающей публики описаній; такъ, напримѣръ, рисуя Хардангеръ-фіордъ, авторъ переноситъ читателя на бортъ парохода, плывущаго по фіорду, и заставляетъ его всматриваться въ окружающую природу: «на вершинахъ огромныхъ горъ бѣлѣетъ снѣгъ, и блестятъ на солнцѣ голубоватые ледники, а внизу, у подошвы горъ, въ долинахъ между ними самая богатая растительность; вездѣ, гдѣ только есть земля, а не голый камень, видны луга, зеленыя рощи, сады, огороды; бѣлоствольная веселая березка и развѣсистый дубъ, широколиственный кленъ и букъ, вязъ и ясень, въ садахъ необыкновенное богатство плодовыхъ деревьевъ. И все это подъ широтой нашей Вологодской губерніи, гдѣ растутъ только ели да березы». Таковы приемы автора, и ихъ нельзя не привѣтствовать.

Вторая часть труда посвящена вопросу о народонаселеніи. Затронувъ слегка вопросъ о числѣ жителей, г. Мечъ обращается къ характеристикѣ помѣщиковъ и ихъ «гергродовъ» въ Швеціи, къ выясненію типа фермера, земледѣльца и попутно касается также и вопроса о народномъ благосостояніи. Затѣмъ авторъ всецѣло отдается Норвегіи и ея симпатичному жителю-работнику, говоритъ о

промыслахъ въ Скандинавіи, желѣзныхъ дорогахъ, водяныхъ путяхъ и т. п. Эта небольшая глава заканчивается слѣдующимъ, немного оптимистическимъ замѣчаніемъ: «большинство небогатыхъ городскихъ жителей, вмѣсто того, чтобы помѣщать свои маленькія сбереженія въ ссудосберегательныя кассы или банки, отдаетъ ихъ на проценты въ морскія предпріятія, такъ что чуть ли не всѣ жители Норвегіи прямо или косвенно владѣютъ морскими судами; пропасть ихъ деньги не могутъ—здѣсь не такая страна; граждане Скандинавіи отличаются высокою честностью, и присвоеніе чужого имущества—тамъ такая рѣдкость, что суду почти нечего дѣлать».

Въ третьей главѣ г. Мечъ говоритъ объ успѣхахъ борьбы съ алкоголизмомъ въ Скандинавіи; эта интересная борьба ведется путемъ особой системы, получившей названіе по имени города Готеборга въ Швеціи, при чемъ сущность ея сводится къ «облагораживанію кабака», т.-е. общество купило право исключительной торговли виномъ и задалось цѣлью отучить жителей отъ кабака: уменьшаетъ число питейныхъ заведеній, сажаетъ въ качествѣ сидѣльцевъ убѣжденных трезвенниковъ, подросткамъ и нетрезвымъ вовсе не отпускаетъ вина, ведетъ статистику пьяницъ, заводитъ для удобства продавцовъ «пьяные альбомы», куда включаются портреты алкоголиковъ, чтобы лишить послѣднихъ всякой возможности раздобыть вина; питейныя заведенія скорѣе напоминаютъ закусочныя лавки, гдѣ въ большомъ числѣ имѣются газеты и книги; въ праздничные дни торговля виномъ совершенно прекращается. Такова система борьбы съ пьянствомъ Готеборгскаго акціонернаго питейнаго общества.

Въ этой же главѣ г. Мечъ знакомитъ насъ съ устройствомъ въ горной или лѣсной глуши ящиковъ съ провизіей для путниковъ; эти путники должны непременно уплачивать за пользованіе ящикомъ, при чемъ надъ ними нѣтъ никакого контроля, кромѣ ихъ личной честности и добросовѣстности. Такъ же просто и на тѣхъ же основаніяхъ взаимнаго довѣрія устроены въ Скандинавіи оригинальные открытые ящики для писемъ, изъ которыхъ каждый беретъ только то, что адресовано на его имя. Затѣмъ авторъ говоритъ о религіозности и образованности народовъ Скандинавіи. Въ послѣднемъ отношеніи крайне интересны такъ называемыя странствующія или подвижныя школы, которыя въ настоящее время уже вымираютъ; принципъ ихъ устройства крайне простъ: учитель являлся въ крестьянскую ферму, собиралъ дѣтей, училъ ихъ читать и, сдѣлавъ свое дѣло, отиравался въ дальнѣйшій путь. Авторъ удѣляетъ народному образованію очень большое мѣсто и въ подробностяхъ выясняетъ постановку учебнаго дѣла какъ въ низшихъ, такъ и въ высшихъ школахъ Скандинавіи. Съ неменьшимъ вниманіемъ г. Мечъ останавливается на вопросѣ о бракѣ у скандинавовъ и ихъ домашней жизни, при чемъ въ дѣлѣ характеристики пользуется и личными наблюденіями, и произведеніями Бьернсона и Ибсена, которые подвергали анализу въ своихъ произведеніяхъ какъ моральную сторону брака, такъ и положеніе замужней женщины въ современномъ обществѣ.

Послѣдняя глава занимается государственнымъ устройствомъ Швеціи и Норвегіи: здѣсь читатель найдетъ и историческія свѣдѣнія, и изложеніе содержанія конституціи, и описаніе начавшейся давно борьбы за полную независимость Норвегіи, находящейся теперь въ разгарѣ своего движенія.

Таково содержаніе новой книги г. С. Меча. Лучшаго пособия для изучающих географію Западной Европы, лучшаго очерка для лицъ, желающихъ ознакомиться съ географіей и государственными положеніемъ Швеція и Норвегіи, — мы не можемъ указать.

Прекрасное изложеніе, въ связи съ богатствомъ свѣдѣній, даетъ прекрасную же во всѣхъ отношеніяхъ картину, которая дополняется отличными цинкографіями, исполненными по фотографіямъ на самые разнообразныя сюжеты. Изысканные рисунки (около 30-ти), прекрасная бумага, тщательная типографская работа — все это служитъ лучшимъ украшеніемъ труда г. Меча, труда, своеобразнаго по формѣ, богатаго по содержанію и, во всякомъ случаѣ, своевременнаго.

Мы вѣримъ, что очеркъ «Швеція и Норвегія», равно какъ и другія работы того же автора, вполне доступны по цѣнѣ для средняго читателя (не выше 1 рубля), найдутъ большой кругъ читателей и получать доступъ въ наши учебныя заведенія, въ которыхъ слишкомъ замѣтно учебно-литературное оскудѣніе.

Н. Ф.

В. Н. Баскаковъ. Походы 1809 года Наполеона въ Германіи и Австріи. Книга I. Спб. 1904.

Это совершенно оригинальная книга, которая заслуживаетъ особаго вниманія. Прежде всего — названіе книги: на обложкѣ краснаго цвѣта съ претенціознымъ рисункомъ значится «Наполеонъ I», на слѣдующей страницѣ напечатано: «I. 1809. Наполеонъ въ Австріи», и только уже на третьей страницѣ имѣется вышеприведенное названіе, которое заявляетъ о походахъ Наполеона въ Германіи и Австріи. Разумѣется, это — мелочь, но мелочь своеобразная и весьма характерная.

Далѣе. Авторъ очень любитъ эпитафы на французскомъ, нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ; эти эпитафы нестрять повсюду: эпитафъ къ обложкѣ, эпитафъ къ титульной страницѣ, эпитафъ къ заголовку книги, два эпитафа къ предисловію, эпитафъ къ пяти страницамъ (XLIV — XLVIII), на которыхъ ничего не напечатано, кромѣ пяти словъ: «Война 1809 г. въ Австріи», два эпитафа къ введению и два эпитафа къ главамъ первой. Дальше, очевидно, за исчерпаніемъ сочиненій Тита Ливія, Наполеона и др., г. Баскаковъ перестаетъ злоупотреблять эпитафами и приступаетъ къ изложенію.

По внѣшности трудъ г. Баскакова, кажется, приуроченъ къ пониманію средняго, большого читателя, но по содержанію онъ вовсе не приспособленъ для чтенія ни средняго читателя, ни спеціалиста. Говорить о разнообразіи содержанія книги г. Баскакова не приходится: тамъ есть все, что хотите. Авторъ весьма любезно приложилъ въ концѣ книги оглавленіе, которое занимаетъ ни больше, ни меньше, какъ 37 страницъ убористаго петита, и которое въ концѣ концовъ даже вызываетъ у автора облегченный вздохъ и замѣчаніе «конецъ оглавленію» (стр. 461).

Оригинальная подробность: такъ какъ въ глазахъ г. Баскакова каждый сдѣланный имъ штрихъ имѣетъ большое значеніе, то и въ оглавленіи весьма

обстоятельно значитя: «Общее заглавіе—стр. I, подробное заглавіе—стр. III» и т. д. Очень и очень оригинальное оглавление.

Такимъ образомъ передать содержаніе книги г. Баскакова не представляется возможнымъ, ограничимся лишь указаніемъ, что этотъ внушительный по своимъ размѣрамъ трудъ говоритъ не о самой кампаніи, а лишь о приготовительныхъ дѣйствіяхъ къ открытію кампаніи. Наше вниманіе отвлекается въ другую сторону: такъ какъ г. Баскаковъ имѣлъ намѣреніе обогатить историческую литературу своей монографіей, то мы и остановимся на литературныхъ достоинствахъ книги и покажемъ эти достоинства, извлеченныя нами при чтеніи.

Такъ, напримѣръ, на страницѣ XXI, сравнивая вторую «художественную» операцию «императорскаго меча» съ борьбою Югурты противъ римлянъ, г. Баскаковъ въ паеосѣ восклицаетъ: «Какъ историческое сближеніе тутъ взынаетъ къ сужденію о сходствѣ причинъ и слѣдствій!» Но этотъ образчикъ литературныхъ достоинствъ труда г. Баскакова не одинокъ. Такъ, на страницѣ XXIX мы читаемъ: «Такой трудъ оказывался не нормальнымъ, а слабымъ, такъ какъ императоръ полнѣлъ при такой подвижности и работѣ»; на страницѣ 5: «Австріи предоставлялось благоприятнымъ начать эту борьбу въ 1809 г. лучше, когда Наполеонъ втянулся въ упорную войну съ Испаніей...»; на страницѣ 179: «Законъ входилъ въ подробныя указанія, значить, поучая о нарушеніи дисциплины»; на страницѣ 178: «Будетъ для характеристики взглядовъ на дисциплину въ императорской арміи довольно указать еще на понятіе о нарушеніи дисциплины» и т. п.

Для характеристики приемовъ творчества автора укажемъ на его умѣнье описывать театръ войны въ военно-статистическомъ отношеніи: такъ, на страницѣ 338 онъ говоритъ: «Населеніе помѣщалось въ домахъ, довольно удобно устроенныхъ, и съ утварью, достаточной въ простомъ обиходѣ. Въ городахъ имѣлись обыкновенно разныя общественныя зданія (!), а въ мѣстечкахъ и селахъ служебныя постройки, гдѣ и могли помѣститься войска, не особенно стѣсныя населеніе постоемъ»; такъ было въ сѣверномъ участкѣ, а въ южномъ (стр. 341) — «дома, какъ помѣщенія для жизни, были удобно устроены, съ достаточнымъ количествомъ утвари. Въ городахъ имѣлись многія общественныя зданія, въ мѣстечкахъ и селахъ усадьбы располагали служебными пристройками, такъ что при расквартированіи войска не обременяли бы семьи жителей постоемъ». Богатое разнообразіе — не правда ли?

Мы могли бы привести безчисленное множество примѣровъ своеобразнаго творчества г. Баскакова, если бы не боялись утомить читателя. Достаточно будетъ сказать, что авторъ совершенно не владѣетъ русскимъ языкомъ, и самая простая мысль въ его воплощеніи становится туманной, расплывчатой, неинтересной и жалкой. А съ такими дарованіями братья за составленіе историческихъ монографій значить дѣлать не свое дѣло, которое, благодаря этому, теряетъ всю привлекательность, нисходитъ на степень ремесленнаго производства, и въ результатѣ читатели получаютъ претенціозное, словоточивое, ненужное изверженіе, а самъ авторъ бросаетъ время, трудъ и деньги.

Очевидно, г. Баскаковъ — не новичекъ: въ концѣ его книги приложенъ списокъ его произведеній — 8 штукъ вышедшихъ и 11, которыя должны «слѣ-

довать» въ будущемъ. Разумѣется, заниматься писаніемъ никому не нужныхъ книгъ или не заниматься этимъ — дѣло автора, но мы еще разъ повторяемъ, что разбираемая нами книга г. Баскакова служить самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ отсутствія у него всякой надежды стать когда либо историкомъ. Тутъ требуется нѣчто поважнѣе!

Одно слово о многочисленныхъ рисункахъ, приложенныхъ къ книгѣ: всѣ они нумерованы славянскими буквами; можетъ быть, это и оригинально, но совершенно излишне. Замѣтимъ кстати еще одну маленькую подробность: желая сдѣлать свое изданіе возможно полнымъ, г. Баскаковъ въ простотѣ душевной привелъ рисунки-карикатуры, которыя авторомъ добросовѣстно принимаются за чистую монету, таковы рисунки Ъа, Ъб, Ъа и др.

Конечно, никакое описаніе не возсоздастъ фізіономіи труда г. Баскакова, и наша рецензія, наше искреннее желаніе свести автора съ неправильно избраннаго имъ пути, легко разбивается эпитафиемъ, который стоитъ въ заголовкѣ труда: г. Баскаковъ, подражая Наполеону, можетъ отвѣтить намъ: «*Moi seul, je sais ce que je dois faire*». И намъ останется преклониться предъ этимъ.

Н. Л—въ.

Путникъ (Н. Лендеръ). Черное море и Кавказъ. Съ рисунками художника А. В. Ганзена. Изданіе 2-е, значительно дополненное. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1904.

Въ предисловіи къ своему сборнику авторъ предупреждаетъ читателя, что въ его очеркахъ Югъ и Черное море рисуются «не легкими, плѣнительными штрихами туриста, а скорѣе перомъ прозаика, выдающаго за красивой декорацией будничныи миръ труда и борьбы». Его повѣствованіе является, по его собственнымъ словамъ, «неприкрашеною лѣтописью Юга и Чернаго моря», «повѣстью ихъ дѣлъ, скорбей и желаній». Въ этой лѣтописи, поскольку въ ней отражаются интересы настоящаго момента, будущій бытописатель найдетъ, безъ сомнѣнія, много матеріаловъ, тѣмъ болѣе цѣнныхъ, что изображаемая авторомъ жизнь находится въ періодѣ быстраго развитія и мѣняется почти на нашихъ глазахъ. Населенные пункты, едва зародившись, начинаютъ быстро расти и развиваться, если только встрѣчаютъ мало-мальски благопріятныя для этого условія. Такова была участь Новороссійска, розросшагося изъ жалкаго захолустья. По его примѣру выросъ другой живой промышленный городокъ, — «американскій городъ на Черномъ морѣ», — которому въ послѣднее время дали названіе Скадовска, по имени владѣльца земли, на которой онъ возникъ, г. Скадовскаго, сдѣлавшаго много для созданія и развитія городка. Изъ приводимыхъ авторомъ данныхъ мы узнаемъ, что первымъ толчкомъ къ зарожденію здѣсь промышленной дѣятельности была постройка въ 1893 году длиннаго, вдающагося въ бухту мола въ 120 сажень для нагрузки баржей, которыя, въ свою очередь, передавали хлѣбъ иностраннымъ пароходамъ, стоявшимъ на рейдѣ. Первый возъ хлѣба прибылъ въ Скадовскъ 2-го сентября 1893 года, а первое иностранное судно пришло сюда для нагрузки 2-го іюля 1894 года. Авторъ не ограничивается, однако, штрихами, рисующими современную жизнь Черномор-

скаго побережья и Кавказа. Въ мѣстностяхъ, богатыхъ историческими воспоминаніями, онъ, въ противоположность тѣмъ «лѣнливымъ и нелюбезнательнымъ», по выраженію Пушкина, русскимъ людямъ, которые по многу лѣтъ живутъ бокъ-о-бокъ съ историческими достопримѣчательностями, часто даже не подозревая ихъ существованія, тщательно разыскиваетъ памятники старины и съ любовью ихъ описываетъ. Таковы, напримѣръ, страницы, посвященныя екатерининской старинѣ въ Херсонѣ. Изъ остатковъ екатерининскаго времени особенное вниманіе обращено авторомъ на мѣстный соборъ, на фасадъ котораго красуется характерная надпись: «Спасителю рода человѣческаго Екатерина II посвящаетъ». Находящіяся въ соборѣ двѣ иконы св. великомученицы Екатерины и св. великомученика Георгія, которымъ художникомъ было придано сходство съ Екатериной и Потемкинымъ, по словамъ автора, стали неотчетливы отъ времени, и ихъ недавно покрыли лакомъ, что нѣсколько повредило старинной живописи. Помѣщенные въ книгѣ 14 рисунковъ художника Ганзена талантливо иллюстрируютъ текстъ. Наиболѣе удачными изъ нихъ слѣдуетъ признать тѣ, въ которыхъ художникъ рисуетъ открытое море, то бурное, то спокойное, талантъ изображенія котораго онъ, какъ видно, унаследовалъ отъ своего дѣда, славнаго нашего мариниста И. К. Айвазовскаго.

Н. Юрьинъ.

Михаилъ Тамарашвили. Histoire du catholicisme en Georgie avec les documents justificatifs du XIII-e au XX siècle. 1903.

Это огромное сочиненіе, вышедшее въ свѣтъ въ 1903 году, содержитъ въ себѣ: 1) изслѣдованіе grêge'a Michel'я Tamarati на грузинскомъ языкѣ (стр. 1—560+I—XII) и 2) тексты и примѣчанія на латинскомъ языкѣ (стр. 560—836). Авторъ этого сочиненія Михаилъ Тамарашвили, уроженецъ Ахалцихскаго уѣзда, нынѣ состоитъ католическимъ священникомъ въ Римѣ. Изъ архивовъ Ватикана и книгохранилищъ европейскихъ городовъ онъ тщательно извлекъ огромное множество документовъ, касающихся исторіи католицизма въ Грузіи съ XIII вѣка, и на основаніи этихъ документовъ, а также сочиненій римскихъ миссіонеровъ, побывавшихъ въ Грузіи въ разное время, издалъ вышеупомянутый свой трудъ. Тѣ или другіе выводы свои, сообщенія и показанія иностранныхъ писателей и путешественниковъ нашъ авторъ подкрѣпляетъ также ссылкой на грузинскіе источники и документы, сохранившіеся въ архивахъ мѣстныхъ католическихъ церквей. Переписка грузинскихъ царей съ папами начинается съ XIII вѣка; эту переписку съ главою св. престола Петра открываетъ грузинская царица Русудана, дочь Тамары Великой. Она извѣщаетъ папу Онорія въ 1223 году о появленіи на Востокѣ новыхъ враговъ христіанства, монголовъ, о первомъ сраженіи ея войновъ съ ними, объ избіеніи 25.000 монголовъ и готовности грузинскаго войска выступить въ Сирію, чтобы соединиться съ западными крестоносцами и вмѣстѣ съ ними итти противъ общаго врага св. креста, агарянскаго племени. Въ отвѣтномъ письмѣ (отъ 12-го мая 1224 года) папа Онорій хвалитъ грузинскую царицу за ея намѣреніе помочь крестоносцамъ, присылаетъ ей и народу ея свое бла-

гословеніе и объщаетъ свое покровительство. Перениска грузинскихъ царей съ папами не прекращается и послѣ этого. Они просятъ у папъ содѣйствія и помощи противъ враговъ, а папы присылаютъ своихъ миссіонеровъ и епископовъ. Цари не оставляютъ ихъ безъ своей помощи и покровительства, даютъ имъ земли для постройки церквей и прочее. Въ 1240 году монахи доминиканскаго ордена основали въ Тифлисѣ свой монастырь, а въ 1329 году прибыли въ Тифлисъ первый римско-католическій епископъ Іоаннъ Флорентинецъ, котораго въ 1349 году замѣнилъ епископъ, Бертрандо Колетти. Римско-католическая миссія имѣла въ Грузіи большой успѣхъ, особенно же въ Тифлисѣ, Гори, Ахалцихѣ, Кутаисѣ, Мингрелии, Артвинѣ и въ прочихъ мѣстахъ. Для новой своей паствы эти миссіонеры составляли грузинскія азбуки, грузино-итальянскіе лексиконы, молитвенники, для нихъ же основали въ Римѣ миссіонерскую школу и типографію, въ которой въ началѣ XVII вѣка напечатали нѣсколько книгъ, также букварь, лексиконы и прочее. Въ своемъ сочиненіи нашъ авторъ приводитъ также массу свѣдѣній о политическомъ и экономическомъ положеніи Грузіи, населеніе которой, какъ сообщаетъ одинъ изъ миссіонеровъ, еще въ XVII вѣкѣ было не менѣе населенія тогдашней Франціи. Книга Тамарашвили, содержащая въ себѣ неисчерпаемый матеріалъ для исторіи Грузіи, весьма интересна и цѣнна и отчасти можетъ замѣнить лѣтопись Грузіи Картелисъ-Цховреба.

А. Хах — въ.

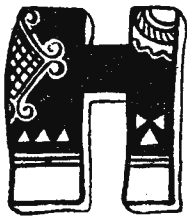
Дешевая Иллюстрированная Библіотека. Изданіе Н. П. Дучинскаго. Спб. 1904.

«Дешевая Иллюстрированная Библіотека» знакомитъ читателя съ географическимъ положеніемъ, жизнью, нравами, обычаями и культурой странъ Дальняго Востока — Кореи, Японіи, Китая и проч. Въмѣстѣ съ тѣмъ, въ каждомъ выпускѣ даются очерки событій русско-японской войны; вмѣстѣ взятые эти очерки должны составить всю исторію японо-русскаго столкновенія въ связанномъ послѣдовательномъ изложеніи, снабженномъ портретами героевъ войны, видами мѣстъ военныхъ дѣйствій, снимками типовъ населенія Кореи и Маньчжуріи, картами. Нѣкоторые выпуски «Дешевой Иллюстрированной Библіотеки» посвящены областямъ и племенамъ Сибири и нашего Дальняго Востока, а также различнымъ народамъ и государствамъ, которые по косвенной прикосновенности къ русско-японской войнѣ могутъ привлечь вниманіе общества. Первый выпускъ «Библіотеки» посвященъ Корей, второй — Японіи и японцамъ, третій — Маньчжуріи, четвертый — Квантунской области и т. д. Литературное изложеніе текста «Библіотеки», обширный многосторонній матеріалъ и множество удачно исполненныхъ иллюстрацій объщаютъ изданію многочисленный кругъ читателей.

Г.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

НОВЫЕ труды Эрнеста Додэ. Эрнест Додэ послѣ многочисленныхъ трудовъ по французской исторіи выпустилъ въ свѣтъ новое изданіе ¹⁾: «Исторія эмиграціи во время французской революціи», которая вышла нѣсколько лѣтъ тому назадъ подъ различными названіями. Теперь онъ на основаніи новыхъ еще неизвѣстныхъ документовъ подробно рассказываетъ печальную одиссею Бурбоновъ и французской аристократіи во время революціи. Этотъ трудъ долженъ появиться въ двухъ томахъ, и первый уже вышелъ въ свѣтъ. Онъ состоитъ изъ 33-хъ главъ, распределенныхъ на шесть частей: 1-я—«Первые этапы»; 2-я—«Кобленць»; 3-я—«Кампанія 1792 года»; 4-я—«Гамма и Верона»; 5-я—«Килберонъ»; 6-я—«Вланкенбергъ». Новый трудъ Додэ переполненъ фактами; фактическія подробности объясняютъ цѣлый рядъ явленій, какъ, на примѣръ, презрительную ненависть самыхъ экзальтированныхъ изъ революціонеровъ противъ своихъ же братьевъ, прозванныхъ благоразумными монархистами, которые не ужасались конституціонализма, единственнаго спасенія для короля. По мнѣнію Э. Додэ, несчастнаго Людовика XVI погубила та же экзальтированная страсть непримиримыхъ роялистовъ. Производя разысканія для своего труда, Додэ нашелъ неизданные документы по исторіи Людовика XVIII. Между прочимъ, одинъ изъ нихъ написанъ рукою самого короля и помѣченъ ноябремъ 1798 г.; ему предшествуетъ письмо Людовика XVIII къ неизвѣстному другу. Онъ написанъ въ оправданіе Маріи-Антуанеты, и Людовикъ XVIII, желая сохранить свое имя въ тайнѣ, въ то же время хотѣлъ,

¹⁾ Histoire de l'émigration pendant la Révolution française, par Ernest Daudet. Tome 1-er. 1904.

чтобы онъ былъ напечатанъ. Однако, до сихъ поръ онъ оставался нераскрытымъ въ конвертѣ, на которомъ рукою одного изъ секретарей Митавскаго двора было написано: «Рукопись короля въ оправданіе памяти королевы» ¹⁾).

Защита Маріи-Антуанеты въ устахъ Людовика XVIII не можетъ служить для нея большой опорой, такъ какъ извѣстно, что онъ былъ ея сильнѣйшій врагъ. Впрочемъ, онъ самъ говоритъ въ письмѣ къ неизвѣстному другу: «Долго я былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ нею, а въ послѣднее время сдѣлался ея другомъ, но не изъ класса тѣхъ, которые пользовались ея расположеніемъ; она мнѣ говорила многое, почти все, но никогда со мною не совѣтовалась. Такимъ образомъ, я могъ ее провѣрить тщательно, но безъ пристрастія, такъ какъ мнѣ нечего краснѣть, или прославляться ни за одинъ совершеннѣйшій поступокъ, и я могу объ этомъ говорить безъ предубѣжденія». Относительно умалчиванія своего имени въ заглавіи этого произведенія онъ говоритъ, что это было необходимо, такъ какъ иначе одно его имя заставило бы потерять къ этому труду довѣріе, и, кромѣ того, онъ слишкомъ свободно разсуждаетъ въ немъ, для того, чтобы назвать себя по имени. Сначала онъ хотѣлъ назвать этотъ документъ: «Жизнь или Опытъ о жизни Маріи-Антуанеты», но боялся, что если будетъ говорить только о ней, то его трудъ будетъ сжатъ, если же упомянетъ и о событіяхъ, то надо будетъ ее часто удалять со сцены и этимъ уменьшать къ ней интересъ, который онъ хотѣлъ сосредоточить именно на ней. Что же могъ сказать въ защиту несчастной Маріи-Антуанеты ея бывший врагъ? Ничего новаго. Онъ говоритъ, что приговоры диктуются часто страстью и партійнымъ духомъ, въ особенности, если событія относятся къ эпохѣ мятежей и революцій. По его словамъ, онъ былъ чуждъ интригъ двора, при которомъ, впрочемъ, находился, и потому могъ присмотрѣться, изучить характеры самыхъ замѣчательныхъ людей и, слушая сужденія о королевѣ, могъ сравнить слухи съ фактами, «тѣмъ болѣе, что она не сдѣлала ему ни добра ни зла». Онъ заранѣе отказывается принять упрекъ за пристрастное мнѣніе о королевѣ вслѣдствіе своей ненависти къ революціи и не ставитъ Маріи-Антуанетѣ въ заслугу ея положеніе дочери Маріи-Терезіи. Въ защиту онъ ставитъ ей то обстоятельство, что фаворитка Людовика XV была врагомъ Шуазеля, питавшаго склонность къ австрійскому союзу, а Марія-Терезія всегда льстила дочери, которая со своей стороны считала обязательнымъ такой бракъ, которой поставилъ бы ее въ высшее положеніе, чѣмъ сестеръ. Марія-Антуанета думала, что унижится, относясь съ уваженіемъ къ женщинѣ, по рожденію принадлежащей къ низшему классу, откуда, благодаря своему поведенію, она была недостойна подняться. Вотъ почему король, питавшій склонность къ Маріи-Антуанетѣ, былъ безпрестанно отдаляемъ отъ нея, въ особенности со времени изгнанія Шуазеля. Это отдаленіе ставилось Маріи-Антуанетѣ въ заслугу публикой, не любившей двора. Въ 14½ лѣтъ очутившись одна, такъ какъ дофинъ былъ слишкомъ молодъ и неопытенъ, чтобы сдѣлаться ея руководителемъ и даже научить обычаямъ страны, Марія-Антуанета повела образъ жизни, подобный своей матери, цар-

¹⁾ Reflexions historiques sur Marie-Antoinette. Par Louis XVIII. «Revue des deux mondes». 15 Juillet 1904.

ствовавшей надъ нѣмцами, но который совсѣмъ не подходилъ къ нѣсколько серіозному и печальному этикету французскаго двора того времени. Ея манеры не нравились Людовику XV, но ояъ этого ей не высказывалъ, фаворитка же говорила объ этомъ громко, а герцогъ Эгильонъ, заявившій постъ герцога Шуазеля и впослѣдствіи преданный фавориткѣ, говоря о Маріи-Антуанетѣ въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей, называлъ ее кокеткой. Ранѣе этого тотъ же самый герцогъ Эгильонъ, получивъ отъ кардинала Рогана, французскаго посланника въ Вѣнѣ, депешу, въ которой Марія-Терезія была обрисована самыми неблагопріятными для нея красками, показалъ ее графу Мерси, ея посланнику, который не замедлилъ передать ея содержаніе Маріи-Антуанетѣ. Эти два оскорбленія, по мнѣнію Людовика XVIII, объясняютъ отвращеніе послѣдней къ этимъ двумъ лицамъ, вслѣдствіе котораго создалась ея репутація злой и неумолимой. Относительно исторіи съ ожерельемъ ояъ говоритъ, что никогда нельзя было думать, что королева хотѣла получить отъ кардинала Рогана или при его посредничествѣ драгоцѣнную вещь, которую король подарилъ бы ей, если бы только подозрѣвалъ, что она этого желаетъ. Когда королева узнала объ этомъ дѣлѣ, то, понявъ, насколько измѣнились къ ней отношенія народа, пожелала начать дѣло для выясненія истины. «Она была неправа, — говоритъ Людовикъ XVIII, — такъ какъ подобнаго рода дѣло всего лучше замаять, чѣмъ разглашать о немъ. Но она слушалась лишь своей оскорбленной деликатности, и это чувство, какъ бы оно ни было преувеличено въ этомъ случаѣ, само по себѣ похвально. Впрочемъ, король и она рѣшились отдать это дѣло въ руки судей, послѣ того, какъ посовѣтовались не только съ барономъ Бретейлемъ, который могъ быть подозрительнымъ своей извѣстной неприязнью къ кардиналу, но также съ хранителемъ королевской печати Мироменилемъ, и егѣ-то совѣту они послѣдовали. Кардиналъ былъ оправданъ, но потерялъ мѣсто, и это послужило поводомъ обвинять королеву въ излишней метительности. Мнѣ неизвѣстно, какое участіе принимала она въ этой новой немилости, но я спросилъ бы ея враговъ, какая женщина въ такомъ случаѣ хранила бы молчаніе о столь жестокомъ оскорбленіи ея чести. Между тѣмъ, на этихъ немногихъ фактахъ основано обвиненіе въ злости Маріи-Антуанеты». Какъ образецъ ея добраго сердца, Людовикъ XVIII приводитъ слѣдующій фактъ. Однажды на охотѣ она бросилась изъ экипажа къ раненому серной челѣвѣ, приказала его посадить въ свой экипажъ и отвезла сама къ его хижины, вошла въ нее и плакала надъ нимъ вмѣстѣ съ его женою и дѣтьми. Затѣмъ ояъ приводитъ еще ея вмѣшательство въ дѣло о казни авгійскаго генерала, приговореннаго американскимъ сенатомъ къ смерти во время войны за независимость, и ея отказъ дать какое либо показаніе относительно покушеній, касавшихся очень близко ея личности; она сказала только: «Я все знала, все видѣла, все забыла». Идея стать женщиной-королемъ не была для нея новостью, такъ какъ она привыкла къ этому порядку вещей при дворѣ своей матери, и когда послѣ смерти Людовика XV новый король бросился въ объятія жены и, нѣжно прижавъ ее къ груди, воскликнулъ: «Какая тяжелая ноша, но вы поможете мнѣ ее перенести», то, по словамъ Людовика XVIII, трудно было бы съ точностью опредѣлить смыслъ сказанныхъ Людовикомъ XVI словъ, но очевидно, что Ма-

рія-Антуанета поняла ихъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, и ее не должно было это удивить». Слава царствованія ея матери заставляла думать ее, что и французы будутъ относиться къ ней такъ же, какъ австрійцы къ ея матери. Но она ошиблась. «Разсудительный характеръ нѣмцевъ, — говоритъ защитникъ Маріи-Антуанеты, — препятствовалъ имъ злоупотреблять фамиллярностью Маріи-Терезіи. Французы же, напротивъ, не замедлили увидѣть ровню себѣ въ той, которая, отбросивъ формальности, къ которымъ они привыкли при прежнемъ дворѣ, безъ всякой помпы виѣшивалась въ ихъ игры и общество; вскорѣ они стали смотрѣть на королеву почти тѣми же глазами, какъ и на фаворитку прежняго короля. Этотъ самый учтивый народъ на свѣтѣ не могъ, однако, перенести мысли быть управляемымъ женщиной; фаворитки королей всегда были предметомъ ихъ антипатіи». Вскорѣ въ глазахъ народа королева явилась причиной обремененія налогами, и любовь уступила мѣсто противоположному чувству. Людовикъ XVIII признавалъ, что королева, безъ сомнѣнія, могла бы остановить это чувство въ самомъ его источникѣ, заблаговременно измѣнивъ свое поведеніе и внеся болѣе достоинства въ свои манеры или вѣрнѣе въ свой образъ жизни, тщательно избѣгая виѣшательства въ государственныя дѣла, но множество причинъ ей въ этомъ мѣшали. «Трудно было бы, — говоритъ Людовикъ XVIII, — чтобы женщина въ 20 лѣтъ, увѣренная въ сердцѣ своего мужа, привыкшая къ народнымъ почестямъ, могла сама додуматься, что средства, которыя привлекли къ ней эти почести, погубятъ ее. Надо было, чтобы кто нибудь вызвалъ въ ней эти размышленія. Но кто же? Единственный человекъ, который могъ заставить ее слушаться, былъ графъ Морепа; но этотъ эгоистичный старикъ, въ восторгѣ, что молодой дворъ веселится, и королева по всѣмъ признакамъ пользуется расположеніемъ народа, нисколько не безпокоился, что могло случиться послѣ него. Наконецъ, общество, составленное Маріей-Антуанетой, далеко не просвѣщало ее, а старалось болѣе всего ослѣплять ей глаза». Вообще главнымъ виновникомъ поведенія королевы Людовикъ XVIII признаетъ общество; впрочемъ, исключеніемъ служитъ графиня Полиньякъ, которую, однако, онъ тоже обвиняетъ въ недостатокъ принциповъ и въ томъ, что королева была вовлечена въ ея кружокъ, состоящій изъ людей честолюбивыхъ и корыстныхъ, вмѣсто того, чтобы графиня была допущена въ интимную жизнь королевы. Въ ея оправданіе онъ говоритъ, что королева любила и видѣла; что ее любятъ, это общество ее забавляло, и она была далека отъ того, чтобы предвидѣть, что чистое чувство ей поставится въ вину. Видя любовь королевы къ частной жизни, графиня развивала ее еще болѣе и старалась болѣе всего закрывать ей глаза на послѣдствія подобнаго рода жизни. Королева была великодушна и благотворительна, и лучшей ея радостью было зрѣлище счастья, причиной котораго являлась она. Король принималъ участіе въ этомъ удовольствіи, во-первыхъ, потому, что природная доброта сердца склоняла его къ этому, а, во-вторыхъ, изъ нѣжныхъ чувствъ къ королеви. Общество этимъ пользовалось, и каждый старался возбудить къ себѣ интересъ графини Полиньякъ, одного слова которой было бы достаточно, чтобы добиться всего у королевы. А сами супруги Полиньякъ добились самаго высшаго положенія, пенсіи пожалованія землями. Эту щедрость Маріи-Антуанеты онъ извиняетъ тѣмъ, что она, какъ и всѣ остальные,

считала богатства Франціи неистощимыми, и не было ни одного министра, который осмѣлился бы заявить, что надо поставить границы ея щедрости. Ея легкомысленное поведеніе онъ называетъ «неосторожнымъ», и революціонеры нападали на нее и лишали ее репутаціи потому, что въ то время было неосторожно затрагивать личность самого короля, а, унижая королеву, они, само собой разумѣется, затрагивали и короля. Клеветники дошли до того, что говорили относительно ея вѣжности къ дѣтямъ: «женщины испытываютъ сильнѣйшую любовь къ дѣтямъ любви, чѣмъ къ дѣтямъ Гименея». Замѣтивъ, что любовь народа къ ней охладѣла, и что люди, къ которымъ она питаетъ дружбу, возбуждаютъ въ народѣ ненависть, она изъ гордости стала показываться рѣже, но не измѣнила ни образа жизни, ни своего общества. Это была съ ея стороны новая ошибка — не измѣнять друзьямъ, но ее Людовикъ XVIII называетъ «возвышенной душой и чѣмъ-то высокимъ и благороднымъ». По его мнѣнію, Марія-Антуанета обладала здравымъ смысломъ; она находила, что покровительство народу, старавшемуся избавиться отъ ига законнаго государя, несправедливо и непоэтично, и если бы ей вѣрили, то Франція не имѣла бы войны съ Америкой, истощившей сокровища и давшей лишь принципы революціи. Свое мнѣніе о характерѣ Маріи-Антуанеты онъ заключаетъ словами: «Я защищаю ея характеръ, который рисовали злымъ, но который былъ добръ, великодушенъ и благотворителенъ. Я совѣмъ не лгу ея ошибкамъ, но хочу указать, что одиѣ не доказаны, а другія извинительны».

— Столѣтіе присоединенія Луизианы къ Америкѣ. Выставка, устроенная американцами въ Сень-Луи, приурочена къ празднованію столѣтія присоединенія Луизианы къ Американскимъ Штатамъ, хотя въ сущности настоящій юбилей былъ отпразднованъ въ 1903 году трехдневнымъ торжествомъ въ Новомъ Орлеанѣ, представленіемъ gala во французской оперѣ и торжественной церковной службой въ соборѣ. По этому поводу во Франціи появилось множество журнальных статей и юбилейныхъ книгъ, касающихся прошлаго Луизианы и исторіи ея присоединенія къ Америкѣ. Самая интересная изъ книгъ ¹⁾ — «Les dernières années de la Louisiane française» барона Вилльде Терражъ — и самая интересная изъ статей ²⁾ — Жоржа Совэна въ «Correspondant», послужили матеріаломъ для настоящаго очерка. Согласно стариннымъ хроникамъ въ началѣ XVI-го вѣка испанскіе мореплаватели открыли страны, омывающіяся водами Мексиканскаго залива. На старой картѣ, начертанной по собраннымъ Америго Веспуччи даннымъ, указаны три главныя устья Миссиссипи, но эти первыя открытія были забыты. Только въ 1670 году Роберъ Кавелье де Ласаль, отправившись изъ Канады на поиски пути въ Китай, случайно попалъ въ районъ, гдѣ въ настоящее время находятся южныя штаты Сѣверной Америки, и сообщилъ о нихъ всему цивилизованному міру. Графъ Фронтенакъ, губернаторъ Канады, тотчасъ же послалъ въ долину Миссиссипи съ-

¹⁾ Les dernières années de la Louisiane française, par le baron Marc de Villiers de Terrage. 1 vol.

²⁾ Une ancienne colonie française. La Louisiane, par Georges Sauvin. «Correspondant». 23 avril 1904.

веро-американскаго охотника, Луи Жюлие, и одного иезуита, Маркетта, съ порученіемъ изучить страну и разставить первыя вѣхи, обозначающія занятіе французами этой мѣстности. Подробныя изслѣдованія длились около тринадцати лѣтъ, и только въ 1682 году Ласалль достигъ Мексиканскаго залива и воздвигнулъ на берегу высокую колонну съ гербомъ Франціи, а 9-го апрѣля торжественно вступилъ во владѣніе страной отъ имени короля Людовика XIV-го, отсюда послѣдовало названіе Луизианы (Louis); Миссиссипи же Ласалль прозвалъ рѣкой Кольбера. Предѣлы новыхъ французскихъ владѣній были пространны и граничили на сѣверѣ озерами Верхнимъ, Мичиганомъ, Эри и Гурономъ; на югѣ Мексиканскимъ заливомъ, на востокѣ цѣпью Аллеганскихъ горъ, а на западѣ Скалистымъ кряжемъ т.-е. всѣми землями, орошенными Миссиссипи и ея притоками и представляющими большую часть современныхъ Соединенныхъ Штатовъ. Ласалль вернулся во Францію и былъ торжественно принятъ въ Версалѣ. Онъ предложилъ королю свои услуги вернуться моремъ въ Луизиану, основать тамъ колонію и соединить Мексиканскій заливъ и Канаду укрѣпленными постами, установленными на всѣхъ главныхъ пунктахъ. Людовикъ XIV одобрилъ планъ, и въ 1684 году Ласалль отправился съ четырьмя судами и восемьюдесятью эмигрантами. Съ этого времени началась колонизація Луизианы, чтó сопряжено было въ то время съ большими затрудненіями за отсутствіемъ современныхъ приспособленій. Но планъ Ласалля не удался, и онъ умеръ, убитый товарищами, которые, лишившись своего главы, умерли отъ различныхъ болѣзней или были убиты почти всѣ до одного индѣйцами. Заселеніе береговъ Миссиссипи осталось открытымъ вопросомъ, и Луизиана сдѣлалась вождѣніемъ трехъ державъ: Франціи, Англіи и Испаніи. Пока дипломаты спорили, французскій морской министръ графъ Поншартрэнъ дѣйствовалъ и, организовавъ экспедицію, довѣрилъ начальство надъ нею одному канадцу нормандскаго происхожденія, Пьеру Лемуанъ д'Ибервиллю, цѣль котораго была тождественна съ намѣреніемъ Ласалля — колонизировать берега Миссиссипи и укрѣпить дорогу, ведущую въ Канаду. Прожде всего онъ присталъ въ одной бухтѣ — въ настоящее время бухтѣ Пенсакола, которую онъ нашелъ занятою испанцами. Тогда онъ снова пустился въ путь и вышелъ на берегъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время находится городъ Мобиль. Оставивъ свои корабли, онъ отправился въ сопровожденіи нѣсколькихъ смѣлыхъ спутниковъ на поиски устья Миссиссипи, которыя Ласалль не сумѣлъ найти. Черезъ шесть дней самаго опаснаго мореплаванія, 2-го марта 1699 года, Ибервилль угадалъ присутствіе теченія, опустилъ руку и поднесъ затѣмъ къ губамъ: вода была прѣсная. Такимъ образомъ устье Миссиссипи было открыто. На другой день онъ попробовалъ подняться на веслахъ по рѣкѣ и достигъ большого ручья, который и назвалъ «Mardi Gras», это названіе за нимъ сохранилось и теперь. Затѣмъ онъ изслѣдовалъ рѣку, построилъ укрѣпленіе на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится городъ Билокси, и возвратился во Францію, предоставивъ своему брату Бьенвиллю заботиться о развитіи своего труда. Послѣднему удалось обезпечить безоасность колоніямъ, которыя занимались посѣвами хлѣба, засаживали плодовыми деревьями мѣстность, строили жилища и даже заставили уважать свою территорію англичанъ и испанцевъ, которые нѣсколько

разъ пытались занять эту мѣстность. Солдатамъ и колонистамъ предстояла тяжелая задача. Каждые два, три года изъ Франціи или Канады приплывало парусное судно съ оружіемъ, порохомъ и другими вещами для обмѣна съ индѣйцами. Оно привозило съ собою извѣстія и небольшое количество искателей приключеній—все это было единственной связью съ родиной. Пока Луизиана увеличивалась и собиралась съ силами, войны Людовика XIV обременили долгами французскую казну, и министры короля придумывали комбинацію, чтобы извлечь большія выгоды изъ Миссисипи, не принося новыхъ жертвъ: съ этою цѣлью они захотѣли основать колонизаторскую компанію. После долгаго убежденія министры задумали устроить такого рода организацію, которая соединила бы выгоды прямой эксплоатаціи государствомъ вмѣстѣ съ эксплоатаціей торговымъ обществомъ. Въ 1712 году исключительныя привилегіи колонизаціи Миссисипи были даны на пятнадцать лѣтъ капиталисту Антуану Кроза, вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторомъ колоніи оставался Ламотъ Кадильякъ, Бьенвиллю же было поручено охранять учрежденія колоній отъ вторженія индѣйцевъ. Это раздѣленіе власти повлекло за собою несчастныя послѣдствія, и система министровъ рушилась. Регентъ отдалъ Луизиану въ аренду на 25 лѣтъ капиталисту Джону Ло, основавшему западную и индѣйскую компанію, который многое сдѣлалъ для процвѣтанія колоніи. Съ 1717 по 1721 годъ компанія переправила туда семь тысячъ человекъ, оружіе, всевозможные запасы, большое количество всякаго рода товаровъ и ловко управляла своими владѣніями съ помощью Бьенвилля, который привелъ въ дѣйствительность свою мечту объ ея улучшеніи и основалъ Новый Орлеанъ. Для исполненія своего условія компанія должна была набирать эмигрантовъ во всѣхъ слояхъ общества, даже самыхъ низменныхъ. Послѣдніе, присоединяясь къ отставнымъ офицерамъ и солдатамъ, водворившимся въ Луизиану и Канаду, составила первый контингентъ колонистовъ. Переселенные въ новый для нихъ міръ и предназначенные для новаго существованія, они измѣнились, и прежній элементъ исчезъ, давъ мѣсто новому поколѣнію—трудолюбивому и умственно развитому. Сначала Луизиана находилась подъ покровительствомъ аристократовъ, и туда было послано большое количество ихъ младшихъ сыновей для распространенія на Миссисипи этого элемента. Вмѣстѣ съ собою они внесли туда идеи, нравы, традиціи и цивилизацію старыхъ странъ и составили группу, къ которой присоединились нѣкоторые изъ болѣе развитыхъ колонистовъ. Западная и Индійская компанія исчезла, но, благодаря ей, колонія вышла изъ дѣтства и могла жить одна. Въ 1731 г. Луизиана сдѣлалась королевскою провинціей съ королевскими губернаторами, и, по словамъ Жоржа Совэна, она вполне процвѣтала. Но, къ несчастію, началась Семилѣтняя война, и Франція должна была уступить Испаніи всѣ страны, открытыя Ласаллемъ. Когда луизианцы узнали, что они перешли подъ испанское владычество, то послали въ Парижъ депутацію къ министру Шуазелю съ протестомъ, но не могли ничего добиться и изгнали силой Антонио де Ульоа, явившагося управлять колоніей отъ имени испанскаго короля. Тогда изъ Испаніи были высланы двадцать три корабля съ 3.000 человекъ солдатъ, подъ начальствомъ графа О'Релли, и авторитетъ Испаніи былъ установленъ въ 1769 г.; луизианскіе же патріоты, руководившіе сопротивленіемъ, были разстрѣляны. Владычество Испаніи надъ Луизианою дли-

лось тридцать четыре года, и Луизиана не могла жаловаться на отсутствие процветанія. Впрочемъ, луизианцы сердцемъ оставались французами, строго сохраняя свой языкъ, нравы, обычаи, вступая въ испанскія войска лишь для того, чтобы драться съ англичанами, и посылая богатыхъ дѣтей учиться во Францію. Они присоединились съ патриотическимъ пыломъ въ концѣ XVIII вѣка къ движенію во Франціи, породившему революцію. Послѣ экспедиціи въ Египетъ Бонапартъ мечталъ о колониальной имперіи и тотчасъ же вспомнилъ о Луизианѣ, которая могла бы служить ему точкой опоры въ борьбѣ противъ Англіи. Какъ только представился благоприятный случай, онъ повелъ переговоры съ Мадридскимъ дворомъ. Такъ какъ испанскій король Карлъ IV не извлекалъ большой пользы изъ обладанія Миссиссиппи и опасался серьезныхъ затрудненій со стороны Америки, то уступилъ ихъ Бонапарту, подъ условіемъ, что герцогъ Пармскій, принцъ испанскаго дома, получитъ герцогство Тосканское. По этому поводу былъ подписанъ трактатъ, но хранился въ тайнѣ, такъ какъ Бонапартъ въ тотъ моментъ не имѣлъ возможности защищать новую колонію отъ англійскаго флота, и, только годъ спустя, всѣ поняли дѣлу, заплаченную Испаніей за герцогство Тосканское. Луизиана приобрѣла большее значеніе: ея народонаселеніе увеличили эмигранты съ Канарскихъ острововъ, изгнанники изъ Англіи и многочисленные жители Санъ-Доминго, переехавшіе туда послѣ возмущенія негровъ въ 1791 г., а также французы, эмигрировавшіе послѣ событій 1793 года. Луизиана разбогатѣла, благодаря культурѣ сахарнаго тростника и дешевымъ рабочимъ рукамъ африканскихъ невольниковъ. Торговля процветала, сношенія съ Европой были значительны. Возвращеніе Луизианы Франціи было встрѣчено жителями съ восторгомъ. Но въ то время, когда Санъ-Доминго былъ укрѣпленъ и наполненъ войсками, а Гваделупа, Мартиника, Иль-де-Франсъ были въ состояніи сопротивляться, Луизиана, въ которой не было ни одного солдата, не могла организовать себѣ защиту и на огромномъ пространствѣ не обладала необходимымъ элементомъ для серьезной борьбы. Кромѣ того, присоединяя Миссиссиппскія владѣнія, Франція возбудила недовольство въ американцахъ, давно добивавшихся торговыхъ привилегій и предпочитавшихъ болѣе слабыхъ и неопасныхъ для нихъ испанцевъ. Тогда Наполеонъ рѣшился избавиться отъ Луизианы и продать ее Америкѣ, а вырученныя деньги послужили фондомъ для вооруженія. Кромѣ того, онъ отнялъ этимъ возможность у англичанъ увеличивать свои колоніи владѣніями на Миссиссиппи и урегулировать съ новой республикой всѣ вопросы, подлежащіе разсмотрѣнію, увеличивъ силы государства, которое должно было нанести ударъ Великобританіи. Морской министръ Декрѣ не раздѣлялъ мнѣнія Бонапарта, и послѣдній поручилъ маркизу Барбэ-Марбуа, бывшему консулу въ Соединенныхъ Штатахъ, и министру финансовъ вести переговоры съ американскимъ посланникомъ во Франціи Ливингстономъ и Джемсомъ Монроэ, явившимся въ Парижъ въ качествѣ спеціальнаго комиссара, которому президентъ Джефферсонъ поручилъ добиться свободнаго плаванія на Миссиссиппи подъ американскимъ флагомъ и права выгружать товары въ Новомъ Орлеанѣ. Американскіе уполномоченные были крайне удивлены, что имъ предложили не только просимыя льготы, а даже отдали въ распоряженіе всю Луизиану, и хотя они не получили по этому поводу никакихъ инструкцій,

однако, понимая, что такой случай упускать невозможно, они не колеблясь заключили трактатъ. Условія были слѣдующія: Америка обязалась выплатить за Луизиану 80 милліоновъ, изъ которыхъ 60 милліоновъ должны быть внесены въ французскую казну, а 20 употреблены на вознагражденіе американскихъ судовладельцевъ за незаконный захватъ французами ихъ судовъ. Эга сдѣлка совершалась при посредствѣ голландскихъ банкировъ, которые взяли въ выплату фондъ учитываніемъ подписи американскаго правительства. Трактатъ былъ подписанъ въ Парижѣ 30-го апрѣля 1803 года. Однако, этотъ трактатъ вызвалъ въ Америкѣ споры, а въ Новомъ Орлеанѣ на него взглянули, какъ на истинное народное бѣдствіе. 20-го декабря 1803 г. въ Новомъ Орлеанѣ состоялось официальное торжество передачи Луизианы Соединеннымъ Штатамъ. Столѣтіе этого дня и послужило причиной настоящаго торжественнаго празднованія въ Сентъ-Луи. Народъ былъ опечаленъ: новые нравы и обычаи американцевъ были чужды луизианцамъ. Прошло сто лѣтъ, и прежняя Луизиана, раздробленная на множество штатовъ, переживъ ужасный кризисъ освобожденія и его послѣдствія, сдѣлалась богатой и счастливой страной. Одну четверть ея жителей составляетъ черная раса, которая, повидимому, не извлекла изъ своей эмансипаціи желаемой выгоды, а три четверти населенія представляютъ американцы, явившіеся съ сѣвера, и креолы. Послѣдніе, часто смѣшиваемые съ мулатами, въ сущности потомки бѣлой расы французскихъ и испанскихъ колонистовъ. «Луизианцы сдѣлались американскими гражданами безъ сожалѣнія и предвзятой мысли,—говоритъ въ своей статьѣ Жоржъ Совенъ,—и такіе же хорошіе патриоты, какъ [я] американцы. Болѣе энергичная англо-саксонская раса подавила пассивныхъ креоловъ; французскій языкъ забывался особенно въ молодомъ поколѣніи, благодаря школамъ, въ которыхъ преподается исключительно англійскій языкъ». Другой же авторъ юбилейной книги: Вилльямъ Терражъ увѣряетъ, что даже теперь, сто лѣтъ спустя, Луизиана настолько сохранила французскія особенности и видъ, что поражаетъ путешественника. Въ Луизианѣ существуетъ множество маленькихъ городовъ, основанныхъ въ колониальный періодъ и носящихъ французскія названія, Легкость путей сообщенія, повидимому, заглушила ихъ торговую и промышленную дѣятельность, всецѣло поглощенную Новымъ Орлеаномъ, который уже болѣе не официальная столица штатовъ, но остался все-таки ихъ головой и сердцемъ. Его возрастъ считается сто восемьдесятъ пять лѣтъ; онъ былъ французскимъ пятьдесятъ одинъ годъ и сто тридцать четыре года уже не принадлежитъ французамъ. Въ Новомъ Орлеанѣ находится значительная французская колонія эмигрантовъ около 15.000 человекъ, которая монополизируетъ нѣкоторые ремесла; тамъ сохранились вполнѣ французскіе обычаи, нравы и характеръ.

— Юбилей Кобдена. 3-го іюня настоящаго года минуло сто лѣтъ со дня рожденія апостола свободной торговли и международнаго мира — Ричарда Кобдена. Празднованіе этого юбилея довольно некстати, или, лучше сказать, совершенно кстати пришлось въ одно время съ интригами англійской консервативной партіи противъ свободной торговли и среди разгара русско-японской войны. Фактически некстати чествовать великаго юбиляра либеральныхъ, экономическихъ и политическихъ принциповъ среди какъ будто торжества

военныхъ идей и воскресенія болѣе, чѣмъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ, принциповъ протекціонизма, но въ сущности теоретически, какъ нельзя болѣе кстати, вспомнить именно теперь о необыкновенномъ человѣкѣ, благодаря которому Англія пользовалась необычайнымъ благоденствіемъ болѣе полувѣка, и которому свѣтъ обязавъ проповѣдью мира, приведшей въ концѣ концовъ къ Гаагской конференціи. Поэтому англійскіе либералы устроили повсемѣстно въ Англіи празднованіе памяти великаго государственнаго человѣка и общественнаго героя, начавшаго жизнь свинопасомъ и кончившаго ее благодѣтелемъ своего отечества. Напомнимъ въ двухъ словахъ мирные подвиги Ричарда Кобдена. Онъ родился въ 1804 году на Бенфордской фермѣ своего отца въ селеніи Гейшотъ, въ Суссексѣ. Послѣ смерти отца, который самъ обрабатывалъ землю, семья его, состоящая изъ жены и одиннадцати дѣтей, осталась почти въ нищетѣ. Тогда-то Ричардъ, бывший четвертымъ сыномъ, пасъ свиней и черезъ нѣсколько лѣтъ поступилъ на фабрику своего дяди. Выказавъ большія способности къ труду, онъ вскорѣ вступилъ въ товарищество хлопчатобумажнаго производства. Въ 1834—1835 годахъ онъ путешествовалъ по дѣламъ фирмы въ Турціи, Греціи и Соединенныхъ Штатахъ, результатомъ чего были двѣ брошюры: «Англія, Ирландія и Америка» и «Россія». Последняя имѣла дѣлюю опровергнуть царившую тогда въ Англіи руссофобію. Въ 1838 г. онъ началъ великое движеніе по всей странѣ въ пользу отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Благодаря его энергичной дѣятельности, внесена была въ англійскій парламентъ петиція объ этомъ предметѣ съ подписями двухъ милліоновъ лицъ и основана лига противъ отмѣны антихлѣбныхъ законовъ. Безъ устали онъ разъѣзжалъ по всей Англіи и произнесъ болѣе тысячи рѣчей по этому предмету. Эту агитацію онъ неудержимо велъ десять лѣтъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ, Джономъ Брайтомъ. Наконецъ, въ 1841 году онъ былъ выбранъ въ члены парламента и черезъ пять лѣтъ добился своей цѣли. Тогдашній министръ, сэръ Робертъ Пиль, провелъ въ парламентъ билль объ уничтоженіи хлѣбныхъ законовъ и торжественно засвидѣтельствовалъ, что виновникомъ этой благодѣтельной для народа мѣры былъ Кобденъ. Но въ это время онъ такъ былъ занятъ общественными дѣлами, что запустилъ торговые обороты, и былъ спасенъ отъ несостоятельности общенародной подпиской, собравшей ему до семидесяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ за его великія заслуги. Вслѣдствіе этого онъ прекратилъ промышленную дѣятельность и занялся политическими и экономическими дѣлами, ревностно поддерживая принципы свободы торговли всеобщаго мира и всѣхъ либеральныхъ и гуманныхъ реформъ. Пальмерстонъ предложилъ ему министерскій постъ въ своемъ кабинетѣ, но, противодѣйствуя его политикѣ, онъ отказался отъ подобной чести. Онъ остался членомъ парламента за Рочдель, снова посѣтилъ европейскія страны и между прочимъ Россію. Въ 1859 году онъ былъ назначенъ уполномоченнымъ англійскаго правительства для заключенія торговаго трактата съ Франціей, что онъ и сдѣлалъ съ успѣхомъ. Рѣчи и брошюры Кобдена изданы въ нѣсколькихъ томахъ, біографія же его составлена однимъ изъ его друзей, Морлеемъ. Въ 1865 году умеръ отъ бронхита этотъ любимый и уважаемый всей либеральной Англіей апостолъ свободной торговли и всеобщаго мира. Прошло пятьдесятъ лѣтъ, и его

слава оставалась незабываемой, его принципы попрежнему поддерживали прогресс и благоденствие Англии. Созданный в его честь Кобденский клуб для пропаганды введенных им экономических теорий энергически поддерживал экономические и политические реформы великаго государственнаго чловѣка. Только в послѣднее время ловкій Чамберленъ сталъ проповѣдывать уничтоженіе идей Кобдена, но, благодаря либеральной партіи и еще сохранившимся сторонникамъ Кобдена, нѣтъ сомнѣнія, что благотворное и полезное для всей Англии дѣло Кобдена сохранится во всемъ его величіи. Воспользовавшись его юбилеемъ, либералы устроили по всей Англии до семидесяти публичныхъ митинговъ, начиная отъ Лондона до его скромной родины. Прежде всего состоялось громадное собраніе изъ 12.000 лицъ вѣ Лондонскомъ народномъ Александровскомъ дворцѣ, гдѣ произнесли рѣчи глава либераловъ сэръ Генри Камбель Банерманъ, сэръ Чарльсъ Дилкэ, пасторъ Клифортъ и краснорѣчивѣйшіе ораторы либеральной и рабочей партіи. На родинѣ Кобдена собрался всѣ его друзья и сторонники подѣ предсѣдательствомъ четырехъ его дочерей, извѣстныхъ своей экономической и радикальной дѣятельностью. Джонъ Морлей вѣ Бирмингамѣ, Леонардъ Кортней вѣ Эдинбургѣ, Джемсъ Брайсъ вѣ Митгурсѣ и т. д. вѣ краснорѣчивыхъ рѣчахъ распространили память объ апостолахъ свободы торговли и всеобщаго мира.

— Историческія воспоминанія Джіованни Висконти Веноста. Вѣ Италіи появились интересныя воспоминанія ¹⁾ брата бывшаго итальянскаго министра иностранныхъ дѣлъ, маркиза Эмиліо Висконти Веноста. Они представляютъ обширный томъ вѣ 700 страницъ, и вѣ нихъ очерчена жизнь ломбардца между 1835—1848 г. г., когда они были всѣ, какъ одинъ, одушевлены ненавистью къ нѣмцамъ. «Пять дней» вѣ 1848 г. ярко изображаютъ ту радость, когда братья Веноста услышали на парижскихъ бульварахъ побѣдоносные крики: «Да здравствуютъ пьемонтцы!». Съ какимъ восторгомъ они любовались Наполеономъ III вѣ театрѣ и спрашивали себя, не онъ ли будетъ освободителемъ Италіи. Когда же онъ рѣшился дѣйствовать, ихъ энтузіазмъ дошелъ до апогея. Особенно ярко описаны побѣды подѣ Маджентой, Сольферино и вступленіе французовъ вѣ Миланъ. О Гарибальди вѣ этихъ воспоминаніяхъ новаго не много, и только приведено нѣсколько примѣровъ его природной доброты и великодушія по отношенію къ побѣжденнымъ. Вѣ 1859 г. вѣ Бергамѣ Висконти Веноста былъ свидѣтелемъ, какъ шесть австрійскихъ офицеровъ были взяты вѣ плѣнъ гарибальдійцами и ожидали ужаснаго возмездія, такъ какъ существовала легенда о жестокостяхъ итальянцевъ. По мнѣнію австрійскихъ солдатъ, всякій, попавшій вѣ руки Гарибальди, долженъ былъ ожидать всего. Гарибальди между тѣмъ вышелъ къ нимъ навстрѣчу; австрійцы были страшно блѣдны, и двое изъ нихъ тщетно старались овладѣть нервной дрожью, охватившей ихъ. Гарибальди пожалъ руку каждому изъ нихъ и сказалъ: «васъ направятъ отсюда вѣ Миланъ, а оттуда вѣ Александрію. Вы поѣдете вѣ закрытой каретѣ. Такимъ образомъ народное любопытство не будетъ вамъ надоѣдать. Вамъ будутъ оставлены ваши шпaги, съ условіемъ, что вы дадите слово

¹⁾ Ricordi della giovinezza di Giovanni Visconti Venosta. Milano. 1904.

не искать возможности бѣжать. Не выразите ли вы какого желанія?» По мѣрѣ того, какъ генераль Тюрр переведилъ австрійцамъ эту рѣчь, ихъ лица измѣнялись. Они ожидали погибнуть отъ руки Гарибальди. Конечно, они общались все исполнить и сохранили свои шпаги. Тогда Гарибальди снова пожалъ имъ руки, и когда они удалялись, онъ воскликнулъ: «Достойные и храбрые офицеры, привѣтствую васъ». Касаясь Александра Манцони, пользовавшагося въ то время не меньшей популярностью, чѣмъ Гарибальди, но въ царствѣ литературы, Висконти Веноста рассказываетъ о своей тѣсной дружбѣ съ романистомъ, вѣрнымъ ученикомъ и поклонникомъ котораго онъ оставался до конца. Онъ познакомился съ нимъ въ 1860 году, и между ними завязалась тѣсная дружба. Въ эту эпоху Манцони уже былъ не молодой человекъ, и нервная болѣзнь, развившаяся у него, съ каждымъ днемъ усиливалась. Иногда на улицѣ имъ овладѣвалъ ужасъ: ему казалось, что подъ его ногами разверзается земля, дома рушатся, и стѣны готовы развалиться. Впрочемъ эти галлюцинаціи являлись только тогда, когда онъ гулялъ одинъ, но онѣ стали являться такъ часто, что его одного болѣе не отпускали. Происхожденіе этой болѣзни очень странное; она зародилась во время празднества на площади Согласія, даннаго по случаю бракосочетанія Наполеона съ Маріей-Луизой. Жена Манцони, тѣсняемая толпою, внезапно потеряла сознаніе и упала на руки мужа. Очень впечатлительный Манцони тотчасъ же вообразилъ страшныя несчастія: ему казалось, что жену задавили и смяли. Тогда, сдѣлавъ сверхчеловѣческія усилія, онъ перенесъ ее въ безопасное мѣсто, но самъ съ тѣхъ поръ не могъ оправиться. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ испыталъ новое сильное впечатлѣніе, усилившее болѣзнь и ускорившее его конецъ. Манцони находился въ лавкѣ своего издателя въ Миланѣ, какъ вдругъ одинъ изъ посѣтителей сообщилъ о Ватерлоо. Тотчасъ же въ умѣ Манцони возникли послѣдствія этого несчастія: Италія снова возвращена Австріи и, можетъ быть, навсегда. Онъ упалъ въ кресло, и его должны были перенести домой. Съ этого дня его здоровье стало хуже. Манцони, или, какъ его звали, «Don Alessandro», по словамъ Висконти Веноста, говорилъ съ безконечнымъ умомъ, пріятно и просто. Память у него была удивительная. Однажды разговоръ зашелъ объ Альфіери, Манцони, которому было восемьдесятъ пять лѣтъ, однимъ дыханіемъ продекламировалъ двѣсти стиховъ Виргилія, и тотчасъ послѣ прочиталъ малоизвѣстный переводъ этихъ стиховъ, сдѣланный Альфіери. Манцони часто возвращался въ своихъ разговорахъ къ французской революціи, о которой онъ помнилъ малѣйшія подробности. Онъ очень хотѣлъ написать исторію этой эпохи, но другія срочныя работы не позволяли ему этого. По мнѣнію Висконти Веноста, Манцони въ большинствѣ своихъ сужденій о революціи сходился съ Тэнемъ. 6-го января 1873 года Манцони, спускаясь со ступенекъ церкви св. Федея, упалъ и расшибъ себѣ лобъ о мраморныя ступени. Послѣ нѣсколькихъ дней бреда онъ умеръ 22-го мая 1873 г. среди родныхъ и друзей, изъ которыхъ главнымъ былъ Джіованни Висконти Веноста.

— Письма о франко-нѣмецкой войнѣ. За послѣднее время въ Германіи появилось множество статей и книгъ, относящихся къ войнѣ 1870 г., и

между прочимъ переписка ¹⁾ одного нѣмецкаго майора Ганса Кречмана, въ послѣдствіи генерала. Эти письма напечатаны двумя дочерьми генерала, и одна изъ нихъ, Лили Браунъ, прибавила отъ себя предисловіе, которое представляетъ едва ли не большій интересъ. Въ немъ прекрасно выведена интимная исторія Германіи, и оно начинается съ объясненія, какъ трудно написать біографію своихъ родителей, не оскорбивъ истины или сыновняго почтенія. «Затрудненіе становится тѣмъ болѣе велико, — говоритъ г-жа Браунъ, — что между міросозерцаніемъ дѣтей и идеями родителей существуетъ глубокая пропасть... Никакая эпоха не раздѣляла столь рѣзко, какъ наша, старое и новое поколѣніе и не наносила тѣмъ и другимъ столькихъ оскорбленій. Мой отецъ представляетъ отрывокъ прошлаго. Онъ принадлежалъ къ типу людей, которымъ наше время не позволяетъ болѣе развиваться, и которые зародились въ суровую эпоху стараго Фрица, чтобы выступить во время войны за освобожденіе родины. Онъ былъ прусскій солдатъ», своей слѣпой любовью къ принцу и родинѣ, усердіемъ, съ которымъ онъ былъ готовъ на самопожертвованіе ради нихъ, своей безусловной вѣрой въ одного Бога, который наименовалъ скорѣе Одина, чѣмъ Христа, своей неумолимой односторонностью и непреклоннымъ чувствомъ долга, который заставлялъ его осуждать и подавлять часто съ жестокостью всякое мнѣніе, всякую манеру чувствовать иначе, чѣмъ его; своею преданной нѣжностью жевѣ и дѣтямъ, способной на всѣ жертвы, исключая той, которая заставила бы его переносить, чтобы люди жили сами собой; своимъ чувствомъ строгой честности, которая признавала одинъ лишь законъ — нравственности; своей неподатливой гордостью, предъ которой въ серіозныхъ жизненныхъ столкновеніяхъ ступевывались остальные черты характера». Изъ этого предисловія видно, что Лили Браунъ принадлежитъ къ противоположному лагерю — лагерю социалистовъ, и она и скрываетъ, насколько тяжело было ей выносить солдафонскій нравъ отца, перешедшій ему отъ прадѣда. У прадѣда Кречмана было три сына. Одинъ изъ нихъ еще мальчикомъ испыталъ во время Іены обаяніе Наполеоновской эпохи. Онъ убѣжалъ изъ отцовскаго замка во Францію, вступилъ въ ряды французскихъ войскъ, продѣлалъ съ ними испанскую кампанію, былъ захваченъ англичанами и вернулся въ Германію постъ многихъ приключеній. Второй сынъ кончилъ жизнь, вступивъ въ ряды Гарибальди. Третій, отецъ генерала Кречмана, умеръ въ молодомъ возрастѣ, сохранивъ на долго память о себѣ въ семьѣ, благодаря своей суровости и вспыльчивости. Хотя онъ обладалъ нѣжнымъ сердцемъ, любилъ жену и дочь и готовъ былъ броситься за нихъ въ огонь, а во время вторженія во Францію былъ тронутъ жалобами французскихъ крестьянъ, но все-таки у него былъ характеръ Кречмановъ, или, вѣрнѣе, «прусскаго солдата» — гнѣвный и тираническій. Этотъ характеръ, развился тѣмъ болѣе, что онъ былъ «солдафonomъ» съ шестнадцати лѣтъ и привыкъ, что въ полку право имѣть свое мнѣніе о чемъ бы то ни было можно было лишь въ извѣстныхъ чинахъ. Но Кречманы были исключеніемъ; они всегда имѣли на все свои взгляды и высказывали открыто свое мнѣніе. По мѣрѣ повышенія въ чинахъ этотъ авторитетъ становился все устойчивѣе, и, по мнѣнію дочери ге-

¹⁾ Kriegsbrieve aus den Jahren 1870—1871, von general Kretschman. Berlin. 1904.

нерала Кречмана, «военное ремесло необходимо создавало тираническій характер». Генералы въ Германіи окружались почестью и привилегіями, какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни, и никогда не забывали, что они «персона». Въ особенности въ провинціи, когда видѣли генеральскій мундиръ, то разрывались надвое, чтобы услужить. На служебномъ посту онъ былъ во всемъ правъ, видѣ его онъ не допускалъ возраженій. Однако, молодое поколѣніе смотрѣло иначе на дѣло, и дочь генерала Кречмана являлась въ его домѣ въ полномъ смыслѣ бунтовщицей. Возвращаясь домой изъ казармъ, гдѣ все повиновалось ему, онъ встрѣчалъ не только сопротивленіе его мнѣніямъ, но даже выслушивалъ совѣты дочери. Такъ какъ ея бабушка была дружна съ старой императрицей Августой, то Лили дообѣденное время проводила въ игрѣ съ сестрами царствующаго императора, и чѣмъ старше становилась она, тѣмъ слабѣе выражала слѣпую любовь къ принцу и родинѣ. Отецъ дѣлалъ ей ужасныя сцены, но это еще болѣе углубляло возникшую между ними пропасть. «Я сдѣлалась чужою отцу»,— пишетъ она. И не одна она была въ подобномъ положеніи: многія германскія семьи переживали то же. Неожиданная катастрофа еще болѣе разстроила семейный строй Кречмановъ: во время большихъ маневровъ императоръ Вильгельмъ, руководившій ими впервые, ввелъ новшества, между прочимъ по кавалеріи, и такъ какъ Кречманъ былъ поклонникъ традицій, то, вѣрный своей откровенности, онъ не постѣснился раскритиковать императорскую тактику самымъ ядовитымъ образомъ. Императоръ вспылилъ и приказалъ Кречману подать въ отставку 10-го января 1889 года. Генераль позвалъ жену и дочь. Когда они вошли, то этотъ грубый солдафонъ конвульсивно рыдалъ, подавая имъ письмо. «Это былъ совсѣмъ разбитый человекъ»,— пишетъ дочь. Послѣ этого онъ поселился въ Берлинѣ съ семьєю, но здѣсь, къ довершенію несчастья, его дочь въ одинъ прекрасный день сдѣлалась журналисткой передовой оппозіціи и послѣ многочисленныхъ споровъ совершенно покинула родительскій домъ, вступила въ социаль-демократическій кружокъ, и ея имя красовалось на афишахъ среди ораторовъ народныхъ собраній. Для семьи она умерла. Затѣмъ, когда она вышла замужъ за Брауна, то отецъ сдѣлалъ видъ, что не знаетъ объ этомъ бракѣ, и только когда онъ, благодаря лѣтамъ и болѣзни, ослабъ, то они какъ будто пытались сблизиться, но, тѣмъ не менѣе, разрывъ былъ полный и принялъ характеръ ненависти. Въ 1899 г. генераль умеръ, его желаніе быть похороненнымъ тихо исполнилось: похороны были болѣе чѣмъ спокойныя при полномъ отсутствіи друзей, почетныхъ тѣлохранителей, музыки, императорскихъ делегатовъ и традиціонной сочувственной телеграммы императора на имя вдовы. Что касается переписки Ганса Кречмана съ женою, то она относится къ эпохѣ франко-прусской войны, и въ ней со свойственной откровенностью, за которую Кречманъ заплатилъ своей карьерой, онъ судитъ о событіяхъ и людяхъ. Кромѣ нѣжныхъ изліяній къ женѣ и дочери, эти письма полны ненависти къ неприятелю. Впрочемъ, Кречманъ по долгу совѣсти дѣлалъ все, чтобы облегчить страданія побѣжденных жителей, и когда это ему не удавалось, онъ писалъ женѣ: «Я не созданъ для войны!» Французовъ онъ безпрестанно награждалъ различными нелестными эпитетами: «Это—нація обезьянъ», писалъ онъ; далѣе попадались такія слова, какъ «французы прощальги», «слу-

ты», «сволочи», «лгуны», «существа гнусныя и безчестныя», «непристойныя безстыдники», «подлецы». Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выражалъ свое уваженіе выносливости и достоинству врага. Предъ Мецемъ 16 октября 1870 г. онъ писалъ женѣ: «Погода давно отвратительна и уже холодно. Плтѣнники находятся въ плачевномъ положеніи. Лица ихъ исхудали и грязны. Подумать только, что эти люди въ продолженіе восьми недѣль спали голыми на землѣ, безъ соломы, въ здѣшней глинѣ». Черезъ нѣсколько дней онъ писалъ: «Плтѣнники падаютъ почти безъ чувствъ». На другой день онъ уже говорилъ, что они умираютъ отъ голода, и прибавляетъ: «Вполнѣ уважаю армію, переносящую столь долго подобныя лишенія. Восемь мѣсяцевъ дурного питанія, бивуаковъ безъ соломы среди сраженій и грязи; это прекрасно! Спрашивается: могли ли бы наши солдаты перенести это?» 28-го Мецъ сдался на капитуляцію, и Кречманъ писалъ женѣ: «Французы сдѣлали болѣе, чѣмъ можно было ожидать отъ самыхъ храбрыхъ войскъ. Армія терпѣла самыя ужасныя лишенія. Если бы во главѣ ея былъ сколько нибудь способный полководецъ, то навѣрно ей удалось бы пройти». Свое впечатлѣніе при видѣ дефилирующей плтѣнной арміи Кречманъ передаетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Былъ ливень. Художникъ могъ изучить на природѣ всѣ оттѣнки отчаянія и горя. Главный военный чинъ, красивый полковникъ, съ достоинствомъ вручилъ мнѣ свой рапортъ. Ни одинъ мускулъ лица не дрогнулъ у него; только отъ времени до времени съ его устремленныхъ въ пространство глазъ скагывалась слеза. Его солдаты распростились съ нимъ, рыдая. Привязанность солдатъ къ ихъ офицерамъ трогательна. Одного капитана я не забуду никогда, пока я живъ. Онъ шатался на сѣдлѣ. Я думалъ, что онъ пьянъ, и только, когда онъ приблизился, я увидѣлъ, что у него закружилась голова отъ волненія. Я попробовалъ успокоить его, избѣгая того, что могло бы его оскорбить, но онъ спокойно сказалъ мнѣ: «Вы съ виду воинъ съ сердцемъ; отвѣтите мнѣ откровенно: можемъ ли мы еще сражаться?» Я отвѣтилъ: «Да, но безъ видимаго успѣха». Тогда онъ мнѣ сказалъ поблѣднѣвъ, какъ смерть: «Въ такомъ случаѣ лучше умереть!» Мнѣ было очень его жаль». Между прочимъ онъ ставитъ въ упрекъ войнѣ, что она отнимаетъ у людей всѣ ихъ иллюзіи о человѣчествѣ. Даже относительно своихъ нѣмцевъ онъ отзывается откровенно, находя, что они воровали, и солдаты почти ничего не получали изъ предназначеннаго имъ раціона. Въ эту кампанію Кречманъ былъ при главномъ штабѣ 3-го корпуса 2-й нѣмецкой арміи и съ документами въ рукахъ могъ провѣрить злоупотребленія. «Все это слишкомъ печально, — пишетъ онъ. — Если я даль приказъ послать въ госпиталь столько-то бутылокъ вина, колбасы и сигаръ и на другой день отправлюсь спрашивать больныхъ, то узнаю, что они ничего не получили. Напротивъ, если я войду въ предназначенную для врачей комнату, то найду ихъ сидящими за прекрасно накрытымъ столомъ съ лицами, воспламененными виномъ. «Инспекторъ госпиталя, не имѣвшій состоянія, ежедневно посылалъ женѣ отъ 50 до 100 талеровъ». Итакъ длились злоупотребленія во время всей кампаніи. Онъ хорошаго мнѣнія о дисциплинѣ и храбрости брандербуржцевъ. Напротивъ баварцы возбуждали его гнѣвъ: «Ты не можешь имѣть идеи о баварцахъ. Они заполняютъ дороги по трое и шести человѣкъ, закутанные въ разное невообразимое старье. Они

покинули армию, побросали по частямъ оружiе и возвращаются къ себѣ, грабя по дорогѣ. Изъ 30.000 ч. остались лишь 5.000 ч. Офицеры возвращаются домой вслѣдствiе внутреннихъ болѣзней. Великій герцогъ телеграфировалъ: «Баварцы излишняя тяжесть: они скорѣе вредятъ, чѣмъ служатъ для пользы». Во время сраженiя онъ сказалъ генералу фонъ-Тану: «Теперь удирайте съ этой сволочью». Гессенцы, по словамъ генерала Крачмена, тоже были не лучше и совершенно ограбили городъ Сансъ. Проведя среди нихъ нѣсколько дней, онъ почувствовалъ отвращенiе къ войнѣ. Грабили не только солдаты, но и офицеры главнаго штаба. Когда въ одной нѣмецкой демократической газетѣ были помѣщены имена такихъ офицеровъ, то послѣднiе хотѣли начать судебный процессъ, но газета объявила, что позоветъ въ качествѣ свидѣтелей многихъ жителей Санса. Генералы приписывали себѣ честь участiя въ сраженiяхъ, въ которыхъ они вовсе не были. Кампанiя была столь неурятная, что Кречманъ писалъ: «Съ нами обращаются безусловно безчестно. Когда же будетъ миръ!» Миръ былъ желаннымъ гостемъ, и офицеры бесѣдовали о немъ подолгу, тѣмъ болѣе, что Германiи предстояло свести счеты съ Англіей. Кречману было извѣстно, что англійскiе пароходы были готовы перевезти Луарскую армию въ одинъ изъ укрѣпленныхъ портовъ Бретани, чтобы дать ей возможность появиться на другомъ избранномъ ею пунктѣ. «Безъ Англіи у насъ былъ бы теперь миръ»,— писалъ жевъ Кречманъ:— никогда Францiя не могла бы вооружить свое новое войско: Англія отдала, что она имѣла для собственныхъ войскъ, и воображаю, какъ англійскiе министры разбогатѣютъ. Впослѣдствiи надо будетъ уничтожить эту страну, но не войной, въ ней не будетъ необходимости. У насъ будетъ флотъ, Америка только и ожидаетъ момента, чтобы имѣть возможность отдѣлиться отъ Англіи, Россiя же хранить къ послѣдней ненависть со времени крымской кампанiи. Этотъ народъ, который посредствомъ денегъ снабжаетъ кинжаломъ убійцу, безразлично относясь къ преступленiю, будь оно противъ ли государства, церкви или цивилизаціи, лишь бы только предстояло нажить деньги,—подобный народъ не долженъ имѣть мѣсто въ европейскомъ совѣтѣ». Ненависть къ англичанамъ была у Кречмана едва ли не сильнѣе, чѣмъ къ французамъ. 22 февраля во время переговоровъ о мирѣ онъ писалъ жевъ: «Насъ тянутъ съ мыслью, что вмѣшаются англичане. Ну, такъ что же пусть являются эти лавочники!» Грубый нѣмецкій солдафонъ никакъ не могъ понять, переѣзжая границу Францiи, отчего народъ въ траурѣ и слезахъ, и восклицаетъ: «Однако мы имъ ничего не дѣлаемъ».

— Послѣднiй представитель англійской школы философовъ. Недавно въ Англіи вышла еще одна автобіографiя великаго англійскаго мыслителя, выдающагося представителя новѣйшаго англійскаго эмпиризма, шотландца Александра Бэна. Это скромное, добросовѣстное, драгоценное и ученое сочиненiе ¹⁾ составляетъ чрезвычайно ясный, точный и любопытный рассказъ о томъ, какъ простой поселянинъ сдѣлался знаменитымъ философомъ, естествоиспытателемъ, профессоромъ и ректоромъ Эбердинскаго университета. Автобіографiя Бэна заслуживаетъ вниманiя одинаково его сторон-

¹⁾ The Autobiography of Alexander Bain. London. 1904.

никовъ и враговъ, какъ полное разоблаченіе благородной жизни этого благороднаго человѣка. Это—классическій разсказъ о побѣдѣ замѣчательнаго гения надъ обстоятельствами и превратностями жизни. Онъ родился въ 1818 году въ Эбердинѣ и былъ сыномъ простаго ткача, когда-то служившаго солдатомъ. «Я имѣю смутное понятіе,—говоритъ онъ въ своей автобіографіи,—что мой отецъ, чрезвычайно трудолюбивый и способный рабочій, могъ заработать болѣе фунта стерлинговъ въ недѣлю, но мое семейство испытало на себѣ тяжелое пониженіе, изъ года въ годъ, заработной платы, и я помню, какъ постоянно отецъ заявлялъ намъ отъ времени до времени о пониженіи платы за поштучную работу ткача. Съ увеличеніемъ его семейства ему приходилось увеличивать свой трудъ до пятнадцати часовъ». Второй его сынъ, будущій философъ, естественно былъ обязанъ работать съ одиннадцатилѣтняго возраста, а до этихъ лѣтъ онъ уже выучился не только грамотѣ, счету и письму, но и первымъ началамъ латинскаго языка и алгебры. вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно всѣмъ шотландцамъ, онъ очень рано заимался изученіемъ библіи и религіи, которую преподавалъ дѣтямъ ихъ отецъ, суровый кальвинистъ. Первоначальныя главы автобіографіи Бэна знакомятъ насъ съ религіознымъ и нравственнымъ положеніемъ Шотландіи начала XIX вѣка, такъ что ни одинъ изслѣдователь исторіи шотландскаго народа не можетъ пропустить этого замѣчательнаго источника. Двѣнадцать лѣтъ онъ сдѣлался посыльнымъ у аукціониста и тринадцать лѣтъ впервые увидалъ у одного профессора Эбердинскаго университета сочиненія Вольтера. Это было въ 1831 году, а чрезъ 11-ть лѣтъ онъ былъ впервые въ Лондонѣ, какъ другъ Джона-Стюарта Милля и членъ его литературнаго кружка. Въ періодъ времени, протекшій между этими событіями Бэнь работалъ простымъ ткачемъ и въ свободное время учился всему, чему могъ, прежде по книгамъ, а потомъ въ грамматической школѣ и въ Маршальской коллегіи Эбердина. Въ эту коллегію онъ поступилъ уже восемнадцать лѣтъ, и страницы, посвященныя въ автобіографіи его студенческимъ занятіямъ, чрезвычайно любопытны для опредѣленія развитія его ума и для характеристики тогдашняго университетскаго воспитанія въ Шотландіи. Въ 1839 году онъ познакомился съ Джовомъ Робертсономъ, который помогалъ Миллю въ изданіи «London and Westminster Review». Уже въ это время Бэнь серьезно занимался психологіей и началъ писать въ означенномъ журналѣ статьи по этому предмету. Двадцати четырехъ лѣтъ онъ отправился впервые въ Лондонъ и сдѣлался другомъ не только Милля, но Карлейля, Вордсворта, Фарадея, Томаса Грэма, Джорджа Генри Льюиса и т. д. О его близкихъ отношеніяхъ къ Миллю, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что они вмѣстѣ читали корректуры логики Милля. «Единственный человѣкъ, который содѣйствовалъ мнѣ въ подготовленіи моей системы логики,—говоритъ Милль,—былъ Бэнь, который впоследствии сдѣлался знаменитъ своими философскими трудами. Онъ старательно прочелъ всю мою рукопись прежде ея печатанія и обогатилъ ее значительнымъ числомъ научныхъ добавочныхъ примѣчаній, а равно своими собственными драгоценными замѣчаніями, служившими подкрѣпленіемъ моихъ логическихъ взглядовъ. Я ихъ помѣстилъ въ моемъ сочиненіи почти буквально его словами». Къ этому времени молодой Бэнь былъ совершенно готовъ къ принятію уни-

верситетской кафедры, но ему въ этомъ помѣшали его радикальныя, политическія, а главное религіозныя идеи; такимъ образомъ ему пришлось двадцать лѣтъ ожидать официальной профессуры. Въ это время онъ получилъ мѣсто въ комисіи здравія и существовалъ литературнымъ трудомъ до 1860 года. Въ 1857 году онъ былъ сдѣланъ экзаминаторомъ по философіи въ Лондонскомъ университетѣ, а, наконецъ, въ 1860 году добился кафедры логики и англійской литературы въ Эдинбургскомъ университетѣ. Достигнувъ цѣли всѣхъ своихъ мечтаній, онъ, однако, не переставалъ заниматься политикой, выражая ненависть къ государственному перевороту Людовика-Наполеона. «Я очень радъ, что Милля здѣсь нѣтъ, — писалъ онъ во время посѣщенія Лондона Наполеономъ III-мъ въ 1855 году: — онъ, по крайней мѣрѣ, не видѣлъ обожанія англійскимъ народомъ величайшаго политическаго преступника, какого только видѣлъ свѣтъ со времени греческихъ и средневѣковыхъ итальянскихъ тирановъ». Съ поступления Бэна въ университетъ и до выхода изъ него прошло двадцать лѣтъ, а съ тѣхъ поръ, въ теченіе двадцати трехъ лѣтъ до его смерти въ прошломъ году, онъ занимался исключительно научными работами. Въ цѣломъ рядѣ замѣчательныхъ трудовъ по философіи, психологіи и логикѣ онъ былъ послѣдователемъ старинной школы англійской философіи отъ Гоббса и Локка до Милля, Дарвина и Спенсера, хотя его философскіе взгляды совершенно расходились съ реализмомъ Герберта Спенсера. Онъ принадлежалъ къ школѣ англійскихъ позитивистовъ, которые признаютъ психологическое изслѣдованіе; при этомъ онъ старался обновить психологію новыми открытіями по физиологіи и патологіи. Главнѣйшія изъ его сочиненій — «Mind and Body», «The senses and the intellect» и «The emotions and the will». Говоря объ этихъ трехъ замѣчательнѣйшихъ трудахъ Бэна, профессоръ Вардъ замѣчаетъ: «За исключеніемъ Локка, быть можетъ, ни одинъ англійскій писатель не сдѣлалъ такихъ важныхъ добавленій къ наукѣ о человѣческомъ разумѣ». Кромѣ того, Бэнъ писалъ много о воспитаніи, риторикѣ, объ англійской грамматикѣ и многихъ научныхъ предметахъ. Незадолго до смерти, на 85 году отъ рожденія, онъ напечаталъ: «Разсужденія о различныхъ философскихъ предметахъ», состоявшія преимущественно въ перепечаткѣ статей изъ «Mind», философскаго журнала, основаннаго имъ и издаваемаго въ продолженіе многихъ лѣтъ съ значительнымъ убыткомъ: «Его смерть, — говоритъ Робертъ Рэйтъ, критикуя ¹⁾ «автобіографію» въ «Fortnightly Review» за июль мѣсяца, — разрушила связь между настоящимъ и прошедшимъ. Онъ былъ интеллектуальный наслѣдникъ Локка и англійской философской школы. Въ послѣдніе годы онъ жилъ въ совершенномъ уединеніи, за нимъ ухаживала преданная жена, и онъ видѣлъ только немногихъ близкихъ друзей. Онъ не только пережилъ своихъ современниковъ, но многихъ учениковъ, и рѣдкіе люди сошли въ могилу съ сознаниемъ, что всецѣло совершили свое назначеніе. Послѣдняя его книга, служа скромнымъ перечнемъ восьмидесяти-четырёхлѣтней работы, не будетъ никогда забыта въ лѣтописяхъ философіи. Тѣ, которые его хорошо знали, ни-

¹⁾ The Last of the English School of Philosophers, by Robert S. Rait. The Fortnightly Review. July 1904.

когда не забудутъ его скромной, но замѣчательной добродѣтели и всегда будутъ помнить его характерныя черты—честность, простоту и прямоту.

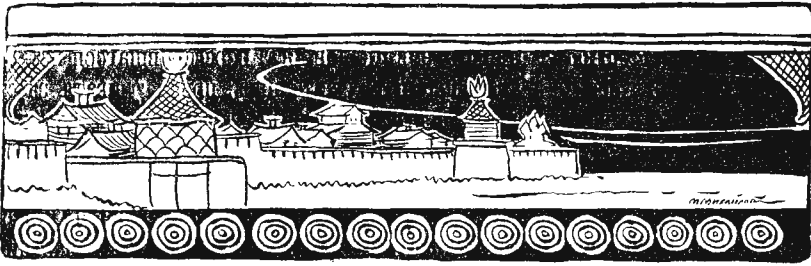
— Сборникъ мелкихъ произведеній Ренана. Благодаря Жану Пейшари, напечатавшему недавно въ Парижѣ томъ «Религіозной и исторической смѣси»¹⁾ Ренана, его поклонники теперь имѣютъ возможность насладиться не только образцовыми произведеніями французскаго философа, но также и менѣе значительными. Впрочемъ въ нихъ одинаково свѣтится та же ясная мысль, обширность познаній, здравый смыслъ его философіи и та же прелесть воображенія. Эта «Смѣсь» составлена изъ 20-ти опытовъ и бесѣдъ, не появившихъ ни въ одинъ изъ сборниковъ, вышедшихъ въ свѣтъ при жизни Ренана. Всѣ они были разбѣяны въ различныхъ журналахъ, а также газетахъ, и относятся къ различнымъ эпохамъ его жизни отъ 1849 до 1889 годъ. Среди исторической смѣси находится между прочимъ слѣдующее мнѣніе о греческомъ идеалѣ: «Гениальность была удѣломъ одной только Греціи,—говоритъ Ренанъ.—Греція при своемъ возникновеніи заимствовала многое, но идеалъ изобрѣла она. Вотъ почему, несмотря на всевозможныя заимствованія, чтобы понять Грецію, требуется только разумъ. Греческое искусство столь же логическое, какъ и греческая философія. Греческое зданіе, на примѣръ, Партедонъ вышло изъ своего рода математическаго исчисленія. Въ этомъ единственная въ своемъ родѣ слава Греціи. Греція создала безусловность разума и вкуса, истины и красоты такъ же, какъ христіанство создало идеалъ добра. Всѣ новыя изслѣдованія должны окончиться гимномъ Греціи». Въ этомъ заключеніи о Греціи видно, что Ренанъ не измѣнялъ своего мнѣнія: въ его «Воспоминаніяхъ дѣтства и юности» высказаны тѣ же хвалебныя мнѣнія о Греціи. Касаясь средневѣковыхъ классическихъ этюдовъ онъ говоритъ о христіанской топографіи Ліона, литературной исторіи Италіи, о мнѣніяхъ Оморэ, Урфэ и т. д. Ренанъ, никогда не упукавшій случая выразить непоколебимое мнѣніе о людяхъ и событіяхъ своего времени, критикуетъ современниковъ, но всегда придерживаясь обычая судить не по успѣхамъ произведеній, а по нравственной красотѣ ихъ характера. Вообще нравственная мысль господствуетъ во всѣхъ этихъ произведеніяхъ, и онъ не жертвуетъ ею ни для какого вѣрованія, ни даже для науки, которая была его единственнымъ кумиромъ. На опасенія враговъ демократіи, что если демократія сдѣлается господствующей въ странѣ, то будетъ пренебрегать интересами высшей науки и перестанетъ поддерживать изысканія, съ виду безплодныя, видя въ нихъ лишь развлеченіе любителей или любопытство идеологовъ, Ренанъ отвѣчалъ рѣчью, произнесенной въ Ланьи въ 1869 г. передъ избирателями отъ Сены и Марны, которая находится тоже въ сборникѣ. Въ ней онъ указалъ, что чистая наука, далеко не безразличная для демократіи, окажетъ ей неопцвнимую услугу, и народъ долженъ смотрѣть на нее, какъ на могущественнаго агента своей эммансипаціи, такъ какъ, безъ сомнѣнія, прошло время эмпирическихъ и случайныхъ открытій. Не вѣроятно, чтобы изобрѣтенія дѣлались отнынѣ внѣ лабораторій, и новыми орудіями, которыми будетъ владѣть челоѣчество, снабдить его наука. Такимъ образомъ всякое открытіе челоѣ-

¹⁾ «Melanges religieux et historiques». Paris. 1904.

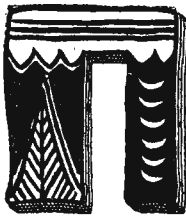
ческаго ума имѣеть результатомъ матеріальное и нравственное улучшение въ состояніи народа, прогрессъ въ благосостояніи и прогрессъ въ собственномъ достоинствѣ. Если представится преобразование правъ, то Ренанъ рассчитывалъ прежде всего на науку для «освобожденія» рабочаго. Онъ доказываетъ, что эта наука, далекая отъ того, чтобъ быть чѣмъ-то въ родѣ надменнаго пренебрежительнаго аристократа, въ дѣйствительности работаетъ для счастья демократіи. «Наука,—говоритъ Ренанъ,—какъ водопадъ, источникъ котораго въ горныхъ ледникахъ, среди свѣговъ, въ атмосферѣ, гдѣ могутъ жить не многія лица. Оттуда онъ спускается тысячами ручейковъ и становится доступнымъ всѣмъ и дѣлается благодареніемъ для всѣхъ. Благодаря новымъ изобрѣтеніямъ, которыя можно себѣ сулить, жизнь народа становится мевѣе и мевѣе тягостной. Мы уже предвидимъ довольно близкое будущее, когда человекъ въ нѣсколько часовъ работы исполнитъ свою задачу и выкупитъ себѣ свободу. До сихъ поръ назначенная лишь для небольшого числа избранныхъ, культура ума и знанія распространится тогда по всей демократіи и приподниметъ ея умственный и нравственный уровень. Миръ безъ науки былъ рабство, и человекъ, притѣсненный матеріей, проводилъ свое существованіе, таская тяжести, работая веслами и ворочая жернова; свѣтъ, улучшенный наукой, будетъ королевствомъ ума и царствомъ свободныхъ людей». Вообще судьба науки и религіи его родины болѣе всего озабочивала Ренана, и во второй статьѣ, помѣченной 1874 годомъ, Ренанъ изучаетъ причины и послѣдствія католическаго религіознаго кризиса, который тридцать лѣтъ тому назадъ существовалъ во многихъ государствахъ Европы, особенно въ Германіи и Швейцаріи. «Уничтожая мѣстную церковь, существовавшую еще въ всемірной церкви, превращая вѣрованія послѣдовательными приговорами въ формулы единственнаго и безусловнаго катихизиса, устанавливая такой догматъ, какъ безгрѣшное зачатіе Богородицы, который не изложенъ въ св. писаніи и не установленъ ни однимъ соборомъ, и обнародуя его предъ собравшимися епископами, предавая анаемѣ въ буллѣ все, что составляетъ современный разумъ, Пій IX, по мнѣнію Ренана, подготовилъ уничтоженіе современныхъ событій революціи и рѣшилъ, что католицизмъ погибнетъ мятежно отъ чрезмѣрности власти и преувеличенія принциповъ. Въ этомъ было отдѣленіе государства отъ церкви, которая отнынѣ внѣ свѣта, внѣ природы, и которая въ своей уединенной сверхземной цитадели должна, если она болѣе не господствуетъ надъ народами, какъ въ средніе вѣка, въ силу своего нравственнаго могущества,—потерять всѣ средства къ существованію. Исторія учитъ насъ, чѣмъ становится великая католическая церковь, временная власть которой не обезпечиваетъ единства своей власти и общественной силы. Съ самаго начала до того времени, какъ христіанскіе императоры ее умпротворили, католическая религія умножила еретиковъ и расколы. На покровительство государствъ зиждется римское единство; отнимите это покровительство, и единство распадется на безконечное количество сектъ, которыя вскорѣ назначать каждая своего папу».

— Смерть президента Крюгера. 30 го іюня окончилъ свои земныя страданія великій борецъ за независимость своей родины, бывшій президентъ Трансваальской республики—Павель Крюгеръ. Онъ родился въ 1825 году въ

Колесбергъ, на Капской землѣ, въ семьѣ колониста, переселившася изъ Голландіи. Воспитывался онъ, какъ простой крестьянинъ, присматривалъ за стадами и помогалъ пахать землю. Первымъ важнымъ событіемъ въ его жизни, оставившимъ глубокое впечатлѣніе, было переселеніе его родителей изъ Капской земли въ Трансвааль, вызванное суровостью англійской администраціи. Когда Крюгеру исполнилось семнадцать лѣтъ, онъ женился на дѣвицѣ Плесси, гугенотскаго происхожденія. Своей отвагой, репутацией прекраснаго охотника, мѣткостью стрѣльбы и личными достоинствами во время войны противъ кафровъ онъ обратилъ на себя вниманіе согражданъ и былъ произведенъ въ генералиссимусы. Въ 1865 году была война противъ бечутосовъ, а чрезъ два года состоялся походъ противъ кафровъ. Въ 1877 году онъ былъ отправленъ въ Англию съ порученіемъ урегулировать отношенія своей республики къ Великобританіи. Чрезъ три года вспыхнула первая война съ Англійей за независимость, и Крюгеръ въ качествѣ главнокомандующаго руководилъ войскомъ вмѣстѣ съ Жуберомъ и Преторіусомъ столь удачно, что англичане послѣ пораженія при Маубѣ должны были признать независимость Трансвааля. Наконецъ, въ 1883 году Крюгеръ былъ избранъ въ президенты, а по окончаніи срока онъ былъ снова избранъ три раза: въ 1888, 1893, 1898 годахъ. Открытіе брильянтовыхъ копей въ Кимберлеѣ, а также золотыхъ рудниковъ, наплывъ иностранцевъ-искателей, честолюбивые замыслы Сесіля Родса — все предвѣщало возможность скорого вторженія англичанъ. Послѣ неудачнаго коварнаго замысла д-ра Джемса напасть на Трансвааль, Крюгеръ понялъ, что снова придется встрѣтиться съ англичанами на полѣ брани, запасся усовершенствованнымъ оружіемъ и, заключивъ оборонительный союзъ съ Оранжевой республикой, началъ переговоры съ Чемберленомъ. Результаты слишкомъ памятливы, чтобы ихъ повторять. Несчастный старикъ, разбитый физически, но не нравственно, долженъ былъ покинуть родную страну и отправиться въ Европу. Онъ посѣтилъ Парижъ, Брюссель и Гаагу, но утѣшительнаго нашелъ немного, исключая горячихъ симпатій и сожалѣній со стороны народовъ. Однако, такъ сильна была въ немъ вѣра въ справедливость и добро, что онъ не переставалъ надѣяться. 79-лѣтній Крюгеръ, переживъ жену, многихъ своихъ дѣтей и внуковъ, умеръ ослѣпшимъ, безпомощнымъ старцемъ далеко отъ родины, въ Швейцаріи, отъ старческаго перерожденія артерій. Впрочемъ, умирая, онъ находился въ кругу своей дочери, ея мужа и дѣтей. До конца своей жизни онъ сохранилъ ясный умъ и благодарное сердце. Участіе, выраженное русскимъ обществомъ къ бурямъ во время ихъ войны съ Англійей, трогало стараго патріота, и почти наканунѣ смерти онъ послалъ благословеніе русскому народу въ его борьбѣ съ японцами, приложивъ, какъ онъ выразился, «маленькую, очень маленькую лепту въ 500 рублей». «Но вы вѣдь знаете, — писалъ онъ пастору Гиллоту, — что единственный даръ, полученный нами отъ Англии, это наша бѣдность». Тѣло президента Крюгера будетъ похоронено съ согласія Англии на его отдаленной родинѣ.

С М Ъ С Ъ¹⁾.

ПАМЯТНИКЪ Н. П. Гилярову-Платонову. 21-го іюля въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, было совершено открытіе памятника на могилѣ Н. П. Гилярова-Платонова. Бывшій редакторъ-издатель «Современныхъ Извѣстій» оставилъ много капитальныхъ статей по вопросамъ исторіи, философіи, критики, грамматики и т. п., напечатанныхъ въ «Русской Весѣдѣ», «Днѣ», «Руси», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Сборникѣ общества любителей російской словесности» и пр. Лучшія изъ статей этихъ собраны въ двухтомномъ изданіи: «Сочиненія Н. П. Гилярова-Платонова» (1899 и 1900 гг.), съ обширной біографіей покойнаго, написанной княземъ Н. В. Шаховскимъ. Изданіе было сдѣлано на средства К. П. Побѣдоносцева, и при довольно высокой цѣнѣ (4 рубля) имѣло, однако, успѣхъ и не только окупило издержки на него, но и дало остатокъ чистаго дохода въ 600 рублей, которые и было рѣшено употребить на памятникъ надъ его могилою, нынѣ благополучно оконченный. Памятникъ представляетъ собою саркофагъ въ греческомъ стилѣ, сдѣланный изъ темнаго мрамора съ крестомъ на верху и поставленный на гранитную плиту. Памятникъ имѣетъ въ длину около 1½ аршина, а въ ширину и высоту — около аршина. На лицевой сторонѣ памятника помѣщена надпись: «Никита Петровичъ Гиляровъ-

¹⁾ Война съ Японією до такой степени поглощаетъ общественное вниманіе и вслоняетъ всѣ другія событія общественной жизни, что матеріаль для «Смѣси» совершенно оскудѣлъ и въ жизни, и въ печати. Несколькія открытія памятниковъ и юбилейныхъ празднествъ отложено на неопредѣленное время. Въ лѣтніе мѣсяцы ученые учрежденія прекращаютъ свою дѣятельность. Этими причинами объясняется сравнительная краткость отдѣла «Смѣсь» въ текущихъ номерахъ «Историческаго Вѣстника».

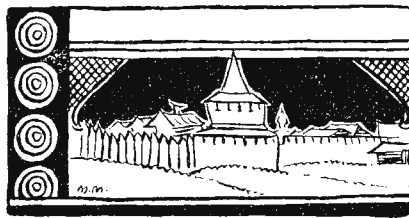
Платоновъ; родился 23-го мая 1824 г., скончался 13-го октября 1887 г.». Освященіе памятника и слѣдовавшая затѣмъ панихида были совершены въ присутствіи сына покойнаго Н. Н. Гилярова-Платонова, другихъ его родственниковъ, товарища московскаго городского головы И. А. Лебедева, князя Н. В. Шаховскаго и другихъ почитателей.

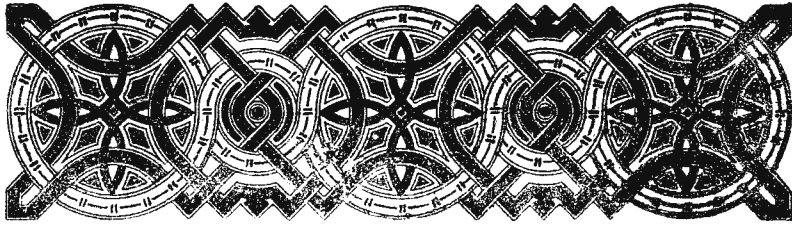
Памятники столицы. Въ императорскую академію художествъ поступило небезынтересное заявленіе нѣкогого инженера г. Д. Инженеръ г. Д. обращаетъ вниманіе академіи на тотъ фактъ, что масса дѣйствительно художественныхъ зданій, памятниковъ, замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи фасадовъ, украшающихъ улицы Петербурга, въ настоящее время совершенно испорчены различными пристройками, не имѣющими никакого къ нимъ отношенія.

Этнографическая поѣздка. Въ юнѣ мѣсяцъ вернулся изъ этнографической поѣздки на Печору хранитель этнографическаго отдѣла русскаго музея императора Александра III въ Петербургъ, Е. А. Ляцкій. Г. Ляцкій вмѣстѣ съ докторомъ С. В. Мартыновымъ побывалъ въ селеніяхъ, лежащихъ по рѣкѣ Мезени, отъ Койнаса до устьевъ, и по рѣкѣ Печорѣ отъ селенія Усть-Кожвы до селенія Усть-Цыльмы, и собралъ здѣсь значительную коллекцію различныхъ предметовъ: принадлежности мужскаго и женскаго костюма, домашнюю утварь, сельско-хозяйственныя и промысловыя орудія (между прочимъ, кремневыя ружья и самоѣдскій лукъ, который теперь уже не употребляется), дѣтскія игрушки, среди которыхъ попадаются очень остроумныя по замыслу и оригинальныя по устройству, старинныя духовныя книги и картины (итица-сиринъ), различные амулеты и пр. Приобрѣтены имъ также нѣкоторыя вещи изъ самоѣдскаго обихода. Всего куплено предметовъ на сумму болѣе 200 рублей. Вся собранная коллекція предназначается для пополненія этнографическаго отдѣла музея императора Александра III, который (отдѣлъ) предполагается открыть черезъ три года. Въ настоящее время идетъ подготовительная работа: вышущена «Программа для собиранія этнографическихъ предметовъ (вторымъ изданіемъ). Для болѣе усилнаго собиранія этнографическихъ коллекцій предложено раздѣлить Россію на 4 части,—Кавказъ, Средняя Россія, Сѣверъ Россіи и Сибирь,—и каждую часть поручить отдѣльному лицу, а наибольшее вниманіе обратить на сѣверо-восточныя области, которыхъ современная промышленность со своимъ нивелирующимъ вліяніемъ коснулась сравнительно незначительно, завести сношенія съ людьми, которые могли бы на мѣстахъ скупать различныя предметы и пересылать ихъ въ музей и т. д. Главною цѣлью экспедиціи, помимо подбора коллекціи, и было устройство этихъ связей на мѣстѣ. По окончаніи путешествія по Печорѣ, г. Ляцкій предполагалъ направиться на Мурманъ, а затѣмъ пѣшкомъ пройти по Кольскому полуострову, но дальнѣйшее собираніе коллекцій на сѣверѣ Россіи пока приостановлено.

Музыкально-этнографическая коммиссія. Состоящая при этнографическомъ отдѣлѣ императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи музыкально-этнографическая коммиссія получила единовременное пособіе въ 2.000 рублей на изданіе своихъ трудовъ. Образованіе означенной коммиссіи было вызвано стремленіемъ къ болѣе обстоятельному и систематическому изученію народной пѣсни въ Россіи. Необходимо собрать уже начи-

наюція исчезать въ народѣ пѣсни и ихъ мелодіи путемъ болѣе точнаго записыванія ихъ на граммофонѣ и затѣмъ воспроизведенія мотивовъ ихъ въ нотахъ музыкантами-спеціалистами. Собираніе желательно не только однихъ русскихъ пѣсенъ (велико-, мало и бѣлорусскихъ), но и инородческихъ — въ Европейской Россіи, Сибири, на Кавказѣ, въ Средней Азіи. Только обладая такими подлинными и вѣрными записями, можно щти и далѣе въ сравнительномъ изученіи народной пѣсни въ Россіи. Комиссія уже удалось собрать много пѣсенъ и ихъ мотивовъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи, но недостатокъ средствъ не давалъ возможности приступить къ изданію собраннаго и обработаннаго матеріала. Комиссія рѣшила обратиться ко II отдѣленію императорской академіи наукъ и просить ея содѣйствія этому начинанію. Обстоятельный докладъ комиссіи былъ поддержанъ академиками *Θ. Е. Коршемъ*, *А. Н. Пыпинъ*, *А. И. Соболевскимъ*, *г. Шахматовымъ* и удостоился сочувственнаго отношенія со стороны августѣйшаго президента академіи. Въ свою очередь представленіе академіи наукъ встрѣтило полное сочувствіе въ министрѣ финансовъ, тайномъ совѣтникѣ *Коковцевѣ*, въ результатъ чего и явилось исходатайствованіе означенной субсидіи для музыкально-этнографической комиссіи.

НЕКРОЛОГИ.

ИВАНОВЪ, Н. А. † 18-го мая въ Ташкентѣ скончался туркестанскій генераль-губернаторъ и командующій войсками туркестанскаго военнаго округа, состоящій по полевой пѣшей артиллеріи генераль-лейтенантъ Николай Александровичъ Ивановъ. Въ лицѣ покойнаго сошелъ въ могилу замѣчательный дѣятель, опытный администраторъ, знатокъ Туркестанскаго края. Его дѣятельность протекла въ русскихъ среднеазиатскихъ владѣніяхъ. На его долю выпало не только видное участіе въ среднеазиатскихъ завоеваніяхъ, но и административное устройство вновь покоренныхъ земель, заботы объ ихъ укрѣпленіи и процвѣтаніи и разработкѣ законодательныхъ вопросовъ примѣнительно къ мѣстнымъ бытовымъ условіямъ. Генераль Н. А. Ивановъ происходилъ изъ дворянъ Кіевской губерніи, родился 26-го января 1842 года. Образование получилъ въ оренбургской гимназій, затѣмъ кончилъ курсъ въ михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ. Началъ службу хорунжимъ 19-ой конно-артиллерійской батареи оренбургскаго казачьяго войска и вскорѣ получилъ боевое крещеніе, такъ какъ въ первые же годы службы участвовалъ во всѣхъ славныхъ дѣлахъ отряда М. Г. Черняева съ коканцами. За участіе въ штурмѣ Ташкента въ 1865 году получилъ Георгіевскій крестъ 4-ой степени. Въ этомъ штурмѣ проявилъ не только выдающуюся храбрость, но и замѣчательную находчивость. Замѣтивъ гибель солдатъ отъ артиллерійскаго перекрестнаго огня, онъ натискомъ штыковъ выбилъ коканцевъ изъ баррикадъ Ташкента и завладѣлъ ихъ орудіями. Находясь впереди своей полусотни, былъ контуженъ въ голову. Послѣ отъѣзда М. Г. Черняева покойный остался въ распоряженіи генерала Романовскаго и принялъ участіе въ рекогносцировкѣ урочища Мурза-Рабатъ, въ сраженіи при Ирджарѣ,

взятіи крѣпости Зааминъ, штурмъ Джизака и Ура-Тюбе и подъ начальствомъ генерала Абрамова въ карпинской экспедиціи. Съ 1868 по 1873 годъ занимался устройствомъ военно-народнаго управленія завоеваннаго Зарявшанскаго округа и организаціей кочевниковъ въ Кизиль-Кумахъ. Въ этотъ періодъ имѣлъ возможность близко познакомиться съ бытомъ кочевниковъ и богатствомъ края. Когда началась хивинская кампанія, покойный, имѣя 31 годъ отъ роду, былъ уже заслуженнымъ подполковникомъ и пользовался полнымъ довѣріемъ генераль-адъютанта К. П. фонъ-Кауфмана. При выступленіи головной колонны изъ Халъ-Ата къ Адамъ-Крылгану на него были возложены развѣдки непріятеля. Съ небольшимъ конвоемъ казаковъ онъ отправился впередъ, но былъ атакованъ многочисленнымъ непріятелемъ. Пришлось сѣшиться и выдержать нападеніе. Всѣ чины его конвоя были ранены. Самъ покойный былъ раненъ въ этой схваткѣ, доходившей до рукопашнаго боя, въ руку и ногу. Несмотря на раны, остался въ строю. По взятіи Хазараспа былъ назначенъ начальникомъ населенія этой мѣстности. По окончаніи кампаніи былъ первымъ начальникомъ Аму-Дарьинскаго отдѣла, образованнаго изъ покоренныхъ хивинскихъ земель, и приложилъ много стараній по замиренію этого района. Благодаря твердой постановкѣ имъ русской власти, тамъ со времени покоренія не было никакихъ осложненій, быстро развились русскія поселенія и окрѣпида торговля. Петро-Александровское укрѣпленіе превратилось въ твердыню. Черезъ четыре года генераль Н. А. Ивановъ былъ назначенъ начальникомъ Зарявшанскаго округа и управлялъ имъ съ присущимъ ему умѣньемъ 6 лѣтъ. Затѣмъ былъ привлеченъ генераль-адъютантомъ Кауфманомъ къ занятіямъ по организаціи гражданскаго и военнаго управленія краемъ. Послѣ смерти генерала Кауфмана назначенъ военнымъ губернаторомъ Ферганской области и управлялъ ею въ теченіе четырехъ лѣтъ. Въ 1889 году вышелъ въ отставку. Черезъ девять лѣтъ вновь призванъ на службу, произведенъ въ генераль-лейтенанты и избранъ бывшимъ туркестанскимъ генераль-губернаторомъ С. М. Духовскимъ въ помощники по управленію гражданской и военной частями края. При учрежденіи должности помощника командующаго войсками Туркестанскаго края и помощника туркестанскаго генераль-губернатора былъ постѣдовательно назначенъ на обѣ эти должности и съ 23-го января 1901 года самостоятельно управлялъ краемъ въ званіи туркестанскаго генераль-губернатора. При немъ помимо улучшеній въ гражданскомъ управленіи края было обращено особенное вниманіе на боевую подготовку мѣстныхъ войскъ, произведено ихъ перевооруженіе и усиленіе артиллерійской части; Закаспійская область присоединена къ краю, Кушкинское укрѣпленіе превратилось въ крѣпость и произведено множество другихъ преобразованій въ интересахъ процвѣтанія и упроченія края. Покойный обладалъ сильнымъ, энергичнымъ характеромъ, спокойствіемъ и хладнокровіемъ въ самыя трудныя минуты. Этимъ личными своими качествами при прирожденномъ тактѣ и всесторонней опытности завоевалъ себѣ общія симпатіи русскаго и туземнаго населенія края и приобрѣлъ славную извѣстность. (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 116; «Новое Время», 1904 г., № 10133, и «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 252).

† **Левкѣва, Е. И.** 20-го мая въ Харьковѣ скончалась отъ разрыва сердца въ вагонѣ поѣзда, направлявшагося изъ Петербурга въ Севастополь, извѣстная артистка Александринскаго театра, Елизавета Ивановна Левкѣва. О своей школьной жизни и первыхъ шагахъ на сценѣ Е. И. сама рассказала въ автобіографическомъ очеркѣ, помѣщенномъ въ «Ежегодникѣ Императорскихъ Театровъ» за 1898 годъ, по поводу исполнившагося въ 1896 году 25-лѣтія сценической дѣятельности артистки. Долго (до 1881 г.) именовалась на сценѣ Левкѣвой 2-й, въ отличіе отъ извѣстной въ свое время артистки Елиз. Матв. Левкѣвой, приходившейся ей родною теткою. Ей въ значительной степени покойная артистка обязана и своимъ выходомъ на сцену. Двухлѣтнимъ ребенкомъ она была взята теткою въ свой домъ и уже на четвертомъ году «дебютировала» въ Александринскомъ театрѣ. Дебютъ, впрочемъ, едва ли оказался удачнымъ. Артистка, игравшая центральную роль въ переводной комедіи «Окно во второмъ этажѣ», должна была фигурировать на сценѣ съ ребенкомъ. Такъ какъ даже самые маленькіе ученики театральнаго училища оказывались слишкомъ тяжелыми для этой роли, то тетка Левкѣвой предложила помочь въ бѣдѣ своей подругѣ по театру. Однако неожиданная и непривычная обстановка театра такъ испугала ребенка, что исполнительница главной роли должна была, не кончивъ монолога, убѣжать за сцену, спасаясь отъ впѣпившейся въ ея волосы крошки. Е. И. первоначально прочли карьеру балетной артистки. Шести лѣтъ она была опредѣлена теткою въ театральное училище. Девять лѣтъ Левкѣва проходила «балетную мудрость». Товарищами ея по школѣ были Александръ Мартыновъ, сынъ знаменитаго комика, подававшій большія, но, увы, не оправдавшіяся надежды, и П. М. Козіенко, впоследствии извѣстный Свободинъ. И съ первымъ, впрочемъ, рано умершимъ, и съ послѣднимъ Левкѣва навсегда сохранила дружественныя отношенія, начавшіяся въ раннемъ дѣтствѣ, когда они всѣ трое изображали бѣсенятъ въ балетѣ «Фаустъ», на сценѣ Большаго театра. Къ поступленію въ балетъ Левкѣва готовилась до 15-ти лѣтъ, но за годъ до зачисленія на службу случайное обстоятельство заставило молодую дѣвушку возмечтать о перемѣнѣ своей карьеры. Съ большою настойчивостью, хотя и не встрѣчая поддержки въ своей теткѣ, признававшей, что для ея племянницы надежнѣе карьера балетной актрисы, гдѣ требуется только техника, безъ особеннаго дарованія, — Е. И. добилась разрѣшенія посѣщать драматическіе классы, руководителемъ которыхъ былъ артистъ Александринскаго театра, Павелъ В. Васильевъ. Опытный учитель по первому впечатлѣнію угадалъ жанръ молодой артистки и предложилъ ей выучить роль старой дѣвы въ водевилѣ «Цирульникъ на Пескахъ», сыгранную затѣмъ ею на школьномъ спектаклѣ съ хорошимъ успѣхомъ. Въ августѣ 1871 г. театральная хроника извѣстнаго Вольфа отмѣчаетъ дебютъ новой артистки, Левкѣвой 2-й, на Александринской сценѣ. «По фигурѣ, и тогда уже весьма полной, — замѣчаетъ Вольфъ, — и по свойству ея дарованія, самую судьбой она была предназначена для ролей сдобныхъ купеческихъ дочекъ». Дебютъ состоялся въ роли Варвары въ «Грозѣ» и почти случайно — вслѣдствіе отсутствія на репетиціи исполнявшей эту роль актрисы Ручкиной. «Этотъ моментъ, — пишетъ въ своей автобіографической запискѣ Левкѣва, — я считаю началомъ своей сцени-

ческой дѣятельности». Она была принята на годовую окладъ въ 500 рублей и стала настоящимъ членомъ закулисной семьи. За ролью Варвары слѣдовали роли «Агаши» и «Насти» въ двухъ пьесахъ Лейкина «Привыкать надо» и «Медаль». «Посѣщая театръ изо дня въ день, — рассказываетъ Левкѣва, — и привязываясь къ нему все болѣе и болѣе, я развила въ себѣ такую непреодолимую охоту какъ можно чаще выступать передъ публикой, что за каждую порученную мнѣ роль чуть ли не молилась на режиссера. Должно быть, всѣ молодые актеры, искренно любящіе театръ и искусство, переживаютъ такой нервный періодъ». Исполненіе Е. И. роли Варвары въ «Грозѣ» видѣлъ самъ Островскій и, выразивъ одобреніе артисткѣ, поручилъ ей роль Ларисы въ своей новой пьесѣ «Не было ни гроша» (1872). Драматургъ вообще высоко ставилъ дарованіе молодой артистки и, въ бытность управляющимъ московскими театрами, неоднократно предлагалъ ей переводъ въ Москву. Артистка, однако, наотрѣзъ отказалась разстаться съ александринской сценой, съ которой были связаны ея первыя театральныя впечатлѣнія. Въ семидесятыхъ годахъ Е. И. выступала на подмосткахъ клуба художниковъ. Здѣсь, между прочимъ, впервые прошла пьеса Островскаго «Не все коту масленица», въ которой, вмѣстѣ съ Левкѣвой, играли писатель Слѣпцовъ и поэтъ Шумахеръ. По предложенію Островскаго, Е. И. съ этого времени выступала на частныхъ сценахъ подъ фамиліей «Островской». На память объ этомъ спектаклѣ знаменитый драматургъ поднесъ артисткѣ красивую шкатулку съ конфетами. Амплу Левкѣвой установилось очень рано и безъ колебаній. Правда, мечтою только что выступившей на сцену артистки были «сильно драматическія» роли. Но она сама скоро убѣдился въ наличности сильной комической струи въ ея темпераментѣ и въ «неслучайности» назначенія ея на роли иного характера. Е. И. специализировалась на амплу купеческихъ дочерей и женъ, на комическихъ роляхъ мѣщанокъ пошленкинскаго типа. За тридцать слишкомъ лѣтъ ея репертуаръ слишкомъ огроменъ. Между прочимъ, она была чрезвычайно хороша въ «Женитьбѣ» (Агаея Тихоновна), «Ревизорѣ» (унтеръ-офицерская жена), въ «Лѣтѣ» (Улита), «Плодахъ просвѣщенія» (кухарка и Толбухина), «Завтракъ у предводителя» (Каурова), «Каширской старинѣ» (Целенелиха), «Праздничномъ свѣ до обѣда» (Каючка), «Безприданницѣ» (Евфросинія Потановна), «Бѣдной невѣстѣ» (Карповна), «Воеводѣ» (Настасья), «На пескахъ» (Прасковья Максимовна), «Старомъ закалѣ» (Дарья Кировна), «Свѣтитъ, да не грѣетъ» (Залѣшина) и др. Въ 1896 году исполнилось двадцатипятилѣтіе ея службы на александринской сценѣ. Съ 1900 года она состояла дѣйствительнымъ членомъ русскаго театральнаго общества. Е. И. Левкѣва никогда не стояла въ ряду первоклассныхъ артистокъ нашей сцены. Лѣтъ черезъ пять ея службы театральнѣйшій лѣтонецъ Вольфъ находилъ возможнымъ говорить лишь о «скромномъ амплу, которое она съ честью занимаетъ». Она не захватила театральнѣйшій мірокъ въ первые моменты своего появленія на императорской сценѣ, и не вызвала кричащихъ восторговъ на протяженіи своей дальнѣйшей карьеры. Но это была самобытная и настоящая артистка призванія, которую не могъ не цѣнить и не любить всякій понимающій зритель. При жизни у нея не было партнерши въ ея родѣ, и по уходѣ ея остается пустое мѣсто.

Можетъ быть, это не была параллель дарованій, но по совершенству въ своемъ жанрѣ, по естественности комизма, по творчеству на самой сценѣ ее сравнивали съ давно покойной Гусевой. Творчество на сценѣ—это именно то, что хочется выдвинуть, говоря о дарованіи Левкѣевой. Намъ, съ своихъ кресель и стульевъ, казалось, что она создаетъ именно сейчасъ, въ данный моментъ, за минуту сама не зная, какой у нея вырвется жестъ, какъ скажется слово, и какъ она взглянетъ—съ уморительнѣйшимъ гнѣвомъ, или съ забавнѣйшимъ благоволеніемъ—на своего партнера. Чувствовалось, что у нея сейчасъ вырывается, какъ бываетъ въ настоящей жизни, и положительно нельзя было удержаться отъ улыбки именно въ силу этой неожиданности комического творчества. Можетъ быть, она дѣйствовала обдуманно, можетъ быть, она такъ умѣло «притворялась». Но неизвѣстно, что болѣе лестно и цѣнно,—такая ли неподдѣланность жизненнаго положенія на сценѣ или такая великолѣпная, дающая полную иллюзію поддѣлка... Какъ бы какая-то часть Островскаго умираетъ съ превосходной комической артисткой Левкѣевой. Какъ она умѣла схватить образы тоскующихъ отъ бездѣлья старыхъ дѣвъ, лѣтнихъ, невыспавшихся, изнывшихъ въ тоскѣ по женихѣ, у которыхъ изъ каждаго жеста, взгляда, слога такъ и выступаетъ психологія сонной души, лѣни, первобытнаго кокетства и некультурности! Не даромъ такъ цѣнили ее великій драматургъ. Вѣроятно, долго мы не увидимъ такой Улиты изъ «Лѣса», такой Агаѣи Тихоновны, такой унгеръ-офицерской жены, такой Кауровой («Завтракъ у предводителя»). И у тѣхъ, кто видѣлъ покойную въ этихъ ея хорошихъ роляхъ, несомнѣнно долго изъ-за грима и фигуръ новыхъ актрисъ будетъ выступать обликъ Левкѣевой. Въ Левкѣевой наша сцена теряетъ глубоко любившую ее артистку, одну ихъ тѣхъ, къ которымъ стоитъ русское искусство. Покойная не пзмѣняла своему призванію и считала благомъ даже смерть на сценѣ. По поводу смерти своего товарища Свободина за кулисами театра она писала: «Эта трагическая смерть является завидною для всякаго обожающаго свое искусство артиста. Смерть актера на сценѣ равносильна смерти писателя за письменнымъ столомъ съ перомъ въ рукѣ. Это одинаково величественно и трогательно, а въ особенности, когда смерть уноситъ дѣятеля въ полномъ расцвѣтѣ силъ и дарованія, безъ мучительнаго паживанія славы». Въ такомъ расцвѣтѣ, далеко не старую, умерла Е. И. Левкѣева. Она могла бы еще долго служить украшеніемъ нашей сцены, на которой такія дарованія считаются единицами. (Некрологи ея: «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 256, и «Новое Время», 1904 г., № 10135).

† **Масловскій, И. Ф.** 20-го іюня скончался почегный лейбъ-акушеръ Двора Его Величества, дѣйств. статск. совѣтникъ Иванъ Ѳеодоровичъ Масловскій. Покойный, состоя на службѣ въ министерствѣ императорскаго двора, имѣлъ обширную практику и считался однимъ изъ знающихъ гинекологовъ и опытныхъ операторовъ. Дворянинъ Петербургской губ., онъ родился въ 1837 г., кончилъ курсъ въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи съ золотой медалью и былъ оставленъ при академіи на 3 года съ причисленіемъ ко Второму С.-Петербургскому военному госпиталю. Вскорѣ получилъ званіе акушера и защитилъ диссертацию: «Овариотомія, или вырѣзываніе опухолей яичника», на

степень доктора медицины. Въ госпиталѣ произвелъ множество сложныхъ операцій и былъ удостоенъ званія оператора. Затѣмъ въ течение многихъ лѣтъ былъ акушеромъ С.-Петербургскаго воспитательнаго дома. Ему принадлежить множество специальныхъ работъ: «Серозно-пластическій способъ оваріотоміи», «Известковыя и костныя отложенія въ мышцахъ» и другія. Помимо врачеванія по службѣ Иванъ Федоровичъ состоялъ почетнымъ консультантомъ Максимилиановской лѣчебницы и принималъ живое участіе въ дѣятельности гинекологическаго общества. (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 142, и «Новое Время», 1904 г., № 10166).

† Медвѣдевъ, Л. М. Въ ночь на 21-е іюня въ Москвѣ скончался отъ горловой чахотки небезызвѣстный сотрудникъ многихъ московскихъ и петербургскихъ журналовъ, Левъ Михайловичъ Медвѣдевъ. Родился покойный въ 1864 году. Образование получилъ въ кievской гимназіи, затѣмъ въ Московскомъ университетѣ. Свою литературную дѣятельность покойный началъ въ кievскихъ газетахъ и юмористическихъ журналахъ, потомъ помѣщалъ стихи въ ежемѣсячныхъ журналахъ. Отдѣльный сборникъ его стихотвореній вышелъ въ 1886 году. Имя его врядъ ли знакомо большой публикѣ, читателю. Вся долгая, извурительная литературная работа его прошла подъ анонимомъ и всевозможными псевдонимами. Ихъ было столько, что чуть ли и самъ авторъ не путался въ нихъ порою. Кажется, только книжка переводовъ соетовъ Мицкевича вышла подъ полнымъ именемъ. Незадачи, суетолака жизни газетной богемы размѣняли несомнѣнное, хотя и не яркое дарованіе, доказанное хотя бы названными переводами, и обрекли на долю журнальнаго чернорабочаго, которому нечего разбирать, надо дѣлать всякую работу. Меньше всего юмористъ, Медвѣдевъ очень много писалъ въ юмористическихъ журналахъ. Склонный къ поэтической мечтательности, онъ бросался въ шумъ репортажа и т. д. И дарованіе совсѣмъ затерялось. Болѣзнь, нужда подточили и работоспособность, сдѣлали почти инвалидомъ, и скоро догорѣла жизнь. Покойному было подъ сорокъ лѣтъ. За послѣднее время Левъ Михайловичъ написалъ нѣсколько книжекъ для дѣтей, имѣвшихъ успѣхъ и отмѣченныхъ критикой. Покойный сотрудничалъ въ «Русской Мысли», «Вѣстникѣ Европы», «Новомъ Словѣ», «Жизни», «Правдѣ», «Сѣверномъ Курьерѣ», «Курьерѣ», «Дѣтскомъ Отдыхѣ», «Дѣтскомъ Читеніи», «Путеводномъ Огонькѣ», «Свѣтлячкѣ» и другихъ. (Некрологи его: «Приазовскій Край», 1904 г., № 166; «Тифлисскій Листокъ», 1904 г., № 152; «Виржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 317).

† Мельницкій, В. П. 16-го мая скончался въ своемъ имѣніи Самохваловичахъ, Минской губерніи, георгіевскій кавалеръ, генераль-майоръ Валеріанъ Павловичъ Мельницкій. Покойный происходилъ изъ дворянъ Псковской губерніи, родился въ 1840 году, образование получилъ въ Николаевской инженерной академіи. Въ 1863 году онъ поступилъ на службу лейбъ-гвардіи въ саперный батальонъ, а затѣмъ былъ прикомандированъ къ Николаевскому инженерному училищу и академіи для исправленія должности ротнаго офицера и чтенія лекцій по тактикѣ. Въ 1870 — 1871 гг., во время франко-прусскаго войны, В. П. Мельницкій былъ командированъ на театръ военныхъ дѣйствій; за мужество и храбрость, оказанныя здѣсь при исполненіи порученій началь-

ства, награжденъ орденомъ св. Владимира 4-й степени съ мечами. Въ 1872 г. Валеріанъ Павловичъ былъ назначенъ командующимъ ротой его величества. Въ 1874 году онъ, какъ отличный инженеръ, былъ командированъ для осмотра работъ по усиленію крѣпостей Страсбурга, Меца и Бельфора. По возвращеніи оттуда, Валеріанъ Павловичъ назначенъ адъютантомъ къ товарищу его императорскаго высочества генераль-инспектора инженерной части, генераль-адъютанту Тстлебеу, и послѣдовательно былъ командированъ для осмотра нашихъ крѣпостей на западѣ и югѣ. Во время русско-турецкой войны В. П. Мельницкій прославилъ себя беззаветною храбростью, въ качествѣ сподвижника славнаго генерала Скобелева. Онъ принималъ геройское участіе во многихъ дѣлахъ: въ усиленной перестрѣлкѣ подъ Плевною 11-го сентября 1877 года, рекогносцировкѣ Горнаго Дубняка съ перестрѣлкою 4-го октября, въ усиленномъ бомбардированіи Плевны 12-го и 16-го октября, въ тѣсной блокадѣ Плевны въ высочайшемъ присутствіи съ 12-го по 28-е ноября, сопровождавшейся многими усиленными перестрѣлками и завершившейся взятіемъ въ плѣнъ арміи Османа-паши, и друг. Въ ночь съ 28-го на 29-е октября Валеріанъ Павловичъ во главѣ самостоятельнаго отряда выбилъ непріятеля съ перваго кряжа Зеленыхъ горъ и утвердился на немъ; за этотъ подвигъ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени, а за мужество и храбрость, оказанныя во время взятія Плевны,—золотою саблею, съ надписью «за храбрость». По возвращеніи съ войны, Валеріанъ Павловичъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ его императорскому величеству, въ 1880—помощникомъ с.-петербургскаго градоначальника, въ 1881—исправлялъ должность ковенскаго губернатора и въ 1883 году, съ производствомъ въ генераль-майоры,—ковенскимъ губернаторомъ. На этомъ посту покойный оставался до 26-го декабря 1886 года, когда вслѣдствіе болѣзни вынужденъ былъ выйти въ отставку. Дѣятельность губернатора Мельницкаго, несмотря на ея непродолжительность, была весьма плодотворной для губерніи и характеризовалась главнымъ образомъ стремленіемъ уничтожить разнь между разноплеменнымъ составомъ населенія, поднятіемъ мѣстнаго просвѣщенія и благотворительности. (Некрологъ его: «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 117).

† **Мосоловъ; А. Н.** 8-го мая скончался членъ государственнаго совѣта, тайный совѣтникъ Александръ Николаевичъ Мосоловъ, бывший передъ тѣмъ, въ теченіе десяти лѣтъ, директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій министерства внутреннихъ дѣлъ. Дворянинъ Казанской губерніи, онъ родился въ 1844 году; образованіе получилъ въ школахъ гвардейскихъ подпоручиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (вынѣ Николаевское кавалерійское училище) и по окончаніи курса поступилъ въ 1871 году на службу лейбъ-гвардіи въ стрѣлковый императорской фамилии батальонъ. Прослуживъ годъ въ строю, А. Н. вышелъ по болѣзни въ отставку, а въ 1873 году отправился съ М. Н. Муравьевымъ въ Вильну и былъ причисленъ къ управленію виленскаго, гродненскаго, ковенскаго и минскаго военнаго генераль-губернатора и главноначальствующаго въ губерніяхъ Витебской и Могилевской; съ 1866 года служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при прибалтійскомъ генераль-губернаторѣ, въ 1867 году пожалованъ въ званіе камеръ-юнкера двора

его императорскаго величества, въ 1869 году назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій VI класса при министрѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ 1878 году послѣдовало назначеніе покойнаго вице-директоромъ, а въ слѣдующемъ году директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій и пожалованіе въ званіе камергера двора его императорскаго величества; въ 1881 году на него была возложена временная чрезвычайная миссія для установленія соглашенія съ римскою куріей. Въ іюнѣ 1882 года А. М. былъ назначенъ вологодскимъ губернаторомъ, съ оставленіемъ въ званіи камергера, а въ декабрѣ того же года перемѣщенъ на должность новгородскаго губернатора, которую занималъ до новаго назначенія въ 1894 году директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій; въ дѣйствительные статскіе совѣтники онъ произведенъ въ 1877 году и въ тайные совѣтники—въ 1886 году. Назначеніе покойнаго членомъ государственнаго совѣта послѣдовало 6-го мая текущаго года—за два дня до его кончины. Кромѣ своей административной дѣятельности, А. Н. Мосоловъ извѣстенъ, какъ основатель «Рижскаго Вѣстника»—первой русской газеты въ Ригѣ, и какъ авторъ нѣсколькихъ литературныхъ трудовъ. Въ 1870 году вышелъ въ свѣтъ его историческій очеркъ «Курляндія подъ управленіемъ Екатерины Великой», а затѣмъ были изданы «Виленскіе очерки 1863—1865 годовъ»; въ 1900 году онъ закончилъ драматическое произведеніе «Вокругъ шляющей Москвы»—сцены изъ временъ 1812 года, съ успѣхомъ шедшія въ литературно-художественномъ театрѣ, а въ 1902 году помѣстилъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» комедію быль «На закатѣ славы». Нѣсколько его статей было напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Гражданинѣ» и «Новомъ Времени». (Некрологъ его: «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 109).

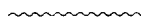
† **Обручевъ, Н. Н.** Въ Южной Франціи скончался 25-го іюня одинъ изъ крупныхъ нашихъ военныхъ дѣятелей, членъ государственнаго совѣта, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи Николай Николаевичъ Обручевъ. Покойный былъ выдающимся знатокомъ военнаго дѣла и пользовался обширной извѣстностью. Онъ принималъ видное участіе въ реформахъ военнаго вѣдомства сперва при графѣ Д. А. Милютинѣ въ качествѣ одного изъ ближайшихъ его сотрудниковъ, затѣмъ при П. С. Ванновскомъ въ качествѣ начальника главнаго штаба. Помимо видныхъ служебныхъ заслугъ Н. Н. былъ извѣстенъ также своими учено-литературными трудами. Генералъ Обручевъ, сынъ бывшаго оренбургскаго генералъ-губернатора, родился 21-го ноября 1830 года. Образование получилъ въ первомъ кадетскомъ корпусѣ. Службу началъ въ л.-гв. Измайловскомъ полку. Молодымъ подпоручикомъ онъ составилъ «Опытъ исторіи военной литературы», отмѣченный высочайшею благодарностью. Затѣмъ поступилъ въ императорскую военную академію (нынѣ академія генеральнаго штаба) и блестяще окончилъ въ ней курсъ. Имя его записано на мраморную академическую доску. Въ академіи продолжалъ съ любовью заниматься исторіей военнаго искусства и въ годъ выпуска изъ академіи издалъ составленный имъ «Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ, относящихся до исторіи военнаго искусства въ Россіи по 1725 годъ». Во время Крымской кампаніи находился въ составѣ гвардейскихъ войскъ, охранявшихъ по-

бережья Балтійскаго моря отъ флота непріятели. Пробыль недолго дивизионнымъ квартирмейстеромъ 2-й гвардейской дивизіи, былъ назначенъ адъютантъ-профессоромъ военной статистики въ Николаевской академіи генеральнаго штаба и вскорѣ профессоромъ. Графъ Д. А. Милютинъ, занявъ постъ военнаго министра, привлекъ молодого профессора къ дѣятельности по реформѣ военнаго вѣдомства. Онъ былъ дѣлопроизводителемъ и членомъ военно-ученаго комитета главнаго управленія генеральнаго штаба и участвовалъ въ разработкѣ слиянія этого управленія съ инспекторскимъ департаментомъ въ одно учрежденіе — главный штабъ. Въ 1860-хъ годахъ на него было возложено опредѣленіе оборонительныхъ пунктовъ между Бугомъ и Иквой. Затѣмъ онъ принялъ дѣятельное участіе въ разработкѣ положеній о всеобщей воинской повинности, о запасныхъ, резервныхъ и мѣстныхъ войскахъ и государственномъ ополченіи, а также былъ дѣлопроизводителемъ особаго совѣщанія по организаціи войскъ, работавшаго подъ личнымъ руководствомъ государя императора. Командированный въ Турцію, Германію и Австрію, генераль Обручевъ собралъ цѣнныя свѣдѣнія о составѣ и организаціи тамъ военныхъ силъ. Занимая кафедру въ академіи, руководилъ полевыми поѣздками и занятіями офицеровъ генеральнаго штаба и рекогносцировками нашихъ крѣпостей. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 годовъ отправился на азіатскій театръ военныхъ дѣйствій въ распоряженіе его императорскаго высочества, великаго князя Михаила Николаевича, участвовалъ въ сраженіяхъ при Большихъ и Малыхъ Ягняхъ, при атакѣ турками позиціи на Кобахъ-Танѣ и въ бою на Аладжинскихъ высотахъ при пораженіи арміи Мухтара-пашы. Планъ дѣйствій противъ Мухтара-пашы принадлежалъ покойному. За храбрость и распорядительность въ бояхъ на Аладжинскихъ высотахъ былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ третьей степени. Въ концѣ кампаніи покойный находился при главной военной квартирѣ государя и былъ назначенъ генераль-адъютантомъ. Въ 1879 году былъ посланъ къ турецкому султану и съ воззваніемъ императора Александра II къ болгарскому народу. Затѣмъ присутствовалъ на маневрахъ во Франціи и руководилъ комиссіей по проектированію укрѣпленій Варшавы, Новогеоргіевска и Зегржа. Съ 1881 года началась дѣятельность покойнаго въ качествѣ начальника главнаго штаба, продолжавшаяся непрерывно шестнадцать лѣтъ. Онъ явился самымъ ближайшимъ сотрудникомъ генераль-адъютанта П. С. Ванновскаго по развитію вооруженныхъ силъ имперіи и упроченію военнаго ихъ совершенства и готовности. Онъ участвовалъ во всесторонней разработкѣ самыхъ разнообразныхъ вопросовъ и нерѣдко руководилъ занятіями многочисленныхъ комиссій, образованныхъ въ этотъ періодъ въ военномъ вѣдомствѣ. Проявленное имъ глубокое знаніе потребностей Россіи и современныхъ усилій военнаго дѣла, вѣрность взглядовъ на основныя задачи нашего военнаго положенія и самоотверженная служба, всецѣло посвященная престолу и родинѣ, неоднократно были отмѣчены высочайшими рескриптами, всѣми русскими орденами до св. Андрея Первозваннаго включительно и назначеніемъ покойнаго въ 1893 году членомъ государственнаго совѣта. Кромѣ указанныхъ уже военно-литературныхъ сочиненій, генералу Обручеву принадлежить цѣлый рядъ трудовъ и множество статей и рецензій, напечатанныхъ въ «Отечественныхъ Запи-

скахъ» 1850-хъ годовъ, «Военномъ Сборникъ», «Русскомъ Инвалидъ» и другихъ периодическихъ изданіяхъ. Немало было издано также сочиненій подъ его редакціей. Капитальнѣйшій его трудъ—это «Военно-статистическій сборникъ», вышедшій въ четырехъ томахъ и обнимающій военную статистику европейскихъ и внѣевропейскихъ государствъ. Подъ его редакціей изданы извѣстныя книги А. А. Бильдерлинга и А. Н. Риттиха: «Вооруженныя силы Германіи и Австро-Венгріи». За ученыея и научныя заслуги покойный былъ избранъ въ почетныя члены Николаевской академіи генеральнаго штаба, императорской академіи наукъ, а также разныхъ другихъ ученыхъ обществъ и учреждений. Лѣтомъ генераль-адъютантъ Обручевъ обыкновенно уѣзжалъ отдыхать на югъ Франціи, гдѣ построилъ себѣ красивую виллу «Château de Joug». Тамъ онъ и скончался. (Некрологи его: «Московскія Вѣдомости», 1904 г., № 181; «Новое Время», 1904 г., № 10172; «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1904 г., № 173; «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 148; «Петербургскій Листокъ», 1904 г., № 175; «Русскій Инвалидъ», 1904 г., № 141).

† **Хрущовъ, И. П.** Въ Царскомъ Селѣ послѣ непродолжительной тяжелой болѣзни скончался 25 іюня членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія Иванъ Петровичъ Хрущовъ. Имя покойнаго было хорошо извѣстно въ педагогическомъ, журнальномъ и издательскомъ мірѣ. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ былъ председателемъ постоянной комиссіи по устройству народныхъ чтеній, затѣмъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа. Покойный родился 8 августа 1841 года въ Костромской губ. Образование получилъ въ Московскомъ университетѣ, съ третьяго курса котораго перевелся въ С.-Петербургскій университетъ, и въ 1862 г. получилъ степень кандидата историко-филологическихъ наукъ. Началь службу въ Олонецкой гимназій и сталъ готовиться къ профессурѣ. Послѣ удачной защиты диссертациі «Исслѣдованіе о жизни и сочиненіяхъ Іосифа Санина», представленной для полученія степени магистра русской словесности, былъ командированъ за границу съ цѣлью изученія методовъ преподаванія исторіи отечественной литературы въ германскихъ университетахъ. Занимался въ Лейпцигѣ, Базелѣ и Цюрихѣ; между прочимъ въ Штутгартѣ онъ былъ приглашенъ прочесть курсъ исторіи русской словесности королевѣ Виртембергской, великой княгинѣ Вѣрѣ Константиновнѣ, и герцогу Лейхтенбергскому. По возвращеніи въ Россію, въ 1870 году былъ избранъ въ штатныя доценты университета св. Владимира. Въ теченіе восьми лѣтъ читалъ въ Киевскомъ университетѣ сперва курсъ древней литературы и исторіи языка вмѣстѣ съ чтеніемъ древнихъ памятниковъ, потомъ исторію лѣтописей и историческихъ сказаній, а также общій курсъ русской словесности. Одновременно съ университетскою дѣятельностью И. П. содѣйствовалъ учрежденію историческаго общества Нестора-лѣтописца (былъ первымъ секретаремъ этого общества) и завѣдывалъ на археологической выставкѣ рукописнымъ отдѣломъ. Въ 1878 году покойный переѣхалъ въ Петербургъ и былъ назначенъ членомъ ученыхъ комитетовъ министерства народнаго просвѣщенія и вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Вскорѣ сдѣлался чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ почтъ и въ это время составилъ историческій очеркъ ямскихъ и почтовыхъ учреждений отъ древнихъ временъ до царствованія Екатерины II.

Когда въ концѣ 1879 году была восстановлена постоянная коммиссія по устройству народныхъ чтеній, И. П. былъ приглашенъ въ качествѣ помощника ея предсѣдателя и принялъ видное участіе въ организаціи народныхъ чтеній, составивъ въ это время два чтенія «Старый Кіевъ» и «Владимиръ Мономахъ и его завѣщаніе». Въ 1881 году, какъ чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, былъ прикомандированъ къ канцеляріи министра императорскаго двора съ порученіемъ урядочить корреспонденцію о дворѣ. Покойный и самъ занялся журналистикой, сообщая газетамъ свѣдѣнія о путешествіи государя императора въ Москву и на Волгу. Въ концѣ года издалъ книгу «Путешествіе государя императора Александра III въ первое лѣто его царствованія». Вскорѣ его дѣятельность всецѣло сосредоточилась въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Съ 1881 по 1896 годъ, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, покойный былъ предсѣдателемъ постоянной коммиссіи народныхъ чтеній и горячо отдался этому дѣлу. Во время его предсѣдательства коммиссія выпустила 350 брошюръ, написанныхъ частью покойнымъ, частью другими по его указаніямъ и подъ его редакціей. Сама коммиссія получила субсидію въ 3.000 р. и многія права. По его инициативѣ на пожертвованія графа Строганова, А. Г. Кузнецова и другихъ было учреждено издательское общество. Сверхъ чтеній для аудиторіи было издано пять сборниковъ стихотвореній, «Настольная книга для народа» и рядъ повѣстей и романовъ для народа. И. П. предсѣдательствовалъ въ этомъ издательскомъ обществѣ тринадцать лѣтъ и за это время успѣлъ распространить 3.050.700 экземпляровъ разныхъ книгъ. Кроме того, по министерству народнаго просвѣщенія на него возлагались разнаго рода работы: составленіе годовыхъ всеподданныхъ отчетовъ, ревизіи въ Харьковскомъ и Одесскомъ учебныхъ округахъ, предсѣдательство въ коммиссіи о преподаваніи въ начальныхъ училищахъ и участіе во многихъ другихъ коммиссіяхъ. Въ 1892 году покойный былъ назначенъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, въ 1896 году попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа и управлялъ округомъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Ему принадлежатъ множество печатныхъ работъ: «Исторія отечественной литературы, какъ предметъ университетскаго преподаванія», «Всѣды по русской литературѣ», нѣсколько литературныхъ очерковъ въ «Голосѣ», «Берегѣ», «Кіевлянинѣ», «Королева Виртембергская Ольга Николаевна», «Матеріалы для этнографіи уличной жизни дѣтей» и друг. изъ беллетристическихъ произведеній: «Парашинъ лѣсокъ», «Няня» (подъ псевдонимомъ Илья Жучекъ). Въ послѣдніе годы покойный издавалъ и редактировалъ полное собраніе сочиненій историка временъ Екатерины II князя Щербатова. За свои труды И. П. былъ избранъ почетнымъ членомъ коммиссіи народныхъ чтеній въ Петербургъ и Тамбовъ, симферопольской и тамбовской архивныхъ коммиссій. (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 148; «Новое Время», 1904 г., № 10172; «Виржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 325; «Петербургскій Листокъ», 1904 г., № 175).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Въ юньской книгѣ «Историческаго Вѣстника» въ статьѣ «А. С. Хомяковъ передъ судомъ потомства» книготорговля подъ наименованіемъ «Русь» ошибочно приписана мною принадлежащей г. И. Захарьину вмѣсто г. Н. Захарова, которому и принадлежатъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя общедоступныя изданія славянофильскаго направленія, въ томъ числѣ и брошюра Аѳ. Васильева: «Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Къ столѣтію со дня его рожденія», о коей я и говорю въ своей статьѣ.

В. Глинокій.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЗИТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

СЕНТЯБРЬ, 1904 Г.

СОДЕРЖАНИЕ.

СЕНТЯБРЬ, 1904 г.

	СТРАН.
I. Передъ разгромомъ. (Эпизодъ изъ семейной хроники). XXIV—XXVII. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ	721
II. Изъ воспоминаній. (1891—1892). И. П. В. Засодимскаго	763
III. Въ сибирской глуши. А. С—на	778
IV. Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи императора Александра I). Гл. XII—XIII. (Продолженіе). Н. И. Фалѣва	801
V. Добра Стефаниды, невѣста царя Алексѣя Михайловича. А. И. Яцимирскаго	825
VI. Разказы очевидцевъ о завоеваніи русскими г. Самарканда и о «семядневномъ сидѣніи». Л. X. Симоновой	844
VII. Послѣдніе годы жизни графа Аракчеева. (Изъ семейной хроники). Барона Н. В. Дризена	867
VIII. Эпизодъ изъ жизни П. А. Словцова. Н. А. Бирюкова	877
IX. Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ Златоустѣ. Письмо майора Ахматова полковнику Камерову. Сообщилъ Ф. И. Соколовъ	892
X. Шестая голова. (Изъ приволжскихъ былей). Н. Н. Оглобина	897
XI. Памяти графа Э. Э. Келлера . Бнязя Б. А. Щетинина	918
XII. Спорный мундиръ. (Изъ дѣлъ С.-Петербургскаго сенатскаго архива). А. В. Безроднаго	925
XIII. Поѣздка въ Вигры. (Изъ историко-археологическихъ экскурсій). Г. А. Воробьева	933
<p><i>Иллюстраціи:</i> 1) Древняя поуніатская церковь въ Августовѣ.—2) Коломна въ Августовѣ въ память событія 17-го октября 1888 года.—3) Римско-католическій костель въ Сувалкахъ.—4) Храмъ бывшаго монастыря камедуловъ въ Виграхъ.—5) Главный алтарь въ бывшемъ монастырскомъ храмѣ въ Виграхъ.</p>	
XIV. Бракъ и разводъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. (Соціологическій очеркъ). Гл. VII—X. (Окончаніе). Е. Н. Матросова	954
XV. Василій Алексѣевичъ Бильбасовъ . Б. М. Городецкаго	974
<p><i>Иллюстрація:</i> Василій Алексѣевичъ Бильбасовъ.</p>	
XVI. Иностранцы о Россіи. В. А. Тимирязева	982
XVII. Критика и библиографія	1015
<p>1) Утвержденная грамота объ избраніи на Московское государство Михаила Феодоровича Романова. Воспроизведена императорскимъ обществомъ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ подъ наблюдениемъ С. А. Вязюкова, дѣйствительнаго члена общества. Москва. Синодальная типографія. 1904. п. п.—ва.—2) А. И. Яцимирскій. Григорій Памблякъ. Очеркъ его жизни, административной и книжной дѣятельности. Изданіе императорской академіи наукъ. Спб. 1904. п. п.—3) Летучіе листки 1812 г. Росточинскія афиши. Собралъ и издалъ П. А. Картавъ. Спб. 1904. п. щ.—4) Мих. Лемке. Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія. Спб. 1904.—Его же. Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ. Изд. М. В. Пирожкова. Сиб. 1904. п. п.—5) С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. (Историко-литературный сборникъ). Томъ VI. Съ алфавитнымъ указателемъ ко всѣмъ VI томамъ. Спб. 1897—1904. п. щ.—6) Karl Stavenhagen. Johann Wolthuss von Herse. Eine Tragödie. Рига. 1903. А. Э. Мальмгрена.—7) <i>Materyały do dziejów</i> (Смъ слѣд. стран.)</p>	

piśmiennictwa polskiego i biografii pisarzy polskich. Zebrał Teodor Wierzbowski. Tom II. 1526—1830. Warszawa. 1904. А. я.—8) Гумидовичъ, М., д-ръ. Początki religji żydowskiej w Polsce. (Начало еврейской религии въ Польшѣ). Warszawa. 1904. С. г.—вта.—9) Воронежская старина. Выпускъ третій. Юбилейное изданіе Воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Воронежъ. 1903. И. Александрова.—10) В. Ватуриный, А. И. Герценъ, его друзья и знакомые. Матеріалы для исторіи общественнаго движенія въ Россіи. Томъ I. Спб. 1904. А. Е.—11) Полное собраніе сочиненій И. А. Крылова. Редакція, вступительныя статьи и примѣчанія В. В. Кадлаша. Томъ I. Драматическія сочиненія. Спб. 1904. п. щ.—12) Н. К. Михайловскій. Отклики. Томъ I. Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство». Спб. 1904. п.—13) Henryk Sadowski. Ordery i oznaki zaszczytne w Polsce. Warszawa. 1904. (Г. Садовскій. Ордена и знаки отличія въ Польшѣ). Г. А. Воробьева.—14) К. Д. Вальмонтъ. Горныя вершины. Сборникъ статей. Книга первая. Книгоиздательство «Грифъ». М. 1904. щ.—15) Эдуардъ Мейеръ. Теоретическіе и методологическіе вопросы исторіи. Философско-историческія изслѣдованія. Перевелъ А. А. Малининъ. Москва. 1904. Е. в.—16) Алексѣй Мопинъ. Ясная Поляна и Васильевка. Спб. 1904. п. щ.—17) Балтійскій флотъ 50 лѣтъ назадъ (1854—1855 гг.). Капитанъ 2-го ранга Истоминовъ. Спб. 1904. В. Грибовскаго.—18) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при Московскомъ университетѣ. 1904 годъ. Книги 2 и 3 (209-я и 211-я). М. 1904. п.—19) Музей изящныхъ искусствъ имени императора Александра III при Московскомъ университетѣ. Отчетъ и рѣчь, читанный въ годичномъ собраніи комитета музея 25-го ноября 1903 г. проф. Н. Цвѣтаевымъ. Москва. 1904. А.—на.—20) Le culte de la petite vérole en Géorgie. Une page de la médecine populaire, par M. Sakhokia. (Extrait des Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris. Seance du 16 avril 1903). Paris. 1903. А. Хах—ова.—21) Д. Зеленинъ. Кама и Вятка. Путеводитель. Юрьевъ. 1904. в. г.—22) В. Сврошевскій. На Дальнемъ Востоку. (Na daleki wschód. Kartki z podróży. Przez Syberij i Mandzurę do Japonii. Taku. Tientsin. Pekin. Szanghaj). Варшава. 1904. С. Гин—вта.—23) Сергій Дигилевъ. Портретистъ Шабановъ. Спб. 1904. м. н.—24) Дж. Р. Сили. Распространеніе Англии. Два курса лекцій. Переводъ съ англійскаго В. Я. Герда. Издательство О. Н. Поговой. Спб. 1904. W.—25) Вся Курляндская губернія. Справочно-адресное изданіе Курляндскаго губернскаго статистическаго комитета подъ редакціею Я. И. Лудмера. Митава. 1904. А. Э. М.—на.—26) Д. Д. Ивановъ. Объяснительный путеводитель по художественнымъ собраніямъ С.-Петербурга. Спб. 1904. А. я.—27) Д. И. Подшиваловъ. Воспоминанія кавалергарда. Тверь. 1904. з. Грибовскаго.—28) Образовательная программа по Россіи. 1894—1902. Составилъ Н. Р. Спб. 1903. А. я.—29) Профессоръ Е. Ѳ. Карскій. Вѣлоруссы. Введеніе къ изученію языка и народной словесности. Вильна. 1904. м. д. нин—снаго.—30) Профессоръ Казанскій. Учебникъ международнаго права публичнаго и гражданскаго. Одесса. 1904. в. г.—31) Ф. Добрянскій. Старая и новая Вильна. Изданіе третье. Вильна. 1904. А. я.—32) М. Успенскій. Рѣдкій антиминсъ. Спб. 1904. п. п.—33) Ф. С. Красильниковъ. Малороссія и малороссы. (Географическо-этнографическій очеркъ). М. 1904. А. х—ва.—34) Родъ дворянъ Арсеньевыхъ. 1389—1901 г. Составилъ В. С. Арсеньевъ. Тула. 1904. в. г.

XVIII. Заграничныя историческія новости и мелочи 1056

1) Шестисотлѣтіе со дня рожденія Петрарки.—2) Лорензаччіо.—3) Еще о кавалерѣ д'Эонъ.—4) Городъ Ватъ въ XVIII столѣтіи.—5) По поводу статуи Гете въ Римѣ.—6) Столѣтній юбилей Жоржъ Санда.—7) Смерть епископа Штрессмайера и Вальдека-Руссо.

XIX. Смѣсь 1074

1) Гробница святого Владимира.—2) Археологическій инцидентъ.

XX. Некрологи 1078

1) Богословскій, В. С.—2) Вейнбергъ, П. И.—3) Гусевъ, И. Ѳ.—4) Маненковъ, В. И.—5) Плева, В. К.—6) Прендель, Р. А.—7) Сергіи, архіепископъ.—8) Фадѣевъ, П. А.—9) Фавъ-дербъ-Флитъ, П. П.—10) Давни, Н. П.

XXI. Замѣтки и поправки 1087

Къ статьѣ о поэтахъ-крестьянахъ. И. Гутьяра.

XXII. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Домны Стефаниды.—2) Ифигенія. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ В. П. Буренина. Дѣйствія первое и второе.

СОДЕРЖАНИЕ ДЕВЯНОСТО СЕДЬМОГО ТОМА.

(ИЮЛЬ, АВГУСТЪ и СЕНТЯБРЬ 1904 года).

	СТРАН.
Передъ разгромомъ. (Эпизодъ изъ семейной хроники). XVI—XXVII. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ	5, 353, 721
Изъ записокъ дѣда. (Таинственные люди и таинственныя явленія). П. П. Баснина	52, 395
Баринъ Горденчъ. И. М.	80
Мировые посредники перваго призыва. (Личныя воспоминанія). Н. А. К.	88
Дуэли. (Историческіе очерки изъ эпохи императора Александра I). Гл. X—XIII. (Продолженіе). Н. И. Фалѣва	101, 470, 801
Ө. А. Бредихинъ. (Страничка изъ воспоминаній). Князя Б. А. Щетинина	114
Памяти епископа Иринея. С. К. Эфрона (Литвина)	121
Сдача Косинчи. (Эпизодъ изъ Венгерской кампаніи 1849 года). А. Д. Шепелева	131
Прологъ къ Тюренченскому бою. (Изъ жизни одной батареи въ русско-японскую войну). М. Ше—ина	137
Гоголь и Булгаринъ. Н. А. Энгельгардта	154
Испанскій инсургентъ. (Изъ дѣлъ С.-Петербургскаго сенатскаго архива). К. Л—ва	174
Клопскій монастырь. (Изъ экскурсій въ окрестности Новгорода). А. Г. Слезкинскаго	194
<p style="margin-left: 40px;"><i>Иллюстраціи:</i> 1) Клопскій монастырь. — 2) Царскія врата въ Троицкомъ соборѣ Клопскаго монастыря.—3) Распятіе на паперти Троицкаго собора въ Клопскомъ монастырѣ. — 4) Крестный ходъ на лодкахъ въ Клопскомъ монастырѣ.</p>	
Въ Кахетіи. С. И. Уманца	219
<p style="margin-left: 40px;"><i>иллюстраціи:</i> 1) Алавердскій соборъ въ Кахетіи.—2) Грузинская арба.</p>	
<p style="margin-left: 40px;">«истор. вѣстн.», сентябрь, 1904 г., т. хов. 1/2</p>	

	СТРАН.
Иностранцы о Россіи. В. А. Тимирязева	235, 982
Послѣдній изъ «могиканъ». (Очеркъ). Бориса Корженевскаго	427
Въ горахъ Ала-тау. (Изъ исторіи бунта Кенисары Касымова, 1843 — 1847 г.г.). Я. Полферова	486
Изъ воспоминаній поэтовъ-крестьянъ о русскихъ писателяхъ. (Новыя данныя для біографій И. С. Тургенева, Л. А. Мея, Л. Н. Толстого и Ѳ. И. Буслаева). А. И. Яцимирскаго	503
И. К. Айвазовскій въ Θεодосіи. (1886—1897 г.г.). Ю. А. Галабутскаго	525
иллюстраціи: 1) Домъ Айвазовскаго въ Θεодосіи.—2) Картинная галле- рея Айвазовскаго.	
Къ біографіи архіепископа херсонскаго и одесскаго Никанора. А. А. Зеленецкаго	537
Учено-литературная дѣятельность Н. Ѳ. Дубровина. В. Е. Руданова	543
иллюстрація: Николай Федоровичъ Дубровинъ.	
Бытовые очерки прошлаго. И. С. Бѣляева	553
Иванъ Семеновичъ Державинъ. (1755—1826). Владимира Боброва	570
Симеизъ. А. И. Фирсова	576
иллюстраціи: 1) Симеизъ. Пансіонъ Чорна и пляжъ.—2) Симеизъ. Деревня и видъ на Яйлу. — 3) Симеизъ. Хрустальный дворецъ (сгорѣвшій).— 4) Симеизъ. Скалы «Дива» и «Монахъ». — 5) Симеизъ. Домъ управляющаго и экономическія постройки.	
Нарвская старина. (Къ 200-лѣтію взятія Нарвы Петромъ Великимъ). А. В. Петрова	587
иллюстраціи: 1) Ивангородъ. (По современной фотографіи).—2) Ливон- скій замокъ.—3) Спасо-Преображенскій соборъ.—4) Магистратъ, биржа и па- мятникъ Петру Великому.—5) Взятіе Нарвы 9-го августа 1704 г. (Съ картины Копцебу). — 6) Дворецъ Петра Великаго. — 7) Памятникъ Петру Великому на «Вольшомъ» островѣ въ рѣкѣ Наровѣ. — 8) Могила русскихъ воиновъ, пав- шихъ на Нарвскихъ поляхъ въ 1700 году. — 9) Могила русскихъ воиновъ, павшихъ при взятіи Нарвы 9-го августа 1704 года.	
Бракъ и разводъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. (Со- ціологическій очеркъ). Е. Н. Матросова	607, 954
Памяти А. П. Чехова. (17-го января 1860—2-го іюля 1904 г.). П. Павлова	625
иллюстрація: Антонъ Павловичъ Чеховъ.	
Изъ воспоминаній. (1891—1892 г.г.). І. П. В. Засодимскаго	763
Въ сибирской глуши. А. С—на	778
Домна Стефанида, невѣста царя Алексѣя Михайловича. А. И. Яцимирскаго	825
Разказы очевидцевъ о завоеваніи русскими г. Самарканда и о «семи- дневномъ сидѣніи». Л. Х. Симоновой	844
Послѣдніе годы жизни графа Аракчеева. (Изъ семейной хроніки). Барона Н. В. Дризена	867
Эпизодъ изъ жизни П. А. Словцова. Н. А. Бирюкова	877
Цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ Златоустѣ. Письмо майора Ахма- това полковнику Камерову. Сообщилъ Ф. И. Соколовъ	892

Шестая голова. (Изъ приволжскихъ былей). Н. Н. Оглоблина	897
Памяти графа Ө. Ө. Келлера. Князя Б. А. Щетинина	918
Спорный мундиръ. (Изъ дѣлъ С.-Петербургскаго сенатскаго архива). А. В. Безроднаго	925
Поѣздка въ Вигры. Изъ историко-археологическихъ экскурсій. Г. А. Воробьева	933
Иллюстраціи: 1) Древняя поуніатская церковь въ Августовѣ. — 2) Колонна въ Августовѣ въ память событія 17-го октября 1888 года. — 3) Римско-католическій костель въ Сувалкахъ. — 4) Храмъ бывшаго монастыря камедуловъ въ Виграхъ. — 5) Главный алтарь въ бывшемъ монастырскомъ храмѣ въ Виграхъ.	
Василій Алексѣевичъ Вильбасовъ. Б. М. Городечнаго	974
Иллюстраціи: Василій Алексѣевичъ Вильбасовъ.	

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ 265, 634, 1015

1) Письма и донесенія іезуитовъ о Россіи конца XVII и начала XVIII вѣка. Спб. 1904. А—ра. — 2) Русская историческая бібліотека, издаваемая императорскою археографическою комиссіею. Томъ двадцать третій. Дѣла тайнаго приказа. Книга третья. Спб. 1904. в. Строева. — 3) Сборникъ статей по исторіи права, посвященный М. Ф. Владимірскому-Вуданову его учениками и почитателями. Издавъ подъ редакціей М. И. Ясинскаго. Киевъ. 1904. в. Грибовскаго. — 4) О. М. Бодянский и его заслуги для изученія Малороссіи. Н. П. Василенка. К. 1904. гл. — 5) Н. П. Кондаковъ. Археологическое путешествіе по Сиріи и Палестинѣ. Съ 78-ю рисунками въ текстъ и 72-мя отдельными таблицами. Изданіе императорской академіи наукъ. Спб. 1904. А. Я. — 6) А. И. Фаресовъ. Противъ теченій. Н. С. Лѣсковъ. Его жизнь, сочиненія, полемика и воспоминанія о немъ. Съ рѣдкимъ портретомъ. Спб. 1904. М. Лернера. — 7) Арсеній, епископъ псковскій. Исслѣдованія и монографіи по исторіи молдавской церкви. Съ 8-ю автотипическими портретами. Спб. 1904. А. Я. — 8) Іоаннъ Саввинскій. Историческая записка объ Астраханской епархіи за 300 лѣтъ ея существованія (съ 1602 по 1902 годъ). Астрахань. 1903. А. Я. — 9) Бумаги, относящіяся до Отечественной войны 1812 года, собранныя и изданныя П. И. Шуваловымъ. Часть VIII. М. 1904. с. ш. — 10) В. Сергѣевичъ. Русская Правда въ четырехъ редакціяхъ. Спб. 1904. м. к. — 11) Е. В. Аничковъ. Весенняя обрядовая пѣсня на Западѣ и у славянъ. Часть I. Отъ обряда къ пѣснямъ. Спб. 1903. А. Я. — 12) И. П. Ювачевъ. Паломничество въ Палестину къ Гробу Господню. Очерки путешествія въ Константинополь, Малую Азію, Сирію, Палестину, Египеть и Грецію. Съ 126-ю иллюстраціями. Спб. 1904. А. Я. — 13) А. В. Пѣшехоновъ. На очередныя темы. Матеріалы для характеристики общественныхъ отношеній въ Россіи. Спб. 1904. Б. Глинскаго. — 14) П. Н. Столинскій. Матеріалы къ исторіи русской литературы и науки въ XVIII вѣкѣ. Выпускъ I. Опытъ бібліографическаго указателя книгъ по географіи, изданныхъ въ Россіи въ царствованіе императрицы Екатерины II (1672—1769). Оренбургъ. 1903. М. Александрова. — 15) И. И. Янжулъ. Между дѣломъ. Очерки по вопросамъ народнаго образованія, эконоическаго политики и общественной жизни. Спб. 1904. в. гр.—снаго. — 16) Е. Е. Лебедевъ. Единовѣріе въ противодѣйствіи русскому обрядовому расколу. Новгородъ. 1904. м. к. — 17) Н. С. Лобастъ. Каторга и населеніе на островѣ Сахалинѣ. Нѣсколько штриховъ изъ жизни русской штрафной колоніи. Екатеринбургъ. 1904. ф. А. Лѣ—ва. — 18) А. А. Ивановскій. Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи. Труды антропологическаго отдѣла, томъ XXII. М. 1904. м. к. — 19) М. В. Карскій. Зарубежная Русь. Историческая хроника. М. 1904. С. У—ца. — 20) Сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи царствованія императора Петра Великаго. Собралъ Е. Шмурло, профессоръ Юрьевскаго университета. Томъ I. 1695—1700. Юрьевъ. 1903. п. п—ва. — 21) Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1804—1819). Разсказы по архивнымъ документамъ Н. Вулча. Часть первая. Изданіе 2-е. Спб. 1904. Б. Г—цаго. — 22) Профессоръ В. И. Модестовъ. Введеніе въ римскую исторію. Вопросы доисторической этнологіи и культурныхъ вліаній въ доримскую эпоху въ Италіи и начало Рима. Ч. I-я съ 35 фототипическими таблицами. Ч. II-я съ 7 фототипическими таблицами и 54 рисунками въ текстъ. Спб. 1904. А. м. Лявгина. — 23) И. И. Замотинъ. Романтизмъ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія въ русской литературѣ. Варшава. 1903. — Н. К. Козминъ. Очерки по исторіи русскаго романтизма. Спб. 1903. я. Ав—ва. — 24) Библиотека для самообразованія. В. Ө. Икономовъ. Наканунѣ реформъ Петра Великаго. Москва. 1904.

В. Грибовскаго — 25) Къ свѣту. Научно-литературный сборникъ, подъ редакціей Е. П. Лятковой и Ю. Д. Ватюшкова. Спб. 1904. н. л. — 26) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1904 годъ. Книга I. М. 1904. А. Я. — 27) По поводу отпаденія графа Льва Николаевича Толстого. Сборникъ статей «Миссіонерскаго Обозрѣнія». Изданіе В. М. Скворцова, второе (дополненное). Спб. 1904. А. Я. — 28) І. Ивановъ. Культъ Перуна у южныхъ славянъ. Спб. 1903. А. Я. — 29) И. А. Линниченко. Грамоты галицкаго князя Льва и значеніе подложныхъ документовъ, какъ историческихъ источниковъ. Спб. 1904. А. Я. — 30) Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Выпускъ I. Спб. 1903. — В. В. Калашъ. Puschkiniana. Матеріалы и изслѣдованія объ А. С. Пушкинѣ. Кіевъ. 1903. п. щ. — 31) А. А. Стаховичъ. Ключки воспоминаній. М. 1904. м. о. си — вича. — 32) Д. В. Ульянинскій. Среди книгъ и ихъ друзей. Часть первая. I. Изъ воспоминаній и замѣтокъ библиофила. II. Русскія книжныя росписи XVIII вѣка (библиографическій обзоръ). М. 1903. и. Александрова. — 33) Л. Шепелевичъ. «Донъ-Кихоть» Сервантеса. Опытъ литературной монографіи (томъ II-й сочиненія: «Жизнь Сервантеса и его произведенія», 1901 г.). Съ портретомъ Сервантеса и приложеніями. Спб. 1903. А. Я. — 34) Н. Ф. Арсѣевъ. Первый областной археологическій съездъ въ Россіи. Спб. 1904. В. Грибовскаго. — 35) Alexander Brückner. Dzieje literatury polskiej w zagranic. Два тома. Warszawa. 1903. А. Я. — 36) Ст. В. Смоленскій. О ближайшихъ практическихъ задачахъ и научныхъ разсужденіяхъ въ области русской церковно-пѣвческой археологии. Спб. 1904. А. Я. — 37) Полное собраніе сочиненій В. Г. Вѣлинскаго въ двѣнадцать томахъ подъ редакціей и съ прижизненіями С. А. Венгерова. Томъ VII. Спб. 1904. п. щ. — 38) А. Г. Максимовъ. Описаніе періодическихъ изданій XIX вѣка. «Осеніе вечера» 1803 года и «Журналъ для милыхъ» 1804 года. Историко-библиографическое изслѣдованіе. Спб. 1904. щ. — 39) В. Бартольдъ. Историко-географическій обзоръ Ирана. Спб. 1903. п. п. — 40) Дѣйствія Нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Журналы и доклады. Засѣданія LVIII—LXVIII, съ 25-го мая 1901 года по 2 марта 1903 года, и журналъ экстреннаго засѣданія 27-го апрѣля 1903 года, въ память А. С. Гацискаго. Нижний Новгородъ. 1904. щ. — 41) Миръ искусства. Художественный иллюстрированный журналъ. Издатель — С. П. Дягилевъ; редакторы — С. П. Дягилевъ, Александръ Венау. Выпускъ четвертый. Спб. 1904. п. Павлова. — 42) Профессоръ Евгений Вобровъ. Изъ исторіи жизни и поэзіи А. И. Полежаева. (Съ приложеніемъ двухъ портретовъ). Варшава. 1904. п. щ. — 43) А. М. Лобода. Русскія былинныя о сватовствѣ. Кіевъ. 1904. А. Я. — 44) Сергій Мечъ. Швеція и Норвегія. Москва. 1904. н. ф. — 45) В. Н. Васкаковъ. Походы 1809 года Наполеона въ Германіи и Австріи. Книга I. Спб. 1904. н. л. — 46) Путникъ (Н. Лендеръ). Черное море и Кавказъ. Съ рисунками художника А. В. Ганзена. Изданіе 2-е, значительно дополненное. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1904. н. Юрьина. — 47) Михаилъ Тамарашвили. Histoire du catholicisme en Georgie avec les documents justificatifs du XIII-e au XX siècle. 1903. А. хак — ва. — 48) Дешевая Иллюстрированная Библиотека. Изданіе Н. П. Дучинскаго. Спб. 1904. г. — 49) Утверженная грамота объ избраніи на Московское государство Михаила Феодоровича Романова. Воспроизведена императорскимъ обществомъ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ подъ наблюденіемъ С. А. Вѣлокурова, дѣятельнаго члена общества. Москва. Синодальная типографія. 1904. п. п. — 50) А. И. Яцимирскій. Григорій Памблякъ. Очеркъ его жизни, административной и книжной дѣятельности. Изд. императорской академіи наукъ. Спб. 1904. п. п. — 51) Летуцие джиста 1812 года. Ростовчинскія афиши. Собралъ и издалъ П. А. Картавовъ. Спб. 1904. п. щ. — 52) Мих. Лемке. Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія. Спб. 1904. Его же. Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ. Изд. М. В. Парожкова. Спб. 1904. п. п. — 53) С. А. Венгеровъ. Критико-библиографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. (Историко-литературный сборникъ). Томъ VI. Съ алфавитнымъ указателемъ ко всѣмъ VI томамъ. Спб. 1897—1904. п. щ. — 54) Karl Stavenhagen. Johann Wolthuss von Herse. Eine Tragödie. Piga. 1903. А. Э. Мальмгрена. — 55) Materiyty do dziejów piśmennictwa polskiego i biografii pisarzy polskich. Zebrał Teodor Wierzbowski. Tom II. 1526—1830. Warszawa. 1904. А. Я. — 56) Гумиловичъ, М., д-ръ. Początki religji żydowskiej w Polsce. (Начало еврейской религіи въ Польшѣ). Warszawa. 1904. с. г — вта. — 57) Воронежская старина. Выпускъ третій. Юбилейное изданіе Воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Воронежъ. 1903. и. Александрова. — 58) В. Ватуриискій. А. И. Герцень, его друзья и знакомые. Матеріалы для исторіи общественнаго движенія въ Россіи. Томъ I. Спб. 1904. А. Я. — 59) Полное собраніе сочиненій И. А. Крылова. Редакція, вступительныя статьи и прижизненія В. В. Калаша. Томъ I. Драматическія сочиненія. Спб. 1904. п. щ. — 60) Н. К. Михайловъ

ский. Отлики. Томъ I. Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство». Спб. 1904. п.—61) Henryk Sadowski. Ordery i oznaki zaszczytne w Polsce. Warszawa. 1904. (Г. Садовскій. Ордена и знаки отличія въ Польшѣ). г. а. Воробьева. — 62) К. Д. Вальмонтъ. Горныя вершины. Сборникъ статей. Книга первая. Книгоиздательство «Грифъ». М. 1904. щ. — 63) Эдуардъ Меверъ. Теоретическіе и методологическіе вопросы исторіи. Философско-историческіе изслѣдованія. Перевелъ А. А. Малинанъ. Москва. 1904. Е. В. — 64) Алексѣй Мошинъ. Ясная Поляна и Васильевка. Спб. 1904. п. щ. — 65) Балтійскій флотъ 50 лѣтъ назадъ (1854—1855 гг.). Капитанъ 2-го ранга Истоминонъ. Спб. 1904. В. Грибовскаго. — 66) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1904 годъ. Книги 2 и 3 (209-я и 211-я). М. 1904. п. — 67) Музей изящныхъ искусствъ имени императора Александра III при Московскомъ университетѣ. Отчетъ и рѣчь, читанные въ годичномъ собраніи комитета музея 25-го ноября 1903 г. проф. И. Цѣтлаевымъ. Москва. 1904. а—на. — 68) Le culte de la petite vérole en Géorgie. Une page de la médecine populaire, par M. Sakhokia. (Extrait des Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris. Seance du 16 avril 1903). Paris. 1903. А. Хах—ова. — 69) Д. Зеленинъ. Кама и Вятка. Путеводитель. Юрьевъ. 1904. б. г. — 70) В. Сѣрошевскій. На Дальнемъ Востоѣ. (Na daleki wschód. Kartki z podróży. Przez Syberij i Mandżurę do Japonii. Taku. Tientsin. Pekin. Szanghaj). Варшава. 1904. С. Гин—вта. — 71) Сергій Дагилевъ. Портретистъ Шабановъ. Спб. 1904. м. и. — 72) Дж. Р. Сиди. Расширеніе Англии. Два курса лекцій. Переводъ съ англійскаго В. Я. Герда. Издательство О. Н. Поповой. Спб. 1904. W. — 73) Вся Курляндская губернія. Справочно-адресное изданіе Курляндскаго губернскаго статистическаго комитета подъ редакцію Я. И. Лудмера. Митава. 1904. А. Э. м—на. — 74) Д. Д. Ивановъ. Объяснительный путеводитель по художественнымъ собраніямъ С. Петербурга. Спб. 1904. А. я. — 75) Д. И. Подшиваловъ. Воспоминанія кавалергарда. Тверь. 1904. В. Грибовскаго. — 76) Образовательныя прогулки по Россіи. 1894—1902. Составилъ Н. Р. Спб. 1903. А. я. — 77) Профессоръ Е. Ѡ. Карскій. Вѣлоруссы. Введеніе къ изученію языка и народной словесности. Вильна. 1904. М. Д. Ник—снаго. — 78) Профессоръ Казанскій. Учебникъ международнаго права публичнаго и гражданскаго. Одесса. 1904. в. г. — 79) Ф. Добрянскій. Старая и новая Вильна. Изданіе третье. Вильна. 1904. А. я. — 80) М. Успенскій. Рѣдкій антикваръ. Спб. 1904. п. п. — 81) Ф. С. Красильниковъ. Малороссія и малороссы. (Географическо-этнографическій очеркъ). М. 1904. А. Х—ва. — 82) Родъ дворянъ Арсеньевыхъ. 1389—1901 г. Составилъ В. С. Арсеньевъ. Тула. 1904. в. г.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ 305, 685, 1056

1) Лопе-де-Вега, какъ авторъ и человѣкъ. — 2) Во времена Людовика XIII. — 3) Одинъ изъ англійскихъ завоевателей въ Индіи. — 4) Первая драма Виктора Гюго. — 5) Австрійскій посланникъ при Наполеонѣ III. — 6) Воспоминанія о прошедшемъ столѣтіи. — 7) Автобиографія Герберта Спенсера. — 8) Новые труды Эрнеста Додэ. — 9) Столѣтіе присоединенія Луизианы къ Америкѣ. — 10) Юбилей Кюбдена. — 11) Историческія воспоминанія Джювани Висконти Веноста. — 12) Письма о франко-пьемонтской войнѣ. — 13) Последній представитель англійской школы философовъ. — 14) Сборникъ мелкихъ произведеній Ренана. — 15) Смерть президента Крюгера. — 16) Шестисотлѣтіе со дня рожденія Петрарки. — 17) Лорензаччіо. — 18) Еще о кавалерѣ д'Эонѣ. — 19) Городъ Вать въ XVIII столѣтіи. — 20) По поводу статуи Гёте въ Римѣ. — 21) Столѣтній юбилей Жоржъ Санда. — 22) Смерть епископа Штрессмайера и Вальдека-Руссо.

СМѢСЬ 326, 706, 1074

1) Столѣтній юбилей общества исторіи и древностей россійскихъ. — 2) Открытіе памятника Ермаку въ Новочеркасскѣ. — 3) Присужденіе премій митрополита Макарія. — 4) Присужденіе премій императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія. — 5) Русское археологическое общество. — 6) Археологическое общество въ Москвѣ. — 7) Общество востоковѣднн. — 8) Географическое общество. — 9) Къ поискамъ барона Толля. — 10) Памятникъ Н. П. Гилярову-Платонову. — 11) Памятники столицы. — 12) Этнографическая повѣдка. — 13) Музыкально-этнографическая коммисія. — 14) Гробница святого Владимира. — 15) Археологическій инцидентъ.

НЕКРОЛОГИ 340, 709, 1078

1) ААгановъ, А. М. — 2) Алопеусъ, И. С. — 3) Кн. Вяткинскій, В. И. — 4) Воориковъ, Н. И. — 5) Вольшевъ, А. А. — 6) Васмундъ, Г. Р. — 7) Горемы-

винъ, А. Д.—8) Дубровинъ, Н. Ѳ.—9) Невзоровъ, Н. К.—10) Невревъ, Н. В.—11) Пржездецкая, А. Г.—12) Пятковский, А. П.—13) Уминовъ, П. І.—14) Ивановъ, Н. А.—15) Левкѣва, Е. И.—16) Масловскій, И. Ѳ.—17) Медвѣдевъ, Л. М.—18) Мельницкій, В. П.—19) Мосоловъ, А. Н.—20) Обручевъ, Н. Н.—21) Хрущовъ, И. П.—22) Богословскій, В. С.—23) Вейнбергъ, П. И.—24) Гусевъ, А. Ѳ.—25) Маненковъ, В. И.—26) Плева, В. К.—27) Прендель, Р. А.—28) Сергій, архі-епископъ.—29) Фадѣевъ, П. А.—30) Фанъ-дёръ-Флитъ, П. П.—31) Цыгни, П. П.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ 720, 1087

1) Поправка къ статьѣ Б. Б. Глинскаго: «А. С. Хомяковъ передъ судомъ потомства».—2) Къ статьѣ о поэтахъ-крестьянахъ. н. Гутьяра.

Приложенія: 1) Портреты епископа Иринея, И. К. Айвазовскаго и домны Стефаниды.—2) Черная месса. (La messe noire). Историческій романъ Г. Легэ. Переводъ съ французскаго. (Окончаніе). Гл. XXIII—XXVIII и эпилогъ.—3) Ифигенія. Драма В. П. Буренина. Дѣйствія I и II, сцены 1—4.

Объявленія.

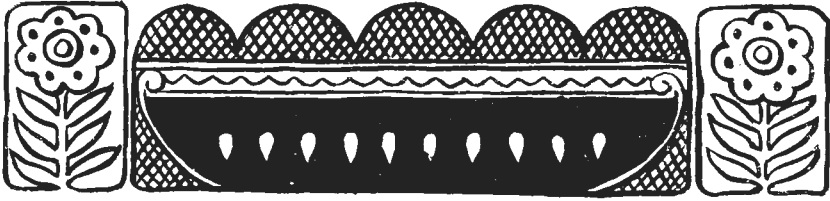

ДОМНА СТЕПАНИДА.

Фреска Кашинского монастыря въ Молдавіи.

ДОВВ. ЦЕНЗ. 28 АВГУСТА 1904 г. СПБ.

ПЕРЕДЪ РАЗГРОМОМЪ ¹⁾.

(Эпизодъ изъ семейной хроники).

XXIV.

ВЪ КОМНАТѢ, служившей прихожей въ помѣщеніи, занимаемомъ во дворцѣ пани Розальской, дремала надъ молитвенникомъ, при тускломъ свѣтѣ догорающей сальной свѣчки, камеристка хорошенькой вдовушки, Сесилія, по временамъ прислушиваясь то къ скрипу двери, осторожно растворяемой вдали, то къ храпу и вздохамъ дворскихъ дѣвицъ, спавшихъ въ повалку на полу въ сосѣднихъ комнатахъ. Въ этотъ поздній часъ ночи слышалось то, чего днемъ нельзя было слышать среди кипящей шумнымъ оживленіемъ жизни. Минувшій день выдался такой жаркій, что многія окна были оставлены на ночь открытыми, и изъ нихъ проникалъ въ домъ уличный шумъ, грохотъ изрѣдка катившихся экипажей, обрывки пьяной пѣсни, жалобный вой собакъ, глухіе, таинственные стоны... По временамъ тишина перерѣзывалась рѣзкимъ звукомъ трещотки ночного сторожа и свистками.

И при каждомъ подобномъ нарушеніи тишины ночной Сесилія вздрагивала, подбѣгала къ двери въ коридоръ или выглядывала изъ окна, проявляя признаки лихорадочнаго безпокойства, точно ей впервые приходится проводить ночь безъ сна, сторожа вѣрнымъ сомъ свою госпожу. При каждомъ шорохѣ крестилась она,

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVII, стр. 353.

«Истор. вѣстн.», сентябрь, 1904 г., т. ХСVII.

съ ужасомъ себя спрашивая: не вздумала ли ясновельможная опять имъ сдѣлать ночной визитъ, какъ нѣсколько дней тому назадъ?

Тогда все, слава Богу, обошлось благополучно, москаль успѣлъ скрыться, и, посидѣвъ минутъ десять у своей любимицы, графиня вернулась къ себѣ, кажется, ничего не подозрѣвая. Но какого страху онѣ набрались! У Сесилии морозъ подираетъ по кожѣ при одной мысли о минувшей опасности, а госпожа ея даже заболѣла отъ испуга.

Иезусъ, Марія! Когда же наступитъ конецъ этому мученію? Вотъ ужъ второй мѣсяцъ, какъ Сесилія не ходитъ на исповѣдь, страшась разспросовъ духовника, близкаго пріятели дворцоваго капеллана. Жутко даже подумать о томъ, что ее ждетъ на томъ свѣтѣ за такой тяжкій грѣхъ!

А во дворцѣ-то, во дворцѣ-то съ какой надо себя держать опаской! Какъ надо всѣхъ бояться, всѣмъ замазывать глаза, ко всему прислушиваться, всѣмъ угождать, всѣхъ задаривать, чтобъ не любопытничали...

И все-таки въ концѣ концовъ не убережешься, и ничтожнѣйшій случай выдастъ ихъ тайну.

Есть уже признаки, что начинаютъ кое о чемъ догадываться. Сегодня Станиславова, графинина камеристка, подъѣзжала къ Сесилии съ намеками:

«Къ кому это, моя злота пани, кавалеръ сегодня ночью черезъ оранжерею пробирался? Лазарчикъ жаловался, что у него каждую ночь нѣсколько горшковъ, выставленныхъ для свѣжести передъ теплицей, кто-то опрокидываетъ. Думалъ, не собака ли. У насъ за псами надзоръ плохой, бѣгаютъ тамъ, гдѣ имъ вовсе не мѣсто. Однако подмѣтилъ онъ на пескѣ слѣды не собачьихъ лапъ, а человѣческихъ ногъ въ сапожкахъ со шпорами. И странное дѣло, Лазарчикъ увѣряетъ, будто слѣды эти шли вилоть до вашего окна!»

Подлая тварь, не дожидаясь, чтобъ ея слушательница опомнилась отъ испуга, стала жаловаться на то, что ей нечѣмъ заплатить башмачнику за починку башмаковъ, которые такъ проносились, что стыдно въ нихъ ходить.

«Ужъ не подкараулить ли ночного шатуна, чтобъ попросить его сжалиться надъ моей мизеріей, авось не пожалѣетъ мнѣ нѣсколькихъ золотыхъ на новые башмаки? Влюбленные бываютъ иногда щедры», — прибавила она со смѣхомъ, но Сесилія поняла значеніе этой шутки и поспѣшила предложить ей взаймы червонецъ.

«Отдадите, когда будете при деньгахъ. Госпожа моя такъ же таровата, какъ и богата, башмачки подолгу не носить, и мнѣ на обувь никогда тратиться не приходится», — объявила она при этомъ.

Начинаютъ, кажется, думать, что кавалеръ, опрокинувшій горшки у оранжереи, ходитъ къ ней, къ Сесилии. Хорошо, кабы до конца

остались при этомъ убѣжденіи, если узнаютъ правду, то ужь червонцемъ отъ доносчиковъ не откупиться... Охъ, скорѣе бы всей этой томительной канители конецъ!

Но госпожа ея была другого мнѣнія объ этой канители и отнюдь не находила ее ни мучительной, ни томительной. Весь день жила она только ожиданіемъ ночи и надеждой на свиданіе съ возлюбленнымъ.

Сегодня онъ засталъ ее въ слезахъ и въ тревогѣ, напуганной извѣстіемъ о поѣздкѣ аббата въ монастырь по порученію пани Анны. Изъ намековъ сестры Фелицаты Юльяннія узнала, что ей грозитъ попасть въ руки святыхъ матерей, опытныхъ въ искусствѣ домучивать непослушныхъ дочерей церкви до полнѣйшаго душевнаго и тѣлеснаго изнеможенія, до помѣшательства, до смерти.

— Ты себя даже и представить не можешь, на что онъ способенъ! Ты не знаешь, на что пани Анна способна, чтобъ поставить на своемъ!—повторяла она, заливаясь слезами и прижимаясь къ своему милому.— Ей ничего не стоитъ опохмѣть меня зельемъ и въ безсознательномъ состояніи увезти, куда она захочетъ!

— Глупая! Да развѣ я это позволю? Ты все забываешь, что принадлежишь мнѣ,—возразилъ онъ съ безпечной улыбкой, осыпая ее поцѣлуями.

— Меня могутъ такъ далеко запрятать, что ты меня не найдешь!

— Не безпокойся, вездѣ найду я мою королеву, мою красотку Юльяннію, и отовсюду ее выручу. Помнишь, какъ ты плакала за костеломъ въ жидовскомъ кварталѣ, когда насъ подкараулили вашъ аббатикъ? Какъ ты сокрушалась, что намъ негдѣ будетъ видѣться, чтобъ цѣловаться и увѣрять другъ друга въ любви! Помнишь, какъ я тебя утѣшалъ и увѣрялъ, что всегда найду возможность съ тобою встрѣчаться? Развѣ не вышло по-моему? Развѣ мы не видимся почти каждую ночь? Не цѣлуемся, не обнимаемся до утра? Перестань же плакать. Я пришелъ, чтобъ любоваться твоими хорошенькими глазками, а ты мнѣ показываешь противные красные фонари... И охота тебѣ терять время на скверныя мысли! Видишь, я веселъ, счастливъ и доволенъ, бери примѣръ съ меня!

Какъ всегда, заставилъ онъ ее все забыть въ любовномъ упоеніи, но самъ ни на секунду не забывался и не упускалъ изъ виду сложной, запутанной интриги, въ сѣтяхъ которой до сихъ поръ бился, тщетно ища изъ нея исхода.

— Почему вернулась ты къ себѣ сегодня такъ рано?—спросилъ онъ.—Обыкновенно не ты меня ждешь, а я тебя. Чѣмъ занялась твоя ясновельможная, что такъ рано отпустила тебя спать?

— Весь день пролежала она въ постели, все нездорова; а вечеромъ приѣхалъ гость, и она вышла въ будуаръ, чтобъ принять его.

— Какой гость?

— Князь Репнинъ.

— Репнинъ былъ здѣсь? И видѣлся съ графиней? Что же ты молчишь до сихъ поръ? Она его приняла? Она съ нимъ говорила? Долго? О чемъ?— съ живостью закидывалъ онъ ее вопросами, не дожидаясь отвѣтовъ.

— Сидѣлъ онъ у нея долго, и послѣ его отъѣзда она за мною не присылала, такъ что я рѣшилась уйти къ себѣ, съ нею не простившись. Но если бѣ даже я и видѣла ее послѣ отъѣзда князя, то все-таки не узнала бы, о чемъ они разговаривали. Давно ужъ не говорить она со мною о политикѣ.

— А почему думаешь ты, что они говорили о политикѣ?

Голосъ его звучалъ строго и рѣзко; страстный и нѣжный любовникъ превратился въ неумолимаго повелителя, которому надо было безпрекословно повиноваться, чтобъ избѣжать жестокаго наказанія.

— Я такъ думаю... доказательствъ у меня нѣтъ... О чемъ же имъ было говорить, если не о политикѣ? Наша пани его ненавидитъ... Она всѣхъ русскихъ ненавидитъ, — отвѣчала она, робѣя подъ его пристальнымъ взглядомъ и съ усиленіемъ произнося слова.— Она и княгиню Изабеллу ненавидитъ и презираетъ за то особенно, что она полюбила князя... Она это считаетъ измѣной отчизнѣ...

— Ну, и пусть, намъ-то что за дѣло до ея глупыхъ бредней! Поговорила бы она со мною, я бы сумѣлъ ей отвѣтить! Я не такой болванъ, какъ ея супругъ... Странно однакожь, что князь пріѣхалъ къ ней говорить про дѣла... Тутъ что-то кроется... Непременно постарайся, какъ можно скорѣе, узнать, что именно произошло между ними, и кстати также и про заговоръ, затѣянный врагами короля. Ты должна понимать, какъ мнѣ важно первому узнать про этотъ заговоръ. Спасителю жизни ни въ чемъ отказать нельзя, особенно въ первую минуту. Когда король спроситъ у меня, чѣмъ можетъ онъ мнѣ доказать свою благодарность, я скажу: дайте мнѣ маленькую Розальскую, ваше величество... Онъ будетъ въ восторгѣ, что я прошу у него такъ мало, но намъ ничего больше не надо, не правда ли, моя кошечка? Какая досада, что ты не знаешь, для чего пріѣзжалъ русскій посолъ! Боюсь я, чтобъ онъ не разстроилъ моихъ плановъ, если узнаетъ, въ чемъ дѣло, раньше меня. Напрасно не вошла ты къ ней послѣ его отъѣзда, когда она находилась еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ свиданія съ нимъ. Самыя умныя и дѣловитыя женщины плохо умѣютъ собою владѣть подъ наплывомъ чувствъ и пробалтываются. Вотъ этимъ-то тебѣ и надо было воспользоваться.

— Послѣ отъѣзда князя она недолго оставалась одна, почти тотчасъ же пріѣхалъ Джорджіо изъ монастыря и прошелъ прямо къ ней...

— Его-то ты, безъ сомнѣнія, видѣла?

— Нѣтъ. Зачѣмъ мнѣ его было видѣть? Я и безъ того слишкомъ скоро узнаю объ ужасѣ, который меня ждетъ! — вскричала она, заливаясь слезами. — Тамъ для меня ужъ навѣрное все готово — и сырая тюрьма въ подземельѣ, и...

— Перестань вспоминать про этотъ вздоръ! Сказано тебѣ, что я до этого не допущу, чего тебѣ еще надо? Развѣ ты мнѣ не вѣришь? — прервалъ онъ ея жалобы такъ сурово, что она отъ страха моментально успокоилась и нѣжно къ нему прижалась.

— Вѣрю! вѣрю! Развѣ я могу тебѣ не вѣрить? Что же у меня останется, если я перестану тебѣ вѣрить? Нѣтъ у меня на всемъ свѣтѣ никого, кромѣ тебя! За твою любовь я отдала моихъ благодѣтелей, мою родину, моего Бога, все, все! — повторила она, обнимая его и пытаясь умоляющимъ любовнымъ взглядомъ смягчить его досаду. — Милый мой, дорогой, единственный, сжался надо мной! Прекрати мою пытку! Возьми меня скорѣе отсюда, я истерзалась, измучилась... я словъ не нахожу тебѣ сказать, какъ я страдаю съ тѣхъ поръ, какъ ушла отъ нихъ душой! Съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь одно только мое тѣло, а сердце далеко! О милый, всюду пойду я за тобою, куда бы ты меня ни повелъ!.. Не все ли равно мнѣ, гдѣ и какъ буду я жить, лишь бы только съ тобою! Увези меня скорѣе, милый! Увези! ..Силъ моихъ нѣтъ дольше терпѣть! Ты даже и представить себѣ не можешь, что я выношу съ утра до вечера ото всѣхъ въ домѣ! Отъ моей пани, отъ аббата, отъ всѣхъ, отъ всѣхъ!...

Она видѣла, что онъ смягчается, видѣла въ его глазахъ любовь, чувствовала, что онъ все крѣпче и крѣпче прижимаетъ ее къ себѣ, и ободрилась; съ каждымъ мгновениемъ мольбы ея становились упорнѣе, поцѣлуи жарче, и ея страсть ему передавалась. Ему также захотѣлось скорѣе ее взять, увезти подальше изъ враждебной среды, гдѣ все ему было такъ чуждо, а подчасъ и противно. Но какъ много надо было для этого преодолѣть преградъ!

— Какъ же я увезу тебя, когда ты даже до сихъ поръ не сумѣла взять въ руки твое состояніе? Когда всѣ твои документы еще хранятся у графа Салезія? — проговорилъ онъ ласково, нѣжно убирая съ ея лица растрепавшіяся пряди ея золотистыхъ волосъ, чтобъ заглянуть въ ея прелестные синіе глазки. — У тебя даже нѣтъ завѣщанія твоего мужа, а безъ него намъ нельзя будетъ ничего сдѣлать ни съ имѣніемъ твоимъ, ни съ капиталами. Здѣшніе порядки мнѣ хорошо извѣстны, процессы самые вздорные тянутся десятками лѣтъ, и тягаться иноземцу съ вашими магнатами просто невыносимо. Съ помощью графа Салезія, который на все пойдетъ, чтобъ тебя разорить, если ты выйдешь замужъ за еретика, родные твоего мужа всѣмъ завладѣютъ. Тягайся потомъ съ ними! Знаю я ваши суды! У васъ и отравить человѣка ничего не стоитъ,

когда онъ опасенъ. Я часто удивляюсь, что живъ до сихъ поръ. Не до насъ имъ теперь, заговоромъ заняты. Скорѣ бы ужъ разыгралась у нихъ комедія, назрѣло бы дѣло, чтобъ хоть на время всѣхъ ихъ скрутить,—процѣдилъ онъ сквозь зубы.

— А развѣ безъ этого король тебѣ не поможетъ?—робко спросила она.

— Чѣмъ онъ можетъ мнѣ помочь, когда самъ еле держится? Ничего отъ такого слезоточиваго слизняка нельзя ждать. Отъ него и любовницы отстанутъ, когда имъ нужна серьезная помощь, вотъ какъ Изабелла Чарторижская, напимѣрь.

— Но развѣ ты съ русскимъ посломъ не хорошъ?

— Ничего ты не понимаешь,—угрюмо проворчалъ онъ.—Помни только, что мнѣ завтра непременно надо знать, для чего Репнинъ прїѣзжалъ къ твоей графинѣ, и о чемъ они разговаривали: отъ этого зависитъ наша судьба,—прибавилъ онъ помолчавъ.—Только тогда, когда я это узнаю, можно будетъ рѣшить, что намъ дѣлать дальше.

— Постараюсь исполнить твое желаніе, — пролепетала она, съ горестью сознавая, что визитъ русскаго посла привелъ его въ ярость. Почему? Увы, съ каждымъ часомъ ей приходилось убѣждаться, что, невзирая на его страстную къ ней любовь, душа его всегда останется для нея во мракѣ. Никогда не будетъ она въ состояніи угадать тайныя причины его гнѣва и радости, точно такъ же, какъ она до сихъ поръ не имѣетъ понятія о его желаніяхъ и заботахъ, а равно и о средствахъ, употребляемыхъ имъ для достиженія цѣли. И самая эта цѣль представляетъ для нея непроницаемую тайну. Убѣжденіе это заставляетъ ее постоянно страдать, но если бы она открыла въ немъ свойства еще ужаснѣе этого, открытіе это нисколько не повліяло бы на ея любовь къ нему.

Чувство это даже и любовью нельзя было назвать, это было полнѣйшее поглощеніе всего ея существа другимъ существомъ. Ничего своего у нея не оставалось, все отдала она ему: душу, тѣло, умъ, волю. Не оставалось у нея даже и прошедшаго, на которое она теперь взирала его глазами, ни будущаго, о которомъ не смѣла думать, такъ ужасно казалось оно ей безъ него. Любой іезуитъ позавидовалъ бы ловкости и силѣ воли, съ которыми онъ сумѣлъ обратить это нѣкогда живое, жизнерадостное существо въ безвольный трупъ, повинующійся только ему одному.

Не долго продолжалось надъ нею вліяніе аббата, при первомъ же свиданіи съ москалемъ она вырвалась изъ-подъ этого вліянія, и ученику Лойолы ничего больше не оставалось, какъ сознаться въ полнѣйшемъ своемъ безсиліи передъ сильнѣйшимъ соперникомъ.

Борьба была неровна. Отстранить такого соперника одними духовными средствами было невысказимо, тѣмъ болѣе, что надежда

обличить его въ преступленіи, которою аббатикъ такъ тѣшился передъ отъѣздомъ въ Варшаву, не оправдалась: ничего новаго по этому поводу не удалось открыть, а старые толки, должно быть, успѣли ужъ выдохнуться и всѣмъ надоѣсть, даже и по сосѣдству того мѣста, гдѣ произошло роковое событіе, не достигнувъ до Варшавы: пытаться воскресить ихъ было бы нелѣпо.

Удивительно ловко умѣлъ дѣйствовать этотъ человѣкъ во всемъ. Неудачи только подзадоривали въ немъ энергію и изощряли изворотливость ума.

— Вотъ что,—началъ онъ послѣ довольно продолжительнаго раздумья, во время котораго его возлюбленная, остерегаясь не только словомъ, но даже и движеніемъ нарушить ходъ его мыслей, молча и съ бьющимся сердцемъ, ждала его рѣшенія,—мнѣ ужъ и самому надоѣло видѣться съ тобою украдкой, подвергаясь глупымъ случайностямъ. Сегодня я въ послѣдній разъ сюда прихожу. Надо придумать что нибудь другое. Что именно—я еще не знаю, все зависитъ отъ обстоятельствъ. Если мнѣ удастся услужить королю той женщиной, въ которую онъ, какъ дуракъ, влюбился при первомъ взглядѣ, даже не слыша ея голоса, я, разумѣется, этимъ воспользуюсь, чтобъ пригласить его сватомъ, и надо надѣяться, что тогда намъ будетъ легче справиться съ Салезіемъ и съ его женой. Если же что нибудь выяснится насчетъ заговора, — еще будетъ лучше... Во всякомъ случаѣ, такъ или иначе, но я чувствую, что вся эта канитель подходитъ къ концу, и прошу тебя готовиться къ отъѣзду. Уложи вещи поцѣниѣе и жди увѣдомленія, какъ поступить дальше. Очень можетъ быть, что намъ нельзя будетъ выѣхать вмѣстѣ, и что я буду тебя ждать гдѣ нибудь подъ Варшавой... а, можетъ быть, увезу тебя прямо изъ дворца, все зависитъ отъ обстоятельствъ... Твой Вальковскій здѣсь?

— Здѣсь.

— Отлично. Прикажи ему завтра ко мнѣ зайти, надо съ нимъ переговорить.

— А если меня увезутъ въ монастырь?

— Ну, тогда мы тебя оттуда похитимъ, очень просто и даже, благодаря теперешнимъ обстоятельствамъ, заручившись помощью иностранныхъ пословъ, очень легко будетъ это сдѣлать. Куда именно мы поѣдемъ—не знаю еще, во всякомъ случаѣ вѣнчаться надо въ Россіи, въ Кіевѣ или въ Малявинѣ... Что же ты молчишь? Не радуешься? Не благодаришь меня за то, что я хочу сдѣлать по-твоему? — спросилъ онъ со смѣхомъ. Растерянность и испугъ, выразившіеся въ ея глазахъ при неожиданномъ заявленіи, разсмѣшили его.

— Если ты расказываешься, что мнѣ довѣрилась, и боишься со мною ѣхать, мы это дѣло бросимъ, и при этомъ ты ровно ничего не потеряешь... кромѣ моей любви, конечно. Ну, да вѣдь любовь

тогда только дорога, когда на нее отвѣчаютъ, а вообще я оставлю тебя такою, какою взялъ, и отъ тебя зависитъ замѣнить меня Длусскимъ или къмъ хочешь,—прибавилъ онъ съ усмѣшкой.

Но искра свѣта, озарившая было на мгновение ея душу, уже погасла отъ ужаса потерять то, что ей было дороже жизни.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не раскаиваюсь! Я тебѣ вѣрю! Ради Бога не сомнѣвайся въ моей любви! Я не могу безъ тебя жить и всюду за тобою послѣдую! Приказывай! Все исполню безъ ропота, все, что въ моихъ силахъ! — вскричала она, кидаясь въ его объятія.

— То-то же, а я ужъ думалъ, что ты колеблешься,—сказалъ онъ, прижимая ее къ своей груди.

А когда она начала успокаиваться отъ его поцѣлуевъ, онъ сталъ наставлять ее, какъ себя вести, чтобъ отклонить подозрѣнія.

— Что бы ни случилось, какъ бы на тебя ни напали, чѣмъ бы тебя ни стращали, будь сдержанна и спокойна. Захотятъ везти въ монастырь, поѣзжай, не выказывая никакихъ опасеній, но постарайся только выгадать время, придумай благовидный предлогъ отложить поѣздку, хотя бы на нѣсколько дней, скажи, что тебѣ хотѣлось бы быть на дневномъ балѣ въ Лазенкахъ или на концертѣ у Любомирскихъ, или отговорись нездоровьемъ. Насильно потащить тебя не могутъ и никакимъ зельемъ не опоятъ, не безпокойся, графиня тебя слишкомъ любитъ, и очень можетъ быть, что когда она увидитъ тебя спокойной и веселой, то и о монастырѣ позабудетъ...

— Ты со мною такъ говоришь, точно мы больше не увидимся?

— Да мы и не увидимся наединѣ до тѣхъ поръ, пока не укачимъ въ дорожной каретѣ въ Россію. Нужны большія предосторожности, чтобъ нашъ планъ удался, но если ты будешь умница и, помня мои совѣты, успокоишься и повеселѣешь, не будешь блѣдна отъ слезъ и бессонныхъ ночей, однимъ словомъ приведешь себя въ приличный видъ, твоя ясновельможная такъ обрадуется, что и сама выздоровѣетъ и пустится съ тобою въ свѣтъ, гдѣ мы будемъ часто встрѣчаться. Но чуръ не ревновать, если я буду ухаживать за красавицами, и прошу самой любезничать со всѣми, а не приходить въ отчаянье, если такъ случится, что я совсѣмъ не буду съ тобой танцовать... Помнишь, какъ весной въ Тульчинѣ ты чуть было не вскрикнула отъ испуга, когда я неожиданно явился на балъ послѣ наѣзда?

— Не отъ испуга, а отъ счастья!—прошептала она въ любовномъ упоеніи.

— Со мною тебя постоянно будутъ ждать такіе сюрпризы, то отъ радости, то отъ горя.

Увы, ей скоро пришлось вспомнить эти слова! Хорошо, что въ эту минуту она даже и представить себѣ не могла, при какихъ обстоятельствахъ это случится.

XXV.

Было уже поздно, когда князь Решинъ выѣхалъ изъ дворца кievскаго воеводы, однако онъ приказалъ ѣхать не домой, а къ примасу.

Въ бесѣдѣ съ пани Анной умственное напряженіе не дозволяло ему помышлять о женщинѣ, царившей въ его сердцѣ, но онъ про нее вспомнилъ, когда карета его поровнялась съ растворенными настежь воротами передъ дворцомъ князя Любомирскаго, изъ оконъ котораго вмѣстѣ съ блескомъ тысячъ свѣчей доносились звуки бальнаго оркестра. На эти окна съ жаднымъ любопытствомъ глазѣла праздная толпа уличныхъ зѣвакъ, нигдѣ столь не падкая на зрѣлища, какъ въ столицѣ Рѣчи Посполитой.

Толпа обмѣнивалась вслухъ замѣчаніями насчетъ веселящихся пановъ, называя по именамъ тѣхъ, которые выходили на балконъ, чтобъ освѣжиться, или подѣвжали къ красивому съ колоннами подѣвзду, въ пышныхъ золоченыхъ каретахъ, съ гайдуками въ нарядныхъ ливреяхъ на запяткахъ, въ сопровожденіи скороходовъ въ живописныхъ костюмахъ и скачущихъ на дорогихъ коняхъ дворскихъ юношей, въ роскошныхъ одѣяніяхъ.

Среди возгласовъ восхищенія и изумленія богатству и блеску магнатовъ, князю послышалось имя княгини Изабеллы Чарторижской, и ему стоило немалого труда воздержаться отъ искушенія приказать кучеру остановиться, чтобъ взглянуть вмѣстѣ съ чернью на окна дворца, гдѣ его возлюбленная танцевала.

Разумѣется, она, какъ всегда, лучше всѣхъ одѣта, обаятельнѣе и граціознѣе всѣхъ. Ничтожнѣйшая ленточка, самый простенькій цвѣтокъ казались на ней восхитительнѣе брилльянтовъ и жемчуговъ на другихъ. Ему стало досадно, что онъ не удѣлил даже и получасу въ этотъ вечеръ, чтобъ хоть издали ея полюбоваться на этомъ балѣ. Сколько пріятныхъ впечатлѣній вынесъ бы онъ отъ этого мимолетнаго свиданія! Любоваться ею, когда она съ легкостью бабочки порхаетъ въ мазуркѣ или граціозно присѣдаетъ въ менуетѣ, для него такое же наслажденіе, какъ ловить ея взглядъ и улыбку, обмѣниваться съ нею мыслями и чувствами.

Представленія эти, мелькая помимо воли въ его воображеніи и примѣшиваясь къ воспоминанію о благополучно выполненной дипломатической миссіи передъ пани Анной, приводили его въ прекрасное расположеніе духа, которое омрачилось отъ первыхъ словъ примаса.

Князя встрѣтили дурными вѣстями. Заговоръ распространялся по всей странѣ съ изумительною быстротою. Къ нему уже готовился примкнуть помилованный и осыпанный милостями русской

императрицы князь Карлъ Радзивилль со своей многочисленной партіей. Всюду фформировались отряды повстанцевъ, раздавалось оружіе, эмиссары вожаковъ вездѣ шныряли съ велерѣчивыми прокламаціями, призывавшими въ таинственныхъ выраженіяхъ къ нападенію на всѣхъ чужеземцевъ и на всѣхъ диссидентовъ и православныхъ. Какъ всегда, Пруссія исподтишка интриговала въ свою пользу противъ союзниковъ, не скупясь на обѣщанія, тѣмъ болѣе щедрья, что исполнять ихъ у нея не было въ виду. Со своей стороны и Австрія всѣми средствами подкапывалась подъ Россію, свою могучую и довѣрчивую союзницу, споконъ вѣка отличавшуюся недалководностью.

Епископъ Подосскій, убѣжденный сторонникъ Россіи и явный пособникъ русскаго посла, былъ тогда человѣкъ среднихъ лѣтъ, съ пріятнымъ лицомъ и добродушной улыбкой, отражавшейся въ глазахъ тонкой ироніей. Съ сокрушеніемъ распространялся онъ о слабости короля, который не можетъ остановиться ни на какомъ рѣшеніи: сегодня склоненъ вполне довѣриться Россіи, завтра передается на сторону злѣйшихъ ея враговъ, не желая вѣрить, что враги эти строятъ свои козни противъ него, какъ противъ главнѣйшей причины всеобщаго неудовольствія.

— Онъ не хочетъ понимать, что на Россію злятся единственно за то, что она его навязала Польшѣ и поддерживаетъ его на престолѣ своими войсками. Всѣ ему льстятъ, никто ему не вѣритъ и, что всего хуже, не придаютъ ему никакого значенія. Содѣйствіе такого популярнаго магната, какъ Салезій Потоцкій, несравненно выше цѣнятъ, чѣмъ сочувствіе его величества. Король мечется, какъ угорѣлый, изъ одной крайности въ другую, въ тщетной погонѣ за популярностью, въ стремленіи своемъ всѣмъ угодить становится смѣшонъ и, желая все сохранить, все теряетъ. Со мною, съ тѣхъ поръ, какъ меня считаютъ ренегатомъ, онъ боится видѣться и вмѣстѣ съ тѣмъ прибѣгаетъ ко мнѣ за совѣтами черезъ своихъ приближенныхъ, которымъ я такъ мало довѣряю, что ничего дѣльнаго не могу имъ сказать. Да и какъ довѣрять людямъ, которые каждую минуту готовы всякаго предать? Однимъ словомъ, какъ друзья короля, такъ и враги его, съ рѣдкимъ единодушіемъ желаютъ его смѣщенія, и, право же, даже и мнѣ начинаетъ казаться, что другого способа удовлетворить націю нѣтъ...

Послѣднія слова онъ произнесъ, устремляя пытливый взглядъ на своего слушателя, и, вынувъ изъ кармана своей шелковой фіолетовой сутаны золотую табакерку, поднесъ щепотку къ носу.

— Ея величество не согласится съ этими доводами. У нея давно составилось мнѣніе о пользѣ, которую Россіи надо извлечь изъ настоящаго положенія въ Польшѣ, а мнѣній своихъ она не мѣняетъ,—сдержанно замѣтилъ князь, отъ котораго не ускользнула

затаенная цѣль направленного на него подхода.— Намъ нужно, во что бы то ни стало, освободить нашихъ единовѣрцевъ отъ гоненій, которымъ они подвергаются здѣсь споконъ вѣка, а для этого представляется одинъ только способъ—сравненіе ихъ въ правахъ съ католиками,—прибавилъ онъ твердо.

— Но если ея величество поближе ознакомить съ положеніемъ въ странѣ, если ей представить, что замѣститель Понятовскаго, если это будетъ Саксонскій принцъ, поставитъ себѣ первѣйшимъ долгомъ исполнить всѣ ея желанія, и что, благодаря содѣйствію націи, ему несравненно легче будетъ этого достигнуть, чѣмъ теперешнему королю? Если все это ей объяснить, съ представленіемъ надлежащихъ гарантій, разумѣется, она, быть можетъ, и согласится на уступки?

Онъ смолкнулъ въ ожиданіи возраженій, изъ которыхъ можно было бы вывести то, что ему не менѣе прелата Фаста хотѣлось знать, а именно: получены ли новыя инструкціи изъ Петербурга, и въ чемъ онѣ заключаются?

— Какія же именно уступки вамъ бы желательно было отъ насъ получить?—спросилъ холодно князь.

Епископъ скромно опустил глаза.

— Вашему сіятельству извѣстны желанія польскаго народа,—сдержанно отвѣчалъ онъ.

— Что вы подразумѣваете подъ этими словами «польскій народъ»?—возразилъ, не безъ труда сдерживая раздраженіе, князь.— Если магнатовъ и шляхту, то вамъ извѣстно, какое значеніе наше правительство придаетъ ихъ желаніямъ, которыя всегда идутъ наперекоръ желаніямъ и нуждамъ хлоповъ, какъ католиковъ, такъ и православныхъ, а этихъ послѣднихъ мы всегда будемъ поддерживать всѣми средствами и во всемъ, что найдемъ для нихъ полезнымъ и справедливымъ.

— Такъ, такъ,—печально закивалъ епископъ, и съ тяжелымъ вздохомъ заговорилъ о другомъ.— Мнѣ очень хотѣлось бы знать мнѣніе вашего сіятельства о господинѣ Аратовѣ, русскомъ помѣщикѣ, общество котораго такъ полюбилось нашему королю, что онъ довѣряетъ ему щекотливѣйшія порученія. Можно ли положиться на этого человѣка? Говорятъ, онъ замѣчательно ловокъ и много содѣйствовалъ усиленію партіи кievскаго воеводы, но въ настоящее смутное время аттитуда его кака-то двусмысленная: онъ одновременно состоитъ въ ближайшихъ фаворитахъ у короля и дружить съ кievскимъ воеводой, котораго патріотамъ удалось, говорятъ, перетянуть на свою сторону, и быть не можетъ, чтобъ онъ этого не зналъ черезъ любимую резидентку графини Анны, съ которой находится въ любовной связи. Кому же послѣ этого служить этотъ человѣкъ? Чью сторону держитъ, короля или враговъ его величества?

Князь усмѣхнулся.

— Такого сорта люди обыкновенно имѣютъ въ виду только свою пользу,— замѣтилъ онъ.— Вы съ нимъ знакомы, ваша всевеличность?

— Сегодня утромъ онъ былъ у меня отъ имени короля, и я довольно долго съ нимъ бесѣдовалъ.

— О чемъ же?

— Все о томъ же, о недоумѣннн его величества передъ требованіями, съ которыми къ нему пристають со всѣхъ сторонъ. Я уже имѣлъ честь сказать вашему сіятельству, что его величеству очень бы хотѣлось знать мое мнѣніе о томъ, чего ему держаться, но что же могъ я отвѣтить г. Аратову? Вѣдь я его совсѣмъ не знаю. Впрочемъ, онъ, кажется, и самъ это понялъ и очень ловко далъ мнѣ понять, что онъ воспользовался порученіемъ короля, чтобы посовѣтоваться со мною насчетъ своего личнаго дѣла. Онъ желаетъ жениться на той особѣ, любимицѣ кievской воеводицы, но противъ этого брака не только графъ Салезій и его супруга, но и все духовенство, и ему можно опасаться большихъ препятствій и неприяностей. Ему нужна поддержка не одного только короля, но и приверженцевъ Россіи, къ числу которыхъ не безъ основанія, причисляютъ и меня. Безъ такой поддержки ни одинъ адвокатъ не возьмется за его дѣло, и Розальская можетъ легко лишиться всего своего состоянія. Здѣсь всегда найдутся люди, готовые препятствовать переходу въ руки православнаго москаля земель и капиталовъ, нажитыхъ католиками и поляками. Г. Аратовъ это отлично понимаетъ. Къ королю онъ уже обращался за содѣйствіемъ, но ему отвѣтили слезами и жалобами на магнатовъ, не позволяющихъ ему ничего сдѣлать для самыхъ близкихъ людей. И это суцая правда; на парюръ изъ сапфировъ для своей новой фаворитки его величество долженъ былъ просить денегъ у вашей императрицы. Вашему сіятельству это извѣстно,—прибавилъ онъ со вздохомъ, мало согласующимся съ иронической усмѣшкой, засверкавшей въ его хитрыхъ глазахъ.

— Что же вы посовѣтовали г. Аратову?

— Я не могъ ему ничего сказать, предварительно не узнавши мнѣнія вашего сіятельства о немъ, и просилъ его зайти ко мнѣ на будущей недѣлѣ.

— Хорошо сдѣлали, намъ теперъ не слѣдуетъ раздражать кievскаго воеводу и его супругу.

— Очень счастливъ, что мысли наши сходятся, ваше сіятельство.

И убѣдившись, что ничего больше не узнаешь отъ посѣтителя, заѣхавшаго къ нему не для того, чтобъ подѣлиться новостями изъ Петербурга, а чтобъ узнать о томъ, что здѣсь дѣлается, епископъ началъ излагать ему общій планъ дѣйствій, предпринятыхъ его

агентами противъ партій, орудующихъ въ захоlustьяхъ, гдѣ еще держались приверженцы русской политики, превратившейся, благодаря враждѣ магнатовъ съ королемъ, въ политику королевскую.

Князь слушалъ очень внимательно, иногда заставляя повторить то, что казалось ему особенно важнымъ, и наконецъ, когда часы прозвонили два, онъ поднялся съ мѣста. Но, прежде чѣмъ распроститься съ хозяиномъ, онъ снова заговорилъ про Аратова.

— Этотъ господинъ, кажется, избралъ неблаговидный путь, чтобъ сблизиться съ его величествомъ. Говорятъ про какую-то женщину, которую онъ будто бы выписалъ издалека съ грязными цѣлями...

Епископъ оживился.

— Тайственная незнакомка, встрѣченная въ Лазенковскомъ паркѣ? Король ею очень увлеченъ. Говорятъ что на ея слѣдъ уже напали, и мы, вѣроятно, скоро увидимъ новую восходящую звѣзду на придворномъ горизонтѣ... если только она изъ тѣхъ, которыхъ можно показывать... Послушать Сапѣговъ и Любомирскихъ, красавица эта самаго низкаго званія, жена ремесленника, чуть ли не жидовка...

— Но гдѣ же ее нашли? — спросилъ князь, котораго сплетни эти не могли не забавлять послѣ свиданія съ Грабининимъ.

— Она живетъ за городомъ, въ Уздовѣ, у еврейки. Со вчерашняго дня отдѣлываютъ новое помѣщеніе въ Лазенковскомъ дворцѣ, и изъ этого можно заключить, что его величество рѣшилъ довести до конца свою новую любовную авантюру, во что бы то ни стало. Впрочемъ, ужъ не въ первый разъ Станиславъ-Августъ прибѣгаетъ къ насилію, чтобъ удовлетворить свою страсть; онъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ по стопамъ своего предшественника, который отправилъ на тотъ свѣтъ не мало бравыхъ поляковъ за то только, что они имѣли несчастье обладать хорошенькими женами. О, нашъ король въ подобныхъ случаяхъ способенъ проявить много силы воли и упорства! Мужъ этой женщины выдаетъ себя за русскаго и, безъ сомнѣнія, обратится къ помощи вашего сіятельства, когда у него похитятъ жену. Меня уже спрашивали, какъ отнесется къ этой жалобѣ ваше сіятельство?

— Постараюсь уладить это дѣло ко всеобщему удовольствію, — отвѣчалъ князь.

Возвращаясь домой, князь Николай Васильевичъ думалъ о Грабининѣ.

Какъ странно складывалась развязка этого страннаго, запутаннаго дѣла! Настоящій романъ, и, надо сознаться, съ весьма интересными героями. Чѣмъ болѣе припоминалъ онъ подробности своего свиданія съ соотечественникомъ, тѣмъ симпатичнѣе онъ ему казался. Ни минуты не сомнѣвался онъ въ его искренности и чистосердечіи, а въ этой странѣ лжи и притворства особенно отраднo было имѣть дѣло съ человѣкомъ, словамъ котораго можно было

вѣрить, не подозрѣвая въ нихъ ни задней мысли, ни желанія выставиться въ лучшемъ свѣтѣ.

Императрица тоже любитъ прямыя натуры и относится къ нимъ съ особеннымъ благоволеніемъ. Она, можетъ быть, заинтересуется похождениями злополучныхъ влюбленныхъ и приметъ участіе въ ихъ судьбѣ...

И опять завертѣлось въ его умѣ сравненіе между подругой Грабина и той женщиной, которую онъ, князь Репнинъ, любилъ больше жизни... Не танцевала бы первая такъ беззаботно, какъ Изабелла, когда возлюбленный ея въ волненіи и тревогѣ отъ мучительныхъ заботъ!..

Хорошо еще, если только танцуетъ, если не принимаетъ дѣятельнаго участія въ злыхъ козняхъ, которыя строятъ противъ него ея близкіе... Вчера ѣздила къ супругѣ кіевскаго воеводы делегатомъ отъ «фамиліи»... Понимаетъ ли она, какую роль ее заставляютъ играть? Ни единымъ словомъ не обмолвилась она ему объ этомъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ... Осторожная особа!

Давно ужъ онъ ей не вѣрилъ, и, кажется, долженъ былъ бы привыкнуть къ мысли, что всегда будетъ такъ, что всегда будетъ она его обманывать... Вотъ и теперь отдаляетъ она всѣми мѣрами объясненіе и придумываетъ предлоги не видѣться съ нимъ наединѣ... вчера концертъ, сегодня балъ, завтра другой, послѣзавтра танцевальное утро въ Лазенкахъ... Тамъ можно было бы найти возможность остаться минутъ пять наединѣ. При дворѣ Станислава-Августа этикетъ въ томъ и состоитъ, чтобъ влюбленнымъ было удобно уединяться парами въ паркѣ, не возбуждая любопытства, безъ помѣхи. Въ Лазенкахъ къ этому привыкли... Но ждать до послѣзавтра долго, и къ тому же, именно въ ночь за этимъ днемъ, должно состояться роковое сборище у краковскаго кастеляна. Многіе туда отправятся прямо изъ королевскаго дворца, чтобъ рѣшатель, какимъ образомъ свергнуть съ престола любезнаго гостепріимнаго хозяина, у котораго пропировали весь день... Безъ сомнѣнія, найдутся между заговорщиками и такіе, которые предложатъ, во избѣжаніе дальнѣйшихъ хлопотъ, его убить. Имъ это ничего не стоитъ... Очень можетъ быть, что именно объ этомъ и толкуютъ у нея въ домѣ и въ ея присутствіи... Вычисляютъ количество русскихъ войскъ, предлагаютъ наперерывъ мѣры, чтобъ успѣшнѣе стереть короля съ лица земли, пользуясь его беззаботностью и довѣріемъ..., умертвивъ предварительно его защитниковъ, съ русскимъ посломъ во главѣ... И она все это знаетъ и откладываетъ, можетъ быть, свиданіе съ нимъ, чтобъ не выдать страшной тайны въ любовномъ экстазѣ, замирая отъ страсти въ его объятіяхъ!.. Что тамъ теперь происходитъ, въ таинственномъ пулавскомъ гнѣздѣ постоянныхъ коварствъ и заговоровъ, между снѣдаемыми честолюбіемъ, съ одной стороны, и долгами, съ другой,

членами «фамилии»? Какими клятвами и угрозами вынуждаютъ они своихъ приверженцевъ молчать и дѣйствовать по ихъ указаніямъ слѣпо и непрекословно? Все это русскому послу, коротко знакомому съ главными дѣйствующими лицами мрачной трагедіи, разыгрывавшейся вокругъ него, можно было себѣ представить достаточно ясно, чтобъ каждую минуту ждать всего худшаго...

Размышляя такимъ образомъ, онъ не замѣчалъ, какъ легло время, и даже не обернулся къ окну, когда карета поровнялась съ дворцомъ Любомирскихъ, передъ которымъ продолжала глазѣть толпа, слушая музыку и любуясь мелькавшими передъ растворенными окнами нарядными парами танцующихъ. Очнулся онъ тогда только, когда карета его остановилась передъ крыльцомъ его дворца. Гайдукъ соскочилъ съ запятокъ, растворилъ дверцу и ловко развернулъ лѣсенку подножки, въ то время какъ въ дверяхъ затолпились люди съ зажженными фонарями.

Ни на кого не глядя, ни про что не спрашивая, поднялся князь Николай Васильевичъ по широкой мраморной лѣстницѣ, на верхней площадкѣ которой съ зажженнымъ канделябромъ въ рукѣ дожидался его старый камердинеръ.

Не будь князь такъ глубоко погруженъ въ размысленія, онъ замѣтилъ бы по выраженію лица довѣреннаго слуги, что во время его отсутствія случилось нѣчто особенное, но ему было не до того, чтобъ вематриваться въ лица окружающихъ, и, сбросивъ на руки одного изъ слугъ плащъ, онъ поспѣшно направился по коридору къ двери въ кабинетъ. Камердинеръ же, удаливъ знакомъ остальныхъ слугъ, поспѣшилъ его нагнать раньше, чѣмъ онъ успѣлъ взяться за ручку этой двери.

— Ваше сіятельство,—проговорилъ онъ задыхающимся отъ волненія шопотомъ,—у насъ гостья... ужъ съ часъ времени, какъ дожидается возвращенія вашего сіятельства.

— Кто такая? Зачѣмъ впустили въ такое время?—спросилъ князь дрогнувшимъ отъ радостнаго предчувствія голосомъ.

— Княгиня Чарторижская... Я просилъ подождать вашу милость въ гостиной, но онѣ захотѣли непременно пройти въ кабинетъ...

Его уже не слушали, князь стремительно бросился къ маленькой двери за шкапами съ книгами, занимавшими одну изъ стѣнъ обширнаго покоя, того самаго, гдѣ онъ наканунѣ отдыхалъ послѣ приема просителей передъ появленіемъ Грабинина, и, менѣе чѣмъ черезъ минуту, очутился онъ на широкомъ диванѣ рядомъ съ княгиней Изабеллой, которая съ улыбкой кинулась въ его объятія.

— Откуда? Какими судьбами? Чему обязанъ я такимъ счастіемъ?—внѣ себя отъ восторга повторялъ онъ, покрывая поцѣлуями ея руки.

— Не могла дольше вытерпѣть, такъ много надо было сказать моему князю! О милый мой, какъ я изстрадалась, какъ я о тебѣ беспокоилась! Милый, милый!... лепетала она, подставляя горячія губы подъ его страстные поцѣлуи.

Какъ она была прелестна! Сколько любви, беззавѣтной и искренней, теплилось во взглядѣ ея прекрасныхъ глазъ!

А онъ подозрѣвалъ ее въ притворствѣ, въ коварствѣ, въ предательствѣ!

При скудномъ свѣтѣ двухъ восковыхъ свѣчей на каминѣ онъ съ восхищеніемъ вглядывался въ дышащее любовью прелестное личико съ томными глазами, на фонѣ растрепавшихся въ страстномъ упоеніи свѣтло пепельныхъ кудрей, съ сверкавшими въ нихъ брилліантовыми звѣздами, на бѣлыхъ прелестныхъ рукахъ, обвивавшихъ его шею, на граціозныхъ плечи и трепещущую грудь, выглядывавшую изъ волнъ кружевъ и голубого крепа. Прижимая ее къ себѣ, онъ смялъ букетъ бѣлыхъ лилій, приколотый къ ея груди, и раздавленные цвѣты, какъ бы мстя за насиліе, запахи еще сильнѣе и опьянительнѣе. Изъ-подъ ваперовыхъ юбокъ выглянула восхитительная ножка въ бѣломъ атласномъ башмачкѣ.

— Откуда ты?—повторилъ онъ свой вопросъ.

— Съ бала. Прождала моего князя до полуночи и убѣдившись, что не увижу тебя тамъ, притворилась больной и пріѣхала къ тебѣ. Не могу я безъ тебя жить!

— И я тоже!

Онъ опустился къ ея ногамъ и, обнимая ея колѣни, повторилъ много разъ слышанную ею клятву все для нея бросить и жить только для того, чтобъ ее любить.

А время шло. Старый камердинеръ, дежурившій у входа въ коридоръ, тревожно поглядывалъ на высокія окна, начинавшія уже золотиться лучами восходящаго солнца, съ безпокойствомъ прислушиваясь къ поднимавшимся издалика шумамъ, предвѣстникамъ пробуждавшагося города. Вотъ уже утренній караулъ, бряцаая оружіемъ, идетъ къ дворцу русскаго посла смѣнить ночную стражу. Начинаютъ скрипѣть то тутъ, то тамъ ворота и мычать выгоняемая въ поле коровы. Еще немного—и повывѣзутъ изъ всѣхъ калитокъ служанки съ корзинами на рынокъ. Проснутся и всѣ обитатели дворца. Ужъ и теперь начинаютъ раздаваться шаги по лѣстницамъ и по коридорамъ, а дверь въ кабинетъ все еще остается запертой, и за нею ничего не слышно.

А время идетъ, не останавливаясь ни передъ горестями, ни передъ радостями человѣческими, не заботясь о томъ, умоляютъ ли его задержаться или летѣть быстрѣе. Каждую минуту старикъ подходитъ къ двери въ кабинетъ, надѣясь услышать хотя бы какойнибудь шорохъ, но, если бы за этою дверью были не живые люди, а давно остывшіе трупы, тишина не была бы полиѣе и не

царила бы торжественнѣе надъ окружающею жизнью. Весь дворецъ проснулся. Лакеи засновали съ самоварами и съ блюдами изъ кухни въ столовую и обратно, готовя завтракъ, который князь имѣлъ обыкновеніе кушать передъ утренней прогулкой по саду, примыкавшему ко дворцу. Явилась въ галлерею экономка Марья Андреевна въ чепцѣ съ лиловыми лентами и въ шелковомъ платьѣ и обратилась къ камердинеру съ вопросомъ:

— Что это значитъ, Михаилъ Васильевичъ, что князенька нашъ до сихъ поръ не выходитъ изъ спальни? Ужъ здоровъ ли онъ? Не знаемъ, какъ съ янцами быть, боюсь опустить въ кипятокъ, чтобъ не переварились, а онъ какъ сядетъ за столъ, такъ про янца спросить.

— Подождите: они вчера поздно вернулись, не выспались еще вѣрно, попозже будутъ завтракать.

— Да они ужъ давно встали и гулять вышли. Вотъ и назадъ идутъ!—вскричала Марья Андреевна, подходя къ окну на широкій обсаженный деревьями дворъ, по которому князь направлялся къ дворцу.—Бѣжать скорѣе, приказать подавать чай, его сіятельство ждать не любитъ!

Она вернулась поспѣшно въ столовую, а Михаилъ Васильевичъ протеръ себѣ глаза, чтобъ убѣдиться, что онъ не грезитъ, и что въ самомъ дѣлѣ его баринъ, минуя дверь, передъ которой онъ съ двухъ часовъ ночи дежурилъ, очутился внѣ дома. По сосѣдней залѣ уже раздавались знакомые шаги, и князь вошелъ въ галлерею.

Въ эту ночь онъ совсѣмъ не раздѣвался; на немъ былъ тотъ самый французскій бархатный кафтанъ, въ которомъ онъ накануне вечеромъ поѣхалъ къ кievскому воеводѣ, а оттуда къ примасу. Кружева его жабо и манжеть были перемяты, а прическа не совсѣмъ въ порядкѣ, но у него былъ такой счастливый видъ, что онъ казался помолодѣвшимъ лѣтъ на десять.

Мелькомъ взглянувъ на стараго слугу, онъ прошелъ въ уборную, приказавъ ему знакомъ за собою слѣдовать. Выславъ ожидавшагося у умывальника лакея, онъ сбросилъ съ себя платье и принялся съ помощью Михаила Васильевича умываться.

— Кто еще, кромѣ тебя, здѣсь видѣлъ княгиню?—спросилъ онъ, вытирая лицо полотенцемъ, которое ему подаль старикъ.

— Изъ нашихъ никто не видѣлъ, всѣ ужъ давно спали, да и я тоже, въ ожиданіи вашего сіятельства, прикурнулъ было на лавкѣ въ буфетной, какъ вдругъ будить меня кто-то, открылъ глаза и вижу гайдука княгини, Залѣскаго, въ полномъ парадѣ: золотое шитье на кафтанѣ такъ и сверкаетъ. А за нимъ кто-то стоитъ, въ плащѣ съ головой укутанъ. «Кто такой?»—думаю. А она вдругъ какъ выступить впередъ, да капюшонъ-то съ лица откинетъ... я такъ и обомлѣлъ отъ удивленія: княгиня Чарторижская!

— Тссс!—со смѣхомъ прижимая палець къ губамъ, прервалъ его князь.—Не повторяй этого имени и, никого не называя, расскажи, что было дальше.

— А дальше вотъ что: «князя нашего дома нѣтъ, ваше сіятельство», говорю. «Знаю, говорить, я подожду его въ кабинетѣ». Я подумалъ, что онѣ это про кабинетъ такъ помянули, зря, и повелъ ихъ въ маленькую гостиную, гдѣ ваше сіятельство изволили послѣдній разъ графиню Браницкую шоколадомъ угощать; но онѣ тотчасъ замѣтили, что я не туда ихъ веду, и остановили меня: «хочу, говорить, ждать князя въ его рабочемъ кабинетѣ». Что тутъ было дѣлать?..

— Разумѣется, то, что она хочеть,—весело потирая руки, замѣтилъ князь.—Ну, а дальше что?

— Провелъ я ихъ въ кабинетъ и хотѣлъ оба канделябра зажечь. Не дозволила. «Довольно съ меня будетъ и двухъ свѣчей, говорить. Я тутъ прилягу, оставьте меня одну». Спросилъ: не угодно ли лимонаду, чаю, фруктовъ? Ничего не пожелали, и я вышелъ.

— И прекрасно сдѣлалъ,—объявилъ князь.—Пошли Гюстава, надо скорѣе одѣться и итти завтракать.

Пока старикъ бѣгалъ за волосочесомъ, князь большими шагами прохаживался по комнатѣ, съ радостнымъ волненіемъ припоминая подробности любовнаго свиданія, подъ впечатлѣніемъ котораго ему такъ пріятно было слушать рассказъ старика. Сцены, одна другой пріятнѣе его сердцу, проходили въ его воображеніи. Живо представлялъ онъ себѣ, въ какомъ волненіи она сюда ѣхала и какъ дрожала отъ страха, переходя черезъ незнакомый дворъ, какъ трепетала при мысли кого нибудь встрѣтить, поднимаясь по темной лѣстницѣ съ крутыми ступенями... Хорошо, что все обошлось благополучно, что весь домъ спалъ, и что удалось найти старика одного! Мало ли что могло случиться! Она могла наткнуться на какого нибудь дурака, который не захотѣлъ бы впустить ее во дворецъ и поднялъ бы переполохъ, принимая ночныхъ посѣтителей за злоумышленниковъ. Княгиня Чарторижская рисковала быть, если не арестованной, то, по крайней мѣрѣ, узнанной караульнымъ офицеромъ... Милая, дорогая, неоцѣненная! Рѣшиться на такой отчаянный шагъ для женщины въ ея положеніи доказываетъ, пожалуй, столько же мужества, сколько требуется бравому воину, чтобъ кинуться одному въ атаку на цѣлый непріятельскій отрядъ...

XXVI.

Пани Дукланова спала крѣпкимъ сномъ въ своей уютной спальнѣ, обставленной комфортабельною мебелью, вывезенною изъ ея собственнаго имѣнія, когда дверь растворилась, и въ комнату, темную отъ спущенныхъ передъ окнами зеленыхъ драпировокъ, вбѣжала ураганомъ княгиня Изабелла.

— Моя Дукланова, проснитесь! Мнѣ надо вамъ все рассказать!— вскричала она, садясь на кровать и отъ избытка чувствъ принимаясь душить свою резидентку поцѣлуньями.—И достала все! все! Его всевелебность будетъ доволенъ... Подумайте только, какое счастье! Вотъ, вотъ, возьмите, спрячьте... я такъ боюсь потерять эту бумагу... такъ боюсь, чтобъ ея у меня не украли,—продолжала она, торопливо вынимая изъ нижней кружевной юбочки перемятую бумагу и подавая ее изумленной Дуклановой.—Спрячьте, спрячьте! Все время думала я про эту бумагу, въ смертельномъ страхѣ, чтобъ она какъ нибудь не зашуршала, не выпала, спрячьте ее скорѣе! О, какъ я рада, какъ я рада!—повторяла она въ то время, какъ Дукланова запирала бумагу въ серебряный ларчикъ, стоявшій у изголовья ея кровати.

— Откуда вы? Гдѣ провели ночь... не раздѣваясь, въ бальномъ платьѣ? И зачѣмъ сами безпокоились, прислали бы за мною?—внѣ себя отъ изумленія пролепетала почтенная дама, инстинктивнымъ движеніемъ оправляя чепецъ на головѣ и не переставая при этомъ съ возрастающимъ недоумѣніемъ оглядывать съ ногъ до головы молодую женщину, прижимавшуюся къ ней граціознымъ движеніемъ ласковой кошечки.—Я была увѣрена, что вы давно вернулись и преспокойно почиваете въ вашей спальнѣ... Откуда вы такъ поздно?

— Такъ рано, хотите вы сказать? Пятый часъ... Посмотрите!

Она соскочила съ кровати, подбѣжала къ окну и отдернула драпировку.

— Видите!

Солнечный свѣтъ яркаго лѣтняго утра золотистыми искрами разсыпался по комнатѣ, и Дукланова съ испугомъ стала умолять проказницу скорѣе опустить драпировку.

— Васъ могутъ увидѣть изъ сада... въ такомъ костюмѣ! Раздѣвайтесь скорѣе, чтобъ не узнали, что вы только сейчасъ вернулись съ бала...

— Съ бала!—княгиня весело расхохоталась.—О моя Дукланова, если бъ я вернулась съ бала, мнѣ нечего было бы вамъ и рассказать... Я ужъ забыла, что была на балѣ... Я отъ него! Понимаете ли? Отъ него! отъ него!—повторяла она въ упоеніи, понижая голосъ и пригибая свое зардѣвшееся отъ волненія лицо къ ней такъ близко, что Дукланова почувствовала на своей щекѣ ея прерывистое горячее дыханіе.

— Отъ князя? — съ ужасомъ вымолвила ошеломленная наставница.

— Да, да, я провела у него все время, отъ часу до четырехъ... Никогда еще не были мы такъ счастливы! Какъ онъ меня любить! Какъ любить! Если бы вы только видѣли его радость, какъ онъ меня увидѣлъ! Глазамъ своимъ не вѣрилъ, что это я...

Я даже въ первую минуту испугалась, подумала, что онъ съ ума сошелъ, и, можетъ быть, убѣжала бы, если бы онъ не заперъ дверь на ключъ... Ни за что не пустилъ бы онъ меня, скорѣе задушилъ бы въ своихъ объятіяхъ, чѣмъ со мною разстаться... О Дукла-нова! какъ мнѣ было съ нимъ хорошо! Какъ въ раю!

— Но какъ же вы къ нему попали?

— Очень просто. Прелать приказалъ мнѣ непременно узнать про то, что пишутъ изъ Петербурга князю...

— И вы узнали?

— Да. Все это въ той бумагѣ, которую я вамъ дала спрятать... Вы знаете, какъ я боюсь прелата! Мнѣ кажется, что, прикажи онъ мнѣ зарѣзать человѣка, я не посмѣла бы его послушаться!

— Молчите, молчите! Можно ли думать о такихъ ужасахъ?

— Я только къ примѣру. Онъ приказалъ мнѣ узнать про то, что пишетъ русскому послу министръ Панинъ, съ тѣмъ курьеромъ, который прискакалъ на-дняхъ, и приказаніе это не выходило у меня изъ головы. На балъ князь не пріѣхалъ, и въ первую минуту меня это разстроило, особенно когда стали со всѣхъ сторонъ говорить про важныя вѣсти, полученныя имъ изъ Петербурга, и про то, что онъ будто бы отказался отъ бала, чтобъ не встрѣтиться съ людьми, которыхъ намѣренъ арестовать и сослать въ Сибирь! Можете себѣ представить, что я чувствовала, слушая эти рассказы? Тутъ только поняла я, почему прелату такъ нужно знать, какія предписанія получилъ мой князь! Пανε коханку, по обыкновенію, вралъ всякій вздоръ, совѣтовалъ немедленно схватить русскаго посла и отвезти его въ цитадель... чтобъ держать тамъ заложникомъ. Онъ хвастался, что у него хватить вина, чтобъ спойть всѣхъ русскихъ солдатъ и заставить ихъ низвергнуть съ престола Понятовскаго... Мой тестъ настаивалъ на томъ, чтобъ и короля арестовать и запереть въ одинъ казематъ съ Репнинымъ...

— Но какъ же могли вы все это слышать? Вѣдь не при васъ же велись такіе разговоры?

— Разумѣется, не при мнѣ. Я танцевала съ прочими въ большой залѣ, а серьезные мужчины собрались въ кабинетъ ховяина, чтобъ толковать о дѣлѣ, но я чувствовала, что тамъ происходитъ нѣчто очень важное, про это ужъ шептались даже и дамы. Пріѣхалъ король, всѣ на него какъ-то странно смотрѣли... Онъ, какъ всегда, ничего не замѣчалъ, или притворялся, что не замѣчалъ, и пожиралъ глазами Сапѣгину, которая, чтобъ ему досадить, кокетничала съ Браницкимъ. Ржевусскій отъ меня не отставалъ, умолялъ танцевать съ нимъ мазурку. Я ему сказала: «Хорошо, но прежде узнайте мнѣ, о чемъ совѣщаются въ кабинетѣ». Онъ полетѣлъ туда и вернулся только черезъ часъ, но зато все узналъ. Не дешево ему обошлось то, что онъ назвалъ моимъ капризомъ! Чтобъ возбудить къ себѣ довѣріе стариковъ, онъ долженъ

былъ объявить, что жертвуетъ сто тысячъ золотыхъ на предпріятіе. И тутъ же передалъ Малаховскому чекъ на своего банкира. Пане коханку его обнялъ, назвалъ его настоящимъ полякомъ, и всѣ стали пить за его здоровье, а потомъ безъ стѣсненія стали при немъ обо всемъ толковать, а онъ все это передалъ мнѣ. Тутъ ужъ я рѣшила дѣйствовать смѣло. Никогда не была я трусихой, вы знаете, но если бы мнѣ ктонибудь сказалъ, на что я рѣшусь, я не повѣрила бы, клянусь Маткой Божіей, что не повѣрила бы!— съ восхищеніемъ повторяла она въ то время, какъ ея слушательница приводила въ порядокъ ея костюмъ, снимала съ нея платье, во многихъ мѣстахъ разорванное о деревья и кусты, сквозь которые она продиралась съ княземъ, отыскивая въ саду укромное мѣстечко, гдѣ можно было бы укрыться отъ глазъ садовниковъ и прочей челяди, появленіе которой въ саду можно было ожидать каждую минуту съ наступленіемъ утра. Накидывая на плечи своей госпожи багистовый пеньюаръ, вынутый изъ пузатаго комода, она съ ужасомъ замѣтила слѣды росы на бѣлыхъ атласныхъ башмачкахъ, поспѣшила ее разуть, вытереть душистымъ спиртомъ ея ножки и надѣтъ на нихъ сухіе чулки и туфли.

— Но я все-таки не понимаю, какъ вамъ удалось выѣхать незамѣтно съ бала?—спросила пани Дукланова, усаживая свою госпожу въ кресло и опускаясь на скамеечку у ея ногъ.—Вы, надѣюсь, не обманули Ржевусскаго и протанцовали съ нимъ мазурку, за которую онъ заплатилъ такъ дорого?

— Дайте же досказать до конца. Мазурка должна была начаться послѣ ужина, и исполнить обѣщаніе, данное Ржевусскому, я не могла... Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ было не до него, я думала только о томъ, какъ бы скорѣе повидаться съ княземъ и узнать отъ него, что нужно... И какъ все отлично вышло! Вотъ ужъ именно можно сказать, что прелатъ Фастъ—святой человѣкъ и совершилъ чудо! Ни за что Богъ для простого смертнаго не сдѣлалъ бы того, что Онъ сдѣлалъ для прелата, ни за что! Во-первыхъ, когда я начала жаловаться на мигрень, всѣ мнѣ повѣрили и даже стали увѣрять, что давно замѣтили, какъ я блѣдна, и какой у меня измученный видъ, а между тѣмъ это была неправда, и никогда не была я такъ оживлена, какъ въ этотъ вечеръ.... Хорошо, слушайте дальше. Стачинская, точно ей кто-то шепнулъ, подошла ко мнѣ въ самую удобную минуту и безъ словъ поняла, почему мнѣ надо сейчасъ же уѣхать одной, безъ свиты. Подъ предлогомъ не лишать мою дворскую молодежь удовольствія танцовать до конца бала, я вышла съ одной Стачинской въ то время, когда Ржевусскій въ противоположномъ концѣ залы задержался въ группѣ, окружавшей короля. Дальше: всѣ наши гайдуки, кромѣ одного Сигизмунда, пировали у дворцоваго маршала. Еще лучше: кучера были пьяны, и Сигизмундъ разыскалъ чью-то чужую карету, очень простую, и уговорилъ ку-

вчера за червонецъ довести до палаццо Чарторижскихъ внезапно заболѣвшую резидентку княгини Изабеллы. Онъ согласился, разумеется, въ полной увѣренности, что господинъ его раньше, какъ часа черезъ три, его не спроситъ, и мы поѣхали: Стачинская, Сигизмундъ и я, закутанная съ головою въ плащъ Стачинской, которая надѣла мой. Никто меня не видѣлъ, когда я садилась въ карету. Стачинскую я взяла съ собою, чтобъ она предупредила здѣсь всякіе разговоры, понимаете? Благодаря ей, всѣ теперь увѣрены, что я вернулась съ нею, и что она меня уложила спать. А кто и догадается о правдѣ, тотъ будетъ молчать.

— На Стачинскую можно положиться,—замѣтила Дукланова.

— Не правда ли? Потому-то я и беру ее всегда съ собою, когда ѣду на балъ или на какойнибудь праздникъ, она не разъ уже меня выручала. У воротъ русскаго посла мы остановились, я съ Сигизмундомъ вышла, а Стачинская поѣхала дальше. Вотъ тутъ-то наступило самое страшное,—продолжала отважная красавица.— Мысленно призывая на помощь всѣхъ святыхъ, послѣдовала я за Сигизмундомъ черезъ калитку во дворъ...

— А вдругъ васъ бы ктонибудь встрѣтилъ!—съ ужасомъ замѣтила Дукланова.

— Тогда мой спутникъ пустилъ бы въ ходъ выдумку, которая у него была готова на всякій случай, но, слава Богу, всѣ спали. Спалъ и старикъ камердинеръ князя, и, къ счастью, не въ своей комнатѣ, а въ креслѣ передъ дверью кабинета и совсѣмъ одѣтый, такъ что можно было тотчасъ объяснить ему, въ чемъ дѣло. Сдавъ ему меня съ рукъ на руки, Сигизмундъ ушелъ, а я потребовала, чтобъ меня провели прямо въ кабинетъ князя. У меня уже начиналъ зарождаться въ головѣ планъ, который, благодареніе пресвятой Маріи, удался, какъ нельзя лучше! Въ рабочемъ кабинетѣ князя я провела одна почти съ часъ времени, все, что нужно, нашла и все сдѣлала... То, что я вамъ отдала спрятать, черновая съ отвѣта князя русскому министру Панину. Я и самое письмо прочитала, оно лежало въ бюварѣ, въ среднемъ незапертомъ ящикѣ. Въ отвѣтѣ повторяется все, что есть въ письмѣ, по пунктамъ,—прибавила она дѣловитымъ тономъ, представлявшимъ интересный контрастъ съ наивнымъ оживленіемъ, которымъ дышало все ея нѣжное, граціозное существо, когда она описывала подробности своей опасной проказы.—Не правда ли, прелать будетъ доволенъ?

— Ничего лучшаго нельзя желать. Но зачѣмъ оставались вы тамъ такъ долго, моя пани? Достигнувъ цѣли, завладѣвъ нужнымъ документомъ, вамъ надо было скорѣе возвращаться домой...

— Какъ? Не воспользовавшись счастьемъ пробить съ любимымъ человѣкомъ? Пропустить случай вдоволь съ нимъ нацѣловаться? слушать его страстные увѣренія, его клятвы, читать его любовь въ его милыхъ глазахъ? Да вы съ ума сошли, Дукланова! Даже пре-

латъ Фастъ не потребовалъ бы отъ меня такой жертвы... Сейчасъ видно, что бы никогда не любили и не понимаете, что такое любовь!—вскричала съ негодованіемъ молодая женщина.—Никогда не думала я, чтобъ вы были такъ жестоки и такъ мало бы меня любили,—прибавила она, капризно надувая губки, какъ избалованный ребенокъ, не привыкшій ни въ чемъ встрѣчать сопротивленія своимъ капризамъ.—Требовать, чтобъ я отказалась отъ любви князя, единственнаго человѣка на землѣ, который мнѣ дорогъ, на котораго я промѣняла бы съ радостью весь свѣтъ! О Дукланова, какъ вы меня огорчили! А я еще не дальше, какъ полчаса тому назадъ, увѣряла его, что вполне могу располагать вами и вашею ко мнѣ преданностью!

— Вы были правы, когда это сказали князю, и мнѣ хотѣлось бы, княгиня, чтобъ вы никогда, даже въ минуты досады, не сомнѣвались въ моей къ вамъ преданности, потому что тогда только я могу вамъ быть полезна, могу при васъ оставаться,—произнесла Дукланова съ большимъ достоинствомъ, поднимаясь съ мѣста и гордо выпрямляясь.

Слова эти, а въ особенности тонъ, которымъ они были произнесены, заставили княгиню опомниться, поспѣшно протянуть руку своей резиденткѣ и умоляюще, со слезами на глазахъ объявить, что она будетъ несчастнѣйшая женщина въ мірѣ, если пани Дукланова ее покинетъ.

— Подумайте только, вѣдь у меня никого нѣтъ на землѣ, кромѣ васъ, кому я могла бы вѣрить и съ кѣмъ могла бы говорить про князя! Всѣ меня только эксплуатируютъ, всѣ, всѣ, моя семья, фамилія мужа, всѣ пользуются моими слабостями, моимъ одиночествомъ и беззащитностью въ свою пользу! Про князя Казимира я ужъ не говорю: онъ даже и одной недѣли не былъ мнѣ вѣренъ съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался моимъ мужемъ, и только одну ночь, въ день нашей свадьбы, не видѣлся со своими любовницами! Какъ же мнѣ послѣ этого не искать утѣшеній на сторонѣ и не радоваться, когда среди мимолетныхъ развлеченій судьба посылаетъ мнѣ человѣка, котораго я полюбила настоящею любовью?

«И ты называешь это настоящею любовью?»—думала съ горечью ея слушательница.

Но вслухъ она своихъ замѣчаній не высказала. Слишкомъ была она опытна и слишкомъ хорошо знала людей, среди которыхъ вращалась, чтобъ высказывать то, чего они ни понять, ни оцѣнить не могли. Всѣ здѣсь думали и поступали, какъ княгиня Изабелла, всѣ смотрѣли на любовь, какъ на развлеченіе, и выбирали себѣ любовниковъ съ цѣлями, ничего общаго съ любовью не имѣющими. Зачѣмъ же требовать отъ этой теплохладной душонки больше того, что она въ силахъ дать? Слушая ее, Дукланова не могла не изумляться ея простодушному эгоизму и наивному коварству. Злоупо-

треблять довѣріемъ любимаго человѣка, чтобъ предавать его врагамъ! Выкрадывать у него для этихъ враговъ документъ, которому онъ придаетъ такое важное значеніе, что даже и ей не обмолвился ни единымъ словомъ о его содержаніи! Но она даже и понятія не имѣетъ, какъ это гнусно... Стоитъ ли ей открывать глаза на эту гнусность? Развѣ у нея не найдется тотчасъ же возраженій, передъ которыми католичкѣ остается только молчать, развѣ она не скажетъ, что дѣйствовала по приказанію прелата Фаста, и что если это дурно, то за грѣхъ отвѣчаетъ онъ, руководитель ея совѣсти, а не она? И по-своему она будетъ права. Другого кодекса морали у нея нѣтъ, и взять ей его неоткуда. Весь свой вѣкъ проживетъ она съ этими правилами, до гробовой доски будетъ идти по узенькой тропинкѣ, протоптанной для нея сегодня прелатомъ Фастомъ, завтра другою личностью, которая будетъ относиться къ вопросу вѣчной Истины, можетъ быть, еще развязнѣе... У Фаста, по крайней мѣрѣ, высокая отвлеченная цѣль на умѣ, и до сихъ поръ средства, которыми онъ старается до нея достигнуть черезъ обаятельную молодую женщину, не слишкомъ грязно пачкаютъ ей душу... Понятовскій, съ которымъ онъ ее сначала свелъ, человѣкъ хорошо воспитанный и одаренъ извѣстною деликатностью сердца; благодарность къ женщинамъ, подарившимъ ему хотя бы минуту счастья, всегда удержитъ его отъ пошлости и безтактности. Что же касается до русскаго посла, пани Дукланова должна была сознаться, что сама она къ нему питаетъ поистинѣ непонятную слабость, и осуждать молодую женщину, порученную ей попеченіямъ, за любовь къ этому замѣчательному душевными свойствами человѣку она никакъ не можетъ. Изабелла инстинктомъ влюбленной это признавала, и обстоятельство это связывало этихъ двухъ женщинъ, столь различныхъ по общественному положенію, лѣтамъ и воспитанію, сильнѣе всякихъ родственныхъ узъ.

— По какому поводу моя пани заговорила сегодня про меня съ княземъ?—спросила пани Дукланова, которая никогда не могла долго сердиться на свою легкомысленную госпожу и всегда спѣшила первая загладить непріятное впечатлѣніе вспыхивавшихъ между ними мимолетныхъ размолвокъ, чтобъ вернуть выраженіе беззаботной веселости на лицо своей пани.

— Ахъ, моя Дукланова, я вѣдь и десятой доли не успѣла рассказать вамъ изъ того, что узнала сегодня ночью! Мы съ княземъ разговаривали не про одну нашу любовь; когда засвѣтало, онъ предложилъ мнѣ выйти прогуляться въ дворцовый садъ и провелъ меня туда какими-то таинственными проходами, ну, вотъ точно въ романахъ мадамъ Радклифъ! Чудо какъ было интересно! Я дрожала отъ страха, чтобъ изъ темноты не выскочило на насъ какое нибудь чудовище, или чтобъ земля не разверзлась подъ нашими ногами, и прижималась къ нему, а онъ смѣялся и увѣрялъ,

что никогда еще не былъ такъ счастливъ! Очень, очень было весело, никогда не забуду я этой ночи! И вдругъ мы очутились въ саду! Солнце начинало показываться, птички пѣли, цвѣты благоухали, кругомъ было такъ тихо и спокойно, что можно было забыть все на свѣтѣ и воображать, что никогда не будетъ конца нашему блаженству! Вотъ тутъ-то, убѣдившись, что, кромѣ птицъ и бабочекъ, увидавшихся вокругъ розъ, насъ подслушать некому, онъ разсказалъ мнѣ преинтересную исторію съ страшными и любопытными приключеніями, съ героемъ которой, русскимъ офицеромъ, по фамиліи Грабининымъ, онъ познакомился вчера утромъ...

— Грабининъ?—съ волненіемъ переспросила ее слушательница.

— Да, фамилія этого офицера Грабининъ.—Онъ явился къ князю, какъ къ русскому послу, за совѣтомъ, за помощью, за заступничествомъ. Положеніе его ужасно! Представьте себѣ, онъ влюбился въ жену своего сосѣда по имѣнію и похитилъ ее! Ну, совсѣмъ, какъ въ романѣ! Долго искали они пристанища въ какомъ нибудь захолустѣ Польши и нигдѣ не могли найти надежнаго убѣжища. Увезти ее къ себѣ въ Россію нечего было и думать, тамъ на этотъ счетъ очень строго, и жить съ чужой женой просто невозможно... Ему, разумѣется, хочется на ней жениться, но какъ это сдѣлать? У православныхъ еще труднѣе получить разводъ, чѣмъ у насъ... У нихъ нѣтъ святаго отца, у котораго можно было бы достать разрѣшеніе... Между тѣмъ на каждомъ шагу непріятности, затрудненія, страхъ быть настигнутыми оскорбленнымъ мужемъ, однимъ словомъ, положеніе ужасное! Ничего больше не оставалось, какъ бѣжать за границу и жить тамъ гдѣ нибудь вдаль отъ свѣта и отъ общества, но для этого нужны средства. У русскихъ законъ противъ эмигрантовъ очень строгъ, имѣнія ихъ конфискуются въ казну, и они теряютъ право когда либо вернуться на родину. Однако, онъ и на это рѣшился, но надо продать имѣнія, которыя у него въ разныхъ концахъ Россіи, а куда дѣтъ подругу, пока онъ будетъ объ этомъ хлопотать? Кто-то посовѣтовалъ имъ поселиться въ Варшавѣ, какъ въ большомъ городѣ, гдѣ всегда живетъ множество иностранцевъ, и не такъ строго относятся къ паспортамъ, какъ въ Россіи. Послѣднее имъ особенно важно, потому что у нея нѣтъ никакого вида на жительство, а у него фальшивый. Вотъ они сюда и пріѣхали,—продолжала княгиня Изабелла, не замѣчая, съ какимъ животрепещущимъ любопытствомъ ее слушаютъ,—поселились въ Уздовѣ, у какой-то еврейки, выдавая себя за русскихъ ремесленниковъ. Еврейка, разумѣется, этому не повѣрила, новые ея жильцы столько же похожи на людей низкаго званія, сколько мы съ вами, но такъ какъ за платой они не стояли, то она молчала, и все было бы хорошо, если бы имъ не вздумалось прогуляться рано утромъ въ Лазенковскомъ паркѣ, и если бы на ихъ бѣду, послѣ ночи, проведенной съ любовницами, королю не

вздумалось освѣжиться утренней прохладой... Вы догадываетесь, что произошло дальше? Ну, однимъ словомъ, это—та самая таинственная незнакомка, которую теперь такъ усердно разыскивають по городу и по окрестностямъ, по приказанію короля. Его величеству мало Сапѣгъ, Любомирскихъ, Краковскихъ и прочихъ, и онъ съ ума сходитъ по новой красавицѣ, прельстившей его тѣмъ, что она убѣжала отъ него, какъ сумасшедшая, при первой его попыткѣ съ нею заговорить. Можно себѣ представить, что долженъ переживать ея возлюбленный! У него нѣтъ никакой возможности защитить ее отъ нападеній нашего паскуднаго сластолюбца! Внѣ себя отъ отчаянія, онъ рѣшилъ на отчаянное средство: во всемъ открыться русскому послу и просить его защиты. И хорошо сдѣлалъ! Мой князь такъ добръ, такъ великодушенъ, такъ понимаетъ его положеніе!.. О Дукланова, лучше его нѣтъ человѣка на свѣтѣ!

— Но для чего же онъ вамъ все это рассказалъ?—дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ спросила Дукланова.

Княгиня вспыхнула при воспоминаніи сцены ревности, предшествовавшей разсказу о любовныхъ похиженіяхъ Грабинина: и передавать объ этомъ ей вовсе не хотѣлось своей наперсницѣ.

— Онъ всегда со мною откровененъ, а въ этомъ случаѣ я могу оказать ему большую услугу: я предложила ему пріютить въ нашемъ дворцѣ эту несчастную. У насъ ее никому не найти, полиція не посмѣетъ обыскивать дворецъ князя Адама-Казимира Чарторижскаго. Князю мое предложеніе пришлось по сердцу, особенно когда я ему сказала, что буду васъ просить взять эту молодую жѣнщину подъ ваше особое покровительство и помѣстить ее, подъ видомъ родственницы, въ вашихъ комнатахъ. Вѣдь вы мнѣ въ этомъ не откажете, не правда ли?—прибавила она съ улыбкой, ласково заглядывая ей въ глаза.—Вы знаете, моя Дукланова, какъ я всегда рада сдѣлать пріятное моему милому, несравненному князю!

— Когда же князь желаетъ, чтобъ я взяла къ себѣ эту молодую жѣнщину?—отрывисто и плохо скрывая подъ угрюмымъ видомъ волненіе, спросила Дукланова.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Положеніе ея чрезвычайно опасно, и каждую минуту можно ждать скандала. Грабининъ влюбленъ въ нее безъ памяти и на все пойдетъ, чтобъ ее защитить отъ насилія, а между тѣмъ оба они, благодаря своей любовной авантюрѣ, въ такомъ положеніи, что самъ князь не можетъ явно выступить ихъ покровителемъ... Онъ надѣется имъ выпросить со временемъ прощеніе у императрицы, но когда-то это еще будетъ, а пока надо, во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе, спасти ихъ отъ любовнаго каприза Понятовскаго.

Какъ всегда, когда ей случалось упоминать имя своего бывшаго царственнаго любовника, лицо ея исказилось злобой, и на губахъ появилась презрительная усмѣшка. Со свойственной жѣнщинамъ

логикой, она глубоко ненавидѣла его и желала ему всякаго зла за то, что онъ ей надѣлъ, и что она бросила его для другого.

Однако романъ Грабинина не заставилъ ее забыть и про другое, не менѣе важное дѣло, и она стала просить Дукланову скорѣе отвезти прелату тотъ документъ, который она ей довѣрила на храненіе.

— Вѣдь я собственно для этого къ вамъ и прибѣжала, прежде чѣмъ зайти къ себѣ, да вотъ заболталась и забыла про самое главное. Надо, чтобъ его всевелебность получилъ эту бумагу непременно сегодня и какъ можно раньше, пока весь дворецъ будетъ спать, и никто не узнаетъ, куда вы ѣздили. Скажите ему, что у меня не было покоя, пока я не исполнила его приказанія, что угодить ему моя первая забота въ жизни, что я безусловно счастлива, что мнѣ удалось найти эту бумагу и взять ее для него, и что всѣ эти удачи я приписываю его святымъ молитвамъ... а также и счастье быть любимой такимъ человѣкомъ, какъ князь! Подумайте только, развѣ я бы могла съ чистою совѣстью предаваться этой любви, если бы его всевелебность не выпросилъ у святого отца мнѣ разрѣшеніе на это? Вѣдь мой бѣдный князь схизматикъ, его ждуть на томъ свѣтѣ адскія мученія... О моя Дукланова,—продолжала она восторженно, граціознымъ движеніемъ складывая руки и поднимая къ потолку свои прекрасные глаза,—какъ трудно жить на свѣтѣ съ чувствительнымъ сердцемъ! Какимъ волненіямъ, какимъ искушеніямъ подвергаешься на каждомъ шагѣ! Какъ я завидую тѣмъ счастливицамъ, у которыхъ достаточно силы воли, чтобъ отвернуться отъ грѣшнаго міра и искать спасенія отъ дьявола за монастырской стѣной!...

XXVII.

Солнце было уже высоко, когда княгиня Изабелла вышла изъ помѣщенія своей резидентки.

Проводивъ ее до спальни и уложивъ въ постель, Дукланова къ себѣ не вернулась, а прошла въ садъ, гдѣ долго прогуливалась по тѣнистой липовой аллеѣ, перебирая въ умѣ впечатлѣнія далекаго прошлаго, бурной волной нахлынувшія ей на душу отъ извѣстія, сообщеннаго ей молодой госпожей. При мысли о встрѣчѣ съ внукомъ человѣка, погубившаго изъ-за нея всю свою жизнь, за любовь къ которому она заплатила столькими муками, чувство радостнаго возбужденія заставляло ея сердце биться такъ, какъ бывало въ то время, когда оно билось для него одного.

Наконецъ-то ей представляется случай доказать свою признательность возлюбленному юныхъ лѣтъ!

— Ты видишь, ты видишь, какъ я счастлива сдѣлать что нибудь для одного изъ твоихъ близкихъ! Ты видишь, что это—

первая счастливая минута для меня съ тѣхъ поръ, какъ меня оторвали отъ тебя,—съ тѣхъ поръ, какъ я нанесла такой жестокой ударъ твоему полному ко мнѣ любви сердцу!—повторяла она въ экстазѣ, среди тишины яснаго душистаго утра, забывая, что тотъ, къ кому она обращалась, не можетъ ее слышать, что прахъ его давно покоится далеко отсюда, а душа витаетъ въ недосягаемыхъ пространствахъ.

Она рассказывала ему пережитыя страданія, какъ терзалась она отчаяньемъ и раскаяньемъ, когда ее, почти обезумѣвшую отъ горя, увезли отъ него, какъ она съ каждымъ днемъ, съ каждой минутой убѣждалась все больше и больше, что счастье для нея безъ него невысказано, что ни разлюбить его, ни забыть она не въ силахъ, что время только разжигаетъ ея любовь къ нему и ненависть ко всему остальному на свѣтѣ. Только въ мукахъ за него и находила она отраду...

Напрасно испробовалъ всѣ средства возбудить въ ней, если не любовь къ себѣ, то, по крайней мѣрѣ, жалость несчастный Джулковскій, напрасно послѣдовалъ онъ совѣту близкихъ и отвезъ ее въ дальній монастырь для исправленія отъ грѣшной страсти къ схизматикъ, проклятому москалю. Тамъ принялись истязать ея душу и тѣло съ настойчивостью и фанатизмомъ ревнителей неприкосновенности римской церкви, тамъ она уже ни въ комъ не встрѣчала даже и тѣхъ проблесковъ жалости, отъ которыхъ не могъ воздержаться влюбленный въ нее до безумія мужъ, тамъ всѣ были неумолимы къ грѣшницѣ, осквернившей себя любовною связью съ еретикомъ, и, не дозволяя даже на минуту отдохнуть отъ нравственныхъ и физическихъ мукъ, заставляли ее молить о смерти, какъ объ избавленіи.

Молитва ея была услышана, здоровье ея пошатнулось, и она впала въ безчувственное состояніе, передъ которымъ ея палачи оказались безсильны. Дали знать мужу. Онъ прилетѣлъ въ монастырь, какъ безумный, ни съ кѣмъ не говоря ни слова, вбѣжалъ въ узкую келью, въ которую ее перенесли изъ мрачнаго подземелья, въ которомъ она томила около года, схватилъ ее на руки и, бросивъ, не оглядываясь, кошелекъ съ золотомъ черной стаѣ, налетѣвшей на него со всѣхъ сторонъ, понесъ несчастную жертву въ карету, запряженную лихими конями, ожидавшую у крыльца.

И какъ ни каркали ему вслѣдъ вороны зловѣщія угрозы, какъ ни заклинали его оставить у нихъ одержимую бѣсомъ грѣшницу, онъ высовывалъ голову изъ экипажа для того только, чтобъ приказывать кучеру гнать лошадей скорѣе прочь отъ рокового убѣжища, гдѣ отъ большого усердія чуть было не доканали до смерти его сокровище. Ну, вотъ, точь въ точь, какъ тогда, когда онъ увозилъ ее изъ Воробьевки, въ страхъ, чтобъ Грабининъ его не нагналъ и снова не отнял бы ея у него.

Припоминая эту бѣшеную скачку и послѣдовавшія за тѣмъ событія, прїѣздъ на хуторъ среди непроходимыхъ лѣсовъ и разговоръ съ Джулковскимъ, которому она поклялась повиноваться до конца жизни, подъ однимъ условіемъ, что онъ забудетъ, что былъ когда-то ея мужемъ, она взывала къ возлюбленному такъ страстно, точно онъ передъ нею и слышитъ ее.

— Владимиръ, Владимиръ! Ты знаешь, что я осталась тебѣ вѣрна? Ты знаешь, что я радовалась мукамъ за тебя? Ты знаешь, что мнѣ бы стоило только притвориться, что я тебя разлюбила, чтобъ воспользоваться всѣмъ, къ чему всѣ стремятся и что считаютъ счастьемъ: почетомъ, деньгами, свободой?... И ты знаешь, что я обрекла себя на истязанія для того только, чтобъ повторять во всеуслышаніе, что люблю тебя и всегда буду любить? Ты знаешь, что у меня ни разу не шевельнулась въ сердцѣ жалость къ моему мучителю, и что я радовалась каждому его вздоху, каждой слезѣ, глядя, какъ онъ изнемогаетъ отъ ревности и любви на моихъ глазахъ? Ты знаешь, что въ продолженіе многихъ, многихъ лѣтъ у меня другой отрады не было, какъ мучить его ненавистью и презрѣніемъ? Жить одною только мстью, безъ надежды на свиданіе съ тѣмъ, за кого мстишь, ничего про него не зная, это ужасно! Это ужаснѣе всего на свѣтѣ! Это растлѣваетъ душу и отравляетъ ее! Ядъ злобы всасывается во все существо, ослѣпляетъ и притупляетъ всякую способность сознать правду и красоту, мертвящимъ туманомъ застилаетъ путь ко всему духовному, возвышенному...

Много лѣтъ провела она подъ гнетомъ этого чувства, мучась сама и терзая другихъ, и вдругъ случилось нѣчто за тысячи верстъ отъ того мѣста, гдѣ она влачила жалкое существованіе озлобленной отшельницы, и это таинственное нѣчто въ одно мгновеніе измѣнило все ея внутреннее существо, цѣлительнымъ бальзамомъ разлилось по ея наболѣвшему сердцу, разбудило въ немъ состраданіе и нѣжность, вызвало слезы умиленія на ея глаза, слезы любви и прощенія. Не умомъ, а всѣмъ своимъ существомъ поняла она, что онъ не страдаетъ больше и приказываетъ ей всѣмъ простить и примириться съ Богомъ и съ людьми. То, чего она жаждала столько лѣтъ съ тоскою и отчаяньемъ, свершилось: онъ былъ возлѣ нея и указывалъ ей на небо. Отъ этого сознанія, точно отъ солнечныхъ лучей, таяла и расплавлялась мертвящая ледяная глыба, давящая ей сердце, и первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ они разстались, упала она на колѣни передъ Распятіемъ и молилась тепло, безъ злобы и отчаянья, съ любовью и упованіемъ, о соединеніи съ нимъ.

Поднялась она съ колѣней; умиротворенная, просвѣтленная и прошла она на половину Дуклана Джулковскаго, чтобъ просить его узнать, живъ ли еще Грабининъ.

Джулковского такъ поразилъ спокойный тонъ этой просьбы, что онъ не задумался ее исполнить, и посланный въ тотъ же день гонецъ въ Кіевъ вернулся черезъ двѣ недѣли съ извѣстіемъ о смерти Воробьевскаго барина.

Извѣстіе это она выслушала молча, не проявляя ни испуга, ни огорченія и только выразила желаніе съѣздить въ ближайшій русскій городъ, чтобъ отслужить панихиду, по православному обряду, по покойникѣ.

И къ этому Джулковскій отнесся совсѣмъ не такъ, какъ могли ожидать знавшіе его придирчивый и ревнивый нравъ: онъ приказалъ запрягать лошадей въ экипажъ, который предварительно самъ осмотрѣлъ, выбралъ надежныхъ людей, чтобъ сопровождать жену, и, усадивъ въ карету, долго стоялъ на крыльцѣ, глядя ей вслѣдъ затуманившимися отъ слезъ глазами, оплакивая безвозвратно загубленную жизнь трехъ существъ, изъ которыхъ, трудно было рѣшить, который больше страдалъ, и который больше виновенъ въ страданіи двухъ остальныхъ.

Смерть все умиротворяетъ, все сглаживаетъ и равняетъ въ Господѣ Богѣ!

Когда пани Джулковская вернулась, жизнь на хуторѣ пошла по-новому. Господа видѣлись чаще и мирно бесѣдовали между собою. Какъ и раньше, она была задумчива и дольше прежняго молилась въ своей молельнѣ, но отъ прежней злобной мизантропіи не осталось и слѣда; она начала интересоваться хозяйствомъ и окружающими ее людьми, входить въ ихъ нужды и печали, знакомиться съ сосѣдями и, къ величайшему удовольствію мужа, заниматься даже своимъ туалетомъ. На робко выраженное желаніе представить ее супругѣ своего патрона и протектора, ясновельможной пани Адамовой, она отвѣчала согласіемъ, и рѣшено было осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, имъ вмѣстѣ ѣхать для этого въ Варшаву.

Счастливый Дукланъ Джулковскій ужъ начиналъ находить, что осень—прекраснѣйшая пора въ человѣческой жизни, и что, наслаждаясь тихими и ясными ея прелестями, можно совершенно забыть знойные и бурные ураганы лѣта. Но не суждено ему было долго пользоваться наступившимъ для него спокойствіемъ и счастіемъ: передъ поѣздкой въ Варшаву онъ заболѣлъ и умеръ, въ полной памяти, не только простивъ жену, но и благословляя ее за счастье, которымъ она дарила его послѣдніе годы, и поручая ее, какъ мы видѣли выше, попеченіямъ своихъ патроновъ.

— Никто про то, что было между нами, не знаетъ. Я всегда слишкомъ тебя любилъ, чтобъ дѣлиться съ кѣмъ бы то ни было горемъ, которое ты мнѣ причиняла, ты можешь ходить, гордо и высоко поднимая голову, тайна наша уйдетъ со мной въ могилу...

Это были его послѣднія слова, и скорѣ пришлось ей убѣдиться въ ихъ справедливости: никто здѣсь не зналъ объ ея несчастномъ увлеченіи въ молодости москалемъ, и самые близкіе къ Дуклану люди приписывали ея продолжительное отсутствіе изъ дома мужа таинственной болѣзни, которая требовала лѣченія въ чужихъ краяхъ, и которая прошла только съ лѣтами. А какого рода была эта болѣзнь,—знала одна только она.

Вотъ о чемъ вспоминала пани Дукланова, прохаживаясь по липовой аллеѣ въ дворцовомъ саду, въ достопамятное утро, передъ тѣмъ какъ ѣхать исполнять порученія княгини Изабеллы.

Дворецъ уже проснулся, когда она прошла въ свое помѣщеніе, приказавъ встрѣтившемуся ей гайдуку распорядиться, чтобъ подали ея карету, и черезъ полчаса, совсѣмъ одѣтая, она сѣдлась въ экипажъ и ѣхала къ прелату Фасту.

Не было еще семи часовъ, когда его всевелебности доложили о приѣздѣ резидентки княгини Изабеллы. Онъ ужъ давно сидѣлъ за работой и приказалъ немедленно ввести пани Дукланову въ кабинетъ.

Произнося эти слова, онъ не отрывался отъ работы и продолжалъ писать даже и тогда, когда дверь за его спиной снова растворилась, и вмѣстѣ съ шуршаніемъ шелковыхъ юбокъ въ комнату ворвалась струя духовъ, составлявшихъ ужъ и въ то время непремѣнную принадлежность каждой сколько нибудь элегантною женщины.

Пани Дукланова не побоялась нарушить занятіе, въ которое онъ былъ погруженъ, и не ожидая, чтобъ онъ къ ней обернулся, подошла къ его креслу и молча положила на столъ передъ нимъ вынутую изъ кармана бумагу.

Прелатъ взялъ ее слегка дрожащей отъ волненія рукой и сталъ читать. Стоя за его кресломъ, она не могла видѣть его лица, но по его молчанію да по движенію его пальцевъ, все крѣпче и крѣпче сжимавшихъ бумагу, какъ будто опасаясь, чтобъ ея у него не вырвали, ей можно было бы догадаться о важности этого документа, даже и въ такомъ случаѣ, если бы содержаніе его ей не было извѣстно.

Перечитавъ его раза два, онъ сложилъ его, сунулъ въ одинъ изъ безчисленныхъ ящичковъ бюро, заперъ этотъ ящикъ особымъ ключомъ и повернулъ къ посѣтительницѣ, продолжавшей стоять неподвижно за его кресломъ, взволнованное лицо, съ искрившимися отъ затаенной радости глазами.

— Поблагодарите вашу пани, Дукланова, она исполнила мое приказаніе лучше и скорѣе, чѣмъ я ожидалъ... Но что же вы стоите, моя пани! — поспѣшилъ онъ прибавить, указывая на кресло рядомъ съ бюро.—Садитесь, расскажите мнѣ, какъ все произошло, и какимъ образомъ нашей княгинѣ удалось достать этотъ драгоцен-

ный документъ? — продолжалъ онъ, все еще съ оживленіемъ, но постепенно овладѣвая собою и принимая обычный ему видъ величаваго спокойствія.

Пани Дукланова передала ему все то изъ разсказовъ своей госпожи, что нашла нужнымъ, ни словомъ не обмолвившись про Грабинина и про порученіе, данное ей къ этому послѣднему. Ее слушали съ благосклоннымъ вниманіемъ и каждый разъ милостивымъ движеніемъ руки просили не торопиться уѣзжать, когда она хотѣла подняться съ мѣста, чтобъ дольше не беспокоить своего собесѣдника и не отнимать у него драгоценнаго времени...

— О! я ужъ съ ранняго утра перестаю себѣ принадлежать! Для работы у меня ночь. Вы сегодня не первая меня навѣщаете, а теперь каждую минуту надо ждать когонибудь... Да вотъ, слышите? — прибавилъ онъ съ улыбкой, указывая по тому направленію, откуда раздался звонокъ. — Не торопитесь меня покидать, надо узнать, кто пріѣхалъ...

По коридору раздались шаги, дверь пріотворилась, и Беппо доложилъ о приходѣ аббата Джорджіо.

— Хорошо, пусть подождетъ. Это свой, — обратился прелать къ гостѣ, когда Беппо скрылся: — мы видимся каждый день.

— Ваша всевелебность очень милостивы къ этому молодому человѣку, — замѣтила пани Дукланова, чтобъ сказать чтонибудь и не выдать волненія, не перестававшаго бушевать въ ея сердцѣ отъ мысли о предстоящемъ свиданіи съ внукомъ человѣка, имѣвшаго такое роковое значеніе въ ея судьбѣ. Ей и жутко было, и хотѣлось въ одно и то же время приблизить и отдалить это свиданіе, но надъ всѣми этими чувствами преобладало страстное желаніе доказать, въ лицѣ ближайшаго къ нему человѣка, свою любовь и преданность дорогому покойнику.

— Мы возлагаемъ большія надежды на аббата Джорджіо, но только еще въ будущемъ, — съ улыбкой отвѣчалъ прелать на ея замѣчаніе. — Юность слишкомъ самонадѣянна, чтобъ приносить ту пользу, которую можно ждать отъ человѣка съ зрѣлымъ разсудкомъ. Однако, надо надѣяться, что со временемъ и подъ нашимъ руководствомъ изъ этого юноши выйдетъ достойный сынъ церкви.

— Ваша всевелебность слишкомъ опытно, чтобъ отличить недостойнаго. Прозорливость вашей всевелебности поистинѣ достойна изумленія, и самые враги нашей святой церкви не могутъ не воздавать справедливости талантамъ, которыми Богу было угодно одарить вашу всевелебность.

— Господь умудряетъ и младенцевъ, моя пани. Онъ и вамъ далъ даръ вліять на сердца и разжигать въ нихъ огонь любви и преданности церкви.

— О ваша всевелебность, что такое мои слабыя усилія передъ вашими заслугами! И что могла бы я сдѣлать безъ вашихъ наставленій?

Обмѣнявшись еще нѣсколькими тому подобными любезностями, они разстались, и, благословляя ее на прощаніе, прелать еще разъ просилъ передать княгинѣ Изабеллѣ его благодарность за услугу, оказанную отчизнѣ и святой церкви, а затѣмъ, приказавъ Беппо проводить посѣтительницу до экипажа, онъ торопливо и не безъ волненія вынулъ привезенный ему документъ, внимательно перечиталъ его и принялся переписывать въ толстую, переплетенную въ сафьянъ, тетрадь.

Долго пришлось аббатику ждать въ столовой, чтобъ его пригласили къ его всевелебности. Когда изъ кабинета раздавался звонокъ, онъ срывался со стула и съ лицомъ, выражавшимъ безпредѣльную преданность и желаніе услужить, готовился представиться передъ своимъ патрономъ. Но, къ величайшей его досадѣ, ожиданія его не сбывались: Беппо звали, чтобъ приказать посланцу изъ Рима готовиться къ отъѣзду, чтобъ привести этого человѣка въ кабинетъ, чтобъ послѣ долгаго разговора съ нимъ наединѣ узнать, готовы ли лошади, и, наконецъ, чтобъ проводить его въ далекій путь. Про аббата какъ будто совсѣмъ забыли.

Раздраженіе посланца пани Анны съ минуты на минуту возрастало. Болѣе двухъ часовъ заставляли его ждать. Никогда еще этого не случалось, даже и тогда, когда въ немъ не нуждались, а только знакомились съ нимъ...

Каждый разъ, когда Беппо пробѣгалъ черезъ столовую въ кабинетъ, аббатъ у него спрашивалъ, когда же до него дойдетъ очередь, и каждый разъ ему отвѣчали, чтобъ онъ потерпѣлъ еще немножко, что его всевелебность очень занята.

— Про меня, можетъ быть, забыли?

— Никогда его всевелебность ничего не забываютъ, — обиженнымъ тономъ возразилъ старикъ, торопливо выходя изъ комнаты.

Его озабоченный видъ, равно какъ и глухая возня, поднявшаяся во дворѣ и долетавшая сюда черезъ растворенныя окна, съ минуты на минуту усиливали волненіе и любопытство аббата. Что за причина такого необычнаго переполоха? Что случилось? Съ какими вѣстями прискакала такъ рано сюда резидентка Чарторижскихъ? Неужели вѣсти ея интереснѣе тѣхъ, что принесъ аббатъ изъ дворца Потоцкихъ? Прелать раскается, что такъ медлитъ его выслушать...

— Вы бы сказали его всевелебности, что меня прислала наша пани съ весьма важнымъ сообщеніемъ, — рѣшился онъ наконецъ объявить старому слугѣ, перехватывая его на пути изъ коридора въ кабинетъ.

— Нельзя, ксендже аббатъ, нельзя слугѣ вступать въ разговоръ съ господиномъ, не дожидаясь вопроса, и я слишкомъ хорошо знаю свои обязанности, чтобъ дозволить себѣ такую дерзость.

И онъ засѣменилъ дальше своими коротенькими проворными ножками, не оборачиваясь.

Наконецъ суета на дворѣ и въ домѣ прекратилась, и по грохоту колесъ, какъ и по скрипу растворяемыхъ воротъ, можно, было догадаться, что таинственный посланецъ уѣхалъ въ дальній путь, наконецъ явился и Беппо съ сіяющимъ лицомъ, чтобъ отправиться съ докладомъ въ кабинетъ.

— Проводили! И преблагополучно! Ни въ переулкѣ, ни на улицѣ—ни души!—отвѣчалъ онъ скороговоркой аббатику на полный жгучаго любопытства взглядъ, которымъ этотъ послѣдній перехватилъ его на пути въ кабинетъ.

Минуть черезъ десять онъ вернулся, чтобъ сказать, что его всевелебность проситъ ксендже аббата къ нему пожаловать.

Наконецъ-то!

Предвкушая торжество, аббатикъ гордо выпрямился, но, увы, съ перваго же взгляда на прелата онъ убѣдился, что гордиться ему нечѣмъ. Его встрѣтили очень сухо и, какъ будто гнѣваясь на его докучливость, не открывая глазъ отъ письма, дали ему понять, что могутъ удѣлить ему очень мало времени, и чтобъ онъ былъ кратокъ въ изложеніи дѣла, заставившаго его беспокоить такую важную особу, какъ прелать Фастъ.

— «А, ты вотъ какъ!»—подумалъ, вспыхивая до ушей отъ досады, аббатикъ.—«Хорошо, я буду кратокъ... пока ты самъ не попросишь у меня подробностей!»

И безъ дальнѣйшихъ прелиминаріевъ онъ объявилъ, что пани Анна прислала увѣдомить его всевелебность, чтобъ ни ея, ни ея супруга не ждали завтра вечеромъ у краковскаго кастеляна.

Прелать приостановилъ свое занятіе и обернулся къ нему. Но въ пристальномъ взглядѣ, который онъ на него устремилъ, кромѣ надменнаго изумленія, ничего нельзя было прочесть.

— Прекрасно. Но почему же ваша госпожа нашла нужнымъ мнѣ это сообщить?—спросилъ онъ.

— Я этого не знаю, ваша всевелебность,—отвѣчалъ аббатикъ, окончательно сбитый съ толку такимъ неожиданнымъ вопросомъ.—«Развѣ прелать Фастъ не считаетъ себя больше руководителемъ заговора, волнующаго всю польскую аристократію?»—спрашивалъ онъ себя въ недоумѣніи.

Наступило молчаніе. Прелать продолжалъ на него смотрѣть, и, чувствуя этотъ взглядъ сквозь опущенныя вѣки, юношѣ стало жутко.

— Вчера вечеромъ пріѣзжалъ во дворецъ князь Репнинъ и около часу провелъ съ нашей пани,—продолжалъ онъ нерѣшительно.—

Порученіе къ вашей всевелебности графиня мнѣ дала послѣ его отъѣзда.

— И ничего она къ этому не прибавила?

— Ничего. Ваша всевелебность изволили не дальше, какъ вчера, выражать интересъ къ этому дѣлу...

Его отрывисто прервали.

— Къ какому дѣлу? Вы, кажется, ксендже аббатъ, позволяете себѣ приписывать мнѣ соображенія, которыя я не уполномочивалъ васъ мнѣ приписывать,—строго замѣтилъ прелатъ.—Надѣюсь, однако, что плодами вашей черезчуръ развязной фантазіи вы ни съ кѣмъ не дѣлились?

— Неужели ваша всевелебность считаетъ меня способнымъ на такую гнусность, какъ злоупотребленіе ея ко мнѣ милостью?—вскричалъ со слезами отчаянья аббатикъ.

— Нѣтъ, но вы легкомысленны и не умѣете сдерживать ваше воображеніе, а это—большой порокъ въ нашемъ званіи, и вы должны отъ него исправиться, если желаете внушать довѣріе,—возразилъ прелатъ немного мягче, но все еще сурово и не раздвигая бровей.—Учитесь угадывать чужія мысли, не останавливаясь надъ развитіемъ собственныхъ измышленій, особенно когда они пріятно щекочутъ ваше воображеніе. Помните, что только такимъ образомъ обрѣтете вы умѣніе проникать въ суть вещей. Никогда не рассчитывайте на осуществленіе того, что вы желали бы, чтобъ случилось, а готовьтесь отпарировать непріятное и враждебное вашимъ желаніямъ и вкусамъ, тогда только избѣгнете вы того, чего ничего нѣтъ хуже на землѣ—злорадства враговъ надъ вашими разочарованіями.

Аббатикъ все ниже и ниже опускалъ голову. Проницательность прелата въ одно и то же время и сокрушала его и восхищала. Вотъ что называется искусствомъ читать въ сердцахъ! А онъ-то, глупецъ, мнилъ себя мастеромъ этого дѣла!

— Что скажете вы еще? Были въ монастырѣ?—спросилъ помолчавъ прелатъ.—Видѣли вы пржеоршу?

— Видѣлъ. Она наотрѣзъ отказалась исполнить желаніе нашей ясновельможной пани. Боится возбудить противъ себя неудовольствіе русскаго посла и княгини Изабеллы Чарторижской.

По губамъ прелата скользнула усмѣшка.

— Она женщина умная и понимаетъ свои обязанности. Ей прежде всего надо заботиться о спокойствіи и о выгодахъ обители, во главѣ которой она поставлена волей св. отца, а Чарторижскіе въ настоящее время могутъ быть полезны для обители, чѣмъ Потоцкіе, значитъ, надо снискивать протекцію Чарторижскихъ. Вы, кажется, ксендже аббатъ, не можете себѣ хорошо уяснить значеніе моихъ словъ?—прибавилъ онъ, замѣчая недоумѣніе своего слуша-

теля и усилія его сдерживать возраженія, готовыя сорваться съ его губъ.

— Позволю себѣ замѣтить почтительнѣйше вашей всевелебности, что пани Анна обратилась къ пржеоршѣ съ просьбой спасти Розальскую отъ схизматика, намѣревающагося на ней жениться и для этого обратить ее въ свою вѣру,—вымолвилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Совѣтую вамъ больше заботиться объ истребленіи въ вашемъ сердцѣ грѣшныхъ мірскихъ страстей, чѣмъ о предохраненіи ближнихъ отъ заблужденій.

— Ваша всевелебность! Для меня важнѣе этого дѣла ничего нѣтъ на свѣтѣ! Я далъ обѣтъ Пречистой Дѣвѣ спасти Розальскую отъ еретика и для этого на все готовъ...

Ему не дали говорить.

— Тихе, тихе, ксендже аббатъ! Вы забываете, что отреклись отъ міра, вы забываете, что врагъ не дремлетъ, и что любовное увлеченіе женщиной есть одно изъ могущественнѣйшихъ его орудій.

— Я ненавижу Розальскую, ваше всевелебность!

Восклицаніе это, сорвавшееся помимо воли съ его губъ, заставило его слушателя еще суровѣе сдвинуть брови.

— Любовь и ненависть одинаково воспрещаются святою церковью,—холодно произнесъ онъ. — Предоставьте Розальскую ея судьбѣ и не мѣшайте дѣйствию Провидѣнія. Ничего, кромѣ горя и стыда, вы этимъ вмѣшательствомъ на себя не накличете. Женщины намъ нужны, какъ орудіе для высшихъ цѣлей. Когда орудіе сослужило свою службу, съ него стираютъ пыль и кровь и прячутъ въ надежное мѣсто, а когда оно зазубрилось или сломалось, его бросаютъ, забываютъ про него и ищутъ замѣнить его новымъ. Такъ надо поступать и съ женщинами. Поняли? Къ этому я прибавлю, что въ настоящее время мы всѣхъ должны беречь, какъ друзей, такъ и враговъ, ибо неизвѣстно, откуда придетъ спасеніе.

— Неужели я долженъ отказаться и отъ надзора надъ нею? Неужели я долженъ равнодушно относиться къ ихъ свиданіямъ? Вѣдь они видятся въ самомъ дворцѣ! У меня на это есть неопровержимыя доказательства... преданная мнѣ личность ихъ подкараулила сегодня ночью, и стоитъ только про это сказать ясновельможной...

Его опять прервали на полусловѣ.

— Скажите этой личности, чтобъ она прекратила свое шпіонство и забыла про ваши приказанія. Я этого требую!—повелительно возвышая голосъ, произнесъ прелать. — Не забывайте, что послушаніе есть первая добродѣтель сына церкви, первая и единственная! Забудьте про Розальскую и про Аратова, избѣгайте съ ними встрѣчъ такъ же тщательно, какъ и разговоровъ про нихъ. Чѣмъ меньше вы будете про нихъ знать, тѣмъ лучше будетъ и для васъ

и для того дѣла, которому вы себя посвятили. Приходите каждый день отдавать мнѣ подробный отчетъ въ вашихъ мысляхъ и дѣйствіяхъ. И знайте, что вы на краю гибели. Вы ужъ такъ много потеряли въ нашихъ глазахъ легкомысліемъ и потачками дьяволу, что я давно бы отъ васъ отказался, если бы не надѣялся на ваше исправленіе.

Слова эти онъ произнесъ спокойно, не возвышая голоса и съ холодною твердостью во взглядѣ. Постепенно блѣднѣя подъ этимъ взглядомъ, аббатикъ упалъ, какъ подкошенный, на колѣни, и мольба о помилованіи глухимъ воплемъ вырвалась у него изъ груди.

— Помилосердствуйте, вапа всевелебность!

— Встань. Времени я и такъ слишкомъ много съ тобою потерялъ. Отправляйся къ твоей благодѣтельница съ докладомъ объ исполненномъ порученіи и скажи ей, что я посылаю ей мое благословеніе и молю Бога наставлять ее и впредь на путь истинный. Мимоходомъ завернешь въ коллегію и скажешь аббату Сфортини, чтобъ онъ пришелъ ко мнѣ отъ обѣдни. Можешь его предупредить, что мнѣ надо продиктовать ему очень важный документъ.

Порученіе это оказалось каплей, переполнившей чашу страдающей аббатика. При мысли, что Сфортини можетъ замѣнить его у прелата, и что самъ онъ накликалъ на себя такую бѣду, сердце его сжалось такою болью, что слезы брызнули у него изъ глазъ. Но давать волю чувствамъ здѣсь было не мыслимо, и, сдѣлавъ надъ собою усиліе, онъ довольно внятно произнесъ:

— Приказаніе вашей всевелебности будетъ исполнено.

Мучитель его смягчился и милостиво протянулъ руку, къ которой онъ стремительно прижался похолодѣвшими отъ душевнаго волненія губами.

Въ большомъ смятеніи покинулъ онъ домъ, въ который входилъ часа два тому назадъ въ радужномъ настроеніи, съ самоувѣренностью человека, котораго представитель главы церкви удостоивалъ довѣріемъ, лаской, почти дружбой. Все это оказалось миражемъ его воображенія! То, что онъ принималъ за дружеское расположеніе, было ни что иное, какъ испытаніе. Желали узнать, способенъ ли онъ приносить пользу дѣлу, и результаты экзамена оказались отрицательнаго свойства! Ничего не сумѣлъ онъ ни разгадать, ни предусмотрѣть! Развѣсилъ, какъ осель, уши и проглядѣлъ самое главное. Не взялъ въ соображеніе, что агенты св. отца дѣйствуютъ въ этой странѣ, не заботясь ни о счастьѣ ея, ни о выгодѣ, а исключительно объ интересахъ Рима, и что они не задумываясь войдутъ въ соглашеніе съ злѣйшими врагами Рѣчи Посполитой, если это будетъ нужно для ихъ цѣли. Вчера прелатъ Фастъ принималъ дѣятельное участіе въ готовящейся революціи, благословлялъ оружіе, направленное противъ короля, воодушевлялъ поляковъ ненавистью къ нему и къ русскимъ, а, сегодня,

безъ сомнѣнія, узнавъ что нибудь такое, что заставило его измѣнить тактику, онъ порицаетъ то, что одобрялъ, и одобряетъ то, что порицалъ. Вчера онъ сочувствовалъ негодованію аббата при мысли о бракѣ Розальской съ москалемъ, а сегодня готовъ способствовать этому браку. Цѣль оправдываетъ средства. Нечему тутъ изумляться, надо негодовать на себя за недостатокъ проникательности и осторожности, вовлекшій его въ заблужденіе... Впередъ этого не повторится, и онъ докажетъ своему покровителю, что урокъ его не прошелъ даромъ... А Сфортини его не замѣнитъ, онъ для этого слишкомъ грубъ и непріятенъ. Даже одѣться прилично не умѣетъ. Такого хама прелатъ Фастъ за столъ съ собою не посадитъ, и не будетъ съ нимъ ни шутить, ни острить, а, что всего важнѣе, съ нимъ о высшемъ обществѣ разговаривать нельзя и, кромѣ пошлыхъ сплетенъ про начальство и учениковъ коллегіи, ничего отъ него не узнать, тогда какъ аббатъ Джорджіо возвращается въ высшемъ варшавскомъ обществѣ, и фаворъ его у красавицъ, кружащихъ головы высочайшихъ особъ, со дня на день усиливается... Отчаиваться, значить, нечего, а надо хорошенько вникнуть въ данные совѣты и, воспользовавшись ими, исправиться. Времени на это много, жизнь его только что начинается, и отъ него зависитъ, чтобъ она была преисполнена блеска, удачъ и счастья.

А панѣ Дукланова тѣмъ временемъ подѣвзжала къ тому дому въ Узядовѣ, гдѣ жилъ Грабининъ со своей подругой.

Домъ этотъ, высокій и узкій, прятался за высокими деревьями большого сада, и съ грязной улицы виднѣлась одна только верхушка его остроконечной крыши. Чтобъ найти его, надо было останавливать прохожихъ и спрашивать у нихъ, гдѣ тутъ домъ еврейки Сары Гольденблумъ. Когда имъ его указали, пани Дукланова приказала остановиться, вышла изъ кареты съ помощью сопровождавшаго ее гайдука и, приказавъ людямъ своимъ отѣхать съ экипажемъ въ сосѣдній переулокъ, отправилась одна и пѣшкомъ къ указанному жилищу.

Тутъ ужъ она нашла настоящую деревню, о мостовой не было и помину, и дѣти съ домашними животными преспокойно владѣли всѣмъ пространствомъ между заборами, съ перевѣшивающимися черезъ нихъ вѣтвями деревьевъ, все больше фруктовыхъ, составляющихъ главный доходъ обитателей этого забытаго свѣтомъ уголка.

Поровнявшись съ заборомъ, за которымъ высилась указанная ей крыша, она спросила у одного изъ ребятишекъ, какъ ей попасть къ Сарѣ Гольденблумъ.

При этомъ она не забыла вынуть изъ кармана монету, блескъ которой внезапно отразился въ шустрыхъ глазенкахъ маленькаго оборвыша и живо развязалъ ему языкъ.

— Вонъ тамъ ворота промежъ кустовъ! Толкните калитку и войдите, но берегитесь, чтобъ псы васъ не растерзали,— объявилъ мальчуганъ, протягивая грязную ручонку по указанному направленію, и, зажавъ въ кулакъ монету, которую ему подали, онъ побѣжалъ къ калиткѣ, толкнулъ ее и, что есть мочи, закричалъ:

— Тетка Сара, тебя пани спрашиваетъ! Богатая! въ каретѣ съ гайдукомъ пріѣхала... графиня! Придержи собакъ, чтобъ не разорвали ее!

Предупрежденіе это оказалось далеко не излишнимъ: собаки, почуявъ приближеніе незнакомки, заливались такимъ неистовымъ лаемъ, что въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ не слышно было громкаго цыканья, сопровождаемаго угрозами, которыми пытались ихъ унять.

Черезъ полуразворенную калитку, на порогъ которой провожатый ея остановился, чтобъ переждать бурю, пани Дукланова увидѣла обширный дворъ, съ прогуливающимися по немъ курами и барахтающимися въ большой лужѣ утками, а въ самой глубинѣ крыльцо съ крутыми каменными ступенями, ведущими въ домъ, и сердце ея забилось такъ сильно, что на мгновеніе свѣтъ выкатился у нея изъ глазъ, и она оперлась о заборъ, чтобъ не упасть.

— Не бойся, собаки у нея на привязи, надо только въ ихъ сторону не свертывать,— нашель нужнымъ успокоить ее мальчикъ, понявшій по-своему ея волненіе. — Тетка Сара сама тебя проведетъ, съ нею не страшно.

Дѣйствительно, старая, безобразная еврейка, заставивъ собакъ смолкнуть и спрятаться по конурамъ, торопливыми шагами подошла къ посѣтительницѣ.

— Вамъ кого надо? — спросила она, подозрительно оглядывая ее съ ногъ до головы и постепенно смягчаясь при видѣ наряда незнакомки, изящество и богатство котораго ея опытный глазъ сумѣлъ оцѣнить, какъ нельзя лучше, невзирая на кажущуюся простоту.

— У васъ тутъ русскіе люди живутъ, мнѣ надо съ ними повидаться.

— Вотъ что! Не знаю, захотятъ ли они васъ принять. Знакомыхъ у нихъ въ здѣшнемъ городѣ нѣтъ, — нерѣшительно проговорила она.

— Скажи имъ, что я пріѣхала отъ князя Репнина.

— Отъ русскаго посла? — съ испугомъ спросила еврейка.

— Отъ него. Но вы не бойтесь, я отъ него съ хорошими вѣстями.

— Для меня было бы всего лучше, если бы къ нимъ сюда не шатались ни съ добрыми, ни съ дурными вѣстями, и чтобъ полиція освободила меня отъ такихъ жильцовъ, за которыми она

должна слѣдить, и къ которымъ русскій посолъ засылаетъ шпионовъ, — сердито проворчала она.

— Чтобъ желаніе ваше скорѣе осуществилось, мнѣ надо съ ними повидаться, — объявила пани Дукланова, на которую грязная и наглая жидовка наступала все ближе и ближе, заставляя ее невольно отступать въ переулочъ отъ ея вонючихъ отрепьевъ и любопытнаго взгляда.

— Я ничего не имѣла бы противъ того, чтобъ они у меня хоть десять лѣтъ прожили, — продолжала дочь Израиля, рѣшаясь наконецъ ввести незнакомку во дворъ и приглашая ее слѣдовать за собою къ дому, — первое время, кромѣ выгоды и удовольствія, мы ничего отъ нихъ не видѣли, но съ прошлой недѣли, какъ пошли на ихъ счетъ сыски да розыски, сами можете понять, моя пани, какъ намъ это непріятно. Страна здѣсь безправная, законовъ никто изъ богатыхъ людей не соблюдаетъ, можно подуматъ, что написаны они только для того, чтобъ удобнѣе было панамъ давить бѣдняковъ, долго ли засадить, ни за что ни про что, человѣка въ тюрьму, да и забыть его тамъ, какъ забыли швагера моего Левенштерна и золотильщика Абрамсона, за то, что они не захотѣли отдать векселей графа Ржевусскаго и графа Браницкаго... Вотъ гдѣ у меня живутъ москали, — прервала она свое повѣствованіе о бѣдствіяхъ соотечественниковъ, чтобъ указать на окно надъ крыльцомъ, съ распатавшимися каменными крутыми ступенями. — Это окно ихъ прихожей, а спальня ихъ и покой гостинный выходятъ окнами въ садъ. Сами выбрали это помѣщеніе, я имъ предлагала то, что у меня считается параднымъ, не захотѣли...

— Дома они теперь?

— Гдѣ же имъ быть, если не дома? Третій день боятся выходить на улицу. Должно быть, хорошихъ дѣловъ понадѣлали на родинѣ, когда тайной полиціи предписано за ними слѣдить, — не переставала она ворчать сквозь зубы, поднимаясь къ входной двери, которую она растворила передъ гостей. — Идите. Какъ подниметесь по лѣстницѣ, такъ ихъ и найдете, у меня другихъ жильцовъ нѣтъ, — прибавила она, указывая на деревянную лѣстницу, виднѣвшуюся въ глубинѣ сѣней.

Пани Дукланова послѣдовала совѣту. О томъ, чтобъ посылать о себѣ докладывать, нечего было и думать: имя свое она хотѣла сама сказать внуку Владимира Грабина и, мысленно предаваясь милости Матери Божіей и моля ее о заступничествѣ въ эту роковую для нея минуту, она начала подниматься по скрипучимъ ступенямъ.

Не успѣла она дойти до конца, какъ раздался голосъ съ верхней площадки, и такой знакомый, что отъ волненія у нея дыханіе сперлось въ груди.

— Да говорите же, кто вы? — повторилъ свой вопросъ Владимиръ Михайловичъ.

— Я къ вамъ отъ князя Репнина, — съ усилиемъ произнесла она, поднимая глаза на молодое лицо, смотрѣвшее на нее съ верхней площадки со страхомъ и любопытствомъ въ широко раскрытыхъ глазахъ.

Онъ такъ былъ похожъ на ея возлюбленнаго юныхъ лѣтъ, что смущеніе ея усилилось, и имя князя совершенно безсознательно сорвалось съ ея языка, но оно произвело магическое дѣйствіе: испугъ и недовѣріе смѣнились радостью, и, съ вѣжливымъ поклономъ привѣтствуя посланную князя, Владимиръ Михайловичъ поспѣшилъ обернуться къ растворенной двери въ комнату, чтобъ успокоить свою подругу.

— Это отъ князя Николая Васильевича, Аленушка, не бойся! — произнесъ онъ, возвышая голосъ, и, снова повернувшись къ посѣтительницѣ, попросилъ ее войти.

Въ покоѣ, скудно обставленномъ грубою мебелью, было весело и оживленно. Окна были заставлены душистыми цвѣтущими растеніями и увѣшены клѣтками съ весело щебетавшими птичками, а на порогѣ сосѣдней горницы стояла такая красавица, что одно ея присутствіе скрасило бы самое убогое жилище.

— Я зналъ, что князь про насъ не забудетъ, онъ такой добрый, и я по глазамъ его видѣлъ, что онъ принимаетъ въ насъ участіе, — сказалъ Грабининъ, немного озадаченный молчаніемъ незнакомки, съ восторженнымъ умиленіемъ смотрѣвшей на него. — Вотъ моя Елена Васильевна, — продолжалъ онъ, взявъ свою подругу за руку и подводя ее къ посѣтительницѣ.

Дукланова, не будучи въ силахъ произнести ни слова отъ волненія, молча обняла молодую женщину.

— Васъ князь прислалъ къ намъ съ порученіемъ? — рѣшился спросить Грабининъ, недоумѣвая передъ пристальнымъ взглядомъ этой женщины, къ которой онъ чувствовалъ странное, непонятное влеченіе.

— Князь проситъ васъ отпустить ко мнѣ Елену Васильевну, — вымолвила она наконецъ. — Ей здѣсь оставаться дольше не безопасно.

На лицѣ золотокудрой красавицы выразился испугъ, и она, точно ища защиты, прижалась къ своему другу.

— Князь обѣщалъ насъ не разлучать! — вскричалъ Грабининъ.

— Князь и не думаетъ насъ разлучать, Владимиръ Михайловичъ. Если Елена Васильевна будетъ у меня, вамъ можно будетъ ее навѣщать, сколько вамъ будетъ угодно. Князь находитъ, что послѣ того, какъ тайной полиціи извѣстно ваше мѣсто жительства, оставаться здѣсь вамъ не безопасно, и онъ предложилъ мнѣ пріютить у себя Елену Васильевну на время, пока онъ не найдетъ вамъ надежнаго убѣжища. Сами же вы его просили объ этомъ.

Ей удалось овладѣть собою, и она говорила не только спокойно, но и со свойственнымъ ей чувствомъ собственного достоинства, внушавшимъ всѣмъ, кто ее видѣлъ, уваженіе, но вспугнутые голубки продолжали относиться недобѣрчиво къ ея словамъ.

— Мы васъ, сударыня, совсѣмъ не знаемъ, — замѣтилъ Грабининъ, переглянувшись со своей подругой.

Она печально улыбулась.

— А я хорошо васъ знаю, Владимиръ Михайловичъ!

Второй разъ произносила она его имя съ особеннымъ удареніемъ, и, глядя на нее, онъ не могъ отдѣлаться отъ смутнаго сознанія, что и онъ тоже ее знаетъ, хотя и не могъ припомнить, гдѣ ее видѣлъ. Выплывавшія изъ далекаго прошлаго впечатлѣнія, усиленная съ минуты на минуту его недоумѣніе, мутили его умъ, застилали его призраками, одинъ другого туманнѣе и неуловимѣе.

— Гдѣ же вы меня видѣли?—рѣшился онъ наконецъ спросить.

— Васъ я не видѣла, но вы—внукъ того человѣка, который и мертвый дороже мнѣ всѣхъ живыхъ людей на землѣ. Вы такъ на него похожи, что, когда я на васъ гляжу, мнѣ кажется, что онъ воскресъ и стоитъ предо мною, какъ живой... Я—Джулковская,—прибавила она со слезами на глазахъ, пристально и любовно на него устремленныхъ.

Онъ понялъ причину страннаго влеченія, которое къ ней чувствовалъ, и, молча взявъ ея руку, почтительно ее поцѣловалъ.

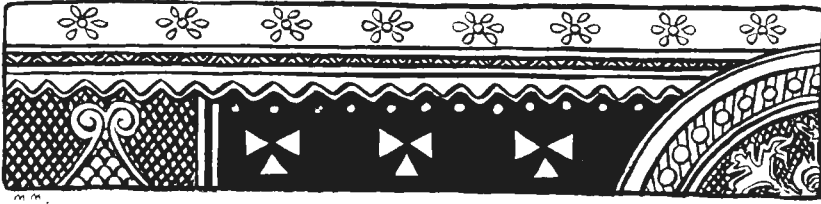
Когда онъ поднялъ голову, на лицѣ его отъ страха и недоумѣрія не оставалось и слѣда: женщина эта сдѣлалась ему такъ близка, что онъ не колеблясь довѣрилъ бы ей не только самого себя, но также и ту, которая ему была дороже жизни.

Не прошло и получаса, какъ карета, ждавшая въ сосѣднемъ переулкѣ, ѣхала назадъ во дворецъ Чарторижскихъ, увозя пани Дукланову съ Еленой Васильевной Аратовой.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

Н. И. Мердеръ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

(1891—1892 г.).

I.

Смерть и похороны Н. В. Шелгунова.

ДОРОВЬЕ Николая Васильевича Шелгунова еще долго до его послѣдней болѣзни было распатано его постоянными скитальчествами и вообще неблагопріятными условіями жизни. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ женѣ (отъ 22-го іюня 1866 г. изъ г. Никольска Вологодской губерніи) онъ говоритъ: «Не забывай того, что крѣпость унесла у меня на 10 лѣтъ силы и здоровья»¹⁾.

Въ концѣ 80-хъ годовъ Шелгуновъ, живя въ деревнѣ, въ Смоленской губерніи, заболѣлъ смертельнымъ недугомъ. Болѣзнь быстро развивалась... Лѣтомъ 1889 г. Шелгуновъ ѣздилъ въ Кисловодскъ, бралъ ванны изъ Нарзана, пилъ воды, но скоро бросилъ. «Лѣченіе, по его словамъ, вышло плохое». 4-го сентября того же года онъ писалъ изъ деревни женѣ: «Здоровье мое до того потрясено, и въ Кисловодскѣ я нашель для себя такой «губительный Кавказъ», что вотъ уже мѣсяць, что сижу на овсянкѣ, принимаю стрихнинъ. Докторъ запретилъ читать, писать, говорить, велѣлъ быть одному и, по возможности, избѣгать людей»... Въ это время онъ подумывалъ ѣхать въ Москву и «переговорить серьезно съ Остроумовымъ»...

¹⁾ Л. П. Шелгунова. Изъ далекаго прошлаго. Переписка Н. В. Шелгунова съ женой. Стр. 193, 236—238.

Въ 1890 г. Шелгунову стало хуже. «Хотя я окончательно надорвалъ свое здоровье,—писалъ онъ женѣ 19-го сентября,—и едва ли поправлюсь, но еще крѣплюсь. Впрочемъ, большую часть дня я лежу въ постели. Но, однако, не умираю». Въ его послѣднемъ письмѣ изъ деревни къ Л. П. Шелгуновой уже слышатся жалобы и стоны больного, невыносимо страдающаго человѣка: «Ахъ, какъ я боленъ, какъ я боленъ! Люба говоритъ: Людмила Петровна даже и не думаетъ, какъ вы больны. Я на видъ 90-лѣтній. Поляйшія упадокъ силъ... Цѣлые дни лежу. Ходить почти пересталъ»... (6 декабря 1890 г.).

Это письмо встревожило его жену, и, чтобы выманить Шелгунова изъ деревни, ему телеграфировали, что присутствіе его необходимо для проведенія черезъ цензуру его сочиненій: Павленковъ тогда началъ издавать ихъ. Шелгуновъ тотчасъ же согласился пріѣхать... Дочь выѣзжала за нимъ на вокзалъ. Пріѣхавъ, онъ, не раздѣваясь, прошелъ въ комнату жены и сѣлъ въ шубѣ... «Раздѣнь!»—проговорилъ онъ. Жена раздѣла его, и, должно быть, ея лицо ясно выразило изумленіе. «Ты поражена?»—спросилъ онъ. Жена дѣйствительно была поражена: ничего подобнаго она не ожидала. «Передо мною сидѣлъ не Николай Васильевичъ, а покойникъ»,—говорила она.

Шелгуновъ страдалъ недугомъ неизлѣчимымъ. Профессоръ В. А. Манассеинъ сдѣлалъ для него все, что только могли сдѣлать медицина и самыя добросовѣстныя усилія. Манассеинъ облегчилъ его страданія, но спасти больного было уже не въ человѣческихъ силахъ. Къ тяжелой болѣзни, изо дня въ день разрушавшей организмъ Шелгунова, въ началѣ апрѣля присоединилась еще простуда. 5-го апрѣля больной почувствовалъ себя настолько хорошо, что вздумалъ съѣздить въ одно знакомое ему семейство, а оттуда еще отправился въ писчебумажный магазинъ за покупками и во время этихъ странствованій какъ-то простудился. Простуда, повидимому, была самая легкая, но для истощеннаго, изнуреннаго организма она оказалась роковою. На другой день Шелгуновъ опять слегъ и уже болѣе не вставалъ.

Ту желѣзную энергію, съ которою Шелгуновъ всю жизнь боролся противъ всякихъ невзгодъ и напастей, проявилъ онъ и въ борьбѣ со смертію. Онъ не хотѣлъ умирать и не думалъ, что умираетъ... Въ ту пору шла шестая недѣля великаго поста. Больной собирался въ первый день пасхи ѣхать въ Москву, а оттуда—въ Смоленскую губернію, въ свой деревенскій домикъ. Онъ уже распоряжался, чтобы въ Москвѣ заняли для него номеръ въ гостиницѣ.

— Хотѣлось бы уѣхать въ первый день... только едва ли успѣю,—задумчиво и съ легкимъ вздохомъ сказалъ онъ мнѣ однажды вечеромъ, сидя на постели.

Съ 8-го апрѣля съ больнымъ начались сильныя припадки удушья и обмороки. Но больной все еще продолжалъ бороться. Послѣдніе дни онъ буквально жилъ нервами.

Я жилъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Шелгунова и часто навѣщалъ его.

Помню: однажды, дня за три до смерти, когда я сидѣлъ у Шелгунова, со двора слышались звуки шарманки. Больному была неприятна эта музыка, — онъ безпокойно заворочался на постели. Тогда дочь Шелгунова (тогда еще молодая дѣвушка), торопливо схвативъ со стола нѣсколько мелочи, какъ была, въ одномъ платьѣ бросилась на дворъ, дала шарманщику денегъ и попросила его уйти. Ухаживали за больнымъ очень старательно.

11-го апрѣля физическія боли затихли, но душевное состояніе больного, очевидно, было угнетенное. Шелгуновъ, повидимому, началъ сознавать близость конца...

Въ эти послѣдніе дни его чувствительность была такъ сильно возбуждена, онъ сдѣлался такъ чутокъ, что самый легкій шопоть въ сосѣдней комнатѣ обращалъ на себя его вниманіе, безпокоилъ, тревожилъ его. Его семьяне—жена и дочь—всячески оберегали его и старались не пробудить въ немъ ни малѣйшихъ подозрѣній по поводу его опаснаго, безнадежнаго положенія. Но все было напрасно... 12-го апрѣля на лицѣ уходившаго отъ него въ то время профессора Манассеина, всегда обыкновенно сдержаннаго и спокойнаго, больной съ необычайной пронизательностью сумѣлъ прочесть свой смертный приговоръ.

— Теперь я ужъ вижу, что скоро умру!—сказалъ онъ сидѣлкѣ.

Онъ угадалъ: ему уже было не суждено дожить до конца этотъ день—12-е апрѣля...

Дважды въ тотъ день я заходилъ къ Шелгуновымъ. Днемъ, около двухъ часовъ, когда я пришелъ навѣстить больного, онъ находился въ забытѣ. Вскорѣ, впрочемъ, онъ очнулся и попросилъ, чтобы его посадили на постели. Кровать его стояла неподалеку отъ окна... День былъ ясный, солнечный, настоящій весенній день. Умирающій, молча, долго смотрѣлъ въ окно на виднѣвшійся клочекъ голубого неба,—и на глазахъ его навернулись слезы. Вѣроятно, онъ прощался съ жизнью... И наконецъ, въ 8 часовъ вечера, когда солнце зашло, и уже сгущались сумерки, страдалецъ почилъ.

Въ послѣднія минуты при немъ находились жена его, Л. П. Шелгунова, съ дочерью и г-жа Ярошенко. Въ началѣ девятого часа жена моя ушла къ Шелгуновымъ, но уже не застала въ живыхъ Николая Васильевича. Я хотѣлъ прійти попозже... Г-жа Ярошенко между тѣмъ послала за мной прислугу (съ Ярошенко мы жили по сосѣдству). Посланная г-жи Ярошенко съ извѣстіемъ о кончинѣ Шелгунова явилась въ ту минуту, когда я уже собрался уходить изъ дому. Черезъ нѣсколько минутъ я былъ у Шелгуно-

выхъ, и нашель покойнаго еще въ томъ же положеніи, въ какомъ застигла его смерть. Тѣло его, обложенное подушками, оставалось въ полулежащей позѣ поперекъ кровати. Голова покоилась на подушкѣ, руки сложены на рукавахъ его сѣраго халата, ноги спущены съ постели и чѣмъ-то закутаны. Въ тѣ минуты его лицо еще носило на себѣ, если можно такъ сказать, выраженіе «жизни», какъ будто жизнь еще не кончилась,—и это выраженіе сказывалось до того явственно, что я даже подумалъ: не въ обморокъ ли онъ? и близко наклонился къ нему, тронулъ его за руку. Рука была еще мягка, но совершенно холодная... На изможденномъ лицѣ его не было того спокойствія, какое обыкновенно замѣчается на лицахъ мертвецовъ. На немъ еще лежала яркая печать только что пережитыхъ страданій и предсмертной борьбы. На другой день я уже не видѣлъ этого выраженія на лицѣ покойнаго Шелгунова.

Въ тотъ день, 12-го апрѣля, одинъ изъ знакомыхъ покойнаго Шелгунова долженъ былъ читать на какомъ-то литературно-музыкальномъ вечерѣ. Узнавъ отъ г-жи Ярошенко о кончинѣ Шелгунова, онъ сообщилъ присутствующимъ эту печальную вѣсть, и съ концерта цѣлая толпа—преимущественно учащейся молодежи—хлынула на Воскресенскій проспектъ, въ квартиру покойнаго. И около полуночи Шелгуновская квартира наполнилась народомъ... Шестеро студентовъ взялись дежурить посмѣнно у гроба.

13-го и 14-го апрѣля съ утра до вечера въ тѣсныхъ комнатахъ Шелгуновской квартиры толпились люди всякаго званія и состоянія, мужчины, женщины, старики, юноши, статскіе и военные, студенты, гимназисты, курсистки, художники, литераторы, ученые и простой людъ... Думали было попросить художника Забелло снять маску съ лица Шелгунова, но черты лица покойнаго такъ сильно измѣнились, что снимать маску нашли ненужнымъ. Профессоръ Лесгафтъ со своими учениками былъ у покойнаго въ ночь съ 13-го на 14-е апрѣля и принялъ мѣры для того, чтобы приостановить, замедлить процессъ разложенія трупа. Мнѣ рѣдко приходилось видать мертвеца, до того исхудавшаго, какъ Шелгуновъ. Казалось, оставались буквально лишь кости да кожа.

Всѣ комнаты были увѣшаны, уставлены вѣнками и гирляндами. На панихидахъ была тѣснота. И многихъ изъ писателей, бывавшихъ на этихъ панихидахъ, давно уже нѣтъ въ живыхъ...

Наканунѣ похоронъ, 14-го апрѣля, явился въ квартиру Шелгуновыхъ какой-то старичекъ-священникъ съ псаломщикомъ служить панихиду. Панихиды, какъ водится, дважды въ день служилъ приходскій священникъ съ причтомъ. При видѣ старичка-священника подумали, что, вѣроятно, произошло какое нибудь недоразумѣніе, и объяснили пришедшему, что панихиду уже служили.

— Я пришелъ незванный,—сказалъ на это старичекъ,—я пришелъ помолиться о почтеннѣйшемъ Николаѣ Васильевичѣ, хочу отслужить по немъ панихиду!

Неторопливо, съ глубокимъ чувствомъ, и самъ растроганный и грустный, отслужилъ онъ панихиду и ушелъ. Осталось неизвѣстно, отъ какой церкви былъ этотъ священникъ...

Похороны были назначены 15-го апрѣля, которое въ тотъ годъ приходилось въ понедѣльникъ на страстной недѣлѣ.

День 15-го апрѣля былъ теплый, ясный.

Съ 8 часовъ утра во дворѣ и у воротъ дома № 13 по Воскресенскому проспекту (гдѣ жилъ Шелгуновъ) стояли толпы народа. И опять писатели, профессора, учащая молодежь, люди всякаго званія, начиная съ генераловъ и кончая субъектами въ обтерканныхъ пальто, составляли эти толпы.

Ждали выноса, ожидали священника. Полиція почему-то особенно спѣшила съ выносомъ, и когда наконецъ показался священникъ, полицейскій чиновникъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ ему, что онъ слишкомъ замедлилъ, что онъ задерживаетъ похороны. Священникъ остановился и, посмотрѣвъ въ упоръ на полицейскаго, раздраженнымъ тономъ сказалъ:

— Выговоры ваши, милостивый государь, неумѣстны! Вспомните, что теперь вѣдь седьмая недѣля великаго поста, что мы отъ усталости едва держимся на ногахъ...

Не помню: онъ что-то еще сказалъ полицейскому, круто повернулся и пошелъ въ ворота. Полицейскій, повидимому, смутился и затерялся въ толпѣ.

Въ началѣ десятаго часа гробъ вынесли на улицу.

Тутъ произошло недоразумѣніе, едва не кончившееся очень печально. Хотѣли нести до кладбища гробъ на рукахъ, но полиція тому воспротивилась. Почему, на какомъ основаніи, не знаю, — и поведеніе петербургской полиціи въ этомъ случаѣ для меня и до сего времени остается загадкой. Нести гробъ съ покойникомъ на рукахъ закономъ не воспрещено...

Молодежь, овладѣвшая гробомъ, не уступала незаконному требованію полиціи. Полицейскіе тѣснили державшихъ гробъ и пытались вырвать у нихъ гробъ съ тѣмъ, чтобы поставить его на колесницу. Гробъ сильно покачивался изъ стороны въ сторону, и ежеминутно можно было опасаться, что онъ грохнется на мостовую. Во время разгара этой свалки изъ среды полицейскихъ, какъ говорили тогда, послышался чей-то энергичный возгласъ: «руби по рукамъ!»... Но я не слышалъ такого возгласа и обнаженныхъ шапекъ не видалъ, хотя и находился недалеко отъ гроба.

Кончилось тѣмъ, что публика уступила, и гробъ былъ поставленъ на колесницу. Процессія тронулась... Но тутъ опять произошло недоразумѣніе, пожалуй, еще болѣе странное. На этотъ разъ нарушеніе закона послѣдовало со стороны публики съ молчаливаго согласія полиціи...

Масса вѣнковъ была сложена на дроги, стоявшія позади погребальной колесницы. Въ то время, когда гробъ устанавливали на колесницѣ, всѣ эти вѣнки моментально были разобраны, и ихъ понесли передъ колесницей. Полиція не препятствовала, хотя несеніе вѣнковъ въ похоронныхъ процессіяхъ въ ту пору было уже воспрещено. Такимъ образомъ, полиція въ то утро сдѣлала два промаха: запретила закономъ дозволенное несеніе гроба на рукахъ и допустила запрещенное закономъ несеніе вѣнковъ.

Полиція, очевидно, намѣревалась направить похоронную процессію на Волково кладбище по менѣе люднымъ улицамъ — по Знаменской и Лиговкѣ. Съ той цѣлью, чтобы процессія не пошла по Фурштадтской по направленію къ Литейной, на углу Фурштадтской и Воскресенскаго проспекта былъ поставленъ отрядъ конныхъ жандармовъ. Но публика хотѣла пройти именно на Литейную. Тутъ полиція оказалась безсильною... Толпа стремительно хлынула на Фурштадтскую, и жандармы, повертѣвшись въ толпѣ взадъ и впередъ, были вынуждены послѣдовать за процессіей. Послѣ того похоронная процессія уже безпрепятственно, въ стройномъ порядкѣ, съ вѣнконосцами впереди, двинулась къ Литейной съ громкимъ пѣніемъ «Святый Боже». Только неподалеку отъ Невскаго процессія замедлила ходъ, раздались какіе-то возгласы, но изъ-за пѣнія сотежъ голосовъ было трудно ихъ слышать. Толпа значительно возросла, когда мы подошли къ Волкову кладбищу. Большая толпа встрѣтила насъ и на кладбищѣ.

Когда послѣ панихиды гробъ уже несли къ могилѣ, я встрѣтилъ одного изъ нашихъ извѣстныхъ литераторовъ, близкаго знакомаго покойнаго Шелгунова, и спросилъ его, будетъ ли онъ говорить на могилѣ. Онъ сказалъ: «нѣтъ, не буду». Тогда, желая сказать нѣсколько добрыхъ словъ о покойномъ, я пробрался, насколько было возможно, ближе къ могилѣ. Студенты, стоявшіе на приступочкѣ какого-то памятника, очистили мнѣ мѣсто. Я всталъ на этотъ приступокъ и сказалъ небольшую рѣчь.

Разумѣется, нельзя ожидать, чтобы черезъ 13 лѣтъ я подробно помнилъ свою рѣчь. Она не была записана: я, какъ всегда, говорилъ экспромтомъ, безъ подготовки. Помню въ точности только вступительныя слова: «Шелгуновъ умеръ — Шелгуновъ живъ, — живы тѣ идеи, которымъ онъ служилъ всю жизнь и за которыя пострадалъ»... (Рѣчь моя вкратцѣ была въ ту пору напечатана въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»).

Я говорилъ о скитальческой жизни Шелгунова и сказалъ вкратцѣ о значеніи его литературной дѣятельности, о вліяніи ея на наше общественное саморазвитіе. Вдаваться въ критическій разборъ въ тѣ минуты было, конечно, неумѣстно, но для характеристики дѣятельности Шелгунова я нашелъ пока достаточнымъ

повторить надписи на вѣнкахъ, принесенныхъ на его гробъ¹⁾. И тутъ я перечислилъ часть этихъ надписей:

Отъ сотрудниковъ «Дѣла»; отъ «Сѣвернаго Вѣстника»; отъ «Недѣли»; отъ «Русскихъ Вѣдомостей»; отъ редакціи «Русской Мысли»; отъ студентовъ С.-Петербургскаго университета—«Поборнику демократическихъ идеаловъ»; отъ высшихъ женскихъ курсовъ—«За человѣческое право являлся честнымъ ты борцомъ»; дорогому Н. В. Шелгунову—студенты Горнаго института; отъ студентовъ-медиковъ—«Неутомимому борцу за истину и свободу»; отъ русскихъ женщинъ—«Дорогому учителю разумнаго, честнаго труда»; отъ студентовъ института инженеровъ путей сообщенія; отъ студентовъ Московскаго университета—«Неутомимому борцу за истину»; «Борцу»—отъ московскихъ студентовъ-техниковъ; «Дорогому писателю отъ сочувствующихъ слушательницъ Надеждинскихъ курсовъ»; отъ слушательницъ курсовъ при попечительномъ комитетѣ Краснаго Креста; отъ слушательницъ Рождественскихъ курсовъ—«И такъ ужъ немного вождей остается, и такъ ужъ безлюдье насъ тяжело гнететъ... Чье жъ сердце на русскую скорбь отзовется, чья мысль ей укажетъ желанный исходъ?»; отъ учащихся въ воскресныхъ школахъ; отъ петербургскихъ рабочихъ—«Указателю пути къ свободѣ и братству»; «Дорогому учителю»—отъ с.-петербургскихъ гимназистовъ; отъ объединенныхъ землячествъ—«Шестидесятнику-борцу за лучшіе идеалы молодежи»; «Умершему со знаменемъ въ рукахъ»; отъ учащихся женщинъ; отъ харьковскаго студенчества; отъ учащихся пермяковъ; отъ томскаго студенчества; «Дорогому писателю»—тверскія сельскія учительницы; «Незабвенному учителю»—отъ учащихся сибиряковъ и сибирячекъ; отъ новгородскихъ почитателей—«Борцу за свѣтъ и правду», и др.

Посреди вѣнковъ обращалъ на себя особенное вниманіе крестъ терновый.

Въ заключеніе я говорилъ о преемственности идей, о томъ, что мы не должны порывать съ завѣтами реформаціонной эпохи, что ту нить, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ казалась порванной, мы должны подхватить и вести ее далѣе и далѣе, не оставиваясь...

Мнѣ пришлось здѣсь распространиться о своей рѣчи, потому что изъ-за нея сырѣ-боръ загорѣлся.

Кромѣ меня, говорили еще три-четыре человѣка...

Картина, бывшая тогда у меня передъ глазами, ярко запечатлѣлась въ моей памяти... Ясное весеннее небо, и на его голубомъ, сіяющемъ фонѣ рѣзко обрисовываются еще обнаженные вѣтви кладбищенскихъ деревьевъ... Въ синевато-туманной дымкѣ пропа-

¹⁾ Ленты съ нѣкоторыхъ вѣнковъ, по распоряженію полиціи, были сняты и, кажется, остались у вдовы покойнаго Шелгунова.

даетъ даль... Посреди надгробныхъ памятниковъ и крестовъ тѣснится громадная толпа... Она взволнована, но молчалива,— она словно застыла, замерла въ своемъ угрюмомъ молчаніи... И посреди безмолвія, объявшаго обитель смерти, только чириканье птичекъ явственно слышится.

Въ шестомъ часу мало-по-малу стали расходиться съ кладбища.

Жена моя была на кладбищѣ, слышала мою рѣчь—и встревожилась. Я же оставался совершенно спокоенъ, такъ какъ, по моему крайнему разумнію, я рѣшительно не сказалъ ничего такого, что могло бы возбудить противъ меня неудовольствіе.

На другой же день я принялся за свою прерванную литературную работу. Прошли три дня безъ всякихъ «новостей». Даже жена была уже готова успокоиться, какъ вдругъ въ пятницу, 19-го апрѣля, получила изъ участка телеграмма, которою меня вызывали на слѣдующій день къ 11 часамъ утра къ градоначальнику. Опасенія моей жены, повидимому, начинали оправдываться, но я все-таки продолжалъ увѣрять и ее и себя, что ничего серьезнаго быть не можетъ, и продолжалъ работать.

Въ субботу къ назначенному часу я отправился въ градоначальство. (Петербургскимъ градоначальникомъ былъ въ то время генераль Грессеръ). Въ приемной, гдѣ мнѣ пришлось подождать нѣсколько минутъ, я встрѣтилъ студентовъ, и они сообщили мнѣ, что они также вызваны къ градоначальнику и, вѣроятно, какъ они догадывались, по поводу похоронъ. Наконецъ меня пригласили въ кабинетъ.

При входѣ моемъ генераль Грессеръ всталъ изъ-за своего письменнаго стола и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ мнѣ навстрѣчу. Мы оказались одного роста, и нѣсколько мгновеній стояли, молча, лицомъ къ лицу, пристально смотря въ глаза другъ другу. Затѣмъ, послѣ такого молчаливаго обмѣна взглядами, между нами произошелъ слѣдующій діалогъ.

— Вы были на похоронахъ Шелгунова? — спросилъ меня Грессеръ.

— Былъ,—отвѣтилъ я.— Шелгуновъ—мой старый, близкій знакомый и товарищъ по литературѣ.

— Такъ! Вы говорили рѣчь на его могилѣ?

— Да, говорилъ,—сказалъ нѣсколько словъ вообще о его жизни и дѣятельности...

— Но вы сказали возмутительную... зажигательную рѣчь! — отрывисто заговорилъ Грессеръ. — Ваше присутствіе въ Петербургѣ не можетъ быть терпимо... вы не можете оставаться здѣсь..

— Не могу ли я, генераль, сказать два-три слова въ свою защиту?—спросилъ я.

Грессеръ молча кивнулъ головой.

— На кладбищѣ стенографа не было,—сказалъ я,—а тѣ, которые передавали вамъ содержаніе моей рѣчи, могли стоять отъ меня далеко, могли не дослышать, не понять меня, могли по-свѣдому истолковать мои слова, и, наконецъ, при передачѣ рѣчь моя могла быть сообщена вамъ въ искаженномъ видѣ, безъ всякаго злого умысла, но, просто, по невозможности запомнить ее въ точности... Вѣдь иногда при передачѣ замѣна одного слова другимъ много значить и можетъ совершенно измѣнить смыслъ рѣчи... Не можете ли вы допустить, что моя рѣчь неточно передана вамъ?

Генералъ на мгновенье немного поникъ головой, покручивая усъ.

— Да! Я это допускаю... — отвѣтилъ онъ.— Это могло быть... конечно. Но министръ внутреннихъ дѣлъ уже рѣшилъ, что вы должны оставить Петербургъ... Я теперь ничего не могу сдѣлать... Да! А болѣе подробныя инструкціи вы получите отъ полковника С***! — закончилъ онъ съ легкимъ поклономъ и указывая на жандармскаго офицера, стоявшаго въ сторонѣ.

Съ полковникомъ С. я отправился въ канцелярію.

Генералъ Грессеръ не показался мнѣ суровымъ, жестокимъ человѣкомъ и вообще не произвелъ на меня непріятнаго впечатлѣнія. Онъ былъ мужчина высокаго роста, какъ говорится, видный, съ благообразнымъ лицомъ и съ манерами, вовсе не фельдфебельскими. Въ этомъ отношеніи онъ выгодно отличался отъ своихъ предшественниковъ и преемниковъ; въ сравненіи съ ними онъ могъ показаться совсѣмъ мягкимъ человѣкомъ. Мнѣ думается, что онъ былъ искрененъ со мной, и я до сего времени вѣрю тому, что обстоятельства тогда были дѣйствительно таковы, что онъ «не могъ ничего сдѣлать» для меня...

Это была моя единственная встрѣча съ генераломъ Грессеромъ.

Послѣ того судьба привела меня опять въ Петербургъ именно въ то время, когда Грессеръ умеръ, и я издали видѣлъ его гробъ, когда похоронная процессія слѣдовала по Невскому...

— Сколько же времени я могу еще пробыть въ Петербургѣ? — спросилъ я С—каго.

— Завтра утромъ вы должны уѣхать! — отвѣтилъ тотъ.

— Ну, это невозможно!—возразилъ я.—Да неужели же я такой страшный, опасный преступникъ, что мнѣ не дадутъ даже времени хоть кое-какъ ликвидировать мои дѣла! Я связанъ дѣловыми отношеніями съ разными лицами; мнѣ нужно побывать въ редакціяхъ, повидаться съ издателями, купить кое-что... вѣдь я уѣзжаю на неопредѣленное время... Наконецъ, завтра—пасха! Неужели нельзя мнѣ встрѣтить праздникъ въ семьѣ и провести дома хоть первые три дня?...

— Ужъ, право, не знаю... доложу его превосходительству... Потрудитесь обождать здѣсь!—сказалъ С. и скрылся.

Кромѣ меня, въ комнатѣ оказался еще какой-то господинъ, очевидно, одинъ изъ служащихъ въ канцеляріи,—высокаго роста, худощавый блондинъ, въ синемъ вицъ-мундирѣ. Онъ съ большимъ сочувствіемъ отнесся ко мнѣ.

— Вы не безпокойтесь, отсрочку вамъ дадутъ, — промолвилъ онъ вполголоса.—Нельзя такъ, въ самомъ дѣлѣ... что ужъ очень строго!..

Вскорѣ возвратился С. и объявилъ мнѣ, что я могу пробыть въ Петербургѣ до вторника, а во вторникъ утромъ я обязательно долженъ уѣхать. При этомъ господинъ въ вицъ-мундирѣ, молча, пожалъ плечами и отошелъ къ окну. С. подалъ мнѣ печатный бланкъ, на которомъ, подѣ его диктовку, я вписалъ обычныя фразы, т.-е. самому себѣ подписалъ приговоръ объ изгнаніи изъ Петербурга и изъ предѣловъ С.-Петербургской губерніи.

— А куда вы думаете поѣхать?—спросилъ меня С.

— Въ Москву,—отвѣтилъ я.

— Прекрасно! Такъ, значить, во вторникъ утромъ, въ 9 часовъ, пожалуйста сюда и отсюда отправитесь...

— А вещи... Ихъ, значить, отправить прямо на вокзалъ?—спросилъ я.

— Да! Такъ! Отправьте на вокзалъ, а сами—сюда,—сказалъ С.

Помню, что по дорогѣ изъ градоначальства я заѣзжалъ въ редакцію «Сѣвернаго Вѣстника», бывшую тогда въ Троицкомъ переулкѣ. Въ ту пору въ редакціи этого журнала работали знакомые мнѣ люди—В. Острогорскій, А. Скабичевскій, Б. Глинскій и друг.; «новые, невѣдомые боги» вселились въ нее уже позже и не въ добрый часъ—для себя и для журнала...

— Ну, вотъ!—сказала жена, когда я сообщилъ ей о результатѣ моего свиданія съ градоначальникомъ.

«Ну, вотъ»—и только, и ни жалобъ, ни упрековъ болѣе я не слышалъ отъ нея. А между тѣмъ мое неожиданное, внезапное удаленіе изъ Петербурга перевертывало вверхъ дномъ всю нашу жизнь и вносило серьезное расстройство въ наши финансовыя дѣла.

Въ тотъ же день подѣ вечеръ приходилъ ко мнѣ Ф. Ф. Павленковъ и, между прочимъ, освѣдомлялся, не нужно ли мнѣ денегъ. Деньги мнѣ были не нужны, но его предложеніе, его участіе къ постигшей меня неприятности глубоко тронули меня, и я навсегда остался благодаренъ Павленкову за его горячее участіе ко мнѣ въ эти дни.

На слѣдующій день я ходилъ и ѣздилъ изъ конца въ конецъ по городу, прощаясь съ близкими знакомыми. Въ воскресенье и понедѣльникъ у насъ перебивало много народу — знакомыхъ и незнакомыхъ, и я былъ очень удивленъ, что слухъ о моемъ удаленіи такъ быстро разнесся по Петербургу.

23-е апрѣля, день именинъ моей жены, приходилось во вторникъ на свѣтлой недѣлѣ. Этотъ день уже въ теченіе многихъ-многихъ лѣтъ я проводилъ съ женой, но на этотъ разъ намъ пришлось разстаться. Въ девятомъ часу, наскоро выпивъ стаканъ кофе и полакомившись куличемъ и пасхой, я отправился въ градоначальство — съ пледомъ и дорожной сумочкой черезъ плечо. Мы уговорились съ женой встрѣтиться на вокзалѣ: она должна была отправиться туда съ вещами въ сопровожденіи прислуги, желавшей проводить меня. Но *l'homme propose et l'administration dispose...* На вокзалѣ мы не встрѣтились съ женой и увидались съ нею уже гораздо позже...

Когда я пришелъ въ градоначальство, меня на этотъ разъ попросили не на верхъ, не въ канцелярію, но въ комнату, находившуюся въ нижнемъ этажѣ, плохо освѣщенную, скудно меблированную, единственное окно которой выходило на грязный дворъ — типичный петербургскій дворъ на подобіе колодца.

Въ полусвѣтѣ этой комнаты я съ удивленіемъ увидаль одного изъ нашихъ извѣстныхъ писателей, г. N. (безъ его согласія не нахожу удобнымъ назвать его фамилію). Онъ стоялъ у окна, скрестивъ руки, и хмуро посматривалъ во дворъ. Оказалось, что и его также высылали изъ Петербурга.

— За что же?

— И самъ не знаю! — отвѣтилъ онъ. — Спрашивалъ, — причинъ не указали... Говорятъ: вы ужъ лучше не спрашивайте!...

При выносѣ гроба изъ квартиры Шелгуновыхъ, когда между молодежью и полиціей произошло столкновеніе, г. N., какъ говорили тогда, сказалъ, правда, нѣсколько словъ, но, конечно, не за эти слова карали его, ибо онъ, какъ потомъ передавали, убѣждалъ молодежь поставить гробъ на колесницу, т.-е. сдѣлать то, чего требовала полиція.

Едва мы успѣли перемолвиться съ г. N., какъ явился полковникъ С—ій.

— Ну, господа, если ужъ страслась надъ вами такая бѣда, — заговорилъ онъ, — такъ ужъ надо теперь подумать о томъ, чтобы избѣгнуть дальнѣйшихъ недоразумѣній, чтобы, по крайней мѣрѣ, не ухудшить вашего настоящаго положенія... Скажите мнѣ, господа, откровенно, подъ честнымъ словомъ: придетъ кто нибудь на вокзалъ провозать васъ, или нѣтъ?

— Сыновья мои будутъ на вокзалѣ! — отвѣтилъ г. N. — Но придетъ ли еще кто нибудь, кромѣ нихъ, я не знаю.

— Такъ! Хорошо-съ... А вы? — обратился ко мнѣ С.

— Жена моя съ прислугой будетъ на вокзалѣ... — сказалъ я. — Но знакомые знаютъ о моемъ отъѣздѣ, и, конечно, можетъ кто нибудь прійти, хотя я никого не звалъ.

— Такъ вы, значить, не можете ручаться за то, что, кромѣ вашей жены, никто не придетъ провожать васъ? — настойчиво обратился ко мнѣ С.

— Повторяю, что я никого не звалъ, никого не жду, но поручиться все-таки не могу, — отвѣтилъ я.

— Ну-съ, прекрасно! — сказалъ С., какъ бы что-то соображая и посматривая то на Н., то на меня, и затѣмъ скрылся.

Немного погодя, насъ повели по коридору и черезъ маленькую дверь вывели во дворъ, гдѣ ждала насъ извозчичья карета. Мы вошли въ нее. Съ нами же въ карету сѣли двое провожатыхъ: на переднемъ сидѣннѣ противъ г. Н. помѣстился жандармскій офицеръ, а противъ меня какой-то статскій молодой господинъ въ голубомъ галстучкѣ и съ перстнемъ на рукѣ. Дверцу кареты захлопнули, задернули у стеколъ грязновато-желтыя занавѣски — и мы тронулись въ путь.

Занавѣски не плотно прилегали къ стекламъ, и я могъ видѣть, какъ мы завернули на Малую Морскую, выѣхали на Невскій проспектъ и поѣхали по немъ по направленію къ Знаменію. Я былъ увѣренъ, что мы ѣдемъ на Николаевскій вокзалъ. Меня только приводили въ недоумѣніе наши провожатые, — какъ будто мы не могли одни уѣхать на вокзалъ. Да вотъ еще эти желтыя занавѣски... Для чего ихъ было такъ старательно задерживать?..

Вотъ и Гостиный дворъ и Публичная бібліотека... И я не безъ грусти подумалъ о томъ, что мои занятія въ Публичной бібліотекѣ теперь должны прекратиться, и моя большая работа, давно начатая работа, пріостановится на неопредѣленное время...

Наконецъ, мы миновали Николаевскую улицу, Пушкинскую... Вотъ и церковь Знаменія... Но мы не заворачиваемъ къ Николаевскому вокзалу и быстро ѣдемъ все дальше и дальше по Невскому.

— Мы ужъ проѣхали вокзалъ! — замѣтилъ я.

— Да! — отозвался Н.

А провожатые наши молчали...

Когда мы миновали Александро-Невскую лавру и ѣхали уже по Шлиссельбургскому тракту, тогда оказалась возможность отдернуть занавѣски и даже спустить одно стекло. Мы закурили папиросы...

День былъ ясный, теплый, и такъ отрадно было, когда свѣжій, весенній воздухъ повѣялъ въ лицо. Колокольный звонъ гудѣлъ надъ Петербургомъ. Толпы рабочихъ — мужчинъ и женщинъ — въ праздничномъ платьѣ, съ гармониками, бродили по улицамъ. Слышалось веселое пѣнье, говоръ, смѣхъ.

Мы проѣхали мимо церкви, очень памятной мнѣ. За три мѣсяца передъ тѣмъ въ этой церкви отпѣвали одну мою хорошую знакомую, молодую дѣвушку, бывшую учительницей на чугунно-

литейномъ заводѣ. Она застрѣлилась... Я не разъ собирался написать объ этой исторіи, но это была повѣсть такая грустная, такъ тѣсно связанная со смертью другого близкаго мнѣ человѣка, что я начиналъ рассказъ и не кончалъ, не могъ... Вкратцѣ, не упоминая именъ, я подѣлился своими воспоминаніями съ моимъ спутникомъ, рассказалъ также и о трогательныхъ похоронахъ, устроенныхъ рабочими. Вспомнивъ о смерти этой доброй, милой дѣвушки и о недавно ушедшемъ отъ насъ Шелгуновѣ, я вздохнулъ и вслухъ подумалъ:

— Все туда уходитъ, туда «летить и листъ лавровый и легкій розовый листокъ!»

Провожатые наши дѣлали видъ, что они ничего не слышатъ, и, повидимому, съ величайшимъ интересомъ смотрѣли въ окно.

Между тѣмъ, мы продолжали подвигаться по дорогѣ къ селу Рыбацкому. Я рѣшительно недоумѣвалъ: куда мы ѣдемъ, или, вѣрнѣе, куда насъ везутъ? Спрашивать провожатыхъ было совершенно напрасно: они упорно молчали. Наконецъ, жандармскій офицеръ, высунувшись въ окно, спросилъ извозчика, хорошо ли онъ знаетъ дорогу на станцію Обухово,—я не слышалъ, что отвѣтилъ ему извозчикъ.

— Такъ спроси у когонибудь!—крикнулъ ему офицеръ.

Только тутъ мы узнали, куда мы направляемся.

— Пусть онъ спрашиваетъ дорогу на станцію Преображенскую: эту станцію болѣе знаютъ подъ этимъ названіемъ...—сказалъ N. офицеру.

Тотъ опять высунулся въ окно и поговорилъ съ извозчикомъ. Вскорѣ послѣ того мы повернули назадъ. Оказалось, что мы уже проѣхали поворотъ съ шоссе на проселокъ. Когда мы наконецъ свернули съ шоссе и поѣхали полемъ, дорога пошла отчаянная, изрытая глубокими колеями и ямами. Ѣхали шагомъ, карета раскачивалась, наклоняясь то въ ту, то въ другую сторону, и въ перспективѣ намъ представлялась пріятная возможность кувырнуться и очутиться въ какойнибудь канавѣ.

Подѣхали къ желѣзнодорожному шлагбауму. Я посмотрѣлъ на часы,—былъ уже первый часъ, и я сообразилъ, что если мы и далѣе потащимся такимъ же черепашинымъ галопомъ, то мы опоздаемъ къ часовому поѣзду, и намъ придется на маленькой пустынной станціи долго ждать другого поѣзда. Я сказалъ офицеру, что лучше бы намъ выйти изъ кареты и пѣшкомъ, по желѣзнодорожному полотну, дойти до станціи. До Обухова оставалось уже недалеко, приблизительно сажень двѣсти—триста. Офицеръ согласился, и мы принялись шагать по шпаламъ. Пріятно было размять ноги... Впереди шелъ N., за нимъ жандармскій офицеръ, затѣмъ—я, а за мною статскій господинъ въ голубенькомъ гал-

стучкѣ, все время державшій правую руку въ боковомъ карманѣ пальто, гдѣ, повидимому, находился какой-то небольшой, увѣсистый предметъ.

Когда мы пришли на станцію, г. N. въ сопровожденіи «голубого галстучка» отправился въ буфетъ закусить и выпить рюмку вина, а я съ офицеромъ ходилъ по платформѣ въ ожиданіи поѣзда и мысленно облизывался при воспоминаніи о вкусныхъ «подорожникахъ», приготовленныхъ для меня женой и оставшихся въ Петербургѣ на вокзалѣ... Офицеръ передъ разставаньемъ разговорился со мной: онъ оказался человѣкомъ семейнымъ, чадолюбивымъ отцомъ, дѣти его учились въ гимназій, — и я помню, что онъ горько жаловался на то, что учебники очень часто мѣняются, чуть не каждый годъ, и обязываютъ учениковъ покупать тетради только въ одномъ извѣстномъ магазинѣ. Къ его жалобамъ на такіе порядки я выразилъ полное сочувствіе.

Только что подошелъ петербургскій поѣздъ, какъ съ него поспѣшно соскочилъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ жандармовъ унтеръ-офицеръ, увѣшанный медалями, подошелъ къ сопровождавшему насъ офицеру и что-то тихо отрапортовалъ ему. Билеты на поѣздъ намъ были уже выданы изъ кассы, и мы вошли въ вагонъ, совершенно пустой. Офицеръ съ прибывшими жандармами всталъ передъ нашимъ вагономъ, и, пока поѣздъ не тронулся со станціи, жандармы не сводили глазъ съ оконъ нашего вагона.

Въ Любани насъ встрѣтили С. К. и г-жи М. и У. Какимъ образомъ они узнали о нашемъ отъѣздѣ изъ Петербурга, мнѣ потомъ рассказывали, но теперь я ужъ не помню. Во всякомъ случаѣ для меня было приятнымъ сюрпризомъ — повидаться съ друзьями передъ разлукой, продолжительность которой никому не была извѣстна. N. остался въ Любани, а меня поѣздъ помчалъ далѣе, въ Москву...

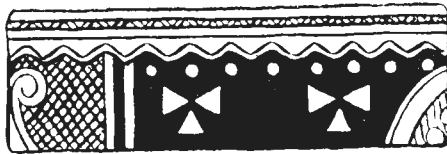
А той порой жена моя напрасно ждала меня на Николаевскомъ вокзалѣ. Она провожала поѣздъ за поѣздомъ, и чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ она болѣе тревожилась и беспокоилась обо мнѣ: изъ дому я ушелъ налегкѣ — съ дорожной сумочкой, и денегъ было взято мною въ обрѣзъ. Она, бѣдная, пережила тогда тяжелыя минуты... Гдѣ я, куда я дѣвался, что со мной, не случилось ли еще какойнибудь бѣды, не арестовали ли меня?... Неизвѣстность всегда мучительна.

Сыновья и племянникъ г. N. также напрасно ждали его на вокзалѣ. Ни имъ, ни моей женѣ не могло и въ голову прійти, что насъ подъ конвоемъ увезутъ на Обуховскую станцію изъ опасенія какой-то демонстраціи, якобы предполагавшейся на Николаевскомъ вокзалѣ при нашемъ отъѣздѣ... Жена моя лишь не надолго уходила съ вокзала къ А. А. Давыдовой — въ тотъ промежутокъ,

когда не было отхода поѣздовъ, наскоро пообѣдала у нея и, встрѣтивъ тамъ Н. А. Соловьева-Несмѣлова, возвратилась съ нимъ на вокзалъ. Соловьевъ-Несмѣловъ проходилъ каждый подаваемый поѣздъ, съ перваго вагона до послѣдняго, разыскивая меня... Наконецъ, уже вечеромъ племянникъ г. Н. отправился въ градоначальство узнать о нашей участи. Тамъ ему сообщили, что мы «вздумали прокатиться въ каретѣ до Обуховской станціи»...

П. В. Засодимскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ СИБИРСКОЙ ГЛУШИ.

I.

И ЗИМА, ни осень—чортъ знаетъ, что такое... Вчерашнія лужицы побѣлѣли и подернулись тоненькимъ сѣроватымъ ледкомъ. Грязь сразу превратилась въ твердые комья. Стужа настала нестерпимая, а снѣгу нѣтъ.

Въ эту нелѣзную пору совершенно неожиданно пришлось мнѣ засѣсть поневолѣ въ глуши, на заимкѣ знакомаго крестьянина. Досадно было до слезъ. Служебныя дѣла закончены, и я рвался домой, гдѣ молодая жена впервые «послѣднее время» ходила... Но на мою бѣду везти никто не берется. Только и слышишь резонныя, но убійственныя для меня фразы.

— Дорога-то, баринъ, избави Богъ... ни на саняхъ, ни на телѣгѣ. Болотины отъ дождей набухли. Гати на нихъ поразмыло. Подступу нѣтъ. А всякому хозяину коней жалко за снасть опасно, да и самому-то жисть не постыла.

— Авось и пробрались бы... Я заплачу хорошо,—неувѣренно подбивалъ я.

— Ну, нѣтъ. «Авоська»-то изстари мошенникомъ слыветъ. На него въ дорогѣ надѣяться нельзя—какъ разъ подведетъ. Потерпите малость, выпадетъ снѣжокъ, дорожка установится. Вотъ вы на саночкахъ и махнете. Разлюбезно выйдеть.

— Угомонитесь, сударь. Сами изволите видѣть, что рвись, не рвись, а на палочкѣ верхомъ далеко не ускачешь. Придется пе-

реждать такое бездорожье, да и погостить у Макарыча,—добродушно убѣждалъ меня хозяинъ займки, умный и крайне любознательный мужикъ, прошедшій сельскую школу. На займкѣ, что въ двухъ верстахъ отъ села, Макарычъ жилъ со своей небольшой семьей (жена, сынъ и дочь) пригѣваючи. Развелъ обширный малинникъ. Малины ежегодно родилось видимо-невидимо, да и такая она была вся крупная, вкусная. Изъ этой малины, а отчасти и изъ другой лѣсной ягоды, что лѣтомъ за «копейки» таскала ему неугомимая и всегда услужливая крестьянская дѣвтора, приготавливалъ превосходное варенье, которое выгодно сбывалъ своимъ постояннымъ городскимъ господамъ-потребителямъ.

Зимой занимался токарнымъ дѣломъ. Приходилось видѣть его работы: вкусъ, тщательность и даже нѣкоторое изящество отдѣлки. Не даромъ же онъ получилъ съ Нижегородской выставки «почетный отзывъ», который на видномъ мѣстѣ красуется въ рамкѣ подъ стекломъ.

Главнымъ же доходомъ его была пасѣка: сказываютъ, что въ ней насчитывали до четырехсотъ колодокъ.

Хорошо лѣтомъ на займкѣ Макарыча. Мѣстечко онъ выбралъ на удивленье. Среди мягкой, сочной, кормовой травы раскинулся роскошный пестрый коверъ изъ разнородныхъ цвѣтовъ. По срединѣ такого ковра высились колодки для пчелъ. Воды подъ рукой: пей—не хочу... Нѣсколько бойкихъ горныхъ ручейковъ, съ свѣтлой, какъ хрусталь, студеной водой, съ неугомоннымъ журчаньемъ торопливо пробѣгали по полянкѣ, причудливо извиваясь и шаловливо перебирая на пути хорошенькіе камешки, и таинственно скрывались во рву, заросшемъ кустарникомъ. Густой пихтачъ молодякъ красиво окаймлялъ этотъ рѣдкій уголокъ. А тамъ поодаль высились солидныя горы.

Вотъ бы гдѣ отдохнуть и поправляться отъ современныхъ недуговъ переутомленнымъ труженикамъ, задыхающимся въ убійственно-нездоровой и душной атмосферѣ населенныхъ городовъ.

Такое дивное мѣстечко мудрено найти на нашихъ излюбленныхъ, искусственно прилизанныхъ, но, сказать по совѣсти, давно уже полинявшихъ, хотя все еще модныхъ, курортахъ. Тамъ утомленный глазъ не встрѣтитъ такого разнообразія, такой сочности красокъ, такой поразительной пышности и свѣжести тароватой природы Алтая, гордящейся своей дѣвственной чистотой, первобытностью. Тамъ ослабшая впалая грудь не вдохнетъ ни разу такого изумительно чуднаго живительнаго воздуха, который при каждомъ глубокомъ вдыханіи такъ и втискиваетъ въ легкія, въ сердце, въ кровь, во весь человѣческій организмъ неподдѣльное здоровье, мощь...

Отчетливо помню, какъ въ первый свой пріѣздъ на займку я верхомъ отправился поближе къ горамъ. День клонился къ ве-

черу. Садившееся лѣтнее солнце слабо проливало свѣтъ на узкое ущелье горъ и какимъ-то страннымъ розоватымъ оттѣнкомъ окрашивало ихъ вершины, которыя не то отъ обильной вечерней росы, не то отъ большого испаренія стыдливо, какъ молодая красавица, отходящая ко сну, закутывались дымчатой фатой вечерняго тумана. Чѣмъ гуще надвигались сумерки, тѣмъ фантастичнѣе становились вершины горъ, принимая причудливыя формы. Кругомъ невозмутимая тишина: ни звука, ни шороха.

Я, привыкшій къ утомительно-скучному однообразію сибирской степи, стоялъ, какъ очарованный, и съ нѣмымъ восторгомъ наблюдалъ, какъ горная природа отходила на ночной покой.

Теперь, конечно, поздняя осень наложила свой неотразимый отпечатокъ и на этотъ затерянный въ глуши, но милый уголокъ. Кругомъ все замѣтно блекло, увядало, трепетно ожидая суровой гостии-зимы. А она зловѣще надвигалась. Такъ и чувствуется ея холодное дыханіе. Даже жутко становится. Сердце отчего-то бьется неровно робко, даже тоскливо сжимается до боли, а капризно-навязчивыя думы, одна мучительнѣе другой, такъ и гвоздятъ въ утомленномъ мозгу, настойчиво напоминая о прошедшей молодости.

— Ложитесь-ка, батюшка-баринъ. Отсыпайтесь послѣ заботъ да хлопотъ. Спокойной вамъ ночи.

Это жена Макарыча заботливо приготовила мнѣ постель и радушно пожелала полного отдыха.

Да, постель дѣйствительно была кстати: я мѣста не могъ себѣ найти, такъ волновался. Не удастся ли сномъ подавить первое возбужденіе?...

II.

Раннее утро свѣтлаго, яснаго, слегка морознаго дня.

На столѣ пыхтѣлъ ведерный самоваръ. Около него цѣлыя горы: блиновъ, капустныхъ и груздевыхъ пирожковъ, творожныхъ ватрушекъ... Удивительно вкусная вся эта незамысловатая деревенскаястряпня.

Я и Макарычъ сидѣли за столомъ, пили и добросовѣстно закусывали.

— Вотъ что, дружище. У меня дома есть рыжій иноходчикъ, крѣпкій и рѣзвый. Давненько къ нему я пристяжку ищу, да какъ-то все подходящей не подвертывалось. Слыхалъ стороной, что здѣсь у васъ отличные кони водятся. Посовѣтуй, гдѣ можно достать, спасибо скажу.

— Надѣюсь спасибо заслужить. Лошадей въ нашемъ селѣ много. У каждаго богача чуть не полный дворъ. Но вамъ-то совѣтую къ попу обратиться. Это—настоящій коноводъ: продать,

смѣнять готовъ въ любую пору. Хоть ночью разбуди, хоть въ обѣдню проси. Скрывать не буду: лошади у него лучшія, но цѣной ужъ удивить. Запросъ въ карманъ не лѣзетъ, что дѣлать— торгуйтесь. Кстати съ нимъ и познакомитесь. Попъ у насъ замѣчательный: молодець на всѣ руки. Ловкій, раскидистый: за что ни возьмется, изъ рукъ не выпадетъ. Что же касается наживы, то просто чародѣй: въ его карманы чужіе рубли точно магнитомъ тянетъ.

— Попытка не пытка, а спросъ не бѣда. Толкнусь-ка сейчасъ на самомъ дѣлѣ къ попу.

— Въ добрый часъ. Впередъ скажу—безъ лошади не вернетесь. Будетъ вполнѣ хорошо: дѣло сдѣлаете, да и время убьете— все же меньше скучать останется.

Отецъ Николай—такъ звали священника—къ моей нуждѣ въ пристяжной отнесся съ живымъ участіемъ, но укоризненно замѣтить:

— Если не ошибаюсь, вы не въ первый разъ завернули въ наши палестины. Ну, чтобы ко мнѣ заглянуть. Эхъ, не хорошо такъ.

Я оправдывался недосугомъ и спѣхомъ своихъ наѣздовъ.

— Э, что вы говорите! Останавливаетесь же на займкѣ, можно и у меня было тоже сдѣлать. Положимъ, Макарычъ славный мужикъ, скромный и умница. Но, какъ хотите, и мнѣ-то обидно. Ну, да Господь съ вами. Пойдемте лошадушекъ смотрѣть.

У священника дѣйствительно былъ большой выборъ лошадей.

— Любую берите—ручаюсь, что ругать не будете. Впрочемъ, вамъ необходимо подобрать пристяжку подъ масть къ коренному. Вотъ рыжіе, сильные кони... Выбирайте. Хотите, попробуйте въ упряжкѣ. Я прикажу заложить парочку.

Этимъ любезнымъ предложеніемъ я, конечно, охотно воспользовался.

Отецъ Николай быстро и громко распорядился по этому поводу, точно указывая, какого коня запрячь въ корень и съ какой пристяжной.

Въ это время я подробно разсмотрѣлъ его.

Средняго роста, плечистый, лѣтъ сорока мужчина, съ небольшой рыжеватой бородкой, короткими, но пышными волосами. Небольшіе сѣрые поминутно бѣгающіе глаза смотрѣли хитро, насмѣшливо, тонкій носъ съ горбиной служилъ украшеніемъ сухого лица. Одѣтъ онъ былъ въ коричневый подрясникъ съ широкимъ кожанымъ поясомъ на талии.

Вскорѣ подали пару въ небольшой и легкой городской телѣжкѣ. Отецъ Николай наскоро натянулъ на себя черненый полушубокъ, взялъ вожжи и быстро вскочилъ на облучекъ. Усѣлся и я. Поѣхали какими-то закоулками за село. Дорога здѣсь была сносна. Тутъ-

то и сталъ любезный священникъ мастерски показывать достоинства своихъ лошадей. То пускалъ пару ровной чистой рысью, то, слегка сдерживая сильнаго коренника, направлялъ пристяжку на красивый и легкій галопъ. Вожжи держалъ туго, но спокойно: видна твердая и опытная рука. На обратномъ пути пастырь-наѣзникъ порывисто певельнулъ вожжами, зычно гикнулъ и какъ-то особенно пронзительно-рѣзко свистнулъ—и лошади, прижавъ уши, понеслись во весь опоръ. Духъ захватывало и шапку срывало съ головы. У попа-возницы только развѣвались по вѣтру пышные волнистые волосы. Лихо. Такой ѣзды теперь нигдѣ не встрѣтишь, кромѣ Сибири. Удивительная ѣзда, опьяняющая ѣзда!..

Не одну, не двѣ попробоваль я парочки, и, сознаюсь, кони было съ чуднымъ бѣгомъ.

Остановился же я, наконецъ, на одной особенно залетной пристяжкѣ: она, какъ нельзя лучше, подходила къ моему иноходцу по масти, по сложенію, по росту... А ходъ—восхищеніе.

— Слышалъ я стороной про вашего коренника: въ городѣ первымъ иноходцемъ считается. Но, думаю, эта съ нимъ себя не сконфузитъ. Сами видѣли: вихорь, а не лошадь. Поздравляю—у васъ иблучилась теперь необыкновенная пара: крѣпки и рѣзвы. Изъ бѣды вынесутъ,—не споткнутся, черезъ огонь передернуть—не шарахнутся. Сорванцы-головорѣзы, одно слово.

Я потиралъ руки, радуясь, что такъ удачно подобралъ пристяжку.

— Цѣна?

Священникъ назначилъ, не стѣснясь.

— Уступочки не будетъ?

— Ну, что вы торгуетесь! Цѣна—невысока. Могъ бы больше взять... Конь-то—огонь, да и бѣжить съ «трелями».

— Такъ-то оно такъ, но все-таки уступить слѣдуетъ, а то дороговько хватили. За «трели» много накинули.

— Не скупитесь, она этихъ денегъ стоитъ. Довольны будете. Такую рѣзвую лошадку врядъ ли гдѣ найдете. На любителя ей цѣны нѣтъ.

— Все-таки дороговато.

— Ахъ, Боже мой, вѣдь я не барышникъ какойнибудь. Лишняго съ васъ не прошу ни одной копейки. Стыдитесь рядиться-то, Бога ради... Такъ по рукамъ что ли?

Пришлось согласиться—и я отсчиталъ деньги.

— Съ легкой руки владѣйте конькомъ, Господь васъ благословитъ,—сказалъ попъ, передавая поводъ лошади.—А теперь прошу пожаловать въ мою хату, тамъ я вручу вамъ расписочку, да кстати, по старому и доброму русскому обычаю, «вспрыснемъ» новокупку, чтобъ подольше пожила. Лошадку же сейчасъ отведутъ къ вамъ на заимку.

III.

Поповская «хата» оказалась весьма помѣстительнымъ домомъ. Комната, куда мы вышли изъ передней, обставлена совсѣмъ не по-сельски. Мебель — изящнаго рисунка, подъ красивой шелковой обивкой. На полу громадный текинскій коверъ, на дверяхъ тяжелыя драпировки, по стѣнамъ японскія пано. Въ углу на особомъ резонансовомъ столикѣ красовался щегольской грамофонъ, энергично пробравшійся и въ эти края...

— Простите, я на минутку васъ оставлю,—проговорилъ священникъ и скрылся въ другой комнатѣ.

Вскорѣ онъ вернулся и подалъ мнѣ небольшой лоскутокъ бумаги.

— А вотъ и расписочка...

Я молча сунулъ лошадиный паспортъ въ карманъ тужурки.

Въ смежной комнатѣ появилась полная румяная и черноглазая, съ соболіной бровью, молодая женщина. Ея круглыя плечи и высокую грудь облегалъ бѣлоснѣжная, со вкусомъ вышитая гладью сорочка изъ тонкаго полотна, поверхъ которой былъ надѣтъ бордовый шерстяной сарафанъ; на головѣ красиво подвязанъ по-бабьи бордовый же шелковый платокъ. На бѣлой шеѣ тяжело лежали нѣсколько нитокъ превосходныхъ дымчатыхъ топазовъ, а на пухлыхъ рукахъ виднѣлись массивные золотые браслеты съ какими-то «самоцвѣтами».

— Готово, батюшка; просите гостя-то,—проговорила красавица, показавшись въ дверяхъ и жеманно кланяясь мнѣ.

— Ну, вотъ и отлично. Прошу покорно червячка заморить.

Комната, гдѣ хлопотала особа въ сарафанѣ, представляла собою обширную столовую. На большомъ столѣ, буквально сплошь уставленномъ закусками, бутылками, графинами, графинчиками, дымился пирогъ, только-что, должно быть, изъ печки...

— Что позволите налить?—обратился ко мнѣ любезный хозяинъ:—рекомендую вотъ эту настоечку... собственной, знаете ли, фирмы... Попробуйте.

Чокнулись.

Сарафанъ возился около большого пирога съ осетриной и мастерски рѣзалъ его длиннымъ ножомъ.

— «Э! да это никакъ сама Аграфена Марковна?—мелькнуло у меня въ головѣ.—Ну, конечно, по всѣмъ признакамъ такъ»,—и у меня съ поразительной точностью возстановилось въ памяти все, что я слышалъ про нее отъ волостного писаря и мѣстнаго псаломщика-учителя.

Отецъ Николай—вдовецъ. Аграфена Марковна—его экономка: въ полномъ смыслѣ—хозяйское око. Работниковъ и другую при-

слугу держала въ ежовыхъ рукавицахъ. На поповскомъ дворѣ всѣ боялись ея, какъ огня на вѣтру. Случалось, что за-глаза грозили ей, и нѣкоторые даже называли «грѣховной сожигательницей», но стоило лишь ей показаться, какъ такіе вольнодумцы трусливо стихали, съеживались и почтительно называли ее не иначе, какъ Аграфена Марковна. А «Марковна», точно наслаждаясь такимъ рабскимъ страхомъ своихъ домочадцевъ, звучнымъ низовымъ контральто щедро сыпала направо и налево свою отборную классическую ругань:

— Ахъ, вы, псы желторотые, быки черкасскіе, лѣнтяи заморскіе! Извода на васъ нѣту, аспиды безстыжіе. Только бы вамъ на боку лежать да попа объѣдать. Дармоѣды дьявольскіе... Чего бѣльма-то оставили? гайда на работу! Работы по горло, а они только спины чешутъ, гужеѣды проклятые.

И странно: всѣ «псы», «быки» и «гужеѣды», какъ невольники, молча, но дружно брались за работу, и работа, нужно сказать, у нихъ кипѣла.

Только одинъ старичекъ-трапезникъ, на удивленіе всѣмъ, пользовался исключительнымъ правомъ ничего не дѣлать. Сидитъ себѣ гдѣ нибудь на бревешкѣ да трубочкой попыхиваетъ.

— Ну, ядъ-баба! И дюжа же она ругаться, гвоздь ей въ ротъ — не зацѣпится. Лупить, ровно по книгѣ — не споткнется. Сурьезная дама, — добродушно размышлялъ онъ вслухъ и, осторожно сплевывая въ сторону, продолжалъ сосать незамѣнимую носогрѣйку.

Пропустили и по второй. Настойка оказалась, къ чести хозяина, верхомъ совершенства, а горячій пирогъ — просто объяденье. Въ это время въ комнату вошли новыя лица: высокій, сѣдой, большебородый симпатичный старикъ въ длинномъ сюртукѣ и небольшой толстенькій съ лоснящимся лицомъ, опущеннымъ легкой бородкой, господинъ, одѣтый по-городскому. Первый былъ Лодочкинъ, торгующій въ сосѣднемъ селѣ, а второй Бровкинъ — служащій богатаго с—скаго купца, шнырявшій по деревнямъ для покупки пшеницы для паровой мельницы своего хозяина.

Лодочкинъ набожно помолился на большіе образа, передъ которыми горѣла (очевидно, всегда) крупная серебряная лампада, почтительно принявъ благословеніе отъ священника, поцѣловалъ его руку и молча поздоровался со мной. Бровкинъ, фамильярно пожавъ руку попу, развязно раскланялся съ экономкой, которая стояла въ дверяхъ.

— Аграфенѣ Марковнѣ нижайшее... Какъ ваше драгоценнѣйшее здоровье?

— Благодарствую. Долгонько не показывались. Насилу, надо быть, вспомнили батюшку-то.

— И вспоминать-то не зачѣмъ было ни батюшку, ни васъ. Ни находки безъ потеряннаго, ни вспомину безъ забытаго нѣтъ... хе-хе...

А затѣмъ обратился ко мнѣ, подавая руку съ массивнымъ золотымъ перстнемъ:

— Кажись, давненько еще собирались выѣхать-то отсюда, да, какъ видно, засидѣлись... хе-хе-хе...

— Я уже ѣздилъ. Вчера только вернулся, а теперь сажу вотъ и досаду, что вырваться отсюда нельзя: дороги нѣтъ.

— Не спѣшите,—проговорилъ и степенный Лодочкинъ:—поживите въ нашихъ мѣстахъ. У насъ здѣсь хорошо, чай, не хуже городского-то. Воздухъ отлѣнный, приволье и моціонту—сколько душѣ желательно. Развѣ вотъ скучать изволите?

— Время жалѣю—не хочется напрасно терять: слишкомъ оно дорого для меня.

— Н-да, правда ваша: время — деньги. Иной день тыщу стоитъ, тѣкъ-съ. Новенькаго чего не слышно ли съ вашей стороны?

— Да что новаго? Какъ будто бѣ ничего и нѣтъ. Впрочемъ я давненько уже не получалъ извѣстій—не могу вамъ сказать.

— А купецъ-то Вавиловъ,—вставилъ Бровкинъ:—въ трубу съ трескомъ вылетѣлъ. Одна копожь осталась.

— Про это я совсѣмъ и не зналъ,—отвѣтилъ я.

— Вавиловъ-то обанкрутился? Да неужели?—удивился Лодочкинъ:—непостижимо. Дѣлами большими ворочалъ и гремѣлъ, можно сказать, на всю губернію. Деньжищъ у него было страсть. Куда бы имъ дѣваться?

— Деньги товаръ ѣмкій, амбаровъ большихъ не требуютъ: во всякую щель войдутъ и вылѣзутъ. Пыжился, кожилился—вотъ гдѣ нибудь и лопнуло: деньги-то и того... вылѣзли да разсыпались... хе-хе-хе... Сказываютъ, что все описано, и, пожалуй, скорехонько съ молотка за долги пойдетъ. Догремѣлся...

— Оказія! Вотъ и торговля, вотъ и оборотъ большой. Не даромъ говорятъ, што барышъ и убытокъ—братья родные: то одинъ на тебя посмотреть, то другой поглядить. Проторговался, сердяга. А въ силѣ былъ человекъ, въ почетѣ, а теперь—банкротъ. Тѣфу... одно слово коммерція...

— Вретъ, бестія. Рубль ломаетъ. Это онъ дураковъ кредиторовъ за носъ водить,—проговорилъ отецъ Николай, ухмыляясь:—двугривеннымъ за рубль отдѣляется, а себѣ мощну набьетъ. Что, братъ, вздыхаешь, и ты бы такъ сдѣлалъ, а?

— А я къ тебѣ, батюшка, пенять завернулъ,—обратился вдругъ Лодочкинъ къ священнику, какъ бы не замѣчая насмѣшки по своему адресу.—Поднадулъ же ты меня своимъ иноходцемъ. Я тебѣ, не говоря ни слова, двѣ сотенныхъ отвалилъ, а ты вона какого конька-то поддадонилъ.

— А что онъ?—спокойно спросилъ отецъ Николай, шагая по комнатѣ, заложивши свои руки въ карманы подрясника.—Конь хорошъ. Чѣмъ онъ для тебя-то не вышелъ?

— Не грѣши, батько За хорошаго-то я его покупалъ, на совѣсть твою, значить, надѣлся, да и ожегся.

— Какими же глазами смотрѣли, когда покупать-то изволили? Понравился тогда иноходчикъ—вы даже торговаться не стали, на первомъ словѣ сошлись. Такъ о чемъ же и толковать теперь?—невозмутимо отвѣтилъ священникъ, продолжая шагать.

— То-то и оно-то, что по виду судилъ, на совѣсть, говорю, твою понадѣлся, а она у тебя, прости ужъ за слово, сквозная оказалась. Важно нагрѣлъ. Плохо съ тобой, батя, дѣла водить.

Лодочкинъ медленно поднялся и сталъ прощаться.

— До свиданьяца, отецъ Николай. Прощайте, баринъ. Къ намъ въ гости прошу пожаловать, не побрезгуйте. А съ тобой еще увидимся, заѣдешь?

— Всенепремѣнно-съ,—отвѣтилъ Бровкинъ.

— Только за этимъ и пріѣзжали... Напрасно трудились. Глуposti-то можно было и дома своей старухѣ сказать. А что сѣраго-то мѣнять не будете на моего «Лысанку»... а?

— Нѣтъ, ужъ, батюшка, премного довольны: какъ разъ хромымъ надѣлишь.

— Товаръ живой, весь на ногахъ — умѣй только купить, — насмѣшливо сказалъ отецъ Николай вслѣдъ ушедшему Лодочкину.

Наступило неловкое молчаніе.

Съ улицы же между тѣмъ отчетливо доносилось:

— Вотъ такъ влопался. Чтобъ его трафило, длинноволосаго! Ни одинъ цыганъ лупоглазый не надувалъ такъ въ Россіи, а тутъ на — свой попъ провелъ. Пастырь, наставникъ, чтобъ его розорвало... Ловко-о-о! Эхъ, нарвался, братъ Никита, пустая твоя голова,—бормоталъ лавочникъ, отвязывая отъ воротъ своего рослаго сѣраго жеребца.

Попъ покраснѣлъ.

— Вздорный купчишко, — смущенно заговорилъ онъ: — слѣдовало бы давно его поприжать, да не стоитъ, полагаю я, съ грубымъ мужиченкомъ связываться и свой санъ ронять Не такъ ли?

Я что-то промышчалъ вмѣсто отвѣта, но подумалъ совсѣмъ другое и... немножко усомнился въ только что купленной при-
стяжкѣ.

— А знаете, какъ дѣло-то было?—заговорилъ отецъ Николай:— у этого стариченки есть сынъ Тимошка, дураковатый малый. Лошадей онъ любить до смерти, но толку настоящаго въ нихъ не знаетъ. Купилъ это онъ гдѣ-то огромнаго жеребца—звѣздочета. Сталъ наѣзжать его. Выѣдетъ, а конь у него ногами-то такіа штуки выдѣлываетъ, что все село сбѣжится смотрѣть: и дѣйствительно необыкновенно бѣгалъ—сѣчетъ и рубитъ, и гривой трясеть. Доволенъ Тимошка, земли подъ собой не слышитъ, а не

смекнулъ, что бѣгъ у его коня только показной, а настоящей рѣзвости и нѣтъ. Это я давно ужъ прикинулъ на секундомѣрѣ. Вообразилъ этотъ деревенскій олухъ, что такого коня и самъ чортъ не догонитъ. Какъ-то при народѣ расхвастался своимъ конемъ, раскуражился и присталъ ко мнѣ: «ни одна лошадь твоя, говорить, не устоитъ супротивъ моего Ероя». Я подсмѣялся, подзадорилъ—и у насъ явилось пари. Ударили по рукамъ на триста рублей. Поѣхали: Тимошка на своемъ тяжеловѣсѣ, я на иноходцѣ. Сорви-голова у меня былъ,—я его на-дняхъ продалъ крестьянскому начальнику. Тимошка кричитъ на своего верблюда, хлещетъ. Тотъ, разумѣется, ошалѣлъ, запрыгалъ, заметался, а мой-то, какъ птица, пролетѣлъ мимо него, оставивъ такого околотня далеко позади. Съ Тимошкой, знаете ли, чуть ударъ не случился: побагровѣлъ отъ злости, рветъ и мечетъ отъ стыда. Но, дѣлать было нечего, три билета отдай. Много послѣ того пришлось Тимошкѣ насмѣшекъ перенести. Время шло. Стало забываться это казусное происшествіе. Недавно вдругъ что-то кокнуло его, онъ и попросилъ своего отца купить у меня этого иноходца, чтобъ соперника его лошадямъ нигдѣ не было. Старикъ пріѣхалъ ко мнѣ и сдуру-то купилъ иноходца, да не того, на которомъ я бѣгалъ. Вѣдь дурень слова не сказалъ мнѣ, что нуженъ ему иноходецъ-побѣдитель, а посмотрѣлъ на него бѣгло и деньги отсчиталъ... Правдо, трудно было отличить: оба конька по масти и росту были одинаковы, какъ говорятъ, «шкурка къ шкуркѣ, вершокъ въ вершокъ». Теперь вотъ разглядѣлъ, должно быть, ну, съ досады и лается, какъ песъ цѣпной.

— Хе-хе-хе... Отмѣнно вы, батюшка, проучили его. Такъ. Не хвастайся, коли не смыслишь. Три сотни, хе-хе-хе... Да и старикъ-то разлетѣлся къ вамъ, купилъ, хе-хе-хе...

Священникъ началъ усиленно приглашать выпить. Самъ пилъ бойко и, какъ я замѣтилъ, рѣдко закусывалъ.

— Вѣдь и я, отецъ Николай, къ вамъ зашелъ по дѣльцу, все насчетъ пшенки-то. Ужъ надумалъ вамъ семь гривенъ дать. Гдѣ въ другомъ мѣстѣ выторгую, а вамъ дамъ и эту цѣну. Характеръ у меня ужъ такой, просто душа на-распашку: понравился кто, все готовъ для него сдѣлать, хоша и себѣ въ изъянтъ?

— А рубликъ не хотите? — отвѣтилъ, какъ отрѣзалъ, священникъ, и глаза его такъ и забѣгали, какъ будто старались оцупать собесѣдника.

— Ну, и балагуръ же вы, батюшка, хе-хе-хе! На прошлой недѣлкѣ вы семь гривенъ назначили; дорогонько, конечно, но для знакомства я ужъ даю эту цѣну. А теперь вы рубликъ... хе-хе-хе... Забавникъ же, право. Такой цѣны и не слышать нигдѣ.

— Когда семь гривенъ назначалъ, что же не купили?

— Торопиться было некуда.

— Не финтите. Вижу сокола по-полету. Думали, что уступить попишку: деньги на лошадей нужно. Охъ, и прижимистый!

— Хе-хе-хе! Зачѣмъ такъ думать?

— Промахнулись немножко. Правда, чуть было и у меня ошибочка не вкралась, ну, да теперь поправимъ: рубликъ послѣдняя цѣна, и ни грошика меньше.

Бровкинъ искоса поглядѣлъ на священника.

— Успѣли, видно, вѣсточку получить изъ города, письмецомъ перекинуться,—усмѣхнулся приказчикъ.

— Не буду скрывать—успѣлъ. Самыя точныя свѣдѣнія имѣю.

— Гм... значитъ, пшенки-то мнѣ у васъ и не купить?

— Отчего? Рубликъ дадите—товаръ вашъ.

— Эта статья не подходящая.

— Ваши деньги—ваша и дума. А съ хлѣбомъ нынѣ не плачутъ: найдутся охотники. Какъ хотѣлось вамъ поддѣть-то меня, да сорвалось.

— На томъ и торгъ стоитъ. Сумѣешь фортуна во время обнять—зашибешь и деньгу.

— Да, фортуна—баба молодая, не шалая. Порохъ—дѣвка. Умѣй съ ней обойтись. Попалъ въ точку—вся твоя, промахнулся—убѣжить, и не догонишь.

— Вѣрно: удайся этотъ разокъ—тысяченки три попало бы въ карманъ.

— А вышло—пшикъ... ха-ха-ха! Пожадничали, ну, фортуна вамъ спину и показала.

— Хе-хе-хе. Ничего. Время-то терпитъ. Еще порыбачимъ. Одна рыба сорвалась, другая сорвется, а тамъ, смотришь, какойнибудь чебакъ и подвернется.

— На чебаковъ перебраться хотите. Давно бы такъ. Красная-то рыба не подь силу. Ха-ха-ха! Вашу-то удочку съ леской откусываетъ.

— Богъ поможетъ, и маленькой надергаемъ. Иногда и изъ ершей уха навариста бываетъ.

— Но помните, что и ершикъ-то колется больно, тоже голой рукой не взять. Ха-ха-ха!

— Не спорю, бываетъ, а мы рукой-то брать и не будемъ, а сѣти поставимъ—самъ попадетъ.

— Ха-ха-ха! Ой, какъ хочется полтинничекъ-то на хозяйскій рубль нажить...

— Гдѣ ужъ намъ, батюшка, до такой наживы добратся, будемъ довольны и копеечкой... на копеечку...

— Ха-ха-ха! Вотъ лакомка.

Бровкинъ взялся за шапку и простился.

— Къ Лодочкину направляетесь, ума попытать? Не промахнитесь еще разъ,—стариченко, вѣроятно, пронюхалъ...

— До того ли ему? Теперь онъ все новокупку-иноходчика разсматриваетъ да голову ломаетъ, какъ это умудрились въ знаковую шкуру да другого коня посадить. Ну, натурально, усердно и васъ вспоминаетъ... Отъ натуги ругаться, поди, у него и печенка вздулась... хе-хе-хе. Честь имѣю раскланяться.

— Какое гусь, а?—обратился ко мнѣ отецъ Николай послѣ ухода Бровкина:—сахаръ-медовичъ, лиса-подхалюза, а палець въ ротъ не клади—по локоть руку откусить... Жогъ-парень... Сколотить денгю, не прозѣваетъ.

Вмѣсто отвѣта я только посмотрѣлъ на попа и улыбнулся.

Въ окрестностяхъ города С. былъ недородъ, а потому заводчики-воротилы покупали хлѣбъ въ глуши и установили для своихъ приказчиковъ извѣстную цѣну, выше которой покупать для нихъ нельзя; ну, вотъ изворотливые и ловкіе покупщики и промышленяютъ, какъ бы и хозяину хлѣбъ купить повыгоднѣе да побольше, да и себя-то не забыть.

— Что вы, гость дорогой, призадумались? Давайте-ка, еще по единой пропустимъ.

Разговоръ нашъ все почему-то вертѣлся на лошадахъ. На другія темы батька говорилъ неохотно и на поставленные вопросы отвѣчалъ уклончиво.

— У меня новая затѣя: кровныхъ рысаковъ въ конюшняхъ своихъ хочу имѣть, чтобы въ городъ можно махнуть съ ними и на ипподромѣ «сразиться». Заманчиво. Надѣла ужъ мнѣ мелкота-то деревенская, не удовлетворяетъ. То ли дѣло, знаете ли, породистый рысакъ: видъ, благородство, красота, рѣзвость, отчетливость. Восторгъ! Случилось недавно мнѣ быть въ Т.; успѣлъ тамъ поприсмотрѣться къ коннозаводскимъ порядкамъ. Прихватилъ съ собой для почина и опыта одного каналью-жеребчика. Пока что, поучусь уходу да побалуюсь, а тамъ, когда заводикъ оборудую, такъ и производитель готовъ. Матку отъ знаменитыхъ родителей въ Тюмени купилъ, скоро доставятъ.

— Жеребчикъ-то какого завода?

Священникъ назвалъ.

— Хорошъ, говорите?

— По-моему, да. Впрочемъ, не желаете ли взглянуть?

— Покажите, пожалуйста...

И мы быстро вышли на обширный чистый дворъ.

— Артемка! Покажи-ка «Рѣзаго».

Рослый дюжій дѣтина, къ которому относилась эта кличка, проворно скрылся въ одной изъ конюшенъ.

Ждать намъ пришлось не долго. Минуты черезъ три-четыре послышался топотъ и легкое фырканье. А затѣмъ показалась изящная фигура вороного жеребца. Рыжій, лохматый Артемка, откинувшись назадъ, держался правой рукой за узду, на лѣвой же у него былъ намотанъ длинный веревочный поводъ.

— Пускай!

Артемка незамѣтно сдаль поводь... «Рѣзвый» нервно вздрогнулъ, подобрался и заигралъ ногами.

— Тпру... тпру, тише, повѣса, не шали! — густой октавой ласкалъ Артемка и крѣпко натянулъ поводь. Конь красиво далъ нѣсколько круговъ и сразу остановился на небольшомъ бугоркѣ, едва замѣтномъ для глаза, куда былъ ловко направленъ крѣпкой и умѣлой рукой рыжаго геркулеса. Стоялъ «Рѣзвый», какъ вкопанный, граціозно изогнувъ свою чудную шею дугой и раструбивъ великолѣпный хвостъ; не шевелился, только восхитительные крупные, огневые глаза сверкали, слегка косясь на насъ, да тонкія ноздри нервно раздувались.

Просто голова закружилась у меня при видѣ такого безподобнаго коня. Сердце вотъ такъ и забилося-запрыгало. Глядѣлъ бы и не оторвался.

Да и этотъ рыжій дубина знаетъ свое дѣло; какъ, шельма, вывелъ-то да показалъ мастерски!

— Вотъ этого лоботряса-то изъ Т. съ собой прихватилъ: съ мальчишекъ при заводѣ терся, наострился, малый...—проговорилъ отецъ Николай, и, немного помолчавъ, коротко спросилъ меня:— ну, какъ находите?

— Красавецъ, чудо!—не отрывая глазъ отъ «Рѣзваго», отвѣтилъ я:—конь на диво.

— Правда, правда... Вы посмотрите-ка,—вдругъ оживился счастливый обладатель коня:—пахъ-то, почка-то, ребро каковы. Грудь богатырская. Ноги—стрункой... Бабка, копыто.. Могучъ и легокъ. А голова-то... Ухо—заячье, глазъ—на радость... Картина, какъ хотите.

Что говорить—конь былъ рѣдкій.

— Ходъ каковъ?

— Прикидывалъ я его на проѣздкѣ—рѣзвость необычайная. Надѣюсь, многимъ городскимъ призовикамъ-знаменитостямъ носы утереть.

Разгорѣлся у меня глазъ; захотѣлось, нестерпимо захотѣлось такого конька приобрѣсти. Экій задоръ какой: такъ и подмываетъ всего, даже дрожь взяла. И всего-то у меня въ карманѣ сотняги четыре съ небольшимъ лежало, а впереди предстояли большіе неотложные расходы по дѣламъ. «Эхъ, дай, думаю, трягну».

— Сколько стоитъ?—лихорадочно спросилъ я и удивился: голосъ какой-то хриплый, точно и не я говорю.

— Семь сотенъ давалъ.

— Ахъ, штобъ его... не хватаетъ,—неволью вырвалось у меня, и я сконфузился, словно школьникъ.

— А сколько желали бы взять за него?—плохо владѣя собой, поправился я.

— Не продажный,—твердо отрѣзалъ попъ, заложивши ладони за поясъ, откинулъ голову и, прищуривъ глаза, довольно продолжительно смотрѣлъ на меня въ упоръ, какъ будто бы любовался результатомъ произведеннаго на меня впечатлѣнія и моей жалкой безпомощностью...

— «Рѣзваго» въ конюшню. Ну, а намъ пора и въ комнату: холодновато что-то. Пойдемте.

IV.

Была полночь, когда я отправился на займку.

Ночь—не темная. Люблю я такія осеннія ночи: онѣ не приводятъ меня въ веселое настроеніе, напротивъ даже щемятъ мое сердце, между тѣмъ, онѣ мнѣ нравятся. Въ этой фантастической мглѣ, въ этомъ «ни день—ни ночь, ни свѣтъ—ни тьма» на душѣ чувствуется какая-то безотчетная тихая грусть, въ головѣ невольно развиваются думы о жизни, о людяхъ, съ ихъ радостями, горемъ и неизбежными мерзостями...

Изъ переулка, къ которому я подходилъ, неожиданно выдвинулась длинная фигура и, остановившись передо мною, зашарашилась, растопыривъ ноги и широко раздвинувъ руки.

— А вотъ возьму, да и не пуцу барина: давай выкупъ...

Я узналъ въ растопыренной фигурѣ сельскаго старосту Лукича; онъ былъ навеселѣ.

— Заходи ко мнѣ, такъ получишь стаканчикъ,—шутливо откупился я.

— Вотъ это по-нашему. Экой добрый какой! Оно хоть и не по пути итти-то, да провожу барина,—весело сказалъ староста и увязался за мной.

— У батъки изволили быть? Знатный попъ, домовитый...

— Богатъ?

— И—и не говори. Въ деньгахъ чловѣкъ, да и всякаго заведенія или чего иного прочаго — не занимать стать. Лошадокъ однѣхъ—тьма. Вашъ братъ-господа къ нему изъ города за бѣгунцами да иноходцами нарокомъ ѣздятъ — всѣмъ потрафляетъ. Хорошіе кони есть.

— Знаю, знаю.

И у меня передъ глазами, какъ живой, выросъ и заигралъ вороной—красавецъ.

— Ну, и конь! Заглядѣнье. А вывелъ-то какъ этотъ «лобо-трясъ» — ослѣпилъ мерзавецъ,—бормоталъ я вслухъ... и у меня снова засосало: соблазнъ-конь, да не продажный.

— Хоша пшеничку взять,—продолжалъ Лукичъ свое:—сколько у него этого Божьяго зернышка-то насыпано: амбары ломятся.

— По многу сѣветъ?

— Пошто сѣть? Нѣтъ. У мужичковъ куплялъ. Въ третьемъ годѣ шибко урожайно было, а цѣна-то съ тѣла спала—вотъ и порѣшили тогда попу продать. Все единственно вѣдь...

— А нынѣ?

— Ну, нонѣ того... Видно, Бога прогнѣвали—хлѣбушка-то мало уродилось. Цѣна вонъ въ городѣ, сказываютъ, вздымается. Да какъ возить-то? Дорожка-то теперя вишь какая— съ изъянцемъ. А тутотка подати вытрясаютъ изъ насъ, то да се по-крестьянству, а деньги-то въ рукахъ и нѣтути. Мерекали и такъ и сякъ—ничаво не выходитъ. Сунешь руку въ карманъ, а тамъ дыра въ горсти. Что ты будешь дѣлать? Вѣстимо, опять къ попу... Такъ и такъ, моль, денегъ надо: купляй пшеницу. Ладно, говорить, старички, возите и ссыпайте, куда васъ дѣвать. У! и много же онъ убилъ деньжищъ: не сотня паря, не тыща тутъ, уйма ушла... прорва цѣлая... Жалѣеть попъ мужика, выручаетъ, если крещенымъ туго придется.

— А почему покупалъ-то пшеницу?

— Да всяко приходилось. Третьягодни, кажись, по 30 коп., а нонѣ-то по 45 коп. пудовка.

— Гм... Дорога-то скоро вѣдь установится, а тамъ, вѣроятно, цѣна и еще подыметъ... Отчего бы вамъ не подождать, да въ городъ не свозить?

— Когда ешше дорога-то будетъ, хлѣбъ вздорожаетъ либо нѣтъ, а тутъ дома безъ хлопотъ: ссыпалъ—и рублики въ руки. Сподручнѣ такъ-то. Да и то сказать, баринъ, рубь-цѣлковый ужъ слезно нуженъ сейчасъ. Все равно одинъ конецъ: какъ ни три голо-то мѣсто, все голо и будетъ... Эхъ-ма...

Вспомнился мнѣ нелѣпный случай, бывший въ этомъ селѣ въ прошломъ году. Какой-то солдатикъ, отпущенный въ деревню на побывку, хвастливо рассказывалъ своимъ односельчанамъ «были» и «небылицы», между прочимъ, пустилъ такую утку: «Въ газетныхъ вѣдомостяхъ было пропечатано, што по эфтому мѣсту пойдетъ чугунокъ. Строить ее будетъ жидъ, потому что въ казнѣ капиталовъ нехватка: всѣ деньги въ либизацію ухлопали, а съ поганца-китайца за войну золота такъ и не получили—бѣдновать оказался. Мѣсто это съ пашнями отдадутъ жиду за трудъ, село же перенесутъ верстъ за двадцать. Мѣсто тамъ не путевое: земля худа, воды нѣтути, колодцы копать придется... Бѣда да и только... Эта «новость-небывальщина» быстро облетѣла село и тяжело легла на крестьянское сердце, которое долго носило въ своихъ глубокихъ тайникахъ эту скорбь и обиду, да, наконецъ, не выдержало и... расхотѣлось... Захотѣлось мнѣ узнать отъ словоохотливаго старосты кое-какія подробности, и я сталъ его спрашивать.

— Какъ же... Много у насъ въ ту пору дѣловъ-то было... Бунту было учинили.

— Да неужели?

— Право, слово... О-о! наши, паря, на все горазды. Смѣяться некому было, болони бы всѣ надорвали... Сбрендилъ солдатъ непутевый—повѣрили и давай горланить. А тутъ, чай, слыхалъ, по деревнямъ господа ѣздили, вотъ что мѣряютъ землю да планты снимаютъ. Ну, вотъ на селѣ-то у насъ учуяли, што плантовщики-то эти къ намъ повернули. Выходить по-ихнему, што землю отбирать начнутъ да жиду отдавать. Миръ-то и взъерошился: мужики съ кольями да топорами, бабы съ вилами, парнишки съ камнями и высыпали на улицу... «Мы имъ ребра-то поломаемъ: кишки выдавимъ,—галдятъ большебрюхіе-то,—и жисти ихнія похеримъ, а не дадимъ нашу землю-кормилицу. Тутъ наши отцы и дѣды прожили, будемъ жить и мы. Не дадимъ зорить наши гнѣзда. Ишь што выдумали—жиду мѣста православныхъ отдавать! Это начальство съ нехристомъ снюхалось... Вотъ узнаетъ царь-батюшка-то про это, такъ нагорить имъ: и начальство и жиды проклятаго повѣсить... Не пускай, ребята, бей ихъ, анаемъ»... Знамо дѣло, люди безъ понятіевъ, какъ есть темные... Вижу, што пакостное творится, одно слово—уголовщина. Перекрестился на образа, надѣлъ свой знакъ и айда къ нимъ верхомъ. Прискакалъ и давай шумѣть на нихъ:

— Што тутъ собрались и горланите? Непутевое дѣло задумали противъ царскихъ законовъ итги. Креста на васъ, знать, нѣту коли присягу забыли. Эхъ, старики, свово-то ума не стало, солдата послушались. Разойдись по дворамъ и не дохни. Потомъ все путемъ разберемъ, по правилу.

— Разошлись?

— Напужались, вѣстимо. Начальство я имъ, али нѣтъ? Коль надѣлъ бляху—шабашъ Матрешка. Говори тогда со мной, да оглядывайся... Староста, да и все тутъ.

— А землемѣры пріѣзжали?

— Пріѣзжали...

— Не тронули ихъ?

— За што же ихъ? Пальцемъ не пошевелили. Помогать имъ ходили: палки въ землю втыкали.

— Такъ и угомонился народъ?

— Въ лучшемъ видѣ, долго смѣялись потомъ старики. Вѣдь мы тогда солдатешку этого прижали. Онъ туда-сюда, да и сознался, што все зря болталъ... Ну, общество-то два ведра водки съ него и выпило. Одолжите, баринъ, покурить, подъ ложечкой сосеть што-то.

Самъ я не курю, но папиросы въ дорогѣ всегда при себѣ имѣю: люблю угощать ямщиковъ, парней и мужиковъ, своихъ собесѣдниковъ.

Угостилъ и Лукича.

— Аховый табакъ,—проговорилъ онъ съ видомъ знатока, закуривая папиросу.—Здѣсь такого не отыщешь. Да што здѣсь? Окромя махорки, ничаво. Оно, конешно, махорка махоркѣ рознь. Возьми, къ примѣру, Храмеевскую, да особливо съ вишнячкомъ смѣшай—то расчудесно... Духъ такой благообразный, господскому носу и то въ пору.

Вдругъ Лукичъ вскрикнулъ, шарахнулся въ сторону и выринулъ изо рта папиросу.

Оказалось, что около угла, возлѣ котораго мы шли, лежала огромная свинья, а мой спутникъ, наслаждаясь «аховымъ табаккомъ», наткнулся на нее, она съ просонокъ неистово хрюкнула.

— Эхъ, песь ее возьми, испужала подлая тварина, инда сердце заколыхнуло,—проговорило, едва переводя духъ, «начальство» и смолкло.

Вскорѣ вышли за село. Спутникъ мой уже шелъ молча. Очевидно, курьезный случай со свиньей на него подѣйствовалъ угнетающе.

Вотъ и займка. Насъ впустили. Изъ дорожнаго погребца я наскоро досталъ флягу и подаль Лукичу обѣщанный стаканчикъ.

Староста снова оживился. Стакамъ опрокинулъ съ прибауткой: «здравствуй донышко, прощай винцо», обтеръ усы рукавомъ зипуна, а самъ стоитъ да переминается съ ноги на ногу. Я ждалъ, когда онъ уйдетъ.

— Баринъ...—смущенно началъ онъ, сильно понизивъ голосъ:— ужъ подайте ешшо стаканчикъ на сонъ грядущій, штобъ имъ тамъ въ утробѣ-то грѣшной двумъ веселѣе было.

Подаль второй.

Лукичъ торопливо принялъ стаканчикъ, покачалъ надъ нимъ головой и съ разстановкой произнесъ:

— «Нашъ Оома пьетъ до дна: выпьетъ, поворотитъ и въ донышко поколотитъ». Покорно благодарю за угощеніе. Прощенія просимъ, баринъ.

И поздній гость наконецъ вышелъ.

Я сталъ быстро укладываться спать. Но не скоро уснулъ. До меня долго доносился голосъ Лукича и гулкое притопываніе по твердой подмерзшей дорогѣ:

«Ходи ты, ходи я,
Ходи, милая моя,
Ходи изба, ходи печь,
Хозяину негдѣ лечь»...

— Эхъ, загулялъ, братъ, староста. Сторонись, почтенные—начальство ваше идетъ...

— И до дому не доплетется, пожалуй, «начальство»,—мелькнуло у меня въ головѣ,—вотъ она русская-то натура: пей, пока шапка съ головы не свалится.

V.

Стоялъ полдень хмураго сѣраго дня. Не зная, какъ убить время, я отправился съ займки на другой конецъ села: захотѣлось по-смотреть «мірскую молоканку», т.-е. общественную маслобойку на артельныхъ паевыхъ началахъ.

Прошелъ уже половину села. Миновалъ церковь. Глазъ невольно остановился на длинной старой покосившейся избѣ. Темная облѣзлая вывѣска съ трудомъ подсказала, что это церковно-приходская школа. Поодаль немного: чистенькій веселенькій домикъ откровенно щеголялъ своей новизной, свѣжестью; нарядная вывѣска крикливо заявляла объ одномъ выгодномъ казенномъ предпріятіи...

Въ памяти возстановилось стихотвореніе, не помню гдѣ напечатанное:

Домъ покривившійся... Стекла разбитыя.
 Въмѣсто забора — слѣды частокола...
 Двери и окна для вѣтра открытыя.
 А... это — сельская школа.

* * *

Домикъ веселенькій, на удивленіе.
 Все такъ привѣтливо — солнышко... травка...
 «Здравствуй, сидѣлецъ». — «Мое вамъ почтеніе».
 А... это винная лавка.

Такое сопоставленіе невольно наводитъ на кое-какія размышленія.

Маслобойка произвела на меня непріятное впечатлѣніе: сепараторъ былъ не изъ важныхъ, содержалось все крайне неопратно, а какая-то особенная специфическая вонь настойчиво давала себя чувствовать. Голова закружилась, тошнило. Я поспѣшилъ выйти на воздухъ.

Около «молоканки» толпилось много мужиковъ. Разговорились. Оказалось, что дѣла шли изъ рукъ вонъ плохо: молока носили мало, масло же съ трудомъ сбывали; часто чувствовался недостатокъ въ посудѣ (деревянные боченки). Словомъ, заминки на каждомъ шагу. Пайщики сѣтовали на свою судьбу.

— Хоть лобъ разбей, толку изъ этого дѣла не выйдетъ, коли два туза козырныхъ на дорогѣ стоятъ: купецъ толстопузый да попъ долгогривый, — задорно заговорилъ небольшой плюгавый мужиченко въ зипунишкѣ, сплошь усѣянномъ крупными заплатами.

— Чѣмъ же они помѣшали вашему дѣлу? — спросилъ я.

— Эхъ, господинъ хорошій, не знаешь ты здѣшнихъ дѣловъ-то. Устроили это мы сообча молоканку и пустили въ ходъ...

Глядь, а купчишко нашъ тоже соорудилъ и машины привезъ матерья, больше нашихъ; дѣло пошло у него очинно хорошо—знамо, торговый человекъ, не намъ, мужланамъ, чета, вездѣ рука да за ручка есть! Потомъ попа ковырнуло, захотѣлось, знать, ему купца подорвать, завелъ и онъ молоканку. Вотъ и пошла рѣзня. Одинъ другого душатъ капиталами, значить, драться начали. А мы сидимъ вотъ и глазами хлопаемъ—еще годикъ такой-то, хоть закрывай молоканку, все равно одно разоренье.

— Чаво ты, Яшка, изъ кожи-то лѣзешь, небось тебѣ убытку немного будетъ, пожалуй, еще и прибыль: запласть прибавится, — слышались голоса.

— Ну, што вы моимъ-то запламамъ завидуете, Богъ дастъ, своихъ накопите... съ молоканкой-то, — огрызнулся Яшка.

— Ишь, чортово ботало...

— Ботало-то, почтенные, вездѣ слышно, а вотъ ваше-то куриное кудахтае и ни до кого не доходитъ. Подѣломъ васъ на обухѣ и вымолачиваютъ. Скоро шелуха одна останется.

— Ишь, Божья дудка, расходился.

— Нашли, чѣмъ укорить. Я, знаешь ли, господинъ, по пѣню церковному дошлый, всякую службу справить могу... вотъ они и обзываютъ. Задумалъ было я во псаломщики поступить. Ну, обнаковенно, экзаменъ устроили мнѣ: спрашивали, пытали меня и такъ и этакъ — ладно, отвѣчалъ все, честь честью, а потомъ зацѣпка вышла. Попъ нашъ съ дуру, какъ съ дубу, спросилъ:

— Если Вознесенье придется въ воскресенье, какой апостоль будешь читать?

Вижу, попъ насмѣхается надо мной, не стерпѣлъ и бухнулъ:

— А если, батюшка, пасха придется на масленицѣ, то молодяжнику качаться или кататься?

Не понравилось это попамъ, все зашумѣли, загадѣли, а потомъ выгнали меня.

— Вотъ тебѣ и экзаменъ. По шеѣ наклали да и на улицу. Ловко, братъ, Яшку во псаломщики произвели, — зубоскалили мужики...

— Не влюбилъ меня съ той поры батько, сталъ всячески донимать. Ну, и я, признаться, спуску ему не давалъ. Поводился онъ къ намъ на сходки ходить, сталъ въ дѣла общественыя ввязываться. Думаю, коли волкъ въ овечье стадо зачастилъ,—быть бѣдѣ. И правда, то покось себѣ лучший заграбастаетъ, то озерцо съ рыбкой задарма выпросить на сходѣ. Разохотился такъ-то, да домъ себѣ новый сталъ требовать: прежній-то ему маловатъ да неудобенъ оказался. Ловко все такъ наладилъ: старый продать, а новый построить. Размякли вращенные-то, чуть было согласья не дали. Тутъ я вотъ вышелъ и молвилъ: что это, старички, уши развѣсили, да батьку заслушались... Есть домъ у него, такъ и живи

себѣ въ немъ со Христомъ, а не нравится—ступай въ другой приходъ, гдѣ домъ получше. Чай, знаете, что новый-то домъ тыщи четыре стоитъ. А гдѣ жъ ихъ взять? За нами недоимки водятся. Машины пожарной путной нѣту. Вспомните-ка, гдѣ ребятишки-то наши учатся, мерзнуть зимами. Не школа, а гнилушка какая-то. Въ черной банѣ лучше. Учительша плачетъ. «Нигдѣ, говорить, подъ школу мѣстовъ этакихъ не отводятъ». Срамота одна... Школу, поштенные, надо налаживать, а не новый домъ попу. Шею-то свою напрасно вытянули да въ поповское-то ярмо суете. Успѣте и такъ еще задохнуться отъ нужды да горя разнаго. Образумьтесь да поворачивайте мозгами, не мохомъ же они у васъ «покрылись».

— Это онъ вѣрно говоритъ: кабы не Яшка, влопались бы, язви его, и не выпарапались бы вовѣкъ. Такъ насъ попъ тогда обошелъ.

— А когда вамъ Яшка-то худо дѣлалъ? Неоднова выручалъ: подъ заплатами-то, небось, немало ума про запасъ зашито. Ну, такъ вотъ сказалъ я это—вижу, міръ заколыхался, зашумѣло общественное море, крѣпко заговорило. А попъ позеленѣлъ весь отъ злости, да какъ вскочить, закричить и ногами на меня затопаетъ: выгнать со схода хотѣлъ. «Нѣтъ, батюшка, выгонять меня отсюда не за што: я не штрафованный и голосъ въ общественномъ дѣлѣ имѣю. Тебѣ вотъ на сходъ надо порѣже ходить: ты попъ, а не крестьянскій начальникъ.—«Змѣя паршивая! Упеку же я тебя, куда воронъ и костей не носить»...—«Господа старички, васвидѣтельствоуйте: за што батюшка на всемъ честномъ міру непристойно меня, безвиннаго, обозвалъ?» Стихло на сходѣ. Попъ затрясся весь и ушелъ со схода, хлопнувъ дверями; грозился, что донесетъ на смутьяна. А я тебѣ, баринъ, не надоѣлъ?

— Говори, говори, сдѣлай милость, это интересно.

— Ну, такъ ладно, слушай. Писарь сказывалъ мнѣ, што попъ писалъ ябеду куда-то, да ничего по ней не вышло. Заѣхалъ къ намъ въ село на перепутье владыка. Надумалъ я къ нему на утѣсненіе поповское съ жалобой итти. Отговаривали меня долго, да нѣтъ, смекалъ я: изъ меня, голыша, хуже ничего не сдѣлаютъ, а изъ него, попа-скуфьеносца, пожалуй, для монастыря водоносца выстрогаютъ. Надѣлъ это я бѣлые холщевые портки, холщевую длинную рубаху, подпоясался веревочкой и босой безъ шапки пошелъ къ архіерею. Попъ съ благочиннымъ долго не пускали меня, все говорили медоточиво такъ и наставительно: «непотребно, сынъ нашъ, одѣтъ и притомъ босой. Владыка обидится».—«Одѣтъ я, пастыри, чисто и смиренно... Не всѣмъ же обязательно съ другихъ кожу сдирать, на себя надѣвать да ногами своими топтать. Пустите». Владыка какъ-то самъ услышалъ говоръ-то нашъ и приказалъ пустить меня. Подошелъ подъ благословеніе, обсказалъ все, какъ есть. — «Разберу, разберу все, непременно разберу, иди себѣ съ миромъ и жди отвѣта».

— Ну, что же архіерей сдѣлалъ по твоему дѣлу?

— До сихъ поръ нѣтъ ни привѣту, ни отвѣту. Признаться, сумлѣнье беретъ. Поди, замазали дѣло-то. У нихъ, у духовныхъ, омутъ есть, консисторіей прозывается, а въ немъ у попа все братъ да свать, а воронъ ворону глазъ николи не выклюетъ. Владыку-то заговорили всячески, вотъ и молчекъ.

— Прощайте, старички, пора къ дому направляться, — сказалъ я, вставая съ обрубка, на которомъ сидѣлъ и отдыхалъ.

— До свиданьяца, господинъ, счастливой тебѣ дорожки. На-слушался про наши дѣла мужицкія.

— Ничаво, братцы, господамъ-то изъ города наша-то жизнь горемычная не видна, — возбужденно вставилъ Яшка: — все-жъ про незнакомое узналъ, можетъ, и другимъ расскажетъ.

Я запагалъ обратно, но другой дорогой, черезъ ровъ, пере-сѣкавшій уголъ села. Черезъ этотъ довольно глубокій ровъ пере-кинуть незамысловатый деревянный мостикъ. По распатаннымъ доскамъ этого убогаго примитивнаго сооруженія, тяжело поскрипы-вая и переваливаясь, точно колоссальная утка, съ боку на бокъ, двигался огромный возъ сѣна на парѣ рослыхъ пестрыхъ быковъ. Подслѣповатый, длинный мужиченко, лежа внизъ животомъ на верху воза, тянулъ съ безконечными переливами:

«Скажи, ска-жи, кррра-са-ви-ца,
Кого-о тебѣ всѣ-ѣ-хъ больше-е жаль»...

— Кому сѣно-то? — безцѣльно спросилъ я, поровнявшись съ возомъ.

Мужиченко прервалъ пѣсню, лѣнливо перевернулся на бокъ.

— Сѣно-то? А къ батюшкѣ, отцу Николаю, значить... Я у него работникомъ состою, такъ вотъ отъ солдатки Яковлевны за долгъ возимъ.

«Миѣ жа-а-лко перваго,
Лю-ю-блю же я послѣ-ѣ-дняго», —

продолжалъ тончайшей фистулой мужиченко.

VI.

На заимку въ мое отсутствіе заѣзжалъ сотскій и оставилъ цѣлую грудку пакетовъ, писемъ и мелкихъ посылокъ. Тутъ я нашелъ положительно все необходимое: дѣловыя сообщенія и крайне утѣшительныя вѣсти изъ дома, которыхъ съ мучительнымъ нетер-пѣніемъ я ждалъ: жена подарила сына.

Погода наконецъ сжалилась. Съ вечера повалилъ большими хлопьями снѣгъ. Въ ночь насыпало такъ много, что, къ моей радости, установилась санная дорога. Нашелъ кошевку, прихватилъ

у Макарыча варенья и чудеснаго ароматнаго меду и съ радостнымъ чувствомъ отправился въ дорогу. На пути ужъ вдругъ вспомнилъ, что жена въ одномъ изъ писемъ убѣдительно просила не забыть привезти хорошаго масла: въ городѣ подвозу совѣмъ нѣтъ, и цѣна на него стоитъ баснословная; дѣлать нечего, завернулъ къ отцу Николаю. Его засталъ на дворѣ, на выводкѣ лошадей.

— Ну, и спесивый же: прошло столько времени, и носу не казали. У меня какая превосходная икра осетровая была—свѣжая, крупная, зернышко къ зернышку. Все поджидалъ васъ; угостить такимъ деликатесомъ хотѣлъ.

— А вотъ и заѣхалъ.

— На перепутьѣ проститься?

— Да.

— Такъ и зналъ. Бѣжите изъ нашихъ палестинъ безъ оглядки. Зайдите, пожалуйста, въ избу-то, посопокъ хоть на дорожку раздавимъ; у меня другая настоечка завелась, получше той будетъ. Языкъ проглотите съ первой рюмочкой.

Пришлось зайти не надолго. Между прочимъ, высказалъ я и свое желаніе купить боченокъ масла.

— И маслица съ пріятнымъ удовольствіемъ вамъ отмѣннаго, парижскаго маслица отпущу. Будете ѣсть да похваливать. Барынька-то ваша одними спасибями меня забрасаетъ. Масло хоть на выставку. Вѣдь у меня тутъ первая маслобойка: молоко почти все отъ своихъ коровъ. Можетъ быть, два боченочка-то прихватите?

— Нѣтъ, достаточно одного: положить некуда.

Черезъ полчаса, раскланявшись съ попомъ, я оставилъ Загайново.

Черезъ недѣлю былъ уже дома, въ кругу семьи. Снабдивъ жену медомъ, вареньемъ, я, между прочимъ, похвастался, что привезъ и прелестное рѣдкое масло, котораго въ городѣ и не видать бы. Стали пробовать. Что за исторія? Масло въ ротъ взять нельзя: голая соль.

— Дорогонько же соль-то купилъ,—замѣтила мнѣ недовольная жена:—вѣдь почти полбоченка соли тутъ, вмѣсто масла. Напрасно и маялся и везъ такое добро издалека.

— Гм... гм... дѣйствительно: соль такъ и вертитъ языкъ, а масла, масла... и не слышно. И это «парижское»?

Мѣсяца черезъ два въ С—скомъ отдѣленіи государственнаго банка я неожиданно столкнулся съ отцомъ Николаемъ. Онъ пріѣхалъ на ярмарку.

Попъ меня по-пріятельски облапилъ, но я сухо и нелюбезно буркнулъ ему... про масло.

— Каналья мастеръ перепуталъ—не тотъ боченокъ вамъ далъ.

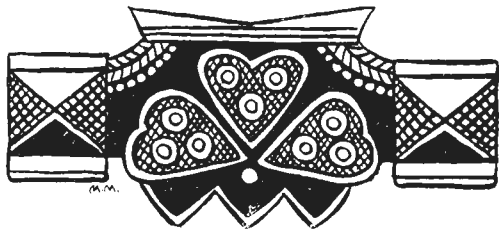
— А у васъ развѣ не все одинаковое масло-то готовится?

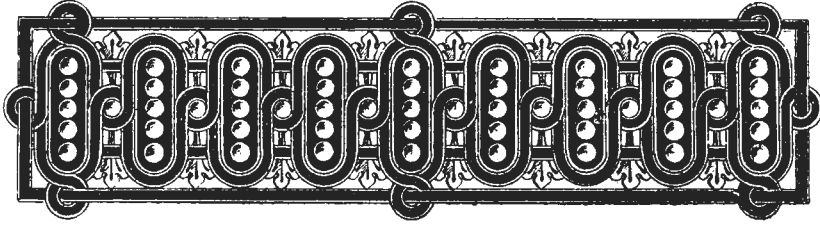
— Видите ли, въ чемъ штука: масло-то я главнымъ образомъ въ Б. сдаю въ контору датскихъ скупщиковъ... У нихъ сотни тысячъ набирается — не до пробы имъ. Вотъ мой мастеръ и не стѣсняется, а кладетъ побольше соли для вѣсу. Партии большія... и набѣгаетъ... Выгодно... Они же все равно потомъ очищаютъ, а для розничной у меня есть не соленое, отмѣнное маслице.

Я молча отвернулся и сталъ продолжать начатый дѣловой разговоръ съ однимъ изъ чиновниковъ банка. Народу въ отдѣленіи въ этотъ день было много, и попъ затерялся въ массѣ.

Съ тѣхъ поръ я не видалъ отца Николая, но слышалъ, что онъ получилъ за отличіе камилавку.

А. С—нъ.

ДУЭЛИ.

(Историческіе очерки изъ эпохи императора Александра I)¹⁾.

ХП.

Дорожный случай.

I.

РСЪМЪ было очень весело: барышни хохотали безъ умолку, генеральша вязала чулки и весело поглядывала черезъ свои большія круглыя очки, самъ генераль въ присутствіи офицеровъ разошелся и чувствовалъ себя молодымъ, довольнымъ, жизнерадостнымъ, какъ будто за его плечами никогда не было 65-ти лѣтъ.

Офицеры: штабсъ-капитанъ Дымовъ, поручикъ Заменъ и подпоручикъ Сакенъ, вели себя, какъ школьники: въ подражаніе барышнямъ, генеральшу называли «мамочкой», а генерала «папусей». Они много ѣли, еще больше пили, кричали, острили, танцевали и не спѣшили домой.

Генераль, давно уже оставившій военную службу и поселившійся въ своемъ имѣніи близъ Юрбурга, доставшемся ему отъ какой-то старой тетки, тосковалъ, хандрилъ и отравлялъ жизнь своимъ дочерямъ и своей супругѣ. Поэтому можно себя представить, какъ искренна и неподдѣльна была его радость, когда судьбѣ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVII, стр. 470.
«Истор. вѣстн.», сентябрь, 1904 г., т. ХCVII.

угодно было забросить въ его труппу троихъ, случайно проѣзжавшихъ къ мѣсту служенія, егерскихъ офицеровъ.

Офицеры оказались добрыми малыми; старшему изъ нихъ Дымову едва минуло 27 лѣтъ, другіе были совсѣмъ еще юнцами съ выщипанными бачками на щекахъ. Дымовъ говорилъ баскомъ, любилъ высокія матеріи и ѣлъ за троихъ, чѣмъ немало радовалъ генеральшу и старшую дочку—Нюту. Заменъ былъ высокъ ростомъ, говорилъ мало, зато много смѣялся и смѣялся очень заразительно. Сакенъ носилъ высокіе каблуки, говорилъ теноромъ и любилъ спорить.

Словомъ, всѣ были довольны и веселы.

Но вотъ часы пробили пять; офицеры разомъ поднялись и стали надѣвать оружіе, и всѣ вдругъ стали скучными.

— Останьтесь! Ну, останьтесь!.. Завтра поѣдете!—щебетали барышни.

Но Дымовъ отвѣчалъ, что завтра онъ долженъ итти на гауптвахту въ караулъ, а потому долженъ ѣхать теперь, пока еще свѣтло. Сакенъ утверждалъ, что завтра раннимъ утромъ у него назначено ученье. Заменъ ничего не говорилъ и молча надѣвалъ шпагу и посматривалъ на младшую дочь генерала—Нину, которая стояла, прислонившись къ двери, готовая заплакать.

— А мнѣ никуда не нужно!.. Я не поѣду... я поѣду вечеромъ, когда стемнѣетъ, а то и останусь...

Барышни просіяли, генераль пожалъ Замену руку, а Дымовъ и Сакенъ стали прощаться.

— Непремѣнно пріѣдемъ! неpremѣнно!—отвѣчали они на приглашенія хозяевъ.—У васъ такъ хорошо. Непремѣнно на будущей недѣлѣ...

Имъ подали повозку, они сѣли, отдали честь и поѣхали; а барышни, генераль и Заменъ стояли на крыльцѣ и провожали ихъ глазами до тѣхъ поръ, пока повозка не своротила за переулокъ.

II.

— Славные люди!—замѣтилъ Сакенъ, когда генеральскій домъ скрылся изъ виду.

— Отличные люди!—отвѣтилъ Дымовъ.

— Нѣтъ, именно славные!—возразилъ Сакенъ, любившій отстаивать свои мысли.

— Ну, именно, именно!—отвѣтилъ Дымовъ, не желая спорить и портить своего хорошаго настроенія.

— Да, славные!—продолжалъ Сакенъ.—Такая простота, такая вѣжливость, воспитанность... А барышни... О, это только здѣсь, недалеко отъ нашей Курляндіи можно встрѣтить такое русское семейство.

— Ну, разумеется, все ваша Курляндія, милостивица наша, семейства облагораживаетъ...

— О, безъ сомнѣнія!

— Перестань городить вздоръ. Отъ Юрбурга до вашей Курляндіи верстъ триста будетъ, а то и больше. И не Курляндія производитъ такіе перлы, а Русь, не тронутая иноземщиной, старинная, новгородская, богатырская. Почитай-ка...

— Ну, да... я читалъ, знаю, читалъ! Но русскій помѣщикъ грубъ, обыкновенно, необразованъ. Его жены и дочери—чистыя провинціалки: сплетничаютъ, дурно одѣваются, неопрятны... А здѣсь у генерала вблизи Курляндіи все такъ хорошо, такъ уютно, тепло.

— Я жъ тебѣ говорю: забудь о своей Курляндіи! Генераль, его жена и дочки—милые люди...

— Славные люди!—повторилъ Сакенъ.

— ... Милые люди потому, что они русскіе люди, настоящіе хорошіе русскіе люди, живущіе по-своему, а не по-чужому, не по иноземному. Вотъ что!

— Я не могу согласиться!—быстро заговорилъ Сакенъ. — Ты только утверждаешь, а доказательствъ не приводишь. Это—не споръ, это—не настоящій споръ. Напримѣръ, я стану утверждать, что Нюточка—просто прелесть, а ты станешь возражать, не представляя доказательствъ. И это будетъ не споръ...

— Я и не буду спорить!—отвѣтилъ Дымовъ.—Нюточка—дѣйствительно прелесть...

— Да, прелесть!—продолжалъ Сакенъ.—И если бы я когданибудь рѣшился связать свою судьбу съ русской дѣвушкой, то взялъ бы именно Нюточку...

— А она за тебя не пойдетъ!

— Это требуетъ доказательствъ.

— Очень просто: ты ей руку и сердце, а она тебѣ: «у васъ рука и сердце—чухонскія, а я—русская».

— И не умно, и не доказательно! И руки, и сердца у людей, кто бы они ни были, одинаковы.

— Врешь! Погляди на свои лапы и на мои... Ну?

— Ну, и я вижу, что онѣ по строенію одинаковы, развѣ лишь, что твои руки грязныя, а мои чистыя, у тебя ногти искусаны, а у меня обрѣзаны. Я каждую пятницу обрѣзаю ногти.

— Значитъ, разница есть!—разсмѣялся Дымовъ.—А вотъ, если бы мы могли сравнить наши сердца, то и тутъ увидали бы разницу: твое сердце—въ кулакъ или въ куриную голову, а у меня сердце—во-о какое!

И онъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ руками.

— Сердца мы не можемъ видѣть,—продолжалъ невозмутимо Сакенъ,—ибо оно заключено въ такую оболочку, разрушить которую безъ поврежденія нельзя. Что же относится до рукъ, то ты

можешь убѣдиться, что помимо вѣшной, несущественной разницы, которая объясняется моею аккуратностью и твоею неопытностью, наши руки имѣютъ по пяти пальцевъ...

— Спасибо, я этого не зналъ!—отвѣтилъ Дымовъ.—Благодарю тебя! И я съ тобой, пожалуй, соглашусь. А вотъ насчетъ сердца, извини, ты тутъ ошибаешься. Сердца мыломъ не моютъ, по пятницамъ не стригутъ, вотъ тамъ-то разница и видна...

— Да, да. Но какая разница и въ чемъ?

— Я тебѣ поясню! Вотъ, напримѣръ, этотъ ямщикъ. Онъ насъ еле-еле везетъ...

Возница прислушался и стегнулъ по лошаденкѣ.

— Я ему дамъ разъ—и онъ поѣдетъ, какъ надо!—продолжалъ Дымовъ.—А ты ударить не ударишь, а будешь ему доказывать, что такъ поступать не хорошо, не честно, что надо служить исправно, что у васъ въ Курляндіи такъ не поступаютъ; тебѣ все равно, что ямщикъ, можетъ быть, второй день изъ конца въ конецъ на облучкѣ трясется... И такъ ты ему душу вымотаешь своими наставленіями, что онъ броситъ вожжи и поплетется шагомъ.

— Это впрямь!—согласился возница, очень довольный.

— Ну, ну, впрямь. Не разговаривай, а лупи!—замѣтилъ ему Дымовъ.

— Все это крайне бездоказательно!—возразилъ Сакенъ.—Я остаюсь при своемъ мнѣніи и утверждаю, что Нюта прелесть и согласится быть моею женой...

— Это тоже бездоказательно! А я говорю, что она никогда не согласится на это и лучше умретъ, какъ героиня одного романа, а не свяжется съ тобой на свою погибель...

— Если такъ,—разгорячился Сакенъ,—то пусть ямщикъ поворачиваетъ лошадей, и я сейчасъ же сдѣлаю Нютѣ предложеніе. Это будетъ весьма доказательно!

Дымовъ нетерпѣливо и досадливо подернулъ плечами; его хорошее настроеніе исчезло, смѣнилось раздражительностью и нервною.

— Ямщикъ поѣдетъ прямо и поворачивать не будетъ!—замѣтилъ Дымовъ.—Все равно, мы другъ друга не переспоримъ и останемся при своихъ мнѣніяхъ. Вотъ поѣдемъ въ слѣдующій разъ, и тогда воочию убѣдимся, къ кому изъ насъ Нюта питаетъ большее чувство: къ тебѣ или ко мнѣ...

— Нѣтъ! Я съ тобою все-таки не согласенъ!—продолжалъ возражать Сакенъ.—Хорошо! Пусть ямщикъ ѣдетъ прямо, но я послѣзавтра ѣду въ Юрбургъ и дѣлаю предложеніе... И тогда мы посмотримъ.

— Пожалуйста, перестань!—заволновался Дымовъ.—Незачѣмъ тебѣ ѣхать, незачѣмъ дѣлать предложеніе: все равно откажутъ. И неужели тебѣ хочется уѣхать съ носомъ? Вотъ, если хочешь быть

шаферомъ на моей свадьбѣ съ Нютой, то тогда, пожалуй, я соглапшусь. Но къ генералу не подступайся: онъ курляндцевъ не переносить.

— Это по твоему мнѣнію!—вскрикнулъ Сакенъ.—Это твое личное мнѣніе! А я повторяю, что я сдѣлаю Нюточкѣ предложеніе, и завтра же поѣду, послѣзавтрашняго дня нечего дожидаться! Я рѣшилъ.

— Ну, ты!—зарычалъ Дымовъ, обращаясь къ возницѣ.—Везешь еле-еле... Гони лошадей!

Товарищи, раздраженные другъ другомъ, ѣхали молча. По сторонамъ дороги стоялъ березовый лѣсъ, позолоченный лучами заходящаго солнца. Кузнечики допѣвали въ травѣ свои денныя пѣсни.

— Странное дѣло, очень странное!—говорилъ какъ бы про себя Сакенъ.—Ты можешь высоко думать о своей персонѣ, а я—о своей. Ты убѣжденъ, что Нюта согласится съ тобой, а я убѣжденъ, что она согласится со мной. Дѣло все зависитъ отъ того, слѣдовательно, кто раньше успѣетъ сдѣлать такъ, какъ ему хочется. Но такъ какъ завтра цѣлый день и послѣзавтра до вечера ты будешь въ караулѣ, а за отлучку съ караула грозитъ строгое наказаніе, то я увѣренъ, что мое мнѣніе—болѣе вѣрное. И такимъ образомъ, Нюточка...

— Замолчи!—сердито вскрикнулъ Дымовъ, чѣмъ испугалъ возницу, который снова хлестнулъ по лошади и поѣхалъ скорѣе.—Замолчи! Я тебѣ не позволю называть ее Нютой или Нюточкой. Она для тебя—Анна Васильевна, а потому, если ты позволишь себѣ еще разъ какимъ бы то ни было уменьшительнымъ именемъ, то...

Онъ не окончилъ: Сакенъ дѣловито и невозмутимо поднялъ брови и также дѣловито перебилъ его:

— У тебя не имѣется никакихъ основаній запретить мнѣ называть ее такъ, какъ мнѣ хочется. Ты не пользуешься ни правомъ мужа, ни правомъ жениха; вслѣдствіе этого...

Спокойный видъ и дѣловитость сужденій Сакена въ конецъ раздражили Дымова.

— А я повторяю, что не позволю!—продолжалъ Дымовъ.—Если ты назовешь ее Нютой или какъ либо иначе, я тебя вызываю на дуэль, какъ за оскорбленіе моей... моей... за оскорбленіе женщины, мнѣ близкой, которая не поздне послѣзавтрашняго дня станетъ моей невѣстой. Не называй ее Нютой, ибо это меня оскорбляетъ до самой глубины сердца... Если назовешь—дуэль!

— Постой, мой другъ!—невозмутимо возразилъ Сакенъ.—Я твоимъ запрещеніямъ не придаю никакой цѣны. Ты имѣешь правъ на нее гораздо меньше, нежели я. А потому я считаю себя въ правѣ называть ее, какъ мнѣ заблагоразсудится: Нютой, Нюточкой, Аничкой, Анюсей...

— Стой!—зарычалъ Дымовъ и ударилъ возницу въ спину.—Стой!

Онъ выльзъ изъ повозки, поправился и вѣжливо сказалъ:

— Надѣюсь, поручикъ, что вы, какъ порядочный человѣкъ, способны дать мнѣ удовлетвореніе?

— Какъ? здѣсь? въ лѣсу?—спросилъ Сакенъ, поднимая брови.

— Да, здѣсь, въ лѣсу и на какомъ оружїи вамъ будетъ угодно...

— Но у меня здѣсь ничего нѣтъ, кромѣ шпаги...

— Я подчиняюсь вашему выбору.

— Но въ такомъ случаѣ подождемъ, когда подѣдетъ Заменъ, онъ будетъ нашимъ секундантомъ...

Дымовъ насмѣшливо улыбнулся.

— Если, по вашему мнѣнію и обыкновенію, законный порядокъ нуженъ вездѣ, даже и въ дѣлахъ чести, то не предложите ли вы мнѣ вмѣсто дуэли обратиться въ судъ съ просьбой о законномъ удовлетворенїи?..

— Я готовъ драться!—сказалъ Сакенъ и выльзъ изъ повозки.

Возница смотрѣлъ на происходившее съ замѣтнымъ удовольствїемъ: «драться»—слово, понятное имъ, обѣщало ему интересное зрѣлище. Онъ уже заранѣе предвкушалъ удовольствїе.

Но вотъ офицеры отошли отъ дороги на нѣсколько сажень, остановились на залитой солнцемъ полянѣ, вынули шпаги и скрестили ихъ...

Возница, никакъ не ожидавшій такого исхода, вскрикнулъ, ударилъ по лошадамъ и помчался впередъ, боясь, какъ бы его не догнали.

— Убивство! помогите, родные! убиваются!—кричалъ онъ, щелкая языкомъ, хлеща вожжами и привставая на облучкѣ.

III.

Офицеры, увлеченные своимъ дѣломъ, не замѣтили исчезновенія лошади. Они скрестили шпаги и начали драться. Сакенъ дрался ловко, какъ настоящій искусникъ, эффектно нападая и отбивая удары. Дымовъ обладалъ большою силою, но шпагою владѣлъ посредственно.

Не прошло и пяти минутъ, какъ Сакенъ подъ особенно сильнымъ ударомъ выронилъ свою шпагу на землю. Онъ опустилъ руки и спросилъ:

— Вы удовлетворены?

Дымовъ въ знакъ согласія кивнулъ головою, вынулъ изъ кармана платокъ и сталъ рвать его на части.

Сакенъ подошелъ къ нему и подаль лѣвую руку.

— Прости, братъ!—сказалъ онъ.—Правая рука ранена. Указательный палецъ ты мнѣ перешибъ.

И оба они размѣялись.

— А у меня, погляди, пять ранъ: вишь, на лбу, за ухомъ какъ-то двѣ раны очутились, и два перста на лѣвой рукѣ... Вотъ наши руки стали разными!

— Я все-таки долженъ сказать,—замѣтилъ Сакенъ,—что относительно Анны Васильевны, особы, вполне достойной, я имѣлъ съ тобою разговоръ только ради самого разговора. И я увѣренъ, что лучшаго мужа, нежели ты, ей и не потребуется... Ужасно люблю спорить!

Пріятели встали, обтерли шпаги и расцѣловались.

— Гдѣ же ямщикъ?—вскрикнули они, глядя одинъ на другого.

IV.

Ямщикъ оказалъ офицерамъ очень дурную услугу.

Онъ, какъ безумный, домчался до расположенія полка и остановился у зданія полкового штаба. Такъ какъ слухи о предстоящей въ то время войнѣ распространялись все больше и больше, то начальство поминутно посѣщало полкъ, производило повѣрку имущества, смотрѣло ученье.

Когда возница остановилъ свою лошадь у штаба и, привязавъ ее къ дереву, входилъ въ ворота, вдругъ изъ-за угла показался, предводительствуемый шефомъ полка, генераль-майоромъ Барклай-де-Толи, полковой штабъ.

Возница бросился въ ноги генералу и благимъ матомъ закричалъ:

— Ваше сіятельство, спасите и защитите! Помогите!..

— Въ чемъ дѣло? Встань и расскажи!—приказалъ шефъ.

— Сѣли господа офицеры изъ Юрбургскаго имѣнія да поѣхали. Ёдутъ и все говорятъ: одинъ такъ тонко да складно, а другой такъ густо да громко. И все этотъ громкій господинъ офицеръ меня по шеѣ побить хотѣлъ, значитъ, плохо везъ ихъ благородія...

— Ну, дальше, дальше... короче...

— И вдругъ это громкій-то офицеръ говоритъ: «давай драться!»

— Это онъ тебѣ говорить?

— Никакъ нѣтъ! Другому, стало быть, тонкому офицеру.

— Ну, ну... короче...

— Давай, говоритъ, драться. А оба, значитъ, они навеселѣ... подвыпивши... И пошли это они въ лѣсокъ и повыняли свои шпаги—сабли вострыя, и ну пырять другъ дружку, и ну пырять. Спасите, защитите, ваше сіятельство, душу христіанскую!—заоралъ ямщикъ, катаясь по землѣ.

— Возьмите его и допросите!—приказалъ шефъ.—А виновныхъ найди, донесите мнѣ. Я не потерплю. Я имъ покажу!..

— Помилосердствуйте!—загорланилъ ямщикъ.—А меня-то за что брать?

— За шиворотъ, пріятель, за шиворотъ!—сострилъ Барклай и величественно удалился.

V.

Дымовъ и Сакенъ шли сначала пѣшкомъ, потомъ сѣли на проѣзжавшую мимо крестьянскую телѣгу и уже поздно вечеромъ прибыли въ полкъ.

Тотчасъ же они были арестованы, а черезъ мѣсяцъ началось слѣдственное дѣло.

Въ это время пронеслась вѣсть, что полкъ выступаетъ въ походъ. Оба офицера просили начальство разрѣшить имъ отправиться вмѣстѣ съ полкомъ, но полкъ ушелъ, а ихъ перевели на содержаніе въ Гродненскій гарнизонный батальонъ.

Несмотря, такимъ образомъ, на ощущавшуюся нужду въ офицерахъ, несмотря даже на то, что всѣ штабъ и оберъ-офицеры полка послали въ судъ письменныя свидѣтельства о томъ, что Дымовъ и Сакенъ «были всегда поведенія отмѣннаго, и непристойностей за ними никакихъ и никогда замѣчено не было», несмотря на все это, офицеры остались въ Россіи, на войну не пошли и содержались подъ стражею.

Когда Заменъ потомъ сообщилъ въ генеральскомъ домѣ о неприятностяхъ, постигшихъ Дымова и Сакена, то плачамъ, стenanіямъ и воплямъ не было конца. Самъ генералъ ѣздилъ къ Барклаю и упрашивалъ его освободить виновныхъ; но ничто не помогало, и когда полкъ ушелъ въ походъ, а оставшіеся Дымовъ и Сакенъ были переведены въ Гродно, онъ пріѣхалъ туда со своей старшей дочерью Нютою, которая привезла заключенному Дымову множество самыхъ разнообразныхъ печеній, вареній и соленій. Она очень сердилась на Сакена и считала его зачинщикомъ ссоры.

Въ 1808 году, по возвращеніи полка изъ похода, состоялся судъ: Дымовъ былъ признанъ, въ противность мнѣнію Нюты, зачинщикомъ ссоры и приговоренъ по Артикулу къ «отсѣченію руки».

Барклай-де-Толли былъ много милостивѣе суда: онъ высказывалъ, что поступокъ виновныхъ «наноситъ стыдъ офицерскому званію», почему они являются «недостойными продолжать воинскую службу» и должны быть «отставлены отъ оной съ тѣмъ, чтобы Дымова, яко зачинщика ссоры, впредь никуда не опредѣлять».

Въ такомъ же духѣ высказался и генералъ Римскій-Корсаковъ; и, несмотря на то, что генералъ-аудиторіатъ ходатайствовалъ за виновныхъ, утверждая, «что сіи подсудимые по молодымъ лѣтамъ ихъ могутъ учиненное ими преступленіе загладить усердіемъ къ службѣ и достойнымъ поведеніемъ», почему и предлагалъ оставить Дымова и Сакена на военной службѣ, съ лишеніемъ перваго изъ нихъ двухъ, а послѣдняго—одного чина,—тѣмъ не

менѣ императоръ Александръ I повелѣлъ обоихъ отставить отъ службы.

Разумѣется, это обстоятельство нисколько не помѣшало Нютѣ выйти замужъ за Дымова и вступить ея мужу въ управленіе отцовскимъ имѣніемъ.

Дымовъ не иначе называлъ свою жену, какъ «добытая кровью и мукою». Впослѣдствіи Дымовъ былъ снова принятъ на службу въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ и принималъ участіе въ Венгерской кампаніи.

Сакенъ уѣхалъ въ Курляндію и поселился тамъ безвыѣздно.

ХІІІ.

Отказъ отъ дуэли.

І.

Бердичевскія конныя ярмарки въ первой четверти прошлаго столѣтія отличались многолюдствомъ. Главный элементъ продавцевъ и покупателей составляли евреи и поляки. Торгъ велся на самыхъ примитивныхъ основаніяхъ: въ облакахъ пыли, которая, поднимаясь съ земли, сплошной пеленой стояла въ воздухѣ, носились лошади, покупатели, торговцы, праздные зрители, факторы, солдаты. Все это суетилось, гомозилось и оглашало воздухъ громкими криками.

Среди этой суетливицы разобрать что либо было очень трудно, а потому болѣе осторожные покупатели предпочитали пріобрѣтать лошадей не на самой площади, а въ сторонѣ отъ нея, на широкой улицѣ, гдѣ было меньше народу, пыли, шума и неприятно рѣжущихъ ухо громкихъ звуковъ.

Здѣсь на высокой, красивой лошади всегда гарцовалъ богатый и вліятельный польскій помѣщикъ Козловскій. Во всѣхъ его движеніяхъ, жестахъ, взглядахъ легко было замѣтить тотъ отбѣнокъ, который присущъ исключительно богатымъ и независимымъ людямъ. У него было огромное помѣстье въ Таращанскомъ повѣтѣ Киевской губерніи. Пріѣхалъ онъ на ярмарку, чтобы закупить цѣлую партію коней, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. Козловскаго знали въ губерніи за своевольнаго, грубаго человѣка; слухи о его чудачествахъ разглашались всюду; про него рассказывали, что у него на помочахъ ходитъ вся губернская администрація, всѣ власти; что его боятся всѣ, начиная съ евреевъ факторовъ и кончая полицейскими властями; что польскія судебныя мѣста, кото-

рыя въ то время функционировали, стоять отъ него въ полной зависимости, и что, наконецъ, у него въ Петербургѣ огромныя связи, знакомства и все прочее, что могло служить въ тѣ времена надеждой на безмятежное существованіе.

На ярмарку онъ прѣзжалъ изъ своего имѣнія каждый годъ и останавливался въ домѣ еврея; онъ привозилъ съ собою цѣлый штатъ прислуги, конюховъ, и тогда домъ еврея, обыкновенно молчаливый, превращался въ многолюдную гостиницу, гдѣ Козловскій и прѣзжіе паны веселились всѣ 24 часа въ сутки. Дворня—наглая, грубая и жестокая—наводила терроръ на хозяина дома и его многочисленное семейство; во время пребыванія въ домѣ Козловскаго, хозяева прятались въ самые отдаленные углы и закоулки, чтобы съ окончаніемъ ярмарки выйти снова на свѣтъ Божій и, получивъ отъ нетароватаго Козловскаго червонецъ за постой, поднять радостный крикъ.

Тяжелъ былъ Козловскій не только въ сношеніяхъ съ евреями, но даже сами паны побаивались его; нечего говорить о томъ, что они окружали его всевозможными заботами и попеченіями и оказывали ему необыкновенныя почести; когда Козловскій выѣзжалъ на ярмарку, паны сопровождали его, составляя какъ бы родъ свиты—послушной, рабски-угодливой, ничтожной; они помогали ему совѣтами и указаніями въ выборѣ лошадей, помогали наказывать лицъ, не угодившихъ всеильному пану, помогали обижать населеніе, раздѣлять попойки, ужины и т. п.

Таковъ былъ Козловскій и его свита.

Однажды рано утромъ онъ, разѣзжая по ярмаркѣ, замѣтилъ издали убогую, сгорбленную фигурку еврея на красивой лошади. Еврей еле сдерживалъ молодого жеребца, при чемъ руки и ноги его судорожно сжимались и трепыхали.

— Грушецкій!—крикнулъ Козловскій, и тотчасъ же къ нему подскочилъ совершенно сѣдой господинъ, въ высокихъ сапогахъ, въ синемъ кафтанѣ; увертливая, заискивающая движенія не шли къ его сѣдымъ волосамъ, красивой наружности и интеллигентному лицу.—Грушецкій! Посмотри туда... А кто тамъ на карей лошади? А не еврей ли Варшавскій? Посмотри!

— Онъ самый,—отвѣтилъ Грушецкій.—И откуда такого красиваго коня досталъ?!

— А это конь полковника Жегулина!—кто-то отвѣтилъ изъ свиты.

— Такъ, такъ,—проговорилъ Козловскій.—Ну, вы оставайтесь тутъ, а я сейчасъ прѣду!

И Козловскій рысью пересѣкъ площадь и пошелъ на перерѣзъ Мошкѣ Варшавскому. Когда передъ нимъ внезапно, на полномъ ходу остановился Козловскій, Мошка вздрогнулъ и съ ужасомъ взглянулъ на помѣщика.

— Это ты, Мошка?!—сказалъ Козловскій привѣтливо. — А у меня до тебя дѣло есть важное... очень важное...

— Я слушаю, пань!—отвѣтилъ Мошка.

— Здѣсь нельзя говорить. Поѣдемъ ко мнѣ. Хочешь нажать? а?

— А кто не хочетъ?

— Ну, такъ поворачивай и ѣдемъ!

— А я потомъ приѣду!—отвѣтилъ Мошка.—У меня порученіе есть: лошадь продать долженъ...

— Какой ты дуракъ, Мошка! Еврей, а дуракъ. Ну, сколько ты можешь нажать здѣсь? Грошъ какойнибудь. А у меня есть дѣло почище: три золотыхъ въ два часа наживешь!

— А вѣрно это, пань?—спросилъ Мошка съ недоувѣріемъ, и глаза его засвѣтились.

— А, ну, коли не вѣришь, такъ я къ другимъ обращусь!—сказалъ Козловскій и сталъ поворачивать лошадь.

— Зачѣмъ къ другимъ, пань? Я ѣду за вами. Куда прикажете?—схватился Мошка.

— Давно бы такъ, а то ломается. Ёдемъ ко мнѣ. Дѣло секретное.

Козловскій круто поворотилъ коня и рысью двинулся вдоль улицы; Мошка сгорбился еще болѣе и отчаянно замахалъ локтями.

II.

Черезъ пять минутъ они уже подѣзжали къ воротамъ того дома, гдѣ жилъ Козловскій. Слуги, не ожидавшіе такого ранняго приѣзда господина, смѣшались и толпой остановились у крыльца. Козловскій и Мошка вѣхали въ ворота.

— Запирай ворота!—крикнулъ Козловскій.

Мошка испуганно оглянулся вокругъ себя, и сердце его усиленно стало биться.

— Снимай жида съ коня!—скомандовалъ Козловскій, и свора наглыхъ людей не замедлила исполнить его требованіе.—Давай сюда жида!

Мошка, не понимая, въ чемъ дѣло, подошелъ къ Козловскому.

— Я считаю тебя своимъ должникомъ!—сказалъ Козловскій, сидя на лошади.—Ты мнѣ, помнишь, двухъ червонцевъ не додалъ, лошадь взялъ, а червонцы не всѣ далъ. Помнишь?

— Запомятовалъ, пань. Я никому не долженъ, никогда не долженъ.

— Врешь, долженъ. А потому или два червонца подавай, или уходи вонъ безъ лошади!

— Пань, пань! Что вы дѣлаете, пань? Я вамъ не долженъ, а лошадь не моя, я не могу, она мнѣ для продажи дана. Пустите меня, пань. Прикажите отдать мою лошадь!

— Значить, долгъ не хочешь отдать? Ладно. Пока не отдашь, лошадь останется у меня. Гоните его вонъ!

И не успѣлъ Мошка опомниться, какъ нѣсколько крѣпкихъ рукъ схватили его и вытолкали на улицу.

— Гуляй, жидовина, пѣшкомъ!—крикнулъ Козловскій, захохоталъ и поѣхалъ опять на ярмарку.

Все произошло такъ быстро и такъ неожиданно для Мошки, что въ первый моментъ, очутившись на улицѣ, онъ не понималъ, въ чемъ дѣло, и бессмысленно смотрѣлъ въ ту сторону, куда поѣхалъ Козловскій. Наконецъ, придя въ себя, онъ пустился бѣгомъ за лошадью Козловскаго.

Бѣжалъ онъ долго, привлекая вниманіе проходящихъ, бѣжалъ съ какимъ-то дикимъ, нечеловѣческимъ воемъ и наконецъ, изнемогая отъ усталости, остановился и сѣлъ посреди дороги, продолжая выть.

Но вотъ, словно вспомнивъ что-то, онъ поднялся опять на ноги и снова побѣжалъ, но уже назадъ, по направленію къ дому Козловскаго.

Ворота были заперты. На усиленный стукъ Мошки со двора раздался сиплый лай собаки, да изъ окна сосѣдняго дома выглянуло лицо старой еврейки, которая прошамкала что-то и скрылась.

Мошка стоялъ и плакалъ, и слезы капали на его длинную, курчавую, спутанную бороду.

— А ну я пойду въ полицію!—произнесъ Мошка угрожающе.— Я къ исправнику пойду!

И онъ рѣшительно зашагалъ вдоль улицы, поминутно оглядываясь назадъ.

III.

Однако, Мошкѣ не пришлось дойти до исправника. На поворотѣ одной изъ улицъ онъ столкнулся лицомъ къ лицу съ поручикомъ Домбровскимъ, котораго онъ зналъ съ самой лучшей стороны, и къ которому онъ нерѣдко хаживалъ по разнымъ дѣламъ болѣе или менѣе интимнаго свойства.

— Куда бѣжишь, Мошка?—спросилъ его Домбровскій.

Еврей завылъ, замахалъ руками и бросился на колѣни, хватая руку Домбровскаго.

— Ваше высокоблагородіе, спасите! — кричалъ онъ, и въ его крикѣ чувствовалось что-то безысходное, жалкое.— Заступитесь за меня, спасите! Козловскій лошадь увелъ, а лошадь-то не моя, начальника вашего.

— Какого начальника? какая лошадь?

— Полковника Жегулина!—отвѣчалъ Мошка.— Они уѣзжали и говорятъ: «Мошка, продай лошадь». А я взялся продать. А Ко-

зловскій отнялъ. Спасите меня! Полковникъ Жегулинъ меня повѣ-
сятъ. Заступитесь!

Домбровский поморщился и покачалъ головою.

— Жегулина лошадь? Да какъ же онъ смѣлъ? Какъ онъ осмѣ-
лился? Вставай, пойдемъ!

— Ваше высокоблагородіе!—проговорилъ Мошка вставая.—По-
звольте сказать. Какъ вы не по формѣ одѣты, то, не угодно ли, я
сбѣгаю за вашимъ мундиромъ? А то Козловскій не узнаетъ, что
вы—офицеръ.

— Вотъ вздоръ! Я въ мундирной курткѣ, форменныхъ чех-
лахъ. Не говори вздора. Идемъ.

— Какъ угодно, только спасите!

— Я ему покажу, какъ офицерскихъ лошадей отнимать! Я ему
покажу!

— Покажите, ваше высокоблагородіе, ой, какъ покажите! Я го-
ворю ему, что конь не мой, а онъ меня за ворота приказалъ вы-
гнать. Я ему говорю...

— Распустились эти помѣщики!—продолжалъ ворчать Домбров-
скій.—Жаль, что я теперь нездоровъ, а то позвалъ бы свой эска-
дронъ и ужъ показалъ бы ему!

— Вонъ, вонъ онъ ѣдетъ!—крикнулъ Мошка, протягивая руку
впередъ.—Онъ домой возвращается. Спасите, ваше высокоблагоро-
діе, защитите меня!—и снова бросился на колѣни.

Когда Домбровский и Мошка подошли къ дому Козловскаго, во-
рота были уже заперты, и со двора доносились голоса. Домбров-
скій поднялъ палку и началъ стучать, Мошка помогалъ ему въ
этомъ своими жилистыми кулаками.

— Кто тамъ?—послышалось со двора.—Кто смѣетъ такъ сту-
чаться?

— Отвори!—крикнулъ Домбровский и такъ внушительно выру-
гался, что калитка тотчасъ же отворилась.

Домбровский увидалъ Козловскаго, который стоялъ на крыльцѣ
съ хлыстомъ въ рукахъ. Около него толпились его пріатели и
дворовые.

— Гдѣ тутъ помѣщикъ Козловскій?—спросилъ Домбровский,
хотя отлично зналъ Козловскаго.

— А, ну... я!—отвѣтилъ Козловскій, закидывая назадъ голову.—
А что нужно?

— Я—поручикъ Домбровский! Этотъ жидъ (онъ указалъ на
Мошку) пожаловался мнѣ, что Козловскій отнялъ у него коня, при-
надлежащаго полковнику Жегулину.

— А ну и такъ, а что же нужно-то?

— А если такъ, то нужно отдать лошадей!

Козловскій захохоталъ; захохотала и дворня тѣмъ гаденькимъ
хохотомъ, которымъ могли смѣяться крѣпостные люди.

— А ты, служивый, въ полиціи что ли служишь?—спросилъ Домбровскаго одинъ изъ конюховъ.

— Молчи, мерзавецъ!—крикнулъ Домбровскій и замахнулся палкой на конюха.

— Потише, потише! — замѣтилъ Козловскій. — А пока уходи, знать тебя не знаю. Мало ли здѣсь васъ шляется, каждый себя за офицера выдаетъ. Проходи.

— Отдай лошадь!—крикнулъ Домбровскій.—Ты не смѣешь ее задерживать! Я тебѣ покажу!..

Онъ кинулся къ Козловскому. Тотъ, не двигаясь съ мѣста, мигнулъ глазомъ и коротко произнесъ:

— Убрать его!

И тотчасъ же со всѣхъ сторонъ дворя окружила Домбровскаго, схватила его за руки и повлекла къ выходу. Домбровскій вырывался, кричалъ, а Козловскій, стоя на крыльцѣ, приговаривалъ:

— Такъ его, такъ его, гони его!

И черезъ минуту Домбровскій и Мошка снова стояли передъ запертыми воротами; Домбровскій бранился и потрясалъ кулаками, а Мошка плакалъ.

IV.

— Я говорилъ вамъ, ваше благородіе, нужно одѣться! — говорилъ Мошка, едва поспѣвая за поручикомъ Домбровскимъ, когда тотъ быстрыми шагами направлялся къ своей квартирѣ.—Они офицеровъ ужъ какъ боятся. А вы меня не послушали. Вотъ теперь и худо намъ... Спасите, ваше благородіе!

Домбровскій, весь красный отъ гнѣва, шелъ, не слушая наставлений Мошки. Онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ: дворя осмѣлилась не только прикоснуться къ нему, но даже вывести на улицу, гдѣ былъ народъ. И чувство злобы охватило его такъ сильно, что ноги у него подкашивались, а руки холодѣли.

— Я ему покажу! я ему покажу!—бормоталъ онъ, кривя ротъ въ злобную усмѣшку.—Я ему дамъ!

— Дайте, ваше благородіе, покажите!—умолялъ Мошка.—Только одѣньтесь во всю форму, какъ на парадъ бываете. Онъ не посмѣетъ тогда такъ дерзко обращаться съ вами.

— Стой и жди меня здѣсь!—сказалъ Домбровскій и вошелъ въ небольшой двухэтажный домъ.

Мошка послушно остановился и въ глубокой печали сѣлъ на деревянную тумбу...

Черезъ четверть часа изъ дома вышли Домбровскій и другой офицеръ, въ которомъ Мошка узналъ штабсъ-капитана Абрагимо-вича. Они говорили громко и возбужденно. Мошка послѣдовалъ за ними въ нѣкоторомъ отдаленіи.

— Теперь будетъ хорошо!—подумалъ Мошка.—У поручика Домбровскаго и эплеты теперь есть. Теперь хорошо будетъ, не выгонять. Они ему покажутъ!

Когда офицеры остановились передъ воротами дома Козловскаго, Мошка, во избѣженіе равныхъ непріятностей, зашелъ за уголь и устранилъ себя такимъ образомъ отъ дальнѣйшаго участія въ дѣлѣ.

Офицеры постучались. Калитка долго не отворилась.

— Мой господинъ кушаетъ!—объявилъ за воротами чей-то голосъ.—Онъ никого не желаетъ видѣть!

— Отвори, собака,—крикнулъ Абрагимовичъ.—Тебя не спрашиваютъ! Отвори...

— Право, кушаетъ! Я бы радъ отворить, да не велѣно...

— А я тебѣ приказываю!

— Радъ бы, да не могу, не велѣно...

Абрагимовичъ сталъ дубасить кулаками, и въ тотъ же моментъ отворилась калитка, и въ ней показался самъ Козловскій, въ сопровожденіи шляхты.

— Кто стучить, и что нужно?—спросилъ онъ.

— Стучу я, нужно мнѣ помѣщика Козловскаго!—отвѣчалъ Абрагимовичъ.

— Помѣщикъ стоитъ передъ вами!

— На улицѣ говорить не удобно, мнѣ вамъ нужно сказать...

— Пожалуйста, говорите, у меня секретовъ ни отъ кого нѣтъ.

Говорите.

— Вы оскорбили моего товарища!—произнесъ Абрагимовичъ, указывая на Домбровскаго.—Не угодно ли вамъ будетъ попросить у него извиненія!..

— А-а... понимаю!—сказалъ Козловскій. —Такъ это вашъ товарищъ. Очень радъ, очень радъ. Ну, и что же?

— Вы намѣрены просить у него извиненіе?

— Ха-ха-ха! Извиненіе? А вы что же это защитникомъ его являетесь? Да?

— Отвѣчайте на мой вопросъ!

— Потихе! Не кричите, я тоже умѣю кричать. Жаль, что господинъ Домбровскій—вашъ товарищъ, мнѣ васъ очень жаль, не завидую вамъ...

— Послушайте!—крикнулъ Абрагимовичъ.—Я пришелъ къ вамъ не за шутками, а за дѣломъ. Отвѣчайте прямо: согласны ли вы извиниться передъ Домбровскимъ?

— Нѣтъ! Не согласенъ!

— И лошадь не возвратите жиду?

— Не возвращу!

— Хорошо!

— Очень хорошо!

Козловскій снова захохоталъ, дворня отвѣтила ему, и калитка захлопнулась.

— Подлецъ!—прошепталъ Абрагимовичъ. — Какъ онъ смѣетъ такъ обращаться съ офицерами? Что дѣлать?

— Ёдемъ къ исправнику!—сказалъ Домбровский. — Жаль, что Жегулинъ уѣхалъ, онъ съ нимъ справился бы.

Офицеры взяли таратайку и поѣхали къ исправнику, но на дорогѣ передумали и рѣшили возвратиться домой, чтобы созвать тамъ другихъ офицеровъ и найти выходъ изъ сквернаго положенія, въ которое былъ поставленъ Домбровский.

На одной изъ улицъ они встрѣтили полицейскаго чиновника Унискевича и передали ему суть дѣла, прося принять мѣры къ тому, чтобы Козловскій не выѣзжалъ изъ Бердичева.

— А земскій исправникъ мнѣ этого не приказывалъ!—сказалъ Унискевичъ.

— Да и онъ то же самое скажетъ. Мы черезъ часъ будемъ у него.

— Слушаю. Я схожу къ Козловскому. Онъ—безобразникъ извѣстный!.. Будьте спокойны, приму мѣры!

V.

Корнетъ Голіаевъ, у котораго собралось нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ и пострадавшій Домбровский съ Абрагимовичемъ, по своей фигурѣ и внѣшности вполне оправдывалъ свою библейскую фамилію. Онъ былъ высокъ ростомъ, отличался крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и показывалъ чудеса физической силы. Ему ничего не стоило, бывало, остановить на всемъ ходу за колесо жидовскую бричку, выиграть пари, что его не сдвинуть съ мѣста двѣ лошади, и вообще въ городѣ онъ слылъ за человѣка необыкновеннаго.

На совѣтѣ, который держали офицеры, было рѣшено, что Голіаевъ отправится къ Козловскому и отъ имени Домбровскаго передастъ ему вызовъ на дуэль.

Голіаевъ вооружился палкою, сѣлъ на коня и черезъ нѣсколько минутъ уже стучался у воротъ Козловскаго.

Ему долго не отворяли. Тогда онъ сдѣлалъ легкое движеніе, и калитка сорвалась съ петель.

— Развѣ можно такъ ломиться?—услыхалъ около себя онъ голосъ и, увидя, что передъ нимъ стоитъ какой-то шляхтичъ съ нахальнымъ лицомъ, онъ, ни слова не говоря, огрѣлъ его палкою вдоль спины, такъ что бѣдный шляхтичъ присѣлъ на корточки, будучи не въ силахъ вздохнуть.

При такихъ условіяхъ Голіаевъ безъ всякаго труда поднялся по ступенькамъ лѣстницы и вошелъ въ богатые апартаменты Козловскаго.

— Спать, не велѣно принимать!—возразилъ его слуга.

— А я тебѣ говорю — не спать,—отвѣтилъ Голяаевъ,—и если ты сейчасъ не доложишь, то я тебя согну въ бараній рогъ. Пошелъ!

Легкое движеніе рукою со стороны Голяаева заставило слугу отворить дверь и съ уваженіемъ произнести:

— Пожалуйста! Я сейчасъ доложу!

Вышелъ Козловскій, который при видѣ Голяаева смутился; онъ подошелъ къ офицеру и протянулъ ему руку.

— Здравствуйте!—сказалъ Голяаевъ, умышленно не замѣчая протянутой руки.—У меня къ вамъ секретное дѣло. Можно говорить, не опасаясь, что услышатъ стѣны? а?

— Говорите! Что угодно?

— Вы оскорбили моего товарища, офицера! Такія оскорбленія должны быть смываемы кровью. Я отъ имени поручика Домбровскаго приношу вамъ вызовъ на дуэль.

— На дуэль? съ Домбровскимъ?

— Да! По праву оскорбленнаго, онъ выбралъ пистолеты. Не угодно ли вамъ завтра поутру пожаловать къ кирпичнымъ заводамъ. Тамъ мы васъ будемъ ожидать.

— Очень хорошо!—отвѣтилъ Козловскій.—Но драться я не желаю.

— Не желаете?! Но вѣдь вы обязаны. Этого требуетъ честь человѣка.

— Не желаю и не стану. Я могу драться съ равнымъ себѣ, а Домбровскій... Нѣтъ, не желаю!

— Объясните причину. Я требую.

— Извольте: вашего товарища мои слуги выгнали съ моего двора, а меня никто никогда не посмѣлъ тронуть. Значить, я долженъ драться съ человѣкомъ, который очозоренъ, обезчещенъ...

— Это Домбровскій обезчещенъ? Да ваши люди развѣ могутъ его оскорбить?

— Они его уже оскорбили!

— Нѣтъ! Не они, а вы; они дѣйствовали по вашему приказанію. Итакъ?...

— Итакъ, драться съ Домбровскимъ я не могу, потому что я не имѣю права. Вы сами отлично понимаете, что мнѣ драться съ нимъ нельзя. У каждаго человѣка есть своя честь. Но разъ человѣкъ оскорбленъ лицомъ низшимъ, то у него уже нѣтъ той чести, и онъ не можетъ защищать свою честь. Только благородные люди, которыхъ не выводили изъ чужихъ воротъ, могутъ защищать свою честь!

— Вздоръ, вы болтаете вздоръ!—воскликнулъ Голяаевъ, вскакивая со стула.

— Я говорю правду. Это мое убѣжденіе.

•истор. вѣстн.», сентябрь, 1904 г., т. хсѵи.

— Нѣтъ, вздоръ. А если вы отказываетесь отъ дуэли, то вы— трусь, трусь и больше ничего.

— Какъ угодно, считайте меня! Но ни извиняться, ни драться съ вашимъ товарищемъ я не стану. Впрочемъ, если ему угодно удовлетвореніе, то я предложу ему...

— Что предложите?

— Я предложу заплатить ему... за обиду...

— Какъ заплатить? что заплатить?

— Деньги заплатить. Онъ человѣкъ бѣдный, я готовъ.

Голіаевъ молча поглядѣлъ на Козловскаго, покачалъ головой и произнесъ:

— Жаль мнѣ васъ: человѣкъ вы старый, а тутъ (онъ показалъ на голову) у васъ не въ порядкѣ. Ну, слушайте: Домбровский оскорбленъ, какъ человѣкъ и какъ офицеръ; но вмѣстѣ съ нимъ оскорбленъ и мундиръ, и все офицерство. Поэтому, если вамъ не угодно будетъ дать ему удовлетворенія, то мы возьмемъ его сами отъ васъ. Понимаете?

— Хорошо! Я понимаю. Но драться съ Домбровскимъ—фуй!

— А пока замолчите,—грозно замѣтилъ Голіаевъ,—а не то я самъ вамъ покажу, что значить дурно отзываться о моемъ товарищѣ. Значить, вы отъ дуэли отказываетесь?

— Да, вашъ Домбровский не способенъ предлагать ее мнѣ...

— Хорошо! Ждите тогда другой дуэли!

Онъ повернулся и вышелъ, угостивъ стоявшаго у дверей слугу чувствительнымъ подзатыльникомъ:

— Отворяй двери шире!

VI.

Когда затихло бряцанье шпоръ корнета Голіаева, Козловскій хлопнулъ въ ладоши и приказалъ вошедшему слугѣ разбудить Ржевусскаго и Ивашкевича, двухъ закадычныхъ пріятелей Козловскаго, которые помѣщались въ сосѣднемъ флигелѣ и въ тѣ часы, когда не были заняты выпивкой, предавались сну. Они играли въ домѣ Козловскаго роль приживалокъ и его постоянныхъ совѣтниковъ.

Они скоро явились на зовъ помѣщика и встали противъ него въ ожидательной позѣ.

— У меня серьезное дѣло!—сказалъ Козловскій, хмурясь. — Знаете ли, кто у меня былъ сейчасъ?

— Не знаемъ! А кто?

— Голіаевъ, корнетъ!

— О-о, Голіаевъ!—произнесъ Ивашкевичъ.—Кто его не знаетъ? Всѣ знаютъ!

— И Голіаевъ отъ имени этого Домбровскаго вызывалъ меня на дуэль!

— И вы, конечно, отказались? да? Вы не могли иначе поступить.

— Отказался, но онъ на прощанье сказалъ: «мы возьмемъ удовлетвореніе сами». Понимаете?

— Понимаемъ. Это пахнетъ очень дурнымъ.

— Значить, нужно искать выхода. Ищите.

Приживальщики задумались, потомъ пошептались и, наконецъ, сказали въ одинъ голосъ:

— Нужно убѣжать!

— Куда же?

— Домой, въ Таращанскій повѣтъ. Туда Голяаѳъ ужъ не придетъ.

— Нельзя уѣзжать: я еще лошадей не купилъ. Ищите другой выходъ.

Тѣ опять пошептались, покачали головами, снова пошептались и стали молча ходить по комнатѣ.

— Вотъ что!—сказалъ Ивашкевичъ. — Самое лучшее—послать за отцомъ казнодзеемъ. Вѣдь, кармелитскій монастырь—рядомъ. О, нашъ священникъ умѣетъ отговаривать всѣхъ и каждаго. Дайте ему немного денегъ, и онъ отговоритъ Голяаѳа отъ дуэли. Отецъ казнодзей все можетъ, все умѣетъ!

— Такъ. А ты, Ржевусскій, что выдумалъ?—спросилъ Козловскій.

— А я выдумалъ нисколько не худшее!—сказалъ Ржевусскій.— Изволите знать стольника Рыльского? Онъ — пріятель поручику Домбровскому, а я пріятель—стольнику. Я скажу стольнику, пусть онъ отправится къ Домбровскому и скажетъ ему, что дуэль — запрещенная вещь. А тотъ послушаетъ и испугается.

— Глупо выдумалъ... А впрочемъ дѣлайте, какъ знаете. Но помните: если только я буду имѣть какія нибудь неприятности отъ этихъ молодцовъ, то вамъ будетъ худо: выгоню на улицу, издыхайте съ голоду, какъ собаки. Вы помните это... Я вамъ не прошу...

— А лучше бы въ повѣтъ ѣхать, — робко замѣтилъ Ивашкевичъ.

— Вонъ, вонъ! — крикнулъ Козловскій, и... приживальщиковъ какъ не бывало.

Козловскій походилъ по комнатѣ, постоялъ у окна, затѣмъ вышелъ на дворъ и приказалъ конюху:

— Станиславъ, разыщи жида Мошку и отдай ему Жегулинскаго жеребца. Да не забудь росписку взять, что жеребца онъ получилъ. Да живо, а не то кнутъ...

Онъ возвратился въ комнаты и сталъ ходить изъ угла въ уголь. На душѣ у него было неспокойно. Все раздражало его, сердило. Онъ уже начиналъ сердиться на самого себя и раскаиваться въ своемъ поступкѣ съ офицеромъ. Въ то же время ему доложили о приходѣ дежурнаго полицейскаго.

— Что нужно?—грубо окликнулъ Козловскій вошедшаго Унискевича.

— Я присланъ отъ земскаго исправника!—сказалъ тотъ.— А вы Козловскій будете?

— Козловскій! А ты что за штука?

— Я чиновникъ и прошу васъ обращаться со мною вѣжливо. Потрудитесь не выѣзжать изъ Бердичева до тѣхъ поръ, пока вамъ не будетъ сего дозволено. Таково приказаніе земскаго исправника!

— Ахъ, ты, дуракъ, дуракъ! Неужели твоя баранья голова не разумѣетъ, что твой исправникъ для меня все равно что... тѣфу!—онъ плюнулъ и растеръ ногой.

— Что вы говорите? Это оскорбленіе!

— Врешь, братъ, помѣщика не только исправникъ, но даже самъ губернаторъ удержать не можетъ!

— Вы не уѣдете изъ Бердичева!—повторилъ Унискевичъ.—А о вашихъ поступкахъ со мною будетъ донесено...

— О-о... такъ я понимаю: не только ты глупъ, но и тотъ болванъ, кто тебя послалъ ко мнѣ.

Козловскій вскочилъ со стула и бросился на Унискевича. Тотъ быстро вышелъ въ сѣни.

— Собакъ! Спускайте на крапивное сѣмя собакъ!—оралъ Козловскій, чувствуя приступъ бѣшенства и не замѣчая, что Унискевича на дворѣ уже не было.—А-а... негодяи, упустили крапивное сѣмя! Всѣхъ васъ перепорю... Нагаекъ сюда, драть ихъ, негодяевъ!

Возвратившіеся Ивашкевичъ и Ржевусскій, видя состояніе ихъ патрона, сочли за лучшее не показываться на глаза и скрыться за воротами.

VII.

Въ теченіе двухъ дней послѣ описаннаго происшествія весь полкъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія командира полка, полковника Жегулина, изъ командировки, предпринятой имъ официально для обозрѣнія эскадроновъ, расположенныхъ по деревнямъ, а неофициально—для небольшой прогулки и посѣщенія дома одного помѣщика, который имѣлъ молоденькую дочку и съ удовольствіемъ принималъ Жегулина, какъ жениха.

Утромъ на третій день Жегулинъ пріѣхалъ въ Бердичевъ. Это былъ еще молодой чѣловѣкъ, высокій, красивый и, по рожденію, лихой кавалеристъ.

Ему тотчасъ же доложили, что поручикъ Домбровскій былъ оскорбленъ, а его вызовъ на поединокъ не былъ принятъ «за неспособностью якобы Домбровскаго получить сатисфакцію».

Жегулинъ взбѣсился еще болѣе, когда узналъ, что Козловскій самовольно отнялъ у Мошки лошадь.

— И вы до сихъ поръ ничего не сдѣлали?—спросилъ онъ окружавшихъ его офицеровъ.—И вы молчали, когда съ вами обращались, не какъ съ офицерами, а какъ чортъ знаетъ съ кѣмъ? Это возмутительно, я отъ васъ этого не ожидалъ, никакъ не ожидалъ!

— Мы хотѣли раньше сообщить вамъ объ этомъ!—отвѣтили ему.

— Благодарю за сообщеніе! Здѣсь нужна атака, а не сообщеніе. Это ни на что не похоже. Офицера вывели за ворота, отказываются отъ дуэли, предложенной офицеромъ, считаютъ его неспособнымъ принять удовлетвореніе—значить, оскорбляютъ еще разъ—и послѣ всего этого они дожидаются меня... На коней, трубите сборъ! Первому эскадрону на коней!

Офицеры бросились къ дверямъ. Жегулинъ взялъ палку, надѣлъ саблю и приказалъ позвать Голяева.

— Слушайте внимательно!—сказалъ Жегулинъ.—Садитесь на коня и маршъ-маршъ къ Козловскому. Спросите его, угодно ли ему будетъ дать удовлетвореніе Домбровскому. Если ему будетъ не угодно, то тотчасъ же дайте мнѣ знать. Я буду стоять съ первымъ эскадрономъ на площади! Помните: это приказаніе служебное!

Голяевъ вышелъ, сѣлъ на лошадь и черезъ двѣ-три минуты былъ уже на квартирѣ Козловскаго. Тотъ не пожелалъ разговаривать съ Голяевомъ и, открывъ окно, крикнулъ офицеру:

— Какой-то офицеръ—не чета польскому помѣщику! Уберите его!

Голяевъ поворотилъ лошадь и отправился къ площади, гдѣ уже стоялъ Жегулинъ съ офицерами, въ числѣ которыхъ былъ и Домбровскій, и съ эскадрономъ нижнихъ чиновъ.

Выслушавъ содержаніе отвѣта отъ Козловскаго, онъ скомандовалъ:

— Господа офицеры, ко мнѣ! Двадцать рядовыхъ впередъ! Рысью маршъ!

Группа всадниковъ пустилась вдоль улицы, оставляя за собою облака густой пыли. Вотъ и домъ Козловскаго.

— Часовые къ воротамъ!—крикнулъ Жегулинъ.—Никого не впускать, выпускать можно! Всѣмъ спѣшиться... Остальные за мной!

Ворота растворились. Цѣпь часовыхъ окружила домъ.

Жегулинъ, а за нимъ офицеры и два ординарца поднялись на крыльцо, надавили на запертую дверь и очутились въ просторной горницѣ. Въ ней, широко открывъ глаза, полные недоумѣнія, стояли приспѣшники Козловскаго, а самъ хозяинъ, горделиво закинувъ голову кверху, съ длиннымъ чубукомъ въ рукахъ, насмѣшливо оглядывалъ вошедшихъ.

— Это что же такое?—спросилъ Козловскій.—Такъ офицеры россійскіе въ дома вламываются? Недурно, безъ зову, безъ спросу, двери вонъ—и пожаловали.

— Вы—Козловскій?—спросилъ въ свою очередь Жегулинъ, останавливаясь въ двухъ шагахъ отъ хозяина.

— Я самый! А вы?

— А я командиръ того славнаго полка, въ которомъ служить Домбровскій.

— Отлично!

— Вы оскорбили подчиненнаго мнѣ офицера, вы позволили себѣ отнять у бѣднаго жида мою собственную лошадь, вы отказываетесь отъ дуэли. Скажите, какое удовлетвореніе вы можете дать оскорбленнымъ?

— Ха-ха-ха! удовлетвореніе? Не хотите ли денегъ? Я могу дать. Ха-ха-ха!

— Я спрашиваю серьезно!

— А я хочу смѣяться. Ишь, какіе офицеры...

— Замолчать! Кто обидѣлъ офицера, тотъ, хотя и дуракъ, но долженъ быть наказанъ...

— Я? дуракъ?—крикнулъ Козловскій и бросился съ поднятыми кулаками на Жегулина.

Жегулинъ съ ловкостью фехтовальщика сдѣлалъ движеніе палкой, и въ комнатѣ послышался такой звукъ, какъ будто что-то тяжелое и мягкое упало, а стоявшіе сзади Козловскаго замѣтили, что Жегулинъ ударилъ Козловскаго палкою.

— Ахъ, ты, тварь!—завопилъ Козловскій, подбѣжалъ къ стѣнѣ и быстро сорвалъ висѣвшій тамъ пистолетъ.

Въ то же мгновеніе Голиаевъ, до тѣхъ поръ стоявшій въ отдаленіи, схватилъ Козловскаго за руку, вывернулъ ее назадъ, вынулъ изъ зажатыхъ пальцевъ пистолетъ и повергъ Козловскаго на землю.

При видѣ этого всѣ люди Козловскаго выбѣжали изъ комнаты.

Козловскій лежалъ на полу, сверкая глазами; лицо его поси-нѣло; Голиаевъ стоялъ надъ нимъ на колѣняхъ и держалъ его настолько крѣпко, что Козловскому оставалось только безсильно пыхтѣть.

— Ну, а теперь ты готовъ дать удовлетвореніе?—спросилъ его Жегулинъ.

— Отпустите меня! вы не смѣете, отпустите!

— Отпущимъ, если дашь удовлетвореніе!

— Говорите, какое удовлетвореніе?

— Накажешь своихъ людей, которые оскорбили Домбровскаго?

— Хорошо! Отпустите!

Жегулинъ мигнулъ Голиаеву. Тотъ разжалъ свои руки, далъ Козловскому подняться, но тотчасъ же снова схватилъ его за руку.

— Отпустите же!..

— Нѣтъ, совсѣмъ отпустить нельзя!—сказалъ Голиаевъ.—У васъ на стѣнѣ вонъ сколько оружія.

— Гдѣ ваши люди?—спросилъ Жегулинъ.

— На дворѣ!

— Ведите, Голиаевъ, помѣщика на дворъ!

Голиаевъ правой рукой взялъ Козловскаго за шиворотъ, а лѣвой продолжалъ держать его за руку.

— Оставьте! Вѣдь это насиліе!

— Конечно, насиліе!—согласился Голиаевъ. — На насиліе отвѣчаемъ насиліемъ.

Жегулинъ, выйдя на дворъ, приказалъ запереть ворота, за которыми столпилось уже множество любопытныхъ, а затѣмъ близъ крыльца поставили лавку.

— Господинъ Козловскій, — сказалъ Жегулинъ, — вотъ вамъ плеть. Зовите вашихъ людей и на нашихъ глазахъ дайте каждому по двадцати.

Козловскій запротестовалъ было, но Голиаевъ сдѣлалъ какое-то движеніе правою рукою... и началась порка, столь распространенная въ то время, о которомъ идетъ рѣчь.

Когда всѣ люди Козловскаго были наказаны, самъ помѣщикъ, красный и потный, тяжело дыша отъ усталости, проговорилъ:

— Теперь вы, надѣюсь, удовлетворены?

— О, нѣтъ!—сказалъ Жегулинъ.—Теперь перемѣнитесь ролями съ вашими людьми. Они будутъ подходить по одному, а вы ложитесь на лавку. Вы имъ по двадцати дали, а они вамъ только по одному разу...

И вдругъ случилось то, чего никто не ожидалъ: Козловскій упалъ на колѣни и мгновенно изъ наглаго, дерзкаго и неумолимаго помѣщика превратился въ жалкаго просителя, съ трясущимся подбородкомъ и губами.

— Я не буду, я не буду больше!—проговорилъ онъ.—Простите!

Жегулинъ посмотрѣлъ на него, отвернулся и, обращаясь къ Домбровскому, сказалъ:

— Ваша честь восстановлена: онъ униженно просить прощенія! На коней... маршъ!

Офицеры оставили Козловскаго и вышли за ворота.

— Я имъ покажу, я имъ покажу!—услыхали они сзади себя голосъ Козловскаго и не придали этому никакого значенія.

Затѣмъ ворота были заперты, офицеры сѣли на лошадей, усмѣхнулись и поѣхали къ эскадрону, стоявшему шагахъ въ 200-хъ въ отдаленіи.

Тотчасъ же съ верхняго этажа дома Козловскаго раздался свистъ и крики:

— Это насиліе! Такъ съ помѣщиками нельзя обращаться!

Жегулинъ вспыхнулъ, повернулъ свою лошадь и громко произнесъ:

— Эй, вы, сороки шляхетскія, попрдержите язычекъ. Видите эскадронъ? Крикну «ура», и отъ васъ ничего не останется. Помалкивайте!

Любопытные еще долго стояли около дома Козловскаго.

VII.

Взбѣшенный всѣмъ происшедшимъ Козловскій подалъ на Жегулина жалобу, подъ которой онъ уговорилъ подписаться также еще 14 человекъ польскихъ помѣщиковъ. Въ этой первой жалобѣ онъ описалъ «насилія, надъ нимъ учиненныя», при чемъ всѣ обстоятельства представилъ въ извращенномъ видѣ.

Жегулинъ, Домбровскийъ и Голиаевъ, какъ главные участники происшествія, были преданы военному суду.

Судъ, стремясь къ открытію истины, допросилъ множество свидѣтелей и пришелъ къ убѣжденію, что во всемъ виновенъ самъ Козловскій.

Тогда помѣщикъ написалъ вторую жалобу, въ которой онъ указывалъ, что судъ велся неправильно, не по закону, что были допрашиваемы евреи и женщины—люди не достовѣрные, что судъ «до того убоялся» Жегулина и его помощниковъ, что перенесъ ихъ вину на просителя, что судъ притѣснялъ его, Козловскаго, и что, словомъ, военный судъ дѣйствовалъ недобросовѣстно, въ явный ему ущербъ.

Императоръ Александръ I въ 1803 году 14-го декабря разсмотрѣлъ это дѣло и положилъ слѣдующую конфирмацію:

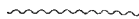
«Находя заключеніе его высочества Константина Павловича и генераль-аудитора весьма справедливымъ, полагаю: подполковнику Жегулину вмѣнить судъ и арестъ, подъ которымъ онаго еще продержатъ одинъ мѣсяцъ, въ наказаніе; поручику Домбровскому равномѣрно вмѣнить судъ и арестъ въ наказаніе и изъ-подъ онаго освободить; корнета Голиаева арестовать на двѣ недѣли; а помѣщика Козловскаго предать за дерзость гражданскому суду».

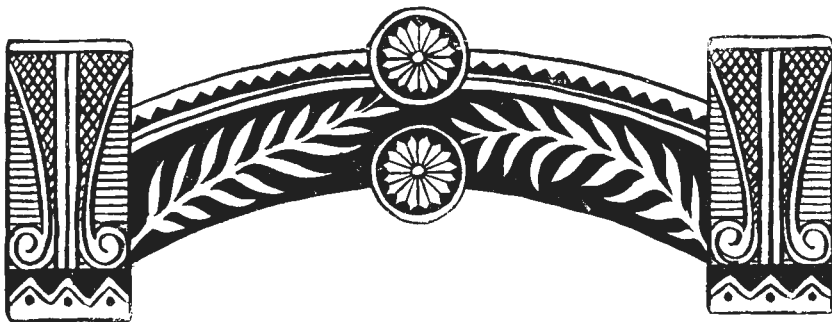
Домбровскому было поставлено на видъ, главнымъ образомъ, его «вмѣшательство въ чужое дѣло по жалобѣ еврея», а Голиаеву—слишкомъ рѣшительное обращеніе съ Козловскимъ.

Черезъ годъ Козловскій былъ осужденъ: онъ былъ выселенъ во внутреннія губерніи Россіи безъ права возвращаться въ Кіевскую губернію.

Н. И. Фалѣвъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДОМНА СТЕФАНИДА, НЕВѢСТА ЦАРЯ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

ВЕСНОЙ 1669 года царскую семью постигло тяжелое горе. 4-го марта скончалась первая супруга царя Алексѣя Михайловича, кроткая и болѣзненная Марья Ильинична. Несмотря на то, что слабая отъ природы царица хворала въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ, и на ея окончательное выздоровленіе, казалось, никто уже не могъ надѣяться, несмотря на то, что недолговѣчны или слабы умственно были и сыновья, рожденные ею, — такой скорой развязки все-таки нельзя было ожидать, и горе молодого царственного вдовца не знало границъ.

Царскую скорбь раздѣляла вся Москва, жалѣвшая сиротъ, раздѣляла вся Россія. По стародавнему обычаю, изъ отдаленныхъ монастырей присылались увѣдомленія о томъ, что имя почившей государыни записано въ синодики для поминаній, и, по приказу царя, на монастырское строеніе велѣно было немедленно посылать обычное государево жалованье. Кромѣ денегъ, въ видѣ щедрой милостыни раздавалось пудами деревянное масло для лампадъ, воскъ для свѣчей, ладанъ, церковное вино, печатныя книги московскихъ типографій, облаченія. Архимандритъ Кіево-Печерской лавры, небызвѣстный въ исторіи русской литературы Иннокентій Гизель, не замедлилъ прислать неутѣшному государю письмо, въ которомъ обѣщалъ непрестанно молиться вмѣстѣ съ братіей о вѣчномъ упо-

коені новопреставленной царицы Маріи. Письмо Гизеля принесло царю немало утѣшенія, и, отпуская кіево-печерскаго посланца, іеромонаха Кирилла, начальникъ Малороссійскаго приказа, Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, велѣлъ передать просвѣщенному архимандриту слѣдующую подробность придворнаго церемоніала:

— Великій государь, вставъ и шапку снявъ, говорилъ Кириллу съ братіей, чтобы они отъ него архимандриту поклонились, чтобы они, архимандритъ съ братією, супругу его, государеву, поминали. А ему, великому государю, про то извѣстно, что у нихъ по ней память добрая.

Это было 5-го іюля 1669 года.

И другіе южно-русскіе писатели спѣшили выразить подобающимъ образомъ свое сочувствіе царевой утратѣ. Наставникъ царскихъ дѣтей и присяжный придворный пиита, талантливый Симеонъ Полоцкій, не замедлилъ отозваться на смерть царицы и написалъ «книжицу хитростью питического ученія», посвященную «похвалѣ святого государыни житія и въ воспоминаніе вѣчное ея добродѣтелей, вѣчныя памяти достойныхъ». Общія фразы его стиховъ, навѣянныхъ недавнимъ горемъ, проникнуты какъ будто искреннимъ чувствомъ автора, умѣло уложеннымъ въ рамки придворнаго этикета.

Черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ также написалъ цѣлую «книжицу», назвалъ ее «Утѣшеніемъ». Экземпляръ ея немедленно былъ посланъ царю вмѣстѣ съ письмомъ, въ которомъ выражалась обычная просьба о принятіи литературнаго труда. По словамъ автора «книжицы», онъ писалъ ее не столько чернилами, сколько слезами. Онъ увѣрялъ царя, что соболѣзнуетъ его необъятной тоскѣ, и что скорбь его раздѣляетъ не только весь духовный чинъ, но и «всѣ овечки, въ малороссійскихъ городахъ живущія». Поэтому Барановичъ надѣется, что его «малое писаніе потѣшитъ въ скорби сущаго».

Книга была принята царемъ, и автору пожаловано нѣсколько соболей цѣнностью въ сто рублей, а черезъ два года ему же послано, въ память о царицѣ Маріи Ильиничнѣ, на митру червонное золото, зарукавье золотое съ турскимъ финифтомъ, алмазныя искры, черевчатые яхонты, изумруды, кисть жемчуга, а для мастеровъ—50 ефимковъ.

Посланецъ Барановича произнесъ обычную для такихъ случаевъ рѣчь и въ заключеніе сказалъ:

— Но смерть—отъ Бога, и Марія благою часть избрала. А тебя, великій государь, кто утѣшитъ?

И въ самомъ дѣлѣ, близкимъ людямъ царя слѣдовало подумать о болѣе дѣйствительномъ утѣшеніи «сущаго въ скорби».

Когда улеглось первое впечатлѣніе, произведенное смертью царицы Маріи,—при дворѣ и среди московскаго боярства стали по-

говаривать о необходимости прискаты невѣсту для молодого и полнаго силъ Алексѣя Михайловича. Прощаясь съ государемъ, александрійскій патріархъ Паисій также совѣтовалъ ему вступить въ бракъ, но тогда еще не могъ указать ему на достойную избранницу.

На пути въ Константинополь, остановившись на короткое время въ Кіевѣ, Паисій встрѣтился здѣсь съ молодой красавицей, вдовой молдавскаго господаря Стефана-Георгія, домной Стефанидой, которую онъ, патріархъ, зналъ еще раньше. Въ это время она жила въ Печерскомъ предмѣстьѣ и собиралась ѣхать въ Москву. Одинъ историкъ предполагаетъ даже, что господарыню влекла въ этотъ городъ тайная надежда понравиться овдовѣвшему за полъ-года передъ тѣмъ великому государю и сдѣлаться московской царицей. Но мы съ этимъ не согласны. Скорѣе можно думать, что Стефанида вначалѣ не имѣла подобныхъ намѣреній. Она сама находилась подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ своего собственнаго недавняго горя, такъ какъ въ началѣ того же 1669 года умеръ ея мужъ, молдавскій господарь-изгнанникъ, незадолго до своей смерти получившій отъ Алексѣя Михайловича разрѣшеніе пріѣхать въ Москву и поселиться здѣсь вмѣстѣ съ Стефанидой¹⁾. Похоронивъ мужа, она воспользовалась этимъ разрѣшеніемъ царя и прибыла въ Кіевъ вмѣстѣ съ нѣсколькими молдавскими боярынями-монахинями и четырьмя бывшими придворными, оставшимися при ней отъ прежней блестящей и многочисленной свиты ея мужа. Здѣсь Стефанида скромно жила въ Печерскомъ мѣстечкѣ, сохраняя глубокой трауръ и посѣщая всѣ службы лаврской церкви.

Въ это время ей было не много больше двадцати лѣтъ. Судя по дошедшему до насъ портрету, Стефанида была очень красива, съ рѣзкими чертами южнаго типа, съ огромными черными глазами, характернымъ южнымъ окладомъ лица и капризными сомкнутыми губами. Въ ея взглядѣ было что-то властное, непокорное, и можно было ожидать, что она произведетъ благопріятное впечатлѣніе на московскаго царя. Патріархъ Паисій, очевидно, не забылъ своей прощальной бесѣды съ Алексѣемъ Михайловичемъ. Послѣ своего свиданія съ бывшей молдавской домной, онъ послалъ чрезъ шляхтича Ивана Предомирскаго письмо, въ которомъ просилъ царя при-

¹⁾ Источниками для нашего разсказа послужили, кромѣ нѣкоторыхъ архивныхъ данныхъ и румынскихъ изслѣдованій, слѣдующія книги и статьи: «Письма Симеона Полоцкаго», «Вѣстникъ Европы», 1828 г., № 17, стр. 45—46; Ивановъ, «Описаніе Государственно-Разряднаго архива», М., 1842 г., стр. 369—372; «Акты Южной и Западной Россіи», т. IX, №№ 19, 24 и 26; Виталій Эйнгорнъ, «Очерки изъ исторіи Малороссіи въ XVII в.», ч. I, М., 1899 г.; Ю. В. Арсеньевъ, «Николай Спаарій и его время», «Русскій Архивъ», 1895 г., кн. VII, стр. 353—359, и «Молдавскій господарь Стефанъ-Георгій», тамъ же, 1896 г., кн. II, стр. 161—186; A. D. Xenopol, *Istoria românilor, Iassi*, 1896 an., vol. VII, pp. 197—212 и другія.

нять участіе въ судьбѣ вдовой государыни, выдать ей «заступной листъ» и позволить прибыть въ Москву. Былъ ли въ патриаршемъ письмѣ какойнибудь намекъ на то, что Стефаниду онъ считаетъ подходящей невѣстой царю,—это намъ неизвѣстно. Но когда просьбу Паисія, съ присоединеніемъ ходатайствъ о томъ же Гизеля, получили въ Малороссійскомъ приказѣ въ Москвѣ, то всего черезъ десять дней Алексѣй Михайловичъ написалъ Паисію отвѣтное письмо, въ которомъ выражалъ полную готовность исполнить его просьбу.

«И мы, великій государь, наше царское величество, — писалъ онъ Паисію 28-го октября,—ради прошенія вашего, тое вдову домну пожаловали, велѣли изъ Кіева взять къ Москвѣ. И о томъ нашъ, великаго государя, нашего царскаго величества, милостивый указъ Кіево-Печерской святой обители къ богомольцу, къ архимандриту къ Иннокентію Гизелю. Да нашего же царскаго величества къ окольному и воеводамъ ко князю Григорію Аванасьевичу Козловскому съ товарищи послати велѣли, и ее, вдову домну, отпустить изъ Кіева къ Москвѣ со всякимъ поможательствомъ велѣли.

Далѣе въ письмѣ приказывалось, чтобы Стефанидѣ были даны подводы и провожатые, «сколько человекъ пригоже», и чтобы она была отпущена въ Москву «со всякимъ поможательствомъ вскорѣ». Такая поспѣшность въ маловажномъ на первый взглядъ дѣлѣ заставляетъ насъ думать, что въ Москвѣ ожидали Стефаниду далеко не простой гостьей.

Молодая вдова-господарыня была въ Россіи уже не первый разъ. Пять лѣтъ передъ тѣмъ она нѣсколько мѣсяцевъ провела во Псковѣ, ожидая тамъ своего мужа, ѣздившаго въ Москву на свиданіе съ царемъ. Свита Стефана-Георгія, а въ томъ числѣ и жена его, не получила приглашенія прибыть въ столицу и поневолѣ осталась у западнаго рубежа Московскаго государства. Возможно, что и тогда уже слухъ о красотѣ Стефаниды достигъ дворца, и теперь, по приказанію Алексѣя Михайловича, въ Посольскомъ приказѣ 22-го ноября уже наводились подробныя справки объ интересной молодой вдовѣ.

Допросъ состоялъ изъ слѣдующихъ пунктовъ: «волошкаго господаря жена, вдова домна, какого отца дочь, и сколькихъ лѣтъ, и дѣти у нея есть ли?» На это одинъ изъ кіевлянъ, Фодоръ, видавшій Стефаниду, отвѣтилъ:

— Та волошкаго господаря жена, вдова домна, рода волошкаго, боярина дочь, лѣтъ нынѣ въ двадцать или немного больши. А какъ отца ея звали, того не упомнить. И замужемъ за волошскимъ господаремъ за Стефаномъ воеводой была года съ три; а дѣтей у ней не было. И въ прошломъ во 167 (т.-е. 1659) году присланъ отъ турскаго султана на волошское господарство воевода

Диковъ¹⁾, и мужа ея Стефана тотъ воевода, зависти ради, изогналъ.

Придворный этикетъ требовалъ болѣе точныхъ свѣдѣній относительно обстоятельствъ жизни Стефаниды въ теченіе самыхъ послѣднихъ лѣтъ. На это тотъ же Ѳедоръ, очевидно, со словъ самой Стефаниды, отвѣчалъ такъ:

— И волошскій господарь, мужъ ея Стефанъ, отъ того пошелъ въ цысарскую землю, и жилъ въ цысарской землѣ въ своихъ купленныхъ вотчинахъ три года и умре. А она, вдова домна, изъ цысарской земли пріѣхала въ волошскую землю въ вотчины свои. И волошской нынѣшній господарь Лупшъ²⁾ вотчины ея всѣ взялъ на себя. И она, домна, отъ того гоненія пріѣхала въ Кіевъ и нынѣ въ Кіевѣ стоитъ въ Печерскомъ мѣстечкѣ.

Такимъ образомъ, въ самомъ концѣ 1669 года Стефанида была уже въ Москвѣ. Съ ней пріѣхали двѣ кіевскія монахини и свита, состоявшая изъ четырехъ человѣкъ «мужска пола» и «дѣвки». Ее помѣстили въ одномъ изъ большихъ монастырей и назначили соотвѣтствующее государево жалованье.

Почему ей не суждено было сдѣлаться русской царицей, видалъ ли ее Алексѣй Михайловичъ, почему она ему не приглянулась,—объ этомъ никакихъ свѣдѣній не сохранилось. Во всякомъ случаѣ, въ судьбѣ ея и Алексѣя Михайловича было нѣчто общее. Оба они овдовѣли почти одновременно. Марья Ильинична и покойный господарь Стефанъ-Георгій были люди больные, и уже однимъ этимъ дали царственнымъ вдовцу и вдовѣ извѣстное право на личное счастье. Очень возможно, что въ Москвѣ узнали какіе нибудь факты изъ жизни Стефаниды или же ея мужа, послужившіе препятствіемъ къ браку. Быть можетъ, не оправдались тѣ показанія, которыя предварительно сообщены были въ Малороссійскомъ приказѣ въ октябрѣ 1669 года. Изъ дальнѣйшаго изложенія мы увидимъ, что въ рассказѣ Ѳедора были завѣдомыя неточности: прежде всего, Стефанида была замужемъ не три года, а около десяти лѣтъ, ей же самой было, во всякомъ случаѣ, значительно «больши», чѣмъ двадцать лѣтъ. Во-вторыхъ, она вышла замужъ за Стефана уже тогда, когда онъ былъ лишенъ престола и жилъ въ изгнаніи.

¹⁾ Очевидно, имя молдавскаго господаря передано по созвучію. На самомъ дѣлѣ здѣсь идетъ рѣчь о воеводѣ Георгій Гикѣ, правившемъ очень недолго послѣ Стефана, отъ 1658 по 1659 годъ.

²⁾ Молдавскій господарь Василій Лупу, или «Волкъ», правившій въ 1634—1653 годахъ. Во всякомъ случаѣ, представляется страннымъ, почему въ отвѣтѣ Ѳедора говорится о господарѣ, умершемъ шестнадцать лѣтъ передъ тѣмъ. Въ 1669 году, къ которому относится нашъ рассказъ, въ Молдавіи правилъ или Георгій Дука (1669—1672), или же его предшественникъ Иліашъ, сынъ Александра Иліаша (1667—1669).

Впрочемъ, все это намъ представляется въ сущности такими мелочами, которыя легко можно было бы устранить при иныхъ условіяхъ, при согласіи на бракъ самого царя. Очевидно, за Стефаниду не стояла ни одна изъ тогдашнихъ партій. Въ роли единственнаго, по крайней мѣрѣ, извѣстнаго намъ свата былъ александрійскій патріархъ Паисій, навсегда уже покинувшій Россію и теперъ ни для кого не авторитетный. Стефанида была одинока и въ своихъ исканіяхъ могла полагаться только на свою наружность. Но этого было слишкомъ недостаточно, чтобы достигъ желаемыхъ результатовъ, такъ какъ при дворѣ началась уже тайная агитація разныхъ партій. Едва ли Милославскіе могли быть довольны такимъ необычнымъ бракомъ царя съ неизвѣстной молдавской государыней, которую и нынѣшніе историки не задумались назвать почему-то авантюристкой. Артамонъ Матвѣевъ, навѣрное, нашелъ бы средство удалить изъ Москвы соперницу, опасную для его родственницы, Натальи Нарышкиной, или же отговорить царя отъ женитьбы на вдовѣ Стефанидѣ. Возможно, что дѣло не обошлось безъ трагическихъ подробностей, и въ концѣ концовъ молдавская государыня должна была навѣки уѣхать изъ предѣловъ Россіи послѣ своей двукратной неудачной попытки овладѣть вниманіемъ сѣвернаго царя.

Во всякомъ случаѣ, нѣкоторыя обстоятельства этого страннаго сватовства будутъ нами поняты, если мы припомнимъ факты изъ прежней жизни Стефаниды и ея случайное возвышеніе въ Молдавіи.

Мужъ Стефаниды былъ хорошо извѣстный въ румынской исторіи молдавскій господарь Стефанъ X Георгій, правившій съ 1653 по 1658 годъ. На молдавскій престолъ его возвели два непримиримые врага прежняго господаря Молдавіи Василія Лупу—валашскій господарь Матвѣй Басарабъ и трансильванскій воевода князь Георгій Ракоци. Выборъ ихъ, павшій на Георгія, какъ орудіе ихъ мести Василію, оказался вполне удачнымъ. Лучшаго интригана, болѣе опытнаго заговорщика и двуличнаго крамольника, казалось, трудно было сыскать. Въ это время Георгій, племянникъ Василія, занималъ уже отвѣтственный постъ великаго логовета, въ родѣ государственнаго канцлера. Поэтому онъ имѣлъ возможность незамѣтно для остальныхъ вести тайные переговоры съ врагами Василія и получить предварительно согласіе Порты на сверженіе прежняго господаря. Прежде всего онъ постарался распустить всѣхъ наемниковъ молдавской арміи, которые были бы опасны для намѣченнаго переворота. Сдѣлавъ онъ это подъ разными предлогами, убѣдивъ Василія въ томъ, что у него, въ сущности, не только нѣтъ никакихъ враговъ, но что наемники — греки, сербы и болгары — возбуждаютъ неудовольствіе въ народѣ, такъ какъ имъ платятъ жалованье много больше, чѣмъ солдатамъ изъ туземцевъ-румынъ.

Когда всё приготовления къ перевороту были закончены, Георгій отослалъ свою жену Сафту въ родовое имѣніе, находившееся въ округѣ Бекеу на границѣ съ Венгріей, а господарю сказалъ, что сдѣлалъ онъ это потому, что дѣла по хозяйству у него сильно разстроились, и необходимо кому нибудь изъ близкихъ заняться ими. Но въ то же время онъ велѣлъ женѣ, по прїѣздѣ въ имѣніе, написать ему письмо, будто она при смерти и хочетъ повидаться съ мужемъ. Такъ и случилось. Георгій показалъ письмо Василию, который до тѣхъ поръ не имѣлъ повода подозрѣвать логогета въ измѣнѣ. Георгій получилъ отпускъ и поскакалъ къ границѣ Молдавіи. Венгерскія войска ожидали только прїбытія Стефана и сейчасъ же двинулись къ молдавской столицѣ. Во главѣ отряда стоялъ генералъ Кемены Яношъ. У Рымника къ нимъ присоединились валашскія войска Матвѣя Басараба. Господарь узналъ объ измѣнѣ своего племянника отъ какихъ-то монаховъ, но защищаться было уже поздно. Посланные имъ для переговоровъ бояре были убиты солдатами венгерскаго авангарда. Войска у Василія не было, и въ вербное воскресенье 1653 года, передъ закатомъ солнца, Георгій торжественно вошелъ въ Ясы, а на слѣдующій день при колокольномъ звонѣ явился во дворецъ и сѣлъ на старый воеводскій престолъ Молдавіи, принявъ титулъ «благочестивѣйшаго и христолюбиваго» господаря и официальное имя Іоанна-Стефана.

По словамъ алеппскаго дьякона Павла, оставившаго интересныя путевыя записки о Молдавіи половины XVII вѣка, логогетъ Георгій еще раньше всѣми средствами орудовалъ противъ Василія и за нѣсколько лѣтъ до описываемыхъ событій «не переставалъ отправлять посланія, хитрить и прилагать всевозможныя усилія, пока ему не удалось привлечь на свою сторону знатнѣйшихъ людей Молдавіи, которые ужасно ненавидѣли Василія, его вельможъ и всѣхъ грековъ. Особенной причиной ихъ ненависти было то, что племянникъ Василія, имени котораго не упомяну, обезчестилъ четыре тысячи дѣвицъ. А когда ихъ семейства жаловались на него, то не могли установить очевидность его преступленій, потому что онъ обыкновенно врвался въ ихъ дома во мракѣ ночи и покидалъ дѣвицъ. Онъ былъ виновенъ и во многихъ другихъ подобныхъ жестокостяхъ».

Первые дни правленія новаго господаря прошли въ преслѣдованіи немногочисленныхъ приверженцевъ его предшественника. Произошло нѣсколько сраженій, окончившихся неудачей для Василія, который долженъ былъ бѣжать за Днѣстръ въ «земли казакъ». Тотъ же арабскій путешественникъ сравниваетъ несчастія престарѣлаго молдавскаго ех-господаря съ испытаніями ветхозавѣтнаго Іова. «Онъ потерялъ тогда всѣхъ своихъ родственниковъ,— говоритъ Павелъ Алеппскій,— друзей, даже жену и дѣтей и всё свои богатства. Потомъ онъ лишился также своего зятя, сына

Хмеля (то-есть Тимоша, сына Богдана Хмельницкаго), извѣстнаго смѣлаго наѣздника».

— Гдѣ теперь твоя способность различать вещи? Гдѣ обиліе твоихъ богатствъ?—спрашиваетъ Павелъ.

— Ты всѣми теперь покинуть,—отвѣчаетъ за него арабскій туристъ.—Правду говорилъ тотъ, кто сказалъ: «когда сходить опредѣленіе свыше, то слѣпнуть очи». Если бы Василій не былъ хорошимъ наѣздникомъ, то не могъ бы спастись отъ руки своихъ враговъ...

Послѣ этихъ размышленій, въ «Путешествіи» Павла находимъ подробное описаніе и перечисленіе сокровищъ, взятыхъ новымъ господаремъ у Василя: на ста арбахъ везли золото, серебро и предметы роскоши, оружіе, сѣдла, мѣха,—«все такія вещи, что и цари ихъ не имѣли». Но эти богатства, доставшіяся Стефану такъ легко, очевидно, не принесли ему счастья.

Управившись съ внутренними врагами, новый господарь приступилъ къ исполненію своихъ вассальныхъ обязанностей по отношенію къ Турціи. Въ сентябрѣ того же года онъ отправилъ въ Константинополь обычное посольство. Послы передали султану списокъ суммъ, которыя новый правитель Молдавіи обѣщалъ выдать турецкому правительству за полученіе престола: султану—30.000 левовъ, визирю—30.000, капикехаѣ—15.000 и столько же остальнымъ чиновникамъ, въ общемъ—болѣе 100.000 левовъ. Но когда визирь узналъ, что у Стефана еще нѣтъ наличныхъ денегъ, и что суммы эти—простое обѣщаніе, то категорически заявилъ посламъ, что для назначенія Стефанъ долженъ гдѣ нибудь занять эту сумму. Впрочемъ, вскорѣ султанъ повѣрилъ своему вассалу и 28-го сентября послалъ ему обычные подарки—роскошное знамя, большое бѣлое перо, два кафтана, великолѣпнаго арабскаго коня съ сбруей и сѣдломъ и кусокъ бархату на обивку трона. Въ отвѣтъ на это Стефанъ переслалъ для раздачи въ Стамбулѣ первую часть обѣщанной дани.

Правленіе Стефана отличалось беспокойнымъ характеромъ. Онъ далъ полную свободу грекамъ-фанаріотамъ, и вліяніе ихъ вскорѣ дало себя знать во всѣхъ областяхъ молдавской жизни. Прежде всего, славянскіе учителя были изгнаны изъ яесской коллегіи, недавно только устроенной Василемъ Лупу, и мѣсто ихъ заняли греки. Во-вторыхъ, Стефанъ окружилъ себя нѣмцами-тѣлохранителями. Ихъ отрядъ охранялъ господарскій дворецъ. Когда извѣстный Гильдебрандтъ прибылъ въ столицу Молдавіи и подошелъ къ дворцовымъ воротамъ, то нашелъ ихъ запертыми, и на его стукъ изнутри двора спросили:

— Wer ist da?

И нѣмецкій миссіонеръ былъ несказанно удивленъ, услышавъ окликъ часовыхъ на его родномъ языкѣ. Но главное, за что Сте-

фанъ навлекъ на себя гнѣвъ со стороны высокой Порты и всеобщую ненависть,—была его дружба съ Ракоци и тайные планы относительно изгнанія турокъ изъ Европы, положенные въ основу стараго и всегда новаго восточнаго вопроса. О нихъ мы расскажем нѣсколько подробнѣе, такъ какъ въ поѣздкѣ Стефана въ Москву принимала участіе и героиня нашего разсказа, его вторая жена Стефанида.

Сношенія молдавскаго господаря съ Москвой начались еще въ 1654 году. Послѣ смерти Тимоша, сына Богдана Хмельницкаго, подъ стѣнами Сочавской цитадели, Стефанъ примирился съ опечаленнымъ этой утратой гетманомъ и сталъ искать случая, чтобы заинтересовать своими политическими проектами московскаго царя, на котораго только и можно было надѣяться.

Алексѣй Михайловичъ также прекрасно понималъ всю выгоду союза съ приднѣвскими господарями, и 7-го февраля того же года писалъ Стефану слѣдующее:

— Вѣдомо намъ, великому государю, учинилось, что на молдавскомъ владѣтельствѣ учинился ты, Стефанъ воевода. А къ намъ ты о томъ не писывалъ. И тебѣ бы, для единныя истинныя нашея православыя вѣры, нашего царскаго величества милости поискать, и съ нашими бояры и воеводы ссылатися, и вѣдомо намъ о всякихъ порубежныхъ дѣлахъ и вѣстяхъ давати. А будетъ Янъ-Казимиръ, король польскій и великій князь литовскій, учнетъ къ тебѣ присылать просити помочи на нашихъ подданныхъ, на гетмана Богдана Хмельницкаго и на все войско запорожское, хотя благочестивыя церкви христіанскія разорити и вѣру, гонителемъ латынникомъ, которые ищутъ всегда искорененія благочестивыя нашея христіанскія вѣры греческому закону и церквямъ Божіимъ разоренъя,—ничѣмъ не помогаль бы и про замысли ихъ вѣдомо намъ чиниль.

Стефанъ принялъ русскаго посла радушно и теперь лично подтвердилъ живую готовность служить русскимъ интересамъ. Вскорѣ въ Молдавію прибылъ извѣстный «старецъ» Арсеній Сухановъ, который зналъ Стефана еще по своему прежнему пріѣзду въ Яссы. Арсеній также извѣстилъ царя о томъ, что молдавскій воевода «радъ служить царю наипаче прежнихъ воеводъ». Эти факты подали Стефану мысль самому и уже активно «поискать царской милости», а затѣмъ быть «подъ государевой высокой рукой», со всей Молдавской землей. Результатомъ этой переписки было посольство въ Россію сочавскаго митрополита Гедеона и ближняго, вѣрнаго боярина и логоѳета, Григорія Накула.

Это было въ апрѣлѣ 1656 года. Случилось такъ, что молдавскіе послы прибыли въ Москву въ неудобное время, такъ какъ Алексѣй Михайловичъ готовился къ отъѣзду на театръ военныхъ дѣйствій со шведами. Митрополитъ Гедеонъ, видно, самъ почув-

ствовалъ, что исходъ его мисси не можетъ быть удачнымъ, и поэтому заранѣе оправдывалъ передъ царемъ своего господаря:

— Какъ прислалъ великое твое царствіе посла твоего къ намъ насъ приводить къ покоренію подъ честныя твои стопы,—напоминалъ молдавскій митрополитъ царю,—и въ то время господарь нашъ хотѣлъ съ великой радостью и всей душой и всѣмъ сердцемъ поклониться и покориться великому твоему царствію. Только было не время, понеже ото всѣхъ странъ мы были ограждены отъ нечестивыхъ турокъ и татаръ и отъ иныхъ невѣрныхъ. И невозможно было намъ объявить, что хотимъ покориться твоему царствію, чтобъ турки и татары не свѣдали. Да и Молдавская земля тогда не похотѣла; понеже, какъ бы свѣдали турки и татаровя,—и господаря нашего извели бы, и Молдавскую землю всю разорили бы. Вѣсть и нынѣ къ намъ доходитъ, что крымскій ханъ со всей своей силой хочетъ итти на помощь ляхамъ, и насъ съ собою имать насупротивъ твоей царской рати.

Послѣднее извѣстіе оказалось справедливымъ. Оно еще больше повліяло на то, что молдавскихъ пословъ въ приказѣ кормили одними обѣщаніями, но относительно главнаго пункта ихъ дѣла, относительно освобожденія румынъ отъ турокъ при помощи Россіи, по обыкновенію отмалчивались. Такая же медлительность продолжалась и впослѣдствіи, когда Гедеонъ вернулся въ Молдавію, почему дальнѣйшіе переговоры о подданствѣ молдаванъ и активныя дѣйствія противъ турокъ долженъ былъ начать уже самъ Стефанъ. Въ это самое время изъ Москвы ему отвѣчали, что еще не время предпринимать «безъ мѣшкоты» походъ противъ турокъ... Среди безплодной переписки проходило время, и, наконецъ, Стефанъ съ грустью извѣстилъ Алексѣя Михайловича, что «жесточайшій и хитрый непріятель, туретчинъ, совѣтъ нашъ извѣдалъ и меня съ государства моего изогналъ».

Въ этомъ изгнаніи были замѣшаны, какъ оказалось, поляки, слѣдившіе за сношеніями молдавскаго господаря съ Москвою. Когда султанъ убѣдился, что планы Москвы и Молдавіи — не простая угроза, то отдалъ приказъ Стефану немедленно явиться въ Адрианополь, чтобы по стародавнему обычаю «поцѣловать полы его платья», послѣ чего Стефанъ могъ снова вернуться въ Молдавію. Но наученный долгимъ опытомъ своихъ предшественниковъ Стефанъ не пожелалъ ѣхать къ султану. Онъ зналъ, что его ожидаетъ тамъ вѣрная гибель отъ подобнаго «цѣлованія полы султанскаго платья», и, такимъ образомъ, не исполнилъ приказанія своего сюзерена. Вскорѣ онъ получилъ ввторую, болѣе энергичную бумагу, въ которой говорилось уже объ отставкѣ господаря и лишеніи его трона. Тогда Стефанъ бѣжалъ въ Трансильванію, къ своему другу, семиградскому князю Георгію Ракоци, котораго постигла подобная же участь одновременно съ молдавскимъ господаремъ. И Ракоци былъ смѣщенъ съ престола за тайную измѣну Портѣ.

Въ Венгріи Стефанъ владѣлъ нѣсколькими помѣстьями. Проживъ около года вмѣстѣ съ Стефанидой, не покидавшей своего мужа, Стефанъ рѣшилъ сдѣлать послѣднюю попытку и вернуть себѣ прежнюю власть. Въ этомъ ему помогъ Ракоци. Съ отрядомъ венгерскихъ войскъ Стефанъ вернулся въ Молдавію и напалъ около Тыргу-Фрумуса на войска новаго молдавскаго господаря, Георгія Гики, но былъ разбитъ и ушелъ навсегда изъ страны, которой управлялъ такъ недолго и такъ несчастливо. Сначала скитался по Венгріи и Австріи, затѣмъ отправился въ Москву. Но и здѣсь его постигла та же неудача.

Теперь Стефанъ не могъ ожидать помощи отъ прежнихъ друзей, такъ какъ къ этому времени Ракоци уже не былъ въ живыхъ. Онъ палъ въ битвѣ съ турками, и изъ всѣхъ сторонниковъ молдавскаго ех-господаря осталось нѣсколько бывшихъ придворныхъ да Стефанида. Хронистъ Некульча сохранилъ намъ разсказъ объ этой романической по обстоятельствамъ и третей по счету женитьбѣ молдавскаго господаря на Стефанидѣ, которую черезъ десять лѣтъ прочили въ невѣсты царю Алексію Михайловичу.

Первая супруга Стефана скончалась еще въ то время, когда онъ былъ простымъ бояриномъ и служилъ при дворѣ Василія Лупу. Молодой вдовецъ долго грустилъ и горько оплакивалъ свою тяжелую потерю. Однажды онъ встрѣтился съ боярышней Сафта, происходившей изъ старой молдавской фамиліи Боештій. Сафта была бѣдна, знатна и очень красива. Встрѣча произошла при необыкновенныхъ условіяхъ. Боярышня ѣхала въ Яссы въ возкѣ, который въ румынской лѣтописи сохранилъ старинное названіе «рыдвана». Вдругъ по дорогѣ показалась группа всадниковъ. Среди нихъ былъ Стефанъ. Увидавъ красавицу, онъ велѣлъ своимъ спутникамъ остановить возокъ, затѣмъ, неспросивъ позволенія у Сафты, пересѣлъ съ коня въ ея экипажъ и приказалъ кучеру повернуть къ его дому. Молодая боярышня такъ очаровала Стефана, что онъ не задумался жениться на ней. «Вотъ какимъ образомъ Сафта стала господарыней!» — заканчиваетъ свой разсказъ Некульча.

Впрочемъ, увлеченіе Стефана продолжалось недолго. Это была, какъ замѣчаетъ тотъ же хронистъ, «вспышка соломы», потому что вскорѣ, оставляя Трансильванію, Стефанъ отослалъ свою господарыню обратно въ Молдавію, къ ея родителямъ, потому что больше не любилъ ея, а полюбилъ другую. Это была «женщина изъ дома его первой жены, Штефанія Михайлова». Отправляясь въ чужія земли, Сафта взяла ее съ собой, вѣроятно, не подозрѣвая, что Стефанія окажется ея разлучницей.

Итакъ, съ этого времени Стефанида всюду слѣдуетъ за своимъ мужемъ, раздѣляя съ нимъ всѣ его неудачи и до самой смерти не покидая своего больного мужа, скончавшагося на чужбинѣ.

Судя по тому, что въ молдавскихъ лѣтописяхъ за Стефанидой сохранилось отчество «Михайловна», приходится сдѣлать предположеніе относительно ея русскаго происхожденія, что намъ представляется вполне возможнымъ, и надо думать, что въ ея сватовствѣ за Алексѣя Михайловича послѣднее обстоятельство сыграло какую нибудь роль—или въ пользу ея, или напротивъ.

Наконецъ государь-изгнанникъ рѣшилъ «поискать милости» въ Москвѣ. Заручившись проѣзжей грамотой императора Леопольда, осенью 1662 года онъ выѣхалъ изъ Вѣны въ Россію. Въ концѣ ноября Стефанъ послалъ псковскому воеводѣ, князю Ѳедору Долгорукому, своего гонца со слезной грамотой, въ которой указывалъ на то, что пострадалъ онъ отъ «турскаго тиранства» не столько по своей винѣ, сколько изъ-за своей симпатіи къ «царскому престолу», и обѣщалъ при свиданіи сообщить московскому царю планы, которые будутъ «нѣкогда пожиточны всему христіанству». Но онъ долго и напрасно ожидалъ отвѣта отъ воеводъ, которымъ запрещалось вступать въ какія бы то ни было сношенія съ иностранцами; а когда Стефанъ рѣшилъ самовольно перебраться черезъ русскія границы, то въ Москвѣ остались недовольны нераспорядительностью воеводъ, «учинившихъ негораздо»: пустившихъ молдавскаго государя за рубежъ и безъ должнаго указа давшихъ ему и его свитѣ «великаго государя жалованье—муки ржаной и пшеничной, соли, вина и иного корму». Но это еще не все. Воеводамъ было приказано выпроводить Стефана за предѣлы Россіи въ Нейгаузенъ и тамъ держать его, пока изъ Москвы не будетъ соотвѣтствующихъ распоряженій о пропускѣ его самого и свиты.

Время шло въ томительныхъ ожиданіяхъ. Стефанъ не находилъ объясненія недовѣрчивости со стороны его давнишнихъ друзей, русскихъ. Пользуясь свободнымъ временемъ, Стефанида и ея спутницы занялись вышивкой великолѣпнаго ковра, который предназначался въ подарокъ московскому царю. Въ концѣ мая коверъ былъ поднесенъ Алексѣю Михайловичу, и въ описи о немъ было сказано, что «коверъ шить по бархату червчатому волоченымъ золотомъ».

Этотъ холодный приѣмъ, вытекавшій изъ общеизвѣстной подозрительности русскихъ властей къ иностранцамъ, былъ тяжелымъ ударомъ для Стефана, до того времени не знавшаго русскихъ обычаевъ. Онъ могъ ожидать самаго радушнаго приѣма, какъ чловѣкъ, пострадавшій во имя обще-христіанской идеи. Несмотря на то, теперь его не пускали даже за рубежъ. Онъ терялся въ догадкахъ.

— Ночь и день слѣшилъ я, — жаловался Стефанъ псковскому воеводѣ, — чтобы, какъ можно скорѣе, приѣхать къ престолу царскаго величества, но здѣсь теперь напрасно теряю время. Ни

пищи, ни питья для моихъ людей, ни корму для коней не могу здѣсь найти.

Но къ этимъ жалобамъ псковскіе воеводы и власти попрежнему остались глухи.

Тогда Стефанъ рѣшилъ написать обо всемъ самому Алексѣю Михайловичу. Отъ его письма, написаннаго 29 декабря, подъ живымъ впечатлѣніемъ приказа объ удаленіи его изъ Россіи, вѣсть чѣмъ-то необыкновенно мрачнымъ, удручающимъ.

— Нынѣ въ царствіе твое пріѣхавъ, превеликимъ утѣшеніемъ сердце разливалось, помышляючи, что по маломъ времени милосерднѣйшимъ вашего величества зрѣніемъ наслаждаться возмогу,— говоритъ Стефанъ. — Но надежды оныя, какъ вижу, отпадаютъ, понеже отсюда изъ Печеръ со стыдомъ лица въ городокъ Невгозію, въ государство пресвѣтлаго королевскаго величества свейскаго, понуждаюсь отойти, и тамъ нѣсколько мѣшкать буду.

Но, какъ бы спохватившись, что слова его могутъ показаться царю обидными, Стефанъ переходитъ къ лести и оправданіямъ:

— А то бы было незаконно, чтобы я поропталъ противъ вашего царскаго величества или судебъ Божіихъ... Но то или несчастье мое, или, какъ нѣкоторые злорадные люди неправдою вашему величеству доносили, что и помыслить о словѣ государскомъ нелѣпо есть, понеже слова царей и владѣтелей христіанскихъ, которые суть намѣстники Божіи, должны быть непремѣнны. Всегда и на всякомъ мѣстѣ, гдѣ буду, всегда обѣщаніе мое вещью самою вашему величеству засвидѣтельствую. Аще мнѣ назначаете и милостивый отвѣтъ получу, то готовъ буду передъ свѣтлымъ лицомъ вашего величества явиться. Тогда уразумѣте непобѣдимое ваше величество, что все мое обѣщаніе для общаго христіанскаго добра будетъ имѣться.

Едва ли въ Москвѣ могли теперь интересоваться какимъ-то «общимъ христіанскимъ добромъ», такъ какъ посольство Мейерберга достаточно убѣдило болѣе трезвыхъ политиковъ XVII вѣка въ безуспѣшности всякихъ начинаній въ борьбѣ противъ турокъ. Тѣмъ не менѣе, Стефану было разрѣшено перебраться за рубежъ, впрочемъ, какъ лицу частному. Въ концѣ марта изъ Пскова послали въ Новый Городокъ «добраго досужаго дворянина» для приѣма воеводы Стефана съ женой и всей свитой; кромѣ того, было приказано отпустить для него, сколько потребуется, корму и подводъ, «примѣнясь къ посольскимъ большимъ статьямъ». Въ росписи продовольствія Стефану и Стефанидѣ значилась разнаго сорта рыба,— дѣло было въ великомъ посту,—пряности, двѣ головы сахару по три фунта да питье — «по шесть чарокъ вина двойного, по кружкѣ ренскаго или вина церковнаго, по кружкѣ романей и шпанскаго, по кружкѣ меду паточнаго по кружкѣ меду цыженаго и по ведру пива добраго на день.»

Въ Псковѣ Стефанъ былъ принятъ довольно торжественно, какъ тогда говорили, «по посольскому обычаю». Здѣсь онъ узналъ, что ему позволено ѣхать въ Москву, но опять съ ограниченіями: безъ жены и большой свиты, которою онъ, по всей вѣроятности, надѣялся удивить русскій дворъ.

— А то бы ты въ оскорбленіе не ставилъ, что ѣхать тебѣ одному, — передавали воеводы Стефану царскій указъ, — понеже путь учалъ быть послѣдній, и вскорѣ совсѣмъ никоимъ обычаемъ ѣхать нельзя будетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ это самое время настала обычная весенняя распутица, и дорога представляла массу трудностей. Часть пути пришлось совершать даже по рѣкѣ. Наконецъ, 8-го мая Стефанъ въѣхалъ въ Москву чрезъ заставу изъ села Чергизова, гдѣ останавливался послѣдній разъ передъ прибытіемъ въ столицу. Къ Стефану былъ назначенъ особый приставъ, дворянинъ Александръ Мещериновъ, которому приказано каждый день посѣщать молдавскаго воеводу, исполнять всѣ его желанія, но относительно политическихъ вопросовъ соблюдать всяческую осторожность:

— А буде учнетъ воевода спрашивать о великихъ дѣлахъ, — и ему отговариваться, что онъ человѣкъ служилый, такова дѣла слышать ему не случалось.

Такое предписаніе получилъ Мещериновъ отъ управляющаго Посольскимъ приказомъ, извѣстнаго дьяка Алмаза Иванова. При первомъ же свиданіи съ Стефаномъ, опытный въ подобныхъ дѣлахъ Ивановъ осторожно и издалека завелъ разговоръ о прежнихъ сношеніяхъ Алексѣя Михайловича съ молдавскимъ господаремъ и какъ бы вскользь заявилъ, что со стороны московскаго царя и раньше никогда и ничего не обѣщалось въ дѣлѣ помощи балканскимъ христіанамъ противъ турокъ.

Но Стефанъ не понялъ этого прозрачнаго намека на исходъ предстоящаго ходатайства, потому что былъ всецѣло увлеченъ грандіознымъ проектомъ изгнанія турокъ изъ Европы. Въ это время онъ составлялъ стройный планъ союза христіанскихъ правителей противъ полумѣсяца. Отъ своего проекта онъ ожидалъ очень много и попрежнѣму надѣялся, что, ознакомившись съ нимъ, Алексѣй Михайловичъ немедленно начнетъ войну съ турками, быть можетъ, даже вернетъ ему престолъ... Съ особенной радостью Стефанъ сообщалъ, между прочимъ, что 40.000 плѣнныхъ христіанъ, томящихся въ неволѣ въ татарской землѣ, «учинили крестное цѣлованіе повстать противъ татаровъ, только бы который князь христіанскій противъ тѣхъ сторонъ нѣчто почалъ». Но и это сообщеніе не произвело должнаго эффекта на Алексѣя Михайловича, и приѣмъ, назначенный Стефану на 29-е мая, не имѣлъ официальнаго характера. Мещериновъ привезъ Стефана въ каретѣ, взятой изъ государевой конюшни, провелъ его папертью

Благовѣщенскаго собора и затѣмъ, чрезъ Красное крыльцо, въ столовую избу. Алексѣй Михайловичъ допустилъ молдавскаго воеводу къ своей рукѣ, освѣдомился о здоровьѣ, о проектѣ же, такъ занимавшемъ Стефана, не говорено было ни слова. Такой же характеръ носилъ и вторичный пріемъ, назначенный Стефану черезъ двѣ недѣли. Упомянувъ о немъ, московскіе официальные источники нашли необходимымъ замѣтить, что у царя былъ «молдавскій владѣтель въ столовой избѣ», но произошло это «просто», и при свиданіи «рѣчей никакихъ не было»

Съ грустью выѣхалъ Стефанъ изъ Москвы, не приласкавшей его ни однимъ словомъ, обманувшей всѣ его надежды, и поспѣшилъ къ Стефанидѣ, оставшейся со свитой и боярынями во Псковѣ, а оттуда—за рубежъ Россіи. Положеніе господара-изгнанника было необыкновенно тяжелое. Не смѣя возвратиться на родину, безъ друзей и безъ средствъ, съ грандіознымъ политическимъ проектомъ, казавшимся всѣмъ несбыточной мечтой, больной Стефанъ долженъ былъ искать поддержки у европейскихъ государей и до конца дней своихъ скитаться, пользуясь милостью и милостынями отъ знатныхъ особъ. Прежде онъ былъ богатъ. Кое-что изъ своихъ сокровищъ ему удалось получить изъ Молдавіи: одинъ возъ, наполненный драгоценностями, при бѣгствѣ Стефана какъ-то незамѣтно для его враговъ пробрался въ Венгрію, но онъ скоро истратилъ и эти средства. Ему приходилось брать деньги взаймы у вѣнскихъ евреевъ, оставляя въ залогъ вещи, стоимостью въ шесть разъ больше займа. Иногда онъ раздавалъ сравнительно большія суммы, чтобы получить доступъ къ вліятельнымъ лицамъ, по-прежнему обѣщая имъ сообщить «нѣчто необыкновенно важное для всего христіанства», но во всемъ и всюду за нимъ слѣдуетъ роковая неудача.

Въ 1665 году мы видимъ его въ Стокгольмѣ, при дворѣ малолѣтняго Карла XI, затѣмъ—въ Штеттинѣ. Резидентомъ при шведскомъ королѣ въ это время былъ извѣстный Николай Спаарій Милеску, назначенный довѣреннымъ лицомъ еще въ правленіе Стефана. Можно себѣ представить, какъ радостна была встрѣча этихъ румынъ-изгнанниковъ, послѣ долгой разлуки встрѣтившихся на чужбинѣ. Румынская рѣчь, воспоминанія о прежнихъ дняхъ—все это снова воскресило въ душѣ бывшаго господара надежды на возвращеніе престола, быть можетъ, поселило увѣренность въ осуществленіе его завѣтныхъ плановъ. Кромѣ Спаарія, Стефанъ засталъ къ Стокгольмѣ русскаго чиновника Посольскаго приказа, извѣстнаго Григорія Котошихина, который занятъ былъ составленіемъ своихъ правдивыхъ «Записокъ» о Россіи. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ объ отношеніяхъ русскаго бѣглеца къ несчастному румынскому господарю, потерпѣвшему неудачу въ Россіи; но очень возможно, что, говоря объ излишней подозрительности русскихъ вла-

стей къ иностранцамъ, Котошихинъ имѣлъ въ виду и случай со Стефаномъ.

Спаарій сдѣлалъ много добра для своего господаря и бывшаго покровителя. Насколько послѣдній не пользовался здѣсь расположеніемъ и былъ всѣмъ въ тягость, настолько Спаарій удивлялъ всѣхъ своей начитанностью, казался блестящимъ богословомъ, талантливымъ писателемъ. Французскимъ резидентомъ въ Швеціи въ это время былъ извѣстный Арно де-Помпоннъ, племянникъ другого, болѣе знаменитаго Арно, который считался главой поръ-рояльскихъ ясенистовъ. Де-Помпоннъ въ это самое время интересовался богословскимъ вопросомъ о пресуществленіи св. даровъ. Знакомый съ постановленіями яскаго собора, на которомъ шла рѣчь о томъ же богословскомъ предметѣ, Спаарій оказался очень кстати для пытливаго посланника и богослова-любителя. Между прочимъ, румынскій уполномоченный посѣщалъ католическое богослуженіе, но выражалъ стойкость въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ.

— Я былъ удивленъ, встрѣтивъ въ уроженцѣ страны, столь близкой къ границамъ Татаріи, человѣка съ такимъ богатымъ общимъ образованіемъ и такого полиглота,—говорилъ о немъ де-Помпоннъ.—Спаарій хорошо владѣетъ латинскимъ языкомъ, хотя, по его признанію, знаетъ греческій еще лучше. Онъ знакомъ съ исторіей, главнымъ образомъ, церковной.

Въ Помераніи Стефана мучили страшные приступы подагры. Бурно проведенная жизнь, всякаго рода излишества и рядъ неудачъ разстроили его здоровье. Еще живя въ Москвѣ, предъ отъѣздомъ, онъ жаловался думному дьяку Алмазу Иванову на свои болѣзни:

— Человѣкъ я ужъ старый и добрымъ здоровьемъ не располагаю. Люди мои разсѣяны, а имущество разрознено и оставлено въ разныхъ мѣстахъ. Если я не позабочусь во-время, то въ старости буду терпѣть большіе убытки и тяжелую бѣдность.

Предположенія его сбылись буквально. Теперь онъ жилъ только изъ милости на хлѣбахъ своихъ новыхъ покровителей. Шведскій король далъ изгнаннику какой-то замокъ, такъ какъ къ этому времени у Стефана не было уже ровно никакихъ средствъ. Въ концѣ іюня онъ пишетъ Фридриху-Вильгельму, что матеріальныя дѣла его совсѣмъ плохи: два года онъ не получаетъ пенсіи изъ стокгольмскаго кабинета, всѣ секретари его разбѣжались, ни одинъ докторъ не можетъ вылѣчить его мучительную болѣзнь и т. д. Послѣдняя надежда бывшаго господаря оставалась на французскаго короля, Людовика XIV, который, по его словамъ, «дѣлаетъ для него гораздо больше, чѣмъ остальные правители».

Не получая отвѣта на свое письмо, Стефанъ рѣшается продать послѣдніе остатки своего прежняго состоянія. Это былъ огромный

брильянтъ, въ одиннадцать съ половиной каратъ. Этотъ рѣдкій брильянтъ давно уже находился у вѣнскаго закладчика еврея Френкеля. Стефанъ пишетъ электору, что многіе короли и раньше высказывали желаніе купить у него этотъ крупный камень, но онъ отказывался продавать его, и только крайняя нужда, стучащаяся въ его двери, заставляетъ разстаться съ драгоценной вещью. Электоръ отвѣчалъ, что черезъ три мѣсяца онъ прибудетъ въ Берлинъ и тогда лично осмотритъ брильянтъ. Но этотъ срокъ казался обѣднѣвшему ех-господарю слишкомъ долгимъ. Поэтому онъ позволилъ Френкелю продать его немедленно, пользуясь приготовлениями къ бракосочетанію австрійскаго императора. Изъ кабинета Фридриха-Вильгельма было выдано Стефану 4.000 левовъ; изъ нихъ Стефанъ переслалъ электору 1.000 левовъ для выкупа золотого креста съ дорогими камнями, находившагося также въ закладѣ. Интересно, между прочимъ, что въ сохранившейся до нашего времени выкупной квитанціи Стефанъ далъ удостовѣреніе закладчику въ томъ, что съ него не были взяты проценты.

Еще черезъ годъ Стефанъ проситъ шведскаго короля дать ему какую нибудь усадьбу, гдѣ онъ могъ бы болѣе спокойно провести остатки своей горестной и несчастной жизни.

— Вѣдь приближается весна, время поѣздовъ,—говоритъ Стефанъ,—быть можетъ, и я смогу бы что нибудь сдѣлать по этой части...

«Вѣдный господарь,—прибавляетъ къ этому румынскій историкъ А. Ксенополь,—онъ думаетъ теперь о земледѣліи!» Но король отвѣтилъ Стефану, что не намѣренъ отдавать въ аренду своихъ помѣстій. Такимъ образомъ, дѣла большого господаря становились все хуже и хуже. Тогда онъ еще разъ вспомнилъ о Москвѣ, гдѣ былъ принятъ такъ холодно пять лѣтъ передъ тѣмъ. Осенью 1668 года Стефанъ обратился къ царю Алексѣю Михайловичу съ просьбой разрѣшить ему и Стефанидѣ пріѣхать въ Россію, и здѣсь, «въ христіанской странѣ», прожить остатокъ мятежныхъ дней. Просьба была уважена, и вскорѣ изъ Москвы получился отвѣтъ. Впрочемъ, Стефанъ не забылъ, какъ пристава «выдерживали» его и окружали излишними заботами. Онъ боялся теперь только одного, что его заставятъ жить въ опредѣленномъ домѣ и не позволятъ выходить на улицу.

— Милости прошу у тебя, великій государь,—прибавлялъ онъ въ письмѣ къ Алексѣю Михайловичу,—когда буду у твоего царскаго величества въ Москвѣ, то чтобы мнѣ свободно было посѣщать церкви Божіи и монастыри, по вѣрѣ молиться, и въ городъ ѣздить, и у знакомыхъ бывать безъ всякихъ препятствій, а не сидѣть въ одномъ только мѣстѣ...

На эту роскошь онъ могъ, кажется, вполне надѣяться, и въ концѣ 1668 года сталъ уже собираться въ дорогу, но приступы

болѣзни заставили его отложить поѣздку. Очень тяжелое впечатлѣніе производитъ послѣднее письмо Стефана къ электору, помѣченное 21 января 1669 года. Онъ чувствуетъ дыханіе смерти, хочеть отблагодарить своихъ покровителей за всѣ прежнія благодѣянія, въ особенности, за докторовъ, которые облегчали его страданія: «но, если мнѣ суждено будетъ вскорѣ покинуть этотъ свѣтъ, то я просилъ бы униженно на смертномъ одрѣ: окажите покровительство женѣ моей, давъ ей свободный пропускъ въ ея отечество чрезъ ваши владѣнія, и окажите ей такую же милость и гостеприимство, какъ и мнѣ»...

Перваго февраля 1669 года Стефанида Михайловна извѣстила электора о смерти своего супруга. Она получила позволеніе перевезти прахъ Стефана-Георгія въ Молдавію, а вмѣстѣ съ тѣмъ ей было назначено какое-то содержаніе и сейчасъ же выдана субсидія. Румынскіе историки думаютъ, между прочимъ, что Стефанида дѣйствительно перевезла прахъ своего мужа въ Молдавію и похоронила его въ основанномъ имъ монастырѣ Кашинѣ, хотя ни одна изъ надгробныхъ надписей не упоминаетъ о царственномъ покойникѣ, за исключеніемъ косвеннаго показанія фресокъ, на которыхъ изображены «воевода Стефанъ-Георгій» и «госпожа его Стефанида».

Мы уже знаемъ о пріѣздѣ Стефаниды въ Россію и ея неудачномъ сватовствѣ. Въ какія отношенія она стала бы къ властямъ и къ умной Софіи, какъ она повела бы себя по отношенію къ другимъ пасынкамъ и падчерицамъ, смогла ли бы она произвести на свѣтъ такого богатыря—Петра, какъ Наталья Кирилловна,—всѣ эти вопросы болѣе интересны для психологіи, чѣмъ для исторіи документальной. Ей не суждено было стать русской царицей. 22 января 1671 года Москва праздновала бракосочетаніе Алексѣя Михайловича съ Натальей Кирилловной. Вмѣстѣ съ извѣстіемъ объ этой «всемірной радости» разсылалось и раздавалось «великаго государя жалованье»—зварь, коврижки, короваи, сыръ и ширинки, «отъ своего царскаго величества радостнаго стола».

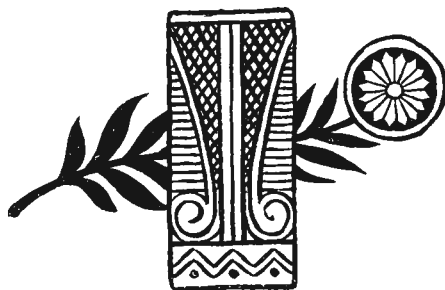
Тѣ же самыя лица, которыя такъ недавно выражали сочувствіе царскому горю по поводу кончины его первой супруги, теперь поздравляли его съ вступленіемъ въ бракъ, сообщали ему о наступленіи «благопріятнаго времени», о ликованіи всего народа и объ отслуженныхъ молебнахъ, снова прося государя о присылкѣ жалованья отъ царскаго стола. Тотъ же Барановичъ немедленно составилъ «отъ избытка» чувствъ новую «книжицу», посвященную «благословенію Господню на новый бракъ». Теперь она предназначалась не для утѣшенія скорбнаго царя, а «въ сладость, яко словеса Христовы».

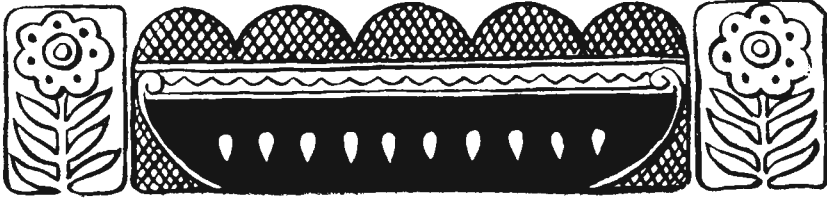
Судьба молодой молдавской государыни-красавицы, которая невольно стала искательницей приключеній, можетъ составить великолѣпную канву для историческаго романа. Мы можемъ только

представить себѣ всѣ перемѣны въ ея странной судьбѣ: скромная фрейлина молдавской господарыни Сафты—и счастливая супруга воеводы Стефана; богатство и блескъ молдавскаго двора—и бѣдная обстановка старика-изгнанника на чужбинѣ; мечты о царскомъ вѣнцѣ и титулѣ московской царицы—и печальный конецъ въ безвѣстности.

Если мы станемъ внимательно вглядываться въ лицо Стефаниды, если мы захотимъ разгадать выраженіе этихъ красивыхъ чертъ, прочесть тайну огромныхъ прекрасныхъ глазъ, величаво и спокойно устремленныхъ на зрителя съ каменной стѣны монастырскаго храма,—то всѣ наши попытки будутъ напрасны: мы ничего не узнаемъ, что могло бы пролить свѣтъ на загадочную судьбу Стефаниды, потому что невѣдомый художникъ оставилъ намъ только абстрактный образъ красивой домны, въ теченіе двухъ вѣковъ безмолвно смотрящей съ холодной византійской фрески.

А. И. Яцимирскій.

РАЗСКАЗЫ ОЧЕВИДЦЕВЪ О ЗАВОЕВАНІИ РУССКИМИ САМАРКАНДА И О СЕМИДНЕВНОМЪ СИДЪНІИ.

ПРОЖИВАЯ въ настоящее время въ Забайкальской области, я случайно встрѣтила въ Кяхтѣ двухъ сартовъ, очевидцевъ паденія Самарканда. Они отбыли каторжныя работы, срокъ поселенія и теперь, свободные, занимаютъ частныя мѣста. Съ ихъ словъ я записала интересные рассказы о завоеваніи русскими г. Самарканда и о «семидневномъ сидѣніи». Эти рассказы заслуживаютъ вниманія уже потому, что, къ сожалѣнію, участниковъ и очевидцевъ тѣхъ историческихъ событій, о которыхъ я говорю, остается уже не много: одинъ за другимъ они сходятъ со сцены, и встрѣченные мною сарты приближаются къ преклонному возрасту.

Повѣствованія сартовъ интересны, какъ выраженіе личныхъ взглядовъ и впечатлѣній рассказчиковъ, бывшихъ не только свидѣтелями, но и участниками патріотическаго движенія въ пользу защиты г. Самарканда отъ приближающагося опаснаго непріятели, а вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь, какъ въ зеркалѣ, отражается и общее настроеніе тогдашнихъ жителей г. Самарканда, ихъ колебаній, волненій, смѣнившихся, наконецъ, признаніемъ русскаго военнаго гения. Достоверность рассказовъ я могла оцѣнить, проживъ въ Туркестанѣ болѣе четырнадцати лѣтъ, изъ нихъ десять въ Самаркандѣ, и познакомившись съ исторіей края, какъ по письменнымъ источникамъ, такъ и по рассказамъ многихъ лицъ¹⁾.

¹⁾ Прежде записанные мною въ г. Самаркандѣ четыре рассказа очевидцевъ: одного сарта, двоихъ русскихъ отставныхъ солдатъ и одной самаркандской еврейки, были напечатаны въ «Туркестанскомъ литературномъ сборникѣ» 1899 г., изданномъ по инициативѣ покойнаго туркестанскаго генералъ-губернатора С. М. Духовскаго, лично привлекавшаго сотрудниковъ.

I.

Рассказъ Комбельбоя, сарта, уроженца города Самарканда, нынѣ сторожа въ Троицкосавскомъ полицейскомъ управленіи, названнаго по принятіи имъ прародства Константиномъ Богдановымъ.

Отецъ мой былъ турокъ, поселившійся въ Самаркандѣ, мать— сартянка. Отцу моему было лѣтъ шестьдесятъ, а мнѣ двадцать три года, когда прошелъ слухъ о томъ, что русскіе идутъ на Самаркандъ. Мой старшій братъ былъ въ то время женатъ и имѣлъ двоихъ дѣтей, мать умерла года за два до прихода русскихъ. У отца была мясная лавка на базарѣ. Братъ мой велъ полевое хозяйство, я же помогалъ отцу въ торговлѣ. Я не любилъ торговли, мнѣ нравилось лучше скакать на дикой лошади, драть козла ¹⁾, вступать въ единоборство. Удаляю я съ дѣтства отличался.

Конечно, весь Самаркандъ взволновался, узнавъ, что русскіе двигаются изъ Джизака къ намъ. У насъ были два русскихъ солдата, убѣжавшихъ къ намъ, чтобы избавиться отъ тяжкаго наказанія, къ которому они были приговорены, не знаю за какія преступленія. Этыхъ двухъ солдатъ я хорошо помню. Оба приняли магометанство и обѣщали обучать насъ военному дѣлу. Одинъ изъ нихъ высокій, худой. Его назвали Усманомъ. Другой невысокаго роста, широкоплечій, очень сильный сохранилъ свою русскую фамилію Богдановъ. Ихъ обоихъ назначили полковниками: Богданова командиромъ артиллеріи (онъ былъ артиллеристомъ), а Усмана

¹⁾ Драть козла—одно изъ любимыхъ развлеченій сартовъ. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Самарканда, въ мѣстности, называемой Афросіабъ, на равнинѣ, окруженной высокими песчаными холмами, собирается удалая молодежь верхомъ на бойкихъ лошадяхъ. Старики взбираются на вершины холмовъ и съ вершины самаго высокаго холма съ отвѣсной стороны его бросаютъ удалыцамъ, ожидающимъ у подножія горы, живого козла. Въ данномъ случаѣ козелъ изображалъ собою шайтана (чорта). Козла подхватываютъ на лету удалыцы. Счастливецъ, а иногда и двое или трое, овладѣвъ несчастнымъ животнымъ, преслѣдуемые соперниками, мечутся по равнинѣ въ разныя стороны до тѣхъ поръ, пока козелъ не бываетъ разорванъ на мелкія части. Если удалецъ, схватившій козла, успѣваетъ сохранить въ своихъ рукахъ хоть часть животнаго, особенно голову, онъ получаетъ призъ. Со времени покоренія русскими г. Самарканда «байга» или спортъ этого рода не былъ уничтоженъ, но было запрещено драть живого козла. Съ вершины афросіабской горы присутствующіе почетные гости-русскіе съ командующимъ войсками Самаркандской области во главѣ бросаютъ (исполнителями являются тутъ старшины аксакалы) уже убитаго раньше козла. Съ вершины холма вся равнина, во время погони за козломъ, кажется кипящею кашей. Ничего нельзя разсмотрѣть въ сплотившейся двухъ-трехтысячной толпѣ, кромѣ движущихся, мечущихся головъ всадниковъ. Покойный графъ Николай Яковлевичъ Ростовцевъ, незабвенный въ лѣтописяхъ Самарканда, вездѣ распространявшій своимъ присутствіемъ свѣтъ, радость и блескъ, самъ раздавалъ призы, да не одному, а нѣсколькимъ удалыцамъ, и такіе призы, которыхъ сарты не получали до него: роскошные шелковые халаты, серебряныя вещи и др.

командующимъ пѣхотой. Они учили насъ стрѣлять, маршировать, приучали къ дисциплинѣ и порядку. И Богдановъ, и Усманъ говорили, что русскихъ немного, что они усталые и голодные, и что бояться нечего.

Самаркандскій бекъ колебался, защищать ли городъ или нѣтъ: онъ ждалъ распоряженія отъ бухарскаго эмира, а муллы напротивъ въ мечетяхъ, на базарахъ и на площадяхъ горячо взывали къ защитѣ родного города и знаменитыхъ мечетей, разгорячили народъ, требовали войны. Въ медресе Тилла-Кали собрали совѣтъ изъ выбранныхъ участковыхъ представителей, чтобы обсудить мѣры къ защитѣ города. Сдѣлали это самовольно, не спросясь бека. Нашъ отецъ былъ на этомъ совѣтѣ и рассказалъ дома, что тамъ произошли страшные беспорядки. Бекъ разсердился, когда узналъ, что вопросъ рѣшается безъ него, и послалъ на собраніе своихъ приближенныхъ и отрядъ сарбасовъ (мѣстныхъ солдатъ). Приближенные бека спорили и ссорились съ муллами, дошло до драки, вмѣшались сарбасы, стали стрѣлять въ народъ. Горожане убили представителей со стороны бека и нѣсколькихъ сарбасовъ. Произошла общая свалка. Болѣе всѣхъ пострадали муллы. Солдаты не только многихъ убили и ранили, но и разграбили ихъ имущество, а въ самомъ медресе досталось и живущимъ тамъ ученикамъ, ихъ выгнали изъ келлій и завладѣли ихъ жалкимъ скарбомъ.

Несмотря на такое противодѣйствіе со стороны бека, сарты волновались и готовились къ войнѣ. Ихъ ожесточила присылка сарбасовъ на совѣтъ въ Тилла-Кали, и они не обращались больше къ беку. Рѣшено было не подпускать русскихъ къ самому городу и для этого занять Чупанаты, песчаный холмъ у самой рѣки Зеравшана, не имѣющей вслѣдствіе своей быстрины и лѣтнихъ разливовъ ни переправъ, ни мостовъ. (Такъ какъ рѣка эта не глубока, то сарты переправляются верхомъ въ бродъ или на арбахъ). Мѣстность эта находится верстахъ въ восьми отъ города.

Мы полагали, что, во-первыхъ, русскіе не посмѣютъ переходить въ бродъ незнакомую быструю рѣку, а, во-вторыхъ, если бы и вздумали отважиться, то во время труднаго перехода мы перебьемъ ихъ съ возвышенности всѣхъ поголовно. Позиція наша была очень выгодна. Богдановъ вызвался поставить артиллерію, собралъ охотниковъ, рылъ окопы, дѣлалъ траншеи, устанавливалъ пушки. Было больше двадцати пушекъ направлено на Зеравшанъ. Я былъ въ числѣ охотниковъ. Всѣ мы воодушевляли другъ друга и дошли до увѣренности, что прогонимъ русскихъ. Я былъ вполне счастливъ. Я думалъ тогда, что самое лучшее дѣло въ мірѣ—это война, а люди воюющіе—самые счастливые. Какъ я былъ глупъ! Я былъ вездѣ тѣнью Богданова и убѣгалъ только затѣмъ, чтобы узнать, что дѣлаетъ Усманъ. А этотъ собралъ конную милицію и

пѣхотинцевъ и предположилъ встать съ нею за горой, чтобы напасть на русскихъ съ тыла. И Усмана, и Богданова нельзя было отличить отъ сартовъ. Они брили волосы и носили, какъ мы, чалмы и халаты.

Не знаю, прислалъ ли эмиръ свое согласіе на защиту города, или все сдѣлалось само собою, но только ко дню прихода русскихъ самаркандскій бекъ бѣжалъ изъ города, а бухарскія войска, тысячъ до пятнадцати, стоявшія лагеремъ въ окрестностяхъ города, присоединились къ намъ. И такъ мы заняли Чупанаты и равнину. У насъ было все готово, мы ждали русскихъ.

Посланный на развѣдки конный джигитъ прискакалъ на разсвѣтѣ на Чупанаты, а затѣмъ въ городъ и сообщилъ, что непріятель уже верстахъ въ двадцати отъ города. Это было 1-го мая 1868 года.

Мы, защитники и охотники, а также и войска, ночевали на Чупанатахъ. Отецъ далъ мнѣ наканунѣ пистолеть и саблю, а самъ вооружился ружьемъ. Извѣстіе джигита всѣхъ подняло на ноги и взволновало. Кажется, многіе только теперь поняли, что наступаетъ страшный часъ, что дѣйствительно намъ предстоитъ встрѣтить опаснаго врага и защищать отъ него родной городъ. Меня точно подмывало, я не могъ стоять на мѣстѣ, сбѣжалъ съ горы въ равнину и оттуда обернулся къ своимъ. Вся гора была усѣяна защитниками, пестрѣли красные, желтые, синіе, бѣлые халаты и бѣлыя чалмы. Издали гора казалась цвѣтникомъ или пестрымъ ковромъ. Еще прибывали защитники изъ Самарканда и становились кому, гдѣ угодно. Я воротился на вершину горы и занялъ свое мѣсто подлѣ Богданова. Онъ и другіе начальники были веселы, а, глядя на нихъ, повеселѣли и всѣ. Мы были увѣрены въ побѣдѣ. Мы говорили: чего не сдѣлали ташкентцы, то сдѣлаютъ самаркандцы! Я не выпускалъ изъ рукъ пистолета. Я воображалъ, что мое оружіе будетъ бить версты на двѣ и уничтожить не одного человѣка, а десятерыхъ за-разъ. Богдановъ ¹⁾ наводилъ пушки на то мѣсто, гдѣ должны были расположиться русскіе.

Было часовъ десять утра. Появился непріятель и остановился на берегу Зеравшана. Русскіе, должно быть, тотчасъ же увидѣли насъ, потому что всѣ козырьки повернулись въ нашу сторону. Изъ толпы непріятели выдѣлились нѣсколько сартовъ въ богатыхъ одеждахъ и направились въ намъ на Чупанаты. То были послы, отправленные эмиромъ къ генералу Кауфману для переговоровъ. Я узналъ потомъ, что эмиръ обѣщалъ впустить русскихъ въ Самаркандъ безъ боя, а въ городѣ встрѣтить ихъ и подписать мирный торговый договоръ. Пословъ радостно встрѣтили защит-

¹⁾ Впослѣдствіи Богдановъ оказалъ русскимъ громадную услугу и тѣмъ искупилъ свои преступленія.

ники, и командиры наши окружали ихъ. Мы удивлялись, что они вернулись живыми изъ русскаго лагеря. Они говорили, что генералъ послалъ ихъ узнать, почему эмиръ обманулъ его, и почему вмѣсто почетныхъ лицъ города его встрѣчаетъ войско. Такъ какъ эмира не было ни на Чупанатахъ, ни въ Самаркандѣ, то и некому было отвѣчать за него генералу. Я не помню, возвратились ли послы въ русское войско или поѣхали прямо къ эмиру въ Кермине. Наши пушки дали залпъ. Должно быть, прицѣлъ былъ хорошъ, потому что среди непріятели произошло волненіе, и русскіе отодвинулись на другое мѣсто внѣ выстрѣла. Ихъ верховые джигиты переправились на другой берегъ Зеравшана и, протянувъ за собою черезъ рѣку канатъ, привязали конецъ его къ деревьямъ. Русскіе начали переправляться, держась за канатъ и другъ за друга. Всѣ мы стрѣляли. Пушечные снаряды, кажется, перелетали черезъ головы, но ружейныя пули попадали, хотя немногія. Видно было, что то тутъ, то тамъ падалъ солдатъ, и Зеравшанъ быстро проносилъ трупы. Но это не мѣшало русскому войску двигаться впередъ. Мы удивлялись: Зеравшанъ разлился на нѣсколько рукавовъ, русскіе переходили одинъ, вступали на землю, стряхивали воду и тотчасъ же шли черезъ другой рукавъ. Точно какая-то сила несла ихъ впередъ и впередъ. Съ Чупанаты гремѣли выстрѣлы, а они часть за частью все шли. Вотъ первые вышли на равнину, бросились на спины, подняли ноги и начали ими болтать. (Выливали воду изъ сапогъ). А другіе шли и шли за ними, выходили на землю и продѣлывали то же самое. Мы подумали, что они колдуютъ. Передніе строились плотными рядами, къ нимъ примыкали рядъ за рядомъ другіе. Наши ядра перелетали имъ черезъ головы, ружейныя пули не достигали. Казалось, что это не люди, а духи войны. И вотъ они построились и двинулись на насъ. Идутъ плотною стѣною. Мы стрѣляемъ, опять стали попадать. Я самъ видѣлъ, какъ то тутъ, то тамъ упадетъ солдатъ, а они сомкнутъ рядъ и не останавливаясь прутъ впередъ, какъ будто наши выстрѣлы имъ нипочемъ. Идутъ и идутъ. Ихъ шапки съ большими торчащими козырьками (кѣпи), ихъ ноги, которыя въ видѣ частокла то поднимаются, то опускаются, наводили на насъ страхъ. Я пересталъ стрѣлять, стою, точно окаменѣлъ. Они все ближе и ближе. Слышится глухой гулъ шаговъ: тупъ-тупъ, тупъ-тупъ. Казалось, шла невѣдомая сила, которую ничѣмъ нельзя ни остановить, ни разсѣять, и которая сама раздавить и уничтожить все, что попадетъ ей на пути. Наши въ ужасѣ стали отодвигаться назадъ. Я помню, что въ паникѣ бросилъ свой пистолетъ и пустился бѣжать, что было силъ. Всѣ бѣжали, стараясь опередить другъ друга. Сзади слышалось ур-ра!.. Русскіе брали пустую гору, если не считать брошенныхъ пушекъ, ружей, провіанта. Насъ нѣкоторое время преслѣдовали. Сарбасы бросали не только оружіе,

но и верхнюю одежду, такъ какъ боялись, чтобы жители, узнавъ въ нихъ солдатъ, не избили ихъ за то, что они бѣжали. Они не смѣли появиться въ Самаркандѣ и разсѣялись по киплакамъ (деревнямъ) и ближнимъ городамъ. Мы же, ополченцы, бѣжали по своимъ саклямъ въ Самаркандѣ. Когда я пришелъ домой, отецъ былъ уже дома. Сначала онъ мрачно взглянулъ на меня, а потомъ подперся руками въ бока и расхохотался.

— Ай-да защитники!—крикнулъ онъ.

Молча стали обѣдать. Отецъ потрепалъ меня по плечу и опять сказалъ:

— Ну, что могли мы, неумѣлые, сдѣлать, если бухарское войско первымъ пустилось въ бѣгство?

Братъ безпокоился о томъ, что теперь будетъ. У меня въ душѣ кипѣли стыдъ и злоба, но я молчалъ. Мысли роились у меня въ головѣ, я затаилъ ихъ. Братъ совѣтовалъ намъ бѣжать изъ Самарканда, онъ указывалъ на то, что многіе бѣгутъ, кто въ сады, кто въ кишлаки. Но отецъ не былъ трусомъ и сказалъ, что нужно ждать какихъ нибудь распоряженій старшинъ и кази. Многіе дѣйствительно бѣжали, а другіе ходили по улицамъ и чего-то ждали, какъ нашъ отецъ. Братъ отправилъ въ кишлакъ жену свою и дѣтей еще наканунѣ, а теперь и самъ ушелъ, оставивъ насъ съ отцомъ ожидать событій. Большинство сосѣдей полагало, что русскіе придутъ разорять городъ, и тутъ начинались споры: одни говорили, что нужно защищать свои сакли, другіе увѣряли, что это бесполезно, потому что русскимъ помогаетъ нечистая сила.

Къ вечеру пришелъ кази. Онъ сказалъ, что старшины совѣщались, что на совѣтѣ рѣшено выбрать почтенныхъ представителей населенія, отправить ихъ чуть-свѣтъ въ русскій лагерь на Чупанаты и черезъ нихъ просить генерала Кауфмана вступить въ городъ мирнымъ путемъ и расположиться въ Самаркандѣ, какъ дома, что онъ найдетъ жителей покорными и готовыми исполнять все его требованія.

Старшины рассчитали вѣрно, что такую покорностью самаркандцы спасутъ наши славныя мечети, жилища, имущество и самую жизнь людей. Кази говорилъ, что иначе и поступать нельзя, такъ какъ войскъ въ городѣ нѣтъ, а у жителей нѣтъ ни оружія, ни умѣнья воевать.

Моего отца выбрали также въ число представителей, такъ какъ онъ былъ старъ, уменъ и богатъ. На него наложили налогъ доставить русскому войску быка. Все избранные были богатые люди, и все должны были уплатить дань русскому войску въ видѣ барановъ, риса, муки для солдатъ, клевера и ячменя для лошадей. Часть убытка, конечно, приняло на себя населеніе.

Часовъ въ восемь вечера съ Чупанатъ грянула пушка (заря), да такъ, что, казалось, весь Самаркандъ дрогнулъ. Люди выбѣжали

изъ саклей, и во всемъ городѣ поднялись крики и вопли. Всѣ поняли, какая гроза можетъ разразиться надъ городомъ.

Съ разсвѣтомъ, отославъ сперва провіантъ для войска, отправились въ лагерь и сами старшины съ выборными представителями.

Молодежь, мои сверстники и я, хотя и покорились судьбѣ, но не были довольны принятымъ рѣшеніемъ. Намъ казалось постыднымъ самимъ приглашать въ городъ опаснаго врага.

Генералъ Кауфманъ принялъ предложеніе старшинъ и выборныхъ вступить въ городъ и появился въ немъ торжественно. Впереди ѣхали представители, а за ними генералъ и войско. Многіе сарты при видѣ русскихъ кланялись, другіе убѣжали, убѣжалъ и я. Братъ, бродившій въ окрестностяхъ города, пришелъ узнать, въ чемъ дѣло. Отецъ рассказывалъ намъ, что генералъ Кауфманъ— очень добрый, хорошій человекъ, что онъ черезъ переводчика успокаивалъ населеніе, просилъ сообщить всемъ жителямъ, что онъ пришелъ съ мирными намѣреніями и приглашаетъ всѣхъ бѣжавшихъ изъ города возвратиться къ своимъ занятіямъ.

Предложеніе генерала всемъ понравилось, люди успокоились, открылся базаръ, стали торговать и работать.

Вскорѣ я узналъ, что Богдановъ пойманъ русскими на Чупанатахъ, и что онъ арестованъ.

О моемъ отцѣ не даромъ говорили, что онъ уменъ. Онъ сумѣлъ войти въ милость у русскихъ командировъ и сдѣлался поставщикомъ продовольствія для арміи; онъ честно доставлялъ свѣжій товаръ и получалъ хорошія деньги, золотомъ. Обѣ стороны были довольны. Въ Самаркандѣ вообще все шло благополучно: русскіе были добры и ласковы, за все щедро платили, сарты старались имъ угодить.

Но въ сосѣднихъ кишлакахъ и другихъ городахъ сарты волновались. Они не участвовали въ защитѣ Самарканда, а теперь выражали намъ свое неудовольствіе и упрекали въ томъ, что мы недостаточно храбро дѣйствовали на Чупанатахъ, а потомъ и совсѣмъ безъ боя отдали Самаркандъ. Они не хотѣли признать главенства русскихъ и собирались возстать и освободить городъ отъ иноземцевъ. Китабскій бекъ, или правитель, Джурабекъ, пользовался славою умнаго и храбраго человека. Онъ-то и подстрекалъ къ непокорности. Онъ собиралъ войско и черезъ джигитовъ приглашалъ и самаркандцевъ подъ свое начальство. Я убѣжалъ къ Джурабеку. Онъ повелъ собранное имъ войско на гору Каратюбе, верстахъ въ сорока отъ Самарканда, куда ожидали прибытія еще отрядовъ ополченія изъ ближнихъ кишлаковъ. Русскіе какъ-то узнали объ этомъ. Генералъ выслалъ отрядъ разогнать шайку Джурабека. Русскимъ приходилось итти черезъ рѣку Доргомъ. Тутъ было селеніе Мухалинской волости, и сады селенія примыкали къ дорогѣ. Мухалинцы сломали мостъ черезъ Доргомъ, чтобы задержать рус-

скихъ, но это ихъ не остановило. Они перешли рѣку въ бродъ и стали подниматься на Каратюбе. Мы увидѣли сверху опять плотную стѣну солдатъ, которая, казалось, дойдетъ до насъ и раздавить. Наши наѣздники выскакивали вразсыпную, стрѣляли въ нихъ и скакали назадъ заряжать ружья, а русскіе всё шли. Когда они подошли на выстрѣлъ и дали залпъ, когда кое-кто изъ нашихъ упалъ или убитымъ, или раненымъ,—Джурабекъ ускакалъ, а вся шайка его разсѣялась. Многіе бѣжали въ сады Мухалинской волости, въ числѣ ихъ и я. Мухалинцы ждали насъ, какъ побѣдителей, но узнавъ, что Джурабекъ бѣжалъ, возмущались его поступкомъ и сами взяли за оружіе. Они рассчитывали стрѣлять изъ засадъ въ то время, когда отрядъ будетъ возвращаться, и уничтожить его. Мы присоединились къ нимъ. Всѣ засѣли, насъ было человѣкъ до пятисотъ, кто притаился у щелей дувала (глинянаго забора), кто вскарабкался на деревья и спрятался въ густыхъ вѣтвяхъ, кто прилегъ на плоскихъ крышахъ саклей.

Русскіе ничего не подозрѣвали. Когда отрядъ возвращался, они шли весело, свободно, даже пѣли пѣсни, а когда проходили мимо дувала садовъ, ихъ осыпали выстрѣлами: убили переводчика, нѣсколькихъ солдатъ и ранили двухъ офицеровъ. Я стоялъ у дувала, выстрѣлилъ въ кого-то и хотѣлъ вновь заряжать ружье, какъ надъ самой моей головой раздались крики: ура! Русскіе лѣзли черезъ дуваль. Они не убѣжали и не разсѣялись отъ нашихъ выстрѣловъ, а рѣшились наказать мухалинцевъ. Они были разсержены и не щадили никого, не обращали вниманія ни на полъ, ни на возрастъ. Шла охота. Солдаты бѣгали по садамъ, ловили нашихъ, били прикладами, кололи штыками, стрѣляли въ тѣхъ, что сидѣли на деревьяхъ. Было избито до трехсотъ человѣкъ, считая женщинъ и дѣтей. Искали виновныхъ по саклямъ, но кто успѣлъ убѣжать, былъ въ это время далеко. Я попался офицеру, который хотѣлъ застрѣлить меня изъ револьвера, но я бросилъ ружье и сложилъ руки, ставъ передъ нимъ на колѣни. Онъ велѣлъ связать меня и вести въ Самаркандъ. Я сознался, что я самаркандецъ, изъявившій покорность. Меня посадили въ тюрьму.

Отецъ, узнавъ объ этомъ, сталъ хлопотать и просить за меня, ссылаясь на мою молодость и глупость. Командиры, знавшіе отца лично, сжалились и отдали меня ему на поруки.

Я далъ отцу слово сидѣть тихо дома и торговать въ лавкѣ. Я старался сдержать слово и въ возстаніи другихъ волостей, посылавшихъ шайки, не участвовалъ.

Но я былъ дѣйствительно глупъ и молодъ. Я увлекался.

Джурабекъ, хотя и былъ разбитъ на Каратюбе, но не оставлялъ своего намѣренія помѣряться съ русскими. Онъ работалъ втайнѣ. Вошелъ въ сношенія съ чиликскимъ бекомъ, Омаръ-бекомъ, съ шахрисябскимъ Баба-бекомъ и съ Омаромъ-Хаджой. Омаръ-Хаджа

былъ имамъ, потомокъ святого Мартумъ-Азамъ. Его всѣ уважали и слушались. Онъ жилъ въ Дагбитѣ (селеніе верстахъ въ двадцати отъ Самарканда). Между ними шли тайные переговоры. Въ Самаркандѣ жили персіянинъ Абдуль-Саматъ, мирохуръ (полковникъ при прежнемъ самаркандскомъ бекѣ), и Шукуръ-бекъ (правитель, бывший давно въ отставкѣ). Этихъ двухъ вліятельныхъ лицъ Омаръ-Хаджа, должно быть, склонилъ на свою сторону, и всѣ замѣтили, что къ нимъ часто ночью пріѣзжали джигиты отъ Омара-Хаджи. Въ Дагбитѣ, въ домѣ Омара-Хаджи, происходили совѣщанія, куда съѣзжались беки и самаркандскіе Абдуль-Саматъ съ Шукуръ-бекомъ. Мы ничего не знали, а только догадывались, что готовится нѣчто. Я сторалъ любопытствомъ, и во мнѣ снова проснулся духъ войны. Наконецъ стали распространяться слухи, что готовится большое общее возстаніе, и ждуть только удобнаго случая. Я охотно сталъ сидѣть въ лавкѣ цѣлые дни, такъ какъ новости можно было услышать скорѣе всего на базарѣ. Новости чаще всего разносили диваны, или дуваны (юродивые). Они поютъ священныя пѣсни, говорятъ тексты изъ корана, укоряютъ людей за грѣхи, проповѣдуютъ раскаяніе и жизнь по корану. Иногда рассказываютъ сказки религіознаго содержанія. Живутъ же они подаеніемъ. Дивано носятъ такую странную одежду, что отличается отъ всѣхъ, и его можно издали узнать. Напримѣръ, носятъ рубаху, сшитую изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, шапку въ видѣ колпака съ сахарной головы, желтую, красную, иногда съ бубенчиками на концѣ, халатъ половина желтый, половина синій, ходитъ дивано почти всегда босой, даже и зимою.

Въ то время, какъ готовилось возстаніе, особенно много появилось юродивыхъ. Диваны запѣли совсѣмъ новыя пѣсни. Они стали проповѣдывать возстаніе, говорили горячо, настраивали жителей на воинственный ладъ, клеймили позоромъ тѣхъ, кто колеблется принять участіе въ общемъ народномъ движеніи. Молодежь жадно слушала ихъ, каждый сартъ старался уловить такого дувано и заставить его говорить передъ своей лавкой. Ихъ угощали, имъ давали денегъ гораздо больше, чѣмъ обыкновенно. Можетъ быть, тутъ были не все настоящіе дуваны: такъ умно могли говорить только муллы да студенты, ученики, живущіе въ медресе.

Русскіе не знали ничего, они не понимали нашего языка и не могли прислушиваться къ толкамъ на базарѣ. Иногда солдатъ или офицеръ проходилъ мимо дивана въ то время, когда тотъ взывалъ къ поголовному истребленію русскихъ, но, не зная сартскаго языка, проходившій поневолѣ былъ глухъ. Иногда же, если горячая рѣчь съ восклицаніями и жестами обращала на себя вниманіе когонибудь изъ русскихъ, и насъ спрашивали, указывая на дувана, что онъ говоритъ,—то обыкновенно ктонибудь указывалъ на небо и отвѣчалъ: Алла, Магометъ. Мы, не зная русскаго языка,

догадывались, о чем спрашиваетъ русскій, по жестамъ, а онъ, зная слова Алла и Магометъ, понималъ, что ему отвѣчаютъ, и съ улыбкой кивалъ головою. Бывало и такъ, что недогадливые ничего не отвѣчали, а только отрицательно качали головами. Русскіе и за это не сердились, они знали, что всякій изъ насъ выучился говорить по-русски только то, что ему нужно было для торговли. Я, напримѣръ, узналъ: говядина, баранина, сало, пудъ, фунтъ, рубли, копейки, а больше ничего; продавецъ матерій зналъ: шелкъ, мата, адрасъ, аршинъ, рубли, копейки; также и другіе. Проповѣди юродивыхъ пробудили чуть не во всемъ городѣ геройскій духъ и ненависть къ русскимъ, такъ какъ съ базара новости разносились по домамъ и обсуждались въ семьяхъ. Но русскимъ не давали замѣтить нашего настроенія; съ ними были вѣжливы и предупредительны.

Я съ отцемъ ничего не говорилъ о готовящемся возстаніи, а онъ притворялся, что ничего не знаетъ, и продолжалъ доставлять русскому войску провіантъ.

Всѣ ждали со дня на день объявленія возстанія.

Почти мѣсяцъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ русскіе заняли Самаркандъ. Въ это время генераль Кауфманъ вынужденъ былъ нѣсколько разъ высылать отряды для усмиренія возставшихъ волостей и успѣвалъ въ этомъ. Представивъ себѣ, что жители Самарканда совершенно покорны, а окружающія волости усмирены, генераль въ послѣднихъ числахъ мая отправился съ войскомъ въ Катта-Курганъ, гдѣ долженъ былъ встрѣтить эмира. Въ Самаркандѣ же въ крѣпости оставилъ только одинъ (VI-й) баталіонъ. Это было признано удобнымъ случаемъ. Всѣ понимали, что дѣло освобожденія должно совершиться теперь, иначе мы не освободимся никогда. Тотчасъ по уходѣ генерала намъ было объявлено, чтобы мы вооружались, что нами будетъ руководить Омаръ-Хаджа, сборный пунктъ назначенъ близъ Чупанатъ, а день—2-е іюня. Муллы, объявляя такое рѣшеніе главарей возстанія, разъяснили при этомъ и планъ дѣйствія.

Они слышали, что генераль ѣдетъ въ Катта-Курганъ для подписанія мирнаго договора, но думали, что эмиръ обманетъ, какъ это было передъ Самаркандомъ. Они были увѣрены, что эмиръ вмѣсто подписанія торговаго мирнаго договора въ Катта-Курганѣ встрѣтитъ генерала Кауфмана у стѣнъ города съ войскомъ и разобьетъ его. Мы же, въ числѣ сорока тысячъ человекъ, уничтожимъ оставленный баталіонъ и двинемся въ тылъ непріятели. Ну, что такое одинъ баталіонъ?—думали мы:—махнемъ рукой, и его не будетъ!

Приготовление кипѣло. Богатые сарты зарывали свои цѣнныя вещи въ ямы, скотъ угнали въ камыши и сады, женъ и дѣтей отправили на арбахъ въ сосѣдніе кишлаки или сады. Люди вооружились, кто чѣмъ могъ. Мы снова были увѣрены въ побѣдѣ. Я ногъ подъ собою не слышалъ, а леталъ, какъ на крыльяхъ.

Передъ отъѣздомъ генераль Кауфманъ собралъ участковыхъ и волостныхъ старшинъ и объявилъ имъ, что онъ оставляетъ городъ спокойнымъ и возлагаетъ на нихъ обязанность смотрѣть за порядкомъ въ своихъ участкахъ. Въ случаѣ же появленія какой нибудь шайки немедленно давать знать барону Штемпелю, коменданту крѣпости, чтобы онъ могъ разсѣять её. Въ противномъ случаѣ участковымъ грозила личная отвѣтственность. Тѣ дали обѣщаніе строго слѣдить. Вѣроятно, вслѣдствіе такого распоряженія генерала и обѣщанія старшинъ, оставшіеся русскіе были увѣрены въ своей безопасности и не обращали вниманія на то, что тотчасъ же послѣ выступленія генерала въ городѣ началось большое движеніе, люди сновали туда и сюда, скрипѣли арбы, отвозившія женъ, дѣтей и домашній скотъ, блеялъ и мычалъ скотъ, прогоняемый за городъ. Скакали джигиты въ разные концы.

Мой отецъ долженъ былъ доставить 2-го іюня въ крѣпость нѣсколько барановъ, но вечеромъ 1-го числа скрылся. Всѣ сарты заперли свои лавки на базарѣ, съ тѣмъ, чтобы не отпирать ихъ, пока всё не успокоится. Оставили русскихъ безъ съѣстныхъ припасовъ и въ ночь на 2-е іюня отвели отъ крѣпости воду. Въ ту же ночь всѣхъ, у кого не было оружія, собрали въ мечеть Руговодъ, и тамъ Шукуръ-бекъ и мирохуръ вооружали народъ. Кому досталось ружье, кому ножъ, кому палка съ металлическимъ шаромъ на концѣ. Тотчасъ же послѣ вооруженія всѣ отправились къ сборному пункту.

Утромъ 2-го іюня мы подошли къ городу и, раздѣлившись на три части, стали одновременно съ трехъ разныхъ сторонъ входить въ Самаркандъ. Нами, самаркандцами, командовалъ Омаръ-Ходжа. Старшины, чтобы спасти свои головы, побѣжали въ крѣпость предупредить коменданта тогда уже, когда мы входили въ городъ. Вслѣдствіе этого предупрежденія одна или двѣ роты русскихъ солдатъ вышли изъ крѣпости разсѣять, какъ они думали, шайку, но, завидѣвъ входящую массу непріятели, убѣжали назадъ въ крѣпость и уже не выходили во всё время возстанія ¹⁾. Мы, однако же, стрѣляли въ нихъ, нѣсколько человекъ упало, но упавшихъ русскіе подхватили и унесли съ собою.

Мы остановились въ нѣкоторомъ разстояніи отъ крѣпости. Беки взобрались на медресе и оттуда командовали. Изъ нашей конницы выскакивали впередъ человекъ по пятидесяти, стрѣляли въ крѣпость и тотчасъ же скакали назадъ заряжать ружья. Ихъ замѣняли другіе, тамъ третьи, чтобы не давать русскимъ покоя. Пѣшіе

¹⁾ Въ Самаркандѣ и особенно въ VI-омъ баталіонѣ, стоящемъ выѣвъ въ г. Ошѣ, защиту Самаркандской крѣпости со всѣми лишениями, которыя претерпѣвали осажденные и при громадномъ числѣ осаждавшихъ, называютъ «семидневнымъ сидѣніемъ».

также выдвигались впередъ, стрѣляли и прятались заряжать ружья. Омаръ-Ходжа приказалъ намъ, самаркандцамъ, занять лавченки, прислоненныя къ крѣпостной стѣнѣ, и оттуда стрѣлять въ щели стѣны прямо въ крѣпость. Въ мирное время въ этихъ лавченкахъ торговали мелочами, но теперь онѣ были пусты. Намъ велѣно было также, если возможно, просверлить съ осторожностью, чтобы русскіе не замѣтили, ходъ черезъ стѣну въ крѣпость. Мы заняли всѣ лавки и такимъ образомъ окружили крѣпость. Намъ было очень удобно. Выстрѣлы насъ не доставали, мы же свободно могли стрѣлять. Въ старой глиняной стѣнѣ щелей было много. Въ той лавкѣ, гдѣ я сидѣлъ съ товарищами, крѣпостная стѣна давала широкую и глубокую трещину. Мы перестали стрѣлять и занялись увеличеніемъ этой трещины и очисткою ея отъ глины. Наши ножи усердно работали. Около стѣны можно было перебѣгать изъ сакли въ саклю, не боясь выстрѣловъ. Изъ крѣпости насъ не было видно. Товарищи заглянули къ намъ. У насъ появилась желѣзная лопата и китмень. Всѣ понимали, какую важную работу мы начали. Мы хотя и торопились, а все-таки работали осторожно, чтобы насъ не замѣтили и не услышали изъ крѣпости раньше времени. Рѣшили прорыть коридоръ, черезъ который одинъ за другимъ мы могли бы незамѣтно очутиться въ крѣпости цѣлою массою. Товарищи сообщили намъ, что съ противоположной стороны крѣпости сарты сломали ворота и уже овладѣли единственною бывшею тамъ пушкою, и что русскіе всѣ заняты тамъ. Мы стали смѣлѣе постукивать лопатою. Всѣ хотѣли съ нетерпѣніемъ броситься на русскихъ съ этой стороны. Стѣна въ этомъ мѣстѣ была сажени двѣ толщиною. Мы работали попеременно. Я отдыхалъ въ саклѣ, когда проходъ былъ готовъ. Вотъ поползли наши, и одинъ за другимъ исчезали въ проходѣ, было тихо. Мы думали, что русскихъ тутъ совсѣмъ не было, и что наше дѣло удастся. Человѣкъ сто, должно быть, исчезло за стѣною. Я пробился черезъ толпу и тоже поползъ, но не успѣлъ я допознати какой нибудь аршинъ до выхода, какъ услышалъ шумъ, крики, стоны. Я хотѣлъ двинуться назадъ, но ноги мои оперлись въ чью-то голову, кто-то ползъ за мною. Въ ту же минуту одинъ изъ товарищей, бывшихъ въ крѣпости, захотѣлъ спастись и бросился въ проходъ, чтобы выползти назадъ, но стукнулся головою о мою голову и остался въ такомъ положеніи. Его русскіе за ноги вытащили на расправу. Я далъ пинка ногою въ голову того, кто слѣдовалъ за мною, и почувствовалъ, что проходъ освободился; пятясь я выбрался въ лавку и увидѣлъ страшную картину. Черезъ стѣну изъ крѣпости на площадь летѣли сарты. Стариковъ выбрасывали убитыми, а молодыхъ живыми, и эти молодые всѣ подѣлались калѣками: кто руки сломалъ, кто ногу, спину, а нѣкоторые разбивали черепъ и тутъ же умирали. Больше никто не отваживался ползти къ русскимъ, да они и проходъ завалили мѣш-

нами съ землей. Въ сакляхъ почти никого не осталось, но вскорѣ по распоряженію начальства лавченки снова были заняты, но мы почти не стрѣляли, а жались къ боковымъ стѣнкамъ, потому что русскіе догадались, въ чемъ дѣло, сами высматривали щели и падали въ насъ.

Къ вечеру я сильно усталъ, да и всѣ устали. Послѣ намаза мы стали отдыхать и не ходили больше къ крѣпости.

Ночью наши сторожевые по дорогѣ къ Катта-Кургану поймали русскаго джигита, посланнаго къ генералу Кауфману, вѣроятно, съ извѣстіемъ, что въ Самаркандѣ возстаніе. Бумаги отобрали, джигита убили.

Утромъ, когда я проснулся, то увидѣлъ въ крѣпости перемѣну. Всѣ наши лавченки кругомъ стѣны были уничтожены, а тѣ пушки, что мы бросили на Чупанатахъ, виднѣлись теперь на крѣпостной стѣнѣ. Мы поняли, что русскіе приготовились, и съ ними будетъ трудно справляться. Они теперь слѣдили за нами. Одинокихъ наѣздниковъ, скакавшихъ для выстрѣла, они ловко снимали съ сѣдла ружейными пулями, а пѣхотинцевъ, двигавшихся толпой, разбивали и разсѣивали выстрѣломъ изъ пушки. Наша увѣренность пропала, и мы стали дѣйствовать осторожнѣе: близко къ стѣнѣ никто не могъ приближаться.

Джурабекъ вызывалъ охотниковъ подкопать съ одной стороны стѣну крѣпости и повалить ее, но охотниковъ не нашлось. Между нимъ и Омаръ-Хаджею произошла ссора. Омаръ-Хаджа назначилъ отрядъ изъ самаркандцевъ для этой цѣли. Я примкнулъ къ партіи. Намъ повелъ Усманъ. Мы пробрались благополучно къ стѣнѣ и принялись рыть на большомъ протяженіи, разсѣлись, можетъ быть, на полуверсту. Ружейные выстрѣлы насъ не хватали, и дѣло шло сперва успѣшно, но потомъ русскіе стали бросать въ насъ отвѣсно со стѣны ручными гранатами¹⁾. Я помню, что схва-

¹⁾ Крѣпость спасъ тогда Богдановъ. Онъ все еще находился подъ арестомъ. Нѣсколько разъ онъ порывался встать въ ряды защитниковъ крѣпости, но его не выпускали, ему не довѣряли. Когда же сарты стали подкопывать стѣну, и осажденные стали поговаривать, что прогнать ихъ вылазкою по малочисленности невозможно, а выстрѣлы со стѣны бесполезны, и стали готовиться умереть поголовно съ оружіемъ въ рукахъ, Богдановъ выпросился изъ-подъ ареста, давъ слово разсѣять сартовъ, подкопывавшихъ стѣну. Онъ взялъ ручныя гранаты, подвинулся на выступъ стѣны настолько, чтобы не быть мишенью для выстрѣловъ снизу караулившихъ сартовъ съ готовыми ружьями, и принялся бросать гранаты отвѣсно за стѣну. Такъ прошелъ онъ отъ бухарскихъ воротъ къ самаркандскимъ сажень триста, на всемъ протяженіи, гдѣ работали сарты. Рабочіе дѣйствительно частью были перебиты, частью убѣжали. Устрашенные сарты работъ своихъ не возобновляли. Этимъ поступкомъ Богдановъ загладила свою вину въ прошломъ. Его не только простили, но и наградили Георгіемъ.

Эпизодъ этотъ передавъ былъ мнѣ отставнымъ унтеръ-офицеромъ 6-го баталіона, Василіемъ Петровымъ, рассказъ котораго я помѣстила въ «Туркестанскомъ Литературномъ Сборникѣ» въ 1899 году.

Л. Симонова.

тилъ одну такую гранату и бросилъ въ арыкъ, но я помню также, что Усманъ и многіе другіе были убиты, многіе ранены, только нѣсколькимъ человѣкамъ удалось убѣжать и въ томъ числѣ мнѣ. Болѣе никто не хотѣлъ итти на вѣрную смерть, продолжать начатое дѣло.

Джурабекъ говорилъ сначала, что будто бы старшій сынъ эмира, который былъ въ ссорѣ съ отцомъ, идетъ къ намъ на помощь съ войскомъ, что онъ возьметъ Самаркандъ и станетъ самаркандскимъ эмиромъ. Но это оказалось невѣрнымъ. Мы узнали, что сынъ эмира, поссорившись съ отцемъ, убѣжалъ въ Персію.

Джурабекъ очень сердился, что никто нейдетъ къ намъ на помощь, что самаркандцы дѣйствуютъ не довольно энергично, и что наконецъ его сарбасы (солдаты) ропщутъ на бесплодную войну. Бабабекъ во всемъ соглашался съ нимъ. Я не помню; на третій день или на четвертый оба бека со своими войсками ушли. Но передъ уходомъ сарбасы ихъ разграбили городъ. Они бѣгали изъ сакли въ саклю и забирали съ собою все, что попадалось подъ руку: ишаковъ, лошадей, верблюдовъ, одежду, провизію. Не обошлось безъ драки и безъ убійствъ. Самаркандскіе ополченцы и тѣ жители, которые не принимали участія въ возстаніи и оставались въ городѣ, сопротивлялись сарбасамъ, защищали свое имущество, такъ что на это утро война была перенесена въ самый городъ и сарты били сартовъ. Крики, суматоха, шумъ, я думаю, были слышны въ крѣпости.

Послѣ ухода бековъ Омаръ-Хаджа раздѣлилъ насъ по частямъ и выбралъ начальниковъ, а самъ остался во главѣ движенія.

Почти каждую ночь наши сторожевые по дорогѣ въ Катта-Курганъ ловили русскихъ джигитовъ, посланныхъ къ генералу Кауфману. Мы заботились, чтобы до генерала не дошли вѣсти о томъ, что дѣлается въ Самаркандѣ. Хотя русскіе держались твердо, но у нихъ не было ни воды, ни провіанта, и рано или поздно они должны были или умереть съ голода и жажды или сдаться. Еще Джурабекъ посылалъ имъ предложеніе сдаться и обѣщалъ всѣхъ оставить живыми, но ни при Джурабекѣ, ни послѣ него они не сдавались.

Дня три подъ командою Омаръ-Хаджи мы подходили къ крѣпости и стрѣляли въ русскихъ, а они попрежнему отстрѣливались, и не замѣтно было, чтобы они унывали или дѣлались вялыми.

Секретный джигитъ, котораго посылалъ Омаръ-Хаджа въ Катта-Курганъ, привезъ извѣстіе, что генералъ Кауфманъ и эмиръ бухарскій заключили миръ и подписали торговый договоръ, и что генералъ Кауфманъ собирается возвратиться съ войскомъ въ Самаркандъ. А велѣдъ за этимъ извѣстіемъ возвратился и самъ генералъ. Омаръ-Хаджа убѣжалъ въ Бухару, и многіе начальники разбѣжались. Оставшіеся въ Самаркандѣ ополченцы, не хотѣвшіе сложить оружіе, дрались съ русскими на улицахъ города.

Да, воевать съ горстью русскихъ, которыхъ мы думали смахнуть рукою, оказалось не такъ-то легко! Въ городѣ генераль дворилъ спокойствіе. Муллы намъ сказали, что хотя Самаркандъ и усмиренъ, но вредить русскимъ еще можно инымъ способомъ: ходить небольшими отрядами по дорогамъ, отбивать ихъ провіантъ и уничтожать тѣхъ солдатъ, которые будутъ сопровождать этотъ провіантъ. Не знаю, сколько составилось такихъ отрядовъ, только партія сартовъ, къ которой я присоединился, состояла изъ семнадцати человѣкъ.

Мы узнали, что около Каршей казаки скупаютъ клеверъ и другіе продукты. Мы отправились къ Каршамъ съ намѣреніемъ не дать этому обозу дойти до русскихъ. Мы засѣли въ кишпакъ (деревнѣ) Шурча, мимо котораго долженъ былъ прослѣдовать обозъ, и стали ждать. Жители кишпака боялись впустить насъ къ себѣ, чтобы потомъ не отвѣчать за это дѣло передъ русскими, но позволили поставить шалашъ вблизи кишпака у самой дороги и дали намъ лепешекъ. У всѣхъ насъ были заряженные ружья. Мы надѣялись дѣло свое выполнить въ точности, тѣмъ болѣе, что слышали, будто бы обозъ будутъ сопровождать пять—шесть казаковъ, не болѣе.

Цѣлый день мы караулили, наступила ночь, мы боялись заснуть, чтобы не пропустить русскихъ. Вотъ наконецъ показался обозъ. Мы услышали скрипъ арбяныхъ колесъ и голоса русскихъ. Впереди ѣхали верхомъ трое казаковъ. Въ темнотѣ нельзя было разсмотрѣть, сколько всѣхъ казаковъ было при обозѣ. Мы выскочили изъ шалаша и выстрѣлили въ передовыхъ. Кто-то изъ товарищей схватилъ подъ уздцы первую лошадь и остановилъ обозъ. Въ насъ посыпались выстрѣлы. Казаковъ оказалось человѣкъ двадцать пять. Семеро изъ насъ успѣли убѣжать, а десять были убиты и ранены.

Это была послѣдняя затѣя противъ русскихъ, въ которой участвовалъ сартъ Комель-бой.

Разсказчикъ былъ осужденъ на каторжныя работы въ Сибири за ограбленіе и убійство одного богатаго сарта.

Онъ отбылъ срокъ каторги и поселенія и теперь свободенъ.

Первые годы я работалъ въ рудникахъ Алгачъ,—разсказывалъ Комель-бой,—потомъ жилъ работникомъ въ деревняхъ по р. Чикою. Крестьянскій трудъ казался мнѣ очень тяжелымъ, и какъ только можно было перебраться въ городъ, я нашелъ мѣсто сторожа при троицкосавскомъ полицейскомъ управленіи, гдѣ служу и до сего дня.

Семнадцать лѣтъ тому назадъ Комель-бой принялъ православіе и женился на крестьянкѣ изъ деревни Беллютъ. Настоящее имя его—Константинъ Богдановъ. По общимъ отзывамъ, онъ хорошій старикъ, честный и трезвый, серьезно относящійся къ своимъ обязанностямъ.

Я спросила его, не желалъ ли бы онъ вернуться въ Самаркандъ къ своимъ сартамъ. Онъ отвѣчалъ отрицаніемъ.

— Теперь, — сказалъ онъ, — я русской вѣры, жена у меня русская, есть двое дѣтей, мальчикъ и дѣвочка. Я очень люблю своихъ дѣтей и жену. Моя баба работающая, добрая, мы живемъ дружно. Зачѣмъ мнѣ уходить? Да тамъ теперь никого и не осталось у меня. Отецъ, вѣроятно, умеръ давно, а братъ не любилъ меня и прежде. Я писалъ отцу два раза отсюда, но не получилъ отвѣта. Конечно, онъ давно умеръ, онъ и тогда былъ старикъ. Первые годы мнѣ здѣсь казалось очень холодно, но затѣмъ я привыкъ. Къ тому же есть шуба, теплая изба, горячая пища...

II.

Рассказъ Магомета Суфи, самаркандскаго жителя, ткача шелковыхъ матерій.

Мнѣ было лѣтъ двадцать, когда русскіе брали Самаркандъ. Отецъ мой Магометъ-Джоу былъ муллою и имамомъ въ мечети. Я только что женился. Мы жили безбѣдно. Отецъ мой получалъ съ каждаго дома прихожанъ по 2 рубля въ годъ и, кромѣ того, за требы: обрѣзаніе, свадьбы и проч., особо. Я сѣялъ хлѣбъ, косилъ клеверъ. Молоденькая жена моя, ей было всего четырнадцать лѣтъ, вела наше небольшое хозяйство и разводила шелковичныхъ червей. Она пряла шелкъ, а я ткалъ матеріи и продавалъ баямъ, скупщикамъ. Я умѣлъ красить шелкъ и составлять узоры. Всѣ мы трое смотрѣли за садомъ и лѣтомъ выбирались на житье въ садъ, верстахъ въ трехъ отъ города.

За нѣсколько дней передъ приходомъ русскихъ отецъ пріѣхалъ (верхомъ на ишакѣ) изъ города въ садъ, крайне взволнованный. Онъ рассказалъ, что былъ на сходѣ въ медресе Тилла-Кари. Тамъ узналъ онъ, что бухарскій эмиръ Музафаръ вмѣстѣ съ самаркандскимъ бекомъ Ширъ-Али-Инакомъ продали Самаркандъ русскимъ и не хотятъ защищать свою родину, вѣру и святую мечети, но народъ собирается собственными силами помѣряться съ непріателемъ. Рѣшено, что всякій честный человѣкъ долженъ вооружиться и идти по первому зову вмѣстѣ съ другими на Чупанаты встрѣтить непрощенныхъ гостей, и что мы, какъ и другіе честные люди, также идемъ.

Конечно, обвиненіе эмира въ продажѣ Самарканда оказалось клеветою. Но мы поняли это только тогда, какъ мы увидали, что бухарское войско, стоявшее лагеремъ близъ Самарканда въ числѣ 12.000 человѣкъ, вышло съ нами на Чупанаты, да, кромѣ того, къ намъ прибыли два полка, одинъ изъ Корковъ, другой изъ Чарджуя.

Въ назначенное время мы съ отцомъ двинулись къ сборному пункту и встали подъ начальство Усмана. У насъ было нѣсколько человѣкъ русскихъ, но я помню ясно только двоихъ: длиннаго худого Усмана и невысокаго толстаго Богданова съ бѣлымъ лицомъ и румяными щеками. Богдановъ, какъ артиллеристъ, поднялся на гору, гдѣ были поставлены наши пушки. Усманъ съ своимъ войскомъ всталъ за горою.

Я хорошо помню, какъ пришли русскіе, какъ переправились черезъ рѣку Зеравшанъ, и какъ въ нихъ стрѣляли съ горы. Мы все хорошо видѣли, но русскіе насъ не видали. Голова нашего войска скрывалась за кустами, а хвостъ былъ за горой. Мы долго стояли и не двигались и не стрѣляли. Усманъ строго запретилъ намъ подавать хотя бы малѣйшіе признаки жизни. Вотъ наконецъ осталось немного солдатъ, какъ я узналъ потомъ, одинъ 6-й баталіонъ и весь обозъ. Усманъ проѣхалъ вдоль своего войска и сказалъ, что теперь настало время намъ поработать, разсѣять оставшихся солдатъ и овладѣть обозомъ. Онъ скомандовалъ: «айда», и съ криками: «уръ-уръ!» бросились мы изъ своей засады. Насъ увидели казаки и не допустили близко къ обозу, а солдаты въ насъ стали стрѣлять. Наши разсѣялись по полю и изъ-за кустовъ и изъ камышей стали стрѣлять въ русскихъ въ одиночку. Отецъ былъ раненъ въ ногу и упалъ. Я съ товарищами подхватили его и унесли. Мы хотѣли занести его въ городскую саклю, но онъ приказалъ нести себя въ камыши, подальше отъ Чупанатъ. Мы положили его въ такіе высокіе камыши, въ которыхъ человѣкъ верхомъ могъ бы свободно скрыться. Хотя тамъ и было безопасно, но отецъ всячески удерживался, чтобы не стонать, а нога у него сильно болѣла; онъ метался, не находя мѣста, какъ бы удобнѣе ее положить. Я хотѣлъ уйти посмотреть, какой обозъ достался нашимъ, и что сдѣлалось съ русскими. Но отецъ взялъ меня за руку и потянулъ внизъ, приказывая жестомъ лечь рядомъ съ нимъ. Въ камышахъ то тутъ, то тамъ слышались осторожные голоса: оказалось, что многіе прятались тамъ. Вскорѣ выстрѣлы смолкли, но послышался конскій топотъ, который все приближался къ намъ. Сквозь камыши мы увидѣли бухарскихъ сарбасовъ, которые скакали прямокомъ черезъ камышъ, куда глаза глядятъ. Казалось, они думали только о томъ, какъ бы подальше уйти. Они не похожи были на побѣдителей, мы это поняли.

Мимо насъ пробѣгалъ сосѣдъ. Я узналъ его и остановилъ. Онъ такъ запыхался, что первое время не могъ говорить, а потомъ рассказалъ, что самаркандцы и войска бѣжали, а русскіе заняли Чупанаты. Къ намъ подползли осторожно еще сарты. Отцу принесли воды, онъ очень пить хотѣлъ, обмыли ему рану и перевязали ногу. Кто-то раздобылся лепешками. Вечеромъ изъ русскаго лагеря грянулъ такой пушечный выстрѣлъ, что, казалось, вся земля подъ камышами вздрогнула.

Утромъ отецъ еще не могъ вставать и меня не отпускалъ отъ себя. Нѣкоторые сарты изъ камышей осторожно пробирались въ городъ, другіе приходили изъ города къ намъ и рассказывали все, что тамъ дѣлается. Такъ, не бывши въ Самаркандѣ, мы узнали, что войскъ въ Самаркандѣ не было, всѣ бѣжали, что жители понимали бесполезность дальнѣйшаго сопротивленія и рѣшили пригласить генерала занять городъ безъ боя, а старшины и выборные представители ходили на Чупанаты изъяснить генералу Кауфману покорность городского населенія. Теперь отецъ не удерживалъ меня болѣе. Я убѣжалъ въ городъ, на базаръ. На всѣхъ улицахъ, а главное на базарѣ толпился народъ. Всѣ ждали проѣзда генерала. Люди волновались, каждому хотѣлось пробраться впередъ. Вотъ наконецъ торжественный въѣздъ достигнулъ базара. Впереди ѣхали наши выборные въ богатыхъ одеждахъ, за ними генералъ съ переводчикомъ, а потомъ шло войско. Генералъ былъ невысокаго роста и худощавый. Онъ отвѣчалъ на поклонны сартовъ и внимательно смотрѣлъ въ толпу. Посреди базара онъ остановился. Выборные окружили его, переводчикъ всталъ рядомъ. Вотъ что сказалъ онъ черезъ переводчика: «пусть жители не боятся, пусть каждый примется за свои занятія, пусть промыслы и торговля идутъ тѣмъ же путемъ, какъ и прежде. Скажите бѣглецамъ, чтобы спокойно возвратились въ свои жилища. Русскіе не будутъ разорять васъ, а напротивъ спасать отъ разоренія. Наши войска будутъ оберегать Самаркандъ отъ внѣшнихъ враговъ».

Рѣчь генерала на всѣхъ произвела сильное впечатлѣніе, всѣ повѣрили ему. Отецъ былъ очень доволенъ, когда я прибѣжалъ къ нему въ камыши и передалъ слова генерала. Тотчасъ же онъ попросилъ перенести его въ городскую саклю. Прежде всего въ городъ возвратились тѣ, что прятались въ камышахъ и въ сосѣднихъ садахъ, а затѣмъ стали появляться бѣглецы и изъ дальнихъ мѣстъ. Я сходилъ за женою въ сосѣдній кишлакъ, куда отвезъ ее за день до прихода русскіхъ. Заскрипѣли арбы съ женами и дѣтьми, потянулись воза съ имуществомъ, опустѣлыя сакли стали наполняться людьми. Открылся базаръ и мы зажили, какъ прежде.

Русскіе расположились лагеремъ неподалеку отъ крѣпости, а въ крѣпости положили больныхъ и раненыхъ, устроили тамъ лазаретъ. Въ городѣ было совсѣмъ спокойно, но въ волостяхъ жители поднимали возстаніе, какъ, напримѣръ, въ Мухалинской волости и въ Ургумѣ. Генералъ посылалъ отрядъ и усмиралъ ихъ.

Отецъ долго болѣлъ, но, несмотря на боль въ ногѣ, онъ все-таки черезъ недѣлю началъ вставать и ходить, прихрамывая и опираясь на палку. Недѣли черезъ три только онъ могъ ѣздить въ городъ и исполнять свои обязанности имама и муллы.

Мы жили въ саду. Я почти каждый день возилъ на ишакѣ русскимъ офицерамъ фрукты. Они всегда брали все, что я при-

возилъ, да еще часто заказывали то персиковъ, то винограду, то дынь. Имъ же я продалъ два куска шелковой матеріи, которая у меня оставалась отъ прошлаго года. Они заплатили мнѣ гораздо дороже, чѣмъ наши купцы. Вообще наша торговля поднялась. Русскому войску нужно было доставлять и мясо, и рисъ, и муку, и клеверъ, и ячмень. За все они хорошо платили.

Прошло около мѣсяца. Отецъ что-то сталъ возвращаться изъ города хмурымъ. Я думалъ, у него опять нога сильнѣе разболѣлась. Въ городѣ стали ходить слухи о новомъ возстаніи, но кругомъ было такъ спокойно, русскіе такъ хорошо обращались съ нами, что я на эти слухи не обращалъ вниманія и съ отцемъ по этому поводу ничего не говорилъ. Я никакъ не думалъ, что это тольки именно его и беспокоятъ.

Разъ мы сидѣли всѣ трое вечеромъ въ саду, у двери сакли и ужинали дыней, какъ вдругъ къ намъ быстро вошли въ садъ два студента ¹⁾. Жена моя Айша была непокрыта и спряталась въ саклю; они подошли къ намъ. Отецъ очень взволновался, но просилъ жестомъ сѣсть. Молодые люди сѣли на корточки противъ насъ.

— Говорите!—сказалъ отецъ и сталъ слушать.

Одинъ, который былъ постарше, заговорилъ:

— Кази послалъ по садамъ много студентовъ и насъ двоихъ также. Кази, старшины, аксакалы и многіе имамы и муллы приказали намъ объявить всѣмъ, что дѣло освобожденія Самарканда отъ русскихъ готово. На-дняхъ генералъ Кауфманъ уходитъ въ Катта-Курганъ, оставляетъ здѣсь одинъ баталіонъ: этимъ мы и воспользуемся. Къ намъ придутъ беки изъ волостей съ войскомъ, а Омаръ-Хаджа призываетъ самаркандцевъ встать подъ его командованіе. Васъ, имамъ, приглашаютъ присоединиться къ патриотамъ и вліять на другихъ, какъ вы сдѣлали это для защиты Самарканда.

Отецъ хмуро выслушалъ и отвѣчалъ:

— Тогда было одно время, а теперь другое. Теперь я не согласенъ съ тѣми, кто васъ послалъ. И напрасно вы зашли ко мнѣ. О заговорѣ я гораздо болѣе знаю, чѣмъ вы. Я былъ на тайныхъ собраніяхъ, отъ меня нѣтъ тайны, вѣдь я мулла. Но я сторонюсь отъ заговора и не буду участвовать въ вашемъ возстаніи. Я старъ и понимаю, что оно принесетъ сартамъ не пользу, а вредъ. А сынъ мой молодъ и военнаго дѣла не знаетъ. Онъ прекрасно ткеть матеріи, красить шелкъ, рисуетъ узоры, а стрѣлять не умѣетъ. Да наконецъ съ меня уже довольно!.. Онъ указалъ на больную ногу.

— Отецъ нашъ, имамъ, мудрый мулла, мы хотимъ прогнать русскихъ, они другой вѣры.

¹⁾ Студенты — ученики медресе, старшаго возраста.

— Какое вамъ дѣло до ихъ вѣры? Они не только не мѣшаютъ магометанамъ вѣрить, какъ вѣровали ихъ отцы со временъ Магомета, но еще обѣщали починить наши древнія мечети въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ начали осыпаться и рушиться. Кромѣ того, при нихъ намъ спокойнѣе, и торговля идетъ лучше. Не я одинъ, а многіе опытные люди, съ которыми я говорилъ, находятъ, что подъ управленіемъ русскихъ гораздо лучше живется, чѣмъ подъ властію бухарскаго эмира и его бека. Вотъ все, что я думаю, и что я говорилъ на собраніи. Можете это передать хоть самому Омару-Хаджѣ.

— Отецъ, имамъ!—сказали студенты:— насъ будетъ много, а ихъ мало.

— Что же изъ этого? Они проникнуты военнымъ духомъ, храбры, умѣютъ сражаться, какъ мы палку варить. Они изъ Россіи шли уже умѣлые и, пока дошли до Самарканда, подъ каждымъ городомъ воевали, а мы воевать не умѣемъ. Ну, какіе мы воины, когда мѣсяцъ тому назадъ наше ополченіе на Чупанатахъ и за горой вмѣстѣ съ бухарскими сарбасами испугалось одного вида русскихъ солдатъ. И пушки свои, и обозъ побросали, лишь бы подальше убѣжать. А вѣдь насъ тогда также много было, гораздо больше, чѣмъ русскихъ. Я стыжусь вспоминать о нашей защитѣ Самарканда, а нога мнѣ напоминаетъ... И настоящая ваша затѣя приведетъ только къ тому, что много людей падетъ, многія семьи осиротѣютъ, многія хозяйства разорятся...

Должно быть, слова отца подѣйствовали на студентовъ. Они тихо пошли изъ сада и не участвовали въ возстаніи. Мы вмѣстѣ ходили смотрѣть, какъ идетъ дѣло, и вмѣстѣ прятались отъ выстрѣловъ. Больше всѣхъ рада была Айша, что отецъ меня не пустил. Она боялась за меня. Моя жена меня очень любила.

Русскіе ничего не знали и намъ вѣрили.

У насъ въ Самаркандѣ есть еврейскій кварталъ, гдѣ живутъ только евреи. Мы ихъ мало того, что не любимъ, но просто презираемъ. Они одѣваются, какъ мы, въ халатъ и тюбетейку, но мы бреемъ головы, а у нихъ на вискахъ вьются пейсы. Кромѣ того, имъ запрещено носить пояса, какъ у насъ: они обязаны подпоясываться веревкою. Вотъ по пейсамъ и по веревкѣ ихъ сейчасъ можно отличить отъ насъ, даже издали. Они не смѣютъ входить въ наше общество и близко подходить къ намъ, но они умѣютъ какъ-то все подсмотреть, подслушать, все знать, что у насъ дѣлается. Мы слышали, что евреи, узнавъ о томъ, что готовится возстаніе, бѣгали крадучись въ крѣпость и предупреждали русскихъ. Но русскіе не повѣрили евреямъ и прогнали ихъ.

Изъ многихъ городовъ, завоеванныхъ русскими, до насъ доходили слухи, что побѣдители религіи не трогаютъ, ни у кого ничего не отнимаютъ, а за всё платятъ деньги, что они добрые и веселые

люди, а вотъ на войнѣ ихъ всѣ боялись, они были страшны. То же самое было и въ Самаркандѣ. Пока возстаніе не начиналось, наши храбрились, а когда вошли въ городъ ополченцы съ Омаромъ-Хаджей и беки съ своимъ войсками, то прежде всего всѣ начальники попрятались въ минареты, а войска боялись тѣхъ, которые были въ крѣпости, боялись подступать къ стѣнѣ. Мы привыкли стрѣлять изъ-за дувала, изъ сакель, или выскочить на конѣ, пальнуть и поскорѣе ускакать, спрятаться, а тутъ приходилось нападать на открытой площади. Впрочемъ, какъ было и не бояться, за стѣною сидѣла гроза. Тамъ заключился послѣ ухода генерала 6-й баталіонъ. Я съ товарищами ходилъ смотрѣть на осаду крѣпости, и мы видѣли, какъ платились сарты, которые были посмѣлѣе. На нашихъ глазахъ сарты сожгли бухарскія ворота крѣпости и ухватились за пушку, какъ русскіе отняли пушку, избили прикладами переднихъ и выстрѣломъ изъ той же пушки разсѣяли толпу и уложили десятки, а ворота были тотчасъ же заложены мѣшками съ землею. Я видѣлъ, какъ черезъ стѣну изъ крѣпости бросали сартовъ и убитыхъ, и живыхъ, забравшихся въ крѣпость черезъ проломъ. Я слышалъ стоны умирающихъ и калѣкъ. Какъ-то мы узнали, что Усманъ поведетъ партію подрывать стѣну крѣпости. Вмѣстѣ съ товарищами я пошелъ смотрѣть. Работа пошла было, слышался стукъ китменей и желѣзныхъ лопатъ, но съ крѣпости, со стѣны стали бросать гранаты: многіе были убиты, другіе разбѣжались. Стѣна стала намъ казаться заколдованною, а осажденные колдунами. Многіе толковали, что проникнуть въ крѣпость невозможно. Войска бековъ стали роптать, сами беки потеряли терпѣніе, разсорились съ Омаромъ-Хаджею и ушли съ своими сарбасами, разграбивъ съ досады Самаркандъ. Вообще горячность нашихъ стала остывать, и приступы къ стѣнѣ пошли слабѣе.

Отецъ, когда я приходилъ домой и рассказывалъ, что видѣлъ, печально качалъ головою и говорилъ:

— Я зналъ, что такъ будетъ!

Возвратился генералъ Кауфманъ изъ Катта-Кургана и послалъ войска пройти по городу, очистить улицы. Тутъ, говорятъ, были жаркія схватки, но я не видалъ: опасно было ходить по городу, солдаты могли принять за мятежнаго сарта и пристрѣлить. Исключеніе было сдѣлано только для евреевъ, ихъ не трогали. Они, въ то время какъ наши ополченцы и беки съ сарбасами входили въ городъ, успѣли-таки пробраться въ крѣпость и заявить тамъ, что евреи въ мятежѣ не участвуютъ. Кромѣ того, они были полезны въ крѣпости, работали тамъ. Кстати русскіе вспомнили ихъ предупреденіе. Русскіе солдаты, обходя улицы города, не заглянули даже въ еврейскій кварталъ. Вмѣстѣ съ солдатами ходили и евреи. Они теперь гордо подняли головы и сбросили свои веревки. Они указывали солдатамъ дома горячихъ патріотовъ-зачинщиковъ,

а также мѣста, гдѣ были зарыты сартами деньги и цѣнные вещи. Вѣдь они все знали, слышали и видѣли.

По слову генерала Кауфмана, на другой же день сарты стали возвращаться въ свои жилища. Мы съ отцемъ также пріѣхали посмотреть свою городскую саклю. Она оказалась цѣла, потому что, къ счастью нашему, никто тамъ не прятался и изъ сакли въ русскихъ не стрѣлялъ. Отецъ откопалъ сундучекъ, въ которомъ зарылъ шелковыя одежды Айши, ея приданое и нѣкоторый запасъ своихъ денегъ. Все это было не тронуту, такъ какъ мы не слыли богатыми, и евреи за нами не подсматривали. Надо удивляться, какъ скоро все пришло въ порядокъ. Всѣ стали работать и торговать, начали строить новый большой базаръ, такъ какъ старыя русскія сожгли, принялись штукатурить тѣ мѣста мечетей, гдѣ выпали изразцы, приступили къ постройкѣ русскаго города, проводили улицы, подрядчики взялись строить русскимъ дома.

Все пошло хорошо въ моемъ Самаркандѣ. Охъ, какъ мнѣ было тяжело оставлять его!

Я высланъ сюда по моему личному дѣлу, за убійство.

У меня былъ нечестный сосѣдъ. Онъ бывало то отхватить кусокъ моего пшеничнаго поля и засѣетъ для себя, то запрудить арыкъ и не даетъ воды въ мой участокъ, то скоситъ часть моего клевера. Я жаловался на него кази не одинъ разъ, но онъ былъ такой хитрый, такой ловкій, что всегда передъ кази умѣлъ быть правымъ.

Вотъ одинъ разъ,—это было черезъ годъ или черезъ два послѣ того, какъ русскіе взяли Самаркандъ,—я пришелъ на свое поле косить клеверъ, смотрю, а сосѣдъ уже цѣлую полосу срѣзалъ и перетаскалъ на свой участокъ. Я ужасно разсердился и бросился на него, мы подрались. Я упалъ, онъ нагнулся и схватилъ меня за горло, я выхватилъ ножъ, ударилъ его и убилъ. Онъ только одинъ разъ вскрикнулъ, но услыхалъ его крикъ работникъ, прибѣжалъ и сталъ кричать. Сбѣжались люди, схватили меня и связали. Русскій законъ присудилъ меня въ каторгу, потомъ на поселеніе въ Сибири.

У насъ говорятъ и вѣрятъ, что у каждаго человѣка есть свой пари, который иногда заставляетъ дѣлать злыя дѣла. Я помню, что пари шепнулъ мнѣ во время драки: убей! убей его! Я говорилъ это на судѣ, но русскіе не повѣрили, что есть пари.

Айша, прощаясь со мною, очень плакала. Я сказалъ ей, чтобы она выходила замужъ за другого, что я не возвращусь. Отецъ тоже очень горевалъ. Много вытерпѣлъ я дорогой, долго шли мы. Насъ застала зима съ такими морозами, о которыхъ я понятія не имѣлъ. Я захворалъ и въ Красноярскѣ лежалъ въ больницѣ, не знаю сколько времени, а потомъ опять пошелъ. Иногда офицеръ

сжалится и найметъ подводу, но больше шли пѣшкомъ. Меня назначили на серебряный приискъ Усть-Кара.

Теперь я свободный человекъ, куда хочу, могу итти. Я работаю на кирпичномъ заводѣ Валова.

Моей родины я никогда не забывалъ и теперь тоскую по Самаркандѣ. Хотъ бы не надолго побывать дома! Я думаю, отецъ уже умеръ, Айша состарилась съ другимъ мужемъ, а все-таки... другой разъ такъ защемить сердце, такъ заболитъ душа, такъ захочется подъ свое небо, въ свои сады... Но ѣхать у меня нѣтъ денегъ, это дорого стоитъ, а итти пѣшкомъ далеко, я старъ... Не дойти...

Л. Х. Симонова.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЖИЗНИ ГРАФА АРАКЧЕЕВА.

(Изъ семейной хроники).

ПЬДКО КОМУ изъ государственныхъ или общественныхъ дѣятелей удастся до конца дней своихъ сохранить неизблемо тотъ авторитетъ, которымъ они пользовались на зенитѣ своей славы. Обыкновенно, авторитетъ меркнетъ или ступшевается настолько, что лицо, имъ нѣкогда располагавшее, дѣлается совершенно незамѣтнымъ. Знаменитый теноръ Маріо говорилъ: «il vaut mieux quitter la scène avant qu'elle ne vous quitte», и ...продолжалъ пѣть безголосымъ, пока его не освистали. Еще трагичнѣе тѣ случаи, когда авторитетъ поддерживается искусственно, крѣпокъ, пока условія ему благоприятствуютъ, и легитъ стремглавъ, когда условія мѣняются. Въ такомъ положеніи былъ Аракчеевъ при Александрѣ I. Кончина этого государя явила всесильному графу доказательство того, что личныя симпатіи нерѣдко идутъ въ разрѣзъ съ общественнымъ значеніемъ, что онъ былъ временщикъ, а не государственный дѣятель. И что всего замѣчательнѣе: едва успѣлъ Аракчеевъ удалиться въ Грузино, какъ о немъ забыли. Не было даже основанія бояться возвращенія его къ власти. Какіе такіе таланты могли въ немъ понадобиться государству? Въ Грузинѣ, среди жалкихъ останковъ бесполезной дѣятельности, могъ доживать дни сторожъ, дядька, называйте, какъ хотите, но не человѣкъ, способный прибавить блеску или усилить могущество трона.

Эпоха, которую обнимаетъ нашъ разсказъ, относится къ послѣднимъ годамъ жизни графа Аракчеева. Аракчеевъ въ это время уже удалился отъ дѣлъ, побывалъ за границей и, вернувшись изъ Парижа, безвыѣздно поселился въ своей вотчинѣ. Сохранившаяся съ этого времени переписка графа съ П. В. Ильинымъ¹⁾ въ подробностяхъ рисуетъ намъ жизнь А. А. въ Грузинѣ. Бывшій военный министръ и министръ-президентъ, повидимому, еще не свыкъся съ своимъ новымъ положеніемъ въ свѣтѣ. Большую часть свободнаго времени онъ посвящаетъ приведенію въ порядокъ своихъ дѣлъ, главнымъ же образомъ интересуется увѣковѣченіемъ памяти императора Александра Павловича, воспоминаніе о которомъ должно встрѣчаться въ Грузинѣ на каждомъ шагѣ. Въ Парижѣ онъ заказалъ знаменитые свои часы, стоящіе 26 тысячъ рублей на ассигнаціи, и ждетъ ихъ прибытія со дня на день. Часы эти столовые, бронзовые, съ бюстомъ покойнаго государя и музыкой, которая играетъ только одинъ разъ въ сутки, приблизительно въ тотъ часъ, когда Александръ Павловичъ скончался, молитву: «Со святыми упокой». Кромѣ того, онъ хлопочетъ поставить памятникъ Александру I и безпрестанно списывается по этому поводу съ Ильинымъ: «Пріѣзжалъ ко мнѣ серебряныхъ дѣлъ мастеръ Егоръ Ѳедоровичъ Пали,—пишетъ онъ 21 мая 1829 года,—я сказывалъ тебѣ, любезному другу, что мнѣ хочется къ бюсту моего благодѣтеля Александра Благословеннаго сдѣлать серебряную тумбу; рисунокъ мною уже утверждёнъ; теперь нужно купить серебра три пуда; онъ объявилъ мнѣ цѣну серебра (84 пробы) 78 рублей фунтъ; то я прошу васъ, любезнаго друга, вмѣстѣ съ нимъ купить оное, узнавъ прежде о цѣнѣ, и деньги заплатить слѣдующимъ образомъ (указываются условія платежа)». Одновременно заказываетъ онъ въ Парижѣ бронзовый барельефъ къ памятнику, по рисунку извѣстнаго Егорова²⁾; между прочимъ, оригиналъ художника А. А. предполагаетъ подарить академіи художествъ, «для сохраненія таланта Егорова въ потомствѣ», о чемъ собственноручно пишетъ длинное письмо президенту академіи А. Н. Оленину. Времена измѣнились. Отославъ письмо черезъ того же Ильина, Аракчеевъ беспокоится, какъ отнесутся къ его предложенію въ Петербургѣ, и проситъ пріятели увѣдомить его, «какъ онъ (Оленинъ) все сіе приметъ и какую будетъ дѣлать фигуру», читая его письмо. Но тревоги напрасны. Оленинъ отнесся къ предложенію очень любезно, выражалъ согласіе принять даръ, благодарилъ за него отъ лица академіи и т. д. Въ свою очередь обрадовался графъ и

¹⁾ Переписка предоставлена въ наше распоряженіе дочерью г. Ильина, маркизой О. П. Тальне, которой, пользуясь случаемъ, приносимъ нашу глубокую признательность.

²⁾ Алексѣя Егоровича, историческаго живописца (1776—1851).

вновь написал Оленину: «Служа вмѣстѣ нѣсколько лѣтъ ¹⁾, я думалъ, что ваше превосходительство замѣтили мою откровенность, которая во мнѣ и подъ старость осталась въ томъ же видѣ. Я признаюсь вамъ, что пріятель мой, П. В. Ильинъ, умѣло поступилъ, адресовавшись къ вамъ отъ имени моего, я бы не смѣлъ онаго сдѣлать, воображая различное наше съ вами положеніе, вы заняты службой, а я больной старикъ, въ деревнѣ живущій, отъ котораго просьбы государственными людьми принимаются сухо и безъ вниманія, но письмо вашего превосходительства меня удивило, что вы, милостивый государь, столь добры, что обратили все ваше вниманіе къ моей просьбѣ, за что спѣшу принести вамъ, милостивый государь, мою искреннюю благодарность, и увѣряю ваше превосходительство, что сверхъ онаго душа Благословеннаго Александра упростить отъ Господа Бога Его благословеніе на васъ и все ваше семейство» ²⁾. Трудно повѣрить, что тонъ и содержаніе этого письма принадлежатъ человѣку, такъ недавно вершившему судьбой цѣлаго государства! Вообще картина далеко не та, чѣмъ раньше! Бывшимъ министрамъ пренебрегаютъ: тамъ, гдѣ въ прежнее время достаточно было одного мановенія пальца, тамъ теперь требуется покорнѣйшая просьба, скромное ходатайство...

Въ октябрѣ 1829 г. приходятъ, наконецъ, въ Грузино знаменитые часы, и графъ поручаетъ Ильину взять деньги для уплаты за нихъ изъ банкирскаго дома барона Штиглица. Въ концѣ письма онъ приписываетъ: «Я бы желалъ, дабы вы дали почувствовать барону Штиглицу, что съ его богатствомъ, казалось, должно быть совѣстно шестнадцать мѣсяцевъ имѣть деньги и не отдать за нихъ казенныхъ процентовъ, а если это не подѣйствуетъ, то уже меня 600 р. не разоряютъ». Въ другой разъ жалуется онъ Ильину на какого-то Кларка, заводъ котораго исполнялъ ему различныя работы и не учинилъ съ нимъ правильнаго расчета. «Писать же Кларку я никакъ не хочу,—заявляетъ онъ категорически (1830 г.),—ибо онъ человѣкъ не хорошій, во время моей службы онъ подличалъ, а нынѣ и глядѣтъ на меня не хочетъ, то я всѣмъ имъ прощаю, но просить его ни объ чемъ никогда не буду... счета же съ завода находятся у меня въ Грузинѣ, заперты... Я намѣренъ на г. Кларка пожаловаться министру графу Канкрину» ³⁾.

Но помимо этихъ хлопотъ и тревоженій жизнь въ Грузинѣ протекала тихо и печально. Графъ слегка занимался хозяйствомъ, интересовался цвѣтоводствомъ, но болѣе скучалъ и болѣлъ. «Я, любезный другъ, нездоровъ, — писалъ онъ Ильину

¹⁾ Аракчеевъ носилъ званіе «почетнаго любителя академіи художествъ»,

²⁾ Письмо отъ 14 января 1829 г.

³⁾ Егоръ Францовичъ, писатель и государственной дѣятель. Былъ при императорѣ Александрѣ и Николаѣ Павловичѣ министромъ финансовъ (1828—1844).

21 ноября 1829 г., — 19-го числа очень захворалъ и оттого не могъ вамъ письма писать своею рукой. Ваша почтенная матушка пишетъ ко мнѣ, что вы расположены ко мнѣ пріѣхать къ Андрееву дню; я прошу васъ онаго не дѣлать, ибо я оный день занятъ гостями, то мнѣ съ вами нельзя будетъ и время пріятно провести, а сдѣлай дружбу: получи мои деньги и пріѣзжай ко мнѣ въ декабрѣ, тогда я съ тобой, какъ роднымъ, проведу время». Г. Отто рассказываетъ ¹⁾, что въ числѣ семействъ, сохранившихъ съ Аракчеевымъ хорошія отношенія послѣ опалы, были: Михаилъ Михайловичъ Волинскій, Малиновскій, Апрѣлевы, Бухмейеры, Гурьевъ, Зотовы, Дарья Алекс. Державина (вдова поэта) и другіе. Въ перепискѣ часто упоминается о посѣщеніи Грузина матерью Ильина, къ которой графъ старался быть особенно внимательнымъ и нарочно исправлялъ свой «двухмѣстный линдау» (ландо), чтобы въ «хорошую погоду кататься» ²⁾. Еще гостили въ Грузинѣ дѣти Ѳедора Карловича Фрикена, одного изъ памятныхъ дѣятелей бывшихъ военныхъ поселеній ³⁾. Нѣкоторые посѣщали Грузино изъ любопытства, интересуясь его рѣдкостями, въ томъ числѣ знаменитымъ храмомъ, построеннымъ Аракчеевымъ одиноко на островѣ. Храмъ этотъ или павильонъ Аракчеевъ воздвигъ въ память своего воспитателя Мелиссино и наполнилъ его соблазнительными картинами, которыя закрыты были зеркалами, отворявшимися посредствомъ потаенныхъ пружинъ. Только близкимъ пріятелямъ, избраннымъ и посвященнымъ въ тайны, Аракчеевъ показывалъ внутренность этого храма. Гостей возили на лодкѣ къ каменной лѣстницѣ, которая вела къ таинственному мѣсту. Въ отсутствіи же графа никто не могъ и не смѣлъ туда проникнуть.

Самъ графъ изъ Грузина выѣзжалъ рѣдко, ограничивая свои поѣздки недалекими разстояніями, изъ коихъ Бѣжецкъ Тверской губерніи былъ, кажется, самый дальній. «Я располагаю 15 января съѣздить въ Бѣжецкъ, — пишетъ онъ въ декабрѣ 1830 г., — ибо мнѣ скучно, то и хочется проѣхаться и побывать въ своемъ новомъ домѣ, и родныхъ увидѣть, а на первой недѣлѣ поста вернуться обратно». Въ этомъ году Россію посѣтила холера, заглянувшая и въ Грузинскую волость, но нѣсколько позже, осенью 1831 года.

Аракчеевъ въ это время находился въ Новгородѣ и писалъ оттуда жалостливыя письма Ильину: «Я, кажется, уже къ тебѣ писалъ, — сообщаетъ онъ 24-го августа, — что по власти Божьей у меня въ вотчинѣ произошла холера и свирѣпствовала въ Оскуѣ, гдѣ умерло 12 человекъ; она открылась 8-го августа, то я, давъ 14 дней проработать, на сей недѣлѣ около 27-го собираюсь переѣхать въ Грузино

¹⁾ «Древняя и Новая Россія», стр. 174.

²⁾ Письмо отъ 4 мая 1830 г.

³⁾ Письмо отъ 13 марта 1832 г.

на волю Божию, ибо мнѣ здѣсь весьма скучно». Онъ дѣйствительно переѣхалъ и 12-го сентября описываетъ подробности эпидеміи на мѣстѣ: «Въ разсужденіи болѣзни холеры, опишу вамъ, любезный другъ, слѣдующее: въ селѣ Оскуѣ утихла, и я началъ было радоваться и благодарить Господа Бога, какъ вдругъ докладываютъ, что оной заболѣло въ Графской слободѣ два человѣка; вотъ новая бѣда, тотчасъ заперли оную слободу и тотъ домъ, гдѣ заболѣлъ; на другой день въ ономъ же заболѣло еще два, изъ коихъ одна женщина и умерла, а прочіе выздоровѣли, и теперь опять, слава Богу, затихло, и болѣе уже нигдѣ нѣту заболѣвшихъ». Какъ человѣкъ религиозный ¹⁾, Аракчеевъ иногда совершалъ нѣчто въ родѣ паломничества, посѣщалъ монастыри и знаменитаго Фотія, который былъ съ нимъ въ тѣсной дружбѣ и называлъ графа «защитникомъ православія и отечества». «Я выѣхалъ изъ Грузина 7-го іюня, — пишетъ онъ Ильину 29-го того же мѣсяца (1829 года), — былъ у отца Фотія, а отъ него проѣхалъ въ Иверскій монастырь ²⁾ и оттуда въ Боровицкіе пороги и потомъ въ деревню нашу старинную въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ ³⁾, гдѣ я родился и не былъ уже тамъ 33 года, располагая тутъ пробыть два дня и отправиться къ почтенной твоей матушкѣ, но на другой день такъ захворалъ и пролежалъ восемь дней и больной выѣхалъ черезъ Волочекъ въ Нилову пустынь, гдѣ, помолившись, принужденъ былъ черезъ Валдай воротиться обратно въ Грузино, гдѣ и теперь еще не могу оправиться, и чувствую себя очень нездоровымъ». Жалобы на нездоровье постоянно повторяются, завершаясь иногда такимъ грустнымъ аккордомъ: «худо, любезный другъ, что я себя чувствую все очень нездоровымъ и не знаю, чѣмъ оное кончится» ⁴⁾. Мысль о смерти наводила на него страшное уныніе, и онъ отгонялъ ее, какъ только могъ. Мало кого любившій, никого къ себѣ не привязавшій, А. А. долженъ былъ сильно тяготиться своимъ душевнымъ одиночествомъ. Мѣсто убитой Минкиной оставалось попрежнему вакантнымъ, и старикъ, повидимому, не разъ мечталъ заполнить его кѣмъ нибудь подходящимъ. Въ перепискѣ съ Ильинымъ встрѣчаются на это намѣки. Однажды лѣтомъ въ Грузинѣ гостили мать и сестра Ильина. Благодаря П. В. за ихъ посѣщеніе, графъ такъ рисуетъ свое положеніе: «Усердія моего душевнаго было много, но угощеніе было плохое, ибо я старъ, а человѣка у меня, который бы могъ исполнять мое желаніе, нѣту, одна М. Я. ⁵⁾, добрая, но плохая, но и та сдѣла-

¹⁾ Любопытная подробность: въ заголовкѣ каждаго письма Аракчеевъ ставилъ крестъ, а иногда и два.

²⁾ Основанъ патриархомъ Никомомъ въ 1653 г. Никонъ перенесъ сюда съ Аеона икону Божіей Матери.

³⁾ Тверской губ.

⁴⁾ Изъ письма отъ 31 іюня 1829 года.

⁵⁾ Марья Яковлевна, старуха, экономка графа, изъ его пріемышей.

лась больна, и я самъ долженъ былъ о всякой бездѣлшпкѣ думать, а оттого къ вечеру такъ уставши, что дѣлался во всемъ не способенъ». Поневолѣ гости становились въ тягость. Дряхлѣя, онъ все больше удалялся отъ общества и, запираясь въ своемъ кабинетѣ, искалъ другого выхода изъ своего положенія. Заниматься хозяйствомъ? Но съ внѣшней, лицевой стороны, благосостояніе Грузинской вотчины можно было назвать даже цвѣтущимъ. Вездѣ господствовала безукоризненная чистота, порядокъ, чувствовалось довольство. «Кто видѣлъ тогда Грузино,—справедливо замѣчаетъ г. Отто ¹⁾,— тотъ могъ увлечься мыслью, что на грузинскихъ крестьянахъ оправдывается и осуществляется высокая, гуманная цѣль, которая положена была въ основаніе военныхъ поселеній, а именно: «чтобы тамъ не было ни сиротъ безпріютныхъ, ни старости безпомощной, ни дряхлости оставленной, ни разврата нравовъ, терпимаго безъ средствъ къ исправленію». Никому не приходило въ голову, что та же безпріютность, безпомощность, тотъ же развратъ, искорененные внѣшнимъ образомъ, полновластно господствовали въ другихъ видахъ: въ видѣ ли мужей, сосланныхъ «за неповиновеніе» въ дальніе сибирскіе батальоны, или въ видѣ женъ, насильно взятыхъ въ барекіе серали... Читать? Но на книги, какъ вообще на литературу, графъ имѣлъ своеобразные взгляды. Страстный поклонникъ женской красоты, онъ перенесъ эти вкусы и на свою библиотеку, гдѣ добрая половина книгъ была нескромнаго содержанія. Здѣсь можно было встрѣтить: «Любовники и супруги, или мужчины и женщины, и то и сѣ», «Читай, смекай, и, можетъ быть, слюбится», «Атилла, или любовь дикихъ въ пустынь», «Нѣжныя объятія въ бракѣ и потѣха съ любовницами» и т.-д. На чтеніе же книгъ онъ смотритъ, какъ на забаву, а новой литературы совсѣмъ не признавалъ. Когда его книжный поставщикъ купецъ Золкинъ прислалъ ему въ Грузино въ числѣ другихъ книгъ «Цыганъ» и «Плѣнника» Пушкина, то графъ отмѣтилъ въ счетѣ: «возвратить обратно». Зато съ какимъ вниманіемъ читалъ онъ приходившія газеты, выписывая въ теченіе многихъ лѣтъ по нѣскольку съ различныхъ названій. Это видно изъ переписки его съ книгопродавцемъ, которому онъ со свойственной его ореографіей рекомендовалъ выслать въ Грузино «Русской Инфолидъ», «Ведомости Московскія» и проч. Вообще ореографія была для него всегда камнемъ преткновенія. Видно тоже, что въ послѣдніе годы онъ еще бралъ въ руки «Сѣверную Пчелу», «Инвалидъ», «Московскія Вѣдомости», а прочихъ журналовъ не читалъ, хотя и выписывалъ ²⁾.

Такъ проходило время въ Грузинѣ; лѣтомъ еще были кое-какія занятія: мы видѣли, что графъ увлекался садоводствомъ

¹⁾ «Древняя и Новая Россія», № 4, стр. 390.

²⁾ Отто, № 10, стр. 167.

и съ этой цѣлью выписывалъ рѣдкія сѣмена изъ Царскаго Села и съ Елагина острова, но когда наступала зима, и такого развлеченія не представлялось, на весь домъ ложилась печать унынія и тоски. «Въ долгіе, зимніе вечера,—разсказываетъ біографъ Аракчеева,—любимымъ занятіемъ его былъ бостонъ, въ который онъ игралъ съ домашними. Бостонъ шелъ вяло, но тянулся иногда до поздней ночи... Лѣниво тасовались карты, машинально ставились серебряныя марки съ графскимъ гербомъ и какъ-то тускло горѣли свѣчи на ломберномъ столѣ. А за кресломъ Аракчеева, какъ вкопанный, торчалъ обыкновенно казачекъ и по приказу графа вязалъ чулокъ, чтобы не задремать на мѣстѣ»¹⁾. Для разсѣянія тоски барина, отыскивали въ с. Оскуѣ какую-то сказочницу Матрену которая безхитростными разсказами старалась развлекать графа. Разъ было вздумалъ онъ для своего удовольствія заняться театральными представленіями и приказалъ крѣпостнымъ мальчикамъ сыграть «Филатку и Мирошку», но, несмотря на усердіе доморощенныхъ артистовъ, Аракчеевъ остался недоволенъ и больше не заставлялъ дворовыхъ кривляться²⁾. А время тянулось такъ томительно долго. На старости лѣтъ графъ вздумалъ меценатствовать. Г. Отто сообщаетъ, что онъ какому-то художнику Аванасьеву подарилъ 300 р. за поднесеніе портрета, изображавшаго графа³⁾. Въ свою очередь мы узнаемъ, что Грузино однажды посѣтили какіе-то художники, и по отъѣздѣ ихъ Аракчеевъ интересовался узнать черезъ Ильина, какъ они остались довольны Грузинымъ «и его хозяиномъ». Не справедливо было бы также обойти молчаніемъ тѣ великодушныя порывы сердца, которыми, быть можетъ, онъ хотѣлъ заглядить свое прошлое, оставивъ о себѣ память въ народѣ. Исторія не можетъ забыть ни щедрого подарка, сдѣланнаго имъ будущему автору жизнеписанія императора Александра I, ни крупнаго вклада, положеннаго на воспитаніе бѣдныхъ дѣтей изъ дворянъ Новгородской и Тверской губ., впоследствии ставшаго основаніемъ Нижегородскаго кадетскаго корпуса. Нужно отдать честь Аракчееву: благотворя, онъ умѣлъ слѣдовать указаніямъ Евангелія, учившаго что «правая рука не должна знать, что дѣлаетъ лѣвая». Для иллюстраціи мы можемъ назвать одинъ случай. Однажды нѣкто Шебашевъ разсказывалъ Аракчееву о бѣдственномъ своемъ положеніи и молилъ о помощи. Не отвѣчая ему, Аракчеевъ вложилъ деньги въ конвертъ и препроводилъ ихъ Ильину при письмѣ слѣдующаго содержанія: «Посылаю къ тебѣ, любезный другъ, письмо одного моего

¹⁾ Отто, «Древняя и Новая Россія», № 10, стр. 179.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же, стр. 180. Не Константину ли Яковлевичу Аванасьеву, извѣстному ла прекраснаго гравера, въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка, ученику извѣстнаго Н. Н. Уткина?

старога гатчинскаго знакомаго, съ коимъ мы служили у императора Павла, Шебашева, который живетъ въ Гатчинѣ. Въ свободное время отошли къ нему по почтѣ триста рублей при запискѣ, что вы узнали, что ему нужны деньги, то вы ему посылаете оныя, прося его васъ увѣдомить о полученіи, а моего имени не упоминайте, и ко мнѣ пришлите его отвѣтъ о полученіи денегъ и сіе письмо возвратите»¹⁾).

Само отношеніе графа къ Ильину свидѣтельствуетъ, что подъ черствой оболочкой билось иногда горячее сердце, умѣвшее любить и жалѣть²⁾. Павелъ Васильевичъ Ильинъ, сынъ друга Аракчеева, Василя Ѳедоровича, служилъ управляющимъ с.-петербургской сухопутной таможенной и въ матеріальномъ отношеніи былъ человѣкъ независимый. Послѣднее обстоятельство не нравилось А. А., и онъ объяснялъ это довольно своеобразно: «Мнѣ жалко, что ты богатъ,—пишетъ онъ,—и что я не могу быть тебѣ полезенъ; я увѣренъ, что ты былъ бы мною доволенъ, а я былъ бы подъ старость спокоенъ». Зато онъ не упускаетъ случая выказать пріятелю благодарность за услуги, которыя тотъ ему оказываетъ. Случаи представляются разные. То онъ проситъ заказать ему его, Ильина, портретъ, при чемъ портретъ сдѣлать такъ, чтобы Павелъ Васильичъ «глядѣлъ на лѣвую сторону, ибо я оный портретъ помѣщу между моими родными»,—говоритъ онъ. Другой разъ дѣло касается личныхъ интересовъ Ильина, и Аракчеевъ видимо сочувствуетъ имъ. «Радуюсь, что ваши дѣла по службѣ идутъ успѣшно,—пишетъ онъ,—но, любя тебя, какъ родного, я болѣе бы порадовался, если бы дѣла твои домашнія пришли въ такой порядокъ, какъ мои собственные, а служба всегда останется на словахъ и на славѣ, а существенное твое положеніе Варганово³⁾. Вотъ тебѣ мое откровенное мнѣніе, которое когда нибудь вспомнишь, что я правду тебѣ пишу»⁴⁾. Когда Ильинъ женится, старикъ соглашается быть заочно его посаженнымъ отцомъ и проситъ заказать за его счетъ перстень въ 200 рублей. Въ письмѣ онъ говоритъ: «Стану просить Бога, дабы вы были счастливы, о чемъ не забуду помолиться въ своей церкви 24-го апрѣля въ день вашей свадьбы». Въ заключеніе небезынтересно выяснить отношенія Аракчеева къ дворовымъ,—предметъ, о которомъ принято прежде всего говорить при характеристикѣ крѣпостническихъ воззрѣній прежняго помѣщичьяго быта. Какъ большинство помѣщиковъ эпохи крѣпостнаго права, Аракчеевъ стремился создать вокругъ себя штатъ лицъ, способныхъ

¹⁾ Письмо безъ даты.

²⁾ Не даромъ такой искренній врагъ «аракчеевщины», какъ кн. П. А. Вяземскій, не можетъ скрыть своего благоговѣнія передъ обожаніемъ Аракчеева императора Александра I, называя это «рыцарствомъ» въ характерѣ графа.

³⁾ Имѣніе Ильиныхъ въ Гжатскомъ уѣздѣ, Смоленской губ.

⁴⁾ Письмо отъ 14 окт. 1830 г.

удовлетворить всѣмъ прихотямъ современнаго хозяйства, отъ кондитеровъ и маляровъ до актеровъ и живописцевъ включительно.

Стремленіе это, свойственное всѣмъ вельможамъ той эпохи, отнюдь не чуждо было искусству. Напротивъ, историкъ русской живописи, русской скульптуры, русской музыки и театра не обойдетъ вниманіемъ такой, на первый взглядъ пустой, подробности, въ дѣйствительности породившей обильныя и богатыя послѣдствія. Именно тамъ, въ «дворянскихъ гнѣздахъ» яркимъ пламенемъ горѣлъ жертвенникъ русскому искусству, и какъ бы уродливы ни были условія развитія русскаго генія, не нужно забывать, что тамъ онъ рѣдился, выросъ, и что эти условія сообщили первый толчекъ грядущему его значенію. Конечно, Аракчеевъ при своемъ образованіи не могъ подобно Шереметеву, Волконскому и др. меценатамъ питать широкихъ, просвѣтительныхъ взглядовъ и, вѣроятно, не мечталъ о такой конкуренціи. Тѣмъ не менѣе и онъ замѣчаетъ въ своихъ дворовыхъ зачатки разныхъ талантовъ и отсылаетъ ихъ учиться въ столицу. «Александра Степанова прошу отдать помощнику живописца Скотти за 350 р. въ годъ,—пишетъ онъ Ильину 12 мая 1830 года,—но попросить его, чтобы онъ зимою училъ его рисовать на мебелихъ красками, а у стараго мастера я оставить не согласенъ, ибо время проходить, а онъ его ничему не учитъ. Касательно мальчика Николая Егорова, то мнѣ, любезный другъ, хотѣлось бы изъ него имѣть не живописца, а архитектора, ибо оный мнѣ нужнѣе живописнаго мастерства, о чемъ я и вчерась къ вамъ писалъ. Г. Миллеръ сказывалъ мнѣ про него, что онъ боленъ, то сдѣлай одолженіе его полѣчить; мнѣ оный мальчикъ нравится». Этотъ Николай Егоровъ не переставалъ его беспокоить. Въ день отъѣзда изъ Грузина (20 мая того же года) онъ опять пишетъ Ильину, въ то время получившему командировку по службѣ. «Одно только, чтобы мальчикъ Н. Егоровъ не избаловался, то попроси сестрицу взять къ себѣ, пусть онъ рисуетъ у ней на квартирѣ съ ея дѣтьми, что и для нихъ будетъ полезно». Кромѣ учениковъ-живописцевъ, въ Петербургѣ изъ грузинцевъ находилось еще двое «мальчиковъ», изъ коихъ одинъ готовился въ кондитеры, а другой (20 лѣтъ) обучался «писарскому искусству». Съ «писарскомъ» вышла исторія. Дѣло въ томъ, что онъ написалъ ксму-то письмо въ деревню, а письмо перехватили и передали барину. Графъ по этому поводу писалъ Ильину: «Посылаю вамъ нечаянно мнѣ попавшее письмо моего у васъ находящагося въ Кронштадтѣ мальчика, изъ оного вы увидите многое. Если дѣйствительно ему опасно быть въ Кронштадтѣ (по случаю холеры?), то я бы согласенъ былъ на отправленіе (его) въ Грузино. Но только помните, что ему должно ѣхать черезъ С.-Петербургъ, гдѣ еще сперва можетъ заразиться, то я все оное оставляю вашему дружескому усмотрѣнію. Вы увидите, что онъ жалуется, что его совсѣмъ пи-

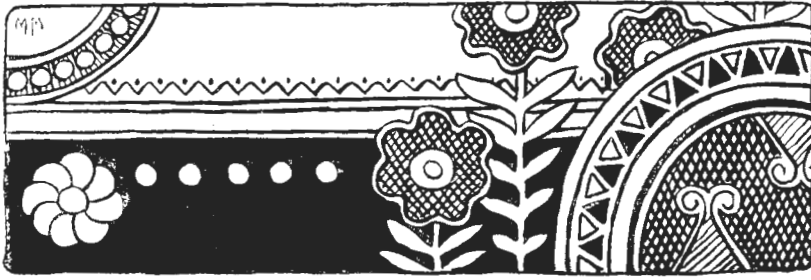
сать не заставляють, и, кажется, сіе должно быть правда, ибо онъ оба кушанья очень хвалить. Чай онъ напрасно пьетъ два раза въ день, ибо онъ привыкнетъ къ оному, то будетъ ему скучно дома безъ чаю. Ему ненадобно сказывать, что письмо его у васъ, ибо онъ болѣе не будетъ писать». Изъ дальнѣйшей переписки мы узнаемъ, какое назначеніе готовитъ графъ своему «мальчику» по окончаніи ученія. Онъ желалъ его имѣть «помощникомъ камердинерскимъ» или даже самимъ камердинеромъ и намѣревался его женить на дѣвушкѣ, которая нынѣ находится при его матери. Такимъ образомъ «цѣлая семья была бы мнѣ приготовлена въ услугу», мечтаетъ онъ. Это особенно важно теперь, такъ какъ первый ученикъ Ильина, посланный имъ раньше, оказался весьма плохимъ, пустымъ, а, главное, суровымъ человѣкомъ. Последнее обстоятельство особенно огорчило графа. «По моей болѣзни мнѣ надобенъ человѣкъ веселый, открытый и проворный»,—объясняетъ онъ. Кстати, этотъ паренекъ въ концѣ концовъ бѣжалъ изъ Грузина и отысканъ не былъ¹⁾. Между тѣмъ «мальчикъ», которому сулили такую блестящую карьеру (камердинерскаго помощника и жениха дворовой дѣвушки), продолжалъ учиться и видимо преуспѣвалъ. «И если мальчикъ мой можетъ уже писать безъ линейки и по диктовкѣ,—писалъ какъ-то Аракчеевъ²⁾,—то отправленіе его въ Грузино зависитъ отъ васъ, любезный другъ. Но только мнѣ бы хотѣлось, чтобы онъ уже хорошенько выучился писать, ибо я самъ уже скоро, чувствую, не буду въ состояніи писать. Вы пишете, любезный другъ, что за его письмо слѣдовало бы мальчика Михаила полѣчить розгами. Если бы вы приказали оное ему сдѣлать, то бы оное было очень хорошо, и тогда бы вы спасли меня, старика. Я нарочно возвращаю письмо мальчика, дабы ему приказать сдѣлать должное поученіе, надѣясь, что вы не посмотрите на то, что онъ на насъ разсердится». Но доброму Ильину такія «поученія» были, повидимому, не въ привычку; онъ предпочелъ отправить Михайлу въ Грузино, гдѣ, по свидѣтельству самого графа, ему сдѣлано «небольшое поученіе». Однако цѣли Аракчеевъ все-таки достигъ: мальчикъ сталъ писать «получше прежняго, пріятнымъ образомъ».

Весна 1834 г. была послѣдней весной въ земной жизни Аракчеева. Здоровье его слабѣло, силы измѣнялись. Императоръ Николай, узнавъ о болѣзненномъ состояніи графа, прислалъ къ нему въ Грузино лейбъ-медика Виллье, но было уже поздно. Наканунѣ Воскресенія Христова 21 апр. 1834 г. графъ Алексѣй Андреевичъ скончался, «не спуская глазъ съ портрета Александра, въ его комнатѣ, на томъ самомъ диванѣ, который служилъ кроватью самодержцу Всероссійскому».

Баронъ Н. В. Дризень.

¹⁾ Письмо отъ 23 окт. 1831 г.

²⁾ Письмо отъ 11 авг. 1831 г.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ П. А. СЛОВЦОВА.

НЗВѢСТНЫЙ сибирскій дѣятель, Петръ Андреевичъ Словцовъ, авторъ «Историческаго обзорѣнія Сибири», на первыхъ порахъ своей службы въ званіи учителя тобольской семинаріи замѣшанъ былъ въ дѣлѣ, едва не погубившемъ его и закончившемся для него монастырскимъ заключеніемъ на Валаамѣ. Дѣло это въ общихъ чертахъ извѣстно и отмѣчается въ существующихъ біографіяхъ Словцова ¹⁾. Но частныя обстоятельства, при которыхъ состоялся арестъ Словцова и его отправка въ Петербургъ, біографами Словцова обходятся молчаніемъ и неизвѣстны имъ въ подробностяхъ. Между тѣмъ эти обстоятельства, изложенныя въ подлинномъ дѣлѣ о Словцовѣ, находящемся въ архивѣ Тобольской духовной консисторіи, рисуя нѣкоторыхъ тогдашнихъ дѣятелей и изображая ихъ отношенія къ событіямъ и фактамъ, очень любопытны. Эти частныя обстоятельства дѣла о Словцовѣ мы воспроизводимъ въ настоящемъ очеркѣ, дополняя біографію его нѣкоторыми новыми архивными данными.

¹⁾ «Тобольск. Губернскія Вѣдомости», 1858 г., № 34: Н. А. Абрамовъ — П. А. Словцовъ; Чтенія въ импер. обществѣ исторіи и древностей рос. при Моск. университетѣ 1873 г., кн. III: прот. А. Сулоцкій — П. А. Словцовъ; Сборникъ газеты «Сибирь» 1876 г., т. I: К. Голодниковъ — Къ біографіи П. А. Словцова; «Восточное Обзорѣніе» 1893 г., №№ 13—14: Вагинъ — П. А. Словцовъ. Далѣе мы будемъ цитировать эти статьи просто фамиліями авторовъ, съ указаніемъ страницъ упомянутыхъ изданій.

П. А. Словцовъ былъ сынъ священника Нижнесусанскаго завода, Алапаевскаго заказа ¹⁾. По словамъ г. Абрамова, имѣвшаго возможность пользоваться документами домашняго архива Словцова и его личными разсказами и воспоминаніями, онъ родился въ 1767 г. ²⁾, что подтверждается и данными консисторскаго архива, по указаніямъ которыхъ Словцову, при отправленіи его въ 1788 г. для обученія въ петербургскую Александро-Невскую семинарію, было 20 лѣтъ ³⁾. Въ 1780 г., слѣдовательно 12-ти лѣтъ отъ роду, Словцовъ поступилъ для обученія въ Тобольскую семинарію ⁴⁾; въ 1788 г. онъ уже второй годъ обучался въ философскомъ классѣ семинаріи, имѣя своими товарищами Матвѣя Бурдукова, впоследствии послѣ принятія монашества съ именемъ Михаила, извѣстнаго ректора Тобольской семинаріи (съ 1799 по 1810 г.), а потомъ епископа иркутскаго, и Льва Земляницына, впоследствии префекта Тобольской семинаріи ⁵⁾. Успѣхи Словцова въ ученической вѣдомости философскаго класса за 1788 г. отмѣчены: «въ ученіи довольный успѣхъ имѣеть, состоянія честнаго» ⁶⁾.

По обычаю того времени,—особенно въ Сибири, гдѣ постоянно чувствовался недостатокъ въ лицахъ педагогическаго персонала,—лучшіе ученики высшихъ классовъ семинаріи нерѣдко состояли учителями низшихъ классовъ. Посему и Словцовъ, состоя ученикомъ философіи, былъ назначенъ сначала учителемъ информаторіи, а потомъ грамматическаго класса семинаріи ⁷⁾. Вскорѣ, впрочемъ, Словцовъ долженъ былъ оставить родную семинарію, чтобы продолжать свое образованіе въ петербургской Александро-Невской семинаріи. Вслѣдствіе указа святѣйшаго синода отъ 27-го іюня 1788 г., требовавшаго присылки изъ Тобольской въ Петербургскую семинарію лучшихъ воспитанниковъ, ректоръ «доношеніемъ» отъ 21-го декабря на имя епископа тобольскаго Варлаама призналъ достойными отправленія въ Петербургъ учениковъ философскаго класса П. Словцова и Л. Земляницына. Послѣ утвержденія прео-

¹⁾ Дѣло архива Тобольской консисторіи 1788 г., № 161: Вѣдом. Тобольск. семинаріи объ ученикахъ за 1788 г.; ср. Абрамовъ, стр. 547.

²⁾ Абрамовъ, стр. 547; ср. Вагинъ, стр. 10.

³⁾ Дѣло 1788 г., № 149: Объ отправленіи въ С.-Петербургскую Александро-Невскую семинарію изъ обучающихся въ Тобольской семинаріи учениковъ философіи Л. Земляницына и П. Словцова.

⁴⁾ См. цитиров. дѣло Тобольск. консисторіи 1788 г., № 161.

⁵⁾ Ibid. Товарищескія отношенія Словцова къ преосвященному Михаилу могутъ нѣсколько иначе освѣщать фактъ, отмѣчаемый г. Абрамовымъ, — именно, что «Михаилъ, епископъ иркутскій, каждагодно присутствовавшій при годичныхъ испытаніяхъ въ гимназій (директоромъ коей состоялъ Словцовъ), въ 1817 г. почтилъ это заведеніе необыкновенною честью, отдавъ ему похвалу даже въ архипастрьскомъ поученіи, произнесенномъ въ кафедральномъ соборѣ» (стр. 550).

⁶⁾ Цит. дѣло архива Тобольской консисторіи 1788 г., № 161.

⁷⁾ См. цит. дѣло консисторіи 1788 г., 14).

священнымъ представленію ректора, избранные студенты были отправлены въ Петербургъ ¹⁾, при чемъ изъ составленнаго ректоромъ «реестра, сколько и на что именно при отправленіи Словцова и Земляничина изъ семинарской суммы употреблено въ расходъ», видно, что отправка ихъ стоила семинаріи 121 рубль 75 коп. При отправленіи въ Петербургъ Словцовъ отъ 5-го декабря 1788 г. получилъ такой аттестатъ: «Объявитель сего философіи ученикъ Тобольской епархіи священнической сынъ Петръ Словцовъ, обучаясь въ Тобольской семинаріи, проходилъ питическій, риторическій и философическій классы съ отличнымъ успѣхомъ и прилежаніемъ. При чемъ обучался началамъ исторіи и географіи, а сверхъ того въ той же семинаріи былъ грамматическаго класса учителемъ. Понятія въ ученіи изряднаго и нравовъ честныхъ, отъ роду имѣетъ 20 лѣтъ» ²⁾).

Поступивъ въ Александро-Невскую семинарію, Словцовъ оказался товарищемъ другого болѣе знаменитаго впоследствии семинариста, присланнаго изъ Владимирской семинаріи, М. М. Сперанскаго, съ которымъ вступилъ въ дружественныя отношенія. Школьная дружба между Словцовымъ и Сперанскимъ сохранилась и впоследствии, по окончаніи ими курса, поддерживаясь перепискою, при чемъ, по отзывамъ лицъ, знавшихъ Сперанскаго, послѣдній ставилъ Словцова по способностямъ выше себя ³⁾).

По окончаніи курса въ Александро-Невской семинаріи, гдѣ Словцовъ обучался «философіи, богословіи, физикѣ, чистой математикѣ во всѣхъ ея частяхъ и французскому языку», 5-го октября 1792 г. онъ былъ опредѣленъ въ Тобольскую семинарію учителемъ математики и краснорѣчія ⁴⁾; въ слѣдующемъ 1793 г. ему предоставлено было еще преподаваніе философіи ⁵⁾. Какъ велось Словцовымъ дѣло преподаванія въ семинаріи, ничего опредѣленнаго объ этомъ, за отсутствіемъ документальныхъ данныхъ, сказать нельзя. Можемъ указать только любопытныя собственноручныя отмѣтки Словцова въ вѣдомости учениковъ семинаріи за 1793 г., гдѣ молодой учитель даетъ характеристики своимъ ученикамъ и аттестаціи ихъ успѣховъ. Въ то время, какъ другіе учителя семинаріи обычно

¹⁾ Такимъ образомъ Словцовъ не обучался въ богословіи, и посему слова г. Вагина (стр. 10) объ окончаніи имъ курса Тобольской семинаріи «съ блестящимъ успѣхомъ» — не вѣрны.

²⁾ Дѣло консисторіи 1788 г., № 149.

³⁾ О. Сулоцкий, стр. 131.

⁴⁾ Дѣло архива Тобольской консисторіи 1792 г., № 132: Вѣдом. Тоб. семинарии объ учит. за 1792 г.; Дѣло архива Тобольск. семинарии 1793 г., № 18: Вѣдом. объ учителяхъ за 1792 годъ. По указанію приходо-расходной книги семинарии за 1792 г., Словцову было выдано на проѣздъ изъ Петербурга до Тобольска 60 рублей.

⁵⁾ Дѣло архива Тобольской консисторіи 1793 г., № 122: Вѣдом. о семинаристахъ за 1793 г.; Дѣло семина. архива 1794 г., № 20: Вѣдом. объ учител. за 1793 годъ.

признають успѣхи учениковъ достохвальными, изрядными, хорошими, нехудыми, средственными, малыми, худыми и пр., а характеристики дѣлають въ такомъ родѣ: прилежень, честенъ, понятенъ, лѣнивъ, тупъ и пр.,—въ характеристикахъ Словцова можно замѣтить то отсутствіе простоты и естественности въ слововыраженіи, которыя наблюдаются и въ его печатныхъ трудахъ. Такъ по философіи учитель даетъ слѣдующія аттестаціи: «успѣхи его и дарованія доходятъ до зависти сверстниковъ», «примѣтнымъ образомъ умножаетъ свои познанія», «уже начинаетъ мыслить и отличается постоянствомъ», «успѣваетъ довольно, но желать надобно лучшаго образованія въ сердцѣ», «разумѣетъ достоинство философіи», «съ раченіемъ соединяетъ тихіе нравы», «недостатки въ ученіи наворачиваетъ кроткими поступками», «скромные нравы дѣлають честь его сердцу» и пр. Подобнаго же рода даются учителемъ характеристики и аттестаціи успѣховъ учениковъ въ краснорѣчій: «открываетъ склонность къ сочиненію», «любитъ науку краснорѣчія», «привыкаетъ къ свойству писателей», «плѣняется красотами писателей», «чувствителевъ» и пр. Только по математикѣ Словцовъ почему-то уклонился отъ подобныхъ характеристикъ учениковъ, сухо замѣтивъ о всѣхъ: «окончивъ ариѣметику и алгебру, оканчиваютъ геометрію».

Тихо и скромно, по всей вѣроятности, потекла бы жизнь Словцова на незамѣтной должности учителя семинаріи, если бы судьба неожиданно не выбила его изъ обычной колеи, замѣшавъ семинарскаго учителя далекаго сибирскаго захолустья въ серьезное, съ политическимъ отгѣнкомъ, дѣло. Объ обстоятельствахъ этого дѣла архивные документы говорятъ слѣдующее ¹⁾.

10-го ноября 1793 г. въ Тобольскомъ Софійскомъ соборѣ П. А. Словцовъ произнесъ «поученіе при случаѣ торжества бракосочетанія его высочества, великаго князя Александра Павловича, съ Елисаветою Алексѣевою, княжною Баденскою» ²⁾. Старые біографы Словцова говорятъ, что въ этомъ поученіи онъ дозволилъ «смѣло судить и открыто говорить о нѣкоторыхъ современныхъ знаменитостяхъ» ³⁾. Но въ настоящее время, когда проповѣдь Словцова существуетъ въ печатномъ видѣ, можно утверждать, что дѣло было

¹⁾ Дѣло архива Тобольской консисторіи 1794 г., № 182: Тобольской семинаріи объ учителѣ философическаго класса П. Словцовѣ, который отпращенъ на разсмотрѣніе въ С.-Петербургъ.

²⁾ Проповѣдь эта первоначально была напечатана въ III кн. «Памятниковъ новой русской исторіи», Спб., 1873 г., а потомъ, въ болѣе исправномъ списокѣ, съ двумя другими проповѣдями Словцова, помѣщена О. М. Бодянскимъ въ III кн. за 1873 г. Чтеній въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при Московскомъ университетѣ, стр. 144—153.

³⁾ Абрамовъ, стр. 547; о Сулоцкій (стр. 132), привелъ эти слова, не дѣлаетъ въ нимъ никакого замѣчанія, повидимому, вполне соглашаясь съ ними.

не въ обличительномъ характерѣ поученія, якобы касавшагося тѣхъ или другихъ знаменитостей, а въ общемъ его содержаніи и духѣ ¹⁾).

Въ проповѣди своей на ряду съ призываніемъ россовъ къ благословенію своей монархини, отъ которой они приѣмлютъ новый даръ и новое утѣшеніе, на ряду съ указаніемъ, что подъ скипетромъ мудрой монархини, умножающей ея достояніе, все предзнаменуетъ наше блаженство, на ряду съ признаніемъ блаженства россовъ, живущихъ подъ скипетромъ отеческимъ, — Словцовъ высказываетъ мысли, которыя и съ современной точки зрѣнія, производимыя съ церковной кафедры, могутъ быть признаны по меньшей мѣрѣ рискованными. Такъ благополучнымъ государемъ проповѣдникъ считаетъ того, который умѣлъ бы пережить свою кончину, умѣлъ бы царствовать изъ гроба надъ потомками такъ, чтобы изъ рукъ преемника не палъ скипетръ. Разсуждая о признакахъ народнаго счастья, проповѣдникъ говоритъ, что «тишина народная есть иногда молчаніе принужденное, продолжающееся дотолѣ, пока неудовольствія, постепенно раздражая общественное терпѣніе, не прервутъ онаго. Если не всѣ граждане поставлены въ однихъ и тѣхъ же законахъ; если въ рукахъ одной части захвачены преимущества, отличія и удовольствія, тогда какъ прочимъ оставлены труды, тяжесть законовъ, или одни несчастія, то тамъ спокойствіе, которое считаютъ залогомъ общаго счастья, есть глубокій вздохъ, данный народу тяжкимъ ударомъ. Правда, что спокойствіе слѣдуетъ изъ повиновенія; но отъ повиновенія до согласія столько же разстоянія, сколько отъ невольника до гражданина... Итакъ, когда тишина служитъ чаще знакомъ притѣсненія, что значать таковыя монархіи? Это—великія гробницы, замыкающія въ себѣ несчастныя стяншіе трупы, и троны ихъ—это пышныя надгробія, тяжело гнетущія оныя гробницы». Далѣе въ проповѣди выясняется, что громъ побѣдъ въ чужихъ странахъ не всегда ведетъ къ счастью народному, что внѣшнее могущество монархіи есть коварное орудіе, истощающее оную, и можно утверждать, что самая величественная для нея эпоха всегда бываетъ роковою годиною. Наконецъ, приглашая монарховъ познать своего подданнаго въ христіанинѣ, проповѣдникъ съ нѣкоторою горечью замѣчаетъ, что этого истинно

¹⁾ Посему намъ страннымъ представляется утвержденіе г. Голодникова (стр. 424), что въ проповѣди своей Словцовъ дозволилъ нѣсколько рѣзкихъ выраженій насчетъ испорченности нравовъ вообще и нѣкоторыхъ петербургскихъ вельможъ въ особенности... Слова эти, воплотивъ довѣрія г. Голодникову, какъ племяннику Словцова, повторяетъ и г. Вагнъ (стр. 10). Любопытно, что это невѣроятное утвержденіе о нападеніи тобольскаго учителя на испорченность нравовъ петербургскихъ сивонниковъ, о чемъ, кстати сказать, въ проповѣди Словцова нѣтъ ни слова, повторяется и въ словарѣ Брокгауза и Ефрона (т. XXX, стр. 419).

подданнаго обходить при обстоятельствахъ предпочтенія, оставляютъ, когда нужно призывать на степени, и достоинства...

Неизвѣстный рецензентъ на проповѣди Словцова, напечатанной Бодянскимъ, далъ о ней такой отзывъ: «Поученіе это недостойно церковной кафедры. Это есть мечта ума, бредящаго будто сквозь сонъ, кидающагося то къ вѣрѣ, то къ суемудрію, и всегда старающагося прикрываться темнотою рѣчи, чтобъ не была замѣтна пустота его». Но другіе болѣе проникательные люди, кромѣ «мечты ума», могли усмотрѣть въ проповѣди Словцова нѣчто предосудительное и съ политической точки зрѣнія, могли найти въ ней и неодобрительное отношеніе къ тѣмъ громамъ побѣды, которые оглашали царствованіе Екатерины, и указаніе на тяжелое положеніе части населенія въ противоположность высшему дворянскому сословію, пользующемуся всякими льготами, и на приближеніе къ престолу разнаго рода фаворитовъ и пр. вмѣстѣ съ симъ, чтобы понятъ впечатлѣніе проповѣди, не нужно забывать, что она произнесена была въ годъ казни Людовика XVI и ужасовъ террора во Франціи, и что нѣкоторыя выраженія проповѣди можно было понять, какъ указанія на политическія событія, волновавшія тогда весь европейскій міръ, и при томъ указанія съ прозрачными уроками по адресу современныхъ правителей. Посему естественно, что проповѣдь Словцова обратила на себя вниманіе тобольскихъ властей и дошла до Петербурга.

Въ «Памятникахъ русской исторіи» авторъ статьи «Проповѣдникъ Тобольской семинаріи въ 1793—1794 годахъ» говоритъ, что тогдашній тобольскій губернаторъ Александръ Алябьевъ, выслушавъ проповѣдь Словцова, примѣтилъ въ ней нѣчто непозволительное и, доставши непримѣтнымъ образомъ копію съ нея ¹⁾, усмотрѣлъ въ ней многое, по разсужденію его, противное высшей власти. Затѣмъ проповѣдь была представлена при письмѣ губернатора генераль-прокурору А. Н. Самойлову на его проникательное благоразсмотрѣніе, и вмѣстѣ съ симъ обо всемъ было донесено генераль-губернатору, генераль-поручику Волкову. Получивъ проповѣдь Словцова, генераль-прокуроръ отдалъ ее извѣстному Шешковскому для переговоровъ съ петербургскимъ митрополитомъ Гавріиломъ; оба они нашли ее дерзкою и развратительною ²⁾. При такомъ изложеніи дѣла ближайшему духовному начальству Словцова не отводится никакой роли. Но едва ли можно допустить, что непосредственное начальство Словцова съ своей стороны ничего

¹⁾ По словамъ Абрамова (стр. 547), по окончаніи литургіи проповѣдь была найдена въ квартирѣ Словцова, отобрана и представлена въ С.-Петербургъ.

²⁾ См. предисловіе Бодянского къ проповѣдямъ Словцова, напечатаннымъ въ III кн. за 1873 г. Читеній въ императорскомъ обществѣ ист. и древн. рос. при Московскомъ университетѣ, стр. 141—142.

не предпринимало, допуская дѣйствовать только свѣтской власти и молчаливо взирая на происходящее вокругъ. Несомнѣнно, что если не тотчасъ же по произнесеніи проповѣди, то послѣ того, какъ въ городѣ пошли слухи о необычайной проповѣди семинарскаго учителя, когда начальство свѣтское вмѣшалось въ дѣло, духовному начальству не удобно было оставаться въ бездѣйствіи. Все это разумѣется само собой и, кромѣ того, подтверждается указаніемъ архивныхъ данныхъ, изъ которыхъ видно, что и тогдашній преосвященный тобольскій Варлаамъ донесъ о случившемся, съ препровожденіемъ самой проповѣди Словцова, митрополиту петербургскому Гавріилу. Замѣчательно, что въ этомъ донесеніи тобольскій преосвященный указываетъ не только на странныя и нелѣпыя мысли, замѣченныя въ проповѣди Словцова, но отмѣчаетъ, при произнесеніи ея непристойныя тѣлодвиженія проповѣдника. Какъ можно усматривать изъ ссылки оберъ-прокурора на требованіе духовнаго регламента и изъ распряженія, сдѣланнаго потомъ тобольскимъ преосвященнымъ по епархіи, здѣсь разумѣются слишкомъ утрированныя жесты проповѣдника, доселѣ невиданныя жителями сибирскаго захолустья и потому особенно поразившіе ихъ.

Но обратимся къ подробностямъ дѣла.

Послѣ того, какъ въ Петербургѣ были получены свѣдѣнія о тобольскомъ происшествіи, тогдашній оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода Ал. Мусинъ-Пушкинъ писалъ преосвященному Варлааму, епископу тобольскому и сибирскому: «Вашему преосвященству совершенно извѣстно изъ духовнаго регламента, что каждый проповѣдывающій слово Божіе своего сочиненія долженъ быть изъ ученыхъ и свидѣтельствованныхъ въ способностяхъ къ сему. Тамъ сдѣлано довольное наставленіе, изъ чего должна быть заимствована проповѣдь, о чемъ и какое заключать въ себѣ нравоученіе, отъ какихъ выраженій проповѣднику удаляться, и даже какія употреблять тѣлодвиженія. Нынѣ же примѣчено, что въ нѣкоторыхъ городахъ сказывающіе своего сочиненія проповѣди въ высокаторжественные и другіе праздничные дни, отступая отъ оныхъ предписанныхъ правилъ, вмѣсто полезнаго нравоученія, входятъ разсужденіемъ своимъ о другихъ стороннихъ матеріяхъ, упоминая даже о политическихъ совѣмъ къ проповѣди слова Божія не относящихся дѣлахъ, приводя къ тому изъ исторіи неприличные примѣры въ выраженіяхъ нелѣпыхъ, соблазнительныхъ и не терпимыхъ въ обществѣ; отъ чего могутъ произойти непріятныя слѣдствія и для самаго начальства духовнаго; то я за долгъ себѣ поставилъ уведомить о семъ какъ прочихъ пастырей церкви святыя, такъ и ваше преосвященство съ тѣмъ, что настоятъ нужда взять должную предосторожность и изыскать всѣ возможныя средства къ отвращенію такового злоупотребленія». Въ предотвращеніе подобнаго рода злоупотребленій оберъ-прокуроръ находитъ нужнымъ, чтобы

впредь проповѣди, сочиняемыя учеными людьми, въ епархіальныхъ городахъ проходили архіерейское разсмотрѣніе и аппробацію, а въ городахъ, отдаленныхъ отъ епархіальнаго города, цензура сія поручалась бы ученымъ духовнымъ особамъ, имѣющимъ къ сему довольное просвѣщеніе и способность. «Впрочемъ,—говоритъ въ заключеніе своей бумаги оберъ-прокуроръ,—прошу ваше преосвященство объясненіе сіе принять не въ другомъ какомъ видѣ, но въ томъ, что я приступилъ къ сему по возложенной на меня должности».

Какъ видимъ, въ отношеніи оберъ-прокурора совсѣмъ нѣтъ упоминанія о самомъ фактѣ, вызвавшемъ эту бумагу. Оберъ-прокуроръ политично увѣряетъ преосвященнаго, что напоминаніе о требованіяхъ, предъявляемыхъ къ проповѣдямъ, онъ сдѣлалъ только по обязанностямъ возложенной на него должности. Но несомнѣнно, что преосвященный уже зналъ, откуда дулъ вѣтеръ, и какія непріятныя обстоятельства побуждали оберъ-прокурора напоминать объ извѣстныхъ требованіяхъ духовнаго регламента. Дѣло въ томъ, что еще ранѣе письма Мусина-Пушкина, отъ 19-го января 1794 года, преосвященный Варлаамъ получилъ отъ митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго Гавріила слѣдующее официальное письмо: «Полученная мною отъ васъ проповѣдь, говоренная философіи учителемъ Словцовымъ, подвергается критикѣ: ея императорское величество повелѣла, чтобъ ваше преосвященство отправили его ко мнѣ, чтобъ я, какъ онъ учился въ моей семинаріи, лучше могъ узнать его мысли. При томъ и бумаги его, кромѣ книгъ, запечатавъ извольте прислать ко мнѣ: и какъ вы не имѣете пособій къ сей отправкѣ, извольте отнести къ господину губернатору, который дастъ пособіе къ сему. Совѣтую сіе такъ исполнить, чтобъ не дать никакого виду къ разглашенію». Мы думаемъ, что этимъ официальнымъ письмомъ дѣло не ограничилось, потому что преосвященный Гавріилъ былъ роднымъ братомъ тобольскому епископу, и посему естественно, что, кромѣ официальныхъ сношеній, между преосвященными состоялся уже обмѣнъ частными письмами, что и преосвященный тобольскій, донося о Словцовѣ, просилъ у митрополита руководственныхъ указаній относительно того, какъ вывернуться изъ непріятнаго инцидента, и митрополитъ петербургскій, конечно, не оставилъ своего брата такими совѣтами и указаніями.

Въ своемъ отвѣтѣ оберъ-прокурору преосвященный Варлаамъ старается освѣтить дѣло съ такихъ точекъ зрѣнія, которыя, оправдывая непосредственное начальство семинарскаго учителя, указывали главныхъ—близкихъ и отдаленныхъ—виновниковъ всего происшедшаго. Мы буквально приводимъ этотъ любопытный отвѣтъ, останавливаясь на главныхъ его положеніяхъ. «Не могу скрыть,—писалъ преосвященный,—что я чрезъ 25 лѣтъ съ особеннымъ вни-

маніемъ наблюдалъ здѣшнихъ проповѣдниковъ, какъ долгъ пастырскій требуетъ, и что слово Божіе такъ точно было проповѣдуемо, какъ повелѣваютъ правила православныя церкви. Одинъ только изъ учителей помутилъ сію чистую воду, къ великому моему сожалѣнію, о чемъ, думаю, и вашему превосходительству уже извѣстно. Могу прямо увѣрить ваше превосходительство, что сей печальный случай открылся не по моему несмотрѣнію, но по дерзости проповѣдника, поелику онъ ни мнѣ, ни другимъ не казалъ своей проповѣди, и проговорилъ оную, когда я занятъ былъ служеніемъ». Мы думаемъ, что сказанное здѣсь преосвященнымъ не вполне соответствуетъ истинѣ. Всякому, немного знакомому съ указанными еще духовнымъ регламентомъ порядками церковнаго проповѣдничества, извѣстно, что произнесеніе проповѣди тому или другому лицу въ праздничный или высокаторжественный день назначается духовнымъ начальствомъ, и составленная проповѣдь проходитъ обязательную цензуру или самого преосвященнаго, или особо назначеннаго цензора, и посему Словцовъ безъ явнаго скандала не могъ самовольно выступить на церковную кафедру. Г. Абрамовъ въ объясненіе этого факта говоритъ, что проповѣдь Словцова «была цензурована ректоромъ семинаріи, архимандритомъ Геннадіемъ, но Словцовъ произнесъ ее съ прибавленіями, сдѣланными послѣ» ¹⁾. Но намъ и такое объясненіе представляется маловѣроятнымъ. Не лучше ли объяснить дѣло формальнымъ отношеніемъ ректора архимандрита Геннадія къ порученной ему цензурѣ проповѣди Словцова? Будучи твердо увѣренъ, что проповѣдникъ-учитель семинаріи не можетъ сказать въ своемъ поученіи ничего не подходящаго для церковной кафедры, ректоръ могъ одобрить къ произнесенію составленную Словцовымъ проповѣдь, даже не прочитавъ ея. Такое предположеніе подтверждается тою характеристикой, которую даютъ ректору Геннадію нѣкоторые источники. Одинъ изъ такихъ источниковъ говоритъ, напримѣръ, что ректоръ Геннадій послѣ девятилѣтняго управленія Тобольской семинаріей «уволенъ на покой, которой онъ и во время отправленія своей должности крайне любилъ» ²⁾. Очень возможно, что такой крайній любитель покоя положилъ свое цензорское одобреніе проповѣди Словцова, не поинтересовавшись ея содержаніемъ.

¹⁾ Стр. 547. Въ общемъ ту же мысль высказываетъ и г. Голодниковъ, выражаясь, что Словцовъ «дозволилъ себѣ, въ дополненіе къ рукописному тексту, просмотрѣнному и одобренному ректоромъ семинаріи, нѣсколько рѣзкихъ выраженій насчетъ»... (стр. 424). Г. Вагнитъ въ настоящемъ случаѣ вполне довѣряетъ «племяннику» Словцова (стр. 10).

²⁾ «Книга Тобольской семинаріи, для записи всѣхъ перемѣнъ и историческихъ происшествій, въ оной случившихся и быть имѣющихъ, учинена по опредѣленію его высокопреосвященства Автонія... 1804 г., сентября 20 дня». «Книга» эта (рукопись) хранится въ библиотекѣ Тобольской духовной семинаріи подъ № 189—10.

Преосвященный Варлаамъ не ограничивается указаннымъ оправданіемъ себя въ дѣлѣ Словцова и высказываетъ далѣе въ своемъ письмѣ къ оберъ-прокурору такое соображеніе, косвенно задѣвавшее его брата, митрополита петербургскаго, въ семинаріи котораго Словцовъ заканчивалъ свое образованіе. «Удивительно,—пишетъ преосвященный,—что онъ какъ странныя и нелѣпыя свои мысли, такъ и непристойныя тѣлодвиженія занялъ себѣ въ С.-Петербургѣ, куда посланъ былъ единственно для наученія тому, что полезно для церкви и общества».

Наконецъ, во исполненіе требованій оберъ-прокурора относительно принятія должныхъ предосторожностей и изысканія возможныхъ средствъ для предотвращенія на будущее время злоупотребленій въ дѣлѣ церковнаго проповѣдничества, преосвященный увѣдомляетъ, что имъ строжайше подтверждено, чтобы проповѣдники, находящіеся въ его епархіальномъ городѣ, при составленіи проповѣдей руководились требованіями духовнаго регламента и представляли свои проповѣди на архіерейскую аппробацію, и чтобъ на такую аппробацію представлялись даже проповѣди и иногороднихъ проповѣдниковъ, ибо тамъ нѣтъ никого изъ ученыхъ, кому бы можно было поручить цензуру.

Между тѣмъ исполняя требованіе, выраженное въ письмѣ митрополита Гавріила, преосвященный Варлаамъ обратился къ тобольскому губернатору, Александру Васильевичу Алябьеву, относительно высылки Словцова въ Петербургъ. Въ отвѣтъ на это отношеніе губернаторъ писалъ преосвященному: «Изволите увѣдомлять меня, что требуется здѣшной семинаріи учитель филозофіи, П. Словцовъ, въ С.-Петербургскую Александровскую семинарію высокопреосвященнымъ Гавріиломъ, митрополитомъ новгородскимъ и с.-петербургскимъ, а потому ваше преосвященство изволите требовать отъ меня, отправить его съ надежнымъ будущимъ курьеромъ и о отправленіи дать подорожную. А поелику сегождъ числа отправляется въ С.-Петербургъ отъ меня сенатскій курьеръ, то и есть самой удобной случай того учителя Словцова отправить съ нимъ, почему я и приказалъ сказанному курьеру явиться къ вашему преосвященству и, принявъ упоминаемаго Словцова, доставить куда слѣдуетъ. А подорожная тому курьеру отъ меня выдана». Сообщеніе это было уже результатомъ частныхъ переговоровъ преосвященнаго съ губернаторомъ, которые, повидимому, велись при посредствѣ ректора семинаріи архимандрита Геннадія, при чемъ были выработаны частности относительно средствъ и способовъ отправки Словцова въ Петербургъ. «Александръ Васильевичъ (губернаторъ Алябьевъ),—писалъ архимандритъ Геннадій епископу Варлааму еще 12-го февраля,—согласенъ съ мыслями вашего преосвященства и полагаетъ такое разсужденіе: 1) для избѣжанія дальнаго шума хочетъ онъ дѣло сіе кончить сей день

вечеромъ въ сумеркахъ; 2) чтобъ Словцовъ явился вечеромъ къ вашему преосвященству, тогда придетъ и курьеръ, и ваше преосвященство изволите отдать Словцова на руки курьеру, который и отведетъ его къ Александру Васильевичу, для получения подорожной, и того жъ вечера, не допуская Словцова возвратиться въ семинарію, поскачетъ съ нимъ прямо въ Шишкину ¹⁾; 3) по отъѣздѣ ихъ присланъ будетъ ко мнѣ Костомаровъ ²⁾, и намъ двумъ должно пересмотрѣть бумаги Словцова и, запечатавъ оныя, того жъ вечера послать въ Шишкину, гдѣ курьеръ нарочно того дожидаться будетъ, при чемъ и шуба для дороги пошлется; 4) наконецъ имѣю честь увѣдомить ваше преосвященство, что дѣло сіе полагается на вечеръ сего дня съ условіемъ, когда то-есть курьеръ сей день управится со своими дѣлами (о чемъ г. губернаторъ обѣщался дать знать вашему преосвященству), а буде не управится, то отлагается оное на вечеръ будущаго понедѣльника». Но очевидно, что предположеніе объ отправкѣ Словцова 12-го февраля не осуществилось,—онъ могъ отбыть изъ Тобольска только 13-го февраля, какъ это можно заключать изъ вышеприведеннаго письма губернатора. Наконецъ, когда преступникъ былъ благополучно отправленъ въ Петербургъ, преосвященный тобольскій увѣдомилъ с.-петербургскаго митрополита: «По требованію вашего высокопреосвященства учитель Тобольской семинаріи школы философіи П. Словцовъ стараніемъ его высокопревосходительства тобольскаго губернатора А. В. Алябьева сего числа въ Александро-Невскій монастырь на разсмотрѣніе къ вашему высокопреосвященству съ симъ письмовручителемъ отправленъ; о прибытіи его, какъ онъ къ вамъ прибудетъ, всепокорнѣйше прошу меня увѣдомить».

Вмѣстѣ съ симъ преосвященный Варлаамъ, согласно своему обѣщанію, выраженному въ письмѣ къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода, относительно мѣръ предотвращенія на будущее время злоупотребленій въ дѣлѣ проповѣдничества, поручилъ представить по сему предмету свои соображенія ректору семинаріи, архимандриту Геннадію, и префекту Л. Земляничину. Въ своемъ докладѣ, представленномъ преосвященному 29-го марта, ректоръ и префектъ, имѣя, очевидно, въ виду политическій характеръ проповѣди Словцова, приводятъ, прежде всего, слѣдующую справку изъ духовнаго регламента: «Проповѣдывали бы проповѣдники твердо, съ доводомъ священнаго писанія, о покаяніи, о исправленіи житія, о почитаніи властей, паче же самой величайшей власти царской, о должностяхъ всякаго чина, исправляли бы суевѣріе, вкореняли бы въ сердца людскія страхъ Божій, словомъ рещи; испытывали бы отъ

¹⁾ Село, находящееся въ 17-ти верстахъ отъ Тобольска.

²⁾ Кто это такой,—изъ архивныхъ документовъ не видно.

священнаго писанія, что есть воля Божія святая, угодная и совершенная и то бы говорили». Затѣмъ, имѣя въ виду «непристойныя тѣлодвиженія», замѣченныя у Словцова при произнесеніи имъ проповѣди, докладчики приводятъ двѣ слѣдующія справки изъ регламента. 1) «Безумно творять проповѣдницы, которые брови свои поднимають, и движеніе раменъ являютъ гордое, и въ словѣ нѣчто такое проговаривають, отъ чего можно познать, что они сами себѣ удивляются». 2) «Не надобно проповѣднику шататься вельми, будто въ суднѣ весломъ гребеть, не надобно руками сплескивать, въ боки упираться, подскакивати, смѣяться, да не надобно и рыдать». На основаніи приведенныхъ указаній регламента, докладчики далѣе говорятъ словами оберъ-прокурорскаго отношенія, что нѣкоторые изъ проповѣдующихъ слово Божіе, не наблюдая такихъ указаній, въ проповѣдяхъ, вмѣсто полезнаго нравоученія, входятъ разсужденіемъ своимъ о другихъ стороннихъ матеріяхъ, упоминая даже о политическихъ совѣтѣхъ къ проповѣди слова Божія не относящихся дѣлахъ и приводя къ тому изъ исторіи неприличныя примѣры въ выраженіяхъ нелѣпыхъ, соблазнительныхъ и нетерпимыхъ въ обществѣ, а сверхъ сего употребляютъ неприличныя тѣлодвиженія, которыя только отвлекають вниманіе слушателей и дѣлають больше предосужденія, нежели чести проповѣднику самому. Въ предотвращеніе на будущее время подобнаго рода злоупотребленій докладчики предложили учинить слѣдующее. 1) Всѣмъ игуменамъ, протопопамъ, священникамъ, діаконамъ и причетникамъ, обучавшимся въ семинаріи, кои могутъ сочинять и говорить проповѣди, отнюдь не сочинять и не говорить оныхъ безъ вѣдома и дозволенія преосвященнаго. 2) Проповѣди сочинять на такомъ точно основаніи, какое показано здѣсь въ первомъ пунктѣ духовнаго регламента, избѣгая то-есть всѣхъ постороннихъ и политическихъ матерій, а выражая единственно то, что клонится къ вѣрѣ, закону и добродѣтели, и то безъ строгости и грубости, а съ кротостью и разсмотрѣніемъ самого себя и предстоящихъ слушателей. 3) При сказываніи проповѣди наблюдать приличныя тѣлодвиженія, избѣгая какъ возможно всѣхъ тѣхъ непристойностей, которыя въ вышеписанныхъ второмъ и третьемъ пунктахъ духовнаго регламента запрещаются. 4) Всѣ города Тобольска священники должны проповѣди свои представлять на разсмотрѣніе здѣшней семинаріи ректора, діаконы и причетники протопопу (т.-е. кафедральному), а ученики богословіи и философіи префекту; иногородные же заказчикамъ, которые на то по разсмотрѣнію преосвященнаго опредѣлены будутъ; а безъ того отнюдь самимъ собою, безъ аппробаціи опредѣленныхъ на то особъ, никому нигдѣ говорить не дерзать. 5) Каждый здѣшняго города проповѣдникъ, проговоривъ проповѣдь и подписавъ на оной свое имя, прозваніе, тако жъ годъ, мѣсяць и число, долженъ сдать въ

библіотеку (семинарію) для храненія, а иногородніе какъ заказчики, такъ и прочіе священнослужители присылають преосвященному для такого жъ храненія, дабы въ случаѣ какихъ либо нужныхъ и непредвидимыхъ справокъ можно было имѣть оную налицо въ подлинникѣ. 6) А дабы все сіе въ точности выполняемо было, обязать строжайшими въ консисторіи подписками всѣхъ здѣшняго города проповѣдниковъ съ тѣмъ, что въ случаѣ ихъ ослушанія и невыполненія всего здѣсь предписаннаго протопопы, священники и діаконы мѣстъ и доходовъ своихъ лишены, а причетники и прочіе, не имѣющіе на себѣ священства, сверхъ того и тѣлеснымъ наказаніемъ штрафованы будутъ непремѣнно. А дабы и другихъ городовъ протопопы, заказчики и прочіе священнослужители, кои могутъ говорить проповѣди, о семъ извѣстны были и таковыми жъ подписками обязаны были, о томъ съ прописаніемъ всего вышеписаннаго послать изъ консисторіи въ надлежащія мѣста указы и велѣть тѣ подписки прочихъ священноцерковнослужителей хранить въ духовныхъ правленіяхъ, а данныя отъ заказчиковъ прислать въ консисторію. Преосвященный согласился съ докладомъ и положилъ на немъ такую резолюцію: «Учинить по сему докладу: а кому по другимъ городамъ разсматривать и сказывать проповѣди, сдѣлать расписаніе». Приводя утвержденный преосвященнымъ докладъ въ исполненіе, консисторія обязала всѣхъ священноцерковнослужителей г. Тобольска и студентовъ семинаріи (учениковъ богословскаго и философскаго классовъ) подписками въ точномъ выполненіи всѣхъ его требованій, разослала о семъ по всѣмъ духовнымъ правленіямъ епархіи указы и избрала въ городахъ, входившихъ въ составъ Тобольской епархіи, для цензуры проповѣдей мѣстныхъ проповѣдниковъ ученыхъ лицъ, которыя, по представленію консисторіи, были утверждены въ своихъ должностяхъ преосвященнымъ ¹⁾. Такимъ образомъ очевидно, что когда въ своемъ отвѣтѣ оберъ-прокурору преосвященный писалъ, что имъ сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы и иногородніе проповѣдники представляли свои проповѣди на архіерейскую апробацію, потому что тамъ нѣтъ никого изъ ученыхъ, кому бы можно было поручить цензуру,—онъ писалъ сгоряча, чтобы успокоить взволнованное тобольскимъ происшествіемъ высшее начальство, и прежде всякаго изслѣдованія дѣла предложилъ для прекращенія злоупотребленій мѣру слишкомъ радикальную, отъ которой потомъ самъ долженъ былъ отступить.

Этимъ дѣло о Словцовѣ въ Тобольскѣ кончилось,—продолженіе его послѣдовало уже въ Петербургѣ. Но отголоски дѣла можно

¹⁾ Дѣло консист. архива 1794 г., № 79: По докладу архимандрита и семинаріи ректора Геннадія и префекта діакона Л. Земляничина о сказываніи проповѣдей благопристойнымъ образомъ.

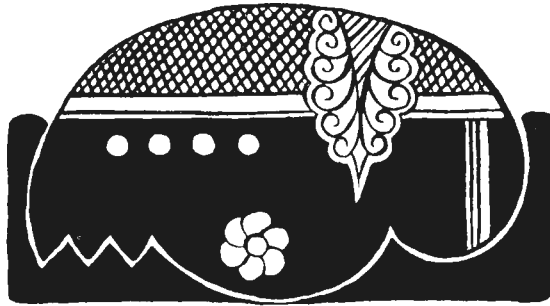
видѣть въ событіяхъ, которыя совершились нѣсколько позднѣе. Очевидно арестъ Словцова и таинственная отправка его въ Петербургъ навели страхъ на всѣхъ служащихъ въ семинаріи, отъ котораго они долго не могли оправиться. Въ 1794 г., вслѣдствіе отправки Словцова въ Петербургъ, предметы, преподаваемые имъ, временно распредѣлены были между его сослуживцами: преподаваніе философіи, краснорѣчія и математики было предоставлено префекту Л. Земляницыну, а отъ послѣдняго преподаваніе греческаго языка было передано учителю поэзіи Никифору Пономареву.

Подробное изложеніе дальнѣйшаго движенія дѣла Словцова не входитъ въ задачу настоящаго очерка, но для полноты картины мы кратко скажемъ, какъ объ окончаніи дѣла, такъ и о послѣдующихъ обстоятельствахъ жизни Словцова, пользуясь для сего существующими біографіями его.

Дѣло Словцова по поводу произнесенной имъ проповѣди въ Петербургѣ кончилось тѣмъ, что онъ былъ отправленъ на жительство въ Валаамскій монастырь. Но, къ счастью, пребываніе его здѣсь было непродолжительно, съ одной стороны, въ виду ходатайства за него предъ митрополитомъ Гавріиломъ преосвященнаго тобольскаго Варлаама, а, съ другой, въ виду одного литературнаго труда Словцова, обратившаго на него вниманіе петербургскаго митрополита. Одобривъ этотъ трудъ (переводъ съ латинскаго языка какой-то душеспасительной книги), митрополитъ опредѣлилъ Словцова учителемъ въ Александро-Невскую семинарію, гдѣ онъ встрѣтился со своимъ школьнымъ товарищемъ и другомъ М. М. Сперанскимъ, состоявшимъ въ то время префектомъ и учителемъ философіи. Въ 1797 г. Словцовъ, однако, оставилъ духовно-учебную службу и въ іюнѣ этого года былъ опредѣленъ въ канцелярію генераль-прокурора, 30 іюня 1801 года перемѣщенъ въ канцелярію государственнаго совѣта помощникомъ экспедитора, а 20 февраля 1803 года переведенъ въ департаментъ министерства коммерціи экспедиторомъ. Въ 1808 году Словцова вновь постигла служебная неудача: онъ былъ не только отставленъ отъ службы, но даже нѣкоторое время содержался подъ арестомъ. Затѣмъ особымъ распоряженіемъ отъ 18 февраля 1808 года былъ отправленъ на службу въ штатъ сибирскаго генераль-губернатора, съ воспрещеніемъ вѣзда во внутренніе города Россіи, и въ августѣ этого года прибылъ въ Тобольскъ, гдѣ нѣкогда началась его первоначальная служба. Въ 1814 и 1815 гг. Словцовъ обозрѣвалъ присутственныя мѣста Забайкальскаго края, Нижнеудинскаго и части Иркутскаго уѣздовъ, Киренскій и Якутскій округа. Вскорѣ онъ былъ назначенъ иркутскимъ совѣстнымъ судьей, а потомъ директоромъ училищъ Иркутской губерніи, гдѣ судьба вновь свела его съ давнишнимъ другомъ М. М. Сперанскимъ, въ мартѣ 1819 г. назначеннымъ сибирскимъ генераль-губернаторомъ. Въ 1819 г.

Словцовъ, по высочайшему рескрипту, произвелъ осмотръ учебныхъ заведеній Томской, Тобольской, Пермской, Казанской и Вятской губерній и затѣмъ былъ назначенъ визитаторомъ училищъ губерній Томской, Тобольской, Пермской и Казанской. Съ упраздненіемъ этой должности, въ 1829 году, Словцовъ оставилъ службу и въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, съ пенсією въ 3.000 рублей ассигн. въ годъ, вышелъ въ отставку. Поселившись послѣ отставки въ Тобольскѣ, Петръ Андреевичъ преимущественно занялся литературными трудами, особенно окончаніемъ капитальнаго труда своей жизни «Историческаго обозрѣнія Сибири», первый томъ котораго вышелъ въ 1838 году, а второй въ 1844 году, уже послѣ смерти автора. Скончался Словцовъ 28 марта 1843 года, 75-ти лѣтъ отъ роду.

Н. Бирюковъ.

ЦЕСАРЕВИЧЪ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ВЪ ЗЛАТОУСТЬ.

(Письмо майора Ахматова полковнику Камерову).

НСПОЛНЯЮ желаніе ваше и съ тѣмъ вмѣстѣ собственное свое, чтобы подѣлиться воспоминаніями о тѣхъ мгновеніяхъ, которыя такъ быстро пролетѣли въ бытность здѣсь государя наслѣдника. Его императорское высочество изволилъ прибыть въ Миасской заводъ 7-го іюня въ 6-ть часовъ вечера. Осмотрѣвши заводъ, гдѣ въ особенности обратила на себя вниманіе цесаревича плавка золотыхъ песковъ, въ мѣди-плавильныхъ печахъ, по способу полковника Аносова, его императорское высочество изволилъ при этомъ назвать алхимикомъ, сказавъ: «Вы, полковникъ,—алхимикъ; вы изъ ничего дѣлаете золото». Въ этомъ заводѣ хотя по маршруту и назначенъ былъ ночлеги, но какъ объяснили, что обзоръ золотыхъ промысловъ удобнѣе сдѣлать въ обратный путь изъ Златоуста, чрезъ что сбережется цѣлый день во времени, то его императорское высочество изволилъ отправиться въ Златоустъ, куда прибылъ въ 10-мъ часу вечера. Спускаясь съ Урала, онъ былъ свидѣтелемъ, какъ лошади разбили безъ малѣйшаго впрочемъ вреда для фельдъегерей ихъ экипажъ, потомъ нѣсколько верстъ изволилъ итти пѣшкомъ, милостиво разговаривалъ съ сопровождавшимъ его нашимъ горнымъ исправникомъ, любуясь по всей дорогѣ иллюминаціею, которою горѣлъ въ то время Златоустъ. Въ самомъ дѣлѣ гирлянда около заводскаго пруда въ великолѣпныхъ рамкахъ нашихъ горъ была чудесна. Въ

Ветлугѣ при вѣздѣ его императорское высочество встрѣченъ былъ полицеймейстеромъ. Потомъ же собравшіеся иностранные мастера кричали ему: вивать! а далѣе русское «ура» непрерывно сопровождало его во дворецъ. По выходѣ изъ коляски его императорское высочество милостиво всѣхъ привѣтствовалъ, обратился къ почетному караулу, принялъ рапортъ отъ генерала Шрама, сказавъ ему, что по послѣднему приказу онъ переводится командиромъ въ 23-ю бригаду. Потомъ принялъ рапортъ отъ горнаго начальника и вышелъ изъ дворца, гдѣ, кромѣ него, помѣстился генераль-адъютантъ Кавелинъ, полковники Юрьевичъ и Назимовъ и молодые офицеры Адлербергъ и Паткуль, а генералы Жуковский и Арсеньевъ заняли особыя квартиры. Можно сказать, что съ перваго мгновенія его императорское высочество обворожилъ всѣхъ: невыразимая доброта души на прелестномъ лицѣ его императорскаго высочества, ангельская улыбка, высокій ростъ, плѣнительная фигура невольно заставляютъ обожать его. На другой день его императорское высочество, вставши довольно рано, до 11-го часа занимался дѣлами, потомъ было представленіе чиновниковъ и осмотръ заводскаго и оружейнаго производства. При этомъ же его высочество изволилъ быть въ домѣ одного изъ иностранныхъ мастеровъ, чтобы посмотреть на домашній бытъ ихъ, былъ въ церкви, въ госпиталѣ и, наконецъ, въ арсеналѣ. Вообще его императорское высочество былъ весьма веселъ, шутилъ и всѣмъ остался доволенъ, въ особенности же въ арсеналѣ. Тутъ поднесено было нѣсколько штукъ разнаго булатнаго оружія, и его высочество, оставивъ для себя нѣсколько, остальное раздѣлилъ всей свитѣ, а двѣ великолѣпныя стальные вазы изволилъ назначить для императрицы. Послѣ обѣда его высочество изволилъ быть въ саду, гдѣ производилась проба кирасамъ стрѣльбою изъ солдатскихъ ружей; потомъ отправились на Уренлу, одну изъ высокихъ горъ, окружающихъ Златоустъ. Взойдя на нее довольно скоро, онъ любовался прелестнымъ видомъ горы Таганая и окрестныхъ мѣстъ и былъ чрезвычайно веселъ и милостивъ. На самой вершинѣ его привѣтствовало «ура» слѣдовавшаго за нимъ повсюду во множествѣ народа; спускаясь же съ горы почти бѣгомъ, онъ вдругъ остановился, а народъ, не могши, такимъ образомъ, удержаться, падалъ и толкалъ другъ друга, очутившись впереди его. Это въ самомъ дѣлѣ было забавно, и его высочество отъ души смѣялся. Вечеромъ онъ занимался дѣлами, между тѣмъ горѣла иллюминація; толпы народа покрывали всю площадь, и подъ балкономъ играла музыка, составленная изъ здѣшнихъ иностранцевъ. Умилительно и отрадно было для сердца слышать отзывы о цесаревичѣ. Одинъ мастеровой спрашивалъ другого, сколько разъ видѣлъ онъ наследника, тотъ отвѣчаетъ, что видѣлъ хорошо только одинъ разъ; «а я такъ видѣлъ пять разъ!»—говорить ему первый съ какимъ-то особеннымъ самодовольствомъ. Мастеровые

Кусинскаго завода просили своего управителя, чтобы имъ позволено было итти въ Златоустъ видѣть цесаревича, и что за вторникъ, какъ рабочій день, они будутъ работать въ первый воскресный день. А для мастерового очень много значить проработать двѣ недѣли сряду безъ отдыха, особенно при огненныхъ работахъ.

Отъѣздъ его высочества назначенъ былъ въ 5-ть часовъ утра 9-го числа. Толпы народа уже ожидали его, и онъ, простившись со всѣми ласково, отправился въ коляскѣ; за Ветлугою ожидали его и свиту верховыя лошади, выставленныя казачьимъ кантоннымъ Лабзинымъ. Тутъ же были и наши заводскія лошади для начальника и нѣкоторыхъ изъ чиновниковъ, испросившихъ еще при отъѣздѣ позволенія сопровождать его до первой станціи. Бывши въ Златоустѣ въ сюртукѣ Преображенскаго полка, тутъ его высочество изволилъ явиться въ казацкомъ кафтанѣ, и что это за прелесть! Нельзя было довольно насмотрѣться на него, какъ онъ рисковалъ на лошади и лихо скакалъ во весь опоръ. Проѣзжая мимо сопки Урала, его высочеству вздумалось побывать на ней. Вздумано и сдѣлано! Тотчасъ приказалъ одному изъ насъ слѣдовать впередъ и со всею свитою поворотилъ за вожатымъ въ лѣсъ, гдѣ нѣтъ ни дорѣжки, ни тропинки; пока было можно, версты 4, мы слѣдовали на лошадяхъ, но потомъ отъ непрерывно увеличивающихся препятствій отъ громадныхъ камней и крутизны сопли съ лошадей и съ большимъ затрудненіемъ взбирались на самую вершину сопки; чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе затрудненій и усталыхъ, такъ что изъ всей нашей кавалькады, которою его императорское высочество нѣсколько разъ любовался, осталось немного. Несмотря на убѣдительныя просьбы генераль-адъютанта Кавелина, чтобы не подниматься далѣе, а удовольствоваться пройденнымъ пространствомъ и открывшимися уже прелестными видами, его высочество изволилъ отвѣчать отказомъ и рѣшилъ подниматься на гору, чтобы достигнуть высочайшаго пункта; такимъ образомъ, продолжали далѣе. Первые очутились на самой вершинѣ Паткуль, Адлербергъ и одинъ изъ нашихъ горныхъ инженеровъ. Приблизившись къ великому князю, мы общими усиліями способствовали его высочеству перебраться черезъ нѣсколько затруднительныхъ скалъ, и... наконецъ, онъ на высотѣ, гдѣ по одну руку Европа, а по другую— Азія, и мы всѣ прокричали ему «ура». Погода была чудесная! Его высочество радостенъ и веселъ, а мы, горные, въ это время были на небесахъ! Отдохнувши нѣсколько, вдругъ его высочество говорить: «Господа, споемте всѣ вмѣстѣ Боже спаси царя»,—и началъ первый. Каждый изъ насъ, кто какъ умѣлъ, но съ душевнымъ благоговѣніемъ вторилъ ему, и потомъ опять громкое «ура» огласило въ этомъ мѣстѣ предѣлы Европы и Азіи. Картина истинно величественная и потрясающая душу! Сынъ могущественнаго изъ владыкъ земныхъ, на уединенной скалѣ одной изъ высочайшихъ горъ

Рифей, съ нѣсколькими изъ вѣрноподанныхъ отца его, испрашиваетъ ему благословеніе царя царей; слезы умиленія и благоговѣнія сопровождали мольбы наши.

Послѣ этого мы стали спускаться съ горы, избравъ для сего противный склонъ ея, и послѣ нѣсколькихъ отдыховъ наконецъ достигли почвы. Тутъ ожидали его высочество генераль-адъютантъ Кавелинъ и нѣкоторые изъ свиты, не поднимавшіеся на вершину, и всѣ вмѣстѣ выѣхали на большую дорогу. Послѣ столькихъ трудовъ, кажется, можно бы было нѣсколько пожелать покоя и сѣсть въ приготовленные коляски, но его высочество не согласился на это и остальные 10-ть верстъ до станціи быстро проскакалъ на лихомъ конѣ. Мы, горные, были сердечно рады этому, потому что еще нѣсколько мгновеній могли наслаждаться лицезрѣніемъ его. Въ Сыростинѣ его высочество потчевалъ насъ чаемъ и шампанскимъ по случаю дня рожденія генераль-адъютанта Кавелина, и потомъ милостиво и ласково со всѣми нами простился. Коляска его помчалась, и мы какъ бы вдругъ всего лишились! Глаза наши слѣдовали еще за экипажемъ, но вскорѣ поднявшаяся пыль лишила насъ и этого. О, какъ намъ грустно стало! Зачѣмъ не дерзнули мы испросить еще позволенія сопровождать его высочество, хотя до перваго золотого рудника? Развѣ не были мы свидѣтелями милостиваго его вниманія къ намъ?

Поворотивъ отъ Сыростина вправо, его высочество въ сопровожденіи исправляющаго должность главнаго начальника, горнаго начальника и управляющаго золотыми промыслами обозрѣлъ значнѣйшіе золотые рудники, былъ повсюду доволенъ и къ вечеру выѣхалъ на большую дорогу, простился съ горнымъ начальникомъ, поцѣловалъ его и отправился далѣе по тракту въ Верхнеуральскъ.

Пребываніе здѣсь государя наслѣдника останется навсегда памятнымъ для Златоуста, но 9-е число іюня будетъ счастливѣйшимъ днемъ нашей жизни. Тутъ не было ни этикета, ни церемоній, но зато какъ пламенно горѣли къ нему сердца, и чувство благоговѣнія къ нему было столько же чисто, какъ чистъ нагорный воздухъ, коимъ дышали мы на вершинахъ Урала. Скала, на которой сидѣлъ его высочество, получить по мѣрѣ возможности болѣе правильный видъ, и на ней высѣкутся вензель его, годъ, мѣсяцъ и число пребыванія его тамъ, и облегчится нѣсколько къ ней доступъ. Вмѣстѣ съ этимъ предположено, чтобы ежегодно 9-го іюня подниматься на вершину скалы и праздновать воспоминаніе о немъ троекратнымъ «ура» и Боже спаси царя.

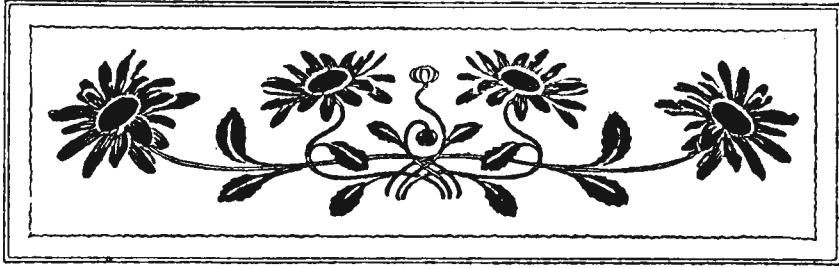
Его высочество въ бытность въ Златоустѣ изволилъ пожаловать въ пользу бѣдныхъ 500 рублей, столько же мастеровымъ, 500 рублей работавшимъ поднесенное ему оружіе, 500 рублей мяскимъ мастеровымъ, 200 рублей иностранцу, у коего былъ въ домѣ, 100 рублей казацкому мастеру, и сверхъ того щедро награждена

прислуга при дворцѣ, какъ въ Златоустѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ.

Вотъ все, почтеннѣйшій К. Н., что я по скорости успѣлъ собрать и записать о пребываніи въ Златоустѣ государя наследника, этого ангела благодатнаго. Описаніе это оцѣните усердіемъ моимъ къ скорому выполненію вашего желанія и не взыщите, что при этомъ я не могъ соблюсти красивыхъ оборотовъ слога, а писалъ, какъ диктовало сердце.

Сообщилъ Ф. И. Соколовъ.

ШЕСТАЯ ГОЛОВА.

(Изъ приволжскихъ былей).

НАДЪ ВОЛГОЮ спускались короткія сумерки августовскаго дня. По вершинамъ деревь еще пробѣгали быстро потухавшія краски заката, но внизу въ прибрежномъ лѣсу была уже порядочная темь. Здѣсь и днемъ, въ самые яркіе солнечные дни, лежитъ вѣчная тѣнь. Лиственный лѣсъ, довольно густой на высотахъ нагорнаго берега и на скатахъ горъ, становится еще гуще по мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ, а въ самомъ низу, на узкомъ бичевникѣ между Волгой и подошвой горъ, переходитъ въ чисто дремучій лѣсъ, сквозь который очень трудно пробраться. Тутъ нѣтъ могучихъ великановъ нагорья—вѣковыхъ дубовъ, но другія лиственные породы пышно разрастаются отъ обилія влаги, тѣсняются другъ около друга, занимая молодыми побѣгами каждый свободный клочекъ земли. У самой воды стоятъ непроницаемой стѣной густыя заросли тальника, которыя можно пройти только съ топоромъ въ рукахъ. Но и повыше, гдѣ начинается лѣсъ, ноги путаются въ густомъ и высокомъ травяномъ покровѣ, переплетенномъ ползучими и вьющимися растеніями. Могучіе папоротники достигаютъ здѣсь высоты въ половину человѣческаго роста и придаютъ мѣстности тропическій видъ. Корни старыхъ корявыхъ ивъ, наполовину обнаженные размывомъ вѣшнихъ водъ, представляются издали даже при дневномъ, но вѣчно здѣсь сумеречномъ освѣщеніи, какими-то фантастическими существами, не то клубкомъ свившихся большихъ змѣй... Въ жаркіе дни, подъ зеленымъ сво-

домъ густо переплетшихся вѣтвей, въ полумракѣ чернолѣсья всегда прохладно и свѣжо, но царствующая тутъ вѣчная тишина и какое-то сонное настроеніе гонятъ отсюда къ солнцу и свѣту. Невозмутимое спокойствіе прибрежныхъ дремучихъ лѣсовъ нарушаетъ только неумолчный прибой Волги да бойкое журчанье многочисленныхъ ключей, бьющихъ изъ-подъ горъ и вытекающихъ ручьями изъ овраговъ и лощинъ, которыми изрѣзанъ весь нагорный берегъ. Въ низинахъ бичевника ручьи разливаются, образуя топкія мѣста и болотца, еще болѣе затрудняющія путь.

И днемъ даже трудно здѣсь двигаться по едва замѣтной старой береговой тропѣ, пробитой, вѣроятно, еще волжскими пиратами давнихъ лѣтъ, имѣвшими здѣсь свои становища и цѣлыя «городки». Теперь эта тропа почти заросла, и рѣдко когда ею пользуются рыбаки да кое-какіе случайные прохожіе. Ночью же никто не сунется въ эту тущобу, развѣ по самой неотложной нуждѣ, и не столько изъ-за трудностей пути, сколько по другой причинѣ...

Народная фантазія и въ наши дни продолжаетъ населять эти приволжскіе дремучіе лѣса, съ ихъ глубокими оврагами и крутыми лощинами, всякаго рода бѣсовскою нечистью, которая специально приставлена де для охраны схороненныхъ здѣсь въ разныхъ мѣстахъ разбойничьихъ сокровищъ. Послѣднихъ всего больше де запрятано на встрѣчающихся въ лѣсу «городищахъ», въ ихъ сохранившихся еще валахъ, но зато и бѣсовская охрана здѣсь самая крѣпкая...

Особенно недоброю славою пользуется «Чортово городище», куда и днемъ мѣстные жители заглядываютъ не безъ опаски, а ночью не смѣютъ о томъ и подумать, исключая самыхъ отчаянныхъ храбрецовъ. Большинство не рѣшится пройти ночью по береговой тропѣ, хотя отъ нея до Чортова городища болѣе версты расстоянія. Ночью де нечистая сила безпрепятственно носится по всѣмъ лѣснымъ тущобамъ, а попадаться ей на глаза кому же охота?!.

Но въ описываемый вечеръ нашлось нѣсколько смѣльчаковъ, двигавшихся гуськомъ по береговой тропѣ. Въ быстро наступившей въ лѣсу темнотѣ шли они по едва замѣтной тропѣ очень неуверенно, спотыкаясь на каждомъ шагу о корни деревъ и натываясь на самыя деревья, вѣтви которыхъ хлестали ихъ по лицу и сбивали шапки. Но это было полъ-бѣды: ихъ больше смущалъ самый лѣсъ, полный чего-то таинственнаго, неизвѣстнаго... Они робко озирались по сторонамъ и прислушивались къ лѣснымъ звукамъ, вздрагивая при всякомъ движеніи въ лѣсу, хотя сами всего болѣе производили шума, пугавшаго лѣсныхъ обитателей, улетавшихъ и разбѣгавшихся подальше отъ двигавшихся людей. При каждомъ полетѣ вспорхнувшей сонной птицы или звукѣ шарахнувагося маленькаго звѣрка люди останавливались, сбиваясь въ кучу и хватаясь за топоры, заправленные у всѣхъ за поясами (удвоихъ были еще лопаты въ рукахъ). Но шумъ скоро утихалъ, всѣ не-

много успокаивались, истово крестились, что-то тихо шептали и продолжали двигаться дальше, еще ближе держась другъ друга и еще зорче оглядываясь по сторонамъ.

Ихъ было шесть человѣкъ. Это были мѣстные крестьяне, отправлявшіеся именно на Чортово городище, чтобы добыть тамъ разбойничій кладъ, состоящій, по увѣренію знающихъ людей, изъ цѣлаго «ботничка» (небольшая лодка), набитаго черезъ край золотомъ...

Всѣ шестеро были изъ деревенской бѣдности. Только вслѣдствіе бѣдности они и могли рѣшиться на такое предпріятіе, на которое не пойдетъ «исправный мужикъ», какъ ни заманчивы толки о ботничкѣ съ золотомъ... Пропадай и золото, коли до него нужно добираться черезъ знакомство съ нечистой силой! На что отчаянныя головы—черемисы: и со всякой нечистью знаютъся, и нужное «слово» имъ извѣстно, а и тѣ, сколько разъ ни рылись на Чортовѣ городищѣ, но ни до чего не дорылись...

Такъ разсуждали всѣ степенные мужики русской деревни, ближайшей къ Чортову городищу, и всѣ съ ними соглашались, кромѣ стараго бобыля Никанора, страшнаго лѣнтяя и фантазера, вѣчно строившаго несбыточные планы о томъ, какъ бы ему разбогатѣть... Неизвѣстно откуда явившись въ деревню, онъ присосался къ ней, поставилъ немудреную избенку на общественномъ пустырьѣ и сталъ промыслять кое-какой нехитрой работишкой, а больше выпрашиваніемъ подаваній. Былъ онъ человѣкъ грамотный, но любилъ только «божественныя книги» и считался специалистомъ по чтенію «неугасимой псалтыри», за каковое взималъ приличную мзду, хотя это неугасимое чтеніе частенько угасалось ради «пьяной слабости» Никанора, какъ онъ самъ деликатно выражался... На деревнѣ считали его совсѣмъ негоднымъ мужиченкомъ, къ которому нѣсколько серьезно относились только древнія старухи именно за его страстіе къ «божественному».

Перебирая разные планы обогащенія, одинъ легкомысленнѣе другого, Никаноръ вдругъ узналъ о несмѣтномъ кладѣ Чортова городища и задумалъ подобрать компанію, чтобы овладѣть имъ. Долго это ему не удавалось, такъ какъ онъ никакъ не могъ побороть оппозицію стариковъ, удерживавшихъ отъ рискованнаго предпріятія кое-кого изъ начинавшихъ колебаться крестьянъ побѣднѣе. На всѣхъ неотразимо дѣйствовалъ доводъ стариковъ, что всѣ де и черемисы какъ ни бьются на городищѣ, а толку нѣтъ... Вдругъ Никанора осѣнила блестящая мысль, и онъ въ пухъ и прахъ разбилъ противниковъ, говоря:

— Эхъ, вы, почтенные старички! все-то вы зря толкуете про черемисъ, а дѣла настоящаго не понимаете... Неужли вамъ не вдомекъ, изъ-за чего тутъ задача у черемисъ?

— Что жъ! скажи намъ... ты умственный человѣкъ!—отозвался балагуръ Егоръ, вѣчно поднимавшій на смѣхъ Никанора.—Ты

либо за псалтыремъ сидишь, либо за чарочкой... Какъ тебѣ не знать всего!..

— А вотъ и знаю, и вамъ дуракамъ скажу...—вспылилъ Никаноръ.

— Ну, кажи, кажи, умная голова!—со смѣхомъ загалдѣли собесѣдники.

— Ну, слушайте!—торжественно заявилъ Никаноръ.—Вотъ въ чемъ вся штука: какой-такой чортъ сидитъ на городищѣ—нешто черемисскій? Анъ, нѣтъ! владѣтъ городищемъ нашъ русскій чортъ— вотъ оно что! Ну, извѣстно, русскій чортъ и не подпускаетъ черемисъ къ своему золоту... А приходи къ нему русскіе мужики, ёнъ живымъ манеромъ все намъ предоставитъ: сдѣлайте, молъ, ваше одолженіе! васъ-то мнѣ и надобно, господа, давненько васъ дожидаюсь... ослобоните, поштенные, отъ моей проклятой службы: берите золото, сколько вашей душенькѣ угодно, а я, молъ, сгину отсюда, надѣло торчать въ вашей лѣсной трущобѣ, айда въ городъ!.. тамъ нашему брату лафа...

— Ишь, ты, Никаноръ! больно ужъ ты рѣчисто расписываешь чортовы слова: видно, не одна бесѣдовалъ съ нимъ...—началь было вышучивать Егоръ.

Никаноръ только отплюнулся, а на Егора цыкнули и принялись серьезно обсуждать демонологическое открытіе, которое всѣмъ пришло по вкусу, было одобрено и принято на вѣру. Усомнился было степенный Николай, по профессіи кузнецъ, тоже «умственный» человекъ, но въ другомъ родѣ—любитель свѣтскаго чтенія. Онъ выразилъ свое сомнѣніе Никанору.

— Да нешто черти бываютъ разныхъ націй?

— Эвона! а ты думалъ какъ?.. нешто не читалъ въ книгахъ: къ русскимъ приставленъ чортъ, къ черемисамъ шайтанъ... а то есть муринъ, кой больше близъ монаховъ околачивается... Почитай-ка четъи-минеи али древле-печатный прологъ... А то есть вельзевулъ, сатана, бѣси... мало-ли ихъ! У каждой націи свой чортъ.

— Ну, ладно, ежели такъ выходитъ по божественному... А все-таки,—продолжалъ свои сомнѣнія Николай,—отклева ты знаешь, что Чортовымъ городищемъ владѣтъ русскій чортъ? Городище-то вѣдь черемисское: сказываютъ, что тутъ коль давно сидѣли черемисскіе князья...

— Коли то было? А пришли сюда русскіе воины и завладели черемисской землей, а за ними, извѣстно, увязались и русскіе черти и погнали отселева черемисскихъ чертей... Дѣло обнакновенное! чай, и они отъ своей службы не отлыниваютъ, потому и у нихъ тожъ присяга: къ кому приставленъ, за тѣмъ и ступай...

Николай замолчалъ и не только уступилъ Никанору, но даже первый заявилъ желаніе итти съ нимъ къ русскому чорту на горо-

дище. Никаноръ былъ очень обрадованъ: съ здоровеннымъ Николаемъ, у котораго была косая сажень въ плечахъ, и который ломалъ подковы, какъ баранки, не страшно было идти ни на какихъ чертей. Притомъ, извѣстно вѣдь, что кузнецы да мельники пользуются почему-то большимъ фаворомъ у нечистой силы...

Къ Николаю обязательно примкнулъ его другъ, веселый Егоръ. Никаноръ не особенно былъ ему радъ, но надѣялся, что золото Чортова городища замажетъ наконецъ ротъ этому пересмѣшнику, не дававшему покоя своими вѣчными издѣвками.

Находилось еще немало охотниковъ изъ деревенской бѣдности, но Никаноръ взялъ только трехъ здоровыхъ парней, а остальнымъ отказалъ, опасаясь, что дѣлежка золота будетъ черезчуръ дробная... Впрочемъ, въ случаѣ большой удачи онъ общалъ озолотить весь деревенскій миръ. За это всѣ его подпайвали и угощали всячески. Никаноръ чувствовалъ себя героемъ дня и ходилъ гоголемъ, фантазируя на всѣ лады о близкомъ богатствѣ, которое считалъ уже почти въ своихъ рукахъ.

Въ назначенный день, послѣ ранняго обѣда, Никаноръ съ пятью товарищами отправился въ подгородную слободу, откуда начиналась береговая тропа, по которой можно было добраться до Чортова городища. Туда легче проникнуть съ большой почтовой дороги, идущей по высотамъ нагорнаго берега. Но здѣсь пришлось бы идти мимо двухъ лѣсныхъ сторожекъ и возбудить подозрѣнiе лѣсниковъ. На глухой же, заброшенной береговой тропѣ они не рассчитывали встрѣтить кого либо, развѣ случайныхъ рыбаковъ, которымъ приготовились сказать, что идутъ къ перевозу на луговую сторону, гдѣ подрядились де у черемисъ чистить ихъ луга отъ тальника. Дожидаясь сумерекъ, они просидѣли въ лѣсномъ оврагѣ, подкрѣпляясь для храбрости захваченной водкой.

II.

Впереди всѣхъ шествовалъ огромный Николай, громяхая неуклюжими сапожищами и шумно раздвигая ломившіеся отъ его напора кусты и вѣтви деревъ. Отъ него не отставалъ его прiятель Егоръ, маленькій и худенькій мужиченко, балагурившій всю дорогу, чтобъ подбодрить и себя и товарищей. За нимъ плелись трое молодыхъ парней, а шестви замыкалъ Никаноръ—«командеръ», какъ прозвалъ его Егоръ.

Но командиръ, старикъ уже подъ 70 лѣтъ, былъ въ жалкомъ состоянiи и совсѣмъ не отвѣчалъ своему званiю. Измаяла его и длинная дорога, и «пьяная слабость», всю недѣлю державшая его въ рукахъ. А тутъ, на трудной береговой тропѣ, старыя ноги совсѣмъ отказывались нести старика, и онъ началъ отставать отъ

товарищей. Подгоняемый лѣсными страхами, Никаноръ торопился догонять, спотыкался о корни и нѣсколько разъ падалъ.

При переправѣ черезъ глубокую лощину, по дну которой бѣжить порядочный ручей, старикъ сорвался съ крутой тропы и бухнулъ въ воду, весь измарался, а главное расшибъ двѣ запасныя бутылки съ водкой, которыми предполагалось вспрыснуть полученіе золота... Никаноръ чуть не плакалъ съ досады и отъ боли, такъ какъ осколками стекла окровавилъ себѣ и руки и лицо. Да и товарищи жестоко накинулись на него за потерю водки.

Пришлось дать вздохнуть старику, да и всѣмъ нужно было оправиться: несмотря на холодный вечеръ, со всѣхъ потъ катилъ градомъ. Присѣли, покурили, погоревали о водкѣ, еще разъ vybrанили Никанора—и тронулись дальше. Паденіе въ ручей какъ бы протрезвило его, и онъ заковылялъ бодрѣе.

Впереди опять двигался Николай, но скоро потерялъ тропу и никакъ не могъ ея найти. Пришлось итти напрямикъ, придерживаясь подошвы горы. Прошли такъ около получаса, какъ вдругъ Николай загромычалъ, сорвался куда-то и бухнулъ въ воду... Не отстававшій отъ него Егоръ едва удержался за дерево и закричалъ:

— Стой, ребята! Миколай ухнулъ въ Волгу...

— Вотъ тебѣ и Волга! а я ужъ на другомъ берегу рѣки...—со смѣхомъ забасилъ Николай, отряхиваясь отъ воды на томъ берегу большого и довольно глубокаго ручья.

— Да куда жъ это ты, Миколай, завелъ насъ? Экая трущоба! и тутъ вода, и тамъ вода...—плаксиво заговорилъ Никаноръ, тоже попавшій въ другой ручей поменьше.

— Куда слѣдъ, туда и привелъ васъ: вотъ большой ручей, что бѣжитъ изъ оврага подъ Чортовымъ городищемъ, а тутъ махонькій ручей сливается съ большимъ... А вотъ гора, на кою намъ ползти, а взберемся—тамъ битая тропа до самаго городища...

— Больно ужъ крута гора! какъ взобраться-то? очень ужъ я усталъ...—жаловался Никаноръ.

— Что жъ! садись, и мы присядемъ, отдохнемъ...

Всѣ усѣлись, закурили, молча поглядывая по сторонамъ и прислушиваясь къ лѣснымъ звукамъ. Молчаніе прервалъ Никаноръ.

— Эхъ, ребяташки! а кабы вино мы сюда донесли, то-то бы хорошо теперь подкрѣпиться...

— А штобъ тебѣ!—сказалъ Егоръ:—самъ напрокудилъ съ виномъ, а тутъ вспоминаеть... Небось, давно ужъ твое вино вылакали лягушки въ томъ ручью...

— А нешто онѣ любятъ вино?—заинтересовался Никаноръ.

— Кто его не любитъ!..

— Нѣтъ, въ самъ-дѣлѣ... ты, Миколай, какъ полагаешь: пьютъ лягушки вино?

— А ну тебя къ лѣшему! Вотъ заладилъ... Не знаю я, не поилъ лягушъ... попробуй-ка самъ попить ихъ,— со смѣхомъ отвѣчалъ Николай.

— Ты, Никаноръ,— замѣтилъ Егоръ,— вотъ кого попытай — солдатку Матрену: изба ея у самаго пруда, а тамъ лягушъ видимо—невидимо... Може, она и поить ихъ твоимъ виномъ... Знаете, братцы, какъ проюютъ это первые пѣтухи, нашъ Никанорушка и ползетъ тихонечко задами къ Матренѣ, видно, читать тамъ свою неугасимую псалтырь...

Всѣ захохотали. Никаноръ вскочилъ, какъ ужаленный, и закричалъ, захлебываясь отъ гнѣва:

— Тьфу, ты, окаянный! вотъ тебѣ!.. песь, право, песь!.. Казалъ я тебѣ, Миколай, не бери Егора, не надобенъ онъ намъ... Ишь, у него какой языкъ длинный! песь, право, песь!.. Такъ скажи ему, чтобъ замолчалъ, а то уйду, брошу, возжайтесь тутъ сами... Мѣсто тутъ нечистое, идемъ мы на такое страшное дѣло, а онъ про бабъ заговорилъ... Тутъ нужно въ умѣ строгость соблюдать да о божественномъ помышлять, а не про бабъ толковать... Песь онъ, чистый песь!

— Ну, ты не лайся!.. словно бы и ты о божественномъ позабылъ, коли про вино вспомнилъ... Знаемъ твои думы: вино да бабы... Погоди ужю! скоро вернется со службы Акимъ: онъ те задастъ перцу за Матрену... Лысый чортъ! туда жъ подмасливается...

— Ну, вотъ, ну, вотъ!.. то бабъ вспоминаетъ, то «его»... Развѣ такъ можно? Уйду, право, уйду...

— Ну, буде, Егоръ! помолчи ужю... что старика обижать...— заговорили остальные:—пора итти... айда те въ гору!

Всѣ поднялись и стали карабкаться на почти отвѣсную гору, хватаясь за кусты и деревья. Совсѣмъ раскисшій Никаноръ, взволнованный вдобавокъ рѣчами Егора, коснувшася его сердечной тайны, не могъ бы подняться на гору, если бы его не подхватили подъ руки Семенъ и Петръ, которымъ онъ продолжалъ плакаться на Егора и грозиться:

— Ужо я ему покажу! попомнить онъ Никанора!.. а ужъ золота ни-ни! ни одной монетки не получить... его долю вамъ отдамъ, ребятушки... Я и не звалъ его, самъ увязался... вотъ шипъ и получить! песь, чистый песь!.. А ужъ вы меня не бросайте, ослабѣлъ я...

— Ладно, дѣдушка, поддержимъ,—отвѣчали парни, вдругъ почувствовавшіе нѣжность къ Никанору, надъ которымъ сами сейчасъ смѣялись и котораго никогда не уважали.

Взобравшись на гору, малость отдохнули и тронулись дальше по хорошей тропѣ. Всѣ сбились въ кучу, тревожно вглядываясь впередъ и по сторонамъ... Было уже близко къ полночи, и темъ въ лѣсу стояла непроглядная. Справа отъ тропы зіялъ глубокій

оврагъ, поросшій крупнымъ лѣсомъ, слѣва лѣсъ стоялъ стѣною. Только надъ самой тропой виднѣлась узкая полоска неба, усѣянаго мириадами яркихъ звѣздъ, лившихъ свой мягкій, колеблющійся свѣтъ.

Приближалось городище. Всѣ страшно волновались, не зная, какой приѣмъ встрѣтятъ отъ «русскаго чорта»... Никаноръ позабылъ свой гнѣвъ на Егора и шопотомъ чигалъ «Да воскреснетъ Богъ» и другія молитвы. Молодыхъ парней била лихорадка. Егоръ безъ церемоніи схватился за руку Николая и закрылъ отъ ужаса глаза. Если бы не было такъ темно, можно было бы рассмотреть, какъ всѣ лица поблѣднѣли и осунулись, въ глазахъ стоялъ нѣмой ужасъ, колѣни подгибались... Шаги людей становились все тише и тише, временами группа совѣмъ останавливалась и топталась безъ толку на мѣстѣ. У всѣхъ гвоздемъ засѣла одна мысль: а не лучше ли избавиться отъ этой муки, повернуть назадъ и бѣжать со всѣхъ ногъ подальше отъ этого проклятаго городища?! И раздайся въ это время въ лѣсу самый ничтожный звукъ — шумъ вѣтра въ вершинѣ дерева, полетъ пгицы, пискъ крошечнаго звѣрка и т. п., люди бросились бы стремглавъ бѣжать, куда глаза глядятъ...

Но весь лѣсъ былъ объятъ сномъ, и тишина стояла невозмутимая. Мигавшія вверху яркія звѣздочки какъ бы съ недоумѣніемъ посматривали на эту странную кучку сбившихся тѣсно людей, словно любопытствуя, зачѣмъ они, неразумные, забрались въ эту глушь и какое глупое дѣло тутъ затѣяли...

III.

Старая тропа, по которой двигались кладонскатели, бѣжитъ мимо самаго городища, между нимъ и оврагомъ, и, обогнувши валы, направляется дальше въ лѣсъ, къ большой дорогѣ. Люди были такъ взволнованы, что, поровнявшись съ городищемъ, стали проходить его, не замѣчая валовъ. Но на самомъ углу поворота тропы вдругъ неожиданно наткнулись на валъ, всѣ вскрикнули и отъ ужаса присѣли на землю... Егоръ уперся лицомъ въ спину Николая и обхватилъ его дрожащими руками. Никаноръ завизжалъ, закрылъ лицо руками и прерывающимся голосомъ сталъ читать разныя молитвы, какія приходили на умъ, путая ихъ и перевирая немилосердно. Къ его плечу припалъ Петръ и тоже что-то бормоталъ дрожащими губами. Семенъ и Иванъ лежали ничкомъ на землѣ, судорожно хватаясь за топоры. Спокойнѣе другихъ казался Николай, очутившійся впереди всѣхъ, у подошвы вала. Онъ стоялъ на колѣняхъ и, какъ окаменѣлый, не сводилъ глазъ съ высившагося предъ нимъ вала. Всѣ ждали, что вотъ-вотъ сейчасъ начнется что-то ужасное, непереносимое... Всѣ проклинали себя, что пошли на такіе ужасы, которымъ и конца не предвидится... И хоть бы они

скорѣе начинаться, а то эта томительная неизвѣстность мучить невыразимо.

Прошло всего нѣсколько минутъ, показавшихся людямъ цѣлой вѣчностью. Ничего ужаснаго не происходило ни съ ними, ни вокругъ. Въ лѣсу попрежнему стояла глубокая тишина и полный покой.

Всѣ стали понемногу приходить въ себя, усѣлись удобнѣй на землю и оглядывались по сторонамъ. Скорѣе всѣхъ опомнился Николай и сталъ торопить приниматься за работу. Всѣ поднялись и пошли вдоль валовъ, выбирая мѣсто для раскопки.

Чортово городище лежитъ на узкомъ перешейкѣ между двумя оврагами. Когда-то валы его представляли правильный кругъ, теперь осталась только половина круга. Главный валъ упирается однимъ концомъ въ отвѣсную стѣну оврага. Съ этой-то стороны наша компанія и стала рыть въ валу нору. Работали сначала два человѣка, а когда углубились, двумъ нельзя было помѣститься въ узкой норѣ, и пришлось рыть одной лопатой, мѣняясь по очереди, кромѣ Никанора, совсѣмъ оправившагося и снова вошедшаго въ роль командира.

Все шло благополучно, страхи ослабѣли, но работа подвигалась крайне медленно, такъ какъ въ норѣ приходилось работать лопатой лежа. Пока одинъ рылся въ глубь, другой отгребалъ землю наружу, а остальные сидѣли около, тихо бесѣдуя. Егоръ ожилъ и снова балагурилъ, попрежнему задѣвая Никанора. Тотъ отмалчивался, но копилъ обиду и ждалъ случая, чтобы отомстить насмѣшнику.

Работа тянулась уже два часа, но толку никакого не было: одна земля и земля, а «ботничка съ золотомъ» и слѣдовъ нѣтъ... Нора была вырыта уже въ ростъ Николая. Послѣдній выползъ оттуда и говоритъ:

— Что жъ, ребята, дальше будемъ робить? скрозь весь валъ не пройдешь... и то повернуться негдѣ, да и земля пошла песчаная, осыпается... того и гляди, задавить!

— Айда, робя, домой! смерть спать хочется... — посовѣтоваль молодой Семень.

— Что ты городишь!.. — напустился на него Никаноръ: — може, мы дошли до самой точки? разъ-два копнулъ и готово: тутъ тебѣ и ботничекъ... Нѣ, бросать нельзя! еще поработайте, ребята!..

— Ишь командеръ какой! — отозвался Егоръ, — самъ тутъ прохлажается, а мы за него работай!.. Нѣ, годи! шабашъ, ребята! пусть теперь Никаноръ полѣзетъ, коли охота...

-- Что жъ и полѣзу... давайте лопату!

— И полѣзай, да кажи «ему», чтобъ скорѣй давалъ ботничекъ... Вѣдь ты знаешь «слово», умѣешь съ «имъ» разговаривать... Полѣзай, лысый чортъ, къ русскому чорту...

— Ну, Егоръ, — заволновался Никаноръ, — и скажу я тебѣ: преподлый ты человѣкъ! Стало у насъ таково тихо, благородно... ни-

кто «его» не поминаль, и «ёнъ» не отзывался... А теперь ты такого наговорилъ, что того и гляди «ёнъ» проявится...

— Ну, что же! оно и понятно: рыбакъ рыбака видитъ издалека...

— О, чтобъ тебѣ, непутевой!.. Уйти отъ грѣха...

— Полѣзай-ка, полѣзай!.. А что, Никаноръ, коли чортъ тебя поволокетъ къ себѣ, что сказать отъ тебя Матренѣ? аль вдвоемъ припожалуете къ ней?... то-то рада будетъ! чай, тотъ чортъ поможе тебя...

— Ну, Егоръ! подлая твоя душа! попомнишь ты меня! удружу я тебѣ... спокоешься, да поздно будетъ...—грозился Никаноръ, влѣзая въ нору.

Забравшись туда, онъ началъ что-то шептать и долго возился тамъ, а потомъ затихъ. Всѣ подобрались къ отверстию и прислушивались. Волненіе снова охватывало всѣхъ—рѣшительный моментъ приближался... Никто особенно не довѣрялъ Никанору, но... чѣмъ чортъ не шутитъ! вдругъ и въ самомъ дѣлѣ «ботничекъ» проявится... Кто его знаетъ, Никанора-то? Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ ему извѣстно какое «слово», чтобы выудить ботничекъ наружу... Всѣ умолкли и ждали съ напряженіемъ. Въ лѣсу попрежнему стояла тишина. Вдругъ изъ норы послышалось храпѣнье и стоны... Всѣ вскочили на ноги и бросились въ сторону... Стоны и храпъ усиливались...

— Душить «ёнъ» Никанора!—съ ужасомъ закричалъ Петръ.

— А, може, онъ просто задремаль... ишь, какъ похрапываетъ...—неувѣренно замѣтилъ Егоръ.

— Стонетъ онъ...

— Чай, приснилось что страшное, ну, и стонетъ... бываетъ такъ...—настаивалъ Егоръ.

— Смотри, робя! — закричалъ Николай: — не обвалилась ли земля, задавить еще... айда, вытащимъ его оттелева!..

Николай и Семень вскарабкались по стѣнѣ оврага, и первый просунулся въ нору и схватилъ Никанора за ноги. Тотъ въ это время проснулся и, не сообразивъ своего положенія, замѣтилъ, что кто-то тащить его за ноги, отнесъ это къ чорту, завизжалъ благимъ матомъ и сталъ отбиваться. Освободивъ одну ногу, онъ нанесъ сапогомъ такой сильный ударъ по лицу Николая, что тотъ выпустилъ его изъ рукъ, выкатился изъ норы и бухнулъ въ оврагъ, сваливши съ ногъ подвернувшася Семена. А Никаноръ, забравшись поглубже въ нору, продолжалъ визжать немилосерднымъ образомъ...

Перепуганные Семень и Николай вскочили на ноги и отбѣжали къ кучкѣ остальныхъ товарищей, шарахнувшихся отъ нихъ... Оба они не сообразили, что такое съ ними случилось, и все отнесли къ дѣйствіямъ того же чорта...

— Братцы!—зашепталъ Николай,—какъ шарахнетъ «ёнъ» меня кулакомъ по мордѣ, ажъ искры посыпались изъ глазъ!.. два зуба вышибъ, вся морда въ крови.. я и выпустилъ Никанора.. не отпускаетъ «ёнъ» его.. пропалъ нашъ Никаноръ!..

— А меня, братцы,—дополнилъ Семенъ,—какъ вдарить чѣмъ-то по ногамъ, я и свалился въ оврагъ..

— Что жъ теперь намъ робить?—заволновался Егоръ.

— Айдайте домой! ну «его»!.. — заговорили въ одинъ голосъ Петръ и Иванъ:—тутъ и живы не останемся..

— А какъ же Никаноръ? неужто покинемъ его?.. — замѣтилъ Егоръ, вдругъ почувствовавшій жалость къ старику, надъ которымъ только что такъ жестоко издѣвался.. Да и совѣтъ уколола: а что ежели именно онъ вызвалъ чорта своими неосторожными рѣчами?!..

— Не годилось бы кидать его...—говоритъ Николай.—Что-то онъ ужъ не визжитъ... живъ ли, сердечный?!.. Вотъ что, ребята! попытаемъ еще снова... идемъ туда всѣ разомъ..

Семенъ посовѣтовалъ срубить длинное деревцо и просунуть въ нору, чтобы Никаноръ ухватился за него, а они и вытащить его. Всѣ одобрили и живо принялись за дѣло. Выбрали длинную безрезку, срубили и потащили къ норѣ.

IV.

Никаноръ дѣйствительно замолкъ и нѣсколько освоился съ своимъ ужаснымъ положеніемъ.. Онъ забился въ самый конецъ норы, подобрался, съежился и замеръ. Уста его беззвучно что-то шептали, руки судорожно двигались, пытаясь изобразить кресты. Отъ его возни земля стала осыпаться и порошить глаза. Онъ задышался и весь дрожалъ, теряясь, что ему нужно сдѣлать, чтобы уйти живымъ отъ чорта...

Для него не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что тащилъ его за ноги именно чортъ, который теперь сидитъ у выхода норы и вотъ-вотъ снова схватитъ его и куда-то потащитъ, или бросится на него и задушитъ... Значитъ, правда, что добрались они до самаго ботничка съ золотомъ.. Можетъ быть, вотъ тутъ онъ и зарытъ, подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ сидитъ теперь Никаноръ... И онъ принялся дрожащими руками разгребать подъ собою песокъ, но вдругъ остановился...

Какъ молнія, блеснуло воспоминаніе, что вѣдь онъ уже видѣлъ ботничекъ передъ тѣмъ, какъ его тащилъ чортъ... И золото Никаноръ перебиралъ руками, и кликалъ товарищей на помощь... Да, да! это былъ не сонъ... Все это онъ видѣлъ своими глазами, и съ «нимъ» разговаривалъ, и такъ мирно, благородно... и «онъ» что-то велѣлъ передать товарищамъ... Что такое?—вспомнить не можетъ...

А потомъ за что-то «онъ» разгнѣвался и сталъ тащить вонь... Что такое случилось? чѣмъ онъ не угодилъ «ему»?

Какъ поправить дѣло? Посовѣтоваться бы съ товарищами, да какъ выбраться отсюда, ежели у выхода сидитъ «онъ»?.. Закричать развѣ?.. Но снаружи все тихо, не слышно ничьего голоса, ни шаговъ. Пожалуй, вѣдь и убѣжали всѣ, какъ услышали возню чорта... Господи! покинули его и оставили одного съ «нимъ»... Волось сталъ дыбомъ у бѣднаго Никанора... Хотѣлъ крикнуть— и голоса нѣтъ, дыханіе сперлось... И золота ужъ онъ не хочетъ, лишь бы уйти отсюда только живымъ...

Никаноръ дошелъ до послѣдней степени отчаянія и былъ близокъ къ обмороку, какъ вдругъ его слухъ пронизалъ звукъ топора, рубившаго дерево гдѣ-то вблизи. Онъ облегченно вздохнулъ и сразу ожилъ. Или это товарищи его вернулись, или какіе порубщики очутились у городища, а, можетъ быть, и лѣсникъ понавѣдался въ лѣсъ.

Никаноръ сталъ прислушиваться. Удары топора скоро смолкли, слышно, какъ дерево упало. Потомъ послышались шаги, все ближе и ближе... Что-то волокутъ съ собою... Вотъ подошли къ самой норѣ, зашептались... Только что Никаноръ хотѣлъ крикнуть, какъ слышитъ трепетный голосъ Николая:

— Живъ ли ты, Никанорупка?

— Живъ, братцы, живъ...

— Чего же ты тамъ сидишь? вылѣзай живо!

— А «его» нѣтути?..

— Нѣту, ушелъ... Мы просунемъ березку, а ты хватайся за нее, живо выволочемъ...

Такъ и сдѣлали. Никаноръ вцѣпился въ березку и черезъ минуту былъ наружи. Его здѣсь подхватили, спустились всѣ въ оврагъ и отбѣжали отъ городища...

Отъ радости Никаноръ и смѣялся, и всхлипывалъ по-дѣтски, бормоталъ что-то непонятное, лѣзъ цѣловаться со всѣми, обнимался. Его усадили на землю и всѣ усѣлись около. Поуспокоившись, Никаноръ заговорилъ:

— Спасибо вамъ, братцы! вѣкъ не забуду! выручили христіанскую душу... А помучилъ «ёнъ» меня здорово, еле вырвался... Какъ схватить это за ноги!.. хотѣлъ куда-то волочь, насилу отбился...

— А какой «ёнъ» изъ себя?—шопотомъ спросилъ Иванъ, самый молодой изъ компаніи.

— А и не разобралъ я толкомъ, темно тамъ... Быдто такъ что-то круглое, пузатое, а ножки тонкія, а ликъ рябоватый, носъ покляпъ... ну, и съ хвостомъ, какъ полагается... Стра-а-шенный!.. Не дай Богъ и видѣть...—фантазировалъ Никаноръ, робко озираясь по сторонамъ.

Всѣ также стали оглядываться, косясь на городище, и тѣснѣе сдвинулись около Никанора, который продолжалъ:

— И за что «ёнъ» осерчалъ на меня?—не знаю... А началось у насъ съ «имъ» по-хорошему, честь честью... и ботничекъ мнѣ показалъ...

— Ну? что ты? видѣлъ его?—посыпались вопросы.

— Какъ же! самъ видѣлъ... порядочный ботничекъ, вотъ какъ у тебя, Ванюха, на озерѣ... Стоитъ онъ, братцы вы мои, и не шелохнется, и весь до краевъ полонъ червонцевъ... такъ и горятъ они, переливаются... ажъ въ глазахъ зарябило...

— Да ты жъ «слово»—то ему сказалъ? отдасть ли онъ намъ ботничекъ?—спрашиваетъ Николай.

— И «слово» сказалъ, и всячески улещивалъ, а «ёнъ» все свое толкуеть...

— Да про что такое?

— А вотъ и позабылъ, что онъ наказалъ вамъ сказать, чего-то требуетъ... Дай Богъ памяти!.. что такое? А! вспомнилъ, вспомнилъ... Вотъ что «ёнъ» говоритъ: «ботничекъ будетъ вашъ, только вы дайте мнѣ за него шестую голову»... Во-во! энто самое требуется.

— Каку-таку шестую голову? что такое? растолкуй ты!..

— А я и самъ не знаю... такъ «ёнъ» сказалъ, а что оно такое,—мерекайте сами... А я больно ослабъ, прилягу...

И Никаноръ растянулся на землю и тотчасъ задремалъ.

V.

Всѣ были въ полномъ недоумѣніи... И есть ботничекъ съ золотомъ, и можно его заполучить, да требуется за него какая-то чудная плата, которой и не поймешь. Что такое «шестая голова», которую нужно отдать чорту? кто изъ нихъ шестерыхъ долженъ пожертвовать собою для блага остальныхъ?

Стали перебирать другъ друга, все свое прошлое и настоящее положеніе, семьи, родныхъ и проч. Но ничего не выходило—ни у кого не оказалось никакихъ данныхъ признать себя шестую головою. Долго толковали, спорили, измучились совѣмъ, а дѣла не рѣшили. Наконецъ, Егоръ обратилъ вниманіе на спящаго Никанора.

— Да что жъ это, братцы, мы забыли про него? може, онъ-то и есть шестая голова?.. Давайте будить его.

— Погоди!—пожалѣлъ Николай:—дай старику выспаться, ишь какъ сладко похрапываетъ!.. измучился онъ...

— Гдѣ тамъ годить! глянь-ко, ужъ заря брезжить, скоро свѣтать зачнетъ... нужно поторапливаться...

Разбудили Никанора. Егоръ говоритъ ему:

— Слухай, дѣдъ! Какъ же быть насчетъ шестой головы? Между нами нѣтъ ея...

— Должна быть,—какъ такъ нѣтъ? не станетъ «ёнъ» попусту требовать...

— Да, може, ты, Никанорушка, шестая-то голова? тебя «ёнъ» и требуетъ?...

— Что ты! перекрестись! какая такая у меня шестая голова? что ты плетешь?!...

— Ты ужъ съ «имъ» разговаривалъ, и въ лапахъ у «его» побывалъ—тебѣ это дѣло привычное, знаешь, какъ съ «имъ» обращаться, и «слово» тебѣ вѣдомо... Однаво ужъ отбился отъ «его», може, и снова отобьешься... Послужи міру! будь шестой головой!..

Тутъ и всѣ остальные поддержали Егора:

— Послужи, Никанорушка, міру православному! вѣкъ тебя не забудемъ... Може, «ёнъ» тебя только потреплетъ малость, да и выпустить...

— А ежели пропадешь, ну, что жъ! за міръ и смерть красна... прямо въ рай попадешь... А ужъ мы во какъ тебя будемъ вспоминать! и сорокоусты, и неугасиму псалтырь, и прочее, что требуется, все будетъ сполнено... Въ монастырѣ похоронимъ... самъ отецъ настоятель въ золотой шапкѣ отпоетъ тебя... скажешь намъ спасибо...

— Ты ужъ старъ-человѣкъ, долго ли и такъ-то протянешь? все одинъ конецъ—днемъ раньше, днемъ позже... Нѣту у тебя ни роду, ни племени... что такъ жить-то?.. Послужи міру, кой приютилъ тебя...

— Ты всему энтому дѣлу голова: ты насъ подбилъ на энтакое дѣло, ты должонъ и вершить его... Ступай-ка къ «ему» и объяви себя шестой головой, а намъ подавай ботничекъ!.. Молись Богу, попрощайся съ нами и ступай!.. Нечего тянуть, пора кончать, свѣтаетъ ужъ...

Никаноръ былъ ошеломленъ этими рѣчами... Когда его вытащили изъ норы, и онъ вспомнилъ свой сонъ, въ которомъ видѣлъ ботничекъ съ золотомъ и слышалъ непонятное требованіе чорта насчетъ шестой головы, онъ передалъ товарищамъ этотъ сонъ, какъ дѣйствительный фактъ, но и самъ въ тотъ моментъ не зналъ, что изъ этого выйдетъ, и какъ они дальше поступятъ. Онъ считалъ свой долгъ исполненнымъ: вошелъ въ сношенія съ чортомъ и получилъ отъ него программу дальнѣйшихъ дѣйствій... Съ спокойной совѣстью человѣка, сдѣлавшаго больше, чѣмъ онъ самъ отъ себя ожидалъ въ качествѣ инициатора и руководителя предпріятія, Никаноръ уснулъ въ мечтахъ о золотѣ...

Пробужденіе его было ужасное... Товарищи требуютъ, чтобы онъ снова шелъ на ту муку, отъ которой только что спасся... Нѣтъ, этого не будетъ!.. Пусть идетъ кто другой, а съ него довольно, слишкомъ довольно! Вотъ кому слѣдъ итти—Егору... Пусть онъ помучится за всѣ свои насмѣшки и издѣвательства...

И Никаноръ сейчасъ нашелся, какъ повернуть дѣло на Егора... Онъ спокойно заговорилъ къ товарищамъ, выслушавъ ихъ просьбы:

— Ну, чего вы пристали ко мнѣ? Чешете языками зря, а дѣла не понимаете!.. Вѣдь «ёнъ» прямо сказалъ: давайте мнѣ шестую голову, а я вамъ за нее предоставлю ботничекъ... Ну, «его» приказъ и требуется сполнить точка въ точку... Али вамъ невдомекъ, кто межъ нами шеста голова?..

Всѣ молчали, поглядывая другъ на друга... Никаноръ продолжалъ:

— Эхъ, вы, дурьи головы! ходите вокругъ да около, а дѣла не видите... Вѣдь мы уговорились итти сюда впятеромъ: я да ты, Николай, да Семень, Петръ, Ванюха, вотъ и всѣ пять... А потомъ присталъ къ намъ Егоръ: возьмите его, да возьмите... Ну, и взяли его—шестого... Онъ и есть шестая голова!.. Нечего тутъ и растабарывать... Ему и слѣдъ итти... Пускай послужить міру!.. Живъ останется—его счастье, а помретъ, побывавши въ «его» лапахъ,—ну, что дѣлать, такая ужъ судьба!.. Самъ напросился, теперича и расхлебывай!..

VI.

Егоръ поблѣднѣлъ, задрожалъ весь и опустился на землю... Потомъ вскочилъ и закричалъ:

— Нѣ, я не согласенъ... Я не пойду...

— Да вѣдь ты—шестая голова! Какъ же это ты не пойдешь?! Тебя «ёнъ» и требуетъ...—урезонивалъ Никаноръ.

— Пусть и шестая голова, а нѣтъ моего согласія и не пойду... я съ «имъ» и разговаривать не умѣю, и «слова» не знаю...

— Никаноръ тебя научить,—замѣтилъ Петръ.

— Пускай же Никаноръ и идетъ...

— Да нельзя ему итти, коли «ёнъ» требуетъ тебя,—сказалъ Иванъ.

— Сказано, не пойду и не пойду...

— Анъ пойдешь! Мы заставимъ... —горячился Семень, приступая къ Егору.

Егоръ отскочилъ подъ защиту Николая, все время угрюмо молчавшаго. Ему было жаль Егора, своего давняго друга и кума, да и приходило въ голову сомнѣніе, не напуталъ ли чего тутъ Никаноръ. Похоже онъ спалъ давеча въ норѣ, а со сна невѣсть что ему показалось... Николай потащилъ Никанора за ноги, и тотъ ударилъ его въ лицо, а говоритъ, что съ чортомъ боролся... Вретъ онъ все! Нужно отстоять Егора и бросить это непутевое дѣло.

Николай началъ высказывать свои сомнѣнія, но его не слушали и кричали, чтобы Егоръ сейчасъ же легъ въ нору... Больше всѣхъ горячился Никаноръ.

— Что же это такое?! Дошли до самага конца, да и на попятной? Развѣ такъ можно?.. Нечего толковать зря! Тащи, ребята, Егора!.. Забьемъ нору землей, чтобъ не выскочилъ... Тады и золото наше...

— Что ты выдумалъ!—грозно закричалъ Николай:—живого челоуѣка закапывать?! Аль въ каторгу захотѣлъ? Да и насъ всѣхъ туда поведешь?..

— Ну, вотъ!—отвѣчалъ Никаноръ,—а мы покажемъ, что онъ самъ залѣзъ туды, и его де земля и придавила... Ничего намъ не буде!..

— Не слушайте его, ребята!—упрашивалъ Николай:—доведеть онъ васъ до каторги!.. Не вѣрьте ему, все онъ навралъ!.. Вѣдь ты, Семень, видѣлъ, какъ я поволокъ его изъ норы за ноги, а онъ ударилъ меня въ морду сапогомъ, два зуба вышибъ и окровавилъ... Со страху я подумалъ тады на чорта... А Никаноръ дрыхнулъ въ норѣ, и во снѣ видѣлъ золото, и про шестую голову выдумалъ, злобясь на Егора...

— Врешь!—бѣсился Никаноръ,—ничего я не выдумалъ, а все было, какъ говорю: и ботничекъ съ золотомъ видѣлъ, и съ «имъ» разговаривалъ, и приказъ отъ «его» получилъ про шесту голову... Все золото будетъ наше, ребята! А Николаю шишъ покажемъ—ничего не дадимъ... не мѣшай намъ! Не заступайся за своего друга любезнаго... Вотъ тебѣ весь нашъ сказъ!.. Ступай, Егоръ, въ нору!.. Честь-честью говоримъ... А не то поволокемъ силкомъ, не посмотримъ на Николая... Ишь, какой онъ грозной! да не испугалъ, насъ четверо...

Николай молчалъ, сознавая трудность борьбы съ тремя здоровыми парнями, не считая Никанора. Егоръ въ страшномъ волненіи, заливаясь слезами, дрожа всѣмъ тѣломъ, бросался то къ одному, то къ другому изъ товарищей и молилъ прерывающимся голосомъ:

— Братцы! побойтесь вы Бога!.. Аль креста на васъ нѣгути?! Не губите и своей души, и моей!.. Дѣтки у меня малыя, что они безъ меня?.. Пожалѣйте, Христа ради!..

— А мы дѣтей твоихъ не обидимъ,—утѣшалъ Семень:—положимъ на нихъ твою долю золота...

— Православные!—взывалъ Егоръ,—не нужно того золота! Бросьте его! чортово оно... не буде съ его добра!..

— Буде тебѣ, Егоръ!—крикнулъ Никаноръ:—молись Богу и полѣзай къ «ему» живо, а то вонъ уже ночь проходить...

Никаноръ отошелъ съ парнями нѣсколько въ сторону и сталъ о чемъ-то шептаться съ ними.

Егоръ бросился къ Николаю, обхватилъ его ноги руками и замеръ... Николай шепнулъ ему:

— Бѣги скорѣй, а я съ ними справлюсь...

Егоръ вскочилъ и понесся внизъ по оврагу, къ Волгѣ... Никаноръ съ парнями сейчасъ это замѣтили и бросились ловить его. Николай пустился за ними, спибъ съ ногъ Никанора и настигалъ Петра съ Семеномъ, надѣясь сбить ихъ своими могучими кулаками, но въ этотъ мигъ Егоръ запнулся о пень и растянулся, а Иванъ наскѣлъ на него...

Всѣ сгрудились около. Петръ и Семень выхватили топоры и наступали на Николая. Тотъ также схватился за топоръ и соби-рался броситься на противниковъ. Еще одно мгновеніе—и кровь пролилась бы...

Какъ вдругъ надъ головами этихъ взволнованныхъ людей раздался какой-то зловѣщій, рѣзкій крикъ и что-то тяжелое, большое, черное грузно пронеслось по вершинѣ деревьевъ... Парни переполошились и отскочили въ сторону. Къ нимъ подбѣжалъ успѣвшій встать на ноги Никаноръ, также очень передуганный страшнымъ крикомъ и полетомъ чорта, какъ всѣ они вообразили...

Пока они возбужденно перешептывались, снизу изъ оврага понеслись новые страшные звуки: что-то загудѣло громко и протяжно... А затѣмъ послышался оттуда же рѣзкій свистъ... Надъ головами снова пролетѣло что-то черное и грузное, испуская громкіе крики...

Возбужденные нервы не могли больше переносить всѣхъ этихъ ужасовъ... Никаноръ первый бросился бѣжать, сколько хватало его старческихъ силъ, а за нимъ пустились трое парней. Они выбрались на тропу, удирая къ большой дорогѣ.

Николай возился около обомлѣвшаго Егора, стараясь привести его въ чувство. Его не испугали эти крики и звуки: онъ понялъ, что надъ головами летали и кричали разбуженные людьми птицы, а изъ оврага неслись звуки пересвистывавшихся на Волгѣ встрѣчныхъ пароходовъ. Николай даже размѣялся, глядя на улепетывающихъ своихъ противниковъ и радуясь, что дѣло обошлось такъ просто безъ топорной расправы.

Когда Егоръ нѣсколько пришелъ въ себя, Николай свелъ его къ ключу, бьющему въ томъ же оврагѣ, ниже Чортова городища. Егоръ тутъ совсѣмъ ожилъ, безъ конца благодарилъ Николая за спасеніе и отводилъ свою душу страшною руганью по адресу остальныхъ товарищей, едва не уюкопившихъ его... Изливъ весь запасъ артистической брани, Егоръ совсѣмъ успокоился и началъ весело балагурить по поводу всѣхъ происшествій этой тяжелой ночи.

Дождавшись разсвѣта, Николай и Егоръ выбрались на ту же тропу, по которой убѣжали ихъ товарища, и двинулись къ большой дорогѣ. По пути они подобрали топоры и шапки, потерянные парнями во время ихъ паническаго бѣгства съ городища.

VII.

Когда Николай съ Егоромъ выбрались изъ лѣса на большую дорогу, совсѣмъ уже разсвѣло. Утренняя заря разгоралась все ярче. Пернатое населеніе лѣса уже бодрствовало и весело переключалось на всѣ тоны и лады. Бодрые звуки пробудившейся жизни звонко раздавались въ прозрачномъ и свѣжемъ утреннемъ воздухѣ. Все было такъ ясно, свѣтло, жизнерадостно, что наши путники, измученные только что пережитыми ужасами этой ночи, теперь бодро шагали по большаку, весело бесѣдуя и балагуря. Недоброе чувство къ товарищамъ пропадало, и всѣ недавніе страхи казались какимъ-то тяжелымъ, кошмарнымъ сномъ, который уже счастливо миновалъ и навсегда...

Когда они дошли до поворота дороги, откуда имъ приходилось сворачивать на проселокъ въ свою деревню, кто-то ихъ окликнулъ изъ кустовъ. Они узнали своихъ бѣжавшихъ товарищей и смѣло къ нимъ направились, ничего не опасаясь. Мѣсто было такое веселое... Старый большакъ екатерининскихъ временъ тянулся по опушкѣ лѣса, а затѣмъ убѣгалъ отъ него и далеко вился среди полей стройной аллеей вѣковыхъ могучихъ березъ. По ту сторону дороги на нѣсколько десятковъ верстъ раскидывалась открытая волнистая мѣстность, изрѣзанная пашнями, съ далекими селеніями на горизонтѣ. Виднѣлись двѣ-три церкви, кресты которыхъ вотъ-вотъ загорятся въ высотѣ, какъ только брызнутъ первые лучи восходящаго солнца. А гдѣ солнце и свѣтъ, тамъ правда и истина, тамъ нѣтъ мѣста никакимъ ужасамъ ночи и мрака...

На большой дорогѣ начиналось движеніе: показывались пѣшеходы, скрипѣли телѣги съ кладью, направлявшіяся на городской базаръ. Отъ нихъ-то и притаились въ кустахъ Никаноръ съ товарищами, стыдясь своего растерзаннаго вида. Лица и руки ихъ были въ царапинахъ, платье не только въ грязи и пыли, но и разорвано въ клочья, когда они стремительно бѣжали изъ лѣса, пробираясь сквозь кусты, натываясь на деревья, пни и падая. Всѣ были безъ шапокъ.

Особенно былъ жалокъ Никаноръ, все лицо котораго было въ крови, истерзанный больше всѣхъ и не отдохнувшій еще отъ быстрого бѣга и отъ удара, нанесеннаго Николаемъ. Онъ лежалъ, уткнувшись лицомъ въ землю, и тяжело дышалъ. Парни сидѣли угрюмые, понурые, разочарованные.

Настроеніе всѣхъ было угнетенное. Не только лопнули всѣ надежды на богатство, но еще вдобавокъ тамъ, въ лѣсу, они сдѣлали что-то очень позорное, стыдное... едва не убили Егора и сами чуть не перерѣзались... А изъ-за чего?! всѣхъ смутилъ этотъ негодный Никаноръ, навравшій съ три короба... Дневной свѣтъ протрезвилъ ихъ умы, и они только руками разводили, какъ могли довѣряться

такому не заслуживающему вѣры человѣку? Жестоко пробирали теперь они Никанора, но тотъ наперекоръ всей очевидности упорно стоялъ на своемъ, что золото было бы въ ихъ рукахъ, если бы Егоръ не смалодушествовалъ, а Николай не поддержалъ его... Но парни теперь уже смѣялись надъ этою вѣрою Никанора и тревожились лишь о томъ, какъ бы примириться съ Николаемъ и Егоромъ.

Когда послѣдніе показались на большой дорогѣ, Семень робко ихъ окликнулъ, и всѣ трое обрадовались, видя, какъ тѣ зашагали къ нимъ въ кусты... Никаноръ повернулся и искоса поглядывалъ на подходившихъ, выглядывавшихъ очень весело и бодро. У Егора одежда пострадала во время схватки, да и у Николая была порядочно истрепана, но оба они умылись у ключа и своими свѣжими лицами представляли полную противоположность замазаннымъ и окровавленнымъ лицамъ Никанора съ товарищами.

Подойдя, Николай швырнулъ на землю топоры и шапки и весело крикнулъ:

— Подбирайте свой инструментъ... Эхъ, вы, аники-воины!.. какого стрекача задали отъ лѣсной птахи да отъ машины на Волгѣ... А за топоры и шапки за вами ведро вина...

— И два поставимъ,—перебилъ Семень, старшій изъ парней,—только ужъ ты, Миколай, и ты, Егоръ, не поминайте про то, что было въ лѣсу... Это вотъ все онъ, Никаноръ, подбилъ насъ на такое дѣло!..

Въ это время подошелъ Егоръ, иронически раскланялся и заговорилъ:

— Здравствуйте, господа поштенные! аль устали, неся полные карманы золота? удѣлите и намъ малость!.. Чего это попрятались вы въ кусты? совѣстно что ли на свѣтъ Божій глядѣть? Душегубы этакіе! еле человѣка не задушили... А что ежели мы съ Миколаемъ сичасъ къ уряднику да протоколъ на васъ?!

— Да что, Егоръ,—сказалъ Семень,—не поминай ужъ про то! Сказано—два ведра вина ставимъ...

— Да развѣ мы причинны?—поддержалъ Петръ:—всему заводчикъ Никаноръ...

— Онъ и сичасъ,—добавилъ Иванъ,—все твердитъ свое: и золото видѣлъ, и съ чортомъ говорилъ...

— А! шестая голова!—привѣтствовалъ Егоръ Никанора:—наше вамъ нижайшее!.. а хочешь къ уряднику, командеръ ты этакій?!

— Что ты больно грозишься урядникомъ?—встрепенулся Никаноръ:—чай, ты и живъ, и цѣлъ, а я и до сихъ поръ не отдышусь, какъ гвозданулъ меня Миколай кулачищемъ—всѣ печенки отшибъ...

— Мало еще даль тебѣ, — замѣтилъ Николай, — за всѣ твои штуки... Да мы съ тобой уже сквитались: ты у меня вышибъ каблукомъ два зуба...

— Коли это было?

— Коли? а какъ дрыхнулъ ты въ норѣ...

— Не дрыхнулъ я тамъ, а все видѣлъ своими глазами, и про шесту голову приказъ получилъ... Коли бъ не ты съ Егоромъ взбунтовались, сичасъ бы золото было наше, и вотъ тутъ мы дѣлежку бы устроили... Эхъ, связался съ вами на грѣхъ... Ну, да ладно! инъ пойшу другихъ товарищей, а золото будетъ мое...

— Смотри ты у меня, лысый чортъ, шестая ты голова! и не моги объ этомъ думать! Еще загубишь кого...

— Такъ я и послушаюсь тебя... больно ты грозенъ!..

— А вотъ и не позволю! и у себя въ деревнѣ, и вездѣ по округѣ расскажу про сегодняшнюю ночь, и въ городъ пойду на базаръ—и тамъ все узнаютъ... И вы, ребята, всѣмъ рассказывайте, чтобъ не вышло тутъ душегубства... Не найдешь тогда, кто бъ захотѣлъ быть шестой головой... И лѣснику накажу, чтобъ доглядывалъ...

— И посмотрю я на тебя, Миколай! Экой же ты зловредной человѣкъ! ни себѣ, ни людямъ...

— Ладно ужъ! сиди смирно, а то выживемъ изъ деревни... мѣръ-то силенъ, съ нимъ и чортъ не поможетъ тебѣ справиться...

— А я и самъ уйду! Охота съ такими чертями жить... ни себѣ, ни людямъ...

— И уходи, шестая голова!—подхватилъ Егоръ,—пока не обломалъ тебѣ боковъ Акимъ за Матрену...

— Не я, а ты шеста голова,—отгрызнулся Никаноръ.

— Ври больше! Не я, а ты выдумалъ ее... Братцы, теперича пусть Никаноръ такъ и прозывается у насъ шестой головой... нѣтъ ему другого имени!..

— Ладно, ладно!—одобрили все со смѣхомъ.

— Ну, такъ слухай, шеста голова! коли хочешь, чтобъ урядника съ протоколомъ и всю эту исторію къ чорту послать, такъ ставь третье ведро...

— Обопешься, Егоръ, съ трехъ-то ведеръ...

— Не бойсь! мы міромъ розопьемъ...

— Ну, ужъ ладно, поставлю...—согласился Никаноръ.—Только какъ же это, Миколай, ты не захватилъ изъ лѣсу ни топора моего, ни шапки... и два моихъ заступа тамъ остались...

— Ишь, ты какой ласковый!.. три топора и три шапки мы подобрали по пути, а твоихъ не искали... Видно, и топоръ и шапку ты покинулъ въ норѣ, какъ дрыхнулъ тамъ, а лопаты брошены около той же норы... Сходи-ка самъ, забери!.. только не совѣтую: сейчасъ лѣсникъ Никита пойдетъ въ обходъ, и ты попадешься ему въ лапы...

— Экое горе! одно разореніе вышло...

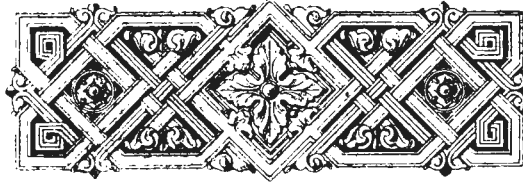
— Это тебѣ урокъ: не затѣвай пустого дѣла! А все же нѣтъ худа безъ добра: три ведра вина заработали, братцы!..

Какъ никакъ, а примиреніе состоялось на почвѣ того всероссійскаго примирителя, который объединяетъ русскихъ людей еще со временъ доисторическихъ...

Выкуривши «трубку мира», всѣ вмѣстѣ—и враги, и друзья—побрели домой, мирно бесѣдуя больше на тему предстоящаго пиршества, мечты о которомъ дочиста испарили изъ ихъ головъ только что пережитую страшную передрагу...

Никаноръ остался въ деревнѣ, волею-неволею отказавшись отъ плана разбогатѣть при посредствѣ ботничка съ золотомъ съ Чортова городища... Ночныя походы кладоискателей стали извѣстны всѣмъ въ округѣ, и къ Никанору прочно привязалось прозвище «шестой головы», какъ ни открещивался онъ отъ него...

Н. Н. Оглоблинъ.

ПАМЯТИ ГРАФА О. Э. КЕЛЛЕРА.

КОГДА сходятъ со сцены жизни люди, подобные временно погибшему на Дальнемъ Востокѣ генералъ-лейтенанту графу Федору Эдуардовичу Келлеру, какъ-то холодно и жутко становится на душѣ, невольно переполняющейся мистическимъ страхомъ передъ невѣдомой, неумолимо грозной силой... Графъ Келлеръ былъ рѣдкимъ человѣкомъ. Это былъ образецъ рѣдкой душевной красоты, натура цѣльная, классически уравновѣшенная. Не даромъ его любили всѣ, кто только съ нимъ ни сближался. Еще будучи молодымъ офицеромъ, онъ всюду былъ желаннымъ гостемъ, его носили на рукахъ. Весельчакъ и балагуръ, куда бы онъ ни являлся, неизмѣнно вносилъ съ собою оживленіе и смѣхъ. Правда, онъ не прочь былъ зачистую и подтрунить надъ собесѣдникомъ, но во всѣхъ его шуткахъ и островахъ было всегда столько мягкаго, незлобиваго юмора, что никому и въ голову не приходило обижаться. Товарищи-кавалергарды прямо боготворили его. Да и было за что! Не разъ ему приходилось выручать ихъ изъ временной матеріальной нужды, обусловливавшейся или неожиданнымъ проигрышемъ въ карты, или такимъ обстоятельствомъ, гдѣ по французской поговоркѣ слѣдуетъ «искать женщину»... Нужно было видѣть, съ какой онъ охотой приходилъ на помощь къ пострадавшему, какъ онъ искусно облегчалъ его положеніе, какъ деликатно и мягко, какъ онъ умѣлъ при этомъ шадить самолюбіе товарища!

Разсказываютъ такой случай. Одинъ кавалергардскій корнетъ проигралъ какому-то «штатскому» изрядную сумму денегъ съ обязательствомъ расплатиться въ 24 часа. А у корнета не было

въ это время ни сантимата: все дочиста промоталъ. Бѣдный юноша приунылъ: «гдѣ достать денегъ?» Обращаться къ товарищамъ немислимо, такъ какъ онъ всѣмъ, кому только можно было, задолжалъ. И вотъ онъ залерся въ своей квартирѣ и, задумчиво шагая по комнатѣ, уже съ нѣкоторымъ безпокойствомъ началъ поглядывать на заряженный «бульдогъ»: «а не катнуть ли?» Какъ разъ въ этотъ моментъ является къ нему графъ Келлеръ, по обыкновенію, веселый и жизнерадостный.

— Здравствуй, дѣвица-красная! (такъ онъ иногда въ шутку называлъ краснощекаго и безусаго корнета).—Что? Иль опять захандрилъ? (о несчастіѣ, постигшемъ корнета, онъ только что узналъ отъ одного изъ товарищей).

— Ну, и захандрилъ... Тебѣ-то что за дѣло?—мрачно отгѣзаль корнетъ.

— Брось, не стойтъ...—утѣшалъ графъ.—Посмотри, какъ прекрасенъ Божій міръ!

— Надоѣло все!—безнадежно махнувъ рукой, возразилъ корнетъ.—Жизнь опротивѣла.

Графъ съ тревогой воззрися на собесѣдника и молчалъ, какъ бы соображая что-то про себя. А тотъ, между тѣмъ, продолжалъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ съ чрезвычайно мрачнымъ видомъ.

— Представь, голубчикъ, какая досада!—вдругъ сказалъ графъ послѣ нѣкоторой паузы:—я перепуталъ дни; вчера мнѣ нужно было съѣздить во что бы то ни стало въ Царское Село, а я почему-то вообразилъ, что не вчера, а сегодня вторникъ!

— Сегодня вторникъ и есть!—отозвался корнетъ.

— Полно врать! Сегодня у насъ среда!

— Да нѣтъ же, я знаю навѣрное, что вторникъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, среда!—твердилъ графъ свое.—Хочешь пари на пять тысячъ? (какъ разъ это была сумма карточного долга корнета).

— Я не хочу тебя подводить, это нечестно!—великодушничалъ юноша.—Я вѣдь знаю, что ты проиграешь!

— Ну, въ такомъ случаѣ давай такъ: если я проиграю, то даю тебѣ взаимы пять тысячъ, а если ты проиграешь, то уплачиваешь мнѣ эту сумму безъ отдачи,—согласенъ?

Корнетъ даже улыбнулся на подобное предложеніе, какъ онъ ни былъ мраченъ.

— Ну, хорошо,—согласился онъ.—Взять у тебя взаимы, пожалуй, могу, а иначе ни за что.

Ударили по рукамъ. Вопросъ былъ рѣшенъ при помощи газеты.

— Вотъ смотри!—съ торжествующей улыбкой показывалъ корнетъ:—вторникъ, 18-е ноября!

Графъ Келлеръ проигралъ. Онъ притворился опечаленнымъ, между тѣмъ какъ въ душѣ былъ чрезвычайно радъ, что выдумка ему удалась, и что онъ такъ ловко выручилъ товарища, не задѣвъ его самолюбія.

Когда въ 1876 году началась сербско-турецкая война, графъ Ѳедоръ Эдуардовичъ отправился на театръ военныхъ дѣйствій, гдѣ вскорѣ послѣ прибытія уже принималъ участіе въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, удивляя всѣхъ своей беззапятной храбростью. Ему ничего не стоило рѣшиться на какой угодно отважный подвигъ, участвовать въ любой, самой опасной рекогносцировкѣ. Такъ, въ стычкѣ подъ Адровацемъ былъ моментъ, когда онъ, окруженный со всѣхъ сторонъ турками, чуть было не попалъ къ нимъ въ плѣнъ, но, отчаянно отстрѣливаясь изъ револьвера, ухитрился таки пробиться сквозь непріятельскую цѣпь, оставшись цѣлымъ и невредимымъ. Молодецкая удаля графа Ѳедора Эдуардовича дѣйствовала столь заразительно на его боевыхъ товарищей, что даже тѣ изъ нихъ, которые не отличались особенной отвагою, при немъ становились неузнаваемы: это были настоящіе храбрецы, готовые итти вмѣстѣ съ нимъ на какой угодно боевой подвигъ. Сподвижникъ М. Д. Скобелева, графъ Келлеръ по заслугамъ былъ оцѣненъ нашимъ знаменитымъ полководцемъ, одно время считавшимъ его даже своей правой рукою, а именно, когда, при переходѣ черезъ Иметлійскій перевалъ, былъ раненъ А. Н. Куропаткинъ, начальникъ штаба Скобелева, и графъ Келлеръ долженъ былъ немедленно заступить его мѣсто. Когда начался потомъ славный шейновскій бой, кто не помнитъ знаменитаго приказанія Скобелева, съ которымъ онъ обратился къ войскамъ, стоя на высотѣ кургана, осыпаемаго гранатами: «Ребята! Если меня убьютъ,—слушаться графа Келлера!»

Познакомившись съ одной изъ блестящихъ страницъ военно-походной жизни гр. Ѳедора Эдуардовича, возвратимся къ дѣятельности его, какъ мирнаго гражданина. Вотъ онъ занимаетъ постъ директора Пажескаго корпуса. Онъ и здѣсь любимъ всѣми — и воспитанниками, и воспитателями. Всѣ, отъ мала и до велика, прямо обожаютъ его. Ласковый въ обращеніи, необыкновенно гуманный, отзывчивый, добрый, онъ близко принимаетъ къ сердцу интересы каждаго изъ своихъ подчиненныхъ, каждому старается сдѣлать что нибудь хорошее, оказать нравственную или матеріальную поддержку, и всякій разъ, когда ему удастся облегчить или улучшить чье нибудь положеніе, онъ чувствуетъ себя внутренно удовлетвореннымъ, довольнымъ и счастливымъ. Шестъ лѣтъ директорства графа Келлера едва ли были не самой яркой эпохой въ жизни пажескаго корпуса за все время существованія послѣдняго. Замѣчательно отношеніе этого гуманнаго директора къ меньшей братіи, къ разнымъ низшимъ служащимъ. Передаютъ характерный эпизодъ, от-

носящійся къ тому времени. Одинъ изъ поваровъ, будучи не въ трезвомъ состояніи, испортилъ какое-то кушанье. Узналъ объ этомъ гр. Келлеръ и сгоряча велѣлъ эконому уволить повара немедленно. Спустя нѣкоторое время, графу доносятъ, что провинившійся и уволенный имъ поваръ былъ вообще трезваго поведенія, но что выпилъ онъ тогда съ горя, такъ какъ молодая жена его, рожавшая перваго ребенка, лежала при смерти. Графъ страшно взволновался. «Какъ! ни въ чемъ неповинный человѣкъ пострадалъ изъ-за него? Онъ, онъ самъ допустилъ такую несправедливость? Нѣтъ, это уже слишкомъ!» Призываетъ къ себѣ эконома.

— Что же это вы, батенька?—накинулся онъ на него.—Развѣ можно такъ помыкать людьми? Вы должны были сказать мнѣ, что несчастный поваръ не виноватъ, что онъ заслуживаетъ снисхожденія...

— Простите, ваше сіятельство, я не зналъ, я думалъ...

— Вы думали! Думаютъ только индѣйскіе пѣтухи!—горячился графъ.—Нельзя такъ, нельзя-съ! Извольте сейчасъ же вернуть повара на мѣсто и скажите ему, что я передъ нимъ очень виноватъ.

— Слушаю, ваше сіятельство!—отвѣтилъ экономъ и уже хотѣлъ было уйти, но графъ остановилъ его.

— Подождите! Мнѣ очень совѣстно передъ этимъ несчастнымъ, надо его приласкать какъ нибудь, наградить что ли...

— Какъ прикажете, ваше сіятельство!

— Я ужъ и не знаю, что для него сдѣлать... Чтобъ загладить свою вину, право, я готовъ былъ бы у него новорожденнаго крестить!

Слова эти, произнесенныя графомъ съ улыбкой, были поняты экономомъ, какъ шутка, но переданныя имъ повару, послѣднимъ уже были приняты, какъ нѣчто серьезное, такъ что, когда на другой день графъ, дѣлая свой обычный ежедневный обходъ, заглянулъ въ кухню, поваръ бухъ ему въ ноги:

— Осчастливьте, ваше сіятельство: завтра крестины. Пожалуйста!

Графъ вспомнилъ свои слова и безъ малѣйшаго колебанія обѣщалъ повару крестить его первенца. Такъ онъ загладилъ свою «вину» передъ маленькимъ человѣкомъ, нечаянно имъ обиженнымъ. Говорятъ, что, когда этотъ популярный директоръ покидалъ свой постъ, всѣ воспитанники и сослуживцы оплакивали его, какъ родного отца. Можно себѣ представить, какъ они оплакиваютъ его теперь!

Но есть въ Россіи уголокъ, гдѣ смерть графа Келлера должна вызвать особенно горькое чувство, нестерпимо больно отозваться въ сердцахъ, заставить пролить искреннія, обильныя, горючія слезы. Это—Екатеринославская губернія, гдѣ онъ прослужилъ губернаторомъ послѣдніе четыре года своей жизни до самаго злополучнаго

отъѣзда на Дальній Востокъ. Долго будутъ помнить екатеринославцы своего недавняго губернатора... А между тѣмъ какъ было трудно на первыхъ порахъ графу Келлеру приручить ихъ къ себѣ, завоевать ихъ симпатіи. Вѣдь онъ пріѣхалъ на смѣну князя П. Д. Святополкъ-Мирскаго, чрезвычайно популярнаго начальника губерніи, оставившаго о себѣ самыя лучшія воспоминанія, — естественно, что новое лицо должны были встрѣтить здѣсь недовѣрчиво, даже съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ.

— Кто онъ такой, этотъ новый губернаторъ? Какой-то петербургскій кавалергардъ! Навѣрное, будетъ важничать... Пожалуй, еще начнетъ заводить свои порядки!

И вдругъ они увидѣли передъ собой человѣка, необыкновенно скромнаго, простаго, рѣшительно всѣмъ доступнаго и одинаково со всѣми ласковаго. Какой пріятный сюрпризъ!

Надо замѣтить, что графъ Келлеръ вступилъ въ управление Екатеринославской губерніей какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она начала уже переживать промышленный кризисъ, создавшій общее тревожное настроеніе и болѣе частые, чѣмъ когда либо, конфликты между властью и обывателемъ. Однако онъ сумѣлъ повести дѣло такъ, что между нимъ и большею частью населенія сразу установились добрыя отношенія. Какъ онъ этого достигъ? Исключительно путемъ сближенія съ обывателемъ. Графъ Ѳ. Э. никогда не держалъ себя, подобно большинству губернаторовъ, на неприступной высотѣ, никогда не замыкался въ тѣсный кругъ парадныхъ пріемовъ и выѣздовъ, а былъ такимъ же обыденнымъ прохожимъ екатеринославской улицы, какъ и всякій другой изъ горожанъ. Не рѣдкость было видѣть его красивую, стройную фигуру на Екатерининскомъ проспектѣ. Вотъ онъ идетъ по этой огромной улицѣ-бульвару одинъ, безъ всякихъ провожатыхъ, пробираясь неспѣшной, легкой походкой среди снующей взадъ и впередъ разношерстной толпы и какъ-то конфузливо уступая дорогу идущимъ мимо прохожимъ. Черезъ нѣсколько минутъ, смотришь, онъ уже сидитъ въ одномъ изъ вагоновъ трамвая и ведетъ оживленную бесѣду съ какимъ нибудь простымъ мишурисомъ или базарной торговкой, которые, конечно, и не подозреваютъ, что рядомъ съ ними «первое въ губерніи лицо».

До какой степени доступенъ, простъ и добръ былъ графъ Келлеръ, можно видѣть изъ слѣдующаго факта, переданнаго мнѣ однимъ знакомымъ. Нѣкто К., студентъ Московскаго университета, ѣхалъ на родину черезъ Екатеринославъ. Дорогой, уже подѣзжая къ станціи «Екатеринославъ», онъ вдругъ обнаружилъ у себя пропажу денегъ. Смотритъ, — у него не осталось ни копейки, а между тѣмъ ему предстоитъ еще очень далекій путь и по желѣзной дорогѣ, и по морю. К. въ страшномъ затрудненіи, не знаетъ, что ему дѣлать. Онъ выходитъ на вокзалъ, заявляетъ о случившемся,

составили протоколъ... Но что же дальше? Ъхать-то вѣдь не съ чѣмъ!

— А вы вотъ что, баринъ, — посовѣтоваль ему жандармскій унтеръ-офицеръ:—обратитесь къ нашему графу.

— Къ какому графу?

— А къ графу Келлеру, здѣшнему начальнику губерніи: они примутъ участіе, помогутъ...

— Что вы?—возразилъ К.:—не могу же я просить у губернатора денегъ взаймы? Онъ велитъ меня выгнать вонъ...

Жандармъ ослабился во весь ротъ: такъ ему показалось смѣшно и даже прямо ни съ чѣмъ не сообразно то, что онъ услышалъ.

— Вы нашего графа не знаете,—сказалъ онъ наставительно и, помолчавъ немного, прибавилъ:—душевный человѣкъ!

Тщательно обдумавъ свое положеніе, К. рѣшилъ въ концѣ концовъ послѣдовать совѣту жандарма. И вотъ, стараясь побороть вполнѣ естественное въ данномъ случаѣ смущеніе, онъ несмѣлой поступью направился въ губернаторскій домъ, робко подалъ визитную карточку и попросилъ доложить о себѣ начальнику губерніи. Часъ былъ непріемный, тѣмъ не менѣе графъ Келлеръ принялъ студента тотчасъ же, внимательно выслушалъ его, обласкалъ и, не дождавшись просьбы, самъ поспѣшилъ предложить ему денегъ на дорогу.

— Миѣ очень совѣстно, извините, — сконфуженно лепеталъ К.

— Полноте, молодой человѣкъ, со всякимъ можетъ случиться!—ободрялъ его графъ и, ласково трепля по плечу, проводилъ до самой лѣстницы.

Джентльменски вѣжливый и деликатный, въ то же время пылкій и увлекающійся собесѣдникъ, графъ Келлеръ производилъ на всѣхъ чарующее впечатлѣніе. Это былъ съ ногъ до головы человѣкъ, въ которомъ чиновникъ отсутствовалъ даже въ самой микроскопической дозѣ. Онъ не былъ чиновникомъ и при отправленіи служебныхъ обязанностей. Такъ, участвуя въ качествѣ председателя, въ работахъ екатеринославскаго губернскаго комитета о сельскохозяйственныхъ нуждахъ, графъ Ө. Ө. держалъ себя здѣсь, не какъ «органъ надзора», а какъ равноправный членъ собранія, принимавшій самое горячее участіе въ обсужденіи наиболѣе жгучихъ вопросовъ. Онъ то и дѣло произносилъ увлекательныя, страстныя рѣчи, кипѣлъ, волновался, однимъ оппонировалъ, другихъ поддерживалъ, стройно и послѣдовательно развивая ихъ мысли, старался высказать все, что наболѣло у него въ душѣ, и въ горячихъ рѣчахъ графа, въ его отношеніи къ деревнѣ сказывался убѣжденный народникъ. Особенно горячо ратовалъ онъ за просвѣщеніе, считая его для русскаго народа дѣломъ огромной, первостепенной важности. «Безграмотныхъ не должно быть совсѣмъ, они поворятъ страну!»—не разъ говорилъ ораторъ, придававшій также весьма большое

значеніе и внѣшкольному образованію, какъ средству, ведущему къ наискорѣйшему устраненію позорнаго явленія безграмотности. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, еще никто такъ ясно не сознавалъ, какъ онъ, превосходно знавшій военное дѣло и въ частности русскаго солдата, что не въ «штыкѣ-молодцѣ» и не въ «пулѣ-дурѣ» наше спасеніе, а единственно въ просвѣщеніи, т.-е. прежде всего во всеобщей грамотности, которая, увы, до сихъ поръ еще является для насъ только *riim desiderium*.

Крѣпкими, неразрывными нитями, казалось, связанъ былъ графъ Келлеръ съ Екатеринославомъ,—кто могъ ожидать, что эта связь такъ быстро и такъ неожиданно порвется? Вдругъ разгорается война... Графъ О. Э. не выдержалъ: дрогнуло его молодецкое сердце, проснулся въ немъ старый, доблестный воинъ, и вотъ, промѣнявъ покойное губернаторское кресло на жесткое кавалерійское сѣдло, онъ уѣзжаетъ добровольцемъ на Дальній Востокъ. Тамъ, сражаясь за родину, за горячо любимую имъ Россію, онъ, не колеблясь, жертвуетъ своей жизнью. Убитый осколками лопнувшей въ двухъ шагахъ отъ него гранаты на Янзелинскомъ перевалѣ, гдѣ онъ лично руководилъ боемъ, занимая одну изъ самыхъ опасныхъ, наиболѣе обстрѣливаемыхъ непріателемъ позицій, забывъ совершенно о себѣ и думая лишь объ исходѣ сраженія, графъ Келлеръ умеръ героемъ.

Князь Б. А. Щетининъ.

СПОРНЫЙ МУНДИРЪ.

(Изъ дѣлъ С.-Петербургскаго сенатскаго архива).

А РЯДУ съ документами, представляющими выдающійся историческій или бытовой интересъ, въ С.-Петербургскомъ сенатскомъ архивѣ хранится немало дѣлъ, отличающихся куріознымъ, почти анекдотическимъ характеромъ. Пререканія между инстанціями, возникавшія иногда по самому пустому поводу, нерѣдко доходили до сената и юстицъ-коллегіи, разрѣшались самымъ неожиданнымъ для заинтересованныхъ сторонъ образомъ.

Весьма любопытный образчикъ такого судопроизводства представляетъ споръ пастора Албануса съ рижскимъ магистратомъ относительно права ношенія первымъ университетскаго мундира.

Въ 60-мъ томѣ «Сборника», издаваемого императорскимъ русскимъ историческимъ обществомъ, объ этомъ самомъ Албанусѣ помѣщено слѣдующее лаконическое свѣдѣніе: «Албанусъ, Августъ, пасторъ въ Ригѣ, писатель, род. 1765 + 1839 г.». Между тѣмъ изъ переписки, вошедшей въ составъ архивнаго дѣла о мундирѣ, личность Албануса вырисовывается въ яркихъ, жизненныхъ чертахъ, какъ бы набросанныхъ искуснымъ перомъ талантливаго бытописателя-юмориста.

Дѣло началось съ жалобы, представленной въ 1804 году рижскимъ магистратомъ рижскому же военному губернатору, графу Ф. Ф. Буксгевдену. Въ жалобѣ указывалось, что городской пропо-

вѣдникъ, бывшій ректоръ думской школы, магистръ Албанусъ опредѣленъ отъ Дерптскаго университета губернскимъ директоромъ лифляндскихъ школъ и, по открытіи въ Ригѣ гимназіи, началъ посылать въ магистратъ сообщенія и представленія «въ тонѣ, совсѣмъ ему неизвинительномъ». Въ ноябрѣ этого года Албанусъ увѣдомилъ магистратъ, что высочайше повелѣно всѣмъ школьнымъ чиновникамъ носить мундиръ. На это магистратъ отвѣтилъ ему, что Дерптскій университетъ вѣрно уволить его отъ ношенія мундира, пока онъ будетъ пасторомъ. Пасторъ Албанусъ тотчасъ же возразилъ на отвѣтъ магистрата слѣдующимъ подробнымъ заявленіемъ, приводимымъ нами дословно въ томъ видѣ, въ какомъ оно вошло въ сенатское дѣло:

«На послѣднее отдѣленіе отношенія магистрата отъ 23-го числа сего мѣсяца долженъ я объясниться опредѣленнымъ и подробнымъ образомъ.

«Во-первыхъ, объявляю я симъ, въ предупрежденіе всѣхъ легко возможныхъ неправильныхъ толкованій, или, въ случаѣ уже таковыя учинены, въ опроверженіе оныхъ, что я увѣдомилъ магистратъ о высочайше указанномъ мундирѣ лишь только въ разсужденіи содержимыхъ отъ города учителей думской школы и всѣхъ приходскихъ городскихъ школъ, но ничуть не для меня, ибо я, въ качествѣ губернскаго директора лифляндскихъ школъ, совершенно отъ магистрата независимъ, и увѣдомилъ я о семъ лишь потому, чтобъ магистратъ не удивился, если увидитъ кого либо изъ городскихъ учителей въ новомъ учительскомъ мундирѣ.

«Что касается до меня, то имѣю объявить:

«Ношеніе мундира высочайше повелѣно всѣмъ учителямъ и паче директорамъ школъ, слѣдовательно и мнѣ, яко директору лифляндскихъ школъ; единственно въ уваженіе желанія магистрата школьная въ Дерптѣ комиссія отъ ношенія мундира столько же мало можетъ меня уволить, какъ магистратъ, по желанію школьной комиссіи, чего, однако, никогда не будетъ, можетъ уволить меня отъ ношенія пасторскаго одѣянія. Поелику его императорское величество предписалъ мнѣ мундиръ, то уже по вѣрно-подданническому долгу не буду признавать власти, которая могла бы уволить меня отъ послушанія высочайшему указу. Впрочемъ, магистратъ можетъ быть увѣренъ, что я во всякомъ случаѣ, гдѣ долженъ быть въ пасторской одеждѣ, никогда не приду въ синемъ кафтанѣ. Притомъ же я, яко проповѣдникъ, самъ знаю, что можетъ подать соблазнъ, и всегда, и при осмотрѣ по губерніи школъ, буду носить мундиръ такъ, что безпристрастный долженъ найти оный, какъ директорской должности, такъ и прочимъ моимъ отношеніямъ приличнымъ. А поелику я по сіе время, когда не былъ въ должности пасторской, всегда по собственной волѣ носилъ синій кафтанъ, съ таковыми же обшлагами и чернымъ во-

ротникомъ, и многіе пасторы и теперь еще на свѣтлыхъ кафтанѣхъ носятъ бѣлыя пуговицы, то я не понимаю, какъ можетъ произойти христіанину соблазнъ, если я теперь, по высочайшему указу въ должности директора, и по произволу въ собраніяхъ, концертѣ и проч. носить буду также синій весьма степеннаго покроя кафтанъ, съ черною подкладкою, съ чернымъ, совѣмъ просто, однако по формѣ выпитымъ воротникомъ и съ гладкими желтыми пуговицами. Итакъ, магистратъ, яко имѣющій верховное право епископа рижскаго, можетъ твердо быть увѣренъ, что ни одинъ разумный членъ нашего общества не будетъ досадовать на мое послушаніе высочайшему указу или на то, что я долженъ и хочу напрягать силы свои для образованія юношества города и всей губерніи въ кафтанѣ, сдѣланномъ по предписанной формѣ. Если жъ, что совѣмъ невѣроятно, кто либо найдется, который не можетъ сообразить сіе съ духовнымъ саномъ, то я покорнѣйше прошу прислать его ко мнѣ, и я тогда дружески ему докажу, что синій кафтанъ слѣдуетъ при исправленіи директорской должности, а черный—при пасторской, и что оба одѣянія каждое въ своемъ мѣстѣ дозволено.

«Въ окончаніе съ моей стороны замѣтить долженъ, что для меня загадка, почему магистратъ непримѣтнымъ образомъ въ отношеніяхъ своихъ наклоняетъ на то, чтобъ я оставилъ свое пасторское мѣсто, сіе подобно на то, что будто бы городское общество и мои прихожане оказываютъ мнѣ свое со мною неудовольствіе черезъ магистратъ. Таковое со мною поступленіе необычайно несогласно съ справедливостью, и, если извѣстно будетъ, для прихода обидно.

«Д. Августъ Албанусъ, лифляндскій губернскаго директоръ школъ, 7-го класса».

Сквозь казуистику почтеннаго пастора, столь ревностно ссылающагося на указъ, явно просвѣчиваетъ нѣкоторое тщеславіе своею классною должностію и желаніе, при случаѣ, щегольнуть присвоеннымъ ей мундиромъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, конецъ его оригинальнаго «заявленія» позволяетъ предположить, что въ магистратѣ дѣйствительно были лица, добивавшіяся увольненія Албануса отъ должности городского проповѣдника. Взаимное недоброжелательство чувствуется въ ироническомъ тонѣ переписки, внѣшнимъ образомъ не выходящей изъ предѣловъ обычнаго въ то время канцелярскаго слога.

Не взирая на пренебрежительное заявленіе пастора Албануса, что вопросъ о ношеніи имъ форменнаго кафтана не подлежитъ вѣдѣнію рижскаго магистрата, послѣдній снесся съ консисторіей и, опираясь на мнѣніе этого учрежденія, 7-го декабря 1804 года, препроводилъ къ Албанусу слѣдующее своеобразное постановленіе.

«Ноелику: 1) въ церковномъ положеніи, глав. XIX, § 27, предписано: проповѣдники должны оставаться при такомъ одѣяніи,

которое сану ихъ болѣе приличествуетъ; 2) въ разсужденіи высочайше дозволеннаго школьнымъ чиновникамъ мундира магистрату не сообщено никакого узаконенія, чтобъ общее его императорскаго величества повелѣніе нарушало и высочайше утвержденныя законы и учрежденія сего города, и при общемъ семъ повелѣніи не предположено исключеніе, существующее при пасторѣ Албанусѣ, который при директорской должности своей занимаетъ еще мѣсто городского пастора; 3) перемѣна проповѣднической одежды на шитый золотомъ гражданскій мундиръ, который носить пасторъ Албанусъ въ публичномъ отношеніи думаетъ имѣть право, даже и просвѣщеннымъ не полюбилась, кольми паче же менѣе просвѣщеннымъ людямъ; 4) не видно причины, почему пасторъ Албанусъ не хочетъ исправлять должность свою, яко директоръ школъ, въ почтенной пасторской одеждѣ, — то симъ предписывается пастору Албанусу, чтобъ онъ, вслѣдствіе сказаннаго закона церковнаго положенія, пока будетъ пасторомъ, во всякомъ публичномъ мѣстѣ и отношеніи не носилъ другого платья, кромѣ опредѣленнаго пасторскаго одѣянія. Также пасторъ Албанусъ употребилъ въ отзывѣ своемъ разныя противныя должному магистрату почтенію выраженія. Хотя магистратъ и охотно вѣрить, что сіе произошло отъ мнѣнія пастора Албануса, что будто новое его по службѣ и чину отношеніе, въ которое вступилъ онъ безъ помощи и согласія магистрата, относится и на пасторскую его должность, однако, въ уваженіе того, что пасторъ Албанусъ, несмотря на независимость его, яко директора школъ, не долженъ забывать отношеніе свое къ городскому начальству, то консисторіи поручить, чтобъ она поудила его къ скромности противу магистрата, яко городского его начальства».

Послѣ обмѣна такими документами раздраженіе обѣихъ сторонъ могло лишь возрасти, что и доказалъ дальнѣйшій ходъ куріознаго дѣла. Уже 20 декабря того же 1804 года оберъ-пасторъ Либоріусъ Бергманъ донесъ консисторіи, что онъ наканунѣ призвалъ къ себѣ пастора Албануса и объявилъ ему опредѣленіе магистрата съ тѣмъ, чтобы, онъ исполнилъ «сіе начальническое предписаніе». Досадуя на такое внушеніе, вспыльчивый пасторъ тутъ же заявилъ самымъ рѣшительнымъ тономъ, «что онъ въ разсужденіи сложенія школьнаго мундира предписанія не исполнитъ, но съ первою почтою отпишетъ въ комиссію о школахъ Дерптскаго университета и надѣется получить на ношеніе мундира дозволеніе тѣмъ скорѣе, что лифляндскій генераль-суперъ-интендентъ Зонтагъ приказалъ носить мундиръ въ исправленіи должности при школѣ пастору Миллеру, яко учителю при рижской гимназій, пастору Фрейтагу, яко инспектору венденской школы, пастору Эрдману и пастору Прейсу, яко учителямъ при веймарской школѣ».

Оберъ-пасторъ, видя волненіе Албануса, сталъ дружественно со-вѣтовать ему не возстановлять противъ себя вліятельныхъ членовъ рижскаго магистрата и не выказывать въ сношеніяхъ съ ними прежней заносчивости. Вспыльчивый пасторъ, какъ доносить далѣе Бергманъ, нѣсколько успокоившись, призналъ, что дѣйствительно «преступилъ должное къ магистрату почтеніе; однако, въ послѣднее время на него со всѣхъ сторонъ напали, такъ что онъ, яко человѣкъ, не могъ преодолѣть душевнаго своего расположе-нія, почему и надѣется, что простятъ ему сію неумышленную слабость».

Обиженные проявленіями независимости со стороны пастора члены магистрата не удовлетворились такимъ оправданіемъ Албануса. Пререканіями по поводу ношенія мундира враги его, повидимому, рѣшили воспользоваться, чтобы черезъ давленіе администраціи заставить Албануса сложить съ себя званіе городского проповѣдника. Такое именно впечатлѣніе производитъ жалоба рижскаго магистрата военному губернатору, графу Буксгевдену. Магистратъ утверждалъ въ ней, что опредѣленія его и консисторіи «основаны на точныхъ словахъ закона, да и нужны, потому что переменна духовнаго почтеннаго одѣянія на блестящій мундиръ составляетъ для слабѣйшей (?) части городского общества неприятную противоположность». Кромѣ того, магистратъ представлялъ, что онъ «пожертвованіемъ болѣе 2.000 талеровъ ежегодно оказалъ готовность свою способствовать народному просвѣщенію, однако школьныя учрежденія не нарушаютъ высочайше утвержденныхъ церковныхъ законовъ и не даютъ права, чтобы директоръ школъ, пасторъ Албанусъ, чрезъ порученную ему университетомъ должность, преступалъ свои обязанности по званію пастора, кольми паче не долженъ онъ уклоняться, яко пасторъ, отъ подчиненности магистрата». «Изъ случившагося,—заключаетъ свой обвинительный актъ магистратъ,—весьма ясно, что двоякая подчиненность пастора Албануса, яко директора школъ и яко пастора, никакъ соглашена быть не можетъ, и что послѣдуютъ весьма важныя для порядка духовнаго управленія и церковнаго учрежденія города Риги слѣдствія, если дозволено будетъ Албанусу оставить себѣ обѣ должности».

Графъ Буксгевденъ взялъ сторону магистрата. Въ письмѣ отъ 31-го декабря 1804 г. онъ сообщилъ о возникшемъ пререканіи министру юстиціи, князю П. В. Лопухину, высказавъ, что, по его мнѣнію, неприлично пастору оставлять одежду пастора, доколѣбъ остается онъ пасторомъ, носить мундиръ съ вышитымъ воротникомъ и являться при шпагѣ, къ соблазну народа, въ чемъ не извиняетъ его примѣръ, что нѣкоторымъ другимъ пасторамъ въ Лифляндіи оберъ-пасторъ, генераль-суперъ-интендентъ Зонтагъ, по-

зволили носить мундиры; ибо и тотъ Зонтагъ, будучи предсѣдатель въ оберъ-консistoriи по части казенныхъ церквей, одинъ самъ собою, безъ вѣдома начальства, не въ правѣ также былъ дозволять пасторамъ носить мундиры и шпаги. Притомъ самъ пасторъ Албанусъ пишетъ, что магистратъ имѣетъ право епископа рижскаго, слѣдственно онъ, Албанусъ, будучи пасторъ, подчиненный магистрату, но потому только, что надѣлъ неприличный для него мундиръ, не долженъ выходить изъ границъ той въ отношеніи къ магистрату подчиненности и уваженія». О претензиі рижскаго магистрата на ослушаніе пастора Албануса, ему подвѣдомственнаго, и о ношеніи имъ, равно какъ и другими, по дозволенію генераль-суперъ-интендента Зонтага, мундировъ, какъ одѣяній, «духовнымъ особамъ не свойственныхъ и порождающихъ соблазнъ», графъ Буксгевденъ просилъ министра предложить къ разсмотрѣнію юстицъ-коллегиі.

Но пасторъ Албанусъ успѣлъ опередить магистратъ, дѣйствуя черезъ посредство министерства народнаго просвѣщенія, къ вѣдомству котораго принадлежалъ въ качествѣ директора школъ. И, по странному совпаденію, въ самый день отсылки князю Лопухину письма отъ графа Буксгевдена, т.-е. 31-го декабря 1804 г., былъ подписанъ государемъ императоромъ Александромъ Павловичемъ рескриптъ на имя того же графа Буксгевдена:

«Изъ донесенія по части министерства просвѣщенія доходитъ до моего свѣдѣнія, что рижская городская ратуша лифляндскому директору училищъ Албанусу воспрещаетъ носить мундиръ, въ ученомъ округѣ употребляемый. Обстоятельство сіе ставлю вамъ на замѣчаніе, почему упомянутая ратуша входитъ въ оное, яко дѣло, ей не принадлежащее».

Получивъ рескриптъ, рижскій военный губернаторъ почувствовалъ себя поставленнымъ въ крайне неловкое положеніе—и по отношенію къ магистрату, за права котораго онъ заступился, и по отношенію къ высшему начальству, передъ которымъ выразилъ осужденіе мѣрѣ, подтвержденной такимъ знаменательнымъ актомъ, какъ высочайшій рескриптъ. Не зная, какъ выйти изъ такого неловкаго и неприятнаго положенія, графъ Буксгевденъ поспѣшилъ послать къ министру юстиціи новое письмо отъ 5-го января 1805 г.; письмо это, хотя и приложено къ дѣлу, однако, носить скорѣе личный, чѣмъ officialный характеръ. Графъ Буксгевденъ писалъ въ немъ, между прочимъ:

«Я тотчасъ было приступилъ къ замѣчанію тому магистрату и готовъ былъ отнестись къ вашей свѣтлости о недѣйствительности прежняго моего къ вамъ по сему предмету отношенія, но замѣтилъ, что въ именномъ высочайшемъ рескриптѣ Албанусъ не названъ пасторомъ (!), а просто директоромъ училищъ, почему и остаюсь я въ неизвѣстности, донесено ли государю императору и извѣстно

ли его величеству, что Албанусъ есть городской пасторъ. Обстоятельство сіе поставляетъ меня въ нерѣшимости. А потому, и какъ уже прежде по сему предмету отношеніе мое было къ вашей свѣтлости, покорнѣйше васъ, милостивый государь мой, прошу доложить государю императору о качествѣ представленія мнѣ рижскаго магистрата, и что магистратъ хотя объявлялъ Албанусу воспрещеніе носить мундиръ, яко городскому пастору, но, при непослушаніи Албануса, магистратъ учинилъ единственно то только, что посредствомъ меня представилъ къ вашей свѣтлости о предложеніи разсмотрѣть сіе обстоятельство юстицъ-коллегіи. Если его императорское величество и по донесенію вашей свѣтлости, что Албанусъ есть пасторъ, высочайше повелитъ носить ему мундиръ, или, если государю императору и прежде сіе, что Албанусъ есть пасторъ, извѣстно, хотя въ высочайшемъ рескриптѣ того не упомянуто, то, по полученіи о семъ отъ вашей свѣтлости увѣдомленія, я тотчасъ предложу магистрату къ исполненію высочайшую его императорскаго величества волю, а затѣмъ и прочіе во вѣрренныхъ мнѣ губерніяхъ пасторы, имѣющіе должности и по части университетскаго вѣдомства, будутъ разрѣшены въ правѣ ихъ, оставаясь пасторами, носить университетскіе мундиры».

Поставленный «въ нерѣшимость» неожиданнымъ оборотомъ спора о ношеніи Албанусомъ мундира, графъ Буксгевденъ заключилъ свое письмо обращеніемъ къ любезности князя Лопухина: «вы, милостивый государь мой, лично меня одолжить изволите, ускоря окончаніемъ сего дѣла».

Не далѣе, какъ 15-го января 1805 года, министръ юстиціи дѣйствительно доложилъ государю императору обстоятельства этого дѣла, воспользовавшись уже подготовленнымъ ранѣе докладомъ по вопросу о приглашеніи изъ Лифляндіи, Финляндіи, Эстляндіи и Курляндіи «нѣсколькихъ духовныхъ особъ для постановленія о литургіи и о прочихъ до церковнаго обряда касающихся распоряженіяхъ». Одобривъ эту мѣру, государь высочайше повелѣтъ соизволилъ: «объ Албанусѣ увѣдомить графа Буксгевдена, что государь полагаетъ, что рижскій магистратъ, не имѣя никакого права входить въ распоряженія, до училищъ относящіяся, не могъ запрещать и пастору Албанусу, яко директору оныхъ, носить мундиръ».

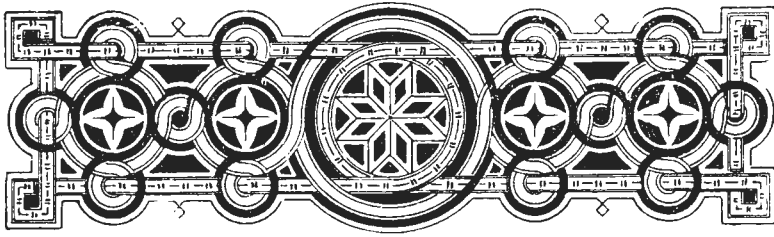
Первую часть высочайшаго повелѣнія министръ юстиціи, князь Лопухинъ, предложилъ къ исполненію юстицъ-коллегіи лифляндскихъ, финляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, а объ Албанусѣ увѣдомилъ графа Буксгевдена.

Настойчивый пасторъ отстаивалъ-таки свое право носить шитый воротникъ, желтыя пуговицы и шпагу; но позволительно усомниться, сохранилъ ли онъ также за собою мѣсто рижскаго городского про-

повѣдника. Рижскій военный губернаторъ получилъ изъ-за него выговоръ въ высочайшемъ рескриптѣ, магистратъ — внушительное замѣчаніе отъ военнаго губернатора. При такихъ условіяхъ, каждое появленіе пастора Албануса въ мундирѣ, очевидно, производило огромную сенсацію на улицахъ Риги,—сенсацію, конечно, не имѣвшую ничего общаго ни съ задачами народнаго просвѣщенія, ни съ дѣломъ христіанскаго проповѣдничества.

А. В. Безродный.

ПОѢЗДКА ВЪ ВИГРЫ.

Изъ историко-археологическихъ экскурсій.

I.

Отъ Райгорода до Августова. Граница двухъ губерній.—Баргловъ.—Августовскій каналъ. Исторія его прорытія. Его значеніе.—Въ Августовѣ. Физіономія города.—Древняя поуніатская церковь.—Черезчуръ строго оберегаемый памятникъ.—У фотографа.—Понски ресторана.

ВОСПОЛЬЗОВАВШИСЯ пребываніемъ въ Райгородѣ¹⁾, я рѣшилъ съѣздить въ Вигры. Посѣтить старый, уже давнымъ-давно закрытый монастырь камедуловъ, полюбоваться чуднымъ его мѣстоположеніемъ и такимъ образомъ соединить пріятное съ полезнымъ давно входило въ мои планы. Но недостатокъ времени и отдаленность Вигеръ заставляли откладывать поѣздку со дня на день, съ недѣли на недѣлю и т. д. Отсюда—изъ Райгорода—до Вигеръ разстояніе сокращалось больше, чѣмъ на половину. И я рѣшилъ осуществить свое намѣреніе. Ѣхать я предпочиталъ на лошадахъ: мнѣ хотѣлось поближе познакомиться съ Сувалкскою губерніею, взглянуть по пути на Августовъ, на его озеро, каналъ и т. п., посмотрѣть Сувалки, относительно красоты и «качествъ» которыхъ, какъ губернскаго города, мнѣ приходилось слышать столько противорѣчивыхъ сужденій, наконецъ,

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVI, стр. 987.

я не хотѣлъ ставить свою личную свободу въ зависимость отъ воли желѣзнодорожныхъ заправиль. «По всѣмъ симъ соображеніямъ», выражаясь языкомъ синодскихъ резолюцій, на другой день, утромъ я вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ, почтеннѣйшимъ И. И. К., уже катилъ въ легкой бричкѣ, запряженной парюю добрыхъ лошадокъ, съ полусоннымъ хлопомъ на козлахъ, по дорогѣ къ Августову. Дорога эта—продолженіе того же Ковенскаго шоссе, о которомъ я говорилъ, и которое идетъ черезъ Сувалки до Ковна. Мѣстность холмистая, и линія дороги можетъ быть удачно опредѣлена словомъ волнообразная: то поднимаетесь на гору, то спускаетесь внизъ, то снова поднимаетесь вверхъ и такъ вплоть до Августова и дальше—до Сувалокъ. Окружающій пейзажъ въ общемъ напоминаетъ собою мотивъ мѣстности между Ломжею и Червоннымъ Боромъ. Отличіе заключается въ обиліи водныхъ источниковъ—въ видѣ озеръ, небольшихъ рѣчекъ и болотъ-торфяниковъ, которые попадаются намъ на пути. Изъ озеръ самое большое—Дренство—остается направо. Въ разстояніи четырехъ верстъ отъ Райграда—граница Ломжинской губерніи. Начинается Сувалкская. Обыкновенный пестрый столбъ, окрашенный въ «казенные» цвѣта, на горкѣ, отъ него зигзагами вьется неширокая канавка—вотъ и граница.

Черезъ три версты проѣзжаемъ первую деревню въ Сувалкской губерніи. Деревня называется Баргловъ. Въ ней 50 дворовъ. Костель величественный, каменный, съ двумя башнями.

По справкѣ, построенъ въ 1883 году. За Баргловымъ направо видна деревня Нетта. Въ окрестностяхъ ея проходитъ Августовскій каналъ, соединяющій систему водъ Нѣмана и Вислы, посредствомъ рѣкъ Черной Ганчи и Нетты, Бобра и Нарева. Начало канала у дер. Нѣмново, гмины Воловичевце, въ 21 верстѣ отъ Гродна, а конецъ подъ Новогеоргіевскою крѣпостью. Длина его, со включеніемъ пространства прохожденія черезъ рѣки и озера, 458 верстъ. На этомъ пространствѣ находятся 21 шлюзъ, приновреленный къ обыкновенному размѣру берлинокъ, кромѣ того, 29 деревянныхъ шлюзовъ, 14 подъемныхъ и 65 обыкновенныхъ мостовъ. Постройка канала начата, по приказу намѣстника царства Польскаго, великаго князя Константина Павловича, 27 іюля 1824 года. Смѣта была составлена на 7.681.587 злотыхъ польскихъ. Но уже къ 1830 г. расходы превысили смѣту и достигли 10.121.990 злотыхъ, не считая стоимости дерева, отпущеннаго бесплатно изъ казенныхъ лѣсовъ на сумму 513.325 злотыхъ, и не включая сюда содержанія и платы за трудъ чиновъ корпуса инженеровъ, работавшихъ подъ руководствомъ генерала Малетскаго, въ теченіе 6 лѣтъ. Послѣ событій 1830 года правительство, не желая отягощать казны царства, и безъ того обремененной расходами по исправленію поврежденій, вызванныхъ военными дѣйствіями, 11 (23) августа 1833 г., предложило Польскому банку заняться, на выгодныхъ условіяхъ,

окончаніемъ Августовскаго канала. Работы возобновились. Открытіе канала состоялось въ 1839 году. Вполнѣ же работы были закончены къ 18 (30) іюня 1844 года. Стоимость ихъ и содержанія канала по указанное число составляли 2.048.429 рублей, выданныхъ изъ суммъ царства. Цѣль прорытія Августовскаго канала заключалась въ томъ, чтобы оградить внѣшнюю торговлю царства Поль-

Древняя поуніатская церковь въ Августовѣ.

скаго отъ вліянія иностранцевъ, облегчить торговыя сношенія съ сѣверными русскими губерніями посредствомъ искусственной сплавной линіи, соединяющей Виндавскій портъ съ Нѣманомъ и Вислою, и, наконецъ, оживить внутреннюю торговлю. Однако цѣль эта вполнѣ не достигнута. По причинѣ значительной убыли воды каналъ удобенъ только для такъ называемой малой навигаціи. Судоходство по немъ производится на берлинкахъ и галярахъ, поднимающихъ до 1.750 пудовъ груза. Главныя пристани—въ Августовѣ

и Нѣмновѣ. Ежегодно проходитъ по каналу не менѣе 200 берлинокъ, другихъ же судовъ до 500.

Въ Августовѣ мы прѣехали уже послѣ полудня. Былъ воскресный день. Только-что отошла обѣдня въ православной церкви, и кончалось богослуженіе въ костелѣ. Погода стояла прекрасная. Толпы народа заняли рыночную площадь и прилегающія къ ней улицы. Преобладалъ крестьянскій элементъ. Выдѣлялись своимъ внѣшнимъ обликомъ и костюмомъ подгородніе мужики-старовѣры. Рынокъ, какъ водится, составляетъ центръ Августова. Это—большая квадратная площадь. Съ четырехъ ея сторонъ каменные, по преимуществу двухъэтажные, дома. Нижніе этажи ихъ заняты лавками. Тутъ и уѣздное управленіе, и магистратъ, и лучшая въ городѣ, а, строго говоря, только сносная гостиница. По серединѣ площади каменная православная церковь, построенная въ 1881 году. Къ ней съ трехъ сторонъ примыкаетъ тѣнистый и довольно опрятно содержимый садъ. Подлѣ сада происходитъ торгъ разными съѣстными припасами и продуктами на столикахъ и въ палаткахъ, сбитыхъ изъ досокъ на живую руку. Послѣднія своимъ видомъ производятъ неособенно пріятное впечатлѣніе... Изъ зданій, находящихся на площади, обращаетъ на себя вниманіе одинъ магистратъ, съ башнею и часами. Старыхъ зданій въ Августовѣ нѣтъ, несмотря на то, что онъ старый городъ. Сигизмундъ-Августъ въ 1561 году основалъ его и далъ ему свое имя. Съ тѣхъ поръ Августовъ неоднократно горѣлъ. Послѣдній сильный пожаръ былъ въ 1881 году, когда выгорѣла почти половина города. Въ качествѣ единственнаго памятника сѣдой старины сохранилась какимъ-то чудомъ маленькая деревянная, бывшая уніатская, церковь на берегу озера. По преданію, она ровесница унії. Въ настоящее время въ ней отправляется православное богослуженіе. Мѣстный римско-католическій костелъ, построенный въ 1847 году,—каменный, съ двумя башнями и quasi-классическимъ фронтономъ. Невеликъ и какъ въ архитектурномъ, такъ и въ историко-археологическомъ отношеніяхъ ничѣмъ не выдается. Костелъ стоитъ на Длугой улицѣ. Улица—дѣйствительно длинная. Застроена порядочными домами. Тротуары изъ бетона и асфальта. Обсажена деревьями. Изъ послѣднихъ многія уже засохли, но все же видно, что когда-то кто-то заботился объ украшеніи города. Улица упирается въ зданіе почты. Оригинальны эти старинные почтовые дома блаженной памяти 1840-хъ годовъ! Каменный одноэтажный продолговатый домикъ съ крыльцомъ по серединѣ, по обѣ стороны его по одному такому же, симметрически расположенному, домику меньшихъ размѣровъ квадратной формы. Такой ужъ былъ казенный типъ почты, и много-много разъ встрѣчалъ я его, странствуя по городамъ и весямъ Польской земли.

Напротивъ почты, въ направленіи къ шлюзу и подъемному мосту,—продолговатый скверъ съ молодыми деревьями, огорожен-

ный деревянную рѣшеткою и сверхъ послѣдней еще обтянутый англійскою проволокою съ колючками. Замѣтивъ посерединѣ сквера черную колонну на четырехугольномъ пьедесталѣ, увѣнчанную вызолоченнымъ двухглавымъ орломъ, мы поняли, что это какой-то памятникъ. Заинтересовались имъ. Пошли искать входа въ садикъ. Нашли, но онъ оказался запертымъ солиднымъ висячимъ замкомъ.

Колонна въ Августовѣ въ память событій 17-го октября 1888 года.

Обошли вокругъ сада. Нашли другой входъ. Тоже запертъ. Разочаровавшись въ попыткахъ попасть въ скверъ, мы рѣшили путемъ разспросовъ прохожихъ удовлетворить свое любопытство и узнать, какой это памятникъ? Спросили солдата. «Не можемъ знать!» Спросили двухъ статскихъ—одного еврея, а другого, повидимому, христіанина. Не знаютъ—«не здѣшніе». Наконецъ, подкараулилъ я прохожаго солдата-еврея. Ужъ этотъ-то, думаю, навѣрное знаетъ! Не тутъ-то было. Опять: «не могу знать».

- Пускаютъ лихоть когда ипбудь въ садикъ-то?—спрашиваю его.
- А какъ же-съ.
- Да когда же?
- Вечеромъ.

Переглянулись мы со спутникомъ, покачали головами и побрели обратно по той же Длугой улицѣ къ своему «отелю».

И только въ фотографіи, куда мы зашли купить виды Августова, узнали, что колонна въ скверѣ противъ почты поставлена въ память избавленія покойнаго государя съ семействомъ отъ опасности при крушеніи поѣзда близъ станціи Борки 17 октября 1888 года. Зато добыть виды Августова удалось не безъ труда. Въ фотографіи намъ не хотѣли ихъ продать, потому что «снимать видовъ здѣсь не позволяютъ» (разумѣется: власти, но какія—мѣстныя или губерскія,—мы не допытывались), и въ продажѣ имѣются лишь виды магистрата, по униатской церкви да помянутой выше колонны, которые мы и приобрѣли, кстати сказать, за очень высокую цѣну. Въ заключеніе любезный фотографъ еврей показалъ намъ портретъ современнаго сувалкскаго губернатора, котораго онъ «удостоился снимать». Разсматривая изображеніе г. Арцимовича, я любопытствовалъ узнать, нѣтъ ли портретовъ его предшественника, Э. А. Ватаци, моего сослуживца по Плоцку въ 1893—1897 гг. Портретовъ г. Ватаци не оказалось. Но взамѣнъ ихъ фотографъ съ гордостію показалъ фотографію архіепископа холмско-варшавскаго Иеронима, снятую во время посѣщенія владыкою Августова.

Выйдя изъ фотографіи и побродивъ еще по городу въ напрасныхъ поискахъ мало-мальски порядочнаго ресторана, гдѣ бы можно было утолить голодъ, и не найдя такого ¹⁾, мы въ 5-мъ часу вечера покинули Августовъ.

II.

Окрестности Августова.—«Багратионовскій штабъ». Памятникъ князю Багратиону.—Сувалки.—С.-Петербургскій проспектъ.—Городской садъ.—Деревянные панели.—Обиліе пыли.—Недостатокъ историческихъ памятниковъ.—Два слова о прошломъ и настоящемъ Сувалокъ.

Отъ Августова до Сувалокъ считается 29 верстъ. Дорога—то же варшавско-ковенское шоссе. При самомъ выѣздѣ изъ города мы переѣхали каналъ по подъемному деревянному мосту. У моста шалила орда ребятишекъ, качаясь на мостовыхъ блокахъ. По ту сторону канала начинается великолѣпная аллея. Налѣво—казацкія казармы. Казачій № 2-й полкъ уже испоконъ вѣка стоитъ въ Августовѣ.

¹⁾ И это въ городѣ чуть ли не съ 16-ти-тысячнымъ населеніемъ (L. de Verdmon Jacques: Monografia miast w Król. Pols., Warsz., 1902, 2), въ которомъ стоятъ два полка, и подлѣ котораго проходитъ желѣзная дорога изъ Сувалокъ въ Гродно!

Едва миновали ихъ, какъ на 3-й верстѣ, справа потянулись постройки «Багратионовскаго штаба». Здѣсь расквартированъ 104-й пѣхотный Устюжскій, носящій имя князя Багратиона, полкъ. Среди большого лѣса, на очищенномъ отъ деревьевъ пространствѣ, расположенъ рядъ казарменныхъ помѣщеній барачной системы. Между постройками, на полянкѣ, служащей полковымъ учебнымъ плацежт, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ дороги—памятникъ князю П. И. Багратиону (р. 1765 † 1812 г.). На пьедесталѣ изъ краснаго финляндскаго гранита бронзовый бюстъ героя Шенграбена и Бородина, работы Германа Брахмана въ Петербургѣ. На лицевой сторонѣ пьедестала надпись: «7 Егерскій, нынѣ 104-й пѣхотный

Римско-католическій костель въ Сувалкахъ.

Устюжскій, генерала князя Багратиона полкъ своему шефу». Ниже— «Въ память 100-лѣтїя полка». Между этими надписями фамильный гербъ князя Багратиона изъ темной бронзы. На остальныхъ граняхъ пьедестала помѣщены названія мѣстъ славныхъ битвъ багратионовскихъ егерей. Къ памятнику ведутъ бетонныя ступени. По угламъ поставлены четыре шестифунтовыя французскія пушки, изъ числа отбитыхъ въ войну 1812 года. Все это обнесено оградой, по угламъ которой фонари. Памятникъ воздвигнуть съ высочайшаго соизволенія въ ознаменованіе вступленія 17-го мая 1897 г. Устюжскаго полка во второе столѣтіе своего существованія. Сооруженъ на средства офицеровъ и классныхъ чиновниковъ полка при

личномъ трудѣ нижнихъ чиновъ. Торжественно открытъ 6-го декабря 1897 года.

Лѣсъ понемногу рѣдѣетъ. Сзади его открывается озеро. По берегу озера вѣтся лентою плотно желѣзной дороги. Вотъ оно приближается къ шоссе, по которому мы ѣдемъ, вдругъ опускается внизъ и пропадаетъ гдѣ-то въ тоннелѣ подъ землю, снова опять появляется, и на этотъ разъ скрывается въ лѣсу... Вообще пространство между Августовымъ и Сувалками представляетъ, особенно въ лѣтнее время, очаровательный видъ. Горы, долины, лѣса и озера разнообразятъ развертывающуюся передъ глазами путешественника картину.

Снова пошелъ густой лѣсъ. Онъ тянется почти до самыхъ Сувалокъ.

Въ 3-хъ верстахъ до города лѣсъ прерывается. По правой рукѣ—рядъ казармъ, лазаретовъ, магазиновъ и т. п. Это—мѣсто расположенія стоящихъ въ Сувалкахъ войскъ: двухъ кавалерійскихъ полковъ, четырехъ стрѣлковыхъ и артиллерійскихъ батарей—двухъ конныхъ и двухъ пѣшихъ. Вдоль линіи зданій, параллельно шоссе, идетъ бульваръ. Противъ казармъ, по обѣ стороны дороги, разставлены столбы съ фонарями усовершенствованнаго освѣщенія системы Галкина.

Шоссе кончается, начинается улица. Она идетъ подъ гору и носить громкое названіе С.-Петербургскаго проспекта. Проспектъ проходитъ черезъ весь городъ и составляетъ собственно ядро Сувалокъ. Всѣ прочія немногочисленныя улицы концентрируются около него. На С.-Петербургскомъ проспектѣ сосредоточены, можно сказать, всѣ Сувалки—религіозныя, общественныя, административныя и торгово-промышленныя. Здѣсь вы найдете евангелическую кирку, православный соборъ и римско-католическій костелъ. Кирка построена въ 50-хъ годахъ минувшаго столѣтія. Православный соборъ, во имя Успенія Богоматери, сооруженъ въ 1840 году. Приходскій костелъ святого Александра въ дорическомъ стилѣ выстроены на мѣстѣ прежняго, деревяннаго, между 1820—1825 гг. Между костеломъ и соборомъ, на мѣстѣ стараго кладбища, разбитъ городской садъ. Садъ тѣнистъ, но цвѣточныхъ клумбъ и газоновъ не видать. Зато есть нѣсколько бесѣдокъ и павильонъ «лѣтняго помѣщенія сувалскаго общественнаго собранія», приспособленный, въ случаѣ надобности, для открытой сцены. Одно меня удивило—это присутствіе въ саду легкокрылыхъ созданій низшаго разбора въ ранніе утренніе часы... Ужъ такой «эмансипаціи» я не встрѣчалъ даже въ заграничныхъ «Вавилонахъ»... Вотъ тротуаръ передъ садомъ изъ бетона такой, что ему могъ бы позавидовать Петербургъ, о Москвѣ уже и не говорю. Заговоривъ о сувалскихъ тротуарахъ, я долженъ упомянуть и о знаменитыхъ въ своемъ родѣ панеляхъ изъ деревянныхъ досокъ, положенныхъ другъ подлѣ

Храмъ бывшаго монастыря камедуловъ въ Виграхъ.

друга горизонтально. Идя по такому тротуару, надо, какъ говорится, смотрѣть въ оба. Доски отъ продолжительнаго лежанія на землѣ гниютъ, коробятся, гвозди, которыми онѣ прибиты къ брусьямъ, выходятъ наружу. Наиболѣе страдающею отъ этихъ панелей стороною является прекрасная половина рода человѣче-

скаго, имѣющая, какъ извѣстно, слабость подметать улицы шлейфами своихъ платьевъ. Впрочемъ, со стороны городского управления замѣтно желаніе уничтожить знаменитыя деревянныя панели, замѣняя ихъ исподволь бетонными или асфальтовыми. Не мѣшало бы заодно привести въ порядокъ и мостовую булыжную, съ ужасными выбоинами, источникъ грязи послѣ дождя и пыли въ сухую погоду. Пыль стоитъ густымъ облакомъ надъ проспектомъ, такъ что деревья, которыми онъ обсаженъ по обѣ стороны—липы, клены, акаціи, каштаны, кажутся совершенно сѣрыми, а вечеромъ огни фонарей Галкина мерцаютъ, словно сквозь туманъ, какими-то свѣтящимися точками. Пыль положительно засыпаетъ Сувалки. Находясь въ ложбинѣ, городъ окруженъ со всѣхъ сторонъ на довольно значительномъ протяженіи холмами сыпучихъ песковъ. При малѣйшемъ вѣтрѣ поднимаются тучи песку и летятъ на Сувалки. На С.-Петербургскомъ проспектѣ находятся: полицейское управление, магистратъ, почтовая контора, губернское правленіе, окружной судъ, губернаторскій домъ; въ двухъ шагахъ отъ проспекта—обѣ гимназіи, мужская и женская. Лучшіе магазины, рестораны, кондитерскія, гостиницы также сосредоточены здѣсь. Гостиницы почти всѣ подъ рядъ: «Англійская», «Парижская», «Европейская», «Украинская», «Грандъ-отель», «Римская». За полтора рубля въ сутки мы имѣли очень помѣстительный и приличный номеръ въ «Европейской гостиницѣ». Въ этомъ же самомъ домѣ, внизу, помѣщается ресторанъ Тышкѣвича, съ обстановкою и сервировкою на столичный манеръ. Однако, поданный намъ шницель по-вѣнски оказался только большимъ кускомъ плохо изрубленной и наскоро поджаренной телятины. Кулинарное искусство въ изготовленіи его участія не принимало.

Для историка Сувалки не представляютъ никакого интереса. Историческихъ памятниковъ здѣсь рѣшительно нѣтъ никакихъ, хотя городъ и существуетъ съ XV вѣка. Первоначально это было мелкое литовское поселеніе. Въ XVIII столѣтіи оно, подъ именемъ Сувалокъ, составляло собственность Вигерскаго монастыря. Когда селеніе разрослось, король Августъ II далъ Сувалкамъ городскія права. Въ 1816 году Сувалки стали главнымъ городомъ Августовскаго воеводства, а послѣ преобразованія мѣстнаго управленія, въ 1837 г., губернскимъ городомъ прежде Августовской, нынѣ Сувалкской, губерніи. Въ настоящее время по количеству постоянного населенія (22.700 д.) Сувалки занимаютъ въ ряду губернскихъ городовъ края чуть ли не послѣднее мѣсто. Фабрикъ и заводовъ очень мало, и дѣятельность ихъ ограничивается предѣлами мѣстной потребности.

Главный алтарь въ бывшемъ монастырскомъ храмѣ въ Виграхъ.

III.

Сувалкскіе извозчики.—По пути въ Вигры.—Вигры. Происхождение ихъ наименованія. Исторія возникновенія монастыря камедуловъ. Значеніе его въ исторіи цивилизаціи. Эпоха процвѣтанія. Паденіе Вигеръ.—Вигерская епархія.— Черта мѣстныхъ нравовъ.

Собираясь въ Вигры, мы договорились съ извозчикомъ. Отъ Сувалокъ до Вигеръ—13 верстъ. Извозчикъ взялъ съ насъ въ оба конца 2 рубля 75 коп. Интересны сувалкскіе извозчики: въ поддевахъ русскаго покроя, подпоясанныхъ краснымъ кушакомъ, въ приплюснутыхъ «ямщицкихъ» шляпахъ. Большинство въ одну лошадь. Упряжь съ дугою. Впрочемъ, нашъ возница былъ парюю, одѣтъ въ армякъ, на головѣ у него была шапочка, какъ у ямщиковъ, по наружности отставной солдатъ, по-русски говорилъ не дурно. «Вигерскою улицею», мимо базарной площади, мы лихо выкатили за городъ. Дорога лежитъ среди песчаныхъ холмовъ. Переѣхали полотно желѣзной дороги. Показался лѣсъ. Чѣмъ дальше мы углубляемся въ него, тѣмъ гуще онъ становится. Картина мѣстности дѣлается разнообразнѣе. Вотъ мы поднимаемся на гору. Видъ отсюда великолѣпный. Не успѣли мы налюбоваться имъ, какъ экипажъ летитъ уже внизъ по крутому спуску, и мы снова между двумя стѣнами гигантскихъ елей и сосенъ... При поворотѣ налѣво, вдали направо, показываются двѣ башни костела.

— Вигры!—указываетъ рукою извозчикъ.

Дорога пошла по открытому мѣсту. Направо разстилается озеро. Оно подходитъ къ самой дорогѣ. Отъ самаго берега, далеко вдаваясь въ воду, тростниковая заросль.

Вотъ водяная мельница. Отсюда прекрасно виденъ костель на горѣ, окруженной водою. Богомольцы изъ Сувалокъ и окрестныхъ деревень значительно сокращаютъ путь, отъ мельницы переѣзжая озеро на лодкахъ. Но для того, чтобы попасть въ Вигры сухимъ путемъ, намъ предстоитъ сдѣлать крюкъ около двухъ верстъ по сыпучимъ пескамъ. Оставили за собою пески и выѣхали на длинную топкую гать, заливаемую въ половодье водою. Ее насыпали камедулы два съ половиною вѣка назадъ, чтобы облегчить сообщеніе острова съ материкомъ. Пока мы приближаемся къ пѣли нашего путешествія, монастырскій храмъ все время остается передъ нашими глазами, сверкая на солнцѣ золотомъ своихъ крестовъ. Но вдругъ онъ исчезаетъ: мы уже на твердой землѣ подъ горою. Костель теперь надъ нами. Поднимаясь на гору, припомнилъ я свою поѣздку въ 1900 году на Бѣляны подъ Краковомъ, къ тамошнимъ камедуламъ: такая же крутая гора, такая же лѣсистая мѣстность, и даже тотъ костель походить нѣсколько на вигерскій. Да и судьба камедуловъ краковскихъ, вигерскихъ, а также и вар-

шавскихъ (на Бѣлянахъ, въ 6 верстахъ отъ города), находится въ тѣсной связи между собою. Краковскіе камедулы положили начало Виграмъ въ XVII вѣкѣ, а съ именемъ варшавскихъ связывается конецъ послѣднихъ въ XIX столѣтіи.

Происхожденіе слова Вигры объясняютъ различно. Авторъ «Путешествія по Августовской губерніи» Александръ Полуянскій производитъ его отъ литовскаго слова *wiga*, что значитъ «мужъ», «старецъ-патріархъ». Мѣсто, гдѣ возникъ монастырь, было дикое, лѣсистое, пустынное, для охоты благодарное. Сюда пріѣзжали на ловы и великіе князья литовскіе и короли польскіе. По словамъ преданія, Владиславъ Ягелло, просвѣщенный св. крещеніемъ, отправляясь, съ огромною свитою, въ свою новую столицу, Краковъ, на пути приказалъ сдѣлать стоянку и вздумалъ поохотиться. Охотники отправились на розыски звѣрей, партіями, въ разныя стороны. Одна партія попала на островъ, окруженный водами огромнаго озера. Звѣрей и дичи было пропасть! Доложили Ягеллѣ. Сдѣлали облаву. Трофеевъ охоты была масса: зубровъ, лосей, оленей, кабановъ. Во время пира, устроеннаго послѣ охоты, нѣкоторые изъ охотниковъ-поляковъ, передавая другъ другу впечатлѣнія о томъ, что они видѣли на островѣ, упомянули, между прочимъ, о двухъ отшельникахъ-литвинахъ, которыхъ они нашли на вершинѣ горы и съ которыми не могли разговориться. Ягелло, услышавъ это, отправился, въ сопровожденіи нѣсколькихъ придворныхъ, на гору. Отыскалъ отшельниковъ-старцевъ. Поговорилъ съ ними по-литовски. Обѣщалъ имъ свое покровительство, въ случаѣ, если бы они пожелали оставить пустынный островъ. Старцы поблагодарили короля. Сказали, что они довольны своимъ настоящимъ положеніемъ, большаго не желаютъ и просили позволить имъ остаться на томъ мѣстѣ до смерти. Придворные, слыша часто повторяемое королемъ въ разговорѣ со старцами слова *wiga*, назвали островъ «Wigu». Со временемъ названіе это было передѣлано въ «Wiggu» и въ этомъ видѣ сохранилось до настоящаго времени. Озеро, окружающее островъ (въ настоящее время полуостровъ), называется Вигерскимъ. Тотъ же Ягелло позже едва не погибъ въ вигерскихъ лѣсахъ. Вотъ какъ объ этомъ рассказываетъ современная хроника. Въ 1418 году король былъ на Литвѣ и, проведя праздники Рождества Христова въ Меречѣ, возвращался уже въ Польшу. Когда Ягелло, охотясь, углубился въ вигерскіе лѣса, прибылъ къ нему изъ Растенбурга комтуръ ¹⁾ ордена Тевтонскихъ рыцарей, съ тремя только оруженосцами, подъ видомъ посольства. На самомъ же дѣлѣ онъ хотѣлъ выслѣдить, насколько была сильна стража при королѣ, и захватить послѣдняго. О замыслахъ тевтона догадались. Разослали дозорныхъ во всѣ стороны;

¹⁾ Komtur, komtor — командоръ.

«Истор. вѣстн.», сентябрь, 1904 г., т. xcvi.

король сейчасъ же выѣхалъ въ дер. Янчу. А когда литовскіе разбѣды донесли, что замѣтили въ засадѣ 50 всадниковъ-рыцарей, король немедленно оставилъ деревню и, проѣхавъ на саняхъ ночью 12 миль, остановился у Августовскаго озера (Metis), откуда на другой день благополучно воротился въ Гродно.

Въ XV и XVI вѣкахъ о Виграхъ совсѣмъ не слышно.

Въ XVII столѣтіи прибыли изъ Кракова тамошніе камедулы и поселились на островѣ. Послѣдній вмѣстѣ съ озеромъ привилеемъ Яна-Казимира, отъ 6 января 1667 г., отданъ имъ во владѣніе. Значительныя средства король назначилъ на постройку для нихъ костела и монастыря. Цѣль этой фундаціи выражена въ слѣдующихъ словахъ привилея: «умолить Бога молитвами мужей благочестивыхъ, дабы отвратилъ Онъ постоянныя несчастія, каковыя отягчаютъ страну въ наше государствованіе». На обязанности 12-ти, поселившихся на Виграхъ, монаховъ лежало отправленіе въ извѣстные дни обѣдни (mszy) за короля, королеву Марію-Людвигу и за королевича Карла ¹⁾. Сеймъ утвердилъ эту фундацію ²⁾. Монахи окружили свои владѣнія высокою, толщиною въ нѣсколько саженъ, каменною стѣною и понадѣлали изъ кирпича множество погребовъ. Существуетъ преданіе, что они устроили подъ озеромъ подземный ходъ, посредствомъ котораго можно было выйти изъ монастыря въ ближайшій лѣсъ. Жили камедулы въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ: у каждаго былъ свой домикъ (egem) ³⁾, съ капличкою и алтаремъ, а передъ домикомъ—садикъ, т.-е. такъ, какъ и теперь мы видимъ на краковскихъ Бѣлянахъ. При помощи выписанныхъ изъ-за границы мастеровъ камедулы выстроили величественный монастырскій храмъ во имя Пресвятой Дѣвы. Но этимъ не кончилась дѣятельность камедуловъ. Авторъ описанія Вигеръ въ «Географическомъ словарѣ» ⁴⁾ справедливо сравниваетъ ее съ цивилизаторскою миссіею средневѣковыхъ обитателей. Благодаря настойчивости, труду и энергіи монаховъ, на монастырской землѣ, омываемой водами пустыннаго озера, возникли: горные, стеклянные и поташные заводы ⁵⁾, бумажныя фабрики, развилось рыболовство. Монахи выписали мастеровъ изъ Англіи, Італіи и Пруссіи, и въ самомъ монастырѣ появились: аптека, типографія, мастерскія столярная, ткацкая, часовая и т. п. Августъ II на сеймѣ 1717 года освободилъ монастырь отъ постоя войскъ и отъ гиберны ⁶⁾, а черезъ

¹⁾ Metr. Lit. kon. кн. 410, л. 1513.

²⁾ Vol. leg. IV, л. 1004.

³⁾ Отъ eremus—пустыня.

⁴⁾ Słownik geograficzny król. Polsk., wydany przez B. Chlebowskiego. «Wigry».

⁵⁾ Масса поташу шла изъ Вигеръ въ Англію водою черезъ Мемель.

⁶⁾ Hiberna—подать, которую въ древней Польшѣ платили въ казну крестьяне королевскихъ и духовныхъ имѣній, и которая шла на жалованье войску въ зимнее время.

9 лѣтъ, привилеемъ отъ 18 іюля 1725 г., подтвердилъ фундацію 1667 года ¹⁾. По свидѣтельству современныхъ историковъ, Вигры въ XVIII столѣтіи походили на княжескій замокъ; имѣнія, принадлежавшія къ нимъ, составляли отдѣльный уѣздъ (powiat). Во время владѣнія пруссаковъ Виграми, послѣдніе составляли особый округъ — Wigrischer Kreis. Камедулы оставались на Виграхъ до XIX столѣтія. Въ 1800 году прусское правительство перевело ихъ на Бѣяны подъ Варшавою, гдѣ со временъ Владислава IV существовалъ монастырь ордена камедуловъ, а имущество забрало въ пользу казны. Тогда епископъ *in partibus infidelium* Михайлъ Карповичъ, по соглашенію съ папою, добился у правительства открытія особой Вигерской епархіи. Покамедульскій костель былъ возведенъ на степень кафедральнаго, монастырь сталъ резиденціею епископа, которымъ остался тотъ же Карповичъ, и мѣстопробываніемъ кафедральнаго капитула. Но недолго существовала Вигерская епархія. По смерти Карповича, его преемникъ Янъ-Клеменсъ Голашевскій († 1820 г.) перенесъ епископскую кафедру въ Сейны. Папская булла переименовала Вигерскую епархію въ Августовскую. Костель сталъ приходскимъ и постепенно началъ приходить въ упадокъ. Многіе наиболѣе цѣнные изъ предметовъ, ему принадлежавшихъ, были вывезены въ Сувалки и Сейны. Немало утвари еще раньше взяли съ собою на Бѣяны монахи-камедулы. Тѣмъ не менѣе и теперь еще есть, на что посмотреть въ Виграхъ.

Между тѣмъ нашъ экипажъ обогнулъ гору. Мы приказали возницѣ остановиться противъ костела. Яркое осеннее солнце, клонившееся уже къ закату, обливало его своими могучими лучами съ двухъ сторонъ. Моментъ для фотографіи самый благопріятный, и я спѣшилъ воспользоваться имъ. При содѣйствіи проходившаго мимо мужичка, владѣльца ближайшей хаты, аппаратъ былъ установленъ, и снимки быстро сдѣланы. Тотъ же мужичекъ былъ посланъ съ моею визитною карточкою и съ докладомъ о моемъ пріѣздѣ къ ксендзу-настоятелю. Любопытная черта мѣстныхъ нравовъ: прежде чѣмъ итти къ настоятелю, крестьянинъ пошелъ домой умыться и переодѣться, о чемъ и заявилъ намъ. Онъ шелъ съ работы—былъ босъ, и вообще костюмъ его находился въ большомъ безпорядкѣ. Какъ же онъ можетъ итти въ такомъ видѣ къ ксендзу-пробощу!

¹⁾ Постан. сейма 1726 г. въ Vol. leg. VI, 496.

IV.

Помонастырскій костелъ. Его описаніе.—Главный алтарь.—Боковые алтари.—Надгробія.—Ризница и библиотека.—Замки съ секретомъ.—Жизань на Виграхъ зимою.—Вигерское озеро.—Рыба сея.—Откуда она взялась, или какъ монахъ-камедуль перехитрилъ чорта.—Ловля сеи.—Садъ.—У настоятеля.—Историческіе портреты.—Черезъ озеро на «Камедулъ».—Заключеніе.

Пока старикъ ходилъ домой мѣнять свой туалетъ, а оттуда къ ксендзу, мы занялись осмотромъ помонастырскаго храма, сравнивая современный его видъ съ тѣмъ, какимъ мы видали его на старинныхъ картинахъ и гравюрахъ, и какимъ онъ былъ еще въ концѣ 50-хъ годовъ минувшаго столѣтія.

Противъ насъ, на террасѣ, на которую ведетъ широкая каменная лѣстница, возвышается костелъ въ чистомъ тосканскомъ стилѣ, увѣнчанный двумя высокими башнями. Въ древности, со стороны вѣзда на островъ, стояла высокая башня изъ мрамора, съ часами. По сторонамъ костела были постройки. Въ одной изъ нихъ, носившей названіе канцелярской часовни (*kaplica kancelerska*), имѣли обыкновение проводить остатокъ дней своихъ пріѣзжіе магнаты. Теперь и слѣда не осталось отъ прежнихъ зданій. Сохранился одинъ только домъ, служащій въ настоящее время плебанію, т.-е. въ немъ живутъ ксендзъ-настоятель со своимъ викаріемъ и костельная прислуга.

При нашемъ приближеніи къ плебаніи ксендзъ-настоятель вышелъ къ намъ навстрѣчу. За нимъ стоялъ крестьянинъ, ходившій къ нему съ моею карточкою. Мы его теперь съ трудомъ узнали: на немъ была новая сукмана, изъ-подъ которой выглядывала чистая рубаха, на ногахъ сапоги, въ рукахъ онъ держалъ шапку. Я еще разъ отрекомендовался ксендау и представилъ ему своихъ спутниковъ, изъ которыхъ одинъ былъ ломжинянинъ, а другой сувалчанинъ, до сихъ поръ никогда въ Виграхъ не бывавшій. Ксендзъ Людовикъ Адамовичъ немедленно послалъ за ключами, и черезъ нѣсколько минутъ мы въ сопровожденіи настоятеля уже ходили въ костелъ.

Костелъ прежде всего производитъ пріятное впечатлѣніе обиліемъ свѣта. Дѣлится вдоль на три навы. Боковые навы заняты алтарями. Послѣднихъ одиннадцать. Изъ нихъ: 9 въ костелѣ, 1 въ сакристіи и 1 въ капитуляріи, т.-е. въ помѣщеніи, въ которомъ происходили собранія соборнаго капитула. Главный алтарь — рѣзной (*à jour*) работы. По удаленіи изъ Вигеръ камедуловъ, когда костелъ передѣлывали въ каедральный, въ видахъ увеличенія пространства передъ алтаремъ, алтарь отодвинули къ самой стѣнѣ. Благодаря обилію густо вызолоченныхъ рѣзныхъ украшеній, послѣднія сливались въ одно цѣлое. Но вотъ одному изъ настоятелей пришла въ голову счастливая мысль подбить рѣзбу сзади ма-

терией пунсоваго цвѣта. Образъ въ этомъ алтарѣ—«Взятіе Божіей Матери на небо», кисти Франц. Смуглевича (1745—1807),—къ сожалѣнію испорченъ при реставраціи. Неумѣлый реставраторъ настолько густо покрылъ его лакомъ, что, когда смотрите снизу, то вмѣсто лика Пресвятой Дѣвы видите какіе-то мазки. Массивная баллюстрада изъ чернаго мрамора отдѣляетъ часть, примыкающую къ главному алтарю—presbyterium—отъ остальной части храма. Боковые алтари обращаютъ на себя вниманіе своими запрестольными образами, скульптурными украшеніями и росписью своихъ сводовъ. Въ алтарѣ св. Бенедикта образъ этого святого—кисти Смуглевича. Алтарь св. Ромуальда—изъ керамики. Колонны между помннутыми алтарями—изъ кусковъ разноцвѣтнаго мрамора. Большая часть алтарей восстановлена въ послѣднее время, безъ всякихъ измѣненій и ненужныхъ добавленій. Въ каменномъ полу по серединѣ костела—плита съ надписью:

Dies mei breviabuntur, et solum mihi superest sepulchra. Iob., 17¹⁾.

Это входъ въ катакомбы, мѣсто погребенія камедуловъ. Входъ въ настоящее время закрытъ наглухо. Еще не такъ давно было можно осматривать останки монаховъ. Почему-то сложилось мнѣніе, будто многіе изъ покойниковъ похоронены вмѣстѣ съ цѣнными вещами. Слухъ объ этомъ смуцалъ многихъ—любителей чужой собственности въ особенности. И вотъ при осмотрѣ гробницъ посетители, ничѣмъ не стѣняясь, шарили въ гробахъ и нарушали покой умершихъ. Желая положить предѣлъ безчинію, настоятель приказалъ заложить входъ въ подземелье. Въ числѣ погребенныхъ тамъ находится и набальзамированный трупъ перваго и единственнаго вигерскаго епископа Карповича, умершаго въ 1805 году. Надѣво отъ главнаго входа, тоже въ полу, помѣщается надгробная плита угасшаго и нынѣ никому неизвѣстнаго рода Варкоевъ. На плитѣ читаемъ:

D. O. M.

*Wiekuisty imienia Ichnościów Panów Warkoiów od daty dnia
18 Aug. Roku 1724²⁾.*

Есть еще одна такая же плита въ капитуляріи передъ алтаремъ Распятаго, съ надписью:

D. O. M.

Beati mortui, qui in Domino moriuntur, opera enim eorum sequuntur illos, dicit Spiritus. Anno Domini 1715³⁾.

¹⁾ «Сокращаются дни мои, и только гробы предо мною». *Иова*, XVII.

²⁾ D. O. M., т. е.: Deo (Богу), Optimo (всєблагому), Maximo (великому). Вѣковѣчныя имена господъ Варкоевъ...

³⁾ «Блаженны мертвые, умирающіе въ Господѣ, ибо дѣла ихъ идутъ вслѣдъ за ними, говоритъ Духъ (*Апокалипсисъ* св. Іоанна, XIV, 13). Лѣта Господня...».

Въ ризницѣ и библіотекѣ, когда-то богатыхъ, почти ничего примѣчательнаго не осталось. Видѣли мы двѣ старыя, тканыя серебромъ, ризы, мѣдную старинную монстранцію (дароносица), настолько искусно высеребренную, что ее не легко отличить отъ серебряной, и распятіе, написанное на зеркалѣ, вставленномъ въ зеркальную раму. Библіотека—рукописи, акты и книги—перевезена въ Сейны. Вообще при переименованіи Вигеръ въ епископскую кафедру произошелъ, если можно такъ выразиться, разгромъ костела и монастыря. Все, что только было мало-мальски цѣннаго, и что можно было забрать,—было забрано. Слѣды хищенія видны до сихъ поръ. На стѣнахъ presbyterium'a, по сторонамъ главнаго алтаря, висятъ двѣ громадныя размѣровъ скульптурныя рамы. Но картинъ въ нихъ нѣтъ. Гдѣ онѣ?—неизвѣстно. Часть картинъ и паникадила взяты въ сувалкскій костелъ. Тамъ же украшаютъ нынѣ лѣстницу костела двѣ огромныя статуи—свв. Бенедикта и Ромуальда. Немало предметовъ, принадлежавшихъ вигерскому монастырю, можно встрѣтить въ бѣлянскомъ костелѣ подъ Варшавою. Ксендзу Адамовичу удалось разыскать среди монастырскаго хлама нѣсколько прекрасныхъ портретовъ. Онъ ихъ тщательно отреставрировалъ и хранитъ, какъ драгоценность, у себя въ плебаніи. Объ нихъ я скажу ниже. При посѣщеніи нами сакристіи словоохотливый о. настоятель обратилъ наше вниманіе на несовсѣмъ обыкновенное устройство запоровъ и замковъ въ дверяхъ костела. Каждая дверь, кстати сказать, дубовая, солидной толщины, запиралась внутреннимъ замкомъ съ секретомъ, такъ что, даже и имѣя ключъ, не всякій могъ ее открыть. Надъ одной изъ такихъ дверей онъ при насъ сдѣлалъ опытъ. Существуетъ разсказъ, что, когда епископъ Карповичъ получилъ отъ прусскаго правительства въ завѣдываніе вигерскій костелъ, и монахи должны были удалиться изъ Вигеръ, епископъ потребовалъ отъ камедуловъ выдачи ему ключей. Требованіе было, разумѣется, исполнено, и «ключами нагрузили цѣлый возъ». Но какъ ни старались преемники камедуловъ попасть въ запертыя помѣщенія—не могли. Въ результатъ было рѣшено пригласить опытныхъ гданскихъ слесарей открыть двери, а на будущее время, оставивъ прежніе замки на мѣстѣ, устроить рядомъ съ ними обыкновенные, что мы и видимъ въ настоящее время.

Изъ костела мы снова вышли на окружающую его террасу. Последняя ограждена невысокою кирпичною стѣнкою. Въ древности тутъ и по уклонамъ горы стояли монашескія келліи, дворецъ епископа и домъ для пріѣзжихъ. Долго еще можно было видѣть остатки этихъ строеній. Окончательно они разобраны, вѣрнѣе—расхищенъ строительный матеріалъ, въ 1880-хъ годахъ минувшаго столѣтія. Намъ показывали въ Сувалкахъ домъ, выстроенные изъ кирпича, вывезеннаго отсюда...

Что за чудный видъ открывается съ террасы! Внизу съ трехъ сторонъ огромное озеро... Вдали на горизонтѣ синѣютъ лѣса... Тамъ,

гдѣ-то далеко-далеко, какъ бы въ туманѣ, виднѣются красныя крыши, бѣлѣютъ какія-то башни... Это Сейны,—объясняетъ намъ о. Адамовичъ, прибавляя, что отсюда до Сейнъ 18 верстъ. Вотъ гдѣ можно воскликнуть: какой просторъ!

— Чудно здѣсь,—какъ бы угадывая наши мысли, продолжаетъ настоятель,—но только лѣтомъ, въ ясную и тихую погоду. Зато позднею осенью и зимою, какъ начнутъ завывать непрерывныя вѣтры, ударяя со страшною силою въ окна и стѣны, словно стараясь ниспровергнуть монастырскій храмъ въ озеро, а озеро разбушуетъ подъ аккомпанементъ бури,—жизнь здѣсь далеко нельзя назвать пріятною... Прибавьте къ этому, что иногда зимою Вигры бывають отрѣзаны отъ окружающаго міра.

— Какимъ же это образомъ?

— А вотъ, когда озеро затопитъ окружающую мѣстность, а замерзнуть не можетъ, отчасти благодаря быстротѣ воды, а отчасти вслѣдствіе отсутствія крѣпкихъ морозовъ.

— Что же, сообщенія тогда совершенно не бываетъ?

— Нѣтъ, сообщеніе и тогда при неотложной нуждѣ бываетъ посредствомъ лодокъ, съ опасностью жизни пловцовъ, и, разумеется, при этомъ безъ жертвъ не обходится.

— Что же собственно заставляетъ рисковать жизнію въ такую пору?—допытывались мы.

— Вы, вѣроятно, замѣтили вокругъ бывшаго монастыря группу хатъ. Владѣльцы и обитатели ихъ имѣютъ свои интересы, связывающіе ихъ съ селами, лежащими по ту сторону озера; тѣ въ свою очередь — съ ними. Въ данномъ случаѣ, на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены духовныя требы. Сколько разъ пришлось мнѣ и моему помощнику въ темную ночь, въ ненастную погоду, лавировать по волнамъ расхоловшагося озера въ утлой лодочкѣ, слѣдша съ духовнымъ утѣшеніемъ къ своимъ пасомымъ...

Вигерское озеро—одно изъ наиболѣе обширныхъ по пространству воды и наиболѣе глубокихъ озеръ въ царствѣ Польскомъ. Оно имѣетъ форму латинской буквы S. Длина его отъ деревни Тартакъ до деревни Гаврыхруда около 17 верстъ; ширина отъ $1\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ верстъ; глубина въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаетъ 150 футовъ. Цвѣтъ воды зеленоватый, напоминающій морскую воду.

Въ Вигерское озеро съ юга, у посада Цимоховизна, впадаетъ рѣчка Черная Ганча, которая потомъ выходитъ съ противоположной стороны, нѣсколько выше, подъ Дурдынишками. Прибрежныя заросли озера служатъ пріютомъ для дикихъ утокъ. Въ устьѣ Черной Ганчи ловятъ вкусныхъ форелей. Вигерское озеро славится обиліемъ рыбы. Есть въ немъ: сомы, угри, сельявы, леци и исключительно сея. Сея (*Coregonus magaena*) принадлежитъ къ семейству лососей, величиною достигаетъ 3 футовъ. Вѣсъ ея 4—6 фунтовъ. Мясо бѣлое, вкусное, нѣжное и питательное. Вишнія отличитель-

ныя черты ея: серебристая бѣлизна боковъ тѣла, короткая конусообразная голова, толстая тупая морда, верхняя щека длиннѣе нижней и сверху, почти вертикально, надрѣзана, всѣ плавники—темные, тѣло къ хвосту немного суживается. Живетъ въ большихъ и очень глубокихъ озерахъ сѣвера. Относительно появленія ея въ Вигерскомъ озерѣ существуетъ слѣдующая легенда. Одинъ изъ камедуловъ (должно быть, большой гурманъ!) вошелъ съ дьяволомъ въ договоръ, что, если послѣдній доставить ему изъ Англїи (?) за полчаса до полуночи рыбу сею, то получить за это его душу. Дьяволъ за полчаса до полуночи воротился въ Вигры изъ Англїи съ сеями подъ мышкою. Но монахъ перехитрилъ князя тьмы: онъ заблаговременно передвинулъ стрѣлку часовъ на монастырской башнѣ на полчаса впередъ. Едва сатана вернулся, какъ слышитъ часы бьютъ: разъ... два... три... Ну,—думаетъ нечистый,—четверги бьютъ... Но вотъ... шесть, семь и т. д. Наконецъ, двѣнадцать! Въ безсилой злобѣ, что жертва выскользнула изъ лапъ, дьяволъ такъ крѣпко сжалъ бѣдную рыбу, бросая въ воду, что кровь выступила у нея изъ-подъ жаберъ... Съ тѣхъ поръ у сеи около жаберъ красныя дятна...

Ловля сеи представляетъ большія трудности. Производится или глубокою осенью, когда сея собирается на отмеляхъ для метанія икры, или зимою при помощи подлѣдныхъ сѣтей. До послѣдняго времени ловля сеи въ Вигерскомъ озерѣ была запрещена. Сея издавна составляла исключительную собственность королевской кухни, почему и извѣстна въ народѣ подъ именемъ «царской рыбы». Только Вигерскому монастырю предоставленъ былъ сервитутъ—ловить ее для своихъ потребностей. Теперь Вигерское озеро состоитъ въ завѣдыванїи министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Держать его въ арендѣ евреи. Нельзя не пожелать, чтобы за арендаторами былъ установленъ самый тщательный надзоръ: иначе о сеѣ можетъ остаться только... прїятное воспоминаніе.

Полюбовавшись озеромъ, мы прошли въ монастырскій садъ. Онъ разбитъ по уступамъ террасы, на фундаментахъ бывшихъ строеній, о которыхъ упомянуто выше. Садъ еще молодой, плодъ рукъ теперешняго настоятеля, изобилуетъ цвѣтами и фруктами.

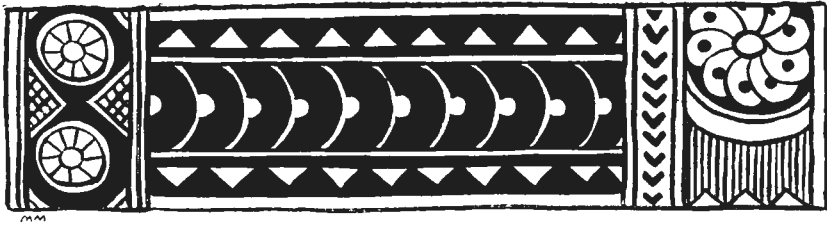
Изъ сада любезный о. настоятель попросилъ насъ къ себѣ въ домъ. Домъ, какъ я говорилъ, старый, остатокъ монастырскихъ построекъ, по всѣмъ признакамъ, сырой и холодный... Совсѣмъ не уютный. Но русская пословица говоритъ: «не красна изба углами, а красна пирогами». Радшіе хозяина заставило забыть о недостаткахъ помѣщенія. Выше я упомянулъ о нѣсколькихъ старинныхъ портретахъ, составлявшихъ собственность монастыря, которые удалось ксендзу Адамовичу спасти. Теперь они украшаютъ его гостиную. Это портреты: короля Яна-Казимира, его жены Марїи-Людвиги, короля Владислава IV, великаго гетмана великаго

княжества Литовскаго, Михаила Паца († 1682). Портреты цѣнны не только въ отношеніи сходства изображенныхъ на нихъ лицъ, но и въ отношеніи археологическомъ—со стороны подробностей костюмовъ XVII столѣтія. Тутъ же мы съ любопытствомъ разсматривали виды Вигеръ въ 1839 году и въ концѣ 50-хъ годовъ минувшаго столѣтія. Въ заключеніе нашей бесѣды гостепріимный хозяинъ попросилъ меня оставить свой автографъ въ его альбомѣ, испещренномъ именами лицъ, посѣтившихъ Вигры, что я, конечно, съ удовольствіемъ исполнилъ, обративъ въ своей записи вниманіе на добросовѣстное и достойное подражанія отношеніе о. Адамовича къ вѣренному ему историческому памятнику, какимъ является вигерскій костель.

При прощаніи ксендзъ Адамовичъ сталъ уговаривать меня перѣхать озеро, на его лодкѣ, къ деревнѣ Тартакъ, благодаря чему нашъ обратный путь въ Сувалки сокращался на двѣ версты. Хотя я не люблю ѣзды на лодкѣ, особенно въ вечернее время, но перспектива: сократить путь, прокатиться по Вигерскому озеру въ какомъ-то особенномъ катерѣ, имѣющемъ видъ парохода въ миниатюрѣ съ колесами, трубою и мачтою, была настолько заманчива, что я уступилъ. Экипажъ мы отправили впередъ и приказали кучеру ожидать насъ у мельницы. Въ катеръ, оказавшійся довольно помѣстительнымъ и носившій названіе «Camedula», сѣли ксендзъ, я, мои спутники, служанка ксендза въ роли рулевого и два солдатика, работавшіе въ тотъ день у настоятеля на огородѣ. Последніе лихо вертѣли колесо, замѣнявшее паровой двигатель. Катеръ быстро скользилъ, разсѣкая вигерскія волны. Полная луна серебрила оставляемый имъ слѣдъ. Оглядываясь назадъ, берегъ уже далеко, подернулся синевою, только видны еще башни костела. Налѣво выдвигается въ вечерней мглѣ мысъ Мышинаго острова, получившаго такое названіе отъ невѣроятнаго количества обитающихъ на немъ земляныхъ грызуновъ, которые продырявили, по рассказамъ, почву, какъ сито, своими норами и подземными коридорами. Скоро мы вошли въ прибрежный тростникъ и, ловко лагурия, достигли берега. Экипажъ насъ уже ждалъ.

Закончу словами Полуянскаго: «если бы даже и ничего не осталось въ Виграхъ изъ достойныхъ уваженія историческихъ памятниковъ, то и безъ нихъ одно уже это мѣсто, освященное столь многими историческими воспоминаніями и богатое природою, заслуживало бы посѣщенія не только обитателей края, но и чужестранцевъ».

Г. А. Воробьевъ.

БРАКЪ И РАЗВОДЪ ВЪ СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТАХЪ.

(Соціологическій очеркъ) ¹⁾.

VII.

ВПЯНИЕ разныхъ церквей, т.-е. вѣроисповѣданій и всевозможныхъ религіозныхъ сектъ, которыя кишмя кишатъ въ «странѣ свободы», на разводъ представляетъ собой соціальное явленіе чрезвычайъ сложное, дабы подлежать особому болѣе или менѣе обстоятельному разсмотрѣнію въ настоящемъ коротенькомъ очеркѣ. Поэтому ограничусь пока лишь замѣчаніемъ, что изъ всѣхъ общеизвѣстныхъ вѣроисповѣданій наибольшее вліяніе на разводъ въ Соединенныхъ Штатахъ имѣетъ церковь римско-католическая, а изъ всѣхъ сектъ — мормонство. Порядки римско-католической церкви по отношенію къ браку и разводу настолько общеизвѣстны европейцу и въ частности русскому читателю, что распространяться о нихъ здѣсь незначѣмъ. При томъ полномъ и абсолютномъ отдѣленіи церкви отъ государства, какое установлено конституціей Соединенныхъ Штатовъ, для супруговъ, вступившихъ въ бракъ по правиламъ и обрядамъ римско-католической церкви, представляется возможность получить разводъ въ гражданскомъ судѣ, хотя каноны римско-католической церкви, какъ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСVII, стр. 607.

извѣстно, вовсе не допускаютъ развода. Равнымъ образомъ, супруги, состоявшіе въ церковномъ римско-католическомъ бракѣ и впослѣдствіи подвергшіеся постоянному разлученію по рѣшенію католической консисторіи по одной изъ причинъ, для сего установленныхъ канонами римско-католическаго вѣроисповѣданія (прелюбодѣяніе, умышленное оставленіе, постриженіе въ монашество), могутъ вступить въ новые браки въ судахъ гражданскихъ. Такъ какъ, однако, подобнымъ полученіемъ развода либо заключеніемъ новаго брака въ судахъ гражданского вѣдомства бывшіе супруги по правиламъ римско-католической церкви въ большей или меньшей степени разрываютъ свою связь съ этой послѣдней, то случаи подобныхъ разводовъ или подобныхъ новыхъ вступленій въ бракъ среди римско-католической части населенія Соединенныхъ Штатовъ не такъ часты. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ признать, что вліяніе римско-католической церкви на бракъ въ «странѣ свободы» сказывается въ относительномъ уменьшеніи общаго числа разводовъ, хотя отнюдь нельзя сказать, чтобы такое уменьшеніе сколько нибудь служило къ предохраненію чистоты семейной жизни или поднятію общаго уровня нравственности въ странѣ.

Что касается секты мормоновъ, то ученіе таковой признаетъ бракъ двоякаго рода: обыкновенный земной, временный и духовный, вѣчный бракъ въ сей жизни и бракъ въ жизни будущей. Поэтому и разводъ среди мормоновъ существуетъ также двоякаго рода: разводъ въ сей жизни и разводъ какъ въ сей жизни, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ будущей. Такъ какъ гражданскіе законы разныхъ штатовъ и территорій, входящихъ въ составъ Соединенныхъ Штатовъ, признаютъ лишь первыхъ женъ мормоновъ за ихъ законныхъ супруговъ, то лишь первая жена мормона можетъ искать полнаго развода или временнаго разлученія въ судѣ гражданского вѣдомства, а равно того же лишь по отношенію къ первой женѣ своей можетъ искать супругъ-мормонъ въ томъ же судѣ. Остальныя его жены ничего не могутъ искать отъ него въ судѣ гражданскомъ, равно и онъ ничего не можетъ искать отъ нихъ по той простой причинѣ, что онѣ женами его вовсе не признаются. Такимъ образомъ, если первая жена мормона, состоящая съ нимъ въ духовномъ или вѣчномъ бракѣ по правиламъ и обрядамъ мормонской церкви, получаетъ отъ него полный разводъ въ судѣ гражданского вѣдомства, то ей предстоитъ сверхъ сего обратиться къ президенту или главѣ мормонской церкви, дабы онъ развелъ также и ихъ духовный бракъ, и они могли бы жить отдѣльно въ будущемъ мірѣ. Вторая, третья и т. д. жены мормона, не будучи признаваемы за женъ въ судахъ гражданскихъ, съ ходатайствами всякаго рода какъ о временномъ разлученіи, такъ и полномъ разводѣ, и даже о выдачѣ мужемъ имъ надлежащаго содержанія могутъ обращаться лишь къ той единственной власти, которая свя-

зала ихъ бракомъ, т.-е. къ президенту мормонской церкви. Супруги мормонской секты, состоящіе въ духовномъ бракѣ, разъ они разведены судомъ гражданскаго вѣдомства или даже и іерархіей своей церкви, но лишь для сего міра, могутъ вступать въ новый бракъ, но лишь для сего міра. Тогда только, когда они разведены своей церковной іерархіей какъ для сего міра, такъ и для міра будущаго, представляются они вполне и совершенно освобожденными отъ узъ такого духовнаго или вѣчнаго брака. Причинами, по которымъ мужъ-мормонъ можетъ получить духовный разводъ отъ жены своей какъ временный, такъ и вѣчный или оба вмѣстѣ, являются: убійство, прелюбодѣяніе, дѣтоубійство, изгнаніе плода и несоотвѣтствіе характеровъ, исключающее возможность совмѣстнаго жительства въ мирѣ и согласіи. Жена, состоящая въ мормонскомъ церковномъ бракѣ, можетъ получить отъ своего мужа церковный разводъ по тѣмъ же причинамъ, а сверхъ сего также вслѣдствіе физической неспособности мужа, какъ существовавшей въ моментъ заключенія брака, такъ равно и постигшей его въ теченіе ихъ супружеской жизни, жестокаго его съ ней обращенія, отказа отъ предоставленія ей содержанія или его небрежности въ этомъ отношеніи и, наконецъ, вслѣдствіе непрекращающихся обидъ какого бы то ни было рода, которыя превратили ея къ нему любовь въ отвращеніе. Если по смерти одного изъ супруговъ, состоявшихъ въ «духовномъ» или такъ называемомъ «незыблемомъ» бракѣ, обнаружится какое либо содѣянное покойнымъ преступленіе, то пережившій супругъ имѣетъ право и возможность получить церковный разводъ. Разслѣдованіе всѣхъ обстоятельствъ, выставляемыхъ въ прошеніяхъ о разводѣ, возлагается на мѣстныхъ епископовъ, а рѣшенія по бракоразводнымъ дѣламъ принадлежатъ одному только лицу, а именно президенту или главѣ мормонской церкви.

VIII.

Безпрерывное возростаніе числа разводовъ въ Соединенныхъ Штатахъ представляетъ собой соціальное явленіе, настолько общеизвѣстное и столь давно замѣченное, что статистическое его обслѣдованіе представляетъ несомнѣнно громаднѣйшій интересъ. Къ сожалѣнію, статистическія данныя по этому важному предмету въ систематизированномъ видѣ имѣются лишь за времена, достаточно уже прошедшія, а именно съ 1867 по 1886 г. включительно. Что касается статистики брака и развода за послѣднія 15 лѣтъ, то согласно резолюціи сената Соединенныхъ Штатовъ, состоявшейся на этихъ дняхъ, статистическія данныя, относящіяся къ этому періоду, должны быть собраны, разработаны и изданы къ исходу 1904 года. Конечно, имѣются статистическія данныя, относящіяся къ браку и разводу въ разныхъ штатахъ и территоріяхъ за по-

слѣднія 15 лѣтъ, но въ сыромъ, совершенно неразработанномъ видѣ, а именно—въ видѣ регистровъ бракосочетаній и судебныхъ рѣшеній о разводахъ. Само собою разумѣется, что разработку подобныхъ сырыхъ матеріаловъ, относящихся къ этому предмету, пишущій эти строки взять на себя не могъ. Приходится поэтому для цѣлей настоящаго очерка довольствоваться статистическими данными о бракѣ и разводѣ въ Соединенныхъ Штатахъ съ 1867 по 1886 годъ.

Сопоставленіе между числомъ браковъ и числомъ разводовъ, выражающееся въ вычисленіи, на сколько именно браковъ приходится одинъ разводъ, представляется несомнѣнно наиболѣе общепонятнымъ и наиболѣе ходячимъ способомъ разсмотрѣнія этого предмета. Однако статистическія данныя, относящіяся къ браку въ разныхъ штатахъ или территорияхъ за разсматриваемое двадцатилѣтіе, настолько недостаточны, что сдѣлать такое заурядное и общепринятое сравненіе не только по отдѣльнымъ годамъ, но даже и по пятилѣтіямъ не представляется никакой возможности. Обращаясь поэтому къ статистикѣ разводовъ независимо отъ пропорціональнаго ихъ отношенія къ числу браковъ, находимъ, что въ то время, какъ общее ихъ число въ 1867 году равнялось 9.937, въ 1886 году число это возросло до 25.535. Такимъ образомъ, число разводовъ въ Соединенныхъ Штатахъ въ теченіе разсматриваемаго двадцатилѣтія возросло на 157⁰/₀, между тѣмъ какъ населеніе страны увеличилось за тотъ же періодъ времени лишь около 60⁰/₀. Въ частности съ 1870 по 1880 годъ (годы періодическаго ценса) количество разводовъ въ странѣ возросло на 79,4⁰/₀, между тѣмъ какъ численность ея народонаселенія увеличилась всего лишь на 30,1. Сопоставляя ростъ народонаселенія и возрастаніе числа разводовъ по отдѣльнымъ штатамъ, находимъ, что, напримѣръ, въ штатѣ Колорадо съ 1870 по 1880 годъ народонаселеніе возросло на 387,4⁰/₀, а общее число разводовъ увеличилось на 733,3⁰/₀, въ штатѣ Делаварѣ за то же десятилѣтіе народонаселеніе возросло лишь на 17,2⁰/₀, а общее число разводовъ увеличилось въ то же время на цѣлыхъ 400⁰/₀, въ штатѣ Луизианѣ за то же самое десятилѣтіе общая численность населенія увеличилась на 29,3⁰/₀, а общее число разводовъ за тотъ же періодъ—на 263,3⁰/₀, и въ штатѣ Небраскѣ при общемъ увеличеніи народонаселенія за разсматриваемый періодъ на 267,8⁰/₀ увеличеніе числа разводовъ достигло 560⁰/₀.

Въ частности, изъ данныхъ цenzовъ 1870 и 1880 г.г. обнаруживается, что въ 1870 г. одинъ разводъ приходился на 664 брака, а въ 1880 году одинъ разводъ уже на 481 бракъ, что составляетъ явное увеличеніе пропорціональнаго числа разводовъ.

Обращаясь къ разъясненію законныхъ причинъ, по которымъ предоставлены были разводы въ Соединенныхъ Штатахъ за разсматриваемое двадцатилѣтіе (1867—1886 г.г.), находимъ, что вслѣд-

ствіе прелюбодѣянiя жены состоялось 38.184 развода, а вслѣдствіе прелюбодѣянiя мужа—29.502 развода; жестокость мужа по отношенію къ женѣ повлекла за собой 45.473 развода, а жестокость жены по отношенію къ мужу—6.122; оставленіе жены мужемъ закончилось 75.191 разводомъ, а оставленіе мужа его женой—51.485 разводами; постоянное пьянство мужа было причиной 12.432 разводовъ, а постоянное пьянство жены—1.434 разводовъ; далѣе непредоставленіе мужемъ женѣ своей содержанiя вызвало 7.955 разводовъ; всѣ вышеприведенныя причины въ общей ихъ въ каждомъ данномъ случаѣ сложности, а иногда и съ присовокупленіемъ разныхъ иныхъ, второстепеннаго значенiя, повлекли за собой выдачу разводнаго акта 32.419 женамъ и 7.429 мужьямъ; разныя иныя причины всякаго рода послужили основанiями къ полученію развода 13.204 женами и 7.899 мужьями. Такимъ образомъ, въ теченіе двадцатилѣтiя съ 1867 по 1886 годъ включительно состоялось въ Соединенныхъ Штатахъ 328.716 разводовъ, изъ которыхъ 216.176 (65,8⁰/о) состоялось по прошенiямъ женъ и выдано этимъ послѣднимъ, а 112.540 (34,2⁰/о) состоялось по прошенiямъ мужей и выдано этимъ послѣднимъ. Отсюда обнаруживается, что жены въ «странѣ свободы» прибѣгаютъ къ разводу почти вдвое чаще, нежели мужья. Оставленіе одного супруга другимъ является наиболѣе частою причиною развода, породивъ изъ общаго числа разводовъ за разсматриваемое двадцатилѣтiе (328.716) цѣлыхъ 126.676, т. е. 38,5⁰/о таковыхъ. Что касается постоянного пьянства, какъ причины развода, то для всякаго, сколько нибудь знакомаго съ дѣйствительною жизнью «народа Соединенныхъ Штатовъ», не можетъ встрѣчаться ни малѣйшаго сомнѣнiя въ томъ, что вышеприведенная цифра таковаго—13.866, или всего лишь 4,2⁰/о общей численности разводовъ по всѣмъ причинамъ за двадцатилѣтiе,—представляется непомѣрно низкою. Дѣйствительно, при разсмотрѣнiи цифръ разводовъ вслѣдствіе постоянного пьянства по 45 типическимъ административнымъ единицамъ, въ двѣнадцати наиболѣе типическихъ штатахъ, и при томъ, мѣстностяхъ съ разною степенью населенности оказывается, что изъ общаго числа состоявшихся въ нихъ разводовъ, равнявшихся 29.656, вслѣдствіе постоянного пьянства одного изъ супруговъ имѣло мѣсто 5.966 разводовъ, что составляетъ 20,1⁰/о общаго числа таковыхъ въ вышеуказанныхъ типическихъ административныхъ единицахъ за двадцатилѣтiе. Не подлежитъ поэтому сомнѣнiю, что значеніе постоянного пьянства, какъ фактора расторженiя брачныхъ союзовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, въ общихъ статистическихъ выводахъ для всей страны затемнено разными иными законными причинами, въ разныхъ мѣстностяхъ выставляемыми въ прошенiяхъ о разводѣ предпочтительно предъ порокомъ постоянного пьянства. Нельзя не видѣть также, что во всѣхъ категорiяхъ развода, за исключеніемъ

одной, жена является инициаторшей и просительницей гораздо чаще, нежели мужъ. Если для наглядности эту инициативу по разводной части выразить въ разныхъ категорiяхъ развода въ видѣ пропорцій, то оказывается, что въ области разводовъ вслѣдствіе жестокаго обращенія приходится на одного мужа 7,4 жены, въ области разводовъ вслѣдствіе оставленія—на одного мужа почти 1,5 жены, въ области разводовъ по разнымъ инымъ причинамъ—на одного мужа свыше 4,4 жены и въ области разводовъ вслѣдствіе постоянного пьянства—на одного мужа 8,6 жены. Единственнымъ въ этомъ отношеніи исключеніемъ, о которомъ мною вскользь выше уже упомянуто, представляется категорiя разводовъ по невѣрности одного изъ супруговъ. Въ то время, какъ женами вслѣдствіе прелюбодѣянiя ихъ мужей получено въ теченіе разсма- триваемаго двадцатилѣтiя 29.502 развода, мужьями вслѣдствіе прелюбодѣянiя ихъ женъ получено въ теченіе того же времени 38.184 развода, т. е. 56,4⁰/о общаго числа таковыхъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что законному термину «жестокое обращеніе» судьи всѣхъ вообще штатовъ и территорій, входящихъ въ составъ Соединенныхъ Штатовъ, придаютъ чрезвычайно широкое и въ высшей степени растяжимое толкованіе. Въ то время, какъ не можетъ встрѣчаться никакихъ сомнѣній насчетъ надлежащаго состава прелюбодѣянiя, оставленія, постоянного пьянства и т. д., опредѣленіе того, что именно составляетъ «жестокое обращеніе» одного изъ супруговъ съ другимъ, въ весьма значительной степени зависитъ отъ взглядовъ и усмотрѣнiя судьи. Поэтому и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что такимъ законнымъ понятiямъ, какъ «жестокость», «крайняя жестокость», «жестокое и безчеловѣчное обращеніе», «крайняя и непрекращающаяся жестокость», «невыносимая жестокость», «жестокое и варварское обращеніе», «жестокое и оскорбительное обращеніе» и т. п., употребляемымъ въ законахъ разныхъ штатовъ и территорій, судьи этихъ послѣднихъ даютъ столь широкое и растяжимое толкованіе. Подъ «жестокимъ обращеніемъ», какъ причиной къ разводу, разумѣется въ «странѣ свободы» не только физическое насиліе одного изъ супруговъ надъ личностью другого во всѣхъ его разновидностяхъ, но точно также и всякія вообще слова и дѣйствiя одного супруга, какимъ бы то ни было образомъ причиняющія нравственные страданія или неудобства другому супругу.

Вотъ, на примѣръ, крайне любопытные образчики «жестокости», въ силу которыхъ разными судьями «величайшей демократiи на земномъ шарѣ» предоставленъ разводъ тому или иному изъ супруговъ. Жена жалуется на то, что мужъ ея, по профессiи содержатель питейнаго заведенія, никогда не является домой ранѣе 10 часовъ вечера (по закрытiи заведенія), когда она уже въ постели, и не даетъ ей спать своими безконечными разговорами, а равно и

самый родъ его занятій ее душевно удручаетъ. На жалобу эту супругъ возражаетъ, что она не должна, молъ, стыдиться его лишь временнаго рода занятій (продажа питей), что отецъ его былъ высокопоставленнымъ сановникомъ въ Германіи, и что самъ онъ современемъ достигнетъ, быть можетъ, лучшаго положенія. Разводъ предоставленъ просительницѣ на основаніи «нравственной» жестокости. Жена жалуется на то, что мужъ ея не умывается, и тѣмъ причиняетъ ей нравственную боль, почему ей и выданъ разводъ («жестокость»). Жена жалуется на то, что мужъ сказалъ ей: «мнѣ положительно безразлично, бросишь ли ты меня или нѣтъ», и тѣмъ нанесъ ей жестокое оскорбленіе и выказалъ незаслуженное къ ней презрѣніе, почему она и проситъ развода: таковой ей выданъ («жестокость»). Жена жалуется на то, что мужъ не говоритъ съ ней по мѣсяцамъ, чѣмъ сдѣлалъ ея жизнь невыносимой, почему она и проситъ развода, который ей и выданъ («жестокость»). Мужъ сказалъ женѣ, состоящей за нимъ въ замужествѣ двадцать семь лѣтъ: «ты стара и истрепана, я не желаю тебя болѣе», чѣмъ причинилъ ей душевную боль, на основаніи чего ей и выданъ разводъ («жестокость»). Жена жалуется, что мужъ ея спитъ съ бритвой подъ подушкой единственно для того, чтобы держать ее въ состояніи страха и угнетенія, почему ей и выданъ разводъ. Жена жалуется на то, что она вышла замужъ, когда ей было всего лишь четырнадцать лѣтъ отъ роду, за своего родного дядю со стороны отца, и обстоятельство это настолько душевно ее удручаетъ, что она проситъ развода, который ей и предоставленъ судьей (также на основаніи «жестокости»). Новобрачный напился допьяна на слѣдующій же день по бракосочетаніи, вслѣдствіе чего жена въ тотъ же день завела дѣло о разводѣ, который чрезъ нѣсколько дней ею и полученъ (также на основаніи «жестокости»). Мужъ предается куренію опиума и, просыпаясь по ночамъ, грозитъ женѣ убійствомъ, ею полученъ разводъ. Мужъ обвинялъ сестру своей жены въ кражѣ, чѣмъ причинилъ этой послѣдней душевное уязвленіе, на основаніи котораго ей и выданъ разводъ («жестокость»). Мужъ въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ неоднократно впадалъ въ безпричинное бѣшенство и билъ тарелки, блюдечки и прочую домашнюю утварь: женѣ выданъ разводъ (тоже на основаніи «жестокости»). Вслѣдствіе зубной боли жена принуждена была вырвать два зуба, за что мужъ билъ, терзалъ ее и почти задушилъ, почему ей и выданъ разводъ. Взбѣшенный мужъ привязалъ жену веревкой къ садовой калиткѣ, втыкалъ ей трески и соломинки въ носъ и уши, тыкалъ ей въ глаза свои кулаки, объявляя, что онъ желаетъ видѣть, «дѣйствительно ли она нѣмка», и, наконецъ, бросилъ ее въ пчелиное гнѣздо, чѣмъ причинилъ ей тѣлесныя и душевныя страданія, на основаніи которыхъ ей и выданъ разводъ. Мужъ, владѣлецъ большого скотопромышленнаго имѣнія, по воз-

вращеніи съ охоты со сворой собакъ, каждый разъ кричить на подворьѣ: «валяй, найди», размахивая при этомъ бичемъ, и если жена, всегда выходящая въ это время на крыльцо, не присядетъ на колѣни и не разыграетъ охотничьей собаки, нашедшей дичь, мужъ исколотитъ и обругаетъ ее, вслѣдствіе чего ей и выданъ разводъ. Мужъ заставлялъ жену чистить ему сапоги и третировалъ ее, какъ чернорабочую, а когда она убѣжала въ домъ своей матери, то, являсь туда, онъ предложилъ своей тещѣ выйти за него замужъ и выгнать его прежнюю жену, а свою дочь изъ своего дома, отъ чего теща отказалась, а жена на основаніи этого получила разводъ. Мужъ отправилъ жену свою погостить у друзей въ чужомъ городѣ, писалъ ей и высылалъ ей деньги, а между тѣмъ тайно возбудилъ противъ нея дѣло о разводѣ на основаніи оставленія ею дома; узнавъ объ этомъ, она впала въ лихорадку отъ волненія, на основаніи чего ей и выданъ разводъ («жестокость»). Когда жена находилась наканунѣ родовъ и, будучи больной, отказалась по требованію мужа приготовить ему завтракъ, то онъ снялъ съ петель и выставилъ въ домѣ всѣ двери, а равно сорвалъ съ половъ всѣ ковры, продержалъ домъ въ подобномъ видѣ цѣлыхъ двѣ недѣли, а когда вслѣдствіе подобнаго образа дѣйствій ему пришлось уплатить значительныя суммы доктору и за лѣкарства для жены, то онъ ворчалъ и ругался; изъ-за всего этого женой полученъ разводъ. Мужъ точилъ топоръ, объявляя, что намѣренъ имъ снести голову своей женѣ, и вышибъ у нея два зуба, вслѣдствіе чего ей и выданъ разводъ. Мужъ, понеся финансовыя потери, всякій разъ обвиняетъ въ этомъ жену, осуждаетъ ее въ рѣзкихъ выраженіяхъ и на основаніи своихъ пола и возраста обращается съ ней, какъ съ ребенкомъ, почему ей и выданъ разводъ («жестокость»). Мужъ принуждалъ жену ѣсть, когда она не была голодна, насильно вливалъ ей въ горло водку и однажды бросилъ ее въ рѣку, такъ что она едва не утонула, вслѣдствіе чего ею и полученъ разводъ. Мужъ поступилъ на службу въ американскій военный флотъ, вслѣдствіе чего женой полученъ разводъ («жестокость»). Жена страдаетъ головными болями, которыя усиливаются отъ запаха табака, а между тѣмъ мужъ употребляетъ табакъ и тѣмъ усиливаетъ головныя боли жены, почему ей и выданъ разводъ («жестокость»). Тотчасъ же вслѣдъ за бракосочетаніемъ мужъ старался уговорить жену записать на его имя свое имѣніе, что и причинило ей душевную боль и повлекло за собой разводъ («жестокость»). Мужъ насильно открылъ женѣ ротъ для того, чтобы влкнуть ей въ горло табачную жвачку, которую онъ въ это время жевалъ, почему ею и полученъ разводъ. «Я нахожу,— читаемъ въ рѣшеніи судьи по жалобѣ одной жены,— что когда жалобница была больна и потому была не въ силахъ работать, то мужъ ея настаивалъ на томъ, что Господь приказалъ ей

работать, а равно вообще часто повторялъ библейскія изреченія, дабы показать своей женѣ, что она должна повиноваться своему мужу», почему ей и данъ разводъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ мужъ сгонялъ жену съ постели, заставлялъ ее спать на полу, почему ею и полученъ разводъ. Мужъ воображаетъ себя спиритическимъ медиумомъ и жалуется, что сожителство его съ женой мѣшаетъ ему развиваться и преуспѣвать въ этомъ направленіи, что причиняетъ ей большія нравственныя страданія, почему ею и полученъ разводъ («жестокость»). Мужъ не предоставляетъ женѣ своей содержанія и на ея просьбы по этому предмету объявляетъ, что онъ не станетъ стирать ногтей на ногахъ ради какой бы то ни было женщины, почему ею и полученъ разводъ («жестокость»). Жена при жалобѣ своей представляетъ въ судъ одно письмо отъ своего мужа, въ которомъ между прочимъ говорится: «есть женщина, которую, я думаю, я могъ бы любить; если ты любишь меня, Марія, или когонибудь любила, то будь столь добра, заведи дѣло о разводѣ какъ можно скорѣе»; представляя въ судъ означенное письмо, жена жалуется, что письмо это причинило ей большія душевныя страданія, почему она и проситъ развода, который ей и предоставленъ («жестокость»). Мужъ, не желая имѣть дѣтей, заставлялъ свою беременную жену пить терпентинъ, жиръ, алоэ и т. п., каковое «жестокое обращеніе» убило ея здоровье, почему ею и полученъ разводъ. Мужъ никогда не срѣзывалъ ногтей на ногахъ и вслѣдствіе этого, будучи безпокоенъ во снѣ, «страшно оцарапывалъ свою жену каждую ночь», почему ею и полученъ разводъ («жестокость»). Нѣкій мужъ въ теченіе всей брачной жизни ни разу не предложилъ женѣ своей покататься, что причиняло ей большія нравственныя страданія и являлось большою для нея обидой, почему ею и полученъ разводъ («жестокость»). Нѣкій мужъ во время пожара вмѣсто того, чтобы помочь своей женѣ избѣжать опасности отъ пламени, охватившаго уже ихъ домъ, отправился на помощь къ нѣкоей «развратной женщинѣ», жившей по сосѣдству, вслѣдствіе чего женой и полученъ разводъ. Жена жалуется, что мужъ, будучи римско-католическаго вѣроисповѣданія, выгналъ ее изъ дома за то, что она отказалась перейти изъ протестантизма въ католичество, почему ею и полученъ разводъ.

Таковы многообразные виды и способы «жестокаго обращенія» мужа со своей женой по понятіямъ и толкованіямъ американскихъ судей. А вотъ въ свою очередь образчики «жестокаго обращенія» жены со своимъ мужемъ, какъ таковое понимаютъ и толкуютъ всемогущіе судебные трибуналы «величайшей демократіи на земномъ шарѣ». Жена страшно пробрала мужа и упрекнула его слѣдующимъ образомъ: «ты—совсѣмъ не мужчина», каковой упрекъ причинилъ ему душевную боль и нравственныя страданія, вслѣдствіе чего имъ полученъ разводъ («жестокость»). Жена не почи-

няеть мужнина платья, ссорится съ нимъ и не даетъ ему спать до трехъ часовъ ночи и не позволяетъ ему бѣжать на пожары въ ночное время, почему имъ и полученъ разводъ («жестокость»). Жена стянула мужа съ кровати за бакенбарды, вслѣдствіе чего ему и данъ разводъ («жестокость»). Оба супруга принадлежатъ къ особой религіозной сектѣ, именуемой «братствомъ новой жизни», однимъ изъ главныхъ принциповъ которой является правило, что супруги не могутъ имѣть между собою супружескихъ отношеній безъ разрѣшенія главы секты, а этотъ глава между тѣмъ воспретилъ женѣ имѣть сношенія этого рода со своимъ мужемъ въ теченіе трехъ лѣтъ, почему этимъ послѣднимъ и полученъ разводъ на основаніи «жестокости». Жена назвала мужа негоднымъ праздношатающимся, выразила желаніе, какъ бы Богъ его поскорѣе убралъ, объявила ему, что она его не любитъ и не желаетъ глядѣть на него, вслѣдствіе чего ему и данъ разводъ («жестокость»). Жена избивала мужа и перебила домашнюю посуду, на каковомъ основаніи имъ полученъ разводъ. Послѣ тридцатилѣтней супружеской жизни жена грозила отравить мужа и занесла на него ножъ, почему ему и данъ разводъ. Мужъ приноситъ жалобу, что жена взяла себѣ въ привычку гулять по вечерамъ, оставляя дѣтей безъ ужина, что онъ вынужденъ самъ готовить себѣ ужинъ, что однажды она умышленно прислала ему въ мѣсто его занятій записку, будто бы младшая ихъ дочь, которую онъ такъ любитъ, при смерти, между тѣмъ какъ ребенокъ былъ лишь слегка боленъ, единственно съ цѣлью его помучить, и что наконецъ, угрожая ему скорѣе утопиться, нежели имѣть новаго ребенка, она причиняетъ ему нравственныя страданія: на основаніи всѣхъ сихъ «жестокостей» ему и данъ разводъ. Жена сказала мужу: «я люблю болѣе мизинецъ г-на X., нежели тебя всего», что причинило ему душевную боль и нравственныя страданія, почему имъ и полученъ разводъ («жестокость»). Жена притворяется больной и отказывается ѣсть, ложится въ постель и не встаетъ по три дня—единственно съ цѣлью причинять мужу (просителю) неудобства и непріятности, а однажды ему на злохватила дозу яда, чѣмъ причинила ему большія издержки на ея лѣченіе; въ другой разъ на просьбу его приготовить ему завтракъ она отвѣтила тѣмъ, что побросала объ полъ и перебила всѣ тарелки; иной разъ опять только изъ-за того, что онъ срѣзывалъ траву въ августѣ, она повыбрасывала изъ оконъ всѣ тарелки: всѣ эти дѣйствія жены судьей признаны актами «жестокаго обращенія» жены съ мужемъ, и этому послѣднему данъ разводъ. Нѣкій мужъ ничего не ѣлъ за обѣдомъ, изъ-за чего жена пригрозила ему: «если ты не будешь ѣсть, то я вырѣжу у тебя твое проклятое сердце», почему имъ и полученъ разводъ («жестокость»). Жена однажды сорвала съ постели всѣ простыни и одѣяла, благодаря чему мужъ зябъ до самаго утра, а въ другой

разъ уперлась въ него колѣнями и вогнала ему въ плечо вязальный прутокъ на 4 вершка, почему ему предоставленъ разводъ. Жена обвиняла мужа въ посѣщеніи имъ распутныхъ женщинъ, что причинило ему тяжкое оскорбленіе, почему имъ и полученъ разводъ («жестокость»). Жена плеснула мужу въ лицо изъ чайника горячимъ чаемъ, вслѣдствіе чего онъ ослѣпъ на одинъ глазъ, почему ему и данъ разводъ. Мужъ приноситъ жалобу на то, что у нихъ нѣтъ дѣтей, а это дѣлаетъ ихъ домъ постылымъ и жизнь тяжелой, почему ему и данъ разводъ («жестокость»). Жена по безопасности ушла изъ дома, оставивъ безъ всякаго призора двухъ маленькихъ дѣтей, а между тѣмъ въ домѣ произошелъ пожаръ, п дѣти сгорѣли вмѣстѣ съ домомъ и всѣмъ добромъ, почему мужу и данъ разводъ («жестокость»).

Я привелъ такъ много образчиковъ «жестокости» и «жестокато обращенія» одного супруга съ другимъ для того, чтобы наглядно показать, какъ рѣшенія американскихъ судей по бракоразводнымъ дѣламъ, основанныя на произвольномъ и даже прямо фантастическомъ толкованіи законовъ вообще и въ особенности законоположеній о «жестокомъ обращеніи» одного изъ супруговъ съ другимъ, являются въ сущности особымъ судебнымъ изданіемъ совершенно новыхъ законовъ о разводѣ. Въ оправданіе подобной судебной практики законодательнаго характера слѣдуетъ сказать, что она естественно и неизбѣжно порождается совершенной недостаточностью законовъ разныхъ штатовъ и территорій о разводѣ и ихъ несоотвѣтствіемъ съ требованіями американской жизни. Кто въ состояніи понять, почему присяжные засѣдатели оправдываютъ подсудимаго, сознавагося въ преступленіи, тотъ въ состояніи понять также, почему американскіе судьи понимаютъ и толкуютъ «жестокое обращеніе» супруговъ другъ съ другомъ въ столь всеобъемлющемъ и почти безпредѣльномъ смыслѣ, хотя это и не мѣшаетъ имъ въ то же время обнаруживать не мало невѣжества, ханжества и даже звѣрства въ иныхъ отношеніяхъ и даже по дѣламъ того же рода.

IX.

Продолжительность брачной жизни отъ момента бракосочетанія до полученія развода представляется несомнѣнно предметомъ высокаго интереса. Изъ имѣющихся по этому предмету статистическихъ данныхъ оказывается, что средняя продолжительность супружеской жизни въ Соединенныхъ Штатахъ: для разведенныхъ мужей—8,97 лѣтъ, для разведенныхъ женъ—9,27 лѣтъ и для обоихъ разведенныхъ супруговъ вмѣстѣ—9,17 лѣтъ. Переходя отъ средней продолжительности супружеской жизни, къ продолжительности дѣйствительной, конкретной, находимъ, что изъ 328.716 су-

пружескихъ паръ, разведенныхъ въ «странѣ свободы» въ теченіе разсматриваемаго двадцатилѣтія (1867—1886 гг.), жили вмѣстѣ: одинъ годъ—15.622 пары, два года—21.525 паръ, три года—27.270 паръ, четыре года—27.909 паръ, пять лѣтъ—25.599 паръ, шесть лѣтъ—23.082 пары, семь лѣтъ—20.227 паръ, восемь лѣтъ—17.680 паръ, девять лѣтъ—15.088 паръ, десять лѣтъ—13.843 пары, одиннадцать лѣтъ—11.847 паръ, двѣнадцать лѣтъ—10.698 паръ, тринадцать лѣтъ—9.296 паръ, четырнадцать лѣтъ—9.002 пары, пятнадцать лѣтъ—7.218 паръ, шестнадцать лѣтъ—6.362 пары, семнадцать лѣтъ—5.380 паръ, восемнадцать лѣтъ—4.649 паръ, девятнадцать лѣтъ—4.125 паръ, двадцать лѣтъ—3.933 пары, двадцать одинъ годъ—25.371 пара и, наконецъ, неизвѣстное число лѣтъ—23.990 паръ. Такимъ образомъ, даже наибольшая конкретная продолжительность супружеской жизни въ Соединенныхъ Штатахъ въ отношеніи возможности развода не представляетъ никакихъ гарантій, ибо цѣлыхъ 25.371 супружеская пара развелась послѣ цѣлыхъ двадцати одного года жизни. Засимъ оказывается, что наибольшее число разведенныхъ паръ состояло въ супружествѣ четыре года (27.909), три года (27.270), пять лѣтъ (25.599), шесть лѣтъ (23.082) и два года (21.525), между тѣмъ какъ цѣлыхъ 15.622 супружескихъ пары успѣли отдѣлаться отъ узъ супружества по истеченіи всего лишь одного года совместной жизни.

Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что разводъ не сразу, такъ сказать, не внезапно прекращаетъ теченіе супружеской жизни, и что между этой послѣдней и разводомъ стоитъ обыкновенно добровольное разлученіе или разѣздъ супруговъ на отдѣльное жительство. Поэтому для воспроизведенія правильной и точной картины американской супружеской жизни необходимо установить среднюю продолжительность этой послѣдней отъ момента бракосочетанія до момента разѣзда супруговъ, а не до момента полученія ими развода, который наступаетъ обыкновенно значительно позже добровольнаго разлученія, ибо, во-первыхъ, многія супружескія пары начинаютъ искать развода не тотчасъ же, а нѣкоторое время спустя послѣ разѣзда, а, во-вторыхъ, бракоразводный процессъ обыкновенно тянется нѣкоторое время, хотя и далеко не съ той медленностью, какую отличается тотъ же процессъ въ Европѣ, въ особенности въ судахъ духовныхъ, и какая показала бы американцу положительно баснословной. Хотя статистическія данныя для вычисленія этого рода представляются недостаточными, тѣмъ не менѣе изъ нихъ обнаруживается, что средняя продолжительность брачной жизни до развода составляетъ въ Соединенныхъ Штатахъ 6,81 лѣтъ, а средняя продолжительность раздѣльной жизни супруговъ до полученія развода 3,02 года. Если принять во вниманіе, что средняя продолжительность супружеской жизни до развода

составляетъ въ этой странѣ 9,17 лѣтъ, то нельзя не видѣть, что вышеприведенныя среднія продолжительности супружеской жизни до разъѣзда и послѣ разъѣзда вплоть до развода представляются достаточно точными, ибо даютъ въ общей своей сложности, какъ среднюю продолжительность американскаго супружества, 9,83 лѣтъ, т.-е. цифру, весьма приближающуюся къ вышеприведенной точной средней продолжительности этого супружества.

Переѣздъ супруговъ въ иной штатъ на предметъ получения развода представляется явленіемъ столь обычнымъ и общеизвѣстнымъ, что естественно возникаетъ интересный вопросъ, какъ велико относительное число разводовъ, получаемыхъ супругами внѣ штатовъ, въ которыхъ бракъ заключенъ. Изъ имѣющихся по этому предмету статистическихъ данныхъ оказывается, что изъ 328.674 браковъ, разведенныхъ въ «странѣ свободы» въ двадцатилѣтіе съ 1867 по 1886 г. включительно, разведено въ самомъ штатѣ ихъ заключенія 231.867 браковъ и въ иныхъ штатахъ, т.-е. не въ тѣхъ, въ которыхъ бракъ заключенъ,—57.679, а изъ остальныхъ разведенныхъ браковъ заключено въ иностранныхъ государствахъ—7.739, и разведено браковъ, мѣсто заключенія которыхъ неизвѣстно,—31.389. Такимъ образомъ, разведено браковъ въ теченіе разсматриваемаго двадцатилѣтія внѣ штатовъ ихъ заключенія 57.679, что составляетъ всего лишь 19,9⁰/₁₀₀ общаго числа браковъ, заключенныхъ и разведенныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ въ означенное двадцатилѣтіе. Выводъ этотъ представляется явнымъ опроверженіемъ общераспространеннаго въ Соединенныхъ Штатахъ взгляда, будто бы большая часть супружествъ въ этой странѣ подвергается разводу внѣ штатовъ ихъ заключенія. Хотя стремленіе получить разводъ является несомнѣнно однимъ изъ факторовъ передвиженія населенія этой страны изъ одного штата въ другой, тѣмъ не менѣе, однако, значеніе этого фактора среди самаго «народа Соединенныхъ Штатовъ» сильно преувеличено. Собственно говоря, оно иначе и быть не можетъ, ибо законы всѣхъ штатовъ и территорій (за исключеніемъ двухъ) для предьявленія иска о разводѣ требуютъ проживания истца, а иногда даже и обѣихъ сторонъ въ бракоразводномъ процессѣ въ предѣлахъ штата въ теченіе опредѣленнаго времени, продолжительность котораго мною выше уже была указана (отъ 6 мѣсяцевъ до 3 лѣтъ).

Та роль, какую играютъ дѣти въ бракоразводныхъ процессахъ, представляетъ несомнѣнно самую серьезную и самую печальную сторону. Оказывается, что изъ 328.716 разводовъ, состоявшихся въ Соединенныхъ Штатахъ въ теченіе двадцатилѣтія (1867—1886), у 129.382 супружескихъ паръ, получившихъ разводъ, имѣлись дѣти въ общемъ количествѣ 267.739 душъ обоого пола. Такимъ образомъ, дѣти фигурировали лишь въ 39,4⁰/₁₀₀ общаго числа бракоразрешеній за разсматриваемый періодъ, приходясь по 2,07 души

на каждую разведенную семью, у которой имѣлось потомство. Изъ остального числа разведенныхъ супружествъ 57.524 супружескихъ пары вовсе не имѣли дѣтей, что же касается остающихся затѣмъ 141.810 супружествъ, то имѣлось ли у таковыхъ потомство или нѣтъ, представляется неизвѣстнымъ, ибо никакого по сему предмету упоминанія ни въ самыхъ прошеніяхъ о разводѣ, ни въ теченіе бракоразводныхъ процессовъ дѣлаемо не было. Изъ общаго числа бракоразрешеній, въ которыхъ фигурировали дѣти, разводъ предоставленъ мужу и отцу въ 27.469 случаяхъ, а женѣ и матери въ 101.913 случаяхъ. Отсюда обнаруживается, что изъ общаго числа 129.382 разведенныхъ супружескихъ паръ, у которыхъ несомнѣнно имѣлись дѣти, почти вчетверо болѣе матерей, обремененныхъ дѣтьми, искали расторженія брачнаго союза, нежели отцовъ, обремененныхъ потомствомъ. Если засимъ принять во вниманіе, что въ отношеніи прочихъ разведенныхъ въ теченіе двадцатилѣтія супружествъ въ 57.524 случаяхъ несомнѣнно вовсе не имѣлось дѣтей, а наличность таковыхъ въ 141.810 случаяхъ представляется неизвѣстной, то оказывается, такимъ образомъ, что въ 199.334 бракоразводныхъ процессахъ, имѣвшихъ мѣсто въ разсматриваемое двадцатилѣтіе, т.е. 60,6% общаго ихъ числа, дѣти не играли равно никакой роли.

Представляются далеко небезынтересными тѣ основанія, по которымъ предоставлены разводы супружескимъ парамъ, имѣвшимъ дѣтей. Имѣющіяся по сему предмету статистическія данныя указываютъ, что изъ 129.382 разведенныхъ супружескихъ паръ, имѣвшихъ дѣтей, таковыми были получены разводы: вслѣдствіе непредоставленія женѣ содержанія—4.291, вслѣдствіе пьянства одного изъ супруговъ—8.031, вслѣдствіе прелюбодѣянія одного изъ супруговъ—23.086, вслѣдствіе жестокости одного изъ супруговъ—25.910 и, наконецъ, вслѣдствіе оставленія одного супруга другимъ—45.390.

Хотя, какъ мной указано уже выше, законодательства всѣхъ штатовъ и территорій о бракѣ и разводѣ измѣнили издавна установившійся принципъ американскаго обычнаго права, въ силу котораго выдача мужемъ женѣ содержанія назначалась лишь въ случаяхъ разлученія отъ стола и ложа, въ томъ смыслѣ, что назначеніе такого содержанія судомъ можетъ имѣть мѣсто и въ случаяхъ полного развода, когда супруги навсегда перестаютъ быть мужемъ и женой, тѣмъ не менѣе, однако, писанный законъ распространилъ такое назначеніе содержанія разведенной женѣ главнымъ образомъ на случаи, когда этой послѣдней предоставляется судебнымъ рѣшеніемъ оставленіе при себѣ дѣтей и попеченіе о таковыхъ. Такъ какъ такимъ образомъ назначеніе судомъ содержанія разведенной женѣ отъ ея прежняго мужа носитъ главнымъ образомъ характеръ предоставленія таковаго дѣтямъ, оставленнымъ при матери, то представляется весьма интереснымъ, какъ велико

число разводовъ, сопровождающихся назначеніемъ судомъ содержанія разведенной женѣ отъ ея прежняго мужа. Къ сожалѣнію, по сему крайне интересному предмету не имѣется данныхъ скольконибудь достаточныхъ, тѣмъ не менѣе, однако, судя по тѣмъ частичнымъ статистическимъ даннымъ, какія могли быть добыты, слѣдуетъ заключить, что предоставленіе судомъ содержанія разведенной женѣ отъ ея прежняго мужа имѣетъ мѣсто не болѣе, какъ въ 9 случаяхъ на 100 разводовъ супружескихъ союзовъ, слѣдствіемъ которыхъ было потомство.

X.

Во всемъ предшествующемъ изложеніи моемъ, какъ могъ видѣть мой благосклонный и снисходительный читатель, я имѣлъ въ виду исключительно лишь законъ писанный, относящійся къ браку и разводу въ Соединенныхъ Штатахъ, т.-е. гражданскіе законы всѣхъ штатовъ и территорій, входящихъ въ составъ этой федеральной республики, заключающіеся въ ихъ многочисленныхъ сводахъ законовъ. Лишь касаясь обряда бракосочетанія, упомянулъ я по необходимости о признаніи существованія брака безъ всякаго бракосочетанія. Такой бракъ существуетъ въ нѣсколькихъ штатахъ и представляется нѣкоторымъ остаткомъ цѣлой системы обычнаго права, давно тому назадъ господствовавшей въ этой странѣ. По этому поводу слѣдуетъ замѣтить, что уцѣлѣвшія еще положенія обычнаго права, касающіяся брака и развода, представляютъ собой высокій интересъ. Къ сожалѣнію, однако, ни размѣры, ни задачи настоящаго коротенькаго очерка не позволяютъ мнѣ пускаться въ изложеніе и разсмотрѣніе степени ихъ примѣненія.

«Величайшая демократія на земномъ шарѣ», какъ часто съ напыщенной гордостью любятъ нѣкоторые американцы именовать страну свою, въ области супружества, какъ учрежденія, породила несомнѣнно явленія наиболѣе замѣчательныя во всей исторіи новѣйшей цивилизаціи. Таковыми являются такъ называемое сложное супружество (коммунизмъ мужей и женъ) и такъ называемое множественное супружество (многоженство). Сложное супружество было одной изъ главныхъ основъ общественнаго устройства особой религиозно-кооперативной общины, извѣстной подъ именемъ «онейдской общины» (позднѣйшее наименованіе этой общины) и въ своемъ вполне организованномъ видѣ существовавшей въ штатѣ Нью-Йоркѣ. Онейдская община, состоявшая изъ нѣсколькихъ вѣтвей, расположенныхъ вблизи другъ отъ друга, возникла первоначально въ началѣ сороковыхъ годовъ въ Новой Англии, въ предѣлахъ штата Vermont'a и въ первоначальномъ своемъ видѣ была, собственно говоря, страннымъ смѣшеніемъ принциповъ ортодоксальнаго христіанства съ социалистическими

тенденціями, въ то время обуревавшими передовые умы Новой Англїи. Однако, явно прогрессивный и свободомыслящій духъ нововосставшейся религіозной общины успѣлъ вскорѣ настолько взбудоражить затхлую, мертвенную, звѣрскую и фанатическую среду пуританъ, что община эта вынуждена была искать спасенія собственныхъ животовъ въ бѣгствѣ. Найдя себѣ пріютъ на берегахъ рѣченки Онейда въ штатѣ Нью-Йоркѣ и образовавъ здѣсь поселеніе Леноксъ, нововозникшая религіозно-коммунистическая община въ 1848 году организовалась на твердыхъ и постоянныхъ основаніяхъ, подъ главенствомъ нѣкоего John'a Noyes'a, получившаго юридическое и богословское образованіе и носившаго санъ священнической. Основаніями такими были: въ области религіозной—самосовершенствованіе и въ области соціальной—библейскій коммунизмъ. Не вдаваясь въ подробности общественно-экономическаго строя онейдской общины, которыя вообще не входятъ въ задачи настоящаго очерка, ограничусь здѣсь лишь указаніемъ на ту его черту, которая относится къ учрежденію супружества. Общность личностей, какъ и общность имущества, онейдская община основываетъ всецѣло на ученіи Новаго Завѣта. По ея вѣроученію, любовь, составляющая основу ученія Христова, несогласима съ эгоистическими требованіями и никоимъ образомъ не дозволяетъ исключительнаго обладанія на правахъ собственности ни по отношенію къ вещамъ, ни точно также по отношенію къ лицамъ. Поэтому обычный бракъ, устанавлиющій между супругами право исключительнаго обладанія личностью другъ друга, противенъ вѣроученію Христа и не можетъ быть терпимъ. Надлежащимъ бракомъ, основаннымъ на принципахъ христіанства, является бракъ сложный или свободное сожительство. Поэтому мужчины и женщины общины пользовались неограниченнымъ правомъ свободнаго сожительства по собственному желанію. Такое желаніе одного лица сожительствовать съ другимъ должно было, однако, быть сообщаемо черезъ третье лицо, дабы воспрепятствовать образованію исключительныхъ привязанностей и исключительныхъ союзовъ. Расположеніе потомства было подѣ контролемъ общины и основано на чисто научныхъ принципахъ. Самое потомство, подобнымъ образомъ происшедшее, отличалось превосходнымъ здоровьемъ и необычайною талантливостью. Въ то время, какъ всѣ вообще кооперативныя общества и товарищества, возникшія въ Соединенныхъ Штатахъ въ позднѣйшія времена, подобно нашимъ толстовскимъ колоніямъ, вскорѣ распались и окончили свое существованіе полнымъ банкротствомъ, онейдская община, занимавшаяся садоводствомъ и мануфактурами, пользовалась блестящимъ успѣхомъ въ финансовомъ отношеніи. Дѣти находились на попеченіи матерей лишь въ теченіе весьма короткаго періода кормленія грудью, а затѣмъ были помѣщаемы въ особыхъ роскошныхъ и превосходно устроенныхъ воспитатель-

ныхъ домахъ общины на попеченіе особыхъ нянекъ изъ среды общины, исполнявшихъ свои обязанности добровольно. Въ теченіе тридцатилѣтняго своего существованія въ штатѣ Нью-Йоркѣ онейдская община пріобрѣла, помимо блестящаго финансоваго успѣха, столь огромное вліяніе на окружающее населеніе, что священники прилежащихъ мѣстностей стали возбуждать противъ нея народъ и при содѣйствіи духовенства мѣстностей болѣе отдаленныхъ и даже очень отъ нея далекихъ подняли систематическія и упорныя противъ нея преслѣдованія. Преслѣдованія эти закончились тѣмъ, что онейдская община отеклась первоначально (въ 1879 г.) отъ общности супружества, т.-е. коммунизма мужей и женъ, и затѣмъ отъ общности имущества, превратившись въ простое акціонерное общество, существующее и по сіе время и сохраняющее еще нѣкоторые слѣды былаго коммунистическаго устройства.

Хотя сами американцы и считаютъ онейдскую общину единственной въ этомъ родѣ, когда либо существовавшей въ ихъ странѣ, тѣмъ не менѣе, мнѣніе это совершенно невѣрно и обнаруживаетъ лишь слабое ихъ знакомство съ новѣйшей исторіей своего отечества, которая впрочемъ съ этой стороны весьма мало разработана.

Что касается многоженства, признаваемаго и практикуемаго многоизвѣстной христіанской сектой мормоновъ, то о мормонствѣ было уже столько писано, и средній русскій читатель настолько уже знакомъ съ этимъ предметомъ, что о многоженствѣ мормоновъ я здѣсь болѣе распространяться не стану. Ограничиваясь лишь нѣсколькими наиболѣе необходимыми замѣчаніями, укажу прежде всего на то обстоятельство, что въ 1896 г. бывшая территорія Юта допущена въ составъ «союза» (Union) въ качествѣ самостоятельнаго штата. Допущенію такому предшествовало уничтоженіе многоженства, которое было произведено особымъ формальнымъ посланіемъ высшей іерархіи мормонской церкви къ своей паствѣ въ 1890 году. Пока мормонская территорія Юта была еще всего лишь территоріей Соединенныхъ Штатовъ и въ качествѣ таковой находилась всецѣло подъ властью конгресса, этотъ послѣдній издалъ цѣлый рядъ законовъ, направленныхъ къ пресѣченію и уничтоженію многоженства. Послѣдній изъ законовъ этого рода, изданный въ 1887 году, отличался столь драконовскимъ и прямо террористическимъ характеромъ, что мормонская церковь принуждена была формально отречься отъ многоженства, какъ религіознаго догмата и одной изъ основъ мормонскаго церковно-общественнаго строя. Подобное преслѣдованіе мормонской секты, хотя бы и вылившееся въ форму федеральныхъ законовъ, было результатомъ систематической и фанатической пропаганды многочисленнаго духовенства разныхъ христіанскихъ исповѣданій, главнѣйшимъ впрочемъ образомъ протестантскихъ. Несмотря на формальное отрече-

ніе мормонской церкви отъ начала многоженства въ 1890 году, закрѣпленное штатной конституціей 1896 г., подъ какимъ условіемъ территория эта и допущена конгрессомъ Соединенныхъ Штатовъ въ составъ союза въ качествѣ штата, протестантскіе проповѣдники, въ явное нарушеніе федеральной конституціи, самымъ наглýmъ и назойливымъ образомъ всюду сующіе свой носъ въ дѣла чисто государственныя, до сихъ поръ не перестаютъ возбуждать невѣжество и фанатизмъ американскихъ народныхъ массъ противъ мормонства, инсинуируя и утверждая, будто бы мормоны попрежнему практикуютъ многоженство тайнымъ образомъ. Насколько далеко въ этой таѣ называемой «странѣ свободы», преисполненной дикихъ и совершенно непримиримыхъ противорѣчій, можетъ заходить фанатизмъ народныхъ массъ, систематически и злонамѣренно возбуждаемый проповѣдями разнузданнаго, развратнаго и продажнаго духовенства, можетъ свидѣтельствовать тотъ фактъ, что избранный въ 1900 году членомъ палаты представителей вашингтонскаго конгресса отъ штата Юты мормонъ Brigham Roberts не только не былъ допущенъ къ занятію своего мѣста въ палатѣ, но даже и къ принятію присяги на званіе члена таковой, что составляетъ несомнѣнно явное чудовищное и вопіющее нарушеніе конституцій Соединенныхъ Штатовъ. Только что избранъ сенаторомъ Соединенныхъ Штатовъ отъ штата Юты одинъ изъ такъ называемыхъ «апостоловъ» мормонской церкви J. Smoot, и по всей странѣ поднята уже протестантскими проповѣдниками пропаганда о недопущеніи этого новаго сенатора къ занятію сенаторскаго кресла въ верхней палатѣ конгресса Соединенныхъ Штатовъ, ему законно принадлежащаго. Если противъ представителя-мормона B. Roberts'a имѣлось то обстоятельство, что по изданіи закона 1887 года, абсолютно воспретившаго многоженство въ бывшей территоріи Ютѣ и установившаго въ этой послѣдней положительный терроръ въ видѣ нескончаемыхъ уголовныхъ преслѣдованій и массоваго вверженія мормоновъ въ тюрьмы, онъ отказался вполнѣ отречься отъ своихъ законныхъ женъ и дѣтей и продолжалъ съ ними прежнія отношенія мужа и отца, хотя и проживая съ одной лишь семьей въ отдѣльномъ отъ прочихъ домѣ, противъ новоизбраннаго сенатора-мормона J. Smoot'a не имѣется никакихъ обвиненій по части многоженства, ибо онъ «единныя жены мужъ». Все, что противъ него имѣется, это то, что онъ—«апостоль» мормонской церкви. Такъ какъ ни конституція штата Юты, ни конституція Соединенныхъ Штатовъ не воспрепятствуютъ избранію лицъ духовнаго званія на государственныя должности, то требованіе о недопущеніи новоизбраннаго сенатора J. Smoot'a въ составъ федеральнаго сената основывается единственно на томъ, что онъ мормонъ, т.-е. на его вѣроисповѣданіи. Подобное покушеніе на пограніе основныхъ принциповъ конституціи Соединенныхъ Штатовъ представляется безпримѣрнымъ во всей исторіи «страны

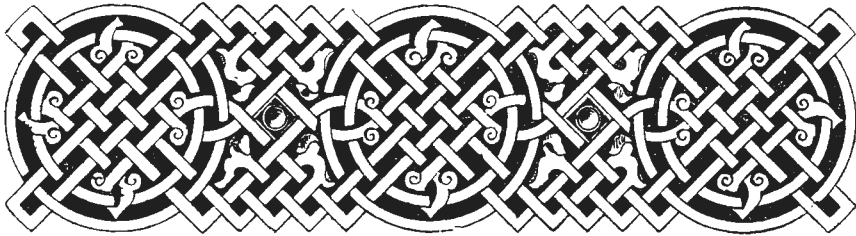
свободы», и та наглость и необузданность, съ какою американское духовенство и въ особенности особы «союзы священниковъ» разныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій въ настоящую минуту подыняли подобную поистинѣ чудовищную агитацію,—показываютъ, насколько твердо разсчитываютъ они на фанатизмъ, невѣжество, грубость и разнузданность американской толпы. Исторія онейдской общины, равно какъ и исторія мормонства показываютъ, сколь огромныя препятствія ставятъ своеобразныя общественныя условія этой такъ называемой «величайшей демократіи на земномъ шарѣ» всякимъ вообще попыткамъ къ учрежденію и устройству семейнаго союза на новыхъ основахъ, между тѣмъ, какъ старыя основы семьи, семейныхъ отношеній и семейной жизни въ этой странѣ явно и непрерывно рушатся изъ года въ годъ.

Если въ 1886 году, послѣднемъ году, за который имѣются единственныя по этому предмету статистическія данныя, общее число разводовъ въ Соединенныхъ Штатахъ достигло внушительной цифры 25.535, то съ 1886 года и по сіе время число это изъ года въ годъ непрерывно и явно увеличивается въ возрастающей пропорціи, далеко превышающей ростъ населенія страны. Увеличеніе это въ послѣднее двадцатилѣтіе приняло размѣры столь огромные, что американское духовенство и разные благомыслящіе, но недалекіе и малопроницательные граждане «страны свободы» забили въ набатъ и въ послѣдніе годы не перестаютъ кричать: «караулъ! грабятъ», требуя ни болѣе, ни менѣе, какъ отмѣны всѣхъ штатныхъ законовъ о разводѣ и повсемѣстнаго во всей странѣ введенія одной общей федеральной системы развода, по которой число причинъ къ расторженію брака было бы сокращено до послѣдней степени. До сихъ поръ всѣ усилія всѣхъ этихъ «лигъ къ преобразованію существующей системы развода» и «союзовъ къ введенію единообразной системы развода», образовавшихся изъ лицъ духовныхъ и свѣтскихъ, притязавшихъ на благочестіе, привели главнымъ образомъ къ тому, что въ новомъ сводѣ законовъ, изданномъ конгрессомъ Соединенныхъ Штатовъ для такъ называемаго Колумбійскаго округа, обнимающаго собой г. Вашингтонъ и его окрестности, установлена лишь одна единственная библейская причина къ разводу, т.-е. прелюбодѣяніе одного изъ супруговъ. Представляется достопримѣчательнымъ и высоко назидательнымъ, что предъ самымъ вступленіемъ новаго свода законовъ для Колумбійскаго округа въ законную силу (съ 1 января 1902 года) множество супружескихъ паръ округа успѣли воспользоваться болѣе широкими и льготными положеніями стараго свода законовъ о разводѣ, и въ теченіе одного лишь декабря 1901 г. предъявлено было въ судахъ округа цѣлыхъ 387 исковъ о разводѣ. Такимъ образомъ, съ 1 января истекшаго года къ штату Нью-Йорку, издавна признававшему прелюбодѣяніе одного изъ супруговъ единственной причиной къ раз-

вода, присоединился еще маленькій Колумбійскій округъ, какъ другой уголокъ въ «странѣ свободы», гдѣ невозможно развязать узла узъ супружескихъ безъ скандала и серьезныхъ издержекъ. Сверхъ подобной «реформы назадъ», достигнутой вышеупомянутыми лигами по отношенію къ Колумбійскому округу, который въ качествѣ единственной территоріи Соединенныхъ Штатовъ, лишенной правъ какого бы то ни было представительства, находится въ безконтрольной власти конгресса, подъ вліяніемъ ихъ агитаціи нѣкоторые штаты въ послѣдніе годы увеличили сроки прожительства въ своихъ предѣлахъ для лицъ, ищущихъ развода, а равно и обставили такое прожительство разными условіями, долженствующими доказывать его «доброе совѣстность». Хотя подобныя законныя мѣры, принятыя въ нѣкоторыхъ штатахъ къ затрудненію полученія въ ихъ предѣлахъ развода обывателями иныхъ штатовъ, а точно также и къ затрудненію тайныхъ бракосочетаній уходомъ, и сократили въ значительной степени кругъ дѣятельности такъ называемыхъ «разводныхъ фабрикъ», въ нихъ издавна существовавшихъ, тѣмъ не менѣе, однако, какъ число тайныхъ бракосочетаній уходомъ, такъ и число разводовъ попрежнему непрерывно пропорціонально увеличивается. Штатъ Южная Дакота представляетъ собой землю обѣтованную для всѣхъ вообще гражданъ и гражданокъ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ», почему бы то ни было тяготящихся данными семейными узами. Описаніе разводной колоніи, постоянно множащейся и процвѣтающей въ означенномъ штатѣ, и дѣятельности утвердившейся въ немъ «разводной фабрики» несомнѣнно представляло бы высокій интересъ для русскаго читателя, и пишущій эти строки надѣется современнымъ удовлетворить эту законную его любознательность.

Одною изъ наиболѣе достопримѣчательныхъ чертъ подобнаго состоянія брака и разводовъ въ Соединенныхъ Штатахъ въ настоящее время представляется то обстоятельство, что постоянно увеличивается число разводовъ въ семьяхъ священническихъ, а равно и возрастаетъ число лицъ духовнаго званія разныхъ іерархическихъ степеней, осужденныхъ въ многоженствѣ. Если таковы житейскія помыслы американскаго духовенства, мечущаго грома и молніи въ гражданство страны и требующаго обузданія этого послѣдняго по супружеской части, то чего же слѣдуетъ ожидать отъ обыкновенныхъ заурядныхъ гражданъ «величайшей демократіи на земномъ шарѣ»? Очевидно, если самъ врачъ не только не можетъ исцѣлиться, но и все болѣе и болѣе подпадаетъ подъ воздѣйствіе болѣзни, то эта послѣдняя лежитъ гораздо глубже, нежели онъ предполагаетъ, находится внѣ его разумѣнія, стоитъ выше его діагноза, а предположенные и практикуемые имъ способы ея лѣченія никуда не годятся.

Е. Н. Матросовъ.

ВАСИЛІЙ АЛЕКСѢВИЧЪ БИЛЬБАСОВЪ.

РЯДЫ РУССКИХЪ ученыхъ, писателей и общественныхъ дѣятелей рѣдѣютъ и рѣдѣютъ безконечно. Нещающаяся никого смерть, какъ тать, подкрадывается незамѣтно поочередно ко всѣмъ и уноситъ годъ за годомъ лучшія наши силы. Русская историческая наука вновь понесла огромнѣйшую потерю въ лицѣ скончавшагося 24-го іюля въ городѣ Павловскѣ Василя Алексѣевича Бильбасова, бывшаго профессора Кіевскаго университета по кафедрѣ всеобщей исторіи, редактора «Голоса» и автора извѣстной «Исторіи императрицы Екатерины»¹⁾.

Василій Алексѣевичъ родился 7-го іюля 1837 года въ дворянской семьѣ въ Полтавѣ, откуда въ 1841 году переѣхалъ съ родителями въ Петербургъ. Здѣсь онъ первоначально учился во второй гимназій, а затѣмъ, въ 1857 году, поступилъ на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго же университета. Окончаніе имъ курса совпало съ закрытіемъ университета, и потому лишь въ 1863 году онъ удостоенъ былъ временною комиссіею,

¹⁾ Источниками при составленіи настоящаго очерка служили біографическія данныя, напечатанныя въ «Словарѣ профессоровъ Кіевскаго университета» Иконникова, въ «Альбомѣ» Семевского (стр. 148 и 242), «Критико-біографическомъ словарѣ» Венгерова (т. III, стр. 274—288), «Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза-Ефрона», въ «Нови» 1886 г., № 18, въ газетныхъ некрологахъ («Русск. Вѣд.», «Русь», «Нов. Вр.», «Русск. Слово» и др.), а также свѣдѣнія, сообщенныя намъ лично родственникомъ покойнаго, А. В. Утиловымъ, которому приносимъ нашу искреннюю, признательность. Б. Г.

учрежденною для управленія дѣлами университета, ученой степени магистра всеобщей исторіи за диссертацию: «Крестовый походъ императора Фридриха II изъ дома Гогенштауфенскихъ герцоговъ» (Спб., 1863 г., 8°, II—225 стр.).

Въ сентябрѣ того же года, въ качествѣ стипендіата министерства народнаго просвѣщенія, молодой ученый отправился за границу и занимался тамъ подъ руководствомъ Ранке, Зибеля, Паули и другихъ нѣмецкихъ и англійскихъ ученыхъ; здѣсь же произошло и сближеніе его съ извѣстнымъ Пироговымъ.

Вернувшись черезъ три года въ Россію, Бильбасовъ тотчасъ же былъ назначенъ приватъ-доцентомъ С.-Петербургскаго университета и съ сентября 1866 года началъ чтеніе лекцій по всеобщей исторіи, но занятія его здѣсь продолжались очень недолго—уже въ ноябрѣ того же года онъ переходитъ въ Кіевскій университетъ, гдѣ вскорѣ же и получаетъ званіе штатнаго приватъ-доцента по той же каедрѣ. 9-го октября 1867 года покойный защитилъ вторую диссертацию: «Поповскій король Генрихъ IV Распе, ландграфъ Турингіи изъ дома Людовика Бородатаго» (Кіевъ, 1867 г., 8°, 194 стр.) и получилъ докторскую степень. Вскорѣ, въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, Бильбасовъ оставилъ службу и вернулся къ чтенію лекцій лишь черезъ годъ—два, но уже въ качествѣ ординарнаго профессора того же университета; въ 1871 году Василий Алексѣвичъ окончательно вышелъ въ отставку и тогда же переселился въ Петербургъ, гдѣ отдался всецѣло сначала публицистической, въ роли редактора «Голоса», а затѣмъ и ученой дѣятельности.

Таковъ формуляръ профессорской дѣятельности Бильбасова. Гораздо ярче и разнохарактернѣе его учено-литературная дѣятельность, въ которой нужно различать три періода. Первый можно смѣло назвать исключительно подготовительнымъ къ будущимъ его серьезнымъ и дѣйствительно ученымъ трудамъ по русской исторіи; второй, совпавшій со временемъ редактированія писателемъ «Голоса», носитъ публицистическій характеръ, и третій, самый важный,—періодъ созданія историческихъ трудовъ.

Василій Алексѣвичъ Бильбасовъ обладалъ вообще замѣчательно обширною эрудиціей; у него былъ огромнѣйшій запасъ всевозможныхъ знаній въ области исторической науки, и вотъ почему къ нему обращалась всегда масса литературнаго люда со всякаго рода справками, и всѣ получали нужный отвѣтъ, любезно и привѣтливо будучи приняты ученымъ. Немало историческихъ трудовъ и ученыхъ работъ создано у насъ, благодаря исключительно содѣйствію покойнаго. О такихъ заслугахъ, дорогихъ для всякаго работающаго въ литературной и ученой сферѣ человѣка, въ формулярахъ не принято говорить. Но въ статьѣ, посвященной памяти покойнаго, умолчать объ этомъ было бы грѣшно и не простительно; вотъ по-

чему мы, переходя къ обзору учено-литературной дѣятельности умершаго, прежде всего и подчеркиваемъ это.

Первое печатное произведеніе Бильбасова увидало свѣтъ въ 1863 году. Это была, какъ мы указали уже выше, диссертация его для полученія магистерской степени, носящая заглавіе: «Крестовый походъ императора Фридриха II». Появленіе этой работы знаменательно уже потому, что она впервые нарушила старыя ученые традиции, царившія въ С.-Петербургскомъ университетѣ, вынуждавшія молодыхъ ученыхъ совершенно подчиняться феруль учителя-профессора и писать сочиненія на извѣстный спеціальнѣйшій сюжетъ. Живая, дѣятельная натура студента-филолога не въ состояніи была увлечься узкимъ изученіемъ классическаго міра, и потому-то онъ, вопреки традиціи, выбралъ себѣ тему изъ міра средневѣковаго и при томъ средневѣковаго опять-таки не классическаго. Его притянулъ къ себѣ почти самый центральный пунктъ въ исторіи Европы XIII вѣка—дѣятельность императора Фридриха II—и надъ изученіемъ его онъ проработалъ болѣе десяти лѣтъ. Всѣ его труды перваго періода дѣятельности относятся именно къ этой области: и докторская диссертация «Поповскій король Генрихъ IV Распѣ», и цѣлый рядъ журнальныхъ статей, въ особенности же: «Культура при императорѣ Фридрихѣ II» («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1865 г.), «Первые Гогенштауфены» (*ibidem*), «Петръ де-Винеа» (*ibidem*, 1866 г.), «Kaiser Friedrich II und heilige Elisabeth» («Zeitschrift f. Thüringische Geschichts- und Alterthumskunde», 1867 г.), «О документальныхъ источникахъ хроники Маттея Парижскаго» («Унив. изв.», 1867 гг.), «Женщина-папа» («Труды Кіевской духовной академіи», 1871 г.), «Монахиня Росвита, писательница X вѣка» («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1873 г.) и др.

Безусловный поклонникъ германской исторической науки, какъ она выработана была школою Ранке, Бильбасовъ естественно и слѣдовалъ въ своихъ первыхъ трудахъ всѣмъ приемамъ германскихъ ученыхъ. Опираясь исключительно на одно наблюденіе, располагая лишь, главнымъ образомъ, одними свидѣтельскими показаніями, онъ одновременно работалъ и надъ строгой провѣркой истинности и достовѣрности этихъ показаній, и надъ выводами изъ уже провѣренныхъ данныхъ. Исходнымъ пунктомъ его работъ являлось воззрѣніе: *res humanas neque lugere, neque ridere, sed intelligere*,—требованіе полного безпристрастія. Но, будучи приверженцемъ германской школы Ранке, Бильбасовъ все же не отказывался и отъ традицій той же школы, перенесенной на почву его *alma mater*. Вотъ что онъ говоритъ въ предисловіи къ «Крестовому походу императора Фридриха»: «Помѣщая въ настоящемъ разсужденіи извлеченія изъ предварительной своей работы, я имѣю въ виду представить на судъ факультета весь мой трудъ, какъ онъ былъ, и

Василій Алексѣвичъ Бильбасовъ.

облегчить повѣрку и строгую оцѣнку его». А отсюда понятно, почему у автора иногда встрѣчается безразличіе къ исторической перспективѣ и въ выборѣ темы, и въ манерѣ изложенія ея, а также поглощеніе одной цѣли другою.

Главнымъ вдохновителемъ, заставившимъ Бильбасова всецѣло отдаться разработкѣ эпохи Гогенштауфеновъ, слѣдуетъ признать

«истор. вѣстн.», сентябрь, 1904 г., т. хсvii.

17

трудъ Ширрмахера (Kaiser Friedrich der Zweite, Göttingen), получившій въ Европѣ громкую извѣстность. Бильбасовъ придалъ отдѣльнымъ второстепеннымъ темамъ, сгруппированнымъ въ сочиненіи Ширрмахера въ извѣстной перспективѣ, детальную обработку, остановившись исключительно лишь на одной внѣшней исторіи дѣятельности Фридриха II, а именно: на сирійскихъ дѣлахъ, выразившихся въ крестовомъ походѣ,—германскихъ, нашедшихъ отраженіе въ смутномъ времени, вызванномъ избраніемъ поповскаго короля, и — итальянскихъ, въ смыслѣ внѣшнихъ отношеній Фридриха II къ папѣ и Сициліи.

Всѣ эти темы Бильбасовъ разработалъ обстоятельно и тщательно, снабдивъ ихъ массою деталей,—деталей, до полной подробности исчерпывающихъ всѣ мелочи событій, какъ крестоваго похода, такъ и времени поповскаго короля. Но, несмотря на сложность задѣтыхъ ученымъ вопросамъ, всѣ произведенія, относящіяся къ указанной эпохѣ, написаны съ большимъ искусствомъ, художественно, что сразу и обнаруживало въ авторѣ способность обращаться съ источниками, знакомство его съ методами разработки ихъ, или такъ называемыми приѣмами исторической критики, а также умѣнье дѣлать надлежащія поправки и вставки въ текстѣ.

Заканчивая нашъ краткій обзоръ перваго періода ученой дѣятельности Бильбасова, нужно отмѣтить, что покойный профессоръ въ разсматриваемый періодъ не ограничивался въ своихъ трудахъ лишь однимъ вопросомъ, легшимъ въ основу его диссертации. Отнюдь нѣтъ,—его занимали также и вопросы начавшаго тогда входить въ моду славянства и археологіи. Какъ одному, такъ и другому изъ названныхъ вопросовъ историкъ отдалъ должную дань. Славянству онъ посвятилъ рядъ изслѣдованій, изъ которыхъ въ одномъ («Чехъ Янъ Гусъ изъ Гусинца», Спб., 1869 г.) свелъ въ одно цѣлое мнѣнія о Гусѣ Новикова и Елагина и далъ нѣсколько критическихъ замѣчаній по поводу впервые напечатанныхъ въ книгѣ писемъ Гуса, а въ другомъ («Кириллъ и Меодій по документальнымъ источникамъ», Спб., 1868—1871 гг.) привелъ въ систематизацію и подвергнулъ строгой научной критикѣ всѣ имѣвшіеся тогда источники о первоучителяхъ.

Археологіи же Бильбасовъ удѣлилъ нѣсколько самостоятельныхъ журнальныхъ статей, въ видѣ отчетовъ о заграничной своей командировкѣ, а именно: «Христіанскій музей при Берлинскомъ университетѣ» («Журналъ министерства народнаго просвѣщенія», 1864 г.), «Объ изученіи памятниковъ искусства въ гимназіяхъ» (ibidem, 1867 г.), «Die Byzantinisch-russische Kunst» (Monumentale Theologie hrsgb. v. Peper, 1867) и др.

Второй періодъ дѣятельности Бильбасова, почти исключительно публицистическій, начался въ срединѣ 70-хъ годовъ, сейчасъ же по возвращеніи его въ Россію изъ заграничной поѣздки, когда онъ

вошелъ въ составъ редакціи «Голоса», гдѣ сошлись тогда такіе крупные представители журналистики и науки, какъ В. П. Безобразовъ, В. И. Модестовъ, Гр. Градовскій, проф. А. Д. Градовскій, В. В. Чуйко, М. Загуляевъ и проч.

Дѣятельность этого періода не выразилась у Василя Алексѣвича ни въ чемъ опредѣленномъ, такъ какъ онъ не велъ, собственно, въ газетѣ опредѣленнаго отдѣла и не писалъ въ ней статей опредѣленнаго разряда. Ему, главнымъ образомъ, принадлежало общее веденіе газеты; онъ былъ ея фактическимъ редакторомъ.

По установившемуся въ критикѣ взгляду «Голосъ», въ первую половину своего существованія примыкавшій къ охранительному лагерю и ожесточенно полемизировавшій съ Коршевскими «С.-Петербургскими Вѣдомостями», въ годы редактированія его Бильбасовымъ, т.-е. за послѣднія десять лѣтъ своего существованія, перешелъ на сторону умѣреннаго либерализма и сдѣлался сторонникомъ постепенныхъ умѣренныхъ реформъ, свободнаго развитія промышленности и реальной независимой школы. Однимъ словомъ, какъ выразился одинъ почтенный историкъ русской литературы, «Голосъ», до вступленія Бильбасова изображавшій собою правый центръ, позднѣе сталъ представлять собою лѣвый. Редактировалъ «Голосъ» Бильбасовъ вплоть до закрытія его гр. Дм. Толстымъ.

Послѣдній и самый видный для общества періодъ дѣятельности покойнаго ученаго начался въ 80-хъ годахъ. Ревностный ученикъ Дройзена, Ранке, Зибеля, Бильбасовъ, немного даже огерманизовавшійся за границей, по пріѣздѣ въ Россію, почувствовалъ себя чисто русскимъ и сталъ искать источника, гдѣ бы могла вылиться всецѣло вся его эрудиція и способность разбираться и ориентироваться въ грудахъ всевозможныхъ архивныхъ документовъ.

Вниманіе его останавливается все болѣе и болѣе на исторіи второй половины XVIII вѣка,—вѣка, интересовавшаго его и внѣ Россіи, заставившаго его отыскать въ парижской національной библиотекѣ и въ другихъ французскихъ семейныхъ архивахъ немало весьма любопытныхъ современныхъ свидѣтельствъ, устранявшихъ многія неточности прежнихъ повѣствованій объ этой эпохѣ. Изученіе же этого матеріала навело Бильбасова на мысль посвятить себя исключительно исторіи императрицы Екатерины II. Историка, воспитаннаго на германской школѣ, историка внѣшняго хода событій по преимуществу, конечно, должна была привлечь къ себѣ прежде всего эпоха царствованія императрицы, воспитанной со строгой нѣмецкой выдержкой, эпохи, блестящей стороной которой являлась внѣшняя политика. И онъ энергично принимается за серьезную, трудную работу, съ грандіозною мечтой выпустить цѣлую исторію императрицы ко дню столѣтія ея кончины (6 ноября 1896 г.).

Занявшись «Исторіей Екатерины» Бильбасовъ сначала ограничивается лишь журнальными статьями; послѣдовательно онъ печатаетъ: «Екатерина II и Дидро» («Русская Старина», 1884 г.), «Екатерина II во время войны со Швеціею» (*ibidem*, 1887 г.), «Русскіе избранники и случайные люди въ XVIII вѣкѣ» (*ibidem*, 1886—1887 гг.) и др. очерки. Затѣмъ онъ печатаетъ отдѣльныя монографіи: «Дидро въ Петербургѣ. Екатерина II. Denis Diderot. Дидро въ гостяхъ у Екатерины» (Спб., 1884 г., 8°, 2+IV+325 стр.) и «Первыя политическія письма Екатерины II» (Спб., 1887 г., 8°, VII+110 стр.). А въ 1890 году уже выпускаетъ первый томъ «Исторіи Екатерины II», включающій 643 страницы убористаго шрифта.

Какъ извѣстно, трудъ этотъ, благодаря цензурнымъ условіямъ, получилъ у насъ, въ Россіи, запретъ. По день жизни автора были выпущены слѣдующіе томы «Исторіи»: томъ первый, обнимающій жизнь Екатерины до вступленія ея на престолъ, вышелъ въ Петербургѣ въ 1890 году (8°, VII+643 стр.) и считается окончательно распроданнымъ; томъ второй былъ отпечатанъ въ Петербургѣ же, но въ продажу не допущенъ, и томъ двѣнадцатый, состоящій изъ двухъ частей и включающій въ себѣ обзоръ иностранныхъ сочиненій объ императрицѣ (1744—1797 гг.), вышелъ въ 1896 году въ Берлинѣ (ч. I, VIII+576 стр., и ч. II, VIII+576 стр.). Помимо русскаго изданія «Исторіи» имѣется въ обращеніи и его заграничная, берлинская, перепечатка, а также нѣмецкій переводъ перваго тома (въ 2-хъ частяхъ, переводъ M. von Petzold), вышедшій въ Берлинѣ въ 1891 году, и второго тома (перев. P. v. R.), вышедшій тамъ же въ 1893 году.

Не касаясь вовсе въ настоящемъ очеркѣ критики этого замѣчательнаго труда, занявшаго видное мѣсто въ новѣйшей исторіографіи нашей, а въ ряду книгъ, посвященныхъ знаменитой императрицѣ, безспорно, первое, — мы позволяемъ себѣ лишь отмѣтить одно явленіе, интересное и даже поучительное съ точки зрѣнія публицистической. Первому тому «Исторіи» удалось обойти одну трудность, именно подробно и откровенно коснуться той эпохи, которая принадлежала къ тѣмъ періодамъ русской исторіи, относительно которыхъ изслѣдователи почти не имѣютъ возможности сказать полную правду. У Бильбасова есть подробности, впервые появляющіяся въ русской исторической литературѣ съ такою откровенностью. Онъ въ свою очередь разрушаютъ тѣ нелѣпые и чудовищные рассказы, которые были созданы долгимъ запретомъ, лежащимъ на интимной исторіи императрицы. Изъ книги Бильбасова, — говоритъ одинъ изъ извѣстныхъ нашихъ критиковъ, — впервые вырисовывается передъ нами образъ Екатерины-женщины, совершенно затерянный въ апокрифическихъ сказаніяхъ о ней, сложившихся благодаря невозможности дать связанный

и полный разсказъ о душевной жизни этой жены слабоумнаго и безсильнаго мужа.

Надъ «Исторіей Екатерины» почтенный историкъ работалъ всю свою жизнь, въ черновикѣ она была уже давно готова, но указанныя выше обстоятельства не давали возможности автору напечатать весь этотъ наичѣннѣйшій матеріалъ и увѣковѣчить этимъ память умнѣйшей нашей царицы. Судьба томовъ, оставшихся въ рукописи, пока еще не выяснена.

Самые послѣдніе годы передъ смертью Бильбасовъ былъ занятъ капитальнѣйшимъ трудомъ. Онъ редактировалъ «Архивъ графовъ Мордвиновыхъ», вышедшій въ свѣтъ въ десяти огромнѣйшихъ томахъ. Самому редактору принадлежатъ общія предисловія и предисловія къ отдѣльнымъ томамъ. Въ нихъ охарактеризовано научное значеніе документовъ, а самые документы использованы для общей характеристики Н. С. Мординова. Кромѣ предисловія, редакторъ даетъ примѣчанія, всегда дѣльныя и нужныя, не гоняясь за ихъ обиліемъ. «Архивъ графовъ Мордвиновыхъ» — цѣнный источникъ для нашей исторіи.

Кромѣ перечисленныхъ нами трудовъ Бильбасова, извѣстны его интересныя статьи—монографіи въ «Русской Старинѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ» и въ другихъ изданіяхъ.

Василій Алексѣвичъ умеръ въ самый разгаръ своей ученой дѣятельности; человекъ большого ума, огромнѣйшей эрудиціи, получившій великолѣпное образованіе, онъ еще много могъ бы поработать на обширной нивѣ русской исторіи.

Б. М. Городецкій.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

Русскіе въ Парижѣ отъ 1800 до 1830 г.—Дипломатическая переписка между русскимъ и французскимъ правительствами отъ 1817—1818 г.—Графъ Ноайль въ Петербургѣ.—Участіе въ русско-турецкой войнѣ 1828 г. герцога Мортемара и барона Бургоэна.

РУССКІЕ въ Парижѣ отъ 1800 до 1830 г. Во второмъ апрѣльскомъ и первомъ майскомъ нумерахъ «Correspondant»'а Леонъ Пенго рассказываетъ ¹⁾ о русскомъ обществѣ въ Парижѣ во время консульства, имперіи и реставраціи. Авторъ извѣстенъ своимъ несочувственнымъ отношеніемъ къ русскимъ, и его сужденія о нихъ часто отличаются чрезмѣрной придирчивостью. Впечатлѣніе, произведенное на Европу великимъ общимъ замиреніемъ, было столь сильно, что съ 1801 г. не только европейцы, а даже и американцы бросились во Францію, чтобы воочию увидѣть результатъ великихъ событій, и Парижъ сдѣлался центромъ европейской общественной жизни. И русскіе появились тамъ, за отдаленностью, правда, въ небольшомъ числѣ и поспѣшили устроить наскоро свою колонію, хотя, очевидно, не были увѣрены въ ея долговѣчности. Уже съ 1800 г. русскіе стали вступать въ сношенія съ французскимъ реформированнымъ обществомъ. Тутъ играло главную роль то обстоятельство, что самъ императоръ Павелъ измѣнилъ свои отношенія къ Франціи. Уже поговаривали не только о близкомъ мирѣ, но даже о союзѣ съ

¹⁾ Les Russes à Paris (1800—1830), par Léonce Pingaud. «Le Correspondant», 15 avril—10 mai 1904.

Бонапартомъ, который предложилъ Россіи совмѣстныя дѣйствія противъ Англіи, и, по словамъ Пэнго, Павелъ въ отвѣтъ не отказалъ въ выраженіяхъ вниманія Бонапарту: проходя мимо его бюста въ Эрмитажѣ, онъ снималъ предъ нимъ шляпу и привѣтствовалъ «самаго великаго современнаго человѣка». Послѣ же вступленія на престолъ Александра, по словамъ автора, многіе молодые придворные приходили въ восторгъ отъ Лоди и Маренго, а Павелъ Строгановъ объявилъ, что предпочитаетъ всему, даже посту перваго министра въ Россіи, положеніе адъютанта при Наполеонѣ. «Русскій хорошаго происхожденія,—говоритъ Пэнго,—долженъ былъ признавать, что въ Парижѣ—онъ дома; онъ долженъ былъ выбирать, слѣдовать ли ему традиціямъ стараго времени, или присоединиться къ новой Франціи, собирать ли ему въ своемъ уголку эмигрантовъ, возвратившихся изъ изгнанія, или замѣшаться въ толпу, встрѣчаться въ ней съ «позолоченными подонками общества», военными или финансовыми выскочками. Онъ находилъ тамъ въ самой разнообразной компаніи безопасность и общее удовлетвореніе».

Русскіе и французы выражали «инстинктивную, наслѣдственную» симпатію другъ къ другу. Плѣнные въ Нанси обнимали своихъ гостепріимныхъ хозяевъ, которые въ свою очередь были опечалены разлукой. Генерала Левашева, отправлявшагося въ Неаполь, офицеры итальянской арміи привѣтствовали при его проѣздѣ туда и обратно. А когда онъ сидѣлъ рядомъ съ Мюратомъ во Флорентійскомъ театрѣ, ему поднесли русскій флагъ, который онъ соединилъ съ трехцвѣтнымъ знаменемъ, выражая этимъ желаніе союза «двухъ самыхъ большихъ націй въ Европѣ». Восторгъ русскихъ передъ французами былъ такъ великъ, что генераль Спренгпортенъ, посланный для переговоровъ о возвращеніи 7.000 русскихъ военноплѣнныхъ, увидя побѣдителя при Цюрихѣ, Массену, долженъ былъ извиняться въ невольномъ движеніи восторга, который могъ быть дурно истолкованъ, и сказалъ: «Всѣ поймутъ мое изумленіе въ присутствіи человѣка, который первый со времени Карла XII имѣлъ честь побить русскую армію». Восторгъ Спренгпортена передъ Франціей Пэнго объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ оставался тамъ недолго, видѣлъ только Бонапарта и его приближенныхъ, а главное успѣшно выполнилъ порученную ему миссію. Проф. Мартенсъ въ своей извѣстной книгѣ: «Собраніе трактатовъ и конвенцій» говоритъ, что Спренгпортенъ былъ встрѣченъ во Франціи съ большими почестями, что его встрѣчали мѣстныя власти при громѣ пушекъ и расточали «самыя пріятныя и лестныя слова», и Наполеонъ принялъ его также ласково и увѣрилъ въ искреннемъ желаніи сблизиться съ Россіей даже, если нужно принести большія жертвы. «Спренгпортенъ,—говоритъ Мартенсъ,—подъ вліяніемъ распѣваемыхъ въ парижскихъ театрахъ въ его честь шансонетокъ и неистовыхъ рукоплесканій былъ совершенно отуманенъ и не

замѣчалъ разставленныхъ сѣтей». Послѣ Спренгпортена, какъ бы подготовившаго почву для переговоровъ о мирѣ, былъ посланъ Колычевъ. По словамъ Пэнго, Колычевъ, торжественно встрѣченный на границѣ и принятый повсюду съ почестями, былъ иного мнѣнія о французахъ, чѣмъ его предшественникъ, благодаря вліянію на него жены, не любившей французовъ. Да, кромѣ того, революціонное правленіе было ему не по душѣ и казалось непрочнымъ. Такое настроеніе вызывало съ его стороны недомолвки. Въ концѣ концовъ Наполеонъ сталъ находить его «глупымъ и наглымъ». Дѣйствительно же самъ Колычевъ писалъ государю: «Невзирая на чрезвычайныя почести и словесныя увѣренія, кажется, что въ сближеніи Франціи съ Россіей ни малѣйшей нѣтъ искренности... Весьма ясно желаніе правительства вовлечь Россію въ убыточную войну не только съ Англіей, но и съ самою Портою. Если Спренгпортенъ въ такомъ неописанномъ восторгѣ отъ Парижа, то это потому, что онъ не обладаетъ здравымъ смысломъ». Колычевъ понималъ, что первый консулъ желалъ только мирнаго трактата между Россіей и Франціей. Колычевъ же доказывалъ, что цѣль его пріѣзда во Францію—всеобщее замиреніе Европы, и, видя различіе въ намѣреніяхъ, настойчиво требовалъ своего отозванія, но Пэнго, какъ мы видѣли, объясняетъ совсѣмъ иными причинами его нелюбовь къ Франціи. Смерть императора прекратила на время переговоры о мирѣ между Франціей и Россіей, и они возобновились и были закончены лишь въ сентябрѣ 1801 г. не Колычевымъ, а графомъ Марковымъ. Пэнго, какъ и многіе французскіе историки, путаютъ Моркова съ Морковымъ.

Графъ Аркадій Ивановичъ Морковъ, прекратившій на нѣкоторое время враждебныя отношенія между обѣими державами и подписавшій трактатъ 8-го октября 1801 года, принадлежалъ, по мнѣнію Пэнго, какъ по воспитанію, такъ и по идеямъ къ екатерининскому царствованію и мало подходилъ для исполненія возложеннаго на него порученія. Онъ считалъ республиканское правительство хрупкимъ, а его политическихъ дѣятелей—людьми фальшивыми, заносчивыми и велъ себя согласно своему мнѣнію о нихъ. Предъ Наполеономъ онъ старался сохранить свое достоинство, рискуя казаться высокоумѣрымъ; онъ долженъ былъ иногда, по мнѣнію Пэнго, «воздерживаться». Онъ высказывалъ откровенно свое мнѣніе о первомъ консулѣ въ интимномъ кругу. Въ Тюильри онъ также презиралъ свѣтскій тонъ и общество, среди котораго ему приходилось вращаться. Онъ посѣщалъ французскую комедію такъ же, какъ министерство иностранныхъ дѣлъ, набиралъ актеровъ для русской императорской сцены, закупалъ для посольства или императорскихъ дворцовъ ноты, шампанское и новыя книги, окружалъ себя лицами, напоминавшими ему прежнее французское правленіе. «Онъ не далъ ни одного обѣда, и едва извѣстно его мѣ-

стожительство»,—писаль о немъ Наполеонъ. Талейранъ пытался его приручить, приглашая на свои интимныя, ночныя собранія, которыя устраивались послѣ официальныхъ вечеровъ, но графъ Морковъ оставался холоднымъ и не скрывалъ своего отвращенія, въ чемъ вскорѣ Наполеонъ и его министры убѣдились, за что, по выраженію Пэнго, «отплатили съ лихвой». «Даже въ ничтожныхъ вопросахъ,—говоритъ онъ,—Морковъ возвышалъ товъ». Такъ было въ ничтожномъ эпизодѣ съ безпошлинно выписанной изъ Англи каретой и ящикомъ съ сбурей. Сохранились двѣ ноты, которыми обмѣнялся онъ съ Талейраномъ, любопытныя «по наглости со стороны Моркова и насмѣшкѣ со стороны Талейрана». Не получивъ отвѣта изъ министерства на требованіе разрѣшенія свободнаго пропуска посылки, которое онъ просилъ три раза, посланникъ въ четвертый разъ написалъ, что онъ обращается не «за одолженіемъ, а требуетъ по праву, прося министра дать объясненіе о причинѣ задержки для сообщенія своему двору». На другой день Талейранъ отвѣтилъ, что болѣзнь мѣшала ему дать отвѣтъ на «столь важную просьбу», служившую предметомъ его послѣдней ноты. Нынѣ онъ спѣшитъ объявить ему, что его запросъ отосланъ въ министерство финансовъ, которое навѣрно не преминетъ дать рѣшеніе, соответствующее человѣческимъ правамъ, на которыя графъ Морковъ ссылается. Эту ноту Талейранъ заканчиваетъ ироническимъ замѣчаніемъ, что «онъ въ восторгѣ имѣть случай этимъ объясненіемъ поставить въ возможность графа Моркова, не теряя времени, дать отчетъ своему двору о ссорѣ, которая, повидимому, имѣетъ важность для добраго согласія между двумя государствами»...

«Графъ Морковъ, по выраженію Пэнго, отмстилъ за ударъ, нанесенный ему перомъ Талейрана, взявъ подъ шумокъ на жалованье низкопробнаго писаку Фулью и поручивъ ему періодическій бюллетень враждебныхъ для Франціи извѣстій». По словамъ профессора Мартенса, вся эта исторія съ Фулью, какъ подозрѣвалъ и самъ императоръ Александръ I-й, была подстроена самими французскими властями. Когда въ Петербургъ появился французскій посланникъ, генераль Гедувиль, вице-канцлеръ, графъ Кочубей, на первомъ же совѣщаніи коснулся этого дѣла и потребовалъ формальныхъ доказательствъ виновности графа Моркова. Въ отвѣтъ Гедувиль сталъ доказывать, что, если бы первый консулъ не былъ въ отлучкѣ, то ничего бы не было, и что Бонапартъ только «въ шутку» упомянулъ графу Моркову объ этомъ происшествіи, и что «пылкая голова министра полиціи, Фуше, наиболѣе тутъ участвовала». «Знаменитый Фуше,—говоритъ Мартенсъ,—хотѣлъ выслужиться и доказать свою необходимость, зная неособенно пріязненныя чувства Бонапарта къ графу Моркову».

Не достигнувъ при помощи этого скандала отозванія неприятнаго ему посланника, Бонапартъ сталъ измышлять случаи, чтобы на-

конецъ избавиться отъ графа Моркова. Пэнго рассказываетъ исторію съ Шуазелемъ-Гуффье. Шуазель былъ раньше посланникомъ въ Константинополь и подъ старость сталъ «парижаниномъ», хотя онъ владѣлъ въ Россіи землями, 2.500 душъ крестьянъ и получалъ 35.000 дохода. Онъ, по словамъ Пэнго, сдѣлался посредникомъ между графомъ Морковымъ и Талейраномъ и переносилъ отъ одного къ другому различныя справки, вывѣданныя имъ наканунѣ у котораго нибудь изъ нихъ. Играя въ эту двойную игру, онъ, кажется, думалъ, что исполняетъ свою прежнюю работу дипломата. Морковъ не препятствовалъ ему говорить сколько угодно и подъ рукой собиралъ свѣдѣнія. Кромѣ того, онъ собралъ въ военномъ вѣдомствѣ справки о французской арміи, имѣя въ виду неизбѣжныя враждебныя столкновенія между обѣими державами. Отношенія между первымъ консуломъ и русскимъ посланникомъ дошли наконецъ до того, что онъ самъ просилъ отозвать его изъ Франціи. Оскорбительная сцена, устроенная Наполеономъ графу Моркову на официальномъ приѣмѣ, заставила императора исполнить желаніе посланника. Ненависть къ нему Наполеона и Талейрана дошла до того, что первый консулъ не удостоилъ графа Моркова особой аудіенціи, и онъ долженъ былъ вручить грамоту на общемъ приѣмѣ членовъ дипломатическаго корпуса. Графъ Морковъ былъ не популяренъ отчасти и потому, что не собиралъ у себя общества ни на обѣдахъ, ни на балахъ. По его словамъ, «ему казалось, что онъ сбѣжалъ изъ Алжира или Мароко, покидая страну, гдѣ царили произвольные законы и разнузданные нравы».

Преемникъ графа Моркова, Убри, кое-какъ поддерживалъ около года сношенія между обѣими державами. Профессоръ Мартенсъ говоритъ, что сначала онъ сдѣлался мишенью неудовольствія, его унижали вездѣ, гдѣ могли, и Талейранъ заявилъ, что онъ не будетъ имѣть личныхъ сношеній съ первымъ консуломъ. Но Пэнго ничего не говоритъ ни объ этомъ, ни о томъ, какъ легкомысленно подписался Убри подъ мирнымъ трактатомъ, очарованный любовью Талейрана.

Еще въ началѣ консульства Наполеона его адъютанты: Дюрокъ, Коленкуръ, Шато-Жиронъ и Кольберъ-Шабанэ, отправленные въ Петербургъ, старались «представить французскихъ гражданъ въ симпатичномъ видѣ предъ русской аристократіей и привлечь ее въ Парижъ». Первые три года консульства русскіе дѣйствительно стали посѣщать Парижъ. Правда, Наполеонъ не очень любилъ иностранцевъ, но на ихъ путешествія онъ смотрѣлъ, по выраженію Пэнго, какъ на «дань ихъ почтенія странѣ». Нѣкоторые русскіе, посѣщавшіе Францію, имѣли опредѣленныя задачи; такъ генералу Хитрово было поручено изучить учрежденія народнаго просвѣщенія, а князю Шаховскому набрать актеровъ для императорскихъ театровъ. За ними слѣдовали люди, ищущіе развлеченій, находившіе

больше удовольствія въ увеселительныхъ заведеніяхъ, чѣмъ въ свѣтскихъ салонахъ, и предпочитавшіе веселиться, не очень строго выбирая знакомыхъ. Среди нихъ выдавались, по словамъ Пэнго, особенно дамы, какъ, напримѣръ, княгиня Голицына, г-жа Жеребцова, сестра Зубовыхъ, а особенно г-жа Демидова и княгиня Трубецкая. Елисавета Демидова, урожденная Строганова, была замужемъ за извѣстнымъ богачемъ, расточителемъ и благотворителемъ, человѣкомъ слабохарактернымъ, эгоистомъ и суровымъ въ домашней жизни, но фактически она скоро разошлась съ нимъ. Во Франціи они опять сошлись, «озаботившись найти общаго друга, князя Трубецкого». Она не была красива, но очень граціозна, и художница Виже-Лебрентъ, приглашавшая ее на свои артистическія собранія, рассказывала, что когда она танцевала русскій вальсъ (?), то всѣ вставали на скамейки, чтобы видѣть ея танцы, и рукоплескали, какъ балеринѣ во время представленія. Она была не очень разборчива на общество, и ея вечера въ бывшемъ домѣ Пралена служили «выставкой всего, что было самага великолѣпнаго на востокѣ». Ея балльный залъ былъ въ то же время и игорнымъ и вскорѣ, какъ увѣряетъ Пэнго, обратилъ на себя вниманіе полиціи.

Затѣмъ Пэнго упоминаетъ о герцогинѣ Курляндской, а также о двухъ выдающихся великосвѣтскихъ дамахъ, совершенно противоположныхъ по характеру и образу жизни — русской г-жѣ Дивовой, и обрусѣвшей французской аристократкѣ, княгинѣ Тарантъ. Первая, урожденная Бутурлина, оставила послѣ себя еще неизданный дневникъ, сохраняющійся въ Публичной библіотекѣ. Въ немъ она рассказываетъ свои впечатлѣнія, но, по словамъ Пэнго, безпорядочно, все какъ бы случайно, останавливаясь на пустякахъ. Вторая — княгиня Тарантъ, которая вела переписку съ графиней Головиной.

Г-жа Дивова была фрейлиной Екатерины II и, по словамъ Пэнго, отличалась легкомысленнымъ, непостояннымъ характеромъ. Когда она появилась при дворѣ, то однажды попросила у какого-то итальянскаго пѣвца написать ея девизъ, что послѣдній исполнилъ. Оказалось, что онъ написалъ ей фразу: «*sempre razza*», т.-е. всегда сумасшедшая. Съ тѣхъ поръ она какъ будто старалась всюду оправдать этотъ девизъ. Выйдя замужъ за члена посольства, она съ помощью кокетства и женскихъ уловокъ выпытывала министерскія тайны, когда была въ Стокгольмѣ.

Въ царствованіе Павла она вмѣстѣ съ мужемъ и дѣтьми уѣхала за границу и жила въ Берлинѣ и Вѣнѣ, съ нетерпѣніемъ ожидая заключенія мира, чтобы попасть въ Парижъ. Наконецъ, въ концѣ 1801 года она была уже во французскомъ посольствѣ въ Берлинѣ и хлопотала о паспортахъ, чтобы ѣхать въ Парижъ. Посланникъ Бернонвиль, «интриганъ высшаго полета, принимавшій всѣхъ безъ

разбора», принялъ и ее съ присущимъ ему легкомысліемъ и даже предложилъ свое помѣщеніе въ Парижѣ, въ ожиданіи, пока она найдетъ подходящую квартиру.

Парижъ она разсматривала во всѣ глаза. «Удовольствіе, съ какимъ я увидѣла перваго французскаго солдата,—писала она въ своемъ дневникѣ,—невѣроятно, за этимъ удовольствіемъ послѣдовало много другихъ». Ея дневникъ пестритъ именами знаменитыхъ актеровъ, рестораторовъ, модныхъ кондитеровъ и лицъ всевозможныхъ національностей и положеній, съ которыми она быстро знакомилась. Она пробыла около шести недѣль во временномъ помѣщеніи, пока готовилась ея квартира, и въ это время предавалась всевозможнымъ удовольствіямъ. День проводила въ Елисейскихъ поляхъ, на террасѣ Фейльянъ, на Карусельской площади, въ Пале-Роялѣ,—вездѣ, гдѣ собиралось всевозможное разряженное общество въ экипажахъ, а по вечерамъ посѣщала одинъ изъ семнадцати открытыхъ въ то время театровъ.

Получивъ рекомендательныя письма къ г-жѣ Монтессонъ, марганатической вдовѣ одного принца королевской крови, къ Жозефинѣ и Талейрану, она вошла во всѣ свѣтскіе салоны Парижа. У г-жи Монтессонъ собиралось самое разнообразное общество, и рядомъ съ принцами крови бывали республиканцы. На одномъ изъ ея баловъ г-жа Дивова была представлена Жозефинѣ; послѣ этого бала она встрѣтила ее на одномъ завтракѣ, и съ тѣхъ поръ для нея открылись двери Мальмэзона. Жозефина ее любезно приняла, показала ей свою спальню, кабинетъ, заваленный ботаническими книгами, свой садъ и теплицы. Съ тѣхъ поръ семья Дивовыхъ приглашалась на всѣ увеселенія въ Мальмэзонѣ и, какъ рѣдкое исключеніе, на спектакли. Бонапартъ благодарилъ г-жу Дивову за рекомендательныя письма, которая она дала въ Берлинѣ французамъ, отправлявшимся въ Россію. Однажды, Бонапартъ посадилъ ее за своимъ карточнымъ столомъ между графомъ Морковымъ и генераломъ Макдональдомъ. Съ тѣхъ поръ г-жа Дивова стала появляться на всѣхъ официальныхъ балахъ, приѣмахъ и собраніяхъ. Лѣтомъ она бывала въ Нельи у Талейрана, въ Ранси у Бертье и въ Бьеврѣ у Жюно. Сама она открыла салонъ, но для разговоровъ и бесѣдъ тамъ не хватало времени, такъ какъ устраивались то концерты, то театръ и даже балетъ. Замѣчательные люди не производили на нее, очевидно, впечатлѣнія, такъ какъ въ ея дневникѣ говорится о нихъ вскользь. Вообще, въ ея дневникѣ, по словамъ Пэнго, не видно злорѣчія; хотя она упоминаетъ о лицахъ, которыхъ посѣщала или принимала, но ея сужденія кратки, сжаты и поверхностны. Она была не ревнива и выставляла на видъ красоту другихъ женщинъ, упоминая объ ихъ умѣ, и совсѣмъ не сообщая о скандальной хроникѣ. По мнѣнію Пэнго, ея легкомысліе искупалось добротой. У г-жи Рекамье, которая ее пригласила на

дачу, гдѣ бывалъ всегда графъ Морковъ, она находила внѣшнюю привлекательность, благотворительность, безупречную репутацію и даже умъ, генерала Бертъ называла «небеснымъ ангеломъ». Рядомъ съ изящными дамами и выскочками она встрѣчала въ Парижѣ представителей стараго режима, и послѣднихъ она отличала отъ первыхъ, такъ какъ тяготѣла къ великосвѣтскимъ людямъ и питала дружбу къ г-жѣ Люсэ только потому, что мечтала найти въ этой посѣтительницѣ Тюильри характеръ великосвѣтской дамы. Она посѣщала г-жу Жюно, потому что та выдавала себя за потомка константинопольскихъ императоровъ. Изъ военныхъ она отличала тѣхъ, которые сохранили нѣчто отъ стараго режима, хотя и смѣшались съ новыми людьми въ силу обстоятельствъ, безъ всякой предвзятой мысли, какъ Макдональдъ, Гедувилль, Филиппъ Сегюръ. Г-жа Дивова наслаждалась настоящимъ моментомъ и закрывала глаза на прошлое и будущее. Пэнго цитируетъ фразу изъ ея дневника: «Много денегъ, добрая доза здоровья, холодная голова, сердце какъ можно менѣ чувствительное, какого мы простые смертные не имѣемъ, какъ можно меньше эгоизма, немного французской легкости въ характерѣ и вмѣстѣ съ этимъ возможность жить въ Парижѣ: вотъ, когда, по моему мнѣнію, на землѣ будетъ существовать совершенное счастье».

Совершенно иною является въ обрисовкѣ Пэнго княгиня Тарантъ, о которой такъ много упоминала графиня Головина въ своихъ «Запискахъ». Въ то время, — говоритъ Пэнго, — французскимъ эмигрантамъ жилось въ Россіи лучше, чѣмъ въ Германіи или Англіи, особенно тѣмъ, которые пользовались покровительствомъ императора. Несмотря на различіе нравовъ, попавшіе въ Россію ко двору или въ армію не чувствовали такой оторванности отъ прежнихъ условій, какъ поселившіеся въ Англію или Германію. Въ Россіи они нашли удовольствія и служили предметомъ безкорыстнаго интереса, а многіе, благодаря подареннымъ землямъ или пенсіи, основались въ Россіи. Когда же они чрезъ много лѣтъ захотѣли взглянуть на свою родину, то первое время чувствовали себя, какъ чужестранцы, несмотря на то, что родились во Франціи. Къ этому разряду эмигрантовъ принадлежала и княгиня Тарантъ. Біографію ея излишне повторять, такъ какъ она извѣстна читателямъ «Историческаго Вѣстника» изъ «Записокъ» графини Головиной, съ которой она была въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и даже отправилась вмѣстѣ во Францію.

Ей было 38 лѣтъ, когда она вновь посѣтила свою родину, исполняя просьбу матери, желавшей повидаться съ нею. Сама же княгиня Тарантъ нашла вторую родину въ Россіи, а дружба графини Головиной заставила ее совсѣмъ забыть о первой родинѣ. Отправляясь во Францію, она твердо рѣшилась возвратиться въ

Россію. Впечатлѣніе, произведенное на нее Парижемъ, не было благопріятнымъ, и она не восторгалась, какъ г-жа Дивова, находя, что улицы узки и грязны, и вспоминала о широкихъ петербургскихъ проспектахъ, освѣщенныхъ зимнимъ солнцемъ. Первое время она отказалась даже взглянуть на городъ и совершенно уединилась съ глазу на глазъ съ своей матерью въ Сентъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ. Только спустя нѣсколько дней, она рѣшилась посѣтить часовню въ окрестностяхъ Парижа, гдѣ покоились ея предки. Послѣ этого она отважилась вмѣстѣ съ графиней Головиной осмотрѣть городъ, а затѣмъ, мало-по-малу, войти въ общество. Она была поражена на первомъ же ужинѣ убожествомъ обстановки французскихъ аристократовъ. «Такъ какъ было обязательно среди прежнихъ аристократовъ,—говоритъ Пэнго,—угодничать предъ царствующимъ государемъ, хотя бы заочно, то они охотно разговаривали о новомъ русскомъ императорѣ, о празднествахъ по случаю его коронаціи, о его расположеніи къ Бурбонамъ. Для старыхъ придворныхъ дамъ достаточно было его молодости, красоты и его наивной довѣрчивости къ роялистамъ, чтобы сойти отъ него съ ума». Новое общество скандализовало княгиню Тарантъ, и въ ней просыпались прежнія воспоминанія. Въ особенности ей было тяжело встрѣтиться съ Лафайетомъ. Не имѣя возможности отказаться отъ приглашенія г-жи Виже-Лебренъ, княгиня Тарантъ чувствовала себя въ новомъ обществѣ актеровъ и артистовъ совершенно чужой.

Пэнго съ ироніей отзывается о нравственной щекотливости г-жи Дивовой. По его словамъ, «тайный парижскій другъ», пославшій всѣ свѣдѣнія въ Петербургъ императору, сообщалъ ему: «Дивова добилась отъ Ремюза письменнаго разрѣшенія Бонапарта содержать игорный домъ, уплачивая 30.000 ливровъ за четверть года въ пользу полиціи. Одинъ шулеръ, Салина, даетъ капиталъ, имѣя во главѣ цѣлую шайку шулеровъ. Онъ даетъ г-жѣ Дивовой 25 ливровъ въ день, а самому Дивову 13, но Талейранъ божится, что прикажетъ закрыть эту лавочку, потому что не дали взятки его женѣ. Дивовъ съ своими друзьями устроилъ торговлю контрабандой для Россіи и, какъ говорятъ, заинтересованныя лица, съ каждой посылкой получаетъ отъ 80 до 100 процентовъ. Въ товариществѣ для доставленія фонда заинтересованъ и самъ Талейранъ. Агенты этого общества ѣздятъ въ Россію и возвращаются обратно въ Парижъ».

Салонъ г-жи Дивовой былъ открытъ безъ разбора для всѣхъ, и тамъ бывало самое разнокалиберное общество. Вообще русскіе совѣмъ не отличались научной любознательностью, а предавались лишь легкомысленнымъ удовольствіямъ. Напрасно Наполеонъ пробовалъ поручать г-жѣ Абрантесъ устройство утреннихъ экскурсій по столицѣ для осмотра памятниковъ, музеевъ и фабрикъ;

изъ этого ничего не выходило, такъ какъ русскіе были полны лишь празднаго любопытства и вовсе не желали что либо изучать. Графъ Балкъ хотѣлъ собирать у себя всякаго рода виртуозовъ и усаживалъ рядомъ за столомъ, напримѣръ, бульонскаго аббата и Тальму, требуя отъ одного для развлеченія общества декламированія роли Ореста, а отъ другого—отрывковъ проповѣдей.

Только одна русская дама, княгиня Долгорукая, урожденная княжна Барятинская, мать которой была нѣмка, старалась устроить у себя настоящій салонъ, гдѣ велись бесѣды. «Она ненавидитъ празднества,—писала о ней въ своемъ дневникѣ г-жа Арленъ,— и очень хорошо умѣетъ собрать вокругъ себя общество». Едва она пріѣхала въ Парижъ, какъ ея репутація была вполне установлена. Художница Виже-Лебрентъ, посѣтившая ее въ Россіи, свидѣтельствовала о ея любезныхъ приемахъ, оказываемыхъ одинаково артистамъ, придворнымъ и дипломатамъ, и о ея способностяхъ, не только какъ хозяйки дома, но и актрисы своего домашнего театра. Ривароль испыталъ въ Берлинѣ ея безкорыстную дружбу и заботы, которыми она окружила его въ послѣдніе дни жизни. Въ Парижѣ всѣ были того мнѣнія, что она—самая замѣчательная женщина въ русской колоніи. Ея красота была оригинальна. Чертами лица она напоминала еврейку и гречанку, казачку и черкешенку. Всѣ любовались ея ростомъ, фигурой. Нѣкоторыхъ смущала рѣзкость ея нарядовъ и масса брилліантовъ, которыми она любила себя украшать. Впрочемъ, даже тѣ, которые хвалили ея манеры, сожалѣли, что въ ней есть что-то холодное, жеманное и церемонное. Только съ г-жею Рекамье, съ которой она бывала въ одной ложѣ въ оперѣ, княгиня забывала свой тонъ. Ея разговоръ былъ тоже неестественный. Ей многіе завидовали, особенно русскіе, и г-жа Дивова съ горечью замѣчала, что она на нее смотритъ свысока и держитъ отъ себя на извѣстной дистанціи. Въ отместку г-жа Дивова стала распускать по знакомымъ ея карикатуры, нарисованныя княземъ Георгіемъ Голицынымъ.

Воспитанная въ кругу поклонниковъ Вольтера, она привлекала къ себѣ Шатобриана и его сторонниковъ, представителей прежняго литературнаго режима, Лагарпа, уже близкаго къ могилѣ, Делиля, вернушагося изъ изгнанія, который, по ея словамъ, «заставлялъ трепетать всѣ фибры ея сердца». У нея появлялись также оба Сегюра: младшій пѣлъ ослабѣвшимъ голосомъ старинные куплеты, а прежній посланникъ въ Россіи читалъ историческіе отрывки. Антикварій Милленъ былъ ея усерднымъ посѣтителемъ, такъ какъ въ ея салонѣ не забывали о наукѣ. Въ одинъ прекрасный день къ удивленію княгини въ ея гостиную потянулись вереницей незнакомые ей члены академіи, привлеченные перспективой полюбоваться полученными ею рѣдкостями изъ Сибири. Дѣло въ томъ, что какой-то мистификаторъ разослалъ имъ приглашенія къ

ней на обѣдѣ. Но изъ ея салона не вышло въ печать ни одного романа, хотя въ то время появилось много романовъ, написанныхъ на французскомъ языкѣ русскими дамами, въ которыхъ заключались личныя признанія. Такъ, графиня Головкина написала свою «*Elisabeth de S... ou l'histoire d'une Russe*» и поднесла своему мужу этотъ рассказъ о своихъ семейныхъ несчастіяхъ съ цѣлью примиренія.

Иногда въ русскихъ салонахъ говорили о политикѣ, или, вѣрнѣе, злословили о томъ или другомъ политическомъ дѣятелѣ или фактѣ. Русскіе больше всего опасались того, чтобы въ ихъ салонахъ не высказывались мнѣнія, даже самыя безобидныя. «У однихъ,—говорить Пэнго,—это происходило отъ равнодушія, у другихъ изъ предосторожности. По ихъ мнѣнію, хорошо воспитанные люди собирались единственно для веселья, т.-е. для предмета, который не вызывалъ разногласія партій, а напротивъ неизбѣжно поселялъ согласіе между присутствующими. Князь Козловскій говорилъ, что русское дворянство обладаетъ четырьмя привилегіями: «Не получать палочныхъ ударовъ и давать ихъ, не быть притѣсняемымъ императоромъ и избавляться отъ притѣсненій, когда они становились тяжелыми». «Русскіе дворяне,—прибавляетъ Пэнго,—позволяли говорить себѣ такія вещи, какъ, на примѣръ, князь Оболенскій о великомъ князѣ Константинѣ, что бросало въ дрожь. Въ царствованіе императора Александра I они выражали свои мнѣнія не такъ смѣло».

Что касается до новаго французскаго правительства, то русскіе судили о немъ лишь съ точки зрѣнія смуты, внесенной послѣдними событіями въ высшее европейское общество. Г-жу Дивову очень забавляло, когда за ея столомъ нѣмецкій посланникъ Луккезини нападалъ на революцію, а Жюно ее защищалъ. Она удивлялась, что г-жа Сталь изъ чувства англomanіи не восторгалась Аміенскимъ миромъ и не принимала участія въ празднествахъ, данныхъ по этому поводу. Княгиня Голицына и г-жа Демидова громко выражали свой восторгъ передъ первымъ консуломъ, а послѣдняя, будущая свекровь принцессы Матильды, называла его «богомъ Европы». Впрочемъ, между русскими попадались и пропитанные либеральнымъ духомъ, относившіеся симпатично къ нѣкоторымъ теоріямъ, уже вышедшимъ изъ моды во Франціи, но которыя имъ хотѣлось ввести въ Россіи. Къ послѣднимъ лицамъ принадлежали князь Тюфякинъ и графъ Балкъ, посѣщавшіе «аудиторию» г-жи Сталь и общество, созданное революціей; правда, первый охотнѣе навѣщалъ кулисы балета и г-жу Дивову, удивлявшую его тѣмъ, что выдѣлывала балетныя па передъ зеркаломъ. Но, по словамъ Пэнго, русскіе по соображеніямъ политики и національнаго самолюбія, отчасти и въ силу инстинктивной ненависти къ революціонному духу недовѣрчиво относились

къ французамъ. Многія русскія дамы отказались представиться въ Тюильри, а генераль Хитрово, несмотря на предупредительность, оказываемую ему французами на каждомъ шагу, обвинялъ въ своемъ кружкѣ «корсиканца въ тираніи». Княгиня же Долгорукая, «показавъ свои брильянты и свою царскую осанку будущимъ савончикамъ имперіи, произнесла презрительно, что «это—великая сила, но не дворъ». Впрочемъ, г-жа Дивова присутствовала на установленіи конкордата въ соборѣ Богоматери, въ трибунѣ Жозефины. Хотя нѣкоторыя подробности церемоніи, обнаружившія склонность Наполеона овладѣть монархической властью, и не ускользнули отъ нея, но, повидимому, она легкомысленно отнеслась ко всему и только ограничилась замѣчаніемъ: «Сегодня я очень веселилась». Княгиня же Тарантъ по симпатіямъ къ русскимъ и ради воспоминаній о прежней Франціи не измѣняла своего мнѣнія.

Нѣкоторое сближеніе между русскими и французами послѣ мира 1801 г. длилось еще менѣе, чѣмъ самый миръ. Слѣдующей же весной заговоръ Жоржа Пишегрю-Моро съ цѣлой серіей неожиданныхъ трагическихъ сюрпризовъ глубоко взволновалъ космополитическій мірокъ Парижа, и русскіе стали собираться домой. «Подданные императора Александра I спѣшно удалялись, не удѣливъ времени на приведеніе въ порядокъ своихъ счетовъ, — замѣчаетъ Пэнго. — Изъ полицейскихъ актовъ видно, что эта нація вообще не отличалась деликатностью въ долговыхъ обязательствахъ». Такъ Людовикъ XV отказался дать прощальную аудіенцію русскому посланнику Салтыкову, пока онъ вполне не заплатилъ своихъ долговъ.

Весною 1803 года покинула Парижъ и г-жа Дивова. Она посѣтила окрестности, присутствовала на празднествѣ, данномъ въ Брюсселѣ въ честь перваго консула, а затѣмъ отправилась пить воды въ Спа. Возвратившись въ Парижъ въ августѣ, она испытала на себѣ всю хрупкость прошлогоднихъ знакомыхъ. Нѣкоторые о ней почти забыли, а другіе стали относиться подозрительно. Жюно обращался съ ней холодно; г-жа Рекамье показала ей уже въ иномъ свѣтѣ, женщиной, полной кокетливаго жеманства, никого не любящей и повсюду обращающей на себя вниманіе своими необыкновенными нарядами. Г-жа Дивова поняла, что Парижъ измѣнился, что и въ немъ была мода на чувства такъ же, какъ на наряды. Она перестала посѣщать многочисленныя собранія, но продолжала устраивать нѣсколько разъ въ недѣлю ужины и игру. Въ концѣ зимы она собралась покинуть Парижъ. Послѣдніе дни ея пребыванія тамъ ознаменовались убійствомъ герцога Ангіенскаго. Въ этотъ день у нея собрались играть въ карты постоянные посѣтители, какъ вдругъ одинъ изъ явившихся отъ Талейрана гостей шепнулъ на ухо одной изъ прежнихъ французскихъ аристократокъ объ убійствѣ герцога Ангіенскаго. «Все привскочили, но

затѣмъ продолжали игру»,—вспоминаетъ г-жа Дивова, признаваясь, что это омрачило славу ея героя. «Впрочемъ, черезъ два мѣсяца,—говоритъ Пэнго,—легкомысленная г-жа Дивова совершенно забыла объ этихъ послѣднихъ печальныхъ часахъ, проведенныхъ во Франціи, и, переѣзжая границу Германіи, восклицала въ своемъ дневникѣ: «Этотъ ужасный песокъ! Ахъ, прекрасная страна Франція! Прекрасныя шоссе, лошади, которыхъ нигдѣ не слышно, всегда вѣжливыя почтальоны» и т. д.

Княгиня Тарантъ также покинула Францію, нѣсколько дней спустя послѣ провозглашенія имперіи: такъ какъ она не желала подчиниться новымъ законамъ, то ея мать просила графиню Головину увести ее съ собою, и 26 іюня онѣ отправились въ Россію. Г-жа Демидова и княгиня Долгорукая также покинули Парижъ къ концу консульства и удалились въ Римъ, гдѣ считали себя внѣ нападокъ Наполеона. Тамъ, волей-неволей, онѣ присоединились къ аристократической партіи съ русскими во главѣ. За нѣсколько дней до своего коронованія Наполеонъ поручилъ Фуше помѣстить, въ прессѣ статейку, которая затемнила бы репутацію княгини Долгорукой и представила бы ее въ смѣшномъ видѣ. Поклонницы же Наполеона, въ родѣ княжны Голицыной, видѣвшей его въ Италіи, не могли возвратиться въ Россію иначе, какъ подъ условіемъ не появляться при дворѣ. Г-жу Дивову такъ сурово приняли, что она хотѣла опять вернуться за границу и поселиться подъ покровительствомъ генерала Бертье въ Невшателѣ. Тильзитскій миръ не вызвалъ симпатіи къ Наполеону въ русскомъ обществѣ, какую питали къ нему нѣкоторые русскіе, какъ къ первому консулу. Первый посланникъ, аккредитованный при немъ, Толстой, вступилъ въ Тюильри, по выраженію Пэнго, какъ солдатъ, который точно и холодно исполнялъ данный приказъ, и публично хвастался превосходствомъ русскаго солдата надъ французскимъ, чѣмъ едва не вызвалъ дуэли съ маршаломъ Неемъ. Съ Наполеономъ онъ былъ сдержанъ, непроницаемъ, съ его же врагами различныхъ партій общителенъ; онъ снова, какъ было при Морковѣ, завязалъ тайныя сношенія съ военнымъ вѣдомствомъ. Послѣ него слѣдовалъ Куракинъ, человѣкъ чванливый и проникнутый своей важностью, но ограниченный и не знавшій настоящихъ намѣреній своего государя. Онъ поддерживалъ съ желаемой внѣшностью форму союза. Помимо его были другіе агенты, какъ, напримѣръ, Нессельроде, сдѣлавшійся посредникомъ въ перепискѣ между государемъ и Талейраномъ, впадшимъ въ немилость. Наконецъ, появился изящный полковникъ Чернышевъ, который всякими способами, включая побѣды надъ женскими сердцами, собиралъ необходимыя ему свѣдѣнія для Россіи. Въ Парижѣ опять появились прежніе русскіе посѣтители, но въ Тюильри не показывались, и только сынъ г-жи Дивовой явился къ Жозефинѣ за нѣсколько дней до ея развода съ извѣстіями отъ

своей матери. Когда вступила въ Тюильри Марія-Луиза, то отношенія къ русскимъ измѣнились: «снова съ ними стали обращаться, какъ съ сынами татаръ, чуждыми европейскому міру».

Однако, весною 1808 года во Франціи появился и устроился надолго одинъ русскій, не случайный путешественникъ, не эмигрантъ, но настоящій, вырванный съ корнемъ изъ Россіи русскій—графъ Ѳедоръ Головкинъ, бывшій посланникъ въ Неаполѣ, вернувшійся на родину во время французской революціи. Въ Парижѣ сначала онъ велъ разсѣянную жизнь, вращаясь отчасти при дворѣ, занимаясь литературой и ведя переписку съ лучшими умами всего свѣта. Онъ слылъ за человѣка, изучившаго нравы всѣхъ европейскихъ обществъ. Разойдясь съ женою, о которой упоминалось, какъ объ авторѣ романа, Головкинъ послѣдній разъ показался въ Москвѣ и затѣмъ поселился въ Парижѣ, чтобы заняться литературой. По обычаю всѣхъ русскихъ, онъ первый день обѣдалъ у Вэро, присутствовалъ на представленіи въ Комической оперѣ и пробѣжалъ галереи Пале-Рояля, но нашелъ, что «дурное общество было тамъ уже слишкомъ откровенно, а хорошее—слишкомъ скрытно». На другой день графъ посѣтилъ посольство, и съ этого момента завязались его свѣтскія связи. Вскорѣ такая жизнь ему прискучила; онъ принялся осматривать окрестности Парижа и рѣшилъ купить дачу на берегу Сены, по дорогѣ въ Сентъ-Жерменъ, почти на полпути между Мальмезономъ и Версалемъ. Онъ началъ посѣщать самыхъ подозрительныхъ лицъ и добровольно предоставилъ полиціи слѣдить за нимъ, увѣдомляя ее о каждомъ своемъ перемѣщеніи на воды. Въ своемъ уединеніи князь Головкинъ занимался литературой и, прекрасно владѣя французскимъ языкомъ, написалъ романъ. Онъ писалъ также о нравственности французовъ и работалъ надъ «Записками», отрывки которыхъ понемногу появляются въ свѣтъ. Въ нихъ авторъ вывелъ своихъ современниковъ со всѣми ихъ смѣшными сторонами и съ пикантными анекдотами о нихъ.

«Въ эту эпоху,—говоритъ Пэнго,—русскіе, остававшіеся въ Россіи, не раздѣляли правительственной политики союза съ Франціей, а русскіе путешественники за границей старались свернуть въ Австрію или Италію, минуя Францію. Въ Вѣнѣ и на богемскихъ водахъ они составляли анти-французскую колонію, собравшуюся вокругъ посланника Разумовскаго; здѣсь бывалъ Поццо-ди-Борго и царствовала княгиня Багратионъ. «Она предалась политикѣ съ такимъ жаромъ, какъ увѣрялъ французскій посланникъ Оттъ, что сдѣлалась послѣдовательно близкимъ другомъ трехъ министровъ иностранныхъ дѣлъ». Въ этомъ-то кружкѣ, по мнѣнію Пэнго, злословіемъ и клеветой взывали къ безпощадной войнѣ съ Наполеономъ».

Въ Неаполѣ посланникъ Сергѣй Долгорукій положилъ начало войнѣ 1812 г. своей дуэлью съ французскимъ посланникомъ Дю-

раномъ по слѣдующему поводу. На королевскомъ приѣмѣ 1-го января русскій посланникъ хотѣлъ первый поздравить короля съ Новымъ годомъ, маленькій же, тщедушный французскій посланникъ не хотѣлъ допустить этого и вздумалъ отстранить высокаго, сильнаго Долгорукаго, схватившагося за шпагу. Несмотря на вмѣшательство короля, не хотѣвшаго обидѣть ни ту, другую сторону, посланники обмѣнялись карточками. Встрѣча произошла въ Пуццولي, среди развалинъ храма Сераписа. Согласно старинному французскому обычаю, секунданта Дюрана, маршаль Эксельманъ, скрестилъ оружіе съ Бенкендорфомъ, секундантомъ Долгорукаго. Появленіе полиціи остановило, при первомъ появленіи крови, эту борьбу.

Въ 1812 году положеніе мѣняется.

«Сколько русскихъ,—говоритъ авторъ,—превозносятъ варварами тѣхъ, гостепрѣимствомъ которыхъ они пользовались въ столицѣ цивилизаціи. Дивовы узнали въ Нижнемъ, что ихъ домъ въ Москвѣ и имѣніе «Сахалово» ограблены, и,—упрекаетъ Пэнго,—«обрадовались поражению Мюрата которое предсказывало близкій конецъ войны, и жаловались на то, зачѣмъ не взяли въ плѣнъ короля Неаполитанскаго, превратившагося въ ихъ глазахъ въ простаго грабителя». Когда, три мѣсяца спустя, сынъ Дивовыхъ сообщилъ имъ о смерти Бертье, они взявъ эпитафіи старому другу сказали: «Если эта новость—истинная правда, то это было бы счастьемъ; Европа начинаетъ очищаться отъ разбойниковъ, такъ какъ у нихъ не существуетъ уже 400.000». Сама г-жа Дивова, за которой Пэнго сохранилъ названіе, данное итальянскимъ пѣвцомъ, «sempre razza», была разбита параличомъ. Для облегченія ея страданій она была перевезена въ Москву, гдѣ и умерла 8-го мая 1813 г. Г-жа Крюденеръ «превратилась въ библейскую проповѣдницу». Русскіе озлобились за сожженіе Москвы и находили самымъ естественнымъ средствомъ отмщенія сожженіе современнаго Вавилона. Княгиня Тарантъ страдала отъ этой мстительной ненависти, иногда неосторожно выражаемой въ ея присутствіи. Извѣстіе о паденіи Наполеона было для нея благодѣаніемъ, ниспосланнымъ Провидѣніемъ, но все-таки при этомъ извѣстіи она задрожала и поблѣднѣла. Еще разъ ея жизни предстояло измѣниться: ей надо было отказаться отъ спокойной жизни и русскаго гостепрѣимства, которымъ она была обязана испытанной дружбѣ, чтобы отправиться въ Парижъ для присутствованія при вступленіи на престолъ Людовика XVIII. Но среди приготовленій къ отъѣзду ее постигла бѣднѣнь, и она умерла 4-го іюля. Ея сердце было отправлено въ Видевильскую часовню.

Съ паденіемъ Наполеона, «русскіе отправились массами въ Парижъ,—говоритъ Пэнго,—на этотъ разъ вооруженные, со своимъ императоромъ во главѣ коалиціи». «Нельзя сказать,—замѣчаетъ Пэнго,—что во время вторженія на французскую территорію русскіе

вели себя, какъ люди, жаждавшіе отмщенія. Только деревни могли жаловаться на казаковъ, офицеры же регулярной арміи были, въ большинствѣ случаевъ, учтивы и великодушны, и этимъ отличались отъ своихъ союзниковъ». Роялисты, обязанные Александру I-му возвращеніемъ Бурбоновъ, приняли его съ восторгомъ. Даже патриоты,—скорѣе друзья свободы, чѣмъ славы,—а также жаждущіе мира граждане присоединились къ нимъ. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль царь съ видимымъ удовольствіемъ,—замѣчаетъ Пэнго,—вкусалъ удовольствіе и думалъ, что онъ среди своихъ подданныхъ, разыгрывая вдали отъ Россіи либерала, почти республиканца между императоромъ и королемъ. Онъ считалъ себя великодушнымъ и мягко сдерживалъ, безъ опасности для своихъ интересовъ, алчныя вождельнія своихъ союзниковъ, заставивъ ихъ уважить, въ 1815 г., неприкосновенность Франціи.

Послѣ европейскаго мира русскіе опять направились въ Парижъ. Явились графъ Морковъ и князь Куракинъ, но уже какъ частные люди; они дѣлали видъ, что впервые наслаждаются вполне прелестью парижской жизни. За ними слѣдовали русскія дамы. Сначала королю представилась жена героя 1812 года, г-жа Кутузова; за нею послѣдовала вдова героя, убитаго при Бородинѣ, княгиня Багратіонъ, покинувшая Вѣну и поселившаяся между предметомъ Сентъ-Жерменомъ и Палатой депутатовъ, центромъ ея дипломатическихъ интригъ. Хотя она прикидывалась либералкой и влюбленной въ негодя Манюэля, но искала мужа среди космополитической аристократіи и остановила свой выборъ на англичанинѣ, баронѣ Буденѣ. Она умерла въ Парижѣ въ 1857 году. Затѣмъ появилась графиня Мусина-Пушкина, по происхожденію шотландка, убѣжавшая отъ мужа и проживавшая то въ Парижѣ, то въ Италіи и Швейцаріи. Г-жи Демидова тоже возвратилась изъ Флоренціи и украшала всѣ празднества своимъ присутствіемъ до своей преждевременной кончины въ 1818 году. Она похоронена на кладбищѣ Père-Lachaise.

Среди русскихъ дамъ появилась въ эту эпоху оригинальная и симпатичная женщина — княгиня Куракина, невѣстка прежняго посланника, воспоминанія которой появились въ прошедшемъ году въ Москвѣ. Въ то время она была уже въ преклонныхъ лѣтахъ; Францію она видѣла впервые дѣвочкою въ концѣ царствованія Людовика XV. Старость не отняла у нея ни пылкости, ни любопытства, ни свѣжести впечатлѣній, въ ней сохранился семилѣтній ребенокъ, полный искренности и естественности, очаровавшій г-жу Виже-Лебренъ. Она была другомъ княгини Тарантъ и двоюродной сестрой г-жи Дивовой и, подобно первой, любила посѣщать церковь, а подобно второй—театры. Въ 1816—1819 годахъ, проведенныхъ ею въ Парижѣ, она добросовѣстно посѣщала, правда, безъ опредѣленнаго плана, музеи, памятники и осматривала различные

диковины, вечера же проводила въ блестящихъ салонахъ или въ театрѣ. Она не занималась политикой, ей было безразлично, какое было во Франціи правительство, монархическое или республиканское, а женщины, вмѣшивающіяся въ парламентскія интриги, ей не нравились. Хотя она присутствовала на засѣданіяхъ палаты, но ее болѣе всего интересовала лишь картинность церемоніи. Даже на первыхъ представленіяхъ она бывала лишь потому, что «надо все видѣть». Деказа она посѣщала ради восхитительной музыки. У Лаффита и г-жи Сталь она скучала за отсутствіемъ подходящей кампаніи и чрезъ нѣсколько минутъ удалялась. «Я, единственная изъ нашихъ русскихъ,—писала она,—посѣщаю хорошее общество». Она называла хорошимъ обществомъ самое разнокалиберное собраніе всего хорошаго, дурного, ничтожнаго, великаго, малаго, красиваго, уродливаго, талантливаго и глупаго—однимъ словомъ всего понемногу. «Ей нужна была вселенная,—говорить Пэнго,—но она изъ нея дѣлала выборъ. Когда она отправлялась въ веселое общество, то вдругъ ее охватывало опасеніе скуки, и она на лѣстницѣ начинала колебаться, вспоминать, нѣтъ ли другого приглашенія, и, вмѣсто того, чтобы войти въ залъ, она быстро возвращалась домой и ложилась спать. Однажды, въ театрѣ она пригласила къ себѣ сосѣда по мѣсту, потому что ей понравился его разговоръ; оказалось, что это былъ чтець короля. «Я до безумія люблю,—прибавляла она,—нечаянныя знакомства; они меня забавляютъ на минуту».

Она проводила время въ кругу литераторовъ и артистовъ, и это общество ее привлекало болѣе, чѣмъ празднества и официальные вечера. Еще болѣе она любила театръ: ей нравились какъ современные, такъ и классическія пьесы. Среди работницъ и цвѣточницъ она пользовалась большой популярностью. Музыку она любила какъ итальянскую, такъ и французскую; она училась играть на арфѣ и, какъ г-жа Дивова, «до сумасшествія восторгалась балетомъ». Только въ день ангела своей матери въ ней пробуждалось угрызеніе совѣсти, если она была въ этотъ день въ театрѣ. Злые языки увѣряли, что она проявляла свою любовь къ мужу, дѣтямъ и внукамъ болѣе всего, когда была отъ нихъ далеко. Ея пребываніе въ Парижѣ прерывалось посѣщеніями водъ. Во время послѣдняго пріѣзда въ Парижъ къ ней пришло извѣстіе о смерти мужа. Возвратившись въ Петербургъ въ 1831 году, она умерла отъ холеры.

Еще одна русская, княгиня Орлова, урожденная Салтыкова, врагъ Наполеона, какъ и ея мужъ, написавшій на французскомъ языкѣ нѣсколько историческихъ сочиненій, появилась въ это время въ Парижѣ, имѣла большое соприкосновеніе съ умственной жизнью Парижа и гдѣ и умерла въ 1824 году. Нѣкоторые русскіе, какъ графъ Ростопчинъ и адмиралъ Чичаговъ, покинули свою

родину съ цѣлью развлечься отъ скуки въ Россіи. Первый пріѣхалъ въ концѣ 1816 года и въ теченіе 8 лѣтъ многократно посѣщалъ Парижъ. Его сужденія о событіяхъ и людяхъ Пэнго находятъ достойными быть помѣщенными рядомъ съ мнѣніями Сень-Симона и Ривароля. Чичаговъ явился въ Парижъ съ намѣреніемъ не возвращаться болѣе въ Россію, такъ какъ по причинѣ своего брака съ англичанкой, миссъ Проби, своего тяжелого характера, либеральныхъ взглядовъ, любви къ независимости онъ находился подъ подозрѣніемъ въ Россіи. Въ 1834 году за отказъ возвратиться въ Россію онъ былъ лишенъ пенсіи, а имѣнія его конфисковали. Тогда онъ перешелъ въ англійское подданство и умеръ отшельникомъ въ улицѣ Анжу въ 1849 году. Многіе русскіе не хотѣли разстаться съ Парижемъ даже послѣ смерти. Такъ, графиня Головина, умершая въ Парижѣ 11-го сентября 1821 года, похоронена на кладбищѣ Père-Lachaise. Графиня Анна Толстая, сестра жены Ростопчина, также умерла въ Парижѣ и похоронена на томъ же кладбищѣ. Секретарь посольства Ермоловъ, сынъ фаворита Екатерины II, въ 1830 году перешелъ въ католичество и не могъ возвратиться на родину. Наконецъ, г-жа Свѣчина, Нарышкина, княгиня Гагарина, графиня Шувалова, Сегюръ, внукъ Ростопчина, и княгиня Голицына—все они перешли въ католичество и кончили жизнь въ Парижѣ и тамъ были преданы землѣ.

Во времена Николая I путешествія русскихъ въ Парижъ стали рѣдки и вызвали подозрѣнія въ государѣ, а въ 1834 году былъ изданъ указъ, который ограничивалъ пребываніе за границей пятью годами.

— Дипломатическая переписка между русскимъ и французскимъ правительствами въ 1817—1818 годахъ. Два года тому назадъ русское историческое общество начало издавать въ своемъ сборникѣ переписку французскихъ и русскихъ дипломатовъ въ 1814—1830 гг. подъ редакціей предсѣдателя общества, А. Половцова. Первая часть этого интереснаго и объемистаго труда вошла въ составъ 112-го тома «Сборника историческаго общества», а въ годичномъ собраніи 1904 года предсѣдатель заявилъ, что въ теченіе 1903 года окончена печатаніемъ вторая часть «Переписки». Но до сихъ поръ означенная книга не появлялась въ продажѣ, хотя она вышла въ свѣтъ въ Парижѣ подъ заглавіемъ: «Correspondance diplomatique des ambassadeurs et ministres de Russie en France et de France en Russie avec leurs gouvernements de 1814 a 1830, publiée par A. Polovtsoff. Tome II. 1817—1818». Хотя на оборотѣ обозначено: «S-Petersbourg, edition de la société imperiale d'histoire de Russie, 1903», но изъ надписи, сдѣланной на одной изъ послѣдующихъ страницъ, видно, что книга напечатана въ Корбейлѣ, близъ Парижа, въ типографіи Крэта. Это, повидимому, странное обстоятельство объясняется очень просто тѣмъ, что текстъ

русскаго и французскаго изданія появляется одинаково на французскомъ языкѣ безъ русскаго перевода. Такъ какъ въ послѣднее время принято издавать историческіе документы въ подлинникѣ, а подлинникъ настоящаго собранія дипломатическихъ документовъ находится въ парижскомъ архивѣ, то естественно, что настоящій трудъ историческаго общества издается въ Парижѣ. Только обертка съ русскимъ и французскимъ заглавіемъ отличаетъ то и другое изданіе. Такъ какъ въ Петербургѣ еще не появился 119-й томъ историческаго общества, то мы воспользуемся парижскимъ изданіемъ.

Второй томъ «Дипломатической переписки» состоитъ попрежнему съ французской стороны изъ депешъ министра иностранныхъ дѣлъ герцога Ришелье къ посланнику въ Петербургѣ, графу Ноайлю, и обратно, а съ русской стороны изъ депешъ министра графа Нессельроде и русскаго посла въ Парижѣ Поццо-ди-Борго. Однимъ изъ первыхъ документовъ является депеша графа Ноайля изъ Петербурга отъ 14-го января 1817 года, съ описаніемъ маскарада, даннаго въ Зимнемъ дворцѣ въ день Новаго года. «Императоръ и императрица,—говоритъ онъ,—приняли меня съ обычной любезностью. Государь удостоилъ меня заявленіемъ, что онъ получилъ изъ Франціи хорошее извѣстія и надѣется на удовлетворительное окончаніе занимающихъ насъ дѣлъ. Я отвѣчалъ, выразивъ благодарность его величеству за интересъ, который онъ оказываетъ Франціи, интересъ, имѣющій для насъ такіе счастливые результаты. Во время бала-маскарада я игралъ въ пикетъ съ императрицей-матерью, танцевалъ польскій съ царствующей императрицей и ужиналъ съ ними обѣими. Онѣ относятся ко мнѣ всегда съ одинаковой благосклонностью. Я полагаю, что дипломатическій корпусъ въ Петербургѣ никогда не былъ такъ многочисленъ, какъ въ настоящую минуту. Здѣсь собраны представители всей Европы и даже Америки. Пріятно было видѣть на вчерашнемъ балу государя великой имперіи среди массы его подданныхъ всѣхъ классовъ, которымъ онъ широко открываетъ двери своего дворца; кромѣ того, онъ былъ окруженъ всѣми представителями Европы, глубоко его уважающими и пользующимися дружбой ея освободителя».

Черезъ мѣсяцъ посланникъ самъ давалъ балъ, на которомъ присутствовала вся царская семья, и успѣхъ котораго онъ приписывалъ не столь своей популярности, какъ сочувствію русскаго общества французамъ. Объ императорѣ онъ отзывался съ величайшими похвалами и сожалѣетъ, что многимъ его благимъ намѣреніямъ мѣшаютъ исполнители его предначертаній. Хотя императоръ всего болѣе занимался военными дѣлами, но посланникъ замѣтилъ, что онъ всѣмъ сердцемъ и умомъ занятъ религіозными вопросами и попрежнему питаетъ большой интересъ къ Библейскому обществу. Булла папы къ архіепископу Гнѣзненскому, имѣв-

шая цѣлью запретить этому обществу присоединяться къ Священному союзу, привела въ ярость императора противъ католической церкви. Онъ далъ двадцать тысячъ рублей г-ну Стурдзѣ, молодому человѣку, очень способному и талантливому, по происхожденію греку, чтобы напечатать въ Веймарѣ апологію православной церкви съ рѣзкими нападками на католичество.

Въ маѣ мѣсяцѣ Каподистрія, одинъ изъ двухъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, отправился по болѣзни за границу; дѣлами же остался завѣдывать другой министръ, Нессельроде. «Я, право, не знаю,—пишетъ Ноайль,—какъ императоръ обойдется безъ Каподистрии, такъ какъ послѣднему была поручена вся щекотливая часть иностранной дипломатіи, тогда какъ Нессельроде управлялъ только матеріальной частью. Отъѣздъ графа Каподистрии очень меня печалитъ, такъ какъ я былъ съ нимъ въ отличныхъ отношеніяхъ, и онъ очень сочувствуетъ Франціи». Упомянувъ вообще о Каподистрии, какъ о либералѣ, Ноайль замѣчаетъ, что въ Россіи, особенно среди молодежи, распространены либеральныя идеи, хотя правительство «вполнѣ деспотично». «Болѣе чѣмъ странно,—говоритъ посланникъ,—что русскіе офицеры, подчиненные абсолютному государю и окруженные своими собственными рабами, говорятъ громко о народныхъ правахъ, о свободѣ, точно граждане въ Соединенныхъ Штатахъ». Любопытно, что Шуазель, котораго не очень долюбливали въ Петербургѣ, и даже Поццо-ди-Борго, какъ видно въ первомъ томѣ «Переписки», называлъ «интриганомъ», выражалъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ замѣчательную прозорливость. Такъ еще въ 1817 году онъ говорилъ, что Александръ Павловичъ смотрѣлъ на великаго князя Николая, какъ на своего наслѣдника, что, конечно, не нравилось настоящему наслѣднику Константину Павловичу, который, однако, говорилъ: «Если я буду имѣть несчастіе наслѣдовать престолъ, то онъ не останется въ моихъ рукахъ болѣе шести мѣсяцевъ».

Въ концѣ года царская семья перебралась на нѣкоторое время въ Москву, и хотя прямо государь не предложилъ французскому посланнику сопровождать его, но замѣтилъ, что онъ будетъ очень радъ видѣть его въ Бѣлокаменной вмѣстѣ съ другими послами. Поэтому 24-го ноября онъ прибылъ во вторую русскую столицу, гдѣ праздники и балы при высочайшемъ дворѣ быстро слѣдовали одинъ за другимъ. Особенно интересенъ былъ балъ, данный царской семьей московскимъ дворянствомъ въ его домѣ, только что отстроенномъ послѣ пожара. Государь очень любезно разговаривалъ съ посланникомъ и много танцевалъ съ выдающимися придворными и московскими дамами. Императрица же Елисавета танцевала съ представителями иностранныхъ державъ. Въ своей депешѣ отъ 31-го декабря 1817 года Ноайль, обозрѣвая политику Россіи за истекшій годъ, или, вѣрнѣе сказать, за истекшіе двадцать мѣсяцевъ,

отзывается очень сочувственно о самомъ императорѣ и его правительствѣ. «Не повторяя, — замѣчаетъ онъ, — того, что я имѣлъ честь говорить уже о миролюбивомъ характерѣ и вкусахъ государя, относительно столь новаго по формѣ, Священнаго союза, на который одни смотрятъ съ ужасомъ, а другіе съ презрѣніемъ, я скажу, что онъ составляетъ дипломатическій актъ громадной важности и значительно измѣняетъ политику государя, его инициатора, хотя я полагаю, что государя, подписавшіе этотъ союзъ, не связаны принципами христіанской нравственности, лежавшей въ его основѣ, и легко могутъ, руководствуясь человѣческой страстью, его расторгнуть. Но его создатель крѣпко привязанъ къ нему, хотя бы только изъ самолюбія и при сомнѣніяхъ въ искренности другихъ участниковъ союза. Тонъ его дипломатическихъ актовъ самый умѣренный; онъ обнаруживаетъ силу рѣшенія, не злоупотребляя ею, и горделиво выражаетъ въ нихъ свою мысль, какъ бы полусловами, хотя его желанія служатъ почти приказаніями всей Европѣ. Онъ всегда говоритъ разумно, напоминаетъ принципы самой чистой морали и никогда не выражается авторитетно безъ крайней необходимости. Онъ твердо придерживается всѣхъ политическихъ мѣропріятій съ 1814 года, ихъ системы, имѣющей въ виду миръ». Послѣ характеристики императора посланникъ говоритъ два слова объ исполнителяхъ императорской воли во внѣшнихъ дѣлахъ. «Графъ Нессельроде, — замѣчаетъ Ноайль, — хорошо извѣстенъ всѣмъ. Что же касается до графа Каподистріи, то повторяю, что онъ отличается одинаково высокимъ умомъ и чистою характера. Государь попрежнему выказываетъ ему благоволеніе и довѣріе, хотя императоръ Александръ не допускаетъ кого бы то ни было вліять на него. Каподистрія сохраняетъ полную независимость и не согласился на натурализацію, въ доказательство преданности своему отечеству. Говорятъ, онъ сказалъ одному человѣку, сомнѣвавшемуся въ искренности его поведенія относительно Россіи: «Лучшей гарантіей этого — мое присутствіе въ кабинетѣ государя; я выйду изъ него въ тотъ день, когда онъ сдѣлаетъ хоть одинъ шагъ противъ моихъ принциповъ». Ноайль считалъ Каподистрію мастерскимъ и талантливымъ собеседникомъ.

Графъ Ноайль подробно рассказываетъ свою послѣднюю бесѣду съ Александромъ Павловичемъ, которую онъ имѣлъ передъ отъѣздомъ государя изъ Москвы въ Варшаву и своимъ собственнымъ въ Парижъ. Прежде всего государь спросилъ его, когда онъ намѣренъ вернуться въ Петербургъ. На это графъ отвѣчалъ, что это будетъ зависеть отъ приказаній его правительства, но во всякомъ случаѣ онъ явится въ Петербургъ не раньше возвращенія его величества съ Аахенскаго конгресса. Этимъ случаемъ воспользовался Александръ Павловичъ для объясненія того, что произойдетъ на этомъ конгрессѣ: «Всѣ

чувствуютъ необходимость освободить Францію отъ тяжести иностранной оккупации, въ виду финансовыхъ затрудненій вашего правительства, а также ослабленія отношеній Франціи къ иностраннымъ государствамъ. Я встрѣчу преграды; переговоры будутъ затруднительны, но я буду постоянно твердо держаться того пути, котораго я держался. Во Франціи и Европѣ находятся очень опасные люди, имѣющіе отвращеніе къ порядку и постоянству. Надо, чтобы ваше правительство, освободившись отъ наблюденія союзныхъ армій, не заснуло и не подвергалось опасности, могущей произойти отъ подобныхъ людей». На это Ноайль, воплівъ раздѣляя идеи императора о людяхъ революціи, отвѣчалъ, что вообще всѣ правительства должны бодрствовать на стражѣ своихъ интересовъ. «Далѣе, — продолжаетъ Ноайль, — императоръ выразилъ мнѣ свое желаніе, чтобы на предстоящей конференціи при обсужденіи общихъ интересовъ и вопросовъ, касающихся благоденствія Европы, Франція играла роль, которая приличествуетъ независимой державѣ, стоящей совершенно на одинаковой ногѣ съ другими націями. Я отвѣтилъ императору на его замѣчаніе, что во Франціи и Европѣ существуетъ опасное недовольство, что установленное у насъ правительство болѣе всякаго иного со времени революціи способно удовлетворить настоящихъ друзей такъ называемыхъ либеральныхъ идей. Его величество согласился со мною, что настоящее правленіе Франціей должно удовлетворить всѣхъ благоразумныхъ людей».

Видя государя въ самомъ благопріятномъ для Франціи настроеніи, посланникъ нашелъ возможнымъ замѣтить, что было бы очень опаснымъ присутствіе въ королевскомъ семействѣ лица, къ которому король не питалъ довѣрія (къ будущему Карлу X). На это императоръ отвѣтилъ, что изъ чувства дружбы онъ готовъ былъ дать добрый совѣтъ лицу, не раздѣлявшему его политическихъ мнѣній, но его долгъ не позволялъ ему отступить отъ правилъ основного закона престолонаслѣдія. Это торжественное изложеніе своихъ политическихъ мнѣній государя соответствовало принципамъ христіанской нравственности, заявленной императоромъ, и дало Ноайлю случай высказать ему, какой прочной славы онъ достигъ, соединяя всѣ народы узами Священнаго союза. Затѣмъ императоръ простился съ нимъ самымъ радушнымъ образомъ. На другой день, 5-го марта, государь присутствовалъ въ Москвѣ на открытіи памятника Минину и Пожарскому, а затѣмъ уѣхалъ въ Варшаву съ обоими министрами иностранныхъ дѣлъ. Черезъ нѣсколько дней Ноайль отправился во Францію черезъ Кіевъ, Краковъ и Вѣну, оставивъ на время своего отсутствія изъ Петербурга повѣреннымъ въ дѣлахъ своего перваго секретаря Мальвирода. Онъ успѣлъ, однако, написать еще изъ Москвы депешу герцогу Ришелье, въ которой онъ подробно говоритъ о внутреннемъ положеніи Россіи.

«Я уже часто имѣлъ честь—пишетъ онъ герцогу Ришелье,—объяснять вамъ планъ, военныхъ поселеній; его очень дѣятельно приводятъ въ исполненіе подъ руководствомъ графа Аракчеева, помѣстье котораго вблизи Петербурга и военныхъ поселеній. Императоръ недавно еще занимался обсужденіемъ этого плана съ цѣлью дать ему самое обширное примѣненіе. Вы хорошо знаете, что казенные крестьяне составляютъ единственную основу будущаго населенія солдатъ, образующаго армію, но эти поселяне, какъ всѣ люди, крѣпко держатся своихъ обычаевъ. А военный строй они считаютъ ихъ нарушеніемъ, и для нихъ является немалой жертвой брить бороду и замѣнять мундирами свою обычную теплую одежду. Говорятъ, что во многихъ мѣстахъ такое положеніе повело къ мятежамъ. Если поселянъ беспокоитъ введеніе въ нѣкоторыхъ губерніяхъ военнаго поселенія, то дворянство сильно озабочено возможнымъ освобожденіемъ рабовъ. Подобное намѣреніе приписывали императору во время послѣдняго его путешествія на югъ. Впрочемъ, дворянство, повидимому, очень успокоилось недавней рѣчью губернатора Малороссіи, князя Репнина. Онъ поздравляетъ дворянъ съ мягкостью, съ какою они управляютъ крестьянами, и говоритъ, что только въ будущемъ предстоитъ смягченіе несправедливой тирании нѣкоторыхъ помѣщиковъ. Это намекаетъ на учрежденіе посредствующаго порядка между рабствомъ и свободой. Духъ независимости, который всегда замѣчался въ московскомъ дворянствѣ, до сихъ поръ не исчезъ. Оно даже было готово упрекнуть своего государя, стѣснявшаго своимъ присутствіемъ свободу. Я замѣчалъ съ любопытствомъ, что въ Петербургѣ народъ и общество гораздо умѣреннѣе въ своихъ рѣчахъ, чѣмъ въ Москвѣ».

Эта депеша графа Ноайля была его послѣдней депешей изъ Россіи, потому что онъ не вернулся болѣе въ Петербургъ за выходомъ въ отставку въ концѣ года его ближайшаго начальника, премьера и министра иностранныхъ дѣлъ, герцога Ришелье. Замѣнившій его въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ, Мальвиродъ, написалъ своему правительству въ теченіе 1818 года очень мало депешъ. Въ одной изъ первыхъ, помѣченной 30-мъ апрѣля, онъ объясняетъ, что русское министерство иностранныхъ дѣлъ имѣло слѣдующій персоналъ: Убри находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ дипломатическимъ корпусомъ и въ качествѣ управляющаго департаментомъ иностранныхъ дѣлъ ведетъ всю переписку съ иностранными представителями. Кромѣ того, подъ его начальствомъ состоитъ директоръ канцеляріи коллегіи иностранныхъ дѣлъ, г. Полъновъ. Графъ Нессельроде состоитъ управляющимъ императорскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Графъ же Каподистрія значится въ придворномъ альманахѣ въ качествѣ государственнаго секретаря при особѣ его величества, но въ сущно-

сти онъ и есть душа министерства. Въ остальныхъ своихъ депешахъ Мальвиродъ довольно кратко упоминаетъ о придворныхъ приемахъ и балахъ въ Царскомъ Селѣ, Петергофѣ, Ораніенбаумѣ и проч., которые давались по случаю пріѣзда короля прусскаго и его сына. «Государь, — говоритъ Мальвиродъ, — чрезвычайно радушно обращается съ королемъ и представилъ ему всѣхъ главныхъ лицъ своего двора и арміи. Я не знаю, былъ ли король польщенъ этой предупредительностью, но здѣсь говорятъ, что онъ очень холодно обошелся съ нѣкоторыми генералами и офицерами, а въ Москвѣ даже подъ разными предлогами нѣсколько разъ отказался присутствовать на ежедневныхъ смотрахъ. Вообще русское общество не упускаетъ случая, чтобы осмѣять какуюнибудь манію или чтонибудь смѣшное въ прусскихъ гостяхъ. Увѣряютъ, что прусскій король сожалѣетъ о своемъ пріѣздѣ въ Россію, противъ котораго возставалъ князь Гарденбергъ, и, по его совѣту, король лично не вступаетъ ни въ какое обсужденіе политическихъ дѣлъ. Я могу положительными фактами доказать мои заявленія; надо прибавить, что всегда существовала холодность между пруссаками и русскими, но она еще болѣе увеличилась съ тѣхъ поръ, какъ русскіе послѣ недавнихъ побѣдъ стали еще болѣе горды и надменны, благодаря тому высокому положенію, на какое поставилъ императоръ свою имперію».

Что касается до депешъ герцога Ришелье въ продолженіе этихъ двухъ лѣтъ къ графу Ноайлю и повѣренному въ дѣлахъ, Мальвироду, то онѣ имѣютъ офиціальнѣйшій тонъ и относятся специально до текущихъ политическихъ вопросовъ. Эта эпоха была тягостна для Франціи. Только съ помощью императора Александра Франціи удалось выйти изъ тяготившихъ ее затрудненій. Императоръ Александръ считалъ необходимымъ ввести въ Европѣ политическое равновѣсіе, для этого было крайне необходимо возвратить Франціи положеніе великой державы, и онъ изъ всѣхъ силъ хлопоталъ, чтобы собрался международный конгрессъ съ цѣлью облегчить тягостную судьбу Франціи. Наконецъ, въ 1818 году ему удалось собрать въ Аахенѣ конгрессъ, на которомъ было рѣшено освободить Францію отъ военной оккупации и значительно уменьшить контрибуцію. По словамъ самого императора въ рескриптѣ къ Поццо-ди-Борго, «конгрессъ былъ рѣшительной эпохой по отношенію продолжительности и устойчивости европейской системы, установленной съ тѣхъ поръ, когда всѣ государи сдѣлались братьями для поддержанія религіи, порядка, справедливости и чело-вѣчности. Конечно, послѣ Александра I-го герцогъ Ришелье больше всѣхъ другихъ содѣйствовалъ успѣшнымъ результатамъ конгресса, но, благодаря интригамъ брата короля, графа Артуа, будущаго Карла X, онъ былъ вынужденъ по возвращеніи во Францію выйти въ отставку. Первымъ министромъ и министромъ ино-

странныхъ дѣлъ сдѣлался маркизъ Дессолль, представитель самыхъ крайнихъ реакціонеровъ, который 30-го декабря 1818 года немедленно увѣдомилъ о своемъ назначеніи Мальвирода.

— Участіе въ русско-турецкой войнѣ 1828 года герцога Мортемара и барона Бургоэна. Преемникомъ графа Ноайля и вторымъ посланникомъ Бурбоновъ въ Россіи былъ графъ Лаферронэ, котораго чрезвычайно любили Александръ I-й и Николай Павловичъ, а также все петербургское общество. Пробывъ девять лѣтъ въ Россіи, онъ покинулъ ее въ 1827 году, въ виду назначенія его французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Замѣстителемъ его сдѣлался первый секретарь, баронъ Бургоэнъ, а когда въ 1828 году былъ назначенъ новый посланникъ, герцогъ Мортемаръ, то Карлъ X-й, бывший въ отличныхъ отношеніяхъ съ императоромъ, поручилъ ему прямо отправиться въ русскую армію, сражавшуюся тогда съ турками. Его посольство было совершенно военнаго характера и состояло изъ офицеровъ: трехъ его племянниковъ, сына Лаферронэ, Казнера и Ларошжаклена. Карлъ X дозволилъ всѣмъ членамъ посольства принять участіе въ войнѣ въ качествѣ добровольцевъ. Сначала въ Петербургѣ оставался повѣренный въ дѣлахъ, баронъ Бургоэнъ, а вскорѣ вслѣдъ за императоромъ отправился на войну и онъ, а его мѣсто занялъ второй секретарь Фонтенэ. На-дняхъ вышла въ Парижѣ книга ¹⁾ сына Бургоэна, барона Пьера, подъ заглавіемъ: «Герцогъ Мортемаръ и баронъ Бургоэнъ», съ подробнымъ описаніемъ изъ пребыванія въ Россіи и Турціи. Хотя эта книга называется «Анекдотическими воспоминаніями», но въ ней болѣе воспоминаній, чѣмъ анекдотовъ, и она основана на официальныхъ депешахъ посланника и секретаря къ министру иностранныхъ дѣлъ Лаферронэ. Мы почерпнемъ изъ этихъ историческихъ матеріаловъ все, что заключается въ нихъ интереснаго.

Хотя императоръ Николай очень уважалъ Карла X, называя его: «мой знаменитый союзникъ», но онъ восторгался и Наполеономъ, какъ образцомъ авторитета, необходимаго для укрощенія не дисциплинированныхъ народовъ XIX столѣтія. На его письменномъ столѣ лежало прессъ-папье, изображавшее шпагу и шляпу Наполеона.—«Вотъ,—сказалъ однажды императоръ:—кто хорошо управлялъ вами». (*En voilà un, qui vous menait bien*).—«Вы правы, ваше величество,—отвѣчалъ Бургоэнъ:—онъ такъ хорошо управлялъ нами, что вмѣстѣ съ нами отпочтевалъ и Европу». (*Votre majesté a raison: il nous menait si bien qu'avec nous il malmenait toute l'Europe*). Съ такимъ же восторгомъ относился императоръ и къ французской арміи, организованной Наполеономъ, и нѣсколько разъ

¹⁾ «Le duc de Mortemart et le baron de Bourgoing. Souvenirs anecdotiques». Paris. 1904.

повторялъ Бургоэну: «Я не забудь, что вы мнѣ объясняли въ Берлинѣ (гдѣ Бургоэнъ былъ также секретаремъ посольства) о Наполеоновской гвардіи. Я могъ бы повторить данный мнѣ урокъ и пересчитать весь ея составъ—отъ старыхъ ворчуновъ и мамелюковъ до стрѣлковъ добровольцевъ и экипажа гвардіи». Императоръ приглашалъ Бургоэна присутствовать на всѣхъ проводахъ полковъ, отправлявшихся на войну, и однажды послѣ смотра сказалъ съ видимымъ волненіемъ: «Если вы будете писать къ Лаферронэ, то скажите, что вы видѣли вмѣстѣ со мною его добрыхъ, старыхъ пріятелей».

Вслѣдъ за своими войсками отправился въ путь и императоръ, вмѣстѣ съ императрицей, направляясь въ Бендеры. Французская военная миссія ожидала его въ Варшавѣ, откуда послѣшила въ Бендеры, узнавъ о пріѣздѣ государя. Однако, когда французское посольство достигло Бендеръ, то императора тамъ случайно не было, такъ какъ онъ временно уѣхалъ для ускоренія осады Браилова, императрица же оставалась въ Бендерахъ, а такъ какъ герцогъ Мортемаръ имѣлъ къ ней письма отъ прусской королевской семьи, то просилъ принять его. Она отвѣчала, что не можетъ принять французскаго посланника, но съ удовольствіемъ увидитъ герцога Мортемара. Его тотчасъ ввели въ небольшую комнату, уставленную двумя столами и двѣнадцатю стульями. Императрица приняла его очень радушно и съ интересомъ разспрашивала его о здоровьѣ короля и его семейства. Сдѣлавъ нѣсколько остроумныхъ замѣчаній о роскоши своего помѣщенія и упомянувъ о предстоящемъ долгомъ путешествіи государя, она отпустила посланника очень любезно. На другой день прибылъ государь и тотчасъ отправилъ къ посланнику генерала Витта, приказавъ ему сказать, что хотя императоръ не можетъ принять французскаго посланника, но генераль Романовъ съ удовольствіемъ повидается съ герцогомъ Мортемаромъ. Пріемъ состоялся въ крѣпости, гдѣ остановился государь.

«Я отправился къ императору,—разсказываетъ герцогъ Мортемаръ въ своей депешѣ къ графу Лаферронэ:— въ полуформѣ, т.е. во фракѣ и лентѣ. Помѣщеніе его величества было еще хуже, чѣмъ императрицы. Меня ввели въ маленькій кабинетъ, на половину заставленный большимъ письменнымъ столомъ съ бумагами. Такъ какъ императоръ стоялъ, то, войдя, я очутился такъ близко къ нему, что онъ взялъ меня за руку, прежде чѣмъ я увидѣлъ его. Послѣ нѣсколькихъ лестныхъ фразъ съ обѣихъ сторонъ онъ сказалъ:

— «Мы теперь познакомились. Довольно комплиментовъ; вы можете, сколько хотите, хорошо думать обо мнѣ, но не говорите мнѣ объ этомъ. Будьте снисходительны къ одной части моей арміи, которой, я знаю, вы не одобряете, именно обозъ. Онъ громаденъ, признаюсь, но вы увидите, что такъ нужно въ странѣ, чрезъ которую

мы пройдемъ. Точно также солдаты не могутъ обойтись безъ палатокъ въ такомъ климатѣ.

«Я былъ удивленъ, что императоръ зналъ о моемъ мнѣніи относительно обозовъ, и отвѣчалъ:

— «Ваше величество, если я не люблю большихъ обозовъ, то потому, что они задерживаютъ ходъ военныхъ операцій, а французскій король желалъ бы, чтобы ваши переходы были какъ можно быстрѣе, такъ какъ это самый надежный путь приобрести миръ и тѣмъ исполнить обѣщаніе, данное Европѣ, а также завершить вашу славу.

«Императоръ закончилъ свой продолжительный разговоръ обѣщаніемъ торжественно принять меня 30-го мая въ Бѣлградѣ. Онъ еще разъ извинился, что теперь принимаетъ меня въ такомъ видѣ. Я, напротивъ, старался увѣрить его величество, что я былъ очень тронутъ такимъ лестнымъ и добрымъ приемомъ, и что мнѣ даже очень хотѣлось бы представить мои грамоты при подобныхъ обстоятельствахъ.

— «Онѣ съ вами?—быстро спросилъ государь.

— «Да, ваше величество,—отвѣчалъ я.

— «Такъ передайте ихъ мнѣ.

— «Но онѣ въ моей квартирѣ.

— «Пришлите ихъ мнѣ.

— «Я пойду за ними и принесу ихъ, если позволите?»

— «Нѣтъ, не надо; перешлите ихъ Волконскому чрезъ вашего адъютанта. Погода дурная и поздно; такъ я хочу. Всѣ церемоніи окончены, и вы аккредитованы.

«Потомъ, открывъ дверь, онъ воскликнулъ:

— «M-me Nicolas, представляю вамъ французскаго посланника.

«Ихъ величества мнѣ предложили чаю и простились очень довольные моимъ неофициальнымъ приемомъ. Я, право, не знаю, насколько этотъ приемъ соответствуетъ дипломатическимъ правиламъ, но признаюсь, что онъ мнѣ показался самымъ прекраснымъ изъ всѣхъ, о которыхъ я слышалъ».

Изъ Бендеръ императорская квартира была перенесена въ Измаилъ, а потомъ Сутаново, гдѣ корпусъ генерала Родзевича долженъ былъ перейти черезъ Дунай, повидимому, охраняемый турками. 27-го числа государь съ своимъ главнымъ штабомъ и иностранными миссіями достигъ берега Дуная и переправился чрезъ рѣку въ баркахъ, охраняемыхъ казаками. По словамъ герцога Мортемара, потери русскихъ при этомъ были незначительны, и «они такъ скромны въ своихъ донесеніяхъ, что увѣдомляютъ о взятіи 15-ти пушекъ, тогда какъ напротивъ ихъ взято 20-ть, и 12-ть канонерокъ». Въ качествѣ прежняго ординарца Наполеона, Мортемаръ былъ прикомандированъ къ императорской квартирѣ, такъ какъ его опытность въ военномъ дѣлѣ могла принести пользу го-

сударю, который съ нимъ постоянно совѣтовался. На той сторонѣ Дуная первыми успѣхами русскихъ было взятіе Браилова и Мачина съ тремя стами орудій и турецкой флотиліей. Черезъ нѣсколько дней генераль Редигеръ взялъ штурмомъ портъ Кюстенджи, при чемъ замѣчательно то, что турецкія пушки большею частью были англійскаго производства, и случайно ихъ взялъ полкъ герцога Веллингтона. Потомъ императоръ съ своимъ отрядомъ направился прямо на Шумлу, штурмъ которой былъ невозможенъ въ виду недостатка войска. «Этотъ укрѣпленный городъ,—говоритъ Мортемаръ,—служилъ въ предыдущихъ войнахъ убѣжищемъ для турецкой арміи. Гусейнъ-паша, слѣдуя примѣру предшественниковъ, собралъ 40.000 солдатъ въ этомъ надежномъ оплотѣ и рѣшилъ защищаться. Положеніе Шумлы для этой цѣли самое удобное: блокировать городъ было почти невозможно, благодаря его гористому положенію и двухверстному протяженію воздвигнутыхъ предъ нимъ бастіоновъ. По всѣмъ этимъ причинамъ Николай Павловичъ долженъ былъ только наблюдать за Шумлой съ цѣлью парализовать Гусейна-пашу, заняться осадой Варны и Силистріи въ ожиданіи прибытія корпуса Щербатова и гвардіи.

Французскіе офицеры, прикомандированные къ различнымъ русскимъ отрядамъ, вели себя блестящимъ образомъ, и даже самъ герцогъ Мортемаръ принималъ участіе въ передовыхъ бояхъ. Всею русской арміею командовалъ фельдмаршалъ Витгенштейнъ, а лѣвымъ флангомъ генераль Дибичъ; государь же лично распоряжался центромъ и принималъ энергичное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. «Императоръ,—говоритъ Мортемаръ,—всѣмъ распоряжается съ удивительнымъ спокойствіемъ, которое можно сравнить лишь съ самоувѣренностью русскихъ солдатъ». Несмотря на успѣшность отбоя турецкихъ вылазокъ, государь, наконецъ, рѣшилъ, что нельзя ожидать скорого взятія Шумлы, и потому отправился въ Варну, осада которой, по его мнѣнію, подвигалась не достаточно быстро. Иностранцы добровольцы послѣдовали за нимъ чрезъ Одессу, сначала сухимъ путемъ, а потомъ изъ Кюстенджи на фрегатѣ «Штандартъ». По прибытіи въ Одессу Мортемаръ засталъ тамъ государя, который тотчасъ пригласилъ его обѣдать. «Императоръ,—разсказываетъ онъ,—занимаетъ дачу въ 5-ти верстахъ отъ города, и снова онъ и императрица оказали мнѣ какъ нельзя болѣе любезный и лестный пріемъ».

Хотя первая часть кампаніи до середины августа мѣсяца была непрерывнымъ рядомъ успѣховъ, но, по мнѣнію герцога, положеніе русской арміи представлялось теперь очень критическимъ, такъ какъ она вся была занята осадой Шумлы и Варны. Поэтому необходимо было употребить въ дѣло прибывшія подкрѣпленія и вообще дѣйствовать, какъ можно, энергичнѣе. Пользуясь чрезвычайной популярностью у императора, Мортемаръ старался всячески и

вполнѣ откровенно убѣдить государя въ этомъ. Но ему было чрезвычайно трудно настоять на своихъ совѣтахъ, тѣмъ болѣе, что противъ него дѣйствовали всѣ другіе представители державъ, особенно Англій. Послѣ долгихъ колебаній государь, наконецъ, согласился на доводы французскаго посланника и сказалъ: «Меня обманули подѣ Шумлой. Вы и Ностичъ были правы. Теперь надо мнѣ отправиться въ Варну».

2-го сентября онъ отплылъ на фрегатѣ «Флора» съ твердой рѣшимостью взять немедленно крѣпость съ помощью гвардіи. Мортемаръ и члены иностранныхъ миссій остались въ Одессѣ подѣ предлогомъ недостатка мѣста на «Флорѣ», но въ сущности вслѣдствіе интригъ приближенныхъ къ государю лицъ. Наконецъ, Мортемаръ къ своему величайшему удовольствію могъ помѣститься на линейномъ кораблѣ «Пантелеймонъ» и присоединиться къ русской арміи подѣ Варной. Осада этой крѣпости теперь шла очень быстро, и, несмотря на появленіе Омара Вріона съ 20.000 турками на помощь осажденнымъ въ 10-ти верстахъ отъ города, Варна сдалась 11-го октября, на 89-й день осады. Русскій императоръ до самой послѣдней минуты откладывалъ штурмъ и предлагалъ Юсуфу-пашѣ сдачу. Вотъ какъ описываетъ Мортемаръ результатъ осады Варны: «Варна сегодня сдалась. Юсуфъ-паша вышелъ изъ нея съ двумя или тремя тысячами кавалеріи и пѣхоты и просилъ у императора милости; онъ сложилъ оружіе и обратился къ великодушію его величества: «Вы взяли Варну, потому что Богъ покровительствуетъ тѣмъ, которые жалѣютъ проливать кровь». Невозможно представить себѣ несчастнаго положенія города. Я полагаю, что изъ двадцати тысячъ человѣкъ населенія осталось 6 или 7 тысячъ, и положеніе ихъ, особенно женщинъ и дѣтей, самое плачевное. Защита Варны была геройская со стороны турокъ, но и русскіе отличались терпѣніемъ и гуманностью. Я свѣтовалъ государю скрыть взятіе Варны и напасть тайкомъ на Омара Вріона, но меня не послушали, и Омаръ, въ свою очередь, тайкомъ исчезъ со всей своей арміей. Кампанія послѣдняго года окончена; императоръ намѣренъ моремъ вернуться въ Одессу; онъ здѣсь останется еще пять дней для устройства дѣлъ арміи и надѣется вернуться въ Петербургъ къ дню рожденія вдовствующей императрицы. Онъ искренно желаетъ мира, но если это не удастся въ нынѣшнемъ году, то къ будущей веснѣ онъ приготовитъ могучую армію». Предъ своимъ отъѣздомъ государь пожаловалъ герцогу Мортемару въ память о военныхъ дѣлахъ орденъ св. Георгія, который онъ и носилъ съ разрѣшенія французскаго короля.

Выбывъ изъ Варны одновременно съ императоромъ, герцогъ Мортемаръ послѣ ненастнаго плаванія въ Черномъ морѣ достигъ Севастополя. Воспользовавшись своимъ пребываніемъ въ Крыму, онъ совершилъ прогулку по Южному берегу, который живописно

описалъ въ своихъ депешахъ. Наконецъ, онъ отправился въ Парижъ чрезъ Одессу и вернулся на свой постъ только въ мартѣ 1829 года.

Первый томъ книги барона Пьера Бургуэна посвященъ пребыванію въ Россіи герцога Мортемара; во второй части говорится исключительно о подвигахъ и походахъ во время русско-турецкой войны его перваго секретаря, барона Бургуэна. Онъ получилъ отъ государя чрезъ генераль-адъютанта, графа Бенкендорфа, хотя словесное, но очень любезное приглашеніе участвовать въ войнѣ. «Государь,—писалъ Бенкендорфъ барону Бургуэну,—будетъ радъ видѣть васъ въ своей южной арміи и назначилъ вамъ свиданіе на берегахъ Дуная въ началѣ іюня». Французскій дипломатъ былъ очень радъ принять личное участіе въ войнѣ, такъ какъ онъ служилъ въ арміи при Наполеонѣ именно въ 1812—1813—1814 годахъ. Чрезъ два дня послѣ отъѣзда государя изъ Петербурга Бургуэнъ отправился въ Измаилъ и засталъ тамъ герцога Мортемара и государя. Немедленно главная квартира перешла чрезъ Дунай и расположилась бивуакомъ въ двадцати миляхъ отъ рѣки. Въ распоряженіе французовъ было дано пять палатокъ. По приказанію посланника всѣ сопровождавшія его лица вели себя съ удивительной точностью и рвеніемъ до тѣхъ поръ, пока они могли обнаружить свою храбрость. Палатка императора не отличалась ничѣмъ отъ другихъ, только она была гораздо выше и обширнѣе; рядомъ былъ раскинутъ большой шатеръ, въ которомъ происходили ежедневные обѣды для главнаго штаба и иностранныхъ миссій.

«Личный составъ главной квартиры императора,—разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ баронъ Бургуэнъ,—вскорѣ оказался слишкомъ многочисленнымъ и неудобнымъ. Присутствіе въ немъ иностранцевъ возбудило въ императорѣ сожалѣніе, что онъ былъ слишкомъ щедръ на приглашенія. Въ числѣ добровольцевъ только французы и пруссаки были искренни въ отношеніяхъ къ императору, остальные были недоброжелательны. Поэтому императоръ велѣлъ сказать иностраннымъ миссіямъ, что, вѣроятно, нѣкоторые изъ ихъ членовъ были бы рады принять дѣйствительное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, и онъ предлагалъ зачислить ихъ въ кавалерію или пѣхоту. Въ этомъ смыслѣ государь говорилъ съ герцогомъ Мортемаромъ, который передалъ его слова всѣмъ окружающимъ. Что касается меня, то я счелъ своимъ долгомъ принять предложеніе и просилъ посланника передать его величеству, что я желаю поступить въ отдѣльный корпусъ арміи. На другой день, утромъ, государь, стоя предъ своей палаткой, позвалъ меня и сказалъ:

— «Такъ вы желаете удалиться отъ меня?»

— «Я думалъ, ваше величество, — отвѣчалъ я, — что, принявъ ваше предложеніе поступить на дѣйствительную службу въ одну изъ пѣхотныхъ дивизій вашей арміи или въ одинъ изъ кавалерійскихъ отрядовъ авангарда, я не буду отдаленъ отъ вашего величества. Я поэтому предпочитаю служить въ отдѣльномъ корпусѣ, гдѣ я буду имѣть менѣе соперниковъ на полученіе командировокъ съ цѣлью выказать свое рвеніе.

— «Вы правы, — отвѣчалъ государь: — я сообщу желаніе тому генералу, котораго вы выберете. Кого же вы предпочтете? Намъ предстоитъ взять или осаждать нѣсколько крѣпостей на Дунаѣ. Не хотите ли вы поступить въ корпусъ подъ командой генерала Потемкина, находящійся передъ Рущукомъ, или генерала Рота, осаждающаго Силистрію.

— «Если вы предоставите мнѣ выборъ, то для меня гораздо предпочтительнѣе Силистрія.

— «Отчего это предпочтеніе?

— «Вы знаете, ваше величество, что выборъ двухъ неизвѣстныхъ предметовъ рѣшается случаемъ или малозначащимъ мотивомъ. Вотъ я и выбралъ Силистрію только потому, что названіе этого города гармонично.

— «А! вы любите звучныя названія.

— «Да, ваше величество; если мнѣ придетъ въ голову воспѣть въ стихахъ подвиги вашихъ солдатъ, то къ Силистріи легко подобрать риѣму, а къ Рущуку — очень трудно.

— «Дѣйствительно риѣмы къ Рущуку подыскать трудно. Такъ я васъ буду настоятельно рекомендовать генералу Роту. Вы найдете въ немъ человѣка, способнаго и мужественнаго, къ тому же онъ вашъ соотечественникъ: это — эльзасскій эмигрантъ и служить въ нашей арміи уже тридцать пять лѣтъ»...

На слѣдующій день баронъ Бургунъ получилъ обѣщанное рекомендательное письмо и, откланявшись императору, отправился назадъ къ Дунаю, чтобы присоединиться къ корпусу, осаждавшему Силистрію. Герцогъ Мортемаръ также радушно съ нимъ простился и далъ ему на прощаніе одну изъ палатокъ, пожалованныхъ французамъ императоромъ. По дорогѣ онъ встрѣтилъ генерала Рота, который только что взялъ у турокъ крѣпость Гирсову. Онъ направлялся на Силистрію; подъ его начальствомъ было отъ 13.000 до 14.000 кавалеріи, пѣхоты и артиллеріи. Баронъ Бургунъ тотчасъ попросилъ своего новаго начальника назначить ему сотню казаковъ въ авангардѣ. Генералъ исполнилъ его просьбу, и вмѣстѣ съ Бургуномъ находился въ авангардѣ только-что прибывшій изъ главной квартиры флигель-адъютантъ, графъ Толстой.

«Когда мы шли по берегу Дуная, по лѣсистой странѣ, — писалъ Бургунъ, — передъ нами разстилалась самая живописная мѣстность. Неожиданно показалась Силистрія во всей своей красотѣ. Этотъ

городъ весь утопаетъ въ садахъ, среди которыхъ возвышаются пятнадцать минаретовъ, съ блестящими и бѣлблующими верхушками. За этимъ большимъ мусульманскимъ городомъ въ необъятной дали теряются степи Валахіи, пересекаемыя безконечными ручьями, блестящими подъ лучами солнца. Вообще русскіе полагали, что Силистрія была далеко не такъ укрѣплена, какъ Браиловъ и Варна, но это было ложное мнѣніе, основанное на воспоминаніяхъ о прошедшей войнѣ. Силистрія была взята въ 1810 г. графомъ Ланжерономъ послѣ девятидневной осады, но съ тѣхъ поръ всѣ дунайскія крѣпости и особенно Силистрія сильно укрѣплены европейскими инженерами». Замѣтивъ приближеніе русскихъ, Ибраимъ-паша въ Силистріи сдѣлалъ сильную вылазку, но русскіе опрокинули его послѣ кроваваго боя. Генераль Ротъ въ тотъ же вечеръ позвалъ Бургуэна и спросилъ его, знаетъ ли онъ инженерное искусство. Получивъ удовлетворительный отвѣтъ, онъ поручилъ ему устройство фортификаціи вокругъ лагеря. Съ этой цѣлью Бургуэну было откомандировано триста солдатъ съ ружьями, кирками и лопатами, и они въ ту же ночь приступили къ возведенію редута, который и былъ вскорѣ готовъ, къ величайшему удивленію и удовольствію генерала.

Въ это время въ русскій лагерь прибылъ графъ Ланжеронъ, командовавшій тогда войсками въ Валахіи. Находясь на разстояніи 15 миль отъ Силистріи, Ланжеронъ пріѣхалъ навѣстить по сосѣдству генерала Рота. Онъ провелъ въ лагерѣ нѣсколько дней и принесъ большую пользу Бургуэну своимъ военнымъ знаніемъ и полезными совѣтами. Послѣ его отъѣзда осада Силистріи пошла своимъ чередомъ, и генераль увеличилъ на 400 человекъ отрядъ Бургуэна. Это подкрѣпленіе принадлежало къ Селенгинскому полку и оказало Бургуэну большую пользу въ стычкахъ съ турками. Въ первый разъ, когда Селенгинскій полкъ пошелъ въ бой, Бургуэнъ случайно былъ верхомъ, а потому, увидавъ своихъ солдатъ пѣшкомъ, онъ соскочилъ съ лошади и сказалъ по-русски: «Селенгинцы пѣшкомъ, я не хочу быть верхомъ». Эти слова были встрѣчены громкими криками одобренія. Вообще, солдаты, находившіеся подъ начальствомъ Бургуэна, любили его за храбрость, распорядительность и знаніе русскаго языка, которому онъ научился въ пять мѣсяцевъ пребыванія въ этой странѣ.

Три мѣсяца успѣшно, но медленно продолжалась осада Силистріи, и наконецъ генераль Ротъ получилъ со своимъ корпусомъ другое назначеніе, осаду же Силистріи продолжалъ вести другой отрядъ русской арміи подъ начальствомъ князя Щербатова. Что же касается до барона Бургуэна, то онъ распрощался съ своимъ начальникомъ и, исполнивъ небольшое порученіе къ графу Палену, генераль-губернатору Дунайскихъ княжествъ, отправился въ Одессу, гдѣ присоединился къ посольству герцога

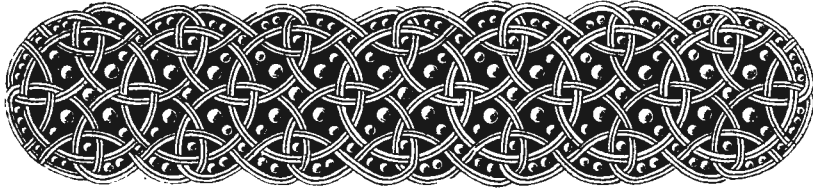
Мортемара. Проведя тамъ короткое время, онъ распростился съ герцогомъ Мортемаромъ, который уѣхалъ въ Парижъ, и въ октябрѣ отправился въ Петербургъ снова въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ.

Весною слѣдующаго 1829 года явился въ русской столицѣ и герцогъ Мортемаръ, котораго императоръ встрѣтилъ чрезвычайно радушно, называя его «своимъ бивачнымъ товарищемъ». Чтобы дать ему особое доказательство своего благоволенія, онъ пожаловалъ ему Андреевскую ленту съ рескриптомъ, въ которомъ выразилъ свою привязанность и уваженіе. Въ продолженіе 1829 г. русская армія одержала большія побѣды на Балканскомъ полуостровѣ, и, наконецъ, былъ заключенъ Адрианопольскій миръ. По случаю этого мира въ теченіе всей зимы устраивались блестящія празднества. Изъ нихъ всего болѣе обратилъ на себя вниманіе великолѣпный маскарадъ, въ которомъ появлялись боги и богини Олимпа. Въ слѣдующемъ маѣ мѣсяцѣ 1830 года герцогъ Мортемаръ снова уѣхалъ въ Парижъ, и на прощаніе съ нимъ императоръ Николай просилъ передать своему другу, королю Карлу X, совѣтъ быть какъ можно осторожнѣе и уважать конституцію. Черезъ нѣсколько времени послѣ отъѣзда Мортемара Николай Павловичъ сказалъ барону Бургуэну, снова оставшемуся повѣреннымъ въ дѣлахъ: «Я получилъ хорошее извѣстіе; надѣюсь, что мой другъ не сдѣлаетъ никакихъ неосторожностей». Вообще русскій императоръ питалъ въ то время горячее сочувствіе къ Франціи и особенно интересовался предпринятой въ то время алжирской экспедиціей.

— «Ваша страна одержала побѣду, — сказалъ государь Бургуэну послѣ взятія Алжира французами: — напишите вашему королю, что эта побѣда меня очень обрадовала, все равно какъ будто одержали ее мои войска. Я хотѣлъ предложить вашему королю содѣйствіе моихъ солдатъ, но Франція въ этомъ не нуждается. Я приказалъ графу Чернышеву (военному министру) собрать въ архивѣ всѣ документы, относящіеся до пріемовъ войны съ восточными народами. Я хочу, чтобы вы воспользовались нашимъ опытомъ во время нашихъ долгихъ войнъ въ Турціи европейской и азіатской. Я также приказалъ, чтобы составили записку о гигиеническихъ средствахъ, необходимыхъ въ этихъ вредныхъ для здоровья странахъ. Я сожалѣю, что могу предложить вашему королю такъ мало, но чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. Надѣюсь, что Франція увидитъ въ этомъ мое усердіе къ доброму дѣлу, которое вы предприняли».

Но судьбѣ было угодно, чтобы вскорѣ разразилась іюльская революція, и императоръ Николай совершенно измѣнилъ свои отношенія къ Франціи. Герцогъ Мортемаръ отставленъ былъ отъ службы въ 1830 г., а баронъ Бургуэнъ, пробывъ нѣсколько времени въ Петербургѣ, былъ назначенъ въ 1832 г. при іюльской монархіи посланникомъ въ Дрезденъ.

В. А. Тимирязевъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Утверженная грамота объ избраніи на Московское государство Михаила Теодоровича Романова. Воспроизведена императорскимъ обществомъ исторіи и древностей російскихъ при Московскомъ университетѣ подѣ наблюдениемъ А. А. Бѣлокурова, дѣйствительнаго члена общества. Москва. Синодальная типографія. 1904.

ТИМЪ замѣчательнымъ изданіемъ Московское общество исторіи и древностей російскихъ ознаменовало столѣтній юбилей своего существованія «Утверженная грамота» — государственный актъ первостепенной важности. Извѣстно, что въ концѣ 1612 года по приглашенію земскаго совѣта, бывшаго при князѣ Пожарскомъ, въ Москвѣ собрались изъ всѣхъ городовъ «лутчіе и разумные постоянные люди» для того, чтобы «по общему совѣту Московскаго государства всякихъ людей обратъ на Владимирское, и на Московское, и на всѣ великіе Россійскіе государства государемъ-царемъ и великимъ княземъ всеа Русіи, кому поручить Богъ скиаетръ Московскаго государства въ державу». Въ январѣ 1613 года великій земскій соборъ уже открылъ свои работы. 21-го февраля въ торжественномъ засѣданіи собора царемъ былъ провозглашенъ Михайлъ Теодоровичъ Романовъ. Въ засѣданіи 14-го апрѣля духовные члены собора, весь освященный соборъ, предложили принести присягу новому царю; по совершеніи присяги освященный соборъ «паки глаголетъ: елма убо о семь толикъ обѣтъ предъ Богомъ полагаете и общаетеся, что вамъ такимъ къ великому государю нашему, къ благочестивому царю и великому князю Михайлу Теодоровичю всеа Русіи, единодушнымъ быти, — тѣмъ же подобаетъ

намъ и грамоту утвержденную написавше утвердиться и вся, яже глаголемая и дѣйствующая въ настоящее сие время, и наши скорби, и разоренье Московскому государству отъ Польскаго и отъ Нѣмецкаго королей въ ней написавше, намъ, государевымъ богомольцомъ, руки свои приложить, а вамъ, царскаго величества бояромъ, и окольничимъ, и княземъ, и воеводамъ, и дворяномъ, и всякимъ приказнымъ людямъ; и гостемъ, и выборнымъ людямъ, которые изо всѣхъ городовъ всего великаго Россійскаго царствія пріѣхали къ Москвѣ для государскаго обиранья, руки свои приложить на большее утверждение и единомыслие: да будетъ впередъ крѣпко и неподвижно и стоятельно во вѣки, какъ въ сей утвержденной грамотѣ написано будетъ, и на чемъ по записи преже сего крестъ животворящій дѣловали».

Соборъ принялъ предложеніе, и чрезъ нѣкоторое время грамота была изготовлена и прочтена. Члены собора приложили руки, митрополиты, архіепископы и епископы привѣсили свои печати; «да не преидеть ни едина черта, али юта едина отъ написанныхъ въ ней ничесоже», постановили передать ее «въ хранила царскія». Грамота была написана въ двухъ экземплярахъ. Оба эти экземпляра сохранились до нашего времени: одинъ въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, другой — въ Оружейной палатѣ.

Въ виду большей сохранности перваго экземпляра Московское общество постановило воспроизвести фототипически грамоту архива. Изданіе выполнено съ необыкновенной роскошью, на особой бумагѣ, специально сдѣланной на Углицкой писчебумажной фабрикѣ по образцу бумаги XVII вѣка, съ абсолютной точностью. Вся разница — въ слѣдующемъ. Подлинная грамота представляетъ свитокъ, длиною 5 аршинъ $13\frac{1}{4}$ вершковъ и шириною вверху $11\frac{14}{16}$ и внизу $11\frac{10}{16}$ вершковъ. Этотъ свитокъ склеивъ изъ отдѣльныхъ листовъ. Въ воспроизведеніи она вышла въ листахъ, но не произвольной величины, а той именно, какую каждый листъ имѣетъ въ оригиналѣ отъ склейки до склейки. Къ фототипическому воспроизведенію архивскаго экземпляра присоединено нѣсколько снимковъ съ экземпляра Оружейной палаты.

Изданіе даетъ, кромѣ того, и печатный текстъ. Въ основу его положена архивская грамота и подобраны всѣ разночтенія изъ грамоты Оружейной палаты. Тамъ, гдѣ чтеніе текста возбуждало сомнѣнія вслѣдствіе неисправности памятника, редакторъ обращался къ спискамъ, сдѣланнымъ еще въ XVII вѣкѣ. Наконецъ, редакторъ имѣлъ въ виду и справлялся съ проектомъ грамоты 1613 года и съ грамотой 1598 года. Оказывается, что авторы этого акта государственной важности въ значительной степени были не оригинальны. Въ основу его какъ разъ положена грамота 1598 года объ избраніи на царство Бориса Годунова. Любопытно то, что приводимыя въ грамотѣ 1613 года рѣчи, которыми обмѣнялись въ Ипатьевскомъ монастырѣ московскіе послы, царь Михаилъ Феодоровичъ и его мать, старица Марфа Ивановна, являются дословной копіей рѣчей, сказанныхъ патриархомъ Ювомъ, Борисомъ Годуновымъ и царицей Ириней Феодоровной и изложенныхъ въ грамотѣ 1598 года. Текстъ грамоты 1613 года былъ установленъ не сразу. Въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ хранится ея первоначальный проектъ, въ ко-

торомъ находятся любопытныя и отчасти до сихъ поръ неизвѣстныя данныя о царяхъ Феодорѣ, Борисѣ, Самозванцѣ и Шуйскихъ. О Самозванцѣ, напримѣръ, авторъ проекта сообщаетъ, что онъ былъ простой воинъ, глаголемый Гришка Отрепьевъ, въ инокахъ Германъ. Этотъ документъ такимъ образомъ объясняетъ, откуда заимствовали Германа А. Θ. Малиновскій и П. П. Бантышъ-Каменскій.

Изданіе грамоты сдѣлано подъ наблюдениемъ С. А. Бѣлокурова. Ему же принадлежитъ вступительная статья, въ которой изложена исторія составленія грамоты, указаны ея отношенія къ «проекту» и другимъ историческимъ памятникамъ и дано точное описаніе и того и другого ея экземпляра.

Въ общемъ «Утвержденная грамота» въ изданіи московскаго ученаго общества является весьма цѣннымъ вкладомъ въ русскую исторію. Только теперь мы получаемъ дѣйствительно научное изданіе этого важнаго историческаго памятника.

По своей внѣшности, изданіе представляетъ огромный, въ большой листъ, альбомъ.

П. П.—въ.

А. И. Яцимирскій. Григорій Цамблакъ. Очеркъ его жизни, административной и книжной дѣятельности. Изданіе императорской академіи наукъ. Спб. 1904.

Капитальный трудъ слависта г. Яцимирскаго, недавно увѣнчанный академіею ломоносовской преміей, является цѣннымъ научнымъ вкладомъ, несмотря на то, что Григоріемъ Цамблакомъ давно уже интересовались русскіе, южно-славянскіе и румынскіе ученые. Ихъ труды, основанные, по большей части, на недостаточномъ и одностороннемъ знакомствѣ съ источниками, страдаютъ, съ одной стороны, неполнотой и противорѣчiami, съ другой — тенденціозностью, благодаря которой факты получаютъ одностороннее освѣщеніе или же просто подгоняются для подтвержденія той или иной предвзятой мысли.

Такъ, русскіе ученые, преосвященный Макарій, А. Саббатовскій, П. Соколовъ, П. Сырку и другіе, главное вниманіе удѣляли жизни и дѣятельности Цамблака въ періодъ управленія имъ Кіевской митрополіей, такъ какъ ихъ болѣе всего интересовали отношенія его, какъ перваго западно-русскаго митрополита, къ Москвѣ и Польшѣ, а въ особенности участіе его на Констанцскомъ соборѣ; что же касается предшествовавшаго и послѣдующаго періодовъ въ жизни Цамблака, то о нихъ въ изслѣдованіяхъ упомянутыхъ авторовъ встрѣчается масса неточностей и ошибокъ, главнымъ образомъ благодаря тому, что свидѣтельства современниковъ о Цамблакѣ чрезвычайно скудны, а въ произведеніяхъ самого Григорія біографическій элементъ очень незначителенъ.

Въ изслѣдованіяхъ же румынскихъ ученыхъ, напримѣръ, преосвященнаго Мельхиседека, А. Ксенопола, Ербичяну, Григорію и другихъ, хотя заключается много подробностей относительно жизни и дѣятельности Цамблака въ предѣлахъ Россіи, зато эти работы отличаются неменьшимъ недостаткомъ — тенденціозностью. Румынскіе ученые изъ патріотическаго чувства намѣренно извращали правду: напримѣръ, считали Григорія румыномъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ

онъ былъ родомъ изъ Болгаріи; далѣе Молдавія отъ XIV до XVII вѣковъ, какъ извѣстно, не имѣла національной культуры, а всецѣло подчинялась болгарской, при чемъ не только церковная письменность и богослуженіе велись на славянскомъ языкѣ, но послѣдній былъ языкомъ и правительственнымъ, между тѣмъ преосвященный Мельхиседекъ, а за нимъ и болѣе поздніе историки пытаются доказать, что Цамблакъ писалъ и говорилъ свои проповѣди почти исключительно на румынскомъ языкѣ.

Изъ вышеприведеннаго краткаго перечня видно, какъ неполны и противорѣчивы изслѣдованія о Цамблакѣ, и насколько трудно было г. Яцимирскому разбраться во всей этой путаницѣ, и, тѣмъ не менѣе, задача его выполнена удачно. Прежде, чѣмъ начать свою работу, изслѣдователь предпринялъ поѣздку на Аѳонъ, въ Тырновъ, Молдавію и Сербію. Кромѣ немногихъ историческихъ данныхъ, найденныхъ въ монастыряхъ, г. Яцимирскимъ было просмотрѣно до сотни рукописей съ произведеніями Цамблака. Эта поѣздка вмѣстѣ съ изученіемъ румынской, сербской и болгарской литературъ соотвѣтствующей эпохи дала превосходные результаты. Почти все сказанное имъ является новостью. Въ работѣ г. Яцимирскаго выяснены спорные вопросы по біографіи и по датировкѣ произведеній Цамблака. Центральный пунктъ книги выясняетъ тождество Григорія Цамблака съ нямецкимъ схимникомъ, писцомъ Гаврииломъ. Въ этомъ отношеніи авторъ отчасти имѣлъ предшественниковъ въ лицѣ преосвященнаго Мельхиседека, А. Саббатовскаго и нѣкоторыхъ другихъ, высказавшихъ предположеніе, что Цамблакъ не умеръ въ Кіевѣ въ 1419 году, а ушелъ послѣ возвращенія съ Констанцскаго собора въ Молдавію. Въ то же время въ ихъ предположенія вкрались крупныя ошибки: первый изъ названныхъ ученыхъ, смѣшивая съ Цамблакомъ трехъ митрополитовъ, носившихъ имя Григорія, утверждалъ, что Цамблакъ сдѣлался митрополитомъ молдавскимъ. Между тѣмъ, г. Яцимирскій приходитъ къ заключенію, что Цамблакъ и Гаврииль-писецъ—одно лицо. Можно сказать, что на этомъ положеніи зиждется все изслѣдованіе г. Яцимирскаго: оно дало ему возможность сдѣлать цѣлый рядъ выводовъ и наблюденій.

Мы не будемъ разсматривать всего сочиненія, а остановимся нѣсколько подробнѣе на послѣдней главѣ: «Цамблакъ въ преданіи историческомъ и литературномъ». Историческое преданіе характеризуетъ Цамблака съ двухъ сторонъ. Благопріятное мнѣніе о его личности и дѣятельности было распространено въ Молдавіи, особенно въ Нямецкомъ монастырѣ, а также у католическихъ и униатскихъ писателей. Здѣсь Цамблакъ представляется ученымъ богословомъ, ревнителемъ православія, благочестивымъ аскетомъ, борцомъ за независимость Молдавской церкви отъ Константинополя, дѣятельнымъ книжникомъ и т. д. Неблагопріятные же отзывы о немъ встрѣчаются среди позднихъ румынскихъ писателей, которые не могли простить ему, что онъ на мѣсто прежней римской (sic) культуры насадилъ въ Молдавіи славянскую. Подобное же отрицательное мнѣніе о Цамблакѣ составилось и въ Московскои Руси, гдѣ его обвиняли въ приверженности католичеству и не разъ въ Москвѣ и въ Константинополѣ отлучали отъ церкви и проклинали его. «Но что всѣ эти странныя, во всякомъ случаѣ не русскія по духу и по своей ужасающей формѣ, традиціи покоились не на фактахъ,—говоритъ г. Яцимирскій,—а на какой-то фатальной ошибкѣ,

показываетъ уже то, что Фотій, непримиримый врагъ и соперникъ Цамблака, не могшій простить послѣднему его удачи въ дѣлѣ раздѣленія митрополии и произносившій проклятія одно за другимъ, то самостоятельно, то заставляя сдѣлать это же самое патріарха, что этотъ Фотій ни однимъ словомъ не обвиняетъ Цамблака въ католичествѣ, въ склонности къ униі и т. п. Только въ болѣе позднее время, когда западная Русь дѣйствительно была въ опасности передъ надвигавшимся съ запада католичествомъ, когда, наконецъ, самый Кіевъ былъ заподозрѣнъ въ потерѣ прежняго православія, только тогда могли образоваться эти несправедливые упреки по адресу мнимаго католичества Цамблака». Путемъ тщательнаго разбора обвиненій въ католичествѣ Цамблака и анализа его поведения на Констанцскомъ соборѣ, г. Яцимирскій вполне реабилитировалъ личность Цамблака отъ этихъ инсинуацій, основанныхъ исключительно на недоразумѣніи и пристрастіи.

Въ заключеніе можемъ прибавить, что цѣнность книги г. Яцимирскаго увеличиваютъ многочисленные экскурсы, такъ или иначе относящіяся къ дѣятельности Цамблака, напримѣръ: «Начало православной церкви въ Молдавіи», «Гоненіе на славянскій языкъ въ Румыніи», «Поддѣльная грамота Быстрица» и т. д. Книга снабжена снимками съ рукописей Гавріила и рисунками изъ старонѣмецкой хроники XV вѣка, сохранившими изображенія Цамблака во время его пребыванія въ Констанцѣ.

П. П.

Летучіе листки 1812 года. Ростопчинскія афиши. Собралъ и издалъ П. А. Картавовъ. Спб. 1904.

Г. Картавову слѣдовало бы оставить одно изъ двухъ заглавій: или «Летучіе листки 1812 года», или «Афиши Ростопчина». Если бы г. Картавовъ остался при первомъ названіи, то мы были бы въ правѣ искать въ его трудѣ первый опытъ изданія всѣхъ объявленій и публикацій, обращенныхъ въ 1812 году правительствомъ къ русскимъ гражданамъ. Такое изданіе было бы очень поучительнымъ и имѣло бы серьезный историческій интересъ, какъ матеріалъ для исторіи обращеній правительства къ народу. Но цѣль г. Картавова другая: онъ почему-то считаетъ необходимымъ связывать всѣ изданные имъ листы съ именемъ Ростопчина. «Ростопчинскія афиши» — терминъ совершенно опредѣленный; подъ нимъ разумѣются публикаціи, писанныя или редактированныя Ростопчинимъ и имѣющія свои специфическія особенности. Кто не имѣетъ представленія объ афишахъ Ростопчина? Помните эти фразы: «французъ не тяжеле снопа аржаного» или «французы отъ капусты раздуются, отъ каши перелопачуются, отъ щей задохнутся» и т. д. Ростопчинъ объяснялся о своихъ афишахъ, что ихъ единственной цѣлью было «утишеніе безпокойства». Нельзя не признать, что невозможно выбрать болѣе легкомысленный способъ утишенія, и что какъ разъ этой-то цѣли прокламаціи Ростопчина не достигали. Сообщать такія небывлицы и фарсы, какія сочинялъ Ростопчинъ, можно только тогда, когда абсолютно не цѣнишь и не уважаешь лица, къ которому обращаешься. За кого же принималъ московскихъ обывателей этотъ «вѣрной слуга царской, русской баяринъ и православный христіанинъ Ростопчинъ», когда разсказывалъ имъ о

французской сволочи, «питавшейся вареной рожью», а эта сволочь готовилась в это время войти в Москву. Но г. Картавовъ даетъ в своей книгѣ не только эти «Ростопчинскія афиши»: онъ издалъ тутъ и указы по арміямъ, и молитву объ изгнаніи враговъ, и воззваніе святѣйшаго синода, письмо Голенищева-Кутузова и т. д. И всѣ эти бумаги онъ счелъ возможнымъ объединить подъ названіемъ «Ростопчинскія афиши», кажется, на томъ основаніи, что и эти бумаги выпускались в Москвѣ Ростопчина. Но вѣдь это же чисто вѣнское основаніе! Тогда слѣдовало бы расширить задачу изданія и дѣйствительно дать всѣ печатныя обращенія русскаго правительства къ народу в 1812 году.

«Ростопчинскія афиши» были изданы в послѣдній разъ г. Суворинымъ подъ редакціей В. И. Саитова. Г. Картавовъ считаетъ это изданіе недостаточно полнымъ, не совсѣмъ вѣрно передающимъ текстъ и дающимъ не всегда вѣрную хронологію. Г. Картавовъ черезчуръ строгъ; онъ былъ бы, пожалуй, правъ, если бы всѣ книги издавались только *ad majorem bibliographiae gloriam*. Правда, г. Саитовъ издалъ всего 18 афишъ, а Картавовъ—57, но изъ этихъ 57 афишъ даже самъ г. Картавовъ считаетъ принадлежащими Ростопчину только 23. Такимъ образомъ, противъ изданія г. Саитова у Картавова напечатано пять новыхъ афишъ: три изъ нихъ содержатъ извѣстія изъ арміи, четвертая — о помощи отъ казны обѣднѣвшимъ московскимъ жителямъ, пятая опровергаетъ ложные слухи о заразныхъ болѣзняхъ, «распространенные легко-вѣріемъ и выпущенные первоначально за заставу какимъ либо лжецомъ, трусливымъ болтуномъ или изъ ума выжившимъ старикомъ». Г. Картавовъ воспроизводитъ текстъ афишъ в полнѣйшей орографической неприкосновенности. Несмотря на то, что г. Картавовъ обвиняетъ г. Саитова в невѣрности хронологіи, онъ самъ не безъ грѣховъ в этой же самой хронологіи. Почему, напримѣръ, на первомъ мѣстѣ г. Картавовъ печатаетъ заявленіе Ростопчина о Верещагинѣ, вышедшее 3 июля 1812 года, а вслѣдъ за нимъ извѣстную прокламацію о Карнюшкѣ Чихиринѣ, появившуюся 7 июля?

. Впрочемъ, в предисловіи г. Картавовъ объясняетъ, что настоящее его изданіе, такъ сказать, пробное, подготовительное къ любительскому, цинкографическому изданію афишъ Ростопчина.

П. Щ.

Мих. Лемке. Очерки по исторіи русскої цензуры и журналистики XIX столѣтія. Спб. 1904.

Его же. Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1904.

Эти двѣ книги г. Лемке являются цѣннымъ вкладомъ в исторію русскої цензуры, а слѣдовательно, русскої литературы и общественности. Отношенія цензуры и литературы у насъ напоминаютъ функціональныя отношенія в математикѣ. И г. Лемке правъ, утверждая, что «нѣтъ лучшаго способа для изслѣдованія всей в совокупности политики любого момента, истинной ея цѣнности в отношеніи къ отпавленіямъ челоѣческаго духа, какъ именно

изученіе условій проявленія его въ литературѣ». Въ своихъ книгахъ г. Лемке изучаетъ исторію института цензуры въ Россіи въ связи съ исторіей русской общественной мысли.

Въ первой книгѣ мы находимъ четыре огромныхъ статьи. Первая посвящена «эпохѣ обличительнаго жара» (1857—1864 гг.) и является первымъ опытомъ обзорѣнія сатирической журналистики этихъ лѣтъ. Понятно, авторъ слѣдитъ за измѣненіями въ отношеніяхъ правительства въ карикатурѣ и сатирѣ, но, по своему содержанію, эта статья является скорѣе историко-литературной, чѣмъ историко-цензурной. Какъ и слѣдовало ожидать, съ наибольшимъ вниманіемъ г. Лемке останавливается на исторіи лучшаго сатирическаго журнала «Искра». Кажется, ни одинъ журналъ ни раньше, ни позже не пользовался такой популярностью, какъ «Искра». Популярность доходила до того, что даже Тимашевъ, будущій шефъ жандармовъ, участвовалъ своими рисунками въ «Искрѣ». (Этотъ фактъ сообщенъ намъ лицомъ, близко стоявшимъ къ редакціи «Искры»). Г. Лемке рассказываетъ объ организаціи журнала, о лицахъ, стоявшихъ во главѣ его; рѣзкой, но справедливой критикѣ подвергается служившая до сихъ поръ источникомъ свѣдѣній объ «Искрѣ» статья г. Трубочева. Затѣмъ восстанавливаетъ въ памяти содержаніе «Искры», дѣлая анализъ его по вопросамъ и воспроизводя немало иллюстрацій. Послѣдній приемъ въ особенности надо одобрить, такъ какъ объ «Искрѣ» нельзя говорить тѣмъ, кто не видѣлъ ея иллюстрацій. Вслѣдъ за «Искрой» г. Лемке даетъ характеристику и остальныхъ сатирическихъ журналовъ. Въ слѣдующихъ статьяхъ книги разсмотрѣна исторія цензурнаго института съ 1848 по 1854 годъ. Во второй статьѣ рѣчь идетъ объ «эпохѣ цензурнаго террора» (1848—1855). Если мы вообще мало или плохо знаемъ исторію цензуры, то какъ разъ этотъ періодъ исторіи въ силу безпримѣрныхъ, исключительныхъ до анекдотичности условій жизни нашей печати сравнительно намъ хорошо извѣстенъ. Ходячими стали рассказы о нелѣпностяхъ цензоровъ и жестокости института, но изслѣдованіе г. Лемке показываетъ, что исторія цензурнаго террора даже со стороны анекдотической далеко еще не исчерпана. Г. Лемке на основаніи источниковъ печатныхъ, но малодоступныхъ или иногда и рукописныхъ, годъ за годомъ развертываетъ яркую картину «условій», въ которыя ставилъ литературу ея вѣчный спутникъ-цензура. Въ изложеніи г. Лемке становится ясною не совсѣмъ ясная до сихъ поръ исторія Меньшиковскаго комитета 27 февраля 1848 года и комитета Бутурлинскаго 2 апрѣля 1848 года. Нѣкоторыя свѣжія подробности г. Лемке могъ бы почерпнуть изъ оставшейся ему неизвѣстною статьи покойнаго Н. К. Шильдера, напечатанной сначала въ «Историческомъ Вѣстникѣ», а потомъ приложенной къ его «Исторіи Николая I». Попутно г. Лемке выясняетъ и исторію высылки М. Е. Салтыкова. Третью статью книги г. Лемке посвящаетъ русскому «Bureau de la presse», или, какъ оно называлось въ дѣйствительности, комитету по дѣламъ книгопечатанія. Наконецъ, четвертая статья не относится собственно до исторіи цензуры: въ ней дана исторія Булгарина. Г. Лемке подобралъ разсѣянные данныя о Фаддѣ, но при всемъ нашемъ несочувствіи къ Булгарину мы не можемъ не признать, что г. Лемке придалъ этой исторіи уже слишкомъ одностороннее освѣщеніе. Онъ судить

Булгарина на современный аршинъ, забывая о томъ, что тогда и времена были другія.

Вторая книга г. Лемке продолжаетъ первую. Въ ней разсмотрѣна исторія цензурныхъ реформъ въ 1859—1864 годахъ. Шестидесятые годы рѣзко сказались и на исторіи цензурнаго института, и авторъ официальной записки писалъ слѣдующія знаменательныя слова: «оказалось, что когда въ обществѣ возникаетъ истинная потребность свободно высказываться, правительству дѣлается невозможнымъ противодѣйствовать сему, потребность эта обращается въ неустойчивую силу, отъ которой не спасется и официальный кругъ, ибо и онъ дышитъ однимъ воздухомъ со всѣми». Общественное мнѣніе поставило на первую неотложную очередь цензурныя реформы и постоянно отражалось на разработкѣ реформъ въ официальныхъ сферахъ. Г. Лемке детальнѣйшимъ образомъ рассказываетъ по годамъ исторію работы надъ цензурными реформами и отношенія къ ней печати и общества. Для своей книги г. Лемке пользовался многочисленными официальными данными, отнюдь не получившими широкаго распространенія. Обиліе выписокъ изъ этихъ недоступныхъ изданій дѣлаетъ его книгу особенно цѣнной. Можно было бы пожелать выписокъ, еще болѣе многочисленныхъ и болѣе рельефныхъ и характерныхъ, но, быть можетъ, это не было въ волѣ автора. Пользуясь этими почти что неизданными матеріалами, г. Лемке могъ пустить въ обиходъ дѣйствительно обильное количество фактовъ. Заключеніемъ книги г. Лемке является статья о Головинѣ и Валувѣ въ роли литературныхъ критиковъ и публицистовъ. Здѣсь авторъ знакомитъ читателя съ двумя прелюбопытными официальными изданіями: одно изъ нихъ называется «Краткое обозрѣніе направленія періодическихъ изданій и газетъ и отзывы о нихъ по важнѣйшимъ правительственнымъ и другимъ вопросамъ», другое—«Собраніе матеріаловъ о направленіи различныхъ отраслей русской словесности за послѣднее десятилѣтіе и отечественной журналистики за 1863 и 1864 гг.». Первое издано въ 1862 году по распоряженію Головина, второе въ 1865 г.— по распоряженію П. А. Валуева; оба имѣютъ надписаніе: «секретно», и публикѣ извѣстны очень мало. Но оба изданія интересны именно для характеристики взглядовъ правительства на литературу.

Написаны обѣ книги легко и читаются до конца съ неослабвающимъ интересомъ. Къ первой книгѣ приложено 19 портретовъ и 61 карикатура, ко второй—4.

П. П.

С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. (Историко-литературный сборникъ). Томъ VI. Съ алфавитнымъ указателемъ ко всѣмъ VI томамъ. Спб. 1897—1904.

«Словарь» С. А. Венгерова былъ затѣянъ больше двадцати лѣтъ тому назадъ по очень широкой программѣ. Онъ охватывалъ всѣхъ писателей и всѣхъ ученыхъ, оставившихъ по себѣ хоть нѣсколько печатныхъ строкъ. О каждомъ лицѣ предполагалось давать свѣдѣнія біографическія (о современникахъ, за небольшими исключеніями, изъ первоисточниковъ—ихъ собственно-

ручныхъ сообщеній), сводъ всѣхъ библиографическихъ данныхъ—перечень работъ даннаго лица и всѣхъ статей о немъ—и, наконецъ, критическую оцѣнку дѣятельности всякаго автора. Огромный первый томъ, заключавшій въ себѣ букву А, вышелъ въ 1886 году; онъ былъ не безъ ошибокъ, не безъ пропусковъ, но въ общемъ онъ вполне удовлетворялъ программѣ изданія. Если бы «Словарь» по указанной программѣ былъ доведенъ до конца, то мы имѣли бы колоссальный трудъ. Но предпріятію не суждено было осуществиться: предпринятое безъ сотрудниковъ, на единоличныя средства, оно оказалось не подъ силу одному человѣку. Уже съ четвертаго тома редакторъ измѣняетъ алфавитному порядку и пускаетъ въ печать весь обработанный матеріалъ, прилагая для облегченія розысковъ къ каждому тому алфавитный указатель ко всѣмъ предшествующимъ томамъ. Послѣ выхода пятаго тома наступилъ большой, семилѣтній перерывъ въ изданіи «Словаря». Только теперь, въ 1904 г., вышелъ шестой томъ, рѣзко мѣняющій фізіономію «Словаря». Начиная съ этого тома, «Словарь» превращается въ историко-литературный сборникъ, дающій матеріалъ самаго различнаго рода, какъ въ обработанномъ, такъ и въ сыромъ видѣ.

Первая половина настоящаго тома (стр. 1—300) заключаетъ матеріалы различнаго характера (біографическіе, библиографическіе и критическіе). Правда, нѣкоторыя статьи книги, печатавшейся въ теченіе 7-ми лѣтъ, значительно устарѣли, но все же мы найдемъ здѣсь немало цѣнныхъ свѣдѣній. Таковы статьи о И. И. Янжулѣ, Н. Н. Буличѣ, Н. Ѳ. Катановѣ, сопровождающіяся прелюбопытными автобіографіями этихъ лицъ. Среди обстоятельныхъ статей этой части тома отмѣтимъ статьи г. Боцяновскаго о Н. П. Брусиловѣ, Всеволода Чехихина объ И. Я. Вѣтринскомъ, С. А. Венгерова о Рѣшетниковѣ. Г. Венгерова въ своемъ этюдѣ о Рѣшетниковѣ справедливо указываетъ на странность литературной извѣстности этого писателя. Изъ его произведеній цѣнится собственно только одно: «Подлиповцы»; оно создало автору крупное имя, литературную извѣстность. Успѣхъ «Подлиповцевъ»—кульминационный пунктъ общественнаго значенія Рѣшетникова. Въ русской интеллигенціи «Подлиповцы» вызвали порывъ общественнаго покаянія, чувство жгучаго стыда за дѣйствительность, въ которой возможна такая дикая и несчастная жизнь. Ни для кого изъ критиковъ и читателей не было никакого сомнѣнія въ томъ, что въ «Подлиповцахъ» изображена жизнь типичнаго русскаго крестьянина. Здѣсь-то и кроется одно изъ удивительнѣйшихъ недоразумѣній. Рѣшетниковъ и не думалъ изображать бытъ русскаго крестьянина. Онъ подъ заглавіемъ «Подлиповцы» подписалъ этнографическій очеркъ и дѣйствительно описалъ бытъ дикарей нерусскаго происхожденія, язычниковъ-инородцевъ монгольскаго племени. Такимъ образомъ общественное значеніе «Подлиповцевъ» зиждется на крайнемъ недоразумѣніи. Но г. Венгерова указываетъ, что послѣ «трезвой правды» Рѣшетникова,—правды не о русскомъ крестьянинѣ, а о покинутомъ Богомъ и людьми пермякѣ,—рѣзко измѣнилась манера изображенія народной жизни. Мы не можемъ согласиться съ г. Венгеровымъ въ томъ, что послѣ «Подлиповцевъ» «не только «пейзане» Григоровича, но и высоко художественные народныя типы Тургенева, съ ихъ нѣжно-опозитированной психологіей,

съ ихъ, хотя и крестьянскою, но все же чрезчуръ гладкою рѣчью, становятся теперь прямо невыносимыми». Если здѣсь идетъ рѣчь объ идеализаціи народа, то вѣдь она не исчезла послѣ появленія «Подлишовецъ», хотя бы у Златовратскаго, у котораго мы склонны возводить ее къ вліяніямъ тургеневской манеры. Изъ другихъ статей этого отдѣла необходимо отмѣтить статью о В. Ф. Зайцевѣ, Н. Д. Дмитріевѣ и Бошнякѣ, въ особенности о первомъ. Статья о Зайцевѣ написана лицомъ, близкимъ къ нему, и содержитъ много фактическихъ данныхъ, впервые оглашаемыхъ въ нашей печати. Н. Д. Дмитріевъ — совсѣмъ забытый беллетристъ шестидесятыхъ годовъ Тургеневской манеры. Г. Колупановъ рассказываетъ, какъ погибалъ этотъ несомнѣнно талантливый человекъ въ тискахъ нищеты, бѣдности и запоя. Весьма любопытныя свѣдѣнія о Бошнякѣ сообщилъ въ «Словарь» Венгерова по запискамъ извѣстнаго протоіерея Діева г. Титовъ. Бошнякъ — доносчикъ по дѣлу декабристовъ. Присутствіе его въ словарѣ писателей и ученыхъ объясняется тѣмъ, что онъ былъ еще и писателемъ. Діевъ передаетъ о его кончинѣ слѣдующія неизвѣстныя до сихъ поръ подробности: «Бошнякъ отправился въ походъ противъ польскихъ бунтовщиковъ; во время войны въ Польшѣ найденъ застрѣленнымъ на большой дорогѣ вмѣстѣ съ кучеромъ. Такъ заговорщики отплатили доброму Бошняку за раскрытіе ихъ умысловъ».

Второй отдѣлъ шестого тома «Словаря» заключаетъ въ себѣ «автобіографическій архивъ» Венгерова и даетъ безъ всякихъ библиографическихъ разысканій цѣлый рядъ автобіографій писателей и ученыхъ. Однѣ изъ этихъ автобіографій — кратки и сжаты, другія — многосложны и хвастливы. Просматривая ихъ, то думаешь, что автобіографія — полнѣе и достовѣрнѣе всякихъ біографическихъ разысканій, то приходишь къ мысли, что ихъ достовѣрность хуже иной лжи. Вообще на автобіографіи нужно смотрѣть, какъ на своего рода психологическій экспериментъ. Изъ обширныхъ отмѣтимъ автобіографіи гг. Амфиатрова, Аничкова, Ашешова, Бальмонта, Баршева, Берви, Бердяева. Говорить объ этихъ статьяхъ въ подробностяхъ — довольно щекотливое дѣло, а потому мы и ограничимся только указаніемъ.

Если «Критико-біографическій словарь» вскорѣ сведется къ автобіографическому и будетъ содержать только автобіографіи, которыхъ такъ много въ распоряженіи г. Венгерова, то и въ новомъ своемъ видѣ онъ явится очень цѣннымъ приобрѣтеніемъ для нашей литературы и исторіи, содержа бездну свѣдѣній самыхъ разнообразныхъ и по большей части неизвѣстныхъ.

П. Ц.

Karl Stavenhagen. Johann Wolthuss von Herse. Eine Tragödie.
Рига. 1903.

7 января 1470 г. былъ избранъ въ магистры Ливонскаго ордена Іоганнъ Волтгузъ фонъ-Герзе, а чрезъ полтора года (осенью 1471 г.) его мѣсто занялъ уже Берндъ фонъ-деръ-Борхъ.

До послѣдняго времени было мало извѣстно о причинахъ столь быстро паденія магистра Волтгуза, и самъ магистръ выставялся историками (напри-

мѣръ, Рихтеромъ, Напіерскимъ), какъ человекъ ничтожный и не имѣвшій политическаго значенія. Что же касается ливонскихъ хроникеровъ, то, по мнѣнію однихъ (существуютъ всего три версіи), Волтгузъ былъ низвергнутъ за союзъ съ русскими, по мнѣнію другихъ—за нарушеніе объѣта цѣломудрія, третьи, какъ, напримѣръ Руссовъ, говорятъ только, что «братья ордена, вопреки всякому праву и справедливости, свергнули его съ должности магистра, сдѣлали его плѣнникомъ въ Гельметѣ и свезли въ Венденъ, гдѣ онъ долженъ былъ умереть въ темницѣ, послѣ чего Ливонію постигло большое несчастье и наказаніе» (Лѣтопись Руссова, ч. II, гл. 38).

Е. Чехихинъ въ примѣчаніи къ этому мѣсту перевода Руссова (Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края, т. II, стр. 287) дѣлаетъ догадку, что Волтгузъ былъ низложенъ за его сношенія съ псковичами и за предложеніе держать съ ними «миръ крѣпкій». Подтверженіемъ этого мнѣнія служилъ слѣдующій фактъ: «Въ 1471 году пріѣхалъ въ Псковъ посоль отъ магистра и объявилъ на вѣчѣ, что князь местеръ хочетъ устроить себѣ столъ въ Вельядѣ (Феллинѣ), переѣхать туда изъ Риги; хочетъ держать съ псковичами миръ крѣпкій, но требуетъ, чтобъ они уступили ему нѣкоторыя земли и воды» (Соловьевъ, Исторія Россіи, т. V, глава 4).

Впервые подробно выяснилъ личность магистра Волтгуза и изложилъ подробно его біографію Оскаръ Ставенхагенъ, мѣстный историкъ (нынѣ директоръ дворянскаго архива), въ специальной монографіи: «Johann Wolthuss von Herse, 1470—1471, Meister des Deutschen Ordens zu Livland», напечатанной въ «Mitteilungen der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde der Ostseeprovinzen Russlands», т. XVII, I, 1897 г. По мнѣнію г. Ставенхагена, Волтгузъ былъ человекъ съ желѣзной силой воли, хорошо понимавшій политическіе горизонты своего времени, но жившій, къ своему несчастью, въ то время, когда извѣженность и внутреннія распри уже настолько подточили силы ордена, что паденіе послѣдняго было неизбѣжно. Волтгузъ, попытавшійся бороться съ надвигающею гибелью и сплотить ослабѣвавшія силы ордена, только возбудилъ ненависть орденскихъ братій и палъ въ этой неравной борьбѣ одного противъ многихъ.

Архивныя изысканія послѣднихъ лѣтъ дали возможность г. Ставенхагену представить въ новомъ освѣщеніи и причину низложенія Волтгуза: это былъ не «миръ крѣпкій» съ псковичами, а наоборотъ — сношенія съ Новгородомъ для заключенія оборонительнаго и наступательнаго союза противъ Пскова, а впоследствии и противъ Москвы. Но планы Волтгуза потерпѣли неудачу, такъ какъ именно въ это время произошла извѣстная борьба Новгорода съ Москвою, кончившаяся побѣдой великаго князя, и послы Волтгуза, прибывшіе въ Новгородъ для заключенія союза съ нимъ, нашли другое настроеніе и другихъ лицъ во главѣ новгородскаго правленія. Между тѣмъ, упорство Волтгуза въ политическихъ вопросахъ еще разъ показало недовольнымъ, предпочитавшимъ всему мирную спокойную жизнь, братьямъ ордена желѣзную волю магистра, быстро созрѣлъ заговоръ, и Волтгузъ былъ схваченъ ночью въ замкѣ Гельметѣ, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ думаютъ, умеръ насильственной смертью.

Выдающаяся личность Волтгуза, трагическая судьба его и время, переживавшееся тогда Ливонским орденомъ, заинтересовали и балтійскаго драматурга, Карла Ставенхагена, брата предыдущаго, вышеназванная работа котораго отразилась и на драмѣ. Магистръ Волтгузъ драмы это—та же сильная, незаурядная личность, какою обрисовалъ ее историкъ. Упорную борьбу за преобладаніе въ орденѣ приходится вести ему въ драмѣ съ другими дѣйствующими лицами, большая часть которыхъ—историческія личности и обрисованы исторически вѣрно. Среди нихъ мы встрѣчаемъ Беряда фонъ-деръ-Ворха, непосредственнаго преемника Волтгуза, знаменитаго Вальтера фонъ-Плеттенберга, также будущаго магистра ордена, и многихъ другихъ лицъ, имена которыхъ упоминаются въ исторіи края. Воспользовавшись краткимъ замѣчаніемъ ливонскихъ хроникеровъ, что Волтгузъ погибъ за несоблюденіе обѣта безбрачія, авторъ украсилъ драму романическимъ элементомъ. Бывшая возлюбленная Волтгуза, Маргарита фонъ-деръ-Линпе (лицо вымышленное), оставленная имъ послѣ избранія его въ магистры, попрежнему горячо любитъ его, между тѣмъ какъ самъ Волтгузъ втайнѣ любитъ Сибиллу, дочь ревельскаго бургомистра, невѣсту Плеттенберга, ничего не знающую объ этой любви магистра. Любовь Маргариты, ослѣпившая ее ревность погубили магистра. Вызвавъ его въ Гельметъ на свиданіе письмомъ, какъ бы отъ имени Сибиллы, она въ то же время сообщаетъ объ этомъ заговорщикамъ. Маргарита скоро раскаивается въ своемъ поступкѣ и, смертельно раненая главой заговорщиковъ Борхомъ, сознается во всемъ Плеттенбергу; послѣдній спѣшитъ на помощь, но находитъ лишь трупъ магистра.

Мѣстная нѣмецкая печать очень сочувственно встрѣтила эту драму г. Ставенхагена, отмѣтила ея выдающіяся достоинства (особенно яркое изображеніе дѣйствующихъ лицъ) и ея недостатки, и, какъ слышно было, драма предназначалась уже къ постановкѣ на сценѣ Рижскаго театра.

А. Э. Мальмгрёнъ.

Materiały do dziejów piśmennictwa polskiego i biografii pisarzy polskich. Zebrał Teodor Wierzbowski. Tom II. 1526—1830. Warszawa. 1904.

Интересъ русскихъ читателей къ польской литературѣ, который особенно замѣчается въ послѣднее время, можетъ привлечь вниманіе и къ «Материаламъ для исторіи польской письменности» профессора Ф. Ф. Вержбовскаго. Несмотря на то, что книга предлагаетъ лишь сырой матеріалъ, даетъ только тексты писемъ и документовъ XVI—XIX вв., а широкая публика, естественно, нуждается въ обработанныхъ и обобщенныхъ матеріалахъ, тѣмъ не менѣе нѣкоторыя страницы разсматриваемаго тома могутъ занять многихъ. Помимо того, что тѣ или иные данныя имѣютъ отношеніе къ Россіи,—въ большинствѣ изъ нихъ рѣчь идетъ объ извѣстныхъ и талантливыхъ польскихъ писателяхъ средняго и новаго періода, напримѣръ, о семьѣ пращуръ польской поэзіи Яна Кохановскаго, историкѣ Мартинѣ Кромерѣ, проповѣдникѣ и полемистѣ Петрѣ Скаргѣ, поэтахъ—Станиславѣ Ожеховскомъ, Мясковскомъ, Пясецкомъ, Коховскомъ, Морштынахъ, Игнатіи Красицкомъ, Нарушевичѣ и другихъ.

Девятнадцатый вѣкъ представленъ цѣлымъ рядомъ дѣловыхъ и частныхъ писемъ, касающихся университетской жизни Варшавы и Вильны; профессора представляютъ въ совѣтъ программы своихъ лекцій, просятъ о субсидіи для заграничныхъ командировокъ; основываются періодическія изданія, происходятъ перемѣны въ организаціи ученыхъ обществъ; наконецъ, писатели и ученые общаются своимъ друзьямъ литературныя новости, свѣдѣнія о предстоящихъ защитахъ диссертаций, о памятникѣ Копернику и т. д. Между прочимъ, здѣсь издано письмо извѣстнаго историка Лелевеля къ Оаддею Булгарину, приблизительно, отъ 1824 года, вскорѣ послѣ принудительнаго выхода автора письма изъ Виленскаго университета. Лелевель жалуется на тяжкое положеніе, на отсутствіе книгъ, почему только Погодинъ и могъ обвинять его въ неполнотѣ его исторической работы. Лелевель въ это время пишетъ отзывъ объ «Исторіи» Карамзина и спрашиваетъ Булгарина, желаетъ ли онъ присылки дальнѣйшихъ его работъ для «Сѣвернаго Архива». Интересна также «Инструкція кандидату на каѳедру славянскихъ нарѣчій», составленная лингвистомъ Линдой въ 1826 г. и имѣвшая въ виду молодого А. Кухарскаго, который въ это время занимался въ Москвѣ и Кіевѣ. Здѣсь указаны тѣ мѣстности, въ которыхъ кандидатъ долженъ ознакомиться съ живыми славянскими языками и рукописными собраніями, а также перечислены тѣ лица, знакомство съ которыми могло бы быть полезнымъ для будущаго профессора—Бантке, Добровскій, Ганка, Юнгманъ, Неѣдлый, Кошытаръ, кіевскій митрополитъ Евгеній (Болховитиновъ), Качановскій, Анастасевичъ, Кругъ и Аделунгъ. Вообще, программа отличается широтой взглядовъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можетъ быть образцовой и теперь. Кромѣ того, въ «Матеріалахъ» собраны свѣдѣнія о другихъ не менѣе извѣстныхъ представителяхъ польской литературы и просвѣщенія: Бобровскомъ, Чарторыйскомъ, Бродзинскомъ, Мохнацкомъ, Снядецкомъ, Чацкомъ, Коллонтаѣ, Ржевускомъ, архіепископѣ Сестренцевичѣ-Богушѣ, Нѣмцевичѣ, Сташицѣ и другихъ. Среди текстовъ изданы факсимиле рѣдкихъ автографовъ, всѣ письма снабжены подробными заглавіями и очень толковыми примѣчаніями, свидѣтельствующими о глубокихъ знаніяхъ и трудолюбіи издателя. А. Я.

**Гумпловичъ, М., д-ръ. Początki religji żydowskiej w Polsce.
(Начало еврейской религіи въ Польшѣ). Warszawa. 1904.**

Посмертное изданіе М. Гумпловича отличается тѣми же качествами и недостатками, какъ и нѣсколько прежнихъ его работъ — при большой начитанности, наблюдательности и стремленіи рѣшить самостоятельно цѣлый рядъ трудныхъ вопросовъ въ исторіи авторъ страдаетъ въ высокой степени неподходящимъ для историка и вводящимъ его часто въ ошибки субъективизмомъ и придаетъ часто рѣшающее значеніе этимологическимъ выводамъ, а извѣстно, какъ шатка эта почва. Настоящій трудъ, интересный и для насъ въ виду того преобладающаго положенія, какое и по сіе время занимаютъ и, вѣроятно, еще долго будутъ занимать евреи въ Польшѣ, страдаетъ оригинальностью воззрѣній автора. Изъ нихъ наиболѣе интересно утвержденіе его, что всѣ предшествующія ему работы по исторіи евреевъ написаны безъ критики; авторъ доказываетъ, напри-

мѣрь, что евреи не явились изъ Германіи, какъ это утверждалъ Чапкій, но что они—остатки хазаръ, не имѣя другихъ доказательствъ въ ихъ языкѣ, кромѣ названія деревни у Кракова «Кавіоры», напоминающей будто бы алтайскихъ кабаровъ. Не менѣе странно утверждение, что Козара-планина въ Боснии указываетъ на господство хазаръ въ этихъ мѣстахъ. Еврейскій жаргонъ заимствованъ будто бы отъ готовъ и удерживался, благодаря прибыванію новыхъ евреевъ съ запада и поселившихся въ Польшѣ нѣмецкихъ мѣщанъ. Остатковъ готскаго языка въ жидовскомъ жаргонѣ найти нельзя, напротивъ много можно найти указаній, что онъ образовался около XIV вѣка, а, съ другой стороны, епископъ Ульфила жилъ въ Дакіи, а не въ Панноніи, какъ говоритъ авторъ.

Странно рассказана и борьба готовъ съ хазарами, при чемъ Хазарское государство то простирается у Гумпловича до Вислы, то захватываетъ даже Мекленбургскія земли. Жидъ Авраамъ Проховнисъ былъ хазарскимъ королемъ въ Польшѣ до Пяста и царствовалъ — одинъ день! Доказательствомъ служатъ монеты Мечислава III съ еврейскими надписями, а гербы литовской шляхты, появляющіеся не раньше XIII вѣка, имѣютъ-де связь съ родами осетинъ, которымъ ханъ хазарскій далъ земли въ славянскихъ странахъ. Далѣе готы, тѣснимые норманнами, вторглись въ Польшу подъ начальствомъ Лешковъ и Попеловъ около половины IX вѣка и отняли у хазаръ Великую Польшу. Малую Польшу отвоевали лѣтъ на 50 позже подъ начальствомъ Крака и Пжемыслава. Этихъ готовъ одолѣли въ свою очередь Пясты-поляне, бывшіе нѣкогда въ подчиненіи у хазаръ. Полный упадокъ хазарскаго господства, происшедшій при Святославѣ, заставилъ принять христіанство короля Мечислава I.

И хорошо было бы, если бы авторъ помнилъ свои выводы, а то вдругъ въ другомъ мѣстѣ поляне Пясты оказываются у него норманнами, и легенда о Пястѣ королѣ сочинена будто бы, чтобы уничтожить воспоминаніе о набѣгѣ, положившемъ начало ихъ, т.-е. Пястовъ, царствованію.

Изъ этихъ краткихъ выписокъ можно видѣть, чего стоитъ эрудиція автора, а мелкихъ промаховъ сколько угодно, напримѣръ: Венедиктъ Банкъ, а, по мнѣнію автора, Бан-Бигаъ, не могъ пригласить татаръ, въ 1241 г. напавшихъ на Венгрію, такъ какъ наши свѣдѣнія о немъ доходятъ только до 1218 г. Казимиръ Великій въ 1340 г. воювалъ не съ татарами, а съ Русью, война же съ татарами началась лишь со смерти хана Узбека въ 1341 году. Вотъ въ краткихъ чертахъ характеристика книги, привлекающей своимъ заглавіемъ, но не могущей претендовать на значеніе историческаго сочиненія. О. Г.—втѣ.

Воронежская старина. Выпускъ третій. Юбилейное изданіе Воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Воронежъ. 1903.

Въ концѣ ноября прошлаго года Воронежскій край праздновалъ двухсотлѣтіе со дня кончины св. Митрофана, съ именемъ котораго связана новая эпоха въ мѣстной церковной исторіи.

Поэтому весь третій выпуск посвященъ статьямъ и матеріаламъ, имѣющимъ отношеніе къ первому воронежскому епископу. Н. Поповъ издалъ духовное завѣщаніе св. Митрофана по рукописи Московской синодальной бібліотеки, славянскимъ прифтомъ и со снимкомъ съ рукописи. П. Никольскому принадлежитъ небольшой очеркъ: «Св. Митрофанъ, первый епископъ воронежскій, какъ историческій дѣятель донетровской эпохи», А. Правдину—статья: «Игуменство св. Митрофана въ Макаріевскомъ Унженскомъ монастырѣ (1675—1682)», Н. Поликарпову — «Послѣдніе дни жизни, кончина и погребеніе святителя Митрофана». Остальныя статьи даютъ или архивныя матеріалы или же имѣютъ близкую связь съ личностью воронежскаго епископа. Къ числу первыхъ относятся «Всеподданнѣйшій докладъ святѣйшаго синода и высочайшая резолюція касательно открытія мощей св. Митрофана, распоряженія по сему случаю святѣйшаго синода и преосвященнаго Антонія воронежскаго», напечатанныя подъ наблюденіемъ А. Правдина; «Слово отъ архіерея, во епархію свою пришедша, ко священникомъ», приписываемое святителю Митрофану и изданное Н. Поликарповымъ; «Синодикъ св. Митрофана», изслѣдованный сравнительно съ другими рукописями столичныхъ бібліотекъ тѣмъ же ученымъ; «Книги перещисныя домовою архіерейскою ризницы», сообщенныя имъ же. Въ видѣ иллюстрацій къ этому отдѣлу приложены снимокъ съ картины, представляющей открытіе мощей 6 августа 1832 года, принадлежащей художнику Гурикову и гравированной академикомъ Ческимъ въ 1839 году, и снимокъ съ подписи св. Митрофана подъ архіерейскимъ клятвеннымъ обѣщаніемъ при хиротоніи во епископа. Къ отдѣлу второму относится большая и содержательная статья Поликарпова: «Воронежскій край въ церковномъ отношеніи до учрежденія самостоятельной Воронежской епархіи (1586—1682 гг.)», «Вопросъ о разграниченіи Воронежской епархіи отъ Рязанской при святителѣ Митрофанѣ» С. Введенскаго, «Чертежъ г. Воронежа времени святителя Митрофана (1690)» его же, со снимкомъ, «Лѣтопись Воронежской епархіи за время управленія ею святителя Митрофана» А. Правдина и «Карта Воронежской епархіи конца XVII и начала XVIII вѣка», съ объяснительными замѣчаніями П. Никольскаго и снимкомъ. Наконецъ, какъ на одну изъ наиболѣе цѣнныхъ статей, укажемъ на библиографическій указатель печатной литературы о св. Митрофанѣ (стр. 323—354), хотя списокъ книгъ и журнальныхъ статей можно было бы значительно увеличить, присоединивъ сюда лубочную литературу и картины.

Сравнительно съ первыми двумя выпусками «Воронежской старины», третій выпускъ нисколько не теряетъ своего интереса, а нѣкоторое однообразіе матеріала говоритъ объ умѣни нашихъ провинціальныхъ ученыхъ работать въ системѣ.

И. Александровъ.

В. Батуринскій. А. И. Герценъ, его друзья и знакомые. Матеріалы для исторіи общественнаго движенія въ Россіи. Томъ I. Спб. 1904.

Эта книга должна хоть сколько нибудь восполнить одинъ изъ важнѣйшихъ пробѣловъ въ исторіи общественнаго движенія въ Россіи времени Николая I и Александра II. Она цѣликомъ посвящена Герцену, который до настоящаго времени для русской публики все еще «знакомый незнакомецъ».

Книга открывается вступительной статьей: «Въ началѣ сороковыхъ годовъ», составившейся изъ матеріаловъ, большею частью опубликованныхъ раньше въ различныхъ изданіяхъ, и повѣствующей, главнымъ образомъ, о жизни М. А. Бакунина и его отношеніяхъ къ Герцену до отказа его въ 1844 г. возвратиться въ Россію, послѣ котораго, согласно рѣшенію сената, онъ былъ лишень офицерскаго чина, дворянства и правъ русскаго подданства. Довольно ясно показана эволюція, происшедшая въ міросозерцаніи Бакунина, въ силу которой, начавъ съ проповѣди «примиренія съ дѣйствительностью», онъ послѣ двухлѣтняго пребыванія за границей примкнулъ къ крайнимъ элементамъ западно-европейскаго демократическаго движенія (о дальнѣйшемъ періодѣ его жизни и дѣятельности говорится въ главѣ III-ей). Вторую главу книги г. Батурина составляютъ «Воспоминанія А. И. Герцена объ А. А. Ивановѣ и М. С. Щецкинѣ», извлеченныя авторомъ изъ статей, впервые появившихся на страницахъ «Колокола», но не вошедшихъ въ собраніе сочиненій А. И. Герцена подъ редакціей Вырубова. Это—некрологи извѣстнаго художника А. А. Иванова («Колоколь», № 22, 1-го сентября 1858 года) и не менѣе извѣстнаго артиста М. С. Щецкина («Колоколь», № 171, 1-го октября 1863 г.).

Некрологъ Иванова интересенъ уже по сообщаемымъ въ немъ Герценомъ нѣкоторымъ біографическимъ даннымъ о великомъ русскомъ художникѣ и является въ этомъ отношеніи чрезвычайно цѣннымъ дополненіемъ къ извѣстнымъ воспоминаніямъ о немъ Тургенева. Кромѣ того, въ этомъ некрологѣ Герценъ рассказываетъ исторію своихъ отношеній къ художнику и, что особенно важно, на конкретномъ примѣрѣ высказываетъ свой взглядъ на искусство. Въ нѣкоторой связи съ этимъ некрологомъ стоитъ та глава «Концовъ и Началъ», въ которой Герценъ говоритъ о безнадежномъ положеніи искусства въ Европѣ при господствѣ буржуазіи. Еще болѣе болѣе интересъ представляетъ некрологъ Щецкина, приводимый въ извлеченіи г. Батурина. Онъ интересенъ не только потому, что посвященъ великому артисту, другу Шевченка, Грановскаго и Гоголя, но еще болѣе потому, что въ немъ мы находимъ нѣкоторыя очень цѣнныя данныя для біографіи самого Герцена, потерявшаго въ Щецкинѣ близкаго друга, съ которымъ у него были связаны лучшія воспоминанія молодости.

Наиболѣе полной и цѣнной частью работы г. Батурина нужно признать главу III: «Герценъ и Тургеневъ» (1842—1870 гг.), для которой авторъ воспользовался письмами Тургенева къ Герцену, опубликованными покойнымъ профессоромъ Драгомановымъ въ 1892 году, и тремя отрывками изъ писемъ Герцена къ Тургеневу, напечатанными въ «Русскомъ Обозрѣніи» 1895 года и пр.; эти послѣднія до сихъ поръ не опубликованы вполне, вслѣдствіе чего,—заявляетъ авторъ,—матеріалы для характеристики отношеній Герцена къ Тургеневу страдаютъ такой неполнотой, при которой невозможно сдѣлать рѣшительныхъ выводовъ, и приходится пока воздержаться отъ «подведенія итоговъ». Кромѣ этихъ скудныхъ матеріаловъ, авторъ, по его словамъ, при составленіи настоящей статьи пользовался «указаніями одного лица», въ рукахъ котораго временно находилась для просмотра связка писемъ

Герцена къ Тургеневу. «Къ сожалѣнью, — говоритъ онъ, — лицомъ этимъ не было сдѣлано даже выписокъ наиболѣе характерныхъ мѣстъ писемъ Герцена», такъ что автору «пришлось довольствоваться тѣмъ, что сохранилось въ памяти его корреспондента». Матеріалъ, надо сознаться, довольно скудный и... сомнительный. Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, это—самая дѣнная и полная статья книги. Она занимаетъ 245 страницъ (въ книгѣ всего 309 стр.) и раскрываетъ много интереснѣйшихъ подробностей объ отношеніяхъ между двумя великими писателями, о «западничествѣ» Тургенева и славянофильскомъ социализмѣ Герцена, объ ихъ несогласіи по польскому вопросу, ссорѣ изъ-за Огарева и проч. Что касается всѣхъ этихъ недоразумѣній между Тургеневымъ и Герценомъ, то, какъ это видно изъ приводимой ихъ переписки между собой, Герценъ въ большинствѣ случаевъ былъ не правъ, въ чемъ онъ и самъ отчасти сознался впоследствии въ своихъ воспоминаніяхъ.

Четвертая и послѣдняя глава книги: «Герценъ и Мицкевичъ», излагаетъ известную своей странностью исторію мистицизма, мессіанизма и культа Наполеона—этихъ «болѣзненныхъ наростовъ на роскошномъ деревѣ поэзіи Мицкевича» (по удачному выраженію г. Батуринаскаго), порожденныхъ тѣми исключительными условіями, въ которыхъ жила Польша въ ту эпоху. Изъ исторіи отношеній Герцена къ Мицкевичу разсказывается не много: интересный эпизодъ съ рѣчью Мицкевича въ Парижѣ на ужинѣ Хосцкаго, который неудачно старался залучить Герцена въ сотрудники «La Tribune des Peuples», газеты польскихъ эмигрантовъ...

Вся книга г. Батуринаскаго, въ сущности, чрезвычайно не самостоятельна: это—рефератъ, но рефератъ, написанный по мало доступнымъ источникамъ. И ея значеніе—въ томъ, что она вводитъ въ нашъ литературный и общественный обиходъ много данныхъ, правда, не новыхъ, но являющихся въ «первый разъ по возобновленіи». Во всякомъ случаѣ книга заслуживаетъ широкаго распространенія.

А. Е.

Полное собраніе сочиненій И. А. Крылова. Редакція, вступительныя статьи и примѣчанія В. В. Каллаша. Томъ I. Драматическія сочиненія. Спб. 1904.

До сихъ поръ у насъ нѣтъ ни біографіи, ни полнаго и добропорядочнаго собранія сочиненій Крылова... Такое утвержденіе звучитъ странно: какъ, Крыловъ, баснописецъ съ ясною и прозрачною моралью, все еще для насъ загадочный человекъ, и Крыловъ, дѣйствительно, «самый классическій» изъ нашихъ писателей, все еще не имѣетъ хорошаго, ученаго изданія! Но это такъ. Первое полное собраніе вышло въ 3-хъ томахъ въ 1847 году подъ редакціей Плетнева: по тому времени, оно, быть можетъ, и было хорошо, но въ немъ на ряду съ произведеніями Крылова можемъ мы найти и не его сочиненія и, наоборотъ, не находимъ многихъ крыловскихъ. Изданіе не всегда точно, съ хронологическими ошибками, а главное съ передѣлками самого редактора. Второе полное собраніе вышло въ 1859 г., но оно почти не исправило недостатковъ перваго. Съ той поры, несмотря на юбилей, дѣло критическаго изда-

нія Крылова нисколько не подвинулось впередъ. И вотъ только теперь, спустя шестьдесятъ лѣтъ по смерти баснописца, выходитъ изданіе, которое можетъ удовлетворить требованіямъ, предъявляемымъ въ наше время къ изданіямъ авторовъ. Редакторомъ его является г. Каллашъ, давно уже занимающійся Крыловымъ.

Самъ редакторъ считаетъ свое изданіе «первой попыткой собрать всѣ сочиненія Крылова (не включая черновыхъ набросковъ, мелкихъ, несущественныхъ вариантовъ и первоначальныхъ редакцій, которымъ мѣсто только въ академическомъ изданіи), снабдить ихъ посильнымъ комментариемъ, дать ихъ тщательно провѣренный и установленный текстъ». Пока мы можемъ судить о достоинствахъ изданія только по первому тому, въ которомъ напечатаны драматическія произведенія Крылова. Г. Каллашъ держится вполне научныхъ пріемовъ изданія. Тамъ, гдѣ онъ имѣетъ дѣло съ произведеніями, бывшими въ печати и не сохранившимися въ рукописяхъ, онъ даетъ текстъ, тщательно провѣренный по послѣднему, появившемуся при жизни автора изданію. Такъ изданы напечатанныя въ «Россійскомъ Театрѣ» пьесы Крылова: «Филомела», «Бѣшеная семья», «Сочинитель въ прихожей», «Проказники». Даже и въ этомъ случаѣ г. Каллашу удалось внести немало поправокъ, напримѣръ, въ комедію «Сочинитель въ прихожей», какъ оказывается, до сихъ поръ издававшуюся весьма небрежно. «Кофейницу» редакторъ изданія свѣрилъ съ рукописью; по сравненію съ текстомъ, помѣщеннымъ въ «Академическомъ сборникѣ», г. Каллашъ даетъ много новаго, исправленій, восстановленій смысла и стиха. Провѣрены по рукописямъ «Лѣнтяй» и «Пирогъ». Въ редакціонномъ отношеніи труднѣе всего было сладить съ извѣстной шуто-трагедіей «Трумфъ» или «Подщипа». Автографовъ этой пьесы не найдено, и г. Каллашу пришлось восстанавливать текстъ трагедіи по нѣсколькимъ спискамъ. Такимъ образомъ, можно заключить, что русскій читатель впервые получаетъ въ руки исправный текстъ баснописца. Критическое изученіе Крылова идетъ усилѣнно, и теперь мы уже въ правѣ предъявить запросъ и на академическое изданіе, цѣль котораго собрать всякую строку писателя и дать всѣ текстуальные матеріалы изучающимъ.

Но г. Каллашъ не ограничивается только текстомъ. Онъ предисылаетъ всему изданію біографическій очеркъ о Крыловѣ. Въ очеркѣ авторъ даетъ только чисто фактическій, провѣренный сводъ данныхъ. Онъ вполне справедливо подчеркиваетъ обиліе анекдотовъ въ біографіи Крылова и ставитъ своей задачей дать опытъ біографической канвы, основанной на тщательно провѣренномъ матеріалѣ. Очеркъ г. Каллаша вполне надеженъ, но мы пожелали бы видѣть въ немъ побольше «эпохи крыловской». Первому тому предислано историко-литературное введеніе о драматическихъ опытахъ Крылова, а затѣмъ каждая пьеса сопровождается небольшимъ введеніемъ біографическаго и историко-литературнаго характера. Всѣ эти вступительныя статьи значительно облегчаютъ чтеніе драматическихъ опытовъ Крылова. Правда, никто по своей волѣ не возьмется теперь за пьесы Крылова съ цѣлью пережить эстетическія эмоціи, но, право, и до сихъ поръ всѣ эти «Кофейницы», «Бѣшенныя семьи», «Проказники» читаются съ глубокимъ истори-

ческим интересомъ. А шуто-трагедія «Трумфъ» и теперь забавна и смѣшна, но что теперь бросается въ глаза, и чего, быть можетъ, не было въ намѣреніяхъ автора,—это элементъ политической сатиры, яркой и брызжущей.

П. Щ.

Н. К. Михайловскій. Отклики. Томъ I. Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство». Спб. 1904.

«Отклики»—это названіе очень подходитъ къ книгѣ, выходящей въ свѣтъ по смерти своего автора. Въ ней перепечатаны всѣ статьи его, появившіяся въ книжкахъ «Русскаго Богатства» въ теченіе 1895 и 1896 годовъ. Онѣ являются такимъ образомъ необходимымъ дополненіемъ къ изданнымъ ранѣе собраніямъ сочиненій покойнаго публициста («Сочиненія» въ 6 томахъ и «Литературныя воспоминанія и смута» въ 2 томахъ). Полное же собраніе Н. К. Михайловскаго необходимо прежде всего для исторіи: каждая страница писателя, имѣвшаго такое крупное общественное значеніе, въ которомъ нельзя отказать Н. К. Михайловскому, подлежитъ изученію и можетъ дать ту или иную лишнюю черточку для характеристики его міровоззрѣнія. Но, понятно, значеніе «Откликовъ»—не только историческое: «Отклики» еще звучатъ, хотя несомнѣнно товѣ ихъ иной. Эти статьи, писанныя по разнымъ случаямъ текущей жизни, важныя и интересныя въ данный моментъ, производятъ нѣсколько пестрое впечатлѣніе, будучи собраны въ одной книгѣ. Понятно, многое уже не имѣетъ теперь вѣчнаго интереса; многое кажется невѣрнымъ и несправедливымъ въ исторической перспективѣ. Какъ всегда, слабѣе у Михайловскаго оказываются статьи критическія: таковы въ «Откликахъ» замѣтка о «Хозяинѣ и работникѣ» и большія статьи объ Ибсенѣ. О послѣднихъ можно сказать, что онѣ отнюдь не способствуютъ выясненію смысла литературной дѣятельности Ибсена. Ибсенъ, несомнѣнно, остался для Михайловскаго за семью печатями. Какъ всегда, самыми блестящими статьями у Михайловскаго оказываются и въ этой книгѣ его публицистическіе походы. Страницы, написанныя Михайловскимъ «о г. К. М—скомъ, г. К. Медвѣдскомъ и политическомъ доносѣ», страницы, на которыхъ Михайловскій «отвѣчаетъ въ исполненіе требованія г. Медвѣдскаго на всѣ его вопросы по пунктамъ», незабываемы по тонкости пропіи и непередаваемы по силѣ негодованія. Это—литературный паспортъ, выданный г. Медвѣдскому безсрочно. Къ 1895—1896 годамъ относится полемика Михайловскаго съ г. Туганъ-Барановскимъ. Послѣдній по временамъ былъ справедливѣе Михайловскаго и имѣлъ всѣ шансы на побѣду, но онъ никогда не выдерживалъ публицистическаго натиска Н. К. Михайловскаго. Да, кромѣ перечисленныхъ, найдется немало поучительныхъ въ настоящее время статей. Но публицистическія статьи Михайловскаго принадлежатъ къ рѣдкимъ въ этомъ родѣ произведеніямъ, которыя будутъ читаться и по минованіи злободневности и публицистической поучительности. Публицистъ всегда остается остроумнымъ и талантливымъ писателемъ.

П.

Henryk Sadowski. *Ordery i oznaki zaszczytne w Polsce*. Warszawa. 1904. (Г. Садовскій. Ордена и знаки отличія въ Польшѣ).

Объ этой книгѣ не лишнее сказать нѣсколько словъ, въ виду того, что нѣкоторые описанные въ ней ордена, по присоединеніи Польши къ Россіи, вошли въ составъ «россійскихъ императорскихъ и царскихъ орденовъ». Въ Польшѣ такъ же, какъ и повсюду, съ незапамятныхъ временъ было въ обычаѣ отличать людей, оказавшихъ услуги государству и государю. Имъ давали подарки: оружіе, вооруженіе, пояса, золотыя цѣпи на шею, одежду. Въ 1473 году король Казимиръ подарилъ венеціанскому послу Контарини, ѣхавшему въ Персію, за тѣ симпатіи, какія питалъ итальянскій дипломатъ къ польскому государству, платье «изъ черной камки». Тому же послу при возвращеніи его съ востока король подарилъ платье «изъ малиновой камки на мѣху». Янъ-Фридерикъ Сауѣга, въ сочиненіи своемъ «*De origine ordinis Aquilae Albae*» (1730), пишетъ, что Пржемыславъ въ 1295 году организовалъ отрядъ воиновъ, которые для отличія носили на шеѣ «цѣпь съ изображеніемъ орла». На этомъ основаніи Сауѣга считаетъ Пржемыслава основателемъ ордена Бѣлаго орла. Шенебекъ, Мореря, Красицкій и Спенеръ учредителямъ этого ордена называютъ Владислава Локетка. Послѣдній установленіемъ ордена Бѣлаго орла пожелалъ увѣковѣчить бракосочетаніе сына своего Казимира (прозваннаго впоследствии Великимъ) съ дочерью Гедимина—Альдоной. Однако, перечисленные историки свидѣтельствуютъ, что названіе «Бѣлый орелъ» не примѣнялось къ «знаку отличія», установленному Владиславомъ. Знакъ этотъ носилъ названіе: «цѣпь», «ожерелье», «*torques aureus*», «*monile*», «рыцарская перевязь» (*przeras guserski*). Доказательства того, что помянутая цѣпь имѣла значеніе ордена, находимъ у писателей того времени и на портретахъ заслуженныхъ современниковъ. Въ 1345 году король Казимиръ Великій, награждая за военные заслуги Прандоту-Галку-Одровонжа, между прочимъ, пожаловалъ ему рыцарское ожерелье. Въ 1525 году Сигизмундъ I возложилъ на своего вассала Альбрехта Бранденбургскаго «золотую цѣпь», послѣ того, какъ Альбрехтъ принесъ публичную, на краковскомъ рынкѣ, присягу въ вѣрности польскому королю. Въ 1583 году Сигизмундъ II Августъ наградилъ такую же цѣпью Анд. Сауѣгу, старосту гомельскаго и гетмана литовскаго, за побѣду, одержанную Сауѣгою подъ Венденомъ. На старинныхъ портретахъ польскихъ государственныхъ людей, начиная съ XVI ст., видимъ ихъ по большей части украшенными золотую цѣпью съ висящимъ на ней одноглавымъ орломъ. На ряду съ «золотую цѣпью» въ старой Польшѣ существовалъ обычай раздавать золотыя и серебряныя медали (*donatywy*). Медали эти выбивали въ ознаменованіе семейныхъ событій—именинъ, свадебъ, рожденій королевъ, а также событій общегосударственной важности. Таковы, напримѣръ, медали временъ Сигизмундовъ I и II,—медаль въ память люблинской уніи и медаль въ память хотимской побѣды. Послѣдними были награждены лица, принимавшія дѣятельное участіе въ этихъ событіяхъ. Медали эти носили на цѣпочкѣ или на лентѣ. Со временъ Владислава, сына Сигизмундова, ношеніе медалей стало болѣе рѣдкимъ, а со временъ Яна Собѣскаго и совсѣмъ прекратилось. Владиславъ IV, задав-

пись пѣлю усилить свою власть на счетъ власти могущественныхъ магнатовъ (papów), по совѣту канцлера Юрія Оссолинскаго, рѣшилъ, по примѣру другихъ европейскихъ государей, установить первый -- въ собственномъ значеніи этого слова -- польскій орденъ -- непорочнаго зачатія Пресвятой Дѣвы Маріи (1634 г.). Изображеніе этого ордена и его статутъ далъ помянутый выше Фридерикъ Сапѣга въ своей монографіи ордена Бѣлаго орла. Знакъ орденскій -- красный эмальированный крестъ съ изображеніями: на одной сторонѣ Пресвятой Дѣвы, попирающей дракона, а на другой бѣлаго орла съ распростертыми крыльями. Вокругъ изображенія Дѣвы надпись: «Vicisti vince». Дополненіемъ къ знаку служила золотая пѣпъ. Число кавалеровъ ордена не превышало 72-хъ; кавалерами могли быть и чужеземцы, но число ихъ не должно было превышать 24-хъ. Статутъ ордена «непорочнаго зачатія» состоялъ изъ 22-хъ параграфовъ. Папа Урбанъ VIII утвердилъ его. Статутъ былъ даже напечатанъ въ Римѣ. Но сеймъ Рѣчи Посполитой усмотрѣлъ въ желаніи короля установить орденъ попытку ограничить власть дворянства и даже оскорбленіе «шляхетскаго равенства» и отклонилъ королевскій проектъ.

Тема, взятая авторомъ, весьма благодарная. До сихъ поръ въ польской исторической литературѣ существовали два старыя сочиненія Ф. Сапѣги и Ф. Бентковскаго. Первое появилось на латинскомъ языкѣ въ Кельнѣ въ 1730 году и въ томъ же году вышло изъ печатни варшавскихъ іезуитовъ въ переводѣ на польскій языкъ Адама Ходкевича. Книга Феликса Бентковскаго издава сорокъ пять лѣтъ тому назадъ. Затѣмъ въ различныхъ изданіяхъ отъ времени до времени появлялись статьи по интересующему вопросу. Г. Садовскій собралъ въ своемъ трудѣ обширный матеріалъ. Въ этомъ надо ему отдать справедливость. Только онъ не сумѣлъ разобраться въ немъ: квалификація этого матеріала оставляетъ желать многого. Иными словами -- г. Садовскій не исполнилъ существующаго въ польской научной литературѣ пробѣла по исторіи орденовъ и знаковъ отличія въ Польшѣ...

Слѣдующій и послѣдній томъ труда Генрика Садовскаго будетъ содержать (какъ обѣщаетъ авторъ) описаніе и исторію орденовъ св. Станислава и *Virtuti militari*.

Г. А. Воробьевъ.

К. Д. Вальмонтъ. Горныя вершины. Сборникъ статей. Книга первая. Книгоиздательство «Грифъ». М. 1904.

К. Д. Вальмонтъ выпустилъ первую книгу своихъ критическихъ статей. Эти статьи -- по большей части публичныя лекціи, произнесенныя въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ: въ Taylor Institution въ Оксфордѣ, въ историческомъ музеѣ въ Москвѣ, въ Свободномъ русскомъ университетѣ въ Парижѣ. Прекрасный индійскій эниграфъ объясняетъ названіе книги: «великіе умы, какъ горныя вершины, горятъ издалека». К. Д. Вальмонтъ говоритъ въ своей книгѣ о поэзіи ужаса въ офортахъ Гойя, о драмѣ личности у Кальдерона, о праотцѣ современныхъ символистовъ Вильямѣ Блэкѣ, объ Эдгарѣ По, Шарлѣ Бодлэрѣ, Гамсунѣ, Уайльдѣ, Шелли, Некрасовѣ, русскихъ поэтахъ и т. д. Критическіе этюды Вальмонта -- живописны и пылки. Онъ тонко чувствуетъ и

умѣть передать читателю ароматы, доносящіеся до него съ горныхъ вершинъ. И критическіе приемы поэта Бальмонта своеобразны: одинъ эпитетъ подходитъ къ его критикѣ — индивидуалистическая. Онъ самъ говоритъ о своихъ статьяхъ: «Эти страницы представляютъ изъ себя только начало длиннаго ряда очерковъ по литературѣ, искусству и религіи... Мнѣ весело и радостно всходитъ на высоту, приближаться вплоть къ глубокимъ душамъ, глядѣть въ ихъ яркіе зрачки, глядѣть въ ихъ жуткіе колодцы». Всякое произведеніе искусства будитъ цѣлый рядъ мыслей, желаній невысказанныхъ, зоветъ мечты и грезы, населяетъ душу призраками. К. Д. Бальмонтъ въ своихъ этюдахъ не заботится объ историко-литературныхъ деталяхъ, онъ спѣшитъ закрѣпить лишь свои переживания. Тутъ многого не сумѣешь высказать, и въ очеркахъ К. Д. Бальмонта мы не разъ встрѣчали несовершенныя попытки высказаться, оставляющія неясное впечатлѣніе въ читателѣ. Но всегда, о комъ бы онъ ни говорилъ, онъ умѣетъ поставить душу своего читателя непосредственно съ душою автора. Цѣль достигнута.

К. Д. Бальмонтъ ведетъ рѣчь, по большей части, о писателяхъ, мало извѣстныхъ русской публикѣ, или, если и извѣстныхъ, то плохо понимаемыхъ. Тѣмъ необходимѣе его книга русскому читателю. Но есть въ ней статьи и о слишкомъ хорошо извѣстныхъ намъ мастерахъ, напримѣръ, о Некрасовѣ. Этюдъ о немъ носитъ характерное названіе «Сквозь строй». Это, пожалуй, одна изъ самыхъ блестящихъ характеристикъ музы мести и печали, какія только есть въ нашей литературѣ.

Многимъ покажется страннымъ, какъ К. Д. Бальмонтъ, поэтъ, столь далекій мотивамъ Некрасовской музы, могъ понять и высоко оцѣнить Н. А. Некрасова, но это такъ. Это нужно отнести за счетъ широты пониманія и сочувствія, которой слѣдовало бы пожелать всѣмъ принципиальнымъ противникамъ К. Д. Бальмонта.

Щ.

Эдуардъ Мейеръ. Теоретическіе и методологическіе вопросы исторіи. Философско-историческія изслѣдованія. Перевелъ А. А. Малининъ. Москва. 1904.

Новая схватка двухъ направленій исторической науки! Одно изъ нихъ раньше называлось старымъ, а другое новымъ; теперь же старое приобрѣло много молодыхъ талантливыхъ адептовъ, подновило свою аргументацію и можетъ быть названо «новѣйшимъ». Крупнѣйшей задачей, выпавшей на долю этого историческаго міросозерцанія, является реабилитация случая, свободной воли и идеи — тѣхъ двигателей человѣческой исторіи, которые въ качествѣ не научныхъ уже были сданы въ архивъ людекого недомыслия.

Историческое направленіе, съ которымъ борется Мейеръ, пытается приблизить исторію къ точнымъ, естественнымъ наукамъ, для чего существенно необходимою являются розыски «историческихъ законовъ» и послѣдовательное проведеніе монистической точки зрѣнія, которая, въ свою очередь, создаетъ цѣлый рядъ всевозможныхъ историческихъ концепцій. Такимъ образомъ, во имя науки все разнообразіе и вся красота исторической жизни вгонялись въ произвольныя, совершенно-субъективныя, мертвыя, quasi-науч-

ныя схемы, въ тискахъ которыхъ жизнь прошлаго обезцвѣчивалась до блѣдныхъ признаковъ и распылчатыхъ обобщеній.

Реакція противъ этого историческаго направленія, какъ сказано выше, наиболѣе замѣтно проявилась лишь за послѣднее время. Противники механическаго пониманія исторіи выходятъ изъ двухъ лагерей. Съ одной стороны, это—новоявленные идеалисты (напримѣръ, г. Булгаковъ), съ другой—профессионалы-историки, протестующіе противъ него во имя исторической правды. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и авторъ разбираемой книжки. Особенно интересна ея первая часть, гдѣ представляемое Мейеромъ направленіе формулируется съ боевой, полемически-ортодоксальной точки зрѣнія. «Кто хочетъ,— читаемъ на стр. 26,—изгнать изъ исторіи свободу воли и случайность, либо же свести и то и другое на минимумъ, тотъ не только посягаетъ на все богатство содержанія исторіи, на то, что составляетъ главный предметъ историческаго интереса, но въ сущности сводитъ всю исторію къ нулю»... Соратникъ Мейера, Риккертъ, совершенно отрицаетъ существованіе историческихъ законовъ, требуя отъ исторіи, чтобы она изображала лишь частности. «То, что происходитъ въ природѣ,—аргументируетъ Риккертъ,—повторяется безчисленное количество разъ; поэтому естествоиспытатель подчиняетъ свои факты обстрактнымъ законамъ; наоборотъ, то, о чемъ рассказываетъ исторія, имѣетъ мѣсто лишь одинъ разъ; поэтому для исторіи цѣнно лишь единичное, и она стремится познать это единичное, углубляясь въ него, какъ въ нѣчто для себя дорогое и цѣнное».

Не мѣшаетъ отмѣтить еще два признака новѣйшаго направленія исторіи: во-первыхъ, перенесеніе центра тяжести историческаго изслѣдованія съ исторіи экономической, столь популярной недавно, и культурной на исторію политическую, а, во-вторыхъ, признаніе психологической исторіи Фукидида идеальнымъ образцомъ историческаго творчества.

Для причастныхъ къ исторіи лицъ книжка Мейера—обязательное чтеніе. Интересна она и для тѣхъ, кто привыкъ и любитъ присматриваться къ броженіямъ и исканіямъ человѣческой жизни.

Е. В.

Алексѣй Мошинъ. Ясная Поляна и Васильевка. Спб. 1904.

Въ этой крохотной книжкѣ, состоящей изъ 75 страничекъ и стоящей 50 копеекъ, собраны статьи, которыя безусловно не заслуживали бы собранія и отдѣльнаго изданія. Ихъ жизнь не должна бы продолжаться больше одного дня; этимъ этюдамъ слѣдовало бы умереть вмѣстѣ съ вомеромъ газеты, въ которомъ они появились. Тутъ двѣ статеечки. Въ одной, носящей заглавіе: «Встрѣчи и бесѣды съ графомъ Толстымъ», г. Алексѣй Мошинъ рассказываетъ, какъ онъ 3-го мая 1903-го года пришелъ въ Ясную Поляну. Онъ раньше былъ знакомъ со Львомъ Николаевичемъ; по крайней мѣрѣ, въ одно изъ посѣщеній Левъ Николаевичъ «припомнилъ», что онъ видѣлся раньше съ г. Мошинымъ. На этотъ разъ г. Мошинъ прибылъ въ рабочій часъ и помѣшалъ, очевидно, Л. Н. Толстому, и Л. Н., поговоривъ съ нимъ нѣсколько минутъ, познакомилъ его со своимъ сыномъ и сказалъ сыну: «по-

жалуйста, примите гостя», а г. Мошину: «а съ вами я прощусь... Я долженъ итти работать». Послѣ этого, г. Мошинъ, «выпивъ чашку, чтобы не стѣснять, отказался отъ завтрака и, поблагодаривъ, простился» (стр. 31). По дорогѣ г. Мошинъ собралъ кое-какія свѣдѣнія о знаменитомъ писателѣ земли Русской отъ кондуктора поѣзда, пастуха и своего извозчика. *Voilà tout!*

А 30-го мая 1903-го года г. Алексѣй Мошинъ побывалъ на родинѣ Гоголя въ Васильевкѣ и повидался съ сестрой Гоголя, О. В. Головной. Здѣсь приняли г. Мошина радушно. Когда онъ уѣзжалъ, «три милыя, добрыя дамы стояли на террасѣ дома и махали платками, пока скрылся онъ за постройками и садами на поворотѣ дороги». О. В. Головная, 78-лѣтняя старушка, рассказывала ему о Н. В. Гоголѣ. Намъ не разъ уже пересказывали ея рассказъ досужіе путешественники-интервьюеры. Въ послѣдній разъ Яновщину обстоятельно описалъ г. Гиляровский, но онъ воспѣвалъ Васильевку *son biô*, а г. Мошинъ *doise* и *son amore*. Впрочемъ, въ рассказѣ г. Мошина есть кое-какія любопытныя черточки о покойномъ сатирикѣ, до нѣкоторой степени извиняющія появленіе отдѣльной книжки.

Итакъ въ «трудѣ» г. Алексѣя Мошина почти совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній о Толстомъ и Гоголѣ, но зато очень много о самомъ г. Алексѣѣ Мошинѣ. Такъ, на примѣръ, на обложкѣ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ выписокъ изъ отзывовъ о книгѣ А. Мошина: «Штрихи и настроенія». Этотъ мало распространенный у насъ въ Россіи приемъ рекламы г. Мошинъ мотивируетъ, опять же на обложкѣ. По мнѣнію г. Мошина, «можно желать, чтобы поменьше было объявленій о табакѣ, винѣ и обо всемъ, чѣмъ люди одурманиваются, но чѣмъ больше будетъ встрѣчаться объявленій о трудѣ литературномъ, тѣмъ лучше». Г. Мошинъ объясняетъ, что «объявленіе не есть реклама. Реклама—это, когда человекъ самъ себя хвалитъ». Правильное разсужденіе! Но что сказать о простодушномъ замѣчаніи г. Мошина о себѣ самомъ, о томъ, что онъ «не можетъ не писать, какъ не можетъ щеголь пѣть по-соловьиному, а только по-своему». Это—просто реклама, а не объявленіе! А всѣ эти отзывы, съ любовію и тщательностью выбранные даже изъ самыхъ нераспространенныхъ провинціальныхъ газетъ, что это иное, какъ не самолюбованіе влюбленнаго въ себя г. Мошина? Онъ такъ наивно влюбленъ въ себя, что не замѣчаетъ этого. И къ своей книжкѣ онъ приложилъ портреты Л. Толстого, О. В. Головной, Н. В. Гоголя и... свой. Да, это—такъ! И подпись такая: «О. В. Головная, сестра Гоголя, и Алексѣй Мошинъ на пасѣкѣ въ Яновщинѣ». О, какъ мы благодарны г. Алексѣю Мошину за то, что онъ не только познакомилъ насъ съ отзывами о самомъ себѣ другихъ лицъ, но и не лишилъ возможности лицезрѣть его... хотя бы на портретѣ.

Собственно, не стоило бы и говорить о книжкѣ г. Алексѣя Мошина, но необходимо отмѣтить появленіе особаго вида рекламы: авторекламы. Очень желаемъ, чтобы на обложкахъ своихъ будущихъ изданій г. Алексѣй Мошинъ перепечаталъ и нашъ отзывъ.

П. Щ.

Балтійскій флотъ 50 лѣтъ назадъ (1854—1855 гг.). Капитанъ 2-го ранга Истоминонъ. Спб. 1904.

Основная мысль брошюры автора заключается въ томъ, что если въ кампанію 1854—1855 гг. соединенные флоты англійскій и французскій не подошли къ Петербургу и вообще не захватили Финскаго побережья, то къ тому не допустилъ ихъ нашъ Балтійскій флотъ. Такимъ образомъ Балтійскому флоту г. Истоминонъ приписываетъ большую заслугу и, кромѣ того, рисуетъ его вообще въ очень выгодномъ свѣтѣ, въ чемъ кореннымъ образомъ расходится съ мнѣніями по тому же вопросу гг. Вліоха и Бородинна, которые очень скептически высказываются какъ относительно самого судового состава, такъ и состава личнаго. Разбирая крымскую кампанію, г. Вліохъ говоритъ: «Суда Балтійскаго флота въ качественномъ отношеніи были весьма неудовлетворительны, парусные корабли и фрегаты были большей частью сосновые, изъ сырого лѣса, слабой постройки и весьма посредственнаго вооруженія, такъ что при каждомъ учебномъ плаваніи по портамъ Финскаго залива многіе подвергались разнообразнымъ поврежденіямъ». Разсуждая о Балтійскомъ флотѣ тогдашняго времени, г. Бородинъ замѣчаетъ: «На военно-морскомъ совѣтѣ, состоявшемся въ присутствіи государя на кораблѣ «Петръ I», адмиралы признали, что наша команда мало подготовлена къ бою и вообще очень слаба по управленію парусами». Государь былъ очень разсерженъ такимъ отвѣтомъ и рѣзко сказалъ: «Развѣ флотъ для того существовалъ и содержался, чтобы въ минуту, когда онъ дѣйствительно нуженъ, мнѣ сказали, что флотъ не готовъ для дѣла?» Въ виду послѣдовавшаго высочайшаго повелѣнія Балтійскій флотъ отправился въ море для практики команды и вернулся изъ этого плаванія въ Кронштадтъ въ ужасномъ видѣ: не было ни одного корабля, который не имѣлъ бы значительныхъ поврежденій въ рангоутѣ и корпусѣ, а у нѣкоторыхъ судовъ были свернуты головы рулей и топы мачтъ, требовавшіе ихъ перемѣны».

Г. Истоминонъ укоряетъ названныхъ авторовъ въ односторонности и даже недостаточномъ знаніи самого предмета изслѣдованія. Авторъ поставилъ себѣ благородную задачу отмѣтить заслуги нашихъ судовъ и ихъ личнаго состава въ ту печальную минуту, но при томъ самъ впалъ въ другую крайность. Онъ отмѣчаетъ только свѣтлыя стороны, проблески удачи и на нихъ останавливаетъ вниманіе читателя, иронизируя надъ французами и англичанами. Но и среди подбора фактовъ въ нашу пользу у г. Истомина какъ бы неволью выступаютъ разные наши пробѣлы и недостатки. Свою брошюру авторъ начинаетъ съ указанія, что 1854-й годъ засталъ Балтійскій флотъ въ началѣ переходнаго его состоянія отъ паруснаго къ паровому. Винтовые корабль «Касторъ» и фрегатъ «Полканъ» хотя и были спущены, но изъ нихъ только послѣдній готовился начать кампанію предстоявшимъ лѣтомъ. Корабль «Орель», изготовленный къ спуску, остался безъ машины, которая, будучи заказана въ Англии, была конфискована по распоряженію англійскаго правительства въ виду наступавшихъ политическихъ событій. Въ спискахъ, правда, числилось порядочное число пароходо-фрегативъ и пароходовъ, но они исполняли только посыльную, транспортную и буксирную службы. Такимъ образомъ ядро морскихъ силъ

составляли парусные линейные корабли, тогда какъ въ англійскомъ флотѣ парусныя суда являлись исключеніемъ. Далѣе наканунѣ самаго военнаго дѣйствія мы строили наскоро гребныя канонерскія лодки, приводили въ боевое состояніе старыя суда, наняли у частныхъ лицъ всѣ пароходы, могущіе выйти въ море. На гребной флотилии въ шкеры отпавились ошолченцы, т.-е. люди, взятые отъ сохи; съ нашихъ канонерокъ пушки брали на очень близкое разстояніе, тогда какъ непріятель билъ насъ на разстояніи 2.000 с., а когда при островѣ Стура-Гюхгольменѣ на помощь канонерскимъ лодкамъ выступили береговые батареи, то огонь ихъ пришлось прекратить, такъ какъ онъ между прочимъ били по своимъ. Защищая исправное состояніе нашего флота, г. Истоминъ тѣмъ не менѣе отмѣчаетъ цѣлый рядъ случаевъ, когда во время шторма наши суда дрейфовали, даже адмиральскіе корабли становились поперекъ волненія, повреждались рули, ломались румпели, лопались канаты, суда отдавались на произволъ стихій и становились на мель, если судьба хранила ихъ отъ крушеній.

Въ оправданіе Балтійскому флоту можно сказать, что Финскій заливъ въ концѣ лѣта, а особенно осенью, очень буренъ; если же примемъ во вниманіе, что карты его очень плохи, и что весь онъ усяянъ подводными скалами, которыя до послѣдняго времени нерѣдко открываются только днищами гибнущихъ кораблей, то станетъ понятною вся тяжесть парусныхъ операцій въ этихъ негостепримныхъ водахъ. Но если русскіе корабли, будучи парусными съ незначительной осадкой, раскидывались и разламывались штормами, то въ свою очередь глубоко сидѣвшій непріятельскій паровой флотъ не могъ себя чувствовать особенно увѣреннымъ въ чужомъ скалистомъ и бездорожномъ морѣ. Съ большою вѣроятностію поэтому можно предположить, что нашимъ успѣхамъ и нерѣшительности непріятельскихъ адмираловъ содѣйствовали стихійныя условія, спасшія столицу отъ вражескаго нашествія. Не нужно также забывать въ этомъ случаѣ и силы общественнаго мнѣнія въ Англии и Франціи, гдѣ относятся къ безполезной гибели судна очень взыскательно. Это обстоятельство тоже парализовало предпримчивость непріятеля, имѣвшаго грознаго противника не надъ, а подъ водой.

В. Грибовскій.

**Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей
россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1904 годъ. Книги
2 и 3 (209-я и 211-я). М. 1904.**

И вторая, и третья книги «Чтеній» за 1904 годъ заключаютъ въ себѣ только одну работу, а именно: второе изданіе второй половины перваго тома «Исторіи русской церкви» академика Е. Е. Голубинскаго. Нельзя не выразить признательности московскому ученому обществу за мысль выпустить второе изданіе авторитетнѣйшаго труда по исторіи русской церкви. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ общество выпустило вторымъ изданіемъ первую половину перваго тома, ставшую къ тому времени дѣйствительно библиографической рѣдкостью; теперь оно выпускаетъ вторую половину. Первое ея изданіе вышло въ

1884 году и теперь продается у букинистовъ по значительно повышеннымъ цѣнамъ. Какъ извѣстно, во второй половинѣ академикъ Голубинскій занимается главнымъ образомъ церковной археологіей домонгольскаго періода, исходя изъ того положенія, что вопросъ о церковной архитектурѣ есть вопросъ, сколько научно-историческій, столько же и практическій.

Второе изданіе труда академика Голубинскаго исправлено и значительно дополнено; въ предисловіи къ нему авторъ обѣщаетъ выпустить столь необходимый для изученія книги археологическій атласъ. II.

Музей изящныхъ искусствъ имени императора Александра III при Московскомъ университетѣ. Отчетъ и рѣчь, читанные въ въ годичномъ собраніи комитета музея 25 ноября 1903 г. проф. И. Цвѣтаевымъ. Москва. 1904.

Настоящій отчетъ и рѣчь проф. Цвѣтаева знакомятъ насъ, какъ съ ходомъ работъ по сооруженію музея изящныхъ искусствъ при Московскомъ университетѣ, такъ и съ вопросомъ по пополненію его коллекціями искусства.

«Отчетъ о заграничномъ путешествіи секретаря комитета музея въ 1902—1903 г.г.» (стр. 1—58), которымъ открывается настоящее изданіе музея изящныхъ искусствъ, представляетъ собою докладъ о сдѣланныхъ во время этого путешествія проф. Цвѣтаевымъ заказахъ гипсовыхъ и другихъ копій съ тѣхъ произведеній искусства классической древности, древне-христіанской эпохи и ренессанса, которыя должны наполнить залы и антикварій будущаго московскаго музея. Здѣсь мы встрѣчаемъ копіи съ такихъ шедевровъ античнаго искусства, каковы, напримѣръ, колоссальный Ниль (лучшій образчикъ аллегорическаго олицетворенія рѣкъ въ александрійско-римскій періодъ искусства), статуя Эврипида, Фарнезскій быкъ, Венера Капитолійская, Умирающій Галлъ, Амуръ и Психея и т. д. Далѣе мы должны отмѣтить прекрасныя копіи съ равенскихъ мозаикъ (Матерь Божія съ Младенцемъ, Бесѣда Иисуса съ Самаритянкою и пр.) и скульптуръ («Каедрa св. Максиміана»), которыя должны составить прекрасное дополненіе къ собранію копій съ живописи катакомбъ, исполненныхъ Рейманомъ, и предположенному воспроизведенію образцовъ римскихъ катакомбъ. Весьма богато будетъ представлена эпоха возрожденія. Такъ отмѣтимъ, что помимо отлива Каедры Пизанскаго Баптистерія (твореніе Николы Пизано, XIII вѣка) музей будетъ обладать копіями произведеній почти всѣхъ великихъ мастеровъ XIV, XV и XVI столѣтій (Джіованни Пизано, Бальдуччи, Андреа Пизано, Гиберти, Донателло, Андреа-делла-Роббіа, Лукка-делла-Роббіа, Микель-Анджело и др.). Отдѣльно отмѣтимъ большой заказъ копій съ знаменитыхъ бронзовыхъ издѣлій (бюсты; предметы быта), которыми такъ богатъ Неаполитанскій музей.

Вторая часть настоящаго изданія—«Рѣчь о положеніи дѣлъ музея въ 1902—1903 г.г.» (стр. 61—96)—знакомитъ читателей преимущественно съ подробностями отчасти архитектурнаго, отчасти художественнаго характера (роспись стѣнъ залъ музея и т. д.). А—нъ.

Le culte de la petite vérole en Géorgie. Une page de la médecine populaire, par M. Sakhokia. (Extrait des Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris. Seance du 16 avril 1903). Paris. 1903.

Прекрасный очеркъ г. Сахокіа, посвященный культу оспы у грузинъ, напечатанъ въ мемуарахъ антропологическаго общества въ Парижѣ. Очеркъ этотъ представляетъ докладъ, читанный авторомъ въ засѣданіи общества 16 апрѣля 1903 г. и сопровождающійся лестнымъ отзывомъ г. Заборовскаго. Очеркъ г. Сахокіа нынѣ изданъ отдѣльной брошюрой. Заразительныя болѣзни, оспа, корь, скарлатина, моровая язва, холера и др., представляются грузинами въ видѣ духовъ, обладающихъ человѣческимъ образомъ, со всѣми слабостями смертныхъ. Духи эти путешествуютъ на неутомимыхъ мулахъ, пробѣгаютъ съ быстротой молніи огромное пространство, пристрастны къ пѣснямъ и музыкальнымъ инструментамъ, любятъ человѣческое мясо, пьютъ людскую кровь. Изъ животныхъ ненавидятъ свинью, зато не прочь полакомиться козлятиной. Оспа и корь любятъ цвѣта—красный, бѣлый и синий, ненавидятъ все черное: лампы, табакъ, выраженіе грусти. Большая часть заразительныхъ болѣзней носятъ названіе «батонеби», т.-е. «господа», и дѣлятся на двѣ категоріи, при чемъ въ первой категоріи помѣщаются моровая язва (чума), холера, оспа; ко второй категоріи относятъ корь, скарлатину, коклюшъ и др. Всѣ эти болѣзни обитаютъ «по ту сторону Чернаго моря», гдѣ текутъ медвяныя рѣки и молочныя ручьи. Тамъ онѣ имѣютъ опредѣленную соціальную и религіозную организацію, подчиняются одному главѣ, исповѣдуютъ христіанскую и мусульманскую вѣру. Физически эти болѣзни черныя (чума), бѣлыя (оспа) и красныя (корь). У одной грузинской вѣтви—мингрельцевъ (о которыхъ и говоритъ г. Сахокіа), существуетъ легенда, какъ въ страну этихъ болѣзней проникъ подъ водой одинъ смертный и узналъ всѣ секреты ихъ жизни. Духи оспы, кори и пр. являются еще во снѣ тому, кого они желаютъ посѣтить.

Появленіе оспы вызываетъ тревогу въ цѣлой деревнѣ. Многіе оставляютъ свои жилища и бѣгутъ въ отдаленныя мѣста. Съ домомъ больного избѣгаютъ сообщаться. Лѣченіе больного медикаментами не допускается,—прибѣгаютъ лишь къ симпатическимъ средствамъ. На шею больному вѣшаютъ маленькій камень въ знакъ его покорности духамъ—«батонеби», всѣ одѣваются въ цвѣтныя платья, говорятъ шопотомъ, поютъ пѣсни, играютъ на «чонгури», четырехструнномъ инструментѣ,—все это очень любятъ «батонеби». За исполненіемъ вѣками выработанныхъ пріемовъ слѣдитъ «служитель батонеби», опытное лицо, мужского или женскаго пола. Домъ наполняется благоуханіемъ цвѣтовъ, которые приносятся въ жертву «батонеби». Посѣтители больного привѣтствуютъ «батонеби», восхваляютъ ихъ, не произнося, впрочемъ, словъ: глаза и шея; вмѣсто перваго рекомендуется, говоря о состояніи глазъ больного, называть зеркало, а вмѣсто втораго—стаканъ для обозначенія шеи, пораженной оспою. Это дѣлается изъ хитрости, чтобы «батонеби» не водворились въ названныхъ частяхъ тѣла. Съ молитвой къ «батонеби» обращаются, ставъ на колѣни лицомъ къ югу, предполагая, что они исповѣдуютъ исламъ. Служитель ихъ дѣ-

ласть видѣ, что онъ радъ не только духамъ болѣзни, но ихъ муламъ, для которыхъ очищается одинъ уголь въ комнатѣ, ставится для нихъ чаша съ водою и горсть соломѣ кукурузной. На этихъ мулахъ «батонеби», осѣдлавъ ихъ, совершаютъ дневныя прогулки. Если пріемомъ, оказаннымъ въ домѣ больного, «батонеби» довольны, то они, поблагодаривъ его во снѣ, покидаютъ, чтобы переселиться въ другое мѣсто, которое они усилѣи ужъ облюбовать. Но если что либо было упущено, не удовлетворили ихъ вниманіемъ, то «батонеби» караютъ лишеніемъ зрѣнія или слуха. Напрасно потомъ будутъ приносить имъ жертвы и обращаться съ мольбой къ св. Варварѣ, покровительницѣ тѣхъ, которые носятъ слѣды воспоминаній о «батонеби», — зрѣніе и слухъ имъ ужъ не возвращаются.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе очерка г. Сахокіа. Очеркъ написанъ живо и колоритно. Описаніе мингрельской избы, входящее въ видѣ дополненія къ «страницѣ изъ народной медицины», представляетъ спеціальнѣйшій интересъ для исторіи жилищъ.

Г. Заборовскій въ нѣсколькихъ словахъ опредѣляетъ значеніе этюда г. Сахокіа, говоря, что представленіе грузинъ о болѣзняхъ въ видѣ особыхъ духовъ было распространено по всей Европѣ въ средніе вѣка и еще повнѣе осталось у славянъ. Наблюденіе г. Сахокіа надъ «батонеби» указываетъ на любопытное переживаніе первобытныхъ вѣрованій.

А. Хах — овъ.

Д. Зеленинъ. Кама и Вятка. Путеводитель. Юрьевъ. 1904.

Для того, чтобы составлять путеводители, необходимо обладать многими данными. Надо не только знать излагаемый предметъ, нужно имѣть особое чутье, чтобы отмѣтить все дѣйствительно наиболѣе любопытное, не утомляя читателя лишними подробностями. Нелишне является въ данномъ случаѣ и литературность изложенія. Д. Зеленинъ доказалъ, что всѣмъ этимъ требованіямъ онъ можетъ отвѣтить. Ученый по специальности, авторъ вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ и дарованіемъ популяризатора. Его путеводитель представляется сжатымъ, но весьма содержательнымъ сборникомъ всѣхъ свѣдѣній, необходимыхъ для того, чтобы у читателя получилось общее болѣе или менѣе отчетливое представленіе объ описываемой мѣстности. Начинается путеводитель небольшимъ поучительно поэтическимъ вступленіемъ, изъясняющимъ пользу и значеніе путешествій, затѣмъ идетъ описаніе южнаго — Казанскаго, средняго — Вятскаго и сѣвернаго верхняго Пермскаго Прикамья; далѣе слѣдуетъ Пермь-Котласская желѣзная дорога, сѣверная и южная часть Вятскаго края. Въ каждомъ отдѣлѣ подчасъ въ весьма художественной формѣ авторъ даетъ историческія справки, картинки быта и нравовъ населенія, житейскія справочныя свѣдѣнія для путешественника. Въ «Путеводителѣ» имѣются даже краткія біографическія данныя о выдающихся уроженцахъ Прикамья и Вятскаго края; между прочимъ, небольшой очеркъ посвященъ камской кавалеристъ-дѣвицѣ Дуровой, дослужившейся до ротмистрскаго чина и получившей георгіевскій крестъ за дѣйствительныя боевыя заслуги. «Путеводитель» снабженъ нѣсколькими иллюстраціями; нѣкоторыя изъ нихъ въ свое время были помѣ-

щены на страницахъ «Историческаго Вѣстника». При книжкѣ имѣется указатель собственныхъ именъ, попадающихся въ «Путеводитель». Жаль только, что не приложена карта Прикамья и Вотяцкаго края; это существенное упущеніе должно быть непременно устранено при слѣдующемъ изданіи «путеводителя», такъ какъ путеводитель безъ карты до извѣстной степени является слѣпымъ.

В. Г.

В. Сѣрошевскій. На Дальнемъ Востокѣ. (Na daleki wschód. Kartki z podróży. Przez Syberij i Mandzuryę do Japonii. Taku. Tientsin. Pekin. Szanghaj). Варшава. 1904.

Вотъ путешествіе, которое рѣзко отличается отъ массы другихъ подобныхъ описаній и, вѣроятно, вскорѣ будетъ издано и на русскомъ языкѣ. Говоримъ, вѣроятно, такъ какъ авторъ этихъ записокъ—писатель и этнографъ В. Сѣрошевскій, въ февралѣ прошлаго года получилъ отъ Русскаго географическаго общества и императорской академіи наукъ порученіе изучить и описать интересное, но остающееся до сихъ поръ не изслѣдованнымъ племя айновъ, населяющее японскій островъ Гоккайдо, прежде называвшійся Иессо. Путешественникъ, по Сибирской дорогѣ проѣхавши въ Маньчжурію, нѣкоторое время провель въ Хайларѣ, Цицикарѣ и Мукденѣ, но уже въ апрѣлѣ былъ въ Нагасаки (Японія). Изъ Нагасака онъ посѣтилъ Кіу-Сіу, потомъ Кубе, а оттуда проѣхалъ на выставку въ г. Осаки, описаніе которой (на польскомъ яз.) помѣстилъ въ одномъ изъ польскихъ иллюстрированныхъ журналовъ (*Tygodnik Ilustrowany*).

Побывавъ въ Токио, Никко, онъ изъ Аомори отплылъ на Иессо въ г. Хакодате. Здѣсь изучалъ Сѣрошевскій обычаи японскаго народа, въ особенности все относящееся къ культу «Лисы», нѣкогда игравшему важную роль на дальнемъ востокѣ, но сохранившемуся только въ Японіи. Въ іюнѣ 1903 г. Сѣрошевскій вмѣстѣ съ миссіонеромъ-англичаниномъ У. Бахелоромъ, авторомъ сочиненія объ айнахъ—*Ainu of Japan*—произвелъ антропометрическое измѣреніе женщинъ айноскихъ, объѣхалъ айновъ сахалинскихъ и, вернувшись въ Гоккайдо, продолжалъ свои изслѣдованія надъ айнами, пока русскій консулъ не посоветовалъ ему выѣхать изъ Японіи, предполагая, что уже въ октябрѣ 1903 г. можетъ вспыхнуть война. Послушавшись совѣта, Сѣрошевскій собралъ свой научный багажъ—коллекціи, фотографіи—и уже въ срединѣ октября переѣхалъ въ Корею. Объѣхавъ Корею верхомъ съ однимъ лишь проводникомъ-переводчикомъ, въ ноябрѣ выѣхалъ въ Пекинъ, Шанхай, по рѣкѣ Янтце-Кіангу въ Ханькоу и вернулся въ Европу черезъ Индо-Китай, Сингапуръ, Цейлонъ, Египетъ, Италію въ Варшаву, гдѣ занимается разработкой собраннаго имъ ученаго матеріала. Впечатлѣнія этого интереснаго путешествія описаны, какъ мы уже говорили, отчасти въ журналѣ «*Tygodnik Ilustrowany*»: Маньчжурія, Японія и берега Кореи описаны имъ мастерски и иллюстрированы массой фотографій, при чемъ Сѣрошевскій съ научными цѣлями впервые у насъ воспользовался кинематографическими снимками, впервые у насъ—потому что первый опытъ этого фотографированія сдѣлала англійская экспедиція въ Сѣвер-

ной Австраліи. Книга, только что вышедшая изъ печати у Гебетнера и Вольфа въ Варшавѣ, заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: На пороги—(къ читателямъ). вмѣсто введенія (хлопоты при отъѣздѣ). Занесенные снѣгомъ (въ поѣздѣ). Сибирскій трактъ. Сибирская дорога. Описаніе Маньчжуріи и ея жителей. 5-я выставка въ Японіи въ г. Осаки. Два путешествія—на Иессо и Сахалинъ. Кусокъ Японіи (вдоль Нипона). Охота за китами. Изъ дальняго востока (Таку, Тяньцзинь, Пекинъ, Шанхай). Описаніе отличается живостью; лучшія мѣста—описаніе Байкала, степнаго пожара въ Маньчжуріи, вида Хакодате, охоты въ бурю на китовъ. Интересны разсужденія автора о вліяніи великаго сибирскаго пути на жизнь въ Сибири, о культурѣ Японіи, которую онъ то защищаетъ отъ нападковъ за подражательность, то опять самъ упрекаетъ въ недостатокъ инициативы. При случаѣ щиплетъ и нѣмцевъ въ Азій, указывая, что ихъ характеристическая черта на востокъ—«неаккуратность и грязь»; это заключеніе, повидимому, является результатомъ или малаго знакомства съ ними или нерасположенія, вслѣдствіе котораго единичные случаи обобщались въ общее о нихъ представленіе.

Размѣры нашей замѣтки не позволяютъ распространяться болѣе о достоинствахъ этого произведенія, читаемаго съ большой легкостью, но мы не можемъ удержаться, чтобы не привести выдержки изъ описанія всѣмъ намъ теперь близкаго Портъ-Артура. «Портъ-Артуръ,—говоритъ авторъ,—не только лучший портъ Ляодунскаго полуострова, но и всего Пичилійскаго залива. Окруженный со всѣхъ сторонъ, какъ обручемъ высокихъ и крутыхъ скалъ, онъ можетъ сравниться съ залитымъ водой амфитеатромъ, котораго югозападная сторона развалилась, давая выходъ волнамъ въ открытое море. Съ обѣихъ сторонъ входа берега образуютъ вѣшній портъ (рейдъ), совсѣмъ открытый и годный только въ хорошую погоду, тогда какъ во внутреннемъ портѣ спокойно даже въ самую сильную бурю, хотя онъ нѣсколько малъ, и входъ въ него узокъ. Во внутреннемъ портѣ помѣщаются арсеналы, склады угля, доки, мастерскія. Вокругъ на крутыхъ спускахъ скалъ ютится городъ. Во многихъ мѣстахъ съ большими издержками приходилось взрывать эти скалы для постройки домовъ и проведенія улицъ, поэтому большая часть казенныхъ зданій построена дальше отъ пристани, въ небольшой лоцинѣ, на сѣверо-западѣ. Здѣсь и возникъ такъ называемый Новый городъ. Однако постройка его только начинается: улицы едва распланированы, большая часть зданій нештукатурена, даже лѣса не убраны. Въ полномъ порядкѣ лишь укрѣпленія Портъ-Артура, относительно которыхъ англичане, французы, нѣмцы и американцы—всѣ согласны утверждаютъ, что попытки взять ихъ нужно считать безуміемъ».

О. Гин—въ.

Сергій Дягилевъ. Портретистъ Шабановъ. Спб. 1904.

Въ русской живописи XVIII вѣка извѣстны два превосходныхъ портрета Екатерины II въ дорожномъ костюмѣ и ея фаворита графа Мамонова. Первый портретъ очень понравился императрицѣ, она заказала писать съ него копіи на эмали и кости, и раздавала ихъ своимъ приближеннымъ въ знакъ особой

милости; съ него даже дѣлались камен, силуэты и точеные набалдашники для палокъ.

Въ нашей литературѣ (съ легкой руки Петрова и Ровинскаго) установилось мнѣніе, что этотъ портретъ написалъ художникъ Алексѣй Шабановъ, крѣпостной князя Потемкина, воспитанникъ и пенсіонеръ академіи художествъ, командированный вполѣтствіи за границу.

Г. Дягилевъ, собравъ всѣ литературныя и архивныя данныя о Шабановѣ, пришелъ къ выводу, что здѣсь вкралась крупная ошибка. Историческій живописецъ Алексѣй Шабановъ, пенсіонеръ академіи—одно лицо, а портретистъ Михаилъ Шибановъ, крѣпостной Потемкина,—совершенно другое; послѣдній и былъ авторомъ знаменитаго портрета Екатерины II. Такой выводъ авторъ подтвердилъ документально, такъ какъ среди многихъ другихъ соображеній, опровергающихъ установившееся мнѣніе о Шабановѣ, имъ приведена переписка А. Шабанова съ академіей художествъ, изъ которой видно, что во время написанія портретовъ (1785—1790 гг.) А. Шабановъ находился въ Римѣ и копировалъ въ Ватиканѣ живонисы Рафаэля и другихъ художниковъ. Существованіе портретиста М. Шибанова указываетъ на то, что въ то время среди нашихъ доморощенныхъ мастеровъ встрѣчались истинные художники съ крупнымъ талантомъ и высоко развитой техникой.

Таково содержаніе небольшой книжки г. Дягилева. Всякій занимающійся исторіей русскаго искусства прочтетъ ее съ интересомъ и не безъ пользы.

М. К.

Дж. Р. Сили. Расширеніе Англій. Два курса лекцій. Переводъ съ англійскаго В. Я. Герда. Издательство О. Н. Поповой. Спб. 1904.

Кто-то у Марка Твэна съ горечью думаетъ о судьбѣ школьниковъ будущаго, для которыхъ значительно возрастетъ и станетъ необъятнымъ курсъ исторіи. Современные историки уже теперь находятся въ столь плачевномъ положеніи. Всемирная исторія для каждаго отдѣльнаго, добросовѣстнаго автора стала не подъ силу. Больше того. Опубликованіе все новыхъ и новыхъ архивныхъ матеріаловъ и безпримѣрно быстрый ростъ отдѣльныхъ монографій по мелкимъ историческимъ эпизодамъ и вопросамъ сдѣлали то, что средней человѣческой жизни положительно мало для основательнаго и детальнаго ознакомленія даже съ небольшимъ періодомъ человѣческой исторіи. Въ силу этого на смѣну прежнихъ историческихъ сочиненій, гдѣ такъ умно, талантливо, подчасъ гениально давали полный прагматическій рассказъ о жизни цѣлыхъ историческихъ эпохъ и цѣлыхъ народовъ, идетъ новый видъ исторической литературы. Девизомъ историковъ прежняго поколѣнія было: изъ пѣсни слова не выкинешь, и, слѣдуя ему, они давали и разъясняли яркія картины прошлаго, изумительныя комбинаціи жизни, гдѣ великое смѣняется низкимъ, трагическое переплетается съ комическимъ, бездарность становится на мѣсто генія. Исторія прежняго времени была увлекательнымъ и образовательнымъ чтеніемъ. Историкъ новѣйшей формаціи не беретъ жизнь прошлаго въ ея цѣломъ. Въ противовѣсъ угасаю-

цему историческому течению, гдѣ изъ фактовъ строили теоріи, онъ, облюбовавъ какую либо философскую, социальную или правовую идею, иллюстрируетъ ее фактами изъ исторіи избраннаго имъ народа, той или иной эпохи. Эта новая тенденція въ исторической наукѣ повела къ тому, что, какъ говорить Сили, «многое, казавшееся раньше малымъ, кажется великимъ и казавшееся великимъ кажется малымъ; съ этой точки зрѣнія выступаетъ то, что прежде было въ тѣни, и скрывается въ тѣнь то, что прежде ярко выступало». Примѣрами изъ русской исторической науки можно прекрасно пояснить все сказанное выше. Возьмите «Исторію Россіи» Соловьева и монументальную трилогію Шильдера, съ одной стороны, и «Очерки русской культуры» Милюкова и «Очерки общественныхъ движеній» Пыпина, съ другой. Вотъ два рѣзко-противоположныхъ историческихъ теченія. Съ одной стороны исторія правдивая, какъ жизнь, интересная, какъ романъ, а съ другой—клички, очерки жизни, подбираемые лишь въ качествѣ примѣровъ во славу заранѣе сложившейся тенденціи. Такимъ образомъ научно-историческій романъ смѣняется бодрящимъ и будящимъ научно-историческимъ памфлетомъ. Къ разряду послѣднихъ принадлежитъ и книга Сили. Если разсматривать исторію Европы за послѣднія три столѣтія съ колоніальной точки зрѣнія, она является очень интересной и весьма характерной для современнаго англійскаго настроенія книгой. Если же правы тѣ, кто называетъ нашу теперешнюю войну первой русской колоніальной войной, то книга Сили представляетъ кое-какой интересъ современности, и это тѣмъ болѣе, что имя Россіи такъ и пестритъ на страницахъ лекцій англійскаго профессора. Колоніальный вопросъ,—говоритъ Сили,—является скрытой или явной причиной всѣхъ европейскихъ войнъ со временъ открытія Колумбомъ Америки. Специально для Англійи вопросъ о колоніяхъ—вопросъ жизни и смерти. «Соединенные Штаты и Россія,—пишетъ нашъ авторъ,—совершенно затмятъ такія старыя государства, какъ Франція и Германія, и оттѣснятъ ихъ на задній планъ. То же самое случится и съ Англійей, если она все еще будетъ считать себя только европейскою державою, какъ старое соединенное королевство Великобританіи и Ирландіи, какъ его оставилъ Питъ». Вопросу о колоніяхъ посвящена первая серія лекцій Сили, вторая же трактуетъ специально объ Индіи, при чемъ индійскій вопросъ освѣщается съ довольно оригинальной точки зрѣнія. Вообще же, несмотря на то, что нашъ авторъ принадлежитъ къ интернаціональному типу такъ называемыхъ «среднихъ» профессоровъ, его книжка прочтется съ пользой и не безъ интереса каждымъ слѣдящимъ за политикой газетнымъ читателемъ.

W.

Вся Курляндская губернія. Справочно-адресное изданіе Курляндскаго губернскаго статистическаго комитета подъ редакцію Я. И. Лудмера. Митава. 1904.

Настоящая книга—XXVIII-е изданіе Курляндскаго губернскаго статистическаго комитета. Въ книгѣ—2 части. Въ I части помѣщены разнообразныя справочныя свѣдѣнія о губерніи, какъ-то: раздѣленіе губерніи въ административномъ, полицейскомъ и судебномъ отношеніяхъ, раздѣленіе на волости, списки всѣхъ имѣній и другихъ населенныхъ мѣстъ губерніи и т. д. Въ II части, кромѣ лич-

наго состава администраціи и разныхъ установленийъ губерніи, помѣщены: алфавитный списокъ всѣхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, перечень обществъ, фабрикъ, заводовъ, торговыхъ заведеній, банковъ и т. п., указатели по страховому дѣлу, ярмарокъ, типографій, періодическихъ изданій, путей сообщенія, сельскихъ хозяйствъ, театральнаго дѣла и т. д. Въ приложеніи: гербы городовъ и карта Курляндской губерніи, планы театральнаго зала г.г. Митавы и Либавы и схема расположенія линій Московско-Виндавской желѣзной дороги.

Къ сожалѣнію, на изданіи невыгодно отразилась непрерывная смѣна чиновничества—это главное зло прибалтійскихъ провинцій: вслѣдствіе этого почти каждая страница личнаго состава администраціи снабжена листкомъ исправленій. Было бы очень хорошо также, если бы редакторъ въ слѣдующемъ изданіи своего полезнаго труда добавилъ еще кое-какіе матеріалы: напримѣръ, историко-археологическій указатель губерніи (что только отчасти сдѣлано въ списокѣ имѣній).

Редакторъ предлагаетъ издавать свой справочникъ періодически, хотя, конечно, трудно ожидать ежегодныхъ выпусковъ его при томъ значительномъ и неблагодарномъ трудѣ, какого требуютъ отъ составителя подобнаго рода изданія, и при томъ слабомъ развитіи книжной торговли, которымъ страдаетъ Курляндская губернія.

А. Э. М.—нѣ.

Д. Д. Ивановъ. Объяснительный путеводитель по художественнымъ собраніямъ С.-Петербурга. Спб. 1904.

Существующіе у насъ каталоги художественныхъ музеевъ и галлерей далеко не всегда могутъ помочь при обзорѣни тысячъ картинъ богатыхъ собраній столицы. Перечисленіе же художественныхъ произведеній, даже съ объясненіемъ содержанія картинъ и біографическими свѣдѣніями о мастерахъ, еще нельзя назвать «путеводителемъ», потому что обзорѣвателю въ такихъ случаяхъ предоставленъ полный просторъ самому выбирать между важнымъ и не имѣющимъ никакого значенія. «Объяснительный путеводитель» Д. Иванова устраняетъ эти затрудненія. Задача автора исполнена умѣло, книга написана литературно, безъ излишнихъ подробностей и имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, наиболѣе важные предметы. Сюда вошли краткія обзорѣнія десяти столичныхъ собраній: эрмитажа, академіи художествъ, музея Александра III, Публичной бібліотеки, музея при училищѣ Штиглица, музея при обществѣ поощренія художествъ, придворно-конюшеннаго музея, музея при императорскомъ фарфоровомъ заводѣ, артиллерійскаго историческаго музея и морского. Частныя собранія и маловажныя пока не описаны.

Какъ видно, г. Ивановъ прекрасно понимаетъ назначеніе своего путеводителя. Съ его книгой въ рукахъ можно въ сравнительно короткое время не только ознакомиться съ художественными сокровищами нѣсколькихъ лучшихъ собраній, но и получить довольно вѣрное представленіе о важности и достоинствахъ отдѣльныхъ произведеній. Авторъ не страдаетъ многословіемъ. Описание картинъ, два-три факта изъ біографіи художника, краткая характеристика или исторія ея поступленія въ данный музей,—все это является всегда встати.

Внимательно прочитавъ всю книгу, мы почти не замѣтили чего нибудь лишняго, мало идущаго къ дѣлу, и все это, вмѣстѣ съ дешевизной книги въ 323 страницы, стоящей 1 рубль 50 коп., составляетъ ея несомнѣнный достоинства. Мы думаемъ даже, что администраціи описанныхъ г. Ивановымъ музеевъ найдутъ возможнымъ продавать ее вмѣстѣ со своими каталогами, такъ какъ одно другому нисколько не вредить.

Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые недочеты книги бросаются въ глаза. Во-первыхъ, авторъ ужь очень щедръ на дипломы. Возьмемъ, напримѣръ, 217 страницу его «Путеводителя»: скульпторъ Козловскій названъ «очень талантливымъ», художникъ Егоровъ—«прославленнымъ въ свое время», Бруни—«высокоталантливымъ», Ивановъ—«знаменитымъ» и т. д. Конечно, перечисляемые художники заслуживаютъ похвалы, но у читателя останется въ общемъ все-таки довольно странное впечатлѣніе, и какъ будто ему самому остается разобраться въ аттестаціяхъ. Во-вторыхъ, тѣ или иныя подробности мало характерны, напримѣръ, по поводу портрета А. К. Разумовскаго сказано, что этому извѣстному дипломату «Бетховенъ посвящалъ свои произведенія» (стр. 220); въ другихъ мѣстахъ авторъ не пропускаетъ случая пожалѣть о безвременной кончинѣ талантливаго художника. Въ то же время слѣдовало бы упомянуть, что серпуховскіе подрядчики Варгины (стр. 203) замѣчательны тѣмъ, что въ войну 1812 года поставляли на армію амуницію чуть не бесплатно и потому разорились. Неправъ также авторъ, называя Нестерова «послѣдователемъ» Васнецова (стр. 222), или говоря, что «Садко» Рѣпина, написанный за границей, можетъ «означать символически вѣрность художника смиренной красотѣ его родины среди обольщеній иноземнаго блеска» (стр. 240).

Впрочемъ, подобныя ошибки, можетъ быть, объясняются взглядами автора, иногда повторяющаго отдѣльныя мнѣнія А. Велюа. Жаль, что къ «Путеводителю» не приложенъ указатель именъ; для справокъ это было бы необходимо тѣмъ болѣе, что произведенія однихъ и тѣхъ же мастеровъ разбросаны по разнымъ музеямъ. Приятное впечатлѣніе производятъ ударенія, поставленныя на иностранныхъ именахъ: у насъ такъ привыкли дѣлать удареніе по-французски, т.-е. на послѣднемъ слогѣ, что нерѣдко измѣняютъ итальянскія или англійскія имена на французскій ладъ и дѣлаютъ ихъ неузнаваемыми.

А. Я.

Д. И. Подшиваловъ. Воспоминанія кавалергарда. Тверь. 1904.

Воспоминанія г. Подшивалова имѣютъ тройкій интересъ: прежде всего они безхитростно излагаютъ повседневный бытъ одной изъ виднѣйшихъ кавалерійскихъ частей Россіи, затѣмъ показываютъ, что можетъ сдѣлать изъ простаго крестьянина полковая школа вмѣстѣ съ благотворнымъ вліяніемъ заботящагося о солдатѣ офицерства, и наконецъ даютъ хотя мелкія, но характерныя черты отношенія къ нижнимъ чинамъ одного изъ членовъ императорской фамиліи, великаго князя Николая Михайловича.

Воспоминанія написаны человѣкомъ, который, вырвавшись изъ деревенской бѣдности и темноты, явился на военную службу, ожидая отъ нея въ бу-

душем и свѣта и радости. Судьба пораждѣла въ пользу исполненія желаній способнаго крестьянскаго юноши. Онъ, несмотря на свой небольшой ростъ, попалъ не только въ гвардію, но даже въ ея отборную часть, въ кавалергардскій полкъ, гдѣ, благодаря старательности и стремленію къ знанію, обратилъ на себя вниманіе офицеровъ, содѣйствовавшихъ превращенію крестьянина въ мыслящаго интеллигента. Научившись грамотѣ еще въ деревнѣ, любознательный молодой человекъ въ полку встрѣтилъ бібліотеку, воскресныя образовательныя чтенія съ туманными картинами. Чувствуя въ себѣ способности и не довольствуясь жизнью и обязанностями рядового солдата, авторъ записокъ пожелалъ, насколько было возможно, итти дальше. Однако жизнь ему въ данномъ случаѣ подставила ножку. Ближайшее начальство въ лицѣ вахмистра умышленно не представляло его въ учебную команду. Г. Подшиваловъ рѣшился на рискъ и вопреки всякимъ порядкамъ написать письмо прямо эскадронному командиру, великому князю Николаю Михайловичу. Нарушеніе дисциплины было вопіющее. Указавъ всю военную несообразность поступка, великій князь, однако, похвалилъ слогъ и выраженія письма. «Написано умно, а сдѣлано глупо, и выходитъ то, что ты умный дуракъ». Послѣ этихъ словъ, — пишетъ г. Подшиваловъ, — глаза великаго князя опять засвѣтились улыбкой, и онъ прибавилъ: «Ступай. Ермошкинъ тебя проберетъ». Однако проборка оказалась не столь серьезной, какой могла бы быть. Авторъ письма отстоялъ тринадцать карауловъ, и потомъ, какъ способный солдатъ, все-таки попалъ въ учебную команду, предварительно побывавъ въ командировкѣ въ военно-телеграфномъ паркѣ. Мало того, сдавъ разныя обязательныя испытанія, г. Подшиваловъ составилъ для солдатъ руководство фехтованія и, кромѣ того, написалъ рядъ бесѣдъ унтеръ-офицера съ нижними чинами объ обязанностяхъ солдата. Какъ руководство фехтованія, такъ и бесѣды были одобрены компетентными лицами, просматривавшими труды молодого кавалергарда. По окончаніи срока военной службы г. Подшиваловъ поступилъ на службу къ одному изъ своихъ бывшихъ офицеровъ въ имѣніе.

Воспоминанія написаны очень живо, съ большой наблюдательностью и потому являются прекраснымъ бытовымъ матеріаломъ. Иногда авторъ щеголяетъ своею начитанностью, но это обстоятельство не мѣшаетъ послѣдовательности и плавности изложенія. Кавалергардскій полкъ вывелъ г. Подшивалова «въ люди», и за то авторъ воспоминаній отплатилъ ему самой горячей признательностью. Дѣйствительно, если не считать вахмистра Ермошкина, въ полку среди начальства на пути г. Подшивалова все встрѣчались такіе люди, общеніе съ которыми возвышало и облагораживало душу. Среди этихъ людей авторъ воспоминаній неоднократно почти съ умиленіемъ упоминаетъ также ротмистра Дашкова, автора книжки «Памятка кавалергарда». «Памятка» содержитъ въ себѣ краткую исторію полка, его заслуги, значеніе воинской дисциплины и обязанности солдата. Безъ всякаго сомнѣнія, эта книжка оказала громадное вліяніе на автора воспоминаній и послужила образчикомъ при составленіи «Бесѣдъ унтеръ-офицера съ молодыми солдатами». Тотъ же ротмистръ, нынѣ полковникъ Д. Я. Дашковъ, поддержалъ г. Подшивалова въ его стремленіяхъ къ самообразованію и рекомендовалъ вниманію другихъ офицеровъ. Что же ка-

сается служебныхъ заслугъ автора, то онѣ были удостовѣрены самимъ великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ, удостоившимъ г. Подшивалова благодарности за отличіе и успѣхи въ телеграфномъ дѣлѣ передъ всѣмъ эскадрономъ. Несмотря на провинность, великій князь не забывалъ равнагося въ учебную команду нарушителя дисциплины и нѣсколько разъ послѣ этого нарушенія милостиво бесѣдовалъ съ виновнымъ. Въ послѣдній разъ, уже по назначеніи на Кавказъ командиромъ полка, великій князь прибылъ въ манежъ Кавалергардскаго полка и, увидѣвъ г. Подшивалова въ галунахъ, спросилъ: «Ну, что, Подшиваловъ, теперь доволенъ?»—«Такъ точно, ваше императорское высочество,—отвѣчалъ спрошенный и добавилъ: — впрочемъ, человекъ никогда не бываетъ доволенъ». — «А!—воскликнулъ великій князь,—ты хочешь прямо въ министры? Надо сначала поучиться... А я вотъ доволенъ, мнѣ предлагали гвардейскій полкъ, а я выпросилъ армейскій, и какъ доволенъ!» Эта замѣчательная черта характера великаго князя еще болѣе отъбъняется слѣдующей. Въ бытность эскадроннымъ командиромъ великій князь по установившемуся порядку принималъ отъ молодыхъ солдатъ деньги на храненіе. И вотъ одинъ изъ нихъ на глазахъ его высочества разулся, вынулъ изъ портянки три рубля и, подавая ихъ августѣйшему командиру, сказалъ: «А когда же ты мнѣ отдашь ихъ?» Великій князь хотѣлъ еще при процедурѣ выниманія денегъ, но послѣ вопроса засмѣялся еще сильнѣе и просто отвѣчалъ, что вопрошатель можетъ взять свои деньги, когда захочетъ.

В. Грибовскій.

Образовательныя прогулки по Россіи. 1894—1902. Составилъ Н. Р. Спб. 1903.

Книга интересная, написана литературно и несомнѣнно найдетъ широкій кругъ читателей не только въ педагогическомъ мірѣ. Въ упрекъ автору замѣтимъ лишь одно: заглавіе книги страдаетъ неопредѣленностью и можетъ вызвать естественное недоразумѣніе. Судя по одной обложкѣ, книгу можно принять прежде всего за теоретическій очеркъ о прогулкахъ, какъ воспитательномъ и образовательномъ средствѣ общей учебной системы. Но оказывается, что, за исключеніемъ очень толковаго и убѣдительнаго предисловія въ шесть страницъ, остальные 260 страницъ заняты довольно подробнымъ описаніемъ нѣсколькихъ поѣздокъ кадетъ, какъ кажется, Воронежскаго корпуса въ разные города Россіи. Помѣченные же на обложкѣ годы еще ничего не говорятъ раньше знакомства съ книгой. Такимъ образомъ, послѣднее открытіе для всякаго будетъ неожиданностью, которую нетрудно истолковать въ любую сторону. Вотъ все, что можно сказать противъ «Образовательныхъ прогулокъ по Россіи». Въ остальномъ книга безукоризненна.

Главное достоинство ея—сжатость. Видно, авторъ никогда не упускалъ изъ виду своей прямой дѣли, а потому не останавливался на излишнихъ мелкихъ подробностяхъ, которыя трудно замѣтить при короткомъ обзорѣ достопримѣчательностей какогонибудь города, а, замѣтивъ даже, легко сей часъ же забыть. Въ то же время эта сжатость нисколько не вредитъ живости и занимательности изложенія. Во-вторыхъ, авторъ всегда пользуется новѣйшими свѣ-

дѣнями, большею частью проверенными по надежнымъ книгамъ или на мѣстѣ, почему мы не встрѣтили курьезовъ, которыми блещутъ подобныя путешествія и путеводители. О воспитательномъ значеніи книги не приходится распространяться: она проникнута любовью къ родинѣ въ широкомъ смыслѣ слова; въ ней нѣтъ пустыхъ и громкихъ фразъ на тему о патриотизмѣ, а факты и точныя свѣдѣнія говорятъ болѣе краснорѣчиво, чѣмъ лирическія изліянія на мѣстахъ, связанныхъ съ важными историческими воспоминаніями. Наконецъ, отмѣтимъ еще одно видное достоинство книги. Прогулки велись въ извѣстной системѣ, и очерки слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: Воронежъ, Кавказъ, Донъ, Москва, Троице-Сергіева лавра, Бородино, Нижній и Поволжье, Петербургъ съ окрестностями и Новгородъ, Харьковская и Воронежская губерніи, нижнее теченіе Волги, Тула и Куликово поле, Полтава и Крымъ. Если же принять во вниманіе широту задачъ этихъ прогулокъ и особенно благопріятныя внѣшнія ихъ условія, то въ результатѣ окажется, что кадеты познакомились почти со всей Россіей. А это—результатъ необыкновенно почтенный.

Въ заключеніе укажемъ, какъ самъ авторъ смотритъ на подобныя поѣздки: «онѣ могучимъ образомъ поднимаютъ въ молодой душѣ живое чувство къ родинѣ, знакомятъ не по книгамъ только, а лицомъ къ лицу съ родной природой, роднымъ народомъ, народной исторіей, родными святынями и родной промышленностью, раскрываютъ всю широкую картину мощи Русской земли, приучаютъ любить и уважать свое отечество, его героевъ и подвижниковъ въ разныхъ сферахъ жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ наполняютъ пробуждающійся впечатлительный умъ подросткающаго поколѣнія огромнымъ запасомъ разнороднѣйшихъ знаній и впечатлѣній». Къ книгѣ приложено нѣсколько хорошихъ автотипій; жаль, что онѣ случайны и малочисленны. А. Я.

Профессоръ Е. Ѡ. Карскій. Бѣлоруссы. Введеніе къ изученію языка и народной словесности. Вильна. 1904.

Заглавіе книги слишкомъ обширно. На основаніи одного общаго заглавія можно подуматъ, что книга обнимаетъ, по крайней мѣрѣ, всю духовную или экономическую жизнь бѣлорусскаго племени, а на самомъ дѣлѣ окажется, что это не болѣе, какъ «введеніе къ изученію языка», т.-е. перечисленіе діалектологическихъ особенностей бѣлорусскаго нарѣчія, съ обширной библиографіей вопроса и краткими историческими очерками, которые присоединены къ отдѣламъ такъ или иначе въ служебной роли. Что же до «народной словесности», то о ней найдется совсѣмъ немного свѣдѣній, да и то только библиографическихъ. Въ предисловіи указано, что «Бѣлоруссы» проф. Е. Ѡ. Карскаго явились результатомъ казенной командировки профессора на средства и по почину начальника края, имѣвшей цѣлью изучить бѣлорусскій языкъ въ видахъ установленія его особенностей и опредѣленія его границъ. Въ такомъ случаѣ было бы довольно одной первой главы его книги: «Территорія, занятая бѣлорусскимъ племенемъ. Границы и общій характеръ страны», вмѣстѣ съ приложенной картой; а остальные главы имѣютъ довольно далекое отношеніе къ главной темѣ. Самъ авторъ думаетъ, что «книга написана не слишкомъ спеціально и

потому можетъ быть доступной для интеллигентнаго читателя», и ошибается: стоитъ только заглянуть въ нѣкоторыя страницы, и всякаго рода греческія и латинскія цитаты безъ переводовъ, масса словъ изъ восточныхъ языковъ, древне-нѣмецкаго и т. д. могутъ запугать любого читателя, за исключеніемъ, конечно, немногихъ спеціалистовъ. Кромѣ того, книга загромождена ссылками, языкъ слишкомъ тяжелый, библиографія заинтересуетъ далеко не всѣхъ, очеркъ заселенія славянами западныхъ предѣловъ Руси изложенъ туманно, длинныя разсужденія о происхожденіи названій рѣкъ запутанны и т. д. Видно, что авторъ или не умѣлъ или не имѣлъ возможности обработать собранный имъ обширный матеріалъ, а «доступности для интеллигентнаго читателя» думалъ достигъ эпитафиями: и предисловіе, и каждая изъ девяти главъ начинается довольно трескучими фразами и не всегда даже подходящими стихотвореніями.

М. Д. Ник — скій.

Профессоръ Казанскій. Учебникъ международнаго права публичнаго и гражданскаго. Одесса. 1904.

Учебникъ профессора Казанскаго представляетъ собою компактное изданіе, на пяти стахъ страницъ сжато и отчетливо излагающее всѣ важнѣйшіе отдѣлы международнаго права въ его современномъ положеніи. Исторіи отведено немного мѣста, преобладаетъ догматическое изложеніе, что и составляетъ силу книги. Учебникъ дѣлится на двѣ части: общую и особенную. Общая содержитъ краткое историческое вступленіе и основныя понятія; особенная—право публичное и частное. Въ правѣ публичномъ авторъ выдѣляетъ право устройства (лица публичнаго права народовъ, вещи, органы этого права) и право управленія (ученіе о правообразованіи, администраціи, международномъ судѣ, разрѣшеніи междугосударственныхъ споровъ путемъ принужденія). Въ учебникѣ уважаемаго ученаго нѣкоторые отдѣлы разработаны гораздо шире, нежели въ другихъ изданіяхъ подобнаго характера. Таковъ отдѣлъ, посвященный средствамъ и путямъ сообщенія. Въ нѣкоторыхъ вопросахъ авторъ расходится съ господствующими ученіями и является новаторомъ. Такъ, на примѣръ, онъ въ корнѣ расходится съ обще признаваемымъ ученіемъ объ обязательныхъ правилахъ наслѣдованія однимъ государствомъ правъ и обязанностей другого. Профессоръ Казанскій полагаетъ, что такихъ правилъ, обязательныхъ самихъ по себѣ, не существуетъ, а наблюдаемое явленіе зависитъ отъ явнаго или молчаливаго соглашенія заинтересованныхъ государствъ. Очень широко разработанъ отдѣлъ, посвященный морской и сухопутной войнѣ. Учебникъ снабженъ нѣсколькими указателями, облегчающими пользованіе текстомъ; въ примѣчаніяхъ приведена подробная литература предмета. Учебникъ представляетъ сводъ лекцій, читанныхъ въ Новороссійскомъ университетѣ, и предназначенъ для студентовъ, но достоинства его таковы, что, будучи учебнымъ пособіемъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ служить и нуждамъ большой публики.

В. Г.

**Ф. Добрянскій. Старая и новая Вильна. Изданіе третье.
Вильна. 1904.**

Ученая дѣятельность Ф. Добрянскаго почти цѣликомъ связана съ стариной самой Вильны и ея округа. Принадлежація ему историческія, археографическія и палеографическія работы давно уже утвердили о немъ мнѣніе, какъ о прекрасномъ ученомъ, одномъ изъ лучшихъ знатоковъ прошлыхъ судебъ западныхъ русскихъ окраинъ, и челоуѣкъ, одинаково любящемъ и русскую и польскую старину. Этимъ, быть можетъ, и объясняется заслуженный успѣхъ первыхъ двухъ изданій его книги. Появленіе въ свѣтъ «Вильны и ея окрестностей» въ 1883 году было удовлетвореніемъ назрѣвшей въ то время потребности русскихъ читателей знать исторію древняго города, издаваемаго въ своихъ стѣнахъ польскихъ королей и русско-литовскихъ князей, православныхъ митрополитовъ и іезуитовъ, войска шведскія и русскія и т. д. Въ 1890 году та же книга вышла подъ другимъ заглавіемъ: «Путеводитель по Вильнѣ и ея окрестностямъ», а въ переработанномъ видѣ напечатана въ нынѣшнемъ году. Исторію города авторъ излагаетъ по періодамъ, чтѣ не всегда, конечно, удобно, напри- мѣръ, у него находимъ такія главы: «Отъ Гедимина до смерти Витовта» (9—22), «Отъ смерти Витовта до Сигизмунда III» (23—40), «Вильно при Сигизмундѣ III и Владиславѣ IV» (41—62) и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе храмовъ православныхъ, католическихъ и иныхъ исповѣданій, при чемъ должное мѣсто удѣляется и тѣмъ зданіямъ, которыя не сохранились до нашего времени и извѣстны только по историческимъ источникамъ.

Написана книга доступно, мѣстами красиво, и лишь отсутствіе снимковъ лишаетъ ее полнаго интереса.

А. Я.

М. Успенскій. Рѣдкій антиминосъ. Спб. 1904.

Въ этомъ маленькомъ оттискѣ рѣчь идетъ объ исторической рѣдкости— объ антиминосѣ, принадлежащемъ г. Успенскому и купленномъ имъ въ Воронежской губерніи. А антиминосъ этотъ, по виду ничѣмъ не отличающійся отъ другихъ антиминосовъ, замѣчателенъ надписью: «Повелѣніемъ Благочестивѣйшаго Самодержавнѣйшаго Великаго Государя нашего Императора Константина Павловича Всея Россіи, Благословеніемъ же Святѣйшаго Правительствующаго Синода Священнодѣйствовано Пресвященнымъ». Извѣстно, какъ рѣдки всякіе предметы съ именемъ императора Константина Павловича. Любопытно между прочимъ продолженіе выписанной нами надписи: «Гаврииломъ, епископомъ Орловскимъ и Сѣвскимъ, 1826 года мѣсяца февраля въ 7-й день». Слѣдовательно, антиминосъ съ именемъ императора Константина освященъ 7 февраля 1826 года. Этотъ антиминосъ находился въ церкви села Краснаго Скарятина до декабра 1827 года, когда онъ былъ замѣненъ другимъ.

П. П.

Ф. С. Красильниковъ. Малороссія и малороссы. (Географическо-этнографическій очеркъ). М. 1904.

Подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ Ф. С. Красильниковымъ были читаны 19 января и 13 апрѣля 1903 года публичныя лекціи въ Историческомъ музеѣ, потомъ напечатаны въ «Дѣтскомъ Читеніи» и нынѣ выпущены отдѣльной книжкой. Авторъ преслѣдовалъ одну цѣль — пополнить популярную этнографическую литературу свѣдѣніями о духовной жизни малороссовъ: обрядахъ, вѣрованіяхъ, обычаяхъ, касаясь вкратцѣ исторіи и экономического быта той части Россіи, которую такъ «поэтически» описалъ Гоголь. Авторъ умѣло воспользовался сочиненіями Гоголя для описанія края, иллюстрируя его снимками съ картинъ и рисунковъ художниковъ-малороссовъ. Книжка написана просто, тепло и мѣстами даже вдохновенно. Рисунки наглядно знакомятъ съ типами и бытовыми чертами малоросса.

А. Х—въ.

Родъ дворянъ Арсеньевыхъ. 1389—1901 г. Составилъ В. С. Арсеньевъ. Тула. 1904.

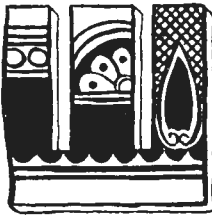
Книжка представляетъ собою работу начинающаго автора, задавагося цѣлью собрать историческій матеріалъ, касающійся рода Арсеньевыхъ, и указать его значеніе въ прошломъ Россіи. Задача нѣсколько узкая, но тѣмъ не менѣе имѣющая свое несомнѣнное значеніе. Общія работы, задаваясь болѣе широкими задачами, поневолѣ принуждены опускать многія любопытныя данныя бытового характера; кромѣ того, онѣ не могутъ вдаваться въ такія подробности, которыя доступны изученію человѣка, суживающаго предметъ изслѣдованія. Такимъ образомъ наряду съ изслѣдователями общихъ историческихъ основъ и явленій необходимы работники, интересующіеся частными вопросами. Обѣ категоріи историковъ работаютъ на общую пользу, взаимно дополняя другъ друга.

Г. Арсеньевъ начинаетъ съ родословной и постепенно переходитъ къ различнаго рода актамъ и грамотамъ съ 1617 г. по конецъ восемнадцатаго столѣтія. Часть этихъ актовъ перепечатана, часть самостоятельно извлечена изъ архивовъ. Офіціальныя данныя дополнены частной перепиской историческихъ лицъ съ представителями рода Арсеньевыхъ, между прочимъ, перепиской Лермонтова съ его бабушкой, Елизаветой Алексѣвной Арсеньевой. Переходя къ оцѣнкѣ книги, приходится высказать сожалѣніе, что авторъ только собралъ матеріалъ, но не разработалъ его въ цѣломъ связаномъ видѣ, что значительно бы увеличило цѣнность книги, которая, однако, и въ настоящемъ видѣ представляетъ несомнѣнный интересъ, какъ для историка, такъ и для бытописателя.

В. Г.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ЕСТИСОТЛѢТІЕ со дня рожденія Петрарки. 7-го іюля текущаго года весь міръ, а главнымъ образомъ, Італія и Франція, праздновали знаменательную годовщину: шесть вѣковъ протекло съ того времени, когда въ маленькомъ итальянскомъ городкѣ Ареццо родился Фривческо Петрарка, одинъ изъ величайшихъ поэтовъ и гуманистовъ Італіи. Въ своей жизни онъ выразилъ переходъ чело- вѣчества изъ мрачнаго средневѣковья въ свѣтлую эпоху возрожденія. По всей справедливости, его можно назвать «послѣднимъ чело- вѣкомъ среднихъ вѣковъ и первымъ чело- вѣкомъ новаго міра». Его славу праздновали въ различныхъ уголкахъ Европы, отъ его родины Ареццо до Арквы, близъ Падуи, гдѣ онъ умеръ, въ Авиньонѣ, гдѣ онъ любилъ, Парижѣ, Флоренціи и тѣхъ итальянскихъ городахъ гдѣ онъ учился и училъ, шѣлъ по-итальянски и писалъ по-латыни. Петрарка родился въ 1304 г., въ ту эпоху, когда во всей Европѣ царилъ нравственный и умственный мракъ; онъ рано узналъ горечь изгнанія: семи лѣтъ отъ роду вмѣстѣ съ отцомъ, либеральнымъ гражданиномъ Флоренціи, онъ перебрался въ Авиньонъ. Свою юность будущій поэтъ провелъ въ Карпантро, Монпелье и наконецъ въ Болонью, гдѣ онъ изучалъ грамматику, діалектику, реторику, право и богословіе. Родители готовили его въ юристы, а онъ увлекался Виргиліемъ, Гораціемъ и другими классическими поэтами. Послѣ смерти отца и матери онъ остался безъ всякихъ средствъ къ жизни и принужденъ былъ избрать духовное поприще; но, какъ тогда дѣлалось, не принявъ полного священства. Въ Авиньонѣ онъ сталъ извѣстенъ при свѣтскомъ дворѣ папы Іоанна XXII своими знаніями латинской поэзіи. Тогда ему было 24 года, и вскорѣ онъ впервые встрѣтился съ Лаурой де Новь, женою маркиза Уго де-Садъ. Эта встрѣча произвела коренной переворотъ въ его жизни и отразилась даже на судьбахъ Італіи. Лаура не знала латинскаго языка и,

ради того, чтобы она понимала слагаемые в ее честь сонеты, Петрарка должен был писать по-итальянски. Проведя в Авиньонѣ три года, онъ посетилъ Парижъ, Брабантъ, берега Рейна, Гентъ, Лютихъ, Ахенъ и снова вернулся въ Авиньонѣ, а отсюда отправился въ Римъ. Въ 1337 году онъ снова поселился въ Авиньонѣ и купилъ небольшое помѣстье на рѣкѣ Соргѣ, близъ знаменитаго Воклюзскаго источника. Здѣсь онъ продолжалъ воспѣвать Лауру и сложилъ триста двадцать сонетовъ и канцовъ. Эти стихотворенія, посвященные любви, заложили устои новаго итальянскаго языка. Но это — лишь одна изъ историческихъ заслугъ Петрарки. Современники всего болѣе цѣнили въ Петраркѣ ученаго создателя Возрожденія и разыскателя старинныхъ рукописей. Онъ напечаталъ между прочимъ «Ораторскія произведенія» КвинтильIANA и «Письма» Цицерона. Политикамъ онъ преподавалъ правила въ «De officio et virtutibus imperatoris». Онъ показывалъ современникамъ, какъ писать исторію, въ своей «Римской исторіи», «De viris illustribus», въ поэмѣ о второй Пунической войнѣ и въ полугеографическомъ этюдѣ: «Itinerarium syriacum». Въ стихотвореніяхъ, латинскихъ и итальянскихъ, Петрарка высказывалъ свои гуманныя и патриотическія идеи. Онъ воспѣваетъ свою родину въ слѣдующихъ стихахъ: «Привѣтствую тебя, земля святая, Богомъ благословенная, родина добрыхъ и страхъ злымъ. Ты самая — благородная страна, самая плодоносная и самая прекрасная. Тебя осыпаютъ два моря, ты гордишься своими величественными горами, а твои геройскіе сыны, твое искусство и твоя природа дѣлаютъ тебя повелительницей міра. Моя жизнь жаждетъ покоя и могилы среди твоихъ красотъ. Съ вершины Альпъ, покрытыхъ лѣсами, я радостно гляжу на тебя, о моя Италия. За мною простираются облака, и итальянскій воздухъ привѣтствуетъ меня своею лаской. Я узнаю тебя, о мое отечество; о моя мать, слава свѣта, тебя я привѣтствую!» Это краснорѣчивое воззваніе было написано по-латыни, но Петрарка выражался еще съ большимъ пафосомъ и любовью въ итальянской канцовѣ: «Italia mia», въ которой онъ оплакивалъ несчастія родины и взывалъ объ ея единствѣ и независимости. Не безъ основанія въ XIX-мъ вѣкѣ итальянскіе патриоты называли это стихотвореніе марсельезой Италии. Во времена австрійскаго ига и борьбы за независимость итальянцы съ любовью вспоминали, поддерживающія ихъ патриотизмъ, вдохновенныя стихотворенія стараго Петрарки. Когда въ 1814 году праздновали пятидесятилетнюю годовщину смерти Петрарки въ Воклюзѣ, то итальянскій посоль въ Парижѣ, Нигра, въ своей рѣчи сказалъ: «Въ произведеніяхъ Данте и въ пѣсняхъ Петрарки прошедшія поколѣнія черпали успокоеніе, надежду и ободреніе. Націи, подобно личностямъ, живутъ не только матеріальными потребностями, но еще воображеніемъ и идеями; наши поэты и особенно Петрарка вели и ведутъ насъ къ вѣчнымъ идеаламъ». Римскій сенатъ въ 1341 году вызвалъ его въ вѣчный городъ для увѣнчанія лаврами. Здѣсь его носили на рукахъ самые знатные итальянскіе вельможи. Ему поручали дипломатическія миссіи, и онъ старался всѣми силами умиротворить Италію и вернуть въ Римъ папскій престолъ. Бенедиктъ XII пожаловалъ ему пріоратъ Мимарино, близъ Пизы. Нѣсколько времени спустя, онъ блистательно защищалъ Ріенци предъ папой Климентомъ VI и вообще принялъ горячее участіе

въ его революціонномъ движеніи. Гибель этого патріота, крушеніе его благородныхъ надеждъ, смерть Лауры привели Петрарку въ отчаяніе. Въ 1354 году онъ заключилъ миръ между Генуей и Венеціей, а въ концѣ того же года присутствовалъ на коронаціи императора Карла IV въ Миланѣ; потомъ онъ жилъ въ Падуѣ и Венеціи. Послѣднему городу онъ пожертвовалъ свою великолѣпную бібліотеку, положившую начало знаменитой бібліотекѣ св. Марка. Поселившись въ Арквѣ въ 1370 году, онъ черезъ четыре года скорострительно умеръ въ своей бібліотекѣ. Петрарка не былъ женатъ, но имѣлъ двухъ побочныхъ дѣтей отъ одной авиньонской дамы; сынъ его, Джіовани, огорчалъ отца своей безнравственной жизнью, а дочь Туллія вышла замужъ за миланскаго дворянина Франческо Бросано, бывшаго душеприказчикомъ поэта. Безсмертныя произведенія Петрарки на итальянскомъ языкѣ состоятъ изъ трехсотъ сонетовъ, пятидесяти канцовъ и шести поэмъ и извѣстны подъ общимъ названіемъ: «*Rime in vite e in morte di madonne Laura*». Среди его латинскихъ трудовъ надо упомянуть «*Epigrammes*» и «*Eglogues*» — живыя сатиры на нравы паискаго двора — и безчисленное количество философскихъ, политическихъ и религіозныхъ трактатовъ, изъ которыхъ главными были «*De remediis utriusque fortunae libri*» «*De vita beata*». Кромѣ того, напечатаны письма. Какъ великій человѣкъ и благороднѣйшій гуманистъ, какъ поэтъ любви и благородный патріотъ-освободитель, онъ можетъ быть поставленъ въ рядъ лишь съ немногими великанами человѣческой мысли.

— Лорензаччіо. Знатокъ исторіи Италіи XVI вѣка, французъ Пьеръ Готьесъ, задался мыслью изучить загадочную и сложную натуру извѣстнаго въ исторіи Лоренцино Медичи, убишаго своего двоюроднаго брата, Александра Медичи, герцога Флорентинскаго, съ единственной цѣлью освободить Флоренцію. Поселившись для своего труда во Флоренціи, Готьесъ воспользовался всѣми документами, относящимися до исторіи этой загадочной натуры, послужившей сюжетомъ не для одной драмы. Пьеру Готьесу предстояло выяснить: дѣйствительно ли Лоренцино при убійствѣ Александра руководился лишь мыслью освободить Флоренцію изъ-подъ ига не способнаго, незаконнаго сына Климента VII, или онъ совершилъ это убійство подъ постороннимъ вліяніемъ и по причинамъ, чуждымъ вопросу о благѣ Флоренціи. Результатъ своихъ изысканій Готьесъ изложилъ въ недавно вышедшей книгѣ ¹⁾ «*Lorenzaccio*». Лоренцо Джіовани Медичи родился 22-го марта 1513 года отъ Пьетро Франческо Медичи и жены его Маріи Содерини, внучки презняго гонфалоньера Венеціи. Лоренцино Философъ, какъ его звали впоследствии поклонники, или Лорензаччіо Скверный, какъ его прозвали враги, унаслѣдовалъ отъ дѣда со стороны отца, Лоренцо Медичи, друга Саванаролы, умъ и физическія совершенства. Напротивъ, дѣдъ со стороны матери Содерини былъ человѣкъ трусливый. Отецъ Лорензаччіо не походилъ на своего отца, Л. Медичи. Онъ былъ человѣкъ глухой, грубый, неспособный вести даже собственныя дѣла, и притомъ сутяга, думавшій лишь о томъ, чтобы обобрать своего двоюроднаго брата, бѣднаго кондотьера Джіовани Черной Банды. Мать Лорензаччіо, Маріа Содерини, была

¹⁾ *Lorenzaccio*, par Pierre Gauthiez. Paris. 1904.

прекрасная женщина. Мальчи́къ росъ на свободѣ, почти безъ присмотра родителей, на попеченіи управляющаго, Цеффи, бывшаго его воспитателемъ. Изъ экономическихъ расчетовъ мальчи́къ жилъ въ прекрасномъ замкѣ, но не во Флоренціи, а за городомъ и все свое время отдавалъ чтенію всякаго рода классическихъ книгъ и чувственнымъ возбужденіямъ тосканской природы. Живя въ деревнѣ, Лоренза́ччіо сблизился съ народомъ и полюбилъ его; онъ часто слышалъ отъ него, что его дѣда Содерини звали принцемъ плебеевъ, а дѣда Медичи — либераломъ. Ему было 11 лѣтъ, когда умеръ отецъ, оставивъ запутанныя дѣла и процессъ въ 30.000 экю съ Джіовани Черной Банды, который, несмотря на это, сдѣлался ихъ попечителемъ. Въ это время на папскій престолъ вступилъ его двоюродный братъ, незаконный сынъ Медичи, Климентъ VII. Юноша завидовалъ несправедливому возвышенію незаконнаго Медичи. Хотя Климентъ VII обезпечилъ судьбу вдовы Маріи Содерини, Лоренза́ччіо оказался главою разореннаго, потерявшаго всякое значеніе дома Медичи, да еще подъ покровительствомъ такого попечителя, какъ Джіовани Черной Банды. Тщеславіе грызло сердце Лоренза́ччіо и возбуждало въ немъ желаніе подняться до того положенія, какое занималъ незаконный Медичи, хотя и законный Медичи былъ также выскочка и ростовщикъ. Кромѣ папы, незаконными Медичи были еще кардиналъ Ипполитъ, сынъ Юлія, и Александръ, родившійся отъ жены извозчика и герцога Урбино, или самого папы, когда онъ былъ только кардиналомъ Юліемъ. За два мѣсяца до смерти отца, Лоренза́ччіо пришлось присутствовать при вѣздѣ во Флоренцію двоюродной сестры Катерины и мнимаго двоюроднаго брата, новаго герцога Александра. Его душилъ гнѣвъ отъ этого униженія. Смерть Джіовани Черной Банды въ 1526 году совершенно измѣнила жизнь Лоренза́ччіо. Несмотря на денежные расчеты, его мать и ея сестра, жена Джіовани, любили другъ друга, и обѣ боялись за своихъ сыновей — Косьму и Лоренцино. Мальчи́ки были отправлены въ Венецію. Косьма былъ радостно принятъ народомъ, какъ сынъ главнаго политическаго руководителя. Это возбуждало въ Лоренза́ччіо зависть. Имъ было отведено общее помѣщеніе въ обширномъ саду. Комната Лоренза́ччіо была рядомъ съ комнатой двоюроднаго брата Франческо Медичи; они вмѣстѣ сходились учиться. Однако эта близость пробудила столь чувственные инстинкты, что необходимо было ихъ разлучить и отвезти къ матерямъ. Но Лоренза́ччіо почти тотчасъ же уѣхалъ вмѣстѣ съ ненавистными ему двоюродными братьями — Ипполитомъ и Александромъ, въ свитѣ Климента VII, отправлявшагося въ Болонью для коронаванія Карла V ломбардскимъ королемъ и императоромъ. Въ Болоньѣ Лоренза́ччіо былъ поставленъ въ условія, дававшія ему возможность подготовиться къ осуществленію великихъ плановъ, роившихся въ его головѣ. Главнымъ образомъ онъ старался добиться расположенія папы, которое открыто оспаривали у него Ипполитъ и Александръ, любимый папой, какъ родной сынъ. Первый изъ нихъ былъ очень привлекательный и умственно развитой человѣкъ; второй своей наружностью напоминалъ мавра съ черными курчавыми волосами и отталкивалъ грубостью. Старанія Лоренза́ччіо выжить обихъ соперниковъ не удалсь, и Александръ, въ концѣ концовъ, сдѣлался главою Флоренціи. Лоренза́ччіо послѣдовалъ за папой въ Римъ; здѣсь его оконча-

тельно сгубила встрѣча съ богатымъ банкиромъ Строцци, который увлекъ его въ бездну самыхъ развратныхъ удовольствій. Здѣсь же онъ встрѣтилъ предметъ своей старой любви, или, вѣрнѣе, противоестественнаго порока—Франческо Медичи. Послѣдній снова влюбился въ него столь безумно, что въ одинъ прекрасный день изъ ревности сталъ грозить папѣ Клименту VII. Его схватили, и онъ кончилъ сумасшествіемъ. Душа Лорензацціо съ того момента совершенно измѣнилась: тревожно и ненасытно тянулся онъ къ злу; онъ окунулся въ самый низкій развратъ, подъ руководствомъ Строцци, смѣясь надъ всѣмъ, «что есть божественнаго и человѣческаго». По словамъ современнаго лѣтописца, «онъ приводилъ въ исполненіе всѣ свои фантази, особенно въ любовныхъ дѣлахъ, не уважая ни пола, ни лѣтъ, ни положенія». Не получивъ никакого повышенія отъ папы, который даже не далъ ему средствъ для существованія, Лорензацціо задумалъ его убить и уже составилъ планъ преступленія, но затѣмъ отложилъ этотъ планъ до болѣе удобнаго момента. Хотя развратная жизнь оставила свой слѣдъ на его нервной системѣ, и у него не хватало терпѣнія доводить дѣло до конца, но его честолюбіе не было сумасброднымъ: сердце склонялось къ злымъ намѣреніямъ, а умъ всегда все взвѣшивалъ. Въ ожиданіи твердаго, непоколебимаго рѣшенія онъ предавался литературѣ и искусствамъ. Однажды утромъ, въ 1534 году, Римъ былъ взволнованъ извѣстіемъ, что ночью всѣ статуи варварскихъ королей на триумфальной Константиновской аркѣ были обезглавлены. Всѣхъ сильнѣе возмутился папа и приказалъ повѣсить преступника. Узнавъ, что послѣдній не кто иной, какъ его «дорогой миньонъ», онъ отмѣнилъ жестокою казнью, приказавъ лишь выслать Лорензацціо во Флоренцію. Ипполитъ, опасаясь, что Лорензацціо добьется расположенія Александра, принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы поселить въ Александрѣ отвращеніе къ Лорензацціо: ради этой цѣли онъ не скупился на вознагражденіе публичнымъ клеветникамъ. Лорензацціо, жалкій, блѣдный, исхудалый, увядшій, еще бѣднѣе, чѣмъ прежде, и вдобавокъ опозоренный, былъ готовъ на преступленіе. Ему въ это время было двадцать лѣтъ: онъ дышалъ Вергиліемъ, Данте, Плутархомъ и Макіавели, чувствовалъ себя рожденнымъ для перваго мѣста и вѣрилъ въ то, что способенъ его добиться, любилъ Флоренцію, какъ «даму своего сердца», и жаждалъ, во что бы то ни стало, овладѣть ею. Для этого ему необходимо было приблизиться къ Александру, и онъ рѣшился сдѣлаться «его миньономъ», посредникомъ въ любовныхъ дѣлахъ и даже шпиономъ. Они вмѣстѣ отправлялись въ монастыри и предавались въ нихъ разврату, похищали изъ семействъ молодыхъ дѣвушекъ и въ своемъ развратѣ доходили до святотатствъ. Александръ всячески оскорблялъ Лорензацціо и, наконецъ, на свое собственное несчастье потребовалъ, чтобы онъ вручилъ ему свою молодую тетку, Катерину Живори, и его сестру, Лодомину Медичи. 25-го сентября умеръ Климентъ XVII, и Александръ нѣкоторое время находился въ тревогѣ. А вскорѣ и Ипполитъ внезапно умеръ въ Итрѣ, куда увлекла его красавица Юлія Гонзаго. Когда Александръ узналъ о его смерти, то хвастливо заявилъ, что «умѣетъ отгонять мухъ отъ своего носа». Его положеніе вскорѣ упрочилось: Карлъ V сдѣлалъ его герцогомъ и княземъ имперіи и задумалъ женить его на своей не-

законной дочери Маргариты Австрийской, едва достигнувшей зрелости. Он разорвал свою связь с домом Строщи, который дорого заплатил за свой разврат: оба его сына были изгнаны из Флоренции, а сестра Луиза, которую Александр хотел обезчестить, была отравлена. Эти удары возбудили в сладострастном Филиппе Строщи, пренебрегая просвѣтителем Лорензаччио, ненависть, и он задумал погубить Александра; съ этой цѣлью онъ присоединился къ заговору другихъ изгнанниковъ. Въ этомъ заговорѣ Лорензаччио, игралъ странную роль. Онъ бывалъ на собраніяхъ заговорщиковъ, но не говорилъ никому о своихъ планахъ. Онъ передавалъ ихъ разговоры Александру, но не открывалъ ихъ намѣреній. Онъ поступалъ такъ, вѣроятно, желая усыпить бдительность Александра. Самъ онъ понемногу подготавливалъ свой планъ: такъ однажды съ ложа Александра пропала кольчуга, которую послѣдній всегда носилъ: Лорензаччио бросилъ ее въ колодезь. Хотя Александръ зналъ, кто ее взялъ, но не удостоилъ даже побеспокоиться и, несмотря на запугиванье и предупрежденія окружающихъ, смѣялся надъ ихъ предусмотрительностью и разрѣшилъ Лорензаччио прѣхать во Флоренцію 11-го марта 1536 года. 26-го апрѣля Карлъ V съ дочерью должны были вступить во Флоренцію, и Александръ приказалъ Лорензаччио распорядиться свадебными удовольствіями, разрѣшивъ ему написать на этотъ случай пьесу. Для постановки этой пьесы Лорензаччио занялся постройкою театра вмѣстѣ съ архитекторомъ Аристотелемъ Санъ-Галло; онъ рассчитывалъ устроить мѣсто, гдѣ долженъ быть находиться Александръ съ своей свитой, такъ, чтобы оно рухнуло вмѣстѣ со всеми присутствующими. Архитекторъ замѣтилъ эту уловку и поправилъ нѣкоторые детали въ постройкѣ, чтобы обезпечить ея прочность. Александръ былъ предупрежденъ объ этомъ планѣ самимъ же Лорензаччио и только недовѣрчиво смѣялся. Лорензаччио распорядился, чтобы актеръ, объяснявшій смыслъ пьесы, подчеркнул фразу: «Вы скорѣ увидите еще не то!» Другой актеръ долженъ былъ сказать передъ герцогомъ, посѣщавшимъ монастыри и принимавшимъ ихъ за лупанары: «Нѣтъ человѣка, какимъ бы негодяемъ онъ ни былъ, который не стыдился бы имѣть дѣло съ монахинями». Между тѣмъ изгнанники собрались въ Неаполь умолять Карла V расторгнуть свадьбу и свергнуть Александра, но послѣдній, явившись туда съ Лорензаччио, разбилъ всѣ ихъ планы, и свадьбу рѣшено было устроить въ маѣ мѣсяцѣ. Лорензаччио продолжалъ мечтать о мести. Въ это время Бенvenuto Челлини явился къ Александру сдѣлать съ него портретъ для медали. Но когда въ присутствіи Лорензаччио онъ сказалъ: «Я сдѣлаю вамъ медаль гораздо красивѣе, чѣмъ я дѣлалъ папѣ Клименту VII, и синьоръ Лоренцино, какъ человѣкъ ученый и талантливый, дастъ мнѣ хорошій рисунокъ для обратной стороны», Лорензаччио отвѣтилъ: «Я сдѣлаю тебѣ его какъ можно скорѣе и надѣюсь сдѣлать такую вещь, которая приведетъ въ восторгъ весь свѣтъ». Александръ возгордился, не понимая настоящаго смысла словъ Лорензаччио. Но послѣдній все еще не осуществлялъ своего плана; ему нуженъ былъ толчекъ, и Александръ самъ далъ его. Отцы Лорензаччио и Косьмы вели процессъ, который продолжался еще долго послѣ ихъ смерти. Косьма прибѣгнулъ къ хитрости: онъ отправился къ императору и заявилъ, что флорентинцы не хотятъ лучшаго главы, какъ Александръ. Послѣдній былъ очень доволенъ

этимъ заявленіемъ, и Косьма выигралъ дѣло. Лорензаччіо возмущился этимъ, и рѣшилъ наконецъ осуществить свой планъ, воспользовавшись съ этой цѣлью развратными и унижительными для себя требованіями вручить тирану тетку и сестру. Онъ отправился къ одному изъ пріятелей, изъ подонковъ общества. Это былъ нѣкій Скоронкоколо, котораго онъ спасъ отъ висѣлицы, и который съ этой минуты платилъ ему любовью и преданностью. Явившись къ послѣднему, онъ сказалъ ему: «Скоронкоколо, у меня есть горе. Нѣкто меня оскорбилъ». — «Назовите мнѣ его; устроимъ, что его лицо не будетъ больше надѣдать вашимъ глазамъ». — «Дѣло идетъ о любимцѣ герцога». — «Да, хотя бы о самомъ герцогѣ». Лорензаччіо воспользовался его услугами, и они принялись готовить сосѣдей ко всякимъ неожиданностямъ и приучать къ шуму въ помѣщеніи. Для этого они ежедневно двигали мебелью, бросали ее и производили различный шумъ и крики. Западня была готова, но Скоронкоколо не зналъ имени жертвы. Въ день крещенія въ 1537 году, послѣ веселаго ужина, Лорензаччіо отправился къ Александру и сказалъ ему: «Все устроено. Я рѣшилъ, чтобы моя сестра провела у меня ночь. Приходите одинъ, я вамъ ее вручу». Александръ былъ такъ глухъ, что попался въ эту ловушку: онъ послѣдовалъ за Лорензаччіо въ его комнату, гдѣ послѣдній его уложилъ, запуталъ ремнями пояса его шпагу и дротикъ, а затѣмъ вышелъ, какъ будто за сестрою. Потомъ, войдя вмѣстѣ съ Скоронкоколо и поставивъ у дверей другого разбойника, онъ заперъ дверь на ключъ и, откинувъ пологъ постели, спросилъ: «вы спите?» и вонзилъ шпагу между реберъ герцога. Герцогъ соскочилъ въ проходъ между ложемъ и стѣною, но упалъ на матрасъ, запутавшись ногами въ занавѣсахъ. «Рада Бога, дай мнѣ жить!» — молилъ онъ Лорензаччіо, который отвѣчалъ ему только: «не бойтесь!» и при этомъ всунулъ ему въ ротъ два пальца, чтобы онъ не кричалъ. Они лежали другъ на другѣ, и Скоронкоколо не могъ нанести герцогу удара, изъ боязни попасть въ своего сообщника. Между тѣмъ, Александръ освободился и, схвативъ находившуюся подъ руками скамью, сталъ ею защищаться, но Скоронкоколо разсѣкъ ему лицо, и герцогъ снова упалъ. Тогда Лорензаччіо, вынувъ изъ кармана маленький ножъ, перерѣзалъ ему на шеѣ артерію. Дѣло было кончено. Они подняли трупъ и положили его на ложе. Лорензаччіо подошелъ къ окну, чтобы освѣжиться. Александръ глубоко прокусилъ ему два пальца, но онъ даже не видѣлъ, какъ текла кровь. «Что если мы позовемъ теперь министровъ?» — сказалъ онъ: — когда они будутъ здѣсь, то не труднѣе будетъ ихъ отправить туда же». Но Скоронкоколо думалъ лишь о своемъ спасеніи, а не объ освобожденіи Флоренціи. Передъ уходомъ Лорензаччіо не забылъ объ обѣщаніи, данномъ Бенвенуто Челлини, и на груди герцога онъ пришилъ надпись: «*Vincit amor patriae, laudumque immensa cupido*», т. е. побѣдила любовь къ родинѣ и безмѣрная жажда славы. Сообщники покинули дворецъ. У Лорензаччіо не было денегъ, и онъ побѣжалъ къ вѣрному Цеффи, который отдалъ ему свой кошелекъ. Достигнувъ флорентійской заставы, они хитростью заставили ее открыть. Затѣмъ, они взяли въ деревнѣ лошадей, и пустились въ путь. Достигнувъ Боловни, они отыскали одного изъ главарей изгнанныхъ заговорщиковъ, Сильвестро Альдобравдини, которому рассказали

обо всемъ; но лицо Лорензаччіо показалось ему подозрительнымъ, и онъ не тронулся съ мѣста. Въ отчаяніи Лорензаччіо бросился въ Венецію, куда прибылъ 9-го января, и отправился прямо къ Строцци. Но было поздно; преступленіе оказалось безплоднымъ и бесполезнымъ: во Флоренціи уже главенствовалъ новый герцогъ—Косьма, сынъ Джіовани Черной Банды. За голову Лорензаччіо предлагалась крупная сумма. Для него началась жизнь изгнанника. Выйдя отъ Строцци, который оказался вялымъ и нерѣшительнымъ, Лорензаччіо отправился въ Мирандолу, рассчитывая собрать противъ Косьмы войско. Но тѣмъ временемъ тѣ, на кого онъ могъ рассчитывать, уже вели переговоры съ новымъ правительствомъ, и его вездѣ принимали, какъ Брута, прося скорѣе покинуть городъ. Ему ничего не оставалось другого, какъ искать счастья въ другой странѣ, и онъ перешелъ на службу Франціи, которая отправила его въ Турцію для переговоровъ съ Солиманомъ о союзѣ противъ Карла V. Дорогою онъ сочинялъ стихи, въ которыхъ изливалъ горькія чувства изгнанника. Возвратясь изъ Турціи, онъ пробрался въ Болонью, съ цѣлью обнять мать и сестру, но увидѣлъ ихъ въ ужасномъ положеніи. Затѣмъ, отправился въ Лионъ, гдѣ нашелъ дворъ Франциска I-го, съ которымъ сталъ странствовать и побывалъ въ Муленѣ, Парижѣ и Сэнтѣ. Укрывшись въ одной парижской коллегіи, онъ сочинялъ гордые апологіи. Основываясь на отрывкахъ этихъ апологій, авторъ доказываетъ, что Лорензаччіо не былъ самъ по себѣ злымъ и испорченнымъ человѣкомъ. Онъ сталъ такимъ подъ чужимъ влияніемъ. Освободившись отъ него, онъ сталъ другимъ человѣкомъ. Онъ начинаетъ считать себя великимъ изгнанникомъ среди людей. «Считайте доказаннымъ,—говоритъ онъ въ одной изъ своихъ апологій,—если бы мнѣ было возможно дать всѣмъ гражданамъ Флоренціи то чувство къ родинѣ, которое надлежало имъ имѣть, все-таки я не колебался бы свергнуть тирана для достиженія моей цѣли, подвергнувъ мою жизнь явной опасности, оставивъ безъ призора мою мать, братьевъ и сестеръ и отдавъ мой домъ на разореніе, въ какомъ онъ находится теперь. Для этой цѣли я не поколебался бы пролить кровь мою и всѣхъ близкихъ, если былъ бы убѣжденъ»... Когда умеръ его дядя, то онъ отправился въ Венецію въ 1545 году. Въ продолженіе восьми лѣтъ онъ странствовалъ и много разъ чудомъ спасался отъ кинжала. Въ Венеціи онъ жилъ во дворцѣ Тревизани и часто отправлялся въ своей гондолѣ ночью въ уединенныя мѣста, но съ предосторожностями, опасаясь убійцы. Его любовницей была рабыня Лоренцина, отъ которой онъ имѣлъ дочь, и потомъ патриціанка, красавица Бароцца, «прекрасная, какъ Елена, и добродѣтельная, какъ Лукреція». Лоренцино обожалъ Бароццу. Онъ такъ ее любилъ, что она открыто поселилась въ двухъ шагахъ отъ его дворца, и въ такомъ большомъ домѣ, что ему было не по средствамъ за него платить. Пьеръ Строцци, женившійся на его сестрѣ, разсердился на эту неосторожность и лишилъ его пенсіи. Опасность все болѣе и болѣе увеличивалась отъ неосторожности Лоренцино, котораго давно стерегли наемные убійцы Косьмы, и Пьетро Строцци собрался бѣжать въ Парижъ вмѣстѣ съ Лоренцино. Но послѣдній не могъ разстаться съ любимой женщиной и былъ убитъ 26-го февраля 1548 года при выходѣ изъ церкви вмѣстѣ съ Александромъ Содерини. Такъ кончилъ бурную жизнь на 34-мъ году Лоренцино Медичи.

— Еще о кавалерѣ д'Эонѣ. Уже много писано во Франціи, Англии и Германіи о легендарномъ кавалерѣ д'Эонѣ; даже въ Россіи на него обратили вниманіе, и въ «Историческомъ Вѣстникѣ» года три тому назадъ была помѣщена о немъ большая статья и нѣсколько замѣтокъ. Мы не знаемъ, къ какому полу онъ принадлежалъ—въ этомъ была загадка его жизни. Но въ послѣдніе годы она совершенно разрѣшена. Теперь уже вполне очевидно, что д'Эонъ былъ мужчиной, а не женщиной, какъ самъ онъ старался всѣхъ увѣрить въ послѣднюю эпоху своего существованія. На-дняхъ Октавъ Омберъ и Фернанъ Жуссленъ случайно нашли въ одной лондонской бібліотекѣ цѣлую книгу писемъ, замѣтокъ, записныхъ книжекъ и памятныхъ листковъ, принадлежавшихъ кавалеру д'Эону¹⁾. Въ нихъ оказалось много неизвѣстныхъ подробностей, уже окончательно разъясняющихъ всю правду въ долго жившей легендѣ. Приведенныя авторами данныя подтверждаютъ справедливость разгадки. Надо думать, что теперь любопытная исторія о кавалерѣ д'Эонѣ разъ навсегда будетъ сдана въ архивъ. Вообще, жизнь д'Эона представляетъ героическую и комическую поэмѣ: честолюбивый, энергичный и умный искатель приключеній, кавалеръ д'Эонъ принималъ участіе въ томъ, что называется «тайной короля». Подъ этимъ названіемъ скрывалась тайная, неизвѣстная даже министрамъ, переписка Людовика XV съ различными лицами европейскихъ дворовъ. Кавалеру д'Эону онъ поручилъ вести эту тайную переписку и словесныя объясненія съ русской императрицей Елисаветой. Распространенная въ тѣ времена легенда о томъ, что онъ прибѣгалъ къ женской одеждѣ, чтобы скрыть свои отношенія къ императрицѣ, оказывается несомнѣннымъ вымысломъ. Возвратившись во Францію, онъ пользовался большою популярностью при дворѣ и служилъ капитаномъ драгунъ. Наконецъ, тридцати четырехъ лѣтъ отъ роду, онъ занялъ постъ временнаго посла въ Лондонъ. Это неожиданное почетное положеніе вскружило ему голову, и когда пріѣхалъ въ Лондонъ настоящій посланникъ, графъ Герши, д'Эонъ задумалъ остаться главой посольства. Д'Эонъ считывалъ на то, что былъ тайнымъ агентомъ Людовика XV и имѣлъ очень важныя бумаги короля. Поэтому онъ писалъ въ свое министерство иностранныхъ дѣлъ: «Я первый не брошу своего короля и свою родину, но если по несчастью король и моя родина найдутъ нужнымъ мною пожертвовать и откажутся отъ меня, то я оправдаюсь предъ всей Европой, что, какъ вамъ извѣстно, будетъ для меня очень легко. Главы оппозиціи мнѣ предложили сколько угодно денегъ, чтобы я передалъ имъ скрытыми и запечатанными мои депеши и бумаги, съ условіемъ возвратить мнѣ, когда получать обратно отъ меня деньги. Я откровенно рассказываю все, и вы понимаете, какъ подобное обстоятельство противно моему характеру. Но, если чрезъ мѣсяцъ я не получу письменнаго королевскаго обѣщанія, что причиненная мнѣ графомъ Герши обида будетъ заглажена, то формально заявляю вамъ, что, потерявъ всякую надежду, я совершенно оправдаюсь предъ королемъ Англии, его министрами, палатой нэровъ и палатой общинъ; слѣдствіемъ этихъ объясненій будетъ неизбѣжная

¹⁾ Un aventurier au XVIII siècle. Le chevalier d'Eon (1728—1810), par MM. Octave Homberg et Fernand Joussetin. Paris. 1904.

скорая война между обѣими странами». Дѣйствительно, тайна, которой владѣлъ д'Эонъ, была очень важна, такъ какъ въ это время Людовикъ XV игралъ двойную роль: открыто онъ былъ другомъ Англіи, а тайно подготавливалъ переправу французской арміи черезъ Ламаншъ. Во всякомъ случаѣ въ Версалѣ придавали громадное значеніе бумагамъ д'Эона, и онъ, надѣясь на охрану англійскихъ законовъ, требовалъ всего, что хотѣлъ. Пока продолжался торгъ, д'Эонъ былъ все время на ножахъ съ Герши, который вскорѣ умеръ отъ всѣхъ этихъ непріятностей. Въ это время, т.-е. въ 1770 году, у него впервые возникла мысль выдать себя за женщину. До сихъ поръ, несмотря на многочисленные документы, открытые авторами настоящей книги, не выяснено вполнѣ, почему въ головѣ д'Эона возникла эта мысль. Существуетъ много объясненій, но нѣтъ ничего достовѣрнаго. Во-первыхъ, можетъ быть, д'Эонъ прибѣгнулъ къ этому маскараду, какъ полагаютъ авторы книги, изъ личнаго интереса, такъ какъ онъ участвовалъ въ многочисленныхъ пари, которыя держались въ Англіи и Франціи по поводу его пола. Во-вторыхъ, еще вѣроятнѣе, что онъ старался привлечь къ себѣ общественное мнѣніе подобной мистификаціей, такъ какъ, въ сущности, онъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ ловкимъ авантюристомъ. Впрочемъ, если одно изъ этихъ предположеній или оба справедливы, то д'Эонъ поступилъ очень неостроумно и неосторожно. Французское правительство съ удовольствіемъ ухватилося за подобную исторію. Д'Эонъ вмѣсто опаснаго политическаго дѣятеля становится патологической рѣдкостью и курьезнымъ феноменомъ. Благодаря такой комбинаціи, французское правительство уменьшило плату за его пресловутыя бумаги съ милліона на 12 тысячъ ливровъ годовой пенсіи, съ правомъ жить во Франціи. Какъ разъ въ это время умеръ Людовикъ XV, а его преемникъ не придавалъ значенія этимъ бумагамъ. Такимъ образомъ, д'Эонъ самъ попался въ свои сѣти. Французское правительство уже не давало ему ни гроша, если онъ не переодевался женщиной. Ему ничего не оставалось дѣлать, какъ возвратиться во Францію въ августъ 1777 года въ женской одеждѣ. Онъ сдѣлался въ высшей степени популяренъ, особенно въ высшемъ обществѣ. Его носили на рукахъ во всѣхъ салонахъ, и не было ни свѣтскаго модника, ни свѣтской модницы, которые не писали бы ему самыхъ любопытныхъ писемъ, еще до сихъ поръ неизвѣстныхъ и только впервые напечатанныхъ Омберомъ и Жусслэномъ. Д'Эонъ жилъ въ Парижѣ до 1785 года, когда ему прекратили выдавать пенсію, и онъ уѣхалъ въ Англію. Тамъ онъ продолжалъ около пятнадцати лѣтъ свой маскарадъ и жилъ «старой дѣвой», въ большой бѣдности. 21-го марта 1810 года онъ умеръ 82 лѣтъ, и докторскимъ свидѣтельствомъ было удостовѣрено, что онъ мужчина. Несмотря на это, маскарадная легенда о немъ продолжалась около ста лѣтъ.

— Городъ Батъ въ XVIII столѣтіи. Профессоръ Каенскаго университета, Барбо, въ своемъ новомъ трудѣ «Une ville d'eau anglaise» даетъ любопытное описаніе цѣлебныхъ водъ Бата, этого мѣста зарожденія англійскаго общества XVIII столѣтія со всѣмъ его до сихъ поръ существующимъ этикетомъ. Батъ расположенъ на рѣкѣ Аванъ, въ юго-западной Англіи, и принадлежитъ къ графству Сомерсетъ. Его тепло-сѣрнистыя воды посѣщали римляне, когда Бри-

танія была римской провинціей, и теперь еще тамъ существуютъ развалины храма Минервы, воздвигнутаго Агриколою, а въ землѣ находятъ массу древностей римской эпохи. Въ послѣдніе годы тамъ производились раскопки, открывшія великолѣпныя древнія купальни, существовавшія въ третьемъ вѣкѣ по Р. Х. Эти купальни были столь обширны, что вмѣщали до 1.000 человекъ и занимали собою 7 акровъ земли. Въ Батѣ находились чудныя, громадныя виллы, какія существуютъ теперь въ Италіи. Происхожденіемъ Батскихъ источниковъ занимались многіе ученые; они потеряли много времени на объясненіе легенды о томъ, какъ Бладуинъ, сынъ Гудибраса и отецъ короля Лира, открылъ эти цѣлебныя воды. Эта фантастическая исторія отчасти напоминаетъ такую же легенду, созданную о Гаштейнѣ въ Тиролѣ, съ тою разницею, что въ Батѣ, какъ и божемскомъ Теплицѣ, источникъ открыли жаждущія свиньи, а въ Гаштейнѣ раненый олень, омывшій въ этой водѣ раны и совершенно излѣчившій ихъ. О древней исторіи Бата мы имѣемъ подробныя изслѣдованія, и самымъ стариннымъ историкомъ былъ Варнеръ, а позднѣйшимъ Эрль. Барбо остановился на исторіи Бата въ XVIII вѣкѣ и добросовѣстно выполнилъ свою задачу. Когда-то Батъ былъ англійскимъ Монте-Карло и центромъ моды, а также мошенничества. Большинство англичанъ ѣздило туда для удовольствія, и тамъ-то формировалось англійское общество XVIII вѣка, съ своимъ этикетомъ: это—колыбель снобисма и фатовства—явленій, расцвѣтшихъ въ XIX вѣкѣ. Понятіе объ Англии эпохи Георга можно составить, лишь побывавъ въ Батѣ, подобно тому, какъ времена Людовика XIV и Людовика XV поймешь, лишь видя Версаль. Барбо такъ описываетъ жизнь въ Батѣ. Путешественника у Батской заставы встрѣчаютъ съ музыкой, которая провожаетъ его до избраннаго мѣстожительства. Затѣмъ къ нему являются одинъ за другимъ врачи, отъ которыхъ посѣтителю водъ приходилось отбиваться. Рано утромъ пациенты отправлялись въ купальни, состоявшія изъ пяти бассейновъ; изъ нихъ только два считались модными, въ честь короля и креста. Помѣщеніе не отличалось ни роскошью, ни удобствомъ; когда шелъ дождь, то приходилось укрываться въ углубленіяхъ, выдолбленныхъ въ камнѣ. Посреди бассейна въ честь креста находился восьмиугольникъ, окруженный скамьями, гдѣ отдыхали купальщики. Единственнымъ украшеніемъ служила статуя короля Бладуина, открывшаго Батскіе источники и вылѣчившагося, благодаря имъ, отъ проказы. Женщины и мужчины купались въ общемъ бассейнѣ: однѣ въ длинныхъ коричневыхъ полотняныхъ капотахъ, другіе въ штанахъ и курткахъ. Женщинъ въ этихъ одѣянїяхъ несли въ креслахъ отъ ихъ жилищъ до входа въ бассейнъ. Каждая изъ нихъ приносила съ собою дощечку, на которую раскладывала носовой платокъ, табакерку, коробочку съ мушками и коробочку съ мелкими конфетами. Такой импровизированный столикъ онѣ толкали все время предъ собою на водѣ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ сопровождалъ проводникъ, который ихъ поддерживалъ. Во время купанья слышались смѣхъ, крики и продѣлывались всевозможныя фарсы, иногда далеко нескромныя. Но выходъ купающихся изъ воды былъ всего забавнѣе: они отправлялись мокрые домой, въ самыхъ разнообразныхъ одѣянїяхъ, бросались въ постель и проглатывали три стакана горячей воды, какъ того требовало правило, а потомъ слушали сплетни или спорили о программахъ удовольствій на

этотъ день. Впрочемъ, удовольствія были не разнообразны: прогулки, посѣщеніе гавани, флиртъ и злословіе; «jeux d'esprit» также занимали видное мѣсто. Въ Батѣ былъ театръ, не уступавшій Лондонскому; тамъ игралъ знаменитый Кинъ и составила себѣ репутацію не менѣе знаменитая трагическая актриса Сиддонсъ, которую лондонская публика вначалѣ не оцѣнила. Батъ служилъ школой, какъ для писателей, такъ и для артистовъ; жизнь въ немъ представляла неистощимый источникъ для комедіи нравовъ и интригъ: не будь Бата, не имѣла бы Англія ни комедіи Урфа, ни пьесъ Одингсея, Фута и въ особенности Шеридана, извѣстнаго всему міру. Особенно выдѣлялись двѣ личности среди батскихъ обывателей: король Бата—красавецъ Нэшъ, и Шериданъ. Первый царствовалъ добрую половину XVIII вѣка. Это былъ настоящій монархъ, иногда дававшій чувствовать свое могущество довольно сурово. Говорятъ, ему случалось не разъ учить своей палкой упрямецвъ, или бросать ихъ въ бассейнъ. Красавецъ Нэшъ являлся образцомъ для представителей англійскаго общества, находившагося въ то время еще въ очень дикомъ состояніи. Личность Нэша представляетъ немалый интересъ. Не окончивъ ученія въ Оксфордскомъ университетѣ, онъ поступилъ въ армію, но затѣмъ рѣшилъ составить состояніе игрою въ карты. Послѣ посѣщенія королевой Анной Бата его сдѣлали администраторомъ водъ, и съ этого момента Батъ сталъ неузнаваемъ, благодаря умѣлому устройству развлеченій. Нэшъ въ одно и то же время былъ и пайщикомъ игорнаго дома и игрокомъ, благодаря чему нажилъ громадное состояніе. Онъ устроилъ въ Батѣ больницу и домъ призрѣнія бѣдныхъ. Нэшъ обладалъ удивительною способностью соединять въ развлеченіяхъ всѣ слои общества, и послѣ его смерти долго не могли найти подходящаго замѣстителя. Другой любопытной личностью являлся Ричардъ Бринслей Шериданъ, которому въ молодости удавалось все, особенно «безчинство и безуміе». Барбо описываетъ его любовь къ миссъ Линлей, дуэль, и похищеніе, и недоразумѣнія, и ссору, и, наконецъ, примиреніе. Все, что бы Шериданъ ни дѣлалъ, сердился, плакалъ, или угрожалъ,—онъ дѣлалъ, представляя себѣ, что онъ играетъ. Самыми забавными сценами въ его батской жизни были его двѣ дуэли съ соперникомъ-диффаматоромъ. Первая дуэль состоялась въ тавернѣ, при свѣчяхъ; Шериданъ схватилъ одной рукой остріе шпаги своего противника, а другой приложилъ остріе своей шпаги къ его груди; въ это время свидѣтели закричали: «Не убивайте его!» Это вмѣшательство возмутило его, и онъ потребовалъ, какъ доказательства успѣха, права сломать шпагу соперника и вмѣстѣ съ тѣмъ извиненія во газетахъ. Въ второй дуэли съ тѣмъ же противникомъ Шериданъ попробовалъ тотъ же самый приѣмъ, какъ и въ первой дуэли, но, теряя равновѣсіе, упалъ вмѣстѣ съ нимъ. Оба катались по землѣ, но противникъ одержалъ верхъ. Во время борьбы обѣ шпаги сломались, но у противника остался въ рукѣ обломокъ шпаги, которымъ онъ наносилъ удары Шеридану вездѣ, гдѣ могъ... Вообще, книга Барбо даетъ немало любопытныхъ эпизодовъ и представляетъ прекрасную характеристику англійскаго общества XVIII вѣка.

— По поводу статуи Гёте въ Римѣ. Съ нѣкоторыхъ поръ въ Европѣ распространилась любопытная мода. Во время посѣщенія французскимъ пре-

зидентомъ итальянскаго короля, въ Римѣ былъ открытъ памятникъ Виктору Гюго, пожертвованный Франціей. Въ томъ же Римѣ надняхъ отпразднуютъ сооруженіе статуи въ честь Гёте, подаренной римскому муниципалитету германскимъ императоромъ. Наконецъ, Римъ въ благодарность за щедрый даръ Вильгельма II-го рѣшилъ послать въ Берлинъ статую Данта. По поводу этихъ даровъ одного народа другому появился цѣлый рядъ журнальныхъ статей, преимущественно о Гёте, съ различныхъ точекъ зрѣнія. Прежде всего, Жанъ Карреръ въ «Revue hebdomadaire» и Морисъ Мюрэ въ «Journal des Debats» разсматриваютъ великое значеніе Гёте для Рима и влияние Рима на Гёте. Дѣйствительно, если кто нибудь изъ замѣчательныхъ иностранныхъ писателей и заслуживаетъ статуи въ Римѣ, то, конечно, Гёте. Пребываніе Гёте въ Римѣ составляетъ эпоху какъ въ его жизни, такъ и въ его творчествѣ. Ему было тридцать шесть лѣтъ, когда онъ появился въ вѣчномъ городѣ, о которомъ всегда мечталъ. Съ перваго дня блескъ и прелесть Рима глубоко подѣйствовали на Гёте, но совершенно иначе, чѣмъ можно было предположить. Возволнованный сначала видомъ великаго города, онъ говоритъ: «Я вскорѣ успокоился и на всю мою жизнь: всѣ мечты моей жизни осуществлены. Я въ сущности родился второй разъ съ того дня, какъ вступилъ въ Римъ. Какъ могу я выразить то, что чувствую? При такомъ зрѣлищѣ невольно ощущаешь недостатокъ словъ. Столько видѣть и столько восторгаться!— это меня совершенно истощаетъ. Надо было бы оставаться здѣсь цѣлые годы въ безмолвіи Пифагора. Здѣсь я вижу путеводную звѣзду. Въ Римѣ я увидаль впервые, что значить быть въ согласіи съ самимъ собою. Я почувствовалъ себя счастливымъ и разумнымъ». Онъ пробылъ цѣлый годъ въ вѣчномъ городѣ; работалъ, изучалъ анатомію, учился лѣпить, занимался въ музеяхъ, гулялъ по римскимъ окрестностямъ и записывалъ свои впечатлѣнія. Однажды, въ виллѣ Боргезе онъ написалъ знаменитую сцену изъ Фауста, въ которой представлена адская кухня старой колдуньи. Онъ любилъ въ Римѣ и описалъ въ римскихъ элегіяхъ свои походы съ Фаустиной и другими красотками. Вообще, онъ былъ въ Римѣ совершенно дома, и съ глубокимъ сожалѣніемъ вернулся въ Германію. Римскія впечатлѣнія сдѣлали изъ него классика. Нѣкоторые критики предпочитали его равнія сочиненія, но судъ будущихъ поколѣній отдалъ первенство Гёте классическому предъ Гёте романтическимъ. Къ сожалѣнію, произведеніе скульптора Эберлейна далеко не достойно ни славы Гёте, ни славы Рима. Поэтому итальянцы очень недовольны этимъ императорскимъ подаркомъ, и все откладываютъ открытіе статуи.

Вообще Гёте не везетъ у современныхъ итальянцевъ. Такъ, напримѣръ, жители Ровередо на-дняхъ вздумали почтить память поэта, выставивъ мраморную доску на домѣ, въ которомъ онъ жилъ въ 1786 году. Но въ надписи на этой доскѣ они разсчитывали упомянуть и о томъ позорѣ, которымъ покрылъ себя Инсбрукъ въ событіяхъ настоящаго года. Предполагалась слѣдующая надпись: «Великому Гёте, блестящей звѣздѣ, гению прогресса и другу нашей цивилизаціи посвящаетъ Ровередо этотъ камень, въ знакъ протеста противъ варварскихъ насилій, совершенныхъ 6 іюля 1904 г. въ негостепріимномъ Инсбрукѣ надъ итальянцами его выродившимися, потомками». Но многочисленная

оппозиція высказалась противъ оказанія почести поэту на основаніи слѣдующихъ строкъ «Путешествія по Итали»: «Вотъ я и въ Ровередо, гдѣ раздѣляются здѣшніе языки: нѣмецкій языкъ совершенно исчезаетъ, а итальянскій, наконецъ, царитъ безраздѣльно. Впервые, у меня возникъ—итальянецъ— а трактирщикъ не говоритъ по-нѣмецки, и я принужденъ прибѣгать къ моимъ филологическимъ познаніямъ». Мѣстные газеты подняли шумъ, доказывая, что поэтъ ошибся, назначивъ итальянскую границу въ Ровередо, тогда какъ она шла гораздо сѣвернѣе, въ Тренти или еще далѣе. Въ концѣ концовъ Гёте не получилъ обѣщанной мраморной доски въ Ровередо.

Почти во всѣхъ августовскихъ номерахъ нѣмецкихъ журналовъ помѣщены статьи по поводу статуи Гёте въ Римѣ. Въ «Deutsche Revue» Вольфъ напоминаетъ о томъ, что Гёте, какъ южный германецъ, былъ очень подверженъ атмосферическимъ измѣненіямъ, и приводитъ свидѣтельство поэта: «Погода туманная, и потому мой умъ также туманенъ; нельзя жить въ странѣ, гдѣ барометръ низко падаетъ, а природа безцвѣтна». Бернгардъ Суффи въ «Deutsche Rundschau» распространяется о путешествіи Гете въ Италию и о влияніи Итали на его сочиненія; по его словамъ, «геній Гёте созрѣлъ, и его представленія о поэзіи расширились подъ влияніемъ Итали». Наконецъ, анонимный авторъ въ «Nord und Sud» занялся изслѣдованіемъ о вѣчномъ женскомъ элементѣ въ жизни и сочиненіяхъ Гёте. Онъ увѣряетъ, что Гёте предавался своимъ страстямъ, какъ диллетантъ, и, холодно изслѣдуя предметъ своей любви, всегда владѣлъ собою».

— Столѣтній юбилей Жоржъ Санда. Первые дни іюля мѣсяца были посвящены во Франціи празднованію столѣтія со дня рожденія Жоржъ Санда. Торжества начались съ 1-го числа, въ память дня ея рожденія, и въ Люксембургскомъ саду противъ театра Одеонъ, гдѣ давалась большая часть ея пьесъ, воздвигнута статуя знаменитой писательницы, въ сидячемъ положеніи. Работа скульптора Сикара еще не совсѣмъ готова, и потому въ день открытія красовалась только алебастровая модель, которую черезъ нѣсколько дней убрали до окончательнаго установленія мраморной статуи. Первую рѣчь произнесъ Жюль Кларети, академикъ и директоръ театра Французской Комедіи. Онъ коснулся прежде всего самаго памятника. «Искусный скульпторъ,—сказалъ онъ,—воскресившій ея образъ, представилъ ее намъ въ обычной мечтательной позѣ. Она молода, она прелестна, она мечтаетъ. Какъ Альфонсъ Додэ на Елисейскихъ Поляхъ, сидя на скалѣ, какъ Бальзакъ, смотрящій на парижанъ съ Фридландской аллеи, такъ Жоржъ Сандъ сохраняетъобычную позу, прислонившись къ камню, привезенному изъ Черной долины. Какъ Люксембургъ видѣлъ ее нѣкогда погруженной въ первыя мечты, такъ и теперь она предстоить предъ нами». Затѣмъ романистъ Марсель Прево привѣтствовалъ Жоржъ Санда отъ имени общества литераторовъ, говорилъ стихи Жакъ Фену, и произнесли пламенные рѣчи актриса Баретта и публицистка Северинъ, которая припомнила, что «оказываютъ честь смѣлой женщинѣ, которая перенесла множество оскорбленій, и памятникъ ея могъ бы возвышаться на камняхъ, которыми ее нѣкогда избивали». Въ тотъ же день, вечеромъ, въ Французской Комедіи давали пьесу Жоржъ Санда «Clodie», а въ Одеонѣ ея же пьесу

«Le démon du foyer», за которыми слѣдовали церемоніи вѣнчанія статуи, чествованія Санда и прославленія ея въ цѣломъ рядѣ стиховъ. За мѣсяць предъ тѣмъ была открыта въ залахъ Одеона выставка различныхъ предметовъ, принадлежавшихъ Жоржъ Сандъ. Здѣсь находятся ея письменный столикъ, чернильница, перо, слѣпокъ ея маленькой изящной ручки, портреты и т. д. Среди этихъ предметовъ совершенно воскресаетъ «добрая владѣлица Ноана». 10-го и 12-го іюля были закончены юбилейныя торжества въ Берри. Сначала друзья и почитатели Жоржъ Санда помянули ея въ Ноанѣ, гдѣ долго жила и умерла великая писательница, а потомъ въ сосѣднемъ селеніи Ла-Шатрѣ произнесли краснорѣчивыя рѣчи мѣстный мэръ Руэ, академикъ Терье, романистъ Марсель Прево и г-жа Северинъ. Естественно, что послѣдователь Жоржъ Санда, сельскій романистъ Терье, главнымъ образомъ прославлялъ ея за изображеніе крестьянъ въ рядѣ славныхъ романовъ. Краснорѣчиво оправдывалъ онъ ея за чрезмѣрную идеализацію сельской жизни и обитателей деревни. «Она не идеализировала крестьянина,—сказалъ онъ,—а опрощала его, и этотъ способъ опрощенія придаетъ созданнымъ ею типамъ какъ бы эпическій характеръ. Этимъ приемомъ пользовался знаменитый живописецъ Миллэ, чтобы придать своему изображенію крестьянъ такой поэтической и реальный характеръ. Жоржъ Сандъ, первая во Франціи, научила насъ понимать и цѣнить чуднонаивныя народныя пѣсни. Она заставила насъ вдыхать античный запахъ дикихъ цвѣтовъ народной поэзіи; она пробудила любовь къ народу». Марсель Прево вспомнилъ, что Жоржъ Сандъ говорила: «Бѣгите изъ Парижа, это могила поэтовъ и художниковъ». Затѣмъ, онъ указалъ, что родная земля возбудила въ душѣ Жоржъ Санда глубокія идеи и справедливыя чувства. Вотъ, по его словамъ, какое вліяніе имѣлъ Берри на великую писательницу: «Онъ убѣдилъ ея, какъ бы благородно, какъ бы возвышенно ни было искусство, оно все-таки стоитъ ниже жизни и должно быть его скромнымъ слугой. Благодаря этому, она спасена была отъ тяжелыхъ, печальныхъ мыслей, угнетавшихъ Флобера. Сознаніе высокаго значенія искусства и вмѣстѣ съ тѣмъ его подчиненности природѣ проявляются всюду въ ея сочиненіяхъ и письмахъ. Близость съ землею предохраняла ея отъ жалкаго тщеславія писателей, которые считали свои страницы всемірной хартіей, а свое перо—рычагомъ, вокругъ котораго вертѣлись всѣ жизненныя событія. Хотя Жоржъ Сандъ пользовалась всемірной славой, но въ то же время она была скромнѣе всѣхъ относительно своихъ сочиненій. Живя среди крестьянъ, воздѣлывавшихъ землю и добывавшихъ себѣ хлѣбъ—основу всего, ея вполне ясный гений пріучился смотрѣть на все съ настоящей точки зрѣнія. Она понимала, что пахарь, идущій по бороздѣ за своей сохой, совершаетъ болѣе возвышенное дѣло, чѣмъ писатель, водящій перомъ по листу бумаги, и, понявъ все благородство жизни, она дала искусству то мѣсто, которое ему принадлежитъ послѣ жизни, всегда и во всемъ первой». Г-жа Северинъ произнесла поэтическую импровизацію, Жозефъ Бушаръ, устроившій юбилейныя торжества въ Берри, рассказалъ, какъ въ первыя времена жизни Жоржъ Санда въ Берри крестьяне не жаловали писательницу, сидѣвшую цѣлыя ночи за своей писательской работой, и какъ,

мало-по-малу, въ особенности послѣ ея смерти они убѣдились въ нравственномъ величіи «доброй владѣлицы Ноана».

Парижскіе журналы и газеты, конечно, переполнены до сихъ поръ статьями, очерками, воспоминаніями о Жоржъ Сандъ, подлинными ея письмами и т. д. Книгъ выпло не много. Еще въ прошломъ году появились: «Жоржъ Сандъ и ея друзья»—Ле Руа, а въ нынѣшнемъ «Переписка Жоржъ Санда п Альфреда де Мюссе», собранная Феликсомъ Декори. Въ этой книгѣ, наконецъ, обнаружены въ полномъ видѣ, безъ малѣйшихъ пропусковъ, письма венеціанскихъ любовниковъ. Конечно, въ нихъ нѣтъ ничего новаго; «онъ» и «она» являются въ томъ же освѣщеніи, какъ и прежде, но психологическій интересъ этой классической любовной исторіи, конечно, выигрываетъ отъ многихъ даже мелочныхъ подробностей. Изъ журнальныхъ статей отмѣтимъ: «Жизнь и вліяніе Жоржъ Санда»—Г. Бурдо, въ «Correspondant» за іюнь; «Жоржъ Сандъ» Г. Пелиссе въ «La Revue» 15 іюля; «Жоржъ Сандъ и нравы»,—Л. Маньяна въ «Revue de Paris», 15 декабря—15 января; «Юбилей Жоржъ Санда»—Р. Думика въ «Revue de deux mondes» 15 іюля; «Жоржъ Сандъ: ея юбилей и труды»,—С. Рошблява въ «Revue Universelle» 1-го іюня; «Геній равенства, по поводу юбилея Жоржъ Санда»,—А. Леблота, въ «Revue Bleu» 18 іюля, и «Смерть Жоржъ Санда»—А. Баринъ, въ «Journal des Debats, Revue hebdomadaire» 5 августа. Авторы всѣхъ этихъ статей согласнымъ хоромъ восхваляютъ Жоржъ Сандъ, какъ бы забывъ о несочувственныхъ отзывахъ, сыпавшихся на нее при жизни. Дѣйствительно, Жоржъ Сандъ была величайшая французская писательница и одинъ изъ величайшихъ французскихъ писателей XIX вѣка. Быть можетъ, ее нужно поставить во главѣ тѣхъ авторовъ, которые имѣли вліяніе на современниковъ не только во Франціи, но и въ Европѣ, особенно въ Россіи, гдѣ наибольшими ея поклонниками считались Тургеневъ и Салтыковъ. Сорокъ пять лѣтъ она безъ устали писала и, по меньшей мѣрѣ, выпускала два романа въ годъ. Общее ихъ число равняется восьмидесяти, а томовъ ея произведеній считается сто десять. Но это далеко не всѣ ея произведенія, такъ какъ она безъ конца писала въ журналахъ и газетахъ. Сначала Жоржъ Сандъ, псевдонимъ баронессы Дюдеванъ, проповѣдывала романтизмъ, феминизмъ, свободу любви и свободу женщинъ. Потомъ она перешла къ социализму и общественной свободѣ. Наконецъ сдѣлалась народной писательницей. Самые замѣчательные изъ ея романовъ—«Индіана», «Валентина», «Лелія», «Жакъ», «Le compagnon du tour de France», «Чортово болото», «Маленькая Фадеттъ», «Франсуа Лешампи» и т. д. Въ послѣдніе годы ея талантъ нѣсколько выцвѣлъ, и она сочиняла уже полубуржуазные романы. Кромѣ того, ей принадлежитъ цѣлый рядъ пьесъ, главная изъ которыхъ—«Маркизь де Вильмеръ». Всѣмъ извѣстно, какое живое, пламенное участіе Жоржъ Сандъ принимала въ революціи 1848 года. Она была сотрудницей официальной республиканской газеты вмѣстѣ съ Ледрю-Роллевымъ, но кровавые іюньскіе дни принудили ее бѣжать въ свой Берри.

Жоржъ Сандъ много любила... Перечислить всѣхъ ея любовниковъ—нѣтъ возможности, но главными были Жюль Сандо, Меримэ, Севъ-Бѣвъ, Альфредъ де Мюссе, Мишель де Буржъ и Шопенъ. Вся жизнь Жоржъ Санда, по словамъ англійскаго критика Ф. Грибля въ «Fortnightly Review» за августъ мѣсяцъ,

была нескончаемым торжественным свадебным маршемъ, въ которомъ невѣста была все одна и та же, а женихи различные. Прошло двадцать восемь лѣтъ послѣ спокойной смерти Жоржъ Санда въ уважаемой всѣми старости, и никто не думаетъ пенять ей за ея страстную жизнь. Жоржъ Сандъ остается въ общей столѣтней памяти великой писательницей и великимъ борцомъ за соціальныя идеалы. Жоржъ Сандъ выразила сущность своихъ общественныхъ взглядовъ: «Свобода—необходимый общій элементъ, братство—средство къ общности всѣхъ интересовъ, а равенство вѣнчаетъ всеобщее человѣческое зданіе».

— Смерть епископа Штроссмайера и Вальдека-Руссо. На дняхъ умеръ на 89-мъ году великій хорватскій патриотъ и защитникъ славянскаго дѣла, діаковарскій и смиренскій епископъ Штроссмайеръ. Онъ родился въ Эссекѣ, въ Хорватіи, 4-го февраля 1817 года, и принадлежалъ къ среднему сословию. Въ 1838 году Штроссмайеръ былъ посвященъ въ патеры и назначенъ профессоромъ Діаковарской семинаріи. Но здѣсь онъ оставался не долго и въ 1847 году переехалъ въ Вѣну, гдѣ исполнялъ должность придворнаго проповѣдника. Пользуясь популярностью и уваженіемъ высшихъ классовъ, Штроссмайеръ могъ сдѣлать блестящую карьеру, но этому помѣшала упорная преданность своимъ убѣжденіямъ. Въ это время хорваты очнулись отъ своего долгаго сна и стремились отстаить свою индивидуальность отъ посягательства венгровъ. Штроссмайеръ примкнулъ къ этому движенію и всѣми силами поддерживалъ національное хорватское дѣло. Назначенный епископомъ Діаковара, юрисдикція котораго распространялась на всю Боснію и отчасти на Сербію, онъ отстаивалъ, во что-бы то ни стало, права своихъ соотечественниковъ. Въ эпоху политическаго гнета Штроссмайеръ старался всячески вызывать національное чувство, покровительствуя національной литературѣ и культу историческихъ памятниковъ. Богатый человѣкъ и крупный земельный собственникъ, онъ тратилъ свои доходы на стипендіи при школахъ и семинаріи. Въ 1859 году агитація, предпринятая епископомъ, вступила въ новую фазу; онъ энергично требовалъ введенія федеративной системы. Въ 1861 году онъ сдѣлался главою оппозиціи въ хорватскомъ сеймѣ и ревностно отстаивалъ хорватовъ отъ нѣмецкой и венгерской централизаціи. Съ тѣхъ поръ онъ теряетъ свою популярность въ Вѣнѣ; императоръ начинаетъ питать къ нему непріязненные чувства. Хорватскій сеймъ былъ распущенъ и вновь собрался только въ 1865 году, но епископа просили оттуда удалиться; онъ переехалъ въ Парижъ, гдѣ занимался французской литературой. Возвратясь изъ ссылки, онъ отказался отъ политики и жилъ съ тѣхъ поръ въ своемъ епископскомъ дворцѣ очень спокойно, предаваясь національнымъ и благотворительнымъ дѣламъ. Въ 1867 году онъ присутствовалъ на открытіи національной Загребской академіи, на постройку которой онъ самъ пожертвовалъ сто тысячъ франковъ. Покинувъ свое уединеніе, онъ принялъ участіе въ 1869—1870 годахъ въ Ватиканскомъ соборѣ, на которомъ обсуждался догматъ о папской непогрѣшимости. Штроссмайеръ возставалъ противъ этого догмата, но подчинился большинству, признавшему его. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ стремился къ соединенію въ лонѣ католической церкви всѣхъ южныхъ славянъ. Онъ завоевалъ громадную популярность во всей странѣ, а вѣнцы и особенно венгерцы его терпѣть не могли. Самъ Францъ-

Иосифъ смотрѣлъ на него косо. Проѣздомъ черезъ Бѣловаръ въ Хорватіи императоръ упрекалъ его за пзмѣну вѣрѣ и государству; Штроссмайеръ немедленно вышелъ изъ залы, въ которой императоръ сдѣлалъ ему выговоръ. Появивъ, что онъ зашелъ слишкомъ далеко, императоръ нѣсколько разъ пытался примириться съ епископомъ, но тщетно. Штроссмайеръ упорно продолжалъ не обращать на него никакого вниманія. Такъ въ 1895 году во время посѣщенія императоромъ Загреба Штроссмайеръ забылъ ему представиться.

10-го августа умеръ въ Парижѣ одинъ изъ выдающихся государственныхъ людей Франціи Пьеръ Вальдекъ-Руссо. Онъ родился 2-го декабря 1846 года въ Нантѣ. Его отецъ былъ извѣстнымъ парижскимъ адвокатомъ и политическимъ дѣятелемъ, врагомъ июльскаго правительства и имперіи. Вальдекъ-Руссо съ молодыхъ лѣтъ выказалъ замѣчательныя умственныя способности и, пройдя съ успѣхомъ юридическій факультетъ въ Реннѣ, сталъ адвокатомъ въ Нантѣ. Въ 1879 году онъ дебютировалъ на политическомъ поприщѣ депутатомъ отъ города Ренна въ нижней палатѣ. Первую замѣчательную рѣчь онъ произнесъ въ слѣдующемъ году, по случаю судебной реформы. Съ самаго начала Гамбетта обратилъ на него вниманіе, какъ на способнаго человѣка, и въ 1881 году, на 35-мъ году его жизни, назначилъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ своемъ «великомъ министерствѣ». Какъ извѣстно, этотъ кабинетъ существовалъ не долго и вышелъ въ отставку въ январѣ слѣдующаго года. Несмотря на то, что Вальдекъ-Руссо короткое время оставался у власти, онъ выказалъ замѣчательныя административныя способности, поэтому, при возвращеніи власти оппортунистовъ въ лицѣ Жюльа Ферри, онъ снова получилъ тотъ же портфель. Два года онъ ревностно исполнялъ свои обязанности и, между прочимъ, провелъ знаменитый законъ о рабочихъ синдикатахъ. Выйдя съ своимъ принципомъ изъ министровъ, но оставаясь въ парламентѣ до 1889 года, онъ поступилъ въ число парижскихъ адвокатовъ. Совершенно отказавшись отъ политической дѣятельности, Вальдекъ-Руссо сдѣлался замѣчательнымъ, краснорѣчивымъ и дѣловымъ адвокатомъ. Въ 1894 году онъ снова выступилъ политическимъ дѣятелемъ, но избранъ былъ уже не депутатомъ, а сенаторомъ. Сначала, онъ игралъ въ сенатѣ не видную роль, хотя баллотировался въ президенты во время выборовъ Феликса Фора. Въ самый разгаръ Дрейфусовской драмы въ 1899 году Вальдекъ-Руссо былъ назначенъ первымъ министромъ, и въ его кабинетъ вошли къ общему удивленію бонапартистъ Галифѣ и социалистъ Миллеранъ. Всѣ полагали, что онъ продержится недолго, но, напротивъ, онъ существовалъ почти три года, т.-е. болѣе, чѣмъ какое либо министерство третьей республики. По справедливости его министерство называлось кабинетомъ республиканской защиты. Наконецъ, полагая, что онъ исполнилъ всѣ возложенныя на него обязанности, онъ самъ подалъ въ отставку 3-го іюня 1902 года. Съ тѣхъ поръ Вальдекъ-Руссо занимался адвокатурой и стоялъ довольно далеко отъ политики, но его не забывали въ политическомъ мірѣ, и, по всей вѣроятности, общественное мнѣніе видѣло въ немъ будущаго президента республики. Но судьбѣ угодно было иначе: онъ занемогъ ракомъ и умеръ послѣ операции, вслѣдствіе излишней дозы хлороформа. Вся Франція оплакивала преждевременную кончину этого достойнаго государственнаго человѣка.

С М Ъ С Ъ.

ГРОБНИЦА святого Владимира. Подъ спудомъ одной изъ древнѣйшихъ церквей «матери городовъ» русскихъ сдѣлано надняхъ чрезвычайно интересное открытіе. При работахъ по устройству калорифернаго отопленія въ Десятинной церкви совершенно случайно рабочіе, прокладывавшіе трубы подъ церковью, обнаружили пустоту. При дальнѣйшихъ раскопкахъ оказалось, что это помѣщеніе въ родѣ ниши въ древнѣйшей части фундамента храма. Въ нишѣ обнаружена была крупныхъ размѣровъ гробница изъ плитъ краснаго шифера. Гробница длиною около 3 аршинъ, шириною въ верху 1 аршинъ 2 вершка, въ нижней части 1 аршинъ 4 вершка, высотой 1 аршинъ. Плиты цѣльныя, толщиной около 1¹/₂ вершковъ. Гробница покрыта также толстой шиферной плитой. На основаніи нѣкоторыхъ указаній полагаютъ, что это—гробница, въ которой покоятся мощи св. Владимира Равноапостольнаго. На это указываетъ то обстоятельство, что при сооруженіи Десятинной церкви въ періодъ времени съ 1828 по 1842 годъ на остаткахъ фундамента древняго владимирскаго храма обнаружена была гробница изъ краснаго шифера. Въ гробницѣ найдены были кости, при чемъ не доставало костей головы и правой руки. Извѣстно также, что въ 1636 году кievскій митрополитъ Петръ Могила, построившій на развалинахъ древней Десятинной церкви небольшой храмъ, распорядился подробно изслѣдовать старые фундаменты. При раскопкахъ найдено было двѣ гробницы изъ краснаго шифера, которыя на основаніи указаній лѣтописца Нестора были признаны за гробницы св. Владимира и его супруги Елены (Анны). Тогда же Петръ Могила распорядился главу св. Владимира перенести въ Киево-Печерскую лавру, гдѣ она находится и понынѣ, правую руку передать въ Софійскій соборъ, а нижнюю челюсть—въ Успенскій соборъ въ Москвѣ. Надъ мѣстомъ нахождения гроб-

нищъ въ нижней части храма былъ устроенъ особый придѣлъ. При постройкѣ новаго храма гробницы остались подъ спудомъ лѣваго придѣла, въ которомъ находится доска съ надписью, указывающей, что подъ спудомъ придѣла находится гробница св. Владимира. При нынѣшнихъ работахъ въ церкви обнаружена одна изъ гробницъ, о которой упоминается въ лѣтописяхъ, и которая обнаружена была при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ. Мѣсто нахождения гробницы и самая гробница осмотрѣны митрополитомъ Флавіаномъ, который благословилъ на устройство особаго хода подъ спудъ и устройство помѣщенія. Къ работамъ уже приступлено и поклоненіе гробницъ будетъ открыто для желающихъ. Древняя Десятинная церковь была заложена великимъ княземъ Владимиромъ въ 989 году, по возвращеніи изъ Корсуня. По описаніямъ это былъ великолѣпный каменный храмъ длиной въ 24 сажени, шириной въ 16, украшенный мозаикой и фресковой живописью. Надъ работами по украшенію церкви трудились лучше византійскіе мастера. Церковь украшена была мраморными колоннами и разнаго рода сосудами изъ Корсуня. Храмъ находился на высококомъ холмѣ близъ княжескихъ теремовъ и прилегалъ къ торговой площади, на которой, по словамъ лѣтописца, установлены были четыре бронзовые коня, вывезенные великимъ княземъ Владимиромъ изъ Корсуня. Въ Десятинной церкви былъ погребенъ великій князь Владимиръ, его супруга Елена, Изяславъ I Ярославичъ (умеръ въ 1078 году), а въ 1093 году его сынъ Ростиславъ Изяславичъ. Время погребенія великаго князя Владимира относится къ 1015 году, и его супруги греческой царевны Анны къ 1011 году. Въ 1239 году полчища Батые разорили Кіевъ. Отъ Десятинной церкви и княжескихъ теремовъ остались однѣ развалины. Въ XVII вѣкѣ отъ Десятинной церкви сохранились одни фундаменты, покрытые кучами мусора. Митрополитъ Могила построилъ новый храмъ, который въ началѣ прошлаго столѣтія пришелъ въ ветхость. Въ 1828 году началась постройка нынѣшней Десятинной церкви на мѣстѣ старой—древней Владимирской. Къ прискорбію нужно сказать, что въ широкихъ размѣрахъ не было сдѣлано раскопокъ ни въ усадьбѣ нынѣшней Десятинной церкви, ни на мѣстѣ княжескихъ теремовъ. Всѣ происходившія раскопки имѣли болѣе стройный характеръ при закладкѣ фундаментовъ для жилыхъ домовъ, прокладкѣ водопроводныхъ трубъ, планированія мостовой и т. п. Между тѣмъ эта именно мѣстность Стараго Кіева заслуживаетъ особаго вниманія археологовъ. Пока мѣстность эта еще не застроена капитальными постройками. Но при быстромъ ростѣ Кіева несомнѣнно здѣсь будутъ настроены громадныя дома, и для археологовъ мѣсто это будетъ утеряно безвозвратно. Насколько эта мѣстность интересна, указываетъ находка въ усадьбѣ Стародубцева знаменитаго кіевского клада, хранящагося въ Эрмитажѣ. Весьма возможно, что раскопка обнаружила бы четырехъ бронзовыхъ коней, судьба которыхъ осталась совершенно неизвѣстной. Можно предполагать, что при приближеніи татарскихъ полчищъ бронзовые кони были укрыты въ безопасномъ мѣстѣ и зарыты въ землю. Археологической комиссіи слѣдовало бы снаряжить особую экспедицію для пригородныхъ раскопокъ по сосѣдству съ Десятинной церковью и на склонахъ возвышенности, на которой она расположена. Въ этой мѣстности постоянно находятъ древніе предметы, которые бесплатно расхищаются

доморощенными археологами и являются предметомъ торговли спекулянтовъ-антикваріевъ. Особенный интересъ представляетъ усадьба князя Трубецкого, пока не застроенная, лежащая противъ Десятинной церкви. Въ саду этой усадьбы есть остатки стѣнъ, кладки дотатарской эпохи. Здѣсь по преданію находились княжескіе терема. Раскопки въ этой усадьбѣ несомнѣнно обнаружатъ много интереснаго для археологовъ вообще и исторіи древняго Кіева въ частности.

Археологическій инцидентъ. Крайне любопытный и назидательный въ археологическомъ отношеніи случай произошелъ въ іюль мѣсяцѣ въ Царскомъ Селѣ. При прокладкѣ водопроводныхъ трубъ рабочіе въ районѣ расположенія л.-гв. Кірасирскаго Его Величества полка наткнулись на старый фундаментъ. Въ немъ они нашли вставленнымъ выточеннымъ изъ гранита ящикъ-кубъ, каждая сторона котораго равна $\frac{3}{4}$ аршина; внутри куба оказался мраморный ящикъ въ 5 вершковъ ширины и длины и вершка въ 2 высоты; въ этомъ ящикѣ, прикрытомъ металлической золоченой доской и мраморной крышкою съ выточенной изъ мрамора шарообразной ручкой, находилась небольшая, въ вершокъ въ кубъ, золотая коробочка, въ которой не было найдено ничего, но лишь слышенъ запахъ ладана и благовонныхъ маслъ. Весь кубъ прикрытъ гранитною же пирамидальной крышкою вершка въ 2 высоты по краямъ. Позолота доски съ верхней, прилегающей къ мраморной крышкѣ, стороны очень хорошо сохранилась; на ней имѣется четко вырѣзанная надпись (ореографія сохранена).

Сія Церковь

Во имя Святаго Великаго Царя и равноапостола Константина.

Заложена

Санктпетербургской Губерніи въ Городѣ Софіи

Іюля 11 дня

Въ лѣто отъ созданія Мира ЗСЦА (7291), отъ Рождества Христова 1783,
Царствованія же Благочестивѣйшей Самодѣржавнѣйшей Великой Государыни

Императрицы Всероссійскія

ЕКАТЕРИНЫ ВТОРЫЯ

въ двадесятое

При Наслѣдникѣ Ея Благовѣрномъ Государѣ Цесаревичѣ и Великомъ Князѣ
Павлѣ Петровиче и Супругѣ ЕГО

Благочестивѣйшей Государыни Великой Княгини Маріѣ Феодоровнѣ и При
Благовѣрныхъ Государихъ Великихъ Князяхъ Александри Павловичи и
Константиѣ Павловичѣ.

Эта находка чрезвычайно всѣхъ удивила и заинтересовала. Въ первое время не нашлось никакихъ указаній на то, чтобы въ этомъ мѣстѣ когда либо стояла церковь. Ровно 123 года (11-го іюля, а «кладъ» найденъ 10-го іюля с. г.) назадъ была совершена закладка церкви, а между тѣмъ старожилы, между которыми наплись лица, помнящія Царское Село лѣтъ 80 съ лишнимъ, не

помнать въ этой мѣстности церкви; «до постройки на этомъ мѣстѣ казармъ здѣсь было поле, говорятъ они, и не слышно было, чтобы церковь существовала; ни о пожарѣ ея, ни о чемъ иномъ, что могло ее уничтожить, не слыхивали». Вѣсть о «находкѣ» тотчасъ же разнеслась по Царскому Селу, и часа черезъ два стоустая молва повторяла вздорный слухъ о томъ, что въ гранитномъ ящикѣ было уложено золота на 5 милліоновъ рублей, каковая сумма будто бы и хранится въ Софійскомъ полицейскомъ участкѣ вмѣстѣ съ найденнымъ въ землѣ кубомъ. Но, не говоря объ этихъ вздорныхъ толкахъ, возникло множество споровъ и догадокъ. И однако вскорѣ оказалось, что ларчикъ просто открывался. Священникъ Червяковскій напечаталъ въ «Новомъ Времени» слѣдующую достовѣрную справку. До 1817 года въ городѣ Софіи (старая часть нынѣшняго Церскаго Села) существовала приходская Царе-Константиновская церковь. Государь императоръ Александръ Павловичъ, во время присутствія своего въ городѣ Софіи, изволилъ замѣтить, что приходская Царе-Константиновская церковь пришла въ ветхость и имѣеть недостатки, а потому высочайше повелѣлъ ее исправить. Командированный для осмотра ея архитекторъ Руено нашель, что исправить ее починкою невозможно, а необходимо перестроить всю вновь, на что потребуется болѣе 34.000 рублей. Въ виду предположеннаго переселенія жителей изъ Софіи въ Царское Село и устройства для удовлетворенія ихъ религіозныхъ потребностей особаго храма, такой расходъ на ремонтъ показался значительнымъ. Согласно высказанному по этому поводу мнѣнію преосвященнаго митрополита с.-петербургскаго Амвросія, удостоенному высочайшаго утвержденія, 27-го сентября 1817 года послѣдовалъ указъ: Царе-Константиновскую церковь упразднить, причтъ ея въ полномъ составѣ, всю церковную утварь и архивъ перевести къ госпитальной церкви; строеніе упраздненной церкви разобрать и употребить по пристойности, напримѣръ, на отопленіе церкви. Было ли въ свое время чѣмъ либо отмѣчено мѣсто, гдѣ стоялъ святой престолъ, данныхъ въ указѣ не имѣется. Вопросъ, такимъ образомъ, исчерпанъ вполне; но крайне интересны условія, при которыхъ онъ возникъ, и самая возможность возникновенія. При такихъ точныхъ данныхъ, для такой близкой эпохи оказалась возможною въ полномъ смыслѣ слова археологическая находка. Для исторической топографіи населенныхъ мѣстъ—типичное предостереженіе и назиданіе.

НЕКРОЛОГИ.

ВОГОСЛОВСКІЙ, В. С. †. 18-го іюля въ Пятигорскѣ скончался извѣстный заслуженный ординарный профессоръ императорскаго Московскаго университета В. С. Богословскій. Родился В. С. въ 1842 году. По окончаніи курса тамбовской гимназій, въ августѣ 1859 г. принятъ былъ по экзамену въ число студентовъ Московскаго университета, въ которомъ кончилъ курсъ по медицинскому факультету. Въ 1868 году В. С. былъ удостоенъ Московскимъ университетомъ званія доктора медицины. Съ 1865 по 1868 годъ В. С. состоялъ сверхштатнымъ ординаторомъ при терапевтической госпитальной клиникѣ, въ 1869 году командированъ на два года за границу съ ученой цѣлью. Въ 1872 году утвержденъ въ званіи доцента Московскаго университета для преподаванія ученія о минеральныхъ водахъ и по токсикологіи. Въ 1884 году утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора по кафедрѣ фармакологіи съ рецентурой. Въ 1896 году, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, оставленъ по выслугѣ 25 лѣтъ по учебной части на дальнѣйшей службѣ при Московскомъ университетѣ. Въ 1897 году утвержденъ въ званіи заслуженнаго экстраординарнаго профессора, а въ слѣдующемъ году былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ фармакологіи. Въ 1901 году за выслугою 30-лѣтняго срока В. С. Богословскій былъ уволенъ изъ числа штатныхъ профессоровъ Московскаго университета съ сохраненіемъ званія профессора. Послѣ покойнаго остался рядъ солидныхъ работъ какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ. Такъ, имъ были переведены сочиненія Гризингера— «Трактатъ о холерѣ», Гоппе— «Постукиваніе и выслушиваніе

въ діагностическомъ отношеніи» и др. и самостоятельно написаны «О причинахъ возникновенія холеры», «Отчего появляются повальныя болѣзни», «О воздухѣ, какъ врачебномъ средствѣ», «Лечебныя мѣста Европы», «Пятигорскія воды при лѣченіи сифилиса», «Современное положеніе вопроса о водобоязни» и много другихъ. Покойный много сдѣлалъ для развитія бальнеологіи въ Россіи, большое участіе принималъ онъ также въ работахъ бальнеологическихъ съѣздовъ. (Некрологи его: «Новое Время», 1904 г., № 10197; «Русскія Вѣдомости», 1902 г., № 202; «Московскія Вѣдомости», 1904 г., № 199; «Виржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 371; «Русская Правда», 1904 г., № 109).

† **Вейнбергъ, П. И.** Послѣ долгихъ лѣтъ страданій и мукъ, въ воскресенье, 26-го іюля, на рукахъ сына и жены скончался Павелъ Исаевичъ Вейнбергъ, бывшій артистъ императорскихъ театровъ, стяжавшій себѣ въ былые дни и въ столицѣ и въ провинціи громкое имя, какъ рассказчикъ сценъ изъ еврейскаго, русскаго и армянскаго бытовъ. И до сихъ поръ живутъ въ памяти публики и въ актерскомъ мірѣ полные живого и мѣткаго юмора рассказы Павла Исаевича, одареннаго отъ природы громадною наблюдательностью: она сквозила въ каждомъ штрихѣ рассказовъ, выходившихъ изъ-подъ пера покойнаго, крайне воспріимчиваго по натурѣ человѣка. Въ качествѣ актера Павелъ Исаевичъ выступалъ на казенной сценѣ въ небольшихъ характерныхъ роляхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя въ его исполненіи поражали своей рельефностью. Послѣднія 12—15 лѣтъ Павелъ Исаевичъ, разбитый параличемъ, влачилъ печальные дни... Почти всѣ забыли о немъ, и только товарищи, старые и молодые, устраивавшіе ежегодно спектакль въ его пользу, давали средства «дотянуть» свой вѣкъ артисту, когда-то зарабатывавшему до 15 тысячъ въ годъ, знавшему и шумный успѣхъ, и бури овацій. Никто почти не зналъ о смерти былого любимца, и на увывлюю панихиду пришло лишь нѣсколько человѣкъ. Его «рассказы», сначала произнесенные со сцены или съ эстрады, не теряли своей свѣжести и блеска отъ печатнаго станка, продолжая до послѣдняго времени выходить новыми изданіями. Такъ покойному принадлежали: «Сцены изъ еврейскаго быта» (Спб., 1870—1903 г., десять изданій), «Сцены изъ еврейскаго и армянскаго быта» (Спб., 1878 г.), «Новыя сцены и анекдоты» (Спб., 1880 г.), «Полный сборникъ юмористическихъ сценъ» (М., 1883 г.), «Новые рассказы и сцены» (Сиб., 1886—1895 г., два изданія). Необходимо прибавить, что дѣятельность Павла Исаевича Вейнберга, какъ «забавнаго рассказчика», вызвала на свѣтъ многихъ подражателей, и его «еврейскія или армянскія сцены» часто служили матеріаломъ для другихъ менѣе искусныхъ «рассказчиковъ», особенно на «садовыхъ лѣтнихъ подмосткахъ». (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1904 г., № 206; «Новое Время», 1904 г., № 10202; «Пріазовскій Край», 1904 г., № 202; «Русская Правда», 1904 г., № 116; «Астраханскій Вѣстникъ», 1904 г., № 4491).

† **Гусевъ, А. О.** 8-го іюля скончался ординарный профессоръ Казанской духовной академіи по кафедрѣ введенія въ кругъ богословскихъ наукъ, докторъ богословія, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Александръ Ѳеодоровичъ Гусевъ. Уроженецъ Тверской губерніи, Александръ Ѳеодоровичъ среднее богословское образованіе получилъ въ Тверской духовной семинаріи, а высшее — въ Петер-

бургской духовной академіи, въ которой и окончилъ курсъ въ 1871 году со степенью кандидата и съ правомъ при исканіи степени магистра богословія не держать новаго устнаго испытанія. Въ 1874 году Александръ Федоровичъ представилъ въ совѣтъ С.-Петербургской духовной академіи сочиненіе на степень магистра: «Нравственный идеалъ буддизма въ его отношеніи къ христіанству»; послѣ публичной защиты сочиненія совѣтомъ академіи былъ удостоенъ степени магистра, и высокопреосвященнымъ Исидоромъ, митрополитомъ с.-петербургскимъ, утверждёнъ въ этой степени. По окончаніи курса въ академіи, покойный Александръ Федоровичъ назначенъ былъ преподавателемъ основнаго, догматическаго и нравственнаго богословія въ казанскую духовную семинарію и сослужалъ на этой службѣ до 9-го февраля 1887 года, почти 16 лѣтъ. Въ 1887 году, покойный Александръ Федоровичъ, какъ выдающійся преподаватель семинаріи и уже давно имѣющій степень магистра богословія, по представленію высокопреосвященнаго Палладія, архіепископа казанскаго, святѣйшимъ синодомъ назначенъ былъ доцентомъ въ Казанскую духовную академію по кафедрѣ введенія въ кругъ богословскихъ наукъ. Въ 1889 году совѣтомъ академіи возведенъ былъ въ званіе экстраординарнаго профессора и утверждёнъ святѣйшимъ синодомъ. Въ 1895 году Александръ Федоровичъ за представленное сочиненіе: «Основныя религіозныя начала графа Льва Толстого», совѣтомъ академіи удостоенъ степени доктора богословія, въ каковой степени и утверждёнъ святѣйшимъ синодомъ; въ томъ же году возведенъ въ званіе ординарнаго профессора. Александръ Федоровичъ оставилъ послѣ себя весьма много литературныхъ трудовъ; изъ болѣе важныхъ, напечатанныхъ имъ въ разныхъ журналахъ и отдѣльными изданіями, укажемъ на слѣдующіе: «Живой вопросъ нашей церкви»; «Человѣкъ въ его отличіи отъ животныхъ» (по поводу книги Дарвина «О происхожденіи человѣка»); «0 евангельскихъ совѣтахъ»; «Нравственный идеалъ буддизма въ его отношеніи къ христіанству» (магистерское сочиненіе); «Нравственность, какъ условіе цивилизаціи» (противъ Бокля); «Нравственныя условія матеріальнаго благосостоянія»; «Вопросъ о воспитаніи въ ученіи современныхъ естествовѣдцовъ»; «Вынужденное слово» — къ вопросу объ уменьшеніи праздничныхъ дней въ народѣ; «Огюсть Контъ, какъ авторъ курса положительной философіи»; «Джонъ Стюартъ Милль, какъ моралистъ»; «Къ вопросу объ утилитаризмѣ и о свободѣ въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго развитія общества»; «Бѣгство изъ семинарій въ университеты и лицей»; «Вопросъ объ обязательномъ народномъ обученіи»; «Взаимное отношеніе между церковію и государствомъ»; «Фиктивный союзъ матеріализма съ естествознаніемъ»; «Къ вопросу о христіанскомъ аскетизмѣ»; «Папизмъ въ наукѣ»; «Злополучный день въ исторіи Россіи»; «Христіанство, наука и философія»; «Мухаммеданская космогонія»; «Натуралистъ Уоллэсъ, его русскіе переводчики и критики» (къ вопросу о происхожденіи человѣка); «Ложныя воззрѣнія по вопросу объ усовершенствѣнности христіанства». Много писалъ покойный профессоръ противъ графа Л. Н. Толстого: «Графъ Л. Н. Толстой, его исповѣдь и мнимо-новая вѣра»; «Необходимость высшаго богопочтенія» (противъ графа Толстого); «0 бракъ и безбрачій» (противъ «Крейцеровой Сонаты» и «Послѣсловія» къ ней графа Л. Н.

Толстого); «Любовь къ людямъ въ ученіи графа Л. Толстого» (рѣчь на академическомъ актѣ 8-го ноября 1891 года). За свою свыше 33-хъ лѣтнюю профессорскую дѣятельность покойный Александръ Федоровичъ всемиловѣйше награжденъ былъ орденами: св. Станислава 2-й и 3-й степени; св. Анны тѣхъ же степеней; св. равноапостольнаго князя Владимира 3-й и 4-й степеней; послѣдняя полученная имъ высочайшая награда—производство за отличіе въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. (Некрологъ его: «Казанскій Телеграфъ», 1904 г., № 3458).

† **Маненковъ, В. И.** 23-го іюля, въ селѣ Черемышевкѣ, Тетюшскаго уѣзда, скончался отъ паралича сердца **Василій Ивановичъ Маненковъ**, всю свою жизнь посвятившій литературному труду, главнымъ образомъ, въ поволжскихъ изданіяхъ. Уроженецъ Симбирской губерніи, деревни Устеренки, покойный **Василій Ивановичъ** получилъ воспитаніе у сосѣда помѣщика, покойнаго уже теперь, извѣстнаго писателя-народника **В. Н. Назарьева**. Подъ вліяніемъ Назарьева **Василій Ивановичъ** и началъ свою литературную дѣятельность, въ первую половину 80-хъ годовъ, свято храня завѣты своего маститаго учителя. **Василій Ивановичъ** состоялъ долгое время постояннымъ сотрудникомъ «Самарской Газеты». Въ это же время онъ работалъ и во многихъ поволжскихъ изданіяхъ, въ томъ числѣ въ «Казанскомъ Биржевомъ Листкѣ», «Казанскихъ Вѣстяхъ» и «Казанскомъ Телеграфѣ», печатая корреспонденціи, рассказы, фельетоны и пр. Труды **Василія Ивановича Маненкова** разбросаны по многимъ изданіямъ, и собрать ихъ нѣтъ никакой возможности. Послѣднее мѣсто, которое онъ занималъ,—было въ «Русскомъ Словѣ», гдѣ онъ и захворалъ нервнымъ разстройствомъ и лѣчился въ Казани; несмотря на болѣзнь, **Василій Ивановичъ** не оставлялъ литературной дѣятельности. Смерть сразила его неожиданно для окружающихъ лицъ: покойному было всего 41 годъ. Семью свою **Василій Ивановичъ** содержалъ исключительно литературнымъ трудомъ. (Некрологъ его: «Самарская Газета», 1904 г., № 168).

† **Плеве, В. К.** 15-го іюля убитъ министръ внутреннихъ дѣлъ, шефъ жандармовъ, министръ статсъ-секретарь великаго княжества Финляндскаго, сенаторъ, статсъ-секретарь, дѣйствительный тайный совѣтникъ **Вячеславъ Константиновичъ Плеве**. Потомственный дворянинъ Костромской губерніи, **В. К. Плеве** родился 8-го апрѣля 1846 года. Окончивъ курсъ въ императорскомъ Московскомъ университетѣ со степенью кандидата юридическихъ наукъ, онъ поступилъ, 16-го августа 1867 года, на службу кандидатомъ на судебныя должности при прокурорѣ Московскаго окружнаго суда и въ теченіе четырнадцати лѣтъ служилъ по министерству юстиціи. Начиная съ 1868 года, покойный послѣдовательно занималъ должности: секретаря во владимирскомъ окружномъ судѣ, товарища прокурора въ тульскомъ окружномъ судѣ, вологодскаго губернскаго прокурора, прокурора вологодскаго окружнаго суда, товарища прокурора варшавской судебной палаты и, наконецъ, прокурора с.-петербургской судебной палаты. Въ послѣдней должности **Вячеславъ Константиновичъ** лично докладывалъ въ Бозѣ почивающему императору **Александру II** о ходѣ слѣдственнаго производства по дѣлу о государственныхъ преступленіяхъ, главнымъ образомъ о взрывѣ въ Зимнемъ дворцѣ, а въ мартѣ и апрѣлѣ 1881 года исполнялъ

обязанности прокурора при особомъ присутствіи правительствующаго сената, учрежденномъ для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ, и при производствѣ дѣла о злодѣяніи 1-го марта того же года. Въ 1881 году покойный былъ назначенъ директоромъ департамента государственной полиціи и членомъ состоявшей подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова комиссіи по составленію положенія о государственной охранѣ; въ 1884 году—сенаторомъ, а въ 1885 году—товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. 1-го января 1894 года послѣдовало его назначеніе государственнымъ секретаремъ и главноуправляющимъ кодификаціонною частью при государственномъ совѣтѣ; въ 1896 году онъ пожалованъ въ статсъ-секретари; въ 1897 году назначенъ членомъ особаго совѣщанія по дѣламъ дворянскаго сословія, въ слѣдующемъ году—членомъ особаго совѣщанія, образованнаго для предварительнаго разсмотрѣнія проекта уголовного уложенія. Въ 1899 году покойному всемилостивѣйше повелѣно быть исправляющимъ должность статсъ-секретаря великаго княжества Финляндскаго, а на слѣдующій годъ онъ былъ утвержденъ въ этой должности. 4-го апрѣля 1902 года Вячеславъ Константиновичъ былъ призванъ высочайшею волею на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Одновременно съ исполненіемъ должности министра покойный состоялъ предсѣдателемъ особыхъ комиссій: а) по обсужденію предположеній о преобразованіи губернскаго управленія во внутреннихъ губерніяхъ имперіи, и б) о мѣрахъ предупрежденія и борьбы съ чумною заразою и особаго совѣщанія по пересмотру законодательства о крестьянахъ. Кромѣ того, онъ состоялъ: членомъ высочайше учрежденнаго особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, членомъ попечительства о домахъ трудолюбія и рабочихъ домахъ, пожизненнымъ почетнымъ членомъ Московскаго совѣта дѣтскихъ приютовъ, почетнымъ членомъ благотворительнаго христоролюбиваго общества самопомощи въ болѣзняхъ въ С.-Петербургѣ и Владимирской ученой архивной комиссіи и почетнымъ гражданиномъ города Менцовска. Въ бытность товарищемъ министра покойный принималъ самое живое участіе въ важнѣйшихъ мѣропріятіяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Такъ, онъ предсѣдательствовалъ въ высочайше учрежденныхъ комиссіяхъ: по поводу паденія цѣнъ на сельско-хозяйственныя произведенія въ Россіи; по пересмотру дѣйствующихъ постановленій устава о фабричной и заводской промышленности; по составленію положенія объ управленіи степныхъ областей; по разсмотрѣнію вопросовъ о правахъ иностранцевъ на владѣнія въ имперіи недвижимою собственностью; объ устройствѣ управленія иностранными колонистами въ губерніяхъ Юго-Западнаго края; о принятіи и оставленіи иностранцами русскаго подданства; для разсмотрѣнія относящихся до Прибалтійскихъ губерній вопросовъ: а) о распространеніи на эти губерніи устава о земскихъ повинностяхъ, и б) по пересмотру мѣстныхъ узаконеній о дворянскихъ учрежденіяхъ въ Прибалтійскомъ краѣ; для разработки вопросовъ о мѣрахъ къ предупрежденію отчужденія крестьянскихъ земель; по пересмотру положенія о волостныхъ судахъ и по составленію проекта правилъ о производствѣ судебныхъ дѣлъ у земскихъ начальниковъ; въ совѣщаніи по начертанію окончательныхъ предположеній министерства внутреннихъ дѣлъ объ отмѣненіи положенія о земскихъ учрежденіяхъ; по пересмотру устава о народ-

номъ продовольствіи и многихъ другихъ. Кромѣ того, Вячеславъ Константиновичъ участвовалъ въ трудахъ комиссій: по обсужденію устройства зоологическаго музея при императорской академіи наукъ; для составленія правилъ меліоративнаго кредита; для обсужденія вопроса о мѣрахъ къ поддержанію дворянскаго землевладѣнія; въ совѣщаніи по пересмотру ограничительныхъ постановленій о евреяхъ и о распространеніи этихъ постановленій на губерніи царства Польскаго и въ комиссіи по составленію предположеній объ измѣненіи городского положенія. Когда въ 1891 г. былъ образованъ, подъ предсѣдательствомъ Настѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, особый комитетъ для помощи населенію, пострадавшему отъ неурожая, Вячеславъ Константиновичъ былъ назначенъ членомъ-дѣлопроизводителемъ этого комитета. За два года и три мѣсяца управленія В. К. Плеве министерствомъ внутреннихъ дѣлъ были опубликованы многія важныя узаконенія по этому министерству, изъ которыхъ приводимъ нѣкоторыя главнѣйшія: о распространеніи на Амурскую, Приморскую, Акмолинскую, Семипалатинскую, Тургайскую и Уральскую области дѣйствія временнаго положенія 2-го іюня 1898 года о крестьянскихъ начальникахъ; объ утвержденіи штата хозяйственнаго департамента; о предоставленіи министру внутреннихъ дѣлъ разрѣшать губернскимъ земствамъ въ подлежащихъ случаяхъ временныя позаймствованія изъ средствъ мѣстныхъ губернскихъ продовольственныхъ капиталовъ на мѣропріятія по улучшенію крестьянскаго хозяйства; объ утвержденіи штата канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ дворянства; о распространеніи на азіатскую границу высочайше утвержденныхъ 24-го марта и 26-го апрѣля 1893 года правилъ санитарной охраны границъ имперіи; объ усовершенствованіи дворянскихъ учрежденій и о пересмотрѣ законоположеній о сихъ учрежденіяхъ; объ утвержденіи дворянскихъ кассъ взаимопомощи; о взаимномъ между земствами перестрахованіи имуществъ отъ огня; о передачѣ управленія кочующими въ Астраханской и Ставропольской губерніяхъ калмыками въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ; объ утвержденіи штата департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ; о преобразованіи учрежденій, вѣдающихъ дѣла земскаго хозяйства въ девяти западныхъ губерніяхъ; о передачѣ государственныхъ поселенъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ въ губерніяхъ Елисаветпольской, Тифлисской и Эриванской, въ завѣдываніе крестьянскихъ учрежденій; о преобразованіи С.-Петербургскаго городского общественнаго управленія; объ утвержденіи правилъ объ удаленіи иностранцевъ изъ предѣловъ Россіи; о распространеніи законоположеній 12-го іюня 1889 года на губерніи Виленскую, Гродненскую и Ковенскую и объ ассигнованіи необходимыхъ на это кредитовъ; объ утвержденіи правилъ о пріятіи мѣръ къ прекращенію холеры и чумы при появленіи ихъ внутри имперіи; о предоставленіи министру внутреннихъ дѣлъ и тверскому губернатору особыхъ полномочій по отношенію къ Тверскому земству; о замѣнѣ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ натуральныхъ хлѣбныхъ запасовъ денежными капиталами; объ измѣненіи порядка возбужденія ходатайствъ земскими учрежденіями; объ измѣненіи положенія о медицинскомъ совѣтѣ и о новомъ его штатѣ; объ учрежденіи совѣта и главнаго управленія по дѣламъ мѣстнаго хозяйства и управленія

главнаго врачбнаго инспектора; о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ въ дѣйствующихъ постановленіяхъ о земскихъ участковыхъ начальникахъ; объ измѣненіи порядка разрѣшенія нѣкоторыхъ дѣлъ, касающихся воинской повинности и друг. (Некрологи его: «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 162; «Русскія Вѣдомости», 1904 г., № 197; «Новое Время», 1904 г., № 10191; «Кіевская Газета», 1904 г., № 195; «Кіевлянинъ», 1904 г., № 195; «Одесскій Листокъ», 1904 г., № 187; «Приазовскій Край», 1904 г., № 187; «Финляндская Газета», 1904 г., № 110; «Кіевское Слово», 1904 г., № 5938; «Одесскія Новости», 1904 г., № 6366; «Харьковскія Губернскія Вѣдомости», 1904 г., № 184; «Южное Обозрѣніе», 1904 г., № 2552; «Ураль», 1904 г., № 2043; «Волянъ», 1904 г., № 87; «Сѣверо-Западный Край», 1904 г., № 505; «Приволжскій Край», 1904 г., № 169; «Южный Край», 1904 г., № 8159; «Крымскій Курьеръ», 1904 г., № 163; «Пермскія Вѣдомости», 1904 г., № 155; «Сибирская Жизнь», 1904 г., № 154; «Симбирскія Губернскія Вѣдомости», 1904 г., № 54; «Олонецкія Губернскія Вѣдомости», 1904 г., № 80 и друг.).

† **Прендель, Р. А.** Въ своемъ имѣніи «Гуртовое», Лохвицкаго уѣзда, скончался профессоръ Новороссійскаго университета, Р. А. Прендель. Скончавшійся профессоръ принадлежалъ къ числу наиболѣе уважаемыхъ и популярныхъ профессоровъ Новороссійскаго университета, который самъ окончилъ въ 1872 году (естественное отдѣленіе). Съ 1874 года почти до самой смерти покойный Р. А. непрерывно, постепенно возвышаясь по службѣ, состоялъ въ профессорской коллегіи Новороссійскаго университета. Помимо своей просвѣтительной дѣятельности покойный профессоръ удѣлялъ немало времени и общественной дѣятельности. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельнѣйшихъ членовъ комитета студенческой столовой, членомъ распорядительнаго комитета «одесскаго общества для устройства дешевыхъ ночлежныхъ пріютовъ», членомъ комитета по завѣдыванію Когановскими учрежденіями дешевыхъ квартиръ въ Одессѣ и другихъ учрежденій, состоялъ вице-президентомъ новороссійскаго общества естествоиспытателей и товарищемъ председателя крымскаго горнаго клуба. (Некрологъ его: «Южное Обозрѣніе», 1904 г., № 2538).

† **Сергій, архіепископъ ярославскій.** 5-го августа въ Ярославлѣ тихо почилъ послѣ непродолжительной болѣзни высокопреосвященный Сергій, архіепископъ ярославскій и ростовскій. Почившій, въ міру Константинъ Ивановичъ Ланинъ, родился въ Москвѣ, здѣсь же и воспитывался во 2-й классической гимназіи и по окончаніи курса поступилъ въ Московскую духовную академію, гдѣ, будучи на второмъ курсѣ, принялъ монашество и былъ посвященъ въ іеродіаконы. Въ 1882 году онъ былъ посвященъ въ іеромонахи и по окончаніи курса со степенью кандидата богословія былъ назначенъ смотрителемъ дмитровскаго училища Московской епархіи. Въ 1885 году онъ былъ назначенъ ректоромъ костромской семинаріи и возведенъ въ санъ архимандрита, а черезъ 5 лѣтъ былъ переведенъ на ту же должность въ симбирскую семинарію. Въ 1893 году о. архимандритъ былъ назначенъ намѣстникомъ Кіево-Печерской лавры и много потрудился въ дѣлѣ ея украшенія. При немъ было произведено много новыхъ построекъ, сооружена новая трапезная церковь, начѣлось возобновленіе главной соборной церкви. Въ Петербургѣ при кіевскомъ подворьѣ по-

строенъ новый великолѣпный храмъ и зданія. 2-го іюня 1896 года отецъ архимандритъ былъ хиротонисанъ въ епископы уманскіе, викарии кievской митрополии, а черезъ два года назначенъ епископомъ черниговскимъ и управляющимъ кievскимъ Михайловскимъ монастыремъ. Онъ великолѣпно отдѣлалъ всѣ монастырскіе храмы, передѣлалъ зданія и т. д. Кромѣ того, онъ былъ предѣдателемъ братства св. Владимира, гдѣ соорудилъ новый домъ, устроилъ библиотеку, принималъ дѣятельное участіе въ открытіи Покровскаго монастыря, состоялъ членомъ комиссіи по сооруженію Владимирскаго собора и т. д. 16-го марта 1902 года преосвященный Сергій былъ назначенъ епископомъ псковскимъ. Здѣсь онъ заботился о возстановленіи и реставраціи древнихъ храмовъ, объ устроеніи церковно-приходскихъ школъ и библиотекъ, устроилъ при усыпальницѣ архіереевъ подъ каѳедральнымъ соборомъ храмъ въ честь Серафима Саровскаго. Въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго года преосвященный Сергій былъ возведенъ въ санъ архіепископа и назначенъ на ярославскую каѳедру. Перу почившаго архіепископа Сергія принадлежали проповѣди, напечатанныя въ «Вѣдомостяхъ» тѣхъ епархій, гдѣ проходило его служеніе. Изъ этихъ «поученій» слѣдуетъ назвать «Слово при нареченіи въ санъ епископа» («Церковныя Вѣдомости», 1896 г., № 24) и «Двѣ привѣтственные рѣчи государю императору» (Псковъ, 1903 г.). (Некрологи его: «Биржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 399; «Московскія Вѣдомости», 1904 г., № 216; «Новости», 1904 г., № 215; «Приазовскій Край», 1904 г., № 210; «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 180).

† **Фадѣевъ, П. А.** Въ Петербургѣ 24-го іюля кончался на 67 году жизни сенаторъ, инженеръ путей сообщенія, тайный совѣтникъ Петръ Александровичъ Фадѣевъ. П. А. происходилъ изъ дворянъ. Отецъ его генералъ отъ артиллеріи А. А. Фадѣевъ скончался пять лѣтъ тому назадъ на 88 году жизни. П. А. родился 24-го марта 1837 года, окончилъ курсъ въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія и вступилъ на службу 6-го іюня 1857 года съ чиномъ поручика въ правленіе 12-го округа путей сообщенія. Здѣсь П. А. прослужилъ около 10 лѣтъ, участвуя въ такихъ работахъ, какъ проведеніе подводнаго кабеля черезъ Неву у Литейнаго моста, углубленіе рѣки Невы у С.-Петербургской таможни и многія другія. Затѣмъ покойный былъ назначенъ членомъ комитета по устройству С.-Петербургскаго морскаго канала и принималъ живѣйшее участіе въ исполненіи этого грандіознаго сооруженія. 20-го января 1877 года онъ былъ назначенъ директоромъ департамента шоссеиныхъ и водяныхъ сообщеній министерства путей сообщенія и завѣдывающимъ техническо-инспекторскимъ комитетомъ. На этомъ посту П. А. оставался до 1892 года, когда ему было всемилостивѣйше повелѣно присутствовать въ 1-мъ департаментѣ правительствующаго сената съ оставленіемъ въ спискахъ министерства путей сообщенія. За время управленія П. А. департаментомъ шоссеиныхъ и водяныхъ сообщеній начаты капитальныя работы по улучшенію Маріинской водной системы, устроены порты въ Феодосіи, Новороссійскѣ, Маріуполѣ и мосты въ Ялтѣ и Батумѣ, а также углубленъ Керчь-Эникальскій каналъ. (Некрологи его: «Московскія Вѣдомости», 1904 г., № 205; «Новое Время», 1904 г., № 10201).

† **Фанъ-дерь-Флитъ, П. П.** 29-го іюля скончался бывшій профессор С.-Петербургскаго университета, извѣстный физикъ, Петръ Петровичъ Фанъ-дерь-Флитъ. Покойный родился въ городѣ Архангельскѣ въ 1839 году, окончилъ курсъ со степенью кандидата въ 1857 году на математическомъ отдѣленіи физико-математическаго факультета С.-Петербургскаго университета и по защитѣ въ 1872 году магистерской диссертациі, «Опытъ объясненія нѣкоторыхъ внутреннихъ явленій гидро-электрической дѣи», въ слѣдующемъ году сталъ читать въ университетѣ лекціи. Въ 1877 году П. П. защитилъ диссертацию на степень доктора подъ заглавіемъ: «Опытъ объясненія внѣшнихъ дѣйствій явленій электрическаго тока», и въ 1880 году былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ; катедру по физикѣ въ С.-Петербургскомъ университетѣ П. П. занималъ до самаго послѣдняго времени, когда уже въ званіи заслуженнаго профессора долженъ былъ по болѣзни прекратить чтеніе лекцій. Покойный былъ не только выдающійся ученый, внесшій цѣнный вкладъ въ разработку науки своими многочисленными изслѣдованіями въ области физики, но и хорошій педагогъ; ему между прочимъ принадлежитъ немало приборовъ, устроенныхъ для демонстраціи различныхъ физическихъ явленій на лекціяхъ. Педагогическому міру покойный извѣстенъ, какъ авторъ статей о преподаваніи математики и физики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Не чуждъ былъ П. П. и общественной дѣятельности: онъ принималъ самое живое участіе въ дѣятельности общества вспоможенія студентамъ С.-Петербургскаго университета и состоялъ гласнымъ городской думы. (Некрологи его: «Русскія Вѣдомости», 1904 г., № 213; «Новое Время», 1904 г., № 10205; «Донская Рѣчь», 1904 г., № 211; «Московскія Вѣдомости», 1904 г., № 210; «Приазовскій Край», 1904 г., № 206; «Виржевыя Вѣдомости», 1904 г., № 388; «Правительственный Вѣстникъ», 1904 г., № 174).

† **Цакни, Н. П.** 23-го іюля редакція «Южнаго Обзорнія» проводила въ мѣсту послѣдняго успокоенія внезапно скончавшагося своего редактора, Николая Петровича Цакни, руководившаго газетой съ перваго дня ея основанія. Газета, по свидѣтельству редакціи, была главнымъ дѣломъ покойнаго. Ей онъ отдавалъ всѣ свои силы и дарованія, и его біографія за послѣдніе годы есть, собственно говоря, біографія газеты «Южное Обзорніе». Н. П. Цакни, судя даже по краткому некрологу, былъ глубокая интересная личность, прожившая жизнь красиво, идейно, много перенесшая, не мало борющаяся... Оттого и совершенно понятна глубокая неподдѣльная скорбь, сквозящая во всѣхъ статьяхъ и «Южнаго Обзорнія» и другихъ одесскихъ газетъ. Покойный, изъ потомственныхъ дворянъ Таврической губ., родился въ 1851 году въ городѣ Балаклаваѣ. По окончаніи Симферопольской гимназіи, поступилъ въ Харьковскій университетъ, откуда затѣмъ перевелся въ Петровско-Разумовскую академію въ Москву. Но здѣсь ему не суждено было окончить курса, и онъ уѣхалъ въ провинцію, а затѣмъ въ Лондонъ и Парижъ. Здѣсь Н. П. провелъ 8 лѣтъ (съ 1878 по 1886 г.). Успѣлъ сойтись съ русскими писателями, проживавшими тогда въ столицѣ Франціи, и особенно сблизился съ Тургеневымъ. Здѣсь же началась его серьезная журнальная дѣятельность. Н. П. переводилъ на русскій языкъ сочиненія Зола, корреспондировалъ въ столичныя газеты и

журналы: въ «Недѣлю», «Страну», «Петербургскія Вѣдомости» и др. Между прочимъ, въ Парижѣ Н. П. издалъ на французскомъ языкѣ свое интересное изслѣдованіе о русскихъ сектантахъ. Въ это же время онъ помѣстилъ въ «Русскомъ Богатствѣ» обширную статью «Сельскохозяйственные синдикаты во Франціи». Писалъ онъ большею частью подъ псевдонимомъ. Въ Парижѣ Н. П. пришлось немало страдать. Н. П. узналъ, что такое голодъ. Ему приходилось часто добывать себѣ средства къ жизни простымъ трудомъ. Въ 1886 году Н. П. Цакни вернулся въ Россію. Сначала онъ поселился въ деревнѣ, а потомъ переѣхалъ въ маѣ 1887 года въ Одессу. Здѣсь онъ продолжалъ газетно-журнальную дѣятельность, сначала какъ корреспондентъ «Недѣли», посылая «Письма изъ Новороссіи», а затѣмъ приглашенъ былъ тогдашнимъ редакторомъ «Одесскихъ Новостей» В. Н. Маракучевымъ завѣдывать редакціей. Въ «Одесскихъ Новостяхъ» онъ проработалъ до конца 1896 г., а при основаніи «Южнаго Обозрѣнія» приглашенъ былъ первымъ редакторомъ-издателемъ газеты, проф. Н. Е. Чижевскимъ, завѣдывать редакціей. Здѣсь въ редакціи, сдѣлавшись потомъ редакторомъ газеты, онъ работалъ до своихъ послѣднихъ дней. Онъ часто писалъ статьи по городскимъ и общимъ вопросамъ, при чемъ по своей скромности подписывался только буквами и былъ истиннымъ вождемъ газеты. Покойный Н. П. принималъ близкое участіе и въ мѣстныхъ общественныхъ дѣлахъ: состоялъ членомъ правленія Славянскаго благотворительнаго общества, членомъ-учредителемъ и предсѣдателемъ ревизіонной комиссіи одесскаго литературно-художественнаго общества, старшиной литературной секціи общества, членомъ общества любителей исторіи, литературы и науки, южно-русскаго драматическаго общества, предсѣдателемъ ревизіонной комиссіи общества содѣйствія физическому воспитанію дѣтей, членомъ учредителемъ и кандидатомъ въ члены правленія одесскаго отдѣла русскаго общества защиты женщинъ и членомъ многихъ другихъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ. (Некрологи его: «Русскія Вѣдомости», 1904 г., № 209; «Донская Рѣчь», 1904 г., № 199; «Приазовскій Край», 1904 г., № 198; «Одесскій Листокъ», 1904 г., № 191; «Одесскія Новости», 1904 г., № 6373; «Южное Обозрѣніе», 1904 г., № 2559).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ статьѣ о поэтахъ-крестьянахъ.

Въ статьѣ г. Яцимирскаго: «Изъ воспоминаній поэтовъ-крестьянъ о русскихъ писателяхъ» («Историческій Вѣстникъ», 1904 г., августъ), авторъ затрудняется опредѣлить время бесѣды поэта Старостина съ И. С. Тургеневымъ. Изъ данныхъ, сообщаемыхъ названной статьѣй, видно лишь, что бесѣда происходила передъ поступленіемъ Старостина въ С.-Петербургскій университетъ,

т.-е. въ серединѣ 60-хъ годовъ (поэтъ кончилъ это высшее учебное заведеніе въ 1870 г.).

На основаніи писемъ Ивана Сергѣевича можемъ указать, что весь 1866 г. Тургеневъ прожилъ въ Баденѣ. Въ предыдущемъ же 1865 году онъ пребылъ на родинѣ полтора мѣсяца, пріѣхавъ въ Спасское 3-го іюня и вернувшись обратно въ Баденъ 14-го или 15-го іюля (старого стила). Значитъ, со Старостивымъ онъ могъ бесѣдовать или въ концѣ мая, или около 10-го іюля 1865 г. Первое предположеніе болѣе соотвѣтствуетъ даннымъ названной статьи.

Н. Гутъяръ.

ИФИГЕНІЯ

ДРАМА ВЪ 4-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

В. БУРЕНИНА.

Приложеніе къ журналу „Историческій Вѣстникъ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина, Зртелевъ, 13
1904

Нѣкоторыя сцены предлагаемой пьесы взяты изъ «Ифигеніи въ Тавридѣ» Эврипида и представляютъ мѣстами довольно близкій переводъ. Сцена Ифигеніи съ Тоантомъ въ первомъ дѣйствіи заимствована въ сокращенномъ видѣ изъ «Ифигеніи» Гете. Въ общемъ сценаріи удержаны существенныя черты греческой легенды, сохраненъ хоръ и соблюдены классическія условія единства мѣста и времени.

В. Буренинъ.

Южный берегъ Крыма.
Май—июль, 1904 г.

Л И Ц А.

Ифигенія, дочь Агамемнона.

Орестъ, ея братъ.

Пиладъ.

Тоантъ, царь Тавриды.

Старый воинъ.

Начальникъ стражи.

Старикъ { скионы.

Молодой {

Первая { рабыни-гречанки.

Вторая {

Хоръ рабынь-гречанокъ.

Старуха { скионскія женщины.

Молодая {

Вѣстникъ.

Воины-скионы, народъ.

Дѣйствіе въ Тавридѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Берегъ моря. Направо, на первомъ планѣ, скала, поросшая соснами; за нею другія скалы, вдающіяся въ море и уходящія въ глубину сцены. Налѣво группа кипарисовъ. На второмъ планѣ утесъ, на вершинѣ котораго изъ-за деревьевъ виденъ храмъ Артемиды. Отъ храма спускается внизъ тропа, оканчивающаяся ступеньками, вырубленными въ утесъ и ведущими къ каменной площадкѣ. Посрединѣ площадки жертвенникъ. — Вечеръ. Яркій закатъ.

СЦЕНА I.

Ифигенія, гречанки-рабыни.

РАБЫНИ.

Печально поетъ Гальціона на скалахъ у моря,
Поетъ свои пѣсни унылыя.
На берегѣ чуждомъ, какъ птицы безкрылыя,
Мы бродимъ въ неволѣ и плачемъ отъ горя,
И только мечтой
Уносимся въ край золотой,
Гдѣ стройныя пальмы и лавръ, и олива
Глядятся въ лазурныя воды...
Тамъ, юныя дѣвы, мы жили когда-то счастливо
И въ отческомъ домѣ водили, рѣзвясь, хороводы,
Одна предъ другою
Гордясь красотою...
Враги увели насъ въ неволю
Изъ милой Эллады
Изъ края родного.
Мы терпимъ суровую долю,
И нѣтъ намъ въ грядущемъ отрады
Вернуться на родину снова..

ИФИГЕНІЯ.

Рабыни бѣдныя! Какъ ваша пѣснь
 Печальная мнѣ надрываетъ сердце...
 Расплакаться готова я...

ОДНА ИЗЪ РАБЫНЬ.

Прости...

Вечерній часъ всегда въ насъ возбуждаетъ
 Воспоминанья о родной странѣ,
 И гимнами печали мы привыкли
 Встрѣчать закатъ.

ИФИГЕНІЯ.

Я понимаю васъ:

И я, какъ вы, въ томительной неволѣ
 Живу мечтой о счастьѣ дней былыхъ,
 Когда въ дому отца я знала радость...
 О, если бъ эти волны голубыя,
 Что въ даль бѣгутъ одна во слѣдъ другой,
 Могли домчать въ родную Арголиду
 Къ отцу и матери вѣсть обо мнѣ
 Отрадную и прошептали тихо:
 «Не плачьте, ваша дочь не умерла:
 Въ плѣну у скийскаго царя Тоанта,
 Среди народа чуждаго она
 Тоскуеть о своей отчизнѣ дальней»...

ВТОРАЯ РАБЫНЯ.

Да, госпожа, суровая судьба
 Досталася тебѣ на долю: юность
 Ты въ одиночествѣ проводишь сиромъ.
 Но радости и здѣсь встрѣчаешь ты
 У дикихъ варваровъ. За милосердые
 Тебя въ народѣ любятъ; царь Тоантъ
 Благоволитъ къ тебѣ, и чтитъ онъ въ жрицѣ
 Богини Артемиды красоту
 И свѣтлое достоинство гречанки.

ИФИГЕНІЯ.

Въ твоихъ словахъ есть правда, но не вся:
 Ко мнѣ привѣтливъ царь, но презираютъ
 Меня вожди и воины его.
 Въ народѣ же иные чужеземкой,
 Волшебницею хитрою зовутъ.

РАБЫНЯ.

Зато другіе думаютъ, что, жрицы
Принявши образъ, съ неба къ нимъ сошла
Богиня кроткая...

[При послѣднихъ словахъ рабыни, приближаются нѣсколько скиѣскихъ женщинъ;
впереди—молодая съ дѣвочкой и старуха].

С Ц Е Н А II.

Ифигенія, рабыни-гречанки, скиѣскія женщины.

МОЛОДАЯ ЖЕНЩИНА.

Что правда — правда!

И какъ же намъ не почитать тебя
Богинею, когда творишь дѣла ты,
Доступныя лишь только божествамъ.
Вотъ погляди: къ тебѣ мою малютку
Я привела. Три дня тому, она
Лежала при смерти, огнемъ горѣла
Бѣдняжечка...

СТАРУХА.

Ужъ думала и я,
Что внучку мнѣ похоронить придется...

МОЛОДАЯ.

Но ты питье цѣлебное дала —
Воскресла дѣвочка... Позволь колѣни
Твои обнять, божественная жрица,
Позволь передъ тобою преклониться
И ей и мнѣ... [Цѣлуетъ край ея одежды. Потомъ поднимается и
подастъ корзину съ плодами и цвѣтами].

Прими отъ насъ
Нашъ скудный даръ, какъ жертву.

ИФИГЕНИЯ.

Возложу я
Вашъ даръ на алтарѣ богини въ храмѣ.
Благодари ее: она спасла
Твою малютку.

МОЛОДАЯ.

По твоей молитвѣ
Священной.

ИФИГЕНІЯ.

Да. Но также по твоей:
Молитва матери сильна... Я рада,
Что встала дѣвочка твоя.

[Ласкаетъ ребенка].

СТАРУХА.

А мы —

Какъ мы-то рады... Видишь, госпожа, ты,
Какая дѣвочка: цвѣточекъ! Внучка
Одна вѣдь только у меня осталась:
Трехъ годъ за годомъ схоронили. Горе
Такое горькое...

МОЛОДАЯ.

Не осуди

Простыя наши рѣчи. Мы отъ сердца
Благодаримъ тебя... Прощай.

[Склоняются передъ нею].

ИФИГЕНІЯ.

Прощайте.

[Скисскія женщины уходятъ].

ПЕРВАЯ РАВЫНЯ.

И намъ пора проститься, госпожа.
Заря погасла.

ИФИГЕНІЯ.

Да, слетаетъ съ неба

Богиня тихой ночи. Пусть она
Перенесетъ васъ въ тайныхъ грезахъ сна
Съ чужбины, гдѣ томитесь вы въ неволѣ,
Въ родную Аргolidу; пусть вашъ взоръ
Увидитъ лавръ и мраморныя стѣны,
И залитыя солнцемъ выси горъ,
И волнъ лазурь и ихъ жемчужной пѣны
Сверкающей у берега узоръ...

РАВЫНИ [уходятъ, напѣвая, къ храму].

Враги увели насъ въ неволю
Изъ милой Эллады
Изъ края родного.

Мы тершимъ суровую долю,
И нѣтъ намъ отрады
Вернуться на родину снова...

[Пѣсня замираетъ въ отдаленіи. Ифигенія задумчиво смотритъ вслѣдъ удаляющимся рабынямъ. Входитъ Тоантъ. Она не замѣчаетъ его].

С Ц Е Н А III.

Ифигенія, Тоантъ.

ТОАНТЪ.

Святая жрица Артемиды...

ИФИГЕНІЯ.

Царь!..

Прости, тебя я не видала...

ТОАНТЪ.

Въ думѣ

Глубокой слушаешь ты звуки пѣсни
Твоей далекой родины? Она
Печальна — эта пѣсня.

ИФИГЕНІЯ.

Да, печальна,

Какъ жребій тѣхъ, кто жалобно ее
Поетъ въ неволѣ горькой на чужбинѣ,
Какъ мой печаленъ жребій.

ТОАНТЪ.

Для чего

Ты жребій свой съ рабынями равняешь?
Ты не въ неволѣ здѣсь: ты почтена
Священнымъ саномъ жрицы. Даль тебѣ я
Все, что хранительница алтаря
Должна имѣть.

ИФИГЕНІЯ.

Да ниспошлетъ богиня

Всѣ царственныя блага для тебя
За доброту твою. Правдивой властью
Ты къ счастью приводишь свой народъ
И счастьемъ его въ душѣ утѣшенъ.

ТОАНТЪ.

Нѣтъ, царственное мужество и трудъ
 Считаю я суровымъ долгомъ власти.
 Вполнѣ лишь счастливъ тотъ, кто овладѣлъ
 Утѣхою и наслажденьемъ жизни —
 Домашнимъ счастьемъ, будь онъ царь иль рабъ.
 Мнѣ боги въ этомъ счастьѣ отказали:
 Нѣтъ у меня жены, а юный сынъ,
 Что былъ достойной отраслю царской,
 Погибъ въ бою съ врагами.

ИФИГЕНІЯ.

Я молюсь

Богинѣ, чтобъ она въ жестокомъ горѣ
 Утѣшила тебя, и скорбь твою
 Я раздѣляю всей душою.

ТОАНТЪ.

Знаю...

Покуда мыслью волновался я
 За гибель сына, — пустоты я въ домѣ
 Не замѣчалъ. Теперь, когда врагамъ
 Отмстилъ за смерть его, — ни въ чемъ отрады
 Не нахожу. У каждаго въ глазахъ
 Повиновеніе читалъ я прежде;
 Теперь въ душѣ раздумываетъ каждый:
 «Вѣдь царь бездѣтенъ: что-то будетъ съ царствомъ?»
 И повинуются мнѣ потому,
 Что такъ привыкли.

ИФИГЕНІЯ.

Избери супругу

Себѣ по сердцу.

ТОАНТЪ.

Я объ этомъ думалъ

И радуюсь, что мудрый твой совѣтъ
 Съ моимъ желаньемъ сходится. Такъ слушай,
 Что я скажу. Къ тебѣ я обращался
 Затѣмъ, чтобъ ты молитвою святой
 Мнѣ помогала совершать побѣды,
 Но вотъ теперь я прихожу съ инымъ
 Желаньемъ, можетъ быть, тебѣ не чуждымъ:

Для собственнаго счастья и блага
Народа моего хочу въ свой домъ
Ввести тебя супругой и царицей.

ИФИГЕНІЯ.

Меня? Но чужеземкѣ честь такая
Не подобаеъ. Ты — могучій царь,
А я изгнанница страны далекой
Безвѣстная. Ищу я одного
Въ твоей землѣ: покоя и защиты,
И ты ихъ далъ мнѣ.

ТОАНТЪ.

Кто бы ты ни была,
Откуда бы ты ни пришла, но все же
Не хорошо, что отъ меня таишь
Свое происхожденіе, какъ будто
Я для тебя послѣдній изъ людей.
Здѣсь смерть находитъ каждый чужеземецъ:
Таковъ законъ страны отъ древнихъ лѣтъ.
Но ты здѣсь пользуешься правомъ жизни,
Радужно ты, какъ гостя, принята.
Довѣрчивости за гостепріимство
Я, какъ хозяинъ, могъ бы ожидать.

ИФИГЕНІЯ.

Когда бы ты узналъ, кто предъ тобою,
Какую ты несчастную почтилъ
Своимъ привѣтомъ, — ты, быть можетъ, въ сердцѣ
Почувствовалъ бы жалости печаль
И тронъ съ тобой дѣлить не предложилъ бы.

ТОАНТЪ.

Невѣдомы твои несчастья мнѣ,
Но знаю я: съ тѣхъ поръ какъ ты явилась
Въ мою страну, — боговъ благословенье
Пришло съ тобою.

ИФИГЕНІЯ.

Боги шлютъ его
Не за меня — за то благодарѣнье,
Которое оказываешь ты.

ТОАНТЪ.

Добро, злодѣю сдѣланное, боги
 Благословлять не могутъ. Нѣтъ, оставь
 Свое упорство и молчанье. Правду
 Я чту, и правду я узнать хочу.
 Богиней къ намъ ты послана. Богиня
 Твою судьбу мнѣ ввѣрила, и пусть
 Ея внушенье будетъ мнѣ закономъ:
 Она присудить, что вернуться ты
 На родину должна — тебѣ свободу
 Я возвращу. Но если путь туда
 Закрытъ тебѣ навѣки, или родъ твой
 Угасъ, иль мщенья горькая невзгода
 Преслѣдуетъ тебя, — тогда ты мнѣ
 Принадлежишь по всѣмъ правамъ. Откройся.
 Я въ словѣ твердъ, ты знаешь.

ИФИГЕНІЯ.

Нелегко

Повѣдать тайну, что такъ долго, долго
 Хранило сердце; выдавъ разъ ее,
 Мы зло или добро себѣ приносимъ...
 Кто я, — ты знать желаешь? Такъ узнай:
 Изъ рода я Тантала. Ты, быть можетъ,
 О преступленьѣ предка моего
 Слыхалъ преданье древнее: Зевесомъ
 За гордость въ Тартаръ онъ низверженъ былъ,
 И всѣ его несчастные потомки
 Несутъ проклятіе его вины.
 Жестокія, кровавыя дѣянья
 Вражды, измѣны, ненависти ихъ
 Взаимной я передавать не стану:
 Рядъ преступленій страшныхъ тяжело
 Мнѣ вспоминать: и я вѣдь тоже отрасль
 Отверженнаго небомъ поколѣнья
 Мужей и женъ, которымъ божество
 Чело сковало роковой, желѣзной
 Поязкою, затмивши свѣтъ добра
 Предъ взоромъ ихъ...

ТОАНТЪ.

Но кто же твой родитель?

ИФИГЕНІЯ.

Агамемнонъ, Атрея старшій сынъ.

ТОАНТЪ.

То имя сильнаго царя. Молвою
Оно прославлено. И если онъ —
Потомокъ небомъ проклятаго рода,
Проклятье это не сбылось на немъ,
Или не правъ молвы гремящій голосъ
О подвигахъ его.

ИФИГЕНІЯ.

Нѣтъ, государь,

Молвою онъ прославленъ справедливо.
Я первенцомъ была любви его
И Клитемнестры. Мирно управлялъ онъ
Своей страной. Отъ бѣдствій роковыхъ
Избавился, казалось, родъ Тантала.
За мной сестра Электра родилась.
Для счастья царя недоставало
Лишь одного: наслѣдника. И вотъ
Ему послали это счастье боги:
Родился сынъ Орестъ. Онъ росъ межъ нами,
Какъ маленькій любимецъ всей семьи...
Но вдругъ на домъ счастливый и спокойный
Бѣда упала. До тебя дошелъ,
Конечно, слухъ о той войнѣ великой,
Что грековъ привела подъ стѣны Трои.
Отецъ мой былъ вождемъ верховнымъ всѣхъ
Полковъ, собравшихся въ Авлидѣ. Тщетно
Попутный вѣтеръ ждали корабли:
Ихъ въ пристани держала Артемида,
Разгнѣванная грозно на царя.
Богиня чрезъ жреца ея Калханта
Потребовала въ жертву отъ отца
Дочь старшую. Меня и мать греки
Обманомъ хитрымъ въ станъ свой заманили
И къ алтарю богини привели;
Но сжалилась богиня, не желала
Она невинной крови — и, покрывъ
Меня туманнымъ облакомъ, въ Тавриду
Далекую перенесла... и здѣсь
Очнулась я отъ смертнаго томленья
Въ ея священномъ храмѣ... Предъ тобой
Атрея внука, дочь Агамемнона.

Я — Ифигенія. Теперь тебѣ
Моя извѣстна тайна...

ТОАНТЬ.

Отрасль рода
Великаго и дочь царя, имѣешь
Тѣмъ большее ты право быть женой
Властителя. Тебѣ я повторяю:
Приди въ мой домъ и раздѣли со мной
И жизнь мою и все, чѣмъ я владѣю.

ИФИГЕНІЯ.

Я не могу рѣшиться, государь,
На шагъ такой. Меня спасла богиня,
И ей вся жизнь моя посвящена...
А мой отецъ? Моею смертью мнимой
Довольно онъ наказанъ и, какъ знать,
Быть можетъ, скоро я вернусь опять
На родину, и дочери любимой
Нежданномъ возвращеньемъ будетъ онъ
Обрадованъ на склонѣ лѣтъ...

ТОАНТЬ.

Довольно!
Не нужно лишнихъ словъ, и твой отказъ
Понятенъ мнѣ.

ИФИГЕНІЯ.

Прости меня, властитель,
Я не пустяга говорю слова.
Моя душа полна надеждой тайной
Увидѣть родину, отца и мать,
Сестру и брата, и влечетъ неволью
Меня мечта подъ милый отчій кровъ:
Тамъ льются слезы горя и печали
О гибели моей... ихъ замѣню
Я радостью нежданнаго свиданья...

ТОАНТЬ.

Такъ возвратись туда, коль ты внимать
Влеченью сердца хочешь — не разсудку.
Вы, женщины, всегда живете такъ,
Покорныя внезапному порыву
Своихъ желаній, и безсильны всѣ
Совѣты добрые и убѣжденья,
Когда въ васъ голосъ чувства говорить.

ИФИГЕНІЯ.

Ты гнѣваешься, государь... Иного
За искренность я отъ тебя ждала.
Не упрекай насъ, слабыхъ женщинъ, чувствомъ:
Оно оружье наше, какъ для васъ
Оружье — сила. Сердце мнѣ внушаетъ,
Что нашъ союзъ, задуманный тобой,
Богамъ не можетъ быть угоденъ.

ТОАНТЪ.

Волю

Боговъ въ своемъ желаніи видишь ты.

ИФИГЕНІЯ.

Ихъ голосъ говоритъ въ душѣ моей.

ТОАНТЪ.

А я ихъ голосу внимать не въ правѣ
Моей душой? Иль только ты одна,
Какъ жрица, можешь ихъ велѣнья слышать?
Твой санъ тебя сближаетъ съ божествомъ,
А я... хоть царь, но сынъ земли я дикой?

ИФИГЕНІЯ.

О, государь, не самъ ли вызывалъ ты
Довѣриться тебѣ — и вотъ теперь
На искренность мою ты отвѣчаешь
Упрекомъ гнѣвнымъ...

ТОАНТЪ.

Я вѣдь — человекъ...

Но кончимъ споръ. Не измѣню я слову.
Останься жрицею богини той,
Что избрала тебя. И пусть богиня
Меня проститъ: ее лишилъ я жертвъ,
Ей обреченныхъ. Каждый чужеземецъ,
Что приближался къ нашимъ берегамъ,
Встрѣчалъ здѣсь участь смерти неизбѣжной;
Покорный добротѣ души твоей,
Я отмѣнилъ законъ вѣковъ минувшихъ
И вызвалъ гнѣвъ небесъ: мой сынъ погибъ
Безвременно.

ИФИГЕНІЯ.

Нѣтъ, государь, не могутъ
Крoвавыхъ жертвъ безсмертныя желать,
Наказывать властителя не могутъ
За то, что заблужденья древнихъ лѣтъ
Жестокія выводить онъ.

ТОАНТЪ.

Объ этомъ
Иначе думаетъ народъ: онъ ропщетъ
И говоритъ, что гибель сына мнѣ
Богами послана, какъ наказанье
За то, что мной завѣты старины
Нарушены... Я внялъ народа голосъ,
И вновь возстановить обычай древній
Считаю долгомъ я своимъ... А ты,
Какъ жрица, знаешь, что повелѣваетъ
Тебѣ твой долгъ. Прощай.

[Уходитъ].

СЦЕНА IV.

Ифигенія [одна].

Въ душѣ моей
Тревожныя, нерадостныя думы
Проснулись и мечутся, какъ чайки
Надъ темными волнами предъ грозой.
Предчувствую я бѣдствій роковыхъ
Незримый ходъ: толпой тѣней могильныхъ
Печально приближаются онѣ
И мнѣ грозятъ...

Въ вечерней тишинѣ
Замолкли волны голубыя моря,
И, какъ тогда, въ Авлидѣ, спитъ оно,
Покоя безмятежнаго полно... [Беретъ лиру и напѣваетъ подъ
звукъ струвъ].

Я невольно вспоминаю
Роковой тотъ день и часъ,
Будто вновь я умираю,
За любовь къ родному краю
Вновь на жертву отдалась.

Гдѣ мои мечтанья, гдѣ вы?
Предо мной рыдаетъ мать,
Вокругъ меня съ вѣнками дѣвы...
Гимновъ жертвенныхъ напѣвы
Слышу, слышу я опять...

Говорю я: «Прозвучали
Ваши пѣсни горемъ мнѣ,
Но умру я безъ печали,
Лишь побѣду бы послали
Небеса родной странѣ...

Увѣнчайте же цвѣтами
Мягкій шелкъ моихъ кудрей,
Хороводъ водите въ храмѣ:
Я навѣкъ прощаюсь съ вами...
Мать! печальныхъ слезъ не лей...

О, Микены, гдѣ жила я,
Аргось, мой родимый край!
Васъ прославлю, умирая!
Милый свѣтъ, земля родная!
Навсегда, навѣкъ прощай!»!...

[Медленно поднимается по тропинкѣ, ведущей къ храму. Входятъ два скиосскихъ
воина: старикъ и молодой].

СЦЕНА V.

Два скиоца: старикъ и молодой.

СТАРИКЪ [вглядывается въ удаляющуюся
Ифигенію и прислушивается къ
ея пѣснѣ].

Проклятая греческая колдунья завела свои могильные напѣвы...

МОЛОДОЙ.

Какая колдунья?

СТАРИКЪ.

Жрица богини.

МОЛОДОЙ.

Развѣ она колдунья?

СТАРИКЪ.

А то какъ же? Чуть только покажется мѣсяцъ, она начинаетъ причитанія на своемъ непонятномъ языкѣ. Она заклинаетъ ночь, чтобы наслать бѣдствій на нашъ край.

МОЛОДОЙ.

Ты несправедливо судишь о ней. Она добрая. Она жалѣетъ бѣдныхъ, помогаетъ имъ. Говорять, она святая.

СТАРИКЪ.

Мало ли что говорятъ? Если бы она была святая и чтитъ вѣру, она не отговорила бы царя приносить богинѣ въ жертву чужеземцевъ. Она обманываетъ, морочитъ народъ и царя. Она околдовала его... Ну, да теперь — слава нашимъ старымъ богамъ! — царь опомнился, пересталъ ее слушать и возстановилъ древній законъ. Давно бы пора...

МОЛОДОЙ.

Видишь ты: тамъ на дальней скалѣ замигалъ огонекъ?

СТАРИКЪ.

Да, вижу.

МОЛОДОЙ.

Что это такое?

СТАРИКЪ.

Это береговая стража зажгла костеръ. Днемъ за мысомъ виденъ былъ чужеземный корабль. Если кто изъ чужеземцевъ выйдетъ съ корабля на берегъ, ихъ приказано схватить...

[Проходить и скрываются за скалами. По уходѣ ихъ, сцена нѣкоторое время пуста. Потомъ появляются Орестъ и Пиладъ. Они идутъ озираясь. Говорятъ шопотомъ].

СЦЕНА VI.

Орестъ, Пиладъ.

ОРЕСТЪ.

Будь осторожнѣе, Пиладъ... Взгляни,
Не крадется ли кто за нами слѣдомъ.

ПИЛАДЪ.

Нѣтъ никого. Все тихо.

ОРЕСТЬ.

Этотъ храмъ
На высотѣ—святилище богини?

ПИЛАДЪ.

Да, я такъ думаю, Орестъ.

ОРЕСТЬ.

А вотъ
И жертвенникъ, что залить кровью грековъ?

ПИЛАДЪ.

Навѣрное. Ты видишь: верхъ его
Окрашенъ кровью.

ОРЕСТЬ.

Тамъ въ метопахъ храма
Развѣшаны трофеи...

ПИЛАДЪ.

То добыча,
У чужестранцевъ взятая убитыхъ...

ОРЕСТЬ.

Внимательнѣй намъ оглядѣться надо,
Чтобъ привести къ желанному концу
Задуманное дѣло.

[Входятъ на площадку, гдѣ жертвенникъ, осматриваются, потомъ спускаются по ступенямъ внизъ. Орестъ садится на камень].

Неужели,

Богъ Аполлонъ, вновь обманулъ меня
Оракулъ твой, когда его услышалъ
Я послѣ преступленья рокового —
Убийства матери. Земли родимой
Изгнанникъ, я блуждалъ изъ края въ край,
И всюду по пятамъ гнались за мною
Эриннии... И вотъ, когда пришелъ
Я спросить тебя, гдѣ жь отъ мученій
Я наконецъ найду покой, — ты мнѣ
Велѣлъ итти въ далекую Тавриду,
Гдѣ Артемиды храмъ, твоей сестры,

И въ этомъ храмѣ взять кумиръ богини,
Упавшій, по преданію, съ небесъ;
Добуду ли я случаемъ его,
Иль хитростію — все равно, но долженъ
Перенести въ Аѳины и тогда
Избавлюсь отъ страданій... [Встаетъ съ камня].

Богъ могучій!

Исполнено велѣніе твое:
На берегу страны чужой и дикой
Стою теперь я. Цѣль моя близка.
Но какъ достичь ея?...

Пиладъ, со мною

Скитанья и несчатья ты дѣлили:—
Скажи мнѣ: что теперь должны мы дѣлать?
Какъ въ храмъ проникнуть? Перелѣзть чрезъ стѣну?

пиладъ.

Но насъ замѣтятъ...

орестъ.

У дверей отбить

Запоры мѣдные?

пиладъ.

Пока ломать ихъ

Мы примемся, — на шумъ сбѣгутся люди
И схватятъ насъ.

орестъ.

Тогда погибнемъ мы...

Чѣмъ умирать напрасно, не вернуться ль
Намъ на корабль, который насъ привезъ?

пиладъ.

Бѣжать постыдно. Къ этому съ тобою
Мы не привыкли... Но терять не надо
Намъ вѣру въ предреченье божества.
Прокрадемся поближе къ храму. Слушай:
Я думаю, возможно гдѣ нибудь
Тамъ спрятаться. Что нужно дѣлать дальше,
Сообразимъ, увидимъ... Храбрый смѣло
Глядитъ въ лицо опасности, а трусъ
Всего боится. Не затѣмъ мы плыли
Чрезъ это море бурное, чтобъ здѣсь
У самой цѣли повернуть обратно...

ОРЕСТЬ.

Ты правъ—и будь по-твоему. Идемъ...
Но прежде надо убѣдиться, нѣтъ ли
Поблизости здѣсь стражи... Видишь, тамъ,
На той скалѣ огонь костра мерцаетъ?...
Скрываясь межъ деревъ, пройди туда,
Взгляни, что тамъ. А я здѣсь осторожно
Храмъ обойду дозоромъ.

ПИЛАДЪ.

Хорошо.

ОРЕСТЬ.

Раздѣлимъ наши силы, чтобъ потомъ ихъ
Вѣрнѣй соединить.

[Внезапно темнѣеть].

ПИЛАДЪ.

Вотъ и луна

За тучей скрылась: темнота намъ въ помощь.
Богиня знаменье намъ посылаетъ
Благопріятное... Къ тебѣ я тотчасъ
Вернусь, все высмотрѣвъ.

[Уходитъ].

СЦЕНА VII.

ОРЕСТЬ [одинъ, осматривается кругомъ].

Угрюмъ и дикъ

Суровый этотъ край, гдѣ чужеземцевъ
Встрѣчаетъ смерть. Громады темныхъ скалъ,
Какъ стражи мрачные, подъ кровомъ ночи
Стоять и ждутъ... Не робокъ сердцемъ я
И скоръ въ рѣшеньѣ дѣла... но боязнью
Невольною смущаюсь въ этотъ мигъ:
Что если не удастся подвигъ трудный?
Вѣдь онъ послѣднимъ будетъ для меня:
Тогда мнѣ на землѣ не станетъ мѣста.
Куда я скроюсь отъ угрозъ ужасныхъ
Эринній мстительныхъ?.. [Опускается на колѣни].

2*

О мой отецъ,
 Отомщенемъ за тебя я былъ подвигнуть
 Но роковое матери убійство:
 Услышь меня, дай силы мнѣ свершить
 Во мракѣ этой черной ночи дѣло,
 Которымъ я куплю покой души,
 Прощеніе небесъ за преступленье!

[Встаетъ и идетъ въ площадкѣ, гдѣ жертвенникъ. На тропинкѣ скалы, ведущей къ храму, появляются призраки Эринній. Орестъ съ ужасомъ останавливается].

А, вы и здѣсь! Вы черезъ волны моря
 Перенеслись за вашей жертвой! Вижу
 Я ваши лики блѣдные, какъ смерть,
 Съ устами посинѣлыми... Вы снова
 Передо мною!.. Прочь! [Отступаетъ отъ нихъ внизъ по ступенямъ
 лѣстницы. Эриннии слѣдуютъ за нимъ].

Со всѣхъ сторонъ,
 Какъ призраки могильные, тѣснитесь
 Вы вокругъ меня и травите, какъ псы
 Кабана дикаго... Свою добычу
 Готовы вы схватить и растерзать...
 Смертельный холодъ леденить мнѣ сердце...
 Уйдите! Скройтесь! Не грозите мнѣ
 Костлявыми руками... Иль спасенья
 Отъ васъ нигдѣ мнѣ нѣтъ?.. О ужасъ! ужасъ!

[Въ страхѣ бѣжитъ отъ привидѣній и падаетъ на камни какъ бы въ припадкѣ эпилепсїи].

СЦЕНА VIII.

Орестъ, Пиладъ, потомъ старый скиевъ и другіе воины.

ПИЛАДЪ [вбѣгаетъ].

Орестъ! Гдѣ ты? [Видитъ лежащаго Ореста и наклоняется
 надъ нимъ].

Бѣжимъ! Сюда идетъ
 Толпа людей... Скорѣе!.. Что съ тобою?..

ОРЕСТЪ [приподнимаясь, въ бреду].

А! ты, Пиладъ, ихъ тоже видѣлъ? видѣлъ?...
 Одна грозитъ мнѣ, щелкая зубами,
 Какъ дикая волчица, а другая
 Изсохшею рукою держитъ змѣй

И, какъ бичами, машеть ими... Третья
Трупъ матери моей влачить... Онѣ
Убьютъ меня... Куда, куда мнѣ скрыться?!...

ПИЛАДЪ.

Очнись отъ бреда... Встань... Уйдемъ скорѣй...
Я видѣлъ воиновъ... Черезъ мгновенье
Придутъ они.

ОРЕСТЪ [очнувшись, порывисто встаетъ].

Такъ, значитъ, сгибло все.
И обманулъ меня оракулъ бога?..
Но если такъ—одно намъ остается:
Погибнуть славной смертію въ бою!

[Вбѣгаютъ скиѣскіе стражи].

НАЧАЛЬНИКЪ СТРАЖИ [воинамъ, указавъ на Оре-
ста и Пилада].

Схватите ихъ!

ОРЕСТЪ.

Впередъ—и мечъ изъ ноженъ!

[Оба обнажаютъ мечи. Скиѣсы бросаются на нихъ. Схватка. Ореста и Пилада
обезоруживаютъ].

НАЧАЛЬНИКЪ СТРАЖИ.

Связать и отвести въ пещеру ихъ!
А утромъ на допросъ къ царю. Рѣшенье
Положить онъ.

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Та же декорация. Свѣтлое утро.

СЦЕНА I.

Гречанки-рабыни, Ифигенія.

РАБЫНИ [стоятъ колѣнопреклоненныя во-
кругъ жертвенника].

Артемида вѣчночтимая,
Золотымъ лучомъ свѣтящая!
Здѣсь твой домъ, твой дивный храмъ,
Жрица здѣсь твоя любимая,
Дочь Атрида, возносящая
Пѣснь моления къ небесамъ.

Рока властною десницею
Въ край намъ чуждый увлеченныя
Отъ родныхъ луговъ, полей,
Въ храмъ твой избраны мы жрицею;
Здѣсь, колѣнопреклоненныя,
Мы творимъ молитвы съ ней.

[На скалѣ, гдѣ возвышается храмъ, показывается Ифигенія. Рабыни встаютъ].

Тише! Тише! Вотъ она
Сходитъ медленно по скаламъ,
И печальна и блѣдна,
Ликъ завѣсивъ покрываломъ...

[Ифигенія приближается къ нимъ].

ПЕРВАЯ РАВЫНЯ.

Дочь славнаго Атрида, что случилось?
Зачѣмъ ты къ жертвеннику насъ звала?

ВТОРАЯ.

Твоя душа полна печалью тайной,
И слезы омрачаютъ свѣтлый взоръ...

ИФИГЕНІЯ.

Рабыни, я страдаю... Этой ночью
Зловѣщій, горькій видѣла я сонъ.
Пригрезилось мнѣ: въ Аргосѣ родимомъ
Предъ домомъ скиptronоснаго отца
Я на лугу съ подругами играю.
Смѣясь безопасно, золотистый дискъ
Бросаемъ мы... Вдругъ небо тучей черной
Заволоклось, померкнулъ солнца свѣтъ,
Ударъ громовой раскатился страшно,
Земля заколебалась, и весь домъ
Упалъ въ развалинахъ. Осталась только
Одна колонна... Въ ужасѣ гляжу
Я на нее и вижу я: кудрями
Покрылась капитель колонны той,
И, будто человѣкъ, она рыдаетъ...
Я подошла, кроплю ее водой
Священною, какъ дѣлаю, готова
Для жертвы чужеземцевъ, а сама
Отъ жалости слезами заливаюсь...

ПЕРВАЯ РАВЫНЯ.

Печальный сонъ...

ИФИГЕНІЯ.

Онъ горе знаменуетъ:
Орестъ, мой милый, мой любимый братъ,
Погибъ—и я сама его, какъ жертву,
Священною водою окропила!
Вѣдь онъ въ дому отца опорой былъ
Единственной... И вотъ его не стало!
Онъ умеръ, я предчувствую—онъ умеръ... [Рыдаетъ].
О родина моя! О бѣдный Аргосъ!
Теперь угасъ Атрея царскій родъ,
И нѣтъ семьи отцовской... Рокъ суровый!

Зачѣмъ ты отнялъ брата у меня,
Пославъ его въ нѣмое царство тѣней?..

[Пауза. Она протягиваетъ руки къ небу].

Здѣсь далеко отъ милой мнѣ отчизны
На лоно матери-земли хочу
Я сдѣлать возліянье изъ сосуда,
Наполненнаго медомъ и виномъ
И молокомъ телиць, въ горахъ бродящихъ. [Къ рабынѣ].
Дай чашу золотую мнѣ. [Рабыня подаетъ чашу. Она совер-
шаетъ возліяніе].

Орестъ,

Агамемнона сынъ! Въ землѣ родимой
Ты спишь, и въ память вѣчную твою
Я совершаю это возліянье!
Прими его... Отрѣзанную прядь
Моихъ волосъ на твой курганъ могильный
Не положу я и моей слезой
Не окроплю: далеко отъ отчизны
Живу я, бѣдная, и обо мнѣ
Тамъ думаютъ, что я сама въ могилѣ,
Что въ жертву я давно принесена...

РАВЫНИ.

Дѣвы, пѣсню погребальную,
Пѣсню жалобно-печальную,
Пѣсню смерти запоемъ...

Угасаетъ царскій домъ,
Гибнетъ родъ Атрида славный!
Кто взойдетъ на тронъ державный
Сильныхъ Аргоса владыкъ?...

Вновь ихъ гнѣвъ святой постигъ
Грозной мщенія богини:
За грѣхи, что совершилъ
Древній предокъ ихъ Танталъ,
Ихъ судьба караетъ нынѣ!

ИФИГЕНІЯ.

Съ брачной ночи матери моей
Надо мной простерла тучей черной
Горькое проклятіе судьба:
Я несчастье знала съ дѣтскихъ дней,

Выросла— и жертвою покорной,
Дочь царя, какъ плѣнная раба,
Къ берегамъ Авлиды на закланье
Я отцомъ привезена была..
Тамъ во храмѣ муку ожиданья
Страшной смерти я пережила...
Я невѣстой юною когда-то
Расцвѣтала, а теперь въ странѣ
Я живу чужой, и нѣтъ возврата
Въ милую отчизну мнѣ!..

Отъ родныхъ, друзей далеко.
Я безъ мужа, безъ семьи,
Дѣвой-жрицей одиноко
Здѣсь окончу дни свои.

Золотыхъ полна мечтаній,
Челнока внимая звукъ,
Шить не буду брачныхъ тканей
Я среди моихъ подругъ.

Жениху гостеприимно
Брачной чаши не налью,
Въ честь Аргосской Геры гимна
Сладко я не запою...

Люди здѣсь не чтутъ свободы,
Мраченъ жизни ихъ обрядъ;
Здѣсь красы живой природы
Не ласкаютъ нѣжно взглядъ.

Здѣсь холмовъ и роць Эллады
Взоръ напрасно бы искалъ:
Всюду высятся громады
Непривѣтныхъ, темныхъ скалъ.

И, моей печали вторя,
Будто жалобной мольбой,
Слышенъ стонущаго моря
Несмолкающій прибой...

СЦЕНА II.

Ифигенія, рабыни, вѣстникъ.

вѣстникъ.

Святая жрица! Прихожу къ тебѣ
 Съ приказомъ отъ царя. Двухъ чужеземцевъ
 Схватили этой ночью. Царь
 Далъ повелѣнье принести ихъ въ жертву,
 И въ храмъ прибудетъ самъ онъ. Приготовь
 Скорѣй ячмень и воду и что нужно...

ИФИГЕНІЯ.

Кто эти чужеземцы?

вѣстникъ.

Греки.

ИФИГЕНІЯ.

Какъ зовутъ ихъ?

вѣстникъ.

Одинъ товарища Пиладомъ звалъ,
 Другого имя неизвѣстно.

ИФИГЕНІЯ.

Гдѣ же

Теперь они?

вѣстникъ.

Ихъ приведутъ сейчасъ

Подъ стражей.

ИФИГЕНІЯ.

Хорошо. Все приготовлю
 Для жертвы. [Вѣстникъ уходитъ].

Сердце бѣдное мое!

Ты прежде сожалѣло чужеземцевъ,
 На жертву обреченныхъ... и когда,
 Случалось, грековъ приводили,—горько
 Я плакала о ихъ судьбѣ... теперь,
 Мнѣ кажется, что даже состраданье
 Въ моей груди уснуло: скорбь о томъ,

Что сонъ зловѣщій мнѣ открылъ о смерти
 Ореста, брата милаго, во мнѣ
 Всѣ остальные чувства умертвила:
 Несчастные—по опыту я знаю—
 Еще несчастнѣй сознають себя,
 Когда страданія чужія видятъ...
 Кто эти греки? Можетъ быть, они
 На кораблѣ приплыли, разсѣкая
 Морскія волны веслами, затѣмъ
 Чтобъ увеличить тутъ свои богатства:
 Вѣдь часто алчность, овладѣвъ людьми,
 Ихъ заставляетъ по морямъ носиться
 И посѣщать чужіе берега
 Въ надеждѣ на стяжаніе сокровищъ...
 И вотъ теперь здѣсь, въ варварской землѣ,
 Гдѣ жертвенникъ въ многоколонномъ храмѣ
 Въ честь дочери Зевеса обагряютъ
 Людскою кровью,—смерть найдутъ они!

Стража вводитъ Ореста и Пилада связанныхъ.

СЦЕНА Ш.

**Ифигенія, рабыни, Орестъ, Пиладъ, начальникъ стражи и
 войны.**

НАЧАЛЬНИКЪ СТРАЖИ.

Вотъ чужеземцы, что царемъ богинѣ
 Обречены на жертву.

ИФИГЕНІЯ.

Развяжите
 Имъ руки. [Воины развязываютъ].
 Удалитесь. Васъ
 Я призову, когда мнѣ будетъ нужно. [Рабынямъ].
 А вы идите, приготовьте все,
 Что требуется для обряда.

[Начальникъ стражи, войны, рабыни уходятъ къ храму.]

СЦЕНА IV.

Ифигенія, Орестъ, Пиладъ.

ИФИГЕНІЯ.

Кто вы?

Кто ваша мать, когда-то изъ-за васъ
 Перетерпѣвшая рожденья муки?
 Кто вашъ отецъ? Какихъ двухъ братьевъ юныхъ
 Сестра лишится ваша, если есть
 У васъ сестра!.. Кто можетъ быть увѣренъ,
 Что и ему на долю не пошлютъ
 Безсмертные такую жъ участь злую?
 Боговъ опредѣленье кроетъ тьма,
 И постигаетъ насъ судьба неожиданно...
 Откуда вы, несчастные скитальцы?
 Вы долго плыли изъ родной земли?...
 Увы, туда вамъ не вернуться снова:
 Навѣки въ могилѣ здѣсь уснете вы...

ОРЕСТЪ.

Кто бъ ни была ты, женщина, напрасно
 Печалишься ты о несчастьѣ нашемъ.
 Иль думаешь ты скорбію своею
 Въ насъ разбудить о жизни сожалѣнье?
 Безуменъ тотъ, кто хочетъ смерти страхъ
 Усилить жалобою и, утративъ
 Надежду на спасеніе свое,
 Льетъ слезы, стоя на краю могилы:
 Изъ одного страданія самъ себѣ
 Онъ дѣлаетъ двойное. Будь, что будетъ!
 Не плачь по насъ; мы знаемъ, что насъ ждетъ
 У жертвенника...

ИФИГЕНІЯ.

Кто изъ васъ, скажите,
 Зовется именемъ Пилада?

ОРЕСТЪ [указываетъ на Пилада].

Онъ.

ИФИГЕНІЯ.

Какой же городъ Греціи считаетъ
 Онъ родиной своей?

ОРЕСТЬ.

Зачѣмъ тебѣ

Объ этомъ знать?

ИФИГЕНІЯ.

Вѣдь вы родные братья?

ОРЕСТЬ.

По дружбѣ братья — мы, но не по крови.

ИФИГЕНІЯ.

А какъ зовутъ тебя?

ОРЕСТЬ.

Всего вѣрнѣй

Меня назвать «Несчастливымъ». Передъ смертью

Я не желаю называть себя!

Никто, по крайней мѣрѣ, издѣваться

Не будетъ надо мною.

ИФИГЕНІЯ.

Ты такъ гордъ?

ОРЕСТЬ.

Ты въ жертву принесешь не имя—тѣло.

ИФИГЕНІЯ.

Такъ назови хоть городъ, гдѣ рожденъ.

ОРЕСТЬ.

Готовлюсь къ смерти я. Къ чему жъ напрасно

Разспрашивать, гдѣ я увидѣлъ жизнь?...

Но если ты узнать желаешь это,—

Скажу тебѣ: рожденъ я въ Арголидѣ,

Я изъ счастливыхъ нѣкогда Микенъ.

ИФИГЕНІЯ.

Изгнанникъ ты, иль бросилъ добровольно

Ты родину?

ОРЕСТЬ.

Ея лишился я

И по своей, но и по чуждой волѣ...

ИФИГЕНІЯ.

Я рада, что изъ Аргоса сюда
Пріѣхалъ ты.

ОРЕСТЬ.

А я не радъ... Могла бы
Ты радость скрыть свою...

ИФИГЕНІЯ.

Конечно, ты
Слыхалъ о Троѣ?

ОРЕСТЬ.

Даже въ сновидѣньѣ
Я бъ эту Трою видѣть не желалъ,
Не только знать ее.

ИФИГЕНІЯ.

Мнѣ говорили —
Она разрушена?

ОРЕСТЬ.

Да, это правда.

ИФИГЕНІЯ.

Елена возвратилась къ Менелая?

ОРЕСТЬ.

Она съ нимъ въ Спартѣ.

ИФИГЕНІЯ.

А Ѳетиды сынъ
И внукъ Нерей Ахиллесъ?

ОРЕСТЬ.

Погибъ онъ
Отъ роковой стрѣлы Париса, тщетно
Въ Авлидѣ свадьбу справивши свою.

ИФИГЕНІЯ.

Та свадьба мнимою была...

ОРЕСТЬ.

Но кто же
Ты женщина? Тебѣ извѣстно все,
Что въ Греціи далекой совершилось.

ИФИГЕНІЯ.

Вѣдь я сама изъ Греціи. Сюда
Еще ребенкомъ я переселилась...
А что же сталося съ тѣмъ вождемъ, кому
Завидовали всѣ?

ОРЕСТЬ.

Вождя такого
Я не знаваль. Тому, кого я зналь,
Нельзя завидовать.

ИФИГЕНІЯ.

Я разумѣю
Агамемнона славнаго. Онъ живъ?

ОРЕСТЬ.

Не знаю. Бросимъ разговоръ объ этомъ..

ИФИГЕНІЯ.

Нѣтъ, умоляю всѣмъ святымъ тебя,
Отвѣть мнѣ, чужеземецъ, и обрадуй
Мнѣ душу доброй вѣстью...

ОРЕСТЬ.

Онъ погибъ
Несчастный и съ собой сгубилъ другого.

ИФИГЕНІЯ.

Погибъ? какою смертью?.. Горе мнѣ!...

ОРЕСТЬ.

Но отчего ты это принимаешь
Такъ близко къ сердцу? Или онъ тебѣ
Былъ родственникомъ?

ИФИГЕНІЯ.

Грустно мнѣ при мысли
О счастьеѣ прошломъ славнаго царя...

ОРЕСТЬ.

Да, онъ погибъ, безжалостно убитый
Своей женою...

ИФИГЕНІА.

О, какъ жалко мнѣ
И жертву и преступницу!..

ОРЕСТЬ.

Довольно!

Не спрашивай меня объ этомъ больше...

ИФИГЕНІА.

Одинъ вопросъ — послѣдній онъ: жива ли
Жена несчастнаго?

ОРЕСТЬ.

Нѣтъ... Сынъ родной

Ее убилъ.

ИФИГЕНІА.

О небеса!.. Но что же
Заставило его такъ поступить?

ОРЕСТЬ.

Онъ мстилъ за кровь отца.

ИФИГЕНІА.

Свой долгъ ужасный

Исполнилъ онъ.

ОРЕСТЬ.

Но вызвалъ гнѣвъ боговъ,
И бѣдствія преслѣдуютъ убійцу.

ИФИГЕНІА.

Агамемнонъ имѣлъ другихъ дѣтей?

ОРЕСТЬ.

Единственная дочь еще осталась—
Электра.

ИФИГЕНІА.

Какъ?!... А та, что отдана
Была на жертву—неужель забыта
Она навѣки?

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новога Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону при книжныхъ магазинахъ „Новога Времени“.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЗИТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

